

И С Т П А Р Т

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

207
3-35

«В П Е Р Е Д»
И
«П Р О Л Е Т А Р И Й»

В Ы П У С К

I

«К Р А С Н А Я Н О В Ъ» 1924

~~В-795-н (1905)~~

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

902
002
В795

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ

1905 ГОДА

полный текст под редакцией
ИСТПАРТА и со вступительной статьей

═══ М. ОЛЬМИНСКОГО ═══

1928
1928

ПЕРЕВІРКА
1 СЕРПЕНЬ 1928 р.

45/99
ФУНДАМЕНТАЛЬНА БІБЛІОТЕКА

ФУНДАМЕНТАЛЬНА БІБЛІОТЕКА

ФУНДАМЕНТАЛЬНА БІБЛІОТЕКА

Перевірено
2002
ВГК

72-812 - (1905)

„ВПЕРЕД“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА—
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

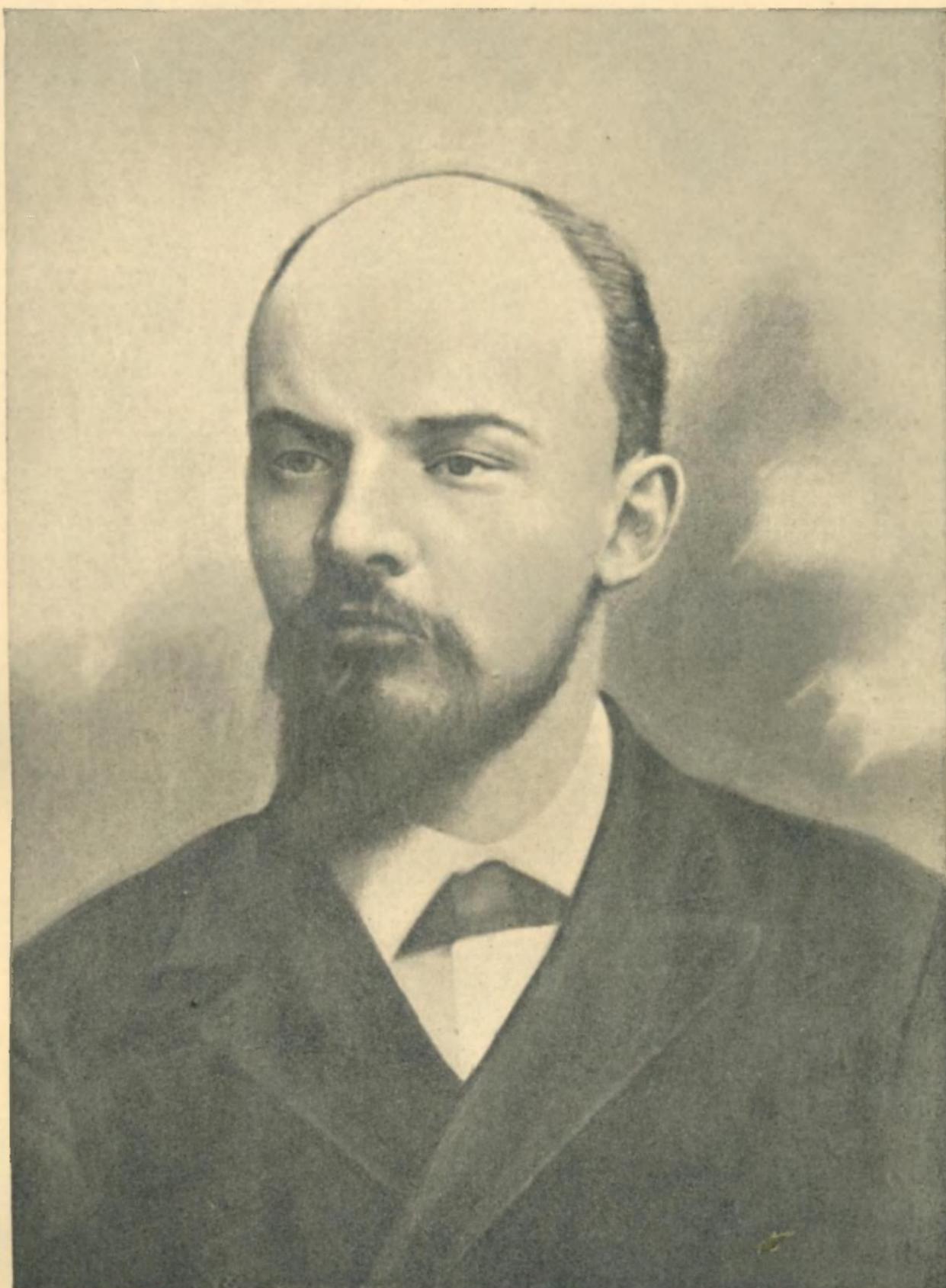
(№№ 1—9)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
ПРЕДИСЛОВИЕ	1	Из рабочего движения.	
ОБЪЯВЛЕНИЕ об издании газеты „Вперед“	1	Сормово. Письмо рабочего	32
		Воронеж	—
		Баку	—
ВПЕРЕД № 1.		Из партии.	
Самодержавие и пролетариат	7	Резолюции конференции северных комитетов	33
Сомнения двуглавого орла. А. Луначарский	9		
О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рас- суждениях некоторых интеллигентов	11	Тюрьма и ссылка.	
Крупницы манчестерского либерализма. В. Воровский	12	Список сидящих в Московской тюрьме	33
		Нижний - Новгород	—
		Список лиц, подлежащих аресту на границе	—
Из общественной жизни.		Почтовый ящик	34
Петербург В. Воровский	15	Заявление о библиотеке и архиве Р.С.-Д.Р.П.	—
Петербург	16	Издание	—
С.-Петербург	—	Примечания	—
Киев	—		
Нижний - Новгород	—	ВПЕРЕД № 3.	
		Рабочая и буржуазная демократия. Н. Ленин	35
Из рабочего движения.		Политика уступок. В. Северцев	37
Сормово	16	От народничества к марксизму	39
Воронеж	17		
		Из общественной жизни.	
Из партии.		Петербург	41
Пора кончить. В. Воровский и Н. Ленин	18	Одесса	—
Конференция комитетов. Н. Ленин	19	Одесса	42
		Кострома	—
Тюрьма и ссылка.		Кострома	—
Луганск	19	Ростов-на-Дону	—
Из Екатеринославской тюрьмы	—	Духовенство о войне. М. Ольминский	—
От редакции	—	Вологда	—
От редакции „Рассвета“ В. Бонч-Бруевич	—	Из Московской тюрьмы	43
Примечания	—		
		Из рабочего движения.	
ВПЕРЕД № 2.		Рига	43
Падение Порт - Артура	21	Петербург	—
Либеральные огорчения. М. Ольминский	23	Петербургская стачка. Н. Ленин	45
Очерки по истории революционной борьбы европейско- го пролетариата. А. Луначарский	24		
Либеральные „работодатели“. В. Воровский	25	Из партии.	
Соловья баснями не кормят. Н. Ленин	27	Заседание международного бюро	45
		Резолюция Воронежского комитета	46
Из общественной жизни.		Заявление комитета Кавказского Союза Р.С.-Д.Р.П.	—
Одесса	30	Отдельное заявление Кавказ. Предст. Центр. Ком.	—
Москва	31	Новоискровская полемика	—
Саратов	—	Наши тартюфы	—
Вологда	—		
Правда ли? В. Воровский	—	Тюрьма и ссылка.	
Примиренский ЦК и токийское правительство. М. Оль- минский	32	Одесса	46
		Вятка	—

	Стр.		Стр.
Елисаветград	47	Могилев	89
Пермь	—	Варшава	90
✓ Революция в России	—	Из партии	
Заявление библиотеки и архива Р.С.-Д.Р.П.	—	Адрес петербургским рабочим	90
Примечания	—	Издания	—
ВПЕРЕД № 4.		Тюрьма и ссылка.	
Начало революции в России	49	Аресты в Тифлисе	91
Революционные дни.		Почтовый ящик	—
Что происходит в России?	50	Объявление о пожертвованиях	—
Первые шаги	52	Объявление о подписке на газету „Вперед“	—
Письма петербургских социал-демократов	53	Примечания	—
Поп Гапон	54	ВПЕРЕД № 7.	
Канун кровавого воскресенья	—	О боевом соглашении для восстания	93
Петиция петербургских стачечников царю	55	Должны ли мы организовать революцию?	95
Письмо Гапона царю	57	Из общественной жизни.	
Кровавый день	58	Рига. Вл. Бонч-Бруевич	99
Число убитых и раненых	59	Минск	—
Отдельные эпизоды побоя. Около Троицкого моста	60	Воронеж	—
На Дворцовой площади. Н. Ленин	—	Москва	100
План петербургского сражения. Н. Ленин	—	Из рабочего движения.	
Озлобление против войска. Н. Ленин	—	Петербург	100
Царь-батюшка и баррикады. Н. Ленин	61	Письмо рабочего	—
Огзвук петербургских событий за границей. М. Ольминский	62	Минск. Минская группа Р.С.-Д.Р.П.	—
Объявление о пожертвованиях	—	Сморгонь	101
Примечания	—	Омск	—
ВПЕРЕД № 5.		Иностранное обозрение.	
Твердый курс. А. Луначарский	63	Первый съезд прусских социал-демократов. Безработица в Англии. В. Воровский	102
Революционные дни. Плеть и посулы. А. Луначарский	65	Библиография.	
Плоды победы. Н. Ленин	66	Новый орган „генчакистов“	103
Петербург после 9-го января. Н. Ленин	67	Из партии.	
✓ Трепов хозяйничает. Н. Ленин	63	Резолюция минской группы	103
Раскаты первого грома.		Дезорганизация местных комитетов	104
Москва. М. Ольминский и Н. Ленин	69	Издания	105
Рига. Н. Ленин и М. Ольминский	70	Почтовый ящик	—
Варшава. Н. Ленин	72	Примечания	—
Лодзь. Н. Ленин	73	ВПЕРЕД № 8.	
Гельсингфорс. Н. Ленин	—	Извещение о созыве 3-го партийного съезда. Бюро Комитетов Большинства	107
Среди либералов. Н. Ленин	—	От редакции. Н. Ленин	108
Обращение к офицерам	75	Комиссия государственных фокусов	109
Письмо из Риги. Вл. Бонч-Бруевич	—	Разновидность оппортунизма. М. Ольминский	111
ВПЕРЕД № 6.		Из общественной жизни.	
Две тактики	79	Киев	114
Враги и друзья. В. Воровский	82	Казань	115
Самодовольные флюгера. А. Луначарский	85	Нежин	—
Из общественной жизни.		Харьков	—
Резолюция помощников присяжных поверенных	85	Елисаветград	—
Нижний Новгород	86	Могилев	—
Из Выборгской тюрьмы	—	Крестовый поход детей	—
Из Московской тюрьмы	—	Из рабочего движения.	
Обвинительный акт по делу о забастовке в Керчи 7 августа 1903 г.	—	Петербург. Вл. Бонч-Бруевич	116
Из рабочего движения.		Колпино	—
Петербург	87	Казань	—
Рига. Вл. Бонч-Бруевич	88	Чита	117
Ревель	89	Кутаис	—
Ливава. Вл. Бонч-Бруевич	—		

	Стр.		Стр.
Кострома	117	Екатеринослав. А. Елизарова	136
Тифлис	—	Воронеж. То же	—
Батум	—	Симбирск. То же	—
Баку	—	Елисаветполь. То же	—
Из партии.		Сухум-Кале. То же	—
Резолюция Московского Комитета	118	Иваново-Вознесенск	—
Резолюция собрания организаторов МК	—	Кострома	—
Резолюция Северного Комитета	—	Из Екатеринославской губ.	—
Заявление Бакинского Комитета Центральному Комитету Р.С.-Д.Р. Партии	—	Либава	137
Петербург	—	Слоним	—
Москва. Вл. Бонч-Бруевич	119	Дидиджихайси. А. Елизарова	—
Из новоисковского лагеря	—	Из партии.	
Примечания	—	Резолюции за съезд	137
		Баку	—
		Казань	—
		Москва	—
		Одесса	—
		Тифлис	—
		Отчеты Комитетов	138
		Харьков	—
		Ростов	—
		С.-Петербург	—
		Издания	—
		Тюрьма и ссылка.	
		Аресты	139
		Кострома	—
		Из Олонецкой губ.	—
		Почтовый ящик	—
		Примечания	—
		ПРИЛОЖЕНИЕ.	
		Письмо тов. Ленина	141
		Резолюция Тверского комитета	—
		Отдельные эпизоды побища. Н. Ленин	—
		На Невском и у Александровского сада. Н. Ленин	—
		Битва на баррикадах. Н. Ленин	142
		Корреспонденция т. Гусова	—
		Петербург. Вл. Бонч-Бруевич	—
		ИЛЛЮСТРАЦИИ.	
		Портрет тов. Ленина. Факсимиле т.т. Ленина и Воровского, Ольминского и Ленина, Елизаровой и Вл. Бонч-Бруевича. Фотографии объявления о выходе „Вперед“ и № 1 „Вперед“.	

В. И. Ульянов (Ленин).
(Портрет 1897 года).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В январе 1904 г. возникла война России с Японией. Назревавшая революция получила новый сильный толчок. Неспособность и воровство, царившие в армии и в правительстве, вели к неслыханным военным неудачам. Даже дворянско-буржуазное «общество» потеряло веру в то, что самодержавие спасет его имущество, его доходы.

Рабочее движение, пережившее в 1903 г. грандиозную волну южных забастовок, готовилось к новым битвам, что ясно было видно из числа арестов и ссылок. Мелко-буржуазная интеллигенция, можно сказать, переживала медовый месяц своих революционных настроений. Поднимало голову и либерально-буржуазное течение, которое формировалось вокруг заграничного еженедельного органа «Освобождение» (зародыш будущей кадетской партии).

А на глазах растущей буржуазной оппозиции и мелко-буржуазной (эсеровской) революции социал-демократия переживала глубочайший кризис, иногда сводивший на-нет так-называемую «положительную работу» из-за страстной борьбы между большевиками и меньшевиками. Теперь, при свете истории, стало ясно, что это было начало борьбы между коммунистами и соглашателями, или (но только в русском масштабе) борьбы между II и III Интернационалами.

Нужна была гениальная проницательность тов. Ленина, чтобы из проекта § 1 устава партии усмотреть «неслыханный» доколе «оппортунизм в организационном вопросе». А, между тем, это, как теперь уже ясно, была борьба между идеологией пролетариата и идеологией мелко-буржуазной интеллигенции, облепившей в то время пролетариат во имя своих целей буржуазно-демократической «свободы» *).

Во имя партийной дисциплины большевики на II съезде примирились с меньшевистской редакцией § 1 устава. Зато меньшевики, как только потерпели поражение в вопросе о составе редакции центрального органа, разорвали партийную дисциплину. В редакцию были избраны: Плеханов, Мартов и Ленин. Мартов отказался войти в нее, и вместе с ним объявили бойкот «Искре» все меньшевики.

Плеханов и Ленин вместе выпустили несколько номеров газеты. Но затем Плеханов переметнулся к меньшевикам и потребовал, чтобы, кроме Мартова, были

* Это разногласие по § устава многим казалось, очевидно, несущественным. Весной 1923 г. в Москве на публичных собраниях по случаю 25-летия партии некоторые старейшие коммунисты, не подновившие своих знаний по истории партии, путали, приписывая большевикам § 1 устава в редакции, Мартова, а не Ленина.

введены в редакцию Аксельрод, Засулич и Потресов. Ленин считал себя вынужденным выйти из редакции «Искры». Получилось положение: большинство партии — большевистское, а ее центральный орган — меньшевистский.

«Искра» под меньшевистской редакцией (на обиходном языке новая «Искра») явно старалась не проявлять своего оппортунистического (соглашательского) лица. Если в чем и можно было упрекать ее, то, главным образом, в недоговоренности, в желании обойти щекотливые вопросы. Но, стараясь соблюдать приличие, не порывать с традициями старой «Искры» в области тактики, новая «Искра» с тем большим озлоблением говорила о Ленине и о большевиках: она, как говорится, была на их уничтожение. Сохранилась, между прочим, следующая характерная резолюция Московского комитета партии по поводу издательства «Ленина и Бонч-Бруевича» летом 1904 года:

«Московский комитет, обсуждая вопрос о состоявшемся постановлении Совета Партии, гласящем, что оно лишает литературную группу с Лениным во главе права ставить в заголовке своих произведений надпись Р. С.-Д. Р. П., пришел к следующему выводу: «В силу этого постановления Ленин оказывается вне партии, так как он является именно крупной литературной силой, а его литературная работа не заслуживает партийной санкции. По мнению Совета Партии, Ленин фактически перестал быть членом партии. М. К. высказывает свое негодование по поводу подобного, с партийной точки зрения, совершенно незаконного бойкота самого крупного и авторитетного литератора. С своей стороны, М. К. высказывает полную солидарность со взглядами Ленина, высоко ценит всю его деятельность, в которой Ленин стремился и стремится к созданию действительно крепкой пролетарской партии. Принимая во внимание теперешнее положение вышеназванной литературной группы, М. К. обещает ей, с своей стороны, всяческое содействие для литературного издательства и призывает к тому же всех партийно-настроенных товарищей. Московский комитет Р. С.-Д. Р. П.»

Резолюции большевистских комитетов, если и появлялись в новой «Искре», то в сопровождении меньшевистского оплевания. А большевики, в силу партийной дисциплины, должны были распространять «Искру» по заграничным магазинам (В. Д. Бонч-Бруевич), транспортировать ее в Россию (большевик Пятницкий в Берлине и большевик Литвинов в Риге), развозить по России и отсиживать за нее в тюрьмах.

Летом 1904 года Центральный Комитет партии в виду невозможного положения пошел на примирение

с меньшевистской «Искрой». Тов. Ленин и те, кто были с ним, оказались вне партии. Говорили, что Плеханов «дружески» передавал через других лиц совет Ленину скрыться от срама в Америку. А для публики новая «Искра» говорила, будто разногласия между большевиками и меньшевиками—только плод недоразумения.

В течение 1½ лет большевики оставались без газеты, без публичного политического руководства. Газета нужна,—но как быть с партийной дисциплиной? А если и порвать с дисциплиной в этом отношении, то где силы и средства для правильной постановки заграничного периодического издания?

Летом 1904 г. началось в Женеве издание брошюр под фирмой «Издательство Ленина и Бонч-Бруевича». Но брошюры этого издательства (а также и брошюра Ленина «Шаг вперед — два шага назад») касались почти исключительно внутрипартийных вопросов.

Кажется, еще с лета 1904 г. явилась у тов. Ленина мысль о газете. По крайней мере, помню, что тогда же А. А. Богданов передал мне о решении—в связи с задуманным изданием газеты—всячески задержать меня за границей. К осени подъехал в Женеву из России В. В. Воровский,—если не ошибаюсь, выписанный с той же целью. Осенью же получилось письмо А. А. Богданова, который сообщал, что «благодаря неосведомленности Луначарский залез в болото *), но его удалось вытащить, и скоро он приедет». Однако, на приставание товарищей тов. Ленин отвечал ссылкой на отсутствие денежных средств.

Вообще, тов. Ленин переносил этот год очень тяжело. Он производил впечатление нервно-разбитого человека. Кажется, только карикатуры тов. Лепешинского на меньшевиков способны были вызывать у него безудержный, нервный смех. Он долгое время ничего не писал и даже не выступал на публичных собраниях.

Еще помню его чрезвычайно оживленное лицо, когда он прочел письмо «Искры» («только для членов партии», но, очевидно, не для Ленина и большевиков) по поводу земской кампании (см. «Земская кампания и план «Искры» в собраниях сочинений Ленина, том VI). Тов. Ленин высказал при этом ту мысль, что «Искра» целый год увертывалась, а тут, наконец, попалась с полным, и что отныне есть возможность вести борьбу принципиальную, а не бороться со склочниками.

Кажется, в связи с этим тов. Ленин настолько поднялся духом, что друзьям удалось уговорить его выступить с публичным рефератом если не в Женеве, то в Берне и в Париже. Вернулся он еще более оживленный успехом своих выступлений. А в его отсутствие среди женеvских большевиков (их оставалось не больше 20—25 человек) созрел «заговор» с целью предъявления Ленину ультиматума: немедленно приступить к изданию газеты, хотя бы без денег. Думаю, что этот ультиматум не огорчил тов. Ленина. Вскоре началось обсуждение деталей по изданию газеты. Тов. Ленин предложил название «Вперед». «Хорошее название»,—сказал он и не встретил возражений.

Таким образом, газета «Вперед» является первой по времени большевистской газетой. Ее вышло 18 номеров с 4 января по 18 мая (нового стиля); потом, в силу решения III партийного съезда, вместо «Вперед»

стала выходить газета «Пролетарий» (26 номеров с 27 мая по 25 ноября нового стиля). Состав работающих в новом органе остался тот же, что и во «Вперед», хотя съезд избрал единоличным редактором «Пролетария» тов. Ленина.

Работа распределилась следующим образом:

Тов. Ленин с утра занимался в библиотеке. Там он массу читал и оттуда же приносил синие ученические тетрадки—статьи или небольшие заметки. Не помню, участвовал ли он в составлении № от первой строки до последней. Может-быть, в первых номерах и участвовал. Но в дальнейшем у меня сохранилось воспоминание, что номер посылался тов. Ленину уже в полосах на окончательный просмотр. Только статьи обязательно просматривались тов. Лениным в рукописи. Мне кажется, что не было ни одного спора или конфликта из-за содержания газеты; бывало только, что тов. Ленин давал какой-нибудь совет, но так мягко и убедительно, что это казалось действительно только дружеским советом, которому нет смысла не последовать. Кроме работы по редакции, тов. Ленин стал выступать с публичными рефератами, а также неизменно вел продолжительные беседы с товарищами, приехавшими из России.

Надежда Константиновна Ульянова (Крупская) вела переписку с Россией. Работа тяжелая: приходилось писать шифром или «химией» (невидимыми чернилами между видимых строк). Ей помогала до лета 1905 года Лидия Александровна Фотиева. От них получались переписанные для печати корреспонденции; было много и непереписанных,—если они были написаны простыми чернилами. От них же получался и «почтовый ящик» — очень важная вещь при конспиративной работе. (Сохранилась рукопись только одного «почтового ящика», написанная рукою тов. Ленина).

Тов. В. В. Воровский много писал для газеты. Кроме того, были случаи, когда он заменял Ольминского в роли выпускающего. А в ноябре 1905 г., после отъезда Ленина и Ольминского в Россию, он единолично вел газету «Пролетарий».

Тов. Луначарский также много писал. Но он проводил часть времени не в Женеве, а в Италии, и тогда его статьи поневоле касались более общих, а не злободневных тем.

Ольминский был «выпускающим» газету, он же редактор; он же правил корреспонденции. Собственно корреспонденций бывало немного. А были письма о чем угодно, писанные как попало, очень убористо и неразборчиво; из них-то и нужно выкраивать корреспонденции. Чаще всего приходилось заново писать, а не править. В этом иногда помогали, кроме Воровского, Вера Михайловна Величина (Бонч-Бруевич), а также Л. П. Мандельштам и другие.

Из корреспондентов в настоящем смысле слова (т. е. посылающих из России материал специально для газеты) могу назвать только А. И. Елизарову, Гусева и Вл. Д. Бонч-Бруевича. Из других работников газеты следует еще назвать тт. Карпинского, Теодоровича и Чужака. Из них А. И. Елизарова жила в Петербурге и посылала известия, стекавшиеся в организацию со всех концов России. А В. Д. Бонч-Бруевич, поехавший нелегально и посетивший многие города, писал, можно сказать, также почти со всей России.

Письма, из которых составлялись корреспонденции,

*) То-есть стал «примиренцем».

сжигались, как общее правило, чтобы «не оставлять лишних следов». А переписанное в редакции вместе со всеми статьями сохранялось,—оригинал каждого № отдельно, на всякий случай. Часть этих оригиналов дошла до наших дней. Возможно, что придет время, когда они станут предметом детального изучения. В настоящей же статье я коснусь только вопроса об авторстве — вопроса, тесно связанного с полным собранием сочинений тов. Ленина и с изучением «ленинизма».

До сих пор признавалось, что статьи тов. Ленина легко определить по темам или по стилю, или, наконец, по памяти. Редакторам первого издания сочинений Ленина (том VI, 1922 г.) приходилось руководствоваться именно такого рода соображениями при отыскании ленинских статей в газетах «Вперед» и «Пролетарий». После того, как были найдены оригиналы этих газет, выяснилось, что часть статей, приписанных тов. Ленину, написана другими авторами, главным образом, тов. Воровским; еще большая часть ленинских статей не вошла в собрание сочинений Ленина (подробно об этом см. журнал «Пролетарская Революция», декабрь 1923 г. и январь 1924 г.) *). Этот неудачный выбор по памяти, по стилю или по теме заставляет нас прибегнуть в настоящем издании к прямо противоположному приему: если рукопись не найдена, или если не удалось установить точно автора по почерку, то имя автора в оглавлении и под статьями отсутствует.

Исключения допущены только для корреспонденций и для «Объявления» об издании газеты «Вперед». О корреспонденциях я уже говорил: почерк в них говорит скорее о переписчике, чем об авторе. «Объявление» же хотя и написано рукой Ольминского, но и Ольминский, и специально опрошенный по этому делу тов. Луначарский удостоверяют, что первоначальный текст объявления было поручено написать тов. Луначарскому; Ольминскому же пришлось только переписать текст с редакционными поправками для типографии. Дату написания «Объявления» и день выхода установить не удалось.

Нелишне указать, что почерк тов. Ленина очень сходен с почерком тов. Теодоровича; пришлось поэтому прибегнуть к свидетельским показаниям тов. Теодоровича.

В настоящем издании подписи под статьями, рукописи которых сохранилась и автор установлен, заключены в скобки. В прямые скобки (если нет оговорки в примечании к наст. изданию) заключены вставки, сделанные в рукописи рукой тов. Ленина. В те же прямые скобки заключена часть, написанная тов. Лениным в общих статьях Ленина и Воровского или Ленина и Ольминского. В конце номера прилагается примечание к настоящему изданию. Впереди текста каждого выпуска—всех выпусков шесть: два газеты «Вперед» и четыре «Пролетария»—прилагается оглавление содержащихся в нем номеров.

Фотографических портретов 1905 года не удалось найти, поэтому помещаются портреты или более поздние, или более ранние.

Объявление об издании газеты «Вперед» печатается фотографически, и поэтому сохранены старая орфография и некоторые орфографические ошибки.

Вся работа по подбору рукописей, по сравнению рукописного текста с печатным 1905 года, а также по составлению примечаний к тексту в конце каждого номера «Вперед» и «Пролетария» исполнена сотрудницей Истпарта М. Мальт под моей редакцией.

Все номера «Вперед» и «Пролетария» перепечатаны целиком, за исключением имени «ответственного редактора» (фиктивного) и адресов экспедиции и редакции типографии; во избежание повторений в каждом номере привожу их здесь:

Адрес экспедиции: V. Bontch - Brouevitch 3, rue de la Colline, 3, Geneve (Suisse).

Адрес редакции: V. Oulianoff, 3, rue de la Colline, 3, Geneve (Suisse).

Verantwortlicher Redacteur Alexis Medwed, Genf. Kooperative Druckerei, rue de Carouge, 93, Genf.

М. Ольминский.

*) После сдачи в печать этих журнальных статей были найдены еще рукописи, вносящие дополнение к этим статьям, что и использовано в настоящем издании.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи газеты „ВПЕРЕДЪ“.

Давно гнилое въ своихъ основахъ, давно отжившее свое время, хищное, неумѣлое, свирѣпое самодержавіе съ ужасомъ увидѣло въ послѣдніе годы, что оно стоитъ передъ пропастью. Ни поддержка западноевропейской реакціи, ни дозволеніе пришлымъ и туземнымъ капиталистамъ обирать во всю русскій народъ, ни грубое турецкое насиліе не могли помѣшать приближенію рѣшительнаго часа. Передовая часть русскаго народа, политически созрѣвшій русскій пролетаріатъ выступалъ на историческую сцену.

Яркое и мощное движеніе этой новой народной Россіи, народа городовъ и фабричныхъ поселеній, оживило всѣ запуганные и забытые элементы русской оппозиціи. Грозныя событія, предвѣстники революціи, учащались. Красный призракъ появился и началъ неуклонно наступать на безконтрольных хозяевъ безправной страны. И русское самодержавіе, какъ и слѣдовало ожидать, потеряло голову. Невѣжественное и наглое, оно задумало цѣной народной крови заглушить недовольство. Оно рѣшило обрушиться на страну, которую считало слабой и некультурной, выступить вождемъ національныхъ силъ, объединить ихъ грохотомъ побѣдныхъ барабановъ. Тѣсное пролетаріатомъ, главнымъ двигателемъ историческихъ событій послѣднихъ лѣтъ, правительство пошло на военный экзаменъ и, конечно, провалилось.

Короткая и жалкая вакханалія патріотизма смѣнилась еще болѣе широкимъ и глубокимъ недовольствомъ. Смерть Плеве послужила поводомъ къ политическому зигзагу, который можно было предугадать. Путемъ ничтожныхъ уступокъ, приправленныхъ ласковыми фразами, правительство постаралось купить довѣріе буржуазнаго общества, чтобы натравить его на революціонеровъ, мѣшающихъ несвоевременными требованіями правильному ходу мирныхъ реформъ. Но и этотъ шарлатанскій пріемъ оказался неудачнымъ: даже буржуазные либералы увидѣли, что отъ правительства можно требовать больше того, что оно предлагаетъ. Шатаніе властя, запутавшейся въ разставлен-

ныхъ ею же сѣтяхъ, повело только къ небывалому оживленію всѣхъ отбѣжковъ демократическаго движенія въ Россіи.

Пролетаріатъ можетъ и долженъ использовать такое положеніе вещей. Его основной цѣлью является разрушеніе буржуазнаго міра и созданіе на его развалинахъ міра социалистическаго. Но чтобы вырости въ силу, способную осуществить эту великую всемірно-историческую цѣль, пролетаріатъ нуждается въ политической свободѣ, въ свободѣ слова и печати, собраній и союзовъ, въ демократической республикѣ съ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Зачаточное пока, но глубокое и жизненное, демократическое движеніе въ Россіи превратится въ русскую революцію и приведетъ къ необходимой для пролетаріата политической свободѣ только въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ съ полной сознательностью и со всей энергіей обрушится на самодержавіе.

Пролетаріатъ долженъ выступать при этомъ отдѣльной сомкнутой колонной, со своими особыми лозунгами, выступать не какъ слѣпое орудіе буржуазной революціи, а какъ ея наиболѣе сознательный и наиболѣе рѣшительный участникъ и двигатель. Не пролетаріатъ для революціи, а революція для пролетаріата!

Существуютъ всѣ данныя, чтобы стихійныя проявленія борьбы пролетаріата освѣтились истинно-пролетарскими идеями научнаго социализма, чтобы они возвысились до твердой и неуклонной тактики, чтобы они отлились въ прочныя формы крѣпкой социалъдемократической организаціи. Но кромѣ вѣдшихъ данныхъ важна еще наличность организующаго начала. Таковымъ можетъ явиться только ядро сознательнаго пролетаріата т. е. Россійская Социалъдемократическая Рабочая Партія. На долю нашей партіи выпадаетъ трудная и славная задача: куя горячее желѣзо, организовать энергію пролетаріата, дать ей вѣрные лозунги, направить ее цѣлесообразными путями. Силы удесятерятся организаціей. Организоваться — паша первѣйшая и настоятельнѣйшая задача.

Когда содержаніе партійной работы растёт медленно и постепенно, — могут постепенно расти и ея организаціонныя формы. Но при томъ бурномъ и порывистомъ ростѣ, какой проявляютъ активность и сознательность русскаго пролетаріата, старыя формы партійной жизни неминуемо должны разрушаться и воссоздаваться путемъ острыхъ кризисовъ. А со старыми формами партійной жизни сживаются и срастаются, какъ и всюду, отдѣльныя личности и отдѣльныя мелкія группы. Партійные работники, сознавшіе необходимость коренной ломки старыхъ формъ, являются орудіями новыхъ тенденцій и вынуждены дѣйствовать безжалостно, не считаясь съ чувствами и симпатіями отдѣльныхъ лицъ. Случается, что порывистый шагъ впередъ вызываетъ, при такихъ условіяхъ, острую реакцію: всѣ сознательные и бессознательные сторонники стараго уклада соединяются въ одинъ союзъ, сплываемый лишь ненавистью къ поваторамъ, и временно отбрасываютъ партію на два шага назадъ. Естественно, что въ связи съ организаціонной реакціей появляется при этомъ и реакція принципиальная.

Именно такой кризисъ переживаетъ теперь наша партія. Этотъ кризисъ — лишь отраженіе могучаго и быстрого роста силъ пролетаріата. Назрѣвшее стремленіе стать настоящей организованной пролетарской партіей, ища себѣ выхода въ лихорадочной атмосферѣ нынѣшняго политическаго момента, революціонно разбивало рамки кружковщины. Реакція была неизбежна и оказалась очень острой. Реакціонная вспышка кружковщины разорвала партію. Официальные партійные центры явились поборниками кружковыхъ традицій и пріемовъ; они стали выразителями кружковыхъ интересовъ. Мѣстные комитеты отстаивали нарождающуюся партійность. Партія лишилась центральныхъ учрежденій, центральныя учрежденія оказались внѣ партіи. Поборники кружковщины, объединившіе разнородные элементы лишь враждою къ новымъ

требованіямъ жизни, не могли выставить никакихъ прогрессивныхъ лозунговъ. Отсутствіе организаціоннаго принципа они стремились возвести въ теорію организаціи - процесса. Безсилные справиться съ новыми задачами, выдвигаемыми жизнью, они лишь повторяли старыя лозунги группъ, наиболѣе отсталыхъ принципиально. Ставъ на наклонную плоскость организаціоннаго оппортунизма, они уже докатились и до оппортунизма тактическаго.

Партія въ лицѣ ея мѣстныхъ организаціи отстаивала выдержанное направленіе революціонной социальдемократіи. Она стремилась удовлетворить новые запросы, выдвигаемые неуклоннымъ ростомъ революціонности пролетаріата. И въ партіи зрѣло сознаніе, что ея центральныя учрежденія неспособны руководить движеніемъ рабочаго класса; — въ ней крѣпко убѣжденіе, что она сама должна искать путей къ разрѣшенію новыхъ задачъ.

Броженіе въ рабочихъ массахъ становится все шире и глубже. Условія историческаго момента ручаются за то, что мы стоимъ пакачунѣ перехода движенія въ новыя, высшія формы. Изъ искры уже возгорѣлось пламя. Близокъ день, когда это пламя разольется пожаромъ пароднаго возстанія. Растетъ отвѣтственность социальдемократіи передъ пролетаріатомъ. Все острѣе ощущается потребность въ дѣйствительномъ политическомъ руководствѣ его борьбой. Въ такой моментъ партія не можетъ оставаться безъ органа.

Руководящій органъ долженъ находиться въ тѣсной общеніи съ партіей, въ неразрывной связи съ движеніемъ пролетаріата, идя впереди, освѣщая путь, предостерегая отъ ложныхъ шаговъ. Лишь какъ результатъ коллективнаго творчества партіи можетъ онъ выполнить свое назначеніе. Будучи руководителемъ, такой органъ долженъ быть и орудіемъ пролетаріата. Его задача — стать его яркимъ свѣтильникомъ!

Громадное большинство русскихъ комитетовъ, высказывавшихся о намѣтѣ партійномъ кризисѣ, выразило недовѣріе сначала редакціи Искры, а потомъ и Центральному Комитету партіи и потребовало созыва третьяго партійнаго съѣзда. Отказъ исполнить это требованіе и даже прямая борьба центровъ противъ созыва съѣзда вынудили мѣстные комитеты объединиться между собою, заставили ихъ организовать рядъ частныхъ конференцій и дать некоторымъ товарищамъ полномочіе на отстаиваніе позиціи большинства партіи въ партійной борьбѣ. Эти товарищи будутъ завѣдывать и организаціонной стороной настоящаго предпріятія. Коллегія редакторовъ и ближайшихъ сотрудниковъ газеты „Впередъ“ составилась изъ литераторовъ партійнаго большинства, сгруппировавшихся ранѣе вокругъ издательства Ленна и Бончъ-Бруевича. Издательство это цѣлкомъ передано теперь нашей газетѣ.

Газета „Впередъ“ будетъ выходить не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Первый номеръ выйдетъ въ началѣ января 1905-го года.

Адресъ для сношеній съ редакціей изъ заграничьи черезъ экспедицію:
V. Bontch-Brouevitch, Rue de la Colline, 3 (rue de Carouge pres Pont-Neuf), Geneve (Suisse).
А изъ Россіи — черезъ комитеты и сторонниковъ партійнаго большинства.

Самодержавие и пролетариат.

Россия переживает новую волну конституционного движения. Современное поколение не видало еще ничего подобного теперешнему политическому оживлению. Легальные газеты грязят бюрократию, требуют участия представителей народа в государственном управлении, настойчиво заявляют о необходимости либеральных реформ. Всевозможные собрания земцев, врачей, юристов, инженеров, сельских хозяев, городских гласных и пр., и пр. выносят резолюции, более или менее ясно высказывающиеся за конституцию. Всюду слышатся необычно смелые, с точки зрения русского обывателя, политические обличения и страстные речи о свободе. Либеральные собрания превращаются, под напором рабочих и радикальной молодежи, в открытые народные собрания и уличные демонстрации. В широких кругах пролетариата, среди городской и деревенской бедноты явно усиливается глухое брожение. И хотя пролетариат сравнительно мало участвует в наиболее парадных и торжественных проявлениях либерального движения, хотя он держит как-будто бы немного в стороне от чинных совещаний солидной публики, но по всему видно, что рабочие чрезвычайно глубоко заинтересованы в движении. По всему видно, что рабочие рвутся на широкие народные собрания и на открытые уличные демонстрации. Пролетариат как бы сдерживает себя, сосредоточенно всматриваясь в окружающую обстановку, собирая свои силы и решая вопрос, пришел или не пришел еще момент решительной борьбы за свободу.

Повидимому, волна либерального возбуждения начинает уже несколько спадать. Слухи и сообщения заграничных газет о победе реакционеров в наиболее влиятельных придворных кругах подтверждаются. Опубликованный на-днях указ Николая II есть прямая пощечина либералам. Царь намерен сохранить и отстаивать самодержавие. Царь не желает изменять формы правления и не думает давать конституции. Он обещает—только обещает—всяческие реформы совершенно второстепенного характера. Никаких гарантий осуществления этих реформ, разумеется, не дается. Полицейские строгости против либеральной печати усиливаются не по дням, а по часам. Всякие открытые демонстрации начинают опять подавлять с прежней, если не с большей еще, свирепостью. Либеральных гласных, земских и городских, начинают заметно опять подтягивать, а еще более либеральничающих чиновников. Либеральные газетыпадают в унылый тон и просят прощения у корреспондентов, письма которых они не смеют печатать.

Нет ничего невозможного в том, что волна либерального возбуждения, быстро поднявшегося после разре-

ния Святополка-Мирского, быстро и уляжется после нового запрещения. Надо различать глубокие причины, которые неизбежно и неминуемо,—и чем дальше, тем больше,—порождают оппозицию и борьбу против самодержавия, от мелких поводов временного либерального оживления. Глубокие причины порождают глубокие, могучие и упорные народные движения. Мелкими поводами являются иногда смена лиц в министерстве и обычная попытка правительства перейти на час к политике лисьего хвоста после какого-нибудь террористического акта. Убийство Плеве, видимо, стоило террористической организации громадных усилий и долгих подготовительных работ. И чем удачнее было это террористическое предприятие, тем ярче подтверждает оно опыт всей истории русского революционного движения,—опыт, предостерегающий нас от таких приемов борьбы, как террор. Русский террор был и остается специфически-интеллигентским способом борьбы. И, что бы ни говорили нам о важности террора не вместо народного движения, а вместе с ним, факты свидетельствуют неопровержимо, что у нас индивидуальные политические убийства не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции. Массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение. Это движение развивается в России по своим самостоятельным законам, оно идет своим путем, становясь все глубже и шире, переходя от временного затишья к новому подъему. И только либеральная волна поднимается и спадает в тесной связи с настроением разных министров, смена которых ускоряется бомбами. Неудивительно поэтому, что у нас так часто встречается сочувствие террору среди радикальных (или радикальничающих) представителей буржуазной оппозиции. Неудивительно, что из революционной интеллигенции особенно увлекаются террором (надолго или на минуту) именно те, кто не верит в жизненность и силу пролетариата и пролетарской классовой борьбы.

Недолговечность и непрочность либерального возбуждения по тому или иному поводу, конечно, не могут заставить нас забыть о неустрашимом противоречии между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества. Самодержавие не может не задерживать общественного развития. Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии, как класса, интересы интеллигенции, без которой немисливо современное капиталистическое производство. Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческого и тор-

гового класса, а отнюдь не со всем этим классом. Прямое представительство интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной, и которую положение ее обязывает под угрозой политического и экономического поражения стать европейской страной. Поэтому крайне важно для сознательного пролетариата ясно понимать и неизбежность либеральных протестов против самодержавия, и действительный буржуазный характер этих протестов.

Рабочий класс ставит себе величайшие, всемирно-исторические цели: освободить человечество от всяких форм угнетения и эксплуатации человека человеком. К осуществлению этих целей он стремится во всем мире упорно в течение десятилетий и десятилетий, постоянно расширяя свою борьбу, организуясь в миллионные партии, не падая духом от отдельных поражений и временных неудач. Ничего не может быть важнее для такого истинно-революционного класса, как отделаться от всяких самообманов, от всяких миражей и иллюзий. У нас, в России, одной из самых распространенных и живучих иллюзий является та, будто наше либеральное движение не есть буржуазное движение, будто предстоящая России революция не есть буржуазная революция. Русскому интеллигенту, начиная от умереннейшего освободителя и кончая самым крайним социалистом-революционером, всегда кажется, что признать нашу революцию буржуазной значит обесцветить, принизить, ополшить ее. Русский сознательный пролетарий видит в таком признании единственно верную классовую характеристику действительного положения дел. Для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки. Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит замедлять заранее свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели необходимо понимать отношения классов в современном обществе. Только разочарования и шатания из стороны в сторону ждут тех, кто чурается, якобы, односторонней классовой точки зрения, кто хочет быть социалистом и в то же время боится прямо назвать предстоящую нам в России, начавшуюся у нас в России революцию буржуазной революцией.

Характерный факт: как-раз в разгар современного конституционного движения наиболее демократическая легальная печать воспользовалась необычной свободой для нападок не только на «бюрократию», но и на «незастоятельную», якобы, «научно», «исключительную и потому ошибочную теорию классовой борьбы» («Наша Жизнь» № 28). Извольте видеть: задачу сближения интеллигенции с массами «ставили до сих пор, исключительно напирая на классовые противоречия, существующие между народными массами и теми слоями общества, из которых выходит... большая часть интеллигенции». Нечего говорить, что это изображение дела прямо противоречит действительности. Как-раз наоборот. Вся масса русской легальной, культурнической интеллигенции, все старые русские социалисты, все деятели типа освобод-

жденцев совершенно игнорировали и игнорируют глубину классовых противоречий в России вообще и в русской деревне в особенности. Даже крайняя левая русская радикальная интеллигенция, партия социалист-революционеров, грешит больше всего таким же игнорированием; стоит вспомнить ее обычные рассуждения о «трудовом крестьянстве» или о том, что предстоит нам революция «не буржуазная, а демократическая».

Нет. Чем ближе подходит момент революции, чем острее становится конституционное движение, тем строже должна партия пролетариата охранять свою классовую самостоятельность и не позволять топить своих классовых требований в воде общедемократических фраз. Чем чаще, чем решительнее выступают представители так-называемого общества со своими, якобы, общенародными требованиями, тем беспощаднее должна социал-демократия разоблачать классовый характер этого «общества». Возьмите пресловутую резолюцию «тайного» земского съезда 6—8 ноября. Вы увидите в ней отодвинутые на задний план и умышленно неясные, робкие конституционные пожелания. Вы увидите ссылки на народ и общество, гораздо чаще на общество, чем на народ. Вы увидите особенно подробное и наиболее подробное указание реформ в области земских и городских учреждений, то - есть учреждений, представляющих интересы землевладельцев и капиталистов. Вы увидите упоминание о реформе в быту крестьянства, освобождение его от опеки и ограждение правильной формы суда. Совершенно ясно, что перед вами представители имущих классов, добывающиеся только уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя. Если такие люди желают «коренного (будто бы, коренного) изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян», то это лишний раз показывает правильность воззрений социал-демократии, которая неустанно подчеркивала отсталость порядков и условий жизни крестьянства от общих условий буржуазного строя. Социал-демократия всегда требовала, чтобы сознательный пролетариат в общекрестьянском движении строго различал властные интересы и запросы крестьянской буржуазии, как бы ни были прикрыты и задержаны туманной дымкой эти запросы, в какие бы утопии «поравнения» ни облекала их крестьянская идеология (и «социалистско-революционная» фраза). Возьмите резолюции петербургского банкета инженеров 4 декабря. Вы увидите, что 590 участников банкета, а за ними и 6.000 подписавших резолюцию инженеров высказываются за конституцию, «без которой невозможна успешная защита русской промышленности», а заодно уже протестуют против отдачи правительственных заказов заграничным предпринимателям.

Неужели можно еще теперь не видеть, что именно интересы всех слоев землевладельческой, торгово-промышленной и крестьянской буржуазии составляют подкладку и основу прорвавшихся наружу конституционных стремлений? Неужели нас может сбить с толку представительство этих интересов демократической интеллигенцией, которая брала на себя роль публицистов, ораторов и политических вождей всегда и везде, во все европейские революции буржуазии?

На русский пролетариат ложится серьезнейшая задача. Самодержавие колеблется. Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко

основы его власти и господства. Ему нельзя держаться теперь без обращения к правящим классам, без поддержки интеллигенции, а такое обращение и такая поддержка неминуемо ведут за собой конституционные требования. Буржуазные классы стараются учесть в свою пользу затруднительное положение правительства. Правительство ведет отчаянную игру, чтобы вывернуться, отделаться грошовыми уступками, неполитическими реформами, ни к чему не обязывающими обещаниями, которых всего больше в новом царском указе. Удастся ли, хотя временно и частично, такая игра,—это зависит, в последнем счете, от русского пролетариата, его организованности и силы его революционного натиска. Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения.

В чем должна выразиться немедленно поддержка конституционалистов пролетариатом? Всего более в том, чтобы утилизировать общее возбуждение для агитации и организации наименее затронутых, наиболее отсталых слоев рабочего класса и крестьянства. Разумеется, организованный пролетариат, социал-демократия должна посылать отряды своих сил во все классы населения, но чем самостоятельнее выступают уже эти классы, чем острее становится борьба и чем ближе момент решительного боя, тем более должен переноситься центр тяжести нашей работы на подготовку самих пролетариев и полупролетариев к прямой борьбе за свободу. Только оппортунисты могут в такой момент называть особенно активной борьбой, или новым методом борьбы, или высшим типом демонстраций выступление отдельных рабочих ораторов в земских и других общественных собраниях. Такие манифестации могут иметь лишь совершенно подчиненное значение. Несравненно важнее теперь обратить внимание пролетариата на действительно высокие и активные формы борьбы, в роде знаменитой ростовской и ряда южных массовых демонстраций. Несравненно важнее теперь расширять наши кадры, организовать силы и готовиться к еще более прямой и открытой массовой борьбе.

Разумеется, речь идет здесь не о том, чтобы оставить повседневную и будничную работу социал-демократов. Они не откажутся от нее никогда, они именно в ней видят настоящую подготовку к решительному бою, ибо они рассчитывают всецело и исключительно на активность, сознательность, организованность пролетариата, на его влияние в массе трудящихся и эксплуатируемых. Речь идет об указании правильного пути, об обращении внимания на необходимость идти вперед, о вредности тактических шатаний. К будничной работе, которую никогда и ни при каких условиях не должен забывать сознательный пролетариат, относится и работа организации. Без широких и разносторонних рабочих организаций, без сближения их с революционной социал-демократией невозможна успешная борьба с самодержавием. А дело организационной работы невозможно без решительного отпора тем дезорганизаторским тенденциям, которые проявляет у нас, как и везде, бесхарактерная и меняющаяся

свои лозунги, как перчатки, интеллигентская часть партии; дело организационной работы невозможно без борьбы с нелепой, реакционной и прикрывающей всяческий разброд «теорией» организации-процесса.

Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание пострадавшие народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв. Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией, и всякая оттяжка только усилит и обострит поражение. Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия, с Куропаткиным во главе, потеряла более 200.000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.

К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы борьбы за социализм.

Сомнения двуглавого орла ¹⁾.

*Быть или не быть,
Вот в чем вопрос.*

Наше самодержавное правительство, т.-е. шайка высших чиновников, хозяйничающих в России, никогда не проявляла меньше единства, чем в переживаемый нами исторический момент. Одна голова российского двуглавого орла зловеще нахохлилась, точно он готов вырвать только что открывшиеся глаза долго спавшей России, другая болтает, как попугай, приветливые речи и приглашает уважаемое «общество» подойти без страха и почестать «попке головку».

Существует два испытанных средства «внутренней политики»: политика заигрывания и политика устрашения. В спокойные времена, когда среди кладбищенского «прядка» изредка раздается протест, похожий скорее на подавленный стон муки, во времена, когда настоячивые враги правительства находят лишь слабый отзвук своим призывам в народных массах,—оба средства превосходны. Ежовые рукавицы, снимаются порою, чтобы с хозяйской лаской потрепать жирную спину привилегированного общества, чтобы дать этому обществу верноподданнически лизнуть попечительную руку, а затем, заручившись сочувствием обнадуженных либералов, правительственная длань вновь облекается в ежовую рукавицу, вновь раздается свист нагайки, вновь поднимаются к небу виселицы.

Но совсем другое дело—такое время, как наше. Расхлынулось народное море: непопулярная война с ее мобилизациями и поборами, со стыдом поражений и нескончаемым кровопролитием, тесно связанный с нею тяжкий кризис, затяжная голодовка в большинстве промышленных центров,—все это переполнило чашу народного терпения. Глухое недовольство ежеминутно грозит прорваться революционным потоком: пролетариат уже манифестировал в целом ряде городов, в Варшаве он дал полиции и казакам кровавое сражение; выставленное им требование созыва учредительного собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права ежеминутно может быть подхвачено всей настоящей русской демократией, т.-е. угнетенным и бесправным народом.

Как быть при таких обстоятельствах? К какому из двух испытанных средств прибегнуть? Аракчеевский режим неумолимого Плеве имел своим результатом всеобщее озлобление и несомненное усиление всех видов оппозиционного и революционного движения. Политика заигрываний кн. Святополк-Мирского принята была за свидетельство слабости правительства: подталкиваемые могучим движением в народе, либералы «обнаглели».

И вот теперь советники Николая II решительно распались на две группы: «Следуйте по стопам прародителя,—учат одни,—ведь, его т.-н. «великие» реформы отнюдь не поколебали самодержавия, а между тем, благородный либерал до сих пор вспоминает «царя-освободителя» со слезами умиления; следуйте же смело по стопам прародителя, и мы выйдем из опасного положения».—«Да сохранит бог ваше величество от вступления на дорогу уступок,—умоляют другие советники:—знаете ли вы, куда ведет путь соглашений? Он ведет на Площадь Согласия» (площадь в Париже, на которой был обезглавлен Людовик XVI).

Мудрые советники реакционного пошиба приглашают слабоумного царя идти скорее по стопам родителя: «Не сел ли он на русском престоле, как настоящий медведь «Всех-вас-давишь», не раздавил ли он все хрупкие либеральные упования, не сделал ли он все мечтания воистину бессмысленными? И что же? В то время, как либеральный прародитель погиб от бомбы революционера,—реакционный родитель имел редкое для русского царя удовольствие умереть от мирной болезни печени, лекарств московского чудотворца Захарьина и молитв кронштадского чудотворца Иоанна».

Но по чьим стопам ни пойдет растерявшийся царь,—земля одинаково жжет ему пятки. Больше всего смущают его те же советники своими взаимными опровержениями. «Чем пахнет политика устращений? Озлобленная и растущая крамола подкопает дух верноподданничества даже в войсках. И вот в одно прекрасное время Россия окажется охваченной подготовленным социал-демократией всеобщим восстанием! Станут не только фабрики и заводы, станут и паровозы; все общество закричит, что во избежание всеобщего разорения надо покончить с эксцентрицизмом и неуступчивым русским правительством. По улицам и площадям будут двигаться толпы рабочих, и к их красному знамени примкнут и студенты, и вся городская беднота. И когда твои, царь, генералы поведут против них войско, каждый дом превратится в крепость и засаду. Но не так страшны пули и камни, которыми будут осыпаться солдаты из окон, как

бросаемые оттуда же прокламации. Солдату, изнеможенному, неуверенному в правоте своего дела, будут кричать: «мы твои братья!», навстречу штыкам побегут с приветом женщины и дети, и тогда наступит тот страшный миг, когда армия, народ вооруженный, начнет брататься с народом безоружным».

От таких перспектив кругом идет слабая голова самодержца.

Недавно, по сведениям французских газет, царь созвал на совет всех своих мудрецов: сошлись откормленные великие князья, явился пронирливый плут Витте, были также министры Коковцев, Муравьев, надежда либералов—кн. Святополк-Мирский и их отчаяние—Иудушка Победоносцев.

На этот раз наши государственные мужи обменялись изумительными речами. Один за другим укрепляли колеблющуюся волю царя три борца за мрак и неподвижность. Сначала говорил Муравьев, министр юстиции, блестящий образец русского прокурора. Опирались на целый ряд законов и указов, он доказывал, что царь не имеет права нарушать основы самодержавия. Каково? Наконец, оказалось, что и у нас в России есть закон, перед которым пасует сама самодержавная воля: этот закон—организованное беззаконие. Царь всякую минуту может нарушить любой закон и создать любой другой,—одного не может он установить: лишить себя права нарушать законы. Но кто же скрывается за этим неумолимым законом, перед которым сам деспот оказывается невольником? Чьи интересы прячутся за указами, на которые ссылался ловкий прокурор? Интересы бюрократии, чиновничества, шайки грабителей! Это они не позволяют царю нарушить их выгоды. И, конечно, в случае надобности они сумели бы с ним расправиться.

Еще циничнее, еще голее высказал эту мысль казначей всей воровской шайки Коковцев. Его главным доводом было то, что, ободренный уступками, народ не замедлит потребовать права контроля над государственными приходами и расходами. «Право царя бесконтрольно распоряжаться казной будет похоронено, а это конец всему!» Действительно, пока бюрократы могут свободно грабить Россию, им наплевать на все, но крушение самодержавия, ведь,—это крушение той ширмы, за которой совершали они свои грабительства,—этого они не могут потерять.

Бюрократия явилась сначала под видом сухого и непреклонного закона, потом под видом золотого тельца, окруженного соблазнительными образами золотых дождей, пачек кредиток, роскоши и разврата, всего, чем красна жизнь русского министра. Но в устах святейшего Победоносцева она приняла образ самого господина бога, который с высоты небес объявляет свою волю своему земному наместнику-царю. Речь эта так умиляет, что мы приводим ее полностью в том виде, в каком она сообщена французскими газетами.

«Царь—не только император, он также глава православной церкви. Не земные только, но и религиозные соображения должны руководить им. Но если царь ограничит себя представителями нации, не лишится ли церковь главы? Не ослабеет ли церковь? А, ведь, с нею ослабеет единственный источник нравственности и совести русского народа, и несчастный народ этот упадет снова в варварство и грех. Царская власть дается богом и получена от предков,—как оправдать нарушение

этой божественной и вечной власти перед потомками?».

Одна часть хищной бюрократии запугивает всячески царя, надевая на себя то маску закона, то маску божества; другая часть смертельно боится, как бы революция не вспыхнула пожаром, в котором сразу сгорит все их благополучие.

О князе Святополке говорят, что он джентльмен, но... глуп. Но даже этот неумный джентльмен нашел, что возразить Муравьеву: «Подчиняя самодержца закону, вы забываете, что он - то и есть законодатель. Но теперь не время задаваться академическими вопросами. Я спрашиваю: может ли длиться теперешнее положение без серьезной опасности? Между тем, мы можем выйти из этого опасного положения путем таких реформ, как уничтожение паспортов, свобода печати и принятие в государственный совет представителей от земства».

В самом деле, неужто же нельзя пожертвовать такими пустяками, чтобы сохранить за собою хозяйское положение? Неужто нельзя в свою компанию хищников принять, для ее укрепления, господ земских представителей?

Еще резче высказался Витте: этот чувствует, чем пахнет, и прямо кричит: «спасайтесь, пока не поздно!».

Он сказал между прочим: «Если станет общеизвестным, что ни по закону земному, ни по закону небесному царь не может добровольно дать существенных прав народу, то народ придет к мысли принудить его к этому силой. Поймите, ведь, это призыв к революции».

Либералы с волнением прислушиваются к голосам этого смехотворного совета: на нем решается, думается им, вся их судьба. Но пролетариату все эти споры интересны только как признак паники, охватившей его ближайшего врага, который первый испытает на себе революционную силу рабочего класса. Нам не важно, что царь манифестом подтвердил свое твердое желание передать своему сыну царскую власть неумноженной, как не важны нам царские желания вообще. Мы не только не ждем ничего доброго от воли царя, но, вопреки Витте,

мы не намерены даже требовать от него чего-нибудь насильно. Всякие требования—рабские, любезные, настойчивые и даже насильственные—мы предоставляем либералам всех оттенков.

Дело революционного пролетариата, дело социал-демократической партии не торговаться с самодержавием, не вынуждать у него реформы или «реформу», а уничтожить его. Такова естественная цель пролетариата, идущего к социализму через завоевание политической свободы, такова же и цель демократии, т.-е. народных масс; лишь те склонны щадить самодержавие, кто хочет поделиться с ним добычей, да еще разве те трусы, которые не видят, что глиняные ноги колосса дали непоправимые трещины.

На всякие реформы, на всякую «реформу» пролетариат даст один ответ: «Да здравствует республика!». И на самую демократичнейшую республику он непреклонно ответит: «Долой буржуазию! Да здравствует социализм!».

Р. С. Сомнения двуглавого орла, наконец, разрешились царским манифестом. Разрешение это очень странное в одном отношении: в то время, как французские газеты видят в нем явную победу ласковой орлиной головы, английские и немецкие считают манифест плодом коварства головы нахохлившейся и выражают опасения, что царю не удастся так легко провести своих подданных.

Министр юстиции Муравьев, вышедший-было в отставку, остается на своем посту, и опять французские газеты, представляющие интересы французских капиталистов—кредиторов царя, передают, что это означает соглашение между Муравьевым и «либеральным» Святополк-Мирским, английские же газеты решительно утверждают, что этим ознаменовалась полная победа реакции.

Правительственное сообщение от 15-го декабря «сообщает» народу, что правительственная длань уже облекается в ежовую рукавицу и готова обрушиться на

О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов.

Современное конституционное движение в имущих классах нашего общества резко отличается от предыдущих движений того же типа конца 50-х и 70-х годов. Конституционные требования либералов, в сущности, те же. Речи радикальных ораторов повторяют знакомые положения земского либерализма. Крупной и очень важной новостью является участие в движении пролетариата. Русский рабочий класс, движение которого было главной осью всего революционного движения последнего десятилетия, давно уже перешел к открытой борьбе, к выступлению на улицу, к массовым народным собраниям, вопреки полиции, к прямым схваткам с врагом на улицах южных городов.

И теперь либерально-буржуазное движение сейчас же ознаменовалось рельефным, решительным, несравненно более резким и смелым выступлением на сцену пролетариата. Сошлемся прежде всего на демонстрацию в

СПБ., где участие рабочих оказалось, к сожалению, слабым вследствие дезорганизаторской попытки «меньшевиков», и на демонстрацию в Москве. Затем отметим появление рабочих на либерально-буржуазном банкете в Смоленске, на собрании просветительного общества в Нижнем-Новгороде, на заседаниях ученых, врачебных и других обществ в разных городах, на большое собрание рабочих в Саратове, на демонстрацию 6 ноября в харьковском юридическом обществе, 20 ноября в екатеринодарской городской думе, 18 ноября в одесском обществе охранения народного здравия, в Одессе же немного позже, в окружном суде, при чем обе одесские и харьковская демонстрации сопровождалась уличными демонстрациями рабочих, шествием по городу с знаменами, пением революционных песен и т. д.

Эти четыре последние демонстрации описаны, между прочим, в № 79 «Искры» в статье под заголовком: «Пролетарские демонстрации», и на этих описаниях мне хотелось бы остановить внимание читателя. Сначала воспроизведу факты по «Искре», затем—рассуждения «Искры».

В Харькове комитет организует участие рабочих в собрании юридического общества; на собрание попадает свыше 200 пролетариев: частью рабочие стеснялись идти в парадное собрание, частью «мужиков не пускали».

вью непокорных. Голова нахохлившаяся победила, в чем нельзя было и сомневаться после дикой бойни, последовавшей за демонстрациями в Москве и Петербурге.

Но, зная, как коротка душа у русского обывателя, г-да Победоносцевы и Муравьевы все же решили послушаться совета правительственных «либералов».

К чему сводился этот совет? Предложить тридцать сребреников Иуды, за которые малодушные обыватели продали бы интересы многострадального народа. Но сторонники репрессий пожалели 30 сребреников и бряцают перед оппозицией простыми поддельными жетонами.

Жалкие реформы, возвещенные манифестом, изложены с коварством, доходящим до юмора: «Обеспечить за крестьянами положение полноправных свободных сельских обывателей, признанное за ними царем-освободителем». — Как обеспечить? новым признанием, столь же хрупким и пустым, как и «признание» прародителя. «Принять меры к тому, чтобы неисполнение закона со стороны властей и мест влекло за собою наказание», — но, ведь, это фраза из зеркала Петра Великого, от какого зеркала никаких добрых последствий для русского обывателя не было видно; «даровать земствам самостоятельность в законных пределах», — но, ведь, закон при самодержавии сливается с произволом; да разве земства не пользуются и теперь самостоятельностью в пределах «кандалных законов»? «Пересмотреть исключительные законоположения и применять их только в случаях, действительно угрожающих государственной безопасности», — но кто же будет судьей в вопросе, угрожает ли данное действие безопасности государства или нет? — та же самодержавная бюрократия. «Прекратить стеснения иноверцев и инородцев, поскольку они не вызываются насущными потребностями государства и народа», — а кто будет решать, чего требуют эти интересы? — та же всеильная бюрократия, отождествляющая себя и с государством, и с народом.

Либеральный председатель обращается в бегство после первой революционной речи. Следует речь социал-демократа, летят прокламации, поют марсельезу, выходят на улицу с толпой до 500 рабочих, идут с красным знаменем и рабочими песнями. Под самый конец часть избита и арестована.

Екатеринодар. В думскую залу привлечена (слухом о либеральных предстоящих речах) широкая публика. Телефон приведен в негодность. Оратор комитета с 30—40 рабочими проникает в зал, говорит краткую, вполне революционную соц.-демократическую речь. Аплодисменты. Прокламации. Оцепенение гласных. Бесполезный протест головы. Демонстранты спокойно удаляются по окнчани. Ночью—массовые обыски.

Одесса. 1-я демонстрация. На собрании около 2.000 чел., из них масса рабочих. Ряд революционных речей (с.-д. и с.-р.), гром аплодисментов, революционные возгласы, прокламации. Шествие по улицам с революционными песнями. Разошлись без побоища.

Одесса. 2-я демонстрация. Собрание в несколько тысяч. Такое же грандиозное народное революционное собрание и шествие по улицам, как предыдущее. Побоище. Масса раненых, некоторые тяжело. Одна работница умирает. 60 арестов.

Ряд туманных обещаний и совершенно не туманно заявленное, что царь волен поступать со своими подданными, как ему заблагорассудится, «по священным заветам венценосных предков».

Следуя по стопам Бисмарка, пробовавшего подкупить рабочий класс государственным страхованием от несчастных случаев, царь старается побренчать своими жетонами и над ухом рабочего. Трудно ждать, чтобы даже наши либералы продались за 30 фальшивых сребреников, чтобы они отказались так сразу от участия в управлении страной, но рабочий класс, которому светит издали захватывающий лучезарный идеал социализма, рабочий класс—естественный вожь трудящегося и обремененного народа, швырнет в лицо самодержавию его посулы и его взятки, он слышит ясно, что звоном своих сребреников злая и хитрая двуглавая птица старается заглушить предсмертные свои хрипы и учащенное биение своего ужаснувшегося сердца.

(А. Луначарский.)

Крупницы манчестерского либерализма.

Могучий рост рабочего движения, напирającego со всех сторон на правительство, заставляет его время от времени делать те или другие уступки, вводить некоторое подобие фабричного законодательства для охраны рабочего класса. Одной из таких уступок является закон 2-го июня 1903 г. об ответственности предпринимателей, закон, возлагавший на промышленников издержки по вознаграждению рабочих, пострадавших от несчастных случаев. Как ни половинчат этот закон, обеспечивающий рабочему после бесконечной волокиты по-лунищенское существование, как ни старалось прави-

Такова фактическая сторона дела. Таковы демонстрации русских пролетариев.

А вот каковы рассуждения некоторых соц.-демократов интеллигентов. Относятся эти рассуждения к демонстрации екатеринодарской, о которой пишется целая статья. Слушайте: «В этой демонстрации русский организованный пролетариат впервые встретился лицом к лицу с нашей либерально настроенной буржуазией!... Демонстрация эта—«еще новый шаг в развитии формы политической борьбы», она является «как-никак действительно новым приемом политической борьбы, дающим вполне очевидные плодотворные результаты»: рабочие в подобных демонстрациях «чувствуют, что они выступают, как определенные политические единицы», они получают «чувство своей правоспособности в качестве партийных политических борцов». Распространяется «в самых широких кругах общества значение партии, как чего-то вполне определенного, оформленного и, главное, имеющего право требовать». Привыкают смотреть на всю партию, «как на активную, борющуюся, ясно и определенно заявляющую о своих требованиях политической силу». Надо «шире использовать новый метод борьбы—в думах, в земствах и на всевозможных съездах общественных деятелей». И редакция «Искры»,

тельство отстоять в этом законе интересы капиталистов, все же гг. промышленники остались им недовольны. «Его неясность, его недостатки,—заявляет г. Литвинов-Фалинский в своем докладе съезду металлозаводчиков,— и слишком тормозят применение его, и сводят скорей к отрицательному значению». Гг. капиталисты недовольны законом и фрондируют. Они начинают произносить либеральные фразы против обязательности таких учреждений, как предложенные тем же г. Литвиновым-Фалинским, «кассы обеспечения», они гремят против правительственной опеки, они требуют простора для добровольных—«свободных» — соглашений между предпринимателями и рабочими (*laissez faire*). «Ко всему, что рекомендуется правительством, или что делается обязательным,— заявляют они,— предприниматели относятся в высшей степени подозрительно и боязливо». «Предприниматели,—говорят они устами другого оратора,— настолько выросли и настолько поняли свои интересы, что кнут им уже не нужен: они протестуют против всякой опеки». «Что касается рабочих,—прибавляют они,—то и тут время для опеки уже прошло; рабочие прекрасно знают, что им нужно, принудительное участие (в кассах) будет принято за насилие, вызовет неудовольствие со стороны рабочих и даже «бунт». И это мнение подтверждают какие-то декоративные рабочие из союза механических рабочих, заседающие в качестве членов (от чьего имени?) в комиссии съезда металлозаводчиков. «Обязательное участие вызовет толки среди рабочих, волнения и пр. нежелательные явления»,—авторитетно заявляют они.

Итак, гг. промышленники восстают против опеки и требуют свободы. Но какой же свободы добиваются они? Отстаивают ли они для рабочего свободу стачек, свободу собраний и союзов? Хотят ли они серьезно уничтожить опеку, т.-е. требуют ли они политической свободы? Ничего подобного. Они требуют лишь свободы соглашений по всем вопросам, касающимся отношений

между трудом и капиталом. Они требуют, чтобы правительство не вмешивалось в заключение договора между предпринимателем и рабочим. «Мы, предприниматели, понимаем свои интересы,—говорят они,—рабочие тоже прекрасно знают, что им нужно; поэтому никакой обязательности, никакой опеки мы не желаем». Другое дело, конечно, когда вопрос коснется нарушения договора со стороны рабочих: тут гг. промышленники сами обратятся к власти и попросят ее «опеки». Таким образом, капиталистам нужна свобода от вмешательства правительства в пользу рабочих; хотя наше правительство очень мало грешит заботливостью о рабочем классе, все же предприниматели стремятся оградить себя хотя бы от тех заигрываний властей с рабочими, которые причинили столько неприятностей фабрикантам в период зубатовщины. А посему они требуют чисто-манчестерской свободы эксплуатации. Но известно, что, когда манчестерец начинает говорить либеральные фразы, он этим только «норовит в карман». Посмотрим же, какие карманные интересы скрываются за крупицами либерализма наших пигмеев манчестерства.

Упомянутые выше либеральные фразы говорились в заседании постоянной комиссии при обществе содействия русской промышленности и торговле совместно с комиссией съезда металлозаводчиков. Речь шла о законе 2-го июня 1903 г. и о «кассах обеспечения» на случай болезни, старости и т. д., предложенных г. Литвиновым-Фалинским. Мы уже видели, что промышленники жалуются на «неясность» и «недостатки» закона 2-го июня. В чем же заключаются эти неясности и недостатки? Из прений, происходивших в комиссии, вытекает, что для целой группы предпринимателей, именно для представителей «хорошо оборудованных предприятий» очень невыгодно страхование рабочих на началах взаимности, возникшее в силу закона 2-го июня. В то время, как в этих предприятиях издержки по вознаграждению пострадавших рабочих не превышают 3% с

в унисон с автором этих рассуждений, говорит об «идее демонстраций нового типа», о том, что «особенно в Екатеринодаре нашим товарищам удалось показать «обществу», что они действуют, как самостоятельная партия, чувствующая себя способной оказать влияние на ход событий и пытающаяся сделать это».

Так. Так. «Особенно в Екатеринодаре»... Новый шаг, новый метод, новый прием, впервые лицом к лицу, вполне очевидные плодотворные результаты, определенные политические единицы, чувство политической правоспособности, право требовать... Чем-то старым, давно минувшим, почти забытым пахнуло на меня от этих напыщенных глубокомысленных рассуждений. Но раньше, чем отдать себе отчет в опознании этого старого, я спросил невольно: «Позвольте, однако, господа, почему же это «особенно в Екатеринодаре», почему же это, в самом деле, новый метод? Почему ни харьковцы, ни одесситы не хвастают (простите за вульгарное выражение) насчет новизны метода и насчет очевидных плодотворных результатов, насчет первой встречи лицом к лицу и насчет чувства политической правоспособности? Почему результаты собрания десятков рабочих с сотнями либералов в четырех стенах думской залы более

очевидны и плодотворны, чем собрания тысяч рабочих не только в обществах врачей и юристов, но и на улице? Неужели в самом деле уличные собрания (в Одессе, а также бывшие раньше в Ростове-на-Дону и в других городах) развивают меньше, чем собрания в думах, чувство политической правоспособности и право требовать?..» Правда, я должен признаться, что испытываю некоторую неловкость, выписывая это последнее словосочетание (право требовать) — слишком уж оно неумно,— но из песни слова не выкинешь.

Впрочем, в одном случае это словосочетание получает некоторый смысл, и не только оно одно, а и все рассуждения «Искры». Это именно в том случае, если мы предположим существование парламентаризма, если мы на минуту вообразим, что екатеринодарская дума перенеслась на берега Темзы, рядом с Вестминстерским аббатством. Тогда, при этом маленьком допущении, становится ясным, почему в четырех стенах делегатского собрания можно иметь больше «права требовать», чем на улице, почему плодотворнее борьба с премьер-министром, то-бишь с екатеринодарским головой, чем с городовым, почему чувство политической правоспособности и сознание себя в качестве определенных полити-

заработной платы, в более мелких предприятиях они достигают 8%; страховые общества должны держаться ближе к высшему пределу рисков, что для крупных предприятий невыгодно. Вот уже достаточное основание для либеральных фраз против принудительности.

Не нравится гг. фабрикантам и то, что половина дел по увечью рабочих проходит через суды, вместо того, чтобы решаться «полюбовно». Это тоже дает им повод сказать несколько либеральных фраз против опеки и предложить две очень выгодные для них «реформы»: 1) образование особых районных комиссий из представителей фабрикантов, рабочих и фабричной инспекции для разбора дел о вознаграждении за увечья и 2) изъятие этих дел из общих судов и передачи их на решение третейских судов. Если дела о вознаграждении за убытки будет решать комиссия, в которой заседают фабрикант, фабричный инспектор и рабочий,—особенно, если этот рабочий будет из благонадежных, а другого туда не пустят,—то это будет так выгодно для гг. промышленников, что отпустить по этому поводу несколько либеральных фраз всегда стоит. Если рабочий будет лишен права добиваться вознаграждения перед общими судами и вынужден будет «добровольно» подчиняться тем условиям, которые ему предложит предприниматель, то ради такой выгоды можно пустить даже фразу о зрелости рабочего класса.

Гг. капиталисты, естественно, недовольны законом 2-го июня, который стесняет их столь неприятными судебными разбирательствами да вдобавок вводит что-то в роде круговой ответственности предпринимателей перед рабочими. Они недовольны, фрондируют и требуют введения обязательного государственного страхования рабочих. Это страхование представляется им в заманчивом виде переложения всей тягости ответственности на государство, т.е. на плательщиков налогов, т.е. на народные массы, в частности на тех же рабочих. И это приятное разрешение рабочего вопроса заставляет их

забыть либерально-манчестерские фразы против обязательности и опеки и требовать обязательного страхования. Тут они уже не допускают добровольного соглашения. Однако, и промышленники сомневаются, чтобы государственное страхование рабочих—этот «идеал»—удалось ввести в скором времени. Они не читали еще высочайшего манифеста, обещающего этот идеал, а потому согласны, хотя неохотно, на временные полумеры, в виде «касс обеспечения» на случай старости, болезни и проч. В этих кассах они, конечно, всецело отстаивают принцип необязательности и добровольности, а также разрешение спорных дел третейскими судами «с представлением рабочих организаций» (каких это? основанных по распоряжению полиции?). Они не прочь отдать управление кассами исключительно в руки предпринимателей, так как «в такой несложной операции, как чисто-механическая получка и выдача сумм, участие рабочих не представляется нужным». Они, далее, согласны, чтобы на каждую долю, вносимую рабочим в кассу, предприниматель тоже вносил некоторую долю; они согласны, чтобы этот взнос предпринимателя составлял неотъемлемую собственность рабочего..., но только если он прослужит на фабрике определенное число лет. «С какой же стати будет предприниматель делать свои взносы в кассу,—убеждал автор проекта г. Литвинов-Фалинский,—если она не может быть ему полезной, не может служить его целям—привязать рабочего к предприятию?». Итак, устроить кассу, чтобы привязать рабочего к предприятию; когда рабочий вследствие несчастного случая или болезни лишится работоспособности, предложить ему «добровольно» принять гривенник за рубль; в случае несогласия разрешить вопрос в третейском суде, состоящем из фабриканта, фабричного инспектора и буффорского рабочего, а в заключение всего наговорить либеральных фраз против обязательности и опеки. Наши манчестерцы очень либеральны и очень расчетливы; и чем выгоднее их расчет, тем либеральнее говорят они

ческих единиц повышается именно в зале палаты депутатов или в зале земского собрания. В самом деле, отчего не поиграть в парламентаризм за неимением настоящего парламента? Тут можно так картинно представить себе «встречу лицом к лицу» и «новый метод» и все прочее. Правда, эти представления неизбежно отвлекут нашу мысль от вопросов настоящей массовой борьбы за парламентаризм вместо игры в парламентаризм, но это мелочи. Зато какие очевидные, осязательные результаты...

Осязательные результаты... Это выражение сразу напомнило мне тов. Мартынова и «Раб. Дело». Не возвращаясь к последнему, нельзя правильно оценить новой «Искры». Рассуждения о «новом методе борьбы» по поводу екатеринодарской демонстрации целиком повторяют рассуждения редакции в ее «письме к партийным организациям» (кстати: разумно ли держать под спудом, в секрете, оригинал и открыто пускать для сведения всех лишь копию?). Рассуждения редакции воспроизводят, по другому поводу, обычный ход мысли «Рабочего Дела».

В чем состояла неверность и вредность рабочедельской «теории» о придании самой экономической борьбе политического характера, об экономической борьбе ра-

бочих с хозяевами и с правительством, о необходимости ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты? Разве мы не должны придавать экономической борьбе политического характера? Непременно должны. Но когда «Рабочее Дело» выводило политические задачи революционной партии пролетариата из «экономической» (профессиональной) борьбы, то оно непростительно суживало и опешляло социал-демократическое понимание, оно принижало задачи всесторонней политической борьбы пролетариата.

В чем состоит неверность и вредность новоискровской теории о новом методе, о высшем типе мобилизации сил пролетариата, о новом пути развития чувства политической правоспособности рабочих, их «права требовать» и пр., и пр.? Разве мы не должны устраивать рабочих демонстраций и в земских собраниях, и по поводу земских собраний? Непременно должны. Но по поводу хороших пролетарских демонстраций мы не должны говорить интеллигентских глупостей. Мы будем только развращать сознание пролетариата, мы будем только отвлекать его внимание от быстро надвигающихся задач настоящей, серьезной, открытой борьбы, если будем превозносить, под именем нового метода, именно те

Мы, социал-демократы, тоже недовольны законом 2-го июня, тоже требуем «свободы», тоже стоим за государственное страхование. Но между нашими требованиями и требованиями гг. капиталистов целая бездна. Мы требуем свободы, но прежде всего «неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов»; мы требуем независимых третейских судов, — «промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей»; мы требуем государственного страхования рабочих, но страхования «за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов» (см. программу партии). Такой ли свободы, такого ли страхования хотят гг. предприниматели? Нет! Они хотят такой свободы, которая развязала бы им руки в деле безграничной эксплуатации рабочего класса; они хотят такого страхования, которое свалило бы всю денежную ответственность с их плеч на плечи тех же рабочих. Они хотят свободы для себя: свободы от ответственности и свободы эксплуатации. А с этой и х свободой мы должны бороться при помощи с в о е й свободы: свободы стачек, собраний и союзов, свободы слова и печати.

(В. Воровский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. Демонстрация 28-го ноября — по отзывам всех очевидцев — совершенно не удалась; демонстрации собственно не было, — была какая-то дикая бейня, перед которой бледнеет побоище у Казанского собора в 1901 г. В 12¹/₂ час. дня из массы публики, заполнившей тротуары Невского пр., выделилась на углу Михайловской ул. компактная группа, выкинувшая два красных флага с надписями: «Долой войну!» и «Долой самодержавие!» и затянувшая «марсельезу». Едва раздался первые звуки революционной песни, как из ворот городской думы высочил отряд конных городских и жандармов с нагайками и шашками на-голо. Демон-

странты были рассеяны, знамена отняты, и началось зверское избивание. Публику, особенно студентов и курсисток, сгоняли с панелей на средину улицы и здесь били нагайками и шашками; избитых, израненных отдавали в руки пьяных дворников, собранных специально для этой цели со всего Петербурга, которые продолжали дело избивания, пока жертва не падала в изнеможении на землю. Тогда ее вталкивали в особо приспособленные подвальные помещения, где заготовленные врачи и фельдшера делали перевязки, а полицейские пристава записывали при этом фамилии и адреса. Лиц же более серьезно изувеченных, помещали в каретки «скорой помощи» и отправляли прямо в больницу. С особым варварством преследовали и истязали учащуюся молодежь обоего пола. Еще статскому можно было иногда уйти, но за студентом, за курсисткой гнались городские и дворники, пока не настигали и не избивали. Ворота, подьезды были заперты, даже прислуге в частных квартирах запрещено было впускать посторонних. Демонстрантов, желавших найти убежище на конке, встречал ответ: «Не велено пускать»; извозчики неохотно брались везти.

Усердие дворников — этой новой силы, впервые выдвинутой против внутреннего врага, — превзошло ожидания и намерения полиции. Сами полицейские власти с трудом могли удержать расходившихся радетелей самодержавия. Недаром воскликнул один очевидец: «Каких еще прав хотят наши либералы, когда каждый дворник имеет у нас больше прав, чем весь коронный суд в Западной Европе?».

Правительственное сообщение, изданное по поводу демонстрации 28-го ноября, как и всегда, все соткано из лжи. Что полиции дан был лозунг сделать избивание возможно жестоким и кровавым, — ясно из всех приготовлений.

Главной причиной и победы полиции, и поражения демонстрантов было — как это признают все отзывы — почти полное отсутствие рабочих. Дезорганизаторские подвиги партийного «меньшинства» привели к тому, что комитет не мог устроить рабочую демонстрацию.

Студент-филолог Соханский, избитый на демонстрации, умер в 6 часов вечера в Георгиевской общине, куда был привезен в 3 часа дня. От родных скрыли причину смерти.

В № 260 «Humanité» напечатан протест русских литераторов и общественных деятелей против бойни 28-го ноября. Протест подробно излагает ход демонстрации, подробности избивания и поведение высших властей. Под протестом подписаны редакции всех прогрессивных журналов и газет и около 200 лиц.

(В. Воровский).

черты обычных наших демонстраций, которые всего меньше похожи на активную борьбу, которые только насмех можно объявлять дающими особо плодотворные результаты, особо повышающими чувство политической правоспособности и проч.

И старый наш знакомец тов. Мартынов, и новая «Искра» грешат одним и тем же интеллигентским неверием в силы пролетариата, в его способность к организации вообще, к созданию партийной организации в частности, в его способность к политической борьбе. «Рабочему Делу» казалось, что пролетариат не способен еще или долго не будет способен к политической борьбе, выходящей за пределы экономической борьбы с хозяевами и с правительством. Новой «Искре» кажется, что пролетариат не способен еще или долго не будет способен к самостоятельному революционному выступлению, и поэтому она называет новым методом борьбы выступление десятков рабочих перед земцами. И старое «Раб. Дело», и новая «Искра» клятвенно повторяют слова о самостоятельности и самовоспитании пролетариата только потому, что за этими клятвами кроется интеллигентское непонимание действительных сил и настоящих задач пролетариата. И старое «Р. Дело», и новая «Искра» говорят совершенно ни с чем несооб-

разный глубокомысленный вздор насчет особого значения осознательных и очевидных результатов и конкретного противопоставления буржуазии с пролетариатом, отвлекая таким образом внимание этого последнего на игру в парламентаризм от все более и более надвигающейся задачи прямого натиска на самодержавие во главе народного восстания. И старое «Раб. Дело», и новая «Искра», предпринимая реви́зию (пересмотр) старых организационных и тактических принципов революционной социал-демократии, суеются в поисках новых слов и «новых методов», на деле тащат партию назад, выдвигают отсталые, а то и прямо реакционные лозунги.

Довольно с нас этой новой реви́зии, приводящей к старому хламу! Пора пойти вперед и перестать прикрывать дезорганизацию пресловутой теорией организации-процесса, пора и в рабочих демонстрациях подчеркивать, выдвигать на первый план те черты, которые все более приближают их к настоящей открытой борьбе за свободу!

Петербург. 14-го сентября—в годовщину восстания декабристов—было устроено в зале Павловой под предлогом банкета большое собрание для протеста против войны. Председатель собрания Анненский посвятил свою речь памяти 14-го декабря 1825 г. После него говорил проф. Лутугин, характеризовавший войну, как организованную ложь по отношению к русскому народу, и призывавший к протесту против нее. Следующий оратор, Гуревич, яркими красками рисовал сцены отчаяния во время мобилизации, безнадежность положения русской военной силы и финансов, неспособность правительства выйти из затруднительного положения. Он требовал прекращения войны и созыва собрания народных представителей. Но особенное впечатление произвели речи рабочих - социал-демократов, предложивших лучше пролить кровь в борьбе с негодной правительственной системой, чем идти на эту бессмысленную непопулярную войну, истощающую все силы страны. В речах их звучал совершенно неприкрытый призыв к революции, почва к которой уже значительно подготовлена. Собрание прошло очень живо, и полиция совершенно не вмешивалась, ограничиваясь лишь «поддержанием порядка» на улице.

20-го декабря состоялся банкет врачей. Присутствующие, в числе 300 чел. (среди них не было ни одного профессора), приняли резолюцию с требованием демократической конституции и избирательного права для женщин. На предложение социал-демократов включить требование свободы стачек, председатель заявил, что оно уже (?) заключается в свободе союзов.

С.-Петербург. Недавно здесь в одном театре, который посещают преимущественно рабочие, во время представления произошла очень интересная сценка. Рабочие перерезали телефонную проволоку, потушили электричество, и один товарищ произнес речь в театре по поводу теперешних событий в России. Он говорил о войне, о предстоящем съезде земских представителей и задачах социал-демократии. К сожалению, речь эта была очень краткая. Заранее был организован пикет из рабочих, и, закончив речь, оратор благополучно удалился из театра.

У здешних рабочих настроение приподнятое, и все врывается на демонстрацию, которая, по всей вероятности, в ближайшем будущем состоится.

Киев. В субботу 20-го ноября я присутствовал на банкете, происходившем в зале Лит.-Арт. Общества в день сорокалетия введения судебных учреждений в России. Присутствовало около 600 человек интеллигенции. Были произнесены в высшей степени интересные речи на злобу дня; в общем все демократические и радикальные. Публика принимала речи шумными и продолжительными аплодисментами. После ряда речей проф. Иванов громогласно прочел резолюцию земского съезда, а проф. Вагнер предложил собравшимся: 1) почтить вставанием память пострадавших борцов; 2) прочел резолюцию, резюмировавшую речи ораторов. Она изложена приблизительно так: «Мы, собравшиеся на банкете и проч., всецело присоединяемся к резолюциям земского съезда; настаиваем на созыве учредит. собрания из народных представителей на начале всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и требуем амнистии для всех политических преступлений». Резолюция была покрыта бурными рукоплесканиями.

После перерыва стали говорить лица неизвестные. Большую речь сказал какой-то социал-демократ: «Из речей предстоящих ораторов следует, что банкротство существующего порядка само собою осуществится. Нет, нужно думать о «реальных силах»; это, по его мнению,—пролетариат и соц.-демократическая интеллигенция, на него опирающаяся». Между прочим, он указал на то, что «правительство у нас не носит определенного классового характера, оно угрожает как аграриям, так и буржуазии».

Закончил заседание какой-то соц.-революционер страстной речью, в которой указывал на интеллигенцию, пролетариат и крестьянство как на «реальные силы» революции.

«Догма заела!—отчаянным голосом, потрясая рукой, восклицал он, обращаясь к соц.-демократам.—Через 10 дней, господ, пред судом предстанет тот, кто был первой ласточкой, возвестившей о приближении весны»...

После этого Водовозов выразил пожелание, чтобы все сказанное здесь не осталось бы словами, а перешло в дело, и заседание закончилось.

Весна, как известно, идет к убыли, и либералам остается,

или скоро останется один лишь путь—незаконный. Ох, кажется, наш либерализм не приспособлен к такой деятельности! Между прочим, помещики все поудирали по случаю мобилизации из деревень. Реакционеры этих «высших слоев» до сих пор помалкивали, но, конечно, стояло только притти телеграмме: «Считаю дерзким, бестактным», как некоторые держиморды облегченно вздохнули. «Наконец-то, слава богу,—воскликнул он в дворянском клубе.—Так ему и нужно, мерзавцу! (черниговскому предводителю дворянства). Повесить его нужно!» и т. п.

Мой взгляд на значение земской кампании и на отношение соц.-демократии к либерализму совпадает приблизительно с ленинским. Чем слабее звучал в России голос протеста, тем больше должны были соц.-демократы прилагать усилия к расшевеливанию и пробуждению интеллигентных слоев общества. Но чем сильнее становится либерализм, (а это несомненно, как вообще несомненный факт завоевания в ближайшем будущем конституции), тем сильнее и беспощаднее должна стать критика половинчатости стремлений и несовершенства их политики. Боже сохрани, делать теперь уступки какие-нибудь, идти на компромиссы. Рабочей демократии важно сохранять и сохранить руководящую роль. И в такой момент «Искра» проявляет слабость и смущение! Это непростительно.

Нижний-Новгород. (Из частного письма). На собрании общества распространения начального образования 27-го ноября во время перерыва к председателю подошла группа рабочих и о чем-то просила. Председатель отказал. Когда заседание кончилось, часть публики загрозила собой выход из зала; были произнесены речи, сначала интеллигентом, потом двумя рабочими. Речи покрывались рукоплесканиями. С хор посыпались листки, которые все были разобраны по рукам.

В числе резолюций этого собрания значатся: свобода слова, печати, совести и ассоциаций; неприкосновенность личности и жилища; участие народного представительства в законодательстве и управлении.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Сормово. От редакции. Сормовская стачка имела место еще в середине августа. Но так как о ней совершенно не было сообщений в партийной прессе, то мы считаем, что и теперь еще не поздно напечатать полученные нами интересные сведения.

(В. Воронский).

За последнее время заводская администрация понижала расценки. Недовольство среди рабочих росло, но не выливалось в активные формы. В одно прекрасное утро рабочие увидели в мастерских вывешенные на стенах объявления с многозначительной надписью: «Штрафы». Штрафы-то брались и раньше, но объявления об этом не было. А на почве общего недовольства рабочих достаточно было повода, чтобы выразить его активно. Во всех мастерских чувствовалось напряженное ожидание. Почти никто не работал, а только стояли у станков в ожидании чего-то надвигающегося. Первым бросил работу механический цех. Рабочие высыпали из мастерской и побежали к другим цехам. Точно электрический ток пробежал по всему заводу. «Идут, идут!». Все бросают работу и выбегают из мастерских. Даже самых серых рабочих охватило какое-то воодушевление. И вот 10-тысячная толпа стоит, глухо волнуясь. Ораторов из города не было. Говорили сами же рабочие. Говорили сперва только об уничтожении штрафов. Среди толпы разгрызались сцены: «Братцы, вот шпион!»—кричит один рабочий, указывая на заводского сыщика. Пускались в ход кулаки, и шпион толчками через всю толпу направлялся к выходу. Один из организованных рабочих отправился в город, чтобы сообщить комитету о происшествии и попросить ораторов. В Сормово в это время приехал вице-губернатор, барон Фредерикс. Он обратился к рабочим с речью, где угрожал их разойтись. «Долой штрафы! Долой полицию!»—был действительно громовой ответ.

Прибыли войска. Полковник также обращается с речью:

«Вы здесь бунтуете в то время, как ваши братья умирают на Дальнем Востоке... До сих пор я не отнял жизни ни у одного человека, но я послан именем царя восстановить порядок: если вы не разойдетесь, я прикажу стрелять!». Ответ рабочих был тот же: «Долой штрафы!». Наконец, полковник предложил выбрать депутацию: «Не согласны: вы их арестуете». «Даю честное слово, что нет». Выходит рабочий. По знаку вице-губернатора его арестуют: таким образом арестовали 3-х рабочих. Наконец, один из рабочих встал посредине толпы на табуретку: «Товарищи! чего мы желаем? Не малого ли требуем? Нам нужен еще 8-часовой рабочий день!»—и, обратясь к начальству, он повторил: «Первое наше требование—8-часовой рабочий день!». Толпа закричала: «Да, нам нужен 8-часовой рабочий день!». Раздался первый сигнал. Вся толпа села на землю. Один из жандармов пошел между сидящими рабочими, всматриваясь в их лица. «Вон! Вон из толпы!»—кучка рабочих окружила его и основательно вздула. Наконец, решили идти всей толпой в Вариху (фабричный поселок, где есть еще заводы: Тер-Акопова и др.). На пути, в середину толпы втерлись конные и пешие полицейские и, дойдя до головы толпы, пустили в ход нагайки. Цель была достигнута: толпа была расстроена и разбежалась. Первые три дня стачки были собрания; ораторов не было, впоследствии дело улучшилось. Во время стачки выпускались прокламации на mimeографе, одна из них была обращена к солдатам. Солдатам давали прямо в руки, они принимали очень хорошо и говорили, что стрелять они бы не стали. Один из них бросил ружье и обратился к солдатам, призывая их отказаться стрелять в своих братьев. Его моментально убрали; где он и что с ним сделали,—неизвестно.

Арестовано было более 100 человек, большую часть отправляли на родину в кандалах. Но, впрочем, никакой подписки о невыезде с них не брали, так что некоторые в тот же день уехали обратно в Сормово; понятно, это значительно способствовало пониманию связи «экономки» с «политикой». Приблизительно дней через 5—6 после начала стачки администрация завода объявила всем расчет, при чем за предпоследний месяц хотела платить сполна, а за последний только по денно всем. У многих рабочих отнималось таким образом более половины заработка.

Администрация завода готова была уступить, да вмешались власти и вице-губернатор сам сказал, что «если рабочим уступить, то в другой раз они еще больше захотят». Хотя стачка вспыхнула сама собой, но ее расширяла, углубляла и даже направляла (до известной степени) организация. Напр., в первый же день, когда шли переговоры рабочих с администрацией, нами организованные рабочие задавали тон. Так, один из них, да еще 2 других районных поместились в голове, середине и хвосте толпы. Как один крикнет: «Долой штрафы!» или еще что-нибудь, а другие поддержат его, так и вся толпа за ними. Одушевление было настолько большое, что подбегает один (совсем молодой парень) к почтенным бородастым рабочим и только скажет им: «Кричите: долой полицию!», и они повинуются. Затем, конечно, выпускались прокламации.

Результаты стачки в политическом отношении велики. Поднялся интерес к прокламациям и литературе. Возросло число пропагандистских кружков. Дан был сильный толчок к организации.

Воронеж. Самым крупным рабочим центром являются здесь мастерские Юго-Восточных железных дорог—до 1500 ч. Далее имеются механические заводы: Столя—около 500 рабочих, Иванова—до 200 рабочих и Гаусмана—более 100. Затем есть маслобойные заводы, паровые мельницы, казенный винный завод (где работают больше женщины), мастерские Киево-Воронежской ж. д. и много мелких заведений. Собственно в механическом производстве насчитывается до 3000 рабочих.

Положение рабочих тяжелое и почти одинаковое на всех заводах. Лишь немногие, имеющие свои домики, поставлены в несколько лучшие условия. Заработная плата нищенская. У Столя малолетние за 12 часов работы получают 10 коп., взрослые слесаря 40—50 коп. В мастерских Юго-Вост. ж. д. от 60 коп., и нужно поработать лет пять, чтобы доработаться до рубля в день. У Иванова машинист получает 1 рубль. На паровых мельницах и в мелких мастерских плата еще ниже. Прибавьте к этому тесноту помещения, плохую вентиляцию, грубое обращение. Картина безотрадная! У Столя никуда не годные помещения, в мастерских ж. д. бесконечные штра-

фы. На маслобойном заводе Воронежского Т-ва, во главе с Н. Алексеевым, заведующий механической частью Рыбаков бьет рабочих по зубам, ругается площадной бранью и расчитывает непокорных за малейший протест. В собственной мастерской Рыбаков является каким-то царьком (этот Рыбаков в 1897 г. сидел в тюрьме по политическому делу и подал покаянное прошение). В мастерских ж. д. начальник Безобразов—недосягаемый бог, близкий друг жандармов, а остальные инженеры, за редким исключением,—чистокровные буржуи и приятели полиции. На заводе Иванова эксплуатация не меньше, хотя хозяин—бывший рабочий и когда-то привлекался по политическому делу; он принимает поднадзорных, но с разрешения полиции и вознаграждает себя за либерализм понижением заработной платы; он по временам проповедует какой-то особый социализм собственного изобретения, прибавляя: «Странный народ вы, рабочие! Все кричите: долой капиталистов! Капиталисты, будто бы, враги рабочих! Чудаки вы! У нас общий враг—бюрократия: вот с кем надо бороться!».

Нужна была энергичная работа, чтобы всколыхнуть воронежское стоячее болото. К несчастью, Воронеж издревле был гнездом экономизма, и работа здесь шла вяло. Стоит вдуматься в такое, например, заявление одного из передовых рабочих-экономистов: «Нужно сначала с одним рабочим года три заниматься, да с другим, да с третьим, да с четвертым, а потом уже думать о кружковой пропаганде и о широкой агитации!». Касса «Борьбы» вела пропаганду по допотопным программам.

Но вспыхнула война, и всколыхнулось стоячее болото. Хозяева стали сокращать число рабочих (Столь), усиливая либеральные речи, и понижать без того низкую плату. Началась мобилизация, пошли тревожные слухи о поля войны. И воронежский пролетарий, которого не сдвинули с места даже славные ростовские события и южные забастовки, стал просыпаться. В то же время и Комитет взялся за работу на новых началах. Рабочим начали говорить не о Дарвине, а о революции. Интерес рабочих увеличился. Плоды предыдущего периода продолжали сказываться в чрезмерной трусости: боялись встретиться с интеллигентом, боялись распространять литературу, являться на собрания, даже относить деньги товарищу в тюрьму.

Когда была поставлена типография, работа пошла еще живее. С большим интересом читали прокламацию о мобилизации. К этому времени Комитету удалось завязать сношения с заводом Гаусмана. Быстро образовался кружок, и нелегальная литература стала гулять по заводу. Комитет выпустил листок, который близко касался нужд рабочих этого завода, объяснял причину тяжелого положения рабочих и старался указать, что делать. Листок этот, написанный рабочим, произвел на рабочих большое впечатление.

Усилие пропагандистов, действие листков и литературы и вообще планомерная организация сделали свое дело: связи увеличивались, расширялись. Из более сознательных рабочих образовался рабочий центр. Эти рабочие довольно хорошо разбираются в теоретических вопросах, интересуются вопросами программы, ясно различают партии и их взаимные отношения. Один из них сказал о земском движении: «Теперь надо пролетариату держать ухо востро: того и гляди, либералы надуют рабочих. Мирский тянет их руку, а о рабочих ни слова, и опять по-старому выходит: рабочие сами себя освободят».

Менее сознательны рабочие-середики; они охотнее слушают, чем читают; охотнее читают брошюры, чем «Искру». К «Искре» замечается даже отрицательное отношение: «Ругаются, а дела не делают. Пишут непонятно. Нам нужна газета рабочая, которая бы разъясняла и теоретические вопросы, но только простым, понятным языком. Главное же, известий из разных мест о рабочем движении мало. Как, где рабочие борются? Если бы были эти известия, рабочие чувствовали бы, что все везде борются, знали бы, как кто и где борется, и многому бы от этого научились». Те же средние рабочие признают важность съезда и что ЦК должен объединить работу. Но они спрашивают: в чем же выражается деятельность ЦК? Где она, эта деятельность?

Вообще через два-три месяца усиленной работы выяснилось, что работать в Воронеже можно с успехом, что почва восприимчива, лишь были бы силы.

ИЗ ПАРТИИ.

Пора кончить ?).

Отзывы всех очевидцев согласны в том, что демонстрация 28-го ноября потерпела неудачу вследствие почти полного отсутствия на ней рабочих. Но почему же рабочие не явились на демонстрацию? Почему Петербургский комитет, на призыв которого сошлась на демонстрацию учащая молодежь, не позаботился о привлечении рабочих и погубил этим начатое им же предприятие? Ответ на эти вопросы дает следующее письмо (рабочего члена комитета), которое мы печатаем в главнейших выдержках:

«Настроение (в начале ноября) было приподнятое и стремилось вылиться наружу. Средством для этого должна была явиться демонстрация. И действительно, в это время появилась какой-то листок от имени «студенческой социал-демократической организации» с призывом к демонстрации на 14 ноября. Узнав об этом, комитет обратился к этой организации с предложением отложить демонстрацию до конца ноября, чтобы иметь возможность выступить совместно с петербургским пролетариатом. Студенты согласились... Сознательные рабочие рвались на демонстрацию. Многие рабочие были на Невском 14-го ноября, полагая, что будет демонстрация студентов. Когда им указывали, что они не должны были идти без призыва комитета, они хотя и соглашались, но отвечали, что «думали, что там что-нибудь да будет». Во всяком случае, этот факт характеризует настроение сознательных рабочих.

«18-го ноября на заседании комитета решено было устроить демонстрацию 28-го. Тотчас же была выбрана комиссия, которая должна была заняться организацией демонстрации и выработкой плана действий; решено было выпустить два подготовительных агитационных листка и один призывной. Работа закипела. Пишущему эти строки пришлось лично устроить ряд собраний рабочих, представителей кружков, на которых говорили о роли рабочего класса, о цели и значении демонстрации в настоящий момент. Обсуждали вопрос о вооруженной и невооруженной демонстрации, и на всех собраниях были приняты резолюции, солидарные с решением комитета. Рабочие требовали побольше листков для распространения: «Хоть целые возы давайте»,—говорили они.

Итак, к 28-му готовилась демонстрация, которая сулила быть грандиозной. Но тут наше петербургское «меньшинство», подобно «меньшинству» «всероссийскому» и заграничному, не могло не сыграть чисто-отрицательной роли—роли дезорганизатора. Чтобы эта роль стала особенно ясна, я позволю себе сказать несколько слов по поводу местного «меньшинства» и его деятельности. До демонстрации, как и после, комитет состоял в своем большинстве из сторонников большинства II партийного съезда. Провалы и раздирающие партию разногласия ослабили во многих отношениях деятельность местных социал-демократических организаций. Местное «меньшинство» в своей борьбе с «большинством» старается дискредитировать местный комитет в пользу своих фракционных интересов. Представители районов, сторонники «меньшинства», не допускают в свои районы товарищей из «большинства», не дают комитету никаких связей. Получается страшная дезорганизация и понижение работоспособности данного района. Есть, например, такой факт. В одном районе в последние 5—6 месяцев представителем был «меньшевик». Благодаря оторванности от общей работы, этот район страшно ослаб. Вместо прежних 15—20 кружков теперь с трудом насчитывается 4—5. Рабочие недовольны таким положением дел, и их представитель старается использовать это недовольство против «большинства», восстанавливая на этой почве рабочих против комитета. «Меньшинство» старается использовать всякую слабость местной социал-демократии против «большинства»; успешны ли его старания, или нет,—это другой вопрос, но это факт.

«За три дня до демонстрации по инициативе «меньшинства» созывается собрание комитета. По некоторым обстоятельствам три члена комитета из «большинства» не могут быть извещены о собрании и отсутствуют. «Меньшинством» вносится предложение об отмене демонстрации, в против-

ном случае оно грозит противодействовать демонстрации и не распространять ни одного листка—и благодаря отсутствию трех товарищей, отстаивавших демонстрацию, предложение это проходит. Решается: листков не распространять, а призывные—уничтожить.

«Широкая масса как из общества, так и из рабочих готовится к демонстрации и ждет только призыва комитета. Начинают ходить слухи, что демонстрация отменена и откладывается на неопределенное время. Многие выражают свое недовольство такой отменой; техника протестует и отказывается впредь работать для комитета.

«В пятницу созывается собрание комитета, и трое отсутствовавших на прошлом собрании протестуют против неправильного перерешения вопроса о демонстрации; в виду того, что масса публики все равно соберется на Невском и без листков, они настаивают на принятии всех мер, чтобы рабочие тоже участвовали в демонстрации. Представитель «меньшинства» противится, мотивируя тем, что «не все рабочие достаточно развиты для того, чтобы сознательно принять участие в демонстрации и отстаивать требования, выставленные комитетом». Вопрос голосуется, и большинством голосов против одного собрание решает принять участие в демонстрации. Но тут оказывается, что большое количество—свыше 12.000—отпезатанных призывных листков сожжено. Кроме того, широкое распространение их на фабриках невозможно, потому что к утру субботы листки нигде не успеют, а работа на фабриках оканчивается в субботу в 2—3 часа. Таким образом распространение листовок возможно было только в узком круге рабочих, среди знакомых, но отнюдь не в широкой массе. При таких условиях демонстрация заранее была обречена на неудачу. И она потерпела крушение...

Теперь наше «меньшинство» может торжествовать. Оно победило! Новый факт, дискредитирующий комитет (читай «большинство»). Но, надеемся, читатель отнесется серьезнее к причинам, вызвавшим такой исход демонстрации, и вместе с нами скажет: «Да, теперь создались у вас в партии такие условия, при которых успешная работа невозможна. Надо поскорее покончить с партийным кризисом, надо сплотить свои ряды. В противном случае нам грозит совершенное ослабление, и мы, не воспользовавшись настоящим выгодным моментом, останемся в хвосте великих событий».

[Дезорганизаторская выходка петербургского «меньшинства», сорвавшего из мелочных кружковых интересов пролетарскую демонстрацию, есть последняя капля, которая должна переполнить терпение партии. Что наша партия серьезно больна и за последний год потеряла добрую половину своего влияния,—это знает весь мир. И мы обращаемся теперь к людям, которые неспособны относиться к этой серьезной болезни с зубоскальством или злорадством, которые не могут отделиться от проклятых вопросов партийного кризиса оханьем да аханьем, нытьем да хныканьем, которые считают своим долгом вполне разобраться—хотя бы ценою неминуемых усилий, но разобраться—в причинах кризиса и вырвать зло с корнем. Этим людям, и только им, мы напомним историю кризиса: без изучения ее нельзя понять и теперешнего раскола, которого «меньшевики» так добились.

Первая стадия кризиса. На втором съезде нашей партии побеждают принципы искризма вопреки противодействию рабочедельцев и полурбочедельцев. После съезда меньшинство начинает рвать партию из-за введения в редакцию лиц, отвергнутых съездом. Дезорганизация, бойкот, подготовка раскола ведутся три месяца—с конца августа по конец ноября.

Вторая стадия. Плеханов уступает джентльменам, жаждущим кооптации, при чем заявляет печатно и во всеуслышание в статье «Чего не делать» (№ 52), что делает личную уступку, во избежание большего зла, ревизионистам и анархическим индивидуалистам. Джентльмены пользуются уступкой, чтобы рвать партию дальше. Входя в редакцию ЦО и Совет партии, они составляют тайную организацию с целью провести своих людей в ЦК и сорвать третий съезд. Это—факт неслыханный и невероятный, но он доказан документально письмом нового ЦК о сделках с этой благородной дружиной.

Третья стадия. Три члена ЦК переходят на сторону заговорщиков против партии, кооптируют трех претендентов из меньшинства (уверяя комитеты

письменно в противном) и при помощи Совета окончательно срывают третий съезд, за который высказалось подавляющее большинство высказывавшихся вообще о кризисе комитетов. В брошюрах Орловского («Совет против партии») и Ленина («Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией») эти факты доказаны равным образом документально. Масса партийных работников в России не знает этих фактов, но их обязан знать тот, кто не только на словах хочет быть членом партии.

Четвертая стадия. Русские работники объединяются для отпора заграничному кружку, опозорившему нашу партию. Сторонники и комитеты большинства устраивают ряд частных конференций, выбирают своих уполномоченных. Новый ЦК, находясь всецело в руках кооптированных претендентов, ставит своей задачей дезорганизовать и расколоть все местные комитеты большинства. Пусть товарищи не делают себе никаких иллюзий на этот счет: иной цели нет у ЦК. Креатуры заграничной компании готовят и составляют новые комитеты везде и повсюду (Одесса, Баку, Екатеринослав, Москва, Воронеж и т. д.). Заграничный кружок готовит себе свой подобранный съезд. Тайная организация, покончив с центрами, обратилась против местных комитетов.

Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, а обдуманый шаг к расколу комитета, — шаг, произведенный при помощи кооптированных в ЦК «меньшевиков». Еще раз повторяем: масса партийных работников в России не знает этих фактов. Мы самым настойчивым образом предупреждаем и предупреждаем их: все эти факты обязан знать каждый, кто хочет бороться против дезорганизации, за партию, кто не хочет оказаться окончательно одураченным.

Мы сделали всевозможные уступки и ряд самых невозможных уступок, чтобы продолжать работать в одной партии с «меньшинством». Теперь, когда сорван третий съезд, и дезорганизация направлена на местные комитеты, всякая надежда на это потеряна. Мы должны, в отличие от «меньшевиков», которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения].

(В. Воровский и Н. Ленин).

Конференции комитетов.

Недавно состоялись три конференции местных комитетов нашей партии: 1) четырех кавказских, 2) трех южных (Одесский, Екатеринославский, Николаевский) и 3) шести северных (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский). Надеемся вскоре привести подроб-

ные данные об этих конференциях. Теперь же ограничимся сообщением, что все три конференции категорически высказались за немедленный созыв 3-го съезда партии и за поддержку литературной группы «большинства».

(Н. Ленин).

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Луганск. На днях из здешней тюрьмы пытался бежать взятый по делу Горнозаводского Союза (в Юзовой) интеллигент Григорий Демчинский. Демчинский стал взбираться по перекинутой лестнице, но один из надзирателей увидел и выстрелил. Демчинский был схвачен и избит. Через несколько дней другому политическому — Леониду Дамаскину — удалось бежать.

Из Екатеринославской тюрьмы бежала и благополучно прибыла за границу Софья Павловна Розенбаум.

От редакции. Номер был уже сверстан, когда мы узнали из телеграмм о капитуляции Порт-Артура. Мы постараемся ускорить выход № 2, чтобы дать оценку этого события.

По недостатку места ряд корреспонденции отложен до след. номера.

Нас просят напечатать от редакции „РАССВЕТА“.

Доводим до всеобщего сведения, что мы решили приостановить издание «Рассвета», так как острый кризис, переживаемый нашей партией требует и от нас напряжения всех сил для внутрипартийной работы.

При более благоприятных обстоятельствах мы возобновим наш «опыт», давший и за этот год некоторые положительные результаты.

Годовым подписчикам «Рассвета», недополучившим трех номеров нашего журнала, будет выслано восемь номеров «Вперед».

Редакция «РАССВЕТА».

(В. Бонч-Бруевич).

Женева.

1 января 1905 г.

Примечания.

Прим. 1. Заголовок и эпиграф статьи «Сомнения двухглавого орла» написаны рукой тов. Луначарского. Текст написан разными почерками, так как наборщикам трудно было читать почерк т. Луначарского. Часть статьи написана была Анной Александровной Луначарской, а часть статьи — неизвестным почерком, которым написаны и некоторые другие статьи, что дает основание приписать эти статьи перу т. Луначарского. Статьи эти: „Твердый курс“, „Самодовольные флюгера“, „Плеть и посулы“ и некоторые из очерков „По истории революционной борьбы европейского пролетариата“.

Прим. 2. «Пора кончить» — рукопись сохранилась до слов «Шаг к расколу, произведенный при помощи кооп-...» под названием «Почему не удалась петербургская демонстрация». По всей вероятности пропавший конец рукописи принадлежит перу тов. Ленина.

Теперь ^{мы} "левизнисты" можем торжествовать. Они подбивают Калкин
Фракт, дискредитируют комитет (иной "большинство"). Но, кажется,
этот комитет все же серьезно не принимает, выходящий такой из
демонстрации, и в итоге с нами говорит: "да, теперь судились у нас в
партии только чужие, ну каждая чужая работа невыгодна. Кто
поскорее покинет ее партийный кружок, надо сплотить свои
силы. Из кружком сразу нам грозит серьезное ослабление и мы,
не воспользуемся настоящим вводным моментом, останемся ~~в~~
вещишь сбитый".

1 / Всеобщая ~~демонстрация~~ ^{мелочная} ~~демонстрация~~ ^{демонстрация}
"левизнисты", сорвавшая ~~у~~ ~~демонстрация~~
интересов ~~у~~ ~~демонстрация~~ демонстрации, сит и ~~у~~ ~~демонстрация~~
какая, которая должна ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~
наша ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~
решая ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~
~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~
и ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~
серьезной ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~
срочно, которые ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~ ~~у~~ ~~демонстрация~~

Факсимиле т.т. Воровского и Ленина.

(См. статью „Пора кончить“, стр. 18).

Падение Порт-Артура.

«Порт-Артур капитулировал.

«Это событие—одно из величайших событий современной истории. Эти три слова, переданные вчера по телеграфу во все концы цивилизованного мира, производят подавляющее впечатление, впечатление громадной и страшной катастрофы, несчастья, которое трудно передать словами. Рушится моральная сила могучей империи, тускнеет престиж молодой расы, не успевшей еще как следует развернуться. Выносятся приговор целой политической системе, обрывается длинный ряд притязаний, сламываются могучие усилия. Конечно, падение Порт-Артура давно уже предвидели, давно уже отделялись словами и утешали себя готовыми фразами. Но осязательный, грубый факт разбивает всю условную ложь. Теперь значение происшедшего краха нельзя ослаблять. Впервые старый мир унижен непобедимым поражением, которое нанесено ему новым миром, столь таинственным и, по видимому, отрочески-юным, вчера только призванным к цивилизации».

Так писала под непосредственным впечатлением события одна солидная европейская буржуазная газета. И, надо сознаться, ей удалось не только рельефно выразить настроение всей европейской буржуазии. Устами этой газеты говорит верный классовый инстинкт буржуазии старого мира, обеспокоенной успехами нового буржуазного мира, встревоженной крахом русской военной силы, которая долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции. Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок», царской власти. Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорения истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западно-европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески-юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры.

Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской

свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата.

Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, сбеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот маленькая, всеми до тех пор презираемая, Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней, после того, как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя. Военный удар непоправим. Решен вопрос о преобладании на море,—главный и коренной вопрос настоящей войны. Русский тихоокеанский флот, в начале бывший не менее, если не более, сильным, чем японский, уничтожен окончательно. Отнята самая база для операций флота, и эскадре Рождественского остается только позорно вернуться вспять после бесполезной затраты новых миллионов, после великой победы грозных броненосцев над английскими рыбацкими лодками. Считают, что одна материальная потеря России на одном только флоте составляет сумму в триста миллионов рублей. Но еще важнее потеря десятка тысяч лучшего флотского экипажа, потеря целой сухопутной армии. Многие европейские газеты стараются теперь ослабить значение этих потерь, усердствуя при этом до смешного, договариваясь до того, что Куропаткии «облегчен», «освобожден» от забот о Порт-Артуре! Русское войско освобождено также от целой армии. Число пленных достигает, по последним английским данным, 48.000 человек, а сколько тысяч еще погибло в битвах под Кинчау и под самой крепостью! Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Манчжурию, освобождают для борьбы с Куропаткиным закаленную армию в 80—100 тысяч человек, и призом

с громадной тяжелой артиллерией, доставка которой на реку Шахо даст им подавляющий перевес над главными русскими силами.

Самодержавное правительство, по известиям зарубежных газет, решило продолжать войну во что бы то ни стало и послать 200.000 войска Куропаткину. Очень может быть, что война протянется еще долго, но ее безнадежность уже очевидна, и все оттяжки будут только обострять те неисчислимые бедствия, которые несет русский народ за то, что терпит еще у себя на шее самодержавие. Японцы и до сих пор скорее и обильнее подкрепляли свои военные силы после каждого большого сражения, чем русские. А теперь, добившись полного господства на море и полного уничтожения одной из русских армий, они сумеют послать вдвое больше подкреплений, чем русские. Японцы до сих пор били и били русских генералов, несмотря на то, что вся масса лучшей артиллерии была у них занята в крепостной войне. Японцы добились теперь полного сосредоточения своих сил, а русским приходится опасаться не только за Сахалин, но и за Владивосток. Японцы заняли лучшую и наиболее населенную часть Манчжурии, где они могут содержать армию на средства завоеванной страны и при помощи Китая. А русским приходится все более ограничиваться припасами, привозимыми из России, и дальнейшее увеличение армии скоро станет для Куропаткина невозможным в силу невозможности подвоза достаточного количества припасов.

Но военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы. Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами, — даже Куропаткин, по свидетельству Немировича-Данченко, начал понимать теперь, что эта истина годится не для одних только прописей. Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллионов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству. Критика самодержавия со стороны всех передовых русских людей, со стороны русской социал-демократии, со стороны русского пролетариата подтверждена теперь критикой японского оружия, подтверждена так, что невозможно жить при самодержавии чувствуются все более даже теми, кто не знает, что значит самодержавие, даже теми, кто знает это и всей душой хотел бы отстоять самодержавие. Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расквашиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма.

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо. После нас хоть потоп! — рассуждал

каждый маленький и большой Алексеев, не думая о том, не веря в то, что потоп действительно наступит. Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times»), «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунейдствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, заботность крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный, — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты наиболее родной и близкой ему, так-сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рубл. бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда негодными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гэд во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас, в России, на-

шлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия» сделала выговор Гэду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской. Гэд и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически-прогрессивную роль одной из них. Путаница мысли «социалистов-революционеров» явилась, конечно, неизбежным результатом непонимания классовой точки зрения и исторического материализма нашей радикальной интеллигенцией. Не могла не проявиться путаницы и новая «Искра». Она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало. Она метнулась затем «поправляться», когда Жорэс наглядно показал, чьим интересам, прогрессивной или реакционной буржуазии, должна послужить квази-социалистическая кампания в пользу мира вообще. Она кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (11?) на победе японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие «независимо от того», кончится ли она победой, или поражением самодержавия.

Нет. Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще. Банальными фразами о мире à la Жорэс не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необъятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплуатации. Но, борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу. Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала - бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской.

«Прочю укоренилось мнение, — пишет один из таких трезвенных органов немецкой буржуазии, — что взрыв революции в России вещь совершенно невозможная. Защищают это мнение всеми и всяческими доводами. Ссылаются на неподвижность русского крестьянства, на его веру в царя, зависимость от духовенства. Говорят, что крайние элементы среди недовольных представлены лишь маленькой горсткой людей, которые могут устроить пушши (мелкие вспышки) и террористические покушения, но никак не вызвать общее восстание. Широкой массе недовольных, говорят нам, не хватает организации, оружия, а главное — решимости рисковать собой. Русский же интеллигент настроен обыкновенно революционно лишь до тридцати, примерно, лет, а затем он прекрасно устранивается в уютном гнездышке казенного местечка, и большая часть горячих голов продельвает превращение в дюжинного чиновника». Но теперь, продолжает газета, целый ряд признаков свидетельствует о крупной перемене. О революции в России говорят уже не одни революционеры, а такие совершенно чуждые увлечений, солидные столпы порядка, как князь Трубецкой, письмо которого к министру внутренних дел перепечатывается теперь всей заграничной печатью. «Боязнь революции в России имеет, видимо, фактические основания. Правда, никто не думает, что русские крестьяне возьмутся за вилы и пойдут бороться за конституцию. Но разве революции делаются в деревнях? Носителями революционного движения в новейшей истории давно стали крупные города. А в России именно в городах идет брожение с юга до севера и с востока до запада. Никто не возьмется предсказать, чем это кончится, но что число людей, считающих революцию в России невозможной, убывает с каждым днем, это факт несомненный. А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат.

Либеральные огорчения.

В начале войны земцы и думы выражали верноподданнические чувства. Они преподнесли к столам его величества миллионы народных денег. Они бессовестно бросали эти деньги на флот, на воровской красный крест, в бесконтрольное распоряжение чиновников. Они доощряли этим царское безумие. Социал-демократы с самого начала восставали против войны и против патристических завываний земских и думских рабов. Теперь и рабы заговорили. Им это позволило начальство. И либеральная буржуазия славословит земцев за их геройский подвиг, стараясь уверить, будто съезд земцев был запрещен. Но русский рабочий слишком хорошо знает, что значит в России пойти на запрещенное собрание. Избиение, тюрьму, ссылку, каторгу, даже смертные приговоры получали социал-демократы за участие

в политических рабочих собраниях. А что сделано с земцами? Они вели свои собрания под охраной полиции, они мирно разъехались по домам. Больше того: они и у себя дома вели агитацию, устраивали банкеты, волновали общество. Все сходило им с рук, и они чувствовали себя героями. А в это самое время лилась рабочая кровь на улицах Варшавы, в тюрьме истязали екатеринославских рабочих за прошлогоднюю демонстрацию, прогоняли сквозь строй рабочих в Кременчуге и т. под. Рабочим зажимали рот, рабочих замалчивали.

К огорчению либералов, правительственная погода, как и всякая погода, оказалась переменчивой. Оплакивая погибшие весенние надежды, либералы продолжают обнаруживать классовый характер своих стремлений. «Русск. Вед.» горюют о минувших днях, когда печать получила-было возможность стать «действительной выразительницей общественного настроения и свободно обсуждать вопросы, к которым приковано внимание всех мыслящих людей в России». Так рисуется газетой краткий период сравнительной свободы печати, тот период, в течение которого не дозволено, однако, было поднимать голос рабочему классу. Печать занималась либералами, пострадавшими при Плеве, но много ли могла она сказать о людях, борющихся за интересы рабочего класса? Печать говорила об интересах буржуазного государства, но много ли смела она сказать о внутренних, классовых противоречиях интересов в недрах государства? Нет, вопросы о положении и борьбе рабочего класса, о деятельности представителей пролетарских интересов не находили себе места в легальной печати. Несмотря на это, «Русск. Вед.» находят, что печать свободно обсуждала вопросы, к которым приковано внимание всех мыслящих людей в России. Очевидно, «Русск. Вед.» не считают мыслящими людьми представителей пролетарских интересов: мыслить полагается только членам буржуазного общества. Как же почувствовало себя это гордое «мы-

слящее» общество, когда на него прикрикнули с высоты престола?

Примиренческая струя тотчас показалась на страницах все той же московской пенкоснимательницы либерализма. Сергей Муромцев готов принять окрик начальства к почтительному руководству; он старается лишь посредством рабски извортливого толкования манифеста выудить из окрика доказательство крошечного послабления и предлагает спешить пользоваться начальственной милостью. Смоленские земцы несколько возвысились над молчалинской угодливостью Муромцева: они еще не смеют негодовать, но они уже плачут,—и это шаг вперед, это первый признак пробудившегося сознания своего достоинства. «Трудно передать чувство подавленности и даже приниженности, которое я испытываю, как член собрания (земского). Работу, на которую мы потратили столько труда, не разрешают даже прочесть»,—плачется Энгельгардт в Смол. земск. собрании. Точно карась-идеалист, Энгельгардт говорит, что он порывался обратиться к царю с искренней речью. Бедняга только теперь узнал, что для шучьего хайла нужны не порывы карасьеи искренности, а готовность быть во всякий момент проглоченным. Впрочем, если у смоленских карасей нехватило мужества ответить на царский окрик смелой речью свободного человека, то опыт борьбы рабочих и их кое-чему научил: часть смоленских земцев устроила забастовку и отказалась участвовать в земском собрании. То же сделали и черниговские земцы.

В Москве кн. Трубецкой спешит послать мин. вн. дел заявление, что совесть его чиста и спокойна перед царем, несмотря на участие князя в крамольных земских ходатайствах. В России, по словам Трубецкого, настала эпоха анархии и революции. Студенческие волнения являются лишь отражением состояния общества, состояния, полного опасности, особенно для царя. Един-

Очерки по истории революционной борьбы Европейского пролетариата¹⁾.

Очерки революционной борьбы пролетариата за политическую свободу и социализм, печатание которых мы начинаем, не имеют своей целью излагать последовательно все события великой французской и других европейских революций: мы отсылаем читателя ко множеству легальных книг, по которым он может познакомиться с общим ходом революций. Здесь мы хотели лишь дать ряд очерков непосредственной борьбы на улицах, борьбы именно пролетариата. В какую форму отливало революционное настроение рабочих масс в эпохи революционного брожения? Что обуславливало собою успехи отдельных актов революционной борьбы? Что приводило к поражениям революционного пролетариата?—вот вопросы, ответам на которые мы постараемся способствовать нашими очерками. В настоящее время, когда закипело стоячее русское море, когда время призывает пролетариат к огромной боевой роли, распространение знакомства с практической стороной революционной борьбы далеко не будет излишним.

I.

На заре великой революции.

К началу великой французской революции пролетариат Франции, и в особенности Парижа, который был главной ареной революционной борьбы, был еще очень мало развит как политически, так и экономически.

Парижский пролетариат, мужеству и силе которого французская революция обязана в значительной мере своим успехом, ютился, главным образом, в двух предместьях: в предместье св. Марсея и в предместье св. Антония. Достаточно дать общее представление об этих пригородах, чтобы показать, как мало экономически определился в то время пролетариат.

Предместье св. Марсея имело в то время больше 30.000 населения. Это было сплошь трудовой люд. Больших фабрик или мануфактур было сравнительно мало. Преобладали мелкие кожевенные и красильные мастерские. Мастер работал в огромном большинстве случаев со всей своей семьей, не покладая рук, и рад был, если все домашние были сыты. Рабочих держали немного, ели с ними за одним столом. Эксплоатация при таких условиях была мало заметна. Фабричные рабочие соста-

ственная возможность избежать революции,—это доверие царя к народу. Князя Трубецкого, в виду его общественного положения, трудно подозревать в страхе перед полицейским кулаком; очевидно, он искренно думает, что единственное спасение престола заключается в конституции. Кн. Трубецкой является новым интересным типом противников самодержавия,—противников поневоле: он стал врагом царского полновластия ради спасения остатков царской власти. Чем больше будет расти революционное движение рабочего класса, тем больше последователей приобретет кн. Трубецкой. Удастся ли этим спасителям трона, этим людям партии порядка задуманное ими дело? В настоящий момент полиция старается, чтобы не удалось; до сих пор она занимала громил для избиения евреев, призывала дворников для увечья студентов, теперь же она сделала шаг вперед: тамбовские земцы на своих боках узнали, что такое наемные кулаки полицейского «народа». Тамбовцы еще имеют довольно наивности, чтобы жаловаться министру на действия полиции, но и они, вероятно, скоро дойдут до мысли, что социал-демократические комитеты самособорны являются единственным способом предупредить или ослабить силу полицейского погрома. Что тогда будет с планами людей партии порядка, в роде кн. Трубецкого?

(М. Ольминский).

Либеральные „работодатели“.

Нами получено следующее письмо: «В редакцию газеты «Вперед». По поручению московских товарищей пересылаю вам отпечатанный в типографии Союза московских типографских рабочих «Основной государственный закон Российской империи» и заявление Центра Союза

по поводу отказа в принятии его работы Группой московских конституционалистов. Московские товарищи очень хотели бы, чтобы посылаемое заявление было оглашено в газете «Вперед» и, если возможно, с надлежащими комментариями».

Заявление Центра Союза, вклеенное в изданную им брошюру московских либералов, следующее:

«Настоящее издание Союз московских типографских рабочих принужден распространять в силу совершенно непредвиденных нижеследующих обстоятельств: Группа московских конституционалистов около месяца тому назад дала Союзу типографских рабочих заказ напечатать в нашей типографии настоящий проект конституции в размере 500 экземпляров без всяких с нашей стороны возражений и поправок; на предварительные расходы мы получили 150 р., по напечатании должны были получить 200 р., при чем о качестве работы никаких условий не заключалось. Когда заказ своевременно был выполнен, либералы отказались принять его и уплатить деньги, мотивируя свой отказ тем, что «Основной закон Российской империи» напечатан «устарелым шрифтом» и с опечатками («финляндском» вместо финляндском, «государственная» вместо государственная и т. п.).

«Подобный поступок со стороны либеральной организации, караемый даже ныне действующими законами Российской империи, в связи с недостатком средств в организации (задаток 150 руб. пришлось возвращать после того, как он был истрачен), ставит нас в печальную необходимость распространять издание, принципиальное содержание которого не может встретить с нашей стороны сочувствия.

«Пусть послужат причины, побудившие нас распространять «Основной закон Российской империи», веским предостережением к его применению во всех подробностях.

Центр Союза московских типографских рабочих».

вляли значительное меньшинство, и их отношение к хозяевам не было, конечно, столь патриархальным.

Зато страшен был экономический гнет королевско-чиновничьего и дворянско-поповского правительства. Стоит упомянуть об одном обстоятельстве: на каждую кожу налагалась клеймо, за которое взималось с ремесленников сумма, равная половине их заработка на выделке кожи. Этого мало: каждому чиновнику ничего не стоило вымогать от этих несчастных все, что ему было угодно, он мог обращаться с ними, как со своими невольниками; малейшее неповиновение, и мастерская обвинялась в наложении на кожу фальшивых клейм; оправдаться в этом было почти невозможно, а в наказание за такое преступление полагались галеры (каторга) для мужчин и публичное наказание кнутом для женщин виновных, якобы, в том, что не удержали своих мужей или отцов от преступления! Можно себе представить, с какою злобой должны были относиться к изыщному, праздному и жестокому придворному и дворянскому миру эти труженики, работу, достояние и самую честь которых привилегированные господа топтали в грязь своими щегольскими красными каблуками. Неудивительно, что из предместья св. Марселя во все критические дни революции выходили страшные, озлобленные толпы, ошестинившиеся целым лесом пик.

Неудивительно, однако, и то, что перед ненавистью к правительству и привилегированным сословиям смолкали нелады между хозяевами и рабочими. Те и другие жили еще сплошь и рядом общей жизнью, у пролетариата не было еще сознания противоположности своих интересов буржуазным. Заметнее была разница между бедными и богатыми, которая, как мы увидим, часто прорывалась. Жители предместья св. Марселя, мастера, подмастерья и ученики — все выступали, как класс бедных людей.

В огромном предместье св. Антония жили по преимуществу столяры и обойщики. Во всех улицах можно было здесь видеть изящную мебель, но та была мебель на продажу, в жилищах же ремесленников было голо. Здесь же проживала масса неимущего люда: поденщиков, тряпичников, разносчиков, шарманщиков и просто нищих. Задавленные нищетой, они, конечно, не могли не чувствовать озлобления против привилегированных. Не желая своей горькой жизни, они героически поддерживали зажиточную буржуазию в ее борьбе с политическим гнетом. Громкие слова о свободе, равенстве и братстве сулили им как-будто лучшее будущее. Но это не мешало им часто высказываться относительно буржуазии с какой-то скорбной иронией. Часто на клики: да здравствует свобода, эти оборванные герои отвечали: «и потом дайте нам хлеба».

Итак, в самый разгар конституционного движения наши гг. либералы не в силах—хотя бы из простого приличия—отрешиться от навыков, приобретенных ими в качестве хозяев фабрик, заводов, экономий. Входя в сношение с рабочими, как нелегальная организация с нелегальной же организацией, они не могут не пустить в ход привычного метода эксплуатации рабочего — браковки. Браковка! Это вещь слово так много говорит и рабочему, и либеральному предпринимателю. Путем браковки гг. буржуа—и либеральные, и консервативные—создали себе особого рода доходную статью в производстве, путем браковки осуществляют они за счет рабочего свое политическое предприятие. Не могли же они не понимать, что Союз типографских рабочих вынужден будет распространять этот «Основной закон», потому что на печатание его затрачены трудовые гроши рабочих, и их надо вернуть. Таким образом, одновременно достигается главная цель гг. конституционалистов—политическая агитация, и «сберегаются» издержки по печатанию (350 р.), а в добавок и хлопоты по распространению падают на тех же рабочих. Да, браковка—великий, удобный, доходный принцип! Сегодня рабочие отпечатали брошюру о конституции; гг. либералы забраковали ее, отказались расплатиться и... в виде дара с небес, свалилась им бесплатно агитация за их конституцию. Завтра те же рабочие свергнут самодержавие,—гг. либералы опять с негодованием забракуают их работу, опять предпочтут не расплатиться, и—новый дар небес—уже не бумажная, а действительная конституция донесется им в виде бесплатной премии.

Подобный поступок—пишут московские товарищи—карается даже ныне действующими законами Российской империи. Поверьте, товарищи, гг. либералы знают законы лучше, чем мы с вами; среди них масса юристов, даже профессоров права. Они прекрасно знают, что их посту-

пок «незаконен», они прекрасно знают, что «по закону» и вы не обязаны были возвращать задаток, но они так же прекрасно знают, что «по ныне действующим законам» вы, как нелегальная организация, не можете обратиться к суду,—и на это-то они и спекулировали. Но и не в законе здесь дело. Тяжбу между нами и ними не законы будут решать, а нечто более существенное,—ее решит сила. Теперь же, в данном столкновении между московскими либералами и московскими типографскими рабочими, характерна та нравственная сторона—политическая порядочность, которая сама является показателем назревающей силы. Разве не знаменательна для нашего времени эта резкая противоположность двух исторических фигур. С одной стороны, молодая пролетарская организация, с презрением бросающая в лицо гг. либералам их «задаток»—задаток, составляющий и юридически, и морально ее собственность, с другой—группа буржуазных конституционалистов, не упускающих случая—под покровительством охранного отделения—обмануть рабочих даже в таком, казалось бы, священном для нее деле, как издание ее политического евангелия.

Московские товарищи тысячу раз правы, когда, закинув свое заявление, предостерегают от применения во всех подробностях «Основного закона». В их маленьком инциденте, как в капле воды, отражается тот «правовой порядок», рекомендуемый «Основным законом», при котором господа в роде московских конституционалистов будут хозяевами жизни.

Р. С. К. разбору «Основного закона» по существу мы надеемся еще вернуться. Это, повидимому, тот же проект конституции, выдержки из которого были напечатаны в № 200 «Последних Известий» Бунда. Суть проекта: сохранение монархической власти, предоставление монарху права назначать министров и распоряжаться военной силой, двухпалатная система, при чем верхняя палата—

«Все люди братья! Люди рождаются и пребывают равными!» С такими лозунгами выступала буржуазия в своей борьбе против всем ненавистного порядка. Темный люд, труженики не могли не поддержать третьего сословия. В этом отношении они были совершенно правы. Но по обстоятельствам времени они не могли также сплотиться в самостоятельную силу, которая боролась бы рядом с буржуазией, умея в то же время отстаивать свои права и от этой последней.

Когда прижатый к стене тяжелым финансовым кризисом король решил созвать представителей народа, то избирательное право было признано лишь за имущими классами. Никому из пролетариев или бедных ремесленников не пришло в голову протестовать против этого; из этого не следует, однако, чтобы пролетарии относились с полнейшим доверием к тем богатым хозяевам, которые оказались представителями народа.

Время переживалось в экономическом отношении трудное. Рабочие фабрик и мануфактур, и без того полуничие, боялись понижения платы. Ко всякому слуху о стремлении хозяев воспользоваться заседавшими в то время собраниями избирателей против рабочих относились крайне нервно.

Одним из виднейших и либеральнейших представителей немногочисленных в то время парижских фабри-

кантов был владелец большой писчебумажной фабрики Ревильон. Он слыл гуманным, он устроил для своих рабочих кассу взаимопомощи. Но, ведь, мы знаем хорошо цену подобного рода гуманности и подобного рода касс. Факт тот, что этот Ревильон в речи перед своими избирателями, указывал на возможность понизить рабочую плату до пятнадцати су (30 коп.). Весть об этом с быстротою молнии разнеслась среди пролетариата. Толпы рабочих повалили к дому Ревильона. К ним присоединились ремесленники бумажного производства, ненавидевшие крупного капиталиста Ревильона за его убийственную для них конкуренцию.

Грозная, вооруженная камнями толпа разрушила дом Ревильона, сожгла его избраженцы и с криками местной манифестировала на Гревской площади. Правительственная власть бездействовала. Король и его советники злорадствовали: им любо было напугать буржуазию народом. Но на следующий день правительство решило, наконец, показать свою силу. Солдаты дали несколько залпов по все еще не рассеившейся толпе. Было много убитых. Раненых положили по два на кроватях госпиталя. Арестованных судили и вешали. Из допроса выяснилось, что толпа состояла из рабочих всех цехов и всех предместий Парижа.

Казалось бы, эта бойня должна была напугать буржуа-

из представителей земских и городских учреждений, нижняя же — из народных представителей, избранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

(В. Воронский).

Соловья баснями не кормят.

Обращаем внимание читателей на выпущенную только что новоискровцами брошюру Рабочего: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях» с предисловием Аксельрода. Нам придется, вероятно, неоднократно возвращаться к этому поучительнейшему произведению, которое великолепно показывает, какие плоды приносила и приносит демагогическая проповедь «меньшинства» или новоискровцев, и как эти последние стараются сами выпутаться теперь из всего того хлама, что они наговорили. Отметим пока лишь суть брошюры и предисловия.

«Рабочий» имел несчастье поверить проповеди новоискровцев. Он так и сыплет поэтому рабочедельскими фразами в духе Акимова. «Наши руководители-интеллигенты... не ставили себе задачей... развивать сознание и самостоятельность рабочих...» Стремления к самостоятельности «систематически преследовались». «Ни в одном из типов организации не было и нет места для развития самостоятельности рабочих...» «Экономическая борьба была совсем заброшена», даже на пропагандистские и агитационные сходки «рабочие не допускались» (вот даже как!). Демонстрации «пережили себя,— все эти ужасы (о которых давно кричало старое «Раб. Дело» против старой «Искры») вызваны, конечно, «бюрократическими централистами», т. е. большинством второго нашего съезда, которое боролось с рабочедельством. Натравленный обиженным меньшинством против

партийного съезда, несчастный «Рабочий» разносит в пух и прах этот съезд за то, что он был «без нас» (без рабочих), «без нашего участия», там не было «почти ни одного рабочего», при чем, разумеется, скромно обходится тот факт, что все действительные рабочие, бывшие делегатами съезда, Степанов, Горский и Браун, были решительными сторонниками большинства и противниками интеллигентской бесхарактерности. Но это неважно. Важно то, до какого бесконечного разврата доводит проповедь новоискровцев, которые «разносят» съезд после поражения на выборах, разносят перед неучаствовавшими на съезде, подстрекая к оплевыванию всяких социал-демократических съездов, разносят в то самое время, когда они благородно пролезли в центральные учреждения, действующие исключительно от имени съезда. Не честнее ли позиция Рязанова (см. его брошюру «Разбитые иллюзии»), который открыто объявил съезд свозом и который, по крайней мере, не пользуется от своза никакими титулами и званиями?

Крайне характерно, однако, для психологии рабочего, хотя и натравленного на «большинство», что он не удовлетворяется фразами об автономии, рабочей самостоятельности и проч. Он повторяет эти слова, как и всякий новоискровец или рабочеделец, но он с трезвым пролетарским инстинктом добивается дел в подтверждение слов, он не удовлетворяется тем, что его кормят баснями. Красивые слова, говорит он, остаются словами «без изменения в составе» (курс «Рабочего») руководителей. Надо требовать доступа рабочих во все серьезные партийные учреждения, надо добиваться равных прав с интеллигентами. С глубоким недоверием истинного пролетария и истинного демократа ко всякому фразерству «Рабочий» говорит: где гарантия, что в комитетах не будут заседать одни лишь интеллигенты? Это не в

зую, показать ей опасности революции и попечительную силу правительства. Казалось бы, кровь, пролитая перед домом либерального буржуа, должна была оттолкнуть народ от всякого союза с передовым классом общества, но сила общего негодования против старого порядка была такова, что никакие взаимотрения не могли остановить общего революционного движения.

Прошло немного времени; произошел окончательный разрыв между королем и народными представителями, среди которых руководящую роль и подавляющее значение приобрели депутаты буржуазии. На угрозу короля разогнать собрание оно ответило угрозой отдаться под покровительство парижского населения. Король понял, что, не сломив Парижа, нельзя сломить собрания, и стал понемногу сосредоточивать в Париже войска. С изумительным революционным инстинктом парижский народ понял, что ему нужно расположить в свою пользу самое войско. Положение французского солдата было не из сладких, никакой героизм не мог сделать его офицером,—это была привилегия дворян; на прокормление солдату выдавалось около 15 коп. в день. Это служило прекрасной почвой для пропаганды. Парижане старались в особенности брататься с французской гвардией.

В конце июня несколько гвардейцев за нарушение дисциплины были заключены в тюрьму Аббэй, усилились

слухи о жестоком наказании их. Толпы народа вышибли двери тюрьмы и взяли солдат под свою защиту. Огромная толпа оберегала их до тех пор, пока народ через посредство национального собрания не добился у короля их помилования.

Король, еще более озлобленный, продолжал собирать войско, чтобы раздавить Париж. Делегат национального собрания великий оратор Мирабо спрашивал в блестящей речи: «Не хочет ли король сделать французского солдата чистым автоматом? отделить его от интересов, чувств и мыслей его сограждан?—Нет, не смотря на слепое послушание и военное повиновение, они не забудут, кто мы: они узнают в нас своих родителей, друзей, родственников, защищающих их кровные интересы. Разве они не часть нации, свободу и честь которой мы защищаем? Нет, этих людей, этих французов не удастся превратить в свершенных идиотов, которые станут бить, не спрашивая о том, кого они бьют!».

Парижский народ, с одной стороны, морально обезоруживал армию, с другой стороны, позаботился вооружиться сам. Руководство в этом деле взяли на себя собрания избирателей. Дело в том, что избиратели выбирали не непосредственно депутатов, а так-называемых избирателей второй степени, которые уже и назначали депутатов. 407 парижских избирателей 2-ой

бровь, а прямо в глаз нашим новонсковцам. Этот великолепный вопрос показывает, что рабочедельское наускивание не засорило еще ясной мысли пролетария. Он прямо заявляет, что комитет, где он работал, «комитетом меньшинства оставался в принципе на бумаге (слушайте!), в практике же своей ничем не отличался от комитетов большинства. Нам, рабочим, не было доступа ни в какое (не говоря уже о комитете) ответственное, а значит, руководящее учреждение».

Никому не удалось бы так хорошо вывести на чистую воду меньшевиков, как этому рабочему-меньшевику. Он понял, что без гарантий разглагольствование об автономии и самостоятельности пролетариата остается пошлым фразерством. А какие возможны гарантии в социал-демократических организациях, подумали ли вы об этом, товарищ «Рабочий»? Какие гарантии возможны против того, что революционеры, сообщив собравшиеся на съезд партии, начнут потом, обидевшись на невыбор их съездом, кричать, что съезд был реакционной попыткой закрепить искровские взгляды (Троцкий в брошюре, изданной под редакцией новой «Искры»), что решения съезда не священы, что на съезде не было рабочих из массы? Какие гарантии возможны против того, что общее решение относительно форм и норм партийной организации, решение, которое называется организационным уставом партии и которое не может существовать иначе, как в виде такого устава,—это решение рвется потом бесхарактерными людьми в той части, которая им неприятна, под предлогом бюрократичности и формалистичности таких вещей, как уставы? Какие гарантии возможны против того, что люди, нарушившие сообщив принятые правила организации, начнут рассуждать потом, что организация есть процесс, организация есть тенденция, организация есть форма, идущая в ногу с содержанием, и что поэтому нелепо и утопично требовать соблюдения правил организаций? «Рабочий».

степени продолжали свои собрания, пользуясь большим авторитетом среди парижского населения.

10-го июня в Тюльери произошла стычка народа с кавалерией, затоптавшей одного старика. Национальное собрание, раздраженное еще отставкой либерального министра Неккера, именем нации разрешило парижской буржуазии организовать Районные собрания избирателей второй степени были превращены в «постоянные комитеты». Комитеты деятельно раздавали народу оружие и порох. И тут-то в высшей степени замечательно, что приказано было давать оружие только лицам, имеющим какую-либо собственность: буржуазия боялась вооружать неимущих. Это не мешало пролетариату вооружаться по-своему: мастерить себе пики, действовать камнями, взятыми из мостовой; когда понадобилось, невооруженные бедняки достали себе и ружья, и порох в складах дома инвалидов. Буржуазия ничего не имела, конечно, против такого самовооружения рабочих в дни решительного боя с правительством, но немедленно после таких дней она стремилась обезоружить неимущих. И пролетарии отдавали ружья, веря в политическую сметливость буржуазии: им-де, образованным, обеспеченным людям, лучше знать. Теперь, конечно, организованный и сознательный пролетариат ни в каком случае не поступил бы столь наивно.

автор брошюры, не подумал ни об одном из этих вопросов. Но он так близко, вплотную подошел к ним, так искренно и смело поставил их в упор фразерам и политикам, что мы от души рекомендуем его брошюру. Эта брошюра—превосходный образец того, как разоблачают рыцарей «красивого слова» их собственные сторонники.

«Рабочий» восстает, с чужих слов, против «организационного плана» Ленина, не указывая, как водится, ни единого ясного и определенного пункта недовольства планом, ссылаясь на Панина и Череванина (ничего не давших, кроме раздраженных слов) и не пытаясь даже заглянуть в пресловутое письмо Ленина к петербургскому товарищу. А если бы «Рабочий» не верил своим наускивателям на-слово и поглядел это письмо, он, к своему великому удивлению, прочел бы там:

«Надо особенно стараться о том, чтобы как можно более рабочих становилось вполне сознательными и профессиональными революционерами и попадали в комитет. В комитет надо стараться ввести рабочих-революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее имя в рабочей массе. В комитете должны быть поэтому по возможности, все главные вожаки рабочего движения из самих рабочих». (Письмо, стр. 7—8).

Прочтите и перечтите эти строки, товарищ «Рабочий», и вы увидите, как обморочили вас рабочедельцы и новонсковцы, разносящие старую «Искру» и ее сторонников, «большинство» второго съезда. Вчитайтесь в эти строки и попробуйте принять такой мой вызов: найдите мне в нашей социал-демократической литературе другое место, где бы так же ясно, прямо и решительно ставился вами поставленный вопрос о «рабочих и интеллигентах в наших организа-

Насколько активное участие принимали во всех этих событиях настоящие рабочие, это видно из речи Мирабо. В одной из своих речей он говорит по поводу охватившего всех революционного волнения: «невозможно удерживать рабочих в мастерских». В другой, более поздней, он прямо заявляет: «национальное собрание спасено физической силой рабочих».

После взятия Бастилии, о котором мы будем говорить в следующем очерке, к национальному собранию явился представитель от рабочих, «оратор от предместья св. Антония», с просьбой оказать денежную помощь рабочим этого предместья, которые потеряли свой заработок в результате волнения, охватившего Париж. «Господа,—воскликнул он,—вы спасители отечества, но, ведь, и мы тоже спасители!». В протоколах собрания сказано, что энергичная речь рабочего оратора произвела на собрание глубокое впечатление.

Чем дальше, тем яснее становилось, что национальное собрание подпало под влияние и фактическое покровительство революционного Парижа, а среди населения столицы все деятельнее выступали пролетарии и ремесленники. Влияние их росло и росло, переполняя страхом сердца буржуазии.

(А. Луначарский).

циях», при чем указывалось бы на необходимость вводить как можно более рабочих в комитет, вводить по возможности всех вожаков рабочего движения из рабочих в комитет. Я утверждаю, что вы такого другого места указать не сможете. Я утверждаю, что всякий, давший себе труд изучить наши партийные споры по документам, по «Рабочему Делу», по «Искре» и брошюрам, а не по рассказам сплетников, увидит лживость и демагогический характер новоискровской проповеди.

Вы возразите, пожалуй: Ленин мог это писать, но его советы не всегда исполнялись. Разумеется, это возможно. Ни один партийный писатель не поручится за то, что все называющие себя его сторонниками на деле исполняют всегда его советы. Но, во-первых, разве такой социал-демократ, который называл бы себя сторонником «письма» и в то же время не исполнял его советов, не изобличался бы самым этим письмом? Разве письмо напечатано для одних интеллигентов, а не для рабочих тоже? Разве есть у писателя иные средства проводить свои взгляды, кроме печатного заявления? А, во-вторых, если эти советы не исполнялись, по свидетельству хотя бы «Рабочего», ни меньшевиками, ни большевиками, то не ясно ли отсюда, что меньшевики не имели никакого права сочинять подобного «разногласия» с большевиками? что их науськивание рабочих против большевиков за игнорирование последней рабочей самостоятельности было демагогией?

В чем же состоит реальная разница по этому пункту между меньшевиками и большевиками? Не в том ли, что большевики гораздо раньше и гораздо прямее давали ясные и определенные советы вводить в комитет рабочих? Не в том ли, что большевики презирали и презирают «красивые слова» об автономии и самостоятельности рабочих, когда эти слова (как у меньшевиков) остаются только словами?

Посмотрите, как вывертывается теперь почтенный, заслуженный и старейший Аксельрод в своем предисловии, припертый к стене пролетарской прямоотой и дерзостью рабочего, начитавшегося рабочедельческой мудрости из «замечательных» фельетонов Аксельрода, из незабвенных статей Мартова, из превосходной (с точки зрения интересов «большинства») брошюры Троцкого.

«Рабочий» пробует оспорить утверждение Рядового, что наша партийная организация со времени экономизма по личному составу стала относительно более пролетарской. «Рабочий», очевидно, неправ. Это знает всякий, кто близко наблюдал дела в нашей партии за сколько-нибудь значительный промежуток времени. Но курьезнее всего видеть, как переметьвается наш Аксельрод. Кто не помнит его великолепных, так искусно использованных врагами социал-демократии, либеральными освободителями, утверждений, что социал-демократия есть интеллигентская организация? Кто не помнит, как повторяли и разжевывали эту клевету на партию обиженные партией новоискровцы? И вот, этот же самый Аксельрод, испугавшись тех прямых и честных выводов, которые сделали из этой клеветы «Рабочий», изворачивается:

«В период зарождения и первоначального развития социал-демократии,—говорит он в предисловии,—русская революционная партия была партией чисто-интеллигентской... Теперь сознательно-революционные рабочие

составляют собой главные отряды (слушайте!) социал-демократической партии» (стр. 15).

Бедный «Рабочий»! Как наказан он за то, что поверил «красивым словам» Аксельрода! И всегда будут наказаны те, кто верит писателям, за полтора года говорившим то одно, то другое, смотря по надобностям «кооптации».

Посмотрите, как изворачивается Аксельрод от поставленного ему в упор вопроса о «гарантиях». Ведь, это прелесть, это—перл новоискровской литературы. «Рабочий» говорит об отношении рабочих и интеллигентов в организациях, «Рабочий» тысячу раз прав, когда заявляет, что без гарантий, без равных прав, т.е. без выборного начала, красивые слова о небюрократическом централизме остаются одним фразерством. И как отвечает Аксельрод? «Увлечение мыслью об изменении правового положения рабочих в наших организациях одностороннее, напрасно автор переносит вопрос об устранении зла «в область формально-организационных отношений», напрасно забывает, что «частная задача уравнивания в правах» решается лишь «в процессе дальнейшего развития нашей практики в социал-демократическом направлении». «Вопрос, специально занимающий автор брошюры, радикально может быть разрешен только в процессе сознательной коллективной работы нашей партии».

Не правда ли, разве это не перл? Ведь, сам же Аксельрод поднял и первый поставил именно организационный, и только организационный, вопрос на съезде Лиги и в новой «Искре» (№ 53), а когда «Рабочий» пишет специальную брошюру об организации, то ему величественно говорят: не формальность важна, а процесс работы!

Не принципы организации важны новой «Искре» и Аксельроду, а процесс болтовни для оправдания беспринципной позиции. И никакого другого содержания, кроме защиты беспринципности, нет во всей пресловутой теории организации-процесса (см. особенно статьи Розы Люксембург), теории, опошляющей и prostituiрующей марксизм.

Повторяем: нельзя достаточно рекомендовать замечательной брошюры «Рабочего» для ознакомления со всей фальшью организационной позиции новоискровцев. Особенно настоятельно рекомендуем мы эту брошюру рабочим, которых меньшевики науськивают на большевиков проповедью выборного начала *). Рабочие великолепно изобличают фразеров и лгунов. Они отлично ставят вопрос: либо выборное начало, либо только совет о введении рабочих в комитеты. Если выборное начало, тогда давайте формальные гарантии, уставные гарантии, уставное равноправие. Рабочие увидят, как вернутся новоискровцы от этого вопроса, точно черти перед заутреней. Если желательны советы вводить рабочих, если права старая «Искра», считавшая демократизм,

*) См. Н. Ленин. «Заявление и документы о разрыве центр. учреждений с партией». Приведенное в этой брошюре письмо вождя меньшевиков гласит: «Рабочие требуют выборной системы, это—явный симптом агонии твердокаменных». Я принадлежу к твердокаменным, но я очень доволен такой агонией. Требования рабочими выборного начала ясно показывают, что новоискровцам не удалось накормить рабочих баснями, и никакие увертки Аксельрода не спасут его теперь от полного разоблачения.

т.-е. всеобщее применение выборного начала в русских и конспиративных организациях, несомненным с самодержавно-полицейским строем, тогда вы нигде не найдете таких прямых и назидательных советов вводить рабочих в комитеты, как у большинства.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Одесса. 18-го ноября в зале городской думы состоялось заседание одесского отделения «Общества охранения народного здоровья».

Этим заседанием комитет партии решил воспользоваться для политической демонстрации.

К 8-ми часам веч. на прилегающей площади собралось около 1.500 чел. Зал оказался битком набит. Человек 500 приблизительно осталось на улице за недостатком места.

Председатель одесского отделения городской головы Зеленый открыл заседание небольшой речью.

Речь вышла крайне бледная и далеко не радикальная, но возбужденная публики, не успевшая еще как следует осмотреться, наградила оратора аплодисментами. Затем слово было предоставлено д-ру Вельштейну, который прочел доклад на тему о борьбе с заразными болезнями.

Доклад носил чисто медицинский характер, но в заключение оратор отметил, что все предлагаемые им меры являются лишь жалкими паллиативами, что при существующих общественных условиях медицина бессильна, и выставил ряд требований: 8-часовой рабочий день, свобода слова, свобода совести, собраний и т. д. При последних словах в публике раздались крики: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода», «Да здравствует Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия». Возгласы эти были покрыты дружными аплодисментами.

Когда возбуждение несколько улеглось, председатель дал слово д-ру Богомольцу. Доклад последнего был гораздо серьезнее и обстоятельно разработан. В нем д-р Б. ярко обрисовал тяжелое положение русского народа и пролетариата в частности. Указав на то, как бесправное положение рабочего класса в России сводит на нет все усилия медицины, референт выставил целый ряд требований в духе минимальной программы нашей партии, ставя на первое место созыв учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

«И эти меры,—закончил Богомолец свой блестящий реферат,—далеко не излечат всех социальных болезней, но они поставят нашу родину на верный путь прогресса, и русский рабочий класс рука-об-руку с западно-европейским пролетариатом сможет свободно встать на борьбу за уничтожение капиталистического строя».

Уже при первых словах докладчика о политической свободе возбуждение публики достигло высшего напряжения. Громовые аплодисменты, крики «Долой самодержавие!» «Да здравствует социал-демократия!» надолго заглушали слова оратора и лишь с большими усилиями удалось председателю убедить публику выслушать реферат до конца.

Но при последних словах поднялось нечто невообразимое. В один миг напором толпы были сломаны перегородки, отделявшие гостей от членов о-ва, и все сгрудилось на середине зала. Это было то лихорадочное возбуждение, которое характеризует собой предреволюционный период, которое разрушает все шаблонные формы мирных демонстраций. Даже солидные, седовласые члены о-ва поддались общему возбуждению. А толпа волновалась все больше и больше. Голоса товарищей, пытавшихся говорить на революционные темы, тонули в общем хоре революционных возгласов. Говорить не было возможности.

«От имени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии призываю вас к революционной борьбе» — раздается голос представителя Комитета. Дальнейшего не слышно.

«На улицу! На демонстрацию!» подхватывает масса чей-то призыв. «Отречемся от дряхлого мира!» раздаются первые

звуки «рабочей марсельезы» и все, как один человек, устремляются к выходу. Оторопевшая полиция молча расступается. На площади уже стоит рота солдат и целая стая конных жандармов. Однако толпа без помехи прошла по Дерibasовской улице и мирно разошлась, взбудоражив весь город грандиозной демонстрацией.

10-го декабря в здании Судебных Установлений г-м Хмельницким был прочитан доклад на тему: «О сорокалетии судебных уставов».

После доклада на трибуну всходит один товарищ и обращается к присутствующим со следующими словами:

«Граждане и граждане! Заседание юридического о-ва объявлено закрытым. Нам предлагают разойтись. Неужели же мы разойдемся? Неужели же мы не воспользуемся этим собранием, чтобы громко и открыто высказать свое мнение по поводу «нового курса»? Ведь, мы впервые вступили на широкий путь политической жизни. Впервые мы от тайных собраний переходим к собраниям открытым. Неужели же мы не воспользуемся этим случаем, чтобы поговорить о том, что нас так живо интересует. Вероятно здесь найдутся лица, не совсем согласные со взглядами докладчика».

«Я предлагаю продолжить заседание, но уже не как заседание Одесского юридического общества, а как народное собрание одесских граждан» (дружные, долго несмолкающие аплодисменты). Выбранным собранием в председатели, этот товарищ произносит небольшую речь, в которой говорит о «весне» и о «новом курсе». Он всецело разделяет оптимистический взгляд докладчика на современную «весну», но не в «доверии» правительства к народу видит он основание для розовых надежд.

«Не доверие разбойничьего правительства к ограбленному, разоренному народу, заканчивает оратор,—заставляет нас говорить о новой светлой жизни, а недоверие народа к своему правительству. Это недоверие было заявлено российским пролетариатом, оно стихийно распространяется теперь на все слои нашего общества. В нем залог нашего будущего. Предлагаю вам принять следующую резолюцию:

Резолюция: «Собрание нескольких сот одесских граждан, состоявшееся в здании Судебных Установлений после закрытия заседания Одесского юридического о-ва постановило:

- 1) выразить недоверие царскому правительству;
- 2) потребовать созыва учредительного собрания, избранного посредством тайного голосования на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права;
- 3) для обеспечения мирного политического и культурного развития России собрание требует немедленного прекращения военных действий».

Резолюция принята единогласно, хотя на собрании было много чиновников, в том числе и товарищ прокурора.

Несколько человек просят слова. Молодой оратор, получивший слово, указывает, что виновниками весны являются социал-революционеры:

«Виновником весны является Сазонов, убивший Плеве». Изложив затем деятельность Плеве, оратор вносит предложение потребовать амнистии для Сазонова.

Председатель:—«Предлагаю потребовать амнистии для всех так-называемых политических преступников». Против этого протестуют: «Мы выражаем правительству недоверие. Не зачем обращаться к нему с требованиями».

Один из рабочих напоминает, что теперь происходит демонстрация, организованная комитетом партии около «Благородного собрания» и предлагает всем туда отправиться.

Толпа устремляется к выходу. В беспорядке ломится она чрез полуотворенные двери, но на улице несколько человек восстанавливают порядок, выстраивают всех в одну колонну, и толпа стройными рядами направляется через весь город к «Благородке».

А там в это время заседали сливки местного либерализма. Было там и несколько наших товарищей, но в организации банкета они участия не принимали. Правда, вначале имелось в виду такое участие, чтобы придать банкету демократический характер, но в последнюю минуту либералы пошли на попятный: «Это наше дело. Социал-демократов оно не касается» — заявили представители «освобожденцев».

На банкете, происходившем в «Благородном собрании», выступил один рабочий и произнес речь от имени пролетариата, собравшегося внизу демонстрировать. В резких вы-

ражениях клеймил он половинчатость либерализма, ищущего милостей правительства вместо того, чтобы бороться с ним, и выставил требование социал-демократии, приглашая либералов присоединиться к ним. Речь эта произвела громадное впечатление. Либералы были страшно скандализированы, и многие — в том числе «освобожденцы» — кричали «долей», «дольше!»

Между тем на улице у «Собрания» образовалась уже толпа не менее 5.000 человек. Войска и полиция, конечно было достаточно. Толпа с криками «долой самодержавие!» и революционными песнями двинулась по Херсонской ул. Было выброшено также и красное знамя, а по словам некоторых даже три. Долго продержаться, однако, не удалось, так как казаки и полиция, в том числе и масса шпиков с толстыми каучуковыми палками, начали настоящее избивание демонстрантов. Все же толпа в несколько сот человек прорвалась по Елизаветинской улице и прошла с пением по всей Херсонской ул. до самого участка.

С другой стороны толпа в 1.000 чел. рабочих, студентов и курсисток собралась на Соборной площади и с криками «долой самодержавие!», «долой войну!», «долой полицию!», «да здравствует политическая свобода!», «да здравствует Р.С.-Д.Р.П.», «да здравствует социальная революция!» стройно направилась по Преображенской ул. совершенно беспрепятственно. Несмотря на то, что было 11 часов ночи, толпа все прибывала. Красное знамя с надписью «долой самодержавие!», «долой войну!», «да здравствует учредительное собрание!» развевалось все время. Толпа демонстрантов направилась по Б. Арнаутской, но тут у Александровского проспекта в тылу демонстрантов раздался топот лошадей. Оглянувшись, мы все увидели, что на нас несется галопом с шашками на-голо казаки. Демонстранты бросились врассыпную и быстро рассеялись. Больше уже не удалось собраться, но отдельные группы продолжали манифестировать. Было арестовано около 50-ти человек и 26 — ранено.

Москва, 5-го декабря здесь произошли уличные демонстрации, организованные социалистами-революционерами. Нельзя сказать, чтобы организованы они были хорошо, а потому и прошли не совсем удачно. Началось на Тверской. Толпа (по преимуществу учащиеся, сравнительно мало рабочих — в общем около 1.000) двинулась от Страстного монастыря к генерал-губернаторскому дому с пением маршальезы и криками «долой самодержавие!» «долой войну!». Летели во все стороны прокламации. На развернутых знаменах (числом 4) надписи того же содержания. Дошли до Леонтьевского переулка, где были встречены отрядами околоточных и городских и произошла свалка. Городовые дрались шашками плашмя, некоторые стреляли, но, повидимому, холостыми или в воздух, так как об огнестрельных ранах не слышно. Демонстранты почти не сопротивлялись; одного городского кто-то ударил по голове палкой, и приставу пустили в глаза нюхательного табаку. Очень быстро возникла паника и демонстранты рассеялись по переулкам, оставив нескольких лежащих. Одновременно другая толпа пошла с противоположной стороны по Тверской и, тоже не достигнув генерал-губернаторского дома, была рассеяна. 3-я партия (как говорят, более многочисленная, и с большим % рабочих) пошла от Никитских ворот по Тверскому бульвару к памятнику Пушкина, около которого — новое побоище. Наконец, 4-я партия — по преимуществу рабочие — пошла от Арбатских ворот и прошла беспрепятственно до Смоленского рынка (здесь полиция не ожидала демонстрации). Рассеянные демонстранты собирались в новые группы и вновь поднимали знамена и начинали пение. Таким образом демонстрация произошла на Страстной площади, на Неглинной у Государственного Банка, на Б. Дмитровке, на Никитской, на Театральной площади, на Кузнецком. Полиция была отлично организована, действовала с правильностью машины и в стратегическом отношении оказалась на высоте положения. Кроме городских и дворников (согнанных со всей Москвы в числе, вероятно, несколько тысяч), этой, так-сказать, действующей армии, были мобилизованы конные жандармы, казаки, Сумский драгунский полк, оставшийся все время в резерве. В манеже стояла пехота, как уверяют, с боевыми патронами. Так как до участия кавалерии дело не дошло, то пострадавших сравнительно немного. На перевязочных пунктах (организованных заранее в частных домах) перебивало до 20 человек, главным образом с рублеными ранами в голову (у одного

студента — пять); известны: один с поврежденным глазом, один с перешибленным носом; убитых, кажется, нет. Арестованные если и были, то немного. Один очевидец рассказывает, что провели под конвоем 5 человек. Началось в час дня, кончилось часам к трем, хотя и после публика долго не расходилась и толпилась по улицам. Оригинальный прием: во время демонстрации по Тверской и переулкам возили Иверскую (икону). Местами это вызвало, естественно, свистки. Социал-демократы не участвовали, кроме, конечно, отдельных лиц.

Саратов. Эпоха «весны» отразилась чрезвычайно сильно на Саратове, где так много интеллигенции самых разнообразных направлений. Громадным количеством интеллигенции объясняется в значительной степени тот факт, что за последние месяца полтора здесь наблюдалось формирование либеральной партии. Насколько велика будет ее живучесть — сказать пока трудно (я склонен относиться довольно скептически к стойкости русского либерализма), но во всяком случае в настоящий момент оживление в городе громадное. Либералы устроили два банкета — 5-го и 20-го ноября, — которые в значительной степени способствовали подъему настроения в буржуазных слоях общества. На первом банкете, устроенном в виде приветствия земскому съезду в СПб., присутствовало около 400 чел., на втором — по поводу 40-летия судебных уставов — около 600 чел. На обоих банкетах говорилось либеральные речи о необходимости разных свобод и народного представительства, приняты и посланы были резолюции с подписями присутствующих в том же духе, в заключение же на обоих банкетах много ели и пили и зачастую возвращались домой в самом жалком состоянии.

Социал-демократы также не остались глухи к «весенним» песням и 20-го ноября также устроили громадное собрание, на котором присутствовало около 1.000 чел., преимущественно рабочих. Были произнесены речи на темы «об отношении рабочего класса к либералам», «о политической программе рабочей партии» и «о союзе радикальной интеллигенции с пролетариатом». Собрание приняло резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, прекращения войны и полной амнистии политическим преступникам. Далее в резолюции говорилось, что совместные действия всех оппозиционных элементов возможны лишь при условии решительного признания этих требований. Собранием была выбрана особая делегация, которая отвезла эту резолюцию на заседавший одновременно либеральный банкет. Там резолюция была прочтена и вызвала долго несмолкавшие аплодисменты. Надо, впрочем, в скобках заметить, что сначала появление делегации вызвало порядочный переполох среди либеральной публики...

Вологда. Недавно через Вологду проезжали, возвращаемые по манифесту, Архангельские ссыльные. Вологодские товарищи провожали их демонстративно на вокзал с пением революционных песен. На другой день 16 местных политиков (всего их в Вологде около 100) были вызваны к губернатору, который заявил, что если повторится что-либо подобное еще раз, все политики будут разосланы из Вологды по самым глухим местам губернии.

Недавно в Устюге один из политических ссыльных должен был отправиться по распоряжению губернатора в глухую деревню за резкий протест против царской милости, которую он получил по манифесту. Товарищ заявил, что он из Устюга не выедет, а вся устюжская колония объявила, что забаррикадируется и будет защищать его с оружием в руках; об этом решении тотчас же было дано знать Вологодским политикам, которые, получив такое известие, тотчас же, в два часа ночи, отправились к губернатору. Результатом их переговоров с последним явилось то, что подлежащий высылке товарищ оставлен в Устюге, но все устюжские ссыльные лишены царских милостей.

Правда ли? Нам пишут из Петербурга: «Здесь состоялся банкет пристава в Вологде. Присутствовали все пристава Петербурга, кроме трех. Собравшиеся решили, что существующий образ правления устарел и что нужно больше самостоятельности народу». За достоверность этого слуха не ручаемся, но, если это и басня, то хорошо придумана.

(В. Воровский).

[Примиренский ЦК и токийское правительство²⁾]. В немецких социал-демократических газетах сообщается: «Наши японские товарищи распространяли по поручению русских товарищей среди многих тысяч русских пленных в Японии революционные листовки. Это продолжалось несколько месяцев; в последнее время вмешались японские власти и воспретили социалистическую пропаганду среди русских солдат. Итак, царскому самодержавию покровительствуют японские власти!»

С этим сообщением интересно сопоставить другое. Как известно, летом 1904 г. ЦК нашей партии принял ряд, будто бы, примиренческих резолюций, направленных к раскиссированию доверителей ЦК,—партийного большинства. В числе неопубликованных пунктов этих резолюций имеется следующий п. 17: «Передать заведывающему экспедицией постановление ЦК о безусловном прекращении высылки партийной литературы токийскому правительству, как компрометирующей партию». Быстрота и натиск, которые обнаружил ЦК в своем «примиренском» походе против большинства, помешали членам этого учреждения заметить разницу между японскими социал-демократами и токийским правительством. Теперь, совместными усилиями ЦК и японских властей русские пленные избавлены от опасности заразиться ядом социал-демократического учения.

(М. Ольминский).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Сормово. 12-го августа началась стачка. Вышла она при следующих обстоятельствах. Вывесили табели штрафов, которые висели раньше в конторках по цехам. Увидевши, рабочие возмутились ими, да и нельзя было иначе. Штрафы стали ужасно прогрессировать: май дал заводу 12 руб., июнь—600 руб., июль—700 руб. По этим табелям штрафуются за опоздание в 5 мин., за порчу инструмента, за оскорбление мастера и т. д.

Протест начался в механическом отделе; потребовали снять табель, начальство стало друг на дружку ссылаться, тогда табели сорвали, потребовали инспектора (директор был в отлучке). К вечеру приехал Селивановский и фабричный инспектор Димитрат, пришли прямо в цех, мастеровые окружили их, но так как места оказалось для этого мало, то попросили на волю. Начались дебаты, которые продолжались с лишком час и, не добившись ничего, рабочие пошли домой с тем, что, если завтра будут опять висеть табели, они не будут работать, да и все так же. Утром пришли на работу, и инспектор тоже; на стенке снова были прибиты табели, тогда рабочие не принялись за работу, а стали группироваться в кучу и читать свои требования. Тогда Селивановский, чтобы прекратить, стал резко высказывать, что «никаких я не признаю требований, а должны повиноваться нашему». А этого только и надо было; все цехи дожидались результата, мастеровые вышли на волю и начали останавливать цехи, которые боялись, угрожая побить. Подошли к главной конторе и потребовали начальства, но они отказались, что не могут ничего сделать, тогда потребовали губернатора; дожидаться пришлось долго. И видать было, что они думали: подождут до обеда, а там дадим свисток, но это предвидели и пошли к Ламонову*), чтобы он приказал не давать свистка, и он уважил: не иначе—побоялся.

Около часу приехал вице-губернатор с войском. Войско поставили перед народом развернутым фронтом, а полковник вышел оратором по приказанию губернатора и начал уговаривать, но народ не переставал и стоял на своем. Видя упорство и нежелание расходиться, он приказал солдатам готовиться к стрельбе, заиграл горнист. Народ, видя это, отступил и направился вон из завода с громогласным криком «Да здравствует сормовская забастовка!», «Не будем работать до тех пор, пока не удовлетворят!». На другой день все-таки вышли в завод, но не работали, а подошли опять к

конторе и начали продолжать свои требования; полковник опять явился с множеством жандармов и полиции и начал обезьяничать и требовать депутатов, но, только что высунется депутат, его арестовывают. Вышли вон из завода и направились по большой улице к заводу Тер-Акопова; не дошли и половины, как конная полиция врзалась в толпу и начала мять, солдаты шли сзади, народ, не предвидя этого, бросился врасыпную. В это время захватили человек 25, а потом начались аресты. В понедельник вышли на работу, но все-таки удалось остановить. Видя, что невозможно ничего сделать, остановили завод, вывесили объявление, что весь народ считается уволенным. В это время выдумали такую штуку: кто желает работать на этих условиях, пускай идут записываться, а после начали рассчитывать. Это была хитрая выдумка. Пустили завод только 23 числа, уволили всего человек 800; некоторых выселили на родину.

Результат забастовки виден, уж так не штрафуют, а еще должны открыться глаза и у тех, кто был на ложном пути. И вперед выработана тактика, как можно остановить завод.

Письмо рабочего.

Воронеж. В телеграммах было объявлено о назначении командующего второй армией. В ту же ночь комитет выпустил листок ЦК «Новая мобилизация» с небольшим добавлением, написанным комитетским товарищем-рабочим. Этим листком рабочие зачитывались, о нем много говорили. Комитетские рабочие поспешили использовать это настроение. Уже давно в мастерских ж. д. все жаловались на чрезмерные штрафы и притеснения, а теперь стали заявлять об этом начальству. Далее рабочие вагонного цеха потребовали отмены штрафов, пригрозив забастовкой. Начальство отмалчивалось. Тогда весь цех бросил работу. Начальник мастерских Безобразов кричал, топал ногами и, наконец, заявил что исполнение рабочих требований зависит не от пего, а от начальства. По старой памяти рабочие вытребовали жанд. полковника. Царский шпион стал уверять, что он друг рабочих; заявил, что хозяева действительно эксплуататоры, что царь всегда заботился о рабочих, и для большей убедительности сердито попросил Безобразова удалиться. Затем жандарм вызвал выборных от рабочих. После некоторого колебания выборные вышли, и царский шпион стал доказывать, что напрасно рабочие бунтуют, что царь их друг, а враги—капиталисты: рабочим нужно соединиться с царем против хозяев, студентов и социалистов. Рабочие все это слушали, но все-таки требовали отмены штрафов. Жандарм обещал все исполнить, но добавил, что это зависит не от него, а от губернатора. Рабочие поверили и на другой день стали на работу. Вскоре вышла по этому поводу прокламация местного комитета. В ней разъяснялось значение забастовки, указывалось, кто друзья и кто враги рабочего класса, и указывался выход из тяжелого положения. Рабочие теперь уже дружелюбно стали смотреть и на прокламацию и на нелегальные книжки. Все чаще стали слышаться выражения: «рабочая партия», «социалисты», «наш комитет».

Большое место для комитета—хроническое безденежье. «Общество» охотнее дает деньги освобожденцам и соц.-революционерам. При этом говорят: «Ваша партия занимается только раздорами, всех ругает, требует неисполнимых вещей. Кому нужна была вся эта кампания против ваших экономистов? К чему теперешняя полемика внутри партии? Зачем ругают нас, либералов, сочувствующих революции?» Такие возгласы приходится слышать все чаще и чаще.

Бану. 13-го декабря вспыхнула стачка, охватившая целый ряд нефтяных промыслов и других производств в районе Балахан и Биби-Эйбата. Собрания стачечников, происходившие за городом, достигали 3.000 чел. При появлении полиции на одном из собраний рабочие разошлись и по дороге выбили окна в проходившем поезде. Были произведены многочисленные аресты, но большинство арестованных выпущено, за исключением 14-ти. 23-го дек. произошло столкновение между бастующими рабочими и продолжавшими работать; один рабочий был убит и 10—ранено. На другой день произошло столкновение с казаками: убито 5 рабочих, ранено—26; со стороны казаков один убит и несколько ранено. С 24-го дек. горят нефтяные вышки; сгорело уже около

*) Заведующий электр. отделом.

ста. Стачка продолжается, рабочие выставили требование 9-часового рабочего дня. Дальнейшие подробности неизвестны.

Нижегородский биржевой комитет послал телеграмму министру финансов, прося назначения правительственной комиссии для разбора столкновения промышленников с рабочими, так как стачка вредно отзывается на делах волжского пароходства.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюции конференции северных комитетов.

[Резолюция о Центральном Учреждении партии]. Конференция комитетов северного района, выслушав подробные отчеты делегатов, констатирует, что Ц. У-ия не явились политическими руководителями партии в переживаемый Россией важный исторический момент. Запоздалую же попытку Ц. У-ий стать во главе Партии, выразившуюся в «новом» плане *) ЦО и ЦК, конференция признает крайне неудачной и не может согласиться с той тактикой, которую рекомендует Ц. У-ия. В виду этого конференция к-ов [сев. района] 1) предлагает литературной группе Ленина обратиться к Партии с манифестом и объяснительным письмом о задачах Партии в данный исторический момент, исхода из резолюции, принятой конференцией по данному вопросу и 2) выражает свое недоверие Ц. У-иям, как политическим руководителям Партии.

Резолюция о съезде. Комитеты сев. района (Пет., Моск., Сев., Твер., Нижегород., Риж.), ознакомившись подробно с положением дел в Партии, приняли следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что 1) за съезд высказалось большинство старых и наиболее значительных организаций; 2) со стороны Ц. У-ий измышляется целый ряд препятствий к созыву съезда, как-то: постановления Совета, явно третирующие Партию; раскиссирование организаций, агитирующих за съезд; непечатание в ЦО целого ряда резолюций к-ов б-ва; искажение ЦК-м в его агитации против съезда фактов (напр., заявление Нижегород. к-у о том, что Одесский комитет взял обратно свою резолюцию за съезд, и ряд аналогичных заявлений в других к-ах), странный рост числа необходимых для созыва съезда голосов (с 13 в апреле до 17 в ноябре) — принимая все это во внимание конференция северного района постановила: обратиться в ЦК с официальным запросом, готов ли ЦК взять, наконец на себя немедленно созыв экстренного съезда, и просить дать в двухнедельный срок прямой ответ на данный запрос.

Передачу этого заявления ЦК и получение от него ответа конференция комитетов северного района поручила делегату петерб. ком-та. Резолюция принята единогласно.

Резолюция о литературной группе Ленина. Рассматривая литер. группу, руководимую тов. Лениным, как орган, выясняющий принципиальную позицию б-ства второго партийного съезда не только в вопросах организационных, но и программных и тактических, конференция комитетов северного района приветствует ее выступление и высказывает пожелание, чтобы данная группа расширила свою деятельность изданием пропагандистских брошюр и периодических бюллетеней. Отношение к данной группе Ц. У-ий партии вызывает со стороны конференции к-ов сев. района самый резкий протест.

Резолюция о приглашении представителя ЦК на конференцию сев. к-ов. Конф-ия к-ов сев. района, рассмотрев официальное предложение ЦК о приглашении его представителя на свои заседания, приняла след. резолюцию:

*) Конференция имеет в виду, очевидно, знаменитый план «Искры», изложенный в ее «Письме к партийным организациям» и принятый новым так-называемым ЦК-ом. План этот, предлагающий соглашения с земцами о непроизведении панического страха, разобран в брошюре Н. Ленина: «Земская кампания и план «Искры».

Ред.

В виду того, что данная конференция является частным совещанием к-ов сев. района,—приглашение ЦК для нее формально не обязательно. Принимая же во внимание, что 1) принципальная позиция ЦК вполне определилась, 2) отчеты ЦК о положении дел в партии известны представленным на конференции к-ам и 3) ЦК, уклонившись от политики партийности б-ства, не может уже содействовать объединению партии, что составляет одну из задач конференции,—принимая все это во внимание, конф-ия ком. сев. района постановила предложение ЦК о приглашении его представителя на заседания конференция отклонить.

Резолюция о бюро. Принимая во внимание: 1) фактической отсутствие идейного и практического центров, объединяющих отдельные к-ты в общепартийной работе; 2) крайне ненормальные внутрипартийные отношения, — и видя единственный выход из этого в созыве III съезда, конф-ия ком. сев. района выбирает особое бюро, поручая ему: 1) немедленную организацию съезда, предоставляя ему право в случае отрицательного ответа со стороны ЦК на предъявленный ему конференцией запрос объявить себя организационным комитетом. Время открытого выступления бюро в качестве О. К. конференция предоставляет усмотрению бюро; 2) идейное и практическое объединение партии вокруг принципиальной позиции б-ства, как одно из средств подготовки к съезду (издание и распространение литературы, распределение партийных работников, объединение местной работы). Конф-ия считает, что бюро должно объединить вокруг себя все к-ты б-ства. Официальное выступление предлагается лишь в крайнем случае, определение которого предоставлено самому бюро*).

*) Само собою разумеется, что бюро, выбранное северными комитетами, окончательно конституируется лишь по соглашению с уполномоченными южных и кавказских комитетов. Ред.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Список сидящих в московской тюрьме. Авдеев, Николай; Карпенко, Анна; Карпенко, Григорий (отбывают наказание, социал-демократы); Гурвич, Николай (арестован 6-го марта 1903 г.); Батырев, Валентин; Котельников, Константин; Лецинский, Михаил; Черномордик, Solomon (6-го июня 1903 г., социал-демократ); Крумбюгель, Леонид; Охрамовский, Сергей (5-го октября 1903 г., социалист-революционер); Ривкин, Григорий; Езерская, Лидия (29-го января 1904 г., социалистка-революционерка); Кнузняц, Богдан; Шнейерсон, Фани; (15-го февраля 1904 года, социал-демократка); Емельянова, Мария; Сорика, Евгения; Шаберникова, София; Мазурин, Владимир; Звонов, Николай; Троицкий, Александр; Фомин, Фома (май 1904 г., социалист-революционер); Бауман, Николай; Ленгник, Фридрих; Александров, Платон; Заважин, Александр; Белянчиков, Иван; Буданов, Дмитрий; Иванович, Зинаида; Тарасова, Александра; Медведева, Капитолина; Стасова, Елена (19-го июня 1904 г.); Вишняков, Михаил (19-го октября 1904 г.).

Нижегород-Новгород. По полученным сведениям, здесь провалились техники. Взято 2.000 экз. отпечатанных листов. Подробностей еще нет.

Список лиц, подлежащих аресту на границе:

18-го декабря, № 19771.

Б. уч. Вайнис, ст. Беер, С. Леопов, д. Кунц Беменкашта, Берлин, Борух Зальманов, Берсон, Янина, Бронглио (?) Фердинанд, Виноградова О., Гольдман Д. М., Гликман С. А., Гольденштейн Шарлота, Густантис И. К., Дубникова Д. М., Захoder, Изгоев, Коган-Гофштейн, Конторович, Котленко, Маневич, Милюков П. Ал., Мирюлюбова Е. И., Накашидзе, Некрасов Н. В., Перльшан, Новицкая, Рихтер В. Н., Сегалов Л. Л., Семенов С. Т., Чернов М. А., Шаумиан С. Г., Шнейерсон Ц. А.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено на издания большинства: от волгарей 265 фр. (100 р.); от NN на литер. 39 фр. 75 с. (15 р.); от Э. 30 фр. 75 с. (25 мар.); от Ф-ра 12 фр. 60 с. (10 шилл.); от земских служащих Московск. губ. 265 фр. (100 р.); из Питера—53 фр. 10 с.; от друга Нины 132 фр. 75 с. (50 р.); от Тани и Жени 80 фр.; от золотой Крышки через 1-ую берл. группу 25 фр. (20 мар.); в пользу даровых обедов и нуждающихся товарищей: из Монтрэ через тов. А. 52 фр.; от В. Т.—5 фр., от неизвестного через библиотеку 60 фр., из России—53 фр. 20 с.; из Лейпцига по подписному листу 61 фр. 65 с., от NN—2 фр.,

из Лозанны по подписному листу 5 фр. 75 с., от М. В. через библиотеку 60 фр.

Заявление. В Женеве существует «Библиотека и архив Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии» (Bibliothèque Centrale Russe, 91, rue de Carouge, 91, Geneve Suisse). Библиотека и ее бесплатная читальня открыты для всеобщего пользования. Администрация библиотеки просит поддержки деньгами, книгами, журналами и архивным материалом. Редакция «Вперед» с своей стороны поддерживает эту просьбу.

В издательстве нашей газеты вышла брошюра Н. Ленина: «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией».

Примечания.

Прим. 1. Предисловие, как и ряд очерков на эту же тему, написано рукой тов. Луначарского. Вся статья—неизвестным почерком (см. прим. 1-е к № 1).

Прим. 2. В рукописи заголовок написан тов. Воровским.

Российская
Социал-демократическая
Рабочая Партия

ВПЕРЕДЪ

Пролетарія всѣхъ странъ
соединяйтесь!

№ 3.

ЖЕНЕВА. 24 (11) ЯНВАРЯ

1905 г

Рабочая и буржуазная демократия.

Вопрос об отношении социал-демократии или рабочей демократии к демократии буржуазной есть старый и в то же время вечно новый вопрос. Он стар, ибо выдвинут с тех самых пор, как возникла социал-демократия. Его теоретические основы выяснены еще в самых ранних произведениях марксистской литературы, в «Коммунистическом Манифесте» и в «Капитале». Он вечно нов, ибо каждый шаг в развитии каждой капиталистической страны дает особое, оригинальное сочетание различных оттенков буржуазной демократии и различных течений в социалистическом движении.

И у нас, в России, этот старый вопрос сделался особенно новым в настоящее время. Чтобы отчетливее выяснить себе теперешнюю постановку, мы начнем с небольшой исторической справки. Старое русское революционное народничество стояло на утопической, полу-анархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социалистом. За либерализмом образованного русского общества ясно видели вождения русской буржуазии. Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии. Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось. Буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим, стала выясняться все более и более, одновременно с появлением и развитием пролетарской идеологии (социал-демократии) и массового рабочего движения. Но рост этого последнего сопровождался расколом среди социал-демократов. Ясно обнаружилось революционное и оппортунистическое крыло социал-демократии, выражавшие первое—пролетарские, второе—интеллигентские тенденции нашего движения. Легальный марксизм скоро на деле оказался «отражением марксизма в буржуазной литературе» и через бернштейннианский оппортунизм дошел прямоком до либерализма. Экономисты в социал-демократии, с одной стороны, увлекались полу-анархической концепцией чисто-рабочего движения, считали поддержку буржуазной оппозиции социалистами изменой классово-политической точки зрения, заявляли, что буржуазная демократия в России есть фантом. С другой стороны, экономисты другого оттенка, увлекаясь тем же чисто-рабочим движением, упрекали революционных социал-демократов в игнорировании той общественной борьбы с самодержавием, которую ведут наши либералы, земцы, культурники.

Старая «Искра» показывала элементы буржуазной демократии в России еще тогда, когда многие не ви-

дели их. Она требовала поддержки этой демократии пролетариатом (см. № 2 «Искры» о поддержке студенческого движения, № 8 о нелегальном земском съезде, № 16 о либеральных предводителях дворянства, № 18 о брожении в земстве и др.). Она отмечала постоянно классовый, буржуазный характер либерального и радикального движения и говорила по адресу влиятельных освободителей: «Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк однажды назвал саморезываньем и самозапрятываньем, не условной ложью дипломатического взаимопризнания, а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы» (№ 26).

Эта постановка вопроса старой «Искрой» вплотную подводит нас к теперешним спорам об отношении социал-демократов к либералам. Как известно, начались эти споры со второго съезда, вынесшего две резолюции, соответствующие точке зрения большинства (резолюция Плеханова) и меньшинства (резолюция Старовера). Первая резолюция точно указывает классовый характер либерализма, как движения буржуазии, и выдвигает на первый план задачу выяснять пролетариату антиреволюционный и противпролетарский характер главного либерального направления (освобожденства). Признавая необходимость поддержки пролетариатом буржуазной демократии, эта резолюция не впадает в политиканское взаимопризнание, а, в духе старой «Искры», сводит дело к совместности в борьбе: «поскольку буржуазия является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом, постольку соц.-демократы «должны поддерживать» ее.

Наоборот, резолюция Старовера не дает классового анализа либерализма и демократизма. Она полна добрых намерений, она сочиняет условия соглашения возможно более высокие и хорошие, но, к сожалению, фиктивные, словесные: либералы или демократы должны заявить то-то, не выставляя требований никаких, сделать своим лозунгом то-то. Как будто бы история буржуазной демократии везде и всюду не предостерегала рабочих от веры в заявления, требования и лозунги! Как будто бы история не показывала нам сотни примеров, когда буржуазные демократы выступали с лозунгами не только полной свободы, но и равенства, с лозунгами социализма, не переставая от этого быть буржуазными демократами и этим внося еще больше «затемнения» сознания пролетариата! Интеллигентское крыло социал-демократии хочет бороться против этого затемнения предъявлением условий (буржуазным демократам) о незатемнении! Пролетарское крыло борется анализом классового содержания демократизма. Интеллигентское крыло гонится за словесными

условиями соглашений. Пролетарское—требует фактической совместности борьбы. Интеллигентское крыло сочиняет мерку хорошей, доброй и заслуживающей соглашения с нею буржуазии. Пролетарское—никакой доброты от буржуазии не ожидает, а поддерживает всякую, хотя бы и самую худую буржуазию—постолюку, поскольку она на деле борется против царзма. Интеллигентское крыло сбивается на точку зрения торгашества: если встанете на сторону социал-демократов, а не соц.-революционеров, тогда мы согласны войти в соглашение против общего врага, а то так нет. Пролетарское крыло стоит на точке зрения целесообразности: мы вас поддерживаем исключительно в зависимости от того, можем ли мы ловчее нанести хоть какой-нибудь удар нашему врагу.

В своих статьях №№ 77 и 78 «Искра» развивает резолюцию Старовера. Основной мыслью этих статей является различие между земцами и буржуазной демократией. Это различие проходит красной нитью через обе статьи, при чем вместо термина буржуазная демократия и на-ряду с ним употребляются, как равнозначные, термины: демократия, радикальная интеллигенция (sic!), нарождающаяся демократия, интеллигентная демократия. Это различие возводится новой «Искрой» в великое открытие, в оригинальную концепцию, «которой не дано было уразуметь» бедному Ленину. Демократия должна действовать самостоятельно в качестве самостоятельной силы. «Российский либерализм, от которого отнята его исторически-необходимая часть, его движущий нерв (слушайте!), его буржуазно-демократическая половина, годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами». В ленинской концепции «русского либерализма не было места таким общественным элементам, на которые социал-демократия могла бы оказать когда бы то ни было (!) свое воздействие в качестве авангарда демократии».

Такова новая теория. Как и все новые теории теперешней «Искры», она представляет из себя сплошную путаницу. Во-первых, неосновательна претензия на «открытие» интеллигентной демократии. Во-вторых, неверно различие земского либерализма и буржуазной демократии. В-третьих, несостоятельно мнение, что интеллигенция может стать самостоятельной силой. В-четвертых, несправедливо утверждение, что земский либерализм (без «буржуазно-демократической» половины) годен лишь для бичевания. Разберем все эти пункты.

Ленин будто бы игнорировал нарождение интеллигентной демократии и третьего элемента.

Открываем «Зарю» № 2—3. Берем то самое внутреннее обозрение, которое цитируется в фельетоне Старовера. Читаем заголовки отдела третьего: «Третий элемент». Перелистываем этот отдел и читаем о «росте числа и влияния служащих в земстве врачей, техников и т. п.», читаем о «непокорном экономическом развитии, вызывающем потребность в интеллигентах, число которых все возрастает», о «неизбежности конфликтов этих интеллигентов с бюрократией и с управскими воротилами», о «прямо-эпидемическом характере этих конфликтов в последнее время», о «непримиримости самодержавия с интересами интеллигенции вообще», читаем прямой призыв в этих элементах «под знамя» социал-демократии...

Неправда ли, хорошо? Новооткрытая интеллигентная

демократия и необходимость ее призыва под знамя социал-демократии «открыты» зловредным Лениным три года назад!

Конечно, тогда не было еще открыто противопоставление земцев и буржуазной демократии. Но это противопоставление так же умно, как если бы мы сказали: Московская губерния и территория Российской империи. Земцы-цензовики и предводители дворянства суть демократы, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен в разных степенях весь и всякий буржуазный демократизм. Передовица № 77 «Искры» анализирует наш либерализм, деля его на группы: 1) крепостники-помещики; 2) либералы-помещики; 3) интеллигенция либеральная, стоящая за цензовую конституцию и 4) крайняя левая—демократическая интеллигенция. Этот анализ—неполный и путанный, ибо интеллигентские деления смешиваются с делением разных классов и групп, интересы которых выражает интеллигенция. Кроме интересов широкого слоя помещиков, русский буржуазный демократизм отражает интересы массы торговцев и промышленников, преимущественно средних и мелких, а также (что особенно важно) массы хозяев и хозяйчиков среди крестьянства. Игнорирование этого наиболее широкого слоя русской буржуазной демократии есть первый пробел в анализе «Искры». Вторым пробелом есть забвение того, что русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо распадается по своей политической позиции на три русла: освобожденческое, социалистско-революционное и социал-демократическое. Все эти направления имеют за собой длинную историю и каждое выражает (с возможной в самодержавном государстве определенностью) точку зрения умеренных и революционных идеологов буржуазной демократии и точку зрения пролетариата. Нет ничего курьезнее, как невинное пожелание новой «Искры»: «демократия должна действовать в качестве самостоятельной силы», при чем тут же рядом демократия отождествляется с радикальной интеллигенцией! Новая «Искра» позабыла, что радикальная интеллигенция или интеллигентная демократия, ставшая «самостоятельной силой», это и есть наша «партия социалистов-революционеров»! Стоять на почве буржуазной демократии и двигаться влево от «Освобождения»—значит двигаться к социалистам-революционерам и никуда более.

Наконец, еще менее выдерживает критику последнее новое открытие новой «Искры», именно, что «либерализм без буржуазно-демократической половины» годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами, что «идею гегемонии разумнее выбросить за борт», если не к кому обращаться кроме земцев. Всякий либерализм годен на то, чтобы социал-демократия поддерживала его ровно постольку, поскольку он на деле выступает борцом против самодержавия. Именно, эта поддержка единственным последовательным до конца демократом, т.е. пролетариатом, всех не последовательных (т.е. буржуазных) демократов и осуществляет идею гегемонии. Только мелкобуржуазное, торгашеское понимание гегемонии видит суть ее в соглашении, во взаимопризнании, в словесных условиях. С пролетарской точки зрения, гегемония в войне принадлежит тому, кто борется всех энер-

гичнее, кто пользуется всяким поводом для нанесения удара врагу, у кого слово не расходится с делом, кто является поэтом идейным вождем демократии, критикующим всякую половинчатость *). Глубоко ошибается новая «Искра», думая, что половинчатость есть моральное, а не политико-экономическое свойство буржуазной демократии, думая, что можно и должно подыскать такую мерку половинчатости, до которой либерализм заслуживает лишь скорпионов, за которой он заслуживает соглашения. Это именно значит «заранее определять меру допустимой подлости». В самом деле, вдумайтесь в следующие слова: ставить условием соглашения с оппозиционными группами признание ими всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права—значит «преподносить им неотразимый реактив своего требования, лакмусову бумажку демократизма, и класть на весы их политического расчета всю ценность пролетарского содействия» (№ 78). Как красиво это написано! и как хочется сказать автору этих красивых слов, Староверу: друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво! Г. Струве одним росчерком пера отразил неотразимый реактив Старовера, когда написал в программе «Союза Освобождения» всеобщее избирательное право. И тот же самый Струве на деле уже не раз доказал нам, что все эти программы для либералов—простая бумажка, не лакмусова, а обыкновенная бумажка, ибо буржуазному демократу ничего не стоит сегодня написать одно, а завтра другое.

Наивная вера Старовера в неотразимость бумажных реактивов приводит его и к той великой идее, что поддерживать несогласных на всеобщее избирательное право буржуа в их борьбе с царизмом—значит «сводить на-нет идею всеобщего избирательного права!». Может-быть, Старовер напишет нам еще один красивый **) фельетон, доказывая, что, поддерживая монархистов в их борьбе с самодержавием, мы сводим на-нет «идею» республики? В том-то и беда, что мысль Старовера беспомощно вертится в рамках условий, лозунгов, требований, заявлений и упускает из виду единственный реальный критерий: степень фактического участия в борьбе. От этого на практике неизбежно получается подкрашивание радикальной интеллигенции, с которой объявляется возможным «соглашение». Интеллигенция, в насмешку над марксизмом, объявляется «движимым нервом» (а не красноречивым слугой?) либерализма.

*) Примечание для проницательного новоискровца. Вы возразите: борьба пролетариата против самодержавия без всяких условий с буржуазией поведет к обману пролетариата буржуазией. Мы ответим: а неужели «условия», т.е. обещания, могут гарантировать от обмана?

**) Еще маленький образчик прозы нашего Аркадия Николаевича: «Всякий тот, кому за последние годы приходилось следить за общественной жизнью России, не мог, без сомнения, не заметить усиленной демократической тяги к обнаженной от всех идеологических наслоений, от всяких пережитков исторического прошлого, к неподкрашенной идее конституционной свободы. Эта тяга была в своем роде реализацией долгого процесса молекулярных изменений в среде демократии, ее овидиевых превращений, заполнявших своей калейдоскопической пестротой внимание и интерес целого ряда сменявшихся поколений на протяжении двух десятилетий». Жаль, что это неверно, ибо идея свободы не обнажается, а именно подкрашивается идеализмом у новейших философов буржуазной демократии. Жаль также, что через все калейдоскопически-пестрые овидиевы превращения Старовера и Мартова проходит обнаженная тяга к фразе.

Французские и итальянские радикалы награждаются званием людей, коим чужды антидемократические или антипролетарские требования, хотя всякий знает, что эти радикалы не раз изменяли своим программам и затемнили сознание пролетариата, хотя в том же номере (№ 78) «Искры» на следующей (7-ой) странице вы можете прочитать, как монархисты и республиканцы в Италии оказались «за одно в борьбе с социализмом». Резолюция саратовских интеллигентов (санитарного общества) о необходимости участия представителей всего народа в законодательстве объявляется «действительным голосом (!!) демократии» (№ 77). Практический план участия пролетариев в земской кампании сопровождается советом «вступить в некоторое соглашение с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии». На вопрос Ленина, куда девались пресловутые староверовские условия соглашений, редакция новой «Искры» отвечала (2-ое «письмо»):

«Эти условия должны быть всегда в памяти членов партии, и последние, зная, на каких условиях партия только и согласна формально вступить в политические соглашения с демократической партией, морально обязаны и при частных соглашениях, о которых идет речь в письме, строго различать между надежными представителями буржуазной оппозиции—действительными демократами—и либеральными пенкоснимателями».

Со ступеньки на ступеньку. На ряду с партийным соглашением (единственно допустимым, по резолюции Старовера) явились частные соглашения в отдельных городах. На ряду с формальными соглашениями явились моральные. Словесное признание «условий» и их «моральной» обязательности оказалось дающим звание «надежного» и «действительного демократа», хотя всякий ребенок понимает, что десятки и сотни земских говорунов сделают любые словесные заявления, уверят даже честным словом радикала, что они социалисты, лишь бы успокоить социал-демократов.

Нет, пролетариат не пойдет на эту игру в обещания, заявления и соглашения. Пролетариат никогда не забудет, что надежными демократами не могут быть буржуазные демократы. Пролетариат будет поддерживать буржуазную демократию не на основании сделок с ней о непроизведении панического страха, не на основании веры в ее надежность, а поддерживать тогда и постольку, когда и поскольку она на деле борется с самодержавием. Такая поддержка необходима в интересах достижения самостоятельных социально-революционных целей пролетариата.

(Н. Ленин).

Политика уступок¹⁾.

Указ 12 декабря.

Самодержавие снова делает шаг к своему разрушению, неверный, колеблющийся шаг, но все-таки ясно отмечающий прогресс в разложении царизма. По поводу манифеста 26 февраля 1930 г. я писал: «Ясно, что русское самодержавие хочет вступить на путь компромиссов, но теперь уже поздно; есть лишь два выхода: демократическая конституция или столкновение, в результате которого никто не сомневается, и которое мы пред-

почтем» *). Тогда путь компромиссов можно было только предсказывать, теперь же вполне ясно, что самодержавие его ищет.

И не без основания.

Бывают моменты, когда у общества, недовольного своим политическим положением, возмущенного народными бедствиями, пробуждается страстное искание свободы и желание, самому устраивать свои политические судьбы. Россия переживает именно такой момент: все начинают чувствовать, что так жить больше нельзя.

Кажется, еще немного—и сами правящие останутся в недоумении перед своей разрушительной работой. Но... прошел острый кризис, снова тянутся обывательские будни, и начинаются мечты о близких «исполнимых» делах. Подобные колебания общественного настроения показывают, что общество еще не доросло до полного сознания необходимости свободы, оно только ненавидит деспотизм, давящий на каждом шагу, но еще не понимает [или не хочет понять] разницы между властью народа и [первоначальнейшими гражданскими] правами, т.-е. простыми гарантиями мирного существования.

На [смешении этих понятий] и спекулирует «Высочайший указ» 12-го декабря. Написан [он] новым, не с а м о д е р ж а в н ы м, языком; [в нем] явно проглядывает желание успокоить общественное мнение: «Когда потребность той или другой перемены оказывается назревшей, то к совершению ее мы считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызвало внесение в законодательство с у щ е с т в е н н ы х и з м е н е н и й». Официозный комментатор А. Суворин так развивает это положение: «Высочайший указ носит прекрасное заглавие: «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Не было на моей памяти закона, который носил бы такое заглавие и упоминал о «государственном порядке», о необходимости его «усовершенствования»... Дело идет не о том, чтобы положить заплату и зашить там, где распоролось. Дело идет о большом творчестве».

Итак, вопрос поставлен ясно: вот вам уступки,—если вы недовольны, то торгуйтесь, мы можем обещать и «существенные изменения».

При такой решительной постановке вопроса наше либеральное общество задумалось. Всем было понятно только одно: правительство хочет пойти на компромисс; об этом прямо заявляют тверские дворяне в своем постановлении: «Тверское дворянство признает, что и жизненное разрешение задач, намеченных в высочайшем указе от 12-го декабря, и д у щ е м н а в с т р е ч у я с н о в ы р а ж е н н ы м ж е л а н и я м р у с с к о г о о б щ е с т в а, и всякая плодотворная законодательная работа возможны лишь при участии свободно избранных представителей населения». Из всех появившихся пока в печати заявлений это самое либеральное; остальные прямо повергаются к стопам. Такое быстрое успокоение показало, что русское либеральное общество ищет не свободы, а реформ, облегчающих существование.

[В то время, как ведутся переговоры между правительством и верхами общества], народ кажется неподвижным, но в подпольной России идет кипучая работа, и [народ все внимательнее] прислушивается к

ней. Эта скрытая работа все чаще и чаще проявляется наружу, охватывает все большие круги, создает революционное настроение массы, раньше неизвестное в России. И с этой новой величиной придется считаться и правительству, и либералам. Можно обманывать политические группы, всегда можно увлечь несознательную толпу чисто внешними уступками, но раз пролетариат сознал свои интересы, он превращается в крупную политическую силу, которая меньше всего поддается на уступки. Буржуазное общество, боясь революции не меньше деспотизма, готово на мирное решение столкновения. [Пролетариат], сознавая свою силу, стремится расширить поле своей деятельности, и [при таких условиях] уже невозможно отделаться уступками. Всякая реформа, всякий, хотя бы и «осторожный» шаг правительства только подливает масла в огонь и не умеряет революционного возбуждения, а придает ему смелости. Требования народа не являются в виде цельной системы, они дробны, частичны, даже мелки, но все вместе они разрушают старый порядок. Подобное же настроение отмечает Токвиль накануне великой революции во Франции: «Я внимательно прочел указы 1789 г. всех трех сословий. Я видел, что в одном месте просят об отмене какого-нибудь закона, в другом—какого-нибудь обычая, и я отмечал все требования. Когда был доведен до конца этот огромный труд, когда были собраны вместе эти отдельные заявления, я заметил с некоторого рода ужасом, что требовали одновременно и систематически уничтожения всех законов, всех обычаев, существовавших в стране; я тотчас же увидел, что дело идет об огромнейшей и опаснейшей революции. И те, кому на другой день предстояло пасть ее жертвами, ничего не знали; они думали, что полная и неожиданная перемена общества, такого старого и сложного, сможет совершиться без толчков с помощью разума». В таком же положении находится и Россия. Если собрать воедино все требования, то от царизма ничего не останется. Повидимому, этого не сознают еще ни правящие, ни управляемые. Но падение царизма не может быть простым актом самоупражнения в результате давления либеральных верхов,—нет, это будет сложный процесс борьбы общественных групп и классов, в которой пролетариат должен захватить совершенно самостоятельное и последовательно революционное положение. Мы отнюдь не говорим, что пролетариат должен выступать изолированно, одиноко—напротив, он должен призвать к делу революции «возможно более широкие массы угнетенного и бесправного народа. Перед лицом наступающей народной революции совершенно побледнеет значение начатых правительством переговоров. Ставо главе восставшего народа, пролетариат скажет самодержавию: «суд идет!».

В. С. (В. Северцов).

Р. С. Напечатанная выше статья была получена редакцией с некоторым опозданием; редакция готова была признать ее устаревшей, когда в № 81 «Искры» появились две замечательные строчки, напечатанные курсивом: «переговоры правительства с обществом кончились,—пора заговорить народу!».

Если кардинал Ришелье преувеличивал, говоря, что в каждом двух строчках можно найти за что повесить их автора, то во всяком случае двух вышеприведенных

*) «Искра» № 37. «Ограничение царской власти».

строчек «Искры» достаточно, чтобы запретить их автору раз навсегда писать руководящие политические статьи.

«Переговоры кончились». Откуда взял это почтенный новоискровец? Переговоры только еще начинаются, как справедливо отмечает тов. В. С. Неужели «Искра» полагает, что народ должен пребывать в почтительном безмолвии, пока ведутся переговоры? Быть-может, это lapsus? Но, ведь, lapsus'ов не печатают курсивом. Нет, дело тут поглубже. Народ начинает подымать свой голос, и, верная своим хвостистским принципам, новая «Искра» готова осветить своим «авторитетом» самые решительные формы борьбы, забыв, наконец, свой страх, как бы не послужить «рычагом реакции». Памятуя, что нам предстоит «буржуазная революция», новая «Искра» сделала из этого странный вывод, что первыми скрипками не только после революции, но и во время ее явятся верхние слои общества. «Искра» старалась направить все внимание соц.-дем. и пролетариата на воздействие «вверх»: легонечко подталкивать либералов на их собраниях отнюдь их не запугивая. Понимая, однако, что привилегированные скрипки отнюдь не желают заиграть «марсельезу», а все сбиваются на «боже, царя храни», «Искра» обратила свое благосклонное внимание на внеклассовую интеллигенцию, на вторые скрипки. При помощи «лакмусовой» бумажки Староверу удалось открыть существование щелочной и кислотной демократии. «Искра», как бог у Мармеладова, поставила земских либералов ошую, «третий элемент» одесную, и первым сказала: «вы годны только для того, чтобы вас бичевать скорпионами!». Стоящим же по правую руку «Искра» устами Старовера изрекла: «свины вы! И даже зигзагов к моему удивлению продавали недостаточно, но все-таки войдите в царствие небесное» *). Ни о какой другой демократии «Искра» не заботилась. Воздействие сознательного пролетариата на общественные низы — на крестьянство, ремесленников, низших чинов и особенно на малосознательных товарищей-рабочих — «Искра» находила тактикой «низшего типа». Между тем в переживаемый нами момент именно революционное воздействие на низы имеет первостепенное значение. Если сознательный пролетариат будет опираться не на революционную силу пролетарских масс, городской бедноты, измученного самодержавием крестьянства, а стараться лишь о том, как бы повлиять на судьбу переговоров и переманить на свою сторону отдельные кучки интеллигенции, тогда можно сказать с уверенностью: мы не добьемся демократической конституции.

Революции не делают — да, но ее готовят, ей действуют. Признаки ее приближения — либеральные банкеты и розовые цветочки земского красноречия — нельзя принимать за сущность революции, хотя бы буржуазной.

Две строчки «Искры», конечно, нелепы: «переговоры кончились, — пора заговорить народу». Народу всегда «пора» говорить, какой бы фазис ни переживали «переговоры». Курсивные строчки являются ласточкой, предвещающей новый зигзаг в новом курсе «Искры»: она готова сдать в архив свои «высшие формы» борьбы, но старается оправдать такое поведение неверной и смехотворной ссылкой на то, будто «переговоры кончились».

*). Относительно всего этого пассажа см. фельетон Старовера в № 73 «Искры».

От народничества к марксизму.

Статья первая.

На - днях одна легальная газета выразила мнение, что теперь не время указывать на «противоречия» интересов различных классов, выступающих против самодержавия. Мнение это не ново. Мы встречаем его на страницах «Освобождения» и «Рев. России», конечно, с теми или иными оговорками. Естественно, что такой взгляд господствует среди представителей буржуазной демократии. Что касается социал-демократов, то среди них не может быть двух мнений по этому вопросу. Совместная борьба пролетариата и буржуазии против самодержавия не должна и не может заставить пролетариат позабыть о враждебной противоположности его интересов и интересов имущих классов. А выяснение этой противоположности необходимо требует выяснения глубоких различий между воззрениями различных направлений. Из этого никак не следует, разумеется, что мы должны отказываться от тех временных соглашений со сторонниками других направлений, которые второй съезд нашей партии признал допустимыми для социал-демократов и с социалистами-революционерами и с либералами.

Социал-демократы считают социалистов-революционеров представителями крайней левой фракции нашей буржуазной демократии. Соц.-рев. негодуют на это и видят в таком мнении не что иное, как скверное стремление унижить противника и заподозрить чистоту его намерений и добросовестность. На самом же деле такое мнение не имеет ничего общего ни с каким заподозрением, будучи лишь марксистской характеристикой классового происхождения и классового характера воззрений соц.-рев. Чем яснее и определеннее излагают свои воззрения соц.-рев., тем более подтверждается марксистская характеристика их воззрений. Громадный интерес представляет, в этом отношении, проект программы партии соц.-рев., напечатанный в № 46 «Рев. России».

Проект представляет из себя значительный шаг вперед, не только в отношении большей ясности изложения принципов. Прогресс сказывается и в содержании принципов, прогресс от народничества к марксизму, от демократизма к социализму. Плоды нашей критики, направленной против соц.-р-ов, налицо: критика заставила их с особенной силой подчеркнуть свои социалистические благие намерения и свои общие с марксизмом воззрения. Тем ярче выступают черты старых народнических, расплывчато-демократических воззрений. Тому, кто упрекнул бы нас в противоречии (с одной стороны, признание социалистических благих намерений соц.-рев., с другой стороны, характеристика их социальной природы, как буржуазно-демократической), мы напомним, что еще в «Коммунистическом Манифесте» анализированы были образчики социализма не только мелко-буржуазного, но и буржуазного. Благие намерения быть социалистом не исключают буржуазно-демократической сущности.

Три основные черты миросозерцания соц.-рев. выступают пред нами при ознакомлении с проектом. Во-первых, теоретические поправки к марксизму. Во-вторых, пережиток народничества во взглядах на трудовое

крестьянство и аграрный вопрос. В-третьих, такой же пережиток народнических мнений о небуржуазном, буд-то бы, характере предстоящей России революции.

Я сказал: поправка к марксизму. Именно так. Весь основной ход идей, весь остов программы свидетельствует о победе марксизма над народничеством. Это последнее все еще живет (при помощи впрыскиваний ревизионизма самой последней моды), но лишь в виде частичных «исправлений» марксизма. Возьмите главную обще-теоретическую поправку: теорию благоприятного и неблагоприятного отношения между положительными и отрицательными сторонами капитализма. Эта поправка, поскольку она не сводится к одной путанице, есть внесение в марксизм старого русского субъективизма. Признание «творческой» исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего «социальную силу», способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством и переход к марксизму. В основу теории социализма кладется объективное развитие экономики и классового деления. Поправка: «в некоторых отраслях промышленности в особенности же земледелии, и в целых странах» отношение положительных и отрицательных сторон капитализма «становится (вот даже как!) все менее и менее благоприятным». Это—повторение Герца и Давида, Ник—она и В. В. со всей его теорией об особых «судьбах капитализма в России». Отсталость России вообще и русского земледелия в особенности выступает уже не как отсталость капитализма, а как самобытность, оправдывающая отсталые теории. Наряду с материалистическим пониманием истории проглядывает стародавний взгляд на интеллигенцию, которая, будто бы, в состоянии выбирать более или менее благоприятные пути для отечества и стать внеклассовым судьей капитализма, а не выразителем класса, который порождается как-раз в силу разрушения старых форм жизни капитализмом. Чисто по-народнически упускается из виду тот факт, что капиталистическая эксплуатация в России приобретает особенно отвратительные формы вследствие переживания стношений докапиталистических.

Еще яснее народническая теория выступает в рассуждениях о крестьянстве. Во всем проекте употребляются без различия слова: трудящиеся, эксплуатируемые, рабочий класс, трудовая масса, класс эксплуатируемых, классы эксплуатируемых. Если бы авторы подумали хоть над этим последним, нечаянно сорвавшимся у них выражением (классы), то они поняли бы, что трудятся и подвергаются эксплуатации при капитализме не только пролетарии, но и мелкие буржуа. Про наших соц.-рев. приходится сказать то же, что было сказано про легальных народников: им предстояла честь открыть невиданный в мире капитализм без мелкой буржуазии. Они говорят о трудовом крестьянстве, закрывая глаза на тот доказанный, изученный, подсчитанный, описанный, разжеванный факт, что среди этого трудового крестьянства сейчас уже безусловно преобладает у нас крестьянская буржуазия, что зажиточное крестьянство, несомненно, имея право на звание трудящегося, тем не менее не обходится без найма работников и держит в своих руках уже теперь больше половины производительных сил крестьянства.

Прекурьезна, с этой точки зрения, та задача, которую ставит себе партия соц.-рев. в программе-миним-

мум: «использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся». Эта задача кажется, на первый взгляд, совершенно безвредным, чисто-академическим повторением давно опровергнутых и теорией, и жизнью общинных утопий. Но, на самом деле, перед нами стоит тут насущный политический вопрос, решение которого русская революция обещает дать в ближайшем будущем:—Кто кого использует? революционная ли интеллигенция, мнящая себя социалистической, использует в интересах борьбы с буржуазно-собственническими началами трудовые воззрения крестьянства? или буржуазно-собственное и в то же время трудовое крестьянство использует социалистическую фразеологию революционно-демократической интеллигенции в интересах борьбы против социализма?

Мы думаем, что осуществится вторая перспектива (вопреки воле и сознанию наших оппонентов). Мы убеждены, что она осуществится, ибо она уже на девять десятых осуществилась. Именно «буржуазно-собственническое» (и в то же время трудовое) крестьянство использовало уже в своих интересах социалистическую фразеологию народнической, демократической интеллигенции, которая своими артелями, кооперациями, травосеяниями, плужками, земскими складами, банками мнила поддержать «трудовые традиции и формы жизни», а поддержала на деле развитие капитализма внутри общины. Русская экономическая история уже доказала таким образом то, что завтра будет доказано русской политической историей. И вся задача сознательного пролетариата состоит в том, чтобы, отнюдь не отказываясь от поддержки прогрессивных и революционных стремлений буржуазного трудового крестьянства, разъяснить сельскому пролетариату неизбежность завтрашней борьбы против этого крестьянства, разъяснить ему действительно социалистические цели в отличие от буржуазно-демократических мечтаний об уравнительном пользовании. Вместе с буржуазным крестьянством против остатков крепостничества, против самодержавия, попов, помещиков, вместе с городским пролетариатом против буржуазии вообще и буржуазного крестьянства в частности,—вот единственно правильный лозунг сельского пролетария, вот единственно правильная аграрная программа российской социал-демократии в настоящий момент. Именно такая аграрная программа и принята нашим вторым съездом. Вместе с крестьянской буржуазией за демократию, вместе с городским пролетариатом за социализм,—этот лозунг будет усвоен деревенской беднотой гораздо прочнее, чем блестящие, но мишурные лозунги народничающих социалистов-революционеров.

Мы подошли теперь к третьему из намеченных выше главных пунктов проекта. Авторы его порвали уже со взглядом последовательных народников, которые были против политической свободы, способной-де лишь передать власть в руки буржуазии. Но остатки народничества выступают очень ясно, когда проект дает характеристику самодержавия и отношение к нему разных классов. И здесь,—как и всегда,—мы видим, что первые же попытки мелко-буржуазной революционной

интеллигенции изложить точно понимание действительности ведут неминуемо к полному изобличению противоречивости и устарелости ее точки зрения. (Заметим поэтому, в скобках, что именно к вопросу о понимании действительности надо сводить всегда споры с соц.-рев., ибо только этот вопрос вскрывает отчетливо причины нашего глубокого политического расхождения).

«Более реакционный, чем где-либо,— читаем в проекте,— класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в покровительстве самодержавия против пролетариата... Это неверно, ибо нигде в Европе не сказывается так, как у нас, равнодушие передовых буржуа к самодержавной форме правления. Недовольство самодержавием усиливается среди буржуазии несмотря на боязнь пролетариата,— отчасти уже просто потому, что полиция при всей ее безмерной власти не может вытравить рабочего движения. Говоря о «классе» крупных промышленников, проект смешивает подразделения и фракции буржуазии со всей буржуазией, как классом. Это тем более неправильно, что именно средних и мелких буржуа всего менее способно удовлетворить самодержавие.

«... Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждаются в такой же поддержке против трудовых масс деревни... Вот как? Откуда же земский либерализм? Откуда взаимное влечение культурнической (демократической) интеллигенции к хозяйственному мужичку и обратно? Или кулак не имеет ничего общего с хозяйственным мужичком?

«... Существование самодержавия становится в неприемлимое и прогрессивно-обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны»...

Ну, вот и довели свои послышки до абсурда! Разве мыслимо такое «непримиримое противоречие» со всем хозяйственным и проч. ростом страны, которое бы не выражалось в настроении хозяйственно-командующих классов?? Одно из двух. Или самодержавие действительно непримиримо с хозяйственным ростом страны. Тогда оно непримиримо также и с интересами всего класса промышленников, торговцев, помещиков, хозяйственных мужичков. Что именно этот класс держит в руках «наш» хозяйственный рост с 1861 г., это, вероятно, не безызвестно и соц.-революционерам (хотя они у В. В. учились обратному). Что правительство, непримиримое с классом буржуазии вообще, может спекулировать на раздоры между фракциями и слоями буржуазии, мириться с протекционистами против фритредеров, опираться на один слой против другого и тянуть такую эквилибристику годами и десятилетиями,— этому учит вся европейская история. Или же у нас и промышленники, и помещики, и крестьянские буржуа «все сильнее нуждаются» в самодержавии. Тогда придется принять, что они, хозяйственные владыки страны, не понимают, взятые даже в целом, как класс, интересов хозяйственного роста страны, что этих интересов не понимают даже передовые, образованные и интеллигентные представители и вожди этих классов!

Но не естественнее ли принять, что не понимают дела наши соц.-рев.-неры? Посмотрите: немного дальше они сами признают «наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы образованного

общества». Неужели наше образованное общество не есть общество буржуазное? Неужели оно не связано тысячами нитей с торговцами, промышленниками, помещиками, хозяйственными мужичками? Неужели Россия бог судил переживать такой капитализм, в котором либерально-демократическая оппозиция не представляет из себя буржуазно-демократической оппозиции? Неужели соц.-революционеры знают такой исторический пример, неужели они могут представить себе такой случай, когда бы оппозиция буржуазии самодержавию выражалась не через либеральное, образованное «общество»?

Путаница проекта есть неизбежный результат смешения народничества с марксизмом. Только марксизм дал научно-правильный, подтверждаемый все более и более действительностью, анализ отношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм. И у нас, как во всем мире, есть демократия буржуазная и демократия рабочая. И у нас, как и во всем мире, социаль-демократия должна беспощадно разоблачать неизбежные иллюзии буржуазной демократии и непонимание ею своей природы. И у нас, как во всем мире, сознательный пролетариат должен поддерживать буржуазную демократию в ее оппозиции и в ее борьбе против остатков крепостничества, против самодержавия, ни на минуту не забывая о своей классовой особенности и о своей классовой цели—ниспровержения буржуазии.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. 13-го ноября студенты Военно-Медицинской Академии собрались на общую сходку (около 200 чел.). В аудитории сидели уже гг. штаб-офицеры. На предложение удалиться они заявили, что присутствуют по долгу службы и уйти поэтому не могут. Тогда они были вытолкнуты из аудитории, при чем не обошлось без физического воздействия. Резолюция сходки содержала требования прекращения войны, созыва учредительного собрания на основе общего, прямого, равного и тайного голосования и заявления о готовности поддержать свои требования участием в демонстрации под руководством социалистических партий.

Через день 140 человек получили повестки, воспрещавшие именем военного министра посещение Академии впредь до выяснения комиссией степени участия каждого в сходке. Вызывали на допрос поодиночке и задавали, между прочим, такие вопросы: сочувствуете ли вы партии соц.-революционеров; собираетесь ли идти на демонстрацию; считаете ли, что жить при теперешних условиях невозможно; хотите ли свержения самодержавия; сторонник ли свободы слова; сторонник ли террора?

Так как большинство отказывалось давать показания, то у «суда» не оказалось никаких данных, и ему пришлось довольствоваться доносами штаб-офицеров, не преминувших свести личные счеты. 11 человек уволены, 8 лишены стипендии на 2 мес.; 4 посажены на гауптвахту на 2 недели; остальным выговор и замечание. Нельзя не отметить той гнусной и глупой роли, которую играли два профессора, Дянин и Данилевский, согласившиеся принять участие в комиссии.

Фамилии уволенных: Абалаков, Крассуский, Тушинский, Спирidonов, Корочанский, Ширий, Попов, Макаров, Прохницкий.

Одесса. 23-го декабря здесь был устроен обычный студенческий вечер. Во время вечера решено было организовать политическое собрание. Особая комиссия из представителей комитета партии и бундистского комитета занялась подготовкой собрания, было роздано до 1.000 билетов, были назначены ораторы, и решено устроить собрание после концерта на сцене (дело происходило в театре). Во время концерта были разбросаны прокламации. Собрание пришлось устроить в

курильня (сцена оказалась занятой), куда поместилось очень немного народу; между тем публика прибывала и прибывала. Тогда пришлось перенести собрание в зрительный зал. И вот громадная толпа двинулась с пением революционных песен через танцевальный зал в зрительный. Все это происходило на глазах полиции, которая держалась в стороне и не принимала никаких «мер». Но если полиция не вмешивалась, то нашлись другие люди, решившие не допустить социал-демократической манифестации. Это были социалисты-революционеры. Обиженные, что собрание организовано без них, они употребили все усилия, чтобы сорвать его, и в значительной мере этот «революционный» подвиг им удался. Они кричали, шумели, не давали говорить ораторам, благодаря чему не удалось произнести ни одной дельной речи; был даже момент, когда дело дошло до рукопашной. Тем не менее удалось прочесть резолюцию, призывающую к восстанию под руководством Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Одесса. 23-го дек. на студенческом вечере в Одессе социал-демократы провели следующую резолюцию:

«Принимая во внимание: 1) что царское правительство затеяло японскую войну без согласия народа, 2) что эта война ведет к полному разорению и без того разоренного русского народа и полезна только ничтожной кучке придворных авантюристов, которые хотят громом войны отвлечь внимание общества и народа от наших внутренних неурядиц и тем отсрочить ликвидацию самодержавного режима, 3) что все классы России, кроме ничтожной реакционной клики, единодушно сошлись на необходимости уничтожения самодержавия, 4) что пр-во Высочайшим Указом 12-го дек. открыто заявило, что оно не намерено отказываться от своей крепостнической власти над многомиллионным русским народом,—мы, русские граждане, собравшиеся 23-го дек. 1904 г. в количестве свыше 1.000 человек, выражаем свое глубокое убеждение в том, что необходимо: 1) немедленное прекращение военных действий, 2) немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для выработки демократической конституции. Так как царское пр-во не хочет идти навстречу воле народа, мы видим только один исход из критического положения нашей родины—всеобщее народное восстание для насильственного низвержения существующего политического режима и введения демократическо-республиканского образа правления.

В виду того, что это восстание требует сплочения всех оппозиционных элементов вокруг одного знамени и одного центра, и в виду того, что таким театром, естественно, должна быть наиболее революционная и наиболее организованная общественная сила, мы выражаем свое полное доверие Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии и предлагаем ей стать во главе обще-демократического движения, при чем мы обещаем поддерживать ее всеми возможными средствами.

Кострома. Недавно здесь происходило заседание Пушкинского общества содействия народному образованию. На собрании явилось, кроме членов общества, довольно много публики, в том числе были и рабочие. Сначала был прочитан доклад, в котором докладчик указывал, как современный политический режим губительно влияет на всю общественную жизнь, делая невозможной какую-либо плодотворную работу. Затем была принята резолюция с обычными «требованиями». По прочтении резолюции со стороны лиц из публики последовали возражения. Было произнесено несколько речей. Один оратор указал, что добиться чего-нибудь существенного мы можем только посредством политической революции. В конце-концов была одобрена без всяких возражений резолюция, требующая, кроме пунктов либеральной программы, свободы стачек, окончания войны и пр.; под резолюцией собрано свыше трехсот подписей. Рабочие и еще кое-кто из публики пропели «марсельезу».

Теперь об этом собрании ходит масса слухов. Администрация очень встревожилась, но пока никаких особых мер не принимает. Присутствие на собрании предводителей дворянства, гражданских генералов и военных чинов, должно быть, несколько смущает предрасположенную власть.

Кострома. Проводы запасных были крайне тяжелые. Один запасной и две женщины бросились в прорубь, две женщины сошли с ума. Рыдания заглушали даже походный марш и песни.—Идут аресты лиц, говоривших на банкете, в том

числе арестовали одного учителя и одного запасного офицера (фамилии?).—На студенческом балу было до 20 рабочих. Вместе с гимназистами и гимназистками они пели революционные песни.—Педагогический персонал женской гимназии усиленно ищет социал-демократок среди учениц: призывают поодиночке и допрашивают, не социал-демократка ли? Многих эти допросы впервые наталкивают на мысль о социал-демократии. Родители находят, что этим усердием не по разуму оказывается медвежья услуга поборникам самодержавия.

Ростов-на-Дону. Я вся еще под обаянием банкета юристов. Сначала говорили туманно, потом туман ушел далеко в небеса, а у нас полились такие речи, каких не приходилось слышать стенам коммерческого клуба. Адвокат Коган первый произнес слово конституция; Парамонов говорил о свободе печати, слова, о нашей школе, о бесправни людей другого исповедания. Во вторую половину вечера говорили все, кто хотел. Представитель социал-демократической партии выступил говорить во время первой половины вечера, но ему не позволили нарушать программу и едва не вывели. Во второй половине говорил один рабочий, но лучшую речь сказал инт. Сватиков. Он заявил, что будет называть вещи их настоящими именами, и, правда, говорил так, что с дамами чуть не было обмороков, и многие держались за рукава своих милых мужей. Он закончил словами: «Долой самодержавие!» «Долой войну!» Его речь была покрыта сплошными аплодисментами. Эта речь многих поразила своей прямою. Но самое интересное—это речь женщины. Так досадно было стоять и слушать только граждан, но не гражданок! Я об этом думала с такой тоской! Так было обидно за нас! И вдруг говорят, что будет читать Сперанская! Она говорила за наши права, о положении женщин-работниц. Ее речь была бы очень хороша, если бы она не так волновалась. Но все-таки думать, что и мы, женщины, сказали свое слово на этом вечере—за одно это уже ей великое спасибо.

Вечер закончился пением «марсельезы». Публика стояла, когда начали петь. В конце была подписана резолюция с требованием конституции.

Духовенство о войне. Журнал «Миссионерское Обозрение» по названию имеет целью распространение православия. По содержанию это журнал церковных сыщиков. Миссионеры разносят, доносят, потом пишут: «Я не имею зла в сердце; но надеюсь, что Господь Небесный в лице земных слуг своих покарает нечестивых». И в лице земного урядника или квартального является Господь на квартиру, делает обыски, составляет протоколы. По учению христианскому Бог является в трех лицах: Отца, Сына и Святого Духа. По учению русских миссионеров он имеет четвертое лицо—лицо полицейского чиновника.

Миссионеры находят, что война открыла нам глаза на многие темные стороны русской жизни. И это правда: война многим открыла глаза на пагубность самодержавия. Но не об этой темной стороне говорит «Миссионерское Обозрение»: оно говорит о том, что война открыла многих врагов православия. Кто о чем, а сыщик о своем.

Еще и другую пользу видят от войны духовные пастыри. Они говорят, что война, а с нею и близость к смерти, то есть к миру бесплотных духов, заставляет мыслить не о земном и суетном. Правда, большинство военных идет по широкому пути, ведущему в погибель (кутежи и пьянство). Однако, в военное время число верующих видимо возрастает. «Вот почему Бог попускает избранным своим народам много страдать от военных искушений». Другими словами: чтобы дать православному духовенству лишний доход за молебны и панихиды, Бог (и не кто иной, как сам Бог) отправил русские войска умирать на полях Манчжурии. Удивляться ли после этого, что святые отцы не идут против Бога и не говорят ни одного слова против проклятой бойни?

(М. Ольминский).

Вологда. В начале декабря на общем собрании общества «Помощь» была принята единогласно резолюция о созыве учредительного собрания. Чиновники, члены этого общества, сейчас же после этого отправились к губернатору с заявлением, что они не солидарны с единогласным постановлением собрания. На упреки помпадуря они извинялись, что вынуждены были молчать «страха ради иудейска». Вызывал губернатор для внушений и кое-кого из частных лиц, в том

числе прис. пов. Жданова, но они держались с достоинством. На 6-ое декабря—царский день—назначен был концерт с «боже царя храни», конечно. Какой-то шутник пустил слух, что ссыльные непременно устроят скандал; моментально у всех певцов заболели горла, а у музыкантов пальцы. Концерт пришлось отложить и назначить спектакль уже без «боже, царя храни». 6-го вечера, перед началом спектакля, в раздевальню театра ввалила толпа сильно выпивших самых серых рабочих с лесопильных заводов и начала требовать «гимн». Однако эта провокация была так плохо оборудована, что потерпела крушение. Рабочих удалили и все сошло в порядке. А вот юмористический инцидент из жизни местной гимназии. Учителем танцев и гимнастики «с правом голоса в Совете» был... жандармский офицер. На занятия приходил он со своим жандармским унтером и вскоре устроился совсем по домашнему: производил обыски в рванцах гимназистов, заводил душевные беседы с глазу на глаз, а маленьких просто ругал подлещами. Это заставило старших гимназистов потребовать от директора, чтобы жандарм извинился. Директор вынужден был принять сторону своих учеников. Жандарм похворал некоторое время, но потом опять явился. Старший класс отказался итти к нему на урок. Директор уговаривал их очень долго, наконец, они согласились, но на уроке буквально затравили бедного ангела-хранителя так, что он сбежал с урока и подал в отставку. Говорят, губернатор хочет поднять «дело».

Из московской тюрьмы. В данное время в Таганке 33 человека, но это только с 9-го ноября, когда освободили одного из товарищей, да на той неделе увезли трех товарищей-одесситов в Одессу.

Из 33-х человек 3 отбывают наказание, остальные же сидят в ожидании суда или окончания следствия. В числе первых есть один с.-д. по нижегородскому делу, сидящий уже 20 месяцев; четверо (московское дело с.-д.)—17 месяцев; двое (моск. дело с.-р.)—13 мес.; двое (моск. дело с.-р.)—9 мес.; двое (моск. с.-р.)—8 мес.; 8 чел. (моск. с.-р.)—5 мес.; 10 чел. (моск. с.-д.)—4 мес. и один—неполный месяц. У первых девяти человек следствие закончилось, но суд до сих пор не назначен, и им даже не вручено обвинит. акта.

Уехавшие одесситы были арестованы 20-го марта 1903 г. за демонстрацию в синагоге, просидели 7 месяцев в Одессе, затем были перевезены сюда, где в мае 1904 г. получили обвинительный акт и уведомление о том, что их дело будет слушаться 18-го ноября, а в сентябре получили бумагу от председателя одесской судебной палаты о том, что они могут не являться к 18-му ноября, ибо дело откладывается, а сидят уже 19 мес. (Следует заметить, что эти трое одесситов в возрасте: 20, 19 и 18 лет). Выпущенный 9-го ноября рабочий Барышев просидел 9 мес. (моск. с.-р.), и против него не было решительно никаких данных. Остальным постоянно отвечают о их деле: или что оно у жандармов, или что передано прокурору судебной палаты. В виду введения нового уложения, дела их еще более затянулись, так как были вновь возвращены жандармам для «доследования», когда были уже на решении у министров юстиции или внутренних дел. Для административного решения дел «улик», очевидно, считается достаточно, а для судебной комедии потребовалось розыскивать «свидетелей»: некоторым из сидящих в Таганке действительно предъявлялись под видом «свидетельских показаний» просто шпионские: «По приказанию такого-то я наблюдал за домом таким-то и т. д., и т. д.». Волокита возмутительная. Наконец, это стало невтерпез, и они все, в том числе трое одесситов, подали заявление двум министрам и прокурору судебной палаты о том, что они требуют или освобождения до суда, или же удостоверения (письменного) о том, что их дело будет разбираться не позже 1-го февраля 1905 г. Ответ они требовали к 10-му ноября, если же он не будет им дан, то 10-го они начинают голодовку. Приезжал в тюрьму тов. прок. Виссарионов, ведущий политические дела, и старался «успокоить» всякими обещаниями. Ему сказали, что он столько раз прямо врал, что ни одному его слову уже не верят, и требовали письменного ответа от прокурора судебной палаты. Письменный ответ пришел 9-го ноября и он сильно разнится от слов Виссарионова: он обещал, что дела будут переданы в суд до 1-го января, в письменном же ответе уже сказано «до 1-го февраля». Во всяком случае ответили и Виссарионову, и на бумагу прокурора, что их неопределенными обещаниями не могут удовлетвориться, и 10-го началась голодовка

9 человек. Десятого Барышева выпустили за день до объявленной им голодовки, заявив ему, что дело его пересмотрено, и он найден ни в чем не виновным. А он, ведь, просидел 9 мес.; не будь протеста, просидел бы, вероятно, еще столько же. Барышев совсем больной человек. В бумаге прокурора судебной палаты говорится, что назначение срока суда не зависит от прокурора суд. палаты, и что их дело пройдет через жандармское управление и прокурорский надзор до 1-го февраля; двум из них, требовавшим только освобождения в виду докторского свидетельства, объявлено, что по отношению к ним мера пресечения может быть ослаблена, и что их могут выпустить под залог, а еще одному сообщено, что его дело будет до 1-го декабря рассмотрено в особом совещании под председательством губернатора. Все они ответили, конечно, что не удовлетворены ответом и начали голодовку, послав об этом заявление прокурору. Если требования их не будут удовлетворены, то через несколько дней примкнут к ним и остальные.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Рига. 23-го декабря была демонстрация у фабрики Кузнецова. В 7½ ч. веч., в момент гудка, рабочие из московского форштадта, которые пришли на демонстрацию, столпились на заранее условленном месте, ожидая кузнецовцев. Последние подошли, но вяло. Тогда ядро сознательных рабочих из форштадта и кузнецовцев запело «марсельезу» и развернуло два красных знамени. На одном белыми тесемками было вышито: «Долой самодержавие! долой войну! да здравствует Р.С.-Д.Р.П.!». На другом: «Долой самодержавие! долой войну! да здравствует социализм!» Административная фабрика закричала, что у фабрики бунт, и велела запереть ворота. На улицу успели выйти около 1000 рабочих. (всего на фабрике больше 2½ тысяч). Большая масса стояла на дворе фабрики; возмущение запертых рабочих было очень сильно; к сожалению, на улицу им не удалось вырваться.

После того, как рабочие пропели первые 2 куплета марсельезы, выступил оратор, который в кратких словах обрисовал противоположность интересов пролетариата и буржуазии, указал на скверные условия работы на фарфоровой фабрике Кузнецова, на невозможность борьбы рабочих за улучшение условий труда при самодержавии и призвал к борьбе за демократическую республику. Речь его была подхвачена дружными возгласами: «Долой самодержавие, долой войну да здравствует Р.С.-Д.Р.П., да здравствует социализм!» Речь оратора слышали и запертые во дворе рабочие, столпившиеся у забора. После возгласов рабочие с криком «вперед!» двинулись с развернутыми знаменами по Ливонской улице, поддерживая замечательно дружное пение рабочей марсельезы.

На углу Эстонской улицы дан был знак остановиться. Заговорил другой оратор; он более подробно выяснил противоречие классовых интересов в современном обществе, необходимость борьбы за социализм, невозможность этой борьбы в России при настоящем политическом строе; указал на военную авантюру самодержавного правительства, на невозможность подобной авантюры при народном управлении, призвал бороться с самодержавием и требовать учредительного собрания из выборных от всего народа.

Когда оратор кончил, снова раздалась революционные возгласы. Рабочие с пением марсельезы двинулись по Эстонской улице. Возгласы были поддержаны дружным ура всей массы. На Эстонской ул. толпа постепенно начала редеть; у ближайшего угла был дан знак расходиться. Полиции не было. Городовые попрятались. Только в 9-м часу по Московской ул., по направлению к фабрике, скакал пристав с городовыми и околоточными. Была также сделана «тревога» на дворе казармы, но солдат не пришлось посылать, ибо демонстранты мирно разошлись. Полиции досталось только несколько листов «об учредительном собрании», которые во время демонстрации разбрасывались и раздавались по рукам.

Для кузнецовцев демонстрация—невиданная вещь. Хотя в городе бывали демонстрации латышских и еврейских рабочих, но вследствие почти загородного положения фабрики Кузнецова рабочие этой фабрики их не видели и только

слышали о них, как о бунте латышей против немцев, евреев против царя. В распространении таких слухов деятельное участие принимала полиция и администрация фабрики. Поэтому кузнецовцы вначале боялись подойти к демонстрантам (сознательным рабочим из этой фабрики и форштадта) и только после речи оратора и крика его «вперед!» двинулись за демонстрантами всей массой. Вот еще октябрьская резолюция кузнецовских рабочих.

«Мы, организованные рабочие фабр. Кузнецова, шлем свое глубокое сочувствие нашим еврейским товарищам рабочим, пострадавшим в бойне, учиненной царской полицией в г. Белостоке. Эта возмутительная расправа полиции с безоружными людьми, собравшимися мирно обсудить свои дела, это стрельба без всяких предупреждений в мирно расходящуюся толпу, вызывает в нас глубокую ненависть к российскому самодержавному правительству, еще лишний раз запятнавшему себя кровью борцов за освободительное движение российского пролетариата. Эта волюющая расправа лишний раз доказывает нам необходимость во что бы то ни стало свергнуть самодержавное правительство, которое стремится пулями убить пробуждение рабочего класса. Белостокская бойня, учиненная правительством под шумок якобы либеральных речей Святополка-Мирского, еще более убеждает нас в непримиримости самодержавия с самостоятельностью пролетариата. Кровь наших еврейских товарищей рабочих, пролитая в Белостоке по воле самодержавного правительства, предстанет перед его лицом в день расплаты с ним и воззовет о мщении. Пока свержение самодержавия—первая и неотложная задача всего российского пролетариата в его борьбе за социализм».

Петербург. Как известно, зубатовские агенты появились в Петербурге осенью 1902 г. Они применили там свои московские приемы агитации: говорили о самостоятельности пролетариата, натравливали рабочих на интеллигенцию и добавляли: «мы обязаны передать в руки полиции всех, кто противодействует нашему благому начинанию». В общем зубатовцы потерпели в то время неудачу (см. «Искра» №№ 31 и 32. Ред.). Но кое-где им все же удалось укрепиться. С осени 1904 г. деятельность зубатовцев сильно развилась, особенно в районе Путиловского завода, по Шлиссельбургскому тракту и на Выборгской стороне. В Выборгском районе против них выступали на собраниях сознательные рабочие, но были арестованы. Несколько раньше, еще весной, комитет посылал своего агитатора для борьбы на собраниях; наш товарищ имел настолько значительный успех, что на следующем собрании рабочие не хотели открывать заседания до его прихода, несмотря на настояния попа. К сожалению, задержка в комитетской работе вследствие внутренних споров и отсутствие партийного органа, который прислушивался бы к нуждам рабочих и освещал вопросы профессиональной борьбы,—все это вместе открыло широкий простор для развития зубатовских обществ и для увлечения рабочих в полицейско-поповские сети. В зубатовские общества идет не серая масса, а рабочие, интересующиеся знаниями и рабочим движением; в эти общества идут рабочие с проснувшимся желанием чего-то лучшего, но не сознавшие еще вполне классового характера своих интересов. Они идут в эти общества за наименее чем-либо лучшим, хотя очень легко видеть, как здесь нагло обманывают рабочих.

Чтобы ясно показать обман, я познакомлю вас с уставом общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве. Члены общества делают вступительный и потом ежемесячные взносы; эти взносы ни в каком случае не возвращаются (п. 30). Член, не уплативший трех ежемесячных взносов, считается выбывшим из общества,—значит его деньги пропадают; правда, лишившийся работы освобождается от уплаты взносов на время безработицы, но только в том случае, если лишился занятий не по своей вине или, как сказано в уставе (п. 29), «по обстоятельствам, стоящим вне поведения рабочего или распоряжения о нем административных властей». Члены вообще получают пособие во время безработицы, кроме того случая, если они лишились заработка вследствие административных мер, принятых против них (п. 35). Потом в пункте 40 опять говорится, что лишается права на пособие тот, кто потерял занятие за свое поведение или по распоряжению административных властей. Таким образом администрация и фабричное начальство, лишая рабочего заработка, лишают его и права на по-

собие, и все его взносы остаются в пользу угодливых, послушных и наущивающих членов общества. Всякий знает как легко рабочий теряет место, если он не гнет спину перед полицией и перед начальством; сколько рабочих, членов общества, окажется с течением времени уволенными, высланными за стачки и т. п. И все их взносы пойдут на пользу изменникам рабочего дела, которые угрождали начальству, продавая своего же брата рабочего. Чем больше будет свирепствовать полиция и разные управляющие, тем это будет выгоднее для остающихся на месте иуд рабочего дела. Недаром по пункту 18-му в члены-соревнователи общества принимаются без всякого взноса чины полиции, чины фабричной инспекции и попы. С поповского благословения члены полиции и члены-наушники могут соревновать друг с другом в преследовании непокорных и пользоваться их взносами в свою пользу.

Когда построишь, как по уставу должно вестись дело, то можно подумать, что это не общество рабочих, а общество служащих в канцелярии градоначальника. Градоначальник утверждает 8 членов правления из числа избранных 12 кандидатов; он же утверждает председателя, казначея и других должностных лиц; он же утверждает инструкцию, может во всякое время ревизовать дела и суммы, может посылать чинов полиции на собрания, хотя посторонняя публика на них не допускается; до его сведения заранее доводится о дне, месте и предметах, подлежащих обсуждению собрания, и обсуждаться могут только эти предметы. Градоначальник может и сам назначать предметы для обсуждения. Всякое изменение устава представляется на утверждение правительства.

Может-быть, вы думаете, что можно изменить и направить деятельности общества для пользы всех рабочих? Нет, если деятельность рабочих окажется негодна полиции, то градоначальник без всякого объяснения может закрыть общество (п. 75), и все деньги рабочих пропадут: по пункту 74 капитал общества в этом случае получает назначение, которое будет одобрено градоначальником. То-есть деньги рабочих могут идти и в награду дворникам, и на увеличение жалованья сыщиков. Конечно, до такого конца постараются не довести дела угодливые, послушные члены общества и разные наушники: они заранее укажут полицейским членам-соревнователям на неудобных сочленов, и всякие протестанты будут изгоняться с завода и из общества мерами административных властей.

Итак, вы видите, что рабочие, поступая в общество, сами для себя на свои деньги вяжут себе мертвую петлю. И если они идут в общества, значит—очень уж сильно желание организовать, объединиться, найти исход из безотрадного положения. Социал-демократы должны устно и особенно печатно показывать рабочим настоящую дорогу к освобождению; но они должны также объяснять рабочим, как вести профессиональную борьбу в недрах капиталистического общества. Последний год «Искра» совсем забросила думать о рабочем деле, нет руководства, и рабочие повалили в зубатовские общества, стали клеветать на полицейскую удочку.

От редакции. Мы вполне присоединяемся к мнению автора корреспонденции о необходимости обратить самое серьезное внимание партийных работников на вопросы профессиональной борьбы. В старой «Искре» отдел «хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов» давал обширный материал о положении рабочих, их искании лучшего,—о всяком проявлении рабочего движения. Со страниц новой «Искры» рабочие исчезли; они отлучены от писания писем в редакцию, они перестали смотреть на эту газету, как на выразительницу их нужд и стремлений. Правда, по признанию Дана (см. брошюру-отчет о примиренском собрании в Женеве), громадное большинство комитетов давно прекратило всякое товарищеское общение с редакцией. Но есть же и меньшевистские комитеты! И все-таки мы почти ничего не узнаем из «Искры» о положении рабочих и о рабочем движении в таких городах, как Харьков, Ростов и т. п. Редакция «Вперед» приходится заново налаживать это дело. Такое дело требует усиленных забот и внимания,—и мы надеемся, что наши товарищи в России, имеющие, наконец, свой орган, приложат все старания, чтобы воскресить посылку рабочих корреспонденций, рисующих как положение рабочих, так и всякое проявление их борьбы за улучшение своего положения.

Петербургская стачка ²⁾.

Стачка, начавшаяся 3-го января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения. Наши сведения исчерпываются пока сообщениями заграничных и легальных русских газет. Но и эти сообщения не оставляют сомнения в том, что стачка уже стала громадной важности политическим событием.

Начало стачки было чисто-стихийное. Одно из столкновений труда с капиталом, которые повторяются постоянно, произошло на этот раз из-за расчета администрацией завода четырех рабочих. Рабочие встали, полные духа солидарности, с требованием их обратного приема. Движение быстро окрепло. В нем принимает участие легальное «Русское общество фабр.-заводских рабочих», и стачка переходит в следующую высшую фазу.

Легальное рабочее общество было предметом особого внимания зубатовцев. И вот движение зубатовское перерастает свои рамки и, начатое полицией в интересах полиции, в интересах поддержки самодержавия, в интересах разращения политического сознания рабочих, это движение обращается против самодержавия, становится взрывом пролетарской классовой борьбы.

Социал-демократы давно уже указывали на неизбежность таких результатов нашей зубатовщины. Легализация рабочего движения—говорили они—принесет непременно пользу нам, социал-демократам, она втянет в движение некоторые особенно отсталые слои рабочих, она поможет встряхнуть тех, кто не скоро, а может-быть, и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист. А раз втянутые в движение, заинтересованные вопросом о своих судьбах, рабочие пойдут дальше. Легальное рабочее движение будет только новым, более широким основанием для социал-демократического рабочего движения *).

Несомненно что именно так произошло дело и в Петербурге.

Два обстоятельства помогли особенному расширению движения: во 1-х, выгодный момент для экономической борьбы (правительство спешно нуждается в исполнении заказов военного и морского министерств); во 2-х, конституционное оживление в обществе. Начав стачку из-за защиты отдельных уволенных товарищей, рабочие перешли к широким экономическим требованиям. Они потребовали 8-часов. рабоч. дня, минимальной платы (1 руб. мужчине и 70 коп. женщине), уничтожения обязательности сверхурочных работ (и двойной оплаты их), улучшения санитарных условий и медицинской помощи и т. д. Стачка стала превращаться во всеобщую.

Заграничные газеты сообщают от пятницы 8 (21) янв., что даже по официальным русским сведениям остановили работу 174 завода, фабрики и мастерских с числом рабочих до 96.000 человек.

Перед нами одно из великих столкновений формирующегося класса пролетариев с его врагами, столкновений, которые оставляют свои следы на долгие годы.

Но экономическими требованиями дело не ограничилось. Движение стало принимать политический характер. В нем попытались принять участие (хотя, кажется, очень еще слабое) местные социал-демократы. На громадных рабочих собраниях в несколько тысяч человек стали обсуждаться политические требования и вотироваться резолюции в пользу политической свободы. Петиция, выработанная рабочими, распадается, сообщают, на три части. Первая излагает требования прав для народа. Вторая—меры борьбы с бедностью народа. Третья—меры против угнетения труда капиталом. Требования первой части: неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, совести, обязательное школьное обучение на средства государства, участие в законодательстве выборных представителей народа, равенство всех перед законом, ответственность министров, отмена выкупных платежей, дешевой кредит, постепенная раздача государственных земель народу, подоходный налог. (Если это сообщение верно, то оно показывает чрезвычайно интересное

преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов). Корреспондент английской газеты «The Standard» сообщает, что было три собрания 5 (18) янв. (одно в 4 тыс. чел., другое в 2.000) и что приняты такие политические требования: 1) немедленный созыв учредительного собрания, избранного всеобщей подачей голосов; 2) прекращение войны; 3) полная амнистия политическим ссыльным и заключенным; 4) свобода печати и союзов; 5) собраний и союзов. Загр. газеты от 8 (21) янв. сообщают вести о готовящейся на воскресенье 10 (23) янв. демонстрации перед Зимним дворцом с подачей петиции «самому царю». Рабочие заявляют: свобода или смерть. Делегаты рабочих от Москвы и Ливавы направляются в Петербург.

Таковы те ограниченные и непроверенные еще сведения, которыми мы располагаем в данный момент. Очевидно, что движение далеко не достигло еще высшей ступени развития, и надо дожидаться событий для полной оценки происходящего. Бросается в глаза поразительно быстрый переход движения с чисто-экономической почвы на политическую почву, громадная солидарность и энергия десятков и сотен тысяч пролетариата,—и все это несмотря на отсутствие или ничтожность сознательного соц.-дем. воздействия. Примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса не уменьшают, а скорее усиливают значение пробивающегося революционного инстинкта пролетариата. Политический протест передового угнетенного класса и его революционная энергия прорываются через все преграды—и внешние, в виде полицейских запретов, и внутренние, в виде неразвитости и отсталости идей некоторых вожаков. Работа социал-демократии в течение последних десяти лет и уроки рабочего движения за это время принесли свои плоды, разлив идеи социализма и политич. борьбы по самым широким каналам. Пролетариат показывает на деле, что на арене политического движения в России не две силы (самодержавие и буржуазное общество), как малодушно готовы были думать некоторые. Пролетариат показывает нам действительно высокие формы мобилизации революционных классовых сил; мобилизация приемыкает, разумеется, не к второстепенным манифестациям в какой-нибудь городской думе, а к массовым движениям, в роде ростовской демонстрации и южных стачек 1903 года. И эта новая и высшая мобилизация революционных сил пролетариата семимильными шагами приближает нас к еще более решительному, еще более сознательному выступлению его на бой с самодержавием!

(П. Ленин).

ИЗ ПАРТИИ.

Заседание международного бюро.

15-го (2-го) января в Брюсселе, в Народном Доме, состоялось заседание международного социалистического бюро. Вальян сделал доклад о переговорах, касающихся объединения французских социалистических партий, заявив, что это объединение можно считать совершившимся фактом. По поводу революционного брожения, охватившего Россию, бюро по предложению того же Вальяна приняло поряжок дня, выражающий симпатии международной социалистической партии делу русской свободы и убеждение, что эта свобода будет завоевана только социалистами. На прениях по вопросу о представительстве отдельных наций на международных конгрессах мы останавливаться не будем, так как этот вопрос предварительно сдан в комиссию. В заключение бюро приняло резолюцию, в которой выражает энергичный протест против распухания социалистического союза Японии и закрытия его органа «Хеймин-Шимбун» и шлет свои симпатии жертвам этого акта произвола.

В предыдущем номере мы сообщили о трех конференциях тринадцати комитетов, решительно высказавшихся за позицию «большинства» (СПБ-ский, Моск., Рижский, Тверск., Сев., Нижег., Одес., Екатер., Никол. и 4 кавказских). Приводим, в дополнение, резолюцию Воронежского Комитета:

*) Сравни «Что делать?» Н. Ленина, стр. 86—88.

Резолюция Воронежского Комитета.

«Принимая во внимание: 1) что ЦО в данный момент является не органом партии, а органом, выражающим узко-групповые интересы меньшинства, тогда как он должен быть выразителем точки зрения большинства II партийного съезда; 2) в силу того, что, если даже Ц. К-ту удастся путем конференции уладить разногласия между ним и Ц. О-ном, то этим все-таки, вследствие агитации твердокаменных комитетов в пользу съезда III съезда,—мир в партии не будет достигнут, и, наконец, 3) в силу того важного момента, который переживает теперь Россия, когда дорога каждая минута, когда успех социал-демократической работы зависит от организованности и сплоченности всех истинно-партийных работников, Воронежский Комитет находит необходимым высказаться за созыв III партийного съезда».

Воронежский Комитет Р.С.-Д.Р.П.
Середина октября 1904 г.

1) **Заявление.** В виду помещенного в приложении к № 73—74 «Искры» решения Совета Партий по делам местной Бакинской организации Р.С.-Д.Р.П., а также в виду имеющих в названном приложении отзывов редакции о существующей организованной оппозиции Бакинск. Комитету—Кавказский представитель Центрального Комитета и Союзный Комитет Кавказского Рабочего Союза,—для устранения новых организационных осложнений,—считают необходимым заявить следующее: 1) Решение Совета Партии о законности прежнего состава Бакинского Комитета (тов. Саввы) основано на одностороннем и неполном знакомстве с делом; 2) Совет Партии, несомненно, сам отменил свое постановление, как только ЦК представит ему все данные по этому делу; 3) Редакция «Искры» слишком поспешила с похвалой по адресу «группы», именуемой себя «сознательные рабочие Балаханского района», а также «Балаханские и Биби-Эйбатские рабочие»—так как более близкое знакомство с ее взглядами, печатными произведениями и, вообще, со всею ее деятельностью, несомненно, заставила бы редакцию «Искры» согласиться с Бакинск. К. и Союзн. К., справедливо признававшими названную «группу» непартийной, а деятельность ее — дезорганизирующей, вредной.

Союзный Комитет Кавказского Союза Р.С.-Д.Р.П.
Кавказский Представитель Ц. К-та Р.С.-Д.Р.П.

2) **Отдельное заявление** Кавказского представителя Центрального Комитета. В виду высказанных Советом Партии сомнений в законности настоящего состава Бакинского Комитета, Кавказский представитель ЦК, в подробностях знакомый с историей возникновения Бакинского Комитета, вновь подтверждает, что с точки зрения Центрального Комитета Бакинский Комитет в настоящем своем составе является единственным представителем Р.С.-Д.Р. Партии в г. Баку.

Новоисковская полемика. Мы писали в № 1 «Вперед» по поводу неудачной петербургской демонстрации: «Сознательные рабочие рвались на демонстрацию... Широкая масса, как из общества, так и из рабочих, готовится, к демонстрации и ждет только призыва комитета». Рассказав, как комитетские меньшевики сорвали решение комитета устроить демонстрацию, как была сожжена часть призывных листов, мы говорили, что в виду субботы «распространение листов возможно было только в узком кругу рабочих». Понятно, что рабочих явилось на демонстрацию мало. Теперь «Искра» (№ 82) пишет, что «петербургские сознательные рабочие, не принявшие участия в демонстрации 28-го ноября, подвергаются тяжким нападкам с нашей стороны. Очевидно, редакция «Искры» спекулирует на том, что ее читатели не прочтут № 1 «Вперед». Обращаем внимание наших читателей на этот обычный способ новоисковской «полемики».

Наши тартюфы. В только-что полученном нами № 83 «Искры» помещено заявление меньшевиков и ЦК о «полном прекращении организационной обособленности меньшинства». «Меньшинство—уверяют нас—перестает считать себя стороной и впредь не может быть речи ни о бойкоте ЦК, ни о предъявлении к нему ультимативных требований». Чуть-чуть запоздало это заявление! Партия знает теперь из

брошюры Ленина («Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией»), что «ультимативные требования» кооптации Попова, Фишера и Фомина уже исполнены, но только тайком, с обманом партии. Ультимативное требование сорвать путем таких же обманов третий съезд равным образом исполнено. Дезорганизация местной работы продолжается, и так-назв. ЦК утвердил уже в СПб. (по сообщению «Искры») «эособую организацию» или группу «в виду явной невозможности для ее многочисленных (?) членов работать под руководством местного комитета».

Таким образом все то, что говорило и предсказывало «большинство», начиная с «письма» Ленина («Почему я вышел из редакции», январь 1904 года) и кончая брошюрой Орловского «Совет против партии», подтверждено теперь событиями целиком и безусловно. Реальным объектом полутороговой борьбы была кооптация 3-х в ЦО и 3-х в ЦК. Ради кооптации была придумана теория организации процесса и кучка «принципиальных» разногласий. Ради этой кооптации наши центры совершенно порвали теперь с партией и порывают с местными комитетами как с каждым по одиночке. Правильность нашего лозунга: большинство должно прекратить все и всякие отношения с дезорганизаторами («Вперед», № 1, «Пора кончить») — вполне подтверждается.

Крайне интересно также следующее место из заявления «Искры»: «Решение уполномоченных (меньшинства) было предложено на обсуждение всех сторонников меньшинства, работающих в Киевском, Харьковском, Донском, Кубанском, Петербургском, Одесском комитетах, Донецком и Крымском союзах и других партийных организациях». Итак, после почти полутороговой отчаянной кампании, при помощи ЦО Совета и (начиная с мая месяца) ЦК, заграничный кружок завоевал себе всего пять русских комитетов из 20-ти бывших на 2-м съезде! Вне комитетов заметные группы, удостоившиеся перечисления в «Искре», создались только в двух городах, Петербурге и Одессе. Кубанский комитет, очевидно, испечен в самое последнее время для лишней пары голосов.

Следовательно, «Искра», орган меньшинства, подтверждает теперь, в январе, правильность той характеристики положения партийных дел, которую в сентябре дал другой меньшевик. Именно, агент ЦК, сочувствующий меньшинству и ныне кооптированный в ЦК, писал в сентябре члену ЦК Глебову, что «в России меньшинство бессильно, что за ним лишь четыре комитета. Это бессилье заграничного кружка и заставило его пойти на бонапартистский переворот в ЦК и на уклонение путем обмана от третьего съезда».

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Одесса. Недавно в тюрьме была голодовка. Первыми начали голодать женщины, а 3 дня спустя к ним присоединились и мужчины. Причиной голодовки служило заключение 5-ти товарищей, взятых при типографии, в темные, холодные камеры и отказ выдать некоторым больным женщинам больничную пищу. Даже одной, арестованной в типографии, на третий день после родов не только не хотели выдать больничную пищу, но и оставили ее в одиночной камере. К сожалению, голодовка не совсем удалась. Она продолжалась 5—6 дней, некоторые товарищи стали принимать пищу, так что и остальным пришлось прекратить голодовку. Товарищи остались в прежних камерах, но женщинам выдают больничную пищу. Теперь женщины опять голодают. Поводом служит введение нового закона об уголовном положении политических. По камерам развесили новые инструкции, 8 мужчин сорвали их, и за это лишены свиданий и получения провизии на 1 месяц.

Вятка. По манифесту всем ссыльным сократили срок на одну треть. Выехали, между проч.: Ал. Ант. Севрук, ст.; К. М. Остров, ст.; Павлинова, зубн. вр.; С. М. Клячко, провиз.; Рябинин, инт.; Дюшаго, врач; Драверт, врач; Плугин, портной; Домбровский, Ярославский и Скиржинский, студенты; Петухова, курс.; Бородавский, столяр. Студ. Н. А. Крольничник, высланный до приговора, получил 5 лет Пермск. губ. вместо Вост. Сиб. Загнали его в глухую деревню на

север. Ни работы, ни товарищей, ни книг. Он—первый политический ссыльный в деревне, и потому население относится к нему скверно. Перед отправкой из Вятки его арестовали, держали две недели в тюрьме, не позволили взять ни белья, ни книг; при отправке до вокзала везли с тремя солдатами, у вокзала повозку оцепили жандармами и солдатами. Благодаря этому собралась порядочная толпа. Несмотря на все меры, товарищам удалось переговорить и проститься с ним.

Елизаветград. Взята типография, было до 30 обысков в одну ночь. Подозревается провокация.

Пермь. К 20 дек. в тюрьме были: Федорова, Новикова, Худякова (фельдш.), Хлынова, Новиков, Мухачев, Петерсон (нел.), Стольчевский (нел.), Безруков, Скворцов, Ал. Комисаров, Кальманович (нел., увезена в психиатр. больн.).

В арестном доме ж. зубн. вр. Залкинд (из Тагила), Александрова (из Екатеринбург.). По делу Уральского комитета сидит еще несколько человек в Екатеринбургe (раб. Деметьев и др.). Предатель—раб. Плотников.

10-го октября по дороге от гор. Сувалок к прусской границе задержаны Серг. Ал. Грюнер, бежавший из Чердынского уезда, Перм. губ., куда был сослан по приговору на пять лет вместо Вост. Сибири, и Констан. Ник. Дертев, бежавший из Иркутской губ., сосланный туда по приговору судебной палаты (Нижегородское дело). Грюнер, просидев месяц в Сувалкской тюрьме, был отправлен в Вологду. Дертев же оставлен в тюрьме и привлекается по обвинению в прожигательстве по чужому виду и в побеге с места поселения.

✓ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ.

Женева, 10 (23) января.

Рабочий класс, как - будто оставшийся долго в стороне от буржуазного оппозиционного движения, поднял свой голос. С головокружительной быстротой до-

гнали широкие рабочие массы своих передовых товарищей, сознательных социал-демократов. Петербургское рабочее движение шло за эти дни поистине семимильными шагами. Экономические требования сменяются политическими. Стачка становится всеобщей и приводит к неслыханно колоссальной демонстрации, престиж царского имени рушится навсегда. Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!

Сегодняшний и завтрашний день решат многое. Каждый час меняет положение. Телеграф приносит захватывающие дух известия, и всякие слова кажутся теперь слабыми по сравнению с переживаемыми событиями. Каждый должен быть готов исполнить свой долг революционера и социал-демократа.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

Заявление. В Женеве существует «Библиотека и архив Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии» (Bibliothèque Centrale Russe, 91, rue de Carouge, 91, Geneve, Suisse). Библиотека и ее бесплатная читальня открыты для всеобщего пользования. Администрация библиотеки просит поддержки деньгами, книгами, журналами и архивным материалом. Редакция «Вперед» с своей стороны поддерживает эту просьбу.

Примечания.

Прим. 1. Статью редактировал тов. Ольминский.

Прим. 2. Рукопись тов. Ленина сохранилась до слов: „Несомненно, что именно так произошло дело и в Петербурге“.

Начало революции в России¹⁾.

Женева, среда 25 (12) января.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиваться стачечному движению и начаться широкой демонстрацией, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых,—таковы итоги кровавого воскресенья 9-го января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих. «Мы дали им хороший урок!» — с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата «Смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растет. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована. В понедельник 10-го января столкновения рабочих с войском становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правительственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили, говорят, Сестрорецкий оружейный склад. Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструментов, добывают бомбы для отчаянной борьбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинции. В Москве 10.000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг 13-го января) назначена всеобщая стачка в Москве. Вспыхнул мятеж в Риге. Манестируют рабочие в Лодзи, готовится восстание Варшавы, происходят демонстрации пролетариата в Гельсингфорсе. В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится заба-

ставка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле и в Саратове. Вооруженное столкновение с войском рабочих и запасных в Радоме.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием девятичасового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих—немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права—должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства,—вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вожда священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: «У нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!».

Да здравствует революционный пролетариат!—скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось перешеечное восстание в самом Петербурге, во всяком случае, оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может-быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готова себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения цар-

ского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания.

Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений,— вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплуатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны идти рука-об-руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападении на бастилии проклятого врага всего русского народа.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В РОССИИ?

Бунт или революция? Таков вопрос, который ставят себе европейские журналисты и репортеры, сообщающие всему миру о петербургских событиях и пытающиеся дать их оценку. Бунтовщики или инсургенты эти десятки тысяч пролетариев, против которых победоносно выступило царское войско? И заграничные газеты, имеющие всего более возможности «со стороны», с беспристрастием летописцев рассматривать события, затрудняются ответить на этот вопрос. Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую. И неудивительно. Недаром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция. Кто присутствует при начале великих и грандиозных событий, кто имеет возможность лишь очень неполно, неточно, из третьих рук знать кое-что из происходящего, тот, разумеется, не решаете высказаться определенно до поры до времени. Буржуазные газеты, по-

старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть, однако, их общенационального, даже международного значения. А именно это, ведь, и придает событиям характер революции. И пишущие о последних днях бунта нет-нет да и переходят к речам о первых днях революции. Поворотный пункт в истории России наступил. Это не отрицается самым заядлым европейским консервативом, полным восторга и умиления перед могучей, бесконтрольной властью всероссийского самодержавия. О мире между самодержавием и народом не может быть и речи. О революции говорят не одни какие-нибудь отчаянные люди, не одни «нигилисты», какими все еще считает Европа русских революционеров, а все и всякий сколько-нибудь способный интересоваться мировой политикой.

Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпнуть из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ», и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар. Мы должны делать постоянное дело публицистов—писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий,—писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наилучшие и наиболее прочные результаты.

В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями. И недаром некоторые заграничные газеты завели уже «дневник русской революции». Заведем такой дневник и мы.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом,—стачка на одном заводе. Интересно, однако, что эта стачка 12.000 путиловских рабочих, вспыхнувшая в понедельник 3-го

января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводом послужило увольнение четырех рабочих. «Когда требование о возвращении их не было удовлетворено,—пишет нам один товарищ из Петербурга от 7-го января,—завод стал сразу, очень дружно. Стачка носит вполне выдержанный характер; рабочие отрядили несколько человек охранять машины и прочее имущество от какой-нибудь возможной порчи со стороны менее сознательных. Затем ими была отряжена депутация на другие заводы с сообщением своих требований и предложением примкнуть». Тысячи и десятки тысяч рабочих стали примыкать к движению. Легальное зубатовское рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической монархической пропагандой, оказало немалую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь. Случилось то, на что давно уже указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмут верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплуатация подвинет их от мирной и насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все «теории» и все потуги господ зубатовцев*).

Так оно и вышло. Один товарищ рабочий, член Петербургского комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии, следующим образом излагает свои впечатления в письме к нам от 5-го января:

«Пишу под свежим впечатлением происшедшего только что собрания за Невской заставой рабочих Семянниковского завода. Но прежде всего пару слов о настроении, которое господствует у петербургских рабочих. Как известно, в последнее время здесь начали возникать или, лучше, возрождаться «зубатовские» организации под руководством попа Гапона. Организации за очень короткое время очень размножились и усилились. Теперь уже существует 11 отделов так-называемого «Собрания русских фабричных рабочих». Как и надо было ожидать, результаты этих собраний должны были быть таковыми, какими они были и на юге.

«Теперь, можно с уверенностью сказать, начинается широкое стачечное движение в Петербурге. Почти ежедневно слышно о новой забастовке то на одном, то на другом заводе. Вот уже два дня, как забастовал Путиловский завод. Недели две назад забастовала бумагопрядильня Шау на Выборгской стороне. Стачка продолжалась дня четыре. Рабочие ничего не добились. Сегодня-завтра эта стачка снова возобновится. Везде настроение приподнятое, но нельзя сказать, чтобы в пользу социал-демократии. Большая часть рабочих стоит за чисто-экономическую борьбу и против политической. Однако, надо ожидать и надеяться, что настроение это изменится, и рабочие поймут, что без

политической борьбы никаких экономических улучшений не добьются. Сегодня забастовал завод Невского судостроительного общества (Семянникова). Местный отдел «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» пытается выступить руководителем начинающейся стачки, но это, конечно, ему не удастся. Руководителем будет социал-демократия, несмотря на то, что она здесь страшно слаба.

«Вышли листки от Петербургского комитета: 2—к прядильной фабрике Шау и один к путиловским рабочим. Сегодня было собрание рабочих Невского судостроительного завода. Собралось около 500 рабочих. Впервые выступили члены местного отдела «Собрания». Они отклонялись от политических требований и главным образом выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник «Русской Газеты» Строев, пользующийся большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителями социал-демократии. Резолюция эта хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно. После Строева говорили товарищи-рабочие соц.-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая, однако, ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха,—некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих, и выбрало нового председателя, социалиста. Но члены «общества» (зубатовского) не умокли и продолжали растраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание, в конце-концов, разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае, можно сказать, что социал-демократам удалось склонить настроение рабочих в свою пользу. Завтра предстоит большое собрание. Возможно, что будет две-три тысячи человек. Надо ожидать на-днях грандиозной демонстрации, чего-либо подобного июльской на юге в 1903 г. Бастует завод Франко-Русского Общества—около 4-5 тысяч человек. Передают, что началась стачка на бумагопрядильной фабрике Штиглица, около пяти тысяч. Ожидается стачка на Обуховском заводе—пять-шесть тысяч».

Сопоставляя эти сведения социал-демократа, местного комитетчика (который, разумеется, мог точно знать лишь о событиях в небольшой части Петербурга) со сведениями заграничных, особенно английских, газет, мы должны сделать вывод, что эти последние отличаются весьма значительной точностью.

Стачка росла изо дня в день с головокружительной быстротой. Рабочие устраивали массу собраний и выработывали свою «хартию», свои экономические и политические требования. И те, и другие, несмотря на руководство зубатовцев, сводились в общем к требованиям социал-демократической партийной программы вплоть до лозунга: созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов. Но предоставим слово им самим.

* Сравни «Что делать?» Ленина, стр. 86—88.

ПИСЬМА ПЕТЕРБУРГСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ.

От 7-го января один товарищ пишет: «Только столкнувшись лицом к лицу со стачечной стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность *) партии. Результат ее тот, что мы, спб. организация, совершенно бессильны пред стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь, теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листов, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листов, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...

«Позавчера и вчера в Выборгском районе состоялись собрания рабочих до 500 человек. На одном из них до приезда председателя выступил какой-то рабочий и произнес вполне социал-демократическую речь, к которой аудитория отнеслась очень хорошо, наградив оратора аплодисментами. На этом же собрании выступали организованные рабочие; интеллигентов от большинства не было. Стоит отметить один инцидент, имевший место на этом собрании. Какой-то рабочий стащил со стены портрет Николая. Председатель собрания пытался установить, что это сделал подвыпивший рабочий, который случайно задел портрет, но часть собрания энергично протестовала против такого затушевания. В конце-концов, была принята резолюция, аналогичная вполне путиловской, т.е. составленная под руководством отныне знаменитого попа Гапона.

«Еще более грандиозное собрание было на Петергофском шоссе, на котором собралось несколько тысяч рабочих. Отношение к социал-демократам этого собрания совсем иное: листки, как наши, так и меньшинства, были изорваны, от нас вначале представители отказались-было взять 500 руб., отданные комитетом забастовавшим рабочим.

«Речей соц.-демократических не было (в этом виноваты мы сами), но удивительно то, что резолюция, принятая на этом собрании, такая, под которой смело может подписаться соц.-демократ; говорят, что резолюция эта составлена одним соц.-демократом, имеющим влияние на попа Гапона. Долгое время мы не могли установить, что из себя представляет этот поп; первоначальное его поведение (до стачки) заставляло нас предположить, что мы имеем дело с зубатовцем новой школы, но с момента начала стачки этот взгляд приходится оставить. Мне кажется, что пред нами какой-то наивный идеалист. Если смотреть на попа, как смотрели мы раньше, то, ведь, решительно невозможно объяснить его поведение на вчерашнем собрании: он заявил, что в воскресенье все забастовавшие рабочие пойдут к дворцу для предъявления Николаю своей петиции о неотложных нуждах рабочих (созыв учредительного со-

брания и т. д.), и если царь откажется принять эту петицию или полиция помешает собраться, то значит, что царю заодно с министрами, и значит, что к лозунгу «долой министров» необходимо прибавить: «долой царя»; поэтому рабочие, идя ко дворцу, должны заготовить знамена с надписью «долой царя» и вооружиться. Он призывал собрание поклясться, что ни один из собравшихся не откажется от этого решения, даже если придется сражаться с войсками. Теперь, по слухам, Гапона отыскивает полиция, но он скрывается до воскресенья.

«На Вас. остр. вчера были собрания,—принята всеобщая забастовка. Сегодня с утра по улицам расхаживают толпы рабочих, останавливая заводы, не позволяют желающим работать идти на работу. Как слух общаю, что мастера сами убеждают рабочих прекращать работы. Говорят о том, что капиталисты вполне терпимо относятся к забастовке, а некоторые даже видят в ней средство вырвать при посредстве рабочих от окончательно растерявшегося Николая конституцию. Но что особенно удивительно, так это поведение полиции. Я нарочно ходил сегодня по различным частям города и утверждаю, что городских меньше, чем в обыкновенное время. Только на Малом просп. Вас. остр., возле 5 линии, где сегодня утром толпа (как говорят) разгромила участок и выпустила арестованных (??) **), можно увидеть 4-5 конных городских.

«Сегодня должны состояться громадные собрания на острове, Выборг., Петерб. и Петергоф. шоссе. На Выборг. и Петерб. посланы нами агитаторы (по 3 человека). Про другие два района не знаю,—не видел два дня никого из этих районов, хотя знаю, что ПП. с агитаторами вчера был на собрании островитян».

...«Заводы и фабрики присоединяются к стачке страшно быстро, один за другим. Сегодня утром считали 40.000 забастовавших, а к вечеру насчитывают уже 24 производства и 82.000 стачечников. (Английские газеты давали цифру 75.000. Ред.)

«Говорят, будто завтра станут все типографии, булочные, мясные и конки!! Это мы еще увидим, но и то, что нынче делается, прямо грандиозно. На улицах, в вагонах—всюду разговоры. За Нарвской заставой рабочие собираются группами, выступают агитаторы и говорят. Везде образцовый порядок. В окрестностях Невского я ходил вечером,—полная тишина на улицах, отдельные попадающиеся навстречу рабочие сдержаны и ничем не проявляют своего волнения, но в их лицах и во всем их виде чувствуется сдерживаемое с трудом возбуждение. Вчера была вечерка в Смоленской школе,—говорили рабочие-соц.-революционеры и социал-демократы,—один из последних замечательно толково и содержательно. Должны были говорить свои интеллигенты, да вышло недоразумение: был пущен слух, что публика не допускается,—вследствие того, что собиралось чуть не полгорода,—а некоторые из своих приняли это всерьез, не приготовились и не пошли. Настроение на вечерке было очень возбужденное, многие из рабочих были вооружены.

«Теперь к печальной или, во всяком случае, несколько странной стороне этого движения. Года два-три суще-

*) См. о причинах этой дезорганизации № 1 «Вперед», «Пора кончить».

**) Примечание. Знаки вопроса принадлежат автору письма, который считает, очевидно, сообщенное ему неверным или сильно преувеличенным.

ствует общество рабочих—зубатовское и еще второе, повидимому, тоже зубатовское, во главе которого стоял один поп—хохол Георгий Гапон. Этот поп стал во главе движения, и теперь он—герой дня. За несколько дней он заговорил вдруг резко политическим тоном, стал выставлять требование учредительного собрания и всех свобод,—одним словом, конституции, собирает громадные собрания, где открыто делают сборы на стачечников. Около этих собраний полицейские только потолкуются и выгоняются прочь. Он поднимает крест, приглашает публику помолиться, а потом начинает говорить. Действует крайне возбуждающе. Теперь выдумал звать всех к Зимнему дворцу с петицией, в которой изложены все политические требования, и под которой число подписей теперь уже дошло до 7.000 (подписывают рабочие полностью имя, фамилию и адрес). «Пойдем,—говорит,—убедимся, действительно ли русский царь любит свой народ, как говорит. Если даст все эти свободы—значит любит, а если нет, то это ложь, и тогда мы можем поступить с ним (sic!), как наша совесть нам подскажет. Клянись мне: конституция или смерть!». И рабочие, подняв кверху руки, кричат восторженно: «конституция или смерть!». Одни рабочие (из сознательных) говорят, что он обманщик, другие боятся, что искренний человек, но массы за ним, как бы там ни было, так и бегут. «Пора сбросить маску!—восклицает поп.—Пора сбросить всякую принадлежность к этому подлому сословию» (дергает свою рясу), т.-е. к сословию, обирающему народ. «Господа социал-демократы, господа соц.-революционеры! Мы очень уважаем вас, но просим: не мешайте нам теперь» (т.-е. с петицией к дворцу пойти). Ему возражают, что царь в Царском... «Ничего, постоим с полчаса, а его вызовут, уж вызовут!»...—И что-то только будет у нас в воскресенье?».

«Наши (т.-е. организованные социал-демократы. Ред.), смотрели сначала на все это движение, как на чисто-зубатовское, теперь видят, что, так или иначе, надо считаться с ним, пытаются повлиять на попа, пытаются руководить им хотя немного. Социал-демократы оказались, как ни печально в этом сознаться, оттертыми этим прямо стихийным движением. Листки все же выходят,—5-го января вышел очень хороший листок к рабочим Путиловского завода. Завтра должен выйти другой.

«Недоумеваем, чем объяснить предприимчивость попа. Если все это—сплошное правительственное коварство: вызвать революционную вспышку, чтобы подовать ее кровавым образом,—то слишком уже это смело в теперешнее военное время,—поп посылает депутатов рабочих и в Ораниенбаум, и в Кронштадт, где и динамитные, и всякие мастерские,—как знать, чем кончится. Как пожить даже на солдат, когда вчера был выстрел по Зимнему дворцу, о котором вы знаете по газетам?».

Оба эти письма ставят вопрос, горячо обсуждаемый и заграничной печатью: кто такой поп Гапон, провокатор или христианский социалист?

ПОП ГАПОН.

Что поп Гапон—провокатор, за это предположение говорит как будто бы тот факт, что он участник и коновод зубатовского общества. Далее, заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посво-

боднее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) хотело вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях. Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция революционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело, таким образом, особенно свободные руки и играло беспронимательную игру: пойдут, де, на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок будет дан пролетариату хороший; повод для расстрела на улице всех и каждого будет великолепный; победа реакционной (или великокняжеской) партии при дворе над либералами будет полная; репрессия последует самая свирепая.

И английские, и консервативные немецкие газеты прямо приписывают правительству (или Владимиру) такой план действия. Очень вероятно, что это—правда. События кровавого дня 9-го января замечательно подтверждают это. Но существование такого плана несколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть бессознательно орудием такого плана. Наличие либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества, и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название: «новоправославное» движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9-го января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т. д.,—все это—факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо, во всяком случае, энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов. Такой тактики держались, как видно из вышеприведенных писем, и наши товарищи из Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Как бы ни были «хитры» планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалась во много раз хитрее. Что полицейские и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение,—это факт. Революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким политическим уловкам и ухищрениям.

КАНУН КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ.

Мы остановились в своем рассказе о ходе движения на том, как по инициативе Гапона назначено было на воскресенье 9-го января шествие рабочих масс к Зимнему дворцу для подачи «петиции» царю о созыве учредительного собрания. Стачка в Петербурге уже в субботу 8-го января стала всеобщей. Даже официальные сведения определяли число забастовавших в 100—150 тысяч человек. Россия не видывала еще такого гигантского взрыва классово-борьбы. Вся промышленная, торговая, общественная жизнь гигантского полуторамиллионного центра оказалась парализованной. Пролетариат на деле показывал, что им, и только им, держится современная цивилизация, его трудом создаются богатства и роскошь, на нем покоится вся наша «культура». Город оказался и без газет, и без освещения, и без воды. И эта всеобщая стачка носила определенно выраженный политический характер, являлась непосредственным прологом революционных событий.

Вот как один очевидец описывает в письме к нам канун исторического дня:

«С 7-го января забастовка в Петербурге сделалась всеобщей. Остановились не только все крупные заводы и фабрики, но и многие мастерские. Сегодня, 8-го января, не вышло ни одной газеты, кроме «Правит. Вестника» и «Ведом. С.-Петерб. Град.». Руководство движением находится до сих пор в руках зубатовцев. Мы наблюдаем невиданную в Петербурге картину, и сердце сжимается страхом перед неизвестностью,—окажется ли соц.-дем. организация в состоянии взять хотя через некоторое время движение в свои руки. Положение крайне серьезное. Все эти дни происходят ежедневные массовые собрания рабочих во всех районах города в помещениях «Союза русских рабочих». Перед ними улицы целые дни наполнены тысячами рабочих. Время-от-времени соц.-демократы произносят речи и распространяются листки. Принимаются они в общем сочувственно, хотя зубатовцы и пытаются устраивать оппозицию. Когда речь коснется самодержавия, они кричат: «Это нам ни к чему, самодержавие нам не мешает!». А между тем, в речах, которые произносятся в помещениях «Союза» зубатовцами, выставляются все соц.-дем. требования, начиная с 8-часового раб. дня и кончая созывом народных представителей на основах равного, прямого и тайного избирательного права. Только зубатовцы утверждают, что удовлетворение этих требований не обозначает свержения самодержавия, а приближение народа к царю, уничтожение бюрократии, отделение царя от народа.

«Соц.-дем. говорят также и в помещениях Союза, и речи их встречаются сочувственно, но инициатива практических предложений исходит от зубатовцев. Несмотря на возражения соц.-дем., предложения эти принимаются. Они сводятся к след.: в воскресенье 9-го января рабочие должны пойти к Зимнему дворцу и подать через свящ. Георгия Гапона петицию царю с перечислением всех требований рабочих, заканчивающуюся словами: «Дай нам все это, или мы умрем». При этом руководители собраний добавляют: «Если царь не даст, тогда наши руки развязываются,—значит, он враг наш, и тогда уж мы выступим против него, развернув красное

знамя. Если прольется наша кровь, она падет на его голову». Петиция везде принимается. Рабочие дают клятву, что все они придут в воскресенье на площадь «с женами и детьми». Сегодня петиция будет подписываться по отдельным районам, а в 2 часа все должны собраться в «Народный Дом» на окончательный митинг.

«Все это происходит при полном попустительстве полиции,—она убрана отовсюду, хотя во дворах некоторых зданий и спрятаны конные жандармы.

«Сегодня на улицах вывешиваются объявления градоначальника, запрещающие сборища и угрожающие вооруженной силой. Рабочими они срываются. Войска стягиваются в город из окрестностей. Трамвайных служащих (кондукторов и кучеров) заставили выйти на работу казаки с обнаженными шашками».

ПЕТИЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ СТАЧЕЧНИКОВ ЦАРЮ.

Государы!

Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к врагам.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению.

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили. Мы желаем того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вместе с нами обсудили наши нужды, но и в этом нам отказали—в праве говорить о наших нуждах, находя, что за нами не признает закон такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8 в день и устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода. Увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до 1 рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорбления, устроить мастерские так, чтобы в них можно было бы работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно. Всякая наша просьба—преступление, а наше желание улучшить наше положение—дерзость, оскорбительная для наших хозяев. Государь, нас здесь больше 300.000, и все это—люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами не признают ни одного человеческого права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку, карают как за преступление—за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего,

исправного измученного человека—значит совершить тяжелое преступление. Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всем нам—трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вот что стоит перед нами, Государь!

И это - то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников, разруши стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь, ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева внимательно на наши просьбы,—они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, Государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе,—ведь, ему только известны его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и священник, и доктор, и учитель; пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей, пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания,—а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это—самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все; это—главный и единственный пластырь для наших ран, без которого наши раны вечно будут сочиться и поведут нас быстро к смерти.

Но одна мера все же не может залечить всех наших ран; необходимы еще и другие, и мы крепко и открыто, как отцу, говорим тебе, Государь, о них.

Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

- 1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний, совести в деле религии.
- 2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.
- 3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.
- 4) Равенство перед законом всех без исключения.
- 5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа:

- 1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.
- 2) Отмена выкупных платежей; дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

- 1) Охрана труда законом.

2) Свобода потребительно - производительных профессиональных союзов.

3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

4) Свобода борьбы труда с капиталом.

5) Участие рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

6) Минимальная заработная плата.

Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы и пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь—мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, Государь, любой из них,—мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее.

ПИСЬМО ГАПОНА ЦАРЮ.

Государь, не думай, что твои министры сказали тебе всю правду о современном положении. Народ весь верит в тебя; он решил явиться завтра в два часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды.

Если, в нерешимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, исчезнет. И на этом месте между тобой и народом прольется невинная кровь. Явись завтра перед твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи,—мы гарантируем неприкосновенность твоей личности.

КРОВАВЫЙ ДЕНЬ.

Предоставим слово иностранным корреспондентам. Они одни могли по телеграфу передавать свои известия. Они готовились к этому, как настоящие военные корреспонденты. «Мы были именно военными корреспондентами в полном смысле,—говорят некоторые из них,—мы наблюдали военные действия и подвергались сами неоднократно опасности быть застрелянными». О том, насколько точны сведения корреспондентов иностранных газет, мы уже сказали выше.

«Петербург, 22-е (9) января. Петербург проснулся сегодня, чтобы оказаться в осадном положении. Денек выдался необыкновенно веселый. Было пять градусов мороза. Воздух ясный, укрепляющий; небо почти безоблачное. Позолоченные куполы церквей и соборов и разукрашенные снегом крыши и фасады домов, освещенные ярким солнцем, образовывали роскошную панораму, когда я выглянул из окон гостиницы, с нетерпением ожидая, что - то принесет с собой начавшийся день.

«Я заметил характерную перемену в поведении прохожих. Вместо того, чтобы подниматься, как обыкновенно, по ступеням Исаакиевского собора, публика молча

поворачивала к Зимнему дворцу, поодиночке или малыми группами. Присоединяясь к потоку рабочих, я пошел вдоль Адмиралтейского сада по направлению к Зимнему дворцу. Нельзя было не заметить бросающегося в глаза мрачного выражения лиц у прохожих. Повернув за угол, все обращали взоры к Зимнему дворцу, стараясь увидеть, что там происходит.

«Толпа собралась уже во много тысяч человек. Конные войска не пускали ее на площадь. Массы народа начали угрожающе напирать на войска. Кавалерия пустилась рысью, расталкивая народ направо и налево. Многие любопытные из осторожности стали выбираться из толпы (не без труда) и отправились по домам. Я тоже отправился в свой главный штаб, поджидая известий от своих репортеров, которые были расставлены мной во всех важных пунктах города.

«События следовали за событиями с такой головокружительной быстротой, что публика была возбуждаема ими выше всякого описания. Вплоть до самой последней минуты никто не верил, чтобы произошло что-либо серьезное. Традиционно веря в силу нагайки, все пожимали плечами и говорили, что демонстрантов легко рассеять после двух, трех стычек, только и всего.

«А между тем город в течение двух часов находился в состоянии открытой революции.

«Первые беспорядки начались в 11 часов, когда войско попыталось отбить несколько тысяч путиловских стачечников на одном из мостов, ведущих к центру города. То же самое произошло почти одновременно и на нескольких других мостах, где приходилось бороться с постоянным потоком рабочих, направлявшихся к назначенному месту собрания, у Зимнего дворца. Казаки начали с нагаек, перешли к саблям, кончили стрельбой.

«Стачечники передних рядов падали на колена, умоляя казаков пропустить их и уверяя, что не имеют никаких враждебных намерений. Но холостые выстрелы не пугали рабочих, и был отдан приказ зарядить ружья боевыми патронами.

«Когда народ увидел после выстрелов мертвых и умирающих везде и повсюду на окровавленном снегу мостовых, раздался бешеный крик мести.

«Между тем положение дел у Зимнего дворца ухудшалось.

«Войска оказывались, по рапортам начальников, не в силах сдерживать напавшие массы народа. Пришлось послать подкрепления, и в два часа приказ стрелять был отдан и здесь. Мужчины, женщины и дети падали при каждом залпе. Их поднимали и увозили в амбулатории на санях и повозках. Дело шло уже не об одних рабочих. Негодование и ярость овладели всеми классами. Студенты, торговцы, все классы населения были одинаково разъярены. В тот момент, как я пишу это, стрельба идет во всех концах города.

«Поп Гапон, шедший во главе большой толпы рабочих с крестом в руках, был ранен в руку и в плечо. Автомобиль, который перевозил мои телеграммы в телеграфные бюро (телеграммы посылались каждый час, иногда каждые 5—10 минут. Ред.), был захвачен и употреблен на перевозку раненых.

«Два отряда рабочих теперь отрезаны один от другого. Те, что находятся на другой стороне Невы, вооружаются саблями, ножами, плотничными и кузнечными инструментами. Быстро воздвигаются баррикады.

«Несколько офицеров подверглись нападениям на Невском проспекте. У них отнимали сабли, с них срывали эполеты. Паника и смятение повсюду величайшие. Войска действуют беспощадно, стреляют направо и налево, часто без всякой необходимости. Стачечники кричат им: «Русские ли вы? Зачем поступаете вы как кровопийцы и палачи?!». Когда проносят или провозят убитых и раненых, толпа снимает шапки и кричит: «Ура! Слава вам!» в честь павших.

«Я прошелся по Выборгской и по Петербургской сторонам. Войска расставлены в различных пунктах, в особенности сосредоточены они на мостах через Неву.

«Густые толпы рабочих, среди которых много женщин и детей, держат себя спокойно, освистывая лишь офицеров, едущих во главе отрядов войска.

«Возвратясь на Невский, я попал в громадную толпу, состоящую из представителей всех классов общества. Незнакомые люди возбужденно обменивались новостями и впечатлениями по поводу событий дня, объединенные общей опасностью. Все были взволнованы и возмущены теми ужасами, которые совершали солдаты на Путиловском заводе, где была настоящая бойня. Там рабочие при угрозе стрельбы легли на землю, и войска стреляли по лежачим!

«У Нарвских ворот войска стреляли в демонстрантов, руководимых попами Гапоном и Сергеем, которые шли с крестом, с иконой и с портретом царя. Портрет был пронизан градом пуль. Поп Сергей был убит.

«Полиция и солдаты, охранявшие мост через Неву, пытались отбить толпу штыками, но напор не ослабевал. Заиграл рожок, и два залпа были направлены в толпу. Много убитых и раненых. Мольбы, проклятия, крики мести раздаются по адресу офицеров...

«После заката солнца сражение затихло. Я посетил все главные центры города и нашел все спокойным... Почти на каждом углу в центре города расставлены бивуаком войска вокруг костров. Там и здесь эскадроны кавалерии... На улицах больше прохожих, чем можно было ждать после страшных событий дня...

«Фабрики охраняются солдатами в ожидании беспорядков. Войска стоят у Нарвской заставы, ведущей к Путиловскому заводу. Утром туда отправлены были подкрепления из войска и полиции. Рота солдат расставлена около Невского судостроительного завода.

«Около 10 часов утра тысяч 15 чел. направились в Петербург, но в 11 ч. они были остановлены двумя сотнями казаков, преградившими им путь. Казаки стреляли три раза холостыми зарядами. Некоторые стачечники пошли по льду Невы, остальные отказывались вернуться. Начальник отряда затребовал подкреплений и приказал зарядить ружья боевыми патронами. Казаки, однако, атаковали толпу нагайками и оттеснили демонстрантов назад.

...«В 11 час. утра рабочие стали собираться на Васильевском острове. Уланы (полиции не было) стояли на Николаевском мосту. Отряды пехоты останавливают рабочих. Уличное движение прекращено. Много войска стоит у Академии Наук и Художеств. Уланы, пехота и казаки собраны и на Выборгской стороне. Рабочие собираются на улицах, ведущих к Литейному мосту. Их пропускают по 2—3 чел., но не толпами. Рабочие держат себя спокойно.

...«Около Нарвской заставы отряд кавалерии не про-

пускает никого в город. На Вас. острове один рабочий обратился к толпе и стал звать ее итти к Дворцовой площади. Несколько тысяч рабочих отправились к Николаевскому мосту.

«1 час. пополудни. Толпа, идущая с Вас. острова, остановлена сильным отрядом пехоты, уланов и казаков. Вожаки стачечников обращаются к солдатам с призывом не стрелять по своим братьям. Пехота опускает ружья, но уланы и казаки повинуются приказу и оттесняют толпу саблями. Много раненых. Военный оркестр играет во время столкновения.

«Все улицы, ведущие к Зимнему дворцу, заняты войсками... 1 ч. 20 м.—Сейчас только имела место попытка ворваться на Дворц. площадь. Стачечники собрались в большом числе в Александровском саду, около Адмиралтейства и попытались сломить ворота на площади. Войска остановили их...

«...«Возбуждение и беспорядки увеличиваются повсюду. Демонстрации на Вас. острове сделались особенно грозными и бурными. Войска стреляют. Толпы народа пытаются пробраться в центр города по мостам, соединяющим его с островами и Выб. стороной. Происходят стычки.

«На Троицком мосту кавалерия атаковала толпу тысяч в 10 чел. саблями. Стачечники обратились в бегство, преследуемые кавалерией. Мост теперь закрыт для движения. Пропускают только избранных, да и им небезопасно показываться поблизости, ибо во время схваток ничего и никого не разбирают. Вожаки движения говорят речи перед громадными толпами народа и читают воззвания, зовущие всех итти ко дворцу и умереть там. Воззвания встречаются аплодисментами.

«...«Когда путиловским рабочим преградили дорогу ко дворцу, они собрались около помещения Союза в числе около 10.000. Из окон бросают революционные воззвания. Вожаки говорят зажигательные речи, протестуя против употребления военной силы, указывая на отношение царя к народу. Речи встречаются аплодисментами и криками: «Долой монархию!»

«2 ч. 38 м. Толпа и войско дерутся вокруг дворца. Стрельба продолжается, толпа кричит: «Ура!» 30 человек ранено и задавлено казаками на Шлиссельбургском тракте...—2 ч. 53 м. Толпа на Дворцовой площади рассеяна. Войска преследуют ее, 150 убитых и раненых. Толпа в ярости и грозит мстостью. Среди убитых много женщин и детей. Убит один околоточный.—3 ч. 35 м. Народ организует вооруженное сопротивление. Убит один казак, ранен один офицер. Толпа воздвигает проволочные заграждения на улицах Вас. острова, чтобы помешать кавалерийским атакам.—3 ч. 40 м. Толпа, оттесненная от Дворцовой площади, отступает по Невскому. Войска стреляли три раза по отступающим. 30 убитых, много раненых. Толпа в ярости выламывает камни из мостовой и бросает в офицеров.—4 ч. Стачечники на Вас. острове строят баррикады из поваленных телеграфных столбов.—5 ч. 30 м. Баррикады закончены в двух местах на Вас. острове. Толпа отказывается разойтись, несмотря на повторные залпы солдат.—6 ч. Толпа пытается построить баррикады на Невском.—9 ч. 45 м. Вас. остров погружен в темноту. Нет ни электричества, ни газа.—11 ч. вечера. Стрельба продолжается на Вас. острове. Рабочие жгут телеграфные столбы.—1 ч. 10 м. ночи. Залпы выстрелов на Вас.

острове были слышны еще в полночь. Баррикады разрушены солдатами вскоре после того, как они были построены, при чем убито 30 рабочих». Такова краткая история кровавого дня.

ЧИСЛО УБИТЫХ И РАНЕННЫХ.

Относительно числа убитых и раненых известия расходятся. Само собою разумеется, что о точном подсчете нет и речи, а судить на-глаз очень трудно. Правительственное сообщение о 96 убитых и 330 раненых, очевидно, лживо, и ему никто не верит. По последним газетным известиям, журналисты 13-го янв. подали министру вн. дел список 4.600 убитых и раненых, список, составленный репортерами. Конечно, и эта цифра не может быть полной, потому что и днем (не говоря уже о ночи) невозможно было бы подсчитать всех убитых и раненых при всех стычках.

Победа самодержавия над безоружным народом стоила не меньше жертв, чем большие сражения в Манчжурии. Недаром, как все заграничные корреспонденты сообщают, рабочие Петербурга кричали офицерам, что они успешнее сражаются с русским народом, чем с японцами.

(Н. Ленин).

Первый список жертв 9-го января.

Убитые: 1) Мих. Филипов, 2) Влад. Иванов, 3) Иван Завьялов, 4) Ник. Афанасьев, 5) Пав. Обухов, 19 лет, 6) Ив. Степанов. Умершие в больнице: 7) Кириллов, 17 лет., 8) Петров, 9) Мария Львовна Бердичевская, фельдшерница.

Ранены: 1) Вас. Генаев, 20 лет, столяр, рана в ногу, 2) Ник. Александров, 29 л., артист, колотая рана лица шашкою, 3) Тимоф. Леонтьев, 38 л., столяр, рана руки, 4) Вас. Богданов, 16 л., столяр, рука, 5) Василий Щека, столяр, осложн. перелом ноги, 23 л., 6) Василий Попов, 29 л., слесарь, осложн. перелом ноги, 7) Ник. Алекс. Иванов, 20 л., гравер, шашкой по лицу, 8) Николай Самсонов, 27 лет, торговец, удар по лицу, 9) Вас. Фомин, 19 л., плотник, рука, 10) Пав. Мюнхельбер, 23 л., рука, 11) Мих. Никитин, 25 л., сапожник (случайно), в ноги, 12) Егор Виноградов, 26 л., слесарь, проникающая рана груди, задето легкое, тяжело, 13) Гавр. Масляников, 25 л., слесарь, рука, 14) Анд. Васильев, кузнец, 39 л., ранено колено, 15) Федор Милешин, 29 л., дворянин, удар по лицу, 16) Вас. Черняков, 28 л., в грудь навывлет, тяжело, 17) Ив. Свидлят, 23 л., извозчик, рана груди колотая, 18) Дмитрий Яргиков, 14 л., переплетчик, легко, нога, 19) Алекс. Винокуров, 23 л., нога, легкая, литейщик, 20) Мих. Васильев, 30 л., фабричный, голова и обе руки, 21) Ник. Абашев, торговец, рука, 22) Ив. Павлов, 23 л., бронзовщик, легко, 23) Конст. Кавицкий, слесарь, руки, 24) Ник. Михайлов, 21 г., слесарь, нога, легко, 25) Ив. Павлов, 20 л., на заводе, рука и ноги, 26) Грбовский, 37 л., слесарь, нога, 27) Осип Жданов, 19 л., наборщик, рука, шея, 28) Мих. Титов, 24 л., литейщик, 29) Анд. Лебедев, 16 л., столяр, рука, 30) Афанас. Соколов, 42 л., столяр, нога, 31) Адр. Крик, 28 л., токарь, нога, 32) Алексей Борляев, 22 л., нога, 33) Евель Израиль Товбель, 19 л., часовых дел мастер, рубленая рана головы.

Женщины (работницы):

Татьяна Кожева, Мария Мольдер, Александра Иванова, Мария Соколова, Мар. Томякова, Мария Чирикова, Вера Щедрович, учит., 25 л., в ногу, сильно, Елиз. Яковлева.—Все женщины неопасно.

Будем надеяться, что совместными усилиями всех деятелей свободной печати удастся составить возможно более полный список жертв царских палачей.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ ПОБОИЩА. ОКОЛО ТРОИЦКОГО МОСТА.

Письмо студента из Питера:

«Сообщаю вам некоторые подробности сегодняшней демонстрации. В Питере есть несколько отделов «Собрания русских рабочих» (так я прочел на вывеске), и я, переодевшись, попал на собрание шестого отдела, что на Петербургск. стороне. Часов в 11 утра началось собрание, на котором говорил только один оратор (другим не позволяли). Читал и пояснял резолюцию, которая, по его словам, будет принята и на других собраниях и передана лично свящ. Гапоном и другими представителями рабочих царю. Царь выйдет для принятия резолюции на Дворцовую площадь. Придется, может-быть, ждать его не больше получаса. Рабочие, шествуя по улицам к дворцу, должны вести себя тихо, не позволять никаких выходов против публики, не кричать и этим не вызывать полицию. Может-быть, к ним по дороге присоединятся соц.-демократы, соц.-революционеры и другие интеллигенты. Оратор указывает рабочим доверять этим группам, слушать каждое умное слово, при чем прибавил, что соц.-демократы до сих пор выставляли те же самые требования, что и рабочие сегодня, объединяя их девизом: «долой самодержавие!». Соц.-демократы выбрасывали красные флаги и дрались с полицией, при чем полиция часто действовала оружием. Ничего подобного сегодня не будет. Государь сам лично примет «требования рабочих». Он должен будет это сделать: «Ведь, народ просит его»; «он должен иметь в виду лишь благо народа» (кавычками означаю слова, подлинно мною записанные). Лишь бы рабочие своим необдуманым шумом не беспокоили публику. Возможно, что у Троицкого моста будет войско. Но это ничего. Выйдет оратор из рабочих, объяснит в чем дело, и их пропустят. Ведите только себя смиренно, и вы дойдете до Дворцовой, а там уж государь. Он должен немедленно тут на месте подписать, даже «по-клясться» (подлинные слова резолюции), что исполнит требования рабочих.

Если государь тут, на Дворцовой, не подпишет, то рабочие получат там указания от своих вожакон, что им делать. Оратор сказал только: «Мы тогда разнесем...», но, испугавшись своих слов, не сказал, что именно».

(Автор письма излагает содержание петиции).

«Все это (т.-е. все требования, вплоть до созыва учредительного собрания) должен государь сегодня подписать. Для этого нужно лишь не кричать и не безобразничать по дороге до Дворцовой. Предупреждаю вас, что здесь я ничего не прибавил. После закрытия собрания я подошел к одному из представителей и ска-

зал, что государь переехал в Царское Село. «Ничего, вытребуем его!»—был ответ. На замечание, что все это приведет лишь к избению толпы, я получил ответ, что я должен подчиниться ихнему постановлению. Я замолчал и пошел с толпой. Вышли на Каменоостр. просп. разделенные на две группы с предупреждением, что если остановят первую группу, то она должна подождать вторую, и тогда уже пропустят через мост.

Я был между первыми в первой группе, не с целью пробраться с рабочими до дворца, ибо это по-моему не могло быть без побоища, а у нас ни у одного даже палки нет,—но из желания видеть собственными глазами и убедить легковверных, ибо такая тактика лучше всякой критики. Все-таки я не мог предвидеть того, что затем воспоследовало. Городовые не мешали, а улыбаались, что передавалось и рабочим. По дороге на самом деле многие присоединились. Дошли до Троицкого моста и, так как у моста была расставлена пехота, то подождали вторую группу. Двинулись вместе. К одному взводу пеших солдат подошел и другой. Дорога была загорожена. Решив, что солдаты, взявшие уже «наперевес», не пропустят нас, а штыками разгонят, я стал отходить от панели и по тропинке хотел пробраться к Кронверскому проспекту, чтобы дойти кругом на Дворцов. площадь; не успел я отойти от панели, как послышался рожок, и моментально воспоследовали два залпа боевыми патронами. Мимо моих ушей просвистели несколько пуль, и я увидел перед собой несколько лиц копошащихся на снегу. Я, растерявшись, не сообразил, в чем дело, и лишь сочащаяся кровь привела меня к сознанию. Тут, у моих ног, лежала одна барышня, по виду интеллигентная, с лицом, утопающим в крови. Пуля ей попала в лоб. Ее уложили на извозчика и отправили в больницу с двумя знакомыми.

Убито у нас шесть человек на месте и около 30 раненых. За последнюю цифру не ручаюсь (говорят, даже около 50), но с убитыми сам возился и знаю. Убит наповал и тот господин, который после собрания потребовал от меня «подчиниться». Он шел по середине мостовой, и несколько пуль сразило его. Когда мы подошли, у него не было никаких признаков жизни. Предупреждений никаких со стороны воинского начальства не было, несмотря на то, что у них было около 2-х эскадронов Кирасирского (из Царского Села) полка. Стрелял в нас Семеновский полк. Часть раненых перевязана в Народном доме. Какими пулями стреляли, можете видеть из того, что одна пуля попала в голову делопроизводителю Алекс. лица, что на Каменоостр. пр., стоявшему у ворот лица, и на месте уложила его.

По окончании уборки убитых и раненых я отправился на Невский и Дворцовую. Дворцовая площадь была оцеплена со всех сторон кавалерией, а на самой площади стояли павловцы—пехота. Публики на Невском было очень много,—панели заняты густо (на Петербургской нас было 4-5.000). «Публики», можно сказать, и не было совсем, а лишь демонстранты. Я пробрался на Дворцовую площадь. Кавалерия лошадьми и шашками разгоняла демонстрантов, но, освободившись от солдат, место сейчас занималось демонстрантами. Ругали солдат и офицеров на чем свет стоит. Иронически кричали «ура!». Александровский парк был заперт вместе с публикой, и многие из демонстрантов перелезли решетки и оттуда кричали солдатам. Многие сидели на

решетке (удобно в том отношении, что кавалерия не может достать до них). Я пробовал туда попасть, но не мог взобраться. Пришлось под напором лошадей итти на Невский. Немного погодя послышался тоже рожок, и павловцы вместе с кавалерией дали 3 залпа по рабочим в парке. Последствия были ужасны. Многие из убитых, сидевших на решетке, зацепившись брюками за гвозди от решеток, так и висели в воздухе. Другие валялись убитыми и ранеными. Перевязывать их некому было и убирать их тоже невозможно,—сад закрыт. Нас стали тоже сильно теснить, и я очутился у Красного моста. Убитых увозили обыкновенно знакомые. Видел даму, по виду торговку, убитую, на извозчике; ноги висели в воздухе и по дороге потеряли один валежок. Скоро увезли убитого студента и рабочего. Рабочего взяли на руки и несли до Мойки на руках. Публика снимала шапки и кричала: «Ура!», «Долой деспотизм!» и др. От смирения тут уже ничего не осталось. Этих событий я был очевидцем и участником. Относительно других передаю с чужих слов.

С Выборгской стороны, где резолюцию Гапона провалили и приняли социал-демократическую, тоже двинулись к Троицкому мосту. Их встретили шашками наголо и много народу поранили. Одному семинаристу обрубили все пять пальцев. Некоторая часть рассеявшихся рабочих примкнула к ним с Петербургской.

На Васильевском острове, на 4 линии, где помещается рабочий клуб, устроили формальную баррикаду из проволок, и казаки никак не могли пробраться на лошадях. Проволоки были скрещены и соединяли противоположные дома. Руководителем был переодетый студент, и когда рабочие по дороге встретились с солдатами, то он, обратившись за разрешением к офицеру сказать слово, получил приказ офицера к солдатам: «Бей!», и его тут уложили. Его физиономия была вся изуродована пулями, и трудно было его узнать.

НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ. ПИСЬМО ОЧЕВИДЦА.

Немецкая социал-демократическая газета «Vorwärts» печатает следующее частное письмо одного петербургского адвоката: «Утром 9-го (22) января я пошел по Невскому и Дворцовой площади, где рабочие собирались передать петицию самому царю. Но добраться до самой площади мне не удалось. Сначала я стоял у дома генерального штаба, фасад которого выходит и на Невский, и на Дворцовую площадь. Что происходило на площади, я не мог видеть, потому что передо мной стоял отряд кавалерии, отделявший толпу на Невском от толпы на Адмиралтейской площади и в Александровском саду. Время от времени слышны были крики «Ура!» то с той, то с другой стороны. Вообще толпа вела себя очень спокойно и сдержанно. Многие протестовали против криков «ура», которые могли бы вызвать какое-либо насилие. Два раза я видел, как эскадроны с обнаженным оружием проезжали с Дворцовой площади на Адмиралтейскую улицу. До нас доходит известие, что священника процессия рабочих с крестом, процессия с священником Гапоном во главе, с петицией в руках разогнана, и что рабочие отбиты повсюду. Рабочие, стоявшие около меня, говорят: «Да, теперь

видно, что от царя не будет нам помощи. Мы просили хлеба, а нам дали пули!». С Дворцовой площади и от Александровского сада не было слышно никакого шума, но это было лишь затишье перед бурей. Внезапно на Дворцовой площади раздался залп, другой, третий. Из толпы, стоявшей перед нами, стали выносить убитых и раненых. Я собственными глазами видел много убитых и раненых, между прочим, убитую молодую девушку, убитого юношу. Убитых и раненых несли по Невскому. Одну девушку, вероятно, курсистку мы отнесли во двор соседнего дома и положили ее на скамью, сейчас же покрывшуюся кровью. На лбу была рана, но, вероятно, была еще и другая рана, потому что убитая лежала лицом вверх. Раненую внесли в одну квартиру, обмыли рану, наложили повязку, потому что были еще признаки жизни, а затем ее унесли. Озлобление и возмущение массы достигло высшего предела. Толпа заняла буквально все соседние места Невского и Гоголевской улицы, избивая беспощадно всех военных, которые проезжали на санях. Я видел, как толпа до крови избивала двух жандармских офицеров и двух артиллерийских прапорщиков. У одного отняли саблю и сорвали эполеты, другому удалось спастись бегством. Толпа пала на одного пехотного офицера, на одного гвардейца и тоже отняла у него саблю. Пожилой генерал был ранен бутылкой в лоб, эполеты были с него сорваны, фуражка при криках «ура!» отброшена. Побили одного морского капитана. Все это происходило вблизи от войска, которое ничего не могло поделать. На Невском, недалеко от Морской, толпа составила без всякой подготовки большое народное собрание. Я слышал две пламенные речи. Одна заканчивалась кликом: «Долой самодержавие!»,—кликом, который толпа подхватила с энтузиазмом. Другая речь закончена была громким призывом: «К о р у ж и ю!». Толпа встретила и этот призыв с большим сочувствием. Но вот появилась одна, потом другая рота стрелков. Толпу разбили на две части и оттеснили к набережной Мойки. Стрелки заняли Полицейский мост. Я стоял в стороне, около выхода из Благодородного Собрания. Вдруг раздался залп с другого берега Мойки, и через несколько минут понесли раненых, залитых кровью. На другом берегу тоже стояла большая толпа народа. Она держалась совершенно спокойно. Повидимому, ее не увлекал никакой шум битвы, все были потрясены впечатлениями и стояли в тяжелой грусти. Но и этих людей все же не пощадили. Снова раздался залп. Одна из двух женщин, стоявших в некотором расстоянии одна от другой около аптеки, упала, не издав ни единого звука. Стрелки, повидимому, умышленно целили в этих двух женщин. Другая испустила страшный крик и наклонилась к дорожному трупу. На углу набережной Мойки и Невского лежало уже несколько убитых. Когда я несколько позже проходил по этому месту, я видел везде, кругом кровь. В 5 ч. в. я пошел по Гороховой, которая была превращена в один военный лагерь. Что было в других местах, я не видал, но мне рассказывали, что еще гораздо больше ужасов совершалось на Васильевском острове. Рабочие настроили там несколько баррикад.

(Н. Ленин).

ПЛАН ПЕТЕРБУРГСКОГО СРАЖЕНИЯ *).

Странно, на первый взгляд, говорить о сражении, когда рабочие безоружные мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало защиту Петербурга и Зимнего дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе.

Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплуататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплуатируемых и трудящихся против произвола и насилия.

Все сторонние наблюдатели в один голос признают теперь, что в России эта война объявлена и начата. Пролетариат поднимается снова еще большими массами. Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам. Рабочие будут повсюду вооружаться. Нужды нет, что полиция удешевит строгости по надзору за складами и магазинами оружия. Никакие строгости, никакие запреты не остановят городские массы, сознавшие, что без оружия они всегда, по любому поводу, могут быть доведены правительством до ружья. Каждый поодиночке будет напрягать все усилия, чтобы раздобыть себе ружье или хоть револьвер, чтобы прятать оружие от полиции и быть готовым дать отпор кровавым слугам царизма. Всякое начало трудно, — говорит пословица. Рабочим было очень трудно перейти к вооруженной борьбе. Правительство теперь заставило их перейти к ней. Первый, самый трудный шаг сделан.

Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. «Топоры? — говорит один. — Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере, револьверы, а еще лучше ружья». Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после «Владимира дня» в Петербурге не останутся одними разговорами.

Военный план дяди царя, Владимира, распорядившегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи иксн, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охранению мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами «военных

действий» были площади у мостов (Троицкого, Самсоновского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), наконец, Дворцовая площадь, куда все же таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения «Владимира урока» в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты сознают себя воюющей стороной, и тогда... тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по «планам» не одних только великих князей и царей. Призыв «К оружию!», раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9-го января, не может теперь пройти бесследно.

(Н. Ленин).

ОЗЛОБЛЕНИЕ ПРОТИВ ВОЙСКА.

Все корреспонденты отмечают, что офицеров и солдат толпа встречала криками: «Палачи! убийцы! кровопийцы!» Передают, что один пожилой генерал, ехавший на санях по направлению к войскам, был остановлен. Толпа кричала: «Вы едете отдать им приказ стрелять по нас?». Генерал приказал кучеру ехать дальше, но получил удар в голову от какого-то хорошо одетого, в богатой шубе господина. Генерал был стащен с саней и убит толпой. (Это сообщение сомнительно, потому что полиция и правительство постарались бы, вероятно, огласить такой факт, чтобы эксплуатировать его против стачечников. Между тем подтверждений такого события не было).

«В 8 ч. вечера в воскресенье челов. 20 из образованного общества остановили сани одной высочайшей особы. «Убийца! — сказали они ему — слезай с саней, становись на колени и проси пощады!». Особа отказывалась повиноваться, и публика плевала ей в лицо».

(Н. Ленин).

«ЦАРЬ-БАТЮШКА» И БАРРИКАДЫ.

Бросая общий взгляд на события кровавого воскресенья, всего более поражаешься этим сочетанием наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбы с оружием в руках против царской власти. Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата. Недаром европейские буржуазные газеты

говорят, что Россия 10-го января уже не то, чем была Россия 8-го января. Недаром названная нами выше немецкая соц.-демократическая газета вспоминает, как 70 лет назад начиналось рабочее движение в Англии, как в 1834 г. английские рабочие уличными демонстрациями протестовали против запрещения рабочих союзов, как в 1838 году около Манчестера выработывали они на громадных собраниях «народную хартию», и пастор Стивенс провозглашал, что «всякий свободный человек, который дышит вольным божьим воздухом и ходит по вольной божьей земле, имеет право на свой собственный очаг». И этот же самый пастор приглашал собравшихся рабочих взяться за оружие.

У нас, в России, во главе движения тоже оказался священник, который за один день перешел от призыва итти с мирным ходатайством к самому царю к призыву начать революцию. «Товарищи русские рабочие!,— писал свящ. Георгий Гапон после кровавого дня в письме, прочтенном на собрании либералов,—у нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу. Благословляю вас на сегодня. Завтра я буду среди вас. Сегодня я занят сильно работой на наше дело».

Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже только обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев-социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли итти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил свящ. Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати.

Понятно теперь, почему петербургские социал-демократы, письма которых мы привели выше, относились вначале и не могли не относиться с недоверием к Гапону. Человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений. Искренне или неискренне рвал он на себе рясу и проклинал свою принадлежность к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ, этого не мог с уверенностью сказать никто, кроме

разве людей, близко знавших Гапона лично, т.-е. кроме ничтожной горстки людей. Это могли решить только развешивающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона.

Сможет ли социал-демократия овладеть этим стихийным движением?—с тревогой спрашивали себя наши петербургские товарищи, видя неудержимо быстрый рост всеобщей стачки, захватывающей необычайно широкие слои пролетариата, видя неотразимость влияния Гапона на такие «серые» массы, которые могли бы увлечься и провокатором. И социал-демократы не только не поддерживали наивных иллюзий насчет возможности мирного ходатайства, они спорили с Гапоном, они прямо и решительно отстаивали все свои взгляды и всю свою тактику. И история, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона. Великий князь Владимир, действующий от имени царя и со всей властью царя, взялся своим подвигом палача показать рабочим массам то, и именно то, что социал-демократы всегда показывали и будут показывать им печатным и устным словом.

Массы рабочих и крестьян, сохранившие еще остаток веры в царя, не могли итти на восстание,—сказали мы. После девятого января мы вправе сказать: теперь они могут итти и пойдут на восстание. «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром.

Социал-демократии остается позаботиться о возможно более широком распространении вестей о петербургских кровавых днях, о большей сплоченности и организованности своих сил, о более энергичной пропаганде давно уже выдвинутого ею лозунга: всенародного вооруженного восстания.

(Н. Ленин).

ОТЗВУКИ ПЕТЕРБУРГСКИХ СОБЫТИЙ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Заграничная печать последнее время пристально следит за внутренней политической жизнью в России. В редком номере газеты вы не встретите известий с заголовками: «Агитация в России», «Манифестации в России». Земский съезд, банкеты, демонстрации, нижегородское избиение—все это отмечалось и обсуждалось. Петербургское стачечное движение вызвало еще большее внимание. Имя попа Гапона становилось все известнее, но западная печать еще не придавала движению большого политического значения. Вдруг, в понедельник 10-го января отношение резко меняется. Газеты переполняются статьями и известиями с кричащими заголовками: «Революция в России», «Русская революция», «Агония царизма», «Петербург залит кровью», «Ужасная бойня», «Ужасная расправа», «Трагический день», «Кровавый день», «Царский день», «Смерть царизма», «Бегство царя», «Будущее временное правительство» и т. п. Редакции осаждаются публикой, телеграммы печатаются курсивом и жирным шрифтом.

Уже через два дня после кровавого воскресенья демократическая Европа не на словах только, но и на деле показала свое сочувствие героям петербургского движения. В Брюсселе под председательством Вандервельде устраивается собрание на открытом воздухе. Тысячная толпа направляется к русскому посольству с криками: «Долой царизм! Долой убийц!» В Вене устраивается разом два митинга. На одном из них депутат Шумейер произносит настолько резкую речь, что вмешивается полиция и распускает собрание при шумных протестах публики. Митинги протеста против петербургских палачей созываются в Праге, Кракове, Пшемисле. В Триесте рабочие собрались перед русским консульством, чтобы протестовать против зверства русского правительства. [В Бресте стачечники во время своей манифестации бросали камни в здание русского консульства с криками: «Долой царя, да здравствует русская революция!» Во всех сколько-нибудь значительных городах Швейцарии состоялись митинги сочувствия и протеста]. В Лондоне сорвана [большая медная доска,] красовавшаяся на здании русского посольства. Собрания протеста были и в итальянских городах: Риме, Неаполе и других. В Милане на большом собрании все присутствующие рукоплещут социалисту Турати, когда он высказывает горячее пожелание скорейшего ниспровержения царизма. [В итальянском парламенте социалистический депутат Мирабелли выразил сочувствие русским борцам за свободу]. Много собраний протеста было и в Париже: они созывались и рабочими синдикатами, и французским студенчеством. Поведение царских войск объявляется беспримысленным преступлением, а правительство русского деспота признается исключительным из цивилизованного человечества. В нескольких газетах открыта подписка в пользу петербургских рабочих. Парижский Союз Труда, его отдели, а также все рабочие союзы и биржи труда приглашаются к протесту. Лионская городская дума принимает адрес с выражением сочувствия русским рабочим, борцам за завоевание свободы. Те мысли и чувства, которыми одушевлен теперь европейский пролетариат, лучше всего выражены в манифесте союза синдикатов парижских рабочих. В этом манифесте сказано:

Р[оссий]ские рабочие!

Союз синдикатов, глубоко возмущенный петербургскими убийствами, ужасы которых напоминают ужасы Кровавой Недели 1871 года, посылает вам от имени парижских рабочих свое самое горячее ободрение и [пожелание успеха] революции, которую вы начали, и которую не смогут остановить массовые расстрелы.

Братья! Никакие границы, никакие преграды, которые деспоты всех стран воздвигают между народами, [не смогут разъединить нас], у нас с вами одни и те же страдания, одни и те же мысли об освобождении. Раздавленные под игом ненавистного правительства, рабы самодержца, союзником которого стала французская буржуазия, уставшие искать правды, вы обращаетесь к великой освободительнице угнетенных—к революции, которая безжалостна по отношению к сильным

мира сего, к владыкам, к тиранам. Рабочими всего мира овладевает трепет надежды при известиях о ваших богатых усилиях. Царь, лицемерно превозносивший мир во время Гаагского конгресса, сбросил маску. Деспотумиротворцу мало загубленных им тысяч человеческих жизней на полях Манчжурии. Он надеется утвердить свою пошатнувшуюся власть на трупах рабочих. Тщетны будут эти кровавые усилия! Пробил час свободы для русского народа. Будьте мужественны, товарищи! Дайте волю гневу и ненависти, которые накопились в ваших сердцах за столетия эксплуатации, страданий и горя! Пусть исчезнет навсегда царизм, потопленный в пролитой им крови!

Рабочие Парижа, города революции, всем сердцем с вами; они громко говорят вам: «Рассчитывайте на нас! Наша помощь вам обеспечена! Долой царя! Долой императора! Да здравствует социальная революция!»

Трудно передать то горячее возбуждение, которое овладело теперь русскими, живущими за границей. Их здесь многие десятки и, может-быть, даже сотни тысяч. Политические эмигранты, учащаяся молодежь, люди, спасавшиеся от призыва в армию, от еврейских погромов и от гонений за веру,—все живут мыслью о родине, задыхаются в узкой сфере колониальной жизни, жадно ловят вести об освободительном движении в России. Под впечатлением петербургских событий сотни и тысячи людей готовы бросить все, готовы отдать жизнь за несколько дней борьбы за свободу. Ряды революционеров, борющихся в России, готовы пополниться сотнями новых самоотверженных товарищей. Все говорят только об одном: есть ли деньги на дорогу? есть ли паспорт? когда выезжаете? К несчастью, с русской границы доходят тревожные вести. Прусское и австрийское правительства ставят едущим всевозможные преграды. В городах, где много русских, появилась на улицах туча царских шпионов. Но не остановить им революционеров, готовых сложить свою голову, как не остановить всероссийской полиции того революционного потока, который готов обратить в дымящиеся развалины вековое здание всеми проклинаемого самодержавия. Наша мысль с вами, дорогие товарищи рабочие Петербурга, Москвы и других городов. Близок час, когда мы будем не только мысленно с вами, когда рука-об-руку с вами мы будем работать над возведением баррикад, чтобы ответить на выстрелы выстрелами, на воинскую команду криками:

Вперед! Долой монархию! Да здравствует пролетариат!

(М. Ольминский).

В редакции «ВПЕРЕД» принимаются пожертвования на поддержку движения. До сих пор поступило (во франках) на нужды восстания: из Нанси от Н. 30; от «Зайца» 132; от Цюрихской гр. 95; с митинга 24 января 143,70. Всего 400 фр. 70 с. На петербургских стачечников: от неизв. 500; от Гейдельб. гр. 100; от Мюнхенской гр. 255; от Парижской гр. 100; от Женевск. клуба большинства 32,03; с интер. митинга 26 янв. 15,50; через Ал. 23,20. Сбор по листам в Женеве 525,45. Всего 1481 фр. 18 сант. Для эмигрантов через Лейпцигскую группу 39 мар. 10 пф.

Примечания.

Прим. 1. Эта статья была напечатана шрифтом более крупным, чем все другие.

Прим. 2. См. в приложении.

Российская
Социал-демократическая
Рабочая Партия.

ВПЕРЕДЪ

Пролетаріа всѣхъ странъ
соединяйтесь!

№ 5.

ЖЕНЕВА. 7 ФЕВРАЛЯ (25 ЯНВ.)

1905.

Твердый курс.

Как ни грандиозны, как ни важны даже со всемирно исторической точки зрения события знаменательной пролетарской недели в Петербурге, они не заставят нас, социал-демократов, сделать какой-нибудь крутой поворот или неожиданный скачок. Когда тенденции развития общества поняты правильно, никакие неожиданности не заставят противоречить себе. И раньше, еще с первых номеров газ. «Вперед», мы указывали на полную вероятность и даже неизбежность близкого народного восстания, мы указывали на те задачи, которые выдвигаются благодаря этому на первый план перед сознательным авангардом пролетариата. Так, в № 1-м «Вперед» мы писали:

«Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения.

«В чем должна выразиться немедленно поддержка конституционалистов пролетариатом? Всего более в том, чтобы утилизировать общее возбуждение для агитации и организации наименее затронутых, наиболее отсталых слоев рабочего класса и крестьянства. Разумеется, организованный пролетариат—социал-демократия должна посылать отряды своих сил во все классы населения, но чем самостоятельнее выступают уже эти классы, чем острее становится борьба и чем ближе момент решительного боя, тем более должен переноситься центр тяжести нашей работы на подготовку самих пролетариев и полупролетариев к прямой борьбе за свободу. Только оппортунисты могут в такой момент называть особенно активной борьбой или новым методом борьбы, или высшим типом демонстраций выступление отдельных рабочих ораторов в земских и других общественных собраниях. Такие манифестации могут иметь лишь совершенно подчиненное значение. Несравненно важнее теперь обратить внимание пролетариата на действительно высокие и активные формы борьбы в роде знаменитой ростовской и ряда южных массовых демонстраций. Несравненно важнее теперь расширять наши кадры, организовать силы и готовиться к еще более прямой и открытой массовой борьбе».

Задачи остаются те же и теперь, только при волнах красного света, льющемся из Петербурга, яснее стало, насколько правилен этот взгляд на вещи и каким антиреволюционным крохоборством являются пресловутые «новые формы», изобретенные глубокомысленными нашими политиками из новой «Искры». Во 2-м № «Вперед» мы писали:

«В какую форму отливалось революционное настроение рабочих масс в эпохи революционного брожения? Что обуславливало собою успехи отдельных актов революционной борьбы? Что приводило к поражениям революционного пролетариата?—вот вопросы, ответам на которые мы постараемся способствовать. В настоящее время, когда закипело стоячее русское море, когда время призывает пролетариат к огромной боевой роли, распространение знакомства с практической стороной революционной борьбы далеко не будет излишним».

Теперь все видят, на верном ли пути мы стояли. Мы можем лишь сожалеть о том, что слишком долго стеснялись с так-наз. «центральным органом партии», принимали слишком долго во внимание страх некоторых мягких сердцем товарищей перед расколом и не делали раньше того дела, которым так очевидно пренебрегала новая «Искра». Мы надеемся, однако, что время еще не упущено, и что «Вперед» сможет еще посылать той работе, которая закипит теперь во всех комитетах.

Революцию нельзя делать, но можно готовиться к ней, можно ковать главное оружие для готового восстать пролетариата—штаб спевшихся и подготовленных руководителей во всяком промышленном центре. Все комитеты должны теперь, не пренебрегая, разумеется, ни на минуту своим обычным делом сплочения сознательного пролетариата и социал-демократической пропаганды и агитации, тщательно обдумывать вопрос об орудиях непосредственной пролетарской борьбы.

Время еще есть. Иных, быть-может, стихийный взрыв энергии революционного пролетариата пришибет: они отойдут в сторону, они скажут, что они лишь «просветители», что они для пролетариата лишь «школьные учителя», благодаря которым побеждают цивилизованные народы, что напрасно было бы стараться руководить стихией; иные, быть-может, готовы будут скромно уступить свое место мелким и крупным Гапонам,—бог с ними! Социал-демократ-революционер знает твердо, что, сделав свое дело пропагандиста и агитатора, он обязан в момент восстания отдать всю свою волю и весь свой разум на дело служения пролетарской стихии в качестве боевого орудия, в качестве советника, инструктора и руководителя, в качестве революционного офицера. Не командовать хочет он при этом, а служить пролетариату,

организуя его силы. Если он пойдет впереди рабочих, то только для того, чтобы указать им путь к победе и свободе или к героической смерти.

Стихия двинулась! Ее грандиозный вал покати́лся к твердыням самодержавия, грозный своєю скрытой силой, но мирный и сдержанный. Разбойничье правительство встретило его кровавой баней. Он отпрянул кипящий, полный мести и негодования, он готовится к новому сознательному и решительному приступу. Будем же готовиться к нему и мы, будем тщательно готовиться к революции, чтобы в день и час, когда она придет, мы не оказались «рабами ленивыми».

Кровавое воскресенье явилось прекрасным предостережением для тех, кто видел сущность революции в либеральном брожении и принажил роль социал-демократии до уровня ловкого представителя пролетариата, умеющего заинтересовать его в либералах и либералов в нем и уловлять в тонко сплетенные сети сердца радикальной демократии. Теперь некоторые из руководителей политиканского, новоискровского крыла социал-демократии хватили через край. Как в свое время рабочедельцы с непринужденной грацией перешли от экономизма к прославлению террористических покушений, так и новорабочедельцы, этот воскресший Рокамболь, под влиянием петербургских событий проделывают крутой зигзаг и в истерике вопят: «В этот день гигантская рука пролетариата схватила за горло самодержавного зверя; он кусает еще руку сегодня, она задушит его завтра» («Искра» № 84).

За этим слогом Аркадия Николаевича скрывается какая-то искусственно подогретая фальшь. К чему эти трубы и тимпаны, кому они нужны? Ведь, это же неправда. Вовсе пролетариат не хватал за горло самодержавие, — пролетарские массы пошли просить реформ; став лицом к лицу с правительством (поучительность чего насмешливо отрицалась новой «Искрой»), они поняли, что оно отвечает на все просьбы и требования только беспощадными пулями; рассвирепев, они пытались сопротивляться, они долго не забудут полученного урока и в другой раз уже не пойдут безоружными, заслоняя от пуль и нагаек одними иконами да царскими портретами; они будут теперь еще внимательнее прислушиваться к голосам тех, кто уже и раньше правильно характеризовал им их врагов. И теперь надо готовиться к первому настоящему натиску пролетариата, который еще предстоит. Вот факты, и перед практической важностью этих фактов фальшивая фраза о руке, схватившей за горло, и о звере, который еще кусает руку, представляется оскорбительной мишурой.

Какие же реальные задачи ставит перед социал-демократическими организациями достигнутая теперь, благодаря событиям 9 января, уверенность в близости восстания?

Конечно, восстание, быть-может, не придет раньше чем через много месяцев: мы взываем не к чувству, не к нервной спешке, а к спокойной рассудительности. Но можно сказать с уверенностью, что едва ли не самыми настоятельными вопросами теперь являются следующие: во-1-х, о расширении базиса революции, т. е. революционной агитации среди городской бедноты и крестьянства; во-2-х, о вооружении народа; в-3-х, об агитации в войске, как среди солдат, так

и среди офицеров; в-4-х, о способе дезорганизации нормальной жизни центров, т. е. о дезорганизующей правительстве стачке, лишаящей город освещения, воды, приостанавливающей движение конок и особенно поездов железной дороги; в-5-х, о дезорганизации правительственной машины при помощи захвата правительственных учреждений, в особенности отделений государственного банка, которые правительство при всяких беспорядках тотчас же защищает, обнаруживая таким образом свою Ахиллесову пяту; в-6-х, об уличном бое, при чем должен тщательнейшим образом изучаться план города, намечаться части города, наиболее удобные для обороны, и вырабатываться самый план обороны; в-7-х, об использовании пролетариатом власти над отдельными городами или частями городов, могущей временно попасть в его руки, особенно об использовании таких правительственных заведений, как, например, большие типографии, оружейные мастерские, заводы взрывчатых веществ и т. п.; в-8-х, об устранении наиболее вредных командующих лиц из враждебного правительственного лагеря в каждом данном городе. Напомним по поводу последнего пункта то, что писала старая «Искра» еще в № 14: «Нам советуют в самом начале борьбы народа с войском как можно скорее «изъять из обращения» гражданское, полицейское и военное начальство. Этот совет сам по себе недурен. Революционная социал-демократия, вероятно, и сделает рекомендуемый автором смелый шаг в то время, когда она, крепко организовав свои силы и приобретя решительное влияние на народную массу, а следовательно, и на весь ход общественных событий, окажется в состоянии взять на себя почин вооруженного восстания для нанесения последнего, смертельного удара издыхающему царизму. Это будет счастливое время». Теперь это время близится.

Вообще нечего бояться криков о преждевременности постановки подобных вопросов в комитетах, нечего обращать внимание на тех, кто будет болтать по этому поводу о бланкизме, якобинстве и терроризме. Заговор, как средство вызвать революцию, есть давно мертвый и в гробу истлевший бланкизм, но специальные кружки, подготавливающиеся к тому, чтобы помочь массам, раз они восстанут, ориентироваться и во-время дать им необходимые пароли, — это не бланкизм, а единственно разумный способ считаться с приближающейся бурей. Организация профессиональных революционеров, как замкнутая и самодовлеющая группа, — это вредное якобинство, но сплоченная и централизованная партия, тесно связанная с пролетарской массой, стремящаяся просвещать и организовать ее и руководить ее революционными проявлениями в ее истинных интересах, — это социал-демократическая партия.

Сторонники большинства сравнивают свою позицию по отношению к меньшинству с позицией якобинцев по отношению к жирондистам, как сравнивала еще старая «Искра» ортодоксальное и оппортунистическое крыло революционного класса 20-го века, пролетариата, с якобинским и жирондистским крылом революционного класса 18-го века, буржуазии. Только безнадежно немые люди могут выводить из этого, что мы превращаемся в буржуазных якобинцев. Наконец, политические убийства, как средство содействовать социальному и политическому прогрессу, — это чисто-интели-

гентский способ борьбы, неизменно осуждавшийся нами терроризм; но устранение наиболее вредных, «начальствующих лиц» во время открытой массовой борьбы есть законнейший военный прием, и смешивать его с интеллигентским террором может лишь тот, кто безнадежно не понимает задач подлинной, живой революции.

Пролетариат долго копил силы, и теперь он как бы сразу поднял все революционное движение на новую, высшую ступень. Надвигаются новые задачи. Будем готовиться к их практическому решению. Будем помнить, что неизбежно предстоящий новый подъем рабочего класса будет еще грандиознее, что социал-демократы должны выступить тогда не простыми пособниками, а руководителями величайшего политического переворота.

(А. Луначарский).

Среди всех задач, которые теперь выдвигаются решительно на первый план, не надо забывать главной: социал-демократия должна быть цельной, сплоченной, проникнутой единством. Никогда еще работа, направленная на организацию сил партии, не была более плодотворно направлена.

При этом многие под влиянием событий уже выдвигают лозунг: долой раздоры и полемику, все социал-демократы должны сплавиться воедино.

Мы не думаем, чтобы от сплава стали с оловом получился выигрыш. Мы знаем, что всюду так - называемое партийное меньшинство всегда занималось дезорганизацией партии, знаем, что оно постарается и теперь использовать события и всякие могущие возникнуть на их почве союзы для рекламы своей фракции, и мы предостерегаем социал-демократов из большинства от неосторожных примиренских шагов.

Нам скажут: «Да, они дезорганизуют комитеты, но, ведь, для того, чтобы организовать партию под руководством нынешних центров». Совершенно верно.

Но это-то именно и недопустимо. Так - называемая редакция центрального органа, возникшая вопреки воле партийного съезда, наделала столько поворотов, курбетов и зигзагов за короткое время своего существования, что признать эту группу руководительницей партии в тот важный момент, который мы переживаем, значило бы, с нашей точки зрения, изменить интересам партии самым постыдным образом.

С другой стороны, может ли партия идти на революцию под руководством тех новоиспеченных дипломатов из ЦК, которые только и умели, что путаться под ногами партии и интриговать за ее спиной?

Р. С.-Д. Р. П. имеет уже теперь предварительные, впредь до съезда, центры, под руководством которых она и будет работать.

Мы разясняли и будем еще разяснять ту безнадежную путаницу, ту шаткость, которую внесла новая «Искра» в вопросы организации и тактики, и нам не зачем специально останавливаться на этом в настоящей статье. Диалектической волшебной палочке Плеханова не удастся превратить в золото тот мусор, который целыми кучами наворачивают его горе-товарищи. Говорят: «не место человека красит, а человек место», но даже такой человек, как Плеханов, не может скрасить того сугубо засоренного и непривлекательного места, в котором он теперь, к сожалению, обретается.

В то время, когда теоретики «меньшинства» жонглируют «новыми словами», взятыми из ветхого завета «Рабочего Дела», практики их всецело отдаются делу дезорганизации комитетов.

Прочь же от этой компании дезорганизаторов! За дело! Да, нам нужно единство, нужна сплоченность, нужна концентрация всех сил, но именно потому нужно всюду устранять из своей среды тех, кто вносит смуту и навязывает большинству партии отсталые и уже отвергнутые ею организационные и тактические взгляды. Пусть меньшевики работают так же «объединенно» (если можно «объединить» Плеханова, Мартынова и Троцкого), но подальше от нас. В тех случаях, когда понадобится реальное временное объединение сил, мы не устроимся от него, как не устроимся от всякого боевого союза со всяким врагом самодержавия.

Пусть грядущие ошибки и зигзаги неудавшихся «вожжей» не падают на нас,—у нас слишком много дела впереди, чтобы не раскланяться окончательно с носителями вечной дрязги.

Мы верим, что в работе все яснее будет становиться, с кем идти, и что многие временно сбитые с толку работники нашей партии скоро примкнут к Р. С.-Д. Р. П., сбросивши с себя негодные центры,—не голову, нет, а колпак из лакмусовой бумаги, которому давно пора в ту кучу сора, куда Плеханов пытался забросить «перегнутую палку» Ленина, и где глеют кости экономизма.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ.

ПЛЕТЬ И ПОСУЛЫ.

Г. Витте через своих сторонников, алчущих и жаждущих министерских портфелей, доводит, при посредстве услужливых журналистов, до сведения Европы, что он, как Пилат, умывает руки и готов этими умытыми руками взяться за кормило правления, чтобы вести государственный корабль в «единственно возможном теперь спокойном либеральном направлении». Одаренный верхним нюхом Суворин открыто высказывается за земский собор. Клика, якобы, либеральных спасителей отечества не теряет надежды взять капральскую палку в свои руки. Быть-может, ценою крови, пролитой пролетариатом в Петербурге, куплено будет правительство биржевиков, правительство вертлявых мошенников и хамелеонов вместо растерявшейся самодержавной анархии.

Но не падают еще духом и великие князья, этот оплот реакции. В то время, как Витте умывает руки и клянется, что невинен в кровопролитии, они с наглостью восклицают: «Кровь его на нас и на детях наших!».

«Хорошо этому мерзавцу говорить о реформах!—ворчат царские родичи,—что для него реформы? Те же чины и оклады: разве буржуазия у власти не найдет в нем ловкого и ценного приказчика? А для нас реформы—крах! Мы тогда подохнем, как морские чудовища, выброшенные на берег. Да и революции «мерзавец» не боится, он и там сумеет уцелеть, и в ее огне выживет эта буржуазная саламандра и опять окажется, как Талейран, одним из строителей буржуазного общества. А для нас революция... гм... вон они фонари-то!»

Друзья Витте заявляют, что он предупреждал реакционеров об опасности зубатовских обществ, инициатором которых является, как оказывается, известный ренегат Тихомиров; и вот Витте оказался прав. Но князь Владимир и другие рыцари белого террора и теперь еще не изверились в пригодности провокаторских рабочих обществ: разве они не достигли своего? Разве они не сделали знатного «кровопускания»? Разве, попуская рабочие общества развиваться в политическом направлении, они не выманили пролетариат безоружным на улицу? Они применили к «народным бедствиям хирургический способ лечения», предложенный князем Владимиром, который с бесстыдством старого палача заявил: «Лучшее лекарство от народных бедствий—это повесить сотню бунтовщиков перед глазами их товарищей».

Однако, всем ясно, что «отечество», т.е. интересы шайки бюрократов, в опасности. Правительство ищет спасителя, оно обращается то к одному, то к другому князю Пожарскому: «Иди спасай!». Но одни трусят, другие ставят условия, которых не решается принять безвольный самодержец. Нашелся только генерал Трепов,—он встал и спас. Он идет с окровавленной плетью князя Владимира в одной руке, с обращением к любезному народу в другой. Кровавый террор и экономические посулы—вот программа этого ублюдка палачей и шарлатанов, вот еще один плод соглашения правительственной правой и правительственной левой.

После остервенелой бойни рабочих Трепов упрекает их в забвении того, «что правительство всегда показывало свою заботливость об их нуждах»... «что оно и теперь готово выслушать их законные пожелания и выполнить их в пределах возможного»; он утверждает, что «интересы рабочих так же близки сердцу императора, как и интересы остальных подданных». Правительство старается всем и каждому повторять, что политические требования были включены в петицию рабочих без их ведома, что, конечно, является бесстыдной ложью; но с такими же речами оно обращается и к самим рабочим: «неблагоденные люди навязали рабочим требование, не имеющие никакого отношения к их нуждам».

Все эти фразы, все это коварство, все эти крокодильи слезы—спекуляция на еще темные массы, которые стараются купить посулами. Но если темные массы, несмотря на нашу усиленную пропаганду, еще недавно составляли большинство рабочего населения Петербурга, то теперь и они достаточно просвещены кровавым светом Владимирова Воскресенья!

Экономические реформы! Грошковые посулы за кровь павших братьев! Какой жалкий расчет! И нервная поспешность в избииении мирной толпы, и льстивые, лживые уверения перед нею на другой день после расправы одинаково свидетельствуют об ужасе, охватившем правителей. Народ скоро вырвет кровавую плеть из рук временщиков и взмахнет ею над преступными головами раззолоченных разбойников. Трусливые посулы застрянут в горле хитроумного Трепова, когда ему станут доносить со всех сторон, что пролетариат молчаливо и торопливо готовится к бою, что армия ропщет, военные заговоры зреют. Тогда прибегут, пожалуй, к реформисту Витте: «Иди, спасай!», но будет уж поздно... Впрочем, поздно уже и теперь! Правительственный корабль тонет; даже старая крыса Суворин торопится его покинуть... Страшна политика жестокости, страшна по-

литика уступок. Раскопшилось все зменное гнездо правителей...

Будем готовы: недалек день, когда народная Россия под руководством пролетариата раздавит мерзкое гнездо ядовитых гадов.

(А. Луначарский).

ПЛОДЫ ПОБЕДЫ 1).

Плодом царской победы над безоружным народом было, как следовало ожидать, страшное озлобление самого серого рабочего люда против царя и потеря веры в него. Вот как выражено это настроение в письме Г. Гапона:

«Воззвание Гапона после бойни.

Родные, кровью спаянные товарищи рабочие!

Мы мирно пришли 9-го января к царю за правдой. Мы предупредили об этом его опричников - министров, просили убрать войска, не мешать итти к нашему царю. Самому царю я послал письмо в Царское Село, просил его выйти к своему народу с благородным сердцем, с мужественной душой. Ценой собственной жизни мы гарантировали неприкосновенность его личности. И что же, невинная кровь уже пролилась. Зверь царь, его чиновники - казнокрады и грабители народа сознательно захотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших зараз 300 рабочих, несших царские портреты, прострелили эти портреты и убили этим нашу веру в царя. Так отмстим же, братья, проклятому народом царю и всему зменному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем! Кто чем и как может, я призываю всех, кто искренно хочет помочь трудовому русскому народу жить и свободно дышать, на помощь: всех интеллигентов, всех студентов, все революционные организации. Кто не с народом—тот против него. Братья, товарищи рабочие всей России, вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы прокормить себя, жен и детей, разрешаю брать везде, где можете; бомбы, динамит—все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия. Не грабьте только бедняков, избегайте насилия над невинными: лучше оставить 9 сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты, уничтожайте невыносимую народом полицию. Солдатам и офицерам, избивающим своих братьев невинных, их жен и детей, всем угнетателям народа—мое пастырское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы,—благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народ, их солдатскую клятву разрешаю.

Дорогие товарищи герои, не падайте духом, верьте, что скоро добьемся свободы и правды,—неповинно пролитая кровь тому нам порукой. Переписывайте, перепечатайте все, кто может, и распространяйте по России это послание, зовущее всех угнетенных, униженных и обездоленных восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут, расстреляют—продолжайте эту борьбу. Помните всегда данную мне вами, сотнями тысяч, клятву.

Боритесь, покуда не будет созвано Учредительное Собрание на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, где будут избранные вами самими защитники ваших интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю.

Да здравствует грядущая свобода русского народа!

9-го января, 12 часов ночи.

Это послание разослано во все одиннадцать Отделов русского общества рабочих.

В дополнение к этому воззванию приведем отзывы местных социал-демократов, сообщенные нам в письмах от 10-го января. Один пишет, между прочим:

«Настроение рабочих сначала как-будто недоумевающее,— у серых,—«ведь, мы мирно шли, а в нас сразу палить стали; ведь, знало же начальство, что мы собираемся итти, как же дозволяло все, а потом сразу палить стало?!». Тяжело было смотреть на эти наивные, совсем детские лица. Накануне мне пришлось быть за Нарвской заставой среди рабочих,—они прямо не допускали, что в них будут стрелять,—так наивно верили, что их мирные намерения очевидны. Вчерашнее происшествие было страшной встряской,— дискредитирование царя в широких массах страшное, там и сям громко ругают его: «Не надо нам его, такого-сякого!» Извозчик, везший меня, с возмущением говорил, что стреляли в иконы, в мирный крестный ход. «И в царский портрет?»—спросил я.—«Да, и ему в нос угодило! Что ж, любоваться нам, что ли, на него?!». Другой говорил, что «правительство идет против веры»; третий: «будет им суд за это, не пройдет это так,—и из высшего начальства, из господ многие за это же стоят»,—и он с таким увлечением стал проповедывать, что все люди— братья, и как в иностранных государствах рабочие живут, что другие извозчики кричали ему: «Ну, ты, «брат», проезжай!» 1* т. п. Извозчиков бьют,—говорят, убили нескольких, и они боятся ездить,—рано заезжают в дома, но все-таки не бастуют. Конки сегодня почти не ездил. В 5—6 час. было потушено электричество на Невском и Песках, закрыты и даже забиты досками большинство лавок. С офицеров сбивают кэпи, отнимают у них шапки. На Невском, как рассказывает одна баба, дергали какого-то офицера за шинель, крича ему: «Покажи нам, где Алексей Александрович, куда он эскадру дел?! Хоть не сразу, поодиночке, а доберемся мы до всех них!» 2).

Член Петербургского комитета нашей партии пишет нам от 11-го января:

«О событиях вчерашнего дня вам уже писали. Волнение не улеглось и к вечеру, но приняло другой характер, выразившись кое-где в разгроме магазинов и разбивании стекол в домах. Конечно, более сознательные элементы не принимали в этом никакого участия.

Еще часов в 6 все было тихо. Весь Петербург представлял из себя один громадный военный лагерь: всюду войска и войска—казаки, пехота. Электричество не горело, конки не ходили. На всех перекрестках разложены костры, около которых расположилось «христолобивое воинство!» На каждом шагу грубый окрик: «Куда идешь? Здесь не пропускают!».

На Невском волнение приняло несколько большие размеры,—выбито много стекол в Гостином Дворе. И опять стрельба, опять трупы и кровь.

Сегодня Невский опять запружен толпой, но эту толпу уже не объединяет определенная цель: пришли посмотреть, не будет ли чего. Много рабочих, так как в городе не работает ни одна фабрика, кроме 2-х газовых кварталов открытые разговоры о том, что царь-батюшка показал себя в настоящем свете в этой расправе, и что свободу надо завоевать, а не просить.

Возмущение против правительства громадное во всех кругах и слоях общества.

У меня лично такое впечатление (конечно, оно может быть слишком субъективно), что дня через 2—3 волнение уляжется, но почва для социал-демократии расчищена теперь в самых широких массах» 3).

(Н. Ленин).

ПЕТЕРБУРГ ПОСЛЕ 9-го ЯНВАРЯ.

В понедельник 10-го января Петербург имел вид города, только-что завоеванного неприятелем. По улицам постоянно проезжают патрули казаков. Там и здесь видны возбужденные группы рабочих. Вечером много улиц погружено в темноту. Электричества и газа нет. Аристократические дома охраняются группами дворников. Горящие газетные киоски бросают странное освещение на кучки народа.

На Невском были столкновения народа с войском. В толпу опять стреляли. Около Аничкова дворца было дано три залпа. Полиция закрывала оружейные магазины и убирала в подвалы оружие, принимая, очевидно, все меры к тому, чтобы помешать рабочим вооружаться. Чиновники правительственных учреждений чувствовали себя особенно встревоженными, боясь поджогов и взрывов, и удирали в панике из Петербурга.

На Васильевском Острове взятые в воскресенье войсками баррикады снова были возобновлены в понедельник и снова взяты солдатами.

Газет нет. Учебные заведения закрыты. Рабочие на массе частных собраний обсуждают события и меры сопротивления. Толпы сочувствующих, особенно студентов, осаждают больницы.

Сообщают, что колпинские рабочие в числе 20—30 тысяч двинулись во вторник утром с петицией к Царскому Селу. Царскосельский гарнизон выслал навстречу им полк пехоты и полевую батарею. В пяти верстах от Колпина произошло столкновение,—войска стреляли и окончательно отбили и разогнали рабочих в 4 ч. пополудни. Много убитых и раненых. Рабочие дважды нападали на царскосельскую жел. дорогу, но были отбиты. На протяжении 7 верст рельсы были сорваны, и поезда утром не ходили.

Правительство хоронит ночью, тайком жертвы кровавого Владимирова Воскресенья. Родственников и знакомых убитых нарочно обманывают, чтобы сделать невозможными демонстрации при похоронах. Целые вагоны трупов отправляются на Преображенское кладбище. В некоторых местах толпа все же пытается, несмотря на все предосторожности полиции, устроить демонстрацию в честь павших борцов за свободу.

Заграничные газеты передают со слов очевидцев, что во вторник 11-го января на Большом проспекте казаки остановили конку, полную рабочих. Один из рабочих крикнул казакам: «Палачи!». Казаки остановили конку, заставили всех сидевших в ней выйти и избивали их саблями плашмя. Один из подвергшихся избиению был при этом ранен. Жители соседних домов пооткрывали окна и кричали казакам: «Убийцы! разбойники!». В пятницу в телеграммах сообщалось, что во время этого инцидента из конки выгнана была казаками также одна женщина. В испуге она уронила своего ребенка, который был раздавлен казацкими лошадьми («The Times»). Подобные победы наших войск над рабочими суть поистине Пирровы победы.

(Н. Пашин)

ТРЕПОВ ХОЗЯЙНИЧАЕТ.

Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом правительства после 9-го января. Во вторник генерал-губернатором Петербурга с диктаторскими полномочиями был назначен Трепов, один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках разращения рабочих.

Аресты посылались как из рога изобилия. Взятые прежде всего члены либеральной депутации, которая в субботу поздно вечером ездил к Витте и Святополку-Мирскому просить правительство о том, чтобы петиция рабочих была принята, и чтобы войско не отвечало выстрелами на мирную демонстрацию. Само собою разумеется, что эти просьбы ни к чему не привели: Витте отослал депутацию к Святополку-Мирскому, последний отказался ее принять. Тов. мин. внутр. дел Рыдзевский принял депутацию очень сухо, заявил, что убеждать надо не правительство, а рабочих, что правительство прекрасно осведомлено о всем, что происходит, и что оно приняло уже решения, которые не могут быть изменены ни по каким ходатайствам. Интересно, что собрание либералов, выбравшее эту депутацию, подняло вопрос и о том, чтобы отговорить рабочих от шествия к Зимнему дворцу, но присутствовавший на собрании друг Гапона заявил, что это бесполезно, что решение рабочих бесповоротно. (Сведения, сообщенные г. Диллоном, корреспондентом английской газеты «The Daily Telegraph», и подтвержденные впоследствии другими корреспондентами).

Арестованным членам депутации, Гессену, Арсеньеву, Карееву, Пешехонову, Мякотину, Семевскому, Кедрину, Шнитникову, Иванчину-Писареву и Горькому (взят в Риге и отвезен в Петербург) предъявили нелепейшее обвинение в намерении организовать «временное правительство России» на другой день после революции. Понятно, что это обвинение падает само собой. Многие из взятых (Арсеньев, Кедрин, Шнитников) уже выпущены. За границей началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии.

В пятницу вечером были взяты четыре сотрудника газеты «Наша Жизнь»: Прокопович с женой, Хижняков

и Яковлев (Богучарский). Из сотрудников газеты «Наша Жизнь» взят Ганейзер в субботу утром. Полиция особенно усердно ищет денег, посланных из-за границы на стачечников или в помощь вдовам и сиротам убитых. Арестовывают массы: номер бумажки об аресте Богучарского был 53-й, а Хижнякова—109-й. В субботу в редакциях обеих названных газет были обыски, и взяты все без исключения рукописи, в том числе подробные отчеты о событиях за всю неделю, отчеты, составленные и подписанные достоверными свидетелями—очевидцами, записавшими все, что они видели, в поучение грядущим поколениям. Весь этот материал никогда не увидит теперь света.

В среду число арестованных было до того велико, что приходилось сажать по два и по три в одну камеру. С рабочими новый диктатор совсем уже не церемонится. С четверга начали хватать их кучами и высылать на родину. Там они будут, разумеется, распространять вести о событиях девятого января и проповедывать борьбу с самодержавием.

Трепов берет за свою старую московскую политику: приманивать массу рабочих экономическими подачками.

Предприниматели собираются вместе с министром финансов и обдумывают различные уступки рабочим, говорят о 9-часовом рабочем дне. Министр финансов принимает во вторник депутацию рабочих, обещает экономические реформы, предостерегает от политической агитации.

Полиция из кожи лезет, чтобы посеять недоверие и вражду между населением вообще и рабочими. От среды заграничные газеты передают самым определенным образом, что полиция старается напугать жителей Петербурга сенсационными рассказами о грабежах и предпринимаемых, будто бы, стачечниками кровавых действиях. Даже товарищ министра внутр. дел Рыдзевский уверял во вторник одного посетителя, что стачечники собираются грабить, жечь, разрушать, убивать. Стачечники заявляли, где могли,—по крайней мере, сознательные вожди их,—что это клевета. Полиция сама подсылала провокаторов и дворников бить стекла, жечь газетные киоски и грабить лавки, чтобы терроризировать население. Рабочие же на самом деле вели себя настолько мирно, что возбуждали этим удивление корреспондентов заграничных газет, которые видели ужасы 9-го января.

Полицейские агенты заняты теперь новой «рабочей организацией». Они подбирают подходящих рабочих, распределяют между ними деньги, науськивают их на студентов и литераторов, восхваляют «истинную народную политику царя-батюшки». Среди двух-трех сотен тысяч необразованных, приравленных голодом рабочих нетрудно найти несколько тысяч, которые поддадутся на эту удочку. Эти последние и будут «организованы», их заставят проклинать «либеральных обманщиков» и громко заявлять, что их обманули в прошлое воскресенье. Затем эти отбросы рабочего класса выберут депутацию, которая будет «смирно просить царя позволить им припасть к его стопам и каяться в их преступлениях, совершенных в прошлое воскресенье». «По моим сведениям,—продолжает корреспондент,—именно все это и налаживает теперь полиция. Когда эта организация будет закончена, его величество всемиловитейше соизво-

лгт принять депутацию в манеже, который будет специально приготовлен для этой цели. В трогательной речи заявит он о своем отеческом попечении о рабочих и о мерах к улучшению их положения.

Р. С. Эти строки были уже набраны, когда мы узнали из телеграмм, что предсказания английского корреспондента оправдались. Царь принял у себя в Царском депутацию из 34 рабочих, подобранных полицией, и сказал полную казенного лицемерия речь об отеческом попечении правительства и о прощении преступлений рабочих. Эта гнусная комедия не обманет, конечно, русский пролетариат, который никогда не забудет кровавого воскресенья. Пролетариат поговорит еще с царем иным языком!

(Н. Ленин).

РАСКАТЫ ПЕРВОГО ГРОМА.

Москва. Гром петербургских событий отозвался по всей России. Первыми поднялись московские рабочие. В воскресенье 9-го января улицы Петербурга обогрились кровью, а в понедельник уже начинаются забастовки в Москве. Начальство спешит вывесить объявления, предупреждающие публику держаться в стороне от скопления народа. Иначе сказать: берегитесь, мы не постеснимся облить кровью и московские улицы! Но рабочие не поддаются действию угроз. К стачке примыкают рабочие типографские, кожевенных заводов, фабрик Жако, Шустова, Гивартовского, Шлихтермана, Бахрушина, Михайлова, Цинделя, Шредера, Бромлея, Вейхельта. Во вторник разносится слух, будто Гапон прибыл в Москву, чтобы руководить движением. Агитация растет. На заводе Бари стали-было на работу, но стачечники с центрального электрического завода пришли к заводу Бари и уговорили здешних рабочих примкнуть к забастовке. То же было и на заводе Гопнера. В среду бастовало уже до двадцати промышленных заведений. В четверг к забастовке присоединились рабочие мастерских Московско-Брестской, Казанской и Нижегородской железных дорог. В окрестностях города некоторые фабрики заняты казаками, чтобы не допустить туда агитаторов.

Переполошившиеся хозяева не знают, что делать. Они собрались на бирже, чтобы обсудить, какие уступки можно сделать. Но беда в том, что со стороны рабочих не заявлялось первое время никаких требований. Забастовки начались единственно из сочувствия к петербургским рабочим, для поддержки петербургского движения. Только в среду начали предъявляться требования. У Вейхельта требовали восьмичасового рабочего дня, отмены штрафов, лучшего обращения и увольнения четырех мастеров. Рабочие Бромлея прибавили к этому требование основания библиотеки и читальни, преобразования амбулатории в больницу. Губернатор сначала употребил глупую и подлую уловку: он объявил, будто все рабочие-забастовщики подкуплены японцами и англичанами. Конечно, эту лживую выдумку пришлось отложить в сторону, особенно когда английский посланник заявил протест. Тогда губернатор объявил, что он рассмотрит и по возможности удовлетворит все требования рабочих. В городской думе получилось заявление 60 гласных, которые требовали экстренного засе-

дания думы для обсуждения положения, вызванного забастовкой.

[Число московских стачечников определялось сначала в 10.000 человек, через два дня уже в 30.000 человек. 18-го января появились известия об окончании стачки, при чем число бастовавших давало уже 43.000 рабочих в 125 заведениях из всего числа 170.000 рабочих в 830 московских фабриках. Само собою разумеется, что эти официальные сведения явно преуменьшены (во всех торгово-промышленных заведениях Москвы гораздо больше рабочих, чем 170.000), и мы приводим их лишь для того, чтобы дать приблизительное представление о размерах движения. Сообщали, что на Пятницкой улице войска стреляли в рабочих, но этот слух пока еще не проверен.

Вот что пишут из Москвы от 14-го января в частном письме:]

«В Москве все взволнованы, потрясены петербургскими событиями, и теперь, кто со страхом, кто бодро, ждут событий в Москве. Начало революционному движению здесь уже положено. Забастовала масса фабрик и заводов. Войска и полиция все время наготове. Замоскворечье оцеплено войсками, и там для терроризации народа 10-го января возили пушки. Передают, что вызвали еще войска из Нижнего-Новгорода, а там после этого, будто бы, забастовали.

Сегодня забастовали в Москве все присяжные повременные и их помощники в знак протеста против петербургской бойни и в знак симпатии к петербургским рабочим, борцам за свободу. На столбах и стенах каждый день расклеиваются объявления от градоначальника, приглашающие рабочих «к порядку», угрожая им репрессиями в случае неповиновения и нарушения общей тишины и спокойствия...

«Татьянин день» в Москве не ознаменовался ничем выдающимся и мало чем отличался от прежних «татьянинных дней»... В «Эрмитаже» и у «Яра»... пили, пели и говорили речи... Банкет в «Художественно-литературном кружке» не состоялся, как передают, «не по вине полиции», а по воле «либералов», которые убоялись, что к ним придут социал-демократы, и выйдут «скандал»... В Техническом училище был очень жалкий студенческий банкет. Рабочих там не было, хотя предполагалось 400 чел. Их не пустила полиция. Допустили в залу только 150 чел., главным образом учащихся... На улицах демонстрации не было...»

В один день с Московской забастовали рабочие в Ковно. Там работа прекратилась разом на всех заводах, по всем частным и железнодорожным мастерским. В среду губернатор издал объявление, в котором пытался все дело объяснить влиянием злоумышленников. Он писал, будто стачка вызвана исключительно угрозами небольшой группы рабочих. Умный губернатор поучал, будто стачка никогда не приносит рабочим пользы. Но в то же время он обещал сделать с своей стороны все возможное, чтобы удовлетворить требования рабочих. В случае уличного волнения он грозил пустить в дело оружие. Рабочие не поддаются ни угрозам, ни увещаниям. Тогда губернатор созвал хозяев, которые, как пишут в иностранных газетах, согласились повысить заработную плату, несмотря на кризис. Говорят также, что решено учредить комиссию из представителей хозяев и рабочих под председательством губернатора; комиссия

должна выработать меры для улучшения положения рабочих. Стачка продолжается.

[Во вторник 11-го января забастовали рабочие в **Вильне**. Телеграммы заграничных газет сообщали, что был ряд стачек стачечников с полицией. Свыше 30 убитых и раненых; среди них много полицейских и солдат. Много арестованных.

В **Гомеле** забастовали ремесленники, приказчики, аптекарские ученики, банковые служащие и прислуга. 18-го января полиция накрыла одно собрание стачечников. Полицейские стреляли. Убита одна девушка. Ранено четверо.

Затем стачечное движение стало переходить на юг и на Поволжье. Из **Брянска** сообщали от 15-го января, что забастовали рабочие стекольного завода. Ждут стачки во всем Мальцевском районе и на рельсовом заводе. В **Киеве** стачка началась 17-го января на большом машиностроительном заводе Греттера, в мастерских южнорусского завода и завода Граера. Часть булочников тоже забастовала.

Про **Екатеринослав** телеграммы сообщали: типографии стали. Газет нет. Забастовали рабочие заводов Александровского, Брянского, Днепровского и Юзовского].

В **Саратове** забастовка на заводах и в железнодорожных мастерских началась в среду. Под заголовком «Царизм против детей» во французских газетах рассказано, что гимназисты и реалисты присоединились к забастовке рабочих. Когда дети и юноши выходили из учебных заведений, казаки избили их нагайками. Гласные думы и земства послали к губернатору депутацию с требованием произвести следствие, наказать виновных казаков и обращаться с детьми более гуманно.

[Началась стачка в **Тифлисе**. Она перекинулась уже (20-го января) на **Батум**. В **Нарве** забастовали рабочие прядильной фабрики. Ожидают присоединения рабочих Зиновьевского (?) машиностроительного завода и суконой фабрики].

(М. Ольминский и Н. Ленин).

Р И Г А.

[О рижской стачке мы имеем подробные сведения благодаря корреспонденциям в немецкие газеты. Вот что писали к истории стачки:

«Уже несколько недель назад, еще до петербургского мятежа, рабочие здешней правительственной верфи, которая, должно-быть, по «политическим» соображениям, сохраняет еще старую фирму «Ланге и сын», заявили, что забастуют, если им не повысят платы. К ним примкнули рабочие нескольких других фабрик. Ненависть рабочих особенно была направлена против мастеров, которые здесь заведуют приемом рабочих. Все и каждый знает, что мастера берут с рабочих взятку в 10—15 руб. за место на заводе. Эту мзду вычитают потом еженедельно из заработка. Понятно, что в интересах мастеров чаще рассчитывать рабочих. Рабочие не раз уже избивали мастеров по ночам. Фабричные инспектора успокоили рабочих обещанием более строгого надзора за мастерами. Несколько дней назад прибыли из Петербурга и Москвы эмис-

сары, которые постарались вызвать стачку на Балтийском вагонном заводе (несколько тысяч рабочих). В среду утром рабочие ходили уже по улицам большими толпами в полном порядке, совершенно без пьяных (редкость в России! — замечает немецкий корреспондент) и заставляли одну фабрику за другой прекращать работу. Таким образом в течение 24 часов добились они того, что остановили работу все фабрики Риги и пригородов. Но в отличие от прежних стачек движение имеет теперь чисто-политический характер. Это — массовая демонстрация. В городском театре явились во время представления посланные от политехников и заставили приостановить представление. Театр был тотчас закрыт. Рабочие с красными знаменами ходят по городу. Говорятся революционные речи».

Вот письмо очевидца в одну буржуазно-демократическую газету *): «В ту минуту, когда я пишу эти строки, с театрального бульвара раздаются вместе с ревом снежной бури крики возбужденной толпы. Издали трудно разобрать характер несущихся звуков. Но, поближе мне, тысячи граждан Риги слышат их и невольно связывают с-вестями о Петербурге и Москве, которые разнеслись уже по всему миру. Со вчерашнего дня не менее 50.000 рабочих, т.-е. все здешние рабочие, забастовали по инициативе петербургских организаторов. Студенты не только примкнули к ним, но даже взяли на себя руководящую роль. Одна латышская прокламация социал-демократического союза излагает, подобно многим другим, которые ходят здесь последние дни по рукам, причины и поводы стачки. Во всей прокламации ясно видно страстное желание избавления от царизма, давящего всех, как тяжелый камень. Прежде всего заявляется солидарность с петербургскими передовыми борцами, которые искали хода к царю, направляясь к нему со священником и крестом во главе, и которые были массами расстреляны за это. Затем излагаются пожелания короткого рабочего дня, повышения заработной платы, лучшего обращения, конституции, прекращения войны в Манчжурии. Заканчивается прокламация кликом «ура» в честь революции. «Рабочие! Вперед, вперед, вперед!».

«Этот манифест написан, правда, горячо, страстно, сжато и веско, но ему недостает здесь широкого базиса и крепкого острия. Здешние рабочие по большей части не заинтересованы в стачке (? а 50.000 ? Ред.) и хотели бы продолжать работу, а с другой стороны, политическая тенденция подчеркнута недостаточно, и здесь нет ни императора, ни министров, чтобы предъявить требования (? не плагиат ли это из новой «Искры» о сопоставлении лицом к лицу рабочих и власть имущих? Ред.). На всех перекрестках расклеены час назад объявления губернатора, воспрещающие всякие собрания в виду преступных намерений рабочих и грозящие употреблением военной силы при малейшем сопротивлении. Несмотря на это запрещение, толпы рабочих с криками «ура» в честь революции демонстрируют на улицах, а против собора было уже сделано пять выстрелов из публики по стоявшему там войску. Ранен, к счастью, не был никто. Стрелявшие скрылись».

...«Свечерело. Снежная буря продолжается. Окна покрыты льдом. Вой ветра наполняет весь дом. В сосед-

*) Frkf. Ztg. 1 t. 05. 1 Mgbl.

ней комнате лежит застреленный муж моей русской хозяйки. Его принесли сюда друзья четверть часа назад. В нижнем этаже принесены еще трое тяжело раненых студентов. Шум и крики на бульваре, которые я слышал давеча, были криками ужаса и ярости во время страшной битвы, происшедшей на берегу Двины и унесшей неожиданно большое число жертв. Мне не сидится за письменным столом.

«Я на Двине вместе со многими из публики, у которых любопытство и участие к борцам пересилили чувство страха за себя. Перед домом, нижние окна, двери и стены которого прострелены, лежит еще длинный ряд мертвых и раненых. Подъехали сани Красного Креста. И живых, и мертвых подобрали и увезли в больницу. Около меня стоит горбатая женщина. Ноги откачиваются ей служить, и она падает. Солдаты и публика молча смотрят на следы крови на снегу. Шагах в тридцати от нас по круто падающей в Двину набережной несколько мужчин и женщин сбегает вниз, на лед, о чем-то горячо толкуют и жестикулируют.

«Я спрашиваю, в чем дело. Отвечают: тысячная толпа, состоящая из рабочих, иностранцев, зевак и революционеров, хотела под предводительством студентов окружить войско; одного жандарма убили выстрелом из толпы *); войско ответило залпом, в ответ на который последовали еще выстрелы из толпы. Тогда толпа мало заинтересованных или трусливых участников разбежалась во все стороны. Масса бросалась на Двину, многих столкнули на лед с набережной солдаты. Лед около береговых камней был тонкий и проломился. Громадная масса народа исчезла подо льдом и была унесена быстрой рекой!

«Расходитесь! Не собираться, а то будем стрелять!» — слышу я окрик. Мои соседи справа и слева разбегаются. Я вскакиваю в одну из домовых дверей, куда входит несколько человек. С собора раздаются удары колокола: набат! Но публика не бросилась к месту пожара в виду позднего времени и дурной погоды.

«На другой день было тихо. Приезд казаков после происшедшей бойни не производил впечатления. Около немецкого театра собралась большая толпа народа всех классов, когда студенты политехникума устроили траурную демонстрацию в честь павших накануне товарищей.

«Явился большой отряд пехоты. Начальник отряда решительно потребовал удалить знамя, — из окна было вывешено большое черное знамя с надписью: «Ты умер за отчизну! Слава твоей памяти! Мсть твоим убийцам!», — студенты отвергли требование и стали, наоборот, размахивать знаменем из окон второго этажа. Было еще светло. Весь политехникум окружили войском, и был отдан приказ отнять знамя. Солдаты направились уже к крыльцу. Студенты вынули револьверы и ножи.

«Директор политехникума успел, однако, вмешаться в последний момент и убедил студентов согласиться убрать знамя по окончании чествования. Офицерам и солдатам пришлось стоять и слушать, как ораторы в страстных речах перед аудиторией, стоявшей без шапок, при криках «ура» и развеваемом знамени, при торжественном пении «Вечная память» прославляли подвиг покойных и клялись отомстить за них. Чествование продолжалось долго. Знамя было потом убрано.

*) Этот факт не подтверждается нашими корреспондентами.

«Теперь все спокойно. Только маленькие группки рабочих с песнями проходят по улицам»...

В другую либеральную газету сообщали от 16-го января: «Субботняя получка прошла спокойно. В понедельник начинаются работы на всех фабриках. Опасение нового кровопролития по поводу похорон одного студента не оправдались. На улицах войско держалось вдали от похоронного шествия, а кладбище было окружено все казаками, готовыми к военным действиям. Поэтому тело пришлось похоронить без речей и демонстраций. Перед гробом шел студент с большим венком, неумоимо показывая во все стороны его красную ленту, на которой золотыми буквами было написано: «С л а в а т в о е й п а м я т и ! С м е р т ь т в о и м у б и й ц а м ! ». Распространялась масса воззваний на русском и латышском языках, которые или передавались по рукам, или бросались в толпу маленькими перевязанными пакетиками по несколько штук».

Другой корреспондент пишет в ту же газету от 29 (16) января: «Несмотря на все свое зверство, войско и полиция оказались здесь бессильны. Случались даже такие вещи, что на некоторых улицах толпы рабочих окружали полицейских и заставляли их нести перед ними впереди красное знамя. В серьезной драме, таким образом, были и сатирические эпизоды.

Число подобранных на улицах мертвых определяют в 56 человек; из раненых умерло в больницах еще 17. Громадное впечатление производило невиданное еще в Риге зрелище: тяжелые телеги, перевозившие обыкновенно мешки с хлебом или железные товары, возили по улицам непокрытые трупы».]

Наконец, вот еще доставленное нам письмо одной участницы событий: «В ушах еще стоит свист пуль и грохот оружия. Рука дрожит, и нет слов для выражения того возмущения, которое нами овладело, нет слов для описания тех ужасов, которые мы переживаем. В четверг вечером нас окружили солдаты и без всякого предупреждения открыли пальбу боевыми патронами. Убитых около 80, раненых до 300. Я спаслась каким-то чудом. Меня вытащили из снега, и я очнулась в каком-то погребке, где было человек 25 раненых. Я сейчас же стала приминять к делу свои медицинские познания; потом пришлось развозить раненых по домам. Несмотря на зверство войска, настроение рабочих боевое. Все чувствуют, что это — начало революции. Театр, учебные заведения, магазины, — все закрыто. Трамвай не ходит. По улицам двигалась толпа тысяч в двадцать, в том числе и русские рабочие с фабрики Кузнецова. Лозунг рабочих: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Слава петербургским товарищам!».

Среди рижских стачечников сильнейшая нужда: есть нечего. Иностранные газеты сообщают, что в Риге смертельно ранены два солдата и пом. пристава Билев.

В Ревеле забастовка началась в один день с Ригой. Прекратились работы на всех заводах и в железнодорожных мастерских. Все магазины и учреждения закрыты, войска охраняют вокзал. Толпа пыталась разрушить газовый завод, но войска помешали.

[В Либаве, Виндаве и Митаве тоже вспыхнули всеобщие стачки. Из Митавы сообщали от 14-го января: «Прибывшие из Риги агенты вызвали стачку. Толпа рабочих, все возростающая, останавливала фабрику

за фабрикой. Вызвано войско. Рабочие демонстрируют с песнями и знаменами, разбрасывают воззвания. Патрули объезжают город.—15-го января. Толпы рабочих ходят по улицам. Столкновений с войском еще не было.—17-го января. Стачка продолжается. Гарнизон ослаблен отсылкой роты в Виндаву. Произошли беспорядки. Один полицейский ранен. Войска еще не прибегали к употреблению оружия. Батальон пехоты и батарея артиллерии посланы из Вильны в Либава.

Либава. 28-го (15) января. Вчера вечером толпа демонстрантов разрушила телеграфные столбы. Сегодня утром их снова поставили. Были нападения на булочные, но войска, получившие подкрепление из Ковно, рассеяли толпу.

Виндава. 31-го (18) января. Стачку начали рабочие элеваторов, предъявившие ряд требований. Затем примкнули жел.-дор. рабочие. Все заведения и банки закрыты. Стачечники держат себя спокойно, собираются на рыночной площади и обсуждают там свои требования. Элеваторные рабочие возобновили работу после того, как им обещали известные уступки.]

(Н. Ленин и М. Ольминский).

ВАРШАВА.

В среду и четверг была распространена здесь масса прокламаций соц.-демократии русской Польши и Литвы по поводу петербургских событий. Прокламация призывает ко всеобщей стачке и к солидарному выступлению польских рабочих с требованием немедленного созыва учредительного собрания. В пятницу и в субботу вышел еще специальный призыв ко всеобщей стачке с требованиями: 8-часовой рабочий день, учреждение общественных работ для безработных, созыв учредительного собрания для окончания войны и провозглашения республики, а также особое воззвание к интеллигенции с приглашением поддерживать рабочих.

Во вторник распространено также воззвание Центр. Ком. польской соц. партии, где говорится, между прочим: «Товарищи! То, чего мы ждали с нетерпением, наконец, наступило. К нападениям на разлагающийся царизм прибавилось самое главное—нападение русского пролетариата».

Вот подробные рассказы о стачке одного корреспондента.

«Варшава. 27-го (14) янв., 10 час. утра. Только-что прекратили работу рабочие крупнейшего чугунолитейного завода Польши «Лильпоп, Рау и Левенштейн», в Праге⁴) (Варшаве). Пока еще порядок не нарушен. Вокруг фабрик ездят патрули. Газовый завод и водопровод заняты войском. Население запасается керосином, углем, съестными припасами.

5 ч. пополудни. Как и следовало ожидать, стачка стала всеобщей. Остановились все фабрики, типографии и т. д. Около полудня булочные были прямо осаждены населением. Теперь в городе не найти уже ни куска хлеба. Паровую хлебопекарню Митлер в предместье Воля рабочие взяли штурмом. Газеты, вероятно, сегодня не выйдут. Я отправился в предместье Волю. На улице Хлодной я встретил извозчика, который вез два труп рабочих. С четверть часа назад произошло

кровавое столкновение на углу Хлодной и Вронской ул. Казаки бросились на собравшихся рабочих с пагайками. Рабочие принесли камней со строившегося нового дома на улице Хлодной и осыпали солдат камнями. Тогда последовала атака с холодным оружием, а затем и залп выстрелов. Много раненых и убитых. На обратном пути я видел, как рабочие собираются снова. С улицы Вронской прошел еще отряд кавалерии и пехоты. Уличные фонари зажжены, но рабочие на улице Хлодной тушат и разрушают их. По городу ездят сильные отряды войска. Во всех полицейских участках стоят на-готове пехота и казаки. Положение чрезвычайно серьезное.—6 ч. 20 м. Я слышал, что на Хлодной улице повторились кровавые стычки. Телефон Варшава—Лодзь порван. Стачка в Праге полная.

15-е янв., 5 час. дня. Ночь прошла сравнительно спокойно. Сегодня утром большинство магазинов открылось, но потом опять были закрыты. В данную минуту закрыты все магазины, кондитерские и т. д. Даже аптеки пришлось закрыть. Конки не ходят. Было несколько стычек, но, говорят, без кровопролития. В 12 ч. студенты университета и политехникума, числом около 2.000, прошли молча по улицам Новый Свет и Краковское предместье; на Театральной площади их разогнали. На 6¹/₂ час. назначено собрание в Prosectorium для выражения симпатии рабочим. Улицы необыкновенно оживлены. Уличные фонари горят тускло. Управление газовым заводом просит экономно обращаться с газом, потому что солдаты, заменяющие рабочих, работают плохо. Хлеба недостаточно. Солдаты продают кое-где на улицах свои пайки. За каравай, стоивший 16 коп., платят 50—60 к. Монопольная винная лавка на улице Лешно ограблена и подожжена. Горит и сейчас.—7 ч. 50 м. Театры открыты, площади около них пусты. Извозчиков нет. Кофейни закрыты. Газеты не вышли. Писем не разослали.

29-е (16) янв., 10 час. утра. Вчерашнее письмо я мог отправить лишь вместе с настоящим, ибо фонари на Маршалковской улице разбиты, дорога к вокзалу небезопасна. Ночью войска бивуакировали на Театральной площади. Утром разграблено несколько оружейных магазинов. Разрушено много винных лавок. Характерно, что толпа выливает водку; пьянства нет. Весь гарнизон мобилизован. Положение серьезно.

12 час. дня. Ночью было, говорят, несколько кровавых столкновений. В настоящую минуту я слышу залпы и пушечные выстрелы по направлению предместья Воли. Говорят о сотнях жертв. Стачка разрастается. Город объявлен на военном положении.—30-е (17) января. Число вчерашних жертв неизвестно. Говорят о 160 раненых и убитых. Все промысл. и торгов. заведения закрыты».

Дальнейших корреспонденций пока не было. Иностранные газеты отмечают, что почтовые сношения с Варшавой почти порваны. Отчасти объясняется это стачкой, но главным образом мерами правительства, удастерившего теперь работу «черных кабинетов», проматривающих письма и в Россию, и из России.

Появилось в «Варшавском Дневнике» полицейское сообщение о событиях, которое, разумеется, лживо передает факты и старается напирать на разграбление лавок (полицейскими провокаторами?).

15-го января на улице подверглись нападению войска британский консул в Варшаве и вице-консул. Британский посол вмешался, и русское правительство назначило расследование.

Когда рабочие в пятницу обходили фабрики, хозяева спрашивали: какие у вас претензии? Рабочие отвечали: «Мы бастуем не потому, что имеем против вас претензии, а по политическим причинам. Мы хотим показать, что мы недовольны общими порядками». Фабрикантам, не желавшим закрывать фабрик, заявляли, что это приведет к самым худым последствиям. Угроза действовала, и фабрики закрыты были все очень скоро.

Русские студенты устроили собрание для выражения сочувствия петербургским борцам. Польские товарищи не приняли в нем участия. Собрание было окружено войском, и студентам предложили на выбор: разойтись или быть арестованными. Многие выбрали последнее. Арестовывали также студентов, которые раздавали съестные припасы забастовщикам.

В немецкую соц.-дем. газету писали из Варшавы: «Общего сражения не было, но палачи прямо-таки охотятся днем за рабочими и за публикой вообще, стреляя время от времени в прохожих без всякого предупреждения. Это продолжалось в субботу вечером и весь день воскресенья. Так, на улицах Брацка, Велька, Хмельна между 10 и 12 ч. утра в воскр. застрелили несколько человек. На улице Млынарска застрелили двух женщин. На улице Кармелицка стреляли в мирно стоявшую толпу рабочих. Убито шестеро. На улицах останавливали и обыскивали прохожих. У кого находили прокламации или револьверы, тех избивали до полусмерти. Рабочие не давали провоцировать себя на всеобщую бойню и демонстрировали с песнями и знаменами отдельными толпами в 500—1.000 чел. в разных местах города. Число убитых и раненых считают до 1.800.

(Н. Ленин).

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ЛОДЗИ.

Лодзь, 29-е (16) янв. Вчера была провозглашена всеобщая стачка. Работа приостановлена во всех фабриках, мастерских и типографиях. Электрички не ходят. Газет нет. Забастовщики не позволяют продавать на улицах варшавские газеты. Они заставили закрыть кафе, рестораны и отели. Окна и витрины забивают досками. Улицы оживлены необыкновенно. Массы стачечников, войска, казаки, артиллерия, прохожие за ними. Вчера прибыло два полка из Сосновиц; сегодня три сотни казаков и драгун из Влоцлавска. Губенатор Арцимович, слышущий либералом, велел не мешать стачечникам, пока не нарушается порядок. Но в объявлениях он грозит военной силой. Банки, газовые заводы и полицейские здания охраняются войском. На главных улицах расположились войска. Триста учеников здешнего коммерческого училища присоединились вчера к группе стачечников и сотнями раздавали на улицах прокламации. В различных местах города состоялись большие собрания.

На Магистратской площади сегодня после обеда собралась толпа во много тысяч человек. Раздавались крики «ура» в честь революции. Выступали ораторы, которые пламенно призывали стачечников к борьбе с ца-

ризмом. Полиция, находившаяся при этом, не трогала их. Это пассивное отношение полиции есть дурное предзнаменование. Вчера полицейские пытались уже натравить толпу на евреев, пуская слухи об убийстве евреями одного священника, но стачечники избивали этих полицейских. Один из вождей рабочих заявил перед многотысячной толпой: «Не давайте себя ловить на удочку обманщикам. Евреи—наши братья. Они наши товарищи по страданиям и по убеждениям, протянем же им руку для общей борьбы против самодержавия!». Раздались крики: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!». Вечером на удаленных от центра улицах были мелкие стычки с войском, обошедшиеся, однако, без кровавых жертв.

От 17-го янв. сообщили, что из 150.000 здешних рабочих забастовало 100.000. От 18-го: город неузнаваем. Все заведения закрыты. Витрины забиты досками. Город похож на осажденную крепость. Патрули ездят по улицам. Электричка не ходит. У булочных сотни народа ожидают хлеба. Ждут всеобщей стачки во всем польском промышленном районе.

Гельсингфорс. Финляндские рабочие тоже откликнулись на петербургские события. В заграничные газеты от 25 (12) января сообщали: «Во вчерашней (24 янв.) рабочей демонстрации принимало участие около 10.000 чел. Сходка началась в 8 ч. веч. на Сенатской площади, где пелись патриотические песни и говорились речи в пользу всеобщего избирательного права и финляндской конституции. Потом толпа пошла по городу и демонстрировала перед квартирами непопулярных сенаторов, перед домом генерал-губернатора и перед редакцией старофинской газеты «Uusi Suometai». Раздавались крики: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!». Около 11 час. появились казачьи патрули. Было арестовано 23 человека».

25-го (12) янв. демонстрации повторились. Когда толпа собралась на Henrickesplanade числом в несколько тысяч человек, полицей-директор Карлстедт обратился к ней с речью, приглашая разойтись мирно и грозя серьезными мерами. Это увещание сначала подействовало, но потом толпа собралась у памятника Рунеберга. Пели национальные песни. Затем развернули красное знамя и с рабочими песнями пошли по эспланаде Рунеберга к Сенатской площади, где песни чередовались с криками «ура». Полиция, конная и пешая, разогнала толпу тысяч в 5 чел. Есть раненые саблями и револьверными пулями.

Подобные же демонстрации были и в других городах Финляндии: Або Бьернеборге, Лахтине, Котке, Выборге, Теммерфорсе, Ловизе и др.

(Н. Ленин).

СРЕДИ ЛИБЕРАЛОВ.

Представители нашего образованного общества и буржуазных классов, обнаружившие мало способности к борьбе за свободу, выразили, однако, так или иначе свое сочувствие борьбе рабочих. В воскресенье вечером, как сообщает корреспондент английской газеты «The Daily Telegraph», состоялось собрание около 1.000 чел. в Импер. Вольном Экон. Обществе. «Не чувствовалось никакого руководства, не было единства в действиях. Настроение собрания было выжидательное и фаталь-

стическое». Передают, что в воскресенье вечером во время представления в Александринском театре один адвокат обратился с речью к публике и говорил, что не время увеселять себя зрелищами, когда на улицах льется кровь. Эта речь и ряд революционных возгласов, которые она вызвала, произвели такое волнение, что полиция не посмела вмешаться.

Во вторник начинаются отказы некоторых адвокатов от участия в судебных заседаниях и просьбы о том, чтобы судебные разбирательства были откладываемы. Говорят, что судьи во многих случаях удовлетворяли эти просьбы, и, видимо, многие сочувствовали народному движению. Во вторник же состоялось собрание журналистов для протеста против цензуры, и в среду была отправлена депутация к Святополку-Мирскому с петицией следующего содержания:

«Собрание редакторов ежедневных петербургских газет настаивает на том, что необходимо, по крайней мере, в переживаемое нами трудное и бурное время, дать печати полную свободу сообщать события и происшествия общественной жизни и обсуждать их. Вместе с тем редакторы считают себя обязанными указать, что по их глубокому убеждению единственный выход из настоящего положения заключается в созыве Земского Собора для установления порядка в российском государстве. Собор этот должен состоять из свободно избранных представителей всех сословий и классов населения и должен иметь неограниченную свободу совещаний и решений. Заседания этого Собора должны быть безусловно публичны». Подписались редакторы газет: «Право», «Наши Дни», «Сын Отечества», «Биржевая Газета», «Новое Время», «Новости», «Русь», «Пет. Газета», «Свет», «Пет. Листок», «Petersburger Zeitung», «Пет. Ведомости». Суворин держал речь от имени всех редакторов и предостерегал, говорят, что на следующий раз невозможно будет положиться на офицеров и солдат, которые станут переходить на сторону народа. Как передают, Святополк-Мирский принял депутацию очень сухо, заметил, что прежде всего должна окончиться стачка и улечься революционное движение и на просьбу о прямом ответе пробормотал что-то о необходимости узнать мнение генерал-губернатора Трепова!

Выражением общественного сочувствия жертвам царских палачей были похороны студента Савинкина. «Он был убит», — передавали заграничные газеты, — «вблизи Дворцовой площади пятью пулями. На похоронах были директор политехнического института Гагарин и все студенты. Гроб несли студенты, и на кладбище один из них сказал речь такого содержания: «Мы хороним товарища, невинная кровь которого была пролита по вине самодержавного правительства. Он умер, но его дух живет в нас и зовет нас продолжать неуклонную борьбу за право жить и думать свободно». На гроб было возложено много венков. Институт был закрыт в этот день».

Одновременно с этим газеты сообщили резолюцию 14-ти членов симбирского губ. земства. В резолюции говорится о невозможности молчать теперь, о принижении народа до рабского положения, о необходимости созвать свободно избранных представителей народа. Председатель собрания не допустил обсуждения этой резолюции. Таврическое земство единогласно приняло аналогичный по содержанию адрес к царю.

В среду 12-го (25) января на заседании городской думы в Петербурге гласный Набоков внес следующую резолюцию, подписанную 15-ю членами: «Официальный отчет подтверждает то, что все жители столицы и сами видели, именно что 9-го января войска стреляли в рабочих, шедших к Зимнему дворцу с петицией к царю. Петербургская Дума, глубоко возмущенная этим, заявляет, что подобная жестокость подрывает главные основы общественного порядка, именно безопасность жизни граждан, и считает своим долгом помочь потерпевшим ассигнованием 25.000 руб. на помощь раненым и семьям убитых». Председатель Дурново не допустил обсуждения этой резолюции. Тогда гласный барон Корф предложил, чтобы Дума, не высказываясь о правоте или виновности пострадавших, просто ассигновала эту сумму на помощь им. Это предложение было принято значительным большинством.

Московская Городская Дума приняла ряд решений на случай взрыва волнений в Москве. Между прочим, решено было просить власти не прибегать к употреблению военной силы против женщин, детей, студентов и рабочих, пока они ограничиваются мирными демонстрациями. Решено ходатайствовать о предоставлении рабочим права свободно устраивать мирные стачки с целью добиваться улучшения условий жизни, а равно о предоставлении права собраний рабочим союзам. (Некоторые разумные капиталисты начинают сознавать, видимо, что полицейские запрещения рабочих союзов и нелепы, и бессильны).

Собрание Общества Сельского Хозяйства в Москве приняло резолюцию, осуждающую пролитие народной крови правительством в Петербурге 9-го января.

В Петербурге состоялось 16-го января собрание адвокатов, обсуждавшее меры помощи населению, пострадавшему во время последних событий. Принята резолюция, что единственный выход из теперешнего положения заключается в созыве народных представителей от всех сословий.

Английские газеты только-что сообщили текст адреса, принятого Харьковским Земским Собранием.

Язык либералов становится смелее по мере развития движения и перехода пролетариата к прямой борьбе. Адрес говорит о долгих годах бюрократического гнета, насилия, произвола, разорения и бесправия народа, о невозможности сохранить такой порядок вещей. «Эти условия вызывают неизбежно грядущую грозу, и первые раскаты грома уже слышны. Эта гроза несет с собой опасность кровавой гражданской войны и ниспровержение трона. Государь, избавьте отечество от этих бедствий, пока еще не поздно». «Выслушайте голос русского народа через средство свободно избранных представителей и призовите их к участию в законодательстве. Не верьте нерадивым и лживым слугам, окажите доверие избранным представителям народа, поспешите созвать их и создать из них постоянную палату, облеченную законодательной властью... Адрес принят 66-ю голосами против 4-х».

Из Владимира губ. нам пишут от 12-го янв.: «Вчера (11 янв.) открылось губ. земское собрание, прошедшее очень бурно и теперь отложенное на 2 недели. 26 гласных подали заявление, прося отложить заседание в виду невозможности спокойно заниматься «в то время, как на улицах Петербурга льется кровь граждан». (4 из

26 гласных подали заявление в том же духе, но без этой фразы). Председатель собрания кн. Голицын отказался поставить вопрос на баллотировку, на что публика, наполнявшая хоры и отчасти самый зал, ответила громкими свистками и криками: «Долой!», «Вон!» и т. п., а 26 гласных (в том числе Управа) покинули зал. Председатель удалил публику и объявил перерыв. Во время него шло частное совещание гласных, а публика, удаленная с хор, толпилась по всем залам. После перерыва в зале оказалось 27 гласных (из числа прибывших в собрание 52 ч.); председатель Управы и члены Управы, бывшие в числе этих 27, заявили, что присутствуют в зале лишь по должности, чтобы давать отчет о своей деятельности, как членов Управы, но продолжают быть солидарными со всеми подписавшими заявление.

После кратких прений председатель отложил собрание на 2 недели «в виду отсутствия многих дельных гласных». Особенно ратовали за продолжение заседаний. «Чтобы не поступить, как хотят подписавшие заявление гласные», Куроедов и Елагин (оба—земские начальники)...

... Для Владимира такой исход собрания—вещь небывалая, и разговоров относительно этого и совершающихся событий масса...

События в Петербурге, Москве и др. городах глубоко волнуют всех, даже такие элементы, которые до сих пор совершенно были в стороне от каких бы то ни было общественных, политических интересов. Величие момента инстинктивно чувствуется и сознается всеми. Деятельно идет подписка «в пользу семейств убитых и раненых борцов за свободу». Сегодня (12 янв.) предполагался политический банкет по широкой программе, но под давлением администрации во всех помещениях отказано»⁵⁾.

(Н. Ленин).

ОБРАЩЕНИЕ К ОФИЦЕРАМ.

Нижеследующее воззвание к офицерам было подписано, как сообщают заграничные газеты, 459-ю лицами, которые собрались вечером 9-го января в Вольно-Эконом. Обществе. Подписи в газетах не приводились.

«Мы пишем эти строки в ужасный день, который никогда не забудет Россия. Мы пишем под свежим впечатлением только-что пролитой крови на многих улицах столицы. Вынужденные оставаться бессильными зрителями, мы всецело захвачены, однако, развертывающейся перед нами трагедией. Наше чувство взволновано... Но наши мысли ясны, и нам понятен глубокий исторический смысл того, что происходит перед нами. Раскрыть этот смысл вам—таков наш долг, такова сейчас наша задача.

Господа офицеры, в истощенной экономически стране голодовки давно уже сделались хроническими; массы обречены на непосильный труд, на неисходную нужду, на неизбежное вымирание. Насильственно удерживаемое в невежестве население лишено возможности развить свои силы. Личная энергия и народное творчество скованы бюрократической опекой и обессилены всепроникающим произволом. Так дальше жить нельзя. Русскому народу нужен хлеб, нужен свет, нужна свобода. Без этого он не может быть великой нацией. Без

этого он не может отстоять даже своего права на существование.

Из трудных обстоятельств, в каких находится страна, есть только один выход. Только сам народ может излечить свои недуги и заживить свои глубокие раны. Для этого же российскому государству нужен новый основной закон: России нужна конституция. Земские представители и городские думы, русская интеллигенция и русское купечество, учащаяся молодежь и рабочие массы не только сознали, но уже и формулировали эту основную потребность. Охватившее всех чувство так сильно, что его не смогли сдержать никакие преграды. Оно и прорвалось и прорывается, несмотря на все кары. Оно не потухнет, хотя бы его еще много раз старались залить кровью.

Стремление к новым свободным формам неодолимо, ибо без них дальнейшая жизнь невозможна. Этим выходом воспользовались уже все культурные страны; на этом же пути нашла свою силу и та страна, с которой мы безуспешно воюем теперь,—Япония.

Только русское правительство не может или не хочет понять того, чего требует история. Это близорукое правительство давно бы уже было сметено с исторического пути, если бы русскому народу, опутанному сетями нищеты, невежества и рабства, не были противопоставлены его собственные вооруженные силы.

Да, собственные... Вы учились на средства народа, из народной казны получаете вы свое жалованье. Штыки и ружья, которыми управляете вы, куплены на народные деньги. Вы сами—дети этого народа, и вот вас-то посылают убивать своих сестер и братьев.

Офицеры русского войска! Вдумайтесь в то, что произошло 9-го января 1905 года на улицах Петербурга. Доведенные до отчаяния люди—сотни тысяч людей—желали подать царю петицию. Это был мирный акт. Рабочие клялись, что сохраняют порядок и прибегнут к силе не иначе, как для самозащиты. Правительство знало, что ничто не угрожает общественной безопасности. Посланная нами депутация в числе 10 чел., в том числе некоторые из нижеподписавшихся, вечером 8-го января была у министра внутренних дел, у его товарища, у председателя комитета министров. Депутаты желали осведомить правительство о положении дел, они умоляли и требовали, чтобы было предотвращено кровопролитие.

Но все их усилия оказались тщетными. Ген.-майор Рыздзевский заявил, что правительство не нуждается в наших сведениях и в наших мольбах и убеждениях. Витте сказал, что это дело не его «ведомства», и что он не желает каким-либо вмешательством поставить себя в неловкое положение. Святополк-Мирский, несмотря на все просьбы и даже посредничество Витте, отказался принять депутацию: он—де и без нее все знает, и все распоряжения уже сделаны.

Да, распоряжения были сделаны, и кровь пролилась по расписанию, может-быть, даже в тех самых пунктах, где это наметили совещавшиеся накануне сановники.

...Да и к чему русскому правительству сведения и мнения каких-то статских людей, зачем ему честь, совесть и разум? Ведь, к его услугам зоркость бесчисленных сыщиков, в его распоряжении все вооруженные силы.

Офицеры русского войска! Вы—люди долга. Вы взяли на себя великую обязанность отдать, если это нужно,

даже жизнь свою за отечество. Спросите же вашу совесть: где ваше место? С безумцами, всегда готовыми пролить кровь, или с многострадальным народом? В вас живо чувство чести. Прислушайтесь же к ее голосу: где ваше место? С теми ли, кто боится даже принять петицию, или со всею честною и самоотверженною Россией? Если вы люди чести, то не поднимайте руки на безоружных, не берите денег с народа за его кровь, которую вы же прольете. Снимите ваши мундиры и сложите ваше оружие!»

Предполагают, что арестованных депутатов Горького и других обвиняют в связи с этим воззванием. Было ли оно распространено, мы в данную минуту не имеем об этом сведений.

Номер был уже сверстан, когда мы получили следующую корреспонденцию от нашего товарища из Риги:

Рига. Лишь только до Риги донеслись вести о страшных кровопролитиях, происшедших на улицах Петербурга, как социал-демократические революционные организации нашего города решили поддержать петербургский пролетариат. 11-го января (ст. ст.) состоялось общее собрание представителей рабочих всех районов и фабрик. На собрании было единодушно решено на другой же день объявить всеобщую стачку. Федеративный союз латышской соц.-дем. рабочей партии и Бунда выпустил краткую прокламацию, призывающую рабочих ко всеобщей стачке. Были выставлены общеполитические требования и обычного характера экономические.

12-го января эта прокламация была успешно распространена. В этот же день вышла прокламация Рижского комитета Р. С.-Д. Р. П. С утра этого дня рабочие нескольких заводов, взявших на себя инициативу прекращения работы, дружной толпой двинулись к другим заводам и фабрикам, приглашая товарищей присоединиться к ним. Ораторы тут же разьясняли всем значение событий, совершившихся в Петербурге и совершающихся в Риге.

По большей части рабочие охотно присоединялись к забастовщикам. Забастовщики усвоили такой вполне практический порядок: всех вновь присоединившихся они пропускали вперед, сами составляя арьергард шествия. И так каждый завод.

Рабочая масса все росла и росла, и, двигаясь с Петербургской стороны к городу, она, наконец, вошла в город. К этому моменту всего в этой толпе было не менее 10.000 человек. Именно у этой части демонстрантов произошло первое столкновение с полицией и войсками. Войска стреляли. В происшедшей свалке был убит один рабочий и трое ранено. Здесь же был убит один городской.

Демонстранты рассказывали по улицам города, пока на одной из улиц не были рассеяны казаками и войсками.

В это время совершенно то же самое происходило на Задвинской стороне. Здесь толпа демонстрантов достигла не менее 15.000. Все время рабочие несли красные знамена, распевали революционные песни; крики «Долой самодержавие!» и т. д. все время оглашали воздух. У городских толпа отнимала шашки, револьверы.

В этот же день в политехникуме начались сходки, и всеобщее волнение охватило прогрессивную часть студенчества.

На другой день, 13-го января, было назначено мас-

совое собрание рабочих. Пришлось собираться за городом рано утром. Пришло не более 300 рабочих. По всему было видно, что собрание не состоится, и потому решили идти в город. В самую последнюю минуту как-раз подошли еще человек 500. Все вместе двинулись в город. Шли через Московский форштадт. Здесь более всего живет русских и евреев. И здесь все бросали работу и присоединялись к демонстрантам. Толпа росла. Воодушевление было значительное. С знаменами, революционными песнями и кликами шли демонстранты, приближаясь к городу. Впереди толпы шел пристав Билев. Демонстранты приблизились к Понтонному мосту. Здесь они натолкнулись на цепь солдат. Надо сказать, что среди войска в Риге ведется значительная работа. Солдатам постоянно доставляются прокламации, и потому военное начальство не особенно надеялось на свои стоящие здесь два полка. И действительно, солдаты нехотя разгоняли толпу, и по всему было видно, что они стрелять не станут. На наше несчастье, в Риге существует единственное на всю Россию ужасно подлое учреждение, это унтер-офицерский батальон. В него попадают самые жестокие и отвратительные элементы со всех полков России. Этот батальон является школой, из которой выходят унтер-офицеры и фельдфебеля, рассылаемые по всей России. Когда толпа подошла к первой цепи этих унтер-офицеров и потребовала свободного пропуска, цепь отошла в сторону, став сбоку толпы. Толпа двинулась далее и остановилась перед второй цепью; здесь произошло нечто ужасное. Почти без всякого предупреждения раздалось с двух сторон один за другим дедать залпов.

После первого залпа пристав Билев, все время сопровождавший демонстрантов, усиленно махал белым платком, требуя тем самым прекращения стрельбы, но залпы сыпались, и одним из первых был убит этот пристав. Толпа бросилась бежать. Залпы сыпались ей в спину, и под перекрестным огнем в несколько минут были убиты наповал 73 человека (из них 2 студента, несколько женщин и подростков, остальные рабочие) и 200 ранены, среди них много женщин. Между прочим, ранено восемь унтер-офицеров пулями своих же соратников, так как они стояли почти друг против друга. Озверевшие унтер-офицеры бросились потом на толпу и с ожесточением начали избивать ее прикладами и штыками. Многих раненых пулями кололи штыками. Испуганная толпа стала прыгать с берега на лед Двины; так как в этом месте в Двину впадают сточные канавы и лед здесь гораздо тоньше, то он не выдержал тяжести и проломился. Очень многие утонули. Многие утверждают, что число убитых значительно больше, но унтер-офицеры и полиция спустили много трупов под лед.

Это кровопролитие страшно возбудило весь город. Рабочие горят местью.

14-го января состоялись две больших сходки организованных рабочих. На одной было две тысячи человек, на другой более 2.000. Решили продолжать стачку и демонстративно участвовать на похоронах убитых. В этот же день стали трамваи, и к стачке присоединились последние заводы и мастерские. Газеты не выходят.

14-го же января в политехникуме состоялась большая сходка. В открытое окно зала на улицу было выставлено черное знамя с надписью: «Слава павшим бойцам; месть и проклятье убийцам!» Сходка была очень

бурная. Политехникум закрыт на неопределенное время.

Весь день в городе царило страшное возбуждение. Полиция скрылась совершенно, к вечеру улицы опустели, и зловещая тишина нависла над Ригой. До 14-го января рабочие не трогали полицию, иногда только защищались от нее. После расстрела демонстрантов во многих местах города были случаи избения и убийства городских, полицейских агентов и шпионов. 15-го января состоялись похороны убитого русского студента Пичуркина — сибиряка. Он был убит пулей в голову навывлет. Похороны его превратились в грандиозную, небывалую демонстрацию. Народ стекался со всех сторон; шли все: и студенты, и рабочие, и обыватели. Была масса венков, среди которых выделялись огромные красные ленты нескольких венков с надписями, направленными против русского правительства. Впереди шел хор студентов. Все пели «вечную память»; войска и полиция отсутствовали совершенно; только в хвосте шествия на весьма почтительном расстоянии ехали казаки. Все, кто встречал эту грандиозную процессию, снимали шапки. В одном месте стояла сотня казаков, — демонстранты заставили их снять шапки. Социал-демократы раздавали прокламации. Народ расхватывал их, и не было никакой возможности удовлетворить все требования. У кладбища демонстрантов собралось до 20.000 человек. На кладбище говорили речи на латышском, русском и еврейском языках. Негодованию присутствовавших не было границ. Все, от малого до старого, проклинали русское правительство. После похорон демонстранты двинулись обратно в город, и здесь, как и на кладбище, все время пели ре-

волюционные песни. Полиция и войска не только никого не трогали, но просто не решались близко подойти. Когда в одном месте донские казаки потребовали, чтобы демонстранты разошлись, один из русских товарищей встал на извозчика и произнес речь к казакам, упрекая их, что они всегда готовы проливать кровь рабочих. Казаки опешили, понурили головы, а некоторые со слезами на глазах говорили: «Что же нам делать, братья? Разве нам это в охоту. Нас заставляют, нам приказывают».

Подшел офицер и сказал: «Мы не приказываем вам, а просим вас разойтись».

Демонстранты объяснили, что они не могут этого сделать, и пошли, казаки посторонились, пропустили их, а офицер не отдал никакого приказания, как бы подтверждающая действие казаков.

16-го января царствует сильное возбуждение. В городе и на вокзале выставлены патрули. Власти выписали 2 полка из Вильно. Сегодня к вечеру отдан приказ всем дворникам запереть с 7 часов ворота, и я сижу под домашним арестом.

Завтра будут похороны остальных убитых. Вероятно будет опять демонстрация. Прокламации выходят каждый день. Арестовано всего 12 человек. Их, закованных по рукам и ногам в кандалы, демонстративно сегодня возили по городу, вероятно, желая тем напугать забастовщиков; само собой разумеется, что это издевательство полиции еще более возбуждает стачечников.

(В. Бонч-Бруевич).

Примечания.

Прим. 1. «Плоды победы» — сводка корреспонденций, сделана тов. Лениным.

Прим. 2. Корреспонденция писана рукой Ан. Ил. Елизаровой, за подписью «Ваш Игорь». «Игорь» и «Джем» — ее конспиративные псевдонимы в корреспонденциях во «Вперед» и «Пролетарий».

Прим. 3. В подлиннике этой корреспонденции подпись ее автора: «Сов.».

Прим. 4. Прага — предместье Варшавы.

Прим. 5. В подлиннике письмо подписано: «Вален-т—ов».

амбулатории в больницу. Губернатор снискал себе
упреки пущю и назло уважу: он объявил, что до
всех рабочих-фабасовичей подкупились японцами
и англичанами. Конечно, эту лживую выдумку при-
шлое от отголосков в сторону, особенно когда ан-
глийский посланник заявил протесты. Тогда губер-
натор объявил, что он расследует и по возмож-
ности удовлетворит все требования рабочих.

В городской думе получено февраль 60 гласных,
которые потребовали экстренного расследания думы
для обсуждения положений, вызванных забастовкой.
Также московские спешники опреде-
лили ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~ ~~в среднем~~
теплов, через два дня уже в 30.000 гал. 18 янва-
ря требовали изъятия от окончания срока,
причем число забастовавших достигло уже 43.000
рабочих в 125 заведениях из всего числа 170.000
рабочих в 830 московских фабриках. Сам
совет-разрушитель, что эти сформировались
свободно влекло предостережение (во избежание
применения в заведениях Москвы, городская думная
рабочих, 7 на 170.000) и не приводили их к числу 200,
чтобы дать предостережение о разрыве
двухдневия. Вообще, срок Нахимовской улицы вонючей спертых
рабочих, но срок службы пока еще не проведен. ++

Факсимиле тт. Ольминского и Ленина.

(См. статью „Раскаты первого грома“ стр. 69).

Российская
Социал-демократическая
Рабочая Партия.

ВПЕРЕДЪ

Пролетарія всѣхъ странъ
соединяйтесь!

№ 6.

ЖЕНЕВА, 14 (1) ФЕВРАЛЯ

1905 г

Две тактики.

С самого начала массового рабочего движения в России, т.е. приблизительно в течение десяти уже лет, среди социал-демократов существуют глубокие разногласия по вопросам тактики. Как известно, именно этого рода разногласия вызвали во второй половине 90-х годов течение экономизма, поведшее к расколу на оппортунистическое (рабочедельческое) и революционное (староискровское) крыло партии. Но русский социал-демократический оппортунизм отличался от западно-европейского своеобразными особенностями. Он отражал с чрезвычайной рельефностью точку зрения или, пожалуй, отсутствие всякой самостоятельной точки зрения у интеллигентского крыла партии, увлекавшегося и модными словечками бернштейнианства, и непосредственными результатами и формами чисто - рабочего движения. Это увлечение повело к повальной измене легальных марксистов, перекочевавших в либерализм, и к созданию социал-демократами знаменитой теории «тактики - процесса», которая упрочила за нашими оппортунистами кличку хвостистов. Они плелись беспомощно в хвосте событий, бросались из одной крайности в другую, принижали во всех случаях размах деятельности революционного пролетариата и веру в его силы, при чем больше всего и чаще всего прикрывалось все это ссылкой на самостоятельность пролетариата. Это курьезно, но это факт. Никто не рассуждал так много о самостоятельности рабочих, и никто не суживал, не урезывал, не принижал так своей проповедью этой самостоятельности, как рабочедельцы. «Поменьше толкуйте о повышении активности рабочей массы, — говорили сознательные, передовые рабочие своим усердным, но неумным советникам. — У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой уличной борьбой даже требования, никаких осязательных результатов не сулящие. И не вам повышать нашу активность, ибо у вас самих как-раз активности-то и не хватает. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении своей активности, господа!». Вот как приходилось характеризовать отношение революционных рабочих к оппортунистическим интеллигентам («Что делать?», стр. 55).

Два шага назад, сделанные новой «Искрой» к «Рабочему Делу», воскресили это отношение. Со страниц «Искры» опять полилась проповедь хвостизма, прикрываемая такими же тошнотворными клятвами: «Ей, господа, верую и исповедую самостоятельность пролетариата». Во имя самостоятельности пролетариата Аксельрод и Мартынов, Мартов и Либер (бундовец) защищали на съезде право профессоров и гимназистов записываться

в члены партии, не входя ни в какие организации. Во имя самостоятельности пролетариата сочинялась теория «организации - процесса», оправдывавшая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм. Во имя самостоятельности пролетариата изобреталась не менее знаменитая теория «высшего типа демонстраций» в виде соглашения просеянной через троекратные выборы рабочей депутации с земцами о мирном манифестировании без произведения панического страха. Во имя самостоятельности пролетариата извращалась и опошлялась, принижалась и запутывалась идея вооруженного восстания.

На этом последнем вопросе, в виду его громадной практической важности, мы намерены остановить внимание читателя. Развитие рабочего движения жестоко посмеялось над мудрецами новой «Искры». Не успело еще разойтись по России ее первое письмо, где во имя «процесса планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата» рекомендовалась как высший тип демонстраций, «доставка заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасыванье его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания»; не успело еще дойти до России ее второе письмо, где делалось совсем уже сногшибательное открытие, что в настоящий «исторический момент политическая сцена заполнена (!) тяжбой между организованной буржуазией и бюрократией», и что «объективный смысл всякого (слушайте, слушайте!) революционного движения в низах один (!) и сводится к поддержке лозунгов той из двух (II) сил, которая заинтересована в ломке данного режима» (это демократическая интеллигенция объявлялась «силой»); не успели еще сознательные рабочие прочитать эти великолепные письма и хорошенечко осмеять их, как события действительной борьбы пролетариата сразу вывели весь этот политический хлам новоискровских публицистов в сорную яму. Пролетариат показал, что есть третья (в сущности, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой способности) сила, не только заинтересованная в ломке, но и готовая приступить к настоящей ломке самодержавия. Начиная с 9-го января, рабочее движение у нас на глазах вырастает в народное восстание.

Посмотрим же, как оценивали этот переход к восстанию социал-демократы, рассуждавшие о нем заранее, как о вопросе тактики, и как стали решать этот вопрос на практике сами рабочие.

Вот что говорилось три года назад о восстании, как лозунге, определяющем наши ближайшие практические задачи: «Представим себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по

всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих, и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы все местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти происшествия возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, а, ведь, восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партий, а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

«Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы». («Что делать?»).

Подчеркнутые нами заключительные слова дают ясный ответ на вопрос о том, как представляли себе дело подготовки восстания революционные социал-демократы. Но, как ни ясен этот ответ, старая хвостистская тактика не могла не проявить себя и на этом пункте. Мартынов выпустил совсем недавно брошюру «Две диктатуры», особо рекомендованную новой «Искрой» (№ 84). Автор от всей глубины своего рабочедельческого сердца возмущен тем, что Ленин мог говорить о «подготовке, назначении и проведении вооруженного всенародного восстания». Грозный Мартынов разит врага: «Международная социал-демократия на основании исторического опыта и научного анализа динамики общественных сил всегда признавала, что только дворцовые перевороты и пронуциаменто могут быть заранее назначены и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т. е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее назначена, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается».

Может быть, читатель скажет, прочитав эту тираду, что Мартынов, очевидно, «не есть» серьезный против-

ник, и что брать его всерьез смешно. Мы вполне согласились бы с таким читателем. Мы сказали бы даже такому читателю, что нет на земле муки горшей, чем брать всерьез все теории и все рассуждения наших новоискровцев. Беда в том, что эти пустяки фигурируют и в передовицах «Искры» (№ 62). Еще большая беда в том, что есть люди в партии, и немало их, которые засоряют себе головы этими пустяками. И приходится говорить о несерьезных вещах, как приходится же нам говорить о «теории» Розы Люксембург, открывшей «организацию - процесс». Приходится разъяснять Мартынову, что не следует смешивать восстания с народной революцией. Приходится растолковывать, что глубокомысленные ссылки на переворот в общественных отношениях при решении практического вопроса о способе свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокиевича. Переворот этот начался в России уже с падением крепостного права, и именно отсталость нашей политической надстройки от совершившегося переворота в общественных отношениях делает крах надстройки неизбежным, при чем вполне и вполне возможен крах сразу, от одного удара, ибо «народная революция» в России нанесла уже царизму сотню ударов, и добьет ли его сто первый или сто десятый удар, — это неизвестно. Только оппортунистические интеллигенты, сваливающие свое филистерство на пролетариев, могут в такое время, когда обсуждаются практические способы нанесения одного из ударов второй сотни, проьявлять свои гимназические познания насчет «переворота в общественных отношениях». Только оппортунисты новой «Искры» могут истерически кричать об ужасном «якобинском» плане, в котором центр тяжести лежит, как мы видели, во всесторонней массовой агитации при помощи политической газеты!

Не может быть назначена народная революция, — это справедливо. За знакомство с этой истиной нельзя не похвалить Мартынова и автора передовицы в № 62 «Искры». (Да и о какой подготовке восстания вообще может идти речь у нашей партии? — с рашивленным тал, и олая с «утопистами», верный соратник или ученик Мартынова). Но назначить восстание, если мы его действительно готовили, и если народное восстание возможно, в силу совершившихся переворотов в общественных отношениях, — вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новоискровцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно слагается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно, несмотря на то, — представьте себе, тов. Мартынов, — несмотря на то, что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди массы данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и раздражения в массе рабочих. Поняли ли вы теперь в чем дело, тов. Мартынов и товарищ «передовик» номера 62-го «Искры»? Если поняли, то потрудитесь теперь сопоставить восстание с народной революцией. «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его

пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент.

К счастью, самодеятельность передовых рабочих оказывается далеко впереди хвостистой философии новой «Искры». Пока она вымучивает из себя теории, доказывающие, что восстание не может быть назначено теми, кто готовился к нему, организуя передовой отряд революционного класса, события показывают, что восстание могут назначать и бывают вынуждены назначать люди не готовившиеся.

Вот прксамация, присланная нам петербургским товарищем. Ее набрали, отпечатали и распространили более чем в 10.000 экземплярах сами рабочие, захватившие десятого января в Петербурге одну легальную типографию.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь?—Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

«Они—убийцы! Смерть им! К оружию, товарищи! Захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция! Да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей!—Российская С.-Д. Рабочая Партия».

Призыв к восстанию этой кучки инициативных передовых рабочих оказался неудавшимся. Нас не удивило бы и не обескуражило несколько неудачных призывов к восстанию или неудачных «назначений» восстания. Мы предоставим новой «Искре» разглагольствовать по этому поводу о необходимости «переворота в общественных отношениях» и высокопарно осуждать «утопизм» рабочих, воскликнувших: «поставим свое правительство!». Только безнадежные педанты или путаники могут видеть центр тяжести подобного воззвания в этом кличе. Нам важно отметить и подчеркнуть этот замечательный, смелый практический приступ к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед нами.

Призыв петербургских рабочих не осуществился и не мог осуществиться так скоро, как они хотели. Этот призыв будет повторен еще не раз, и попытка восстания неоднократно может еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими. Приобретение, которое сделано рабочим движением, приведшим к сознанию практической насущности этой задачи и приблизившим постановку ее при любом народном волнении на ближайшую очередь, это приобретение ничем не может быть отнято у пролетариата.

Социал-демократы выставляли лозунг подготовки восстания еще три года назад на основании общих соображений. Самодеятельность пролетариата пришла к этому же лозунгу под влиянием непосредственных уроков гражданской войны. Есть самодеятельность и самодеятельность. Есть самодеятельность пролетариата, рево-

люционно инициативного, и есть самодеятельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самодеятельность сознательно-социал-демократическая и самодеятельность зубатовская. И есть социал-демократы, которые даже в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самодеятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленное количество раз слово «классовый». Возьмите № 84 «Искру». «Почему,—с победоносным видом наступает на нас ее «передовик»,—почему не узкая организация профессиональных революционеров дала толчок движению этой лавины (9-го янв.), а Собрание рабочих? Потому, что Собрание это было действительно (слушайте!) широкой организацией, основанной на самодеятельности рабочих масс». Если бы автор этой классической фразы не был поклонником Мартынова, то он, может-быть, понял бы, что Собрание сослужило службу движению революционного пролетариата именно тогда и постольку, когда и постольку от самодеятельности зубатовской оно перешло к самодеятельности социал-демократической (после чего оно сейчас же и перестало существовать как легальное Собрание).

Если бы новоискровцы, или нозорабочедельцы, не были хвостистами, то они увидели бы, что именно девятое января оправдало предсказание тех, кто говорил: «В конце-концов, легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не Зубатовым» («Что делать?»). Именно девятое января еще и еще раз показало всю важность там же формулированной задачи—«готовить жнецов, которые бы умели и косить сегодняшние плевелы» (т.-е. парализовать сегодняшний разврат зубатовщины), «и жать завтрашнюю пшеницу» (т.-е. революционно руководить движением, сделавшим шаг вперед при помощи легализации). А Иванушки новой «Искры» ссылаются на пышный урожай пшеницы, чтобы принизить значение крепкой организации революционных кощов!

Было бы преступно,—продолжает тот же новоискровский передовик,—«нападать в тыл революции». Что значит, собственно, эта фраза? Аллах ведает. О том, в какой связи стоит она с общей оппортунистической физиономией «Искры», мы, вероятно, поговорим в другой раз особо. Теперь достаточно указать, что действительный политический смысл этой фразы один, именно: автор пресмыкается перед тылом революции, презрительно морща нос по поводу «узкого» и «якобинского» авангарда революции.

Тактика хвостизма и тактика революционной социал-демократии выясняются во всей своей противоположности тем более, чем более усердствует в мартыновском духе новая «Искра». Мы указывали уже в № 1 «Вперед», что восстание должно примкнуть к одному из стихийных движений. Мы нисколько не забываем, след., важность «обеспечения тыла», если употреблять военное сравнение. Мы говорили в № 4 о верной тактике петербургских комитетчиков, направивших все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии. Мы закончим теперь советом, который нам еще много раз придется давать новоискровцам: не принижайте за-

дач авангарда революции, не забывайте о нашей обязанности поддержать этот авангард нашей организованной самодеятельностью. Поменьше говорите общих фраз о развитии самодеятельности рабочих,—рабочие проявляют бездну не замечаемой вами революционной самодеятельности!— побольше смотрите за тем, чтобы не развращать неразвитых рабочих своим собственным хвостизмом.

Враги и друзья.

Кровавые события 9-го (22-го) января поглотили на несколько дней все внимание европейской прессы. Газеты самых различных направлений и оттенков поняли, что за этой мирной манифестацией петербургского пролетариата кроется гроза назревающей революции, способной не сегодня, так завтра смести подгнивший трон Романовых, все поняли, что присутствуют при исторической трагедии, имеющей мировое значение. «Они пролили свою кровь не только ради своих славянских братьев,—справедливо указывает «Berliner Zeitung»,—но и ради европейской гражданственности, на которой царизм является самым позорным пятном». И эта опасность для царизма начавшегося движения пролетариата заставила встрепетнуться всех тех, чьи интересы так или иначе связаны с существованием русского самодержавия, подняла на ноги все мрачные силы европейской реакции.

Давно прошли те времена, когда европейская буржуазия боролась на баррикадах за свою политическую свободу, расшатывала троны своих Романовых.

Давно прошли эти времена, и теперь, под напором все растущего рабочего движения, значительная часть западно-европейской буржуазии бросилась в объятия реакции. В этом реакционном движении в первых рядах идет буржуазия Германии и Франции. Враждебные друг-другу, мечтающие о реванше или новом Седане, они сошлись в оценке того значения, которое имеет для них царское самодержавие, этот европейский жандарм. Сохранение этой грубой силы, готовой всегда казацкими нагайками восстановить мир и порядок в Европе, стало в последние годы жизненным условием существования европейской реакции.

■ вот эти мрачные силы Европы видят, как волнуется жаркое море подмывает непоколебимые, казалось, устои самодержавия.

Они видят, как борьба петербургского пролетариата встретила могучий стклик у пролетариата европейского, и чувство самосохранения заставляет их приветствовать царя, победителя беззащитной толпы, и оправдывать его злодеяния.

Весьма характерно, что как-раз реакционная пресса с редкой у нее пронизательностью разглядела за мирной демонстрацией петербургских рабочих ее революционную сущность.

«Восстанию придали внешность мирной рабочей демонстрации,—пишет «der Reichsbote»,—в действительности же это была политическая революция, к которой склонили рабочих, внушив им, что дело касается их интересов». Перечислив некоторые из требований известной петиции, газета прибавляет: «это все чисто-политические

требования, а вовсе не специальные требования рабочих». «Ответственность за эти печальные события падает прежде всего на рабочих и их вожаков,—пишет другая консервативная газета—«die Post». Правда, рабочие уверяли, что их цели совершенно мирные, но, даже если поверить их уверениям, не следует забывать, что самый опасный зверь—это могучая народная толпа». И газета прибавляет, что, пожалуй, можно было бы ограничиться несколько меньшим кровопролитием, но что подавление подобных массовых демонстраций является правом и обязанностью государства. Таким же страхом за участь «порядка», т.-е. самодержавия, проникнут и отзыв реакционной «Kreuzzeitung». «Революция угрожающе подняла вчера голову в Петербурге,—пишет эта газета,—и кто еще теперь верит, что поведение рабочих было мирное, тот либо очень наивен, либо очень пристрастен. Но такому натиску государство должно противоставить всю свою силу, или оно погибнет... Безжалостная энергия в надлежащий момент гораздо гуманнее (11), чем нерешительные колебания». Гораздо откровеннее и циничнее, уже без всяких фигурных листков гуманности, высказываются «Hamburger Nachrichten», неспособные скрыть своей радости по поводу победы царизма: «Вероятно, скоро будем мы в состоянии сообщить: «l'ordre regne a St. Petersburg» (порядок царит в Петербурге). Царская империя уже многократно пережила тяжелые времена и трудные испытания; но они не в силах были серьезно потрясти ее внутренний строй и ее положение, как державы. Так же пройдет, несомненно, и этот кризис. Но если приведенные нами реакционные газеты ограничивались изъяснением своего сочувствия самодержавию, то «Consecutive Korrespondenz» пошла дальше и выболтала тайные вождения своих собратьев. «Исход большой рабочей демонстрации, имевшей место в Петербурге в воскресенье, показывает нам, как поучительный пример, к каким роковым последствиям могла бы привести массовая демонстрация, о которой болтал Бернштейн, и которая стала популярна в широких кругах социал-демократии». И русские рабочие,—прибавляет газета,—были увлечены фразами о мирной демонстрации; в действительности же «революционеры хотели путем этой «мирной» уличной демонстрации вызвать кровопролитие, чтобы этим фанатизировать массы и толкнуть их к революционным поступкам». Реакционная газета предзкушает, таким образом, прелести кровавой бани, которую могли бы устроить на улицах Берлина прусские войска, если бы рабочие дали себя выманить безоружными на «мирную» демонстрацию.

Такие же гимны победоносному царю воспевают и французская реакционная печать. Так, «Gazette de France» приветствует Николая за то, что он «не согласился появиться в окне своего дворца украшенный фригийской шапочкой». «La Patrie» со свойственной всем «патриотам» сыскной склонностью доискивается за петербургским восстанием интриги поляков и англичан. «L'Autorite» занимается исчислением силы, необходимой для подавления революции; по ее мнению, срок тысяч солдат достаточно, чтобы подавить восстание «без послабления и без насилия» (12). С такой же лакейской готовностью спешит на защиту царизма и «Gaulois». «Они присвоили себе право,—пишет он,—навязывать свою волю царю. При таких условиях власти

оставалось только: или уступить толпе, уступить ей господство над собой, или же подавить движение с величайшей строгостью. Правительство выбрало этот последний путь. И действительно, подавление было единственным средством, позволявшим ему спасти его полюбленный авторитет». Но если «Gaulois» говорит языком военного губернатора, то уж целиком на точке зрения департамента полиции стоит антисемитская «La Libre Parole». «Правду говоря,—пишет ее редактор, пресловутый Дрюмон,—эта революция, если только это революция, подготовлена несколькими сотнями недобровольных и честолюбивых лиц, более или менее примыкающих к сектам (?) и поддерживаемых за границей, и главную опору находит она прежде всего среди евреев, а затем в среде интеллигентов». И, сев на своего любимого конька, Дрюмон изливает целые потоки желчи: «Это Витте, воспитанный евреями и женатый на еврейке, толкнул Россию на путь бесконечных займов», и т. д., и т. д. На этой хорошо знакомой нам крушевской премудрости мы можем покончить с отзывами европейской реакции.

Громадная масса европейских газет либерально-буржуазного толка,—в том числе вся английская и итальянская пресса,—частью заняла нейтральную позицию, частью осудила зверства царского правительства в более или менее резкой форме. Так, например, осторожный и сдержанный «Times» не решается высказаться откровенно по поводу воскресных событий, хотя признает, что настоящее положение петербургских рабочих при самодержавном порядке стало, как доказывает всем происшедшим, невыносимым. Так же предостережительно уклоняется от всякой оценки и парижский «Figaro». Не высказывает своего суждения и «Matin», пускаясь вместо этого в туманные разглагольствования, что, мол, «в России нет третьего сословия», что «империи не угрожает движение просвещенного интеллигентного класса», что «мы имеем дело не с революцией, а с жакерией (бунт)».

В тоне упрека за нетактичность, за ненужное кровопролитие высказывается часть немецкой печати. «То, чего было избежать, все-таки свершилось,—пишет «Deutsche Tageszeitung».—Вышло совсем иначе, чем обещал князь Святополк-Мирский при вступлении в должность. Вместо народного представительства—военная диктатура. Кто виноват в этом?—Прежде всего русское правительство». Почти теми же словами характеризуют положение дел «Berliner Neueste Nachrichten»: «Общее мнение сойдется в том, что, несмотря на большую опасность, власти должны были вчера поступить иначе. Бунтовщики были безоружны; повидимому, они были бы удовлетворены, если бы приняли их петицию». Точно так же и парижский «Petit Journal» приписывает революционный исход демонстрации вине властей, потерявших голову. Очень резко-отрицательно относится к поведению царского правительства английская либеральная печать, стоящая, правда, целиком на точке зрения гуманного либерализма. Такие газеты, как: «Daily News», «Daily Graphic», «Daily Mail», «Daily Express» и многие др., в один голос выражают свое возмущение, говоря, что кровавый петербургский день вызовет лишь чувство отвращения и негодования во всех честных и любящих свободу людях, во всех христианских (?) сердцах. Официозный «Daily Telegraph» дошел даже

до сравнения царя с Нероном, на что другая газета возразила, что это сравнение обидно для Нерона, п. ч. этот, по крайней мере, не был трусом, «храбрость же царя подобна храбрости полуголодного собачьего ублюдка».

Менее резкая по форме оценка событий некоторыми либеральными немецкими и итальянскими газетами показывает очень правильное понимание неизбежности в ближайшем времени буржуазной конституции в России. Так, «Vossische Zeitung», проведя параллель между поведением царя 9-го января и поведением султана во время армянской бойни в 1895 г., заканчивает словами: «Россия до тех пор не успокоится, пока не получит конституции». Так же смотрит на восстание рабочих и «Giornale d'Italia». «Все заставляет думать,—говорит эта газета,—что мы имеем пред собою революцию, которая, не опрокидывая царского трона, устранит причины, приведшие самодержавие к банкротству». «Сила оружия не может вечно сопротивляться силе событий,—прибавляет «Corriere della Sera».—То, что медленно возгорается, горит долго, а тысячи признаков показывают, как работает огонь в России».

Еще определеннее и яснее высказывается орган миланских радикалов «Secolo»: «Россия находится накануне великой революции,—говорит он.—Скажем больше. Россия уже совершила свою внутреннюю революцию. Ей остается лишь менее важная часть задачи идущего к прогрессу народа: одним взрывом энергии освободиться от устарелых учреждений, не соответствующих более требованиям современной гражданской жизни». «Нет ничего удивительного, если настоящее петербургское движение будет потоплено в крови. Трагический поединок будет продолжаться в разнообразных формах, пока русский народ не завоюет всех своих прав».

Мы видели, таким образом, как постепенно изменяется отношение к петербургским событиям по мере того, как мы подвигаемся от крайне правой реакционной Европы к ее крайнему левому радикальному и социалистическому крылу. Мы видели, что уже в лагере буржуазных либералов встречается резкое осуждение петербургской бойни и сочувствие к ее жертвам. Но между этим отношением гуманного либерализма и отношением социал-демократии к тем же фактам лежит целая пропасть. В то время, как либералы протестуют против попрания чувства человечности, социал-демократы отмечают боевую, революционную сторону кровавого воскресения (и в этом они, как противоположности, отчасти сходятся с реакционерами). В то время, как либералы призывают к «честным людям», к «христианским сердцам» среди буржуазного мира, социал-демократы обращаются к рабочим массам, призывают к их классовым интересам, к их чувству пролетарской солидарности.

Но между этими двумя мирами с их своеобразными, столь характерными оценками петербургского восстания, находится группа, именуемая себя социалистической, говорящая языком социалистов, но обращающаяся с речами к буржуазному миру. Выразителями этой группы являются газеты: «L'Humanité» и «La Petite République». В статье «Смерть царизма», помещенной в № 281 «L'Humanité» (и перепечатанной в № 64 «Освобождения»), Жорес дает следующую оценку момента: «Если даже петербургскому населению не удастся на этот раз победить косную и слепую верность солдат, если ему не удастся захватить Зимний дворец и рево-

люционным путем провозгласить свободу нации, если даже царь... на несколько дней ускользнет от требований восставшего народа,—даже и тогда царизм осужден». Но, посвятив целую передовицу петербургским борцам за свободу и открыв в их пользу подписку, Жорес спешит успокоить взволнованные сердца своих главных читателей и почитателей—парижских лавочников. Он отводит целую статью в своей газете доказательству того, что с падением самодержавия не только не пропадут суженные России французские миллионы, но, напротив, будут выплачены скорее и вернее. «Россия будет тем более платежеспособной,—пишет он,—чем более она будет свободной». «Французские мелкие владельцы русских бумаг не попадут на удочку коварных происков европейской реакции; они поддержат всеми своими пожеланиями, всем своим сочувствием этих героев - борцов, которые рискуют своей жизнью, чтобы сломать ненавистное ярмо и которые ищут спасения России не в банкротстве, а в развитии ее богатых сил, умножаемых свободой». На той же точке зрения стоит и бывший орган Жореса—«La Petite Republique». И он, воздав кесарю кесарево, спешит воздать должное охотнорядцу. «Уже замечается,—пишет редактор этого органа Жиро - Ришар,— в царистской прессе Франции кампания запугивания. «Берегите ваши миллиарды»,—кричат французским мелким собственникам, подписавшимся на русские займы». И газета с самым серьезным видом доказывает, что «кредиторы царя—маленькие люди, владеющие русскими бумагами на сотню - другую франков», заинтересованы в падении самодержавия.

К другой публике—к рабочим массам обращаются ортодоксальные социалистические газеты.

«Час, наконец, пробил,—пишет орган английских социал-демократов «Justice».—После столетий неволи и нищеты русский народ поднялся, и царский трон потрясен до самых оснований». «Дни самодержавия сочтены,—говорит далее газета.—Удастся ли ему подавить петербургское восстание, или нет, движение разольется на все промышленные центры России, и тогда самодержавие погибнет». Еще более определенно высказался центральный орган итальянской социалистической партии «Avanti», посвятивший петербургским событиям ряд статей. «Революцию нельзя подготовить, нельзя вызвать искусственно в определенный срок,—справедливо пишет «Avanti» в статье «Час революции в России».—Она разражается, как гроза, она срывается, как циклон, увлекая всех; и даже те, кто думал стать ее господами, будут лишь слугами ее». Клеймя предательскую политику правительства в день кровавого воскресенья, «Avanti» продолжает: «Царь-батюшка, отец, любимый народом, предпочел поручить извергу из своей родни провозвести бойню и бежал. Тем лучше. Если бы он принял стачечников, если бы он пошел к ним навстречу, он укрепил бы еще на десятилетие цепи, приковывающие русский народ к ярму самодержавия... Он бежал, и как змея, ускользя, оставляет за собой запах яда, так и он, кровопийца, оставил за собой потоки крови. Тем лучше... Теперь всякие иллюзии рассеялись, исчезли все надежды. Народ знает, что старый мечтатель из Ясной Поляны был всегда неправ. Чтобы получить аудиенцию у самодержцев, народы должны стучать в их двери оружием». Сходную оценку событий дает и немецкая социал-демократическая печать. В

статье, озаглавленной «Это—революция!», «Leipziger Volkszeitung» отмечает, что в России уже вспыхнула революция, и носителем ее является рабочий класс «Это нам ручается за то,—продолжает газета,—что движение не будет опять подавлено в зародыше. Можно конечно, подвести под пушки или вздернуть на виселицу нескольких студентов или горсть заговорщиков. Но нельзя расстрелять рабочий класс... В победе над царизмом, к которой готовятся теперь русские рабочие, международный пролетариат видит условие своей победы над капитализмом; оценивая борьбу за свободу русского народа против преступной шайки, именуемой русским правительством, мы можем сказать: русская победа—это немецкая победа, это европейская победа, это международная победа».

«Кто не хотел до сих пор верить,—говорит другая социал-демократическая газета. «Hamburger Echo»,— что в России наступили новые времена, тот должен был убедиться в этом за последние дни. В русскую историю вмешался новый деятель. Народ—вечно поработанный и попираемый—пришел к сознанию своей нищеты и своей неволи и делает первую попытку порвать сковавшие его цепи». «Рабочие Петербурга,—прибавляет газета,—получили в воскресенье при первых шагах политической борьбы кровавое крещение. Они сумеют и из этого извлечь верные указания».

Центральный орган германской социал-демократии «Vorwärts» пишет: «Преступники, веление в воскресенье расстреливать народ, напрасно ликуют, думая, что после этого кровавого урока народу не захочется больше добиваться свободы и прав. Кровавое петербургское воскресенье—это не конец, а лишь начало той революции, которая освободит человечество от позора самодержавия».

Отзывы иностранной печати по такому важному вопросу, как начало революции в России, имеют для нас громадное значение. Они не только способствуют более правильной, более объективной оценке события, они указывают русскому пролетариату, где его враги и где друзья, где друзья истинные, где ложные. И многочисленные голоса печати, раздавшиеся по поводу кровавого воскресенья, лишний раз подтвердили русским рабочим, что та революция, которую они начали 9-го января, является прологом освобождения всей Европы от призрака реакции, является крупным шагом в сторону освобождения пролетариата всего мира от ярма капитализма, крупным шагом к действительной и конечной свободе всего человечества. Эти голоса подтвердили и то, что на этом тяжелом пути революционный пролетариат встретит искреннюю, братскую поддержку лишь со стороны своих товарищей рабочих, что те самые буржуазные силы, которые нынче негодуют по поводу пролитой невинной крови, завтра обратят жерла своих пушек против него же, лишь только он перестанет играть в их руках роль покорного орудия. Голоса буржуазной прессы дают поучительный урок, и пролетариат воспользуется этим уроком.

(В. Воровский).

Самодовольные флюгера.

В брошюре «Либеральные программы» т. Рядовой без умиления, разумеется, но и без гнева указал на почти суворинскую степень чуткости и подвижности освобожденческого флюгера. Тов. Рядовой воспользовался в своих целях весьма полезными качествами этого инструмента. Редакция «Освобождения» в посвященной брошюре краткой рецензии заявляет, что мнение о ней тов. Рядового вызывает в ней «веселое настроение» и вынуждает не в лью «улыбку». Редакция совершенно согласна признать себя флюгером, «если автор подразумевает под этим, что «Освобождение» не стояло на одном месте, а шло в ногу с, правда, далеко не прямолинейным ходом развертывающихся в России событий». Редакция вполне удовлетворена своею политической мудростью, которая заключается в том, «чтобы сообразоваться с условиями времени». Мы очень рады, что «Освобождение» довольно ролью, выпавшею на его долю. Совершенно напрасно воображают гг. освобожденцы, что мы обвиняем их за их барометрическую чуткость к изменениям погоды. Отчего же не существовать либеральным и нелегальным Сувориным?

В недрах «общества», которому служит г. Струве, создаются то те, то другие настроения и течения, и г. Струве всем должен угодить, всех согласить. Но если бы даже почтенное «общество» само не представляло из себя чего-то жидкого, шаткого, нестройного, то и тогда его услужливый секретарь не мог бы быть уверенным в своем завтрашнем дне, в своем завтрашнем лозунге. Либерализм сам вслухает при теплой весенней погоде и оседает при понижении политической температуры. Он напоминает собою детскую игрушку, известную под поэтическим названием «умирающей тещи»: подули теплые ветры—и либеральная теща начинает расти и расти и становится почти грозной фигурой, прекратились ветры—и с жалобным стоном либеральная кукла съезжается и превращается в пустой, сморщенный и эластичный мешочек. Посмотрите же, от чего только не зависит г. Струве: от любезных улыбок и надушенных бровей господ министров, от состояния нервов гг. руководителей дворянства, от робкого сердца земской трепетной ланя, от подъемов и уныний в широких кругах интеллигенции, в конечном же счете от многочисленных перипетий стихийной борьбы красного солнца революции и трескучего мороза правительственного белого террора.

Секретарь либерального общества не может быть верным себе; он—публицист отражающий, он идет в ногу «с далеко непрямолинейным ходом событий»: события вперед,—и «Освобождение» с ними, события вправо, события влево, события назад,—и г. Струве всюду в ногу, и одно ему остается утешение, что бог все приведет к лучшему.

Но напрасно воображает г. Струве, что для публициста не может быть другой позиции. К писателям прямолинейным, верным себе и твердым, рецензент «Освобождения» относится иронически. По его мнению, они, «выучив и запомнив несколько формул, твердят их и научают других поступать таким же образом»; для этого, по мнению «Освобождения», достаточно «усердия да твердой памяти», но такая позиция «неумна». В самом

деле, умно ли было бы, если бы г. Струве, «сверхклассовый» интеллигент, обладал «твердой памятью» и раз бы навсегда определил свои лозунги, предоставив вертлявому и киселеобразному «обществу» принимать какие ему угодно формы? Что было бы тогда? Либеральные оборотни должны были бы подыскать себе более по-датливого секретаря, а г. Струве так и остался бы в стороне: кто же поверит, что г. Струве и «Освобождение» могут определить собою форму либерализма,—жидкое содержание вылилось бы, а форма осталась бы пустой шелухой. В интеллигенцию, как самостоятельную силу, может верить только Старовер, который, по свидетельству Троцкого, всегда «по-марксистски умно идеализировал (?!) разночинца».

Но «Освобождение» упускает из виду, что существует класс стихийно прогрессивный, непреклонно революционный, прямым путем идущий вперед: идеологам этого класса незачем вертеться, соглашаясь с разными «направлениями»,—их класс сам могучее направление; они могут свободно идти прямой дорогой к самым ярким, самым определенным и незыблемым целям, уверенные в том, что пролетариат грозною стеною движется за ними по той же дороге, не из послушания, конечно, а в силу определенности своего классового характера.

Г. Струве совершенно не верит в возможность такой гордой свободы для писателя. В веселом настроении и с улыбкой на устах хвастает он своим флюгерским «политическим искусством».

Веселое настроение рецензента «Освобождения» сменяется, однако, брюзжащим недовольством по поводу того, что Рядовой напомнил фразу из 1-го №, в которой «народная анархия» противопоставлялась, как равная опасность, «анархии правительственной». И в самом деле, как сметь упрекать освобожденцев, издавших 62-й №, в том, что было напечатано в 1-м №? Во избежание злоупотреблений со стороны людей, обладающих «твердой памятью», мы советуем г. Струве печатать на каждом последующем номере: «содержанием сего номера уничтожается все, что напечатано в номерах предыдущих». Этот совет пригоден и для новой «Искры». Она тоже обладает необыкновенно подвижной физиономией, она тоже меняет направления, тоже вертится. Но да не подумает читатель, что новая «Искра» может быть признана поэтому хорошим флюгером, боже избави от такого заблуждения! Новая «Искра» не показывает никаких воздушных течений, она вертится самопроизвольно; со скрежетом поворачивается этот шальной флюгер то туда, то сюда: «поверну-ка я так,—от старой «Искры» в противоположную сторону»,—скрипит «Искра» и, наткнувшись на критику, прибавляет: «могу и иначе: разногласия мои со старой «Искрой» злой Ленин выдумал». Да, новая «Искра» завертелась, но если она—флюгер, то флюгер капризный и, как метеорологический инструмент, никуда не годится.

(А. Луначарский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Резолюция помощников присяжных поверенных. Соединенное собрание всех групп помощников присяжных поверенных округа московской судебной палаты в заседании 11-го января, обсудив петербургские и московские события последних дней, постановило:

1) признать, что действия петербургского правительства являются организованным массовым убийством,

2) признать, что самодержавное правительство привело всю страну в состояние полной анархии,

3) признать, что все мирные средства борьбы народа за право и жизнь уже исчерпаны, и дальнейшие попытки в этом направлении должны быть признаны совершенно бесполезными,

4) признать, что на убийство и анархию в интересах самообороны и восстановления поправного права возможен лишь один ответ: борьба с петербургским правительством всеми возможными средствами, не исключая и насилия.

Нижний-Новгород. 29 дек. на экстренном собрании общества взаимопомощи учащихся был прочитан доклад о правовом положении учителей, закончившийся требованием созыва учредительного собрания, избранного на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов.

На собрание явился делегат от сормовских рабочих. Когда он начал свою речь: «От имени сормовских рабочих приветствую учителей, вносящих свет в народную массу...», то председатель объявил, что приветствия обществу не допускаются, и закрыл собрание. Рабочий был арестован. Когда одним из очевидцев ареста было объявлено о том расхождении публике, то она с криками возмущения и негодования вернулась обратно в зал и требовала от полиции освобождения арестованного. Полиция сначала отказывалась от факта, потом призналась, что рабочий действительно арестован, но сейчас будет отпущен. Публика разошлась, взяв рабочего под свое покровительство.

Вечером в народном доме была вечеринка, на которой присутствовало до 1000 чел.

Во время 2-го отделения было предложено публике заняться беседованием на общие темы. Успели высказаться всего два оратора. От полиции было заявлено, что если будут продолжать говорить дальше, то ораторы и председатель будут арестованы. Председатель перешел в середину толпы, которая сплотилась вокруг него, встал на стул и заявил, что будет продолжать собрание. Появился уже новый оратор, но огни были потушены, и что тут поднялось, трудно описать. Крики перешли в бурю. При мелькнувшем свете лампочки видны были тучи листов. Потом огни были зажжены, появились со всех концов полицейские, пробрались к эстраде, выстроились во всю ее ширину в ряд и, выхватив шапки, бросились в толпу. Нападение было чисто-разбойническое, без всякого предупреждения. Человека 4 ранены серьезно. Часть публики была вытолкнута окозной дверью прямо на улицу неодетой. На вечеринке присутствовало до 200 чел. рабочих, которые тут же устроили на улице демонстрацию, но были разогнаны конной полицией. Последствия: двое арестованы на другой день, и правление общества привлекается к суду.

В другом письме нам пишут: «Губернатор отрицает, что было распоряжение рубить толпу, а между тем, персонал Мартыновской больницы еще днем получил приказ от полиции быть готовым ночью и заготовить перевязочный материал, так как ночью привезут много раненых. Нападением руководили Кевдин и помощник полицеймейстера Игнатьев. В больнице теперь десять тяжело раненых, многие лечатся дома. Арестован второй оратор А. М. Лежава (бывший политический сыльный в Верхоянске) и, кроме того, Лазарев, за пощечину, которую он дал Игнатьеву уже после побоища. Сормовских рабочих, бывших на вечер, полиция нагнала на улице и подвергла вторичному избиению. Полиция создает дело о демонстрации, городских спешно учат лжесвидетельству. Врач Н. И. Долгополов обвиняется в оскорблении Игнатьева на словах. В городе общее негодование против полиции».

Из Выборгской тюрьмы. Я попал сюда из дома предварительного заключения; там, быть-может, вам известно, сидят и женщины политические, большая часть—курсистки. Я был с ними по соседству, и мы так организовались и привыкли, что было трудно кого-нибудь из нас наказать, т. е. посадить в карцер, ибо посади одного, другие узнают и подымут скандал, чего администрация не любит ужасно. «Но не мытьем, так катаньем». За мной начали усиленно следить и смотреть в этот «чортов глаз»; постоянное замечание: «нельзя стучать» и т. д. Все это положительно расстроило и без того слабые нервы, я выколотил стекла и демонстративно заявил,

что начинаю голодать и не возьму пищи, пока меня не освободят. На следующий день мне объявили: «на свободу». Кое-как собрал свои пожитки и иду в кантору, думая, что там мне прочтут резолюцию и отправят. Но каково разочарование: дойдя до канторы, я был встречен конвоем, надзираемыми и двумя помощниками, всего до 35 человек, и эти на одного такая армия! Я спросил, зачем так много народу но мне не ответили и начали тащить. Я вцепился за перила это было на лестнице, и, если бы помощник не приказал оставить, думаю, порвали бы мои руки, так крепко я держался, хотя и видел, что это бесполезно, но инстинкт само сохранения так подсказывал мне. Так как на лестнице было неудобно, то они толкнули меня в ближайшую комнату, там я вооружился стулом, но увы! повернуться не было возможности—тесно, к тому же я без пищи и воды за два дня не много ослаб. Я употребил последнее средство—закричал и тут же мне завязали рот так крепко, что челюсть долго болела, и я не мог раскрыть рта или пошевелить распухшими губами. Взяли за руки и ноги и потащили. Когда я пришел в чувство, я догадался, что я в темной и зловонной яме, называемой карцером. Не помню хорошо, через сколько суток (там совершенно темно, и определить невозможно—день или ночь) распахнулась дверь, и я увидел одного из «главных» надзирателей. Он мне предложил хлеба и воды, но видя, что я отказываюсь, начал грозить кулаками и кричать: «жри!» Не подействовали и угрозы. Тогда он бросил в меня этой крохотой и ушел. Кое-как я поднялся, постучал и сдал хлеб другому надзирателю, во избежание распространения крыс. Прошло еще несколько суток, мучительных суток! Знаете, обыкновенно в карцерах холодно, в это же время топили непрерывно, чтобы усилить мою жажду, но я был тверд, хотя ослаб совсем. Тогда меня вынесли, уже не завязывая рот, ибо кричать сил не было; доктор осмотрел, предложил вина, молока и чистую камеру. От первого и второго я отказался, тогда меня положили в карету, и я очутился в здешнем приемном покое, потом в бараке, через ночь перевели во 2-й корпус, оттуда через час в 1-й. № камеры третий. Тут ко мне беспрерывно входили помощники, начальники, доктора и уговаривали принять молоко, «хоть глоток»; через некоторое время принесли бумаги и объявили, что дело уже у министра юстиции, и что освобождение сейчас невозможно, он, мол, и так не замедлит и скоро предьявит царю, и тогда, т. е. не более как через месяц, все кончится. Я был непоколебим. Тогда, после совещания в коридоре, в камеру ко мне привели молодых до десяти, заперли окно, взяли за голову, руки и ноги, так держали, а фельдшера и доктор взяли гуттаперчевую трубочку со стеклянными воронками, предварительно смазав ее вазелином, провели через нос в желудок и начали вливать туда молоко. Я не мог больше бороться с этой грубой и пошлой силой, хотя я видел, что в моральном отношении страдаю, и я начал сам принимать пищу. (Письмо рабочего).

Из московской тюрьмы. В дополнение к корреспонденции, помещенной в № 3 «Вперед», нам пишут:

«На четвертый день голодовки был выпущен Охрамовский, на шестой—Крумбугель (под обеспечение в 20.000 руб.), Ривкин (залог 2.500), Котельников и Черномордик (по 1.000 р. каждый). Следовательно остались 4 человека, требования которых были не удовлетворены. К ним примкнули еще 8 человек, а затем и остальные, здоровые, так что голодало всего 18 человек. Сидящие все время получали сведения о всевозможных хлопотах о них, о том, что собираются деньги для предложения за них залога и т. д.; и т. д., но время шло. Наконец, к концу 11-го дня голодовки поздно вечером была получена бумага от прокурора судебной палаты, что разбирательство дела четырех товарищей состоит в январе. Таким образом, все требования были удовлетворены, и жизнь в Таганке началась прежняя. В данное время еще выпустили Езерскую, да выпускают под залог Гурвича, так что из начавших голодовку в Таганке осталось всего два человека».

Содержание обвинительного акта о мещ. Гр. Фед. Бондареве, Бенционе Изр. Борухове Борце, Вельвеле Меерове Могилянником, кр. Ник. Ив. Шебатинце, мещ. Дионисии Михайлове Бабенко, Димитрии Никитине Ганченко, Самуиле Нутове Гительмане, Аф. Гр. Найденове, Моисее Давыдове Альтшулере, кр. Андрее Савельеве Письменном, мещан. Карпе Ив. Кичитжиеве, Ив. Игн. Иконове, Ак. Троф. Левченко, Янке

Вольфове Тригере, Ив. Ив. Лапузе, Вульфе Иос. Дранкове, Теминдаре Халил-оглу, мещ. Герше Мойшеве Гройсе, турецкоподан. Герасиме Дмитриеве Безерькианиде и мещ. Илье Бор. Иоанасе (он же Юнис) и Павле Леон. Трофимове (он же Блюкард). 7 авг. 1903 г. в Керчи портовые рабочие агентства Русского Общ., недовольные своим экономическим положением, прекратили работу, предъявив агенту Избашу требование об увеличении заработной платы и о сокращении рабочего дня. Артель забастовавших рабочих была заменена командою солдат, которые проработали 2½ дня, после чего забастовщики, выговорив себе небольшое увеличение заработной платы, вновь приступили к работам. 11-го авг. на чугулитейном заводе Бухштаба все рабочие, в числе 100 человек, предъявили требование об улучшении своего материального положения; требование это хозяином завода удовлетворено не было, после чего рабочие прекратили работу и двинулись к чугул.-лит. заводу Золотарева, где убедили рабочих присоединиться к стачке и вместе с ними направились к начальнику Керченского Торгового Порта Будилловскому, которому и изложили свои ходатайства. Часть забастовавших рабочих двинулась толпою в город, снимая по пути не только поденных рабочих, но и ремесленных подмастерьев и учеников. Утром 12-го авг. большая толпа фабрично-заводских и портовых рабочих собралась на горе Митридат, а оттуда спустилась к агентству Р.О.П. и Т., где отчасти путем насилия, а отчасти путем убеждения заставила портовых рабочих принять участие в забастовке. От агентства толпа в несколько сот человек с криком и свистом направилась на Воронцовскую улицу к таб. фабр. Месаксуди, требуя прекращения работ. Ворота фабрики были заперты, а рабочие отпущены еще до прихода забастовщиков, но толпа, не доверяя заявлениям, что рабочих на фабрике нет, стала силою напирать на ворота, пока последние не поддались. Убедившись, что работы на фабрике прекращены, толпа, тем не менее, не разошлась, а продолжала шуметь и буйствовать, при чем все требования и увещания полиции встречались свистом и угрозами. По распоряжению градоначальника, к фабр. Месаксуди был вызван пожарный обоз, и струя воды была направлена на буйствующую толпу, которая тотчас же набросилась на обоз, избива пожарных и перерезала пожарный шланг. От фабр. Месаксуди забастовщики, в числе более 1.000 человек, двинулись отдельными группами по направлению к вокзалу, но на Николаевской улице толпе преградила дорогу карантинная полурота, расположенная для этой цели поперек улицы. Рабочие предъявили командиру отряда кап. Романову требование пропустить их и, получив отказ, стали напирать на полуроту; раздались крики и угрозы, и на солдат посыпались камни; правый фланг отряда забастовщикам удалось прорвать, после чего кап. Романов принужден был сомкнуть ряды и отступить под напором толпы во двор почтово-телегр. конторы. На вокзале толпа выпустила пар из маневрировавшего паровоза и воду из водокачек, а затем, убедившись, что в депо работы уже окончились, вернулась в город, где была встречена 4-мя ротами. При отсутствии вооруженной силы не остановило буйства толпы, которая, издеваясь над солдатами и угрожая им, продолжала буйствовать, пока, наконец, по требованию администрации, начальник отряда подп. Тумило Денисович не повел одной роты в штыки; толпа отступила, а затем, в виду наступившей темноты и сильного дождя, разошлась по домам. С утра 13-го авг. все заводы и фабрики Керчи стояли, и только в агентстве Рус. Общ. продолжались работы. Часов около 10 утра с горы Митридат стала спускаться большая толпа народа, доходившая до 2.000 человек. Ворота во двор агентства охранялись одним взводом под командою шт.-капитана Кондараки. Толпа с криком, шумом и бранью подступила к агентству и потребовала пропуска на пристань, чтобы насильственно заставить рабочих агентства присоединиться к забастовке. Встретив отпор, толпа стала насаждать на солдат; камни градом полетели в их ряды и причинили повреждения и контузии 9 нижним чинам и шт.-кап. Кондараки; под напором толпы строй солдат разомкнулся, и несколько рабочих прорвались во двор агентства, после чего нижние чины открыли, по команде, огонь; дано было около 30 выстрелов, при чем солдаты, по приказанию шт.-кап. Кондараки, стреляли в воздух, но, несмотря на это, около мельницы Oberшмуклера, в 500 шагах от ворот агентства, был ранен пулею в шею мещ. Иосиф Кригер, а другая пуля рикошетом убила наповал казака Гавр. Сенькова.

После залпа толпа отхлынула от ворот агентства и, окружив труп Сенькова, намеревалась в виде манифестации пронести его по городу. Прибывшая на место беспорядков одна рота силою отняла у расвирепевшей толпы носилки с трупом Сенькова, при чем рабочие, оказывая войскам сопротивление, вырывали из рук солдат ружья и бросали в них камнями. Будучи оттеснены от агентства, забастовщики отдельными группами направились к управлению 2 полиц. уч., подстрекая друг-друга разнести участки и освободить из кордегардии арестованных. Управление участка охранялось патрулем из 4-х нижних чинов Керч. креп. батальона и несколькими полицейскими служащими. Толпа с криком и угрозами подступила к участку и, получив отказ в освобождении арестованных, приступила к формальной осаде и штурму. Часть рабочих бросала большие камни, весом в несколько фунтов, в окна верхнего и нижнего этажа; другие напирала на запертые ворота, пытаясь ворваться во двор, и третьи, наконец, пробравшись на соседний двор, стали перелезать через забор и бросать в солдат камнями. Нижние чины стойко выдерживали нападение, не прибегая к огнестрельному оружию, но когда один из них был ранен в руку, а накладка его винтовки оказалась разбитою ударом камня, солдаты открыли огонь по толпе, которая после этого сейчас же отступила. Произведенными выстрелами трое рабочих: Иван Самков, Юда Мруз и Иван Маторин, оказались тяжело ранеными и были отнесены в городскую больницу, где первые двое вскоре скончались. Отступив от участка, толпа продолжала буйствовать, а когда от мельницы Сокольского подошла полурота под командою шт.-кап. Заярного, рабочие с бранью и угрозами набросились на солдат, окружили отряд со всех сторон и требовали смерти офицера. В солдат летели камни, и чтобы выдержать натиск толпы, отряду несколько раз приходилось брать ружья «на руку». Вскоре к месту беспорядков подошли вспомогательные войска, и толпу удалось рассеять. На следующий день беспорядки более не повторялись, и большинство рабочих, изложив фабричному инспектору свои требования и ходатайства, вновь приступило к работам. На возникшем по этому поводу предв. следствии лишь относительно немногих добыты данные, послужившие основанием для привлечения их в качестве обвиняемых. Далее, по отношению к каждому обвиняемому отдельно, говорится об их участии в волнении, руководстве толпой, подстрекательстве,—все это на основании показаний полиции и войска. Между прочим, обвиняются: 1) Бондарев в том, что после убийства Сенькова один из первых напирал на солдат, стараясь вырвать у них ружья, убеждал солдат не стрелять, а лучше «заколоть офицеришку». 2) Борц врывался в строй солдат и хватал ружья за штыки. 3) Могильницкий убеждал солдат примкнуть к забастовщикам, а толпу—не бояться солдат. Обругал нач. Жанд. Упр. и пустил камнем в градоначальника. 4) Шебатинцев бросался на солдат, двух из них свалил с ног, у одного вырвал ружье, тащил офицера за ногу с лошади. 5) Панченко врывал у городского револьвер и бросал в солдат камнями. 6) Найденов тащил с лошади городского Алейникова, поранил последнему колено; возбуждал толпу возгласами: «бейте их! куда бежите! не расходите! солдат немного!». 7) Альтшулер пытался сорвать шапку с городского, убеждал солдат не стрелять. 8) Письменный угрожал пом. пристава, говоря: «сегодня не одному такому, как я, пристав, будут распорты животы». 9) Китиджиев вырывал носилки с трупом Сенькова из рук градоначальника и хватал солдатские ружья за штыки. 10) Тригер подстрекал толпу к нападению на солдат, обнажая свою грудь и приглашая солдат стрелять. Из всех обвиняемых только один Письменный признал себя виновным и объяснил, что возбуждал рабочих, желая добиться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Из числа обвиняемых Левченко был во время волнений легко ранен пулею в ухо.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Приводим дополнительные сведения к истории 9-го января из письма товарища:

6-го янв. на собрании за Невской заставой было решено 7-го всем итти, как обыкновенно, на заводы, но к работе не приступать, а только известить всех собравшихся рабочих

о начале стачки и разойтись по домам. К этому решению присоединились также и заводы Обуховский и Семяниковский, не работавшие уже 5-го. Некоторые другие (Паль, Торнтон), где рабочие менее сознательны, и где работает много женщин, колебались, и более сознательные рабочие этих заводов обратились к товарищам с просьбой притти «прогнать» их. На собрании было, таким образом, решено, что обуховские и семяниковские рабочие, после объявления забастовки у себя направятся к другим, еще работающим заводам и остановят их. Но к этому прибегать не пришлось. Еще не прозвучал первый гудок на Семяниковском, как стали возвращаться палевские работницы (у них смена в 4 часа утра) и рассказали, что у них стачка уже объявлена. В 6½ часов на Шлиссельбургском тракте царило то оживление, какое всегда можно там наблюдать в это время, но чувствовалось уже и нечто необычное: поспешно догоняя и перегоняя друг-друга, рабочие перебрасывались несколькими бодрими, иногда насмешливыми словами, в которых звучал и гордый вызов судьбе, и сознание своей силы, и, может-быть, иногда раздумье пред темным будущим с его голодом, холодом, лишениями. Жены и матери с корзинками в руках спешили здесь же, в толпе, направляясь к открытым еще заводским лавкам, чтобы по возможности запастись припасами в кредит. На их лицах сильнее печать раздумья, и бодрые возгласы слышатся не так часто. Но есть и смелые, веселые лица.

Намеченный план выполнен с необыкновенным единодушием и выдержкой: стачка объявлена, электрическое освещение погашено, и все расходится. В это же время на некоторых заводах были разбросаны листки Петерб. Ком. с изложением требований и призывом к борьбе. Забастовка всеобщая. За Невской заставой не осталось ни одного завода, ни одной хотя бы мелкой мастерской, где бы продолжалась работа. То же было и в других частях города.

Весь день 7-го и 8-го во всех отделах «Русского Общества» идут непрерывные собрания. Читается резолюция, составленная Гапоном, собираются подписи, и рабочие приглашаются собраться 9-го утром, чтобы отправиться к Зимнему дворцу. Можно проследить большую спутанность понятий. С одной стороны, почти у всех ясное понимание современного политического положения, разъясняется с кафедры ораторами, рабочими же, сущность народного представительства, выясняются требования свободы печати, слова, неприкосновенности личности и т. д., раздается призыв к освобождению заключенных и в то же время: «царь-батюшка нам все это даст», иногда, впрочем, с заключением: «а, если не даст, то, значит, надо рассчитывать только на свою силу». Здесь все перемешалось: и гапоновщина и здоровые зерна соц.-демократического мировоззрения, зароненные в течение последнего десятилетия на эту благодарную почву. На собраниях постоянно выступают и соц.-демократы. Их слушают охотно (по крайней мере, за Невской заставой; в других отделах они встречали иногда сильный отпор со стороны гапоновцев, были даже случаи избиваний). Иногда поддерживают и возглас «долой самодержавие!». Но идея идти ко дворцу с петицией настолько овладела всеми умами, что бороться с ней невозможно. Сами ораторы чувствуют двойственность своего положения и все чаще прибегают к заключению: нас не смеют не удовлетворить, потому что мы ищем правды. Ну, а если не удовлетворит... и т. д.

Возбуждение страшное. Оратор-рабочий чуть ли не в 10-й раз читает петицию перед все сменяющимися рядами слушателей (зал собраний вмещает до 700 человек, и весь он битком набит) и обращается все с теми же вопросами: «Смеют ли полиция и солдаты не пустить нас, товарищи?» — «Не смеют!» — гремит в ответ ему гул 700 голосов. — «Товарищи!» — продолжает оратор, — лучше умереть нам за наши требования, чем жить так, как жили до сих пор!» — «Умрем!» — несетя ответ. — «Все ли клянетесь умереть?» — «Клянемся!» — «Кто клянется, пусть подымет руку». Сотни рук дружно подымаются в воздух. — «Товарищи! а что тем, кто клянется умереть сегодня, а завтра струсит и не пойдет с нами?» — «Проклятье!» — гремит толпа.

Заседание внезапно прерывается. Глухой ропот подымается в зале, в воздухе мелькают какие-то листки. Это один из рабочих принес прокламации соц.-демократов, и к нему тянутся сотни рук, всякий хочет прочесть, и та же толпа, которая за 5 минут перед этим сочувственно выслушала при-

зыв к батюшке-царю, теперь жадно читает листки, заканчивающиеся возгласом: «долой самодержавие!» Потом заседание снова возобновляется. Оратор дает практические советы: «Одевайтесь потеплее, берите с собой хлеба, водки в этот день не пить никому, стыдно тому, кто напьется. Итти в полном порядке, спокойно, но пусть каждый запасется оружием: если против нас выведут войска, мы силой протожим себе дорогу». Объявляется перерыв, толпа уходит, но через 10 минут места уже заняты новыми слушателями, и опять начинается чтение петиции. И так весь день до поздней ночи, часов до 2-х.

На другой день, 9-го, я пришел к собранию около половины десятого утра. Несметная толпа рабочих и работниц наполняла двор собрания и соседний переулок. Оратор говорил речь с крыльца, я слышал только последние слова: «А если наши требования не будут удовлетворены, то, значит, все они мерзавцы и прохвосты!».

Шествие двинулось, растянувшись по всему Шлиссельбургскому тракту. 10-тысячная толпа шла в полном порядке, с смелыми, оживленными лицами, со светлой верой в скорое наступление лучшего будущего. Шли так минут 20. Потом передние ряды вдруг остановились, задние стали напирать, потом тоже остановились. Я пробрался вперед и увидел казаков, заграждавших тракт, а за ними отряд пехоты. Несколько минут мы стояли так друг против друга: безоружная 10-тысячная толпа и маленький вооруженный отряд. Один рабочий пошел парламентом. Из переговоров, конечно, ничего не вышло. Опять стоим. Передние ряды начинают двигаться вперед, казаки надвигаются и пускают в ход шашки. Приходится опять отступать. Прошло еще несколько минут нерешительности. Вдруг раздался звук сигнального рожка, и послышался сухой треск. Несколько секунд мы еще не понимали, что происходит, потом раздалось отдельные испуганные возгласы: «Братцы, стреляют!» Кое-кто бросился бежать, но многие остались на местах. Впрочем, скоро мы убедились, что наша тревога была напрасна; никто не упал. Это подняло дух. «Они холостыми стреляют, они не смеют нас убивать; вперед, товарищи!» — кричали более смелые. (Впоследствии мне говорили, что залп был не холостой, но солдаты стреляли в воздух). Но собрать толпу и привести ее в прежний стройный порядок уже не удалось. Менее решительные отступили на несколько сотен шагов и, несмотря на убеждения и упреки товарищей, не решились приблизиться.

Тогда пришлось избрать другую тактику: рабочие на глазах у казаков и солдат перелезали через забор и спустились на Неве. Отдельными небольшими группками потянулись они по сверкающей пелене белого снега, пробираясь через Неву на Охту. Последние ряды, уходя, смеялись над казаками.

С Охты также небольшими группами разными путями стали стягиваться к Невскому. Некоторые не дошли, встретив на дороге вооруженные отряды или попав под солдатские пули, но большинство дошло.

Рига. 18 (31) января. Опять произошло кровавое столкновение народа с войсками. Сегодня хоронили трех товарищей, убитых во время бойни на берегу Двины. Провожать собралось около 10.000 человек; шли спокойно, ни полиция, ни войска не мешали. Когда толпа возвращалась с похорон, на одном из перекрестков какой-то городской начал требовать, чтобы расходились, сопровождая свое требование грубостями и толчками. Толпа возмутилась и заставила городского утихомириться. Тогда тот дал свисток, и тотчас же со всех сторон налетели казаки (недавно вызванные сюда) и бросились во весь карьер на толпу.

Началось зверское избивание нагайками и обнаженными шашками. Не довольствуясь этим, казаки дали залп, и семь человек было убито наповал.

Толпа начала защищаться чем попало, раздалась выстрелы, которыми были убиты 2 казака и один ранен. После этого избивания было доставлено в больницу до шестидесяти человек раненых. Эта новая бойня еще более раздражила против правительства рижское население.

Мало-по-малу разоблачаются подробности массового убийства 13-го января. Как оказывается, оно было подстроено по приказу из Петербурга и входило в общий план великого князя Владимира. Врачами установлено, что многие были ранены в спины, т.-е. в то время, когда они расходились;

далее оказывается, что для бойни были употреблены пули старого образца, производящие страшное разрушительное действие. Этим объясняется, что почти все раненые ранены тяжело, многие даже смертельно. Несмотря на это, солдаты унтер-офицерского батальона, а также полиция, долгое время не давали убирать раненых: они лежали в снегу, истекая кровью. Доктора констатируют, что многие из раненых умирают от сильной потери крови. Из Двини до сих пор извлечено девяносто трупов потонувших во время первого избиения, когда лед проломился под толпой.

Правительство, следуя своему обычному приему, постаралось, конечно, в официальном сообщении уменьшить втрое число убитых и раненых, а также бросить гнусную клевету на демонстрантов. Так, в этом сообщении говорится, что директор банка Немчинов был кем-то зарезан. Между тем, врачи, свидетельствовавшие его труп, утверждают, что он получил пулевую рану из солдатского ружья и несколько штыковых ударов; точно так же достоверно известно, что пристав Билев застрелен солдатами.

Стачка продолжается. Сегодня ходило только несколько конок, и теми управляли не кондуктора, а контролеры. Нескольких контролеров избили. Возбуждение среди рабочих увеличивается тем, что на некоторых заводах начинают появляться штрейкбрехеры. Рабочие организовали сторожевые посты и патрули, чтобы не допускать возобновления работ. 16-го января было заседание редакторов всех местных газет. На собрании присутствовал губернатор, предложивший возобновить выпуск газет с понедельника (17-го). Редакторы заявили, что они согласны, если губернатор поручится им за целостность типографий, т.е. если будет охранять их военной силой. Губернатор должен был признать, что это невозможно, так как все войска распределены по улицам, заводам, фабрикам и пр.

Высшее начальство в Риге вполне основательно не доверяет местному гарнизону. Для бойни 13-го января оно пользовалось унтер-офицерским батальоном, а после этого выписало казаков и драгун. Дело в том, что среди местных войск ведется довольно успешно социалистическая пропаганда. Всего несколько дней тому назад начальство имело случай убедиться в ненадежности войска. 11-го января из Риги отправляли на Дальний Восток запасных, призванных из белорусских и литовских губерний. Когда их вели на товарную станцию, они устроили беспорядки, били окна в казенных учреждениях, прогнали офицеров, кричали «долгой самодержавие!» и заявляли, что незачем ехать умирать в Манчжурию, когда можно умереть и в Риге. Для успокоения солдат был вызван какой-то старик-генерал, очень популярный среди них. Пока он им заговаривал зубы, подошел вытребованный на ссисх унтер-офицерский батальон, который немедленно окружил запасных и приготовился к штыковому бою. Видя, что их обошли, запасные вынуждены были покориться; несколько человек, отмеченных фельд-фебелями, были арестованы.

К позорному столбу. Из трех офицеров, велющих стрелять в безоружную толпу 13-го января, мы узнали фамилии двоих: это—Гусев и Васильченко.

Кроме того, к позору врачебного сословия, ряд докторов отказался делать перевязки раненым. Один из них—хирург Аузинг. Когда нам удалось узнать фамилии других лакействующих перед полицией господ, мы немедленно опубликуем их под этой рубрикой: к позорному столбу.

Ревель. Во вторник 11-го января слышались разговоры о забастовке рабочих заводов Майера и Круль; говорили, что 500 рабочих ходили к фабричному инспектору с красным знаменем. В среду, утром, рабочие вагостроительного завода «Двигатель» объявили стачку, решившись заставить и всех рабочих других заводов примкнуть к ней. Они сошли с горы (на которой за городом находится зав. «Двигатель») и длинным шествием направились по улицам, увлекая с собою все новые и новые массы рабочих из других фабрик и мастерских. Во всех фабриках стачечники заставили рабочих бросить работу, потушили огонь и выпустили пар. В 10 часов утра толпа состояла уже из 10.000 чел. Она обошла прежде всего большие заводы, затем заставила оставить работу все мастерские и типографии в центре города. В некоторых фабриках пытались возобновить работу, но каждая такая попытка приводила к тому же: опять являлись стачечники, тушили огонь и выпускали пар. Пиловаренный завод

Пфафа и мебельную фабрику Лютера рабочие оставляли таким образом три раза, при чем на последней фабрике во второй раз порядком поколотили владельца фабрики Лютера и его сына. Городская газовая фабрика также стала, и город в первую ночь стачки был без освещения. На второй день стачки, когда управляющий газовой фабрикой объяснил рабочим, что остановка работы портит газовые трубы и резервуары, и что вследствие этого город может остаться совсем без газа, рабочие позволили возобновить работу. На второй день стачки произошла первая стычка с войсками. Рабочие возвращались из гавани, куда ходили выпускать пар в элеваторе, и на узком длинном мосту встретились с отрядом солдат. Солдаты бросились на рабочих в штыки. Два рабочих упали с моста в воду и утонули, третьему прокололи штыком спину. В больнице находятся несколько раненых. В то же самое время толпа конных солдат рыскала по улице, избивая нагайками всех шедших толпою.

В субботу, когда рабочие возвращались с химического завода Майера, куда ходили тушить печи, они были встречены выстрелами, при чем убит один, ранено четырнадцать. Стреляли без всякого предупреждения. Теперь офицер оправдывается, будто бы солдаты неверно поняли его приказание. Во все дни стачки происходили собрания рабочих. На второй день стачки рабочие выбрали делегатов для переговоров с фабрикантами и губернатором. Последние надавали рабочим массу всевозможных неопределенных обещаний, но наотрез отказались удовлетворить требование 8-часового рабочего дня и минимальной платы.

Рабочие не приняли предложений фабрикантов и на субботнем собрании решили продолжать стачку. Много рабочих против требований политического характера, хотя таковые и были выставлены (такие же, как в Петербурге и многих других городах).

Во время стачки социал-демократическая группа выпускала к рабочим прокламации.

Либава. 17-го янв. В Либаве всеобщая стачка была провозглашена 13-го января. Началась стачка так. Шесть человек из организации, хорошо вооруженных, силой ворвались в центральную телефонную станцию; один из товарищей с ружьем стал у входа, остальные немедленно разбили аппараты, перерезали проволоки и вообще привели станцию в полную негодность. После этого они благополучно отступили и скрылись. Вслед за этим с одного из заводов двинулись рабочие и прекратили работы на всех других заводах, провозгласив всеобщую стачку для поддержания товарищей, оставших в других городах. Огромная толпа демонстрантов, которая достигла 30.000 человек, с красным знаменем, с пением революционных песен расхаживала по городу. В одном месте на знаменосца бросился с несколькими городскими всеми ненавидимый жандармский унтер-офицер Рущевич, правая рука местного начальника жандармского управления Мезенцева. Этот унтер-офицер был немедленно убит, а городские прогнаны. Рабочие были настроены крайне революционно, и войска не осмеливались преследовать демонстрантов. Впрочем, очень, вероятно, этому воспрепятствовала неуверенность начальства в своем войске. Именно в это время на военных судах стоящей здесь дополнительной части 3-ей тихоокеанской эскадры вспыхнул бунт матросов. Вмешательство офицеров не только не успокоило их, но, наоборот, еще более разозлило. Офицеров хватали и кидали в море. Только через некоторое время различными мерами военному начальству удалось успокоить матросов. Часть из них арестована. 20 человек увезены в Ригу под сильным конвоем.

В Либаве стачка продолжается и по сегодня.

(В. Бонч-Бруевич.)

Могилев. губ. У нас обыватели, и в особенности, товарищи рабочие, в таком же приподнятом настроении, как и по всей России. Злоба и ненависть к правительству проникли даже к самым отсталым рабочим. Во вторник 12-го января мы объявили однодневную забастовку в знак сочувствия петербургским товарищам. Бастовали почти все рабочие нашего города и предместий, также фармацевты всех могилевских аптек. Один из аптекарей, Ромашкевич, в наказание за эту забастовку уволил почти всех служащих в аптеке. Некоторые из хозяев уволили и рабочих. Мы сильно возмущены этим, а в особенности известиями об избиении товарищей во

многих городах России, и на днях, надо полагать, организации объявят забастовку всех рабочих города, к которым примкнут фармацевты и служащие в торговых предприятиях. Полиция, конечно, сильно встревожена и готовится к бою. По улицам расхаживают военные патрули, и вся полиция днем и ночью на ногах. Солдаты размещены во дворах некоторых казенных зданий, и им розданы боевые патроны. Опытный в избивении мирных жителей губернатор Клингенберг (см. гомельский и могилевский погромы) вывесил объявление, угрожающее штрафами, арестами, а в случае беспорядков и вооруженной силой.

Варшава. 16-го января. Целую неделю ходили упорные слухи о предстоящей всеобщей забастовке, при чем в первую голову называли булочников. И действительно, слухи начали подтверждаться. 14-го, в 12 ч. дня, уже нигде не было хлеба, и можно было наблюдать, как брали приступом маленькие лавченки в надежде раздобыть хоть черствый хлеб. Однако, пока на улицах было все спокойно. К вечеру начали появляться толпы рабочих, которые держались очень корректно. Улицы оживились. Толпа текла непрерывным потоком, увлекая всех и заражая бодрым, радостным настроением. Лица у всех были оживленные, довольные, какая-то особенная общительность охватила всех. Хотелось говорить, высказать все, что на душе, но не хватало слов.

Но вот пришли вести, что забастовка охватила почти все отрасли труда. Тех, кто не хотел добровольно примкнуть к стачке, заставляли это сделать. Толпа окружила трамвай, разбила вагон и заставила прекратить движение. То же было и с извозчиками. Седоков ссаживали, у извозчиков отбирали номера и заставляли их ехать домой. Немногочисленные полицейские, стоявшие на своих постах, делали вид, что ничего не видят и не слышат. Все правительственные учреждения, государственный банк, почта, центральная телефонная станция, телеграф, между прочим, и редакция «Варшавского Дневника», охранялись войсками. Ночь в центре города прошла сравнительно спокойно (на окраинах в это время уже лилась кровь). Утром 15-го как будто все вошло в свою колею; но это было лишь кажущееся затишье. Часам к 12-ти движение на улицах усилилось, толпа считалась тысячами, и по ее требованию изчлзи поспешно закрываться все магазины и склады. Часа в 4 на ул. Лешно была разбита и подожжена казенная винная лавка. Под вечер начали бить окна в магазинах более центральных улиц, как Маршалковская и Королевская. Затем были разбиты телефонные будки, газовые фонари на улицах и, как говорят, в некоторых местах порван телеграф. Вечером разбили вторую винную лавку, при чем вино выбрасывалось на улицу, разбивалось и, когда его набралось достаточно, было подожжено. Пожарные рыскали с одного конца города в другой. Нельзя не отметить корректность и выдержку толпы. Видно было, что забастовка хорошо обдумана и еще лучше организована. Передают единственный, исключительный случай, когда один рабочий взял из разгромленной казенки бутылку водки. Сейчас же к нему подошел какой-то прилично одетый господин, сделал ему внушение и спросил, разве он пришел водку пить; рабочий тотчас же беспрекословно бросил бутылку. С наступлением ночи толпа, впереди которой шла группа мальчишек, разгромила несколько магазинов, в том числе оружейный магазин, что послужило для вооружения толпы. Войско и полиция все время отсутствовали, хотя несомненно, масса переодетых полицейских сновала в толпе. Часа в 3 ночи начали показываться войска и непрременный спутник их—каретки скорой помощи и тележки, отвозящие убитых. Страшную ночь пережили варшавские буржуа: едва ли кто из них спал в эту ночь. Окна, выходящие на улицу, не были освещены из боязни привлечь толпу. Между прочим, этот страх был напрасен, так как неизвестно ни одного случая, чтобы толпа врвалась в дома.

В воскресенье утром город уже был наводнен прибывшими из окрестностей войсками; это, однако, нисколько не повлияло на уменьшение толпы, напротив, к полудню движение еще больше усилилось. Охрана района Маршалковской улицы была сосредоточена на Венском вокзале. Полковник, заведующий охраной, заседал там и с видом главнокомандующего принимал рапорты ежeminутно прибывающих вестовых. Особа этого полковника охранялась целым сонмом вооруженных солдат. Часам к 4-м уже было несколько стычек с войсками, стоивших ряда жертв с обеих сторон. Я ви-

дел избитого, окровавленного офицера, идущего впереди своего отряда. Толпа воздвигала баррикады, которые, однако, быстро разрушались войсками.

ИЗ ПАРТИИ.

Адрес петербургским рабочим. Под этим названием Екатеринбургский Комитет Рос. Соц.-Демократ. Р. П. выпустил листок, содержащий привет «рабочих-социал демократов Днепровского завода» петербургским пролетариям. Приводим главнейшие места этого адреса:

«После долголетнего молчания вы снова громко выступили на путь освободительного движения российского пролетариата.

Застигнутые врасплох, оглушенные непривычным движением в либеральном мире, мы, рабочие, не должны вдаваться в обманчивые иллюзии, мы должны помнить, что вся эта оглушительная фразеология рассеется, как дым, при первом благоприятном дуновении ветра. Мы должны помнить, что все эти красивые речи кроют за собою самое бедное содержание и суть речи либеральных буржуа, стесненных самодержавным игом. Дайте им ту свободу, которая нужна им, и посыплются в таком же изобилии такие же громоносные статьи, речи, протесты, резолюции, петиции и т. д. против «проклятых» «ненасытных» рабочих, которые «ничем не удовлетворяются», которые требуют «все больше и больше свободы», то-есть, по-нашему,—свободы, которая нам необходима. Не о рабочем классе заботятся все эти либеральные земцы, требующие «привлечения местных людей для обсуждения государственных нужд», а только о себе. Мы, рабочие, освободимся не через мирное соглашение с нашими политическими противниками, а только путем народной революции... В последнее время снова начинает замечаться поворот к нашему родному социал-демократическому рабочему движению. Уже газеты начинают приносить известия о рабочих беспорядках в различных местностях России, уже видны первые аванпосты великой рабочей армии, уже чутся приближение народного отмирания за бедствия России, уже слышится отдавленный гром всероссийской революции. И этим передовым отрядом великого движения являетесь вы—рабочие петербургских заводов. Вы встали уже на защиту попранных прав российского пролетариата, ваш голос уже снова громко и могуче раздается по всей России... Мы приветствуем вас, петербургские рабочие, и присоединяем наш голос к вашему могучему возгласу: «Да здравствует народная революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Российская Социал-демократическая Рабочая Партия!». Мы призываем вас: стойте дружно за наше родное рабочее дело, не поддавайтесь сладким песням либеральных сирен, будьте уверены, что вся рабочая Россия поддержит вас в нашей общей великой борьбе!»

Редакцией «Вперед» получены следующие листки, изданные местными комитетами: Екатеринбургским—Адрес рабочих Днепровского завода к петерб. рабочим (гект.); Екатеринбургской организацией—К гражданам (гект.); Житомирской организацией партии совместно с местным комитетом Бунда—К запасным (печ.); Кавказским союзом—Заявление союзного к-та и члена ЦК, Бакинским к-том—Новая политика либерального хвоста. Необходимое разъяснение, ко всем рабочим белгородского района, Бюллетень № 1 Балаханского района, К рабочим механических заводов (2.000, все печ.); Кировской (Новгородской губ.) группой—К крестьянам, К интеллигенции (оба гект.); Московским к-том—Обращение к членам партии (резолюция 19-ти, печ.); Нижегородским—К нижегородским гражданам (печ.); Одесским—К запасным (10.000), Последняя карта царизма и задачи общества, «Петербургской пролетариат пережил...», К солдатам, Ко всем рабочим и работницам г. Одессы (все печ.); Петербургским—Кризис самодержавия, О съезде земцев, Падение Порт-Артура, «Вы шли к царю...», Новая мобилизация (все печ.); К солдатам, Ко всем, 1-й листок о революц. днях в Спб. (все mimeogr.); Ко всем петербургским рабочим, «Граждане! Отечество в опасности...», Подлая комедия во дворце (все гект.); Римским—Нужна ли рабочим политическая свобода? (4.000), К

студентам, Воззвание Гапона (2.000, все печ.); Сибирским союзом—К солдатам; Томским к-том—№ 62 Тайная телеграмма Стесселя, № 63, К революционному студенчеству, № 64, К рабочим (о предателях народной свободы), № 65, К революционному студенчеству (разъединение и объединение), № 66, Наконец-то, № 67, Порт-Артур к русскому народу²⁾ (все печ.); Северным к-том—К солдатам и запасным (печ.); Северо-западным—Песни революции (печ.); Тверским—К новобранцам (печ.); Центральным к-том—Ко всем рабочим и работницам (печ.).

Кроме того, нам доставлены след. листки: Ко всем рабочим (печ.) изд. группой балаханских и бибиэй-батских рабочих (Баку); Требование рабочих русско-балтийского вагоностроительного завода (гект.) изд. рабочими Балтийского завода (Рига); К борьбе (гект.) изд. петербургской группой при ЦК; Помогайте стачечникам! (гект.), подписи. лист, изд. стачечным к-том соц.-демократических организаций в Риге; Наши требования, Продолжайте генеральную стачку (оба гект.), изд. рижским соц.-дем. федеративным к-том, К солдатам (печ.), изд. военно-социалист. организацией при федерат. рижском к-те.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

16-го (29) января в Тифлисе арестованы: Н. Каландарашвили (интеллигентка), Махарадзе, Елиава (интеллигенты), Гедванов (врач), М. Вочорадзе (бухгалтер), Хелая и Н. Сулханов—рабочие.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Дяде Тому. Письма №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11 получены. Розе. От вас нет никаких вестей, напишите о себе. Эмме. Дайте лучший адрес для писем к вам, а то письма

попадают не по назначению. Ване. Адрес напутан, повторите еще раз и пришлите явку. Ганне. Письма получены. Рошину. Письмо получено, адрес годен и для корреспонденции, написали вам двумя окольными путями. Мешковскому. Получили ли письма? Терции. Пользуйтесь лучше нашим адресом, а то ваше письмо запоздало недели на две, ставьте также число. Григорию. Не грех бы написать из нового местожительства. «Х. Т.»—да. Сидору из Е. Получили. Юрию. Первого письма пока еще не получили, 2-ое получено.

В редакции «ВПЕРЕД» принимаются пожертвования на поддержку движения. С 1-го февраля поступило (во франках): на нужды восстания: от Парижской гр. 200; из Нанси от Н.—30; из Давоса от Г. 25; из Карлсруэ от М. 20; от Цюрихской гр. 85; от Р. 10; от Бернской гр. 150; по подписным листам № 56—69 11. Всего 589,11.

На петерб. стачечн. и жертвы револ. От Парижской гр. 200 (из них 30 от гр. русских кожевников, 50 от служ. С-me New-York); от Бернской гр. 310 (из них 50 с митинга, 19 из Биля, 30 из Давоса, 100 от П.); по подп. л. л. №№ 161 и 166—58. Всего 568.

Берлинской гр. собрано от 28-го янв. по 1-ое февр. на нужды восстания и Петерб. стач. 800 мар. и на «Вперед» от «Золотой Крышки» 20 мар.

Получено через 1-ую Берлинскую группу С. П. от Ргт на революционные цели 160 мар. Из Нюренберга—8 мар.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «ВПЕРЕД».

Условия с пересылкой и доставкой: за 4 номера—75 сант. (60 пф. 75 гел., 7 пенс., 1 руб.); за 8 номеров—1 фр. 50 сант. 1 м. 20 пф., 1 кр. 50 гел., 1 ш. 3 п., 1 р. 75 к.); за 12 ном.—2 фр. (1 м. 60 пф., 2 кр., 1 ш. 8 п., 2 р. 50 к.). Подписную плату можно высылать почтовыми марками всех стран.

Примечания.

Прим. 1. Очевидно, речь идет о двух листках: 1-й—«Порт-Артур» и 2-й—«К русскому народу». К сожалению, в архиве Истпарта этих листков нет, и точно установить название не удалось.

О боевом соглашении для восстания.

«Рев. Россия» говорит (№ 58): «Пусть, наконец, хоть теперь дух боевого единения проникнет в ряды разьедаемых братоубийственной враждой революционно-социалистических фракций и воскресит преступно подточенное сознание социалистической солидарности... Сбережем же сколько возможно революционных сил, увеличивая их действие путем согласованного натиска!».

Нам не раз приходилось протестовать против господства фразы у соц.-рев., мы должны протестовать против него и теперь. К чему эти страшные слова, господа, о «братоубийственной вражде» и т. п.? Достойны ли они революционеров? Именно теперь, когда идет настоящая борьба, льется кровь, о которой тоже неумеренно красиво говорит «Рев. Россия», — именно теперь эти уродливые преувеличения о «братоубийственной вражде» звучат особенной фальшью. Сбережение сил, говорите вы? Но, ведь, силы сберегаются единой, дружной, принципиально согласной организацией, а не склеиванием разнородного. Силы не сберегаются, а растрачиваются в бесплодных попытках подобного склеивания. Чтобы на деле, а не на словах осуществить «боевое единение», нужно ясно, отчетливо и притом по опыту знать, в чем именно и насколько именно можем мы быть едины. Без этого разговоры о боевом единении суть слова, слова и слова, а это знание дается, между прочим, именно той полемикой, борьбой и враждой, о которой вы говорите в таких «ужасных» терминах. Неужели было бы лучше, если бы мы замолчали о тех разногласиях, которые разделяют целые гигантские полосы русской общественной и русской социалистической мысли? Неужели только «культ раздоров» вызвал ожесточенную борьбу народничества, этой неясной, полной социалистических мечтаний, идеологии демократической буржуазии, и марксизма, идеологии пролетариата? Полноте, господа, вы делаете только себя смешными, когда договариваетесь до этого, когда продолжаете считать «обидой» марксистский взгляд на буржуазно-демократическую сущность народничества и вашего «социал-революционизма». Мы неизбежно будем спорить, расходиться, враждовать и в будущих революционных комитетах в России, — но надо же учиться у истории. Надо думать о том, чтобы это не были неожиданные, ни для кого не понятные, путанные споры в момент действия, надо подготовиться к тому, чтобы спорить принципиально, чтобы знать исходные точки каждого направления, чтобы заранее наметить возможное единение и неизбежную

вражду. История резолюционных эпох дает слишком, слишком много примеров гигантского вреда от скоропалительных и незрелых опытов «боевого единения», склеивающего для взаимных трений и горьких разочарований разнороднейшие элементы в комитетах революционного народа.

Мы хотим воспользоваться уроком этой истории. Мы видим в марксизме, который кажется вам узкой догмой, именно квинт-эссенцию этого исторического урока и руководство. Мы видим в самостоятельной, непримиримо марксистской, партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний. Мы никогда поэтому, не исключая самых революционных моментов, не откажемся от полной самостоятельности соц.-дем. партии, от полной непримиримости нашей идеологии.

Вам кажется, что это и исключает боевое единение? Вы ошибаетесь. Вы можете увидеть из резолюции нашего второго съезда, что мы от соглашений для борьбы и на борьбу не отказываемся. Мы подчеркнули в № 4 «Вперед», что начало революции в России, несомненно, приближает момент практического осуществления этих соглашений. Совместная борьба революционной социал-демократии и революционных элементов демократии неизбежна и необходима в эпоху падения самодержавия. Мы думаем, что мы лучше послужим делу будущих боевых соглашений, если, вместо горьких укориженных фраз, будем трезво и хладнокровно взвешивать условия их возможности и вероятные пределы их, если можно так выразиться, «компетенции». Мы начали эту работу в № 3 «Вперед», приступая к изучению прогресса «партии соц.-рев.» от народничества к марксизму.

«Масса сама схватилась за оружие», пишет «Рев. Россия» по поводу 9-го января. «Несомненно, что рано или поздно, а будет разрешен вопрос о вооружении массы». «И тогда-то самым ярким образом проявится и осуществится то слияние терроризма и массового движения, к которому мы, согласно всему духу нашей партийной тактики, стремимся словом и делом». (Заметим в скобках, что к последнему слову мы охотно поставили бы вопросительный знак, и будем продолжать цитату). «Еще не так давно перед нашими глазами эти два фактора движения были разрознены и этой разрозненностью лишены должной силы».

Вот что правда, то правда! Именно так. Интеллигентский террор и массовое рабочее движение были разрознены и этой разрозненностью лишены должной силы. Как-раз это говорила всегда революционная социал-демократия. Как-раз поэтому боролась она всегда не только против террора, но и против тех шатаний в сторону террора, которые обнаруживали не раз представители интеллигентского крыла нашей пар-

тии *). Как-раз поэтому спорила против террора и старая «Искра», когда она писала в № 48: «Террористическая борьба старого образца была самым рискованным видом революционной борьбы, и люди, бравшиеся за нее, имели репутацию решительных и самоотверженных деятелей... Теперь же, когда демонстрации переходят в открытое сопротивление власти,... наш старый терроризм перестает быть исключительно-смелым приемом борьбы... Теперь героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей... Терроризм великой французской революции... начался 14-го июля 1789 года взятием Бастилии. Его сила была силой революционного движения народа... Этот терроризм был вызван не разочарованием в силе массового движения, а наоборот, непоколебленной верой в его силу... История этого терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера» **).

Да, и тысячу раз да! История этого терроризма поучительна чрезвычайно. Поучительны также приведенные цитаты из «Искры», относящиеся к эпохе за 1½ года назад. Эти цитаты показывают нам, во весь их рост, те мысли, к которым хотели бы прийти под влиянием революционных уроков и соц.-револ. Эти цитаты напоминают нам о значении веры в массовое движение, напоминают о революционной выдержке, которая дается только принципиальностью, и которая одна может избавить от «разочарований», вызываемых продолжительной кажущейся остановкой этого движения. Теперь, после 9-го января, ни о каких «разочарованиях» в массовом движении не может быть, на первый взгляд, и речи. Но это только на первый взгляд. Надо отличать моментальное «очарование» ярким проявлением героизма массы от прочных, продуманных убеждений, неразрывно связывающих всю деятельность партии с движением массы вследствие поставленного во главу угла принципа классовой борьбы. Надо помнить, что, как ни высока теперешняя ступень революционного движения, достигнутая после 9-го января, это движение во всяком случае пройдет еще немало этапов до той поры, когда наши социалистические и демократические партии возродятся на новой базе в свободной России. И мы должны через все эти этапы, через все перипетии борьбы, пронести непоколебленную связь социал-демократии с классовой борьбой пролетариата, заботиться непрерывно об укреплении и упрочении этой связи.

Нам кажется поэтому явным преувеличением следующее утверждение «Рев. Россия»: «Пионеры вооруженной борьбы потонули в рядах возбужденной массы»... Это скорее желательное будущее, чем осуществленное уже настоящее. Убийство Сергея в Москве 17-го (4-го) февраля, о котором как-раз сегодня сообщил телеграф, является, очевидно, терроризмом старого образца. Пио-

неры вооруженной борьбы еще не потонули в рядах вооруженной массы. Пионеры с бомбами, очевидно, подкарауливали в Москве Сергея в то время, как масса (в Питере) без пионеров, без оружия, без революционных офицеров и без революционного штаба, «с гневной яростью кидалась на колючую щетину штыков», как выражается та же «Рев. Россия». Разрозненность, о которой говорено было выше, еще существует, и единичный интеллигентский террор тем более поражает своей неудовлетворительностью, чем яснее теперь стало для всех, что «масса поднялась до одиночек героев, в ней пробудился массовый героизм» («Рев. Рос.», № 58). Пионеры должны на деле потонуть в массе, т.-е. прилагать свою самоотверженную энергию в неразрывной, фактической связи с восстающей массой, идти вместе с массой не в фигуральном, не в символическом смысле слова, а в буквальном. Что это необходимо,— в том вряд ли мыслимо теперь какое-либо сомнение. Что это возможно,—это доказывают девятое января и все продолжающееся глухое, глубокое брожение рабочих масс. Что это есть новая и высшая задача, более трудная по сравнению с предыдущими,—это не может и не должно остановить нас от немедленного практического приступа к ее решению.

Боевое единение социал-демократической партии с партией революционно-демократической, с партией соц.-рев. могло бы оказаться одним из средств, облегчающих такое решение. Такое единение будет тем осуществимее, чем скорее «потонут» пионеры вооруженной борьбы в рядах восстающей массы, чем решительнее пойдут соц.-рев. по пути, намечаемому ими самими в следующих словах: «пусть растет и крепнет это начавшееся слияние революционного терроризма и массового движения, пусть масса скорее сможет выступить во всеоружии террористических средств борьбы!». В видах скорейшего осуществления попыток такого боевого единения мы с удовольствием печатаем полученное нами следующее письмо Георгия Гапона:

«Открытое письмо к социалистическим партиям России.

Кровавые январские дни в Петербурге и в остальной России поставили лицом к лицу угнетенный рабочий класс и самодержавный режим, с кровопийцей-царем во главе. Великая русская революция началась. Всем, кому действительно дорога народная свобода, необходимо победить или умереть. В сознании важности переживаемого исторического момента, при настоящем положении вещей, будучи, прежде всего, революционером и человеком дела, я призываю все социалистические партии России немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма. Все силы каждой партии должны быть мобилизованы. Боевой технический план должен быть у всех общий. Бомбы и динамит, террор единичный и массовой,— все, что может содействовать народному восстанию. Ближайшая цель—свержение самодержавия, временное революционное правительство, которое немедленно провозглашает амнистию всем борцам за политическую и религиозную свободу, немедленно вооружает народ и немедленно созывает Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. К делу, товарищи! Вперед, на бой! Повторим же лозунг петербургских рабочих 9-го янва-

*) Кричевский в № 6 «Раб. Дела». Мартов и Засулич по поводу выстрела Лекерта. Новоискоковцы вообще в листке по поводу убийства Плеве.

***) Эта статья в «Искре» писана Плехановым и относится к тому периоду, когда редактировали ее (№№ 46—51) Плеханов и Ленин. Плеханов тогда еще не помышлял о новом курсе знаменитой уступчивости по отношению к оппортунизму.

ря—свобода или смерти! Теперь всякая проволочка и неурядицы—преступление пред народом, интересы которого вы защищаете. Отдав все свои силы на службу народу, из недр которого я сам вышел (сын крестьянина), бесповоротно связав свою судьбу с борьбой против угнетателей и эксплуататоров рабочего класса, я, естественно, всем сердцем и всей душой буду с теми, кто займется настоящим делом настоящего освобождения пролетариата и всей трудящейся массы от капиталистического гнета и политического рабства.

Георгий Гапон».

По поводу этого письма мы, с своей стороны, считаем необходимым высказаться с возможно большей прямоотой и определенностью. Мы считаем возможным, полезным и необходимым предлагаемое им «соглашение». Мы приветствуем то, что Г. Гапон говорит именно о «соглашении», ибо только сохранение полной принципиальной и организационной самостоятельности каждой отдельной партии может сделать попытки их боевого единения небезнадежными. Мы должны быть очень осторожны с этими попытками, чтобы не портить дела никчемным связыванием воедино разнородного. Нам неизбежно придется *getrennt marschieren* (врозь идти), но мы можем не раз, и мы можем именно теперь *vereint schlagen* (вместе ударить). Было бы желательно, с нашей точки зрения, чтобы это соглашение охватывало не только социалистические, но и революционные партии, ибо в ближайшей цели борьбы нет ничего социалистического, и мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие демократические цели с нашими конечными целями социалистической революции. Было бы желательно и с нашей точки зрения необходимо для соглашения, чтобы вместо общего призыва к «единичному и массовому террору» задачей соединенных действий было поставлено прямо и определенно непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием массы. Правда, добавка Гапона: «все, что может содействовать народному восстанию», ясно показывает его желание подчинить именно этой цели и террор единичный, но это желание, указывая на ту же мысль, которую мы отмечали в № 58 «Рев. России», должно быть выражено определеннее и воплотиться в совершенно недвусмысленных практических решениях. Мы заметим, наконец, независимо от условий возможности предлагаемого соглашения, что нам кажется отрицательным явлением и внепартийное положение Г. Гапона. Само собой понятно, что, перейдя с такой быстротой от веры в царя и от обращения к нему с петицией к революционным целям, Гапон не мог сразу выработать себе ясного революционного миросозерцания. Это неизбежно, и, чем быстрее и шире будет идти развитие революции, тем чаще будет повторяться такое явление. Но полная ясность и определенность в отношениях между партиями, направлениями и оттенками есть безусловно необходимое условие сколько-нибудь успешного временного соглашения между ними. Ясность и определенность понадобятся при каждом практическом шаге и обусловят определенность и отсутствие шатаний в настоящем, практическом деле. Начало революции в России поведет, вероятно, к выступлению на политическую сцену многих лиц, а может быть, и направлений, которые будут держаться

мнения, что лозунг «революция» есть вполне достаточное для «людей дела» определение их целей и их средств действия. Ничего не может быть ошибочнее такого мнения. Кажущаяся более высокой или более удобной, или более «дипломатической» внепартийная позиция на самом деле является лишь более неясной, более смутной и неизбежно чреватой непоследовательностями и колебаниями в практической деятельности. Во имя революции наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, оттенки слились в один революционный хаос. Напротив, рост и расширение революционного движения, приближение его к большим и большим глубинам различных классов и слоев народа вызовут неизбежно (и хорошо, что вызовут) новые и новые направления и оттенки. Только полная ясность и определенность их в их взаимоотношении между собой и в их отношении к позиции революционного пролетариата могут обеспечить наибольший успех революционного движения. Только полная ясность взаимоотношений может обеспечить успех соглашения для достижения общей ближайшей цели.

Эта ближайшая цель намечена, по нашему мнению, вполне правильно в письме Г. Гапона: 1) свержение самодержавия, 2) временное революционное правительство, 3) немедленная амнистия борцам за политическую и религиозную свободу,—конечно, также за свободу стачек,—и т. д., 4) немедленное вооружение народа и 5) немедленный созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Немедленное осуществление революционным правительством полного равенства всех граждан и полной политической свободы при выборах подразумевается, конечно, Гапоном, но могло бы быть указано и прямо. Затем было бы целесообразно включить в программу временного правительства и учреждение повсюду революционных крестьянских комитетов с целью поддержки демократического переворота и осуществления его в частностях. От революционной самостоятельности крестьянства зависит очень и очень многое в успехе революции, и на лозунге в роде указанного нами могли бы сойтись, вероятно, различные социалистические и революционно-демократические партии.

Пожелаем, чтобы Г. Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от возрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного миросозерцания. Пожелаем, чтобы его призыв к боевому соглашению для восстания увенчался успехом, и революционный пролетариат, идя рядом с революционной демократией, мог ударить на самодержавие и низвергнуть его скорее, вернее и ценою меньших жертв.

Должны ли мы организовать революцию?

Это было давно, очень давно, более года назад. В русской партии, по свидетельству небезызвестного немецкого соц.-демократа Парвуса, возникали «принципиальные разногласия». Первейшей политической зада-

чей партии пролетариата становилась борьба с крайностями централизма, с идеей «командовать» рабочими из какой-нибудь Женевы, с преувеличением идеи организации агитаторов, организации руководителей. Таково было глубокое, твердое и непреклонное убеждение меньшевика Парвуса, изложенное им в его еженедельном немецком листке «Aus der Weltpolitik» («Из области мировой политики») 30-го ноября 1903 г.

Доброму Парвусу было указано тогда (см. письмо Ленина в редакцию «Искры», декабрь 1903 г.), что он стал жертвой сплетни, что в основе усмотренных им принципиальных разногласий лежит дрязга, и что начинающийся намечаться идейный поворот новой «Искры» есть поворот к оппортунизму. Парвус замолчал, но его «мысли» о преувеличении значения организации руководителей на его ладов разжевывались новоискровцами.

Прошло четырнадцать месяцев. Дезорганизация партийной работы меньшевиками и оппортунистический характер их проповеди вырисовались вполне. Девятое января 1905 года обнаружилось весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов. Парвус взялся за ум. В № 85 «Искры» он выступил со статьей, знаменующей, по существу дела, полнейший поворот от новых идей оппортунистической новой «Искры» к идеям революционной старой «Искры». «Был герой,—восклицает Парвус по поводу Гапона,—но не было политического руководителя, не было программы действий, не было организации». ...«Оказались трагические последствия отсутствия организации»... «Массы разъединились, все идет вразброд, нет связывающего центра, нет руководящей программы действия»... «Движение пало вследствие отсутствия связывающей и руководящей организации». И Парвус дает лозунг, который мы напоминали уже в № 6 «Вперед»,—«организовать революцию». Парвус убедился под влиянием уроков революции, что «мы не можем при настоящих политических условиях организовать эти сотни тысяч» (речь идет о массе, готовой к восстанию). «Но мы можем,—справедливо повторяет он давнюю мысль книги «Что делать?»,—мы можем создать организацию, которая являлась бы связующим ферментом, а в момент революции объединила бы вокруг себя эти сотни тысяч». «Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: готовить массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Наконец-то!—облегченно воскликнули мы, встречая эти старые верные мысли, заваленные мусором новой «Искры». Наконец-то, революционный инстинкт работника пролетарской партии взял верх, хотя бы временно, над рабочедельским оппортунизмом. Наконец-то, слышим мы голос социал-демократа, не пресмыкающегося перед тылом революции, а безбоязненно указывающего на задачу поддержки авангарда революции.

Новоискровцы, разумеется, не могли согласиться с Парвусом. «Не все мысли, выраженные тов. Парвусом, разделяются редакцией «Искры»,—гласит редакционное примечание.

Еще бы! Еще бы «разделили» они те мысли, которые «бьют в лицо» всю их полторагодовую оппортунистическую болтовню!

«Организовать революцию». Но, ведь, у нас есть

умный тов. Мартынов, который знает, что революция вызывается переворотом в общественных отношениях, что революция не может быть назначена. Мартынов объяснит Парвусу его ошибку и покажет, что если даже Парвус имел в виду организацию авангарда революции, то это есть «узкая» и зловередная «якобинская» идея. И далее. Ведь, наш умный Мартынов ведет за собой на веревочке Тряпичкина-Мартова, который способен еще больше углубить своего учителя, который сможет, пожалуй, лозунг «организовать революцию» заменить лозунгом «развязать революцию» (см. № 85, курсив автора).

Да, читатель, именно такой лозунг дан нам в передовице «Искры». Очевидно, по нынешним временам достаточно «развязать» себе язык для свободной болтовни-процесса или для процесса-болтовни, чтобы писать руководящие статьи. Оппортунисту всегда нужны такие лозунги, в которых по ближайшем рассмотрении не оказывается ничего, кроме звонкой фразы, кроме какого-то декадентского словесного выверта.

Организовать да организовать, твердит Парвус, точно он вдруг большевиком сделался. Не понимает он, несчастный, что организация есть процесс («Искра» № 85, а также все прежние номера новой «Искры» и особенно пышные фельетоны пышной Розы). Не знает он, бедняжка, что по всему духу диалектического материализма не только организация, но и тактика является процессом. А он, точно «заговорщик», носится с организацией-планом. А он, точно «утопист», воображает, что можно так сразу, на каком-нибудь, боже упаси, втором или третьем съезде, взять да и организовать.

И, ведь, до каких геркулесовых столбов «якобинизма» договорился этот Парвус. «Поднять восстание по данному лозунгу»,—представьте себе! Это еще гораздо хуже, чем опровергнутая нашим знаменитым Мартыновым идея о «назначении» восстания. Положительно Парвусу надо поучиться у Мартынова. Парвусу надо прочитать № 62 «Искры», из передовицы которого он узнает, какие вредные «утопические» идеи о подготовке восстания распространялись в нашей партии так несвоевременно в 1902 и в 1904 годах. Парвусу надо прочитать предисловие Аксельрода к брошюре «Рабочего», чтобы узнать о той «глубокой, зловередной и прямо разрушительной для партии язве» (sic!), которая грозит социал-демократии от людей, «возлагающих все свои надежды на стихийные восстания самых отсталых, наиболее бессознательных и прямо одичалых (!) элементов народных масс».

Парвус признает невозможным организовать теперь сотни тысяч и выдвигает на первый план задачу «создать организацию, которая являлась бы связующим ферментом». Как же не извигаться нашим новоискровцам, когда подобные вещи пишутся на страницах их органа? Да, ведь, организация в качестве связующего фермента, это и есть организация профессиональных революционеров, при одном упоминании каковой наши новоискровцы падают в обморок.

Как благодарны мы «Искре» за ее передовицу рядом со статьей Парвуса. Как выпукло выделяется бессодержательное, путаное, хвостистое фразерство на ряду с ясными, отчетливыми, прямыми и смелыми революционными лозунгами старой «Искры»! Разве это не пустая

надутая фраза, будто «сходит со сцены политика доверия, чтобы никогда уже более не обморочить ни России, ни Европы»? На самом деле любой номер европейской буржуазной газеты показывает, что это морочение продолжается и делает успехи. «На смерть поражен умеренный русский либерализм». Это—ребяческая политическая наивность, когда за смерть либерализма принимают его «политичное» желание притаиться. На самом деле либерализм жив, живет и оживает. Он именно теперь стоит накануне власти. Он именно для того и притаился, чтобы вернее и безопаснее протянуть в надлежащий момент руку к власти. Он именно для того и заигрывает во-всю с рабочим классом. Надо быть близоруким до последней степени, чтобы это кокетничанье (опасное стократ именно в переживаемый момент) принимать за чистую монету, чтобы хвастливо заявлять: «Пролетариат—освободитель родины, пролетариат—авангард всей нации, в эти дни признан в своей героической роли общественным мнением передовых элементов либерально-демократической буржуазии». Поймите же, наконец, господа новоискровцы, что либеральные буржуа признают пролетариата героем именно потому, что, нанося удар царизму, этот пролетариат еще недостаточно силен, еще недостаточно социал-демократичен, чтобы отвоевать себе такую свободу, какой он хочет. Поймите, что не хвастаться должны мы по поводу теперешних либеральных расшаркиваний, а предостерегать пролетариат и показывать ему подоплеку этих расшаркиваний. Вы не видите этой подоплеку? Так посмотрите на заявления фабрикантов, купцов, биржевиков о необходимости конституции! Не правда ли, как ясно говорят эти заявления о смерти умеренного либерализма? Либеральные говоруны журчат о героизме пролетариев, а фабриканты веско и внушительно требуют куцой конституции—вот как обстоит дело, любезнейшие «руководители!»*).

Но всего бесподобнее рассуждения «Искры» по вопросу о вооружении. «Работа по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и одновременность нападения народа на правительство», объявляется «технической» (!?) задачей. А мы, конечно, стоим выше презренной техники и смотрим в глубь вещей. «Как ни важны они («технические» задачи), не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию»... «Все старания подпольных организаций не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием—жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого. Вот куда должны мы направить свои усилия—на пропаганду в массах

*) Вышеприведенные строки были уже написаны, когда мы получили следующие небезынтересные сведения из либерального лагеря. Специальный петербургский корреспондент немецкой буржуазно-демократической газеты «Frankt. Ztg.» (17. II. 05) передает такой отзыв о политическом положении петербургского либерального журналиста: «Либералы были бы глупцами, если бы они прозевали такой момент, как настоящий. У либералов теперь все козыри в руках, ибо им удалось запрячь рабочих в свою телегу, а у правительства нет людей, так как бюрократия никому не дает хода. Не правда ли, какая святая простота должна царить в новой «Искре», если она в подобный момент пишет о смерти либерализма?

самовооружения для целей восстания» (последние два места подчеркнуты автором).

Да, да, это действительно глубокая постановка вопроса, не то, что у узкого, почти дошедшего до «якобинства» Парвуса. Центр тяжести не в работе по вооружению и не в систематической подготовке организации, а в вооружении народа жгучей потребностью вооружиться, и притом самовооружиться. Какое жгучее чувство стыда за социал-демократию испытываешь при виде этой филистерской пошлости, пытающейся оттянуть назад наше движение! Вооружение народа жгучей потребностью вооружиться есть постоянная и общая, всеобщая и повсеместная задача социал-демократии,—задача, применимая одинаково и к Японии, и к Англии, и к Германии, и к Италии. Везде, где есть угнетенные и борющиеся против эксплуатации классы, проповедь социалиста всегда вооружает их с самого начала и прежде всего жгучей потребностью вооружиться, и эта «потребность» имеется уже налицо, когда начинается рабочее движение. Социал-демократии приходится лишь делать эту жгучую потребность сознательной, заставлять испытывающих ее считаться с необходимостью организации и планомерного действия, со всей политической конъюнктурой. Загляните вы, пожалуйста, г. редактор «Искры», в любое немецкое рабочее собрание, посмотрите, какой ненавистью горят лица по отношению хотя бы к полиции, какие сыплются озлобленные сарказмы, как сжимаются кулаки. Какая сила сдерживает эту жгучую потребность немедленной расправы с издевающимися над народом буржуями и их лакеями? Сила организации и дисциплины, сила сознания, сознания того, что индивидуальные убийства нелепы, что не настал еще час серьезной народной революционной борьбы, что нет подходящей для этого политической конъюнктуры. Вот почему при таких условиях социалист не говорит и никогда не скажет народу: вооружайтесь, но всегда и обязательно (иначе он не социалист, а пустозвонный болтун) вооружает его жгучей потребностью вооружиться и напасть на врага. Именно от этих условий будничной работы отличаются теперь условия в России. Именно поэтому революционные социал-демократы, которые до сих пор никогда не говорили: к оружию! но всегда вооружали рабочих жгучей потребностью вооружаться, теперь все революционные социал-демократы, идя вслед за революционно-инициативными рабочими, дали лозунг: к оружию! И вот в такой-то момент, когда дан уже, наконец, этот лозунг, «Искра» изрекает: центр тяжести не в вооружении, а в жгучей потребности самовооружения. Разве это не мертвенное интеллигентское резонерство? разве это не безнадежное тряпичничество? разве не тащат эти люди партию назад, от насущных задач революционного авангарда к созерцанию «задней» пролетариата? И не от индивидуальных качеств того или иного Тряпичкина зависит это невероятное опошление наших задач, а от всей их позиции, так бесподобно формулируемой крылатыми словечками об организации-процессе или тактике-процессе. Самая уже эта позиция неизбежно и неминуемо осуждает человека на то, что он боится всякого определенного лозунга, чурается всякого «плана», пьется назад от смелой революционной инициативы, резонерствует и пережевывает старую жвачку, страшится забежать вперед в такое время, когда мы, социал-

демократы, остались явно позади революционной активности пролетариата. Поистине мертвый схватил живого, мертвые рабочедельческие теории безнадежно омертвили и новую «Искру».

Посмотрите на рассуждения «Искры» «о политически руководящей роли социал-демократии, как авангарда класса—освободителя нации». «Эта роль,—поучают нас,— не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания». Подумайте только: роль авангарда не может быть достигнута, если нам удастся взять всецело в свои руки проведение восстания! И эти люди разговаривают еще об авангарде! Они боятся того, как бы история не возложила на них руководящей роли в демократическом перевороте, они со страхом думают о том, как бы им не пришлось «проводить восстание». Им мерещится та мысль,—они только не решаются еще сказать ее на страницах «Искры» прямо,— что социал-демократическая организация не должна «проводить восстания», не должна стремиться к тому, чтобы брать всецело в свои руки революционный переход к демократической республике. Им чудится тут, этим неисправимым жирондистам социализма, чудовищное якобинство. Они не понимают, что, чем усерднее будем мы стремиться взять всецело в свои руки проведение восстания, тем большую часть этого дела возьмем мы в свои руки и что, чем больше будет эта часть, тем меньше будет влияние антипролетарской или непролетарской демократии. Им непременно хочется быть в хвосте, они выдумывают себе даже особую философию, что надо быть в хвосте,— Мартынов начал уже излагать ее и завтра, вероятно, договорится до точки на страницах «Искры».

Попробуйте шаг за шагом разобрать ее рассуждения:

«Сознательный пролетариат, опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает момент кануна революции»...

Очень хорошо! Но использовать все элементы и, значит, взять всецело на себя руководство. «Искра» побивает сама себя и, чувствуя это, спешит добавить:

...«Нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отнимают у него долю технического руководства самой революцией и таким образом волей-неволей подействуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Использовать все элементы, не смущаясь тем, что они отнимают долю руководства!?? Побойтесь бога, господа: если действительно мы используем все элементы, если действительно наши требования перенимаются теми, кого мы используем, тогда они не отнимают у нас руководства, а принимают наше руководство. Если же эти все элементы действительно отнимают у нас руководство (и, конечно, не «техническое» только, ибо отделение «технической» стороны революции от политической есть величайший вздор), тогда, значит, не мы их используем, а они нас используют.

«Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование разрыва

государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в последний бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Да, мы тоже будем рады этому, но мы желали бы, чтобы чувство радости по поводу возможных приятностей не затемняло нашей логики. Что значит: русская революция обогатится священником или генералом? Это значит, что священник или генерал станут сторонниками или вожаками революции. Эти «новички» могут быть вполне сознательными сторонниками революции или неполне. В последнем случае (наиболее вероятном по отношению к новичкам) мы должны не радоваться, а печалиться их несознательности и всеми силами исправлять, пополнять ее. Пока мы этого не сделали, пока масса идет за малосознательным вожаком, приходится сказать, что не социал-демократия использует все элементы, а все элементы используют ее. Сторонник революции,—вчерашний священник или генерал, или чиновник,— может быть полным предрасудков буржуазным демократом, и поскольку за ним пойдут рабочие, постольку буржуазная демократия «использует» рабочих. Ясно ли вам это, господа новизискровцы? Если ясно, так зачем вы боитесь того, чтобы вполне сознательные (то-есть социал-демократические) сторонники революции брали на себя руководство? Зачем боитесь вы того, чтобы офицер-социал-демократ (я беру нарочно аналогичный вашему пример) и член социал-демократической организации по почину и поручению этой организации взял на себя, «взял всецело в свои руки» функции и задачи вашего предполагаемого генерала?

Вернемся к Парвусу. Он кончает свою прекрасную статью прекрасным советом «выбросить за борт» дезорганизаторов. Устранение дезорганизаторов, как видно из помещенных нами в отделе «Из партии» сообщений, есть самый страстный и самый решительный лозунг большинства русских социал-демократов. Именно так, товарищ Парвус: «выбросить за борт» самым безжалостным образом и начать это выбрасывание с тех героев социал-демократической печати, которые освящали и освящают дезорганизацию «теориями» организационного процесса, организационной тенденции. Надо не говорить только об этом, а сделать это. Надо немедленно созвать съезд всех партийных работников, желающих организовать партию. Надо не ограничиваться убеждениями и увещеваниями, а поставить всем колеблющимся, всем шатким, неуверенным и сомневающимся прямой и непреклонный ультиматум: выбирайте! Начиная с первого номера нашей газеты, мы и ставили этот ультиматум от имени редакции «Вперед», от имени всей той массы русских партийных работников, которые доведены до небывалого озлобления дезорганизаторами. Скорее же выбрасывайте их, товарищи, и беритесь за дружную организационную работу! Лучше сотня революционных социал-демократов, принявших организационный план, чем тысяча интеллигентских Тряпичкиных, болтающих об организационном процессе!

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Рига. Сейчас я посетил больницу, куда была свезена часть раненых во время избения на Двине. Народ валит туда валом; многие разыскивают своих близких, многие как бы стараются подогреть чувство мести видом страданий. Палата, в которую я проник с толпой, полна ранеными; около них суетятся родные, тщетно стараясь облегчить их муки, и душу раздирающие сцены разыгрываются почти у каждой койки. Вот, например, юноша-рабочий в страшных мучениях бьется на койке; минуты сознания переплетаются у него с диким бредом; полукрытые глаза молят о сострадании, а несчастный старик-отец беспомощно хлопочет около него, бессильный облегчить страдания. А вот еще один рабочий; он умирает. Прекрасное одухотворенное лицо дышит какой-то бесконечной грустью, из уст вырываются тихие стоны. У ног его рыдает молоденькая девушка, а у изголовья, как безжизненное изваяние, сидит старуха-мать в немом отчаянии. Вот в углу лежит какой-то старик. Простреленная грудь тихо вздымается, он хрипит, глаза зазеленели, руки судорожно сжаты, из угла губ сочится тонкая струйка крови. Он умирает. И передо мной проходил длинный ряд таких же картин мучений и смерти. Легко раненых почти не было.

В одной из палат лежат трое раненых солдат учебного унтер-офицерского батальона. Они ранены пулями своих же товарищей. Они ранены легко и лежат, весело почитывая книжки и перекидываясь плоскими шутками. На резкие упреки посетителей они цинично отвечают, что не чувствуют никаких угрызений совести за убийство безоружных людей и что впредь будут поступать так же. Посетители с трудом сдерживались при виде этих убийц.

Обойдя больницу, я зашел в мертвецкую. Здесь повсюду по скамьям разбросаны трупы. Народ толпится около них, поднимает саваны, старается опознать близких. Убиты все больше рабочие. Вот лежит старик, седой, как лунь,—у него оторван затылок. Вот здоровый, сильный рабочий, живот у него совершенно распорот несколькими зверскими штыковыми ударами. Многие, повидимому, умирали медленно, в страшных страданиях. Руки у них скрючены, пальцы судорожно сжаты, зубы стиснуты, прокушены губы.

Но вот толпа обращает внимание на два новых трупа. Они лежат еще в одежде, и по платью можно легко узнать, что это—рабочие. Оба они застрелены наповал. Их только-что привезли из одного дома близ побионца, куда толпа бросилась спасаться. Там было застрелено тринадцать человек. Полиция спрятала их в подвал и теперь понемногу вывозит оттуда. На одной скамье вместо трупа лежит только рука, оторванная кровавая рука с кольцом на пальце. В углах валяются окровавленные простыни, саваны, платье, пропитанное кровью, куски мяса.

В одной из комнат слышно пение: там идет отпевание. Окруженные свечами стоят два беленьких детских гробика. Это тоже жертвы кровавой расправы правительства—мальчик и девочка, застреленные вместе с матерью, когда они проходили близ места демонстрации, не подозревая, что совершают свой последний путь. Народ поднимает крышки гробиков, и вид этих окровавленных детских головок вызывает в толпе рыдания и проклятия палачам.

Сумрачно, угрюмо проходят целый день толпы народа через это место страданий и смерти. Чувствуется, что страшная гроза зреет за этим мрачным молчанием, чувствуется, что при виде этих кровавых ран растет и крепнет та великая ненависть, которая скоро разразится могучим порывом и сметет с лица земли господство палачей.

Минск. После долгих сборов и разговоров нашим либералам удалось, наконец, устроить конституционную демонстрацию, но и та была «испорчена» вмешательством «неблаговопитанных» социал-демократов. Целые месяцы налаживались наши либералы. Сначала устраивалось предварительное совещание в 20 человек, потом такое же в 50 человек, потом обсуждались условия, при которых можно организовать банкет, потом намечались кандидаты в «организационный комитет», потом назначали ораторов, пока, наконец, не решились устроить банкет 12-го января, в Татьянин день. В тот же день утром администрация поспешила взять обратно данное уже разрешение. Это, наконец, раздражило наших либералов. Немедленно пущен был по городу слух, что бан-

кет воспрещен, и что резолюция будет прочитана вечером, во время думского заседания. С 8 часов вечера зал городской думы начал наполняться самой разнообразной публикой. Гласные были в недоумении. Потянулись скучные, бессодержательные дебаты о никому не интересных вопросах, которые публика выслушивала с нескрываемым нетерпением.

Но вот это водотолчение кончилось. Председатель закрыл заседание, гласные начали подниматься с мест, публика насторожилась в напряженном ожидании. Тогда встал гласный Амброшкевич и предложил принять резолюцию с требованием широкой политической свободы. Публика встретила его слова громом аплодисментов, гласные были смущены и не знали, что делать, а городской голова Яновский немедленно протолкался сквозь толпу и исчез из зала. На смену Амброшкевичу выступил представитель минской группы партии, произнесший короткую, но сильную речь. После него представитель Бунда начал читать резолюцию. К сожалению, резолюция была слишком длинна, и чтение ее затрудняли возгласы возбужденной толпы. Во время чтения послышались крики: «Полиция!», заглушаемые криками: «Слушайте!» «Кончайте!». Среди шума была дочитана резолюция, встреченная громом аплодисментов и криками: «Да здравствует петербургская стачка, да здравствует социализм!» Приглашенная городским головой полиция многих переписала, кое-кого арестовала в том числе Амброшкевича, который, однако, был немедленно освобожден по требованию его коллег-адвокатов. Местная группа нашей партии и комитет Бунда выступали совместно; прочитанная на собрании резолюция была выработана обеими организациями. К сожалению, социал-демократы слишком поздно узнали о запрещении банкета и не успели заменить выработанную резолюцию более короткой и более соответствующей характеру собрания.

Воронеж. 16-го янв. был обыск у одного из местных интеллигентов, Ник. Ал. Зимина. Жандармы явились в квартиру бывшей поднадзорной, где жил Зимин, и, несмотря на то, что того, кого искали, не нашли, несмотря на маленьких детей, перевернули всю квартиру. А так как ничего подозрительного не было, то они взяли несколько книг, принадлежащих хозяйке.

Либералы хотели устроить банкет. На 12-е янв. наняли залу в «Гранд-Отеле», но накануне губернатор запретил всем содержателям гостиниц давать свои помещения для собраний, в силу чего и пришлось в «Гранд-Отель» идти всем, как частным лицам, якобы с целью только выпить и закушать. Народу набралось пропасть. Говорил речь член управы Кильчевский о 150-летн. юбилее Московского университета, вяло, бледно и более чем умеренно. После него говорил заведующий статистическим отделением земской губ. управы Воронов о народном образовании. Красиво литературно, с огнем, с чувством и с направлением. Речь его закончилась словами: «Накопец, общество проснулось и должно добиться свержения самодержавия». Потом говорил адвокат Корякин, предложивший в конце речи адрес с требованием созыва учредительного собрания на основе всеобщего, тайного, равного и прямого избирательного права. Много аплодировали, хотя либералы молчали.

Многие стали подписывать адрес, но некоторые отказались на том основании, что в этом адресе ничего не говорилось о правах женщин. Затем должен был говорить четвертый оратор, но явился полицеймейстер и попросил разойтись в виду вредного направления собрания. На петербургских стачечников успели все-таки собрать немного. Так кончился либеральный банкет.

Устроено было также собрание исключительно женское, на котором был выработан адрес об уравнивании прав женщин. Да, много говорили, много адресов приготовили, много хлопотали и все для того, чтобы ни один адрес на земском собрании не прошел, а был вынесен господами земцами такой, что когда его прочли, то ответом было гробовое молчание гласных и публики. И вот, когда председатель закрыл заседание, раздалось жидкие аплодисменты; это был толчок. Один из присутствующих не выдержал, хотел говорить, но от негодования и злости, охватившей его, закричал: «Изменники, предатели, мерзавцы, подлецы!» Эти слова были подхвачены, и поднялся страшный рев, окончившийся криками: «Долой самодержавие!» Когда все кончилось, четырех человек полиция схватила и поволокла в участок, где и был состав-

влен протокол за крики «долгой самодержавие». После протокола их отпустили домой, но в виду того, что полиция снова решила их арестовать, они скрылись. Арестованы Анисимов и Алекс. Руднев.

Москва. Последнее пролетарское движение всколыхнуло и нашу Москву. Оно, между прочим, способствовало прояснению политического сознания нашей либеральной буржуазии, начавшей резко подчеркивать свою классовую точку зрения. Это сказалось оппозицией общества, даже самого либерального, пролетариату, и особенно передовой, организованной его части, социал-демократии. Всех бесит вопрос всеобщего, тайного и равного избирательного права. «Общество», — повторяю, даже самое либеральное, — в один голос трубит, что до такого избирательного права русский народ, и в частности рабочий, еще не дорос, что он «сам» не сумеет воспользоваться этим правом, а будет простой игрушкой в руках реакционеров, которые все подстроят так, что бедный русский народ вновь сам на себя наденет ярмо и выберет себе царя. Все «общество» стоит не за «народных», а за «земских» представителей и именно в таком смысле понимает и «земский собор».

Социал-демократы теперь в полной немилости у «общества», ибо они всюду и везде вносят «разкол», вечно надоедают своей «классовой» точкой зрения и «классовыми» интересами, пугают и отталкивают «благomyслящую» часть русского общества «всеобщим и пр. избирательным правом» и особенно, конечно... демократической республикой!... Либералы всех оттенков, даже более радикальные из них, помнящие времена «народной воли», говорят, что рабочим следовало бы выставлять требования осуществимые и необходимые для класса, т.е. только экономические, а политические предоставить «обществу» и «земским» людям. Социал-демократии общество начинает резко отказывать во всякой помощи, и оно теперь напрягает все свои силы, чтобы посредством своих организаций самостоятельно проникнуть в рабочий класс и совлечь его с классового пути, превратив в «пушенное мясо» революции «общества» и «земских людей». Затеваются ряд местных изданий, заводятся связи с рабочими заигрывают, стремятся подвязать их на победенцев до соц. революционеров 1).

В этом деле дружно сошлись все буржуазно-оппозиционные силы, от «земских людей» до крайних демократов.

Забастовка в высших учебных заведениях расширяется. Прекратили занятия женские высшие курсы, инженерный и сельскохозяйственный институты, техническое училище; наднях должен присоединиться университет. Академическая жизнь прекратилась, зато политическая жизнь среди студенчества бьет ключом. Не теряет времени и полиция. Чуть не каждую ночь происходят массовые аресты. При обысках несколько раз уже находили целые склады револьверов.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. «Делегаты», бывшие на приеме в Царском Селе, рассказывают некоторые подробности этой комедии. Так, напр., представитель Путиловского завода был сначала под конвоем отправлен в Зимний дворец, где теперь живет Трепов. В Царском Селе их всех собрали в зале и выстроили в ряды. Пришлось ждать доволно долго, наконец, явился царь и начал обходить ряды депутатов, спрашивая поочередно: у первого — имя, у второго — фамилию, у третьего — из какой губернии, у четвертого — на каком заводе служит, а затем опять сначала. После этого он вынул из-за обшлага бумажку, прочитал ее, затем немного помолчал и, что-то пробормотав, ушел. Тогда их повели обедать.

Оригинальные дела происходят здесь на вагоностроительном заводе Речкина (6.000 рабочих). Во время забастовки были выставлены те же требования, что и на других заводах. Требования, конечно, не были удовлетворены. Рабочие стали опять на работу. Но с первого же дня они начали являться на работу на полчаса позже и уходили на полтора часа раньше, т.е. вместо прежних 10 часов работают только 8. Администрация пока молчит. Это продолжается уже несколько дней, при чем 10 часов работает только сборный цех. Впрочем, на этих днях ожидается новая забастовка, так как рабочие хотят добиться от администрации формаль-

ных уступок. Надо заметить, что на многих заводах, между прочим, на Николаевской железной дороге, рабочие, хотя и взялись за работу, но упорно кончают ее через 8 часов, проводя таким образом самостоятельно 8-часовой рабочий день.

На целом ряде заводов вторично началась стачка: на Путиловском, на машиностроительном, на Балтийском, на Ижорских (Колпинских) заводах. 16-го января на Ижорских заводах вывешено следующее объявление:

«В понедельник 17-го января, в 2 часа дня, начнутся работы на Ижорских заводах. Предупреждаю, что все те мастера, которые не выйдут на работу, будут считаться отказавшимися от работы и получают расчет.

Строго запрещается мастерам переходить в другие мастерские без разрешения своих мастеров. Виновные в нарушении порядка будут выведены из заводов. Для наблюдения за порядком внутри заводов и ограждения от насилия благонамеренных мастеров внутри заводов будут введены войска. Прошу гг. мастеров для входа и выхода мастеровых иметь только по одному ходу, а все прочие закрыть. У входа должен быть неотлучно один из указателей и выборных, которые бы всякого входящего мастерового не своей мастерской направляли к гг. мастерам для объяснений, для чего они пришли.

В случае неповиновения или вообще какого-нибудь беспорядка следует обратиться за содействием к войскам, которые будут расставлены по заводам около мастерских.

Января 16-го дня 1905 г.

И. д. начальника Ижорских заводов полковник Гросс».

Письмо рабочего. Нам доставлено следующее письмо рабочего, очевидно, не затронутого еще агитацией:

«Наша фабрика резиновая перестала работать в пятницу 7-го января, и в этот день остановились все фабрики и заводы, а на другой день типографии газетных редакций и остальные незначительные фабрики и мастерские. Затем за это время в «Обществе рабочих» собрались и обсуждали без науки в умственном смысле о делах, сговорились идти к Зимнему дворцу на площадь. Движение первое началось от Путилова завода, у них там есть Отделение Собрания. Шли тихо и смиренно во главе со священником и диаконом и весь церковный причт, в руках с иконами, полный состав, шел процесс, крестный ход к царю-батюшке просить милости от гнета фабрикантов. А цар-батюшка, как Иоанн Грозный, послал навстречу свое любимое императорское блестящее войско, сильные полчища и приказал вместе со своими окружающими умертвить всех тех, кто идет по шоссе на дороге от Путилова завода. А к этому крестному ходу присоединились все верующие во Христа, взрослые и малые дети, которые более желают посмотреть такое многолюдное шествие.

«О, сестрица, если бы ты видела поражающий ужас: до чего наше русское войско ловко! Как они умертвили женщин, детей и мужчин, положительно ничем не вооруженных и ни в чем невинных. Пролили кровь невинных детей наши правители. Разбили иконы вдребезги, смешали кровь вместе с разбитыми иконами и с грязным мусором. Картина была ужасная. Лежали убитые люди, как сваленная гора камней: убито свыше трехсот человек. То же самое было на площади, а на Невском долгое время продолжалась резня. После этой трагедии граф Шереметьев, что за Нарвской заставой, узнав об этом гнусном насилии, приехал на место происшествия и, узнав, в чем дело, отправился с докладом к царю, что войско его победило женщин и детей доблестно. Эти иконы были собственные князя Шереметьева... На всех фабриках и заводах теперь понагнали войска; стрельбу прекратили, отдыхают от кровавой борьбы с русскими и ожидают, пока накопится побольше людей: из немногого не стоит стрелять... Слава нашему царю и его правительству! С Японией не справится, а с людьми русскими с большим удовольствием победит. Нет больше правды, как у царя, нет больше блага, как у князей! Чья власть, того и правда».

Минск. 13-го янв. в 4—5 часов дня, начали бросать работу все мастерские, ремесленные заведения и мелкие промышленные предприятия, так что к вечеру забастовало около 2.000 чел. К 8 часам вечера город представлял любопытную для обрисовки теперешнего настроения картину. Губернаторская и Захарьевская улицы были запружены толпами революционно настроенного народа и полицией, шныряв-

шей по всем направлениям. В толпе были не одни только рабочие, хотя они, конечно, преобладали. Виднелись и офицеры, с любопытством приглядывавшиеся к настроению бастующих, виднелись и буржуа, то открыто негодующие, то втихомолку сочувствующие.

На другой день мы отправились снимать рабочих в мастерских, не приостановивших еще работы. Против этого полиция принимала самые зверские меры. Когда рабочие на обойной фабрике Шифмановича решили прекратить работу, то ее хозяин запер ворота и отправился за полицией. После довольно долгого и томительного ожидания один из рабочих, не выдержав, решился герелезть через ворота. В это время к заводу подоспел призванный хозяином помощник пристава Лучик с несколькими городовыми. «Стрелять!»—крикнул он, указывая на спустившегося уже на землю рабочего. Раздался выстрел, и рабочий упал, обливаясь кровью. Теперь он лежит в больнице, где лечится не только от раны, но и от полученных по дороге в больницу побоев.

Однако, несмотря на такие варварские меры, нам удалось прекратить работу почти во всех мастерских, приостановить выпуск газет, так что к вечеру 14-го января толпы бастующих были еще больше, чем накануне. В настроении толпы чувствовалась какая-то приподнятость, чувствовался сильный подъем духа. Полиция и жандармы с удвоенной энергией рыскали по городу, стремясь изловить и уничтожить крылоу.

Однако приходится признать, что, несмотря на все благоприятные условия, стачка не приняла тех широких размеров, какие она могла бы принять. В самой организации стачки была допущена крупная ошибка. Вместо того, чтобы начать забастовку с крупных предприятий, прежде всего с виленского и брест-литовского железнодорожного депо, в первую голову стали призывать к стачке мелкие заведения и мастерские. Произошло это, главным образом, вследствие невозможности одновременно организовать стачку. Только в четверг утром Минский комитет Бунда прислал нам извещение, что он решил объявить забастовку и предлагает нам примкнуть к ней. Так как наша группа работает здесь очень недавно и, естественно, не обладает еще такими организационными связями, чтобы наскоро мобилизовать заводских рабочих, то мы не могли в первый же день вызвать забастовку среди рабочих депо. Когда же наши агитаторы явились туда, оказалось, что оба депо уже охраняются войсками. Между прочим, рабочие крупных заводов отказывались бросить работу, пока не бросит ее депо. Таким образом, стачка не могла принять должных размеров, и в понедельник 17-го она была объявлена прекращенной. Стачка сыграла безусловно крупную агитационную роль, а недостатки ее показали вочью весь вред дробления работы и отсутствия одного местного руководящего центра.

Минская группа Р.С.-Д.Р.П.

Сморгонь. 12-го января решением всех агитаторов нашей организации постановлено было провести всеобщую забастовку по поводу петербургских событий. Даже неорганизованная христианская масса поговаривала еще раньше, что, как только из Вильны передано будет о забастовке, они немедленно сойдут с работы. Уже утром 13-го января перед рассветом наши товарищи, придя на работу, стали разяснять всюду о событиях в Петербурге, и все стали бросать работу. Но бундовцы еще не бросали работы, говоря, что от их организации не последовало соответствующего решения. Бундовская масса хотела начать забастовку в пятницу 14-го января, так как это—день полочки. Утром 13-го января от организации Бунда нам было сообщено об их решении соединиться с нами по этому поводу. Решение это было нами принято, и, выбрав совместно стачечную организацию, мы приступили к дружной работе. К 12 часам вся масса уже разгуливала по улицам с криками: «Да здравствует свобода! Долой самодержавие!» Стачечная организация совместно с бастующими посещала все заводы и фабрики, разъясняя всем значение настоящих событий. К часу дня было уже больше 3.000 человек бастующих, бросали работу парикмахеры, приказчики. Не бастовали только рабочие винокур-завода Коварского и кожевенного Гурвича, так как там работают сплошь темные элементы, и их не успели снять с работы. Стачечная комиссия решила устроить митинг на Виленской улице, по пути к вокзалу, в 6 час. вечера. Выбрали 2-х

ораторов, одного из партии, другого из Бунда, и выработали план речей. Бундовский оратор должен был говорить по-русски о положении России, другой же—по поводу петербургских событий, тоже по-русски, а потом бундовский оратор должен был говорить на жаргоне. Но оказалось, что масса так была возбуждена, что собралась на условленном месте в 4 часа, подняла знамя, произвела при этом выстрелы в воздух и стала демонстрировать с возгласами «долой самодержавие» и т. д. по всем улицам Сморгони. В толпе было свыше 2.000 человек. В 5 часов масса оянь вернулась к условленному комиссией месту, и из толпы говорились речи о политической свободе, о петербургских событиях и т. д. Когда в 6 час. веч. я прибыл с бундовским оратором на митинг, то мы увидели перед собою толпу в 1.500 человек, так что почти половина ул. была занята публикой, при чем было так тесно, что с трудом нам удалось войти в середину толпы. Митинг этот был торжественный. Все пришли слушать ораторов; торговцы позакрывали лавки и пошли на митинг, устроенный рабочими. По окончании всех речей, толпа выстроилась в шеренги и направилась с пением «Варшавянки» в город. Все полицейские попрыгались (в Сморгони около 35 стражников). Когда пристав приехал с вокзала и приблизился к толпе, то он вежливейшим образом попросил, чтоб его пропустили. Так в этот день, 13-го янв., Сморгонь была в руках пролетариата. До 9 час. публика гуляла по улицам с возгласами и пением.

14-го янв. в пятницу, приехал губернатор с 400 солдатами и 36 казаками. Ночью было много арестов, говорят, арестовано до 60 человек христианских и еврейских рабочих. Тем не менее в субботу, в 6 час. вечера, было удачно распространено 1.000 шт. воззваний «Падение самодержавия и наши требования» Рос. С.-Д.Р.П. и ЦК Бунда «К борьбе 1.200 шт. Сморг. объединенная организ. Р.С.-Д.Р.П. и Бунда выпустила гектографиров, прокламацию «К обществу» в 125 экз. и «Ко всем рабочим и работницам г. Сморгони». Забастовка кончилась 18-го янв. вследствие недостатка средств.

Омск. С начала войны по линии Сибирской дороги, как известно, действует военное положение. Эти военные порядки отразились, конечно, на жизни жел.-дорожных рабочих. Рабочий не имеет права расчитаться или уволиться в отпуск. Но начальство может уволить рабочего во всякое время, ибо теперь... «военное время». В военное время замеченного в «порочном поведении» держать не полагается.

В наших мастерских и депо (около 7.000 чел.) начальство проявляет большую осторожность при приеме. Если рабочий приехал из России,—принимают, если из Сибири—туго, из Красноярска же—ни за что. За краснорцами после известной стачки утвердился слух «бунтовщиков».

Как известно, по всей Сибирской жел. дороге было объявлено, что все рабочие и служащие со времени объявления мобилизации будут получать увеличенный оклад жалованья (что кажется, и выполняют в Иркутске, Чите, Челябинске и других местах), но у нас до сих пор не заплатили и гроша ломаного. Говорили, что будут выдавать по 10 проц. семейному и по 7 проц. холостому рабочему. Но на вопрос: когда? начальство отвечало: «Не знаем, как управление распорядится».

16-го декабря по этому поводу рабочие депо, числом около 600 чел., бросили работу и потребовали для объяснений начальника. Начальник ответил через посланного, что не пойдет, тогда рабочие с криком «вытащим» устремились к конторе. Только под влиянием этой угрозы начальник благорассудил выйти и объяснить собравшимся рабочим, что он уже неоднократно подавал депешу о высылке мобилизационных денег, но что управление ничего не отвечает. Рабочие потребовали подать сейчас же еще депешу, что начальником было немедленно исполнено, и депеша, адресованная в управление, была отнесена самими рабочими на телеграф.

21-го декабря и в мастерских вспыхнула-было стачка, но мастер угрозой лишит прибавки к жалованью (делаемому по два раза в год) остановил движение.

В результате, однако, 23-го декабря рабочие мастерских и депо получили мобилизационные деньги за три месяца. За остальные восемь неизвещено когда отдадут.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Первый съезд прусских социал-демократов.—Безработица в Англии.

Реакционная выборная система, существующая в прусском королевстве, превратила прусский парламент (ландтаг) в крепость буржуазии, господствующей над страной и навязывающей всему народу свою волю. Ни один социал-демократ не может попасть в это «представительное» собрание, и, таким образом, в стране, где миллион 600 тысяч голосов было подано за социал-демократию, рабочий класс не имеет в парламенте своих представителей. Чтобы разоблачить лживый характер буржуазного парламента, чтобы громко заявить свою волю, рабочий класс Пруссии вынужден был созвать свое представительное собрание, и таковым явился первый съезд прусской социал-демократии, заседавший в конце декабря в Берлине. Этот съезд был созван в виду предстоящей сессии ландтага, а потому он, главным образом, занялся рассмотрением тех законопроектов, касающихся интересов рабочей массы, которые были предложены на рассмотрение ландтага.

Это были: 1) проект закона о жилищах, 2) проект школьного закона, 3) проект закона о нарушении рабочими контракта и 4) избирательное право в ландтаг. Жилищная нужда в больших городах стала одним из злейших бичей рабочего класса. Благодаря скучности населения и громадному спросу на квартиры квартирная плата поднимается до невероятных размеров, поглощая четверть и даже треть заработка рабочего. В силу этого пролетариату приходится ютиться в помещениях, совершенно непригодных для жилья, в сырых подвалах, на чердаках и т. д. Если же рабочий и снимает действительно жилое помещение, то ему приходится пересдавать комнаты и углы, так что в небольшой квартирке ютятся нередко по несколько семей. Этот особый вид эксплуатации бедноты—в качестве квартирнанимателей—является таким же неизбежным следствием капиталистического хозяйства, как и эксплуатация той же бедноты на фабриках и заводах. Исчезнуть может он лишь с исчезновением капитализма. Поэтому всякие полумеры, предлагаемые знахарями-реформаторами, не приводят ни к чему. Более или менее серьезные улучшения могут быть проведены лишь разумной политикой городских дум, но не тех исключительно буржуазных дум, которые господствуют теперь в Пруссии, а городских управлений, избранных непосредственно всем населением городов. Поэтому в противовес правительственному законопроекту, стремящемуся еще больше упрочить власть домовладельческой буржуазии, прусские социал-демократы выставляют в виде ближайших требований прежде всего введение всеобщего, прямого, равного и тайного голосования при выборах в городскую думу, а затем издание общегосударственного закона о жилищах, предоставление городским общинам широкого права на отчуждение земли в общественную пользу полного самоуправления общин. Только по осуществлении этих требований возможна серьезная борьба с квартирной нуждой; как средства этой борьбы, съезд рекомендует расширение общественной собственности на землю, постройку городами рабочих квартир, специальное обложение земельной ренты и т. д.

Если при обсуждении этого вопроса вскрылись ужасные подробности народной нужды, порождаемой капиталистическим строем, то еще ярче выразилась вся гниль этого строя, когда представители пролетариата подвергли уничтожающей критике народную школу, превращенную буржуазией в орудие борьбы против социализма. «Уже долгое время,—писал в своем указе министерству Вильгельм II,—меня занимает мысль сделать школу полезной в борьбе против распространения коммунистических и социалистических идей. Прежде всего школа должна служить воспитанию, в страхе божьем и любви к отечеству». И вот этим-то духом и пропитано в Пруссии все дело народного образования. При капиталистическом строе народная школа превратилась в учреждение, главная задача которого—сохранение классового господства и поддержание государственного авторитета. Для лучшего достижения этой цели школа отдана под власть церкви, поп стал опекуном учителя, и истинное знание не пускается на порог

школы. И хотя интересы промышленности требуют более развитого рабочего, хотя другие государства перегнали Пруссию в деле народного образования, тем не менее, значительная часть так-называемой либеральной буржуазии вступила, из страха перед красным призраком, в союз с врагами просвещения и выдала школу в руки попов. Для того, чтобы поднять школу на ту высоту, на которой она может стать действительно орудием народного просвещения, прусские социал-демократы требуют: 1) отделения школы от церкви, т.-е. полного устранения влияния попов на народное образование, 2) единообразной бесплатной школы для всех детей школьного-возраста, 3) создания школ и введения учебных пособий, отвечающих требованиям педагогики и гигиены, 4) бесплатной пищи и одежды для всех нуждающихся детей.

Более откровенно и более цинично выступают мероприятия правительства в вопросе об исключительных законах против нарушения рабочими договора о найме. Соответствующий правительственный законопроект, направленный, главным образом, против сельских рабочих, карает тюремным заключением и денежным штрафом как предпринимателя, принявшего на службу нарушивших контракт рабочих, так и агентов, оказывающих таким рабочим помощь, так и всякого, кто пытается склонить рабочего к нарушению договора. Социал-демократический съезд клеймит этот исключительный закон против сельского пролетариата, как противоречивый общим законам и конституции страны. Этот проект стремится закабалить рабочий класс и, выдав на произвол землевладельцев, низвести его до положения средневековых крепостных. Единственным следствием этого закона будет лишь ухудшения положения сельских рабочих, недостатка же в рабочих руках он не устранил. Поэтому съезд, протестуя против этого исключительного закона, требует полного уравнивания в правах сельских рабочих с промышленными, защиты труда посредством общегосударственного законодательства и широкого права союзов.

Съезд, конечно, прекрасно понимал, что все эти требования осуществимы лишь при наличии контроля со стороны представителей рабочего класса, а этот контроль возможен лишь тогда, когда народные массы путем всеобщего, прямого и тайного голосования введут своих представителей в высшие законодательные учреждения страны. Поэтому особый интерес вызвало обсуждение четвертого пункта об избирательном праве в ландтаг. Съезд обращается ко всему народу с горячим протестом против того безобразного порядка вещей, когда громадная масса населения лишена возможности влиять на управление страной и отдана на произвол чучке капиталистов. Съезд требует уничтожения «палаты господ» и введения всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права для всех граждан обоего пола, достигших 20 летнего возраста.

Буржуазная печать усиленно замалчивала этот действительно демократический парламент, но она этим не смогла умалить той агитационной силы, которую приобрело правдивое слово истинных народных представителей, собравшихся на первый съезд прусской социал-демократии.

* * *

Систематическая безработица, неизбежный спутник капитализма, стала уже таким обычным явлением, что необходимы особенно резкие формы ее, исключительно большое число безработных, чтобы правящие классы обратили внимание на голодающую бедноту. В эту зиму Англия переживает тяжелый промышленный кризис. «Теперь только десятый месяц года,—писала газета «Справедливость» («Justice») 15-го октября,—а безработица сказывается более резко, чем в январе и феврале—этих худших месяцев в смысле заработка». Работные дома переполнены, число лиц, обращающихся за пособием в общественные благотворительные учреждения, возросло непомерно, число безработных в одном, например, Манчестере достигает десяти тысяч, что с женами и детьми составляет от 40 до 50 тысяч голодающего населения. В виду невозможности помочь этому бедствию частными средствами местных благотворительных учреждений социал-демократическая федерация выступила с агитацией за созыв экстренной сессии парламента, указывая, что вопрос о безработице есть вопрос национальный, что на помощь голодающим должно прийти государство. Хотя представители власти относились очень неблагоприятно к идее созыва парла-

мента, тем не менее агитация социал-демократов встретила отклик в целом ряде городских советов, рабочих организаций и народных собраний. При этом раскрывались картины страшного бедствия, скрываемого нередко из страха, чтобы правящие классы не исползовали это бедствие в своих интересах. Так, например, в Глазго целый ряд трэд-юнионов уклонялся от указания точного числа безработных, боясь, что громадное количество их даст толчок к понижению заработной платы. Насколько основательны были опасения глазговских рабочих, видно из того, что, например, почтовое ведомство в Лондоне воспользовалось случаем, чтобы понизить плату почтальонам и сортировщикам и заменить разносчиков телеграмм подростками, получающими ничтожную плату. Каких размеров достигает безработица, видно из того, что по данным одного обследования процент безработных достигает 24; в г. Вигтоне число безработных в начале ноября было на 53 процента больше, чем в тот же период в прошлом году. И такие же данные получили отовсюду. Особенно тяжело отразилась безработица на детях. Так, например, по исследованию оказалось, что в Лейстере 2.000 детей вынуждено каждый день идти в школу без завтрака. По данным правительственного инспектора школ Эйхгольца, не менее 122 тысяч детей, посещающих школу, систематически недоедают: это составляет 16 проц. всего детского населения в школьном возрасте.

В целом ряде собраний, происходивших в различных городах Англии, были приняты резолюции, требующие, кроме экстренного созыва парламента, некоторых практических мер для уменьшения народного бедствия. Так, напр., в Кэмбруэлле было выставлено требование: 1) чтобы местные власти предприняли немедленно все возможные общественные работы при условии установленной трэд-юнионом минимальной платы и 2) чтобы правительство ассигновало не менее 90 милл. руб. для устройства общественных работ государственного значения. В Баттерси наряду с подобными же требованиями было выставлено еще одно, именно, чтобы управление лондонского графства ввело во всех своих предприятиях 8-часовой рабочий день, с целью увеличения числа занятых в них рабочих.

Поведение безработных начинает становиться грозным, ибо, как замечают прозорливые люди, «есть предел человеческому терпению». И Гайндман, несомненно, явился выразителем этого растущего настроения, когда в свсей речи на большом митинге в Страдфорде говорил: «Рабочих кормят только для эксплуатации или как пушечное мясо. Теперь, когда их физическое вырождение достигло таких размеров, что они не в силах сражаться за своих хозяев, правящий класс сделал открытие, что изголодавшиеся дети не могут учиться. Рабочие теперь без работы, потому что они работали слишком много в прошлом. Весьма характерно, что смертность гораздо выше в период работы, чем в период безработицы; это потому, что условия работы возмутительно нездоровы. Французская революция,—закончил Гайндман,—разразилась не благодаря порочности или грубости самодержавия, а лишь вследствие его глупости, и это же грозит классу капиталистов в Англии. Вопрос о безработных огненными буквами написан на стене».

(В. Воровский).

БИБЛИОГРАФИЯ.

Новый орган генчакистов. Недавно вышла на армянском языке газета «Арага» («Будущность»). Как видно из редакционного объявления, газета эта является «социал-демократическим органом партии «Hntshak» и имеет целью социал-демократическую пропаганду среди рабочих-армян на Кавказе». В передовой статье № 1 мы читаем: «Примыкая ко всемирной армии социал-демократии, к ее великому призыву: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Будущность», как армянский социал-демократический орган, присовокупляет: «Пролетарии всех наций, обитающих Россию, объединяйтесь!» Редакция заявляет, что она будет всячески стремиться сплотить все армянские социал-демократические силы под знаменем единой Российской Соц.-Дем. Партии. В этом стремлении она опирается на решения последнего съезда кавказских организаций «Hntshak'a», которые приводятся тут

же. «В виду того,—гласит одно из них,—что в настоящее время повсюду в России, как и на Кавказе, действует Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия, объединяющая в своих рядах социал-демократические организации разных национальностей и объявившая борьбу в том же направлении (?) против царизма и капитализма, объединение (кавказских организаций Hntshak'a с Р.С.-Д.Р. Партией) признается необходимым и считается основной гарантией успешности социал-демократической деятельности».

Затем на съезде было решено: «Принять программу Р.С.-Д.Р. П., которая является законченным, определенным и разработанным выражением I и II отделов программы партии «Hntshak», и организационный устав партии, которые таким образом становятся программой и уставом кавказских организаций партии «Hntshak». Далее съезд оговаривается: в виду некоторых затруднений, с которыми связано непосредственное практическое осуществление этих решений, кавказские организации «Hntshak'a» должны ограничиться пока солидарной деятельностью с Р.С.-Д.Р. Партией на почве единой тактики, одновременно прилагая все усилия к возможно более скорому осуществлению слияния с Р.С.-Д.Р. Партией».

Последняя оговорка объясняет формально, почему нашим товарищам из «Hntshak'a» приходится вливать пока новое вино в старые меха. Впрочем, то обстоятельство, что «Будущность» выступает от имени партии «Hntshak'a»—партии, которая, несмотря на свою истари-социалистическую «этикетку» и добрую волю своих литературных вожаков, была и остается в общем и целом до сих пор националистической партией,—не должно, повидимому, мешать ей критически относиться к настоящему положению вещей внутри этой партии и вести настойчиво, как это следует по прямому смыслу решений съезда и заявлений редакции, к полному отделению кавказской (российской) части партии от турецко-армянской и общенациональной и к полному организационному слиянию ее с Р.С.-Д.Р. Партией.

Мы приветствуем появление «Будущности», знаменующее собою новую победу и новое завоевание рабочего движения на Кавказе, и желаем ей успеха в скорейшем достижении намеченных задач.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюция минской группы. Разделяя организационные принципы партийного большинства, мы приветствуем появление органа «Вперед», на страницах которого «большинство» получит, наконец, возможность защищать и развивать эти принципы.

Считая, что внутривнутрипартийная политика ЦК, вместо примирения ведет к еще большему хаосу и разброду, мы выражаем ЦК свою несолидарность с его политической и высказываемся за немедленный созыв третьего съезда, который только один может восстановить единство партии, особенно необходимое в данный момент.

Принята большинством 4 против 2 голосов.

Минск. 26-го января 1905 г.

Резолюция одесских организаторов. Мы, рабочие, организаторы всех районов г. Одессы, выражаем свое полное негодование по поводу самостоятельного выступления одесского «меньшинства» в качестве самостоятельной организации под названием «Од. Гр. ЦК Р.С.-Д.Р.П.». Мы видим в этом факте явное доказательство желания дезорганизовать нашу работу и протестуем всеми силами души против этой позорной, бесчестной тактики. Мы заявляем открыто пред лицом всей нашей партии, что мотивировка выступления нашего «меньшинства» является только густой сетью лжи и клеветы и имеет целью скрыть от малоосведомленных рабочих свое стремление организаторов вне партии.

Нам известно, что Од. Ком. еще недавно шел на всяческие уступки перед нашими меньшевиками: он создал для них специальную коллегию—агитационную комиссию, в которой им было предоставлено большинство (4 меньшевика и 3 большевика), и которая должна была руководить всей агитацией; два меньшевика были приняты в редакционную комиссию, состоящую из 4 членов; целый ряд меньшевиков был принят в периферию в качестве пропагандистов, агитаторов и организаторов.

Комитет надеялся, что они бросят тогда свою дезорганизаторскую деятельность, когда им будет дана полная возможность положительной работы. Но дальнейшее показало, что эти господа по своему бесстыдству превзошли всякую меру.

Меньшевики, получив от комитета связи с рабочей средой, повели деятельную агитацию против него, всеми силами дискредитировали его, положительно обливали грязью представителей комитета.

Они не только не сдержали своего слова—никогда не выступить против местного комитета, но бесстыдно сеяли клевету и рознь. Возмутительнее всего то обстоятельство, что «меньшинство» откололось от комитетской организации в острый и важный исторический момент, переживаемый нами; даже больше того,—в тот самый день, когда комитет предложил им совместно обсудить общий план работы и организации всеобщей забастовки.

Как и следовало ожидать, они имели полный успех среди интеллигенции и полуинтеллигенции, всеми фибрами мечтающих о «кооптации», «автономии» и других подобных прелестях, а также среди части городского района. Но фабрично-заводские центры—Дольник и Пересыпь—и значительная часть города остались нетронутыми авантюристами и дезорганизаторами: они попрежнему примыкают к комитету.

Мы снова повторяем, что протестуем против новой группы. ЦК, утвердивший группу, не сделал никакого запроса местному комитету, не разобрав совершенно дела, совершил слышанное преступление против партии и показал ясно, что под лживой маской примиренческой политики он скрывает явное желание уничтожить комитеты большинства.

Мы выражаем ему свое полное презрение за такую трусливую и грязную политику.

Мы приглашаем всех честных сторонников революционной социал-демократии приступить к немедленному созыву 3-го съезда, чтобы низложить наши центральные учреждения, которые позорят партию, и вывести партию из того ужасного положения разброда и анархии, до какого ее довела дезорганизаторская тактика меньшинства и ЦК.

Принята единогласно 15-го янв. 1905 г.

Следуют 16 подписей.

Дезорганизация местных комитетов.

Дезорганизация партии, начатая новоискровцами тотчас после второго съезда, принесла свои плоды. Читатели «Искры» знают, конечно, и уже наизусть выучили, что комитеты большинства ниже всякой критики; работа стоит, периферия недовольна, всюду бюрократизм, формализм и прочие измы. Меньшевики «дезорганизаторски третируют», не пускают в работу. Силы меньшевиков безмерно растут в Петербурге, Одессе и других городах, и всюду основываются или подготавливаются «группы при ЦК», которые выносятся на своих плечах всю тяжесть революционной работы. Следовало ожидать, что в искони новоискровских комитетах работа идет настолько успешно, что они от избытка сил своих посылают людей в города с комитетами большинства. К несчастью, не так, оказалось, обстоит дело, судя по письмам, полученным нами из Киева, Харькова и Ростова.

Харьковский товарищ пишет нам, что существование ЦК почти не отражается на работе в этом городе. Чувствуется сильная оторванность от общерусской работы. «В ноябре в Одессе провалилась меньшевистская типография, а у нас в Харькове не было у них типографии с осени 1903 года до января этого года. Меньшинство, значит, не жалеет сил на дезорганизацию в Одессе, а у себя дома ничего не делает: оно крайне редко выпускало листки на гектографе в недостаточном количестве. Систематической пропаганды нет, массовых собраний тоже почти нет. Распущенность, неконспиративность—поразительные. После петерб. событий и Харьк. К. принялся устраивать здесь забастовку. Были выпущены листки, но их очень много захватила полиция вместе с распространителями. Было много арестов, особенно среди рабочих, а результаты были неважные. Связи Х. К. с заводскими рабочими ничтожны... При приеме на работу большевиков отговариваются тем, что просящие работы или «запачканы», или прямо нежелательны как большевики, или прием оттягивается справками, несмотря на солидные рекомендации. А между тем сами плачутся, что у них людей нет. Здесь много

людей, из которых могли бы выйти ценные работники, но меньшинство не умеет таковых выработать. В самое последнее время меньшинство вынуждено было (отпадением рабочих в Южно-Русский Союз) пригласить в организацию одного большевика. Но вред ли он у них уживется».

Ростовский товарищ пишет, что письмо об издании «Вперед» было прочитано старым рабочим-социал-демократом и произвело самое лучшее впечатление. «Только один из рабочих несколько скептически отнесся к идее совмещения в одном органе популярного и научного освещения вопросов. В общем все сошлись на необходимости издать и возможно шире распространить это письмо. Что же касается пресловутого бюрократизма, то рабочие усмотрели в этом письме совершенно обратную тенденцию и глубоко возмущены инсинуациями меньшинства. Вообще рабочие здесь совершенно не осведомлены о разногласиях. На все их просьбы рассказать в чем дело, комитет отвечает уклончиво. Между комитетом и рабочими идет уже очень долгое время глухая вражда на почве истинно-бюрократического отношения Донского комитета. Комитет старается окружить себя молодыми рабочими, беспрекословно, без всякой критики исполняющими его волю; большинство старых, опытных и надежных рабочих более или менее удаляют от дел. Наконец, комитет понял, повидимому, всю нелепость своего поведения, и на днях должно состояться собрание опальных рабочих с представителями к-та. Будут просить рабочих делать, как хотят, только бы поставить работу, которая теперь почти не существует,—до того все дезорганизовано. Рабочие намерены представить требование, чтобы ком. принимал без различия большевиков и меньшевиков, и чтобы литература большинства распространялась наравне с литературой меньшинства. Кроме того, многие из рабочих высказываются безусловно в пользу съезда, даже меньшевики начинают сознавать его необходимость. Некоторые рабочие собираются писать вам».

Наконец, киевский товарищ пишет: «Недавно заходит ко мне очень дельный рабочий, районный организатор, и настоятельно просит достать ему «Вперед» и литературу большинства о земской кампании. Он объяснил, что местный комитет объявил его и еще одного товарища последователями Ленина и поему изгоняет их из организации. Дело вот в чем. После неудачного выступления в «Обществе грамотности» (14-го дек.), согласно рецепту «Искры», следовало хождение рабочих депутатов по редакциям газет с протестом против вероломных либералов. Надо было проводить это решение по кружкам. Эти два товарища высказались против «метода наглядного обучения» и вообще за необходимость иной постановки работы, в духе самодовлеющей пролетарской тактики, оставляя в стороне всякие «сталкивания» и пр. Тут-то их и обвинили в ленинской ереси. Они упорно стояли на своем. Им предложили или проводить решение к-та, или уйти из организации. Они заявили, что будут высказывать и отстаивать свое мнение в интересах всестороннего освещения и сознательного проведения, а не прокатывания вопроса. Но комитет предложил им молчать и убраться живей из города, высказывая надежду, что они все-таки, как меньшевики, не захотят возбуждать массу против меньшевистского комитета».

Удаление из района двух видных и влиятельных работников вызвало много толков в массе. Отрядили к ним своих для разведок: «что за ересь такая, за которую комитет их раскассировал?» Ознакомившись с ересью, посланные согласились с нею, и толки в массе пошли еще больше. Каша заварилась изрядная. В это время подоспели питерские события. Некоторые большевики,—принимавшие близкое участие в здешней июльской стачке, предложили комитету свои услуги. Всем было отказано из опасения, как бы большевики не утвердились, пользуясь поддержкой тех двух рабочих, о которых я говорил. Масса крайне недовольна комитетом за его безалаберщину во время стачечного движения. Когда в одном кружке заявили, что хотят, чтобы двое исключенных были оставлены, им ответили, что если все киевские рабочие этого потребуют, то и тогда комитет не уступит. Про работающую публику, не говоря о «генералах», могу сказать, что недовольство положением дел в партии всюду растет. К ЦК относятся с полным недоверием, к ЦО скептически. Брошюры большинства и «Вперед» читаются нарасхват; хотя носящие ярлык меньшевики поругивают эти вещи, но начинают поругивать и ЦО, и ЦК в духе прочитанных бро-

шюр. Что бы там ни пели, а середняк-работник потенциальный большевик. Логика жизни и в такт ей идущие ваши издания, являющиеся для нас продолжением «Что делать?»—делают свое. Средняк-революционер, облекшийся было под влиянием всесильной моды и не менее сильного авторитета (Плеханов, Аксельрод, Каутский, Р. Люксембург) в новую форму, теперь чувствует неудобство, непригодность этой одежды и стоит,—кто на распутье, кто в тупике. Среди агитаторов и пропагандистов поговаривают, что хорошо бы снестись с перифериями других городов, столкнуться без генералов, свой съезд устроить. Как вы, должно-быть знаете, рабочие Харькова, Ростова и Екатеринослава это уже сделали. Слухи об этом проникли и к нам. Рабочие интересуются подробностями этого съезда и высказывают свою солидарность с теми пролетариями».

На фоне пагубной дезорганизации, которая теперь идет по всей партии, единственно отрадным фактом является повсеместно-растущий интерес рабочих к общепартийным вопросам. Партия сознает, что находится в болезненном состоянии, она ищет средств лечения. Это сознание, это страстное искание выхода из невозможного положения—верная гарантия, что партия сумеет излечиться от язвы дезорганизации, разъедающей ее организм.

Редакцией «Вперед» получены по 18 февраля следующие листки местных комитетов: Бакинского к-та—№ 1 Правда о войне (6.000 экз.), № 2 К рабочим механических заводов, № 5 Ко всем рабочим (6.000), Ко всем рабочим (3.000), № 45 Ко всем рабочим (4.000), (все печ.); Минской группы—

К солдатам; Минской группы совместно с минским ком Бунда—Ко всем (10.000) (обе печ.); Одесского к-та—Ко всем рабочим г. Одессы; Петербургского к-та—К рабочим (печ.). 3-й листок о революционных днях, 4-й листок о революционных днях, 6-й листок о революционных днях, «Товарищи, царь услышал просьбу...» (все гект.). Бюллетень петербургского к-та № 8 (циклост.); Рижского к-та—Товарищи, выходите на улицу! (2.600) Солдаты! (1.000), К обществу (1.000), Товарищи, бросайте работу! (1.800), Вооружайтесь (3.200). Жертвам царизма, стихотворение (3.500) (все печ.); Рижского к-та совместно с рижским соц.-дем. федеративным к-том—Ко всем рижским рабочим (1.000) (печ.); Саратовского к-та—Ко всем гражданам (мим.); Центрального к-та—«Русские рабочие и все русские граждане (печ.). Из сообщений ЦК местным организациям (2 листка—гект.).

Кроме того нам доставлены следующие листки: К врачам—изд. группы врачей-клиницистов; «Товарищи—рабочие...» воззвание рабочего, изд. группы демократов; Привет кавказским рабочим—екатеринославских рабочих; Экстренный отчет Красного Креста; Ко всем работникам и работницам г. Одессы—воззвание Одесской группы при ЦК.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Автору статьи «Мартиновские искровцы»: Очень благодарим; воспользуемся, просим писать; пришлите адрес.

Примечания.

Прим. 1. В оригинале (газете) строки этой фразы перепутаны с последующей. Очевидно при этом смысл некоторых слов был также искажен. Проверить по рукописи не оказалось возможным, так как сохранилась лишь незначительная часть ее.

а могут податься сюда.

В Шлиссельбургской губернии была забастовка, но прекратилась
после того, как введены были обязательные штрафы.

В Китее забастовка полиграфистов; рабочие много
принадлежат к рабочим.

В Радоми и Калиноу ерчка. Также в Рязанской, Там-
бовской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Екатеринбургской.
В Самарской и Тагиле забастовка, в Тифлисе тоже, там была
забастовка.

Из Самары идут слухи о предстоящих общих забастовках.
Тамбовская, будет в Красноярской устроена забастовка
400-х ~~или 500-х~~ рабочих. Придется объявить
забастовку на днях на военном положении. Думаем, что забастовка
будет там учебная забастовка, клубы и школы убоженцев.

В Тамбовской 17 числа была забастовка казенная фабрика
лава. Масса парижских.

В Екатеринбургской 18 числа забастовали рабочие
ручей. и бродячий завод. Назавтра присоединятся к ним
другие. Типографический завод тоже забастовал.
Козьмин, из всех городов. Забастовка не пошла в
Дальневосточной. Всего благ, Делюм

Факсимиле тов. А. И. Елизаровой.

(Корреспонденция напечатана не была).

Российская
Социалдемократическая
Рабочая Партия.

В П Е Р Е Д Ъ

Пролетарии всех стран
соединяйтесь!

№ 8.

ЖЕНЕВА. 28 (15) ФЕВРАЛЯ

1905 г.

Извещение о созыве третьего партийного съезда.

Перепечатываем полностью следующее вышедшее в России
воззвание.

Российская Социалдемократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Революция началась. Кровь тысяч людей обгарила улицы Петербурга, и клик мести, клик ненависти к правительству убийц пронесся по всей стране, найдя отклик повсюду. Идея свободы и народного правления проникла в широкие массы, мысль о необходимости вооруженного восстания распространяется с поразительной быстротой. Пролетарии Петербурга подали сигнал, дело идет к развязке. Волна всеобщих политических стачек и массовых демонстраций проходит теперь по всем крупным центрам России. Вероятно, волна эта отхлынет, но она глубоко встряхнет народное сознание, она даст массам первоначальное революционное воспитание. За нею вскоре последует другая, и та должна решить дело. Эта другая волна неизбежна, потому что те условия, которые вызвали первую, не только продолжают существовать, но все более усиливаются. Позорная война идет попрежнему, экономический кризис обостряется, приближаются чума, холера, голодовка, страна разорена... Перед рабочей партией выступает новая задача, небывалая по своей важности и трудности. Это—задача политического руководства рабочим классом во время революции,—задача найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей расстройкой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономические завоевания в предстоящей ломке общественного строя России. В силах ли партия такая, какая она есть, разрешить эту задачу? Всякий честный член партии должен открыто сказать: нет. Незачем доказывать этого: фактов слишком много, они слишком известны, довольно одного, самого яркого, самого ужасного. В Петербурге, в главном центре, где собрана масса партийных сил и лучших сил, руководство движением в январские революционные дни принадлежит не партии, а совершенно чужому партии лицу—священнику с группой полусознательных людей, слепо в него верящих, увлеченных его религиозно-утопическим энтузиазмом. В эти дни буржуазные группы оппозиции отказываются признать социал-демократию законной представительницей пролетариата, ссылаясь на ее внешнюю

слабость, на отсутствие в ней единства; они даже пользуются случаем заводить самостоятельные связи в рабочей среде, надеясь получить политическое влияние на нее и надеясь использовать ее силу в своих интересах. Это небывалое унижение партии. Так долгие нелзя. С этим надо покончить. Партия должна сделать себя достойной своей великой идеи. Где причины слабости социал-демократии? Ответ простой. В отсутствии партийного единства, политической неспособности официальных вождей партии. Эти две причины неразделимы. Неспособность официальных вождей поддерживать и обострять неурядицу. Неурядица, заглушая их все больше и отнимая у них возможность производительной партийной работы, делала их все более негодными. Мы, сторонники партийного большинства, давно уже ведем борьбу за единство партии. Мы давно указывали на единственно-возможный для партии, единственный достойный ее выход из этой неурядицы, на партийный съезд.

Мы давно указывали на новые и труднейшие тактические и организационные задачи, которых не в силах и не в праве разрешить самостоятельно наши центры. Мы выяснили, что время не терпит, что скоро будет поздно, что партия рискует раздробленной и бессильной попасть в поток великих событий, рискует потерять тогда свою политическую честь и проиграть дело пролетариата. Как же отнеслись ко всему этому центры? Ц. О. упорно продолжал свою борьбу против большинства партии и, лицемерно говоря в последнее время о партийном мире, угрожал расколом на съезде, хотя было выяснено, что никаких программных разногласий в партии нет, а тактические и организационные не так велики, чтобы угрожать единству партии при очной ставке ее оттенков. Совет партии отчаянно боролся против съезда, открыто нарушая устав партии. Он под фантастическими предлогами объявлял отдельные резолюции за съезд недействительными, он установил двухмесячные периоды, из которых в каждом счет должен начинаться снова, установил, прекрасно зная, что при русских расстояниях и конспиративных условиях двух месяцев практически недостаточно даже для оповещения всех комитетов о ходе партийных дел, и сделал еще целый ряд постановлений в этом же роде. Словом, он отменил своей властью установленные съездом права к-тов по созыву съезда. Ц. К. энергично агитировал против съезда, объявлял всех, боровшихся за съезд, дезорганизаторами и, наконец, сделал ряд попыток дезорганизовать местную работу комитетов, стоявших за съезд. Он неофициально поддерживает или устраивает в целом ряде городов группы организационного м-ва, работающие параллельно с к-том, конкурируя с ними; так поступает он в Одессе, Екатери-

нославе, Н.-Новгороде; в Петербурге он официально утвердил такую группу под именем «группы Ц. К.», вопреки прямому официальному своему обещанию, данному им за несколько дней Петербургскому комитету о том, что подобные шаги не будут предприняты без обсуждения их при участии Петербургского комитета. Следовательно, Ц. К. практически своим давлением свел к нулю право членов партии на агитацию за съезд и нарушил уставом данное комитетам право организовать всю местную работу. Так руководили центры внутрипартийной жизнью. А их внешняя политика? Ц. О. сделал одну единственную попытку реального политического руководства партией: листок «Искры» о плане земской кампании. Сущность этого плана сводится к тому, что социал-демократия должна идти в хвосте буржуазных партий, предоставляя им говорить от имени народа. Негодность этого заграничного измышления признается теперь, повидимому, даже большею частью сторонников «Искры». Ц. К., обязанный быть постоянным политическим руководителем партии, не выполнил этого ни в один из трудных моментов общепартийной жизни: ни при начале войны, ни 1-го мая, ни при осенних мобилизациях. Он не установил никакого собственного отношения к либерально-буржуазным партиям и распространял нелепый план кампании «Искры», не высказываясь даже против него. Хода событий Ц. К. не предвидел. Когда некоторые из нас в собраниях комитетов страстно убеждали представителей Ц. К. в неотложности съезда в виду предстоящих революционных конфликтов, представители эти, пожимая плечами, отвечали: «А может-быть, революция будет не так скоро». Допустима ли в политических вождях такая степень близорукости и наивности? Благодаря негодности центров, партия не подготовлена к борьбе. Необходимо подготовиться как можно быстрее. Средство—немедленный созыв съезда.

Съезду предстоит решить следующие неотложные вопросы революционной тактики. 1. Вопрос о методах непосредственной политической борьбы. Здесь на наш взгляд первое место занимают вопросы: о планомерной организации всеобщих политических стачек, о способах вооружения масс, о способах организации вооруженного восстания, о способах воздействия на армию, о границах революционных действий, поскольку они затрагивают не только наших прямых врагов, но и другие классы общества (напр., насколько допустимо в больших городах разрушение водопроводов, закрытие лавок, торгующих необходимыми припасами). 2. Вопрос об отношениях к буржуазной оппозиции: при каких условиях и в каких пределах возможно координировать в борьбе с самодержавием наши действия с их действиями. Какое значение придавать формальным переговорам и т. п. Их открытое выступление и та позиция, которую они заняли по отношению к социал-демократам, изменили многое со времени второго съезда, и история с планом земской кампании показывает, как мало мы можем полагаться в этом вопросе на свои нынешние центры. 3. Вопрос о соглашениях и объединении с национальными социалистическими партиями: Бундом, польской, литовской, украинской, финляндской, армянской и др. Настоятельность вопроса очевидна: восстановление единства партии на наш взгляд чрезвычайно облегчит достойное партии разрешение этой задачи.

Вопрос о соглашении с соц.-рев. на наш взгляд должен быть подвергнут детальному обсуждению. 4. Вопросы собственно организационные: I) установление определенных границ партии путем замены нынешнего параграфа I устава мартовского ленинским, по которому членами партии являются только члены партийных организаций; II) установление реального единства партийной организации путем следующих реформ: а) точное определение границ централизации и автономии отдельных организаций; мы будем бороться за строгую централизацию, но против наивного бюрократического ее понимания, выдвигаемого теперь центрами, которые требуют слепого повиновения при своей очевидной негодности; надо помнить, что основу организации составляют сознательно-товарищеские отношения; мы будем стоять за возможно-широкую автономию местных комитетов и групп, к ним примыкающих, но против выдвигаемого меньшинством, якобы, демократического понимания этой автономии, которое при тяжелых внешних условиях революционной борьбы привело бы на практике к настоящей анархии; б) уставное определение основ взаимных отношений комитетов с перифериями; в) преобразование центров. Мы полагаем, что центр должен быть один и притом русский. Мы не думаем исчерпать поставленными вопросами программу съезда, но считаем их важнейшими и наиболее неотложными. Уже из их перечисления видно, что у съезда будет слишком много работы в деле реформы, чтобы он мог обратиться в съезд суда над отдельными членами партии; к тому же мы и не считаем нынешними плохих руководителей партии сознательно преступными по отношению к ее интересам: они только жертвы непосильности задач, выпавших на их долю. Съезд необходим. Это признано комитетами большинства, и они выбрали путем ряда конференций (Северной—6 комитетов, Южной—3 комитета, Кавк.—4 комитета) организационное бюро III съезда, при чем предоставили этому бюро право, когда будут исчерпаны средства добиться, чтобы съезд был организован центрами, выступить в роли организационного комитета и устроить самый съезд. Теперь все средства исчерпаны. На все вопросы большинства Ц. К. отвечал отказом созвать съезд или при помощи уклончивых ответов старался затянуть дело. Между тем, время не ждет. Грозные события надвигаются. В виду этого организационное бюро приступает к делу организации съезда. Если бы у кого-нибудь все еще остались сомнения, законен ли созыв съезда не через центры, то мы такому товарищу ответим одно: революционные события вызывают к действию революционное право, а оно отрицает практические негодные учреждения. Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата.

Бюро комитетов большинства.

ОТ РЕДАКЦИИ 1).

Редакции «Вперед» остается только выразить свое горячее сочувствие почину русского бюро. Наконец-то, сделан энергичный шаг к партийному выходу из положения, созданного заграничными бонапартистами! В отделе «Из партии» мы помещаем сведения о том, как быстро откликаются комитеты на призыв бюро. Пусть последуют их примеру все и всякие группы и орга-

низации, а также отдельные лица, причисляющие себя к Рос. С.-Д. Р. П. или хотя бы примыкающие к ней по своим воззрениям и симпатиям. Третий съезд созывается впервые при таких условиях, когда заранее известен и состав его (на основании устава партии), и ход работ, и право на участие в нем кого бы то ни было. Пусть же все товарищи шире пользуются этими условиями! Пусть не забывают, что устав нашей партии гарантирует каждому возможность обратиться к съезду (§ 10 устава: «Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, в праве требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., в редакцию Ц. О. или партийному съезду»). Пусть пользуются немедленно этой возможностью. Редакция «Вперед» берет на себя доставку таких заявлений русскому бюро, которое конституировалось теперь как Организационный Комитет съезда. Участие на съезде с решающим голосом доступно лишь представителям комитетов и других полноправных, на основании устава, партийных организаций. Но участие с совещательным голосом доступно с разрешения самого съезда—кому бы то ни было, а с разрешения Организационного Комитета—делегатам неполноправных партийных организаций (§ 3, прим. 2-е устава партии: «Ц. К-ту предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1-м», т.-е. которые не утверждены в своем полноправном звании за год до съезда.—Само собою разумеется, что Орг. Ком., созывая съезд по поручению большинства комитетов, против воли бонапартистского Ц. К-та и Совета, перенимает все права Ц. К-та по созыву съезда).

Редакция «Вперед», со своей стороны, предлагает съезду такой примерный порядок дня. 1. Конституирование съезда (регламент, доклад Орг. Ком., проверка мандатов). 2. Отчеты делегатов. 3. Партийный кризис*). 4. Организационный вопрос. 5. Отношение к восстанию. 6. Соглашение с революционной демократией для целей восстания. 7. Отношение к либералам. 8. Работа в крестьянстве и поддержка революционного крестьянского движения. 9. Работа среди войска. 10. Улучшение пропагандистской и агитационной работы. 11. Выборы должностных лиц.

Активное участие всех членов партии в выработке и подготовке докладов и резолюций по этим и другим крупным вопросам (а также в собирании материала для докладов) безусловно необходимы для успеха съезда. Мы приглашаем всех сторонников партийности взяться за эту работу немедленно. Всякий, участвовавший так или иначе в перипетиях партийного кризиса, может помочь съезду кратким сообщением своего опыта и своего мнения о средствах выхода. Каждый, работавший в любой партийной или примыкающей к пар-

*) Бебель обратился с письмом к Ленину, предлагая себя в третейские судьи между сторонниками «Искры» и сторонниками «Вперед». Ленин ответил, что ни он, ни кто-либо другой из известных ему сторонников «Вперед» не в праве связывать своими шагами всю партию, и что предложение Бебеля должно поступить поэтому на рассмотрение созываемого русским бюро партийного съезда. Мы думаем, что съезд мог бы отнестись к этому предложению к пункту «партийный кризис».

тии организации, может дать полезнейший материал, основанный на его личном опыте, для решения различных сторон организационного вопроса. (Вот примерная программа таких сообщений: время и место работы; число членов организации, рабочих и интеллигентов; отношения между ними; нужны ли писанные уставы и какие; нужно ли нормирование и какое, относительно пределов автономии, разделения труда, групп, входящих в партию и примыкающих к ней, кооптации и исключения членов; выборное начало; отношение комитетов к группам пропагандистов, агитаторов, организаторов, районным и фабричным кружкам, литературским и техническим комиссиям и т. д., и т. д.).

В редакцию «Вперед» доставлены уже некоторые материалы о работе среди крестьян и среди солдат. Нам известна одна группа, систематически работающая над сводкой опыта своих членов в деле пропаганды, агитации и организации и над составлением доклада съезду. Нам обещан доклад одного товарища, участвовавшего в работе организации вооруженного сопротивления с отен рабочих на случай еврейского погрома в одном из больших городов, а также доклад товарища, изучавшего военное дело, по вопросу об уличной борьбе. В высшей степени важно, чтобы за подобную работу взялись немедленно товарищи, в возможно большем числе.

Партийный кризис выяснен в литературе до мельчайшей черточки. Обсуждение его не может и не должно занять много времени. Центральным пунктом работ съезда должны быть новые вопросы организации и тактики, выдвигаемые новым гигантским подъемом нашего революционного движения. Для решения этих вопросов коллективный опыт всех социал-демократов, хоть сколько-нибудь участвовавших в движении, представляет неоценимую важность. Надо только поскорее собрать этот опыт и сделать его доступным для обсуждения съезда.

За дело же, товарищи! Пусть за активную помощь съезду немедленно возьмется всякий, кому дорого социал-демократическое рабочее движение. Тогда партия быстро выйдет из периода временного унижения и ослабления на дорогу активнейшего участия в великой русской революции,—на дорогу, ведущую к победе над проклятым врагом русского народа!

(Н. Ленин).

Комиссия государственных фокусов.

Рабочий класс нельзя застрелить! После 9-го января наше правительство вполне поняло эту истину. Какой-то политик сказал: «Штыком можно приколоть восстание, но нельзя сидеть на штыке». После 9-го января самодержавная власть сидит на штыке и не находит эту позицию особенно удобной. Раз солдатские пули не убили недовольства рабочего класса—приходится попытаться «пойти на уступки». Для наших правительственных шарлатанов—«пойти на уступки»—вовсе не значит улучшить положение рабочего класса, этого они не хотят и не могут сделать: правительство всегда дает рабочим

змею вместо рыбы и камень—вместо хлеба; «пойти на уступки»—это значит дать камень, подкрашенный под хлеб и змею, подделанную под рыбу. Крупицу, жалкую крупицу грошевого улучшения, разбавят, раздуют, обложат всякой ложью и преподнесут рабочим, чтобы навремя затуманить их сознание, отравить их волю, вновь поддержать вредоносную веру в возможность самодержавного рабочелюбия.

Как смотрим мы, соц.-дем., сознательный авангард рабочего класса, на пресловутую комиссию сенатора Шидловского? В наших глазах она не более, как комиссия государственных фокусов. Г. сенатор с тонкой усмешкой выходит на эстраду перед почтеннейшей публикой всего мира и намеревается выполнить при закулисной содействии полиции разнообразный дивертисмент. В его программе видное место занимают такие номера: петербургский рабочий, недавно провозгласивший: смерть или свобода!—на глазах у всех превратится в послушную овечку; сенатор Шидловский из нескольких кусков бумаги приготовит в собственной шляпе яичницу, которую затем накормит даже не пять тысяч человек, а весь рабочий класс России. Гнусная, пошлая, зубатовско-виттевская комедия!

Если бы русский рабочий класс уже теперь стоял сознательно под знаменем социал-демократии, то в ответ на стремление правительства надуть его, надев лицемерно-угодливую маску, он—естественный вождь угнетенного русского народа—ударил бы могучей рукою в лицо самодержавным убийцам и мошенникам и вдребезги разбил бы их вместе с их личинами. Но существуют еще рабочие, которые не верят нам, социал-демократам, на-слово, которые спрашивают себя: «А не выйдет ли чего путного из комиссии Шидловского?»

Хотите сделать опыт, товарищи рабочие не социал-демократы?

Припомните ваш великий опыт с петицией. Когда социал-демократы предупреждали, что царь—злейший враг народа, им отвечали: «Мы посмотрим». Что же? Социал-демократы не махнули рукой, не отошли в сторону, хотя, конечно, ни в какие петиции они не верили: они старались только, чтобы опыт поставлен был широко, и в этом отношении вожди рабочих не соц.-демократов, как Гапон, шли навстречу им. Широкою гласностью ввели рабочие в дело своей петиции, о каждом шаге их руководителей было всем им известно, и каждое решение принималось сообща. Это—во-1-х. А во-2-х, петицию составили не мизерную, не художничью либеральную, а настоящую демократическую. Дорого, бесконечно дорого стоил рабочим их опыт, но, благодаря тому, что он был широко поставлен, никто не скажет, что жертвы кровавого воскресения пали задаром. Но есть рабочие, которые еще продолжают ждать чего-нибудь доброго из Царского Села. Эти рабочие делают еще один опыт, и надо, чтобы они опять поставили его открыто, широко.

Сенатор Шидловский предлагает вам, петербургские рабочие, выяснить правительству ваши нужды. Но для этого прежде всего вам надо сообща выяснить эти нужды и их причины для себя самих, и потому вы потребуете у правительства, во-1-х, права, для рабочих собираться на открытые собрания для свободного совещания о своих нуждах; 2) права выслушивать при этом всех, кого рабочие найдут нужным выслушать; 3) га-

рантии полной личной неприкосновенности для всех участников рабочих собраний.

О своих нуждах вам предлагают говорить с правительством через представителей. Все меры будут употреблены, конечно, чтобы навязать вам представителей по сердцу властям, но петербургские рабочие будут неуклонно требовать выбора представителей всеми рабочими и работницами на основании прямого и тайного голосования. Не прямые выборы, несомненно, дадут полиции возможность сильнейшим образом повлиять на них.

Выбранные вами делегаты должны иметь право и обязанность оповещать вас, своих избирателей, на собраниях и печатно обо всем, что делается в комиссии, чтобы весь рабочий класс мог следить за тем, как выполняют они свое дело, и как ведут себя «друзья рабочих»—фабриканты и чиновники, члены комиссии.

Петербургские рабочие не могут знать нужд всей рабочей России, и потому они должны требовать распространения вышеизложенных прав на рабочих всех промышленных центров.

Мы, социал-демократы, знаем, что правительство бросит свою опасную игру в комиссии, как только убедится, что из погремущки, которой оно хотело позабавить народ, комиссии эти превращаются в оружие в руках пролетариата.

Правительство пускается в эту игру только потому, что надеется обморочить еще темную рабочую массу. Вот почему «Московские Ведомости» с жаром доказывают теперь, что «настоящий трудовой люд» должен сам высказаться о своих нуждах, вот почему они кричат, что нужно устранить всяких посредников и заместителей. Им хочется, чтобы у рабочих не было опытных и преданных адвокатов в их великой тяжбе с правительством и капиталом. И когда депутаты части петербургских рабочих попросили у Шидловского права выбрать в делегаты лиц интеллигентных, сенатор, должно быть, убежденный сторонник «самодетельности пролетариата», наотрез отказал им. Он хочет, эта тайная сенатская лисица, остаться с глазу на глаз с неискушенным в ухищрениях рабочим, чтобы легче его одурачить. Напрасная надежда! Наш сенатор, видно, поверил, что социал-демократическая партия и впрямь есть партия интеллигентская, что стоит только оградить рабочих от влияния интеллигенции, и некому будет осветить рабочей массе в темноте и указать ей путь. С этой целью треповские провокаторы хрипят в уши серым рабочим: «Твое рабочее дело особое, а студенты тебя совращают, против царя поднимают,—бей студентов!» Напрасны все эти уловки: рядом с интеллигентом-социал-демократом работают уже над просвещением своего класса многочисленные социал-демократы-рабочие. И теперь, когда петербургским рабочим предстоит новый опыт, социал-демократы сделают все, чтобы он как можно ярче показал рабочему классу подлую изнанку царских посулов, все шулерство новой царской игры.

Но если гг. правители так горячо стали защищать самостоятельность рабочего класса из собственных низких расчетов, то голый расчет руководит и теми либеральными барами, которые стараются примазаться к рабочему делу. Они мотаются между правительством и рабочими и все хотят их примирить, но так при этом, чтобы в выигрыше были сами гг. либералы. Управившая рабочих быть поподатливее, они обещают им, что

выхлопчут разные реформы и все устроят по-хорошему, а правительству либералы грозят волнениями рабочих и вымогают уступки для себя. Но этим корыстным посредникам не удастся испортить ту могучую серьезность, которую вносят рабочие в свое дело.

События бегут! А по отношению к комиссии Шидловского ~~их~~ подгоняет само правительство. Чуть не в три дня хочет оно закончить выборы рабочих делегатов: это—чтобы рабочие не успели опомниться. Но и этот ловкий полицейский шаг не поможет правительству. Уже известно, что три депутата С.-Петербургского вагоностроительного завода поставили Шидловскому требования, весьма близкие к тем, которые мы наметили. Можно сказать почти наверное, что к ним примкнет вся масса петерб. рабочих. Особенно же важно то, что депутаты вагоностроителей прямо пригрозили сенатору, что всякая фальшь в деле выборов усилит волнения рабочих. Без угрозы нельзя с этими господами!

Правительство попало в положение смешное со стороны и ужасное для него самого. Оно благосклонно протянуло руку петербургским рабочим, ожидая, что они с благодарностью облобызуют ее. Рабочие протянули свою и так стиснули вельможные пальцы, что их уже и не вырвешь; они глянули прямо в глаза лукавым дипломатам—строго и серьезно—и жутко господину Шидловскому, холодный пот выступает на его мудром челе, и он жалеет, что рука была так неосторожно протянута.

Крепче сжимайте протянутую руку, пролетарии, если уж вы захотели считаться с дипломатией вельможных господ. И когда они в ужасе и злобе выдернут свою руку и схватятся за единоспасающую нагайку,—русский пролетариат остановит всю промышленную машину и подымет оружие под знаменем социал-демократии.

Разновидность оппортунизма.

Иногда от молодых товарищей приходится слышать, что оппортунизм—это бернштейнианство, или что это—измена догме марксизма. Определять так оппортунизм значит, во место широкого понятия подставлять частный случай. Происхождение термина оппортунизм (от латинского *opportunistus*—удобный) связано с именем Гамбетты, одного из вождей французской буржуазии. Сделавшись министром-президентом, Гамбетта, вместо изложения министерской программы, объявил, что он будет действовать без всякой программы, смотря по удобству. Члены партии, во главе которой стоял Гамбетта, сами стали называть себя оппортунистами. Из этого видно, что оппортунизм, как термин, появился задолго до бернштейнианства. Последнее было лишь подведено под категорию оппортунизма. Оппортунизм возможен во всякой партии и проявляется в самых разнообразных видах. В одних партиях оппортунизм встречается к себе резко отрицательное отношение, в других пользуется даже некоторым почетом, как проявление будто бы политической мудрости.

Основная черта оппортунизма—нежелание или неуме-

ние связать свою политическую деятельность с общими руководящими принципами. Отсюда непостоянство, смена лозунгов, резкие скачки, режущие противоречия. Оппортунист не руководится в жизни широкими принципами: он носится по житейскому морю по воле волн и ветров. По замечанию одного из теоретиков марксизма, общая черта оппортунистов в социал-демократии состоит в том, что они неспособны связать в одну органическую картину текущую работу партии с ее социально-революционной целью, т.-е. они не умеют (а иногда и не хотят) ставить свою деятельность в связь с основными принципами марксизма и потому постоянно изменяют марксизму. Конечно, это неумение связать или подчас и прямо нежелание связывать, эта малодушная боязнь мысли или неумение мыслить ищет себе какою-нибудь прикрытия; по большей части оппортунист пытается укрыться за красивую фразу. Не умея связать принципов с практикой, оппортунизм, конечно, и не придает значения тому, под какими принципами он подписывается. Принципы для него—только слова; дело же—вещь совсем особая; и оппортунист готов менять принципы применительно к выгодам и удобствам момента. В расчете на минутный успех, например, в политике, оппортунист готов защищать прямо противоположные теории; он готов ставить цели, исключаящие одна другую. Понятно, что, ежеминутно меняясь, он ставит в самые неудобные положения своих искренних последователей, которые поддались сегодняшним уверениям оппортуниста: завтра оппортунист заговорит, по соображениям выгоды, совсем противоположное, и, таким образом, окажется более или менее изменником по отношению к сегодняшним ученикам. Однако, непостоянству оппортуниста имеется предел. Если он перейдет этот предел, если шагнет слишком далеко в сторону, то ему придется рассчитывать уже на совсем новых последователей, а прежние сторонники отшатнутся и объявят его перебежчиком или изменником. Слишком широкий оппортунизм превращается уже в ренегатство: количество переходит в качество. Таким образом, можно сказать, что оппортунизм—это систематическая маленькая измена, а измена—это очень большой оппортунизм.

И все-таки оппортунизм пользуется в некоторых партиях уважением. Это бывает тогда, когда партия занимает промежуточное положение между двумя крайними, более сильными партиями; или тогда, когда партия объединяет людей с разнородными интересами. Вождем таких партий приходится нюхать воздух, угадывать, кто сильнее, чтобы приблизиться к более сильным и заручиться их расположением. Таково, например, положение в России партии либералов-конституционалистов, стиснутых между самодержавием и социал-демократией; к тому же партия разнородна по составу. Либералы то подвинутся влево в надежде на поддержку пролетариата, то кинутся вправо, рассчитывая вымолить у самодержавия хоть небольшую уступочку. Неоднородный состав либеральной партии ведет к тому, что редактор «Освобождения» должен рассчитывать сегодня на крупную буржуазию и боится произнести слово в защиту всеобщего избирательного права; а завтра Струве увидит, что нужно привлечь к себе мелкую буржуазию, и тогда он высказается против избирательного ценза. Но, высказавшись, наконец, за всеобщее из-

бирательное право, Струве тотчас начал защищать оппортунизм вообще. Этой защитой он говорит: «Господа сторонники цензовой конституции! Я совершил по отношению к вам маленькую измену, так как высказался за всеобщее избирательное право. Но вы видите, я проповедую оппортунизм: значит, если будет удобно, я во всякое время готов совершить новую маленькую измену, готов отказаться ради ваших интересов от всеобщего избирательного права. Нужно говорить то или другое, смотря по удобству в данный момент». И либералы полимают и одобряют Струве, потому что оппортунизм—самая удобная тактика для разношерстной либеральной партии, сидящей между двух стульев.

В пролетарской партии оппортунизм не может пользоваться уважением, потому что эта партия выражает однородные интересы последнего из угнетенных классов, освещенные твердыми принципами целостного революционного миросозерцания. Поэтому в социал-демократии оппортунист не объявляет себя открыто оппортунистом. В социал-демократии оппортунист стыдится своей наготы и старается прикрыться красивой фразой, которая пришлась бы по сердцу не очень вдумчивым людям из числа социал-демократов. Так, например, оппортунист Бернштейн, подрывая все основы марксизма, хотел спрятаться за фразу: «Движение для меня все, конечная цель—ничто». Фраза эта на первый взгляд приятно звучит для марксиста. Ведь, мы в самом деле признаем, что все движется, все развивается, и самая жизнь человеческого общества интересна для нас настолько, насколько она развивается, идет вперед. А что такое конечная цель? Это такая цель, по достижении которой уже не к чему больше стремиться, это конец всякому развитию. Разве стоит тратить свои силы на достижение такой цели, за которой жизнь должна замереть, всякое улучшение должно прекратиться? Нет, не стоит. Выходит, будто, Бернштейн прав. Но стоит немного вдуматься, чтобы увидеть, как он был не прав. Откуда Бернштейн взял конечную цель? Разве марксизм ставит себе какую-то конечную цель, по достижении которой уже некуда идти? Нет, цель социал-демократов состоит в уничтожении господства буржуазии над пролетариатом. Уничтожение этого господства поведет к дальнейшему развитию человечества; оно даст развитию и движению такой сильный толчок, какого еще не переживало человечество. Откажитесь от этой цели, и что вам останется? Движение,—говорит Бернштейн. Куда движение? Неизвестно. Это будет плавание без руля, это будет политика ради минутных мелких выгод, это будет чистейший оппортунизм, систематическая маленькая измена политики сегодняшнего дня по отношению к политике вчерашнего дня, а, в конце-концов, из этого должна получиться настоящая измена интересам рабочего класса.

Бернштейн был разбит на-голову; его учение потерпело крушение и пошло ко дну. В деле его потопления большая доля заслуги принадлежит Плеханову. Но если человек умно и успешно боролся против одного вида оппортунизма, это еще не значит, что он вообще навсегда застрахован от временной ошибки, от временного владения в оппортунизм другого вида. Это может легче всего случиться тогда, когда в очень трудную минуту партийной жизни человек отступит от неуклонного проведения в жизнь основных принципов, когда

он хоть раз позволит себе поступить против собственного убеждения; если он при этом сделает уступку оппортунистам и во-время не спохватится, то он и дальше должен будет изменять самому себе. Так именно случилось с Плехановым. Он имел и имеет твердые организационные принципы; благодаря своему сильному уму, он всегда сумел бы поставить эти принципы в связь с практической деятельностью. К несчастью для себя и для партии, он сделал одну уступку людям беспринципным в организационном вопросе, он соединился с ними в надежде достигнуть таким образом умиротворения партии. Один из основных принципов всякой организации—это соблюдение правил организации, то-есть соблюдение партийной дисциплины. Плеханов понимал это; в № 52 И., он говорил, что в числе предстоящих нам задач нет задачи более важной, чем самовоспитание в духе партийной дисциплины. И вот, соединившись с людьми, которые нарушали партийную дисциплину, Плеханов, добросовестно подчиняясь дисциплине по отношению к ближайшим товарищам, вынужден был всячески защищать их образ действий; незаметно для самого себя, защищая товарищей, он дошел до отрицания всяких твердых принципов в организации партии, дошел до отрицания какой бы то ни было дисциплины. Как враг всякого оппортунизма, он постарался подвести поведение свое и товарищей под общий принцип, но вместо революционного принципа получилась у него красивая фраза в бернштейновском духе. Бернштейн говорил: «Движение для меня все, конечная цель—ничто». Плеханов говорит: «Для революционеров целесообразность—все, формальность—ничто». (И. № 66.)

Как и фраза Бернштейна, фраза Плеханова на первый взгляд выражает правильную мысль. В самом деле: ведь, социальная революция должна порвать и рвет всякие формы и формальности отживающего строя,—она рвет всякие политические, нравственные, семейные формы, которыми держится старый мир. Для революционера нравственно, законно, хорошо все то, что приближает время революции. Где же тут считаться с какими бы то ни было формальностями? Но присмотримся ближе к мысли Плеханова. Подумаем о значении слов, которые мы пишем на своем знамени: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Призывая соединиться для борьбы, о каком соединении мы говорим? Неужели о соединении в бесформенную толпу, которая будет под случайным впечатлением хвататься то за одно дело, то за другое? Нет, мы зовем пролетариев соединиться в организации для систематической, планомерной, совместной борьбы против господства буржуазии. Если вы отрицаете организацию, вы должны снять с вашего знамени слова «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Но организация состоит в том, что каждый член имеет определенные права и обязанности. Перечисление этих прав и обязанностей называется уставом организации, а отдельные права и обязанности записываются в отдельные параграфы устава. Организация начинает существовать, когда люди согласятся насчет взаимных прав и обязанностей; организация перестает существовать, когда параграфы устава не соблюдаются. Значит, разрывая формы и формальности старого порядка, организация революционного пролетариата ставит на их место новые формы; соблюдение этих форм необходимо для дела революции. Уставы организаций могут изменяться

по согласию членов, но пока устав существует, нужно исполнять его, иначе невозможна будет организация.

Плеханов говорит, что формальность—ничто. Он был бы прав, если бы говорил о формах или формальностях буржуазного порядка. Но он говорит о тех формальностях, которые входят в устав нашей партии, которые определяют права и обязанности членов партии. Если мы будем договариваться между собою о правах и обязанностях, будем писать устав организации и сейчас же говорить, что этот устав—ничто, то зачем же договариваться, зачем писать устав? Сказать, что всякий может, когда хочет, нарушать устав, это значит, предоставить каждому право совершать маленькую измену по отношению к товарищам, это значит, открыто проповедывать оппортунизм. Бернштейн, подкапываясь под все основы марксизма, продолжал называть себя марксистом; Плеханов, уничтожая главную основу организации, проповедуя нарушение прав товарищей по отношению друг к другу, считает все-таки себя членом организации и на словах готов признавать партийную дисциплину. Это сходство не случайное: оппортунисты вообще готовы подписаться под каким-угодно принципом, потому что не придают принципам никакого значения; оппортунист в организационном вопросе готов признавать всякое правило организации, потому что он заранее решил пользоваться только правами и не исполнять своих обязанностей: ведь, формальность—ничто, проповедует Плеханов. Так Плеханов, который по своему умственному складу не оппортунист, связавшись с беспринципной компанией, дошел незаметно для себя до того, что стал проповедывать самый вредный оппортунизм, стал пропагандировать систематическую маленькую измену по отношению к товарищам по партии. А Аксельрод в письме к Каутскому решается уверять, будто не понимает, как это можно быть оппортунистом в организационном вопросе! Но, к несчастью для Аксельрода, существует на свете его ученик Троцкий, о котором верно сказано: что у умного новоискровца на уме, то у Троцкого на языке. Троцкий пишет: «Мы, так-называемое меньшинство, не выставляем самостоятельных организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно, в процессе политической борьбы. В этом смысле мы действительно проявляем «оппортунизм в организационном вопросе». Нужно только иметь в виду, что противостоящий нашему оппортунизму организационный ригоризм (т.е. строгое и точное исполнение своих обязанностей по отношению к товарищам?) есть не что иное, как оборотная сторона политического тупоумия». («Наши пол. зад.», стр. 86). Плеханов и Троцкий разными словами говорят одно и то же. Только Троцкий болтливее Плеханова и Аксельрода... на пользу партии, но не на пользу своим учителям.

Оппортунизм—возведенная в систему маленькая измена. Оппортунист постоянно готов менять мнения, смотря по тому, какое мнение он считает сейчас выгоднее высказать. От этого оппортунисты постоянно противоречат самим себе. Конечно, не всякое противоречие является признаком оппортунизма. Всякий человек, который развивается, может переходить от одного мнения к другому, более правильному. Но такой человек сейчас же начинает бороться против своего старого мнения; он

всегда сможет объяснить, вследствие каких новых фактов, новых познаний или размышлений, он переменяет мнение. Точно так же не оппортунист еще тот, кто впал в противоречие незаметно для самого себя, потому что вопросы для него трудные и запутанные; но такой человек постарается устранить противоречие, если ему укажут на него; и опять-таки он сможет объяснить, почему он в одном случае пришел к одним мыслям, а в другом—к другим. При всякой такой перемене мыслей вы легко объясните себе, почему человек переменяет мнение. Напротив, оппортунист меняет мнения не почему-нибудь, а зачем-нибудь. Он высказывает новое мнение, потому что считает, что высказать его выгоднее, чем держаться старого.

Ставши на путь оппортунизма, «Искра» стала постоянно метаться из стороны в сторону и высказывать прямо противоположные мысли. Например, новоискровцы захотели доказать, что при выполнении организационного плана Ленина мы имели бы организацию демократической буржуазии, которая ведет за собою рабочие массы (И. № 57 и Троцкий Н. П. З., стр. 3). И вот новоискровцы в один голос заговорили, что русская социал-демократия по своему преимущественному составу не рабочая, а интеллигентская партия. Это на разные лады повторяли Аксельрод, Мартов, Р. Люксембург, Троцкий. Они говорили, «что выделение в России сознательного пролетариата находится лишь в процессе возникновения», что «партия теперь только впервые приступает к пролетариату». Но прошло несколько месяцев, понадобилось сказать другое, и тот же Аксельрод говорит: «Теперь сознательно-революционные рабочие составляют собою главные отряды социал-демократической партии». А «Искра» (№ 85) прибавляет, что социал-демократия связана с народными массами 20-летней деятельностью. Разве такое противоречие могло произойти от незнания или от ошибки? В другом случае Плеханов доказывал, споря с Лениным, что еще в 70-х годах русское рабочее движение влияло на сознание интеллигентных революционеров. А Аксельрод, нападая на Ленина, с другой стороны, уверял, будто социал-демократия, явившись результатом интеллигентского движения, вызвала в России рабочее движение. Нападают на Ленина с разных концов и в доказательство высказывают совсем противоположные мысли, когда какая выгоднее. В книге «Что делать?» Ленин писал: «История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться... необходимых для рабочих законов». Учение же социализма выросло из теорий, которые разрабатывались интеллигенцией. Плеханов называет эти мысли Ленина пaskвилем на рабочий класс. А между тем в журнале «Заря», под редакцией Плеханова, В. Засулич писала: «Даже идея классовой солидарности всего пролетариата... не так уж проста, чтобы самостоятельно зародиться в голове каждого рабочего... Социализм... уж и вовсе не вырастает в головах рабочих сам собою из экономии... Социалистическая теория была подготовлена всем развитием и жизнью, и знания... и создана вооруженным этим знанием гениальным умом. Также и начало распространения идей социализма среди рабочих полбжили, почти

на всем континенте Европы, социалисты, получившие образование в учебных заведениях для высших классов» (№ 4, стр. 79—80). Выходит, что если Ленин пасквильянт, то Плеханов и Засулич тоже пасквильянты, а Аксельрод вдвойне пасквильянт на русских рабочих, которым он отказал даже в способности идти своим умом до простого рабочего движения. На самом деле, конечно, никто не пасквильянт, а просто у новоискровцев по всякому вопросу в кармане несколько мнений, которые они и показывают публике смотря по надобности. Оппортунистам так и полагается поступать. Ведь, для них целесообразность—все, а формальность—ничто.

Невозможно в газетной статье перечислить все случаи, когда новоискровцы высказывали прямо противоположные мнения, смотря по выгоде. Укажу лишь на их отношение к партийным съездам. Когда решения 2-го съезда выгодны для них, они цепляются за эти решения обеими руками, например, теперь за решения о центральном органе, центральном комитете и совете. Когда невыгодны, они не только плюют на решения съезда, но и вообще издеваются над всякими уставами и всякими съездами.

Плеханов уверяет, что в известном плане «Искры» о земской кампании нет и тени оппортунизма. А между тем, вот что писал Ленину новоискровец Парвус:

«Я с удовольствием прочел вашу брошюру «Земская кампания и план И.» Ваша резкая критика вполне уместна. Энгельс, если не ошибаюсь, в своей критике французской аграрной программы очень верно заметил: «Как легко катиться вниз, раз уж вы оказались на наклонной плоскости». Составители письма, конечно, с ужасом отшатнутся от тех выводов, которые вы из него делаете. Они только на один оттенок, незаметно для самих себя, отклонились от прямого пути классовой, революц. тактики, но они попали на наклонную плоскость, по которой так легко скользить дальше, и вы правы, критикуя политическую тенденцию письма независимо от добрых намерений его авторов. Я даже признаю, что в письме имеются места, совершенно верно характеризующие наше принципиальное отношение к либералам. Думаю, однако, что это только ухудшает положение. Принципы хороши, когда их проводят в жизнь. Но если принципы и тактика идут разными путями, то удачная формулировка принципа только прикрывает неверную тактику, служит для отвода глаз. Чем призывать принципы в лжесвидетели, лучше уж полная беспринципность: тогда, по крайней мере, знаешь, с чем имеешь дело. Либерал так либерал, оппортунист так оппортунист, а революционер-оппортунист—это нелепейшее существо с вывороченными назад пятками, с перекосившимся лицом, у которого один глаз приветливо улыбается направо, а другой свирепо сверкает налево. До сих пор социал-демократия в России имела перед собой на поле политической борьбы только правительство. Теперь приходится ей определить свои отношения к либеральным и демократическим партиям. Тем более нужна беспощадная, неподкупная критика всех малейших уклонений от революционного пути. А революционная тактика должна быть прежде всего ясна, решительна, проста, прямолинейна. Вот почему я приветствую вашу критику именно за ее прямолинейность. В отдельных частях мы расходимся, и даже исходные точки зрения, думается мне, у нас разные...»

Парвус не согласен с Лениным в отдельных частях и даже в исходной точке зрения. А между тем, и он вынужден признать, что в письме о земской кампании новоискровцы призывают принципы марксизма в лжесвидетели; даже он вынужден называть наших революционеро-оппортунистов нелепейшими существами, у которых один глаз приветливо улыбается направо, а другой свирепо сверкает налево. И защитник оппортунизма новоискровец Троцкий, и противник оппортунизма новоискровец Парвус одинаково признают, что новоискровцы ступили на путь оппортунизма. Они попали на эту наклонную плоскость, по которой так легко катиться. До каких геркулесовых столпов они докатятся, предсказать невозможно, потому что оппортунист всегда мечется из стороны в сторону под влиянием обстоятельств. Вместо того, чтобы менять средства проведения принципов в зависимости от изменяющихся условий, беспринципные оппортунисты меняют самые принципы. Вместо того, чтобы изменять уставы организации согласно опыту и изменяющимся потребностям, оппортунисты провозглашают, что всякие договоры, правила, обязательства внутри организации—ничто. Работать с такими людьми в одной организации невозможно. Итти под руководством людей, не помнящих вчерашнего дня, в такой горячий момент, какой переживает Россия,—значит итти с завязанными глазами неизвестно куда. Такое путешествие слишком дорого обойдется русскому пролетариату.

(М. Ольминский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Киев. 30-го января ст. ст. Вчера, начиная с утра жандармерия весь день производила обыски, забыв, что для этого существует ночь. Работа была «беспартийная» или, лучше сказать, «все-партийная». В одном месте накрыли 8 солдат и одного ученика художественного училища, при них 20 номеров «Искры». (Этот арест вызван предательством). В другом месте взяли мимеограф. Вечером на одном обыске полиция в большом волнении рассказывала, что утром ей было оказано вооруженное сопротивление, при чем один околоточный ранен. Сообщаю вам подробности. К одному политехнику утром нагрянула полиция. Дома был он и еще двоих приятелей, тоже студентов. Полиция при обыске ничего важного не нашла. Осмотрев комнату, она обратила внимание на соседнюю, но после протеста политехника, указавшего, что соседняя комната не его, а хозяина квартиры полиция усмирилась и осталась поджидать прибытия жандармского офицера. Последний вскоре явился и приказал осмотреть и соседнюю комнату. Дверь пришлось выломать, комната оказалась пустой. Стали шарить под столами, шкафах и в печи. Когда подошли к печке (большая русская печь) и отодвинули заслонку изнутри раздалось несколько выстрелов, и из глубины показалась чья-то физиономия, а также рука вооруженная браунингом. Один околоточный зашатался и упал; остальные его подхватили и поспешно очистили не только эту комнату и другую, но убежали из дома на улицу. Все же бывшие на квартире стрелявший и 3 студента остались на местах. Живо высадили одно окно и стрелявший, а за ним и политехник (хозяин квартиры) бежали. Уже на улице жандармский офицер поймал было стрелявшего, тот выстрелил (не попал) жандарм бросился бежать, а стрелявший скрылся.

В политехническом дела обстоят так:

Обливание водой полицеймейстера, приведшее к закрытию института, привело также к аресту 10 человек. Арестованы они по распоряжению полиции, и, хотя они содержатся в Лукьяновке, свидания даются полицеймейстером. Сооб

шают, что 2-го февраля они или перейдут в руки жандармов, или будут освобождены. Вчера состоялось совещание профессоров политехнического института: решено, что так как одни профессора не компетентны для решения вопроса о возможности или невозможности возобновления занятий, пригласить для обсуждения депутацию от студентов. Завтра в институте сходка студентов для выбора депутации.

Университет 22-го закрыт в виду назначенной общей сходки, 21-го был ряд курсовых сходок, где резолюции о забастовке принимались единогласно. Настроение очень возбужденное.

Казань. 21-го янв. в ресторане Ожигова был митинг из 700 чел.—студентов, курсисток, рабочих, переодетых солдат и проч. Развернуты два знамени: красное с надписью «Свобода» и черное со словами «Вечная Память» (петербургским жертвам). Разбрасывались прокламации местного соц. дем. комитета. Принята резолюция о необходимости всеобщей забастовки. Администрация не мешала. На другой день в университете состоялся ряд курсовых собраний: принята забастовка. 23-го была общестуденческая сходка в общежитии. Ректор послал губернатора расшеять сходку; появилось два отряда городских; студенты забаррикадировались, отбивались чем попадало. Вслед за университетом к забастовке примкнули ветеринарный институт, среднетехническое училище, учительский институт, старшие классы художественной школы. Начальник охраны Кулаков организовал черную сотню для избияния студентов, подобно тому, как это сделано в Тамбове и Пскове. Из старших классов 2-й гимназии исключено 80 чел.

Нижин. В историко-филологическом институте 29-го янв. во время лекции проф. Мандеса раздались возгласы против правительства; появились прокламации; разлиты какие-то воюющие вещества. Около 200 человек вышли на улицу и прошли через город с революционными песнями. Полиция, застигнутая врасплох, не успела принять никаких мер.

Харьков. 10-го января здесь начались заседания губернского земского собрания. По распоряжению администрации вход на собрания допускался лишь по билетам, тем не менее часть безбилетной публики приступом пробивалась в зал. На первом же заседании большинством гласных против 4-х был принят адрес Николаю II, очень резкий по форме, требующий созыва народных представителей. Кроме того, была послана к Татьянину дню приветственная телеграмма Московскому университету, заканчивающаяся словами: «Да здравствует, живет и процветает свободный университет для свободных граждан». На 17-е января был назначен банкет в зале дворянского собрания в честь столетнего юбилея местного университета. Но администрация закрыла дворянское собрание и запретила банкет. Публика двинулась в оперный театр, пробралась, несмотря на многочисленную полицию, в фойе и устроила там политический митинг. Было до 500 человек; говорилось речи; попытка полиции распустить собрание окончилась неудачей. Во время митинга принята резолюция с требованием учредительного собрания, а также было предложено провести всеобщую забастовку во всех учреждениях, высших учебных заведениях, фабриках и заводах. Раздавались также голоса, призывающие к вооруженному восстанию. После этого собрание мирно разошлось. Столкновений с властями не было, несмотря на то, что масса полиции охраняла театр и в соседних дверях были спрятаны 400 казаков и рота солдат под-ружьем.

Елисаветград. 4-го янв. В начале января состоялось здесь единственное заседание «Общества распространения ремесел и грамотности» и «Общества охранения народного здоровья» для обсуждения вопроса о постройке народного дома. Публики было масса. По прочтении докладов попросил слова неизвестный публике человек. Он начал свою речь с того, что выразил возмущение по поводу желания Общества ходатайствовать о чем-то перед правительством, которое распространяет рабочих, избивает студентов и т. д.

Председатель останавливает оратора, публика требует продолжения речи, оратор заявляет: «хотя г. председатель и лишил меня слова, но так как публика требует продолжения, то я продолжаю»..., произносит речь еще несильную для местной публики и заканчивает ее требованием созыва учредительного собрания на основе всеобщей, прямой, равной

и тайной подачи голосов и возгласом—«долгой самодержавие».

В тот же момент была разбросана масса прокламаций, и затем мгновенно электричество погухло. Когда вновь явился свет—ни оратора, ни окружающих его рабочих в думском зале уже не оказалось. Во время продолжавшегося заседания вся публика читала прокламации. По закрытии заседания городские собирали прокламации. Полиция рвала на себе волосы и решила более не драмать.

3-го января было назначено общее собрание членов общественной библиотеки. Уже перед началом заседания улица, раздевальня, канцелярия были заняты полицией. Городовые не впускали публики. Полицейские пристава-дежурили у входа, пристав Преображенский—в комнате, прилегающей к залу. По требованию дирекции пристав вынужден был отменить свое распоряжение об ограничении доступа публики. Когда было открыто заседание, один из директоров указал на то, что дирекция нравственно ответственна за безопасность приглашенных гостей и членов; между тем при данной обстановке, когда здание и прилегающая улица заполнены воинственно настроенной полицией, всячески раздражающей публику (городовые требуют билеты и нецензурно бранят входящих), малейшего повода достаточно, чтобы последовала вспышка. А этого, по видимому, и ждет полиция, чтобы, по примеру своих столичных собратьев, устроить избияние публики. В виду этого оратор предложил заседание закрыть, о поведении полиции составить протокол и обжаловать ее действия. Предложение было принято и собрание разошлось.

Могилев губ. В прошлое воскресенье 5-го февр., н. ст., состоялась демонстрация, устроенная нашей организацией, в которой участвовала также масса учеников всех учебных заведений. Полиция заранее узнала о демонстрации и приготовила сильную охрану из городских и солдат. Через самое короткое время после того, как мы выкинули флаг, со всех дворов бросилась полиция с обнаженными шашками. Главным образом она была спрятана в доме Бобовика.

Собравшаяся молодежь и публика бросились бежать, но полиция хватала отдельных лиц и избивала до полусмерти. Не различая публики от демонстрантов, она рубила шашками направо и налево. Большею частью пострадали почему-то лица из публики и учащаяся молодежь. Из последней особенно сильно изранены: Миша Каган, реалист 7-го кл., Иосиф Окштейн, реалист того же кл., Левин, реалист 6-го кл., и еще 2 реалиста и студент из Мюнхена Миша Гершанович. У всех на лице и руках глубокие раны. Особенно изранен Окштейн,—все лицо его и тело открыты рубцами. Жизнь его в опасности. Из товарищей тоже масса раненых, один при смерти. Не довольствуясь избиянием на улице, полицейские таскали изувеченных, еле живых в участок и там продолжали свою работу: топтали ногами, сбрасывали с лестниц и т. п. Над некоторыми применяли настоящую пытку, желая узнать принадлежность к организациям: одному рабочему выломали руку, одной девушке выкололи глаз. Жители боятся вечером выходить на улицу, особенно на Большую Садовую, где происходила демонстрация. Только товарищи рабочие толпами гуляют вечером по улице, сильно возмущенные и готовые драться за каждого арестуемого товарища. Массы охвачены ненавистью к правительству и жадной мести. Она уже прорвалась наружу в покушении на жизнь полицеймейстера Радионова. Когда он проезжал по улице, в него было произведено несколько выстрелов, не попавших, однако, в цель. Пробита в 2-х местах стенка кареты. Стреляли трое, из них один арестован.

Крестовый поход детей. Мы уже сообщали об избиянии полицией саратовских гимназистов, присоединившихся к забастовке рабочих. С тех пор прошло немного дней—и уже отовсюду идут вести о волнениях и забастовках в средних учебных заведениях. Всюду—от Петербурга до Кутаиса и от Варшавы до Томска—храброе воинство обрушивается на детей-крестоносцев, присоединивших свой голос к общему требованию свободы. В частной гимназии Хржановского (Варшава) и в 1-й гимназии того же города занятия прекратились. С 4-го февраля забастовали петербургские гимназии; в своем воззвании гимназисты указывают на общие условия, делающие невозможными правильные занятия; затем выставляются гимназические требования: изгна-

ние латинского языка, отмена вмешательства начальства в домашнюю жизнь учеников и т. п. В гимназии Гуревича была сходка; директора выгнали свистом и гиком. Назначен поход на гимназистов—не давать им продолжать занятия. В Казани в 1-й гимназии применена химическая обструкция; реальное училище, закрыто. Группа учеников 2-й гимназии (60 чел.) направилась к зданию женской гимназии; полиция напала на них, но вступились рабочие и отбили арестованных; в пансионе Ксениевской женской гимназии жандармы произвели обыск, после того, как одна из учениц была арестована на сходке рабочих, где она произнесла речь. В 1-й тифлисской мужской гимназии ученики выставили требования: удалить директора и негодных учителей, отметить уроки закона божия, ввести обязательное и бесплатное обучение армянскому и грузинскому языкам, ввести товарищеский суд и т. под. Подобные же требования выставлены во 2-й и 3-й гимназиях. Около учебных заведений поставлены полиция и солдаты. Из-за их удаления возникли беспорядки в реальном училище, двое городских ранены. Были беспорядки даже в женском институте. Против институток и гимназистов обожаемый монарх пока еще не высылает артиллерии, но кто поручится за ближайшее будущее? Разве можно быть уверенным, что рука царских янычаров остановится перед массовым истреблением детей-крестоносцев? Христианская легенда повествует об Ироде. Разве ироды перевелись в России?

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. (Путиловский завод). В четверг 27-го работали только 8 часов—теперь на нескольких заводах рабочие самовольно установили 8-часовой рабочий день. В пятницу сорвали объявление, в котором начальство требовало 10 часов работы и грозил закрыть завод. Забастовка возобновилась. Долше всех работали кузнецы—они ушли только после того, как в них стали бросать болтами и гайками. Кузнец Архаров указал, кто первый бросил работу, и за это вечером был избит. (Избиение штрейкбрехеров приняло здесь повальный характер). Вот требование рабочих, изложенные ими самими:

«Рабочие Путиловского завода просят, чтобы администрация завода пошла навстречу просьбам рабочих и не прибегала бы к уловкам раз-ым, как, например: я завтра вывешу объявление, или съезжу в главное правление завода, или к полиции и воинской части, а мы, рабочие, все ждем и терпим обманы администрации. Чтобы были депутации как от акционерного общества Путил. завода, так и от рабочих, и имели бы равно голосов, как та сторона, так и другая. Чтобы рабочий день был 8-часовой. Чтобы чернорабочим плата была не менее 1 р. в день и женщинам 75 коп. Чтобы, когда новая работа давалась, и после испытания—должны собираться депутаты от рабочих и мастер и назначать расценки за штуку, и потом вывешивать расценок за подписью администрации завода и старшего фабричного инспектора, и еще, чтобы старые работы были пересмотрены и расценки прибавлены. Чтобы за опоздания и прогульные дни штрафы не взыскивались. Чтобы, кого уволить захотел мастер, то он не имел бы права, покуда не признает депутация рабочих и администрации, виновен ли он, или нет; тогда уже подлежит увольнению. Чтобы медицинский персонал обращался с рабочими вежливо и аккуратно и по приглашению в квартиру к больному или к больной должен приехать во всякое время, не взирая никакой платы, так как они принадлежат к заводу».

При объяснении директор завода Смирнов уверял рабочих перед второй забастовкой: «Вас все мутят соц.-демократы. Не повезло им в Германии, так они перешли в Россию и здесь распространяют свои идеи. А вам не следовало бы вмешиваться в это дело». Рабочие ответили: «На заводе больше шпионов, чем соц.-демократов». Смирнов говорит: «Вы требуете смешанной комиссии для решения всех дел по заводу. Этак вы, пожалуй, вздумаете сами определять процент прибыли для завода, а остальное распределять между собою». Рабочие ответили, что они этого-то и хотят. «Так выходит, что вы хотите устранить администра-

цию и распоряжаться сами на заводе,—пожалуй, чего доброго, и меня захотите сместить». Рабочие возражали: «Это мы потом посмотрим». «Так вы и царя вздумаете убрать?» «Ежели понадобится, отчего не убрать?»... От выбора старост рабочие отказались, потому что хотят старост без утверждения начальства. Кроме того, требуют прекратить злоупотребления с расценочными книгами. Мастерам дают книги из конторы, а они завели вторые книги, переписывают туда расценки с понижением и расплачиваются по вторым книгам.—Вечером на улицах, идущих к заводу, обыскивали всех проходящих. Всюду пикеты и разъезды. В субботу утром у ворот завода разогнали рабочих нагайками. Солдаты Преображенского полка обещали в следующий раз принести «гостинцев». Рабочие отвечали, что в таком случае они приготовят для солдат «закусочку» и «апельсинчиков». Солдаты Семеновского полка, напротив, ведут себя с рабочими дружелюбно, заявляя, что не стреляли в рабочих и не будут стрелять. Арестовано 8 депутатов (фамилия одного Рожков). В субботу вечером пытались арестовать рабочего, предлагавшего стачечникам деньги: кажется ему удалось скрыться. В пятницу и воскресенье были листки от Петерб. комитета. Стачка едва ли продержится долго по недостатку средств. Рабочих в город не пускают, завод оцеплен войском. В населении паника; ходят слухи, что теперь будут громить фабрики. Более боязливые запасаются хлебом.

Колпино. В четверг 27-го янв. забастовка на здешних Ижорских заводах возобновилась. Поводом послужило недовольство цехов, рабочий день которых 12 часов,—в отделе, где работа идет круглые сутки в две смены, без промежуток для обеда. Инженеры рассуждают, что настоящей работы здесь 5—6 часов, но отлучаться нельзя, потому что рабочие могут понадобиться всякую минуту. На самом деле, вынести без передышки 12 часов у доменных печей на страшном пекле было бы совсем невозможно. Благодаря же отсутствию отпуска на обед, рабочим приходится питаться в сухомятку. После первой забастовки рабочие несколько дней самовольно уходили с завода на обед. Но 27-го, вернувшись с обеда, рабочие трубопрокатного цеха (до 300 чел.) нашли двери запечатаны, и от них потребовали билеты для расчета. Тогда все бросили работу. Кроме трубопрокатчиков, сильно недовольны чернорабочие, получающие 50 коп. (!!) в день. Они таскают тяжести на холоде в дырявых сапогах, а чуть остановятся погреться у печки, их отсылают с работы, уплачивая вместо полной платы двугривенный.—«Как же обойдется вы теперь, во время забастовки?»—спросил я чернорабочих.—«Не знаем как, а уж как-нибудь надо держаться. Разве что в кредит из лавочки дадут: возьмет иной в кредит вещь рублей в 10, продает за 5 рублей и тем кормится». Недовольны также депутатами, бывшими у царя. Требуют новой депутации из выборных от рабочих. Более легковверные рабочие уверяют, будто царь велел платить чернорабочим по 80 коп., а начальство не дает. Еще больше, чем взрослых, обируют здесь подростки. Ученику 16 лет дают 20 коп., да ругани и подзатыльников без счету; потом понемногу прибавляют плату, так что идущие на призыв слесаря дорабатывают только до 65 коп. А между тем один такой молодой рабочий и один ученик готовят в месяц два водолазных снаряда по 170 р. Прижимки мастеров и вычеты постоянны. Забастовка продолжалась до 3-го февраля, когда начальство, наконец, уступило: введен 10-часовой рабочий день в трубопрокатном цехе, с отпуском на обед, и за все 7 дней забастовки выдана цеховая заработная плата.

Казань. Рабочие механич. завода Рамма забастовали 20-го января, требуя 9½ час. раб. дня и увеличения платы на 20 проц. Через день требования эти были удовлетворены, и работа возобновилась. На заводе Алафузова начали забастовку женщины (до 250 чел.), потом примкнули все остальные рабочие (около 3,500). Требовали 8-час. рабочего дня, увеличения платы на 20 проц., увольнения некоторых мастеров и вежливого обращения. В тот же день стал завод Свешникова (механич.), бочарный завод Локке, потом типографии: Ключникова, Харитонова и Домбровского. Алафузовские рабочие, толпою человек в 1,000, собрались в Адмиралтейской слободе для обсуждения своих дел; конные городовые разогнали их нагайками; раздраженные рабочие выбили стекла у служащих завода. 31-го янв. было новое избивание рабочих на оз. Кабане—шестеро рабочих тяжело ранено шашка-

ми. Во время забастовки арестованы студенты: Лев Попов, Норский, Годубицкий, Брауэр (вып.) и еще двое—все с прокламациями; рабочие: Андреев (оратор) и Сольский; Перельман (ж.), Бельский (студ.), Морозов (купец), Скворцов (студ.) и мн. др. Усиленно разыскивается литератор Белов. Казанский комитет Р.С.-Д.Р.П. в листке «К рабочим и работницам Алафузовского завода» предлагает путем забастовки добиваться освобождения арестованных. В стачечный фонд наших комитетов собрано 19—27-го янв. 900 р. (в том числе сбор татар 231 р.); выдано семействам стачечников Алафузовского завода 167 р. 50 к.

Чита. Забастовали 2-го февр. железнодорожные рабочие; требуют своевременной уплаты жалованья и устройства бани. Забастовка чувствительно отозвалась на всем городе: подвоз прекратился, все вздорожало. Губернатор поспешно отдал приказ, чтобы все требования рабочих были удовлетворены.

Кутаис. 19-го янв. толпа молодежи человек в 100 направилась с бульвара по Гимназической улице с революционными песнями и возгласами. Остановленная полицией, она повернула к базару, а потом в Заречный участок, где и была рассеяна. В этот день арестовано 7 человек. На другой день манифестация повторилась; арестовано 40 чел., в том числе 10 гимназистов; их грозят предать суду. Из толпы были даны выстрелы, ранен в голову городской. 25-го опять была манифестация с красным знаменем. В театре была распространена масса прокламаций, которые читались с жадностью; полиция была изгнана, после чего начались речи на политические темы; затем толпа с революционными песнями прошла по городу. Вообще, волнение у нас не прерывается вот уже две недели. В городе забастовка приказчиков, водовозов, извозчиков, учащих. Водопровода нет, и цена бочки воды поднялась до 1 руб.; мяса совсем нет; припасов из деревни не подвозят. Чиновники получают угрожающие письма. По улицам двигаются войска, встречаемые снежками, а иногда и пулями; но они почему-то медлят пускать в ход оружие. С 6 часов вечера обыватели не выходят на улицу, а иные и вовсе боятся показываться из дома.

Кострома. Петербургские события отразились стачечным движением и среди здешних рабочих. На 30-е января ожидалась вооруженная демонстрация. В Иваново стачка была только на одной ситцепечатной фабрике и на двух механических заводах. Рабочих избили, человек 15 арестовали и через два дня стачка прекратилась. В с. Кохмее, около Иванова, забастовала одна фабрика; требования только экономические; из них мелкие удовлетворены, директор по требованию рабочих уволен; не удовлетворено требование 8-часового рабочего дня и т. п. В Ярославле надежды на стачку нет, но общая пропаганда и агитация заметно оживились и стали успешнее.

Тифлис. 28-го января (ст. ст.) На Кавказе творится что-то необычайное. Все рабочие Тифлиса бастуют; теперь беспорядки начались в учебных заведениях. 24-го была устроена демонстрация, которая прошла очень удачно. Была брошена бомба, поранившая многих стражников. Стрельба была с обеих сторон. Со стороны рабочих ранено 8 человек, а со стороны полиции убито несколько. Убили также нескольких штрейкбрехеров и 2-х солдат.

В Кутансе демонстранты пытались овладеть тюремным замком; произошла резня. На ст. Самтреди подожгли вокзал и сняли с дороги рельсы. Рабочие, соединившись на базаре с посторонней публикой, устроили демонстрацию.

В Гурзии официальная власть обессилена и фактически игнорируется. Провинция управляется народным комитетом.

Батум. Настроение у нас революционное, крайне приподнятое. Оно прорывается на каждом шагу, так что нет возможности отмечать все его проявления. Этим настроением охвачен весь батумский пролетариат.

Недавно на похоронах товарища - рабочего собралась без всяких призывов толпа человек в 400; с замечательно стройным пением революционных песен пронесли гроб по всему городу без попов. Полиция, напуганная и совершенно растерявшаяся за последнее время под влиянием массового

пролетарского движения, и на этот раз не посмела вмешаться.

Другой факт. Ставили на грузинском языке «Кай-Гракх». Театр был битком набит рабочими; как только спустился занавес, раздалось пение «Марсельезы». С пением все вышли из театра и столпились тут при восторженных криках: «дойлой самодержавие! долой полицию! долой войну!» Тут же присутствовал пристав и городовые. Затем рабочие с пением революционных песен отправились в рабочие кварталы за 2½ версты. В воскресенье в полдень на людном месте наповал был убит казачий урядник князь Гуриоли. Убийца укрыт толпою. Интересно отношение населения: все и вся ликуют и стараются проявить свое отношение. Извозчики три дня не выезжали на биржу, не желая участвовать в похоронах; все гробовщики отказались продать гроб, на третий день привезли гроб из Поти, но рабочие его разбили. Потерявший голову губернатор велел взломать магазин гробовщика, и только таким образом достали гроб. Общее движение и явная ненависть населения к властям совершенно терроризировали полицию; губернатор боится показаться на улице и, по слухам, подает в отставку.—С 25-го янв. стали все заводы. Большинство пароходов уходит негруженными; если где и грузят, то под охраной полиции. Убытки пароходчиков громады. С 28-го января началась забастовка прислуги в гостиницах и у частных лиц. 26-го убит городской Кондратович, 28-го кондуктор Ючинчук; убийцы скрылись. Близ станции Ланхуты был попорчен путь; заметили до прохода поезда и исправили.—В Кирилах была манифестация; один стражник избит, но затем он начал стрелять в толпу, ранил тяжело одного манифестанта, а остальные разбежались.

Бану. Вам уже сообщили подробно о всеобщей бакинской стачке, о громадной затрате энергии, о тех незначительных улучшениях, которых добились, и о том хаосе и путанице, какие внесла в умы массы группа демагогов, которую недавно приветствовала «Искра». Теперь, конечно, «Искра» будет отрешиваться от этой группы. (Примеч. ред. Сообщение, о котором говорит товарищ, до нас не дошло. Просим повторить со всевозможными подробностями). Когда всеобщая стачка началась на нефтяных промыслах, к ней примкнули и механические заводы. Требования были выработаны общие для всех. Когда же всеобщая стачка закончилась, то оказалось, что уступки, сделанные нефтепромышленниками, не распространяются на механические заводы. Рабочие механических заводов (около 2,000 человек), которые бастовали вместе с другими, очутились в невозможном положении. Оставалось либо пойти на работу, не получивши даже тех уступок, которых добились рабочие на нефтяных промыслах, либо начать новую войну с капиталистами, но начать при очень неблагоприятных условиях и при малой надежде на успех. Рабочие знали, что дела у заводчиков скверны, и заводчики знали, что рабочие утомлены предъидущей забастовкой. После подробного обсуждения на собраниях заводских представителей было решено воевать во что бы то ни стало и держаться до последней крайности. Тут же были выработаны 17 пунктов требований. Комитет выпустил к рабочим механических заводов листок о том, чтобы продолжать стачку. Была организована денежная помощь, так как голод уже давал себя чувствовать со времени всеобщей забастовки. К воротам двух главных заводов были посланы агитаторы. Заводчики вывесили объявление, что главное требование—9-часовой раб. день—удовлетворяется наполювину, т.-е. вместо требуемых 9 дается 9½-часовой рабочий день. Объявление было сорвано. Тут губернатор вывесил свое объявление, что если к 11-му янв. не станут на работу, то иногородние будут административно высланы. Нами в ответ был выпущен листок, в котором объяснялось значение губернаторского объявления. Стачка тянулась 2½ недели, и главное требование,—9-часовой раб. день,—было удовлетворено. Во время стачки выдвинулось много рабочих, которые раньше были связаны с нашей организацией. Кроме трех листков, выпущенных за эти дни, комитет устроил несколько массовок, на которых выяснялась роль правительства в борьбе рабочих за улучшение своего положения.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюция Московского Комитета. М.К., стоя на точке зрения партийного большинства, в принципе присоединяется к программе 3-го съезда, выработанной ОК (БКБ) и согласно постановлению конференции северных комитетов, поручает ОК созвать 3-й съезд, выражая при этом пожелание, чтобы ЦУ приняли участие в попытке партии организоваться. МК. Начало февраля 1905 г.

Резолюция собрания организаторов М. К. Собрание организаторов МК, выслушав предложение ОК созвать съезд немедленно, высказалось за необходимость немедленного созыва 3-го съезда и выражает надежду, что ЦУ примут участие в попытке партии организоваться (+10—2). Начало февраля 1905 г.

Резолюция Северного Комитета. Принимая во внимание то, что ЦК доказал свою полную неспособность понять важность переживаемого исторического момента и своей деятельностью только способствовал деморализации партии, упорно отказываясь от организации съезда и систематически подрывая под созидательную работу партии,—Сев. К., поручает ОК (БКБ) созыв съезда, долженствующего положить конец междоусобице и разрешить ряд вопросов, выдвинутых последним годом борьбы пролетариата с самодержавием и капиталом. Начало февраля 1905 г. Сев. К. Р.С.-Д.Р.П.

Подобная же резолюция, как нам сообщают, принята Нижегородским и СПб комитетами.

Заявление Бакинского Комитета.

(Ц. Комитету Р.С.-Д.Р. Партии).

До последнего времени отношения Бакинского Ком. к ЦК определялись той частью первой резолюции (пункт 2) конференции комитетов Кавказского союза, где говорится о готовности комитетов следовать за ЦК по вопросам практической работы. Расходясь с ЦК по вопросу о созыве экстренного партийного съезда и средствах водворения в партии единства, БК все время стремился сохранить с ЦК вполне лояльные отношения. В этом случае БК исходил из предположения, что ЦК держится вполне лояльно по отношению к «борющимся в партии группам» (выражение ЦК). Но с некоторых пор у БК возникло сомнение в том, что ЦК действительно стремится «примирить обе стороны», а не является защитником одной из «сторон» (меньшинства); возникли сомнения и относительно партийности позиции ЦК в области организационных вопросов (в смысле согласования с постановлениями 2-го очередного парт. съезда). Эти сомнения увеличились со времени приезда на Кавказ уполномоченного представителя ЦК, т. Х. Основанием для этого послужили следующие обстоятельства:

1) Защита уполномоченным представителем ЦК т. Х-ом на одном из собраний БК не опубликованного решения совета партии о допустимости в одном и том же месте нескольких партийных групп и его сообщение о том, что ЦК уже проводит в жизнь это противоречащее партийному уставу решение.

2) Крайне нерешительное и неопределенное отношение уполномоченного представителя ЦК, т. Х., к так-называемой «Организации Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих», им же самим (т.-е. Х-ом) охарактеризованной, как не социал-демократическая.

3) Поведение ЦК по отношению к союзному комитету Кавказского союза, с которым он не пожелал даже иметь совещания и в то же время агитировал за превращение этой коллегии из местной руководящей организации, стоящей вполне определенно на позиции большинства, в литературную группу (Батум, Кутаис). Об отношении же кавказских комитетов к Кавказ. союзу и к союзному к-ту ЦК не мог не знать из врученной ему резолюции конференции. От того или иного решения этих сомнений зависит дальнейший характер отношений БК к ЦК. При решении возникших у БК столь серьезных сомнений он хотел воспользоваться и объяснениями уполномоченного представителя ЦК, т. Х., в виду чего последнему и было предложено Бакинским Комитетом высказаться по поводу позиции ЦК в главнейших общепартийных вопросах и сообщить о ходе общепартий-

ных дел. Несмотря на настойчивость предложения БК, на указание важности для БК этого сообщения, несмотря на данное накануне т. Н. обещание (правда, данное очень неохотно), т. Х. все-таки не явился на собрание БК, даже не известив заранее нарочно собравшихся товарищей, что он раздумал притти. Сколько-нибудь уважительных и серьезных мотивов своего нежелания притти нарочно отправившемуся к Х. с собрания члену БК приведено не было.

В виду всего этого, главным образом в виду важности сомнения у БК относительно лояльности ЦК, партийности его позиции вообще, БК, до получения от ЦК удовлетворительных разъяснений на поставленные выше вопросы, решил на это время прекратить с ним сношения, о чем и доводит до сведения всех входящих в БК организаций.

(Принято всеми против одного и при одном воздержавшемся, в том числе 4 голоса за постоянный разрыв).

II.

Отказ уполномоченного представителя ЦК, т. Х., явиться на собрание БК, последний находит, как по существу, так и по обстановке, **еро** сопровождавшей, поступком не партийным и недопустимым в товарищеских отношениях между членами одной и той же партии, за что и высказывает уп. предст. ЦК Х-у свое порицание. (Единогласно).

III.

Особое мнение 5 товарищей (один с совещательным голосом).

Познакомившись с позицией ЦК, насколько она выяснилась в «примиренской» декларации последнего, и следя за его деятельностью, всецело направленной на борьбу за «примиренство»; помня, с другой стороны, принципы II парт. съезда, по которым С.-Д. Раб. Партия организуется и крепнет путем лишь сплочения революционных социал-демократических сил, а не путем договора каких-то «сторон» (как это полагает ЦК).—мы убедились, что позиция ЦК противоречит заветам II очеред. парт. съезда и, как таковая, глубоко антипартийна. Исходя из этого положения и принимая во внимание, что:

1) Вся полугодовая деятельность ЦК, благодаря ложной позиции последнего, не только ничего не дала партии в смысле водворения в ней мира и лучшей постановки положительной работы, а, наоборот, еще больше обострила партийный кризис и парализовала положительную работу, превратившись таким образом в сознательную или бессознательную борьбу против партии;

2) Эта борьба ЦК не только не смягчается с течением времени, а, наоборот, все больше обостряется, превращаясь в открытую борьбу против партии;

3) Стало-быть, наше лояльное в некоторых вопросах отношение к ЦК, условно принятое конференцией представителей Кавказского союза, укрепляя антипартийную позицию ЦК, теряет всякое партийное содержание и превращается в опасное оружие в руках ЦК в борьбе против Партии,—мы считаем нужным окончательно порвать все связи с так-называемым ЦК, ничего общего не имеющим с действительным практическим центром Партии и представляющим скорее бюро так-называемого меньшинства.

Петербург. События развиваются страшно быстро. Три дня назад появилось известие о комиссии Шидловского, и на следующий же день начались выборы. Чтобы выпустить листок на нелегальной технике нужно дней 5—6 для 10.000 экз., а тут нужно сейчас же и обдумать план и выпустить не 10, а 50 тысяч. Невозможно успеть за событиями и с устной кружковой агитацией: десяток кружков в вечер—это теперь капля в море. Как же вести массовую агитацию? В этом теперь корень вопроса. На массовые собрания нужно посылать лучшие агитаторские силы,—но в таком случае, как уберечь их от провала после собрания? (Арестовать на самом собрании рабочие не дадут). Исход один—крепкая, подвижная и широкая организация передовых революционных сил. Это вопрос не только петербургский. Здесь конспиративные условия хуже, но за то несравненно больше людей и абсолютно, и относительно. Время такое, что нынешние наши организации не в силах выполнить и десятой

доли работы, которую должны были бы выполнить. Поэтому руководство рабочим движением уходит из рук соц.-демократов и попадает в руки либералов. У либералов больше свободы действия, и они не брезгают антиреволюционными компромиссами для получения свободы печати, собраний и т. под. Они всюду проникают в рабочую массу. Легальные газеты много говорят о рабочем вопросе,—и их статьи развращают сознание массы, так как все они исходят из молчаливо, а иногда и открыто признаваемого положения, будто цели, поставленные комиссии Шидловского и другим комиссиям, могут быть достигнуты при самодержавии, без революции. Даже газета «Наши Дни», усердно читаемая рабочими и потому пользующаяся большим влиянием, очень не чиста по этой части. Ценой такого затмения сознания рабочих либералы перехватывают у соц.-демократов влияние и всюду проникают. На - днях депутация от рабочих фабрики Чешера отправилась к министру Коковцеву. Во главе депутации—либерал, Коковцев принял депутацию чрезвычайно любезно и заявил, что все экономические требования будут удовлетворены (в том числе 8-часовой рабочий день),—что же касается свободы слова, печати, собраний и союзов, то, конечно, она допустима, если рабочие будут обсуждать только свои экономические нужды. Либерал не только говорил от имени рабочих, но и просил рабочих, чтобы они постарались провести его в комиссию Шидловского. А нам приходится быть в стороне! Не посылать же нам к Коковцеву нелегальных и вообще наши лучшие силы? Да и можем ли мы принципиально согласиться на посылку своих делегатов к Коковцеву? Я привел только один факт, но таких фактов множество. Но как бы трудно ни было положение, мы решили принять самое активное участие в агитации, связанной с именем комиссии Шидловского.

Пока мы выпустили только листок «Милостивые убийцы» по поводу комиссии министерства финансов; в нем нет еще тактических указаний, но высказывается отрицательное отношение к самому способу составления комиссии и к порядку ее работ, а затем разоблачается лицемерие правительства.

Работы страшно много. Сколько возникает важнейших тактических, организационных и всяческих других вопросов! И как необходим съезд, чтобы поскорее покончить с дезорганизованностью партии! В наших комитетах, в группах пропагандистов и агитаторов, в рабочих кружках и в технических организациях—всюду начинается обсуждение тех вопросов, которые намечены в заявлении «Бюро» о созыве съезда. По всем вопросам принимаются резолюции, которые будут представлены съезду. Значение этих резолюций очень велико: они доставят прекрасный материал для съезда, который, несомненно, займется их рассмотрением и выработкой руководящих начал. Это будет демократическим коррективом применительно к конспиративным условиям нашей работы.

Москва. (Из письма). На - днях я делал в собрании доклад о положении дел в партии. Нужно было рассеять ту сеть интриг, басен и сплетен, которыми меньшевики опутали публику. Против меня выступил N—по поручению ЦК. Он

отрицал заведомо известные факты. Пришлось опровергать его с документами в руках. Достаточно для его характеристики указать, что он отрицал принятие меньшевиков в ЦК. Я привел письмо Попова из брошюры Ленина: «Заявление и документы». Картина получилась наподобие заключительной сцены из «Ревизора». Идея немедленного съезда всем становится ясна, все начинают приветствовать ее. Н категорически заявил, что члены ЦК по принципу большевики, что они стоят за созыв очередного съезда предстоящим летом. Я возразил, и все присутствующие согласились, что если ЦК хочет спасти хоть каплю своей чести, то должен немедленно присоединиться к «Бюро» в его работе по созыву съезда.

(В. Бонч-Бруевич).

От редакции. Мы только-что получили сообщение, которое можно понять в смысле согласия ЦК на немедленный съезд. Ни в каком случае не рущаясь пока за достоверность этого известия, мы, однако, считаем его правдоподобным. ЦК многие месяцы боролся против съезда, раскассировывая организацию, бойкотирова и дезорганизуя комитеты, высказывавшиеся за съезд. Такая тактика потерпела крушение. Теперь, руководствуясь своим правилом «целесообразность все, формальность ничто»,—ЦК ради «целесообразности» (то есть ради недопущения съезда) готов хоть сотню раз заявлять формально, что он стоит за немедленный созыв съезда. Надеемся, что ни Бюро, ни местные комитеты не дадут обморочить себя фокусами партийной комиссии Шидловского».

(М. Ольминский).

Из новоискровского лагеря. Плеханов в передовице № 87 «Искры» проводит с успехом, мягко и уступчиво кивая Мартову, тактику kill with kindness (убить посредством мягкости). Расшаркиваясь перед автором передовицы № 85, Плеханов по существу дела целиком опровергает его и проводит именно те взгляды, на которых настаивал всегда «Вперед». В добрый час! Только посчитайтесь еще родством с Мартыновым, почтеннейший диалектик. Поговорите с ним о той страшной и гибельной для вас перспективе, которая осуществится, если вы, «подготовив в победу» (лозунг № 87), одержите победу! Поговорите с ним о грозной опасности «захвата власти», «участия во временном правительстве» и «революционной диктатуры». Бедный Плеханов, долго еще придется ему выпутываться из того хлама, который припасен одобренными всей (?) редакцией брошюрами Троцкого, Мартынова, Рабочего и Аксельрода! В приложении к № 86 «Искры» Попов признает, что он автор письма, опубликованного в «Заявлении» Ленина. Что и требовалось доказать! Систематический обман партии джентльменами меньшинства доказан. Как мы и предсказывали, джентльмены стараются выпутаться, отвлекая внимание читателя к вопросу о том, имел ли право Ленин конфисковать письмо, разоблачающее бонапартистов. Известные своей моральной чуткостью, Мартов и Попов вопят и о краже, и о шпионстве и пр. Ругайтесь, господа, усердствуйте: за отсутствием доводов вам только и остается, что браниться.

Примечания.

Прим. 1. Рукопись сохранилась до первых двух строчек абзаца: „В редакцию „Вперед“ доставлены“ и т. д.

дд

N 59

На Соборы 9го Января.

(Друзья Вперед!!) Это счи-
хонимые нами очень популяр-
но среди рабочих, с которыми
заставляю говорить. Рабочие очень
просят аттестат сего во „Вне-

редь" и от имени мы каждый
Вперед! от - это значит, что каждый рабочий должен
Мы мирно идем к вперед друзьям
Ивановым.

Чувствительность на наша
Коллекция, любимые друзья,
Несите эту наши негаша
Привет наш святости
Съ искренней святости —

Отношение к нам было в уверенное
Каждого сердечное пожелание нашего
Символически судить о нашем
Когда февраль, обещание о лучшей будущности,
от друзей трудящихся через нашу
И трудящиеся разрешили нам идти вперед
И мы судим лишь вперед

Факсимиле тов. Вл. Бонч-Бруевича.

(См. „Вперед“ № 17).

Российская
Социал-демократическая
Рабочая Партия.

ВПЕРЕДЪ

Пролетарія всѣхъ странъ
соединяйтесь!

№ 9.

ЖЕНЕВА, 8 МАРТА (23 ФЕВР)

1905 г.

Новые задачи и новые силы¹⁾.

Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй—к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям; третий—к настоящей гражданской войне, к восстанию. Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе. Эти изменения происходили иногда бесшумно, накопление сил пролетариатом совершалось за сценой, незаметно, вызывая нередко разочарование интеллигентов в прочности и жизнестойкости массового движения. Затем наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на новую, высшую ступень. Перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали практически новые задачи, для разрешения этих задач словно из земли выросли новые силы, которых никто не подозревал еще накануне перелома. Но происходило все это не сразу, не без колебаний, не без борьбы направлений в социал-демократии, не без возвратов к устарелым, давно, казалось бы, отжившим и похороненным воззрениям.

Один из таких периодов колебаний переживает опять наша партия. Чтобы приспособить нашу тактику и организацию к новым задачам, приходится преодолевать сопротивление оппортунистических теорий насчет «высшего типа демонстраций» (план земской кампании) или насчет «организации - процесса», приходится бороться против реакционной боязни перед «назначением» восстания или перед революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что ход движения отметет и на этот раз все эти пережитки устарелых и безжизненных взглядов. Такое отметание должно состоять, однако, далеко не в одном опровержении старых ошибок, а еще несравненно более в положительной революционной работе над практическим осуществлением новых задач, над привлечением к нашей партии и использованием ею новых сил, которые в такой гигантской массе выдвигаются теперь на революционное поприще. Именно эти вопросы положительной революционной работы должны составить главный предмет занятий предстоящего третьего съезда, именно на них

должны теперь сосредоточить все свои помыслы все члены нашей партии в их местной и общей работе. Каковы стоящие перед нами новые задачи, мы в общих чертах не раз уже говорили: расширение агитации на новые слои городской и деревенской бедноты, создание более широкой, подвижной и крепкой организации, подготовка восстания и вооружение народа, соглашения для этих целей с революционной демократией. Каковы новые силы для осуществления этих задач,—об этом красноречиво говорят вести о всеобщих стачках по всей России, о забастовках и революционном настроении молодежи, демократической интеллигенции вообще и даже многих кругов буржуазии. Наличие этих громадных свежих сил, особенно в рабочем классе и крестьянстве,—есть достаточное ручательство за то, что новые задачи могут быть решены и непременно будут решены. Практический вопрос, стоящий перед нами, состоит прежде всего в том, как именно использовать, направить, объединить, организовать эти новые силы, как именно сосредоточить социал-демократическую работу, главным образом, на новых вышних задачах, выдвигаемых моментом, отнюдь не забывая при этом тех старых и обычных задач, которые стоят и будут стоять перед нами, пока держится мир капиталистической эксплуатации.

Чтобы наметить некоторые способы разрешения этого практического вопроса, начнем с одного частного, но очень характерного, на наш взгляд, примера. Недавно, совсем накануне начала революции, либерально-буржуазное «Освобождение» (№ 63) затронуло вопрос об организационной работе социал-демократии. Внимательно следя за борьбой двух направлений в социал-демократии, «Освобождение» не преминуло еще и еще раз воспользоваться поворотом новой «Искры» к экономизму и подчеркнуть (по поводу демагогической брошюры «Рабочего») свою глубокую принципиальную симпатию к экономизму. Либеральный орган правильно заметил, что из этой брошюры (см. о ней № 2 «Вперед») вытекает неизбежное отрицание или умаление роли революционной социал-демократии. И по поводу совершенно неверных утверждений «Рабочего» об игнорировании экономической борьбы после победы правых марксистов «Освобождение» говорит:

«Иллюзия современной русской социал-демократии заключается в том, что она боится культурной работы, боится легальных путей, боится экономизма, боится так называемых неполитических форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, легальные и неполитические формы могут создать достаточно прочный и достаточно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы названия революционного». И «Освобождение» советует освобожден-

цам «взять на себя инициативу в деле создания профессионального рабочего движения» не против социал-демократии, а вместе с нею, при чем проводится параллель с условиями немецкого рабочего движения в эпоху исключительного закона против социалистов.

Здесь не место говорить об этой параллели, которая глубоко ошибочна. Необходимо прежде всего восстановить истину об отношении социал-демократии к легальным формам рабочего движения. «Легализация несоциалистических и неполитических рабочих союзов в России уже началась», — говорилось в 1902 г. в «Что делать?» — «Мы не можем отныне не считаться с этим течением». Как считаться? Ставится там вопрос и указывается на необходимость разоблачения не только зубатовских учений, но и всяких гармонических, либеральных речей на тему «о сотрудничестве классов» («Освобождение», приглашая соц.-дем. к сотрудничеству, вполне признает первую задачу и умалчивает о второй). «Делать это, — говорится далее, — вовсе не значит забывать о том, что, в конце-концов, легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не зубатовцам». Мы отделим плевелы от пшеницы, разоблачая зубатовщину и либерализм в легальных собраниях. «Пшеница — это привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощи и т. п.), и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации».

Отсюда ясно видно, что, по вопросу о «боязни» легальных форм движения, жертвой «иллюзии» сделалось всецело «Освобождение». Революционные социал-демократы не только не боятся этих форм, а указывают прямо на существование в них и плевел и пшеницы. Своими рассуждениями «Освобождение» только прикрывает, следовательно, реальную (и основательную) боязнь либералов перед разоблачением со стороны революционной социал-демократии классовой сущности либерализма.

Но особенно интересует нас, с точки зрения теперешних задач, вопрос об освобождении революционеров от части их функций. Именно переживаемый нами момент начала революции придает этому вопросу особенно злободневное и особенно широкое значение. «Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализовать часть профессиональной работы, снимая тем с нас часть нашего бремени», говорилось в «Что делать?». Но энергичная революционная борьба избавляет нас от «части нашего бремени» не только этим путем, а и многими другими. Переживаемый момент не только «легализовал» многое такое, что раньше было под запретом. Он настолько расширил движение, что и помимо правительственной легализации вошло в практику, стало обычным, доступным для массы многое такое, что раньше считалось доступным и было доступным только для революционера. Весь исторический ход развития с.-д. движения характеризуется тем, что оно завоевывает себе, несмотря на все препятствия, все более значительную свободу действий, вопреки законам царизма и мерам полиции. Революционный пролетариат как бы окружает

себя известной, недоступной для правительства, атмосферой сочувствия и поддержки как в рабочем классе, так и в других классах (разделяющих, конечно, лишь небольшую часть требований рабочей демократии). В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу культурнической работы или занимать свои силы почти одной экономической агитацией. И вот одна такая функция за другой все более переходит в руки новых сил, более широких слоев, привлекаемых к движению. В руках революционных организаций все более сосредоточивалось дело настоящего политического руководства, дело указания социал-демократических выводов из проявлений рабочего протеста и народного недовольства. Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом, и в переносном смысле. Теперь уровень политической грамотности так гигантски повысился, что можно и должно сосредоточить все свои силы на более непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком. Теперь либералы и легальная печать делают массу той «подготовительной» работы, которая до сих пор слишком занимала наши силы. Теперь открытая, не преследуемая ослабевшим правительством пропаганда демократических идей и требований разлилась так широко, что мы должны приспособиться к совершенно новому размаху движения». Конечно, в этой подготовительной работе есть и плевелы и пшеница; конечно, социал-демократам придется теперь все больше и больше внимания уделять борьбе с влиянием на рабочих буржуазной демократии. Но именно такая работа и будет заключать в себе гораздо больше действительно социал-демократического содержания, чем прежняя наша деятельность, направленная, главным образом, к пробуждению политических-бессознательных масс.

Чем больше расширяется народное движение, тем больше раскрывается настоящая природа различных классов, тем насущнее задача партии руководить классом, быть его организатором, а не тащить в хвосте событий. Чем больше развивается везде и повсюду всяческая революционная самостоятельность, тем очевиднее становится пустота и бессодержательность рабочедельских словечек о самостоятельности вообще, повторяемых так охотно новоискровцами, тем больше выступает значение социал-демократической самостоятельности, тем выше требования, предъявляемые событиями нашей революционной инициативе. Чем шире новые и новые потоки общественного движения, тем важнее крепкая соц.-дем. организация, умеющая создавать новые русла для этих потоков. Чем больше работает на-руку нам независимо от нас идущая демократическая пропаганда и агитация, тем важнее организованное руководство социал-демократии для охраны независимости рабочего класса от буржуазной демократии.

Революционная эпоха для социал-демократии все равно, что военное время для армии. Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров про-

датоми, ускорять и упрощать производство в офицеры.

Взяв без метафор: надо сильно расширить состав возможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь итти в ногу с возросшим в сто раз потоком народной революционной энергии. Это не значит, разумеется, чтобы следовало оставить в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма. Нет, но надо помнить, что теперь гораздо большее значение в деле подготовки и обучения имеют самые военные действия, которые учат неподготовленных именно в нашем и всецело в нашем направлении. Надо помнить, что наша «доктринерская» верность марксизму подкрепляется теперь тем, что ход революционных событий дает везде и повсюду предметные уроки массе, и все эти уроки подтверждают именно нашу догму. Не об отказе от догмы, следовательно, говорим мы, не об ослаблении нашего недоверчивого и подозрительного отношения к расплывчатым интеллигентам и революционным пустоцветам, — совсем напротив. Мы говорим о новых методах обучения догме, о которых непозволительно было бы забывать социал-демократу. Мы говорим о том, как важно теперь пользоваться наглядными уроками великих революционных событий, чтобы преподавать не кружкам уже, а массам наши старые «догматические» уроки насчет, например, того, что необходимо слияние на деле террора с восстанием массы, что за либерализмом образованного русского общества надо уметь видеть классовые интересы нашей буржуазии (ср. полемику по этому вопросу с соц.-рев. в № 3 «Вперед»).

Значит, не об ослаблении нашей соц.-демократической требовательности, нашей ортодоксальной непримиримости идет речь, а об укреплении той и другой новыми путями, новыми методами обучения. В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях. Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками! Помните, что всякое промедление наше в этом деле послужит на пользу врагам социал-демократии, ибо новые ручки ищут выхода немедленно и, не находя соц.-дем. русла, они будут устремляться в не соц.-демократическое. Помните, что каждый практический шаг революционного движения будет неизбежно и неминуемо учить молодых рекрутов именно социал-демократической науке, ибо эта наука основана на объективно верном учете сил и тенденций различных классов, а революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по своему создать [новую] надстройку. Не принижайте только нашей революционной науки до одной книжной догмы, не сплошайте ее презренными фразами о тактике - процессе, организации - процессе, — фразами, которые оправдывают разброд, нерешительность, неинициативность. Давайте больше простора самым разнообразным предпрятиям самых различных групп и кружков, памятуя, что верность их пути, кроме наших советов и помимо наших советов, обеспечивается

неумолимыми требованиями самого хода революционных событий. Давно уже сказано, что в политике часто приходится учиться у врага. А в революционные моменты враг всегда навязывает нам правильные выводы особенно назидательно и быстро.

Лозунг: организуйтесь! который сторонники большинства хотели дать в оформленном виде на втором съезде партии, должен быть осуществляем теперь немедленно. Если мы не сумеем смело, инициативно создать новых организаций, мы должны тогда отказаться от пустых претензий на роль авангарда. Если мы беспомощно остановимся на достигнутых уже пределах, формах и рамках комитетов, групп, собраний, кружков, мы докажем этим свою неумелость. Тысячи кружков возникают теперь повсюду, помимо нас, без всякой определенной программы и цели, просто под влиянием событий. Надо, чтобы социал-демократы поставили себе задачей создать и укрепить непосредственные отношения с возможно большим числом таких кружков, чтобы они оказывали им помощь, просвещали запасом своих знаний и опыта, оживляли своей революционной инициативой. Пусть все такие кружки, кроме сознательно несоциал-демократических, либо прямо входят в партию, либо примыкают к партии. В последнем случае нельзя требовать ни принятия нашей программы, ни обязательных организационных отношений с нами; достаточно одного революционного чувства, одного желания помогать борьбе с самодержавием, чтобы из таких примыкающих кружков при энергичном выступлении перед ними соц.-демократов, под давлением хода событий выработывались сначала демократические помощники социал-демократической рабочей партии, а затем и убежденные члены ее.

Людей масса и людей нет, — в эту противоречивую формулу укладывались уже давно противоречия организационной жизни и организационных запросов социал-демократии. И это противоречие с особенной силой выступает теперь: одинаково часто слышишь со всех концов страстные призывы новых сил, жалобы на отсутствие людей в организациях, и на-ряду с этим везде и повсюду гигантское предложение услуг, рост молодых сил, особенно среди рабочего класса. Организатор-практик, который при таких условиях жалуется на отсутствие людей, впадает в ту же иллюзию, в которую впадала в эпоху высшего развития великой французской революции госпожа Ролан, писавшая в 1793 г.: людей нет во Франции, все пигмеи кругом. Кто говорит так, тот за деревьями не видит леса, тот признается, что его ослепили события, что не он, революционер, владеет ими в своем сознании и в своей деятельности, а они владеют им, они подавили его. Такому организатору лучше уйти на покой, очистить место молодым силам, у которых энергия может возместить нередко недостаток опытности.

Люди есть, никогда не бывало у революционной России такой массы людей, как теперь. Никогда не бывало у революционного класса таких необычайно благоприятных условий, — в отношении временных союзников, сознательных друзей, невольных пособников, — как у современного русского пролетариата. Людей масса, надо только выбросить за борт хвостистские мысли и почтения, надо только дать простор почину и инициативе, «планам» и «предпрятиям», и тогда мы окажемся до-

стоинными представителями великого революционного класса, тогда пролетариат России так же героически проведет всю великую русскую революцию, как героически он ее начал.

(Н. Ленин)

Насущные вопросы.

Перепечатаваем следующий, вышедший в России листок, который ставит на обсуждение партии крайне важные вопросы.

В извещении Бюро Комитетов Большинства о созыве 3-го партийного съезда намечены неотложные тактические задачи, и в числе их на первом плане поставлен вопрос о методах непосредственной политической борьбы. Теперь Бюро в интересах подготовки съезда считает необходимым в самых общих контурах наметить свои взгляды по этому вопросу, чтобы положить, таким образом, начало общепартийному обсуждению поставленных жизнью на очередь задач тактики.

1. Можно считать вполне установленным, что для нынешнего периода политической жизни русского пролетариата специальной ему свойственной формой прямой политической борьбы является соединение стачки с демонстрацией, а при условиях ближайшего будущего, уже наметившихся в январских событиях,—соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием.

Эти два способа борьбы не следует пытаться отделить один от другого,—такие попытки были бы безнадёжны. Нельзя призывать к всеобщей стачке, не готовясь в то же время к вооруженной борьбе, как ее неизбежному результату. Это необходимо иметь в виду во избежание опасных ошибок: надо знать, на что идешь, нужна осторожность в оценке настроения массы.

Революции не делаются партиями, а только подгото-

вляются ими и «организуются» в смысле придания борьбе планомерности и определенных форм. Поэтому следует думать, что ближайшая волна всеобщих забастовок и восстаний начнется так же стихийно, как предыдущая. Здесь особенно важно уловить ее начало и сразу пойти по ее линии, но в то же время не принять за это начало простую преходящую вспышку. Эта трудность, конечно, падает, главным образом, на 2—3 самые большие центра движения (Петербург, Москва, Кавказ), из которых каждый может оказаться начальным пунктом волны. Мелким центрам следует прямо остерегаться инициативы в такой борьбе.

Чтобы предвидеть, идет ли дело о вспышке, которую надо, главным образом, вводить в рамки наименьшей растраты сил, или о революционной волне, которой надо отдаться вполне, надо непосредственно выяснить степень широты и напряженности массового возбуждения. Хорошим показателем смысла возникшего брожения и важным фактором расчетов является степень возбуждения других классов общества, степень их видимой активности и смелости. Это чувствительный барометр общей революционности атмосферы. Тут важны, конечно, не столько просвещенные либералы и молодежь, сколько мало просвещенная часть мелкой буржуазии городов: ремесленники, приказчики, мелкие торговцы и т. п. Когда волна общей политической забастовки затихает, и обнаруживается среди бастующих склонность к отпадению, то надо стараться использовать остаток стачечного настроения для экономических завоеваний, и если до этого момента следует настаивать на отказе пролетариев от всяких переговоров с их хозяевами, которые не могут дать им того, чего они тогда требуют, то, начиная с этого момента, следует агитировать за отстаивание отдельными заводами уже конкретных экономических требований, за то, чтобы они продолжением стачки добивались наибольших уступок от хозяев.

Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата.

II.

Взятие Бастилии.

12-го июля 1789 г. король Людовик XVI, неумный, робкий, постоянно колебавшийся, решил прибегнуть к крутым мерам и дал отставку министру Неккеру, умному и миролюбивому швейцарцу, который стоял за уступки и реформы. Неккер был сравнительно популярен в народе. Королевская немилость еще увеличила эту популярность. Народ устроил шумную манифестацию, траурно разубранный бюст Неккера носили по улицам. В наемные немецкие войска, стоявшие лагерем на площади Людовика XV, бросали камнями. Кавалерия врзалась в толпу. Были жертвы. Вечером толпы народа прекратили спектакль в королевской опере в знак траура по жертвам этого столкновения.

Опасались, что солдатчина в ночь на 13-е обрушится на Париж. Новый парижский муниципалитет (городская

дума), в состав которого вошло 14 лиц, избранных собранием избирателей второго порядка, приказал осветить окна домов. Париж иллюминировался, улицы сияли тысячами огней, и возбужденное население, готовое на все, ждало слуг короля, отца народа! Но столкновение последовало только 14-го. Разнеслась весть, что войска собираются в Бастилии—тюрьме, находившейся в предместьях св. Антония. Таким образом, Париж хотели стиснуть с двух концов между Бастилией и военным лагерем на площади Людовика XV, находящейся на противоположном конце города.

Ко всеобщей страстной ненависти против Бастилии, твердыни абсолютизма, куда свирепое правительство замуровывало своих врагов, присоединилась тактическая необходимость ее разрушения. Королевский план—сжать Париж точно клещами с двух сторон—мог быть разрушен только немедленным взятием Бастилии, пока там не собралось еще достаточно войска.

Бастилия была по тому времени очень сильной крепостью: толстые стены, рвы с подъемными мостами, пушки на башнях. Народ, чтобы взять ее приступом, должен был собраться толпами на открытом месте, стать, таким образом, мишенью для пушек. Но у толпы бойцов было много таких союзных сил, которые не принимаются во внимание казенными военачальниками: она была во-

вопрос о вооружении масс представляет и громадную важность, и громадную трудность. Как бы успешно шла организация специальных сборов на это дело, все равно удовлетворяться будет лишь незначительная часть потребности. И все же этим не надо смущаться, а упорно продолжать дело. Тут важна пропаганда делом идеи вооружения среди масс, и их самостоятельность в этом направлении дает гораздо больше, чем наша непосредственная работа. Кроме того во время начинающегося восстания надо иметь оружие, чтобы достать оружие; требуется организовать разграбление оружейных лавок, а где можно арсеналов. Для этого, во-первых, необходима хотя небольшая вооруженная сила, во-вторых, нужно, чтобы были люди, которые тут же сумели бы распределить оружие, показать всем способ его употребления. Нечего и подчеркивать, насколько важна в этом деле связь с солдатами и офицерами, а также оружейными мастерами и рабочими. Не надо забывать, насколько по существу конспиративна данная функция; она непременно должна быть обособлена от других. Недавние провалы оружия в разных местах наводят на известные выводы относительно постановки дела, но по конспиративным соображениям здесь не место излагать эти выводы.

3. Вооруженное восстание обыкновенно не происходит по плану, потому что народ не армия, а революционеры, к сожалению, не полководцы. Но все же известная степень подготовки возможна. Местная организация должна во всяком случае заранее выяснить себе стратегическую картину расположения города и путей к нему, чтобы знать, где имеет смысл оказывать сопротивление и строить баррикады, где было бы это безнадежно, где удобнее всего с самого начала прервать пути сообщения и сношений—железные дороги, телеграфы и телефоны, где расположены оружейные магазины и склады, где квартиры различных начальствующих лиц, какими

одушевлена веками накопившимся народным гневом, полна геройской решимостью умереть за дело, в правоту которого она верила непоколебимо, за нею было также сочувствие всего Парижа. Наоборот, защитники Бастилии, как ни сильны они были оружием, толстыми стенами и солдатской выправкой, были расслаблены морально. Гарнизон крепости состоял частью из швейцарских наемников; они были в Париже чужими, а потому готовы были на все, готовы были даже направить пушки на дома предместья св. Антония и превратить их в кучу дымящихся развалин; но другая часть гарнизона состояла из старых гарнизонных солдат, французов, которым больно было стрелять в своих братьев. Комендант крепости Лоннэй был надменный солдафон, смотревший на народ, как на подлую чернь и готовый скорее умереть, чем сдаться, но большинство офицеров было против кровопролития и решительных мер.

У революции, кроме пушек и ружей, есть еще одно могучее оружие, против которого бессильны защитить правительство самые толстые стены крепостей: это то, что она подымает свое знамя за всех угнетенных, за все общество, а солдаты и офицера—тоже часть этого общества; сознание того, что они борются против своего народа, против свободы и прогресса, защищая небольшую шайку жестоких и высокомерных правителей, от-

способами все это охраняется и т. д. В выяснении всех этих вопросов желательно в высшей степени участие компетентных офицеров.

Освобождение заключенных из тюрем, конфискация средств правительственных учреждений и быстрая организация военного-полевого суда над неприятельскими шпионами желательны в самом начале вооруженного восстания.

Дальнейшие соображения не могут быть здесь изложены опять-таки по конспиративным причинам.

4. В вопросе о способах воздействия на армию надо иметь в виду прежде всего следующее. Рассчитывать на особенную широту этого воздействия в общем было бы трудно; только листовая агитация может расширяться без всяких пределов. Для личной же агитации, пропаганды и организации сил у нас пока немного, и здесь лучше заменить широту работы ее интенсивностью. Гораздо важнее добиться, чтобы во время восстания один полк стал на сторону народа, чем чтобы несколько полков были отчасти затронуты революционной волной. Железная дисциплина армии легко справится с отдельными вспышками в ней «крамолы», но сражение войска за народ против войска морально решает дело, сразу разрушая не только эту дисциплину и самую веру в нее, в ее силу.

Надо уметь выбрать центр основного воздействия на войско, считаясь и со степенью интеллигентности состава той или другой части, и со степенью ее недовольства своим начальством.

Агитация должна, во-1-х, опираться на знакомство с жизнью самих солдат и на детальную критику ее недостатков, во-2-х, особенно подчеркивать истинное значение того правительственного приема, что солдат отсылают подальше от их родины, чтобы они без особого сожаления убивали чужих им людей, тогда как другие солдаты оплачивают тем же их родным. Хо-

равляет военную дисциплину и рано или поздно склоняет победу на сторону бойцов революции.

Так было и в знаменитый день 14-го июля.

Между 9—11 часами утра громадная толпа собралась перед Домом Инвалидов, где находились значительные оружейные склады. Охранявшая их стража не сопротивлялась. Толпа вооружилась, как сумела, и направилась к Бастилии.

Городская дума хотела избежать столкновения, боясь, что Лоннэй станет бомбардировать Париж с башен Бастилии. Представители думы потребовали у Лоннэя сдаться добром. Кичливый дворянин презрительно отказал, хотя среди старых гарнизонных солдат уже началось брожение, и раздавались голоса за сдачу крепости.

После неудачных переговоров несколько смельчаков взобрались на крыши соседних с Бастилией домов, они подрубили цепи подъемного моста, который и рухнул вниз. Толпа с криком торжества перешла по нему ров и наполнила первый двор замка. Теперь она находилась перед самой стеной его: и вот с бойниц грянул убийственный залп прямо в упор. Несколько десятков раненых и убитых пало на мостовую двора. Мгновенно разнесся слух, что Лоннэй нарочно опустил мост, чтобы заманить народ и расстрелять его в тесном дворе. По улицам Парижа побежали вестовые, горящие негодова-

рошо было бы, если бы удалось показать это на вполне конкретном примере.

5. Нет сомнения, что первая задача и всеобщей забастовки, и опирающейся на нее активной борьбы заключается в полном прекращении городской жизни. Все способы сообщения, сношений, освещения должны быть прерваны, чтобы парализовать этим подвижность врагов и планомерность их действий, и по мере возможности разобщить их. Нет так же сомнения, что для самозащиты можно пользоваться всем, что под рукой, и, напр., при постройке баррикад проезжающие экипажи, трамваи, мебель соседних домов, материал их стен и т. д. законно могут применяться для общего дела, а лошади, велосипеды, автомобили переходят временно в общественную собственность, также и типографии, и т. д. Но при всем том не надо забывать, что сила революции по преимуществу моральная, а не материальная (кажется, никогда почти в XIX в., во время народных революций силы восстающих материально не равнялись, хотя бы приблизительно, силам их врагов). Опора этой моральной силы — сочувствие и поддержка всех классов общества, кроме горсти реакционеров. Поэтому, даже среди самой отчаянной борьбы не следует окончательно забывать об интересах и психологии этих классов и остерегаться всего, что может подорвать их сочувствие. Надо охранять частную собственность от бесполезного разрушения и разграбления и старательно взвешивать те акты борьбы, которые болезненно затрагивают эти классы. Конечно, безусловной границы для революционной самозащиты указать нельзя, при известных условиях все становится допустимым, — и пожар, как способ преграждения пути врагам, и террористические акты по отношению к их начальникам и агентам, и т. п. Но все же некоторые действия должны предприниматься лишь с величайшей осторожностью и в самых крайних случаях; таковы особенно те, которые

сильно вредят многочисленной мелкой буржуазии городов или которые могут запугать ее. Сюда можно отнести разрушение водопроводов и разграбление лавок со съестными припасами, боен и т. д., а также насильственное принуждение к участию в революционной борьбе и т. п. Как общее правило, такие действия должны избегаться.

То, чего мы не могли сказать здесь по конспиративным причинам, мы надеемся изложить комитетам и съезду устно. Желательно, чтобы таким же образом высказались по этим вопросам другие товарищи. Весь опыт партии должен быть объединен, обработан и сделан основой для дальнейших действий. Открывая обсуждение тактических вопросов момента, мы хотели положить начало выполнению этой задачи.

Желательно, чтобы обсуждение всех тактических и организационных вопросов велось и в комитетах и во всех кружках и группах периферий, и чтобы повсюду по этим вопросам принимались резолюции, которые и будут доложены съезду.

Бюро Комитетов Большинства.

О работе среди солдат²⁾.

[Близость восстания ставит на очередь вопрос о привлечении войска на сторону рабочих. Сколько-нибудь значительного открытого перехода солдат на сторону борцов за свободу можно ожидать только в том случае, если солдаты увидят, что вооруженный пролетариат сумеет защитить их от мести правительства. Но и сознательность солдат не может не оказать своего влияния на степень устойчивости царской вооруженной силы. Необходимо обратить теперь на армию больше

нием, призывая всех восстать и идти к Бастилии. «Там герои, сыны народа, борются за вашу свободу!», — кричали вестники на улицах, на площадях, в кофейнях: — «если вы не придете на помощь, — они умрут все до последнего человека! Там льется кровь ваших братьев! Мечь, мечь, граждане!»

И Париж откликнулся. Новые и новые массы стекались к стенам крепости. Несколько рот французской гвардии, частью с офицерами во главе, частью под начальством унтер-офицеров, построились в колонны и бегом направились на место боя. Сбежалось туда и много солдат из других полков.

Появление солдат в рядах народа произвело на осажденных самое удручающее впечатление. Лоннэй стрелял картечью. Уже до 200 человек вышло из рядов осаждавших, но мужество их не ослабевало; они привезли две маленьких пушки, стоявших обыкновенно у ворот городской управы, и громили ими вход в замок.

Французские солдаты и большинство офицеров громко требовали сдачи. Швейцарцы видели, что народу все прибывает, а зарядов становится все меньше; они рассуждали, что, сопротивляясь до конца, они так озлобят народные массы, что, вторгнувшись, наконец, в крепость, народ в бешенстве разорвет их на куски.

Лоннэй увидел по настроению разбушевавшегося на-

рода и по растерянности своих солдат, что победа революции неизбежна. С проклятиями бросился он в пороховой погреб, чтобы взорвать Бастилию на воздух, а вместе с нею все ближайшие кварталы, и похоронить таким образом, под развалинами и себя, и гарнизон, и своих врагов: собственные офицера схватили его и даже грозили ему смертью. Тогда он сдался.

Солдаты гарнизона выстроились шпалерами вдоль лестницы и коридора, сняв свои каски. Лоннэй мрачный стоял посреди тоже без шляпы. Народ ворвался шумными толпами. Почти все солдаты были пощажены. Виновник кровопролития, Лоннэй, был убит, хотя многие защищали его от народной мести. Освободители бросились по узким переходам и темным зловонным камерам тюрьмы, разбивая цепи и освобождая заключенных. Многие из этих заживо погребенных жертв королевской власти были найдены умирающими от истощения или лишившимися рассудка.

Народ победил.

Но кто же собственно взял Бастилию? Каков был состав борцов 14-го июля? Толпа была крайне разнородна, в ее рядах были даже дворяне, даже попы, а также женщины и дети. Жажда свободы и поток проравшегося, наконец, гнева народного увлек всех. В официальных списках особенно отличившихся храбрецов:

жизни, чем обращалось до сих пор. И я считаю не лишним поделиться своим личным опытом.

Случайная работа среди солдат — не новость. Люди, бывшие революционерами до службы, создавали вокруг себя атмосферу революционного настроения и в казарме. Но это случайная, разбросанная работа; нужно ее организовать. До сих пор солдатская среда, составленная, главным образом, из деревенских выходцев, мало интересовала социал-демократов, которые главное внимание обращали и должны обращать на промышленный пролетариат. Солдат из крестьянской среды считали невосприимчивой средой. Последнее в общем справедливо, но все-таки не надо забывать, что крестьянин и солдат — не одно и то же. При демонстрациях рабочих, стачках и т. п. крестьянин остается в стороне, солдат же превращается в деятельного участника событий. И в наше время становится с каждым днем яснее, насколько солдатская деятельность является препятствием к успешной борьбе рабочих. Тем более в момент кануна восстания далеко не лишне уделить в крупных промышленных центрах хоть небольшую долю сил для воздействия на армию, не останавливаясь перед страшной трудностью дела. Самым заклятым нашим врагом в казарме является ее каторжная дисциплина: каждый шаг, чуть ли даже не каждая мысль солдата делаются известны начальству. В каждой казарме найдется] теперь группа солдат, стоящая выше других по развитию; ее интересы вообще не совпадают с интересами остальных. Это очень заметно со стороны, и начальство совсем не трудно указать именно по этому направлению при всяком случае, когда в казарме запахнет прокламацией. Работник в казарме всегда на виду и идет к ответу в первую голову. Но это далеко еще не значит, что в казарме нельзя работать. Не меньше отзывается на деле и затруднительность отпусков «с двора». Нечего и говорить о том, что почти никогда не

удается быть свободными в один день всем работникам из солдат: один на дневальстве, другой на дежурстве и т. д. Помимо этого, всегда отлучка сопряжена с процедурой отпрашивания у взводного; до поздних часов надо просить билет у командира роты. При частых повторениях отлучки навоят начальство на вопрос, куда вы ходите. Хорошо, если у солдата есть родственники в городе, а другим прямо-таки поневоле приходится отказываться от кружковых занятий только потому, что нельзя брать часто отпуска.

Также затруднительна приноска в казарму литературы и ее хранение там. Я настойчиво советовал бы товарищам в казарме хорошенько поломать себе голову над вопросом о безопасном месте для склада и не держать ничего ни в сундуке, ни в матрацах, ни под подушками. Всегда, как только начальство почует недоброе, оно бросается с обыском по солдатским сундукам, карманам, вытаскивает даже солому из матрацев. Передачу и обмен литературы удобней всего делать после занятий. При малейшем шорохе в одной казарме моментально [следует] предупреждать товарищей в других казармах. Осторожность здесь никогда не помешает. [К до]вершению затруднений, с которыми приходится считаться в казарме, нужно прибавить еще почти полную невозможность читать в помещениях. Я сейчас не говорю о лагерном времени, когда все условия переменяются. Все спасение [зимой] в том, что в какое-нибудь [«Солдатское Чтение»] положишь другое чтение, и, таким образом, глядишь в книгу, а видишь революцию. В казарме невозможно ни собираться по нескольку человек, ни говорить без опасения быть подслушанным. Тем более изворотливости, тем более находчивости и энергии нужно приложить к делу. [Бояться трудностей] непростительно, особенно в момент, когда шкурный вопрос, [связанный с вопросом] о войне, может сыграть нам в руку. Солдаты враждебны нынешней войне—это

преобладают солдаты и офицера, а также буржуа средней руки. Но из ста убитых половина оказалась безымянными людьми, а из остальных 30 оставили семьи без всяких средств к существованию. Такая огромная доля бедняков, пролетариев, показывает, кто был истинным героем первой победы народа над тиранией.

Да, в толпе были и дворяне победнее, и попы, и дети, не было там только богатых собственников. Позднее плотники писали в письме защитнику народных прав Марату: «Теперь толстосумы хотят завладеть всем, но в кровавые дни борьбы мы не видели их, они сидели за стенами своих домов».

Опьяненный победой, но жаждущий мести за смерть стольких героев, народ расправился не с одним только Лоннэем. Старшина купеческого сословия Фуллон, быть-может, предок петербургского градоначальника, располагал оружейным складом; во время боя толпа народа отправилась к нему с требованием оружия; он обещал немедленно прислать его на место битвы; народ бросился туда. Действительно, скоро к Бастилии явились нагруженные телеги. Порох и пули нужны были в этот момент до-зарезу; все кинулись к телегам: они оказались набитыми тряпьем.

Напрасно надеялся остроумный Фуллон на благодарность короля за эту гнусную шутку. Королевские войска не

посмели итти на Париж. Фуллон был схвачен победителями Бастилии вместе со своим зятем Бертье, тоже изблеченным в измене. Фуллому отрубили голову, насадили ее на пику и понесли среди ликующих возгласов несметной толпы. Бертье гнали позади и, наконец, убили. В этом кровавом торжестве принимали участие, по свидетельству очевидцев, многие зажиточные образованные буржуа.

Как должны мы относиться к такого рода жестоким народным расправам? Этому учит письмо первого коммуниста, вдохновенного предтечи нашего соц.-дем. движения—Бабефа. Вот, что писал Бабеф через несколько дней после взятия Бастилии своей жене: «Я видел это страшное шествие, я видел, как тысяча вооруженных людей несла голову тестя на пике, подталкивая зятя сзади. Несчастливого волокли при глумлении двухсоттысячной толпы через пригород и вдоль улицы св. Мартина; на него сыпались ругательства; толпа ликовала под немолчный бой барабанов. О, мне было больно видеть такую радость! В одно и то же время я был и доволен, и недоволен, я говорил: тем лучше и тем хуже! Я понимаю справедливую месть народа, я одобряю казнь его врагов, но зачем же эта жестокость? Однако, кто истинный виновник ее? Не палачи ли, не пытки ли, не зверства ли правительства? Наши правители—сами варвары, они не цивилизовали свой народ, а оже-

факт. Мне самому приходилось наблюдать перерождение солдат из патриотов в довольно свободомыслящих людей, когда перспектива отправки на войну начинала им улыбаться. [Чтобы организовать работу], недостаточно комитетчику иметь общение с несколькими отдельными личностями из солдат; нужны связи во всех частях, нужна регулярная работа не с отдельными личностями и с кружками, не только с представителями отдельных частей вне казармы, но и в самой казарме. На обязанности руководителя лежит приобретение и закрепление связей, подыскивание квартир, снабжение литературой. Вообще его обязанность—из представителей отдельных частей выработать дельных и ловких пропагандистов для работы каждого в своей казарме. Так как работа среди солдат только начинается в планомерной форме, то ее поневоле приходится начинать с небольших кружков. Массовая агитация с разбрасыванием прокламаций в казармах, привела бы к тому, что начальство сейчас бы узнало, в каких ротах имеются коноводы: сделать посев в чужой роте, где нет своего человека, абсолютно невозможно. Это не исключает, конечно, тех случаев, когда можно сделать подметку вне казармы: по двору, около сараев, около конюшни,—особенно теперь среди запасных, на которых и падет первое подозрение. [Вообще же нужно] отвлечь [от своей казармы] внимание начальства до известного времени. Нужно завести связи как можно с большим числом отдельных частей (полков, батальонов), а еще лучше и рот. Идеальная постановка дела будет такова, что от каждой роты будем иметь по одному представителю, потому что вход в чужую казарму для постороннего лица (даже солдата) очень затруднителен, иногда невозможен совсем (справки, [запись] в книгу посетителей). Вести работу не в своей [казарме] и не в своей роте абсолютно невозможно. Таким образом, представитель отдельной роты является неизбежным звеном при расширении движения.

Но необходимо, конечно, всех [представителей] держать на одной степени близости к центру: можно иметь непосредственное отношение с представителями отдельных полков и батальонов, которые у себя могут иметь (при условии, конечно, удобной квартиры) кружки побатальонные или поротные. Больших требований в смысле теоретической подготовки ко многим из этих представителей прилагать нельзя. Первым необходимым условием успешности работы в казарме является наилучшее отношение к работнику как со стороны начальства, так и со стороны других солдат. Избегая всяких дряг и жалоб по мелочам, легко стать в довольно нейтральное и, стало-быть, в очень удобное для работы положение по отношению к начальству. По отношению к солдатам нужно приложить гораздо больше старания, чтобы создать себе хорошую почву. Прежде всего надо действовать силой нравственного авторитета. А для этого нужно уметь сойтись с каждым. Сюда нечего, конечно, включать выпивок и т. п. Есть масса других интересов, на которых можно завязать связи. Обыкновенно в казарме царит обособленность: кроме, как по поводу службы, не услышишь разговора, разве сойдутся два земляка. При таких условиях подступить к человеку, с которым вообще не приходилось разговаривать, подступить с известным намерением довольно неудобно. Вот почему нужно прежде всего позаботиться поставить себя ко всем в такое положение, чтобы всегда можно было начать разговор даже и без всякого повода. Для этого нужно не избегать обыденных, хотя бы и касательно службы, разговоров, суметь подойти к одному с услугами написать письмо, к другому—сделать указание об аренде земли и т. д. Можно иногда дать [книжку] (стоит только раз завязать сношение через книжку, [солдат уж потом] сам будет просить). Среди солдат можно встречать таких, которые хотят поучиться

сточали его. Пусть жнут, что посеяли! И знай, моя дорога, что много ужасного произойдет еще: мы лишь у самого начала».

А наши правители? Чему научили они нас, хлеща девиц нагайками, калеча молодежь поодиночке кулаками банды пьяных дворников, расстреливая безоружную толпу, убивая детей? Чему научили крестьян губернаторы, запарывавшие до смерти «бунтовщиков»? Кто перечислит все зверства напоенных водкой и науськанных казаков? Людовику XVI за все его царствование не снилось пролить столько крови народной, сколько пролил ее наш слабушный Николай в одно Красное Воскресение. Они пожнут, что посеяли! Пусть сердобольные люди помнят слова Бабефа. Да, террор будет иметь место в предстоящей русской революции, но то не будет террор кучки смельчаков, направленный на того или иного изверга, то будет террор общенародный, то будет беспощадная война всем врагам свободы; война, бесспорно, полная ужаса, но освящаемая великою целью.

В эту войну русские пролетарии вступят сознательными бойцами. Они будут требовать законченной демократической республики, но, борясь за нее, они будут помнить, что она не исцелит всех страданий рабочего класса, а только расчистит путь для дальнейшей борьбы против буржуазии за социализм. В описываемое

нами время подавляющее большинство пролетариев не понимало, что кроме целей общих с буржуазией у них есть своя великая цель, и что потому, борясь рядом со своими будущими врагами и временными союзниками, они нуждаются в собственной, тесно сплоченной организации. Ошибались в то время даже такие великие и смелые вожди самого бедного люда, как упомянутый нами Бабеф: они воображали, будто можно сразу организовать коммунистический строй. Теперь мы называем такие мечты утопией. В деле освобождения народа от самодержавия, в деле борьбы за республику пролетарии найдут сочувствие широких народных масс, во главе которых они могут стать для этой цели; но в деле организации социалистического строя рабочие могут рассчитывать почти исключительно на свои силы, вся масса мелких собственников стала бы враждебной им, а собственные силы пролетариата еще недостаточно велики и недостаточно организованы для выполнения гигантской социалистической задачи: но зато эти силы будут расти, крепнуть и организовываться со сказочной быстротой в условиях новой свободной России. Пролетариат знает теперь, что ему нужна республика для того, чтобы могуче и свободно готовиться к окончательной борьбе и окончательной победе над всякой эксплуатацией.

(А. Луначарский).

ми повторить то, чему учились в школе], и тут можно прийти на помощь.

Далее, нужно [сглаживать] ту натянутость в отношениях, которая существует [его обыкновенно] между более развитыми и более отсталыми людьми. При известной тактичности это удастся. А между тем, это самое главное, самое основное условие успешности работы. Сделавши этот шаг, легко приступить к следующим. Тут [незаменимым орудием] являются легальные книги и газеты. Иногда в роте выписывается газета, в роде «Московских Ведомостей», но и эта газета хороша, как исходный пункт. Все недостающее легко можно дополнять или в скобках, или в [последующем] разговоре. Большое достоинство имеет тот, кто способен подолгу [поддерживать беседу по поводу прочитанного, не касаясь правительства, а только наталкивая мысль [собеседника на необходимые выводы].

Легальные книжки тенденциозного содержания также могут служить исходным пунктом разговоров и бесед. [Кроме того, что они облегчают общение, они служат для отвода глаз] начальства, [чтобы объяснить, о чем] «шшукался», что передавал. Переход от устного зондирования и подготовки почвы к беседам более прямой нужно делать с возможно большей осторожностью. Непривычка—великое дело, и с нею надо считаться. Красная печать производит на первый раз ошеломляющее впечатление. И только когда один и другой раз расскажешь содержание прокламации да скажешь, что страшного ничего нет, человек присоединяется до некоторой степени официально к новой вере. Не нужно забывать, что солдатская среда—не среда рабочих. Там офицер не вычитывает перед строем о «внутренних врагах» и «негодях» и не грозит за прокламацию дисциплинарным батальоном. Летом условия работы благоприятнее. Все части собраны вместе; читать и сходки устраивать легко где-нибудь за лагерем. Но самое главное—это возможность массовой летней агитации. При смежном расположении частей трудно найти виновника, если сделать посев прокламаций между бараками или палатками, да и внутри это нетрудно проделать, особенно в сумерки. И лагерное время нужно использовать в этом отношении.

Солдат.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Прошу уважаемую редакцию напечатать письмо загнившего проклятым самодержавием в далекую чужбину пролетария, который много лет работал и подготовлял товарищей к той революции, которая теперь совершается на родине, и которому как на зло не выпало на долю быть в первых рядах настоящей битвы с самодержавной кликой.

Всем памятные июльские события, в которых и я с тысячами товарищей - рабочих отбивал нападения полицейской своры, башибузуков - казаков, тупоголовых солдат и всей продажной клики жандармерии и шпионов, теперь бледнеют перед происходящими побоищами моих братьев - рабочих.

Шедший с петицией к страшному чудовищу Соловью - разбойнику русский богатырь, хоть и предупреждаемый социал-демократией, не ожидал такого звер-

ского нападения правительства. Но это самое избиение послужило сигналом для всего пролетариата русского и для всех тех, которые давно поняли, что так жить, как жили мы до сих пор, уже больше нельзя. Ряд городов один за другим во главе с пролетариатом поднялся на защиту исконных прав человека. Много тысяч борцов пало жертвою ненасытного вампира; и уже не ручьи, а целые реки пролетарской крови обгадят родину. Пролетарий рвется в бой кровавый, святой и правый, как призывали мы его много лет. Пролетарий вооружается, чтобы на силу армии, стоящей за царя и его проклятую камарилью, ответить большей вооруженной силой, со знаменем, на котором кровавыми буквами начертано: «победить или умереть».

Раз рабочий поднялся по всей России, то надо нам, социал-демократам, руководить им, чтобы с меньшей потерей разбить и дезорганизовать правительство и войска. Громадными массами на улицах нет никакой возможности действовать против хорошо вооруженной солдатской силы, а каждый переулок, каждый дом и каждое окно могут служить естественной баррикадой: регулярные войска не страшны, когда им приходится действовать мелкими отрядами, да и рабочим скорей, может-быть, удастся повлиять на них. Бомбы, револьверы, ружья, камни, поджоги правительственных зданий, разрушение железных дорог, почт, телеграфов и телефонов,— все может и должен пустить теперь в ход революционный пролетариат, руководимый Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией. Изнуренные войска тогда сами начнут бросать солдатскую одежду и присоединяться к революционерам. Когда пролетариат везде будет не только сопротивляться войскам, а и сам нападать, солдаты скорей поймут, что им лучше быть свободными гражданами со всем народом, чем умереть за никому ненужный царизм. Смотрите, революционная лава заливает все города и веси дорогой родины. Все встали на защиту «прав человека».

Прислушайтесь же к голосу пролетария. Я не один так рассуждаю, а со мною согласны и те борцы, которые многие годы учили и внушали рабочим мысль о революции:

«Мы, рожденные рабами,
Мы, вспоенные слезами,
Мы, вскормленные нуждой,—
Рвемся в бой с неправдой злой».

Долой самодержавие!—несется из многомиллионной груди пролетариата. Долой подлых убийц 9-го января! Довольно уж мы мирно требовали, теперь хотим силой взять себе свободу. Уже поднялась мускулистая рука многомиллионного рабочего, о которой давно предсказывал мученик-революционер Пётр Алексеев и те тысячи, что стонут в Сибири и тюрьмах.

Ведите же нас на приступ самодержавного Порт - Артура! Громовой клич социал-демократии разбудил нас, пусть же теперь она и ведет нас к победе.

«Кровью народной залитые троны
Кровью врагов наших мы обгарим!».

Пролетарий.

Освобожденцы и новоискровцы, монархисты и жирондисты.

В № 66 «Освобождения» помещена рецензия на брошюру Мартынова «Две Диктатуры», (одобренную и рекомендованную редакцией «Искры», см. № 86). Как и следовало ожидать, либеральный буржуа не скрывает своих симпатий к оппортунистическому крылу в социал-демократии. «Рядом с работой г. Акимова» брошюра Мартынова является для «Освобождения» «одним из наиболее интересных произведений из всей новейшей соц.-дем. литературы». Могли иначе отнестись либерал к проповеди хвостизма, запугивающей революционный класс роковой перспективой участия во временном правительстве, и «революционной диктатуры» в демократическом перевороте (Мартынов, напуганный «якобинством», смешивает этот переворот с социалистической революцией)? Случайность ли это, что «Освобождение» в статье «Знаменательный поворот» приветствовало плехановскую идею об уступках ревизионистам? Чем объяснить заявление «Освобождения» (№ 57), что «по существу меньшевисты защищают теперь нечто более жизненное и дееспособное, чем большевисты?». Не тем ли, что «единственная надежда на идейную жизнеспособность русского либерализма заключается в жизнеспособности социал-демократического оппортунизма» (см. наше издание «Услужливый либерал»)? Прав или неправ был г. Струве, когда он утверждал, что брошюра Троцкого «Наши политические задачи», вышедшая под редакцией «Искры» (см. № 72), «совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся соц.-дем. литературой знакомы уже по писаниям гг. Акимова, Мартынова и Кричевского, и других так-называемых экономистов (№ 57 «Освоб.»)? Если бы Мартынов и К⁰ подумал над этими вопросами, то он, может-быть, уразумел бы головоломную (ох, какую головоломную!), староискровскую идею о сходстве отношений между якобинцами и жирондистами, с одной стороны, и между революционными социал-демократами и оппортунистами, с другой стороны. (Впервые выдвинута эта идея, если мы не ошибаемся, в переводе № 2 «Искры», писанной Плехановым). Были ли жирондисты изменниками делу великой французской революции? Нет. Но они были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела. Поэтому с ними боролись якобинцы, которые так же последовательно отстаивали интересы передового класса 18-го века, как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса XX века. Поэтому жирондистов поддерживали и оправдывали от нападок якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы - конституционалисты и т. д. Но начинаете ли вы теперь понимать кое-что, почтеннейший жирондист Мартынов? Нет еще? Вот вам еще пояснение: являются ли новоискровцы изменниками делу пролетариата? Нет. Но они являются непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела (и принципов организации, и тактики, освещающих это дело). Поэтому с их позицией борются революционные социал-демократы (одни, прямо и открыто, другие — тайком, за запертыми дверями редакционных ка-

бинетов, посредством хитростей и уловок). Поэтому новоискровцев идейно поддерживают и оправдывают прямые изменники делу пролетариата, освобожденцы. Не начинаете ли вы теперь понимать кое-что, почтеннейший жирондист Мартынов? (Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Москва. Забастовали служащие Моск.-Виндавской ж. д. В виду новизны этого явления и важной роли ж. дорог в политической и хозяйственной жизни страны, приводим дословно требования забастовщиков: 1) оставление на службе всех участников забастовки (при возможности таковой) как в управлении, так и на линии; 2) уплата жалования за время забастовки; 3) коренной пересмотр пенсионной кассы при ближайшем и непосредственном участии всех отделов и категорий; 4) уничтожение порядка приема, перемещения, увольнения служащих по исключительному усмотрению начальства; 5) учреждение бюро из служащих для решения вопросов о недоразумениях служащих между собою и начальством, при чем дисциплинарное взыскание на служащих может быть налагаемо только с согласия бюро; 6) установление правильной системы отпусков для штатных и нештатных служащих; каждый служащий имеет право пользоваться ежегодным отпуском не менее одного месяца, и без согласия служащего отпуск не может быть отменен; 7) каждый служащий дороги, штатный или нештатный, должен получать награды ежегодно не менее месячного жалованья; 8) оклад жалованья низших служащих дороги через каждые два года должен прогрессивно увеличиваться на 20% до удвоения первоначального оклада; 9) минимальный оклад при поступлении на службу конторщика, телеграфиста и чертежника должен быть не менее 40 рублей; 10) с момента представления этих требований всем служащим дороги получающим менее 1.200 руб. увеличить жалованье на 20%; 11) уничтожение бесплатных вечерних занятий не только в управлении, но и на линии; 12) все участники забастовки не должны быть арестуемы; 13) уменьшение числа рабочих часов в управлении до 5 час., для телеграфистов и дежурных вообще по станциям агентов обязательно трех-часовое дежурство, т. е. 12 час. дежурства с перерывом на 2 часа днем для обеда, а ночью для отдыха, и 24 часа свободных; 14) в случае удовлетворения означенных требований со стороны администрации дороги разработка подробностей заявленных требований должна быть произведена при участии забастовавших или их представителей; 15) для совместного обсуждения и предъявления администрации дороги надлежащих вопросов должна быть предоставлена свобода собраний.

Москва. 11-го февраля открылась сессия губернского земства. Началась она пресмыкающимся заявлением председателя о необходимости отслужить панихиду по Сергее. Этим заявлением «либеральное» московское земство примкнуло вплотную к реакционной камарилье, возвысившей в России теперь свой голос повсюду.

Тут же было предложено послать Елизавете Федоровне сочувственную телеграмму. Наши либералы, радующиеся всегда всякому террористическому акту, и тут показали свою двуликую фигуру — они, конечно, «единогласно» решили послать «поплую глубокого сочувствия» телеграмму.

— Послали ли телеграммы семьям убитых рабочих? — раздался возмущенный голос из публики. По залам прошел рокот.

— Прошу публику не вмешиваться в дела земского собрания, — окрысился представитель, — я должен буду очистить зал.

Публика волновалась, но особенного протеста не выказала. Очередное собрание присяжных поверенных Московского округа от 20-го января 1905 г., обсудив события 9—11 января и принимая во внимание, что петербургские рабочие, желавшие вручить непосредственно государю, при гарантии его личной неприкосновенности, свои политические и экономические требования, расстреливались безоружные во время мирного шествия ко дворцу; что аналогичные требова-

ния много раз повсеместно и открыто заявлялись в публичных общественных собраниях и разделяются настоящим собранием; что учреждение в Петербурге генерал-губернаторства и назначение на эту должность Трепова, руководителя избятий 5—6 декабря в Москве, массовые аресты и убийства граждан в Варшаве, Риге, Баку и др. городах являются полным пренебрежением к интересам и требованиям русского народа,—постановило: выразить горячее сочувствие рабочим и глубокое соболезнование жертвам и их семьям; заявить о чувстве глубокого ужаса, охватившего всех при вести о том, что сограждане наши в рядах русских войск осмелились поднять оружие против своих братьев; выразить свое презрение официальным и добровольным клеветникам, измыслившим, будто русский народ способен продаваться за деньги иностранцам; свое негодование и возмущение действиями русского правительства, порвавшего отныне все связи с русским народом, и свою готовность бороться за требование русского народа — созыв учредительного собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избрания представителей. Принято единогласно без прений, о чем занесено в протокол собрания.

(В. Бонч-Бруевич).

Томск. Все здесь находится под страшным впечатлением событий 18-го января. Сегодня хоронили рабочего, убитого во время демонстрации. Много народу провожало его; шли тихо-тихо, нога за ногу по главным улицам. Столкновения с полицией не было. Истязания, каким были подвергнуты со стороны казаков и полиции рабочие и публика во время демонстрации, превосходят, действительно, все ужасы, все зверства. Были пущены в ход не только обычные кулак и плеть, но и шашки, револьверы, железные полосы, поленья и молотки,—словом, все, что только попадало под руку озверевшим казакам и полицейским. Били на месте демонстрации, били и на других улицах, даже в частных дворах, куда скрывалась публика от преследований. Били в участке, особенно в 5-м, где прямо истязали... Вчера арестован председатель банкета Потанин, ему лет 70, если не больше. Говорят, жандармское управление сделало предварительный запрос в Питер — «не опасно ли брать старика», так как «Потанин для Сибири, что Толстой для России». Очевидно, получили приказ взять и его. Ждут новых арестов и допросов.

Мелитополь (Таврич. губ.). 15-го января здесь была сходка человек в 80—100. Были рабочие, интеллигенты и учащиеся. Напрянула полиция. Исправник во главе 10 городовых с шашками на-голо и револьверами в руках ворвались в квартиру. Публика пришла в большое смятение, и некоторые бросились выбить оконные рамы, желая спастись бегством. При этом одна гимназистка, выпрыгнув из окна, сломала себе ногу. Ее отвезли в городскую больницу и теперь к ней никого не допускают.

Паника продолжалась недолго. Оправившись немного, публика стала вооружаться, чем попало, раздавались крики: долей полицию! Исправник был очень смущен таким небывалым для нашего города скоплением и поспешил заявить, что никому зла не причинит, что свора его вооружена только «для самообороны». После коротких переговоров полиция принуждена была убраться; по дороге она прихватила кое-кого из публики, присутствовавшей на сходке. Но остальные в общей суматохе не заметили этого. Когда собравшиеся вышли на улицу и заметили отсутствие товарищей, они решили с пением революционных песен подойти к участку и потребовать освобождения товарищей, если они там окажутся. Настроение у всех было приподнятое.

С пением «Марсельезы» и «Варшавянки» подошла толпа к участку. Арестованные товарищи из участка отвечали им. Оказались—семь человек арестовано. От исправника потребовали их освобождения. После некоторого колебания он согласился это сделать с условием, чтобы демонстранты дали переписать себя. Во время этих переговоров конвойные солдаты окружили демонстрантов. К участку прибыл воинский начальник, вернее его привела дочь, ибо сам он стар и хил. (Надо заметить, что все это происходило в 12 час. ночи). Арестованных товарищей выпустили. У одного из них, реалиста Шадлуна, оказалась избитой голова и испло-сованной спина. Публику переписали и отпустили.

Через два дня прибыл сюда жандармский полковник со

свитой жандармов и товарищ прокурора. Потянули записанных на допрос; несколько человек отказались от дачи показаний. После допроса человек 5—6 отправили в тюрьму. Гимназисток и реалистов, бывших на собрании, исключили, при чем начальница женской гимназии в утешение говорила: «Вас скоро обратно примут, ибо порядки скоро изменятся».

Город оживился. Всюду толки о демонстрации. Относятся чрезвычайно сочувственно. Жалеют только, что мало русских было (всего человек 10).

Среди массы ходят слухи, что скоро сюда придут студенты и призвуют к забастовке, к которой все охотно примкнут. Масса толков о петербургских событиях.

Новгород. Наши земцы перехитрили администрацию, которая в лице председателей запрещает говорить о конституции. 10-го января гласные устроили «частное совещание с выборным председателем. В резолюции, принятой единогласно, они признали, что нынешний государственный строй привел Россию к внешнему и внутреннему кризису, а в последние дни «к ужасающим событиям, сопровождавшим рабочее движение в Петербурге». Земцы находят, что громадное число убитых и раненых рабочих «едва ли способны внести успокоение в русскую жизнь» и потому требуют созыва народных представителей. «Едва ли способны внести успокоение» — такой рабски-канцелярской фразой реагируют буржуазные земцы на реки пролитой рабочей крови. «Едва ли способны внести успокоение» окажутся, надеемся, и пропагандные холостом земцы, когда их призвуют, наконец, на булыгинский собор, согласно последнему рескрипту царя.

Резолюция киевского съезда русской группы Международного союза криминалистов (4-го января 1905 г.). Решая вопрос об юридической помощи населению съезд находит, что при условиях бесправия населения и произвола администрации [являющихся основными устоями современного русского строя], ни о какой юридической помощи населению не может быть и речи, и полагает, что устранение бедственного положения, в котором находится страна, и установление нормальной политической и юридической жизни возможно лишь тогда, когда [в России будет введено представительное правление] будет создана твердая гарантия свободы личности, слова, печати, вероисповедания, собраний и союзов, а также равенство всех частей населения перед законом. Реформы эти не могут быть осуществлены бюрократией, неспособной к творческому обновлению русской жизни [но лишь представителями народа, свободно избранными на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов].

Резолюция эта была предложена И. А. Кистяковским при дружных рукоплесканиях присутствующих. Огорошенный этим председатель русской группы криминалистов, сенатор Фойницкий, предложил выбросить поставленные в скобки места. Профессор Гредескул внес с своей стороны третью, примирительную резолюцию. При голосовании была принята большинством 77 голосов против 37 резолюция Кистяковского, при чем все судейские и прочие чиновники голосовали, конечно, против нее. После этого Фойницкий встал и заявил: «В виду того, что съезд нарушил пределы легальности, я, как председатель русской группы, объявляю, что 5-й съезд криминалистов закрыт». Председательствовавший на этом заседании адвокат Тесленко возразил на это, что съезд может быть закрыт лишь председателем комитета, а потому он объявляет заседание продолжающимся. Фойницкий и еще несколько лиц ушли, а заседание продолжалось. В тот же вечер было вывешено объявление, что «по распоряжению генерал-губернатора съезд, нарушивший пределы допущенной публичному обсуждению программы, закрыт». Весьма характерно, что вскоре это объявление было сорвано и заменено другим, исходящим от губернатора: «В виду распоряжения председателя русской группы Международного союза криминалистов о закрытии киевского съезда названной группы, дальнейшие заседания такового прекращаются».

Варшава. Предприниматели собирались для обсуждения положения дел и единогласно вынесли следующую резолюцию: «Всеобщая забастовка, распространявшаяся по всему краю и выразившаяся не только в отказе от труда, но и в общесоциальных и общеэкономических требованиях рабочих к предпринимателю, а в значительной мере является вы-

званной причинами, лежащими вне круга деятельности предпринимателей. Улучшение отношения труженика к предпринимателю можно ожидать прежде всего от социальных реформ, от предоставления рабочим и предпринимателям права свободы союзов и собраний, благодаря чему условия труда могли бы постоянно улучшаться путем гласных, доступных соглашений, а не путем стачек. С этим тесно связана необходимость улучшения просвещения рабочего класса, реформы народного образования, преподавание на родном языке, истинной целью которого было бы развитие культуры края.

На соединенном совещании всех педагогических советов пришли к решению начать обязательно занятия в понедельник 7-го февраля, хотя бы явилось не более 5 учеников. Всех инициаторов беспорядков,—а таковыми считаются все, представлявшие какие-либо требования начальству, а также замеченные во время беспорядков,—исключить, при этом документы их передать даже не прямо родителям, а через полицию; ученикам, не выделявшимся во время беспорядков, но принимавшим в них участие, убавить поведение. Очевидно, не вполне уверенные, что этими мерами строгости будет достигнут желанный порядок, педагоги в заключенные указали на необходимость устройства телефонов при каждом училище для вызова в случае надобности полиции и войска.

(А. Елизарова).

Среди военных. Вместе со мной в вагоне едут несколько офицеров, которые отправляются на Дальний Восток. На станции один из них выходит и минуты через две вбегает радостный, сияющий.—«Ура!»—«Что такое?»—«Убит мерзавец!»—«Кто?»—«Да Сергей Александрович!» Следует пересказ только что полученной телеграммы об убийстве Сергея. Сидящий тут же старик-купец набжно крестится и говорит: «Собаке собачья смерть». Из общего разговора выясняется, что все присутствующие приписывают резню 9-го января Сергею. Один из офицеров, с которым за долгую дорогу мне удалось сойтись ближе, искренне возмущается петербургской резней и на чем свет стоит бранит правительство. Потом он вдруг словно спохватывается и говорит: «Однако, что же могли сделать офицеры? Ведь, они присягли и должны были исполнять приказания начальства».—«Но вы же согласны,—возражаю я,—что это было зверство? Ведь, надев мундир, вы не перестаете же быть человеком?»—«Да, но как же быть: если я не стану стрелять, расстреляют меня».—«Позвольте, ведь, рискуете же вы своей жизнью на войне, почему же тут вы не решаетесь? Вот если бы я сейчас обругал вас, то, чтобы спасти честь мундира, вы вызвали бы меня на дуэль. Верно? А между тем разве честь вашего мундира не запачкана кровью безоружных и детей? Разве, чтобы смыть ее, вы не обязаны рисковать жизнью?»—«А, ведь, вы правы!»—отвечает офицер после некоторого раздумья.—«Как это нам, болванам, давно не приходило в голову посмотреть на дело с этой точки зрения! Мы все страшно возмущались этой бойней, но не видели выхода; а между тем выход есть: рискнуть своей жизнью! Ведь, рискуем же мы в самом деле из-за «Безобразовской арендательской земли», как объясняют войну солдатики. Так отчего же не рискнуть из-за правого дела?» В дополнение приводим выдержки из письма юнкера: «У нас в Москве ожидалось движение по примеру петербургского. Генерал (начальник военного училища) объявил училище на военном положении. Каждый день назначалась дежурная рота в боевой готовности, ночью высылались дозоры. В нашем манеже стояли солдаты. Настроение было воинственное, благодаря зажигательным речам генерала. Все «защитники родины» рвались в бой с «неприятелем». Хорошо, что все кончилось одними приготовлениями. А если бы в самом деле вызвали меня для усмирения? Последствия для меня были бы крайне печальные: или каторга, или смерть, так как по уставу меня за отказ стрелять мог бы и должен был бы уложить на месте всякий офицер. Нервы окончательно расшатались».

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Вот письмо, посланное рабочими Обуховского завода начальнику завода: «М. Г. Геннадий Александрович! Мы, сознательные рабочие, считаем своим неперенным

долгом заявить, что депутации, в роде бывших у нас 10-го января, никоим образом не могут разрешить исхода забастовки. Во-первых, эти депутации совершенно не имеют никаких полномочий от рабочих. Во-вторых, их просьба приступить к работам противна здравому смыслу уже потому, что она идет вразрез с требованиями всех рабочих Петербурга. В-третьих, подобные требования могут печально повлиять как на их участь, так, равным образом, и на участь завода. Мы требуем, чтобы работы на заводе не начинались до благоприятного разрешения общих условий забастовки всех рабочих Петербурга, которые вам должны быть хорошо известны без всяких депутаций. Кроме того, Обух. завод имеет местные недостатки, как, например, увольнение некоторых мастеров и подмастерьев, которые должны быть устранены. Эти требования будут вам выяснены депутацией от нас, сознательных рабочих. Притом не лишне присовокупить, что объявления, подобные вывешенному вами, мы, как честные люди, предлагаем впредь не вывешивать, да поменьше упоминать бога, изображение которого у нас расстреляли 9-го числа по распоряжению начальства. Толковать же о войне с Японией в настоящий исторический момент даже с людьми, не вполне сознательными, совершенно излишне: более своевременно напомнить теперь о местных концессиях, о грабежах Красного Креста, по милости которого гибнут от голода и холода наши родные братья, что в данное время распространяет даже самая мелкая пресса».

Путиловцы страшно возмущены комедией приема будто бы депутатов царем. В числе депутатов был Сорокин, заведомый шпион. Положение бывших «депутатов» теперь крайне опасное: рабочие грозятся убить их или по крайней мере избить.

Минувшие события пробудили огромную массу новых сил. От предложений нет отбоя. У нас создан огромный конспиративный аппарат, который остается только усовершенствовать. Достаточно упомянуть, что у комитета теперь около 60 агитаторов и масса людей, выполняющих и готовых выполнять самые мелкие функции боготни, передачи, разноски, явок, переписки, экспедиции, посылки писем и т. п. Создается военная организация, ряд технических групп нового типа и пр. Словом, работа закипела бы во всю, если бы у нас не было дезорганизаторов, роль которых теперь особенно вредна и особенно возмутительна, потому что теперь вопрос стоит так: должны ли мы окончательно дезорганизоваться и потонуть в безформенной недовольной массе, или должны работать организованно, планомерно. Меньшевики фактически стоят за первое и фактически прилагают все силы, чтобы выполнить эту благородную задачу. Но вернусь к вопросу о нашей главной задаче—об агитации и пропаганде. Наши кружки разбиваются на три разряда: 1. Низшие кружки (летучки) непостоянного состава и нерегулярно собирающиеся. Таких летучек стали устраивать каждый день несколько в каждом районе. Агитатор по данному ему плану, заготовляемому специалистами-литераторами, составляет речь, которую произносит несколько раз в разных кружках, и в то же время готовит следующую речь. Таким образом достигается экономия времени и сил, а главное, каждая речь строго обдумывается и хорошо подготавливается. Каждая речь должна представлять нечто совершенно цельное и законченное по определенному вопросу, должна подчеркивать наши основные лозунги (освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, вооруженное восстание, демократическая республика для свободной борьбы за социализм, конечная цель соц.-дем. и т. п.). 2. Кружки среднего типа, уже постоянного состава и правильно собирающиеся. Они посещаются одним и тем же агитатором, который произносит 4—6 речей по определенной программе. 3. Кружки пропагандистские из наиболее сознательных рабочих, с которыми ведутся постоянные занятия. Организация агитаторов отделена от организации пропагандистов и представляет очень подвижную, быстро приводимую в действие машину, действующую по одному плану. Организация устроена так, что организаторы летучек моментально раздобывают нужных агитаторов с уже готовыми речами. Агитаторы и пропагандисты еженедельно доставляют комитету подробные отчеты. События сильно помогли нам—большевикам. До событий можно было думать, что не скоро удастся организовать значительные силы. Теперь не то!

Множество народу, раньше колебавшегося, теперь горой за нас. Меньшевики, повидимому, не только не изменили своего прежнего взгляда на съезд, но еще больше ожесточились, чувствуя, что жизнь выживает у них почву из-под ног: они теперь впадают в какую-то неистовую истерику, когда речь заходит о съезде. Интересна разница между рабочими и интеллигенцией в их отношении к разногласиям. Интеллигенты стонут, ахают и сентиментально призывают помириться, просто поговоривши по душе, без съезда, который, ведь, может повести к окончательному расколу. Рабочие, сходясь с интеллигентами в желании поскорее покончить с затянувшимся кризисом, являются сторонниками быстрых, энергичных, решительных мер.

Чтобы познакомить вас с вопросами дня, занимающими наших работников, привожу выдержки из некоторых протоколов. Вот выдержка из протокола собрания 3-го февр. 1-го заводского подрайонного комитета городского района. На собрании были: временный ответственный организатор района (инт.), организатор подрайона (раб.) и 9 его помощников (раб.). «1) Комитет не считает возможным, чтобы стачки, вспыхнувшие опять и вспыхивающие на отдельных заводах и фабриках (стоят: Франкорусский зав., фабрика Воронина; станут на днях: Росс. бумагопрядильня, Екатеринбургская бумагопрядильня, Арматурный и др. зав.), могли в ближайшем будущем довести до всеобщей забастовки (6 голосов за, 4—против, 1—воздержался). 2) Выказывается против призыва в настоящее время ко всеобщей забастовке (6—за, 1—против, 4—воздержался). 3) Необходимо перед выборами в комиссию Шидловского потребовать обеспечения свободы слова, собраний, личной неприкосновенности и проч., освобождения арестованных товарищей, производства самых выборов прямым и устным (? Ред.) способом. Без удовлетворения этих требований необходимо агитировать за бойкот выборов (единогласно). 4) Комитет, конечно, уверен, что при самодержавии невозможно удовлетворение этих минимальных требований, но необходимо их выставить, чтобы еще раз перед массой подчеркнуть, что самодержавие в принципе противоречит основным требованиям пролетариата (единогласно). 5) Комитет еще раз заявляет, что дезорганизованность партии сказывается крайне тяжело на повседневной работе соц.-демократов, и находит, что единственный выход из кризиса—III съезд, почему, разделяя вполне точку зрения по этому вопросу Бюро комитетов большинства, присоединяет и свой голос за немедленный созыв III съезда (единогласно). 6) Комитет считает необходимым издать немедленные листки, посвященные разъяснению в самой доступной форме нашей программы-минимум; особенно необходимы листки такого рода об учрежденном собрании». Теперь приведу выдержки из протокола районного собрания организаторов: «2) Собрание единогласно постановило предложить комитету организовать периодические общие собрания организаторов подрайонов всего города. Цель собраний—тесней связать комитет с рабочей массой на почве централизованного демократизма и улучшить технику сношений между отдельными организаторами в смысле передачи связей и т. п. 4) Собрание приветствует решение организационной комиссии распространять листки одновременно и централизовать общую технику в руках ответственного техника наряду с децентрализацией техники районной. 5) Вместо оставшего свою работу товарища решено назначить N (предложение предоставить эту работу NN (инт.) было отклонено после указания ответственного организатора, что организовать работу лучше поручать рабочим). 6) Выслушаны отчеты подрайонных организаторов: а) 1-й заводский подрайон. Забастовки идут на Росс. и Екат. бумагопрядильнях, на Резиновой мануфактуре, на Петербургском вагоностроительном и на Франкорусском заводах. Требования выставлены всюду одни и те же: 8-часовой рабочий день и увеличение заработной платы (чернорабочим до 1 руб., остальным на 20 проц.). Однообразие требований, по словам организаторов подрайонов, объясняется традициями гапоновской организации. Политические требования не выставлены нигде. Сознательные рабочие указывают на необходимость в возможно скором времени выпустить листки пропагандистского характера об учрежденном собрании в связи с лозунгом «долгой самодержавие».

В районе имеется 13 кружков (10 агит. и 3 пропаг.). Со-

брани на этой неделе состоялись не во всех кружках. Подрайонное организаторское собрание состоит из 12 представителей кружков.

б) Ремесленный подрайон. Забастовок нет. После 15-го ожидается забастовка арсенала. В районе 10 кружков (5 агит. и 5 пропаг.). Рабочие требуют постоянных пропагандистов и агитаторов.

7) Доклад ответств. организатора о решении комитета по поводу комиссии Шидловского. Указывается на то, что заводское подрайонное организаторское собрание независимо от комитета пришло к тем же выводам с той разницей, что сверх требований, выставленных комитетом, были приняты следующие: амнистия заключенным и выборы в качестве представителей не только рабочих, но и интеллигентов. По поводу этого доклада организатор заводского подрайона заявляет следующее: по отдельным заводским подрайонам идут уже подготовительные выборы. Путем записи фамилии избираемого на выложенных в мастерских листах намечаются кандидаты (по 1 от каждой мастерской). Эти кандидаты из своей среды уже выберут депутатов от всего завода. Среди намеченных рабочими кандидатов нет ни одного входящего в организацию. Можно будет провести и наших депутатов. Отдельные члены собрания указали на то, что на некоторых фабриках и заводах уже начался бойкот комиссии на тех же основаниях, на которых предполагал вызвать его комитет. Таким образом, предположение комитета, что бойкот невозможен на первой стадии, не оправдалось. Путиловский завод после ареста 20 намеченных кандидатов отказался от выборов, требуя неприкосновенности личности депутатов. Артиллерийский—по тому же поводу, и даже объявил забастовку для освобождения их. Узнав об этом, депутаты Невского завода отказались от своих полномочий. 8) Принято предложение отв. организатора чаще устраивать районные и подрайонные собрания для докладов и обсуждения общепартийных дел, с целью подготовить всех организованных работников к активному участию в общепартийной жизни. 9) Секретарь доложил о том, что он передал Кр. Кресту связь с одним из организаторов рабочих для передачи денег забастовщикам. Это было сделано по желанию организатора 1-го заводского подрайона. Дело в том, что Кр. Крест заявил, что он будет давать средства только самим рабочим. Передано уже 250 руб. Собрание решило запросить комитет об указании по этому поводу.

Петербург. 11-го янв. 4) В Соляном городке состоялось собрание общества технологов, на которое нам удалось правдами и неправдами провести наших рабочих. Речи, произнесенные нашими, как и следовало ожидать, произвели на аудиторию резко различное впечатление: представители всевозможных буржуазных направлений вплоть до соц.-революционеров протестовали, рабочие же, понимая, что мы защищали их классовые интересы, встретили шумными аплодисментами; конечно, рабочих поддерживали те интеллигенты, которые определенно стоят на точке зрения пролетариата. Одному рабочему, имевшему намерение говорить, не было председателем дано слово. Также председатель запретил прочесть резолюцию, ссылаясь на устав общества; вообще, много пришлось претерпеть нашим ораторам, прежде чем им удалось добиться возможности говорить.

Один рабочий выразил свое впечатление такими словами: «Вот вы все время вопите о солидарности, о единении, проливаете крокодиловы слезы, а как только к вам приходят сами рабочие и хотят высказать все то, что наболело, все то, за что рабочий класс проливал свою кровь,—вы медленно гоните их в шею. Вы протестуете против опеки царизма, говорите о том, что русское общество выросло; да, оно выросло, но переросло и те рамки, в которые вы намерены втиснуть его; ему не нужна опека ни царизма, ни ваша, ни чья бы то ни было. Мы требуем себе права самим думать, самим заботиться о своих нуждах, и будьте уверены, что мы не пятилетние младенцы, что мы устроим свою жизнь возможно лучше при настоящих капиталистических отношениях!»

О том же заседании другой товарищ пишет следующее. Наш товарищ-рабочий в простых, не лишенных остроумия словах и сопоставлениях высказал, что комиссия Ш., сущность которой покрыта завесой неопределенности и безгласности, не может вызвать к себе иного отношения, как

к несуществующей. Он указал, что анкетный характер комиссии, в котором некоторые усматривают ее положительное значение, не есть явление новое в русской жизни. И раньше рабочих призывали в кой-какие учреждения для дачи «анкетных» показаний. И там неприкосновенность личности гарантировалась только «в деловом отношении». Даже неизвестно, будут ли призывать рабочих, как прежде, в участки поодиночке или все вместе дадут «показания». Вплоть до действия нельзя, — нельзя производить выборы в неведомую комиссию.

Другой оратор-рабочий находил мысль предыдущего тактически неправильной. «Отказавшись от выборов, мы покажем, что боимся Шидловского. Потому нужно выбрать таких, которые бы не спасовали перед чиновниками и капиталистами и настаивали на своих требованиях».

Затем ряд ораторов из интеллигентов стремился выяснить, что комиссия Шидловского есть доказательство испуга и паники, которые охватили правительство после 9-го января, но в то же время и способ замазать рот небольшими уступками, сведя требования рабочих на чисто-экономическую почву. Некоторые товарищи предлагали здесь же принять резолюцию, выражающую отношение присутствующих к комиссии. Против последнего предложения высказался, между прочим, Н. Строев: «Мне кажется, — сказал он, — время разных петиций, резолюций... да и комиссий прошло. Теперь идет 9-й вал, великая волна, которая сметет все это вместе с другим мусором!»

Настроение было возбуждено, благодаря выходке одного из членов общества, настаивавшего на снятии с очереди вопроса и предлагавшего обсудить меры против могущего произойти кровопролития 19-го февраля. Его, в конце концов, утомонили и даже осматривали, когда он предложил, чтобы (sic)... в случае рабочих беспорядков, командование вооруженными силами было бы передано... интеллигенции (??!!). И вот выступает один товарищ, который в краткой, но хорошо обдуманной и убедительной речи выяснил наш взгляд на сущность и необходимые условия выборов. Затем он предлагал принять резолюцию.

Председатель говорит, что юридически не может допустить баллотирование и принятие резолюции «гостями» общества. Один из членов возражает председателю, указывая, что резолюция только формулировка прений...

Тут раздается жиденький голос и произносит речь приблизительно следующего содержания: Господа, я вполне согласен с г. председателем, что юридически он не может допустить обсуждения и принятия резолюции, но как гражданин, он обязан это сделать. Конечно, в легальном собрании это недопустимо, но мы, граждане, должны превратить его в нелегальное. И я вполне понимаю предыдущего оратора, который, явно став на революционную точку зрения, хочет сорвать собрание инженеров Импер. Технич. Общества, превратить его в народный митинг под руководством соц.-демократов, и предложить резолюцию, выработанную Петерб. ком. РС-ДР Партии.

Паника была неопишима. Председатель звонит, часть публики кричит, что это провокация, другая — протестует против навязывания резолюции одной партией...

Очевидно резолюция была сорвана... Возбужденное настроение и попытка председателя закрыть собрание позволили именитым либералам поднять свой голос. Проф. Лутугин протестовал против резолюции, говоря, что только «бюро» компетентных в рабочем вопросе членов общества может внести достойное и беспристрастное решение вопроса. Собрание, в котором теперь преобладали рабочие (многие интеллигенты трусили и ушли) было возмущено такой опекой либералов. Один товарищ в резких выражениях обрисовал тактику либералов по отношению к пролетариату. Они призывали нас сюда, очевидно, не для того, чтобы мы могли решать наши кровные вопросы, но лишь чтобы мы выслушали их мнения и их решения. Либералы хотят руководить рабочими в своих интересах... Шум... На кафедру влезает известный либерал Новиков, который еще недавно говорил, что он в принципе социал-демократ... и громовым голосом выкрикивает приблизительно следующее: «Я глубоко оскорблен словами предыдущего оратора, который стремился посеять рознь между рабочими и интеллигенцией (?). Теперь время единения сил, а не время раскола. И я утверждаю, что эти самые люди, которые считают себя истин-

ными друзьями рабочего класса, развивая вражду разрозненных сил, являются врагами рабочего движения!»

Прибегнув к передержке, подставив вместо «либерал» понятие «интеллигент», Новиков не постеснялся дискредитировать рабочую партию в глазах рабочих.

Партия, в которой работают сами пролетарии, оказывается в раглом рабочего класса. Такая наглая ложь и нелепость могли прийти по вкусу только либералам, и они покрыли речь аплодисментами.

Мне хочется еще немного осветить поведение либералов на собрании. Председатель не мешал говорить либер. Дену минут сорок, хотя его речь мало соответствовала назначенной теме. Когда же заговорил рабочий, председатель предложил ограничить ораторов 10-ю минутами и прекратить запись ораторов. Это ему не удалось. Далее он пытался помешать рабочему говорить, когда тот повторялся (хотя оратор говорил всего не более 15 минут). Но еще характернее либерализм отразился в речи Лутугина и протесте против «односторонней» партийной резолюции, содержания которой еще никто не знал.

Бюрократия, которая, по мнению Лутугина, может только решить рабочий вопрос, отличается от чиновничьей бюрократии только в том, что первая избирается интеллигентной буржуазией, а вторая покровителями всякой буржуазии. Там олека полицейская, тут — буржуазная. И там, и тут на рабочего смотрят, как на темного невежу или младенца. И либералы с легким сердцем клеймят рабочую партию, не веря, собственно говоря, в то, что ее составляют преимущественно рабочие.

В университете идет следствие о сходке; жандармы и прокурор составили акт об уничтожении царского портрета и т. д. Арестовано 17 чел., замеченных «в оскорблении величества».

С.-Петербург. 8-го забастовали рабочие мастерских Николаевской ж. д. Причина забастовки — арест выбранного рабочими депутата. Депутат в своей речи, перечисляя требования, которые он будет отстаивать, упомянул и некоторые политические: свободу собраний, неприкосновенность личности и пр. По окончании речи он тотчас был арестован. Ответом на это насилие была забастовка. 10-го рабочие опять стали на работу, так как министр по телеграфу сообщил, что с высочайшего соизволения в главных и линейных мастерских при паровозных депо временно (?) разрешается применение след. мер, заявленных в рабочих ходатайствах: 9-час. раб. день (вместо 10½ ч.), допущение рабочих к участию в установлении расценок, допущение особых выборов и др.

Рига. 23-го янв. Едва вести о событиях в Петербурге проникли в рабочую среду, как со всех концов города стали получаться сообщения о необычайном возбуждении рабочей массы. Среди обывателей распространялись слухи о готовящемся бунте рабочих; росла уверенность, что вспыхнувшее на Неве революционное пламя переберется в Ригу, а последняя, в свою очередь, подожжет весь Прибалтийский край. Говорили, что всеразрушающая сила рабочей революции никем и ничем не может быть остановлена, что к рабочим примкнут запасные; обывательская фантазия создавала каких-то таинственных лиц, специально приехавших, чтобы поднять рабочих. Партийные работники, в свою очередь, были уверены, что в разгаре борьбы Центр. Ком. Партии не замедлит разослать гонцов во все комитетские города России с подробными извещениями и общим планом действий. Но в нашем крае, с значительной массой рабочего населения, в течение всей революционной недели не было видно ни одной прокламации наших центров. В Ревеле матросы и рабочие откуда-то достали старые прокламации Нижск. ком., в Митаве одна незначительная партийная группа вынуждена была работать на гектографе; в других районах дело обстояло еще хуже. В Либаве, рассказывают, матросы предлагали плату за русские прокламации; в Голдингене и Гробине полицией был пущен слух, что царь обещал конституцию, если рабочие возвратятся к работе. Сведений о положении дел в других городах не было, приходилось все делать наугад; о каком-нибудь общем соглашении с другими социал-демократическими организациями в тех городах, где имеются комитеты партии, со стороны Центрального Ком. тоже что-то не было слышно.

Вечером 11-го стало известно, что некоторые мелкие

мастерские начали забастовку; забастовавшие рабочие проникли в Александровскую гимназию, где в это время заседало литературное общество, и распространили прокламации политического характера, выпущенные Федеративным Комитетом. Комитетом партии были выпущены прокламации, в которых выяснялась необходимость политической свободы и были выставлены требования экономического характера. Федеративный Ком., выпустив прокламации с призывом к генеральной забастовке еще 11-го янв., очевидно, упустил из виду, что, при настоящих полицейских условиях, в центрах с большим рабочим населением всеобщей стачки вести мирно нельзя, что борьба с штрейкбрехерами, число которых должно быть значительно, особенно в Риге, должна вызвать вмешательство войска; в прокламациях 10-го и 11-го янв. ничего не было сказано, как нужно держаться во время забастовки. Кроме того, опыт массовых забастовок неоднократно показал, что сознание своей силы, овладевая серой массой, должно неизбежно привести к массовой демонстрации. Одновременно с призывом к всеобщей забастовке следовало бы озаботиться выработкой плана и организацией некоторого руководства для выполнения плана; но о плане действий стали говорить поздно, когда устройством отдельных демонстраций забастовщики указали властям на надвигающуюся грозу и дали возможность принять меры для охраны оружейных магазинов, газового завода и т. д.

Движение, начавшись утром 12-го янв., охватывало все большее число рабочих, брало штурмом мелкие мастерские, разливалось по прачечным заведениям и модным магазинам, проникало в барские кухни. В политехникуме была устроена многолюдная сходка, на которой организовались сборы в пользу стачки, и решена обструкция; ученики и ученицы всех учебных заведений были распущены. Комитетом партии были выпущены прокламации на русском, польском и литовском языках; выяснились события в столице в связи с политическим гнетом и объявлялась всеобщая забастовка. Вражеский лагерь в этот день был деморализован; только к вечеру полицейские участки и управление забаррикадировались, казначейство превратилось в казарму, а вся жандармско-полицейская служба была сосредоточена в губернаторском дворце. К сожалению, мы не успели за этот день организовать нападение на оружейные магазины и уничтожение телефонных сеток. Прокламации, призывающие к вооружению, появились лишь после бойни, когда, с одной стороны, войско успело занять город, а с другой—эти прокламации не могли уже вызвать необходимый подъем духа после кровавой катастрофы. Стаечный комитет, образовавшийся из всех местных комитетов, приступил к выработке общего плана действий, когда на улицах уже лилась рабочая кровь, а относительно самого плана 12-го янв. никто ничего определенного не знал. Демонстрация первого дня закончилась везде мирно.

На следующий день, 13-го января, с самого утра город принял торжественный вид; с разных концов стекались люди всех возрастов и классов на Московский форштадт, на Красную Двину и Александровскую улицу. Первая значительная демонстрация произошла за Двиной; 5—6 тысяч человек двинулись в город с красным знаменем и революционными песнями, но, встреченные отрядами городских и конных солдат, отступили после стычки, унося с собою трех раненых. Одновременно происходили демонстрации на Суворовской, Марининской и др. улицах, и везде полицейские наряды употребляли холодное оружие. Стало ясно, что оправившиеся власти не остановятся перед кровавыми столкновениями, и мирные демонстрации неизбежно закончатся человеческими жертвами. Это подтверждалось еще тем, что за отсутствием губернатора его замещал вице-губернатор Неклюдов, ставленник Плева. Говорили, что этот помпадур способен дать генеральное сражение по мельчайшему поводу. Действительность оказалась ужаснее всех предположений. К часу дня главная масса притекала к Московскому форштадту и, увеличиваясь с каждой минутой, она заполнила всю Московскую улицу. Люди всех национальностей пели и кричали от радости; возгласы «долой самодержавие, да здравствует социализм» заглушали речи ораторов. Несколько десятков тысяч человек, забыв о своих страданиях и нуждах, казалось, празднуют что-то важное, необычайное.

Шествие началось около 4 часов, по Московской ул., с пением Марсельезы, с несколькими знаменами, по направлению к тюрьме, где заключены политические. Около 5 часов, когда стало смеркаться, демонстранты приблизились к мосту. В это время мы заметили полуроту солдат унтер-офицерского батальона, стоящую на Сборной ул.; при нашем приближении она взяла ружья на перевес. Первые ряды демонстрантов приостановились; один оратор, выступив вперед шагов на 20, обратился с какой-то речью к солдатам. В задних рядах замолкла песня, произошло замешательство. Многие стали бросаться назад, некоторые искали спасения на мосту; человек двести, отделившись от толпы, кинулись в город мимо Митавского вокзала, но навстречу им выступила вторая полурота, спрятанная на Кирилловской ул., и выстрелила в бегущих. Залп второй полуроты был, вероятно, условленным сигналом для первой, так как офицер, командовавший первой полуротой, в этот момент скомандовал «ли»,—раздался новый залп. Кто-то закричал, кто-то охнул, кто-то начал громко звать о помощи,—и в течение 6—8 минут в воздухе стоял жалкий, протяжный стон. Демонстранты, объятые паникой, не знали, куда бежать; попав под залпы с двух сторон, многие бросались к реке и тонули в проруби; иные стали ползти по насыпи, чтобы взобраться на мост,—пули, однако, не щадили никого. Несчастные из задних рядов, желая спастись от пуль, ложились на землю. Бегущие, гонимые градом пуль, наступали на раненых и убитых. Это был какой-то дикий разгул озверевших солдат. Стреляли в бегущих, стреляли в спрятавшихся под ступени моста, стреляли в тех, кто подымал раненых... На расстоянии десятков сажен земля была покрыта убитыми и ранеными, многие части улицы были прямо залиты человеческой кровью. Но еще отвратительнее был вид полицейских и солдат, набросившихся на свои жертвы; тут происходило возмутительное издевательство над убитыми и ранеными: их стали раздвигать и обыскивать; многих раненых подвергли еще истязаниям. Какой-то пожилой чиновник, случайно видевший эти сцены, не выдержал и заплакал. К счастью, большинство раненых было увезено самими демонстрантами на частные квартиры, откуда после перевязки их перевозили в больницы. Общее число убитых на этом месте и утонувших в Двине достигает 127 человек, а число тяжело раненых превышает 200. Почти все поражены сади. Характерны отдельные эпизоды этой бойни. Выбежавший на шум пассажир конки, председатель ссудо-сберегательной кассы Немчинов, смертельно-раненный солдатской пулей, был еще приколот пом. пристава Грегусом, принявшим его за демонстранта. Подобная же участь постигла одну женщину, стоявшую в дверях Митавского вокзала; также парикмахера, вышедшего на шум и убитого на пороге своего дома; детей гулявших в сквере Московской ул. и т. п.

Довольно значительные по числу участников демонстрации были еще на Парадной площади и на Александровской улице. На Парадной площади участвовали в демонстрации вооруженные рабочие, вступившие в перестрелку с полицейскими; с обеих сторон оказались 12 человек раненых, в том числе двое рабочих—тяжело. Сравнительно более мирной надо считать демонстрацию, произведенную на Александровской улице. В этой демонстрации участвовала масса молодежи средних учебных заведений; на нее набросились полицейские; благодаря упорному сопротивлению рабочих арестованных удалось освободить. Тем не менее, и в этой демонстрации оказалось несколько человек тяжело раненых.

Начиная с 13-го вплоть до 19-го января с наступлением вечера все население находилось под арестом, а начальство, очевидно, чувствовало себя, как в покоренном городе, охраняемом военными патрулями.

По поводу происшедших событий на следующий день Комитетом партии были выпущены три прокламации. В первой, рассматривая зверскую резню в связи с общим политическим и правовым положением рабочего класса в России, прокламация призывает к дальнейшей борьбе за установление народного правления и говорит, что если 13-го января мы были безоружны, то настанет время, когда мы поднимемся с оружием в руках; к этому моменту мы должны готовиться. Вторая обращается к обществу, призывая его отказаться от политической покорности и долготерпения, вступить в ряды борцов за свободу. Насколько наше местное общество остается глухим к политическим событиям, сви-

детельствует тот факт, что за все время забастовки стачечный комитет собрал всего около 2-х тысяч рублей, считая в этой сумме и те пожертвования, которые вносились специально для семей убитых и раненых. И это в городе с 300 т. населения! Третья прокламация была выпущена к солдатам.

День 14-го января прошел сравнительно спокойно: только оживленное движение рабочих по улицам свидетельствовало о забастовке. В субботу, 15-го января, состоялись похороны убитого возле моста студента Печуркина. Остальных трупов по распоряжению губернатора не выдавали из городской больницы до 17-го, из опасения беспорядков со стороны толпы во время похоронной процессии. За все эти дни арестовано было около 200 человек, из которых 134 человека получили административные в общем 176 месяцев тюрьмы, остальные пока еще находятся в разных участках. Больше половины рабочих приступили к работе 18-го января, остальные продолжают забастовку. Отдельные стачки происходят ежедневно, особенно на Митавском форштадте, где обе стороны упорствуют по вопросу об удалении некоторых мастеров. Удовлетворены лишь отдельные требования: сокращение на час рабочего дня, улучшение санитарного положения (не на всех заводах). Спрос на агитаторов неимоверный, особенно среди латышей. По поводу начала работ на отдельных фабриках 18-го января, стачечный комитет, сознавая свое бессилие в борьбе с голодом, выпустил прокламацию, из которой приведу выдержку для характеристики положения дел: «Своей всеобщей забастовкой, продолжающейся более недели, своими демонстрациями и требованиями мы открыто и единодушно выразили свою полную солидарность с теми сотнями тысяч пролетариев, которые восстали в Петербурге на защиту прав и интересов рабочего класса. Своей кровью, пролитой 13-го января, мы навеки закрепили эту солидарность, эту теснейшую связь с миллионами борющегося за свое освобождение русского пролетариата. Царское правительство, пулями разогнавшее мирных демонстрантов, вооруженной силой охраняющее все заводы и фабрики, всех штрейкбрехеров, несмотря на все свои зверства, не могло помешать выражению нашей солидарности и братского единения с рабочими всей России; но эти зверства, эти массовые убийства ставят перед нами вопрос о прекращении всеобщей стачки или об открытом вооруженном отпоре. Для последнего мы еще не готовы—и нам остается одно: прекратить всеобщую стачку и готовиться к открытой вооруженной борьбе с нашим врагом. И мы, соц.-дем. организации, приглашая рабочих отдельных фабрик продолжать борьбу с хозяевами и добиваться от них уступок, объявляем всеобщую стачку оконченой. Но это не означает, что мы предлагаем сдаться на милость победителей. Нет, борьба не кончилась: она только еще начинается».

Москва (завод Гужона). На заводе работает около 5000 человек. Рабочий день—11 часов. Заработная плата доведена до ничтожных размеров, и вообще условия работы ужасно тяжелые. Такие тяжелые условия труда объясняются тем, что здесь работает большая часть необученных рабочих, сплошь и рядом не порвавших связи с землей. Под влиянием петербургских событий здесь была забастовка, продолжавшаяся 3½ дня. Был предъявлен ряд экономических требований, большинство которых остались без удовлетворения. Связи с местным соц.-демократич. комитетом были восстановлены только после забастовки, почему и нелегальная литература, во время и до забастовки, не распространялась. После забастовки администрация завода начала систематически понижать расценки, а потому недовольство рабочих растет с каждым днем.

На-днях, выбранная во время забастовки комиссия от рабочих для переговоров с заводской администрацией постановила, чтобы деньги, насильственно удерживаемые с рабочих на «Красный Крест» в размере 1 к. с заработанного рубля, отныне поступали в пользу петербургских товарищей, пострадавших во время бойни 9—10-го января, о чем и было заявлено заводской администрации.

Псков. Идут демонстрации гимназистов, семинаристов, землемеров и других учеников средних учебных заведений: с пением «Марсельезы» они расхаживают по улицам. Губернатор сначала убеждал расхаживать, потом наслал городских и пожарных, которые били учеников.

Юрьев. Рабочие с двух фабрик, сокративших рабочий день, стали обходить другие, подбивая их требовать того же. Рабочие многих фабрик присоединились; образовалась толпа, которая рассеялась по увещанию полиции.

Екатеринослав³⁾. Забастовка носит мирный характер. Требования только экономические: сокращение рабочего дня, увеличение платы, улучшение санитарных условий и т. п. На многих заводах и фабриках в губернии работы возобновились. Не работает Петровский завод Русско-Бельгийского общества с 22-го янв. Вновь стали: рудник Криворожского общества в Славяносербском уезде и металлургический завод Донецкого общества в Дружкове, Бахмутского уезда. Забастовали приказчики, некоторые магазины закрыты.

Воронеж. Бастуют все рабочие частных механических заводов. Траварная станция ж. д. бездействует. Телеграфистов заменяют телеграфисты с других станций, фельдшеров в приемном покое—доктора.

Симбирск. Забастовка в Алатырских мастерских; на станциях Алатырь, Инза и Сызрань бастовали телеграфисты, держались три дня.

Елизаветполь. Бастуют ученики мужской и женской гимназий, требуя лучшего преподавания туземных языков и проч. Родители присоединились к требованиям учащихся.

Сухум-Кале. Ночью с 5-го на 6-е февраля была битва перед домом терпимости, содержатель которого—политический шпион. Толпа рабочих человек в 500 разбила его дом камнями. Полиция, преследуемая камнями и выстрелами, спряталась в ресторане, который тоже разнесен. Двух городских и помощника пристава сильно избили. Явились конные стражники и солдаты, но было уже поздно.

Иваново-Вознесенск. 17-го и 18-го января начались забастовки: на механическом заводе Калашникова, Анонимного общества на фабриках Полушина, Дербенева и Горелина. Присланы из Костромы 700 солдат с 19 офицерами и казаки. Винные лавки закрыты. Разезжают казачьи патрули. Забастовщики вели себя мирно. Тем не менее их арестовывали, небольшими партиями отводили в полицию и там на дворе, на глазах у публики, крепко били нагайками, предвзвительно раздвигали. Били и рубили шашками также во дворе заводов и выгоняли потом окровавленных рабочих в изорванной одежде. Арестовано 25 человек.

Кострома. На фабрике Чумикова забастовало 200 ч. Тотчас сделана уступка: повысили плату на 2 р. в месяц. У Зотова тоже бастовали, но недолго. Фабричный инспектор обещал «рассмотреть» требования рабочих. Рабочие требовали 8-часового дня, повышения платы, свободно избранных комиссий для разрешения недоразумений и для установления расценок, вежливого обращения, устройства яслей, родильного приюта и врачебной помощи, отмены штрафов и обысков и т. под. Стал завод Прянишников. На Бельгийской фабрике, у Кашина и др. сильное брожение.

Первые дни выпускались соц.-дем. бюллетени чисто-экономического характера, потом начали выясняться связи между экономической и политической борьбой. У ворот фабрик произносились агитационные речи чисто-политич. характера и раздавались листки. К 6-му февраля общее число забастовщиков дошло до 4,000. Провести политические требования не удастся.

Металлургический завод Екатеринбург. губ., Бахмутского уезда.

Я уже не работаю на заводе с 22-го с. м. по случаю забастовки. 22-го, т.-е. в субботу, до обеда еще работали, и, повидимому, все было спокойно; после обеда же, когда я шел на работу, то встретил рабочих, которые советовали мне вернуться, говоря: «не ходите, гонят». Но я все-таки пошел на завод, взял все свое из стола и пошел домой. Толпа все увеличивалась и, свистя и крича: «бросай работать!», прошла по всем цехам, потом направилась к главной конторе и потребовала «дилектура». В заводе все шипело и свистело. Выпуская пары, завод походил на нечто огромное, живое, испускающее последний вздох.

Вместо «дилектура» вышел Башмаков, который, было видно, очень сдрейфил и начал речь к рабочим, очень волнуясь. Я в это время, протискиваясь сквозь толпу, стал у входа в контору, откуда было очень удобно наблюдать за обоими сторонами. Башмаков предложил рабочим выбрать из своей

среды несколько лиц депутатами, но рабочие отклонили это предложение, опасаясь за неприкосновенность оных, и тут же подали несколько листов с изложением своих требований, на которые потребовали от администрации ответа. Число требований было 20, из коих главную роль играли: 8-часовой рабочий день, улучшение в санитарном отношении как в заводе, так и в квартирах; карету скорой помощи и перевязочного пункта в центре завода; устройство лучшей бани, устройство библиотеки для рабочих и прибавки жалования на 5 проц. Бюрге из электрической поперли по просьбе этого цеха, и когда он вышел из конторы после объяснения и объявления ему расчета, то толпа встретила его и проводила со свистом и русскими островами, как, например: «типу, гнейди й-й-ив» и т. п.

На другой день последовало объявление с ответами администрации, но они не удовлетворили рабочих; и потом последовал ряд совещаний с депутатами от рабочих, которые все-таки были выбраны для дальнейших действий. Последовал ряд совещаний между рабочими, происходивших в училище (где прекращены занятия), и, в конце-концов, рабочие решили не идти на завод до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Вчера было их последнее совещание, где один из депутатов, очень умный господин, сказал речь к рабочим и в заключение продекламировал стихотворение: «Друг мой, брат мой» (Надсона). Приведу здесь несколько его фраз, сказанных в училище: «Они сказали мне о прибавке так: «Подождите немного, вы видите, что сейчас дела плохи, война; окончится все это, мы тогда вас удовлетворим»—А я им сказал: «Подождите, вы, со своими миллионами, и мы вас вознаградим своими трудами сторожкою, мы уже ждали, целые столетия лучшего, и не дождались, и если на то пошло, то лучше вы умрите сегодня, а мы завтра».

Сегодня, 27-го, было объявление, чтобы желающие шли работать, а остальным будет дан расчет. В 8 часов был гудок, зовущий на работу, и никто не пошел. Добрынин было послал своих рабочих (это подрядчик), но потом, по настоянию подступившей к его дому толпы, вернул назад; толпа их встретила криком и свистом: «что! дураки!». Завод как-то выглядит уныло: ни огонька, ни дыма, словно в чумной год; лежит мертвой массой, и ночью в особенности странно как-то и темно.

Ливава. В ожидании беспорядков из Ковны вызваны были войска. В ночь на 7-е февр. толпа напала на городских и жандарма и отобрала от них оружие. Часть заводов стала. Характерно, что подростки не отставали от взрослых, ходили с завода на завод, останавливая работу. До серьезной забастовки дело не дошло. 9-го работа возобновилась.

Слоним. В нашем местечке всего 700 рабочих; чтобы выразить свою солидарность с петербургскими рабочими, они устроили двухдневную забастовку; были разбросаны прокламации. 50 чел. арестовано, и местечко объявлено на военном положении.

Дидиджайхиси (Кутаисского уезда). В базарный день собрались крестьяне этого села и окрестных деревень и с противоправительственными возгласами пошли по улицам села. Среди них было много учеников местного сельского училища. На демонстрантов были высланы 5 казаков и урядник. Эти представители военного сословия сначала убеждали толпу разойтись, потом прибегли к оружию. Из толпы тоже стали стрелять и бросились отнимать оружие у казаков. В происшедшей свалке было ранено несколько человек и убит крестьянин Вашакидзе.

ИЗ ПАРТИИ.

Резолюции за съезд. В редакции «Вперед» получены сведения о след. Комитетах, соучастивно откликнувшихся на призыв Орг. Комитета по устройству третьего съезда: Петербургском, Московском, Северном, Нижегородском, Тверском, Тульском, Воронежском, Рижском, Одесском, Кавказском Союзе.

Баку. Комитетом издано в декабре 14 выпусков листов, всего около 52.000 штук; сверх того, издано 26 тысяч мелких призывных листов. В кассу поступило за ноябрь 846 руб.

и за декабрь—1.090 руб. В январе захвачена полицией типография Комитета и арестованы: Варлам Енукидзе, Александр Оболадзе, Михаил Брегвадзе и Евфросиния Кривошеева. Предателем оказался сосед по квартире, заведующий ашшеронским маяком В. Глухов. Комитет продолжает выпускать печатные листки.

Казань. В горячие дни 24-го янв.—5-го февр. здесь выпускали листки и 8 организаций; в том числе нашими комитетами восточного района: «Петербург 8-го и 9-го января», «Канун революции» и «Какая политическая свобода нужна русскому народу». Казанским Комитетом перепечатано из «Искры»: «Ко всему цивилизованному миру». Здесь уже 1½ года существует соединенная группа учающихся средних школ; с недавнего времени она приняла идейное руководство Российск. С.-Д. Р. Партии; за 4 месяца она издала 12 листов и брошюр и 1 номер журнала «Искорки».

Москва. Группа меньшинства пыталась организовать здесь месяца 2 назад, но неудачно. Меньшинство здесь слабо. Голосования по поводу заявления Бюро о съезде дают возможность сделать подсчет. В Комитете—4 за съезд, 1 воздержался; в собрании организаторов—11 за и 2 против; 1-й кружок пропагандистов—4 за, 2 против; 2-й кружок—7 за, 3 против; в 3-м кружке и в собрании агитаторов вопрос еще не обсуждался, но успех обещан повсюду. Здесь теперь 8 районов с громадными связями: типографички, ткачи (союз), окружная группа и пр. Кустарные группы передали нам свои связи. Это, кажется, первый случай, что в Москве кустари почти отсутствуют.

Одесса. (Из протокола собрания Од. Ком. конец января). «Присутствовало 7 членов К. Решена необходимость временного соглашения с Бундом для совместной агитационной деятельности по поводу происходящих в России событий... Явился представитель ЦК и пожелал узнать от Комитета о причине разрыва с меньшинством. Решено: не сообщать ЦК никаких сведений по этому вопросу в виду того, что ЦК пожелал выслушать Од. Ком. уже после того, как создал рядом с К-том группу, которую ЦК и обслуживает транспортом, совершенно игнорируя существование К-та. Из двух последних транспортов Од. К-ту не доставлено ничего. Од. К-т считает такой образ действий ЦК несогласным с уставом Партии и заявляет Ц. К-ту свое мнение в особой резолюции... Представитель ЦК желал узнать, возможно ли примирение К-та с группой, на что Од. К-т заявил: меньшинство вовсе не растворилось в Партии и намерено проводить свои взгляды, о чем представитель меньшинства открыто заявил (мес., число) на собрании рабочих в 21 чел. Меньшинство в своей дезорганизаторской деятельности не гнушается никакими низкими приемами, вплоть до подкупа малосознательных рабочих. Какая же речь может быть о соглашении или примирении?.. Затем представитель ЦК запросил К-т об отношении Од. К. в ЦК. На это Од. К-т заявил, что выражает Ц. К-ту свое полное недоверие.

Тифлис. Лицу, которое прибыло на Кавказ по поручению ЦК с целью будто бы примирения, а на самом деле для дезорганизации, удалось склонить на свою сторону Тифлисский Комитет. Этот Комитет заявил о своем выходе из Кавк. Союза. Союзный Комитет обратился к организованным рабочим Тифлиса с воззванием, в котором между прочим сказано: «Тифлисский Комитет уверяет, что вместе с ним все организованные рабочие г. Тифлиса решили порвать связи с бакинскими, батумскими и другими рабочими, выйти из Кавказского Союза и тем самым остаться вне партии. Так ли это, товарищи? Поверить ли Тифлисскому Комитету, что тифлиссские организованные рабочие, еще 2 года назад призывавшие кавказских товарищей к объединению в Кавказский Союз,—что те самые рабочие идут против такого объединения? Нет, товарищи, мы не можем поверить Тифлисскому Комитету! Напротив, мы убеждены, что тифлиссские организованные рабочие даже не знают о выходе Тифлисского Комитета из Кавказск. Союза (Тифлисский Комитет вышел из Кавказск. Союза еще 17-го января 1905 г.). Мы убеждены, товарищи, что не вы, а группа лиц, входящих в состав Тифлисского Комитета решила на такой необдуманный шаг. Эта группа лиц тянет вас назад, к дроблению, она идет против ваших интересов,—и мы призываем вас не идти за ней. Не назад, не к дроблению,

а вперед, к объединению,— вот к чему должны вы стремиться. Во имя этого стремления, во имя объединения и партийности и выработал Союзный Комитет нижеследующую резолюцию».

Указав на нарушение устава Тифл. К-том, Союзный Комитет заявляет, что он, «не имея возможности видеть в данном составе Тифлисского Комитета местную организацию Российской Соц.-Д. Р. Партии, организует новый Тифлисский Комитет, который бы явился истинным представителем нашей Партии и достойным руководителем тифлисского пролетариата в обостряющейся борьбе с царизмом и капитализмом».

Из отчета Петербургского Комитета: с 21-го по 31-е января поступило: в помощь стачечников 1.111 р. 83 к. и на организационные нужды 4.001 р. 50 к. Из первой суммы израсходовано 457 р., из второй—2.303 р. 15 коп., в том числе главный расход на технику—1.500 р. (В списке пожертвовании также значатся 1.500 р. специально на технику).

Отчет Бернской группы содействия Р. С.-Д. Р. П. («Вперед») во франках: с двух рефераторов Ленина—248; за литературу и подписку—292.10; на наши цели чер. А. и К.—600; на петерб. стач.—260; с митинга в Берне—50; на отъезжающих в Россию—150; от друзей из Берна—150. Всего 1.750 фр. 10 с.

Одесса. (Отчет с 30-го ноября по 3-е янв.). Комитетом устроено массовых собраний—34, средним по 1—2 собрания ежедневно. На 16 собраний подсчитано 336 чел., т.-е. по 21 чел. (в среднем) на каждом. Кроме того, было две массовки по 100 чел. Всего на массовых собраниях перебывало за декабрь человек 800. Летучек за это время было 22, в 17 из них было по 24 чел., в 5—по 14 чел. Пропагандистских собраний было 5, а всех собраний (организации)—22.

Северным Комитетом были распространены за январь и февраль на заводах и фабриках гг.: Ярославля, Кострома, Иваново-Вознесенска, Рыбинска, Ростова и Романова: 1) «Ко всем гражданам»—4.000 экз., 2) «Голос труда»—380 экз., 3) «Ко всем рабочим» (изд. Сев. Ком.)—10.000 экз., 4) «Правда о войне»—1.000 экз., 5) «Первый шаг» (брошюра)—1.100 экз., 6) «К солдатам» (изд. Сев. Ком.)—200 экз.

Харьков. В Южно-русском ж. д. Союзе, отпавшем от Комитета, много хороших соц.-демократов. На 1-м собрании Союза мы произнесли две речи, в которых развили организационные принципы большеинства. Присутствующие высказались, что разделяют вполне наши взгляды. Присоединились к нам почти без возражений. На другой день предполагалось собрание 8 рабочих, но пришло только 3 и 1 меньшевик от Комитета. Спор шел по принципиальным вопросам. Меньшевик не мог сказать ничего своего, выражал только скептицизм по отношению к нашим положениям; мы же тоном наставника разъяснили ему, что он или не понимает дела, или путает термины и т. под. Под конец возражения меньшевика становились все реже, и мы закончили вечер чтением письма об издании «Вперед».

Ростов. На собрании рабочих, принимавших раньше деятельное участие в работе и теперь по различным причинам разошедшихся с Д. К., было решено войти в организацию Д. К., но лишь на следующих условиях: чтобы Д. К. одинаково принимал как членов м-ства, так и б-ства, чтобы литература б-ства распространялась одинаково со всякой другой литературой, чтобы Д. К. принял меры к ознакомлению всех рабочих с происходящими теперь разногласиями в партии, чтобы Д. К. кооптировал 2-х рабочих. Далее, обсуждая положение дел в партии, собрание нашло, что только съезд явится единственным выходом из настоящего ненормального положения в партии. Вместе с тем собрание признало необходимым, чтобы К-ты принимали в свои организации представителей обоих течений и чтобы транспортная литература, посвященной разногласиям, была более совершенной; таким образом, меры эти будут содействовать тому, чтобы предстоящий съезд явился выразителем мнений всей партии, а не отдельных комитетов. Резолюцию эту собрание решило послать во «Вперед». Здесь предполагалось устроить стачку, почему-то до сих пор ничего не выходит

Д. К. сложил с себя ответственность за нее—сиречь признал себя абсолютно неспособным руководить ею, и была избрана специальная стачечная комиссия из лиц, не входящих в Комитет. Быть-может, неудача объясняется тем, что здесь арестована типография и только что отпечатанные листки. Типография арестована совершенно случайно: в то время, как хотели перенести шрифт и листки, объезд заметил человека с узлом, думал, что воры, обыскал и, конечно, нашел все. На-днях убит тремя выстрелами провокатор Шевченко в то время, как он шел на работу (он работал во Владик. мастерских). Вероятно, в связи с этим арестовано в мастерских 9 чел. При взятии типографии арест. Котельникова (б. ст.) и еще кто-то. Из тюрьмы выпущены: Лихтер, Крысько—под залог в 500 р., согласны выпустить Шнеерсона—под залог в 1.000 р. и Воробьева за 500 р.

С.-Петербург. Сказка о «союзе» здешних большевиков с меньшевиками сильно преувеличена. Никакого союза не было, а было временное соглашение, выразившееся в совместном выпуске нескольких листков и в совместном получении денег от либералов. Около 15-го янв. соглашение было уже порвано, и о нем осталось лишь неприятное воспоминание да опыт, показывающий, что никаких реальных соглашений о совместных действиях с меньшевиками не может быть. Подобно «Искре» здешние меньшевики растерялись пред лицом событий, даже и не знали, что делать. Они безнадежно путаются, в таком сравнительно простом вопросе, как вопрос о комиссии Шидловского, [который стал для нас ясным после разговоров с рабочими]. Нами окончательно решено в выборах участвовать, но при этом требовать неприкосновенности депутатов, свободы собраний, печати и проч.,—по всем вопросам, касающимся комиссии. В случае же неудовлетворения этих требований—срывать комиссию. Меньшевики сначала проповедывали полный бойкот, а теперь, видя безуспешность этого плана, не знают собственно, что делать, и мечутся из стороны в сторону.

Что касается [до вопроса о более широком привлечении] молодежи, то есть молодежь и молодежь. Тех, кто отдается делу со всею преданностью и горячностью, мы привлекаем, давая им простор и возможность инициативы. Что же касается празднующих на тему о положительной работе, то от них нужно бежать на пушечный выстрел. Пусть сотни их идут к рабочим, пусть тысячи рабочих посещают квартиры интеллигентов—прекрасно! Их неконспиративной деятельностью и болтовней о деятельности мы залеем полицию и шпионов, спутаем все карты,—и в этом неконспиративном потоке будем тем смелее и свободнее проводить свою конспиративную линию. Необходимо только дать поскорее больше самостоятельности и простору рабочим, входящим в наши организации, необходимо ввести побольше рабочих в местные комитеты, необходима быстрая реорганизация всего, так как во многом конспирация потеряла теперь смысл. И на почве массовой неконспиративности мы сумеем направить свой конспиративный аппарат таким образом, чтобы история сказала о нас: «кроты—они хорошо рыли!».

От редакции. Петербургские рабочие, как мы и предсказывали, энергично откликнулись на призыв соц.-дем., ставить новый «опыт» самым серьезным образом, принуждая правительство либо отказаться от игры в комиссию, либо дать рабочим свободу громко высказать перед всей Россией свое осуждение современному режиму и свои широкие требования. Как сообщают иностранные газеты, рабочие на своих собраниях требуют: 1) открытия 11 секции рабочего общества, 2) свободы обсуждения на собраниях, 3) полной гласности всего, что касается комиссии Шидловского, 4) освобождения раньше арестованных товарищей. Требования рабочих растут и становятся все более настойчивыми и определенными, при чем все уверены, что при неуступчивости правительства, в Петербурге вновь вспыхнет всеобщая стачка.

(А. Луначарский).

В редакцию «ВПЕРЕД» поступили листки, изданные в России Петерб. Ком. Партии: 1) К офицерам, 2) Общие требования рабочих, 3) К рабочим вагоностроительного завода, 4) Отчет с 21-го по 31-е янв., 5) Милостивые убийцы. Пет. Исп. К. Р. С.-Д. Р. П.: Новая наглая ложь русского правительства. СПб. Группой ЦК.: Ответ царю. Моск. Ком.: 1) Настало время, когда и камни говорят, 2) К ра-

бочим о забастовке. 3) В Петерб. началась всеобщая стачка. О д. Ком.: 1) Отчего безработица и где выход? (изд. 700), 2) Петерб. пролетариат пережил ужасные, кровавые дни, 3) Страшное преступление самодержавия, 4) К солдатам, 5) Начало революции в России (из № 4 «Вперед»). О д. Группой ЦК.: 1) Ко всем русским гражданам, 2) Царь и депутация от рабочих. Кавк. Союз: 1) Резолюция, 2) К организованным рабочим Тифлиса. Бак. Ком.: Отчет за ноябрь и декабрь. Казан. Ком.: Отчет фонда стачечникам. Казанская Гр. Учащихся: Резолюция сходки (№ 16). Симбирск. Гр. С.-Д.: К рабочим г. Симбирска. Нижегород. Ком. Сорм. и Нижегород. раб.: Программа Соц.-Дем. Партией (?) К рабочим. Балах. и Биби-Эйб. раб.: Ко всем рабочим. Петерб. Собр. представителей средн. учебн. заведений: Ко всем учащимся. Союзн. Сов. Каз. Ун.: Бюллетень № 12, 14 и адрес Вере Фигнер. Орг. Ком. Петерб. Техн. Инст.: Письмо к профессорам и стих. «Задремал господь бог». Ц. Ком. Союза фармацевтов в Москве: Обращение к фармацевтам. Группой Свободного Слова в Москве: Сведения из Петербурга о 9-м января.

Изд. неизвестно кем: Письмо из Петербурга, резолюция ст. медиков 4-го курса, «Нет силы более терпеть», Земские адреса, Перед последней борьбой (стих.), Как у нас в городе (стих.), о стачках в Иваново-Вознесенске, Собрание Вологодской Думы 3-го декабря, «Наблюдается стремление буржуазии к организации». Сверх того получены: Миколо Романову Последнему (юмористич. письмо от Мих. Романова), газ. «Голос Труда» № 1, доклад Лопухина Ком. министров янв. 1905 г. (печатается и выйдет в издании «Вперед» отдельной брошюрой), адрес Харьк. земства, резолюции Новгор. земства 10-го янв., требования служащих Моск. - Винд. ж. д.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

В Екатеринославе арестована работница София Цукерблюм. При обыске найдено несколько №№ «Социал-Демократа» и 100 прокламаций. В Москве арестованы курсистки Эфрон и Шригман, студенты: Чичкин, Орлов и Переверзев, семья Кабановых, Л. М. Никифоров, недавно выпущенный из тюрьмы. Из Минской тюрьмы бежал Лернер, привлеченный по делу минской группы нашей партии. Борис Морковин, бежавший из Иркутской губ., задержан в Киеве и после 2-мес. заключения выслан в г. Вельск, Волог. губ. Сообщают о провале уральского социал-демократического союза; взята типография. В Таганроге арест. студ. Житомирский, покушавшийся на жизнь нач. охр. отд. Спиридовича, увезен в Киев.—В Кутаисе ар. П. И. Масалкин.

В Москве арестованы: фельдш. Ек. Роганова, инж. Всевяцкий, Глотова, Трапезникова, Богоявленская, Алекс. Мазурин, Архангельская, курс. Манько, ст. Внаровский, Мартынов, Яковенко, Лев Парабин, ст. Леонов, ст. Иванченко, ст. Рени, Антошин, Назаров, Новиков, Жаров, Щербаков, Егорова.

Кострома. В тюрьме находятся рабочие: Гамозин, Вюрст, Калугин, Ковалев, и Лапшин, Краснов конторщик и еще двое рабочих; Юрий Сласский гласный губ. зем. упр.; Голубков, учитель гимназии; В. А. Козлов, сотрудник «Северн. Края» (арестованы за речи на банкете); Серговский и Н. Н. Соколов, студенты; Асаткин, семинар.; Мухин, нелег. Недавно освобождены: Сан-Жур, нелег., после 14 мес. заключения и Софья Загайная, ар. в июле.—В феврале вышло воззвание «К костромск. рабочим» по поводу январских событий, изданное Костр. группой Сев. Ком.

Занятия в механическо-техническом училище прекращены. За речи на банкете обвиняются еще адвокат Н. А. Огородников и секретарь губ. зем. управы Преображенский, оба отданы под особый надзор полиции. Из костромичей освобождены из ссылки: портной Плугин, семинар. Вас. Заварин (дело Сев. Раб. Союза), стат. Грацианский (дело Костр. Ком.) и стат. Метелкин.

Из Олонецкой губ. С 25-го янв. пудожские политич. ссыльные стали выходить на улицу, имея на левых руках красные каймы в знак траура по убитым 9-го янв. Первым вышел Андреев. Квартальный хотел силой сорвать повязку, но оказался слабее Андреева. На помощь поспешил исправник и еще какого-то лица; повязка была сорвана, Андреев арестован. Некоторых других вызвали в полицию и там срезали повязку. Через несколько дней тов. Гульбинский подвергся из-за повязки нападению какого-то зипунного обывателя. Затем полиция и жандарм угрожали ссыльным лишить их пособия и «разослать по самым глухим и отдаленным деревням, где народ с ними расправится». Против введения пудожской полиции подали письменный протест начальству пол. ссыльные городов: 1) Пудожа: Семен Власов, Клавдия Гульбинская, Игнатий Гульбинский, Ник. Попович, Ник. Пошигоров, Ник. Саввин, Ник. Шатобарев и Семен Шепелев; 2) Вытегры: А. Абкин, Я. Берзин, В. Кутушев, А. Лаптев, И. Попов; 3) Лудейного Поля: Ник. Алексеев, Я. Першин; 4) Олонца: Б. Веселовский, С. Петрашкевич, А. Готовицкий.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Нате. Адреса для литературы напутаны, повторите.—3. Обе корресп. получены.—111-а. Корресп. получена.—Василию. Ваше письмо, посланное с оказией, получили. Факты очень интересны. Продолжайте писать. Дайте адрес для сношений.—Деду. Получены письма № 1 и № 2.—Вано. Получили ли наше письмо? 28. Отчего ничего не пишете о себе?—Азиату. Необходимо связаться, сделайте это через приехавшего товарища.—Велосипедисту и Серафиме. Не полагайтесь на других, пишите сами.—55. Давно ничего о вас не знаем, не знаем даже, где вы?—П. П. Ждем от вас писем и корреспонденций.—Сталь. Тоже. Одесса. «Одному из периферии». Факты очень интересны, нам необходимо знать внутреннюю жизнь партии. К сожалению, за недостатком места не можем напечатать; передадим ваше письмо партийному съезду. Просим продолжать писать.—Омеге. Получили; идея прекрасная; дополняйте и пришлите, как предлагаете. Хорошо бы иметь ваш адрес.—123. Дайте адрес для ответа.—Р. С. Корреспонденция получена, письмо передадим парт. съезду.—Катюше. Путаете, вероятно, адреса, писем от вас не имеем.—Наполеону». Корр. получены, лицо, кот. д. б. передать шифр, этого не сделало, сообщите через комитет.—Гудкову. Не знаем как ключом пишете.—Вере Печериной. Не можем разобрать письма.—Спице. Все три письма получены.—Мите. Тоже, фамилия в адресе напутана.—Тарасу. Оба письма получены.—Ю. Ю. Письмо получено.—Симе. Тоже.—Дяде Тому. «Назидание» Клейгельса не дошло, повторите.—Верному Т-щу. По этому вопросу редакция уже высказалась.

Экспедиция «Вперед» просит гг. подписчиков, живущих в Америке, производить уплату не чеками и не почтовыми марками, а мандатами.

Бывшим представителем Р. С.-Д. Р. П. в женевской кассе помощи ссыльным и заключенным после общей ликвидации дел кассы получено от бывшего кассира ее 56 фр. 50 сант. и переслано в т-ую тюрьму.

П р и м е ч а н и я.

Прим. 1. В рукописи между абзацами: „Значит, не об ослаблении нашей социал-демократической требовательности“ и „Лозунг: организуйтесь!“ имеется еще целый абзац, не напечатанный в номере. Приводим его:

„Итак, подводим итоги: надо считаться со сто крат разросшимся движением, с новым темпом работы, с более свободной атмосферой, с более широким полем деятельности. Нужен совсем иной размах всей работы. Нужно переносить центр тяжести (одно слово в рукописи н е р а з б о р ч и в о. М. М.) обучения с мирных преподавательских уроков на активные действия. Нужно вербовать сильнее, шире и быстрее молодых борцов в ряды всех и всяческих наших организаций. Нужно создавать для того, не медля ни минуты, сотни новых организаций. Да, сотни, это не преувеличение (в рукописи последнее слово написано над зачеркнутым — „гипербола“ М. М.). Не возражайте мне, что теперь „поздно“ заниматься такой широкой организационной работой. Нет, организоваться никогда не поздно. И приобретенной нами по закону, и захваченной нами вопреки закона свободой мы должны пользоваться, чтобы умножать и укреплять все и всяческие партийные организации. Каков бы ни был ход и период революции, как бы рано ни остановили ее другие обстоятельства, — все ее реальные приобретения будут прочны и верны лишь по мере организованности пролетариата“.

Прим. 2. Статью редактировал тов. Ольминский.

Прим. 3. Рукописи корреспонденций из Екатеринослава, Воронежа, Симбирска, Елизаветполя, Сухум-Кале и Диджихайси за подписью „Игорь“ принадлежат перу тов. А. И. Елизаровой.

Прим. 4. Здесь в оригинале ошибка: корреспонденция не от „11-го января“, а от 11-го февраля.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАТЕРИАЛ, НЕ ВОШЕДШИЙ В ГАЗЕТУ.

Уважаемый товарищ!

Ваша статейка «Как нам быть?» непригодна для печати. Вы создаете разногласие несуществующее. У нас столько разногласий серьезных, что надо беречься плодить их еще. Кто и где говорил специально о том, чтобы разгонять силой? Думается, что никто. Это лишь допускали, как результат неизбежный помимо нашей воли. Мы звали итти на собрания, проникать даже силой для того, чтобы проповедывать свои лозунги. Допускаю, что иногда были неловкие выражения, но придирается к ним значило бы повторять гаденькие приемы новой «Искры». Вы, конечно, не имеете желания придирается, это несомненно. Но вы не доказываете ничем наличия «бестактности». А сказать «вся тактика должна выражаться в слове такт», и т. п.—это уже знаете, совсем... «не тово».

С товарищеским приветом

Н. Ленин.

Резолюция Тверского комитета.

«С формальной стороны в виду постановления Совета Партии о необходимости каждые 2 месяца подтверждать резолюции комитетов по вопросу о скорейшем созыве 3-го партийного съезда, Тверской комитет заявляет, что и в настоящее время остается на своей прежней точке зрения, уже раз выраженной им в резолюции, напечатанной на страницах «Искры». Тверской комитет считает необходимым выразить свое полное сочувствие возникшей литературной группе для издания брошюр с Лениным во главе, которая только благодаря партийным неурядицам не имеет возможности получить санкцию наших центров. Тверской комитет обещает ей полное содействие».

Конец октября 1904 года.

Отдельные эпизоды побоища. Около Троицкого моста¹⁾.

Корреспондент английской газеты телеграфировал в воскресенье вечером: «К девяти часам утра в воскресенье

¹⁾ Сохранилась часть большой рукописи (от 26 до 41 страницы) тов. Ленина о событиях 9-го января. Часть содержащихся в ней статей: «План петербургского сражения», «Озлобление против войска» и «Царь-батюшка и баррикады», была напечатана в № 4 «Вперед» (см. стр. 60). Статьи же, приводимые здесь, напечатаны не были. Под заголовком «Отдельные эпизоды побоища. Около Троицкого моста» в № 4 «Вперед» напечатана другая ст. тов. Ленина, а именно письмо студента из Питера (см. стр. 58).

все мосты были уже заняты войсками, улицы, ведущие к ним, заграждены. В 11 час. весь Петербург имел вид завоеванного города. Через каждые 100—200 сажен стоят войска, солдаты греются около костров, сверкает оружие, видны фургоны Красного Креста, запасенные в изобилии для раненых. В 12 час. все население было на ногах. Шли к Зимнему дворцу. Невский чернел рабочими, которые были иногда сопровождаемы женами. Никаких признаков беспорядка или пьянства. Крыши невысоких домов полны молодыми зрителями. Масса квартир с открытыми окнами, несмотря на холодный ветер. Мы подъехали к помещению рабочего «Общества», но оно оказалось запертым. Всюду шпалеры солдат и казаков. На Каменоостровском проспекте мы увидели толпу рабочих и работниц, которые медленно шли к Троицкому мосту. Их было человек около 600. Шли торжественно, в полном порядке. Первые девять или пятнадцать рядов шли, взявшись за руки. Мы приподнялись на санях и стали смотреть, как они идут. Они повернулись к нам и к другим зрителям и стали уговаривать присоединиться к ним. Подошли к площади около моста. Спешившиеся казаки греются, бегая впергонки. Раздается звук рожка. Казаки строятся в ряды. И вот они спокойно стреляют один, другой раз в приближающуюся толпу. Толпа остановилась, дрогнула и повернула назад. До нас доносятся вопли и крики, проклятия бегущих. Конные казаки атакуют толпу, оттесняют ее, подбирают убитых и раненых. Мои часы показывают половину двенадцатого... Офицеры говорят, что дан приказ воздерживаться от насилия, пока не пришел момент пускать в ход огнестрельное оружие, а тогда уже стрелять хорошо и целить, как следует».

(Н. Ленин.)

На Невском и у Александровского сада.

«Мы были на собрании либералов в Публичной библиотеке. Было два часа. Сличали запись репортеров и говорили о поведении войска. В зал собрания врывается бледный, дрожащий посланец и говорит, что на Невском стреляют. Он предлагает всем итти ко дворцу и разделить участь находящихся там товарищей. Волнение, которое охватило всех присутствующих, не поддается описанию. Все вскочили и бросились на Невский. Было половина третьего. Не прошли мы и половины пути ко дворцу, как казаки остановили нас, оттеснили назад толпу и стали разгонять ее в боковые улицы. Толпа кричала: «Долой самодержавие!».

...«Всех более пострадали собравшиеся перед Александровским садом, против Адмиралтейства. Они держались за железную решетку и не расходились, но порядка

не нарушали. И вот, позанявшись досыта расталкиванием и избиванием толпы, казаки строятся спокойно в боевой порядок. Раздается приказ стрелять. Залпы сметают передние ряды зрителей, главным образом студентов. Несутся проклятия, крики и вопли. Толпа в панике бросается бежать. Человек 30 остается на месте убитыми и ранеными на обгавленном кровью снегу перед Зимним дворцом, на котором развивается гордо императорский флаг.

«К чести студентов надо сказать, что они не обратились в бегство. Они подбирают большую часть своих товарищей, кладут их на сани и увозят. Я шел рядом с санями, на которых двое студентов, один из них раненый, сидели, держа одного убитого. Вид последнего был ужасен. Толпа шла за санями без шапок, крестясь и громко проклиная самых высокопоставленных лиц, о которых вчера лишь шептались, затаив дыхание».

(Н. Ленин).

Битва на баррикадах.

Как мы уже видели, корреспондентские сообщения говорят всего чаще о баррикадах на Васильевском острове, отчасти на Невском. Правительственное сообщение, вышедшее 10-го (23) января, в понедельник, гласит: «Толпа воздвигала баррикады с проводочными заграждениями, с красными флагами на Шлиссельбургском тракте, затем у Невской заставы, на Троицком мосту, у Александровского сада, у скверов на Невском. Из окон соседних домов бросали камни и стреляли в войско. Толпа отнимала у полицейских оружие. Оружейная фабрика Шоф была разграблена. В первом и во втором участках Васильевского острова толпа перерезывала телеграфные проволоки и сваливала телеграфные столбы. Разгромлен полицейский участок».

Один французский корреспондент телеграфировал в воскресенье в 2 ч. 50 м.: «Стрельба продолжается. Войска, повидимому, совершенно потеряли голову. Переходя через Неву, я увидел несколько сигнальных огней и услышал гром ружейных залпов. На Васильевском острове баррикады освещены кострами, зажженными стачечниками. Пройти дальше мне не удается. Зловещий звук рожка означает стрелять. Батальон солдат со штыками наперевес берет штурмом баррикаду из сваленных саней. Происходит настоящая бойня. Около сотни рабочих остаются лежать на поле битвы. Человек пятьдесят раненых пленных проводят мимо меня. Офицер грозит мне пистолетом и приказывает убраться».

Подробных описаний баррикадных битв корреспонденты дают особенно мало. Это понятно, потому что корреспонденты старались держаться более или менее вдали от опасных мест. А из участников битв на баррикадах уцелели, разумеется, разве совсем и совсем немногие. Было даже сообщение, что по баррикадам стреляла даже артиллерия, но, оно, кажется, не подтверждается.

(Н. Ленин).

Четверг.

Как все более выясняется, число убитых, несомненно, очень велико. На двух только кладбищах похоронено около 300 чел. До какого зверства дошли казаки и полиция, видно из следующих удостоверенных очевидцами фактов: в воскресенье казаки ловили отдельных рабочих

арканами и затем пускали лошадей во весь карьер, волоча за собой со страшной быстротой пойманных арканами.

В понедельник на Васильевском острове избит (и умер от побоев), по указанию шпиона, один студент. Вчера среди белого дня отряд казаков набросился с обнаженными шашками на конку (на Садовой ул.), требуя указать, кто крикнул им: «убийцы!», — иначе они изрубят всех, находящихся в вагоне. Тогда с императора спустились два рабочих, которые тут же были страшно изрублены. (Сообщение очевидца). Еще один очевидец рассказал, как два городских, спрятавшись в воротах, подстерегли какого-то студента и страшно избивали его, а затем набросились на двух девушек, ударяя их кулаками в лицо.

В больнице Марии Магдалины обращение со стороны всех врачей с ранеными страшно грубое.

В воскресенье отмечу еще следующий факт. Одна девушка обратилась с горячей речью к солдатам. Солдаты выслушали ее и ничего не нашли ответить в оправдание того, как принята ими присяга.

Один матрос убил офицера, который призывал матросов стрелять в народ. «Так расправляются с врагами народа!», — воскликнул матрос, убивая офицера. Матрос арестован. Товарищи со слезами прощались с ним. Говорят, что рабочие одного из заводов послали депутацию к Святополку с экономическими и политическими требованиями. Результат неизвестен.

На место Святополка, кроме Штюрмера, прочат еще Оболенского и Васильчикова.

За Невской заставой забастовка продолжается. На Семанниковском заводе последние рабочие взяли расчет. На Обуховском вывешено объявление, чтобы с завтрашнего дня становились на работу, иначе будут уволены. Организация стачечных комитетов (с.-д.) продолжается. Стали на работу у Лаферма, на военном складе и в некоторых мелких фабриках и мастерских¹⁾.

Р. С. Часть документов выслана, часть вышло.

Нация (С. И. Гусев).

Петербург.

№ 23²⁾. Страшные вести с Дальнего Востока мало отразились на петербургской жизни. Главной причиной этого удивительного равнодушия надо считать, несомненно, полную неосведомленность населения в истинном положении вещей. Градоначальство ежедневно расклеивает по городу телеграмму Главноначальствующего, и эти телеграммы поражают своей наглостью. В то время, когда даже в нашей подцензурной прессе ясно обозна-

¹⁾ Письмо тов. С. И. Гусева представляет передачу новиншихся по Петербургу слухов в дни 9-го января. Редакция «Вперед», находившаяся в Женеве, не имела возможности установить достоверность слухов, и письмо тов. Гусева напечатано не было. Переиздавая «Вперед», Истпарт считает нужным опубликовать его, как характеризующее момент.

²⁾ Постоянные корреспонденты газет: «Вперед» и «Пролетарий» отмечали на своих письмах порядковый № их. На эти №№ редакция ссылалась в почтовом ящике, оповещая корреспондентов о полученных письмах (см. почтовый ящик № 6 «Вперед» и в др. №№). Кроме того, некоторые корреспонденты отмечали письма условными знаками, вместо подписи. Так, например, тов. Бонч-Бруевич свои письма помечал буквами аа. Эти знаки в приложении, как и в тексте газет, не приводятся.

чился полный, небывалый, ужасающий разгром всей русской армии, телеграммы, изданные для народа, торжественно заявляют, что все атаки японцев благополучно отбиты, и что «мы» взяли в плен у японцев не два, а три пулемета. Сегодня 28-го февраля везде расклеены телеграммы, что Куропаткин, сам предводительствуя войсками, пробился сквозь японцев, разбил и откинул их. Все это написано так, что производит впечатление, что мы победили. Правда, тут же говорится, что наши потери значительны—одних раненых 46.000,—но все-таки наша взяла. Народ кое-где толпится у этих объявлений и не знает верить или не верить этим телеграммам, машет рукой и отходит прочь. Но по всем моим наблюдениям это кажущееся равнодушие, это уныние—только затишье перед бурей. Рабочие сосредоточены, настроены серьезно, озабочены своим положением. А положение серьезное, тяжелое. Стачка истощила все скудные запасы, голодный тиф страшно усилился, больницы переполнены тифозными. В обществе врачей было по этому поводу специальное сообщение, ясно обрисо-

вавшее ужасное положение стачечников. Среди рабочих крайне озлобленное настроение по отношению к военным, и в городе, на улицах, нередко бывают столкновения рабочих с офицерами.

Взрыв в Бристольской гостинице привел в огромное смущение полицию. Она опять прозевала. Почти возле самого дворца обосновался террорист и выжидал только удобного момента, чтобы пустить в дело свой метательный снаряд. Только несчастный случай обнаружил его присутствие, полиция опять не при чем. Все те, кто трясутся за свои животы, негодуют и в припадке бешенства восклицают повсюду: «Зачем же существует у нас усиленная охрана?». Взрыв вызвал массу обысков и массу толков, особенно по поводу английского паспорта террориста. Это большая ошибка. Террористам нельзя запасаться иностранными паспортами,—это дает возможность реакционным элементам подтверждать свою гнусную клевету о заграничном происхождении нашего революционного движения.

(В. Бонч-Бруевич).

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ
1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИСТПАРТА и со ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

≡≡≡ М. ОЛЬМИНСКОГО ≡≡≡

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1924

„ВПЕРЕД“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА—
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ВТОРОЙ

(№№ 10—18)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
„ВПЕРЕД“ № 10.		Плоды демагогии. В. Воровский	21
Банкротство полицейского режима	1	Об уличной борьбе. (Мемуары генерала Ключере) . .	—
Знамя Свободы. Стихотворение	3	Из общественной жизни.	
Отношение Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии к либералам. Бюро Комитетов Большинства	—	Баку	29
Сила пролетариата. В. Бонч-Бруевич	5	На Кавказе	—
Земский собор и наша политика. В. Северцев	6	Новая партия	31
Финляндия	7	Из деревни. В. Бонч-Бруевич	—
Революционное движение в Польше	8	Циркуляр департамента полиции о розыске	32
Из общественной жизни.		Одесса	33
Среди крестьян	9	Заявление Георгия Гапона в Интернациональное Со- циалистическое Бюро	34
В высших учебных заведениях	10	Петербург	—
Москва. В. Бонч-Бруевич	—	Ог забастовки к вооружению	—
Петербург	—	Кресьянское восстание	—
Москва. В. Бонч-Бруевич	—	Из рабочего движения.	
Ярославль	—	Комиссия Булыгина. Бюро Комитетов Большинства . .	34
Курск	—	Памяти убитого товарища Иосифа Егоровича Кононоча. Листок № 75 Томского Комитета	35
Курск	11	Петербург. Путильцев	—
Батум	—	Проделки зубатовцев	—
Ромны	—	Петербург	33
Новое общество	—	Киев	—
Пролетариат и буржуазная демократия	12	Орша	—
Из рабочего движения.		Изобретатели разногласий. М. Ольчинский	—
С.-Петербург. С. Гусев	—	Из партии.	
Феодосия	13	Ответ германским товарищам. Бюро Комитетов Боль- шинства	37
Александровск	—	Первый шаг. Н. Ленин	—
Батум. Рабочий	—	Резолюции о съезде	33
Ромны	15	Резолюция Казанского комитета по поводу партийных разногласий	—
Одесса. Рабочий	—	Извещение. Ком. Заграничн. Организации Р.С.-Д.Р.П. Издания	39
Вильна	16	Тюрьма и ссылка.	
Одесса	—	Баку	40
Ростов	—	Великий Устюг	—
Петербург	—	Скопин	—
Бакинский погром	—	Рязань	—
Из партии.		Почтовый ящик	—
Кого они хотят обмануть?	18	Примечания	—
Издания	19	„ВПЕРЕД“ № 12.	
Почтовый ящик	—	Полицейские Пугачевы	43
Примечания	—	О нашей аграрной программе (Письмо 3-му съезду) —ъ.	45
„ВПЕРЕД“ № 11.			
Пролетариат и крестьянство. Н. Ленин	21		
Бакинские преступления царского правительства. Бакин- ский Комитет Р.С.-Д.Р.П.	23		

	Стр.		Стр.
Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата. А. Луначарский	46	Из рабочего движения.	
Из общественной жизни.		Петербург	76
Петербург	47	Петербург	77
Из приказа по 116 Малоярославскому полку	—	Ярославль	—
Что делается в Манчжурии	—	Тула. В. Бонч-Бруевич	78
Челябинск. (Письмо с дороги)	48	Баку. Рабочий юга	—
Петербург	—	Урал	—
Харбин. (Из письма офицера)	—	Одесса	—
Пример заразителен. Городовые гор. Риги	—	Николаев. Рабочий	—
Томск	49	Тифлис	—
Курск	—	Баку	—
Тверь	—	Чита	—
Киев	—	Москва. В. Бонч-Бруевич	—
В Гурии	50	Из партии.	
Крестьянское восстание	51	Второй шаг. Ц.К.Р.С.-Д.Р.П.	79
Киев	52	Еще одна жертва царизма	81
Великий Устюг	—	Кострома	—
Они упрямы	—	Издания	82
Из рабочего движения.		Тюрьма и ссылка.	
Петербург. (Письмо товарища)	53	Киев	82
Петербург	—	Почтовый ящик	—
Одесса. (Письмо рабочего)	54	Примечания	—
Николаев. (Из письма рабочего)	—		
Николаев	—	„ВПЕРЕД“ № 14.	
Луганск. Рабочий	55	Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Н. Ленин	85
Тверь. (Письмо рабочего)	—	К вопросу о постройке баррикад. В. Северцев	88
Ярославль	—	Борьба за право стачек. В. Воровский	90
Ростов-Ярославский	53	Социал-демократия и временное революцион. правительство. Н. Ленин	—
Рыбинск	—	Из общественной жизни.	
Орехово-Зуево	—	В Гурии	94
Кострома	—	Христианское братство борьбы	95
Рабочие забастовки	—	Французско-русские обычаи „подмазывать“. Н. Ленин	97
Письмо рабочего. Рабочий Правдин	57	Ко всему обществу. Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П.	—
Петербург	58	Студенческое движение (Листок № 10). Объединенная Соц.-Дем. Организация Студентов С.-Петербурга	—
Из партии.		Саратов	98
За съезд	59	Из писем крестьян	—
Петербург	—	Из рабочего движения	
Петербург	—	Петербург	98
Резолюция студентов Института Путей Сообщения	—	Петербург	—
Одесса	60	Нижний-Новгород	99
Одесса. (Из письма агитатора)	—	Ярославль	—
Одесса. (Из письма организатора)	—	Рыбинск	—
Кострома	—	Харьков	—
Отчеты	—	Одесса. Рабочий	100
Почтовый ящик	61	Тюрьма и ссылка.	
„ВПЕРЕД“ № 13.		Л. А. Яковлев	100
Европейский капитал и самодержавие	63	Екатеринослав	101
Либеральные принципы и реакционные замашки	65	Харьков	—
Организационный вопрос	68	Пинега. (Из частного письма)	—
Социал-демократия и временное революционное правительство. И. Ленин	—	Из партии.	
К участникам 3-го партийного съезда (Письмо из Н.-Новгорода). А. А.	73	Харьков	101
Из общественной жизни.		Петербург	—
Петербург	75	Резолюция Самарского Комитета. Сам. Ком. Р.С.-Д.Р.П.	—
Письмо крестьянина	76	Резолюция Северного Комитета	—
Харьков	—		

<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
101	Резолюция Смоленского Комитета	141
—	Резолюция фармацевтов	142
102	Заявление Мос. Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии Петербург	
—	Петербург	
103	Петербург. Группа рабочих металлург. завода	
—	Одесса. Рабочий	
—	И з д а н и я	
—	Отчет Парижской группы Р.С.-Д.Р.П.	
—	Последние издания „Вперед“	
104	Объявление экспедиции „Вперед“	
—	П р и м е ч а н и я	
„ВПЕРЕД“ № 15.		
105	Аграрная программа либералов	
107	Маркс об американском „черном переделе“	
110	В комиссии Коковцева	
112	С больной головы на здоровую	
—	Борьба за партийность во Французской Социалистической Партии	
116	Маленькая поправка. (Письмо в редакцию). Линдов	
И з о б щ е с т в е н н о й ж и з н и .		
117	Москва	
118	Москва	
—	В средних учебных заведениях	
120	Кострома	
—	Харбин. (Из письма врача)	
—	В вагоне. В. Бонч-Бруевич	
121	Кизики	
—	Запасные	
И з р а б о ч е г о д в и ж е н и я .		
121	Ростов-на-Дону	
—	Казань	
123	Томск	
—	Николаев	
—	Одесса. (Письмо рабочего)	
—	Одесса. Один из периферии	
И з п а р т и и .		
123	Изобличенный Совет	
124	И з д а н и я	
—	Почтовый ящик	
—	Примечания	
Отдельное приложение к № 15 „ВПЕРЕД“.		
К третьему съезду.		
125	О нашей аграрной программе	
127	К проекту устава партии	
„ВПЕРЕД“ № 16.		
131	Возрождение православной церкви	
132	Конституционный базар. Н. Ленин	
134	Расслоение земско-дворянской конституционной партии	
135	Суд над судом	
138	В Воронеже не время заниматься политикой	
И з о б щ е с т в е н н о й ж и з н и .		
140	Вести с Кавказа	
141	Крестьянские волнения	
—	Манифест союза студентов-армян Европы	
—	В Финляндии	
—	Петербург	
—	Екатеринослав	
—	Крестьянское движение	
И з р а б о ч е г о д в и ж е н и я .		
143	Рабочие и самодержавие. М. Васильев	
144	Москва. В. Бонч-Бруевич	
—	Николаев	
145	Пермь	
—	Письмо в редакцию. К. С.	
146	Москва	
—	Баку	
147	Баку	
—	Кривой Рог	
И з п а р т и и .		
147	Открытое письмо тов. Плеханову. Центр. Комитет Р.С.-Д.Р.П.	
149	Николаев. Рабочий	
—	И з д а н и я	
—	Объявление о пожертвованиях	
—	Почтовый ящик	
—	Опечатка	
—	Примечания	
„ВПЕРЕД“ № 17.		
151	Государственное страхование рабочих. В. Воровский	
153	Объединение социалист. партий во Франции. Г. Линдов	
155	Итоги рурской стачки. В. Воровский	
156	Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата. А. Луначарский	
158	Социалисты-революционеры на работе. В. Карпинский	
И з о б щ е с т в е н н о й ж и з н и .		
160	Харьков. В. Бонч-Бруевич	
161	Нижний Новгород	
—	Либеральное движение. В. Бонч-Бруевич	
162	О царском манифесте 18-го февраля	
—	Олонекская губерния	
163	Среди крестьян	
И з р а б о ч е г о д в и ж е н и я .		
163	Иваново-Вознесенск	
164	Москва. В. Бонч-Бруевич	
—	Николаев	
—	Рига	
165	Митава	
—	Одесса	
—	На события 9-го января. Стихотворение	
166	Рабочие и самодержавие. М. Васильев	
И з п а р т и и .		
166	Объявление Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.	
167	Ко всем товарищам, работающим в партийных предпри- ятиях Ц.К. за границей. Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.	
—	Письма екатеринославских рабочих	
168	Екатеринослав. Добролюбов, Писарев, Шелгунов, Успенский, Серая шапка, Николай Цезарь	
—	Екатеринослав	
—	Одесса	
—	Одесса. Из письма ответственного организатора	
169	Резолюция Луганской организации	
—	Николаев	
—	И з д а н и я	
—	Отчеты	
170	Опечатка	

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Почтовый ящик	170
Примечания	—
„ВПЕРЕД“ № 18.	
Первое мая. А. Луначарский	171
Политические софизмы. Н. Ленин	—
Роль организаций в народных движениях. В. Севарцев.	174
О вооруженной борьбе. (Перевод с польского)	176
Темные силы. Н. Павлов	177
В казарме	178
Из общественной жизни.	
Одесса. Л—ский	180
Ростов	181
В средних учебных заведениях	182
Мелитополь	—
Посторонний наблюдатель о России. Н. Ленин	183
Народный листок № 1. В. Карпинский	184
Из рабочего движения.	
Москва	185
Рига. Союз типографских рабочих в Риге	—
Рига. Заявление жел.-дор. союза	186
Баку	—
Нижний-Новгород	—
Рабочий класс и его враги. М. Васильев	187

	<i>Стр.</i>
Из партии.	
Николаев. Рабочий-организатор	188
Николаев	—
Екатеринослав. Екатеринославский Комитет Боль- шинства	—
Одесса	189
Резолюция Минской группы	—
Из отчетов	—
Издания	—
Объявление о новых изданиях „Вперед“	—
Примечания	—

П Р И Л О Ж Е Н И Е.

Резолюция Харьковской группы „Вперед“	190
Ярославль. Член Северн. комитета	—
Екатеринослав. Рабочий	—
Из брошюры „Борьба за съезд“	—
Сообщение Фр. Ленгника	191
Договор между ЦК и БКБ	—

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И.

Редакция „Вперед“.
 Ф а к с и м и л е: редакторская правка т. Ленина, рукописи:
 Л. П. Мандельштам, Кр_пской и Ленина, Луначарского.

РЕДАКЦИЯ „В П Е Р Е Д“.

Н. Ленин (1897 г.).

В. В. Воровский (студент-технолог).

М. С. Ольминский (конец 1903 г.).

А. В. Луначарский.

Банкротство полицейского режима.

В то время, как в результате кровавого экзамена на полях Манчжурии выясняется окончательное банкротство русской армии, этой любимейшей дщери самодержавия, в России констатируется банкротство другого столпа трона, основного, надежнейшего, на построение и укрепление которого тратилась бездна народных денег и чиновничьей хитрости—банкротство полиции. Как! Вокруг нас все, начиная с Льва Толстого и кончая тупейшим из либералов, поют о том, что «при могущественнейших средствах, которыми ныне располагает государство»... и т. д., и т. д.; и между тем это самое «государство», т.-е. центральная полицейская шайка сама признает свое полное бессилие! Есть над чем призадуматься нашим робким либералам, которые еще до сих пор, проклиная в душе правительство, лебезят перед ним подлейшим образом. Легенда о силе правительства еще сковывает рыхлые члены господ либералов, и московские земцы, потиравшие руки и поздравлявшие друга друга после убийства Сергея, послали лакейские телеграммы родичам казенного ходынского князя.

Значительная доля мнимой силы правительства—в страхе, который все еще внушает робким людям гнилой, проржавевший, но с виду грозный государственный механизм. Если бы будущее России зависело от просвещенного и зажиточного «общества», самодержавие так и разложилось бы, властвуя страной, и заразило бы ее своим тлением. Россия погибла бы, а либералы все трепетали бы, «бессмысленно мечтали» и робко торговались бы. Но жестокие расправы полиции не запугали революционного пролетариата. Полицейский механизм, неуклюже скрипя, «действовал», причиняя много боли отдельным лицам, много хлопот отдельным кружкам и... привел в отчаяние смастеривших его хитрых механиков. Теперь они стоят над своим нелепым детищем, качают головами, разводят руками и не знают, что делать. В качестве пугала—нестрашно, в качестве орудия борьбы—негодно и стоит дорого, навлекая на правительство всеобщую ненависть.

На днях мы опубликовали полностью растерянную, желчную докладную записку директора департамента полиции Лопухина, в которой признано банкротство полиции. Мы хотим поделиться с читателями нашей газеты некоторыми особенно характерными признаниями нашего обер-держиморды.

Он перечисляет все хитроумные «меры», пущенные в ход в разное время, и против каждой ставит красноречивый уничтожающий минус. Местным властям дано

право издавать «временные обязательные постановления», хорошо всем известные. «Опыт показал,—пишет о них Лопухин,—что в тех местностях, где правила эти существуют лишь непродолжительное время, они имеют результатом временное устранение или ослабление преследуемых явлений. Но как только исключительные меры превращаются в длительные, они становятся все менее действительными». К ним просто-напросто привыкают! И Лопухин стонет о том, что все бесполезно «при отсутствии в русском чиновничестве служебного долга и привычке принимать меры лишь по распоряжению начальства». Полиция не умеет выследить тайных собраний в случае запрещения сборищ вообще и набрасывается, по признанию Лопухина, на те, которые легче выследить, т.-е. обыкновенно на самые невинные, ожесточая тем бесплодно население. Запрещение носить оружие, по Лопухину, совершенно безрезультатно: полиция обыкновенно находит оружие лишь там, «где оружие уже послужило средством совершения преступления». Весьма возможно, что слабоумный Николай изволил начертать в этом месте собственную рукою: «весьма неутешительно!». Затем паспорта. Полиция превратила их проверку в чисто-бумажное дело, вообразила, что, прописав паспорт, она все сделала. И какие ужасы раскрывает Лопухин в своей записке! В Петербурге проживали и организовали свои геройские подвиги Карпович, Гершуни. Проживали под своими фамилиями, со своими паспортами, запросто, в меблированных комнатах. Фотографическая карточка разыскиваемого повсюду Гершуни лежала в столе того самого участка, где паспортист равнодушно прописывал его вид на жительство: Гершуни, так Гершуни—вид исправен, чего же больше?

Полиция имеет право устранять от всякой общественной деятельности лиц, заподозренных в неблагонадежности. Казалось бы, хорошо! Ходи с оглядкой, обыватель! чуть что—и ты без куска хлеба. Но Лопухин грустно качает головой. «Последствия этой меры приносят явный ущерб государственному порядку,—говорит он,—вместо того, чтобы дать беспokoйным элементам общества возможность получить кусок хлеба и заняться делом, которое отвлекло бы их от подпольной деятельности, их или лишают средств к существованию, или, обнадежив в этом отношении, заставляют переходить из губернии в губернию в поисках за благосклонностью, при чем они возносят с собою недовольство существующим порядком».

Полиция имеет широкое право обыскивать и подвергать аресту; но тут Лопухин заявляет, что департамент полиции выбивается из сил в борьбе с распущенностью полиции, напрасно ожесточающей население. Лопухин заявляет, что результаты этой борьбы еще недоста-

точные «благодаря накопившемуся индифферентизму местных чинов к интересам обывателя». Полиция имеет право по целому ряду преступлений предавать царских подданных военному суду и посылать их на виселицу. Но за все последнее время она один лишь раз осмелилась применить смертную казнь, «при чем,—меланхолически замечает наш дьяк, в приказах поседелей,—при чем исполнение в этих случаях смертной казни не имело своего устрашающего влияния, ибо террористические покушения после того умножились». Полиция имеет право ссылать царских подданных без суда в трущобы. Но об этом Лопухин замечает: «Озлобляя население, административная ссылка разбрасывала революционное движение по лицу земли русской, и в настоящее время уже известны случаи имевшей успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и в Киргизской степи».

На этом Лопухин обрывает свою печальную повесть. Растерянный и жалкий, он ничего не предлагает. Его ключительные слова звучат похоронным маршем для самодержавия, победным гимном для русской революции. Что же делать правителям? Остается лгать, стараться скрыть свою слабость. Царь пишет манифесты, т. е. он подписывает их. После знакомства с докладом Лопухина понятно, почему царь говорит в последнем манифесте о революционерах, что они «ослеплены гордостью»; понятно, почему он противопоставляет им свое смирение: «Мы подчиняемся со смиренным сердцем тяжким испытаниям, ниспосланным свыше». Еще бы! Что ж еще делать - то? Царь напоминает своим чиновникам, лишенным чувства служебного долга, их присягу. Напрасно, Николай Романов! Молитесь! Совершая ее вашу последнюю молитву: ваша жестокая судьба стоит уже у дверей! Вслед за ханжеским и реакционным манифестом царь издает нерешительный, воровской, мутный рескрипт Булыгину, обещающий медленными шагами приближаться к жалкой пародии на жалкий земский собор. А в это время в Петербурге заседают рабочие. Интеллигентов на их собрание тщательно не допускают, но речи их полны отваги и широкой политической мысли, потому что соц.-демократия не есть интеллигентская партия, и период действительно революционной социал-демократической работы не прошел даром!

Европа научилась уже презирать недавно столь страшного московского властелина; она учится теперь удивляться русскому рабочему. Буржуазный «Гавас» телеграфирует из Петербурга: «Вид рабочего собрания выясняет, что в среде рабочего класса действительно имеются избранные элементы народа, способные не отступать ни перед каким усилием, ни перед какою жертвой ради национального освобождения».

«Франкфуртская Газета», всегда с недоверием относившаяся к социал-демократам и сочувствовавшая либерализму, теперь вынуждена сделать характерное признание; по поводу рескрипта от 18-го февраля она пишет: «Слишком поздно! Советники царя забывают, что на ряду с русскими либералами, которым все еще недостает крепкой организации, существует класс фабричных рабочих, идущих за определенными руководителями. Это ясно обнаружилось при выборах в комиссию Шидловского. Совершенно неверно, будто русский рабочий недостаточно созрел для понимания своих интересов и не обладает никаким поня-

тием о политике... На собрании выборщиков всех групп русские рабочие говорили такие речи, какие можно слышать на социалистических съездах Франции, Германии, Бельгии, Италии. Один из ораторов говорил против соглашения с либералами, которые пользовались всегда рабочими массами для того, чтобы хоронить династии, а затем надували рабочих. Он доказывал, что только пролетариат добьется необходимого ему народного парламента, и закончил свою речь так: «Мы вышли в воскресенье на улицу и были расстреляны, как бешеные собаки; мы стоим накануне великих событий, быть может, накануне страшной драмы. Как бы то ни было, мы настаиваем на своем. Будем держаться крепко, закалим наши сердца, и пусть наш лозунг будет: «К борьбе, к борьбе!». Долгие рукоплескания покрыли его слова. Эта сцена разыгралась в Петербурге, в резиденции самодержца всей России. Такова смелость, такова сила духа революционного пролетариата. Чего же вы трепещете, московские и другие либералы? Быть может, вы боитесь не столько вашего дряхлеющего врага, сколько нового, юного, мощного? Кого вы больше страшитесь, либералы,—самодержавия, которое, околевая, может еще свернуть шею полудюжине земцев, или пролетариата? Помните, пролетариат уже не позволит обмануть себя! Он погонит вас вперед, вплоть до демократической республики, не останавливаясь, все вырастая, все организуясь, пока этот светлый богатырь не построит нового социалистического здания на развалинах вашего либерально-буржуазного строя! Но дело не в том, кто страшнее вам, дело в том, кто теперь сильнее! Теперь сильнее пролетариат, готовый стать во главе всего всколыхнувшегося простонародья. И потому, что он сильнее трона, вы пойдете за ним, вы побежите за ним: великан будет шагать, таща вас за руку; и семена вашими благовоспитанными ножками, вы «петушком-петушком» будете поносить за ним, потому что, кто не пойдет вперед,—погибнет!

Но пока либералы, как они ни обескуражены, продолжают свою торговлю с правительством. Они предлагают, как известно, монархическую конституцию с двумя палатами—верхней из представителей земств и нижней, избираемой посредством всеобщего избирательного права; они оставляют за царем право назначения министров и т. д. Царь предлагает им вместо конституции жалкую совещательную палату, без всяких гарантий ее прав и условий ее действия.

Они торгуются, они играют в политические шахматы, стараясь перехитрить друг-друга. Но рабочий хватит кулаком по шахматной доске так, что вся дипломатия полетит к чорту. Он уничтожит монархию, и, если либералы станут защищать ее, он проведет демократическую революцию и против правительства, и против либералов, в союзе с бесправными слоями народа.

Глубокомысленные политические тупицы предостерегают соц.-демократию от чрезмерно деятельной организации революции: это может привести к такой ужасной вещи, как преждевременная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Преждевременная! Нет! Самое время теперь пролетариату стать во главе народа для революционного осуществления своей программы-минимум, которая должна стать знаменем всей русской демократии. Пролетариат проведет ее до

конца и заложит тем фундамент для грядущей социалистической борьбы. Мы отвергнем, как утопию, как бессознательную провокацию, всякую попытку навязать пролетариату невыполнимую при настоящих социально-экономических условиях задачу немедленного осуществления максимальной программы, т.-е. немедленного создания социалистического строя: мы будем неустанно разъяснять рабочему, что только самостоятельная классовая организация городских и сельских пролетариев есть надежный залог освобождения труда от гнета капитала; но мы с презрением отбросим также трусов, робко оглядывающихся кругом, не заметно ли где либерального генерала или сановника, которому можно было бы препоручить революцию, скромнехонько посторонившись. Нет! Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты: пролетариат выступает, чтобы построить вам вашу буржуазную республику, и он построит ее так, чтобы наиболее было перестроить ее на социалистических началах, когда придет желанный час.

Знамя свободы.

Мы—бедные пчелки, работницы-пчелки...
И ночью, и днем все мелькают иголки
В измученных наших руках.
Мы солнца не видим, мы света не знаем!
Закончим работу и вновь начинаем
С покорной тоскою в сердцах.

Был праздник недавно—чужой,—нас не звали,
Но мы потихоньку туда прибежали
Взглянуть на веселье других.
Гремели оркестры на пышных эстрадах,
И трутни мелькали в богатых нарядах,
В шитье и камнях дорогих.

Мелькало роскошное платье за платьем,
И каждый стежок в них был нашим проклятьем
И мукою каждая нить.
Мы долго смотрели без вздоха, без слова:
Такой красоты и веселья такого
Мы были не в силах простить.

Чем громче лились ликования звуки,
Тем ныли больнее усталые руки
И жить становилось невмочь.
Мы видели радость, мы поняли счастье,
Беспечности смех, торжество самовластья;
Мы долго не спали в ту ночь.

В ту ночь до рассвета мелькала иголка;
Сшивали мы полосы красного шелка
Полотнищем длинным, прямым.
Мы сшили кровавое знамя свободы:
Его мы таить будем долгие годы,
Но мы не расстанемся с ним.

Все ждем, не ударит ли громко тревога,
Не стукнет ли жданный сигнал у порога...
Нам чужды и жалость, и страх.
Мы—бедные пчелки, работницы-пчелки...
И ночью, и днем все мелькают иголки
В измученных наших руках.

Отношение Рос. соц.-дем. рабочей партии к либералам.

Перепечатаваем листок, изданный по этому важному вопросу русским центром нашей партии, Бюро.

№ 2.

В извещении Бюро комитетов большинства о созыве съезда, в перечислении тактических вопросов данного исторического момента, второй пункт намеченной программы таков:

Выяснение вопроса об отношениях соц.-демократии к партиям буржуазной оппозиции: каким способом и в какой мере возможно согласовать в борьбе против самодержавия наши действия с их действиями, какое значение придавать формальным договорам с ними и т. д.

Фактическое положение дела в основных чертах таково:

Наиболее влиятельные и крупные группы буржуазно-либеральной оппозиции—это, во-1-х, земские конституционалисты, во-2-х, «союз освобождения» (или «демократы»). 1-я—это группа просвещенных помещиков и капиталистов, 2-я, главным образом, интеллигентная буржуазия (профессора, литераторы, адвокаты, инженеры и т. п.). Обе эти группы очень близки между собой и находятся в самых дружественных отношениях. Но не таково их отношение к соц.-демократии.

Земские конституционалисты довольно откровенно выступают противниками такого избирательного права, какое требуется пролетариями. Правда, земские конституционалисты редко прямо полемизируют против идеи всеобщего голосования, прямого, тайного и равного для всех, а иногда даже выражают свое «принципиальное» ему сочувствие, но они не скрывают того, что считают такую форму избирательного права «несвоевременной», и обыкновенно умалчивают в своих политических программах (программа в газете «Освобождение» № 1, программа земского съезда) о том, какой способ избрания им желателен. Припоминая историю, легко сообразить, что это обозначает. Группе этой ценз выгоден, и если она прямо не говорит о нем во время общего революционного подъема, когда это оттолкнуло бы от нее массы, с которыми она заигрывает, то в момент первых крупных уступок правительства, когда ей можно будет с выгодой присоединиться к нему и опереться на его военную силу, она явится жесточайшим врагом избирательного права рабочих. И этот момент до того близок, что нельзя поручиться за завтрашний день.

Так - называемые «демократы» о ф и ц и а л ь н о высказываются за всеобщее избирательное право. Но не надо этим обольщаться. Есть масса данных, указывающих на то, что это, главным образом, их парадный костюм, в котором они выступают перед массами. Для будничной действительности они готовы удовлетвориться гораздо меньшим и смотрят с раздражением и тревогой на «крайние» партии, которые относятся к делу иначе.

Люди обеспеченные, хорошо устроившиеся на пиру жизни, господа эти прирожденные оппортунисты и в

беспокойное время не могут не мечтать о компромиссе, который позволил бы им перейти к «мирной работе» и в безопасности вкушать плоды своих трудов и своего общественного положения. Ценз образовательный и даже подходящий им выгоден, и потому мысль о неуклонной борьбе против всякого ценза их отнюдь не прельщает. Дело в том, по существу они не демократы, какими являются сознательные представители ремесленников, крестьян, пролетарски живущая интеллигенция. Буржуазная интеллигенция присвоила себе только имя «демократов» и ей было удобно сделать это, потому, что настоящей демократической партии у нас вовсе еще нет, лучшие из настоящих демократов скрываются в оболочке партии соц.-рев., где они перемешались с менее определенными из социалистических элементов.

В минуту откровенности вожди «демократов» выбалтывали нам свое истинное настроение и, не стесняясь, убеждали нас, что всеобщее избирательное право еще на много лет утопия, а всякая утопия вредна, и потому хотя принципиально следует к нему стремиться, но настаивать на нем нелепо: даже «куцая конституция» лучше, чем то, что есть, а чрезмерные требования ведут к реакции.

Но все это говорилось неоткрыто и не может само по себе служить достаточным доказательством нашей мысли. Гораздо сильнее говорят объективные факты деятельности «демократов»:

1) Их отношение к земским кон-стам: тесный союз. У тех и других общий орган «Освобождение». Их организационное разъединение стало заметно выступать, главным образом, с тех пор, как земские либералы начали широко компрометировать себя речами о «внутренних врагах», т.-е. о необходимости подавления революционеров и о желательности союза для этой цели правительства и общества. Но и после этого «демократы» не считают нужным полемизировать с цензовыми либералами; а Струве и сейчас пытается объединить обе группы своей новой «платформой демократов-конституционалистов». Эта его программа, в которой много метафизики и высшей нравственности, но нет избирательного права для пролетариев, не вызывает протеста со стороны «демократов».

2) Их отношение к соц.-дем.: конкуренция и вражда. В Петербурге, центре их деятельности, они давно уже пытаются завести самостоятельные связи в рабочей среде, пользуясь и просветительными, и филантропическими учреждениями. Они заявляют при этом, что они далеки от мысли мешать соц.-демократам, а хотят только распространять политически-освободительные идеи, но на деле на первых же шагах этого пути выступают против идеи классовой борьбы. В январские дни они сделали попытку захватить в свои руки то обширное полусоциальное пролетарское движение, которое объединилось около легальных обществ Гапона. Чтобы укрепить свои связи с этим движением, они воспользовались обильно стекавшимися к ним из всего общества пожертвованиями на стачечников.

Деятели союза «Освобождения», глубоко интересуясь внутренними разногласиями соц.-дем., систематически пользовались ими, чтобы возможно шире компрометировать нашу партию. Они распространяли в обществе, и с немалыми преувеличениями, слухи об этих разногласиях и открыто заявляли, что соц.-дем. миф,

что никакой реальной силы, никакой опоры в рабочей среде она не имеет и считаться с ней нечего. С величайшим злорадством подчеркивали они тот факт, что в январские дни соц.-дем. не явилась руководящей силой массового пролетарского движения, тщательно замалчивая то, что было сделано в этом отношении соц.-дем., и особенно остерегаясь упоминать о том, что идейным знаменем «гапоновского» движения оказалась в сущности программа-минимум соц.-демократов.

3) Отношение «демократов» к соц.-рев. довольно сочувственное, особенно там, где удобно противопоставить соц.-р-ов соц.-д-там. «Демократы» даже всячески старались превознести и преувеличить роль соц.-рев. в январские дни (фактически соц.-рев. в Петерб. ничтожное сравнительно количество, а потому роль их в движении была почти-что незаметна). Демократам симпатично в соц.-рев. коренное непонимание классовых точек зрения и неясность политических идей. Насколько эта последняя на-руку «демократам», примером может служить хотя бы прощальное письмо Гершуни, в котором проводится чисто-освободительная идея объединения всей оппозиции.

Выводы ясны,—Ни с «земск. кон-стами», ни с «демократами» союз для нас невозможен, формальные договоры бесполезны—все равно они были бы в свое время нарушены. Надо бороться против внесения путаницы либеральных идей в рабочую среду. Надо добиваться, чтобы либеральные партии признали соц.-дем. с ее программой законной политической представительницей борющегося пролетариата. Надо требовать от либеральных партий, чтобы они открыто и отчетливо установили свое положительное или отрицательное отношение ко всей программе соц.-дем. в целом и к каждому ее требованию в отдельности и считались бы с ней, как с программой пролетарской. Надо решительно отразить все попытки подменить революционно-социалистическое пролетарское движение либеральным.

Социал-демократия «поддерживает всякое оппозиционное движение». Она будет поддерживать и земских либералов, и «демократов», но без всяких обязательств. Социал-демократ будет протестовать против насилия над буржуазным либералом, если оно случится, укроет бегущего «демократа», не выбросит номер «Освобождения», а по миновании в нем надобности передаст либералу или обывателю, и т. д., но формальной связи тут нет.

Можно поставить еще вопрос о частных конкретных соглашениях с либералами. Но это вопрос несущественный. В нашей тактике и их тактике так мало пунктов соприкосновения, что подобные соглашения окажутся возможны лишь в очень немногих случаях. Возможна и желательна, главным образом, организация взаимного обмена сведениями и иногда обмен мелкими практическими услугами. Либеральные манифестации имеют обыкновенно не такой характер, чтобы для соц.-дем. и рабочих удобно было принимать в них участие. Полезно, если рабочий оратор выскажет в земском собрании или на банкете, чего хотят рабочие, и потребует, чтобы либералы выяснили свое отношение к этим желаниям; но такие манифестации следует делать без

предварительного соглашения, которое только отдавало бы судьбу данной манифестации в руки либералов.

Нашим лозунгом должно быть: охрана классово-й чистоты рабочего движения.

Таковы наши взгляды по этому вопросу. Пусть товарищи в комитетах, периферических группах и кружках выскажутся в свою очередь. Их резолюции будут доставлены партийному съезду, для которого послужат ценным материалом.

Бюро Комитетов Большинства.

Сила пролетариата.

(Письмо из Москвы).

Петербургские события и вспыхнувшее вслед за этим по всей России грандиозное движение пролетариата всколыхнуло всю русскую жизнь. 9-го января правительство поставило на карту свое существование; пулями и штыками оно хотело устрашить народ; оно торжествовало при виде пролитой крови свою победу. Но после петербургских событий в народе пропал страх перед правительством, перед смертью на улицах и баррикадах. «На миру и смерть красна» — вот что говорит теперь городская, фабричная и заводская беднота. Правительство стреляло в народ, — народ понял, что смешно и нелепо идти против войск с хору-гвьями, петициями и царскими портретами. «К оружию!» — вот общий клич, объединяющий теперь как организованные, так и неорганизованные массы рабочих. Пролетариат ринулся вперед, ринулся гигантским шагом, скорее инстинктивно чувствуя, чем сознавая, что его судьба у него, — и только у него самого, — в руках.

Бывают такие моменты в истории государства, когда все, что ни делает правительство, — все оборачивается против него, все служит ему во вред, все возбуждает массы против него. И именно такой момент переживает теперь Россия. О чем говорят теперь в России? О политике и только о ней. Все, от мала до велика, судят и рядят о совершающихся событиях, решают, каждый по своему разумению, судьбы нашего отечества. Жизнь всколыхнулась, и ее нельзя остановить никакими реакционными мерами, которые, повидимому, опять пытаются провести в жизнь русские министры. Они стараются воспользоваться несколько понизившимся настроением и некоторым замешательством в наименее развитых массах городского населения, ясно проявившимся после убийства Сергея. Этот акт в народном представлении вырван из цепи предшествующих событий, стоит совершенно изолированно и оценивается им совершенно не так, как предполагали его инициаторы. Очень многие смотрят на него, как на акт личной мести, ничего общего не имеющий с «политикой», с общим безвыходным положением страны.

Однако, наряду с этим временным, — а что оно временное, в этом нет сомнения, — понижением настроения широких неорганизованных масс мы можем констатировать другой чрезвычайно важный признак времени, — это огромную, колоссальную самодеятельность пролетариата. Вдруг, как по мановению волшебного жезла,

проявились по всей России скрытые силы пролетариата; как потоки лавы, хлынули они, ринулись в российскую неповоротливую жизнь, все подняли, все перестроили, всех заставили говорить, обсуждать, думать.

Здесь фармацевты, тут мясники, там цирюльники, прачки, молочники, разносчики, сидельцы, ассенизаторы, официанты, полотеры, мелкие ремесленники, телеграфисты и почтовые чиновники и прочие, и прочие, — забытые, отсталые и неорганизованные слои трудящегося люда подняли головы и стали повсюду заявлять, что так жить, как жили они раньше, они больше не могут. Пробуждение именно этих наиболее отсталых слоев пролетариата, пробуждение самопроизвольное, без непосредственного участия пропаганды и агитации революционных партий, в высшей степени характерно. То, что могучая волна пролетарского движения выбила из мертвой колени даже эти отсталые слои и вовлекла их в общий поток, как нельзя лучше говорит о широте и силе этого движения.

Самые отсталые слои пролетариата почувствовали непреодолимое стремление к организации своих сил. Несмотря на все запрещения, они устраивают повсюду свои заседания, свои совещания, вырабатывают свои солидарные требования, подают заявления хозяевам и прибавляют неизменно: «Ежели не удовлетворите, — забастуем!». И бастуют! И их удовлетворяют, несмотря на затишье в торговле, на полный кризис денежного рынка, на огромный застой на фабриках и заводах. Везде и всюду выставляются экономические требования, что, — кстати сказать, — очень пугает доморощенных политиков, не понимающих совершенно значения и смысла этого небывалого пролетарского движения.

Но почему так легко удовлетворяют теперь требования даже самого отсталого и неорганизованного пролетариата все наши отечественные Кит Китычи, правительственные и другие учреждения? Почему не слышно окрика: «Пока не станете на работу, с вами и говорить не хотим!». Почему правительство даже помогает в удовлетворении требований? По той простой причине, что под этими, якобы, «чисто-экономическими» требованиями, — само собой разумеется, вполне законными и вполне желательными, — кроется огромная политическая угроза. Обратили ли вы внимание, что в очень многих заявлениях чисто-экономического содержания сказано, что просят удовлетворить ходатайство как можно скорей, «в виду возбужденного состояния умов»? И ходатайства удовлетворяются «как можно скорей», ибо и наши отечественные головотяпы различных министерств поняли, что Россия вознесена на кратер вулкана, который может начать могуче действовать каждую минуту, и что сегодня совершенно нельзя сказать, что будет завтра.

Малейшее поползновение к обузданию вызывает единодушный отпор. Так было, например, на Казанской ж. д. Забастовали телеграфисты и телефонисты, — их решили расчитать. Все служащие дороги в ответ на это подали заявление о своих требованиях. Их не удовлетворили. Немедленно вспыхнула стачка по всей огромной линии. С часу на час ждут забастовки на других жел. дорогах. Если бы вы видели, если бы вы знали, что делается теперь в торговом мире! Все остановилось, перепуталось. Вся торговая жизнь, всегда нуждающаяся

в планомерности и покое, нарушена совершенно. На биржах приостановлены сделки на товары, так как никто неуверен, можно ли будет их вскоре отпустить. Залежи товаров увеличиваются, дороги сложены с себя обязательства, и нет сомнения, что эти огромные железнодорожные стачки повлекут за собой сильнейшее давление на правительство со стороны промышленников, фабрикантов и помещиков, так как все они теперь несут колоссальные убытки.

Стаечное движение захватывает все новые и новые слои пролетариата. Оно стихийно готовит могучие организации пролетариата, следующим ближайшим шагом которых будет ясный и решительный политический протест. Кто из рабочих раньше не верил в себя, теперь ясно почувствовал, что пролетариат—сила, решающая все, что его борьба решит судьбу России: быть или не быть ей свободной.

Социал-демократы, дружей за работу!

(В. Бонч-Бруевич).

Земский собор и наша политика.

Перед Россией стоит теперь важный вопрос о Земском соборе. Само правительство выдвигает его услужливыми устами Суворина. Да и нет другого исхода,— жизнь быстро гонит самодержавие к пропасти, в которой оно будет погребено. Царству Романовых близок конец; правительства фактически уже нет; оно, всеисильное и самодержавное, бессильно остановить ту политическую анархию, которая царствует в России и которая является характерным признаком всех больших государственных переворотов... Очевидно, нет исхода, если официальное «Новое Время», характеризующая внешнюю политику, выразившуюся в японской войне, говорит: «Год войны. Земля успела обежать вокруг солнца и во всех частях неба показала позор наш и торжество Японии. Погибли лучшие генералы наши и адмиралы, Кондратенко, Келлер, Макаров, Витгефт. Целая дюжина генералов и адмиралов попала в плен. А те, кто ехали за славой и победой, грустно возвращаются назад. Вернулся наместник, потерявший наместничество, вернулся главнокомандующий флотом, потерявший флот, возвращается начальник крепости, потерявший крепость. Упорно говорят о возвращении командующего 2-ю армией. Печать начинает доказывать необходимость перемены главнокомандующего».

Вот исполнение «национальных» задач России, которыми кичилось самодержавие. А внутри? «Девятый вал нашей истории обрушился и заставил дрожать землю»,— говорит то же «Новое Время». Дорогое для нас признание, его подтвердил и сам царь, разыгравший униженную комедию с рабочей депутацией.

Несомненно, 9-е января было для многих неожиданным шквалом. Но это не девятый вал, а только первый всплеск великого народного моря. Его проморгали и правительство, и некоторые революционеры, увлекшиеся демократическими банкетам и разговорами.

Удар оказался столь ужасным, что многие сочли его за последний вал,— так должно случиться со всяким, кто пробует подойти с будничной меркой к народной ре-

волюции, которая разливается по России широкой зыбью, готовой перейти в могучие волны.

Правительство, сдавленное изнутри и снаружи, хочет опереться на Земский собор. Созыв его решен, как сообщают все корреспонденты и репортеры. Раз это так, нам важно уяснить себе значение Земского собора.

Для правильной постановки вопроса надо оглянуться на прошлое России; там мы увидим лишь два периода, резко выделяющиеся политической и законодательной деятельностью: киевский, вечевой, когда раздавались, по словам летописца, «буи речи» горожан, а князя «становились на том, на чем дружина сдумала», и XVII век, когда неизвестный публицист поучает царя: «Воздвигнути от всех городов своих и от уездов градов тех и беспрестанно держати при себе от всяких мер всяких людей».

В это время Россия быстро оживляется, идет по пути западного просвещения и выдвигает огромные реформы, завершонные лишь в начале XVIII века. Почему самостоятельность общества заканчивается самодержавием и бюрократизмом Петра,— трудно понять, если не обратить внимания на те общественные группы, которые вели национальное возрождение.

Еще в половине XVI века заканчивается превращение княжеств, группировавшихся вокруг Москвы, в цельное государство, и завершается это огромной революцией, известной под названием Смутного времени. Носителем национальной объединяющей идеи является средний класс; даже у трона мелкий служилый человек сменяет ближних бояр, погрязших в личных раздорах, и гениальный изверг Иван IV, опираясь на объединительные стремления народа, почти уничтожает важнейшие боярские роды, поднимая за их счет мелкое дворянство. Вместо Московского княжества выступает Россия, провинция начинает играть важную роль; так Ляпунов, низлагая Василия Шуйского, говорит: «Ты ставлен на царство несправедливо одними боярами да московскими людьми». Смена аристократии средним классом, столицы—всею странюю должна была вызвать перемены и в конституции государства; и действительно, послы, пригласившие на царство польского королевича Владислава, пишут в ограничительной грамоте в числе других гарантий, что он не может новых законов издавать или старых менять без совета земли, т.-е. без Земского собора. С такими же ограничениями всходит на престол и Михаил Федорович Романов, он правит все время по воле соборов; не известно ни одного случая, чтобы царь не соглашался с их решением.

По своему составу Земские соборы никогда не были сословными, они были выразителями средних классов в самом широком смысле слова,— там мы встречаем дворянство, купечество, посадских людей, даже зажиточное крестьянство. Можно сказать, что мы там встречаем все те группы населения, которые выступали активно в смутный период. Но они пали, так как не оперлись на простой народ, который хотя и не принял участия в строительстве государства, но был основным элементом в разрушении удельно-феодального порядка и в изгнании иноземцев. Все усилившееся самодержавие мирно прикончило с стеснительным учреждением, перестав созывать соборы, так же, как абсолютная монархия во Франции прекратила Генеральные Штаты.

История Земских соборов дает нам два урока: во-первых, бессилие средних классов в самостоятельной борьбе с самодержавием, во-вторых, что наши Земские соборы, как и все представительные собрания, являлись выразителями социальных сил страны. И вот теперь, когда рост новых социальных сил, помимо робких средних классов, ясен всякому, правительство хочет приложить все усилия, чтобы отстранить опасные элементы (рабочих и крестьян) от представительства. Суворин беззастенчиво объявляет: «Непременно будет агитация партий, но и правительство, конечно, не будет спать». Где там спать,—усердствовать будет, да еще как, чтобы состав Земского собора соответствовал его намерениям в борьбе с крамолой. На эту тему уже ведутся споры в консервативном лагере: одни предлагают высокий имущественный ценз, но это оспаривается другими, так как тогда вся сельская масса лишится избирательных прав, а многие рассчитывают на ее неразвитость, и раздаются голоса, чтобы допустить всех, не отстраняя и «безграмотных мужиков, которые с своим простым умом внесут свежую струю». Но главный объект всех возможных ограничений составляют, конечно, рабочие.

Будет или не будет правительство созывать Земский собор, наша тактика не должна меняться; надо бороться неустойчивых людей, которые захотят изменить ее, это будет измена революционному принципу,—у нас останется та же задача: уничтожение монархии, тот же способ: народное восстание. С созывом Земского собора лишь расширяется поле агитации, и обязанность представителей пролетариата будет состоять не в выработке того или иного параграфа конституции, а в революционизировании собрания, в превращении его во временное правительство.

Консерваторы предвидят такую политику; Суворин пишет: «Вот теперь Россия в брожении. Кто бастует, кто требует конституции, кто революции, кто хочет через революцию получить конституцию, кто через конституцию революцию».

Да, верно. Нашей первой задачей относительно Земского собора будет разжечь неминуемый конфликт между ним и царским правительством и превратить, с помощью народного восстания, Земский собор в Национальное собрание, которое будет само принуждено под давлением революционной политики уступить место другому, действительно Учредительному собранию, но мы и тогда ни на минуту не откажемся от действия вооруженного народа, ибо лишь под его давлением можно перейти от Конституанты к Конвенту,—от самодержавия к республике.

В. С. (В. Северцов).

От редакции. Статья товарища В. С. написана до рескрипта 18-го февраля, обещающего созыв выборов от населения. Что правительство хочет отдаться этим пустым посулом и оставить все попрежнему,—это ясно для каждого. Но чем усерднее холопствующая печать сближает пустые посулы царя с Земским собором, тем важнее нам строго настаивать на старой революционной тактике, которую правильно находит товарищ В. С.

Финляндия.

За последнее время жизнь Финляндии, как и всей России, идет все ускоряющимся темпом, свидетельствующим о близящемся конце старого порядка и начале нового. Благодаря некоторому «попустительству» цензуры, вы, конечно, знаете о главнейших событиях последнего времени, в том числе и об убийстве Ионсона. Вот некоторые данные для характеристики этой достойной личности. Ограниченный, жалкий карьерист Ионсон был правой рукой и излюбленным советчиком Бобрикова. Он, вместе с сенатором Линдером, указывал тех финляндских граждан, которых следовало выслать для поддержания «порядка и спокойствия». После убийства Бобрикова он перешел на лакейскую службу к Оболенскому. Он приложил все свое усердие, чтобы сострять возможно гнусный обвинительный акт против старика Шаумана, отца убийцы Бобрикова. Когда Оболенский в порыве благожелательного лицемерия предложил в сенате вернуть всех изгнанных финляндских граждан, Ионсон, как верный лакей самодержавия, возражал против этой «монаршей милости». И этой «верности присяге» не забыли ему ни царь, ни соотечественники. Царь наградил его дворянским званием, соотечественники почтили его свинцовою пулей.

Открывая собрание сейма, правительство назначило председателем и вице-председателем двух изменников—Линдера и Вуренгейма. Этим оно думало заткнуть рот оппозиции и провести заседания в самом верноподданническом духе. Но оно ошиблось в расчете. В первый же день Линдер был буквально ошельмован дворянской палатой, и ему оставалось только «заболеть». Его заменил Вуренгейм. Но и этого господина скоро так выдрессировали, что он не решался прерывать или останавливать ораторов и вынужден был выслушивать самые скандальные вещи, молча хлопая ушами. Из легальных газет вам известно содержание «петиции» сейма, требующей восстановления конституции Финляндии во всем ее объеме.

В то время, как буржуазные «представители» народа заявляют свой протест против царского насилия и гнета, финляндский пролетариат не отстает в своей борьбе от русских товарищей. Тотчас же после петербургских событий рабочие Гельсингфорса устроили грандиозную демонстрацию, в которой принимало участие несколько тысяч человек. Громадная толпа, собравшаяся на эспланаде перед русскими казармами, приняла несмолкаемыми восторженными криками резолюцию, приблизительно следующего содержания: «Надвигается революция. Со всех концов России доносятся клики сотен тысяч: Долой самодержавие! Финский народ, и в особенности финский пролетариат, заявляет, что он присоединяется к той великой борьбе, которую начали его братья в России. Долой всех, кто ищет союза с палачом народов Николаем II и с его разбойничьим правительством! Долой рабство! Свободу всем народностям! Да здравствует революция!». Резолюция эта, напечатанная по-фински на красной бумаге, была тут же разбросана в тысячах экземпляров, после чего толпа, развернув красные знамена, отправилась с пением рабочего марша и финских национальных песен по главным улицам Гельсингфорса, останавливаясь перед квартирами некоторых

русских и финляндских опричников. Между прочим, устроили кошачий концерт перед квартирой Оболенского, Дейтриха, Ионсона и Вуренгейма. В квартире последнего, а также в участке и в редакции реакционной финской газеты выбили стекла. На пути толпа оставалась на Сенатской площади, перед памятником Рунеберга, перед зданием сейма и в др. местах; проносились речи, пели революционные песни и с возгласами: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» шли дальше. Впоследствии «Финляндская Газета» старалась изобразить демонстрацию, как антирусское движение, направленное против русской национальности. Это обычная лживая уловка, так как демонстрация носила явно антиправительственный характер и выражала симпатию русскому пролетариату, ведущему борьбу с самодержавием. Полиция была захвачена врасплох и совершенно не вмешивалась в демонстрацию. Лишь поздно ночью, когда толпа разошлась, полицейские бросились с шашками на отдельные кучки и при этом арестовали несколько человек. Власти были перепуганы до крайности. Оболенский наполнил свою квартиру солдатами, во дворе его дома расположились казаки, а из Свеаборгской крепости даже пушки направили на город.

На другой день, 12-го января, демонстрация повторилась, но уже в меньших размерах. Оправившаяся от страха полиция неистовствовала, стараясь вознаградить себя за вчерашний день. Всех подвергавшихся били шашками, не разбирая, кто демонстрант, кто мирный прохожий. Арестованных избивали в участках жесточайшим образом. Полиция так старалась, что сенат, по предложению Оболенского, ассигновал ей «за усердие» 10.000 марок. Сейчас же после демонстрации буржуазные газеты начали заявлять свои протесты против демонстрации. И в этом хоре голосов обидно было слышать голос финляндской социал-демократической партии (легальной) и рабочих союзов, заявляющих печатно, между прочим, в подцензурном центральном органе партии, что они не принимали участия в демонстрации. Легальное положение финляндской социал-демократии и ее боязнь утратить права, которыми она пользуется, ставят ее нередко в положение, не соответствующее историческим задачам и достоинству партии.

Революционное движение в Польше.

Мы уже указывали в нашей газете (см. № 4, 5), как главные промышленные центры Польши откликнулись на петербургские события 9-го января. Стачка, начавшаяся в Варшаве 14-го (27) января, быстро росла, захватывая все более широкие круги пролетариата. Уже на другой день не выходило ни одной газеты, не видно было ни одного трамвая, нельзя было достать ни кусочка хлеба. Выехавшие-было 16-го января трамваи толпа заставила вернуться обратно в депо. Стачка захватила железнодорожные мастерские, были закрыты все рестораны, кофейни и магазины. После кровавых столкновений с войсками, происшедших в первые дни стачки, в городе царило удивительное спокойствие. «Город не подает ни малейшего признака жизни», — писал иностранный кор-

респондент. Несмотря на это кажущееся спокойствие, все понимали грозу такого молчания. Власти принимали самые решительные меры и наспех стягивали войска. Варшава и Варшавская губерния, а равно Лодзь и Петрковская губерния были объявлены на положении усиленной охраны; двери домов были заперты, и, кроме жильцов, никого не пропускали. 18-го января прибыло два полка пехоты и два драгунских полка. Громадные толпы народа ходили по всему городу, особенно в центральной его части, не нарушая впрочем порядка. Тем не менее, 17-го января произошел в разных местах города целый ряд стычек манифестантов с полицией, стоивший многих жертв. Генерал-губернатор принимал самые суровые меры для подавления движения; полиция и войскам были даны широкие полномочия, были произведены массовые аресты. Характерный факт сообщают иностранные газеты: во время манифестации 16-го и 17-го января один из рабочих кварталов был обокраден шайкой воров. После этого группа рабочих отправилась в местность, где проживали заведомые воры и произвела обыск. Лиц, у которых находили краденые вещи, убивали; пятерых, по слухам, повесили для примера на фонарях. Раздражение рабочих против воров объясняется, по словам корреспондента, не столько понесенными убытками, сколько возмущением по поводу того, что этот факт дискредитирует революционное движение.

В 20-х числах января стачка, казалось, начала затихать. 22-го стали на работу в мастерских Привислянской ж. д., и многие предприниматели начали открывать фабрики и заводы в надежде, что через день-два работа возобновится. Правда, попытка стать на работу в некоторых мастерских вызвала кровавое столкновение, окончившееся убийством нескольких штрейкбрехеров и многочисленными арестами. Тем не менее, целый ряд мастерских возобновил мало-помалу работы. Многие, чисто-экономические требования рабочих были удовлетворены, так, напр., был сокращен рабочий день и увеличена заработная плата. В силу этого 6-го февраля, по сведениям газет, большая часть стачечников взялась за работу. Бастовали еще только рабочие железодельательной промышленности.

Однако, успокоение рабочей массы оказалось прозрачным. Уже 10-го февраля стачка разразилась с новой силой. Забастовал опять целый ряд фабрик и заводов; войска стреляли в стачечников, полиция арестовала массу лиц, но должна была отпустить их в виду угрожающей позиции толпы. В тот же день забастовали рабочие Варшавско-Венской ж. д., и, таким образом, Варшава оказалась отрезанной от Западной Европы. Это обстоятельство вызвало панику среди правящих сфер. Немедленно по телеграфу было сделано из Петербурга распоряжение, увеличивающее на этот год жалованье всех служащих на 650.000 руб. Тем не менее, стачка не сразу прекратилась. Только через два дня возобновилось движение поездов. Однако, прекращение стачки на Варшавско-Венской ж. д. не повлияло на общее положение дел. Большая часть фабрик, заводов и мастерских продолжали стачку. К ним присоединились рабочие Привислянской и Тираспольской ж. д., приказчики, служащие в банках и т. п. Наконец, стачка перебросилась в деревню, где началось сильное революционное брожение среди крестьян. Стачка превратилась

в настоящую революцию. Благодаря громадному наплыву войск, стачечники избегают открытых столкновений с вооруженной силой, но зато по всей линии ведется непрерывная борьба вооруженных кучек. Террор фабричный и политический стал главнейшим орудием борьбы. Целый ряд офицеров, отличавшихся зверством при подавлении движения в первые дни, был убит; трое из них были найдены повешенными в Саксонском саду. Убито было несколько мастеров, помогавших полиции в борьбе с рабочими. Полицейская служба стала невозможной. Посты из двух-трех городских подвергались нападениям со стороны вооруженных групп рабочих. Встречавшихся поодиночке городских и околоточных закалывали ножами. Город приходилось охранять военными патрулями.

Стачка захватила также высшие и средние учебные заведения, прекратившие занятия и выставившие следующие требования: 1) введения польского языка в административных учреждениях и школах; 2) польского учебного персонала; 3) приема в школы без различия религии и национальности; 4) обязательного преподавания польского языка и истории; 5) уничтожения шпионства. Всеобщая стачка продолжается.

Еще более бурно развивалось стачечное движение в Лодзи, где к 15-му января было уже до 100.000 бастующих. Забастовка была всеобщей. На газовом заводе и электрической станции работали солдаты. 21-го января произошла стычка с войсками, стрелявшими в рабочих у фабрики Куницера: шесть человек убито и сорок восемь ранено. Стреляли в рабочих и у фабрики Келлера. 24-го января, когда часть рабочих фабрики Гепнера хотела стать на работу, произошла стычка между забастовщиками, мешавшими штрейкбрехерам, и казаками; один рабочий и один казак были убиты, пятнадцать рабочих ранено. Предприниматели, желая отвлечь от стачки широкие массы, сделали ряд уступок, согласившись на 10-часовой рабочий день и некоторое повышение заработной платы, особенно для хуже всего оплачиваемых рабочих. Но эта попытка примирения разбилась о новые зверства властей. 28-го января, когда рабочие явились за получкой, произошло столкновение между ними и войсками. В двух местах—около фабрики Шейблера и Куна—войско стреляло, убив около 30 ч. и ранив более сотни. Через два дня бойня повторилась. Солдаты стреляли в стачечников в разных частях города. По сведениям газет, далеко не полным, было убито 42 чел. и ранено свыше 200. Прибыли войска из Варшавы. Промышленная жизнь города совершенно приостановлена, магазины заперты, окна и двери заколочены досками. Газеты не выходят, стычки с войсками происходят почти ежедневно. Город в возбужденном состоянии, переговоры хозяев с рабочими подвигаются медленно, без надежды на успех.

Громадных размеров достигла также стачка в Домбровском горнозаводском районе. Стачка в Сосновицах началась в форме мирной манифестации, но этого было достаточно, чтобы вызвать войска. Многие зажиточные жители, особенно директора копей и заводов, а также мастера, поспешили переехать границу и укрыться в ближайшем немецком городке—Катовицах. Казаки, бывшие в городе в незначительном числе, держались в стороне, избегая показываться на глаза стачечникам. Между тем стачка росла, охватив железную дорогу, банки,

школы. К 24-му января были стянуты в Сосновицы уже 4 полка и город объявлен на военном положении. Наконец, 27-го января властям удалось вызвать кровавое столкновение. Когда у шахты Катерина произошли стычки между бастующими и желавшими работать, войска дали три залпа в упор, убив до 50 человек и ранив тяжело около 70. Возбуждение среди стачечников страшное. Русские власти вошли в соглашение с немецкими о совместном «поддержании порядка», при чем немецкой полиции предоставлено право переходить границу и хозяйничать на русской территории. Попытка русского правительства обессилить стачку свободным пропуском немецкого угля, не имела успеха, так как стачка железнодорожных рабочих затруднила перевозку. Стачка расширяется.

Всеобщая стачка охватила, как известно, все Царство Польское. В Калише стали все фабрики и учебные заведения. То же самое повторилось в Седльцах. В Радоме стачка привела к кровавому столкновению с войсками, стрелявшими 24-го января в толпу. Убито и ранено свыше 20 человек. В трех названных городах введено осадное положение. Трагически окончилось также столкновение в местечке Скаржиско, где 24 рабочих были убиты и до 40 ранено. В Кутно стачечники устроили демонстрацию и ходили с красным знаменем по городу. В Ченстохове город находился несколько дней в руках рабочих. Стачечное движение разлилось по Люблинской, Петроковской, Сувалкской и др. губ.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Среди крестьян. (Письмо соц.-демократа). Мы, соц.-демократы, главным образом, в виду связывавшего до сих пор партию по рукам и ногам кризиса, недостаточно уделяли внимания огромнейшей стихийно нарастающей силе деревенских низов, которая должна будет, вне всяких сомнений, при близких похоронах варварского царизма играть далеко не последнюю роль. Нужно констатировать тот факт, что война дала такой грандиозный толчок деревне, так высоко подняла уровень самосознания крестьянской массы, что будь у нас больше сил и уделяй мы больше внимания крестьянству, уже сейчас можно было бы вызвать целые восстания, для чего нужно лишь комбинировать и направлять в одно русло разрозненные попытки стихийно рвущейся из вековых цепей массы. «Правительство,— так говорил мне один крестьянин из широкой массы,—живет только грабежом, оно запутало нас в ненужную войну. По деревням народ думает так: у меня земли либо всего сажень, либо совсем нет, а меня гонят защищать отечество. Какое отечество? У меня в отечестве ничего нет, меня здесь только грабят да давят; всех их и князей, и министров, и дворян, и начальство, на которых ты только и работаешь, за которых только и умираешь, надо на одной осине повесить. Они думают, что мужик дурак, а не, брат, врешь! Мужик, конечно, по книжкам не учен, над тем не думает, как ловчее грабить, а он все понимает, и вот уже скоро придет пора, со всеми поквитаемся. Мастеровщина городская—она ближе к свету живет, она раньше поняла и поднялась, ну, да и нам теперь война глаза-то от тумана открыла!» Такие речи не только не единичны—они прямо всеобщие. Для выработки нашей тактики при работе в крестьянстве очень характерно и важно привести несколько способов практической борьбы в деревне, практикуемых самими крестьянами; об аграрном терроре, от которого, думаю, нам в разгар революции тоже не придется открещиваться, я уже не говорю,—это известно всем. «У нас,—говорил мне другой крестьянин,—село большое, народ всякий есть, и бывалых немало; так вот наша молодежь добилась того, что из всего села, тысячи

три нас, всего дворов десять платят подати, а другие уже вот лет пять ни копейки не дают, что ж с нами поделаться можно? Присылали солдат; пороли, ну, тут еще хуже пошло. Приедет становой да прочая сволочь с молотка скот продавать, а его никто не покупает: чужих не допускаем, а среди односельчан хоть и есть кто охотник, да и тот боится,—спалим, либо и просто приедем до смерти».

И мне кажется, что этот лозунг: «Ни гроша денег царскому правительству, ни одного солдата на войну и при наборах» должен быть первым, с чем мы должны идти в деревню. В заключение мне еще хочется сказать несколько слов о задачах практической работы партии в данный момент. Для меня намечается здесь 2 стороны в этой работе: разрушительная, поскольку она стремится к полной ликвидации монархического режима,—здесь мы должны, возможно шире разбрасывая и зажигая пламя возмущения народа, стремиться к возможно большей деморализации, ломке, порче самодержавного механизма, к внесению в его работу как возможно большей анархии: в городах непрерывающиеся забастовки с приостановкой всей промышленной, торговой и административной работы, партизанские нападения на полицию, терроризирование всякого чиновничества для приостановки занятий во всех учреждениях; в деревнях—отказ от поставки запасных и рекрут, от платы податей, постановления на сходах во враждебном правительству духе. С другой стороны, еще важнее, конечно, положительная задача. Надо в городе и в деревне немедленно организовать боевые группы, например, десятки, которые являлись бы ядрами, сплачивающими вокруг себя восстающую, бастующую, демонстрирующую массу. Во всех даже маленьких городках каждый комитет должен учредить работающие под его руководством группы. Что касается литературы, то безусловно необходимо немедленное переиздание прекрасной брошюры Рядового «Из-за чего война» в возможно большем количестве и с более подробным изложением форм выборного правления народа. На последнюю же тему нужен немедленно листок для самого широкого распространения. Миг дорог. Правительство готово дать суррогат парламента в виде дворянско-купеческого Земского собора; народ должен ясно представлять себе, что ему здесь нужно.

В высших учебных заведениях. Слишком долго было бы перечислять те из них, которые откликнулись забастовкой на общерусское движение против царизма. Легче указать на те высшие учебные заведения, которые оказались вне движения. Их немного. В Петербурге молчат: Женский Педагогич. Институт, Лицей, Училище Правоведения, Духовная Академия, Военная Академия и Археологический Институт; в Москве—Лазаревский Институт восточн. языков и Катковский лицей; в провинции—Восточный Институт, перенесенный по случаю войны из Владивостока в Верхнеудинск. Вот и все. Чтобы выяснить мотивы, вызвавшие молодежь на забастовки, достаточно указать на одну-две резолюции. Приводим резолюцию студентов Петербургского Технол. Инст., принятую 27-го января 809 голосами против трех:

«Гнет и несправие, царящие в стране; произвол и насилие, возведенные в систему; нищета, разорение и глубокое невежество народных масс, как результат бесконтрольного хозяйничанья самодержавного правительства; гибельная и ненужная для народа война—заставляют каждого честного гражданина России стать в ряды борющегося народа за лучшую долю своей родины. Ни для кого не нужное, глубоко ненавистное всем слоям населения правительство вынуждено для продления своего существования прибегать к клевете, лжи, массовому убийству. Кровавые исторические события 9-го января, когда на улицах столицы расстреливался безоружный народ, мирно шедший к царю заявить о своих неотложных нуждах, показали, до каких преступлений может дойти правительство. Все это заставляет нас открыто заявить свою полную солидарность с рабочим классом и всеми прогрессивными элементами страны в их борьбе за освобождение родины от гнета, насилия и произвола.

«Вместе с ними мы требуем: немедленного прекращения войны и созыва Учредительного собрания представителей народа (граждан и гражданок), выбранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Мы требуем для обеспечения правильности выборов и возможности широкой предвыборной агитации уничтожения сословных и национальных привилегий, свободы совести, печати, слова, непри-

косновенности личности и частных жилищ. Мы требуем свободы союзов, стачек, политических коалиций и права каждой национальности на самоопределение. Мы требуем немедленного освобождения всех политических ссыльных и заключенных. Мы заявляем, что только освобождение страны от самодержавно-бюрократического гнета, насилия и произвола может дать нам академическую свободу и вернуть изгнанную науку в стены наших учебных заведений. Мы считаем, что при настоящих исключительных условиях, когда борьба между властью и народом достигла крайнего напряжения, совершенно невозможны какие бы то ни было учебные занятия, прекращаем таковые до 1-го сентября 1905 года и зовем всех к активной борьбе за свободу и счастье народа.

«Мы соберемся вновь в начале сентября 1905 года и в зависимости от происшедших событий обсудим наш дальнейший образ действий и, если приступим к занятиям, то только при условии, что никто из студентов и профессоров, подписавшихся под этой резолюцией, не понесет никакой кары». (За забастовку до 1-го сентября высказались 747, против 53 при 9 воздержавшихся).

Москва. Ждут завтра мобилизации «черной сотни»... Некие общественные деятели получили угрожающие письма. Среди них прис. повер. Малянтович, Плевако, Муравьев, Ледницкий и др., грозят им смертью за то, что они, будто, выражали радость по поводу убийства Сергея. Сегодня с вечера окна многих магазинов на Тверской и Кузнецком забиваются деревянными щитами... Говорят, что по рукам ходят прокламации, приглашающие 19-го февр. бить «студентов»...

(В. Бонч-Бруевич).

Петербург. Последние дни над Петерб. стояли кошмаром слухи о предстоящем избении интеллигенции 19-го февр., но пока еще слухи не оправдались... На некоторых улицах расхаживают подозрительные группы городских, беседующих с какими-то подозрительного вида молодцами...

Москва. Надеюсь вскоре сообщить вам более подробно об очень интересном политическом движении среди учащейся молодежи средних школ. И туда проникли «кромольные» мысли, и там зреет сильный политический протест. Между прочим в некоторых гимназиях ученики демонстративно отказались послать венки на гроб Сергея Александровича.

Гимназисты, реалисты и гимназистки усиленно стали издавать журналы (по преимуществу старшие и средние классы). Обыденный тип таких журналов совершенно изменился. Вышедшие после январских событий номера переполнены сообщениями, статьями и обзорами на современные политические темы. Тут вы встретите и «русскую марсельезу», и стихотворение, посвященное «памяти погибших борцов». Здесь вы прочтете серьезные статьи, критикующие современный порядок вещей и деятельность политических партий. Начальство гоняется за этими журналами, стараясь раскрыть организацию, но в большинстве случаев безуспешно. Среди учащейся молодежи средних школ ходит много прокламаций и вообще нелегальщины. Некоторыми гимназиями поставлен на очередь вопрос о забастовке и о закрытии средних учебных заведений до сентября.

(В. Бонч-Бруевич).

Ярославль. Недавно из ярославской тюрьмы выпущен студ. Смоленский. Он просидел в тюрьме около года и стал психически ненормальным. Жандармы выпустили его тогда из тюрьмы и бросили на произвол судьбы. Только когда бедняга попал в полицию, его поместили, наконец, в лечебницу, да и то для алкоголиков. Местная сыскальная полиция (гл. обр., сыскальной пристав Мегалинский) очень часто употребляет над арестованными всякого рода пытки с целью вынуждения желательных показаний. Так недавно Мегалинским были связаны и избиты арестованные разносчик «Северного Края» и статистик Иванов.

Курск. «В середине февраля в имени купца Попова близ дер. Доброе Поле (Дмитр. уезда, Курск. г.) крестьяне явились толпой в его лес с лошадьми и начали рубить деревья; вырублено более 400 дер. Станового «оскорбили» действом и заявили ему, что доберутся и до амбаров. В деревнях Сальном, Доброе Поле и др. перед этим были рас-

клеены и распространены прокламации. В соседнем Севском уезде Орловск. губ. начались крестьянские волнения в Брасове (имение наследника Михаила); по слухам, убили управляющего Лавринского. На 19-е февраля крестьяне ждут «прирезки земли»; толки на этот счет среди них упорные. «Если 19-го земли не будет, тогда шабаш!»,—говорят крестьяне...»

Курск. ...«У нас сейчас публика взволнована событием 12-го февр. Полицейстеру Зорину давно хотелось устроить грандиозный «скандал»..., избить по примеру башибузуков др. городов интеллигенцию, публику. Давно уже он пытается выставить против курян то ночных сторожей, то стражников, то роты солдат, но устроить побоища до сих пор не удавалось; и вот теперь он ополчился на детей и, чтобы заряд не пропал даром, понапоил предварительно всех стражников—человек 200 простых мужиков,—кандидатов в стражники, дал им по рублю, чтобы «хорошенько били»... Полиция ходила по домам, возбуждала дворников против учащихся и призвала «спасти отечество от этих вырождков, подкупленных японцами»... Полицией же были восстановлены против учащихся мелкие лавочки. И в результате получилось возмутительнейшее избивание детей, какая-то травля их. В Курске, как и в др. городах, последнее время учащиеся поддались общему политическому возбуждению, собираются на сходки, вырабатывают свои требования! Семинаристы выработали определенную программу, которой решили добиваться. Чтобы предупредить беспорядки, духовное начальство закрыло семинарию до 2-й недели поста. Тогда остальные учебные заведения заволновались еще более. И вот 12-го февр. гимназисты, когда их требования не были приняты, вышли из гимназии чинно, даже попарно, и направилась к реальному училищу. Говорят, по дороге к ним подбежал полицейстер и спросил: «Куда вы идете?», на что те ответили: «Гулять». Он спрашивает: «Долго вы будете гулять?» Те отвечают: «Долго». Тогда-то он, будто бы, и поехал за полицией. Начальство реального училища заперло своих учеников, но те, повидимому, заранее предвидели это и разлили по классам какую-то вонючую жидкость; их перевели в коридор и все—таки не выпустили. Между тем, толпа, увеличенная уже учениками других учебных заведений, направилась к женской гимназии. Гимназисток тоже начальство не выпустило, заперев их в раздевальню. Несколько гимназисток высочили раздетыми и прокричали, что они не могут присоединиться к пришедшим, так как у них еще не выработаны их требования. Стоявшие тут полицейские кулаками в грудь толкнули их обратно в гимназию. Толпа хотела идти дальше, но в это время с Московской ул. по переулку показалась целая толпа человек в 300 мужиков под предводительством полиции и отряд конной полиции. Все это по команде Зорина бросилось на детей, и началось избивание... Полиция обнажила шашки, появились кнут и нагайка; нескольких человек арестовали, поволокли в участок, уходящая тумаками. Часть учащихся забежала по двору, стражники и мужики гнались за ними и били; часть спряталась в Семеновской библиотеке, их выгнали оттуда. Куда тут делись все, я не знаю, но уже спустя час произошла вторая травля учащихся на Красной площади. Орудовали здесь, главным образом, лавочки, приказчики и различный сброд, а полицейстер Зорин, Пузанов, Вельк (жандарм. полк.) командовали и поощряли. За то, говорят, Пузанова один офицер (Максин) огрел по голове, другой прапорщик запаса Лень обругал публично жанд. полк. Велька «подлецом-мерзавцем»...

Били без предложения разойтись, били не только старших, но и ребятшек. Приказчики и мужики до того озверели, что сами заманивали к себе в лавки спасаться, а затем били там. Одно отраднo, что публика единодушно возмутилась. В тот же день (12-го февр.) тысячная толпа, несмотря на сопротивление (впрочем довольно слабое) старшин, вошла в помещение клуба, выбрала председателя и составила собрание для обсуждения событий дня. Очевидцы рассказывали много возмутительных фактов. Здесь же был удостоверен подкуп мужиков и лавочников. Затем составлены две телеграммы на имя министров вн. дел и юстиции за массой подписей. Исключили из членов клуба Зорина, Велька и всех жандармских офицеров.

На другой день было думское собрание по этому же поводу, земское и отовсюду посылаются телеграммы за подписями с

требованием назначить расследование и удалить из Курска Зорина. Вообще пользуются растерянным положением полиции и самого губернатора и устраивают ежедневные собрания, на которых произносятся самые зажигательные речи... Другой корреспондент (учитель средн. учебн. завед.), между прочим, пишет: ...«Над детьми произведена варварски-кровавая расправа. Полицейские чины, уличные хулиганы, лавочники на глазах публики били даже самых маленьких детей... Это было прямо-таки чудовищное побоище... Организуются многочисленные протесты». Трое прапорщиков запаса: Лень (бывший кандидат на судебн. должность), Максин (бывш. учит. реалн. учил.) и Краинский, открыто протестовавшие против действий полиции и заступившиеся за избиваемых детей, предаются военному суду».

Батум. 24-го янв. была сходка гимназистов, на которой было решено забастовать 25-го янв.; хотели порвать портрет царя, запереть учителей, произвести несколько выстрелов, чтобы ободрить учеников, а после покинуть классы с пеннием марсельезы. Об этом плане узнал полицейстер Чиковани, в сопровождении казаков поехал в 12 ч. ночи в гимназию и сообщил все начальству. Тотчас была назначена сходка учителей. Тогда гимназисты отложили забастовку на 27-е. На перемене после первого урока 27-го янв. раздался выстрел в верхней части здания; за ним последовали в разных местах другие. Послышался голоса детей, кричавших: «Долой самодержавие! Долой войну!». Портрет царя был расстрелян и изорван. Казаки прискакали, когда никого из учеников уже не было в гимназии. В это время был арестован ученик Закариадзе, у которого был в руках револьвер, и который до такой степени растерялся, что даже не мог положить его в карман.

Беспощадно лупили в тот день казаки всех учеников, какие только попадались на дороге. На четвертый день занятия были возобновлены, но после пятого урока, когда все учителя возвращались домой, один рабочий побил учителя Харитонову, который донес на Закариадзе, что тот порвал портрет царя. После этого занятия были прекращены, а на-днях получилась телеграмма от главноначальствующего, чтобы закрыть гимназию.

Ромы. Начальство местной женской гимназии хотело отслужить панихиду по Сергее. Ученицы стали волноваться. Это несправедливо,—возмущались гимназистки,—тысячи убиты в Петербурге и других городах и по ним никто панихиды не служит, а по тиране и изверге служить собираются. Наиболее революционно настроенные ученицы 5-го и 6-го классов составили петицию, в которой изложили свои требования: 1) Немедленное удаление одной классной дамы, занимающейся шпионством. 2) Свобода пользования гимназической библиотекой. 3) Свобода посещения театров и лекций. 4) Введение товарищеского суда. 5) Жить на частных квартирах без разрешения начальства. 6) Свобода устраивать домашние концерты с разрешения полиции. 7) Не вскрывать письма и не подкупать прислуги с этой целью. 8) Никого не исключать из учениц, замешанных в протесте. Начальница, взяв петицию в руки, прочла ее и разорвала на куски. Ученицы стали кричать, что нужно бросить занятия, и двинулись толпою освобождать другие классы. Но классы оказались запертыми. Ученицы сорвали замки, разбили окна и разошлись по домам. На другой день собрали всех родителей учениц и заявили им, что они должны произвести надлежащее внушение девочкам, или, забрав бумаги, убраться с ними. Ученицы заявляют, что при таких порядках заниматься не могут и не будут, что лучше уйти вовсе из гимназии. Подобная же забастовка прошла в реальном училище.

Новое общество. В Париже основалось «общество друзей русского народа и присоединенных к России народов», в состав которого вошли лучшие литераторы и политики радикальной части французского общества. Довольно указать, что центральный комитет нового общества состоит из след. лиц: Анатолий Франс (председатель), г-жа Менар-Дориан, Жан Псишари, А. Эмиль Золя (вице-председатели), Огюст Брока, Эжень Каррьер, Андрэ Шверильон, Арман Дайо, Луи Гавэ, г-жа Гавэ, Гюшар, Поль Менар-Дориан, Поль Мерис, Октав Мирбо, Поль Пэнлевэ, Шарль Сеньбос, Стейнлен. В своем воззвании этот комитет так характеризует свои задачи: «Царское правительство является вечной опасностью для всех цивилизованных народов... Для Франции важно,

чтобы дело цивилизации и свободы восторжествовало в России... и она должна прийти на помощь русским гражданам, борющимся за свободу, за права человека и гражданина. Чтобы быть в состоянии это сделать, необходимо знать. Необходимо, чтобы в нашей стране были хорошо осведомлены о положении дел в России. И названное общество задается целью создать постоянный центр, который распространял бы во Франции точные сведения о русских делах. Адрес нового общества: 24, Rue Dauphiné, Paris.

Пролетариат и буржуазная демократия.

Мы уже указывали, какой непростительной близорукостью отличается суждение новоискрывцев, будто умеренный русский либерализм поражен на-смерть, будто пролетариат признан в роли авангарда нашей демократии. Напротив, именно теперь буржуазная демократия особенно напрягает силы, чтобы прибрать к рукам рабочее движение, именно теперь поэтому сугубо вредно возрождаемое новоискрывцами рабочедельство. Вот интересный листок, распространяемый в России и дающий ценный материал по этому вопросу:

«За последнее время наблюдается стремление буржуазии к организации, но еще более знаменательным фактом является обращение буржуазной демократии к рабочему. Демократы хотят выступить как руководители экономической и политической борьбы пролетариата. «Мы по своим убеждениям, собственно говоря, социал-демократы,—говорят они,—но социал-демократия в своих партийных раздорах не поняла важности настоящего момента и оказалась неспособной вести рабочее движение, и мы хотим это сделать». Из дальнейших речей этих новых «с.-д. в душе» выясняется, что они, не выработавшая самостоятельной программы, будут только разяснять и отвечать на обращенные к ним запросы рабочих. Литература должна отвечать той же потребности и отнюдь не носить партийного характера. Итак, эти «чистые с.-д.», недовольные тактикой и настоящим поведением комитета, обратились сами к давно отвергнутым историей формам «прислушиванья», к формам блаженной памяти экономизма. Считая себя соц.-дем., считая себя истинными выразителями стремлений рабочего класса, эти господа не понимают или не хотят понять, что рабочее движение добьется существенных результатов, только если во главе его будет стоять единая рабочая партия, если пролетариат сознает свою классовую обособленность и поймет, что дело его действительного освобождения должно быть делом собственных рук, а не рук буржуазной демократии, дискредитирующей действия рабочей партии. Эти «собственно говоря» соц.-дем., якобы, марксисты, должны бы были понять, какой разврат вносят они в рабочую массу, стремясь показать, что какие-то «демократы» (а не с.-д.), состоящие исключительно из буржуазной интеллигенции, должны указать рабочим путь к свободе и социализму.

Впрочем, кажется, о последнем они и совсем позабыли, увлекшись политиканством сегодняшнего дня. Понемногу элементы оппортунизма переносятся ими в рабочее движение. Рабочие перестают стремиться к созданию собственной партии, полагаясь на интеллигентов. Почему же эти новые друзья рабочего класса допускают и даже поощряют такие явления? Откровенный ответ на это дают сами же «демократы»: «Прежде наша группа работала только среди интеллигенции,—говорят они,—но последние события заставили нас обратиться и к рабочим».

Господа демократические пенкосниматели, именующие себя соц.-дем. в «принципе», обратили свое благосклонное внимание на пролетарское движение, лишь когда массы вышли на улицу, и мостовые обгарили кровью тысячи рабочих. И тогда они, выступая в качестве истинных друзей рабочего класса, с лицемерным видом проходят мимо работы десятилетий, которая подготовила и направила революционное настроение русского пролетариата и ценой многих жертв создала единую рабочую с.-д. партию. Повидимому, эти соц.-дем. в стиле модерн из всей марксистской теории вынесли только одно (да и то с недавнего времени), что только сила организованного пролетариата свергнет самодержавный произвол и завоеует политическую свободу, которой воспользуется, главным образом, буржуазия. Новые друзья пролетариата садятся верхом на рабочее движение и, подгоняя его хлыстиком непосредственных результатов, кричат: «Вле-

ред, к нашей свободе!». Правильно говорит русская поговорка: «Избави нас боже от друзей, от врагов-то мы и сами избавимся».

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

С.-Петербург. Сообщаю результаты выборов 13-го февраля. Предварительная агитация комитетом велась очень широко. Все агитаторы проводили один и тот же выработанный комитетом план в кружках, в районных и в подрайонных собраниях,—именно: выборы производить, выбирать рабочих (а не интеллигентов), но при выборах выставлять обязательно требования: неприкосновенность депутатов, свобода слова, собраний и печати и т. д. (Все они перечислены в прилагаемой резолюции). Затем, отдельные члены организации в течение последней недели перед выборами деятельно вели переговоры с влиятельными рабочими наиболее крупных заводов. Воспользовавшись собранием союза инженеров, комитет созвал из наиболее влиятельных рабочих 125 чел. (фактически было до 300 организованных, на что мы не рассчитывали), и там хотя и не удалось провести резолюции (см. «Вперед» № 9), но удалось: 1) определить настроение подавляющего большинства, которое было за план к-та, и 2) убедить некоторых, стоявших за прямой бойкот, принимать участие в выборах. Наконец, в субботу и воскресенье утром комитетом на множестве фабрик и заводов были распространены упомянутые резолюции и прилагаемые требования,—первые в количестве 10—11 тыс., вторые 5—6 тыс. (больше не успели изготовить, но пустим вторых еще тысяч 15). Кроме того, около 60 агитаторов-интеллигентов в воскресенье утром были направлены на фабрики и заводы. На подавляющем большинстве заводов наши агитаторы (интеллигенты и рабочие) произносили речи перед выборами и после выборов. Большевики сначала стояли за решительный бойкот, но потом отказались от бойкота, но решительно за выборы не стояли и, повидимому, больше воздерживались. Впрочем, на одном большом заводе один меньшевик выступил против нашего плана и против резолюции; он говорил, что нужно прямо предъявить политические и экономические требования.

Результат нашей агитации и работы виден лучше всего из следующего фактического материала.

Протокол собрания рабочих С.-Петерб. оружейного завода 13-го февр. 1905 г. (агитацию вели наши организованные рабочие). Рабочие оружейного завода, собравшись 13-го февраля 1905 г. для свободного избрания делегатов в комиссию сенатора Шидловского по выяснению нужд рабочих гор. Петербурга и его окрестностей, избрали большинством голосов из своей среды рабочих председателя настоящего собрания Ивана Федоровича Серова.

Под его председательством, закрытой баллотировкой prevailing большинством голосов были выбраны в комиссию Арсеньев Василий (124) и Кондратьев Александр (97) из числа избирающих 350 гол. Затем, перейдя к обсуждению вопросов о том, при каких условиях представители из рабочих могут оказаться наиболее полезными в комиссии, пришли к тому заключению, что они тогда только могут быть более полезными, когда будет гарантирована свобода личности и ее неприкосновенность, свобода союзов и собраний, свобода печати и слова и свобода стачек, при участии свободно избранных представителей из народа в государственном законодательном учреждении и при прочих условиях, упомянутых в петиции, поданной государю императору 9-го января 1905 г., с освобождением всех потерпевших за рабочее движение.

Второй протокол. 1905 г. февраля 13-го дня мы, подписавшиеся, депутаты рабочих Обуховского завода, быв сего числа на общем собрании, куда прибыло 30 человек, где обсуждали, при каких условиях могут быть избраны из среды нашей выборщики в комиссию под председательством сенатора Шидловского, при всестороннем обсуждении нашли, что мы, выборщики, не можем понять (²) объявленное право участия в комиссии, и что могут наши депутаты говорить «дельное и не-дельное», как сказано в объявлении г. председа-

теля созываемой комиссии, в которой участие наших делегатов ничем не гарантировано от произвола со стороны представителей государственной власти, как и всегда. В виду чего рабочие Обуховского завода, рассмотрев, при каких условиях возможно участвовать в комиссии Шидловского, постановили требовать... (далее следует целиком комитетская резолюция, кроме 8 пункта, вместо которого поставлено требование, заявленное в конце резолюции).

В пояснение этого протокола следует сообщить, что на Обуховском заводе первые выборы были произведены уже давно, и администрация их утвердила. В воскресенье было только собрание уже избранных представителей, которые и выбрали выборщиков. Таким образом получаются не двух, а трехстепенные выборы: сначала каждая мастерская избрала своих представителей, представители — выборщиков, выборщики — депутатов. На собрание нашему агитатору проникнуть не удалось, но резолюция принята комитетская всеми головами против одного, который заявил протест и ушел. То же и с общими требованиями. Речи произносили рабочие. Для предъявления резолюции Шидловскому избрана особая депутация. На заводе теперь забастовка, главное требование — освобождение одного из представителей мастерских, Тетеркина, который на-днях арестован. На собрании присутствовали корреспонденты «Петерб. Листка», при чем комитетская резолюция целиком вчера напечатана в «Пет. Л.» Представителей администрации при выборах не было.

На Семяниновском заводе, несмотря на то, что выборы представителей от мастерских уже состоялись раньше, их опять повторили в воскресенье. После выборов все собралось во дворе. Оратор говорил речь, встреченную очень сочувственно. Обе комитетские резолюции — «общие требования» и «специальные по отношению к комиссии Шидловского» — приняты всем собранием единогласно. Печатный текст, распространенный в большом количестве всюду, читался в группах и живо обсуждался. Представителей администрации не было, собрание прошло в полном порядке. Забастовки продолжают.

На чугунном заводе (связей мало) на выборы явились представители администрации, что вызвало взрыв негодования. Раздались крики, стали бросать в них гайки и другие тяжелые предметы. Порядок был нарушен, и собрание разошлось, не произведя выборов. До выборов был арестован один из представителей мастерских, Марголин. Это обстоятельство вызвало среди рабочих сильнейшее брожение, закончившееся забастовкой. У Максвеля выборов не было в виду того, что накануне управляющий разорвал требования, предъявленные рабочими: это вызвало сильное возмущение, рабочие забастовали и отказались от выборов. У Паля (связей почти совсем нет) выборы в воскресенье не состоялись в виду отказа всех кандидатов, опасавшихся за свою участь. Собрание приняло все требования, выставленные в гапоновской петиции. В понедельник выборы состоялись. О Невском районе районный организатор сообщает: «На тех заводах, где была хоть какая-нибудь возможность познакомить рабочих с резолюцией, она принята большинством голосов; где нет связей, вышла чепуха». На Путиловском заводе выборы состоялись раньше, а в воскресенье ничего не было. Почти то же, что и в комитетской резолюции, было вотировано и принято всеми рабочими. Общие политические и экономические требования везде из петиции Гапона.

Завод Посселя вотировал свое присоединение к резолюции, принятой обуховцами и семяниновцами, т. е. к комитетской.

У Речкина агитаторам проникнуть не удалось, но у ворот свободно раздавались комитетские прокламации. Принята гапоновская резолюция. На телеф. фабрике Эриксона (около 700 чел.) от выборов отказались. В субботу выборы состоялись на Старо-Самсоновской мануфактуре (Мальцева) и на Ново-Самсоновской (Шай).

На заводе Провиданс (300 чел.) принята комитетская резолюция о выборах. Избранные не были утверждены, на вторых выборах избраны вновь те же. На собрании говорили ораторы.

У Растеряева оказалось обилие агитаторов: 2 от комитета, 1 от меньшевиков, 1 от либералов, 1 зубатовец. Собрание превратилось в самый настоящий избирательный митинг. Принята комитетская резолюция. У Нобеля очень охотно

слушали оратора. Принята комитетская резолюция. У Штиглица тоже (два агитатора, приняты обе резолюции). В Колпине был избран выборщиком Быков, после выборов арестованный. У Лесснера (стар. зав.) избирательное собрание превратилось в митинг. Говорил агитатор к-та 1^{1/2} часа. Выборы отложены были на понедельник. В понедельник в 4 часа работы прекращаются, и агитатор, проникший еще с утра, вновь произносит очень длинную речь. Приняты обе комитетские резолюции. На новом заводе Лесснера также говорил наш агитатор (несколько больших речей). Принята комитетская резолюция. К Чешеру агитатору проникнуть не удалось. На машиностроительном зав. Семенова (140 чел.) говорил наш оратор. У Лангензинена (арматурный и металлургический, 800 чел.) говорил наш агитатор. Принята комитетская резолюция. У Мельцера агитатору проникнуть не удалось; выборы состоялись.

Железопрокатный завод акц. общества: агитатору проникнуть не удалось. Сведений пока нет. У Бека выборы были в субботу. На Тюлеву фабрику агитатору проникнуть не удалось.

На Патронном заводе произнесена прекрасная речь рабочим, которого потом качали. Приняты единогласно обе комитетские резолюции. Весьма любопытный характер носило собрание мастерских Варшавской ж. д. Туда проникло несколько агитаторов, которые произносили речи и предложили соц.-дем. резолюцию. Вначале рабочие слушали их охотно, относились сочувственно к резолюциям, даже хотели выбрать одного агитатора в выборщики; но затем, когда обнаружилось, что они в мастерской не работают, кузнечные мастерские (особенно рабочий Махов — провокатор) хотели их избить, пришлось уйти. Один едва не был арестован, но сознательные рабочие отбили. Однако, обе резолюции голосовались, касающаяся комиссии Шидловского принята, а из 2-й — «общие требования рабочих» — не прошли некоторые из экономических. На Альбомной фабрике были распространены наши листки, приняты обе наши резолюции. На Костеобжигательном зав. приняты наши резолюции. Росс. бумагопрядильня: говорили наши ораторы, было много листков. Принята наша резолюция относительно комиссии. Франко-русский завод: выборы состоялись 9-го. Завод стоит. Судостроительный зав. (Галерный остров): говорили агитаторы; резолюции приняты. Собрание было просто агитационное, так как выборы состоялись еще 9-го. На Российско-америк. резиновой мануфактуре ораторам пройти не удалось. Однако, наши организованные рабочие говорили. Часть требований прошла. Рабочие и работницы собрались в общей столовой (несколько тысяч), и перед этой аудиторией произносились речи. Избраны 6 мужчин и 4 женщины. Завод закрыт, и рабочие получают расчет. Цинкография: сначала были избраны два рабочих, но управляющий кассировал. На вторых выборах были избраны другие. Первые двое по слухам арестованы. Казенно-пробочный: распространено много листков. Говорились речи. Приняты обе резолюции. Добавьте ко всему этому, что все организованные рабочие (у нас их несколько сот) также говорили речи, вели агитацию и т. д., — одним словом, вся армия была двинута в это дело. Пострадавших ничтожное число. Теперь остается провести дальнейший план, — демонстративно сорвать вторые выборы, ибо никогда Шидловский не удовлетворит требований, выставленных на выборах, а выборщики не будут избирать, если требования не будут удовлетворены. Повидимому, это второе сражение провести будет легче. Характерно отношение самих выборщиков и избирателей к выборам. Они относятся к Шидловскому с полным недоверием. Выборщики после выборов везде произносили прощальные речи, в полной уверенности, что им придется посидеть в тюрьме или же уехать с проходным свидетельством из Петербурга. Рабочие всюду торжественно обещали оказать материальную поддержку семьям выборщиков в случае ареста.

Вот требования, выставленные в прокламации Пет. комитета и повторенные рабочими: 1) Освобождение арестованных товарищей. 2) Неприкосновенность личности и жилища. 3) Свобода собрания и слова: а) для обсуждения требований, которые должны быть предъявлены в комиссию, б) для выбора из числа выборщиков депутатов в комиссию, при чем до выборов должно быть общее собрание всех выборщиков; в) для представления рабочим отчета со стороны

депутатов об их действиях в комиссии. 4) Предоставление рабочим права заседать в комиссии с правом решающего голоса наравне с прочими ее членами. 5) Свобода слова в комиссии. 6) Публичность заседаний. 7) Печатание в газетах подробного отчета о заседаниях комиссии.

Феодосия. Всероссийское брожение охватило и рабочее население Феодосии. Еще за неделю были слухи о готовящейся всеобщей стачке. В понедельник 7-го февр. началась стачка на табачных фабриках. Стачечники собрались вместе, чтобы заставить забастовавших бросить работу. Настроение было вполне мирное, и мы с другими знакомыми следовали за все увеличивающейся толпой как забастовщиков, так и любопытных. С Итальянской улицы повернули на берег к грузчикам, намереваясь привлечь их к стачке. На берегу я понял что настроение береговых рабочих совершенно неподходящее. Хотя среди забастовщиков были и не-евреи, но задавали тон последние, и видно было насмешливое отношение береговых рабочих, великанов к фабричным заморышам. Полиция, с полицмейстером во главе, не мешала. Забастовщики, обойдя весь берег, вышли с другой стороны опять на Итальянскую. Здесь толпа значительно возростала; магазины закрывались. У памятника Александру III кто-то из забастовщиков произнес речь о петербургских событиях. Около женской гимназии полицмейстер забрался в середину толпы и долго говорил там. Вдруг случилось что-то невероятное. Раздался крик: «Бей жидов!», и из тысячной толпы на площади не осталось никого. Видно было лишь, как бежит обезумевшая толпа преследуемых и преследователей. Началось избивание в час дня, и до поздней ночи, поощряемая полицией озверевшая толпа избивала каждого попадавшегося на улице еврея, врывается в дома и школы. Я-то сразу и не сообразил, в чем дело. Русский знакомый мне сказал, что, вероятно, забастовали и береговые. Мы стали около магазина Когана. Видим, несетя целая туча мальчишек и хулиганов, осыпая быстро убежавших евреев громадными камнями. Тут подошел и мой черед. Какой-то субъект подскочил ко мне и, высказав свое предположение о моем происхождении, сильно ударил ногой. Кругом ни одного сочувствующего, со всех сторон гик, свист и крик: «Бей жидов!». Тут я раскусил, в чем дело, и направился искать более безопасного места, чем главная улица русского города среди белого дня,—улица, готовая на все по первому приказу полиции.

Не смогу описывать подробностей, но результаты очень плачевные. Мой хороший знакомый, милейшая личность Аксентфельд, оказался избитым до того, что к ночи скончался. Мы были вместе и только за 10 минут до его избивания как-то разошлись. Смерть этого человека так придавила меня, что думал с ума сойду. Были грандиозные похороны, несмотря на запугивание полиции. Кроме Аксентфельда, более или менее тяжело избиты человек 16. От дальнейшего разгрома, как говорят, спас приезд Стесселя во вторник. Стессель оказался большим прохвостом, и когда ему представились корреспонденты, он спросил у одного: «Что, хорошо, говорят, здесь потрепали жидов?» Спас евреев его приезд тем, что рассеял внимание толпы. Никогда я не предполагал столько вражды и ненависти к евреям, сколько мне пришлось видеть в эти дни. На вчерашний день опять готовили избивание, но все прошло спокойно. В городе все более или менее порядочные люди обвиняют полицмейстера, и есть много людей, которые слышали, что он сам первый крикнул «бей жидов». Говорят, что он получает теперь массу угрожающих писем.

Александровск. Наконец-то, наш город получил аттестат политической зрелости. Тихие улицы его наполнились бастующей толпой рабочих, ремесленников, приказчиков, интеллигенции. Стоят заводы и мелкие мастерские, не работают мельницы и железнодорожные мастерские на обеих дорогах, лавки закрыты. Началось с завода Мензиса, и сразу волна движения захватила весь город. Вечером на площади около народного дома была сходка. Говорилось много резких речей и на общие темы, и на злободневные. Исправник Горбаконь напрасно пытался воспрепятствовать речам. В конце-концов толпа так налегла на полицию и жандармов, что они еле-еле ноги унесли. Затем все двинулось по Большой ул. на станцию. Солдаты не могли удержать многотысячной толпы, и она с различными возгласами про-

шла благополучно чрез город на станцию и там уже мало-помалу разошлась. Замечательно, как за эти 2—3 года выросло сознание: ни одного пьяного, винные лавки были открыты, ни одного дикого возгласа, порядок удивительный. Самые трусливые из еврейской буржуазии были далеки от мысли насчет погрома; в прежнее время в подобных случаях замечался массовый отъезд евреев.

Приказчикам сделали кое-какие уступки, и они скоро стали на работу; но рабочие не отступают ни на шаг от своих требований (требования изложены в 20 пунктах; главное—8-час. раб. день), и стачка может протянуться с месяц, так как подавляющее большинство имеет запас денег на 2—3 месяца. Фабриканты же едва ли могут протянуть такое время: наступает весна и с нею требования на сельскохозяйственные машины,—самое горячее время. В виду такого положения вещей, мне кажется, заводчики, скрепя сердце, пойдут на значительные уступки. Теперь идут переговоры между ними и депутатами от рабочих в народном доме. Кроме заводов Александровских, рабочие остановили заводы в Хортице, Орехове, Софиевке и еще где-то. С этой целью местные рабочие на забастовавших извозчиках поехали в окрестности и там пригласили товарищей присоединиться к ним. Все только и ожидали этого. Теперь всех забастовавших можно считать в районе уезда тысяч 7—8.. Поведение всех без исключения выше всякой похвалы, и этим именно обстоятельством они вызывают со стороны громадного большинства публики самое горячее сочувствие.

Батум. Автор посылаемого материала свободнее владеет топором, чем пером, но все-таки думает, что его письмо не будет лишним для редакции «Вперед».—16-го янв. в полдень на людной улице был убит батумский Трепов, князь Гурнели. Убийца скрылся. Население ликовало, расхаживая по улицам с пением революционных песен и стреляя из револьверов. Полиция была бессильна, но войска все прибывали. Так продолжалось до 24-го, когда была объявлена комитетом всеобщая забастовка. Не дожидаясь назначенного срока, забастовали: извозчики, железнодорожники, рабочие, стрелочники, банковские служащие и большинство лавочников.—25-го, в 9 часов утра, как было условлено, забастовали все заводы; рабочие вышли из мастерских с криками «Долой самодержавие!» и собрались во дворах заводов, где им объяснили цель и значение настоящей забастовки, при чем советовали избегать столкновения с полицией и с войсками, дабы не вызвать напрасного кровопролития. Рабочие с пением марсельезы двинулись из заводов и расходились по домам, так что город на первое время совершенно замер; это вызвало со стороны опричников такую ярость, что они напустили казаков и стали избивать всех прохожих: турок, армян, греков,—словом, всех без исключения, при чем проявляли неслыханное варварство, били прикладами, нагайками, кулаками, ногами, топтали лошадьми. Одного избитого прохожего привязали веревкой к лошади и волокли в участок, при чем два других казака все время хлестали его нагайками. Другого два казака схватили за руки и мчались таким образом в участок, а третий казак скакал сзади и хлестал его плетью. Третьего, убегающего от казаков, дворник выстрелом из берданки в грудь убил, а наступившие казаки стали хлестать бьющийся в конвульсиях труп. Когда не было, кого бить на улицах, казаки врываются во дворы, вытаскивали из квартир и избивали. Полицейские, дворники и солдаты ломали замки, растворяли лавки и магазины и ставили возле них часовых. К вечеру казаки, дворники и солдаты были поголовно пьяны. Ночью на Тифлисской улице был ограблен казаками духан, взято 6 руб. денег и несколько ведер вина, при чем предвзвительно был избит хозяин-армянин. 26-го с утра было зловещее затишье. Большинство лавок открыто. Казаки, поголовно пьяные, разъезжают от одной лавки к другой, слезают с лошадей забирают все, что могут сожрать или выпить, и едут дальше. При малейшем протесте лавочник получает плети. В обед против ограбленной ночью казаками лавки был убит шпион-городовой, после чего избивание прохожих вновь разгорается, но принимает иной характер: жертва сперва обыскивается, отбираются деньги, часы и после этого уже избивается. Был такой случай. Входят человек 10 казаков в кофейню, взламывают кассу (предварительно надавав плетей хозяину) и находят там 8 руб. с коп. денег и револьвер; после этого начинают поголовно избивать публику.

В одном номере какой-то проезжий армянин спал,—его поднимают ударом плети; когда тот запротестовал, то другой казак ударом приклада перебивает ему ключицу; жертва обыскивается, отбираются деньги, и казаки уходят. Перечеть всех злодейств нет никакой возможности.

Вечером выпущен был комитетом листок ко всем торговцам Батума с приглашением запереть заведения и разойтись по домам, что и было исполнено. 27-го город снова замер. Полиция уже не пыталась отворять силой, и весь этот день казаки скакали по улицам и избивали всех детей в учебных формах, а ночью казаки партиями в 10—12 человек ходили по квартирам: где не давали им 4—5 руб. откуп, там под видом обыска они учиняли разгром, отбирали золотые и серебряные вещи и деньги. Насколько они действовали смело,—может показать следующий факт: на Петербургской улице в 6 ч. вечера был избит и ограблен судебный следователь Дургалов. 28-го грабежи продолжались весь день. Проходя в 10 ч. вечера по Тифлисской улице, я наткнулся на пикет солдат с околоточным во главе; мимо проезжает офицер с двумя стражниками. В это время раздается крик «Караул!» и вслед за тем крики: «Г. офицер! г. офицер!». Тот возвращается и видит прилично одетого человека с мальчиком, у которого забинтована голова. Слышится такой разговор. Офицер: «Что такое?». Голос звавшего (в котором слышится отчаяние): «Помилуйте, я послал мальчика разменять деньги, а на него напали казаки, отобрали деньги и прикладами разбили голову. Я пошел жаловаться в полицию, оттуда меня послали к полицмейстеру, от него к губернатору, которого не оказалось дома. Помилуйте, кому же жаловаться?» Голос околоточного: «А почему ты шляешься в такое время по улице?» Голос прохожего: «Да, ведь, я уже 4 часа хожу от одного к другому». Тогда офицер посоветовал ему обратиться к коменданту. 29-го и 30-го проходят тихо. Казаков не выпускают, грабежи прекратились; наступает голод; рабочие расхаживают по бульвару с пением революционных песен. Когда стемнело, в разных местах города рабочими пускается несколько десятков ракет, что вызвало панику среди обывателей: думали, что это сигнал для начала революции. К этому времени был выпущен комитетом и ночью расклеен листок, призывающий товарищей рабочих и горожан вернуться к своим занятиям, впредь пока не раздастся призыв для освобождения России. И наутро точно по мановению волшебного жезла все приняло обычный вид: на улицах, накануне совершенно пустынных, закипела жизнь. Влияние комитета огромное. Забастовка произвела на всех сильное впечатление. Решено было бойкотировать местную реакционную газету «Черноморский Вестник»,—т.е. рабочим не набирать ее и не печатать,—что и было блестяще исполнено: несмотря на угрозы губернатора и на расчет наборщиков, газета прекратила свое существование, и даже извещение от редакции о том, что издание газеты «по независящим от редакции обстоятельствам на-время прекращается», не могло быть напечатано; здесь наборщикам предлагали по 2 р. в час, но никто не согласился, и редактор выпустил его через несколько дней, отпечатав в Кутаисе.

Рабочий.

От редакции. По поводу казацких грабежей и насилья Батумский комитет говорит в своем печатном бюллетене № 9:

«Итак, все позволено! Упраздняется всякое подобие закона, и мирное население отдается в полное распоряжение казаков и полиции. Самодержавное правительство в «мирное время» делает вид, что оно охраняет обывателя и обеспечивает ему право на безопасность. Но стоит только рабочему классу хотя бы мирно заявить о своих политических желаниях,—и лицемерная маска снимается: царские опричники показывают самую сущность нашего государственного «порядка». Произвол, насилие, грабеж агентов правительства гуляют всюду. Никто не уверен, что его достоинство, имущество, даже жизнь не пострадают от первого казака или полицейского.

«Так долей же это гнусное правительство, долей царя и да здравствует Учредительное собрание, свободно избранное свободным народом!»

Ромны. На-днях рабочие одной типографии написали инспектору письмо, где описали те притеснения, которым под-

вергаются, инспектор приехал и успокоил рабочих. Но после его отъезда рабочие устроили стачку, требуя введения 9-часового дня и повышения заработной платы. Первое из требований было удовлетворено. К стачке примкнули парикмахерский подмастерья и приказчики. В парикмахерских удалось установить 12-часовой рабочий день. Один из крупных тузов города Ильштейн, испуганный стачкой приказчиков, поскакал к казачьему командиру и попросил для помощи казаков. Но командир эскадрона ответил, что посылать казаков он не имеет права, да и стачка носит мирный характер. В общем стачечники всюду выиграли.

Одесса. По Дальницкой улице находится Южно-Русское товарищество кожевенного производства (акционерное общество). На этом заводе, как известно, предпринимателя нет (фабриканта). Заводом заведует и руководит контора, состоящая из множества служащих, начиная с управляющего директора, бухгалтера и многих таких, о которых нет понятия, какими они там делами занимаются, а приказчиков также множество, так что на каждый десяток рабочих рук приходится таких служащих более как два. Жалованья получают служащие от 400 до 60, 50 и 40 в месяц. Теперь мы должны с конторы перейти во внутрь завода. В заводе имеется главный мастер, потом же в каждой отдельной категории старший, которые также ничего не делают, а только являются для рабочего кнута, чтобы понукивать скорей, скорей. И по поводу того, что так много служащих и надсмотрщиков, для рабочих понижен расценки, при котором хотя рабочие и зарабатывают от 7, 8, 9 и 12 до 14 р., но эта работа, так-сказать, чересчур каторжная. В этом заводе работают рабочие аккордно хотя не все дни. Некоторые работы, которые нельзя определить поштучно, то назначаются нормы. Такие нормы являются рабочим очень тяжелыми и непосильными, а рабочих соблазняет заработок, и он, несмотря на то, что у него изнемогают силы, старается лишь бы окончить свой обозначенный урок. Рабочие поступают на завод молодые, здоровые, отборные без никакой специальности, лишь бы был физически здоров для подъемов тяжести. Рабочие, проработавши несколько лет, даже некоторые скорее, теряют свои физические силы и выбрасываются на мостовую, чтобы очутиться в инвалидной среде использованной ветошью. В одной из категорий этого завода есть рабочие более специальные, ковалетчики: у всех, которые работают в этом отделении, очень скоро пропадает обувь от сырости и известки, а также сами остаются без рук,—их изъедает известка, и делаются дырки до кости. По другим городам на таких же кожевенных заводах при таких работах, как на зольниках и по другим, где такая мокрота, даются конторой сапоги и ковалетчикам гутаперчевые перчатки, стоящие от 2 р. 50 к. до 3-х р., а здесь только единичные рабочие имеют, и то покупают за свои деньги. Позор вам, товарищи, не требовать того от завода, чем на других заводах давно уже пользуются, и только благодаря их солидарности и их требованию они раньше добились того, чего у вас и теперь нет, и вы все смотрите на это с рабскою покорностью. Также на этом заводе заведена касса на чисто-зубатовском уставе, утвержденном мин. финансов. Касса носит название «служащих и рабочих» такого-то производства. С каждого рабочего вычитывается по 5 к. с рубля, а в другую кассу, так-называемую смертную (безвозвратная) высчитывается по 1 коп. с рубля. И, когда случается, что кто из рабочих заболевает и что должна уплатить рабочему фабричная контора за время болезни рабочего, то контора имеет опорой эту копеечную кассу и посылают в кассу, чтоб из кассы ему уплатили, и за болезнь, которая получается по фабричной вине, уплачивает рабочая касса. В распорядители этой кассы избираются председатель и другие члены из людей, которые могут хвостами вилить во все стороны. Эти же члены имеют большое сношение с конторой, чем очень гордятся и готовы на всякие сделки. Они воображают себе, как-будто они работают и распоряжаются их собственным обществом производства. К тому даже, если замечают рабочего, недавно поступившего, который стремится ближе познакомиться с рабочими и начинает среди рабочих вести пропаганду, то это уж известно будет наверное в конторе, да и сами по силе возможности начинают преследовать и начинают оспаривать разными антисемитическими спорами.

Я должен обратно возвратиться. Мною раньше описанные

работы, производимые в мокрых и сырых категориях, как, например, на зольниках, на понтонах и на барабанах, по этим отделениям рабочие часто получают ревматизм от сырости и сквозняка и от тяжелых подъемов получают грыжу. Также на полировке от вешанья вверх кож на палке для сушки довольно высоко, а также и слишком тяжело, рабочие получают грыжу, и эту болезнь не хотят признать увечьем. На этот завод каждый день берут на работу также поденщиков, которых старшие стараются эксплуатировать более, чем штатных рабочих, несмотря на то, что штатный рабочий в день зарабатывает два рубля и более, а поденщик получает 90 к. в день. Старших этих по их заслугам надо было бы больше яркими красками разукрасить, но надо обождать, а может-быть, по прочтении столь слабых красок исправятся. Главной бедой рабочих является, что между ними нет никакой солидарности и нет у них сочувствия к другим рабочим и другим национальностям; непонимание и неразумение являются у рабочих потому, что они не интересуются и не увлекаются общественным мнением всех рабочих и других национальностей; устраняясь от всех таких идейных потребностей, такие рабочие вредят себе и своему поколению и ставят поперек дороги другим рабочим—своим собратиям.

Так вот что, товарищи! позор нам за то, что мы отстали многим чем от наших других товарищей с понятием и требованиями. Мы должны завлекаться всеобщим мнением всех рабочих всех стран и всех народов без различия национальности и вероисповедания и поддерживать требования других рабочих, как близости своего города, так и в других городах. Так примкнемся же, товарищи, к всеобщему идеалу, сплотимся в одну общую силу, пожмем руку товарищу из других наций и бросимся в объятия ко всем обиженным и приниженым и будем вместе борьбой добиваться правды, лучшей доли и равенства прав человеческих.

Рабочий.

Вильна. 2-го февраля началась всеобщая забастовка. Вся промышленная жизнь города и окрестностей остановилась. Бастуют почти во всех фабриках, мастерских и торговых учреждениях. Несмотря на то, что в некоторых фабриках сделаны были сразу экономические уступки, забастовка продолжается. Бастуют фабрики Посселя, Мозера, Кучкорышкы, Липский, Гольштейн, Гышкевич, Пименов, Эйгель, Кивович и многие др. Прекратили занятие служащие многих магазинов и частных банков, также Земельного банка. Поговаривают о забастовке пожарной команды. Настроение очень хорошее, боевое. Крупных стычек с полицией пока не было. По городу расхаживают патрули.

Одесса. В середине февраля выставили свои требования железнодорожные рабочие: все они удовлетворены; с 1-го апр. обещан 8-час. рабочий день. Была забастовка на 2-х заводах, сразу явился фабричный инспектор и велел удовлетворить рабочих.

Ростов. В горнозаводском районе сильное брожение. На ст. Воынцево продолжалась свыше 8-ми дней стачка. Не действовали даже доменные печи. Убытки колоссальные, рабочие вели себя образцово. В Юзовке, Горловке и т. д. были стачки. Если забастует Владикавказская дорога, стачка, безусловно, охватит все производства.

Петербург. Мы можем уже подвести итоги нашей кампании против комиссии Шидловского. С завтрашнего дня начнется, быть-может, то, что только предвидел комитет, но что не входило еще в детализированный его план. Мы все время держались одного плана, который осуществлен вчера; сразу же мы разошлись в этом с здешней группой при ЦК. Мы считали невозможным провести бойкот комиссии немедленно, так как широкие массы могут не последовать нашему призыву, и тем самым Ц. Комитет останется отрезанным от массы. Большевики вначале определенно высказались против того, чтобы принимать какое-либо участие, они были за бойкот во что бы то ни стало. Говорят, что ихние организованные рабочие лучше поняли настроение масс, чем интеллигенты. В воскресенье был предварительный смотр результатов нашей работы. То, что во многих, если не в большинстве заводов, были подготовленные ораторы, то, что почти на всех заводах прошли в выборщики намеченные нами кандидаты

или, если и не известные организации, то примыкающие по своему направлению к соц.-демократии, давало основание заключать, что результаты нашей работы вполне удовлетворительны. Вчерашнее собрание выборщиков окончательно показало, что результаты не только удовлетворительны, но прямо превзошли все ожидания. Нужно было видеть сегодня партийных товарищей, чтобы понять, какое чувство удовлетворения испытывали мы все, когда читали в «Руси» от 17-го февраля (3 страница) дословно перелечитанную нашу прокламацию, принятую IV группой выборщиков! Сами массовые рабочие принятием нашей резолюции заявляют о своей солидарности с партией пролетариата! Конечно, только Аксельроду и компании заграничников необходимо было доказывать, что партия соц.-дем. уже стала пролетарской, но до собрания выборщиков IV гр. мы не имели столь резкого факта, на основании которого можно было говорить, что пролетариат в целом хотя бы одного города признал своим родным то, что отстаивает соц.-демократия. Демонстрации по почину комитетов не могут служить основанием, чтобы прийти к только-что высказанной мною мысли: на них, нужно помнить, выступали организованные рабочие соц.-демократы или имеющие отношение к соц.-демократии, а широкие массы по большей части были в стороне. Теперь выборщики этих масс сказали свое слово.

БАКИНСКИЙ ПОГРОМ.

I. Погром.

Проклятая политика самодержавия в смысле травли одной национальности другою имела свои возмутительные последствия и у нас в Баку. Не было тайной до сих пор, что правительство, зная о фанатизме и невежестве татар, разжигало в них вражду к армянам с целью помешать разлитию революционного движения на Кавказе. Охотно принимая на полицейскую службу татар, правительство науськивало их на армян, вело через них среди мусульман пропаганду в том смысле, что будто всеми этими стачками, демонстрациями и террористическими актами армяне хотят забрать Кавказ в свои руки и выгнать или перерезать всех татар. Еще летом прошлого года в табачной фабрике Мирзабекьянца по наущению пристава-татарина С., разжигающего до того национальный антагонизм, произошло столкновение между рабочими-татарами и армянами, последствием чего было несколько убитых с обеих сторон и много раненых. В этой свалке немалую роль играл сам пристав, убивший собственноручно одного армянина.

В прошлом году был назначен бакинским губернатором эриванский вице-губернатор кн. Накашидзе; он приехал к нам с репутацией крайнего ненавистника армян, так как отличился в отнятии имущества армянских церквей вместе с эчмиадзинским прокурором Канчели. Человек хитрый, истый бюрократ-самодур, карьерист-подлиза, грузинский князек Накашидзе попал в атмосферу, где мог проявить себя. Дав волю татарской провокации, усилив политику национальной травли, он смотрел сквозь пальцы на все факты, имеющие надлежащую подкладку, в роде волнений на фабрике Мирзабекьянца, убийств на Шемахинке, на Балаханской ул., он закрывал глаза на явное участие полиции во всех этих делах. Мусульмане, поддерживаемые татарскими приставами, помощниками, городовыми, даже воинской силой, делили в них своих защитников и под крылышком администрации действовали безнаказанно. Полицейские прокламации, в которых местная администрация придавала всем рабочим волнениям характер армянских движений, имеющих целью низвергнуть русского царя, чтобы иметь армянского, издавались на татарском языке и имели свое влияние. Вот под влиянием этих обстоятельств с воскресенья 6-го февраля произошел ряд событий, легших новым позорным пятном на самодержавие. В продолжение трех суток днем и ночью улицы Баку представляли настоящее поле битвы, где легла не одна сотня жертв, а может-быть, и тысячи. Поводом к резне послужило следующее обстоятельство.

6-го февраля около армянской церкви, где армяне собираются каждое воскресенье, татарин Бабаев выстрелом из револьвера хотел убить армянина Х., но промахнулся и,

вырвавшись из рук полицейских, убежал. Но группа армян догнала Бабаева и револьверными выстрелами убила его. Бабаев—крупный собственник и считается главой татарской партии. Его убийство послужило сигналом к резне. В ночь под 7-е февраля татары убили около 40 армян. В понедельник с утра началась перестрелка между армянами и татарами; она вскоре перешла в настоящее сражение по всей линии, на всех улицах и площадях. Отовсюду высыпалась на улицы масса татар с казенными большими револьверами и с берданками и учинила настоящую бойню. Полиция сама раздавала татарам оружие из 4-го участка, из крепости, на Чемберекенди и во многих других местах. Много есть свидетелей, видевших эту раздачу казенных револьверов, патронов и т. д. В одном месте пристав С., раздав татарам оружие, сказал, что «это на всякий случай». В другом месте татары явно входили в участок и выходили из участка вполне вооруженные; в третьем месте казак сам раздавал и продавал татарам берданочные патроны. Наконец, вся политика администрации во время резни была явным поощрением татар. Эта администрация, которая наводняла до и во время рабочих демонстраций улицы казаками, солдатами, городскими и дворниками, отсутствовала в понедельник в начале резни. Ни одного городского не видно было на улицах Баку в понедельник утром, и только когда резня приняла чудовищные размеры, когда улицы покрылись трупами, только тогда показались казаки, солдаты, полиция. Но слово «показались» еще не значит, что противодействовали. Когда резня приняла угрожающие размеры, когда представители нефтепромышленников и многие другие власть имущие обратились к губернатору Накашидзе с просьбой принять, наконец, меры, он ответил, что «не может», «не в силах» и многое другое. Что значит, что тучи полиции, солдат, казаков, различной стражи, городских, флотских солдат, дворников, находящихся в его распоряжении, не смогли остановить безобразного избиения сотен безоружных людей? Разве была хоть малейшая попытка со стороны полиции и воинской силы, чтобы иметь право сказать «не в силах»? Этой попытки не было: и полиция, и казаки, и солдаты беспрепятственно допускали, чтобы на их глазах убивали беззащитных людей, стариков, женщин и детей, чтобы грабили, жгли, разрушали дома и магазины. Казаки, солдаты, полиция не получили распоряжения усмирять,—как они сами не раз заявляли просящим у них защиты.

Казаки, солдаты и полиция сделали печальные события этих дней предметом наживы: они провожали за большую плату армян из одного пункта в другой. Так как один пункт города занимали татары, другой—армяне, одну часть улицы армяне, другую—татары, много армянских семей жило в татарской части и наоборот, то в обеих частях население заперлось в домах и защищалось от нападавших. Весь город представлял ряд фортов и для того, чтобы переходить из одного укрепленного форта в другой за провизией или чтобы спасти собственную семью, запершюся случайно в чужом доме, прибегали к помощи воинских чинов. И тут сказывалось часто вероломство администрации.

Расскажу один характерный случай. Группа верховых казаков провожала человек около 10-ти армян во враждебной части города. Вдруг показывается казачий офицер с несколькими казаками, останавливает эту группу и, накричавши на казаков, приказывает отряду ехать за ним. Казаки оставляют армян беззащитными и безоружными. Отовсюду раздаются выстрелы, и все армяне были убиты. С одного человека брали несколько десятков рублей, чтобы проводить несколько шагов, обыскивали армян и отнимали у них оружие и т. д. *). Не было никакого сомнения, что искать защиты у явно поощряющей погром администрации нельзя, надо было рассчитывать только на свои силы. На парапете (площадь), когда один из армян произнес по адресу стоявших безучастно казаков: «подстрекатели», «мерзавцы», ка-

*) В эти дни выведены были на улицы для показывания публике только русские солдаты, и то под командой татарина-офицера; масса армян-солдат оставлена была в казармах. На парапете этот самый татарин-офицер и приказал стрелять в группу армян, выглядевших из ворот Гранд-Отеля; при этом были убитые и раненые. Кроме того, казачий отряд был отдан в распоряжение татарина-пристава, военного капитана.

зак выстрелил, и пуля пробила грудь армянина навывлет. В другом месте, когда на Николаевской ул. толпа татар напала на большой дом одного богача и стреляла в окна, казаки преградили поперек всю улицу и не позволяли армянам идти на помощь осажденным, при чем стояли лицом к армянам с ружьями наготове. На Церковной ул. татары осадили дом Адамова, где было много армян-жильцов. Сам хозяин долго защищался успешно и уложил много татар; тогда последние притащили бочку мазуту, облили насосом дом и сожгли его. Жильцы задыхались; многие выбежали на улицу и были тут же умерщвлены озверевшей толпой, многие остались под горящими развалинами, и обуглившиеся трупы их виднелись после пожара в разных позах. В подвале нашли обуглившиеся трупы присяжного поверенного Татосова, его жены с ребенком в объятиях и других детей. Рядом с этим домом пожар уничтожил и другие дома, где тоже погибло немало народа. Большие дома Асланова и Лалаева разгромлены; через разбитые окна выброшены со второго и третьего этажа вещи, утварь и мебель на расхищение дикой толпы. Бани, Эрмитаж Меликова и др. разгромлены, окна перебиты, все внутри попорчено. Много магазинов разгромлено, товар растаскан, хозяева убиты. И во всех этих бесчинствах полиция и казаки играли самую безучастную роль, были немymi зрителями происходящего.

На скорую руку составившиеся армянские революционные отряды с револьверами и берданками в руках очистили центр города и приходили на помощь в разные пункты. Но и тут правительственные войска парализовали их деятельность, встречая их штыками всякий раз, как они поспевали прийти на помощь. Не будь этого, армянские отряды спасли бы дом Адамова от пожара, и не было бы столько жертв.

Резня продолжалась днем и ночью и особенной свирепостью отличалась по утрам и по вечерам. Уже все улицы были устланы трупами людей, кой-где лежали убитые лошади: в одного человека попадали десятки пуль; много убитых холодным оружием с распоротыми животами, с разрезанными суставами, изуродованные; немало было случаев смерти от того, что татары, ворвавшись в какой-нибудь дом, выбрасывали жильцов через окна на панель **).

В ужасе запирались безоружные люди в своих комнатах и ждали смерти. Еще более осложнилось положение вещей, когда пронесся слух, что вооруженные татары из соседних деревень собираются напасть на город и перерезать все население. В городской управе, в конторе Совета Съезда нефтепромышленников, в гостиницах, в больших домах, где в безумной панике собралось по нескольку сот жителей, уже начинали голодать. На четвертый день резня была в разгаре; враждебные отношения и число жертв росли. Поднялась повсеместная стачка, как на промыслах, так и на заводах. Вдруг 9-го февраля в 4—5 часов пронесся повсеместный клич: «мир, мир!». На улицах Баку сразу настала тишина, высыпали на улицу жители, татары угощали армян яблоками и чем попало, здоровались, обнимались, целовались. Волшебным жезлом положен был конец братоубийственной бойне. Что случилось? Все были в недоумении. Вот показался на Николаевской улице виновник вражды, виновник всего происшедшего, виновник мира Накашидзе в сопровождении армянского епископа, татарского казья и многих богатых и почитаемых татарами и армянами горожан. Криками «мир» они успокаивали народ, все прекратилось. Сразу поле брани, усеянное кучами убитых, превратилось в место ликования живых.

Приступили к уборке трупов и тяжело раненых и к вечеру очистили улицы. Но везде были следы разрушения. Город утопал в зловещей темноте, и посреди этого мрака большая гурьба татар с гармонией и дикими возгласами безобразной пошлой песни ходила по улицам города. Полиция опять отсутствовала. Приостановившаяся за эти дни городская жизнь постепенно стала возобновляться. Показались конки, фаэтоны; уличная жизнь восстановилась, и магазины стали постепенно открываться, хотя еще многие

***) В погроме участвовали даже гласные городской думы: например, гласный Атамалиев с револьвером в руке был в первых рядах громил, был и студент Казимов, сын тоже гласного, были и татары-офицеры, форменно командовавшие отрядами вооруженных татар.

боятся возобновления беспорядка. Многие армяне выселяются из Баку,—вокзал переполнен пассажирами. Носятся слухи о том, что резня может повториться. Все в один голос твердят, что все это дело правительства, которое хотело предотвратить будущую вооруженную демонстрацию рабочих, о которой много говорили за последнее время в обществе. Стачка на промыслах и заводах продолжается. 11-го февраля состоялась сходка рабочих в Балаханах; на ней были и предприниматели. Все пришли к тому заключению, что события последних дней—дело рук полиции, и что необходимо безусловный протест. Было решено выразить этот протест повсеместной стачкой.

От редакции. Другой товарищ сообщает нам, что пристав 1-го уч. Мамедбегов, помощ. прист. Султанов и околд. Шах-Тахтинский составили и распространили прокламацию к татарам о том, что армяне хотят революции и собираются избивать друзей правительства—татар. Полицейский Деминский, узнав от бывшего офицера Селимханова, что рабочие-армяне идут на помощь избиваемым, ответил громко по телефону, что он прикажет их истребить, как собак. Насчитывают 750 убитых, 830 раненых.

II. После погрома.

Как резко изменилась физиономия города с 9-го числа! По улицам ходит масса народу, какое-то небывалое оживление во всем городе, на лицах написан не прежний почти животный ужас перед неизбежностью конца, а решимость, готовность протестовать, мстить. Я только-что с митинга протеста, на котором было 2.000 чел. разного состояния и национальностей. Тут можно было видеть господ в мундирах, дам в шикарных туалетах, массу рабочих и людей, которых принято относить к категории лиц неопределенных профессий. Собрание состоялось в клубе в громадном зале. Здесь в Баку происходил съезд нефтепромышленников, но страшные события прервали эти занятия, и участники съезда заявили, что не в состоянии продолжать заседания. Сегодня съезд закрывался, и вот это-то последнее собрание было использовано для устройства митинга. Перед тем как объявить съезд закрытым высказалось несколько ораторов из участников съезда о невозможности правильного течения торгово-промышленной жизни при таких уродливых условиях, при каких мы живем. Особенно понравился мне один старичок-купец по внешнему виду старого закала. Говорит чистым русским языком, производит вычисления, которые приводят к выводу, что нефтяная промышленность при таких условиях обречена на смерть, а вместе с нею обречено на смерть и царское самодержавие, которое с каждым днем впадает все в большую и большую нищету. Хорошо это, товарищи, когда начинается с нефти или другой какой-нибудь ерунды и кончается припевом: «долгой самодержавие»,—так это славно, что все дороги в Рим ведут, что о чем ни толкуй, как ни благонамеренно ты настроен, а неизбежно принужден кончить «обыкновенной русской пословицей». Когда съезд был объявлен закрытым, и был объявлен перерыв, стали со всех сторон раздавать наши листки, экземпляр которого вам и посылаю. Забыл прибавить, что нефтепромышленники, перед тем как закрыть съезд, приняли резолюцию, которую пошлю вам. После ухода съездовского председателя был выбран свой председатель, и пошли речи. Оживление было необычайное. Говорил товарищ рабочий, призывал под красное социал-демократическое знамя, и ему хлопала такая публика, которой год тому назад знамена и во сне не снились. Характер речей был таков: указывался целый ряд фактов, на основании которых можно смело делать выводы, надо быть слепым, чтобы не делать этих выводов, что вся эта душу раздирающая бойня была организована местными властями и протекала все дни при благосклонном участии и содействии этих властей. Само собой, подробно указывалось на связь этого местного злодейского преступления со всей нашей системой и отсюда один вывод—все та же «российская пословица», которая звучала из тысяч уст. Мы приняли резолюцию, которая завтра будет напечатана в нашей типографии. В Балаханах идут уже четвертый день громадные собрания-протесты приблизительно в таком же духе. Подробно об этих собраниях сейчас сообщить не могу, потому что каждый из нас завален работой на своем месте, так что

балаханских товарищей уже несколько дней не видели. Войска наехало видимо-невидимо. Губернатор расклеил объявление, что позже 8 ч. на улицу выходить нельзя. Поговаривают очень усиленно об объявлении здесь мобилизации. Что-то не верится, чтобы они осмелились это сделать теперь.

На кладбище еще масса непохороненных трупов ни в чем не повинных людей, павших жертвой бессмысленно жестокого старого мира. Чувствуется, что час победы нового над старым очень, очень близок, но невольно думаешь о тех жертвах, которых еще потребует ненасытный Молот. Сколько еще молодых жизней похоронит он под своими развалинами! И мучительно грустно становится... Хоть бы нам собраться с силами к самому решительному моменту, хоть бы не действовать вразброд, в одиночку. Теперь нужны нам два оружия: центральный аппарат, который фактически объединил бы нас, и оружие в буквальном смысле этого слова, т. е. вооружение. Необходимо, чтобы на страницах «Вперед» появился целый ряд статей о восстании. В каком же духе следует вести и местную организацию.

До сих пор как-то рабочие очень мало представляют себе конкретные формы восстания, да ведь, когда было и представлять себе, когда толкуем-то мы об этом всего без недели. Необходимо указать в литературе на ту исключительную роль, какая выпала на долю российской социал-демократии, которой в данном случае брать примеры не с кого. Нет возможности в этом деле учиться у европейских партий, а надо свои собственные пути открывать.

ИЗ ПАРТИИ.

Кого они хотят обмануть? В только-что полученном нами № 89 «Искры» находим постановление «Совета партии» от 8-го марта 05. Заграничный «Совет», как и следовало ожидать, рвет и мечет против созываемого русскими комитетами партии съезда, объявляя, что «участники его своим образом действий сами ставят себя вне партии». Озлобление заграничного кружка, от которого работающая в России партия давно ушла фактически, а теперь уходит и формально, нам совершенно понятно. Понятно также, что только под влиянием озлобления и отчаяния люди могут рассуждать так плохо и «уклоняться от истины» так неуксужно, как это делает Совет. «По уставу,—говорят нам,—съезд может быть созван только Советом». Да, кроме того случая, когда Совет рвет устав и обманом уклоняется от обязательного для него созыва съезда. Именно этот «случай» и доказан давно партией по отношению к Совету (см. Орловский: «Совет против партии», где, между прочим, показано, что по арифметике «Совета» $16 \times 4 = 64$). К 1-му янв. 05, говорят нам далее, по единогласному (включая Ленина) постановлению Совета, правоспособных организаций, кроме центров, было 33. Это неправда. Партия знает давно из той же брошюры, что правоспособных организаций к 1-му янв. 05 было только 29. Кубанский и Казанский комитеты, называемые «Искрой», никогда не были утверждены Советом, а комитеты Полесский и Сев.-Западный утверждены лишь к 1-му апр. 05. Остается 29 организаций (Ком.: СПб, Моск., Твер., Сев., Тул., Ниж., Сар., Уральс.-Уф., Сиб., Дон., Харьк., Киев., Од., Екат., Риж., Орл.-Бр., Смол., Сам., Вор., Кавк., Союз—4 комитета, Кур., Астр., Ник., Крым., Горноз., Лига). «Бюро ком. большинства» ссылается на полномочия 10 организаций,—говорит далее Совет. Это ложь. Бюро выбрано, как все знают, еще до 1-го янв. 05 на трех конференциях тринадцатью комитетами (6 северных, 3 южных, 4 кавказских). После выступления бюро с созывом съезда к бюро примкнули комитеты Ворон. и Тульский. Таким образом, к 1-му янв. 05 из 28 русских полноправных организаций 15 высказалось за съезд вопреки воле бонапартистских центров. Тут еще не считаны те полноправные организации (Саратовский, Сибирский комитет и другие), которые давно высказались за съезд вообще (см. брошюру Шахова: «Борьба за съезд»). До какой степени смешны и неуклюжи попытки Совета обмануть несведущую публику, знакомящуюся с делом не по документам, а по болтовне заграничников,—видно особенно из двух следующих справок. В крайне интересной брошюре «Отчет

о собрании в Женеве 2-го септ. 04», изданной меньшинством, Дан признает, что большинство комитетов партии порвало с «Искрой» все товарищеские отношения, а Плеханов, резко-враждебный большинству, вынужден заявить, что силы враждующих сторон приблизительно равны! (Это отзыв заграничника, заметьте). В «Заявлении» Ленина, которое не только не опровергнуто меньшинством, а, напротив, подтверждено прямым признанием Попова, не кто иной, как агент ЦК, признает, что у меньшинства только 4 русских комитета и что на действительно партийном съезде, несомненно, пройдет смещение редакции и Совета. Еще раз: кого хотите вы обмануть, почтеннейшие герои кооптации? Вы боитесь, как огня, единственного действительного партийного выхода—съезда. и уверяете в то же время, что за вашими противниками ничтожная доля организаций, всего какая-нибудь четверть! В своем озлоблении вы не замечаете, как сами себя бьете. Уж не потому ли Николай II боится Учредительного собрания, что противники царизма составляют ничтожную долю народа?

В редакцию «ВПЕРЕД» поступили листки, изданные: Петерб. Ком.: 1) Общие требования рабочих; 2) Требования—условия избрания в комиссию Шидловского; 3) 7-й листок о рев. днях в Пет. 4) По поводу речи царя к рабочим; 5) Раб. Обуховского зав. Исп. Ком. Р.С.-Д.Р.П. (в Пет.) 4-й листок о рев. событиях. Тверским Ком. Ответ царю. Рижск. К.-ом. Ко всем. Бакинским Ком. 1) Бакинские преступления царского правительства; 2) Безумные жестокости, происходившие... 3) Резолюции собрания в 500 чел. 4) Резолюции собрания в 2.000 лиц. 5) Постановление собр. в 1.000 ч. (некоторые листки напечатаны в «скоропечатне» Бак. Комитета). Группой бал. и б.-эйб. рабочих: 1) Резолюции собрания в 500 ч.; 2) «Не довольно ли вечного горя» (с призывом к оружию). Киевским Ком. 1) Ко всем трудящимся; 2) 19-го февраля, 3) Ко всем типографским рабочим Киева, 4) Отступление Николая II, 5) Суд идет. Саратовским Ком. 1), 2) Отчеты № 1 и 2, 3) К гражданам о забастовке; 4) «Громовым ударом пронеслась по России», 5) К рабочим, 6) Листок полит. известий № 7. Екатеринославским Ком. совместно с Ек. орган. Бунда: К дамским портным. Псковским Соц.-Дем. Комитетом (?): 1) К обществу; 2) Об избении учащихся. Группой солдат: К солдатам. Киевской ср.-уч. соц.-дем. организацией листок № 1. Исп. ком. студ. соц.-дем. организаций в Петербурге. Резолюция. Сверх того, поступили: «Товарищі-робітники»—изд. Киевск. ком. Революц. Украин-

ской Партии; Ко всем киевским рабочим изд. Киевск. ком. соц.-рев.; К гласным Тверск. губ. з. собрания изд. Тв. группы соц.-рев.; «Отжившее р. самодержавие»—изд. Орг. ком. Петерб. ун. Резолюции студ. Киевск. ун.: юр. 1-го курса и юр. 2-го к., ест. 3-го к., медиков 1-го к., мат. 2-го и 3-го к.—Требования Ижорских заводов, напечатанные заводоуправлением и развешанные, по желанию депутатов в мастерских.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Наполеону: письма №№ 1, 2 и 3 получ. Савелию: письмо № 10 получено. Адрес 2-а отменяется. Тарасу. Письма №№ 1, 2 и 3 получены. Липочке: Получили; о них упомянуто в отчете № 4 «Вперед». Всем. Сообщая адреса, указывайте, для чего они годны: для писем или для литературы.

С 15-го февраля в редакцию «Вперед» поступило во франках: на нужды восстания: от друзей из Берна—50; из Лейзена от С. по поди. лист. № 58—17; из Фридберга сбор от Д.—10; из Нанси—15; из Бельгии—11,30; от Е. М.—20. На петербург. стачечников из Лейзена по листу № 503—3; по поди. лист. № 63, 64—287; на нужды восстания и петерб. стачечников 75—60. На нужды партии из Парижа от d'os.—30; из Давоса от Г.—40; из Бальфура—25; из Давоса—5. Через Намсбора на раб. движ. от W. U. 16 рублей.—От франц. социалистов 1887 фр. 60 с. и с бала в Мюнхене 230 марок получены.

Из отчета Петерб. общ. помощи пол. сс. и заключ. с 9-го по 24-е янв.: поступило 44947 р. 71 к. Израсходовано 33,586 р. 20 к. Подлинный отчет с указанием способа расхода денег и со списком (в три страницы) заключенных в Пет. тюрьмах и арестованных в январе передан в Женевскую Библиотеку и Архив Партии для общего пользования.

Из отчета Венской кассы имени Чернышевского с 1-ю июля по 31-е дек. 1904: приход в кронах 808,30; расход (помощь эмигрантам всех партий) 878,30. Дефицит 70 крон.

Из отчета Саратовского Ком. До 14-го янв. в пользу стачечников собрано 2.120 р., с 14-го по 16-е—527 р.

Вышли в свет новые издания ред. «Вперед»: 1) Манифест Коммунистической Партии К. Маркса и Ф. Энгельса (перевод и примечания Плеханова), ц. 50 с. 2) Доклад директора Департамента Полиции Лопухина Комитету Министров в январе 1905 г. с приложением статьи Ленина, ц. 50 с.

Примечания.

Прим. 1. По всей вероятности, опущение названия первой листовки в старой газете—результат простого недосмотра корректора.

Пролетариат и крестьянство.

Начинаются крестьянские восстания. Из различных губерний приходят известия о нападениях крестьян на помещичьи усадьбы, о конфискации крестьянами помещичьего хлеба, скота. Царское войско, наголову разбитое японцами в Манчжурии, берет реванш над безоружным народом, предпринимая экспедиции против внутреннего врага—против деревенской бедноты. Городское рабочее движение приобретает нового союзника в революционном крестьянстве. Вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата, социал-демократии, к крестьянскому движению приобретает непосредственное практическое значение и должен быть поставлен на ближайшую очередь дня во всех наших партийных организациях, при всяком выступлении пропагандистов и агитаторов.

Социал-демократия неоднократно указывала уже, что крестьянское движение ставит перед нею двоякую задачу. Мы должны безусловно поддерживать и толкать его вперед, поскольку оно является революционно-демократическим движением. Мы должны вместе с тем неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организуя сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию, разъясняя ему враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазного крестьянства, призывая его к борьбе за социалистическую революцию, указывая ему, что избавление от гнета и нищеты лежит не в превращении нескольких слоев крестьянства в мелких буржуа, а в замене всего буржуазного строя социалистическим.

Эта двоякая задача социал-демократии подчеркивалась не раз в старой «Искре», начиная с № 3, т. е. еще ранее первого крестьянского движения 1902 года; она выражена и в нашей партийной программе; она повторена была и в нашей газете (№ 3). Теперь, когда особенно важно выяснить эту задачу в ее практической постановке, интересно привести замечания Карла Каутского, поместившего в немецком соц.-дем. журнале «Die Neue Zeit» статью «Крестьяне и революция в России». Как социал-демократ, Каутский неуклонно отстаивает ту истину, что пред нашей революцией стоит теперь задача не социалистического переворота, а устранения политических препятствий с пути развития существующего, т. е. капиталистического способа производства. И Каутский продолжает: «Революционное городское движение должно оставаться нейтральным в вопросе об отношениях между крестьянином и помещиком. Оно не имеет никаких оснований становиться между крестья-

нами и помещиком, выступать на защиту последнего против первых; его сочувствие всецело на стороне крестьянства. Но задачей революционного городского движения вовсе не является также натравливание крестьян на помещиков, которые в современной России играют совсем не ту роль, какую играло хотя бы французское феодальное дворянство времен «старого порядка». Впрочем, городские революционеры, даже если бы они и захотели, могли бы оказать весьма немного влияния на отношения между помещиками и крестьянами. Эти отношения помещики и крестьяне определяют уже сами между собой». Чтобы правильно понять эти замечания Каутского, которые, будучи вырваны из связи, могли бы вызвать немало недоразумений, надо непременно иметь в виду также следующее замечание его в конце статьи. «Победоносная революция,—говорит он там,—не встретила бы, наверное, особых затруднений в том, чтобы употребить крупные латифундии злейших врагов революции на улучшение пролетарских и крестьянских условий жизни».

Читатель, который внимательно сопоставит все эти утверждения Каутского, легко увидит в них именно ту социал-демократическую постановку вопроса, которую мы сейчас обрисовали. Отдельные неточности и неопределенности в выражениях Каутского могут быть объяснены беглостью его замечаний и недостаточным знакомством с аграрной программой русской социал-демократии. Суть дела в том, что отношение революционного пролетариата к тяжбе между крестьянами и помещиками не может быть во всех случаях и при всех условиях одинаковым при различных перипетиях русской революции. При одних условиях, при известных конъюнктурах это отношение должно быть отношением не только сочувствия, но и прямой поддержки, и не только поддержки, но и «натравливания». При других условиях это отношение может и должно быть нейтральным. Каутский, судя по его приведенным замечаниям, верно схватил эту двоякую сторону нашей задачи,—в отличие не только от наших «социалистов-революционеров», целиком погрязших в вульгарных иллюзиях революционной демократии, но и от многих социал-демократов, которые, подобно Рязанову или Иксу, отыскивали «простое», для всех комбинаций одинаковое решение задачи. Основная ошибка таких соц.-демократов (и всех соц.-рев.) состоит в том, что они не выдерживают классовой точки зрения и, отыскивая одинаковое для всяких комбинаций решение задачи, забывают о двойственной природе зажиточного и среднего крестьянства. В своих расчетах они оперируют, в сущности, с двумя только классами: либо с помещиками и «крестьянско-рабочим классом», либо с собственниками

и пролетариями. На деле же перед нами три различных, по своим ближайшим и конечным целям, класса: помещики, зажиточное и частью среднее крестьянство и, наконец, пролетариат. На деле задача пролетариата, при таком положении вещей, не может не быть двусторонней, и вся трудность социал-демократической аграрной программы и аграрной тактики в России состоит в определении, возможно более ясном и точном, того, при каких условиях обязателен для пролетариата нейтралитет и при каких поддержка и «натравливание».

Решение этой задачи может быть только одно: вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии, такова «линия» сельского пролетариата и его идеолога социал-демократа. Другими словами: поддерживать и подталкивать крестьянство вплоть до всяких отнятий какой-угодно «священной» барской «собственности», поскольку это крестьянство выступает революционно-демократическим. Относиться недоверчиво к крестьянству, организоваться отдельно от него, быть готовым к борьбе с ним, поскольку у это крестьянство выступает реакционным или противопролетарским. Еще иначе: содействовать крестьянину, когда борьба его с помещиком приносит пользу развитию и укреплению демократии; нейтралитет по отношению к крестьянину, когда борьба его с помещиком является исключительно сведением безразличных для пролетариата и для демократии счетов между двумя фракциями землевладельческого класса.

Разумеется, такой ответ не удовлетворит людей, которые подходят к крестьянскому вопросу без продуманных теоретических воззрений, которые гонятся за ходким и эффектным «революционным» (на словах) лозунгом, которые не понимают громадной и серьезной опасности революционного авантюризма именно в области крестьянского вопроса. По отношению к таким людям,—а их сейчас уже немало среди нас, к числу их принадлежат соц.-революц., и развитие революции вместе с крестьянским движением ручается за увеличение их рядов,—по отношению к таким людям социал-демократы должны непреклонно отстаивать точку зрения классовой борьбы против всякой революционной расплывчатости, трезвый учет разнородных элементов крестьянства против революционной фразы. Говоря практически и конкретно, можно подойти всего ближе к истине таким утверждением: все противники социал-демократии в аграрном вопросе не считаются с тем фактом, что у нас в собственно Европейской России есть целый слой (1 $\frac{1}{2}$ —2 миллиона дворов из всего числа около 10 миллионов дворов) зажиточных крестьян. В руках этого слоя не меньше половины всех орудий производства и всей собственности, которой располагает крестьянство. Этот слой не может существовать без найма батраков и поденщиков. Этот слой, несомненно, враждебен крепостничеству, помещикам, чиновничеству, он способен стать демократом, но еще более несомненна его враждебность по отношению к сельскому пролетариату. Всякая попытка затушевать, обойти эту классовую враждебность в аграрной программе и тактике есть сознательное или бессознательное оставление социалистической точки зрения.

Между сельским пролетариатом и крестьянской бур-

жуазией находится слой среднего крестьянства, в положении которого есть черты и того, и другого из двух антиподов. Общие черты в положении всех этих слоев, всего крестьянства в целом делают, несомненно, демократическим и все его движение, как бы велики ни были те или иные проявления несознательности и реакционности. Наша задача—никогда не сходить с классовой точки зрения и организовать теснейший союз городского и сельского пролетариата. Наша задача—уяснение себе и народу действительного демократического и революционного содержания, которое кроется за всеобщим, но туманным стремлением к «земле и воле». Наша задача поэтому—самая энергичная поддержка и подталкивание вперед этого стремления, наряду с подготовкой элементов социалистической борьбы и в деревне.

Чтобы точно определить отношение социал-демократической рабочей партии на практике к крестьянскому движению, третий съезд нашей партии должен принять резолюцию о поддержке крестьянского движения. Вот проект такой резолюции, которая формулирует вышеизложенные и неоднократно развивавшиеся в соц.-демократической литературе взгляды и которая должна быть обсуждена теперь возможно более широким кругом партийных работников:

«Рос. С.-Д. Р. Партия, как партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплуатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Росс. С.-Д. Р. П. самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли. При этом Росс. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснить ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, разъяснить ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплуатации всю массу деревенской бедноты.

«Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Росс. С.-Д. Р. П. представляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах Росс. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией».

(Н. Ленин).

Бакинские преступления царского правительства.

Граждане! Три дня и три ночи на улицах нашего несчастного города происходило нечто невероятно ужасное, невозможное ни в одной европейской стране. На глазах местных властей люди, как звери, набрасывались друг на друга, расстреливали прохожих, производили над ними ужасные зверства, громили и грабили дома и магазины, вырезывали целые семьи, не щадя женщин и детей, жгли их живьем в подожженных домах... Кровь застывает в жилах при одном воспоминании обо всех ужасах! Кто пережил их, тот уже никогда не будет спокойно спать.

А что же делали власти? Что делали войска? Они спокойно ходили и разъезжали по залитым кровью улицам среди озверевших грабителей и убийц, цинично отказываясь помогать умолявшим их о спасении жертвам, запрещали тушить пожары и спасать гибнувших в огне, часто сами или поощряли убийства, или принимали участие в грабеже и убийствах. Весь мир содрогнется от ужаса, узнав о бакинских преступлениях! И перед лицом всего мира мы обвиняем царское самодержавие в лице местных его слуг—изверга губернатора и разбойничью шайку-полицию с полицеймейстером во главе, обвиняем всех начальников от мала до велика в следующих страшных преступлениях:

1) Опасаясь возникновения политических демонстраций рабочей массы, опасаясь за успех со дня на день ожидаемой в Баку мобилизации, местные власти в лице губернатора и полиции решили прибегнуть к средству, уже испытанному царским правительством в Кишиневе, Гомеле и др. городах, решили натравить одну нацию на другую и в потоках невинной крови потопить революционное движение. 2) С этой целью полиция в течение нескольких недель распространяла среди мусульманского населения дикие слухи о том, что армяне готовятся к бунту против царя и хотят избивать всех мусульман и русских. 3) Когда эти слухи взволновали уже население, власти ровно ничего не предприняли, чтобы успокоить массу и рассеять нелепую молву. 4) В то же время полиция и ее агенты раздавали мусульманам оружие и патроны. Об этом говорят и сами мусульмане, это проделывалось открыто на улицах города. 5) В воскресенье, 6-го февраля, благодаря бестактности полиции и по ее вине, произошло прискорбное событие. Несколько армян убили мусульманина, стрелявшего из мести в армянина-солдата. Это послужило толчком к подготовленной резне. 6) В тот же день начались массовые убийства, которые продолжались трое суток, а власти все время бездействовали. 7) Они не только не препятствовали убивать и грабить, но не разгоняли и огромные шайки даже нагайками, никого не задерживали, не отбирали сружия и награбленного имущества. На упреки в бездействии многие солдаты, офицеры и даже городские откровенно говорили, что им вмешиваться не приказано. 8) Открытое пособничество властей убивавшим и грабившим толпам мусульман создало кругом такое положение, что всюду господствовало убеждение, будто грабежи и убийства на это время дозволены самими же властями. Благодаря этому: а) в некоторых местах войска и полиция напивалась до-пьяна

из разграбленных складов и сами принимали участие в грабежах и убийствах; б) казаки разоружали защищавшихся армян и отдавали отобранное оружие мусульманам; те же на их глазах убивали обезоруженных армян отобранным у них оружием; в) войска неохотно соглашались и часто грубо отказывались конвоировать армян, а иногда и русских, желавших выбраться из осажденных домов и кварталов, заявляя, что им запрещено сопровождать их. 9) Ничего не предпринимая против грабивших и убивавших, власти вместе с тем отдали войскам строгий приказ без пощады расстреливать армянских и русских рабочих, хотевших, по слухам, итти с Биби-Эйбата на выручку избиваемым. 10) Отобранные некоторыми казаками у мусульман берданки были по приказу полицеймейстера возвращены им обратно. 11) Когда войска стали, наконец, стрелять, они нападали не только на грабивших, но и на оборонявшихся. 12) Губернатор разъезжал между вооруженными мусульманами, называл их «молодцами», хвалил и местком, и вооружение. Татары благодарили губернатора. 13) Пожарные, старавшиеся пробраться к подожженным домам, отсымались полицией обратно. 14) Власти продолжали возбуждать население нелепыми слухами, натравляя уже русских на армян и евреев. 15) Объявление губернатора, призывающее население к миру, вышло только 11-го февраля, т.-е. через два дня после прекращения боины.

Вот неполный еще ряд обвинений, которые мы предъявляем к местным представителям царского правительства и которые готовы подтвердить свидетельскими показаниями, фактами.

Мы ни на минуту не сомневаемся, что при современных порядках, при всех несправедливостях и насилиях, лежащих в основе самодержавного строя, мы ни за что не добьемся справедливого и строгого суда над истинными виновниками страшных бакинских несчастий. И не к правительственному суду, а к суду всего общества, к суду честных граждан всей несчастной России, к суду всего народа, к суду всего цивилизованного мира обращаемся мы. Да падет вся кровь невинных жертв, как армян, так и мусульман, на преступные головы беспримерных злодеев—царское самодержавие и его подлых слуг! Вас, бакинские граждане, местный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии горячо призывает прекратить национальную смуту, возбужденную царским правительством, и обратить ваш справедливый гнев на истинных виновников наших страшных несчастий. Братское единение всех местных национальностей будет лучшим ответом на гнусную попытку царского самодержавия вызвать рознь, смуту и национальную вражду.

С этим призывом мы обращаемся ко всем вам, бакинские граждане, без различия национальности, вероисповедания и сословий.

Вы, граждане мусульмане, больше всего обманутые царским правительством, должны немедленно отвернуться от него! Оно сделало вас орудием своих преступных замыслов, а теперь всю вину будет сваливать на вас; некоторых из вас отдаст под суд, будет ссылать в Сибирь, на каторгу и так далее. Вы на деле убедились, как нелепы были слухи, которые так усердно распространяла между вами полиция. Призываем вас к братскому союзу со всеми нациями.

Граждане армяне! Для вас тоже должно быть очевидным, что виновником бывшей в Баку резни является не темная мусульманская масса, а общий враг всех национальностей — царское самодержавие, непосредственную и планомерную борьбу с которым вы до сих пор так упорно отклоняли и откладывали. Теперь в особенности вы должны направить все силы к тому, чтобы в братском союзе со всеми нациями обрушиться против царского самодержавия.

И вы, русские граждане, вы, как свидетели только что бывших на улицах Баку зверств, должны обрушиться с удвоенной силой против того же палача — царского правительства, накликавшего на головы народа все ужасные бедствия позорной войны с Японией, расстрелявшего в Петербурге тысячи безоружных рабочих с их семьями! Теперь и среди вас власти распространяют разные ложные слухи с целью посеять и в вас вражду к другим нациям. На всех улицах и площадях вы должны кричать: «Прочь мерзких убийц! Прочь клеветников! Долой царское самодержавие! Долой его слуг — полицию и губернатора!»

Мы призываем всех честных, сознательных граждан открывать темной массе всех национальностей глаза на совершившиеся события, указывать истинного виновника и вместе с нами смело и открыто кричать: Долой преступное царское самодержавие! Долой убийц — полицию и губернатора! Да здравствует равенство всех национальностей! Да здравствует братство народов!

Бакинский Комитет Р. С.-Д. Р. II.

13-го февраля 1905 г.

Плоды демагогии.

Раскол партии, начатый меньшевиками [после второго съезда] ¹⁾, вылился в своеобразные формы в Нижнем-Новгороде. Нами получен листок, озаглавленный:

Об уличной борьбе ⁶⁾.

(Советы генерала Коммуны).

От редакции. Предлагаемая статья есть перевод одного из мемуаров знаменитого деятеля Парижской Коммуны Ключезэ. Он основывал свои соображения, как видно из приводимых ниже кратких биографических сведений, главным образом, хотя не исключительно, на опыте парижских уличных восстаний. Кроме того, он имел в виду специально революцию пролетариата против всех имущих классов, тогда как мы в России переживаем теперь революцию в значительной степени общенародную против правительственной шайки. Само собой разумеется поэтому, что оригинальные мысли Ключезэ должны послужить для русского пролетария лишь материалом для самостоятельной, применительно к нашим условиям, переработки опыта западноевропейских товарищей. Считаю нелишним познакомить читателя вкратце с небезынтересной биографией автора.

Густав-Павел Ключезэ (Cluseret) родился в Париже 13-го июня 1823 года. Учился в военной школе Сэн-Сир и вышел из нее в 1843 г. подпоручиком (sous-lieutenant).

«Программа комитета сормовских и нижегородских рабочих-социал-демократов», в котором принципиальные мотивы раскола характеризуются след. образом: «Твердо убежденные в истинности теорий научного социализма, из которых следует, что в силу особенностей экономического положения пролетариата только «его» движение есть истинно социалистически-революционное движение, способное освободить все угнетенное и эксплуатируемое капиталом человечество, — мы не можем согласиться с утверждением тов. Ленина, что, во-1-х, будто рабочее движение, развивающееся самостоятельно, неминуемо ведет к трэд-юнионизму, т. е. к чисто-экономической борьбе, и во-2-х, что «роль пролетариата в истории определяется интеллигенцией того или другого образа мыслей, а собственных стремлений, порождаемых особенностями его «собственного» экономического положения, у этого несчастного класса нет» («Искра», № 71, ст. Плеханова). Между тем такие взгляды тов. Ленина легли в основу деятельности многих комитетов Р. С.-Д. Р. Партии и привели к очень плохим результатам. С целью устранения для рабочего движения опасности увлечься одним крохоборством, а также буржуазной идеологией, сторонники Ленина пришли к мысли создать из революционной интеллигенции «кадр охранителей», который, опекая пролетариат, охранял бы его от «ложных» шагов. Охранительные тенденции привели к централизму в партии, который, в свою очередь, породил бюрократизм в комитетах со всеми его специфическими особенностями: халатностью, отсутствием инициативы, недоверием к собственным силам пролетариата и стремлением сделать все «самим», хотя бы в ущерб делу, и с явной невозможностью «своими» интеллигентными силами справиться со всей колоссальной работой. Идея «охранителей», породив ложный страх перед буржуазными идеями разных «Шульце-Деличей», породила его и вообще перед экономической борьбой». После длинного ряда нападков на нижегородский коми-

тет). В 1848 году в чине поручика принимал самое энергичное участие в подавлении рабочего восстания в Париже (июньские дни). В течение шести часов взял 11 баррикад и 3 знамени. Получил за этот «подвиг» орден почетного легиона. В 1855 г. в чине капитана участвовал в крымской кампании. Затем вышел в отставку. Участвовал в армии Гарибальди в войне за итальянское освобождение. В 1861 году уехал в Америку и участвовал в междоусобной войне против рабовладельческих штатов. Получил титул генерала и (после победы при Croskeys) права американского гражданства. Вернулся во Францию. В 1868 году попал в тюрьму за статьи в газете «L'Art». В тюрьме Сен-Пелажи завязал связь с деятелями Интернационала. За резкую военную критику в газетах выслан из Франции, как американский гражданин. После провозглашения республики (4 сент. 1870 г.) вернулся в Париж, участвовал в попытках вызвать восстание в Лионе и в Марселе. 3 апреля 1871 года назначен военным министром Коммуны. 6-го апреля выбран членом Коммуны. За сдачу форта Исси смещен Коммуной и арестован, но судом товарищей оправдан. После амнистии в 1881 г. вернулся во Францию, писал в газетах «Коммуна» и «Марсельеза». За возбуждение армии к неповиновению приговорен к двум го-

тет и изложения задач вновь образовавшегося комитета программа предъявляет к ближайшему съезду два характерных требования: 1) «чтобы съезд точно и определенно высказался: признает ли он верным утверждение тов. Ленина, что рабочее движение, развивающееся самостоятельно, неминуемо ведет к трэд-юнионизму, к борьбе чисто-экономической (т.-е., что рабочий класс в таких случаях способен бороться только за пятачок, но не за общемировые идеи политической свободы и социализма)... особенно в применении к русскому рабочему движению в данный исторический момент политического беспорядка и экономического упадка страны, страдающей от хронического промышленного кризиса; 2) чтобы съезд вполне ясно резюмировал вопрос о тенденциях мелочного (??) централизма в партии, логически вытекающих из стремления охранять при помощи радикальной (??) интеллигенции рабочий класс от различных «ложных» шагов, потому что такой централизм, в широких размерах организуя недоверие к пролетариату, не только парализует всякую инициативу и живое отношение к делу, но и совершенно извращает великий принцип отца нашего (?) Маркса и придает ему нежелательную форму: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, но под спехой радикальной интеллигенции... «Нам нечего ждать толчка со стороны,—говорят в конце авторы программы,—мы и без того слишком долго спали, пора, наконец, самим взяться за свое собственное дело. Пролетарская интеллигенция поможет нам в трудной борьбе, поделившись своими знаниями и огромным революционным опытом, приобретенным ею на протяжении ее многострадальной истории».

Старая погудка на новый лад! Давно, давно слышали мы эти медовые речи о «самодеятельности» пролетариата, о прелестях стихийного развития, о необходимости взять, «наконец», свое дело в свои руки и т. д. С этой хвостистской демагогией боролась старая «Искра» и в первых рядах ее—Плеханов. Поэтому ка-

кой-то горькой насмешкой звучит сопоставление этой отрывки рабочедельчества со ссылкой на Плеханова, вывод хвостистских лозунгов из его статей. Демагогия принесла свои плоды. Сормовская группа наивно уверовала в фельетоны Плеханова, так уверовала, что даже с положениями Ленина она знакомится не по его брошюре, а по карикатурному изложению Плеханова. Ввиду этого лучше всего обратиться к самой книжке «Что делать?» и посмотреть, насколько основательна доверчивость сормовских [«рабочих» (?), заговоривших слогом искровских передовиц²⁾].

Еще на съезде партии Плеханов, защищая в то время Ленина и его брошюру «Что делать?», совершенно верно заметил: «Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Эти слова совершенно верно определяют смысл и значение Ленинской брошюры, и если Плеханов теперь говорит, что он с самого начала был несогласен с ее теоретическими положениями, то это только доказывает, насколько правильно умел он оценить действительное значение брошюры, когда не было надобности выдумывать «принципиальные разногласия» с Лениным. Действительно, «Что делать?» было полемической брошюрой, [целиком посвященной критике хвостистского крыла в тогдашней социал-демократии, указанию и опровержению специальных ошибок этого крыла³⁾]. Было бы смешно, если бы в брошюре, трактующей о «наболевших вопросах нашего движения», Ленин стал доказывать, что развитие идей, в частности научного социализма, происходило и происходит в тесной исторической связи с развитием производительных сил, [в тесной связи с ростом рабочего движения вообще]. Для него важно было установить факт, что нигде еще рабочий класс не доработался самостоятельно до социалистической идеологии, что эта идеология, [учение науч-

дам тюрьмы. Бежал из Франции. В 1888 г. на выборах в палату депутатов выступал как кандидат революционной партии, громил парламентаризм и радикальную, «клемансисскую» партию. В 1889 г. выбран во 2-ом округе Тулона в палату депутатов. Принадлежал к социалистической рабочей группе. Написал книгу «Армия и демократия» (1869) и два тома «Мемуаров» (1887), посвященных Коммуне.

(Н. Ленин).

В нижеследующих главах я намерен дать некоторые полезные советы, являющиеся результатом практического опыта, которым так мало кто владеет в настоящее время,—советы всем народам, без различия, потому что в более или менее отдаленном будущем, они нужны будут всем.

ГЛАВА I.

Общие соображения.

Надо хорошо усвоить себе то положение, что как в гражданских войнах, так и в борьбе с неприятелем пощады ждать нельзя, следовательно, и самому нечего щадить.

Сжигать немедленно свои корабли, таким образом, чтобы восставшим [не] оставалось [другого как]: или победить, или умереть.

Не считать никоим образом с мнением тех или иных лиц или с интересами той или иной собственности и проникнуться только той мыслью, что тот, кто хочет достичь желанного конца борьбы, должен пользоваться всеми средствами, которые ведут к нему. Достижение намеченной цели—задача слишком высокая, интересы, побуждающие к ней, слишком значительны, опасности, которым подвергаются, слишком велики, ответственность слишком серьезна для того, чтобы герои, предпринимавшие эту титаническую борьбу, [руководились какими бы то ни было другими] соображениями, [кроме расчета на победу]. Всякая сентиментальность была бы изменой.

Уличная борьба ведется не на улице, а в домах, не открыто, а в хорошо защищенных пунктах.

Главными принципами являются следующие:

Заменить численное превосходство индивидуальным мужеством и вследствие этого сократить до минимума поле действия, т.-е. бороться один на один.

Человек, доведенный до отчаяния, который борется из-за хлеба для себя и своих детей, стоит десятка солдат, сражающихся по приказу своих офицеров.

ного социализма] вносилось всегда социал-демократией, [что поэтому людям, принижавшим значение нашей сознательности, нашей догмы (именно рабочедельцам), необходимо было напоминать о долге социалиста вносить сознание извне. До какой степени ясно понимал эту нехитрую вещь Плеханов до кооптации, когда ему не было надобности пускаться в литературное наездничество, это всего лучше видно из следующих его слов] ⁴⁾ на партийном съезде против Мартынова (ныне ближайшего его сотрудника) и Акимова. Здесь Плеханов высказался очень определенно. «Революционной бациллою запрещено было говорить что-либо рабочим,—говорил он по поводу экономистов,—именно потому, что она—революционная бацилла, т.е., что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните бациллу, то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что он именно это и говорит (пр. съезда, стр. 123)». Прекрасный совет, и можно только пожалеть, что Плеханов сам им не воспользовался. Но и раньше, еще задолго до съезда, Плеханов признал и скрепил ту же ленинскую мысль в проекте программы партии, проекте, как он теперь говорит, писанном не Лениным (т.е. Плехановым?) *).

*) Примечание. Этим подчеркиванием того, что проект программы писан не мной, Плеханов первый выносит на публику в виде намека, попрека и упрека наши споры о проекте программы. К сожалению, он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т.е. утверждением пикантным, но неясным и непроверенным. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать?». Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах

Парализовать превосходство вооружения, делая употребление его невозможным, т.е. [стараться не быть] [мишенью] для [выстрелов]. Если неприятель хочет воспользоваться своей артиллерией, он сможет разрушить только то, что восставший разрушил бы сам; если он захочет стрелять, то в кого? Никого не видно. И в этом — то весь вопрос.

Восставший народ не имеет оружия, неприятель владеет им в избытке. Отсюда двойное следствие: наглость правителей, приниженность управляемых. Как сражаться с открытой грудью против [магазинных ружей]? Вот средство: сделать их бесполезными тем, что они не будут достигать цели, и противопоставить им разрывные снаряды, более гибельные для [зданий и имущества], чем для людей. «Война [имуществу]!» — таков должен быть лозунг будущих войн. Не следует колебаться перед разрушением того, чего нельзя защитить, если бы даже это относилось к целому городу. Это ниспровержение принципов буржуазной войны, войны с людьми, которые не стоят ничего, уважения собственности, которая стоит очень дорого. Если бы в 1870 году имели мужество взглянуть на войну с этой точки зрения, Франция не была бы раздроблена. Расстопчин спас

«Социал-демократия,—говорится в программе,—организует его (пролетариат) в самостоятельную политическую партию..., руководит всеми проявлениями его классовой борьбы... и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции». Итак, не пролетариат сам слагается в политическую партию, не «самодетельность» пролетариата руководит его классовой борьбой, не пролетариат сам доходит до сознания необходимости социальной революции, а, наоборот, все элементы сознательности вносятся в его среду социал-демократией—этой выразительницей сознательности рабочего класса (пресловутая глава в «Что делать?» так и называется: «Стихийность масс и сознательность социал-демократии»). Плеханов и не мог не подписаться под этой программой после того, как он с первых же номеров «Искры» впал в «ленинскую ересь». Действительно, что такое, как не соль преступной брошюры Ленина, заключает в себе следующее место в программной статье № 1 «Искры». «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача—не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана (о ужас!) его политической и идейной само-

о программе; 2) что я отстаивал и отстаивал включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее»; 3) что я отстаивал и отстаивал замену термина «трудящаяся и эксплуатируемая масса» термином «пролетариат» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники в шестерке упрекали его за недостаточно выраженный пролетарский характер партии в его проекте программы, защищался контр-обвинением, что я понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски. *Прим. Ленина.*

свое отечество тем, что сжег Москву. Но чего ждать от общества, которое оправдывает Дарблеев, поставщиков неприятелю во время войны, и, [таким образом], провозглашает [именем суда], что нет другого отечества, кроме денежного мешка?

ГЛАВА II.

Общие соображения.

Взрывчатый снаряд.—Военное оружие.—Без пощады.—
О собственности.

[Главным основанием для] замены военного оружия—взрывчатым снарядом является [особенность в] положении [ии] восставшего народа. Восстал ли он против своего правительства или против внешнего неприятеля, [во всяком случае его противник] является господином положения. [Он следит зорко], он не пропустит никакого военного оружия; сфабриковать [оружия] тоже нельзя, да если бы и была к этому возможность,—[все равно] не удастся снабдить всех. [Благодаря этому на стороне власть имущих окажется всегда подавляющее превосходство.

Для того, чтобы стрелять из ружей, нужно выйти из

стоятельности. Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность... А несколько дальше в той же статье говорится: «Отсюда сама собой вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением». И программная статья № 1-го не с неба свалилась, она была подготовлена извещением об издании «Искры». Вот что писала редакция в этом листке: «Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто-рабочей» литературой. Мы не так понимаем социал-демократию. А вот несколько строк, направленных не в бровь, а в глаз новоявленному сормозскому комитету: «узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, грозит со- в р а т и т ь движение на ложную дорогу».

Так писал и позволял писать Плеханов в тот светлый период старой «Искры», когда он, как никогда дотоле, находился в тесном общении с массовым движением пролетариата. Так писал Плеханов, да он и не мог писать иначе уже потому, что все приведенные ужасные «ленинские ереси» представляют лишь переложение мыслей главнейших теоретиков социализма и, прежде всего, самого Маркса. Вот что говорят творцы научного социализма в «Коммунист. манифесте»: «Коммунисты (т.-е. социал-демократы, т.-е. носители сознательности) отличаются от других рабочих партий только тем, что... на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его

целом. Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения»—(перев. Плеханова, стр. 17). «Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: превращение пролетариата в класс *), свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти». По поводу отмеченного курсивом места кстати заметим, что Маркс считает пролетариат классом, лишь поскольку он приходит к классовому самосознанию. Вот сжатая, но в высшей степени содержательная формулировка его взгляда, данная в «Нищете философии»: «Экономические отношения превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало одинаковость положения для этой массы, одинаковость интересов. Таким образом, эта масса стала классом по отношению к капиталу, но не классом в себе (für sich). В очерченной нами борьбе эта масса объединяется, конституируется как класс в себе. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами». В «Коммунистическом манифесте» Маркс довольно подробно останавливается на этой борьбе, в процессе которой совершается «организация пролетариев в класс и тем самым (damit) и в политическую партию» **). И вот эту-то громадную историческую задачу — превращение пролетариата в класс, пре-

*) Bildung des Proletariats zur Klasse. Это место переведено Плехановым неправильно: «Организация рабочего класса». Может быть, уже тогда Плеханов был «несогласен» с Лениным и углубил Маркса, преуменьшив роль «сознательности?»

***) Кстати, и это место неточно переведено Плехановым: «организация пролетариев в отдельный класс, а вместе с тем и в политическую партию» (стр. 12). Суть дела вовсе не в том, что пролетариат отделяется от

прикрытия]. В такой борьбе, какую я себе представляю, ружье бесполезно; [мало того], оно только стесняет. Место, не допускающее борьбы иначе, как один на один, требует и подходящего к этому оружия, как-[то]: кортик, [нож, топор], револьвер, ручная бомба и другие взрывчатые и горючие предметы, которые одни только и могут быть употребляемы.

Взрывчатый снаряд имеет следующие преимущества: его можно сфабриковать тайно; опустошение, которое он производит, гораздо более значительно, чем то, которое может произвести ружейный залп; действие его создает больше паники, чем жертв, и, брошенный с верх[них этажей], он не представляет никакой опасности для того, кто его употребляет. Такой же результат получается, если его бросить в отверстие, просверленное в стене, отделяющей соседнюю комнату; [взрыв сметет в ней все] и позволяет тому, кто бросил [бомбу], воспользоваться [паникой] для того, чтобы завладеть помещением и покончить с тем, что там находится.

Меньше всего надо думать о пощаде. Моральное впечатление, производимое бомбами, так сильно, что после нескольких взрывов, удачно произведенных, сопротивление сводится к нулю и дает возможность относительно уменьшить их употребление.

Меньше всего надо щадить полководцев ни до, ни во время, ни по окончании борьбы. Потому, что полководец является выразителем и исполнителем воли правителей, солдат же—только жертва. Правительства, а не народ ведут войны, и полководец представляет правительство, как солдат представляет народ.

Перенесение центра тяжести борьбы на истребление собственности, а не людей,—[есть правило, вызываемое следующими] соображения[ми]. Главное из них—это эгоизм правящих классов; [у них сердце бьется только тогда, когда трогают их собственность. Ради своего недвижимого имущества они продадут какую-угодно форму правления, а отечество—еще того охотнее. Угроза разрушения их собственности заставит их сдаться без разговоров на каких-угодно условиях. В войне гражданской это является хорошим и назидательным уроком]. Чем больше риск, тем [меньше ценность собственности. Обесценить] капитал во всех его формах,—такова должна быть постоянная цель гражданских войн. Но это [т вопрос не входит в] мо[ю] специальность.

В уличной борьбе восставший народ должен всегда держаться наступательной [так]тики, [предупреждать] неприятеля, но [держаться всегда под прикрытием].

Дальше я укажу, какие позиции важно захватить.

вращение его из разрозненной, бессознательной массы в сознательную, организованную силу, — эту задачу Маркс считает ближайшей целью социал-демократии. Говоря о практических задачах партии, о «наболевших вопросах движения», Маркс естественно учитывает медленный стихийный рост массы и [противопоставляет этой стихийности] сознательность социал-демократии. Это, конечно, нисколько не мешает Марксу правильно оценивать значение самостоятельного развития пролетариата в класс, перехода стихийности в сознательность. Точно так же и чисто-практическая — и, как мы видели, чисто-марксистская — постановка вопроса в «Что делать?» нисколько не противоречит самому ортодоксальному пониманию научного социализма. Недаром же Плеханов писал больше чем через год после прочтения ленинской брошюры, что Ленин «товарище-единомышленник», нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле» («Искра» № 41). И если впоследствии, в №№ 70 и 71 «Искры», Плеханов старается убедить читателя, что он всегда считал Ленина «неспособным к диалектическому мышлению», то всякий легко заметит, что [у Плеханова] «умысел другой тут был». Каков этот умысел, легко догадаться, если вспомнить, что между №№ 41 и 71 «Искры» лежит как раз момент кооптации меньшинства в редакцию и расхождение из-за этого Плеханова с Лениным. Как во всей кооптационной кампании меньшинства, так и в этом частном случае пришлось для приукрашивания позиции выдумывать несуществующие разногласия, писать демагогические фельетоны. Что пресловутые плехановские фельетоны, нисколько не разъясняя принципов (ибо о том, как следует понимать отношение сознатель-

других классов, а в том, что он из аморфной массы превращается в класс, или, по терминологии Маркса, из «класса по отношению к капиталу» превращается в «класс в себе».

ности к стихийности, говорится лишь вскользь и очень туманно), оказывают лишь демагогическое влияние, — лучше всего свидетельствует цитированный выше листок сормовских социал-демократов. Исходя из фельетонов Плеханова, они пришли к таким выводам, как отвержение социал-демократической интеллигенции, именуемой ими «радикальной», как провозглашение [рабочедельского (если не зубатовского) лозунга] ⁵⁾ «самодетельности», как отрицание централизма. Конечно, Плеханов сам бы отшатнулся от таких выводов его не в меру усердных последователей, как недавно Аксельрод отнекивался от выводов, сделанных из его демагогических статей «Рабочим». Но в том-то и суть всякой демагогии, что она обращается не к «сознательности», а к «стихийности», не к разуму, а к инстинкту, и потому сплошь да рядом приводит к таким последствиям, которыми не рады и сами демагоги. На культе стихийности строили всю свою хвостистую тактику рабочедельцы; это был их принцип. Наши новые рабочедельцы — новискровцы — повторяют теперь те же слова, те же термины, а между тем, по свидетельству упомянутого аксельродовского «Рабочего», они нигде на практике не осуществили никакого нового принципа: работа у них поставлена так же, как в комитетах большинства, и такое же у них отношение интеллигенции к рабочим. И мы предложили бы всех товарищам рабочим, для которых отношение стихийности и сознательности является таким жгучим, таким насущным вопросом, прочтя листок сормовских социал-демократов, подумать над следующими вопросами: почему провозглашение [рабочедельской фразы] о «самодетельности» пролетариата не привело меньшевиков к выработке нового организационного начала, более демократического? Почему «радикальная интеллигенция» вдруг превращается в «пролетарскую интеллигенцию», лишь только она переходит в ряды меньшинства? Почему централизм сразу перестает быть «мелочным» и вообще вредным, лишь толь-

ГЛАВА III.

Перед битвой.

[Надо хорошо запомнить, что важнее всего] занять [следующие пункты]:

- 1) Главные пункты общего и местного управления, как-то: дворец и городскую думу, в провинциальных городах градоначальство.
- 2) Более второстепенные пункты, как-то: министерства, банки, полицию, главный местный штаб, из них на первом месте министерство внутренних дел, военное, департамент полиции и управление почтами.
- 3) Тщательно изучить подземные телеграфные провода, газо- и водопроводы, сточные трубы.
- 4) Все дома, расположенные по соседству с указанными пунктами.
- 5) Организовать отряды каменщиков, кровельщиков, газовых рабочих. Им необходимо иметь с собой свои инструменты. Особенно необходимы каменщики.
- 6) Приготовить и запастись возможно большее количество разрывных снарядов, как-то: ручных бомб, ди-

намита, горючих веществ, не поддающихся тушению водой, и т. п.

7) [Заранее точно назначить, где будет главный штаб революционеров до тех пор, пока они не захватят главного намеченного пункта, и уведомить о месте нахождения штаба начальников отрядов].

8) Избегать перед началом решительных действий всяких сборищ, шума и чрезмерного движения, могущего возбудить подозрение и подать повод к репрессиям. Особенно избегать до поры до времени [единичного] употребления разрывных снарядов. Чем крепче неприятель будет спать, тем ужаснее будет для него пробуждение.

9) Никогда не писать ничьих имен, ни указаний относительно домов, улиц или тех или иных предметов, намеченных для борьбы, чтобы обыски оставались бесплодными.

10) [Запастись как можно большим количеством лазутчиков в тех домах, которые нужно захватить].

11) Тщательно наметить магазины и склады материалов, могущих быть полезными, как-то: москательные и бакалейные лавки, аптеки, склады химических товаров и т. п.

ко центры фактически попадают в руки меньшевиков? Разрешить эти вопросы—значит очистить свой ум от посторонних «умыслов» и подготовить его к правильному пониманию вопроса о стихийности и сознательности.

(В. Воровский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Баку (во время погрома). У нас, в Баку, погром. Страшный бакинский погром! Весь мир содрогнется от ужаса, когда станут известны безобразные подробности, сопровождающие этот погром... Мусульмане, подстрекаемые полицией п негодяем-губернатором, больше,—под их руководством, грабят, режут, жгут живьем несчастных армян. Много убито и русских. Вырезают целые семьи, рубят на куски женщин, маленьких детей... Ужас, ужас, сплошной, неопиcуемый ужас!... Вот уже третий день!... А войска—казаки и солдаты—бездействуют, молча созерцают все эти зверства. Многие солдаты на мольбы о помощи со слезами говорят, что ничего не могут сделать—стрелять не приказано.

(После погрома). Тотчас по прекращении резни начались митинги: 13-го—у нефтепромышленников, 14—у юристов, 15—учащих и учащихся, 16—татарско-армянский, 17—биржевиков, 18—думцев. Тотчас выяснилось гнусное поведение властей. Негодование охватило все слои населения. В два-три дня на этих митингах самые рядовые обыватели превращаются в революционеров и подписываются под соц.-демократическими резолюциями с призывом к вооруженному восстанию. Среди рабочих на промыслах настроение ещё более возбужденное. С согласия промышленников соц.-демократы ведут здесь открытую агитацию на ежедневных митингах, на улицах и в зданиях заводов и мастерских. Число участников доходит на митингах до 6 тысяч. Соц.-демократы призывают к братству народов и к объединению их с целью свержения самодержавия путем вооруженного восстания. Речи говорят на русском, татарском и армянском языках. По пути выясняются и другие пункты соц.-дем. программы, раздаются десятки тысяч листов собираются деньги на вооружение. Говорят,

не стесняясь шпионов; полицейских, которые пытаются проникнуть на собрания, выгоняют с криком: убийцы, подлецы! Учителя призывали родителей порвать всякую связь со школой, пока царит самодержавие. Все средние учебные заведения бастуют. На промыслах решено ради удобства агитации прекратить начавшуюся—было во время резни забастовку. В Балаханах 19-го на похороны 30 убитых собралось до 6.000 чел. Были речи, прокламации; полицию и казаков прогнали. Особенно бурные аплодисменты выпали на долю ораторов-мусульман на татарско-армянском митинге в 3.000 чел. 16-го февраля. События в Баку революционизируют весь Кавказ.

На Кавказе. Положение в крае серьезное. Отовсюду жалобы, что житья нет от революционеров. Движение, исходя из мастерских железных дорог и фабрично-заводских районов, быстро охватывает крестьянское население, сильнее проявляясь там, где население сравнительно более просвещенно, именно среди христианского туземного населения, для которого более, чем для других народностей Кавказа, было положено забот о школьном образовании; мусульмане пока не примыкают к этому движению. С особенной силой оно охватило местности, населенные армянами, преимущественно пограничные в Эриванской губ. и Карской области, где действуют армянские революционные комитеты, состоящие, главным образом, из выходцев из Турции «фидан», наводнивших край, на беду его, с начала 1890-х годов. Эти комитеты, организуясь и действуя подобно другим революционным комитетам, преследуют прежде всего свои национальные цели: в Турции добиваются автономии, с нами теперь ведут ожесточенную вражду из-за церковных имуществ (закон 12-го июня 1903 г.), в котором ни один правительственный агент не смеет прикоснуться без риска собственной жизнью. Убийства на этой почве следуют одно за другим. Много жертв намечено. Среди гурийцев Озургетского уезда (Гурии) уже около трех лет действуют свои национальные революционные комитеты, идущие против помещиков, духовенства и правительства. Уезд в полной власти этих комитетов; они вмешиваются во все мелочи жизни крестьянина: никто не смеет идти к кому-либо в услужение, и крупные хозяйства пустеют. Сбор в пользу духовенства, установленный взамен платы за требы («драмовой»), комитетом отменен; без их разрешения никто не смеет совершить купли-продажи; они устанавливают на все свои цены, определяя размер приданого невест, устанавливают повинности и проч.; обращение к содействию коронного суда и прави-

ГЛАВА IV.

Последние приготовления.

Перед битвой.—Постройка баррикад.—Захват домов.

В прошлой главе я указал те предварительные меры, которые необходимо принять.

Когда все подготовительные работы сделаны и исполнительный комитет считает момент удобным, он дает сигнал.

Каждый отряд действует в своей части города отдельно, наступая на неприятеля независимо от того, что делают в это время другие отряды и не теряя при этом ни минуты времени.

Отряды, назначенные для борьбы на улице, немедленно принимаются за постройку баррикад, в то время как другие захватывают угловые дома.

Первые воздвигают возможно большее число баррикад, исходя из того принципа, что баррикады предназначаются не для защиты борцов,—они будут действовать из домов,—а только для того, чтобы преградить путь [войскам], задержать их и дать возможность осыпаться их сверху из домов взрывчатыми снарядами, различной мебелью и вообще всем, что можно бросить сверху.

Вследствие этого, нет надобности, чтобы баррикады были особенно совершенны. Опрокинутые экипажи, сорванные с петель двери, различная мебель, выброшенная из окон, камни с мостовой, где они есть, бревна, бочки и пр., вполне достаточны для этой цели.

Перед баррикадами [разбросать по улицам] на возможно больше [м] про [тяжении] битого бутылочного стекла; наложить досок с вколоченными в них сверху острием гвоздями. [Если бомбы имеются в достаточном количестве, положить их, искусно прикрывши, однако, так, чтобы они могли взорваться]. Если же бомб мало, лучше приберечь их и бросать для защиты сверху из домов. Все эти меры предпринимаются, главным образом, против кавалерии. За баррикадами не следует оставлять ни одного человека.

ГЛАВА V.

Во время битвы.

Правила для занятия домов.—[Передвижение по верхним этажам].—Условия быстроты действия.—[Поджоги].

Отряды, назначенные к борьбе из домов, немедленно захватывают четыре угловых дома улицы, намеченных

тельственных властей наказывается смертью, и это распространяется не на одних крестьян: так погиб 31-го января местный помещик и мировой посредник кн. Накашидзе, убитый после того, как он только-что послал телеграмму к губернатору с просьбой о защите. Суд и расправа чинятся у гурийцев (как и у армян) исключительно только революционными комитетами. Смелость их доходит до того, что убитых ими они запрещают даже хоронить. Указаниям комитетов следует и учащаяся молодежь. В Озургетах городское училище открыто взбунтовалось; портрет царя разорвали, занятия прекратили. Училище закрыли. Там же, в духовном училище ученики стали идти против начальства; началось с того, что они молитву за царя стали ограничивать только началом: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достойные твое», переходя затем тотчас к следующей молитве. За царя и о «победе» молиться отказывались. Поодиночке ученики откровенно объясняли смотрителю, что так они действуют под угрозами комитета. Дело дошло до того, что сами ученики и их родители умоляли о прекращении занятий и роспуске учеников. Администрация училища вновь пригрозили смертью, было даже покушение на смотрителя, и училище пришлось закрыть; администрация его отсиживается в Тифлисе вместе с своим епархиальным епископом Дмитрием. Революционная пропаганда из Озургетского уезда проникает в соседние, в значительной степени охватив уже уезды Сенакский и Кутаисский. Говорят, будто при последних январских беспорядках манифестанты принуждали полицейских чинов и некоторых принудили нести перед толпой красные флаги с революционными надписями. Издевательства над администрацией шли, будто бы, и дальше; при объезде губернатором селеный толпы кричали ему грузинскую фразу, которую буквально можно перевести так: «Наверху бог, внизу государь», но итрой слов можно дать ей и другой смысл: «Долой царя», в каком смысле, для всей толпы ясном, и кричали губернатору, но ему переводили фразу в другом смысле, и он благодарно раскланивался перед толпой. Вслед за губернатором комитеты приводили сельчан к революционной присяге... В Самтреди к совершавшему проskomидию священнику подошел член революционного комитета с требованием не молиться за царя и прекратить богослужение. Возмущенный батюшка схватил злодея, повалил его и задержал его при помощи подоспевших людей. Не сдобровать этому священнику. Подобное Озургетскому движению замечается в Горийском уезде, но пока еще скрытно. Положение в Батуме, по слухам, крайне безотрад-

раньше. Часть охраняет нижний этаж, другая поднимается быстро в верхний и немедленно пробуравливает стену, соприкасающуюся с соседним домом, и так дальше по возможности на большее пространство. Остановиться следует лишь там, где начинается сопротивление. Не притеснять жителей, но не слушать их протестов. Не терять из вида ни на минуту, что успех может быть обеспечен лишь быстротой действия. Для неприятеля потребуется больше времени на то, чтобы взять приступом один дом, чем для борющегося народа для того, чтобы занять их сотню. А при начале борьбы [дома беззащитны, и кто первый нападет, за тем они будут].

Важно занять сейчас же верхние этажи в силу того, что если неприятель попытается начать контр-атаку из нижнего этажа, достаточно будет пробить потолок и бросить одну или две бомбы, чтобы отбить [неприятеля]. Точно так же если [неприятель идет по] тому этаж[у], который захвачен борцами, достаточно бросить в отверстие, проделанное в стене, бомбу, чтобы очистить позицию. Не следует ждать, пока неприятель оправится от страха, и захватывать ее немедленно. Если в распоряжении имеется достаточное количество людей, можно, конечно, атаковать сразу два этажа.

ное. Оттуда мне пишут 30-го января: «У нас полный перерыв общественной жизни: извозчиков нет ни легковых, ни грузовых; лавки, магазины закрыты, провизию достаем с трудом за повышенную плату; рабочих ни в какой области нет, прислуги нет, барыням часто приходится самим варить и жарить. Электричество на улицах не светит. Ежедневно убийства. Общая паника, никто не выходит из дому, на железной дороге снимают рельсы, стреляют в поезда». Автор письма (инженер) возлагает всю надежду на ожидаемые два батальона в дополнение к прибывшим уже двум сотням казаков. В Кутаисе не лучше батумского. Из Эривани пишут, что и там общая паника; особенно жутко приходится русским. В Тифлисе стало спокойнее. Забастовки (вынужденные агитаторами) прекратились, учащаяся молодежь притихла и принялась за учебу. Надолго ли все это, — неизвестно. Повидимому, генерал Малама склонен принять решительные меры против революционеров.

Таковы кавказские впечатления царского верноподданного. Для сопоставления приводим письмо товарища соц.-демократа.

«...Был в Гурии, Кутаисе и только-что вернулся в Тифлис. Наверно вам уже известно из газет о событиях, разигравшихся в Гурии, но уверяю, что все слышанное вами до сих пор, не составляет и сотой доли того, что происходит там в действительности. Для революции готова Гурия, которая в случае нужды сегодня же может выставить 15.000 отборных людей.

Женщины, старики и дети также увлечены этим движением и с нетерпением ждут начала революции, чтобы тоже вступить в борьбу с самодержавием и не отстать от своих мужей, сыновей и отцов. Гурийцы приступили к вооружению: открыто, среди белого дня нападают они на лиц, владеющих берданками, и отнимают, утешая тем, что по окончании революции берданки будут возвращены обратно.

...Трудно живется там слугам самодержавия. Не проходит дня, чтобы не было убито полицейское или какое-либо другое лицо, облеченное властью. Шпионы перебиты почти все. Недавно были убиты: князь Д. Гурнели, кн. Т. Накашидзе, С. Накашидзе и мн. др. Разумеется, убийцы остались на свободе. Да и кто должен отыскать их? Полиция, духовенство, судебное ведомство фактически уничтожены. Делами управляет сам народ. Преступников, число которых поразительно уменьшилось, судит открыто сам народ. Ворства, пьянства почти нигде не встречается. Собрания и митинги устраиваются открыто, главным образом в оградах

При самом начале восстания можно опасаться вмешательства лишь полиции или патруля. И вот, если позаботиться парализовать полицейский пост, ближайший к намеченным к захвату четырем угловым домам, то можно считать этот захват относительно легко исполнимым, а между тем он уже на 60% обеспечивает конечный успех. Следует занять обе стороны улицы. В противном случае у неприятеля будет возможность открыть огонь с другой стороны, что невероятно затянуло бы борьбу.

Правило, которого следует держаться при [движении по верхним этажам домов] к намеченному для захвата центральному учреждению, следующее: пробуравливать стены из одного дома в другой настолько, чтобы сделать проход возможным для одного, самое большее для двух людей, действовать возможно быстрее и подойти возможно ближе к намеченному пункту.

В том случае, если это центральное учреждение находится на площади и изолировано от других зданий, как это в большинстве случаев и бывает, следует занять возможно большее количество ближайших к нему домов и отрезать [всякое сообщение с этим зданием]. Произвести [вокруг этого здания раскопки и] уничтожить все подземные пути сношения с ним. Не рисковать

церквей. Свобода слова, собраний и союзов уже факт в Гурии. Недавно в Озургеты прислали 120 казаков, но, кажется, им недолго там оставаться. Уездный начальник уже оставил город... Революционными идеями питается каждый, к революции готовится всякий способный носить оружие. Одно явление печальное: нет у них в достаточном количестве оружия; если они преодолели и это препятствие, более им ничего не нужно.

Движение охватило и смежные провинции: Имеретию и часть Мингрелии. В Кутаисе, Самтреди, Хопи, Квирилах. Чиатурах и др. местах общие волнения. Пропаганда в армии приносит хорошие плоды».

Новая «партия». Перепечатаваем целиком доставленное нам из России объявление о «Христианском братстве борьбы»:

«В России организовалась новая политическая партия, именуемая «Христианским братством борьбы». Братство имеет целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Эти начала, введенные историческим христианством в сферу индивидуальной жизни, до сих пор не были сознательно положены в основу общественных отношений. В общественных отношениях до сих пор осталась нераскрытой «правда о земле», лежащая в самой сущности христианского учения. Раскрыть эту правду, действительно осуществлять вселенскую правду богочеловечества во всемирно историческом процессе и есть общая задача «Братства». Своеобразие и исключительность настоящего исторического момента сами собой определяют ближайшие частные задачи «Братства», необходимо вытекающие из общей основной. Эти задачи суть: 1) Борьба с самым безбожным проявлением светской власти—с самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества. 2) Борьба с пассивным состоянием церкви в отношении государственной власти, в результате чего церковь идет на служение самым низменным целям и явно кесарю предает божие. 3) Утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, содействуя переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой «Братство» призывает к совместной господней работе всех верующих во Христа без различия исповедания и национальностей в виду того, что борьба с безбожной светской властью имеет смысл не только национальный, но и вселенский.

«Христианское братство борьбы».

открытой атакой до тех пор, пока восстание, [победив] в других местах города, не станет достаточно сильным для такой попытки. Но сопротивление [войска в] гражданск[ой] войн[е редко] заходит так далеко, и войска не замедлят сложить оружие.

В том же случае, если дело принимает другой оборот, следует заняться исключительно разрушением и сожжением того, чего не удалось захватить.

ГЛАВА VI.

Во время битвы (продолжение).

Уничтожение домов.—Необходимость применения террора.—Подземные ходы.—Примеры.

Всякий дом, который нельзя [отстоять] или который не поддается захвату, должен быть сожжен. Огонь [случит здесь ту же службу, что рвы во] время пожара; он [точно так же] останавливает [движение врага и в то же время является средством атаки с нашей стороны].

Следует избегать показываться на крышах и балконах не только в [интересах] безопасности, но также

Вместе с тем нам доставлен изданный, повидимому, тем же «Братством» печатный листок следующего содержания:

«Православные христиане!

Синод обратился к вам с увещанием не заводить в государстве смуты, не быть заодно с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжелое время. Кому не известно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги? Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ. А когда петербургские рабочие с пением «Отче наш» шли умолять царя выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты и убили около 3.000 человек и ранили более 5.000 своих же братьев христиан... И после этого синод, забыв истинную апостольскую церковь, увещает вас, а не тех, кто довел вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что царь всех царей—господь, и что царская власть ниже воли господней, подобно тому, как митрополит Филипп обличал царя Ивана Грозного, измучившего народ опричиной. Митрополит Филипп говорил: «О, государь, мы здесь приносим жертвы богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Отколе солнце сияет на небе, невидано, неслыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно. В самых неверных языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России их нет. Достоиние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабеж, везде убийства—и совершаются именем царским. Ты высок на троне но есть всевышший судья наш и твой. Как предстанешь на суд его, обгаренный кровью невинных?»

Православные христиане! Перед вторым пришествием по слову божию «мерзость и запустение» станет на святом месте», т. е. большая часть церкви христианской предается в руки антихриста. Воззвание синода, поддерживающее мучителей христианского народа, свидетельствует, что время близко! Так не искушайтесь же воззванием синода, ибо на нем явная печать антихриста!»

Листок этот в ночь на 18-е февраля был расклеен по Москве в нескольких сотнях экземпляров. Было бы интересно выяснить, с чем мы имеем дело: с мистификацией народа или же действительно с новым течением?

Из деревни (Калужской губ.). Наша глушь ошупью, осторожно, но неудержимо поддается общему настроению. Са-

и для того, чтобы не давать неприятелю никаких указаний относительно успехов, достигнутых восстанием. [Раз мы наткнулись на сопротивление] неприятел[я, все равно], при [движении ли по верхним этажам или] около центрального учреждения, намеченного к захвату, следует пускать в ход все средства разрушения, которые имеются у восставших, и особенно поджоги. [Тут уже гораздо] важнее жечь, чем стараться захватить, [тут надо давать неприятелю примерный урок, изо всех сил стараясь] терроризирова[ть] его. Преобладающей чертой современных обществ является трусость, как логическое следствие эгоизма и излишества в наслаждениях. [Разорение], убийство, [все должно быть пущено в ход], чтобы добиться от них не пустых обещаний [на словах], а пол[ного подчинения]. Последнее относится столько же к международным войнам, как и к гражданской борьбе.

Когда отряды, работающие на улице, покончат свои приготовления, им следует обратить внимание на различные подземные провода. Перерезать около намеченного к захвату дома телеграфные проволоки, провода газа и воды, занять или прекратить действие канализации, смотря по тому, что удобнее для данного случая. В виду всего этого необходимо присутствие в отрядах

мые обыденные разговоры незаметно переходят к политике. «Спросите крестьянина: что нового слышно, и он ответит: «Мы што... вам видней... вот ежели насчет слободы, знамо дело, она теперь скоро будет... Куды уж... нешто устоят... весь народ требует, скрозь все желают! Теперь «их» подвяжут». Разговор возвращается к вопросу о погоде, и вдруг опять: «Да, пришли времена! Стачки эти, забастовки везде пошли». — «Ну, а вы как?» — «Куда уж нам... нешто пахать перестанем... без нас помещику помирать надоть. Ишь вон они как устроились, земля помещичья под окнами нашими идет. Ежели бы по закону, целый день сторожи, как бы к нему из птицы кто не забежал. Он завсегда кричит: Митяй, курей опять распустил! — Сейчас, — кричу, — ваше благородие, не спешите, никак путы для петуха не сплету. — Окинули нас помещики, как пауки сетью, — это не закон. А вот и другое сказать — земство. Нешто это закон? Все बारे сидят, нашего брата на порог не пускают, а ежели кто и попал, то он же и по должности находится, вот ты тут и говори! Сегодня в земстве сказал, а завтра тебя в зашей земский начальник прогнал, а то и зубы начистит. Земский у нас все, а правда у порога лежит, отошла... Мы вот как быть овцы, а बारे волки. Да хоть мы и овцы, да и то кусаться можем. Отбиваться надоть». — «Чего же вы хотите?» — спросил я и к своему удивлению получил ответ: «Хотим-то мы что? Чтобы скрозь все можно было описывать в газетах. Мы сейчас нашу бы нужду перед всей Рассеей выписали бы, — на, мол, смотри, народ честной, нешто это жизнь, нешто это порядки? Второе, чтобы над нами не куражились все, а то-есть чтоб мы свой голос имели во всех делах, — общее, значит, нам право нужно, чтобы мы все подравноту подошли, и каждый чтоб свой голос имел и в земстве, и во всех прочих делах». Другие крестьяне спрашивают: «Насчет государственного положения нет ли слухов каких: будет изменение?» Получив ответ, что это более всего зависит от самого народа и его настойчивости, крестьяне замечают: «Оно действительно так. Изменение должно быть... скрозь все этого желают». К нам в деревню только теперь докатывается волна городского возмущения. Газеты читаются с захватывающим интересом. Рабочее движение считается своим, «родным» движением. Деревня идет навстречу политическому возрождению.

(В. Бонч-Бруевич).

От ред. В заграничных газетах ежедневно стали появляться телеграммы о крестьянских волнениях в разных губерниях: Новгородской, Псковской, Курской Харьковской, Пензенской и мн. др. Мы уже сообщали (в № 10 «Вперед»)

о волнениях в Курской губ. Приводим выдержку из письма помещика Дмитровского уезда: «У нас очень неспокойно. Соц.-демократы (? ред.) изволят разбрасывать прокламации самого ярого содержания, призывая крестьян к убийствам и грабежу (?), забывая о том, что человека в зверином состоянии нельзя поить кровью ближнего без ущерба для этого же самого человека и для культуры, которую он, как озверелый, может смыть без остатка. В Прилепах несколько хуторов и Хотушу уже разграбили, а Дубковский и еще другой сожгли... Раньше, чем говорить об озверении крестьян, господа помещики не худо бы сделали, если бы заговорили об озверении царской гвардии, славного казачества и прочих российских башибузуков.

(М. Ольминский).

Согласно циркуляру Деп. Пол. 1-го дек. 1904 г. № 14.300 подлежат розыску:

1) Для ареста: С. Бамев, П. Беляев, Н. Богданов, Г. Бургин, В. Валюкевич, С. Вольф, А. Гаманюков, А. Ган, Г. Гданский, Л. Гипшман, В. Глебов, М. Гоберман, Р. Горювиц, Х. Гробман, А. Грюнвальд, М. Джамгаров, И. Добковский, Г. Дрыбина, К. Захарова, Х. Зисман, Е. Каган, Л. Каландадзе, Я. Каландадзе, Е. Кац, Я. Комаров, Д. Кр. в., В. Крохмаль, Д. Кунин, М. Куранов, А. Липкова, М. Лурье, Я. Михлин, И. Пиратинский, А. Попандопуло, И. Пренковский, А. Пресняков, С. Ритман, Д. Розенблом, Л. Рудницкий, Х. Рыбаков, он же Рыбак, Л. Следзинский, К. Сасс, П. Святой, А. Хлынов, Ш. Цыпкина, С. Червяков, М. Шиф, Ф. Яковлев, Ф. Яницкий, С. Гдалин, П. Гарелин, В. Гутковский, А. Таратута.

2) Для подчинения особому надзору: Г. Абрамзон, А. Абрамян, В. Айдельман, Х. Азеров, Г. Айценович, Н. Аронович, Х. Бабицкий, Б. Бабкин, М. Бальсам, Г. Параб, П. Баран, А. Баумгакер, Ш. Беспозванный, Н. Бессонов, Х. Белинская, А. Бельский, Я. Бергис, А. Борухова, И. Бродский, Б. Бурштын, Ф. Вайнденбаум, Г. Вайнер, М. Вакман, Я. Велюнский, Г. Верховский, З. Винер, А. Гаркуль, Е. Гарибджанов, А. Геожчани, З. Гильченко, Л. Гипс, Д. Гойхман, И. Головчинер, И. Гольцблат, Л. Гохват, А. Гриншпан, М. Гриншпан, Л. Гройсман, И. Гросман, Я. Гуральчик, М. Гурвич, Г. Дабулер, И. Дамскер, В. Данилевский, А. Дворкович, С. Девдариани, А. Довнарлович, Я. Доминко, О. Дробышев, Г. Эдельман, М. Эйдензон, А. Эстрин, Р. Жогот, С. Зильберглейт, Я. Иолюп, Р. Каган, В. Кантор, И. Капризляц, Г. Кимборовский, И. Киндерис, Х. Коленский, М. Кроун, Я. Круковский, И. Крынский, Б. Кукля, И. Кулерман, Р. Курган, Ф. Лапидо, Г. Левин, Л. Левин, Ш. Либерман, Х. Люель,

газовых рабочих, свинцовых дел мастеров и рабочих по устройству канализации. Принцип, который определяет и направляет их действия, состоит в том, чтобы изолировать совершенно пункт, намеченный к захвату.

Подступ по канализационным подземным ходам вещь опасная и неприятель в большинстве случаев имеет здесь более выгодную позицию. Лучше разрушить их.

Если восставшие располагают некоторым количеством ружей и людьми, умеющими хорошо стрелять, их следует поместить у окон, расположенных против намеченного к захвату здания, дать лозунг производить лишь хорошо рассчитанные выстрелы и стрелять только в командиров, отнюдь не в простых солдат, иначе выйдет лишь совершенно непроизводительная трата пороха.

Наиболее удобным для восстания временем является часа два ночи или день национального праздника в стране.

В первом случае придется считаться лишь с полицией да часовыми, если это гражданская война, или, самое большее, с патрулем, если это война с иностранным государством. Тем более, что все жители спят в это время крепким сном и не могут быть помехой.

Переворот 2-го декабря [был совершен] Наполеоном III в 4 часа ночи, что по летнему времени [соответствовало] бы двум часам ночи.

Битва при Сент-Бартелеми произошла в полночь. Растопчин сжег Москву ночью.

ГЛАВА VII.

Последняя фаза.

Непосредственное столкновение. — Пожар, как средство отвлечения. — Смерть, как крайнее средство.

Существует еще другой способ борьбы, [уже] устаревший, который иногда [бывает удачным]; это — [бой лицом к лицу] с неприятелем. [Такому бою должно предшествовать собрание толпы в определенном месте].

Женщины и дети идут впереди и при встрече с войсками бросаются к ногам солдат, [обнимают их, братаются с ними, а] мужчины стреляют в командиров [в то время, как солдаты опускают оружие].

Я испытал это, будучи офицером, и каждый из нас считает подобный критический момент в тысячу раз более опасным, чем какое бы то ни было сражение.

Э. Любович, Ш. Мазур, А. Малкин, С. Малыгин, М. Марголин, М. Марголис, Д. Маркман, Я. Маркэвич, М. Марочник, С. Мельник, Ш. Мер, И. Миковский, Ю. Митув-Гинзбург, Б. Могилевский, П. Мотольский, П. Назаров, М. Нахимовский, М. Окунь, Е. Павлов, Р. Панемоне, А. Паулиш, П. Пересвегов, Ф. Перльмутер, Е. Поломарева, Л. Порецкий, М. Порной, Я. Трибульский, М. Павлова, Х. Рабинович, А. Родлюс, Д. Рубальский, Н. Русак, З. Савин, А. Саксонов, Ю. Салерштейн, Г. Саркисов, Б. Сафьян, И. Сахаров, С. Свердлов, Г. Скорлато, М. Скутельский, Л. Слоним, И. Столяр, Х. Струина, М. Сагаев, М. Ташлицкий, Г. Тер-Акопов, А. Туляков, М. Фишер, И. Фланцвайг, Ш. Фрейгин, Ш. Френкель, Д. Фортессер, А. Фрумковский, И. Хазак, З. Халецкий, М. Хемиги, Ц. Цельмин, М. Чижик, О. Чижик, Е. Чуб, И. Шапиро, С. Шапиро, И. Шафир, В. Швейцер, Л. Шитновичер, Ридер, А. Шлемензон, Р. Шляхтман, Ю. Шмерин, Г. Штейман, Р. Штейн, Ш. Шустерман, Н. Шустер, А. Юсим.

3) С целью препровождения для подчинения особому надзору:

Р. Ауфшляк, Е. Афанасьев, А. Берман, А. Вайншельбаум, Л. Виноград, Г. Гарковский, А. Гастев, М. Гросман, Г. Жаботинский, С. Ковальчук, М. Крулицкая, Л. Маргенштейн, М. Неберо, Ф. Пружинин, Г. Розет, М. Рубенштейн, А. Ружанский, Л. Фишельс.

4) Для подчинения гласному надзору: П. Квита, А. Рабинович, И. Рабинович.

5) Для подчинения секретному наблюдению: Ш. Неденберг, Я. Сосник.

6) Для препровождения в распоряжение начальников Губ. Жанд. Упр.: С. Дуб, Д. Каплан, В. Лебедев, В. Ломтатидзе, Н. Ломтатидзе, А. Рабинович, Х. Рабинович, С. Рамишвили, Х. Сиоюк, Г. Ципцадзе.

В том же циркуляре упомянуты следующие лица, розыск которых прекращен.

1) Вследствие ареста: Т. Багинский, М. Баркан, А. Баренбаум, М. Борд, М. Вагулин, А. Галошинский, А. Готлиб, А. Гоц, А. Замбор, Д. Кузнецов, Г. Мазур, Н. Мандельштам, Б. Миткевич, П. Муравьев, Р. Розенблюм, Н. РаSTOPЧИН, М. Слепой, С. Слетов, В. Сабини, И. Толаквалдзе, Б. Флигер, И. Холин, Е. Худякова, Е. Цывни, И. Цивцадзе, В. Чхиквишвили, И. Шлюкер, А. Яхинсон.

2) Вследствие прекращения дознания: В. Амстердам, З. Браинни, О. Буданский, А. Гвиздовский, П. Глазман, Х. Гольдберг, Б. Езлин, Г. Иванов, М. Каролицкий, Л. Люльев, Г. Миркин, К. Мурашко, М. Печеник, Х. Померанец, Г. Розенблюм, Д. Третьяков, К. Тюрн, И. Филковский, Х. Шлахтман, А. Шумах, Р. Яворовский.

Мы прекрасно знаем, что стоит только произойти такому [соприкосновению],—и все кончено. Поэтому [офицерам дается приказ] избегать [его] во что бы то ни стало. [Вот чем объясняется паляба] залпами на бульваре Капуцинов 24-го февраля 48-го года. Единственная трудность—это добиться такого соприкосновения вопреки командирам].

К подобным средствам, так же, как к поджогам вдали от театра действий, можно прибегать лишь, как к военной хитрости, дающей отрядам, работающим на улице и в домах, большую свободу действий. Если дело решит подобное соприкосновение, тем лучше; если оно потерпит неудачу, оно облегчит, по крайней мере, инициативу других отрядов.

В такой отчаянной борьбе, где [с самого начала] приходится хладнокровно смотреть в глаза смерти, [как вероятно] исходу, не следует дрожать перед ней и везде, где позиция проигрывается, лучше [взорвать все и вся], чем стараться избежать смерти разными увертками. Такие [увертки] выз[вали бы] только водущевание в рядах ненавистного победителя и угнетающе действовали бы на нравственное [состояние восставших]. Смерти этим не избежать, она все равно

3) Вследствие освобождения от наказания по манифесту: В. Бейдик, А. Гдовский, А. Горелик, М. Гундер, Э. Гурецкий, Ф. Зенкевич, И. Ионтер, Г. Каган, Х. Кальварийский, Я. Квинт, Б. Кулик, Ш. Мерин, М. Надворский, Т. Понизовская, А. Розенфельд, Г. Свирицкий, Э. Флак, Ш. Ципкин, А. Чернявский.

4) По разным причинам: Г. Александров, Е. Андреева, Ф. Бернштейн, М. Белкин, Ф. Голуков, Ш. Гостхоржевич, Ш. Гринблат, Ф. Дембо, А. Долгоруков (князь), М. Колодный, О. Кушнер, А. Лозинский, Г. Луци, М. Мец, А. Минасянц, Д. Постолювский, Л. Рогов, Ф. Русин, Л. Сандрович, С. Старчевский, С. Цедербаум, Н. Швейц-Букштейн, К. Иванов, Я. Минц.

Подлинный циркуляр в 88 печатных страниц сдан редакцией в Библиотеку и Архив Партии (в Женеве), куда интересующимся и предлагается обращаться за более подробными справками.

Одесса. 13-го февр. публичная лекция адвоката Пергамента закончилась при громких аплодисментах и криках: «Долой самодержавие!» Перед началом лекции с хор было брошено несколько прокламаций, и публика надеялась, что «что-то» будет. Но «высший тип» долго не начинался. После долгого и томительного ожидания кто-то закричал: «Прочтем резолюции (?), так как оратора нет». «Оратор есть»,—раздалось в ответ. «Ну, так говорит!» В это время на пустых хорах появились какие-то «диссонирующие физиономии». «Долой шпионов!»,—и рожи моментально исчезают. Оратор, которого закрывает кучка молодежи (электричество не потушено), начинает скучновато излагать общие соц.-дем. взгляды и демократические требования. Все внимательно слушают и дружно подхватывают возглас: «Долой самодержавие!» Оратор заканчивает чтением программы-минимум, при чем из публики поправляют, когда он сбивается.

Второй оратор начинает возражать Пергаменту с соц.-дем. точки зрения. Его прерывают крики: «Долой полицию, полиция здесь!» Действительно, через дверь видны полицейские шинели и башлыки. Публика приходит в азарт. В полицию летят стулья, плевательницы и сбломки мебели, сокрушенной напором взволнованной публики. Свист, крик «Долой полицию» и брань смешиваются с пением «Варшавянки» и с истерическим плачем нескольких женщин. Полицейские стоят, как окаменелые. С улицы входит отряд пехоты с ружьями и заполняет лестницу и коридоры. При виде солдат начинаются крики: «Убийцы!», «в кого стрелять будете?» и т. п. Солдаты выстраиваются шпалерами, пропуская медленно движущуюся толпу к выходу. Лица у солдат смущенные, растерянные. Каждый из идущих ме-

придет, но только смерть позорная, сопровождаемая насмешками и издевательствами конвойных и палачей.

Напротив, геройские жертвы сеют ужас в рядах врагов, обескураживают их и возбуждают дух борцов, приближая их к победе.

[В самом деле], чего [хотят] восставшие? Славы лично для себя? В таком случае [им лучше] оставаться дома. Нет, только идея, великая идея освобождения от угнетателей вдохновляет людей на такие нечеловеческие жертвы. Пусть же они умирают спокойно с удовлетворенным чувством исполненного долга, отщепенца врагам и достижения желанного успеха. [Их смерть есть верная] победа их [сторонников, залог] беспощадной [казни над] угнетателями, уверенность в светлом будущем [их потомков].

Что может быть [благороднейшим], высшим утешением для них?

жду шпалер обращается к солдатам с увещаниями, они тяжело вздыхают, опускают глаза и шепчут: «Нешто мы по своей охоте?»... «Тоже, ведь, и нам»...

Публика вся разошлась, так как было очевидно, что нет смысла продолжать демонстрацию в присутствии войск и не имея оружия. Было арестовано человек 5—6. Через полчаса, когда почти все разошлись, прискакали казаки и оцепили здание.

Заявление Георгия Гапона в Интернациональное Социалистическое Бюро.

Избегая недоразумений, могущих повредить делу вооруженного восстания русского народа за хлеб свой насущный (требования петиции петербургских рабочих),—восстания, которое одно может как обеспечить интересы трудящихся масс, так и создать верную и надежную почву для действительного торжества в России принципов социализма, а также опасаясь быть связанным в своем стремлении к правде и свободе по дороге своего собственного убеждения, я прошу Интернациональное Социалистическое Бюро оповестить социалистические органы, что, предлагая вторично социалистическим партиям в России поспешить с соглашением между собою для объединенных и планомерных боевых действий по подготовке вооруженного восстания в России, я считаю вопрос об официальном вступлении в ту или иную из социалистических партий несвоевременным и лично для себя пока открытым.

С братским приветом: «Да здравствует международный социализм!» остаюсь Георгий Гапон.

23 (10) февр. 1905 г.

От ред. Читатели видят из этого заявления, что сообщение «Искры» (№ 87), будто Г. Гапон примкнул к социал-демократии, оказалось вымыслом.

Петербург. 18-го февраля на некоторых заводах распространены листки, в которых прямо говорится то, на что прозрачно намекает царский манифест: в них напечатано приглашение бить студентов и соц.-демократов, врагов царя. Источник манифеста и этих листков, очевидно, один и тот же. Но миновала пора, когда слуги самодержавия могли водить за нос пролетариат: он уже стал настолько сознательным, чтобы понимать, где его враги; он знает, что его враги—самодержавие и капитализм. Рабочие только смеялись над этими листками и называли их провокаторскими. Это стало, конечно, известно охранному отделению: убедившись, что массового движения не вызовет, полиция ударила отбой, и появился рескрипт на имя Булыгина.

От забастовки к вооружению. 21-го февр. студенты Киевского ун. и Политехн. инст. на сходке в 679 чел. выразили свое отношение к царскому манифесту и рескрипту на имя Булыгина. В резолюции сказано: «Мы рассматриваем царский манифест, обращенный только к «верноподданым», как призыв к мобилизации самых темных сил реакции... а рескрипт... как наглую и глупую спекуляцию на доверие и политическое недомыслие пассивных и трусливо-умеренных элементов господствующих классов. Мы призываем все революционное студенчество к организации в вооруженный академический легион, как один из отрядов вооруженного народа, для обороны населения от бешенства подонков реакции и для присоединения к революционному пролетариату, ставшему во главе всех боевых сил народного освобождения». После сходки было поднято красное знамя.

Крестьянское восстание. (Сев. у., Орловск. губ.). Пишу вам под первым впечатлением революции, так как другого имени движению, охватившему весь наш край, дать нельзя...

Началось аграрное движение в Курск. губ.—в селах Сальном, Холзовке и Добр. Поле. Были распространены прокламации. От имени царя призывали отбирать землю у помещиков и купцов. Кроме того, распространялись книжки, где объяснялось, что нужно отбирать в экономиях запасы хлеба и овса, на работы в экономии не ходить, чтобы лишить помещиков возможности засеять поля, чтобы заставить их волей-неволей уступить земли крестьянам...

Крестьяне этих деревень назначали сборные пункты, где определяли: какого числа, в какой экономии забирать хлеб; должны были брать обязательно под страхом угрз

от вожakov партий ближайšie к экономии крестьяне. В назначенную ночь собирались все с факелами и трубили в рожки или били в набат, чтобы созывать народ. Экономии, предупрежденные заранее, почти везде отдавали продукты без сопротивления.

Так было с экономиями... Заводы же разбивали и сжигали. Так, сожгли винокурный завод Гломаздино и Хинель, где уничтожили все постройки. Два дня у нас все освещалось заревом этого завода. Сожжены: огромный сахарный завод—«Михайловский хутор» и Свесса (?) Черниговской губ. Разбивали и жгли заводы партии в 10—15 тысяч человек. Убийств не было.

Движение катится, как лава... Идет передовая партия, а к ней пристают по пути из деревень. берут, что нужно, в экономии и идут дальше. Из Курской губ. перешли в наш уезд, а теперь уже в Черниговскую губ.

Движение поражаело своей стройностью и организованностью, но, разбив винокур. завод, многие пили буквально до смерти. Теперь есть пьяные шайки, которые жгут и пугают народ прямо зря, почему паника царит страшная. Как ночь, то все вооружаются, и сами крестьяне боятся этих шаек. Но это явление побочное.

Кто организовал движение—разобрать невозможно. Полиция играет очень странную роль. Во-1-х, кто-то упорно возбуждает крестьян против «панов» тем, что «если они землю не заберут, то с нового года паны их опять сделают крепостными». Во-2-х, солдаты являлись в экономии только тогда, когда все было уже окончено. Когда разбивали завод в Хинеле, то солдаты были в 6 вер., на заводе все время давали тревожные сигналы, все их слышали, но солдата ни одного не послали, а когда все было уничтожено, то пришли и солдаты.

Теперь везде идет у крестьян обыск; отбирают взятый хлеб и заставляют отдавать экономиям; розги привозят возами; расправа теперь с крестьянами идет во-всю, но в то же время позволяют движению разгораться шире. Только царские имения охраняются усиленно, да полиция едет не иначе, как с конвоем в 50 солдат... Среди крестьян—там, где идет следствие и расправа—царит уныние, хотя везде громили единодушно...

В нашем районе разбито до 20 экономий, в числе их 4 завода. Что будет дальше, ничего нельзя сказать. Теперь по ночам и сторожа, и патрули. Состояние ужасное, вспоминаются картины времен Пугачева. Когда я дописываю эти строки, кровавое зарево опять освещает небо: горит завод в трех верстах от нас, а солдаты и полиция пахотятся возле и не считают нужным идти к заводу.

От ред. «Кто организовал движение,—разобрать невозможно»,—пишет автор письма. Не прольет ли света на этот вопрос другое письмо, полученное нами из Московск. губ.? Вот что пишут оттуда: «В церкви священник в проповеди возбуждал народ против земцев и вообще «служащих господ из обедневших дворян», мечтающих только о восстановлении крепостного права. Священник этот—довольно порядочный человек; он читал проповедь по бумажке, весь бледный, с трясушимися губами. После обедни одна обывательница спросила его: «Батюшка! Да что же это вы делаете?»—«И не говорите! Сам не знаю что... велят, ничего не поделаешь. Просто в пору бежать из священнического сана»...

(М. Ольгинский).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Комиссия Булыгина. Приводим часть воззвания, обращенного «ко всем рабочим» и изданного в России Бюро Комитетов Большинства.

«Буржуазия, которой и теперь недурно живется, сумеет отстаивать свои права и интересы и при будущей конституции. Но будут ли в комиссии Булыгина представители рабочего класса и крестьян, которые бы защитили их права и требования? Это, товарищи, зависит от нас самих. Мы выставили на своем знамени требование созыва Учредительного Собрания, представителей всего народа, избранных

В венок убитому товарищу. 18-го января пал от пули царского палача наш товарищ рабочий

Иосиф Егорович Кэнонов.

Он умер, как подобает умереть всякому рядовому той великой армии, которая называется всемирным пролетариатом. Он пал, как готов пасть каждый из нас, за рабочее дело. Он пал со знаменем в руках, под сенью которого рабочий класс несет обновление всему старому миру... Он пал..., а полицейская сволочь, словно стая воронов, кружилась над ним. Он лежал уже в предсмертной агонии... а они продолжали издеваться над ним, топтали ногами, били шашками и нагайками.

Царскому правительству мало было кровавых бань в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и других городах. Двуглавый орел не может утолить своей жажды; ему нужны все новые и новые жертвы. И вот, в море крови, в котором купается царское правительство, влилась новая струя молодой благородной крови. Кровь лилась в Петербурге, Москве, Риге, кровь пролилась в Томске, кровь еще будет литься.

Рабочий класс знает это. Он знает, что нигде в мире свобода ему не давалась, а везде была добыта им кровью и жертвами.

Кровавые боины, устроенные царским правительством, убедили его, что самодержавный тиран не сдастся без боя.

Тюрьмы и виселицы не запугают рабочий класс, штыки и пули не остановят революционного движения пролетариата.

Жертв уже положено много, жертвы еще будут, без жертв не обойтись. Так не будем, товарищи, бесцельно проливать слезы по новой жертве царского произвола.

Почтим память убитого товарища борца лучше... дружнее соединимся под знаменем социал-демократии и нанесем окончательный удар царской монархии...

И всем, кому дороги интересы пролетариата, скажем:

«Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах;
Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет,
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед».

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ТОВАРИЩУ БОРЦУ.

(Листок № 75 Томского Комитета).

всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Теперь настало время поддержать это требование всеми нашими силами. А сил у нас достаточно; помните, товарищи, что нашими трудами живет все общество, — прекрати мы работу, и вся жизнь в государстве остановится. Если наши представители не будут участвовать в установлении порядка выборов в будущее законодательное собрание, то они не попадут и в это собрание, или парламент, и наши права и нужды никто не будет там отстаивать. Поэтому мы требуем, чтобы в комиссию Булыгина члены были выбраны от всего русского народа всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, и тогда эта комиссия превратится в народное Учредительное Собрание. Только такое собрание может с пользой для рабочего класса и всего русского народа установить порядок издания законов и вообще порядок управления государством; только такое собрание имеет право решить вопрос о войне и мире. Всякая же другая комиссия, в которую попадут только представители буржуазии, земцы и даже либералы, есть обман русского народа.

потому что она будет стараться сохранить «незыблемость основных законов империи», как сказано в царском манифесте, т.е. сохранить самодержавие, разделив власть и права между чиновниками, попами, полицией, жандармами, шпионами и представителями буржуазии—капиталистами, землевладельцами, и лишив власти и прав рабочий народ.

Итак, товарищи, мы требуем избрания всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием представителей всего русского народа для учреждения государственного порядка (конституции), но уже на примере комиссии Шидловского мы видели, что выборы возможны только тогда, когда есть у нас основные гражданские права. Поэтому мы требуем теперь же, до назначения выборов: 1) освобождения всех товарищей и вообще всех заключенных по политическим делам, 2) неприкосновенности личности и жилища всех граждан, 3) свободы союзов и стачек, 4) свободы слова—устного и печатного, 5) свободы собраний. Мы проведем наши требования на рабочих собраниях всей России. Мы предъявим их как правительству, так и либеральскому обществу. Мы не перестанем бороться, товарищи, пока наши требования не будут удовлетворены. «Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует революция!»

Бюро Комитетов Большинства.

Петербург. (Путиловский завод). Первые 34 человека, выбранные в комиссию Шидловского, были подкуплены директором завода. Один же из них оказался честным человеком и выдал польстившихся на предложенные по ста руб. на человека, назвав их негодьями, продавцами своих братьев-тружеников, с которых, как и с них же, дерут последние облачения тела, т.е. кожу, в которой они появились на свет. 13-го февр. был произведен новый выбор. Директор Смирнов угрозой расчета принудил всех рабочих дать подписку, что согласны работать на условиях, данных директором, без удовлетворения требований рабочих. И, чтобы не лишиться возможности внутри стен завода продолжать начатое дело, т.е. стачку, все поголовно дали подписку. Это сделано во избежание междоусобицы. Стачки же продолжать решено общими голосами два раза в месяц и этим путем добиваться поставленных требований. Два раза в месяц делать стачки, это не отзовется на благосостоянии рабочих, а заводу будет чувствительный урон, и самолюбие Смирнова должно стухнуть и прийти в равное состояние самолюбию рабочих.

Путиловцев.

Проделки зубатовцев. Как удобно всякому проходимцу ловить рыбку в мутной воде зубатовских «обществ рабочих», показывает следующее письмо петербургского рабочего:

«Товарищи Российской бумаго-прядельной фабрики и всех фабрик и заводов, посмотрите, как обманывают нас провокаторы и подхвостники администрации; вот приведу я вам истину ту, что случилось на Российской бумаго-прядельной фабрике. Есть у нас прядельщики, которые были записаны в фабрично-заводские союзы и один был депутат, а остальные были помощниками и союзниками ему. Вот имя депутата: Федул Иванов,—первый прохвост и негодяй оказался. Он тащил записываться первого попавшегося, а то бывали случаи, у многих возьмет денежки: я тебя запишу, а денежки прикарманывал себе.—ладно, мол, ходи, ты записан. И вот еще факт: после 9-го января была забастовка и в то время один человек из ихнего общества дал ему общественных денег 36 рублей на раздачу или на сбережение; но он, не будь дурень, кашу завялил, а масле и ешьте вы сами, товарищи, а я свою шкуру поберегу, уеду в деревню, а когда фабрика будет работать, то пришлите мне письмо, и я приеду. Оно так и случилось. А о денежках он никому не сказал: приехал опять и работает.

Случилась у нас вторая забастовка 3-го февраля. Вот он со своими помощниками и давай передавать, кто завел стачку, и давай клеймить и позорить честных людей, которые делали ему добро и его помощникам не стали платить злом. Наметили, значит, они человек десять, а то и больше, и вот случилось 7-го февраля приходят все к фабрике и заявляют, что мы желаем работать хоть 15 часов в сутки, только увольте у нас бунтовщиков, а то мы не примемся за работу. И, действительно, одного уволили, а остальные работают; я скажу кого уволили, тот чело-

век никогда не делал вреда, совсем напротив и им всем добро делал; так, товарищи, где же у нас солидарность среди товарищей, как мы можем добиться 8-часового труда, как не борьбой? И вот опишу имена этих прохвостов: Федул Иванов, Никифор Гаврилов Титов, Степан Урядов, Николай Чуркин, Никита Антонов, Евдоким Николаев Слепцов. Товарищи! Надо положить конец. Да здравствует социал-демократия, да здравствует 8-часовой рабочий день, долгой самодержавие!».

Петербург. Многие заводы бастуют вследствие отклонения их требований комиссией Шидловского. Рабочие усиленно требуют вооружения. Пролетарский инстинкт не мирится с тем отношением к ближайшим задачам, которое проповедуется здесь меньшевиками: «Революцию вызвать, конечно, легко, но что из этого выйдет? Ведь, рабочая масса бессознательна, и революция будет на-руку только буржуазии, которая обманет пролетариат и воспользуется его победами для себя. Революция преждевременна, нужна самостоятельность масс. Вооруженное восстание немисливо, по крайней мере в ближайшем будущем, ибо масса недостаточно сознательна, чтобы выйти с оружием в руках». Можете себе представить, какой разврат выносится такой проповедью в рабочую среду! Приходится часто слышать от рабочих, напичканных меньшевиками, такие рассуждения: «Великая французская революция ничего не дала рабочим, а стоила им огромных жертв». Молодой рабочий, в каждом движении которого так и чувствуется молодая революционная сила, пытается возражать против идеи вооруженного восстания, но,—смотришь,—через полчаса, увлекшись этой идеей, он строит уже планы уличных сражений и т. д. Видно, что в глубине души он страстно мечтает о восстании, и что все эти рассуждения на тему «не вооруженное восстание, а самостоятельность» навешаны на него извне, привиты искусственно.

Киев. Интересная картина забастовки жел.-дорожных служащих. Толчок был дан газетными известиями о забастовках на других дорогах. В день получения газет (7-го февр.) было первое собрание группы служащих. На другой день был выработан план действий и издан на мимеографе проект требований. В виду уровня и настроения массы решено было резких политических требований не выставлять. 10-го было собрание до 2.000 служащих; председателем был избран А. Г. Шлихтер. Поведение этого громадного собрания забитейших обывателей-двадцатников невольно вызвало характеристику: «рабы взбунтовались». Первые попытки политических речей, поднятие вопроса об отказе давать деньги на войну, появление требований, переизданных Киевским Комитетом Р. Соц.-Дем. Раб. Партии,—все это вызывало протесты; подпись на требованиях: «Типография К. Ком.» с негодованием отрывалась. А через несколько дней—какая разница! Коллективная, организованная борьба преобразила служащих. Особенно содействовало воспитанию массы ее непосредственное привлечение к участию во всем ходе борьбы: не депутаты работали за массу, а масса вместе с депутатами: как только депутаты успевали обработать два-три пункта требований, эти требования сейчас передавались на общее обсуждение; общее собрание и собрание депутатов заседали одновременно в разных залах. Иные собрания длились непрерывно с 10 ч. утра до 2-х ч. ночи. Особенно поднялось настроение после речи и заявления о грубом обращении. К концу недели были удовлетворены все те требования, удовлетворение которых зависело от местного начальства; об остальных сделан по телеграфу запрос в Петербург. Последнее заседание закончилось уже речью о необходимости политической свободы и созыва учредительного собрания. Трудно передать, с каким энтузиазмом была встречена эта речь. Комитетские листки, вызывавшие протесты, теперь нарасхват берутся служащими. Вчерашние рабы сознали себя гражданами.

Орша. Район у нас громадный. Вокруг—фабрики, заводы и прекрасные связи. Есть связи и с крепостными деревнями. Но связи, к глубокому сожалению, остаются мало использованными: литературы и листков крайне мало. Поддерживаем дух городских рабочих массовками. Недавно было три собрания приблизительно по 50 человек; сошли очень оживленно. В последний вторник в Дубровке было собрание в 50 чел. Настроение прекрасное. Разошлись с революционными песнями. В среду состоялось в Борони собрание 55 русских

рабочих, оставившее во всех участниках очень хорошее впечатление. Но все это капля в море в сравнении с тем, что можно бы и, значит, должно бы сделать.

Нас просят напечатать следующее заявление:

«Товарищи! Придя к заключению после долгого опыта, что пропаганда и агитация между фармацевтами с целью присоединения их к великой армии российского пролетариата, борющегося за свержение самодержавия в ближайшем будущем и за замену буржуазного строя социалистическим в дальнейшем, имеет свои специфические особенности и потребности, удовлетворить которые в достаточной степени сможет только организация, состоящая из представителей той профессии, на членов которой она предназначена реагировать, мы, «Группа Фармацевтов», решили начать агитацию за создание профессиональной организации «Российского Союза Фармацевтов». Мы надеемся, что все понимающие необходимость тесного сплочения российских пролетариев вообще и фармацевтов-пролетариев в частности для борьбы с двойным врагом трудящейся России: царизмом и прячущейся за его спиной кучкой капиталистов,—откликнутся на наш призыв и помогут нам в заложении того фундамента, на котором будет построен «Российский Союз Фармацевтов».

Группа Фармацевтов.

Все желающие войти в сношение с «Группой Фармацевтов» могут через российские организации пересылать все нужное во «Вперед» с отметкой для «Группы Фармацевтов».

Изобретатели разногласий. Революционный момент выдвинул весьма важный вопрос—влияние на солдат,—как одну из важнейших задач подготовки восстания. Все социал-демократические организации без различия направлений соглашались, что от успешности нашей пропаганды среди солдат в значительной мере зависит успех восстания. И целый ряд комитетов не преминул обратить свои усилия на расшатывание этого устоя самодержавия. Между прочим, Рижский комитет распространил листок «группы солдат», в котором после описания тяжелого материального и нравственного положения солдата выставлялись след. требования:

«Потребуем везде, по всем ротам, батальонам и полкам:

1) Чтобы нас не заставляли исполнять полицейских обязанностей и не посылали против забастовщиков и демонстрантов.

2) Сокращения срока службы до двух лет, как установлено теперь во Франции.

3) Права сменять фельдфебелей, неугодных большинству роты.

4) Вежливого обращения со стороны начальства.

5) Права беспрепятственно получать письма и книги без просмотра начальства.

6) Увеличения жалованья не менее 1 рубля в месяц и выдачи полного заработка на вольных работах.

7) Улучшения казарм и передачи заведывания харчами и кухней в руки выбранной ротами комиссии из рядовых».

Однако, этот листок не понравился здешним меньшевикам, давно ждавшим повода, чтобы восстановить рабочих против комитета. Пользуясь озлоблением рабочих солдат, озлоблением, вполне естественным после недавних расстрелов, меньшевики начали агитировать против листка и особенно против комитета, который, по их словам, «занимается формулировкой требований наших кровопийц». Этим гаденьким демагогическим приемом и действительно удалось восстановить против комитета некоторых рабочих. Но что будут говорить рабочим наши демагоги, когда в Риге появится, напр., листок «Солдатская памятка», изданный «Искрой» и зовущий «кровопийц» в ряды восставшего народа?

(В. Вороский.)

По недостатку места откладываются до следующего номера полученные нами сообщения: а) о забастовках в Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Екатеринославской губ., Ростове, Н.-Новгороде, Николаеве, Киеве, Астрахани, Томске, Чите, Белостоке, Севастополе, Царьцыне, Варшаве, Лодзи, Елизаветполе, Нахичевани (на Дону), Воронеже; б) о волнениях в средних учебных завед. в Ярославле, Н.-Новгороде, Николаеве и Минске.—Отовсюду идут известия об образовании черных сотен для избивания учащихся и интеллигенции.

(М. Ольминский.)

ИЗ ПАРТИИ.

Ответ германским товарищам.

(На предложенье Бебеля).

Бюро Комитетов Большинства Р.С.-Д.Р.П., организующее по поручению комитетов партийного большинства 3-й съезд, выражает от имени этих комитетов немецким товарищам глубокую благодарность за их желание помочь объединению Р.С.-Д.Р.П. По поводу же конкретной формы, в которой эта помощь предложена немецкими товарищами через тов. А. Бебеля (организация третейского суда между большинством и меньшинством), Бюро считает необходимым заявить следующее:

«Немецкие товарищи, повидимому, недостаточно осведомлены о сущности той внутрипартийной борьбы, которая, к сожалению, возникла среди русской социал-демократии; в противном случае они, конечно, не предложили бы посредничества в форме суда там, где пред нами столкновение политических идей. Дело идет об объединении Р.С.-Д. под знаменем одной из двух партийно-политических тенденций, охватывающих область политической тактики и организации. Ту из них, которую мы защищаем, мы сжато формулируем так: сплотить существующие раздробленные соц.-дем. организации в действительную соц.-дем. пролетарскую партию, по своей тактике единую и независимую от других партий и течений, чтобы обеспечить классовую чистоту рев.-пролетарского движения; по своей организации централизованную и определено оформленную, чтобы не распыляться в окружающей революционной среде. Политическую идею меньшинства мы представляем формулировкой его представителям. Правда, представители эти, приняв предложенье относительно суда между ними и нами, тем самым, повидимому, признали, что партийные разногласия имеют для них только личный или, в крайнем случае, групповой характер. Может быть, их собственная позиция и представляется им в таком виде. Но в таком случае, как ни отрицательно относимся мы к их стремлениям, мы должны заявить, что на наш взгляд они оценивают себя слишком низко. Если и не вполне сознательно, то все же они являются выразителями политической тенденции, которая может быть принята или отвергнута партией, но не оправдана или обвинена судом.

Только партия в лице своего съезда в силах и в праве решить вопрос. Она выяснит способы объединения и объединенного действия в происходящей революционной борьбе.

Возможно, что после этого решения отдельные лица и группы будут чувствовать потребность покончить судом их частные конфликты. Это, по нашему мнению, не дело съезда, и здесь, мы убеждены, услуги немецких товарищей были бы охотно приняты всеми такими лицами и группами, если бы немецкие товарищи сочли нужным и стоящим труда предложить эти услуги.

Горячий привет немецким соц.-демократам, давшим новое яркое и живое проявление международной солидарности борющегося за социализм пролетариата.

24-го февр. 1905 г.

Бюро Комитетов Большинства.

Р. С. Тяжелые конспиративные условия работы в России являются причиной того, что этот ответ немецким товарищам дается более чем через месяц после опубликования их предложения.

В. К. Б.

Первый шаг ?).

«Толчите и отверзется» — сказали мы, прочитав в № 91 «Искры» постановление Совета Партии от 10-го марта 1905 г. Не успели дойти до России вести о постановлении Совета от 8-го марта 1905 года и наш ответ в № 10 «Вперед», как приходится уже отметить новый и замечательный поворот Совета, поворот, за который мы можем только от души приветствовать товарищей новоскворцев и от души желать им сделать [дальнейший] шаг в этом направлении.

Постановление Совета от 10-го марта 1905 г. есть обра-

щение к членам III партийного съезда, созываемого русским Бюро с предложением съезду принять посредничество германской партии и Бебеля для восстановления единства партии и с выражением согласия прислать на съезд от Совета двух представителей для переговоров об осуществлении идеи третейского разбирательства.

Делая (первый) шаг «на новый путь», Совет не мог, разумеется, обойтись без некоторых своих старых приемов, не мог не повторить неправды, внутреннюю нелепость которой мы уже показали в № 10 «Вперед», — именно будто съезд, созываемый большинством русских комитетов, не есть партийный съезд, будто «незначительная группа членов партии» хочет «навязать свои решения действительно большинству партии». Эти увертки были бы жалки, когда бы не были смешны, и останавливаться еще раз на них нам не хотелось бы. Тем более не хотелось бы, что все внимание естественно привлекает к себе новый шаг совета, который, наконец-то (наконец-то!), понял значение партийного съезда в деле улаживания партийного кризиса, наконец-то, сделал первую, хотя и маленькую, робкую, непоследовательную, но все же какую ни на есть попытку взглянуть на вещи просто, назвать их настоящими именами и попробовать путь — «новый путь» восстановления единства партии при помощи непосредственных переговоров между двумя создавшимися после второго съезда частями партии.

В добрый час! Давно бы так, — месяцы и месяцы мучительного, нелепого, затяжного кризиса и тайного раскола были бы обречены для партии пролетариата. Немножко более серьезного и искреннего желания считаться прямо и открыто с волей действующих в России партийных работников, — и «российская социал-демократия вышла бы из временного своего распада уже год назад, да, год назад, более года.

Это было в конце января 1904 г. Совет Партии первый раз собрался для обсуждения нового партийного положения и партийного кризиса в составе Плеханова, Аксельрода, Мартова, Васильева и Ленина. Двое последних, члены ЦК и сторонники большинства, ясно видели, что партия фактически расколота уже меньшинством и что тайный характер этого раскола вносит бесконечный разврат в партию, деморализуя ее совершенно, развязывая руки одной стороне для самых бесшабашных приемов «свалки», связывая другую сторону долгом соблюдения общих решений. Тайный раскол партии относится к открытому расколу (по своему морально-политическому значению и по своим морально-политическим последствиям) приблизительно так же, как тайный адюльтер относится к открытой свободной любви.

И вот указанные члены Совета вносят поэтому резолюцию (28-го янв. 1904 г.), которая напечатана полностью Шаховыми («Борьба за съезд», стр. 81), и в которой большевики, несмотря на преобладание их противников и в редакции и в Совете, т. е. в высшем учреждении партии, первые заговаривают о необходимости мира в партии в виду серьезнейших задач исторического момента. Большевики проводят там резкое различие между необходимой и неизбежной идейной борьбой, с одной стороны, и «недостойной свалкой», дезорганизацией, местническими счетами, бойкотом и т. п. Большевики приглашают Совет партии призвать всех членов партии, чтобы они «отбросили скорее все взаимные мелкие счеты и поставили раз навсегда идейную борьбу в такие рамки, чтобы она не вела к нарушениям устава, не тормозила практической деятельности и положительной работы». У нас так много забывчивых членов партии, любящих говорить о партийной самостоятельности, но предпочитающих досужие сплетни изучению документов партийного раскола, что мы [настоятельно рекомендуем всем товарищам, желающим разобраться в партийных делах, заглянуть на стр. 81 брошюры «Борьба за съезд»]?).

Меньшевики, [конечно], отвергли резолюцию Ленина и Васильева⁹⁾ и приняли (Плеханов, Мартов и Аксельрод) резолюцию, приглашающую ЦК «кооптировать» меньшевиков. Так как ЦК 26-го ноября 1903 г. выразил согласие кооптировать двоих меньшевиков по его, ЦК, выбору, то эта резолюция Совета означала не что иное, как навязывание Ц. К-ту трех определенных персонажей. Теперь уже вся партия документально осведомлена (из «Заявления»

Ленина) относительно того, что именно из-за «трех» сочлнялись принципиальные разногласия и велась «недостойная свалка» по ноябрь 1904 г. В ответ на резолюцию о кооптации Ленин и Васильев подали особое мнение (Шахов, стр. 84), которое мы тоже [рекомендуем перечитать] для поучения несведущих или забывчивых, и в котором заявляется, что «никого способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, иного способа прекратить эту недопустимую борьбу из-за состава центров, кроме созыва немедленного партийного съезда», эти члены ЦК «решительно и безусловно не видят».

Меньшевики, разумеется, проваливают съезд. Никакие увещания, что на съезде допустимы всякие сделки, что иначе борьба принимает такие же гнусные формы, как тайная и продажная любовь, на них не действуют. Кстати сказать, если со стороны меньшевиков, [раз они решили не стесняться] насчет «продажной любви», эта тактика [естественна и понятна], то со стороны примиренца Плеханова она [явилась громадной ошибкой, очевидность которой показал дальнейший ход кризиса]. Теперь все и каждый видят, знают из фактов (именно из фактов последующего поведения Глебова и его компании), что если бы Плеханов подал голос в январе 1904 года за съезд, то съезд был бы созван очень скоро и на съезде образовалась бы такая внушительная примиренская партия, которая ни в каком случае не дала бы преобладания ни большинству, ни меньшинству в отдельности. Повторяем: это не пустая догадка, а соображение, безусловно доказанное фактическим ходом последующих событий. Но Плеханов тоже предпочел «продажную любовь», т.-е. тайный раскол попытке прямо и открыто объясниться и договориться до конца.

И что же мы видим теперь? Меньшевики вынуждены притти, хотя и робко, последовательно, хотя и поздно, к исходу, предложенному большевиками. Большевики настояи на своем и добились созыва съезда, справедливо говоря, что, если обем «дражайшим половинам» не суждено более «сожительствовать», то надо разойтись открыто.

Конечно, лучше поздно, чем никогда, и даже робкий шаг Совета, готовность послать двоих его «представителей», мы от души приветствуем. Но мы безусловно протестуем против робости и непоследовательности этого шага. Почему же [вы хотите послать на съезд! только двух представителей заграничного Совета, господа? Почему не представителей всех партийных организаций? Ведь, члены Госийского Бюро Комитетов Большеинства пригласили на съезд всех и в частности послали заказные письма и в редакцию, и в Совет, и в Лигу! Почему это такое странное и непостижимое противоречие: с одной стороны, для лицемерного мира с тремя рыцарями из ЦК (заведомо против воли комитетов большинства) вы не ограничились посылкой «двух своих представителей» от Совета, а опросили все комитеты и организации меньшинства, как об этом прямо было заявлено в № 84 «Искры». А, с другой стороны, для настоящего мира со всей партией вы посылаете для «непосредственных переговоров» только двоих представителей одного заграничного Совета? Где же тут русские меньшевики, с которыми нам во сто раз важнее спеться, чем с компанией литераторов? Где же тут рабочие члены и представители организаций, те рабочие, которых вы науськивали против второго съезда и о самостоятельности которых вы так много кричали? Где же тут товарищи Акимов и Брукер, Махов и Егоров (или их друзья и единомышленники), которые совершенно последовательно с их точки зрения поддерживали меньшевиков, [не компрометируя, однако, себя, т.-е.] не участвуя в дрязге из-за кооптации? Где же тут товарищ Кричевский и другие [бывшие] «экономисты», с которыми вы якобы помирились, как уверял в новой «Искре» Плеханов и мн. др.? Где тут товарищ Рязанов, с которым ваша солидарность во многом нам тоже попятна, и который [однакоже] откалзлся войти в Лигу, как организацию меньшевистскую?

Или вы скажете, что все эти товарищи не имеют мандатов? Но вы, ведь, пишете письмо съезду, отбросив всякие «формальные соображения»!

Нет, господа, полумерами нас не удовлетворишь и красными словечками не накормишь. Если вы действительно

хотите,—будем говорить прямо и без «формальных соображений»,—работать вместе, в рядах одной организации, тогда являйтесь на съезд все и зовите [также] всех товарищей, которых от нас отделяют одни только идейные, а не кооптационные соображения. Тогда считайтесь с «доброй волей революционера», на которую вы так неумело ссылались, таясь от съезда, и которая одна только всецело и безусловно может решать судьбы всей партии, представленной на съезде. Тогда ищите посредников, способных повлечь на эту «добрую волю» всех членов съезда. Мы будем от души приветствовать всякого такого посредника.

«Толцые и отверзется...» Большевики добились своей открытой борьбой того, что мы подошли теперь вплотную к возможному прямому, недвусмысленному выходу из кризиса. Мы добились съезда. Мы добились поворота меньшевиков от бурбонских окриков оставшегося без партии Совета Партии к прямому и открытому предложению непосредственных переговоров. [Хватит или нехватит у Совета ума и честности сделать второй шаг по «новому пути»,—мы убеждены, что во всяком случае добьемся полной победы партийности [над кружковщиной] ¹⁰).

(Н. Ленин.)

Резолюции о съезде.

Имеретинско-Мингрельский Ком., считая созыв III партийного съезда необходимым для водворения мира в партии и для обсуждения вопросов, связанных с революционной борьбой в настоящий момент, подтверждает свои прежние резолюции о необходимости немедленного созыва III партийного съезда, 24-го февр.

Батумский Ком. 21-го февр. подтвердил свою прежнюю резолюцию о необходимости созыва III партийного съезда.

«Признавая необходимость немедленного созыва III съезда, Екатеринбургская Группа У.Р.О.Р.С.-Д.Р.П. выражает доверие Бюро КБ, как Организационному Комитету, и высказывает пожелание, чтобы ему была поручена организация съезда». (Февраль).

Пермская Группа признает настоятельную необходимость III съезда и предлагает Бюро КБ взять на себя роль Организационного Комитета.

Резолюция Уральского Ком.: «В виду важности переживаемого исторического момента и необходимости разрешения тактических вопросов, выдвинутых ходом революционной борьбы в России, с одной стороны, и отсутствием фактического руководящего центра—с другой, мы признаем настоятельную потребность в созыве экстренного съезда партии. Принимая во внимание полную нашу неосведомленность об отношении ЦК к вопросу о созыве экстренного съезда и физическую невозможность предварительного ознакомления с мнением ЦК по этому вопросу, мы признаем Бюро КБ за Организационный Комитет по созыву съезда и высказываем пожелание, чтобы ЦК принял на себя организацию съезда и в случае согласия с его стороны на это Организационный Комитет должен передать ему полномочия по созыву съезда». (Февраль).

Резолюция Казанского Комитета по поводу партийных разногласий.

На общем собрании комитета и литературной группы было постановлено следующее: «Разногласия между большинством и меньшинством мешают продуктивной и жизненной работе. Люди, ведущие беспочвенные споры, далеки от жизни и своей полемикой вносят дезорганизацию в работу комитетов. Следствием отвлечения для ненужной полемики многих сил является неудовлетворительная постановка партийных дел в Центральном Учреждении. Высказываясь за необходимость сильных центральных организаций, мы думаем, что только съезд, созванный в благоприятное для этого время, решит разногласия и упорядочит дела партии. Орган «Вперед» не может быть признан нами партийным и руководящим. Мы считаем его частным предприятием, отношении к которому выяснится в зависимости от его характера и содержания».

К этой резолюции следует добавить несколько пояснений. К. К.т находится все время вдалеке от раздоров, терзающих нашу партию. Ему приходится работать среди рабо-

чих с крайне низким уровнем развития и лишь в незначительном меньшинстве затронутых пропагандой. Связь его растут неимоверно быстро,—поэтому все силы уходят на первоначальную созидательную работу, и работы этой столько, что совершенно некогда заниматься чем-либо иным. Как на пример невысокого уровня развития рабочих можно указать на то, что, напр., им надо разъяснить, что такое стачка, надо научить их, чего они должны добиваться. Агитацию надо вести на экономической почве (листки с надписью «Долой самодержавие!» бросают, иногда рвут). Надо долго и усиленно разъяснять связь улучшения быта рабочих с политикой. Конечно, работа комитета не проходит бесплодно и приходится заметить пробуждение интереса к политическим вопросам. Перед К. К-том впервые встала задача вести массовую агитацию, руководить пробуждающимся сознанием самых широких слоев населения. И задача эта все растет и растет с каждым днем. Увеличение связей требует все больше организаторов и пропагандистов. Рост интереса к вопросам политики среди самых малосознательных элементов рабочего класса страшно повышает спрос на литературу. Как ни печально сознаться, Ц. Ком. за последнее время не присылал литературы совсем. Нам нужна действительная соц.-дем. литература. Не надо забывать, что соц.-демократия—это есть партия пролетариата и задача ее—содействовать всеми силами расширению и укреплению классового сознания пролетариата и организовать рабочий класс. Но неужели же для укрепления и расширения классового сознания годится литература в роде «Борьбы с осадным положением» и проч. в этом роде. Вот с этой-то точки зрения споры и разногласия, имеющие результатом полное пренебрежение первейшими обязанностями, и кажутся нам беспочвенными и далекими от жизни. Мы ждем вот уже около трех месяцев литературы и не получаем ничего, если не считать ничтожного количества брошюрки и № 1 «Социал-Демократа» (в одном экземпляре), присланных в декабре. «Социал-Демократа» нам надо не меньше как по 100—150 экземпляров каждого №. Кроме того, К. К-т стоит все время как-то в стороне от партии. Мы не имеем своевременных известий о событиях как партийной, так и общественной жизни, совершающихся во всей остальной России. (О Баку и о Кавказе, напр., мы знаем только из легальных телеграмм и известий. О Петербурге мы имели известия только частным путем). Все это наводит на сомнения: да существуют ли центральные учреждения? А если существуют, то чем же они занимаются? Если ЦУ нет, то, конечно, только съезд может их создать. Если они плохи и занимаются не тем, чем им надлежит заниматься, то тоже опять-таки съезд может их заменить другими. Поэтому к-т и высказывается за съезд. Но съезд, по мнению К. К-та, может быть создан в благоприятное время, т.-е. это значит, что, признавая настоящий момент необыкновенно горячим моментом, который долго еще, может-быть, повторится, К. К-т полагает, что теперь все силы должны быть направлены в Россию. То отвлечение лучших сил, которое вызовет съезд, было бы крайне нежелательно. И поэтому настоящий момент надо считать неудобным для съезда. Но вопрос имеет другую сторону. Кроме наличности сил, на местах нужны еще ЦУ, нужна литература, без чего невозможна работа. И вот если этого нет, если литературы нет, если ЦУ нет, тогда, конечно, всякий момент благоприятен для съезда. Более того—съезд должен быть как можно скорее. К. К-т не знает, как обстоит дело в других местах. Может-быть во многих местах есть довольно литературы, и работа ЦУ заметна и удовлетворительна. Но это должны показать резолюции других комитетов. Если и другие к-ты пришлют резолюции подобные нашей, тогда само собой, очевидно, съезд должен быть как можно скорее. Что касается нашего к-та, то «Искру» мы имели только до № 66. Затем нам случайно попадали №№ 75, 76 и 82. № 82 мы нашли прямо бессодержательным, если не считать хорошей статьи Парвуся, от которой редакция почему-то отказывается. «Вперед» мы не видели совсем. Литературу мы получали до ноября, видимо, изданную весной и летом. В последнем транспорте прокламация была о Ляо-Яне. После же этого, т.-е. в течение ноября, декабря и января, литературы не было. Литература, получавшаяся в этот период до ноября удовлетворяла нас. В разное время было доставлено «Красное Знамя» более 100

экз. «Рабочее Дело в России» 100, «К деревенской бедноте» тоже. «Манифест Комм. Партии» 100. «Развитие Научн. Социализма» Энгельса около 10. Эрфуртской программы около 6 (мало!) и друг. Затем были очень хорошие листовки: «Две Европы» 250 экз. и «Кто должен победить» тоже около того. Относительно прокламаций надо заметить, что все они приходили слишком поздно. Так, прокламация о Плеве пришла чуть ли не в сентябре, о Ляо-Яне в ноябре, Знакомство наше с литературой о разногласиях кончается брошюрой Ленина «Шаг вперед, два назад». Во всяком случае этого недостаточно для того, чтобы судить о благоприятности момента для съезда и необходимости такого.

(Пояснения эти написаны одним из членов Каз. Ком.)

Извещение.

Недавно состоялась конференция групп содействия партии, примыкающих к «Вперед», конституировавшаяся как съезд заграничной Организации Р.С.-Д.Р. Партии. На съезде были представлены 9 групп (Женевская, Бернская, Цюрихская, Карлсруйская, Фрейбургская, Мюнхенская, Лейпцигская, Берлинская и Парижская). Кроме того 3 группы (Лондонская, Бильская и Парижская Рабочая Группа) прислали свои отчеты.

Съезд выработал устав, в основу которого был положен организационный принцип большинства II партийного съезда—демократический централизм. Этот устав будет предложен на утверждение созываемого в ближайшем будущем фактическим центром Партии (Бюро комитетов большинства) III съезда. Были избраны должностные лица и принят ряд резолюций о постановке заграничной работы, которые будут скоро опубликованы. Единогласно принята резолюция о Лиге, констатирующая полную неспособность этого кружкового учреждения руководить партийной деятельностью за границей, а также резолюция, выражающая полную солидарность съезда с позицией «Вперед» и приветствующая инициативу Бюро Комитетов Большинство в деле созыва III съезда.

Из отчетов групп, сводка которых будет напечатана, сообщаем пока только сведения о материальных средствах, какими они располагали за короткий период (1 дек. 1904—1 март. 1905) своего отдельного от Лиги существования. Приход групп выражается цифрой 18.883 фр., из этой суммы 7.102 фр. было получено от иностранных товарищей.

Комитет Заграничной Организации
Р.С.-Д.Р.П.

В редакцию «ВПЕРЕД» поступили листки, изданные: Бюро Ком. Б.—все упомянутые в тексте газеты. Бюро Ком. Б. совместно с Пет. Ком.: 1) К рабочим (по поводу убийства Сергея), 2) Почему мы отказались выбирать депутатов в ком. Шидловского. Пет. Ком. К раб. Обух. завода. Пет. Исп. Ком. 4-й листок о рев. днях в Пет. Моск. Ком. 1) «События разворачиваются быстрее». 2) Царская милость. Од. Ком. 1) Призыв к забастовке. 2) 19-го февраля. Батумск. Ком. Бюлл. № 11. Кавк. Союз. Резолюция собрания 500 рабочих. Бакинск. Ком. 1) Резолюция собрания 3.000 чел. 2) К солдатам Бакинск. гарнизона. 3) Ко всем гражданам. Группой Бал. и Б.-Эйб. р. Гражданам (17 февр.) Киевск. Ком. Суд идет. Студ. орг. Киевск. Ком. Заявление. Смоленск. Ком. Ответ царю. Тверским Ком. Рабочие к земским гласным. Сиб. Союзом. Ко всем рабочим Сиб. и Забайк. ж. д. № 32 (72?). Томск. Ком. 1) Резолюция собр. 700 чел. 2) К завтрашним гражданам. 3) Венок убитому товарищу (№ 73, 74, 75). Рыбинской Группой. К забастовавшим рабочим М.В.Р. ж. д. Группой ЦК. К рабочим и работницам Петербурга. Белоруска Соц.ялистычна Грамада. Цараво жниво. Рижск. Гр. Только для чл. местн. орг.

Студенческими организациями: Орг. Ком. Пет. Техн. Инст.—три листка, Моск. Центр. Ун. Органом—два листка. Группой студентов—Письмо к профессорам. Коалиционным Собранием в Киеве—резолюция об образовании вооруженного академ. легиона.

Группой демократов: 1) о 9 и 11 янв. в Пет. 2) Резолюция

банкета инженеров. Моск. Ком. с.р.—листок от 5 февраля. Изданные в России неизвестно кем; адрес Харьк. Земства; письмо свящ. Петрова о Победоносцеве, Письмо о бакинской резне; письма Гапоня к соц. партиям, к рабочим, к солдатам и офицерам; резолюция 37 рабочих. Получены также новые экземпляры нек. изданий, упомянутых в прежних №№ «Вперед», «Основы полицейской службы» (напеч. по распоряж. Клейгельса) и Памятная Записка Глезера (председ. Пет. общ. сод. промышленности) об отношениях к рабочим.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Баку. Была попытка освободить Хундадзе (вынести в корзине). Раскрыто по доносу, Хундадзе ранен шашкой и избит; избиты многие товарищи, вступившиеся за него.—Арестовано 7 солдат, из них 3 унт.-оф.; один бежал из под конвоя. Великий Устюг. Бежали: б. сормовский

рабочий Владимиров, токарь из Николаева Плаксин; Керцун в Яренске был призван на военную службу, отказался от присяги, был отправлен в Гродно, но по дороге из В. Устюга скрылся. Скопин (Ряз. губ.). За распространение прокламаций к крестьянам были ар. реалисты Гырнот и Кормилцев и учитель Коневец; освобождены до суда. Рязань. В тюрьму переведен Сызранцев из Одессы. В дек. привезен частный поверенный Пустынник и 12 крестьян,—все по общему делу. В 1904 г. было две голодовки.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Ю. Ю. Письма 1, 2, 3 получены.—Авсд. Корреспонденция получена; используем.—Нищий. Сообщения и письма получены; просим продолжать писать; такого рода сведения очень нужны.—Ижице. Получено.—Рабочим из Николаева и Одессы. Спасибо за письма; воспользуемся.

(Н. Ленин).

Примечания.

Прим. 1. Редакционные поправки сделаны тов. Лениным. Далее, в примечаниях 2—5, приводим наиболее крупные из них.

Прим. 2. В рукописи слова т. Воровского «практические выводы сормовских социал-демократов» т. Лениным заменены словами: «рабочих» (?), заговоривших «слогом искровских передовиц».

Прим. 3. В рукописи редактором зачеркнуты фразы: «предназначенной для практических надобностей партийных работников. А политик, практик стоит совсем на другой точки зрения, чем социолог-теоретик. В то время, как последний исследует происхождение и причину явлений, первый принимает эти явления за исторический факт, за исходную точку своих рассуждений и выводов» и заменены следующим выражением: «целиком посвященной критике хвостистского крыла в тогдашней социал-демократии, указанию и определению специальных ошибок того крыла».

Прим. 4. В рукописи т. Лениным зачеркнуто: «интеллигенцией, а где такое сознание не привносилось «извне», там пролетариат не дорабатывался дальше требований экономической борьбы, дальше тред юнионистского сознания. И этот исторический факт был положен Лениным в основание положения брошюры «Что делать?»». А насколько солидарен был Плеханов с Лениным по этому вопросу до кооптации, об этом имеются документальные данные».

Прим. 5. Слово «пресловутой» в рукописи т. Ленин заменил фразой «рабочедельского (если не зубатовского) лозунга».

Прим. 6. Заголовок статьи, предисловие от редакции и редакционная правка принадлежат перу т. Ленина.

Прим. 7. В рукописи авторское название статьи «Толчьте и отверзется» заменено т. Ольминским, редактировавшим статью названием «Первый шаг». Мелкие стилистические поправки и вставки т. Ольминского, заключенные в тексте в прямые скобки, будучи очевидно, приняты во внимание при редактировании второго издания сочинений т. Ленина. В примечаниях 8—10 отмечаются только более существенные.

Прим. 8. Слова т. Ленина: «перепечатаваем ниже целиком эту резолюцию Ленина и Васильева от 28-го января 1904 года» т. Ольминским заменены словами: «настоятельно рекомендуем всем товарищам, желающим разобраться в партийных делах, заглянуть на стр. 81 брошюры «Борьба за съезд», (см. в приложении: «Из брошюры «Борьба за съезд»»).

Прим. 9. В рукописи слова т. Ленина: «отвергают ее конечно» заменены словами: «конечно, отвергли резолюцию Ленина и Васильева».

Прим. 10. Фраза: «хватит или нехватит у Совета ума и честности сделать второй шаг «по новому пути»,—мы убеждены, что во всяком случае» и слова «над кружковщиной» вставлены т. Ольминским.

Перенесенный центра дачи
дочери
на инициативе судейской, а
не людей, — есть право, вытекающее из закона
нашего судейского. Главные и
иные. Это означает правящих класс.
у них судья была только тогда, когда
судья; ~~для инициативы судейской~~
инициатива судейской. Рядом с собой недвигатель
Вед. инициатива от природы капризная
Означенная, характерная и не на-
форму правления, а бремя — еще это означает.
~~судья еще означает судейский~~
судья разрушения их собственности
~~и судья означает в полевую~~
земельный ил становится без разбора (не
нашей природы форму правления,
какие условия условий
~~судья и не судья судья и не~~
судья. Они инициатива, не судья
они инициатива, не судья
карада не инициатива и не судья
судья. В войне гражданской про инициативу
По отношению к инициативе
хорошие и инициативы уроками
судья инициатива это инициатива
судья инициатива инициатива

Редакторская правка т. Ленина.
(Из статьи „Об уличной борьбе“; см. стр. 24).

Российская
Социалдемократическая
Рабочая Партия

ВПЕРЕДЪ

Пролетария всехъ странъ
соединяйтесь!

№ 12.

ЖЕНЕВА. 29 (16) МАРТА

1905 г

Полицейские Пугачевы.

Современное общество состоит из относительно многочисленных лиц, ограбивших остальных и захвативших в свои руки землю и здания, деньги и орудия производства, и из многочисленных ограбленных, ведущих более или менее тяжелую жизнь. Когда ограбленные позволяют продолжать обворовывать себя, выжимать из себя прибавочную стоимость, а грабители могут спокойно и деловито наживаться и власть наслаждаться жизнью,—то все говорят, что в обществе царит порядок. Когда же ограбленные начинают отнимать то, что у них разным образом и в разное время украдено, то говорят, что в обществе господствует ужасный беспорядок.

Государственная власть с ее судами, полицией и войском призвана охранять привилегии ограбивших и жестоко усмирять «бунты» ограбленных, т.е. пролетариев и полупролетариев в городах и деревнях. Это главное назначение государственной власти. Государственная самодержавная власть в России представляет из себя механизм неуклюжий, устаревший, неудобный для самих высших классов: они очень не прочь были бы заменить его. Но многочисленное чиновничество, с царской фамилией во главе, не хочет этого и требует подчинения себе со стороны всех.

Либеральные представители высших классов вступили в борьбу с самодержавием, разумеется—в борьбу очень вялую и нерешительную. Но в борьбу с ним вступили также и некоторые элементы низов, т.е. ограбленного и эксплуатируемого народа. Либералы понимали, что без помощи народа нельзя свергнуть тягостное для них самодержавие, но в то же время они боялись за свои привилегии: за земли и движимое имущество, за право безграничной эксплуатации неимущих. Поэтом-то они и говорили, что «опасно разнуздывать зверя», что «чернь» может устроить страшную пугачевщину, когда почувствует, что ослабла грозно сдерживавшая ее до тех пор военно-полицейская власть.

Между тем началось стихийное крестьянское движение, весьма страшное для главного корпуса либерализма—для просвещенного дворянства. Просвещенная же буржуазия была напугана неслыханным ростом рабочего движения. Правительство могло спекулировать на растерянность своих доверителей и недавних сообщников—дворян и буржуазии. Грозив им революцией народной, направленной против «священного права собственности», оно могло заключить с ними оборонительный и наступательный союз. Но кого судьба хочет погубить, у того отымает рассудок. Безумное, оступелое от страха правительство предпочло другую игру: оно

само стало подымать самую темную массу на интеллигенцию вообще, на ненавистную и требовательную интеллигенцию, хотя и знала, что масса эта будет громить богачей, как в городах, так и в деревнях.

Если что-нибудь подпирало еще гниющую руину самодержавия, то это страх высших классов перед «беспорядками черни» и уверенность в том, что сильная власть гарантирует «порядок». Но «власть» показала, что она не только не может поддержать этот порядок, но и не хочет, что в своей остервенелой самозащите горсть хищников правителей готова отбросить свою солидарность с имущими и образованными классами. Понимая, что эти классы недовольны их кликой и хотят ограничить ее, и безумно боясь, чтобы восставшая нация не выместила на них всю всю горечь многовекового угнетения, они решили попытаться утопить сознательную революцию в бессознательных бунтах городских босяков и невежественной захолустной деревни.

После организации дикого, кошмарного побоища в Баку правительственные чиновники начали повсюду натравливать представителей общественного «дна» против всех сознательных элементов народа. Они дошли при этом до неслыханной наглости. Пензенский губернатор в официальных губернских ведомостях старается своим канцелярским языком доказать крестьянам, что враги их и враги царя—одни и те же: это образованные бары; он пишет: «пора вспомнить пугачевщину, пора встряхнуться и вырвать зло с корнем» (сообщено в газете «Новости»).

Слово произнесено. Пугачевщину проповедуют и правительственные попы. Один наш корреспондент из Московской губ. писал нам (см. № 11 «Вперед»):

«В церкви священник в проповеди возбуждал народ против земцев и вообще «служащих господ из обедневших дворян», мечтающих только о восстановлении крепостного права. Священник этот—довольно порядочный человек; он читал проповедь по бумажке, весь бледный, с трясущимися губами. После обедни одна обывательница спросила его: «Батюшка! Да что же это вы делаете?»—«И не говорите! Сам не знаю, что... велит, ничего не поделаешь. Просто в пору бежать из священнического сана...»

Но что такое пугачевщина?—Пензенский губернатор упустил из виду, что пугачевцы не делали разницы между барями вообще и чиновниками в частности: всюду, где они могли захватить последних, они нещадно избивали их, как своих злейших врагов.

Уже с месяц тому назад в Европе прошли слухи, что русское правительство в борьбе с оппозицией просвещенной России постарается натравить на нее темную крестьянскую Россию. Каутский в то время не хотел верить в возможность столь идиотской тактики. Как!—

говорил он:—разве крестьяне станут спрашивать о том, реакционер или либерал тот или другой помещик? Они просто будут грабить, будут грабить и то реакционное дворянство, частью которого является царь, его родственники и вельможи.

И Каутский был прав. Крестьяне уже разграбили имения гвардейского генерала Мейендорфа, брата царя Михаила, говорят, и убитого Сергея. Но правительство обезумело и не видит, что само роет себе могилу. Оно продолжает провоцировать крестьян. Его метод при этом таков: полиция и попы провокаторски подталкивают крестьян к бунту и грабежу. Крестьяне грабят экономии и жгут заводы; полиция и войска позволяют делать это, чтобы нагнать страху на зазнавшихся дворян и заводчиков, а также на сельскую интеллигенцию—учителей, врачей и т. п., на которых крестьяне усиленно науськиваются. Затем солдатчина пускается в ход: привозят целые возы розог, порют, вообще показывают свою силу. Наглядный урок для господ и рабов.

Наш корреспондент из Курск. губ. сообщал:

«Кто организовал движение—разобрать невозможно. Полиция играет очень странную роль. Во-первых, кто-то упорно возбуждает крестьян против «панов» тем, что «если они землю не заберут, то с нового года паны их опять сделают крепостными». Во-вторых, солдаты являлись в экономии только тогда, когда все было уже кончено. Когда разбивали завод в Хинеле, то солдаты были в 6 верстах, на заводе все время давали тревожные сигналы, все их слышали, но солдата ни одного не послали, а когда все было уничтожено, то прибыли и солдаты.

Теперь везде идет у крестьян обыск; отбирают взятый хлеб и заставляют отдавать экономиям; розги привозят возами; расправа теперь с крестьянами идет во всю, но в то же время позволяют движению разгораться шире. Только царские имения охраняются усиленно, да и полиция едет не иначе как с конвоем в 50 солдат... Среди крестьян—там, где идет следствие и расправа,—царит уныние, хотя везде громили единодушно...»

Очевидно, однако, что так долго не может продолжаться. Когда восстание охватит целый край—розга станет бессильна, а крестьяне будут уже знать, что такое полицейская пугачевщина и кого надо громить—учительницу ли или представителей власти. Вызвав взрыв злобы, мести и жажды справедливости и счастья, или вернее, посодействовав широкому распространению его, правительство уже не сможет унять его и приведет под знамя революции новые народные силы. А вместе с тем правительство окончательно отталкивает от себя имущие классы. Две вещи были ненавистны им: самодержавный произвол и пугачевщина,—теперь они слились в одно—Николай II—Пугачев (каково!). Ясно, как день, что правительство выбрало самый короткий путь к гибели. Мощное крестьянское движение, несомненно, утонит в бурном потоке аграрной революции првосходительных лже-Пугачевых! Богатые классы с отчаянием поймут, что лучше уж держаться сознательно-революционного народа, который всегда проводит свое дело с достоинством и круто расправляется с хулиганами, избегая излишнего кровопролития и всякой дикости. Лучше держаться рабочих, решило зажиточное и образованное буржуазное население Баку, чем правительства, не

останавливающегося перед преступным разжиганием изуверства и звериных инстинктов. Лучше вступить в переговоры с крестьянскими революционными комитетами в роде Гурийских, чем надеяться на пензенского губернского Пугачева,—будут говорить помещики.

Но что остается правительству делать? Натравливать один класс населения на другой—его последняя игра. Беда лишь в том, что оно боится их всех, боится каждого в отдельности. Хорошо бы вместе с крупной буржуазией и дворянством подтянуть радикальную интеллигенцию, рабочих и крестьян. Но помещики и капиталисты хотят конституционного контроля над правительством, они не желают кризисами расплачиваться за капризы легкомысленных властелинов, не желают, чтобы казнокрады и глупые генералы роняли их фирму—Россию, как военно-промышленную великую державу.

Не подтянуть ли тогда их при помощи зубатовских рабочих и науськанных попами мужиков? Но бывшие зубатовцы идут с демократической петицией к царю и кричат: «Смерть или свобода!», а крестьяне грабят имения царских родичей!

Хорошо подучить босяков бить евреев, татар, бить армян, но—Европа! Всему есть предел, в зверствах надо оправдаться, а для этого карать громил и подготавливать таким образом следующий погром уже против полиции. А между тем, армяне и евреи, доведенные до отчаяния, становятся страшными, непримиримыми врагами самодержавных убийц. Правительство хочет подавить беспорядки, вызвав беспорядки еще большие, и оно оттолкнуло от себя всех: это бешеная собака, ошетинившаяся, полная страха и ярости... ее силы тают с часу на час, врагов все больше, и хотя между ними не все ладно, однако, и самые умеренные говорят: добить сначала эту тварь, а там видно будет.

Социал-демократия не замедлит воспользоваться создавшимся положением. Путем широкой пропаганды она выяснит крестьянам на наглядных примерах, что такое правительственная пугачевщина, она выяснит им также глубокую связь между их неясными стремлениями к земле, к уменьшению тяжести налогов, к признанию за ними прав и достоинства человека с коренным политическим переустройством. Гурийские крестьяне уже выставили требование национального представительства.

Социал-демократы будут также выяснять сельскому пролетариату, почему ему необходимо войти в тесный союз с городским пролетариатом, почему в настоящее время лозунг «земля народу!» не может быть его лозунгом. Соц.-демократы укажут либеральному обществу на необходимость пойти на уступки демократии, учредив республику и немедленно удовлетворив настоятельнейшим экономическим требованиям рабочих и крестьян, перечисленным в соц.-дем. программе-минимум.

Дело соц.-дем. всеми средствами стремиться к немедленному революционному осуществлению программы-минимум, в то же время ни на минуту не забывая повторять, что и во время борьбы за ее осуществление и по окончании ее мы должны организовать свои силы для дальнейшей борьбы под флагом максимальной нашей программы.

О нашей аграрной программе.

(Письмо III-ему съезду.)

Новое крестьянское движение, с каждым днем растущее и усиливающееся, выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе. Основной принцип этой программы, конечно, не может вызвать разногласий и споров. Партия пролетариата должна поддерживать движение крестьянства. Она никогда не станет защищать современное помещичье землевладение от революционного натиска крестьян, но наряду с этим она всегда будет стремиться к развитию классовой борьбы в деревне и к внесению сознательности в эту борьбу. Эти принципы, мне кажется, разделяются всеми социал-демократами. Разногласие начинается лишь тогда, когда эти принципы приходится прилагать к действительности, когда их приходится формулировать в программе применительно к задачам момента.

Действительность лучше всего разрешает всевозможные теоретические разногласия, и я уверен, что быстрый ход революционных событий устранил и эти разногласия по аграрному вопросу среди социал-демократии. Вряд ли станет отрицать кто-нибудь, что не наше дело прожестерствовать насчет всевозможных земельных реформ, что мы должны укреплять связи с пролетариатом, поддерживать крестьянское движение, не упуская при этом из виду собственнические тенденции крестьянина-хозяина, тенденции, враждебность которых пролетариату тем скорее и резче будет проявляться, чем быстрее пойдет вперед революция.

Но, с другой стороны, ясно, что переживаемый революционный момент требует вполне определенного конкретного лозунга. Таким лозунгом должно стать образование революционных крестьянских комитетов, и наша партийная аграрная программа очень правильно выдвинула его. В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения, — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю. Этого, конечно, никто не станет отрицать. Социалисты-революционеры останавливаются на этом положении вместо того, чтобы подойти к этому туманному стремлению крестьянства с классовым анализом. Социал-демократы на основании такого анализа утверждают, что все крестьянство вряд ли может солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и «хозяйственных мужичков». Социал-демократы, конечно, ничего не могут иметь против того, чтобы восставший мужик «добыл до конца помещика», отнял у него всю землю, но они не могут вдаваться в авантюризм в пролетарской программе, не могут за-

слонять классовой борьбы против собственников розовыми перспективами таких перестроек землевладения (хотя бы и демократических перестроек), которые окажутся лишь передвижением классов или разрядов собственников.

До сих пор у нас в программе было выдвинуто требование возвращения отрезков, а в разных комментариях к программе указывалось, что отрезки вовсе не загородка, а «дверь, чтобы идти дальше», что пролетариат охотно поддержит крестьянство на этом дальнейшей пути, но непременно оглядываясь и присматривая за своим временным союзником, крестьянином-хозяином, не выпускает ли он свои хозяйские коготки. Теперь, перед лицом революционных событий, невольно возникает вопрос: не целесообразнее ли перенести такое положение нашей тактики из комментариев в самую программу? Ведь, как-никак программа является официальным общепартийным выражением взглядов социал-демократии, а всякий комментарий по необходимости представляется более или менее личным воззрением того или другого социал-демократа. Не разумнее ли поэтому внести в программу более общее положение нашей политики по этому вопросу, а в комментариях развивать частные мероприятия, отдельные требования, в роде, например, отрезков?

Чтобы конкретнее выяснить мою мысль, я приведу здесь ту формулировку, которую приняло бы соответствующее место в нашей программе: (Р. С.-Д. Р. П. требует прежде всего)... «4) учреждения революционных крестьянских комитетов для устранения всех остатков крепостничества, для демократического преобразования всех вообще деревенских отношений и для принятия революционных мер к улучшению положения крестьянства, не останавливающихся перед отнятием земли у помещиков. Социал-демократия будет поддерживать крестьянство во всех его революционно-демократических предприятиях, отстаивая самостоятельные интересы и самостоятельную организацию сельского пролетариата».

В предлагаемой формулировке в программу внесено то, что до сих пор обыкновенно развивалось в комментариях, «отрезки» же из программы переносятся в комментарий. Такое изменение имеет то преимущество, что в программе яснее указывается особенность пролетарской позиции, а ясность в таком важном вопросе перевешивает все редакционные неудобства (таким неудобством является включение в программу вместо определенного требования — разъяснения, обыкновенно относимого в комментарий. Надо заметить, впрочем, что в нашей программе уже имеются такие разъяснения: ср., напр., пункт о борьбе с реформами, связанными с упрочением полицейско-чиновничьей опеки). Преимуществом является также и то, что программа раз навсегда устраняет нелепую мысль, будто социал-демократия говорит крестьянину, что дальше отрезков он не может и не должен идти. Мысль эту необходимо устранить ясной формулировкой программы, а не ограничиваться разъяснением ее в комментариях. Недостатком предлагаемой мною формулировки может показаться то, что в ней не указывается никаких определенных способов экспроприации земли. Но есть ли это, собственно говоря, недостаток?

Социал-демократы, писавшие по аграрному вопросу, неоднократно показывали, насколько неуместно нам пу-

скается на этот счет в прожектерство, ибо самая главная мера земельной реформы—национализация земли— в полицейском государстве, по необходимости будет извращена и послужит для затемнения классового характера движения. А между тем все другие меры к преобразованию земельных отношений будут при капиталистическом строе лишь приближением к национализации, лишь частными мерами, лишь некоторыми из возможных мер, т. е. такими, которыми ограничивать себя социал-демократия вовсе не намерена. В настоящее время социал-демократы против национализации, и даже социалисты-революционеры под влиянием нашей критики стали гораздо осторожнее относиться к этой национализации (сравни проект их программы с их прежним «удальством»).

Но дело в том, что революционное движение ведет нас к демократической республике, представляющей одно из наших ближайших требований, наряду с уничтожением постоянной армии и т. п.

При демократической же республике, при вооружении народа, при осуществлении других подобных же республиканских мер социал-демократия не может зарекаться и связывать себе руки по отношению к национализации земли. Итак, недостаток предлагаемой мною формулировки только кажущийся. В действительности же она дает выдержанный классовый лозунг для данной минуты,—притом лозунг вполне конкретный,—оставляя вместе с тем полный простор для тех «революционно-демократических» шагов, которые могут оказаться необходимыми или желательными в случае благоприятного развития нашей революции. В настоящее время, а также и далее до полной победы крестьянского восстания, революционный лозунг необходимо должен учитывать антагонизм мужика и помещика; и пункт об отрезках совершенно верно подчеркивал это обстоятельство; между тем, всевозможные «национализации», «передачи ренты», «социализации» и т. п.—и

в этом как раз их недостаток—игнорируют и затемняют характерный антагонизм.

Предлагаемая мною формулировка вместе с тем расширяет задачу революционных крестьянских комитетов до «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений». В нашей программе крестьянские комитеты выдвинуты, как лозунг, при чем совершенно правильно они характеризованы, как крестьянские, т. е. сословные, ибо сословный гнет может быть уничтожен только всем низшим угнетенным сословием. Но есть ли основание ограничивать задачи этих комитетов одними аграрными реформами? Неужели же для других преобразований, например, административных и т. д., нужно создавать другие комитеты? Ведь вся беда крестьян, как я уже указывал, в полном непонимании политической стороны движения. Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, земли) с учреждением и деятельностью крестьянских комитетов и с полной санкцией этих комитетов революционными партиями (а при особо благоприятных условиях, временным революционным правительством), тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики. Без такого же привлечения все революционные шаги крестьянства будут очень непрочны, и все их завоевания будут легко отобраны стоящими у власти общественными классами.

Наконец, говоря о поддержке «революционно-демократических» мероприятий, предлагаемая формулировка ясно проводит грань между обманчивой, якобы социалистической, внешностью таких мер, как захват земли крестьянами, и их действительным демократическим содержанием. Чтобы видеть, насколько важно для социал-демократа проведение такой грани, довольно вспомнить отношение Маркса и Энгельса к аграрному

Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата *)

III.

После взятия Бастилии.

Падение Бастилии вызвало взрывы радости во всем цивилизованном мире. Всем казалось, что рухнула не только парижская тюрьма, но и весь европейский старый режим, с его несправедливостью и насилием, с его мрачными суевериями. Благороднейшие граждане мира посылали привет Парижу—столице и светочу мира.

Парижане между тем окончательно низвергли старую городскую управу и избрали новую; городским головой

был избран Байи, один из энергичнейших членов национального собрания, начальником городской гвардии—Лафайет, генерал, сражавшийся со славой за свободу Северо-Американских штатов против Англии. Буржуазия окончательно взяла Париж в свои руки. Наемные рабочие, были, конечно, лишены всяких прав и в новом порядке самоуправления.

Собственники в городах и деревнях были, конечно, рады тому, что самодержавному королевскому правительству нанесен удар, так как они знали, что только оно защищает ненавистные привилегии дворян и духовенства, тяжелым гнетом лежавшие на промышленниках, торговцах и крестьянах. Но крушение или внезапное ослабление власти в то же время пугало их. Они боялись, что обездоленный, ограбленный народ, неимущие городов и деревень воспользуются случаем и начнут отымать собственность у богатей. Кто удержит голодную и холодную массу? Прежде она боялась судов, полиции, войска, всех органов королевской власти,—теперь же народ надломил власть, и полунищее население могло осмелиться наложить руку на склады и магазины провианта, одежды, всего, что необходимо для жизни, всего, чего нет у бедняка и чего так много лежит под замком у богатого.

*) В прошлый фельетон вкралась неточность: фамилия купеческого старшины, казненного за обман народа—Флессель; Фулон, казненный со своим зятем Бертье, был интендантом королевских войск.

движению, например, в Америке (Маркс в 1848 году о Кригэ, Энгельс в 1885 о Генри Джордже). Теперь, конечно, никто не станет отрицать крестьянскую войну из-за земли, погоню за землей (в полукрепостных странах или в колониях). Мы вполне признаем ее законность и прогрессивность, но вместе с тем мы разоблачаем ее демократическое, т.-е. в конечном счете буржуазно-демократическое содержание, а потому, поддерживая это содержание, мы с своей стороны вносим особые «оговорки», указываем на «самостоятельную» роль пролетарской демократии, на особые цели социал-демократии, как классовой партии, стремящейся к социалистической революции.

Вот те соображения, вследствие которых я предлагаю товарищам обсудить на предстоящем съезде мое предложение и расширить соответственный пункт программы в указанном мною духе.

— 3.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. В конце февраля были обыски в Пажеском корпусе. «Крамольа» проникла и туда. Воспитанник Верховской, в чине фельдфебеля, вел усиленную пропаганду среди других лажей. Пропаганда имела результаты. Но нашлись, конечно, доносчики. У Верховского найдены прокламации. Он отвезен в крепость. Гвардейские офицеры горячо обсуждают вопрос: соответствует ли «честь мундира» попадать им, офицерам-гвардейцам, в распоряжение полиции? Относясь совершенно безучастно к тому вопросу, следует ли или не следует вообще стрелять в народ, гвардейцы, как говорят, пришли к заключению, что они не могут быть на посылах у полиции, и что впредь они не будут стрелять то в того, то в другого по приказанию «какого-то кварташки».

Из приказа по 116 Малоярославскому полку. «Замечено, что нижние чины, находясь на охране заводов и других учреждений, не соблюдают строгого порядка военной службы, не

имеют воинского вида, входят в дружбу и в беседу с рабочими, тогда как истинный солдат должен отстраняться и чуждаться всего, что не относится к военной службе. Замечено, что нижние чины выходят из заводов без оружия, сидят снаружи, ходят и разгуливают во дворах завода, как дома, очевидно, не понимая ни своего высокого назначения, ни того, что опасность может возникнуть внезапно, и они не успеют схватить оружия, ни собраться,— что враг, подсмотрев такую распушенность солдат, воспользуется ею и захватит их врасплох. Предписываю: при службе на заводах паряженная команда должна вести себя во всем согласно правилам, указанным в гарнизонном уставе для караула, а потому никаких выходов с мест караула допускать нельзя. Поверку этого возлагаю на ответственность ротных командиров. Виновные унтер-офицеры за малейшее нарушение будут мною представляться к лишению звания и отдаваться под суд без извинения, как люди не блюдущие чести полка. Повторяю приказ по полку от 15-го января: когда при народных беспорядках большая толпа начинает окружать роту и сближаться на штык, то ротному командиру следует, прежде чем взять на-руку, зарядить ружья и поставить курок на предохранительный взвод, а затем уже действовать по усмотрению, может-быть, ограничиваясь лишь держанием на-руку. Такого же правила держаться командам и дозорам-патрулям. Часовые всегда должны иметь ружья заряженными; если при каких-либо происшествиях будет открыто, что часовый имел ружье не заряженное, а потому и был сбит или смят толпою, то виновный начальник подлежит суду, как не исполнивший приказа, имевшего важное значение. Твердо запомнить, что внутренние враги царя должны видеть, что на заводе стоят истинные солдаты, а не мужики.—Этот приказ прочесть во всех ротах и читать ежедневно при вечерней переключке впредь, пока роты стоят на охране. Унтер-офицерам и ефрейторам выучить его наизусть». Этот малограмотный приказ подписан командиром полка полковником Борисовым.

Что делается в Манчжурии. Мы только-что видели, как старательно российские полководцы обучают солдат войне против рабочих, борющихся за кусок хлеба. Что же делается в это время на полях Манчжурии? Приводим выдержки из письма, написанного до Мукденского сражения. «Настроение угнетенное. Никто не надеется на победу. Злобы против японцев нет. Солдаты и офицеры признают их культурное превосходство. Солдаты винят правительство за то,

Исходя из таких соображений, зажиточные парижане и вооружались, тщательно устранив из милиции неимущих. Между прочим было постановлено, чтобы каждый желающий поступить в городскую гвардию, имел мундир—синий с зеленым воротом и белыми отворотами. Кто не имел средств соорудить себе эту пеструю форму, лишался права носить оружие.

Положение казалось зажиточной буржуазии тем более опасным, что в Париже начал ощущаться недостаток в хлебе. Новая управа употребляла все усилия, чтобы доставить столице пропитание. Однако, беднота волновалась, так как хлеб все дорожал. Парижская городская управа (коммуна—как она тогда называлась) решила почистить столицу от неблагонадежных элементов.

На холме Монмартр королевской властью был учрежден незадолго до революции благотворительный рабочий дом. В поисках за заработком, хотя бы самым ничтожным, голодающие безработные всей Франции стеклись сюда, и революционный буржуазный Париж скоро увидел у своего порога 10.000 бедняков, которым нужно было дать работу и хлеб.

Сначала буржуазная коммуна уменьшила и без того крохотную плату жителям рабочего дома. Потом с не-

скрываемым страхом она решила закрыть все заведение. Популярный генерал Лафайет был послан к беднякам, чтобы предупредить их, что скоро их вышвырнут на большие дороги Франции. Разговор революционного генерала с пролетариями описывает нам сердобольный писатель Лостало. «Тяжко сжималось сердце при виде этих 10.000 мужчин и женщин, одетых в лохмотья, с изможденными лицами и ввалившимися глазами, беспоконных, боязливых. Г. комендант (Лафайет) говорил с ними с добротой, но с твердостью, заранее пресекавшей всякую возможность ропота и протеста. Он возвестил им, что пока им будет выдаваться плата в 20 су (35 коп.) в день, но, что скоро их вышлют каждого на их родину». В другом месте своих мемуаров тот же жалостливый писатель повествует: «Сегодня, 29 августа, происходило закрытие монмартрского рабочего дома. Поистине страшные меры были приняты: здания окружили пушками, городская гвардия и особенно герои Бастилии под предводительством Гюмгена стояли под ружьем; четыре комиссара выдавали паспорта. Рабочих выводили попарно и отбирали у них данные им раньше инструменты; каждому давали 24 су (45 коп.) на дорогу и паспорт. Паспортов выдали 4.000. Не было ни малейших бесчинств; не слышно

что оно погналось за Манчжурией. Офицеры в негодовании на правительство. Артиллеристы говорят: «Прибудем в Россию, тогда покажем, как посылать людей на убой». Пехотинцы также настроены либерально, но менее серьезно. Они—сторонники реформ, но настолько невежественны, что говорят: «Конечно, конституция в России необходима, но не правда ли, ведь государь попрежнему останется сдвюдержавным?»—Замечается массовое бегство офицеров в тыл, в госпитали. Здесь даже выработался особый термин: «заболел харбинизмом», т. е. норовит ударить в Харбин. А из Харбина в Россию не отпускают, в силу секретного приказа Куропаткина, даже и действительно серьезно больных офицеров. Уклонение от службы солдат встречается реже. Случаи бегства к японцам довольно редки, но бывают. Падение Порт-Артура было встречено довольно спокойно. О разгроме Японии давно никто не мечтает. Все зорко следят за событиями в России.

(М. Ольминский).

Челябинск. (Письмо с дороги). Все солдаты сознают бессмысленность войны, говорят об угнетении народа, о царящем произволе. Чем дальше, тем солдаты начинают держать себя свободнее. Офицеров не отличишь от солдат, все смешалось в один общий хаос... Кого ни спроси, все знают о Петербурге. Все без исключения крайне возмущены бѳней, устроенной правительством. Пришли к нам, напр., в вагон рабочие, командированные из Воронежа, и смело, открыто поют песни о петербургских рабочих, жмут руку сочувствующим социал-демократам. Кругом, куда ни оглянешься, всюду на стенах вагонов буквы: Р.С.-Д.Р.П. Солдаты сотнями бегут без разрешения по своим деревням. От Уфы до Челябинска бежало 20 солдат. На мой вопрос: «Что вам теперь будет?» они отвечали: «Ничего».—«Как так?»—«Очень просто, так как мы все заодно».—«Вас могут под суд отдать...»—«Попробовал—было пригрозить, а мы его предупредили, что зарежем, он и молчит...».

Петербург. Не все солдаты Гренадерского полка действовали 9-го января одинаково по-зверски. Фельдфебель стал преследовать солдат, которые были замечены, как имеющие совесть и старающиеся не убивать рабочих; он озлобил против себя этих солдат до того, что они (12—15 чел.) сильно избili его и даже чуть не убили. Все они преданы военному суду.

Харбин. (Из письма офицера). Я уже давно лежу в госпитале и слушаю рассказы вновь прибывающих с позиций.

Это что-то невероятное. Вот командир батальона из отряда Рейненкампа, который по отъезду японцев, «освещает» местность, идя по глубокой лощине с фонарем; этот батальонный командир был во всех боях и за все время ни разу не получал ни одного приказа. Другие офицеры подтверждают единогласно, что ни в одном бою не было ни распорядителей, ни разведок, поставленных как следует: все движется наобум; густые колонны попадают под перекрестный огонь и больше несут потерь от своих сзади, чем от японцев. Здесь в госпитали до 2.000 офицеров,—третья часть всего их состава. Они разгуливают по театрам, буйствуют, часто попадают на гауптвахту (но не под суд). Творится, словом, что-то не ладное, и как эта громадная армия будет возвращаться в Россию, я и представить себе не могу. Со времени прибытия в Манчжурию я во многом переменял свои политические взгляды, и 90 проц. строевых офицеров тоже. Обозные же, назначаемые по протекции с высшими окладами, все еще готовятся продиктовать условия мира в Токио. Интересно, на чем они туда попадут? Разве что на японских судах для помещения в дом умалишенных... Первое лицо после Куропаткина здесь подрядчик Громов. Он скупил осенью за бесценок поля (чумизу, гаолян) и скот и страшно поднял цены. Главный интендант—кум Куропаткина—является кумом Громова. Остальное сами поймете. Думаю, что Куропатки выше подозрений*), но его оплели. О силе Громова можно судить по такому факту: его приказчик застрелил чиновника Ярмошкина,—и дело видимо будет замято.

В Харбине все в руках железнодорожников. Инженеры понастроили виллы в декадентском стиле, вилла кн. Хилкова в центре, и строится целый дворец для начальника дороги ген. Хорвата. Получается впечатление, будто вся эта декадентская война ведется собственно в интересах владельцев этих декадентских вилл и дворцов.

Пример заразителен. Для полноты картины того, что делается в России, приводим полностью следующее «прошение»:

«15-го февр. сего 1905 г. мы, городовые г. Риги, пресли чрез своих гг. участковых приставов ходатайства перел господином полицмейстером об улучшении быта городских как в материальном, так и в нравственном отношении. При чем нами были указаны нижеследующие мотивы:

*) Напомним, что он получает 300,000 р. в год жалованья.

(Примеч. ред.)

было даже угроз; толпа выглядела очень несчастной, и лица злые, преступные и опасные очевидно замешались в ней так, что были незаметны. Я желал бы, чтобы все видели это зрелище: вид глубокой нужды и раздача мудро-милосердной помощи города тронули бы вероятно те жестокие души, которые требовали, чтобы обитателей рабочего дома попросту расстреляли бы картечью».

Эти несколько строк красноречиво свидетельствуют о настроении буржуазии. Лостало удивлен, что среди пролетариев так мало преступных лиц, он надеется, что палачи, требовавшие массового убийства пролетариата, сжалились бы при виде его покорности.

Еще одна картинка. 18 августа в Елисейских полях (один из городских садов в Париже) собрались подмастерья-парикмахеры. Должно быть им очень уж солзно пришлось от хозяев. Надо помнить, что в те времена высшие классы носили парики и замысловатые прически, так что цех парикмахеров был очень многочислен и влиятелен. Подмастерья отправили от имени своего собрания делегатов в ближайшую секцию буржуазной коммуны с просьбой позволить им устраивать постоянные собрания. В ответ явился офицер городской гвардии со своей командой и разразился страшной ру-

ганью. «Бунтовщики!»—орал он на оторопевших юношей; в заключение он замахнулся на первого попавшегося саблей, тот защитил голову рукой, которую буржуазный воин и прѳсек клинком.

Когда господа парикмахеры низвергают надменную власть своих клиентов, расфранченных дворянчиков, в раздушенных и напудренных париках—это священная революция; когда же подмастерья протестуют против эксплуатации господ парикмахеров—это ужасный и преступный бунт. Кто наблюдал такие сцены, мог предвидеть грядущую войну пролетариата с буржуазией.

Особенно большое волнение вызвало известие о взятии Бастилии среди крестьян. Крестьяне-собственники, давшие своим представителям в Национальном собрании вполне определенные наказы, с нетерпением ждали сигнала, чтобы насильственно сбросить с себя тягостную зависимость от дворян, множество податей и гнусных ограничений, которые тяготели на деревне. Париж взял Бастилию: крестьянам оставалось брать приступом свои Бастилии—дворянские замки.

Крестьяне вооружились. Сначала, однако, они оглядывались по сторонам. По всей стране ходил слух, что банды разбойников бродят повсюду, рубят леса, косят хлеб. Крестьяне решились защищать свое имущество

1) увеличить содержание до 30 руб. в месяц, при чем вовсе отменить ныне существующие добавочные через 7 лет; 2) если нет возможности снабдить квартирами натурою, то выдавать квартирные деньги семейным по 5 и холостым по 3 рубля в месяц каждому; 3) оружие выдать однообразное и подлежащий ремонт производить за счет города; 4) бесплатная врачебная помощь во всех случаях городским и членам их семьи; 5) бесплатное образование детей обоюбого пола до прав городских училищ; 6) в случае смерти или же увечья, последовавшего при исполнении служебных обязанностей, выдавать пенсию жене до вступления вторично в брак по 15 руб. и детям до совершеннолетия по 5 руб. в месяц каждому; 7) ограничить увольнение от службы властью начальства без подробного расследования вины увольняемого и 8) воспретить также и неуместное обращение околоточных надзирателей и высших начальствующих лиц, как, например, публичную брань.

На вышеизложенную нашу просьбу г. полицмейстер чрез нескольких вызванных городских нам ответил, что он своей властью нам дать никаких улучшений не может, но постарается разыскать тех из нас, кто первый вздумал подобную идею, и постарается посадить на три месяца в тюрьму.

Вследствие вышеизложенного, честь имеем покорнейше просить ваше п-во войти в наше положение и, приняв во внимание телершные цепи съестных продуктов, дороговизну дров, освещения и квартир, убедиться, что на 20 рублей в месяц существовать и одеваться немислимо, и главное, будучи уволенным со службы, нет надежды приискать какой-либо должности, так как существует какой-то секретный циркуляр, воспреещающий прием бывших чинов полиции на казенных железных дорогах хотя бы даже сторожем. А поэтому просим ходатайства вашего п-ва из подлежащих учреждений об удовлетворении нашей назревшей и насущной просьбы. О благосклонной резолюции вашего п-ва просим уведомить нас 22-го сего февр.; в противном случае мы вынуждены 23-го числа забастовать.

Городовые гор. Риги.

Томск. В дополнение к прежнему известию о демонстрации 18-го января сообщают, что кроме Иосифа Егоровича Кононова убит мальчик 13 лет. Раненых и изувеченных около 200 чел., в числе которых много детей и посторонней публики. Арестовано было свыше 120 чел. Многие из арестованных теперь, когда у них зажили раны и исчезли кровоподтеки, выпущены. Кононова хоронили через несколь-

ко дней после демонстрации. В гробу он лежал в красной рубашке, и в венке была красная лента. Речей не было. Полиция вела себя сдержанно. В университете и Технологическом институте были сходки. Решено прекратить занятия до осени. В университете, кроме того, было решено всеми мерами содействовать Сибирскому Союзу в устройстве забастовки по линии сибирской ж. д., чтобы положить конец войне. Совет университета решил закрыть университета большинством голосов. Некоторые из профессоров протестовали против такого решения. В университете после сходки, происходившей в 1-й аудитории, студенты с пением «Марсельезы» направились в актовй зал и разорвали большой портрет Николая II. Началось жандармское дознание и Ника—«опечатан».

Курск. Местная администрация весьма деятельно готовилась к 19-му февраля. По всему городу ходили солдатские патрули. Из Харькова прибыли драгуны и пехотинцы. Была заготовлена даже артиллерия. Из окрестностей были собраны стражники. Все это воинство ходило по совершенно безлюдным и омертвевшим улицам города, вызывая бесчисленные толки обывателей. Администрация до того боялась, что запретила даже богослужение в тот день. Были на-днях аресты.

Тверь. 30-го января открылось земское собрание. Гласные проявили больше радикализма, чем раньше. Вспод-даннейшего адреса не послали, а постановили резолюцию об Учредительном Собрании; затем ассигновали 5 тыс. руб. на помощь рабочим, уроженцам Тверской губ., потерпевшим во время событий в Петербурге, Риге и пр. 3-го февраля были прочитаны резолюции рабочих, которых много было на земском собрании. Когда они попросили слова у председателя, он им его не дал и объявил перерыв, но рабочие все-таки прочли свои резолюции. Все это произвело на публику сильное впечатление, и выступление рабочих было встречено в общем довольно сочувственно.

Киев. Вечером 1-го марта публика, по преимуществу молодежь, стала собираться в зале литературно-артистического общества, чтобы выслушать сообщение некоего Лункевича о бакинских событиях. Когда собралось человек 600, полиция закрыла входную дверь, так что прибывшие попозже должны были вернуться домой. Референт назвал себя делегатом образовавшейся на Кавказе группы (из интеллигенции), задавшей целью расследовать причины и обстоятельства бакинского погрома. Он явился сюда с целью

от разбойников. Но разбойники не являлись. На юге Франции то время до сих пор называют «годом страха».

Чего же так перепугались зажиточные мужички Франции? Они совершенно так же, как и буржуа городов, прежде всего при вести о крушении государственной власти со страхом вспомнили о безземельных, о батраках, существование которых было поистине невыносимо. Мысль о голодном брюхе, которое бродит вокруг полей и амбаров, была первая мысль вооружившегося революционного крестьянина-собственника. Из нескольких деревень торопливо сообщили Национальному собранию страшную вест, что «разбойники сжали в ночь на 25 июля в нескольких местах еще незрелый хлеб».

Да, пришла вест о свободе, завоеванной парижанами, и бездомные скитальцы, безработные батраки спрашивали себя, неужто по этому поводу нельзя хоть что-нибудь заполучить в пустой желудок? Единственным средством отпраздновать мировое торжество оказалось для них—украсть несколько колосьев незрелого хлеба.

Газета «Парижские Революции» сообщает, что какие-то «личности» спустились с гор около Женева и хотели попользоваться запасами Фернея, богатого

имения, прежде принадлежавшего Вольтеру. Женевская милиция с помощью многочисленных волонтеров отразила нападение на барские закрома и неведомые «личности» вернулись в свои горы умирать с голоду.

Газета замечает: «невежество и леность населения некоторых провинций привели его к вере в то, будто свобода и равенство заключается в своего рода дележе имущества».

Под ногами у собственников крестьян слабо дрогнуло целое море нужды, и они вооружались для самозащиты. Они ходили патрулями, по ночам с факелами и прислушивались. Но измученный сельский пролетариат только чуть-чуть шевельнулся и снова замер. Тогда хозяйственные мужички перешли в наступление против замков. Прежде всего крестьяне повсюду окончательно прекратили платежи; затем они стали вторгаться в замки, захватывать документы и сжигать их. Убийств и грабежей было немного,—они имели место лишь там, где крестьянам оказывали сопротивление; крестьяне стремились только стянуть с себя подавляющую тягость всевозможных повинностей.

Но революция в деревне сначала очень не понравилась господам членам Национального собрания. Крестьяне хотели попросту самостоятельно владеть своей землей,

ознакомить киевлян с подробностями воюющих событий. Однако, мало чего нового узнали мы из доклада Лункевича. Но вот докладчик начал читать резолюцию различных общественных групп по поводу событий в Баку; среди публики появились прокламации. Полиция предлагает разойтись. Референт: «Находит ли публика возможным продолжать реферат?» Голоса из публики: читайте! читайте! долой полицию!. Однако референт удался. Выходит литератор Водовозов и заявляет: «Господа, полиция превысила власть, она закрыла собрание без всякого законного основания. Легальные формы борьбы пока еще не исчерпаны. Мы должны выразить свой протест; надеюсь, правление общества не преминет обжаловать действия полиции!» Предложение это, повидимому, не находит себе сочувствия. Слышны недобрительные возгласы по адресу полиции и требование: «Ораторов!» После минутного перерыва снова на стол становится Водовозов: «Господа! Нет сомнения в том, что существующий политический строй сгнил. Ему остается жить весьма немного, но лишь при том условии, если все враги его объединятся. Пусть пример Турции послужит нам назидательным уроком. Турецкая деспотия также жива, но она влачит свое существование благодаря именно разрозненности входящих в состав империи народов, партий; враждуют друг с другом греки, сербы, болгары, и проч. Мы должны объединиться, объединиться для совместной борьбы с общим врагом, забыв на время партийные разногласия!» В ответ раздаются несколько хлопков и много недовольных голосов. Публика вызывает новых ораторов. Кто-то выходит: «Господа! Вам, вероятно, не безынтересно будет ознакомиться с содержанием декларации, составленной конференцией с.-д. партии?» (Голоса: читайте, читайте!) Читает... но к сожалению, довольно невнятно, запинаясь. Чтение оканчивается лозунгом: Долгой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Раздается дружное «ура!» «Да здравствует социал-демократия!» Вслед за тем все поворачивают к выходу. Кто-то запеваёт; все подхватывают: «Смело, друзья...» На лестнице останавливаются: минут 15—20 продолжается пение, после этого спокойно расходятся. Пристав норовил остановить пение, но был смят и получил несколько ударов кулаком. Полиция никого, однако, не тронула. На следующий день, как передают, был обыск в квартире Водовозова; зашедший к нему в это время Лункевич будто бы арестован.

В Гурии. Представители Бахвского сельского общества излагают требования крестьян в следующем манифесте.

они и действовали просто, а именно на деле отменяли все повинности, и, чтобы закрепить новые права, жгли старые желтые пергаменты, в которых оформлено было их унижение.

Но буржуазные политики боялись чрезмерной смелости. Больше же всего боялись они того, чтобы начав с права собственности дворянской, не поколебали бы их буржуазного права собственности. Один член собрания, носивший премудрую фамилию Соломон, прочел собранию интереснейший доклад. «Судя по письмам,—говорил в нем буржуазный Соломон,—собственность всякого рода подвергается в настоящее время преступному разграблению. Повсюду горят замки и монастыри; подати и барщины стали пустыми словами, закон бессилён, судьи лишены авторитета, правосудие стало призраком». Соломон предложил собранию объявить торжественно: «что нет никаких оправданий тем, кто прекращает законные платежи, что собрание со скорбью взирает на смуты, которые противоречат праву частной собственности, праву, которое собрание будет поддерживать всеми силами».

Вечером 4-го августа собрание было взволновано вестями о том, что крестьянское восстание разлилось почти по всей Франции. В самом начале собрания некто

«Тяжелая податная система давит крестьянина, все платит крестьянин, но у него нет средств. Нападет «борчик» (местное название сборщиков) и если не достанешь денег, то отнимет чурек (кукурузная лепешка), продаст скотину, орудия, утварь и др. И этим не довольствуются: избыют и арестуют. Бывали такие случаи, что забирали приданое жены, а когда женщина сопротивлялась, избивали. «Я сам был сборщиком (говорит один из представителей) и часто отнимал последние остатки муки, иначе не мог, потому что старшина душил».

Есть другие подати, например, драма (по 2 р. в год с каждого дыма, в пользу священника), за крещение, причащение, брак,—за все должны платить отдельно. Когда кто-нибудь умрет, священники говорят, что нужно отслужить какую-то панихиду, а то покойник не войдет в царство небесное, и за это обируют. Драмовые деньги платим отдельно. Попы безжалостны, когда просим отсрочить на некоторое время, они отвечают, что это не их дело, это зависит от полиции. Случается так, что умирает бедняк, и поп отказывается безвозмездно отслужить панихиду.

Каждый день должны держать наготове для правительственных лиц: 4 лошади в Озургетах (уездный город), а так как седло было старое, то лошадь пострадала, и нам в год 200 р. Кто только не пользуется этими лошадьми? В прошлом году пристав Хабурзаниа посадил свою жену, а так как седло было старое, то лошадь пострадала, и нам пришлось лечить. Только мы, крестьяне, должны сторожить церкви, дороги и дачи на две-три недели и все для того, чтобы богатым было спокойно. Когда уездный начальник или пристав разъезжают, мы должны сопровождать их и их жен, детей, перевозить вещи. Мы исправляем и проходим дороги, хотя ими все пользуются.

Мы требуем отмены тех податей, которые взимаются только с крестьян, а также разных стесняющих нас налогов и акциза на водку (в Гурии население занято выкуриванием водки и большею частью для личного потребления).

У нас страшное малоземелье, мы, крестьяне, почти что не имеем земель, но зато ее много у помещиков. И откуда это? Не бог ли подарил им? Мы умираем с голоду, а у помещиков амбары ломятся от запасов, которые нашими руками сделаны. Разве может быть больше несправедливости? Мы, трудящийся народ, голодаем, а нашими продуктами другие благоденствуют. У нас нет собственной земли. берем под аренду у помещиков на ужасных условиях. Выплачиваем половину урожая, 15—20 п. кукурузы на кцеву (1½ десятины) земли, кроме этого «саленероб»

Тарже прочел следующее заявление: «В то время, как собрание всецело занято устройством счастья страны на основе свободной конституции, умы смущены вестями о бесчинствах и бунтах, наносящих удар священному праву собственности». Далее следует решительное объявление всех помещичьих привилегий безусловно законными.

Такие фразы о свободе и счастье, которые строят призванные правительством господ умеренные либералы, и о бестактности народа, желающего прежде всего улучшить свое житье-бытье, мы будем частенько слышать и в России. Интересно однако, что сами дворяне на этот раз не согласились со своими благородными защитниками—зажиточными горожанами. В ушах их звучал набат и треск обваливающихся замков, в глазах стояло зарево пожаров. Они слишком хорошо знали, что спасти привилегии нельзя, а потому и решили поразить мир великодушием и добровольно отказаться от того, что у них и без того отняли.

Интересную речь сказал на этом заседании герцог Эгилльон, богатейший помещик Франции. Он заявил: «Признаемся, господа, что это восстание, как оно ни преступно, имеет некоторое оправдание, если вспомнишь как мучили крестьянство все эти привилегии. Конечно,

(подарки), взятки, припошения. Когда хороший урожай, то что-нибудь да остается, а при неурожае сами должны продать скотину и утварь. Кукурузу должны очистить и своими руками доставить, а за это время наша кукуруза гниет на полях... В таких условиях жизнь невыносима. Мы требуем землю для обработки. Должны быть освобождены с землей временно обязанные крестьяне. Кто уже заплатил за выкуп, ему должна быть возвращена вся сумма, так как, спрашивается, почему земельный надел принадлежал помещику, а не крестьянину? Во-вторых, крестьянин для выкупа сделал заем, который не выплатил до сих пор.

У нас есть государственные крестьяне, которые не пользуются теми же правами как другие: государственные крестьяне не имеют права заложить или продать те земли, которыми владеют. Они должны иметь на это право.

Много земель казенных, церковных и удельных; крестьяне не могут этим пользоваться, так как много податей и налогов. Эти земли должны быть переданы крестьянству, трудящемуся народу, и для их распределения должны учреждаться комитеты представителей крестьянства...

Кто может описать бедствия крестьянства? Беда в том, что мы не можем собраться и обсудить наше бедственное положение, тотчас же окрестят бунтовщиками. Достаточно собраться 10 крестьянам, чтобы надетели стражники и после избития посадили под арест. Два года тому назад наших товарищей убили в Хидиставе и Ланчхутах за то, что собрались и говорили о своих нуждах. Два года тому назад мы и крестьяне соседних обществ устроили сходку для суждения относительно поделенных земель, при скакали казаки и ранили трех товарищей. Некоторые из нас что-нибудь да понимают, читаем газеты, но одну удивляет: в газетах о всем идет речь, но ни одного слова о наших нуждах. Почему? Говорят, что воспрещено. Читали также много листков, в которых много хорошего написано, но читать такие листки воспрещается. Мы требуем свободу собрания, слова и печати. Не должны оскорблять личность человека, не должны врываться в наши дома; мы требуем свободу личности и неприкосновенность жилища. Потребности растут с необычайной быстротой, жить становится трудно, необходимо просвещение; при этом не понимаем, почему книги должны быть выброшены на съедение мышам (заккрытие библиотек)? Непросвещенный народ слаб и, вероятно, поэтому правительство преследует образование. Мы требуем бесплатного, всеобщего и обязательного первоначального обучения для всех.

Нас угнетает солдатчина. Прежде из нас не брали солдат,

но, когда начали набирать, то оставляли при нас же. Теперь посылают в другие места и там из трех только один остается в живых. Солдат оставляет семью, положение в семье ухудшается. Войска содержатся на счет того народа, в который они так часто стреляют. Мой дядя был солдатом (говорит один) и он рассказывал, что его привели к присяге и заставили поклясться, что усердно будет бороться против внешнего и внутреннего врага. Положим, что внешний враг Япония, но внутренний враг разве мы, трудящийся народ? Петербургские рабочие, убитые 9-го января, были внутренними врагами? Для чего проливается столько крови? Для чего убивает брат брата?... Мы грузины, русские, армяне, татары,—все братья; мы не будем грызться, пускай не старается правительство понапрасну. Мы не можем окончить описание нашего ужасного положения. Кто может удовлетворить наши нужды? Кто услышит наш голос? Не теперешнее правительство, которое никогда не обращало на нас внимания, которое мучило нас. Наши требования не частные, только грузинские. Этого требует вся Россия. Мы присоединяемся к нашим русским братьям. Наше общее удовлетворение возможно только тогда, когда народ всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием избереет своих представителей. Только такое правительство будет настоящее, только голос народа справедлив и честен.— В этом заключаются наши нужды и наша уверенность. Правда непобедима. Какие бы препятствия и мучения ни встретили, мы неизменны правде. Страна должна быть в руках народа».

Крестьянское восстание. Движение из Курской губ. перекинулось в Черниговскую, где целью крестьянских отрядов является Шостенский пороховой завод. Туда спешно стягиваются войска. Предводителями восстания считают теперь некоторых рабочих из местных крестьян. Один из них, одетый в папаху и бурку с золотыми кантами, выдавал себя за студента; он арестован. Другой одет в простую свитку, но под свиткой был генеральский мундир с орденами; толпа слушала каждое слово «генерала», полиции не удалось арестовать его. Теперь крестьяне говорят, что «студенты» обещали вернуться с оружием. Курский губернатор подвергает крестьян страшному истязанию, предварительно ставя их на колени и обращаясь с речью о том, что «начальства надо слушаться, а бунтовать грех». Попы в церквях произносили слезные проповеди о том, что «все мутит японец и англичанка». Народ в глаза им смеется: «а сами, черти, чего ездили ворвать?» А попы,

благородное дворянство повинно в таком мучительстве, но что поделаешь с управляющими? Они часто прямо безжалостны. Привилегии наши есть собственность, а всякая собственность священна, но эта форма собственности бесспорно тяжела народу». Поэтому герцог предложил дворянам отказаться от своих прав на землю и личность крестьян за достаточный выкуп! Какое великодушие! Речь благородного барина вызвала бесконечный энтузиазм среди испугавшихся было представителей буржуазии. В самом деле: стать на сторону крестьян значило освятить посягательство на частную собственность; стать на сторону дворян значило возбудить против себя деревню... А тут вышло отлично: и овцы целы и волки сыты,—сами феодалы отказались от «собственности». И господа имущие ну обниматься и целоваться! ну говорить красноречивые фразы и проливать умиленные слезы.

Надо заметить еще, что отмена позорных феодальных повинностей, будь она произведена даже без выкупа, уменьшила бы земельный доход дворян лишь на $\frac{1}{5}$ часть. Собрание постановило: отменить феодальные права, но обязать крестьян платить все подати, пока они не внесут выкупного платежа.

Но французские мужички и ухом не вели. «Отменить

феодальные права»—это ладно, а что касается выкупа—это они пропустили мимо ушей. В самом деле, откуда взяли бы они этот выкуп: дворяне требовали с них 1.200 миллионов руб., да духовенство 800 миллионов. Крестьяне сочли за лучшее не платить ни тем, ни другим ни гроша.

Среди общего ликования этих дней (от 4—6 августа) представитель духовенства чуть было не испортил всю обедню: в желчной речи это духовное лицо подпустило яду господам из буржуазии. В самом деле: мужичье отняло у монастырей землю, а они так и сияют, рады, что на их имущество никто не тянет лапы; и сердитый аббат Монтские вдруг выпалил: «Может ли рассудительный человек поверить в законность такого порядка, при котором продукты потребляются праздным собственником, а не труженником? Но таков предрассудок богатых и роскошествующих лентяев: им кажется, что они ужасно какие нужные люди, что именно вокруг них вращается вся политическая машина, что именно для них живут и трудятся классы, которые вы называете наемными».

Но гневная выходка аббата была встречена суровым молчанием собрания. Далекое было то время, когда класс наемников повторил эти слова громовым голосом.

правда, сами попользовались из помещичьего добра, так как крестьяне грозили их спалить, если не примут участия в общей дележке. «Христоролюбивое воинство» в душе трусится не мало.

Из Саратовской губ. передают, как слух, что один полк, шедший на войну, был задержан забастовками на ж. д. Когда же начались крестьянские волнения, он был послан для усмирения, но отказался стрелять.

Кавказская администрация озабочена вопросом: нельзя ли помещикам в Гурни помочь содействием по покупке земледельческих машин, в виду отказа местных крестьян работать на помещиков.

Движение, начавшееся в Орловской губ., растет. Власти, явившиеся для усмирения, телеграфировали министрам военному и вн. дел о необходимости присылки кавалерии, так как пехота ничего не может поделать. (Не потребуются ли вызвать для усмирения полки из Манчжурии? Прим. ред.). В Трубчевском у. крестьяне стали осаждать казенный лес: рубили сначала небольшими партиями, потом стало выезжать разом по 1.000 и более подвод. Начальство пыталось противиться, но затем разрешило рубить «сущостей». Ну, конечно, и рубят...

Киев. Либералы демонстративно начинают проявлять свою заботу войти в непосредственное общение с массой и явить себя ее благодетелями. Кроме проекта биржи труда, они усиленно завозились с обществом по устройству дешевых жилищ для рабочих. Кроме Лучицкого и Трубецкого, тут орудуют и другие столпы «Нового Пути»—Булгаков, Железнов, Яснопольский. На одном из заводов либерал-инженер принялся за агитацию среди рабочих по поводу комиссии Шидловского. Он критикует выпущенный по этому поводу листок местного с.-д. комитета, расписывает блага, какие может дать рабочим участие в этой комиссии, и предлагает ходатайствовать о приглашении туда представителей киевских рабочих.

Бывшая на-днях забастовка типографчиков, скоро прекратившаяся, при кой-каких завоеваниях, была организована самостоятельной группой типографчиков. Забастовка носила чисто-экономический характер. Высочайшие предначертания, опубликованные 19-го, были встречены в общем довольно вяло. Одно только приглашение «словом и делом» прийти на помощь в борьбе с крамолой приняты полицией к сведению и руководству. Уже были случаи нападения на студентов. На столбах появились призывы бить евреев и студентов. Депутация студентов была по этому поводу у Клейгельса за разъяснениями и с предложением принятия мер. Клейгельс сказал, что полиции им даны «соответственные инструкции, но что в обществе возмущены кра-

мольным поведением студентов, и что отсюда возможны для них разные неприятные последствия».

Контрактная ярмарка прошла слабо. Общее положение российских дел действовало угнетающе; полученные же к концу известия о крестьянских волнениях и о разгромах сахарных заводов вызвали почти панику. Вообще за все время ярмарки денег не было. Обычных крупных сделок не было вовсе, за то банкротств известно немало. Заключительным аккордом ярмарки явились ходатайства сахарозаводчиков и сельских хозяев, в лице их обществ, о необходимости немедленных общегосударственных реформ в духе ноябрьских земских пунктов.

Великий Устюг. В ночь на 23-е января по городу, его окраинам, в селе Красавине (в 25 верст. от Устюга там находится фабрика Грибановых) и др. окрестных селах в красных конвертах разбросаны в большом количестве 2 прокламации: «К обществу» и «К рабочим и всему трудящемуся люду» за подписью «Группа соц.-демократов». Всюду только и разговоров, что о «красеньких» конвертах. Через 1½ недели опять, в еще большем количестве, были разбросаны прокламации. Полиция сбита с толку. Попы провозносят проповеди, предлагая своему стаду бросить, не читая, конверты в печь или отдавать их полиции.

ОНИ УПРЯМЫ.

После полного крушения сил морских пришло, наконец и полное крушение сил сохопутных. Мукден, Телин—кровавые акты безумной, нелепой драмы: русский народ теряет свое достояние и своих сынов в позорных сражениях, потому что кучке его злейших врагов, против которых он уже восстал, нужно поддержать свой престиж. Война бессмысленна теперь вторично, бессмысленна она потому, что народу не нужна та Манчжурия, за которую он льет кровь; бессмысленна потому, что народ льет там свою кровь, чтобы скрепить победой ту петлю, которая душит; бессмысленна, в 3-х, потому, что безнадежна!

Но они упрямы!

Конечно, и они думают о мире, и они, все эти раскормленные, раззолоченные великие князья понимают, что до бесконечности так не может продолжаться. Но явиться перед страной униженными! но потерять кредит в Европе!—они понимают, что это, во всяком случае, начало конца, и они упираются, они топорщатся, они хотят застрашывать Японию и выторговать так-называемый почетный мир.

Чему же учит нас история крестьянского восстания в 1789 году? Несомненно, русское крестьянство также будет стремиться к тому, чтобы получить как можно больше земли в свое полное распоряжение. Как относиться к этому желанию нам, социал-демократам?

Одни думают, что это нас совсем не касается, что это дело крестьян и помещиков между собою. Но это неверно. Неверно это потому, что нам, пролетариям, необходима демократическая республика и при том возможно более прочная, крестьянская же масса будет бороться за нее только в том случае, если демократия будет тесно связана с широкой земельной реформой. При том же малоземелье ведет за собой постепенное вымирание населения, и расширение крестьянского землевладения будет лучшим лекарством от болезненного и стремительного разорения, в бездну которого летит народная Россия. Социал-демократия должна поэтому поддерживать крестьян в их борьбе за землю. Но есть и другие «социалисты», которые воображают, будто мы должны смотреть на передачу земли народу, как на социалистическую меру. Нет, такой ошибки мы не сделаем, и у нас, как во Франции, богатый мужик,

средний мужик не любят безземельного, безлошадного, боятся его и эксплуатируют его. Пусть землю раздадут всем: все равно она скоро перейдет к тем, у кого есть скот, инвентарь или деньги, словом капитал, а бедняк опять очутится в батраках. Поэтому, поддерживая крестьян в их борьбе за землю, мы должны в то же время организовать отдельно наших родных братьев—сельских пролетариев и учить их, что одно спасение для них от зависимости и нужды тот социализм, который делает общей собственностью и землю и всякий капитал, что в борьбе за этот настоящий, а не мелкобуржуазный мнимый социализм должны они слиться с нами, городскими пролетариями. Республика и земельная реформа—это лишь орудие, лишь средства создать для грядущей борьбы более здоровую и удобную почву.

С крестьянами-собственниками против правительства и помещичьей эксплуатации! С сельским пролетарием против крестьянина-собственника!

(А. Луначарский).

«Заключайте мир, вы разбиты, вам нельзя больше вести войну: у вас нет армии, вы вряд ли сможете провести мобилизацию, если же и произведете ее,—у вас нет средств снабдить армию новой артиллерией, вам нечем прокормить ее в Манчжурии». Так говорят правительственной России ее друзья—Вильгельм и французские биржевики: «при таких условиях мы не можем дать вам денег».

Но наши дипломаты знают, что есть еще ставка.

«Не дадите денег?»—говорят они парижской бирже,—«ладно. Пусть Японцы бьют нас. Пусть, наконец, начнется паника, пусть мелкий кредитор хлынет на рынок с русскими ценностями: тогда ваши миллиарды превратятся в дым! Сотни тысяч мелкобуржуазных семейств пойдут по миру, десятки громадных банков лопнут! думаете ли вы, что вам простят это лавочники, ремесленники, зажиточные крестьяне, мелкие рантье? Нет-с, погодите! Они пошлют к черту вашу умеренную и аккуратную республику, они подымут на щит первого попавшегося Дерулэда или Маршана; они восстанут во имя своего бога, своего идеала, во имя своих сбережений они швырнут французское отечество и французскую армию в какую-нибудь авантюру, потому что они и без того задыхаются под растущим гнетом крупного капитала, и, когда они увидят перед собою крах, они пойдут за нами, за грязными демагогами,—и вы будете иметь, голубчики-капиталисты, мелкобуржуазную реакцию на шее. Пожалуй, вы не слишком испугались? Но не воображаете ли вы, что социалистические рабочие будут равнодушно смотреть на совершающееся! что громадная часть мелкой буржуазии под руководством радикалов-социалистов не проведет вместе с рабочими целого ряда реформ противокапиталистического характера? И это в лучшем случае. В раскаленной атмосфере революции идеалы зреют быстро. Хотите вы цезаря? Хотите коммуны? А если нет, то не угодно ли попытаться дать нам отыгаться. Вы дали нам миллиарды,—мы безумно проиграли их. Теперь еще что-нибудь, еще что-нибудь, пожалуйста, для бедного царя, который хочет отыгаться».

И смущенные, со свирепыми ужимками господа биржевики отворачивают полы сюртука и лезут в карманы.

«И ты, брат Вильгельм»,—говорит всероссийский Митрофан,—«не будь легкомыслен, памятуя, что революция—болезнь прилипчивая. Ты посмотри на Бебеля!—как только меня отколоти Микадо—старик так и сияет, словно именинник. Что это означает, как ты думаешь? Ведь, не платоническую же симпатию к токийскому нашему собрату».

И европейские правители, кусая усы и морща лбы, шепчут: «Эта каналья Николай!—его игра проиграна, но мы должны играть вместе: мы слишком долго его поддерживали».

Они упрямы, наши правители! Они видят, что компромисс с народом уже невозможен: конь становится на дыбы и хочет сбросить их долой; они тянут мундштук, они рвут губы народу, на котором едут, они хлещут его по взмыленным бокам... Пусть падает вместе с нами, если не хочет смириться. Их упрямство означает целый ад мук, новые горы живо гниющих раненых, новые разбитые семьи, голод, эпидемия, вымирание, новый стыд и позор. Но муки переполнили даже чуть не бездонную чашу долготерпения народа русского: час приближается! Народная Россия воспрянет, наконец, перед глазами Европы, окровавленная, измученная, но свободная, израненная, но юная и полная сил. И все изменится в Европе: зашатаются троны, затрещат конституции! Великий Дух, о котором говорил Гегель, Дух Времени, сделает новый гигантский шаг вперед. Полны радостным ожиданием сердца пролетариев, смущена буржуазия Европы. То плотно закрывают они кошель, то отсчитывают дрожащими руками бумажки на поддержку русскому коронованному жандарму.

Светлая и всемирная роль выпала на нашу долю, русские социал-демократы. В великой войне классов наш бой с русским самодержавием, быть-может, решает ее судьбу.

Русский пролетариат разрушит все хитрые расчеты. Не будем забывать ни на минуту, что мы переживаем всемирно-историческую эпоху, что мы боремся в самом фокусе истории человеческих судеб.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. (Письмо товарища). На почве бывшей стачки создалась особая психология. Достаточно 2—3 десяткам лиц потребовать прекращения работ, чтобы большинство, даже и не желающее стачки, тотчас же подчинилось. Говорить, против стачки рискованно. Рабочие, признающие вред продолжения теперь стачки, не могут высказаться против нее, если в заводе есть желающие стачки; другие сейчас же закричат, что проданся администрации, и популярность и влияние погубили навсегда. Это особенно характерно для Путиловского завода, хотя наблюдается и на других. Чтобы поднялась новая революционная волна, необходима всеобщая стачка. А она может начаться, если рабочие передохнут и оправятся. Последнее время обнищали рабочие страшно. Все заложено. И все удивительно ясно сознают необходимость прекратить стачку и копить силы, готовясь к новой борьбе. Все связывают время ее непременно с маем: одни думают, что празднование 1 мая должно послужить исходным толчком; другие находят, что тогда стачка будет успешнее, потому что спрос на рабочие руки поднимется; третьи—потому, что «тогда, если не будет оружия, то хоть камни из мостовой можно выворачивать». Оружия требуют настойчиво. Сколько упреков и укоров сыплется на организацию за то, что не было оружия в январские дни!

Приходится не «вызывать глгучую потребность самоворужения», как болтают новоискровцы, а успокаивать, что время терпит, что оружие будет, говорить, чтобы сами искали, или, наконец, указывать на суррогаты вооружения. Доставать оружие самим рабочим нет никакой возможности; раньше можно было достать у старьевщиков, теперь нигде нет. Все упование только на партию.

Что касается отношения рабочих к разногласиям, то дискуссии, конечно, много выясняют, но в результате оказывается, что каждый остается в той организации, в которой был прежде*). Общее требование, предъявляемое рабочими, одно—объединение. В сущности весь спор они сводят к интеллигентской дрязге и никак не соглашаются принять «в серьез» существование глубоких принципиальных разногласий. Зদেশние меньшевики представляют очень разношерстный состав. Значительная часть их и по настроению, и по общим взглядам стоит на почве революционной соц.-демократии; но в силу занятой фальшивой позиции они, наморщивши чело, стараются оправдаться, выискивая принципиальные разногласия. Стараются до пота, а на практике ничего не могут дать нового. Другую часть меньшевиков составляют несомненно рабочедельцы, которые, пользуясь смутой, стали поднимать голову и пытаются внести оппортунистический характер в решение назревающих вопросов, требующих ясных и прямых ответов, ясных и определенных решений. С этими господами война нужна во чтобы то ни стало.

Петербург. Вы знаете, что, в ответ на требования рабочих, предъявленные к комиссии Шидловского, комиссия была распушена. После этого рабочие забастовали. В некоторых предприятиях дают расчет, при чем происходят возмутительные вещи: так, те рабочие, которые забирали товары в фабричных лавках, почти ничего не получают деньгами или получают очень мало, хозяйка платят только за то время, за какое, по их мнению, необходимо платить, штрафуют и пр. Настроение рабочих прямо боевое. Вот что говорил мне один сознательный рабочий: «Рабочие теперь охотней слушают агитатора, чем пропагандиста. Они слушают и пропагандиста, но говорят: что же теперь делать? Мы будем, мы готовы бороться за свободу стачек, союзов, собраний, но мы видим что без Учредительного Собрания мы ничего не добьемся. Мы будем требовать Учред. Собрания, но мы не пойдем на улицы без ружей и динамита. Дайте нам оружие и Петербург будет наш». Весь Петербург носит обычный вид, но это только с первого взгляда; присмотревшись внимательней, вы замечаете перемену: всюду кучки рабочих

*) Другой товарищ, напротив, сообщает что после дискуссии целый район (Невский) перешел недавно на сторону Пет. Комитета.

в 5, 10, 20 человек, все говорят о современных событиях дня; тут же шпионы, городские, тут же патрули кавалеристов; здесь же солдаты и конные жандармы. Кое-где были уже столкновения: так на Путиловском заводе произошла ссора между забастовщиками и желающими работать; дело дошло до выстрелов. Впрочем, желающих работать совсем мало. Так на одном крупном заводе, когда рабочим предложили вопрос: кто хочет работать?—отозвалось только два голоса. Вам, конечно, интересно знать, как рабочие отнеслись к манифесту и рескрипту 19-го февраля. Рабочие, даже малосознательные (передаю это почти с буквальной точностью) говорят: «Все это ложь. Нам нечего надеяться на царя. Он убежал 9-го января в Царское, сказал себе: пускай они (Владимир и Сергей) делают, что хотят, с рабочими. И нас убивали. Манифесты нам ничего не дадут, и мы будем бороться, но только с оружием. Без оружия на улицу мы не пойдём». Любопытен отзыв одного довольно сознательного рабочего о князе Владимире: «Вы говорите, что он сознательно борется с рабочими? Нет. Он глуп и туп и потому залил кровью улицы Петербурга. Он сам идет навстречу гибели, потому что он не знает, что за сила рабочих».

Интересно также, что некоторые рабочие находят вполне возможным устраивать теперь в Петербурге большие агитационные собрания. «От желающих войти в кружки нет отбою; иногда в течение двух дней приходится знакомиться с 30, 40 человеками. Назначили собрание из 6-ти человек, придем, а там 12 человек новых сидят. Часто собираются человек по 20, по 30 вместе. Можно ли надеяться на устройство больших агитационных собраний? Наверное, потому что на улицах всюду толпится народ, который пошел бы с радостью слушать агитатора. Пускай собрание разогнали раз, другой, третий, а на четвертый оно удалось бы».

Когда задаешь вопрос рабочим о Гапоне, о его популярности, то получаешь такой ответ: «Теперь уже Гапон не повел бы за собой рабочих; за крестом не пойдут, а пойдут за политиком, за своим товарищем, все равно, интеллигент или рабочий он».

Важно, между прочим, то, что как передают рабочие, часто теперь солдаты говорят собравшимся рабочим: «Собирайтесь, говорите, мы не тронем вас». Один солдат говорил, что когда он стоял на Алекс. площади в числе публики, он хотел броситься на солдат, стрелявших в толпу. «Но что один сделает, да еще без оружия?»

Уверяют (насколько это точно—не знаю), что солдаты сильно сочувствуют рабочим. За то достоверен факт, что солдаты многих полков просят и читают листки.

18-го февраля, в сороковой день петербургской бойни, на Путиловском заводе, как и на многих других, рабочие потребовали служить панихиду по убитым товарищам. Собралось столько народу, что церковь не вмещала, пришел и пресловутый инженер Смирнов. Бледный, растерянный стоял он со свечей в руках. Рабочие, видя своего директора, осмелившегося явиться на их демонстративную панихиду, не выдержали и, когда поп стал говорить речь, в которой призывал на основании евангельских текстов к «тишине и спокойствию», громко начали протестовать криками: «Ты и 9-го был против нас, изменник, ты и 9-го отговаривал нас... Вон! Вон и Смирнова!» Получился скандал, панихида даже прервана. Смирнов, говорят, со-страху вытребовал даже войска.

Одесса (письмо рабочего). Я в первый раз пишу письмо в редакцию; мы до сих пор не были приучены к тому, чтобы писать письма, теперь постараюсь писать как можно регулярнее. В глубине рабочих масс идет глухое брожение. Рабочие вооружаются. Все чего-то ждут, ждет и правительство; оно принимает свои «меры». На-днях фабричный инспектор обходил все типографии и остальные промышленные заведения и уговаривал хозяев дать рабочим 9-час. рабочий день во избежание всеобщей стачки. Некоторые хозяева уступили (Левенсон, «Порядок», Сапожников—типографии). В Южно-Русском Обществе Печатного дела у инспектора вышло столкновение с директором Кирхнером; директор страшно недоволен «политикой уступок», горячился, что это развращает рабочих. Созывается собрание хозяев, чтобы обсудить вопрос о сокращении рабочего дня. Настроение всюду замечательно хорошее. Перед рабочей партией ле-

жит великая задача использовать это настроение, нам надо как можно скорее организовать в одну централизованную сильную партию, нужно, чтобы все сознательные рабочие приняли участие в наших организациях. Дезорганизации партии дразгами пора положить конец. Я думаю, что все честные социал-демократы и сознательные рабочие должны стоять за съезд, который разрешит наиболее важные вопросы и покончит с разбродом и раздорами, которые позорят нашу партию, роняют ее значение перед рабочими. Все те, кто будет работать против, недостойны быть в партии, потому что это значит оставить партию в теперешнем положении и отдать рабочих на эксплуатацию буржуазии, которая уже во многих местах завязывает связи с рабочими, распространяя среди них «Освобождение». Это очень опасно. Тяжело подумать, что мы так долго мучились, так долго боролись за то, чтобы достигнуть такого момента, и вдруг оказываемся в таком положении. Пора взяться за ум, пора, чтобы пробудилось сознание ответственности перед партией и пролетариатом. Да здравствует централизованная организованная партия, предводительница пролетариата против зла и насилия!

Николаев (из письма рабочего). «В ночь с 15-го на 16-е января у нас готовилась демонстрация, были массовые аресты, арестовано было 273 человека. Все участки были переполнены, сажали в сараи. 28-го января полиция не знала чего испугалась, и давай ходить по домам и арестовывать. Арестовали 40 чел., в тот же день в городской полиции выпустили их на прогулку всех вместе. Товарищи вышли на прогулку и зашли «Марсельезу». Полицеймейстер прибежал и кричит: «Загнать их, мерзавцев, по кордегардиям!» Как только это он проговорил, товарищи крикнули: «Долой самодержавие! долой монархию! да здравствует учредительное собрание!» Полицеймейстер закричал: «Давайте сюда казаков! я им покажу «долой самодержавие!» загнать их, подлецов!» Но загонять было некому, а мы, спевши «Марсельезу», пошли сами по местам».

Николаев. «Я, нижеподписавшийся, николаевский рабочий, сообщаю редакции «Вперед», что в Николаеве 16-го февраля забастовали рабочие французского завода, черноморского, Уманского и вокзал. Все эти заводы предъявили одни и те же требования. Во время прекращения работы на французском заводе собрались все рабочие в круг и предъявили директору требования. Когда директор вышел, из толпы кто-то крикнул «долой евреев!» Директор обратился к рабочим с речью: «господа рабочие, что вы хотите от меня?» В это время рабочие подняли оратора. Прибавлю, оратор был еврей. Он предъявил директору требования: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) удаление администрации с завода (?), 3) повышение заработной платы от 30% и до 50%, 4) получка должна выдаваться во время работы, 5) неприкосновенность личности депутатов во время забастовки, 6) отмена сбывков, 7) уничтожение штрафов, 8) за все время забастовки администрация не должна рассчитать ни одного рабочего, 9) поденных рабочих должны нанимать не менее, как на одну неделю, и плата должна быть не менее одного рубля в день, 10) свобода личности, 11) Учредительное собрание и еще много мелких требований. Когда оратор говорил, директор молчал, но потом подумал и сказал: «Это все зависит не от меня, я подам эти сведения в Петербург, что последует из Петербурга, то я вам и дам».—И сказал, что ответ придет через две недели, снял шапку и ушел. Тогда рабочие решили пока приступить к работе, а если через две недели из Петербурга ничего не последует, то бастовать. Не знаем, удовлетворит директор или нет, но мы, т.-е. рабочие, готовы на все. Настроение вообще солидарное у всех николаевских рабочих. Дух поднят очень высоко. Рабочие говорят, если требования не будут удовлетворены, пойдём, разобьём арсенал и на баррикады».

(Из письма другого рабочего). «Сегодня (25 фев.) уже висят объявления у ворот завода и внутри него о расчете всех рабочих в понедельник 28-го февр. за отказ работать на прежних условиях. Все рабочие вчера после обеда, как только был получен результат о переговорах депутатов (депутатов 40 чел., всех рабочих на заводе около 4.000) с директором, собрались на площади внутри завода и тут же решили не начинать работы до тех пор, пока не удовлетворят их требования. Депутаты предложили сделать сейчас

же сбор в пользу более нуждающихся рабочих, и было собрано 76 р. 11 к., давали те, которые имели у себя деньги; кроме этого, желающие записывались, и записано около 670 р. Эти деньги будут налицо после расчета в понедельник. Затем депутаты обратились к директору с требованием выдать им штрафной капитал 1.300 р., что он уклончиво обещал исполнить; каков будет ход забастовки, неизвестно, но предполагают, что рабочие соединенными силами продержатся недели 2—3.

«На черноморском заводе сама администрация предложила рабочим, вследствие брожения между ними, выбрать депутатов для выяснения назревших нужд рабочих. Были предъявлены требования, самое главное требование—8 часовой рабочий день—не удовлетворено: администрация просит подождать рабочих до окончания работ в комиссии Шидловского (пусть ждут, навряд ли только дождутся)».

«20-го февраля в воскресенье товарищи по собственной инициативе устроили демонстрацию на Соборной улице. Собралась толпа в 200 чел. Выкинули два знамени с надписями: «да здравствует учредительное собрание!», «да здравствует демократическая республика!», «долгой самодержавие!» «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Как только товарищи крикнули «долгой самодержавие!», как вся гуляющая буржуазия разбежалась в разные стороны. Полиция растерялась, а товарищи с пением «Марсельезы» и со знаменами прошли по улице. Пока казаки прискакали, все разошлось».

Луганск. Наконец-то и наше болото всколыхнулось. Революционная волна, прокатилась по всей России, и нас затронула. 15-го февр. мы устроили собрание в 20 чел., на котором детально обсудили план забастовки. В ночь на 17-е февр. были разбросаны прокламации (гект.), призывающие к стачке. Были поставлены требования как экономического характера, так и политического. Экономические были следующие: введение восьмичасового рабочего дня, увеличение расценок, и т. д. На другой день в 2½ часа пополудни рабочие механического отдела завода Гартмана остановили моторы и с криками: «ура! бросай работу»—направились по всем отделам и приостановили работу во всех цехах. Сопротивлявшихся выгоняли на двор. Администрация завода уговаривала рабочих приступить к работе, указывала на Францию и другие страны, что и там рабочие работают 12 час. в день. Но все было напрасно. Часть рабочих разошлась по домам, другая, около 200 чел. двинулась к железному мосту. Оратор рабочий произнес сильную речь о том, что рабочие должны бороться за экономические улучшения, но такие могут быть достигнуты только при политической свободе, а ее и нужно завоевать. По окончании речи рабочие с криками «ура» двинулись к патронному заводу. И работа там тоже приостановилась. Здесь условились собраться на другой день. В 9 час. утра 18-го февр. собрались у моста. Ораторы-рабочие говорили речи, потом пошли к железнодорожным мастерским. Рабочие мастерских с радостью встретили толпу и остановили работу, дав тревожный свисток. У депо были произнесены снова речи и тут же раздавались прокламации, которые рвали из рук друг у друга. Вся толпа двинулась к эмалировочному заводу и приостановила там работу. Сплоченная толпа в 5—6 тысяч человек двинулась по улицам города, и везде остановила работу во всех типографиях и мелких мастерских. Затем подошли к патронному заводу (ставшему на работу с утра), дали гудок и остановили работу. Оратор опять произнес речь и рабочие разошлись по домам. Стачка выиграна рабочими Гартманского завода, большая часть требований удовлетворена, так, напр., установлен 9-час. рабочий день. Другие заводы ничего не выиграли. Но наша работа значительно подвинулась вперед, как как стачка открыла нам многих сознательных рабочих. Толпа держала себя все время хорошо, никого не задевала, а шпионов всегда выводила из толпы. Хотели мы устроить и демонстрацию, но силы наши слабы, а потому отложили до времени, пока окрепнем.

Рабочий

Тверь. (Письмо рабочего). Петербургское событие 9-го января—это великое событие в истории русского пролетариата, первый шаг к победе и вместе с тем к улучшению своего экономического положения—не могло не отразиться на пролетариате прочих городов России, в том числе и нашей Твери.

Организованные рабочие Твери собрались на организаторскую сходку политического характера и единогласно решили стачку. На другой день они повели усиленную агитацию и в час ночи назначили сходку возле новой фабрики, о чем и оповестили рабочих новой и старой фабрики. При выходе из корпуса сначала стали останавливаться те, кто знал, затем любопытные, набралось человек 600. Оратор начал речь, несколько минут слушали с глубоким молчанием, но оратору не удалось кончить речи, так как подмастерья во главе с табельщиком сделали попытку пробраться к оратору и арестовать его. На следующий день настроение было хорошее, и потому хотели уже начать стачку, как вдруг к 11 час. дня была вызвана рота солдат. Решено было отложить стачку, пока не уйдут солдаты. Тем временем настроение испортилось. Приехал хозяин и заявил подмастерьям, что если сделают стачку, то фабрика будет остановлена под предлогом ремонта до пасхи. Рабочие побоялись такой продолжительной голодовки, и стачка не состоялась.

Три дня спустя кучка подмастерьев пошла к директору просить, чтобы он пригласил священника, этого жандарма в рясе, чтобы отслужить молебен за тишину и спокойствие и просить бога об искоренении крамолы. Просьба была удовлетворена. Но это была пощечина для честного пролетариата. Организованные рабочие собрались на сходку до 60 чел.; решили во что бы то ни стало забастовать и заявить властям протест, что этот молебен был не от рабочих. Прямо со сходки в 9 час. вечера пошли на фабрику. Первыми взошли человек 25 и начали просить рабочих, чтобы прекратили работу и выходили на улицу, при чем в коридорах были разбросаны прокламации. В это время ткацкие подмастерья вооружились железными болтами, пиломатериалом, одним словом, кто чем мог, набросились на рабочих и давай их избивать, троих очень сильно избили, два отведены были прямо в больницу, а два сперва в участок, а затем уже утром одного из них доставили в больницу. До участка вел полицейский Исай, который позволял безмилосердно бить уже связанных. После всего этого собраться не было никакой возможности, и фабрика начала работать. Через час приехал губернатор, и, вызвав подмастерьев, сказал им свое княжеское спасибо за молодецкую расправу.

В настоящее время морозовская администрация организовала группу подмастерьев и ткачей-стариков вооружаться против забастовки. Ткацкий мастер Марков призвал подмастерьев и приказал им вооружиться железными ломанами и пустить в ход острое оружие против тех, кто будет делать забастовку; однако, и у рабочих имеется, чем оборониться от нападения.

Ярославль. 15-го февраля на заводе Смолякова рабочие (около 120 чел.) заявили, что прекращают работу и до тех пор ее не возобновят, пока не будут удовлетворены их требования. По телефону была приглашена уездная полиция и фабричный инспектор. Рабочие избрали восемь депутатов и остались на улице, а депутаты были позваны в контору. Там они заявили требования: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) отмена обысков, 3) вежливое обращение администрации с рабочими и 4) повышение заработной платы на 20 проц. Управляющий фабрикой г. Смоляков объяснил, что дела фабрики очень плохи: и без того штат служащих уменьшается. Если рабочие не хотят, могут не работать, но требования их удовлетворены не будут. Попытки фабричного инспектора покончить дело примирением не удалось. Хозяин заявил, что если законодательным порядком будет уменьшен рабочий день, то он немедленно этому подчинится, а без того на уступки не пойдет. После этого рабочие мирно разошлись. На другой день было вывешено объявление, что число рабочих часов уменьшается на полчас. Обыски вместо ежедневных будут производиться не более 4 раз в месяц в дни, избранные администрацией и что будут приняты меры для устранения грубого обращения. Человек 6—7 (Майоров, Озеров, Панов, Афанасьев и др.), отказавшись от солидарности с товарищами, немедленно приступили к работе а остальные начали совещаться. Управляющий заводом заявил, что больше заводчик ни на какие уступки не пойдет. Небольшая группа на ставала на забастовке, но большинство решило уступить выговорив только не вычитать из заработной платы за прогульный день.

Ростов-Ярославский. 16-го февраля рабочие Кекинской фабрики забастовали в количестве 800 человек, в том числе женщины и дети. Не примкнули к забастовке только рабочие чесального отделения. Требования следующие: 1) увеличение заработной платы на 20 проц.; 2) выдавать квартирные деньги по 1 р. 50 к. в месяц; 3) беременные женщины должны получать половину платы за все время, пока остаются дома после родов; 4) заболевший рабочий получает половину заработной платы за все время болезни; 5) уменьшение рабочего времени для денных вместо 11½ ч.—10 час.; 6) кончать работу перед праздниками, вместо 9 ч. вч. в 7 час.; 7) улучшить и удешевить продукты фабричной лавки; 8) чтобы никто из забастовавших рабочих не был рассчитан. Исправник обещал полную гарантию от вмешательства полиции. Стачка прошла удивительно единодушно. Все требования, за исключением первого, удовлетворены. Впечатление хорошее, большой подъем духа, даже у женщин, чего раньше никогда не замечалось. Забастовка продолжалась 2 дня.

Рыбинск. В мастерских М. В. Рыб. ж. д. 3 дня продолжалась стачка. Был выставлен ряд требований местного характера. Часть их удовлетворена. За несколько времени перед забастовкой рабочих, когда до Рыбинска дошли вести из Петербурга о 9 января, жандармский полковник Левандовский приходил в мастерские и убеждал рабочих не бастовать, а если у них есть какие-нибудь нужды, изложить их письменно и подать ему.

Рабочие соц.-дем., ознакомившись с тем, что произошло в Петербурге 9-го января и в последующие дни, а также и с отношением к комис. Шидловского, вынесли след. резолюцию: «Мы, организованные рабочие г. Рыб., обсудив те условия, которые вызвали отказ наших петербургских товарищей от участия в комиссии Шидловского, выражаем им свое одобрение. Будучи вместе с ними убеждены в том, что улучшение положения рабочего класса невозможно без свержения самодержавия, считаем необходимым созыв Учред. Собр. на основе всеобщего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права».

Орехово-Зуево. На пол-пути из Владимира в Москву лежит поселок Орехово-Зуево—крупный рабочий центр с 25—30.000 рабочих. Еще в январе ореховские рабочие, узнав о петербургской бойне, хотели подняться. Бросили работу ткачи на фабрике Викулы Морозова, пошли останавливать прядильщиков. Как водится, казаки были на-готове, с нагайками бросились на ткачей и разогнали. Прислали из Владимира войска. Стачка была сорвана, пришлось рабочим смириться и ждать удобного момента для новой борьбы. «Подождите, братцы,—говорили передовые рабочие нетерпеливым товарищам,—уйдут войска, мы снова подыдемся, а пока-то давайте готовиться к стачке». И рабочие начали готовиться. Не прошло недели, как отозвали войска из Орехова, а там уже снова вспыхнул пожар забастовки, на этот раз дружный, как никогда в Орехове. Весь поселок стал. 14-го февраля бросили работу на фабрике Саввы Морозова (до 12 тысяч). Отсюда пошли к Викуле и приостановили там работы (до 19 тыс. раб.). Из Орехова стачка перекинулась рядом в Зуево, где стала фабрика Зимина. Началось брожение неподалеку в Ликене на фабрике Смирнова и в Дулеве у Кузнецова. Администрация переполошилась, полетели телеграммы к властям с требованием войск. Через 2—3 дня в Орехове-Зуево были уже 3 батальона пехоты, 3 сотни казаков, эскадрон драгун, не считая своей фабричной охраны—астраханских казаков, служащих по найму у фабрикантов. В один из первых дней забастовки толпа молодежи человек 200 прошла по Орехову с пением «марсельезы», но в последующие дни было спокойно: рабочие собирались громадными толпами, обсуждали свои требования, но, повидному, в большинстве не хотели выходить из рамок профессиональной борьбы. К слову сказать, и все требования носили узко-экономический характер, но такова уже судьба рабочего движения на Руси «святой»—правительство само заботится, чтобы всякая даже узко-экономическая стачка окрасилась в политический цвет. Приехали фабриканты; рабочие вели с ними переговоры. Часть требований обещали им удовлетворить, но рабочие стояли на удовлетворении всех требований и решили продолжать мирную стачку. Однако властям и полиции надоело выну-

женное бездействие, им захотелось сломить «дерзкое» упрямство рабочих. Начались попытки арестовать вожаков. Полиция являлась на квартиры зачинщиков стачки... Но, увы, зачинщики взяли за правило дома не ночевать, и полиция с носом уходила обратно. Между тем начали появляться среди рабочих и даже солдат соц.-дем. листки, из Москвы приехали агитаторы и на рабочих собраниях начали поднимать политические вопросы. Однажды полиция с войском нагрянула на одно из таких собраний и оцепила его, но рабочие смекнули в чем дело—прорвали цепь солдат, и агитаторы благополучно скрылись. 17-го февраля у фабричной конторы рабочие собрались для переговоров с хозяевами. Войска окружили их. На крыльцо, вместо хозяев, вышел вице-губернатор Сазонов, трус 95 пробы. «Что вам надо?»—спрашивает он, а у самого челюсти трясутся от страха. «Хозяина нам, хозяина»,—гудит многотысячная толпа. У Сазонова глаза расширяются от страха. «Разойдитесь»,—лепечет он,—«а не то несчастье будет, прикажу стрелять». «Хозяина, хозяина!» толпа в ответ. «Ребята, пойдем домой, что с ним разговаривать»,—раздается из толпы спокойный голос. Дисциплинированная толпа, повинувшись голосу вожака, расходится. Остаются женщины, ребяташки. «В нагайки!»—раздается команда, и сотня казаков врывается в толпу, хлещут нагайками, толпа разбегается; одну беременную женщину, избитую нагайками, увозят в больницу, у одного рабочего расшиблен глаз, у мальчика рассечено лицо. Рабочие возмущены, но сдерживаются.

Кострома. В начале марта костромская группа Сев. К-та устроила собрание организованных рабочих. По конспиративным причинам присутствовали далеко не все, но более 30 человек. Один товарищ говорил на тему—«Севастополь и Порт-Артур». Другой—на злобы дня. Принята единогласно след. резолюция:

«Мы признаем Р.С.-Д.Р.П. единственной представительницей и выразительницей интересов пролетариата всей России. Мы приветствуем последнее открытое и решительное выступление пролетариата Петерб. и многих других городов на борьбу с самодержавием, царским гнетом и всем современным строем. Мы уверены, что объявление Кавказа на военном положении и назначение туда наместника с особыми полномочиями не только не ослабит наших кавказских товарищей, но, наоборот, придаст им еще больше энергии и мужества в их отчаянно-смелой схватке с царской кликой и кровопийцами-капиталистами. Мы считаем комиссию Шидловского последней и неудачной попыткой царского правительства заигрывать с рабочими. Закрытие этой комиссии доказывает, что между царем и сознательным пролетариатом России не может быть хотя бы и временного перемирия. Царь или пролетариат, самодержавие или учредительное собрание на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Мы относимся с презрением к царскому манифесту. Нас глубоко возмущает трусливое и рабочее поведение Петербургских и Московских земцев, которые приветствуют эту жалкую царскую подачу. Только продажные души наших либералов могут удовлетвориться такими грошевыми уступочками.

Мы признаем, что только посредством вооруженного восстания мы сможем вырвать власть из когтей двуглавого хищника и добиться той свободы, которая нам так необходима для более успешной борьбы за освобождение всего человечества от гнета капитала». Эта резолюция была встречена долго не смолкавшими возгласами: «Долой самодержавие! да здравствует революция!» Раздавались выстрелы.

Рабочие забастовки. Сознание, что старый порядок доживает последние дни, сделало рабочих как никогда готовыми к бою. «Настроение у рабочих железное»,—пишет один товарищ из Петербурга. Это железное настроение сопровождается стремлением заставить «самолюбие хозяев стушеваться перед самолюбием рабочих» (слова петерб. рабочего). Особенно характерна в этом отношении забастовка на фабрике Я. Фокина в Иваново-Вознесенске. Вот что пишет оттуда один из местных рабочих.

23-го февраля рабочие фабрики Фокина сговорились просить, чтобы в пятницу сырной недели праздновать, как и на других фабриках. В обед хозяин не показался. Вечером собралось у конторы около половины всех рабочих. Хозяин спрашивает: «Ну, что вы тут толпитесь. чего вам надо?»

Из толпы некоторые (постарше) обнажили свои лысые головы и стали просить, чтобы отпустил праздновать пятницу, хотя бы с вычетом заработной платы. Другие кричали против вычета. Хозяин отвечал:—«У меня правило на весь год; кто хочет, не работай, а паровая машина будет пущена в ход». Вперед вышел молодой рабочий и стал говорить: «Только одна ваша фабрика работает этот день». Хозяин:— «За то у нас празднуют те дни, в которые на прочих фабриках работают».—«Но нам-то что из этого? Пусть мы будем работать, когда люди работают, а когда празднуют другие и мы будем праздновать».—«Не вами это установлено, не вами это кончится»,—сказал хозяин и ушел в контору. Вслед ему раздалось шиканье, крики, свистки и народ повалил к воротам. За воротами некоторые из организованных рабочих уговорили толпу замолкнуть и посоветоваться. Решили начать забастовку на другой день. Но на утро все вышли на работу. В четверг вечером у конторы собралось большинство рабочих. Организованные рабочие предупредили толпу, чтобы вели себя смирно. Рабочие тихо ждали хозяина более получаса, многие даже отчаялись видеть его и хотели расходиться. Но вот, наконец, он явился. Тот же рабочий, который говорил и раньше, выступил вперед и обратился к хозяину:—«Ник. Як., просим вас выслушать»...—«Ну, ну, говори».

— «Мы не желаем работать завтрашний день».

— «Я же сказал вам, что фабрика пойдет. У меня срочные заказы, завтра надо сдавать товар; если бы вы сказали мне недели за две, то я сделал бы по-вашему». Рабочий невольно замаялся и, когда хотел возразить, то уже хозяин смыкнул в дверь; рабочий отворил дверь и крикнул вслед ему:—завтрашний день забастуем. Толпа заволновалась, послышались крики. Рабочий встал на площадке крыльца и обратился к толпе: «Товарищи! мы предъявили хозяину требование, которое во всех отношениях справедливо. Но он не только не удовлетворил его, а даже и выслушать хорошенько не хочет. Этим он доказывает, что не обращает на нас внимания, не считает нас за людей. А разве мы не такие же люди, как на прочих фабриках? Теперь нам не остается ничего делать как бросить работу. Помощи нам ждать не откуда, никто за нас не заступится. Приходится самим рабочим стоять за себя и стоять как можно дружнее и единокласснее. В этом вся наша сила, и я надеюсь, что, действуя сообща, мы победим». Слышались одобрительные крики: Верно, верно.—«Итак, мы не будем завтра работать. Все ли согласны?» Крики: Все согласны.—«Значит, завтра утром придем пораньше и сообщим свое решение тем, кто здесь не был. Согласны?»—Согласны. Затем рабочие стали расходиться. Организованные пошли и запели: «Нас давит, товарищи, власть капитала» и «Варшавянку». Многие слушали с удовольствием. Только-что рабочие разошлись, через 5 минут прискакали казаки, но делать им было нечего. Утром в пятницу задолго до звонка у ворот фабрики собрались рабочие. Тех, кто шел на работу, уговаривали не ходить. Пробил звонок, пустили паровую машину, а в фабрике одни только пристава да мастеровые. В седьмом часу скачут казаки и начинают бить и разгонять. Один казак замахнулся было на помощника колориста, шедшего в фабрику, но он его осадил, дал выговор и записал фамилию. Бить перестали. Особенно никто не пострадал. Скоро у фабрики остались одни казаки, полицейские да сторожа, рабочие же за блинами торжествовали победу.

Если в Ив.-Вознесенске военная сила пришла в движение из-за блинов, то мудрено ли, что и в других городах военному начальству не до войны с какими-то там японцами. Из Н.-Новгорода пишут, что войска и полиция все время на ногах: вторую неделю от двух полков в казарме не остается ни одной роты. Офицеры массажи подадут рапорты о болезни (болеют харбинизмом?). И все из-за того, что забастовал почти весь местный пролетариат, начиная с фармацевтов, типографщиков и кончая рабочими заводов: Сормовского, Доброва, Башкирова, Курбатова и др. Типографщики добились 9-часового рабочего дня и повышения заработной платы. Мирный характер носила довольно продолжительная (около недели) стачка в Царицыне. Она началась с завода «Урал-Волга», перешла на другие заводы, к типографщикам и приказчикам. Требовали сокращения рабочего времени и увеличения заработка. Войска, конечно, брали оружием, но столкновений не было. В Орехове-Зуеве фа-

брики еще стояли; когда было отправлено письмо в нашу редакцию. Мелкие фабриканты уже пошли на уступки, а Савва Морозов на требование рабочими права участия в прибылях ответил, что лично согласен на это, но не может принять решения без согласия других директоров.—В Астрахани 18-го бастовало до 300 чел. переплетчиков и типографщиков. В Томске типографщикам после стачки увеличена заработная плата на 5—10 проц., и рабочий день сокращен до 9 час. В Чите жел.-дорожные рабочие (больше 1.000 чел.) требовали путем забастовки освобождения товарищей, арестованных 19-го февраля на сходке в предместье. Во время этого ареста была перестрелка между полицией и рабочими, но жертв не было. В Ростове-на-Дону забастовавшие заводские рабочие демонстративно прошли по Б. Садовой; за ними следовали босяки и за босяками—полиция. К ростовским скоро присоединились нахичеванские рабочие; около вокзала было собрание до 400 портных, но казаки разогнали их нагайками. В Севастополе 19-го бастовали типографщики; служащие портовой конторы требуют увеличения заработка и сокращения рабочего дня, угрожая забастовкой. Грозили забастовкой также ж.-д. рабочие в Ташкенте. В Елизавет-поле прекратилось одно время коночное движение; рабочие требовали сокращения рабочего дня. В Екатеринославской губ. в середине февраля бастовали рудники: Алексеевские и Ломоватские, Щербинский, Шубинский, Дружковский, Орлово-Еленевский и Кадиевский. На 21-е ожидалось всеобщая забастовка Донского района (до 200.000 раб.). Насторожение очень тревожное. Рабочим кое-где поспешили дать некоторые уступки. В Кадиевку приезжал губернатор и другие власти.

К сожалению, застой в промышленности затрудняет экономические завоевания, для которых политический момент является столь благоприятным. Так, например, из Киева имеется сообщение о закрытии Южно-Русского машиностроительного завода (от 600 до 800 раб.); на этом заводе рабочий день был сокращен на 1 час., но вместе с тем понижена и заработная плата. Закрытие завода последовало в ответ на забастовку рабочих, требовавших сохранения прежней платы.

В Воронеже на рабочей сходке раздался два выстрела в инт. Антонова, который произнес речь политического характера. Антонов тяжело ранен. Нашлись рабочие, которые помогали арестовать его, в то время как другие защищали от полиции. Стрелявший был арестован, но вскоре выпущен; по сведениям, идущим из некоторых источников, покушение это было делом рук шпионов.

В Варшаве, Лодзи, Белостоке, Вильне, Митаве и некоторых других городах Польши и Западного Края стачки не прерываются. Настроение крайне боевое. Войска в постоянном движении.

Письмо рабочего. Товарищи! Как «Искра», так и «Вперед» очень советуют читать брошюру, написанную «Рабочим»: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях». Читая эту брошюру и перечитывая ее и все же так не могу понять, чего собственно хочет тов. Рабочий. Он пишет, что у нас теперь очень важный и животрепещущий вопрос, имеющий чуть ли не самое важное значение в нашей партийной жизни—это вопрос о взаимных отношениях рабочих и интеллигентов в наших организациях: говоря это, он очень резко нападает на интеллигенцию из партийного «большинства», а интеллигентов меньшевиков ласково треплет по плечу за то, что они спустились до его понятий и развития. Это он называет правильным решением вопроса, заданного им самим.

Взгляды, высказываемые автором брошюры, довольно странные: он всячески старается умалить значение интеллигенции в пролетарском движении, считая ее чуть ли не «вредным элементом». Товарищ забывает, что все мы, сознательные рабочие, от интеллигентов же научились быть сознательными. Еще борец-мученик Петр Алексеев говорил на суде, что он благодарит интеллигенцию, пришедшую в наши ряды, чтобы поднять наше самосознание, чтобы научить нас бороться за наше экономическое и политическое освобождение. Да разве наши духовные вожди Маркс, Энгельс, Лассаль не были интеллигентами? Товарищ возмущается, что сознательная молодежь прямо с ученической скамьи попадает в вожди пролетариата. Это чистейшая выдумка. Нет, истинными вождями пролета-

рнев являемся мы же, сознательные рабочие, неразрывно связанные с широкой рабочей массой, а интеллигенция, ставшая на точку зрения пролетариата, только служит ему и освещает трудный путь к освобождению, борясь и страдая вместе с ним. Кто же виноват, если наши товарищи рабочие не могут выделить из себя Бебелей, достойных руководителей партий и занять положение, соответствующее Плеханову или Ленину?

Обидно слушать разговоры об этих выдуманных разногласиях между интеллигенцией и рабочими! Довольно прожужжали нам уши разные зубатовцы, говорившие, что мол, интеллигенты—это ваши враги, господа рабочие. Они, мол, друзьями прикидываются потому только, чтобы легче воспользоваться через ваше посредство политической свободой.

Тов. Рабочий страшно недоволен интеллигенцией еще за то, что она не сошла после II съезда во взглядах на организационный вопрос и обвиняет за это интеллигенцию из «большинства». Да, рабочие хорошо понимают все зло, причиненное им расколом, но они также умеют разбираться в том, кто больше в этом расколе повинен. Карл Маркс сказал: «Освобождение рабочих есть дело самих же рабочих», и вот Ленин на основании этих слов строит план организации с пролетарской дисциплиной. За это посыпались на него нападки и упреки именно из того лагеря, члены которого отстаивают свой индивидуализм. Ставшие на точку зрения пролетариата интеллигенты из меньшевиков побоялись раствориться в пролетарской массе. Таким образом, виновником раскола является не интеллигенция вообще, а некоторая часть работников, не подчинившихся II партийному съезду. Их мозг не может переварить ясного и понятного централистического плана организации революционной социал-демократии. Они никак не могут порвать со своими старыми обывательскими взглядами на нашу работу «революционной бациллы», которая сегодня на юге, а завтра на севере делает свое дело. Вот таких-то отсталых нам и надо бичевать, будь они интеллигенты или рабочие. Вопрос, ведь, теперь самый важный у нас, как быть с расколом, чей принцип партийной организации лучше: Мартова или Ленина. И совершенно неверно утверждает тов. Рабочий, будто самый важный вопрос теперь об отношении интеллигентов и рабочих. Между истинными приверженцами нашей партии он давно уже решен и поднимается еще только дезорганизаторами из меньшинства. Не в интеллигентах и рабочих суть дела, а в лучшем сознании принятой на себя обязанности и тех и других в деле руководства борьбой за освобождение рабочего класса. А когда тов. Рабочий говорит, что самый важный теперь вопрос—это отношение интеллигентов и рабочих, то он показывает, что сам еще не понимает сущности нашей трудной работы. Я себе представляю следующее. Получает комитет извещение на другой день после событий в Петербурге. Не теряя ни минуты, спешит он напечатать это сообщение и немедленно распространить в массе. Надо заметить, что теперь распространителей не один или пять человек, а целые сотни. Если поступить так, как хочет меньшинство, надо сначала собрать всех распространителей, прочитать им прокламацию и, если они согласны будут ее распространять, то тогда только выдать им для распространения. Да следовать такой тактике могут только люди, ничего не смыслящие в конспиративных делах. По этому поводу мне возражали: а если комитет будет писать какую-нибудь чушь, то и тогда рабочие должны распространять ее? Вот для этого-то наш II партийный съезд решил дать власть Ц. К-ту ставить людей в комитет, истинных социал-демократов, и проверять их поступки.

Пока т. Рабочий громы мечет против интеллигенции из большинства, интеллигенты из меньшинства знай ловят рабочих, не стесняясь никакими приемами. Вот вам картинка из Екатеринослава, снятая с натуры. Какая-нибудь дама, интеллигентка из меньшинства, приглашает рабочего к себе запросто поговорить. Приходит это наш рабочий, скажем, Ефим, хозяйка к нему навстречу с улыбкой: а, Ефим, господа, Ефим пришел, знакомьтесь пожалуйста. Усаживают его на кресло, предлагают чаю, начинаются разговоры. А что вы довольны комитетом? спрашивает его дама. Ефим смущается. Я... я не знаю комитета, а сам думает: фу, пропасть, уж не шпионка ли?—А с тактикой меньшинства вас знакомят?—Нет, не знаю,—опять смущенно бормочет

Ефим.—Представьте, господа,—возмущается дама—до чего доходит пропагандированный Лениным деспотизм! Рабочих не знакомят ни с чем, они в руках большинства, как слепое орудие!—Да, да,—негодуют присутствующие.—Ну скажите, голубчик,—опять обращается к Ефиму дама:—Комитет вам не говорит, когда будет распространение листовок? Тут уж Ефим не выдержал и прямо выпалил ей: о таких делах, сударыня, не говорят; если я вам нужен, то говорите, зачем позвали, в противном случае дела меня другие ждут. Дама от неожиданности растерялась.—Это все ленинская агитация, закабаление рабочих, нельзя даже им бедным и вечера провести. Вот, господа!—обращается она к присутствующим—система «винтиков» и «колесиков»: рабочий у них, как автомат, уже, наверное, пойдет разбрасывать прокламации эту ночь.—Хорошо, Ефим был работник, сознавший свои классовые интересы и работающий сколько есть сил для своего же освобождения. Но другие попадают в сети, и в результате резолюция от рабочих, недовольных комитетом.

В заключение одно слово т. Рабочему. Всех таких интеллигентов, которые борются из-за чести быть в комитете, затуманивая головы рабочим разными небылицами, клеймите позором, и тех, кто против пролетарской дисциплины восстает. Зачем они прodelывали всю комедию со съездом? «Всуче законы писать, коли их не исполняют». Рабочие же давно очнулись и нечего вам их будить.

Рабочий Правдин.

Петербург. У нас как-то все затихло, если судить по первому впечатлению. Газеты славословят, либеральные круги усердно обсуждают проекты реформ, но все это с каким-то сознанием, что наступил момент передышки; до весны вряд ли можно ожидать каких-либо событий.

Опустилась и грозная волна пролетарского движения, достигшая такой небывалой высоты в последние два месяца. Истощенные чуть не полуторамесячной стачкой (на некоторых заводах она тянется с начала января с небольшими перерывами), изголодавшиеся рабочие снова становятся на работу. Но не с опущенной головой и не с сознанием своего поражения расходятся они по фабрикам и заводам, а с сознательным решением подождать до весны, накопить силы, оправиться, лучше организовать для нового, более упорного и более жестокого сражения. Это сознание поддерживает бодрость духа и дает силу подчиниться теперь суровой необходимости. Тяжело приниматься за работу, не добившись ничего, встречая на каждом шагу насмешки и глумление администрации, зная, что лучшие товарищи, смело выступившие на защиту интересов рабочего класса, сидят в тюрьмах или высланы из Петербурга. Тяжело, но надо подчиниться в виду целосообразности такого плана действий. И вот опять загорелись ярким светом окна громадных зданий, загрели машины, промышленная жизнь опять идет полным темпом и зреет в этом шуме и грохоте грозная, непобедимая сила.

Это затишье—затишье перед бурей; она идет, она уже близка.

Стремление организовать, подготовиться захватило теперь самые широкие слои рабочих масс. Организация растет с невероятной быстротой, каждый день являются новые связи, присоединяются новые кружки и все спрашивают: что делать, как теснее и лучше сплотиться, как подготовиться к предстоящим событиям. Время не ждет, нам осталось может быть несколько месяцев мирной работы.

Зашевелились и либералы. Теперь и они заговорили об интересах рабочего класса: он нужен им, как единственная реальная сила в борьбе с самодержавием.

Недавно они основали так-называемый «рабочий союз» и теперь усиленно призывают пролетариат к объединению с другими слоями общества. Вся нелепость этого «рабочего союза», основанного и руководимого либералами, ясна с первого же взгляда для каждого сознательного рабочего; но не то с серой массой: лозунг «организоваться», который дают и либералы, служит главной притягательной силой, а программные разногласия очень ловко затушевываются основателями «союза». «Мы ничего не имеем против соц.-дем. программы,—говорят они рабочим,—может быть мы впоследствии и примкнем к ней; и теперь наша программа почти соц.-демократическая, есть только кое-какие

несущественные разногласия». Когда я спросил у одного рабочего, члена «союза», какие же это разногласия, он отвечал, что, по мнению либералов, «соц.-дем. помешаны на идее всеобщей стачки и хотят продолжать ее в настоящий момент во что бы то ни стало, хотя бы рабочим пришлось умирать от голода». Насколько это правдоподобно, видно из того, что недели полторы тому назад, по обсуждении вопроса во всех районных организациях, комитет постановил считать дальнейшее продолжение стачки нецелесообразным в виду полного истощения рабочих и необходимости накопить силы к маю. Решение это, утвержденное всеми районными организациями, получило самую широкую огласку. Осталось ли это тайной для либералов или здесь просто наглая ложь в целях дискредитирования социал-демократии, затрудняюсь ответить. Пожалуй, можно бы было допустить скорее первое (как ни странной кажется такая неосведомленность у людей, берущихся за организацию «рабочего союза»); но вот еще одно возражение против социал-демократии, которое уже не оставляет никаких сомнений в своей чистоплотности. «Комитет—организация чисто интеллигентская, которая хочет предписывать что-то рабочим, а вот они, либералы (впрочем, это слово на собраниях «союза», конечно, не произносится), устроят организацию пролетарскую».

Это уже наглость, для оценки которой затрудняешься подыскать соответствующие выражения.

«Союз» выпустил пока один листок, в котором предлагает рабочим не продолжать стачки и организовать (т.-е. то же самое, о чем давно уже говорили с.-д.); о своих же задачах и характере благоразумно умалчивает. Он образовал также в некоторых районах свои районные собрания в подражание соц.-демократическим, с той, конечно, разницей, что в них входят часто совсем малосознательные рабочие, так как сознательные на эту удочку не пойдут.

Отношения между меньшинством и большинством опять несколько обострились. После разрыва не было собственно никаких отношений и столкновений. Теперь же, когда связи так быстро растут постоянно приходится сталкиваться, хотя бы при образовании новых кружков; рабочие снова требуют дискуссии и их приходится устраивать. Симпатии почти всегда оказываются на стороне большинства и в последнее время очень много рабочих меньшевиков перешли к комитету. «Искра» окончательно дискредитировала себя своими взглядами на вооруженное восстание. «Вперед» и комитетские листки читаются рабочими нарасхват, одинаково и большевиками и меньшевиками. Что касается вопроса о съезде, то я за все время встретил только одного рабочего, который высказался решительно против. Для всех же остальных было достаточно самого краткого разъяснения положения дел в партии, чтобы прийти к убеждению, что съезд есть единственный выход.

ИЗ ПАРТИИ.

За съезд. Бюро Ком. Больш., как известно, приступило к созыву съезда по поручению трех конференций, на которых были представители 13 ком. (Пет., Моск., Нижег., Сев., Тверск., Рижск., Од., Никол., Екатериносл., Бакинск., Тифлисск., Мингрельско-Имеретинского и Батумского). Затем в редакции «Вперед» получены сведения (естественно неполные), что за созыв съезда высказались: комитеты Тульский, Воронежский, Уральский, Казанский, Самарский, Саратовский и Полесский. Группы: Минская, Бобруйская, Пермская, Екатеринбургская, «Голос Труда», Харьковская и Киевская организации «Вперед».

Члены ЦК предлагали членам Бюро кооптироваться в ЦК, но получили естественный отказ. От ЦК одно лицо являлось после этого в Од. Ком. с просьбой ходатайствовать перед Бюро о том, чтобы члены Бюро вступили в ЦК. Само собою разумеется, что и эта попытка ЦК сорвать съезд не увенчалась успехом. В то же время ЦК усиленно распространяет слухи, будто Бюро созывает не партийный, а фракционный съезд. Одновременно с этим Совет Партии уверяет, (И. № 89), что Бюро «стремится путем созыва съезда ускорить и закрепить партийный раскол», что созы-

ваемый съезд «должен быть признан противоречащим уставу партии и потому непартийным». Другими словами: и Совет, и ЦК употребляют все усилия, чтобы ввести товарищей в заблуждение, не допустить на съезд меньшевиков и сорвать съезд. По этому поводу мы считаем излишним категорически подтвердить, что Бюро Ком. Больш. созывает не фракционный, а III партийный съезд, и приглашает на него представителей всех партийных организаций. Бюро Ком. Больш. приступило к организации съезда лишь тогда, когда большинство местных комитетов уже высказалось за III съезд, и когда Совет ответил на это не созывом съезда, но через своего секретаря Мартова стал возвращать с непристойными ругательствами посылаемые в Совет резолюции. Факты эти выяснены в брошюре Орловского «Совет против Партии».

Петербург. На периферии меньш. образовался особый слой рабочих, которые называют себя «парвусистами». Эти рабочие, в сущности, являются среди меньшевиков бессознательными большевиками, и я уверен, что недалеко время, когда эти «парвусисты» сделаются просто последователями того централизма и тех принципов организации, которые мы отстаиваем.

Разложение меньшевистской периферии уже началось. Да оно и шло давно, потому что меньшинство не дает, в сущности, никаких определенных лозунгов борьбы и организации, а теперь не такое время, когда можно бы было только точить лясы, извергать громкие фразы да ругаться. Требуется—жизнью требуется организация-план, подробный и ясный, приспособляющийся и применяющийся к обстоятельствам, но в основе своей общий для всего российского борющегося пролетариата. Все чувствуют, что никакие бумажные союзы ни к чему не приведут. Скорей бы, скорей состоялся бы третий съезд, который организует всех истинных партийных работников, и заставит воспрянуть нашу партию, измученную интригами людей, не ставивших ни во что решения съезда.

Петербург. Резолюция Выборгского районного собрания.

1. Привествуя III съезд, мы находим необходимым, чтобы в нем приняли участие все комитеты партии и чтобы его решения были обязательны для всех партийных работников (как из большинства, так и из меньшинства). 2. Мы требуем, чтобы съезд положил конец разногласиям, раздирающим партию, и привел к полному объединению и слиянию всех партийных работников. 3. Циркуляр «Бюро комитетов большинства» (речь идет о 1 тактическом листке) принимается с полным сочувствием, и высказывается пожелание всестороннего обсуждения на съезде намеченных в нем вопросов.

Районное собрание Петербургской стороны присоединилось к резолюции Выборгского районного собрания. К 1-му циркуляру «Бюро комитетов большинства» присоединены следующие добавления: к п. 3—1) при перерыве телефонного сообщения употреблять пироксилиновые шашки; 2) шпионов, приговоренных военно-полевым судом к смертной казни, вешать. К п. 4.—Во время восстания переодевать рабочих в военную форму, чтобы придать вид перехода войск к народу. К п. 5.—Воду не останавливать на Выборгской и Петербургской стороне и на Васильевском острове. У Смольного остановить, если горожане пойдут против рабочих. Солдат брать в плен в качестве заложников, обращаться с ними хорошо, убеждать перейти на сторону рабочих. Над церквями не надругиваться, но церковные деньги брать, так как деньги богу не нужны.

Резолюция студентов Института Путей сообщения. «Настоящий исторический момент поставил перед Р.С.-Д.Р.П. неизмеримо важную задачу: руководство рабочим классом во время революции. Всякий истинный член партии должен признать, что партия в ее настоящем дезорганизованном виде не в силах разрешить этой задачи. Только восстановлением единства партии можно спасти дело пролетариата. Отдельные акты соглашения местных организаций не могут вывести партию из ее настоящего положения. Восстановление единства партии возможно только при условии созыва партийного съезда. Бюро К-в Б-ства, исчерпав все средства добиться от партийных центров созыва съезда, приступило

теперь к организации III съезда. Дело объединения начато. Долг всех членов партии принять участие в работах съезда и подчиниться его решениям». Организация студ. соц.-демократов.

За эту резолюцию высказалось 8 (7 работников б-ства и один меньшевик), 9-й (работающий у меньшеинства) высказал желание, чтобы Бюро КБ вошло в соглашение с меньшинством и совместно с ними созвало съезд.

Одесса. Здесь идет работа по реорганизации периферии. Раньше на одном заводе имели подчас несколько человек связи по 2—3 чел. Теперь каждый завод находится в руках одного централиста и групповца. Кроме того, признано желательным, чтобы группы составлялись из людей одной профессии. Это очень целесообразно, дает экономию сил.

Некоторые централисты, не понимая целесообразности новой формы, толкуют о возврате к экономизму; другие ясно видят разницу. Складывается боевая дружина. Страшная нужда в оружии. Ведутся сборы на вооружение.

Одесса (из письма агитатора). Ежедневно приходится говорить речи на массовках, летучках и в кружках,—о манифесте, рескрипте, коммиссии Шидловского, о влиянии войны. Вот резолюция последней летучки: «Принимая во внимание, что современное положение в партии является ненормальным, что раскол, существующий в ней, ведет к дезорганизации и вредит всей положительной работе; принимая во внимание, что это положение может быть прекращено только созывом III съезда, что III съезд необходим также в виду вновь назревших задач партии,—мы, сознательные рабочие гор. Одессы, в числе 11 чел., приветствуем образование Орг. Бюро Б-ва и выражаем ему доверие, в надежде, что его деятельность приведет к немедленному созыву III съезда. В случае же согласия на III съезд Ц. К-та, к которому мы не можем отнестись с полным доверием в виду всей его политики, мы выражаем желание, чтобы ОБ не слагало с себя полномочий по созыву съезда, а приняло бы меры для объединения своей деятельности с деятельностью ЦК в этом направлении и добивалось бы немедленного созыва III съезда». Среди здешних меньшевиков замечается недовольство их «группой». Сегодня один их централист заявил мне, что он переходит к большинству со своей «массой». А вот резолюция, принятая групповиками городского района на собрании в 10 чел.: «Мы, сознательные рабочие города Одессы шлем привет нашему Бюро, как инициатору по созыву III съезда, и желаем ему полного успеха в его работе по организации съезда, который является единственным выходом из того положения дезорганизации, в котором находится партия и для выработки определенной тактики, которая с наименьшей потерей сил приведет пролетариат к низвержению самодержавия и установлению демократической республики». (Март 1905 г.).

Одесса. (Из письма организатора). Здесь я опять встретил уже знакомую меньшевистскую политику «науськивания» на комитет. Но здесь я впервые так ярко увидел, какую деморализацию вносит это в ряды рабочих. Так, вскоре же мне пришлось случайно разговаривать с тремя рабочими из «центральной группы», при чем один слагал с себя обязанности, считая совершенно невозможным работать при таком положении вещей. Приведу его слова: «Меньшинство пробралось через одного рабочего в мой цех и, устраивая тайные собрания с «группами», старается привлечь их на свою сторону. Оно указывает на отсутствие у К-та литературы, на малое количество выпускаемых листов, на то, что он не осведомляет их о делах партии, что не дает им самостоятельности, являясь каким-то бюрократическим учреждением и т. д., и т. д. На одно из этих собраний попал случайно и я. Тогда они, узнав, что я большевик, стали задавать мне различные вопросы, в роде: а какая у нас будет революция и многое еще. Вполне хорошо ответить я на все не мог, а это вызвало насмешливые улыбки у товарищей и, конечно, подорвало их доверие ко мне. В конце-концов в цехе создалось крайне враждебное отношение друг к другу, доходящее до перебранок, насмешек и забвения самых элементарных правил конспирации. Уже не говорю о недоверии. С тем, что такое мень-

шинство и большинство знакомы здесь, в сущности, немногие, а между тем каждый даже малосознательный рабочий, годящийся лишь на массовки, требует объяснения удивляющего их раскола и вражды, о котором они, конечно, не могут не слышать. Страшно жаль посвящать эти с таким трудом устраниваемые собрания на эти вопросы, в то время, как каждый день выдвигает одни за другими бьющие факты, которые требуют правильного и возможно скорейшего объяснения.

Впрочем, если 5—6 месяцев назад рассуждения о «большинстве» и «меньшинстве» могли казаться до некоторой степени схоластикой, теперь, когда физиономия меньшинства определилась вполне и, так-сказать, по всей линии,—им можно придавать вполне понятное, реальное содержание.

Заговоришь о нашей неподготовленности, которая обнаружилась во время последних событий—приходится присовокупить об организации-процессе, заговоришь о бывшей весне, банкетах и вообще о либеральном движении—поневоле скажешь о «демонстрациях высшего типа»; коснешься необходимости вооружаться, нельзя не указать на «вооружение-процесс» и т. д., и т. д. Между прочим, необходимость вооружаться сознают буквально все организованные и даже ходящие на массовки рабочие. Они вполне понимают, что идти теперь на улицу в разброс и с голыми руками—нет смысла; призывы к вооруженному народному восстанию, которое, как я сначала думал, будет казаться им утопией, мечтой, чем-то неосуществимым. Эти призывы вызывают чрезвычайное возбуждение, одобрение и сочувствие.

Кострома. С середины декабря Костромской группой Сев. Ком. выпущены листки: «14 декабря»—700 экз.; Новая мобилизация (ЦК, перепеч.)—600; К земцам—150. О питерских событиях—400, О питерских событиях (Сев. Ком.)—1.500, призыв к забастовке (Сев. Ком.)—900, во время забастовки—5 листовок.

Из отчета Яросл. Гр. и Сев. Ком. за янв. и февр. Приход: было к 1 янв. 97 р. 40 к. Поступило: Б. 150 р., через Б. 20, С.—39, случ. дох. 25, из Ростова 8, через Н.—14 р., через С.—25 р. 70, W. 5, от москвички 3, из Середы 3, Г. 10 р. 66 к., случайные 14, от Рыб. Гр. 16., от многих 109 р. 85 к., через М. 15, через Т. 64 р. 50. Всего 620 р. 11 к. Расход 500 р. 35 к.

По просьбе Пет. Ком. печатаем подробный отчет о поступивших в распоряжение комитета суммах с 21 по 31 янв. (итоги были напеч. в № 9 «Вперед»).

1) Организационные нужды: Ост. к 21 янв. 651 р. 80 к. Поступило: случ. сбор 120 р., тоже 50 р., от воронежцев 25 р. А. Л. 16 р. 85; случ. сбор 25 р., от вятичей 150 р., на организ. нужды 40 р., от воронежцев 25 р., от Фи. на активн. борьбу 1.000 р., из Москвы 13 р., на технику 1.500 р., от Псковского Комитета 81 р., от предприятия 9, на комитет 5 и 4 р. 50 к., на оружие 74 р., 100 р., 9 р., 2 р. 50 к. Всего 4.001 р. 65 к.

2) Помощь стачечникам: Ост. к 21 янв. 141 р. 05. О.К.Т.И. 100 р. и 20 р. на рабочих 17 р. 80, на потерпевших от А. П. 4 р. 50, из Полтавы от К. К. 100 р., от гимназ. Кр. А. Г. 25 р., от Фи. на стачечников 287 р. 50 к. для В. Остр. района 100 р., по сборн. листу № 7 252 р., на стачечников 5 р., 40 р., 7 р., 12 р. Итого 1.111 р. 85 к.

Из отчета Томского Ком. За ноябрь и декабрь поступило 536 р. 99 к., израсходовано (типогр. и конспир. расход) 138 р. 89 к. Остаток (398 р. 10 к.) отослан в Сибирский Союз.

Получено в ред. «Вперед»: 1) На нужды восстания: от Лейпигер по под. л. 62,20; от Л. 25,00; из Бруклина п. л. № 79, 30,90; от С. дезертира 2,55; из Чирпана от К. 30,00; «на организацию восстания от Свободного» 100 руб., от итальянских соц. из Турина 38,10; из них для Г. Рубановича 19,05; от Ачиса за янв. и февр. 200 р. 2) На петерб. стач. от Макдональда 1.506; в распор. «Вперед» от него же 251; 3) На «Вперед» от Лейп. Гр. 120,00; от Фрейбу, Гр. 18,75; из Канады от К.—1; из Москвы чрез М. 66,30; от Лейп. Гр. 37.550; от Монаха 925; от W.—t. 25. От Labour Representation Committee 80 ф. ст. и 90 ф. ст. (в том числе 60 и 50 вдовам и сиротам павших рабочих).

Нас просят напечатать: Собрано в пользу романовцев с рефератов R.: Лозанна 126 фр. 50 с., Цюрих 231 фр., Берн

101 фр., Женева 268 фр. 50 с., Париж: а) с реферата 298 фр., б) от Сиб. кассы через Рубановича 265 фр., Нанси 114 фр., Льеж 175, Брюссель 101 фр. 75 с., Антверпен 31 фр. 25., от землячки 10 фр., из частного источника 160. Итого 1882 фр.

Из собранных денег отослано для романовцев 673 р. (1.688 фр.), на поездки и пр. расходы 194 фр.—всего 1.882 фр. Почтовые расписки на сумму 637 р. редакции были представлены.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

З а б ы т о м у. Письмо получено и разобрано. Пришлите адрес для писем. Каменевой. Письма получены, ждем дальнейших сообщений. Оле. Адреса получены, будем посылать. Наполеону. Все до № 10 включительно получено. Дяде Тому. Тоже. Дяде Тому № 2. Если есть деньги, то высылайте все. Если же нет, то статистику оставьте. Одному из многих. К сожалению, не можем уделить так много места этому вопросу.

Российская
Социал-демократическая
Рабочая Партия.

ВПЕРЕДЪ

Пролетарии всех стран
соединяйтесь!

№ 13.

ЖЕНЕВА 5 АПРѢЛЯ (23 МАРТА)

1905 г.

Европейский капитал и самодержавие.

Социал-демократическая печать указывала уже неоднократно, что европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться. Французской буржуазии было выгодно поддерживать своего военного союзника, особенно пока платежи по займам поступали исправно. И французские буржуа ссудили самодержавному правительству маленькую сумму миллиардов в десять франков (до 4.000 миллионов рублей).

Но... ничто не вечно под луной! Война с Японией, разоблачив всю гнилость самодержавия, подорвала, наконец, и его кредит даже у «дружественной и союзной» французской буржуазии. Во-первых, война показала военную слабость России; во-вторых, непрерывный ряд поражений, одно другого тяжелее, показал безнадежность войны и неминуемость полного краха всей правительственной системы самодержавия; в-третьих, внушительный рост революционного движения в России вызвал у европейской буржуазии смертельный страх перед таким взрывом, который может зажечь и Европу. Горючего материала накоплено за последние десятилетия горы. И вот все эти обстоятельства, вместе взятые, привели, наконец, к отказу в дальнейших ссудах. Недавняя попытка самодержавного правительства занять по старому у Франции не удалась: с одной стороны, капитал уже не верит самодержавию; с другой стороны, боясь революции, капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией.

Европейский капитал спекулирует на мир. Буржуазия не только в России, но и в Европе начала понимать связь войны с революцией, начала бояться действительно народного и победоносного движения против царизма. Буржуазия хочет сохранить «общественный порядок», основанный на эксплуатации общества, от чрезмерных потрясений, хочет сохранить русскую монархию в виде конституционной или якобы-конституционной монархии, и поэтому буржуазия спекулирует на мир в интересах противпролетарских и антиреволюционных. Этот несомненный факт наглядно показывает нам, как даже такой «простой» и ясный вопрос, как вопрос о войне и мире, не может быть правильно поставлен, если упускается из виду классовый антагонизм современного общества, если упускается из виду, что буржуазия при всех и всяких ее выступлениях, как бы демократичны и гуманитарны они ни казались, оберегает прежде всего и больше всего интересы своего класса, интересы «со-

циального мира», т.-е. интересы подавления и обезоруживания всех угнетенных классов. Пролетарская постановка вопроса о мире так же неизбежно поэтому отличается и должна отличаться от буржуазно-демократической постановки этого вопроса, как это имеет место и по отношению к свободной торговле, к антиклерикализму и т. п. Пролетариат борется и всегда будет неуклонно бороться против войны, не забывая, однако, ни на минуту, что уничтожение войн возможно лишь на-ряду с полным уничтожением деления общества на классы, что при сохранении классового господства нельзя оценивать войны с одной только демократически-сантиментальной точки зрения, что при войне между эксплуататорскими нациями необходимо различать роль прогрессивной и реакционной буржуазии той или иной нации. Русской социал-демократии пришлось применить на деле эти общие положения марксизма к японской войне. Когда мы рассматривали ее значение (№ 2 «Вперед», статья: «Падение Порт-Артура»), мы указали, как сбились на ошибочную, буржуазно-демократическую точку зрения не только наши социалисты-революционеры (порицавшие Гэда и Гайндмана за сочувствие Японии), но и новоскровцы. У последних это выразилось в рассуждениях, во-первых, о «мире во что бы то ни стало», и, во-вторых, о непозволительности «спекуляции на победу японской буржуазии». И те, и другие рассуждения были достойны лишь буржуазного демократа, ставящего политические вопросы на сантиментальную почву. Теперь действительность показала, что «мир во что бы то ни стало» стал лозунгом европейских биржевиков и реакционеров (кн. Мещерский в «Гражданине» ясно указывает уже теперь на необходимость мира для спасения самодержавия). Спекуляция на мир в целях подавления революции выступила перед нами воочью, как спекуляция реакционера в противоположность спекуляции прогрессивной буржуазии на победу японской буржуазии. Новоскровские фразы против «спекуляции» вообще оказались именно сантиментальными фразами, чуждыми классовой точки зрения и учета различных сил.

События, показавшие новый облик реакционной буржуазии, били в глаза так ярко, что теперь и «Искра» начала понимать свою ошибку. Если за статью нашу в № 2 «Вперед» она сердито «огрызнулась» в № 83, то теперь в № 92 мы с удовольствием читаем (передовица): «Нельзя требовать только мира, потому что мир при сохранении самодержавия будет означать гибель страны». Вот это так: нельзя требовать только мира, ибо царский мир не лучше (а иногда хуже) царской войны; нельзя ставить лозунг «мир во что бы то ни стало», а лишь «мир вместе с падением самодержавия», мир, заключенный освобожденным народом, сво-

бодным учредительным собранием, т.-е. мир не любой ценой, а исключительно ценой низвержения абсолютизма. Будем надеяться, что, поняв это, «Искра» поймет и неуместность своих высоконравственных тирад против спекуляции на победу японской буржуазии.

Но вернемся к европейскому капиталу и его политической «спекуляции». До какой степени трусит царская Россия этого капитала, видно, между прочим, из следующего поучительного происшествия. Орган консервативной английской буржуазии «Times» поместил статью «Платежеспособна ли Россия?». В статье обстоятельно доказывалась «хитрая механика» финансовых проделок гг. Витте, Коковцева и Комп. Они хозяйничают вечно в убыток. Они вывертываются, только входя глубже и глубже в долги. При этом выручка от займов помещается на время от одного займа до другого в государственное казначейство, и на «золотой запас» с торжеством указывают, как на «свободную наличность». Золото, полученное займы, показывается всем и каждому, как доказательство богатства и платежеспособности России! Неудивительно, что английский купец сравнил эту проделку со штукой знаменитых мошенников Эмберов, которые показывали занятые или мошенничеством добытые деньги (или даже шкаф, якобы, с деньгами) для того, чтобы заключать новые займы! «Частые появления русского правительства в качестве должника на континентальных рынках, — писал «Таймс», — вызываются не недостатком капитала, потребностью производительных предприятий или временными и исключительными расходами, а почти исключительно нормальным дефицитом национального дохода. А это значит, что при таком положении дел Россия прямо идет к банкротству. Ее национальный баланс с каждым годом погружает ее глубже в долги. Ее долги пред иностранцами превышают народные средства, и у нее реального обеспечения этих долгов нет. Ее золотой запас есть колоссальный Эмберов шкаф, пресловутые миллионы в котором ссужены жертвами обмана и служат для дальнейшего их обманывания».

Хитро, не правда ли? Наметить себе жертву для обмана, занять у нее деньги. Затем эти же деньги показывать ей же, как доказательство богатства, и добывать от нее же новые займы!

Сравнение с известной мошеннической семьей Эмберов было до того метко и так пригвоздило к позорному столбу «суть» и смысл знаменитой «свободной наличности», что статья солидной консервативной газеты наделала шуму. Сам министр финансов Коковцев послал телеграмму в «Таймс», которую эта газета тотчас и напечатала (23/10 марта). Обиженный Коковцев приглашал в этой телеграмме редакцию «Таймса» приехать в Питер и проверить лично размер золотого запаса. Редакция ответила благодарностью за любезное приглашение и отказом на том простом основании, что обидевшая царского слугу статья ничуть не отрицает, что золотой запас имеется налицо. Сравнение с Эмберами означало не то, что у России нет золотого запаса, на который она ссылается, а то, что этот запас есть в сущности чужие, занятые и ничем не обеспеченные деньги, которые нисколько не говорят о богатстве России, и на которые ссылаться при дальнейших займах смешно!

Г. Коковцев не понял с о л и остроумного и злого срав-

нения и насмешил своей телеграммой весь мир. Проверять запасы золота в банках не входит в обязанности журналистов, — отвечал «Таймс» министру финансов. И в самом деле, обязанностью печати было раскрыть суть проделки, совершаемой при помощи этих реально существующих, но фиктивно выставляемых в доказательство богатства страны «золотых запасов». Не в том вопрос, — поучала русского министра газета в статье по поводу этой комической телеграммы, — не в том вопрос, есть у вас этот золотой запас, или нет. Мы верим, что есть. Вопрос в том, каков ваш актив и пассив. Какова сумма ваших долгов и обеспечения их? Или, говоря проще, ваш ли этот у вас лежащий запас, или занятый в долг и подлежащий возврату, при чем вернуть-то вам всего долга не из чего? И английские буржуа, высмеивая глупенького министра, разжевывали ему на все лады эту не бог весть какую хитрую штуку, добавляя поучительно: если вы ищете кого-нибудь для проверки вашего кредита и дебета, то почему бы вам не обратиться к представителям русского народа? Представители народа как-раз хотят теперь собраться в земский собор, или национальное собрание, — как оно у вас там называется. Они, наверное, не откажутся проверить как следует не один только пресловутый «золотой запас», а все финансовое хозяйство самодержавия. И они, наверное, сумеют произвести такую проверку досконально и с полным знанием дела.

«А может-быть, — саркастически заканчивал «Таймс», — может-быть, уверенность в том, что представительное собрание будет настаивать на своем праве произвести такую проверку, эта уверенность и заставляет царское правительство бояться созыва такого собрания, по крайней мере в том случае, если бы это собрание обладало хоть какой-нибудь реальной властью?».

Вопрос ядовитый. И он тем более ядовит, тем более многозначителен, что задает его в сущности не газета «Таймс», а вся европейская буржуазия, — задает его не для полемической выходки, а прямо выражая этим вопросом свое недоверие самодержавию, свое нежелание ссужать ему деньги, свое стремление иметь дело с законным представительством русской буржуазии. Это не вопрос, а предостережение. Это не насмешка, а ультиматум, ультиматум европейского капитала русскому самодержавию. Если союзники Японии, англичане, формулируют этот ультиматум в виде сарказма, то союзники России, французы, в лице консервативнейшей и буржуазнейшей газеты «Temps» говорят то же самое лишь помягче, золотя пилули, но по существу все-таки отказываясь больше давать займы, советуя самодержавию заключить мир и с Японией, и с русскими буржуазными либералами. Вот еще голос не менее солидного английского журнала «The Economist» (Экономист): «Правда насчет русских финансов начинает, наконец, сознаваться во Франции. Мы указывали уже много раз, что Россия давно живет на занятые деньги, что ее бюджеты вопреки радужным заявлениям всех министров финансов, сменяющих один другого, сводятся год за годом с крупным дефицитом, хотя эти дефициты и скрываются прехитро посредством бухгалтерских ухищрений; что, наконец, пресловутая свободная наличность состоит главным образом из выручки от займов и частью из вкладов в государственный банк». И, высказавши таким образом русскому самодержавию

горькую правду, этот специальный финансовый журнал считает, однако, необходимым добавить буржуазные утешения: дескать, если вы сумеете теперь немедленно заключить мир и сделать уступочки либералам, то Европа, несомненно, опять начнет давать вам займы миллионы да миллионы.

Перед нами происходит то, что можно назвать спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха. Спекулянты оказывают давление на царя путем отказа в займе. Они пускают в ход свою силу—силу денежного мешка. Они хотят умеренного и аккуратного буржуазно-конституционного (или якобы - конституционного) порядка в России. Они сплываются под влиянием быстро развивающихся событий все теснее в один буржуазный противореволюционный союз, вопреки различиям национальностей,—французские биржевики и английские тузы, немецкие капиталисты и русские купцы. В духе этой умереннейшей буржуазной партии действует «Освобождение». В № 67, излагая «программу демократической партии», признавая даже (надолго ли?) всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (и обходя скромным молчанием вооружение народа!), г. Струве заканчивает свое новое profession de foi таким характерным заявлением, печатаемым «для ради важности» жирным шрифтом: «В настоящий момент вне программы и над программой всякой прогрессивной партии в России должно стоять требование немедленного прекращения войны. Практически это означает, что существующее в данный момент в России правительство должно—при посредничестве Франции—начать переговоры о мире с японским правительством». Кажется, рельефнее нельзя выставить различие буржуазно-демократического и социал-демократического требования прекратить войну. Революционный пролетариат ставит это требование не «над программой», обращается с ним не к «существующему в данный момент правительству», а к свободному, действительно суверенному народному учредительному собранию. Революционный пролетариат не «спекулирует» на посредничество французской буржуазии, добывающейся мира заведомо в антиреволюционных и противопролетарских интересах.

Наконец, в сущности, с этой же международной партией умеренной буржуазии торгуется теперь г. Бульгин, ловко выигрывая время, утомляя противника, кормя его завтраками, не давая абсолютно ничего положительного, оставляя все, решительно все в России по-старому, начиная от посылки войск против стачечников, продолжая арестами неблагонадежных лиц и репрессиями печати, кончая подлым натравливанием крестьян на интеллигентов и зверской поркой восстающих крестьян. А либералы идут на удочку, некоторые начинают уже верить Бульгину, и г. Кузьмин-Караваев в юридическом обществе убеждает либеральное общество пожертвовать всеобщим избирательным правом ради... ради... ради прекрасных глаз г. Бульгина!

Международному союзу умеренной консервативной буржуазии может противостоять только одна сила: международный союз революционного пролетариата. Этот союз образовался уже вполне в смысле политической солидарности. Что же касается практической стороны дела и революционного почина, то в этом отношении

все зависит от рабочего класса России и успеха его совместного демократического выступления на решительный бой вместе с миллионами городской и деревенской бедноты.

Либеральные принципы и реакционные замашки.

Могучее движение пролетариата, заставившее правительство пойти навстречу рабочим с обильными обещаниями экономических реформ, всполошило заинтересованные круги предпринимателей, предпочитающих успокоить восставший народ политическими уступками или, по крайней мере, такими экономическими преобразованиями, расходы на которые падут не на их карман. Фабриканты заговорили. Вот один из образчиков их прожектерства, который мы печатаем полностью в виду несомненного его интереса.

Памятная записка

Председателя С.-Петербургского Общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности С. П. Глезмера.

1. В 1893 году желание создать Общество для взаимного страхования рабочих от несчастных случаев впервые объединило петербургских фабрикантов и заводчиков; и тогда они уже высказались в принципе: 1) за государственное страхование; 2) за участие рабочих взносами и в управлении.

II. За все время существования Общество руководилось в отношении к рабочему вопросу следующими принципами:

1) Не должно выделять фабрично-заводских рабочих из общей массы рабочих, так как они составляют лишь 2 проц. всего населения.

2) Все учреждения к улучшению быта рабочих следует организовать в связи с общей, действующей в государстве общественной организацией, городской, земской и т. п., чтобы не изолировать рабочих искусственно. Учреждения эти должны быть организованы так, чтобы не умножать и без того многочисленных причин к столкновению рабочих с работодателем.

3) Участие рабочих в управлении делами создаваемых для них учреждений вполне целесообразно и желательно, но не надо смешивать это с участием в распоряжениях по управлению заводами и фабриками, что абсолютно недопустимо ни в какой степени и ни в каких отношениях.

4) Право сходов для обсуждения своих дел и право коллективного заявления рабочих о своих нуждах в принципе вполне желательно, но едва ли представляется своевременным, в виду низкого уровня личного развития рабочих и несоответствия таких прав со степенью гражданской свободы других слоев общества. Во всяком случае, право сходов и коллективных заявлений, предполагая дальнейшее развитие в виде свободы стачек, как одновременного прекращения работ с предупреждением, не должно смешиваться с правом внезап-

ных, без предупреждения, забастовок, особенно сопряженных с насилием со стороны подстрекателей над рабочими. Такие действия должны быть предупреждаемы строгим законом.

5) Провода организацию, объединяющую рабочих, необходимо иметь в виду, что, в каких бы формах эта организация ни осуществилась, она всегда и необходимо приведет к одному неизбежному результату, а именно к сплочению рабочих, к полному и всеобщему их объединению на почве общих их интересов и для защиты своих требований всеми средствами, которые у них окажутся в распоряжении. Не следует надеяться, что могут быть придуманы такие рамки, в которых рабочая организация удержится: она роковым образом, со стихийной силой будет быстро прогрессировать до конца, то-есть до общего объединения внутри страны и органической связи с международной организацией рабочих.

III. Причины, препятствующие быстрому осуществлению мер к поднятию положения рабочих, суть: 1) Существующие законоположения. 2) Тесная связь рабочих с сельским бытом—связь, представляющая, однако, ценное преимущество русского фабричного рабочего перед пролетарием западных стран. 3) Малое развитие грамотности. 4) Незрелость и неосведомленность рабочего люда.

IV. Если теперь рабочие путем насильственных действий фактически стали вне закона и на этом пути достигнут своих целей, то их примеру не последуют ли ремесленники, прислуга, сельскохозяйственные рабочие и сельское население?

V. Возможность уступок рабочим в виде мер к увеличению материального благополучия зависит от общих экономических условий, от положения рынка, от спроса и предложения, то-есть прежде всего от покупательной способности, от большей или меньшей обеспеченности населения и особенно главной его массы—сельского населения. Эти факторы не поддаются регламентации, а тем более—административному воздействию.

Примечание. Введение 8-часового рабочего дня, например, в сумме общих экономических потерь выразится так: считая сокращение от 11-ти до 8-ми часов и оценивая потерю на каждого рабочего 10 коп. в час, или 30 коп. в 3 часа, получим в год (280 рабочих дней)—84 рубля, а для 2,5 миллионов рабочих—200 миллионов рублей в год; простой машин, капитал и пр. составит потерю до 400 миллионов рублей, и всего до 600 миллионов рублей, что по отношению к общей производительности, оцениваемой в 2,5 миллиарда, составит 24 проц. удорожания изделий, или это равносильно обложению всего населения по 5 рублей на душу. Но, конечно, прежде чем такое обложение осуществится, промышленность погибнет.

VI. Всякая уступчивость под гнетом стачек порождает новые требования, границ которым нет, как это доказывает история стачек и переживаемый ныне момент, наглядно свидетельствующий, что стачки упорнее всего там, где сделаны уступки и поддерживается надежда на уступки.

VII. Всякое постороннее вмешательство только усугубляет тяжесть положения и препятствует улажению

конфликта с рабочими. Без этого вмешательства волнение улеглось бы вернее и скорее, лишь бы были устранены посторонние влияния на рабочих. В этом направлении необходимо сказать твердо и ясно и действовать быстро, определенно и решительно.

VIII. Всякие начинания в рабочем вопросе должны носить характер общегосударственный, но не местный, так как сепаратные меры внесут в дело беспорядок, устранить который впоследствии будет очень трудно.

Автор «памятной записки» и его собратья очень «принципиальные» люди. Все вопросы решают они сначала с принципиальной стороны, решают очень либерально, строго блюдя интересы справедливости и человеколюбия. Но как только от пышных слов приходится перейти к делу, осуществить эти принципы на практике, возвышенные принципы лопаются, как мыльные пузыри, и от них остается лишь грязное пятнышко.

Господа промышленники, оказывается, еще двенадцать лет назад высказались «в принципе» за государственное страхование рабочих и «за участие рабочих взносами и в управлении», но, приняв такое решение, они считали, что теперь, мол, дело государства осуществить их требования, они же свершили все, что могли.

Годы шли за годами, тысячи рабочих ломали себе руки и ноги, теряли здоровье и жизнь в безобразных условиях бесконтрольной эксплуатации, а сторонники страхования с участием рабочих донимали пострадавших рабочих бесконечной судебной волокитой, всевозможными прижимками, лишая их и той крупницы права на обеспечение, которую дает им современное законодательство. Принцип остался принципом, а практика шла по прежнему пути Колупаевых и Разуваевых. Государственное страхование понимается господами предпринимателями в смысле переложения всех забот и всей ответственности на государство, т.-е. в конечном счете на плательщиков налогов—тех же рабочих и крестьян. Отсюда понятно, почему они стремятся связать «учреждения к улучшению быта рабочих» с «действующей в государстве общественной организацией», вместо того, чтобы создать специальное учреждение с представительством от рабочих. Понятна также и их забота, чтобы не выделялись фабрично-заводские рабочие из общей массы (II, 1), и чтобы все начинания распространялись на все местности империи (VIII): они сострадательны и заботливы... за чужой счет! Такое удобное для гг. фабрикантов страхование, конечно, не имеет ничего общего с государственным страхованием «за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов», как это требуется нашей партийной программой.

Глезмер и Комп. согласны «в принципе» на разрешение рабочим права сходок для обсуждения их нужд, но этот принцип на практике разбивается впух о «низкий уровень личного развития рабочих». Спрашивается, какой уровень «личного (?) развития» нужен для того, чтобы рабочие какой-нибудь фабрики могли собраться и обсудить свои нужды, т.-е., очевидно, вопросы, касающиеся непосредственных материальных условий их жизни (ведь, гг. фабриканты едва ли причисляют к «нуждам» рабочих обще-политические вопросы?). Казалось бы, и здравый смысл, и повседневная практика учат, что сознание своих непосредственных нужд рабочих, да

и вообще всякий человек, выносит из уроков жизни, а не из учебников, тем более не из официальных учебников, предназначенных для поднятия уровня развития рабочих. Но у автора записки был перед глазами еще более наглядный и поучительный пример. Записка помечена 11-м февралем, т.е. она составлена в самый разгар переживаемого революционного движения, когда рабочие проявили на своих грандиозных собраниях такой высокий уровень политического развития и такта, какой далеко не всегда проявляют представители господствующих классов на своих заседаниях, особенно если вопрос касается нужд их кармана.

«Уровень развития рабочих слишком низок»,— печально заявляют предприниматели, а между тем для осуществления «принципа», выставленного этими предпринимателями, повышение уровня развития неизбежно. Ведь, говорят же они, «что участие рабочих в управлении делами создаваемых для них учреждений вполне целесообразно и желательно». Как же могут участвовать, например, в управлении государственным страхованием те самые рабочие, уровень которых так низок, что они не в состоянии даже обсуждать свои нужды на сходках? Очевидно, нужно поднять этот уровень. И наши либеральные прожектеры «в принципе» вполне согласны «на поднятие положения рабочих»; но... оказывается, что препятствием к такому поднятию является «малое развитие грамотности» и «незрелость и неосведомленность рабочего люда». Выходит, стало-быть, что предоставить рабочим право обсуждать свои нужды, т.е. дать им возможность приобрести «зрелость и осведомленность», нельзя потому, что низок уровень их развития; поднять же их положение, а следовательно, и уровень развития—опять нельзя, так как они «незрелы и неосведомлены». Так вертятся либералы в кругу и таким путем отвертываются от собственных же «принципов».

Наши авторы «в принципе» согласны и на право стачек, хотя они оговариваются, что признают только стачки «с предупреждением». Мы не будем здесь останавливаться на этом различии «хороших» и «дурных» стачек, о нем мы поговорим в другой раз, здесь же укажем, как и этот «принцип» наших либералов исчезает при соприкосновении с действительностью. Что такое стачка? Стачка—это экономическая борьба между хозяевами и рабочими, в которой каждая из сторон старается победить другую, заставить ее пойти на уступки. Таким образом, признавая право стачек, хотя бы только стачек «с предупреждением», приходится признать и все его логические последствия, в том числе и те уступки, которые могут быть вынуждены удачной стачкой. И вот, когда наши «принципальные» буржуа доходят до этого вывода, они тотчас же поворачивают и вопят, что «всякая уступчивость под гнетом стачек» недопустима (VI). Это значит: я признаю за тобой право требовать, но когда ты потребуешь, я тебе ничего не дам. Мало того: ведь, стачка—это борьба, уступает тот, кто побежден, кто не может больше бороться, кто вынужден уступить. Следовательно, к кому же обращается автор записки, когда он говорит, что не следует уступать «под гнетом стачек»? Ведь, не к побежденному в стачке капиталисту, ибо тот не может не уступить, и не к победителям-рабочим, ибо они-то уже во всяком случае не послушают. Чтобы

понять, кто не должен допускать уступок, довольно вспомнить, что записка составлена при существующем полицейском государстве. Таким образом, та сила, которая не уступит под гнетом стачек, есть сила полиции и войска. Принципиальное признание права стачек принимает очень характерную формулировку на практике: за рабочими признается право объявлять стачку; в случае их поражения фабрикант сам с ними управится, в случае их победы—наряд полиции или сотня казаков не допустят уступчивости «под гнетом стачек». И здесь мыльный пузырь лопается при встрече с действительностью.

Каким лицемерием звучит фраза о том, что «всякое постороннее вмешательство... препятствует улажению конфликта с рабочими». Без такого вмешательства, говорит автор, подразумевая, повидимому, вмешательство властей, волнение улеглось бы скорее, «лишь бы были устранены посторонние влияния на рабочих». Чьи это влияния, интересно бы знать? Уж, наверное, не влияние фабричной администрации или полицейских агентов. Г-н Глезмер, несомненно, имеет в виду влияние революционной агитации и пропаганды. Но как же думает он устранить эту вторую разновидность «постороннего вмешательства» без помощи первой его разновидности, т.е. полицейской силы? Ведь, как-никак, а революционное влияние из рабочей среды само не уйдет, хотя бы г. Глезмер написал десять «памятных записок»; не уйдет уже потому, что это влияние не есть злой умысел кучки смутьянов, а есть продукт рабочего движения, продукт того самого капиталистического развития, которое создало миллионы гг. Глезмеров и породило в них такой страх перед сходками, стачками, организациями. Правда, эти миллионы и этот страх не позволяют нашим либеральным прожектерам понять историческую необходимость революционного развития рабочего класса; но и от них можно требовать немного более последовательности. Если они не сознают стихийной необходимости роста и развития рабочего движения в сторону революционности, а потому и не хотят признать за рабочим классом права на такое развитие, т.е. права сходок, стачек, собраний и т. д., то тогда они кончат тем, что против революционного влияния социал-демократии будут открыто призывать реакционную власть полицейского государства.

Что же, в сущности, обещая рабочим гг. предприниматели, если не считать пустопорожних «принципов»? Пытаются ли они улучшить их быт? Нет. Сокращение рабочего дня до 8 часов было бы, по их мнению, «гибелью промышленности» *); повышение заработной платы и пр. экономические уступки возможны,—говорят они,—лишь при благоприятных рыночных условиях,

*) Весьма характерны расчеты автора об убытках, которые принесло бы введение 8-часов. дня. «Потеря на каждого рабочего 10 коп. в час.»—говорит г. Глезмер. Для кого потеря? Для общества,—самоуверенно заявляет он,—ибо она выразится в удорожании товара. В своем рассуждении автор исходит из предположения, что количество продуктов пропорционально сократится, а заработная плата останется та же. Но, ведь, тогда «потеря» падает на прибавочную стоимость, т.е. на карман капиталистов. При чем же тут обещество? Или г. Глезмер думает, что ценность товаров определяется высотой заработной платы? Ну, а как же уцелела промышленность в Западной Европе, где уже в некоторых отраслях введен 8-часовой рабочий день?

а фабриканты всегда, ведь, жалуются на плохие дела: «поднятие положения рабочих» неосуществимо в виду «незрелости и неосведомленности рабочего люда». В то же время они не позволяют этому рабочему люду своими усилиями добиваться поднятия своего положения: они против свободы сходов, стачек, организаций. Что же они дают рабочему? Ничего, кроме принципов.

Но если во всех рассмотренных пунктах гг. предприниматели приходят от возвышенных, но ни к чему их не обязывающих принципов к пошлым практическим выводам, то в одном пункте они, по какой-то странности, поступают как-раз наоборот и от пошлой действительности доходят до очень «возвышенной» формулировки тенденции развивающегося рабочего движения. Станным диссонансом со всей «памятной запиской» звучал бы тот параграф, где изображается неизбежность развития всяких рабочих организаций в международную организацию пролетариата, если бы за этими страшными перспективами не скрывалось желания припугнуть правительство, затеявшее опасную игру в зубатовские общества рабочих. Здесь гг. фабриканты молчат о «принципах»: они не отстаивают права рабочих на организацию. Напротив, они исходят из печальной действительности зубатовских обществ и рисуют такие исторически верные перспективы, до которых их ум никогда не поднялся бы, если бы страх перед рабочим движением не придавал ему необходимой смелости. Ход рассуждения и выводы автора «записки» совершенно верные. Он утешает себя только иллюзией, будто предпосылка его рассуждений—организация рабочих—может быть разрушена «посторонним вмешательством» властей, и тем самым рухнут и нежелательные выводы.

Но он жестоко ошибается. Уж если царское правительство вынуждено было путем зубатовских организаций дать исход потребности пролетариата организоваться, то ясно, что организация рабочих масс является таким насущным и назревшим требованием, которого

не уничтожат никакие власти. Русское рабочее движение уже доросло до сознания необходимости организаций, а дойдя до него, оно становится на тот путь, который так верно очертил г. Глезмер, путь, ведущий к «сплочению рабочих, к полному и всеобщему их объединению на почве общих их интересов и для защиты своих требований всеми средствами, которые окажутся у них в распоряжении». Этот путь доведет рабочих «до общего объединения внутри страны и органической связи с международной организацией рабочих»; на этом пути добьются они всех необходимых им прав, в том числе права сходов и стачек,—и не только права свободной борьбы с буржуазией, но «права» создать себе социалистическое общество на развалинах буржуазного порядка.

Организационный вопрос.

Бюро Комитетов Большинства предлагает съезду назначить докладчиком по организационному вопросу тов. Иванова. Приводим для осведомления всей партии суть его доклада.

Проект устава Р. С.-Д. Р. П. (Предлагаемые изменения устава видны из нижеследующего текста, в котором весь старый устав напечатан обыкновенным шрифтом, то, что из него выкидывается, поставлено в скобки, то, что добавляется, напечатано курсивом).

§ 1. Членом Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, принимающий ее программу [поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из партийных организаций] и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

Социал-демократия и временное революционное правительство.

I.

Всего пять лет назад лозунг «долой самодержавие!» казался многим представителям социал-демократии преждевременным, непонятным для рабочей массы. Эти представители справедливо были относимы к оппортунистам. Им разъясняли и разъяснили, что они отстают от движения, что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора, как представителя движения в целом, его коренных и главных целей. Эти цели временно могут заслоняться повседневной будничной работой, но никогда не должны терять значения путеводной звезды для борющегося пролетариата.

И вот настало время, когда революционное пламя охватило всю страну, когда в неизбежность ниспровержения самодержавия в ближайшем будущем уверовали самые неверующие. А социал-демократии, точно по какой-то иронии истории, приходится еще раз иметь

дело с такими же реакционными, оппортунистическими попытками оттащить назад движение, принизить его задачи, затемнить его лозунги. Полемика с представителями (таких попыток становится задачей дня, приобретает (вопреки мнению многих и многих, недолюбливающих полемики внутри партии) громадное практическое значение. Ведь, чем ближе подходим мы к непосредственному осуществлению наших ближайших политических задач, тем больше необходимость совершенно ясно понимать эти задачи, тем вреднее всякие двусмысленности, недомолвки или недомыслия в этом вопросе.

А недомыслия весьма немало среди социал-демократов новосквовского или (что почти то же) рабочедельского лагеря. Долой самодержавие!—с этим все согласны, не только все социал-демократы, но и все демократы, даже все либералы, если верить их теперешним заявлениям. Но что это значит? Как именно должно произойти это низвержение теперешнего правительства? Кто должен созвать то учредительное собрание, которое теперь готовы выставить—с признанием всеобщего и т. д. избирательного права—своим лозунгом и освобожденцы (см. № 67 «Освоб.»)? В чем именно должно состоять действительное обеспечение свободных и выра-

§ 2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается [по возможности] не реже одного раза [в два года] в год [Советом партии] Центр. К-том партии. [Совет партии] Центр. К-т обязан созвать съезд, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на [половину] треть голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем на половину решающих голосов.

§ 3. Представительство на съезде имеют: а) [Совет партии, б)] Центр. Комитет, [в) Центр. Орган], б) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, в) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, г) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим [два голоса] один голос; [Совет же партии—всеми его членами, имеющими по одному голосу]. Ц. К-т представляется двумя делегатами, имеющими каждый по одному голосу; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор Центрального Органа. Комитету Заграничных Организаций, Петербургскому и Московскому К-ту дается по два голоса на съезде.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Прим. 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже как [за один год] за полгода до съезда.

Прим. 2. Ц. К-ту предоставляется приглашать на съезд с совещат. голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примеч. 1.

§ 4. Съезд назначает [пятого члена Совета,] Центр. К-т [и редакцию Ц. О.].

[§ 5. Совет партии назначается редакцией Централь-

ного Органа и Центральным Комитетом, которые посылают в Совет по два члена; выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями, пятый член замещается самим Советом.

Совет партии является высшим учреждением партии. Задача Совета согласовать и объединять деятельность Центрального Комитета и редакции Центрального Органа и представлять партию в сношениях с другими партиями. Совету партии принадлежит право восстанавливать Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа в случае, если выбывает целиком весь состав одного из этих учреждений.

Совет собирается каждый раз, когда этого требует один из центров, т.-е. редакция Центрального Органа или Центральный Комитет, или два члена Совета].

§ 5. Центр. К-т представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает редакцию Ц. О., организует комитеты, союзы комитетов и другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю практическую деятельность партии.

[Прим. Члены Ц. К. не могут быть одновременно ни в какой иной партийной организации, кроме Совета партии].

[§ 7. Редакция Ц. О. принадлежит идейное руководство партией¹).

§ 6. Все организации, входящие в состав партии, ведут автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы.

§ 7. Всякая партийная организация, имеющая на съезде право решающего голоса,

жающих интересы всего народа выборов в такое собрание?

Кто не дает себе ясного и точного ответа на эти вопросы, тот не понимает лозунга: долой самодержавие! А эти вопросы неизбежно подводят нас к вопросу о временном революционном правительстве; нетрудно понять, что при самодержавии действительно свободные всенародные выборы в учредительное собрание, с полным обеспечением действительно всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, не только невероятны, но прямо невозможны. И если мы не зря выдвигаем практическое требование немедленного низвержения самодержавного правительства, то мы должны же выяснить себе, как и именно другим правительством хотим мы заменить правительство низвергаемое, или иначе сказать: как мы смотрим на отношение социал-демократии к временному революционному правительству?

По этому вопросу оппортунисты современной социал-демократии, т.-е. новоискровцы, так же усиленно тащат партию назад, как пять лет назад рабочедельцы по вопросу о политической борьбе вообще. Их реакционные взгляды по этому пункту всего цельнее развиты в брошюре Мартынова «Две диктатуры», которую спе-

циальной заметкой одобрила и рекомендовала «Искра» (№ 84), и на которую мы не раз уже обращали внимание наших читателей.

В самом начале своей брошюры Мартынов пугает нас такой страшной перспективой: если бы крепкая организация революционной социал-демократии могла «назначить и провести всенародное вооруженное восстание» против самодержавия, о чем мечтал Ленин, то не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-либо другой, вручил бы ближайшую судьбу революции?».

Это невероятно, но это факт. Будущий историк русской социал-демократии с удивлением должен будет констатировать, что в самом начале русской революции жирондисты социал-демократии пугали революционный пролетариат подобной перспективой! Все содержание брошюры Мартынова (и целого ряда статей и отдельных мест в статьях новой «Искры») сводится к размалевыванию «ужасов» этой перспективы. Идейному вождю новоискровцев чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма, качевизма и прочих страшных измов, которыми так охотно

имеет право свободно издавать на свои средства и под своей фирмой партийную литературу в своей собственной или в общепартийной типографии. Всякая такая организация имеет право получать в общепартийном транспорте ту партийную литературу, какую она потребует.

§ 8. Все периферийные организации, т.е. все партийные организации, кроме общих и местных центров, имеют право широкой осведомленности в общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные условия, а также имеют право совещат. голоса при обсуждении этих дел соответственными центрами во всех случаях, когда осуществлению совещательного голоса не препятствует необходимость быстрого решения дела. Периферийные организации, непосредственно примыкающие к комитетам или организациям, имеющим права комитетов, и не менее полугодом работавшие под их руководством, имеют право предлагать официальных кандидатов в эти высшие организации.

§ 9. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, все остальные партийные организации утверждаются Центральн. Комитетом; местные периферийные организации—местными центрами. Все постановления Центрального Комитета обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать определенные Центральным Комитетом средства в центральную партийную кассу.

§ 10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, в праве требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено

в Центральный Комитет, или в редакцию Центрального Органа, или партийному съезду.

§ 11. Всякая партийная организация обязана доставлять и Центральному Комитету, и редакции Центрального Органа все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

§ 12. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения их требуется $\frac{2}{3}$ голосов [при отсутствии мотивированного протеста]. На постановление организации о кооптации или исключении членов допускается апелляция в [Совет партии] Ц. К-т партии.

Кооптация членов в Ц. К-т [и в редакцию Ц. О.] производится единогласно. [В случае, если при кооптации в Ц. К. или в редакцию Ц. О. не достигнуто единогласия, вопрос может быть обжалован в Совет, и, в случае кассации Советом решения соотв. коллегии, вопрос окончательно решается простым большинством голосов].

[Ц. К. и редакция Ц. О. извещает взаимно друга о вновь кооптированных членах].

В комитетах и соответствующих им партийных организациях официальные кандидаты, предложенные Ц. К-том или периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов.

§ 13. [Заграничная Лига Русск. Революц.-Демократии, как единственная заграничная организация Росс. С.-Д. Раб. Партии] Комитет заграничных организаций партии имеет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. [Лига имеет все права комитетов с тем только исключением, что] Поддержку русскому движению [она] он оказывает не иначе, как через посредство лиц и групп, особо назначенных Ц. К-том.

пугают политических младенцев разные революционные нянюшки. И, разумеется, не обходится при этом без «цитат» из Маркса и Энгельса. Бедные Маркс и Энгельс, как только не злоупотребляли цитатами из их произведений! Вы помните: на ту истину, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», ссылались для оправдания узости и отсталости наших политических задач и способов политической агитации и борьбы? Теперь лжесвидетелем в пользу хвостизма выводится Энгельс. Он писал в «Крестьянской войне в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предостоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство». Достаточно внимательно прочесть это начало длинной цитаты, приводимой Мартыновым, чтобы убедиться, как искажает мысль автора наш хвостист. Энгельс говорит о власти, обеспечивающей господство класса. Неужели это не ясно? По отношению к пролетариату это, следовательно, власть, обеспечивающая господство пролетариата, т.е. диктатура пролетариата для совершения социалистического переворота. Мартынов не

понимает этого, смешивая временное револ. правительство в эпоху свержения самодержавия с обеспеченным господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса. А между тем, из продолжения цитаты Энгельса мысль его становится еще более ясной. Вождь крайней партии,—говорит он,—должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно».

Подчеркнутые места ясно показывают, что Энгельс предостерегает именно от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота. Для наглядности попробуем разжевать это нашему глубокомысленному Мартынову на простом примере. Когда народо-вольцы, думая представлять интересы «труда», уверяли себя и других, что 90 проц. крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо дол-

Общее направление предлагаемых реформ—то, какое намечено в декларации 22-х, декларации Бюро К. Б. о созыве 3-го съезда и в ответе Бюро Бебело: возможный при наших условиях борьбы максимум централистической стройности и сплоченности организации при максимуме возможного при этих же условиях демократизма.

Основные мотивы предлагаемых изменений:

К § 1-му. Преимущества Ленинского § 1-го над Мартовским:

а) определенность рамок партийной организации, невозможность самозачисления в партию, сужение сферы проявления анархических и индивидуалистических тенденций. Все это особенно важно в виду трудности новых задач, вступающих перед партией. Масса новых, неустойчивых и недисциплинированных элементов вовлекается теперь в соц.-дем. течение; было бы особенно опасно для партии расплыться среди этих элементов. Расширение задач требует, конечно, и расширения рамок партии, но оно достигается всего лучше не стиранием ее формальных границ, а расширением партийных организаций;

б) возможность подготовить переход партии к организации, основанной на выборном начале. Без строгого определения организационных рамок партии проведение выборного начала невозможно (см. проект дополняющей резолюции № 1).

К § 2-му. Изменение условий созыва съезда вполне оправдывается: а) ускоренным темпом партийной жизни, б) печальным опытом периода между 2-м и 3-м съездами.

К § 3-му. Изменение в правах Петербургского и Московского к-тов и К-та загранич. организаций имеет достаточные основания в особенно важном значении этих местных организаций для общего революционного соц.-демократического движения.

Изменение срока наступления правоспособности организаций (прим. 1-е) требуется ускоренным темпом ре-

вол. жизни, быстрым количественным и качественным ростом новых организаций.

К §§ 4-му и 5-му. Система двух центров с балансиrom—Советом осуждена самой жизнью. Из истории партийного кризиса очевидно, что она—слишком благоприятная почва для развития разногласий, дразн, придворных интриг. Она означает подчинение России за границе: Ц. К. непостоянен по своему составу в силу провалов, ред. Ц. О. постоянна, Совет живет за границей. Все важнейшие возражения против одного центра, основанные на фактической разъединенности России с заграничью, с одной стороны, только подтверждают мысль о возможности и вероятности раскола между двумя центрами, с другой стороны, в значительной мере отпадают, если съезд сделает обязательными периодические совещания между русскими и заграничными членами Ц. К.

Прим. в § 5-м выкидывается, как излишнее, конспиративно неудобное стеснение для членов центра.

К § 7-му. Свобода печати необходима партийным организациям, чтобы ввести внутривнутрипартийные противоречия оттенков в рамки чисто-идейной борьбы (см. декларацию 22-х).

К § 8-му. Дать периферии большие права, чем здесь предложено, до введения выборного начала практически невозможно (см. дополняющую резолюцию № 2).

К § 12-му. Приостановка кооптации мотивированным единоличным протестом легко может вызвать злоупотребления. Официальным кандидатам Ц. К-та и офиц. кандидатам периферийных организаций необходимо дать преимущества. Безусловное право Ц. К. вводить членов в комитеты вызывает мысль о возможности злоупотреблений в случае неудачного состава Ц. К.

женствующее привести к их безвозвратной политической гибели, ибо эти «обещания и уверения» не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии, «интересы другого класса». Не начинаете ли вы понимать кое-что, почтеннейший Мартынов? Когда социалисты-революционеры изображают неизбежно предстоящие России аграрные преобразования, как «социализацию», как «передачу земли народу», как начало «уравнительного пользования», они ставят себя в ложное положение, неминуемо должствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо на деле как-раз те преобразования, которых они добиваются, обеспечат господство другого класса, крестьянской буржуазии, так что их фразы, обещания и уверения будут тем скорее опровергнуты действительностью, чем быстрее пойдет развитие революции. Вы все еще не понимаете, в чем дело, почтеннейший Мартынов? Вы все еще не понимаете, что суть мысли Энгельса состоит в указании на гибельность непонимания действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народовольцам и «социалистам-революционерам»?

II.

Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата непролетарского характера переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы вожди пролетариата, отгородившие себя и программой, и тактикой (т.-е. всей пропагандой и агитацией), и организацией от революционной демократии, играли руководящую роль в создании демократической республики. Энгельс видит опасность в смешении вождями мнимо-социалистического и реально-демократического содержания переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя сознательно диктатуру в проведении демократической республики, как последней формы буржуазного господства и как наилучшей формы для классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут

Проекты дополняющих резолюций:

№ 1.

О подготовке более точного представительства партии на съезде и введения выборного начала. Съезд вменяет в обязанность партийным организациям, комитетским и периферийным, вести отчеты об их деятельности, представляя эти отчеты не реже, чем каждые 2 недели в заграничное Бюро Ц. К. Отчеты эти должны послужить для 4-го съезда материалом, на основании которого должно быть уставлено представительство партийных организаций на съезде пропорционально числу организованных рабочих, а также должна быть обсуждена реальная возможность введения в известных пределах выборного начала при наших конспиративных условиях.

№ 2.

О совещательном голосе периферийных организаций. Всюду, где не препятствуют исключительно важные обстоятельства, решение вопросов о стачках и манифестациях должно приниматься местными центрами не иначе, как по выяснении мнений периферийных организаций.

№ 3.

Об отношениях между рабочими и интеллигентами в соц.-демокр. партии. Съезд еще раз напоминает задачу сознательных сторонников рабочей соц.-дем. партии: укреплять всеми силами связь партии с массой раб. класса, поднимая все более и более широкие слои пролетариев и полупролетариев до полной соц.-дем. сознательности, развивая их революционную и соц.-дем. самостоятельность, заботясь о

выделении рабочей массой возможно большего числа рабочих, способных руководить движением и партийными организациями в качестве членов местных центров и центра общепартийного: создавая как можно больше рабочих организаций, входящих в нашу партию, стараясь о том, чтобы рабочие организации, не желающие или не имеющие возможности войти в партию, по крайней мере к ней примыкали.

Съезд решительно осуждает начавшиеся со времен экономизма и систематически повторяемые правым крылом партии попытки сеять вражду и недоверие между рабочими и интеллигентами,—попытки изображать наши партийные организации, как чисто-интеллигентские, чем искусно пользуются враги социал-демократии, либеральные буржуа,—попытки обвинять соц.-дем. организации в стремлении сковать партийной дисциплиной самостоятельность рабочего класса,—попытки щеголять лозунгом выборного начала, большей частью без серьезных шагов к реальному проведению его в жизнь. Полное господство выборного начала, возможное и необходимое при свободных политических условиях, не осуществимо при самодержавии. Но и при самодержавии применение выборной системы было бы возможно в значительно более широких размерах, чем это делается теперь, если бы не препятствовали та формальная расплывчатость партийной организации и та фактическая ее дезорганизованность, которыми партия обязана именно правом же крылу социал-демократии. Предпринимая ряд мер к устранению этой расплывчатости и неопределенности, 3-й съезд стремится подготовить условия для действительного проведения в партийной жизни выборного начала в возможных размерах, что и будет одной из важнейших задач ближайших съездов.

пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократическую республику. Умный Мартынов никак не в силах понять, что такая гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелью, не только не есть политическая гибель, а напротив есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу. Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Мартынов, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет дальше и дальше по верной классовой дороге.

Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пятаются от лежащей на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пятаются от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая, таким образом, хотя бы и бессознательно, интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию

будущего, Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию настоящей революции. К этому сводится его политическая мудрость. Вот его рассуждение, над которым мы очень рекомендовали бы читателю подумать:

«Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции. Это—то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистическое жоресизма»... (Мартынов, стр. 58), и которое,—добавим мы от себя,—неоспоримо доказывает неспособность почтенного Мартынова понимать, что к чему. Смешивать участие пролетариата во власти, сопротивляющейся социалистическому перевороту, с участием пролетариата в демократической революции значит безнадежно не понимать, о чем идет дело. Это все равно, что смешать участие Мильерана в министерстве убийцы Галлифэ с участием Варлена в коммуне, отстаивавшей и отстаившей республику.

Но слушайте дальше, чтобы видеть, как путается наш автор: ...«Но если так, то очевидно, что предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей (курсив Мартынова) буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»...

К участникам 3-го партийного съезда.

(Письмо из Н.-Новгорода).

«...Кроме тех принципов, которые... представляют собой формулировку и обоснование конечной цели социализма, существуют еще и те принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цель. Люди, несогласные между собой в этих последних, не могут идти вместе, как бы ни было велико их единомыслие в том, что касается общих положений социализма». «...Единомыслие по вопросу о конечной цели не может считаться достаточным для объединения практических борцов под знаменем единой партии. Для того, чтобы две социалистические группы (или организации, или фракции, или партии) могли объединиться с пользой для дела, необходимо, стало-быть,—кроме единомыслия по отношению к конечной цели,—чтобы ни одна из них не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группе (или организации, или т. д.), вредной для развития классового самосознания рабочих» *).

Так говорил социал-демократ Плеханов три года назад. В настоящее время Совет Партии, при ближайшем участии т. Плеханова, предлагает большинству, этим, по словам самого т. Плеханова, «не социал-демократам» и «анархистам», вкупе с «метафизиком» Лениным, якобы, примирение. Спрашивается: отказывается ли вновь проснувшийся социал-демократ Плеханов от своей прежней скороспелой характеристики большинства, или почетный

*) «Искра» № 10. «О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада в частности и о тактике Б. Кричевского в особенности».

Во-первых, почему здесь говорится только о политических формах, тогда как в предыдущей фразе речь шла о власти пролетариата вообще, вплоть до социалистической революции? Почему автор не говорит о реализации экономических форм? Потому, что он незаметно для самого себя перескочил уже с социалистического переворота на демократический. Если же так (это во-вторых), то совершенно ошибочно автор говорит tout court (просто-напросто) о «воле всей буржуазии», потому что эпоха демократического переворота отличается как-раз различием воли разных слоев буржуазии, только избавляющейся от абсолютизма. Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением «пролетариата» и «буржуазии» есть чистая несообразность, ибо этот переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелкобуржуазный, крестьянский слой. У этого гигантского слоя именно потому, что демократический переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова. В непонимании этой простой

телохранитель своих, недостойных его, союзников снова политиканствует?

Предоставляю самому тов. Плеханову ответить на эти вопросы, для нас же, большинства, важно решить следующее: возможно ли в интересах социал-демократической работы дальнейшее пребывание в партии меньшинства, как такового?

Чтобы ответить на это, мы должны, следуя вышеуказанному методу т. Плеханова, прежде всего решить: насколько совместимы принципиальные, тактические и организационные взгляды меньшинства с задачами общей социал-демократической работы, нашедшими себе выражение в постановлениях 2-го партийного съезда?

С первого взгляда может показаться, что наши разногласия не настолько принципиальны, чтобы из-за них рвать в сущности разорванную уже самим меньшинством партию. Но так ли это? Пусть каждый читающий новую «Искру» спросит себя: что дала нам эта газета в продолжение двух лет партийной жизни, какие принципы закрепила она в партии, какие новые тактические приемы выработала, исходя из этих принципов?

Пробегаая так-называемые принципиальные статьи, не находишь там ничего, кроме фразы. Сегодня утверждается одно, завтра—другое, и среди этого сплошного тумана только статьи Мартынова сообщают ей хотя затхлый, но все же определенный запах «Рабочего Дела». Нам говорят, что у нас нет с меньшинством никаких разногласий, но не потому ли так кажется, что у меньшинства вообще нет твердых принципов? Их болотная позиция, возведенная в принцип, с претензией навязать такую беспринципность всей партии, не менее опасна для последней, чем вредные, но вполне определенные теории Бернштейна. Как тот, так и другие, в одинаковой мере затемняют классовое самосознание пролетариата независимо от того, что первый делает это сознательно, вторые—по скудоумию.

Что касается тактических взглядов «И.», то доста-

вещи один из главных источников Мартыновской путаницы.

Дальше: ...«Если так, то путем простого устрашения большинства буржуазных элементов революционная борьба пролетариата может привести только к одному—к восстановлению абсолютизма в его первоначальном виде,—и пролетариат, конечно, перед этим возможным результатом не остановится, он не откажется от устрашения буржуазии на худой конец, если дело будет клониться решительно к тому, чтобы мнимой конституционной уступкой оживить и укрепить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетариат, само собою разумеется, имеет в виду не этот худой конец».

Вы понимаете что-нибудь читатель? Пролетариат не остановится перед устрашением, ведущим к восстановлению абсолютизма, в случае если будет грозить мнимоконституционная уступка! Это все равно, как если бы я сказал: мне грозит египетская казнь в виде однодневного разговора с одним Мартыновым; поэтому на худой конец я прибегаю к устрашению, которое может привести только к двухдневному разговору с Мартыновым и Мартовым. Ведь, это просто сапоги в смятку, почтеннейший!

точно указать на ее план земской кампании, от которого, в конце концов, были вынуждены отказаться даже сами российские меньшевики, чтобы понять несостоятельность теперешней редакции в этих вопросах.

Сравнительно определеннее высказалось меньшинство по вопросам организационным. Исходя из статей «Искры», брошюр Панина и Череванина с предисловием к последней Мартова, наши организационные разногласия с меньшинством мы можем формулировать как противопоставление двух начал: централизма и автономизма.

Централистический принцип, положенный в основу нашего организационного устава, принятого вторым партийным съездом, является не случайностью, а логическим выводом из теоретических положений социализма. Построенный на основе этих предпосылок, наш организационный план является не только наиболее приспособленным для ведения общей социал-демократической работы и закрепления боевой готовности партии, но и единственно социал-демократичным.

Только таким путем может осуществиться демократический принцип господства всей партии над каждым отдельным ее членом, над каждой отдельной организацией. Недаром большинство социалистических партий Запада так ревниво охраняет принцип централизма в своих организациях. Недаром Каутский считает автономистские стремления немецких ревизионистов очень характерными для оппортунистов. Точно так же наша партия не побоялась на 2-м съезде разорвать с Бундом, когда последний хотел навязать чуждый ей федералистический принцип организации.

Организационный автономизм в теории сопровождается у меньшинства анархизмом, отсутствием партийности на практике. Всем и каждому известны дезорганизаторские подвиги меньшинства в Петербурге, Одессе, Нижнем и друг. городах, приведшие партию к фактическому расколу. Сегодня сжигают прокламации, призывающие рабочих к боевому выступлению, завтра демагогствуют

Мысль, которая мерещилась Мартынову, когда он писал воспроизведенную нами бессмыслицу, состоит в следующем: если в эпоху демократического переворота пролетариат станет утрачивать буржуазию социалистической революцией, то это поведет только к реакции, ослабляющей и демократические завоевания. Только и всего. Ни о восстановлении абсолютизма в первоначальном виде, ни о готовности пролетариата на худой конец прибегать к худой глупости не может быть, понятно, и речи. Все дело сводится опять-таки к тому различию между демократическим и социалистическим переворотом, которое Мартынов забывает, к существованию того гигантского крестьянского и мелкобуржуазного населения, которое демократический переворот подержать способно, а социалистический в данную минуту не способно.

Послушаем нашего умного Мартынова еще: «Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии накануне социалистической революции... Да, это очевидно, и если бы Мартынов подумал, в чем именно состоит это отличие, то он вряд ли написал бы предшествующую галimatью да и всю свою брошюру.

перед массой, стараясь дискредитировать комитет, послезавтра в союзе с Ц. К. основывают партию в партии. Такой организационный разврат, подрывая в массах доверие к партии, делает совершенно невозможной какую-либо положительную работу. Попытки со стороны большинства совместного выступления с меньшевиками обращались последними в повод разжигания фракционной вражды. Так, в Нижнем-Новгороде на одном рабочем собрании протеста была разорвана меньшинством резолюция по поводу избияния в народном доме только потому, что она исходила от комитета. Отсутствие партийности и неразборчивость в средствах подорвали в России в корне всякое политическое доверие к меньшевикам. С другой стороны, сомнительные проделки Совета, в роде скрывания резолюций, фабрикация гнилых комитетов и т. д., сделали то же по отношению к «меньшинству» заграничному.

Меньшинство, являясь фактически таковым, стремилось привлечь на свою сторону все недовольные прежней «Искрой» элементы, руководствуясь при этом не степенью их сознательности и преданности общепартийным интересам, а лишь желанием найти себе союзника в борьбе с большинством. Эти союзники еще с большим рвением принялись за разрушение партии, и только сплотившееся большинство помешало им в этой задаче.

В настоящее время мы стоим перед 3-м партийным съездом. Там в числе прочих вопросов будет рассматриваться предложение Совета о примирении.

Исходя из вышеуказанного положения дел в партии, мы тогда только можем начать переговоры с меньшинством, если Совет открыто заявит, что:

- 1) он признает принципиальные, тактические и организационные взгляды «большинства» направлением партии;
- 2) Ц. О. должен быть передан в руки лиц, могущих проводить это направление;

«...Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом».

Эта тирада—центральный пункт брошюры Мартынова. Тут вся ее соль, все ее основные «идеи». И чем же оказываются эти умные идеи? Посмотрите: что такое эти «низы» общества, этот «народ», о которых, наконец, вспомнил наш мудрец? Это именно тот многомиллионный мелкобуржуазный городской и крестьянский слой, который вполне способен выступить революционным демократом. А что такое это давление пролетариата плюс крестьянства на верхи общества, что такое это движение пролетариата вместе с народом вопреки верхам общества? Это и есть та революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, против которой ратует наш хвостист! Он боится только додумать до

3) меньшинство порвет с теми анархическими элементами, которые налипли к нему в процессе борьбы, и которые, в сущности, не имеют ничего общего с партией.

Что скажет на это товарищ Плеханов?

А. А.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. По рукам ходят списки жертв треповской расправы. Известно, что тотчас же за 9-м янв. полиция награвливая отбросы населения на «студентов»—бунтовщиков. Во многих случаях городские и сами руководили истреблением интеллигентов на улице. Некоторые адвокаты и писатели собирают материал для судебного преследования полиции. Вот один из списков, документально и по свидетельским показаниям составленный: 1) Борис Александрович Розов, вольнослушат. у-та, сотрудник «Руси». Отсечена кисть левой руки, сеченая рана в голову, вывих левого плеча и левого локтя 11-го января, около 4½ ч. дня, на Мал. пр. Вас. остр., между 9 и 12 линиями за то, что вступился за студ. Горн. инст. Починкова, которого избивали казаки. Кисть руки отсечена городским (ф. а. м. известна). Полицейские, ведя его в участок, говорили: «Скажем, что его избил рабочий». 2) Симановский, студ. Учит. института. 11-го янв. на Малом пр., между 4½ и 5 ч. дня, бил городские и сыщики. Увечья: несколько сеченых ран на голове, перебит хрящ на правой руке, ссадины по всему телу. Когда потерял сознание, городские со словами: «ну, околед!» взвалили его на извозчика и, сев ему на спину, повезли в участок. 3) Ал. Починков, студ. Горн. инст., сташен с конки и избит шпионами и городскими. Отвезен в участок в качестве мертвого вверх ногами. 4) Сергей Медведков, студ. Горн. инст., 11-го янв. по Мал. пр. Вас. острова избит казаками по указанию городского. Сеченая рана на боку от шашки, перебита головка лучевой кости руки. Казаки гнали до участка галопом. В участке с 2½ ч. до 7 ч. вечера был лишен медиц. помощи. 5) Светлик, ст. Горн. инст., шедший с Медведковым, избит вместе с ним, укрылся в своей кварт. (уг. 11-й и Мал. пр.) в шкапу; казаки, ворвав-

шись в квартиру, грозили матери изрубить ее, если не выдаст студ. 6) Евгений Мурашко, студ. у-та, 11-го янв. на Мал. пр. Вас. остр. сташен с конки и избит шпионами, жандармами и казаками. Разрублена голова (следствие—обморочные припадки), подбит глаз (лишен навсегда нормального зрения), отбиты легкие и печень (постоянное кровохаркание). 7) Викт. Львов, студ. Горн. инст., 11-го избит казаками на Мал. пр. Рана на ноге и на гол., избит по указанию городского. 8) 11-го января около 12 ч. дня студ. Горн. инст. Бромирский встретил около Средн. пр. по 11 линии неизвестного человека, по внешности рабочего, который его предупредил, что собирается партия бить студентов, и что его тоже уговаривали, поили водкой и предлагали 10 руб. Рабочий советовал Бромирскому снять форму. Несколько часов спустя на Мал. пр. (уг. 11 л.) было избито несколько товарищей Бромирского. Один из них спасся, переодевшись в платье своего хозяина. По словам хозяйки этого студента (Ярцевой), в дворницкую дома (7-этажный дом «Пекин», где живет масса учаш. молодежи) ворвалась какая-то толпа, потребовала домовые книги и отыскивала квартиры, в которых живут студенты. 9) В этом же доме избит художник Колесников.

Далее в «списке» следует перечисление некоторых деяний петерб. полиции и гвардии в январские дни.

1) 9-го янв. войска днем загнали с площади у Синего моста на Вознесенский проспект толпу народа. Когда началась давка, конные войска с площади пустились во весь опор и врезались в живую массу, рубя шашками по сторонам. 2) 10-го янв. офиц. л.-гв. Финляндск. полка Жерве с другими товарищами (Головкиным и еще одним, которого фамилия осталась неизвестной) и командой в 20 чел. явился производить обыск в «Украин. столовой». Отправив в столовую команду, Жерве, боясь засады (его слова), остался на улице. Однако, потом вместе с товарищами-офицерами он вошел в столовую. Встретив во дворе студ. Назарьева, велел его обыскать (при чем у Назарьева пропал портсигар с папиросами). Жерве едва не изрубил студ. за то, что тот упрекнул его в недопустимом для интеллиг. человека злоупотреблении силой. Обыск был произведен. Бесчинства доходили до безобразия,—компания ворвалась в комнату экономки, шарила под кроватью и пр. Один из героев этой истории, офицер Головкин, подверг в другой раз одного студента домашнему аресту за взгляды на войну... 3) 10-го января утром, часов до 9, солдата (с цифрой 23 на плечах) в присутствии офицера делали обыск

конца, боится назвать вещи их настоящим именем. Он говорит поэтому слова, значения которых не понимает, он робко повторяет с смешными и неумными выкрутасами *) лозунги, настоящей смысл которых от него ускользает. Только с хвостистом и возможен поэтому такой курьез в самой «интересной» части его заключительных выводов: революционное давление пролетариата и «народа» на верхи общества, но без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства,—до этого мог договориться только Мартынов! Мартынов хочет, чтобы пролетариат грозил верхам общества, что он с народом пойдет вперед, но чтобы в то же время пролетариат твердо решил с своими новоскрывскими вождями не идти вперед по демократическому пути, ибо это есть путь революционно-демократической диктатуры. Мартынов хочет, чтобы пролетариат оказывал давление на волю верхов обнаружением своего безволия. Мартынов хочет, чтобы пролетариат побуждал верхи «согласиться» довести буржуазную революцию до ее логического демократическо-рес-

публиканского конца, побуждал тем, что выражал свою собственную боязнь взять на себя вместе с народом это доведение революции до конца, взять на себя власть и демократическую диктатуру. Мартынов хочет, чтобы пролетариат был авангардом в демократическом перевороте и поэтому умный Мартынов пускает пролетариат перспективой участия во временном революционном правительстве в случае успеха восстания.

Дальше некуда идти в реакционном хвостизме. Мартынову, как святому человеку, надо землю поклониться за то, что он довел до конца хвостистские тенденции новой «Искры» и выразил их рельефно и систематически по самому злободневному и коренному политическому вопросу *).

(Н. Ленин).

(Продолжение в след. №).

*) Мы уже отмечали нелепость мысли, чтобы пролетариат хотя на худой из худых концов мог толкать буржуазию назад.

*) Статья была уже набрана, когда мы получили № 93 «Искры», к которому нам еще придется вернуться.

у всех проходящих мужчин (уг. 6 линии и Среднего). 4) 11-го января по 6 линии В. остр. скакали галопом два казака, держа за руки тело неизвестного мужчины. 5) 11-го на Большом пр. Петерб. стороны конные солдаты, по приказанию офицера, вытащили из конки и зарубили до смерти неизвестного человека, крикнувшего с империи вагона: «Кровоопийцы!.. опричники!». 6) 9-го янв. на Гороховой ул., в участке между Мойкой и Адмиралт. ул., около 2 ч. дня санитары убирали тела убитых и раненых. Среди них был обезглавленный труп; голова лежала рядом. 7) 9-го янв. вечером на углу Малого пр. и 9-й линии В. остр. мальчик лет 10. дразнил солдат. Один из них прицелился и подстрелил ребенка. 8) 9-го января, в 12 ч. ночи, солдаты били на улице сапожника (фам. неизвестна). У него была раскроена голова. Поднявший его студент нашел, что у несчастного руки были скручены проволокой. 9) Под вечер 9-го каменотес Байков шел по делу от угла 15 л. по Малому; увидев патруль, свернул, но запутался в проволоке и упал. Солдаты бросились на него и нанесли 11 штыковых ран. Потрясение несчастного так велико, что он «заговаривается». 10) 9-го веч. на углу Малого и 11 линии В. остр. стоявшие без офицера солдаты кололи штыками проходящих. 11) 9-го янв. вечером на Невском, у Каз. собора, был проколот штыком мальчик 15 лет, наборщик Николай Болгов, шедший по делу. 12) К. Д. Степанов, слесарь трубочного завода, заступился за 2 студентов, которых избивали по указанию хозяина портерной. Казаки избили Степанова по указанию шпионов. Изрублена рука в 3 местах и голова. весь избит. 13) Павел Орехов, раб., сломал ногу, выпрыгивая из окна своей квартиры (3 этаж), в которую ворвались с шашками наголо казаки. 14) Николай Григорьев Куриленко, наборщик 27 л., ранен 10-го янв. на 9 линии, у дома 52. 15) Алексей Иван. Киселев, приказчик, ранен саблями в голову на Пет. стороне, в 8 ч. веч. 9-го янв.

Приведенные в этом списке факты не относятся к массовому убийству и избиению. Это факты единичных и ничем не вызванных насиллий полиции и войска над мирными жителями столицы.

Письмо крестьянина. (25-го февраля). У нас разбили и бьют экономии, постройку жгут, а хлеб и вещи разные берут. Человек 30 из наших забрали, нас тоже записали, будут опрашивать. В Г. человек 60 забрали, пригнали солдат на усмирение, некоторых порют, говорят: «всех пороть будем!». Ведь, теперь телесное наказание отменено, но почему же порют? Даже как порют! Разложат на скамью, привяжут да и жарят чуть ли не до смерти. Говорят, одного человека заперли в Дубовицком. Мы тоже боимся, как бы нас не порол. Нет нам помочи ниоткуда, пропали крестьяне, нет у нас оружия никакого, мы бы не поддались. Постарайтесь вы там. Что же вы там спите! У нас тут чуть ли не каждую экономию разбили, тут по окрестности нашей экономии 30 разбили, а люди говорят: в Курской и Орловской губ. 70 экономий разбили, да и будут каждую ночь теперь экономий 10 бить. Нет, сжальтесь над нами, поспешите с оружием, а то нам приходит конец, пропал весь мир; крепко в нашем селе хриstopродавцев много. Говорите всем хорошим людям, чтоб они распространяли, что у нас делают с крестьянами. Посылайте на Дальний Восток, чтоб там знали, как с нами поступают. Они охраняют помещицкое да государственное имение, а с ихними отцами, братьями, женами как поступают? Как со скотиной! Хороший хозяин лучше скотину жалеет. Они каких забрали, заперли их, где скот, и опрашивают. Как кто не сознается, так секут плетьюми, или земский прямо по зубам лупит кулаком. Одного спросил: «Ты был на бунте?». Он говорит: «Нет!». А земский ему прямо по салазкам, и зубов несколько выбил. Заарестованных водят с шашками наголо; есть не дают: если своего нет, то хоть с голоду издыхай. Скорей посылайте нам помочь. Просите прочие державы, чтоб вступились за нас. Везите нам оружие, мы сами будем сражаться. Говорите студентам, чтоб они усмотрели за этим, а то конец нам будет...

Харьков. Злобой дня является поведение пригородных крестьян, которые порешили вырубить большую рощу у одного из местных помещиков. На масляной они более чем в триста топоров стали валить под-ряд всю рощу. Управляющий

обращался к харьковской полиции, но та не помогла ему. настоящее время у этих крестьян производится повальный обыск, и найденный лес отбирается. Крестьян предают суд Крестьянское движение все более тревожит помещиков начальство. К весне ждут громадных волнений. Некоторые помещики хотят сдать землю крестьянам в долгосрочную аренду. Крестьяне не прочь от аренды, но прямо и открыт заявляют: «пиши, что хошь, платить все равно не будем». Со всех сторон приходят известия, что помещики решили и засеять нынешней весной поля, так как крестьяне им говорят: «ежели хотите, сейте,—снимать-то будем мы». Характерно, что во многих местах крестьяне делятся не на все помещицье имение, а только на его часть для пополения надела, что-то в роде возвращения отрезков. Остальные помещицьи земли, по их мнению,—и это мнение широко распространено среди них,—должны быть выкупаемы на казенные деньги. Эти земли, вместе с казенными, уделными, кабинетскими и др., должны образовать как бы запасный государственный земельный фонд, из которого крестьянскому населению всегда будет совершаться прирезка,—по мере надобности, или совсем бесплатно, или на льготных условиях.

Слухи о новой мобилизации проникли в окрестные деревни и еще более волнуют крестьян. В воздухе пахнет грозой.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Приводим переписку между рабочими и инженерами завода Семенова по поводу того, что рабочие «одели мешок» на одного мастера. Инженеры забастовали, требуя увольнения рабочего Плюснина. Рабочие писали:

«Господа инженеры! Вы за последнее время говорили много хороших слов в ваших союзах, выказывали на словах много участия к рабочим. А на деле, видно, выходит иначе. Вы настаиваете, чтобы Иван Александров рассчитал рабочих, которые, по вашему подозрению, участвовали в надевании мешка на мастера, и по вашим настояниям Ив. Алекс. хочет рассчитать и других. Стыдно так поступать, господа! Неужели у всех либералов слово всегда расходится с делом? Неужели и весь союз инженеров на деле будет давить рабочих? Не думаете ли вы, что и рабочие вам ответят взаимностью? Если вы уже теперь так поступаете, то, пожалуй, скоро пойдете и дальше, рука-об-руку с полицией и жандармами, и сделается с ними приятельми!».

Инженеры отвечали: «Нами только-что получено письмо от рабочих, в котором они упрекают нас, инженеров, в том, что мы, которые проявляем в своем союзе столько участия к рабочим, на деле давим рабочих, требуя удаления из завода тех, которых мы подозреваем в нанесении оскорбления Г. Г. В. В этом мнении рабочих много неточного и неверного. Не одни инженеры, а почти все служащие пришли к заключению, что рабочие, имея возможность предъявлять какие-угодно требования—с одной, и влиять на своих товарищей—с другой стороны, все-таки не приняли никаких мер, чтобы предотвратить происшедшее. Подобно тому, как рабочие в праве защищать честь и достоинство своих товарищей от оскорбления администрации, требуя удаления оскорбителей, в праве делать это и мы. Было бы неправильно требовать удаления подозреваемых; мы требовали лишь удаления Плюснина, нанесшего оскорбление, и тех, которые, по словам И. А., подтвержденным двумя бывшими при этом лицами, сами заявили ему, что Г. Г. В. получал то, что ему следовало, и что того желала вся мастерская. Что не вся мастерская этого желала, доказали протесты, которые раздались в толпе, когда И. А. с ней говорил. Ясно, что лица, не сочувствующие этому, не стали бы говорить от имени мастерской. И потому, хотя эти лица, может-быть, и не самые виновные в этом, но они, несомненно, участвовали в этом, и оставление их на заводе было бы равносильно удалению из него Г. Г. Оскорбление, нанесенное Г. Г., настолько грубо, что не могло бы быть оставленным без наказания, даже если бы оно было вызвано чем-нибудь с его стороны, потому что у рабочих есть теперь возможность выражать свой протест непосредственно. Но оно является особенно возмутительным, если принять во

внимание, что все те требования, которые он предъявлял рабочим, были ему точно предписаны И. А.

Не мешало бы рабочим, которые так много говорят о справедливости по отношению к рабочим, подумать о том, что мы в сущности по условиям нашей работы тоже рабочие, и что если что-либо в нашей деятельности и вызывает их неудовольствие, то уж во всяком случае не по нашему адресу должен быть направлен их упрек. Если рабочие требуют уважения к себе, то они были должны сами карать поступки, бросающие тень на них всех, и уж во всяком случае немедленным, честным, открытым протестом показать, что это сделала лишь маленькая группа людей, которую они за это осуждают. Они этого не сделали и тем вынудили нас на защиту чести нашего товарища. Наконец, прежде чем бросать нам упрек, что мы скоро пойдем рука-руку с полицией, пусть рабочие подумают: не заслуживают ли его те, которые в благоприятный для рабочих ход дел вносят скандал и беспорядок, дающие полиции желательный повод свалить в одну кучу рабочих, отстаивающих свои законные интересы, с любителями скандалов?»

Ответ рабочих: «Господа! Мы получили ваше письмо и спешим вам ответить. Вы признаетесь сами, что требуете удаления, кроме Плюснина, еще тех, кто сочувствует его поступку. Итак, вы требуете удаления рабочих не за их действия, а за их мысли и желания, точь-в-точь, как при Плеве ссылались лица не за преступное деяние, а за образ мыслей, за вредное направление. Когда за вредный образ мыслей Плеве ссылали в Архангельск. губ. членов технического съезда, вы искренно негодовали; когда то же делаете вы по отношению к рабочим,—вы считаете себя правыми. Ну, а скажите-ка, господа, мыслимо ли в Англии расчитать рабочего за сочувствие известному поступку, а не за самый поступок? Вы хорошо знаете, что нет, что это вызвало бы в Англии взрыв негодования и в среде рабочих, и в среде общества. Но у нас не Англия, у нас самодержавная Россия, и в душе каждого администратора и имеющего власть сидит кусочек самодержца. И вы, господа, помимо всех хороших и либеральных слов, которые у вас всегда на языке, по отношению к рабочим позволяете себе такие поступки, какие по отношению к русским обывателям допускает только полиция. Вы пишете, что над вами есть начальство, которое заставляет вас делать то, чего вы не желаете. Но то же самое может сказать и всякий шпион и полицейский. У них, ведь, тоже есть начальство! Вопрос только в том, кто заставляет вас поступать против совести. Ну, довольно об этом. Ясно, что вы воспользовались случаем вышибить тех, кто не пресмыкается пред вами, и кто действует не в угоду вам, а в интересах рабочих. Старайтесь же, господа! Жертвуйте! Говорите либеральные речи и вышибайте наиболее самостоятельных рабочих, протестуйте против произвола и усмотрения по отношению к рабочим! Действуйте же смело! В ваших либеральных словах мы всегда видели только слова. Мы же, рабочие,—люди не слова, а дела. И мы найдем путь к настоящему делу; но не смейте же выражать нашему делу лицемерное сочувствие! У нас есть настоящие друзья и товарищи, но только не в либеральной среде».

Петербург. (Строительный завод Любарского). Когда волна рабочего движения пронеслась по всей России, то и наша заводская администрация сделала уступку. Раньше мы работали по 11½ ч. в день, теперь же только 11 ч. Теперь опишу о наших внутренних порядках. Обыкновенных рабочих дней у нас бывает в две недели 12, а со сверхурочными у некоторых по 15—16 и даже больше. При получке же всегда таких рабочих обшаривают на день или два, т.е. платят за 14—15. Конечно, рабочие начинают ругаться и требовать, чтобы им уплатили, на что администрация отвечает: «Хорошо, мы разберем и заплатим». Проходит опять недели две, и опять при получке такая же история: рабочие забывают про старое и начинают требовать за новые высчитанные дни, и опять уверения, что заплатят, и так продолжается до сих пор. Надо заметить, что у нас на заводе выдается каждый день по 30 к.: 15 на обед и 15 на ужин. Но вот что интересно: высчитывают-то они порцион за все дни. Был случай, когда около 30-ти человек жаловались инспектору, тогда было уплачено. Но если отдельные лица говорят, что будут жаловаться, то администрация завода отвечает, что «инспектор у них в кармане». В настоя-

щее время у нас работает до 80-ти рабочих и около 70-ти учеников; некоторые ученики по 12-ти—13-ти лет. Работают они то же самое 11 часов, хотя даже российскими законами это запрещено. Берут в учение на 5 лет; от завода им выдается только на кушанье, а остальное (квартира, одежда, сапоги, и т. д.) нужно иметь свое. По выходе оговаривается сумма руб. 20 или 25, но на самом-то деле они этого никогда не получают. Дело в том, что за прописку паспорта администрация завода высчитывает с выходной суммы ежегодно по 3 руб. (это с ученика-то!), в итоге собирается 15 рублей, а ученик по выходе получает всего 5 или 10 руб.,—это за 5 лет каторжного труда! Постоянных рабочих, можно сказать, у нас нет. Нанимают, допустим, слесарей. Ставят на работу. Жалованья ему не говорят и на его просьбу отвечают: «Ладно, подожди, мы посмотрим, как ты работаешь». Проходит недели две, а то и больше, и вдруг 70—80 коп. в день. «Как же так? Ведь, я получал 1 р. 50 к.—1 р. 70 к. на таком-то заводе?». А если рабочий хочет уйти, то нужно отработать еще две недели. Вот как ловко нас обирают. Расскажу еще о деле о добровольных пожертвованиях на флот. В то время работало нас около 300 человек. Вычеты на флот были сделаны без нашего согласия, с некоторых высчитывали до 3 руб., сумма набралась порядочная. И что же? Деньги разобрали служащие по рукам, а на флот послали 6 руб.! В следующий раз рабочие больше уже не позволили высчитывать.

Ярославль. То боевое настроение, которым теперь характеризуется жизнь Петербурга, почти отсутствует в районе Сев. Ком. или, по крайней мере, в Ярославле. Если употребить термины «придавленность», «забитость», то они вполне точно охарактеризуют ярославских рабочих. Нищенская плата, невозможные условия работы и жилища, масса шпионов и провокаторов,— вот главные причины, которые задерживали до сих пор развитие рабочего движения в Ярославле.

Связи с рабочими все-таки растут, и пропаганда ведется. Даже были попытки устроить агитационные собрания и массовки. В начале февраля за Волгой, в районе жел.-дор. мастерских, собрались рабочие из мастерских по приглашению ярославской группы Северного Комитета в числе человек 30—40. Но явилась полиция, и организаторы массовки поспешили уйти. Среди наборщиков есть организация, и даже замечается брожение, готовое вылиться в стачку. Когда в собрании наборщиков пропагандист говорил о питерских событиях, о необходимости организовать, чтобы одновременно ударить на самодержавие во всех концах России, рабочие в один голос заявили: «Да, мы это понимаем: время горячее теперь». Отношение рабочих к петербургским событиям вполне определенное. «Ты говоришь мне, что царь ни при чем, что царь не знал, как убивали рабочих в Питере. А ты не знаешь, что царь Давид еще сказал: «блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Это, брат, значит, что еще царь Давид боялся, как бы простой народ не собрался и не требовал себе свободы. Такие, брат, и все царя. И наш царь такой же»,—говорил один рабочий другому. Если вы спросите даже малосознательного рабочего, как он относится ко всевозможным комиссиям в роде комиссии Шидловского, то получите ответ: «Все вранье и надувательство». Один рабочий, вычитав из газет, что в Питере перестраивается одна из зал Мар. дворца для 300 чел., сострил: «Вот для Земского Собора залу царь готовит; только мало больно, для одних губернаторов да министров, а приставам да шпионам на улице придется стоять».

«Литературы, литературы и литературы!»—вот наш вопль. Три месяца мы не имели никаких сношений с ЦК. Наконец, нам прислали транспорт в 30 ф. Транспортер заявил, что там все агитационная литература. Уплатили, что полагается. Оказалось, что там имеется всего несколько книжек, главным же образом старые номера новой «Искры» и... 12 ф. портретов Маркса и Энгельса,— и притом прескверных. Вот тебе и «агитационная» литература.

Рабочие просят напечатать, что один из жел.-дор. мастеров Иванов—доброволец-шпион. Шпионские замашки имеют также слезарь Санетин (фамилия написана неразборчиво) и кузнец Романов.

8-го марта были обыски у некоторых рабочих Корзинкинской мануфактуры.

Тула. Работа в Туле может быть поставлена очень широко. Здесь рабочих 80.000, кроме того, есть много кустарей, мастеров и пр. Некоторая часть рабочих вполне фабрично-заводской элемент, есть весьма развитые. Среди них агитация идет очень успешно, наблюдается стремление организоваться, и из них-то, конечно, и вербуется авангард местного движения. Часть рабочих имеет свои домики и огороды. С этими рабочими гораздо труднее иметь дело. Они менее подвижны, привязаны к собственности, а потому боятся рисковать и пр. Есть и еще тип очень интересный. Рабочий на фабрике, он в то же время является дома—мелким хозяйчиком. Он забирает оружейную и самоварную работу на дом и здесь жестоко эксплуатирует рабочих, не нашедших себе работы на фабриках. Эти хозяйчики-рабочие являются очень опасным и консервативным элементом, так как всякая борьба за улучшение быта рабочих бьет их по карману, как хозяев.

Комитетская работа в последнее время пошла более оживленно. Упразднена старая организация «четверок», введено разделение на районы. Связи быстро расширяются; бывают массовки в 150—200 чел. Благодаря тому, что «общества», хоть сколько-нибудь сосуществующего, в Туле нет, касса комитета пустует, нехватает даже средств на технику, приходится обходиться пока что мимеографом. Нелегальным профессионалам почти немислимо существовать в Туле. Комитету не под силу их содержать. Заработок же найти интеллигенту здесь очень трудно. Товарищи сильно бедствуют и некоторые волей-неволей должны уезжать в поисках за хлебом насущным.

(В. Бонч-Бруевич).

Баку. После ряда открытых собраний в городе и в рабочих кварталах здесь организовались под руководством шпионов (Петрова, Харченко и др.) группы громил, которые избивают рабочих, зарекомендовавших себя неблагонадежными. В ночь на 6-е марта на находящуюся на Баилловом мысу электрическую силу (примеч. станцию электрической силы) было нападение (при мастерской имеются квартиры рабочих). Местные охранители почему-то решили, что здесь-то и находится бакинский комитет и вообще сосредоточена вся революционная работа. Руководителями погрома были шпионы-рабочие Петров и Харченко, в погроме принимали участие также и местные матросы Каспийского флота. Пока ограничились лишь тем, что избивали рабочих Прикащикова и Васильева и перебили стекла в жилых домах. Когда кто-то из рабочих обратился к одному из матросов с вопросом, почему они бьют, он ответил, что здесь, на электрической силе, всегда масса прокламаций, а также очень уж часто происходят собрания социалистов. Во время погрома невдалеке стояли патрули из матросов, которые безучастно смотрели на происходящее, хотя город и на военном положении. Петров заявил одному из рабочих, работающих на электрической силе, что им уже организовано 50—60 чел. (?), которые в скором времени предпримут самое беспощадное избиение всех работающих на электрической силе, а потому, если кто себя чувствует, что он невиновен в «потрясении основ», пусть уходит с электрической силы.

Рабочий юга.

Урал. 19-го февраля забастовал завод Лысьва, Перм. у. (около 3.000 рабочих). Было выставлено 27 п. требований, общих для всего завода, и 11 п. для отдельных цехов. Все требования носили экономический характер. Один товарищ пишет из Лысьвы от 26-го февраля: «Заводская администрация удовлетворяет только часть требований, как-то: 1) 8-час. рабочий день, и то не везде, а только в некоторых цехах, и 2) некоторым рабочим согласны добавить к заработной плате 5 копеек. Рабочие в хорошем настроении и забастовку хотят продолжать; на заводские уступки не соглашаются. Шпионов много; по улицам ходят патрули день и ночь. Солдат у нас 58 чел. (привезли из Перми 2 вагона). Вчера одного шпиона узнали и прогнали из толпы; он побежал на станцию Лысьва 2-я, а народ за ним вдогонку; он заперся в вокзале, в телефонной конторе, и дал знать в завод, чтобы спасли. Были посланы солдаты, а местная полиция гнала на лошадах сколько есть духу. Шпиона выручили и под конвоем увели обратно, а с первым же поездом он укатил с завода. Говорят, что это был пермский жандармский офицер Рожков. Гнались за ним более 2-х верст...

Кабаки заперты вот уже 5-й день. В заводе работает только 1 рабочий для электрического освещения, да вот на днях нашлись мерзавцы—выгружают вагоны с кирпичами, но их всего человек 20, и ходят они на работу под конвоем».

Другой товарищ, рабочий, пишет оттуда же от 27-го февр.: «Сегодня идем в последний раз к управляющему. Забастовку будем продолжать до последней капли, пока все наши требования не будут удовлетворены... Даже частные люди помогают, кто чем может. Ропоту пока в народе нет. Если же наши требования не будут удовлетворены, то придется всему начальству убраться из завода, так как будет поголовное избиение этих сволочей; они хотят, чтобы мы вышли в открытую борьбу с оружием в руках. Да, это будет!..».

В Мотовилихе 1-го марта забастовала частная мастерская Корешкова. В ж.-д. мастерских в Перми забастовка длилась с 13-го по 16-ое февр. Требования экономические; удовлетворены очень немногие.

Одесса. Жел.-дор. мастерские бастуют. Между прочими требованиями—требование Учред. Собр. Вчера (7-го марта) началась было забастовка в Южно-Русском Обществе печатного дела, где печатаются «Вед. Отд. Градонач.». Там до 150 рабочих. Публика там недружная и малосознательная. Стоило прикрикнуть управляющему,—все вернулись в мастерские, едва вышедши из них.

Николаев. 4-го марта в заводе Уманского половина рабочих начала уже работать, но после обеда с Французского завода пришли около 20 рабочих и снова заставили бросить работу. Так у нас изо дня в день продолжают забастовки. Время очень горячее. Литературы нехватает, чтобы удовлетворить всех рабочих.

Рабочий

Тифлис. В собрании была демонстративная панихида по жертвам 6—9-го февраля. Перед толпой до 20 тысяч чел. произносились горячие революционные речи. Вся масса, как один человек, с неописуемым воодушевлением клялась бороться против самодержавия. Настроение небывалое. Поднялись даже те слои населения, которые до сих пор были невозмутимы.

Баку. Увидев после резни, что разжечь национальные страсти не удалось, жандармский полковник, поп Буйницкий, несколько чиновников и торговцев послали телеграмму царю. Они писали, что если армяне и татары объединятся, то царским прихвостням житья не будет на Кавказе, и потому нужно принять меры. Меры действительно приняты: город буквально наводнен шпионами и войсками, выписана артиллерия, тюрьма переполнена.

Чита. На собрании жел.-дорожных рабочих 21-го февр. (около 1.000 чел.) принята резолюция: «Принимая во внимание: 1) что пролетариат всего мира и в частности России неопровержимо доказал свою готовность бороться против всякого произвола и во имя товарищеского чувства; 2) что мы, читинские рабочие, недостоинны были бы принадлежать к великой семье пролетариата, если бы не заступились за арестованных,—для поддержки этого требования мы объявляем стачку». (Примечание Читинского комитета: «По сведениям, полученным к-том, после принятия резолюции арестованные были зверски избиты в полицейском участке»).

Москва. 12-го марта было заседание постоянной комиссии при музее труда для докладов по рабочему вопросу. Довольно большой зал был набит публикой; рабочих пришло человек 300 из разных районов. Доклад одного адвоката о русском фабричном законодательстве в связи с рабочим движением прослушан с большим вниманием. Благодаря массе фактического и статистического материала, выдержкам из неназванных документов и ясной аргументации. Основная мысль доклада—вынужденность русского фабричного законодательства, его тесная связь с рабочим движением. Вывод: рабочие до сих пор сами брали те крохи, к которым сводятся фабричные законы, и впредь должны помнить, что они могут рассчитывать лишь на свои собственные силы и взять то, что указывает им их классовое сознание. Был описан последовательный, стихийный рост революционного настроения пролетариата, бессилие правительства в его борьбе между интересами капитала и соображениями полицейского

и политического свойства; дана характеристика фабричных законов с этой точки зрения,— законов, которые при всей убогости юридического содержания, кроме того, никогда не применялись сколько-нибудь полно на практике. Последний акт творчества правительственной политической мысли—зубатовщина, завершившаяся трагическим концом 9-го января. Докладчик кончил приглашением всех присутствующих присоединиться к лозунгу: «Да здравствует рабочая демократия!». Ответом были оглушительные аплодисменты. После небольшого перерыва председатель предложил присутствующим начать беседу: «Наш устав предоставляет право совещательного голоса не только членам комиссии, но и приглашенным гостям. Так как все здесь присутствующие являются приглашенными, то прошу высказываться всех желающих». Первым взял голос адвокат, сказавший красивую речь в честь павших 9-го января в Петербурге и др. городах. Затем говорили исключительно рабочие. Первый оратор, находя чрезвычайно интересным и содержательным выслушанный доклад, высказал желание, чтобы в дальнейших заседаниях докладчики принимали во внимание и менее развитую часть рабочих и старались говорить более простым языком, избегая иностранных выражений. Следующий оратор, очевидно, привыкший говорить публично, в очень гладкой и литературной речи говорил о ближайших революционных задачах пролетариата: те ручьи крови, которые пролиты уже в январские дни,—говорил он,—не последние ручьи. Они только начало великой борьбы, которую поведет политически проснувшийся пролетариат. Теперешнее спокойствие есть спокойствие временное. Мы готовы ждать месяцы, чтобы выступить в бой с готовыми силами. В вас, представители интеллигенции, мы готовы видеть своих друзей. На нашей стороне численная сила и напряженность революционного настроения, но у нас недостает порой интеллигентных сил, наша масса в общем еще слишком сера. Помогите нам вашими знаниями, вносите свет в наше сознание, и мы дадим праву тот меч, без которого оно—бессильное право *). Эта речь, как я убедился из разговоров с рабочими, понравилась им больше других; да и шумные аплодисменты говорили об этом. Затем председатель, по предложению отдельных членов комиссии, предлагал высказываться по отдельным вопросам: сверхурочные работы, продолжительность рабочего дня, закон о фабричных старостах. Рабочие высказывались очень охотно. О сверхурочных работах особенно сильное впечатление произвела речь рабочего табачной фабрики. Говорил он просто и деловито, и эта простота только усиливала впечатление. Говорил тихим, каким-то большим голосом, будто иллюстрируя им влияние на рабочих сверхурочных работ в табачном производстве. Речь то и дело прерывалась не то иронической, не то болезненной улыбкой. За внешней сдержанностью ясно чувствовалось сильное накопившееся годами (оратору лет 40) желчное чувство. Говорил он о том, что сверхурочные работы ни в коем случае нельзя считать добровольными, что иногда прямое давление фабричного начальства, а иногда крайняя нужда, вызываемая низкой оценкой урочных работ, вынуждает рабочего истощать свои силы в погоне за лишним гривенником (табачные работницы, по его вычислению, зарабатывают 3½ коп. в ч.). Он привел точные цифры обычного дохода и расхода рабочего и при помощи их доказывал почти полную невозможность удовлетворения без сверхурочных работ самых необходимых потребностей... «Можно ли хуже жить?»—спросил кто-то из членов комиссии. «Нет, никак невозможно!»—отвечал рабочий невсздумно, но с такой убедительностью, которая уничтожала всякую мысль о дальнейших вопросах... Затем он отметил влияние сверхурочных работ на здоровье и нравственное состояние рабочих. В те месяцы, когда сверхурочных работ особенно много, страшно возрастает число больных. Сторож останавливает иногда толпу рабочих, идущих на прием к врачу, изумленным восклицанием: «Эко вас всех сразу прорвало!». Влияние на душевное состояние рабочих выражается в подавленности, апатии, приниженности. Вы говорите: «нужно бороться!». Где тут бороться, когда только дрожишь, как бы последнего куска изо рта не вырвали!..

О желательной продолжительности рабочего дня вся аудитория шумно высказалась за 8-часовой рабочий день. «А осу-

*) Последнее выражение взято из предыдущей речи адвоката.

ществим ли он немедленно, вынесут ли его фабриканты?». В ответ на это один из рабочих обстоятельно доказывал возможность осуществления 8-час. дня, ссылаясь на непереносимое повышение в этом случае производительности труда, на истощающее влияние 10-час. дня, плохую работу последних часов и даже первых благодаря недостаточности отдыха. Закон о фабричных старостах вызвал много речей, критиковавших его с разных точек зрения. Особенно интересна была речь одного рабочего железнодорожной мастерской. Он говорил, что если бы даже был смысл выбирать старост, их нельзя выбрать всем рабочим.

«У нас в мастерской 300 рабочих. Велено выбирать только тем, кто прослужил в мастерской больше года, а таких у нас всего 60 человек, и выбирать тех, кто прослужил не менее 3 лет, а таких у нас только 20. Да и эти 20 каковы? Более сознательные и развитые рабочие—молодежь. А эти 20, из которых нужно выбирать, все люди пожилые, патриархальные... (пауза), благонадежные» (общий хохот и аплодисменты). Другие ораторы тоже говорили, что выборы старост не могут быть свободными, а рамки, в которые законом поставлена деятельность старост, делают их и ненужными. Резюмируя сказанное о старостах, один из членов комиссии дал картину деятельности рабочих союзов в европейских странах и сделал вывод, что помимо таких союзов, при условии общественной и политической свободы, нет способов рабочего представительства сколько-нибудь удовлетворительных. Законы в роде закона о старостах не должны обманывать рабочих и отвлекать их от правильной борьбы за свои интересы.

...Рабочие расходились оживленные, возбужденные. В публике было немало шпиков. Некоторые из них известны рабочим. Удалились они перед самым закрытием заседания. «Жаль, что они ушли, а то бы вышло что-нибудь», говорил просто, с искренним сожалением один из знакомых рабочих. «Много им теперь работы, да только уже как ни старайся, никто их теперь не боится. Из последних сил выбиваются и сами знают, что без толку!».

...Зубатовцы составили план подачи петиции от рабочих и теперь назначают в аудиторни общества трезвости обсуждение ее текста. Рабочие с.-д. готовятся дать им отпор. Готовятся ораторы, выработан план действий.

(В. Бонч-Бруевич).

ИЗ ПАРТИИ.

Второй шаг.

В № 11 «Вперед» мы приветствовали первый шаг оставшегося без партии Совета Партии. Мы спрашивали себя: хватит ли нехватит у Совета ума и честности сделать второй шаг по новому пути? Теперь нами только-что получено из России известие, что второй шаг сделал ЦК. Вот те документы по этому делу, которые могут быть опубликованы немедленно.

1) Воззвание ЦК к партии от 4-го марта 1905 г.

К партии.

Товарищи! Революция в России началась! Пролог ее непоколебимым образом доказал, что самой главной и решающей исход ее силой является городской пролетариат. Однако, ускорение исхода революции, внесение планомерности в революционную борьбу народных масс и особенно максимальный учет результатов революции в пользу пролетариата находятся в громадной зависимости от фактического состояния сил и организации нашей партии. История возлагает на нашу партию политическую и моральную ответственность перед российским пролетариатом, перед всем вашим народом, наконец, перед пролетариатом всего мира. В современном состоянии наша партия неспособна выполнить своих обязанностей в той мере, как это необходимо и возможно по состоянию сил, которыми потенциально располагает Рос. С.-Д. Считаю в настоящий момент несвоевременным и бесплодным выяснять с документами в руках, в какой степени

руководились в своей внутренней партийной деятельности глубокими политическими мотивами или интеллигентской напилью отдельные видные члены партии, влиятельные группы и целые партийные учреждения, словом, оставляя в стороне вопрос, кто и в какой степени виноват в глубокой дезорганизации партии, ЦК, сознавая всю тяжесть лежащей на нем ответственности, заявляет перед лицом всей партии о своем твердом решении употребить все от него зависящее к тому, чтобы обеспечить партии необходимое единство и предотвратить окончательный раскол. Целый ряд новых вопросов выдвигается перед Рос. С.-Д. чуть не ежедневно развитием революции. Многие из этих вопросов едва намечены нашей тактикою, так как она разрабатывалась по преимуществу применительно к «мирному» времени. Ряд других совсем не находит себе ответа в предыдущем партийном опыте, так как они выдвинуты новыми, только что появившимися причинами. Партийная литература, конечно, приходит на помощь, но ее ответы не всегда удовлетворяют местных работников в смысле полноты, единства, всеобщепризнанной авторитетности. В самое последнее время значительное число к-ов, объединившихся после частных конференций, приняло политику недоверия к центр. учреждениям партии, существующим на основании партийного устава, принятого II съездом партии, и довели ее до образования своего органа, своего центра, а в настоящее время работают над созывом своего съезда. Наконец, летом этого года наступает время, определенное уставом партии для созыва III очередного съезда. При таких обстоятельствах ЦК видит единственное и последнее средство к предотвращению раскола в созыве общепартийного съезда в самом ближайшем будущем.

Убежденный, что плодотворность работы съезда, как в смысле разработки выдвинутых переживаемым политическим моментом перед партией серьезнейших задач, так и в смысле достижения действительного прочного единства партии, будет всецело зависеть от всестороннего и полного представительства на съезде всех значительных и влиятельных течений, ЦК на основании устава решил для обеспечения полноты представительства широко воспользоваться своим правом приглашать на съезд товарищей с совещательным голосом. Имея в виду, что разъедающая партию распря привела в некоторых местах к прямому откалыванию от к-в значительных групп, а в некоторых—к резкому антагонизму между к-ми и перифериями, ЦК предлагает послать своих представителей на съезд с правом совещательного голоса:

- 1) всем группам, отделившимся от к-в до 1-го марта с. г.,
- 2) всем перифериям крупных промышленных центров, где в районе деятельности к-та находится не менее 20.000 руб., и где больше половины членов периферии выразят недоверие местному к-ту в вопросе о выборе делегата на съезд. Примечание. Входящими в состав периферии ЦК предлагает в данном случае считать лишь тех товарищей, которые, входя в одну из подкомитетских организаций, занимаются под руководством и контролем к-та активной революционной работою, выражающеюся в пропаганде, агитации, организации, писании, печатании и распространении литературы. Далее, так как по уставу общепартийный съезд созывается Советом Партии, то ЦК, приглашая местные к-ты партии высказываться за созыв 3-го съезда, как единственное теперь средство обеспечить единство партии, с своей стороны, будет через своих представителей в СП поддерживать свое решение о немедленном созыве съезда, и теперь же примет ряд практических подготовительных мер. Кроме того, ЦК заявляет, что он сделает все от него зависящее для привлечения к делу осуществления созыва съезда возникшего для этой цели, по инициативе нескольких комитетов, «Организац. Бюро», подготовительные работы которого могут послужить к ускорению и облегчению созыва съезда. Примеч. Подробности привлечения «Организационного Бюро» к-в так-наз. «большинства» к подготовке созыва съезда должны быть выработаны по взаимному соглашению. Видя в созыве немедленного общепартийного съезда последнее средство предотвратить раскол и создать тактическое единство партии, которое одно только может дать нам необходимую силу для выполнения великих стоящих перед Рос. С.-Д. задач, ЦК призывает всех членов партии к самой энергичной подготовке немедленного съезда.

ЦК Р.С.-Д.Р.П.

2) Письмо ЦК к Бюро Ком. Большинства от 6-го марта 1905 года:

«4-го марта ЦК постановил обратиться к комитетам партии с призывом готовиться к 3-му партийному съезду и с своей стороны решил принять меры к созыву съезда по возможности в самом непродолжительном времени.

Так как успех общепартийного съезда и скорейшее осуществление его созыва находятся в зависимости от дружной работы по возможности всех товарищей и организаций, высказывающихся теперь за съезд, то ЦК обращается к Организационному Бюро комитетов так-называемого «большинства» с предложением взаимного соглашения в этом деле и совместной работы в целях скорейшего созыва съезда и осуществления наиболее полного представительства на нем всей партии.

ЦК Р.С.-Д.Р.П.

6-го марта 1905 г.

3) Воззвание к партии от имени Ц. К-та и Бюро Комит. Больш. совместно, от 12-го марта 1905 года.

К партии.

ЦК и БКБ, взявши на себя инициативу по созыву III партийного съезда, объявляют всем партийным организациям, что, исходя из насущной необходимости немедленного созыва III партийного съезда для установления общей партийной тактики и организационного единства партии, они пришли к соглашению относительно совместной организации съезда на следующих основаниях:

1) Съезд созывается на основании изложенных в декларациях ЦК и БКБ программ, из которых вытекает следующий порядок дня:

- a) Конституирование съезда,
- b) Вопросы партийной тактики,
- c) Вопросы партийной организации:
 - 1) Организация центров,
 - 2) Организация комитетов,
 - 3) Взаимоотношение между различными партийными учреждениями и их частями.
- d) Отчеты,
- e) Выборы.

2) На съезд приглашаются все партийные организации, имеющие право участия в нем с решающим голосом по уставу II съезда (т.е. 4 Кавказск. ком., Моск., Петербург., Твер., Тульск., Нижегород., Северн., Киевск., Одесск., Екатеринбург., Харьков., Донск., Ворон., Никол., Саратов., Самар., С.Западн., Полесск., Астрах., Лига; союзы: Донецк., Крымск., Уральск. и Сибир. *), а все остальные—с правом совещательного голоса.

3) Санкционируется организационная работа по созыву III партийного съезда, выполненная до сих пор БКБ.

4) Дальнейшая работа по созыву съезда выполняется совместно БКБ и ЦК, которые образуют организационный комитет.

5) Опубликованную в № 89 «Искры» резолюцию Совета Партии против созыва 3-го партийного съезда ЦК и БКБ не признают основанием для приостановки работы по организации съезда. 12-го марта 1905 г.

Договор ЦК с БКБ от того же 12-го марта 1905 года пока опубликованию не подлежит ²⁾.

Итак, мы можем торжествовать полную моральную победу! Россия взяла верх над заграничниками. Партийность победила кружковщину. В последнюю минуту ЦК увидел, что созываемый Бюро Ком. Больш. съезд есть действительно партийный съезд, и примкнул к нему. ЦК нашел в себе в последнюю минуту достаточно гражданского мужества, чтобы отказаться от антипартийной политики и восстать против заграничного Совета. По уставу нашей партии съезд созывается Советом, а не ЦК. Следовательно, говоря юри-

*) Относ. к-в Рижск., Смоленск., Курск., Орл.-Брянск., Казанск., Кременч., Елисаветгр. и Кубанск. смотри № 3 договора между ЦК и БКБ.

дически, никакие заявления и соглашения ЦК по этому вопросу никакой силы не имеют. Но когда Совет нарушил устав и уклонился от отчета перед съездом,—комитеты не только могли, а даже должны были взять на себя инициативу съезда, и ЦК, признав выбранное комитетами Бюро, отказался этим следовать несчастному примеру оставшегося без партии Совета Партии.

Мы не можем теперь высказаться о конкретных вопросах соглашения ЦК и БКБ. Все эти вопросы, а равно и вопрос о порядке дня съезда, о составе его и т. д. может решить, конечно, лишь сам съезд. Мы поэтому ограничимся лишь пожеланием успеха съезду и призывом ко всем товарищам: немедленно и самым энергичным образом взяться за работу всесторонней подготовки съезда. Нам остается в заключение повторить сказанное нами в № 11 «Вперед»: «мы подошли теперь вплотную к возможному прямому и недвусмысленному выходу из кризиса».

Еще одна жертва царизма. 11-го марта покончил с собой бывший студент СПб университета, член нашей партии Лев Александрович Яковлев.

Товарищи помнят его имя по делу, разбиравшемуся СПб судебной палатой в декабре 1904 г. Яковлев обвинялся в разбрасывании майских листов в Василеостровском саду. Его сначала отбили у полиции, но потом он был снова схвачен и в участке подвергся избиению и издевательствам (пристав плевал в лицо). 8 месяцев просидел он сначала в доме предв. закл., а потом, по приговору, в Петропавловской крепости. На нервной натуре юноши тяжело отозвались тюрьма и издевательства. Он вышел на свободу психически потрясенный. Яковлев был членом Объединенной Соц.-Дем. Орг. студентов СПб. По выходе из тюрьмы работал агитатором в городском районе. Накануне повешения был в рабочем кружке и, уходя, трогательно прощался с рабочими. Повесился у себя в комнате, повидимому, предварительно пробовал отравиться какой-то жидкостью.

Вечная память тебе, товарищ! Месть и проклятие твоим убийцам!

Кострома. Обсуждали с рабочими, представителями кружков, некоторые пункты из тактического листа нашего бюро. На одном собрании присутствовало 7 представителей (6 раб., 1 инт.). Решено: 1) Вопрос о ЦО. Указывалось рабочими, что «Искра» недоступна пониманию рабочих, а между тем она называется ЦО партии. «Социал-Демократ» рабочим понятен, но он считается газетой для рабочих. Выходит, что ЦО назначается не для рабочих. ЦО должен быть один и понятный для всех, или хотя бы для большинства членов партии. За эту резолюцию высказались все 6 рабочих; напротив, интеллигент находит этот вопрос недостаточно выясненным. 2) Определение членства в партии. Единогласно принята резолюция: по нашему мнению, наша партия состоит из разнообразных с.-д.-ских организаций, и кто не входит в какую-либо из партийных организаций, будь он хоть профессор, тот не может считаться членом партии. 3) Отвергая забастовку, как средство добиться социалистического строя, мы признаем политическую всеобщую забастовку, как средство мобилизовать свои силы, навести панику на буржуазию и с и л о й вырвать у нее уступки. В России забастовка считается преступлением, в забастовщиков стреляют. Необходимо вооруженной силой противоставить вооруженную силу. Нельзя теперь заготовить оружие для всех. Но отдельные отряды должны быть вооружены, тогда легче будет во время восстания напасть на арсеналы и пороховые погреба и достать оружие для всех. Вооруженное восстание должно быть строго организовано. Резолюция гласит: «Мы признаем вооруженную политическую забастовку. Она может превратиться в вооруженное восстание. Для оружия нужно оружие. Организация ответственна за неудачное восстание».

В другом кружке присутствовали, по непредвиденным обстоятельствам, лишь 3 раб. и пропагандистка-меньшевистка. 1) В вопросе о ЦО вполне солидарны с резолюцией, принятой в первом кружке. 2) Вопрос о § 1 устава также разделяют. Пропагандистка задала вопрос, почему не считать членами партии людей, которые, хотя и не входят в организацию, но помогают партии, например, дают квартиры для собраний. Рабочие указали, что квартиру могут дать и либералы, квартиру можно нанять и за деньги.

Партия должна быть организована, ее члены непременно должны входить в партийные организации, иначе мы не можем установить точных границ партии, и может произойти смещение понятий партии и класса. Большевиком тогда заявила, что если так понимать § 1 Ленина, то она с ним согласна. 3) Признают необходимость вооруженного восстания. Предлагают заменить выражение «для оружия нужно оружие» выражением: «только посредством оружия мы можем достать оружие». Рабочие жаловались на отсутствие единой, сильной, крепко сплоченной организации. Если бы таковая была, стачки возникали бы не так стихийно, случайно, а можно было бы вызвать их, назначить и провести одновременно и повсеместно; тогда и успех получился бы большой.

Далее привожу выдержки из протоколов рабочего кружка организаторов: § 5. Мы, рабочие, представители рабочих кружков, в полном своем составе единогласно постановили: выразить протест местному «меньшинству» за непризнание им партийной дисциплины и за нежелание подчиняться решениям большинства голосов местной организации. § 6 (единогласно). Мы, рабочие-организаторы, признаем необходимость немедленного созыва экстренного 3-го съезда и предъявляем следующие требования: 1) чтобы он непременно уладил внутривнутрипартийные дела; 2) чтобы он выработал новые методы и формы борьбы в связи с изменением положения дел в России; 3) он должен объединить под знаменем Р. С.-Д. Р. П. все другие с.-д. партии и организации, с которыми мы не расходимся в программе и тактике (напр., Бунд, П. С.-Д., армянск., латышск., литовск., с.-д. орган.). Все решения принимаются на съезде б-м голосов, решения б-ва съезда обязательны для всех членов партии.

Предлагаем «Вперед» эти резолюции напечатать.

Невозможность совместной работы с меньшевиками вызвала следующее письмо на имя представительницы здешних меньшевиков:

«Уважаемые товарищи!

Теперешнее революционное движение налагает на нашу партию определенные обязанности. Между прочим, оно требует от нас наиболее сильное и тесное сплочения рядов социал-демократов разных фракций и оттенков для достижения наибольших результатов в борьбе с самодержавием и капиталом. Всем социал-демократам, желающим работать, должна быть дана возможность это делать. Исходя из этого положения Сев. Комитет, сторонник «большинства» партии, дал вам, стороннице «меньшинства», работу. Вопрос о кооптации вас в местную группу Сев. К-та, как вам было нами заявлено, стоял на очереди дня. Этот факт, как многосложество других, подобных этому, фактов допуска меньшевиков к работе в комитетах и организациях большинства, например, в Питере, Риге, Москве, Киеве и т. д.), как нельзя лучше опровергает нелепые басни лидеров меньшинства об «осадном положении», раскассировании человек, вышибании из организаций, и т. д. Раньше, чем принять вас в группу, мы вам объяснили, какие требования мы предъявляем ко всем членам группы, независимо от их принадлежности к той или иной партийной фракции. Это требование, по нашему убеждению, до того ясно, просто и обязательно для всех, что мы были неприятно поражены, услышав от вас о вашем нежелании ему подчиняться. Мы вам указали, что всякая организация, всякая коллегия только тогда и может существовать как таковая, когда меньшинство подчиняется решениям большинства, когда решение большинства, таким образом, является обязательным для всех членов коллегии. Только при этом условии возможна успешная деятельность организованного целого. Вы на это ответили, что подчиняться решениям большинства нашей организации не намерены, что независимо и даже вопреки решениям большинства из нас, вы в случае несогласия с нами будете апеллировать к рабочим. При этом выяснилось, что такие «случаи» будут иметь место всегда и во всем, так как, по вашему же заявлению, разногласия между «большинством» и «меньшинством» настолько велики и серьезны, что о совместной солидарной работе не может быть и речи *), что раскол уже

*) Просим товарищей сопоставить эти публичные заявления меньшевиков с официальными заявлениями так-наз. центр. учреждений.

Ред. «Вперед».

фактически существует, что съезду предстоит лишь формально это признать. Вы далее заявили, что после съезда, т.-е. (по-вашему) после раскола, «м-во», где бы оно ни находилось, должно будет поступать так, как им подсказывает их «логика и совесть» (ваши слова), т.-е. устраивать свои комитеты на-ряду с существующими к-ми партийными. Таким образом, из разговоров с вами выяснилось, что, во-1-х, вы не намерены подчиняться решениям местной группы во всех тех случаях, когда такое решение противоречит вашей «логике и совести», независимо даже от того, является ли данное разногласие ваше с группой пунктом расхождения «б-ва» с «м-м», и во-2-х, после съезда, если «м-во» отколется от нашей партии, здесь может быть устроен комитет «меньшинства». Само собой разумеется, что, принимая во внимание эти ваши откровенные и чистосердечные заявления, мы, к крайнему нашему сожалению, должны заявить, что эти условия для нас неприемлемы. Не желая вас все-таки лишить работы, мы предлагаем вам поехать в Х., где вы будете очень полезны. Работы там много, рабочие же там еще так мало развиты, что вам не придется им говорить о наших разногласиях; к тому же времени, когда они будут в состоянии в этих разногласиях разбираться,—мы уверены,—в этом уже не будет надобности. По нашему глубокому убеждению, 3-й съезд положит конец внутривнутрипартийным раздорам, он теперь объединит, сплотит нашу партию, и тогда вам уже не придется устраивать в Х. отдельного к-та «м-ва». Если же группа заграничных литераторов не захочет подчиниться решениям 3-го съезда, как она до сих пор не подчиняется решениям 2-го съезда, если они, потеряв в затхлой заграничной атмосфере сплетен и дрязг всякое понятие о партийности, партийной дисциплине, вздумают и вперед дезорганизовать, развращать партию,—мы уверены, что сторонники «м-ва» в России отвернутся от них и признают интересы партии более важными, серьезными и достойными, чем интересы заграничного кружка, хотя бы этот кружок и состоял из «заслуженных, старейших и лучших». С социал-демократическим приветом

Представители Сев. Ком. в Костроме (подписи).

В редакцию Бюро поступили листки, изданные: Бюро К. Б. К учителям. Пет. Ком.: 1) К рабочим Немляндера, 2) К офицерам. Объед. соц.-дем. орг. студ. Пет. листки №№ 1, 2, 4, 5 и постановление сходки 7-го февр. Пет. Гр.: 1) «Не упал еще занавес»... 2) По поводу ком. Шидл. Моск. Ком.: 1) К рабочим Никольской мануфактуры. 2) Резолюция рабочих Никольской м-ры. 3) Проект резолюции. Твер. Ком.: 1) Демонстрация, как средство борьбы с самодержавием; 2) «Настает время»... (к тверским рабочим). 3) Отчет за ноябрь-январь. 4) Ко всем тверск. рабочим и крестьян. 5) Ко всем гражданам. Сев. Ком. и Яр. Гр.: Отчет за январь и февраль. Киевск. Ком.: Царизм накануне всенародного восстания. Бак. Ком.: 1) Отчет за время стачки на мех. зав. 2) Будьте готовы. 3) Офицеры и солдаты! 4) Накануне. 5) Солд. памятка. 6) К солдатам. (Ученич. агитац. ком.). Резолюция бакинских учащихся. Томск. Ком.: 1) Отчет за ноябрь и декабрь. 2) К служ. ж.-д. (№ 76). Сиб. Союзом: Кассовый отчет за январь (приход 4.505 р. 79 к., расх. 4.333 р. 65 к.). Тифл. Ком.: К гражданам (№ 4). Бал. и Б.-Эйб. раб. По поводу забастовки на заводе Вотан. Ком. Восточн. района. Рабочий класс и поп Гапон. Од. Ком.: 1) Манифест и рескрипт 18-го февраля. 2) Чего надо требовать. 3) Политика насилия и обмана Владимирской с.-д. орг.: К приказчикам. Екатеринос. Ком.: 1) К фармацевтам. 2) К рабочим и работникам Ек-ва. 3) Чего мы требуем. 4) Ко всем. 5) К при-

казчикам и приказчицам. 6) Летучий листок 18-го января. О. К. Т. И. Листок от 27-го января. Группой соц.-дем. Резолюция 330.

Группной борьбы: Ко всем служащим Никол. ж. д.; неизвестно кем: К рабочим фабрики Вал. Ефимов и комп. Солдатская памятка, секр. предписание Кутаисского губернатора 25-го января, Цивилизованному миру (из № 84 «И.»). «Так дальше жить нельзя»... Устав Союза учащихся ср. школ.

Отчет Берлинской группы партии. Собрано в пользу петерб. стачечник. 1280.65. В пользу стачечник. в Ruhrgebiet 45.50. От разных предприятий 1005.67. Со специальн. назначением 189.00. На революцион. цели 369.03. За литературу 256.00. Из библиотеки 33.00. В долгах 185.60. Итого: 3374 мар. 45 фп.

Отчет Цюрихской груп. партии. С двух рефератов Ленина 225 фр., Воинова 155 фр., с елки 7-го января 125 фр., собрано на нужды восстания 180 фр., за литературу 69.07. Итого 754 фр. 07.

Поступило в ред. «Вперед»: 1) На нужды восстания—от R. из Англии—4 fr., от N-ie—5 fr., от тов. Z из W.—20 fr. 2) Для Кр. Креста от M-r. X. через V. G. S.—100 fr. 3) На отпр. революционер. в Россию от M-r X. через V. G. S.—1000 fr. 4) На рев. движ.: от Лейпц. гр.—25 fr. от Zurich Hiltskom. d. rev. Part. Russl.—232.22 fr. 5) На партию—от M. R.—20 fr., от M. D.—10 fr.

Петерб. Ком. просит напечатать, что 37 руб. от Б. С. на стачку получены.

В виду увеличения размеров газ. «Вперед» экспедиция считает необходимым изменить подписную цену газеты. Подписка на 4 №№ будет стоить 1 фр. 10 с.=90 пф.=22 цн.=10 пнс., 8 №№—2 фр. 20 с.=1 м. 80 пф.=44 цн.—1 ш. 8 пн.: 12 №№—3 фр. 30 с.=2 м. 70 пф.=66 цн.=2 ш. 6 пнс.; 16 №№—4 фр. 40 с.=3 м. 60 пф.=88 цн.=3 ш. 4 п.; 20 №№ 5 фр. 50 с.=1 д. 10 цн.=4 ш. 2 пн.; 24 №№—6 фр. 60 с.=5 м. 40 пф.=1 д. 32 ц.—5 ш.

Экспедиция «Вперед» просит гг. подписчиков, живущих в Америке, производить уплату не чеками и не почтов. марками, а мандатами.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Киев. Ночью с 8-го на 9-е февраля в доме Леонтьевых был обыск. В галлерее оказалось около 3 пуд. литературы, а в самой квартире более 100 экземпляров гектографированных прокламаций, изданных ученической организацией средн. учебн. заведений. Чины охранного ведомства заявили, что они проследили, как сейчас была привезена литература с вокзала. В виду заявления Леонтьевых, что галлерей общ. для нескольких квартир, был сделан обыск и в соседней квартире у одинокого старика-чиновника. Прокламации же признала своими Елена Н. Леонтьева. Кроме того, в протокол обыска внесено, что в квартире оказалась солдатская шинель. Арестованы: Борис Никол. Леонтьев, Елена Никол. Леонтьева (сестра), Константин Ник. Леонтьев (брат)—гимназист и находившаяся у них в квартире швея - еврейка, у которой не оказалось паспорта.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Лариону. Получили, передадим.—Ю. Ю. № 6 получен.—Адреса: ба, 23а и 10а отменяются.—Мит.е. Если не знаете адреса, напишите через комитет.—А полинари. Письмо получено.—Ежу. Письмо с оказией получено. Лео. Да. Высылайте и в будущем.

Примечания.

Прим. 1. Здесь, вероятно, корректурная ошибка: вместо цифры 6 поставлена 7.

Прим. 2. См. приложение.

Прим. 3. Проверить по рукописи не оказалось возможным. По всей вероятности, речь идет о рассказывании комитетов, а не человек.

О вооруженной борьбе 7

~~Французские войны? Совету революционной борьбы,~~
~~как и прочие Давидович Борисович~~

Во время как в последнее время полиции и
войска все чаще и чаще, и при том с самым
звериным образом, с такой наглостью все
сравнительно на улицах толпы, сущность
во все, изводить и казнить незаконно
и нечеловечески ^(Поэтому) сейчас курьеры да
даже уничтожить ураган дней всей наш
курс в доброду от модернизации и и и
содержать различать воспаление и и и

Факсимиле тов. Л. П. Мандельштам—Л. Кручинной.

(См. статью „О вооруженной борьбе“, „Вперед“ № 18).

Россійская
Соціалдемократическая
Рабочая Партія

ВПЕРЕДЪ

Пролетаріа всѣхъ странъ
соединяйтесь!

№ 14.

ЖЕНЕВА. 12 АПРѢЛЯ (30 МАРТА)

1905 г.

Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства¹⁾.

Вопрос об участии социал-демократии во временном революционном правительстве выдвинут на очередь не столько ходом событий, сколько теоретическими рассуждениями социал-демократов одного направления. В двух фельетонах [(№№ 13 и 14)] мы разобрали рассуждения Мартынова, впервые выдвинувшего этот вопрос. Оказывается, однако, что интерес к нему так велик, а недоразумения, порождаемые указанными рассуждениями (смотри особенно № 93 «Искры»), так громадны, что необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Как бы ни оценивали социал-демократы вероятность того, что нам придется в недалеком будущем не только теоретически решать этот вопрос, во всяком случае, ясность ближайших целей необходима для партии. Без ясного ответа на этот вопрос невозможна уже теперь выдержанная, чуждая шатаний или недомолвок, пропаганда и агитация.

Попытаемся восстановить сущность спорного вопроса. Если мы хотим не только уступок от самодержавия, а настоящего низвержения его, то мы должны добиваться замены царского правительства временным революционным правительством, которое, с одной стороны, созвало бы учредительное собрание на основании действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов и которое, с другой стороны, было бы в состоянии на деле провести полн[ую] свобод[у] на время выборов. И вот спрашивается, позволительно ли социал-демократической рабочей партии участвовать в таком временном революционном правительстве? Вопрос этот поставили впервые представители оппортунистического крыла нашей партии, именно Мартынов, еще до 9 января, при чем он, а вслед за ним и «Искра», решили этот вопрос отрицательно. [Мартынов] старался довести до абсурда взгляды революционных социал-демократов, пугая их тем, что в случае успешной работы над организацией революции, в случае руководства вооруженным народным восстанием со стороны нашей партии, нам придется участвовать во временном революционном правительстве. А такое участие есть недопустимый «захват власти», есть непозволительный для классовой социал-демократической партии «вульгарный жоресизм».

Остановимся на рассуждениях сторонников этого взгляда. Находясь во временном правительстве, говорят нам, социал-демократия будет держать в руках

власть; а социал-демократия, как партия пролетариата, не может держать в руках власть, не пытаясь осуществить нашей программы-максимум, т.-е. не пытаясь осуществить социалистического переворота. А на этом предприятии она неизбежно в настоящее время потерпит поражение и только осрамит себя, только сыграет на руку реакции. Поэтому-де участие социал-демократии во временном революционном правительстве недопустимо.

Это рассуждение основано на смешении демократического и социалистического переворотов, — борьбы за республику (включая сюда и всю нашу программу-минимум) и борьбы за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала, однако, всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделения демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота отдельные социал-демократы, склонные павозовать перед стихийностью, но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию в таком положении взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей»: преклоняющиеся перед стихийностью люди как-раз и боятся этого, боясь за верность нашей программы. Но их боязнь (психологическое объяснение которой мы старались наметить в наших фельетонах) неосновательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей «навязет» нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику, именно он практически направит как-раз в эту сторону наши силы, силы политически-активного пролетариата. Именно ход вещей неизбежно навязет нам при демократическом перевороте такую массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, реальные потребности которых потребуют как-раз проведения программы-минимум, что опасения слишком быстрого перехода к программе-максимум являются прямо смешными.

Но, с другой стороны, именно эти союзники из мелко-буржуазной демократии вызывают новые опасения среди социал-демократов известного направления, именно опасения насчет «вульгарного жоресизма». Участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией

запрещено резолюцией Амстердамского конгресса, это есть жоресизм, т.-е. бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение пролетариата в прихвостня буржуазии, развращение его мишурой власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.

Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их; зазубрили некоторые антижоресистские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем не к стати; усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасти республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило; что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью под влиянием, отчасти, как-раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков; что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого отманывали пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ.

Теперь возьмите Россию. Субъективно, такие революционные социал-демократы, как впереводцы или Парвус, хотят отстоять республику, вступая для этого в союз с революционной буржуазной демократией. Объективные условия отличаются от французских как небо от земли. Объективно, исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как-раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы означаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т.-е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства; без этого переворота немыслимо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота.

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите, что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?

Так как Жорес во Франции преклонялся перед буржуазной социальной реформой, неправильно прикрывая себя субъективной целью борьбы за республику, то поэтому мы, русские социал-демократы, должны отказаться от серьезной борьбы за республику! Ведь к этому, именно к этому сводится премудрость новоскрывцев.

В самом деле, не ясно ли, что борьба за республику немыслима для пролетариата без союза его с мелкобуржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Один из главных недостатков разбираемого взгляда состоит в его мертвенности, шаблонности, в том, что упускаются из вида условия революционного времени. Борются за

республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры—это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь, если мы, революционный народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его! (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум). Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией—уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией—демократическая республика, наконец, за пролетариатом—социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху,—для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделившись кучей конституцией; если оно будет не только поколеблено, а действительно свергнуто, тогда, очевидно, потребуются гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства! Чем больше мы завоеваем теперь, чем энергичнее мы будем отстаивать завоеванное, тем меньше сможет отнять впоследствии неизбежная будущая реакция, тем короче будут эти интервалы реакции, тем легче будет задача для пролетарских борцов, идущих вслед за нами.

А тут являются люди, которые наперед хотят до борьбы отмерить точно аршином «по Иловайскому» скромненький кусочек будущих завоеваний, которые до падения самодержавия, даже еще до 9-го января, вздумали [стращать] рабочий класс России пугалом ужасной революционной демократической диктатуры! И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов...

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией,—плачутся они,—да, ведь, это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы, и нищеты, собственности и проституции. Это довод, достойный либо анархистов, либо народников. Социал-демократия не отворачивается от борьбы за политическую свободу на том основании, что это есть буржуазная политическая свобода. Социал-демократия смотрит на «освящение» буржуазного строя с исторической точки зрения. Когда Фейербаха спросили, освящает ли он материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта, он отвечал: «я освящаю материализм в его отношении к прошлому, но не в его отношении к будущему». Вот точно также и социал-демократия освящает буржуазный строй. Она никогда не боялась и никогда не побойтся сказать, что освящает республикански-демократический буржуаз-

ный строй, по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений.

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что участие наше в революционном временном правительстве не влечет за собой для социал-демократии никаких опасностей. Нет и не может [быть] такой формы борьбы, такого политическ[ого положения], которое бы не влекло за собой опасностей. Если нет революционного классового инстинкта, если нет цельного мирозерцания, стоящего на уровне науки, если нет (не во гнев будь сказано товарищам новоискровцам) царя в голове,— тогда опасно и участие в стачках—может повести к экономизму, и участие в парламентской борьбе может кончиться парламентским кретинизмом, и поддержка земской либеральной демократии может привести к «плану земской кампании». Тогда опасно даже читать по истории французской революции полезнейшие сочинения Жореса и Ояра—может привести к брошюре Мартынова о двух диктатурах.

Разумеется, если бы социал-демократия хоть на минуту забыла о классовой особенности пролетариата от мелкой буржуазии, если бы она заключила не во-время невыгодный для нас союз с той или иной незаслуживающей доверия интеллигентской мелкобуржуазной партией, если бы социал-демократия хоть на минуту упустила из виду свои самостоятельные цели и необходимость (при всех и всяких политических ситуациях и конъюнктурах, при всех и всяких политических поворотах и переворотах) ставить во главу угла развитие классового самосознания пролетариата и его самостоятельной политической организации,—тогда участие во временном революционном правительстве было бы крайне опасно. Но при этом условии, повторяем, и в такой же мере опасен любой политический шаг. До какой степени неосновательно приурочение этих возможных опасений к теперешней постановке ближайших задач революционной социал-демократией, это покажут всем самые простые справки. Не будем говорить о себе, не станем воспроизводить многочисленных заявлений, предостережений, указаний, по рассматриваемому нами вопросу в газете «Вперед»,—сошлемся на Парвуса. Выказываясь за участие социал-демократии во временном революционном правительстве, он со всей энергией подчеркивает условия, которых никогда не должны мы забывать: вместе бить, врозь идти, не смешивать организаций, смотреть за союзником, как за врагом и т. д. Мы не останавливаемся подробнее на этой стороне дела, уже отмеченной в фельетоне.

Нет, действительная политическая опасность для социал-демократии лежит в настоящее время совсем не там, где ее ищут новоискровцы. Не мысль о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства должна страшить нас, а тот дух хвостизма и мертвенности, который разлагающе действует на партию пролетариата, выражаясь во всевозможных теориях организации-процесса, вооружения-процесса и т. п. Возьмите, например, новейшую попытку «Искры» про-

вести различие между временным революционным правительством и революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Разве это не образец мертвенной схоластики? Люди, сочиняющие такие различия, способны нанизывать красивые слова, но совершенно неспособны думать. Отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственную-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, [временный] характер [правительства], связанного будущим учредительным собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно, во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь,—чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Следовательно, различие, проводимое «Искрой», только тащит партию назад, к бесплодным словесным спорам, от задачи конкретного анализа классовых интересов в русской революции.

Или возьмите другое рассуждение «Искры». По поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство! она назидательно замечает: «сочетание слов «да здравствует» и «правительство» «сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза? Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике: ведь, республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствованием временного революционного правительства и приветствованием демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно настаивает на необходимости фигового листка: приветствовать то, что подразумевает буржуазно-демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционно-демократическое правительство нельзя?

Картина: Петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискровцы, и, вознося горе свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...

Нет, и тысячу раз нет, товарищи! Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить наш организованный проле-

тариат. Месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления,—то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

(Н. Ленин).

К вопросу о постройке баррикад.

Думая выпустить брошюру, посвященную техническим вопросам народного восстания, я не считал нужным разбирать те ошибки, которые допустили два товарища, писавшие в «Искре» по этим вопросам; но после слов товарища Бывшего Артиллериста: «указав тип баррикады, наиболее отвечающей требованиям современной техники и т. д.», я переменил несколько мнение и просил бы редакцию «Вперед» дать место этой заметке.

Волонтер в № 87 допустил артиллерийские ошибки, которые хорошо исправил Бывший Артиллерист, но последний, в свою очередь, не только не стал на высоту «современной военной тактики», но наделал ряд ошибок, которые могут вредно отозваться на деле народного восстания. Указывая очень верно самый процесс постройки баррикад, он предлагает строить с бруствером на обе стороны (рис. 1) и говорит: «тогда с одной

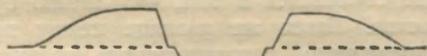

Рис. 1.

баррикады получится двойной обстрел, и баррикада не будет иметь тыла». Подобная баррикада—вещь невозможная: все пули и осколки, пролетая мимо фронта стрелков первого ряда, будут поражать второй ряд в тыл, шрапнель же моментально уничтожит стрелков второго ряда, в то время как первый ряд будет поражаться сравнительно слабо.

Если опасаются нападения сзади, то следует делать горжевые укрепления и задний траверс надо поднимать почти до той же высоты как и баррикаду (рис. 2).

Рис. 2.

Но стрелять из такого укрепления на обе стороны, конечно, нельзя. Если будет необходимо защищать какой-либо проход на обе стороны, то тогда надо возвести двойную баррикаду с гребнем посередине (рис. 3).

Такая работа потребует часа 2—3, но, конечно, хорошо обеспечит ту или иную улицу от прохода по ней войск. Средний гребень должен быть вершка на

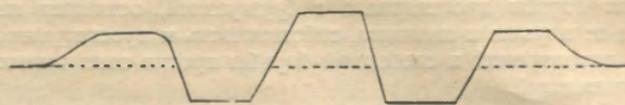

Рис. 3.

4—6 выше баррикады, чтобы обеспечивать стрелков от тылового огня. Но гораздо лучше так располагать силы, чтобы обход был невозможен; для этого придется захватывать баррикадами целые части города или хотя бы отдельные кварталы. Такой план был предложен товарищем Бывшим Артиллеристом в № 89 «Искры» и на нем следует остановиться внимательно. Он предлагает для занятия известного квартала следующий план: (рис. 4).

Малые баррикады 1, 2, 3 и 4 служат передовыми укреплениями; против них нельзя возразить: они полезны, особенно, если есть свободное время. Главные баррикады а и б в виде углов выдаются на три улицы,—это уже никуда не годится по след. причинам: укрепления в виде угла дают всегда плохое поле обстрела и могут употребляться лишь как вспомогательные укрепления. Это оттого, что реданы (укрепления в виде угла), защищая бока, дают перед собой сектор мертвого для огня пространства (рис. 5).

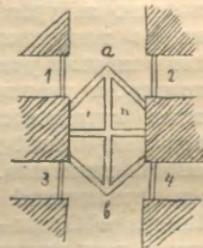

Рис. 4.

Как ясно из чертежа, реданы могут дать хороший обстрел в бок перпендикулярно своим сторонам, но в пространство М О N

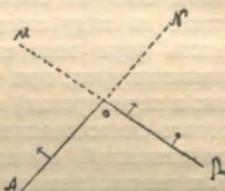

Рис. 5.

может быть направлен лишь косопрямый огонь, который не отличается верностью, а при повороте больше 30° , т. е. при угле баррикады меньше 60° , воспрещается для войск, как не дающий положительных результатов. Товарищ Бывш. Артиллерист предлагал угол приблизительно в 45° . Нам же надо больше всего заботиться о защите фронта, ибо фланги можно опереть на дома. Выдвижение баррикады на три улицы тоже ничего не дает для улучшения нашего огня,—на все три улицы он будет косо-прицельный. Положение же стрелков в таком укреплении на три улицы будет нестерпимое: становясь боком к брустверу, они будут открывать себя для огня атакующих при фронтальном нападении; при перекрестном же огне пули будут приходиться в спины стрелков противоположной стороны угла; при артиллерийском огне в подобном укреплении удержаться уже никак невозможно, не возведя целого ряда добавочных укреплений, что мы сделать не можем.

Из этих соображений ясно, как невыгодны для нас треугольные баррикады; самая выгодная форма, конечно, прямолинейная, тем более, что фланги упираются

в дома. Эта форма хорошо закрывает стрелка, дает меткий фронтальный огонь, допускает стрельбу без прицела (что при косом бруствере невозможно), положив ружье прямо перед собой. Это очень важно при ночных атаках. Затем весь городок баррикад (рис. 4) тов. Бывш. Артиллериста невыгоден по следующим причинам: сообщение по линии невозможно: оно подвергается продольному обстрелу. Сообщения следует делать зигзагообразные, но с этим возиться не стоит. Все вместе взятое носит характер замкнутого укрепления, в роде редута; современное военное искусство начинает отказываться от такого типа укрепления: один удачный снаряд может нанести защитникам страшный урон, а для обстрела они представляют лучшую цель, чем простые окопы.

Решительно отвергая план тов. Артиллериста, я предложил бы след. группировку: выбрать подходящий квартал и занять его с четырех сторон (рис. 6).

Эта система имеет один недостаток, присущий и раньше разобранной системе: пули, направленные, положим, в баррикаду 2, перелетевши через нее, будут поражать защитников 4-й баррикады; против этого можно возводить тыловую насыпь, задний траверс (рис. 2), и устраивать возможно дальше баррикады друг от друга: это гарантирует от тыловой шрапнели. Но, принимая в расчет, что всякое нападение с двух или более сторон ставит защитников в тяжелое положение, нам надо сосредоточивать силы против обходов,— не вести пассивную оборону баррикад, давая инициативу и свободу действия врагу, а так располагать и передвигать наши силы, чтобы гарантировать себя от обходов; это, конечно, задача вождей восстания, и они не должны забывать об ней. Напр., Васильевский остров будет в наших руках, если мы забаррикадуем Больш. и Средний проспекты и линии, подходящие к

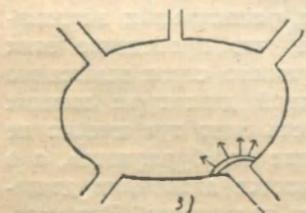
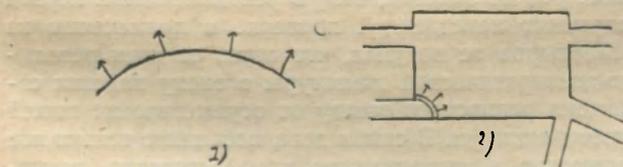

Рис. 7.

мостам,— а это огромная и важная для нас часть города. Для занятия больших открытых мест, напр., площадей, надо применять дугообразные баррикады: они дают очень хороший равномерно рассеянный огонь по продолжениям радиусов (рис. 7). На рис. 7 чертеж 1) представляет баррикаду, стрелки обозначают направление огня; чертежи 2) и 3) изображают приложение подобных баррикад к защите площадей; выпуклость дуги надо делать сообразно с мест-

ностью, руководясь принципом, чтобы огонь атаки не пересекал бы баррикаду в двух точках.

Иногда бывает нужно защищать какой-нибудь важный пункт, напр., мост и другой переход через реку; тогда надо придать укреплению форму вогнутой дуги, центром которой будет защищаемый пункт; такая форма дает сильный перекрестный огонь (рис. 8). Такая дуга может быть составлена из нескольких баррикад, надо только заботиться, чтобы все эти отдельные баррикады имели бы своим центром защищаемую точку (рис. 9). Эти отдельные баррикады должны покрывать защищаемый пункт сильным огнем, а потому они долж-

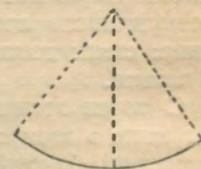

Рис. 8.

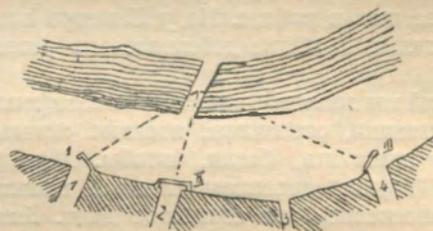

Рис. 9.

ны быть от нее не дальше 300 шагов,—чем ближе, тем лучше будет огонь. Бока баррикад I и III должно закрыть от продольного огня короткой, но высокой и толстой насыпью. При всяких группировках баррикад мы не должны их скучивать; если (как, например, 3-я улица на рис. 9) какое-нибудь место обстреливается с других баррикад, не стоит тратить сил на его укрепление.

Я остановился так долго на группировке баррикад, так как считаю своей задачей не только исправить вкравшиеся ошибки, но дать положительные данные. Тем более, что отсутствие военных знаний в революционной среде просто поразительно. Попуно я отмечу один важный пункт: у нас царствует убеждение, что можно строить баррикады из камней, мебели и т. п. предметов. На самом деле такая защита принесет лишь вред: почти не задерживая пуль, эти материалы способствуют рикошетированию, а при ударе артиллерийского снаряда дают массу осколков, которые будут поражать защитников. Баррикаду можно строить только из сыпучих тел: песку, земли, в крайнем случае из дерева, обсыпанного землей; это надо помнить революционерам и запастись не только оружием, но и землекопным инструментом.

Пожалуй, тем, кто прочтет в № 11 «Вперед» инструкцию генерала коммуны Ключэрэ, который совсем отказывается от баррикад, может показаться, что все разговоры об укреплении улиц излишни, что захватывать дома проще и лучше.

Но надо принять в расчет, как заметила редакция «Вперед», что все сказанное им относится к особым условиям: эта инструкция сложилась под впечатлением борьбы войск с коммунарами; тогда солдаты, вместо того, чтобы прямо наступать на баррикады, проламывали стены и проходили сквозь дома. В России подобный способ действия невозможен; чтобы это понять, надо лишь представить себе, с одной стороны, полупустой, разрушенный двумя осадами Париж, сжигаемый отсут-

пающими коммунарами, а с другой,—наши города с колеблющимися обывателями. Ни мы сжигать частные дома, ни правительство их разрушать не решится: кто начнет такую политику, тот будет разбит под давлением возмущенного населения. И технически огромная разница: стены домов в России раза в три толще, чем во Франции.

С точки зрения тактики, засесть в домах тоже невыгодно: в этом случае можно оказать отчаянное сопротивление, бороться «один-на-один», как говорит Ключезэ, но победить нельзя. Мы, разделенные на группки, не сможем выбить войск из города; это можно сделать лишь наступая массой стратегически (захватывая новое поле битвы), быстро строя баррикады и ведя за ними тактическую оборону. Отступление в дома—это последнее средство, чтобы дороже продать свою жизнь, а не шаг к победе. Но у Ключезэ важно не это частное мнение, а общие действительно революционные идеи.

Из зданий мы должны уничтожить: телефонные и телеграфные станции, освещение, военные склады, если их не можем захватить, банки, штабы. Можно сжигать дворцы и другие правительственные здания, но это скорее развлечение, чем серьезное дело. Конечно, казначейства, банки и т. п. очень приятно захватить в свои руки, но надо принять в расчет, что это трудно и требует больших сил, а разрушить легко, стоит лишь послать специальных людей с бомбами, адскими машинами, зажигательными снарядами. В таких предприятиях частная инициатива приносит огромную пользу,—революционеры не должны забывать, что залог их победы в предприимчивости и смелости.

В. С. (В. Северцев).

Социал-демократия и временное революционное правительство ³⁾.

III.

В чем источник Мартыновской путаницы? В смешении демократического и социалистического переворота, в забвении роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелкобуржуазная масса городской и деревенской бедноты, «полупролетарии», полухозяички), в непонимании истинного значения нашей программы-минимум. Мартынов слышал, что социалисту неприлично участвовать в буржуазном министерстве ([когда пролетариат борется] за социалистический переворот) и поспешил «понять» это так, что не следует участвовать вместе с революционной буржуазной демократией в революционно-демократическом перевороте и в той диктатуре, которая необходима для полного осуществления такого переворота. Мартынов читал нашу программу-минимум, но не заметил, что строгое выделение в ней преобразований, осуществимых на почве буржуазного общества,

Борьба за право стачек ²⁾.

Уже давно возник в Италии вопрос о выкупе железных дорог государством для устранения безобразной эксплуатации железнодорожного персонала частными компаниями. Целые десятилетия тянется скрытая борьба, прорывающаяся по временам наружу, борьба между железнодорожными тузами, пользующимися поддержкой правительства и всей буржуазии, и служащими, связанными по рукам и ногам исключительными законами: железнодорожный персонал [поставлен в Италии] в положение солдат. В 1885 году была проведена так-называемая конвенция, т. е. законодательное упорядочение отношений между предпринимателями и рабочими на железных дорогах. Но эта конвенция с самого же начала не соблюдалась капиталистами. Произведенное в 1892 г. [обследование] разоблечило ужасную эксплуатацию, сопровождаемую безобразнейшим обращением. Министерство Цанарделли пыталось частью исправить злоупотребления железнодорожных компаний, но это была лишь полумера. Все сильнее и сильнее сознавалась служащими необходимость передачи [железных дорог] государству. Требование это было предъявлено министерству Джиолитти. Но законопроект Джиолитти, [внесенный в] парламент в 20-х числах февраля, вызвал бурю негодования среди пролетариата и сплотил его для борьбы. Новый законопроект по существу являлся половинчатым и неудовлетворительным, так как предполагал выкуп только части железных дорог и обходился молчанием целый ряд серьезнейших требований железнодорожных служащих. [Но главное], закон этот заключал в себе две статьи, особенно озлобившие рабочих. Чтобы судить о них, вот в главнейших выдержках § 71, касающийся стачек:

«Вожаки, помощники, организаторы соглашения между тремя или более лицами... имеющего целью вы-

в отличие от социалистических преобразований, имеет не книжное только значение, а самое жизненное, практическое; [он не заметил, что] в революционный период она подлежит немедленной проверке и применению на деле. Мартынов не подумал, что отказ от идеи революционно-демократической диктатуры в эпоху падения самодержавия равносителен отказу от осуществления нашей программы-минимум. В самом деле, вспомните только все экономические и политические преобразования, выставленные в этой программе, требования республики, народного вооружения, отделения церкви от государства, полных демократических свобод, решительных экономических реформ. Разве не ясно, что проведение этих преобразований на почве буржуазного строя немислимо без революционно-демократической диктатуры низших классов? Разве не ясно, что речь идет тут именно не об одном пролетариате в отличие от «буржуазии», а о «низших классах», которые являются активными двигателями всякого демократического переворота? Эти классы—пролетариат плюс десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелкобуржуазного существования. Принадлежность к буржуазии весьма многих представителей этой массы несомненна. Но еще более несомненно, что в интересах

звать... приостановку, прекращение службы или нарушить ее правильность, наказываются заключением от 1 до 6 месяцев. Если цель будет достигнута, наказание увеличивается от 6 месяцев до 1 года». Кроме того, тут же перечисляется ряд наказаний от штрафов до исключения со службы. Другой параграф касается обязательных третейских судов. Эти суды образуются из двух представителей от рабочих, двух от управления железных дорог (т.-е. из правительственных чиновников) и трех представителей от разных высших правительственных учреждений. Таким образом, правительство представлено 5 членами против двух от рабочих. И решение этого учреждения, состоящего по выражению итальянской соц.-дем. газеты «Avanti» («Вперед»), из 5 волков и 2 овец, имеет, согласно законопроекту, обязательный характер!

Понятно, какое впечатление должен был произвести на рабочих этот законопроект, стремящийся ввести в Италии русские порядки, провозгласить стачку уголовным преступлением. Правление социалистической партии тотчас же обратилось ко всему итальянскому пролетариату с прокламацией. Оно призывало его «поднять в стране такую агитацию, которая сделала бы невозможным существование правительства, начавшего свое существование лживыми похвалами свободе и стремящегося закончить его законопроектом, устанавливающим рабство итальянских рабочих». Точно так же и парламентская социалистическая группа постановила в экстренном заседании [бороться] всеми мерами против реакционного проекта. Представители железнодорожных служащих, собравшиеся в это время на съезд в Риме, немедленно приступили к организации протеста и приняли следующую резолюцию:

«Представители итальянских железнодорожных служащих заявляют, что всеобщая стачка в транспортной промышленности вызвала бы очень тяжелые бедствия для всей страны; поэтому они признают стачку крайним

этой массы лежит полное осуществление демократизма, и что чем просвещеннее эта масса, тем неизбежнее ее борьба за это полное осуществление. Социал-демократ никогда не забудет, конечно, о двойственной политико-экономической натуре мелкобуржуазной городской и сельской массы, он никогда не забудет о необходимости отдельной и самостоятельной классовой организации борющегося за социализм пролетариата. Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого, будущее, кроме предрассудков, рассудок», толкающий ее вперед к революционно-демократической диктатуре; [он не забудет], что просвещение дается не одной книжкой, и даже не столько книжкой, сколько самим ходом революции, раскрывающей глаза, дающей политическую школу. При таких условиях теория, отказывающаяся от идеи революционно-демократической диктатуры, не может быть названа иначе, как философическим [оправданием политической отсталости].

Революционный социал-демократ с презрением отбрасывает от себя подобную теорию. Накануне революции он будет не только указывать «худой конец» ее. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигант-

средством классовой самозащиты, а пока призывая железнодорожных служащих воспользоваться немедленно тем оружием, которое дает им точное и добросовестное применение служебного регламента, и держаться все время твердо, пока более крупная и более серьезная провокация правительства не заставит их прибегнуть к стачке. Относительно этой последней дает полномочие агитационному комитету, который просит ее, когда найдет это удобным».

Одновременно агитационный комитет обратился к всему населению от имени железнодорожных служащих с воззванием, в котором характеризовал отношение правительства к их требованиям и разъяснял, почему они вынуждены бороться против «произвола и политического подавления их прав человека и гражданина». В тот же самый день 12 (25) февраля началась на вокзалах в Риме обструкция, которая немедленно распространилась по всей Италии. Обструкция эта заключалась в том, что железнодорожные служащие приняли с буквальной точностью установленный регламент. И этого было достаточно, чтобы нарушить правильность железнодорожного движения в стране, загромоздить вокзалы сотнями и даже тысячами вагонов, сдвинуть невозможным тот самый порядок, для поддержания которого этот регламент был изобретен. На станциях скопляются сотни пассажиров, у кассы стоит бесконечный хвост, а кассир, согласно требованию регламента, тщательно осматривает кредитки, взвешивает золотые и серебряные монеты. Кассир не обязан менять деньги и давать сдачу,—и вот, десятки пассажиров вынуждены бежать в город, чтобы разменять более крупную монету и уплатить точную стоимость билета: и билет не выдается. Между тем время уходит, и в установленном правилами срок кассир прекращает продажу билетов. Однако, этим не оканчиваются мытарства [пассажиров]. При сдаче багажа повторяется та же история. Багаж тщательно осматривается и взвешивается,

скового опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, и никогда, светильник революционного света перед тем, и забитой массой, нам удастся,—благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных полетов Европы,—осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, что русская революция была [не] движением нескольких месяцев, а [движением] мног[их] лет, чтобы она привела не к одним только [мелким] уступ[кам со стороны] властей предрержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся,—тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся мелкобуржуазной реакции европейский рабочий поднимет свою очередь, и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда»,—поговорить не из далекого женева, а перед тысячами соборными рабочими на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

дленно пишутся квитанции и наклеиваются ярлыки, осторожно и аккуратно нагружаются на тележки вещи и увозятся к поезду. Но вот багаж ваш сдан. Вы направляетесь в пассажирский зал. У входа служитель внимательно проверяет ваш билет и осматривает ваш ручной багаж, и на это опять уходит несколько минут. Наконец, вы на платформе. Уже давно пробил час отхода поезда, но поезд еще не составлен. Вы видите, как дюжина здоровых рабочих с видимым напряжением гонит по рельсам пустой товарный вагон, чтобы очистить путь для паровоза, составляющего ваш поезд. Но вот, после бесконечного маневрирования, поезд составлен. Он подъезжает к платформе, а перед ним размеренным шагом идет составитель, размахивая фонарем, как этого требует регламент. Поезд подан, начинается его приемка кондукторами. Старательно записываются №№ вагонов, тщательно осматриваются самые вагоны изнутри и снаружи. Кондуктору кажется, что один из вагонов непрочен, он не берет его на свою ответственность. Тотчас же производится специальный осмотр вагона, наклеивается установленный ярлык, № вагона заносится в книгу. Поезд окончательно готов. В это время проводник замечает, что в спальном вагоне туго действует пневматический тормоз. Он заявляет, что регламент не позволяет ему ехать с таким вагоном. Прибегает агент спальных вагонов, весь красный от гнева, и заявляет, что он сам осматривал все вагоны и все нашел в порядке. Проводник невозмутимо настаивает на своем. Приглашаются кондуктора и начальник станции, внимательно осматривают тормаз и находят, что он действительно несколько туг. Вагон приходится отцепить. Опять начинаются бесконечные маневры [со всеми] предосторожностями.

И по всей Италии, на всех железных дорогах и на всех станциях начали систематически применять такую обструкцию. Результаты ее не замедлили сказаться. Поезда начали опаздывать на целые часы, расписание

хода поездов было совершенно нарушено, прибывающие поезда вынуждены были простаивать целыми часами за семафором, целый ряд поездов невозможно было вовсе отправить. Уже первый день в Риме было отменено двенадцать поездов, и запасные пути вокзала на протяжении 4 верст были заставлены скопившимися вагонами. То же самое повторилось во всех крупных центрах. Правительство, ожидавшее стачки, которая дала бы ему возможность подавить движение мерами насилия, совершенно растерялось, не зная, что делать. [Ведь] служащ[ие только] самым точным образом исполняют правила! Кстат[и] сказать, железнодорожные служащие в Италии, хотя и находятся в ведении частных предпринимательских компаний, рассматриваются как бы на военной службе. Они при вступлении на должность приносят присягу: «тщательнейшим образом наблюдать, чтобы законы, регламенты и приказы, касающиеся железных дорог, исполнялись безусловно и точно». Как же после этого выступить на законном основании против людей, «безусловно и точно» исполняющих свой долг? Правительство, несмотря на воскресенье, созвало экстренное заседание [парламента] с целью добиться чрезвычайных мер. Но парламент не пошел на этот раз за министерством. Он решил ждать событий... Тем не менее, правительство поспешило использовать те средства, которые находились у него в руках. Оно двинуло военные силы с целью запугать обструкционистов или вызвать их на столкновение. Так, в Неаполе были собраны все силы местного гарнизона и, кроме того, введены в порт три крейсера. Точно так же в Геную, сверх обычного гарнизона, было вызвано около тысячи солдат. В Ливорно власти установили на вокзале военные караулы с единственной целью провокации, так как порядок нигде ни разу не нарушался. С другой стороны подошла буржуазная пресса совместно с полицией: они начали кампанию частных провокаций. В то

IV.

Филистерам новой «Искры» и ее «властителю дум», нашему доброму начетчику Мартынову, чужды и странны, разумеется, такие мечты. Они боятся полного осуществления [нашей программы-минимум] путем революционной диктатуры простого и черного народа. Они боятся за свою собственную сознательность, боятся потерять указку по вызубренной (но не продуманной) книжке, боятся оказаться не в состоянии отличить правительные и смелые шаги демократических преобразований от авантюристских прыжков не-классового, народнического социализма или анархизма. Их филистерская душа справедливо подсказывает им, что при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решать сложные и новые вопросы, чем при рутине будничной, мелкой работы; поэтому они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом!»..

Неудивительно, что Парвусу, который так великодушно поддерживал новоискровцев, пока дело шло преимущественно о кооптации старейших и заслуженных,

тяжело стало, в конце-концов, в подобном болотном обществе. Неудивительно, что он стал испытывать в нем все чаще *taedium vitae*, тошноту жизни. И он, наконец, взбунтовался. Он не ограничился защитой смертельно перепугавшего новую «Искру» лозунга «организовать революцию», не ограничился воззваниями, которые «Искра» отпечатала отдельными листками, спрятав даже по случаю «якобинских» ужасов упоминание о социал-демократической рабочей партии*). Нет. Освободившись от кошмара премудрой Аксельродовской (или Люксембурговской?) теории организации-процесса, Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать «Сизифову работу» бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во времен-

*) Не знаю, заметили ли наши читатели характерный факт: среди кучи хлама, издаваемого новой «Искрой» в виде листов, были хорошие листки, подписанные Парвусом. Редакция «Искры» отвернула именно от этих листов, не пожелав упомянуть ни о нашей партии, ни о своем издательстве.

время как пресса очень недвусмысленно приглашала публику [действовать насильем] на железнодорожных служащих, переодетые полицейские вмешивались в толпу и провоцировали служащих ругательствами и всяческими оскорблениями. В виду этого [социал-демократическая газета] «Avanti» обратилась с особым воззванием, указывая публике, что по закону железнодорожные служащие являются чиновниками и что оскорбление их при исполнении обязанностей влечет специальное наказание. Служащим же «Avanti» рекомендовал не поддаваться на провокацию, вести себя сдержанно и в случае оскорбления составлять протокол, тем более, что само составление протокола, отнимая время, является хорошим средством обструкции. С своей стороны, железнодорожные служащие в Неаполе вывесили особое воззвание «К пассажирам», в котором, между прочим, говорят по адресу лиц, думающих угрозами и насильем «заставить нас не исполнять регламента»: «мы напоминаем этим лицам, что закон обязывает нас исполнять регламент, составленный нашим начальством, а потому мы предадим в руки закона всякого, кто попытается его нарушить... Если мы вследствие насилия некоторых лиц убедимся в невозможности исполнять спокойно нашу службу, если мы увидим, что сами пассажиры препятствуют охранению их жизни,—мы возложим на них ответственность за их поступки и оставим паровоз и поезд, где бы они ни находились». Наконец, в борьбу поспешили вмешаться местные власти. Запрещались собрания железнодорожных служащих, конфисковались листки и прокламации. Однако, ни угрозы, ни провокация, ни злостные завывания всей буржуазной прессы, не исключая и так-называемой демократической, не имели успеха. Многолетняя безобразная эксплуатация так озлобила железнодорожный персонал, что даже самые отсталые, неорганизованные элементы держались дружно. Даже отеческое воздействие железнодорожного начальства, выразившееся в перемещении особенно рев-

ностных обструкционистов на худшие должности и в подкупе других, разбились о солидарность рабочих. Лишь очень немногие поддались на подкуп в виде наград.

Обструкция, продолжавшаяся до 5 марта (20 февр.), прошла в высшей степени дружно и удачно. Число пассажиров пало до 35 проц. обычного их количества. Хотя отправка поездов в последние дни происходила уже с ничтожным опозданием против расписания, но эта правильность покупалась громадным сокращением числа пассажирских поездов и почти полным прекращением товарного движения. На большинстве станций груз малой скорости совсем не принимался. Отовсюду получались [одинаковые] сведения: на станции царит тишина и спокойствие, малочисленная публика терпеливо ждет своей участи, служебный персонал медленно и внимательно,—вполне по регламенту,—исполняет свои обязанности; пропала обычная суэта, замолкли [шум и] крики.

Результатом этой борьбы было падение лицемерного министерства Джюлитти. Тотчас же после его отставки агитационный комитет [выпустил] воззвание, в котором отмечал громадное значение моральной победы. Вместе с тем он приглашал прекратить обструкцию, вернуться к нормальным условиям жизни с тем, чтобы при первом же покушении нового министерства на права пролетариата выступить с новыми силами на борьбу и вести ее до окончательной победы. Обструкция прекратилась; но—это не мир, это—лишь перемирие, как говорит воззвание агитационного комитета. Судьба дальнейшей борьбы зависит от того решения, какое примет парламент относительно законопроекта Джюлитти. Парламентская комиссия почти закончила его рассмотрение, и в начале апреля он будет обсуждаться в палате.

Мы упомянули выше, что так-называемая демократическая пресса выступила тоже против обструкционистов. И не только пресса. В тот самый момент, когда социалистическая группа в парламенте постановила бо-

ном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед, не должна опасаться нанесения совместных «ударов» врагу рука-об-руку с революционной буржуазной демократией, при обязательном (очень кстати напоминаемом) условии не смешивать организации; врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.

Но чем горячее наше сочувствие всем этим лозунгам отвернувшегося от хвостистов революционного социал-демократа, тем неприятнее поразили нас некоторые неверные ноты, взятые Парвусом. И не из придирчивости отмечаем мы эти маленькие неверности, а потому что кому много дано, с того много и спросится. Всего опаснее было бы теперь, если бы верная позиция Парвуса была скомпрометирована его собственной неосмотрительностью. Именно к числу, по меньшей мере, неосмотрительных фраз в разбираемом предисловии Парвуса к брошюре Троцкого относятся следующие: «Если мы хотим обособить революционный пролетариат от других политических течений, то мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения» (это

верно), «быть революционнее всех». Это неверно. То есть, это неверно, если взять это положение в том общем смысле, который придан ему фразой Парвуса; это неверно с точки зрения читателя, который берет это предисловие, как нечто самодовлеющее, независимо от Мартынова и новоискровцев, не упоминаемых Парвусом. Если взглянуть на это положение диалектически, т.-е. относительно, конкретно, всесторонне, не подражая тем литературным наездникам, которые даже много [лет] спустя выхватывают из цельного произведения отдельные фразы и извращают их смысл,—тогда ясно будет, что это направлено Парвусом именно против хвостизма, и, постольку, это справедливо (сравни особенно последующие слова Парвуса: «если мы отстанем от революционного развития» и т. д.). Но читатель не может же иметь в виду одних хвостистов, и среди опасных друзей революции из лагеря революционеров, кроме хвостистов, есть еще совсем другие люди, есть «социалисты-революционеры», есть люди, вовлекаемые потоком событий, беспомощные перед революционной фразой, как Надеждины, или такие, у которых инстинкт заменяет революционное миросозерцание (в роде Гапона). Об них позабыл Парвус, и позабыл потому, что его изложение, развитие его мысли шло

роться всеми средствами против реакционного законопроекта, депутаты радикалы собрались тоже для обсуждения положений дел. На собрание явилось только шесть членов радикальной группы; но и эти шестеро ограничились принятием очень расплывчатого постановления. Решив поддерживать выкуп дорог в казну, они, правда, отвергли проект третейского суда и меры против стачек, но зато высказались тоже против «обструкции», оставив за собой право добиваться уступок в пользу железнодорожного персонала путем парламентских прений. Хорошим [объяснением] к этому решению служат статьи «Secolo», органа миланских радикалов, который упрекал железнодорожных служащих, что они «покушаются на свободу» и «играют на руку реакции», вместо того, чтобы поручить свою судьбу исключительно заботам крайней левой в парламенте», «Secolo» дошел до того, что упрекал обструкционистов, что они раздражают иностранных путешественников и восстанавливают против себя содержателей гостиниц! Не здесь ли корень радикальных принципов? Как и во время последней всеобщей стачки, так и теперь поведение радикалов показало, насколько правы были те, кто всегда [указывал на против] демократический и [противо] пролетарский характер политики этих, с позволения сказать, демократов.

На них, впрочем, и не рассчитывали железнодорожные служащие; та же общественная сила, на которую они рассчитывали—пролетариат—вполне оправдала их ожидания. Все рабочие организации Италии—социалистические и профессиональные—дружно поддерживали обструкционистов, посылая им со всех концов страны приветствия и пожелания успеха. В продолжение всей борьбы происходили многочисленные собрания по всей Италии: итальянский пролетариат понял, что проект Джиолитти посягает на права всего рабочего класса, и, как один человек, встал на защиту этих прав.

(В. Воровский).

не свободно, а связанное приятным воспоминанием о той мартиновщине, от которой он старается предостеречь читателя. Изложение Парвуса недостаточно конкретно, ибо он не считается со всей той совокупностью различных, имеющих в России, революционных течений, которые неизбежны в эпоху демократического переворота и, естественно, отражают классовую нерасчлененность общества в такую эпоху. Неясные, иногда даже реакционные, социалистические мысли совершенно естественно облекают в [такое] время революционно-демократические программы, прчась за революционную фразу (вспомните социалистов-революционеров и Надеждина, который, кажется, изменил только звание, перешедши от «революционеров-социалистов» к новой «Искре»). А при подобных условиях мы, социал-демократы, никогда не можем и не станем ставить лозунга: «быть революционнее всех». За революционностью оторванного от классовой почвы демократа, щеголяющего фразой, падного на ходкие и дешевые (особенно в аграрной области) лозунги, мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов, действительное содержание идеализируемых великих событий, уча трезвому учету классов и отнен-

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

В Гурии 4). Бесподобное по своей стойкости и сознательности движение среди крестьян Гурии займет одно из первых мест в истории пролетарского движения на Кавказе. Ныне вся Грузия живет одной жизнью с гурийцами, и нет, кажется, ни одного человека, который так или иначе не толковал о гурийском деле. Всего несколько лет назад, первый соц.-демократ занес слово правды и идею социализма в бедную хижину гурийского крестьянина,—и движение, созданное в Гурии за это короткое время, затмило собою чуть ли не движение даже мужественного грузинского пролетариата. Как ни как, но крестьянское движение в Гурии редкое явление во всемирной истории: это не обычный крестьянский бунт, а вполне сознательное политическое движение, всецело примыкающее к сознательному движению всероссийского пролетариата. Движение среди крестьян Гурии не могло, конечно, остаться незамеченным для правительства, и в Гурию посылается отряд в 10.000 человек под начальством человека-зверя генерала Алиханова-Аварского «для окончательного умиротворения края». Но военная сила не страшна для природного воина-грузина,—и вот вместе с войском в Гурию командирован член совета Главноначальствующего г. Султан-Крым-Гирей для исследования нужд гурийцев путем опроса крестьян. Пока войско расположено на станции Натанеби, г. Султан-Крым-Гирей путешествует по Гурии и собирает сведения от крестьян; он произносит льстивые речи, заискивает перед крестьянами, не скучится на посулы. В ответ крестьяне вырабатывают на сходках свои требования. Мы уже приводили на страницах «Вперед» требования Бахвского сельского общества. Теперь печатаем требования Шемокмедского сельского общества. Здесь на сход собралось до 600 крестьян; было много женщин и детей. Все смотрели бодро и смело; на их лицах светилась непоколебимая вера в правоту своего дела. Хотя некоторые и не выяснили себе вполне, как должна устроиться будущая жизнь, но все глубоко убеждены, что порядок вещей должен коренным образом измениться, что так жить дольше нельзя. Это убеждение является глубоко продуманным отношением к окружающей действительности. Крестьяне удалили старшину и писаря, затем выбрали двенадцать депутатов, депутаты постановили следующее решение: «Ни для кого не составляет тайны бедственное положение крестьян: земли у нас нет, доходов также никаких, а между

ков внутри классов в самые горячие моменты революции.

Точно так же неверны, и по той же причине, положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого не может быть, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктату-

тем, всевозможные повинности, подати и налоги и непосильный труд лежат тяжким бременем только на нас одних; мы продолжаем оставаться крепостными рабами. После падения крепостного права много крестьян осталось фактически неосвобожденными от крепостной зависимости, ибо у них нет совершенно земли, да если она и имеется, так в размере дес. 5 и меньше, и за этот жалкий клочок земли крестьянин принужден платить и деньгами и натурой — кукурузой и соломой — и в то же время быть во всякую минуту готовым сопровождать барина и прислуживать ему. Чтобы освободиться от этой зависимости, крестьянин вынужден брать деньги взаймы, но чем же ему выплачивать долг? Поэтому мы требуем немедленного освобождения временно-обязанных крестьян с землей на счет государства. Изнуренный от бедности крестьянин изнемогает от массы различных повинностей, лежащих только на нем одном. Караулить церкви, ремонтировать дороги, содержать в городе и при сельском правлении лошадей для чинов администрации, быть на побегушках рассыльным, — все это досталось в удел нам, а помещики, не ударяя палец о палец, предаются веселому и приятному времяпрепровождению. Нужно выехать куда-нибудь полицейскому чиновнику, богатому купцу или помещику, — тотчас же сгоняют нас ремонтировать дорогу и охранять их от опасности. Настает лето, городские жители выезжают отдыхать на дачи, а нас заставляют для них ремонтировать дороги; посылают нас на работу за 20—30 верст дня на 2, но обыкновенно работать приходится две недели без куса хлеба; хозяйство оставлено без присмотра, и нашим семьям нечего есть. Теперь выдумали для нас новую повинность: в селах-де появились социалисты, «вредные» люди, так не угодно ли нам следить за ними и ловить их. А нам откуда должно быть известно, кто эти «вредные» люди? как нам отличить «вредных» от других? Мы, ведь, не полиция! Церковь существует для всех, все пользуются ею: князья, дворяне, купцы и крестьяне, а драмовые деньги платим только мы; как-будто и без этого мало нас притесняют и разоряют попы; отдельно мы платим за крестины, за обедню, за причастие, — словом, при всяком удобном случае поп берет с нас деньги. Теперь попы выдумали новый источник доходов: кто венчается после 8 час. веч., платит 25 дуб.; они нам причастия не дают без денег, почему же мы еще должны платить и драмовые деньги? Мы требуем уничтожения этих особых повинностей (ремонтирование дорог,

караул церквей и т. д.), а если они необходимы, пусть будут обязательны для всех. Мы требуем также уничтожения косвенных налогов, например, на спички, керосин, сахар, одежду и т. д., которые всей своей тяжестью ложатся на бедных людей. В Батуме пуд керосина стоит 40 коп., а у нас от 1 р. 20 к. до 2 р., благодаря налогу. Наш керосин в границей стоит дешевле, чем у нас, продукты заграничного производства качеством выше русских, но их ввозу и сбыту препятствуют высокие пошлины. [Гирей перебивает: «Но ведь, пошлины на то и существуют, что поступающие этим путем деньги идут на удовлетворение государственных нужд...»] Нет, не в нашу пользу идут эти деньги, а в карманы богачей: мы и так слишком много работаем на богатых, да еще и пошлины платить в их пользу, — благодарим покорно. Есть и прямые налоги, как земельный налог, налог на содержание земской стражи и т. д., и они страшно давят и обременяют нас, а не помещиков, которые, владея большими угодьями, имеют возможность платить и вдобавок пользуются большими льготами для уплаты налогов. Мы требуем уничтожения и этих налогов и введения прогрессивного подоходного налога, при чем имущества, приносящие доход не свыше 500 р., не должны вовсе облагаться. При падении крепостного права крестьяне, выкупая наделы, освобождались от зависимости; деньги для выкупа брались в долг, который не может быть выплачен крестьянином, 'благодаря сильному росту, и, таким образом, земля попала кулаку... Поэтому мы требуем возвращения выкупных платежей. При страшной нужде у нас нет почти совсем денег; бросаемся из стороны в сторону и попадаем в лапы ростовщику, который взимает с нас чудовищные проценты, от 50 до 60 проц., и неудивительно, что теперь все занимаются ростовщичеством, в особенности купцы и попы, а подчас и крестьяне. [Гирей перебивает: «А не может ли притти к вам на помощь Государственный Банк учреждением ссудной кассы, которая ссужала бы вас деньгами за невысокий процент?»] А хотя и «невысокий», — из каких сумм уплачивать? И далее, если Госуд. Банк действительно хочет помочь нам, так вместо того, чтобы заставлять нас уплачивать различные подати и налоги и потом этими деньгами нам же помогать, не лучше ли вообще уничтожить все эти повинности, и тогда мы не будем нуждаться в помощи. Во время освобождения крестьян много отрезали от тех земель, которыми владели крестьяне, и

ры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии. Если пустозвон Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ. Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789—1793, а не 1848—1850-е годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их, это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных», народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же,

не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота.

И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отменяя от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную 20-го века арену борьбы за социализм.

(Н. Ленин).

эти отрезки остались в руках князей и дворян, так что теперь крестьянину на его клочке земли положительно все пути закрыты: нет ни дороги, ни воды, а помещик, пользуясь этим, всячески угнетает нас. Мы требуем возвращения отрезков крестьянам. Для отмежевания этих отрезков мы, конечно, не можем обратиться к дворянам, которые не возвратят добровольно своей земли; не выполнит этого и полиция, и потому мы требуем учреждения особых комиссий из беспристрастных лиц. Далее мы требуем понижения арендной платы, установление которой должно быть делом судов и т. д. Нуждаемся страшно, со всех сторон нас давят и гнетут, но не имеем права слово пикнуть; стоит нам заикнуться о нашей нужде, нас побьют и арестуют без всякой вины, в нас не видят людей. Мы требуем себе и всем угнетенным подобно нам человеческих прав, свободы и неприкосновенности личности и жилища. Хотим иногда собраться, обсудить свое положение, как помочь нашему горю, но это запрещено, это называется «бунтом», между тем как некоторые другие имеют право свободно собираться. Недавно, напр., в г. Озургеты помещики собрались, чтобы обсудить вопрос, какими мерами обуздать зарвавшихся «мужиков», но нам, крестьянам, не разрешили собраться и столкнуться, как защитить себя от «мер» дворян и князей. Стоит кому-нибудь сказать, что нынешнее правительство не годится, что такая-то повинность должна быть уничтожена, как его мигом арестуют. Некоторые из нас писали о нашем движении в газеты, но не напечатали по каким-то «независящим обстоятельствам». У нас распространяется много листов, в которых пишут очень хорошо; в них много поучительного и полезного для нас, но оказывается, что и это запрещено: кто попадается с подобными листками, того ссылают в Сибирь, сажают в тюрьмы. У нас должно быть право свободно собираться, говорить и писать, о чем нам угодно. Поэтому мы требуем свободы собраний, слова и печати. Требуем уничтожения паспортной системы, чтобы мы имели право свободного передвижения. Часто нам до-зарезу нужны деньги для уплаты долгов, хотим отправиться в город заработать несколько грошей, а нас не пускают, пока не выплатим долга и не возьмем паспорта. Слышанное ли дело? Денег нет, хотим в городе их заработать, а нам твердят: сперва уплатить деньги. Обидит ли кто нас, идем в суд, но для нас правосудия не существует. Судья нас не понимает, законы никуда не годятся, все обделывается взяткой и подкупом. Жалуемся в суд, а с нас требуют внесения каких-то пошлин, гербового сбора, но откуда нам взять деньги?... [Гирей перебивает: «Я слышал, что отправление правосудия сильно парализуется тем обстоятельством, что судьи не понимают местного языка»...] ...На зеркало нечего пенять, коли рожа крива. Язык не поможет, когда судьи и законы никуда не годятся. В Батуме (рассказывает один депутат) я служил садовником у садовладельца, который не додал мне 23 руб. Я—в суд, говорю: если он дал мне деньги, так у него должна быть от меня расписка в получении мною этой суммы, но садовладелец представил какую-то карманную книжку, и судья мне в иске отказал, и судья грузин... [Гирей перебивает: «Почему вы не обжаловали?»] На это пужны деньги, а их-то у меня не было. Нам не надо таких судей, мы требуем, чтобы судьи были избираемы народом. Для нас в нашей страшной нужде крайне необходимо образование, просвещение, чтоб рассеялся мрак невежества, чтоб мы могли увидеть, кто нам друг и кто враг, и выбиться из непосильной нужды: но необходимых для распространения грамотности денег у нас нет. И мы требуем всеобщего, бесплатного и обязательного обучения для детей обою пола до 16-летнего возраста. В государстве нашем много войска, которое содержится на народные деньги. Солдата отрывают от семьи, и последняя лишается рабочих рук; наших братьев берут в далекие губернии России, где наши не могут свыкнуться с климатом, нравами и обычаями и безвременно умирают. Заикнемся об этом,—нас окрестят «бунтовщиками» и наших братьев вышлют против нас же.

Не надо солдат, не надо войска! Не будем трогать других, и нас никто не тронет. Теперь война; говорят, что она вызвана нами. Чего мы полезли туда, что нам до японцев? Жалуются, что на Сибирскую железную дорогу затрачены миллионы, а Сибирь до сих пор не заселена; так нужно было сначала заселить край, а потом уж тратить такую уйму денег. Мы требуем уничтожения постоянного войска, и, если представится надобность, все выйдем защищать отечество. Нынешнее правительство не может удовлетворить наших требований; оно глухо к нашим нуждам, мы не имеем права требовать от него какого-либо отчета, даже заикаться об этом, если же заикнемся, нас не слушают, а бьют, арестуют, донимают экзекуцией; мы не можем говорить о своих нуждах, потому что у правительства один ответ для нас,—нагайка. Так жить нельзя. Правительство только тогда может быть хорошим, когда оно избрано и одобрено народом. Мы должны иметь право требовать от правительства отчета и контролировать его деятельность. Поэтому мы требуем, чтобы правительство избиралось народом всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, и так как всякий человек лучше осведомлен о нуждах своего родного края, мы требуем введения широкого местного самоуправления... [Гирей: «Вы должны уважать закон, пока он существует, и с доверием относиться к правительству»...] Как мы можем уважать закон, который существует для нас в виде нагайки! А когда мы относились с доверием к правительству, из этого ничего не вышло, наше положение только ухудшилось... На Рождестве губернатор сообщил, что едет к нам, и чтобы мы в 8 час. утра собрались к сельской канцелярии. Еще до рассвета мы все были в сборе, ждали, ждали и только вечером удостоились лицезреть его... Подкатил в экипаже, бежал в канцелярию, затем выскочил оттуда, прикрикнул на нас, в чем мы, мол, нуждаемся, и, не дождавшись даже ответа, умчался, укатил... Несколько раз мы жаловались на уездного начальника, приставов, но никто не обратил на нас внимания... Недавно послали бумагу относительно акциза «министру водочных дел» (так гирейцы называют министра финансов) и другому—об открытии закрытых библиотек, но ни один не удостоил ответа... Мы требуем того же, что и вся Россия... Все, что происходит у нас, наблюдается всюду... Этого не скрывал от нас и уездный начальник, грозя усмирить нагайкой всех и у нас, и в России. Наши требования имеют общий характер... Существующий строй должен коренным образом измениться и замениться новым, для чего необходим созыв Учредительного Собрания, представителей всего народа». — Что касается проявления революционного настроения, то я отмечу лишь следующие факты. В Кутаисе все средние учебные заведения и городское училище закрыты вследствие забастовки учащихся. Учащиеся предъявили политические требования. Забастовщики гимназисты, реалисты и гимназистки устроили политическую демонстрацию. В Чиатурах (Кут. губ. произошли громадные демонстрации рабочих. Убиты шпионы — Мхеидзе и Чхеидзе, убито также несколько стражников. Говорят, пехота отказалась стрелять в народ. В Очемчирах (Сухум. окр.) убит шпион, учитель городского училища Хорава. В м. Хони (Кут. губ.) забастовали учащиеся Городского училища и Женской Мариинской школы. В Имеретии, Мингрелии и Абхазии крестьяне запасаются оружием. Почти повсеместно приходится удерживать народ от открытого нападения на войска. В селах еженедельно происходят собрания. Полиция бессильна. 25 февр. привезли тело убитого в Самтредии пристава Чиквиладзе. На станции гроб встречали губернатор, чины полиции и казаки. Гроб несли дворники. Посторонней «публики» совсем не было.

Христианское братство борьбы. В № 11 «Вперед» мы уже отметили появление этой новой «партии». Теперь нам доставлен листок «К Обществу» того же братства. Новоявленные политические деятели вынуждены признать, что «до сих пор христианские начала... не были положены в основу общественных отношений, в которых церковь всегда (так!) играла недостойную роль и служила без-

божным целям государства». И теперь, почти через 20 столетий, наши христиане спохватились, что нужно поставить целью «активное проведение в жизнь начал вселенского христианства». Это начал-то смирения, терпения и суверенной надежды на воздаяние за гробом? Нет, — и самое «очищенное» христианство вредно. Взгляд соц.-дем. на христианство развит Бебелем, брошюра которого «Христианство и социализм» скоро будет выпущена в свет издательством «Вперед».

(М. Ольминский).

Французско-русские обычаи «подмазывать!». Под таким заглавием немецкая соц.-дем. газета Vorwärts поместила на днях чрезвычайно ценный документ: оригинал письма г-на Жюля Гуэн (Jules Guén), директора крупной машинной фабрики в Батиньоле (предместье Парижа), к чиновнику, служащему в одном из питерских министерств. Французская фабрика через посредство этого господина получила заказ на 114 локомотивов. Общая стоимость заказа (по 27.700 франков за локомотив) — 3 миллиона франков, т.е. около 1.200.000 рублей. За посредничество при доставке заказа благородный министерский чиновник (занимающий, вероятно, добавим от себя, довольно высокий пост) получает, как видно из письма, во-1-х, два процента с покупной цены. Это составляет [около 25.000 рублей] ⁶⁾. Из письма (которого мы не приводим целиком по недостатку места) видно, что из этой суммы 13.000 франков уже получены посредником, остальное выплачивается в разные сроки. Кроме того, изменения в обычном типе локомотивов для русских дорог оплачиваются особо. Представитель парижской фирмы в Петербурге обязуется заранее сообщить этому чиновнику, как высока эта добавочная плата, требуемая фабрикой. Если же чиновник «выручит» с русского правительства цену выше той, которую назначила фабрика, то разница достается, согласно условию, тоже ему, как «посреднику». Это называется в немецком переводе французского письма Vermittlungsgebühr «вознаграждение за посредничество». На деле же, разумеется, этим выражением прикрывается самое наглое мошенничество и казнокрадство, сообща по договору производимое французским капиталистом и русским министерским чиновником.

Справедливо говорит Vorwärts, что это письмо проливает яркий свет на русскую продажность и на то, как заграничный капитал извлекает выгоды из этой продажности. Письмо документально доказывает, какова обычная практика «деловых» отношений в цивилизованных капиталистических нациях. И в Европе повсюду проделываются такие вещи, но нигде не проделываются они так бесстыдно, как в России, нигде нет такой «политической безопасности» (безопасность от обнаружения) для продажности, как в самодержавной России. Понятно, — заключают немецкие соц.-дем. — почему европейская промышленность заинтересована в сохранении русского самодержавия с его безответственными чиновниками, тайно обделяющими ловкие делушки! Понятно, почему русские чиновники руками и ногами отбиваются от конституции, грозящей публичным контролем над администрацией. Можно себе представить по этому примеру, какие денежки «зарабатывает» себе русская бюрократия на русско-японской войне, — какие суммы попали хотя бы при продаже немецких океанских пароходов в России в карманы министерских чиновников в Питере! Народное бедствие — золотое дно для военных поставщиков и для продажных чиновников.

(Н. Ленин)

Ко всему обществу. 9-го января правительство убило сбрало маску, и даже для самых близоруких должно было стать ясным, что взять от него что-нибудь возможно только силой. 18-го февраля царь издал манифест, подстрекающий темные массы к нападению на все сознательные элементы общества, и в тот же день рескрипт, в котором, одновременно с попыткой обмануть общество обещанием, что будут призваны «достоинейшие» для участия в обсуждении законов, заявляется намерение правительства твердо удерживать за собой самодержавную власть. В Баку полиция организовала истребление армян, в Курске, Саратове и Казани — избивание детей, в Москве и Петербурге подготавливала избивание интеллигенции и отказалась пока от этого плана только потому, что он был преждевременно разоблачен. И всему этому не видно конца: Во-

оруженная сила самодержавия может быть сломлена только вооруженной силой масс. Социал-демократия приступает к вооружению пролетариата. Вооруженный пролетариат — единственная надежная защита свободы и культуры против темных сил самодержавия. Ценой потоков крови сорвана маска самодержавия, ценой рек крови будет достигнуто его крушение. Интересы общества требуют возможно широкого и возможно быстрого вооружения масс. Пусть же общество всеми силами помогает этой революционной работе, ради дела свободы, ради дела культуры, ради собственного, наконец, самосохранения. Пусть общество помнит, что материальные жертвования в настоящем сэберегут кровь народа и его кровь в будущем. Жертвуйте на вооружение!

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Студенческое движение. Считая излишним передавать известные из легальных газет подробности общественной забастовки, перепечатаем из студенческого соц.-демократического листка общую характеристику нынешнего движения в высших учебных заведениях.

«Могучее движение пролетариата, выступившего на политическую арену в 1901 году, разбудило весь народ. Начались революционные вспышки в деревне, зашевелилось и буржуазное общество, определяя свое отношение к завязавшейся борьбе между старой и новой Россией. Борьба разгоралась, и один за другим классовые и групповые интересы находили свое политическое выражение, одна за другой возникали политические партии и течения: реакционное, в виде «Русских собраний», либерально-конституционное, — земцев, демократически-конституционное — буржуазной интеллигенции и крайняя левая ее — П. С.-Р. В то же время прочно конституировалась и социал-демократия — политическая партия рабочего класса. Все это и обусловило изменение характера студенческого движения. Задача политического освобождения, резко выдвинувшаяся в 1901 г., отодвинула на задний план старый академизм, а последовавшее усложнение политической жизни поставило перед студенчеством вопрос о его целях, силах и средствах, обусловивших дальнейшее его революционное развитие в смысле дифференциации по политическим направлениям. Социальное положение студенчества, как части буржуазной интеллигенции, обусловило в свою очередь, преобладание в нем в настоящее время демократического направления над либеральным, часть студенчества примыкает к буржуазному демократизму всех оттенков, к которому влекут его все унаследованные традиции буржуазного происхождения и миросозерцания; другая часть переходит на сторону социал-демократии, захваченная мощным энтузиазмом пролетарской борьбы и строго-научной ясностью его идеологии. Таким образом, даже не вдаваясь в детали, можно видеть, насколько изменился характер студенческого движения со времен 1899 г., и насколько иное значение имеет теперь всеобщая студенческая забастовка: Тогда как раньше она была единственным и самостоятельным движением, теперь она лишь отраженное следствие общенародного революционного движения, сливающегося с ним и существующее в зависимости от него. Когда осенью 1904 г. под влиянием растущего народного недовольства, обостренного войной, самодержавие стало заигрывать с либеральными элементами, и начала развиваться демократическая оппозиция буржуазной интеллигенции, студенчество одним из первых потребовало прекращения войны и созыва Учредительного Собрания. Тогда было время резолюций; время формирования буржуазного общественного мнения. Но вот могучие январские всеобщие стачки пролетариата доказали, что дело русской революции находится в надежных руках, что падение самодержавия близко и неизбежно. И снова, на этот раз шире и решительнее, все прогрессивные слои русского общества выступили с политическими требованиями, аналогичными с требованиями пролетариата: созыв Учредительного Собрания на основе всеобщей подачи голосов сделался лозунгом момента. На этом фоне всеобщего возбуждения, под ярким впечатлением всеобщей стачки пролетариата, студенческое движение неизбежно должно было принять и приняло форму всеобщей студенческой забастовки, поддержанной сочувствием либерально-буржуазного общества, в том числе и профессорами. Таким образом, сходство с одиночным самостоятельным выступлением

студенчества в прежние годы имеет лишь формальный характер. Мы, студенты социал-демократы, поддерживаем это движение. Мы принимаем участие в идейной борьбе в среде студенчества, содействуя и там победе истинного демократизма под половинчатым либерализмом. Но, оценивая современное студенческое движение, как одно из порожденных борьбой пролетариата движений буржуазной интеллигенции, мы будем бороться против всего, что может сузить его пределы до пределов чисто-академического движения. Мы указываем и на недостаточность одной забастовки и зовем студентов к участию в разрешении исторической задачи данного момента, к подготовке всенародного восстания, к поддержке всеми силами истинной основы освободительного движения, — рабочего класса. 1905 г. марта 21-го.

Объединенная Социал-Демократическая Организация студентов С.-Петербурга. (Листок № 10).

Саратов. В дополнение к известиям легальных газет о демонстрации 17 марта в связи с банкетом врачей сообщаем некоторые подробности из письма товарища: «После банкета (в 2 часа ночи) публика двинулась по улице с пением марсельезы. Близ Немецкой улицы напали казаки, но встретили отпор. Вызванные солдаты без предупреждения дали холостой залп. Публика прибывала. Кто-то стрелял в полицеймейстера, но промахнулся. Отдан был приказ стрелять в ноги, но — странно! — никого не ранили. Около меня пуля ударила в стену. Часть публики загнали в Центр. гостиницу, но она спаслась черным ходом. На улице многих задержали.

Попы посредством «братских листков» и проповедей старательно возмущают народ против студентов и интеллигенции. Правительство думает этим запугать, но жестоко ошиблось. Движение вновь разгорается и разрастается. Все толкуют, что весной что-то должно случиться.

Из писем крестьян (Севск. и Глуховского уездов). Новостей у нас много. Началось это все из Сальницкой экономии, и пошло дальше. Разбили экономии: Сальницкую, Добропольскую, Дубовицкую, Хомутовскую, Сучкинскую, Казлицкую, Нестеровых, Сагаревую, Славовское, Хмельскую, Михайловскую, Позднышевскую, Тсковордовскую, Новикова, Подлинева. Все забирали: хлеб, овес, крупу, сало, даже резали свиней и увозили сельскохозяйственные орудия, уводили лошадей, быков, забирали по заводам спирт. Стреляли и палили местами хутора и заводы. Служащие экономий уходили, кто куда попало. Не могу даже всего описать, что здесь делалось. В настоящее время все прекратилось; понагнали солдат, приехал вице-губернатор. Теперь слышны крики и стоны тысяч душ. Крестьяне везут хлеб назад в экономии; другие прямо в поле высыплют в ложины и кто куда попало. Мужиков забирают сотнями, связывают веревками и отправляют с конвоем, а многих порют... Из другого письма... Началось из лесу, окончилось на экономиях. Разграбили и разбили все и повсеместно. Теперь мужичков стали связывать, пороть и отправлять в город, а дальше не могу знать. Из Салевского забрали 65, Доброго Поля 55, Калиновки 4, Сучкиной 6, Троеборного 8. Теперь приказало начальство везти назад все, что было взято, но крестьянам жаль везти назад, и вывозят куда кому попало по полю...

От ред. Крестьянское движение, судя по сообщениям в легальных и нелегальных газетах, проявилось за последний месяц в губерниях: Черниговской, Орловской, Самарской, Саратовской, Курской, Киевской, Тамбовской, Екатеринославской, Бессарабской, Витебской, Тифлисской, Кутаисской, Псковской, Люблинской, Варшавской, Калишской, а также в окрестностях Двинска, Митавы, Юрьева и Виндавы.

(М. Ольминский).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Охтенская бумагопрядильня. Мы представили программу наших заявлений в управление фабрики, как велел инспектор. Мы требовали, чтобы администрация фабрики не прибегала к уловкам, чтобы состоялось совеща-

ние комиссии из рабочих с администрацией фабрики и была учреждена постоянная комиссия из рабочих, которая бы совместно с администрацией разбирала все претензии рабочих; мы требовали изменения расценок, уменьшения рабочего дня, учреждения школы и библиотеки и многое другое. Управляющий фабрикой положил нашу программу себе в карман. Потребовали инспектора, сколько дней ждали, ему все некогда. Тогда мальчики «мыльного» отделения идут в контору и заявляют, что не выйдут, пока не придет инспектор. Управляющий усевещивал, грозил, они стояли на своем. Он хуже рассердился и приказал остановить фабрику. Весь народ собрался в конторе. На другой день вышли опять на работу. Тогда приехал в 8 час. утра инспектор, прямо в контору, со слов директора составил протокол, вызвал потом 6 рабочих, говорит: «Ну, ребята, расскажите, в чем у вас вчера было дело? Только, пожалуйста, поскорей, меня ждут на Невской ниточной». И правда: его звали к телефону, только с ниточной или нет, — неизвестно. Условились притти к инспектору через неделю в канцелярию. Приходят 5 февраля, он начал подшучивать: «Это хорошо, что вы просите 8-ми часовой день: будете 8 работать, 8 спать, 8 на свои потребности. А вы забыли, что вам кушать-то и некогда». Но ему так заявили рабочие, что приходится менять тон. В конце-концов, многое пообещала администрация. Рабочие, довольные обещанием, прогуляли 19 февраля, как праздник освобождения крестьян. 21-го вышли на работу. Объявления нет никакого. С обеда заявили протест и кончили работу. Администрация только тогда вздумала, что обещала и вывесила свое резюме на наши требования: 1) тара будет проверена в присутствии прядильщиков; 2) потерпевшим рабочим будет выдаваться половина заработка; 3) в рогуличном отделении будет особый смазчик, но только для станков и веретен; валики должны работники чистить и смазывать сами; 4) попудная плата будет распределяться при отсутствии рабочего из комплекта пары мюль-машин между работающими; 5) всем будет уплачено за полдня 3 февраля, — и еще другие мелочи.

Не правда ли, хорошо? Чего еще нам надо? По губам помазали, а в рот не попало. Смотрите: 1) мы и так имели право проверять тары; 2) не знаем, каких потерпевших подразумевают: пострадавших от увечий или прогнанных за забастовку? 3) половина уважена, а помощники на большие машины и забыли; 4) и не разберешь; 5) мы и так знали, что они должны уплатить, потому что сами остановили фабрику. По прочим пунктам так же разували да посулили. — Рабочие не шли на работу; тогда хозяин вывесил объявление об отказе от работ всем. Рабочие к инспектору, тот говорит: идите на работу, расчета никому не будет. Вышли, а управляющий двонх, а потом еще 8 человек прогнал. Рабочие к градоначальнику, но хозяева оказались правы, а мы виноваты, зачем бунтовали. Фабрика и теперь путается: кто работает, кто получает расчет, и все чего-то ждут.

Петербург. На бумагопрядильне Воронина вывешено объявление, что 18-го марта фабрика будет остановлена и все рабочие — рассчитаны. Рабочие вызывали хозяина и инспектора и требовали продолжения работ. Хозяин ответил: «если сдерете с меня шкуру, и то не уступлю». С 18-го предполагают держать фабрику закрытой с неделю, потом будет произведен прием новых рабочих. Предполагают заменить мужчин женщинами. (Выпущен листок). Путиловские заводы решили ждать три месяца. Если не будут удовлетворены все требования, то директору Смирнову — не показываться на завод. Рабочие журнала «Нива» забастовали. 5 дней не работают. Требования экономические. В конце февраля 17 рабочих по металлу, арестованные после 9-го и сидевшие в тюрьме, что на Казачьем, высланы в Новгородскую губ. (не на родину).

Нижегород. Нам доставлена рукопись — письмо сормовских портных к своим нижегородским товарищам-портным по поводу забастовки портных в Сормове и Нижнем (март 1905 г.). Рукопись очень объемиста (4 листа) и целиком не может быть напечатана; мы изложим лишь ее содержание и приведем из нее некоторые выдержки. Так как по конспиративным условиям сормовские и нижегородские портные не могли собраться вместе, то сормов-

ские устроили свое отдельное собрание, где, «единодушно обсудивши весь ход событий, переживаемых Россией, вынесли резолюцию такого решения: заявить нижегородским товарищам два протеста. Шлем привет нижегор. товарищам и просим выслушать наше мнение!».

«Услыша, что в Нижнем товарищи устраивают собрания вместе с хозяевами, хотя и мелкими, но все-таки собственниками, даем протест против такого союза. Мы согласны будем идти с ними рука-об-руку только тогда, когда они станут такими же пролетариями, как и мы, а пока еще они являются такими же клопами-эксплоататорами, как и крупные буржуа. Разница для нас очень и очень маленькая: отъевшийся ли это нашей крови большой клоп или только наедающийся, что и доказал вам уже, как мы слышали, этот ваш союз. Господа клопики уже опередили вас и, с своей стороны, подали петицию в фирму Аникина, к большому клопу: если-де вы нам не набавите столько-то на штуку, то мы, хозяйчики, вынуждены будем присоединиться к общей забастовке портных. Из такого заявления не ясно ли нам, товарищи, что за милые господа наши хозяйчики! На нас они надеются, как на каменную стену, и под угрозой нас выклянчивают у толстого клопа себе подавание. Невольно встает вопрос: а если он сочтет нужным удовлетворить их требование? Не ясно ли, что тогда они скажут: в случае забастовки мы уж будем все вместе подавлять ее, и если это сумеем, то вместе посмеемся! Вот девиз всех буржуа, как крупных, так и мелких, и это, товарищи, для нас, сознательных, не должно быть сюрпризом. Второй протест мы вынуждены подать своим товарищам против задуманного ими плана ходатайств через ремесленную управу. По-нашему она просто притон организованных грабителей. Кто из вас, товарищи, не будет согласен с этим названием, то мы спросим его, на что она ему нужна и что дает ему? К чему и зачем кормим мы еще эту кучку негодяев, разве мало сидят у нас на шее негодяев? Пусть он посмотрит ремесленную книжку и прочтет все пункты ее устава, он убедится, что они, как путы, опутывают ремесленника-рабочего по рукам и ногам. Мы должны, дружно сомкнувшись в ряды, требовать полного изгнания этой шайки и замены ее wybranymi из нас же рабочими-депутатами, которые не позволяли бы производить сделки кабального характера. Если и будет приглашение туда вас, рабочих, то и то нужно сперва хорошенько подумать и оградить себя хорошими гарантиями и тогда уже идти. Это здание (учреждение) всегда может служить ловушкой. Вот наше первое мнение».

Далее говорится о необходимости требовать не 10-ти часового, а 8-ми час. рабочего дня, указывается на нецелесообразность таких требований, как разрядное жалованье и пр. «Да и что все эти мелкие требования значат,—пишут сормовские портные,—в сравнении с теми, которые встанут в теперешнее время... «Так ясно за последние дни раскрылось рабочим, что не чисто-экономическим путем мы добьемся победы, а чисто-политическим. Видя, как рушится старое здание самодержавия и как взялась либеральная партия, чтобы завладеть правлением, мы, рабочие, должны все точно так же сплотиться в Р.С.-Д.Р.П. и повести армию пролетариата на приступ самодержавия. Окажемся ли мы в силе, нам покажет после произведенной демонстрации полная забастовка в Нижнем. Если она только разразится, нас поддержат в прочих городах. Тогда мы уж объявим себя открыто, забаррикадовав улицы. Мы вступили на так долгожданное поле революции; если мы, рабочие, не успеем воспользоваться этим моментом, то опять уклонимся в ожидательное положение. Пора, пора кончать, товарищи! Но если после демонстрации не вспыхнет обща́я забастовка, мы будем довольны тем, что сделали, что могли. Тогда, товарищи, мы всегда успеем устроить стачку с чисто-экономическими требованиями. Но чего добьемся мы, нам видно из борьбы петербургских товарищей. Да и кто не бастовал? Если считать, так надо почти всю Россию назвать». «Да, товарищи, мы не должны ждать город города, а должны каждый из нас первый показать, что готовы мы к бою; пора, чтобы наш грозный клич дошел до идущих за нас на каторгу товарищей. Мы должны ясно понимать, что дух бодрости сосланных героев поддерживает не семикопеечный пай, выдаваемый им всероссийским эксплуататором Николаем 2-м,

а надежда, что вот-вот донесется наш клич, что посеянные ими семена дали плоды». Не встает ли вопрос, для чего сеют люди листки про 1-е мая, долуй войну, да здравствует политическая свобода? Не для того ли, чтобы мы, прочитав, поняли, а понявши, стали требовать, соединившись в одно целое, и изображали из себя не массу забитого неученого войска, как то, что послано на Дальний Восток, а армию сознательных организованных пролетариев, достойных носить имя социал-демократов? Еще раз повторяем, что чисто-экономической борьбой мы ничего не добьемся... «На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ!— вот мнение, вынесенное сормовскими портными на состоявшемся 1-го числа собрании, но являясь, как меньшинство, перед нижегородскими товарищами, мы с большинством голосов будем всегда солидарны».

Ярославль. Положение рабочих на всех трех табачных фабриках очень тяжелое. Всего рабочих около 800 человек. Большая половина мужчины, главным образом, из окрестных деревень, остальные женщины. Страшно низкий культурный уровень и собачьи условия жизни сильно мешают соц.-дем. работе. Но все же животворно-революционное учение Маркса радостно принимается рабочими. О здешней форме борьбы с капиталом можно судить по следующему рассказу рабочего:

«Набиваем мы, а сил нет уж совсем: сухо, формы узки, малы. Просим приказчика: сделай милость, перемени формы, а то тяжко. А он нам: «Не сдохнете, чай». А мочи прямо нет. Ну вот я и решил действовать, как следует. Станок мой за печкой, и меня не видно, вот я еще присел, да как крикну: «Бросай работу, ребята! Не мираться же!» Кричал я так, кричал, глядь один за одним и походили из-за станков. Ну, шум, натурально. Пришел хозяин, приказчик: «Что вам ребята?» «Так и так, мол». А приказчик Подчищалов его поддерживает. Ну мы тоже уперлись, и переделал подлец формы». Дальше таких мелких столкновений борьба пока не идет, хотя приказчик Подчищалов такой мерзавец и подлец, что рабочие его собираются бить.

Лучше идут дела среди типографщиков. Это интеллигентный, развитый народ.—«На вас, как на передовых рабочих, лежит задача организации ваших отсталых товарищей, и только рядом с вами, рука-об-руку, мы добьемся свободы. Нам не на кого надеяться. Наша надежда, это мы сами—рабочий класс». Когда эти слова были произнесены агитатором на собрании, то все, как один человек, заявили: «Да это так! Мы понимаем это. Мы будем работать». И сейчас же один наиболее развитой товарищ развил мысль о необходимости организации для того, чтобы рабочие и глухих углов, в роде Ярославля, могли оказать поддержку восставшим товарищам крупных центров».

Рыбинск. Резолюция: «Мы, организованные рабочие г. Рыбинска, обсудив те условия, которые вызвали отказ наших петербургских товарищей от участия в комиссии Шидловского, выражаем им свое одобрение. Будучи вместе с ними убеждены, что улучшение положения рабочего класса невозможно без свержения самодержавия, мы считаем необходимым созыв Учредительного Собрания на основах всеобщего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права».

Харьков. Приветствую III съезд Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. Я, русский рабочий, от души желаю ему закончить созидательную работу партии, не удавшемуся на II съезде. Надеюсь, что члены III съезда, наученные горьким опытом конца 1903 г. и всего 1904 г., будут политически зрелыми, отказавшимися как от старой кружковщины, так и от личных симпатий к тому или другому вождю партии или какой-либо организации,—чего, к сожалению, не сделали делегаты II партийного съезда. В этом я вижу одну из причин, повлекших партию к фактическому расколу, чрезвычайно вредно отразившемуся на работе членов партии, которые чуть ли не целиком тратили свою энергию не на борьбу с заклятым врагом русского народа, а на борьбу с своими же товарищами социал-демократами за ярлычек большинства или меньшинства. Новоискрывцы указывают на то, что, якобы, наши организации

становятся заговорщическими и теряют связь с массой. Нет, не потому они теряют связь, а потому, что, несмотря на долгий опыт, не научились дорожить еще связью.

Всякое трение в комитете быстро отражается на периферии и ее деятельности. Агитационная работа в массе начинается итти спустя рукава. Зато разгораются прения в самой периферии. Может это и хорошо, вырабатываются две-три ораторских способности. Но тут же менее сильные духом товарищи разочаровываются и уходят от движения в сторону, а таких средних или малых сил в организации значительное число, и потерю для партии, как связь с массой, они составляют огромную.

Вышеизложенное мне пришлось самому пережить в конце 1902 г. в киевской организации. И больно было видеть, как таяла наша организация не по дням, а по часам. Многие ценные работники, потратив на бесплодную борьбу свои силы, удерживая от раскола организацию, принуждены были бросить работу, не желая принять участия в расколе. Спасли организацию рабочие центры, так как видели, что борьба должна быть политическая, а не чисто-экономическая, как того хотела некоторая часть комитета,—и нашли лекарство от раскола; это лекарство — революционное право: свергли комитет в его целом составе.

Итак, товарищи, бойтесь раскола партии, он ведет к ослаблению наших сил и унижению пролетарской партии. События надвигаются довольно быстро, а готовы ли мы к участию в них? Нет, не готовы! Показали Петербургские кровавые дни, что отдельные члены партии немного могут сделать там, где нет крепкой организации.

Теперь укажу на один факт, который партия до сих пор упускала из виду,— это то, что до сих пор члены организаций, уходящие новобранцами в армию, совершенно герялись из виду. А между тем, они могли бы помочь нам завязывать связи в тех частях армии, куда их бросает царское самодержавие, и думаю, что, пожалуй, облегчили бы в критический момент добычу оружия из arsenалов. Да здравствует единая Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Одесса. (Машиностроительный завод Рестеля). Работает там 100 чел., в числе цехов работают и мальчики, от пятнадцати до 16 и 17 лет. Жалованье им сперва ложат 15 коп. в день, а потом прибавляют каждый год 5 коп., да еще и то по усмотрению: если шибко бегают перед фабрикантом и побольше наваливает на себя какой-нибудь ноши, а именно, мастеру дров принести и так же хозяину; а что касается обращения с мальчиками, то, конечно, как с животным, даже не раз попадает по шее от мастеров. Рабочий день 10 часов, от 7 и до 6 с перерывом 1 час на обед. И над всеми цехами управляют мастера, прожившие там на заводе по 15 и 20 лет и не сознающие ничего, совершенно темные; и вот они стараются как можно больше садиться на шею рабочего и этим они заслуживают честь и славу своих хозяев: чем больше нажмут они рабочих, тем скорее им прибавят жалованья. А что касается аккордной при поштучной работе, то так: когда им нужна спешная работа, то они тогда навязывают насильно аккордно работу, а цену назначают сами мастера, какую сами хотят, а если рабочие говорят, что за эту цену невозможно такую вещь делать и требуют прибавить им расценку, так господа мастера сейчас угрожают тем, что—хотите работайте, а не хотите, так за ворота, где есть вашего брата достаточно. Подмастерья волей-неволей начинают работать. И даже так приходится, что работают до десяти часов ночи и воскресные дни за одно и то же жалованье, т.е. за ту плату, которую назначил мастер. Это все потому, что фабриканту нужно выполнить на известный срок работу, а если кто не является в воскресенье на работу или вечером не остается работать, так либо штрафуют, либо совсем расчитывают. А когда кончают эту спешную работу и заказу нет, то они заставляют работать $\frac{3}{4}$ дня, при чем и урезают плату, когда при целом, т.е. полном рабочем дне, рабочий живет полуголодный. Но вот из всех мастеров есть из лучших мерзавцев столярный мастер, он же и модельный, которого можно назвать по имени Владимир Гаприх. Вот один пример может указать его зверства: в одно время мальчики носили на носилках модели, и так как нужно скоро, то мастер велел побольше набирать, так что там было больше 6 пудов; конечно, при

такой тяжести 15-летние мальчики не могли же бегать. Фабриканту не нравилось, что они не бегают бегом, и пришел сказал мастеру. В это время зашли мальчики в мастерскую, тут сейчас при фабриканте мастер набросился на одного мальчика, как тигр, и начал его бить кулаками. Можно себе представить, как фабриканты натравливают мастеров на людей, а они бросаются, как бешеные собаки. Этого мальчика выгнали за ворота. Но что касается заработной платы взрослым, то она вот какова: одну третью часть рабочих удовлетворяют, а остальным нищенскую плату дают, а именно: тех удовлетворяют, которые живут 15 и 20 лет на фабрике, держат сторону фабриканта и передают все то, что рабочие говорят против мастера или фабриканта; им цену дают от 1 руб. 50 к. и до 1 руб. 70 и 80 коп. в день, а остальным вот какое жалованье: от 80 коп. и до 1 руб. 10 коп. в день. Конечно, молодежь имеет совсем другое настроение, потому что они чувствуют на себе гнет; хотя они и несознательные, а все-таки за всякую неправду валят беду на правительство. Получку получают каждую неделю, при чем с каждого рабочего оставляют за один день заработной платы залог, а что это за залог, то рабочий совсем не знает, почему с него оставляют этот залог. Очевидно, для того, чтобы вести легче оборот на рабочие деньги или для обеспечения штрафов. Нужно особенно обратить внимание на этот залог. Более ста человек рабочих, то это найдется каждую неделю больше как 150 р. денег рабочих. Что же касается воздуху в мастерских, то просто невыносимо, все это устройство старое, целую зиму в холодных мастерских рабочие мерзнут. Грязно в высшей степени. Воздуху совсем нет. В особенности столярная мастерская на втором этаже очень низкая, одна крыша, потолка совсем нет, и кругом веет, так что рабочих много болеет, а летнее время эта крыша разогреется от солнечных лучей, и там люди задыхаются; и вот при этой мастерской находится склад леса, рядом и под этим складом как-раз кузнечная мастерская, так что сквозь пол из кузнечных горнов весь дым идет в этот склад, но каждому столяру приходится итти в этот склад за лесом, и конечно, нужно поневоле глотать дым, так что положительно человек задыхается от такой атмосферы. А что же касается грамотности рабочих, то они почти все грамотные. А если придется разобраться с тем, что он сам прочел, то он ничего не понимает, исключая сознательных рабочих, а сознательных рабочих найдется там человек 15, и из этих 15 человек есть пятеро активных рабочих, словом, берутся за дело энергично.

Еще относительно штрафа, то почти каждый день штрафуют: за куренье штраф, если застанут; а затем штраф за порчу работы, штраф от 50 к. до одного рубля.

Рабочий.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Л. А. Яковлев. Издыхающий молох самодержавия все еще требует жертвоприношений. 11 марта правительство преступной рукой записало на кровавых скрижалях русской революции еще одно дорогое имя, имя нашего товарища студ. С.-Петерб. Ун-та Льва Александровича Яковлева. Весной прошлого года покойный вступил в ряды борющегося под знаменем Р.С.-Д.Р.П. пролетариата. 2-го мая он был арестован в Василеостровском саду и в начале декабря приговорен царским судом к годичному заключению за разбрасывание первомайских прокламаций. Зверское избиение при аресте, бесчеловечное обращение тюремной администрации, продолжительное одиночное заключение — оставили неизгладимые следы на его душе. Истязание в июле прошлого года в Д. П. З. тов. Дюкена окончательно сломало его впечатлительную натуру. К каждому стуку, к каждому крику, гулко проносающемуся под сводами тюрьмы, нервно он прислушивался, ежеминутно ожидая появления своры надзирателей для жестокой расправы. Вошел он в тюрьму молодым, 20-летним юношей, полным сил, энергии и жажды борьбы, вышел из нее

психически больным человеком. Тотчас по освобождении (в янв. 1905 г.) т. Лев изъявил желание принять вновь участие в революц. работе. Разобравшись в партийных разногласиях, он стал агитатором Городского района С.-П. Б. Комитета. 10 марта Яковлев говорил агитационную речь в рабочем кружке, 11 марта товарищи, взломав дверь комнаты, нашли его повесившимся. В предсмертной записке он так объясняет свою кончину: «Я умираю не потому, что я изверился в святые заветы. Нет! Далеко не потому! Вера есть, но сил нет претворить ее в дело; буквально нечем жить, весь как-то издерган. И вера, и убеждения, — все отрывается, делается рассудочным, желания отмирают, какая-то стенка отделяет меня от внешнего мира. И вот, меня берет безразличие, неспособность в должной мере реагировать на впечатления, с должной энергией браться за дело. А для борьбы нужны свежие, мужественные, сильные; отчаяние — не мужество. Итти на подвиг — это не кончить самоубийством. Да простят меня товарищи, что я накануне славной битвы малодушно дезертирую».

Товарищи! Пора закрыть нескончаемо-длинный ряд мортиролов русской революции. Еще один последний натиск, и диким оргиям преступного самодержавия будет положен конец. Вперед! За работу товарищи! Кровь павших обязывает. Да здравствует вооруженное восстание!

Екатеринослав. Из арестованных здесь 11 февраля на освобождении 33-х все освобождены 11 марта, за исключением 4-х.

14-го марта освобожден привлекавшийся по делу «Искры», после 15-месячного заключения, Махлин. Арестованный в Вильно под фамилией Бок, он в течение 6 месяцев скрывал свою настоящую фамилию. Все попытки жандармов заставить его назвать себя оставались безуспешны; тогда они прибегли к последнему средству. Дело его было передано следователю окружного суда для ведения следствия по обвинению в бродяжничестве. Его переодели в казенную одежду, и в Луганской тюрьме, где он тогда содержался, началась голодовка политических, продолжавшаяся более 13 дней. Не желая затягивать ее, Махлин назвал свою фамилию. За время заключения он голодал три раза, в общем счете 34 дня. В последний раз он начал голодать, требуя освобождения; на 6-й день голодания к нему присоединилась большая часть политиков (около 30 человек), и после 3-дневной общей голодовки он был освобожден под залог в 200 рублей.

Харьков. В конце февраля здесь разбиралось дело: соц.-дем. рабочего Богданова, соц.-рев. Тили и студента Федорова (обвинялся в распространении «Освобождения»). Богданов осужден на 8 месяцев крепости. Тиль и Федоров оправданы.

Второе дело отложено за неявкой обвиняемого соц.-рев. Морковина, который бежал. По этому же делу привлекаются Плесский, Иванецкий, студ. технолог Короткевич и Якушевский (п р е д а т е л ь).

Пинега. (Из частного письма). Попы и полиция ведут очень деятельную агитацию против политических. Следствием такой агитации явилось крайне сильное возбуждение крестьян. На днях группа крестьян в 35—40 чел. произвела нападение на политических. Но политические ссыльные оказали вооруженное сопротивление. Произошла свалка. Один политический был слегка избит. Нападавшие потерпели поражение: один тяжело ранен, многие контужены.

ИЗ ПАРТИИ.

Харьков. Харьковский Комитет посылает своего делегата, поручая ему принять участие в съезде в том случае, если будут даны гарантии, что комитеты были своевременно извещены о съезде и, таким образом, имели фактическую возможность послать своих представителей. Иначе говоря, делегат Харьковского Комитета примет участие в съезде, только убедившись, что если какие-нибудь комитеты не представлены на съезде, то не по вине О. К. (Резолюция Харьк. Ком.).

Одобрив инициативу О. К. Б. в деле созыва 3-го съезда, необходимость которого настойчиво диктуется современным политическим моментом и положением дел внутри партии, X. Группа посылает свое приветствие съезду. Главная задача съезда, по мнению группы, — консолидация партии на почве единой строго принципиальной тактики и централизованной организации. Группа высказывает пожелание, чтобы эта консолидация была достигнута путем товарищеского убеждения, чтобы съезд по возможности привел к соглашению, а не только к механическому объединению существующих фракций. (Резолюция Харьк. Гр. Б.).

Петербург. Резолюция Объединенной Соц.-Дем. Организации студентов СПб по вопросу о созыве 3-го съезда. Принимая во внимание: 1) что в настоящий революционный момент партии, более чем когда-либо, необходимо тактическое и организационное единство; 2) что это единство в корне подорвано дезорганизаторской деятельностью «меньшинства»; 3) что единство партии возможно восстановить исключительно путем 3-го съезда и 4) что отказ партийных центров исполнить волю большинства комитетов и созвать съезд вынуждает партию действовать помимо них, — Об. С.-Д. Орг. Студ. СПб приветствует энергичный почин Бюро Ком. Большинства, выражая ему свое доверие.

Резолюция Самарского Ком. Принимая во внимание остроту переживаемого момента, Сам. Ком. большинством 3-х голосов против 2-х высказался за съезд, видя в нем единственный способ прекращения дезорганизации партийной работы. Он выражает свое доверие Орг. Ком. (Бюро К-ов б-ва), высказывая желание, чтобы в случае согласия Ц. К., О. К. передал ему свои полномочия по организации съезда.

Уам. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Февраль 1905 г.

Р. С. Два члена Сам. Ком. против съезда высказались потому, что в случае анархического поведения редакции «Искры», не считают возможным устранить анархию путем противопоставления старой ред. и союрге — новой ред., как это было на втором съезде.

Резолюция Северного Комитета. С.-К. выражает свое удовлетворение по поводу того, что Ц. К., наконец, сдался требованиям созыва 3-го съезда, и полагает, что привлечение Ц. К. будет гарантировать более полное представительство на съезде в том смысле, что отсутствие его может отвлечь часть разномыслящих с нами по организационным вопросам комитетов от участия в съезде. В виду этого С. К., считая необходимым, чтобы съезд явился общепартийным, а не съездом только части партии, предоставляет Организационному Бюро войти с Ц. К. во все те соглашения по совместному созыву съезда партии, какие О. Б. сочтет целесообразным и соответствующим нашей насущной задаче — сохранить единство партии. Мы уверены, что съезд на первый план поставит обсуждение тактических и организационных тактических вопросов, выдвинутых современным политическим моментом.

Резолюция Смоленского Комитета. Выслушав делегата Бюро Комитетов Большинства и агента Ц. К. Смоленский Комитет признал, что III съезд партии является необходимым преимущественно для выяснения вопросов тактики и политики настоящего революционного момента, и отправляет на съезд своего делегата.

Резолюция фармацевтов. Собрание поручает существующей организационной группе заняться организацией Общерусского Союза фармацевтов. Для более успешного достижения этой цели собрание предлагает группе обратиться за помощью к Петербургскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. и выпустить воззвание ко всем фармацевтам. Собрание поручает существующей орган. группе выработать устав Союза и предложить его на утверждение существующим фармацевтическим группам. (За—23, против—14, возд.—10).

Заявление. «Голос Труда» считает себя органом Московского Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии, при чем отношения между данным органом и Московским Комитетом

устанавливаются следующими пунктами: 1) «Голос Труда» помещает руководящие статьи принципиального характера, агитационного, хронику российского рабочего движения, перепечатывает из социал-демократической прессы соответствующие статьи и материалы. Примечание: партийной «внутри» политики «Голос Труда» отнюдь не помещает. 2) В редакцию «Голоса Труда» входит член Комитета с правом безусловного «вето» по статьям принципиального характера. Междурезиденционные отношения берет на себя комитет, принимая на себя организацию доставки хроники и распространения «Голоса» среди российского пролетариата.

Московский Комитет, признавая «Голос Труда» своим органом, будет помогать ему всеми зависящими от него средствами. Принято единогласно. — Моск. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Петербург. Собрание 6 марта ответственных организаторов при СПб Комитете констатирует, что разногласия, 1½ года терзающие партию, роковым образом отражаются на местной работе, и Р. С.-Д. Р. П. в настоящий важный исторический момент не может вполне удовлетворительно, благодаря этим разногласиям, выполнять лежащую на ней историческую миссию — защищать классовые интересы пролетариата и «рискует раздробленной и бессильной попасть в поток великих событий, рискует потерять тогда политическую честь и проиграть дело пролетариата». Выборы в комиссию Шидловского, при которых на некоторых заводах, именно в силу разногласий, прошли выборщиками «зубатовцы»; намерения, отчасти реализованные, освободивцев завязать свои связи в рабочей среде, — яркие иллюстрации насущной необходимости покончить с партийным кризисом. Мы, принципиальные сторонники большинства, давно указывали на единственно возможный выход из этого кризиса, на съезд. Теперь, находясь у порога этого съезда, полагаем, что он может и должен покончить со смутой в Партии. Это и голос всей, решительно всей петербургской организации. Считаю, что меньшинство не представляет из себя однородной фракции, указываем на то, что 1) соединение со входящими в состав меньшинства отжившими элементами с.-д., экономистами, рабоче-дальцами, окончательно победившими жизнью и временно, благодаря разногласиям, опять поднявшими голову, — возможно только при полном их подчинении револ. соц.-дем.; 2) соединение с меньшевиками, принципиальными сторонниками новой «Искры», которая, несомненно, сделала отдельные уступки, особенно тактического характера, оппортунистическому крылу с.-д., не изменив все же коренным образом общего мировоззрения, возможно после детального обсуждения вопросов революционной тактики, чем, прежде всего, должен заняться съезд и наконец, 3) соединение с теми социал-демократами, которые входят в меньшевистскую фракцию и не разделяют последних планов новой «Искры», мы даже теперь не видим никаких препятствий: необходимо выяснить только недоразумения, которые в конечном счете лежат в основе нашего расхождения; между нами нет ни принципиальных, ни тактических, ни организационных разногласий.

Среди широких масс пролетариата за последнее время стала весьма популярна идея вооруженного восстания, преддверие которого должна служить всеобщая политическая стачка. Есть основание предполагать, что, как бы затихшая, волна всеобщих стачек вскоре поднимется вновь: широкие массы пролетариата, по крайней мере в СПб-ге не успокоились, трудно даже теперь удерживать отдельные заводы от бесплодной растраты сил: война, общие неурядицы российской жизни оказывают глубокие воздействия на эти массы. Возможно, что к маю вновь вспыхнет такая же стачка, как в январе. Необходимо заранее подготовиться к ней, а подготовка, кроме самой интенсивной организации пролетариата, заключается теперь и в приобретении оружия, имея которое наиболее активная часть пролетариата могла бы достать оружие из арсеналов, оружейных магазинов широких массам, вступившим в ряды революционной боевой армии. В виду этого необходимо выделить особую организацию для доставки оружия, и по мере получения его на местах, вооружать организованных рабочих, входящих в особые боевые кружки по 5—10 человек. Задерживать на складах в отдельных городах оружие

не имеет смысла. Необходимо заранее научить вооруженных владеть огнестрельным оружием, для чего следует далеко за городом устраивать вышеупомянутым кружкам стрельбу в цель.

Считаю главной и первой задачей всеобщей стачки прекращение всей жизни в городе, мы все же полагаем, что необходимо оставить открытыми в больших городах водопроводы и хлебобеканни. Необходимо считаться с тем, что отсутствие воды и хлеба обречет на полную голодовку именно бедноту, которая в силу своего материального положения не будет в состоянии сделать достаточные запасы предметов первой необходимости, а с другой стороны, лишение воды и хлеба не может не действовать деморализующим образом как на ту часть пролетариата, которая принимает пассивное участие в стачке (и этим на самую стачку), так и на многочисленную мелкую городскую буржуазию (половина голосов организации высказывается и за закрытие хлебобеканен). Что же касается организационных вопросов, которыми предстает заняться съезду, то мы вполне солидарны с Б.К.Б., и 1) поддерживаем § 1 устава, как сформулировал его тов. Ленин, так как считаем, что именно теперь, в боевое время, более, чем когда-либо, необходимо точное установление границ партии, и 2) высказываемся за один центр, работающий в России, что, с одной стороны, обеспечит от повторения борьбы центров, а с другой — даст действительно сильный, осведомленный во всем и не оторванный от самой работы центр. В заключение, выражаем уверенность, что съезд, окончательно ликвидировав смуту в партии, даст ответы на все те вопросы, которые выдвинуты самой жизнью со времени 2-го съезда, и надеемся, что мы вновь будем представлять из себя сильную и грозную партию как для умирающего царизма, так и для всяких буржуазно-либеральных демократических партий, наших временных союзников, об условиях соглашения с которыми позаботится съезд.

Эта резолюция принята и Городским районным комитетом со следующими изменениями: 1) Считаю, что меньшинство не представляет из себя однородной фракции, указываем на то, что возможность разрыва с правым оппортунистическим крылом меньшинства (рабоче-дальцы, экономисты), в виду коренного принципиального различия наших позиций, вполне допустима, мы убеждены, что такой разрыв вполне жизнен; но, принимая во внимание, что это крыло меньшинства под влиянием уроков жизни лучшего учителя соц.-дем. может отказаться от своей отжившей точки зрения, мы будем приветствовать их, как и всех товарищей, усвоивших точку зрения революционной социал-демократии. 2) Считаю главной и первой задачей всеобщей стачки прекращение всей жизни в городе, мы все же полагаем, что необходимо оставить открытыми в больших городах водопроводы, так как отсутствие хорошей воды прежде всего отразится, как на самих рабочих, так и мелкой буржуазии, моральная поддержка которой во время революции весьма желательна. Закрытие хлебобеканен в начале стачки необходимо. Когда же начнется ощущаться нужда в хлебе, возможно будет, экспроприровав мучные припасы, открыть хлебобеканни и раздавать хлеб в рабочих кварталах.

Кроме того, Гор. районом уже принята единогласно следующая резолюция: «Признавая, что «Искра» изменила той позиции, на которой она должна была стоять на основании директивы 2-го съезда, мы выражаем благодарность руководителям «Вперед» за то, что они поддерживают, отстаивают и обосновывают эту позицию и считают этот орган своим руководящим органом». Присутствовали 1) отв. орг. низ. (инт.), 2) помощ. орг. низ. (инт.), 3) орг. низ. под-районов (4 раб.), 7) орган. фармацевт. подр. (фармац.), 8) отв. пропаг. района (инт.), 9) отв. агитат. района (инт.) и 10) секретарь района (инт.).

СПБ Комитет Р.С.-Д.Р.П. и ответственные организаторы всех шести районов единогласно признают «Вперед» своим руководящим органом.

Петербург. Резолюция, принятая собранием агитаторов Петербургского и Выборгского районов (11 голосов за, 1 воздержался).

В виду того, что Россия окончательно вступила в фазу революционного кризиса, когда организованность пролетариата является необходимым условием его выступления,

партийная дисциплина—единственной гарантией от пагубного разброда, товарищеская солидарность—последней апелляционной инстанцией в разногласиях, мы, принципиальные сторонники большинства, находим настоящее положение Р.С.-Д.Р.П. невыносимо тяжелым; трату партийных сил на дискуссии по вопросу об организационных разногласиях в то время, когда этих сил недостает для обслуживания растущего шири и вглубь пролетарского движения, находим громадной; обособленность и антагонизм «большинства» и «меньшинства» деморализующим наших товарищей-рабочих, а потому, видя возможным конец разногласиям на III партийном съезде, и только на нем, и полагая, что созыв в такое горячее для партии время может с избытком быть оправдан результатами его, мы приветствуем III партийный съезд, выражаем надежду на объединение партийного «большинства» с той значительной частью «меньшинства», которая не уклонилась окончательно в сторону оппортунизма и по существу тактических и организационных планов не расходится резко с «большинством» (в частности по вопросу о земской кампании и вооружении масс), и заявляем ему о нашем непреклонном требовании, чтобы решения III съезда были обязательны для всех партийных работников (как «большинства», так и «меньшинства»). Обсуждение вопросов, намеченных в извещении Бюро Ком. Б-ва, мы считаем желательным и необходимым.

Настоящая резолюция также принята единогласно технической группой при Выборгском и Петербургском районах и 2-мя лицами и из центральной техники. (Всего 8 человек).

Петербург. Мы, рабочие организованные С.-П. Металлического завода, принадлежим к членам Р.С.-Д.Р.П.,—большинства и меньшинства. Мы, рабочие, выносим свое недовольство, так как у нас получились 2 интеллигентные группы, то мы не находим фактически возможности работать в организации, и поэтому мы требуем от той и другой партии объединения в одно целое.

Товарищи! Вы заварили кашу, о которой даже рабочий пролетариат не мечтал, и теперь нам приходится говорить о большинстве и меньшинстве. Товарищи! Терзайте нас, что мы грубы, но мы должны высказаться вам с открытым сердцем: не подло ли это будет, не позорно ли: у нас по всей России, во всех городах и селах льется наша братская кровь рабочего пролетариата, а вы еще стали разбираться в недоверии один к другому? Пусть же, товарищи, льется наша братская кровь, а вы, товарищи, разбирайтесь об меньшинстве и большинстве! Теперь не время, товарищи, разбираться!

Товарищи! Еще требуем от вас объединения и ожидаем с нетерпением. Товарищи! Если это не осуществится, то тогда—у нас нет интеллигентного пролетариата, если он и был, то теперь его нет: они продали рабочее движение капиталистам! Да здравствует рабочий пролетариат!

Группа рабочих металлического завода.

От ред. Мы печатаем эту резолюцию товарищей-рабочих, как характерное проявление того настроения, которое при известных условиях может охватить значительную часть борющегося пролетариата. [Несомненно, что раскол партии—особенно тайный раскол—приносит неисчислимы беды рабочему движению. В России, как видно из вышеприведенной харьковской резолюции, есть меньшевики, гораздо добросовестнее относящиеся к партийному долгу, чем заграничники. Это же доказывает и новая декларация ЦК совместно с БКБ. Пожелаем еще раз успеха последней попытке объединения].

(М. Ольминский и Н. Ленин).

Одесса. (8-го марта) Как видно, наше меньшинство объявило партийное большинство на военном положении, в 24 часа на расстрел. Встречаю товарища из меньшинства, подаю руку, он отворачивается: «Я вам руки не подаю».—Почему, позвольте вас спросить?—«Да потому, что вы большевики».—Чем же заслужили такую немилость?—«Да тем, что выражаются некрасиво: как это можно говорить, что меньшинство в своей дезорганизаторской работе не останавливается даже перед подкупом малосознательных рабочих? Чем это они подкупают: деньгами или штофом водки?»—Позвольте товарищ,—говорю я,—как это водкой или деньгами? А брать бессознательную массу, которой чужды еще

все партийные течения, указывать, что большинство—самодержавное чиновничество, что оно не дает самостоятельно рабочим, что оно хочет выработать кучку людей, которые будут руководить всей массой да говорить притом, что меньшинство такое доброе, что дает прямо-таки золотые горы и полную самостоятельность,—разве это не подкуп? Ежели вы, товарищ, скажете, что не подкуп, то это обман. А водка и деньги остаются в стороне. Надо полагать, такой подкуп и имели в виду; а вам неприятно слушать, так вы бы не поступали так.—Но интеллигент мой рассердился не на шутку и говорит: «Они не о таком подкупе думали. Остается одно, что подкуп выражался деньгами или штофом водки. Так ли это?»—Так или нет, не знаю. Одно, что всем видно, так это полное отсутствие доверия друг к другу, полное отсутствие товарищеских чувств, без которых невозможна никакая совместная работа. Все взоры направлены на эти проклятые раздоры, а самое главное остается незатронутым. Каждый старается завоевать уже завязанную связь, а остальное пусть прахом идет. В литературе недостаток, и все благодаря этим позорным для нашей партии расколам. Полноте, господа, пора за ум взяться, пора прекратить всякую смуту. И так все пальцами указывают! Меня, как рабочего и социал-демократа, возмущает и прямо-таки убивает всякую охоту к работе, когда приходится видеть, как оправдывается пословица: паны дерутся, а у хлопов чубы болят. И всему этому не видно конца. Я думаю, что может положить этому конец только третий съезд, против которого восстанут почему-то все меньшевинцы. Я же, как рабочий, не могу оставаться спокоен, когда вижу, как разрывается на части наша рабочая социал-демократическая партия. Юстрой болью отдается в сердце не только у меня, а у каждого честного работника, которому дороги рабочие интересы. Поэтому прошу и настаиваю, чтобы был созван третий съезд. Тем товарищам, которые стоят за третий съезд, мой товарищеский привет! Которые против, тем выражаю несолидарность, больше—недоверие, в деле освобождения народа. Рабочие групповики, пропагандистский кружок в 10 чел., выслушав мои доводы, присоединяются к моему письму и требуют созыва третьего съезда для прекращения всяких смут в партии.

Рабочий.

В редакцию «Вперед» поступили листки, изданные: Центр. Ком. Постановление 4-го марта о созыве съезда. Пет. Ком. Ко всему обществу. Объед. соц.-дем. орг. студ. Пет. Листки № 10 и 11. Харьк. Ком. Карточка, распространенная в засед. юрид. общ. 19-го марта, с требованием созыва Учред. Собр. Бакинским Ком. 1) Отчет за февраль; 2) Ко всем бакинским рабочим (№ 27); 3) Ко всем железнодорожным служащим (№ 34); 4) Открытое письмо губернатору Накашидзе. Костром. Гр. Сев. Ком. 1) Вставайте, граждане (переп. из «Искры»); К товарищам (из л. изд. Моск. Ком.); 3) Ко всем костромским рабочим и работникам. Митавск. Гр. 1) К учащимся; 2) «Встревожилось начальство».

Сверх того, поступили листки, изданные: 1) Организацией «Вооруженное Восстание»—К оружию, граждан! 2) «Христ. Братством Борьбы»: К обществу (с прилож. краткой программы). 3) «Группой заводских рабочих» в Пет. листок с призывом долой забастовку! долой агитаторов! да поможет нам бог! (Этой же группой были выпущены листки с призывом бить студентов соц.-демократов).

Отчет Парижской Группы Р.С.-Д.Р.П. (от 1-го декабря по 1-е марта 1905 года). Продажа литературы и абонементы 704.75. Пожертвование на «Вперед» от Х. через W. 5.000. Взносы 4.50. С рефератов 579.50. По подписным листам: на издание соц.-дем. литературы 32.25, на нужды восстания 301.85, в пользу стачечников 325.75. Итого 1.998 f. 60 c.

Последние издания «Вперед»: Докладная записка Лопухина с предисловием Н. Ленина, цена 50 с. Коммунистический манифест, цена 50 с. В. Воинов. Как петербургские рабочие к царю ходили, цена 25 с.

Печатаются: 1) Царь и народ. 2) Бебель. Христианство и социализм. 3) Бакинские преступления царского правительства.

Из отчета Бакнинского Комитета за февраль. Поступило 1.382 р. 86 к., в том числе с митингов 447 р. 85 к., из Вологды стачечникам 120 р., от слесарей Гор. района 26 рубл. 28 к., от конюшников 9 р. 35 к., от сапожников 3 р. 30 к., по подписным листам 494 р. 30 к. Израсходовано 1.323 р. 85 к., в том числе на технику 393 р. 50 к., на мусульманское издательство 45 р., поддержка товарищей безработных и работающих в организации 316 р. 16 к., на отъезд разным лицам 145 р. Издано за февраль 14 листов в количестве 41.200 экз. Кроме того, 6 разных листов для разных групп, количество экземпляров не указано.

Опечатка. В № 13 «Вперед» сказано, что Петерб. Комит. от Б. С. получено на стачку 37 р.—следовало сказать: 375 рублей.

В виду увеличения размеров газ. «Вперед» Экспедиция считает необходимым изменить подписную цену газеты. Подписка на 4 №№ будет стоить 1 фр. 10 с.=90 пф.=22 цн.=10 пнс., 8 №№—2 фр. 20 с.=1 м. 80 пф.=44 цн.=1 ш. 8 пн.; 12 №№—3 фр. 30 с.=2 м. 70 пф.=66 цн.=2 м. 6 пнс.; 16 №№—4 фр. 40 с.=3 м. 60 пф.=88 цн.—3 ш.4 п.; 20 №№—5 фр. 50 с.=1 д. 10 цн.=4 ш. 2 пн.; 24 №№—6 фр. 60 с.=5 ш. 40 пф.=1 д. 32 ц.—5 ш.

Экспедиция «Вперед» просит гг. подписчиков, живущих в Америке, производить уплату не чеками и не почтовыми марками, а мандатами.

Отдельным приложением к настоящему номеру «Вперед» выходит «Проект устава партии» товарища Н. Ф. и статья тов. В. К. об аграрной программе ?).

П р и м е ч а н и я .

Прим. 1. Статью редактировал тов. Ольминский.

Прим. 2. Тоже.

Прим. 3. Тоже.

Прим. 4. Прямые скобки, стоящие в этой корреспонденции, не указывают редакторства. Они имеются в тексте газеты.

Прим. 5. В газете число десятин также пропущено; рукопись же не сохранилась.

Прим. 6. В рукописи в этом месте выведена следующая формула: $\frac{27.700}{100} \times 114 \times 2 = 63156$, т.-е. 25 рублей». Заметку редактировал тов. Ольминский.

Прим. 7. Статьи вышли отдельной брошюрой в приложении к № 15 „Вперед“. См. ниже.

Российская
Социалдемократическая
Рабочая Партия

ВПЕРЕДЪ

Пролетарія всѣхъ странъ
соединяйтесь!

№ 15.

ЖЕНЕВА. 21 (7) АПРѢЛЯ

1905 г.

Аграрная программа либералов.

В легальных газетах довольно давно уже было напечатано сообщение, что в Москве состоялось совещание земских деятелей, съехавшихся из разных местностей России. «Московские Ведомости» пробовали-было даже поднять шум по этому поводу, крича о допускаемых правительством в России революционных съездах, о необходимости съезда монархической партии и т. д., но никто серьезного внимания на эти крики не обратил, потому что полиция теперь слишком много дела с волнениями гораздо более серьезного порядка. Земцы же, повидимому, не вышли из рамок обычных конституционных пожеланий. Их совещания представляли из себя, однако, значительный интерес в виду того, что они охватили аграрный вопрос. Приводим целиком те положения, которые приняты были, по газетным сведениям, большинством голосов съезда:

«1) Государственное вмешательство в экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрных отношений. 2) Правильная постановка аграрного законодательства обуславливается коренным преобразованием (??). 3) Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на следующих началах: I. Улучшение экономического положения земледельческого класса путем обязательного выкупа из частновладельческих земель необходимых прирезок в интересах малоземельных групп разных категорий (разработка этого вопроса поручена нескольким лицам). II. Признание государственным земельным фондом казенных и части удельных земель; увеличение этого фонда путем покупки и выкупа частновладельческих земель и эксплуатация его в интересах трудящегося населения. III. Упорядочение условий аренды путем государственного вмешательства в арендные отношения. IV. Образование общественно-государственных посреднических комиссий для проведения в жизнь аграрных мероприятий согласно вышеуказанным началам. V. Правильная постановка на широких началах переселения и расселения, облегчение пользования различными видами кредита, реформа крестьянского банка и содействие кооперативным предприятиям. VI. Коренной пересмотр межевого законодательства в видах облегчения, ускорения и удешевления размежевания земель, уничтожения чересполосицы частновладельческих и наделных земель, обмена участков и т. д.»

Прежде чем разбирать по пунктам эту чрезвычайно поучительную программу, остановимся несколько на ее общем значении. Несомненно, что один уже факт выступления с такой программой представителей помещичьего класса доказывает нагляднее длинных рассуждений, что Россия отличается какой-то крупной осо-

бенностью по сравнению со всеми западноевропейскими сложившимися капиталистическими нациями. Вопрос в том, какого именно рода эта особенность? Состоит ли она в полу-социалистическом общинном строе и соответственно этому в отсутствии у нас буржуазной интеллигенции и буржуазной демократии, как думали старые социалисты-народники и как думают отчасти «социалисты-революционеры»? Или она состоит в обилии крепостнических пережитков, которые опутывают нашу деревню, делая невозможным широкое и свободное развитие капитализма и порождая народническое настроение как-раз у элементов буржуазной демократии? От этого вопроса сколько-нибудь думающие социалисты не позволят себе отделиться уклончивыми отговорками, или ссылками на абстрактность и теоретичность вопроса, неуместную, якобы, в революционную эпоху, или указанием на факт крестьянских восстаний, достаточно объясняющий помещичью предупредительность. Уклончивость или беспринципность в теоретических вопросах как-раз в революционную эпоху равносильны полному идейному банкротству, ибо именно теперь нужно продуманное и твердое миросозерцание для того, чтобы социалист владел событиями, а не события владели им. Ссылка на крестьянские восстания тоже ничего не дает, ибо содержание программы, принятой теперь политически организованными в земские союзы землевладельцами, составляет пожелания, излагавшиеся в течение целого ряда десятилетий всей либеральной печатью и всеми либеральными деятелями. Народническая программа стала программой помещиков,—этот факт дает ясный политический ответ на поставленный нами вопрос. В революционную эпоху теоретические споры на общественные темы решаются открытым выступлением разных классов.

Посмотрим теперь поближе на аграрную программу либералов. Легальная печать наша склонна славословить по поводу нее. «Экономическая Газета», например, «констатирует факт выступления земских людей с аграрной программой, притом несравненно более крайней» (вот как!), «чем того можно было ожидать, исходя из обычного представления о современном составе земской среды» (т.-е. крайней с точки зрения гг. помещиков?). «Это свидетельствует,—продолжает газета,—что политическая земская группа обладает и политическим тактом, и глубоким пониманием происходящих кругом нас явлений»...

Такт и понимание господ помещиков состоит в том, что когда в область аграрных отношений начали вмешиваться активно и определенно сами крестьяне, тогда помещики заговорили о необходимости вмешательства государственного. Старая и вечно новая история! Государственное вмешательство в аграрные отношения име-

ло место в России постоянно: когда это было вмешательство в пользу высших классов, тогда это называлось на полицейском языке «порядком»; когда вмешательство начинается снизу, тогда говорят о «беспорядках». Но позволите, какого именно вмешательства хотят помещики? Из их программы видно, что исключительно вмешательства в отношения землевладения и землепользования. Все их меры, начиная от выкупа прирезок и кончая кредитом и обменом участков, относятся исключительно к тем, кто хозяйственно пользуется землей, т.е. к разным разрядам хозяев. А бесхозяйные сельские рабочие? Ведь, у нас в России в одних только «внутренних» 50 губерниях считали еще в 90-х годах прошлого века не менее трех с половиной миллионов батраков и поденщиков, для которых сельская работа по найму составляла главнейший источник средств существования. Теперь, несомненно, число сельскохозяйственных наемных рабочих еще более велико, при чем подавляющее большинство их совершенно или почти совершенно бесхозяйные. Помимо бездомных и бесхозяйных у нас еще десять лет назад считали в указанных губерниях из десяти приблизительно миллионов крестьянских хозяйств свыше трех миллионов безлошадных. Вся эта масса—хозяева только по названию. Их самый жизненный интерес состоит в более высокой заработной плате, в более коротком рабочем дне, в более здоровых условиях труда. Гг. помещики благоразумно умалчивают о вмешательстве в отношения нанимателей к рабочим. И можно быть уверенным, что о таком вмешательстве не подумает даже никто серьезно, пока не вмешаются сами сельские рабочие.

Нам, социал-демократам, следует обратить на это вмешательство самое серьезное внимание. Этого требуют и непосредственные практические интересы движения и общие наши принципы. Буржуазно-демократический характер русского либерализма и русского народничества проявлялся и проявляется, между прочим, именно в том, что интересы мелкого сельского хозяйства совершенно заслоняют интересы сельского наемного труда. Конечно, убежденный народник, а подчас и «социалист-революционер», склонен считать это вполне естественным в виду «второстепенной» (в его воображении, но не в мужицкой жизни) роли наемного труда, в виду того, что при дальнейшем развитии «общинных традиций», «трудовых воззрений» и «уравнительного пользования» эта роль и совсем могла бы быть сведена на-нет. Но эта склонность, какими бы горячими и искренними, социалистически-звучащими речами она ни мотивировалась, на самом деле свидетельствует о мелкобуржуазной ограниченности кругозора и ни о чем более. Мечтательность этого рода, свойственная и русскому крестьянину, и русскому интеллигенту, есть мелкобуржуазная мечтательность. Цветы этой народнической мечтательности—именно те фальшивые цветы, которые украшают одну из цепей трудящегося человечества, и социал-демократическая критика должна беспощадно срывать такие цветы, «не для того, чтобы человечество продолжало носить цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком».

Мы вполне сочувствуем крестьянскому движению. Мы считали бы громадным выигрышем и для всего обще-

ственного развития России и для русского пролетариата, если бы крестьянству удалось, при нашей помощи, революционным путем отобрать у помещиков все их земли. Но возьмите даже этот лучший исход,—и тогда масса сельскохозяйственных наемных рабочих могла бы лишь временно уменьшиться в числе, но никоим образом не могла бы исчезнуть. И тогда самостоятельные интересы сельских наемных рабочих остались бы самостоятельными интересами.

Переход земли в руки крестьян несколько не уничтожил бы господства в России капиталистического способа производства, он дал бы, напротив, более широкую базу для его развития, он приблизил бы тип этого развития от какого-нибудь итальянского к американскому. Имущественные различия среди крестьян, которые громадны уже теперь и сравнительно мало заметны исключительно вследствие общей придавленности самодержавно-крепостническим строем, несколько не перестали бы существовать. Увеличение внутреннего рынка, развитие обмена и товарного хозяйства в новом масштабе, быстрый рост промышленности и городов,—все эти неизбежные следствия серьезного улучшения положения крестьян неминуемо бы усиливали имущественные различия. Чем более распространены у нас иллюзии на этот счет, тем решительнее должна бороться против них социал-демократия, если она действительно хочет представлять интересы рабочего движения в его целом, а не в одной только его стадии *).

Пока не произойдет полного социалистического переворота, до тех пор никакие радикальнейшие революционнейшие меры аграрных преобразований не устранят класса сельскохозяйственных наемных рабочих. Мечта о превращении всех людей в мелких буржуа есть реакционная пошлость. И вот почему мы должны уже теперь работать над развитием классового самосознания сельских наемных рабочих, над их самостоятельной классовой организацией. Городская стачечная волна может и должна перекинуться на деревню не только в виде крестьянских восстаний, но и в виде настоящих рабочих стачек,—особенно ко времени покоса и жатвы. Требования нашего рабочего отдела программы, предъявляемые в массе случаев городскими рабочими их хозяевам, должны предъявляться также, с соответственными изменениями сообразно различию бытовых условий, и сельскими рабочими. Надо пользоваться тем, что в России пока еще нет никаких особых законов, принижающих положение сельского рабочего в отличие от городского (если не считать закона о самовольном уходе с работы). Надо заботиться о том, чтобы волна пролетарского подъема заронила специально пролетарское настроение и пролетарские методы борьбы в среду батраков и поденщиков.

Мелкобуржуазный слой деревенского населения, крестьянство в собственном и тесном смысле слова, не может не быть революционным в известные исторические периоды. Его теперешняя революционность неизбежно вытекает из всех условий «старого порядка», и мы должны усиленно поддерживать и развивать ее. Но также неизбежно из условий жизни нового порядка, новой, свободной капиталистической России будет вытекать переход части мелких буржуа в де-

*) Сравни помещаемую ниже статью Маркса 1846 года.

потеряли всякий смысл в деревне и прекратили свое зло-вредное существование. Духовенство по-прежнему также горькая участь. Высасывавшее последние соки из крестьянского населения, распространявшее тьму и разврат, привыкшее нахальничать и насильничать, оно разбито теперь наголову и робко ползает у ног победителя. Крестьяне перестали платить им ежегодный подъемный налог, а норма вознаграждения за священнодействия, до сих пор произвольно определяемая самими священниками, теперь определяется крестьянами, и хотя вознаграждение это представляет, может-быть, десятую долю того, что было раньше, но священники и за это премного благодарны, потому что «не те времена» *). На бойкот все смотря, как на самое ужасное несчастье, которое может постигнуть человека. Сельчанин, подвергшийся бойкоту, живет как прокляженный, все без исключения — и родственники, и соседи, и товарищи — порывают с ним всякие отношения: не здороваются, не говорят, не принимают в свою среду. Даже в моменты семейных несчастий — болезни или смерти члена семьи — никто к нему не заглядывает, и ему одному при помощи своих же приходится тащить гроб на кладбище. Бойкот снимается только тогда, когда бойкотируемый перед всем сходом сознается в своей вине, кается в своих грехах и дает клятвенное обещание быть с народом и служить ему. Ячейкой организации является кружок, состоящий из десяти человек со своим представителем, называемым десятским. Десятские связаны с одним или двумя (зависит от территориальных размеров деревни и густоты населения) сотскими, а сотские с общественными представителями (сельское общество включает в себя средним числом 6 деревень), выбранными всеми сельчанами при участии агента комитета, назначенного комитетом для всего района (каждый район включает средним числом 7 обществ). А в непосредственных сношениях с этим последним находятся общественные представители. Комитетское решение, касающееся какого-нибудь кружка в какой-нибудь деревне, идет следующим путем: через агента оно передается общественному представителю, через него сельскому представителю, а через этого последнего кружковому представителю. Таким же путем идут в деревни пропагандисты, агитаторы, литература и т. д. Таким же путем поступают из деревень различные требования, жалобы, кассовые взносы и т. д. Этот путь организационно закреплен, он известен всякому, и иным путем в деревнях с хорошей организацией нет никакой возможности проникнуть в массу.

Хвойники. (Речиц. уезд., Минск. губ.). Четыре года назад в речицком окружном суде хвойницкие крестьяне проиграли «дело» с помещиком Куриндиным о спорном участке земли. Тогда же крестьяне, возмущившись несправедливым решением суда, по которому они должны были отказаться от своих законных прав на землю, составляющую их прямую собственность, решили не уступать этой земли и продолжали обрабатывать ее. Куридин вызвал сюда войсковые части и ему удалось усмирить «взбунтовавшихся» крестьян. К тому времени крестьяне раздобыли где-то «документы», которые ясно говорили за то, что спорная земля принадлежала их отцам и дедам, и они снова решили прибегнуть к правосудию. Переправили они куда следует эти самые «документы» и ждут крестьяне, дожидаются повестки о пересмотре их дела. Волнения улеглись на-время, так как крестьяне, уверенные в справедливости суда, избегали всяких осложнений и стычек с помещиком.

Прошло с тех пор три года, а повестки не получаются, о «документах» и апелляции ни слуху, ни духу... Тут-то крестьяне поняли свою роковую ошибку и стали чинить свой суд и расправу. Они отмежевали себе принадлежащую им землю и лес, которыми и стали пользоваться по своему усмотрению.

Помещик вытребовал сюда две роты солдат для усмирения «мятежников», но солдаты оказались мало пригодными

*) Для курьеза привожу следующие, вполне верные факты: в некоторых деревнях священники по требованию крестьян пропускают в ектениях упоминание царя с его семейством. А в Сванетии пошли еще дальше: в ектениях, вместо пропущенных слов, вставляется благословение императору-мингрельскому социал-демократическому комитету.

для этой цели: они — запасные и, сочувствуя своим друзьям, отказываются действовать вооруженной силой. После того, как солдаты не повиновались трехкратной команде «стрелять», потребовали экстренно казаков. Казаки теперь уже прибыли туда, облаченные помещичьими пятирублевками, стали по своему обыкновению неистовствовать... Как только приехали, сейчас же зарезали корову, заставили крестьян очистить свои квартиры для них, начали их объедать и разорять. Крестьяне пока держатся крепко. Скот они угнали в соседние деревни, опасаясь расправы над ним казаков. Собрали между собой 500 руб. для пострадавших и упорно отстаивают свои права.

Все эти волнения, как передают, происходят стихийно, а не под руководством какой-нибудь организации.

(Сообщено Полесским Комитетом).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Сестрорецк. Сестрорецкий оружейный завод до сих пор стоял вне рабочего движения. За все его почти двухсотлетнее существование здесь не было никаких, даже чисто местных волнений. Изолированность сестрорецкого района и некоторые неблагоприятные местные условия до самого последнего времени препятствовали развитию здесь организованной пропаганды, а попытка «Союза Борьбы» присоединить сестрорецкий оружейный завод к общей петербургской забастовке 1896 г. кончилась полной неудачей. В настоящее время все препятствия, мешавшие присоединению к партии этого крупного и важного во многих отношениях завода, могут считаться устраненными. Многие сестрорецкого оружейного завода бесповоротно захвачены общероссийским освободительным движением, и наша пропаганда делает здесь быстрые успехи. Уже 10-го января, немедленно по получении известий о петербургском избиении, завод начал забастовку, первую за все время своего существования. Забастовка продолжалась три дня и прошла сравнительно спокойно, хотя на другой же день в Сестрорецк нашли нужным вызвать по телеграфу два батальона Печерского полка и эскадрон драгун. Рабочими была отслужена панихида по убитым в Петербурге, а затем предъявлен к заводской администрации ряд экономических требований, согласованных в общих чертах с нашей программой-минимум (в том числе и требование 8-часового рабочего дня). Администрация, не без основания опасавшаяся, что движение может принять политический характер, предоставила в распоряжение аудиторю народную читальню и усиленно заперла лисьим хвостом.

Начальник завода генерал Дмитриев-Байцуров «благо-склонно» беседовал с рабочей депутацией, а явившаяся на сходку полиция уверяла рабочих, что все их требования будут удовлетворены, если они не коснутся «политики» (характерно, что не далее, как за два дня до начала стачки местная полиция «ручнулась» петербургскому губернатору за спокойствие сестрорецких оружейников). Администрация сделала несколько уступок. Были отменены «обыски», увеличена заработная плата на 20% (не включая и чернорабочих), изменен прежний порядок расплаты и полностью выплачена заработная плата за время рождественских праздников (за 2 недели). Кроме того, было удовлетворено требование рабочих об удалении помощника начальника завода, полковника Залюбовского, применявшего здесь зубатовскую политику. Вторая забастовка, также на почве экономических требований, продолжалась три дня и прошла без особых инцидентов. Агитационное значение этих стачек, при всей скромности выставленных тогда требований, было громадное. Даже менее развитые рабочие стали собираться в кружки и нарасхват брать социал-демократическую литературу. С половины марта здесь удалось систематически устраивать ряд агитационных собраний (массовок), на которых собиралось до 200 рабочих. В конце апреля был распространен сработанный на мимеографе листок к сестрорецким оружейникам (в количестве тысячи экземпляров), призывавший местных рабочих в ряды российской партии. Впечатление, произведенное этим листком, в связи с успехом устной агитации, настолько подняло дух местных рабочих, что ими ре-

шено было отпраздновать свое присоединение к партии забастовкой и демонстрацией, приуроченной к 1-му мая (по новому стилю).

Сделанная в этом направлении попытка, к сожалению, не увенчалась успехом, что следует приписать исключительно некоторым чисто-техническим ошибкам, допущенным при устройстве демонстрации. В настоящее время, как пропаганда, так и массовая агитация успешно продолжают, несмотря на заметный недостаток литературы.

Насколько успешно воспринята здесь политическая пропаганда, можно судить по состоявшемуся 20-го мая приговору сестрорецкого сельского общества (коренные сестрорецкие рабочие составляют сельское общество). Большинство голосов постановлено требовать: 1) созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, 2) амнистия всем политическим, 3) уничтожения всех полицейских обязанностей избираемых обществом должностных лиц.

Настроение как местных, так и пришлых рабочих (таких здесь до 500 человек) бодрое и приподнятое. До сих пор не было ни одного обыска и ареста.

Саратов. До первой (январской) забастовки среди нас, типографов, было очень мало сознательных рабочих. Совсем другое дело после забастовки, когда местный комитет социал-демократической партии принял горячее участие в составлении наших требований и руководстве нашими собраниями (собрания типографчиков устраивались в помещении общества книгопечатников), где нам впервые выясняли необходимость и значение политической борьбы. Тотчас же после забастовки стали организоваться кружки типографов. В эти кружки мы ходили охотно и передавали своим товарищам в мастерских все то, что нам в этих кружках говорилось. К майской забастовке мы готовились заблаговременно. 10 апреля было собрание за городом (на Лысой горе) рабочих всех цехов: слесаря, столяры, портные, типографы. Собрались наиболее сознательные в количестве 150—200 чел. Оратор социал-демократического комитета сказал речь, в которой говорилось о предстоящем рабочем празднике и о том, что необходимо его отпраздновать и нам. Как его отпраздновать, высказывались сами рабочие, и, за исключением человек 6-ти, все единодушно высказались за то, чтобы 1-е мая отпраздновать забастовкой, которая должна носить политический характер. На 3-й день пасхи было тоже назначено собрание на том же месте. Рабочих пришло гораздо больше; но мы были встречены драгунами и казаками (счевидно, администрация была кем-то оповещена), и собрание не удалось. Недели за 3 до первого мая было собрание типографов за городом, но уже в другом месте. Собралось нас человек 80—90 (были по несколько представителей от каждой типографии), и все типографии, кроме губернской, которая работала и в первую забастовку, решили первого мая бросить работу и выставить вместе с экономическими и политическими требованиями. Требования выработались совместно с соц.-дем. комитетом.

1-го мая собрание происходило в Парусиновой роще. Собралось около 2.000 человек; из них рабочих была половина. Выкинули красные знамя соц.-дем. рабочей партии с надписью: «Да здравствует 1-е мая, учредительное собрание, 8-часовой рабочий день! Да здравствует демократическая республика!» Собрание открылось речью оратора от комитета. Затем говорили рабочие механического завода Беринга и др. При входе в рощу стояли солдаты, но не мешали, а на самое место собрания приезжали 3 казака и, пресчитавши развешенные на деревьях первомайские прокламации, уехали и больше не появлялись. 2-го мая первыми бросили работу три газетные типографии, а потом и все частные. Частные типографии бастовали 2½ дня и, почти ничего не добившись, принялись за работу. Вечером 2-го мая собралось в Парусиновой роще более 3.000 рабочих. Первую политическую речь сказал комитетский оратор. Потом говорили рабочие: слесаря, типографы, портные, столяры и т. д. Собрание прошло в порядке. Солдат и казаков стояло вдалеке еще больше, чем 1-го мая; но они не вмешивались. 3-го мая рабочих собралось еще больше. Говорили политические речи почти одни рабочие. Говорилось также и о том, чтобы держались, как можно дольше. Некоторыми ораторами было предложено перейти мирной демонстрацией по городу. Но оратор соц.-дем. ко-

митета заявил, что комитет этого делать не советует и слагает с себя всякую ответственность за последствия демонстрации. Огромное большинство рабочих согласилось с этим заявлением, и собрание разошлось. Мельницы не бастовали потому, что посланную к ним депутацию из механических заводов арестовали на дворе одной мельницы. Любопытное столкновение произошло у нас, газетных наборщиков с нашими либеральными редакторами-издателями двух газет: «Саратовского Дневника» и «Саратовского Листка». Когда мы предъявили им наши требования, то они и слушать не хотели. «Можете, говорят, получить расчет, если не хотите работать». Расчет мы получили. Между тем, в третьей газете—«Приволжский Край» все требования были сразу удовлетворены. Тут мы смекнули, что нам нужно соединиться вместе и действовать сообща. Решили оказать давление на хозяев этих двух газет. Взяли все общими силами, да и набрали телеграммы для «Приволжского Края». Распродали их массу. Не выдержали наши либералы хозяева и в этот же день вечером звонят нам по телефону (в это время мы все были в типографии «Приволжского Края»): согласны, мол, на все ваши требования. Таким образом, мы сразу поняли уже на деле, что значит «единение». После этого между нами решено было организовать «Союз Типографчиков». В настоящее время часто устраиваются собрания типографов. Под руководством соц.-дем. комитета вырабатывается устав нашего союза.

Во время забастовки были распространены следующие прокламации: «1-е мая», «Манифест петербургских рабочих», «Призывной листок», «К гражданам». Потом: «Извещение о конференции соц.-дем. съезда» (?), «Крестьяне, к вам наши слова»; «Они заговорили»; «О войне»; «К гражданам» (Манифест и рескрипт 18-го февраля и задачи революции) и много других.

Наборщик.

Самара. Сегодня, 6-го июня, у нас за городом было массовое собрание. На собрании присутствовало около 200 человек. До начала занятий публика пела революционные песни. Сначала говорил один товарищ об отхождении социал-демократии к мелкой буржуазии. Охарактеризовав мелкую буржуазию, он перешел к тем лозунгам, которые она выставляла во время, например, французской революции, и какие выставит у нас, и затем отсюда вывел отношение к ним. Из вопросов, заданных ему слушателями, особенно интересным был вопрос о том, что сделает революция для крестьянства. Здесь товарищу пришлось говорить о социалистах-революционерах и о нашей аграрной программе. Потом говорил другой товарищ о той петиции, которую выработали представители земств и городов. Этот товарищ очень живо сказал свою речь и разобрал буквально по косточкам почтенных земцев и думцев, составивших эту петицию, и потом определил наше отношение к ним. Собрание прошло очень живо и интересно. Характерно то, что на собрания являлись целыми семьями. Когда возвращались с собрания, товарищи начали петь и так с песнями доехали почти до самого города. Работы у нас после майской забастовки очень много. Связи с рабочими страшно увеличились. Среди солдат, которые, между прочим, тоже были на собраниях, тоже работаем, хотя до сих пор трудно налаживалась организация. Но теперь, надо полагать, работа среди солдат пойдет успешнее, так как несколько товарищей взялось специально за организацию солдат.

Одесса. Майская забастовка в Одессе, начавшаяся 27-го апреля с фабрики Левина, продолжается до сих пор, охватив большую часть фабрик и заводов. Прежде всего вспыхнуло движение в районе слободки Романовки и носило здесь несколько особенный характер благодаря чисто-типографическим условиям. Кругом слободки, по соседству фабрик и заводов, находятся сады, пустыри, откосы и тому подобные места, мало посещаемые и удобные для собраний, чем широко воспользовались рабочие. 2-го мая забастовали рабочие железного завода Шполянского и спичечной фабрики Бродского; 3-го мая утром они начали осуждать требования для предъявления фабриканту. Рабочие завода Шполянского собрались на откосе холма вблизи завода; их было больше 300 человек. К ним подошли рабочие Бродского, уже успевшие выработать свои местные требования. Вначале настроение заводских рабочих было очень мяте-

нудое: они не желали присутствия товарищей со спичечной фабрики, как посторонних, изъявляли измерение обсуждать только свои местные требования, и высказывались против того, чтобы слушать постороннего оратора, не своего заводского рабочего. Но с первых же слов оратора, заговорившего об общности интересов всех рабочих, настроение изменилось; слушали оживленно, помогая оратору выяснять и формулировать их экономические требования, а когда он перешел к выяснению необходимости политических требований и к формулировке этих последних, охотно приняли их. Те же политические требования приняли и рабочие фабрики Бродского, присутствовавшие на собрании. Затем большая часть толпы двинулась к пробочной фабрике Юлиуса (работ. 800 человек) и дала гудок. Рабочие высыпали из фабрики не без протестов,—это народ малосознательный,—но, убежденные пришедшими, отчасти разошлись по домам, отчасти присоединились к толпе и двинулись останавливать спичечную фабрику Асвадунова. Но рабочие этой фабрики, услышав гудок на пробочной, сами бросили работу и ушли.

Следует отметить, в высшей степени корректное поведение шедшей от фабрики к фабрике толпы; они остерегались повредить что-либо; если ворота фабрики были заперты, то толпа не взламывала их силою, что было бы очень легко сделать, а кто-нибудь перелезал на другую сторону и отпирал засов; во дворе Асвадунова по земле были разложены для просушки палочки спичек и ни один рабочий, несмотря на возбуждение, не задел и не разбросал их: обходили осторожно. Толпа все росла, дойдя больше, чем до тысячи человек. От Асвадунова двинулись к фабрике Арбса; здесь ворота удалось едва приоткрыть и проскальзывали по одному. Когда был дан гудок и часть рабочих направилась кругом через сад, в другие ворота, подоспели конные и пешие казаки и окружили фабрику. Однако, уцелели почти все, кроме двух рабочих, забранных и через несколько дней выпущенных. Толпа, преследуемая казаками, разбежалась.

В последующие дни на заводе Шполянского, под влиянием пропаганды бывших зубатовцев, опять-было возникло течение против политических требований и посторонних ораторов; но явившийся оратор-рабочий преодолел это настроение и вполне подчинил себе массу. «Когда бастуют водопроводчики, — говорил он, — и труба есть, и источники есть, а воды нет,—значит, не по трубам только она текла, а и по нашим жилам! Когда бастуют конки, то и лошади есть, и конки есть, а движения нет: значит, не на лошадях одних ездят люди, а на наших спинах!.. Рабы вы, или нет? Если да, то бейтесь, трепещите, снесите все; если нет, то требуйте же себе свободной человеческой жизни».

Было проведено несколько собраний под-ряд, при чем понемногу расширялся политический кругозор рабочих и выяснялось им значение солидарности. На последнем собрании рабочие, когда им выяснили значение социал-демократической партии, подняли руки и клялись принадлежать к партии. Под конец собраний прибежали бабы с ребятами: «мы хотим слышать, как они крикнут» (т.-е. крикнут «долой самодержавие»). Теперь завязано много связей, и работа по окончании забастовки может быть поставлена широко. Забастовка все продолжается. Хозяева тянут, не давая определенного ответа, рабочие изголодались и измучились. Настроение в высшей степени напряженное. Наднях 200 рабочих с завода Шполянского прорыли во двор завода и кричали хозяину: «долго ли будешь еще нас водить? Пока мы себе или кому другому головы разобьем?». Никакие систематические занятия теперь невозможны. 17-го мая вечером на улицах слободки произошел довольно интересный эпизод. В виду спешного заказа в этот день пробочная фабрика приступила к работе, взяв для этого 15 работниц из города. Часам к 6—7 толпа человек в 2.000—3.000 собралась на площади перед фабрикой. Стояли и ходили молча, спокойно. Прислана была пожарная команда: промчалась сквозь толпу, сопровождаемая свистом сотни-другой мальчишек, остановилась на минутку как бы в раздумьи и умчалась назад, под градом шуток и насмешек толпы. Прискакали 2 отряда казаков. «Мы не уйдем!—кричали в толпе,—давайте нас!» Казаки спешились; сперва они стояли отдельно от толпы, потом рабочие понемногу стали окружать их и начались разговоры.

«Что вы делаете?—кричала пожилая женщина с ребенком на руках,—кого вы бьете? Ведь, мы ваши братья. Ведь, вы тоже были рабочими». «А потому,—отвечает казак,—что кроме внешних врагов, в тяжелую для России минуту, нам приходится бороться еще с внутренними врагами—вами». «Почему мы внутренние враги? Потому, что хотим себе человеческой доли? Хотим себе куска хлеба? Не даем фабрикантам душить нас? Поэтому мы враги ваши и вы убиваете нас? А кто же друзья ваши?». И казак грустно смотрел, ничего не отвечая. У одного были слезы на глазах, у совсем еще молодого. В другом месте говорил рабочий: «Прошли те времена, когда казаки стояли за правду, защищали слабых и невинных. Теперь они убивают слабых, заступаясь за фабрикантов». «Да, ведь, нам начальство велит!» «То-то и дело, бедные! Так у вас забиты головы, что все вы врозь и ничего даже подумать не смеете!» Такие разговоры слышались повсюду. Через час часть казаков села на коней. Толпа-было шарахнулась. Не бегите, стойте,—раздались голоса рабочих,—пусть бьют, мы не уйдем! Но казаки уехали. Часа через два уехал и другой отряд, и толпа мирно разошлась.

Речица. В последнее время и в этом захолустном городке заметно повышенное настроение. Каждый вечер организованные рабочие собираются на бирже*), где происходит живой обмен мнений по злободневным и общим вопросам. В воскресенье, 29-го мая, речичская группа нашего комитета устроила открытую массовку возле кладбища, на которой выступил товарищ, посланный нами. Присутствовало более 50 человек русских и еврейских рабочих. Оратор говорил о поражении балтийской эскадры, о том, какое значение для нас имеет это поражение, для чего нужна была русскому правительству война, как Р. С.-Д. Р. II. относилась к этой войне все время.

Затем оратор, обрисовав успехи самодержавия на Дальнем Востоке, перешел к оценке его успехов внутри России. Коснувшись политики разжигания национальной розни и обрисовав общее положение вещей в России в настоящий момент, оратор закончил свою речь призывом к дружной работе. Как только оратор кончил, раздались дружные возгласы и крики: «Долой самодержавие!» Не обошлось, конечно, как в большинстве случаев в здешнем районе, без инцидента. Когда все уже начали расходиться, какой-то шальной социалист-революционер попытался произнести хвалебный гимн своей партии. Однако, ему это не удалось, так как многие товарищи запротестовали.

(Сообщено Полесским Комитетом).

Рига (условия работы). Рига, один из крупнейших промышленных центров России, насчитывающий более 300 тыс. жителей и до 70 тыс. рабочих крупной и мелкой промышленности, очень мало известна нашим партийным работникам. Все как-то свыклись с мыслью, что говорить серьезно о вовлечении местного пролетариата в сферу влияния партии—нелепо, что работа в Прибалтийском крае, а значит и в Риге, является и должна являться привилегией Латышской партии. Виноваты в этом, отчасти, местные партийные работники, слишком мало сделавшие для того, чтобы ознакомить партию с условиями местной соц.-дем. работы и ввести ее в широкое русло всероссийского рабочего движения. Я постараюсь показать, что партийная работа в Риге не только возможна, но в силу некоторых причин прямо-таки необходима. Поставить здесь сколько-нибудь широкую работу среди русского пролетариата нет никакой возможности. Хотя общая численность русских рабочих доходит тысяч до 10—15, но они разбросаны по всему городу и за исключением железной дороги, Кузнецовской фабрики и еще 2—3 заводов совершенно поглощаются латышской массой, так что работу пришлось бы ограничить узкими рамками каких-нибудь 3—4 фабрик и единичными разрозненными связями на остальных. Всякая местная организация, рассчитывающая на сколько-нибудь широкое влияние на рабочие массы, на сколько-нибудь заметное значение в городе, должна стремиться поставить работу среди преобладающего здесь латышского пролетариата. Создать чисто-русскую или еврейскую, или еще какую организацию, значит либо владеть

*) Так в нашем крае называются те улицы, на которых рабочие фактически завоевали право собраний.

жалкое существование, как это было с нашим комитетом в первый год его деятельности, либо превратиться в организацию для добывания денег, каковой фактически является местный Бунд. Кроме того, всякая организация, являющаяся партийной не только по названию, принципиально не может замыкаться в рамках одной какой-либо национальности. Таким образом, и по принципиальным и по чисто-практическим соображениям работа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии в Риге должна носить широкий интернациональный характер, должна быть «Российской», а не «Русской», иначе это название явилось бы пустым ярлыком. Местные партийные работники решили этот вопрос в положительном смысле еще при основании группы. Но тогда волей-неволей приходилось ограничиться работой только среди русских рабочих, так как в то время (1903 г.) уже прочно сложились и окрепли и бундовская, и латышская организации, группа же была почти без всяких средств. Кроме того, русский пролетариат являлся наиболее отсталым и совершенно не затронутым социал-демократической агитацией. Это был период дружественных товарищеских отношений к Латышской и Бундовской организациям. Группа вошла в основанный в это время «Объединенный К-т»; с другой стороны, и латышские товарищи относились к ней, и к партии вообще весьма симпатично, даже выпустили несколько листовок с заголовками Р. С.-Д. Р. П. и подписали совместно с группой заявление по поводу тогдашнего петербургского раскола. Но эти дружественные отношения продолжались очень не долгое время и с выходом Бунда из партии и образованием в начале 1904 г. Рижск. К-та Р. С.-Д. Р. П. стали более и более охлаждаться. Латышская организация резко повернула в сторону федерализма и решительно отказалась войти в партию иначе, как на началах федерации, с своей стороны, и наш К-т отказался войти в «Рижск. Федерат. К-т», организованный Бундом и Латышским К-том. С 1905 г. начинается уже новый период, — период междуорганизационной борьбы. К-т нашей партии начинает с этого времени работу среди латышских рабочих, которая дала вскоре блестящие результаты. В течение 2—3 мес. ему удалось завести обширные связи и организовать до 300 латышей-рабочих. Вместе с тем была поставлена пропаганда на латышском языке и стали распространяться латышские листки. Таким образом, Российская и Латышская партии столкнулись лицом к лицу. Как же отнеслись к этому латышские товарищи? Ответ на это дают следующие два отрывка из их газеты «Борьба» (№ 11 февраль—март) и из прокламации «Под усиленной охраной», изданной в апреле Ц. К-том Латышской партии. Перепечатав из «Искры» корреспонденции из Воронежа о неудачном выступлении социал-демократов на рабочей сходке, редакция «Борьбы» добавляет следующее замечание: «Из этого большинство товарищей поймет, почему Латышская партия не может соединиться с русской на тех условиях, которые предлагают русские. Нам, латышским товарищам, надо сохранять свою самостоятельность, мы не можем положиться на этот темный народ, в руках которого сама русская партия является игрушкой. Мы из опыта знаем, что русская партия не могла удержат русских рабочих и крестьян от избития евреев в Кишиневе и Гомеле, не могла защитить своих ораторов от нападения бессознательных рабочих. На все упреки со стороны русских товарищей в национализме и сепаратизме, мы ответим, что они сами виноваты в этом; их влияние на массы еще так ничтожно, что они не имеют права называться представителями и защитниками народа и рабочих». Прокламация Ц. К-та Латышской партии выражается еще определеннее. «Мы приглашаем товарищей определить свое отношение к нашей партии, — говорит она, — и к соц.-дем. организациям других наций, в особенности к русским товарищам. Русские никогда не желали объединяться с другими партиями на основе равных прав и равных обязанностей, но требуют, чтобы только их партия признавалась представительницей всероссийского пролетариата, хотя они не объединили даже всех сознательных русских рабочих, не говоря уже о других народностях. Сама их партия раскололась на 2 группы, но все же они укоряют латышей в сепаратизме. Русские забывают, что для них совершенно чужды — язык, культурный уровень и условия жизни латышских рабочих. Чего же искать латышским товарищам там, где говорят на непонятном для них языке и читают

непонятную им литературу. Когда русские товарищи улавливают бессознательных латышей, которых не принимают в наши кружки, мы можем только пожалеть их, но мы решительно протестуем против попыток русских товарищей организовать сознательных членов нашей партии и искусственно создавать раздоры в нашей организации (так, очевидно, называют авторы прокламации одну или две дискуссии, которые латышская организация должна была признать по требованию рабочих). Мы приглашаем всех латышских товарищей, к которым русские обратятся с предложением соединиться, отсылать их к законному представителю Латышской партии — Ц. К., который уже давно сделал, со своей стороны, все, чтобы объединиться со всеми соц.-дем. организациями России, а в том числе и с Русской партией. Всюду, где в момент революции у мелких народностей не было соц.-дем. организаций, их подавляли крупные народности, как, напр., в Австрии — славян, в Германии — поляков и т. д. Особенно важно помнить нам это теперь, когда мы, пролетарии, составляющие большинство Латышской народности, должны считаться с культурными требованиями всего народа (язык, школы, местное самоуправление и т. д.), поэтому мы не имеем права уменьшать значения нашей организации». Таковую-то духовную пищу преподает Латышский Ц. К. латышскому пролетариату. Здесь есть все: и немножко умолчания, и немножко искажения и немножко клеветы. Авторы листка «Под усиленной охраной», подчеркивая свои «объединительные» стремления и взваливая всю вину на «русских товарищей», совершенно умолчали о переговорах между их и нашей организацией весной 1904 г. Во время этих переговоров русские товарищи настойчиво, но, к сожалению, безуспешно убеждали представителей Латышской организации, что они стремятся только к объединению всех местных социал-демократических сил в одну организацию, работающую на всех местных языках; «русские товарищи» настойчиво, но, к сожалению, безуспешно, доказывали, что истинно социал-демократической работой в Риге может быть только работа интернациональная, что федерализм способен лишь затемнить классовое сознание пролетариата, отравляя его ядом националистических предрассудков. Авторы листка «Под усиленной охраной» умалчивают о том, что «русские», прежде чем начать «улавливать бессознательных латышей», неоднократно обращались к тому самому «законному представителю», к которому рекомендуется теперь отсылать их, и что лишь после того, как это «представительство» неоднократно отвергло все предложения «русских», они приступили к самостоятельной работе среди латышских рабочих. И латышские рабочие массы, так заботливо охраняемые своими «вождями» от всяких «инородческих» влияний, охотно идут навстречу объединительным стремлениям нашего к-та; они охотно читают к-тские листки, охотно идут на организуемые им собрания и вместе с тем весьма неохотно содействуют «охранительным» мерам Латышского к-та: цитируемая мною прокламация была распространена лишь после усиленных споров и, как говорят рабочие, не обошлось без некоторого дисциплинарного воздействия. И это симпатичное отношение латышских рабочих к деятельности местного партийного к-та и травля Латышским Ц. К. всего того, что исходит не от него, достаточно ясно показывают, насколько необходима работа нашей партии в Риге. Положение создалось здесь очень тягостное. Федеративный К-т и партийный стоят друг против друга, как злейшие враги, не доверяя ни в чем друг-другу, взаимно опасаясь всяких подвохов. И выхода из этого положения два: или Росс. К-т должен отказаться от своей принципиально-правильной точки зрения, прекратить работу среди нерусских рабочих и войти в федерацию на правах уже «Русского» К-та, или Латышская организация должна отказаться от дальнейшей защиты своей узко-национальной позиции и стать на широкую классовую точку зрения, слившись программно, организационно и тактически с Росс. С.-Д. Р. П. Мне думается, уступить здесь должен не Росс. К-т, ибо его точка зрения более широкая и вполне соответствует как принципам международной социал-демократии, так и духу партийной программы. Но чтобы иметь возможность вести упорную и успешную борьбу, ему необходима самая энергичная поддержка со стороны партии в лице ее центральных учреждений. Латышский Ц. К. при-

имает самое деятельное участие в борьбе против «русских». То же самое должен сделать и наш Ц. К., тем более что это не представляет для него особых трудностей. В настоящее время Рижский К-т испытывает в своей работе, главным образом, технические затруднения, и главным из них является отсутствие латышской литературы. Наш Ц. К. мог бы оказать значительную помощь местной работе, если бы наряду с русским транспортом поставил транспорт латышской литературы, уже имеющейся в обращении; кроме того, можно было бы поставить также и собственное издательство. Если Рижск. К-ту будет обеспечено правильное получение латышской литературы, его работа не пропадет даром. Здесь невозможно надеяться сделать что-нибудь исключительно собственными силами, ибо местные национальные организации давно уже окрепли и пустили в массы прочные корни, ибо борьба с ними означает борьбу со стсящими за ними национальными партиями, что, во всяком случае, не под силу местному К-ту.

Рижский.

Орел. До последнего времени работа носила у нас чисто-кружковый характер; она была раздроблена по отдельным мастерским и маленьким заводам. Однако, постепенный рост движения делал свое и к 1 мая оказалось возможным устроить общее собрание. Собрание это состоялось 8-го мая и в нем участвовало около ста человек (предполагалось 300 чел., но благодаря некоторым ошибкам явилась только треть). Выступали, главным образом, рабочие. Говорили сначала об экономическом положении рабочего класса, о борьбе с капиталистами; потом перешли к вопросу о роли правительства, о современном политическом положении, о партиях, о лозунгах социал-демократии. В перерывах пелись революционные песни. В заключение, товарищ из комитета произнес небольшую речь, в которой призывал присутствующих к дружной борьбе с самодержавием под знаменем Р. С.-Д. Р. П. При криках: «да здравствует Р. С.-Д. Р. П.», «долгой самодержавие» и с пением революционных песен собрание разошлось. В настоящее время влияние в массе растет, завязываются все новые и новые связи.

27-го мая забастовали все парикмахерские, за исключением одной. Прежде парикмахеры работали по будням от 9-ти до 11-ти, 12-ти и даже 1 часу ночи, а в праздники нередко кончали работу в 9 и 10 часов вечера. Такое положение стало, наконец, невыносимым, и на нескольких предварительных собраниях было решено бросить работу. Забастовка продолжалась до 31-го мая и шла под руководством организации. Уже 30-го вечером хозяева, по общему уговору, вывели объявление, которое гласило: с 1-го июня работа в будни продолжается с 9 до 9-ти, в праздничные дни с 9-ти до 4-х. Вместо занятого праздничного дня, устанавливается свободный, будничного дня. Стачка, таким образом, была выиграна. В других отраслях производства здесь господствует невероятная эксплуатация, и агитация находит благодатную почву. К сожалению, на каждом шагу чувствуется недостаток литературы, особенно популярной; без нее здесь прямо невозможно работать, а она попадает к нам лишь в единичных экземплярах.

Лодзь. В воскресенье 18-го (5-го) июня рабочие возвращались с обычного загородного агитационного собрания с песнями и красными знаменами. Перед городом толпа разделилась на небольшие группы и спрятала знамена. Только одна группа рабочих продолжала идти со знаменем до самого центра города. Вдруг неожиданно из шедших мирно рабочих наскочил казацкий патруль и открыл пальбу. 10 человек было убито, много ранено, в том числе двухлетний ребенок. Этот случай возбудил страшное негодование среди всего рабочего населения Лодзи. Среди убитых было 7 рабочих—5 христиан и 2 еврея. Во вторник хоронили христианских рабочих. Двадцатитысячная толпа провожала на кладбище трупы жертв насилия. По всему пути были расставлены войска, но они не решились вмешаться, и торжественные похороны произошли в полном порядке. На кладбище говорились революционные речи. На следующий день, в среду, должны были хоронить еврейских товарищей. Почти все рабочее население Лодзи собралось около 6 часов вечера к фабрике Познанского, откуда предполагался вынос тел убитых. 70.000 человек загрохотали все прилегающие улицы. Каково же было удивление и негодование

толпы, когда она узнала, что полиция заблаговременно тайком увезла мертвых и похоронила их. Толпа двинулась к кладбищу. Выкинув красные знамена с пенем революционных песен и криками «долгой самодержавие», погекла эта река голов по улицам Лодзи. Полиция и войска отсутствовали. Все были уверены, что препятствовать манифестации не будут, что дадут ей мирно окончиться. Но когда толпа дошла до Петроховской улицы, неожиданно из боковых переулков бросились казаки и драгуны, и началось варварское избиение. Не ограничиваясь расправой холодным оружием—шашками и пиками, они начали стрелять в толпу из ружей. Затянутая врасплох толпа начала защищаться, чем могла и как могла; у многих рабочих были револьверы, и началась перестрелка, стоившая не мало жертв и царским слугам. Только в 9 часов вечера толпа, не имея возможности оказывать дальнейшее сопротивление, рассеялась, оставляя на поле битвы несколько десятков убитых и раненых. Но она собирается с тем, чтобы на другой день собраться для новой борьбы. Немедленно же была провозглашена всеобщая стачка.

На другой день, 22 июня, был очень популярный среди католического населения праздник «божьего тела», во время которого происходят крестные ходы по всему городу. Рабочие воспользовались этим случаем и, присоединившись к крестному ходу превратили его в грандиозную демонстрацию. Громадная толпа манифестировала по всему городу с красными знаменами. Полиция и войска не вмешивались. День прошел спокойно. К вечеру опять начались стычки с войсками, стрелявшими в отдельные небольшие группы рабочих. Ночью рабочие начали строить баррикады. Они снимали телеграфные и телефонные провода и натягивали их поперек улиц, из крестьянских телег, бочек, досок возводили громадные баррикады, доходившие до 2-го этажа. Таких баррикад, по имеющимся сведениям, было построено до 30.

С этого дня началась открытая уличная борьба, продолжавшаяся по официальным сведениям вплоть до 26 июня. День и ночь раздавались по улицам залпы. Войскам приходилось брать и разрушать баррикаду за баррикадой. Рабочие дрались с небывалым воздушным энтузиазмом. Несмотря на недостаточное вооружение (далеко не у всех были даже револьверы, а хороших систем—напр., Бруниина—насчитывалось всего несколько сот), борьба была очень упорной. В солдат стреляли из окон и с крыш, обсыпали их камнями, обливали кипятком и горячей смолью. В нескольких местах были брошены бомбы. Боевое настроение охватило все рабочее население. На-ряду с взрослыми дрались на баррикадах дети; молодые девушки произносили агитационные речи под градом пуль. На возмущение рабочих войска отвечали самой дикой жестокостью. Убивали ни в чем неповинных прохожих, стреляли во всякого рабочего, выходящего на улицу или хотя бы только высывавшегося в окно. Масса мертвых и раненых лежала целыми днями на улицах, при чем раненые тут же умирали, не получая никакой медицинской помощи. Трудно определить число убитых и раненых жертв этого пятидневного восстания. Госпитали охранялись военной силой, проникнуть в них никому не удалось, а потому невозможно было и установить число раненых. Кроме того, много раненых было увезено в частные квартиры. Что касается убитых, то их целыми возами увозили с улиц, под сильным конвоем, прямо на кладбище. Число 2000 убитых и раненых, которое было опубликовано в иностранных газетах, вероятно, далеко не соответствует действительности. К концу недели Лодзь был наводнен войсками, было провозглашено военное положение и восстание подавлено. 26-го июня появилась официальная телеграмма, что порядок восстановлен и работы на фабриках возобновлены. Это означает только, что массовых открытых стычек с войсками больше не происходит. Зато мелкие столкновения, нападения на патрули, револьверные выстрелы и взрывы бомб продолжают попрежнему, свидетельствуя о том, насколько поверхностно восстановлен так называемый «порядок».

Известие о лодзинских событиях не замедлило отозваться и на Варшаве. Социал-демократы был выпущен листок, призывающий рабочих к всеобщей стачке с 27-го июня. Стачка началась даже раньше назначенного срока, так как

уже 24-го многие рабочие забастовали. Правительство поспешило вызвать в город войска, ушедшие, было, в летние лагеря, но открытой уличной борьбы, по примеру лодзинской, не произошло. Было, правда, построено несколько баррикад, например, на Вроней и Крахмальной улицах, но в общем, дело пока ограничилось стачкой, да отдельными нападениями на чинов полиции и солдат. Так, например, 26-го июня была брошена бомба в проходившую рту солдат, убившая 3-х и тяжело ранившая 30 человек. В другом месте был убит, неизвестно кем, стоявший на посту полицейский.

Одновременно с лодзинскими событиями произошли кровавые столкновения в Ченстохове. Здесь как-раз происходила стачка пекарей, и 23-го июня была устроена громадная демонстрация. Когда многотысячная толпа проходила по городу с красными знаменами и пением революционных песен, войско дало несколько залпов, убив 20 чел. и ранив более 80-ти. Через два дня после этого в местного полицеймейстера была брошена бомба, ранившая его и нескольких прохожих.

Телеграммы от 28-го июня сообщают, что началась стачка во всех колях и фабриках домбровского района.

Таким образом, лодзинское восстание, подавленное, как казалось правительству, воскресает опять в форме массовой политической стачки, охватывающей все более широкие районы царства польского. «Победители» употребляют все меры, чтобы искоренить из лодзинского населения крамолу. На основании военного положения из Лодзи выселяют всех не-местных жителей, которые в течение 3-х дней не получают постоянного занятия. Дворники должны неотлучно дежурить у ворот с 6-ти утра до 9-ти вечера. Рестораны и трактиры (кроме первоклассных) должны быть закрыты в 8 часов вечера. Все, у кого имеется оружие, обязаны сдать его в полицию, иначе им угрожает военный суд. Если из какого-нибудь дома будет произведен выстрел в солдат или полицейских, то все жители изгоняются из дома, а домовладелец или управляющий подлежит военному суду. Наконец, еще одна замечательная мера: при похоронах могут присутствовать только родственники умершего и то в количестве, определенном полицией!

И такими мерами думают подавить народное восстание, подавить сопротивление людей, которые за день перед тем доказали, что в борьбе за свободу они охотно готовы поставить на карту свою жизнь!

ИЗ ПАРТИИ.

Николаев (11-го мая). В № 16 «Вперед» я прочел корреспонденцию из Николаева, написанную мной еще в начале марта, но напечатанную только теперь и не помеченную числом или месяцем, когда она была написана. Во избежание недоразумения спешу исправить следующие мои слова. Я писал, что до последнего времени, т.-е. до марта, работал примиренческий комитет, но это были неверные сведения, полученные мною. Все время работал и работает комитет большинства. После провала сейчас же был комитет, но мы, рабочие, по стечению обстоятельств известный период времени не могли снестись с ним. В то же время появился комитет меньшинства и завязал сношения с одним товарищем-организатором из портового района, у которого они выхватили группу в 10 человек, а его устранили; и поработав одну неделю, затем они провалились. С тех пор об их особенной деятельности ничего не слышно. Работа у нас идет превосходно. Агитация приняла широкие размеры, о чем пишут вам в иных корреспонденциях.

Рабочий.

Нострома. Работа с каждым днем поправляется. При моем приезде сюда тут было три кружка пропаганды, теперь двенадцать. В среднем рабочих в кружке от 8 до 25 чел. Вчера, в одном кружке было 59 да 10 еще не пришло. Но это объясняется тем, что завтра ждем стачки. Массовки каждое воскресенье. На первой было 30, на последних свыше 100 чел. Приходят далеко не все организованные рабочие.

Из отчета Тверского К-та за 1/4 года (февраль—апрель). I) Касса. Доход: февраль—169 р. 93 к., март—202 р. 72 к., апрель—186 р. 49 коп. Всего—559 р. 14 к. Остаток к 1-му февраля—77 р. 20 коп. Итого—636 р. 31 коп. Расход за 3 месяца: помощь—336 р. 04 к., техника—179 р. 78 коп., литература—70 р., конспиративные расходы—51 р. 39 коп., разные расходы—71 р. 50 коп. Всего—708 р. 11 коп. Дефицит в 72 р. 37 коп. покрыт займом.

II) Издательская деятельность К-та:

Февраль: 1. Ответ царю (Петерб. группа). Тип. Тв. Ком. (8.000). 2. Какое страхование нам нужно? (с изд. «Искры») тип. Тв. Ком. (8.000). 3. Отчет Тв. Ком. за 1/4 года (ноябрь—январь) гект. (200). 4. Ко всем гражданам (с изд. «Искры») mimeограф. (1.250). 5. Учащимся (mimeограф.) (200).

Март: 6. Опять мобилизация! (тип. Тв. Ком.) (6.000); 7. Комиссия Булыгина (Петерб. группа) тип. Тв. Ком. (6.000); 8. «Милостиво пушек, пулеметов, ружей и нагаек».. (Моск. Ком. Р.С.-Д.Р.П.) mimeограф. (2.000); 9. Рабочим и работницам Залогинской фабрики (mimeограф.) (450); 10. Русский рабочий и Зимний дворец. (Памяти Степана Халтурина). Отд. оттиск из № 86 «Искры» (mimeограф.) (1.400); 11. Пора кончать! (с изд. «Искры») тип. Тв. Ком. (6.000); 12. «Он прощает»—отд. оттиск из № 86 «Искры» (mimeограф.) (2.400); 13. Рабочим вагоностроительного завода (mimeограф.) (500); 14. Крестьянам (тип. Тв. Ком.) (6.000).

Апрель: 15. Первое мая (Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.) тип. Тв. Ком. (10.000); 16. Крестьянам Курмординской волости (mimeограф.) (650); 17. Крестьянам Первитинской волости (mimeограф.) (550); 18. Служителям и рабочим Бурашев. колонии (mimeограф.) (200); 19. Летучий листок № 11 (mimeограф.) (200); 20. Солдатская памятка (с изд. «Искры») (mimeограф.) (500); 21. По поводу столкновения с офицерами (mimeограф.) (450); 22. Майские лозунги (гектогр. карточки) (550); 23. Майские требования (с изд. «Искры») тип. Тв. Ком. 8.000.

Всего за четверть года около 70.000 шт.

Привозной литературы получено за февраль 1 пуд, за март 1 1/2 п., за апрель 1 1/2 п., а всего около 4 пуд. Было получено несколько сот экземпляров «Искры» (№№ 75—95); («Вперед» №№ 1—12); «Социал-демократа» (около 250 шт. №№ 1, 2 и 3). Из брошюр: Парвус—«Война и революция»—около 150 шт.; Эрфуртская программа—50 шт.; «Они заговорили»—около 300 шт.; «На первое мая»—75 шт. и др. в более ограниченном количестве. Затем была получена листовка «Первый шаг» около 2.500 шт. и около 4.000 шт. разных листов Центральном Комитета.

III. Арестовано за 1/4 года было 6 чел., все рабочие.

Из отчета Уфимского К-та за май: Приход—371 р. 10 к., остаток от апреля—6 р. 25 к., всего—377 р. 35 к. Расход 338 р. 75 к. (в том числе Центр. К-ту отчислено 75 р.); остается на июнь—38 р. 60 к.

Из отчета Северного К-та за май: К-том изданы и распространены след. листки: 1-е мая (ред. «Вперед» и Б.К.Б.), 1-е мая (оба 7.000 экз.). Ко всем (3.000), К железнодорожным рабочим (1.000), К иваново-вознесенским рабочим (5.000), Ко всем ярославским рабочим (по поводу иваново-вознесенск. стачки (4.000), К солдатам (5.000), Листок Ц. К-та о морском сражении (7.500).

Восстание в Одессе.

Царь и его приближенные буквально подавлены вестью о событиях на броненосце «Потемкин»,—телеграфируют в заграничные газеты из Петербурга. «В Россия началась революция со всеми ее ужасами»,—воскликает умеренная немецкая газета. Наступает час возмездия,—говорим мы: возмездия за реки крови, за все муки и бедствия, виновником которых является самодержавие. 9-го января народ шел к царю с иконами; 15-го июня царские слуги увидели перед собой пушечные жерла. На одном из лучших черноморских броненосцев стало развеваться красное знамя революции.

Телеграфные известия заграничных газет неполны, сбивчивы, противоречивы. Постараемся передать русским читателям лишь то, что представляется более или менее вероятным и правдоподобным. В ночь на 15 июня в Одессу пришел броненосец «Князь Потемкин» в сопровождении миноносца. К удивлению властей, на броненосце развеялось красное знамя.

Рано утром вооруженная шлюпка доставила на берег труп матроса Омельчука, который был убит капитаном за то, что осмелился принести ему жалобу на дурное качество пищи. Возмущенные матросы убили капитана и нескольких офицеров, а другую часть офицеров взяли в плен (по другим известиям эти офицеры присоединились к матросам).

Казаки пытались увезти с набережной труп Омельчука, но матросы прогнали их. В этом случае матросам уже помогали портовые рабочие, приступившие ко всеобщей забастовке при первой вести о событиях на «Потемкине». Около трупа Омельчука собирались толпы народа; быстро росло негодование против царских приспешников, виновников этой новой жертвы дикого самодержавного режима.

Депеши от 16 (29) июня сообщают о сожжении многих складов в порту, о пожаре на нескольких пароходах (в том числе сгорел пароход добровольного флота «Саратов»). В то же время начались столкновения рабочих с войсками на городских улицах. По одним известиям, население быстро берет верх; по другим — столь же быстро войска восстанавливают в городе «порядок», обычный порядок кладбища. Число убитых по одним известиям считается сотнями, по другим — тысячами. 17 (30) июня в парижский *Petit Journal* телеграфируют, будто вечером (в четверг) явилась эскадра из Севастополя, и после короткой перестрелки «Князь Потемкин» со всем экипажем был потоплен. Это известие противоречит другому, согласно которому только в этот вечер вышла из Севастополя эскадра, посланная для умиротворения восставших матросов (броненосцы «Три Святи-

теля», «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Синоп» и один крейсер).

В то же время появляются известия о военном транспорте «Вежа»; по одному рассказу, экипаж этого судна возмутился по пути из Николаева в Одессу, по другому — транспорт просто захвачен броненосцем «Князь Потемкин». Как бы то ни было, в дальнейших известиях говорится уже не о двух (броненосце и миноносце), а о трех возмущившихся военных кораблях. Экипаж с этих трех судов грозит бомбардировать город, если сухопутные войска не перейдут на сторону восставших. Еще в первых телеграммах сообщалось, что пушечным выстрелом с броненосца убито на набережной 4 и ранено до 20 казаков. 16-го вечером были сделаны в город еще два выстрела, причинившие повреждение частным домам.

Матросы встретили, судя по всему, энергичную поддержку со стороны одесских рабочих. Были также известия о крестьянском волнении в окрестностях Одессы. Все силы — войска, рабочие и крестьяне, соединяются, чтобы нанести удар проклятому царизму. Устоит ли чудовищный идол самодержавия перед этим дружным напором? Каково бы ни было ближайшее течение событий, ясно одно: революционное движение в России вступило в фазис открытой гражданской войны, всенародное вооруженное восстание явилось логическим выводом из событий 9-го января, и народ сделал этот вывод.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Мальцеву. № 2-й получен. П.ца. Корр. получена. Давиду в. В 2-х экз. получено. Подбородову. Не имеем от вас известий. Барской. Получили ли письмо? Евсееву. Кроме № 2 ничего не получали.

Опечатка: В № 5 «Пролетария» на стр. 6, столб. 1-й, строка 49 сверху следует читать вместо «30 рабочих» — «80 рабочих».

спросы, и, конечно, неведущий, а никак не
посевы, а также, забавно войс и ир."
"В. Д. Вильгельм появился, родъ вышеср.
возвращенъ, первая русская картина въ
доушную самодарованъ."
Кравинъ-милый, он же еще медведь у нас.
Успехъ со стороны своихъ пересъ -
чръ чурдмсь доушнѣ тмѣ въ предъ,
маленькѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
принимать мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
проектрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
Но кѣмъ бы больше бмрнѣ мѣрнѣ
самодарованъ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
и бмрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
по свѣтѣ бмрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
и саврнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
внѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ

Убога еще не слишкомъ познрнѣ мѣрнѣ
было даже мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
И мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
Бмрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
И мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ
мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ мѣрнѣ

Факсимиле тт. В. М. Величкиной и М. Ольминского

(Из статьи „Организация монархистов“. См. стр. 131).

ЖЕНЕВА. 10 июля (27 июня) 1905 года.

№ 7.

Пролетарій

Пролетаріа всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Революционная армия и революционное правительство.

Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства,—призывов, обращенных к народу сознательными представителями пролетариата в лице 3-го съезда Росс. С.-Д. Рабочей Партии. Новая вспышка революционного пламени проливает свет на практическое значение этих призывов и заставляет нас точнее определить задачи революционных борцов в переживаемый Россией момент.

Всенародное вооруженное восстание зреет и организуется на наших глазах под влиянием стихийного хода событий. Не так уже далеки те времена, когда единственным проявлением народной борьбы с самодержавием были бунты, т.-е. возмущения несознательные, неорганизованные, стихийные, иногда дикие. Но рабочее движение, как движение самого передового класса, пролетариата, быстро выросло из этой начальной стадии. Сознательная пропаганда и агитация социал-демократии сделали свое дело. Бунты сменились организованной стачечной борьбой и политическими демонстрациями против самодержавия. Дикие военные расправы в течение нескольких лет «воспитывали» пролетариат и городское простонародье, подготовляли его к высшим формам революционной борьбы. Преступная и позорная война, в которую бросило народ самодержавие, переполнила чашу народного терпения. Начались попытки вооруженного отпора толпы царским войскам. Начались настоящие уличные сражения народа с войском, битвы на баррикадах. Кавказ, Лодзь, Одесса, Либава показали нам в самое последнее время образцы пролетарского геройства и народного энтузиазма. Борьба переросла в восстание. Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев—рабочих. Затем—переход части армии на сторону восстания.

Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма,—цельный броненосец,—перешла открыто на сторону революции. Бешеные усилия и все-

возможные уловки употребляло правительство, чтобы скрыть от народа это событие, чтобы потушить восстание матросов в самом начале. Ничто не помогло. Посланные против революционного броненосца «Потемкина» военные суда отказались бороться против товарищей. Распространив по Европе известия о сдаче «Потемкина», о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром. Эскадра вернулась в Севастополь, правительство спешит распустить матросов, разоружить военные суда; ходят слухи о массовой отставке офицеров черноморского флота; на сдавшемся броненосце «Георгий-Победоносец» опять начались возмущения. В Либаве и Кронштадте матросы тоже восстают; учащаются столкновения с войском; идет (в Либаве) бой на баррикадах матросов и рабочих против солдат. В заграничной печати сообщается о возмущениях на целом ряде других военных судов («Минин», «Александр Второй» и т. д.). Царское правительство оказалось без флота. Самое большее, чего ему удалось пока добиться, это—удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции, и, какова бы ни была его судьба, перед нами налично несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии.

Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые, еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте. Наше дело теперь—поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие.

Бунты—демонстрации—уличные сражения—отряды революционной армии,—таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли, наконец, и до последнего этапа. Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной «твердыни». Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических сообра-

жений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы,—окончательной борьбы с врагом русского народа. Самодержавие все сделало для подготовки этой борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском, и теперь оно пожирает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии.

Дело таких отрядов—провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить,—сначала хотя бы в небольшой части территории государства,—полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции. Только созная эти новые задачи, только поставив их смело и широко, отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой революционного правительства. А революционное правительство—такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация. И кроме остатков военной силы самодержавия есть военные силы соседних государств, у которых молит уже поддержки русское падающее правительство, о чем мы расскажем ниже.

Революционное правительство необходимо для политического руководства народными массами,—сначала в той части территории, которая уже отвоевана у царизма революционной армией, а потом и во всем государстве. Революционное правительство необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям, во имя которых идет революция, для устройства революционного народного самоуправления, для созыва действительно всенародного и действительно учред. собр., для проведения тех «свобод», без которых невозможно правильное выражение воли народа. Революционное правительство необходимо для политического объединения восставшей части народа, которая на деле и окончательно порвала с самодержавием, для политической организации ее. Эта организация может быть, конечно, только временная, как только временным может быть и революционное правительство, берущее в руки власть от имени народа, для обеспечения воли народа, для деятельности посредством народа. Но эта организация должна начаться немедленно, в неразрывной связи с каждым успешным шагом восстания, ибо политическое объединение и политическое руководство не могут быть отложены ни на минуту. Для полной победы народа над царизмом это немедленное осуществление политического руководства восставшим народом не менее необходимо, чем военное руководство его силами.

Каков будет окончательный исход борьбы между сто-

ронниками самодержавия и массой народа, в этом не может сомневаться ни один человек, сколько-нибудь сохранивший способность рассуждения. Но мы не должны закрывать глаза на то, что серьезная борьба только еще начинается, что нас ждут еще великие испытания. И революционная армия, и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского самосознания такого развитого, что было бы ошибкой ждать простого, немедленного, верного осуществления этих задач сразу. Нет, мы не ждем этого, мы умеем ценить значение той упорной, медленной, часто невидной работы политического воспитания, которую всегда вела и всегда будет вести социал-демократия. Но мы не должны допускать также еще более опасного в настоящий момент неверия в силы народа, мы должны помнить, какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могут быть исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться гражданами. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя. Задача сознательных руководителей революционного класса—всегда идти впереди его в деле такого воспитания, разъяснять значение новых задач и звать вперед к нашей великой конечной цели. Неудачи, которые неизбежно ждут нас при дальнейших попытках образования революционной армии и учреждения временного революционного правительства, только научат нас практическому решению этих задач, только привлекут новые и свежие, таящиеся теперь под спудом, народные силы к их решению.

Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. Социал-демократия никогда не спускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны*). Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса,—вопроса о свободе.

И задача учреждения революционного правительства так же нова, так же трудна и сложна, как задача военной организации сил революции. Но и эта задача может и должна быть решена народом. И в этом деле каждая частная неудача вызовет усовершенствование приемов и средств, упрочение и расширение результатов. Третий съезд Росс. С.-Д. Р. П. наметил в своей резолюции общие условия решения новой задачи,—пора браться

*) Ср. «Задачи русск. соц.-дем.» Ленина, стр. 23, о несвоевременности (в 1897 г.) вопроса о способах решительной атаки на царизм.

уже за обсуждение и подготовку практических условий ее осуществления. У нашей партии есть программа-минимум, законченная программа тех преобразований, которые вполне осуществимы немедленно в рамках демократического (т.-е. буржуазного) переворота и которые необходимы пролетариату для его дальнейшей борьбы за социалистический переворот. Но в этой программе есть основные требования и требования частные, вытекающие из основных или подразумевающиеся сами собой. Важно выдвинуть именно основные требования при каждой попытке учреждения временного революционного правительства, чтобы показать всему народу, всей, даже наиболее темной, массе в кратких формулах, в резких, ясных очертаниях цели этого правительства, его общенародные задачи.

Нам думается, можно указать шесть таких основных пунктов, которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого революционного правительства, которые должны привлечь к нему сочувствие народа, и на которых должна сосредоточиться вся революционная энергия народа, как на самом насущном деле.

Вот эти шесть пунктов: 1) всенародное учредительное собрание, 2) вооружение народа, 3) политическая свобода, 4) полная свобода угнетенным и неполноправным народностям, 5) 8-часовой рабочий день, и 6) крестьянские революционные комитеты. Разумеется, это только примерный перечень, это только заглавия, обозначения целого ряда преобразований, необходимых немедленно для завоевания демократической республики. Мы не претендуем тут на исчерпывающую полноту. Мы хотим лишь наглядно выяснить свою мысль о важности известных основных задач. Необходимо, чтобы революционное правительство стремилось опереться на народные низы, на массу рабочего класса и крестьянства,—без этого оно не может держаться, без революционной самостоятельности народа оно есть нуль, хуже нуля. Наше дело—предостеречь народ от авантюризма громких, но нелепых обещаний (в роде немедленной «социализации», которой не понимают сами говорящие о ней), выдвинув в то же время преобразования, действительно осуществимые в данный момент и действительно необходимые для упрочения дела революции. Революционное правительство должно поднять «народ» и организовать его революционную активность. Полная свобода угнетенных народностей, т.-е. признание не только культурного, но и политического самоопределения их, обеспечение настоятельных мер к охране рабочего класса (8-час. раб. день, как первая из ряда этих мер), наконец, гарантия серьезных, не считающихся с корыстью помещиков мер в пользу крестьянской массы,—таковы, по нашему мнению, главные пункты, которые должно особенно подчеркнуть всякое революционное правительство. Мы не говорим о первых трех пунктах, которые слишком ясны, чтобы требовать комментариев. Мы не говорим о необходимости практического осуществления преобразований даже на небольшой отвоеванной, к примеру скажем, у царизма, территории,—практическое осуществление важнее в тысячу раз всяких манифестов и труднее, конечно, тоже в тысячу раз. Мы обращаем внимание лишь на то, что нужно теперь уже и немедленно всеми мерами распространять правильное представление

о наших общенародных и ближайших задачах. Нужно уметь обратиться к народу—в настоящем смысле этого слова—не с одним только общим призывом к борьбе (этого достаточно в эпоху до образования революционного правительства), а с непосредственным призывом к немедленному осуществлению самых основных демократических преобразований, к немедленному самостоятельному проведению их в жизнь.

Революционная армия и революционное правительство, это—две стороны одной медали. Это—два учреждения, одинаково необходимые для успеха востания и закрепления плодов его. Это—два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги. У нас много теперь есть людей, называющих себя демократами. Но много званых, да мало избранных. Много говорунов «конституционно-демократической партии», да мало среди пресловутого «общества», среди, якобы, демократического земства истинных демократов, т.-е. людей, которые искренно стоят за полное самодержавие народа, которые способны бороться не на жизнь, а на смерть с врагами народного самодержавия, с защитниками царского самодержавия.

У рабочего класса нет этой трусливости, этой лицемерной половинчатости, которые свойственны буржуазии, как классу. Рабочий класс может и должен быть вполне последовательным демократом. Рабочий класс своей кровью, пролитой на улицах Петербурга, Риги, Либавы, Варшавы, Лодзи, Одессы, Баку и массы других городов, доказал свое право на роль авангарда в демократической революции. Он должен оказаться на высоте этой великой роли и в переживаемый решительный момент. Сознательные представители пролетариата, члены Р. С.-Д. Р. П., должны, ни на минуту не забывая о своей социалистической цели, о своей классовой и партийной самостоятельности, выступить перед всем народом с передовыми демократическими лозунгами. Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделиться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедывать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство.

(Н. Ленин).

Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана.

Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перелома части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство.

Верхом этого позора было обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против вос-

ставших матросов! Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние». Турецкий султан должен защитить царское самодержавие от русского народа; царю нельзя опереться на русские военные силы, и он молит о помощи чужие державы. Трудно представить себе лучшее доказательство полного краха царской власти. Трудно подыскать лучший материал для разъяснения солдатам русской армии их роли.

Вот что пишет в передовой статье 4-го июля (н. ст.) газета «Таймс»,—надо заметить, что это—одна из самых богатых и наилучше осведомленных во всем мире газет, орган консервативной английской буржуазии, находящийся даже наших «освобожденных» непомерно радикальными, сочувствующий «шиповцам» и т. д. Одним словом, в преувеличении сил и значения русской революции никто уже не заподозрит эту газету.

«Бессилие русского правительства на море,—пишет «Таймс»,—нашло себе поразительное подтверждение в той ноте, с которой, как сообщают, оно обратилось к Порте (т.-е. к турецкому правительству) и к румынскому правительству. В этой ноте русское правительство просит названные государства рассматривать возмущившихся матросов русского флота, как обыкновенных уголовных преступников, и предупреждает их, что в противном случае возможны международные осложнения. Другими словами, правительство царя унизило до того, что умоляет турецкого султана и короля румынского быть настолько добрыми и выполнить для него ту полицейскую работу, которую оно само для себя выполнить уже не в состоянии. Остается выждать, соблагоизволят ли Абдул Гамид оказать царю просимую им помощь, или нет. До сих пор единственным результатом восстания матросов с точки зрения его влияния на турецкие власти было то, что оно побудило их к более строгому, чем обыкновенно, надзору, при чем первой жертвой этого надзора оказалось в субботу русское судно береговой обороны, на котором вечером, когда уже было темно, въезжал в Босфор русский посол. Турки выстрелили по этому судну холостым зарядом. Год назад турки вряд ли решились бы таким способом осуществить свой надзор. Что касается румынского правительства, то оно поступило правильно, игнорируя просьбу рассматривать восставших матросов, как уголовных преступников. Этого, конечно, и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя. Румынское правительство приказало не давать ни припасов, ни угля «Потемкину», но оно сообщило в то же время его 700 матросам, что если они высадятся на берег в Румынии, то их будут рассматривать лишь как иностранных дезертиров».

Итак, румынское правительство отнюдь не на стороне революции, ничего подобного! Но унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому и презираемому царю всей России оно все же не хочет. Оно отказывает царю в его просьбе. Оно поступает, как только и может поступать «правительство нации, уважающей себя».

Вот как говорят теперь в Европе о русском самодержавном правительстве, говорят те люди, которые еще вчера подобострастно кланялись «великому и могучему монарху!».

Теперь и в немецких газетах есть подтверждение этого нового неслыханного позора самодержавия. В «Франкфуртскую Газету» телеграфируют из Константинополя от 4 июля и. ст.: «Русский посол Зиновьев передал вчера турецкому правительству ноту петербургского кабинета, в которой сообщается, что около 400 русских матросов, потопив один крейсер, спаслись третьего дня на одно английское торговое судно, шедшее по направлению к Константинополю. Русский посланник требует от Турции безусловного задержания этого торгового судна при переходе его через Босфор, а также ареста и выдачи возмущившихся русских матросов. Турецкое правительство в тот же вечер собрало на экстренное заседание совет министров, который обсудил русскую ноту. Турция ответила русскому посольству, что исполнение его требования для нее не возможно, ибо по международному праву Турция не имеет прав полицейского надзора за судами, идущими под английским флагом, даже тогда, когда эти суда находятся в турецких гаванях. Кроме того, между Россией и Турцией нет договора о выдаче преступников».

Турция ответила «мужественно»,—замечает по этому поводу немецкая газета. Турки не хотят быть полицейскими прислужниками царя!

Сообщают также, что когда миноносец «Стремительный»*) вместе с несколькими другими военными судами пришел в Констанцу (Румыния) в поисках за «Потемкиным», то румынское правительство указало русским властям, что в румынских водах за порядком наблюдает румынская армия и румынская полиция даже в том случае, если бы «Потемкин» находился еще в румынских водах.

Оказывается, таким образом, что вместо беспокойства иностранным судам со стороны «Потемкина» (чем пугало Европу царское самодержавие) неприятности сыпятся теперь на них от русского флота. Англичане возмущены задержанием и обыском в Одессе их судна «Granley». Немцы негодуют по поводу слухов о том, что турки остановят и обыщут по просьбе русских идущее из Одессы в Константинополь немецкое судно «Пера». Может-быть, при таких обстоятельствах не так-то легко будет России получить помощь от Европы против русских революционеров. Вопрос об оказании такой помощи обсуждают очень многие заграничные газеты, но большей частью они приходят к выводу, что не дело Европы помогать царю бороться против «Потемкина». В немецкой газете «*Berliner Tageblatt*» появилось сообщение, что русское правительство обратилось и к державам с просьбой послать их военные суда из Константинополя в Одессу, чтобы помочь восстановить порядок! Насколько верно это сообщение (проверяемое некоторыми другими газетами),—покажет недалекое будущее. Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами.

Этого обстоятельства не надо забывать при оценке того сообщения, которое делает г. Леру в телеграмме от 4/VII н. ст. из Петербурга в парижскую газету

*) На «Стремительном», говорят, нет матросов. Почти вся команда состоит из одних офицеров. Аристократия против народа!

«Le Matin»: «Во всем этом происшествии с «Потемкиным»,—пишет он,—поразительна непредусмотрительность русских властей, но нельзя не отметить также недостатка в организации революции. Революция овладевает броненосцем,—событие, невиданное в истории!—не зная в то же время, что с ним делать».

Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовывать революцию, поставить восстание в числе неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций.

Но заслужил ли этот упрек броненосец «Потемкин»,—мы не решимся сказать. Может-быть, его команда преследовала именно ту цель, чтобы показаться в гавани европейской державы? Разве русское правительство не скрывало от народа вестей о событиях в Черноморском флоте до тех пор, пока «Потемкин» не пошел свободно в Румынию? И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом. Фактически русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, но «лиха беда начало»,—говорит пословица.

По последним известиям, «Потемкин» пришел в Феодосию, требуя припасов и угля. Городское население волнуется. Рабочие требуют удовлетворения просьбы революционного броненосца. Дума постановляет отказать в угле, но дать провизию. Весь юг России волнуется так, как никогда. Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в 6000 человек. Телеграфируют о расстреле 160 инсургентов военным судом, о том, что из Петербурга дан приказ «не давать пощады!». Но войска бессильны, войска сами ненадежны. В фабричных предместьях Одессы волнение не утихает. В прошлую ночь (с 4 на 5 июля н. ст.) убито 35 человек. Большая часть войск по приказу генерал-губернатора выведена из города, потому что среди войск обнаружился серьезный недостаток дисциплины. В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах. В Севастополе убито 13 человек. В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания. В последние четыре дня убито до 700 крестьян. «Начинается, повидимому,—так гласит телеграмма из Одессы в Лондон от 5/VI н. ст.,—борьба не на жизнь, а на смерть между народом и бюрократией».

Да, настоящая борьба за свободу,—борьба не на жизнь, а на смерть, только еще начинается. Революционный броненосец еще не сказал своего последнего слова. Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!

(Г. Ленин).

Организация монархистов¹⁾.

[Глумов у Щедрина говорит о либералах:

«Ведь, мы как радуемся! И день, и ночь, и день, и ночь! И дома, и в гостях, и в трактирах, и словесно, и печатно! Только и слов: слава богу! дожили! Ну и нагнали своими радостями страху на весь квартал».

После приема царем земской депутации сердца либералов растаяли. Радостно приветствовали они начало новой эры,—эры единения Николая Кровавого с народом. Не спросили они только у народа: желает ли он единения с извергом бесчисленных дней «9 января»? Не спросили они и ту клику казнокрадов и мундирных разбойников, которой так тепло живется под усиленной охраной! А, между тем, как мало требуется наблюдательности, чтобы видеть, что не мундирные разбойники существуют для самодержавия, а самодержавие для мундирных башибузуков! Как немного нужно ума для понимания того, что за спиной Николая-марионетки его окровавленными руками играет определенная общественная сила. В последнее время эта сила все более выдвигает принцип «самодетельности»].

Защитники [самодержавия] поняли, что почва колеблется под их ногами, и почувствовали необходимость организовать свои силы для самозащиты. [И вот] в абсолютистской России возникла своя монархическая партия. Воззвание этой партии призывает всю «благомыслящую Россию, воспрянув духом, сплотить свои силы и приступить к внутренней культурной работе по оздоровлению нашей общественной мысли... ждате дальше не приходится... широко несется пропаганда об ограничении власти русского царя-самодержца... Все паразиты, питающиеся у разлагающегося самодержавия, стремятся встать на защиту источника своего благополучия. Правда, «Гражданин» попытался-было возразить против организации особой монархической партии в монархической стране. «Монархисты—это весь русский народ»,—хочет он уверить читателя. Но чувство самосохранения берет верх у него, и он тоже призывает к соединению в «одну дружную семью» и к дружному отпору «опасным внутренним врагам отечества». Орган же князя Мещерского «Дружеские Речи» защищает черные сотни, прямо заявляя, что «черная сотня—это православный народ русский», а весь русский народ, это и есть, по его мнению, монархическая партия. Монархическую партию в Москве так и называют партией черной сотни или партией Чудова монастыря, потому что во главе ее стоит московский епископ Никон. Он напечатал брошюру под заглавием «Голос из обители преподобного Сергия о печальных событиях последнего времени на Руси». Брошюра эта призывает к борьбе с прогрессивными партиями, с интеллигентами, которые «желают свободы личности, народного представительства, гражданского равенства и контроля над администрацией». Но с особенным раздражением и ненавистью относится автор брошюры к революционерам и рабочим. «На улицах городов, на улицах столиц,—пишет он,—бушуют толпы рабочих, требуют невозможного, часто даже того, о чем и сами не имеют понятия, не слушают никаких увещаний и готовы обратиться в диких зверей, коих выпустили из клеток... Против же зверей—одно средство—

оружие»... И орган монархической партии предлагает действительно сильные средства, чтобы «сразу положить конец уже слишком нагло разбушевавшейся в России революционной крамоле. Достигнуть же этого можно только диктатурой... Всю Россию со всеми ее окраинами необходимо теперь же объявить на военном, а где нужно, и на осадном положении, которое прекратится только тогда, когда прекратится вся внутренняя смута». Так велик страх монархистов перед «врагами внутренними»!

Монархическая партия заявляет в своем воззвании, что она «всецело основывается на манифесте 18-го февраля. Указ 18-го февраля является залогом нашего будущего прогресса, так как он устраняет всякую идею о конституционном народном представительстве и этим сохраняет незыблемость и целостность царского самодержавия».

Программа монархической партии вполне определена. Она состоит только из трех пунктов. Первый пункт заключается, конечно, в усмирении «врагов внутренних», так как вся монархическая партия и сложилась — то только для борьбы с этим страшным для реакционеров пугалом. Второй пункт предлагает диктатуру для усмирения этих «врагов внутренних». И, наконец, когда будет одержана победа над «врагами внутренними» и победоносно закончена война с Японией, — тогда только наступит время для реформ, при чем партия будет стараться, чтобы реформы эти привели к еще большему укреплению неограниченной самодержавной власти и к «возвеличению православной церкви». Следующими пунктами программа намечает первые важнейшие реформы, а именно: окончательную руссификацию окраин; уничтожение земства и бюрократии, что, разумеется, предполагает замену их крепостными отношениями; опеку высших сословий над материальной и особенно духовной жизнью пролетариата и крестьянства; преобразование судопроизводства и школы; укрепление права частной собственности вообще и особенно на землю; рациональную организацию переселенческого дела для

улучшения положения крестьян (очевидно, что оставлять их голодать без всякой надежды на лучшее не совсем безопасно и при военном положении). Последний пункт программы реформ представляет собой, так сказать, общий вывод из всех намеченных реформ и требует создания вообще единой, неделимой, крепко сплоченной российской империи. Программа реформ составляет третий пункт программы монархической партии. Мы видим, что вся эта программа представляет собой все тех же трех китов: самодержавие, православие, народность, при чем эта последняя выражается в руссификации окраин и крепостных отношениях внутри России.

Практическая деятельность [монархической партии] состоит в организации черных сотен. Она ведет усиленную пропаганду листовками и брошюрами среди самых темных слоев населения, но в своей достойной работе она встречает себе поддержку только со стороны полиции. [От нее отвернулись даже представители консервативных течений. Что касается последних, то одной из наиболее] серьезных [консервативных] организаций является Союз русских людей или, как его иначе называют, Шереметьевская партия.

Программа ее тоже состоит из трех пунктов: первый пункт толкует о сохранении монархии. Второй, основываясь на словах рескрипта 18-го февраля, говорит о выборе народных представителей, но, разумеется, только с правом совещательного голоса в предварительном обсуждении законов. Третий [пункт] касается усмирения внешних и внутренних врагов, смущающих верные монархические сердца. «Московские Ведомости» очень вооружаются против 2-го пункта этой программы, говорящего о народном представительстве; но представительство это совсем не опасно для самодержавия, потому что оно несколько его не ограничивает. Подобные же монархические кружки организуются кое-где и в других городах. Так, в Киеве образовалась строго консервативная партия под именем Национально-патри-

Очерки из истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата.

V. Падение королевской власти.

Прошел год со дня падения Бастилии. К его годовщине со всех сторон Франции стеклись в Париж пламенные друзья самоосвобождения народа, и решено было с торжеством отпраздновать на Марсовом поле день 14 июля 1790 года.

Но неоконченная революция полна лжи. Народ с энтузиазмом готовился к своему революционному празднику, но не так относились к нему разбитые, полураздавленные элементы старины — духовенство и король, которые благодаря частью трусливой нерешительности, частью сентиментальности умеренной буржуазии все еще пользовались почетом и властью, лишь наполовину скрыв свое полное ненависти лицо под маской официального признания половинчатых результатов недозрелой революции. Праздник вышел холодный и

фальшивый. Месса известного предателя еп. Талейрана и натянутые речи короля — все это было крайне неуместно.

И все же это курьезное празднество, на котором старые господа, поклявшись в глубине души задушить революцию и отомстить за поругание своего величия, лицемерно прославляли героизм толпы, разбившей их оплот, — это смешное празднество имело крупный результат: войска приняли за истину признание королем революции, они радостно братались с народом, народная мысль широкими волнами стала проникать в солдатские сердца, и... король потерял армию окончательно. Грозный солдатский бунт в Нанси показал это ясно, страшно встревожив придворное гнездо заклятых врагов революции, лицемерно с ней примирившихся. «Нет ничего более жалкого, — говорит один из историков революции, — как власть, имевшая единственной опорой силу и потерявшая войско». При этом надо заметить, войско не просто потеряно — оно переходит открыто на сторону революции. Недаром наши великие князья заявили Николаю на одном из военных советов после Цусимы: «Пусть лучше японцы уничтожат манчжурскую армию, чем возвращать ее в Россию, где она может

тического общества, состоящего, главным образом, из представителей купечества.

Из тайного циркуляра министра внутренних дел мы видим, что в Петербурге образовалось «Тайное общество террористов-консерваторов «Белый Передел», поставившее своей задачей борьбу с представителями революционного движения, вплоть до бомб. В Тамбове появилось гектографированное «воззвание к русским патриотам» от имени «Тамбовской партии патриотов». Во Владимирской и Тульской губерниях появляется печатный листок: «Издание Народного Союза», направленный к агитации против представителей интеллигентного общества, земцев и вообще «господ», желающих [как сказано], ограничить самодержавную власть в личных своих видах. В Бессарабской губ. распространялось воззвание «Союза истинно русских людей, патриотов Бессарабии», обращенное «К солдатам» с приглашением не слушать политических агитаторов и передавать их в распоряжение властей. Кроме того, в той же Бессарабии появился «Устав Бессарабской патриотической лиги», имеющей целью служить интересам правительства и быть подмогой администрации в борьбе за сохранение существующего государственного строя; в числе средств для достижения этих целей имеется в виду «возбуждение в массе враждебного отношения к агитационной деятельности членов революционных партий с целью добиться протеста в форме демонстраций, петиции, тенденциозных адресов, стачек, забастовок и проч.». В Двинске появился ряд воззваний «Первой русской партии в защиту самодержавия».

Правительство, опасаясь медвежьих услуг со стороны своих чересчур усердных защитников, [пока еще не слишком поощряет все эти общества. Был даже циркуляр, предлагающий] местным властям принять меры против распространения их литературы. Но чем больше близится падение самодержавия, [чем слабее становится официально-организованная бюрократическая машина], тем все больше и больше будет выплывать

на свет божий таких кружков и союзов, для которых отстаивание самодержавного режима является вопросом самосохранения. [И остается только разводить руками от изумления, когда видишь, как тают сердца либералов от первого лицемерно-приветливого слова, обращенного к ним кровавой марионеткой самодержавного театра. Когда же, наконец, наши либералы достигнут хотя бы самой элементарной политической зрелости? Когда перестанут они «нагонять своими радостями страху на весь квартал»?

Россия уже вступила в период гражданской войны. И вопрос о политической свободе решится не «миловидными» словами, а силой оружия восставшего пролетариата].

(М. Ольминский и В. М. Величкина).

Конституционный прыжок для Николая II.

«Монарх» находит конституцию ужасно горькой. «Но поверьте,—говорят ему либералы,—это—лекарство, оно освободит вас от вечного озноба, сопровождаемого сильнейшим расстройством желудка, которым вы страдаете уже два года, если не больше».—«Горько!»,—стонет «монарх».—«Проглотите, проглотите, Ваше Величество, иначе болезнь обострится, и вам придется подвергнуться неприятному хирургическому лечению, освободившему от страданий и колебаний Карла I и Людовика XVI; мы, гомеопаты, хотим только, чтобы вы проглотили несколько крупинок горьких, но целебных, а за нами наступает хирург,—слышите его неумолимые шаги?».

Но так как «монарх» колеблется, то известный историк и правовед М. Ковалевский, весьма уважаемый либерал, решил поманить пациента еще прыжком, который Николай получит по принятии лекарства. Для

стать под знамя бунта». Россия восстала против Романовых, и теперь их задача—ослабить Россию, как мечтою Людовика было унижить Францию оружием иностранцев.

Королевская власть колебалась. Но не один король трепетал перед грозно вздымавшимися новыми и новыми валами революции: желала сохранить достигнутое, желала заворожить вызванные ею силы и либеральная буржуазия, считавшая свою умеренную и аккуратную конституцию, «принятую» королем, верхом юридической и политической мудрости. Король не мог не изменять. От него невозможно было и требовать верности принципам, претивным его воспитанию, религии, всей его натуре. Нация не могла не следить за королем миллионами недоверчивых глаз, не могла не готовиться покончить с установленными умеренной буржуазией порядками, при которых верховные права защиты Франции были доверены ее врагу, заклятому врагу новой, народной Франции. И либеральные политики, те, по крайней мере, у которых, кроме сантиментального прекраснородия и красноречия, был политический смысл, должны были выбирать: с королем или с народом. Ити с королем значило изменить народу, значило ковать против него оружие, пряча его до поры,

до времени. И на этот путь вступил великий трибун буржуазного либерализма—Мирабо.

Если нам, русскому народу, предстоит пережить конституционное переходное время, то у нас, конечно, не появится таких великих либеральных трибунов, как Мирабо, но, наверное, появятся столь же великие предатели-либералы. Мирабо советовал королю бежать в какую-нибудь хорошо укрепленную крепость, стянуть туда дворянство и оставшееся верным войско, опереться на дружественную помощь иностранных тиранов и объявить беспощадную войну Парижу, осадить его извне, изолировать и разгромить.

Мирабо умер. Но именно для исполнения этого плана король бежал с семьей 20 июня. Мне, разумеется, нечего рассказывать общеизвестную историю о том, как почтмейстер Друэ узнал Людовика XVI, как его арестовали в Варэнн: и привезли под стражей назад в Париж.

Удивляются тому сосредоточенному озлоблению, с каким толпы простонародья и национальная гвардия конвоировали беглеца короля. Солдаты шли, подняв вверх приклады, как на похоронах, все время гремел клич: «Да здравствует нация!», в котором звучало уже осуждение королю. Озлобление было так велико, что,

своего весьма дипломатического шага высоколиберальный ученый выбрал не «Русские Ведомости, не «Нашу Жизнь», вообще не какую-нибудь добропорядочную газету, а крикливую, то фарисейски велеречивую, то шутковски кривляющуюся «Русь» г-на Суворина-сына. «Статья-пряник» озаглавлена: «Монарх не может делать зла». Суворин-сын предположил ей несколько «крылатых слов»:

«В статье М. М. Ковалевский дает настоящее объяснение подписи министров под указами монархов в западно-европейских государствах. У нас общество, начитавшись истории западно-европейских государств, все еще не может отстраниться от привычки полемически понимать отношение между верховной властью и народным представительством.

В объяснении М. М. Ковалевского ярко рисуется, напротив того, возвышенное представление о государственной верховной власти, которое лежит в основе выясняемого им принципа английского строя».

Содержание статьи заключается в полемике против той шиповской «севрюжины с хреном», которую несколько политических шарлатанов хотят выдать наивным людям за конституцию. Но полемика эта особого и хитроумного рода. М. Ковалевский доказывает не то, что шиповская конституция есть обман народа и подлая капитуляция умеренных земцев перед троном, а то, что конституция эта... невыгодна монарху. «В чем беда монарха?»—спрашивает англоман Ковалевский.—«В том, что монарха обвиняют во всех мерзостях и преступлениях правящей шайки». (О, г. Ковалевский так, конечно, не выражается, это я для краткости передаю его мысли «своими словами»). При шиповской конституции «монарх» остается ответственным и все еще будет подвергаться опасности лично против него направленного народного гнева. Но при английских порядках «монарх» совершенно безопасен: «ешь, пей и веселись, душа! ибо запасы твои велики», как говорится в библии. Ми-

нистры будут отдуваться, министров будут по шее гонять, а ты только носи венец и порфиру. Спокойствие, честь и роскошь—все к твоим услугам, монарх, и ни бомб, ни гильотины уж не будешь страшиться...

Англо-либеральные и ангельски-сладостные серенады уважаемого конституционалиста вряд ли будут услышаны. Но нас более занимает не это, а другой аргумент М. Ковалевского, открывающий нам, как представляет он себе, грядущую свободу.

Ковалевский отмечает крайнюю опасность при шиповских порядках требуемого Шиповым права запроса безответственных министров. И вот в чем опасность:

«Когда этим правом в Англии и по ее образцу на всем европейском Западе пользуются члены оппозиции, они имеют в виду взамен правительственной провести в жизнь собственную программу. Они знают, что с поворотом общественного мнения в их пользу им придется, в свою очередь, сделаться правительством; они предлагают поэтому только меры, в их глазах вполне назревшие и практически осуществимые,—меры, с проведением которых они связывают свою ответственность. Раз не имеется того сдерживающего влияния, какое представляет страх быть вынужденным в любой момент перейти от предложения к исполнению, от теории к практике, депутату в рядах оппозиции откроется возможность дать полный простор своей реформаторской фантазии. В этом лежит и его прямой интерес».

Ковалевский поясняет:

«Чем смелее будут предлагаемые им решения, тем больше он возбудит нервы той бесчисленной аудитории, которая питается газетными известиями. Так как все депутаты проникнуты тем же сознанием своей зависимости от анонимной толпы читателей—будущих избирателей, то явится понятное соревнование в *carpatio benevolentiae*: каждый постарается обогнать других широтою своих схем».

Видите ли, чем объясняются «по социологу психо-

года какой-то дворянин раскланялся с королем, толпа сорвала на нем свое бешенство, и голова его на пике поплыла впереди кортежа.

Но если все это удивительно, то лишь в смысле удивительности этого верного инстинкта, чутья, подсказавшего революционному народу несомненную наличность преступления, крайней опасности, скрытой за бегством Людовика. Что касается либеральных конституционалистов, то бегство короля их ничему не научило, никакого расследования его планов не было сделано. Если такие героические младенцы, как Лафайет, могли и после Варэнна надеяться на возможность быть и за короля, и за народ, то другие ясно сознавали, что в виду опасности со стороны нежелающей остановиться на полпути революции, пожалуй, не рациональнее ли предоставить королевским планам свободу развития? Конечно, так думала лишь самая умеренная и дряблая часть буржуазии, более же энергичная и самоуверенная часть либеральной буржуазии слишком дорожила приобретениями революции и боялась королевских измен. Она мало-помалу переходила на республиканскую точку зрения. Таковы были жирондисты. Но они не понимали, что великая революция не может остановиться

и на буржуазной республике с властью привилегированных граждан, а стать на чисто-демократическую точку зрения, на которую стала позднее «Гора», они не могли, так как они были выразителями идей и интересов зажиточной буржуазии и научно образованной, хорошо оплачиваемой интеллигенции.

Как я уже сказал, недоверие и озлобление народа росло, а либералы-конституционалисты, так-наз. фельяны, бывшие у власти, решились изо всех сил защищать короля. Это повело к гнусному преступлению 17 июля 1791 года. Незадолго до этого дня учредительное собрание издало декрет о неприкосновенности и неответственности того короля, в измене которого парод был убежден (и совершенно правильно), и власть которого, навязанную и поддерживаемую либералами, он сносил с нетерпением и горечью.

По предложению некоторых демократических ораторов и публицистов мелкая буржуазия и примыкавшая к ней беднота решились протестовать против издевательства «умеренных». На Марсовом поле семь тысяч человек,—и заметьте, мужчин и женщин,—подписали протестующую против декрета петицию.

Это было не по вкусу новым слугам короля, новым

логической школы» «смелые проекты»?—Каждый хочет наловить побольше «анонимных читателей газет». Ни слова, ни звука о том, что в стране существуют классы с совершенно разнородными интересами, и что 99 из 100 «смелых проектов» суть просто выражение настоятельнейших нужд классов, наиболее угнетенных. Ол на-ряду с консервативной правящей партией г. Ковалевский согласен допустить и оппозицию, он, пожалуй, сам не прочь занять кресло среди этой оппозиции; но, сдерживаемая спасительным, несколько напоминающим мартиновщину страхом оказаться у кормила правления, оппозиция эта будет двигаться вперед лишь черепашьим шагом. Г. Ковалевский приводит далее образчик тех безумных мер, которыми депутаты будущей русской палаты будут улавливать «анонимных читателей газет», если перед ними не будет грозной перспективы самим получить министерские портфели. И—странно!—все эти примеры суть не что иное, как слегка лишь утрированные требования социал-демократии.

Послушайте:

«Сегодня министры будут запрошены насчет необходимости ввести в России шестичасовой рабочий день, помимо предварительного уговора с прочими державами, благо его предлагает «утопия» Моруса; завтра поставлен будет вопрос о национализации земель, по возможности без вознаграждения их теперешних собственников; найдется досужий оратор, которого не испугает мысль об отмене войска в виду возможности сделать из России, покрывающей одну шестую часть материков, подобие вечной нейтральной Бельгии. Химеричность самых проектов не может служить препятствием к их предложению: ведь, о практическом применении их самим автором не может быть и речи».

Все эти меры на деле вовсе не так уж неисполнимы при допущении пролетарско-крестьянской диктатуры. Но это пока оставим в стороне и спросим лишь уважаемого профессора: как понять его маленький трак-

тат? Неужели профессор допускает, что, кроме «оппозиции его величества», над головой которой, как Дамоклов меч, будет висеть министерский портфель, в палате не будет еще крайних оппозиционных партий? Эти партии, несомненно, будут предлагать множество «химерических», с точки зрения сытой буржуазии, проектов, на наш взгляд, потому, что они явятся представителями обездоленных классов, на взгляд «психолога» Ковалевского—ради уловления «анонимных читателей»... Как же быть? Ведь, химерические проекты все же будут и при ответственных министрах? Ведь, кроме танцующих кадрили вокруг министерских кресел наших доморощенных Сольсбери и Гладстонов, будут же у нас и Парнели, и Брайты? Мало того,—будут Бебели и Либкнехты? Как уберечься тогда от завоевания этими не устаревшими близостью портфеля людьми «анонимных читателей газет»? Не начинаете ли вы догадываться? Очевидно, в грядущей палате им просто не должно быть места. И—странный психологический факт, г. Ковалевский!—стоит лишь ввести ценз и лишить полновластия бедняков и пролетариев, и палата сразу очистится от этих «демагогов», уловляющих химерами умы. «Психологически» это странно, но это совершенно ясно с точки зрения классовой. О, хитроумный Одиссей! В одном вы ошиблись: если вы не позволите раздаваться голосам «утопистов» в палате, они загремят на улицах: вы хотите спасти от взрывов народного гнева монаршую главу, не придумаете ли вы остроумной машины для спасения от них вашей милой палаты, где любезное большинство всегда с улыбкой готово уступить место любезному меньшинству, ибо и то, и другое—один чорт, одинаковые эксплуататоры! С точки зрения рабочей, нашей, далеко ли ушел М. Ковалевский от Шипова? Испеченный им конституционный пряник, быть-может, покажется достаточно вкусным Николаю II, но от него слишком мало толку рабочим, на счет которых должна будет производиться вся стряпня по рецептам Ковалевского для взаимоулаживания государя, министер-

хранителям изменнического трона, хранителям во имя лживой и нежизненной конституции. На Марсовом поле произошла случайная потасовка, возникшая по недоразумению: нашли двух скрывавшихся мужчин, быть-может, воров, и избili их, уверенные в какой-нибудь изменнической западне. Мгновенно добродетельный седовласый Байльи, мэр Парижа, и донкихотствующий Лафайет явились на место демонстрации во главе национальной гвардии. Демонстранты гордо заявили, что не разойдутся, так как они пользуются лишь своим правом. В свое время так ответили либералы учредительного собрания на королевский приказ разойтись: король, самодержец, не решился пустить в ход силу и волей-неволей склонился перед правом; но господа либералы, прекраснородные старцы и героические генералы, герои полусвободы и золотой середины, не задумываясь, пролили кровь народную. Национальная гвардия стала теснить народ, он решился защищаться неустрашимо. Тогда было дано несколько залпов в безоружную толпу, наполовину состоявшую из женщин. 400 мертвых и раненых были трофеями сладостного и рыцарственного Лафайета, этого «святого генерала» либерализма.

Либералы порвали с народом. Эта кровь им была отомщена позднее.

Учредительное собрание, выработав свою половинчатую конституцию, закончило свое существование, передав свои полномочия первому законодательному собранию. Под давлением общественного мнения всей Франции король, все время изменнически переписывавшийся с иностранными тиранами, время-от-времени серьезно обсуждавший вопрос о том, кого надо будет казнить и кого миловать после разгрома революции, вынужден был торжественно объявить войну австрийскому императору и всей европейской реакции. Сердцем он был с ними, против Франции, которая стала ему чужой, но благодаря либералам он в одно и то же время для себя был абсолютным монархом и ненавидел «мятежный народ», а для них, для «умеренных» вождей народа,—«конституционный монархом»—другом революции. Торжественно читая членам законодательного собрания высокопарный адрес, он в частной переписке называл их «подлецами!». Это было 20 апреля 1792 года. Король думал, что теперь бдительность нации усыплена. Но усыпил он лишь вечно колеблющихся умеренно-буржуазных политиков.

ства его величества и оппозиции его величества...

Но высказывайтесь, высказывайтесь, господа либералы! Мы, «анонимные читатели», вас слушаем с большим вниманием.

(А. Дуначарский).

Восстание в Одессе.

Одесса. 13-го июня тысяча рабочих собралась у завода Гена, чтобы идти снимать другие фабрики и заводы. Вызвали казаков, рабочие встретили их камнями и заставили казаков отступить на несколько кварталов. Затем запас камней кончился, и рабочие остановились. Остановились и казаки, спешились. Слезая с лошади, каз. офицер запнулся и упал. Рабочие бросились бить офицера. Казаки дали залп и убили троих рабочих. После этого кровопролития Комитет начал агитировать за всеобщую политическую забастовку и призывал рабочих требовать выдачи трупов убитых для похорон без участия войск и полиции. На эту тему велась агитация 13-го. 14-го пошли снимать, снимали дружно, к 5 час. вечера стояло почти все; конки перестали ходить, на Преображенской лежало 2 вагона—остатки баррикад. 14-го вечером разнесся слух, что из Севастополя на усиление войск пришел броненосец. В этот день были баррикады в двух местах, и происходили стычки с войсками и полицией, убито 2 полицейских. 15-го июня утром с.-д. организации получили листок от матросов с пришедшего броненосца, в котором те извещали, что они окончили со своим начальством и присоединяются к рабочим. На берегу Карантинной гавани в палатке лежал убитый матрос, и на груди его листок. Оказалось, что матрос жаловался на пищу, офицер приказал замолчать. Матрос отказался молчать, и офицер тут же убил его. Команда в 700 чел. взбунтовалась, убила 7 офицеров и сбросила

их в море, больше десяти человек офицеров перевязала и позапирала по каютам и на свободе оставила только молодого мичмана. На броненосец отправлено по одному человеку от каждой с.-д. организации—военный совет. Матросы заявили, что если полиция или войско тронут убитого, лежащего на берегу, то броненосец начнет тотчас же бомбардировать город, а всем рабочим на этот случай предлагают собраться в Карантинной гавани, где они будут. Сегодня убитый матрос лежал весь день с листком на груди. Над шалашом развеваются ленты с надписями: «Слава погибшим борцам и долой убийц», и ни полиция, ни войско не подходят. Вытребованы 2 броненосца для усмирения, а матросы ждут прихода остальных броненосцев, так как настроение во всем флоте одинаковое, и тогда можно устроить похороны и выступить рабочим под охраной 2 тысяч вооруженных моряков. Ведется усиленная агитация среди войска, и, говорят, власти на войско не надеются. Толпа в несколько тысяч рабочих провела сегодня день в Карантинной гавани, речи говорились непрерывно, от возгласов стон в воздухе стоял, а полиция и войско виднелись только на почтительном расстоянии. К вечеру оказалось, что рядом в гавани сложена масса ящиков с водкой, босяки стали напиваться; очевидно, полиция поставила водку, рассчитывая сплотить толпу и направить на погром. Организованные рабочие, которые уже разошлись—было, отправились топить ящики с водкой.

15-го июня. С 13-го числа объявлена всеобщая забастовка. Два дня мы толпами ходили по улицам и всюду снимали с работы несознательных рабочих. Были мелкие стычки с полицией, но мы выходили победителями. Разъяренные шайки казаков беспощадно бьют и режут, не разбирая, детей, стариков, женщин. На третий день арестованы были 25 человек (высланных нами депутатов). Это взволновало всю массу, и началось шествие по улицам, на которых начали строить баррикады. Я никогда не забуду одной сцены, происшед-

Ободренный военной заносчивостью и чванством эмигрантов и немецких военачальников, король прогнал навязанное ему было жирондистское министерство и наотрез отказался подписать декрет против духовенства, не принешего присягу конституции. Конечно, господа политики, «излюбленные мужи» зажиточного класса, которые благосклонно допускали кровавую защиту Лафайетом измышленной ими конституции от народа, не нашли средств для защиты ее от короля. Но тут уж народ не мог стерпеть. Ясно, что если бы король одержал верх в этом вопросе, если бы не нашлось силы, готовой противостать новым поползновениям короны,—дело революции было бы проиграно.

Народ решил напомнить собранию высокомудрых законодателей их обязанность защищать конституцию и сверху. Историки и юристы возмущаются, что народ решил оказать непосредственное давление на собрание представителей нации. Но забывают, что Париж, народный Париж секций, т.-е. мелких самоуправлений беднейших пригородов, действительно отстаивал права всего трудящегося и терпящего лишения многомиллионного населения, а пресловутые «представители нации» были на деле представителями лишь зажиточных слоев

ее; забывают также историки и юристы, у которых всегда готово слово осуждения для «бестактного проstonародья», что в день 17 июля 1791 г. либералы уже отделили свою политику от политики демократии красной полосой пролитой ими республиканской крови.

Да, народ решил еще раз выступить самолично на сцену, потому что момент был критический; революционный Париж снова заговорил 20 июня 1792 года, почти ровно через год после «либеральной» бойни.

В этот день 8 тысяч вооруженных людей, с демократическим деятелем Сантерром во главе, вышли из беднейших предместий Парижа и стройной колонной отправились к законодательному собранию. Их требования, вернее—их напоминания собранию были в высшей степени практичны: они хотели, чтобы жирондисты, замешанные в измене, были вновь призваны к управлению страню, чтобы декрет о мерах против неприсягавших конституции священников вошел в силу, и чтобы около Парижа был собран лагерь из 20.000 человек добровольцев, готовых до последней капли крови отстаивать завоеванную дорогую свободу. Народ желал отдать революцию под единственно действительную и надежную защиту—под защиту вооруженного народа.

шей на моих глазах. Представьте себе толпу детей (11—14 лет) с воодушевленными, вспотевшими личиками, стаскивающих своими маленькими ручонками бревна и камни для баррикады. Они так поглощены своей работой, что не обращают ни на что внимания, не слушают ни топота казацких лошадей, ни свиста нагаек. Праздная, глазающая публика да и все мы содрогаемся, завидев их бешеный бег... Еще один момент, еще один скачок, и слетят, быть-может, невинные головки, перестанут биться эти еще чистые детские сердца... Раздался залп, и на несколько минут все покрылось как бы туманом. В воздухе запахло кровью. Когда туман рассеялся, мы увидели красную от крови мостовую, несколько убитых и раненых товарищей, в том числе и одну молодую девушку.

15-го и юн я. Сегодня утром в порт прибыл эскадронный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» с восставшими матросами. Недовольство матросов вспыхнуло по поводу убийства командиром товарища. От имени всех матросов Григорий Вакулинчик заявил протест против отвратительной пищи—борща с червивым мясом. Старший офицер застрелил его. На броненосце начался ропот. Офицеры прибегли к оружию и ранили несколько матросов. Тогда все начальство броненосца было перевязано, 6 офицеров убиты и спущены в море, остальные арестованы на броненосце, за исключением одного мичмана, которого матросы знают, как своего. Он заявил, что готов умереть вместе с матросами. С арестованными офицерами обращение очень корректное. Все это произошло в 40 верстах от Одессы. Узнав, что в Одессе восстание, матросы отправились туда, чтобы присоединиться к восставшим.

Утром на броненосец отправилась вся местная высшая администрация для переговоров и потребовала труп убитого матроса. Матросы заявили, что труп принадлежит народу и будет отдан в его распоряжение. Труп перевезен на берег и лежит на моле под палаткой.

Законодательное собрание не посмело отказать народу в аудиенции. Длинной вереницей потянулись суровые граждане, вооруженные чем попало; немало среди них было и гражданок. Народ вел себя лойляльно: пики склонялись перед представителями нации, но угроза чувствовалась в этом шумном шествии доподлинных представителей народа через зал заседаний. Сантерр изложил в строгой речи народные требования, а потом «санкюлоты», люди в простонародном платье, пропели у трибуны «са іга» и протанцевали революционный танец. Народ весел во время революции, он поет и пляшет. Господам чистым барам эти песни и танцы кажутся «людоедскими». На наш взгляд, не более ли людоедские танцы совершаются в высоких и блестящих залах под томные звуки изысканных вальсов, там, где бриллианты и кружева оплачены слезами и изнуряющим трудом, где, танцуя, топчут в могилу сердца тех, кто родился, чтобы быть «мясом для машин», каторжником и рабом веселящихся господ.

Из собрания народ отправился во дворец. Никто не смел противостоять ему. Король, ведя за руку своего сына, вышел к народу. Он собрал все свое мужество. Молча выслушал он требования народа и упорно отка-

зал на груди убитого—листок от матросов следующего содержания:

«Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчика, убитого старшим офицером эскадронного броненосца «Князь Потемкин Таврический» за то, что Вакулинчик заявил, что «борщ не годится». Осеним себя крестным знаменем и скажем: мир праху его! Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

Команда эскадронного броненосца
«Князь Потемкин Таврический».

Один за всех, все за одного!»

Около трупа несколько импровизированных трибун. Одна из трибун украшена черною лентою с надписью: «Слава павшим товарищам!». Вокруг многолюдная толпа, слушающая революционные речи ораторов. Толпа приветствует ораторов революционными возгласами и подхватывает революционные лозунги. Настроение небывалое. Были попытки со стороны полиции вызвать еврейский погром, агитация в этом смысле велась все время. Толпа убила 2 шпионов, призывавших к погрому; трупы убитых шпионов бросили в море при криках «ура!». Шпионы пытались организовать черную сотню, но тоже безуспешно; за речи о пользе самодержавия их избивали без дальнейших разговоров.

Тут же в гавани все время заседают представители социал-демократических организаций—Комитета, Группы и Бунда—и руководят действием агитаторов и организаторов. Прибывают все новые и новые массы народа, прочитывают вслух воззвание и восторженно подхватывают призыв к революции. На броненосце образовали совет с участием представителей социал-демократических организаций; он открыл сначала собрание в каюте, но потом перенес его наверх, и положение дел обсуждалось при всей команде. Матросы со вниманием прислушивались ко всему, что говорилось. Настроение

зал во всем. Этого слабого, мечущегося из стороны в сторону человека превратило в упрямого героя настоящей воздействие духовенства: во имя бога и религии оно воспретило ему уступать, и обманутый, как последний мужик, Людовик ради царствия небесного, стиснув зубы, отвечал народу «нет!». Толпа сдерживала свои страсти. Она лишь предложила королю надеть на себя и на дофина фригийские красные шапки, какие носили защитники свободы. Король не отказался. И медленно толпа разошлась. Упрямство короля на этот раз лишь подтвердило республиканский инстинкт масс, но не возбудило стихийного гнева. Народ давал срок законодательному собранию действовать.

(А. Луначарский).

(Продолжение будет).

боевое и прочное. Все сознают серьезность и важность шага и его политическое значение. Подготавливались к этому давно уже. Теперь ждут прибытия остальных судов эскадры, на присоединение которых к восставшим серьезно надеются.

Часов в 6 босяки начали громить товарные склады и монополию. Вино разливали и разбивали здание. Вспыхнул пожар, быстро охвативший всю гавань. Сгорели огромные склады пароходных обществ, все портовые здания, много пароходов и судов, пристань, эстакада; горит Пересыпь. Море пламени бушевало всю ночь. В городе невероятная паника. На вокзале давка. Буржуа уезжают. В пламени гибнут десятки миллионов. Весь порт и гавань заняты войсками, казаками и полицией. Никому не дают выйти оттуда, всех пытающихся выйти расстреливают. Слышны непрерывные залпы. Вслед за залпами среди треска и воя пламени вырываются возгласы «ура!». (Сообщено представителем Комитета).

15-го и юн я. В 4 часа дня представителями социал-демократических организаций собрание в гавани было распущено в виду того, что матросы отказались высадиться на берег. Отказ этот мотивировали они тем, что не могут высадиться, пока не придут еще 3 броненосца, которых они ждали. После заявления ораторов все рабочие разошлись по домам, решив утром собраться опять для обсуждения дальнейшего плана действий. Гавань очистилась от рабочих, но громадная толпа осталась, преимущественно из босяков да частью из несознательных рабочих. Первым актом их действий было убийство стражника, который охранял товар на берегу; после этого начался грабеж. Сначала набросились на водку и вино, много бочек вина было брошено в море. Настроение толпы было зверское, озлобленное, но вся злоба была направлена против полиции. Во время грабежа один из босяков произнес речь приблизительно такого содержания: правительство прислало нам водку для того, чтобы мы напились и пошли разбивать жидов, но этому не бывать; от водки мы, конечно, не откажемся, но бить будем только полицейских чиновников, а не евреев, потому что они—наши товарищи, наши братья и т. д. В толпе раздавались крики «ура!», «дойлой полицию!» и т. п.

16-го июн я. Город объявлен на военном положении. Вчера не работали, но в городе было тихо. Утром пришел броненосец «Князь Потемкин» с двумя миноносками и транспортом. Свезли на берег убитого матроса (убит офицером) и положили в палатку. На труп его положили прокламацию за подписью матросов (текст см. выше).

Среди матросов и портовых рабочих произносились горячие речи ораторами из социал-демократических организаций. Речи были приняты очень хорошо. Братались с народом.

Часов в 5—6 матросы стали упрашивать публику разойтись до следующего дня, так как к ним ожидается присоединение остальной эскадры. Матросы говорили, что если в них будут стрелять, то они начнут бомбардировать город. Знак—красный флаг на броненосце. Сначала в гавань приехали казаки и солдаты. Матросы выкинули красный (боевой) флаг, и войска немедленно ушли из порта. Матросы потребовали под той же угро-

зой угля, им дали. Сегодня они потребовали баржу воды и получили. Их угрозы приняты всем городом очень серьезно. Они условились действовать заодно с организацией. На другое утро они решили хоронить товарища и понесли его через город на кладбище. Часть экипажа осталась на броненосце для угрозы, если остальным сделают какое-нибудь зло. В тот же день они отправили одну миноноску к остальной эскадре. Они сильно уверены в себе и в своих.

В 7—8 часов вечера босяки и мальчишки начали грабить в порту товары. Уже тогда появились и пьяные среди них, а днем держались сознательно, рассуждали. Между прочим, один стражник вступился за самодержавие (по словам одних) или говорил, чтобы бить жидов (по словам других), его сейчас же убили.

В 9 часов, возле памятника Екатерины бросили бомбу в казаков, не допуская публики к бульвару. В порт никого не пускали. Легко ранено несколько казаков. В то же время начался пожар в порту. Поехала пожарная команда, но ее заставили вернуться назад... Все небо стало богряно-красным, порт—одно сплошное море огня. Видно было, что огонь не перебрасывается сам, но что поджигают. Горели: Андросов мол, военный и тот, что перед карантинном. Горели суда, стоявшие возле брекватера. Загорелись стоявшие и за брекватером. Горели склады товаров, пакгаузы, эстакады на больших расстояниях. Часов в 11—12 ночи начались один за другим залпы: очевидно, появились войска. В кого стреляли, много ли жертв, неизвестно. Там море огня, а кругом темно. Потерпевших, говорят, 1000; минимальная цифра 800. До залпов каждый раз раздавалось снизу «ура», очевидно, при каждом новом поджоге. После начала залпов «ура» прекратилось.

Броненосец освещает город рефлектором. Стал он теперь у конца брекватера в боевую позицию к городу. Сегодня в 5 часов утра на бульвар везли орудия, штук 30. Везде стреляют при малейшей попытке приблизиться. Сегодня утром слышна была канонада.

17-го и юн я. Вчера поехали 8—12 матросов хоронить убитого товарища. По их требованию им дали «церемонию». Провожала масса народу. Ультиматум поставили следующий: если не вернутся товарищи, отправившиеся на похороны, в 7 или 7½ час. вечера (т. е. если их арестуют),—будут бомбардировать. Вдруг страшный гул, а за ним как-будто полгорода валится. Стрелял броненосец. Матросы думали, что товарищи их задержаны: не вернулись во-время. Опять тот же страшный звук, но еще сильнее, ближе. Одни бегут из парка, другие в парк. Броненосец приблизился к карантинному молу, возле него миноносцы. Стоит носом к берегу. Теперь все сомнения пропали. Рубикон перейден. Вся публика—под влиянием этого чувства разрыва с прошлым. Целили, очевидно, в Соборную площадь, где находится военный лагерь: ядро перелетело один квартал. Сорвало крышу на Спиридоновской. Вечером на улицах пусто, как никогда. Идем по Преображенской в 9 час. На квартале встречается 1—2 человека. Доходим до Троицкой улицы,—перегорожена войсками. Пришлось свернуть на другую.

Сегодня в 2 часа собралась вся эскадра. По словам одних, эскадра против «Потемкина», и он, будто бы, после переговоров сдался; по словам других, эскадра

присоединилась к нему, в городе всюду войска. Ланжерон занят артиллерией, не пускают туда. Только в один парк еще пускают, но лишь в один уголок и на 20 саженей подалеже от этого уголка.

От ред. Из иностранных, а отчасти и из русских легальных газет теперь уже известно, что из эскадры временно присоединился к «Потемкину» только броненосец «Георгий Победоносец». Но из поведения эскадры ясно также, что она отказалась стрелять в «Потемкина». После того революционный броненосец побывал в Румынии (порт Констанца), а затем прибыл в Феодосию. Последние телеграммы сообщают, что броненосец бомбардирует, а верноподданные сухопутные войска грабят этот город.

(От ред. М. Ольминский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с буржуазией. Чуть не каждый день приносит подтверждения этой «торговли», на которую мы так давно обращаем внимание русских пролетариев. Вот интересная телеграмма г. Леру из Петербурга от 2 июля н. ст.: «Собрание представителей городов и земств 28 и 29 июня (15 и 16 ст. ст.) выработало еще раз (сотый раз!) конституционные требования и по телеграфу послало их в министерства. Требования выше обычных: народное представительство требуется непременно на конституционных началах; «булыгинская» конституция прямо отвергается; требуется немедленное провозглашение неприкосновенности личности, свободы слова и т. д. На совещании принято, будто бы, единогласно (но не включено в петицию, — когда торгуешься, не следует показывать всех своих карт!) требование всеобщего избирательного права».

Как же судит корреспондент буржуазной газеты по поводу этого знаменательного повышения требовательности гг. помещиков и фабрикантов? О, он судит очень трезво: «Очевидно, — пишет он, — что делегаты запрашивают побольше, чтобы получить хоть немного. Но несомненно также, что это немного, чтобы быть приемлемым для них, должно находиться посредине между тем, чего они требуют, и тем, что Булыгин им предлагает».

Настоящий базар, на котором буржуазия проторговывает интересы и права русских рабочих и русских крестьян. Как на базаре, покупательница — буржуазия и продавец — царь хлопают друг-друга по рукам, выкрикивают сотый раз свое «последнее слово», божатся, что «себе дороже», грозят уйти и никак не решаются разорвать своей тесной дружбы.

Если царь не исполнит наших требований, — говорил «один из самых выдающихся представителей земского совещания» господину Леру, — тогда мы «обратимся к народу».

Что, собственно, следует понимать под этим пресловутым «обращением к народу»? — спрашивает себя и своих читателей французский корреспондент. И отвечает: здесь нет «предместия св. Антония» (рабочий квартал Парижа: сравни фельетон в № 3 «Вперед»). Народ склонен не выходить на улицу, а сидеть дома, протестовать по-толстовски отказом от платежа податей!..

Не клеветайте на народ, господа буржуазные предатели свободы! Вам не смуть с себя никакими клеветами своей позорной трусости. Народ проливает свою кровь по всей России. В ряде городов, в массе деревень растут у нас свои «предместия св. Антония». Народ ведет отчаянную борьбу. Если вы хотели действительно обратиться к народу (а не грозить только своему союзнику, царю, этим обращением), то вы должны были бы ассигновать не сотни и тысячи рублей на ваши говорильни, а миллионы на вооруженное восстание. Вы должны были бы выбрать делегацию не для обивания порогов у царя, а для сношения с революционными партиями, с революционным народом.

Царь и его шайка прекрасно знают, что вы не в силах сделать это из страха за свой денежный мешок, из страха перед народом. Поэтому царь вполне прав, когда третировал вас, как лакеев, когда кормит вас все теми же посулами, все той же булыгинской конституцией, когда рассчитывает, что вы не посмеете даже протестовать решительно, на деле и против булыгинской подачи. Недаром специальный корреспондент Женевской «солидно»-либеральной газеты «Journal de Geneve» сообщал недавно: «Либералы не скрывают от себя несовершенство (!) проекта Булыгина, но они думают, что необходимо принять его в интересах дела прогресса и дела порядка... Отвергнуть правительственный проект значило бы сознательно разрушить последнюю надежду на мирный исход теперешнего конфликта между народом и бюрократическим режимом» (последняя фраза подчеркнута самим корреспондентом).

Буржуазия хочет мира с царем и боится народной войны против царя. Царь хочет мира с буржуазией, не боясь, однако, начатой им и беспощадно продолжаемой войны с народом. Неужели не очевидно, что неизбежным исходом из этого положения, если народ не одержит полной победы, несмотря на предательство буржуазии, будет булыгинская конституция?

(Н. Ленин).

Точка над *i*. Когда в № 5 «Пролетария» мы назвали явление либералов царю «первыми шагами буржуазного предательства», мы не ожидали, что жизнь так скоро подтвердит наше мнение. «Созыв представителей или земский собор нужен либералам не для колебания, а для укрепления трона», — таков вывод, который мы делали всегда из анализа дел и слов наших либералов. Теперь посмотрите, что написано в адресе С. Н. Трубецкому, подписанном, якобы, несколькими тысячами петербургских, будто бы, рабочих (не из охранного ли отделения?). «Наш обожаемый монарх, — сказано в адресе, — принял вас и сказал свои царственные слова... Да хранит бог государя императора и вас на многие лета!». Либеральная газета «Рассвет», рассылающаяся в комплиментах Трубецкому и рядом печатающая такой адрес, дала кн. Трубецкому и себе такую моральную пощечину, дальше которой итти некуда. И далее, в том же № 99 почувствовавшая опору в Николае Кровавом либеральная газета раскрывает либеральные карты устами Домогацкого.

За бойню 9 января Домогацкий обрушивается не на палачей, а на жертв: «Где, прежде всего, то страдание непосильное, жизненная нужда, которая заставила этих рабочих людей русского народа итти открытым бунтом против сложившегося исторически порядка государственной жизни, когда недочеты этого порядка всего менее (так!) ложатся на этих рабочих людей, «любимчиков» законодательства и забот отвергаемого правительства?» Слышите, товарищи рабочие? По мнению либералов, вы — любимчики правительства! Из любви, только из одной любви к вам правительство вмешивается в вашу борьбу с хозяевами, насилует на вас казаков, войска и шпионов! Только из одной любви к вам правительство наполняет вами тюрьмы, чтобы вы отдохнули от работы. Не так ли?

«И мы также знаем, — продолжает Домогацкий, — что эта рабочая толпа отдавала и отдает своим работодателям не полную свою силу и своих сил, а только часть расцененного, действительного труда». Какие ужасные люди, эти рабочие! Они не весь свой труд отдают фабриканту в виде прибавочной стоимости, они имеют дерзость требовать оплаты части своего труда! Либерал до того обозлен на рабочих, не дающих выжимать из себя все соки, что договорился до явной нелепости.

Но он продолжает: «В государстве нашем идет колоссальная жизненная работа обновления... И обществу пора осудить строго это явление (речь идет о прокламациях Гапона, издаваемых революционерами) и поставить слуг его в должное к себе положение. В этом первая (курсив наш. Ред.) обязанность созревшего государственно общества... обязанного не забывать, что взявшийся за меч от меча и погибнет».

Итак, товарищи рабочие, взявшиеся после 9 января за

оружие для борьбы против самодержавия, помните: либералы, став во главе правления, считают первой обязанностью своей не забывать, что вы, взявшиеся за меч, от меча должны и погибнуть. История революций в Западной Европе свидетельствует, что устами Домогацкого глаголет подлинная либеральная душа. Объединяйте, г. Струве, объединяйте всех сторонников «обновления» русской монархии.

(М. Ольминский).

Петербург. 7-го июня открылся всероссийский съезд учителей. Утреннему собранию помешала полиция. Вечером все-таки собралось до 200 человек. Выслушаны доклады отделений. Наиболее интересным моментом было заявление москвичей. Как социал-демократы, они еще на московском съезде заявили о невозможности для них принимать участие в союзе, если он не будет только профессиональным. Тогда же они вышли из союза, в программе которого прямо указан его политический характер. Теперь делегаты от Москвы сразу поставили этот вопрос на очередь, указав, что если съезд не является учредительным, и если признаются нормы, выработанные на московском съезде, то они могут присутствовать только с совещательным голосом, так как не состоят членами союза.

Интересные данные сообщены прибалтийской группой. Недавно их районный съезд вынес приблизительно такую резолюцию: существование нормальной школы возможно только при демократической республике, отсюда для истинных сторонников просвещения—необходимость борьбы за демократическую республику. Программа учительского союза, выработанная в Москве, не удовлетворяет прибалтийской группы, которая и не находит принципиально допустимым для себя, как для социал-демократической группы, участие в союзе не только профессиональном (а п л о д и с м е н т ы).

Делегаты Подольского уезда Моск. губ. поддерживают товарищей москвичей.

Близкой к соц.-демократам называет себя группа Череповецкого у. Новг. губ. Основное требование ее—народное правительство. Она считает, что деятельность союза должна быть двусторонней: легальная—профессиональной, а нелегальная—конспиративно-политической (ее выражение).

Делегат Оренб. губ. привел характерные эпизоды борьбы директора Тарновского, который грозит Сибирью за одно желание быть членом союза. Петербургская группа устроила несколько рефератов: о социал-демократии, о германских социал-демократах, об аграрном вопросе, и принимала участие в демонстрации в Павловске. Комично заявление саратовского делегата: они, по его словам, принимают аграрную программу соц.-революционеров, а политическую—социал-демократов. Иркутская группа имеет нелегальную библиотеку и постоянная связи с «политическими организациями». Череповецкая группа постановила, что в критических случаях жалование членов ее организации может быть экспроприровано в общественную пользу.

P. S. Съезд признан учредительным, и все делегаты участвуют с решающим голосом.

Протест. Мы, нижеподписавшиеся, проживающие в г. Баку грузины, настоящим выражаем свое глубокое негодование тем своим бакинским соотечественникам,—кучке чиновников и промышленников,—за то, что они, произносив речь на погребении бакинского губернатора кн. Накашидзе и возложив венки на его гроб, не решились назвать свои настоящие имена, а прикрылись фирмой «бакинского грузинского общества». Оставляя в стороне вопрос о мотиве убийства, мы заявляем, что в покойном всякий здравомыслящий грузин видел лишь важного русского чиновника, губернатора, но никак не гордость грузинской нации, как многие из грузинских почитателей величают его.

Пока не выяснено, кем совершено убийство, но молва считает это делом рук армянских революционеров и рассматривает его в связи с бойней 6—9 февраля. Стало-быть, рассматривая смерть кн. Накашидзе, как национальное горе и выставляя покойника гордостью грузинского народа, господа почитатели тем самым возбуждают братоубийственные инстинкты в той части грузинского общества, которая не может разобраться в сложном национальном вопросе, и для которой достаточно знать,

что кн. Накашидзе составлял гордость Грузии, и эта гордость убита, хотя и армянскими революционерами, чтобы считать всех армян своими национальными врагами.

Этим обстоятельством уже воспользовались темные силы, уже выпустившие прокламацию к грузинам, призывающую последних соединиться с татарами и бить армян.

Последнее обстоятельство еще больше усугубляет наше негодование против тех бакинских соотечественников, которые не имеют мужества ясно, определенно выразить свою мысль на свой собственный риск и страх и пользуются нашей общей фирмой для своих целей.

Следует 167 подписей. (От ред. Подлинный протест с подписями сдан редакцией в Женевскую Библиотеку и Архив Р. С.-Д. Р. Лицо, приславшее протест, прибавляет, что имеются еще другие листы, число подписей на них достигает 1000).

Добрянка (Черниговской губернии). Со всех сторон нас окружают громадные и частые деревни. Крестьяне здесь большей частью бедные, так как земли у них мало, да и та песчаная. Отхожие промыслы сильно развиты, так что молодые крестьяне уходят до отдаленных городов юга. Однако, крупных помещичьих имений здесь поблизости не имеется, и до сих пор крестьяне были спокойны. Но в последнее время и это стоячее болото начало резко менять свою физиономию; почти каждый день приходится слышать о распространении социал-демократических прокламаций то в одной деревне, то в другой. Начальство с ног сбилось и жалуется, что демократы им «спокою не дают». В одной-двух деревнях крестьяне встретили прокламации, враждебно и обещали даже убить распространителей, говоря, что те возбуждают их к такому делу, от которого толку не будет, и за которое они только могут поплатиться. В других деревнях прокламации встречены сочувственно: говорили, что «студенты про нас думают». Одна деревня раз, в пятницу, ночью, сплошь была усеяна прокламациями; были оклеены заборы, столбы, ворота, церкви, журавли колодцев. Стражник и урядник ходили по домам отбирать прокламации («к крестьянам»). Одни отдавали беспрекословно, другие дразнили, требуя другой бумаги для «выгарок», а третьи прямо отказывались давать их, говоря, что раньше сами прочтут.

Часто приходится слышать от крестьян, что, дескать, все это правда, что в листках пишут, только зачем же «долгой царя»?

Но некоторые деревни переросли и это затруднение и принимают уже прокламации с очень серьезным видом. Так, когда в одной деревне после частых распространений несколько недель не было прокламаций, крестьяне решили, что «комитет», верно, обеднел, и соглашались дать в пользу комитета по 1—2 и даже 3 копейки. Но наши деревенские товарищи еще боятся заявить себя открыто.

В некоторых случаях крестьяне обращались к молодым евреям, прося их достать им листки, так как у крестьян еще и теперь живо представление, внушенное им начальством, что демократы—это евреи и студенты. Темные силы стараются и теперь об этом, но мы в праве надеяться, что недолго им удастся еще держать в своих руках сознание народа.

Добрянская организация Полесского Комитета.

Примечание. Посылая письмо Добрянской организации нашего Комитета, мы считаем небезынтересным отметить, что тот же самый вопрос («зачем же долгой царя?», «Как же быть государству без главы?») сильно занимает умы почти всех крестьян, с которыми нам приходится иметь дело. Не имея соответствующей литературы, мы, конечно, поручаем разъяснение нашим разъезжающим агитаторам; но не приходится и говорить о том, что громадная часть крестьянства не может получить ответа на этот важный интересный вопрос. Наше положение тем более трагично, что, разбрасывая прокламации в десятках деревень и сел, вызывая всюду сильное революционное брожение, мы не можем овладеть им и направить в необходимом для нашей партии русло.

Ответить на этот вопрос нужно подробно и обстоятельно, а в нашей типографии мы должны покамест огра-

ничаться лишь выпуском прокламации. Хочется верить и надеяться, что ЦК скоро даст весточку о себе выпуском соответствующей литературы.

Полесский Комитет.

Нижний-Новгород. Из частного письма 6-го июня. Вот уже две недели в Сормове по вечерам идут массовки человек от 600 до 3.000, говорят наши пропагандисты и сами сормовцы. Образовались какие-то гулянья и со вчерашнего дня открылся «народный университет», где будут читаться систематические курсы, разъясняющие социал-демократическую программу. В массе чувствуется большой подъем настроения. Никто не вмешивается, не разгоняет. Туда, как по колоколу, собирается народ. До сего времени там говорилось на текущие темы. После поражения Рождественского была панихида в клубе, потом стали говорить речи либералы, а затем и социал-демократы. Толпа человек в 300 вышла на улицу, с пением прошла по Покровке; остановились, произнесли незначительные речи, приехали казаки, и толпа разошлась. Арестовано было на улице человек до 10.

11-го июня. Вчера Тан читал реферат на тему «Современное положение России». Во Всесоюзном клубе собралось не менее 1.000 человек. Реферат рекламировал образованный в Петербурге «союз рабочих», отрицал революцию, вооруженное восстание и прсч. Были прямо перлы. Революцией он называл то, что приносит много крови, много смертей. Этим, по его мнению, и определяется революция. Заявил, что во всей истории была одна только революция—французская. «Нужно захотеть свободы, и она придет,—возглашал оратор.—Разве, например, мы сейчас не пользуемся свободой собраний!»...

Оратор порицал социал-демократов за то, что они не желают объединиться с другими партиями. По его мнению, с.-д. опередили массу и тащат ее на веревках за собой (чего он не хвалит). Главный козырь у него против социал-демократов: сами могут стоять за всеобщее, равное и прямое избирательное право, а организация у них централистическая...

Возражали 3 социал-демократа. Развязного гастролера разбили по всем пунктам. Собрание продолжалось до 1/2 часов ночи. Вынесена резолюция, осуждающая стремление буржуазной демократии совлечь рабочее движение с его единственно верного революционного пути. Референту выражено порицание за сравнение социал-демократов с офицерами русской манчжурской армии, которые ничего не делают, а посылают массу на гибель.

Разумеется, говорил и социалист-революционер; он разносил социал-демократов, пытаясь бить на чувство слушателей и, разумеется, не по существу.

Подольская губ. Аграрное движение в России разлилось гораздо глубже и шире, чем о том знают за границей даже из русских нелегальных газет. Причина, впрочем, вполне ясна: крестьянские «бунты» сделались теперь таким обыденным явлением, что сообщают уже только о крупных, более или менее сенсационных происшествиях в деревне. Кожух и «свита» дают о себе знать, они заговорили, и заговорили с поднятой головой. Повсюду только и слышно, особенно в провинции, что там убили помещика, тут подожгли барскую усадьбу, здесь пасут без спроса и т. д. Приведу несколько фактов для иллюстрации; знаменательны они тем более, что имеют и имели место в местах заброшенных, глухих, с населением мирным, забитым. В селе Рыбнице, Подольской губернии, владелец его Грушецкий (отчаянный изверг) должен был прибегнуть к защите роты солдат, так как крестьяне заявили, что не считают нужным спрашивать его дозволения и к жатве будут убирать его хлеб. С солдатами произошла метаморфоза. Сначала на вопрос: будут ли они стрелять, когда им прикажут, они отвечали: «Чаво ж нет? Пушай не бунтуют». Но через некоторое время они стали такими надежными защитниками престола и дорогих ему Грушецких («Бей помещиков, режь их!»),—кричали они, уезжая поездом по окраине деревни), что их пришлось отослать, заменив новыми. Нужно надеяться, что крестьяне не замедлят и этих склонить на свою сторону. В селе Мокром, той же губернии, крестьяне самовольно начали вырубать помещичий лес. Управ-

ляющий, видя это, начал грозиться и, наконец, выстрелил, ранив одного или двух. На другой день крестьяне обступили дом, где жил управляющий, требуя его выдачи. Не имея возможности выломать ворота, они подожгли дом; управляющий прыгнул из окна и был буквально растерзан толпой. В селе Окнах начали без спросу пасти скот на помещичьем выгоне. Помещик кн. Гагарин (гуманный человек, говорят) к военной силе не прибегает, и крестьяне пасут... В имении Сахарна крестьяне разогнали служащих и экспроприровали помещичью собственность. Много можно было бы и еще привести примеров. Интересно отметить одну черту. О «социализации» нигде никто ни слова; просто—«земли мало», «пасты негде» и пр. Сельскохозяйственные рабочие также не молчат, требуют увеличения платы до рубля и больше в день, укороченного рабочего дня, назначения двух смен, если работа спешная, как, например, уборка и возделывание бураков для сахарных заводов и пр.—требования те же, что у фабричных рабочих. Вообще волнения в деревне приняли эпидемический характер. Пример одного села заразителен для других. Нужно все это оформить, осмыслить. Нужны люди, нужна литература, почва благодарная, момент подходящий.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Одесса. (От ред. Благодаря событиям в Черноморском флоте внимание всего цивилизованного мира приковано к Одессе. Мы печатаем здесь письмо, написанное еще до прибытия броненосца «Князь Потемкин». Оно дает некоторые характерные черты настроения рабочих).

(М. Ольминский).

Теперь, когда стачечное движение, разлившееся по городу с такой силой, начинает затихать, у меня явилась, наконец, возможность писать. Во время же стачки приходилось часам с 7 утра спешить на работу и возвращаться в 11—12 часов ночи. Если прибавить, что жить мне приходилось «в углу», то вам окончательно выяснится причина моего долгого молчания.

Стачка идет на убыль. Во многих заводах и ремеслах требования удовлетворены целиком или отчасти. Без удовлетворения требований становятся на работу очень редко: я даже сейчас не могу вспомнить такого случая. В начале стачки почти всюду замечалось отрицательное отношение к «политике». Из-за этого у организации был ряд столкновений с рабочими. Например, табачники фабрики Попова отрезали политические требования, принятые частью их на собрании (под руководством нашим и Бунда); тогда стачечная комиссия, назначенная обеими организациями, отказалась руководить стачкой; не имея в своей среде других вождей, рабочие на другой день под влиянием организованных товарищей принесли покаянную и просили о руководстве, которое мы и приняли вновь. Фотографы одной мастерской поставили условием, чтобы с листка требований была срезана подпись стачечной комиссии из нас и Бунда; один наш групповец смалодушествовал и срезал, за что был удален из стачечной комиссии и исключен из организации. В каждом цехе первые собрания уходят на то, чтобы, кроме рассмотрения требований, сломить боязнь политики у серяков. Смотря по талантливости агитатора, это удается с первого, со второго, иногда с третьего собрания. Меньшевики идут по линии наименьшего сопротивления и подписывают листки с одними экономическими требованиями. Хотелось бы поговорить побольше о действиях меньшевиков, в роде прошений градоначальнику, собраний в ремесленной управе, касс взаимопомощи, но об этом в другой раз.

Стачка показала, что нужно позаботиться еще о расширении связей; они имеются у нас в каждом цехе и заводе, но в недостаточном количестве; подтвердила стачка и всю важность заводских или цеховых ядер. До стачки распределение связей по цехам шло туго, так как централисты все-таки не вполне усвоили идею этого распределения; теперь сама стачка многое сделала в этом отношении, и во всех цехах заводятся «ядра», при чем в каждом руко-

водит один централист с помощью групповцев данного цеха. Как бы то ни было, почти во всех цехах стачка протекала под нашим руководством (совместно с Бундом и—реже—с меньшевиками); связи социалистов-революционеров обнаружались только в 2—3 случаях. С Бундом до последнего времени дело шло прекрасно; во всех пунктах мы были солидарны, включая и борьбу с оппортунистическими выходками меньшевиков и с их демагогией. Когда же приходится учитывать результат стачки, закреплять связи,—словом, каждой организации отделяться от другой, тогда Бунд проявляет свои специфические черты. Бундисты пытаются доказывать, будто слушатели не понимают наших ораторов (говорящих по-русски); но им приходилось попадать в неловкое положение: вся масса заявляла, что прекрасно понимает по-русски. Проповедь бундистов о необходимости отдельной организации еврейских рабочих преломляется в умах массы в такие ереси, что сами бундисты испугались бы! Относительно меньшевиков выяснилось, что они—страшные реакционеры; их действительные связи далеко не соответствуют распускаемым слухам; кроме того, они посылают мало пригодных людей, делающих забавные, а иногда и вредные промахи. Мне говорил один из них: «Я-то прекрасно понимаю значение политических требований, а вы поговорите-ка с голодной массой!». Я спросил: «А если голодная масса будет кричать: «Бей жида!»—присоединится ли он?». Бедняга растерялся и ушел. (Дело было в трактире, спор наш произвел впечатление). Имеются факты перехода к нам сознательных рабочих, недовольных тактикой меньшевиков. За время стачки все мы страшно распустились в отношении конспиративности. Членам комитета приходилось ходить по трактирам, где сидели стачечники, и вести там кучковую, а иногда и общую агитацию; приходилось ходить «под заводы», бывать на «бирже», то-есть на улице, куда в назначенный час приходят рабочие одного или нескольких цехов; приходилось говорить открыто, чуть не на глазах у полиции; забыто правило, запрещающее признавать друг-друга на улице: все подходило друг к другу, делились сведениями, угаваривались о делах. Явки у организаторов тянулись целый день, на них бывало до 40—50 человек в день; ежедневно приходилось менять явочную квартиру. И при всем этом ни одно собрание не провалилось! Впрочем, шпики, вероятно, запомнили многих, и теперь начнется улов.

Перехожу к агитации. По плану, ответственный агитатор вместе с другими образует агитационный центр: здесь обсуждаются темы, рассматриваются планы и последовательность речей. В каждом районе имеется районное агитационное собрание, куда входят все агитаторы-рабочие данного района, затем готовящиеся быть агитаторами и один или два члена агитационного центра; оно обсуждает планы, вносимые центром, составляет конспекты речей. Каждый начинающий агитатор посещает массовки, проводимые опытными агитаторами; потом выпускают его самого на небольшую массовку в присутствии ответственного агитатора. Стачка нарушила проведение плана: пришлось выпустить непроверенных ораторов и работать так много, что не было возможности созвать собрание. Теперь, когда стачка стихла, мы установили регулярные собрания и центра, и районов. Темы: 1) уроки стачки, 2) война (в виду последних поражений), 3) комиссия Коковцева, 4) учредительное собрание и земский собор, 5) демократическая республика. Рабочие агитаторы (такowymi, в сущности, являются все централисты и некоторые групповцы) очень довольны районными собраниями. Во время стачки агитация велась единообразно: требования цеха или завода связывались с политическими требованиями, затем—объяснение капиталистического и социалистического строя, значение социал-демократической партии, необходимость политической свободы, характеристика самодержавного строя, пункты программы-минимум, вооруженное восстание, призыв организовать. Такая агитация привела к нам множество людей, раньше боявшихся «политики», считавших ее чем-то чуждым. Собрания бастующих бывали в городе от 20 до 50 человек, в заводских районах от 300 до 500 чел. Очень хороших агитаторов у нас намечилось 2—3; остальные вялы, не влияют на массу; есть интеллигенты, хорошо подготовленные теоретически, но без огня: их приходится уступить пропаганде. Некоторые рабочие подаются надежды.

Среди солдат дело налажено плохо; в одном полку организовано человек двадцать. Ослабил работу и отъезд многих из наших на войну. Скоро предстоят новые отправки, и ожидание этого у многих убивает энергию. Мы выпустили один листок к солдатам.

Денег нехватает. Многие голодают, перебиваясь брынзой с хлебом; за время стачки народ измотался, устал, исхудал. Необходимо было бы поддержать силы, а средств нет.

Тверь. Работы обилие необычайное. Тут и пропаганда, и сходки, и писание листков, и организаторские собрания, и наблюдение за начинающими пропагандистами, и разъезды по губернии, и гектограф, и mimeограф, и типография, и распределение литературы, и открытые выступления в обществе, и сборы денег, и Красный Крест, и, в конце-концов, постоянные запросы, постоянные жалобы на то, что туда не поспел, там-то пропагандиста нехватало, такому-то в тюрьму денег не послал, туда-то не приехал. Мы захватили громадный район. Почти со всеми городами губернии завелись связи, всюду требуют литературы и агитаторов. Мы уже устроили две больших демонстрации-митинга в деревнях. Выступали люди, которых каждая собака знает. Один раз сошло благополучно, другой раз агитатору скрыться пришлось. А на крестьян эти митинги производят страшно благоприятное впечатление. Крестьяне, не говоря уже об организованных, постоянно просят устраивать открытые собрания. Сейчас по летнему сезону пропаганду расширили. Человек 100 входит в кружки, а желающих остается еще не менее 400. Уж пришлось по этому случаю программу занятий посократить и публику рассортировать. Весь курс рассчитан на 6—7 уроков и сводится почти к изучению текста партийной программы. В настоящее время функционируют кружки двух типов: подготовляющие к ведению пропаганды (14) и рядовые первого разбора. Программа одна и та же, только у первых занятия носят более практический характер. И те, и другие скоро пройдут свои курсы, тогда первые получают кружки, а из вторых выберем людей для второго, более широкого концентрата занятий. Конечно, количество пропагандистов увеличится, а это даст нам возможность за лето еще человек 200 через кружки провести. Сходки устраиваются почти каждую неделю по нескольку раз и в городе, и в деревне. Бывают на них, главным образом, организованные. В деревнях Тверского и Новоторжского уездов занятия настолько прочную позицию, что сейчас подыскиваем почву для устройства крестьянских комитетов. У нас есть в деревнях районные организаторские собрания, но по своему составу они еще совсем почти непригодны для самостоятельной роли: публика молода и недостаточно подготовлена. Солидных мужиков в организацию трудно залучить: семейные обстоятельства мешают им, да и тюрьмы боятся. На сходку, так и сжид, еще придут, а больше всего любят, чтобы и в лес вовсе не ходить. Устраивайте, мол, сходки в деревне: там-де мы будто из любопытства, без всякого злого умысла вас слушаем. В общем деревня всего больше нас утешает. Дело в том, что на фабрике организуются черные сотни, да и вообще консерваторы здесь активнее, про полицейские условия и говорить нечего. «Травда, на фабрике муха не пролетит без нашего ведома: всюду организованные есть, всюду какое ни на есть социал-демократическое слово скажут. Ну, а в деревнях уже не мы господами событий являемся; там солидные мужички, которых редко удается перед всяким мирским политическим актом в кружке наставить. Зато организации растут в деревне вдвое быстрее. Публично оказательства—хоть отбавляй.

Открытых выступлений в обществе тоже было некоторое количество. В конце зимы часто устраивали рефераты. Референты были приезжие, а оппоненты с-революционерам и либералам местные. Имели успех. Недавно разбились попытку организовать здесь кружки женского союза. На народных учителей подействовали в том смысле, чтобы они не примыкали к московскому союзу с освободительской программой, а устроили бы свой профессиональный союз. Имели успех, и наш оратор был даже избран в комиссию для разработки программы этого союза. Вообще заставляем признать себя.

17-го мая сельские старосты Первитинской волости были созваны в камеру земского начальника за объяснениями

по поводу неуплаты продовольственных («магазинных») денег и всяких недоимок. Земский требовал немедленно приступить ко взысканию. Старосты ответили, что крестьяне платить не соглашаются да и денег не имеют. Земский спрашивал: не виноваты ли здесь молодежь и «политиканы», предлагая в таком случае избивать смутьянов. Старосты ответили, что избивать друг-друга они не желают, а платить не соглашается никто. Земский потребовал взыскать то что бы то ни стало и приступить к описи имущества. Старосты отказались, указывая на возможность бунта, и предложили земскому прислать солдат для описи, чтобы вся ответственность за бунт пала на начальство. После этого, обругав старост и пригрозив им арестом, земский распустил их по домам.

Ковно. Здесь имеется несколько крупных заводов и фабрик. Преобладающий элемент рабочих—поляки; дальше идут немцы, литовцы, латыши; евреи же, за исключением немногих заводов, отсутствуют. Зато ремесленники, главным образом, евреи. Работа среди евреев ведется уже около 9-ти лет: вся она в руках Бунда и отчасти—сионистов разных фракций. В разное время были попытки поднять рабочих, но безуспешно. 9-ое января и их расшевелило. Под влиянием петербургских событий была и здесь общая забастовка. Первыми забастовали рабочие гвоздильного и проволочного заводов Тильмана; они же заставили и остальных бросить работу. Все это было неожиданно для Бунда, который во время забастовки и после нее пытался проникнуть на эти заводы и что-нибудь сделать, но был бессилен. Брожение продолжается и до сих пор, выражаясь нередко в расправах над самыми ненавистными мастерами, а то и хозяевами, путем набрасывания на голову мешков и вывоза на тачках на улицу. Накануне еврейской пасхи забастовали в пекарнях, где пекли «мацу»; затем забастовали перевозчики через реку Вилию. После пасхи начался ряд забастовок у ремесленников. Бастовали маляры, портные, наборщики и рабочие типографий, ювелиры, столяры, приказчики разных магазинов, модистки, швеи, работницы и рабочие гильзовых фабрик и много других. Бастуют уже второй день служащие конно-железной дороги, кондуктора, кучера и служащие на пароходах. Забастовали сегодня (31-го мая. Ред.) сторожа, метельщики улиц, все исключительно христиане. Требования обычные: короткий рабочий день, повышение заработной платы, время на обед и много других. 18-го апреля местным комитетом Бунда устроена была манифестация, прошедшая удачно. 26-го апреля вечером также была демонстрация, но крайне неудачная. Участвовали исключительно еврей-ремесленники. По городу в субботние, воскресные и праздничные дни разгуливают сильные патрули драгун и пехоты. По городу расклеены объявления губернатора, призывающие к порядку, с угрозами принять все меры, вплоть до военной силы. Расклеены также объявления об обязательном закрытии магазинов в 9 часов, по ходатайству думы. Со времени житомирского погрома местное еврейское население переживает очень тревожное состояние, ожидая ежеминутно и здесь того же. Малейшее недоразумение между христианином и евреем дает повод думать о начале погрома. Вмешивается полиция, и начинается беспокойная суетня по улицам, разговоры, приготовления к защите. Результатом последнего появилось объявление губернатора, требующее наряду с успокоением населения чтобы организация самообороны не посмела отвечать, если христиане начнут погром. Между тем, христианская масса рабочих почти совершенно не затронута деятельностью Бунда. А это крайне необходимо. Нужны люди, средства, и многое можно сделать. Нет никакой литературы. Есть много связей среди рабочих. Что же касается евреев-бундистов, то многие из них готовы не только оказывать услуги, но и принимать деятельное участие в партии. Таких задыхающихся в ограниченных рамках Бунда немало. Выдающееся положение Ковно, как города, где имеется крепость и масса войска, где происходит еженедельная отправка солдат на место военных действий, указывает на крайнюю необходимость и иной работы,—работы в войсках.

Самара. На месте маевки за городом было потом еще две массовки, человек по 500; но в виду полицейских патрулей массовки были затем перенесены за реку Самарку,

куда собиралось уже не больше 300 человек, так как ехать на лодках стоит довольно дорого. Речи говорились комитетчиками, рабочие не выступали. Темы: о социализме, о всеобщей стачке, об отношении пролетариата к буржуазии, о разгроме эскадры Рождественского. Кружковые занятия ведутся нерегулярно, а где и совсем их нет. Связи благодаря забастовке очень расширились. Город поделен на районы по профессиям, организация охватила все отрасли, но все же еще слаба по признанию рабочих. Железнодорожная забастовка произошла стихийно, сознательные же рабочие говорят: «Нам нужно, чтобы мы сами могли назначать и устраивать забастовку, вполне организованную, держаться долгое время и бить наверняка».

Результатом забастовки было удовлетворение части требований типографских и железнодорожных рабочих.

Здесь образовалась организация «Союза Освобождения»; она выпустила брошюру, отпечатанную в типографии социал-революционеров. За последнее время из деревни идет много запросов на литературу, а у нас ее нет. Поэтому нечего удивляться, что соц.-революционеры наводнили губернию своей литературой, раздавая ее направо и налево.

29-го мая было за городом собрание всех представителей районов (человек до 50). Здесь в первый раз познакомили рабочих с расколом в партии и с резолюциями съезда и конференции. Сначала референт познакомил с возникновением раскола от 2-го съезда, сказал вкратце о мартовском и ленинском определении членства в партии. Дальше он поставил на обсуждение три пункта: 1) правильно ли созван съезд; 2) вопрос о вооружении пролетариата; 3) о временном правительстве. Возникли горячие споры, в которых принимали участие человек семь. Раскололись на два лагеря. Обсуждали эти вопросы часа 4 и все-таки к окончательному решению не пришли. Постановили собраться еще раз. Под-конец рабочие заявили протест против комитета, который раньше совершенно не ознакомил их с расколом в партии, а теперь почему-то счел нужным пригласить их для обсуждения незнакомых им предметов, в которых они не в силах разобраться. Разошлись бурно. Раскол, хотя он и ~~не~~ желателен для большинства, вряд ли минует самарскую организацию.

Петербург (Вагонные мастерские Александровского завода). 2-го июня была однодневная забастовка в сборно-товарной мастерской (200 чел.). За май многие рабочие выработали лишь цеховую плату, некоторые лишь по 60, 80% сверх того. Обычно же зарабатывали более 100% сверх цеховых. Потребовали дополнения заработной платы за май до 100%. В мастерских идет спешная сборка вагонов, требующихся на железные дороги в виду массовой отправки старых вагонов на Дальний Восток. Поэтому заводская администрация уступила. Интересно отметить, что сборно-товарная мастерская отказалась участвовать в общей забастовке в феврале, считая ее невыгодной для себя. Поэтому рабочие остальных мастерских заявили, что присоединятся к забастовке сборных только через несколько дней,—так-сказать, хотели их поучить. И теперь, по окончании своей забастовки, сборно-товарные единодушно говорят, что «если бастовать, так всем сразу, всем заводом. Раз все решат, так остальные должны присоединиться, хотя бы для них лично это и не так было необходимо». «Все за одно», один за всех,—говорят они теперь. А еще в феврале они заявляли, что встретят топорами тех, кто придет их звать на забастовку. Жизнь учит. Борьба лучше всяких слов учит рабочих пролетарской дисциплине, сплывающей их в могучую силу. Наши заводские агитаторы постарались использовать забастовку в этом отношении, и, несмотря на всю свою незначительность, она все-таки принесла свои плоды. В Невском районе начинается очень своеобразное движение, так-называемая «квартирная стачка». Рабочие Обуховского завода в виду переживаемого экономического стеснения, вызванного войной, и стремления домовладельцев переложить тягости ее на рабочих повышением квартирной платы решили платить домохозяевам на 20% меньше прежнего. Комнатосниматели квартирохозяевам должны платить на 10% меньше. Движение началось помимо организации, но в нем принимают участие на-ряду с другими и организованные рабочие. Выбрана рабочими «комиссия квартирного бойкота». Решено, если полиция будет выселять из

квартир, устраивать сопротивление и не давать выселять никого. Александровский механический завод присоединился, приняв резолюцию, в которой ставит движение в связь с войной, вызванную самодержавием, и новыми налогами на предметы необходимости. Это предложил наш заводской кружок. На Александровских вагонных мастерских приняло бы обращение в полицейский участок с требованием созыва правительством квартирной комиссии с участием рабочих. (Обуховцы Ал. мех. маст. отвергли подобное предложение). Но я выдался с вагсинными, и должно быть это обращение не будет подано. Семяниковский завод тоже постановил платить на 20% меньше. Так как повышение квартирных плат не повсеместное явление, то движение по отношению к домовладельцам носит, по-моему, наступательный характер, будучи в то же время оборонительно-наступательным по отношению к правительству. Ядро движения составляют семейные рабочие, наиболее заинтересованные. Обуховцы заявляют, что в случае выселений устроят также забастовку. Комитет пока не высказался относительно этого движения в виду его неясности и местного характера. Но, говорят, уже и среди путиловских этот вопрос поднялся. Для устранения разрозненности и для выяснения характера движения на днях устраивается собрание из членов стачечных комиссий невских заводов.

Иностранное обозрение.

Вожди, партия и объединение во Франции²).

Как [известно], оппортунисты [очень любят] произносить такие красивые слова, как: «самодетельность», «самостоятельность», «демократизм», «автономия» и т. д.; и [что же?]—в конце-концов, все это сводится к господству произносящих эти слова над рабочим классом, над партией. Вся история развития теоретического и практического оппортунизма подтверждает это. Всегда и всюду хвостисты, к какой бы породе они ни принадлежали, метали и мечут громы и молнии в тех узких сектантов и доктринеров, которые, [мол], не считаются с [желанием] массы, не прислушиваются к [«гласу народа»], навязывают партии свои программы, свою тактику, свои организационные планы, оторваны от рабочего класса. Логически эти господа рассуждают так: рабочий—социалист по натуре, но он этого не знает. Стоит только сказать ему, что он социалист, и он становится [тем самым] членом социал-демократической партии. Он способен обсуждать программные вопросы, вырабатывать партийные уставы, намечать линию деятельности... Оппортунист не замечает или не хочет замечать, что так как он еще не потрудился над выработкой классового сознания рабочего, не воспитал [его для роли] сознательного члена социал-демократической партии, то его рабочий—социалист—на самом деле мыслит головой интеллигента, который руководит им, принимает решения, которые «вождь» ему предсказывает, вотирует так, как «вождю» это удобно и выгодно. В конечном выводе происходит [подмена] пролетарского сознания интеллигентским мышлением, партийного свободного решения—указаниями интеллигентов... Происходит это, конечно, до того момента, когда рабочий с достаточно развитым классовым сознанием сбрасывает с себя иго «оппортунизма» и начинает мыслить по-своему, по-пролетарски, т. е. революционно. Но оппортунист-вождь остается все тем же неисправимым иллюзионистом. Для него рабочий находится все в том же младенческом

состоянии сознательности: образ мыслей его крайне упрощенный; он не умеет еще разбираться в серьезности произносимых им слов. Заметьте, например, что всегда и всюду говорили и говорят оппортунисты по поводу объединения социалистических фракций. Кто сеет расколы и раздоры? Сектанты, последовательные социал-демократы, вожди революционного крыла; так некогда французские бруссисты—[эти сливки] оппортунизма—обвиняли гедистов, что они сеют расколы, и что в частности Гед из-за личных неприязней (всегда что-нибудь личное) не хочет объединения. Рабочие бы рады-радешеньки, да вожди не пускают! И Брусс, и Альшан, и Жорес, все слезно плачутся, что мы, мол, все социалисты, что рабочие жаждут объединения, что, если бы не генеральные штабы, все шло бы прекрасно.

Повторяю: во всех этих случаях, поскольку оппортунисты говорят о сознательных рабочих-социал-демократах, они [принижают уровень] их сознательности, приравнивают их к тем рабочим-массовикам, на которых [почти] исключительно опираются оппортунисты. Рабочему, мол, достаточно сказать, что мы социалисты, мы жоресисты, бернштейнианцы, турахисты, социалисты-революционеры и т. д..., чтоб он поверил. Рабочему достаточно произнести слащавую речь о блаженстве объединения,—он будет требовать объединения жоресистов с гедистами, новоискровцев с большевиками, ревизионистов с революционерами. Ведь, все мы называем себя социалистами.

«Искра», рассказывая об объединении французских социалистических фракций, сообщает, что объединение это произошло под давлением рабочих обеих фракций, вопреки желанию вождей. Гед и Жорес должны были подчиниться [«гласу народа»]. Некий г. Смирнов пишет в московской «Правде»: «Пропаганда идеи объединения, начатая с дипломатическими целями, была принята массами «всерьез», и вскоре общественное мнение обеих фракций обнаружилось с такой внушительностью, что переговоры об объединении приняли в самом деле серьезный характер. «Вожди», которые уже хотели бы пойти назад, фактически не могли этого сделать»; и дальше: «конгресс профессиональных рабочих организаций лишний раз показал..., что если обе главные фракции рабочей партии будут продолжать враждовать между собою, то они рискуют привести к полному отделению профессионального рабочего движения от социалистической партии»... Читая эти строки корреспондента «Правды», всякому знакомому с [предварительными переговорами] и ходом обоих конгрессов, о которых говорит г. Смирнов, остается только в изумлении развести руками: или г. Смирнов не знает того, о чем пишет, или имеет какой-нибудь интерес изображать дело не так, как оно на самом деле, а так, как ему диктует его... воображение...

Из его слов выходит, что рабочие-жоресисты и рабочие-гедисты одинаково хотели, а Жорес и Гед одинаково не хотели объединения. На самом деле было не так, и всякий внимательно следящий за партийными органами во Франции, всякий слышавший то, что произошло накануне объединительного съезда на предварительном гедистском съезде, прекрасно знает, как энергично и с каким поразительным большинством, чуть ли не единогласно, высказалось «общественное мнение» гедистов против объединения. Рабочие-гедисты, кото-

рые являются во Франции наиболее сознательными и развитыми социалистами, ни за что не хотели объединяться с оппортунистами, прекрасно зная, что жоресисты останутся тем же, чем были и до объединения, что революционерам придется постоянно расхлебывать кашу, которую будет заваривать «правое крыло», разделять ответственность перед рабочим классом за те постоянные отступления от принципов социализма, которыми постоянно грешит компания Жореса, Вивьяна, Бриана и проч... Сам же Гед, Вальян и другие вожаки «левого крыла» высказывались с самого начала за объединение (а не против, почтеннейший г. Смирнов и почтеннейший корреспондент «Искры»!). И если все-таки гедистская партия согласилась на объединение*), то потому, что, во-первых, она обязалась устами Вальяна на Амстердамском конгрессе перед всемирным пролетариатом, во-вторых, уже начаты были «исполнительной комиссией» партии переговоры (в свое время партия протестовала против поступка исполнительской комиссии, которая начала переговоры, не опросив федерации), и жоресисты приняли предложенную комиссией революционную декларацию, и, в-третьих, наконец, в тайной надежде, что при строго проведенном уставе и контроле большинства партии (а гедисты составляют большинство объединенной партии) размах оппортунистической деятельности будет сильно ограничен. Надежда эта начала уже отчасти оправдываться, так как наиболее откровенные и последовательные оппортунисты, как Оганьер, Вивьяни, Зваэс, Бриан и т. д., вышли из объединенной партии.

В лагере Жореса произошло обратное явление (и в этом Смирнов прав). Жорес вернулся с Амстердамского конгресса в очень воинственном настроении и решительно не хотел объединения, которое, по его мнению, угрожало интересам республики, правильному развитию демократии, нормальному ходу прогресса и проч., и проч... Партия же Жореса, наоборот, не менее решительно высказалась за объединение. [Объясняется это отчасти] причинами чисто-временного характера, как, напр., падением министерства Комба и приближением законодательных выборов, но еще более тем, что [даже] эти [социалистически] наименее сознательные, [наименее последовательные] элементы начала уже отталкивать от Жореса слишком [заботящаяся] о сотрудничестве классов тактика «вождей оппортунистов».

А теперь стоит ли останавливаться на столько же глубокомысленных, сколько и неверных рассуждениях о том, что показал конгресс (Буржский) профессиональных организаций. Показал он только то, что огромное большинство этих организаций высказалось за революционную тактику и [решительно] осудило умеренное оппортунистическое крыло; [он показал], что если бы гедисты объединились с жоресистами без всяких предварительных условий, то такое объединение действительно повело бы к «полному отделению профессионального рабочего движения от социалистической партии».

Впрочем, и до сих пор большинство синдикалистов (просмотрите, г. Смирнов, номера «Voix du Peuple et Avantgarde») решительно осуждает с революционной

*) Самы же делегаты на гедистском съезде говорили: наше положение очень парадоксально, — мы все не хотим объединения и все-таки идем на объединение.

точки зрения происшедшее объединение и помириться с ним никак не хочет. Но это, вероятно, потому, что они не [имеют возможности пользоваться] советами наших соотечественников новоискровцев. (Г. Линдов).

ИЗ ПАРТИИ.

Одесса. 13-го июня вечером. На железнодорожном мосту Нарышкинского спуска собралось тысячи три рабочих. Оратор от Группы призывал к демонстрации. Комитетский оратор, исполняя постановления Комитета, призывал готовиться к вооруженному восстанию, заявляя, что не время теперь высказывать протесты. Оратор от Группы говорил о необходимости отомстить за двух убитых рабочих. Толпа в сильном возбуждении отправилась останавливать электрическую станцию, при чем, несмотря на все убеждения, стала бить окна и машины. После выстрелов толпа рассеялась. Человек 100 пошли к Херсонскому участку требовать освобождения арестованных.

14-го июня. У завода Гена собрались рабочие от многих заводов со своими выборными. Требовали освобождения арестованных. Фабричный инспектор Попов стал говорить, что за границей рабочим живется хуже, их также бьют, но они не устраивают бунтов. Рабочие запротестовали, и Попов удрал. Тогда начали говорить выборные. Оратор от Группы останавливал комитетского оратора, говоря, что выборные рабочих сумеют сказать лучше. Выборные же стали убеждать рабочих, что организация их обманула, что социал-демократы всегда их обманывают, и убеждали итти к градоначальнику просить выдать трупы. Оратор от Комитета, несмотря на протесты меньшевиков и их заявление, будто толпа настроена против социал-демократов, выступил вперед и стал говорить. Его возглас: «Да здравствует социал-демократическая рабочая партия!» — был принят восторженно. Комитетом было предложено устроить всеобщую забастовку и требовать выдачи трупов. Толпа решила итти останавливать заводы. Тогда выборщики (выборные? Ред.) заявили, что они слагают с себя полномочия. Толпа выразила удовольствие, и они удалились.

15-го июня. (Опускаем рассказ о появлении «Ютемкина». Ред.). Убитый матрос — член Крымского Союза нашей партии, был известен под кличкой Владимира. В Одессе матросы явились на явку соц.-дем. К ним отправились депутаты от всех трех социал-демократических организаций. Депутаты от социалистов-революционеров матросы не приняли, сказав, что признают только социал-демократические организации. В порту говорили речи представители всех партий, толпа всех принимала восторженно. Когда выяснилось, что матросы в этот день не высадятся, от имени депутатов было объявлено, что только по приходе всей эскадры может быть принято окончательное решение. Толпа стала расходиться. Против нас велась агитация с призывом «бить жидов», но виновник агитации был тотчас убит и оказался переодетым околоточным. К вечеру начался грабег порта и вспыхнул пожар. Войска (только что прибывшие из Николаева) стали без оклика стрелять во всех проходящих.

Оратор из Комитета.

Заявление Северо-Западного Комитета. В извещении о конференции на 3—4 стр. говорится: «Сев.-Зап. Ком., приславший уже делегата на съезд, по получении известий об отношении к последнему части партии, прислал нам сообщение о том, что он отзывает этого делегата, как не выполнившего постановленных ему условий. (NB. Делегат не счел нужным последовать указанию комитета).

Сев.-Западн. Комитет заявляет:

1) Из слов «прислал нам» можно заключить, будто С.-З. К. прислал сообщение конференции. В действительности никаких сообщений конференции С.-З. К. никогда не посылал.

2) С.-З. Ком. никогда не принимал постановления об отозвании своего делегата со съезда.

3) Письмо к делегату С.-З. Комитета за подписью С.-З. К., опубликованное в «Искре» без всякой просьбы

со стороны С.-З. К. и послужившее основанием для возводимых на делегата С.-З. К. обвинений, было написано лишь от имени С.-З. К. исполнительной комиссией С.-З. К., и содержание его, с одной стороны, не представляет собой никакого решения самого комитета, а с другой — не заключает в себе вообще категорического постановления об отозвании делегата.

4) Телеграмма, отправленная г. Мартову, приславшему письмо в С.-З. К. по вопросу о мандате и условившемуся о посылке ему телеграммы в одно слово: «abgeschafft», в случае отозвания делегата, также была послана исполнительной комиссией, при чем были добавлены слова: «Brieflich ausführlich», указывающие, что категорического постановления об отозвании принято не было.

5) По точному смыслу мандата, данного С.-З. К. своему делегату, последний принял участие на съезде, не нарушив ни одного из поставленных ему условий. (Принято единогласно).

5-го июня 1905 г. *Северо-Западный Комитет.*

Резолюция. С.-З. К., выслушав своего делегата на III съезде и ознакомившись с извещением конференции о ее работах, принял следующую резолюцию:

1) Принимаемая во внимание, что на съезде присутствовали делегаты полноправных организаций, имеющих вместе право более чем наполовину решающих голосов, принадлежащих всей партии, С.-З. К. считает III съезд с формально-уставной точки зрения законным. (Принято единогласно).

2) С.-З. К. принимает устав, выработанный на III съезде. (Принято 2 при одном воздержавшемся).

Якутск. Резолюция товарищеского суда. Обвинения, возведенные на Китаева в крайней непорядочности и на Рузера в измене протесту, — преступления, которые, будь бы, были ими совершены во время плавания первой летней партии 1904 г. (партии, начальником которой был Сикорский, убитый тов. Минским), — комиссия, избранная на собрании ссыльных соц.-дем. Якутского округа, единогласно нашла совершенно неосновательными: таковое решение комиссии санкционировано собранием 8 апреля 1905 г.

Данная резолюция является выводом из подробного доклада комиссии, сделанного собранию.

Просим все революционные издания перепечатывать.

Из отчета Борисоглебской группы с 15-го апреля по 15-е мая: Приход—96 р. 22 к., остаток с предыд. мес.—29 р. 02 к., итог—124 р. 24 к.; расход—107 р. 12 к. (в том числе Центр. К-ту отчислено 45 р.); в кассе осталось 18 р. 12 к. Распространено изданий: Война и революция (35), Рабочее дело (6), Брошюр различного содержания (182), хроника 1 (45), Хроника 2 (100), Они заговорили (71), Песни (76), 1-е мая 1903 г. (204); прокламации: Порт-Артур и Ляоян (70), К рабочим и гражданам (100), Слово и дело (225), Первый шаг (263), К крестьянам (600), О политической свободе (125), Правда о войне (75), Канун революции (150), О страховании (8), Извещение о конференции (37), К гражданам (12), Черная сотня (180), Первое мая (1000), Наши задачи (5). К обществу (Воронежск. К-та—72), Отчет за предыдущий месяц (60); всего 3.600 экз. ³⁾

Из отчета Костромской группы Северн. к-та за апрель: приход—642 р. 87 к.; расход—302 р. 06 к.; в кассе—340 р. 81 к. Издано в апреле: Отчетов кассы—100 л., Солдатская память—625 л., К обществу (перепеч. прокл. Пет. к-та из «Вперед»)—500 л., 1-е мая (перепеч. прокл. Б.К.Б. и «Вперед»)—3.000 л., 1-е мая (перепечатка другой прокл. Б.К.Б. и «Вперед»)—500 л., Иваново-вознесенским рабочим—4.000 л. Всего 8.725 л.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прежняя на некоторое время всякую издательскую деятельность и передавая типографию «Библиотеки Рус-

ского Пролетария» и склад как моих изданий, так и изданий социал-демократической организации «Жизнь» в полную собственность Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, я заявляю всем читателям «Библиотеки Русского Пролетария», что означенные издания можно получать из экспедиции Р. С.-Д. Раб. Партии. Издатель-редактор «Библиотеки Русского Пролетария» Г. Куклин. 10-го июля 1905 г.

Последние известия.

«Потемкин» появился у Феодосии. Он запасся провиантом и отплыл по неизвестному назначению, захватив одно русское торговое судно с грузом скота. Сообщают, что он добыл и угля с одного английского торгового судна. О сдаче нет и речи: «Потемкин» задается целью поднять восстание во всех прибрежных городах. Вот текст манифеста, который распространяется «Потемкиным» (по сообщению одной немецкой газеты из Бухареста):

«К цивилизованным гражданам и к рабочему народу! Преступления самодержавного правительства истощили всяческое терпение. Вся Россия, объятая пламенем возмущения, восклицает: долой цепи рабства! Правительство хочет залить всю страну кровью, забывая, что войско состоит из сыновей угнетенного народа. Экипаж «Потемкина» сделал первый решительный шаг. Мы не хотим больше быть палачами нашего народа. Наш лозунг: смерть или свобода для всего русского народа! Мы требуем прекращения войны и немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. За эту цель мы будем бороться до конца: победа или смерть! Все свободные люди, все рабочие будут на нашей стороне в борьбе за свободу и за мир. Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание!»

(Н. Ленин).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Соловьёву. Письмо получено и разобрано. Книга тоже получена, сообщите адрес для писем. Дедову. № 6-й получен. Клементию. Письма получаем аккуратно. Лоло. Получили вашу корреспонденцию, дайте адрес для писем вам, с комитетом переписка у нас не клеится. Рабочему Юга. Письмо получено. Сообщите свою явку и ключ через Б. К. Мягкову. Письмо получено, в явке разобрали только пароль. Повторите ее, а также адрес для писем. Дяде Минаю. Шифр нам еще не сообщен. Игорю. Ваше письмо получили, послали ключ и адреса через Антона. Лине. Письмо получено. Лэди. Послали вам письмо. Получено ли? Нищеву. Где вы теперь? Отчета ничего не пишете? Варшавскому. Все получено, ничего. Рижскому. О местных органах получено.

Вышли новые издания: 1) Дикштейн. «Кто чем живет». Ц. 40. 2) Приказ по войскам екатеринославского гарнизона с приложением статьи «Правительство готовится». Ц. 40 с. и 3) Три конституции (листок). Ц. 10 с. Печатается в Северцев. «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию».

Примечания:

Прим. 1. Статья в рукописи называется „По поводу либерального маклерства“. Части статьи, заключенные в прямые скобки, а также и редакционные поправки принадлежат тов. Ольминскому.

Прим. 2. Статью редактировал тов. Воровский.

Прим. 3. Ошибка в оригинале: приход в кассу не 124, а 125 руб. и распространено изданий не 3.600, а 3.701.

Климентов
"PÉRIOD"
(En Avant!)

REDACTION

ADRESSE :

VI. Bontch-Brouévitch
3. Rue de la Colline, 3
GENEVE (Suisse)

Мы, организованые
рабочие Париза, Француз
ского и Германского за
бастовки 2. Николаева, об-
щественно к числу 45 человек,
и вступили в борьбу и во-
ротно о ссуды 3^{ей} ~~назначено~~ ^{назначено} Служба, афи-
шим в том же законе, что Служба
должна быть. Мы в ссуде что к тому
назад, и ~~тогда~~ ^{тогда} когда к тому начался
раскол в нашей партии, и чтобы
по партийным ~~отделам~~ ^{отделам} ~~тогда~~ ^{тогда}
крайний его, не давая ему ~~и~~ ^и ~~нам~~
отсрочивать и идти до власти
формировать. Еще что к тому начался
были нежелательные ~~и~~ ^и ~~и~~
и организационные вопросы, по-
добавились немедленного разрешения.
Разрешив их тогда, наша пар-
тия и сформирована. Мы в том же чис-
лени и сформированы, в том же чис-

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАТЕРИАЛ, НЕ ВОШЕДШИЙ В ГАЗЕТУ.

Луганск. 10-го мая. Мы, рабочие агитаторы и организаторы заводского и городского района в количестве 22-х чел., после тщательного разбора позиций двух борющихся сторон в партии пришли к следующему заключению: существование какой бы то ни было партии возможно лишь при условии подчинения меньшинства большинству, что не исключает борьбы каждого направления за торжество своих идей, но в партийных рамках, обеспеченных большинством. Меньшинство нашей Р. С.-Д. Р. П., несмотря на свое торжественное обещание подчиниться решениям съезда, начало рвать партию, устроило тайную организацию в пролетарской партии, в результате чего мы можем оказаться в хвосте надвигающихся событий в России, не используя должным образом борьбы пролетариата в интересах его. Констатируя такое положение дел, порожденное дезорганизаторской работой «меньшинства», выносим ему полное свое порицание; еще раз напоминаем, что борьба за торжество своих идей исключает дезорганизацию партии. Мы выражаем свое полное согласие с принципами большинства Второго партийного съезда и прибавляем следующее: если меньшинство откажется пойти на III съезд Партии, созываемый БКБ и ЦК, этим самым оно покажет свою истинную физиономию, этим самым оно покажет, что интересы своего кружка ставит выше интересов партии, и злой иронией будут звучать его слова о самостоятельности и т. п.; с другой стороны, фактом неучастия на III съезде и непризнания его решений оно откалывается от Р. С.-Д. Р. П. Тем товарищам, которые пойдут на съезд, наш привет, и их решения станут решениями Партии, и им мы подчинимся.

Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.! Да здравствует революционная социал-демократия!

Мы поручаем центру нашей луганской организации послать наше решение для напечатания во «Вперед».

Рига. (Запоздало доставкой) ¹⁾. Первым районом принята следующая резолюция: «В виду того, что раскол в Партии между «большинством» и «меньшинством» принимает все более острую форму, мы, организованные рабочие, состоящие в первом районе Р. К. Р. С.-Д. Р. П., просим Третий партийный съезд восстановить единство в Партии: пусть тот, кто не хочет подчиниться решению Третьего партийного съезда, выйдет из Партии, а остальные объединятся, оставив свои дезорганиза-

торские замашки. Для более точного определения членства в Партии предлагаем Третьему партийному съезду принять во внимание формулировку т. Ленина: «Членом Партии считается всякий признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Принимая во внимание великое значение старой «Искры» в деле объединения Партии и новой «Искры» в деле дезорганизации Партии, мы находим, что достойным преемником старой «Искры» является орган «Вперед», который, стремясь к объединению и дисциплинированию Партии, высоко держит знамя социал-демократии, и предлагаем Третьему партийному съезду назначить этот орган центральным, переименовать его в России, чтобы дать ему широкое распространение в среде рабочих масс, способствуя этим выработке из рабочих социал-демократов. Просим редакцию «Вперед» как можно полнее осветить вопрос о временном правительстве в виду важности его в грядущих событиях».

Члены центров 1-го района (на подлиннике, доставленном в редакцию, следуют 30 подписей).

Резолюции Уральских организаций о партийном расколе *) ¹⁾.

Группа ответственных работников Уфы, признавая состоявшийся съезд III съездом Партии, присоединяется к выработанным на нем резолюциям, подчиняется новому уставу Партии и в особенности приветствует объединительные стремления съезда.

18-го мая 1905 г.

Резолюция Пермского Комитета о присоединении к Центральному Комитету, избранному на III съезде, была вынесена еще в мае, после доклада делегата Уральского Комитета.

Резолюция Екатеринбургского Комитета. «Выслушав товарища делегата, присутствовавшего на III съезде Р. С.-Д. Р. П. от имени Уральского Сюза, и принимая во внимание:

а) что в настоящее время, когда рабочее движение в России открыто переходит на явно революционную почву, является настоятельно необходимым всеми силами охранять единство Р. С.-Д. Р. П. в целях дости-

*) Редакция „Пролетария“ получила эти резолюции с большим запозданием».

¹⁾ Редакционные поправки сделаны тов. Теодоровичем.

¹⁾ Корреспонденция сохранилась в гранке.

жения наибольшего руководства в предстоящем вооруженном восстании рабочего класса России;

б) что принятый на III съезде организационный план Рабочей Социал-Демократической Партии вполне соответствует стоящим перед нею задачам, и

в) что III съезд должен быть признан законно состоявшимся, так как на нем присутствовало фактическое большинство полноправных партийных организаций, и так как в тех условиях, при которых приходилось созывать III съезд, Организационным Комитетом было сделано все, что только ему было доступно,—

Екатеринбургский Комитет и техническая группа при нем единогласно решили:

а) признать все постановления III съезда Р. С.-Д. Р. П. для себя обязательными,

б) признать избранные на нем центральные партийные учреждения законными, и

в) стать под политическое руководство составленного Ц. К-та.

Что же касается отколовшейся [от] Центрального Комитета Партии фракции «меньшинства», то Екатеринбургский Комитет, признавая принципиальные разногласия по вопросам революционной тактики между «большинством» и «меньшинством» слишком ничтожными и недостаточными, как повод для расхождения, но в то же время считая группу «меньшинства» неспособной из-за ее организационных воззрений осуществить задачи Партии, отказывается видеть в этой группе партийное учреждение. Тем не менее, Екатеринбургский Комитет признает необходимым принимать отдельных товарищей из «меньшинства» в свои организации при условии признания ими постановлений III съезда Р. С.-Д. Р. П.

Екатеринбургский Комитет Уральского Союза Р. С.-Д. Р. П.

Июнь 1905 г.г.

Резолюция работников Уфы. «Неотложная необходимость во что бы то ни стало восстановить единство Партии диктует нам обязанность, опираясь на многочисленные примиренческие элементы Партии, противиться всякой попытке двух частей Партии стать в отношении взаимного бойкота. В ответ на заявления обеих частей расколовшегося Восточного Бюро мы, ответственные работники Уфы, объявляем, что, становясь под политическое руководство выбранного на III съезде Партии Центрального Комитета и подчиняясь всем его решениям, мы будем отдавать в его распоряжение как сведения, так и средства, согласно новому уставу Партии. Но в то же время, не видя в резолюциях конференции меньшинства принципиальных отличий от резолюций III съезда по самым крупным вопросам революционной тактики и констатируя в этих резолюциях полное освобождение меньшинства от оппортунистических веяний, мы не закрываем двери нашей организации перед товарищами из меньшинства, которые так же, как и мы, желают прекращения велепого, позорного по своей беспринципности раскола великой революционной Партии пролетариата как-раз в момент решения ее гигантской задачи предводительства пролетариатом в русской революции. [Принята] единогласно.

9-го июня 1905 г.г.

(Примечание. Необходимо сказать по поводу этой резолюции, что организацион[ный] план меньшинства тогда еще не был известен).

[Примечание редакции. Насчет полного освобождения меньшинства от оппортунистических веяний «в резолюциях» общерусской конференции редакция держится взглядов, прямо противоположных мнению уфимских товарищей].

«Челябинская группа Южного Уральского Комитета Р. С.-Д. Р. П., ознакомившись с резолюциями III съезда Партии и «конференции меньшинства», признает состоявшийся съезд III Партийным съездом, принимает выработанные на нем резолюции и становится под политическое руководство Центрального Комитета, избранного на этом съезде, обязуясь подчиняться ему и предоставлять в его распоряжение средства и силы, согласно новому уставу Партии. Товарищи из меньшинства будут приниматься на работу лишь в том случае, если признанием Центрального Комитета, съезда и устава откажутся от дезорганизаторской политики. Стремясь к скорейшему восстановлению организационного единства Партии, мы считаем присоединение всех партийных работников к Центральному Комитету кратчайшим путем к такому объединению.

Принято единогласно.

20-го июня 1905 г.г.

Курганская группа Южного Уральского Комитета Р. С.-Д. Р. П. присоединилась к этой резолюции тогда же.

Резолюция Вятского Комитета. «Выслушав доклады официальных делегатов уральских организаций (Уральского Комитета и Уральского Союза), Вятский Ком[итет] принимает, как обязательные, все постановления III съезда. Вследствие невозможности за отсутствием документов разрешить на местах вопрос о законности созыва съезда Вятский Комитет находит желательным передать данный вопрос на рассмотрение международной социал-демократии, полагая, что авторитетный голос ее в деле разъяснения всех неясных и спорных вопросов порядка созыва съезда должен в значительной степени способствовать присоединению отколовшейся части Партии».

[Эта резолюция принята большинством двух третей. Меньшинство же одной трети вотировало за такую резолюцию:]

«Выслушав доклад официальных делегатов Уральской организации (Уральского Комитета и Уральского Союза), Вятский Комитет признает съезд законным и все постановления его для себя обязательными».

«Периферия Пермского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (рабочий центр и пропагандистская группа), выслушав доклад о работе III съезда, признает этот съезд партийным, считает его решения для себя обязательными, признает и подчиняется новому уставу партии и Центральному Комитету, одобряя выработанный съездом организационный план.

Июль 1905 г.г.

Что касается Пермского Комитета в июле, то по отношению к меньшинству он был более мягок: часть его соглашалась принимать товарищей из меньшинства, лишь требуя от них подчинения дисциплине в пределах

Пермского Комитета (подчинения большинству Комитета). Эта часть очень скоро откололась и перешла к меньшинству. Другая осталась на прежней твердой позиции¹⁾.

Здесь недостает еще резолюций Тагильской Группы Екатеринбургского Комитета. Она в общем сходна с Екат[еринбургской и] принята всеми против одного.

Доклады о III съезде и конференции были сделаны: Вятскому Комитету и его периферии дел[егатом] Уральского Комитета; Пермскому Комитету—делегатом Уральского Комитета; Вятскому Комитету, периферии Пермского Комитета, Тагильской Группе Екатеринбургского Комитета, Екатеринбургскому Комитету, периферии Ека-

теринбургского Комитета, Челябинской Группе Южно-Уральского Комитета, Уфимской группе, интеллигентской периферии Уфимского Комитета, рабочему центру Уфимского Комитета и Восточному Бюро Центрального Комитета—делегатом Уральского Союза.

[Уфимский Комитет] примыкает к Центральному Комитету Партии, избранному III съездом, и подчиняется вполне его политическому руководству; [Комитет] просит Центральный Комитет приложить все усилия к скорейшему объединению Партии; приветствуя всякий шаг в этом направлении, [Комитет] будет бороться против всяких попыток к расколу, от кого бы они ни исходили. Уфимский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

1) Это сообщение в рукописи вычеркнуто.

Сентябрь 1905 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

В первом выпуске.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
На стр. 19.	Написаны и некоторые другие статьи.	Написаны и некоторые другие статьи.
На стр. 106.	Факсимиле тов. А. И. Елизаровой.	Факсимиле тов. А. И. Елизаровой.

Во втором выпуске.

На стр. V оглавления.		
Батум. Рабочий 13.	Изобретатели разногласий. М. Ольминский.	Батум. Рабочий 14. Изобретатели разногласий. В. Воровский.
На стр. 41.	„Об уличной борьбе“; см. стр. 24.	„Об уличной борьбе“; см. стр. 27.
На стр. 189.	Была послана ов. Ленину.	Была послана тов. Ленину.

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИСТПАРТА и со ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

═══ М. ОЛЬМИНСКОГО ═══

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

„ПРОЛЕТАРИЙ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА —
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ,
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

(№№ 8—14)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 8.

Профессиональное движение и социал-демократия	1
Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры	3
„Князь Потемкин Таврический“. В. Северцев	5
Что делается в войсках. А. Насимович	9
Из истории одного совещания	10
Освобожденцы за работой. В. Бонч-Бруевич	10

Из общественной жизни.

Ответ московского корреспондента	11
Новочеркасск	12
Рига	—
Либава	—
В армии	—
Среди матросов	—
Киев	13
Обращение Исполн. Ком. Интернац. Бюро к рабочим всех стран	—

Из рабочего движения.

Саратов (из частного письма)	13
Местечко Семшовка (Черниговской губ.). Сообщ. Полесским Комит.	14
Екатеринослав	—
С Урала	15
Инструкции организаторам. Окружи. Орган. Московск. Ком. РСДРП	16

Из партии.

Заграничная организация РСДРП	17
Районный съезд организаций Полесского Комитета	—
Открытое письмо в ЦО РСДРП	18
Петербург	—
Сызрань	—
Рабочие о партийном кризисе. Одесский рабочий	19
Издания	—
Из отчетов	—

Тюрьма и ссылка.

Якутск	19
Рудник Акатуй (из П. И.)	—
Каменец-Подольск	20
Почтовый ящик	—
Примечания	—

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 9.

Революция учит	1
Городская революция. Г. Линдов	3
Победа Японии и социал-демократия. А. Луначарский	5
Массовая политическая стачка. А. Луначарский	7
Письма из Одессы	9
Одесса, Л.	10
Одесса (из письма просежго)	—
Одесса	—

Из общественной жизни.

Из секретного циркуляра департамента полиции	—
Новочеркасск	—
Тверь	—

Из рабочего движения.

Николаев	13
Николаев. Рабочий	—
Иваново-Вознесенск	—
Петербург	—
Воронеж	—
Урал. П-ца	13

Из партии.

Николаев	14
Николаев	15
Москва	16
Сердитое бессилие	—
Ответ Бунду	—
Наши Хлестаковы	17
Минск. Секретарь Минской группы РСДРП	—
Из отчетов	18
Объявление о поступивших пожертвованиях	—
Издания	—
Почтовый ящик	—
Примечания	19

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 10.

Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти	—
К вопросу о местных органах. Рижский	—
Корабль-скиталец	—
Очерки из истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата. А. Луначарский	—
Постоянная армия и милиция	—

	Стр.
Из общественной жизни.	
Николаев	50
Курск	51
Тверь (поход на крестьян)	53
Харбин (из письма военного врача)	—
Из рабочего движения.	
Николаев (адмиралтейство перед забастовкой)	53
Николаев (политическая забастовка)	54
Николаев (после забастовки)	55
✓ Екатеринослав	—
Сестрорецк. С Ком.	—
Иваново-Вознесенск. Рабочий К. А.	—
Из партии.	
Отчет о конференции групп Северного Комитета	56
Из деятельности Центрального Комитета	58
Резолюция ЦК относительно Виленской группы	—
✓ Утверждение Екатеринославского Комитета	—
Окружная организация Московского Комитета	—
Саратов	—
Издания	59
Из отчетов	—
Объявление о поступивших пожертвованиях	—
Последние известия: съезд либеральной интеллигенции	—
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 11.	
Буржуазия и монархия. В. Воровский	63
✓ Первые шаги профессионального движения. В. Воровский	65
Крестьянское движение. В. Каплинский	67
Открытое письмо. ЦК РСДРП	70
Уроки жизни. В. Воровский	71
Из общественной жизни.	
Довольно наболтались. А. Насимович	73
На прощание войскам. А. Насимович	74
Александрополь, Эриванской губ. Фл.	—
Либава. Солдаты Виземского полка	75
✓ Харьков	—
Варшава	76
Из рабочего движения.	
✓ Екатеринослав. Рабочий	76
Елисаветполь. Рабочий	—
Баку	77
Колчино. Рабочий	—
Кострома. Рабочий	79
Сестрорецк	—
Тюрьма и ссылка.	
Москва	79
Одесса	80
Из партии.	
Тверь	80
Либава	81
Объявление о поступивших пожертвованиях	—
Из отчетов	—
Издания	—
Почтовый ящик	82
Примечания	—

	Стр.
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 12.	
Бойкот бульгинской думы и восстание. Н. Ленин	83
Фридрих Энгельс	85
Свидание в Бьеркоэ. А. Луначарский	86
Массовая политическая стачка. А. Луначарский	87
Победа Японии и социал-демократия. А. Луначарский	89
Что делается в войсках. А. Насимович	90
Из общественной жизни.	
Одесса	92
Маршанск	—
Одесса Л.	—
Устав союза учителей и учительниц в Варшаве	93
Петербург	—
Владимир	—
С. Лысково	—
Из рабочего движения.	
Нижний-Новгород. Пропагандист	93
Харьков	94
Минск. Минская группа РСДРП	95
Бобруйск. Бобруйская группа РСДРП	—
Витебск	96
М. Игнаровка (Киевского уезда)	—
Динск. Рабочий	—
✓ Екатеринослав	97
Тифлис. Союзный Комитет	—
Саратов	—
Пермь	98
Рига	—
Сморгонь. Член организации	—
Воронж	—
Тюрьма и ссылка.	
Лудников	98
Екатеринослав	—
Николаев	99
Из партии.	
Борьба пролетариата	99
Рига	—
Саратов. Саратовский Комитет РСДРП	—
О Саратовском Комитете	100
Резолюция	—
Кавказ (из частного письма)	—
Резолюция Грозненской группы Терско-Дагестанского Комитета	—
Тифлис	101
Из отчета „Библиотеки и архива РСДРП“	—
Издания	—
Почтовый ящик	—
Примечания	—
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 13.	
Европейская революция и европейская реакция	103
„Праведная земля“ московских фабрикантов“ А. Луначарский	105
„Они не оправдали ни надежд, ни опасений. А. Луначарский	106
К юбилею 9-го января. А. Луначарский	108

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Отголосок бастующей Руси. А. Насимович	109	Черные сотни и организация восстания	128
Профессиональная интеллигенция и социал-демократы. М. Покровский	112	Третий съезд перед судом кавказских „меньшевиков“	130
Из общественной жизни.			
Нижний-Новгород	114	Петербург	132
Нижний-Новгород. К. С.	115	Тверь	—
Сормово	116	Балашев	133
Сормово	—	Самара. Самарск. Ком. РСДРП	—
Сормово	—	Суздальский у. Владимирск. губ.	134
Екатеринослав	—	Минск	—
Тверь	117	Местечко Холмечь	—
Казань	—	Одесса	—
С дороги	118	Из рабочего движения.	
С театра войны	—	Петербург	136
Владивосток (из письма зачасного)	—	Рига	—
Петербург	—	Гомель	—
Приговоры	—	Сартов. Наборщик	137
Из рабочего движения.			
Рига	119	Кострома	—
Рига	—	Полесье, Полесский Комитет	138
Рига	—	Киев	—
Рига	—	Луганск	—
Рига	—	Тула	—
Екатеринослав	120	Тюрьма и ссылка.	
Иваново-Вознесенск. Рабочий	—	Николаев	139
Баку	—	Пермь	—
Бобруйск. Бобруйская группа	—	Список политических заключенных в Бабинской тюрьме.	—
Из партии.			
Двинск. Рабочий	121	Рига	139
Рига	—	Одесса (из письма пропагандиста)	—
Сызрань. Сызранская группа РСДРП	—	Одесса (отчет организатора)	140
Издания	—	Из отчета о работе Петербургского Комитета	—
Из отчета Одесского Комитета РСДРП	122	Из отчетов	141
Почтовый ящик	—	Издания	—
Объявление от редакции	—	Последние известия	—
Примечания	—	Почтовый ящик	—
ИЛЛЮСТРАЦИИ.			
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 14.		Портреты: гг. А. И. Елизаровой, В. Д. Бонч-Бруевича	
„Единение царя с народом и народа с царем“	123	и С. И. Гусева; факсимиле: Ленина и Карпинского,	
Соглашение или революция	126	Ленина и Покровского.	

А. И. Елизарова
(фотография 1921 г.).

В. Д. Бонч-Бруевич.

С. И. Гусев
(фотография 1924 года).

ЖЕЛТОВА, 17 июля (4 июля) 1905 года.

№ 8.

Пролетарий

Пролетарий всех стран,
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Профессиональное движение и социал-демократия.

Две формы организации выработало развитие рабочего движения, две формы, соответствующие двойственному характеру пролетариата в современном обществе. В качестве продавца своей рабочей силы, современный пролетарий связан общностью профессиональных интересов с другими такими же пролетариями, работающими и борющимися за кусок хлеба в той же отрасли производства, что и он. В качестве гражданина, в качестве члена великого общественного класса, борющегося за освобождение человечества от власти капитала, он связан классовой солидарностью и общностью политических задач со всеми пролетариями без различия профессий. Современный способ производства, приковывая рабочего к определенной, отупляюще узкой специальности, делает из него однобокого профессионала, ограничивает кругозор его интересов и понятий тесными рамками этой специальности. Борясь из-за частных, мелких и чисто местных требований экономического характера, сплываясь со своими товарищами на работе на почве этих же мелких и местных требований, современный пролетарий самими объективными условиями замыкается в ограниченный круг профессиональных интересов. Естественно, поэтому, что и кругозор такого рабочего тред-юниониста, и размах его борьбы носит очень узкий характер. Профессиональные интересы, которыми живет один цех рабочих по большей части чужды другому цеху. Правда, по мере развития капитализма цеховые союзы расширяются, превращаясь из заводских в городские, в областные, наконец, в общенациональные. При таком развитии, несомненно, расширяется и кругозор рабочего, выходя далеко за пределы его фабрики или завода. Но и общенациональные профессиональные союзы вносят лишь количественное, но не качественное изменение. Стусеваются и исчезают частности или мелочи, характерные для той или другой фабрики, на первый план выступают условия общие всей данной отрасли промышленности, т.-е. условия, определяемые самим фактом капиталистической эксплуатации. Но качественно, по существу, изменяется не многое. Мысль рабочего вращается, правда, в более широких рамках, но рамки эти попрежнему всецело заполнены интересами профессионального, экономического характера. Самый рост профессионального движения, его расширение до общенациональных рамок, делая рабочую организацию более сильной в борьбе, поднимает престиж экономической борьбы и обращает главное внимание рабочих на отстаивание профессиональных интересов.

Однако, современный способ производства, превращая массу населения в пролетариев, т.-е. в наемных рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу, создает новый класс людей, объединенных общностью экономического положения. На почве этого своеобразного экономического положения, в основе которого лежит отсутствие собственности на средства и орудия производства, складывается и специфически пролетарская психология, свободная от культа собственности. Пролетарий, утратив раз навсегда надежду стать опять независимым производителем, логически доходит до отрицания частной собственности, как общественного института. Эта идея, распространяясь в среде пролетариата и находя благоприятную почву в психологии неимущих рабочих масс, становится его классовой идеей, становится выражением его интересов, как класса, его задач и целей. Пролетариат отрицает частную собственность на орудия производства и стремится к передаче их в собственность всего общества. Он выступает под знаменем социализма. Пролетариат борется за свои классовые интересы со всеми имущими классами и стремится завоевать власть, чтобы уничтожить всякие классы и осуществить социализм. Он выступает под знаменем политической борьбы. И в этой борьбе за социалистический строй ему приходится организоваться в политическую партию—социал-демократию. Программой этой партии является то учение, которое на данных науки обосновывает историческую необходимость коллективизма—научный социализм. Социализм является идеологией пролетариата, как массы, пролетариат является носителем социализма.

Мы наметили двойственную роль пролетариата в современном обществе и ту двойственную организацию, которая определяется этой ролью. Как продавец своей рабочей силы, как участник и невольный «сотрудник» в капиталистическом обществе—рабочий вынужден сплываться в профессиональные союзы для защиты своих частных интересов. Как гражданин, как отрицатель и разрушитель современного общества он объединяется в социал-демократическую партию для защиты своих общих, классовых, политических интересов. Группа и класс—вот две основные социальные единицы, которым соответствуют и организационные формы: частная—профессиональные союзы, общая—социал-демократическая партия.

Уже из этого сопоставления тред-юнионизма и социал-демократии ясно, что, как целое больше части, так и политическая организация пролетариата шире, полнее и содержательнее, чем организации профессиональные. Партия охватывает интересы всего класса и притом самые основные, самые глубокие, самые длительные интересы. Партийная точка зрения, т.-е. точка зрения социал-

демократическая, открывает гораздо более широкие горизонты, позволяет заглянуть несравненно дальше, чем узкий кругозор профессионала, позволяет намечать надолго вперед пути и задачи для целого класса, для всего пролетариата без различия профессии. Социал-демократия объединяет разрозненные профессиональные группы в один класс, она оплодотворяет скудную мысль цеховика великой идеей социализма, она руководит стихийным, массовым рабочим движением, направляя его в русло сознательной политической борьбы, освещая его путь социалистической теорией. Вот почему эрфуртская программа определяет социал-демократию, как «соединение рабочего движения с социализмом».

Но жизнь знает не одно только сопоставление тред-юнионизма и социал-демократии, она знает и противопоставление их. Цеховая борьба, ведущаяся всецело в рамках буржуазного общества и возможная только в рамках этого общества, не проходит бесследно для самосознания рабочих масс. От этой борьбы за экономические реформы налипают на психологии пролетария элементы буржуазности, затемнившие его пролетарское сознание или не дающие ему определиться. Увлечение профессиональной борьбой раскалывает пролетариат на цеховые группы, делает ему чуждыми интересы класса, т.е. интересы политические, мало того, нередко восстывает его против политической борьбы и социал-демократии. И это противопоставление профессионального движения и движения политического, знаменует собой глубокий кризис в жизни пролетариата, как класса, его политическое поражение, хотя бы оно и сопровождалось расцветом цеховых союзов и материальным благополучием рабочих масс. «Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность», — писала еще старая «Искра» в № 1. И эта мысль подтверждается всем опытом европейского и американского рабочего движения. Когда широкое политическое классовое сознание и великие идеалы отлетают от рабочего движения, место социал-демократии спешат занять злые духи рабочего движения: попы и зубатовцы, просвещенные фабриканты и мелкобуржуазные «социалисты».

Однако, было бы большой ошибкой делать отсюда заключение, что профессиональные организации, как страдающие склонностью к «буржуазности», должны быть отвергнуты и заменены организациями политическими. Такие мнения приходится иногда слышать в нашей среде среди русских социал-демократов. Как-раз в России, где пока нет почти никаких широких рабочих организаций, легко увлечься очень простой и на вид удобной мыслью: чем создавать профессиональные союзы и рисковать, что они ударятся в «буржуазность», не лучше ли предупредить это зло заблаговременно и вместо организации «по цехам», создать политические организации. Такая мысль была бы очень вредной и опасной утопией. Прежде всего, не следует забывать, что в современном обществе широкие массы пролетариата не могут не вести профессиональной борьбы по той уже простой причине, что оставленный без отпора капитализм доводит рабочего до полного одичания, огрубения и вырождения. Для того, чтобы активно и сознательно участвовать в борьбе за социализм, необходимо иметь обеспеченным хотя бы минимум человеческого существования. При 12-ти и более часовом труде в анти-

санитарной обстановке, при полуголодном питании, нет возможности приобрести тот минимум знаний, который необходим, чтобы сделаться сознательным социалистом. Ибо, чтобы быть социалистом, нужно знание; пролетарская психология, правда, предрасполагает к этому знанию, но она не устраняет его необходимости. Социализм — это положительное научное содержание, а не настроение. Таким образом, рабочие не могут не бороться за экономические требования, а стало-быть, и не могут не организоваться для этой борьбы. И организация эта должна быть лучше всего приспособлена для этой цели, т.е. должна быть профессиональной организацией. Но независимо от этого соображения было бы утопией думать, что широкие массы пролетариата возможно организовать при существующих условиях в сильную политическую партию. Научный социализм предостерегает нас от подобных увлечений. Он указывает, что масса пролетариев лишь медленно, постепенно, в процессе объединения и борьбы за ближайшие, экономические нужды слагается в класс, т.е. в сознательное, сплоченное целое. Создание политической партии является лишь следствием и завершением этого процесса образования класса. Поэтому и Коммунистический Манифест возлагает на социал-демократию задачу «организации пролетариата в класс и тем самым и в политическую партию». Но эта «организация в класс» не является чем-то произвольным, оторванным от жизни; нет, социал-демократия здесь, как и во всей своей деятельности, может лишь руководить стихийным историческим процессом, освещая и сокращая таким образом путь пролетариату. А этот стихийный процесс образования класса неизбежно идет через стадию экономической сознательности. Характеризуя эту неминуемую стадию развития пролетариата, Маркс говорит: «экономические отношения превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало одинаковость положения для этой массы, одинаковость интересов. Таким образом эта масса стала классом по отношению к капиталу, но не классом в себе». «На этой ступени развития, — говорит Маркс в другом месте, — рабочие представляют собою рассеянную по всей стране и разъединенную конкуренцией массу». Думать, что на этой ступени развития, когда «разъединенная конкуренцией масса» рабочих начинает только выработать в себе пока лишь экономическое сознание противоположности интересов труда и капитала, думать, что на этой ступени развития возможно сплотить широкую массу рабочих в политические союзы, заменяющие собой союзы профессиональные, значит делать грубую историческую ошибку. И это будет не только историческая ошибка, с точки зрения научного социализма это будет ошибка логическая. Действительно: для создания политической партии необходима, как мы видели выше, классовая сознательность пролетариата, а между тем на рассматриваемой ступени развития, задачей такой партии было бы именно внесение классовой сознательности в пролетариат. Это противоречие либо представляет порочный круг, либо указывает на то, что при данных условиях в политическую партию могут быть организованы только немногочисленные сознательные верхи пролетариата. И тогда опять возникает тот же вопрос, как сплотить широкие круги несознательных рабочих, чтобы создать наиболее выгодные условия для

внесения в их среду классового самосознания. И Маркс, характеризуя стихийный процесс развития пролетариата в класс, указывает косвенно, в каком направлении должно идти сознательное воздействие социал-демократии. «Столкновение между отдельными работниками и капиталистами,—говорит он,—все более и более принимает характер столкновений двух общественных классов». Несколько далее, указывая, как рост промышленности и средств сообщения приводит в соприкосновение рабочих различных местностей, он прибавляет: «только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в классовую борьбу целого народа». Следовательно, для задачи превращения пролетариата в класс Маркс намечает два пути: во-первых, стремиться, чтобы местная борьба рабочих с капиталистами «все более и более принимала характер столкновения двух общественных классов». Это значит: превратить эту борьбу из индивидуальной в массовую, расширить ее с борьбы отдельных цехов за свои узкие профессиональные интересы до борьбы всех рабочих данной местности за их общие интересы и экономические, и политические. А это, в свою очередь, значит: организовать рабочих и профессиональные союзы для борьбы с фабрикантами, объединять эти союзы под руководством политической партии, а поскольку можно и в политическую партию для борьбы с классом капиталистов. Второй путь, указанный Марксом,—превращение местной борьбы «в классовую борьбу всего народа»,—есть лишь расширение первого до рамок национальной организации, расширение профессиональных союзов до национальных федераций отдельных цехов, объединение всего пролетариата под руководством политической партии—социал-демократии.

История рабочего движения в Германии, особенно после кельнского съезда социал-демократической партии в 1893 г., дает нам наглядный пример того, как следует сочетать профессиональное движение и политическое, как соединять социализм и рабочее движение, образуя действительно прочную социал-демократию. Германия за это десятилетие полнее всего оправдала теоретические положения научного социализма, и если последний конгресс профессиональных союзов проявил печальную и вредную наклонность противопоставлять «экономике» «политике», то это свидетельствует лишь об его уклонении от правильного пути, уклонении, опасные последствия которого, вероятно, скоро заставят опомниться немецких товарищей. Верная же теория не перестанет от этого быть верной.

Нам, русским социал-демократам, которым приходится строить почти на пустом месте, надо подражать не ошибкам тех или иных практиков, а их правильным шагам, надо прежде всего учиться верной теории, которая одна охранит нас от ошибок. А теория учит нас, что только тогда сможет пролетариат успешно вести свою классовую борьбу против капитала, когда сильная и широкая организация объединит интересы обеих половинок современного пролетариата: его интересы в настоящем и его интересы в будущем, его интересы продавца рабочей силы и его интересы социалиста. И объединить эти интересы можно в современном обществе лишь сочетанием широкой профессиональной организации с политической партией. Тесное общение между этими двумя

типами организаций, признание первым политического руководства второму, отстаивание вторым экономических интересов класса пролетариев, одним словом, социал-демократические профессиональные союзы и рабочая политическая партия—вот тот путь, которым российский пролетариат скорее всего превратится в «класс в себе», т.е. в могучую социальную силу, способную свергнуть господство капитала.

Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры.

Позиция «Искры» в вопросе о допустимости участия социал-демократов во временном правительстве, теперь до крайности запуталась. При благоприятных обстоятельствах оказывается, и по мнению учеников Мартина, возможным такой размах революции, который послужит прямым предисловием к грандиозному социальному перевороту, но сама партия, ее воля, ее работа, ее планы при этом оказываются как бы не при чем. «На Бога надейся, а сам не плошай»,—говорит пословица, стремящаяся обезвредить религиозный фатализм,—на обстоятельства, на исторический процесс надейся,—скажем мы,—но сам не плошай!» Иначе будешь экономистом-фаталистом, а не социал-демократом революционером. В резолюции меньшевистской конференции читаю: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках, именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма». Прежде всего невольно спрашиваешь себя: а разве можно «направить усилия» к чему-нибудь еще и не по своей инициативе? А во-вторых, что, если перевернуть эту фразу так: «Только в одном случае революция в России перекинется на передовые страны Западной Европы, именно, если Р.С.-Д.Р. Партии удастся захватить в свои руки и удержать на долгое время власть»... Если уже строить предположения, то почему не такое? Максимум энергии никогда не мешает. Впрочем, о захвате власти партией никто и не говорит, говорится лишь об участии, по возможности руководящем участии в революции, в тот момент, когда власть будет в ее руках (если такой момент наступит), и когда власть эту будут стараться у нее вновь вырвать.

В связи с вопросом о возможности и допустимости такой демократической диктатуры пролетариата, любопытно навести несколько исторических справок о Парижской Коммуне, которая была революционной властью и делала революцию не только снизу, но и сверху.

Была ли Коммуна диктатурой пролетариата?

Предисловие Энгельса к III изданию Марксовой «Гражданской войны во Франции» кончается такими словами: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Всмотритесь в Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата».

Но, ведь, диктатура диктатуре рознь! Может-быть, это была настоящая, чистая диктатура пролетариата в смысле чисто-социал-демократического состава ее членов и характера ее практических задач? Отнюдь нет! Сознательный пролетариат (притом лишь более или менее сознательный), т.е. члены Интернационала, был в меньшинстве; большинство правительства состояло из представителей мелкобуржуазной демократии. Один из новейших исследователей (Густав Экк) говорит это совершенно недвусмысленно. В центральном комитете национальной гвардии, например, было 35 членов и всего два социалиста (т.е. члена Интернационала), но зато они (Варлен и Авуан) имели огромный вес среди своих товарищей по власти. О том же комитете Лиссагарэ пишет: «Были ли члены его известными агитаторами? социалистами? — Отнюдь нет, — все неизвестные имена: мелкая буржуазия, лавочники, приказчики». И, однако, Варлен и Авуан вошли в такой комитет. Позднее в комитет вошли еще Пинди, Остен и Журд. «Ньюйоркская Рабочая Газета», орган Интернационала, писала в статье от 18 июля 1874 года следующее: «Коммуна не была делом Интернационала; они вовсе не идентичны, но члены Интернационала приняли программу Коммуны, в то же время расширив ее далеко за ее первоначальные рамки, они были, равным образом, ее ревностнейшими и вернейшими защитниками, так как они понимали ее значение для рабочего класса».

«Генеральный Совет», во главе которого стоял, как известно, Маркс, одобрил такую тактику Парижской федерации Интернационала; в манифесте его сказано было: «где бы, и в какой бы форме ни велась классовая борьба, — члены нашего общества должны быть в первых рядах». Но наши предшественники, члены Интернационала, отнюдь не желали слиться с Коммуной, они все время защищали свою особую чисто-пролетарскую партийную организацию. Экк пишет: «Федеральный Совет Интернационала сразу сумел обеспечить влияние за своими уполномоченными при революционном правительстве». Великолепным доказательством особенностям тогдашней пролетарской организации, при участии, однако, представителей ее в правительстве, может служить следующий пригласительный билет: «В ближайшую субботу, 20 мая, ровно в час будет иметь место экстренное заседание Федерального Совета Интернационального Рабочего Общества. Члены Коммуны, принадлежащие к Интернационалу, приглашаются присутствовать. Они должны будут отдать отчет в том, какое положение заняли они в Коммуне, и какова причина и сущность возникших внутри ее разногласий. Для присутствия на заседании необходим членский билет». А вот еще любопытнейший документ — решение вышеупомянутого экстренного совещания: «Интернациональное Рабочее Общество приняло в экстренном заседании 20 мая следующие решения: выслушав сочленов, являющихся в то же время членами Коммуны, собрание признало их поведение вполне лояльным и постановило просить их и впредь защищать всеми мерами интересы рабочего класса, а также стремиться сохранять единство Коммуны в целях усиленной борьбы с Версальцами. Кроме того, собрание рекомендовало добиваться полной публичности заседаний Коммуны и отмены § 3 Манифеста ее, как несовместимого с пра-

вом народа контролировать действия исполнительной власти, в данном случае — Комитета Общественного Блага».

На собрании присутствовало 6 членов Коммуны, трое прислали извинение. 19 марта Лиссагарэ насчитывает в Коммуне 25 представителей рабочего класса, но не все они принадлежали к Интернационалу: большинство и тогда было за мелкой буржуазией.

Здесь не место рассказывать историю Коммуны и роль в ней членов Интернационала. Скажем лишь, что в Исполнительной комиссии заседали Дювиль; в финансовой — Варлен, Журд и Беслей, в военной — Дювиль и Пинди; в комиссии общественной безопасности — Асси и Шален, а в комиссии труда — Малон, Франкель, Тейс, Дюпон и Авриаль. 16 апреля, при новых выборах, вошло еще несколько членов Интернационала (между ними зять Маркса — Лонгэ), но в Коммуне были также явные враги его, как, например, Везинье. К концу Коммуны финансы находились в заведывании двух высокоталантливых членов Интернационала Журда и Варлена. Торговля и труд были руководимы Франкелем, почта, телеграф, монетный двор и прямые налоги также управлялись социалистами. Все же большинство важнейших министерств, как замечает Экк, оставалось в руках мелкой буржуазии.

Итак, совершенно несомненно, что Энгельс, называя Коммуну диктатурой пролетариата, имел в виду лишь участие, и притом идейно-руководящее участие, представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа.

Но, быть-может, все же непосредственной целью Коммуны был полный социалистический переворот? У нас, ведь, не может быть таких иллюзий.

Действительно, в знаменитом манифесте Генерального Совета о Коммуне, написанном, несомненно, Марксом говорится: «Коммуна должна была служить рычагом для разрушения основ буржуазного хозяйства, на которое опирается классовое господство». Но тут же манифест продолжает: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Она не должна была осуществить немедленно какую-нибудь утопию. Он (рабочий класс) знает, что для его освобождения и для достижения более высоких форм общественной жизни... нужно пройти целый ряд исторических процессов, которые должны совершенно изменить и обстановку, и природу людей. Коммуна не гналась за осуществлением идеалов: она должна была лишь дать свободу имеющимся уже элементам нового общества, развившимся в недрах перезревающего капитализма». Все меры, все социальное законодательство Коммуны носило практический, а не утопический характер, — Коммуна осуществляла то, что мы нынче называем «программой-минимум социализма». Чтобы напомнить, что именно совершила Коммуна в этом направлении, приведем цитату из того же предисловия Энгельса:

«26-го марта была выбрана, а 28-го провозглашена Парижская Коммуна. Центральный Комитет национальной гвардии, в руках которого была до тех пор власть и который успел уже отменить безобразную полицию нравов, передал свои полномочия Коммуне. 30-го марта Коммуна отменила конскрипцию и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой национальную гвардию, к которой должны были принадле-

жать все способные носить оружие граждане; она отменила квартирную плату с октября 1870 по апрель 71-го года с отнесением уже уплаченных домовладельцам сумм на счет будущей платы, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены в своем звании выбранные в Коммуну иностранцы, так как «Знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». 1-го апреля было решено, что высший оклад жалования служащим Коммуны, т.е., между прочим, и ее собственным членам, не должен превышать 6.000 франков. На следующий день декретировано было отделение церкви от государства и отмена в всех государственных расходов в пользу религии, наконец, превращение всех имуществ духовенства в национальную собственность; затем 8-го апреля принято было и постепенно осуществлено устранение из школ всех религиозных символов, образов, догматов, молитв, словом, «всего того, что относится к совести отдельных лиц». 5-го апреля издан был, в виду постоянных расстреливаний пленных защитников Коммуны версальскими войсками, декрет о заложниках, никогда не выполненный целиком. 6-го апреля 137-ой батальон национальной гвардии вытащил и сжег гильотину при громких радостных криках народа. 12-го числа Коммуна решила свергнуть Вандомскую колонну, вылитую Наполеоном после войны 1809 года из отнятых у неприятеля пушек, и возвышающуюся, как символ шовинизма и международной вражды. Это было исполнено 16-го мая. 16-го апреля Коммуна приказала переписать стоявшие без работы фабрики и выработать план для их употребления в дело кооперативными товариществами работников и для объединения этих товариществ в один большой союз. 20-го отменена была ночная работа булочников и уничтожены бюро для приискания работы, которые со времени второй империи составляли монополию в руках назначавшихся полицией личностей (первостепенных эксплуататорских работников); приискание работы стало делом мэрий 28-ми парижских округов. 28-го апреля уничтожены были ссудные кассы, служившие средством эксплуатации работников и противоречившие праву этих последних на свои орудия труда и на свой кредит. 5-го мая решено было скрыть часовню, воздвигнутую для искупления казни Людовика XVI».

Как известно, Коммуне, отчасти благодаря допущенным ею ошибкам и чрезмерному благородству, не удалось осилить реакцию, коммунары погибли; что же, опозорили ли, скомпрометировали ли они дело пролетариата, как каркает Мартынов относительно возможного в будущем революционного правительства в России? Очевидно, нет, ибо Маркс писал о Коммуне:

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будет честным, как главный предвестник нового мира. Мученики его воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего. Палачей его уже и теперь история пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого не в силах будут все молитвы их попов».

Нам кажется, что наша маленькая историческая справка не лишена поучительности. Эта справка учит нас, прежде всего, тому, что участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо

обязательно. Эта справка показывает нам, далее, что реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум». Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской Коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам (не взяли французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т.д.), а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово «коммуна» должны мы перенимать у великих борцов 1871 года, не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

„Князь Потемкин Таврический“.

Революция—это страшный и прекрасный сфинкс, готовый разорвать всякого, кто не поймет ее загадок. Но русская революция, несомненно, оставляет далеко за собой самую пылкую фантазию,—взрывая недовольства вспыхивают то в том, то в другом конце огромной империи в самых разнообразных формах. Предвидеть их, уловить завтрашнее то или иное движение невозможно. Эта невозможность подготовиться прямо к тому или иному событию вызвала у некоторых товарищей отчаяние в возможности планомерного использования подобных вспышек, и им уже стало казаться, что единственный исход—предоставить все стихийному движению, явно идущему к восстанию, и поддерживать его, главным образом, пропагандой идеи самоподготовки, самовооружения. Становясь на эту точку зрения, товарищи упускают из виду, что они выдвигают только одну сторону задачи, подчеркивают условие необходимое, но недостаточное: мало сеять пропаганду, нужно еще готовиться к восстанию, организоваться.

Все революционные вспышки наших дней в Петербурге, Варшаве, Лодзи, наконец, в Одессе носят один и тот же характер: обилие революционных сил и полное отсутствие умения использовать их. Революционные организации вместо того, чтобы направить восставший народ туда, куда надо, дать ему руководство в борьбе, лишь плетутся за массой. С каждым разом это сказывается все сильнее и сильнее, так как развертываются все большие революционные силы, а параллельно с этим прогресс сознательности очень слаб.

Хорошим примером может служить одесское восстание: недостатка в борцах и даже в героях не было, но в наше время этого слишком мало; геройство без военно-технических знаний—это просто трата энергии, которая дает богатый агитационный материал, но не обеспечивает реальных успехов. Революционеры обыкновенно жалуются на недостаток технических средств, но вот в Одессе они явились, как с неба упали, и их не сумели использовать. Ведь, в первый момент революционеры располагали большими силами, чем правительство. Броненосец «Потемкин Таврический»—самое сильное судно черноморского флота. Чтобы судить о нем, как о военной силе, надо знать, что броненосец при-

равнивается к сухопутной дивизии, т.е. к 16 тысячам войска, и не без основания, так как это—целая пловучая крепость.

Конечно, в Одессе никто не мог ждать такого подкрепления революционных сил, но если бы там были люди, которые, признав в принципе возможность восстания, готовились бы к нему, разобрались бы в военно-технических вопросах восстания, то они знали бы, что следует делать. Вся местность, которая находилась в сфере действия орудий восставшего броненосца, была недоступна войскам, что было блестяще доказано выстрелом, положившим 4 убитых и 17 раненых казаков. Приподнятое настроение народа показывало, к чему клонится дело; надо было тотчас же приняться за подготовку восстания. Кроме захвата и сбора всякого оружия в городе, следовало тотчас начать постройку баррикад и важнейшие из них вооружить мелкими пушками, снятыми с броненосца,—таковых он имеет 16 (37 миллиметров калибр, вес 13 пудов 5 фунтов, длина 17 вер.). С «Потемкиным» был миноносец (один или два—из телеграмм ясно не видно), они тоже имеют две митральезы или две таких же пушки (37 миллим.); все эти орудия можно было превосходно крепить на платформах из деревянных брусьев; эта чудная артиллерия дала бы сразу перевес революционерам. Войска тоже вывели бы артиллерию, но надо помнить, что ее пришлось бы устанавливать под огнем наших пушек, что далеко не легко. Кроме этих орудий, на броненосце должны быть десантные пушки на лафетах, пулеметы, употребляемые для отражения миноносцев, и ружья; самое же главное—то, что на всех военных судах масса взрывчатых веществ. Революционерам тотчас следовало заняться разряжением и переделкой на ручные бомбы торпед (не что подобное уже делал ген. Кондратенко в Порт-Артуре) и нескольких 12-дюймовых снарядов. Эта переделка требует хотя небольших, но все-таки технических знаний, и если бы не нашлось техников, что мало вероятно, то можно было бы прямо делать бомбы из бездымного пороха, так как большие орудия стреляют не унитарными патронами.

Возведение баррикад и установка на них мелких орудий под прикрытием пушек броненосца потребовали бы всего несколько часов, и часть города превратилась бы в революционную крепость, и в то же время, располагая огромным запасом взрывчатых веществ, можно было разрушить железную дорогу, телефоны, телеграфы, банки,—одним словом, начать уже формальное восстание. Каковы могли быть результаты? Их трудно предвидеть, но верно то, что войска были бы вытеснены из города в самое короткое время; город со всеми его материальными средствами оказался бы в руках революционеров, а так как это—порт, защищенный броненосцем, то он не прекратил бы сообщений с внешним миром и взять его обратно войском было бы нелегко,—такой оборот дела перевернул бы Россию.

Революционеры не смогли использовать как следует событий. Пуст это послужит нам, по крайней мере, уроком. Никаких военно-технических мер принято не было. Русские революционеры в некоторых отношениях похожи на наши войска: готовность к героической борьбе и отсутствие предприимчивости. Они как бы теряются перед новыми фактами, а ведь революция часто будет преподносить самые неожиданные фокусы, и использо-

вать их особенно важно. Поэтому мы должны быть всегда настороже, всегда иметь план действий. Броненосцы под красным флагом плавают не каждый день, и из таких событий надо извлекать не только моральный, но и реальный успех.

Зато моральные результаты восстания матросов, приход вооруженного броненосца в главный город и порт южной России неисчислимы. Это событие оставит в русской истории больший след, чем Цусимский разгром; не даром Рошфор, опытная лисица в революционных делах, писал: «Спасайся, кто может! Беспорядки в войсках и во флоте распространяются с необыкновенной быстротой. Убийство матроса Омельчука даст, быть-может, сигнал к падению империи, как самоубийство Лукреции свергло Тарквиния» («Intransigeant» 30 июня н. с.). Действительно, движение во флоте тотчас же перекинулось в Кронштадт и Либаву; на улицах последней происходит в этот момент бой. Телеграммы извещают, что на стороне восставших матросов даже некоторая часть солдат, в дело пущена артиллерия. А когда адмирал Кригер подошел с черноморской эскадрой из 4 броненосцев, 4 крейсеров и нескольких миноносцев, то произошла замечательная сцена: «Потемкин», готовый к бою, занял позицию одним бортом к эскадре, другим к городу и сигнализировал, что в случае нападения не только будет защищаться, но и бомбардирует Одессу. Попытка Кригера оттеснить его маневрами судов от города к пустынному берегу не удалась, и «Потемкин» ушел в порт, а эскадра в море. Когда через некоторое время они снова сошлись, то сигнализировали 1½ часа. Что сигнализировали? Неизвестно. Сигналами можно сказать целую революционную речь. Это, вероятно, так и случилось, ибо когда они разошлись, то за «Потемкиным» двинулся и броненосец «Георгий Победоносец», а Кригер поспешил уйти в Севастополь, где и разоружился, по последним известиям, боясь общего восстания флота. Рядом с известиями о все разрастающемся революционном движении тяжело читать о мирной сдаче «Георгия Победоносца», а затем и «Потемкина» в Румынии. Конечно, требовать большего от матросов нельзя: они совершили огромное дело, сильно двинув вперед революционизирование войск, но это пока лишь моральный успех. Горько читать о спуске красного флага с могучего броненосца, который мог совершить огромную революционную работу.

Из среды революционеров должны были найтись люди, способные указать план действий. Раз броненосец не принял деятельного участия в городском восстании, даже если бы он принял, то ему не следовало бы торчать в Одессе, раз восставшие не победили, а нагрузив уголь и припасы, взять курс на Босфор, повернуть в открытом море на Батум и там поднять знамя восстания, что исполнить легче, чем в Одессе, так как тамошнее население революционно настроено и поголовно вооружено. За углем и припасами не надо было идти в Румынию, а в ближайшие русские порты, и не только брать все необходимое, но накладывать денежные контрибуции в пользу революционного дела под угрозой бомбардировки.

К сожалению, быстрая вспышка и такое же быстрое падение при отсутствии широкого политического размаха есть характерный признак военных восстаний. Эти люди слишком привыкли к дисциплине, она их гипно-

тизирует, потому-то начальству так легко удается тушить революционное движение в военной среде.

Передавать дело восстания для освобождения страны в руки военных особенно часто пытались в 20-х годах XIX века,—на Западе карбонарии, у нас декабристы,—но эти мятежи так же быстро подавлялись, как и возникали. Потому смешно читать рассуждения искровского публициста В. (№ 98 «Вооруженное восстание и работа в войсках») о том, чтобы предоставить дело восстания в руки военных, как он выражается, «офицеров-демократов», как знатоков военного дела *). Этот анахронизм тем более смешон, что «знания» русских офицеров, как выяснила японская война, вернее было бы назвать невежеством; революционеры не должны сваливать военно-технических вопросов на чужие плечи, а готовиться самим, что при желании не так уже трудно. С политической точки зрения это будет передача народных, иногда чисто-пролетарских сил в руки представителей имущих классов, которые, несмотря на все фразы и обещания, хотят не революции, а конституции. Передавши военную власть буржуазным демократам, очень передовым до переворота, будет трудно потом вырвать ее назад в момент реакции. Пролетариат, который создает ядро народного ополчения, должен сам выдвинуть и выдвинет своих вождей.

А пока, раз мы уперлись в народное восстание, нужно распространять организационное влияние на широкую массу, подготавливать ее к борьбе и политически, и технически, не забывая ни на минуту слова Маркса, что оружие критики недостаточно, нужна также критика оружия. И когда последнее попадает к нам в руки, как это случилось в Одессе, надо уметь воспользоваться им; надо готовиться к великим событиям: ведь, вся Россия—это костер горячего материала, который вспыхивает то там, то здесь, готовый начать необъятный всемирный пожар.

В. С. (В. Северцев).

Что делается в войсках.

II.

События сменяются с такой стремительностью, что только с трудом успеваешь следить за ними. Что делается с войском, — доселе «надежным оплотом» царизма? Куда девался этот старательно прививавшийся гипноз, начиная с обманной присяги и кончая искусственно создаваемым ореолом росийского самодержца? Массовые переходы на сторону восставших... Отказы от расстреливания безоружной толпы со стороны целых частей царской армии... Выступление под красным флагом лучшего черноморского броненосца и некоторых других более мелких судов... Вот та грозная прелюдия к событиям исключительной важности, которым суждено разыграться в самом недалеком, быть-может, будущем.

*) Тов. В. говорит, что военные первые откликнулись на технические вопросы революции, но это заблуждение; первый откликнулся постоянный военный сотрудник «Искры», который в войсках даже никогда не служил.

Под мощные звуки этой прелюдии, мысль как-то неохотно обращается к явлениям того же порядка, но несколько меньших размеров. И только долг обозревателя, парализуя до некоторой степени это понятное тяготение ко все заслоняющим событиям последнего дня, попрежнему толкает к фактам, даже слабо подающим реальному учету, имеющим подчас характер скорее симптома, нежели действительного проявления оппозиционной энергии.

К подобным фактам можно отнести известия о настроении в войсках тех местностей, куда еще не перекинулся начавшийся в районе Лодзи и в Одессе революционный пожар, но где общение народа с армией приобретает явно новый смысл, для мудрого начальства далеко не желательный. Из массы появившихся в печати сведений напомним лишь новейшие и главные.

В Гомеле,—рассказывает один корреспондент,—возвращающихся манифестантов (15-го мая) встречают несколько не участвовавших в наряде солдат.—«Поздравляем вас с успехом!—кричат они.—У нас с вами одна задача—прежде всего с начальством покончить»... В одном месте товарищ, окруженный солдатами, читает прокламацию. Неподалеку офицер остается в роли пассивного наблюдателя... С некоторыми казаками дело тоже идет на лад, но казаки отчаянные трусы: они напуганы приемами самозащиты демонстрантов и все спрашивают насчет бомб...

По меньшей мере об отсутствии неприязни, а то и об открытом сочувствии революционерам со стороны местных войск свидетельствуют и недавние сообщения из Митавы, Бердичева, Луцка, Черкасс, Мариуполя и Павловска.

В довольно осязательные формы выливается это сочувствие в Ченстохове и Лодзи. В Лодзи,—еще задолго до последней уличной борьбы,—можно было наблюдать некоторые отдельные случаи колебания войска. Так, еще во время первомайской демонстрации на Восточной улице большая часть солдат не стреляла; на Главной—патруль не послушался своего предводителя, городского, и уклонился от избияния демонстрантов. Объясняют эти явления, как результат воззваний, разосланных во все части местного гарнизона партией с.-д. Польши и Литвы. В Ченстохове во время такой же демонстрации большая часть солдат стреляла в воздух или в землю. Несколько сот выстрелов и—только двое убитых и четверо раненых. Почти все раненые и убитые, по словам очевидцев, пали от револьверных пуль,—а из револьверов стреляли городовые...

В Риге, где действует постоянная военно-революционная организация, часть местных организованных солдат, собравшись в лесу, вынесла следующую резолюцию:

«Мы, солдаты рижского гарнизона, выслушав речь оратора о том, что царское правительство руками сыновей народа, солдат, хочет задушить стремление народа к свободе; что царское правительство пользуется солдатами для защиты интересов богачей, угнетающих наших же братьев, крестьян и рабочих; что конец народному разорению и народному бедствию наступит лишь тогда, когда сам народ, а не царь и его воры-чиновники, будут управлять своими делами,—единогласно постановили: примкнуть к восставшему на борьбу, против преступного правительства, крестьянину и рабочему и в решительный момент с оружием в ру-

как перейти на сторону народа, восставшего на защиту своих святых и справедливых требований».

О таких же собраниях солдат сообщают из Луцка и Ново-Александрии. В последней организованных солдат до 750! О деятельности военно-революционной организации С.-Д. Польши и Литвы, а также о попытке ново-александрийского гарнизона к восстанию уместнее поговорить особо.

Не все «благополучно» по части настроения солдат и в Кубанской области. Социал-демократическая работа в войсках ведется здесь, как пишут, повсеместно. Перед майской демонстрацией рабочих организаторы-солдаты просили передать социал-демократическим организациям области от имени всех солдат, что стрелять не будут. Администрация так и не принимала никаких мер воздействия на демонстрантов, ибо на солдат не надеялась.

Отрадно слышать, что понемногу просыпается и местное казачество, разоренное преступной войной, возложившей на него непосильное бремя. Социал-демократическая агитация не пропала и здесь даром. Недавно организовалась «социал-демократическая группа кубанских казаков» и выпустила уже первую прокламацию к местным казакам. Подробно выясняя положение казачества и его роль в борьбе с «внутренним врагом», группа призывает всех казаков добиваться, наряду с рабочим классом и крестьянами, свержения самодержавия.

Тот же кубанский корреспондент сообщает и о бывшей недавно в Ставрополе стачке солдат сапожников. Явление—еще совершенно новое. Стачка закончилась удачно.

Из многочисленных известий о столкновениях солдат с начальством можно указать, напр., на историю сожжения офицера. 17-го июня в Курске стоял прибывший из Воронежа товарный поезд с эшелонном конногорной батареи, состоящий из одного вагона 1-го класса, где помещался офицер, и пяти или шести (по другим версиям—двух) товарных вагонов с известной надписью: «8 лошадей, 40 человек». В последних в страшной тесноте, при 30 градусной жаре, жались нижние чины. На окрик командира, почему он не садится, один из них отвечал, что в вагоне невозможно дышать от тесноты и от имени товарищей просил, чтобы прицепили еще вагонов. Офицер накричал на солдата и, когда тот стал выражать, велел связать его. Тогда солдат, уже связанный, обругал офицера (в местных губернских ведомостях факт этот передается в сугубо-искаженном виде). Офицер выхватывает шашку и одним взмахом почти сносит ему голову. Солдат без крика, мертвый, падает на платформу. Весть о происшедшем моментально разнеслась по мастерским, и в короткий промежуток времени громадная толпа народа окружила поезд. Офицер скрылся в вагоне... Подробностей дальнейшего «самосуда» (по выражению «либеральных» газет) я передавать не буду. Скажу только, что, в конце концов, вагон был облит керосином, подожжен, и убийца-офицер погиб в пламени. Ни вызванные войска, ни железнодорожные власти ничего не могли поделать с расвирепевшей толпой. «Солдаты же эшелона,—просто душно замечает корреспондент «Рус. Вед.»—все время молча сидели в своих вагонах»...

В другом пункте России, в Херсоне, во время ученья солдаты местного дисциплинарного батальона броси-

лись на капитана и прокололи его штыками. Выступившие на подмогу полковник и унтер-офицер были также приняты в штыки. Части солдат удалось убежать...

Много пишут за последнее время о пробуждении сознания и в самой офицерской среде. Во время недавней, например, демонстрации в Павловске, когда один городской замахнулся шашкой на близ стоявшего, намечая удар в голову, какой-то гвардейский офицер бросился к нему и со словами: «Что ты делаешь, негодяй?», выхватил у него шашку.

Таких частичных случаев уклонения от защиты «государственного порядка» со стороны офицеров можно было бы указать очень много. Гораздо интереснее, конечно, «уклонения» коллективные. В этом отношении характерны недавние сообщения иностранных газет о собрании многих известнейших гвардейских офицеров в Красном Селе для обсуждения в данный момент роли войска. Явившемуся на собрание корпусному командиру было заявлено, что они, офицеры, «ни в коем случае не могут оставаться дольше в положении полиции, до которого низведены уже в течение нескольких месяцев. Положение это совершенно отделило их от общества, по отношению к которому они играют в некотором смысле роль «палачей»...

Еще активнее поведение офицеров в Самаре. Возбуждение в местных войсках,—по словам корреспондента «L'Humanite»,—чрезвычайное. Оно вызвано целиком распространением среди солдат прокламаций по поводу последних событий. Прокламации—«явление неслыханное!»,—воскликает корреспондент,—распространялись среди войск самими офицерами.

Обращаясь к событиям в Лодзи, мы прежде всего наталкиваемся в интересующей нас области на следующий, сообщенный иностранными газетами случай. Офицеры драгунского Муромского полка отправились от имени своих солдат предупредить начальника, что приказ об избиении беззащитных людей вызывает в них отвращение... Полк был немедленно переведен в другой город.

Прибавьте сюда также факты участия некоторых офицеров в черноморском восстании матросов, и вы поймете, какую роль может сыграть—и начинает уже играть—в деле восстания лучшая часть русского офицерства. Роль палачей народа признана. Вопрос поставлен прямо: с народом или против народа? И лучшая часть офицерства уже ответила на этот вопрос ясно, коротко и решительно!..

«С народом!»—вот девиз последнего восстания на Черном море и отзвуков его в Балтийском. «Случай с матросом,—читаем сообщение со слов самих матросов из Констанцы,—являлся только предложением: бунт же был подготовлен революционным комитетом». Так или иначе, солидарность между восставшими матросами и народом здесь наблюдается полная...

Распространяться о последних грандиозных событиях в Одессе, Севастополе, Либаве и Кронштадте—значило бы повторять только то, что обстоятельно изложено в специальном обзоре этих событий как в прошлых, так и в настоящем номере «Пролетария». Напомним только коротко, что в Одессе целые полки солдат были явно настроены в пользу восставших. В Одесском уезде войска, посланные для усмирения крестьян, перешли на их сторону. В Либаве пехотный полк присоединился

к восставшим матросам и стрелял в казаков. В Белостоке целый батальон, сформированный из запасных, отказался служить...

Таковы телеграфные известия самых последних дней. «Развращающая дисциплина, построенная на насилии и шпионстве (пишет одна французская газета), которая еще недавно держала в крепких тисках русское войско, уже более не существует. Революционная пропаганда открыла глаза этим людям, а последние события, в свою очередь, нанесли решительный удар престижу власти».

Опора престола, его «надежный оплот» — колеблется... Растерянный правитель в ужасе признает, что «происшедшее на Черном море есть самое серьезное явление последнего времени»... Надеяться и полагаться уже больше не на кого... Надежнейшая почва из-под ног ускользает... Еще один напор — и жалкая комедия царизма кончится...

Н. Чужак (А. Насимович).

Из истории одного совещания.

Все шире и шире разрастающееся крестьянское движение причиняет царскому правительству серьезное беспокойство и заставляет измышлять новые средства борьбы с ним. Правительство открывает новую эру «сердечного попечения». Оно начинает осыпать крестьян «отеческими» заботами. Оно рассылает по деревням, кроме солдат и казаков, губернаторов и других чиновников — для «ознакомления с нуждами населения». Оно предписывает этим чиновникам заняться «соглашением» помещиков с крестьянами...

Однако, цель этих новых забот так же стара, как и само самодержавие. «При таком массовом волнении, — говорит один из царских слуг, — другими способами прекратить дальнейшее брожение населения не представляется возможным». И правительство старается привлечь к делу подавления крестьянских волнений «другую заинтересованную сторону» — помещиков.

Правительство рассчитывает верно: в деле подавления восставшей крестьянской бедноты землевладельцы будут ему верными союзниками. Но, как и правительство, они преследуют при этом свои особые цели. До сих пор всякое проявление общественного недовольства правительство приписывало козням «злонамеренных лиц». Теперь, бессильное в борьбе с революцией, оно склонно видеть во всяком общественном движении лишь его экономическую сторону. Оно замалчивает революционный, политический характер крестьянского движения и горько упрекает помещиков в слишком уже бессовестной эксплуатации крестьян, вызывающей волнения, перед которыми власти бессильны. Землевладельцы прежде ссылались на «общий неудовлетворительный строй русской жизни, государственной и народной» и жаловались на правительство, что оно отводит земству для обсуждения «специальные» вопросы о «ватерклозетах» *). Теперь, когда крестьянское движение поставило ребром вопрос об их земельной собственности, по-

*) Так говорил, напр., г. Бунаков в Воронежском уездном комитете.

мещики жалуются правительству на неугомонных революционеров, они склонны приписывать все движение крестьян «агитации извне». Благодествующие на остатках крепостного порядка, они замалчивают факты самой гнусной эксплуатации в их имениях и посылают правительству горькие упреки в бездействии власти против «насильственных движений».

В печать проникли сведения об одном из таких «совещаний» царских властей с помещиками; оно может служить яркой иллюстрацией к сказанному выше. Совещание состоялось по инициативе подольского губернатора из членов Проскуровско-Летичевского селхоз. товарищества и землевладельцев других уездов. В своем довольно безграмотном письме на имя председателя товарищества, губернатор предлагает помещикам войти в соглашение с крестьянами, утверждая, что движение разрастается «на почве увеличения заработной платы» (?!) Господа помещики, обсудив письмо, с ним, конечно, не согласились. «Цены нормируются, — говорят они, — только спросом и предложениями, а не усмотрениями и резолюциями собраний». «Волнение вызвано агитацией извне, на почве аграрно-революционной, крестьянам, к счастью, еще не понятной».

С этим уже губернатор «никоим образом согласиться не может»: «волнения исключительно на экономической почве и никакой аграрной, а тем более революционной подкладки нет» (!) А в этой области он, губернатор, к сожалению, бессилён, ибо «ни в каких узаконениях нет указаний, что административная власть могла бы заставить продавать свой труд по установленной ею обязательной цене» (!).

На это землевладельцы возражают, что «лица, именующие себя уполномоченными общественных интересов крестьян», а не сами «заинтересованные в зароботке крестьяне» стремятся «путем угроз и насилия» привести землевладельцев к разорению. А между тем, «образ действия полиции во многих случаях малоуспешен и выражается всегда в запаздывании». «Средства для прекращения насильственных движений против желающих работать на первое время вполне достаточны в существующем законодательстве» *). Точно так же «наличных средств» (войск) у губернатора «вполне достаточно». Но он не умеет ими пользоваться. Властям недостает «организационного и умелого исполнения». Помещики находят необходимым «целесообразное» расквартирование войск «непременно по домам виновных крестьян, в виду того, что практикуемый способ размещения войск в экономиях вызывает превратное толкование крестьян о назначении войск» (так!).

На это губернатор отвечает, что движение вызвано именно страшной эксплуатацией крестьян, «заинтересованных в зароботке» и арендующих у помещиков земли. Землевладельцы «соответственно с предложением труда убавляют поденную плату»; они практикуют «мелкие сутяжничества и притеснения в виде отказа местным крестьянам в продаже им кормов, топлива»; они сдают земли «подъименным» арендаторам, «высасывающим из крестьян и арендуемой ими земли все соки», и проч., и проч.

*) «Если на будущее время окажутся недостаточными существующие законы, то собрание считает необходимым создание новых мероприятий...»

Но интереснее всего ответ губернатора на обвинение в недостатке исполнительности. «Упрек, делаемый товариществом администрации, что она являлась всегда поздно, т.е. *post factum*, справедлив, но как выйти из этого положения — я положительно представить себе не могу. Имея в своем распоряжении двух посредников на уезд и четырех приставов, при возникновении волнений сразу в двадцати местах в разных концах участка пристава или посредника, имея в моем распоряжении на три уезда один полк драгун и один полк казаков, которых при самом дробном делении я могу разделить только на 16 самостоятельных частей, я не могу требовать, чтобы эти чиновники были везде одновременно. Пехотные части я в расчет принимать не могу, так как передвижение их крайне медленно и по мощью их мало действительна» (курсив мой).

Друзья сталкиваются на том, что губернатор, во-первых, распространит среди крестьян царский рескрипт Горемыкину о «скорейшем поземельном устройстве крестьян, не имеющих земельной собственности», а во-вторых, пустит в ход «быстрое и энергичное применение судебного-уголовного устава» в «полном его согласии с распоряжениями административных властей».

Эта поучительная история позволяет нам сделать некоторые интересные заключения. Революционное движение крестьянства заставляет помещиков дрожать за свои земли. С криками о помощи часть их уже кидается без оглядки в объятия царского самодержавия. Укрываясь под сень драконовых законов царизма, они готовы даже придумывать новые карательные меры против деревенской бедноты. Подольские помещики оказываются настолько политически неразвитыми, или шукурный страх настолько отшибает у них всякий политический рассудок, что им и в голову не приходит воспользоваться выгодой своего положения — дезорганизованностью самодержавного правительства — в своих классовых интересах. А правительство дружески раскрывает им свои объятия, но сознается в своей бессилии — военном бессилии деспота! — и просит о поддержке другой «заинтересованной стороны».

Нам особенно важно подчеркнуть это собственное признание правительства в безвыходности своего положения в случае «возникновения волнений сразу» во многих местах. Вооруженное восстание против царского правительства стало насущной задачей дня. Необходимо знать силы и средства нашего противника, его сильные и слабые стороны. И вот правительство, готовясь к решительной схватке с революционным народом в городе *) или защищаясь от обвинений в бессилии против «беспорядков» в деревне, само поучает революционеров настойчивой необходимости организованного, по возможности одновременного и повсеместного вооруженного восстания. Вместе с тем правительство раскрывает свои слабые стороны, давая нам ценные указания относительно практической организации восстания. Эти указания, проливая некоторый свет на план и методы борьбы правительства с народом, могут оказать далеко не лишними в дни предстоящего вооруженного народного восстания против царского самодержавия.

Освобожденцы за работой.

Письмо из Москвы *).

На своем последнем съезде освобожденцы потерпели значительное крушение. Добрая половина из состава их союза откололась и переместилась вправо, ближе к власти. Группа конституционалистов, занимавшая левое место в «Союзе» и оставшаяся верной освобожденскому знамени, принялась довольно энергично за вербовку новых сил. На этот раз освобожденцы начали действовать путем созыва всевозможных съездов и образования политических союзов из лиц свободных профессий. При деятельном участии освобожденцев были созваны съезды пироговский, адвокатский, литературский, агрономический, педагогический, профессорский и другие. На этих съездах освобожденцы выступали дружной группой, вели агитацию за выработанные ими резолюции общеполитического характера. И так как на съездах публика обыкновенно бывала очень разношерстная, — частью мало разбирающаяся в политических лозунгах и программах, частью настроенная совершенно определенно в буржуазно-демократическом духе, — то само собой понятно, что освобожденские резолюции, искусно обходившие все спорные программные вопросы, приходились по вкусу участникам съездов. Освобожденцы торжествовали. Торжество это омрачалось только социал-демократами, которые вели свою линию. Однако, надо сознаться, в некоторых случаях освобожденцам удалось таки «втереть очки» некоторым социал-демократам.

Самочинные «всероссийские» съезды были большой новинкой в русской общественной жизни; они волновали и соблазняли многих. Их рассматривали, как крупный шаг в завоевании «свободы собраний», забывая в то же время, что большинство этих съездов все-таки состоялось неофициально, что их только терпели и, может-быть, терпели потому, что правительству было выгодней открыть клапан, дать всласть наговориться нашим отечественным Демосфенам и... успокоиться. В самом деле, что же дальше? что после съездов? Как бы то ни было, во всяком случае, первое время съезды были переоценены всеми, и в том числе социал-демократами. Преувеличенная оценка повела к увлечению, увлечение произвело ошибки в тактике, в отношении социал-демократов к этим съездам. Краснобайство пироговского съезда, создавшее повышенное настроение у присутствовавших на нем, учитывалось как действительная революционная сила. Наши товарищи точно забыли, что все эти съезды были важны для освобожденцев не только как платформа для пропаганды их умеренной и аккуратной программы, но и как отвлечение колеблющихся сил междуклассовой интеллигенции от захвата их социал-демократической пропагандой. Освобожденцы прекрасно знают, что именно с социал-демократами они вскоре должны будут сразиться не на живот, а на смерть, что успех и значение всех этих конституционалистов будет определяться неуспехом, неудачами партии пролетариата. Вот почему освобожденцы всеми мерами стремились и стремятся создать пре-

*) См. об этом статью в № 4 «Пролетария».

*) Запоздало доставкой.

пятствия проникновению социал-демократической организации, например, в среду народных учителей и учительниц, докторов, агрономов и пр. Не мешать такой организации, значит не мешать усилению политического противника, ослабить себя,—а кто же себе враг?

Увлечение съездами отразилось даже в социал-демократической литературе. Так, например, в корреспонденции из Москвы (см. «Вперед» № 15) говорится, что пироговский съезд превзошел всякие ожидания, не говоря уже о результатах в виде резолюции, которая является ни больше, ни меньше, как «программой-минимум». Наш товарищ-корреспондент очевидно подразумевал программу-минимум Р.С.-Д.Р.П. Так ли это? Его очевидно увлекли подробные перечисления в пироговской резолюции всяких обще-демократических свобод, но одно он упустил из виду: в этой резолюции ни одним словом не говорится, при каких условиях эти общедемократические свободы приемлемы для пролетариата. Во всей резолюции нигде нет даже намека на наше самое коренное и самое важное требование из всей программы-минимум Р.С.-Д.Р.П.,—требование демократической республики. И это умолчание не случайная описка, преднамеренное затушевывание вопроса, поставленного социал-демократами.

Либералы и радикалы прекрасно чувствуют разницу между нами и ими, однако, часто делают вид, будто никаких серьезных различий нет и стараются, где возможно,—потихоньку да помаленьку,—провести наиболее доверчивых наших товарищей. Но этот «благородный» план стал терпеть неудачи сейчас же, как только прошло первое увлечение съездами. В одном городе адвокаты хотели выбрать депутатами на свой съезд социал-демократов, но тут же заметили, что делегаты могут голосовать во всем, как хотят, лишь бы о «демократической республике» речей не поднимали. Само собой разумеется, что это требование встретило решительный отпор: наши товарищи не только отказались быть представителями своих коллег по профессии, но и вышли из залы заседания.

Но бывает и так, что наших товарищей все-таки проводят. Мы хотели бы знать, где опубликовано особое мнение социал-демократов, бывших на агрономическом съезде, который, как известно, принял резолюцию, значительно окрашенную в цвет социал-революционеров?

Не погребена ли эта резолюция социал-демократов в море протокольных записей, которые, конечно, не увидят света? Не слишком ли увлеклись наши товарищи заботой, чтобы впечатление от съезда получилось более внушительное? Не согласились ли они свое мнение меньшинства оставить известным лишь в тесном кругу членов съезда? (До сих пор, насколько нам известно, оно не появилось даже и в нелегальной печати).

Состоявшийся в Москве—перед пасхой—всероссийский съезд педагогов заставил местных социал-демократов «большевиков» вновь пересмотреть свое отношение к такому рода съездам. Было решено смотреть на эти съезды и на образующиеся на них союзы, как на чисто профессиональные союзы, члены которых объединяются лишь на почве профессиональной деятельности и борьбы. Было также подтверждено,—и на первом заседании съезда публично заявлено,—что социал-демократы не могут голосовать ни за какую политическую резолюцию, сколь бы она ни была радикальна, раз она не чисто

социал-демократическая. Всякое ускуновение наших минимальных требований может быть нами рассматриваемо лишь как покушение на нашу социал-демократическую программу.

На первом же заседании съезда одним из ораторов социал-демократов было разъяснено, что социал-демократы призывают всех и каждого вести, согласно его убеждениям, самую решительную политическую агитацию и пропаганду. Именно на этом основании социал-демократы будут рассматривать все эти съезды и союзы, как удобную для себя платформу для пропаганды своих идей. Социал-демократия сделает все от нее зависящее, чтобы подвинуть левые элементы в этих союзах еще левей, расколоть политические ячейки более правых и вообще не социал-демократических групп; в то же время в рамках профессиональной борьбы она будет поддерживать строгую плановость и солидарность. Социал-демократы заявили, что к исполнению этой своей обязанности они приступают немедленно. И как бы в доказательство этого в зале заседания были в изобилии распространены прокламации Московского Комитета нашей партии «К народным учителям».

Как правило, мы рекомендуем социал-демократам всегда представлять,—если при голосовании они остаются в меньшинстве,—свое точно сформулированное особое мнение, выясняющее наши принципиальные взгляды и практические требования. Социал-демократы должны решительно требовать своего законного права, чтобы это особое мнение «меньшинства» было обязательно напечатано вместе с принятой собранием резолюцией.

Само собой разумеется, что никакие решения подобных собраний, противоречащие нашей программе или постановлениям наших съездов, не могут быть обязательны для социал-демократов, участвующих в этих собраниях.

(Вл. Бонч-Бруевич).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Ответ московского корреспондента газеты «Вперед» господину Струве. В № 69—70 «Освобождения» напечатана желчная выходка редактора этого журнала против меня за то, что я причислил к союзу «Освобождения» таких лиц, как гг. Шипов и Хомяков и, вероятно, тем самым... политически скомпрометировал эту «порядочную» организацию. Струве уверяет, что он о Шипове «и слухом не слыхал»! Так ли это на самом деле, г. Струве? Не вам ли принадлежат следующие слова передовицы из № 12 «Освобождения» (от 2-го декабря 1902 г.): «Либеральным элементам, к которым мы причисляем и таких сторонников идеального самодержавия, как М. А. Стахович, Д. Н. Шипов, Н. А. Хомяков *), и многих других почтенных земских деятелей,—нужно же, наконец, вдуматься в положение вещей, ясно понять его и решиться действовать до конца».

Звать совместно «действовать до конца»,—не значит ли это стремиться совместно организоваться?

Но, может-быть, вы только звали соединиться с освобожденцами этих «сторонников идеального самодержавия», но на самом деле такого союза не состоялось? Посмотрим.

Перед нами статья г-на У—ва, помещенная в том же

*) Курсив везде наш. Корр.

69—70 номере «Освобождения», почти рядом с напаками на мою корреспонденцию. В примечании от редакции к этому «письму» г. Струве пишет: «крайне важный, прямо жизненный, для демократической партии вопрос, поставленный в этом письме нашего сотрудника и единомышленника *), заслуживает вдумчивого и подробного обсуждения». В чем же заключается этот важный, прямо жизненный вопрос?

Автор «письма» утверждает, что «конституционно-демократическое движение вообще и Союз Освобождения» в частности переживают «серьезный кризис». Автор этот также утверждает, что дела как «освободителей», так и вообще «конституционалистов» так плохи, что очень часто повергают приверженцев этого направления «в безнадежный скептицизм».

Я характеризовал состояние этих «дел» как «расслоение» «земско-дворянской конституционной партии». Я утверждал, что во главе отколовшейся части освобожденных образованных свою особую партию,—по нашим сведениям,—стояли и стоят Шипов и Хомяков. По этому поводу г. Струве восклицает: «Д. Н. Шипов и Н. А. Хомяков, попавшие в «освободители»,—это такое tableau и т. д.

Посмотрим, однако, что по этому поводу говорит «сотрудник и единомышленник» г. Струве. «Д. Н. Шипов нас отвергал: Плева скрепил его с нами»,—пишет г. У.—в. «Кем же, спрашивается, был до последних дней скрепленный с вами, г. Струве, Д. Н. Шипов? Думаем, что по образу и по подобию вашему, таким же «освободителем», как и вы. Вы более «красный»; он—более «синий». Другой разницы, кажется, нет.

Г. У.—в откровенно заявляет (вопреки г. Струве), что в «Союзе» «фигурируют самые разнообразные политические оттенки». Далее о Шипове и Хомякове он говорит: «нам—(т.-е. освобожденцам) остается лишь самое резкое и недвусмысленное отмежевание от них».

Зачем потребовалось бы «недвусмысленно» размежеваться там, где нет и без того никаких точек соприкосновения? Второй вопрос: зачем освобожденцам понадобилось теперь отмежеваться от Шипова и Хомякова? Дело в том, что Шипов и Хомяков заняли совершенно определенную позицию земцев-монархистов. Освободители—скрытые монархисты—нашли для себя не выгодным сидеть за одним столом с теми, кто раскрывает их карты, и они отрекаются от своих вчерашних союзников.

Теперь спрашивается: кто же более осведомлен в делах освобожденного союза: господин ли Струве, или его единомышленник господин У.—в? Или, может-быть, они оба по своей осведомленности в делах своей же организации стоят гораздо ниже большинства даже тех иностранных корреспондентов из России, которые не владеют русским языком?

Новочеркасс. Забастовали около 200 пекарей. Из них 5 уже арестовано. «Союз равноправия женщин» на собрании 3-го июня (около 200 чел.) принял следующую резолюцию:

«Мы, новочеркассские гражданки и граждане, объединенные в союз женского равноправия, в цели которого входит борьба с царями в стране самодержавным произволом, вовлекшим ее своею авантюристскою политикой в разорительную для народа, безумную и позорную для правительства войну,—выражаем свое полное сочувствие пролетарскому движению в России вообще, в частности же—забастовке новочеркассских пекарей, как залогоу раскрепощения народа от политического бесправия». Нам не сообщают, нашел ли нужным Союз выразить свое сочувствие чем-нибудь более существенным...

Рига. Сейчас могу написать только несколько слов и поделиться некоторыми сведениями о развертывающихся событиях. На днях забастовал гарнизон Усть-Двинска—в 10 верстах от Риги. Солдаты предъявили ряд требований, между прочим улучшения пищи, одежды, вежливое обращение, восьмичасового рабочего дня и свободы собрания. Некоторые из этих требований уже удовлетворены. Однако, часть гарнизона продолжает неотрез отказываться выходить на учения, стрельбу и пр. Другая часть гарнизона продолжает поддерживать требования, но все-таки со-

гласилась занимать караулы. Отношение начальства пока сдержанно-снисходительное; приказано не взыскивать с солдат даже за неотдание чести. Из города в крепость никого не пропускают. Солдаты собираются ежедневно в лесу и обсуждают свое положение. Говорят, что солдаты овладели несколькими фортами, но этот слух пока не проверен. Среди солдат успешно распространяется литература нашей партии вообще и издания нашего комитета в частности.

Либав. Арестовано до двухсот матросов, из них 50, вероятно, будут расстреляны. В войсках местного гарнизона заметно сильное движение. Наши связи с войском крепнут.

В армии. (Из материалов Варшавской Центр. Группы Военно-Революционной Организации). 1) Уроженец Тульской губ., бывший рабочий, солдат Ефим Самохин, ответил отказом на требование ротного командира кап. Савина стать на утренние занятия. Затем он обратился к выстроенной роте с речью, в которой просил солдат образумиться, протестовать против произвола и насилия, царящих в войске, и против грубой эксплуатации солдат. Далее, указывая на портрет царя, он сказал: «Смотрите, братцы: это солдатский крошкотопица и народный грабитель, который привел всю страну к полному разорению. Опомнитесь, братья, довольно терпеть!». Приговором суда 22-го декабря Самохин осужден на 2 года в Херсонский дисциплинарный батальон.—2) 4-го февраля ряд. Давид Трунин подвергнут тому же наказанию за открытую речь в казарме против самодержавия и за призыв к неповиновению начальству.—3) Пряхор Паташин, бывший фабричный рабочий московской губ., отказался служить, говоря, что это не служба царская, а каторжная служба, в которой человеческое достоинство совершенно уничтожается. Отправлен в дисц. бат.—4) Электротехник из Харьк. губ. Павел Дейненко, указывая на заповедь «не убий», сказал, что военная служба учит людей только убийству, и заявил перед всей ротой полковому священнику и командиру полка, что служить отказывается. Два года дисц. бат.—Все эти факты имели место в одном 181 Остроленском полку, стоящем обыкновенно в Скверневицах. Сведения доставлены организационными солдатами.

Считаем не лишним заметить, что наказание 2-мя годами дисц. бат. по воинским законам, полагается, напр., за грубость по отношению к офицеру или даже фельдфебелю. Таким образом, подстрекательство к бунту и «оскорбление величества» фактически приравнены к оскорблению фельдфебеля. Да, времена меняются...

Среди матросов. По поводу последних событий в Либаве, Кронштадте и на Черном море редакции сообщают из совершенно достоверного источника некоторые сведения о составе команды судов Небогатова, сыгравших такую крупную роль в исходе сражения близ Цусимы, а также о событиях в Либаве, предшествовавших отплытию из нее так-называемой четвертой эскадры.

Оказывается, что состав команды внушал правительству самые серьезные опасения еще в то время, когда она стояла в казармах в Либаве. Матросы не имели ни малейшего желания выйти в плавание.

Набранные с разных частей—и из черноморцев в том числе—они были уже в достаточной мере «заражены» революционной пропагандой. В Либаве среди них постоянно циркулировали прокламации, нелегальные издания, книжки и пр. произведений революционной печати. Во время январских дней матросы небогатовской эскадры почти примкнули к восставшему пролетариату.

Когда наступило время садиться на корабли, небогатовские матросы неотрез отказались выйти из казарм. В первый день местное воинское начальство устроило шумную военную демонстрацию в городе; пехота и кавалерия дефилировали по улицам. Матросам угрожали, что в них будут стрелять. Матросы все-таки не вышли. Тогда на другой день, по приказу из Петербурга, к казармам подъехало восемь батарей артиллерии в полном боевом снаряжении. Артиллерия заняла позицию и направила орудия на казармы. Военное начальство ожидало открытого бунта матросов и подготавливалось к правильному сражению. Под артиллерийской угрозой матросы не решились более сопротивляться, вышли из казарм и двинулись на суда. Так отправилась пресловутая четвертая эскадра в свое дальнейшее плавание.

*) Курсив везде наш. Корр.

Во время пути матросы постоянно нарушали военную дисциплину и командиры волей-неволей должны были смотреть на все происходившее сквозь пальцы. Нарушения эти носили иногда характер прямых возмущений. Так, однажды один из нелюбимых офицеров был тяжело ранен матросом, и эту историю все-таки замяли. В Индийском океане дисциплина была уже совершенно расшатана и адмирал Небогатов принялся, как говорят, по совету Рождественского, за крутые меры. После одного из восстаний он приказал повесить сорок человек матросов. Среди команды нашлись такие окающие люди, которые исполнили это зверское приказание. Небогатов думал, что он вырывает крамолу с корнем, но эта массовая казнь сразу объединила всех матросов: нерешительные стали смелее, смелые поклялись отомстить. Когда наступило время решительной битвы с японцами, на судах Небогатова была провозглашена забастовка всех машинистов, котельщиков, угольщиков и прочего служебного персонала. Машины стали, суда не могли маневрировать. Матросы отказались повиноваться начальникам; повсюду слышались революционные возгласы, пение революционных песен. Офицеры хотели силой принудить матросов к повиновению. Первая такая попытка была встречена решительным отпором матросов; завязалась кровавая борьба, и многие офицеры были убиты и ранены, были ранены и матросы. Кровь обогрела палубы. Бунт разгорался. Правительственные флаги были спущены и вместо них взвились революционные красные флаги. Кое-кто из офицеров примкнул к восставшим матросам. Дальнейшие сведения о подробностях сдачи эскадры совершенно совпадают с сообщениями легальных газет.

Киев. 27-го июня. Мобилизация у нас закончилась крайне печальным инцидентом. Настроение запасных с самого начала очень неважное. Но во множестве распространяемые прокламации и известия из Одессы, казалось, подняли настроение. Вчера у запасных было несколько столкновений с полицией, закончившихся для последней очень плачевно. Однако, сознательного антиправительственного характера эти столкновения не носили. Сегодня первая партия запасных должна была быть отправлена в Черкассы, и местный комитет по соглашению с Украинской партией и Бундом решили устроить им демонстративные проводы. Должны были притти организованные рабочие в числе нескольких сот человек, намерены были произнести одну-две речи, и если бы настроение у толпы было подходящее, то устроить демонстрацию. Но кончилось все крупной неудачей. Местом сбора для рабочих была назначена станция Киев II, откуда предполагалось отправить запасных; но, приходя туда, все узнавали, что запасных отправят со станции Киев I, и в одиночку направлялись на последнюю, где уже собралась большая толпа запасных. Один из товарищей, прибывших туда раньше, бросил в толпу прокламации, и на него тотчас же накинулась толпа и сильно побила его. Подошли солдаты и полиция, и товарища повели, но толпа снова набросилась и добила его до смерти. Крутом чувствовалось полное удовлетворение этим; то и дело слышалось: «бей жида», «жида за прокламации убили!» Задержали в толпе и еще одного товарища. В общем впечатление страшно тяжелое.

От ред. — Одновременно с этой корреспонденцией редакцией получено еще одно письмо от другого товарища, но не непосредственно из Киева. По сообщению из Киева, товарищ пишет:

Сегодня здесь стали разыгрываться события. Обстоятельства, говорят, следующие. Какой-то интеллигент, собрав запасных на Подоле, стал читать им прокламацию. Те подняли его на руки, чтобы он произнес речь. Тут же женщина выбросила знамя. Со всех сторон посыпались прокламации, раздались возгласы, пение революционных песен. Прибывший на место пристав выстрелил из револьвера в оратора (говорят, убил его). Кто-то из демонстрантов выхватил револьвер и убил им самого пристава; убит будто бы и помощник его. На место происшествия прибыли казаки и полиция. Демонстранты встретили их камнями. На улицах тысячные толпы. Магазины закрыты. Трамвай не курсирует... Характерно, что самые объявления о мобилизации были расклеены полицией ночью, почти тайком.

Исполнительный комитет интернационального Бюро обра-

тился ко всем социалистическим партиям мира со следующим воззванием:

Рабочие всех стран!

Правительство Николая II прибавляет все новые и новые преступления к ряду организованных им убийств. После избиения в Петербурге, Царском, Варшаве, Радоме, Воле, Сосновицах, Баку, Белостоке, Лодзи, Одессе.—бойня идет на всем пространстве империи: на Кавказе, на Дону, в Крыму, в Польше... Натравив друг на друга слои населения различных вероисповеданий, правительственные агенты сбросили маску; они лично руководят правильным избиением, при чем действия их направлены исключительно против элементов пролетариата, против сознательно ведущих социалистическую пропаганду, против еврейских рабочих.

Так велика жажда крови, что военщина убивает для того, чтобы убивать, нападает на пассажирские поезда, колет штыками женщин и расстреливает в упор толпы детей. Мало того, что восточная война косит цветущее поколение, в Европе защитники самодержавия травят молодежь даже в лесах; в городах они ее методически избивают.

В течение последних дней сотни трупов загромождают улицы. Несмотря на негодование, охватившее все цивилизованные нации, их правительства спокойно смотрят на весь этот позор.

Во всех своих обещаниях, во всех своих обязательствах царизм оказался банкротом. Никто не верит в осуществление реформ. Борющаяся за свободу Россия требует изменения режима, ибо она знает, что на гнилом дереве не делают прививки.

Российский пролетариат ведет героическую борьбу. Он отдает свой покой и свою жизнь для торжества идеи и его высокая преданность может служить примером рабочим организациям других стран. К несчастью борьба, требующая таких жертв, еще не закончилась.

Репрессия вызовет новый отпор, новый отпор—новые репрессии.

Международный пролетариат не может оставаться равнодушным к этой борьбе с слепыми силами реакции. Пусть же возвысит он всюду свой протестующий голос, а главное, пусть всеми силами помогает своим братьям в России. Пусть он запечатлеет активно свою солидарность с ними.

Долой самодержавие!

Да здравствует международный социализм!

Исполнительный Комитет Международного Бюро Эммануэля Вандервельд, Эдуард Ансель. Секретарь Гюисманс.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Саратов (из частного письма). 1-е мая Комитет решил ознаменовать всеобщей забастовкой, при чем по вопросу о забастовке длящейся или однодневной голоса разделились. Большинство решило придать стачке характер длящейся, в целях дезорганизации политического строя. Выбор той или иной формы празднования 1-го мая всецело зависел от результатов голосования всех членов организации. Некоторые предлагали организовать еще вооруженную демонстрацию, но их предложение было отвергнуто большинством товарищей. К митингам и стачке готовились очень усердно: из группы пропагандистов выделялось несколько лиц, взявших на себя обязанность разъяснить массе на собраниях значение 1-го мая, значение политической свободы, демократической республики, вооруженного восстания. На объединенных собраниях организаторов и пропагандистов эти темы были поставлены и разобраны.

Еще задолго до 1-го мая организаторы-рабочие готовили массу к будущим митингам, собирая их на масовки. Массовые собрания рабочих были распределены по районам (механический, горный, ремесленный, мельничный, были незначительные собрания и организованных солдат). Рабочие механического района, куда входят самые значительные заводы Саратова (сталелитейный, железнодорожные мастерские и депо, Беринга, Гантке) собирались отдельно на каждому заводу.

Речи на политические темы очень интересовали слушателей; особенно речь о демократической республике выяснила многое из области, которая почти не затрагивалась среди

«серой массы». На-ряду с политическими речами раздавались и экономические, касающиеся положения данной отрасли труда, особенностей данного завода. В требованиях, представленных рабочими своим предпринимателям, политические занимали первое место.

Перед 1 мая были распространены майские листки ЦК, БКБ и Сар. Ком. во многих тысячах экземпляров. Особые листки, выпущенные нашим Комитетом, приглашали всех граждан на празднество в 12 часов утра в Парусиновскую рощу, где происходили собрания и в прежние забастовки. Это первое майское собрание было неудачно: пришло всего человек 400, большая половина состояла из интеллигенции. Выступили ораторы с политическими речами, намеченными заранее, был выброшен красный флаг с надписью: Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует социализм! Ораторы в начале были исключительно социал-демократы, затем к ним присоединились и социалисты-революционеры, первая попытка которых собрать рабочих независимо от соц.-демократов потерпела крах: назначив собрание в особом месте, они не дожидаясь публики и принуждены были притти на наш митинг. Со свойственной социалистам-революционерам беззастенчивостью, явившись сюда, они во всеуслышание заявили, что отныне будут приходить на все социал-демократические собрания, так что эти последние уже теряют свой исключительный характер и обращаются в соединенные.

В 5 часов вечера Комитетом было назначено новое собрание, привлечение около 1.000 чел. Это собрание закончилось неприятным инцидентом. После ряда речей социал-демократов и нескольких социалистов-революционеров, председатель социал-демократ объявил собрание закрытым; в это время один из с.-р. предложил всем собравшимся итти в город, устроить демонстрацию в общественном саду. Этот вопрос уже обсуждался в социал-демократической организации и был там отвергнут, а потому председатель еще раз заявил, что собрание закрывается, и предлагает всем разойтись по домам. Но с.-р. стояли на своем, и один из их ораторов собрался говорить на эту тему; тогда раздосадованная публика встретила его свистом, шиканьем, криками: «Долой с.-р.!»

2-го мая забастовали—механический и ремесленный районы. К мельникам отправилась депутация с предложением и им присоединиться к бастующим, но была встречена полицией и казаками; часть депутатов арестовали, другим удалось скрыться. Майская забастовка не вышла всеобщей: мельники работали, приказчики торговали, конка ходила. Но все значительные заводы стояли. В общем бастовало до $\frac{3}{4}$ рабочих. Каждый день в Парусиновской роще были собрания, привлечение от $2\frac{1}{2}$ до 3 тысяч человек. Выступали как интеллигенты, так и рабочие, при чем надо сказать, последние лучше умели владеть аудиторией, чем первые. Особенно удачно было собрание 2-го мая. На нем одному из товарищей, говорившему на тему о связи политической борьбы с экономической, удалось настолько овладеть слушателями, что выводы из его речи они ему подсказывали сами. Вся толпа 2—3 тысячи, как один человек, заявляли о необходимости политической свободы, о необходимости 8-часового рабочего дня и пр. На этом же собрании впервые выступали товарищи-женщины, встреченные очень сочувственно. В большом количестве распространялись социал-демократические прокламации, излагающие резолюцию, принятую на воскресном вечернем собрании (о необходимости учредительного собрания, созданного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, прекращения войны, уничтожения остатков крепостного строя в деревне, свободы стачек, слова, собрания, печати). 3-го мая был опять многолюдный политический митинг в роще. Считая, что политический характер первомайской забастовки исчерпан, один из ораторов соц.-демократов не совсем ясно выразил эту мысль собранию. Его речь возбудила много нежелательных толков,—ее поняли в том смысле, что наш комитет предлагает рабочим приняться за работу, между тем как никто из предпринимателей не сделал ни малейшей уступки. С.-р. не предприняли воспользоваться удобным случаем для своего заявления о желании стать «руководителями дальнейшей стачки». После разъяснения на собрании же и в листках, о прекращении какой забастовки говорил товарищ, рабочие успокоились и в дальнейшем стачка продолжалась под руководством социал-демократического комитета. Удовлетворение экономических требований в майской стачке получили только типографщики. Газета «Приволжский Край» уступила первая, другие типографии (газет «Сар. Листок» и «Сар. Дневник») принуждены были также уступить, хотя только накануне заявили рабочим, что ни на какие уступки не согласны и рассчитали всех своих типографщиков.

Майская забастовка является уже 3-й в Саратове сравнительно за небольшой промежуток времени, начиная с 13-го января. В ней несколько отразилось усталое настроение рабочих; того подъема, что был в январе, не замечалось. Итак в 3-й раз саратовский пролетариат активно выступает на политической арене в форме всеобщей стачки (январская, февральская и майская забастовки). Во всех этих случаях наш Комитет играл руководящую роль. Он не ограничивался при этом политическим руководством, он не брезговал и всевозможными «техническими мелочами».

Эти 3 забастовки в продолжение 4-х месяцев показывают насколько сильно рабочая масса вовлечена в политическую и социальную жизнь страны! Здесь нам невольно вспоминаются те пролетарские митинги (ноябрь и декабрь), в которых с.-р. усмотрели уклонение от революционной тактики. Эти пролетарские митинги сыграли огромную подготовительную роль в движении саратовского пролетариата, расшевелили массу, бросили в нее идею политической свободы и социализма, тесно сплотили ее и связали с Саратовским Комитетом Р.С.-Д.Р. Партии.

Местечко Семеновна. (Новозыбковского уезда, Черниговск. губ.) 5 июня созвали массовку, на которую явилось до 600 человек, из которых большая часть были рабочие сапожники и других ремесел, крестьяне-земледельцы и крестьянские девушки. На этой массовке оратор, присланный полесским комитетом, говорил $2\frac{1}{2}$ часа, произвел на публику сильное впечатление, а у многих присутствующих «ажно слезу вышиб», в особенности у стариков крестьян. Когда оратор кончал речь, кто-то из толпы крикнул, что идет полиция; тогда наиболее сознательные рабочие постарались удалить оратора, а сами со всей толпой направились с песнями и с криками «ура!» по направлению к местечку встретить полицию. Когда они, уже в самом местечке, встретили полицию в количестве 20 человек, то начали ломать колья и кричать: «бей полицию!» Между прочим, в лодьях колья самое деятельное участие приняли крестьянские девушки. Полиция, увидев, что ей грозит основательная потасовка, начала умолять толпу, чтобы она их не трогала, а урядник, грозя местечку, изволил снять фуражку, поклониться и произнести следующие слова: «Братцы! не чепайте нас,—ведь, мы вышли не арестовывать вас, а просто посмотреть; ведь, мы такие же, как вы». Наконец, толпа смилостивилась над этими несчастными и направились дальше, в местечко с пением и криками: «Долой самодержавие! Долой царскую шайку! Долой кровопийцев помещиков! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует Семеновская С.-Д.Р.П.!» Толпа прошла несколько улиц и потом, разделившись на небольшие группы, направились в разные стороны. Во время манифестации публики было очень много, ибо это было в первый день тройцы и во время ярмарки. Впечатление произведено огромное, публика целую неделю не может притти в себя. Сейчас же на место «преступления» выехала уездная администрация, но... увы! ей удалось арестовать 8 человек, из которых на завтра 7 чел. были выпущены. Листки читаются здесь с какой-то жадностью. Крестьяне умоляют сознательных парней, чтобы те им дали листок прочесть. Недавно здесь была забастовка, во время которой рабочие держали себя с удивительной стойкостью. Один рабочий оказался предателем, его почти на смерть убили.

(Сообщено Полесским Комитетом.)

Екатеринослав, 11-го июня. Организация крепнет и растет; связь с массой быстро расширяется, несмотря на то, что к существующим «нелегальным» организациям, имеющим ту или иную связь с пролетариатом (организация меньшинства, Ком. «Поалей-Цион», Ком. соц.-рев.) прибавилась недавно еще одна, а именно—официально заявивший о своем существовании Комитет Бунда. 5-го июня, по инициативе нашего Комитета и по обсуждению на районах, решено было устроить собрание всех организованных рабочих

с целью приветствовать съезд, с одной стороны, и сделать смотр нашим организованным силам—с другой. Последнее, к сожалению, не удалось осуществить вполне: благодаря тому, что все места по близости от города давным-давно провалены, пришлось назначить собрание очень далеко,—это одно ставило уже значительные препятствия к тому, чтобы могли собраться все. Но все-таки на предварительные пункты явилось около 200 человек; однако, и их переправить к месту собрания всех не удалось, благодаря стечению исключительно неблагоприятных обстоятельств, распространяться о которых по конспиративным соображениям неудобно. Несмотря на все это, собрание состоялось. Первыми прибыли горожане, затем ниже-днепровцы и амурцы, а еще спустя некоторое время, на волнах показался огромный дуб с красным флагом на носу, сплошь усеянный людьми,—то ехали брянцы. Говорили 5 ораторов на темы: о значении съездов в жизни всякой социал-демократической партии вообще и нашей в частности, об истории наших съездов, о резолюциях и конституировании III съезда, о партийности, об «Искре», о возможности совместной работы с товарищами из отколовшейся части партии. Настроение было бодрое. В конце собрания из предложенных резолюций были приняты две. Приводим их содержание:

1) «Международные конгрессы социал-демократических рабочих партий всех стран, карая те или иные отклонения от выдержанной революционной программы и тактики, объединяют мировую борьбу пролетариата, они в плоть и кровь облекают великую фразу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», съезды наиболее опытных товарищей одной страны, разрешая назревшие вопросы партийной жизни, объединяют партию в один стройный и целостный организм, объединяют борьбу пролетариата каждой отдельной страны. Мы убеждены, что при полицейских условиях царского самодержавия, при скудости наших партийных средств, съезды у нас по необходимости приобретают еще более важное значение и решения их становятся еще более дороги для каждого живущего интересами партии работника. III съезд нашей партии созывался при особо важных условиях, при особо неблагоприятной обстановке внутрипартийной жизни. Раскол обессиливал партию, а революционный подъем всех слоев народа и неотложность последней схватки с царизмом ставили перед ней настоятельную необходимость сплочения всех сил для борьбы. Ознакомившись с «Извещением о созыве III партийного съезда», мы ясно видим, что III съездом было сделано все, что возможно, для восстановления единства партии и нас глубоко поражает тот факт, что часть товарищей из меньшинства, приехав за границу, все-таки не пожелала присутствовать на съезде. Мы приветствуем решения съезда! Тактическими резолюциями его намечен ясный путь дальнейшей борьбы, организационным уставом дана возможность отколовшейся части войти в партию тем, что сторонникам меньшинства гарантирована свобода идейно защищать свои взгляды. Товарищи рабочие-меньшевики! В течение 2-х лет раскол обессиливал нас, и продолжение его теперь преступно: он нас отбросит, может-быть, из авангарда революции, далеко в хвост ее. На решениях съезда, на принятом им организационном уставе мы можем сойтись, оставаясь каждый при своих убеждениях. Идите же в партию, идите в наши ряды! Прочь недоверие, прочь боязнь!»

2) «В виду того, что «Искра» продолжает называться Центральным Органом Партии, несмотря на то, что III партийным съездом утвержден Центральным Органом Партии «Пролетарий», мы, рабочие и работницы г. Екатеринослава, члены Российской Соц.-Дем. Раб. Партии, собравшиеся в числе 85 человек, выражаем «Искре» свое негодование по поводу такого вопиющего насилия над ясно выраженной волею Партии. В этом факте мы усматриваем желание закрепить и продолжить губительный раскол партии».

Собрание начало собираться в 10—11 часов утра и закончилось часам к 8 вечера. Сначала двинулись всей массой. Красный флаг, развевавшийся над собранием, двигался теперь впереди. Раздалось стройное пение рабочей марсельезы под аккомпанемент револьверных выстрелов. Через некоторое время разделились на части и разошлись без столкновения с полицией.

С Урала. Едва ли где в другом промышленном месте можно встретить столь разнообразные социально-экономические условия, как на Урале. Очень трудно хотя бы в беглой форме набросать приблизительную картину жизни той громадной пролетарской массы, которою сплошь почти заселен Урал, со своими посессионными, казенными и частными заводами. Для того, чтобы овладеть Уралом, требуется специальное не только изучение положения рабочих на самом заводе, но и исследование аграрного вопроса, разрешение которого стоит в полной связи с разрешением чисто-рабочего вопроса. Потребуется своего рода чисто уральская программа минимум. К сожалению, социал-демократия мало что сделала в этом смысле. Молодая и слабая силами организация не в состоянии уделять силы для обобщения требований Урала. Полное отсутствие у нас литературы об Урале вполне понятно при отсутствии сил в организации. Партия должна помочь нам. Оставлять в забросе такой громадный промышленный район в такое время, когда Урал властно может заговорить, более чем плохо.

Для рабочих Урала, благодаря сохранившимся крепостническим пережиткам, в особенности тяжелей переход к новым условиям жизни. Так, например, из 100 тысяч исключительно занятых в самом заводе рабочих рук при лучшей производительности будет выброшено в армию безработных едва ли не $\frac{2}{3}$. В это число еще не войдет та масса населения, которая на половину занята в заводе, на половину земледелием, которое, кстати сказать, по почвенным и климатическим условиям далеко не везде возможно. Следовательно, обеспечение земель далеко не разрешает вопроса. Вот в этот переходный период на Урале возможна реакция среди части населения, не знающего выхода из ужасных экономических условий.

В настоящее время товарищи, работающие на Урале, бываю часто поставлены в такое затруднительное положение, что или приходится уклоняться от ответа, или диктовать решение на свой страх и риск, рискуя впасть в противоречие с нашей программой.

В особенности сложны условия на посессионных заводах. Там кабальные условия найма и расплаты в особенности тяжелы. За последнее время население в заводах страшно возросло, а производительность осталась почти той же. Так как по закону заводоладельцы обязаны занимать все рабочие руки, то они всюду практикуют сменную работу создавая прогульные дни.

В очень немногих заводах прогульные дни бывают не более 7—10 дней в месяц. Нечего говорить о том, что эта система и громадный избыток рабочих рук, привязанных к месту усадебной землей, страшно понижает заработную плату, которая бывает в среднем немногим более 100 р. в год, а в некоторых округах и того ниже. В последнее время, в виду кризиса, некоторые заводы приостановили выдачу заработной платы. Так, например, на Богословских заводах расчет не производился уже более 3-х месяцев.

Январские события отразились на Урале с опозданием. Причина та, что, помимо сравнительно слабого развития классового самосознания, еще чисто-экономические условия явились препятствием к протесту в форме забастовок. Надо сказать, что некоторые заводы, а их не малая часть, настолько плохо работают, что забастовка для заводчиков желательна, как повод для закрытия завода. Единственно, чего боятся заводчики, это стихийности движения и его бурной формы. Надо признаться, что озлобление действительно растет с каждым днем. Озлобление создается больше на почве невозможности борьбы экономической. А так как культурный уровень очень низок, точно так же и грамотность, то понятно, что борьба с самодержавием, лозунг «долой самодержавие» пока еще в серой массе не сделался лозунгом дня. Эта масса видит еще только ближайшего врага—капиталиста, и на него при всяком случае выливает все накопленное годами негодование и озлобление. Отсюда понятен страх уральской буржуазии перед всяким движением.

С конца февраля у нас, однако, был ряд забастовок, как, например, в Лосеве, Чусовой, Юсове, Перми, Алапас. Рассказывают, что во время забастовки в Лосеве, заводская администрация свои семейства отправила на станцию за несколько верст, сама же, вооружившись, собралась в одном доме и сидела там безвыходно до прихода войск. Между тем рабочие держали себя вполне корректно. Среди них

даже не было пьяных. К сожалению, молодая и слабая силами уральская организация не имела возможности использовать это движение. В Лосеве, где рабочие наиболее революционно настроены, они ходили толпой по заводу с красным флагом и революционными песнями. Между прочим на красном флаге стояла надпись «Лысвинская социал-демократическая рабочая партия». Это характерно для стихийного роста рабочего движения на Урале. Громадный недостаток в людях, главным образом в руководителях, не дает возможности организации в такие моменты быть во главе движения. При отсутствии хороших путей сообщения охватить движение на местах нет физической возможности, поэтому часто приходится ограничиваться письменной агитацией.

Из мартовских забастовок наиболее видной по своей сознательности является Алапаевская. Забастовка продолжалась две недели. Поводом послужил арест служащего Ветлугина, который был взят с прокламациями на одном из рабочих собраний. На утро же 8-го марта большая толпа, состоящая из крестьян и рабочих, двинулась в волостное правление. По дороге часть толпы отделилась к месту заключения Ветлугина, сорвала двери, урядника выгнала, а Ветлугина захватила в волостное правление, куда по требованию рабочих явился земский начальник и пристав. Рабочие потребовали освобождения Ветлугина, заявив, что они все равно его им не отдадут. Властям пришлось только согласиться. После этого потребовано было для схода помещенные волостного правления с предупреждением, что заранее протестуют против присутствия полиции на этих сходках, и в случае если администрация будет посылать, то прибегнут к силе. Такое решительное заявление не могло, конечно, не иметь успеха. Нужно к этому добавить, что население как завода, так и деревни Алапаихи в большинстве вооружено, поэтому в случае столкновения справиться с озлобленными рабочими было бы довольно трудно. С этого дня началась забастовка. Выставлены были 19 требований. Часть требований была удовлетворена, и рабочие нехотя стали на работу, чтобы весной снова начать забастовку и забастовку уже чисто-политическую.

В последние дни забастовки была принята резолюция, требовавшая немедленного созыва учредительного собрания.

Эта резолюция вошла в петицию, которая была отправлена в Петербург.

Для Екатеринбурга к 1 мая Комитетом был заготовлен листок «Бюро Комитетов Большинства» в 7 тысячах экземпляров. Листок этот был удачно распространен, как в городе, так и на окружающих заводах.

(Окончание следует).

Инструкции организаторам, работающим в Окружной Организации Московского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Окружная Организация находится в несколько иных условиях, чем организация в большом городе. Поэтому считаем нужным дать менее опытным товарищам кое-какие практические указания. Указания не полны и могут изменяться при тех или иных условиях.

Конспирация. Общие принципы: никогда не спрашивать дворников, полицейских, сторожей и т. п. о том, как пройти в городе или деревне; не записывать адресов без шифра; не называть настоящими именами товарищей, кроме случаев крайней необходимости; не выходить из квартир группами, с массовок—толпой; креститься на церкви и иконы, особенно в квартире незнатных крестьян и крестьянок; снимать картуз при встрече в деревне с пожилым крестьянином; разузнавать раньше, какие в данной местности есть фабрики, заводы, помещики, чтобы в случае сослаться на то, что иду, дескать, искать работу и т. д. Частые разъезды по одной и той же дороге, появление в глухих городках и деревнях новых лиц, а затем присутствие в Москве на собраниях и явках, иногда в барских квартирах, заставляет прежде всего обратить внимание на внешность. Особенно это относится к товарищам интеллигентам и нелегальным с плохими паспортами. Прежде всего необходимо обеспечить себе в Москве ночевку, на которую всегда можно было бы являться днем и ночью в каком угодно костюме и выходить из нее в более приличном виде на явки и собрания. Затем необходимо иметь каждому точные

часы, чтобы приходиться к поезду только за несколько минут до отхода, чтобы не приходилось околачиваться на вокзале, переполненном всегда «шпиками». Адреса всегда шифровать и писать на папиросной бумаге, которую легко при аресте проглотить.

Организация. Полученные связи разрабатывать таким образом: знакомиться со всеми, кто только благонадежен в нашем смысле, собирать сведения, если на фабрике, то каковы: 1) длина рабочего дня, 2) размер заработной платы, 3) санитарные условия работ и жилищ, 4) отношения администрации к рабочим, 5) всякие мелочи, характеризующие настроение рабочих, 6) что читают, было ли движение на фабрике или заводе, и т. п. В деревне: 1) земельный надел, 2) какие помещики, их отношение к крестьянам, 3) отрезки, выпасы, водопой, цены аренды, заработная плата в экономиях, отработки, 4) земский начальник, старшина, мироеды, 5) чем занимаются зимой, кустарные промыслы, отходы и т. п., 6) что читают и говорят в деревне.

После тщательного знакомства, если можно, подобрать группу более активных и распределить между ними функции. Функции приблизительно таковы: 1) секретарь, заведующий сношениями с Москвой, достоящий квартиры для явок, для привозки литературы, для ночевки, заведующий организацией легальных библиотек, он же кассир группы; 2) распространитель листков; 3) заведующий пропагандой и агитацией,—наблюдает за настроением рабочих или крестьян, пишет листки на злободневные, местные темы, корреспонденции; 4) организатор кружков, летучек, массовок (может быть один или несколько); 5) организатор патрулей на собраниях,—сзывает на массовку и т. д. он же подбирает лучших рабочих и крестьян и организует из них боевые дружины, которые должны быть вооружены на случай отпора нападениям казаков или полиции на массовках, при стачке, на собраниях и т. д.

Пропаганда. Ответственный пропагандист Окружной Организации подбирает пропагандистов или в Москве, или на местах, и ему предоставляется право бывать на всех собраниях кружков, чтобы проверить деятельность пропагандистов. Организатор Окружной Организации также имеет право делать указания, кого желательно было бы из рабочих привлечь в пропагандистский кружок. Летом кружки могут принимать размеры летучек, числом 20—30 чел. Зимой условия заставляют разбиваться на более мелкие кружки. В деревнях пропагандистские кружки удобнее организовать в тех местах, где учителя могут быть пропагандистами.

Агитация. Необходимо стремиться поставить организацию агитации таким образом, чтобы на массовках присутствовало возможно большее количество рабочих или крестьян. Приемы таковы: выступать при выходе из заводов или фабрик, заворачивать на место сходки по субботам, когда рабочие идут по деревням, на ярмарках и гуляньях в деревне.

Организация обычных массовок. Подыскивается место. В начале ставится патруль с платком, газетой, веткой, бутылкой, гармоникой,—одним словом, с чем-нибудь в руках, на голове или на платье. Всем дается только место этого первого патруля. Устанавливается пропускной пароль не сложный, чтобы лучше запоминали. Первый патруль направляет ко второму, второй—к третьему и т. д. Чем опаснее место, тем больше патрулей. Прибегают иногда для большей осторожности к замаскированным патрулям. Тогда дается подробный план, как пройти, и указывается место, где стоят спрятанные патрули, чтобы в крайнем случае их спросить о дороге.

Распространение листков. Прежде всего надо насытить раздачу по рукам и только остатки разбрасывать.

Разбрасывание должно быть организовано так, чтобы листки как можно лучше попадали тем, кому надо, а не полиции. В деревне листки, выпущенные о фабричных порядках, никоим образом не раскидывать. Для раскидки на фабрике и по квартирам необходимо организовать группу раскидчиков и вооружить их. При аресте стрелять в полицию и хожалых, не стесняясь.

Сбор денег на фабрике организовать так: в каждом отделении, цехе, мастерской должен быть свой кассир, который уже передает собранное главному кассиру группы. В деревне—через пропагандистов и приезжих организаторов.

Нелегальная библиотека. Может ею заведывать или пропагандист, или особый человек. Записей—кому дано—не вести. Все книги под № и подписчики тоже. Например, книга Дикштейна «Кто чем живет» № 10 дана Иванову, его № 3 записывается так: № 3—№ 10, или просто 3—10. Список всех книг необходимо иметь и тщательно хранить. Фамилий подписчиков записывать совсем не нужно. Пусть каждый помнит свой №.

Окружная Организация Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П.
24-го июня 1905 г.

ИЗ ПАРТИИ.

Заграничная организация Р.С.-Д.Р.П. Как упоминалось в № 6 «Пролетария», Центральный Комитет после III съезда обратился в Загран. Лигу с просьбой ответить в течение двух недель, в каком отношении к Партии она становится. Ответа не последовало. В виду этого ЦК утвердил Загр. Организацию, предоставив ей пользоваться всеми правами российских комитетов Партии, за исключением права непосредственного сношения с Россией (Устав З. О. утвержден ЦК 18-го июня с. г.).

Из представленного Ком. Загр. Организации отчета (3-го июля) видно, что в состав Загр. Орг. входят: 1) 15 местных групп—в городах: Женева, Лозанна, Берн, Биль, Цюрих, Фрейбург, Карлсруэ, Мюнхен, Лейпциг, Миттвейда, Фридрихсберг, Берлин, Париж, Лондон, Нью-Кэстль, 2) пять агентур—в Вене, Гейдельберге, Нанси, Вюрцбурге и Льеже. Считаю и состав КЗО, в Загр. Орг. к 15 июня входили 149 членов партии.

Нас просят напечатать следующее заявление.

Представители обеих частей Р.С.-Д.Р.П., Партии социалистов-революционеров, Всеобщ. Еврейск. Рабоч. Союза в Польше, Литве и России (Бунда), Соц.-Демокр. королевства Польского и Литвы, Польской Партии Социалистической *), Армянской Соц.-Дем. Рабочей организации и армянской революционной федерации, образовав междупартийную комиссию для оказания поддержки высидившемуся в Румынии революционному экипажу Потемкина, обращаются ко всем с просьбой о помощи. Пожертвования просят направлять по адресам организаций, вошедших в комиссию, с обозначением для «Потемкина».

Районный съезд организаций Полесского К-та принял следующий устав.—1) ПК является идейным и практическим руководителем в своем районе. 2) Местные организации, входящие в состав ПК, автономны во всем том, что касается специально и исключительно местной работы, для руководства которой они созданы. Примеч. 1. Полноправными организациями признаны на первом районном съезде следующие организации: Гомельская, Добрянская, Клинецкая, Копысская, Лоевская, Могилевская, Новозыбковская, Оршанская, Семеновская, Свисновская, Горецкая. Примеч. 2. Местным организациям принадлежит право организовывать новые организации в районе, которые утверждаются в качестве полноправных, или на районном съезде или по взаимному соглашению между ПК и организацией, их организовавшей. Примеч. 3. В каждую полноправную организацию может входить представитель ПК. Примеч. 4. По требованию большинства членов организации ПК обязан отозвать своего представителя. 3) Листки местного характера, издаваемые организациями, рекомендуется направлять для редактирования в ПК. Местные организации имеют право перепечатывать издания Р.С.-Д.Р.П., осведомляя об этом ПК. О самостоятельных активных выступлениях, вызванных местными причинами, рекомендуется организациям заранее оповещать ПК. Активные же выступления по поводу общего характера решаются ПК, при чем лишь в экстренных, не допускающих отлагательства случаях, он делает это, не производя опроса местных организаций, но затем отдает отчет организациям. Отдельные выступления по поводам общего характера разрешаются каждой органи-

зации лишь с согласия ПК и большинства остальных организаций. 4) ПК обязан подвергать обсуждению и голосованию всех организаций всякое предложение, исходящее от любой организации. 5) Кооптация и ввод новых членов в местные организации производится по взаимному соглашению между местной организацией и ПК. В случае конфликта дело переносится в ЦК. 6) Местные организации должны осведомлять ПК о мнениях их периферий по вопросам как местной, так и общепартийной работы. 7) Каждые три месяца ПК обязан созывать районный съезд всех полноправных организаций. ПК должен созвать районный съезд раньше срока, если этого потребует больше $\frac{1}{2}$ полноправных организаций. Районный съезд считается действительным, если на нем присутствует больше половины полноправных организаций. Прим. 1. За 2 недели до районного съезда ПК сообщает организациям порядок дня. Прим. 2. ПК предоставляет право приглашать делегатов неполноправных организаций с совещательными голосами. Прим. 3. На районном съезде имеют решающие голоса все полноправные организации, ПК и его агентская коллегия. Все по одному голосу. 8) Каждые $1\frac{1}{2}$ месяца ПК созывает совещание ПК из членов его разъездной агентской коллегии и представителей 5 организаций, выбранных на районном съезде. Прим. 1. Первым районным съездом назначаются: Новозыбковская, Гомельская, Могилевская, Копысская и Лосевская организации. 9) ПК выбирает делегата на партийный съезд. Прим. 1. Сейчас же после объявления о созыве съезда ПК рассылает всем организациям порядок дня, после чего созывает районный съезд. Делегат ПК обязан представить партийному съезду все резолюции районного съезда по всем вопросам порядка дня партийного съезда. Прим. 2. Если ПК выразит согласие, районный съезд выбирает на партийный съезд 2-х делегатов с совещательными голосами. 10) Местные организации должны каждые 2 недели представлять в ПК отчет о своей деятельности. 11) Денежные средства находятся в распоряжении местного представителя ПК, при чем по взаимному соглашению между этими организациями и представителями ПК составляется ежемесячный бюджет, который покрывается из кассы ПК. Те автономные организации, в которых нет представителя ПК, имеют самостоятельную кассу и возмещают ПК расходы посылке людей и транспортировке литературы. Приезжий член ПК производит на местах денежные сборы и распределяет их по взаимному соглашению с местной организацией. Денежные отчеты направляются в ПК. Прим. Конфликты, могущие возникнуть, разбираются на районном съезде или на совещательных собраниях. 12) Каждая местная организация может посылать корреспонденции во все органы, носящие заголовок Р.С.-Д.Р.П., и немедленно направляет копию в ПК. 13) Местные организации должны быть представлены по взаимному соглашению между $\frac{2}{3}$ периферии и двумя членами ПК.

Район. Съезд организаций ПК на заседаниях, рассматривая свое отношение к 3-му съезду и 1-й конференции партийных работников, пришел к следующим выводам: Несмотря на то, 1) что III съезд не может быть признан общепартийным, так как на нем не были представлены все главные течения в партии, 2) что порядок созыва съезда не отвечает назревшим потребностям партии, 3) что вопрос о юридической законности съезда остается открытым, 4) что с некоторыми пунктами устава III съезда районный съезд организаций ПК не солидарен (§ ЦК должен организовать новые комитеты по взаимному соглашению с ответственными работниками на местах, § 5: для раскассирования достаточно $\frac{2}{3}$ периферии и двух членов ЦК и, наконец, § 12: ввод и кооптация должны производиться на районном съезде по взаимному соглашению, а в случае конфликта—решением высшего центра); но признавая, 1) что устав III съезда обеспечивает возможность совместной общепартийной работы, 2) что разделение революционных сил в настоящее время является в высшей степени нежелательным и вредным для общего дела, районный съезд подчиняется Центральному Учреждению, выбранному на III съезде, при чем предлагает немедленно ПК, в целях возможно более быстрого объединения всей партии, войти в сношения с орг. комиссией.

Считая необходимым возможно скорейшее достижение объединения партии, районный съезд ПК находит наиболее

*) П. П. С. приглашена, но ответа еще не получено.

лее целесообразным созыв областных конференций ближайших комитетов для выяснения и намечения условий и способов объединения и поручает ЦК принять все меры к скорейшему созыву такой конференции.

Открытое письмо в Ц.О. Р.С.-Д.Р.П.

Будучи принужден по независимым от меня обстоятельствам оставить Херсон, я считаю своей обязанностью написать письмо в Ц.О. дабы осветить некоторые вопросы тактики Х.О., незнание с которыми может привести ко многим недоразумениям.

Корреспонденции, посылаемые в «Искру», и непрерывные (со стороны орг.) сношения с ЦК привели многих товарищей к заключению, что Херсонская Организация придерживается взглядов м—ва. Исходя из этого, я, будучи хорошо знаком со взглядами Х.О., считаю своей обязанностью выяснить позицию занятую ею в наших партийных разногласиях. Будучи знакома только с принципами и разногласиями, и разделяя взгляды б—ва, организация считала себя не в праве разрываться с ЦУ, так как не была хорошо знакома со всеми остальными перипетиями нашего внутрипартийного кризиса. Споры, раздиравшие нашу партию, происходили, где-то вдали от нас. Каждая часть освещала вопрос в своей литературе таким образом, что очень трудно было разобраться, кто прав, кто виноват. Так, по «Искре» за 3-й съезд высказалось меньше половины полноправных организаций, а по «Вперед» гораздо больше половины. Как же тут разбираться? Не имея возможности разобраться во всех дрызгах, выросших на принципиальных разногласиях, будучи безусловной сторонницей партийной дисциплины и врагом всяких дезорганизаторских тенденций со стороны от кого бы они ни исходили, Х.О. не разрывала сношений с Ц.У., пока они хотя бы наружно оставались таковыми. Теперь, уже после 3-го съезда, Х.О. признала «Пролетарий» и намеревалась и впредь поддерживать сношения именно с ним. А чтоб организация не оставалась вне партийной жизни, чтоб своевременно могла быть осведомлена о всех делах, касающихся партии (ЦК не мог, или не считал нужным это делать), Х.О. связалась во время моего отъезда с Одесским Комитетом (который обязался считать ее как бы своей районной организацией, снабжать ее людьми, литературой и т. д.).

Все вышеизложенное довожу до сведения Партии, во избежание различных недоразумений.

Бывший член коллектива Х.О. Р.С.-Д.Р.П.

Н—й.

Петербург. 5-го июня состоялось собрание Нарвского района; присутствовало 17 человек: организатор, помощница организатора, 3 пропагандиста, 2 агитатора и 10 рабочих. В начале собрания организатор ознакомил присутствующих с резолюциями 3-го партийного съезда Р.С.-Д.Р.П. об отношении к либералам и к социалистам-революционерам. Раб-м Б. был предложен вопрос: «Вынесена ли резолюция по поводу разногласий меньшинства с большинством?» Затем рабочий Б. выразил свое мнение по поводу раскола: «Мы не знаем, из-за чего раскол партии, и не хотим знать. На верхах Ленин с Плехановым не поладили, а неурядица проникла во всю организацию; у нас, у рабочих, одно общее дело, а на самом деле работает с тобой за одним станком товарищ,—знаешь, что он, где-то что-то делает, участвует в организации, и не в той, где ты. Надо рабочим дать наиболее самостоятельности, а то рабочие—сами по себе, а центры—сами по себе». Он настаивает на немедленном соединении в единую С.-Д.Р. Партию. Товарищ А. (интел.) возражает, что раскол в партии не есть личная вражда Плеханова с Лениным, а есть столкновение двух направлений в способах проведения соц.-дем. идей. Основным пунктом расхождения является отношение к стихийности масс, и те нежелательные результаты стихийного движения, которые выразились в том, что рабочим движением овладевали люди, совершенно чуждые партии, как Зубатов и Гапон. Тов. Е. добавил, что центром разногласий являются вопросы тактики и организационного плана, т.-е. другими словами выбор наикратчайшего пути к намеченной общей цели. Товарищ рабочий С. присоединяется к мысли о необходимости соединения, так как у рабочих уже давно есть такое желание. Тов. Е. предложил начать

переговоры с меньшевиками и к следующему разу составить общее собрание из представителей ядра большинства и меньшинства. Результатом обсуждения этого вопроса было принятие резолюции следующего содержания: «Принимая во внимание: 1) важность исторического момента; 2) растущее либеральное движение и стремление буржуазной демократии проникнуть в рабочую среду и взять в свои руки рабочее движение; 3) принимая во внимание также разрозненность и неорганизованность соц.-демократической работы в Нарвском районе, вытекающие из партийных разногласий, мы выражаем желание в целях объединения, пригласить на ближайшее собрание товарищей рабочих из меньшинства, дабы общими силами противодействовать либералам взять в свои руки рабочее движение». Следующим очередным вопросом был организационный. Тов. Е., признавая, что у нас существуют кружковые занятия, а цельного плана организации нет,—находит, что настоящее собрание может послужить началом его в виде ядра. План организации тов. Е. представляется следующим образом: 1) районный комитет из 7—8 человек, как центральное учреждение; 2) организационные группы по мастерским, в которые будут входить члены районного комитета. Непосредственной практической задачей вокруг которой в данный момент будет группироваться эта организация является устройство массовок, библиотеки, как легальной, так и нелегальной, и кассы. Тов. А.: «В виду того, что рабочее движение изо-дня в день разрастается, и число членов организации увеличивается, то в конспиративных интересах я считаю необходимым разделить данный организационный центр на 2 части, которые могут составить 2 подрайона;—в каждый из них будут входить члены из районного комитета. Такой же необходимостью является придание более широкой формы постановке кружковой работы,—она не должна замыкаться в проведение только программного курса, а должна вводить членов кружка как в партийную жизнь, так и в районную. Всеми это предложение было принято единогласно.

Сызрань. Только с этой весны начались наши правильные сношения с Самарским Комитетом. У нас есть кружки в железнодорожном депо и среди типографщиков, но правильных занятий до сих пор не ведется. Здесь сходятся две железные дороги, есть 5 паровых мельниц, две типографии. Развиты связи с некоторыми селами, куда всегда выделяется часть получаемой литературы. На-днях эта группа выпускает агитационный листок для крестьян с одобрения Самарского Комитета. Имеются кружки в средних учебных заведениях.

Рабочие о партийном кризисе. За подписью «Рабочий, один из многих» редакцией получено обращение «Ко всем товарищам, сознательным рабочим». Отдельно, в письме в редакцию, автор говорит: «Посылаю вам это письмо в редакцию «Пролетария» с убедительной просьбой напечатать его... Дело в том, что мысль, выраженная в этом письме, как явствует подпись, не есть только моя, но и многих, многих других сознательных работников, так как весть о расколе произвела самое удручающее впечатление на самые широкие слои рабочих, и, как следствие этого, среди них мысль эта (моего письма) сильно бродит и быстро созревает, а потому мы сочли необходимым явиться живыми столклователями ее (массы рабочих) стремлений и чаяний. Больше этого: мы считаем своим долгом, во избежание всяких еще более вредных осложнений в нашем и без того печальном положении, взять это движение массы в свои руки и по мере возможности направить его в желанное для нас всех русло. Еще и потому убедительно просим вас его напечатать, что некоторыми товарищами,—и очень возможно, скоро,—будут предприняты кое-какие практические шаги к осуществлению идеи письма, а потому было бы очень важно его напечатать, дабы тем самым облегчить им эту задачу. Было бы еще важно и ценно, чтобы редакция вступила с ними в тесное соприкосновение по этому поводу своими письменными указаниями, советами и т. д., но об этом после. Вообще, товарищи, среди нас твердая уверенность, глубоко убеждение, что это будет последний шаг, который залечит наши партийные язвы, хотя, правда, шаг этот очень трудный, и потому еще раз,—помогите нам в его выполнении.

Еще раз прошу напечатать без изменений (разве стили-

стических). Не обращайтесь, товарищи, особенного внимания на некоторые резкости сего письма, ибо трудно, очень трудно быть сейчас не резким; надо быть сейчас на местах и видеть положение дел, и тогда будет понятна причина резкости и нервности и т. д.»

Одесский Рабочий (нейтральный).

Письмо товарища Одесского Рабочего, по размеру несколько велико для нашей газеты; в виду же категорического желания автора, чтобы оно было напечатано без всяких изменений (а следовательно и сокращений), редакция «Пролетария» решила выпустить его отдельным приложением к одному из следующих номеров газеты. Пока это является единственным доступным редакции способом помочь товарищу Одесскому Рабочему и его единомышленникам в выполнении их планов. Что же касается указаний и советов, о которых говорит товарищ Одесский Рабочий, то мы можем пока дать их только печатно, что мы и постараемся сделать.

Редакцией получены листки, изданные Московск. Ком.: 1) Иваново-Вознесенская стачка, 2) Пропагандистская программа, 3) Отчет денежный Московск. Ком. с 8-го апреля по 1-е июня, 4) От группы городских (печат. все). Екатеринаославским Комитетом: 1) «Крестьяне! Со всех концов России...» (гект.), 2) Денежный отчет Екатеринбург. Ком. до 1-го мая 1905 г. (гект.), 3) «Ко всем рабочим и работницам», 4) «Товарищи рабочие!» (обе печат.), Бакинским Ком.: 1) Массовая политическая стачка (перепеч. из № 1 «Пролетария»), 2) «Еще о холодах его величества» 3) «Товарищи! Гибель флота Рождественского...», 4) Ко всем полицейским, 5) К рабочим завода Восточного общества (Белгородской район. Ком.), 6) Песня рабочих (из № 17-го «Вперед»), 7) Бюллетень балаханского района, 8) Рабочие и самодержавие, 9) Отчет Бакинск. Ком., за апрель месяц 1905 г., 10) Отчет Кассы Красного Креста за апрель (все печат.); Донским Ком.: 1) Письмо рабочего казакам, 2) Поражение самодержавия, 3) Резолюция рабочих Ростова и Нахичевани, 4) Крестьяне бунтуют (все печат.); Киевским Ком.: 1) Крестьяне и царское правительство (печат.), 2) Отчет с 10-го марта по 10-е мая (гект.); Луганской Орган.: 1) Ко всем рабочим железнод. мастерских, 2) К рабочим и работницам патронного завода (обе гект.); Николаевским Ком.: 1) К Обществу; 2) К рабочим и работницам фабрики Ага (гект.); Тульским Ком.: К ополченцам, запасным и солдатам (печ.); Тверским Ком.: В виду распространявшихся ложных слухов о событиях 26-го мая (печ.); Борисоглебской Группой: 1) Отчет группы от 15-го апр. по 15-е мая 1905 г., 2) Отчет по подписным листам (обе гект.); Уфимским Ком.: Отчет кассы Уфим. К-та, (гект.); Казанской Орган.: Резолюция забастовавших сапожников и заготовщиков (гект.); Одесской Группой: 1) Ко всем гражданам, 2) Граждане и гражданки! С прибывшего эскадренного броненосца... (обе mimeogr.); Саратовским Ком.: Мы, типографы г. Саратова (Професс. Союз. Типогр. при Сар. К. (гект. 500 шт.); Астрахан. Ком.: 1) Ко всем рабочим г. Астрахани (300 шт.), 2) Ко всем гражданам (О гибели эскадры Рождественского 4.500 шт. (обе печат.), 3) Товарищи! Пролетарият всей России (200 шт. гект.); Комитетом Загр. Орг. Р.С.-Д.Р.П. 1) К социал-демократам, работающим за границей, 2) Устав заграничной орг. Р.С.-Д.Р.П. (обе печат.); Рижским Ком.: Извещение о III съезде Р.С.-Д.Р.П. (Центр. К. Р.С.-Д.Р.П. печ. 2.000 шт.). Александровской Орг.: К работникам и работницам. (Товарищи! Голод сигнал... 1.800 шт. mimeogr.)

Из отчета Московского К-та с 8-го апреля по 1-е июня: приход 8.389 р. (в том числе членские взносы 316 р., доход с различных предприятий 1.537 р., на оружие 78 р.). Расход 7.376 р. (в том числе отчислено в ЦК 3.000 р., на оружие 700 р., в Иваново-Вознесенске в пользу стачечников и расход 571 р., содержание партийных работников 330 р., на конспиративные и другие расходы 200 р., в редакцию газеты «Вперед» 100 р., на общую технику 965 р., на техн. районную 90 р.). Остаток к 1-му июня 1013 р.

Из отчета Бакинского К-та за апрель месяц: 1) Приход 1.572 р. 74 к. (в том числе от предприятия №№ 217 р. 5 к., на политическую агитацию 500 р.). Расход 1.167 р. 65 к. (в том числе на технику 218 р. 50 к. тов работ. в орган. 146 р. 40 к., мусульманское издание 22 р. 30 к., экспедиция 61 р. 40 к., револьвер 18 р. 60 к., гектографы 11 р. 60 к.) Остается на 1-е мая 405 р. 9 к.

2) Издательская деятельность К-та за апрель: 1) ко всем типографским рабочим г. Баку (800), 2) Откр. письмо Бак. ж.-д. раб. ко всем Влк. ж.-д. служащим (1.000), 3) Товарищи! (200) 4) Забастовка ж.-д. рабочих (2.000), 5) Товарищи! (2.000), 6) Товарищи! (1.000), 7) Товарищи (2.000), 8) Отчет Бакинского К-та (600), 9) Бюллетень на русском и армян. яз. (4.000), 10) Товарищи! (3.000) 11) Самодер. народа. Всеоб., прям., тайн., избират. прав (2.000), 12) Армия (2.000), 13) Отчет районного К-та (1.000), 14) К вашей программе (3.000), 15) Ко всем служ. в рестор., гост. и дом. присл. (600), 16) Товарищи! первом. (4.000), 17) Первое мая (2.000), 18) Солдат! (700), 19) Чего мы хотим (5.000), 20) Первое мая. На татарском языке (4.000), 21) Ко всем (2.000).

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Якутск. В первых числах марта пять товарищей: Банков, Верхотуров, Держановский, Басс и Сидорович отправились в полицейское управление с оружием в руках и потребовали от исправника писем, только что полученных из Якутска почтой, без предварительного просмотра. Вынуждены были товарищи прибегнуть к такой мере по следующему обстоятельству. Сейчас же после «Романовской истории» вся переписка ссыльных была отдана иркутским ген.-губ. Кутайсовым под контроль местного начальства, которому вменялось в обязанность отбирать «интересные» письма и отправлять их в департамент полиции. Колымский исправник, поставленный лицом к лицу с возбужденной колонией, решил повести дело так, чтобы и циркуляр Кутайсова был исполнен, и колония не имела повода к протесту. Вскоре, однако, обнаружилось, что письма приходят без препроводительных бумаг. Таким образом, контроль над исправником сделался фактически невозможным. Желая положить конец такому ненормальному положению вещей, товарищи решили отобрать письма силой. Полиция была напугана появлением демонстрантов до потери сознания. Сам исправник был в этот момент до того жалок, что у товарищей не хватило духу довести протест до конца. Вскоре они были арестованы и под строгим конвоем отправлены в Якутск на суд. Их обвиняют по 263 статье (старого уложения). Результаты протеста уже налицо. Корреспонденция оставшихся в Колымске ссыльных (7 человек), в протесте не участвовавших, освобождена от просмотра, а самим ссыльным разрешено выехать из Колымска в Якутск. Этим самым упраздняется одно из самых тяжелых мест ссылки, где столько человек томилось в течение последних 20 лет с лишним. Из пяти демонстрантов двоим (Сидоровичу и Бассу), срок кончился в октябре. Держановскому¹⁾ в сентябре и лишь Верхотурову и Бойкову оставалось еще 2 года с месяцами.

Будем надеяться, что взрывом революции они будут освобождены от той тяжелой доли, которую, быть-может, уже приготовил для них холопский суд российского самодержавия.

Рудник Анатуй. В местной каторжной тюрьме содержится: Д. Колосов и Браиловский (по делу Рост. демонстрации), Конрад Езюровский (по Домбровск. и Ченстох. делу). В вольной команде — по делу Рост. демонстр.: Сем. Васильченко, Спирид. Логвинов и Сам. Столкарц; по Домбровск. делу 900 г.: Ал. Мрозик, Юзеф Карч, Анд. Рутковский; по Ченстох. делу: П. Червинский; по делу покуш. на Куницера в Лодзи в 893 г.: Болесл. Грубецкий. Вновь прибыли 8-го апреля — по делу Якутского протеста (романовцы): Арон Залкин, Хам Завов. Александр Журавель, Моисей Лурье, Самуил Лейкин,

Николай Кудрин, Гирш Ольштейн, Марк Оржеровский, Тимофей Трифонов, Меер Цукер и Лаврентий Джохадзе, Оржеровская Анна (вольнослед.) с ребенком.

(Из «П. И.»).

Каменец-Подольск. 28-го апреля состоялся суд над т. С. В. Антроповым и т. Г. И. Шиллером. Оба взяты на границе с транспортом литературы. Приговор суда: т. Шиллер оправдан, т. Антропов присужден к ссылке в Сибирь на поселение с лишением всех прав состояния.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Адрес № 22а отменяется. Получено ЦК «отменя»—3.000 р., Иваново-Вознесенску ссудообразно—150 р.

Антуа. Все ваши письма (8) получены, сообщайте маршрут, писали вам в назначенный вами город, но письмо, как узнали, вас уже не застало. Громобюю. Корреспонденция получена. Фридову. Письма получаем аккуратно. Дяде Минаю. Письмо с адресами для газеты получено, предыдущее не разобрано. Бете. Письмо получено, в адресе не разобрана фамилия, а также шифр В.

Примечания.

Прим. 1. Держановский или Держалозский? — проверить по рукописи оказалось невозможным.

ЖЕНЕВА. 3 июля (20 июля) 1905 года.

№ 9.

Пролетарій

Пролетарии всех странъ
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Революция учит.

Разногласия внутри политических партий и между политическими партиями разрешаются обыкновенно не только принципиальной полемикой, но и развитием самой политической жизни. В особенности разногласия, касающиеся тактики партии, т.-е. ее политического поведения, исчерпываются часто фактическим переходом неправильно рассуждающих на правильный путь борьбы, под давлением самого хода событий, который отодвигает просто-напросто в сторону ошибочные рассуждения, делает их лишенными содержания, ни для кого не интересными. Это не значит, конечно, чтобы принципиальные разногласия по вопросам тактики не требовали принципиальных разъяснений, единственно способных поддержать партию на высоте ее теоретических убеждений. Нет. Это значит лишь, что необходимо как можно чаще проверять принятые тактические решения на основании новых политических событий. Такая проверка необходима и теоретически, и практически: теоретически, чтобы убедиться на деле в том, правильны ли принятые решения, какие исправления вынуждают внести в них происшедшие после их принятия политические события; практически, чтобы научиться настоящим образом руководиться этими решениями, научиться видеть в них директивы, подлежащие непосредственному применению на деле.

Революционная эпоха больше, чем всякая другая, дает материала для такой проверки, благодаря громадной скорости политического развития и остроте политических столкновений. Старая «надстройка» в революционную эпоху ломается, а новая создается у всех на глазах самостоятельностью различных социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу.

Так и русская революция дает нам чуть не каждую неделю поразительное богатство политического материала для проверки заранее выработанных нами тактических решений и для самых назидательных уроков относительно всей нашей практической деятельности. Возьмите одесские события. Одна из попыток восстания кончилась неудачей. Неудача горькая, поражение тяжелое. Но какая пропасть отделяет эту неудачу в борьбе от тех неудач в торгашестве, которые сыплются на господ Шиповых, Трубецких, Петрункевичей, Струве и всей этой буржуазной челяди царя! Энгельс сказал как-то: «разбитые армии превосходно учатся». Эти прекрасные слова применимы еще несравненно более к революционным армиям, пополняемым представителями передовых классов. Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением, до тех пор всякое новое поражение

будет поднимать новые и новые армии борцов. Конечно, есть еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закрепленный передовыми представителями революционной мысли. Из этого опыта черпает наша партия материал для повседневной пропаганды и агитации. Но учиться непосредственно этому опыту могут лишь немногие, пока общество построено на угнетении и эксплуатации миллионов трудящихся. Массам приходится учиться больше всего на своем собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок. Тяжел был урок 9-го января, но он революционизировал настроения всего пролетариата всей России. Тяжел урок одесского восстания, но на почве революционизированного уже настроения он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать. По поводу одесских событий мы скажем: революционная армия разбита,—да здравствует революционная армия!

В номере 7 нашей газеты мы говорили уже о том, как одесское восстание пролило новый свет на наши лозунги: революционная армия и революционное правительство. В предыдущем номере мы говорили (статья тов. В. С.) о военных уроках восстания. В настоящем номере мы останавливаемся еще раз на некоторых политических уроках его (статья: «Городская революция»). Теперь следует остановиться еще на проверке наших недавних тактических решений в том двойном отношении теоретической верности и практической целесообразности, о котором мы говорили выше.

Насущные политические вопросы современного момента—восстание и революционное правительство. Об этих вопросах всего больше говорили и спорили между собой социал-демократы. Этим вопросам посвящены главные резолюции 3-го съезда Р. С.-Д. Р. П. и конференции отколовшейся части партии. Спрашивается теперь: в каком свете представляются эти разногласия после одесского восстания? Всякий, кто возьмет на себя труд перечитать теперь, с одной стороны, отзывы и статьи по поводу этого восстания, а с другой стороны, четыре резолюции, посвященные вопросам о восстании и о временном правительстве съездом партии и конференцией новоискровцев, увидит тотчас же, как последние под влиянием событий фактически стали переходить на сторону своих оппонентов, т.-е. действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям 3-го съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий.

Под влиянием этих событий редакция «Искры» выпустила листок, озаглавленный: «Первая победа революции» и обращенный к «российским гражданам, рабочим и крестьянам». Вот самая существенная часть

этого листка: «Пришло время действовать смело и всеми силами поддержать смелое восстание солдат. Смелость теперь победит!

«Созывайте же открытые собрания народа и несите ему весть о крушении военной опоры царизма! Где только можно, захватывайте городские учреждения и делайте их опорой революционного самоуправления народа! Прогоните царских чиновников и назначайте всенародные выборы в учреждения революционного самоуправления, которым вы поручите временное ведение общественных дел до окончательной победы над царским правительством и установления нового государственного порядка. Захватывайте отделения Государственного банка и оружейные склады и вооружайте весь народ! Установите связь между городами, между городом и деревней, и пусть вооруженные граждане спешат на помощь друг-другу всюду, где помощь нужна! Берите тюрьмы и освобождайте заключенных в них борцов за наше дело: ими вы усилите ваши ряды! Провозглашайте повсюду низвержение царской монархии и замену ее свободной демократической республикой! Вставайте, граждане! Пришел час освобождения! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционное войско! Долой самодержавие!».

Таким образом, перед нами решительный, открытый и ясный призыв к вооруженному всенародному восстанию. Перед нами столь же решительный, хотя, к сожалению, прикрытый и недоговоренный, призыв к образованию временного революционного правительства. Рассмотрим сначала вопрос о восстании.

Есть ли принципиальная разница между решением этого вопроса 3-м съездом и конференцией? Несомненно. Мы говорили уже об этом в № 6 «Пролетария» («Третий шаг назад») и теперь сошлемся еще на поучительное свидетельство «Освобождения». В № 72-м его мы читаем, что «большинство» впадает в «отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими-угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть». «Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского миросозерцания». Это суждение либералов, прошедших через подготовительную школу марксизма и через бернштейнианство, крайне ценно. Либеральные буржуа всегда упрекали революционное крыло социал-демократии за «отвлеченный революционизм и бунтарство», всегда хвалили оппортунистическое крыло за «реализм» их постановки вопроса. Сама «Искра» должна была признать (см. № 73, примечание по поводу одобрения г-м Струве «реализма» брошюры тов. Акимова), что в устах освобожденцев «реалистический» означает «оппортунистический». Гг. освобожденцы не знают иного реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалектика марксистского реализма, подчеркивающего боевые задачи передового класса, открывающего в существующем элементы его ниспровержения. Поэтому характеристика двух течений в социал-демократии, данная «Освобождением», лишний раз подтверждает доказанный нашей литературой факт, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» оппортунистическое крыло русской социал-демократии.

«Освобождение» решительно признает, что по срав-

нению со съездом «совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция меньшинства». И в самом деле, резолюция конференции, во-первых, побивает самое себя, то отрицая возможность планомерного восстания (п. 1), то признавая ее (п. б), а во-вторых, ограничивается лишь перечнем общих условий «подготовки восстания», как-то: а) расширение агитации, в) укрепление связи с движением масс, с) развитие революционного сознания, d) установление связи между разными местностями, e) привлечение непролетарских групп к поддержке пролетариата. Напротив, резолюция съезда прямо выдвигает позитивные лозунги, признавая, что движение уже привело к необходимости восстания, призывая организовать пролетариат для непосредственной борьбы, принять самые энергичные меры к его вооружению, разъяснять в пропаганде и агитации «не только политическое значение» восстания (этим ограничивается, в сущности, резолюция конференции), но и практически-организационную его сторону.

Чтобы яснее представить различие того и другого решения вопроса, припомним развитие социал-демократических взглядов по вопросу о восстании со времени возникновения массового рабочего движения. Первая ступень. 1897-й год. В «Задачах русских социал-демократов» Ленина говорится, что «решать теперь вопрос, к какому средству прибегнет социал-демократия для непосредственного свержения самодержавия, избереет ли она восстание, или широкую политическую стачку, или иной прием атаки, было бы похоже на то, как если бы генералы, не собрав армии, устроили военный совет» (стр. 18). Здесь, как мы видим, нет даже речи о подготовке восстания, а только о собирании армии, т.е. о пропаганде, агитации, организации вообще.

Вторая ступень. 1902-й год. В «Что делать?» Ленина читаем:

«...Представьте себе народное восстание. В настоящее время (февраль 1902 года), вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначать же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был Ц.К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, след., способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы все местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее,—а, ведь, восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правитель-

ству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партии,—а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне» (стр. 136—137).

Какие положения выставляет по вопросу о восстании это рассуждение? 1) Нелепость идеи «подготовки» восстания в смысле назначения особых агентов, которые бы «сидели и ждали» лозунга. 2) Необходимость складывающейся на общей работе связи между людьми и организациями, делающими регулярное дело. 3) Необходимость закрепления на таком деле связей между пролетарскими (рабочие) и непролетарскими (все недобольные) слоями. 4) Необходимость совместной выработки способности оценивать верно политическое положение и «откликаться» целесообразнее на политические происшествия. 5) Необходимость фактического объединения всех местных революционных организаций.

Перед нами, следовательно, ясно выдвинут уже лозунг подготовки восстания, но нет еще прямого призыва к восстанию, нет еще признания, что движение «уже привело» к его необходимости, что необходимо тотчас вооружаться, организовать в боевые группы и т. д. Перед нами—разбор как-раз тех самых условий подготовки восстания, которые чуть ли не буквально повторены в резолюции конференции (в 1905 году!!).

Третья ступень 1905-й год. В газете «Вперед» и затем в резолюции 3-го съезда делается дальнейший шаг вперед: кроме обще-политической подготовки восстания, выдвигается прямой лозунг тотчас организоваться и вооружаться для восстания, устраивать особые (боевые) группы, ибо движение «уже привело к необходимости вооруженного восстания» (п. 2-й резолюции съезда).

Эта небольшая историческая справка приводит к трем несомненным выводам: 1) прямую ложь представляет из себя утверждение либеральных буржуа, освободителей, будто мы впадаем в «отвлеченный революционизм, бунтарство». Мы ставим и ставили всегда этот вопрос именно не «отвлеченно», а на конкретную почву, различно решая его в 1897, 1902 и 1905 годах. Обвинение в бунтарстве есть оппортунистическая фраза господ либеральных буржуа, готовящихся предать интересы революции и изменить ей в эпоху решительной борьбы с самодержавием. 2) Конференция новоискровцев остановилась на второй ступени развития вопроса о восстании. В 1905 году она повторила лишь то, что было достаточно только в 1902 г. Она года на три отстала от революционного развития. 3) Под влиянием уроков жизни, именно одесского восстания, новоискровцы фактически признали необходимость действовать по указаниям не своей, а съездовской резолюции, т. е. признали задачу восстания неотложной, прямые и немедленные призывы к непосредственной организации восстания и вооружения безусловно необходимыми.

Отсталая социал-демократическая доктрина сразу от-

странена революцией. У нас стало еще одним препятствием меньше к практическому объединению на общей работе с новоискровцами, при чем, разумеется, это не означает еще полного устранения принципиальных разногласий. Мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспосаблиясь к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперед, освещали наш дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты. Чтобы вести последовательную и выдержанную борьбу, партия пролетариата не может определять своей тактики от случая к случаю. Она должна в своих тактических решениях соединять верность принципам марксизма с верным учетом передовых задач революционного класса.

Возьмите другой насущный политический вопрос о временном революционном правительстве. Здесь мы видим, пожалуй, еще яснее, что в своем листке редакция «Искры» фактически порывает с лозунгами конференций и принимает тактические лозунги 3-го съезда. Нелепая теория «не ставить себе целью захватить» (для демократического переворота) «или разделить власть во временном правительстве» выброшена за борт, ибо листок прямо призывает «захватывать городские учреждения» и организовывать «временное ведение общественных дел». Нелепый лозунг «оставаться партией крайней революционной оппозиции» (нелепый в эпоху революции, хотя очень правильный для эпохи только парламентарной борьбы) фактически сдан в архив, ибо одесские события заставили «Искру» понять, что во время восстания смешно ограничиваться этим лозунгом, что надо активно звать к восстанию, к самому энергичному проведению его и использованию революционной власти. Нелепый лозунг «революционные коммуны» тоже отброшен, ибо события в Одессе заставили «Искру» понять, что этот лозунг лишь облегчает смешение демократического и социалистического переворота. А смешивать эти различнейшие вещи было бы лишь авантюризмом, свидетельствующим о полной неясности теоретической мысли, и способным затруднить осуществление насущно необходимых практических мер, облегчающих рабочему классу борьбу за социализм в демократической республике.

Припомните полемику новой «Искры» с «Вперед», ее тактику «только снизу» в противоположность передовскому «и снизу, и сверху»,—и вы увидите, что «Искра» приняла наше решение вопроса, призывая теперь прямо сама к действию сверху. Припомните опасения «Искры» насчет того, как бы не скомпрометировать нам себя ответственностью за казначейство, финансы и т. п.,—и вы увидите, что если «Искру» не убедили наши доводы, то ее убедили в верности этих доводов сами события, ибо «Искра» в приведенном листке прямо рекомендует «захватывать отделения Государственного банка». Нелепая теория, будто революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, их совместное участие во временном революционном правительстве есть «измена пролетариату» или «вульгарный жоресизм (мильеранизм)»—просто забыта новоискровцами, которые теперь сами обращаются именно к рабочим и крестьянам с призывом захватывать городские учреждения, отделения Государственного банка, оружейные склады, «вооружать весь народ» (очевидно теперь

уже вооружать оружием, а не только «жгучей потребностью самовооружения»), провозглашать низвержение царской монархии и т. д.,—одним словом, действовать целиком по программе, данной в резолюции 3-го съезда, действовать именно так, как указывает лозунг революционно-демократической диктатуры и временного революционного правительства.

Правда, ни того, ни другого лозунга «Искра» в своем листке не упоминает. Она перечисляет и описывает все действия, совокупность которых характерна для временного революционного правительства, но избегает этого слова. Это она напрасно. Фактически она принимает сама этот лозунг. Отсутствие же ясного термина способно лишь посеять колебания, нерешительность, путаницу в умы борцов. Боязнь слов: «революционное правительство», «революционная власть» есть чисто-анархическая и недостойная марксиста боязнь. Чтобы «захватить» учреждения и банки, «назначить выборы», поручить «временное ведение дел», «провозгласить низвержение монархии»,—для этого безусловно необходимо осуществить и провозгласить сначала временное революционное правительство, которое бы объединило и направило к одной цели всю военную и политическую деятельность революционного народа. Без такого объединения, без всеобщего признания временного правительства революционным народом, без перехода к нему всей власти, всякий «захват» учреждений, всякое «провозглашение» республики останутся простой и пустой бунтарской выходкой. Не сконцентрированная революционным правительством революционная энергия народа после первой удачи восстания лишь раздробится, рассыплется на мелочи, утратит общенациональный размах, не осилит задачи удержать захваченное и осуществить провозглашенное.

Повторяем: фактически, на деле, социал-демократы, не признающие решений 3-го съезда Р. С.-Д. Р. П., вынуждены ходом событий действовать именно по данным им лозунгам, выбросив за борт лозунг конференции. Революция учит. Наше дело—использовать до капли ее уроки, привести в соответствие наши тактические лозунги с нашим поведением и нашими ближайшими задачами, распространить в массе правильное понимание этих ближайших задач, приступить самым широким образом к организации рабочих везде и повсюду для боевых целей восстания, для создания революционной армии и образования временного революционного правительства!

Городская революция.

Русское революционное движение отличается, между прочим, от подобных движений на Западе и тем, что оно широко охватило провинцию. Не говоря уже об окраинах, как Финляндия, Польша, Кавказ, не говоря о евреях, армянах и других угнетенных национальностях, революционная волна все более разливается по городам южной и центральной России. Вспышки в провинции становятся все чаще. Тут власть более слаба, менее отделена от общества китайской стеной столичной бюрократии, армия малочисленнее, полиция не так вымуштрована, как в столице, казаков мало, и дворники

не исполняют роли башибузуков. С другой стороны, в провинции революционеры и рабочее население теснее связано с мелкой городской буржуазией, молодежь пользуется большими симпатиями, организационная и агитационная работа идет энергичнее. В провинциальных городах стоящие у власти скорее теряют голову. Даже если они не теряют головы, они не осмеливаются брать на себя ответственность за решительные акты и должны сначала снестись с высшим правительством. Революционеры же вполне автономны в своей местной деятельности. В провинции социал-демократам придется раньше столкнуться лицом к лицу с вопросом о временном революционном правительстве, чем в столице. Наша партия должна быть готова к этому. Мы не можем ждать, не жертвуя интересами рабочего движения, того момента, когда, после ряда неудачных вспышек, после бесчисленных жертв, буржуазия, не ударяя пальцем о палец, заберет в свои руки всю власть и создаст новые порядки по-своему, по-буржуазному. Восстания в провинциальных городах или не имеют никакого значения, или, если имеют, то только как присоединение к всеобщей революционной борьбе в момент всенародного восстания. Восставшие в каком-нибудь городе должны продержаться до того момента, пока волна восстания широко разольется по всем крупным центрам, пока царское самодержавие не будет окончательно свергнуто. Отсюда перед нами возникает задача: как продержать, протянуть инсurreкционное движение до того момента? Если иногда революционеры и могут, в виду какого-нибудь выдающегося и особенно захватывающего интереса всего населения события, как, например, при получении известий о поражении русских войск или по поводу голода в деревне, мобилизации,—если, повторяю, в таких случаях революционеры и могут назначить известный ближайший день для восстания, то все же нужно иметь в виду, что в эпоху, подобную той, которую мы переживаем теперь в России, такие моменты трудно предвидеть. Но тем более долг наших комитетов быть всегда готовыми. Комитет должен быть в состоянии каждую подходящую минуту, когда разражается крупная стачка, когда часть войска «бунтует», или когда сами моряки угрожают, как это было в Одессе, бомбардировать город, мобилизовать немедленно всю организованную, сознательную революционную армию.

А для этого она должна быть заранее готова, если не количественно, то, главным образом, качественно. А это значит вот что: в данное время большинство городского народа настроено враждебно против правительства; оно способно, по поводу даже незначительного события, каждую минуту восстать. Поэтому количественно мы можем рассматривать себя достаточно сильными; но если это большой плюс в революции, это еще далеко не все. Чтоб восстание удалось, нужны заранее выработанный план кампании и заранее выработанная тактика, нужен хорошо спевшийся авангард. Нужно, чтоб в каждую данную минуту, по поданному из центра сигналу, каждый занял заранее предназначенное место. Организация должна быть разделена на несколько отрядов, соответствующих городским кварталам. Необходимо также, чтобы в момент революционного брожения в центре города постоянно дежурили, по крайней мере, три товарища. Если вспышка не

была предвидена, если секретарь комитета или специально выбранный на такие случаи вожак находит возможным поднять восстание, трое дежурящих товарищей должны распорядиться о немедленной мобилизации всех отрядов. Отряды должны заранее знать, какая роль будет им предстоять, именно: 1) часть направляется к зданию городского управления, 2) часть к месту пребывания командующего войсками, 3) часть к полиции, 4) часть к арсеналу и оружейным магазинам, 5) часть к казначейству, 6) часть, наконец, для построек баррикад. Надо иметь в виду, что ни в коем случае, как бы малочисленна ни была революционная армия, все отряды не должны сразу пускаться в ход. Непременно часть их должна остаться в резерве. Мы увидим сейчас с какою целью.

Если нехватит отрядов на все указанные шесть пунктов, то революционеры должны помнить, что главное и первое дело для них—это захватить в свои руки механизм городского управления. Нет ничего легче этого в минуту паники. Если бы в Одессе, в первый же день восстания экипажа «Князя Потемкина», революционеры, увлекая за собою толпу, захватили в свои руки думу, полицмейстера и, если возможно, командующего войсками, Одесса была бы в руках народа, и жертв было бы значительно меньше. Надо в первый день восстания воспользоваться тем духом дисциплины и подчинения центрам, который выработало в своих чиновниках царское правительство. Если сам полицмейстер будет захвачен в руки, полиция неизбежно будет дезорганизована. То же произойдет с войском, когда в руках революционеров окажется главнокомандующий. В эпоху восстания великое искусство—предусматривать; надо всегда предполагать возможность неудачи в том или другом пункте, и поэтому оставлять за собой возможность наносить удары и в других пунктах. Вот почему одновременно с захватом начальников надо употреблять все усилия для добычи оружия и денег. Отряд, специально назначенный для этого, увлекая за собой толпу, нападает на арсенал и оружейные магазины и тут же раздает сначала членам отрядов, а затем толпе ружья. Другой отряд нападает на казначейство. При этом революционеры должны путем увещаний и речей к толпе помешать ей разнести деньги. Деньги должны быть размещены несколькими верными товарищами в разных безопасных частях города. Притом часть денег должна остаться в казначействе, для охраны которого революционеры могут составить отряд тут же из толпы под руководством товарищей. В крайних случаях следует забаррикадировать казначейство. Одновременно с захватом городского правления, казначейства и арсеналов, другие отряды должны строить баррикады. О том, как делаются баррикады, было уже напечатано в «Пролетарии». Мы отметим лишь здесь недостаток в военной тактике революционеров, недостаток, не раз обнаруживавшийся, например, во Франции. Так, в 1851 г. 3-го декабря была построена баррикада в Сэнт-Антуанском предместье (на которой был убит Пьер Бодэн, депутат). Все республиканцы, собравшиеся по ранее состоявшемуся решению, направились к баррикаде, которая вскоре была взята войском, подошедшим со стороны площади Бастилии. Если бы республиканцы припасли заранее резервный отряд, который явился бы в тылу у войска,

в рядах последнего произошло бы замешательство, и баррикада могла бы продержаться значительно дольше. Нужно пользоваться блестяще проводимой теперь японцами тактикой—обходов. У Гюго имеется превосходное описание одного эпизода из борьбы республиканцев с вандейцами, когда небольшой отряд первых разбил огромную армию вандейцев именно благодаря удачно совершенному обходу.

Нет сомнения, что в моей схематически нарисованной картине восстания имеются пробелы. Нет сомнения, что не все во время революции может удасться; но именно поэтому—то нужно заранее быть вполне подготовленными; нужно заранее научиться рассчитывать и координировать силы, которыми располагаешь. Каждый отряд должен иметь заранее свое специальное назначение, при чем он в то же время должен знать, что ему, может-быть, придется в самую минуту восстания изменить свое назначение. Каждый отряд, равно как и каждая единица отряда, должны поэтому заранее изучить общий план городского восстания. Важно также, чтоб революционеры не разбрасывали своих сил. Они должны знать, что они идут на баррикады не умирать за свободу, а побеждать для свободы. В каждом пункте деятельности должен иметься организатор, который и распоряжается имеющимися в его распоряжении силами. Нечего также говорить о том, что каждый революционер должен прекрасно знать общий план и все закоулки города.

* * *

Представим себе, что городское управление оказалось в руках революционеров—социал-демократов. Что дальше делать? Много зависит от того, какие меры будут приняты в первые же дни победоносного восстания. Утопией—и вредной утопией—была бы теперь попытка в любом провинциальном городе организовывать коммуны. Она не имела бы будущего и только погубила бы силы социал-демократии. Захватив в свои руки город, мы немедленно должны приступить: 1) к рациональной обороне на случай нападения со стороны царских войск, стягиваемых из соседних городов; 2) к осуществлению программы—минимум социал-демократии в городском самоуправлении; 3) к организации временного правления и передаче власти в руки народа.

Первой мерой революционного правления должно быть создание городской милиции. Все граждане, способные носить оружие (в возрасте примерно от 21 до 40 лет), составляют кадры милиции. С первых же дней они должны быть разделены на отряды, должны подвергнуться военному обучению.

Обязанность социал-демократов—заранее изучить городское хозяйство, чтобы в те дни, когда они окажутся у кормила правления, они были на высоте положения, хотя бы власть в их руках оставалась всего несколько дней. Должны быть выбраны делегаты по военному делу, финансовому хозяйству, торговле и промышленности (включая сюда почту, телеграф и транспорт), по народному просвещению, по охране труда, по юстиции. Так-называемые внутренние дела должны быть открыты к военному ведомству.

Временное городское управление должно возможно скорее (на первый же или на второй день) издать декрет, приглашающий всех жителей приступить в ближайшее воскресенье к выборам гласных в городскую думу прямой, тайной, всеобщей и равной подачей голосов; избирателями считаются все граждане и гражданки с 20-летнего возраста. Одновременно должны быть объявлены свобода печати, слова, собраний, стачек и союзов. Правление само должно содействовать организации возможно большего числа собраний, на которых ораторы - революционеры разъяснили бы гражданам значение и технику предстоящих выборов. В высшей степени важно, чтоб на смену временного правления явилась возможно скорее свободно и всенародно избранная городская дума. Каково будет большинство этой думы,—заранее, конечно, трудно предвидеть. Оно будет изменяться по разным городам, в зависимости от состава и характера населения в каждом из них. Поэтому временное правление, если оно будет состоять из социал-демократов, должно будет еще до выборов постараться провести, применительно к городскому хозяйству, реформы, которые требуются нашей программой - минимум: даровое и обязательное, общее и профессиональное образование для всех детей обоюдо пола до 16-ти лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства; меры в интересах охраны труда, которым посвящены 16 пунктов нашей программы, за исключением 8-го пункта, осуществление которого возможно только при содействии государства; отмена всех городских налогов, лежащих бременем на рабочем классе, ремесленниках и мелких торговцах; введение в пользу города прогрессивного налога на доходы и наследства.

В качестве мер временного характера правление должно заняться с первых же дней восстания даровой раздачей хлеба нуждающемуся населению и открытием убежищ для безработных.

Создавая городскую милицию, революционеры готовят народную армию для защиты свободы и прав населения; приглашая всех жителей немедленно приступить к выборам думы, они заинтересовывают все население в управлении городом, приучают граждан к свободному выражению их мнения, связывают их политически и морально с защитой учреждения, созданного всеми на равных прагах. Вводя ряд насущных реформ в области политической, экономической и духовной, революционное правление удовлетворяет насущнейшим потребностям пролетариата, доказывает первыми же шагами своей деятельности, что программа наша не пустое только сочетание слов, дает в руки рабочего класса те осязательные реформы, за которые он будет бороться еще с удвоенной энергией; вводя прогрессивный подоходный налог, революционное правление приобретает себе симпатию и сочувствие всей мелкой городской буржуазии.

Исполнив свою задачу, революционное правление может с спокойной совестью готовить победу всероссийского восстания и победоносно отпарировать контрреволюционные атаки отмирающего царизма.

Гэдист (Линдов).

Победа Японии и социал-демократия.

Под таким заглавием напечатана в последнем (41) номере журнала «Neue Zeit» весьма интересная статья К. Каутского. Заимствую из нее некоторые наиболее замечательные страницы.

Готовящееся и уже начавшееся крушение недавно столь гордого русского самодержавия могло бы, по мнению Каутского, доставить немало торжества сторонникам теории кризисов, если бы такая теория существовала. Не надо обманываться,—говорит Каутский,—не надо забывать, что внушительная катастрофа не могла бы иметь место, если бы ей не предшествовала долгая работа, подкопавшая устои абсолютизма. Без подкопа не может быть крушения, и нельзя приписывать все одним неудачам русского правительства на Дальнем Востоке. Самодержавным правительствам случалось проигрывать войны без роковых последствий. Только неутомимая просветительная и организационная работа социал-демократии среди пролетариата сделала гибель абсолютизма неизбежной.

Но если без подкопов не бывает крушений, то без крушений не бывает полной победы подкапывающего класса. Только в страшной пробе сил выясняется вся дряблость старого порядка. Война—страшный экзамен для правительства. При теперешней военной технике бессмысленно говорить о пользе войны для подбора наиболее сильных и могущественных индивидуальностей и тому подобный вздор, но свою пользу война приносит еще и теперь,—она служит хорошим средством к устранению отживших государственных и общественных форм. Война может быть, таким образом, орудием прогресса, и таковой именно является Русско-Японская война.

Каковы же будут ее результаты для России?

Каутский, разумеется, отнюдь не разделяет иллюзий буржуазной демократии, будто России недостает лишь политической свободы, будто с завоеванием ее революции нечего будет больше добиваться. Политическая свобода еще не завоевана, а либералы уже совершенно разошлись с социал-демократами. Недавно Струве в письме к Жоресу обвинял русское самодержавное правительство прежде всего в том, что оно не в силах восстановить порядок и ввести в берега расхолодившиеся народные массы. Струве тоскует по «сильному либеральному правительству». Страх перед «анархией»—вот теперь основное чувство русского либерала. Совсем иначе относится и должен относиться к установившейся в России «непрерывной революции»—пролетариат. При нынешних условиях революционный период является единственным, в который пролетариат, созревая не по дням, а по часам, накладывает печать своего влияния на общество и государство и вынуждает для себя наиболее значительные уступки. При небольшом проценте пролетариата в России, господствующее положение пролетариата может быть лишь временным, но результаты его будут тем более неустрашимыми, значительными и глубокими, чем дольше это преобладание пролетариата продлится.

Например, во Франции сравнительно слабая социали-

стическая партия имеет большее влияние на государство, чем в Германии ее трехмиллионная социал-демократия. Это объясняется революционными традициями, унаследованными французским простонародьем от времен якобинцев. Если бы Великая революция прошла так, как того желали либералы, т.е. умеренно и аккуратно, если бы она не «запятнала себя тиранией ужаса», — то демократия Франции осталась бы бессильной и незрелой, а движение всего интернационального пролетариата бесконечно замедлилось бы.

Итак, русскому пролетариату полезнее всего сейчас состояние «непрерывной революции». Пролетариат Польши уже теперь вырос необыкновенно. Через немногие лет такой борьбы он может сделаться отборным отрядом международного пролетариата, практически испытанным в мировых боях и умеющим держать в своих руках ресурсы государственной власти.

К счастью, все говорит за то, что «хаос и анархия» в России продолжатся, и что мечта Струве о сильном либеральном правительстве надолго еще останется мечтой. Самодержавие еще крепится, а между тем, ничто не может так усилить революцию, как существование этого жалкого и безмозглого правительства. У него достаточно силы, чтобы сдерживать благие порывы либералов и мешать заключению мира, но отнюдь недостаточно, чтобы сломить революцию или повести войну с успехом. Самодержавие само стало источником анархии и его дикие методы возбуждения черни и варварских расовых инстинктов только рстят революцию, толкая в ее ряды даже умеренные элементы. Чем дольше не будет у России мира и либерального правительства, тем основательнее будет падение старого порядка. Царь сумеет довести свой народ до самой отчаянной революции: это его историческая миссия, и он ее исполнит.

Как видит читатель, Каутский довольно далек от лозунга: «Мир во что бы то ни стало!», который в свое время навязывали социал-демократии некоторые сантиментальные публицисты. Ясно также, что Каутский ничего не имеет и против временного господствующего положения пролетариата. Что это так — особенно очевидно из такой фразы: «Без Вандейского восстания (реакционных крестьян), начавшегося в марте 1793 года, Гора, быть-может, не нашла бы в себе силы свергнуть в июне Жиронду и учредить систему мелкобуржуазно-пролетарского террора». Сопоставьте это с тем, что говорит Каутский о значении Великой революции в ее крайних проявлениях для всего пролетариата.

Небезынтересной является полемика Каутского против одной статьи «Венской Рабочей Газеты». Газета эта, под впечатлением известий о мнимой сдаче «Потемкина» на милость Кригеру, восклицала: «Упрямяство, внушающее отчаяннейший шаг, и на другой день трусливое, печальное самопредание палачу! Вот она — «широкая русская душа», которая одновременно полна и жестокости, и женственной мягкости, вот славянская неустойчивость, которую так ярко рисуют нам глубокие романы русских писателей... и т. д.

Каутский очень огорчен этой тирадой хорошей социал-демократической газеты. Во-первых, он порицает здесь заигрыванье с наивной теорией рас и их душ, которую постоянно выдвигает буржуазия, а затем продолжает:

«К счастью, все эти замечания о славянской душе просто беллетристика, почерпнутая из мнимо столь глубоких романов. Кто знакомился с русским народом по его истории, тот знает, что основными чертами его характера являются как-раз упорство и выносливость. Это наблюдали в русских солдатах и Фридрих Великий, и Наполеон I. Но и эта черта вовсе не присуща славянам, как таковым, а является результатом их преимущественно земледельческого образа жизни. Что касается колебаний от силы к слабости, от восторгов к унынию, то эти черты присущи именно людям нервного труда — интеллигенции, и царят в большей степени во многих западно-европейских редакциях, чем в «широкой русской душе».

Но и в России есть интеллигенция, которой тоже неустойчивость присуща в еще большей мере, и опять-таки не раса тут виной, а исторические условия. Среди русских интеллигентов много Гамлетов, потому что им, как и Гамлету, выпала на долю непосильная задача:

О страх и стыд! распалась связь времен!
Зачем же я связать ее рожден?..

«Бессильная кучка образованных людей должна была в России вести войну с повелителем величайшей мировой державы, с его сильнейшим войском и низкопоклоннейшим чиновничеством. Неудивительно, что гигантская задача то поднимает русского интеллигента до небес, то раздавливает его в прах. Русские романисты тоже таковы, а потому и душа народа отражается в таком заркале непостоянной, то возвеличенной, то прокливаемой».

«А между тем, русские пролетарии и крестьяне идут своей дорогой, представляя другим болтать. И нигде революция не длилась с такой неумолимой, неутомимой настойчивостью, с какою разворачивается она в России». Затем Каутский ставит другой, не менее интересный вопрос:

Каковы будут результаты войны для Европы?

В следующем номере «Пролетария» мы ознакомим читателя с ответом на этот вопрос.

(А. Луначарский).

Массовая политическая стачка.

Статья III.

В двух статьях о «Массовой политической стачке», помещенных в №№ 1 и 4 «Пролетария», мы изложили в общих чертах причины, побудившие международную социал-демократию с интересом отнестись к этому вопросу, а также коротко обрисовали те воззрения, к которым пришли передовые вожди ее в этом отношении. Но с тех пор вопрос стал еще резче: в Германии оппортунисты, свившие себе гнездо в экономических рабочих союзах, заняли на конгрессе этих союзов в Кельне неожиданно враждебное положение к идее массовой политической стачки. Исследование всех доводов за и против нее, всех вероятностей возникновения подобных стачек и шансов их на успех становится мало по-малу главным полем битвы между проникающим в рабочий класс самодовольным мешан-

ским духом и истинными революционно-социал-демократическими убеждениями. Среди русских социал-демократов, конечно, не найдется (или найдется совсем мало) антиреволюционно настроенных филистеров, но зато для нас вопрос приобретает особый интерес потому, что массовая политическая стачка уже стала орудием политической борьбы русского пролетариата, и уяснить себе это орудие в его отношении к другим,—напр., к вооруженному восстанию,—настоятельно необходимо.

На-днях на немецком языке вышло превосходное, крайне богатое содержанием исследование голландского товарища Генриэты Роланд-Гольст. Перевод этого сочинения на русский язык вряд ли может скоро восследовать, и мы считаем необходимым теперь же,—и настолько подробно, насколько это для нас возможно,—ознакомить читателей «Пролетария» с существеннейшими доводами и выводами книги («Генеральная стачка и социал-демократия»). Что такое так-называемая генеральная, всеобщая стачка? Обыкновенно вопрос о массовой политической стачке запутывался именно неясностью этого термина «всеобщая стачка». Роланд-Гольст различает 4 рода стачек: 1) обыкновенные экономические стачки, 2) стачки симпатии и солидарности, 3) политические массовые стачки, и 4) революционно-экономическую всеобщую стачку. О первом роде стачек нам незачем распространяться. Большое значение имеют многие соображения Роланд-Гольст относительно чрезвычайного важного, второго вида стачек, именно—стачек солидарности.

Стачки солидарности. Если рабочие данной фабрики, или вообще охваченные экономической стачкой рабочие видят, что они не могут одни справиться с врагом, что боевое настроение товарищей падает, а капиталисты все выше задирают нос, со стороны же общества и правительства заметно лишь полное равнодушие, тогда они призывают рабочих других промышленных заведений, местностей или отраслей примкнуть к ним, чтобы оживить угасающую энергию, повлиять на врагов и на индифферентные силы заявлением солидарности рабочего класса. Каждая стачка может внезапно разрастись, таким образом, и приобрести значение огромного события в общественной жизни. Как пример этого, Роланд-Гольст описывает стачку железнодорожников в Голландии в 1903 году. Стачка эта разрослась с невероятной быстротой: «Словно электрический ток, пробежало по всему железнодорожному пролетариату сознание своей солидарности; геройский боевой дух вырос сразу. Буржуазия преисполнилась изумления и перетрусилась; правления железных дорог и правительство потеряли голову; на несколько дней орудия государственного могущества были дезорганизованы, и правители не знали, за что взяться. Но все же господствующие классы опомнились, наконец: бешеная реакционная агитация началась в прессе, подбадривавшая правительство, заранее оправдывавшая самые крутые меры. Буржуазия перешла в наступление и грозила отменой права союзов; рабочие ответили отчаянной стачкой 5—10 апреля. И вся эта громадная, дотоле неслыханная в Голландии война пролетариата и буржуазии имела своим началом небольшую стачку портовых рабочих по частному поводу».

Стачки солидарности очень часты в южных странах Европы, реже в северных. Почти постоянные неудачи

таких быстро вырастающих стачек солидарности заставили многих писателей строго осуждать всякую попытку расширения стачки, осуждать самую идею массовой стачки вообще. Что стачки солидарности, эти внезапно разражающиеся социальные бури, кончаются большею частью неудачами,—это, несомненно, верно. «Стачки солидарности,—говорит Роланд-Гольст,—во всяком случае, являются радостным признаком растущего чувства и силы пролетариата, и буржуазия ненавидит такие стачки более всяких других. Буржуа может еще понять стачку ради улучшения экономического положения самих стачечников. Но—бросать работу, вносить беспорядок в жизнь общества, затруднять промышленность, и все это без всякой пользы для себя, из одного только сочувствия—это, по его мнению, безумие! К такой «легкомысленной стачке» он может относиться только либо с яростью, если она сильна, либо с насмешкой, если она слаба». Если буржуазия, таким образом, всегда особенно озлобленно сопротивляется стачкам солидарности, то, с другой стороны, прибегают к ним почти исключительно слабо организованные рабочие, у которых внезапная сила взрыва заменяет прочность и могущество организации. Стачка солидарности на деле чаще всего бывает результатом желания одних слабых поддержать других слабых. При этом надо еще заметить, что при частных экономических забастовках всякая фабрика или завод выбирают наиболее благоприятное для стачки время, при стачках же солидарности это уже не принимается во внимание. Дает себя знать также отсутствие дисциплины, которая может явиться лишь результатом планомерной организационной работы, а не взрыва энтузиазма. «Дисциплина,—говорит Роланд-Гольст,—единственная защита от слабости и непостоянства настроения. Нет дисциплины—и стачка, выросшая, как лавина, так же неожиданно падает до ничтожества. Худо и то, что стачки солидарности компрометируются не только тем, что прибегают к ним рабочие почти исключительно слабо организованные, но притом еще тем, что зачастую—это рабочие, питающие ложную и вредную антипатию к политике. Не понимая того, что лишь политическая соц.-дем. партия может стремиться к широким целям общеполитического характера,—антипарламентаристы возлагают обыкновенно чрезмерные надежды и чрезмерные задачи на плечи экономических рабочих союзов. Они воображают, что эти союзы, при помощи внезапно выросшей стачки солидарности, смогут когда-нибудь совершить коренной переворот, сокрушить самый капитал. Надеясь захватить врасплох буржуазию, сразу вырвать у нее власть при помощи удачно начатой авантюры, они дурно руководят стачками и губят их, превращая их в бесплодные и болезненные покушения с негодными средствами».

Но в тех странах, где рабочие не имеют права организовываться, не имеют ни свободы слова и печати, ни свободы собраний и союзов,—там быстро, стихийно вырастающие стачки солидарности приходится считать явлением безусловно положительным, признаком пробуждения пролетариата. В таких странах взрывы эти в высшей степени способны показать пролетариату его собственную силу и наполнить его новой революционной энергией. Таковы были стачки сотен тысяч рабочих на юге России летом 1903 года. «Все фракции и

партии русских социалистов,—говорит Роланд-Гольст,—радушно приветствовали этот признак пробуждения рабочих масс. Русский социализм сделал все, что мог, чтобы придать единство и цель этому колоссальному движению и направить его силы против главного врага—деспотизма. Социал-демократические организации посылали своих ораторов, распространяли тысячи прокламаций. Это могучее полуэкономическое, полуполитическое стачечное движение было прологом русской революции, первой волной того бурного прилива, который бьет теперь устои старого строя России после полувекового кажущегося сна.

В настоящее время среди наших европейских товарищей серьезно разбирается вопрос о том, какие стачки имеют преимущество: возможно более частные, мелкие или широко раскинувшиеся? И большинство людей освещают ~~экономические~~ высказываются в последнее время именно за частные, тесно ограниченные стачки.

Роланд-Гольст говорит по этому поводу: «Преимущества частных стачек вытекают из нового положения, созданного ростом союзов предпринимателей. Пока хозяева были дурно организованы, массовые экономические стачки были очень удобны: наиболее слабые капиталисты сдавались первые, а остальные, боясь, что те отнимут у них заказчиков, также торопились начать производство. Теперь же, когда более сильные поддерживают более слабых, рациональнее стало устраивать последовательные мелкие стачки, так, чтобы остальные рабочие, продолжающие работать, могли поддерживать своими взносами кассу стачечников».

Роланд-Гольст не думает, однако, чтобы это было общим правилом. Вывод, к которому приходит Роланд-Гольст, таков: «Чем большие успехи будет делать в той или иной стране политическая и экономическая организация пролетариата, тем более редкими станут неорганизованные, стихийные, беспорядочные стачки солидарности; их место ~~заступят~~ организованные частные стачки, а при известных условиях хорошо организованные массовые стачки».

На разборе революционно-экономической всеобщей стачки анархистов мы не будем останавливаться: нам приходилось уже высказываться о ней. Очень удачно следующее замечание Роланд-Гольст об этой утопии анархистов: «Идея близкой, всегда и сразу осуществимой революционно-экономической, решающей стачки производит на рабочие массы такое же впечатление, как чтение сенсационных романов на детей. Эта идея делает их перевозбужденными, скрывает от них действительность и законы общественного развития, разрушает здоровый интерес к повседневной жизни, к повседневной работе, она удерживает их от свежей и радостной борьбы в настоящем, сосредоточивая весь их интерес на будущих благах, или—еще хуже—заставляет пролетариат растрачивать свои драгоценные силы в дурно организованных и плохо руководимых авантюрах, неудачных порывах и беспорядочных стачках. Рабочее движение, руководимое идеей всеобщей стачки, должно выбрать между горячей агитацией и мертвым ожиданием будущего, выражая свои чаяния лишь в возбужденно-страстных речах».

Но, разумеется, вся эта нездоровая, нервная романтика не отвлечет пролетарских масс от их планомерной работы над прочной, мощной политической и эко-

номической самоорганизацией. Лишь опираясь на повседневную работу организационного характера, могут в свое время увенчаться успехом более или менее широкие, оборонительные или наступательные массовые политические стачки.

(А. Луначарский).

Письма из Одессы.

Одесса. Когда в порту стоял броненосец, буржуазия трепетала, и власти металась в страхе перед революционными пушками. Спешно ставились батареи в гавани, на бульваре и на высотах по берегу моря. Часть берега объявлена была на осадном, весь город и уезд на военном положении. Буржуа забирали деньги и драгоценности и тысячами уезжали. На вокзале эlegantные дамы усаживались в товарные вагоны и в грязные вагоны IV класса. Всех их гнал ужас перед бомбами 12-дюймовых орудий с «Потемкина». Что же делали «общественные силы» г. Одессы, имеющие организацию и учреждения? Что делали «союзы нашей буржуазной демократии?».

В то время, когда пролетарская кровь питала улицы Одессы, когда наши социал-демократические организаторы и ораторы умирали вместе с восставшим населением, либералы обсуждали вопрос о «временном правительстве». Либералы, в лице журналистов и адвокатов, говорили о том, что «крайние партии бессильны», что демократической интеллигенции следует взять на себя роль спасителей, что надо образовать нечто в роде «комитета общественной безопасности».

Врачи говорили, что они, как организация больничных врачей, должны выполнять свои обязанности, должны оказать помощь раненым. Вот наша общественная обязанность, говорил председатель Сабанеев. Что же касается до отношения к действиям революционных организаций, то «таковых не может быть со стороны нашей организации, как чего-либо единого целого. До сих пор все мы относились различно к различным партиям: одни из нас сочувствуют и помогают соц.-рев., другие—социал-демократам. Настоящее положение ничего не изменило. Каждый из нас и впредь будет поддерживать те партии, которым он сочувствует и руководство которых признает»...

На этом совещании больничных врачей присутствовал заместитель городского головы К. А. Андреевский. Его считают либералом, и если кому надо было видеть типичного, трусливого, готового продать за чечевичную похлебку народную свободу либерального буржуа, он должен был видеть в эту минуту Андреевского. На вопрос, что он предпринял, и что думает предпринять дума в интересах безопасности и неприкосновенности личности и жизни граждан, он заговорил бессвязно, бессодержательно о том, как он два дня не видел своей жены и детей «с голенькими ножками», которых ему пришлось немедленно отправить с дачи. Эти «голенькие ножки» детей чадолюбивый отец и трусливый либерал вспоминал много раз среди своего нелепого доклада. Оказывается, паника до того охватила гласных думы, что они никак не могли собраться. И это в такое время, когда кровь пролетариата проливалась на улицах

опекаемого думой города! Послали телеграммы министрам военному и внутр. дел. Просили не вводить военного положения. Ответа нет. Каханов, командующий войсками, говорит, что он «калиф на час», и ничего не может сделать. Г. Нейдгарт—о! этот не трусит!—надеется на пушки, на полицию. Дума послала гор. голове Крыжановскому телеграмму. Г. Крыжановский ответил прокламацией, в которой призывал беспоконные «элементы успокоиться» и не мешать ему, «выборному от народа (?)», решить мирным путем вопросы о реформах. Дума писала Крыжановскому, что город находится в критическом положении и надо принять безотлагательно действительные «меры общественного характера» для спасения имущества частных лиц и безопасности жителей... Меры были приняты весьма решительные: это знает хорошо пролетариат, это почувствуют скоро буржуа.

«Если бы,—говорил г. Андреевский,—правительство согласилось дать кое-какие гарантии, я уговорил бы рабочих-стачечников стать на работу и, может-быть, удалось бы восстановить порядок». Нет, господа либералы, крещенную огнем пролетарскую массу вы не успокоите обещаниями гарантий в самодержавном государстве! Рабочий класс, кровь свою отдавший за лучшую жизнь, вам не убаюкает «мирными реформами». Какое идиотство, какое младенчество говорить о гарантиях неприкосновенности личности, когда вводится по всей России военное положение! Какое младенчество говорить о спокойствии и порядке, когда потоками льется кровь!

Более радикальная часть собрания говорила о том, что дума должна признать, что она неспособна что-либо сделать, что она отжила свой век,—она должна отказаться от функционирования, если состоит из граждан. «Пусть-дума сложит с себя обязанности, пусть заявит, что не-желает работать под указкой штыка и нагайки. Пусть активные и инициативные граждане возьмут на себя мужество и образуют революционную думу, революционный комитет, действующий революционно. Пусть эта новая дума вооружит народ для борьбы с казаками и полицией. Пусть объявят Одессу вольным городом».

Г. Андреевский очень испугался. Он соглашался, чтобы его расстреляли тут, предлагал, чтобы его повесили или отправили в дом умалишенных, ибо он не ручается за себя... Теперь время такое, что приходится быть на-стороже с либералами. В революционные дни они вскрываются и обнажаются, и тогда во всей прелесть выступают их «качества».

Никаких активных действий мы еще не видели со стороны либерально-буржуазной демократии. Боюсь очень, что гораздо более активную роль она сыграет в контр-революции. По-моему, она и теперь уже принимает значительное участие в контр-революции, направленной против политических стремлений рабочего класса и его авангарда,—революционной соц.-демократии. Но об этом в другой раз.

Л.

Одесса. (Из письма проезжего). К тому, что вы уже знаете о морской революции, добавлю некоторые подробности. Матросы утверждали, что у них во флоте давняя уже задумано восстание. Им казалось, что русская революция непременно должна начаться

на море. Все было заранее подготовлено, распределены роли, намечены офицеры, которых необходимо было устранить и т. д. Восстание должно было начаться в первых числах июля. Меньше всего надеялись на команду «Потемкина», где все сырой народ. Любопытная подробность: матросы заявляют, что больше всего они пользовались для пропаганды легальными газетами.

Таким образом, катастрофа на «Потемкине» помешала осуществлению плана. Необходимо было сразу прибегнуть к решительным мерам. Солдаты и даже казаки еще до прихода броненосца очень неохотно и нерешительно действовали против стачечников. Бомбардировка же города внесла бы в их ряды полную дезорганизацию. Когда были пущены 2 бомбы, войска немедленно стали разбегаться. Но местные организации, повидимому, очень растерялись, Комитет не мог вовремя собраться, не нашлось решительного человека, который сумел бы использовать могучий момент. Комитет не установил даже постоянных сношений с броненосцем, и лишь один человек из Комитета остался на судне. Кроме него, там оставались двое меньшевиков. Остальную публику матросы просили оставить броненосец.

Матросы не хотели приступать к решительным действиям, поджидая остальную эскадру. Они были уверены, что она присоединится к ним. «Если «Потемкина» удалось поднять, то остальные-то суда подавно взбунтуются»,—говорили сознательные моряки. Вполне сознательных там было человек 30, среди них некоторые замечательно сильные люди. Когда один момент команда начала роптать и колебаться, один из матросов обратился к ней с необыкновенно горячею, мощною речью: «Вот нас здесь 30 революционеров, 30¹⁾ социал-демократов. Не из-за борща, конечно, восстали мы. Нет, мы хотим завоевать свободу всей русской земле, всему народу! Если вы не доверяете нам, если вы испугались, расстреляйте нас,—мы не будем сопротивляться. Гей, товарищи, выстраивайтесь в ряды... Вы можете схватить, связать нас... выдайте нас правительству!.. Оно похвалит вас, оно вас наградит... Вас встретят с музыкой, как героев. Ну что же, начинайте! Или вы можете сдать и покаяться, а мы 30 человек высадимся на берег и будем бороться вместе с пролетариатом за нашу свободу!».

— Нет, нет! и мы с вами! да здравствует свобода!—зашумела потрясенная команда.

Сознательная часть матросов поражает всех своей нравственной силой и мужеством.

С часу на час ожидали эскадру. Когда разведочное судно донесло, что эскадра показалась, «Потемкин» приготовился к бою. Все матросы были на местах. Адмирал приглашал «черноморцев» сдать, матросы отказались. «А, теперь стали «черноморцами», а раньше были «баранами»,—посмеивалась команда. Когда эскадра стала удаляться, матросы тоже подшучивали: «Ишь как утекает! догнать бы ее!». Потом эскадра пришла опять в усиленном составе. На сторону «Потемкина» перешел только «Георгий Победоносец», но и тот скоро изменил. Говорят, что измену подстроил боцман, нарочно посадивший судно на мель. Расчеты потемкинцев не оправдались. Начальство оставило в Севасто-

¹⁾ По другому письму 300. Ред.

поле большинство ненадежных матросов, а вместо них, говорят, посадило переодетых артиллеристов.

Почему «Потемкин» ушел, неизвестно. Представитель Комитета остался на берегу, куда он съехал для нужд судна; попасть обратно он уже не успел. На судне остались лишь двое меньшевиков *).

Одесса 26 июня. Волнение улеглось. С улиц исчезли военные лагеря и бивуаки, придавшие городу такой вид, как - будто бы он завоеван неприятельскими войсками. Только патрули разъезжают, появляются изредка то здесь, то там казачьи разъезды, да в некоторых дворах спрятаны на всякий случай войска. Усиленно рыскают шпионы, вылавливая «подозрительных», которыми переполнены все участки. Полиция денно и ночью совместно с жандармами производит массовые обыски и аресты. Тюрьма переполнена. Теперь полиция и черносотенники ведут агитацию за еврейский погром. Агитация, правда, велась все время, но безуспешно. Когда в порту масса рабочих слушала социал-демократических ораторов, какие-то два субъекта пытались натравить массу на евреев. Их страшно избили и даже убили одного, при шумной общей радости. Черносотенники избивали вместе с полицией (на углу Колонтаевской и Тираспольской ул.) всех проходящих евреев и убили двоих. Избиение прекратил немец фабрикант, который заявил, что он сейчас даст знать консулу и потребует охраны проходящих. Теперь черная сотня пользуется «Правительственным сообщением», как материалом для агитации. Рассчитывают, что через несколько дней им удастся организовать погром.

Насколько, однако, я знаю настроение массы, погром едва ли возможен. На Болгарском базаре (на Молдавчанке) был арестован один субъект, сейчас же освобожденный околоточным, заявившим городовому и собравшимся, что русских не надо арестовывать, а надо забирать только жидов, которые «во всем виноваты». Только что освобожденный субъект, встретивши такую солидную поддержку, стал призывать к погрому. Получилось впечатление, что вся история с арестом его и моментальным освобождением не больше, как комедия. Тогда выступил один рабочий—социал-демократ. «Рабочие,—говорил он,—вышли на улицу, потому что им неволею стало жить такой каторжной жизнью. И умирали на улице рабочие всех национальностей, потому что еврей рабочий так же страдает, как и русский рабочий. Интересы рабочих всех национальностей так же одинаковы, как одинаков гнет капиталистов всех национальностей». Впечатление он произвел такое, что черносотеннику пришлось бегством спастись от угрожавшей толпы.

Интересно отметить роль детей пролетариата в одесском восстании. Во время событий 14-го, 15-го и 16-го июня на улице выступали в качестве ораторов подростки-дети. Один оратор, лет 13—14, сказал приблизительно такую речь: «Многие говорят, что в движении принимают участие много детей и подростков. Пусть так! Разве это не хорошо, что мы, дети пролетариев, выступим на борьбу? Разве мы, дети пролетариев, не переносим ту же нищету, что и наши отцы и матери?

Разве мы не так же бесправны и угнетены, как они? Разве нас не ждет впереди голодная жизнь? Разве нас не выбросят на улицу, когда выжмут из нас все соки? Нас, детей, еще больше угнетают, потому что мы еще больше беззащитны! Нас принимают на фабрики, потому что нам можно заплатить дешевле, чем взрослым, а в это время наши взрослые родители сидят без работы. И когда отцы наши выходят на улицы и умирают, мы тоже должны бороться. Будем же бороться, не будем жалеть жизни и добудем политическую свободу, которая освободит нас от бесправия». Окружавшие оратора взрослые рабочие и женщины целовали мальчика со слезами на глазах. Даже стоявшие тут же буржуа плакали. Вообще дети принимали самое живое участие, и много их было убито и изранено. Особенно же горячее участие они принимали в постройке баррикад, в опрокидывании конок, в закрывании лавок и магазинов. Целыми отрядами переносились они с угла на угол, неслись по улице и вносили много бодрости в борющуюся массу.

Что делается в рабочей массе. Почти все заводы и фабрики работают. Почти везде рабочие добились удовлетворения своих требований, если не целиком, то в значительной части. Только кое-где хозяева твердо держатся, думая голодом вынудить рабочих стать на работу. Надо удивляться стойкости и энергии изголодавшихся рабочих. У Гена, например, голодают уже два месяца. Ген не сдается. Вальтух (жест.) отказывается удовлетворить даже такое требование, как требование «вежливому обращению».

Умирая на улицах, в схватках с казаками и полицией, рабочие сознавали и говорили, что им нечего терять, что дальше жить такой жизнью они не могут. Не знаю, удовлетворена ли буржуазия, удовлетворены ли капиталисты, насытились ли они потоками рабочей крови, напитавшей улицы Одессы. Но пролетарии долго не забудут, как их расстреливали на улице безоружных, как за ними охотились и убивали их ради поддержания современного «порядка». Масса одесская выросла за эти дни, лицом к лицу столкнувшись со всем государственным механизмом, выступившим на защиту собственности капиталистов и на борьбу за сохранение бесправия. Пролетарии стали на работу, но в груди их пламя гнева и ненависти бушует; за рабочим станком зреет мысль о близкой, еще более кровавой борьбе; еще не отомщена пролитая кровь, еще не отомщено вековое страдание, еще не уничтожен тот порядок, что заставляет предпочитать смерть в кровавой борьбе бесправной доле раба.

Комитетские ораторы все время удерживали пролетарскую массу от безоружного выступления на улицу. Теперь масса требует оружия,—готовая бороться. Ни ласковые слова царя Трубецкому, расклеенные во множестве по городу, ни воззвание Крыжановского (гэр. головы) к беспокойным элементам «успокоиться», ни грозные афиши о военном положении и расстрелянии—не вселяют и не вселят теперь страха в пролетарскую массу. «Правит. сообщение» встречено было скептически, так как население Одессы слишком хорошо знает, сколько неправды в нем среди отдельных верных фактов, вставленных искусственно, без всякой связи с общими причинами событий. Особенно смешно замалчивание социал-демократии, которая одна только и

* Рабочий Кирилл, высадившийся в Румынии, и «студент», убитый в Феодосии. Ред.

выступала организованно и в рабочей массе, и на броненосце.

В некоторой части рабочей массы огромные надежды на броненосец. Этим грехом страдают и люди довольно сознательные. Ждут его появления, от него ждут спасения. Приходится разъяснять, что на броненосец нельзя возлагать теперь каких-нибудь надежд. Просят листовок, бюллетеней, а у Комитета провалилась техника. Теперь так нужны листки, так много надо разъяснить, так много осмыслить!.. Связи огромные; за время стачек они очень расширились, но самая организация значительно ослабела. Необходимо закрепить организационным путем результаты массовой агитации, а сил страшно мало. Людей нет.

О настроении в войсках. Вокруг Одессы расположено несколько полков. Стянуты войска из Бендер, Тирасполя, Екатеринослава, Николаева и др. городов. Кроме пехоты, вызвана артиллерия, казаки и драгуны. Когда только начались волнения, в городе находились запасные, на которых начальство смотрело очень подозрительно, так как они неоднократно заявляли, что в народ стрелять не будут. Когда в первые дни войска вывели на улицы и расставили их патрулями под командой полиции, солдаты открыто роптали. Они охотно и сочувственно слушали социал-демократическую агитацию, которая велась совершенно открыто на улицах. Солдаты сами связывали рабочие волнения с аграрными беспорядками в Одесском уезде и других губерниях, связывали свое собственное положение с бесправием России и говорили, что стрелять в рабочих не будут. Они сами говорили, чтобы рабочие на них не нападали, а, окруживши их толпою, отняли бы у них ружья. «Мы не будем особенно сопротивляться, говорили они: пусть каждого из патрульных окружат несколько человек и отнимают ружья; мы будем отдавать ружья, потому что безоружным нам не придется убивать и даже стрелять». Товарищ из участка сообщает, что солдатский патруль, отправляясь на пост, сговаривался под окном здания участка: «Помните же, ребята, не стреляйте!».

Совершенно иначе действовали казаки. Наглые, озверевшие, пьяные, они разъезжали по городу, давя прохожих, наезжая на тротуары, врезываясь в толпу и рубя направо и налево нагайками и шашками. Если бы им дать волю, они бросились бы грабить город. Я почти уверен, что казаки бросились бы в грабеж, если бы их продержали еще несколько дней на улицах. Из пехотных полков в дело был пущен Дунайский, отличившийся особенно в порту во время пожара. Порт был оцеплен войсками и никого не выпускали наверх. В пламени пожара носились толпы босяков и рабочих, много было перепившихся, а сверху раздавался залп за залпом, и десятки и сотни трупов падали по спуску, корчились, подымались и снова падали под пулями или сгорали в пламени, бушевавшем вокруг. Это была бойня людей, которых загнали в ловушку и расстреливали. Есть трупы с 17 пулевыми ранами. Есть убитые во дворах, куда спускались. Я насчитал больше 50 ружейных залпов в порту. Кареты «скорой помощи» работали под выстрелами, но им удалось спасти лишь ничтожную часть раненых. Трудно говорить о точной цифре убитых и раненых—их тысячи.

Теперь войска расположены вокруг Одессы в ла-

герях и казармах. Их каждый день вызывают в город; здесь они сталкиваются с рабочими и узнают, зачем их вызвали, какую роль им приходится играть. Появление броненосца заставило многих серьезно задуматься, как им быть, если матросы одержат победу: сражаться ли им против матросов, или переходить на их сторону. Я видел, как после выстрелов с броненосца по улицам в панике неслись врассыпную казаки и солдаты, не слушая командира, который, подумавши, бросился бежать вслед за ними. Я видел, как после падения снаряда на Нежинской улице взвод солдат бросился в ворота, и солдаты давили друг-друга в воротах. Солдаты говорили, что присоединятся к матросам, как только они появятся в городе. Они вслух в конке и в трамвае негодовали на своих начальников и выражали сочувствие рабочим и матросам. Я присутствовал при сцене в вагоне, когда десятка два солдат с ожесточением накинулись на одного, стрелявшего в порту в рабочих. Они осыпали его насмешками и бранью, называли его христопродавцем, народным палачом и т. д. Я видел, с какой важной и серьезной торжественностью солдаты салютовали похоронной процессии, когда хоронили Григория Вакуличика. На кладбище на похоронах присутствовало несколько стариков, запасных солдат. Они возбужденно кричали «долой самодержавие» и спрашивали, скоро ли народ вооружится.

Когда команда «География» выдала 67 товарищей и сдалась начальству, солдаты негодовали, называя их изменниками. Матросов же на «Потемкине» никто из них изменниками не называл. Их называли молодцами, гордились поступком их, сочувствовали им и выражали желание, чтобы и у них в войске «скорее бы так сделали». Просят листовок. Когда свезли на берег «бунтовщиков» с «География», их прогнали сквозь строй казаков, и казаки били их нагайками, а офицеры шашками. Арестованные же и конвоируемые войсками по городу матросы шли, улыбаясь прохожим. При виде этой процессии на улицах поднялась страшная паника. Солдаты и полиция сгоняли всех с тротуаров, с балконов. Закрывались магазины, и процессия двигалась по опустевшим улицам. Городовые и конвойные очень боялись, чтобы в них не стреляли и не бросили бомбу.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Из секретного циркуляра Департамента полиции 1-го февраля 1905 г. Подлежит розыску и аресту: 1. Александрова, Мар. Алек. (Курсист. Цюрих—Смоленск); 2. Аптер, Давид. (мещ.—Киев); 3. Ауэрбах, Израиль. (мещ.—Вост. Сибирь); 4. Аусем, Отто Хр. (Юзовка); 5. Афанасьева, София Ник. (Киевский Ком.; беж. В. С., фот. кар.); 6. Ахтямов, Ибраг. (б. ст. Енисейск. уезд); 7. Бабенко, Яков Сер. (Южн. раб.—Сольвычегодск); 8. Бакшеева, Евдок. (фельд.—В. С.); 9. Барыкова, Над. Мих. (Минусинск. уезд.); 10. Барыков, Сер. Ив. (тоже); 11. Володарская, р. Пустовойтовская (Киевск. Ком.); 12. Герасимов, Ив. Алекс. (мещ.—Екатерин.); 13. Годенко, Гилел (Конотоп); 14. Горнштейн (Иркутск, фот. к.); 15. Гуревич, Абрам (Псков—Искра—Режица, фот. кар.); 16. Давыдов, Андрей Алекс. (Тульский Ком.); 17. Давыдов, Мих. Алекс. (Кемь, Арх. г.); 18. Эпштейн, Вольф (Сиб. с.-д. ор., Ковна); 19. Жилкин, Петр Дм. (Пермская губ.); 20. Жилкин, Ник. Петр. (Кременчуг); 21. Жуковский, Абрам (Кривой Рог); 22. Зеликман, (Белявская) (Екатер. Ком.—Харьков); 23. Каган Шабал, Александр. (б. ст.—техн. И. Сольвычегодск.); 24. Каплун, Мордко (Одес. Ком.—

Одесса); 25. Квещинский, Иосиф Ант. (Чернигов—Быхов, фот. кар.); 26. Князев, Ив. Сем. (Юзовка); 27. Коломейцев, Петр Ив. (Юзовка); 28. Красновский, Мих. (Смоленск); 29. Куликовский, Петр Алекс. (уч. Сиб.—Якут.); 30. Куринный, Гр. Як. (Киевский Ком.—Полтав. губ.); 31. Куценко Шепест., Филипп. (Киев. губ.); 32. Леонов, Мих. Григ. (врач, Вост. Сиб.); 33. Либинсон, Абрам (б. ст. Казан.—Енисейск. г.); 34. Лутидзе, Измаил (Зававк. ж. д.); 35. Матвеев, Вас. Вас. (1. Харьк. с.-д. Ком.; Полтав. гр. с.-д., Енисейск. губ.); 36. Милев, Петр Евг. (Москва. Орлов. губ.); 37. Митров, Вас. (Ростов н/Д.); 38. Надлер, Вениамин (Херсонс. Ком.—Херсон); 39. Пигум, Давид (Искра, Псков, фот. кар.); 40. Погребницкий, Ив. (матрос Кронштадт., фот. кар.); 41. Пунге, Герман Андр. (Рига—Олонец. губ., фот. кар.); 42. Равич, Сара (Сиб. Искра—Архангельск., фот. кар.); 43. Рапопорт, Мовша (Псков. Искра); 44. Резников, Файвель (Харьк. Ком.—Бобруйск, фот. кар.); 45. Родин, Айзик (Киев. Ком. Гомель); 46. Романов, Герман Ив. (Усть-Сысольск, фот. кар.); 47. Рубин, Кусель (Сиб. Искра—Вильно, фот. кар.); 48. Савков, Вас. Ив. («Изнав», «Кирюшин»—Таганрог); 49. Свердлова, Мейта (Псков. Искра—Вологда фот. кар.); 50. Соколов, Вас. Ник. (Псков, Искра); 51. Станчинский, Антон Петр. (Ростов. торьма); 52. Стенцель, Бецалель, р. Левинсон, Елена (Сиб. Ком.—Вост. Сиб.); 53. Стефанова, Мария Вас. (Новозыбк. с.-д. гр.—Нижний-Н.); 54. Сычев, Ив. Хил. (Онега); 55. Торгашев, Борис Пав. (Сиб. Искра—Шенкурск—Швейцария); 56. Фридолин, Владимир (Пермск. губ.); 57. Черняк, Песя (Екатерин.); 58. Мохет, Мовша (Псков. Искра, фот. кар.).

Особому надзору: 1. Алексеев, Пет. Ал. (слесарь—Киев); 2. Аронов, Идел (мещанин—Вильно); 3. Беликов, Пав. Яков. (токарь—Г. Царев, Астр. губ.); 4. Брагинский, Давид (Екат. Ком.—Екатер.); 5. Гальпер, Лейба (Одесса); 6. Гернин, Вик. Хр. (Екатеринос.); 7. Гольденберг, Илья (Николаев, фот. кар.); 8. Громова, Пелагея Фил. (Кр.—Баку); 9. Гудович. (Полоцк—Витебск); 10. Гуревич, Иык (Режица); 11. Энгенсон, Ицко (Кременчуг); 12. Зарецкая, Шейна (тип. Харьк. Ком.—Полоцк); 13. Зетель, Гириш (Вильно, фот. кар.); 14. Ивянский, Берко (Киев); 15. Кобыльницкая (Харк. Ком.—Харьков, фот. карт.); 16. Кох, Юлиус Генр. (Арханг.); 17. Колдун, Михель (Бердичев); 18. Концевич, Евг. Ив. (Киев); 19. Кошевич, Алекс. Сем. (Кишенев); 20. Крылова (Кабанцева), Татьяна Петровна (Гомель); 21. Кузнецова, Анаст. Мих. (Саратов); 22. Лапин, Моисей (Юзовка—Могилевской губ.); 23. Лифшиц Анна (Екатерин., Одесса, Харьк., фот. карт.); 24. Лифшиц Анна (Режица); 25. Лупова, Сара (Екатер., гр. с.-д.); 26. Морозов, Ив. (Ник. Ком., Харьк. Ком.); 27. Мякшин, Ник. (Ярославль); 28. Ноткин, Айзик (Киев. Ком. Гомель—фот. карт.); 29. Овчинкин, Алекс. (Екатерин. фот. карт.); 30. Орлов, Алекс. (Искра, Москва, Вильна); 31. Попов, Ив. Зосим. (тип. Киев. Ком.); 32. Попов, Ник. Ив. (Ростов н/Д. фот. карт.); 33. Рудштейн, Шолом. (Полтавск.); 34. Скоробогатов, Андрей (Цимлянская ст.); 35. Темкин, Шмуль (Киев); 36. Холлин, Ив. Ник. (Ростов и Нахичевань н/Д.); 37. Чугунов, Аким (Екатерин.); 38. Ширяк, Самуил (Херсон. Ком.—Екатерин.); 39. Шапкин, Георг. Мих. (Екатер., фот. карт.); 40. Яшин, Залман (Корниловка, Екат. губ.); 41. Глазов, Егор Ник. (обнар. в селе Каменск., Екатер. у.); 42. Гройсман, Леви (Одесса); 43. Гудович (Штерн). Трейза (Буках, Уман. у., Киев. губ.); 44. Лиман, Антон Прокоф.—(Киев.); 45. Цветков, Вас. Пет. (Сиб.).

Установить секретное наблюдение: 1. Витлин, Лев Иосиф, (поехал в Кривой Рог, Херс. губ.); 2. Тушинский, Шелом Хацкелевич (там же); 3. Кокорин, Ив. Мих.; 4. Тукманкин, Сергей Петр. (фот. карт.); 5. Гмиря, Ник. Пет. (Полтава); 6. Хайкин, Соломон Абр. (Двинская с.-д. орг.—Ст. Липы).

Уведомить о месте жительства: 1. Баканов, Кузьма Ив. (Астрах. губ. Волог. губ.); 2. Воробьева, Рахиль (Петерб. фот. карт.); 2. Марков, Ив. (Полтава).

Вскрыть багаж: 1. Сонзина, Шендель Лейз. (р. Грицевская).

Новочернаск. В настоящей корреспонденции я хочу сказать несколько слов о возродившейся недавно организации «Казачья Воля». Известие о первом появлении этой организации проникло в печать, если не ошибаюсь, еще года два назад. Состав ее, какой-нибудь год назад, не пред-

ставлял из себя чего-либо однородного, и организация, как и следовало ожидать, оказалась не деятельной. За все время брожения последних месяцев она ни в чем себя не проявила. Теперь организация снова, как-будто, возродилась, выступив с воззванием («Письмо казака к казакам») от имени «Революционной группы Казачья Воля». Судя по этому воззванию, стремления возродившейся «группы» и состав ее не стали определеннее. Если ранее в организацию входили люди, хоть сколько-нибудь прикосновенные к социал-демократии, то заподозрить их существование в «группе» в настоящее время значило бы нанести кровное оскорбление не только марксизму, но даже простому здравому смыслу. Посмотрим, однако, о чем идет речь в прокламации «группы», что обещает она казакам и чего от них требует. Воззвание проведено «в высоком стиле», что несколько затрудняет его понимание. Переведа его на скромный прозаический язык, получим следующее: «Станичники! Вспомните наше славное прошлое,—не мы ли любили свободу больше матери родной? А теперь мы самые верные, преданные слуги тиранов, и по приказу их наши шашки и пули обращаем против борцов за свободу. Чем же платит нам царь за наше холопское усердие? Увы, положение наше с каждым годом все ухудшается... Итак, мы требуем: прирезки нам земель до полагающихся по закону (курсив везде мой. Корр.) 14-ти десятин на душу; оставшиеся войсковые земли сдать в аренду (!); мы требуем равных с остальным населением прав на отбывание воинской повинности (а то «пристав разрезает по станицам да бракует мундиры и лошадей...»); мы требуем немедленного отозвания наших 16-ти полков, назначенных для подавления восстания; мы требуем... впрочем, ничего пока больше не требуем, а только под конец восклицаем: «Да здравствует учредительное собрание (Что это за штука «учредительное собрание»,—об этом в воззвании ни слова)! Так кончается эта... «прокламация». Как видите, в ней есть всего понемножку: для одних желающих есть «конституция» («учредительное собрание»), для других—«севрюжина с хреном» (прирезка земли по закону, сдача в аренду земель и т. д.)... «успех» возродившейся «группы», таким образом, среди всякого рода течений заранее «обеспечен»!

Тверь. Придя в деревню на организаторское собрание, я увидел толпу селижаровцев, двигающуюся по дороге из города. Предложил товарищам подбросить им листки. Организаторы сообщили, что они уже часто имели дело с селижаровцами и что им можно давать листки прямо на руки. Один пошел и оделил всю толпу («Крестьяне, к вам наше слово» изд. Тв. К.). Селижаровцы попросили поговорить с ними о «политике». Товарищ ответил, что если они так этого желают, то пусть усаживаются, а он сейчас приведет человека. Мужики начали снимать свои котомки и топоры. Когда я пришел, то увидел толпу в тридцать человек, оживленно беседующую на тему «как бы политики-то всех нас не перебили».

Успокоив их опасения, я рассказал о войне в связи с Безобразовской эпопеей, о теперешнем общественном движении, о народном представительстве и об учредительном собрании. Слушали необычайно внимательно. Я был поражен деловитостью тех замечаний, которые они делали. Вопрос о народном представительстве темен для них лишь в деталях: общую идею они достаточно представляют. Это люди совершенно серые. Уже один костюм,—весь домашнего изготовления,—говорит об их полной непричастности к городской культуре. Работают они зимой в лесу (рубят лес), весной, летом и осенью этот лес сплавляют по Волге. Набраться знаний, стало-быть, почти негде.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Николаев. Эту неделю можно назвать началом революции в Николаеве. Рабочие черноморского завода устроили собрание, на котором говорили их депутаты и наш оратор. Кроме того, было 2 других собрания тех же рабочих в 100 и 150 чел.; говорили о необходимости созыва учредительного собрания. Стачка на табачной фабрике продолжается (она экономического характера). На специальных со-

браниях, куда являлись рабочие нескольких заводов и порта, говорили о демократической республике, о тактике правительства и либералов, о необходимости готовиться к вооруженному восстанию, о политической забастовке; говорили три оратора. Настроение всегда было повышенное, расходились с пением и революционными возгласами. На первой массовке присутствовало 300 человек, а на второй — уже около 600.

Представьте себе такую картину. Ясная лунная ночь, тихо катит река свои волны, недалеко видны лагуны слободки. На гористом берегу реки, в котловине с резкими очертаниями, собралась масса людей: были старики, женщины, дети. Толпа, покрывала дно котловины, поднимаясь до самых острых краев ее. Оратор говорил (о демократической республике) так хорошо и сильно, что заставлял вздрагивать и наши интеллигентские сердца. Его звучный голос раздавался и в слободке. Это был буквально незабываемый вечер. Жить одной мыслью, сливаться в одном чувстве с этой массой народа — это такое счастье, после которого никакие тюрьмы не страшны! Толпа, сидевшая вокруг оратора, вдруг подымается, как один человек, когда оратор под влиянием воодушевления встал со своего места; и из груди этой толпы раздается единодушный крик: «Долой царя, да здравствует С.-Д. Раб. Партия!» Говорили потом еще рабочие. Один предложил рабочим делать сборы на оружие, чтобы готовиться к вооруженному восстанию.

В следующий раз (через три дня) масса народу стекалась к месту массовки. Но оно было оцеплено конными городовыми с приставом во главе. Прибывающие рабочие, узнав о присутствии полиции, пошли обратно. Будь руководители на месте, — полиция не одобровала бы. Она скоро удалась, сопровождаемая демонстративным свистом и шиканьем мальчишек, уходящая комьями грязи. На слободке после отъезда полиции все же собралось прямо на улице 150 чел. Рабочие призывали товарищей к борьбе с полицией. Пели много песен и декламировали. Особенно понравилась стихотворение «Пролетарий», сказанное одним рабочим.

В этот же вечер была в другом месте массовка ремесленников в 120 человек. После того, как кончил говорить третий оратор, явился пристав Черкесов во главе конной полиции. Рабочие, отстреливаясь, бросились бежать, но благодаря тому, что полиция убрала бочку, служившую мостиком через ханаву, 6 человек рабочих не могли уйти попав в яму. Они были арестованы (трое уже выпущены). Полиция тоже стреляла: ранены один рабочий, 2 городских и лошадь.

Через неделю была назначена массовка прямо на улице; для полиции были приготовлены камни и пули. Она явилась и была встречена таким градом камней, что сочла за лучшее убраться. Камни летели со всех дворов, из-за каждого угла выскакивали рабочие и стреляли. Полицейские, пригнув головы к лошадям, удирали, пристав спрятался на кирпичном заводе. Говорят, он подает в отставку. Рабочие ранили троих городских.

После того, как полицию прогнали, собрались организованные рабочие, человек около 70-ти, и слободские жители (рабочее население). Одна работница подняла красное знамя Р.С.-Д.Р.П.; рабочий произнес речь; пели революционные песни. Когда все разошлись, появились согни полторы казаков, которые мчались по улицам слободки, стреляя по сторонам и в воздух. Во многих стенах застряли пули, разбиты стекла. Слобожане негодуют против такого ночного нападения. Они говорят: «Кого они здесь ищут, зачем пришли? Не воры и разбойники здесь, собираются не для дурных целей».

В это время начались стачки экономического характера (под руководством Комит.) на ракетном заводе 11-го июня и в порту 13-го июня. На ракетном предъявлено требование 8-часового рабочего дня, вежливости в обращении, утверждения депутатов и т. д.; в порту (2.285 ч.) — увеличения расценок на 40—60%, утверждения депутатов, вежливого обращения, неприкосновенности личности забастовавших и т. д. (требования будут выполнены). Нужно иметь при этом в виду, что на ракетном заводе масса рабочих преимущественно старики; в порту же масса очень консервативна. Приходилось много работать, чтобы вызвать экономическую забастовку. На 14-е июня объявили политическую забастовку французские рабочие¹⁾. Забастовали все типографчики, закрылись магазины. Было 2 собрания на французском

заводе и у завода. Наш оратор сказал огненную речь. Рабочие рвались на демонстрацию, но у нас нет оружия, и мы предложили им разойтись. Но человек 50 из них дружно прошли с пением революционных песен.

Тщетно офицеры (по словам рабочих) звали казаков и солдат напасть на демонстрантов: они не двигались с места. Когда толпа разошлась, часть рабочих была арестована на улице, при чем казаки стреляли и беспощадно били их нагайками. Пока нам удалось установить фамилии следующих арестованных в этом и последующие дни рабочих: Митрофан Федосеев, Иван Чигиринов, Сергей и Игнат Макаровы, Лев Гринберг, Семен Рыбаков, Романов, Алексей Шувалов, Павел Сафронов (обвиняется в подбросе бомбы на Соборной площади 15-го июня), Абрам Нихамкин, Алексей Климов, все депутаты французского завода: Иваницын, Кузнецов, Хоменко, Иван и Никита Паршины, Савинов, Фридман (в Одессе), Павел Грабовый и студент Борис Калмаков. За последнее время, говорят, было арестовано 80—100 человек. Найдены гектограф, листки, бомбы, шрифт, револьверы (кроме листов, это не у лиц нашей организации). С бомбами и шрифтом арестован Бельский. Рабочий Залман Кантор скрылся.

Николаев. У нас идет всеобщая забастовка. В десятых числа июня забастовал ракетный завод, 13-го забастовал порт (Адмиралтейство). 14-го июня объявил стачку французский завод с пятью или шестью тысячами рабочих. Рабочие Брянского завода — около 1.000 человек — тоже не работают; они каждый день собираются под заводом и рассуждают о разных нуждах. 14-го июня к ним подошли забастовавшие рабочие с французского завода, так что образовалась толпа тысяч в пять. Начали говорить рабочие-депутаты (в том числе наш товарищ). Все они говорили о необходимости самой решительной борьбы за общепролетарские интересы под руководством нашей партии. Далее говорили о борьбе за замену существующего строя демократической республикой. Под конец, собрание решило собраться рабочим всех четырех заводов вместе и «обсудить дела, касающиеся не одного только Николаева, даже не только одной России, а и всех других стран, в виду того, что всем известно о русском царе, как международном жандарме». Когда пошли по домам, в одной группе, среди пения революционных песен, послышался револьверный выстрел (думаю, что это была провокация). Тотчас же из депо казны вышла рота солдат и сотня казаков. Но солдатам делать было нечего, так как группа сейчас же разбежалась. Тогда выступили на работу казаки, которые и принялись за избивание всех случайно проходящих по улице. Местами происходило что-то ужасное. Тех, кого удавалось поймать, казаки связывали веревками, а половину оставляли так: должно быть потому, что веревки нехватало. Потом их бросали на землю и всячески били: и нагайками, и ногами, и топтали их... Некоторые отстреливались; убит, говорят, один казак и один тяжело ранен.

Рабочий.

Иваново-Вознесенск. Заимствуем из только-что полученного нами № 5 газеты «Голос Труда», издаваемой Московским Комитетом Р.С.-Д.Р.П., некоторые дополнительные сведения о здешних событиях.

«Стачка сначала носила чисто-экономический характер, и рабочие даже враждебно встречали социал-демократические политические речи. Но чем дальше росла стачка и сильнее чувствовалась классовая солидарность, тем более сознательно относились рабочие к политическим речам ораторов.

«Когда оратор доказывал на площади перед многотысячным собранием необходимость свержения самодержавия и созыва учредительного собрания, вице-губернатор, прискакавший в Иваново-Вознесенск, сидел у открытого окна. Окончив речь, оратор спросил: «Кто здесь против учредительного собрания?» Гробовое молчание. «Кто требует созыва учредительного собрания, подымите руки», воскликнул оратор. И целый лес рук поднялся на площади. «Слышите, губернатор, сказал оратор, обращаясь к открытому окну: иваново-вознесенские рабочие требуют учредительного собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов». И многотысячная толпа закричала, как один человек: «Требуем, да, да, требуем!»

«Между тем стачка все ширилась. Прачки и водока-

чальщики в больнице для чернорабочих, ремесленники и прислуга—все забастовали. Город весь стал.

«Трогательные письма, которые посылались ораторам и всем товарищам рабочим от разных производств. Так, прачки и водокачалышки прислали письмо, в котором описывали свою горькую участь. Целый день над корытом, в пару, сырости и жару. Перерыв на завтрак «маленький и то с кнутом», писали они, пища скверная и недостаточная—«всего два фунта хлеба, да объедки больных». Они упрекали товарищей в том, что их забыли и просили притти «взять их для общего обсуждения рабочего вопроса». «Да здравствует свобода!»—кончалось письмо. Они все присоединились к стачке. Просила «выгнать» их из «купецких» домов и прислуга. В своих письмах к ораторам они рисовали свое бедственное положение; без перерыва и отдыха целый день, в праздники еще больше, нежели в будни, работают они, не покладая рук, за жалкое вознаграждение, а со стороны хозяев слышны только одни попреки, да брань. И они стали.

«Вскоре стачка стала перекидываться на села и деревни: стала Кохма, стали Тейково и Лезнево, стала Шуя.

«Ивановцы держатся и до сих пор, ревниво охраняя своих ораторов от цепких лап полиции. Но долго ли они выдержат? Для 100.000 полуголодных забастовщиков каждый день забастовки ужасен, а помощь им оказываемая так мала, что кажется каплей в море.

«Как бы ни кончилась Иваново-Вознесенская забастовка, она оставила уже свой след в сознании рабочих и закалила их в борьбе. Благодаря этой стачке, 100.000 рабочих поняло, что не только их хозяева, но и весь политический строй, приуроченный к интересам капиталистов,—их враг, что необходима политическая борьба за социалистический строй. Они поняли, что крик «долой капиталистов» должен слиться с криком: «долой самодержавие!»

После известного из легальных газет избияния рабочих, Иваново-Вознесенская группа Северного Комитета выпустила печатное заявление следующего содержания.

«Мы, рабочие фабрик и заводов г. Иваново-Вознесенска, собравшись на общее собрание 13-го сего июня, постановили заявить:

Начавши 12-го мая всеобщую забастовку, мы в числе прочих требований выставили требование невмешательства военной силы полиции в дела рабочих, в противном случае за последствия—мы не ручались. Три недели продолжалась мирно наша борьба, порядок в городе был образцовый, три недели мы пользовались свободой собраний, слова союзов, печати, стачек, неприкосновенностью личности. С первых же дней, кроме вопросов чисто-экономических, мы все обсуждали вопросы политические, так как одно с другим связано непосредственно. Вопросы политического характера обсуждались открыто на площади, и мы все единогласно поднятием рук в присутствии владимирского губернатора еще 15-го мая приняли требование учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего, прямого, равного для всех и тайного избирательного права. Мы все считали, что несправедливо, если в это собрание будут выбираться только богатые.

Несмотря на то, что все 3 недели мы все обсуждали вопросы политического характера—нас не трогали, никого из нас не арестовали. 3-х арестованных по нашему требованию выпустили.

Но вот 2-го июня вывешивается неожиданно объявление губернатора, которым нам запрещается собираться на Талке—последнее место, где мы могли беседовать. Основанием запрещения послужило то, что мы, якобы, начали в последнее время обсуждать вопросы политического характера. Да, ведь, мы же обсуждали и голосовали эти вопросы с первого же дня! Недоумевая в чем дело, мы все-таки собрались 3-го июня на Талке. Здесь были уже казаки. Мы спокойно сели у леса. Наши депутаты отправили с четырьмя казаками, стоявшими патрулями, бумагу, где от нашего лица требовали разрешения собираться. Какова судьба этой бумаги—неизвестно. Говорят, будто казаки ее потеряли. В ответ на наше требование появились астраханские казаки, во главе с полицмейстером Кожеловским, и прежде, чем мы успели опомниться, не то что разойтись, по крику Кожеловского казаки бросились на сидящую толпу с гиком и свистом. Нельзя описать той ужасной, невероятной кар-

тины, которая произошла. Лес оглашался стонами, рыданиями, криками злобы и проклятья, улюлюканьями пьяных казаков. Голос неистовавшего полицмейстера выделялся: «Бей их, сукиных детей, руби, режь! Дунаева мне, Дунаева!» и т. д. Он злорадно хлопал в ладоши, сатанински хохотал. Зверски, бесчеловечно избивались мы тяжелыми со свинцом на конце нагайками. Зверски расстреливались поодиночке. Казаки выезжали из леса и снимали, как куропаток, людей с насыпи. Сил нехватает описывать всего. Тут же сотнями захватывали в плен и снова избивали. Сильно избитых оставляли на месте. В числе прочих арестовали и надругались над секретарем собрания депутатов Н. Врачевым. Толпа подхватила двух раненых с насыпи и понесла к фельдшеру Витовскому. Когда последний вез их после перевязки в больницу для чернорабочих, толпа на улицах навзрыд рыдала. Судорожно сжимались кулаки, со всех сторон неслись проклятья убийцам. Сдержанное чувство злобы и мести не было никакой возможности. Толпа рвала, ломала, жгла на своем пути. Так продолжалось с 3—11 июня, когда вновь разрешили собрания. За все это время город был в осадном положении: казаки и драгуны хватили встречных и поперечных, обыскивали, избивали ни за что, ни про что, как, например, двух почтенных жителей Боголюбской слободы. Насильники не останавливались перед тем, чтобы врываться в наши жилища и там надругаться над нами. Никто не был уверен за свою жизнь и безопасность. И после всего этого появляется объявление губернатора, обвиняющее нас в том, что мы первые нарушили мирный ход забастовки грабежами и насилиями. Объявление это говорило также, будто кучка людей, не останавливающихся перед преступлением, не давала работать большинству благонамеренных, тяготящихся вынужденной безработицей.

9-ое июня, когда уныло-безрезультатно свистели свистки, призывающие встать рабочих на работу на старых условиях, доказало противное. Мы все, озлобленные насилиями не хотели работать после 3-го июня, более, чем когда-либо, на старых условиях.

И вот мы избиты, над нами надругались, нас они обвиняют во всем, наши братья томились и томятся в тюрьме, их же обвиняют в вооруженном сопротивлении и других преступлениях. В это же время насильники и настоящие преступники ходят по воле. Кожеловский, астраханские казаки и высшее начальство, приказавшее им расправиться с нами, те ходят с сознанием исполненного долга.

Где же тут справедливость?

Чувство обиды, злобы, мести глубоко затаилось в сердце у каждого. До тех пор оно не изгладится, пока мы не отомстим. Пока виновные не потерпят должного возмездия, невинные не будут освобождены и не падет с них обвинение. Мы требуем все освобождения наших томящихся в злой неволе братьев. Говорят, у них были или они распространяли прокламации. Да у кого их не было? Кто их не распространял? Мы ничего в них, кроме правды, не видим. Нам говорят, что арестованы за то, что произносили политические речи. Но мы все были согласны с ними. Мы все говорили то же самое. Мы слышали, что по поводу 3-го июня назначено следствие, будет суд. Но мы видим по началу, каков будет этот суд: пострадавшие томятся в заключении, их же обвиняют, виновники гуляют. Мы требуем настоящего суда над виновниками 3-го июня, мы требуем открытого гласного народного суда, при условии полной свободы устного и печатного обсуждения всего происшедшего. Иначе мы будем считать суд не судом, а комедией, шемякинским судом.

Чувство обиды никогда не уляжется в нас. Никто из нас не поручится тогда за неприкосновенность насильников, за порядок и спокойствие».

Петербург. Замечается среди рабочих стремление устраивать кружки, с целью оказывать помощь делу вооружения и вообще подготовки непосредственной революционной борьбы. Важно отметить, что среди рабочих наблюдается в настоящее время несколько более холодное отношение к занятиям в пропагандистских кружках, если только такого рода занятия не сопровождаются в то же время участием в более живой революционной работе.

Недавно на заводе Семянникова была устроена массовка

из всех рабочих завода,—свыше 5.000 человек. Ораторы, посланные невским районным Комитетом, произнесли речи о войне, о современном моменте и т. п. Затем была предложена резолюция, выработанная Петербургским Комитетом. Принята она была единогласно («целый лес рук поднялся»,— говорят рабочие). Интересно отметить, что резолюция была сначала предложена старостам завода, но они ее забраковали, ссылаясь на то, что она имеет чересчур крайний характер с точки зрения настроения массы. Сходке предшествовала устная агитация, а также переговоры с меньшевиками. Их невское районное собрание согласилось с нашей резолюцией, но предложило некоторые поправки чисто-стилистического характера. Наш районный комитет считал возможным для соглашения поступиться прежней редакцией. Резолюция пойдя по всем заводам в измененном виде. Переговоры с меньшевиками вообще прошли благоприятно с точки зрения миролюбия. Меньшевики были корректны, и, кроме того, настроены совершенно миролюбиво! Это явствует уже из их согласия с принципиальными положениями резолюции. Предлагали они, чтобы наш и их ораторы предварительно сталкивались, но к сходке они оратора не подыскали. Сходка, по отзывам рабочих, прошла блистательно и произвела сильное впечатление. Организована она была хорошо. Никто не был арестован; только много позже было взято на тракту трое неимеющих отношения к организации.

Стачка на Вагонном продолжается в составе 3-х цехов. Администрация соглашается добавить всем стачечникам до 100% сверх цеховых и еще помимо этого 15%, но лишь за май месяц. Рабочие же решили требовать увеличения цеховой платы и на будущее время.

Воронеж. (Из отчета с 1-го по 15-е июня). Кружки посещают 85 рабочих; еженедельно устраиваются агитационные собрания; с 1-го по 15-ое на них пребывало человек 60.

За этот период был распространен в Юго-Вост. железнодорож. мастерских листок (500 экз.) и среди крестьян «Новый царский листок», изд. ЦК (1.300 экз.).

Была стачка заготовщиков, организованная и прошедшая под руководством комитета: требования чисто-экономические. Бастовали 5 мастерских, стачка продолжалась 9 дней. Результаты: в 2-х мастерских почти все требования удовлетворены, в 3-й удовлетворена лишь незначительная часть требований, две остальные были закрыты, рабочие высланы. В одну из закрытых мастерских хозяин привез мастеровых из Витебска. Но те, узнав, что их привезли на место забастовщиков, отказались работать (были бундовцы).

Урал. 1-го мая приказчики, собравшись в гостинном дворе под руководством товарищей из организации, решили демонстративно закрыть все торговопромышленные заведения. Манifestация началась с 11 час. Полиция к этому совершенно не была подготовлена, поэтому по обыкновению растерялась. В половине первого за манифестантами следовало уже до 3—4 тыс. человек. На некоторых улицах конное движение приостановилось. Настроение было очень приподнятое, но, тем не менее, лицо, присутствующее от комитета, не решилось придать этой манифестации резко-политический характер, в виду незначительности группы рабочих и той экономической тенденции, которая господствовала среди большинства приказчиков. Важно пока было провести удачно эту манифестацию, как агитационное средство и как пример выхода с протестом на улицу. Эта цель была достигнута. Выдержанный характер манифестации произвел сильное впечатление.

В 2 часа манифестанты вернулись на площадь к кафедральному собору. Здесь была сказана маленькая речь, и в заключение было предложено приказчикам собраться вечером для выработки требований. Собрание состоялось. На нем присутствовало до 300 чел. Был выработан ряд требований, в число которых вошли 8-час. рабочий день, при увольнении третейский суд, полный праздничный отдых и др. Между прочим, была принята резолюция, что если эти требования к 12 ч. дня 5-го мая не будут удовлетворены, то манифестация будет повторена 6-го мая.

Комитетом за этот короткий промежуток времени сделано было все возможное, чтобы 6-го мая пришло как можно более рабочих. В то же время готовилась стачка на заводе Ятес.

6-го мая, по окончании парада, демонстранты в количестве 600 чел. двинулись по главному проспекту к заводу Ятес. Тотчас к ним стали присоединяться кучки сочувствующих и любопытных, и толпа быстро разрослась. Полиция опять прозевала. У завода Ятес демонстранты остановились и предложили рабочим прекратить работы и присоединиться. По первому же предложению рабочие около 800 чел. прекратили работы и с криками «да здравствует стачка!» присоединились к демонстрантам. Отсюда двинулись к другим фабрикам и заводам, по пути закрывая ремесленные заведения. Тут же в толпе были розданы листки, приглашающие рабочих ко всеобщей забастовке. В 3 часа дня толпа уже была громадная. Большинство составляли рабочие. Улицы, по которым шли демонстранты, были запружены народом. Движение местами приостанавливалось. Оживление было необычайное, настроение сильно приподнятое, «шпики» и переодетые полицейские молча высматривали свои жертвы, полиция же поучительно замыкала шествие, ничем не заявляя о своем присутствии.

Так как многие из рабочих принимали участие с утра, то им предложено было идти домой закусить и собираться в 5 ч. на площади у кафедрального собора и удерживать вокруг себя сочувствующую публику. Таким образом, полиция вынуждена была разделиться на две половины...

Оставшееся ядро рабочих и сочувствующих было настолько велико, что можно было без риска быть рассеянными идти дальше. К пяти часам все фабрики и заводы были остановлены, прекращены были также и работы в более или менее значительных ремесленных заведениях.

В 6-м часу демонстранты с пением марсельезы и варшавянки вышли на главный проспект и двинулись к собору, где нас поджидала огромная толпа рабочих и сочувствующих. Трудно описать то настроение, тот подъем духа, который чувствовался всеми. Огромная, тысячная, сплоченная живая стена во всю ширину улицы на протяжении двух кварталов двигалась медленно вперед, готовая все смыть на своем пути. Это чувствовала и полиция. Она была совершенно бессильна.

Так как многие не знали марсельезы, запели дубинушку. Тысячный хор подхватил, и звуки песни далеко разносились по городу. Полиция пыталась-было помешать соединению, но не успешно. Соединение произошло. Площадь была покрыта народом. Громадное ядро рабочих в несколько тысяч человек и еще более громадное кольцо вокруг него сочувствующих и любопытных. В течение почти двух часов ораторы от комитета, сменяя друг-друга, говорили речи на чисто-политические темы. Чтобы лучше было слышно, их поднимали. Громкое «ура», «долгой самодержавие» потрясали воздух... Пытался-было говорить один из соц.-революционеров, но вынужден был замолчать,—его перебили. Настроение было таково, что рабочие готовы были идти на все. Полиция два раза-было пыталась захватить ораторов, но безуспешно. Рабочие близко не допускали и при всякой попытке отнеслись полиции назад. По уверению многих, толпа на площади была более 12 тысяч. Никто не был захвачен. На завтрашний день в 10 ч. утра было назначено собрание всех бросивших работу. Но за ночь администрация уже успела подготовиться. Еще днем по телеграфу вытребовали губернатора, а вечером на помощь экстренно были затребованы войска из Тюмени и Челябинска. На утро город был отделен от Верх-Исетского завода длинной цепью солдат, расставленных от тюрьмы до театра и бульвара. В тюремном дворе и у театра были размещены полуроты солдат в боевом порядке. Общее собрание не состоялось. Часть, главным образом верх-исетские рабочие, успела собраться, другие же (городские) собрались на Михайловском кладбище, откуда делали попытки пробиться к театру, но неудачно. Удалось пробиться лишь небольшим отдельным группам..

В этот день город был неизвестен. По улицам ходили толпы рабочих, сочувствующих и любопытных. Взад и вперед мчались экипажи, пролетки, разъезжали конные солдаты. Вокзал был наводнен шпионами. Полиция полагала, что ораторы были приезжие. Комитет сбился с ног. Часть членов его скрывалась в разных местах окружающего леса и оттуда руководила забастовкой, устраивая ежедневно громадные массовки от 200 и более человек. Первые дни почти не приходилось спать.

Типография работала и день и ночь, так что в последние дни техники уже не в силах были работать. В первые дни забастовки выпущены были 5 листов более 6.000 экз. Листки читались нарасхват и раздавались совершенно открыто.

Забастовка быстро стала распространяться на уезд. Около города забастовали медные рудники, куда комитетом были посланы нарочные привести всех рабочих в город на случай новой демонстрации. Однако, из рудников пришла небольшая часть. Говорят, навстречу были посланы войска. Затем забастовка перекинулась в отдаленные заводы. Забастовали Сысертские и Алапаевские заводы. В Алапаевск спешно направлена была рота солдат. Упорно носились слухи о вооруженном восстании в Алапае, официальных, т.-е. организационных, сведений еще не было получено. Забастовали Баранчинский, Ревдинский, Сергинские заводы. Сильное брожение в Тагильском округе. Комитет тут уже не в состоянии был управиться и в силу физической невозможности вынужден был ограничить свою деятельность городом и ближайшими заводами.

Надо сказать, что полиция во все время усиленно разыскивала ораторов. Наглость дошла до того, что она делала по-настоящему осмотры квартир чуть ли не в целых улицах, где, как предполагала, скрываются ораторы. С утра и до вечера производились массовые обыски, но безуспешно. Тюрьма была очищена.

13-го мая состоялась последняя большая массовка в 1.000 чел., где было принято решение идти в город и в случае успеха повторить демонстрацию. У завода Ятеса, однако, демонстранты были рассеяны конной полицией и солдатами, но задержать им никого не удалось.

После 13-го стала на работу часть рабочих Ятеса, почему Комитет пригласил и всех рабочих Ятеса стать на работы. Другие заводы держатся. Надо заметить, что в Верх-Исетском заводе бросили работу на мартене и домне, последняя охлаждена. Управитель со слезами на глазах молил рабочих стать на работы, удовлетворяя те требования, которые сам мог удовлетворить, а относительно других обещая снести с фирмой завода. Рабочие отказались наотрез.

Теперь пока события начинают затихать. Но нужно сказать, что это пока. Общие события могут захватить целиком весь Урал, и организация едва ли хоть наполовину в силах будет справиться. Товарищи, замаванные в других местах, не будут раскаиваться, если направят свои силы на Урал, где организация будет очень рада каждому прибывшему.

П—ца.

ИЗ ПАРТИИ.

Николаев. Мы вошли в соглашение с меньшевиками. Цель соглашения—организация совместного политического выступления. Для этого оба комитета выделяют из себя по 2 представителя в особую комиссию, которая получает название «Объединенной организации социал-демократов г. Николаева».

§ 1. Задачу О. О. составляет выработка плана совместного выступления и агитация (письменная и устная), связанная с его подготовкой и осуществлением.

Примеч. 1-ое. План, выработанный О. О., поступает по общему правилу на утверждение обоих комитетов, лишь в экстренных случаях, не терпящих отлагательства, О. О. действует самостоятельно, при чем она обязана немедленно отдать отчет комитетам.

Примеч. 2-ое. О. О. принадлежит в пределах возложенной на нее задачи исключительное право издания листов с призывом к определенным действиям.

§ 2. О. О. для осуществления ее целей подчинены 3 организации: 1) техническая группа, 2) денежная комиссия и 3) боевая дружина. Техническая и денежная комиссия состоят каждая из 2-х членов, по одному от каждой из договаривающихся сторон. Боевая дружина организуется следующим образом: каждый комитет намечает ряд лиц в общее ядро, в работу ядра входит организация боевых отрядов. Руководство боевыми отрядами принадлежит двум органи-

заторам, по одному от каждой договаривающейся стороны. При чем один из них избирается ядром, как главный начальник.

Николаев. Отчет за май: летучек и кружков пропаганды—38, 6 собр. центр. кружков, 5 собраний организаторов, 2 собр. пропагандистов. Из отчета с 1-го по 13-е июня: за отчетное время было 2 собрания организаторских, 2 пропагандистских, 1 дискуссионное (поалейцион), 6 собраний центрального кружка, 4 пропагандистских кружка, 19 летучек (155 чел.), 7 массовок (1.370 чел.), 1 собрание на французском заводе (1.500 чел.).

Москва. Попытка вызвать всеобщую забастовку окончилась неудачей. Забастовали лишь трамвайные служащие, развесчики Перлова и Вогау и один день стояли около 10 фабрик в Сокольничьем районе. В последнем деле объясняется энергичными действиями одного завода (резиновой мануфактуры), сумевшего приостановить работу на других заводах. Брожение было всюду, и забастовавшие заводы, не встречая поддержки со стороны других заводов, стали становиться на работу на прежних условиях. Добились кое-каких уступок фабрика Ренеме (стояла 3 дня) и трамвайные служащие. Комитет решил ликвидировать свою неудачную попытку и приступить к организации и подготовке новой всеобщей забастовки в Москве. Наша неудача имела и свою положительную сторону. Масса сильно заинтересовалась и всюду происходят собрания, где с разных точек зрения разбирается этот вопрос. Во время периода частичной забастовки наши агитаторы выступали на собраниях, где были очень сочувственно встречены рабочими. На одном—перед воротами фабрики—было около 2.000 человек. На-днях состоялась совместная заседание бюро московских союзов с участием представителей от Комитета и меньшевистской группы. Союзовцы приняли единогласно решение приступить к организации всеобщей политической забастовки, для выполнения этой задачи был избран стачечный комитет. Наши делегаты держались позиции, выработанной III съездом. Группа и Комитет выступали в данном случае солидарно. Решено образовать информационное бюро из представителей трех организаций для координации действий и взаимного осведомления. В состав информационного бюро будут приглашены по всей вероятности представители от социалистов-революционеров и союза типографских рабочих.

Сердитое бессилие. В № 104 «Искры» помещена заметка по поводу нашего фельетона: «Третий шаг назад» («Пролетарий» № 6). Там нами было совершенно спокойно сказано, что новоискровцы пользовались от имени партии типографией, складом и деньгами, а от сдачи партийного имущества предпочли уклониться. До какого состояния довел «Искру» раздражение по поводу этого заявления, видно из их выражении в духе незабвенного бундовского «поганья». «Искра» любезно преподносит нам и «грязную швабру» и «клеветущих трусов» и пр. и пр. Совсем так, как Энгельс характеризовал некогда полемику известного сорта эмигрантов: «Каждое слово—ночной горшок и притом не пустой» (Jedes Wort—ein Nachtopf und kein leerer). Мы не забыли, конечно, французского изречения: брашь есть довод того, у кого нет аргументов. Мы предложим и теперь беспристрастным читателям хладнокровно взвесить, по какому случаю шум. Новоискровцы не ответили на письмо ЦК, который после 3-го съезда предложил им сдать партийное имущество. Они не признают 3-го съезда. Не признают поворота ЦК к большевикам. Пусть так. Но из этого непризнания вытекает лишь то, что новоискровцам следовало бы, с их точки зрения, сдать не все, а известную часть партийного имущества. Это до того ясно, что «Искра» сама говорит теперь в своей заметке о «возможности разделения всего партийного имущества». Если так, наши милые противники, то отчего же бы вам и не ответить соответственно на письмо ЦК? А то, ведь, остается несомненным, несмотря на всю энергию ваших выражений, тот факт, что большинство дает во всем публичный отчет, издавая протоколы 3-го съезда, а вы никакого отчета никому о своем употреблении партийного имущества не даете, никаких протоколов не выпускаете, только ругаетесь. Подумайте в спокойную минуту, какое впечатление должно получиться у способной думать публики от такого поведения!

Далее. Поворот ЦК в пользу съезда не нравится «Искре». Это естественно. Но, ведь, это не первый его поворот. Год тому назад, в августе 1904 г., ЦК повернул к меньшинству. Год тому назад мы заявили печатно и публично, что не признаем законности действий ЦК. Спрашивается, как поступили мы тогда по отношению к партийному имуществу? Мы отдали и типографию, и склад, и кассу меньшевикам. «Искра» может ругаться сколько угодно, но этот факт остается фактом. Мы дали отчет и сдали имущество нашим противникам, желая бороться партийными способами и добиваясь съезда. Наши противники спрятались от съезда и никоим образом отчетов не дали (кроме своих собственных сторонников, да и тем непублично, ибо, во-первых, нет протоколов конференции, а во-вторых, неизвестен ни ее порядок дня, ни ее пределы власти, т. е. пределы обязательности для самих меньшевиков ее решений).

Наша внутривнутрипартийная борьба кончилась расколом: теперь есть лишь борьба одной партии с другой, находящейся в состоянии организации-процесса. И вот теперь, бросая общий взгляд на историю борьбы до раскола, всякий, — конечно, из тех кто изучает по документам историю своей партии, а не ограничивается рассказами, как делают многие приезжие из России, — всякий может видеть ясно общий характер борьбы. Большинство, обвиняемое в «формализме», бюрократизме и пр., отдало своим противникам все формальные прерогативы, все бюрократические учреждения: сначала редакцию ЦО, потом Совет Партии, наконец, и ЦК. Не отдавали и не отдали лишь съезда. И вышло так, что большевики восстановили партию (или создали себе свою партию, как думают, естественно, новоискровцы), основав все свои партийные учреждения всецело на добровольном согласии партийных работников, — сначала Бюро Комитетов Большинства, затем «Вперед» наконец, 3-й партийный съезд. Наоборот наши оппоненты держатся как-раз за формальные прерогативы и бюрократические учреждения, подаренные им из жалости! Посмотрите, в самом деле: разве «редакция ЦО» не подарили им Ленин и Плеханов? Называя себя «ЦО партии», «Пролетарий» опирается на решения 3-го съезда, не признаваемые меньшевиками, но признанные ясно, точно и определенно большинством партии, состав которого всем известен. «Искра» же, называя себя «ЦО партии», опирается на решения 2-го съезда, не признаваемые теперь ни большевиками (мы их заменили решениями 3-го съезда), ни меньшевиками! Ведь, вот в чем соль-то! Ведь, конференция меньшевиков сама отменила устав 2-го съезда. Ведь, новоискровцы цепляются теперь за заглоб-е-е-к, отмененный их собственными сторонниками!

Сам Плеханов, который никогда не мог вполне сойтись с новоискровцами принципиально, который делал им, однако, бесконечные личные уступки, который больше чем достаточно обрушивался на большевиков, которому всегда за это кланялись и кланяются новоискровцы, — даже он заявил, что конференция нанесла смертельный удар центральным учреждениям и предпочел отрясти прах от ног своих. А новоискровцы продолжают называть себя «ЦО» и бранить тех, кто указывает им не только на неправильность, но и абсолютное неприличие всей их партийной позиции. Брань, по поводу которой завели мы весь разговор, есть именно психологически неизбежный результат смутного сознания этого неприличия. Напомним, что даже г. Струве, много раз выражавший свои принципиальные симпатии и Старовёру, и Акимову, и Мартынову, и тенденциям новоискровства вообще, и их конференции в частности, должен был признать в свое время, что позиция у них не совсем корректна или, вернее, совсем не корректна. (См. «Освобождение» № 57).

Нам прекрасно известно, что широкие круги социал-демократов, особенно рабочих, страшно недовольны расколом (кто может быть доволен им?) и готовы, «где угодно» искать выхода из него. Мы вполне понимаем и безусловно уважаем это настроение. Но мы предостерегаем всех и каждого: одного настроения мало. Формула «где угодно» нигде не годится, ибо в ней нет главного: понимания средств в прекараниях раскола. Никакие горькие слова, никакие попытки образования что-либо третье, не большевистское и не меньшевистское, не помогут делу, а только запутают его еще больше. Пример такой сильной личности, как Плеханов,

фактически, на опыте 2-х лет, доказал это. Пусть немецкие социал-демократы, которые подобно К. Каутскому знают о нашем расколе большей частью из односторонних рассказов, отделяются горькими словами. Им еще простительно их незнание, — хотя непростительны, конечно, претензии судить о том, чего они не знают. Русские социал-демократы должны научиться, наконец, презирать людей, способных отделяться горькими словами, мечущихся из стороны в сторону, фразерствующих о «мире» и бессильных хоть что-нибудь реальное сделать для мира. Реальный путь к миру и единству партии лежит не через скороспелые соглашения, ведущие к новым конфликтам, к новому и худшему запутыванию дела, а в полном выяснении на деле тактических и организационных тенденций обеих частей. В этом отношении мы довольны, как нельзя более, новоискровской конференцией. Она ознаменовала бесповоротное разложение новоискровства. Революция развивает их тактический хвостизм. Их «организация-процесс» становится всеобщим посмешищем. От них отпадает, с одной стороны, Плеханов, «просвещенный», очевидно, конференцией не только насчет ее организационного смысла, но и насчет принципиальности новоискровцев. От них отпадает, с другой стороны, Акимов, объявляющий «пустой фразой»... обещания или «принципы» петербургских меньшевиков («Последние Известия» № 235). Третий съезд партии теснее сплотил одну сторону. Конференция сама разбила другую сторону. Нам остается лишь посоветовать «примиренцам»: изучите, товарищи, историю раскола, разберитесь в причинах неудачи плехановского примиренства, не вливайте нового вина в мехи старые!

Ответ Бунду. В № 240 «Последних Известий» напечатана статья под внушительным заглавием: «Разрыв сношений с Комитетом «большинства» в Риге». По адресу нашего Комитета направлены выражения, более чем энергичные: «беззастенчивая ложь с сознательной целью оклеветать», «люди, недостойные имени соц.-демократов», «факты сознательно извращены», «позорные полемические приемы», «провоцирующее поведение Комитета» и т. д. Из-за чего же шум?

«После 1-го мая в «Пролетарии» № 1 появилась корреспонденция, в которой говорилось, что, благодаря полиции и казакам, нельзя было устроить демонстрации», — говорит автор статьи в «П. И.» — И в полном, очевидно, противоречии с этим сообщением Рижский Комитет издал, а «Пролетарий» перепечатал прокламацию, в которой сказано, что устроить демонстрацию помешала не полиция, а раздробленность местных социал-демократов. Противоречие усугубляется тем фактом, что перед 1 мая Комитет выпустил прокламацию, призывающую к забастовке (следовательно, не к демонстрации). Отметив мимоходом, что забастовка вообще не исключает возможности демонстрации, наведем справку в № 1 «Пролетария». Там сказано: «Организованные рабочие из Комитета были все время на-чеку. Было приготовлено знамя и листки. Но пришлось отменить предполагаемые манифестации потому, что в парке были только организованные без оружия. Солдат, казаков и полиции было очень много вокруг парка и в буфете. Так что если бы подняли знамя, то было бы страшное избиение». Итак, не просто «благодаря полиции и казакам нельзя было устроить демонстрации», — как передается содержание корреспонденции в № 240 «П. И.», — а благодаря тому, что явились только организованные, только комитетские рабочие. Дело не в присутствии полиции, а в соотношении между силами полиции и силою рабочих. А соотношение оказалось не в пользу рабочих, потому что бундисты и латыши решили, как оказалось, не устраивать демонстрации, не могли притти на этот счет к соглашению с Комитетом Р.С.-Д.Р.П., не могли столкнуться. Противоречие между № 1 и № 3 «Пролетария» оказалось результатом лишь того обстоятельства, что автор статьи в «П. И.» не точно передал содержание того, что напечатано в № 1.

Почему рижские социал-демократы не могли столкнуться, — это вопрос особый. Мы не можем ответить на него раньше, чем получим разъяснение от товарищей из Риги. Да простят нам товарищи из Бунда, если мы скажем, что не можем принять на веру ту передачу факта, которая сделана в № 240 «П. И.»: ведь, мы только-что видели, что

редакция «П. И.» не совсем точно передает даже содержание корреспонденции в № 1 «Пролетария»...

Редакция «П. И.», по поводу рижского столкновения, апеллирует к центральным учреждениям нашей партии и указывает на резолюцию третьего съезда об отношении к национальным социал-демократическим организациям. Напоминаем, с своей стороны, российским товарищам, что необходимо возможно точное и полное проведение в жизнь этой резолюции. Что же касается собственно рижских товарищей, то они, вероятно, и без нашего напоминания руководствуются взглядами, которые изложены в их прокламации, вызвавшей негодование бундистов. Там сказано:

«Мы, рижские пролетарии, принадлежим к различным национальностям и, хотя всех нас эксплуатируют одни и те же хозяева, угнетает одно и то же правительство, раздроблены на несколько самостоятельных организаций. Работая в одной фабрике и в одной мастерской, живя одними и теми же интересами, мы, тем не менее, являемся чуждыми друг-другу. Каждый из нас знает свой «Бунд», свою «Латышскую» или «Российскую» партию, как-будто у всех нас не одни и те же интересы, не одно и то же дело? Как-будто бы фабрикант эксплуатирует рабочего-латыша потому, что он латыш, а не потому, что он пролетарий, как-будто бы казаки избивают нагайками рабочего-русского за то, что он русский, а не за то, что он «бунтовщик».

«Товарищи! Пусть неудача первомайского праздника будет нам уроком на будущее. Пусть научит он нас понимать и ценить значение самой тесной сплоченности всех наших сил, братской солидарности всех наших действий. Пусть заставит она нас забыть, что мы принадлежим к разным народностям, и помнить всегда и прежде всего, что мы составляем один класс пролетариев».

Смеем думать, что руководствуясь в своей пропаганде и агитации этими взглядами, наши рижские товарищи больше сделают для сближения национальных соц.-демократических организаций, чем товарищи из Бунда своими полемическими красотоми, скоропалительными разрывами и культом национальной обособленности.

Наши Хлестаковы. Как материал для осведомления русских работников, переводим полностью сообщение, посланное во французскую соц. газету «Искрой»:

«Так-называемый III съезд Р.С.-Д.Р.П. не признали организации следующих центров русского движения: Киев (число организованных рабочих превышает 500 чел.), Ростов (более 300), Крым (1.000 рабочих и матросов черноморского флота), Смоленск (200 рабочих), Вильна (200), Двинск (500), Батум (1.000 рабочих), Тифлис (более 1.000 рабочих), Гурья (широко распространенная организация крестьян), Кубанская область (восемь организаций, в которые входят более 600 рабочих, крестьян и казаков), Астрахань (200 рабочих), Кишинев (более 200), Харьков (более 300), Полтава (400 организованных рабочих и крестьян), Кременчуг (500 рабочих), а также Витебск, Гомель, Елизаветград, Юзово, Мариуполь, Бахмут, Ромны, Житомир, Бердичев и Лубны.

Столь же отрицательно отношение к съезду заняло громадное большинство организованных членов партии в Петербурге (где группа «Искры» организовала около 1.500 рабочих, другая же фракция партии едва половину этого числа). Затем в Одессе (750 против 300), в Баку (400 против 200), в Кутаисе и Екатеринославе (400 против 100). Почти одинаково сильны обе фракции в Риге (каждая включает в себя от 200 до 300 организованных рабочих), в Москве (около 300 раб. каждая), в Николаеве (от 100 до 150) и в Нижнем-Новгороде.

Фракция, признавшая 3-й съезд, преобладает: в Твери, Туле, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме, Орле, Курске и Минске (во всех этих городах, вместе взятых, число организованных рабочих не превышает 2.000—2.500).

Кроме вышеозначенных организаций, к группе «Искры» примыкают еще следующие организации России: военно-революционная организация Польши (более 1.000 организованных солдат), соц.-дем. украинский союз и широко раскинувшаяся крестьянская организация Малороссии.

В настоящее время нельзя установить, на чьей стороне стоят организация восточного района: в Казани, Самаре, Саратове, Уфе, Перми, Екатеринбург, Вятке, Ташкенте и в Сибири. Общее число организованных рабочих в этом районе едва превышает 1.500.

Эти числа, которые основаны на отчетах комитетов партии, дают возможность утверждать, что организованные силы фракции, признавшей 3-й съезд, несомненно по крайней мере вдвое меньше, чем силы другой фракции («Искра»).

Курьеры скачут, 30.000 курьеров приглашают новоскворских Хлестаковых партией управлять!

Минск. 6-го июня, наша соц.-демократическая группа с удовольствием может отметить факт своего все возрастающего влияния на христианских ремесленников и рабочих. В течение мая группой успешно были проведены следующие забастовки христиан: кожевников (4 дня—на 4 завод.), мельников, сапожников (8 дней—почти одновременно с забастовкой сапожников евреев под руководством Булда), рабочих на винокуренных заводах. Кроме того, был проведен ряд мелких стачек приказчиков-евреев и мастеровых. 12-й день длится тяжелая стачка прачек. Из числа 120 забастовщиц—подавляющее большинство христианки (евреев 5—6 человек). Пользуясь возможностью отдавать белье прачкам, работающим на дому, хозяева заведений на уступки не идут. «Аки тать в нощи» (днем бояться) обделяют они свои дела, пытаются измором взять несчастных тружениц, выведенных из рабского терпения ничтожным заработком и каторжными условиями труда... 4-го июня стала конка—70 человек кондукторов, кучеров, чистильщиков и конюхов забастовали. Все христиане...

На ежедневных собраниях стачечников агитаторами группы произносятся политические речи, к которым с интересом и вниманием прислушивается просыпающаяся масса, впервые познавшая свободное слово.

Политические собрания, на которых присутствуют совместно рабочие христиане и евреи, происходят каждую неделю.

12-го и июня. Вчера хозяева прачечных заведений уступили. Забастовка выиграна благодаря энергичным действиям рабочих, снимавших ночью штрейкбрехеров и наведших ужас на хозяев. Конка стоит.

Секретарь Минской Группы Р.С.-Д.Р.П.

Из отчета Киевского К-та с 10 марта по 10-е мая: Приход 2.829 р. 42 к. Расход 2.366 р. 48 к. (в том числе Тр. Гр. за литер. 250 р., оружие 450 р., техника 103 р. 25 к., район № 1—311 р. 65 к., № 2—198 р. 40 к., № 3—185 р., № 4—36 р., в провинцию 160 р. 50 к., южному бюро 30 р., консп. расх. 23 р. 50 к., расход по самообороне 6 р., общепартийный расх. 85 р.) Остаток на 11-ое мая 462 р. 94 к.

Издательская деятельность. С 1-го января К. издано в типографии: 1) Падение Порт-Артура (6.000). 2) В Петербурге восстание! (6.000), 3) Ко всем рабочим и работникам (4.000), 4) № 3 бюллетеня, 5) Что дает царский указ (6.000), 6) К рабочим всех стран (7.000), 7) Надгробное слово Серг. Ал. (5.000), 8) Отступление Николая II (7.000), 9) 19 февраля (6.000), 10) Суд идет (о суде над участии в всеобщей стачке в 1903 г.) (4.000), 11) Царизм накануне народного восстания (о бакин. соб.) (6.000), 12) Царь прощает (пер. из «Искры») (6.000), 13) К железнод. раб. (1.000). 14) Царская милость (6.000), 15) Мукденская бйня (2.000), 16) Мукденский разгром (6.000), 17) Программа Р.С.-Д.Р.П. (6.000), 18) Солдатская памятка (переп.) (2.000), 19) Ко всем рабочим и работникам (2-й первом. лист.) (4.000), 20) К горожанам (1.000), 21) Ко всем раб. и работникам (4.000), (1—первом. листок), 22) Наши требования (6.000), 23) Царские погромы (1.000), 24) Ко всем рабочим и работникам (ответ на воззвание к рус. людям). (600).

На мимеогр. и гектогр. издано: 1) К фармацевтам, 2) К обществу по поводу стачки фарм., 3) к раб. фабрики Лева, 4) к типогр. раб., 5) к раб. арсенала, 6) к раб. пароходн. общ., 7) 8) 9) к раб. южно-русского завода, 10) к дамским портным, 11) к желез. раб., 12) к раб. Гретера, 13) к рабоч. таб. фабр. Когана, 14) к раб. Неедли и Унгермана.

Из отчета Нижегородского К-та с 5-го мая по 1-ое июня: Приход 269 р. 9 к.; расход 191 р. 30 к. (в том числе типография 47 р., мимеогр. 12 р. 45 к., гектогр. 3 р. 50 к., бумага 34 р. 40 к., помощь товарищам 79 р. 30 к., организационные расходы 2 р.). Остаток 77 р. 79 к.

Издательская деятельность К-та. С 5-го

мая по 1-е июня было издано: 1) К крестьянам (22.000), 2) К крестьянам—(ЦК) (9.000), 3) Кто виноват (4.000), 4) 9-е января (2.000), 5) К булочникам (500), 6) К плотникам (200), 7) Устав Партии (280), 8) Отчет за 6 месяцев (400).

Из отчета Астраханского К-та за май 1905 г.: 1) К 1-му мая в кассе дефицит 1 р. 17 к., приход 638 р. 80 к. (в том числе собрано среди рабочих 3 р. 14 к.); расход 601 р. 76 к. (в том числе техника 128 р. 15 к., конспир. расх. 105 р. 50 к.; Центр. Ком. 50 р.; организац. расх. 59 р. 50 к., на устройство демонстрации 12 р.; организация массовок 3 р. 50 к., стачечникам 12 р.). Остаток 37 р. 4 к.

II) Издательская деятельность К-та за май; 1) Ко всем астраханским гражданам (о перевооружении полиции) (2.000), 2) Заявление Астр. организ. рабочих Думе (500), 3) то же с объяснит. текстом (3.100), 4) О гибели эскадры Рождественского (4.500) (все печатн.). 5) К бондарям (500), 6) Требование бондарей (1.000), 7) К приказчикам (500), 8) Требование группы приказчиков (500), 9) К жестянникам (50), 10) Полиция и милиция (переизд. из № 93 «Искры») (160), 11) Сказка о попе и чорте (200) (все гектогр.). Итого печатн. и гектогр. 13.160 шт.

Издание Центр. К-та: 1) Майский листок (2.000); 2) Первый шаг (2.000), 3) Соц.-Дем. № 2. (100), 4) Они заговорили (отд. отт. из № 4 соц.-дем. (300); 5) Песни на 1-е мая (200), 6) Крестьяне! К вам наше слово! (100), 7) К гражданам (100), 8) О конференции Соц.-Дем. Орган. (100), 9) В бой за свободу (200), 10) Какое страхование нам нужно? (100), 11) Война и революция (150), 12) Объединение буржуазной демократии (100).

Поступило в ред. «Пролетария» и передано в Ц.К. От старого друга через Л-а 925 фр. 40 с.

От интернац. бюро в Брюсс. 2.524 фр. 61 с. От С.-Д. на партию—14 фр. 60 с.

Комитетом Загран. Организации получено с 17-го июня из Берна 150 фр., с междуфракционного митинга в Женеве 49 фр. 85 су., от эмигр. кассы при Женевск. Гр. Партии 15, 50, от Лозанской Гр. П. 40 фр.; от Митвейдской гр. 12 фр. 15 с. От Жен. Гр. 150 фр. От Фридбергской гр. 20 фр. 45 с.

Эмигрантская Касса при Женевской Группе 3. О. просит нас напечатать, что 100 фр. из Дрездена через Г. В. Плеханова ею получены.

Новая брошюра о восстании. В издании ЦК вышла брошюра тов. В. Северцева: «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию». Жен. 1905 г. Цена 50 сан. Стр. 48. Брошюра эта подробно разбирает военную сторону восстания.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

М. Александрову. Письмо с адресами получили, свяжите нас с группой, о кот. пишите. Ежу. № 1-й корр. получена. Алексею. Корр. получена. Ааа. Отчет от 4 июня прл. в 2-х экз., второй отчет также получен. Клементью. Все письма получены. Бурлакову. Все 7 писем получены. Минуте. Письма ваши получаем, сегодня получили и адреса для писем, пришлите явку. Якову. По присланному адресу просимое будет послано немедленно. Василисе. Шифр напутан. Алеше. Письма получены. Интернационалу. Благодарим, присылайте.

Примечания.

Прим. 1. В оригинале ошибка, следует читать: не французские рабочие, а рабочие французского завода.

ЖЕНЕВА. 2 августа (20 июля) 1905 года

№ 10.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ.
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти.

Во время войны дипломатии нечего делать. По окончании военных действий дипломаты выдвигаются на первый план, подводя итоги, составляя счета, упражняясь в честном маклерстве.

Нечто подобное происходит и в русской революции. Во время военных столкновений народа с силами самодержавия либеральные буржуа прячутся по своим норам. Они против насилия сверху и снизу, они—враги и произвола власти, и анархии черни. Они выходят на сцену по окончании военных действий, и в их политических решениях ясно отражается перемена в политической ситуации, произведенная этими действиями. Либеральная буржуазия «порозовела» после 9-го января она начинает «краснеть» теперь, после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции.

Три только-что состоявшихся либеральных съезда очень поучительны в этом отношении. Всех консервативнее был съезд промышленников и торговцев. Им всего больше доверяет самодержавие. Их не беспокоит полиция. Они критикуют булыгинский проект, осуждают его, требуют конституции, но не поднимают, насколько мы можем судить по нашим неполным сведениям, даже и вопроса о бойкотировании булыгинских выборов. Самый радикальный—съезд делегатов «Союза Союзов». Он происходит уже тайно и на нерусской территории, хотя под боком у Питера, в Финляндии. Как говорят, члены съезда прячут из предосторожности бумаги, и полицейские обыски на границе не дают никаких данных полиции. Съезд этот большинством голосов (против значительного, кажется, меньшинства) высказывается за полный и решительный бойкот булыгинских выборов, за широкую агитацию в целях осуществления всеобщего избирательного права.

Середину занимает самый «влиятельный», торжественный и шумный съезд земских и городских деятелей. Он почти легален: полиция только для проформы составляет протокол и предъявляет встреченное улыбкой требование разойтись. Газеты, начавшие печатать сведения о нем, караются приостановкой («Слово») или предостережением («Русск. Вед.»). На нем представлено 216 делегатов, по заключительному отчету г. Петра Долгорукова, сообщенному в «Times». О нем телеграфируют во все концы мира корреспонденты иностранных газет. По главному политическому вопросу: бойкотировать ли «конституцию» Булыгина, съезд не высказывается ни

как. По сообщениям английских газет, большинство было за бойкотирование. Организационный комитет съезда—против. Сошлись на компромиссе: оставить вопрос открытым до опубликования проекта Булыгина и тогда созвать по телеграфу новый съезд. Разумеется, булыгинский проект решительно осуждается съездом, который принимает «освобожденский» проект конституции (монархия и двухпалатная система), отвергает обращение к царю и постановляет «обратиться к народу».

Текста этого обращения мы еще не имеем. По сообщениям иностранных газет, оно представляет из себя составленный в сдержанных выражениях очерк событий со времени ноябрьского съезда земцев, перечень фактов, свидетельствующих о недобросовестных отяжках правительства, о нарушенных им обещаниях, о его циничном равнодушии к требованиям общественного мнения. Кроме обращения к народу, почти единогласно принята также резолюция о сопротивлении произвольным и несправедливым действиям правительства. Эта резолюция заявляет, что «в виду произвольных действий администрации и постоянного нарушения ею прав общества съезд считает долгом всех защищать естественные права человека мирными средствами, включая сюда и сопротивление действиям властей, нарушающих эти права, хотя бы такие действия основывались на букве закона» (цитируем по «Times»).

Итак, шаг влево нашей либеральной буржуазии несомненен. Идет вперед революция, за ней ковыляет и буржуазная демократия. Истинный характер этой демократии, как буржуазной демократии, представляющей интересы имущих классов, отстаивающей дело свободы непоследовательно и своекорыстно, выступает все яснее, несмотря на то, что буржуазная демократия «краснеет» и старается говорить иногда «почти революционным» языком.

В самом деле, что означает отсрочка решения вопроса о бойкоте булыгинской конституции? Желание еще поторговаться с самодержавием. Неуверенность в себе того большинства, которое составилось-было в пользу бойкота. Молчаливое признание того, что конституцию господа помещики и купцы запрашивают, а сойдутся они, пожалуй, и на меньшем. Если даже съезд либеральных буржуа не решается сразу порвать с самодержавием и с булыгинской комедией, то чего же можно ждать от того съезда всех и всяческих буржуа, который будет называться булыгинской «думой», и который будет избран (если он когда-либо будет избран!) при всевозможных приемах давления со стороны самодержавного правительства?

Самодержавное правительство так и смотрит на этот акт либералов, считая его лишь одним из эпизо-

дов буржуазного торгашества. С одной стороны, самодержавие, видя недовольство либералов, «надбавляет» немного свои посулы: заграничные газеты сообщают, что в Булыгинский проект вносится ряд новых «либеральных» изменений. С другой стороны, самодержавие отвечает на недовольство земцев новой угрозой: характерно сообщение корреспондента «Таймса», что Булыгин и Горемыкин предлагают, как ответ на земский «радикализм», натравить крестьян на «бар», пообещав крестьянам прирезку земли от имени царя и устроив «народный» плебисцит (при помощи земских начальников) насчет сословных или бессловных выборов. Разумеется, это сообщение—только слух, пущенный, вероятно, нарочно. Но остается несомненным, что правительство не боится самых диких, грубых и зверских форм демагогии, не боится восстания «одичалых масс» и подонков населения, а либералы боятся народного восстания против насильников, героев грабежа, разбоя и турецкого зверства. Правительство давно уже начало кровопролитие в невиданных размерах и формах, а либералы отвечают, что они хотят избегнуть кровопролития. Разве после такого ответа не в праве любой наемный убийца третировать их, как буржуазных торгашей? Разве не смешна после этого резолюция об обращении к народу с признанием «мирного сопротивления» произволу и насилию? Правительство раздает оружие направо и налево, подкупая кого-угодно на избиение и убийство «жидов», «демократов», армян, поляков и т. д. А наши «демократы» считают «революционным» шагом агитацию за «мирное сопротивление»!

В только-что полученном нами № 73 «Освобождения» г. Струве негодует против г. Суворина, который поощрительно хлопывает по плечу г. Ивана Петрункевича и предлагает разместить таких либералов по министерствам и департаментам для их успокоения. Г. Струве возмущен, ибо именно г. Петрункевича и его единомышленников в земстве («связавших себя программой»—какой? где?—«перед историей и нацией») он прочит в будущее министерство конституционно-демократической партии. Мы же думаем, что поведение г. Петрункевичей и на приеме их царем, и на земском съезде 6 (19) июля дает полное право даже Сувориним презрительно третировать таких «демократов». Г. Струве пишет: «Всякий искренний и рассуждающий либерал в России требует революции». Мы же скажем, что если это «требование революции» в июле 1905 года выражается резолюцией о мирных средствах сопротивления, то Суворины имеют полное право относиться к подобному «требованию» и к таким «революционерам» с презрением и с насмешкой.

Г. Струве возразит, вероятно, что события, двигавшие до сих пор влево наших либералов, подвинут их со временем и еще дальше. Он говорит в том же № 73: «Условия для физического вмешательства армии в политическую борьбу будут действительно даны лишь тогда, когда самодержавная монархия столкнется с организованной в народном представительстве нацией. Тогда армия будет поставлена перед выбором: правительство или нация, и выбор будет нетруден и безошибочен».

Эта мирная идиллия очень похожа на откладывание революции до греческих календ. Кто же организует нацию в народное представительство? Самодержавие? Но оно соглашается организовать лишь булыгинскую

думу, против которой вы сами протестуете, не признавая ее народным представительством! Или «нация» организует народное представительство сама? Если так, отчего либералы и слышать не хотят о временном революционном правительстве, которое может опереться лишь на революционную армию? Отчего они, выступая на своем съезде от имени народа, не делают, однако, такого шага, который бы свидетельствовал об организации нации в народное представительство? Если вы действительно представители народа, господа, а не представители буржуазии, предающей интересы народа в революции, отчего вы не обращаетесь к армии? не объявляете разрыва с самодержавной монархией? отчего вы закрываете глаза на неизбежность решительной борьбы между армией революционной и армией царской?

Оттого, что вы боитесь революционного народа и, обращаясь к нему с фразами, на деле вы считаетесь и торгуетесь с самодержавием. Лишнее доказательство этого—переговоры председателя организационного комитета земского съезда г. Головина с московским генерал-губернатором Козловым. Г. Головин уверил Козлова, что слухи о намерении превратить этот съезд в учредительное собрание. вздорны. Что это значит? Это значит, что представитель организованной буржуазной демократии гарантировал представителю самодержавия, что на разрыв с самодержавием она не идет! Ведь, только политические младенцы могут не понимать того, что обещание не объявлять съезда учредительным собранием равносильно обещанию не принимать действительно революционных мер, ибо Козлов боялся, разумеется, не слов «учредительное собрание», а дел, способных обострить конфликт и вызвать решительную борьбу народа и армии с царизмом. Разве это не политическое лицемерие, когда на словах вы называете себя революционерами, говорите об обращении к народу, об оставлении вами всяких надежд на царя, а на деле успокаиваете слуг царя насчет своих намерений?

Ах, эти пышные либеральные слова! Сколько наговорил их на съезде вождь «конституционно-демократической» партии г. И. Петрункевич! Посмотрим же, какими заявлениями «связывает он себя перед историей и нацией». Цитируем по корреспонденциям в «Таймсе».

Г. Де-Роберти высказывается за обращение с петицией к царю. Против говорят Петрункевич, Новосильцев, Шаховской, Родичев. Голосование дает лишь шесть голосов за петицию. Из речи г. Петрункевича: «Когда мы ехали в Петергоф 6 (19) июня, мы еще надеялись, что царь поймет грозную опасность положения и сделает что-нибудь для ее предотвращения. Теперь всякая надежда на это должна быть оставлена. Остался лишь один выход. До сих пор мы надеялись на реформу сверху, отныне единственная наша надежда—народ (громкие аплодисменты). Мы должны сказать народу правду в простых и ясных словах. Неспособность и бессилие правительства вызвали революцию. Это факт, который надо признать всем. Наш долг—употребить все усилия, чтобы избежать кровопролития. Многие из нас отдали долгие годы на службу родине. Теперь мы смело должны идти к народу, а не к царю». На другой день г. Петрункевич продолжал: «Мы должны порвать узкие рамки нашей деятельности и пойти к крестьянину. До сих пор мы надеялись на реформы сверху, но,

пока мы ждали, время сделало свое дело. Революция, спешествующая правительством, перегнала нас. Слово «революция» так испугало вчера двух наших членов, что они ушли со съезда. Но мы должны мужественно смотреть в лицо правде. Мы не можем ждать со сложенными руками. Нам возражали, что обращение земств и дум к народу будет агитацией, сеющей смуту. Но разве в деревнях царит спокойствие? Нет, смута уже налицо, и притом в худшем виде. Мы не можем удержать бурю, но, во всяком случае, мы должны постараться предотвратить слишком большое потрясение. Мы должны сказать народу, что бесполезно разрушать фабрики и экономии. Мы не должны смотреть на это разрушение, как на простой вандализм. Это—слепой, невежественный крестьянский способ помочь злу, которое они инстинктивно чувствуют, но которое они не в силах понять. Пусть власти отвечают им нагайками. Наш долг все-таки идти к народу. Мы должны были бы сделать это раньше. Земства существовали 40 лет, не приходя в тесное и интимное соприкосновение с крестьянами. Не будем же терять времени, чтобы поправить эту ошибку. Мы должны сказать крестьянину, что мы с ним».

Очень хорошо, г. Петрункевич! Мы с крестьянином, мы с народом, мы признаем революцию за факт, мы оставили всякую надежду на царя... В добрый час, господа! Только... только как же так? Не с царем, а с народом, и поэтому обещать генерал-губернатору Козлову, что съезд не будет действовать, как учредительное собрание, т.-е. как настоящее народное и действительное народное представительство? Признавать революцию—и поэтому отвечать мирными средствами сопротивления на зверства, убийства, разбои правительственных слуг? Итти к крестьянину и с крестьянином—и поэтому отделяться самой неопределенной программой, сулящей только выкуп с согласия помещиков! Итти не с царем, а с народом, и поэтому принимать проект конституции, который обеспечивает, во-первых, монархию, сохранение царской власти над войском и чиновничеством, а во-вторых, обеспечивает заранее политическое господство помещиков и крупной буржуазии посредством верхней палаты¹⁾.

Либеральная буржуазия идет к народу. Это верно. Она вынуждена идти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представительница его интересов, но как новый пламенный боевой товарищ, а как торговец, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой. Сегодня она у царя и просит у него от имени «народа» монархической конституции, трусливо отрекаясь в то же время от народа, от «смуты», от «крамоль», от революции. Завтра она грозит царю со своего съезда, грозит монархической конституцией и мирным сопротивлением против штыка. И вы удивляетесь еще, господа, что царские слуги разгадали вашу трусливую и двуличную душонку? Вы боитесь остаться без царя. Царь не боится остаться без вас. Вы боитесь решительной борьбы. Царь не боится ее, а хочет борьбы, сам вызывает и начинает борьбу, он желает померяться силой, прежде чем уступить. Вполне естественно, что царь презирает вас.

¹⁾ См. листок «Три конституции», изданный нашей газетой.

Вполне естественно, что это презрение выражают вам лакеи царя, господа Суворины, посредством поощрительного похлопывания по плечу вашего Петрункевича. Вы заслужили это презрение, ибо вы не боретесь вместе с народом, а только крадетесь к власти за спиной революционного народа.

Иностранные корреспонденты и публицисты буржуазии довольно метко схватывают иногда эту сущность дела, хотя и выражают ее очень своеобразно. Г. Гастон Леру в «*Matin*» берется изложить взгляды земцев. «Беспорядок сверху, беспорядок внизу, мы одни—представители порядка». Взгляд земцев действительно таков. А в переводе на прямой русский язык это значит: наверху и внизу готовы бороться, а мы—честные маклеры, мы крадемся к власти. Мы дождаемся, не будет ли у нас тоже 18-го марта, не победит ли народ хоть раз в уличном бою правительство, не явится ли для нас возможность, подобно немецкой либеральной буржуазии, взять в руки власть после первой победы народа. А тогда, когда мы станем силой против самодержавия, мы обернемся против революционного народа и заключим сделку с царем против народа. Наш проект конституции—готовая программа такой сделки.

Расчет неглупый. Про революционный народ иногда приходится сказать, как говорили римляне про Аннибала: ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой! Победа восстания не будет еще победой народа, если она не поведет к революционному перевороту, к полному свержению самодержавия, к отстранению непоследовательной и своекорыстной буржуазии, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Орган французской консервативной буржуазии «*Temps*» прямо советует земцам покончить скорее конфликт с царем (передовица 24 июля н. ст.). Реформы невозможны, говорит он, без соединения моральной и материальной силы. Материальной силой обладает только правительство, моральной—земцы.

Прекрасная формулировка буржуазных взглядов и прекрасное подтверждение нашего анализа политики земцев. Буржуа забыл про мелочь, про народ, про десятки миллионов рабочих и крестьян, которые создают своим трудом все богатства буржуазии, которые борются за свободу, необходимую им, как свет и как воздух. Буржуа имел право забыть про них, поскольку они еще не доказали своей «материальной силой» победой над правительством. Иначе, как «материальной силой», не решался ни один крупный вопрос в истории, и царское самодержавие, повторяем, само начинает борьбу, вызывая народ померяться с ним силой.

Буржуазия Франции советует буржуазии российской скорее заключить сделку с царем. Она боится, вчуже боится, решительной борьбы. В случае победы народа неизвестно еще, будут ли народом допущены к власти крадущиеся к ней гг. Петрункевичи! Усчитать заранее, насколько решительна будет победа, и каковы будут результаты ее, невозможно,—этим вполне объясняется робость буржуазии.

Пролетариат готовится к этой решительной борьбе по всей России. Он собирает свои силы, он учится и крепнет от каждой новой схватки, которые до сих пор кончались неудачей, но которые неизменно приводили к новым и более сильным нападениям. Пролетариат

идет к победе. Он поднимает за собой крестьянство. Опираясь на крестьянство, он парализует неустойчивость и предательство буржуазии, отстранит ее претендентов и силой раздавит самодержавие, вырвет с корнем из русской жизни все следы проклятого крепостничества. И тогда мы завоюем народу не монархическую конституцию, обеспечивающую политические привилегии буржуазии. Мы завоюем России республику с полной свободой всем угнетенным народностям, с полной свободой для крестьян и рабочих. Мы воспользуемся тогда всей революционной энергией пролетариата для самой широкой и смелой борьбы за социализм, за полное освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации.

К вопросу о местных органах.

В № 1 «Пролетария» помещено письмо одного товарища, затрогивающее в высшей степени интересный вопрос об издательстве местных газет. Автор письма относится к этому рода партийной прессе резко отрицательно, нападая на местные газеты, и в частности на «Листок Рижск. Комитета», с двух сторон—с чисто-технической и с принципиальной.

Что касается первой стороны вопроса, то тут не может быть двух мнений, и автор письма прав, указывая на крушение громадного большинства местных газет. Вполне понятно, что только при наличии известных технических условий и литературных сил возможно поставить сколько-нибудь прочно издание органа. Если газета может выходить более или менее часто лишь ценой сокращения издания агитационных листов или же выходить раз в месяц, то само собой понятно, что предприятие является совершенно безжизненным. Чтобы быть действительно политической газетой, следящей за быстро меняющимися событиями, освещающей их с точки зрения интересов пролетарского движения, дающей рабочим ответ на пробуждающиеся в них широкие политические запросы,—для этого местный орган должен выходить не реже 1 раза в неделю или, по крайней мере, не реже 3 раз в месяц. В противном случае он потеряет всякое политическое значение и неизбежно превратится в простой заводской листок узко-местного и экономического характера. Издавать местный орган может лишь такая организация, которая в состоянии поставить и содержать специально для этого технику и выделить из своего состава специальных литературных работников. Большинство партийных организаций до настоящего времени не могло и не может сделать ни того, ни другого. И поскольку товарищ редактор «Листка Рижского Комитета» восстает против местных органов с этой стороны, с ним трудно не согласиться.

Но тут является новый вопрос: желательна ли, чтобы партийные комитеты стремились преодолеть эти технические затруднения? Следует ли им задаваться целью создания местных органов, затрачивать силы и время на подготовку всех необходимых для этого условий? Я думаю, что ответ на это может быть только положительный. Пройдет несколько месяцев, в худшем случае несколько лет, и Россия превратится в свободную страну. Наша партия получит возможность выйти из

своего подполья. Тогда широко развитая социал-демократическая пресса станет одним из могущественных орудий классовой борьбы пролетариата и развития его классового сознания. Тогда перед партией станет в высшей степени сложная и трудная задача борьбы со всевозможными буржуазными партиями, особенно с партиями буржуазной демократии. Борьбу эту придется вести, главным образом, литературою и не в брошюрах,—это слишком неповоротливое орудие,—не в листках,—это слишком легковесно,—а в политических газетах. Тогда наша партия не в состоянии будет обойтись одним центральным органом. Тогда вообще литературная работа займет одно из первых мест в общей деятельности партии. Но к этому нужно готовиться. Партия должна выработать достаточное количество газетных работников. Прекрасной школой для этих будущих журналистов партии могла бы явиться в настоящее время работа в местных органах.

При настоящем положении дел, когда вся литературная работа партии, можно сказать, сосредоточена за границей, в тяжелой обстановке самодержавно-полицейского режима гибнет масса литературных сил, лишенных всякой возможности развития. По условиям работы на литературную деятельность в аших организациях смотрят, как на что-то второстепенное; поэтому не может быть и речи о развитии литературного дарования на местной работе, а сотрудничество в заграничном органе для громадного большинства местных работников—вещь совершенно недостижимая: одно то обстоятельство, что российские сотрудники почти совершенно отрезаны от заграничной редакции, самым неблагоприятным образом отзывается на их литературной работе: либо она оказывается страшно запоздалой, теряет всякий интерес, либо статьи не доходят и вместо редакции попадают в лапы царской полиции.

Кроме того, чтобы начать писать в газете, в которой работают выдающиеся литературные силы партии, скромным рядовым работникам нужна своего рода смелость, на которую способен далеко не всякий, да и вообще в этом отношении местные работники находятся в самых неблагоприятных условиях по сравнению с заграничниками, стоящими, так-сказать, у самого очага идейной жизни партии, и в громадном большинстве смотрят на литературную работу, как на монополию последних. Постановка местных органов в значительной степени парализовала бы влияние всех этих неблагоприятных условий, позволила бы использовать значительное количество литературных сил, не находящих теперь себе применения, и дала бы возможность развиваться многим литературным дарованиям, глотящим в настоящее время.

С другой стороны, переживаемый Россией революционный период выдвигает перед пролетариатом массу сложных политических вопросов, правильно разобраться в которых он не в состоянии без содействия социал-демократии. Рабочие массы с каждым днем все более вовлекаются в политическую жизнь и предъявляют к партии все более серьезные запросы, которые все труднее становится удовлетворять при помощи листов. Теперь массам нужна не столько агитация, сколько политическое воспитание. Масса уже значительно возмужала политически, и одними листками ее теперь не удовлетворишь; в ней зарождается потребность в газете, и в

рабочую среду все более проникают всевозможные легальные газеты, от черносотенных до буржуазно-демократических. Нельзя, конечно, сказать, чтобы все эти органы способствовали просветлению классового сознания пролетариата. А что может противопоставить этим ежедневным газетам наша партия, кроме все тех же листов да ЦО, попадающего в Россию с запозданием, в незначительном количестве и в значительной степени недоступного рядовому пролетариату?

Создание хотя бы нескольких местных органов, хотя бы в крупнейших центрах, в значительной степени восполнило бы этот пробел. Что же касается опасений, что местные газеты дадут рабочим негодную пищу в силу своей невыдержанности, то, конечно, и тут без ошибок не обойдешься, как и во всех остальных отраслях работы. При первых шагах ошибки не только возможны, но и неизбежны; неизбежны неудачные статьи и даже целые номера местных газет, но бояться этого нечего, и уж, во всяком случае, не следует из-за этой боязни отказываться от такого могущественного орудия политического воспитания рабочих масс. Точно такие же ошибки и неудачи неизбежны и в так-называемой практической работе, а, между тем, неправильная постановка работы может принести несравненно больше вреда, чем неудачный номер газеты или неудачная статья.

Быть-может, некоторые товарищи будут обвинять меня в проповеди кустарничества; будут указывать на необходимость сосредоточить все силы для поддержки нашего ЦО; быть-может, некоторые товарищи увидят в защите местных органов еретическое отступление от старо-искровских принципов. На эти упреки я возражу, что во время старой «Искры», во время Второго съезда партия переживала совершенно иной период, чем теперь. Тогда мы стояли накануне восстановления партии, теперь мы живем накануне революции. Тогда перед партией стоял вопрос о сплочении всех ее сил вокруг руководящего органа, теперь перед ней ставится вопрос о политическом и практическом руководстве пролетариатом в революционное время, о выработке новых форм и приемов работы применительно к условиям грядущей свободной России, о подготовке ее к открытой, свободной борьбе с буржуазными партиями. Тогда издание местного органа означало удаление местной организации от партии; теперь оно означает стремление расширить и углубить политическое влияние партии на рабочие массы. Кроме того, от нас же самих зависит то или иное отношение к центральному органу. Я знаю, что Рига и до возникновения «Листка Рижск. Ком.» очень слабо поддерживала как старую «Искру», так и «Вперед»; это не изменилось и от появления местной газеты, потому что причиной этого печального явления была и есть неправильная постановка всей работы.

В заключение хочу сказать несколько слов относительно попытки Рижск. Ком. поставить газету. Я говорю о попытке, потому что благодаря все той же неправильной постановке дела предприятие потерпело крушение.

Была упущена из виду полная техническая неподготовленность к изданию газеты, не были выделены на обслуживание органа необходимые для этого силы, и ведение дела было поручено редакции, составленной из работников, занятых «практической» работой. Вслед-

ствие новизны дела и согласно установившемуся среди наших практиков поверхностному отношению к литературной работе Комитет отнесся к своему предприятию далеко не с той серьезностью, какой требовали интересы дела.

Во всяком случае, я думаю, что наш, хотя и небольшой, опыт показал, что можно найти нужные для местной газеты силы в среде местных работников, и что вовсе не неизбежно для этой газеты превращение в чисто-экономический листок, низведение до степени заводского органа. Я думаю, что и товарищ, так горячо ратовавший против издания в Риге газеты, теперь несколько изменил свое мнение и согласится со мной, что при наличности соответствующих материальных средств, при выделении части местных сил для литературной работы создание местных органов не только желательно и полезно, но больше того—необходимо, и также, что наши организации встречают в этом, главным образом, технические, т.-е. вовсе не непреодолимые, препятствия.

Рижский.

От ред. Автор совершенно прав, что современные политические условия в России радикально отличаются от тех, какие были в эпоху Второго съезда. Вопрос о местных органах ставится теперь значительно иначе. Это видно и из устава, принятого III съездом. Следует всесторонне обсудить новое положение дел и дождаться указаний партийного опыта. Нельзя не отметить, например, что «Голос Труда» развивается, повидимому, в прекрасный местный орган.

Корабль-скиталец.

На заре туманной юности европейской буржуазии, когда мрак первоначального накопления озарился приветливым блеском американского золота, сложилась легенда о голландском моряке, обреченном на муки вечного скитания. Гонимый и терзаемый злыми демонами буржуазии,—демонами, возникшими из потоков крови и слез, пролитых ради нового божества—золота,—злополучный корабль носился по бесконечному простору морей, не видя исхода своим страданиям. Буржуазия свалила на это детище своей фантазии всю ту гору преступлений и злодеяний, которая тяготела на ее совести, и предала злосчастного скитальца проклятию, заслуженному ею самою. Отверженный корабль был обречен на бессмертие до тех пор, пока какое-нибудь невинное существо не пожертвует ради него своею жизнью. Только тогда снималось с него проклятие, и он мог найти спасение в гибели. Так уже с колыбели совесть буржуазии приучалась к мысли, что ее преступления должны искупать невинные жертвы, не обогрившие рук в крови труженников, не отяготившие своей души награбленным золотом.

Прошли века, и мрачная легенда, пугавшая когда-то суеверных моряков, воплощенная в песню и музыку, стала невинной забавой повелителей мира. Летучий голландец не тревожит больше сна купцов и мореплавателей, им не пугают плачущих детей в рыбацких хижинах. Разрумяненный и разряженный, подвизается он на

подмостках оперной сцены, где на холщевых волнах качается картонный корабль-призрак...

Прошли века; рассеялась, как сон, странная сказка о корабле-скитальце, носившем по морям бремя преступлений буржуазии. Но сами эти преступления остались неискупленными; они накопились и росли, ожидая, пока невинная жертва с чистой душой и незапятнанной совестью искупит их, чтобы расчистить путь солнечным лучам, проложить человечеству дорогу в царство справедливости и счастья.

Рожденный смелой мыслью и страстной жадной свободой, появился опять на волнах моря корабль-скиталец,—не призрак, не порождение неспокойной совести,—нет, могучий броненосец, полный боевой отваги, гордо поднявший на свободной стихии красное знамя свободы. И как бы в знак того, что он пришел искупить темное прошлое господствующего строя, на его борту красовалось ненавистное имя «Князь Потемкин Таврический».

Сколько трагической поэзии в судьбе этого скитальца, дни и ночи обреченного носиться по далекому морю, одинокого, отрезанного от друзей, преследуемого врагами. Зловеще смотрят убийственные жерла пушек, день и ночь стоит на часах зоркая стража, каждую минуту готова команда итти в бой,—враг не решается подойти к этой пловучей крепости,—нет приюта отважным: берег враждебно отталкивает их от себя, грозя гибелью, и только море, незнающее цепей рабства, протягивает братские объятия этим борцам за свободу.

Разве не такова же была судьба всей русской революции? Разве в этом корабле-скитальце не отражалась, как в символе, вся долгая, тяжелая борьба за свободу и счастье обездоленных масс? Десятки лет скитались пророки и борцы революции по пустынному морю, не находя приюта, одинокие, отверженные, погибая сотнями под бременем борьбы и страданий. Как легендарный летучий голландец, несли они на себе проклятие за чужие грехи. Враги безжалостно травили и пре-

следовали их, измена друзей доводила их до отчаяния; а те, ради кого надели они на себя терновый венец, бежали от них, как от прокаженных, полные суеверного страха, что встреча с кораблем-скитальцем принесет несчастье. Так боролись и страдали они долгие годы, эти первые ласточки революционной весны, и гибли с глубокой верой, что придет день, когда корабль-скиталец при радостных криках народа войдет в гавань и бросит, наконец, свой заржавевший якорь.

Шли годы. Неискупленные грехи господ жизни едкими каплями падали на плотную народную глыбу, разрушая ее, а вместе с тем разрушая и ту опору порядка, которая казалась непоколебимой веками. Народные массы, недавно еще с тупым безразличием или суеверным страхом смотревшие на скитальцев-революционеров, начали все больше и больше понимать, что ради их блага и счастья борются и страдают эти отверженные. Вместе с тем и из самой этой массы народной начали выделяться сперва одиночками, а там десятками и сотнями такие же борцы за свободу, готовые отдать себя великому делу счастья человечества, готовые променять свой покой на муки скитанья. Изменились времена, изменились люди. Старый образ корабля-призрака, обреченного чужими грехами, ищущего искупления человечества ценой своей гибели, развеялся при свете сознания масс. Его место занял могучий броненосец—символ народной борьбы, броненосец, где нет господ, нет властей, где дух единства и братства ведет к заветной цели сотни и тысячи борцов.

Правда, и этот броненосец русской революции остается попрежнему кораблем-скитальцем; правда, и он обречен еще носиться по морскому простору, и его с дикой ненавистью отталкивают берега. Но вдали, за рядами врагов, за жерлами пушек, он видит проходящие стройными рядами толпы друзей-рабочих, он видит красные знамена, гордо развевающиеся по ветру; но за воем ненависти, летящим с враждебных берегов, он слышит радостные возгласы приветов, гимн разго-

Очерки из истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата.

V. Падение королевской власти.

Существует легенда, будто бы после Иудина поцелуя в саду Гефсиманском Петр, догадавшись об измене Иуды, воскликнул: «Так ты изменил!»—«Да,—ответил Иуда,—а через час изменишь ты!».

«Революция пожирает своих детей»,—говорят нам. Не лучше ли сказать, что сначала революция пожирает измену, а потом измена пожирает революцию? Уже не говоря о ненависти сторонников разрушенной стороны,—ненависти, готовой воспользоваться первым удобным случаем, чтобы потопить революцию в потоках крови, почти никогда весь размах ее, все ее значение и ее крайние пределы не бывают ясны для ее первых представителей: они могут выражать лишь ее детский лепет, и, когда она мучает, они ужасаются ее голоса и бегут в стан ее врагов. Когда Россия кладбищенски

спала, г. Шипов казался «опасным» министру Плеве, а публика считала его столпом либеральной оппозиции. Теперь Россия заговорила довольно громко, и Шипов уже ковыляет в хвосте, испуганный, под-руку с негодяем Сувориным-отцом. «Как? Ты изменил?»—вопрошают разные либералы освобожденного типа.—«Да,—ответает Шипов,—а через несколько дней измените вы!».

Если бы Лафайет знал об измене Мирабо, он, наверное, вознегодовал бы! Когда генерал Буайлье хотел вырвать Людовика из рук конституционной еще революции, Лафайет готов был кровь пролить, чтобы помешать этому. И что же? Людовик XVI, превратившись в его глазах в «конституционного монарха», рядом измен возбуждает против себя негодование народа, а Лафайет повторяет политику реакционера Буайлье. Уже 20 июня он пишет грозное письмо Законодательному Собранию, требуя унять «толпу забияк». Затем он составляет обдуманный заговор с целью при помощи кавалерийского эскадрона похитить короля из Парижа и развязать ему таким образом руки. Напрасные попытки! Людовик XVI не верит генералу бунтовщиков. «Святой генерал» остается висеть в воздухе, чужой в обоих станах, жалкий представитель середины в такое время, которое

рающейся революции. И корабль-скиталец озаряется радостной надеждой; он видит, что близок миг, когда он соединится со своими братьями в дружной борьбе за свободу.

Корабль-призрак старой буржуазной легенды мог найти искупление только в гибели. И это понятно. Корабль, обремененный всеми преступлениями и грехами буржуазии; корабль, носивший на себе лишь несчастье да проклятье; корабль, которому суждено было снять бремя, давившее совесть рыцарей наживы,—мог исполнить свою задачу, только погибнув. В таинственной глубине моря должны были навеки исчезнуть пропитанные кровью и слезами преступные воспоминания.

Корабль-скиталец русской революции исполнит свою задачу, только победив, только одержав верх в борьбе. Он несет на себе светлые надежды трудящихся и угнетенных масс, и этот ценный груз не может поглотить пучина моря. Море вольнолюбиво, оно не будет могилой надежд революции. Только победой искупит броненосец революции грехи существующего строя и открояет путь для светлой борьбы за счастье человечества.

Корабль-призрак старой буржуазной легенды мог искупить свои грехи, мог погибнуть только тогда, когда невинное существо жертвует за него своей жизнью. Торгаши не могли выдумать другого рода искупления. За их грехи, за их преступления должна быть принесена в жертву чужая жизнь,—жизнь невинного существа. Во все время истории насильники и хищники, таким образом расплачивались за свои злодеяния.

Корабль-скиталец русской революции может достичь своей цели, может одержать победу, только принеся в жертву виновников греха и преступления—шайку насильников и злодеев. Те, кто в течение столетий были жертвами грабежа и насилия, те, кто своею кровью и своими слезами вечно искупали прегрешения богатых и сильных, могут искупить преступление существующего строя, только принеся в жертву их виновников. В тот момент, когда под напором народной волны рух-

требовало крайностей. Эти изменения промежуточных классов неизбежны, и если революция пожирает изменников, то только защищая себя и логику своего развития. Лафайет, в конце-концов, попал в невыносимое положение и... бежал к эмигрантам. Господа маркизы и герцоги не простили «святому генералу» его розовых взглядов и аккуратно-умеренного освобождения,—они заключили его в тюрьму. Это случилось уже после событий 10 августа, но тут достойно замечания одно: если революция наполовину «сожрала» своего первенца, то доделала это дело реакция. Я сказал, что революция вначале пожирает измену,—в конце-концов, измена пожирает революцию: крайние революционеры, нашедшие в себе мужество идти до крайних границ революционного размаха, гибнут жертвами не революции, в собственном смысле слова, а реакции,—сперва начинающегося охлаждения, разочарования, страхов, потом прямых переворотов реакционного характера. Революция почти всегда развивает в массах и личностях такую энергию, что временно выходит из тех берегов, из тех железных рамок, которые положены ей экономическими условиями общественной жизни, степенью ее развития и формами общественного производства. Но в глазах

нет подгнившее здание насилия, погребая под своими обломками его владык, корабль-скиталец русской революции бросит якорь у берега свободной страны.

«Князь Потемкин Таврический» сдался румынским властям. Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции. Разве она не раскрыла бессилия противника? Разве она не разоблачила революционного брожения в самой, казалось, прочной опоре трона—флоте и армии? Разве она не заставила Николая унижаться до просьбы о помощи у иностранных держав? Разве она не сорвала отрепьев порфиры, прикрывающих наготу самодержавия? Нет, не на этом одном судне покоились надежды русской революции. Его история была лишь одним из эпизодов, одним из многочисленных эпизодов ее. Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию, корабль-скиталец русской революции—он жив, он цел, грозной громадой надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла пушек, жадной боя сгорает команда, а высоко в воздухе радостно бьется и трепещет красное знамя свободы.

Сим победиши!

Постоянная армия и милиция.

Техника военного дела и военной организации всегда находилась в самой тесной связи со всем строением общества. Военная сила в доброе старое время являлась самой реальной, пожалуй, единственной реальной силой в обществе; естественно поэтому, что господствующие классы всегда являлись и классами специфически военными, что они сохраняли за собой монополию военного дела. Военное ремесло становилось благородным ремеслом. Низшим классам предоставлялась вся тяжелая промышленная деятельность, они кормили и

народа, в глазах пролетариата, все снова и снова, все дальше и дальше идущего по пути ниспровержения всякой эксплуатации человека человеком, позором покрыты малодушные, изменяющие революции в ее поступательном шествии, славы—те, кто падает, как ушедший слишком далеко вперед авангард освобождения людского рода от рабства и всякой зависимости.

Война объявлена. Пруссаки приближались. С замирающим сердцем ждали при дворе того дня, когда дорогой «неприятель» раздавит «бунтовщиков». Королева, оглядываясь со страхом на Париж, часто повторяла: «Лучше всего было бы провести этот промежуток времени замурованными в башне». Тайные гонцы сновали. Не мало было в Париже верных слуг реакции, преданных сторонников угнетения: тысячи священников, не принявших присяги, разный близкий ко двору люд, ростовщики и производители предметов роскоши, боявшиеся потерять заработок при республиканских строгих нравах. Все это ждало «освободительного пруссака» и помогло ему из недр Франции, чем могло.

Законодательное Собрание не могло не видеть этого. С изменником-королем во главе, с тысячами изменников в Париже страна не могла бы победить натиска

одевали все общество, благородным же людям принадлежала привилегия носить оружие.

На долю буржуазии выпала новая и небезвыгодная задача—возложить на те же низшие классы народа бремя военного ремесла, сохранить вместе с тем за собой роль хозяев и в этом деле, удержав и «техническое», и «политическое» руководство. Как в промышленной жизни буржуазия сумела заставить народные массы работать на себя, как в политической жизни,—например, в парламенте,—она до сих пор умеет опираться на голоса выборщиков, принадлежащих к эксплуатируемым массам*), так и в военном деле буржуазия блестяще исполнила свою задачу: создать из народных масс военную силу для защиты ее интересов и господства, заставить крестьян и рабочих жертвовать жизнью за враждебные им интересы. Этого она достигла благодаря постоянной армии.

Зародыш постоянной армии возникает сейчас же после первых шагов капитализма. На место старого феодального строя, с его «патриархальной» властью человека над человеком, воцарилось новое начало, провозгласившее деньги властелином мира. Все ценности, не исключая и ценности человека, начали измеряться золотом, и перед этим общим мерилом обесценивались и рыцарская доблесть, и легендарный героизм, и мишура военной романтики средневековья. Что значила личная храбрость и искусство феодала, когда купеческая мощь могла выставить в любой миг тысячи наемников, вооруженных огнестрельным оружием и идущих в бой с тем безразличием машины, с каким тысячи таких же наемников день и ночь работали на мануфактурах? И в то время, как началась упорная беспощадная борьба между феодализмом и капитализмом, началась такая же борьба между привилегированным феодальным войском и наемной армией буржуазии. Буржуазия имела на

*) Ср. интересные данные в брошюре Каутского «Классовые интересы».

своей стороне еще то преимущество, что рука-об-руку с нею выступала против феодалов и монархическая власть, стремившаяся заменить тысячи самодержавных феодалов одним самодержавным королем.

Феодализм был сломлен. Рыцарям оставалось только сбросить заржавевшие, не пугавшие уже никого латы и нарядиться в пестрое придворное платье или удалиться в усадьбы и превратиться в буржуа, производящих хлеб и скот. Феодализм был сломлен, и на его месте властно расселась буржуазия. Она постаралась создать ту силу, которая могла бы обеспечить ее господство и ее собственность от врага внешнего и врага внутреннего. Старое, наемное войско, выручавшее буржуазию на заре ее жизни, теперь уже не годилось: буржуазия стала хозяином страны и нуждалась в более надежной опоре, чем армия добровольцев, готовых служить тому, кто больше заплатит. И вот мало-помалу появляется постоянная «национальная» армия, созданная путем набора на началах всеобщей воинской повинности. Долголетняя дрессировка превращает крестьянина или рабочего в покорный, бездушный механизм, готовый стрелять, когда велит и в кого велит. Варварская дисциплина сковывает эту миллионную массу, делая ее безвольной и покорной приказам начальства. Специальный образовательный ценз, предъявляемый офицерам, и особенно высшим офицерским чинам, делает эти должности доступными только людям состоятельным, т. е. той же буржуазии. Таким образом, создается, с одной стороны, слой военных руководителей из привилегированных классов, воспитанных и вышколенных в понятиях буржуазной государственности и «офицерской чести», с другой—масса вооруженного народа, обезличенного и обезволенного.

Буржуазия тратит львиную долю государственных доходов на эту военную силу, и с каждым годом эти расходы растут. Тяжелым бременем ложится военное дело на все население страны, извлекая чудовищные суммы из скромных средств народа, вырывая на долгие годы

кичливого Брауншвейга, ведшего на нее свои полчища. Но Собрание растерялось. Оно только и смогло, что апеллировать к революционному народу, торжественно объявив, что «отечество в опасности».

29 июня Париж прочел наглый манифест Брауншвейгского герцога. Народ решил, что терпеть дальше нельзя. Начинается страшное брожение в рабочих и мешанских предместьях; 47 коммун Парижа, т. е. собрания делегатов, наиболее близких бедному люду, потребовали у Законодательного Собрания (3 августа) низложения короля. Законодательное Собрание не решалось на это. Оно все еще боялось сильных конституционалистов, националистов, национальной гвардии, которой командовал еще «преданный» конституции Лафайет, остатков королевских войск. Законодательное Собрание, с Жирондой во главе, боялось того, что реакция вместе с конституционалистами окажется все же сильнее республиканских партий. Городские власти были в руках фельянов, хотя мэром был чопорный, но пустой, велеречивый, но пошлый полужирондист Петийон.

Сначала двор был испуган брожением в пригородах, но, видя общую нерешительность, успокоился. Вся семья короля горячо молилась милосердному небу, чтобы

пруссаки поскорее разбили «моих дорогих французов».

Тогда организацию чисто-народного движения 10 августа 1792 года взял на себя человек, которого Маркс называет «величайшим революционным тактиком»,—Дантон. Сам он внешним образом не принимал участия в событиях этой ночи, но его рука видна в великопленной организации дела. «Революцию не организуют»,—говорят нам. Да, но прямую борьбу с реакцией и изменой,—ее организуют!

В 12 часов ночи 10 августа здание городской думы было освещено, и представители буржуазии—адвокаты, фабриканты и купцы, избранные богатым Парижем, заседали там, встревоженные всеми трудными обстоятельствами и, как им на роду написано, нерешительные...

Неожиданно является толпа из 82 человек и заявляет, что Парижская Секция выбрала новых уполномоченных в виду опасности, грозящей народу. В числе 82-х было немало рабочих, особенно ремесленников, были мелкие торговцы, мелкие канцеляристы,—словом, лица из низших слоев общества. Ничего вызывающего или угрожающего не было в их тоне. Они просили лишь о том, чтобы им отвели в здании думы комнату для совещания. Эта скромная просьба была удовлетворена. И

молодые рабочие силы. Войны становятся все реже, а военные издержки все больше. Роль армии изменяется. Из защитника страны от внешних врагов она превращается в орудие господствующих классов против классов эксплуатируемых, в орудие борьбы против врагов внутренних. Армия открыто и явно стала орудием классового господства буржуазии, и притом тех верхов крупной буржуазии, которые вершат судьбы страны.

Это откровенное пользование одной частью народа для подавления другой части выдвинуло уже давно в среде демократии требование преобразования военного дела, замены постоянной армии народной милицией. Это требование, между прочим, выдвинуто и в программе-минимум нашей партии. Оно не связано с конечными классовыми задачами пролетариата. Социалистический идеал вообще не знает военной организации, как не знает и войн. Это требование чисто-демократическое. Милиция имеет в виду прежде всего вооружение всего народа (а не той только части его, которая находится на действительной службе), во-вторых, она освобождает солдата от той одуряющей дрессировки, которой он подвергается в течение нескольких лет службы. Милиция заменяет эту службу несколькими месяцами упражнений.

Противники милиции утверждают, что в несколько месяцев невозможно обучить солдат всем необходимым приемам, которые сделали бы армию способной успешно бороться при современной военной технике. По их мнению, при помощи милиции невозможно даже организовать оборону страны; об успешном же наступлении и говорить не приходится. Против таких пессимистических выводов выступил Рудольф Крафт, сам бывший военный, поместивший в № 39 «Neue Zeit» статью «Восточно-азиатская война и народная милиция». На основании собственного военного опыта и данных русско-японской войны он старается показать, что введение милиции может создать военную силу, способную не только к защите, но и к планомерному нападению. Дело в том, что введение милиции неразрывно связано

с рядом других реформ экономического и культурного характера. Значительная доля элементарных физических упражнений, как, например, гимнастика или стрельба, может и должна быть включена в общую программу воспитания и образования молодежи. Из этого уже ясно, что самой первойшей предпосылкой введения милиции является введение всеобщего обязательного образования. Во многих странах это образование формально существует. Однако, всякому ясно, что там, где нет запрещения труда детей и подростков, где молодежи в школьном возрасте не гарантирована экономическая возможность учиться, там всеобщее обучение является пустыми словами. Все современное народное образование очень мало имеет отношения к действительным культурным потребностям. «В Германии, особенно в деревнях,—говорит Крафт,—можно скорее говорить о государственном нерадении, чем о государственном воспитании молодежи. Главная задача, повидимому, заключается не в том, чтобы дети сельского населения получали хорошее образование, а в том, чтобы помещики имели дешовые рабочие руки. Таким образом, крестьянский дарен является на военную службу в физическом отношении неуклюжим, как мешок с мукой, в духовном же—каким-то полудикарем». И это вполне понятно. Господствующие классы современного общества совершенно не заинтересованы в том, чтобы народные массы получали действительное знание. Неразвитость масс—опора господства высших классов. Таким образом, эта неразвитость является такой же необходимой предпосылкой послушной постоянной армии, как серьезное народное образование является предпосылкой милиции. В современную казарму поступает полуграмотный новобранец, и целые годы его пребывания там уходят на усвоение тех элементарных знаний и упражнений, которые он играючи приобрел бы в народной школе, если бы эта школа серьезно думала об образовании. Но наряду с этим и в гораздо большей мере голову солдата набивают всякой бессмысленной ерундой, которая совер-

вот в эту ночь, отделенные лишь стеною, заседали две коллегии, две думы: буржуазная и народная. Нет сомнения, что задачей народной думы было изгнать буржуазию и объявить себя единственной законной властью в Париже, но демократы действовали паразитически выдержанно и хладнокровно, следуя, повидимому, плану Дантона. Не более как через час после этого где-то далеко, в одном из пригородов, раздался слабый и робкий набат. И 82, и конституционалисты, каждые в своей зале, прислушивались. Набат рос, одна колокольня за другой отвечала: то колонны вооруженного народа собирались по приходам, чтобы медленно и осторожно двинуться затем ко дворцу.

По мере того, как звон набата распространяется по Парижу, наиболее робкие из буржуазных отцов города улепетывают под разными предлогами, оставляя свои кресла пустыми. Предместье св. Антония, предместье св. Мартина и «Марсельские союзники», прибывшие в Париж с юга, поддерживают революцию, тесными колоннами наступают к центру.

Можно ли было рассчитывать на то, что французские полки и даже национальная гвардия не станут стрелять? Полной уверенности в этом не могло быть.

Разве национальные гвардейцы не устроили бойни 17 июля 1791 года? Защита города и дворца была поручена Манда, генералу, отнюдь не народолюбивому. Манда велел занять новый мост батареей, чтобы пресечь всякую возможность соединения обоих берегов Сены. Во многих местах им поставлены были засады, которые должны были пропустить колонны народных бойцов и потом обрушиться на них среди ночной темноты с тыла. Улицы, выходявшие ко дворцу, были преграждены патрулями и пикетами. Малейшая ошибка в плане восстания, и «бунтовщики» могли быть расстреляны, еще разбитые на части, не соединившиеся. Но 82, убедившись через вестовых, что народ действительно поднялся и вооружился, попросили законную городскую власть распорядиться удалить батарею с моста. После некоторого замешательства приказ был дан. Затем 82 просят отцов города пригласить Манда в думу для некоторых сведений. И распоряжение делается. Манда, занятый укреплением дворца Тюльери, с досадой выругался, получив приказ, но все же отправился в думу. Отцы города приняли его дружелюбно, просили избежать, если можно, кровопролития и отпустили. Но при выходе из зала собрания легальной думы защитник

шенно не имеет отношения к его ремеслу, но зато должна сделать из него, по выражению Крафта, «человека, умеющего кричать «ура». На эту дрессировку, воспитывающую «готовность и преданность» солдата, тратится непроизводительно масса времени и усилий.

Теперь представьте, что у вас отпадают все эти побочные соображения чисто-полицейского свойства, представьте, что действительная власть в стране находится в руках широких масс народа (самодержавие народа), и тогда ясно станет, насколько упрощается задача воспитания солдата, и насколько естественной является идея народной милиции. Крафт показывает на чисто-конкретном примере, как легко создать милицию, способную успешно выступать против любой постоянной армии. Уже в народной школе мальчики должны правильно заниматься гимнастикой. Крафт рассказывает из собственного опыта, насколько организм закалялся и приучался к самым трудным упражнениям благодаря гимнастике, которой приходилось ему заниматься в кадетском корпусе, а, между тем, там тратилось на физические упражнения не более двух часов в день. Физическое развитие крестьян и рабочих обыкновенно очень односторонне. Большая физическая сила, которая развивается в них благодаря труду, обыкновенно оказывается совершенно бесполезной в военной службе. Между тем, правильные гимнастические занятия позволили бы использовать эту силу в каких-угодно целях. Крафт указывает также, насколько несложны и недороги необходимые гимнастические приспособления. Даже нет надобности держать особого учителя гимнастики, так как здесь важно не столько личное умение учителя, сколько понимание им своей задачи. Эту роль может исполнить всякий развитый сельский учитель. С 16 лет, говорит Крафт, можно приучать молодежь к стрельбе. При такой подготовительной выучке молодым людям, призванным к военной службе, оставалось бы только упражнение в строевой службе, боевой стрельбе и т. п., что, по мнению Крафта, можно свободно изучить в

3 месяца. Такое войско, состоящее из людей, привычных к физическим упражнениям, опытных в меткой стрельбе, более интеллигентных благодаря лучшему школьному обучению, стояло бы несравненно выше, чем все теперешние постоянные армии.

Эти указания военного имеют для нас очень важное значение. Именно в России самые широкие круги населения по собственному горькому опыту знают, что значит постоянная армия, и каким целям она служит.

Возмущение против армии в тех широких слоях населения, против которых она теперь выдвигается, очень велико; и если в России восторжествует революция, настоящая демократическая революция, она создаст условия, при которых замена постоянной армии народной милицией перейдет из области теоретических рассуждений в область меропрятий. Если широкие слои демократических низов русского народа победят реакцию и захотят закрепить свою победу, они вынуждены будут ввести милицию, ибо только эта форма военной организации, отдавая реальную силу в руки самого народа, сможет обеспечить за ним его приобретения.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Николаев. (Настроение в войске). Шатаются устои самодержавия, все больше и больше проникает крамола в ряды войска—единственной опоры умирающего режима. Стоящие у нас, в Николаеве, два полка, Ингульский и Лиманский, почти поголовно заражены духом протеста. С жадностью набрасываются они на каждую прокламацию или брошюру, ищут слышать живое слово. При благоприятных обстоятельствах они охотно собираются на массовки в 100—200 человек, со слезами слушают оратора и клянутся, что ни за что не будут стрелять в рабочих. Появлялись иногда на таких массовках и казаки. И они начинают понимать, что их интересы не враждебны интересам народа. И над ними издевается начальство вволюшку, и их обкрадывает всевозможными способами; а самое скверное—это то, что солдатам постоянно навязывают полицейскую роль. Ежедневно

короля был остановлен несколькими комиссарами думы нелегальной и представлен перед ее лицо. 82 весьма вежливо предложили Манда подписать приказ об удалении войск из Тюльери. Манда резко и вспльщиво отказал. Тогда был введен офицер, который показал присутствующим приказ Манда о нападении с тыла на рабочих предместья св. Антония. 82 постановляют арестовать Манда, как изменника народа. По дороге в тюрьму он был убит выстрелом из пистолета. Начальником национальной гвардии 82 объявляют Сантерра. Теперь 82 добились всего, что им было нужно от буржуазных градоправителей; они шумно входят в залу легальной думы и просят оставшихся еще там представителей буржуазии немедленно удалиться.

Теперь о небольшом, но характернейшем комическом случае. Мэром Парижа был в то время близкий к жирондистам Петийон. Он был лишен всяких монархических предрассудков, умел угадать настроение масс и во-время польстить им, не нарушая своего холодного, натянутого, республикански-добродетельного вида. Дрянной честолюбец, полный сомнений и в то же время трусливый, он знал все позы и фразы, которые могут нравиться народу, и временно всплыл на поверхность; ли-

бералы верили ему, потому что он казался рассудительным; народу он казался независимым и неподкупным.

Революционеры, организаторы 10 августа, считали Петийона более или менее своим человеком и предупредили его о готовившихся событиях. Петийон, по существу своему либерал, страшно струхнул: как быть? как угадать, кто победит? Можно ли стать решительно на сторону конституции? Ведь, победоносная революция не простит этого?!. Но если порядок восторжествует, прощай тогда Петийон!.. Ласковый теленок убедился, что дальше нельзя сосать двух матерей. И вот мэром Парижа взмолился к революционерам, чтобы они его арестовали перед началом своих действий: «Так я буду неответствен». Но революционеры забыли арестовать Петийона! Какие муки!.. В думе заседают две коллегии, набат гремит... А войска собраны вокруг дворца, и кто знает, как будет вести себя национальная гвардия... К кому итти? Что предпринять?.. Петийон отправился к королю. «Я здесь, ваше величество... Если вам будет угодно распорядиться чем-нибудь»... Пауза. «Кажется, в Париже неспокойно?..—спросил король. «Да, волнение велико»,—ответил Иуда в квадрате, затем расплакал-

присылается рота солдат дежурить при городской полиции. Вооруженные боевыми патронами, они должны быть постоянно «в боевой готовности» при первой же тревоге. Такое вечно напряженное состояние страшно озлобляет солдат и все более и более освобождает от навешанного на них гипноза и страха перед кокардой высшего чина. Эпизод с «Потемкиным» имеет громадное симптоматическое значение. Матросы и солдаты упрекали рабочих французского завода, зачем они 17-го июня стали после забастовки на работу. Все говорит о том, что час расплаты с защитниками подлого режима близок...

К вышеприведенным словам товарища редакция с своей стороны может прибавить, что его мнение о росте революционного настроения в войсках отнюдь не оптимистично. Теперь этот процесс разложения «главной опоры» самодержавия будет расти по мере того, как с Дальнего Востока станут прибывать солдаты, которых ужасная и позорнейшая война весьма многому научила. Они явятся поистине роковой для самодержавия «революционной бациллой». Вот образчик того, как мыслит и каким языком говорит теперь вернувшийся с Дальнего Востока солдат:

«Первым делом прошу, чтоб вы писали о том, что собаке можно итти и по Соборной, а солдату приказано не ходить не только по тротуару Соборной улицы, но и по середине ее. Какой-нибудь хозяин, когда идет по Соборной, имеет полнейшее право брать с собой собаку, а на нашего брата, стало-быть, смотрят хуже, чем на собак. Теперь, братцы, смотрите:—когда рабочий народ идет помочь нам, делает забастовки, манифестации,—мы, солдаты, идем их убивать, а за что? За то, что они желают нам добра, стремятся к тому, чтобы и нам, и им жилось хорошо. Братцы, смотрите! Когда Куропаткин познакомился с барышнями, он сидел по целым дням и играл в карты, а о войне ничего и не думал. Только лишь кричал, чтобы ему прислали побольше солдат. Нашего брата совсем не жалеют. Теперь Линевиц опять играет в карты, почему и проигрывает сражения, и требует два миллиона солдат. Не идите, братцы! Довольно нашей крови пролилось! Не думайте, братцы, что это пишет вам какой-нибудь вольный, который ничего не знает. Это вам пишет солдат, который был под Мукденом и приехал чуть живой: без ног и раненый в бок. И то не думайте, братцы, что он (главнокомандующий) мне дал чистую отставку. Нет! Только на год поправку он мне дал для того, чтобы не платить мне жалованья».

Курск. Курск говорит, и говорит теперь почти беспрерывно. Он объявил для себя полную свободу слова и

осуществляет ее довольно широко: зал губ. земской управы открыт для всех и по субботам бывает битком набит культурной публикой, отчасти же и рабочими.

Еженедельные заседания Общества содействия начальному образованию посвящались обсуждению таких вопросов, как проект шиповской конституции и записка 22 предводителей, вопрос о избирательных правах женщин, о национальностях, о всеобщей равной, прямой и тайной подаче голосов, наконец, об аграрной программе.

В первых заседаниях выступали преимущественно либералы, и свобода слова осуществлялась сравнительно умеренная; затем стали раздаваться голоса лиц из революционных партий, и свобода слова, можно сказать, крепла. Когда очередь дошла до аграрного вопроса, языки окончательно развязались. Социалисты-революционеры блистали всеми своими старыми народническими предрассудками по поводу земельной общины, общинного духа русского крестьянства, устойчивости мелкого крестьянского хозяйства и прочее. Как это ни скучно было, но соц.-демократам ничего не оставалось, как вновь (в который уже раз?) разбивать эти, казалось бы, уж разбитые предрассудки... Однако, большая курской публике этот старый спор был, повидимому, новинкой, и к нему куряне в количестве 600—700 человек прислушивались в течение трех суббот подряд с неослабевающим интересом.

Следующая суббота была посвящена лекции Милюкова на тему об оппозиционном и революционном движении в России с 60-х годов. Еще более или менее объективно Милюков держался в изложении событий до 90-х годов; история же движения с 90-х г. понадобилась ему, очевидно, для того, чтобы обосновать позицию конституционалистов-демократов. Конечный вывод таков: соц.-демократическая партия ведет борьбу, главным образом, на почве экономических интересов рабочего класса, и вследствие этого на политической сцене она представляет мало (?) заметную величину,—во всяком случае, от общего политического движения отстает; партия соц.-революционеров, наоборот, главные силы отдает политической борьбе, и вследствие этого вопросы экономического равенства отходят на задний план или решаются ими совершенно утично (наприм., социализация земли без социализации всех прочих средств и орудий производства). Партия же конституционалистов-демократов представляет тот счастливый синтез, в котором политическая свобода и социальное равенство находят для себя одинаково яркое выражение. Правда, он оговорился, что это яркое выражение имеет все черты буржуазности; но он утешал, что только в

ся и удалился. Что же дальше? В то время, как обе силы готовились к схватке, «голова» Парижа Петтион гулял в Тюльерийском саду, мучимый беспокойством. Итти во дворец он не смел, потому что слишком косо и мрачно поглядывали во дворце на «демагога»; итти в Париж опасно: там надо занять определенное положение. Только Законодательное Собрание так же гнушно колебалось, и Петтион запиской просил его вызвать мэра Парижа под каким-нибудь предлогом. Это было сделано. По дороге туда Петтион, наконец,—о, счастье!—был арестован. Он притворился очень изумленным и в неопределенных выражениях заявлял, что его, кажется, нельзя заподозрить... в чем? в измене кому?

Таких Петтионов мы еще увидим и в России...

Двор, конечно, тревожился, но в общем надеялся на победу. Тюльери охранялись значительными силами. Набат затих. Очевидно, произошла только одна из неудачных попыток мятежников...

Наступило утро. Король, довольно спокойно спавший ночью, выходит, чтобы сделать смотр ротам национальной гвардии. И вдруг его встречают свистки и шиканье. Сохраняя наружное спокойствие, Людовик XVI вернулся во дворец. Королева разрыдалась. Надежды

больше не было. Ночью инсургентам пришлось быть осторожными, хотя засады Манда почти всюду были удалены распоряжением думы. Только к 7 часам утра отряды начинают сходиться у дворца. Народу на площади собирается все больше.

Вдруг толпа смельчаков сразу бросается на ворота и выбивает их ударами топоров и пик. Рэдерэр, прокурор старой буржуазной думы, убеждает солдат, избегая кровопролития, твердо сохранять, однако, оборонительные позиции. Канониры узнают в толпе товарищей и друзей и разряжают пушки. Через ограду лезут молодые люди и бросаются обвинять национальных гвардейцев. Тогда Рэдерэр посоветовал королевской семье бежать под покровительство Законодательного Собрания. Король согласился. Национальная гвардия выстроилась шпалерами, сдерживая толпу, и семья победителей Франции побрела в плен. Король казался равнодушным. Чтобы не привлекать к себе чрезмерного внимания, он надел на себя каску национального гвардейца. Наallee валялось много листьев. «В этом году рано начался листопад!»—сказал Людовик. Не без затруднения достигла королевская семья Собрания. Гвардеец посадил принца на трибуну. Король сел рядом с

России партию его могут назвать буржуазной, в Западной же Европе, и особенно в Америке, она сошла бы за ультра-социалистическую... Лекция вызвала довольно горячие прения, в которых было высказано социал-демократами немало горьких истин. Чтобы выйти победителем, Милюков воспользовался последним словом и, зная, что горюет по с л е д н и м, рассказал анекдот, ставящий в смешное положение один из крупных комитетов социал-демократической партии. Главнейшие надежды Милюков возлагает на профессионально-политические союзы; он остался даже еще на день, чтобы принять участие в собрании всех членов всех союзов Курской губернии, — в собрании, которое было назначено для учреждения союза союзов. Здесь Милюков сделал «союзникам» одно очень ценное признание: он, видите ли, полагает, что в настоящий момент прямое избирательное право может оказаться более выгодным правительству, чем народу, и что если «булыгинская конституция» проектирует не прямую, а двух-трех и вообще многостепенную систему выборов, то истинным друзьям народа нечего особенно по этому поводу беспокоиться... В устах конституционалиста-демократа это признание очень ценно: зачем ему, в самом деле, прямое избирательное право! Ведь, он, как представитель буржуазии, во всяком случае, обижен не будет! Правда, народ при несправедливых выборах может оказаться без своих представителей, но защищать его интересы нам обещают конституционалисты-демократы... Чего лучше!!

Первыми по времени в Курске образовались отделы союзов адвокатов, агрономов и статистиков; затем стали организовываться союзы учителей (в уездных городах Льгове и Судже), железнодорожников, женского равноправия, врачей, конституционалистов. В настоящее время организуются союзы: приказчиков, ветеринаров, служащих (по выбору и найму) в городском самоуправлении и крестьянский союз. Словом, союзы растут, как грибы после дождя. Общая для всех платформа: конституция на демократических началах (всеобщее, равное, прямое избирательное право с тайной подачей голосов). Главнейшим средством проведения этой платформы все союзы считают пропаганду во всех слоях народа, и особенно в крестьянской массе, политический идеи путем устного и печатного слова. Всех членов союзов насчитывается больше 400; самыми многочисленными можно считать союзы железнодорожников (120 ч.) и учительский (около 100); за ними следуют: союз женского равноправия (75 чел.), агрономов и статистиков (30), конторщиков (24), адвокатов (20). В каждый из этих союзов вошли, главным образом, люди без строго определенного

направления; второе место занимают те, которые сознательно или бессознательно носят кличку «серых» (социалистов-революционеров). В некоторые вошло и несколько социал-демократов, которые, конечно, не переоценивают значения союзного движения, но надеются извлечь из него кое-какую пользу в интересах своей партии. На съезде всех членов всех союзов, созванном для учреждения союза союзов, решался 13-го июня, между прочим, важный тактический вопрос: как союзы должны отнестись к выборам в государственную думу по проекту Булыгина? Предварительное заседание всех бюро пришло к заключению, что всякие выборы, основанные не на строго демократических началах, должны подвергнуться активному бойкоту. Сущность последнего должна заключаться в том, что правительственные избирательные урны игнорируются, наряду с ними устраиваются свои народные избирательные урны, и вместо выбора выборщиков избираются путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов депутаты непосредственно в парламент; избранные таким образом депутаты, как истинные народные представители, должны явиться в Питер и там объявить себя учредительным собранием, а членов государственной думы, выбранных по правилам булыгинского проекта, и самую государственную думу — подлежащими распушению. Вот этот активный бойкот и был от имени соединенного заседания всех бюро предложен съезду. Само собой разумеется, что Милюков и все конституционалисты-демократы отнеслись отрицательно к бойкоту и предлагали воспользоваться «булыгинскими выборами», как бы антидемократичны они ни были. К чести собравшихся на съезд членов союзов, нужно сказать, что громадное большинство не последовало за Милюковым и оказалось солидарно с соединенным бюро, т.е. в принципе приняло активный бойкот. Резолюция выразилась в такой форме: «Союз союзов ставит задачей проведение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия вероисповедания, пола и национальности и с этой целью признает неотложной необходимостью момента принять все меры к организации активного бойкота против всякой иной системы». Кроме этого постановления съезда, следует упомянуть еще одно: «По вопросу об отношениях к действующим революционным партиям съезд, не входя в подробности, высказался в принципе за материальную и моральную поддержку со стороны союза союзов революционным организациям». В настоящее время союз союзов озабочен организацией крестьянского союза. Начало последнему будет положено 3-го июля, когда из уездов съедутся человек 40—50 крестьян, рекомендованных членами

председателем и сказал: «Я пришел, чтобы спасти нацию от великого преступления».

День прошел бы без особенного кровопролития, если бы король не забыл о своих швейцарцах. Не получая приказа удалиться, телохранители-швейцарцы решили оборонять дворец, и несколько часов шло кровавое сражение, в котором бесполезно гибли последние остатки королевских сил.

На этом мы закончим очерки из великой революции. Вывод из намеченных нами моментов ясен. Именно народ правильно угадывал интересы революции и толкал ее вперед, когда она останавливалась на мертвых точках. Если великая революция не могла победить реакции, если реакция вспыхнула-таки и еще на некоторое время восторжествовала, то это потому, что недоразвитый капиталистический строй не давал того фундамента, который необходим для истинного народоправления. Экономическая организация Франции и всей Европы неминуемо должна была быть капиталистической; мелкая буржуазия не могла противопоставить капитализму ничего прочного, пролетариат и подавно, так как его сила заключается в том, что он — наследник и победитель капитала, растущий именно в недрах капитализма.

Крупная и средняя буржуазия боялась народной революции и ненавидела ее; она готова была лизать солдатские сапоги человека, который дал бы им возможность «делать дело» и принудил бы молчать страждущий народ. А народ не мог обойтись без услуг капитала, не мог широко и сознательно организовать производство и разрешить финансовый вопрос. Революция убила врагов капитала, он сумел использовать ее в своих интересах и, попирая свободу, равенство и братство, во имя которых он звал под свои знамена народ, капитал расцвел пышным цветом, создал колоссальные средства производства, создал класс, которому легко взять его в свои руки и организовать его на новых, высоко совершенных началах.

Недалеко то время, когда кончится миссия капитала, в одно и то же время — могучего организатора производства и проклятого расточителя сил человеческих. Пролетариат придаст производству еще более неслыханный, изумительный размах, не питая в то же время производства живыми душами и кровью, не нагромождая соковок у одних, не изнурая других.

(А. Луначарский).

существующих союзов, и в особенности учительского союза. Два-три мелких крестьянских союза уже и теперь имеются в некоторых уездах, но о них и вообще о крестьянских союзах сообщу в следующем письме.

В настоящее время ведется следствие о сожжении 17-го июня толпой железнодорожных рабочих и крестьянами-богомольцами офицера, зарубившего связанного солдата. Военные власти предадут суду весь наличный состав железнодорожных жандармов и патруль солдат (10—12 чел.) за отказ действовать оружием, а полиция разыскивает виновных, опознавая, между прочим, по фотографическим снимкам, сделанным во время происшествия. Говорят, арестовано около 70 чел. Слобода Ямская, где находится вокзал и живут жел.-дор. рабочие, в большом возбуждении; среди солдат замечается то же.

Тверь. (Поход на крестьян). Накануне Троицы крестьяне Первитинской волости наблюдали довольно поучительную картину. Уездный исправник Стромиллов и помещик (он же городской судья) Хвостов в коляске, нагруженной разными выпивками и закусками, ехали из города в село Первитино в имение Хвостовых. За ними следовал эскадрон драгун под предводительством 3-х офицеров и в полном снаряжении, с боевыми патронами в сумках. У крестьян страх и омерзение вызывала эта компания,—жирный полупьяный исправник, откормленный, как боров, помещик, не стесняющийся применять кулачную расправу к крестьянам, которые обращаются к нему за правосудием, и настоящие рожи драгунских офицеров, известных лишь своими пивными драгунскими да кулачными расправами с подчиненными им солдатами. Куда их несет?—спрашивают крестьяне. Хвостов ведет их к себе в имение для охраны. Завтра там ярмарка: он боится разгрома. Дорогой он поит своих гостей водкой и кормит закусками. Первая остановка в имение известного нашей волости крепостника-помещика и казнокрада в отставке Пшеславского. Здесь опять пьют и закусывают. Следующий привал достойная компания устраивает неподалеку от казенки, в волостном правлении, где исполняет свои шпионские обязанности их друг и приятель, а по-нашему, вор и доносчик, старшина Гурьянов. Этот своеобразный «военный» поход оказал свое воздействие. Многие крестьяне побоялись притти на ярмарку. Была больше молодежь. И солдаты оказались на высоте задачи. Полупьяные рыскали по деревням и по ярмарке, хватили и обыскивали молодежь. Около десяти человек было арестовано. За неимением тюрьмы арестованных сажали к помещику в молочную. (На другой день все были выпущены, за исключением одного, у которого, говорят, что-то нашли). Несмотря на эти военные и полицейские меры, листки были все-таки разбросаны.

Харбин. (Из письма военного врача, от 15-го июня). Тыл армии теперь далеко не такой воинственный, как прежде, и легковерных, рассчитывающих на победу Линевица, попадает мало. Даже надеющиеся на победу жалуются, что «толками о мире» сбивают солдат, которые на позициях платят из своих грошей чуть не полтинники за «телеграммы». По рассказам приехавших с юга, японцы опять пропали, словно сквозь землю провалились. Знают об их расположении еще меньше, чем раньше знали. Линевиц надеется на то, что не будет отступать. Он издал приказ, в котором говорится, что отдельные части имеют право отступать только тогда, когда вышло из строя 60%. В случае отступления приказано стрелять в своих же отступающих. Но можно, конечно, издавать разные приказы. Как будет в действительности,—покажет время. Можно быть заранее уверенным, что расстреливание своих отступающих артиллерийским огнем не выйдет: не будет стрелять. А если бы и стали, то вопрос, не бросятся ли отступающие по линии наименьшего сопротивления, т. е. в атаку на собственную артиллерию. «Харбинский Вестник», как выразитель чувств, мнений и интересов официального Харбина, воинственен. В числе доводов необходимости продолжать войну он выставляет следующее положение: на эвакуацию армии потребуется около 6 месяцев, а в эти 6 месяцев сидения без дела в армии произойдет ряд бунтов, разовьются грабежи и т. п. ужасы. Отсюда вывод «Вестника» такой: необходимо дать еще сражение, чтобы было поменьше здоровых людей, способных бунтовать...

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Николаев. (Адмиралтейство перед забастовкой). «У нас в порту рабочие находятся в настоящем рабстве: хозяином является правительство. Царит произвол: кто хочет, тот и вводит новые правила. Захотел мастер сделать что противозаконное, он знает, что рабочему некому на него пожаловаться, а если и пожалуется, то не обратят внимания, да еще сочтут за слишком умного и смелого и постараются удалить из порта. Благодаря этому у нас рабочие до того забыты, подавлены, что они ни разу еще не решались бастовать или протестовать против такого гнета, несмотря на то, что есть и сознательные рабочие. Благодаря тому, что на некоторых заводах ввели девятичасовой рабочий день, наша администрация поспешила ввести его и у нас, но низкие расценки и заработная плата остались прежние. При десятичасовом рабочем дне и то не удавалось заработать ничего сверх поденного жалованья, а когда сбавили час, то рабочие и подавно потеряли надежду заработать что-либо. Сознательные рабочие повели агитацию за забастовку. Все с ними соглашались; настроение наших портовиков небывалое. Состоялось несколько собраний. Решено было выбрать депутатов. Депутаты были выбраны во всех мастерских, кроме механической и кузничьи. Но в четверг, 9-го, когда мастерские собрались утром на поверку, один рабочий предложил выбрать депутатов, мастерские согласились. Когда депутаты были выбраны, в мастерскую явился мастер Яковлев. Он стал ругаться и кричать: «Кто вам позволил выбрать депутатов?». Кто-то указал на того рабочего, который предложил первый. Яковлев сейчас же набросился на него, стал кричать: «Бунтовщик, расчет немедленно выдать ему!». Рабочий вышел на двор; его схватили два полицейских и хотели вести на допрос к заведующему портом, известному алкоголику и шипику Юрьеву. Когда мастерские механической мастерской заметили это, то сейчас же прекратили работу и потребовали неприкосновенности личности. Пришел Юрьев, по обыкновению пьяный, рабочие не стали с ним говорить, а потребовали другого болвана, «градоначальника» (командира порта). Когда явился градоначальник, то сейчас же принял согласие уговаривать рабочих, сделал мастеру «выговор». Рабочие успокоились, градоначальник уехал. В этот день тем и кончилось.

На другой день было заседание депутатов с администрацией порта. Депутаты от имени рабочих заявили, чтобы администрация утвердила их. «Градоначальник» на это сказал следующее: «У нас получился из Петербурга циркуляр о выборе старост, и вы теперь в силу этого циркуляра не можете быть утвержденными, а все ваши требования не будут удовлетворены. Если же вы будете мутить народ, я вас рассчитаю». Собравшись в столовой рабочим депутаты объявили слова «градоначальника». Рабочие были сильно возмущены. На 13-е июня в понедельник решили забастовать. Настроение превосходное. Полиция попросила разойтись; рабочие, переговорив о своих нуждах, разошлись, решив собраться утром во вторник. В порту стоят вооруженные матросы; они удивляются, для чего их прислали. Эти матросы всегда работали вместе с портовыми мастерскими, так что они все знакомы и стрелять не станут. Требования, предъявленные портовыми рабочими,—экономические; выставлено требование и о 8-час. раб. дне. У нас, в Николаеве, предполагается всеобщая забастовка, но она будет носить не экономический, а политический характер. На собраниях речи говорятся все время на политические темы. Рабочие сильно хотят свободы, даже самые серые, и те говорят: «Хоть бы скорей добиться свободы». Ожидается что-то грандиозное. Жаль, что не имеется оружия, а ожидается столкновения с войском. Мелкие фабрики еще не забастовали.

Другой рабочий, характеризуя те же «каторжные условия работы» в николаевском адмиралтействе и бесцеремонность портового начальства, раскрывает такие подробности: «Еще не изменились те условия, когда мастера и указатели пользовались бесплатно у себя на дому и вообще лично для себя трудом рабочих. Указатель Штеренбоген, этот известный взяточник, заставляет рабочих после окончания работы итти работать к нему на дом, а если кто из рабочих отказывается итти, тому он

грозит расходом. Рабочие, боясь остаться без работы, идут и работают у него до 9—10 часов вечера».

О том, как любовно и заботливо портовые «отцы и благодетели» относятся к своим рабочим, свидетельствует хотя бы следующий рассказанный автором того же письма случай: «В николаевском адмиралтействе, на крейсере «Калуге» один мастерской, работавший подручным сб-рщиком, благодаря тяжелой, каторжной работе, надорвал себе спину, так что эту работу ему стало работать уже не под-силу. Он стал просить указателя Сволочевского дать ему работу полегче или же на некоторое время, пока хоть немного не заживет спина, дать ему поденную работу. Но Сволочевский, вместо того, чтобы отослать больного рабочего в госпиталь или, по крайней мере, поставить на более легкую работу, совсем лишил его работы: пошел к строителю крейсера Лютеру и наговорил тому на рабочего, что он просто лентяй и отлынивает от работы. Лютер, позававши рабочего в контору, стал его ругать, обозвал лентяем и, в конце-концов, дал ему расчет».

Чрезвычайно грубое обращение с рабочими, отвратительный шпионаж (шпионством не брезгают заниматься и мастера, в роде, напр., известного в порту негодяя мастера кузнечного цеха Сваровского, который выписал себе наподмогу в этом милым занятии целую свору своих бывших товарищей из Петербурга), полный произвол в действиях портовой администрации, бессовестнейшая эксплуатация рабочих, главным образом, путем понижения расценок, допеканье рабочих штрафами,—вот главные мотивы жалоб рабочих на свои портовые порядки. Относительно, напр., системы штрафов наш корреспондент-рабочий пишет: «В порту царит давящая система штрафов; штрафуют за всякую мелочь. Не выйдет рабочий на работу—неприменно получает штраф; опоздает после третьего звонка хотя бы на 3 минуты—полдня штрафу. Одним словом, всюду в порту только и слышишь, что штраф, штраф и штраф»...

В виду всех этих особенностей «трудовой атмосферы» николаевского порта революционное настроение рабочих, несмотря на всю их заботливость и приниженность мало-помалу росло и, наконец, прорвалось. «Рабочие порта,—говорится в сообщении рабочего,—вск жизнь молчавшие, наконец-таки заговорили. Гнет со стороны портовой администрации, грубое обращение со стороны низшей администрации—мастеров и указателей, оскорбление личности рабочего на каждом шагу,—все это постепенно озлобляло и разжигало портовых рабочих. Нередко рабочий, безропотно переживавший все эти унижения, вдруг озлоблялся и протестовал, как мог, напр., избиванием мастера, указателя и т. п. Но в настоящее время у нас в порту рабочие поняли, что одному человеку ничего не поделать. «Мы поняли, что нам надо организовать в одно целое и противопоставить силе капитала организованную рабочую силу. Настроение теперь у наших рабочих приподнятое. Все говорят, что надо как-нибудь поправить свое положение. Стали выбирать депутатов и уже во всех мастерских выбрали: только одна, так-называемая «Северная Кузница», не позаботилась выбрать своего депутата. Здесь рабочие до того забиты, запуганы, невежественны, что даже боятся делать то, что уже кругом сделано».

Николаев. (Политическая забастовка). Политическая забастовка началась в Николаеве 14-го июня в 9 час. утра на французском заводе. Первым забастовал док, откуда товарищи разошлись по всем мастерским и всех призвали к политической забастовке. Когда посланный от дока предложил рабочим механической мастерской присоединиться к забастовавшим, то часть этих рабочих отказалась и начала бросать в посланного гайками. Он ушел и сообщил товарищам, что механическая мастерская не желает примкнуть к забастовщикам; тогда туда была отряжена партия рабочих; произошла стычка, в результате которой оказались раненые с обеих сторон. Скоро большая часть рабочих собралась на круг. Говорили много ораторов. Первый оратор говорил о необходимости солидарности с товарищами. По предложению другого оратора, многотысячной толпой была принята резолюция приблизительно следующего содержания: «Мы, николаевские рабочие, присоединяемся к голосу рабочих всей России и требуем созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права». Когда вышли из

стен завода, то опять говорили несколько человек. Здесь один наш товарищ произнес горячую речь, продолжавшуюся больше часу, и с таким чувством говорил про горькую долю рабочих, с такой энергией призывал к борьбе, что страшно возбудил массу. Многие плакали. Если бы оратор предложил пойти тотчас же в город, то вся толпа пошла бы. Но оратор заявил, что, пока у нас нет достаточно оружия, устраивать демонстрации нецелесообразно. Когда он кончил, из груди многотысячной толпы вырвался дружный клич: «Долой самодержавие!». На другой день, 15-го июня, приблизительно около 6 часов, к заводу начали стекаться рабочие; из порта (военного, не рабочие) не пришли, так как они собрались под портом. Наш оратор говорил под портом и затем с частью портовых рабочих направился к французскому заводу, где произнес вторую речь. Решено было пойти через город в порт. Но план не удался. Появились казаки и начали разгонять толпу нагайками, на что из толпы ответили выстрелами, которыми, как говорят, ранены 4 казака. Казаки разрезали толпу рабочих на 2 части; одну часть погнали на Введенную, другая же, в количестве 300 человек, пришла в город с тем, чтобы соединиться с портовыми. Когда они подошли к главной улице—к Соборной, то их встретили войска. Часть рабочих роптала на то, что комитет не приготовил достаточно оружия. Когда же некоторым из них стало известно, что есть бомбы, то рабочие приободрились. Скоро по их требованию все магазины были закрыты. Часть приказчиков примкнула к рабочим. Около типографии Шнейдера (на Соборной) рабочие замешкались, так как хозяин долго не соглашался закрыть типографию. В это время из городской полиции выехал полицмейстер Иванов, которого конвоировали пристав Черкасов и конные городовые. Поравнявшись с типографией Шнейдера, Черкасов крикнул толпе, чтобы она разошлась, а не то, мол, он прикажет стрелять в нее. Безоружная толпа, боясь, чтобы эта угроза не была приведена в исполнение, повернулась с намерением уйти. В этот момент была брошена бомба в экипаж полицмейстера. Как видно, она была брошена недостаточно сильно, потому что не тотчас разорвалась. Полицейстер заметил ее и успел выскочить из экипажа, после чего раздался взрыв, и экипаж с лошадьми и кучером был опрокинут. Толпа, которой часть лишь знала о бомбе, подумала, что дали по ней залп, и пустились бежать, врываясь в магазины с криком: «В нас стреляют!». Но скоро стало известно, что это не залп, а взрыв бомбы, брошенной рабочими. «Раз у нас есть бомбы, нам нечего бояться»,—говорили они. Взрывом бомбы была убита женщина, ранен тяжело кучер полицмейстера и еще 4 человека. В этот же день была брошена на базаре другая бомба, которая, впрочем, не разорвалась. За бросившим эту бомбу вдолгонку бросились казаки. Он был уже почти в безопасности, когда ему перерезал путь матрос и задержал его. Его связали и страшно избивали.

Другая часть рабочих, которая была погнана на Военную, начала закрывать мелкие мастерские. Преследование рабочих продолжалось до 12 часов дня; при этом рабочие, вооруженные револьверами, отбивались от казаков, когда те пытались арестовывать их. Так, один рабочий, за которым гнался казак, выхватил револьвер и выстрелил в казака; пуля попала в висок. В другом случае за кучкой рабочих гнался казак. В это время сзади к казаку подскочил матрос и острым камнем ударил казака в шею так, что тот, свалившись с лошади, остался на месте, а лошадь убежала. Было несколько и других подобных же случаев... Вообще, по показаниям многих лиц, было ранено около 15 казаков, а убито 3. Со стороны рабочих убитых нет, но есть 5 раненых.

В другой корреспонденции даются следующие сведения о забастовке: «Всеобщая забастовка продолжалась 1 день, а заводская—четыре дня».

В первый день забастовки все рабочие всех заводов собрались около французского завода; один оратор выступил с речью, и полиция это допустила, но затем подошли разъяренные казаки, которые не позволяли народу идти всем вместе в город, так что пришлось пробираться по несколько человек. Рабочие останавливали движение в городе: была остановлена конка, закрывались магазины, и весь базар был очищен. В девять часов все рабочие

собрались на Соборной улице; народ занимал два квартала.

Вся эта толпа двинулась вперед и дошла до угла Спаской и Соборной, где она была окружена с трех сторон. Народу не давали идти дальше, с одной стороны, казаки, с другой—пожарная команда и затем еще полиция, во главе с полицмейстером. В это время из толпы была брошена бомба, которая убила трех казаков и четверых людей. После этого народ разбежался. На другой день на французском заводе работали, но на черноморском и в порту и до сих пор не работают, а также во многих портняжных мастерских. На фабрике же папирос более месяца, как не работают...

Николаев. (После забастовки). Во время политической забастовки и после нее полиция хватала направо и налево, правых и виноватых, 16-летних мальчиков и стариков, интеллигентов и рабочих,—словом, без различия пола, возраста и звания. Все участки и николаевская тюрьма переполнились. Арестованным приходится жить в ужасной обстановке. В камере в 3½ аршина ширины и в 6 арш. длины помещается 5—8 человек. Грязные нары, масса клопов и других насекомых... Спать приходится не только на нарах, но и на грязном полу. Освещения никакого не полагается. Кормовых выдают 7 коп. в сутки. На эти деньги покупают отвратительную вонючую колбасу, да и то еще в том случае, если с воли прищлют малую толику денег. В общем голодают. Едят один раз в день, да и то сухую пищу. У многих, благодаря этому получается расстройство пищеварительных органов. На все камеры имеется одна только кружка—и для питья, и для умыванья. Из нее пьют и политические, и уголовные, рискуя заразиться какой-либо мерзостью. После 8 часов вечера из камер не выпускают, надо брать к себе на ночь вонючую парашу. Тюремное начальство весьма «демократично» и не допускает никакого неравенства в положении заключенных. Так, например, вместе с одной политической девушкой поместили двух уголовных женщин, которые поспешили обокрасть ее. Ее простыни ни к чему не привели. Несколько дней ей пришлось спать на окне. Когда она перевелась в больницу, истомившись от такого режима, ее поместили в одну палату с тифозными больными.

Из множества арестованных в Николаеве сидят теперь (3 июля) в тюрьме лишь 12 человек, а именно: Митрофан Федосеев, Павел Софронов, Борис Калмыков, Игнат и Сергей Макаровы, Иосиф Ходоровский, Абрам Нахамкин, Борис Спектор, Леонид Бельский, Мария Пикер, Буя Винокур, Мария Нейдельштейн. Остальные сидят по участкам. Многих на-днях выслали.

30-го июня были арестованы: Колайдо Трофим, Агапатов Лева, Бондаренко Яков, Дмитрий Дикин, Моисей Соколовский, Николай Кирильченко, Бабкин (недавно вернулся из ссылки).

Кроме вышеуказанных, известны имена еще следующих арестованных за последнее время:

Рыбаков, Иваничин, Грабов, Гарасев, Качевский, Чигрин Ив., Шмелев, Голубицкий, Шаров, Зинченко, Кузнецов, Шорин, Шугнев, Романов, Гринберг, Бергман, Бьстрицкая, Куклин, Чернорыжий, Заславская, Дворецкий, Уманский, Козлов, Щербаков, Липовецкий, Усачов, Великий, Фридман, Шапиро, 10 человек булочников и много других, имена и фамилии которых еще не удалось привести в известность.

Вообще после забастовки всех было арестовано около 100 чел. Многих из арестованных местный помпадур Кисель-Загорянский поспешил выслать подальше от Николаева.

Екатеринослав. Антиправительственная агитация и собрания проводятся на носу у полиции. Ежедневно по окончании работы пролетарии собираются на бирже труда, где дебатировать и обсуждаются интересующие их вопросы. Воспитанный в атмосфере политического рабства, обыватель сильно поражается при виде сотен работников и работниц, оживленно разговаривающих свободным пролетарским языком на злобу дня. Иногда сходятся пролетарии разных фракций и партий, поайлей-ционисты, бундовцы, меньшевики, большевики. Несмотря на разновидность сталкивающихся, прения редко выходят из границ страстности споров. Но в высшей степени неприятно, когда к приверженцам вышеописанных партий и фракций присоеди-

няются форменные приверженцы самодержавия. Местные держиморды в высшей степени непостоянны. Сегодня на биржу посылаются царские опричники. На завтра некоторые из околоточных обращаются к собравшимся приблизительно с такими словами: «Товарищи, будьте любезны разойтись». В общем полиция проникается сознанием своего бессилия для борьбы против открытого выступления пролетариата, который смело обходит и рвет на клочки царско-самодержавные законы. В субботу, 4-го июня, вечером, в переполненном гуляющей публикой городском саду была устроена демонстрация. Демонстранты сплошной массой двинулись по саду, распевая революционные песни. Публика весьма сочувственно относилась к демонстрантам. На следующий вечер в заседании общества приказчиков были распространены листки буржуазной партии поайлей-ционистов. Публика после короткой речи оратора социал-демократа (большевика) с антиправительственными возгласами оставила залу. В понедельник среди гуляющей в саду публики, в театре и в цирке были разбросаны наши листки по поводу гибели эскадры. Во вторник в обществе приказчиков распространены наши листки. Наш товарищ в кратких словах призывал к активной борьбе с правительством. Заканчиваю следующим инцидентом. В общественном саду профессор горного училища, повидимому, навеселе, стал довольно басистым голосом кричать: «Долой полицию!». Профессора окружила тысячная толпа, к которой он обратился приблизительно со следующими словами: «Господа, давайте осмеивать наше правительство... Ха-ха... Господа!—продолжал профессор,—кричите: «долой самодержавие!». Публика ответила громовым «ура». Профессор не унимался. «Кричите: долой самодержавие! Если бы мы этого не кричали, то наша депутация не была бы принята» (речь, повидимому, шла о принятии Николаем депутации либералов). Полиция хотела арестовать профессора, но публика его отбила. Поддаваясь и сам лозунгам толпы, профессор стал повторять за нею: «Да здравствует демократическая республика!». В это время в сад направились казаки. Профессор и еще, кажется, двое арестованы.

Сестрорецк (6-го июня). За последние две недели деятельность организации выразилась в распространении листов и брошюр агитационного содержания, доставленных через Пет. Комитет. Число массовок (к неудовольствию рабочих) несколько сократилось за обычным в летнее время недостатком ораторов. Пропагандистские занятия идут успешно. Замечается сильный спрос на нелегальную литературу со стороны расположенных здесь войск. Благодаря этому удалось распространить довольно значительное количество листов, приспособленных к пониманию солдат, и завязать с ними постоянную связь. Организация солдатских кружков является в настоящее время ближайшей задачей Сестрорецкого Комитета, в осуществимости которой мы не сомневаемся. Полиция держится в стороне, и массовки собираются беспрепятственно. До сих пор арестов среди нас не было. Обысков было два—у двух рабочих, не имеющих непосредственного отношения к нашей организации. Привлечен к дознанию молодой рабочий Макеев по обвинению в распространении нашего листка «К сестрорецким оружейникам» (от 29-го апреля). В день мобилизации удалось организовать удачную демонстрацию: рабочие прошли по улицам с пением революционных песен (в демонстрации участвовало до 500 ч.). Демонстративно изорвали на площади перед волостным правлением национальные флаги и воспрепятствовали служению молебна. Настроение рабочих боевое. Мысль о возможности и необходимости вооруженного восстания получает все большую популярность.

С. Ком.

Иваново-Вознесенск. 10-е и 11-е июня прошли спокойно; рабочие тайным образом продолжали сходиться; поджоги и разгромы казенных лавок несколько уменьшились; только в местечке Ямы жители сшибли с лошади урядника; он взял в обе руки шашку и револьвер, но толпа смяла его и побила. 11-го числа по всем направлениям города ездили казаки с извещением, чтобы рабочие сошлись на Вознесенской площади по приглашению губернатора. Но так как народу сошлось много, а площадь тесная, то губернатор сделал предложение идти на Талжу. И тут же расклеили

объявление, что рабочие могут сходиться на Талке 11-го и 12-го числа, только с условием, чтобы не обсуждать противоправительственных вопросов. Губернатор дал честное слово и перекрестился на церковь, что больше никого не тронут. Пришедши на Талку, рабочие решили послать губернатору заявление, чтобы первым делом освободили арестованных товарищей, позволили впредь собираться каждый день во время забастовки, а после забастовки позволили бы собираться открыто всем рабочим, когда будет нужно, с предупреждением полицмейстера. Губернатор разрешил собираться еще 13-го и 14-го числа; освободили 22 человека, взятых на Талке 3-го числа, а 9 человек оставили: рабочего оратора и тех, которых захватили во время раскидки прокламаций и разгрома казенных, при этом только тех, которые оказывали вооруженное сопротивление войскам и казакам, или при которых нашли оружие. 12-го числа рабочие сходились на Талке; народу было много, говорили ораторы обо всем, что накипело в душе. Фабриканты, видимо, колеблются. Губернатор сказал, что они желают вести переговоры со всеми депутатами, и, по всей вероятности, в скором времени приступим к общим переговорам.

Рабочие заявили, что не пойдут работать, покуда не удовлетворят наших требований. На депутатском собрании решено составить протокол по поводу 3-го июня, описать подробно зверства казаков и полицмейстера, собрать сведения об убитых и раненых и передать на рассмотрение народных представителей. При этом протоколе хотят взять подписку со всех рабочих.

Рабочий К. А.

ИЗ ПАРТИИ.

Отчет о конференции групп Северного Комитета.

В конце июня состоялась конференция групп Северного Комитета. В ней приняли участие следующие организации: 1) Бюро Северного Комитета; группы: 2) Ярославская, 3) Костромская, 4) Иваново-Вознесенская, 5) Рыбинская, 6) Ростовская и 7) Вологодская. Периферийная группа Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенской были представлены особыми депутатами. Центральный Комитет послал на конференцию своего представителя.

Был принят следующий порядок дня:

I. Отчеты: а) о III съезде, б) о положении дел в партии, в) о положении дел в группах.

II. План дальнейшей работы в районе Северного Комитета: 1. Разделение на комитеты; 2. Вопрос о конференции комитетов Северного района; 3. Постановка местной работы: А. Аппарат конспиративно-организационный: а) Комитет (состав его и положение рабочих в организациях); б) Автономные периферийные организации; в) Остальные периферийные группы. Б. Аппарат открытого выступления. В. Аппарат подготовки вооруженного восстания: а) Работа среди войск; б) Создание особых групп.

III. Ближайшие политические задачи.

Представитель ЦК сделал отчет о III съезде и положении дел в партии, описав в последнем докладе организацию общепартийной работы и выяснив отношение ЦК к отколовшейся части партии и к выборам в Государственную Думу. Затем были представлены отчеты групп. В общем они сводились к следующему.

Кострома. Центральная группа состоит из 5 человек (4 инт. и 1 раб.). Разделение функций следующее: пропагандист, агитатор, организатор, техник и секретарь. Кроме того, имеются: кружок организаторов (6 раб.), пропагандистов (10 чел.), агитаторов (4 инт. и 3 раб.). Организованных раб. около 150 и в Кинешме 15. Профессиональных революционеров 4. Месячный бюджет от 300—400 рублей. Литературы за ½ года было около ½ пуда: легальных библиотек мало. Ежедневно происходят массовки от 100—150 чел.; иногда выступают ораторы в сквере, где собираются рабочие. Листки на гектографе и mimeографе издаются от 10 до 12 раз в месяц (всего в мес. до 6.000 экз.). Среди крестьян листки распространяются. Учащихся объединено в кружки до 200 чел. За июнь было 5 собраний в общественных местах (было на них около 50 раб.), 2 из них организованы с.-д., на всех остальных с.-д. высту-

пали. Сверх 10 пропагандистов имеются еще 2 кружка для подготовки пропагандистов. Занятия ведутся по екатеринославской программе (с сокращениями) в 13 кружках, состав которых, однако, непостоянен. Группа поддерживала иваново-вознесенскую стачку людьми, деньгами (300 р.) и револьверами. Сношений с Бюро Сев. К-та почти не существовало, и с февраля группа существует самостоятельно.

Отчет Бюро Сев. К-та. Организовалось вновь с октября 1904 г. С января по июнь изданы следующие листки: 1) К солдатам—10.000, по поводу 9-го января. 2) К рабочим—5.000, по тому же поводу, в тип. Рыбинск. группы. 3) Ко всем рабочим—10.000—в тип. ЦК. 4) и 5) Первое мая (Листки «Вперед» и С. К.)—7.000. 6) Ко всем (об избении 1-го мая)—1.000. 7) К солдатам (о войне)—2.000. 8) К железнодорожным рабочим—1.000. 9) К рабочим Корзинкинской фабрики—3.000. 10) К ив.-вознес. рабочим—5.000. 11) К ярославск. рабочим (об ив.-возн. ст.)—1.000. 12) Ко всем ярославским рабочим (призыв к стачке)—2.000. Всего—47.000, в типогр. Сев. К-та.

Печатаются листки ЦК «О последнем морском поражении» и «О депутации земцев к царю».

На гектографе (от 10—12 названий, главным образом, перепечатки) издано до 3.000. В Иваново-Вознесенск на стачку передано около 500 р. За последнее время Бюро Сев. К-та слилось с Ярославской группой и весь район за отсутствием сил и литературы обслуживало относительно слабо.

Ярославская группа. Работа началась совершенно заново с октября 1904 г. Среди общества велась довольно интенсивно, и результаты в смысле подготовки работников (пропагандистов) и средств сказываются. Состоит группа из 6 чел.: пропагандиста и агитатора, организатора, техника, секретаря, литератора и члена без определенных функций. Учащихся организовано около 100 чел., ими устроено 3 демонстрации: 21-го февраля, 21-го марта (принимало участие несколько тысяч человек) и 1-го мая. Районные комитеты имеются за Волгой (5 раб.), за Костромой (9 раб.), ремесленный (9 раб.) и фабричный (7 раб.). Рабочих организованных около 110 чел., профессиональных революционеров 3. Пропагандиста 4 и около 12 кружков. Сильный недостаток в квартирах для кружковых занятий. Намечаются около 9 агитаторов-рабочих. Массовки были: 1) до 1-го мая, 2) 1-го мая, 3 и 4) на Троицу. Посещало их до 150 чел. Бюджет 300—400 р. в мес. Листки издавались совместно с Сев. К-том.

Отчет Иваново-Вознесенской группы. Положение дел к 1 июля. Ц. группа состоит из 4 местных рабочих (за отъездом провалившихся во время стачки) Районных комитетов 6 (из них один женский и один в Кохме), от 5—6 раб. в каждом. Фабричных комитетов (чел. по 4) около 15—20. Пропагандистов и агитаторов нет. Организованных рабочих около 600 чел. Бюджет 80—100 р., исключительно из 2% отчислений рабочих. Имеется боевая группа. Организованная окружная организация охватывает Шую (с 25 тысяч раб., 30 орг.), Кохму (8 тыс., 80 орг.), Тейково (10 тыс., 20 орг.), Середу (6 тыс., 30 орг.), Вичугский район (около 30 тыс., 30 орг.). Всего организовано около 200 человек. Делегат сделал подробный отчет о ходе иваново-вознесенской стачки, которой руководили с.-д. (через депутатов, из которых 2/3 были с.-д.), и им удалось придать ей ярко-политический характер.

После отчетов конференция решила, что в интересах дела необходимо вместо одного руководящего центра (Сев. Комитета) установить три (в Ярославле, Иваново-Вознесенске и Костроме). Представитель ЦК на основании данных ему полномочий утвердил с 1-го июля комитетами группы Ярославскую с Ростовом, Вологдой и Рыбинском, Костромскую с Кинешмой и Ив.-Вознесенскую с Шуей, Владимиром, Кохмой, Тейковым, Середой и Вичугским районом. Сев. Комитет считается упраздненным.

По вопросу о конференции комитетов Северного района постановлено:

«Конференция групп Сев. К., исходя из резолюции III съезда о периодических конференциях партийных организаций и в виду целого ряда неотложных дел, затрагивающих интересы всего Северного района, разрешение которых не под-силу отдельным комитетам (издание област-

с солдатами и усилить агитацию среди них. Для этого конференция предлагает комитетам образовывать особые группы для работы среди войск. Конференция считает, что целесообразнее завязать прочные организационные связи с отдельной воинской частью, чем иметь одиночные связи с целым рядом их; что же касается агитации, то необходимо вести ее как можно шире, при чем для распространения листовок желательнее организовать особые группы из солдат. При ведении агитации конференция рекомендует широко распространять: 1) легальную литературу; 2) сведения о всех случаях открытого восстания и нарушения дисциплины среди войск; 3) листки на темы из солдатской жизни, выясняя в них связь между солдатами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами, с другой, и подчеркивая общие требования социал-демократов; 4) письма к солдатам от родных и обратно, наиболее ярко рисующие картины народных волнений и умирения их.

Кроме пропагандистского и агитационного воздействия на солдат, необходимо организовать открытые политические выступления самих войск как по отношению к представителям военной и гражданской власти в форме протеста, стачки, демонстрации и т. д., так и по отношению к восставшему пролетариату и крестьянству, в форме оваций, посылки сочувственных адресов и депутатий, приурочения своего выступления к пролетарскому. Особенное внимание необходимо обращать на то, чтобы открытые выступления войск не отгораживались от общей политической жизни страны, а сливались бы с пролетарским и общегражданским протестом, так, чтобы на митингах, народных собраниях, в уличных демонстративных шествиях войско составляло часть политически действующих граждан.

Конференция обращает, наконец, внимание всех комитетов на необходимость при ведении постоянной работы среди пролетариата знакомить тех организованных рабочих, которые подлежат еще отбытию воинской повинности, со способами работы среди солдат и особенно стремиться к тому, чтобы партия не теряла с ними связей во время их службы.

Последним конференция обсуждала вопрос о выработке плана политической кампании в связи с выборами в Государственную Думу. Один из делегатов подробно ознакомил конференцию с основными чертами булыгинской конституции. Конференция приняла план Центрального Комитета, сводящийся к бойкотированию (активному) выборов. Был констатирован недостаток подходящей нелегальной литературы и предложено Ц. К-ту создать и распространить ее по комитетам. Комитетам предлагалось подробно разработать содержание агитационной кампании, наметив 4—5 главных тем, немедленно же выпускать листки и одновременно разбирать эти же темы на массовках и в пропагандистских кружках: наметить список книг (легальных и нелегальных), трактующих вопросы, затронутые в листках и массовках, и широко эти книги распространять. Сверх того, пользоваться всяким собранием рабочих (при выходе из фабрик, в местах их гулянья и т. п.) для выступления ораторов, разбрасывания листовок. Выделен (из Ц. комитета) разъездной агитатор и намечены места, для устройства для него массовок (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кохма, Сергач, Вичугский район, Тейково, Кинешма, Ярославль).

В заключение конференции высказала пожелание, чтобы ЦК озаботился доставкой в комитеты периодических изданий других партий и фракций для своевременного ознакомления комитетских работников с положением революционного движения в России.

Из деятельности Центрального Комитета. По поручению ЦК сообщаем краткие сведения о его работах: 1) При содействии Центрального Комитета была организована конференция групп Северного Комитета, решения которой печатаются в этом номере. 2) При содействии Ц. Ком. был организован съезд пропагандистов, который принял резолюцию об издании популярного органа «Рабочий»; составлено две пропагандистских программы для кружков низшего и высшего типа, намечены брошюры к перепечатке, организована разъездная группа пропагандистов. 3) Все свои постановления, за исключением постановлений чисто-конспиративного характера, ЦК рассылает в гектографированном виде по комитетам. 4) Организовано Северное и Южное бюро ЦК, орга-

низуются Восточное и Северо-Западное.

Об изданиях ЦК сообщим в следующем номере.

Резолюция ЦК относительно Виленской группы. Виленская группа приняла следующее постановление: «Принимая во внимание: 1) что после нарушения устава II съезда,—нарушения, вызвавшегося в том, что III съезд созывался не советом партии,—для законности съезда необходимо было присутствие организаций, имеющих право на $\frac{3}{4}$ полных голосов, как это и признано § 7 договора Б.К.Б. с ЦК; 2) что этих необходимых для законности $\frac{3}{4}$ голосов съезд за себя не имел,—Виленск. групп. не может признать III съезд законным с формальной стороны. Принято 3 голосами при 1 воздержавшемся. При сложности вопросов и запутанности отношений, царящих в партии, Виленская группа не считает возможным в настоящее время примкнуть или не примкнуть к съезду, но желает стать к выбранному III съездом ЦК в фактические отношения, определяемые каким-нибудь особым договором. 5-го июня 1905 г.»

Ознакомившись с резолюцией Виленской группы от 5-го июня 1905 г., ЦК постановил, что хотя Виленская группа и не заняла еще определенной позиции по отношению к III съезду, но так как ею выражено желание поддерживать деловые отношения с избранным на III партийном съезде Ц. Комитетом, то ЦК, считая формально недопустимым вступать в особый договор с местной организацией, будет оказывать Виленской группе впредь до окончательного выяснения ее позиции такое содействие, какое он оказывает всем партийным организациям.

Утверждение Екатеринославского Комитета. Принимая во внимание, что Екатеринославский Комитет «меньшинства» отказался от участия в III партийном съезде и от ознакомления с его работами через представителя ЦК, явившегося с этой целью в Екатеринослав, и вообще определенно выразил нежелание работать в партии на основе решений III съезда,—принимая далее во внимание, что Екатеринославская партийная группа развила работу, обеспечивающую за ней право на звание Комитета, Центральный Комитет постановляет с 24-го июня сего года считать Екатеринославскую группу Екатеринославского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

Окружная Организация Московского Комитета. «Глаза всех окраинных рабочих, проливших и проливающих море своей благородной крови в борьбе с царем и его войсками, устремлены на сердце России—Москву и ее округ»,—справедливо говорится в одной из прокламаций Окружной Организации. И мы с чувством глубокого удовлетворения отмечаем быстрое расширение и углубление деятельности наших товарищей в подмосковном районе. В короткое время Окружная Организация образовала целый ряд групп в крупных местных промышленных пунктах: отметим Серпухов, Егорьевск, Коломну, Орехово-Зуево, Богородск, Кимры и др. Окружная Организация имеет собственную типографию и мимеограф (с пиш. маш.). В связи с грандиозным и редким по выдержанности стачечным движением в Иваново-Вознесенске, рост Окружной Организации знаменует собою быстрый подъем революционной энергии рабочих в центре России, на который «устремлены глаза» не только окраинных рабочих, но и всех вообще социал-демократов в России и за границей.

Саратов. Саратовский Комитет, выслушав и обсудив сообщения о III съезде и о конференции, большинством 7-ми голосов против трех вынес следующее руководящее мнение: 1) оставить открытым вопрос о законности и партийности съезда как формально, так и в качественном отношении, в виду отсутствия всех необходимых документов; 2) признать идейную позицию III съезда, выразившуюся в его резолюциях и в его организационном уставе, соответствующей идейной позиции Сар. Комитета; 3) признать центры, избранные съездом; 4) войти в сношения с Орг. Ком. с целью участия в организуемых ею конференциях и работах по подготовке IV съезда и с целью получения от нее литературы; 5) признать необходимой на страницах центр. органа свободную дискуссию по тактическим и организационным вопросам (в особенности по аграрному вопросу); 6) принимать во внимание, что различные разногласия между «большинством» и «меньшинством» не настолько значительны, чтобы исключать возможность совмест-

ной работы в единой организации, выразить пожелание, чтобы центры, избранные съездом и конференцией, возможно скорее пришли к необходимому на этот счет соглашению. Конституируя, что это руководящее мнение принято большинством 45 гол. против 20 при 1 воздержавшемся на общем собрании всех организаций, работающих под руководством Комитета, Сар. Комитет объявляет свое руководящее мнение окончательным постановлением. На том же собрании были приняты след. резолюции: 1) аграрные резолюции, принятые III съездом и конференцией, признаются неприемлемыми (принята единогласно); 2) периферийные группы намечают кандидатов в комитет, при чем для приема этих кандидатов требуется лишь простое большинство голосов (принята всеми против 6). Обсудив эти две резолюции, Сар. Ком. присоединяется к первой из них 6-ю гол. против 2-х при 1 воздер. и ко 2-й 7-ю гол. против 2-к. **Примечание.** Голосование руководящего мнения комитета на общем собрании периферийных работников по отдельным пунктам дало след. результаты: Пункт 1-й—за 50 гол. против 16, воздер. 1. Пункт 2-й—за 37 гол. против 21, воздер. 1, при особом мнении 8. Пункт 3-й—за 45 гол. против 19, воздер. 3. Пункты 4, 5 и 6 приняты единогласно.

От ред. Эта резолюция Сар. К-та только-что получена нами. Мы очень рады будем содействовать изданию всякой с.-д. критики резолюций III съезда Р. С.-Д. П. об отношении к крестьянскому движению. К взглядам Сар. К-та, которые мы считаем в этом вопросе ошибочными, постараемся вернуться как можно скорее. Ждем разъяснений от Сар. К-та.

Редакцией получены листки, изданные: Астраханским К-том: 1) «Ко всем булочникам» (гект.), 2) «Рабочий листок» № 5 (печ.), 3) Отчет к-та за май (гект.). Московским К-том: 1) Денежный отчет Окружной Организации, при Моск. К. за май, 2) «Опять мобилизация!», (печ. 1.000), 3) Ко всем рабочим фабрики Чернышева (Окружн. Орг. при Моск. К.) (печ.), 4) К рабочим люберцкого тормозного завода (Окружн. Орган. при Моск. К.) (печ.), 5) Накануне вооруженного восстания (печ. 15.000), 6) Царские опричники на работе в Иваново-Вознесенске (печ.), 7) Ко всем рабочим Москвы от рабочих завода «Нью-Йорк» на станции Люберцы, (печ.), 8) Ко всем рабочим и работницам г. Москвы, (печ.), 9) Инструкции организаторам, работающим в Окружн. Организации. М.К.; Бакинским К-м: 1) Бюллетень Балаханского района, 2) Суд над судом (дело Богдана Мирзаджан, Кнунианца), 3) Самодержавие народа (всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право), Л. Мартова (все печ.); Союзным С.-Д. Ком. Кав.: 1) Бюллетень № 2, (гект.); Петербургским К-м: 1) «Что такое учредительное собрание?» (печ.), 2) Товарищи! Свыше 15 лет прошло с того времени... (Колп. Завод. Ком. Пет. К-та печатн.), 3) К матросам и гвардейцам (печ.), 4) Ко всем наемным служащим (печ.), 5) Пролетариат и крестьянство (перепеч. из № 11 «Вперед») (печ.), 6) К рабочим патронного завода (гект.), 7) Товарищи! Мобилизация объявлена (печ.), 8) Денежный отчет к-та за февраль (печ.), 9) Денежный отчет к-та за март (гект.); Петербургской группы: 1) Рабочие, требуйте прекращения войны (печ.), 2) Долой поворную бойню (печ.), 3) К рабочим патрон. завода (по поводу гибели эскадры Рождеств.) (печ.), 4) К рабочим Сименс и Гальске (печ.); Пермским К-том: 1) Требования рабочих завода Мотовилихи (гект.), 2) Товарищи рабочие! ваша стачка показала вам... (гект.), 3) Товарищи! Стачка началась (500 гект.), 4) Бессмысленная преступная война с Японией... (500 гект.), 5) К пермским приказчикам (гект.), 6) К мотовилихинским раб. (гект.); Воронежским К-том: 1) К рабочим завода Столля (печ.), 2) К ремесленникам гор. Воронежа (печ.); Центр. К-том: 1) Граждане Петербурга! (по поводу слухов о погроме, подготавливаемом полицией против интеллигенции) (печ.), 2) От ЦК к Петербург. группе при ЦК (по поводу 1-го мая); Николаевским К-том: 1) К обществу (объявление бойкота изделиям и магазинам Якова Ага); Киевским К-том: 1) К запасным (печ. 5.000); Иркутским К-том: 1) К товарищам рабочим иркутских каменоломен (печ.); Тверским К-том: 1) Как господа с царем в складку вошли (печ.), 2) Денежный отчет к-та за 1/4 года (февр.—апр.)

(гект.), 3) Отчет к-та за май; Нижегородским К-том: 1) Денежный отчет к-та с 5-го мая по 5-е июня (печ.); Витебск. группы, С.-З. К-та: Денежный отчет группы с 20-го мая по 20-е июня.

Из отчета Кассы Красного Креста в г. Баку: 1) За январь, февраль и март приход выразился в сумме 900 р. 90 коп., расход 819 р. 20 к. На 1-е янв. долгу было 114 р. 34 к.; уплачено долгу 103 р.; осталось долгу на 1-е апреля 11 р. 34 к. Остаток в кассе на 1-е апреля 1905 г. 81 р. 20 к.; 2) апрель: приход 893 р. 70 к., расход 277 р. 40 к. Остается на 1-е мая 621 р. 30 к.

Поступило в ред. «Пролетария» и передано в ЦК: от NN на револ. цели 67 фр. 75 с., от неизвестн. через Лондон—100 фр.

Собрано Невзоровым в Hot Mont. Brillant для «Потемкина» 34 фр.

Последние известия.

Съезд либеральной интеллигенции. Сообщаем напечатанные в заграничных газетах сведения о съезде. С 14 по 16 июля в окрестностях Петербурга, на финляндской территории, имели место три давно подготовлявшихся общих собрания «Союза Союзов». Вследствие благоприятных условий, благодаря которым удалось избежать преследований русской полиции, собрание имело полную возможность осуществить свои задачи. К 16 уже существовавшим организациям присоединились еще две новых; ко из этих 18 организаций, благодаря простой случайности, представлены были только 16. Число присутствовавших представителей достигало 80 человек.

После того, как было покончено с некоторыми вопросами второстепенной важности, собрание перешло к главному пункту своих занятий: в какое отношение должен стать «Союз Союзов» к булыгинскому проекту государственной думы? Этот вопрос был решен в отрицательном смысле. Только по вопросу о форме, в какую должно вылиться это отрицательное отношение, и о средствах борьбы с бюрократическим проектом, который является чистой пародией на народное представительство, произошло разделение мнений. Относительно же того, что проектируемая государственная дума представляет из себя не только недостаточное, но и совершенно негодное учреждение, господствовало полное единодушие. Преобладающее большинство доказывало, что булыгинский проект есть не что иное, как вызов со стороны правительства, и как таковой должен рассматриваться. Это значит, что все демократические силы России должны объединиться и мобилизоваться против этого представительного проекта. Путем повсеместной агитации во всех слоях населения,—агитации, выясняющей истинные намерения правительства и призывающей ко всеобщему протесту, должны быть организованы одновременные массовые демонстрации против проекта государственной думы, которая везде и всюду должна бойкотироваться. Далее следует употребить все усилия, чтобы помешать выборам и всячески противодействовать предвыборной агитации пропалагандой действительного представительства, которое только при свободных выборах будет охранять на самом деле интересы народа, тогда как при высоком имущественном цензе и других крупных недостатках

проекта народ является все равно что исключенным из представительства; в государственной думе у него отнимается всякая возможность борьбы с подавляющими по своей численности имущими классами.

Против этого мнения высказалось меньшинство, в том числе организации профессоров, учителей средних учебных заведений и писателей. Они утверждали, что такой способ борьбы только поставит правительство в затруднительное положение, но не будет так действителен, как борьба в самой государственной думе. Другими словами, они находят, что нужно всеми силами стремиться провести в думу возможно большее число своих кандидатов, которые поставили бы себе задачей, как только они приступят к первому заседанию, превратить булыгинское совещательное собрание в учредительное. Взгляд этот, однако, дружными усилиями значительного большинства был отклонен после страстных дебатов, во время которых можно было лишний раз

убедиться, насколько непопулярен булыгинский проект, и как враждебно относится к нему русское общество.

9 организаций против 3 (4 организации от голосования отказались, а 2 не были представлены вовсе), провели резолюцию, по которой как личное участие, так и агитация за выборы в государственную думу признаются недостойными. Таким образом, мнение большинства восторжествовало.

Выработанный бюро «Союза Союзов» проект созыва учредительного собрания признано было очень важным и полезным своевременно распространить. К сожалению, вследствие недостатка времени, проект этот не мог быть дебатирован.

Среди присутствовавших на собраниях можно было видеть целый ряд известных в широких кругах и выдающихся личностей. Едва ли нужно добавлять, что заседания эти носили чрезвычайно оживленный и, можно даже сказать, страстный характер.

Крестьянское движение

I. Размеры и характеры крестьянского движения.

Крестьянскому движению несомненно суждено сыграть крупную роль в разгорающейся революции. С каждым днем это движение расширяется и растет. Каждый номер газет приносит нам новые и новые сведения о крестьянских „беспорядках“, волнениях, забастовках и т. п. Но, в сущности, мы очень мало знаем об этом движении. Легальной пресса, несмотря на все обилие сведений, не сообщает, ^{выродится, и третьи} ~~там и там, и повсюду~~ фактов. Мы не говорим уже о том, что эта пресса не может ^{давать} соответствующего и темного описания этих фактов. Наоборот, наши корреспонденции, давая достаточно точные сведения о движении в отдельных местностях, почти нигде не говорят о распространении движения в целом. В

Факсимиле тт. Ленина и Карпинского.

(См. „Пролетарий“ № 11.)

ЖЕНЕВА. 9 августа (27 июля) 1905 года

№ 11.

Пролетарій

Пролетарі всѣхъ странъ,
соединитесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Буржуазия и монархия.

Зависимость между господством определенного общественного класса и политической формой этого господства принято у нас обыкновенно выражать в виде схемы: феодальная аристократия—абсолютная монархия, буржуазия—демократическая республика, пролетариат—социалистический строй. Эта схема, совершенно верно характеризующая общие тенденции крупных исторических периодов, оказывается—именно благодаря своему крупному масштабу—недостаточной, когда приходится исследовать отдельные стадии в развитии этих крупных периодов. Здесь, как и во всем, подтверждается общее правило всякого исследования: правильная методологическая схема не исключает, а, напротив, требует детального изучения конкретной действительности. И первым шагом к правильному применению данной схемы должно быть выяснение вопроса: что же такое сама эта схема? Представляет ли она какую-то сверхопытную истину, роковым образом связывая определенные политические формы с определенными общественными классами, независимо от условий времени и места?

Всякий государственный строй является политической формой, полнее всего и лучше всего приспособленной для осуществления интересов господствующих общественных сил. Так, например, абсолютная монархия во все не являлась предрешенной свыше формой выражения политических интересов феодализма. Мало того,—она вообще не была наилучшей формой выражения этих интересов. Феодализм создал в свое время свою форму господства—феодальную монархию, ограниченную сословными сеймами, нередко даже выборную. Но феодальный монарх, являвшийся самым крупным феодалом—первым среди равных,—естественно, старался упрочить, расширить и увековечить свою власть. Началась продолжительная борьба между королем и феодалами. Борьба длилась веками, за это время экономическое развитие разведало старое общество. Прежние романтические вассальные отношения времен рыцарства сменились грубой, неприкрашенной крепостнической эксплуатацией. Росло и крепло третье сословие. Землевание концентрировалось. Ряды феодалов редели, и росла ненависть к ним других сословий. Королевская власть обратилась к помощи городов—юной буржуазии, и окончательно сломала власть феодалов. Но эта победа знаменовала собой переход власти из рук одной силы феодального общества в руки другой силы того же общества. Феодальный строй продолжал господствовать. И это тотчас же сказалось в отношении правительства к своим вчерашним союзникам—буржуа. Вынужденное по условиям времени пользоваться главным

козырем буржуазии—деньгами, оно привлекало к себе финансистов, но зато с тем большим ожесточением боролась против класса буржуазии. Но отплачивая таким образом своим союзникам, королевская власть стала нежной матерью побежденных, обессиленных противников—феодалов. Она взяла на себя представительство их классовых интересов. Победа королевской власти над феодалами была лишь выражением изменившихся общественных отношений, она показывала, что феодализм перестал быть безусловно преобладающей силой в стране, что он не способен более к самостоятельному господству. Нужна была дополнительная сила, в союзе с которой феодалы могли бы восстановить свою пошатнувшуюся власть и опять бесконтрольно господствовать над порабощенным, безгласным народом. Этой силой была монархия. Феодалы чувствовали в ней родную силу, чувствовали, что эта сила сумеет обеспечить им барщину и оброки, и они охотно подчинялись ее владычеству, променяв бесполезные латы на придворные лакейские ливреи. Абсолютная монархия стала реформированным выражением феодальных интересов, реформированным на почве ставшего неизбежным денежного хозяйства. «Абсолютная монархия,—говорит Маркс,—всегда и всюду опиралась на феодалов и финансистов».

Таким образом, мы видим, что буржуазия, та самая буржуазия, выражением интересов которой должна бы являться республика, в юности своей поддерживает монархию против феодалов. Вместе с тем мы видим, что эта монархия, спасенная буржуазией, превращается в прочное орудие господства «старого порядка», в орудие порабощения самой же буржуазии. Эти два факта дают уже нам ключ к пониманию взаимоотношения общественных классов и определенных политических форм. Политическое господство не является какой-то самоцелью для общественных классов или групп; такой самоцелью оно является лишь для определенных категорий политических спекулянтов, отбросов общественных классов,—отбросов в том смысле, что они оторвались от промышленной жизни класса, от его источников дохода, сделав для себя политическую карьеру таким источником. Для общественного класса или группы, как общественно-экономической категории, важно не господство само по себе, а те материальные выгоды, которые приносит, обеспечивает это господство. Ибо в конечном счете реальный вес и реальную власть в капиталистическом обществе дает богатство. И политическое господство для указанных общественных групп нужно ради упрочения и увеличения их богатства, ради такого устройства общества, при котором эта господствующая группа извлекала бы возможно больше выгод из общественного производства ~~и богатства~~.

Когда Маркс говорит, что республика является по-

литической формой господства буржуазии, то он имеет в виду господство буржуазии, как класса. Но такое господство редко осуществляется. Правда, в буржуазном обществе буржуазия является господствующим классом, но она редко, как класс, ступит у кормила правления, редко реальная правительственная власть выражает и осуществляет интересы всего класса буржуазии. Буржуазия, как класс, опирающийся на частную собственность и куплю-продажу, сама распадается на ряд более или менее многочисленных групп, интересы которых частью чужды, частью противоположны друг другу. Финансисты и сельские хозяева, фабриканты и торговцы, крестьяне и ремесленники—все они входят в класс буржуазии, но частные интересы их причудливо переплетаются, разбивая их на враждебные друг-другу группы. Только тогда, когда их основные интересы, как класса,—принцип буржуазной частной собственности и его жизненные потребности—подвергаются опасности, все эти группы чувствуют себя объединенными в один класс и дружно обрушиваются на врага. И буржуазия, как класс, приходит к власти в момент победы над другим классами, в момент объединения ее вокруг общих классовых интересов. И тогда естественным выражением ее власти является республиканская форма правления. Так, французская буржуазия, низвергнув феодальный строй, очень скоро и вопреки собственным ожиданиям была приведена к необходимости провозглашения республики. Но когда феодальные отношения были вырваны с корнем, когда все старые обязательства и понятия были переведены на звонкий язык денежного обращения, когда было окончательно расчищено поле для хозяйства буржуазии, тогда опять политическая власть выпала из рук класса. У кормила правления стали отдельные группы. Уже империя Наполеона I, на долю которой выпало утвердить завоевания буржуазии и ликвидировать революцию, была если и не прямым господством, то выражением господства одной группы—новообразовавшихся крестьян-собственников. Но, конечно, в обществе, основанном на власти денег, [господство] даже самого многочисленного, но [неорганизованного и] в денежном отношении менее всего влиятельного класса [может осуществиться только в виде бонапартизма]. Интересы групп, господствующих на рынке, экономически более всего влиятельных, рано или поздно должны прийти к власти. И вот реставрация Бурбонов приводит к власти группу сельских хозяев. Огрызки феодальных королей, посаженные на французский престол русскими и английскими штыками, вынуждены были искать себе опоры в «народе». Напрасно искали они старых, излюбленных феодалов: они погибли под развалинами своих замков. Но зато нашлись их дети—сельские хозяева, те же буржуи, только торгующие благородными дарами земли—хлебом, скотом, водкой, и эти карикатуры феодалов охотно предложили свои услуги Бурбонам с тем, чтобы те охраняли материальные интересы их группы.

Монархия, как сила, как сила моральная, т.е. опирающаяся на фикцию сверхклассовой позиции, на фикцию представительства интересов всего народа, как сила материальная, опирающаяся на лес штыков и на сложную бюрократическую паутину,—эта монархия начала теперь в руках буржуазии играть ту роль допол-

нительной силы, какую она сыграла уже для феодалов,—силы, необходимой для искусственного укрепления господства мелких групп над своим же классом, над всем обществом. Отдельные группы буржуазии слишком слабы материально, чтобы стоять у власти и открыто осуществлять свои интересы. Для этого им необходима фикция защиты интересов всего общества, а такая фикция немислима при республиканской форме правления, где обнажены все классовые и групповые интересы, такую фикцию может создать только власть «божьей милостью». И такой властью является монархия. Нас не должно поэтому удивлять, что другая группа буржуазии—финансисты, достигнув власти в июльской революции, поспешила упрочить эту власть путем возведения на трон Людовика-Филиппа. И если Луи Бонапарт так легко произвел себя в император французов, то главная причина] его успеха заключалась в готовности верхов буржуазии—землевладельцев, финансистов, фабрикантов,—объединенных против мелкой буржуазии и пролетариата, приветствовать монархию.

Но если отдельные группы буржуазии, желая обеспечить себе власть среди господствующего класса, вынуждены были прибегать к помощи монархии, то еще настоятельнее сказалась необходимость этого после того, как на исторической сцене крупную роль начал играть пролетариат. Малосознательный пролетариат, шедший в хвосте буржуазного движения, был желанным гостем в буржуазном [политическом] обществе. Пролетариат сознательный, отстаивающий свои самостоятельные интересы,—гость непрошенный. И параллельно с ростом силы и значения пролетариата растут восторги буржуазии перед твердой монархической властью, растет ее отвращение к демократической республике. Идея республики изгнана из салонов буржуа, она еще держится в чистеньких домиках мелкой буржуазии, поскольку сама жизнь отталкивает эту последнюю от крупной буржуазии; но всего уютнее чувствует себя она в каморках рабочих. Чистая идея демократической республики становится в современном обществе политическим лозунгом последовательной демократии—пролетариата, и [отчасти] мелкой буржуазии.

История монархической и республиканской идей в Западной Европе является хорошим подспорьем при изучении современных политических течений в России. Всякая страна, входящая в новый, высший фазис развития, имеет перед собой весь опыт стран, предшествовавших ей в историческом развитии. Россия, только теперь, наконец, упершаяся в необходимость принять государственные формы, выработанные цивилизованными странами, может пользоваться богатым опытом и революцией, и реакции. И в то время, как российский пролетариат полными горстями черпает из сокровищницы европейской революции,—буржуазия старательно перенимает уроки европейской реакции, переступая стадию «республиканских иллюзий» и устремляясь прямо под крылышко монархии. После нескольких месяцев шатаний и колебаний крупная буржуазия—и промышленная, и землевладельческая—определила, наконец, свою политическую позицию, приняв проект конституции, опубликованный г-ном Струве. Двухпалатный парламент и сильная монархическая власть,—во основа того строя, который должен гарантировать так-называемый «гра-

жданский» или «правовой» порядок. В то время, как «народ», т. е. масса пролетариата и мелкой буржуазии, поскольку последняя сознает свои интересы,—стремится свергнуть монархию, крупная буржуазия, спеша предупредить возможность такого свержения, старается укрепить монархию и морально, и материально. Морально—окружая ее ореолом конституционализма, материально—отдавая ей в полное распоряжение войско и давая ей именем народа те денежные средства, которые она прежде получала путем грабежа. Русская буржуазия усердно училась у своих западных собратьев. Подготавливая себе господство над своим классом и над всем обществом, наши землевладельцы и промышленники спешат создать себе в монархии дополнительную силу, способную уравновесить при помощи штыков и полицейского кулака голоса миллионов порабоженного населения. Конституция съезда земцев означает прежде всего господство группы или договаривающихся групп, а не класса, господство незначительного меньшинства над громадным большинством; она означает лишение политических прав и прежде всего права влиять на судьбу страны не только массы пролетариата,—против него направлена вообще всякая буржуазная конституция,—но и широких кругов буржуазии—крестьян, ремесленников, мелких торговцев; она означает постоянную борьбу из-за власти между привилегированными группами высшей буржуазии, борьбу наподобие пресловутой борьбы легитимистов и орлеанистов, орлеанистов и бонапартистов, борьбу, за которую, в конце-концов, расплачивается народная масса. Если двухпалатная система выражает уравнение прав нескольких сот тысяч привилегированных капиталистов с правами ста двадцати миллионов населения, то монархия выражает господство первых над последними.

Пролетариат, стремясь к своей цели—социалистическому обществу, уже в существующем строе борется за права большинства против власти привилегированных меньшинств. Он борется за такую форму правления, при которой интересы отдельных классов и групп выступали бы открыто и учитывались по их действительной силе, при которой грубый солдатский кулак не перетягивал бы искусственно чашки весов на сторону кучки капиталистов. И такой формой правления является демократическая республика. Пролетариат не видит в республике какого-то [абсолютного] блага, какой-то совершенной формы правления. Он знает, что республика не уничтожит эксплуатации его капиталом, не искоренит бедности, нужды, [нищеты]. Он знает, что и при республике будет продолжаться жестокая борьба классов, будут литься потоки крови и слез. Но он борется за республику, ибо она означает гибель одной враждебной силы—силы, всегда реакционной, всегда направленной против него; он борется за республику, ибо она означает уничтожение всяких прикрас и иллюзий, перенесение классовой борьбы на открытую сцену. А открытая борьба всегда выгоднее всякому большинству, напротив, всякому меньшинству выгодны потемки и прикрытия, где трудно учесть силы противника. Поэтому в интересах пролетариата и демократии вообще необходима республика, как более прямой и открытый путь к низвержению царства хищников и насильев, которое всегда создает вокруг себя господство крупной буржуазии. В интересах же буржуазии, ее господствующей

групп, иметь в монархии своего защитника и покровителя, жандарма и палача, и современная монархия охотно берет на себя эту роль за приличное вознаграждение.

История повторяется, и, как говорил Маркс, в капитальной форме. В период младенчества буржуазии в ее далекой родине—Северной Италии предки позднейших государей, кондотьеры, исполняли роль наемных защитников буржуазии; в разгаре ее господства потомки всеильных некогда и неограниченных царей предаются буржуазии те же услуги кондотьеров за определенное годовое жалованье. В буржуазном обществе все продажно. Само это общество может опираться свое господство лишь на наемную силу кондотьеров. И с последним кондотьером рухнет и само это общество.

(В. Воровский).

Первые шаги профессионального движения.

Грандиозное движение пролетариата, продолжающееся вот уже более полугодия и увлекшее широкие слои малосознательных рабочих, естественно, породило потребность закрепить это движение путем организаций. До сих пор только сравнительно незначительные круги передовых рабочих входили в организации, именно в организации Р. С.-Д. Р. П. При существующем полицейско-самодержавном режиме иначе и быть не могло. Политическая партия может состоять только из лиц, способных сознательно разбираться в программе и задачах партии. При отсутствии же средств широкой пропаганды и агитации—свободы печати, слова, собрания—и число таких лиц оставалось по необходимости очень ограничено; широкие круги пролетариата стояли вне организаций. На очереди стоял вопрос о создании таких организаций, которые охватывали бы собой многочисленных кадры еще малосознательных, еще только пробуждающихся к классовому сознанию рабочих. Организации эти должны были явиться местом и орудием пропаганды социал-демократических идей, но в то же время они должны были ставить своей задачей защиту таких интересов, которые близки и понятны малосознательной массе. Этой цели отвечали лучше всего профессиональные союзы. Объединяя широкие круги рабочих на почве непосредственных экономических интересов, доступных пониманию всякого, даже самого «серого» рабочего, эти союзы являются школой, приучающей рабочих к коллективному обсуждению и решению дел, к солидарной товарищеской борьбе.

Организация профессиональных союзов в России была в силу полицейских условий до сих пор невозможной. Правда, само правительство делало попытки создать легальное рабочее движение на профессиональной почве в противовес политическому движению пролетариата, но эти попытки, известные под названием «зубатовщины», потерпели крушение. Революционная атмосфера, создавшаяся в России после 9-го января, ставит перед рабочими новые задачи, толкая их к революционным мерам. Пролетариат находится в состоянии открытой борьбы с существующим строем, и

в этой борьбе он должен отвоевать себе каждый клочок земли, каждую крупницу права. Переходя постепенно от скрытой, подпольной, нелегальной борьбы к борьбе легальной,—легальной благодаря тому, что он заставляет противника признать законной свою по существу незаконную позицию,—пролетариат должен в первую голову стараться «узаконить» самые элементарные формы своей борьбы—борьбу профессиональную. Подобно тому, как ему удалось заставить правительство фактически признать законной стачку,—не сегодня—завтра она будет санкционирована законом,—точно так же должен он заставить признать и свои профессиональные союзы. Основывая повсеместно многочисленные союзы во всевозможных отраслях труда, рабочие вынудят правительство либо предпринять безнадешную по данному времени попытку устроить длинный ряд грандиозных процессов, либо поспешить с легализацией этих союзов и таким образом признать право экономических союзов вообще. Что правительство предпочтет именно этот последний путь, за это ручается и вся его политика за последние полгода, и конкретный факт утверждения ряда легальных профессиональных союзов.

Мы уже имели случай высказаться о взаимоотношении между профессиональным движением и социал-демократией*). Нам остается только приветствовать инициативу товарищей, идущих навстречу назревшей потребности и тем самым сразу устанавливающих необходимую связь между партией и профессиональными организациями. Одним из образчиков такой инициативы является нормальный устав, выработанный Саратовским комитетом. Устав этот отвечает настоятельной потребности, и это подтверждается уже тем фактом, что в Саратове создан профессиональный союз типографов, принявший с небольшими изменениями этот устав. Вот текст указанного устава:

«Саратовский комитет Р. С.-Д. Р. П. предлагает местным его работникам следующий нормальный устав социал-демократических профессиональных союзов:

Устав социал-демократического партийного профессионального союза рабочих (такого-то) производства г. Саратова.

I. Основные цели.

Основная цель союза определяется полной солидарностью членов его со взглядами Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии на задачи рабочего классового движения. Понимая эти взгляды так: 1) что только социалистический строй, созданный на развалинах буржуазного мира, окончательно освободит рабочий класс от безработицы, нищеты, невежества, проституции, бесправия и прочих социальных зол, тяжелым гнетом лежащих на плечах пролетариата, 2) что только демократическая республика обеспечит пролетариату самую широкую политическую свободу, необходимую для борьбы за социализм, 3) что первым и главным препятствием в борьбе за демократическую республику и социализм является современный самодержавный полицейский строй, 4) что достижение как ближайших, так и дальнейших целей

*) См. «Пролетарий» № 8, статью «Профессиональное движение и социал-демократия».

возможно только при самой высокой степени организованности и классового самосознания рабочего класса,—союз и ставит своими основными целями:

1. Поднятие уровня классового самосознания товарищей путем устной и письменной партийной пропаганды и агитации.

2. Руководство борьбой за улучшение как экономического (увеличение заработной платы, введение 8-час. рабочего дня, организации стачек, помощь пострадавшим за стачки, подыскание заработка), так и правового (свобода собраний, стачек, союзов, слова и т. д.) положения своих членов, без чего немислимо успешное достижение поставленных в пункте 1-м задач.

Правильный ход работ союза в вышеуказанном направлении обуславливается соблюдением следующих положений.

II. Прием, выбытие, исключение, права и обязанности членов.

§ 1. Членом союза считается всякий рабочий (такого-то) производства, принимающий устав союза и делающий 2 раза в месяц взносы в его кассу в размере одного процента с получаемого заработка.

§ 2. Для вступления в союз требуется рекомендация двух членов и согласие $\frac{2}{3}$ членов союза, работающих в одном предприятии с кандидатом.

§ 3. Каждый член союза обязан пропагандировать среди других рабочих задачи и цели союза.

§ 4. Каждый член союза имеет право требовать, чтобы его заявления доводились до сведения правления.

§ 5. Член союза, не внесший в срок взноса, считается выбывшим, кроме того случая, когда им представляются на это уважительные причины.

§ 6. Взносы членов в случае их выбытия из состава союза не возвращаются.

§ 7. Исключение из состава союза производится за недостойные поступки по постановлению $\frac{2}{3}$ членов, занятых в одном с исключаемым предприятии, при согласии правления. В этом случае все взносы возвращаются полностью, за вычетом полученных исключенным за время пребывания в союзе ссуд.

III. Об отношении союза к партии.

§ 8. Союз есть партийная организация, подконтрольная в своей деятельности местному комитету партии; в своей деятельности он руководствуется постановлениями комитета, пользуясь правом обжалования таковых перед ЦК партии и партийными съездами.

§ 9. В интересах теснейшей связи с партией от местного ее комитета в правление назначаются по взаимному соглашению уполномоченный ею: 1) для осведомления союза о партийных делах, 2) для идейного руководства деятельностью союза.

§ 10. Для отстаивания своих интересов союз по взаимному соглашению с местным комитетом партии посылает в комитетскую организацию своего представителя.

§ 11. Союз отчисляет в кассу местного комитета 20% всех поступлений.

§ 12. Правление союза в праве издавать под фирмой союза литературу, обслуживающую его профессиональные интересы.

IV. Управление делами союза.

§ 13. Во главе союза стоит общее собрание всех членов, которое лишь одно в праве видоизменять устав. Собрание законно при наличии $\frac{1}{3}$ всех членов при условии оповещения в каждом отдельном случае как о времени и месте, так и о порядке дня собрания всех членов.

§ 14. Общее собрание членов происходит не реже одного раза в месяц.

§ 15. Исполнительным органом союза является правление, избираемое в числе 4-х членов на полгода представителями отдельных предприятий и одного уполномоченного (от местного комитета партии) (см. § 9).

Примечание. По конспиративным соображениям состав правления известен только представителям.

§ 17¹⁾. Назначение представителей от предприятий производится по взаимному соглашению членов союза данного предприятия с местным комитетом.

Примечание. Член правления не может быть одновременно представителем от предприятия.

§ 18. Правление следит через представителей за аккуратным поступлением членских взносов и ведет всю отчетность союза.

§ 19. Правление всегда имеет право созывать общее собрание союза и представителей, если находит нужным.

§ 20. Правление заведует выдачей денег, при чем размер выдачи определяется для каждого случая отдельно.

§ 21. На представителях лежит обязанность по оказыванию всякого содействия правлению, как-то: собиранию членских взносов, сообщению о кандидатах в члены союза, так и доставлению точных сведений об условиях производства во всех предприятиях.

§ 22. Все вопросы решаются простым большинством голосов.

Саратовский Комитет Рос. Соц.-Дем.

Раб. Партии».

Однако, приветствуя почин саратовских товарищей, мы не можем не сделать некоторых критических замечаний. Дело это совершенно нсвое, опыта у нас нет, ошибки легко возможны, а потому только путем товарищеского обмена мнениями и внимательной взаимной критики можно выработать правильное отношение к вопросу. В проекте Саратовского комитета есть один пункт, который вызывает серьезные сомнения. Проект называет профессиональные союзы социал-демократическими и партийными. В § 8 говорится, что «союз есть партийная организация». Устав нашей партии, да и весь принцип, на котором она построена, допускает в члены партии (а следовательно, и в члены партийной организации) только лиц, принимающих программу партии и работающих непосредственно для партии. Таким образом, отождествление профессионального союза с партийной организацией ограничивает тем самым состав союза только сознательными социал-демократами. Это, на наш взгляд, ошибка, которая на практике неизбежно приведет либо к худосочию профессионального движения, либо к расплывчатости партийных организаций. И то, и другое нежелательно. Задача профессионального движения не совпадает с задачей партии, они лишь дополняют одна другую. Поэтому

отождествлять профессиональные организации с партийными—значит лишать и те, и другие их специфической особенности и силы. [Более правильно было бы, на наш взгляд, считать профессиональные союзы не партийными, а примыкающими к партии организациями]. Мы уже указали выше, в чем заключается задача профессиональных союзов, и в частности их задача по отношению к партии. Привлекая рабочих перспективами экономической борьбы, они со стихийной необходимостью толкают их в объятия социал-демократии, особенно в момент общего возбуждения и первых шагов профессионализма. Партии остается только раскрыть свои объятия и облегчить привлечение этих союзов. Таким образом, наша задача—воздействовать на экономические союзы, обеспечить себе руководство ими для того, чтобы пропитывать их идеями классового самосознания пролетариата. Наша задача—сделать эти союзы социал-демократическими в смысле признания руководства партии и положений ее программы. Но если тот или другой союз сознательно станет в ряды партии, чтобы бороться за ее интересы, сам станет партийной организацией,—мы можем только радоваться этой нашей победе.

Итак, задача наша по отношению к профессиональным организациям—не стеснять, а, напротив, расширять их рамки, облегчать доступ в них самым широким, малосознательным кругам рабочих, чтобы таким образом расширить круг нашего идейного и организационного влияния, создать широкие и прочные базы нашей будущей, легальной политической партии. И чем более широкие массы удастся нам таким образом охватить своим влиянием, тем прочнее станет наша работа, тем лучше будет питаться наша партия, тем устойчивее будет она против всяких ударов судьбы. Социал-демократические профессиональные союзы и рабочая политическая партия,—писали мы в цитированной статье. И правильное сочетание этих двух элементов пролетарского движения дает максимум силы борьбе пролетариата; ошибочное смешение их только ослабит его силу.

(В. Воровский).

Крестьянское движение.

I. Размеры и характер крестьянского движения.

Крестьянскому движению, несомненно, суждено сыграть крупную роль в разгорающейся революции. С каждым днем это движение ширится и растет. Каждый номер газет приносит нам новые и новые известия о крестьянских «беспорядках», волнениях, забастовках и т. п. Но, в сущности, мы очень мало знаем об этом движении. Легальная пресса, несмотря на все обилие сведений, не сообщает, вероятно, и трети всех фактов. Мы не говорим уже о том, что эта пресса не может давать соответствующего истине описания этих фактов. Наоборот, наши корреспонденции, давая достаточно точные сведения о движении в отдельных местностях, почти ничего не говорят о распространении движения в целом. В этом отношении приходится пользоваться прежде всего легальными газетами.

Как видит читатель, мы не можем претендовать на сколько-нибудь исчерпывающую полноту и точность нашего обзора. Да статистические исследования и не дело революционного издания. Но каждому революционеру необходимо иметь хотя бы общие сведения о происходящем вокруг него революционном брожении, тем более, что последнее ежедневно в сотнях мест переходит в открытое восстание против существующего порядка. Социал-демократии, как партии, давно уже выступившей с определенными теоретическими воззрениями на крестьянство и с определенной аграрной программой, теперь нужно и важно изучить это крестьянство в его практических шагах, в его активных выступлениях и заявлениях о себе. Теперь социал-демократия должна учесть крестьянское движение, как реальную политическую силу.

За первую половину 1905 г. мы имеем сведения о крестьянском движении в 44 губерниях (в том числе 1 область) и, по меньшей мере, 132 уездах. А именно (для краткости обозначаем уезды названиями уездных городов): Бессарабская губ.—Оргеев; Варшавская—Гостынич, Кутно; Витебская—Двинск, Люцын, Режица; Владимирская—Вязники, Ковров, Меленки, Юрьев; Волынская—Влад. - Волынский, Кременец; Воронежская—Бирюч, Бочукар, Коротояк; Гродненская—Брест-Литовск, Белосток; Екатеринбургская—Александровск, Верхнеднепровск, Мариуполь, Никополь, Павлоград, Бахмут, Екатеринослав; Елисаветпольская—Джеванширский уезд; Казанская—Чистополь; Калишская—Ленчица; Киевская—Бердичев, Васильков, Звенигородка, Канев, Киев, Липовец, Сквир, Тараща, Черкассы; Курляндская—Виндава, Газенпот, Гольдинген, Гробин, Лябава, Туккум; Курская—Дмитриев, Суджа, Кутаисская—все 10 уездов; Лифляндская—Венденский уезд и друг.; Люблинская—Люблин; Минская—Борисов, Игумен, Новогрудок, Слуцк, Минск, Речица; Могилевская—Горки; Нижегородская—Балахна; Новгородская и Олонейская—уезды неизвестны; Орловская—Брянск, Дмитровск, Севск, Трубчевск; Пензенская—Мокшанск, Краснослободск, Чембар, Пенза и др.; Петроковская—Лодзь, Петроков; Плоцкая—Цеханов; Подольская—Брацлав, Винница, Гайсин, Летичев, Могилев, Ольгополь, Проскуров, Ушица и еще один уезд; Полтавская—Кременчуг, Ромны; Псковская—уезды неизвестны; Рязанская—Зарайск, Раненбург; Самарская—Николаевск, Самара; Саратовская—Аткарск, Балашев, Сердобск, Саратов, Петровск; Симбирская—Ардатов, Корсунь; Таврическая—Мелитополь; Тамбовская—Борисоглебск, Кирсанов, Лебедянь, Моршанск; Тверская—Торжок и друг.; Терская область—Грозный; Тифлисская—Ахалкалаки, Гори, Сигнах, Тифлис, Тионетский уезд; Тульская—Епифань; Харьковская—Валки, Волчанск, Лебедин, Сумы, Харьков; Херсонская—Анапьев, Елизаветград, Одесса, Тирасполь, Херсон и др.; Черниговская—Глухов, Новозыбков, Стародуб; Эстляндская все 5 уездов; Ярославская—Молога. По губерниям уезды, где имело место движение, распределяются таким образом: по 1 уезду—в 12 губерниях, по 2 уезда—в 9 губ., по 3—в 3-х, по 4—в 4-х, по 5—в 5-ти, по 6—в 2-х, по 7—в 1-ой, по 9—в 2-х и в одной губернии—10 уездов. Относительно 3 губерний число уездов неизвестно. По отдельным районам движение охватывало от 1—2 деревень до «всех уголков» уезда и от одного уезда до целой губернии.

Эти общие цифровые данные о распространении крестьянского движения мы иллюстрируем отдельными примерами. Обыкновенно газеты дают краткие телеграфные сообщения о движении в таких-то уездах. Только в некоторых, выдающихся случаях встречаются более подробные описания. Но и эти скудные данные рисуют нам очень внушительную картину грандиозного массового движения.

Через месяц после пролетарского восстания в Петербурге первые волны поднятого им общественного движения стали докатываться и до деревни. С 10 февраля в Севском, Дмитриевском, Трубчевском, Дмитровском и Глуховском уездах начинается крестьянское движение. Оно сразу же принимает весьма широкие размеры. Каждую ночь громили по несколько экономий. Лес рубили партиями в 1000 и более подвод. В первых двух уездах разбили до 70 экономий. Заводы разбивали и жгли партии в 10—15 тысяч человек. В Глуховском уезде после временного подавления и порки нескольких крестьян движение вспыхнуло с новой силой: «все без исключения села наших мест встали на защиту чести поруганных». В Орловской губ. за беспорядки привлечено до 2000 крестьян. Затем движение перекинулось в Витебскую губ., Польшу и Прибалтийский край. В первой оно охватило 3 уезда, в Курляндии—6 уездов, в Эстляндии—все уезды, в Лифляндии—Веденский уезд и друг. Толпы крестьян до 800 человек рубили лес (в некоторых имениях вырублено до 100 десятин строевого леса) и громили десятки экономий в каждом уезде. В Витебской губ. арестовано до 500 крестьян. В Польше толпы в несколько сотен человек ходили по экономиям, забирая с собою рабочих и служащих. В то же время начинают доходить известия и о движении на Кавказе,—одном из наиболее широких и сознательных. В некоторых уездах движение охватило «все уголки». Кутаисская губерния вся охвачена восстанием. Даже самые отсталые жители Кавказа—горцы—спускаются в долины и принимают участие в общем движении. В Тифлисской губ. волнуются целые уезды. Теперь движение распространяется уже с Закавказья на Северный Кавказ. В России оно за последние два месяца снова разлилось широкими волнами, особенно на Юго-Западе и в Поволжье. Вот отдельные характерные для размеров движения сообщения. «Крестьяне более 20 сел забастовали, требуя повышения платы» (Гайсин, Киев. губ.). «Ежедневно приходят сведения об аграрных беспорядках» (Тирасполь, Херс. губ.). «Беспорядки принимают тревожные размеры» (Лебедин, Харьк. г.). «Почти ежедневно горят частновладельческие леса и имения» (Ардатов, Симб. г.). «Аграрное движение охватило почти все уезды» (Херсон). «Гостиницы переполнены помещиками» (Могилев-Подольский; Елизаветград, Херс. губ.). «Движение принимает угрожающие размеры» (Кутаис). «Народ всюду предъявляет требования о льготах при аренде» (Пенза).

Такова общая картина крестьянского движения. По всей России, от края до края, широкими массами поднялось крестьянство на борьбу за лучшую жизнь. Движение растет и будет расти. Стихийные условия, создавшие его, не только не исчезают, они, напротив, растут в своей силе и значении. Не говоря уже о войне, о невыносимом экономическом положении кре-

стьянства, о свирепом владычестве царя Николая,—на Россию надвигается другой «царь беспощадный». «Голод—название ему»... В целом ряде губерний*) газеты констатируют полный или частичный неурожай хлебов и трав...

Пройдет, быть-может, несколько месяцев, и вся доревенская Русь восстанет, как один человек, как восстал уже Кавказ...

* * *

Социал-демократию крестьянское движение может интересовать с двух сторон: во-1-х, со стороны тех форм, в которые оно выливается, тех способов борьбы, которые употребляют крестьяне; во-2-х, со стороны его социального содержания, со стороны тех классовых интересов, которые находят в нем свое выражение.

По своей форме крестьянское движение распадается на два течения: революционное и либеральное.

Традиционный крестьянский «бунт» лежит в основе первого течения. Известное движение в Полтавщине 1902 года—его типичный образец. Стихийные попытки прямого восстания против существующего строя, выражающиеся в разрушении экономии, изгнании помещиков, захвате и дележе помещичьих угодий и сельскохозяйственных продуктов,—вот его отличительные черты. Со времени полтавского восстания это движение местами выигрывает в своей организованности, выставляя кое-где вооруженный отпор военной силе правительства. На Кавказе оно принимает яркий политический характер, выражаясь в уничтожении правительственных учреждений и чиновников, в прекращении с ними всяких сношений и собственном революционном самоуправлении; здесь социал-демократии удастся овладеть движением, превратив его из неформальных стихийных вспышек в сознательное движение против политических и экономических пережитков докапиталистического строя.

Либеральное крестьянское движение берет свое начало из столь же традиционной веры крестьян в царя и отправки к нему «ходоков», чтобы они самому «батюшке-царю» изложили всю правду-истину про крестьянское горемычное житье-бытье. Рескрипт 18 февраля как бы упростил этот сложный и, как известно, никогда не достигавший цели механизм «общения царя с народом». Разрешив верноподданым доводить до сведения правительственных властей свои нужды, этот рескрипт вызвал целый поток всевозможных петиций и заявлений со стороны сельских сходов царю, правительственным и общественным учреждениям с изложением крестьянских нужд и требований, а также целый ряд протестов против действий местного началь-

*) По данным Центрального Статистического Комитета, неурожай постиг 29 губ. Европ. России. В 12 губерниях уезды с плохим урожаем встречаются наряду с уездами с хорошим урожаем: Плоцкая, Люблинская, Минская, Московская, Херсонская, Владимирская, Нижегородская, Таврическая, Екатеринославская, Подольская, Курская, Орловская (в последней—2 уезда с полным неурожаем); в следующих 12 губ. плохой урожай чередуется с удовлетворительным: Петербургская, Новгородская, Тамбовская, Сувалкская, Эстляндская, Могилевская, Лифляндская, Пензенская, Самарская, Ставропольская, Область Войска Донского, Астраханская; наконец, в 5 губерниях: Рязанская, Тульская, Саратовская, Варшавская, Курляндская,—полный неурожай...

ства, затруднявшего созыв сходов. Это движение является плодом правительственной демагогии, с одной стороны, и политической наивности крестьянства,—с другой. Этим оно существенно отличается от либерализма наших помещиков и фабрикантов. Последние никогда не выйдут из рамок оппозиции «его величества», не выйдут потому, что классовые интересы заставляют их искать убежища от могучего напора пролетарского движения если не в самодержавной, то в ограниченной монархии. Крестьянство же с каждым лучом политического сознания, проникающего в его среду, разбивает рамки этой оппозиции,—разбивает потому, что его интересы,—не столько безусловного сохранения частной собственности, сколько экспроприации помещичьей земли,—расходятся не только с интересами всякой монархии, но в настоящий момент и с интересами остальной буржуазии. В некоторых местах крестьянство уже перешло вслед за подачей петиций к революционному образу действий.

Со стороны социального содержания мы различаем в крестьянском движении три ясно выделяющиеся оттенка, характерные для классового деления современной деревни на сельскую буржуазию, среднее крестьянство и сельский пролетариат. Теоретически, «догматически» социал-демократия давно уже установила, что современное крестьянство не представляет одного целого. В вопросе об аграрной программе она защищала то положение, что сельский пролетариат нельзя соединять вместе с средним, так-называемым «трудовым» крестьянством в один «крестьянско-рабочий класс». Статистические исследования блестяще подтвердили эти положения. Теперь же сама жизнь, само конкретное содержание крестьянского движения, его лозунги и требования воочию показывают, как правы были «догматики». Эти требования и лозунги общи всему крестьянству, поскольку оно выступает, как одно низшее, угнетенное сословие, борющееся за свое освобождение. Наша аграрная программа-минимум и объединяет такую борьбу всего крестьянства. Но как только в пределах этого сословия начинают выступать особые классовые группы, эти требования сейчас же принимают специфический характер. Так, сельская буржуазия высказывается за уничтожение общинного землевладения и введение частной собственности на землю, устранение аграрных неурядиц путем различных реформ, гражданское равноправие, некоторую политическую свободу, общие культурные мероприятия и т. д. Сельский пролетариат выступает со своими характерными требованиями—повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Среднее крестьянство—с требованиями облегчения условий аренды, прирезки земли, наделения землей всех желающих ее обрабатывать из частных, казенных и других земель и т. п.

Таким образом, уже теперь, при наличности у крестьянства общего врага и общей единой борьбы с ним, намечаются те три дорожки, по которым разойдется это крестьянство вслед за своей победой.

На этих отмеченных нами течениях и оттенках, ясно выделяющихся в общем потоке широкого крестьянского движения, мы и остановимся подробно в следующих очерках.

В. Калинин (В. Карпинский).

Открытое письмо

к организационной комиссии, выбранной 1-ой общерусской конференцией социал-демократических работников.

Уважаемые товарищи!

Среди великих событий великой русской революции нам с вами выпала на долю самая тяжелая и самая ответственная роль в партийной работе российской социал-демократии.

Стремительный ход революции несет для социал-демократии много надежд и много опасностей. Теперь наступил, повидимому, тот момент, когда решается вопрос о реализации этих надежд и этих опасностей,—вопрос о том, что даст революция на деле российскому пролетариату.

Сила пролетарского движения оказалась громадной, рабочий класс выступил в роли всеми признанного боевого авангарда революции. Судьбы революции, ее конечные результаты в наибольшей степени зависят теперь от того, в каком направлении будет действовать эта боевая сила: проведет ли пролетариат свою независимую классовую тактику, или окажется бессознательным агентом буржуазных сил.

Буржуазные партии сумели понять политическое положение и направили все свои усилия на затемнение политического сознания пролетариата. Центром этой работы они сделали Петербург, и здесь уже в настоящее время либеральный «рабочий союз» из сферы лицемерной благожелательной болтовни буржуазных идеологов готов перейти в область цинически-грубой действительности.

Только одна политическая сила может и должна помешать новому повторению очень старой истории о покупке ценой пролетарской крови политических барышей буржуазии. Эта сила—социал-демократия.

Товарищи! выполнение одной этой очередной задачи,—борьбы за чистоту и независимость классовый политики пролетариата против предательских поползновений враждебных сил,—требует громадного напряжения всех наших сил и строгого согласования всех наших действий. Но перед нами попрежнему еще целый ряд других задач, поставленных потребностями прямой борьбы, с одной стороны, против самодержавного порядка и гнета капиталистов, с другой стороны, против политической бессознательности пролетарских масс.

Вы хорошо знаете, товарищи, как мучительно на каждом шагу нам приходится чувствовать недостаток сил в нашей тяжелой и страшно ответственной работе. И вы хорошо знаете также, насколько обостряется этот недостаток благодаря нашему организационному разъединению. Это разъединение тяготит вас, мы убеждены, не меньше, чем нас. Неужели нельзя с ним покончить?

Что нас разъединяет? Тактические разногласия? Но разве они настолько серьезны, чтобы ради них социал-демократии стоило раскалываться на две партии? Различия между тактическими резолюциями III съезда и вашей 1-й конференцией настолько незначительны, что постороннему наблюдателю их нелегко даже сразу заметить. Они гораздо менее значительны, чем разно-

гласия, существующие в пределах любой западной социал-демократической партии.

Различие организационных форм? Но при общей программе и почти тождественной тактике разве могут организационные разногласия быть достаточной причиной для отдельного существования двух партий? Это было бы, может-быть, допустимо, если бы наши организационные нормы подавляли идейную свободу и практическую инициативу партийных организаций и отдельных членов партии.

Но вы должны признать, что наши организационные нормы не таковы, что они дают необходимую свободу для идейной борьбы и открывают достаточно широкое поле для выработки новых форм партийной жизни.

Итак, по существу к объединению препятствий нет. Об этом не может быть спора, это признано и избравшей вас конференцией в ее резолюции об отношениях между двумя частями партии.

Препятствия формальные? Но их также нет, и мы рады, что, заявляя это, можем опереться на вполне определенное постановление той же конференции. Предлагая вам, организационной комиссии, вступить в переговоры с нашим центром, конференция в основу «возможного, а следовательно, необходимого» объединительного соглашения кладет следующие три условия:

«1) Содействие обоих центров попыткам объединения и согласования политической и организационной работы на местах».

Мы циркулярно предложили в исполнение резолюции III съезда всем нашим автономным местным организациям,—комитетам местным, районным, заводским,—везде, где рядом с ними существуют параллельные ваши организации, обратиться к этим последним с призывом к слиянию на организационных основах, выработанных III съездом. В случае отказа мы рекомендовали всем этим нашим автономным организациям, а также и существующим при них группам специальным,—агитаторским, пропагандистским, литературским и т. д.,—систематически устраивать совместно с параллельными вашими организациями конференции в интересах объединения и согласования работы. Эту объединительную политику мы намерены твердо и решительно проводить в дальнейшем всеми способами, какие окажутся в нашем распоряжении. Таким образом, первое условие, поставленное вашей конференцией, нами выполняется.

Второе условие:

«2) Соглашение центров относительно совместной деятельности по восстановлению партийного единства».

Поскольку дело касается нас, условие это выполняется уже данным обращением к вам, прямым призывом к совместному восстановлению партийного единства.

Третье условие:

«3) Параллельное существование литературных органов обоих течений и согласование их интересов в области транспорта и распространения литературы».

Прямым ответом на это требование является тот § нашего устава, который дает каждой партийной организации право издавать от своего имени партийную литературу и обязывает ЦК транспортировать эту литературу по требованию 5 партийных организаций. Со своей стороны, мы готовы пойти в этом отношении еще дальше и обязаться по требованию хотя бы

одной партийной организации включать в общепартийный транспорт ту или другую литературу.

Где же формальные препятствия к объединению?

Может-быть, ограниченность ваших полномочий? Нам неясны их точные размеры, но едва ли возможно затруднение с этой стороны, раз мы выполняем все условия, поставленные самой конференцией, от которой вы эти полномочия получили. Мы не в силах даже предположить, чтобы та самая конференция, которая так горячо и определенно формулировала необходимость скорейшего партийного объединения, в то же время поставила формальные преграды этому объединению в виде узких рамок для ваших полномочий.

Все приводит нас к одному выводу: существенных и серьезных препятствий к объединению указать нельзя.

Товарищи! все наши силы необходимы для службы делу пролетариата, который отовсюду окружен врагами. Никакие частные соглашения не могут заменить организационного единства,—такие соглашения возможны и с чуждыми нам партиями, они ничего не гарантируют для будущего. Мы приглашаем вас объединиться с нами на тех организационных началах, которые даны Третьим съездом.

Ничто не мешает вам сохранить вполне свою идейную самостоятельность. Ничто не мешает вам при самом вступлении в общую организацию твердо установить свои идейные разногласия с нами и вести в дальнейшем идейную борьбу за свои взгляды как до будущего съезда, так и на самом съезде. Ничто не мешает вам и до съезда добиваться путем нормальной идейной борьбы тех практических реформ в духе ваших взглядов, которые каждая данная организация компетентна сама осуществить в своей внутренней жизни.

В объединении мы почерпнули бы новые силы для борьбы с врагами пролетариата; оно упрочило бы за нами доверие самых широких пролетарских масс, то доверие, которое так необходимо для успешного выполнения нашей исторической миссии в предстоящих грозных событиях.

С товарищеским приветом Центральный Комитет Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Мы приглашаем вас назначить нам точный срок и выбрать уполномоченных для переговоров.

Уроки жизни.

«Es irrt der Mensch, solange er strebt»,—говорит Гете («Пока человек стремится к чему-нибудь, он ошибается»). Наши друзья из новой «Искры» уже два года стремятся,—и притом безуспешно,—испелить большинство и в этом стремлении постоянно попадают впросак. Но к счастью для тех товарищей, которые доверчиво отдают себя под идейное руководство бывшего ЦО, существует строгий наставник—сама жизнь, которая жестоко карает за всякие ошибки и волей-неволей заставляет выезжать на верную дорогу.

Героическая эпопея матросов броненосца «Князь Потемкин» оказалась таким воспитательным пинком для авторов «восстания-процесса» и «вооружения процесса».

И чем неумолимее разрушал этот урок жизни сложную паутину иллюзий, тем больше должны были волноваться идейные обитатели этой паутины, упрямо твердя свои старые слова. С новоискрывцами случилось то, что бывает со всяким человеком, потерпевшим идейное крушение: признав одно за другим все конкретные положения противника, они с забавным упрямством продолжают отвергать его принципиальную позицию. Признав по частям все то, что входит в понятие «плана восстания», они упорно отрицают самый план, твердя о «восстании-процессе».

Вот что пишет «Искра» в передовой статье № 104: «В головах организованных матросов давно уже зародился определенный план того восстания, которое они начнут, овладев всеми судами. Согласно этому плану, революционный флот забирает Одессу, поднимает восстание на Кавказе. Вы же,—говорили матросы Крымскому Союзу,—дайте в это время знать Польше и Петербургу, чтоб поддержали».—«Нельзя было ничего возразить по существу против этого боевого плана,—прибавляет по этому поводу «Искра»,—можно сказать, что он сам собой напрашивался, как вывод из данного положения революционных сил». Как же это, однако? Готовящийся восстать флот составляет вперед план грандиозного восстания, и против этого «Искра» ничего не может возразить? Он постановляет «забрать» Одессу, «поднять восстание» на «пока еще спокойном», по словам «Искры», Кавказе, призывает к поддержке Польшу и Петербург, и, все это не узнав порядком, успела ли меньшевистская агитация «вооружить массы жгучей потребностью самовооружения, успела ли она обеспечить за их «группами» политическое (боже, избави, только не техническое!) руководство? Однако, «Искра» говорит, что «нельзя было ничего возразить по существу против этого боевого плана». Она одобряет этот конкретный план. с тем, чтобы несколькими строчками ниже предать анафеме всякие планы, самую идею плана восстания.

Морякам с «Потемкина» пришлось отказаться от своего плана просто потому, что прежде, чем выяснилась позиция их товарищей на других судах, возникло восстание на самом «Потемкине», и началась уличная борьба в Одессе. Этот отказ от «плана» приводит «Искру» к такой морали: «С самого начала, следовательно, на этом восстании сказалась тщета столь обычных еще у нас упований на повсеместное восстание, начатое «по плану». И в пояснение этого приводится следующее рассуждение: «К восстанию нас приближает прежде всего наша широкая агитационная деятельность, а ее развитие по необходимости вызывает в массах то революционное брожение, которое не ждет сигнала свыше, чтобы вылиться в отдельном восстании. Задача организации революции начинается с того момента, когда восстание вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организации и всех подготовительных для ее успеха действий дается общей революционной атмосферой (подумайте!), в которой возникают восстания не как случайные эпизодические акты, но как необходимые следствия острого столкновения общественных сил».

Если из этого потока прутковской мудрости выудить таящийся в нем перл, то сей перл предстанет в таком виде: готовить, организовать восстание могут только «герои голубиноного полета»; когда «в общей революционной атмосфере» восстание уже вспыхнуло, как «не-

обходимое следствие острого столкновения общественных сил», только тогда революционеры должны приступить к «организации революции».

«Искра» договорилась даже до формулы: «Начав восстание, надо организовывать революцию в ходе восстания». Революция есть длительный исторический процесс, знаменующий собой переворот в общественных или политических отношениях. Восстание есть один из эпизодов этого процесса. Революция есть стихийное явление, в восстание могут быть внесены элементы сознательности. Революция есть целое, восстание—ее часть. Теперь поймите, как «организовать революцию» в «ходе восстания»? Это то же, что организовать войну в ходе сражения. Формула эта относится к той же категории понятий, что и 48-е марта гоголевского персонажа.

Если этот новоискровский перл революционной тактики перевести на военную терминологию,—а, ведь, революция, по выражению Маркса, есть война, и притом самая справедливая война,—тогда получится следующее: когда «в процессе войны», как «необходимое следствие острого столкновения двух армий», вспыхнула битва, тогда штаб, офицеры и вообще все руководители солдатской массы приступают к «организации сражения». Картина заманчивая. Этой тактики придерживалось, по видимому, русское правительство в настоящую войну.

И с этой точки зрения критикует «Искра» неудачу первоначального плана моряков *). Между тем, даже те факты, которые приводятся в передовице «Искры», учат совсем другому. План матросов рухнул потому, что восстание в Одессе началось раньше, чем восстал флот. План матросов вовсе не имел в виду «повсеместное восстание», непосредственно он включал только побережье Черного моря, т.-е. район, над которым беспрепятственно властвовал бы восставший флот. Таким образом, удачное восстание флота равнозначило бы победе революции в данном районе. И план моряков был превосходен. И права «Искра», когда, наперекор самой себе, хвалит этот план. Но план этот приводился в действие односторонне. Подготавливалось восстание во флоте, но побережье—Одесса, Николаев, Кавказ—не было посвящено в план. И довольно было стихийной вспышки одесского пролетариата, чтобы весь план рухнул.

Между тем, при всестороннем осуществлении «плана» сознательное воздействие социал-демократии могло бы сдержать пролетариат, а тем самым и широкие массы народа, от преждевременного выступления. Если социал-демократия неспособна проявить такое воздействие на рабочую массу, тогда ей лучше всего сложить оружие или уйти в организацию легальных профессиональных или потребительских союзов. Если же она действительно пользуется таким влиянием, тогда план моряков был очень легко осуществим, и победа революции,—быть-может, только частичная, временная, но все же победа,—была бы обеспечена. Но излюбленная новоискровцами стихийность восторжествовала, и попытка восстания была раздавлена в зародыше. И нет ничего пошлее пусто-

*) Еще Мефистофель у Гёте говорил про новоискровцев: *du glaubst zu schieben und du wirst geschoben*, т.-е. вы думаете, что сзади подталкиваете массу, в действительности она вас тащит на буксире, а вы поете гимны, созерцающая ее казенную часть.

звонной фразы «Искры»: «Революционерам не приходится сожалеть, что взрыв на «Потемкине» произошел до того, как матросам удалось подготовить восстание во всем флоте». Нет, всякому революционеру, которому дело дороже трескучей фразы, придется пожалеть об этом, как и всегда придется жалеть о всякой непроизводительной растрате сил революции. Это не значит осуждать моряков «Потемкина». Не зная всех обстоятельств дела, мы не возьмемся судить тот или другой шаг людей, борющихся в России, как не возьмемся и советовать из Женевы, итти ли броненосцу на Кавказ, или нет. Но когда в социал-демократической газете превозносят неудачи и ошибки, являющиеся результатом неорганизованности, неподготовленности, господства слепой стихийности, тогда мы должны показывать товарищам, что потеряла революция от той или другой неудачи или ошибки.

Отказ моряков от первоначального плана доказывает вовсе не то, что хотелось бы «Искре», вовсе не «тщету упований». Напротив, весь этот инцидент наглядно доказывает, что как только действительные революционеры действительно взялись за подготовку действительного восстания, они начали с выработки «плана». Мало того,—этот инцидент доказывает, что даже революционеры из новой «Искры», как только им приходится разбирать конкретное проявление народного восстания, по необходимости «стихийно», как все у них сбиваются на точку зрения «плана восстания». В самом деле, послушайте, что говорит «Искра», когда от общих мест переходит к критике реального факта.

«Действительной причиной неудачи восстания явилась общая неподготовленность к восстанию данных революционных элементов». Но, быть-может, вы думаете, что «Искра» говорит о неподготовленности в смысле недостаточного развития классового самосознания в пролетариате, в смысле недостаточного вооружения масс «жгучей потребностью самовооружения»? Ничего подобного! Неподготовленность выразилась, главным образом, в отсутствии надлежащей организации, в отсутствии освещающего и объединяющего аппарата. Знали ли «одесские рабочие, широкие слои их,—спрашивает «Искра»,—каковы задачи рабочего класса по отношению к народному восстанию? Знали ли они, до какой степени успех восстаний зависит от решительных коллективных действий всех слоев народной массы, бьющих в одну точку, уничтожающих правительственную власть, «развязывающих» народную революцию? Привыкли ли они к планомерным массовым действиям, опирающимся на широкие, массовые же организации? Привыкли ли они, научились ли они выступать, как политический авангард народа, заинтересовывая в успехе восстания непролетарские слои населения, знакомя их с политической программой революции? Знали ли ближние крестьяне, что им нужно было итти в восстающий город? Знали ли рабочие окрестных городов, что им надо во что бы то ни стало помешать концентрации военных сил в Одессе, что они должны разрушать железные дороги, устраивать железнодорожные стачки, отвлекать войска собственными «беспорядками»?

Если этот ряд вопросов обернуть, придав им утвердительную форму, то получится следующий план организации восстания: местная организация выясняет пролетариату его роль в народном восстании, его роль авангарда и ру-

ководителя. Она пользуется всяким случаем, чтобы приучить его к «плановым массовым действиям» (т. е. очевидно, действиям по заранее определенному плану). Наряду с этим она, со своей стороны, разъясняет пролетариату роль других слоев народа в восстании, с другой стороны, старается заинтересовать эти слои в революции, знакомя их с политической программой революции (?? вероятно, с программой-минимум социал-демократии?). Она устанавливает организационные связи с окрестными деревнями, чтобы в момент восстания поднять крестьян на помощь городу. Она сносится с соседними городами, в которых рабочие во время восстания будут «разрушать железные дороги», устраивать стачки и «беспорядки и вообще отвлекать силы правительства» (почему бы им прямо не присоединиться к восстанию? или это будет уже преступный план). Одним словом, она подготовляет все общественные силы и внешнюю обстановку так, чтобы в определенный момент*) двинуть народные массы на планомерную, целесообразную организованную борьбу с правительством. В этой картине не хватает только вооруженных дружин, но о них «Искра» не могла говорить в форме вопроса в то время, как на улицах Одессы дрались вооруженные рабочие и строились баррикады.

Таким образом, картина, которая скрыта в вопросах, поставленных «Искрой», заключает в себе в общих чертах тот самый план восстания, о котором уже в течение стольких месяцев, употребляя искровское выражение, «долбит» Ленин с братией». Слава богу, что наконец-то удалось вдолбить его в головы любезных товарищей.

Эта картина организации восстания была бы неполна, если бы мы упустили задачи, которые «Искра» ставит восставшим одесситам. «Взять город в свои руки. — говорит она, — провозгласить в нем низвержение царской власти и организовать республиканское самоуправление граждан». Вот это так. Всегда мы это говорили. Только напрасно «Искра» боится назвать это «республиканское самоуправление» настоящим именем: временное правительство. «Республиканским самоуправлением» может быть только власть, вышедшая из всеобщих выборов. Власть же, организованная победителями-революционерами впрямь до созыва учредительного собрания, так и называется: временное правительство. Принимая, хотя и поневоле, известные положения, следует принимать и соответствующую им терминологию, а то опять получится путаница.

Да, назидательные уроки жизни! И чем настоятельнее эти уроки заставляют новокисровцев отказываться от их ложной позиции и принимать точку зрения, которую давно уже наметил «Вперед» и продолжает развивать «Пролетарий», — тем больше раздражения проявляет «Искра». Приходится наблюдать то интересное психологическое явление, когда люди, уличенные самою жизнью в ошибке и вынужденные принять другую точку зрения, бешено нападают на тех, кто имел счастье или несчастье раньше их формулировать эту правиль-

*) Определится ли этот «момент» случайным столкновением какого-нибудь рабочего с городским, или массовой стачкой «по заранее обдуманному плану», — это неважно. Важна видимость революционного настроения масс, подготовленность организации, руководящее влияние социал-демократии на массы.

ную точку зрения. Да, как это ни забавно, а от той или другой позиции зависит настроение и расположение духа «политиков». Почему это в нас, «большевиках», нападки новокисровцев вызывают только улыбки и веселое расположение духа, и почему наша критика, почему «галерея литературы» так сердит «меньшевиков» и заставляет их раздражаться потоками брани? За двухлетний период накопились у нас определенный опыт. Когда интенсивность брани на страницах «Искры» заметно увеличивается, мы уже знаем, что новокисровцы вынуждены были отказаться от какой-нибудь из своих ошибок и принять вместо этого наше положение. Как некоторые химические реакции сопровождаются шипением и выделением не особенно душистых газов, так и усвоению новокисровцами наших положений неизбежно сопутствует выделение обильных потоков брани.

В отменном повороте «Искры» к нашей позиции по вопросу о восстании и временном правительстве есть много утешительного. Не в брани, конечно, дело. Люди, которые легко бранятся, сами не придают большого значения своей брани: это у них, так сказать, ограниченная потребность. Но важен здесь самый факт принципиального поворота.

Как бы ни зарекались новокисровцы, как бы ни старались они прикрыть свою изменяющуюся позицию повторением старых, но не приобретенных от старости смысла слов, в роде пресловутого «развязывания» революции, — жизнь неизменно все больше и больше приближает их к нам. И каждый новый шаг действительной борьбы в России, каждое новое завоевание революции сносит с таким старанием воздвигаемые разногласия, вынуждая их авторов на деле итти рука-об-руку с нами. Так действительность сама примиряет то, что может быть примирено, а следовательно, и должно быть примирено, примиряет гораздо прочнее и прочнее, чем самые авторитетные третейские суды. А когда это дело фактического примирения и объединения совершится, тогда официальное объединение партии с отколовшейся от нее частью будет вопросом одной формальности.

(В. Воровский).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Довольно набобталась! В последнем (73) номере «Освобождения» находим такую заметку: «На докладе Грехова о том, что 25-го мая состоится в Москве съезд земских и городских деятелей, получена следующая насчетная резолюция: «Надеюсь, что съезд не состоится; довольно набобталась...» Таким образом, как видит читатель, российский самодержец блестяще опроверг все повороченные слухи, как о человеке, не способном смотреть в корень вещей, или правителе, недостаточно решительном. Едва ли возможно, в самом деле, еще более тонко проникнуть в самую сущность либеральной болтовни и оценить ее еще более энергически...

Что же касается монаршей решительности, то о наличности ее, кроме истории с одуревшей самодержцем земской депутацией, свидетельствует еще и следующее недавно промелькнувшее в легальной «Руси» сообщение: «Как мы узнали из вполне достоверного источника, — пишет «Русь», — не только провинциальные почтовые отделения, но и петербургский главный почтамт не принимают от частных лиц корреспонденции, адресованной на имя комитета министров. Не нужно обладать большою проинтересованностью, чтобы понять истинный смысл этого почтового нововве-

деня. Именной царский указ от 18-го февраля, данный правительствующему сенату, говорит: «В неустанном попечении об усовершенствовании государственного благоустройства... признали мы за благо облегчить всем нашим верноподанным... возможность непосредственно быть нами услышанными. В виду сего повелеваем: возложить на... совет министров... рассмотрение и обсуждение поступающих... от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся... и т. д. Ныне, значит, указ этот за негодностью отменяется. «Довольно наболтались!»—рассудил самодержец, еще раз доказав как дальновидность, так и решительность одновременно.

«Довольно наболтались!»... Любопытнее всего то, что мысль эта, классически выраженная российским самодержцем, разделяется ныне, повидимому, и самими либеральными «деятелями». Так, № 73-й «Освобождения» насквозь проникнут непритворной скорбью по поводу «трагикомичности» недавней депутации уполномоченных от земского съезда к царю. Разражаясь против злорадных указаний «Гражданина» кн. Мещерского на то, что июня 6-го дня царь просто-напросто надул земских «деятелей», автор передовицы «Нежная увертюра к грозному конфликту», нисколько не отрицая самого факта надувательства, ограничивается лишь следующим скорбным кивком в сторону справедливой, — к сожалению для либеральных буржуа, — истории: «Неужели «гражданин» самодержавия в своем ослеплении реакционера не напоминает, куда политика надувательства привела Людовика Капета?» Боязнь того, что история окажется справедливой и у нас в России, заставляет автора передовицы призывать освобожденцев от «нежной увертюры», т.-е. болтовни, к «грозному конфликту» с надувательским самодержавием. «Увертюра сыграна! — патетически заканчивается передовица. — Скоро ли поднимется занавес?» В переводе на простой язык это означает: «Довольно наболтались! Пора и за дело!».

Отдельные попытки освобожденцев перейти от слова к «делу» уже замечаются. Все товарищи из России указывают на упорные старания либералов овладеть пролетарским движением. То же наблюдается и в деревне. Недавно, напр., образовался «Всероссийский крестьянский союз», вошедший как часть в образованный освобожденцами ранее «Союз союзов», и — если верить «Освобождению» — успел уже охватить 40 волостей в семи разных губерниях. Собрание делегатов «Союза союзов» решило, — сообщает «Русь», — «всеми средствами содействовать его развитию и вширь, и вглубь». Тем же желанием перейти от болтовни и депутатий к делу... свращения пролетариата с его единственно верного пути объясняется попытка «Освобождения» заняться издательством популярных брошюр для народа. Две вышедшие уже в свет брошюры так характерны, что о них мы постараемся сказать несколько слов особо.

Необходимая борьба с поползновениями либералов овладеть пролетарским движением в России значительно облегчается теми или иными откровенными признаниями, которые в виде поправки к программе «Союза Освобождения» время-от-времени делает орган освобожденцев. Так, в той же, напр., передовице в № 73, выдвинув задачу скорейшей замены «нежной увертюры» «грязным конфликтом» с самодержавием, автор очень неосторожно, хотя и очень откровенно, замечает: «Всякое политическое действие должно быть подчинено этой задаче, ею измеряемо, ею оправдываемо. Ради этого можно сегодня поехать в Петербургский дворец, а завтра повернуться к нему спиной»...

Побольше таких ценных признаний, гг. освобожденцы!

(Н. Чужак—А. Насимович).

«На прощание войскам, уходящим на Дальний Восток». — Под таким заглавием — и в форме прокламации — недавно выпущено в Херсоне начальническое воззвание к солдатам, отпечатанное в местной губернской типографии. Глубокой стариной начала русско-японской войны пахнуло на нас при чтении этого любопытного документа.

«Господь послал нам тяжкое испытание, — смиренно начинает автор воззвания: — лукавый, сильный (!) враг напал на нас, пользуясь тем, что государь наш хотел лишь мира и к войне не готовился»... «Зазнавшийся враг требует для заключения мира крайне унижительных для нас

условий»... «Честь и достоинство России не позволяют нам сложить оружие»... «Вот почему все новые и новые войска приходится посылать»... и т. д. «Теперь очередь пала на ваш доблестный молодецкий Бахчисарайский полк... Все вы, воины, — наши братья (!), кровь наша (!), и у каждого из нас болит и ноет сердце (!) при прощаньи»... «Но мы верим, что вы истинные»... и т. д.

Все это, конечно, не ново. Но, ведь, время начала войны и теперешнее время — это «дистанция огромного размера». Новые песни наряду с заученной казенной болтовней находим и в данном воззвании. Не скрывается в нем, напр., что японцы — враг «сильный», что, «любя свою родину, они не жалеют ни денег, ни жизни, чтобы покрыть ее славой», что они нанесли нам, наконец, «ряд тяжелых поражений» и т. д. Но самая интересная песня в конце воззвания.

«Слышно, и к вам в войска, — с грустью констатирует автор, — проникли прокламации, в которых говорится, что война не нужна нам, высказывается жалость к воинам, проливающим в Манчжурии кровь свою. Не русские люди такие прокламации пишут, не о благе России хлопочут они, не вашей крови им жалко. Работают они по подкупу и на радость врагов наших»... и т. д., и т. д.

Вот ради этой-то скромной песни и затеяна, думается, вся начальническая прокламация.

(Н. Чужак—А. Насимович).

Александрополь, Эриванской губ. Прежде чем ответить на вопросы, поставленные в № 6 «Пролетария», в статье под заглавием «Что делается в войсках?», считаю нужным заметить следующее. Необходимость войти в самое широкое соприкосновение с солдатами сама собой очевидна, и не потому только, что им придется сыграть немаловажную роль в момент всеобщего восстания, но также потому, что нет, да и не может быть, сколько-нибудь существенного различия между ними и остальными массами пролетариата. До поступления на военную службу большинство солдат принадлежат к рабочей и крестьянской среде, с которой они никогда не порывают своих связей. Кровно связан солдат с народом, и неудивительно поэтому, если он всегда прислушивается с лихорадочным трепетом к тому, что творится у него «дома». События последних дней — война, массовые повсеместные стачки и усмирения — знакомы солдатам отчасти по письмам с родины, отчасти по случайно попадающим в казармы газетам. Начальство, конечно, прилагает все усилия к тому, чтобы к солдатам не проникали такого рода вести, для чего в некоторых частях подвергается самой строгой цензуре переписка, не допускаются газеты; но все эти меры едва ли достигают цели.

За последнее время чаще и чаще стали попадать в ряды солдат сознательные люди, которым, естественно, претит весь казарменный режим. Мне лично приходилось наблюдать, как целые роты были «в курсе дела» лишь благодаря осведомленности двух-трех сознательных солдат.

Моя корреспонденция будет касаться одного из гарнизонов Закавказья, а именно Александрополя, Эриванской губ. В своей характеристике я буду стараться придерживаться, насколько это возможно, поставленных в № 6 вопросов.

В состав александропольского гарнизона входит 3 полка, 1 кавалерийский полк, 1 бригада артиллерии, местная команда и крепостная артиллерия (в общем около 10.500 человек). Набираются эти войска из Харьковской, Полтавской, Ковенской и Саратовской губерний. По вероисповедным и национальным особенностям первое место занимают малороссы; за ними следуют великороссы, далее поляки, евреи, литовцы и очень мало татар. За последнее время стали набирать солдат и из туземцев.

Теперь работа ведется организационно, но до прошлого года она велась чисто-кустарнически. Характерно то, что все усилия, прилагаемые в то время маленькой кучкой сознательных солдат к тому, чтобы завязать сношения с какой-нибудь из существующих на Кавказе организаций, не привели ни к чему и даже послужили отчасти причиной провала, а потому по чисто-конспиративным причинам нельзя, к сожалению, остановиться подробнее на этом более чем интересном периоде возникновения теперешней

«Александропольской Военной Группы Р. С.-Д. Р. П.». Упомянутая группа составляет неотделимый орган местной организации «генчакистов», принимающих программу Рос. С.-Д. Р. П.

Сношения с солдатами завязывались партией при посредстве имеющих уже сознательных солдат. Подошли к массе солдат следующим образом: первой была выпущена прокламация от имени Тифлисской Военной Группы Р. С.-Д. Р. П. к александропольскому гарнизону, в коей выставлялось на вид бесправное положение солдата, а товарищи призывались к организационной работе. Следствием этой прокламации явилась уже Александропольская группа Р. С.-Д. Р. П., выпустившая прокламацию с объявлением об открытии ее действий.

Затем последовал целый ряд прокламаций, в которых детально разбирались жизнь и быт солдат, указывалось на те требования, которые они должны выставлять, говорилось о войне, ее вреде и бесцельности, о следовавших друг за другом поражениях, об усмирениях, о петербургской эпопее 9—11 января. Помимо этого, велась устная работа в массе; один раз перед довольно многочисленной аудиторией была сказана речь т. очевидцем о петербургских ужасах. Наряду с этим раздавались брошюры, как «Не убий» Толстого, «Солдатская памятка» и т. д. Выпускались прокламации и по адресу офицеров, но имелись в виду при этом исключительно солдаты (все прокламации я постарался при первой возможности выслать в редакцию). Все они написаны популярным, доступным солдату языком.

Лозунги соответствовали каждый раз содержанию прокламаций, по отношению к войне они выражались общим кличем: «Долой войну!», а по отношению к восстанию — «Да здравствует грядущая революция!».

Число организованных в настоящее время солдат выражается приблизительной цифрой 100—150, но благодаря интенсивной работе цифра эта быстро возрастает, несмотря на то, что по особенностям военной службы штат работников меняется ежегодно.

О местном восстании в самих войсках и речи быть не могло, так как мобилизации здесь не было, а на войну в большинстве случаев отправлялись охотники. Все-таки имела место одна забастовка — во второй батарее 39-й артиллерийской бригады. О ней в виду величайшего интереса, представляемого ею, я поговорю в следующий раз подробно. Общее настроение войск в данную минуту, благодаря войне и усиленной агитационной деятельности, поднятое. Что же касается возможного поведения их в случае восстания, то тут чувствуется некоторая половинчатость и раздвоенность; все же можно сказать, что если ко времени восстания окажутся в войске люди дельные, то они, вернее всего, будут на стороне народа. Что солдаты и теперь симпатизируют народу, видно хотя бы из того простого и до очевидности ясного факта, что во время усмирений после стрельбы залпами или пачками на такую маленькую дистанцию, в такую сплошную массу падает убитыми и ранеными всего несколько человек. Из этого следует, что большинство пускает свои пули «по молоку», а стреляет лишь незначительная часть подлецов и негодяев, которых всегда найдется 2—3 на роту.

Какие улучшения необходимы в работе? На этот вопрос очень трудно ответить. По-моему: 1) местные организации должны быть в самой тесной связи с представителями в войсках; 2) сами эти представители должны принимать активное участие в работе в войсках, и голос их должен быть решающим при вопросах, касающихся собственно их работы, и 3) военным группам должна быть дана некоторая самостоятельность.

Что же касается вопроса о создании единой общероссийской организации, то, по моему мнению, сыграл бы немаловажную роль руководящий орган, издаваемый хотя бы при «Пролетарии», целью которого было бы объединение всех существующих военных организаций (а их теперь уже немало), придание однотипного характера всей их деятельности (ведущей в конечном результате к переходу войска на сторону пролетариата в решительный момент восстания и агитации в пользу создания новых организаций).

В заключение не могу не выразить пожелания, чтобы и другие товарищи сделали попытки осветить этот вопрос

всесторонне, так как, повторяю, вопрос этот назрел и требует немедленного и всестороннего разрешения.

Фл.

Либава. В Либаву мы прибыли благополучно. Покрутили нас несколько времени на вокзале, затем препроводили в порт и построили полк против дома, где жил Небогатов. Вышел встретить начальник порта контр-адмирал Ирицкий (заика). Собрав к себе офицеров, он начал говорить: «Господа! Мне стыдно перед вами за моих матросов, которые забыли долг службы и святость присяги и устроили вооруженный бунт. Поэтому прошу вас, господа, смотреть на моих матросов, как на изменников и самых отвратительных негодяев, забывших все обещанное перед государем и перед богом данную ими присягу. Поэтому я решился просить военного министра, чтобы он мне прислал вяземцев для искоренения этой заразы, завезенной черноморскими экипажами, которые стояли около 2 месяцев в числе 2.000 человек и заразили мои экипажи. Я сейчас на вас полагаюсь и надеюсь, что вы постараетесь с жорнем вырвать всю крамолу, которую нельзя допустить дальше развиваться. Пожалуйста, господа, объясните своим молодцам их назначение и их задачу, пожалуйста. Стыдно! Стыдно, господа офицеры, рассказывать мне это... У нас восстали флотские матросы, с вооруженными силами восстали. Против кого они восстали? Против моего государя, который был у нас три дня, и они его не приняли».

Солдаты Вяземского полка.

Столкновений между нами и матросами не было.

В дополнение к этому нам сообщают, что настроение в Вяземском полку боевое. Полк разделился на три части: одна часть безусловно не будет стрелять, другая колеблется, а третья будет исполнять требования начальства. Третья часть не составляет большинства. Положение самих солдат тоже очень скверное. Живут они в походных палатках, всегда при оружии, даже с винтовками подбоком, скверно питаются, никуда их не выпускают. Такое положение вызывает массу неудовольствия. При восстании матросов более сознательные солдаты решили покончить с начальством и перейти на сторону восставших. Теперь им удалось войти в сношения с либавской организацией. Они хотят завязать сношения с матросами.

Харьков. В середине июня П. Н. Милюковым был прочитан реферат о наших политических партиях. Не знаю, насколько верны слухи о том, что почтенный профессор являлся своего рода агитатором от «Союза Освобождения», совершающим политический объезд в целях пропаганды идей этого союза; несомненно одно, что наши либералы и радикалы оказали ему самый радушный прием, любезно предоставив для реферата сначала зал губернского земства, а затем зал общественной библиотеки. Не поскупились также бесплатной раздачей входных билетов как среди интеллигенции, так и среди пролетариев; вторичное чтение реферата было исключительно среди последних. В первой части референт пытался набросать схему развития нашего революционного движения, начиная с 60-х годов. Картина эта была набросана довольно живо и ярко, но мы не видели в ней самого главного — тех глубоко скрытых в недрах жизни пружин общественного развития, влиянием которых обуславливалась смена одних революционных взглядов другими. Это был набросок лишь поверхностного, чисто-идеологического движения, взятого вне и независимо от стихийного хода общественного процесса. Как будто вся революция двигалась и совершалась в головах «критически мыслящих личностей». Еще более слабым референт оказался во второй части, в обзоре и критике существующих революционных партий.

Центральное место в революционном движении занимает, по референту, социал-демократия, но ее задачи, цели, программа почти совсем не были очерчены; референт ничего не сказал даже о классовой точке зрения этой партии.

Несколько комичную роль отвел референт партии социалистов-революционеров, хотя, очевидно, она ему ближе, чем социал-демократия. По мнению г. Милюкова, ее назначение — заполнять пустые места, оставленные соц.-демокра-

тами. Таких мест, по референту, два: вопрос о терроре и аграрная программа. Благодаря террору полнота революционного настроения доводится до своих предельных границ; в аграрном вопросе также с.-р. стали на более правильный путь, и вообще, по Милюкову, аграрная программа—большое место в доктрине Маркса. Не обосновывая своих тезисов и высказав их в догматической форме, референт указал лишь на трудность для соц.-демокр. организовать пролетаризованных крестьян, рассеянных по деревням. В заключение референт высказал, что теперь на первое место должно быть выдвинуто единение всех революционных партий (пресловутый «Союз Освобождения»), ибо всех революционеров в настоящее время охватывает одно и то же настроение. Единство революционного настроения было последним и единственным аргументом референта в пользу «Союза Освобождения». Один из «освобожденцев» патетически пригласил присутствующих составить одну великую русскую партию, на что послышались энергичные протесты со стороны представителей с.-д. Ораторы последней составляли большинство оппонентов и, несмотря на разношерстный состав собрания, имели и наибольший успех. Освобожденцы сочли нужным не выступать на этом собрании; они говорят,—из чувства презрения к нам, но вернее всего, сознавая свое бессилие и духовное убожество. Таково именно впечатление рабочих. Речи социал-демократических ораторов произвели на них сильное, бодрящее впечатление, и многие ушли с глубокой верой в истинность пролетарской точки зрения и торжество социал-демократии. С.-р., не говоря уже о дефектах во внешних приемах их ораторов (ложный пафос, скучное и утомительное пустословие их), ярко подчеркнули свою буржуазность и родство с буржуазным радикализмом.

Что касается соц.-революционеров, то они, встречая недружелюбно речи социал-демократических ораторов и подерживая либералов, обрушивались на нашу партию. Самый видный их оратор, снискавший похвалу у «освобожденцев» (г. Милюков, говорят, отметил его «широту» в сравнении со взглядами социал-демократов), длиннейшую речь свою посвятил отстаиванию двух положений. Первое—что программа с.-р. «шире», чем наша, ибо она обнимает всех «трудящихся»; второе—что наша партия рекламная, лавочническая, ибо пролетариат неотделим от капитализма (торгашества). В партии же соц.-рев. обретается истинное благородство, ибо ее элементы—все трудящиеся!

На другой день реферат Милюкова был повторен в общественной библиотеке. На этот раз большинство присутствовавших были рабочие. Выступали опять и соц.-дем., и соц.-рев. Ораторы последних своими длинными и нескладными речами, в конце-концов, настолько утомили и раздражили собрание, что слышались крики: «Долой, довольно!». Многие разошлись. Оба вечера прошли без вмешательства полиции. Во второй раз был избит рабочими один шпион.

В редакциях столичных газет была получена следующая агентская телеграмма:

«Варшава. 29-го июля (нов. ст.). Офицеры гвардии Литовского полка, устроив собрание, вынесли резолюцию, в которой говорится, что при современном положении волнующейся страны невозможно военные действия правительства, так как волнение охватило все без исключения население России, и нет больше тех элементов, на которые можно уверенно положиться, а потому военные действия будут возможны после коренных реформ государственного строя. Об этом было сообщено высшему начальству в Петербурге, откуда был приказ казнить главных виновников. Приговором военно-полевого суда 8 человек офицеров, в том числе один капитан, были приговорены в 24 часа к смертной казни через расстреляние. К назначенному времени казни весь Литовский полк выведен на Мокотовское поле. Офицеры были привязаны к столбам с завязанными глазами и были приговорены к смерти. Затем был выведен взвод того же полка, которому была отдана команда стрелять, но после слова «пли!» все солдаты опустили дула к земле, не дав ни одного выстрела. Смущенный и растерявшийся генералитет отвел взвод на свое место и вызвал эскадрон казаков. Приговоренные офицеры в течение 2 часов оставались в своем положе-

нии. По команде спешенные казаки были приведены к присяге и стали исполнять отдаваемые поочередно приказания к стрельбе. В это время раздалась команда к стрельбе с места стоянки полка, и дружный залп передних шеренг одного из батальонов полка повалил попытавшихся стрелять казаков. Не ожидая дальнейших распоряжений, полк отправился в свои казармы».

2-я телеграмма из Варшавы: «Приговор военно-полевого суда не может быть приведен в исполнение. Приговоренные офицеры посажены в каземат».

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Екатеринослав. 17-го июня завод, где я работал, забастовал на чисто-экономической почве; еще тогда слухов никаких не было. 19-го числа собрались все на сходку обсудить свое положение, так как хозяин наш объявил, что завсд совсем закрывается. Вдруг пронесся слух, что на завтра готовится всеобщая забастовка. Сразу все повеселели, и некоторые старики говорили: «Ну! теперь не закроет завода наш хозяин, мы принудим его дать нам то, чего мы желаем». Тут явился товарищ, который объявил, что мы должны подать голос за те требования, которые предъявляет весь российский пролетариат. Масса была воодушевлена такой речью, и все решили завтра собраться.

Хозяин, вероятно, узнал, что готовится всеобщая стачка, половину требований наших удовлетворил и открыл завод. Но рабочие еще энергичнее стали настаивать на своем. Тут один товарищ объявил, что Бельгийский завод уже забастовал еще в 9 часов утра, за ним сейчас же забастовал перед обедом Брянский и Эзау. Я пошел к железнодорожным мастерским посмотреть. Явилась толпа брянцев около трехсот человек и хотела «прекратить мастерские», но был обед, и им не удалось. После обеда все в мастерских вышли на работу. Я стоял на Новой Контрольной, которая ведет через мост и на станцию, встречал некоторых знакомых товарищей и говорил им: «Ну, что ж, еще долго будете сидеть?». Иные говорили: «Мы готовы, придут за нами, и пойдем». Через полчаса являются человек 40 брянцев с криками: «Бросай работу!». Сейчас же все бросили, соединились вместе, и было произнесено несколько речей. Затем все двинулись через пути в депо, останавливая все на своем пути: поезда и паровозы, где какой шел или стоял, там и остались стоять. Вся толпа двинулась на Чечеловку; там, как мне передавали, развернули красное знамя и пропели марсельезу. Толпа—буквально все рабочие и даже посторонние—поснимали фуражки. По окончании гимна толпа вся наполнилась восторгом и с криками: «Смерть самодержавию! Смерть палачам!»—двинулась по улице. Ни солдат, ни полиции не было, а казаки стояли на углу Трамвайной, вероятно, для того, чтобы не пропустить в город. Я стоял около казаков и видел, как разведчики один за другим подсказывали с донесениями к офицеру. Вот один летит во весь опор, на всем скаку осаживает коня и говорит, что рабочие двинулись к кладбищу. Тот махнул рукой, и он помчался обратно, за ним другой, третий и так без остановки, пока рабочие не разошлись. Смотря на все это, даже как-то радостно становится, что рабочие имеют такую громадную силу, и все чувствуют эту силу и трепещут перед ней. Все были рады, что наступил рабочий праздник; старики, и те говорили: «А что, бояться нас!». Даже казаки на первый день не трогали. Но тут полил дождь, и народ стал расходиться; к вечеру остались одни казаки, стоящие, как истуканы, на своих постах

Рабочий.

Елисаветполь. 20-го июня Асландузский резервный батальон, состоящий из пяти рот (г.-е. приблизительно 500 человек), после продолжительных занятий, придя в казарму, должен был получить пищу, но так как эта пища оказалась плохой, то один из солдат бросил полный бак с супом, а остальные как-будто ожидали примера, сейчас же за ним побросали, и от радости по случаю такого дружного протеста невольно вырвался из груди у всех крик «ура!». Испуганное начальство скоро очутилось на месте про-

исшествия и, не показав солдатам вида о своем гневе, молча удовлетворило требования нижних чинов, среди которых есть отчасти и сознательные. Возмущенное в глубине души начальство, хотя перед солдатами вело себя спокойной, но через шпионов бешено разыскивало зачинщиков, однако безуспешно.

Из офицеров (30 чел.) только трое отнеслись к этому факту сочувственно. Нужно полагать, что тот солдат, который был упрям на зов социал-демократа, теперь начал прислушиваться к его голосу, чему много способствует война внутренняя и внешняя, которая так рельефно показывает все. Нужно стать поближе к ним, поработать с ними немножко, и мы найдем в них готовых вооруженных союзников.

На-днях в третьей роте этого же батальона командир роты нашел прокламации Елизавет. группы Р. С.-Д. Р. П. и немедленно доставил начальству.

Две роты Шемахинского полка отказались выйти на занятие, мотивируя свой отказ неимением казенных брюк; тогда командир полка, боясь раздражить их, обещал немедленно исполнить все желания солдат.

На вокзале рабочие депо, керосинопровода и движения 23-го июня по предложению местной группы бросили работу, но благодаря малосознательности не могли продлить политическую забастовку более одного дня. Бастовали и периферии Елисаветполя: дорога от Евлага до Акстафы. Сегодня движение товарных поездов прекращено, так как на пути сняты рельсы.

Местная работа после того, как появились «меньшевики», подвигается черепашим шагом. Хотя их теперь нет, но до того они уронили престиж местных работников в глазах рабочих, что рабочие не хотели доверять Группе боевую кассу. В последнее время благодаря энергичной деятельности местных работников дела пошли успешнее, и рабочие не смотрят на них, как на «друзей капиталистов». (Недавно Тифлисский Комитет (? ред.) «меньшинства» прислал письмо местным рабочим для дезорганизации группы «большинства», при чем и он группу называл «друзьями капиталистов»).

С 10-го по 23-е июня местной группой выпущены листки: «Граждане», «Бюллетень № 1» и «Ко всем рабочим».

Рабочий.

Баку. В последнее время орудует новая организация шпионов-провокаторов, рекрутируемых преимущественно из самых низших слоев рабочего класса, именуемая «Комитетом русских тружеников». Этот «Комитет» возник после декабрьской забастовки с целью мешать сознательным рабочим добиваться изменения порядков. В число членов этого «Комитета» входит несколько квалифицированных рабочих, которые являются вдохновителями его. Один из этих «тружеников», слесарь Бондаренко, всячески старается выкурить из депо ст. (Баку 2-й) сознательных рабочих. В середине мая через открытое окно он подбросил рабочему прокламацию, чтобы воспользоваться этим для доноса и отделаться от него. Говорит о честности подобных людей, конечно, не приходится. Для укрепления своей позиции они распространяют всевозможные басни, натравляют темные массы на татар и армян. Тот же Бондаренко—страшный взяточник. Он угрозами вымогает у рабочих гроши, постоянно пьянствует на счет людей, которые его боятся, постоянно заводит ссоры с нашими товарищами рабочими и угрожает расправой с социалистами. Дошло до того, что слесаря и другие рабочие депо потребовали удаления Бондаренко. Начальник депо потребовал, чтобы недовольные подали за своими подписями заявление. Заявление было подано. Под ним подписались почти все рабочие депо, за немногими исключениями, да и то из соратников Бондаренко. Не лучше Бондаренко и другой «труженик»—Басов. На этого последнего было также подано заявление с указанием, что он—агент сыскной полиции и бывший жандарм. Результаты заявления пока неизвестны. Затем 10-го июня ночью на старика-сторожа одного из заводов напали два человека с целью отнять оружие и изранили его кинжалом. «Труженики» пустили слух, что это сделали социал-демократы. Эта басня так и пошла бы гулять, если бы нападавшие на сторожа не возвратились за потерянными часами. Их арестовали, и оказалось,

что это—чеченцы, из которых один—известный шпик. «Комитет тружеников» не отказывается даже.. от «литературной» работы. Им были выпущены три листка, комитет наш издал по этому поводу листки, которые совершенно рассеяли напущенный «русских тружеников» туман. Эта провокаторская деятельность «русских тружеников» страшно раздражает рабочих. Последним приходится почти всюду сталкиваться с ними и принимать против них некоторые меры предосторожности. Взятки у нас берут по всякому поводу. В этом деле заслужил славу конторщик: со стрелочников при поступлении берет не меньше 10-ти рублей. да при утверждении рублей 25, а со сцепщиков и того больше. Помощник начальника станции Циприцкий все эти дела прикрывает, да и сам охулки на руку не кладет. Полагается у нас премия 2 раза в год для всех, кто работает в службе движения. А на деле недавно выдано по несколько рублей тем, кто получает больше 50-ти рублей в месяц, остальная же сумма неизвестно куда исчезла. По этому поводу пошли к Циприцкому, но он ответил, что никаких денег не получал, а если и получил, то сам знает, как их распределить. Когда же служащие все-таки стояли на своем, Циприцкий записал их фамилии, приговаривая: «Я вам покажу! Я вам заплачу!», и угрожал уволить со службы. 18-го июня в десять часов ночи был убит на Баилове (одна из окраин города) некто Витохин. Витохин принадлежал к «черной сотне» и, как один из ревностных соратников ее, постоянно угрожал рабочим, делал нападения на них, избивал и т. д. Эта «черная сотня» устраивает систематические облавы на рабочих, которых приверженцы ее называют «социалами». Своей целью «черная сотня» ставит полнейшее истребление «социалов». Раздражение рабочих против этой хулиганской шайки крайне напряженно, и оно не могло не вылиться в какой-нибудь насильственный акт. Таким актом и явилось убийство Витохина. Непосредственной причиной убийства послужило то, что убитый хулиган вместе со своими несколькими приверженцами упал на троих рабочих, двух из них избил, но получил удар кинжалом тогда, когда принялся было за третьего. Атмосфера на Баилове после убийства крайне тревожная. Хулиганы заявляют, что они будут резать всех, кого захотят. На-днях они осадили электрическую станцию и были разогнаны только при помощи казаков.

Колпино (запоздало доставкой). В первых числах января стало известно, что в Петербурге рабочие бастуют. У нас было тогда открыто Общество рабочего союза, или рабочий клуб, который организовал Гапон. 6-го января было объявлено товарищами, которые состояли в клубе, что завтра будут пускать в клуб всех рабочих. В 7 час. вечера зала уже была полна. Оратор-рабочий начал говорить: «Товарищи! меня сегодня вызывает начальник завода и спрашивает, что у вас за рабочий союз, и из-за чего вы хотите бастовать? Я ему ответил, что я не знаю, посмотрим... Товарищи! наши петербургские товарищи бастуют из-за того, что их 4 товарища записались в Общество рабочего союза, и мастер рассчитал их за это. Они предъявили и некоторые другие требования, и мы стоим за своих товарищей. Предъявим и мы свои требования: ведь, и нам не лучше их живется! Если они этих требований не удовлетворят, то будем бастовать! Согласны, товарищи?» Тысяча голосов ответили: «Согласны! Даром, что ли, работать!». Потом второй рабочий-оратор говорит: «Товарищи! наши петербургские товарищи выставили не одни экономические требования, но и политические, как наше правительство выражается (политические требования, по-ихнему, преступны). Вот я объясню, что такое политические требования. Например, они просят свободы слова и свободы собраний, чтобы мы могли свободно собираться и обсуждать свои нужды. Вот эти-то требования они и считают преступными! Затем нам нужен созыв народных представителей на основе всеобщего голосования» (оратор объяснил, что такое всеобщая, равная и тайная подача голосов, при чем указывал на Германию). Далее оратор указал, что наше правительство никому не годится. И все разом крикнули: «Не надо нам его! Долой самодержавие!». Тогда оратор сказал: «Товарищи! петербургские товарищи приглашают нас девятого в воскресенье итти на дворцовую площадь к царю и подать петицию. Гапон говорит, что сам пойдет с крестом в руках во главе рабочих. Согласны

ли, товарищи, итти на дворцовую площадь?»—«Все согласны!»—закричали рабочие. Потом раздавали прокламации; рабочие друг у друга вырывали их из рук и с жадностью читали открыто. Другая толпа рабочих дождалась на улице. Когда первые рабочие вышли из клуба, тогда он наполнился новыми. Оратор повторял то же самое. В тот же вечер были выработаны экономические и политические требования. Начальник завода Гросс обещал удовлетворить только самые ничтожные требования. Тогда ему заявили, что последует забастовка, и в 10 час. утра все побросали работу.

В 11 час. утра уже все были в клубе. В этот день ораторам очень много пришлось говорить. Говорили, что все—фабрики, заводы, железные дороги—дело все рук рабочих и должны принадлежать рабочим, а не какому-нибудь одному лицу. Фабриканты изнуряют нас и довели до нищеты. Мы пойдем к царю и будем просить улучшить наше положение: мы предстанем пред его лицом, как дети перед своим отцом. Неужели он не жалеет? неужели не услышит нашей просьбы? Если он не примет нашей петиции, то он нам не царь. Он царь тем, которые всю свою жизнь проводят в праздности и спрашивают всевозможные удовольствия,—он царь кошельков фабрикантов и заводчиков.

Дальше речь шла о войне, что она не нужна нам. И все громко кричали: «Долой войну! Долой правительство!». Опять появились прокламации, и все читали; только два старика восстали против этого, они говорили: «Разве мы затем сюда пришли, чтобы подпольные листки читать?». Оратор их успокоил: «Товарищи! листов бояться нечего! Что мы сейчас говорили, то и в листках напечатано». 9-го января в 5½ часов утра был полный зал, и в 6 часов отпавились в Петербург более 1.000 человек пешком, потому что по железной дороге путь отрезали; а которые итти не могли, тех вечером 8-го января отправляли на поезде. Конечно, от Колина до Петербурга близкое расстояние, но рабочие шли весело, как-будто милости какой-то ждут! Но тут нам казаки путь отрезали, и пришлось итти по сугробам снега через Неву. Потом присоединились рабочие других заводов. Пришли мы в Петербург, измученные, в 12 час. дня. Тут нас встретила сотня казаков, принуждены были разойтись кто куда. Разными переулками пошли все на Невский пр., а там встретили нас заллами.

Января 10-го дня вернулись все товарищи и говорили, что это зверь, а не царь; мы у него просили хлеба, он дает нам пулю. Другие негодовали на то, что не было оружия. Рабочие говорили: мы будем бастовать тихо, если же вмешается полиция или жандармерия, то брать камни и из-за заборов бить жандармерию, но не солдат, а офицеров. С 10-го на 11-е ночью были вывешены объявления: начальник призывает мастеровых на работу, а если не станут, то завод будет закрыт, и заказы отданы будут за границу. Рабочие сорвали все объявления. 11-го января вечером собрались все в клубе. Являются два попа. Один стал говорить: «Братцы, опомнитесь! Не наш ли враг—японец подкупает ваших подстрекателей и вас, чтобы была в России смута, и им этим случаем воспользоваться и перебить всех наших братьев? Неужели мы своих братьев подставим под японские пули, и им будет нечем отразить врага?» Рабочие закричали: «Для кого мы будем лить пули? для японцев или для себя? Как девятого января с нами поступили? Не постеснялись в своих стрелять и сколько наших товарищей убили! Вот куда идут снаряды и пули! Они требуют бить рабочих русских!». Тогда поп говорит: «Братцы, я знаю, что 9-го января печальная картина произошла в Петербурге, и я знаю, что тяжелое рабочих положение. Только не в такое время вы начали! Опомнитесь, вернитесь к работам, пожалейте своих братьев, которые на Дальнем Востоке за нас сражаются!». Но рабочие отвечали: «За нас ли они сражаются? Нам война не нужна! Долой войну!».

Второй поп видит, что рабочие ихним словам не подчиняются, и ушел. А первого не пустили, говоря: «Мы слушаем вас, теперь просим, послушайте нас!». Оратор стал говорить: «Товарищи! Давно ли священники стали проповедывать про войну?». Священник не вытерпел: «Нет, братцы, я дольше не могу оставаться». Рабочие все закричали:

«Нет, нет, сидите! Если мы вас слушали, то и вы нас выслушайте!» И так заставили попа слушать речь до конца. Жалко было смотреть на него в это время.

На второй день были вывешены объявления за подписью петербургского губернатора о закрытии рабочего клуба. Собираться стало нелегко, но на работу итти не думали, и тогда только пошли, когда увидели подпись своих депутатов. Это было 17-го января. Требования удовлетворили очень мало: например, вежливое обращение, два раза в месяц получка, некоторые расценки увеличить. Остальное будет рассматривать министерство. Рабочие работали с большим негодованием. К мастерским были приставлены солдаты, а в механической был даже целый патруль человек в 10—15. Двери все закрыты, исключая задних, и там стояло матросов 6 человек и сторож мастерской, чтобы не пропустить кого из другой мастерской. Рабочие смеялись над солдатами: «Ну, что? задержите, что ли, нас, если не захотим работать?» Так работали некоторое время. Солдат убрали. Вдруг появились в мастерских прокламации в 4 часа утра. Администрация дала знать начальнику заводов, который постарался послать ко всем мастерским солдат.

И двух недель не работали, как опять последовала забастовка: не захотели работать 12 часов и выставили требование сокращения рабочего дня на 2 часа. Первая вышла трубная мастерская, а за ней все. Начальник научил рабочих драться с забастовщиками: если придет который в мастерскую, взять за ноги да и выбросить, вот тебе и вся расправа. Один рабочий ответил: «Попробуйте, ваше благородие, свою спину подставить, у вас толще нашей, каково вам будет!». В это время не зевала Колпинская организация, хорошо вела агитацию среди рабочих, и рабочие стояли твердо на своем. Через несколько времени требования рабочих были удовлетворены; рабочие опять принялись за работу.

Надо было выбирать депутатов в комиссию Шидловского. Начальник одному депутату дал расчет. Были к ряду же распространены прокламации, где были выставлены требования экономические и политические, и потом потребовали принятия депутата Б. и увольнения начальника Гросса и 3-х мастеров. Прокламации были распространены ночью. В механической мастерской один матрос поднял прокламацию, отдал ее в конторку; там сейчас же передали начальнику, который стал производить допрос матросу. Потом призвал мастерового, у которого против станка была найдена прокламация, но так начальников допрос и остался без последствий. Эти прокламации большую нагнали панику на заводскую администрацию. Начальник Гросс постарался арестовать депутата Б. К нему пошли несколько человек от всех мастеровых, чтобы потребовать освобождения Б. Начальник отказался,—я, мол, ничего не знаю. Хотели забастовать, но не было силы, потому что рабочие все отошались. Так это дело и оставили.

Вернулись депутаты с комиссии Шидловского, объяснили рабочим, как комиссия отнеслась к ним. В понедельник большая толпа собралась на площади у часовни. Депутаты высказали все как следует. Потом начинает говорить речь оратор. В это самое время нагнали много солдат и просили толпу разойтись, но толпа не послушала, и оратор продолжал говорить. И только когда солдатам был дан приказ стать на колени и стрелять, тогда толпа тихо двинулась с криком: «Ура! Забастовка!». В эту забастовку поп о. Иоанн ходил к матросам в экипаж и говорил им, крестясь: «Братцы! вам нужно теперь подучиться стрелять, так как теперь время на Руси смутное, быть-может, нам придется стрелять в своих братьев». А сзади матросы ставили ему кукиш. И мало того,—эту же самую речь не постеснялся сказать в церкви тем же матросам. Забастовка продолжалась, и рабочие стояли и не пошли бы на работу еще долго, если бы не заставил царь-голод. С этой забастовки еще некоторые требования были удовлетворены, только самые ничтожные. Потом последовали аресты выборного механической мастерской и через неделю депутата комиссии Шидловского. Это было в первых числах марта. Но рабочее движение ничуть не прекратилось, рабочие все негодуют на то, что мало получили удовлетворения. И только лишь появляются прокламации в мастерской, сейчас же гонят матросов, запирают ворота. прекращают ход из мастерской в мастерскую, чтобы не

было забастовки. Но разве удержишь этим, если вздумают бастовать? Через месяц освободили арестованных.

1-го апреля было собрание в казенной школе по поводу общественной лавки и распределения дивиденда. На собрании было человек 500, и в этом числе начальник Гросс. Начальник говорил: «Я слышал, что вы членам не хотите дать награды. Мне ее не надо, я отказываюсь, но вы не имейте права не дать награды членам. Вы обижаетесь на меня, что управляете лавкой не вы сами, а мастера и я. Я для того, чтобы помочь вам в этом деле, и желал улучшить ваше положение. Что вы на это скажете?» Все молчали. Один рабочий выступает и начинает говорить: «Мы устроили Общество потребителей и думаем улучшить свое положение, но мы не улучшили, а ухудшили, и только после нескольких забастовок мы добились улучшения своего положения. Нас эксплуатируют, и эксплуатация не прекращается, попробуем же прогнать их долой! Мы не маленькие дети, и сами можем управлять лавкой». Потом указывал на добровольные жертвы, которые нахально высчитывают на войну, не спрашивая рабочего, с каждого рубля 2 коп. Долго говорил и кончил указанием на самодержавие. Все кричали: «Долой самодержавие! Долой войну!». Полетели прокламации. После этого вышли все из школы и тихо разошлись. Попадается навстречу боцман с 10 сторожами; они шли, чтобы выгнать рабочих из школы.

На другой день было собрание в столовой. Туда пустили только уполномоченных и выборных, по билету. Народу у дверей стояла масса, но ее не пускали дворник и полиция. Тогда рабочие закричали: «Бейте дворников!» Дворники сказали: «Мы и сами отойдем». Дворники отошли от дверей, и публика прошла на собрание. Член, мастер Солончаков объявил, что собрание не состоится, потому что вошли лица, которые не должны присутствовать. Ему отвечали: «Мы не хотим, чтобы вы одни решали общественные интересы». Солончаков опять сказал: «У вас есть на то выборные уполномоченные, которые решат дела за вас». Рабочие отвечали: «У нас уполномоченные—ваши помощники, указатели, те же воры, как и вы. Разве могут они отстаивать рабочие интересы?». Потом закричали: «Долой Солончакова!». Другие кричали: «Давайте тачку и на тачке вывезем его отсюда». Солончаков сейчас же удался черным ходом. Посыпались опять прокламации, полиция не вмешивалась, тем собрание и кончилось. 3-го апреля была распространена масса прокламаций как на воле, так и в мастерских; это вызвало большой надзор, всюду появились шпионы, жандармерия растерялась. Потом последовали аресты: с 7-го на 8-е апреля было арестовано семь рабочих, и обыски были больше чем в 30-ти квартирах, но все безуспешно. Ни обыски, ни аресты не помогли, опять все то же происходит.

Рабочий.

Кострома. 6-го июля рабочие всех фабрик и заводов собрались в сквере против фабрики Михина. Было до 5.000 человек. Стали выработать общие требования. Знавательные настояли внести требование 8-часового рабочего дня. Затем собранием депутатов вынесена резолюция: «Мы, забастовавшие рабочие, ругаемся за спокойствие, тишину и порядок и за неприкосновенность личности фабричной администрации, а также требуем, чтобы в нашу мирную забастовку не вмешивались войска и полиция». В сквере стали распространять бюллетень издания Костромского Комитета. Черная сотня (организованная, главное, директором фабрики Кашина) заговорила: «Политиканы уже бросают политические листки,—еще выкинут красное знамя! За них и нас перепорют. Пойдем на фабричный двор и обсудим одни, как вести забастовку». Более темные рабочие согласились и стали отделяться, но организованные стали убеждать, и к вечеру кашинские снова присоединились. А что касается депутатов, то они скоро соединились вместе с другими депутатами и решили бороться до конца.

На другой день общее собрание рабочих было переведено на берег реки Костромы; собралось тысяч восемь; речи больше экономические, хотя сквозь экономику сквозила политика. Депутаты (108 человек) решили выбрать народную милицию из 110 человек; затем выбрана финансовая комиссия (12 человек), и четверо тотчас отправлены с ярлыками на свою функцию. Когда сборщик Андрей Савинов был арестован, депутаты потребовали его освобождения,

что и было исполнено. Задержали только ярлыки. Тогда депутаты послали протест полицмейстеру, ответ еще не получен. В городскую управу депутаты послали требование единовременной суды. На 9-е июля фабрикантами сделано объявление: пусть рабочие приходят за получкой, а кто не хочет работать, будет рассчитан. Депутаты решили никому расчета не брать, за получкой не ходить; а чтобы кто не пошел за получкой, депутаты запретили конторам выдачу расчета. Фабриканты согласились, но Зотов заявил так: кто хочет получить получку или расчет, то пусть возьмет разрешение у депутатов. Настроение у массы хорошее, на посулы и подачки фабрикантов не так-то скоро пойдут.

9-го июля вечером за городом состоялся митинг. Над собранием развивалось два знамени: черное с красной надписью «9-е января» и красное. Произнесены две речи, у многих слезы на глазах. С одним рабочим под влиянием горячей, страстной, полной озлобления речи случился нервный припадок. Заключительные слова ораторов «Долой самодержавие!» дружно подхватывались и эхом разносились далеко по окрестным лесам. Возвращались с пением и знаменами. Перед городом произнесена краткая речь, знамена убраны, вернулись в город кучками.

Рабочий.

Сестрорецк. 9-го июля рабочие Сестрорецкого оружейного завода с удивительным единодушием провели однодневную забастовку. В 11 часов в соборе была отслужена по требованию рабочих торжественная панихида (присутствовало около 1.000 человек). После панихиды рабочие развернули промадные знамена-хоругви (красное с надписью: «Пролетарии всех стран, соединитесь!», а черное с надписью: «Вечная память борцам за свободу») и с пением «Вы жертвою пали» и «Рабочей марсельезы» двинулись по главным улицам. По дороге говорились речи. Выступали преимущественно ораторы-рабочие. Публика и солдаты, с величайшим интересом наблюдавшие за процессией из окон казарм, при пении похоронного марша обнажали головы. Исправник генерал Колобнев, пытавшийся ворваться в толпу и отобрать знамена, был обезоружен и жестоко избит. Процессия направилась к жел-дорожи. станции. Здесь состоялось совещание, и рабочие решили идти к курорту, чтобы потребовать отмены устраиваемого в этот день буржуазией «бала-монстр». У курорта состоялся митинг. Было решено явиться вечером и во что бы то ни стало воспрепятствовать балу. От курорта процессия со знаменами и пением направилась обратно мимо роскошных дач петербургской буржуазии. Процессия представляла из себя удивительно грандиозное зрелище, невиданное никогда не только здесь, но и в Петербурге. Шествие и митинг продолжались около 3 с половиной часов. Курорт занял батальон Енисейского полка. Буржуазия решила плясать под охраной штыков. Но ей этого сделать не удалось. В 9 часов рабочие с траурным знаменем явились к курорту. Депутация, неся впереди знамя, подошла вплотную к цепи солдат и заявила, чтобы требование рабочих о прекращении бала было немедленно передано в курзал и сообщено публике. В курзале произошла невероятная паника. Все спуталось и смешалось. Выступил оратор и передал требования рабочих. Раздались аплодисменты и редкие свистки. Какой-то инженер требовал, чтобы в рабочих стреляли, но чтобы бал продолжался во что бы то ни стало. При громких криках: «Вон, вон!... он должен был покинуть курзал. На сцене появился кто-то из артистов и заявил об отказе его товарищей участвовать в вечере. Публика в паническом ужасе устремилась к выходам и бросилась в стоявшие у платформы поезда. Это было какое-то поголовное бегство при громких победных криках рабочих. Разряженные дамы, увешанные бриллиантами, умоляли, чтобы их пустили хотя на площадку III класса. Курорт и вокзал быстро опустели.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Москва. В Таганской тюрьме сидят: 1. Социал-демократы: Царьков (наборщик), Дубровинский (инт.), Л. Карпов (инт.), В. Носков (инт.), Гальперин (инт.), И. Белячиков (рабочий), Дмитрий Гиммер (инт.), Матвеев (инт.), Любимов (инт.),

М. Сильвин (инт.), Квятковский (инт.), Горохов (рабочий), Григорий Элькин (рабочий), Факторович (раб.), Петров (раб.), Вагулин (раб.), К. Александров (инт.), Паушкин (инт.), Н. Авдеев (инт.), Афанасьев (раб.), М. Лещинский (раб.), Элиза Левит (инт.), Надежда Чиликина (инт.), Панченко (нелегальный, наст. фам. неизвестна), А. Гостев (студ.), Потапов, Юрковский (оба железнодорожные служащие, обвиняются в принадлежности к Ленинскому (?—Ред.) (так формулируют обвинение жандармы) союзу жел.-дор. служащих, Екатерина Александрова (инт.), Тобиас Надежда (инт.), К. Медведева (инт.), Н. Бауман (инт.), В. Крохмаль (инт.), Фадеев (инт.), Яблоновский (раб.), Вороницын (инт.), Калугин (раб.), Муравьев (почт. чин. ар. 27-го июня, найдено 8.000 экз. прокл. МК), А. Заварин (статистик), Розанов (инт.), С. Титов (раб.), Александров, Нина Торгашева, Елена Сементяева, Софья Медведева, Маргарита Лопатинская (последние четыре ар. 27-го июня по делу МК).

2. Соц.-революционеры: Эд. Шмидт (доктор), Морозов (раб.), Янченко (раб.), Троицкий (инт.), В. Мазурин (б. студ.), Денис Радилов (студ.), Семен Наркирбер (инт.), Н. Звонков (б. студ.), Палушкин (конт.), Кореев (раб.), Плотинов (студ.), Полторацкий (б. уч. торг. шк.), Яков Степанов (раб.), Н. Гиммер (б. студ.), М. Емельянова, О. Емельянова (курс.), Прохоров Алекс. (раб.), Рябов (раб.), Рогинский (студ.), А. Высоцкий (инт.), В. Компанейцева (курс.), А. Карпенко (инт.), Сазонов (статист.), Антропов (инт.), Руднев (он же Подвигин), Арестов (раб.), М. Салопанов (инт.), Махвиладзе (студ.).

3. Дрошакост Аракелов. Привезены 8-го июля: Кочуков, Митюшов.

Освобождены 2—8 июля: И. Белов, Никитин, Елена Манюшко, Терентьев, Ратников, Потапов, Юрковский, Горохов, Петров, Фадеев.

Р. С. Здесь среди арестантов распространяются «прокламации» «Народного Союза». И вот уголовные арестанты обратились к одному из товарищей с вопросом: «Правда ли, что ворам, как говорит одна из этих «прокламаций», будет гораздо хуже, чем теперь, если верх возьмет «политика», т.-е. революционеры?» Как вам понравится этот до сих пор неизвестный оплот самодержавия?

Одесса. Прилагаемая прокламация написана в тюрьме, главным образом, по поводу истязания 16-летнего юноши Гейденбрика, который был привезен из участка избитый и изувеченный и нуждался во врачебной помощи. Когда я уезжал из Одессы, тюрьма уже голодала в течение 3-х дней. Продолжается ли теперь голодовка и каковы ее результаты,—я не знаю.

Вот текст прокламации:

«Граждане! До сих пор казалось, царь отделяет законодателя от судьи, судью от палача. Но поднялся рабочий народ, и на его возглас: «Да здравствует свобода!» царь ответил: «Рабская покорность или смерть!». До сих пор самодержавная власть царя достаточно защищалась полной безнаказанностью его слуг-палачей. Теперь же эти слуги военным положением сами объявлены местными самодержцами. Каждый царский холоп в полицейском или офицерском мундире, холоп, прошедший только одну школу, одну науку кулака и взятки, объявлен и законодателем, и судьей, и палачом народа.

И эти бездушные, тупые, озверевшие холопы, хватая сотни людей, тут же творят над ними суд и расправу. Их безумную ярость уже не удовлетворяет погребение живою в тюремные склепы. Им нужны пытки, им нужны мучения, им нужна кровь своих жертв...

Отцы и братья! доносится ли до вас то, что творится в царских застенках? Полицейские участки превращены в разбойничьи вертепы: там терзают, калечат и убивают ваших сыновей и братьев. Вооруженные шашками пристава с целой армией городских избивают, истязуют и рубят заключенных поодионочке. Десятками разбрасывают искалеченных и умирающих по конурам, дожидаясь, когда они отдышатся, чтобы снова приняться за расправу. Другие десятки волоком волокут в тюрьму, волокут сплешь покрытых кровоподтеками, со сломанными ребрами, с проломленными головами, с тяжелыми рублеными ранами. Поймите же вы, отцы и братья! Ваша рабская покорность вскормила и воспитала эту бездушную, бесчеловечную же-

стокость палачей. Беспредельна ваша покорность, и нет пределов, нет конца этой бесчеловечности. Пресытившись телесными муками и кровью своих жертв, они прибегают к попытке еще более ужасной—к попытке душевной, к попытке, уничтожающей сознание и чувство человеческого достоинства. 17-го июня трое приведенных в Петропавловский участок, предвительно страшно избитые, были высечены.. Эти трое—Уманский (ученик худож. учил.), Чубаров (библиотекарь Кучеровского) и Азбель (оконч. ремесл. учил.). Сечением руководил казачий офицер... Остальным сидящим, поднявшим-было шум, погрозили тем же наказанием. Следователь (очев. Петроп. участка) жалобу на это истязание не принял... 26-го июня вечером юноша Гейденбрик просил позвать врача. Эта просьба встречена была смехом надзирателя. За должный ответ на грубый смех Гейденбрик был высечен в одесской тюрьме.

Поймите же, граждане! Что обеспечивает каждого из вас от ружья и шашки, кулака и розги царского холопа?

Поймите же вы, граждане, что народ, который сносит такую тиранию, заслуживает ее! Граждане! Вас сковывает чувство страха перед безжалостным врагом,—так дайте же нам, рабочим, возможность бороться! Дайте нам средства! Дайте нам оружие! Солдаты! Царские холопы—такие же хозяева над вашим телом и душой, как и над нашим. Кулак и розга висят над вами грознее, чем над нами. Вас сгоняют в Одессу убивать нас. Поймите же солдаты, что других солдат сгоняют на вашу родину, чтобы убивать ваших отцов и братьев, крестьян и горожан! Солдаты! Вы—сыновья народа. Встаньте же за народ против его грабителей и мучителей—царя с его полицией, жандармами, чиновниками и офицерами. Всех нас дают одни и те же тираны! Соединимся же во имя свободы, игаче мы захлебнемся в море страданий. У нас разные интересы, различные пути, но бить врага мы должны все вместе. Только общим ударом мы уничтожим проклятое вардичество Николая II Кровавого. Долой тиранов с царем во главе! Власть палачей мы заменим властью народной. Законодателем и судьей может быть только народ.

Да здравствует народное самоуправление (республика)!»

ИЗ ПАРТИИ.

Тверь. Новоторжская группа Тверского комитета утверждена около 2-х месяцев назад. Начиная работу в Новоторжском уезде среди крестьян, группа воспользовалась теми связями, которые оставили после себя учителя, изгнанные и добровольно ушедшие из своих школ в 1904 г. Группе досталось богатое наследство. Учителя-народолюбцы создали в уезде сильное культурное движение, до некоторой степени разбудили также и политическую мысль. Быстро расширились связи группы в течение каких-нибудь двух месяцев, не менее 100 деревень уже попали в сферу революционного влияния. Было устроено нечто в роде организации крестьянских комитетов, объединивших по несколько деревень каждая. Начала распространяться литература, нашедшая себе массу дельных читателей-друзей. Повелись устные занятия. Сначала сходили устраивались в лесу. Позже стали превращать в политические митинги такие учреждения, как волостные и сельские сходки. Политическая агитация совершенно не пугает новоторжских крестьян. С началом сенокоса выплывает на сцену аграрные столкновения с помещиками (И. Петрункевич, Бакунины, Поваало-Швейковские, Крапоткины—все столпы либерализма). В этих столкновениях крестьяне находят случаи приложить на деле свою революционную энергию. Крестьяне жалеют, если нет поводов к подобного рода столкновениям. И группа всюду принимает деятельное участие.

В мой последний приезд товарищ повез в одну волость две резолюции, из которых одна говорит об упразднении самодержавия и требует немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, а другая требует упразднения теперешнего цензового земства. Эти резолюции должны быть приняты на волостном сходе. Молодежь почти не принимает участия в движении, запирается стариками, женщины тоже, потому что они—«бабы». Но в общем атмо-

сфера настолько революционна и политически сознательна, что представляешь себе возможным превратить весь уезд в очаг политического движения.

Вышневолоцкая группа Тверск. ком. состоит из 7 человек; у группы имеются связи, ею распространяется литература, за последнее время налажены правильные занятия с кружками рабочих.

Либава. Либавская с.-д. группа, ознакомившись с обстоятельствами, предшествовавшими созыву Третьего съезда, и обсудив резолюции и решения съезда и конференции меньшинства, пришла к следующим заключениям: 1) Совет партии, упорно отказываясь (в лице трех заграничн. представителей), вопреки воле большинства комитетов, созвать II съезд, тем самым создал условия, которые оправдывают и узаконяют порядок созыва съезда организационным комитетом из БКБ и ЦК. 2) По числу организаций и комитетов партии, выразивших согласие участвовать на съезде и пославших туда своих представителей, а также по числу организаций и комитетов, участвовавших на съезде, Третий съезд должен быть признан законным съездом Р. С.-Д. Р. П., и решения его обязательны для всех членов партии. 3) Организационные и тактические разногласия, существующие между двумя частями партии и обостренные рядом двухлетних взаимных споров и распрей, не могут служить достаточным поводом для оправдания произошедшего партийного раскола, и отказ части съехавшихся делегатов под давлением трех членов Совета партии участвовать в работах съезда, не сделав попытки путем совместной работы прийти к возможному соглашению, должен быть признан противным партийной дисциплине и партийному долгу, вредным для интересов пролетариата. 4) Либавская соц.-демократическая группа присоединяется всецело ко всем резолюциям и решениям Третьего съезда и выражает твердую уверенность, что только на основании этих резолюций возможно и желательно полное и действительное объединение Р. С.-Д. Р. Партии.

Комитетом заграничной организации получено с 24-го июля: от Лозаннской гр. партии 9.25 фр.; через Берлинскую группу от немецкого Parfeivorstanda 2.455 фр. 45 с.; из Гейдельберга на вооружение—104 фр. 67 с.; итого: 2.569 фр. 47 с.

Из отчета окружной организации при Московском Комит. Р. С.-Д. Р. П. за май: приход 27 р. 3 к. (в том числе от Комитета 100 р.); расход 127 р. Остаток к 1 июня 146 р. 3 к.

Распространено литературы. 1) Общего характера: 1) Программа-минимум (775), 2) Экономика или политика (1.785), 3) О стачке в Иваново-Возн. (676), 4) Об эскадре Рождеств. (671), 5) О партийной кассе (492), 6) Крестьяне! к вам наше слово (1.000), 7) «Голос Труда» № 3 (240), 8) № 4 (160), 9) Стихотв. «9-е января» (91). II) Проф.: 1) К рабочим текст. Моск. мануф. (600), 2) К раб. ткацкой фабр. Мараевой (350), 3) К рабочим лесоп. завода Шибаева (100) (все Серпуховской группы). Сверх того, в небольшом количестве: «О средствах партии», «О разл. союзах», «Рабочий класс и фабриканты», №№ «Вперед» и некоторые брошюры.

Из отчета Петерб. К-та с 1-го февраля по 1-е марта: 1) Приход 2.400 р. 51 к.; расход 1.966 р. 41 к. (в том числе на технику 200 р., еще на техн. 65 р., на орган. цели 300, организац. расх. 75 р., городскому району 159 р., Невскому району 45 р.). Остается к 1 марта 434 р. 10 к. II) На оружие. Приход 1.295 р. 50 к.; расход 850 р.; остается к 1 марта 445 р. 50 к.

III) Помощь стачечникам. Приход 981 р. 75 к.; расход 460 р. Остается к 1 марта 521 р. 75 к.

Из отчета того же Ком. За март: I) организац. нужды: Приход 3.283 р. 91 к.; расход 2.733 р. 80 к. (в том числе на технику 735 р., еще техника 225 р., газеты для раб. 23 р. Организация. 25 р., 73 р. 50 к., 100 р., Невский район 58 р. Нарвский район 60 р., Городской район 160 р., Вас-

Остр. район 75 р., ремеслен. 50 руб., еще Городск. район 115 р.). Ост. 550 р. 11 к.

II) На оружие. Приход 1.046 р. 5 к.; расход 887 р. 40 к. Остаток к 1 апр. 158 р. 65 к.

III) Стачечн. фонд: Приход 1.318 р. 75 к.; расход 779 р.; остаток к 1 апр. 539 р. 75 к.

Из отчета Тверского Ком. за 1/4 года (февраль—апр.) 1905 г. За февраль: Приход 169 р. 93 к.; расход 246 р. 44 к. За март: Приход 202 р. 49 к. (в том числе рабоч. касса 25 р. 7 к.); расход 270 р. 5 к. (в том числе техн. 106 р. 65 к., литер. 10 р.). За апрель: Приход 186 р. 49 к. (в том числе рабоч. касса 35 р. 43 к.); расход 192 р. 22 к. (в том числе техника 49 р. 43 к., литер. 20 р.). Итого приход за 1/4 года 636 р. 34 к.; расход за 1/4 года 708 р. 71 к. Дефицит (72 р. 34 к.) покрыт займом.

Из отчета Тверского К-та за май: Приход 100 р. 50 к.; расход 175 р. 86 к. (в том числе помощь 67 р. 10 к., техника 79 р. 70 к., конспир. расх. 19 р. 46 к.).

Издательская деятельность К-та за февраль, март, апрель и май. 1) Февраль: Ответ царю (Петерб. Гр., печати. (8.000), 2) Какое страхование нам нужно (из «Искры», печати.) (8.000), 3) Отчет Тв. к-та за 1/4 года, ноябрь—январь. (гект.) (200), 4) Ко всем гражд. (из «Искры», мимеогр., 1.250), 5) К учащимся (мимеогр., 300). Март: 6) Опять мобилизация (печ. 6.000), 7) Комиссия Булыгина (Петерб. Гр.) (печ., 6.000), 8) Милостиво пушек, пулеметов, ружей и нагаек (Моск. К. Р. С.-Д. Р. П.) (мимеогр. 2.000), 9) Рабочим и работн. Залог. фабр. (мимеогр. 450), 10) Русский рабочий и Зимний дворец (памяти Степана Халтурина), Отд. от. из № 86 «Искры» (мимеогр. 1.400), 11) Пора кончать! (с изд. «Искры») (печ. 6.000), 12) «Он прощает». Отд. от. из № 86 «Искры» (мимеогр. 2.400), 13) Рабочим вагоностроит. завода (мимеогр. 500), 14) Крестьянам (печ. 6.000). Апрель: 15) Первое мая (ЦК Росс. С.-Д. Р. П.) (печ. 10.000), 16) Крестьянам Курмординской вол. (мимеогр. 650); 17) Крестьян. Первятинск. вол. (мимеогр. 550), 18) Служащ. и рабоч. Бурашевской колонии (мимеогр. 200), 19) «Летучий Листок» № 1 (мимеогр. 200), 20) Солдатская памятка (с изд. «Искры») (мимеогр. 500), 21) По поводу столкновения с офицерами (мимеогр. 450), 22) Майские лозунги (гект. карточки 550), 23) Майские требования (с изд. «Искры») (печ. 8.000). Май: 24) По поводу демонстрации 1-го мая (печ. 5.000), 25) Они упрямы (№ 12 «Вперед») (мимеогр. 500), 26) Рабочим Мороз. фабр. (мимеогр. 600), 27) Рабочим стекл. зав. (гект. 100), 28) Вышневолоцким раб. (мимеогр. 200), 29) Отчет за 1/4 года (февр.—апр.) (гект. 200), 30) Извещение о демонстрации в Пречист. Бору (мимеогр. 300), 31) Крестьяне! к вам наше слово. (ЦК) (печ. 9.500).

Привозной литературы получено за февраль 1 пуд; за март 1 1/16 п., за апрель 1 1/2 п., а всего около 4 пудов. Было получено несколько отдельных экземпляров «Искры» (№№ 75—90), «Вперед» (№№ 1—12), «Социал-Демократа» (около 250 шт. №№ 1, 2, 3). Из брошюр: Парвус—«Война и революция»—160 шт.; «Эрфуртская программа»—50 шт.; «Они заговорили»—300 шт.; «На первое мая»—75 шт. и др. в более ограниченном количестве. Затем было получено: листовка «Первый шаг»—2.500 шт. и около 4.000 разных листов ЦК.

Арестовано в Твери за время с февр. по апр. 6 чел., все рабочие. За май было 10 сходок (4 в деревне и 6 в городе). Арестовано за май в Твери 1 инт., 1 инт-ка 3 рабочих.

Из отчета Витебской гр. С.-З. К-та от 20-го мая по 20-е июня: Приход 276 р. 70 к.; расход 356 р. 21 к. (в том числе стачки 163 р., литература 43 р., орган. расх. 26 р., техника 21 р. 75 к.).

Издательская деятельность группы: 1) По поводу гибели эскадры Рождеств. (200), 2) К крестьянству и рабочему люду (по тсму же поводу и призыв к организации) (1.200), 3) К рабочим фабрики Килболовского (во время стачки), 4) Крестьяне! к вам наше слово (печ. 2.000). Собраный было 8, летучек 5. Всего около 1.000 чел. Кроме того, устроены были 2 вечеринки.

В редакцию «Пролетария» поступили листки, изданные: Московским Комитетом: 1) «Они столквались!» (пере-

печатка листка Центрального Комитета, 20.000 экземпляров, 2) Ко всем рабочим и солдатам г. Москвы (по поводу одесских событий, 20.000 экз.), 3) Горе побежденным! (переп. листка Пет. Ком., 20.000 экз.), 4) Опять мобилизация! (1.000), 5) «В России идет забастовка за забастовкой», 6) «Голос Труда» № 5 (об учредительном собрании, об иваново-вознесенской стачке), 7) К раб. завода «Нью-Йорк» на ст. Люберцы, 8) «Довольно молчать!», 9) К рабочим и работницам винного склада, 10) К офицерам прусской армии (открытое письмо), 11) Требование рабочих фабрики «Сиу» (Бутырско-Моск. районный комитет). Окружной организацией Московского комитета: 1) К рабочим Т-ва Московской Красильной фабрики, 2) Ко всем раб. и работницам фабр. Чернышова, «Русский рабочий проснулся», 3) К раб. и работницам Знаменской Мануфактуры Полякова, 4) К раб. и работницам фабр. Чернышова («Задумывались ли вы?...»). Группами окр. орг. Моск. комитета: 1) Серпуховской: Ко всем раб. и работницам г. Серпухова; 2) Орехово-Зуевской: К раб. Викуло-Морозовской мануфактуры; 3) Егорьевской: Ко всем раб. г. Егорьевска; 4) Богородской: К раб. Богородско-Глуховской мануфактуры; 5) Кимрской: К раб. села Кимры; 6) Коломенской: К раб. Коломенского завода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Л. Корр. от 12-го и 17-го июля получены, такого рода корр. очень нужны. Гала. Письмо получено, адрес разобран. От тилии. Оба письма получены. Людмиле. Письмо получено. Ю. Ю. Отчет получен, также корр. рабочего с вашей припиской. Цыганову. Письмо получено, денег еще не получали. Ольге. Пишете не тем ключом, которым условились, нельзя разобрать. Пришлите скорее явку. Соловьеву. Книги и пр. не получили, также не получили письма, писанного ключом Нины. Была ли там подпись? Спице. Адрес № 39а страшно путаете. Все получается аккуратно, отвечаем письмом. Буркину. Перепутали ключ. Костину. Отвечаем письмом. Пропагандисту. Корр. получили, 3-х адресов, о которых пишете, не получили, не можем помочь ничем, ибо не имеем к организации ни адресов для писем, ни явки. Озаботьтесь, чтобы прислали.

Поступило в загр. кассу ЦК от А. Б. Г. через Р. на всенародное вооружение 10 руб., от П. Н. на то же через Берлинск. гр.—5 мар., через А. от Нензв.—10 р., через М. из Москвы—100 р.

Примечания.

Прим. 1. В оригинале § 16 нет. Опушен ли он автором статьи (тов. Воровским), или тут имеет место опечатка,—выяснить не удалось.

ЖЕНЕВА. 16 (3) августа 1905 года

№ 12.

Пролетарій

Пролетарі всіхъ странъ,
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Бойкотъ булыгинской Думы и восстание.

Современное политическое положение в России таково. Возможен близкий созыв булыгинской Думы, т.-е. совещательного собрания представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубо-цензового, сословного и непрямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства. Как держаться по отношению к этой Думе? Либеральная демократия дает два ответа на этот вопрос: левое крыло ее, в лице «Союза Союзных», т.-е., главным образом, представителей буржуазной интеллигенции, высказывается за бойкот этой Думы, за то, чтобы в выборах не участвовать и использовать момент для усиленной агитации в пользу демократической конституции на основе всеобщего избирательного права. Правое крыло ее, в лице июльского съезда земских и городских деятелей, или, вернее, в лице известной части этого съезда против бойкота, за участие в выборах, за проведение в Думу возможно большего числа своих кандидатов. Правда, никакое решения по этому вопросу съезд еще не вынес, отложив дело до следующего съезда, который должен быть созван по телеграфу после обнародования булыгинской «конституции». Но мнение правого крыла либеральной демократии достаточно уже определилось.

Революционная демократия, т.-е., главным образом, пролетариат и его сознательная выразительница—социал-демократия высказывается безусловно в общем и целом за восстание. Это различие тактики верно схвачено органом либерально-монархической буржуазии—«Освобождением», в последнем (74) номере которого, с одной стороны, решительно осуждается «открытая проповедь вооруженного восстания», как «безумная и преступная», а с другой стороны, критикуется идея бойкота, как «практически бесплодная», и выражается уверенность, что не только земская фракция конституционно-демократической (читай: монархической) партии, но и союзы союзов «выдержат свой государственный экзамен», т.-е. откажутся от идеи бойкота.

Спрашивается, как должна отнестись партия сознательного пролетариата к идее бойкота и какой тактический лозунг должна она выдвинуть на первый план перед народными массами? Чтобы ответить на этот вопрос, надо припомнить прежде всего, в чем состоит сущность и коренное значение булыгинской «конституции». В сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством невинной и совершенно безвред-

ной для самодержавия, якобы бы, конституционной подачки должны быть постепенно разъединены с революцией, т.-е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием. Так как вся наша конституционно-демократическая партия жаждет сохранения монархии и верхней палаты (т.-е. обеспечения заранее в государственном строе страны политических привилегий и политического господства «верхних десяти тысяч» богатеев), то возможность такой сделки не подлежит сомнению. Более того, в той или иной форме, рано или поздно такая сделка, по крайней мере с частью буржуазии, неизбежна, ибо она предписывается самым классовым положением буржуазии в капиталистическом строе. Вопрос только в том, когда и как состоится эта сделка, и вся задача партии пролетариата по возможности отдалить момент ее заключения, по возможности разделить буржуазию, извлечь наибольшую пользу для революции из временных обращений буржуазии к народу, подготовить за этот период силы революционного народа (пролетариата и крестьянства) для насильственного ниспровержения самодержавия и для отстранения, нейтрализации предательской буржуазии.

В самом деле, сущность политического положения буржуазии, как мы уже не раз указывали, состоит в том, что она стоит между царем и народом, желая сыграть роль честного маклера, подкрасться к власти за спиной борющегося народа. Поэтому буржуазия сегодня обращается к царю, завтра к народу, к первому—с «серьезными, деловыми» предложениями политического гешефта, ко второму—с пустыми фразами о свободе (речи г. И. Петрункевича на июльском съезде). Нам выгодно, чтобы буржуазия обращалась к народу, ибо таким обращением она дает материал для политического пробуждения и политического просвещения таких отсталых и таких широких масс, пытаются охватить которые социал-демократической агитацией было бы пока пустой утопией. Пусть буржуазия встряхивает наиболее отсталых, пусть кое-где взрывает почву,—мы будем неустанно сеять социал-демократические семена в эту почву. Везде на Западе буржуазия для борьбы с самодержавием вынуждена была будить политическое самосознание народа, стремясь в то же время посеять семена буржуазных теорий в рабочий класс. Наше дело пользоваться разрушительной работой буржуазии по отношению к самодержавию и неуклонно просвещать рабочий класс относительно его социалистических задач, относительно враждебной непримиримости его интересов с интересами буржуазии.

Отсюда ясно, что наша тактика должна состоять в настоящий момент, во-первых, в поддержке идеи бойкота. Самый вопрос об этом бойкоте есть вопрос внутри буржуазной демократии. Рабочий класс тут

прямо не заинтересован, но он безусловно заинтересован в поддержке той части буржуазной демократии, которая революционнее, он заинтересован в расширении политической агитации и обострении ее. Бойкот Думы есть усиленное обращение буржуазии к народу, развитие ее агитации, увеличение числа поводов для нашей агитации, углубление политического кризиса, т.-е. источника революционного движения. Участие либеральной буржуазии в Думе есть ослабление ее агитации в настоящем, обращение ее более к царю, чем к народу, приближение контр-революционной сделки между царем и буржуазией.

Спора нет, булыгинская Дума, если даже она не будет «сорвана», сама породит в будущем неизбежные политические конфликты, которыми непременно должен будет воспользоваться пролетариат, но—это вопрос будущего. Смешно было бы «зарекаться» утилизировать эту буржуазно-чиновничью Думу в целях агитации и борьбы, но теперь вопрос не в том. Теперь левое крыло самой буржуазной демократии выдвинуло вопрос о прямой и непосредственной борьбе с Думой путем бойкота, и мы должны употребить все усилия, чтобы помочь этому более решительному натиску. Мы должны ловить буржуазных демократов, освободителей, на слове: распространять как можно шире их «петрункевические» фразы об обращении к народу, изобличать их перед народом, показывая, что первой и самой маленькой проверкой на деле этих фраз явился как-раз вопрос бойкотировать ли Думу, т.-е. обратиться с протестом к народу, или принять Думу, т.-е. отказаться от протеста, пойти еще раз к царю, принять издевательство над народным представительством.

Далее, во-вторых, мы должны приложить все усилия, чтобы бойкот принес реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации, а не остался простым пассивным отстранением от выборов. Эта идея довольно широко уже распространена, если мы не ошибаемся, среди работающих в России товарищей, выражающих свою мысль словами: активный бойкот. В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать десятикратное усиление агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизацию избирательных собраний хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д., и т. п. Само собою разумеется, что в целях агитации и борьбы по такому поводу особенно целесообразны допущенные вообще рядом решений нашей партии временные соглашения с теми или иными группами революционной буржуазной демократии. При этом мы должны, с одной стороны, неуклонно охранять классовую особенность партии пролетариата, ни на минуту не оставляя социал-демократической критики наших буржуазных союзников. С другой стороны, мы не исполнили бы своего дела, как партия передового класса, если бы не сумели выдвинуть в агитации передового революционного лозунга в данный момент демократической революции.

Это составляет третью нашу непосредственную и ближайшую политическую задачу. «Активный бойкот», как мы уже сказали, есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением. Но такая работа немыслима без ясного, точного, прямого лозунга. Та-

ким лозунгом может быть только вооруженное восстание. Созыв правительством грубо-поддельного «народного» представительства дает великолепные поводы для агитации за настоящее народное представительство, для разъяснения самым широким массам, что созвать это настоящее представительство может теперь (после таких обманов царя и такой издевки его над народом) лишь временное революционное правительство, для учреждения которого необходима победа вооруженного восстания и фактическое свержение царской власти. Лучшего момента для широкой агитации за восстание нельзя себе представить, и для такой агитации необходима также полная ясность относительно программы временного революционного правительства. Такой программой должны быть уже намеченные нами ранее («Пролетарий» № 7, «Революционная армия и революционное правительство») шесть пунктов: 1) созыв всенародного учредительного собрания; 2) вооружение народа; 3) политическая свобода: немедленная отмена всех законов, противоречащих ей; 4) полная, культурная и политическая свобода всем угнетенным и неполноправным народам. Русский народ не может завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов; 5) 8-часовой рабочий день; 6) учреждение крестьянских комитетов для поддержки и проведения всех демократических преобразований, в том числе и поземельных вплоть до конфискации помещичьих земель.

Итак, самая энергичная поддержка идеи бойкота; изобличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т.-е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения временного революционного правительства; распространение и разъяснение основной и безусловно обязательной программы этого временного революционного правительства, которая должна быть знаменем восстания и образцом при всех предстоящих повторениях одесских событий.

Такова должна быть тактика партии сознательного пролетариата. В целях полного выяснения этой тактики и достижения единства ее мы должны еще остановиться на тактике «Искры». В № 106 она изложена в статье «Оборона или наступление». Не останавливаясь на мелких и частных разногласиях, которые сами собой отпадут при первых попытках перехода к делу, отметим коренное разногласие. Справедливо осуждая пассивный бойкот, «Искра» противопоставляет ему идею немедленной «организации революционного самоуправления», как «возможного пролога восстания». Мы должны, по мнению «Искры», «захватить себе право избирательной агитации путем учреждения рабочих агитационных комитетов». Эти комитеты «должны поставить себе целью организовать выбор народом своих уполномоченных революционных депутатов вне тех «законных» рамок, которые будут установлены министерскими проектами», мы должны «покрыть страну сетью органов революционного самоуправления».

Подобный лозунг никуда не годится. Он представляет из себя путаницу с точки зрения политических задач вообще, и льет воду на мельницу освобожденства с точки зрения данного политического положения. Орга-

низация революционного самоуправления, выбора народом своих уполномоченных есть не пролог, а эпилог восстания. Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата. Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить временное революционное правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления. Заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления—это нечто в роде совета поймать муху и затем посыпать ее порошком от мух. Если бы одесским товарищам в знаменитые одесские дни посоветовали в виде пролога восстания не организацию революционной армии, а организацию выборов одесским народом своих уполномоченных, то одесские товарищи, разумеется, осмелили бы такое предложение. «Искра» повторяет ошибку экономистов, хотевших видеть в «борьбе за права» пролог к борьбе с самодержавием. «Искра» возвращается к злоключениям несчастного «плана земской кампании», заслонявшего лозунг восстания теорией «высшего типа демонстрации».

Здесь не место останавливаться на источнике этой тактической ошибки «Искры»,—отсылаем интересующихся к брошюре Н. Ленина: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Здесь важнее указать, каким образом новоискровский лозунг сбивается на лозунг освободительский. На практике попытки организовать до победы восстания выбор народом своих уполномоченных будут целиком на-руку освобожденцам и вырождаются в то, что социал-демократы окажутся в хвосте у них. Рабочим и народу самодержавие, пока оно не заменено временным правительством, не даст произвести никаких выборов, сколько-нибудь заслуживающих названия народных (а на комедию «народных» выборов при самодержавии социал-демократия не пойдет), а освобожденцы, земцы, гласные производят выборы и бесцеремонно выдают их за «народные», за «революционное самоуправление». Вся позиция либерально-монархической буржуазии состоит теперь в том, чтобы попытаться миновать восстание, заставить самодержавие признать земские выборы за народные без победы народа над царизмом, превратить земское и городское самоуправление в «революционное» (в петрункевическом смысле) «самоуправление» без настоящей революции. В № 74 «Освобождения» эта позиция выражена превосходно. Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, как этого идеолога трусливой буржуазии, уверяющего, что проповедь восстания «деморализует» и армию, и народ! Это говорится в такое время, когда слепые видят, что только восстанием может русский обыватель и солдат спасти себя от окончательной деморализации и доказать свое право быть гражданами! Буржуазный Манилов рисует себе аркадскую идиллию, как под давлением одного только «общественного мнения» «правительство будет вынуждено делать все новые и новые уступки, пока, наконец, ему некуда будет идти дальше, и оно будет принуждено передать власть Учредительному Собранию, избранному на основе всеобщего, равного, прямого и тайного го-

лосования, как того требует общество»... (! с верхней палатой?). «В этом мирном (!!) переходе власти от теперешнего правительства к Всенародному Учредительному Собранию, которое организует государственную и правительственную власть на новых началах, нет решительно ничего невероятного». И эта гениальная философия пресмыкающейся буржуазии дополняется советом: привлекать на свою сторону армию, особенно офицеров, учредить народные милиции «явочным порядком», организовать органы местного самоуправления (читай: помещиков и капиталистов), как «элементы будущего временного правительства».

В этой путанице есть смысл. Буржуазия именно того и хочет, чтобы власть перешла к ней «мирно», без народного восстания, которое может, пожалуй, победить, завоевать республику и настоящую свободу, вооружить пролетариат, поднять миллионы крестьянства. Заслонять лозунг восстания, отговариваться от него и отговаривать других, советовать в виде «пролога» немедленную организацию самоуправления (доступную только Трубецким, Петрункевичам, Федоровым и К⁰),—это именно то, что нужно для буржуазного предательства революции, для сделки с царем (монархия и верхняя палата) против «черни». Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы.

Социал-демократическая маниловщина «Искры» выражает лишь недомыслие части социал-демократов и уклонение их от единственной революционной тактики пролетариата: беспощадно разоблачать буржуазно-оппортунистические иллюзии, будто возможны мирные уступки царизма, будто осуществимо самоуправление без свержения самодержавия, будто возможны выборы народом своих уполномоченных в виде пролога восстания. Нет, мы должны ясно и решительно показывать необходимость восстания при теперешнем положении дел, прямо звать к восстанию (не определяя, разумеется, заранее момента его), звать к немедленной организации революционной армии. Только самая смелая, широкая организация такой армии может быть прологом восстания. Только восстание может на деле обеспечить победу революции, при чем, разумеется, тот, кто знает местные условия, всегда будет пренебрегать от преждевременных попыток восстания. Только эпилогом победоносного восстания может быть действительная организация действительно народного действительно самоуправления.

(Н. Ленин).

Фридрих Энгельс.

5 августа нового стиля исполнилось 10 лет со дня смерти нашего великого вождя и учителя Фридриха Энгельса.

Энгельс был одним из замечательнейших людей последнего времени. От природы он имел феноменальные способности, позволившие ему добиться изумительной, универсальной учености. Уже 24 лет от роду он написал такую работу, как «Положение рабочего класса в Англии»,—работу, составляющую своего рода эпоху и могуче повлиявшую на воззрения и интересы великого друга Энгельса, Маркса. Не говоря уже об основном

сочинении Энгельса «Переворот г-на Дюринга в науке», всякая брошюра, всякая статья Энгельса поражает глубиной и ясностью взгляда, громадной эрудицией и представляет из себя настоящую сокровищницу идей.

Ни один педант, прилипший к своему письменному столу, не мог бы даже отдаленно сравниться по объему знаний с этим революционером, принимавшим участие в вооруженной борьбе после 48 года, в работах по руководству Интернационалом, во всех важнейших проявлениях живой жизни. И прибавьте к этому, что в течение долгого периода Энгельсу приходилось добывать кусок хлеба весьма ответственной коммерческой деятельностью. Энгельс знал не только почти все языки Европы, но и многие наречия, притом знал основательно; он был философом, экономистом, историком, обладал громадными познаниями в области естественных наук, знал военные науки, как специалист. После смерти Маркса он блестяще выполнял рол настоящего, признанного учителя и идейного руководителя всех социалистических партий мира (кроме, конечно, разных утопистов и романтиков). И этот колоссальный человек обладал примерным, трогательным чувством истинной социал-демократической дисциплины. Раз признав в Марксе человека, могущего держать в руках руль социал-демократического движения, Энгельс тотчас же занял место «второй скрипки». Он делал для Маркса подготовительные работы, отдавал ему свои знания и идеи, развивал и популяризировал его мысли. После смерти Маркса он не колеблясь отложил труд своей жизни «Всеобщую философию мира» и занялся пристальной, тщательнейшей редакцией посмертного труда Маркса.

Социал-демократия поистине может гордиться Энгельсом и как ученым, и как революционером, и как человеком.

И Энгельс получил за свой труд и за свою преданность идее самую высшую награду: он дождался могучего развития социализма.

Всю свою жизнь Энгельс следил за политикой Европейских государств, и ненавистнее всего на свете была ему наша официальная чиновничья Россия. Разгром царизма—это была его мечта, трон Романовых—это был тот Карфаген, к разрушению которого он постоянно призывал. Теперь эта всемирная тюрьма—русская бюрократия, русское самодержавие—рушится. В разрушении его принимают самое деятельное участие—можно сказать, ведут его—русские пролетарии, ставшие под знамя научного социализма, развернутое Энгельсом и Марксом, и они готовы использовать крах старого порядка, руководясь указаниями великих учителей.

Если бы Энгельс был жив, сколько мудрых советов дал бы он нам, от скольких ложных шагов предостерег бы, сколько шатающихся и расшатанных спас бы от хвостизма! Но если нет уже Энгельса, чтобы помочь передовым социал-демократам России, объединить все наши силы на правильной, боевой тактике, то учит нас всех жизнь; жизнь принуждает отсталых принимать принципы передовых. Будем надеяться, что жизнь и идеи, оставленные нам Энгельсом и Марксом в наследство, дадут нам возможность вести нашу борьбу так, как повели бы ее на нашем месте первоучители научного социализма.

Свидание в Бьеркоэ.

«Нет, монархия отличнейшая вещь!» думает канцлер Бюлов, купая свое белое помещицье тело в волнах Северного моря. «Извольте одурачить целую страну! это трудно! Но когда у этой страны одна голова, и притом тупая, голова какого-нибудь Коко, тогда дело меняется. Война России с Японией гибельна для России, она уничтожает ее как великую державу, и отдает Францию нам на милость! Еще полгода войны, парочка Мукденов, и я прикажу Рувье ежедневно чистить мне сапоги! Успехи Японии, во всяком случае, ослабляют ее, а главное, они вскружат ей голову; она потребует так много, что и Франции и Англии станет жутко, и можно будет обделать дельце для совместной защиты захваченных нами китайских местечек «на солнце». Но как можно убедить Россию продолжать войну? Кто же там может верить в успехи бездарной, жадной, легкомысленной шайки Безобразовцев? Кто, кроме обер-Безобразова Коко? И как легко моему Вильгельму парой романтических фраз настроить как-угодно эту убитую голову! Надо только вбить в эту тупую башку, что он должен выбросить кусок пирога либералам и вместе с ними придушить революцию. Тогда мы можем вместе с французами поместить еще несколько миллиардов в предприятие Романовых и К^о,—вернее Гольштыин и К^о. Предприятие пойдет, пресс опять начнет работать и выдавливать соки из русского народа, и на всех нас хватит: и на немцев, и на французов, и на гольштыинцев в разноцветных штанах и мундирах, и на либералов. И даже революционеру Петрункевичу можно будет позволить делать революцию... Все-таки приличнее!»...

Приятные мысли!—И канцлер фыркает в воде и шаловливо плещется.

А между тем, из Петергофа воровски крадется на свидание к милу-другу наш Николай. Целая флотилия лодок, наполненных преданнейшими шпионами, окружает шлюпку, стрелой несущуюся, словно сама смерть гонится за нею, к яхте «Полярная Звезда».

И они увиделись. Наглый фанфарон с задранными кверху усами, беспокойный, бестактный, мечтающий об обмане и насилии, с детства привыкший считать своим идеалом людей крови и железа, людей грубой, беззастенчивой хитрости дикаря, и—наш блаженный, наше посмешище! Разве не посмешище! Вспомните только ответ Трубецкому: «Я сам смотрю и стою за этим делом» безграмотно лепетал субалтерн-офицер Николай Романов: «скажите это тем, кто живет на земле и на небе... то-бишь в городах!».

Сколько крови оросило уже эту чахлую фигуру, но вся кровь эта не может придать ему ничего трагического: сколько дурака кровью ни поливай, дурак дураком останется.

Но ведь вот что возмутительно: съехались два дурных и неумных человека, которых вряд ли стали бы держать при нормальных условиях в канцелярии какой-нибудь,—съехались и таинственно калякают. И смотрите, Европа, вся Европа с ее миллионами населения, ее трудом и гением, ее наукой, ее силой—волнуется, ломает голову, ждет беды. И рабочий класс, великий класс, спаситель человечества, творец лучшего будущего и источник всех богатств настоящего не может быть

равнодушным к тому, о чем толкуют у острова Бьеркоэ два дурных и неумных человека. Наглая хитрость одного и тупоумие другого могут быть роковыми для тысяч людей, решают то, будут ли убиты одни тысячи русских и японцев в Манчжурии, будут ли разорены другие тысячи.

Но если, опираясь на наследие прошлого, эти двое могут наделать еще много несчастий, то остановить железного хода вещей они не могут. Великая метла метет и снесет вас в мусорную яму вместе с вашими побрякушками и вашей надменностью!

Вильгельм может уверить свою жертву Николая, что Линевиц наверно победит Ояму, он может успокоить его насчет либералов: «Я знаю моих либералов! Им надо давать на чай, а потом можно их хоть по щечкам бить. Их нельзя бояться, потому что они сами боятся революции пуще огня. Но похлопать их по спине можно: «ісі, мол, ісі, к подножию моего престола, я тебе доверие окажу», но в то же время: «а про плетку не забывай, она—вот она!» Все эти разговоры и уверения могут, конечно, произвести на царственном лице всероссийского квартального «даже сияние некое», в роде того, которое исходило от лица Моисея после беседы его с богом на Синае; но... что из того? Ояма опять разобьет на-голову Линевица, встанут и самые забитые мужики, поднимется весь народ, бурей сметет трон и отведет свои границы буржуазии, а Вильгельм с Бюловым будут только глазами хлопать и, ухватившись за конституцию, напрягать усилия, чтобы и их не снесло горячим ветром, который дохнет на Европу из русских широких долин.

И Вильгельм, и Николай, хитря и упорствуя, составляя заговоры против свободы, служат ей же! Еще если бы Вильгельм посоветовал мир и умеренную конституцию—кто знает, не удалась ли бы эта комбинация? Но, преследуя свои корыстные цели и околпачивая «любезного брата», Вильгельм является марионеткой в руках истории и готовит себе скверные сюрпризы.

Они шепчутся там и сговариваются без него, без народа, без рабочих, но каковы бы ни были результаты их беседы, они будут, в конце-концов, нам выгодны. «С нами бог!»—шепчет царь. Нет! твой бог—пустая сказка твоих попов, но с нами законы истории, за нас неизбежное будущее, и что бы ты ни делал, что бы ни делали твои советники и приспешники, все вы роете глубокую могилу для монархии.

(А. Луначарский).

Массовая политическая стачка.

Статья IV.

Экономическая стачка с политическим значением.

Экономические стачки могут приобретать политическое значение, благодаря различным причинам. Так, в странах, где рабочие не имеют права стачек, всякая стачка приобретает политический оттенок, приводя рабочих в столкновение с государственной властью.

Стачка считалась преступлением в Англии еще в 40-х годах, во Франции до 1862 года, в России—по сю пору. Но строжайшие законы свирепого русского правительства не помешали развиваться в России самому широкому стачечному движению, какое когда-либо видел мир. Уже стачки 1895—1896 годов в России заставили правительство, несмотря на кровавое их подавление, издать новые фабричные законы. Вся история зубатовщины показывает, в какое волнение пришло правительство от первых проявлений рабочего движения, выражавшихся почти исключительно в экономических стачках. Роланд-Гольст находит, что стачки служат лучшим подготовительным и пробуждающим массы средством там, где массовые организации являются почти невозможными. Задачи социал-демократов на этой ступени развития по отношению к стихийным движениям масс понятны сами собой: моральная и финансовая поддержка и деятельная агитация против того беспорядка и насилия, на которое воочию натываются массы во время стачки. Роланд-Гольст не упоминает—по недосмотру, конечно—о том, что и для чисто-социалистической пропаганды охваченные стихийным стачечным движением массы становятся доступны.

В странах свободных политическое значение приобретают часто стачки особенно угнетенных и забитых рабочих: при этом перед членами всего общества раскрываются обыкновенно чудовищные злоупотребления промышленников, а слабость подобных стачечников, дела их безопасными для буржуазии, служит лишним стимулом к общественной симпатии: начинаются сборы денег в их пользу и давление широкой публики и прессы на правительство. Так было в 1888 году во время стачки рабочих в спичечных фабриках в Лондоне, а в 1889 году во время стачки докеров [(портовых рабочих)] там же.

Стачки, раскрывшие невозможные жилищные условия рабочих домашней промышленности, приобрели общественное и государственное значение вследствие страха «чистой публики» перед постоянной угрозой эпидемии, которою ей грозили зловонные конуры рабочих.

Наконец, экономическая стачка может приобрести прямое политическое значение вследствие чрезвычайной важности для жизни общества парализованной ею отрасли промышленности. Каутский говорит в своей «Социальной революции»: «Чем более капиталистические формы вытесняют мелкое ремесло, тем в большую зависимость от беспрепятственного хода промышленности становится все общество, тем чаще является национальным бедствием и политическим событием любое потрясение промышленности массовой стачкой». Одною из страшнейших стачек по своему могучему воздействию на всю промышленность является стачка рабочих углепромышленности. Уголь необходим для всей промышленности, для транспорта, для отопления. У нас в России углепромышленность еще недостаточно развита, притом же отопление у нас по преимуществу дровяное, дрова употребляются также на многих железнодорожных и паровозных линиях, как топливо употребляется на юге также нефть и кокс, наконец, за граница может во всякое время более или менее удовлетворить угольную нужду России, так что у нас в России угольный голод не может иметь того всеобъемлющего значения, что на Западе;

но все же и у нас затруднения в угольной промышленности дают себя знать очень широко и сильно. Результатами массовых стачек угольных рабочих нельзя, однако, похвастать и Западу: они вызывали всегда много шума, но капиталистам и правительству удавалось обыкновенно выдерживать угольный голод долее, чем рабочие выдерживали хлебный голод. Лишь стачка 60.000 рабочих в Австрии имела удовлетворительные результаты. Объясняется [обычный неуспех угольных стачек] прежде всего отсталостью рабочих угольной промышленности и их дурной организацией. Несомненно, что хорошо задуманная своевременная планомерная стачка угольных рабочих возможно более широкая, даже интернациональная может нанести такой страшный удар буржуазии, какого она еще не испытывала. Все дело тут в широкой и сильной организации. То же можно сказать о стачках портовых рабочих. Морская торговля имеет колоссальное значение для современной экономической жизни и паралич первоклассного порта сейчас же и крайне болезненно отзывается на жизни государства и общества. Но, к сожалению, организация портовых рабочих повсюду оставляет желать лучшего. Притом же работа их почти не требует выучки, и хозяевам легко найти заместителей.

В гораздо более благоприятных условиях находятся железнодорожники. Работа их требует знания и навыка, а забастовка их по своим результатам имеет наиболее разрушительное значение. «Не только прекращается движение лиц и товаров,—говорит Роланд-Гольст,—не только обмен мыслей в стране, обмен известий. В обществе неожиданно появляется изолированность отдельных частей, производящая на население такое же впечатление, как на детей внезапно наступившая темнота. Планомерность работы правительственной машины нарушается, воздействие центров ограничивается. Главное средство власти—присылка войск в наиболее опасные пункты становится невозможным». Без рабочего все рельсовые пути и приспособления—мертвое железо: страна становится бессильна перед внешним врагом, так как мобилизация становится немислимой. Стачка железнодорожников ставит страну сразу в революционное положение, поэтому-то буржуазия всех оттенков относится к ней с страшным озлоблением.

Буржуазное общество, раз почуяв опасность этого рода, собирает все свои силы, чтобы сломить способность сопротивления железнодорожников. Законодательство озабочивается тем, чтобы надеть цепи на слишком опасную категорию рабочих. Какие меры принимаются для этого, читатели «Пролетария» и «Вперед» знают из статей, касавшихся стачек железнодорожников в Италии и буржуазно-полицейской реакции на них.

Роланд-Гольст приходит относительно экономических стачек с политическим значением к тому выводу, что число их все увеличивается в виду все более тесной взаимозависимости всех частей капиталистического организма, но что именно потому буржуазия всегда готова ответить на них напряжением всех своих сил. Рабочие должны помнить это и заранее считаться с необходимостью превратить широкую экономическую стачку в политическую.

Политическая массовая стачка. О массовых политических стачках в Бельгии, Швеции и Голландии мы уже говорили в нашей первой статье. К этому

фактическому очерку прибавим теперь еще краткий очерк интереснейшей стачки.

Утром 15 сентября 1904 года по Италии распространился слух, что карабинеры стреляли в городке Каstellуци в рабочих и двоих убили. Уже не в первый раз совершалось правительство подобные преступления. Страшный гнев со стихийной силой овладел пролетариатом Италии. Без всякого уговору всоуду было решено протестовать прекращением работы. Через два часа после того, как по Сицилии распространилось известие об убитых рабочих, там уже началась забастовка. К полудню 7000 рабочих уже присоединились к ней. Вечером того же дня всеобщая стачка провозглашена была в Милане. Общее число забастовавших в этом городе доходило до 100.000 человек. В ночь на 16 отпечатан был призыв к забастовке от лица итальянской социал-демократической партии и редакции ее органа *Avanti* (Вперед). Стачка бурно распространилась по стране: Рим, Генуя, Турин, Болонья, Ливорно, ряд меньших городов, а к концу также Венеция, Флоренция и Неаполь, приняли участие в ней. Правда, стачка не была повсюду одновременной: она возникла кое-где, когда уже прекращалась в иных местах, но с 15 по 21 сентября страна была вся в волнении, 120.000 сельскохозяйственных рабочих также примкнули к братскому делу. Стачечники держали себя с огромным достоинством. Лишь в Генуе были беспорядки, произведенные босьяками. Подобные же попытки в Милане были немедленно подавлены самими рабочими, так как обескураженная полиция в этом городе бездействовала, да к тому же была заинтересована в том, чтобы величественная манифестация выродилась в скандал и погром лавок. Часть социалистов Италии считают эту стачку очень удачным опытом, часть—ложным и неудачным шагом. Суждения эти зависят от того, что считают наиболее важным: непосредственный парламентарский успех или усиление пролетарской организации и революционной сознательности рабочего класса. Революционное крыло итальянской социал-демократии считает воспитательные результаты этого грандиозного движения громадными: оно укрепило его экономические организации, усилило его стремление к самостоятельности, доказало ему особенно ярко необходимость политической борьбы. В то же время движение сорвало маску с мнимых друзей пролетариата, всегда склонных к предательству буржуазных радикалов и республиканцев, тех самых, заслугами которых Старовер хотел уверить нас в необходимости союза с русскими еще более дряблыми их собратями. То самое, от чего к великому удовольствию Роланд-Гольст, как и всей ортодоксальной социал-демократии, наконец, отделались итальянские рабочие, то самое хотели глубокомысленно навязать нам наши нервные «водители». Теперь, после того как итальянский пролетариат показал, на что он способен, буржуазия всех оттенков соединилась против него, католики, до тех пор враждовавшие с буржуазией и королем, решились итти им на выручку и присоединить и свои силы к общему походу против рабочих. Действительно, число социалистических депутатов в итальянском парламенте немного уменьшилось, но в то же время число поданных за них голосов возросло с 165 тысяч до 316. Далее. Роланд-Гольст рассказывает историю русского стачечного движения 1903 года и

величайшего движения последнего времени. Нам, конечно, незачем передавать здесь факты, прекрасно известные нашим читателям, остановимся лишь на суждениях Роланд-Гольст.

Первый взрыв стачечного движения, непосредственно следовавший за днем 9 января, захватил 150 городов и длился полтора месяца. Стачки охватили не только почти все отрасли индустрии, но также приказчиков, банковых служащих, аптекарских учеников. Особенно важным явлением при этом была широкая стачка железнодорожников.

«Если под всеобщей стачкой разуместь единовременную массовую стачку,—говорит Роланд-Гольст,—а под политической—только стачку, выставляющую правительству лишь одно совершенно определенное требование, то русская стачка окажется и не всеобщей, и не политической. Это не заранее организованная, планомерная, гигантская стачка, а целый ряд отдельных вспышек. Движение как бы мечется по всей стране. Оно захватывает все новые области и новые отрасли промышленности, потом вновь возвращается назад, вновь вспыхивает, как дурно задушенный пожар. В этой чудовищной сети разнообразнейшего характера стачек не слышно одного—строго определенного лозунга, лозунги также разнообразны, словно голоса в бурю. Но как голоса бури имеют, в конце-концов, один основной характер, сливаются в один гул, так из всех требований русских рабочих звучит воля к низвержению тягостного и ядовитого самодержавия. Кое-где выдвигаются требования чисто-экономического характера, но волнение продолжается все же и тогда, когда требования эти получают удовлетворение. Забастовка становится обыкновением, только время—от-времем прерывающимся короткими промежутками спокойной работы. Все стало неопределенно, все колеблется, каждую минуту возникают новые затруднения, предприниматели измучены и видят виновника всего в отжившем правительстве.

Такая, прерывающаяся в каждом данном месте, но в общем непрерывная, дезорганизующая всю государственную машину стачка является новым методом борьбы и, быть-может, окажется образцом для европейского пролетариата. При этом надо иметь в виду, что пролетариат Западной Европы бесконечно лучше организован, и что отношение пролетариата к армии там гораздо более благоприятно. Между тем, Роланд-Гольст вовсе не смотрит на борьбу путем политической стачки, как на нечто отрицающее вооруженную борьбу. «Где насилем можно достигнуть цели,—говорит она,—т.-е. низвержением государственной власти, там пролетариат не задумывается применить и его. Такие приемы, как разграбление государственных монополий и магазинов (государственных же, конечно), уничтожение телеграфов и телефонов, взрывы железнодорожных мостов, могут быть очень уместны. Революционно-политическая стачка никоим образом не предполагает чисто-пассивного сопротивления, революции скрещенных рук, но она выдвигает экономическое оружие на первый план». В дальнейших статьях мы разберем воззрения Роланд-Гольста на взаимоотношение вооруженного восстания и массовой стачки и затем на то, почему в России экономическое оружие, т.-е. стачка не может и не должна стоять на первом плане, а быть лишь могучим оружием про-

летариата рядом с восстанием, остающимся все же первейшею и необходимейшею задачею русского пролетария.

(Продолжение следует).

(А. Луначарский).

Победа Японии и социал-демократия.

Статья II.

«Непрерывная революция» в России, по мнению К. Каутского, самым мощным образом отразится на Европе и на всем цивилизованном мире. И таково теперь положение вещей, что каждое мировое событие, в роде русско-японской войны, в конечном счете приближает момент окончательной победы социализма.

Европейские капиталисты, в особенности французы, дали самодержавному правительству огромные суммы займы да, кроме того, вложили целые миллиарды в русскую промышленность. Конечно, если бы «сильное либеральное правительство» осуществилось в России, миллиарды эти были бы спасены, европейский капитал продолжал бы спокойно эксплуатировать русский народ в союзе с новыми правителями. Но при «непрерывной революции» станет невозможным взимать налоги, а стало-быть, и платить по купонам. И для либерального правительства почти неодолимые трудност[и] представит] взимание с народа налогов в еще увеличенном размере. Но Каутский ждет объявления банкротства России не от диктатуры революционных [классов], а скорее от самого самодержавия. Капиталисты, вероятно, будут наказаны тем, чем они грешили: спасая себя, самодержавие, которое они так усиленно поддерживали, вполне может провозгласить себя банкротом. Только либеральный режим может спасти «купон»,—биржевики не поняли этого. Теперь уже поздно.

Но банкротство России означает собою такой крах, какого еще не видывали на [свете]. Кто может предсказать последствия такого события, совпадающего с громадной войной в России?

Этого мало: хлебный экспорт России страшно пал, и впереди нельзя не предвидеть еще большего падения его. Как только революция устранил для крестьянина необходимость платить государственные налоги,—он перестанет продавать хлеб, который ему самому нужен. Если у него будут излишки, он продаст хлеб, чтобы купить себе какой-нибудь продукт промышленности, так что избытки его пойдут в пользу русской промышленности, а не заграничного кредитора. Между тем, вывоз России составляет до трети общего вывоза хлеба, и понижение его вызовет дороговизну в Европе. Все это обострит классовую борьбу.

Россия страшно пала, как военная держава; это нарушило равновесие в Европе; произойдет, и уже происходит масса осложнений. Только крайне осторожная и деловитая политика могла бы устранить кровавые столкновения: авантюризм же и наглая заносчивость, свойственная Вильгельму, заставляют считаться с безуслов-

ной возможностью европейской войны. Между тем, сам князь Бюлов публично согласился с Бебелем, что из всякой европейской войны победителем выйдет одна социал-демократия.

Часть германских социал-демократов, в том числе и «примиренческий» «Vorwärts», старающийся объединить и согласить ортодоксальных марксистов с оппортунистами, впали в некоторое уныние: успех последних выборов [(три миллиона голосов за социал-демократию)] не дал, по их мнению, тех результатов, которых надо было ждать: отсюда разочарование парламентаризмом. Как известно, это разочарование выражается обыкновенно в успехах чистого экономизма, или анархизма. Каутский совершенно не согласен с мнением унывающих примиренцев. Результаты «трехмиллионной победы», по его мнению, как-раз таковы, каких и нужно было ждать, а именно: объединение всех буржуазных партий против социал-демократии и стремление обесценить парламент, который, чего доброго, может оказаться в руках пролетариата. Действительно, [нам] надо подумать [поэтому] и о других средствах борьбы—помимо парламентаризма, но таким средством не может быть чистый экономизм, а [только] сконцентрированные действия пролетариата одновременно и экономические, и политические: вот почему ортодоксальные социал-демократы настойчиво ставят на очередь вопрос о массовых политических стачках. Вопросу этому и «Пролетарий» посвятил ряд статей. Массовая политическая стачка, говорит Каутский, будет средством оживить обескровливаемый реакцией рейхстаг, придать ему новое значение, но, разумеется, не заменить парламентаризм.

Громадное влияние на взаимоотношение социальных сил будет иметь военное возрождение мирного до сих пор и пассивного Китая под гегемонией Японии. Занятие Россией Манчжурии, Германии—Киаочуа, поход белых гуннов и блистательные победы японцев сломили дух партикуляризма отдельных провинций небесной империи,—Китай просыпается, как нация, под ударами алчной буржуазии Европы, и это пробуждение не будет мимолетным: об этом позаботятся железные дороги, телеграфы и телефоны, которыми европейцы связали Китай воедино. Если 400 миллионов китайцев почувствуют себя объединенными, раздел Китая станет неосуществимой мечтой. Но Китай—последняя большая область, подлежащая еще разделу. Правда, капиталисты ждут большого периода промышленного подъема вслед за заключением мира. Заказы России, которая начнет восстанавливать свой флот и перевооружать армию, должны упасть золотым дождем на европейских заводчиков. Но, ведь, тут расчет ведется без революции: если она затянется, прощай тогда надежда на барыши! Что же касается Японии и Китая, то, как рынок, они будут иметь весьма небольшое значение для Франции и Германии, которые внушали к себе ненависть: победоносным конкурентом выдвигаются там Соединенные Штаты, подготавлившие себе почву умной дипломатией.

Развитие капитализма в Японии и Китае будет, несомненно, сопровождаться появлением огромной армии безработных. Жажда эмигрировать, давно уже присутствующая населению этих стран, вырастет. Теперь Америка и Австралия оградили себя исключительными законами от этой своеобразной желтой опасности, но когда Китай

вслед за Японией вырастет в настоящую великую державу, он не потерпит такого отношения к своим гражданам и в обмен на свободу [поселения в его пределах европейцев] потребует такой же свободы для своих в Америке и Австралии. Появление желтого конкурента на рабочем рынке, которому капиталисты, конечно, не будут противиться, сразу обострит классовую борьбу в Новом Свете и толкнет главную массу рабочих на путь интернационального социализма, на единственно верный путь пролетарской борьбы.

Но вслед за Китаем оживет в результате японских побед и Индия с ее 300 миллионами жителей. Английские наблюдатели уже встревожены тем, что оппозиция в Индии быстро крепнет, и на Японию начинают смотреть, как на передовую нацию Азии. Кроме того, наиболее интеллигентные индусы, как ни враждебно были они настроены по отношению к Англии, боялись, чтобы результатами энергичной борьбы с нею не воспользовалась еще более [ненавидимая ими] Россия. Как ни тяжело иго англичан, но мало-мальски образованному индусу и в голову не приходит желание променять его на русское рабство. Теперь, когда Япония надолго вырвала зубы у хищной официальной России, эта опасность устранена, что должно оживить дух национальной независимости индусов. Между тем, Англия ежегодно вывозит из Индии богатств на 350 миллионов рублей. Лорд Керзон в одной речи сказал: «Индия—краугольный камень могущества Великобритании. Мы можем пережить утрату любой колонии, но с потерей Индии солнце [британской] империи закатилось бы».

Правда, Англия может избежать потери Индии, даровав ей [автономию] и прекратив свою алчную эксплуатацию, но такая политика уступок все же роковым образом отразилась бы на богатстве страны и неминуемо обострила бы классовую борьбу в Англии.

Таким образом, победы Японии не могут не ускорить в значительной степени темп истории [чужеского развития]. Человечество идет ускоренным шагом к тому, к чему оно придет неминуемо,—к социализму.

Таковы главные мысли содержательной статьи Карла Каутского.

(А. Луначарский).

Что делается в войсках.

Движение среди солдат все разрастается. Отметим факты последнего времени.

В Усть-Двинске, как уже писалось в «Пролетарии», недавно забастовал гарнизон. Солдаты предъявили ряд требований, между прочим—улучшения пищи, одежды, вежливого обращения, восьмичасового рабочего дня и свободы собраний. Некоторые из этих требований уже удовлетворены. Однако, часть гарнизона продолжает на-отрез отказываться выходить на ученья, стрельбу и пр. Говорят, что солдаты овладели несколькими фортами, но этот слух пока не проверен. Среди них успешно распространяется литература нашей партии.

В Смоленске, по словам «L'Humanite», начались волнения среди запасных.

В Риге также беспорядки запасных («Прибалт. Кр.»). В Минске, пишут в «Пролетарий», на станции взбун-

товался железнодорожный батальон, который ехал на Дальний Восток. Офицеры попрятались по вагонам.

В Пензе, по сообщению другого корреспондента, взбунтовавшийся патруль избил офицера.

В Седлецке и в окружном районе, пишут редакции «Пролетария», нет ни одного полка, в котором бы при обысках не находили прокламаций в каждом солдатском ящике. Нет также полка, в котором не происходило бы нападения солдат на свое начальство; не проходит недели, чтобы какой-либо солдат не бросился со штыком или револьвером на фельдфебеля или офицера.

В Усть-Ижорском лагере запасные нижние чины 4-й роты саперного батальона, занимаясь практическим изучением отдания воинской чести, обратились к ротному командиру с заявлением о необходимости для них заняться «более серьезным—ознакомлением с картой и т. п., а также практическими и саперными работами в поле». Заявление это передано командиром вышеступшему начальству («С.-Петерб. Вед.»).

Стоящие в Николаеве два полка—Ингульский и Лиманский—почти поголовно заражены духом протеста. С жадностью набрасываются они,—читаем в № 10 «Пролетария»,—на каждую прокламацию или брошюру, ищут слышать живое слово. Они охотно собираются на массовки в 100—200 человек, со слезами слушают оратора и клянутся, что ни за что не будут стрелять в рабочих. Появляются иногда на массовках и казаки: и они начинают понимать, что их интересы не враждебны интересам народа.

Настроение войск в Екатеринославе, по сообщению «Искры», таково, что стрелять, вероятно, не стали бы; часть же солдат не стрелять безусловно обещали. Надежды начальства на них очень слабы. Сами офицеры боятся солдат. Дисциплина крайне расшатана. Приходится наблюдать хотя бы такие факты. У почты стоит охрана из 10 солдат. Проходит мимо рабочий и дает одному из солдат прокламацию. Тот преспокойно читает ее вслух своим товарищам. Офицер стоит в нескольких шагах.

В Керчи,—находим в той же газете,—солдаты в подавляющем большинстве сознательны. Нередко приходится слышать такие речи: «Вот сгонят нас в большой город,—откажемся итти на бойню»...

В 181 Остроленском полку, стоящем в Скерневицах, как сообщалось в «Пролетарии», было два случая отказа от военной службы и несколько случаев открытого выстуления солдат с речами против самодержавия.

В Варшаве, по словам французской газеты «L'Information», Литовский полк отказался стрелять в народ. Восемь офицеров, поддерживавших этот отказ, были приговорены к смертной казни, но солдаты их полков отказались привести в исполнение этот приговор. Вызванные для исполнения приговора казаки были расстреляны Литовцами. Подробное сообщение об этом факте напечатано в прошлом номере «Пролетария» (Общ. жизнь). Факт этот приводится, между прочим, и в «L'Humanité».

В Згерже (близ Лодзи), по словам последней газеты, произошли беспорядки среди казаков. Отряд их послал к своему капитану делегата, заявлявшего требование об улучшении пищи, увеличении жалованья и уплате задержанных денег. Вместо ответа, капитан выхватил револьвер и убил наповал казака. Остальные казаки все же настаивали на своих требованиях. Тогда капитан

вызвал пехоту, которая обезоружила и перевязала непокорных и конвоировала потом в военную тюрьму в Ивангородскую крепость. «Следует обратить внимание,—прибавляет корреспондент,—что речь идет не о простых солдатах, а о казаках, до сих пор вернейшем оплоте самодержавия».

О брожении среди казаков сообщается и в русских, и в иностранных газетах.

В шести Донских казачьих полках, мобилизация которых недавно закончена, началось беспорядки. Казаки выражают неудовольствие по поводу назначения их для военно-полицейской службы внутри России. Целый полк в полном боевом составе, сформированный из казаков Хоперского округа Донской области, в присланной войсковому наказному атаману телеграмме, заявил, что все без исключения офицеры и казаки полка отказываются от службы внутри империи.

Усилилось брожение среди казачьего полка, мобилизованного в Черкасском округе.

В г. Армавире, Кубанской области, до местной социал-демократической организации дошли слухи о том, что некоторые офицеры удивляются, почему только к казакам обращаются с воззваниями, а не пишут им, офицерам. Прокламация к офицерам была выпущена.

Полтавский полицмейстер,—читаем в «Праве»,—объявил в приказе об увольнении двух казаков конно-полицейской стражи, в виду вредного влияния их на чинов полиции...

Волна брожения среди матросов, конечно, не прекращается.

«Новая Заря» сообщает, что охрану Колпинского завода предполагается передать казакам. До последнего времени названный завод охраняется матросами гвардейского экипажа, но в настоящее время дальнейшее общение матросов с рабочими «признано неудобным».

Читатель помнит, конечно, что известие о восстании матросов на некоторых военных судах Балтийского моря и даже о брожении среди них были объявлены со стороны главного морского штаба «чистейшим вымыслом». В настоящее время телеграфные агентства (заграничные) признаются, что опровержение это было навязано администрацией, вопреки очевидной действительности. Однако, никакие старания о том, чтобы разнне неблагоприятные для правительства слухи не доходили даже до корреспондентов иностранных газет, нисколько не помогают.

Сообщение морских офицеров и других лиц, прибывших в последние дни из Кронштадта, Либавы и Ревеля, по словам «L'Humanité», совершенно согласуются одно с другим. Несколько дней назад, в самом Кронштадте, напр., матросы, истощенные от гнилой, недоброкачественной пищи, выразили протест и в присутствии коменданта разбили артельные баки и стекла в окнах, а затем разгромили и казарму. Адмирал Никонов мог успокоить их только обещанием назначить следствие, которое,—необыкновенное происшествие!,—восклицает корреспондент французской газеты,—признало законность матросских требований.

Нечто подобное происходило и в Либаве, о чем, вопреки опровержениям морского штаба, свидетельствует комендантский приказ по гарнизону.

«В нашей Либаве, читаем в приказе, под тем же предлогом (дурной пищи) взбунтовались матросы

порта... Да, это предлог, а не причина... А причина, как уже догадался читатель, «в уговорах злых врагов России. Им не сломить русской силы в честном бою (а Дальний Восток?), так они решили устроить смуту и, к горю нашему, добились своего»...

Вот утверждать, что подобными «приказами» начальство когда-нибудь «добьется своего», действительно не приходится... Движение растет и вглубь и вширь, охватывая все новые и новые слои войска, даже мало затронутые пропагандой. Таково, напр., казачество...

Из области организованной работы в войске можно отметить прежде всего образование особой военной организации при Саратовском соц.-дем. комитете, выделение особой же военной соц.-дем. группы в г. Екатеринославе и недавно состоявшееся объединение так-называемой военно-революционной организации (соц.-дем.), работавшей в районе г. Варшавы, с местным комитетом такой же военной организации соц.-дем. Польши и Литвы. Недавно состоявшаяся конференция всех групп, входящих в район Северного Комитета нашей партии, выработала обстоятельную резолюцию о пропаганде среди войск.

Пробуждение интереса со стороны социал-демократических организаций к этой области приложения партийных сил можно только приветствовать.

Н. Чужак. (А. Насимович).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Одесса. У нас военное положение. Генерал-губернатор, командующий войсками, градоначальник, полицмейстер, жандармы, каждый городской и сотни добровольцев-сыщиков разошлись во-всю и чувствуют себя очень вольготно. Все простирают руки к шивороту обывателя и целыми сотнями отправляют из Одессы крамольников и бунтовщиков. Пока отправили уже несколько партий. Тюрьма переполнена, во многих участках сидят десятки арестованных, но крамольников, должно-быть, еще не всех переловили, потому что каждый день происходят новые набеги, новые завоевания славной «средиземной эскадры». Военное время—рассуждать некогда; виноват или не виноват—ступай в кутузку! «Нам теперь разговаривать и разбирать некогда»,—говорит новоиспеченный помпадур. Товарищ лишет из тюрем: «Если бы вы видели, каких детей, каких младенцев высылают. Если самодержавие испугалось таких младенцев,—плохи же его дела». Хватают прямо с улицы, по указаниям городских и шпионов. «Вот этот,—говорит шпион,—кричал «долгой полицию!»—и такого указания достаточно. «В 24 часа с экспрессией» и без лишних формальностей крамольника отправляют в пересыльную тюрьму и отсылают этапом в места не столь отдаленные. Высылают либералов, журналистов, адвокатов, врачей, лиц поднадзорных и вообще всех, с кем почему-либо надо было свести счеты правительству высшему и полиции низшей. Доносительство, как выгодное ремесло, повидимому, процветает. Аппетиты расходились. «Слово и дело» произносится на всех перекрестках. Торговец галантерейными товарами грозит семье евреев-дачников, отказывающихся покупать у него товар: «Погодите, вот вышлют вас в 24 часа, как выслали других жидов». Два родственника ведут тяжбу из-за наследства и один грозит другому донести, что он «социалист», если только последний не войдет в сделку. Городовой тычет пальцем в зеркальные стекла книжного магазина Распопова, где вывешены многочисленные плакаты о продаже брошюры Лассалья «Что такое конституция», грозно требует хозяина и кричит: «сними нешто ты жид, что захотел конституции». Мне пришлось наблюдать такую сценку. Около станции конки перед переполненным вагоном стоит извозчик и, снявши шапку, о

чем-то просит военную кокарду. Военная кокарда нахохлилась и простирает руку. «В 24 часа сошлю вас всех, мерзавцы, в Архангельскую губернию! Теперь военное время, я все могу, я вас всех вышлю, мне сам генерал-губернатор Карапозов сказал, чтобы я составил списки всех, которые бунтуют»... Один из пассажиров громко заметил, что «теперь всякий чувствует себя администратором, всякий хочет сослать в 24 часа и обязательно в Архангельскую губ.» Кокарда очень обиделась. «Что же, и он. должно-быть, хочет попасть в Архангельскую губ.! Так я могу это и скажу генерал-губернатору». И потом негодующим тоном стал рассказывать какому-то помещику, за что надо сослать извозчика и крестьян. Провинились они тем, что отказались везти вещи кокарды. «Я, конечно, сейчас вызвал земского начальника. Земский начальник их арестовал, а я доложил генералу о беспорядках. Он и говорит мне: «да вы не беспокойтесь—мы их всех вышлем»...

В числе арестованных и высланных есть несколько купцов. Организации пострадали от арестов гораздо менее, чем можно было ожидать. Всех арестованных отправляют в пересыльную тюрьму и с первым этапом рассылают в Вятскую, Олонецкую и Архангельскую, Вологодскую и Пермскую губ. Многих высылают на родину. Около тюрьмы постоянно масса народа,—родственники и знакомые ожидают свиданий и передают вещи высылаемым. Казаки разгоняют нагайками родственников, собравшихся у тюрьмы. Кроме арестованных теперь, рассылают по провинциальным тюрьмам много старых подсудимых, ожидающих суда. Шпионаж значительно усилен. Нанят новый штат сыщиков, в толпе шныряют городовые и околоточные. Наднях в парке окружили публику и обыскали всех, кто почему-либо не понравился городовым и шпионам. В результате человека 30 арестовано. Либералов все это страшно терроризирует. Все с испугом ждут, что вот-вот придут «они» и «отправят в 24 часа в места не столь отдаленные».

Привожу вам несколько фамилий высланных из Одессы: Пергамент (староста прис. пов.), Саккер, Брусилловский, Зак, Лысенко, Чудновский, Карфункель (женщ. врач), Маргулис (женщ. врач), Хволлес (инжен.), Файнгор (зуб. врач).

Моршанск. Прибыл эшелон № 2—около 450 чел. солдат из запасных. Военский начальник кормил солдат прескверно, несмотря на то, что запасным полагалась усиленная порция; кроме того, не дал по 11 коп. в сутки на каждого. Запасные выразили протест. Хотели даже избить виновника, но он, вместе с ротным командиром, послещил скрыться. Недовольство и раздражение нашло тогда себе выход в разгроме вокзала железной дороги, где им отказали в выдаче (за деньги) крепких напитков.

Одесса. Военное положение развязало руки фабрикантам. Они увидели, что пролетарии стали снова на работу, они почувствовали, что у пролетариев еще нет оружия, с которым они могли бы выйти на улицу и победить в открытом бою. С бесстыдством говорят теперь фабриканты о выгодах военного положения. Их карман показывает им, что казаки и полиция защищают теперь не только власть царя, но и власть капитала, если капитал не бунтует, не требует конституции. И фабриканты присмирели; они не выносят резолюций, они хотят только, чтобы к их услугам были казацкие нагайки и солдатские пули. Ваши надежды, гг. фабриканты, на благодетельную роль военного положения очень обманчивы! Ведь, вы оставили пролетариев в той же бесправной обстановке, вы усилили эту обстановку, усилили бесправие рабочего. Добытые ценою пролетарской крови и стойкой борьбы уступки вы отобрали под прикрытием военной силы. Вы издеваетесь над рабочим, вы нагло его обираете, и вы думаете, что рабочий будет молчать, что он все стерпит, что его остановят штыки и нагайки!..

На многих фабриках снова ввели обыски, которые были повсюду отменены после стачек. Ввели их не сразу, а постепенно, сначала обыскивали раза два в месяц, потом все чаще, пока не дошли до ежедневных. Пользуясь массой безработных, фабриканты и заводчики рассчитывают всех, кто сколько-нибудь активно принимал участие в последних событиях. Особенно свирепствуют карамельные фабрики (Крахмальникова и др.). В роли добровольного сыщика выступает врач (фамилию его я точно проверю и тогда сообщу вам). Он убеждает рабочих выдавать агитаторов и

не слушать их на улице. Он рекомендует работницам вообще не выходить на улицу, где всегда можно встретить «смутьянов». «Напейтесь чаю после работы и ложитесь спать. Сберегайте силы»,—добродушно советует он. Рабочие возмущены этой проповедью, ибо они-то хорошо знают, для кого сберегать свои силы.

Одно время готова была вспыхнуть всеобщая политическая забастовка с требованием освободить арестованных депутатов. Вообще стачечное настроение очень сильно. На вокзале недавно бастовал котельный цех. Готовятся к забастовке слесаря в городском районе. Забастовала было консервная фабрика.

Полиция ведет агитацию за погром. Переодетые околоточные ходят по трактирам и агитируют серую массу. Большое внимание уделяют строительным рабочим, которых здесь до 15.000, если не больше. Все они из центральных губерний, и из них-то пытаются создать черную сотню. Но миновали прекрасные дни Аранжуеца! Даже и среди них трудно теперь организовать что-либо подобное.

Л.

Устав союза, обсуждавшийся на собрании учителей и учительниц в Варшаве с участием представителей соц.-дем. организации.

§ 1. Основными задачами своими союз ставит: 1) борьбу за коренную реорганизацию дела, напр., просвещения в России на началах свободы, демократизации и децентрализации его, понимая под этим осуществление следующих начал: а) согласование всех типов школы так, чтобы общеобразовательные школы высшего типа составляли непосредственно продолжение школ низшего типа; б) введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения; в) исключение религиозного элемента, как обязательной принадлежности школы, и установление общеобразовательного характера школы с свободным преподаванием; г) предоставление каждой школе свободного выбора преподавательского языка; д) предоставление заведывания делом нар. образ. общественным учреждениям и организациям, в том числе и национальным, даже не имеющим территории в России. 2) Борьбу за политическое освобождение России и принятие социал-демократической программы.

§ 2. Для достижения поставленных в § 1 основных целей союз берет на себя выполнение следующих задач: а) открытая и свободная критика путем устного и печатного слова современного строя и правительственной политики в области народного образования всех форм; б) организация протестов учащихся против действий администрации, вредных для школьного дела; в) коллективная разработка народного просвещения в духе принципов, указанных в пункте 1-м § 1-го; г) содействие в удовлетворении духовных потребностей учащихся (организация библиотек, снабжение учащихся произведениями периодической печати, устройство чтений и лекций для учащихся, организация кружков для совместной образ. работы и т. п.); д) организация доступной юридической помощи учащим; е) организация взаимного страхования на случай потери места вследствие полит. и общест. деятельности с привлечением общ. учреждений к матер. участию в кассах взаимного страхования; ж) защита отдельных членов союза против произвола учебного начальства и общей администрации путем коллективного протеста и другими способами; з) привлечение общества и органов общ. самоуправления к защите учащихся от произвола администрации и к матер. поддержке лиц, пострадавших за полит. и общ. деятельность; и) организация товарищеского суда чести; к) выполнение общих задач политического характера, вытекающих из постановления союза для отдельных его организаций. (Доставлено Варш. Цен. Группой Воен. Рев. Организ.).

Петербург. В виду того, что съезд учителей (см. «Пролетарий» № 7) отказался принять формы организации, обеспечивающие объединение всех прогрессивных учителей, и что учрежденный на съезде союз учителей при таких обстоятельствах неизбежно должен был принять буржуазно-либеральный характер, учителя социал-демократы принуждены были отказаться от участия в этом союзе и оставили петербургский съезд.

Владимир. Выслушав доклад делегата о петербургском съезде учителей, суздальская группа Всероссийского

союза учителей и деятелей по народному образованию большинством всех против одного (делегата на съезде) вынесла следующую резолюцию по поводу требования соц.-демократов ограничить программу союза профессиональными целями:

«Принимая во внимание, что постановка для союза целей профессионального характера не отнимает у него громадного политического значения и ничуть не препятствует широкой политической работе среди населения членов съезда, принадлежащих к различным политическим партиям, и что, с другой стороны, принятие союзом определенной политической программы, неизбежное при осуществлении п. 1 § 2 и пп. К и Л § 3 устава исключает возможность участия в союзе лиц, эту программу не разделяющих, группа признает аргументы учителей—социал-демократов в пользу ограничения программы союза профессиональными задачами вполне основательными и высказывает надежду, что следующий съезд делегатов при пересмотре устава примет эти аргументы во внимание».

С. Лысково (Нижегородской губернии, 16-го июля). Нижегородские события испугали и наших властей, которые поспешили мобилизовать отряды черной сотни и распространили слух, что 9-го июля придут сюда Сормовские забастовщики и произведут «бунт». Те, «кому ведать надлежит», собрали сход и так настрашали наших богомольных крестьян этими «убийцами», «грабителями», «поджигателями», что было постановлено обороняться против «бунтовщиков». На следующий день был опять сход, на котором уже говорили, что и здесь есть «бунтовщики», которые собираются в лугах и других местах и говорят против бога и царя, на эти-де сходки приезжают сормовские ораторы и т. д. И в доказательство была представлена «нелегальная» книжечка, вероломно вынутая у кого-то из кармана служащим у Приспешникова. Как была рада наша черная сотня подвигам своего сотоварища: чуть в руках его не таскала!

Сыщиков добровольных и настоящих здесь сколько угодно. Особенно старается Александров, который рыщет по лугам и кустам и выглядывает сходки. Ищите, ищите, революция сама идет вам навстречу...

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Нижний-Новгород. 11-го июля. Пишу под тяжелым впечатлением, которое осталось после вчерашнего дня. За 3—4 часа было столько пережито, что в голове сейчас полный сумбур, а силы как-то подавлены. Все существо охватывает мучительное чувство бессилия. Не сочтите это за слабость. Я хочу быть искренним в передаче происшедшего. Агитация за то, чтоб отдать должное дню 9-го июля, шла приблизительно неделю. В кружках, на массовках (в Сормове, Канавине), на различных собраниях раздавались речи товарищей, призывающих к всеобщей забастовке и на митинги. В настроении города чувствовалась гроза, боязнь погромов со стороны «социалистов». В настроении кружковых, массовочных рабочих заметна была твердая решимость возвестить о полугодовщине кровавого дня, как о полугодовщине революции. На одном из собраний организации выработан был план технического осуществления поставленной задачи. В городе—наиболее крепкая организация из портных, среди которых много сознательного, идейного народа, и из приказчиков. Решено было, что по инициативе приказчиков магазины закроются, после чего к приказчикам должны примкнуть портные. Совместными усилиями должны были привлечь типографщиков, пекарей, мелких ремесленников и пр. Демонстрация решено было не устраивать, так как не было смысла вести безоружную публику на бойню. Решено было устроить митинги в городе, Канавине и Сормове. В городе митинг должен был состояться за Народным Домом. Когда я пришел к 11 часам, отовсюду, с поля, из города тянулась публика, самая разнообразная. Народу было от 2-х до 3-х тысяч. Первый оратор говорил о 9 января, больше с фактической стороны. Второй старался выяснить классовую точку зрения. Трое последующих ораторов говорили на те же темы. В

речах было мало практических лозунгов, но в общем настроении очень поднялось, особенно после целого ряда песен. Митинг продолжался часа 3—4, после чего товарищи предложили разойтись, с тем, чтобы вечером снова собраться на том же месте. В день 9-го июля организация очень дала себя знать. Чувствовалась рука, которая руководит всем собранием, объединяет его и твердо ведет толпу к сознанию. Мое глубокое убеждение, что в этот день организация показала свою силу именно этой организованностью. Весь город стал. Магазины, лавченки, заводы, фабрики, некоторое время трамваи, мелкие цехи—все бастовало, не только в городе, но и в Сормове и Канавине. Город совершенно замер, улицы были пусты, и это еще более усиливало впечатление от шедших отовсюду рабочих, закрывающих лавки и заведения, идущих на митинг. Была ли это тишина перед той ужасной грозой, которая разразилась вечером и особенно на другой день 10-го, или это было молчание испуганного города и струсившей администрации перед силой движения и возможностью организованного отпора,—постороннему человеку трудно разобраться. Но теперь, после участия своего в этом деле, теперь, даже после той резни и убийств, которые произошли 10-го, я все-таки с глубоким убеждением скажу, что организация наша проявила большую организованность, чем, когда бы то ни было раньше, что организованность эта выросла и растет на глазах. Еще одну отградную черточку я хотел бы отметить. В эти дни,—в городе по крайней мере,—значительно сгладился проклятый вопрос о «большинстве» и «меньшинстве». Митинг был проведен вместе. Ораторами были и те и другие, и перед рабочими они явились, прежде всего, как социал-демократы, а не как «большевики» или «меньшевики», как это часто бывает в Сормове перед тысячной толпой.

После того, как утреннее собрание было распущено, густые колонны пошли в город. Было что-то внушительное в этом молчаливом шествии с ехавшими по середине казаками: это шествие как бы всенародно чтит память погибших за свободу. Однако, казаки не стерпели и начали при повороте на улицу разгонять публику, пуская в ход нагайки. В этот раз побитых было немного. К 6 часам публика стала опять стекаться. Я пробирался вперед, собираясь говорить, как крик «казаки» навел такую панику на толпу, что она кинулась огромной волной. Казаки выстроились перед толпой, готовые броситься. После переговоров казаки были убраны и толпа группами стала расходиться, решив прийти на следующий день на это же место, как на обычную массовку. Вообще было решено сделать это место постоянным пунктом схода. Вечером уже было избиение. Толпа группами пошла по главной улице и там, вечером, часов в 11, казаки начали расправу. Били жестоко, зверски, с наслаждением. В этот день убитых не было. Только чувствовалась решимость навсегда хотя бы кровью расправиться с движением. Недаром на другой день губернатор и полицмейстер, обращаясь к толпе «черносотенников», говорили перед ними о том, что «социалисты» кричат «долгой самодержавие», а мы будем кричать «бей жидов, бей студентов». И они, действительно, кричали и действительно избивали, но не только «жидов и студентов».

10-го к 4 часам я пришел на место. Своя публика еще не успела собраться. Что поразило меня, так это состав публики—масса ребят, масса подозрительного народу, в отдалении—молчаливые кучки, полное отсутствие организованных рабочих и интеллигентов. Ясно было, что «черносотенники» собираются бить. Было жутко. Не было оружия. Мозг давило сознание бессилия, ужас за толпу. Я обратился к рабочим с предложением разойтись, указав на все безумие массовки. Это не действовало. «Будем драться, не бойся ребята»,—так кричали наиболее подозрительные. Между тем толпу окружали. Ясно было, что ждут только казаков. Несколько товарищей рабочих ушли. Я предложил товарищу, пришедшему со мной, уйти. Мы пошли мимо группок по полю к городу, совершенно одни. Чувствовалось враждебное настроение, старание сдержаться. Однако, мы не успели пройти и половины дороги от поля до города, как толпа с гиканьем и криками «назад, негодяи, мерзавцы» бросилась на народ. Первый момент мы продолжали идти, но потом бросились бежать на-перерез. Бежать было некуда: открытое место. Мы с товарищем бросились к дому. Нас пустили. После этого в поле на-

чалась страшная паника. Я уже был в доме и наблюдал из окон. Толпа схватывала и тут же растерзывала, кто попадался ей. Раздался выстрел, другой... То товарищ отбивался от «черносотенников». Присакали казаки. Они сбрасывали с ног и отдавали толпе. Толпа же расправлялась. Трудно и невыносимо передать даже туманно общую картину избиения. Это был сплошной ужас. Приехал полицмейстер и губернатор. Их встречали и провожали криком «ура» после каждого с их стороны поощрения. Толпа во главе с полицмейстером и казаками проходила по полю, крича «ура» в честь царя. Вообще это была вполне организованная «сотня», которой платили за избиение. Плата выразилась в том, между прочим, что на «черносотенников» собирались деньги; сбор разрешен полицмейстером. Вечером, 10-го, губернатор обратился к толпе перед своим дворцом и благодарил «патриотов». Убито 13—15 чел., ранено до 50 чел. Убит ли кто из организации,—не знаю, так как скрылся из города. Убито несколько евреев, несколько рабочих, аптекарь Гейнце; несколько студентов тяжело ранены. Вечером 10-го же толпа с казаками выбивала стекла в еврейских жилищах. А сегодня, 11-го, с утра готовится погром. Масса евреев уезжает из города. Губернатор вывесил объявление о защите всех, не считаясь с вероисповеданием. Однако, полиция отсутствует. Из Сормова вчера пришел отряд вооруженных рабочих в 70 чел. для защиты. Завязалась перестрелка с «черносотенными» на улице в нижней части города. Убито несколько из «черной сотни», 2 товарища и кажется городской. При проследовании тов.-сормовцев можно наблюдать следующую картину: толпа из 200 чел. гонялась за троими рабочими; те отстреливаясь, бежали к пароходнику, перевозившему в Сормово. Товарищи успели вскочить на пароход и вооруженной силой заставили капитана отплыть. Там поднялась паника. Несколько человек бросилось в воду: из них еврей-рабочий, вытащенный из воды, был убит на глазах полиции. В Сормове брошена бомба. Другая разорвалась случайно, убив товарища-рабочего и ранив двоих.

В Сормове 9-ое число прошло не совсем спокойно. Завод стоял. Как известно, в Сормове происходят ежедневно массовки в 3—5 тысяч чел., на которых выступает с.д. Полиция уже давно не вмешивается, и рабочие так свыклись с этими собраниями, что прекратить их не так легко. Теперь там много вооруженных рабочих, вооружаются вообще все, организация прилагает к этому всяческие усилия. В Сормово были откомандированы лучшие ораторские силы. К 10-му туда нагнали еще войск и казаков. Утром, 9-го, пытались разогнать массовку. Солдаты с ружьями на перевес в сопровождении казаков подходили к толпе. Часть оставалась на месте, другая отходила и собиралась в другом месте. После этого собраться не прелятствовали, и вскоре собралось до 5 тыс. чел. Выступали наши ораторы. Настроение замечательное в смысле единодушия, сочувствия к социал-демократии. В Канавине массовка не удалась. Масса солдат и казаков не пропустила рабочих. Пришли только организованные (60—70 чел.).

Великая соц.-дем. партия растет на глазах, и только вера в нее придает силы дальше жить среди всех этих кровавых событий... Мало оружия, нет денег для вооружения,—в этом большое горе...

Пропагандист.

Харьков. 26 и 27 июля соединенными силами большевиков и меньшевиков была организована общая политическая забастовка. За несколько дней перед этим состоялось соглашение между группой «Вперед» и Комитетом меньшинства. От каждой стороны было выбрано по 2 представителя в «Исполнительный Комитет», который назначил день забастовки, выработал план действий и должен был руководить всем ходом агитации. 26-го рано утром на паровозном заводе и на большом заводе Гельфрих-Саде перед началом работы состоялись большие сходки, на которых соц.-дем. ораторы призывали товарищей к забастовке, с целью выразить свое сочувствие и поддержать одесских, варшавских, екатеринских и др. товарищей. Социалисты-революционеры возражали и находили забастовку бесплодной. Но их агитация не имела никакого успеха. На том и другом заводе даны были тревожные гудки и все, как один человек, вышли из заводов. Отдельные группы забастовщиков, за-

ранее организованные, отправились останавливать все другие фабрики и заводы. Удалось остановить работы почти на всех заводах, табачных фабриках, типографиях, паровозных мастерских, депо ж.д., многих мелких ремесленных заведениях; к забастовке примкнули также часть каменщиков, рабочих кирпичных заводов, заготовщиков, портных, пекарей. Предполагалось устроить несколько митингов, но полиция и казаки помешали. Местами были небольшие столкновения с полицией, но, в общем, дело обошлось без крупных членовредительств. Власти были необыкновенно любезны и предупредительны, настроение рабочих было не особенно возбужденное. От рабочих поступали требования дать оружие. Уже на другой день настроение забастовавших значительно понизилось, протест не находил себе исхода. Было объявлено окончание забастовки, 29-го все заводы и фабрики приступили к работам.

В листке «Исп. Комитета» забастовка была определена, как «пробная мобилизация сил харьковского пролетариата»; таковой она действительно и была. Выяснилось, что огромное большинство харьковских рабочих готово выступить на борьбу за политическую свободу, а более сознательная часть рабочих способна на вооруженную борьбу. Выяснилось также, что хотя местная социал-демократия может организовать всеобщую забастовку, но взять на себя подготовку и устройство вооруженного восстания она пока не в состоянии. Необходима большая организованность, лучшая осведомленность, большие силы и средства, — а главное — оружие, прежде всего — оружие!

Забастовка носила исключительно политический характер, никаких требований к хозяевам нигде не было предъявлено.

Настроение рабочих после забастовки первое время было довольно унылое. Чувствовалась неудовлетворенность и разочарование.

Отношения между организациями большинства (группа «Вперед») и меньшинства (старый комитет) пока довольно мирные.

Минск. Из агентских телеграмм товарищам известно о всеобщей политической забастовке, которая была у нас 28-го июня. За 2 месяца, протекшие с 1-го мая, идея классовой солидарности рабочих и необходимости политической борьбы получила здесь, как и по всей России, широкое распространение.

1-го мая всеобщей забастовки у нас не вышло. 28-го июня вышла почти всеобщая забастовка: работали лишь Брестские мастерские и часть рабочих в мастерских Либ.-Ром. ж.-д. 1-го мая приходилось «снимать» рабочих. Теперь товарищи бросали работу после короткой агитационной речи или прочитавши призывной листок группы. И бросали охотно, ясно понимая, что надо выразить сочувствие героям Людази и Варшавы, надо выразить готовность к решительной борьбе за дело свободы. 28-го июня группа партии и комитет Бунда имели право считать себя выразителями воли минского пролетариата и от имени русских, еврейских и польских рабочих города имели право бросить в лицо наглой самодержавной опрочине суровое предупреждение: «Берегитесь, тираны!»

Кто бросил бомбу в ночь после демонстрации в двери губернаторского дома, до сих пор неизвестно. Трудно предположить, что сделал это сам губернатор Курлов или кто-либо из его присных. Как-никак, а от бомбы казак и городской пострадал, и мы держимся о г. Курлове достаточно хорошего мнения, чтобы заподозрить его в отсутствии даже и казаколюбия. Надо думать, что бомба имела связь с событиями 28-го июня и была брошена не проваторской рукой.

Поручая мне корреспонденцию о 28—30 июня, группа предложила по возможности избежать обвинений по адресу товарищей из Бунда. Пережитые дни слишком, однако, близки, и трудно следовать о. Пимену, трудно летописать, не ведая ни радости, ни гнева.

Под влиянием потрясающих вестей из Лодзи, Иваново-Вознесенска и Одессы, у группы неоднократно являлось желание на них отозваться. Удерживало нас, с одной стороны, ожидание призыва со стороны Центр. Ком., мысль о том, что надо беречь силы и итти не вразброд, а ногу-ногу со всем пролетариатом России. С другой стороны, наладилась работа среди христиан. Было по горло дела,

и хотелось укрепить и упрочить свое влияние среди людей, только-что начинавших сознавать себя членами одного великого и грозного целого — рабочего класса.

И товарищи из Бунда нас предупредили. Утром 25-го июня представитель комитета Бунда довел до сведения группы, что комитет решил объявить 28-го июня всеобщую забастовку, созвать многолюдный политический митинг и устроить уличную демонстрацию, если настроение собрания будет благоприятствовать этому намерению. Приглашая организацию присоединиться к забастовке и дальнейшему по выработанному им плану, комитет заявил, что им приглашены также и соц.-революционеры. При этом комитет объяснил, что предшествующий опыт совместных действий местных революционных организаций привел его к убеждению в бесполезности, а отчасти и во вреде, для дела как предварительного совместного обсуждения плана общих действий, так и координирования последних, так как организации, полагая друг на друга, часто не выполняли того, что были в силах исполнить, и что мог бы выполнить комитет собственными средствами, если бы, как указано, не доверял группе и соц.-революционерам. Поэтому комитет, чувствуя за собой достаточно силы и нравственного авторитета, и решил не повторять прежних ошибок, взять на себя в настоящем случае не только инициативу, руководство, но в случае отказа группы и соц.-револ. принять его приглашение, то и все дело в свои руки и на свою ответственность. Принять участие в однодневной политической забастовке группа согласилась. Что касается митинга и возможной демонстрации, то от участия в них группа отказалась. Выражая сожаление, что товарищи из Бунда сочли возможным единолично избрать момент и выработать план политического выступления местных рабочих, группа предложила еще раз совместно обсудить вопрос и притти к общему решению. Представители комитета ответили, что последний все обдумал и взвесил; что доводы группы едва ли будут признаны убедительными; что выслушать товарищеский совет комитет, конечно, готов; но, что комитет настолько силен; чтобы счесть себя в праве действовать не только без согласия; но и вопреки взглядам группы; которую он считает организацией слабой; не пользующейся влиянием на рабочую массу и не имеющей политического значения. Каждый политик на его месте поступил бы точно также.

Вечером 26-го июня группа получила от комитета окончательный, отрицательный ответ и больше не делала уже попыток к совместным решениям и действиям.

В заключение несколько слов о жертвах и потерях. Убито трое, число раненых неизвестно. Арестовано 150—200 рабочих. Из интеллигентов — Гейлиц, Бельский, Луковский, г-жа Шейндельс, корр. Ливенсон и редактор «С.-З. Края» Мысовской. Первые обвиняются в организации забастовки конки и принадлежности к тайной организации, присвоившей себе наименование «Искра». Г. Мысовской ни в чем не обвиняется и посажен из личной мести г. Курлова и в угоду конкурентам-хулиганам «Бел. Вестника». Вчера все интеллигенты, кроме Мысовского, который будет сидеть два месяца, выпущены. Во время забастовки и демонстрации полиция безобразничала по обыкновению: изувечила одного рабочего христианина, избива по щекам двух девушек-работниц...

Через несколько дней после забастовки г. Курлов произвел смотр своей парне. Хвалил за усердие, награждал деньгами, обещал и впредь поощрять и обнадежил, что бить врагов отечества — жидов и поляков можно, сколько влезет, и ничего за это не будет, так как на то и введена здесь усиленная охрана...

Минская Группа Р.С.-Д.Р.П.

Бобруйск. 7-го июля мы объявили от имени группы Р.С.-Д.Р.П. и организации Бунда всеобщую забастовку по поводу последних событий в Лодзи, Одессе и др. городах. Забастовка была вистину всеобщей: замерла вся жизнь города, работу приостановили даже служащие банков, публичной библиотеки, железнодорожные и судовые грузчики. Сильное впечатление на всех произвело присоединение почти всех фабрично-заводских рабочих. «Сравните 7-ое июля с январской забастовкой в Бобруйске, — читаем мы в листке, подводящем итоги стачек, — и вы уви-

дите, как выросли за эти несколько месяцев рабочие. В январе рабочие не выступали, как один человек. Мало было заводских среди нас, шумели и гудели фабричные станки, и острый болью врвался в грудь сознательных рабочих дым изменнической заводской трубы. Не то теперь. Теперь все наши братья были под знаменем социал-демократии». Характерно отношение радикально-сион. группы. Она присоединилась без оговорок, поайлей-цион—с маленькой оговоркой. В виде протеста против Бунда, не считающего возможным вступать с П.-Ц. в соглашение, как с организацией, они решили начать свою забастовку только с 1 час. дня, о чем сообщает их прокламация. По меткому замечанию одного из наших рабочих, здешние П.-Ц. до 1 час. дня протестовали против Бунда, а от 1 часа—против самодержавия.

Полиция мобилизовалась. Демонстрировать не было возможности. Казаки неустойчиво. Город представлял собой военный лагерь. Проходивших там и сям обыскивали по три раза; подозрительных жестоко избивали. Полицейстер приказывал открывать лавки; пробовал и добром и угрозами: штрафом в 50 р., обещанием охранять, но все было тщетно. «Приказано, надо закрыть, надо помочь и социалистам,—говорили лавочники: вы охраняете нас сегодня, а они нас найдут всегда». Страх перед «демократами» и сочувствие к ним сделали свое дело. Улица подчинилась нашему зову. Она очистилась от шума и гама, в тот день она была наша.

Одна турецкая булочная, торговавшая под охраной городских и солдат, бойкотирована нами. Как только был распространен соответствующий листок,—булочная сразу опустела. Толков без конца. Бойкот поддерживает общество. Сдержатель булочной всячески оправдывается: его, мол, заставила полиция, обещает больше не делать таких вещей, идет слух, что он обещает несколько сот рублей в случае снятия бойкота. Лавочники все ошеломлены; проникаются уважением к организации, ясно демонстрирующей всю силу своего громадного влияния на всю общественную жизнь.

Во время забастовки распространены за подписью группы Р.С.-Д.Р.П и орг. Бунда три листка: первый (2.000 экз.) призывал к забастовке; второй (печ. 800 экз.) посвящен бойкоту; третий (печ. 2.000 экз.)—подводит итоги стачке. Печатно объявлено и о прекращении забастовки. Распространение прошло очень удачно; потерь никаких. Один задержанный-было товарищ вырвался и тут же угостил городского несколькими пощечинами. В другом случае девица очень ловко захлопнула калитку у носа гнавшихся за ней казаков и городских и, перепрыгнув через забор, скрылась.

На заводах наша группа укрепились прочно. Стоит притти нашим товарищам, как все высыпают из завода послушать социалистов. Иные заводы обижаются, что их обходят наши агитаторы. На кирпичном заводе, где сторож бежал за полицией в январе, и рабочий избил агитатора, теперь при первом призыве нашем все бросили работу. Результатами нашей работы при самой строгой оценке мы можем быть вполне довольны. Арестован рабочий Вельвель Норкин, обвиняющийся в подстрекательстве железнодорожных рабочих; при этом избит железнодорожный сторож.

Гобруйская Группа Р.С.-Д.Р.П.

Витебск. Недавно исполнилась годовщина существования местной организации Р.С.-Д.Р.П. Вначале деятельность ее была весьма затруднена, приходилось очищать наши принципы от тех искажений, которым они подверглись, благодаря агитации бундистов и поайлей-ционистов. Мало-по-малу наши действительные принципы и взгляды становились более знакомы рабочему люду, и начало расти число наших сторонников; в настоящее время их свыше 650, между ними около 100 христиан. Все эти организованные рабочие регулярно встречаются со своими руководителями-сходочниками, число которых около 50. Довольно много из этих рабочих занимаются в специальных кружках, и, кроме того, все бывают на собраниях (еженедельно 3—4). Число посетителей таких собраний в среднем 65. Бывают собрания и более многочисленные (до 550). За неделю до 9-го июля организация решила устроить открытый митинг и обратилась к комитету Бунда с предложением устроить

общий митинг и выпустить общий листок. Но так как мы не сошлись с бундовцами насчет места, а затем по вопросу о демонстрации (ибо бундовцы решили непременно устроить демонстрацию, наша же организация не предвещала непременно демонстрации, решив устроить ее только в том случае, если этому будут благоприятствовать обстоятельства), то каждая организация устраивала отдельно. Бундовский митинг, на котором присутствовали и многие наши рабочие, происходил утром и окончился весьма плачевно. Казаки напали на расхопившихся рабочих, избивали их беспощадно и арестовали около 80 чел. Организацией был распространен 7-го июля листок «К 9-му июля», в котором рабочий люд приглашался выйти по зову организации на улицу. Несмотря на подавленное настроение после утреннего побоища и на то, что повсюду были расставлены солдаты и разъезжали казаки, удалось собрать в саду на Сенной площади около 500 чел. На митинге, продолжавшемся около 1½ час., выступил 4 оратора. Все проходящие останавливались слушать. С пением: «Смело, друзья, не теряйте...», рабочие разошлись, полные веры в близкую победу.

М. Игнатовка (Киевского уезда). Неожиданно для всех у нас вспыхнула забастовка сапожников, кузнецов и мясников. Главное требование—удвоенная плата. Более крупные мастера и, в особенности, мясоторговцы согласились на главное требование. Некоторые мастера попробовали навербовать подмастерьев в других местечках, но никто из страха не едет к ним. Забастовщики пустили слух, что кто осмелится без их позволения поступить на работу, поплатится жизнью. Полиция, во главе с приставом, только и делает теперь, что оцепляет квартиры и обыскивает их. Все население в крайнем переполохе: оно впервые переживает забастовку. Рассказывают всякие небылицы. Но близкое к правде то, что недели за две перед забастовкой в местечко понаехали молодые рабочие и организовали сходку близ хутора Кочер. На сходку побегали местные рабочие от мала до велика. Брожение и так было налицо, как продукт теперешней жизни больших и малых городов. Благодаря агитаторам социал-демократам, это глухое брожение оформилось и вылилось в стачку.

Двинск. 14-го июля разыгралась кровавая драма. Как и повсюду, в Двинске существуют биржи; но благодаря деятельности Бунда, создалась атмосфера недоверия русских к евреям. Работа подвигалась туго, даже организованные рабочие относились недоверчиво и мало ходили на общие биржи, устраивали свои. Мы задалась целью во что бы то ни стало приучить их к этому. И вот с этой целью я пошел на русскую биржу, повидался с рабочими и сказал, что сегодня мы не можем заниматься отдельно, а должны быть вместе с остальными. Благодаря тому, что ко мне рабочие относятся с доверием, удалось собрать их на общую биржу. Было приблизительно человек 300—400. Мы устроили митинг, говорили пять ораторов. Разошлись спокойно. В следующий раз на Духовном бульваре собралось человек 200. Я говорил, как необходимо рабочим посещать социал-демократические кружки. Прохожие стали останавливаться и слушать; тогда я перешел на современные темы, говорил о войне, о девятом января. Впечатление было большое, просили притти на завод. Говорить есть возможность, и мы пользуемся всяким случаем. Русские теперь ходят на общие биржи, не различая, русский или еврей говорит, лишь бы был партийный человек. Каждый четверг у нас общая биржа, так было и 14-го июля. Собралось около 800 человек: мы открыли митинг. Говорили два оратора попеременно по два раза. Старика также останавливались послушать. Говорили о либералах и о Трубецком. Настроение повышалось, посреди речи раздался громовой крик: «Долой самодержавие!» Когда митинг был кончен, мы всем говорили, чтобы разошлись мирно. Вдруг появился отряд солдат, с городскими и приставом во главе, с ружьями на перевес. Без всякого предупреждения раздался залп; 5 человек пало убитыми и около 15 ранеными. На такое насилие раздалась крики, возгласы. На другой день нигде не работали, все пошли на похороны. Собралось до 12-ти тысяч человек. Войска было много, но, повидимому, власти решили не раздражать толпу. Они сопроводили нас до кладбища, но остались вне его. Мы же вошли все, говорили речи целых 3 часа. Настроение повы-

шалось. Мы не хотели подводить толпу под пули, и прекратили митинг, решив идти мирно в город. В этот день хоронили троих. Убиты мальчики 13 и 14 лет, один товарищ из Бунда и 2 христианина. Похороны последних отложили до воскресенья, но царская сволочь прибрала их и никто из нас не знает, что с ними сделали. Связи теперь расширяются, чувствуется недостаток в рабочих. К нам обращаются и солдаты, надо изменить самую постановку дела, но нет опытных работников. Многие не знают, куда писать,— в «Искру» или в «Пролетарий».

Рабочий.

Екатеринослав (30-го июня). Город принял спокойный вид. Работы почти везде возобновились. Трубы чадят, стучат молоты, грохочут машины. Работа кипит. Надолго ли? Неизвестно. Крупное событие в столице, новая волна движения из Питера, восстание солдат,— все это вызовет поддержку со стороны екатеринославских рабочих. Политическая стачка, вызванная нами, вовлекшая в борьбу рабочую массу, удалась несомненно. Екатеринославские пролетарии поддержали Одессу и восставших матросов. Еще в пятницу, когда говорилось в собраниях о необходимости поддержки одесских борцов всеобщей стачкой, не могли указать определенно дня объявления этой последней. В субботу днем на районном собрании была решена всеобщая стачка. В воскресенье общее районное собрание уже указало и день забастовки— понедельник, если будут благоприятные условия, или же вторник. Собрание рабочих днем высказалось за понедельник. Решено было начать с Брянского завода (нерв Екатеринослава). Сведения, получаемые из Одессы, наэлектризовывали всех и заставляли торопиться. Поздно вечером состоялось собрание рабочих всех заводов. Настроение было такое, чтобы начать забастовку в понедельник, тем более, что с мартеновского и доменного цехов (отсталые цехи) пришло известие о начавшейся там забастовке. Собрание не было закончено вследствие появления казаков. В понедельник 20-го и во вторник приостановилась буквально вся торговая и промышленная жизнь города. Вагоны трамвая стояли пустые. Движение железнодорожной линии также приостановилось. Около брянского завода на линии стоял паровоз. Машинист хотел было вернуть его к вокзалу, развел пары, но рабочие вскопили на паровоз, выпустили пары и вылили из котла воду. Трудно передать то одушевление, которое охватило всю рабочую массу. Громадный подъем духа чувствовался на большом митинге, где оратор комитета (большинства) был избран массой председателем; речь его была поддержана громовым ура. Во вторник произошла стычка с казаками. На собрание (часа в 4—5 веч.) в несколько сот рабочих на углу 1-й Челювской и Брянской площади наехала сотня казаков. Выстрелы из толпы и камни заставили их спешиться. Через секунду пули так и свистели над головами. Как из толпы, так и казаками сделана масса выстрелов. В результате 6 человек раненых рабочих. Толпа разбежалась по дворам. Озлобление на казаков было так сильно, что слово «бомба» произносил буквально каждый. Бомб не было. Казаки свирепствовали. На другой день проезжавшие днем по рабочим кварталам казаки открыли пальбу по маленькой кучке рабочих из-за того только, что рабочие тюкали на казаков. Два человека были ранены; один из них на другой день умер. Вечером на Челювке казаки ни с того, ни с сего ранили пулями 2 рабочих (некоторые говорят, четверых). До всеобщей стачки в городе происходили частичные забастовки в разных производствах. За два дня до всеобщей забастовки бастовали пекаря, держались 6 дней, так что в городе не было хлеба. На Амуре и Нижне-Днепровске (район за Днепром) организация слабее, и потому стачка прошла не так дружно. Бельгийский завод (150 раб.) забастовал 20-го. 21-го утром часть рабочих вышла в эстампный завод (рабочих 300 чел.) и с криком: «бросай работу», остановила завод. Оратору из к-та (больш.) удалось сказать политическую речь. От эстампного часть направилась остановить заводы на Амуре. Раньше думали было остановить Нижне-Днепр. жел. - дор. мастерские (раб. 1.500—2.000), но так как за час до остановки эстампного завода прибыл поезд с 100 солдатами охранять мастерские, то рабочие отправились останавливать машиностроительный завод, где забастовал накануне литейный цех. Машинострои-

тельный завод и трубопрокатный Шодуара (раб. 800) забастовали и продержались три дня. Даже лесопильни, находящиеся на Амуре, тоже примкнули к общему движению. Стачка в Екатеринославе и на Амуре была всеобщая. Только Нижне-Днепровские мастерские (рабочие отстали, малокультурны; они даже в 1903 году и в январскую стачку 1905 г. остались в стороне) работали. Их усиленно оберегают от «крамолы». Там постоянно находятся казаки. Человека четыре пытались остановить работу, замечалось и сочувствие со стороны части рабочих, но начальник мастерских предупредил тем, что сам велел прекратить работу, пока в мастерских не будет гудка. Через день по гудку рабочие стали на работу, не предъявив никаких требований. В настоящее время продолжают экономическую стачку: бельгийский завод, эстампный, трубный (около брянского) и гвоздильный. В городе бастует типография Яковлева.

Тифлис. 21-го июня. Политика избения черной сотней интеллигенции и рабочих уже применяется и у нас в Тифлисе. Наши «охранители» организовали и вооружили местных хулиганов и малосознательных рабочих и натравили их на студентов и сознательных рабочих. Началась дикая расправа. В течение последних 2—3 дней на улице среди белого дня хулиганями, при усердном содействии полиции и казаков, избиты и ранены 30 человек, из которых жизнь 15 человек находится в опасности.

Чтобы положить конец всем этим зверствам и бесчинствам, Тифлиск. комитет Р.С.-Д.Р.П., выпустил воззвание к рабочим и к обществу с призывом устроить всеобщую забастовку и требовать: 1) разоружения хулиганов, 2) освобождения арестованных при столкновении с хулиганями, 3) назначения следствия по делу о пострадавших и раненых и привлечения к ответственности виновных, 4) снятия патрулей с улиц, и 5) всеобщего вооружения и учреждения городской милиции.

Вчера прекратили работу рабочие в желез.-дорож. мастерских, на всех частных заводах и фабриках. Приостановлено движение трамвая и конка. Сегодня к бастующим присоединились приказчики, закрыты почти все магазины. Забастовали служащие в городской управе. Улицы усиленно охраняются казаками и полицией. Производятся массовые обыски, ищут оружие.

Союзный Комитет.

Саратов. В июне число членов типографского союза было 79, членских взносов поступило 13 р. 81 к., из них 3 р. 56 к. (20 процентов) передано в кассу Саратовского ком. партии. Правлением изданы: устав (60 экз.), «Типографский Листок» № 1—3 и пр. Правление союза прибавляет к отчету: «Со следующей получки число членов значительно возрастет, так как многие не поступили в союз только за неимением денег... Товарищи! итак, союз организован. Долой нашу старую разьединенность, долой взаимное недоверие, которые так нужны капиталистам и правительству для преследования нас. Отныне мы дружно и постоянно будем вести борьбу с нашими заклятыми врагами, отстаивая свои интересы и защищая друг-друга. Выше поднимай голову, рабочий, и смелей смотри в глаза капиталистам и правительству,— за тебя каждую минуту вступит союз товарищей».

«Типографский Листок» № 3 составлен живо и интересно. Начинается он призывом рабочего поддержать денежными взносами местный комитет партии. Затем отмечается влияние «Листка»: рабочие внимательнее стали присматриваться ко всему окружающему, листок явился каким-то спасителем, перед которым они изливают свою душу.

«В «Листок» его, чорта!»— произносится таким тоном, как будто приговаривают виновного к казни. Далее передаются факты хозяйских притеснений и рабочей солидарности. Достается от «Листка» и своим: одно собрание приказчиков (для обсуждения вопроса о стачке) испугалось лошадей и разбежалось (думали, что казаки).— «Прощай борьба с капиталистами, прощай хорошие слова. Все, перегоняя друг-друга, начали прыгать»... Не менее зло издается «Листок» над собранием из 300 чел., которое разбежалось при приближении двух незнакомых рабочих. Далее отмечается «знамение времени»: «старший» высказал недоверие к словам рабочего.— «Я социал-демократ»,— с достоинством ответил на это рабочий и, круто повернувшись, ушел, оставив в нелов-

ком положении недоверчивого старшего. Между прочим в «Листке» сообщается, что вслед за типографами основали подобные союзы портные (50 членов), шляпочницы, портнихи и приказчики. Пожелаем дальнейших успехов благому почину саратовских товарищей. (Напоминаем, что нормальный устав таких союзов, выработанный Саратовским комитетом, напечатан в № 11 «Пролетария»).

Пермь. На Мотовилихинском заводе новая стачка. Администрация завода грубо нарушила договор с рабочими о неприкосновенности депутатов и выдала одного из них. Рабочие все, как один, бросили работу. Они требуют не только улучшения своего положения, но и некоторых общих прав: неприкосновенности личности депутатов, освобождения арестованных, открытия в заводе библиотеки с правом участия рабочих в управлении ею и т. п. На шестой день забастовки, в воскресенье 10-го июля, казаки набросились на мирную сходку рабочих, и началось избиение. Несколько товарищей-рабочих убито и многие ранены. Даже женщины и дети не пощажены... Пермским комитетом Р.С.-Д.Р.П. издано несколько прокламаций как по поводу стачки, так и по поводу избиения, — с призывом ко всеобщей забастовке в день похорон убитых рабочих.

Рига. Со дня на день возможно ожидать крупных событий*). Бастуют уже несколько заводов, и каждый день присоединяются новые: из крупных (несколько тысяч рабочих) Балтийский, «Феникс», Эрбе. Каждый день собрания по несколько раз: социал-демократические ораторы выступают с речами на русском и латышском языках. Был митинг с 4—5 тысячами рабочих и две небольших демонстрации со знаменами у «Феникса». К последней демонстрации присоединились и меньшевики, — и также со знаменами, — но несколько поздно. Их район (Кузнецовка) пока молчит. Влияние комитета растет. Было несколько собраний по поводу агитации одного приезжего крестьянина за выборы сословных представителей в Думу.

Сморгонь. 23-го июня. За последние две недели организация устроила четыре собрания (перебывало до 1.000 ч.).

Узнав о бейнях в Лодзи, Варшаве, Одессе и Иваново-Вознесенске, мы решили посредством всеобщей забастовки выразить протест. Бундовцы приняли предложение о совместных действиях. Стаечная комиссия решила, что забастовка должна быть двухдневная (21—22 июня). Утром 21-го июня отряды по 4—5 человек ходили по фабрикам и раздавали прокламации за подписью Сморгонской организации Р.С.-Д.Р.П. и организации Бунда. К 9 часам всюду прекратили работу; в 10 часов по приказанию рабочих извозчики прекратили езду; закрылись магазины. Когда пристав увидел, что все магазины и лавки закрываются, он с казаками объехал ряды лавок с угрозой, что если лавочники не откроют лавки, то они навсегда будут закрыты. Но он получил ответ: «Рабочие приказали закрыть, и мы не можем открыть, пока они не разрешат». На некоторых улицах были манифестации, раздавались выстрелы и возгласы: «Долой самодержавие!» и проч. 22-го июня арестовано 24 человека (отправлены в вилейскую тюрьму), 23 приступили к работе, но масса недовольна тем, что не было вооруженной демонстрации.

Член организации.

Воронеж. 12-го июня комитетом партии была устроена обычная массовка, на которой присутствовало 50 чел. Говорили об отношении рабочего класса к другим классам, выясняли тактику соц.-демократии по отношению ко всем остальным партиям, выясняли значение либеральных программ вообще. Вслед за интеллигентами говорили рабочие.

19-го июня было собрание организованных рабочих (были только близко стоящие к комитету, человек до 40). Оратор говорил о третьем съезде партии. Дав маленький исторический обзор развития партии, он перешел ко второму съезду и затем, говоря о третьем съезде, он коснулся устава, выработанного на третьем съезде. Рабочие с глубоким вниманием слушали об изменениях, происшедших в уставе. Наиболее сознательные товарищи говорили: «В сущ-

* Заграничные газеты уже принесли телеграфное известие о крупных забастовках в Риге.

ности, так, ведь, и было там, где не было формалистики». 20-го июня было агитационное собрание (80 чел.). Говорил сначала рабочий, очень хорошо, хотя и кратко. Сущность его речи — призыв к организации и усиленной борьбе. Затем говорил интеллигент о союзах и других организациях, устраиваемых либералами, демократами и с.-р.-ми. Он выяснил, что рабочий класс имеет свои организации, которыми руководит Р.С.-Д.Р.П., третий съезд которой был недавно, и что рабочие должны идти только в такие организации, которые находятся в ведении партии или под ее контролем. Выяснялось это с точки зрения § 1.

Второй интеллигент-оратор говорил о профессиональных союзах, их значении, об отношении к ним партии и закончил критикой «временных правил», изданных Хилковым для рабочих ж. дор. Третий оратор говорил о Лодзи и Одессе, передавая содержание письма, присланного из самой Одессы. Оратор закончил призывом к борьбе. Настроение было удивительное. Очень многие рабочие говорили так горячо и сильно, что все товарищи, бывшие на массовке, потребовали немедленно же вооружения. 26-го было агитационное собрание, чел. в 40. Оратор-рабочий в замечательно сильной речи выяснял товарищам значение 8-часового рабочего дня: указывал способы осуществления этого требования и призывал примкнуть к общерусскому движению. Другой товарищ говорил о булыгинском проекте. К сожалению, урядник с казаками и жандармами подошли к месту собрания и подняли тревогу, дав четыре выстрела. Все-таки все разошлось благополучно, и настроение у всех далеко не угнетенное. Комитет выпустил профес. листок к рабочим завода Столя. Этот листок был удачно распространен и произвел такое хорошее впечатление, что вечером человек 50 учеников пошли к управляющему требовать прибавки. Тот обещал. 28-го была распространена прокламация к ремесленникам (в нее вкралась досадная опечатка в начале: техник переставил слова и вышла чепуха: «нужно умереть, чтобы потом бороться»).

Связи крепнут на всех заводах, хотя работает комитет при трудных условиях. Все же в сравнении с прежними временами небывалое оживление. Рабочие стремятся в кружки: хорошо организован городской район (ремесленники), чего прежде совсем не было. Есть связи с приказчиками, которые ходят в кружки.

Меньшевицкий ком. пытался организовать демонстрацию приказчиков, но, к сожалению, неудачно. Три раза приказчики пытались закрыть лавки, но являлась на сцену черная сотня, и приказчиков страшно избивали. Рабочие нашего К. говорили: «Вот оттого неудачно, что старый к-т (меньшинства) не обратился за помощью к нашему к-ту. А то как и помочь, когда не знаешь, где и как демонстрация. Вышли бы рабочие, так от черной сотни и следа бы не осталось».

В ночь с 25-го на 26-е арестованы: Пр. Косых (2), Косарев, Овечкин, Бородовицын, Казимиров, Гусев, Иванов (приказчик), Васильев, Давыдов, Юл. Махновец (интел.), Архипов, Михайлов и Болшаков. Всего до 20 чел. После ареста рабочие мастерских говорили о том, чтобы идти к тюрьме и требовать освобождения арестованных, но пока ничего не вышло. В городе казаки и драгуны.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Дудников. 12-го июня в Саратовской тюрьме тов. Дудников стал жертвой царского зверства. Продолжительное заключение, отсутствие свиданий, плохая пища, — все это тяжело отразилось на его здоровье. Прощения ни к чему не вели. Тогда тов. Дудников выломал раму и железную кровать и забаррикадировался, решив не принимать пищи и не впускать тюремщиков, пока не исполнят его просьбы. Начальство велело ломать дверь; Дудников пригрозил облить себя керосином и зажечь. Он исполнил угрозу, как только начали ломать дверь. Вся кожа у Дудникова обгорела; едва живого его доставили в больницу. (Из № 3 «Типографского Листка» союза Сар. тип.).

Екатеринослав. В ночь на 4 июля здесь арестовано 8 чел.: 1) Эйнэх Манох, 2) Феня Гурович, 3) ее двоюродный брат,

при чем у Гурович нашли пачку прокламаций «Готовьтесь к вооруженному восстанию». На Заводской на одной квартире взяты Семен Марголин (выпущ.), Абрам Воловик (выпущ.) и Исаак Шварц (был схвачен на крыше, заявил, что приехал 5 дней тому назад из Харькова, и что ночует там, где найдется. А на вопрос, где его паспорт, он ответил: никаких паспортов у меня нет). На Александровской взят некто Эрнест Людвигович Бинеман. На заводской в том же дворе, рядом с квартирой Марголина, схвачен некто Бенин (выпущ.), у которого нашли 100 шт. сионистских прокламаций. В воскресенье 3-го июля был взят на вокзале Самуил Чертков. В ночь с 5-го на 6-е арестованы на Заводской трое, живших на одной квартире: Иосиф Вишневский, Моисей Троп и Самуил Соснай, во дворе под окном найдены 2 письма и пачка литературы соц.-дем. с печатью Екатеринослав. Ком. Р.С.-Д.Р.П. 11 чел. мужчин помещены в арестантских ротах; Феия Гурович отведена в женскую тюрьму.

Николаев. Политические заключенные городской тюрьмы предъявили (письменно) следующие требования: 1) Немедленного освобождения Иосифа Хозоровского и Игнатия Макарова, признанных врачебной комиссией опасно больными. 2) Безусловно вежливое обращения (в заявлениях упоминается о происшедшей 8-го июля выходке надзирателей, угрожавших «убить и доконать политических»). 3) Отмены обысков приходящих на свидания. 4) Совместной прогулки с женщинами на административном дворе и продления прогулок до 9-ти часов вечера. 5) Немедленного окончания следствия по делу товарищей: Марии Пикерт (серьезно больной), Леонида Бельского, Буни Винокур и Веры Невельштейн. 6) Свободного пропуска всякого рода легальных газет и журналов и учащения свиданий с знакомыми и родственниками. Под конец заключенные прибавляют: «В случае неудовлетворения наших требований, мы оставляем за собой полную свободу действий. Всякое проявление грубой силы встретит с нашей стороны дружный отпор. Полагаясь не на человечность, а на благородие местной администрации, мы возлагаем всю ответственность в дальнейшем на нее». — «Протестуя принципиально против всякого насилия над человеческой личностью, каковым является, конечно, и тюремное заточение, — мы в заключение считаем своим нравственным долгом протестовать против самого содержания нашего в тюрьме и требовать немедленного нашего освобождения. Но, зная хорошо, что такое освобождение невыполнимо и немислимо при наличии самодержавного порядка, когда правительству известно, что каждый «крамольник» на свободе является новым камнем в фундаменте здания народной свободы и новой брешью в прогнившей стене самодержавия, — мы ожидаем этой свободы от надвигающейся русской революции». Подписано: политические заключенные — Иосиф Хозоровский, Павел Сафронов, Игнатий Макаров, Митрофан Федосеев, Сергей Макаров, Исаак Дворецкий, Борис Спектор, Леонид Бельский.

ИЗ ПАРТИИ.

Борьба пролетариата. Под этим названием на Кавказе выходит газета, издаваемая Кавказским Союзным Комитетом Р.С.-Д.Р.П. на трех языках. На армянском вышел № 6, на грузинском № 9 и, наконец, на русском № 1 от 1-го июля ст. ст. В номере 16 печатных страниц. Содержание: Памяти тов. Александра Цулукидзе. Резолюция 3-го Съезда по поводу событий на Кавказе. О Тифлисской забастовке. Третий Съезд (из «Пролетария» № 4). Третий Съезд перед судом кавказских меньшевиков. Временное Революционное Правительство и наша тактика. Новые открытия тифлиского «меньшинства». Корреспонденции из Одессы, Чигатур, Елисаветполя (три), Баку (две), Тифлиса (забастовка арестантов в Метехском замке), Борчалинского уезда. Сообщение о партии Дрошак. Из партии: О докладах, сделанных периферийным работникам делегатами 3-го Съезда, Резолюция Международного Собрании рабочих в Баку. Заявление Северо-Западного комитета. Письмо в редакцию делегата Тверского комитета,

Резолюция Грузинской группы, копия письма Тифлиского (меньш.) комитета Елисаветпольским товарищам. Издательская деятельность Кавказского Союза, Издания Тифл. ком. (больш.), Издания Бакинского комитета.

Нам еще придется вернуться к содержанию этой интересной газеты. Горячо приветствуем расширение издательской деятельности Кавказского Союза и желаем ему дальнейших успехов в восстановлении партийности на Кавказе.

Рига. Рабочие Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии, собравшись 3-го июля в числе 78 чел., и выслушав доклад делегата III съезда партии, единогласно выражаем полнейшую нашу солидарность с резолюциями, вынесенными на съезде, и с изменениями устава партии, и глубокое сожаление по поводу того, что все усилия ОК не могли устранить раскола партии, вследствие упорного игнорирования некоторыми заграничными членами Совета партии интересов всей партии. Признавая эти резолюции и изменение устава такими, которые дают полнейшую возможность объединения всех соц.-дем. фракций российского пролетариата в одну всероссийскую партию, мы обращаемся с горячим призывом ко всем соц.-дем. фракциям в России сделать, со своей стороны, все возможное для объединения, тем более, что таковое объединение в настоящее время, когда борьба с самодержавием приблизилась к решительному моменту, крайне необходимо для руководства в момент революции с целью отстаивания наших пролетарских интересов.

«Долой самодержавие! Долой капитализм! Да здравствует Российская революция! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.!» Были рабочие русские, латышские, немцы, литовцы и евреи. Резолюция составлена самими рабочими без всяких посторонних и поправок. Недоумение со стороны некоторых рабочих вызвал § 9 устава: почему для смещения к-та недостаточно заявления $\frac{2}{3}$ рабочих, и требуется еще согласие $\frac{2}{3}$ ЦК? Здешних рабочих больше всего волнует вопрос о терроре, (вернее о расправе со шпиками и местными зловредными полицейскими чинами) и о слиянии всех национальных соц.-дем. организаций в одну партию. Все в один голос уверяют что национальные тенденции совершенно чужды латышским рабочим, всеми силами стремящимся к слиянию с нашей партией; останавливает их лишь отсутствие у нас латышской литературы.

Саратов. На этих днях местной организацией комитета был устроен ряд массовок. После произнесения на них ряда агитационных речей по поводу последних событий была единогласно принята следующая резолюция:

«Мы, рабочие социал-демократы города Саратова, собравшись на массовку после всестороннего ознакомления с сообщениями о событиях в Одессе, Лодзи, Либаве и других местностях России, пришли к следующим заключениям:

1) Все эти события, ознаменованные новыми сотнями кровавых жертв со стороны народа, еще раз побуждают нас выразить свое негодование против виновника их, злейшего народного врага, царского правительства.

2) Вспоминая все, что сделано за последнее время в борьбе народа с его угнетателями, мы видим, что радостный день народного суда над варварским строем приближается, и что передовым борцом во главе всего движения выступает сознательно революционная часть рабочего класса.

3) Из всей политики самодержавия по отношению к народу, очевидно, что этот позорный и проклятый строй может быть уничтожен только путем всенародного вооруженного восстания.

4) Создание благоприятных условий для свободной борьбы рабочего класса за конечную цель (социалистический строй) возможно только при демократической республике, для установления которой восставший народ должен образовать Временное Революционное Правительство.

5) Пролетариат, как самый революционный класс в современном обществе, в интересах наиболее прогрессивной деятельности Временного Правительства, для давления и контроля над ним, должен стремиться к посылке во Временное Правительство своих уполномоченных, а также захвату пролетариатом власти на местах.

6) На основании всего этого мы, посылая свой братский, революционный привет всем товарищам пролетариям, борющимся за указанные цели, постановляем:

Под руководством единого истинного вождя рабочего

класса, Соц.-Дем. Раб. Партии, немедленно готовиться к открытому вооруженному восстанию, входя в организуемые местным комитетом партии боевые дружины и оказывая во всей деятельности партии поддержку как денежную, так и личным участием в революционной работе.

Саратовский комитет Р.С.-Д.Р.П.

О Саратовском комитете. Комитет делает новые шаги, которые стоит отметить. О нормальном уставе соц.-дем. профес. союзов мы уже говорили в № 11. Теперь нами получен листок «Для членов Саратовской организации. Постановления комитета». Первым условием воспитания духа партийности является осведомление членов партии о деятельности органов партии (комитетов и пр.). Наша партия—массовая: устное осведомление совершенно недостаточно. Пожелаем, чтобы другие организации последовали примеру Саратов. ком. и сделали дальнейший шаг вперед: следует публиковать не только постановления, но и мотивы решений,—может-быть, лучше всего в виде извлечения из протоколов заседаний, из речей за и против решения.

Резолюция. Полагая, что исторический момент, переживаемый ныне Россией, властно требует от партии российской пролетариата возможно более полного единства и сплочения в борьбе за интересы международного социализма, южно-германские организации обеих фракций Р.С.-Д.Р.П. собрались на конференцию, для изыскания путей к скорейшему восстановлению партийного единства и пока-что к согласованию работы обеих фракций за границей. Участвовали делегаты организаций: Мюнхенской (б.), двух Фридбергских (б. и м.), Дармштадской (м.), Гейдельбергской (м.), Карльсруйской (б.), администрация Загр. Лиги (м.), и агенты: Загр. Орган. (б.) в Гейдельберге и Загр. Лиги (м.) в Киссингене. Из приглашенных на конференцию по разным причинам отсутствовали представители организаций: Мюнхенской (м.), Карльсруйской (м.), двух Фрейбургских (б. и м.) и Комитета Загр. Орг. (б.), при чем означенные организации письменно выразили свое полное сочувствие делу партийного объединения и задачам, поставленным конференцией.

Обсудивши вопросы порядка дня, конференция единогласно вынесла следующие резолюции:

1. Принимая во внимание, как губительно отражается раскол в нашей партии на всей ее революционной работе и какими убийственными последствиями грозит в процессе Великой Российской Революции его продление всему международному пролетариату; имея, далее, в виду, что существующие в нашей среде разногласия отнюдь не так глубоки, чтобы оправдывать этот раскол, и, признавая, наконец, что полное и законченное объединение партии возможно лишь на общепартийном объединительном съезде, конференция в то же время полагает, что пока не осуществится полное единство, необходимо согласование работы обеих фракций на местах. Созыв объединительного съезда должен быть осуществлен официальными уполномоченными обеих фракций, решения которых во всем, что до созыва съезда касается, должны быть обязательны для всей партии. Желательно также впредь, чтобы партийная печать, избегая всего, напрасно обостряющего внутрипартийные отношения, вела свою полемику на чисто-принципиальной почве.

2. Обсудив состояние партийной работы за границей, конференция высказывается за настоящую необходимость созыва съезда заграничных организаций обеих фракций, с целью общего согласования их работы, и приглашает оба заграничных центра принять все необходимые к тому меры. А пока конференция убедительно просит все заграничные организации забыть прошлое и уже сейчас по мере возможности начать согласовывать свою практическую работу. (Настоящее извещение послано для напечатания в «Пролетарий» и «Искру»).

От ред. До какой степени энергично стремится к единству партии Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П., это видно из его Открытого письма к Организационной Комиссии, печатаемого в настоящем номере ¹⁾. Напомним только, что для объединения нужна общая организационная почва. Таковая нам известна до сих пор только в виде устава Р.С.-Д. Раб. Партии, принятого на третьем съезде партии и вполне гарантирующего законные права меньшинства.

Кавказ (из частного письма). Все 7 дней, что я ехал по югу, только и было разговоров, что про стачки, про социал-демократию и т. п. Мне случилось ехать и во втором, и в третьем классе, и всюду одно и то же, с тою только разницей, что в демократических вагонах шла речь более о революционных злобах дня, с точки зрения простого, немудрствующего обывателя (в одном вагоне попался даже казак «с.-д.»), а во втором классе ударялись в тонкости, пу-скались в рассуждение о «большинстве» и «меньшинстве», при чем, как водится, осуждали «большинство» за «узость», «бюрократизм» и т. д.

Вскоре после моего приезда на место началась всеобщая стачка. Вызвана она была тем, что человек 200 черной сотни, вооружившись с соизволения начальства, стали избивать первых встречных на улице. Требование стачечников было—разрешить всеобщее вооружение. В смысле всеобщности стачка не совсем удалась, но она пока не достигла своего апогея и все еще разгорается. Стачка ведется социал-демократами. О социалистах-революционерах здесь очень мало слышно,—редко-редко приходится встретить их на собраниях. Что же касается социал-демократов, то они всюду дают тон революционному движению и, быть-может, смогли бы проявить в 10 раз большую энергию, если бы эта энергия не уходила на междупартийную борьбу. Недавние успехи в этом направлении меньшевиков, их «победы и одоления» над большевиками кое-где начинают уже диалектически обращаться в свою противоположность. В Тифлисе, например, меньшевики успели-было овладеть главным форпостом «неприятеля»—железнодорожным районом. На Кавказе же замечается следующее любопытное явление: рабочие не раскальваются на две части, а—вслед за каким-нибудь передовым своим отрядом все идут, как один человек. Таким образом, железнодорожный район—самый взный из всех 5 тифлиских районов, перешедший в руки меньшевиков, потянул за собой в ту же сторону и все остальные районы. Сначала большинство было очень обескуражено, но теперь его дела поправляются. Людей оказывается достаточно, дела много, рабочие-меньшевики часто приглашают большевиков на собеседования и, быть-может, недалеко то время, когда тифлиские рабочие так же революционно-быстро перейдут на сторону большевиков, как они перешли к меньшевикам.

Кстати—об излюбленных мотивах меньшевистской агитации против большинства. Они внушают рабочим, что большевики—это друзья капиталистов, стремящиеся к захвату власти с той целью, чтобы обмануть пролетариат... Очень охотно любят выезжать еще на том, что Ленин смотрит, дескать, на рабочий класс, как на слепую, бессознательную силу, как на мертвый, пассивный материал, из которого всякий творец-идеолог может лепить все, что ему заблагорассудится. Ссылаются, конечно, при этом на то, что к такому же убождению о «грехопадении» Ленина пришел и сам «великий наш учитель» Г. В. Плеханов... Вы, конечно, догадываетесь, что вся эта демагогия весьма мало способствует к умиротворению умов. Если большевик просит у меньшевиков работы, то они не прочь, пожалуй, дать такую, но при условии, чтобы оный большевик признал III съезд незаконным.

Но, несмотря на все эти минусы и безотрадные явления, весело жить в настоящее время. Настроение кругом повышенное. Стачка продолжается. Казаки делают все от себя зависящее, чтобы не дать революции ослабеть: они с неослабной энергией изощраются в учинении всевозможных бесчинств. В буржуазных слоях царит паника. Распускаются самые нелепые слухи,—впрочем, в духе времени. Ожидается объявление города на военном положении...

Резолюция Грозненской группы Терско-Дагестанского комитета.

1. Принимая во внимание, что Терско-Дагестанский к-т—организация отколовшейся части партии, Грозненская группа, признавая III съезд партийным съездом, выходит из состава Т.-Д.К. и желает работать или самостоятельно, или же под руководством партийной организации.

2. Принимая во внимание, что Т.-Д.К. обслуживает значительную часть Терской области (в более крупных промышленных центрах работает наша группа), а к Дагестану не имеет никакого отношения (работает исключительно наша группа), Грозненская группа протестует против представи-

тельства Т.-Д.К. на кавказском съезде. (Здесь нужно подразумевать бывшую конференцию кавказских «меньшевиков»).

Тифлис. В 3 номере газ. «Социал-демократ» (орган Тифлисского менш. комитета) появилось следующее заявление: «Тифлиссский комитет получил от Рачинско-Лечхумской районной организации следующее заявление:

«Признавая необходимым подчиниться Тифлисскому комитету, который, как «меньшинство», более стойко и действительно защищает интересы пролетаризовавшегося народа, чем теперешний Кутаисский комитет, этот сторонник большинства, который желает владеть рабочим классом, как слепым орудием, мы просим содействия»...

Я хочу показать, во-первых, насколько правдиво заявление Тифл. комит., указывающего, что резолюция исходит от Рачинско-Лечхумской районной организации, и, во-вторых, чьих рук делом она является. Тифлиссский комитет отлично знает, что вся наличная сила меньшинства в Раче и Лечхумах — три так-наз. пропагандиста, которые очень и очень неудачно подвизаются только в трех сельских обществах. В пяти же обществах Рачинского уезда и Лечхуме работают большевики. Поэтому Тифлиссский комитет уклоняется от истины, когда заявляет: «Мы получили заявление от Рачинско-Лечхумской организации». Далее, как оказалось после расспросов и справок, резолюцию писал только один меньшевик — пропагандист без ведома двух остальных. (Это могут подтвердить они сами).

Из отчета «Библиотеки и Архива Р.С.-Д.Р.П.» (в Женеве) с 15-го июня по 1-е июля налицо 7.916 томов. Посетителей в читальне за две недели 808 (от 35 до 85 в день). В архив поступил 71 документ, гл. обр., листки российского издания. Расход: квартира 50 фр., выписка журналов и газет 43 фр. 60 с., за пересылку книг 21 фр. 15 с., мелкие расходы 75 с., возвращено залогов 13, возвращено долгов 108 фр. 50 с. Для покрытия расходов сделано долгу 208 фр. 50 с., а всего долгов на библиотеке 844 фр. 90 с. Абонементов 75, из них платных 60. Составители отчета прибавляют: «Нами отданы в переплет 1.001 брошюра. Необходимо было бы немедленно переплести многие из книг. К сожалению, наш бюджет находится в весьма неустойчивом положении».

Редакция «Пролетария», с своей стороны, обращает внимание читателей на то, что «Библиотека и Архив» открыты для пользования людей всех партий безразлично, и просит поддержать это учреждение денежными пожертвованиями, личным трудом и присылкой изданий.

Адрес библиотеки: Rue de Garoge. 91 Bibliotheque rusee.

В редакцию «Пролетария» поступили листки, изданные: Петербургским К-том: 1) Бюллетень (по поводу событий в Петерб. 9-го июля) (печ.); Бакинским К-том: 1) Девятый вал, 2) К новой жизни, 3) Казакам, 4) К биби-эйбатским и балаханским рабочим французского об-ва, 5) Ко всем рабочим и служащим депо ст. Баку (все печ.); Тифлисским К-том: 1) К тифлисской мелкой буржуазии (печ.). Риж-

ским К-том: 1) Ко всем рижск. рабоч. (на лат. 3.500, на русс. 2.000, печат.), 2) К рабочим завода «Феникс» (на русс. 300, на латыш. 400, печат.); Екатеринославским К-том: 1) К служащим всех железных дорог (печ.), 2) Бюллетень (гект.), 3) Требования мальчиков-заготовщиков (гект.); Кавказ. Союзн. К-том: 1) Бюллетень № 1 (печ.), Северным К-том: 1) Они столкнулись (печ. 10.000); Московским К-том: 1) Отчет К-та с 8-го апр. по 1-е июня (печ.), 2) Отчет К-та за июнь 1905 г. (печ.), 3) «Голос Труда» № 6 (mimeog.); Полесским К-том: 1) «Летучий Листок» Пол. К-та № 4, 2) Отчет К-та с конца мая по 1-е июля (мим.); Костромского К-та: 1) Бюллетень № 1 (1.500 печ.), 2) С раннего детства закабалили нас (350 печ.), 3) Ко всем рабочим и работницам г. Костромы (1.000 печ.), 4) Ко всем костромским рабочим (1.000 печ.), 5) Ко всем костр. рабоч. (500 печ.), 6) К солдатам (350 печ.), 7) Они столкнулись (печ. 600); Саратовским К-том: 1) Постановления К-та (гект.), 2) Резолюция по поводу событий в Одессе, Лодзи и др. г., 3) «Типографский листок» № 3 (гект.), 4) Отчет Типографского Союза за июнь 1905 г. (гект.), Донским К-том: 1) Оружие народу (печ.), 2) Резолюция, принятая на собрании рабочих Ростова и Нахичевани (печ.); Пермским К-том: 1) К пермским рабочим (гект.), 2) К железнодорож. рабочим (гект.); Московской группой: 1) «Московский Рабочий Листок» № 1 (печ.); Т.-Х.-Шур. группой: 1) «Россия находится накануне крупных событий» (гект.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Адрес № 16а отменяется. Л. Корр. №№ 1, 2, 3, 4 и 5-й пол. Фридову. Письмо получено, не бросайте писать. К. С. Получено, чрезв. интер. материал. Пропагандисту из Н. Оба экз. корр. и письмо с адр. получ. Члену районного К. Письмо получено. Давиду. Письмо получ. Мышкину. Получены 3 письма, но разобрать ничего не могли, писано водой. Иле. Письмо и отчет получены. Ганне. Письмо получено, послали ответ. Наборщику. Письмо в 2-х экз. и листки получены. Сиц. Все получено. Цыганову. Деньги и письмо получили. Оттилии. Все 3 письма получ. Полесскому К. Корр. получена, пойдет в след. № «Летуч. листок» № 3 также пол. Борисогл. группе. Отчеты получ. Азиату. Письмо № 2 получено, послали ответ по 3-м адрес. № 1-й не получен. Субъекту. Письмо получено, шифруете не тем ключом, кот. условились, поэтому не можем разобрать. Веткин. Письмо в 2-х экз. получено, будет послано. № 73. Получено. Александрову. Письма получены, шифр страшно путаете, адреса нельзя разобрать. Крониду. Письма, корр. и листки получили, оставьте свой ключ секретарю организации. Екатеринбург. ком. Сообщение к-та получено. Лисину. Ваши явки не действуют, человек, привозивший литературу, уехал ни с чем, листок получили; пришлите новые адреса для писем, старые, очевидно, не действуют. Эдуарду. Дайте явку туда, где вы теперь, оч. нужно. Лине. Письмо № 1 получено и разобрано.

Примечания

Прим. 1. Открытое письмо Центрального Комитета к Организационной Комиссии было напечатано в № 11 «Пролетария». (См. стр. 68—69).

117

революционные интеллигентные и рабочие
классы и аграрные элементы
такой классовой группировки
во главе с партией большевиков
искусственным образом
(как это происходит в ре-
волюционных странах)
можно считать удовлетворенным, что
социально-демократический союз
успешно — это не подлежит сомнению —
дело

Учитывая

Относительно того, что касается вопроса о форме "Содружества",
то в "Уставе" не должно быть упоминания о том, что это не
союз. Это должно быть ясно для революционных интеллигентов и
надеждами, чтобы в направлении, и при этом, не отходить от
сама и, следовательно, должен оставаться у рабочих предельно
определенные пределы, граница не к той или другой "партии" на
основании того или другого ³ критерия, но впрочем (если)
судить по уставу. Судя об этом, в различных собраниях
нельзя предполагать во внимание крайнюю поларизацию и ре-
волюционную "Лозунг" судить, ставит себя в наличности

Факсимиле тт. Ленина и Покровского.

(Из статьи "Профессиональный интеллигент и социал-демократ", см. "Пролетарий" № 13).

ЖЕНЕВА. 22 (9) августа 1905 года

№ 13.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Европейская революция и европейская реакция.

Когда монархи начинают совещаться тайно от народов, тогда народам остается только дружно готовиться к защите своих прав. Всякие совещания царей или их слуг, под каким бы невинным предлогом они ни устраивались, всегда кроют в себе измену свободе, всегда готовят покушение на права народа. Монархическая власть— этот оплот «порядка», это орудие реакции в руках общественных классов, которым выгодно на вечные времена задержать развитие общества, готовое подорвать их господство,—монархическая власть является воплощением всех сил, враждебных демократии, враждебных широкому слою народа. И, как чашки весов, колеблются в непрерывной борьбе эти две силы современного общества: реакционная сила, воплощенная в монархии, и революционная сила, воплощенная в народе. Когда господствующая власть терпит поражения—военные, дипломатические, финансовые,—революция грозно выходит на улицу; когда грубая сила не может раздавить революцию,—монархи прибегают к заговору.

Последнее свидание Николая II с Вильгельмом—как это признают и реакционные газеты—имело целью такой заговор. Представитель европейского деспотизма и представитель деспотизма азиатского подали друг другу руки, чтобы дружно встать во главе европейской реакции в крестовом походе против европейской революции. «Нет надобности отрицать,—пишет во поводу этого свидания Koelnische Zeitung, очень близкая к правительственным сферам Германии,—что во время совещания двух императоров состоялось соглашение относительно мер против русской революции».—«Нельзя отрицать общности интересов,—продолжает та же газета,—которая, помимо всяких дипломатических и экономических разногласий, сплачивает европейские монархии против опасного распространения русской революции, сеющей в Европе возбуждение. Было бы неразумно ожидать бездеятельно и пассивно результатов этого возбуждения. Поэтому, раз наш император счел уместным обмен идей с императором Николаем по поводу внутренних дел России, он хотел этим путем ознакомить себя с вопросом, который далеко не чужд интересам германской империи, да и других европейских монархий». Итак, цель свидания царей не оставляет места сомнениям.

Борьба за демократию, борьба за суверенитет народа в противоположность суверенитету царей, начавшаяся на континенте Европы в 1789 г., еще далеко не

закончена. «Последствия Великой французской революции еще не завершены,— пишет известный историк этой революции, Олар,—и революция продолжается еще в наши дни, только в других формах, в других условиях». За столетний слишком период времени изменились условия борьбы, изменились и ее формы. То «третье сословие», которое подняло знамя борьбы [от имени «народа»] против всяких привилегий, в том числе и против привилегий самодержавия, само видоизменилось с тех пор, само расслоилось на враждебные друг другу силы. Потомки людей, обезглавивших Людовика XVI, готовы теперь возвести на престол самого безголового короля, лишь бы он авторитетом и силой власти защищал их интересы против интересов рабочих. Мы имели уже случай указать, как известные круги буржуазии, носившейся когда-то с принципом «свободы, равенства и братства», успокоились, наконец, в объятиях монархии *). Более последовательная защитница принципов демократии, мелкая буржуазия, разлагаясь под смертоносными ударами капитализма, слабела, утрачивала самостоятельное общественное значение, а тем самым и способность к самостоятельной политической роли. Под демократическим началом колебалась почва, оно, казалось, было обречено на гибель.

Но то самое общественно-экономическое развитие, которое толкнуло верхи буржуазии на путь реакции и обеснило ее низы, создало новую общественную силу—пролетариат, вышедший из недр того же третьего сословия, но представлявший всегда самую боевую, самую решительную и самую последовательную часть его. И по мере того, как поворачивали направо и даже начинали итти вспять руководившие прежде революцией слои буржуазии, выдвигался на руководящее место пролетариат, как авангард революции. Он взял из ослабевших рук буржуазии выцветшее, истрепанное знамя свободы и к его древку прибил свое знамя—красное знамя социальной революции. Пролетариат имеет свои особые исторические задачи, чуждые и враждебные задачам буржуазного мира, но на пути к своим целям он с исторической неизбежностью осуществляет идеалы буржуазной демократии, осуществляет их полнее и последовательнее, чем могли бы это сделать сами творцы этих идеалов. Пролетариат—непримиримый враг буржуазного общества, которое он пришел разрушить; но вынужденный осуществлять свои цели в недрах этого общества, он не может оставаться посторонним зрителем, он должен принять активное участие в жизни этого общества, чтобы создать условия, необходимые для осуществления своего идеала, а раз приняв участие в борьбе за демократическое преобразование, он, в

*) См. «Пролетарій» № 11—«Буржуазия и монархия».

силу своего общественного положения и своей революционной психологии, проявляет это участие в самой активной, в самой последовательной, в самой революционной форме. Таким образом, пролетариат становится руководителем и вождем европейской революции. Вместо прежнего противопоставления третьего сословия абсолютистско-феодалной монархии, [является новое:] пролетариат, руководящий мелкой буржуазией, [противостоит] крупной буржуазии, с монархией во главе. Так ирония истории сделала пролетариат—этого отрицателя и разрушителя буржуазного строя—единственно-последовательным борцом за демократические идеалы этого буржуазного строя.

Революция, продолжающаяся до наших дней, т.е. борьба за полное осуществление начал демократии, провозглашенных более ста лет тому назад, ведется, как мы видели, действительно, при новых условиях, в новых формах. На-ряду со старыми приемами открытой уличной борьбы создались на почве парламентаризма новые приемы борьбы. Избирательные победы пролетариата и демократии вообще, парламентские поражения правительства являются такими же крупными завоеваниями революции, как и победы в баррикадной борьбе. Но эти новые приемы оказываются еще более опасными и грозными для реакции. Они убивают ее своей законностью. После каждой удачной революции, говорит Маркс, контр-революция является вечно возобновляющимся жизненным условием монархии. Но контр-революцию нельзя произвести законными средствами, она по необходимости должна прибегать к насилию, к нарушению закона, к посягательству на права народных масс. Поэтому всякая контр-революция, вызывая раздражение и недовольство масс, подготавливает новую революцию. Эта постоянная смена революции и реакции, постоянные колебания между двумя силами современного общества происходят настолько правильно и закономерно, что они дали повод Энгельсу наметить приблизительный срок, в который периодически повторяются революционные взрывы. В предисловии к брошюре Маркса «Разоблачения относительно процесса коммунистов в Кельне» Энгельс предсказывал, что «следующие европейские потрясения не заставят себя ждать»; при этом он отмечал, что «в нашем столетии европейские революции 1815, 30, 48, 52, 70 гг. периодически повторяются через каждые 15—18 лет».

Выясняя значение русской революции для революции общеевропейской, Каутский указывал, как происходящие в настоящее время в России события укладываются в рамки схемы, набросанной Энгельсом *). После революционных событий 70—71 гг. Энгельс ожидал подобного же революционного потрясения в конце 80—начале 90 годов. И это потрясение, говорит Каутский, действительно имело место. Правда, оно совершилось не в форме открытого восстания, не в форме уличного боя, но, тем не менее, оно выразилось в падении грандиозной реакционной системы—системы Бисмарка—и широкой волной прокатилось по Европе, вырвав у реакции целый ряд демократических уступок. Прошло 15 лет, и новая, могучая волна революции поднялась в России, грозя разлиться по Западной Европе. Не даром европей-

ская реакция с таким негодованием обрушивается на русских революционеров, повторяя про них все гнусные сплетни, сообщаемые русским правительством, и избретаая свои собственные. Она чувствует, что почва под ее ногами колеблется от скрытых подземных ударов, она сознает, что победа революции в России откроет новую эру революций во всех странах Западной Европы. И в самом деле. Скрытая борьба между революцией и реакцией, выражающаяся в форме парламентской борьбы да изредка в открытых вспышках, достигла в Западной Европе высокой степени напряжения. Во Франции демократия ведет отчаянную борьбу против власти реакционных сил, отнимая у них одну позицию за другой. В Италии народное недовольство растет с каждым днем, и жестокие меры репрессии только усиливают и обостряют его. Испания находится в состоянии непрерывного восстания; Австрия готова распасться: там обострилась борьба с реакцией, воплотившейся в ее центральном правительстве; даже в спокойной, солидной Германии прогресс революции выражается во все растущем числе голосов, подаваемых за социал-демократов. Настроение Европы всегда лучше всего определялось по тем идеям, которые зрели в недрах [передовой рабочей] демократии. А идея, созревающая в наши дни,—это идея массовой политической стачки. И революционная энергия, накопившаяся в европейском [пролетариате,] как-будто ждет только, чтобы искра революции перекинулась из России на Запад.

Естественно, поэтому, что для европейской реакции далеко не безразлична судьба и исход русской революции, не безразлична для нее и неспособность русского правительства справиться с революцией. Государства, конкурирующие с Россией в области международной политики, могли с тайным злорадством следить, как гибнет на полях Манчжурии или в волнах Тихого океана военное могущество их соперника, но теперь, когда военная сила России сломлена и на долгие времена стала безопасной для ее конкурентов, когда за то дерзко подняла голову народная революция, грозя низвергнуть эту вековую опору реакции,—теперь положение изменилось. И первым почувствовал всю опасность Вильгельм, этот вождь европейской реакции, престол которого так близок от колеблющейся почвы российской империи. И вот он едет на свидание с Николаем, чтобы общими силами спасти пошатнувшийся престиж монархии. И русский царь заключает тайное соглашение с внешним врагом против врага внутреннего. Последним средством монархов всегда был заговор. Заговор царей против народов имеет уже в Европе свои длинную историю. Начиная с пресловутого священного союза, сплотившего все силы европейской реакции против французской революции и ее последствий, в течение всего последующего времени продолжается политика то скрытых, то явных соглашений, являющихся, по существу, заговором царей против народов. Разве не заговор—все эти договоры о выдаче так-называемых политических преступников? Разве не заговор—конгрессы, в роде пресловутого римского конгресса против анархистов? А сколько тайных соглашений и договоров кроется в правительственных архивах, ожидая народной революции, чтобы разоблачить предательство реакции! И теперь, когда над Европой грозной тучей

* Ср. «Пролетарий» № 2—«Международное значение русской революции».

нависла революция, силы реакции вступают в заговор, чтобы обеспечить себе возможность своего «жизненного условия» — контр-революции. Мы не знаем, о чем совещались Вильгельм с Николаем и какие меры выработали они на этом совещании, но смысл совещания и его цель совершенно ясны. Если последнее средство царей — заговоры, то последнее средство народов — революция, и когда монархи начинают совещаться тайно от народов, тогда народам остается только дружно готовиться к защите своих прав.

(В. Воровский).

„Праведная земля“ московских фабрикантов.

С московскими фабрикантами случился пренебрежительный пассаж. Долгие годы няньчило и лелеяло их правительство, и они совсем вошли в роль излюбленного детища государства. Важные сановники качали колыбель этого младенца, жандармы отгоняли от него мух, Витте заботливо совал ему в рот питательную соску. И хорошо было этому жирному, промышленному младенцу качаться в золоченой колыбели. Но время шло. Обстоятельства переменились. С задворков общественного здания вылез запачканный, невоспитанный «мальчик без штанов» и начал дерзко требовать себе «правов». Правительство оказалось в затруднительном положении и, скрепя сердце, заговорило о разных экономических реформах: о сокращении рабочего дня, свободе стачек, об отмене сверхурочных работ, о государственном страховании рабочих. Промышленное дитя, не желавшее поступаться своими привилегиями, обиделось и надулось. Оно впало в оппозицию и начало критиковать существующий порядок. И в процессе этой критики оно нарисовало в общих чертах тот «справедливый» порядок, ту «праведную землю», в которой интересы как промышленников, так и рабочих обеспечивались бы, по его мнению, полнее всего и притом без постороннего вмешательства. Основы этого идеального строя изложены в докладной записке, представленной группой горнозаводчиков и промышленников Московского района в блаженной памяти комиссию Коковцева. Составлена записка прогрессивной частью представителей биржевого комитета.

В «праведной земле» московских фабрикантов нет места насильно человека над человеком. Все основано там на свободном соглашении и добровольном договоре. И если какой-нибудь рабочий позволит себе (угрозы и насилия в отношении лиц, желающих продолжать работу, и лиц, желающих вновь за нее приняться), или, паче чаяния, посягнет на «уничтожение и порчу заводского имущества», то строгий и справедливый закон его тут же покарает. Вне же этих преступных увлечений рабочих, в этой «праведной земле» царствует «полная свобода стачек». Единственно, чего хотят себе московские промышленники взамен за все страдания и убытки — это того, чтобы стачка освобождала их от всяких обязательств по отношению к рабочим. Иными словами, фабрикант свободен продолжать работу со штрейкбрехерами, забастовавшие же рабочие свободны... помирать с голоду. Справедливость и тут торжествует!

Но всего больше торжествует она в том пункте устава о «праведной земле», где говорится о рабочем дне. Для мудрого и справедливого его решения, московским фабрикантам пришлось сослаться на пример.. Америки. В Америке, видите ли, была произведена анкета, установившая, «что высшую для среднего рабочего быстроту движения и высшее умственное напряжение во время работы рабочий может проявить в течение 10 часов равномерно, более или менее, распределяя при этом работу свою, не надрывая сил своих». Из этого московские фабриканты заключают, что введение 9-часового рабочего дня, а тем более 8-часового создаст невознаградимую потерю, так как наверстать в течение 9 часов 10-й час «вне физической и интеллектуальной природы человеческого организма, дошедшего до предельной нормы быстроты движения, — невозможно». В виду этого, сокращение рабочего дня ниже 10-ти часов имело бы последствием: 1) переутомление рабочих, а это противоречит благу человечества; 2) уменьшение благосостояния рабочих, а это противоречит интересам пролетариата; 3) сокращение самой производительности, а это нарушает требование справедливости. Но добродетельные фабриканты не хотят доводить труда рабочих и до этой «высшей быстроты движения» и «высшего умственного напряжения». Им это, конечно, было бы выгодно, но они, прежде всего, справедливы. Поэтому они предлагают принять за норму 11-часовой рабочий день. К этому их побуждает еще и то обстоятельство, что в России слишком много праздников: хорошо, конечно, если народ религиозен, но от этого не должна страдать справедливость.

В существующем скверном строе закон обязывает и фабриканта и рабочего заявлять за 2 недели о желании прекратить договор. Этот закон очень не нравится предпринимателям. Рабочий, говорят они, вынужден отработывать 2 недели в то время, когда он желал бы уйти с работы. Это нехорошо. Но еще хуже, когда фабрикант обязан держать у себя человека в то время, как он ему не нужен, а иногда прямо вреден. Во избежание этого, московские промышленники предлагают установить обязанность для фабриканта предупредить об увольнении рабочего за 3 дня, а для рабочего — предупредить лишь за один день. Правда, рабочий, не ожидавший расчета, конечно, не найдет за 3 дня новой работы, но за то фабрикант, уж наверное, найдет в один день на место уволенного рабочего десятки новых кандидатов.

В «праведной земле» вообще должны быть устранены волокита и сутяжничества. В виду этого необходимо упростить судебную процедуру, касающуюся исков за давно оконченные расчеты. За последние 2—3 года, видите ли, все мировые судьи Москвы были завалены исками рабочих по расчетам, относившимся к периоду времени за 2, 3 и более года. Это очень неудобно. Фабриканту приходится быть под постоянной угрозой, что к нему может быть предъявлено судебное требование по старым расчетам. Чем виноват фабрикант, если рабочий слаб в арифметике и не заявил о неправильности расчета тогда же, когда его обсчитали. Нет, достаточно установить по этим делам месячный срок гражданской давности. Поменьше волокиты и сутяжничества, господа рабочие!

Выдвигается иногда требование об участии рабочих

в определении заработной платы и правил внутреннего распорядка. В «праведной земле» московских фабрикантов подобное требование совершенно недопустимо. Надо помнить, что все там построено на принципе свободы и справедливости. Ведь, рабочий располагает полной свободой распоряжаться своим трудом, работать или голодать, принять условия фабриканта или побираться по миру. Точно так же и фабрикант должен быть свободен в предложении условий платы за труд и в выработке правил внутреннего распорядка. Точно так же и справедливость требует, чтобы предприниматель самостоятельно распоряжался у себя на фабрике. Ведь, он затрачивает свой капитал, ведь, он несет риск, ведь, он терпит убытки от всякой ошибки в установлении цен на работы, ведь он, наконец, благодаря таким ошибкам, может быть вынужден совершенно закрыть фабрику. А чем рискует рабочий, так легкомысленно претендующий на участие во внутренних делах фабрики? Он рискует лишь потерять заработок, рискует лишь тем, что его семья будет голодать, что его имущество пойдет в ссудную кассу, что его маленькие дети будут умирать от болезней, а взрослые—будут обречены на преступления. Разве это можно сравнить с потерей капитала, того самого капитала, которым питается человечество. Нет, участие рабочих во внутреннем управлении фабрикой было бы лишь яблоком вечного раздора между рабочими и капиталистами. А в «праведной земле» должны царствовать мир и благоденствие...

Не допускается в этой земле и участие рабочих в вопросах, касающихся увольнения рабочих, мастеров и лиц фабрично-заводской администрации. Такое участие даже не в интересах самих рабочих, ибо оно «выдвигало бы—по мнению московских фабрикантов—только средних рабочих, затирая наиболее достойных и тем косвенно влияя на производительность в худшем смысле». Нельзя не признать, что в этом соображении кроется какая-то «профессиональная тайна»: до сих пор, как известно, хозяевами «выдвигались» как «наиболее достойные» те рабочие, которые лучше всего умели наущничать, сплетничать и шпионить. Выборы фабричной администрации самими рабочими, конечно, «затерли бы» этих «наиболее достойных» господ. Но, независимо от пользы самих рабочих, участие их в этих выборах считается нежелательным еще и потому, что «подчинить лиц заводской администрации авторитету рабочей массы значило бы установить в предприятиях какую-то демагогию и подорвать кредит старших и наблюдающих».

В «праведной земле» сохраняется и старая язва фабричной системы—штрафы. Отменить их, видите ли, неудобно. Рабочие избалуются, начнутся массовые прогулы, понизится качество работы, и фабричной администрации придется прибегнуть к более строгой мере—увольнению рабочих, что может вызвать «натянутость отношений между фабрикантом и рабочими». Нет, пусть лучше останутся штрафы и—не будет этой ужасной «натянутости».

Все ради блага тех же рабочих отвергается в «праведной земле» и установление минимальной заработной платы. Установление ее при сдельной расценке явилось бы «премией для наиболее ленивых», что, конечно, не соответствует благу человечества. «При поденных же работах минимальная плата привела бы к тому, что

наиболее хилые и слабые рабочие, оценка труда которых не может соответствовать регламентированной плате, будут выброшены за борт». Куда же тогда денутся эти несчастные? Не вводить же для них специальных учреждений для бедных по английскому образцу! Нет, в «праведной земле»—земле свободы и справедливости—каждый человек найдет себе заработок по своим силам, и благотворительность никого не «будет унижать». Не надо минимальной заработной платы. «Хилый и слабый», неспособный заработать рубль, всегда найдет заработок на двугривенный, а уж дело фабриканта позаботиться о том, чтобы он при этом сработал на полтинник.

В «праведной земле» господствует свобода. Московские фабриканты неоднократно повторяют, что русский рабочий уж вырос, что ему не нужна правительственная опека. Поэтому они считают нежелательным и вредным всякое ограничение сверхурочных работ. Они согласны, что эти работы следует оплачивать «несколько дороже» обычных, но они находят, что не надлежит делать различия между работами обязательными и необязательными, не следует ограничивать необязательные сверхурочные работы никаким количеством часов. Предоставьте рабочему свободу,—патетически восклицают они,—он не ребенок, он сам понимает свои интересы, дайте ему возможность самому решать, сколько он должен работать, а мы уж позаботимся о том, чтобы он вынужден был работать возможно больше...

Да, величавое зрелище представит промышленность в «праведной земле» московских фабрикантов.

Однако, любясь этим «величавым зрелищем», невольно спрашиваешь себя: нет ли здесь недоразумения? Не ошиблись ли московские фабриканты адресом, подав свою записку растерявшемуся и дезорганизованному правительству? Не ошиблись ли они в балансе, считав актив без пассива, учтя свои барыши и упустив... только—требование рабочих? Не окажется ли в действительности весь их проект карточным домиком? Не разлетится ли этот карточный домик в пух, когда на него дунет неблагоспитанный, дерзкий «мальчик без штанов»? Ведь, разлетится, господа московские фабриканты!

(А. Луначарский).

„Они не оправдали ни надежд, ни опасений“.

«Они не оправдали ни надежд, ни опасений»,—сказал, как передают некоторые газеты, Вильгельм II о последнем съезде представителей земств и дум. Если он даже и не сказал этого, то, безусловно, мог сказать.

Каковы могли быть надежды «друга царя и России» по отношению к либералам? Он надеялся, очевидно, что они проявят «государственную мудрость», что они, напуганные черными сотнями и стихийными крестьянскими взрывами, свирепой решимостью реакции и наступающей революционной грозой, предложат «престолу» самые умеренные требования и поспешат сплотиться вокруг «венценосного вождя» на благо «дорогому отечеству»; Вильгельм надеялся на то, что земцы поймут

возможность создать «сильное и либеральное правительство» при помощи немедленного полюбовного соглашения между теми, чьи привилегии уже рушатся, и теми, чьи привилегии революция может смести завтра. Но либералы не оправдали надежд,— несмотря на страхи со всех сторон, они поняли, что правительству еще страшнее, они учли грозные симптомы недовольства во флоте и в армии и «запросили», или, вернее выразиться, заявили, что они требуют своей конституции «без запроса».

Тут-то должны были выступить в рыцарственном сердце Вильгельма и всех рыцарей реакции всего мира—опасения! «Конечно,—думали они,—из того, что Мымрецову не приказали немедленно не «пущать» либералов, куда им хочется, и «тащить» их, куда им не хочется, еще не следует, чтобы правительство было бессильно перед ними. Несравненно тактичнее показать земцам, что, видя чрезмерно даже кавалерское отношение и терпимость к ним власти, народ, сам «народ», начнет ломать им кости. Правительству есть чем пугать земцев: искусственные и естественные жакерии и погромы при равнодушии войск и полиции— вещь очень неприятная... Все это так. Но, ведь, это— гражданская война! Если в одном уезде Саратовской губернии науськанные земским начальником громилы готовы сокрушить ребра непокорным сынам отечества, то, ведь, в уезде рядом крестьяне могут жечь экономии самых что ни на есть верных и любимых его сынов и даже отцов отечества. Гражданская война вещь очень обоюдоострая, особенно, когда меч, который держит в руках правительство—его армия,— сам обоюдоостр, и при размахивании им размахивающий ежеминутно наносит себе чувствительные раны». С опасением прислушивались к господам Петрункевичам реакционные хищные птицы. Но они не оправдали опасений!

Печальный и траурный принц Гамлет— российский либерал—пролил слезы по поводу того, что «пала связь времен», что «свершаются кровавые злодеяния», но, в конце-концов, на вопрос: «Что же вы пустите в ход, принц?»—он, земско-думский Гамлет, может ответить лишь: «Слова, слова, слова!»

Маленькая историческая картинка: Ледрю-Роллэн и его маленькая «Гора» (в отличие от большой Горы конвента) были все же повыше ростом, чем Петрункевич и его земский «Пригорочек». И вот 12-го июня 1849 г. эта Гора решила бросить «страшное обвинение» против Лакросса и других министров, которые не совершили, конечно, миллионной доли преступлений нашего правительства. Правительственное большинство в палате холодно отвергло «страшное обвинение». Тогда Гора с воплями разъяренная бросилась из залы заседания и собралась отдельно. «И вот,—говорит Маркс,— Гора решила заставить уважать конституцию, не останавливаясь ни перед какими средствами, «исключая только силу оружия». И Маркс разъясняет: «Гора хотела сокрушить мощь буржуазии, не развязывая руки пролетариату, показывая его только в перспективе; она хотела пользоваться услугами пролетариата, не делая его опасным».

Вот, вот оно самое! В борьбе с правительством наш «Пригорочек» посоветовал съезду либералов «показать народ в перспективе, воспользоваться его услугами, не делая его опасным».

Если правительство уже с опаской машет своим обоюдоострым мечом, то земцы и в руки его взять не желают не затупив. Только того и не поняли земцы, что делая меч тупым, отказываясь вооружить народ, они стремятся сделать его безопасным не только для себя, но и для врага своего. Вильгельм это понял и, потирая руки, сказал Николаю: «они не оправдали опасений».

Вильгельм это понял, но некоторые социал-демократы не поняли этого.

Когда Россия спала мертвым сном, и только через передовых пролетариев только пролетарская вольная пресса громко говорила к народу и пробуждала его, тогда она зывала также к либералам: она подхватывала каждое невольно вырвавшееся слово негодования и недовольства, она хотела тормозить все классы, заставить их ожить и действовать каждого по-своему,— все живые классы являлись союзниками в будущем, все они должны были способствовать в разной мере крушению самодержавия. Россия медленно просыпалась. Но гром пушек Порт-Артура, Ляояна и Цусимы ускорил пробуждение. Недавно еще однородно придавленное и пассивное общество начало жить и разбиваться на группы. Свершилось: русский либерал, русский демократ, русский рабочий дошли каждый до своего предела, показали свое лицо, свою сущность. Либералы должны были осудить бесповоротно самодержавие, отторгнуть от него имущие классы, на тысячу ладов доказав им, как невыгодно, даже пагубно оно для них. И в то же время либералы неминуемо должны были занять враждебную позицию к революции. Грозя ей правительству, они открещивались от нее в ужасе, они занялись маклерством, они стали добиваться уступок от правительства, чтобы потом вместе с ним остановить революционный поток.

И социал-демократия объявила им войну. Она стала энергично срывать с них маску всюду, где могла. Как союзник революции либерал был уже обесценен, было ясно, что он не хочет и не может быть ей полезен, но как завтрашний союзник сильного правительства он стал опасен. Либерал употребляет все усилия, чтобы революция закончилась выкидышем: он проповедует умеренность, он обвиняет революционеров в жестокости, в напрасных кровопролитиях, он старается развратить народ, доказывая ему, что революционеры ведут его на бойню ради журавля в небе, в то время как они, либералы, дадут ему синицу в руки почти даром. Между тем эта либеральная «синица» есть своекорыстная антинародная конституция, способная затормозить революционный прогресс России.

Каково должно быть, каково только и может быть отношение социал-демократии к либералам?—Борьба! О, конечно, рабочие не станут колотить земцев по примеру тамбовских и саратовских полтинных патриотов, но рабочий класс сделает все от него зависящее, чтобы не допустить либералов к кормилу правления, ибо это будет означать сильную власть, это будет значить—русский Кавеньяк, или русский Наполеон III.

Но подите же вы! самая умная мысль в неумной голове может привести к престранным выводам. «Революция будет буржуазной!», да, она не будет социалистической, она не может сразу уничтожить капитал, частную собственность на орудия производства. Но ре-

волюция может быть и должна быть демократической, она должна дойти до конца, но конец,—высший предел буржуазной революции, есть в то же время начало революции социальной, ибо он создает все те предпосылки дальнейшей победоносной борьбы пролетариата, требование которых мы выставили в нашей программе minimum. Такая революция, оставаясь буржуазной, решительнейшим образом направлена против буржуазии, а потому сама капиталистическая буржуазия никогда и ни при каких условиях ее не сделает. Французские конституционалисты Великой революции вообразили, что при помощи «давления снизу и извне» они заставят короля Людовика XVI без измены довести до конца революцию, направленную прямо против него! Полюбуйтесь же теперь на социал-демократов, которые верят, что можно отдать в руки буржуазных либералов государственную власть и, давая извне «снизу», заставить их рыть себе могилу!

Вот что читаем мы в № 105 «Искры»:

«Пролетариат может только пожелать, чтобы представители имущих классов вступили решительно на этот путь *). Он может только пожелать, чтобы и они, в свою очередь, сделали кое-что для вовлечения нации в острый конфликт с силами реакции,—конфликт, который, разумеется, не удастся разрешить одним «косвенным сопротивлением», одной «изоляцией» Николая Романова. И пролетариат весь, как один человек, подержит революционную инициативу конституционалистов, если они в один прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнять требования народа, отвергаемые монархией».

Вы думаете, читатели, что «Искра» не знает, что та-

*) Обращения к народу.

кое временное правительство будет напрягать все свои силы против народа? Что оно изменит ему, вооруженное всем, что сможет оно захватить в свои руки, благодаря полной поддержке трижды наивного пролетариата? Что оно либо продаст его правительству, с которым должно бороться, либо постарается раздавить самостоятельно, как сделали это подобные же правительства в 1848 и в 1871 гг.? Нет! «Искра» знает это: в № 106 напечатано, тоже в передовой статье:

«Нужно иметь слишком много наивной веры в имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократии, чтобы не предвидеть заранее того момента, когда именно против этих низших классов, весом своего стихийного движения вынудивших правительство к уступкам, встанут все умиротворенные слои оппозиции».

О, конечно, «Искра» представит либералам свои «требования», и либералы должны будут дать вексель ей на гербовой и на лакмусовой бумаге и поклясться при этом—бородой тов. Старовера!

«Конечно,—пишет «Искра»,—пролетариат поддержит, поставит свои условия, и во главе этих условий будут стоять: разоружение реакции, вооружение народа, созов всенародного учредительного собрания. Попытка «пожаловать» народу июльскую двухпалатную конституцию с одним монархом будет, разумеется, встречена пролетариатом такой же борьбой, как и попытка Булыгина».

Превосходно. Ну, а если либералы все же сделают «попытку», то как полагает глубокомысленный передовик «Искрь», чем заменят тогда пролетариат «либеральное временное правительство», грозящее народу пожалованием «июльской конституции»? Что-нибудь одно: либо пролетариат имеет силу, чтобы в союзе с демократами более народными создать собственное

К юбилею 9 января.

Отец был набожный старик:

«Нам бог одно спасенье!—

Бывало скажет.—Без него

Снёсти ли все мученья?..

«Эх, паря, царь забыл про нас!

Царю живется сладко...

А перед богом—вот горит

В углу моя лампадка...

«Без хлеба я готов сидеть,—

В лампадке было б масло,

Пойду и в рваных сапогах,

Лампада б не погасла.

«Затем, что, паря, за народ,

За все его страданья

Горит пред господом в углу

Лампада упованья.

«И верю я: придет тот день,

Господь царя пробудит

И скажет: «Глянь-ка на народ!

Его-то кто ж рассудит?!»

«И царь придет на помощь нам,

По правде все устроит:

Заводчиков посократит,

Рабочих успокоит».

И смотрит в угол мой старик,

Где образа сияют...

«Да, будет день... Да вот когда?

Про то на небе знают»...

По воскресеньям он ходил

В рабочее собранье;

Хвалил попа, который там

Им делал увещанья.

«Хороший поп, отец Гапон,

И нам добра он хочет...

За нас теперь перед царем

О чем-то там хлопочет».

Однажды он пришел домой

Серьезный, величавый:

«Ну, парень,—говорит,—теперь

Восстал на кривду правый!..

«Выходит так: невоготу!

Народ-то измотался...

И вот итти к царю с попом

И с просьбой догадался.

временное правительство, либо он не имеет для этого сил. Если имеет, то спрашивается, на кой чорт станет он доверять временное правительство той части буржуазии, против которой неминуемо,—этого не скрывает ни один социал-демократ,—не имеет, то зачем же хитрить? Тогда ясно, что нашей «встречи» не побоятся, и июльскую конституцию нам пожалуют. А мы, между тем, уже усилим либеральную буржуазию. Она нам пообещает всего, чего угодно, а потом, разоружая «реакцию», уж, конечно, оставит ружья и артиллерию в руках тех полков и бригад, на которые она сможет рассчитывать; «вооружая народ», она вооружит новую *garde mobile*. В 1848 году, когда буржуазия создала, между прочим, отчасти из рабочей молодежи мобильную гвардию, рабочие радостно приветствовали новое войско. Оно зверски расстреливало их в июне. Почему? Потому, что организация и командование были в руках буржуазии.

Вера слову врага, давать ему власть, требовать от него, ждать от него, что он будет служить той революции, которая несет ему смерть,—это план премудрый! Если бы Вильгельм узнал про него, он много бы хохотал и сказал бы: «Русские социал-демократы не внушают никаких опасений и превосходят все надежды!»

Нежности мы к «Искре» никакой не чувствуем, но хочется думать, что это какое-то прискорбное недоразумение. Ведь, это хуже земской кампании! Хочется думать, что это недосмотр! Однако, ведь, «Искра» и раньше уже много раз делала из положения: «нам предстоит буржуазный переворот» тот чудовищный вывод, что именно буржуазии, либералам, будет и должна принадлежать первая роль в революции, а мы должны только поддерживать их, доставить им условия, точь в точь, как Луи-Бланы 1848 года.

(А. Луначарский).

«Царю хотим мы бить челом,
Чтоб больше дал слободы,
Чтоб дал рабочему вздохнуть:
Загрызли нас невзгоды.
«Сверх сил работаешь, как вол,
Пока силен да молод,—
А вот измыкался, ослаб—
И в дверь стучится голод.
«Кругом обсчет, кругом обман,—
Еще тебя ж ругают!
А стачкой станут—казаки
Рабочих избивают...»
Задумался седой старик:
«Тебе-то тоже надо,
Хоть ты парнишка молодой,
Итти со всей громадой.
«Иные, правда, говорят,
Что в виде обороны
Прикажут в нас палить войскам:
Да как палить в иконы?»
«Отец Георгий впереди
Пойдет с крестом, при этом
Хоругви тоже понесем
С царевым со портретом.

Отголосок бастующей Руси.

«После страшной Петербургской резни один городской в Баку читал толпе слушателей телеграфное сообщение об этом событии. Прочитав телеграмму, городской снял шапку, почесал затылок и вдруг решительно и уверенно выпалил:

— А нашему-то царю, видно, не сдобровать... Крышка, значит»...

(Вперед, № 18).

После событий 9-го января, сверху донизу встряхнувших нашу однотонную, серую, на ржавых петлях скрипевшую российскую жизнь, мощный удар революции промчался по всей территории. Борьба по всему фронту, частичные схватки по всем щелям государственного организма,—вот грозные проводники русского «праздника обновления». «Бастующая Русь»—это такой гигантский размах, такая грандиозная и в высшей степени оригинальная картина, которая еще ждет своего бытописателя...

Но как ни велика, как ни сложна эта картина, однако, и в ней не трудно отличить здоровое зерно от шелухи, не трудно уловить три совершенно разных категории борцов, различающихся между собой уже прежде всего степенью решительности самой борьбы. А решительность эта вытекает, в свою очередь, из того, насколько каждому из данных разрядов борющихся возможно уложить свое существование на Прокрустовом ложе самодержавия.

С установлением подобного критерия, на первом месте, во главе движения приходится отметить наиболее решительно выступающий пролетариат,—наиболее потому, что класс этот никогда не мирился с существующим строем, находя в нем одни «противоречия». Вторая категория борющихся—это буржуазия, еще вчера только

«Уж если б стали в нас стрелять,
Сам бог бы грянул с неба!
За что? что батюшку-царя
Мы просим дать нам хлеба...?»
И вот настал тот страшный день.
Коль был бы бог на деле,
То тучи, кровью налиты,
Все небо бы одели.
Но день был ясен, в куполах
Сияло солнце, чистый
Сребристо-белый снег лежал
Постелею пушистой.
И стройно пел рабочий хор,
Хоругви колебались:
Был важен вид у всех мужчин,
А бабы улыбались.
На сердце гордо и легко:
К царю пошли честь-честью,
И с правдой-маткою пошли,
А не с придворной лестью.
Старик-отец идет с сынком:
«Народа глас—глас божий!
Царю напомним о себе,
И бог напомним тоже...

видевшая в самодержавии союзника, а ныне, с ростом своих сил, обратившаяся в его робкого и неуверенного противника. Появление третьего рода «борцов» было бы наиболее любопытно для будущего бытописателя, но для нас, идеологов рабочего класса, оно имеет значение и интерес чисто-симптоматический.

Задача настоящей статьи и есть—отметить и посылить осветить это новое еще явление, наметить место его в ряду всех претендентов на борьбу за общее освобождение страны. Речь именно идет не о решительно и твердо выступающем рабочем, не о робко и неуверенно тянущейся за ним буржуазии, а о сегодняшних, казалось бы, союзниках самодержавия, которых как-то странно видеть в новой и несвойственной им роли хотя бы «отголоска» только «бастующей Руси». Мы говорим о наблюдающемся за последнее время и все более и более резко намечающемся походе некоторых реакционных элементов против существующего режима, о тех—мы бы сказали—«мышцах», которые, еще плаывая сегодня на самодержавном корабле, но уже чуя недалекую аварию, спешат заблаговременно его покинуть.

Таковы все эти «союзы чиновников», задающиеся целью «посильно содействовать политическому освобождению России на началах конституции» *); все эти съезды духовенства и «христианские братства борьбы», чающие церковного собора, который «во имя христово откажется признать царя самодержавным и потребует от него, как одного из верующих, отказа от самодержавия» **). Но в настоящее время нас более всего интересует наблюдающееся выступление против режима со стороны нижних слоев чинов, этого надежнейшего, казалось бы, оплота реакции.

Выступления полиции с протестами против своего «бесправного положения» и с требованиями улучшить

*) См. «Освобождение», № 73.

**) Там же.

материальное благосостояние начались сейчас же после 9-го января. «Городовые города Риги», пользуясь тем замешательством, которое наступило в рядах правительства вслед за январскими событиями, едва ли не первые потребовали улучшения своего быта, угрожая в противном случае забастовать. Чуть ли не одновременно появились в иностранных газетах заметки о «волнениях» среди чинов полиции и в некоторых других городах.

Очень недавно (редакцией получено в конце июня) выпустила свою прокламацию «Ко всем полицейским» образовавшаяся в г. Баку «группа полицейских». «Товарищи полицейские!»—так начинается это оригинальное воззвание:—«Вокруг нас что-то делается особенно, что-то кипит, бурлит, и мы никак не можем, а может-быть, и не хотим понять всего этого»... «Почему все считают нас не защитниками, а врагами, наравне с шпионами, провокаторами и жандармами, наравне с черной сотней и всякими холоуями?»... «А потому (?), что в действительности мы служим приставам (?). Мы без рассуждения исполняем самые грязные, самые незаконные распоряжения»...

Однако, критика бакинских городских идет и дальше приставов. «Мы знаем,—говорят они,—что чем выше начальник, тем больше на нем грязи», и т. д. «Что же делать?»—восклицают авторы прокламации в заключение и тут же признаются:—«Мы не знаем пока. Давайте искать сообща, как лучше устроить нашу жизнь. Прочтите в № 79 «Сына Отечества» о забастовке городских в Лионе. У нас, может-быть, это неудобно; придумаем что-нибудь другое. Но нам надо, надо подумать об улучшении своего положения»...

Еще более радикально—хотя и более вскрывает сущность этого нового «движения»—воззвание «группы московских городских», доставленное в редакцию почти одновременно с бакинским.

«Товарищи городовые!»—читаем в возвании:—«Могу-

«Эх, парень! Сила, ведь, народ!..

На сердце даже сладко...

Терпел-терпел, да и пошел

К царю он с правдой-маткой!

«Теперь мы лучше заживем,

Как скажем государю,

Что приходилось нам терпеть...

Уж легче будет, паря!..»

Вдруг крики: «Стой честной народ!

Ведь, впереди застава,

Стоит готовая на все

Казацкая орава».

Вперед выходят из толпы:

«К царю хотим с поклоном...»

— «Пускать не велено к царю:

Смиритесь пред законом!

«Приказано вам разойтись

Немедленно и смиренно...

С царем, как барам, говорить

Вам будет слишком жирно!»

И засмеялся генерал,

Нагайкою махая.

И ропот слышится в толпе,

И ненависть глухая.

«Постой, парнишка, погоди,

Неладно вижу что-то...

Прислали кучу казаков...

Вот с ружьями пехота...

«Нет, надо им растолковать

Не зря идем, не спьяну».

И вот вперед идет старик

К расшитому кафтану.

«Послушай, милый человек,

К отцу идем, как дети,

Затем, что больше невтерпеж

И жить нельзя на свете...»

Поговори, поговори!»—

Кричит тот, негодуя:

«Вот прикажу в тюрьму сволочь

За бороду седую!

«Назад скорей, не смей чинить

Своим властям помехи,

А то узнаете—вкусны ль

Свинцовые орехи!...»

Старик в слезах пред наглецом

Склонил свои колени:

«Пусти народ к царю-отцу,

Услышь мои моления!..

чей волной прокатилось из края в край по всей России народное самосознание. Все слои русского общества, начиная с профессоров и кончая последним рабочим (!), говорят в петициях (?) о своих нуждах... «И мы, городовые, имеем право, по примеру всего русского народа, просить себе лучших условий, человеческого со стороны начальства с нами обращения и точно определенных обязанностей службы»... Далее, основываясь на филологическом толковании слов «городская полиция», московские городовые полагают, что они должны служить именно «городу»; но «наше начальство, — жалуются они, — поручало нам или приказывало исполнять такие обязанности, за исполнение которых мы вооружили против себя всю публику»...

«Товарищи городовые! — читаем дальше. — В настоящее время по всей России проснулся рабочий народ, тот самый труженик, из которого мы сами произошли. Рабочий народ выходит на борьбу с капиталистами (только?), которые довели его до нищеты»... «А нам и приказывают затыкать им рот, чтобы они не кричали, разгонять, шпионить, арестовывать, одеваться в вольную форму — и посылают под кулаки и камни рабочих»... Последнее, конечно, городовым не нравится, и они требуют: «Дело сыска и арестов должно производиться жандармской полицией. (А все-таки «должно»?)»

Всего же в прокламации выдвигается 10 требований, касающихся «улучшения материального и нравственного положения городских»; при чем, наговорив так много о бедном, эксплуатируемом капиталистами «рабочем классе», из которого они «сами произошли» (и который, все-таки, совсем не лишнее обыскивать и арестовывать!), московские городовые как-то ухитряются и политическую невинность соблюсти, и маленький капиталец приобрести. Пунктом 4 они требуют, чтобы вычетные деньги были «положены на процент»... Что же, стремление очень похвальное! Московские городовые

не в пример практичнее — и откровеннее! — бакинских... «Товарищи! — заканчивается воззвание: — Читайте и другим передавайте. Будете ходить в наряды, сходите с каждым участком, сговаривайтесь, как поступить. Помните, ребята: после того, как мы возысним свой голос (насчет «процента» и передачи рабочих в ведение жандармов?) и перестанем быть фарфоровыми куклами (ну, это-то обвинение уж совершенная напраслина!), то весь рабочий класс будет на стороне нас». Подписано: «Группа городских московской городской полиции».

Как видите, проект московских городских задуман и решительно, и тонко. Московские городовые не только от «кулаков и камней» избавятся, не только заслужат любовь «всего рабочего класса», но еще и деньги «на процент» иметь будут. Нет, бакинские городовые — те не так остроумны... Зато и бакинские городовые, подобно московским, очень желали бы — не подставляя себя под «кулаки и камни рабочих» — являться в благородной — и не бесприбыльной! — роли защитников и охранителей «города», — «защитять честных людей от негодяев».

Легко понять, что речь идет здесь о защите «города» от воров и тому подобных нехороших людей. Попробуем же разобраться, что хорошего, с одной стороны, «городу», а с другой, — городовым, сулит это последнее «мечтание» полицейских.

Читатель не забыл, конечно, о наиболее оригинальной из забастовок, — забастовке «компании воров из г. Влодавы» (в Польше), вызванной тем, что полиция решила, вместо обычных 50, брать с воров 75% продажной стоимости украденного.

А вот аналогичный факт последних дней. В «Донской Речи» пишут: В одной станице Кубанской области забастовали станичные вору. «Забастовка вызвана чрезмерными притеснениями местных полицейских властей. Забастовщики — честь-честью — выставили «требование»:

«Я стар и скоро уж помру,
Мне бунтовать не к летам:
Но жить нельзя — к царю пусти
За хлебом и советом!»

Рожок в ответ ему сыграл
Зловещие сигналы:
За ружья взялись казаки,
Смеются генералы.

«Вперед-ка, братцы, не робей! —
Кричит старик: «Все шутка!
А ну ка выстрели в портрет?
В икону бацни? нутко?!...»

«Чтоб православная рука
Поднялась на святыню?!
Тогда сам бог испепелит
Безбожную гордыню!»

И светел, весел он идет,
И с ним сынишка рядом,
За ним толпа... Вдруг грянул залп!
Сыпнулись пули градом...

И белый снег, пушистый снег
Залился кровью красной,
И крики боли, злобы вопль
Раздался жгучий, страстный...

Упал старик, сраженный в грудь, —
Убит царем кровавым,
И бог не мстит с своих небес
Своим рабам лукавым!..

Повсюду кровь, смятение, смерть,
Звучат угрозы, стоны,
А на краснеющем снегу...
Разбитые иконы,

А небо ясно и глядит
С веселостью бездушной...
И понял в этот миг отец,
Что ложь твердил послушно.

А сын склонился над отцом,
Весь трепетом объятый:
«Послушай, сын, не други нам
Ни бог, ни царь проклятый!
«До правды ты таки дойдешь!
Не удержать народа...
Иди вперед — там ждет тебя
Рабочая свобода!..»

Прошло полгода — и смотри,
Как вырос мальчик скоро, —
Серьезно, смело он глядит
И ждет конца позора.

скидку в летние месяцы 25% с установившегося (50%) взноса в пользу местных полицейских властей. Нижние полицейские чины готовы пойти на уступку, но атаман находит, что «мало». Нижние чины ропщут и готовы по-товарищески поддержать воров и... тоже объявить забастовку».

Теперь, ясна ли вам, читатель, та блестящая картина, которую лелеют в своих мечтах бастующие городовые? «Кулаки и камни рабочих» обрушиваются целиком на головы жандармов, «рабочий класс» весь на стороне городских, вычетные деньги лежат «на проценте», безгрешные доходы от «защиты общества и честных людей от негодяев», в свою очередь, способствуют невинному округлению «процента»...—так представляется бастующим городовым грядущий в недалеком будущем уклад российской жизни!

Мы нарочно так старательно вскрывали истинную сущность отмеченных поползновений бастующей полиции, чтобы не оставалось никакого сомнения насчет действительного их характера. Если «движение» это рассматривать, как профессиональное, предположим, движение, то и тогда нельзя не подметить его мелкобуржуазного характера. Но рассматривать это явление с экономической стороны значило бы просто-напросто уклоняться от оценки его в более важном в данном случае политическом отношении. А политический учет «движения» городских, как одного из видов наблюдающегося за последнее время похода реакционных элементов против самодержавного режима, весьма поучителен.

Первое, что бросается здесь в глаза, это тот факт, что у российского самодержавия нет—или очень мало—таких приверженцев, которые бы не только за страх, но и за совесть обслуживали его интересы. Ближайший политический урок, извлекаемый отсюда, будет тот, что в решительный момент, когда серьезно пошатнется престол, отшатнутся от него и сегодняшние «защитники». Престол этот уже шатается, не нынче, завтра

обнаружится губительная течь, не нынче, завтра колоссальная волна пробудившегося «народного самознания» захлестнет самодержавный корабль и пустит его ко дну... Мыши—о, это удивительно чуткие существа!—При первой же течи спешат они выбраться из судна...

В самом деле, читатель, попробуйте вы проникнуть в психологию этого самого бакинского городского, рассказ о котором мы привели в эпиграфе.

«А нашему-то царю, видно, не сдобровать, крышка, значит!»—не сразу, а «почесав предварительно затылок», но тем более «решительно и уверенно» выпаливает городской. «Крышка» царю—это значит «крышка» и его защитнику, союзнику, его верному «личарде» городовому. Но это же значит—шире дорогу «рабочему классу» и «публике». Отсюда вывод для всякой «мыши»: играть отбой от обессилевшего союзника и делать глазки в сторону «того самого труженика», на долю которого доставались до сих пор тумаки, нагайки, пули, и который, того и гляди, станет завтра господином положения. Как делаются эти глазки, т.-е. удачно или неудачно,—вопрос иной: строить глазки «рабочему классу»—дело это для городских еще совершенно новое...

Последний вывод, извлекаемый из нового похода реакционных элементов против режима, будет следующий. Тот факт, что практикуемое рабочим классом средство борьбы—забастовка—есть сильнейшее оружие в руках восставшей массы, находит себе лишнее подтверждение: чуткие «мыши» прибегают в нужном случае к тому же самому испытанному, верному и популярному оружию...

«Бастующая Русь»—это самое выдающееся явление последнего времени. «Движение» политических «мышей»—это только отголосок «бастующей Руси». И чем наглее и крикливее этот «отголосок», тем, значит, громче и сильнее голос восставшего пролетариата, а тем прочнее и уверенность наша в его уже близкой победе!

Н. Чужак. (А. Насимович).

Профессиональная интеллигенция и социал-демократы.

(Письмо в редакцию).

В № 8 «Пролетария» помещено письмо из Москвы, характеризующее «профессионально-политическое» движение последних месяцев («Освобожденцы за работой»). По письму дело получает такой вид: освобожденцы, растеряв на последнем съезде значительную часть своей партии, ушедшую вправо, стали искать возмещения убыли среди профессиональной интеллигенции,—отсюда устройство освобожденцами съездов, «профессионально-политических» съездов и т. д.

В этой картине опять выступает перед нами знакомая фигура «освобожденца»,—определенно сложившегося, буржуазного либерала, сознательно враждебного социал-демократии. Этот мифический образ, созданный нашей фанатазией, повредил нам гораздо больше, нежели живые освобожденцы. Он, вероятно, будет вредить и впредь. Давно пора с ним расстаться и взглянуть на

«Не нынче, завтра: все равно
Придет пора восстанья,
Час мести, мой веселый час,—
Исполнятся желанья!

«Мы не иконы понесем,
Пойдем мы не с портретом,
А бомбы, ружья, динамит
Вам загремят ответом!

«И не хоругвь над головой
Завевет златотканной—
Мы знамя красное взовьем,
Великий стяг наш бранный...

«И не псалмы мы будем петь,
А марсельезу грянем:
Социализм—наш идеал,
И мы его достанем!..

«Оставим небо воробьям,
Но землю завоюем
И на развалинах темниц
Толпами заликуем.

«И падших братьев помянем,
Отцов, в бою сраженных,
И им колонну отольем
Из пушек побежденных!»

(А. Луначарский).

«реальных политиков» «Освобождения» с более реалистической точки зрения.

Не подлежит сомнению, что освобожденцы очень «старались» около профессиональных союзов, и что лозунг «профессионально - политического движения» выкрикнут именно ими. Но согласные действия для освобожденцев трудны почти до полной невозможности. Лозунг «реальной политики» выбран ими недаром: ничто, кроме ближайших конкретных целей, не объединяет эту пеструю массу. Попытка создать партию не на классовой основе, создать из таких разнородных элементов, как фабриканты и крупные землевладельцы на одном фланге, типичные пролетарии, газетные и журнальные работники, на другом,—эта упрямая попытка переломить ход общественной эволюции кончилась, как только и могла кончиться, полной неудачей. Тот съезд, о котором упоминает московский товарищ, прямо признал, что Союз Освобождения не есть партия и не может быть таковой. В числе разнообразных элементов этой «не партии» есть, конечно, и буржуазные демократы, но они далеко не большинство. С другой стороны, есть оттенки, близкие к с.-д. и с.-р., а всего больше неопределенных «либералов», которые инстинктивно, пожалуй, и буржуазны, но сознательно не стоят ни на какой классовой точке зрения. В виду этой бессознательности о принципиальной их враждебности к социал-демократии пока не может быть речи. Основная их черта—боязнь «радикализма», особенно политического. Это—типичные освобожденцы.

Уж одно это говорит против признания «профессионально-политического» движения освобожденческим. Почти все профессиональные съезды выносили резолюции, очень близкие к республиканским, и если не решались называть республику, то не вследствие коварства освобожденцев, а просто страха ради иудейска. Что касается организационной стороны,—опять-таки освобожденцы, хотя и выкрикнувшие первыми лозунг «профессиональных съездов», не сумели взять их организации в свои руки. Уже на Пироговском съезде, первом по времени, несмотря на большинство в бюро, им не удалось «обуздать» с.-д. и с.-р. На педагогическом съезде (первом) председателем был избран человек, принципиально не сочувствующий «Освобождению». На агрономическом съезде, как указывает сам автор «письма из Москвы», верх взяли соц.-революционеры. Кажется, только адвокатским съездом освобожденцы могут быть довольны, но это вышло само собой; уж очень много в этой профессии «либералов» описанного мною типа.

Итак, нашу неудачу на съездах едва ли можно объяснить усиленными стараниями освобожденцев «отколоть» от нас профессиональную интеллигенцию. Очувтившись хозяевами в союзах, освобожденцы должны были почувствовать себя в положении человека, неожиданно получившего богатое наследство. Кто им его «подарил»? Я не был на всех съездах, но мне пришлось близко наблюдать два из них—оба педагогических. И мои личные наблюдения говорят за то, что бессознательно к этому привели мы, а сознательно наши ближайшие соседи, социалисты-революционеры.

Роль этих последних московский товарищ затрогивает лишь мимоходом, по поводу съезда агрономов. Но они едва ли меньше энергии затратили и на учительские съезды, особенно на второй. «Принципиаль-

ным врагам» социал-демократии, освобожденцам, почти не пришлось здесь тратить сил,—все, что можно было сказать против нас, было сказано социалистами-революционерами. Второй педагогический съезд и открылся речью с.-р., представлявшей восторженный панегирик его партии и систематическое «изничтожение» нашей. Речь была, правду сказать, не очень содержательна, но сказана «с большим чувством», и на совершенно невинную в политическом отношении публику, какой было большинство членов съезда, речь, несомненно, произвела сильное впечатление. Другой оратор с.-р. взял на себя нелегкую задачу уличить нас в противоречии с самими собой. Это вышло уже совсем неудачно, но как бы то ни было, а обычные «освобожденские» аргументы против нас мы услышали не из уст освобожденцев. Последние после всего этого сочли возможным вовсе откеститься от своей «партии», и один из их ораторов, на втором заседании неосторожно упомянувший о близости «профессионально-политических» организаций с Союзом Освобождения, на третьем заседании взял свои слова назад—не без конфуза...

Как видите, «Освобождение» на съезде педагогов не было очень уж популярным знаменем,—иначе зачем бы от него отрекаться? Припоминается по этому поводу, как туго шло распространение органа Струве на первом съезде: «Освобождения» не брали, ссылаясь на то, что «неинтересно». Резолюцией большинства первого съезда многие из этого же самого большинства были потом недовольны за «умеренность» и чуть ли не склонны были приписывать эту умеренность интригам социал-демократов. А между тем, резолюция все-таки была далеко влево от обычных освобожденских формул. Словом, называть съезд педагогов освобожденским было бы очень несправедливо. И, однакоже, за нами съезд не пошел. Почему же это? Одну из причин—участие с.-р.—мы уже видели. Что заставляло этих «революционеров» толкать съезды вправо, об этом было бы интересно прочесть в их партийном органе. Для меня—это тайна. Ясно лишь одно: на съездах учителей социал-демократы являлись гораздо больше революционерами, чем те социалисты, которые называют себя этим именем,—являлись в сущности единственной последовательно-революционной партией. И в этом заключается одна из основных причин их неудачи,—причина, неотвратимая при первой встрече с профессиональной интеллигенцией и почетная для социал-демократии. Неумолимая логика социал-демократической программы ей, этой интеллигенции, открыла такую суровую действительность, какой она еще не привыкла смотреть в глаза. И в испуге большинство отшатнулось от этой действительности.

Но к совершенно естественному у дилетантов революции чувству примешалось другое, которого могло бы и не быть. Члены первого учительского съезда были, кроме всего прочего, несомненно, озлоблены на социал-демократов, и это чувство раздражения самым серьезным образом повлияло на успех всего дела. Тут, с точки зрения пропаганды, была сделана ошибка. Перед нашими ораторами была в сущности аморфная политическая масса, сама хорошенько не разобравшаяся в своих идеалах. А к ней обращались, как к «освобожденцам», как к людям определенного буржуазно-либерального направления,—обращались, как к противнику,

которого нужно переубедить или разгромить. Многие прямо не понимали, чего от них хотят, видели только, что с ними говорят «строго», чего они, по их искреннему мнению, вовсе не заслужили. Отсюда обвинения социал-демократов в «узости», «нетерпимости» и «тирании», которые так часто приходилось слышать после первого съезда, и которые в значительной степени подготовили атмосферу второго съезда. Мифический «освобожденец» сослужил здесь плохую службу нашей партии.

А между тем, что среда вовсе не была недоступна социал-демократической пропаганде, показала очень скоро дальнейшая история педагогического движения в Москве. Через несколько недель после первого съезда социал-демократы устроили митинг специально для московских педагогов по вопросу об учительском союзе, — за это время, очевидно, успели перевариться некоторые горькие истины, и публика вошла несколько в курс дела. И что же? Митинг, на котором присутствовали сотни учителей и учительниц, был блестящим успехом социал-демократии и таким торжественным провалом освобожденцев, какого только можно было ожидать. В результате на второй съезд делегатами от Москвы поехали почти исключительно наши и, кажется, только один освобожденец. К сожалению, в короткий срок между первым и вторым съездом в провинции не могла быть развита подобная же агитация, и большинство второго съезда оказалось на точке зрения первого. Но оборот, какой приняло дело в Москве, должен нас воздерживать от того, чтобы поставить крест над учительским союзом, объявив его «освобожденским» и враждебным социал-демократии. Не верится, чтобы народные учителя (роль средней школы во всем движении ничтожна) — и по своей деятельности, и по своему классовому положению так близкие рабочим массам — надолго ужились с умеренными либералами из предпринимателей и аграриев. Естественная классовая группировка возьмет верх над всякими искусственными комбинациями (как это происходит и с самим Союзом Освобождения), и можно быть уверенным, что социал-демократический союз учителей — дело недалекого будущего.

Учитель (М. Покровский).

От ред. Нам кажется, что разногласие между автором статьи «Освобожденцы за работой» и тов. «Учителем» менее значительно, чем думает этот последний. Кто давно участвует в революционном движении, привыкает к политической борьбе направлений, приобретает определенность взглядов сам и, естественно, бывает склонен у других предполагать тоже определенные взгляды, относить их к той или другой «партии» на основании того или другого мнения по частному вопросу (или отсутствию мнения). Спору нет, что агитатору в народных собраниях полезно принимать во внимание кроме «политической» и «педагогическую» точку зрения, ставить себя в положение своих слушателей, больше разъяснять, чем «громить», и т. п. Крайности ни в чем нехороши, но если бы пришлось выбирать, мы предпочли бы узкую и нетерпимую определенность мягкой и уступчивой расплывчатости. Боязнь «тирании» отпугнет от нас только дряблые и мягкотелые натуры. У кого есть «искорка», тот быстро увидит сам, и жизнь покажет ему, что определенные и резкие политические отзывы о «мифическом освобожденце» вполне справедливы, и что он сам не считал

этого типичного освобожденца «мифическим» лишь по недостатку политической опытности. Тов. «Учитель», указания которого очень полезны в виду его знания среды, сам отмечает быстроту «переваривания горьких истин».

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Нижний-Новгород. В прошлом № нами помещено письмо пропагандиста о разыгравшихся в Нижнем событиях. После того мы получили еще целый ряд писем из Нижнего. Ниже мы приводим целиком в высшей степени интересное письмо тов. К. С., члена комитета. Все остальные письма подтверждают сообщаемые им факты. Приводим из них лишь некоторые дополнительные выдержки:

(Из письма члена районного ком.)... После погрома черная сотня качала губернатора и полицмейстера с криком: «ура!». Губернатор обратился к ним с речью, в которой называл их «товарищами» и «братцами». Говорил: «Спасибо! На сегодня довольно. Надо бы еще в Сормово».

(Из другого письма)... Как теперь подтверждается, подрядчики каменщиков, маляров и плотников ходили к губернатору с петицией и жалобой на забастовщиков, что они отнимают у них «кусочек хлеба», не давая теперь, когда идут как-раз спешные работы, работать, и просили у него разрешения расправиться с забастовщиками «своими средствами»...

В нашем доме живет маляр. Услыхав, что полиция будет давать по 3 р. на брата «за работу», он побежал тоже «поработать», но возвратился обратно с избитой, как котлета, физиономией только потому, что на несчастном любителе оказалась фуражка с пуговичкой, а было приказано бить всех, кто в шляпе и фуражке с пуговичкой. Побойще было ужасное. Достаточно было иметь шляпу на голове, и несчастный подвергался атаке. Мальчишки и хулиганы с гиком бросались на человека; тот, конечно, в испуге обращался в бегство, но и здесь приходили на помощь полиция и казаки, которые обгоняли бегущего и перерезывали ему дорогу, отдавая его в руки хулиганов. Те хватили его и били до тех пор, пока перестанет дышать. Потом послушают... дышит, и продолжают дальше. Били поленьями, дубинами, кирпичами, — всем, что попало под руку, топтали ногами, качали, подбрасывали вверх и раступались, чтобы подброшенный ударился о камни мостовой. И так же почему-то и всех барышень в шляпах. Некоторые удавалось спрятаться в соседние дома, но тогда толпа ломилась в дом, срывала замки и, обшарив весь дом, вытаскивала на улицу и при торжествующих криках толпы хулиганов, при молчаливом присутствии полиции и казаков приканчивала свою жертву. Количество жертв, сообщаемое в газетах, не соответствует истине, их гораздо больше. И теперь по вечерам хоронят кого-то из острога, куда носили убитых и раненых с площади, и уже оттуда отправляли их в больницу. Можно прямо сказать, что весь погром был очень искусно организован полицией. Полиция нагло принимала в ней участие. Я уже упоминал, как она помогала ловить бегущих. Она обворовывала избиваемых (так, с одного избиваемого она сорвала часы и вытащила из кармана 200 р.). Воровство происходило в прикрытой форме: производился, якобы, обыск, искали будто бы револьверов. Полиция сама давала звонки в квартиры, куда прятались бегущие, и если не отворяли, то за дело брались хулиганы. С ближайшей церкви единоверческой давались какие-то сигналы, цель которых не выяснена, но только они совпали с приездом губернатора. Губернатора хулиганы качали, и он их благодарил: «Спасибо, братцы, что поработали».

(Еще из одного письма). 10-го были убиты 2-х моих знакомых: один — аптекарь Гейнце, затем одна барышня. Барышню толпа несколько раз подбрасывала вверх и кидала на мостовую, а потом подбросила на железную решетку с острыми концами...

(Из второго письма)... «Слухи о погроме не умолкают, и все оставшееся население живет под постоянным

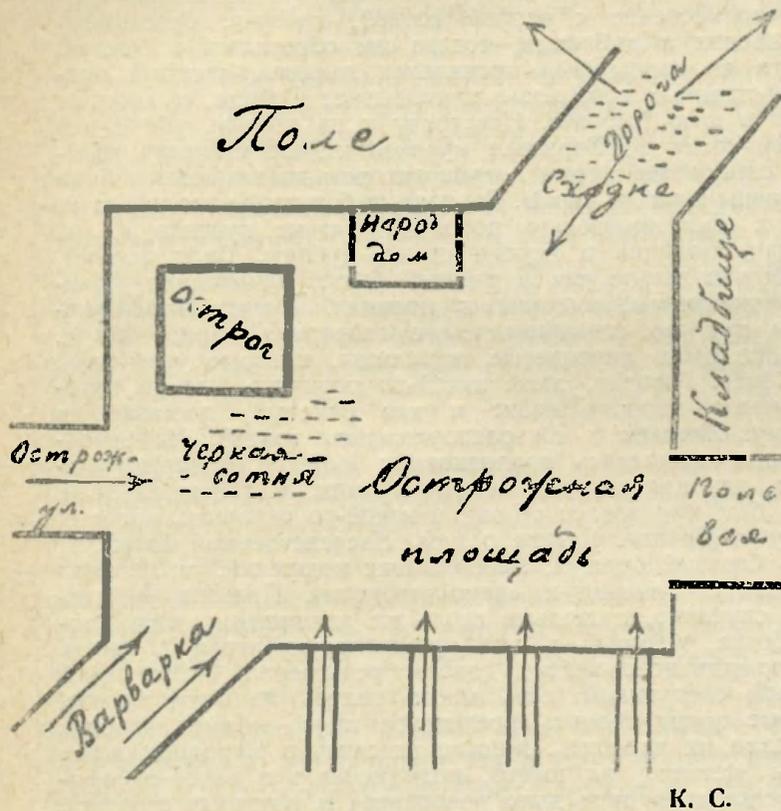
страхом нового погрома. Возможно, что такие слухи возникают на почве того, что наглость хулиганов теперь у нас необыкновенная, по городу их ходит масса, пристаю к прохожим. Так, идет молодая девушка, хулиган требует денег, та не дает. «Ага, ты так! Вот мы тебя побьем!». Она просит встречного господина проводить, хулиган идет за ней до дому, спрашивает, тут ли она живет, соседи отвечают утвердительно, и весь дом не спит: ждет погрома». Наконец, в заключение приводим выдержку из одного частного письма: О помощи полиции можете судить по постановлению городской думы. Привожу целиком 2-й пункт: «Просить начальника губернии привлечь к ответственности в виду заявлений некоторых лиц, чинов полиции и казаков, которые окажутся изобличенными в насилиях (это помощь!) или умышленной неподаче помощи избиваемым, о каковом привлечении и возбудить ходатайство пред высшим начальством. Донести непосредственно гг. министрам внутренних дел и юстиции о событиях 9—11-го июля и о той опасности, в которой находится население города».

Нижний-Новгород. Комитет решил отпраздновать 9-е июля, полугодовщину 9-го января, всеобщей забастовкой и митингами, отнюдь не устраивать демонстрации и не предпринимать самим наступления на войско и полицию. В этом смысле был выпущен листок и велась агитация на массовках. За несколько дней до 9-го в городе стали ходить неясные слухи о готовящемся избиении. Кто, кого и за что будет бить в этом обыватель разбирался плохо. Анархисты, социалисты, хулиганы, черная сотня,—все это сливалось воедино. Говорили, что все Сормово пойдет на Нижний, где уже розданы жетоны, чтобы узнавать своих. Тревога была так велика, что до 1.500 чел. уехало из Нижнего. Многие нанимали дачу на 2—3 дня. Два дня по всем дорогам из Нижнего тянулись беглецы. Ушли почти все евреи, ушли в деревню все грузчики общества «Надежды». Что избиение действительно готовилось, и что участие в этом подготовке принимала местная администрация,—об этом свидетельствуют следующие факты: 1) 8-го июля. Ключев (содержатель извозчиков), Никита Журавлев (трактирщик), Семенов (хозяин сапожной мастерской) и др. собрались в трактире и, как говорят, составили даже письменный договор—на 9, 10 и 11-е освободить своих рабочих и натравить их на «демонстрантов». Они, не стесняясь, говорили, что действуют не только с ведома, но и по желанию полицмейстера и губернатора. 2) Многие черносотенцы хвастались, что получили от полицмейстера 50 р., и что он обещал еще дать. Видели, как Ключев раздавал деньги. Затем было повальное пьянство. 3) Губернатор предупреждал устроителей общего собрания земских служащих, назначенного на 9-е, что если собрание состоится, то могут произойти неприятные события, например, разнесут дом, в котором будет собрание. 4) Пристав 4-й части предупреждал знакомого купца, что лучше бы на эти дни уехать. Такое же предупреждение получили многие частные лица. Банки и многие магазины были закрыты по совету губернатора. 5) Один рабочий, проходя по Нижнему базару, видел следующую картину: отворяются ворота одного постоялого двора и оттуда валом-валит толпа черносотенцев (чел. 300) и конная полиция. На вопрос, что это было, один из черносотенцев ему ответил: «Да вот собрание, говорили о том, что бить будем». 6) За три часа до сходки, 9-го, черная сотня собралась на Сенной площади на глазах полиции, и когда узнала, что сходка началась, в военном порядке двинулась на Острожную площадь. 9-го забастовка удалась прекрасно. В Сормове бастовали все, даже казен. винные лавки были закрыты. В городе, кроме рабочих, бастовали земские служащие, все лавки, за исключением некоторых мелкокалейных, тоже были закрыты. В городе было два митинга, утром и вечером, на которых собралось до 1.500 человек. Говорили о 9-м января, о социализме, о демократических задачах пролетариата и т. д. Рабочие ходили по улицам и закрывали лавки, не желавшие закрываться. Группа молодежи решила за свой страх и риск устроить демонстрацию, но не встретила сочувствия в остальной массе,—организованные рабочие даже отговаривали их. Они прошли со знаменем и с пением по улице, тем дело и кончилось. Вечером, когда уже стали расходиться, явилась полиция

с требованием разойтись, при чем полицмейстер или его помощник (не установлено) говорили: «Вы же не можете ругаться, что среди вас нет людей бессознательных, тем более, что, ведь, вы можете завтра притти. Приходите завтра». Разошлись, решив собраться 10-го (см. план). 10-го собралось в 5 часов всего человек 150—120. С самого начала в толпе были замечены люди с дубинами, а на площади были несомненные черносотенцы. Настроение было тревожное, стали поговаривать, не разойтись ли. Протестовали против этого люди с дубинами, когда же их протест не встретил сочувствия, то стали ругаться. Решено было разойтись. Толпа разделилась. Часть разошлась по полю, часть—по площади, куда в то же время сходились опоздавшие на сходку рабочие. Тут произошло первое столкновение с черной сотней, которая, бросившись на рабочих с дубинами, тотчас же обратилась в бегство. Кем-то из толпы был произведен выстрел, который правительственное сообщение приписывает Гейнце, и которым ранен в шею Ключев. Навстречу и на помощь убегающей черной сотне по Варварке мчались казаки и конная полиция, с полицмейстером и губернатором во главе. Они были встречены криками «ура!». Говорят, губернатора неоднократно качали. Тут произошло побоище. Казаки пустили в ход нагайки, полиция и черная сотня—дубины. Били всякого, кто был в шляпе или в рабочей блузе. Руководили избиваемым жандармы, шпионы и полиция. Представители полиции тут же сговаривались с главарями черной сотни. В толпе были переодетые жандармы, которые указывали, кого бить. Говорят, даже какой-то ротмистр был по недоразумению здорово избит и как раненый, доставлен в тюрьму. Ключев и К^о распорядились толпой. Из интеллигенции отличались подполковник Мошков, который указывал, где прятались и, между прочим, натравил на ясли, где и был произведен обыск, и какой-то чиновник, который был убит Гейнце. Кстати о нем. Наследственный аптекарь, очень богатый буржуа, либеральных воззрений, он не имел никакого отношения к «демонстрантам». Пришел на площадь случайно, с людьми столь же невинными, искал своего брата, который в это время где-то играл в карты. На площади полицмейстер говорил речь черной сотне, смысл которой следующий: есть много теперь на Руси врагов, которые хотят вернуть крепостное право и царя извести. Так надо их перебить. Многие спаслись в Народном доме. Чтобы заставить их выйти, полицмейстер и какой-то офицер вставили в окно дуло револьвера и угрожали стрелять. Кто-то спрятался на кладбище. Его нашли, раскачали и перебросили через ограду, прямо в толпу, которая принялась его бить. Проходивший мимо губернатор добродушно посоветовал «полегче». Бежавшим от черной сотни казаки преграждали дорогу и били нагайками. Так продолжалось часов до 9. Когда уже бить стало некого, раздался крик—«давай бить жидов», и толпа рассыпалась по улицам. Разграбили один еврейский дом. Когда грабили какой-то дом, пристав Пивницкий сказал: «Ну, братцы, поработали и будет, когда нужно будет опять, позовем». Часов в 7 вечера на бухгалтера городской управы Литвиненко напали человек 8—10 городских, ограбили его (отняли около 200 р. 1/2 часы), нашли револьвер, разорвали имевшееся у него разрешение на ношение оружия, избили и предали толпе. Дальше—нагайки и тюрьма. Часа в 2 ночи 8 чел. конной полиции без всякого участия толпы избili 5 прохожих, ограбили и доставили в земскую больницу.

11-го был убит лаборщик Пинус. Еврей, обремененный семьей, он решил спасти семью и отправил ее на дачу. Пришли на Финск. площадь, там уже была толпа. Ждали парохода. Пинус не успел шагнуть на пароход и упал в воду. Его вытащили, заподозрели, что он стрелял, стали бить и отправили в участок. На вопрос жены, где муж, полиция ответила, что он жив, но немного захлебнулся и потому в участке. Около участка она увидела толпу, которая била кого-то. Занятая мыслью о муже, она вошла в участок. Там пристав и какой-то городской смотрели в окно. На вопрос, где муж, она услышала грубый окрик: «молчать». Тогда она разглядела, что бьют ее мужа, которого и прикончили тут же на глазах пристава и городского. Против здания Купеческого банка избит тремя городскими один сормовский рабочий. На Нижнем базаре шло трое. На них напала толпа крычников, они, отстре-

ливаясь, бежали на мостки волжской пристани. Здесь произошла схватка. Убит Алексей Дмитриев, сорм. рабочий, с.-д. На Плашкоутном мосту убит сорм. рабочий Командин, с.-д., старый и ценный работник. На него напали, он расстрелял все патроны и был убит. Были избиты и лежали в больнице, некоторые в бессознательном состоянии: раб. Минин, Дзюба, Лавринов, Иванов, Горюнов, Куранов. Тут же арестован Котов. Из черной сотни 11-го убито приблизительно человека 4, ранено столько же. 12-го—чел. 6, ранено человек 10—12. Говорят, оказался избитым полицмейстер. Состав черной сотни—золоторотцы, крючники, грузчики, извозчики (часть), каменщики, кирпичники, лавочники, подрядчики и часть булочников.

Сормово. 9-е июля. Вы уже слышали, что в Сормове в течение 1½ месяцев происходят ежедневные митинги с речами с.-д. (изредка говорили с.-р.). Накануне 9-го обычный митинг был особенно многолюден. Обсуждалось празднование 9-го июля. Организация с.-д. заявила, что она решила в этот день демонстрации не устраивать, а назначает митинг в 11 час. утра и место обычного митинга переносит ближе к селу, среди деревьев, чтобы в случае нападения они послужили защитой, но предупреждает, что сопротивление полиции будет только тогда оказано, когда перевес сил будет на стороне рабочих. Общая забастовка была решена раньше. Администрация завода предложила рабочим сама не работать 9-го и вывесила объявление, что, по соглашению с рабочими, 9-го завод будет закрыт.

9-го с утра Сормово как бы вымерло. Лавки и магазины были закрыты; население боясь показаться на улице, напуганное слухами о погроме, резне и проч. (накануне целые вереницы возов с имуществом тянулись из Сормова,— это лавочники и проч., боясь погрома, выезжали из села). В 11 ч. собралось лишь 200—300 раб. на митинг, и здесь же было решено отложить его до вечера в надежде, что тогда придет больше народу. Действительно, к 7 часам вечера начали собираться, но на месте митинга опять стояло лишь 200—300 рабочих, а остальные толкались кругом, не присоединяясь к ним. Видя это, собравшиеся рабочие выкинули знамена и запели. Моментально явились казаки и солдаты. Толпившаяся публика бросилась враспынную, остальные остались стоять и петь. Тогда рота солдат со штыками наперевес оцепила рабочих со знаменами (200—300 ч.) и прогнала их за черту села (70—100 саж.), преградила путь к селу, после чего солдаты были тотчас же уведены, а на их место поставлены казаки.

Рабочие же открыли митинг. Когда здесь спрашивали рабочих, почему они отстали от своих товарищей, когда их окружали солдаты, они отвечали, что не имеют оружия. Разбежавшаяся публика начала вновь собираться и присоединяться к рабочим. Через ¼ часа удалились и казаки, и состоялся обычный митинг из 3—4 тысяч человек. Речи говорились при поднятых знаменах. После речей пели все хором и разошлись.

Сормово. 10-го собралось человек 300. Полиция стала убеждать разойтись. Ее прогнали со свистом и гиканьем. В конце собрания, когда уже расходились (осталось человек 100), явилась полиция с нагайками, намереваясь разогнать собравшихся. Чтобы предупредить избивание, в них была брошена бомба (никого не ранившая), а выстрелом из револьвера прострелили кому-то руку. Они удрали, бормоча в ужасе: «б..б..бомба!» и дорогой стреляли в землю. Об избивании в городе узнали вечером. Вся массовка взволновалась: «пойдем в город!». Ночью пошло несколько человек. Около Сормова уже были расставлены патрули солдат, некоторые из них предупреждали, чтобы не ходили в город, потому что начальство ждет.

11-го до обеда поехали в город человек 30 и после человек 80, они не были сгруппированы, ходили поодиночке по городу, их ловили и избивали, некоторых арестовывали.

Сормово. 11-го сормовские рабочие пришли в город с оружием, думая защищать, избиваемых в случае повторения вчерашнего. Но так как к 8 часам ничего не было, то они решили отправиться на пароходе домой. Первая партия их спустилась к пристани благополучно, хулиганы напали на них; когда они садились на пароход, были сделаны отдельные выстрелы, но остальные, пробираясь к пароходу, подверглись нападению хулиганов и полиции. Есть убитые и раненые хулиганы, так как рабочие отчаянно защищались. Пробравшиеся на пароход рабочие завладели колесом и стали сами управлять пароходом, направляя его в Сормово. Перепуганная публика подняла крик: «они нас убьют!». Тогда рабочие пересадили их на встречный пароход, а сами благополучно добрались до Сормова.

Сормово. 12-го сходка состоялась не на обычном месте: помешали полиция и казаки. Узнав об убийстве товарищей, человек семь отправились в город разбивать черную сотню. Убили 5 крючников, 3 тяжело ранили и человек 10 легко. В 11—12 часов ночи в Сормове около казармы произошел взрыв бомбы, которым убило приказчика потребительной лавки Ефремова (соц.-дем.). Его похоронили тайком, в 3 часа ночи. Могилу узнали, собрались, говорили речи. Казаки стреляли в лес и в строения.

Екатеринослав. 26-го июля. На прошлой неделе во вторник 20-го июля у нас, в Екатеринославе, на рабочей бирже облили серной кислотой одного околоточного надзирателя. На второй день, вечером, когда рабочие опять собрались в садике, два хулигана возле одного трактира поранили друг-друга ножами. Публика начала собираться. В это время выскочил из толпы один околоточный надзиратель и закричал, что это все жида делают: «Вчера одного они облили серной кислотой, а сегодня ножами взяли нас резать. Бей жидов!»—крикнул он. На его зов, конечно, отозвались черносотенники. Началось избивание всех проходивших евреев, в особенности «демократов». В некоторых местах начали громить лавочки и даже дома. Организованные рабочие, принадлежащие ко всяким революционным партиям, начали давать отпор. Началась стрельба. По обыкновению, как всегда бывает в таких случаях, прибыли охранители порядка—казаки и конная полиция и взяли под свое покровительство хулиганов, а на защищавшихся начали нападать под предлогом восстановления порядка. Наша организация дала знать на заводы вооруженным и невооруженным организованным рабочим. Человек пятьдесят прибежало в город, и канонада возобновилась, но мы ровно ничего не могли сделать, потому что казаки и полиция защищали хулиганов, а в нас стреляли. В результате оказались: один убитый еврей, несколько раненых с обеих сторон, и несколько лавочек и домов разграбленными. На второй день, в четверг, нача-

лась дихорадочная подготовка к самообороне. Хулиганы, со своей стороны собирались, среди них выступали ораторы и т. д., а наша организация («большинство») устроила митинг на Брянском заводе, на котором присутствовало более 500 человек, и этот случай был использован в целях агитации. Затем, организованные рабочие Брянского завода были расквартированы вечером по некоторым домам, были расставлены патрули, был назначен главный штаб и т. д.,—одним словом, мы были в полной боевой готовности, ожидали выступления, но враг был настолько благоразумен, что больше не посмел выступить открыто.

На время этих событий у нас произошло соглашение с «меньшевиками» и Бундом. Общие сборы денег на вооружение, общий план действий и т. д. Хотя никакого определенного плана действий мы не могли выработать, так как нам пришлось держаться оборонительного положения, а не наступательного, поэтому ограничились только сообщением друг-другу места главных штабов каждой организации, деньги общих сборов делились поровну между этими тремя организациями. Потом носились упорные слухи, что в воскресенье разыграется погром. Поэтому к воскресенью были сорганизованы наши силы еще лучше. Все заводские товарищи сидели на горках, телефон был проведен туда, патрули ходили весь день по городу, но день прошел тихо и спокойно, только маленькие и частные стычки были на Базарной—в лагере хулиганов.

Вечером мы узнали, что часть еврейской буржуазии собирается где-то и будет обсуждать события последних дней и меры, какие можно будет принять в будущем против повторения погромов. На это соображение отправились три представителя трех соединенных социал-демократических организаций в деле самообороны (большинства, меньшинства и Бунда), в числе которых и я был. Не буду останавливаться на том, какое впечатление произвело на меня это собрание буржуев, на моем возвращении к ним, а расскажу более или менее подробно о происходившем там на собрании. Вскоре после нашего прихода явилась группа лиц от общества приказчиков с четырьмя депутатами от этого общества поялей-ционистов. Они заявили, что они пришли депутатами от восьмисот человек общества приказчиков, которое уполномочило их заявить собравшимся, что никаких решительных шагов здесь принимать никто не в праве, а если кого-нибудь из этих так-называемых представителей еврейской общины вызовет губернатор, они не имеют права говорить от имени всей еврейской общины города Екатеринослава. Собрание приняло буйный характер. Некоторые буржуа были недовольны этим вмешательством и начали требовать избрания другого председателя. Поднялся шум и гам. Председатель начал усиленно звонить, получился целый кавардак. Наконец, буржуа вышли в другую комнату, и там у них поднялся еще больший шум, чем раньше. В конце-концов, был избран другой председатель. Некоторые буржуа остались, а остальные ушли. Собрание приняло обычный вид, началось заседание. Начали обсуждать вопросы о последних событиях, имевших место в Екатеринославе. Слово было за председателем.

Сначала он разукрасил деятельность партии «Поайлей-Цион», а потом начал чернить Бунд и искровцев, как он выразился, т.-е. и Р. С.—Д. Р. П. (меньшинство и большинство). Тогда взял себе слово товарищ меньшевик, за ним бундовец, а за бундовцем—я. Вот, значит, началась бомбардировка с трех сторон в «Поайлей-Цион», и надо признаться, что стрелы были очень удачно направлены. После нас взяли себе слово «сионисты» разных оттенков и начали гордиться чушь. Тогда опять мы записались говорить по порядку, но когда они кончили, уже было очень поздно, и было внесено предложение, принятое большинством собрания, о закрытии списка ораторов и второе предложение об ограничении ораторов тремя минутами, что тоже было принято. Тогда уже мне пришлось говорить после оратора-сиониста. Речь моя была кратка и ясна. Я указал, что дело самообороны есть дело пролетариата, и если пролетариат достанет себе средства и оружие, то он не то что заставит смолкнуть черную сотню, но и опрокинет весь самодержавный режим, в котором возникают эти погромы, и сметет с лица земли существующий строй, продуктом которого являются все бедствия, в том числе и погромы. Указал отношение пролетариата к бур-

жуазии и т. д. Потом ко мне подошел один из присутствовавших и спросил меня: еврей я или русский? Я ему ответил, что еврей. «Очень удивляюсь,—он мне говорит,— что вы не знакомы с психологией еврейского буржуа». «Да,—я ему отвечаю,—может-быть, я не могу быть знаком с психологией еврейского буржуа, потому что я не вырос в этой среде и не знаю ее». «Но, ведь, нужно знать,—он мне говорит,—и своего врага; ему дела нет до будущего, его интересует в настоящий момент его шкурный вопрос и больше ничего». С этим, конечно, я с ним согласился, и на этом беседа наша кончилась. Депутаты общества приказчиков также нас поддержали. Я даже этому удивился; в конце они нас поздравили с победой над «Поайлей-Цион». Решение, принятое на собрании, такое: учредить нейтральный комитет, который сорганизует сборы, а потом деньги эти распределяет по своему усмотрению между всеми партиями.

Тверь. Мы встретились на практике с вопросом об отношении к женскому движению, в форме женского союза. На собраниях этого союза страшно ценят голос социал-демократии. Между тем, мы, как кажется, стоим отнюдь не на достаточной высоте. На первом собрании союза говоривший товарищ занял такую позицию: поскольку женское движение ставит себе политические задачи, оно должно принять обычный характер политической борьбы, и женский союз должен сделаться партийным. Союз должен выработать соответственный агитационный, пропагандистский аппарат. Союз должен мобилизовать известные материальные силы на борьбу за свои задачи. В противном случае он будет представлять из себя просто клуб, политическое влияние которого в известные моменты будет весьма проблематичным. Но в политическую партию женский союз превратиться не может, ибо партия должна представлять из себя передовой кадр социальной группы, а отнюдь не базироваться на физиологических признаках. В этом смысле женский союз пытается объединить целую половину России. Социальные группы с разнообразными до противоположности интересами. Вряд ли возможен какой-нибудь сносный союз между Лухмановой, пишущей о хорошем тоне, и проституткой с Невского проспекта, между В. В. Морозовой и ткачихой с ее фабрики. Все это было высказано, а дальше оратор почувствовал себя крайне неловко. Союз эфемерен и, значит, нечего ему организовываться с такой программой. Было предложено этому союзу превратиться в вспомогательные группы при партиях, борющихся и за права женщин. Конечно, приоритет должен быть предоставлен социал-демократии, как самой неуклонной и последовательной противнице всякого политического и социального неравенства. Женщину-пролетария мы прямо зовем в свои ряды и не хотим, чтобы ее классовое сознание меркло под обворожительными взглядами Лухмановой и Морозовой. Все это предложение носило довольно платонический характер, ибо сам оратор чувствовал, что наш организационный аппарат недостаточно удовлетворителен, чтобы использовать и сделать активными такого рода общения. Жалко было и окончательно давить этот союз: ведь, для развития политического сознания женщины он может дать довольно много. Весьма возможно, что и не наше дело лезть во всю эту историю, но мы как-то не имеем нравственного права отказать от всякого участия, раз до этого времени на нас привычки смотреть, как на руководителей общественного и политического движения.

Казань. Спешу коротко ответить на некоторые вопросы, предложенные редакцией в № 6-м, после статьи «Что делается в войсках?». Пропаганда в войсках г. Казани началась с осени прошлого года. Связи с комитетом возникли через одного солдата-новобранца, представившего явку. Был выпущен листок «К солдатам». Дальнейшие прокламации о бесправном положении солдат сразу завоевали симпатии последних, а вместе с тем возникло доверие и к нелегальной литературе. Из листков местного издания были распространены прокламации о войне. Особенным же успехом пользовалась «Солдатская памятка», еще очень давно изданная «Искрой»: ею прямо зачитывались. Правильно организованная работа в одном из батальонов началась, собственно, со второй половины января, после петербургских событий. Возникли солдатские кружки, а далее—и специаль-

но-военная группа при местном комитете, под руководством одного из членов последнего. Работа идет чрезвычайно успешно. Весь батальон охвачен пропагандой (в других частях местного войска работа еще находится в периоде кустарничества). Литература читается нарасхват, почти совершенно открыто в казарме. Вместо списка, кому давать литературу, у организаторов заведен список с обозначением, кому не давать. Лозунг, выдвигавшийся организацией на случай восстания, был следующий: переходить на сторону народа. Одних только организованных солдат сейчас насчитывается до 100 человек. Поведение этого батальона в решительный момент можно считать обеспеченным.

С дороги. Встретив несколько новых типов, народившихся за последнее время, солдатик, отсидевший с месяц в военной тюрьме, рассказал следующее: нет, по его словам, ни одного полка в том краю, где он служит (в Седлеце), в котором при обысках не находили бы прокламаций. Нет также полка, в котором не происходило бы нападения солдат на свое начальство; не проходит недели, чтобы какой-либо солдат не бросился на фельдфебеля или офицера. Вызываемые свидетелями по таким делам солдаты обыкновенно показывают в пользу обвиняемых, и их зачастую невозможно осудить.

Начальство под влиянием таких событий, а также после нескольких общих отказов от приема пищи, круто изменило свое отношение к солдатам. Уже не видно зуботычин и ругательств,—наоборот, начальство перед солдатами стало ходить на задних лапках. Если увидит, что «подозрительный» солдат стоит «задумавшись» с ружьем, то оно озбоченно спрашивает: не болен ли он, не устал ли, и не лучше ли ему сесть да почитать божественную книжку. Если такой солдат идет на занятия, то офицер делает фельдфебелю выговор, зачем он этого солдата назначает на них, раз он «болен». Словом, делают тысячу снисхождений. Но последние мало помогают, и «больные» продолжают свое дело.

Тона крепкой дисциплины, которая обращала бы солдат в манекенов, и в помине нет. Но, к сожалению, выход накопившегося неудовольствия далеко не всегда рационален: силы растрачиваются на единичные вспышки, как покушения на начальство или—еще хуже—бегство из полка и поступление в ряды воров. Бегство из полков громадное, чуть не каждая этапная партия состоит наполовину из военных: солдат, запасных, беглых новобранцев. Один конвойный мне передавал, что они ежедневно берут из Холма до 60 чел. военных.

Как важно для нашей партии обратить внимание на такое положение дел в армии! От рассказов солдат у меня составилось убеждение, что полки, стоящие на западе, не будут стрелять в народ, а если мы сумеем организовать недовольных, то эти полки пойдут против правительства.

По дороге пришлось встретить «черносотенцев». Сажу я в вагоне и вдруг слышу: «Всех бы этих политических я перерезал». Я, понятно, спрашиваю, за что он намерен нас резать. «Да как же! Из-за них нам работать (!) нельзя; всюду поставили дворников, городских, сторожей; не успел войти во двор, а тебя уже сцапали,—а все из-за них». «А зачем они дома терпимости разбивают?»—вмешивается другой. Долго пришлось говорить. Бывших солдат, не вытерпевших казарм и бросившихся в воровство, удалось убедить, что они неправы, но защитник домов терпимости остался при своем мнении и всю дорогу искал слушателей, которых и призывал бить политических. Он призывал воров организоваться и жалел, что у них нет такой хорошей организации, как у нас. Из числа других воров, которые ехали вместе, выступили некоторые и поддерживали меня, особенно после того, как я указал, чего мы добиваемся.

По дороге же от одного товарища мне удалось узнать, что в Белостоке дело в тюрьме дошло до того, что уголовные бросились бить политических, но получили отпор, а потом, когда узнали, что у политических есть оружие, притихли...

С театра войны. Расскажу два случая, происшедших недавно. Офицер убил студента Красного Креста. За что? Да за то, что в присутствии этого офицера студент не-

одобрительно отзывался о нынешнем правительстве. Офицер счел своим долгом поддержать честь и престиж столь несправедливо обижаемого правительства и выстрелил в студента. Офицер этот—из 17-го корпуса. Такие вещи вообще в характере наших храбрецов. Они без оглядки бегут от неприятеля и очень храбро убивают беззащитных людей. Другой случай характеризует, до какой степени китайцы ненавидят наше христоролюбивое воинство. Невдалеке от деревни нашли труп русского солдата. У него была отрублена голова, руки, ноги, и все тело покрыто пузырями. Последнее обстоятельство показывает, что этого несчастного, прежде чем лишить жизни, обваривали кипятком. Все это дело рук либо китайцев, либо хунхузов, бежавших с русской службы. Нужно заметить, что на нашей службе состояло 300 хунхузов, из которых 75 удрало, захватив винтовки. Подозревая соседних китайцев, начальство сделало облаву. Поймали 10—15 человек «подозреваемых». Настоящие виновники, по всей вероятности, давно уже успели удрать. Пойманных ждет военный и, как известно, совсем немилостивый суд. В результате получится еще большее обострение отношений между русскими и китайцами... Повсюду озверение, одичание, и кровь, кровь... Когда же всему этому будет конец?!

Владивосток. (Из письма запасного). Эшелонный начальник нам платил по 16 коп. кормовых, а следовало по 25 коп. Когда мы этот вопрос подняли, он стал платить как следует, и это продолжалось до самого Харбина. Обеды на продовольственных пунктах были скверные, хлеб или сырой, или с песком. Когда доехали до Пензы, выставили там патруль при одном офицере. Стали наши солдатики кое-какие беспорядки устраивать. Ударил офицер одного нашего солдата—и что же? Схватили солдаты его за шашку и револьвер, добрались до погонов, но сорвать их не удалось: он вырвался, сел на извозчика и уехал, а патруль весь разбежался по углам. Он им командует: «Бери на-руку!»—а они разбежались, у нас свои винтовки уже достали. Кто-то выдал человек 15; их оставили в Уфе у коменданта—и что же им? Продержали под арестом 10 суток и отправили их на переднюю позицию и больше ничего! Так наш эшелон всю дорогу считался штрафованным, а как приехали во Владивосток, все простили. Здесь, во Владивостоке, все дорого, а некоторых продуктов и совсем не достанешь. Пуд соли стоит 10 руб., мяса 24 р.; мука только и есть в военных складах. Если опрежут нас, то придется есть и конину.

Петербург. В армии революционная пропаганда продолжает свое дело. Недавно два воспитанника петербургского кадетского корпуса подбросили печатные прокламации в лагерь Стрелкового полка в Красном селе. Солдаты доложили о случившемся офицерам, и в кадетском корпусе был произведен обыск, но ничего компрометирующего найдено не было. Тогда принялся искать полковник Погон, которому вверено управление корпусом, и во флигеле корпуса он нашел тайную типографию и много экземпляров прокламаций.

(«L. Humanite»).

Приговоры. В обзоре военного движения, помещенном в № 9-м «Пролетария», упоминалось о бунте в Херсонском дисциплинарном батальоне. Полковник Давидов, ротный командир и унтер-офицер были приняты солдатами в штыки. Происходивший на-днях в Херсоне военный суд вынес по этому делу следующее решение: пятеро обвиняемых приговариваются к смертной казни через расстреляние, четверо к каторжным работам от 4 до 7-ми лет; остальные 22 подсудимых оправданы.

Свидетельскими показаниями на суде были обнаружены отвратительные порядки в батальоне. Кормили солдат скверно, одевали в лохмотья. Ропот замечался давно. Накануне ученья в батальоне стали поговаривать о том, что следует избавиться от полковника Давидова. Знали о замысле приблизительно 80—90 человек. Один из подсудимых (Рогачев), признавших себя виновными, сказал, что «злоба в душе у него накупала постепенно. О жалобах начальству он не думал, потому что считал это бесполезным»: жалобы копчались только поркой жалобщика. Он знал, что его ждет смертная казнь, но надеялся своей смертью и смертью

полковника Давидова облегчить жизнь заключенных в батальоне. Другой сознавшийся (Пархоменко, матрос с «География-Победоносца») заявил, что «еще на судне он питал злобу к начальству». Попав в дисциплинарный батальон, он все-таки не ожидал встретить такого надругательства, какое увидел в Херсоне. Слова «арестант», «бродяга» и проч. были обычным обращением к заключенным...

Тем же военно-окружным судом приговорены к каторжным работам на 15 лет заключенные дисциплинарного батальона Жуков и Андреев, избившие в строю фельдфебеля.

Рядовой Виленского полка Иосиф Мочедлюбер, покушавшийся на жизнь командира полка, полковника Герцыка, (за приказ последнего стрелять в матросов с «Потемкина»), военно-полевым судом приговорен к смертной казни через повешение.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Рига. Прибалт. край снова обая революционным пламенем. Судя по телеграммам, грандиозное стачечное движение, волною прокатившееся через крупные промышленные центры края, разрешилось, наконец, в Риге новым кровавым побоищем. Телеграмма в Local Anzeiger гласит, что организованная в прошлый понедельник грандиозная революционная демонстрация в Риге вызвала столкновение толпы с войском, в результате чего было убито 52 человека и 117 ранено. Доставленный нашими товарищами из Риги материал о рижских событиях не может быть, по недостатку места, целиком использован в настоящем номере, и мы помещаем здесь лишь несколько беглых сведений, освещающих переживаемый ныне этим революционным уголком России в высшей степени интересный момент.

Рига. 26-го июля. Вспыхнувшая недели 2 назад на заводе «Феникс» стачка, постепенно разрастаясь, в настоящее время стала почти всеобщей. Уже 7-й день, как прекратилось даже движение электрического трамвая. Бастуют судовые рабочие, грузчики на жел. дор., вследствие чего в городе начинает ощущаться недостаток съестных припасов. Тем не менее, обыватели относятся к стачке, по видимому, благожелательно, с тайным сочувствием, но не потому, конечно, чтобы в борьбе труда с капиталом их симпатии были на стороне первого,—просто они лишь учитывают политическое значение всякого рода волнений и «беспорядков». Митинги на заводах происходят ежедневно*). Местные социал-демократические организации—Латышская и Комитет Партии стараются в агитационных целях использовать стачку возможно полнее и целесообразнее и не без успеха. Выступают комитетские ораторы на заводах: Феникс, Балтийском, Данцигера, Эрбе, Джутовой и др.

Рига. 27-го июля. Стачка уже продолжается дней десять и постепенно охватывает все большее и большее количество рабочих,—почти-что всеобщая. Бастуют все большие заводы: Феникс, Балтийский и пр. Трамваи не ходят. В порту тихо, не грузят также на железной дороге. Дня два, как забастовали бойни. Вчера и сегодня были попытки закрыть мясные лавки. Настроение твердое: так, например, Феникс, несмотря на частичные уступки администрации, продолжает не работать. Все это время на заводах происходили грандиозные митинги: вырабатывались и обсуждались требования, говорились речи, развивались программы. Товарищи не тратали времени даром: за эту неделю они успели изложить всю партийную программу. Говорили об с.-р. и либералах, о национализме, о воору-

*) Полиция и войска вначале не вмешивались, но долго оставаясь в роли спокойных зрителей этим блюстителям порядков несвойственно: вчера было первое столкновение, при чем казаки убили одного и ранили 4-х рабочих.

женном восстании и о временном правительстве. Почти все это время на заводах развеваются, то здесь, то там красные флаги с революционными надписями. Очень долго висел на судостроительном заводе Ланге, видный далеко кругом. Вчера вывесили флаг на трубе у Балтийского. На каком-то заводе принуждены были снимать шпиль на башне, так как никак не могли добраться до флага.

Рига. 28-го июля. Сегодня я был на «Фениксе». К заводу мы с товарищем пришли около 8 часов утра. Ворота еще были заперты, и некоторое время опасались, что сегодня на завод не пустят. Рабочие мало-помалу собирались. Подошли к Балт. заводу, в котором все еще находились солдаты. Наконец, около 8½ час. ворота отперли, и мы всей массой (тыс. 5—6) вошли внутрь с красным знаменем и революционными песнями. Расположились на большом пустыре внутри завода. Около заборов и зданий расставили сторожей наблюдать, чтобы ненароком не заронили огня. Митинг открылся пением и революционными возгласами. На предложение директора, чтобы рабочие Балт. завода удалились, ответили отказом. Затем начались речи. Митинг закончился возгласами в честь Всеросс. С.-Д. Р. П. Около 12 ч. со знаменем и пением разошлись, решив собраться назавтра снова.

Рига. 29-го июля. Утром был я на Джутовой мануфактуре. Находится она за городом по петербургскому шоссе. Работает там 1.500 человек, главным образом, женщин. Часам к 9-ти собралось порядочно народу; пришло человек 50 рабочих с Балтийского завода для того, чтобы ораторы, которые должны были выступать, не были так заметны. К фабрике шли группами, с пением революционных песен. Собрались в фабричной столовой, в большом деревянном здании. Всего человек 700—800, может-быть, больше. Митинг открылся песнями и революционными возгласами. Между прочим, поют здесь больше на латышском языке; за все три дня русские песни удалось мне слышать 2—3 раза. Знакомые мотивы «варшавянки», «марсельезы» и др. не слышал, хотя говорят есть и по-латышки.

Около 10-ти часов товарищ открыл митинг речью о женском вопросе. Оратор закончил призывом к борьбе совместно с товарищами-рабочими против капитализма и самодержавия. Речь продолжалась 20—25 минут и была встречена восторженно. Через небольшой промежуток времени, во время которого опять пели революционные песни, другой товарищ перевел эту речь по-латышки.

Перешли к обсуждению своих фабричных дел. Говорили исключительно по-латышки. Во время обсуждения депутатов вызвали к директору. Депутаты для переговоров с администрацией как на Джутовской мануфактуре, так и на других фабриках и заводах были выбраны еще в январе.

Вернувшись, они передали товарищам, что директор им сказал, чтобы они расхолись, потому что сюда идут казаки. Но было уже поздно: казаки появились перед окнами. Поднялась суматоха... Женщины, несмотря на увещания ораторов вести себя спокойно и не волноваться, страшно переполошились и кинулись закрывать окна и двери. Потом предпочли разойтись и рассыпались в разные стороны.

Как говорят, казаки избили и арестовали 2—3 мужчин-рабочих: одного в тот момент, когда он закрывал двери. Другого—убеждал собравшихся идти вместе. А казаков было всего 10—12 человек. Говорят, что на зав. «Феникс», узнав об аресте 2-х товарищей, пошли их освобождать чел. 200—300 рабочих. Дошли ли они до Джутовской мануф.—не знаю, потому что они не были вооружены.

Джутовская мануфактура бастует больше недели. Администрация ни в какие переговоры не вступает, так же, как и на Балтийском. Говорят, у них на складе много товаров. За эту неделю на Джутовской мануфактуре состоялся целый ряд митингов: говорили и о социализме, о программе минимизма, о двухпалатной системе, о вооруженном восстании и пр., и пр.

На «Фениксе» сегодня был митинг, еще более грандиозный, чем вчера; собралось 10 тысяч рабочих.

На судостроительном заводе «Ланге» половина рабочих работает. «Фельзер» тоже работает, добившись уступок. Трамваи все еще не ходят. Бойни и мясные лавки закрыты. На жел. дор. начали грузить, добившись уступок. В порту часть рабочих тоже приступила к работам. Было

несколько единичных убийств полицией и казаками. На Александровской ул. пристав застрелил мясника Шеффер. Сегодня его хоронят. Стрельба за Двиной в окна ленточной фабрики была вызвана провокацией; первым выстрелил из конторы писарь.

Екатеринослав. 8-го июля. Бастуют: все мальчики торгово-промышленных заведений, мальчики из типографий, мальчики-слесаря и мальчики-заготовщики. Больше всего заслуживает внимания забастовка мальчиков торгово-промышленных заведений. Уже третий день эти мальчики (в возрасте от 9 до 13 лет) собираются в собрании общества приказчиков в количестве не менее 500 чел. Председательствует 12-летний мальчик, который поражает всех своим ораторским талантом. Удивительно было видеть, когда 12-летний оратор открыл заседание и произнес речь, в которой точно и определенно выяснил то положение, в каком находятся мальчики, и стремления, которые зародились у них. «Мы,—говорил он,—несчастные дети угнетенного пролетариата, прежде всего должны добиваться таких условий труда, которые дали бы нам возможность учиться, иметь время для своего развития, чтобы принять человеческий облик. И первое требование, которое мы должны предъявить своим хозяевам. это предоставление свободного времени для учения». Дальше он указал, что даже и торговому делу, для служения которому они взяты, их не считают нужным учить, а употребляют для домашних услуг. Указал на необходимость требовать от хозяев и старших приказчиков вежливое обращение, уважения жалованья и неприкосновенности забастовщиков. Говорили и другие мальчики. Приводились конкретные примеры всей той кабалы и эксплуатации, под гнетом которой приходится им жить. На третий день 12-летний оратор опять открыл собрание речью, в которой говорил о труде и капитале так популярно, что она ничем не отличалась от речей более взрослых. Тут он указал на необходимость приложить к борьбе за конечную цель, к которой стремится весь рабочий класс,—за социализм, и выяснил, что это такое. Указал на необходимость созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. После этой речи были выработаны требования и выбрана комиссия из мальчиков и приказчиков. Завтра идут на работу. Если же требования не будут удовлетворены к назначенному сроку, то мальчики снова решили бастовать.

Иваново-Вознесенск. Забастовки, можно сказать, кончились; рабочие 23-го июня ходили в город на площадь всей массой с тем, чтобы получить окончательный ответ от фабрикантов. Рабочие заявили, что если наши требования не будут удовлетворены, то за последствия не ручаемся. На другой день рабочие получили через старш. фабр. инспектора отрицательный ответ: уступить не можем. Депутаты послали заявление губернатору, что снимают с себя всякую ответственность и за рабочих не ручаются. С 24-го числа вечером рабочие начали уничтожать и рвать телеграфы и телефоны, громить хлебные и другие магазины. Много разбили магазинов в Вознесенских рядах. В местечках Ямы и Хуторово рабочие разгромили все лавки и магазины, кроме мелких, честных и бедных лавочников. Растащили все на паровой мельнице Кашинцева. Много сожгли дач в окрестностях, а если которая и стоит дача не сожжена, то уже в ней никто не проживает. Жизнь дачников замерла. Полиция не показывается, казаки бездействуют, а скорее сказать, что сами принимали участие в погроме. Настроение рабочих озлобленное. 25-го июня расклеили объявление губернатора: «В виду погромов и буйного поведения рабочих после 4 часов попол. будут приняты строжайшие меры, чтобы воспрепятствовать уличным сборищам». Арестовали около 150 ч. Двое фабрикантов Грязнов и Щапов вывесили объявление, в которых говорится: 10½-час. раб. день и ½ часа на завтрак, т. е. 10 часов рабочих. Получающим от 8 до 12 руб.—3 руб.; с 12 до 15 руб.—2 руб.; с 15 до 22 р.—1 руб. 20 коп. и более 22 руб.—70% прибавки. Отмена обысков. Уволить ненавистных рабочих лиц. За стачку не увольнять. Платы за время забастовки не будет, но хозяин сказал рабочим, что, быть-может, за месяц, а быть-может, за все время забастовки

уплачу, только не прямо, а вместо наградных, пенсии или в роде этого.

27-го числа на депутатском собрании решено в виду того, что материальные средства у многих истощились и рабочим волей-неволей приходится принимать какие-либо меры, то решил с 1-го числа итти всем вместе по фабрикам работать, запастись новыми силами и после снова начать борьбу.

Рабочие на всех фабриках выработали такой план, чтобы самим установить сокращенный рабочий день. Каждый день происходят на Талке собрания с речами. Когда местный оратор Д. описывал картину жизни рабочих, то многие плакали и сочувственно кричали: «Долой самодержавие!». Д. сказал зажигательную речь и последнее прости. Все рабочие плакали и кричали: «Пойдем с тобой!». 1-го числа он же сказал: «Меня давно ищут, чтобы арестовать; сейчас я сам пойду в управу и скажу: арестуйте, теперь забастовка кончилась». Но рабочие подняли суматоху и кричали: «Не отпустим, а если арестуют, то все бросим работу и пойдем к тюрьме».

Рабочий.

Баку. (17-го июля). Сообщаю вам новости из балаханской жизни. Здесь неделю назад, образован районный комитет от Бакинского комитета. На необходимость такого комитета в Балаханах сошлись как комитет Бакинский, так и работники Балахан. В районный комитет вошли подрайонные представители различных подрайонов балаханского района: сабунчинского, завратского, романовского, балаханского и центрального и, кроме того, наиболее активные работники Балахан: пропагандисты, агитаторы, организаторы всего района. Комитет из своей среды выделил исполнительную комиссию из 5 человек. Районный комитет становится в автономные отношения к Бакинскому комитету и пользуется свободой в пределах, установленных 3 партийным съездом. Исполнительная комиссия ведет всю техническую сторону работы. За прошлую неделю были устроены четыре массовки, при чем на двух из них присутствовало приблизительно до 300 человек. Организовано 14 кружков, в каждом кружке участвует по 15—20 человек. Мы пока заняты организационной работой, поэтому я пока ограничиваю свою корреспонденцию только этой стороной, далее, когда работа будет более нормальна, напишем вам о ходе ее, о настроении и требованиях рабочих и других вопросах.

Бобруйск. Казаки водворяют порядок... началось с какой-то драки между конокрадами, евреем с русским. Последний поранил трех евреев, одного смертельно. По городу распространился слух о погроме. Явились казаки и принялись за избивание... евреев. Работали шашками. Трое пехотных офицеров угрожали казакам вывести против них своих солдат. «Ведь, вы для порядка здесь,—говорили они казацкому офицеру,—а творите всякие безобразия». Полицейстер просил их не мешаться не в свое дело. Большими толпами двинулись рабочие к центральному улицам. Все было возбуждено. Чувство ненависти к врагам просилось наружу. До вечера не прекращаются манифестации: их было 10—15 в разных пунктах. Полиция металась, но никак не могла ловить врага. Манифестировали и мы, и бундовцы, соц.-сионисты и даже, кажется, поймаей-цион.

Утром 12-го рабочие узнали о смерти землекопа Генкина, получившего по голове шашкою. Громадная толпа скопилась у больницы. Выступало несколько ораторов. Кто-то заявляет от имени буржуа, что в случае мирной манифестации они гарантируют невмешательство казаков и полиции. Один товарищ по этому поводу сказал: «Мы считаемся всегда с интересами только нашего дела; если в наших интересах мирная манифестация, она будет мирной; если нам нужно итти дальше,—мы пойдем дальше. Никогда не считаемся мы с мнениями и опасениями буржуазии. Она всегда, как полупартия, предавала рабоче дело, интересы рабочих. Как класс, она эксплуатирует его беспощадно. Истый пролетарий не имеет никаких точек соприкосновения с буржуа. Они—враги наши не на живот, а на смерть. Передайте им, сытым собакам, от имени обравшихся здесь тысяч пролетариев, людей с мозолистыми руками, горячими сердцами и великой ненавистью, про-

летарский клич: «Долой буржуазию! Долой капиталистический мир!» да здравствует социализм!» Шествие продолжалось более 2 часов. Толпа громадная,—зрелище, невиданное еще здесь. Все вооружены; многие, не имевшие револьверов, запасались камнями. Тут почувствовался недостаток в оружии. На кладбище появилась трибуна и знамена. Выступали ораторы всех партий. Один наш товарищ выступал от имени не еврейских рабочих Бобруйск. Его горячее слово произвело очень хорошее впечатление. В городе замерла вся жизнь. Все еврейские рабочие и часть русских прекратили работу; магазины и лавки закрыты. На след. день появился на еврейском и русском яз. листок: «Память землекопа Бера Генкина» (русс. печ. 1.000 экз.). Читают вслух перед группами в 10—15 чел. тут же на улице.

Бобруйская Группа.

ИЗ ПАРТИИ.

Двинск. Дорогие товарищи! Прошу вас ответить печатно на некоторые вопросы, решенные на 3-м съезде,—ответить ясно и определенно: в резолюциях остается место разным догадкам, и потому заваривается целая каша. Вопросы следующие: 1) Какую роль будет играть временное правительство, будет ли руководить или управлять страной, или ни то, ни другое? 2) При каких это обстоятельствах допустимо участие пролетариата во временном правительстве? 3) Что это за агитация и пропаганда о вооруженном восстании? И только? А сознание масс как понимать? Делать одно и оставлять другое, или то и другое вместе?

Ответьте ясно и определенно, а то на этих двух словах строят целые дома,—понятно кто. Вы пишете для рабочих, а потому и пишете, чтобы рабочие могли вас понять. Об участии социал-демократов во временном правительстве я скажу следующее. Надо не знать психологии толпы, чтобы говорить, быть или не быть в правительстве. Имена вождей на устах народа; этих вождей он и пошлет, заставит войти в известное учреждение; начнете доказывать, что социал-демократам нельзя войти,—толпа скажет: «Не хотите? Вы изменники! Смерть вам!». Так или иначе придется там быть. А когда вы войдете и выйдете по известным причинам, и тогда, если вы докажете, почему вы не могли там засесть, масса за вами пойдет, куда нужно: она вас заставит, она и отстоит вас. Тогда вы будете иметь громадное значение. Итак, если мы присмотримся к делу, то увидим, что не так уж сильно разногласия, из-за которых вы там за границей на стенку лезете да столько бумаги перепортили. Откиньте только личное, и все поправится. Прямо-таки стыд и позор: партия, которая начала крепнуть, начала пускать корни, разрывается на части, и кто же ее разрывает? Те самые люди, которые над ней трудились столько лет,—те самые люди ударились в личные дела и разрывают не успевшее окрепнуть детище. Стыдно и гадко, господа. Даже страшно товарищами назвать! Пойдешь денег собрать,—«да что, говорят, вы только знаете, что деретесь между собой, а дела нет». Приходят социалисты-революционеры к рабочим и говорят: «Хорошо социал-демократы стоят за рабочий народ! Не успела партия окрепнуть, а они уже рвут ее на части!». И анархисты не отстанут, да и прочие также. Прошу дать ответы на вопросы, поместить письмо на страницах органа.

Рабочий.

От ред. Отвечаем на вопросы товарища: 1) Да, и руководить, и управлять до созыва всенародного учредительного собрания; 2) при таких обстоятельствах, когда это участие обеспечит возможность «беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса» (из резолюции III съезда); 3) в резолюции III съезда о восстании прямо сказано, что надо «выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практическую организационную сторону предстоящего вооруженного восстания». Это значит: надо развивать сознание масс, выяснять им политическое значение

восстания. Но этого мало. Надо, кроме того, звать массы на вооруженную борьбу, сейчас же начать вооружаться и организоваться в отряды революционной армии. Далее, мы должны сказать автору письма, что «взысканию резолюций съезда и конференции о временном революционном правительстве посвящена целая брошюра Н. Ленина: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Наконец, по поводу раскола скажем, что возмущение автора вполне законное. Советуем ему добиваться всеобщего признания единых правил партийной организации, добиваться, не смущаясь никакими интеллигентскими воплями ни о кулаке сверху, ни о кулаке снизу, добиваться не тайком, не путем интриг, не основывая новые группы или новую партию, а открыто, прямо, в рамках одной из организаций Р. С.-Д. Р. П.

Рига. Резолюция: «Мы, члены рижской организации Р. С.-Д. Р. П., собравшись 10-го июля в количестве 30 чел. и выслушав доклад делегата рижского комитета о III съезде, выражаем нашу полную солидарность с резолюциями, выработанными на этом съезде, но при этом находим, что 9-м параграфом организационного устава не в достаточной мере дается организации право контроля над комитетом. Долой самодержавие! да здравствует революция! да здравствует Р. С.-Д. Р. П.»

Состав собрания почти исключительно интеллигентский. рабочих было всего 4 чел., Нападкам подвергся опять злополучный § 9.

Сызрань. Группа сформировалась в конце мая 1905 года, с этого времени по июль ею были распространены следующие издания Центрального и Самарского комитетов партии: «В бой за свободу»—200 экз.; «К гражданам»—60 экз.; «Извещение конференции соц.-дем. организаций России»—20 экз.; «Ко всем солдатам»—110 экз.; «Новые царские милости»—170 экз.; «К крестьянам»—250 экз.; «Какое страхование нам нужно?»—40 экз.; «Последние друзья самодержавия»—100 экз., и др. Членами группы еще до ее формального основания распространялись следующие издания тех же комитетов: «Петиция петербургских рабочих к царю»—300 экз.; «Второе письмо Гапона»—300 экз.; «Правда для солдат»—300 экз.; «Почему царь не хочет мира?»—500 экз.; «Солдатская памятка»—300 экз.; «Крестьяне, к вам наше слово»—800 экз.; «Первый шаг»—60 экз.; «К рабочим мастерских и депо»—100 экз. Среди рабочих группой устроены кружки. Через рабочих, участвующих в этих кружках, распространяется, кроме прокламаций, еще партийная, а также легальная литература. В некоторых селах Сызранского уезда группа имеет связи с крестьянами и ведет среди них пропаганду.

Сызранская Группа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

В редакцию «Пролетария» поступили листки, изданные: Московским К-том: 1) Ко всему цивилизованному миру (перепечатано с прокл. матросов «Кн. Потемкина») (печ.); 2) К артиллеристам (печ.); 3) Пауки и мухи (печ.); 4) Кто будет платить контрибуцию (перепечат. с прокл. Петербургского К-та) (печ.); 5) Ко всем рабочим и солдатам г. Москвы (печ.); 6) Они столковались (перепеч. с прокл. Центр. К-та) (печ.); Бакинским К-том: 1) Товарищи! Кровавые февральские дни уже миновали (на армянск. яз., печ.); 2) Ко всем рабочим Восточного Об-ва в Белом городе (печ.); 3) Требования рабочих зав. Шихова (Биби-Эйбатский Район, К-т) (печ.); 4) К солдатам (печ.); 5) Отчет Бак. К-та за май 1905 г. (печ.); 6) К рабочим Каспийского машиностроительного завода (печ.); 7) Они столковались! (перепеч. с прокл. Центр. К-та) (печ.); Рижским К-том: 1) Свобода буржуазная и пролетарская (печатн., 3.000 шт. русск. и 7.000 шт. латышск.); 2) Ко всем рижским 3.000 (печатн., 2.000 шт. русск. и 3.500 латышск.); Херсонской организацией: 1) К обществу (печ.); Ярославским К-том: 1) Булыгинская Дума (печат.); Полесским К-том: 1) Летучий листок Полесского К-та № 5¹) (печ.); 2) Летучий листок Полесского К-та № 5 (печ.); Гомельской Организацией Полесского К-та: 1) Ко всем (печ.); 2) К рабочим Гомельских железнодорожных мастерских (mimeogr.); Шухинской группой: 1) Ко всем трудящимся (печ.); 2) Воззвание (на армянск. яз.) (печ.); Борисоглебской группой: 1) Отчет Бо-

рисоглебской группы от 15-го мая по 15-го июня; 2) Отчет той же группы от 15-го июня по 15-е июля (обе гект.).

Из отчета Одесского Комитета Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Отчет о технике за май. Во время стачки издано: 1) К рабочим жел.-дор. мастерских 220, 2) К раб. сапожного, портн. и булочн. цехов 220, 3) Ко всем одесским рабочим 550, 4) К городским строит. и слесарям 60, 5) Бюллетень Од. К. о стачке № 1 500, 6) Бюллетень Од. К. о стачке № 2 500, 7) К рабочим пробочного завода Арбса 220, 8) К чулочникам 80, 9) Письмо из Од. тюрьмы 500, 10) К рабочим цементного завода (1-й 120), 11) Требования раб. зав. Шполянского 500, 12) К рабочим фабрики Жака 120, 13) Ко всем коробочникам 50, 14) Ко всем гладильщикам 100, 15) Призыв к всеобщей стачке 3, 300, 16) К жел.-дор. рабочим (2-й 250), 17) К рабочим цементн. завода (2-й) 100, 18) К рабочим и работницам фабр. Жака (2-й) 250, 19) К рабочим консервн. завода 150, 20) Жертвуйте на стачку 550. Эти листки прошли через центральную технику; о листках, печатавшихся в районных техниках, отчета нет. Сверх того, изданы: 1) Ко всем рабочим и работницам Одессы 7.000, 2) Комиссия Шидловского 6.000, переп. из 15 № «Вперед», 3) Долой войну 8.000. Стали печатать «Итоги стачки».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Адреса №№ 15а, 16а и 22а отменяются. Давиду. Письмо в 2-х экз. получено. Зине, № 73. Получено. Елене.

Письмо послано по указ. адресу, сомневаемся только в его действительности. Антонине. Обе корр. получены. Волку и другим двум товарищам-рабочим из того же города. Письма получили. Спасибо. Зах. Корр. получена. Письмо Мани получено. Сатане. Получено. Ольге. Сообщите ключом Рус. явку и адрес для писем. Иле. Отчет и письмо получены. Харитону. Немедленно пришлите явку и адреса для писем. Александру. Письма получаем, ключа разобрать не можем. Ценскому. Пишите своим ключом, ключа И. Порф. не знаем. Измаилу. Отчего нет вестей? Павлу. Корр. получили, ключа разобрать не можем. Субъекту. Оба письма получили, ключа Раппа не знаем. Бакинцам. Письма из тюрьмы и переписки не получили. Рабочему Косте. Письмо получили только теперь, значительная его часть не проявилась. Нищему и Фекле. Отчего не пишете? Юзе. Получили оба письма. Old friend. Отчего не пишете? Рюрику. Давно от вас нет вестей. Поповичу. Тоже. Теофилии. Газеты, листки, резолюции, письма получены.

Вышла новая брошюра изд. ЦК Р.С.-Д.Р.П. «Рабочие о партийном кризисе». Цена 25 сант.

За недостатком места не вошли в настоящий №, пойдут в следующем, корреспонденции из Риги, письмо из Одессы товарища, бывшего на «Потемкине» представителем от Одесского комитета и др.

Примечания.

Прим. 1. В оригинале опечатка: в документе значится „Летучий листок № 3“.

ЖЕНЕВА. 29 (16) августа 1905 года

№ 14.

Пролетарій

Пролетарии всех странъ.
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партии.

„Единение царя с народом и народа с царем“.

В № 12 «Пролетария», вышедшем 3 (16) августа, мы говорили о возможности близкого созыва Булыгинской Думы и разбирали тактику социал-демократии по отношению к ней. Теперь булыгинский проект стал законом, и манифест 6 (19) августа возвестил о созыве «Государственной Думы» «не позднее половины января 1906 года».

Как-раз к годовщине 9-го января, когда петербургские рабочие своей кровью запечатлели начало революции в России и свою решимость отчаянно биться за ее победу,—как-раз к годовщине этого великого дня царь собирается созвать самым грубым образом подделанное, через полицейские сита просеянное собрание помещиков, капиталистов, ничтожного числа богатых и холопствующих перед начальством крестьян. С этим собранием царь намерен совещаться, как с собранием представителей «народа». А весь рабочий класс, все миллионы трудящихся и не имеющих своего домохозяйства не допускаются ни к какому участию в выборах «народных представителей». Поживем—увидим,—оправдается ли этот царский расчет на бессилие рабочего класса...

Пока революционный пролетариат не вооружился и не победил самодержавного правительства, нельзя было и ждать ничего иного, кроме этой ничего не стоящей царю и ни к чему его не обязывающей подачи крупной буржуазии. Да и этой подачи, вероятно, не было бы дано в настоящий момент, если бы не надвигался грозно вопрос о войне или мире. Без совещания с помещиками и капиталистами самодержавное правительство не решается ни возложить на народ тяжести безумного продолжения войны, ни выработать мер, чтобы свалить с плеч богатеев и взвалить целиком на плечи рабочих и крестьян всю тяжесть расплаты за войну.

Что касается самого содержания закона о Государственной Думе, то оно вполне подтвердило самые худшие ожидания. Неизвестно, будет ли еще на деле созвана эта Дума,—подобные подачи нетрудно взять назад, и подобных обещаний самодержавные монархи каждой страны давали и нарушали десятки; неизвестно еще, насколько сумеет эта будущая Дума, если она соберется, а не будет сорвана, стать центром действительно широкой политической агитации в массах народа против самодержавия. Но что самое содержание нового закона о Государственной Думе дает богатейший материал для нашей агитации для разъяснения сути самодержавия, для разоблачения его классово-

основы, для вскрытия всей непримиримости его интересов и интересов народа, для распространения и популяризации наших революционно-демократических требований,—это не подлежит ни малейшему сомнению. Можно сказать без преувеличения, что манифест и закон 6 (19) августа должен стать теперь настольной книгой всякого политического агитатора, всякого сознательного рабочего, ибо это действительно «зерцало» всех гнусностей, мерзостей, азиатчины, насилия, эксплуатации, проникающих собой весь социальный и политический строй России. Чуть ли не каждая фраза этого манифеста и этого закона—готовая канва для богатейших и содержательнейших политических комментариев, будящих демократическую мысль и революционное самосознание.

Есть изречение: не тронь—не воняет. Когда читаешь манифест и закон о Государственной Думе, чувствуешь себя так, как-будто под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времен груды нечистот.

Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры. На этой канве беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа. Вот теперь перед нами попытка проявить на деле это «единение» в самой робкой, зачаточной форме, в виде простого совещания с «выборными людьми от всей земли русской». И что же? Сразу оказывается, что «единение царя с народом» возможно только при посредстве армии чиновников и полицейских, оберегающих прочность надетого на народ намордника. Для «единения» нужно, чтобы народ не смел разинуть рта. «Народом» считаются только помещики и капиталисты, допускаемые к двухстепенным выборам (они сначала выбирают по уездам или городским участкам выборщиков, а выборщики выбирают уже членов Государственной Думы). Крестьяне-домохозяева считаются народом, лишь будучи просеяны четырёхстепенными выборами под надзором, при содействии и назидании предводителей дворянства, земских начальников, чинов полиции. Сначала домохозяева выбирают членов волостных сходов. Далее волостные сходы выбирают уполномоченных от волостей, по два от схода. Затем эти уполномоченные от волостей избирают губернских выборщиков. Наконец, эти губернские выборщики от крестьян вместе с губернскими выборщиками от помещиков и капиталистов (горожан) выбирают членов Гос. Думы!

В общем числе губернских выборщиков крестьяне почти везде составляют меньшинство. Им обеспечен по выбору только один член Гос. Думы от каждой губернии, обязательно из среды крестьян же, т. е. 51 место из 412 (в 51 губернии Евр. России).

Весь городской рабочий класс, вся деревенская беднота, батраки, бездомные крестьяне вовсе не участвуют ни в каких выборах.

Единение царя с народом есть единение царя с помещиками и капиталистами с добавлением горстки богатых крестьян и с подчинением всех выборов строжайшему надзору полиции. Нет и речи о свободе слова, печати, собраний, союзов, без которой выборы являются чистейшей комедией.

Государственная Дума не имеет ровно никаких прав, ибо все ее решения имеют не обязательный, а лишь совещательный характер. Все ее решения идут в Государственный Совет, т. е. на просмотр и одобрение тех же чиновников. Это—только игрушечная пристройка к чиновничьему и полицейскому зданию. На заседание Государственной Думы публика не допускается. Отчеты о заседаниях Государственной Думы допускаются к оглашению в печати только тогда, когда заседания не объявлены закрытыми, а для закрытия достаточно чиновничьего распоряжения, т. е. отнесения рассматриваемого вопроса министром к числу государственных тайн.

Новая Государственная Дума—это все тот же российский полицейский участок в расширенном виде. Богатый помещик и фабрикант-капиталист (изредка богатый крестьянин) допускаются для «совещания» в «открытые» заседания полицейского участка (или земского начальника, или фабричного инспектора и т. п.); они всегда имеют право повергнуть свои мнения на «благовоззрение» государя-императора... то-бишь, околоточного надзирателя. А «черный народ», рабочие городские и деревенская голь, разумеется, ни на какие «совещания» никогда не допускаются.

Разница только та, что полицейских участков много, и все в них шито-крыто, а Государственная Дума—одна, и теперь пришлось опубликовать порядок ее выборов и пределы ее прав. Публикация эта, повторяем, сама уже по себе является превосходным разоблачением всей гнусности царского самодержавия.

С точки зрения интересов народа, Гос. Дума—самое наглое издевательство над «народным представительством». И как нарочно, чтобы еще больше подчеркнуть эту издевку, являются такие факты, как речь г. Дурново, арест г. Милюкова и К⁰, выходка г. Шарапова. Новый московский генерал-губернатор Дурново, восторженно приветствуемый реакционной печатью, выболтал в своей речи истинные планы правительства, которое вместе с манифестом и законом о Государственной Думе 6 августа издало того же 6 августа указ об отмене изданного 18 февраля 1905 года «указа Сенату». Указ 18 февраля предоставлял частным лицам вырабатывать виды и предположения по вопросам государственного благоустройства. На этот указ опирались земцы и представители интеллигенции, устраивая терпимые полицией собрания, совещания, съезды. Теперь этот указ отменен. Теперь все «виды и предположения по вопросам государственного благоустройства» должны «восходить» к самодержавному правительству «порядком, в учре-

ждении Государственной Думы установленным!». Это значит—конец агитации, конец собраниям и съездам. Есть Государственная Дума, и—больше разговаривать не о чем. Так именно и сказал г. Дурново, объявивший, что больше никаких земских съездов они не потерпят.

Либералы нашей «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии оказываются еще раз одураченными. Они рассчитывали на конституцию, а им запретили теперь всякую конституционную агитацию по поводу «пожалования» такого учреждения, которое является насмешкой над конституцией!

А г. Шарапов пробалтывается еще больше. В своей субсидируемой правительством газете «Русское Дело» он прямо советует запасти в том дворце, где будет заседать Дума, казаков... на случай «неуместных» выходов этой Думы. Для единения царя с народом представители народа должны говорить и действовать так, как хочет царь. Иначе казаки разгонят Думу. Иначе—членов Думы можно арестовать и без казаков, даже еще до того, как они попали в Думу. В субботу 6 августа вышел манифест о единении царя с народом. В воскресенье 7 августа один из вождей умеренного крыла освобожденцев, или «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии, г. Милюков, арестован под Питером вместе с десятком его политических коллег. Их хотят преследовать за участие в Союзе Союзов. Их, вероятно, скоро выпустят, но двери Думы для них легко будет закрыть: стоит объявить их «привлеченными к следствию или суду»!..

Русский народ получает первые маленькие уроки конституционализма. Цена всяким законом о выборах народных представителей—медный грош, пока нет фактически завоеванного самодержавия народа, полной свободы слова, печати, собраний, союзов, пока нет вооружения граждан, способного обеспечить неприкосновенность личности. Мы сказали выше, что Государственная Дума есть издевка над народным представительством. Это, несомненно, так с точки зрения теории самодержавия народа. Но этой теории не признают ни самодержавное правительство, ни монархическая либеральная буржуазия (освобожденцы, или конституционно-монархическая партия). Перед нами в современной России три политических теории, о значении которых мы будем говорить еще не раз: 1) теория совещания царя с народом (или «единения царя с народом и народа с царем», как говорит манифест 6 августа); 2) теория соглашения царя с народом (программа освобожденцев и земских съездов); 3) теория самодержавия народа (программа социал-демократии, а также революционной демократии вообще).

С точки зрения теории совещания, вполне естественно, что царь устраивает совещание только с теми, с кем он хочет, и только таким способом, каким он хочет. А с кем и как хочет совещаться царь, это Гос. Дума показывает с великолепной наглядностью. С точки зрения теории соглашения, царь не подчинен воле народа, а только должен считаться с ней. Но как именно считаться, в каких пределах считаться,—это из «освобожденской» теории «соглашения» не может быть выведено, и пока реальная власть в руках царя, «освобожденская» буржуазия неизбежно осуждена

на жалкое положение попрошайки или маклера, желающего победами народа попользоваться против народа. С точки зрения самодержавия народа, не обходимо сначала обеспечить на деле полную свободу агитации и выборов, а затем созвать действительно всенародное учредительное собрание, т.-е. такое, которое было бы выбрано всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и которое бы имело в своих руках всю власть, полную, единую и нераздельную власть, которую выражало бы на деле самодержавие народа.

Мы подошли, таким образом, к нашему лозунгу (лозунгу Р.С.-Д.Р.П.) агитации по поводу Гос. Думы. Кто может на деле обеспечить свободу выборов и полноту власти учредительного собрания? Только вооруженный народ, организовавшийся в революционную армию, привлекий на свою сторону все живое и честное из армии царя, победивший царские силы и заменивший царское самодержавное правительство временным революционным правительством. Учреждение Гос. Думы, которое, с одной стороны, «подманивает» народ мыслью о представительном образе правления, а с другой стороны, является самой грубой подделкой народного представительства, дает неиссякаемый источник для самой широкой революционной агитации в массе, служит прекрасным поводом к устройству собраний, демонстраций, политических забастовок и т. д. Лозунг всей этой агитации: вооруженное восстание, немедленное образование дружин и отрядов революционной армии, свержение царской власти и учреждение временного революционного правительства для созыва всенародного учредительного собрания. Определение момента восстания, разумеется, зависит от местных условий. Мы можем только сказать, что вообще революционному пролетариату выгодно теперь отдалить несколько момент восстания: вооружение рабочих подвигается постепенно вперед, настроение войска становится все надежнее, военный кризис стоит накануне разрешения (война или тяжелый мир), преждевременные попытки восстания могут принести громадный вред при таком положении дел.

В заключение нам остается сопоставить вкратце очерченный выше лозунг тактики с другими лозунгами. Как мы уже указали в № 12 «Пролетария», наш лозунг совпадает с тем, что большинство работающих в России товарищей разумеет под «активным бойкотом». Тактика «Искры», рекомендовавшей в № 106 немедленную организацию революционного самоуправления и выбора народом своих уполномоченных, в качестве возможного пролога восстания, совершенно ошибочна. Пока нет еще сил для вооруженного восстания и победы его, до тех пор смешно и говорить о революционном самоуправлении народа. Это не пролог, а эпилог восстания. Такая ошибочная тактика сыграла бы лишь на-руку «освобожденской» буржуазии, во-1-х, тем, что она заслоняет или отодвигает лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления; во-2-х, тем, что она облегчила бы либеральным буржуа выдать свои (земские и городские) выборы за выборы народные, ибо народных выборов при сохранении власти за царем быть не может, а земские и городские выборы могут еще либералам удасться, несмотря на угрозы гг. Дурново.

Пролетариат исключен из выборов в Думу. Про-

летариату, собственно, нечего бойкотировать Думу, ибо эта царская Дума сама своим учреждением бойкотирует пролетариат. Но пролетариату выгодно поддержать ту часть буржуазной демократии, которая склоняется к революционному образу действий, а не торгашеству, к бойкоту Думы, к усиленной агитации в народе для протеста против этой Думы. Пролетариат не должен пройти молча мимо этой первой измены или непоследовательности буржуазной демократии, когда ее представители говорят о бойкоте Думы (за бойкот высказалось даже при первоначальном голосовании большинство на июльском съезде земцев), говорят пышные фразы об обращении к народу, а не к царю (г. И. Петрункевич на том же съезде), а на деле готовы оставить без протеста, в настоящем смысле слова, без широкой агитации эту новую издевку над народными требованиями, готовы забросить мысль о бойкоте и пойти в Думу. Пролетариат не может оставить без опровержения те лживые фразы, которыми пестрят теперь статьи в легальной либеральной печати (смотри, например, «Русь» от 7 августа), бросившейся воевать против идеи бойкота. Господа либеральные газетчики развращают народ своими уверениями в возможности мирного пути, «мирной борьбы мнений» (отчего это Милюков не мог «мирно» бороться с Шараповым, господа, а?). Господа либеральные газетчики обманывают народ, заявляя, будто земцы «могут в известной мере (I) парализовать (II) несомненно предстоящее воздействие на крестьянских избирателей со стороны земских начальников и вообще местной администрации» («Русь», там же). Либеральные газетчики в корне извращают значение Гос. Думы в ходе русской революции, когда сравнивают эту Думу с прусской палатой эпохи бюджетного конфликта с Бисмарком (1863 г.). На деле, если уже сравнивать, то надо брать для примера не конституционную эпоху, а эпоху борьбы за конституцию, эпоху начала революции. Поступать иначе—значит перепрыгивать прямо от эпохи революционной буржуазии к эпохе примирившейся с реакцией буржуазии (сравни № 5 «Пролетария» о параллели наших гг. Петрункевичей и «бывшего революционера», а потом министра Андрашии). Гос. Дума напоминает прусский «соединенный ландтаг» (сейм), учрежденный 3 февраля 1847 года, за год до революции. Прусские либералы тоже тогда собирались, да не собрались, бойкотировать эту совещательную помещичью палату и спрашивали народ: «Annehmen oder ablehnen?» («Принять или отклонить?»)—заглавие брошюры буржуазного либерала Генриха Симона, вышедшей в 1847 г.). Прусский соединенный ландтаг собрался (первая сессия была открыта 1 апреля 1847 г., закрыта 26 июня 1847 г.), повел к ряду конфликтов между конституционалистами и самодержавной властью, но он так и остался все же мертвым учреждением, пока революционный народ, и пролетариат Берлина во главе его, не победил королевских войск в восстании 18 марта 1848 года. Тогда Государственная Дума... то-бишь, соединенный ландтаг полетел к чорту. Тогда создано было (к сожалению, не революционным правительством, а королем, которого «не доби́ли» геройские рабочие Берлина) народное собрание представителей на основе всеобщего избирательного права при сравнительной свободе агитации.

Пусть же буржуазные предатели революции идут в эту мертворожденную Гос. Думу. Российский пролетариат возьмется за усиленную агитацию и подготовку нашего русского 18 марта 1848 г. (или лучше 10 августа 1792 года).

Соглашение или революция?

Характеризуя позицию либералов в эпоху 70—80 годов, Катков говорил, что они обращаются к правительству с своеобразной угрозой: «Дайте нам что-нибудь, или они (т.-е. революционеры) будут бросать бомбы». Надо отдать справедливость вождю мракобесия, что он очень верно подметил и охарактеризовал политическую позицию русского либерализма. «Дайте нам что-нибудь, или они будут бросать бомбы». По мнению либералов, на исторической сцене существовали только две силы, две полные силы — самодержавие и либерализм. Между этими двумя силами велся спор о «правах». Это был спор двух родственных общественных сил, спор в пределах одного класса, спор, по существу, семейный. Крепостничество, «феодалная» монархия рухнула вместе с господством крепостного дворянства. Так-называемые «великие реформы» знаменовали собой официальное признание господства силы буржуазного общества, — общества, основанного на капитале, купле-продаже, вольнонаемном труде. «Первый дворянин» империи превратился в первого капиталиста. Таким образом, и самодержавие, и либерализм, по существу, стояли на почве одного и того же строя отношений — буржуазно-капиталистического. Конфликт между ними не был более социальным конфликтом, это был еще только конфликт политический. Это был конфликт в пределах одного общества. Монархия с ее военно-бюрократическим аппаратом являлась орудием буржуазного общества, его государственной формой господства. Либерализм был идеологическим выражением этого общества, его идейной формой господства. Самодержавная власть знаменовала, таким образом, господство органа буржуазного общества над самим этим обществом, либеральная конституция — господство буржуазного общества над его органом, самостоятельность этого общества. Спор велся, следовательно, о компетенции двух сил господствующего класса буржуазного общества, о перераспределении слагаемых одной и той же суммы. Конечно, и этот спор о правах мог быть разрешен революционным путем, — путем политической революции, как он раз разрешался, например, во Франции. Но чтобы самостоятельность буржуазного общества могла восторжествовать над монархической опекой над этим обществом, необходимо было, чтобы само это общество было способно бороться за свои права, было способно совершить революцию. Но российская буржуазия, вскормленная соцами монархии, не могла подняться до высоты революционной точки зрения, — она могла только торговаться. И политической формой ее «борьбы за право» стало соглашение с монархией. Необходимые ей права думала она получить от самодержавия путем соглашения с ним, и, чтобы поднять свои шансы в этом торге, она не прочь была припугнуть самодержавие красным

призраком, — «Дайте нам что-нибудь, или они будут бросать бомбы».

С тех пор прошло около четверти века. За это время коренным образом изменились экономические и общественные отношения России, перераспределились роли общественных сил, выдвинулись на авансцену новые потребности и запросы. Вместо прежних бомб, страшных для царей и министров, появилась могучая общественная сила — пролетариат, — страшная не только для власти царей, но и для господства буржуазии. К прежнему конфликту между двумя силами одного общества — буржуазного — присоединился более сложный конфликт, между двумя обществами — господствующим буржуазным обществом и зародившимися в его недрах элементами общества социалистического. Буржуазия, стоявшая прежде перед лицом политического конфликта со своим правительством, оказалось вместе с этим правительством перед лицом социального конфликта с пролетариатом. И буржуазии, попавшей между «анархией сверху» и «анархией снизу», пришлось выбирать: или произвести вместе с пролетариатом революцию и, свергнув самодержавие, получить власть в свои руки, но зато удесятерить силу своего союзника — завтрашнего противника; или войти в соглашение с монархией и, раздавив «анархию народных масс», получить себе долю власти, но зато упрочить тем самым надолго и монархию. Самодержавие, преследуя свои узкие цели, стесняет свободное развитие буржуазного общества; пролетариат, освобождая сегодня развитие этого общества, грозит завтра разрушить его. И в виду этой дилеммы либерализм начинает все более и более отдаляться от революционно настроенных масс и все больше и больше проникаться идеей соглашения с самодержавием. Логика истории неумолима. Начав с *a*, неизбежно дойдешь и до ижицы. Начав с запугивания буржуазии призраком «анархии снизу» (зри № 1 «Освобождения», статью кн. Трубецкого и пр., и пр.), либерализм не мог не закончить теорией соглашения. Но, как истинные торгаша, наши либералы не могли не использовать этой самой «анархии снизу», т.-е. революционного движения, в целях увеличения своих шансов в торге. И как либеральные отцы говорили правительству: «Дайте нам что-нибудь, или они будут бросать бомбы», — так либеральные дети твердят: «Дайте нам что-нибудь, или они произведут революцию!».

И на фоне совершающейся народной революции отчетливо и ясно рисуются оба эти элемента буржуазного *) торгашества: желание добиться соглашения с правительством, сойтись с ним на возможно выгодной сделке, и желание использовать революционное движение пролетариата и крестьянства в целях вынуждения у правительства наибольших уступок.

Мы указывали выше, что монархия является в бур-

*) Мы говорим все время о господствующих группах буржуазии — представителях крупного капитала. Ремесленники, крестьяне, мелкие торговцы тоже принадлежат к буржуазии, но в торгах с правительством не участвуют, напротив, очень часто идут рука-об-руку с пролетариатом в его революционной борьбе.

жуазном обществе орудием господства буржуазии над всем обществом, и что этой ролью она обязана своей военно-бюрократической организации. В споре «о правах» между самодержавием и буржуазией последняя опирается на свои социальные силы—капитал и общественное мнение, первое—на свои войска и бюрократию. Естественно поэтому, что всякое моральное или материальное поражение этих сил самодержавия перетягивает чашку весов на сторону его противников, заставляет его идти на уступку, и прежде всего на уступки тому из противников, который запросит менее всех, которого, следовательно, можно превратить в союзника наиболее дешевой ценой. Пока самодержавие считалось на международном политическом рынке, а следовательно, и внутри страны, могучей военной силой, оно отвергало всякие слезницы о правах, подаваемые буржуазией, как «бессмысленные мечтания». Но вот начинается война с Японией. Военное могущество самодержавия привлекается к экзамену истории, и оно позорно проваливается. Поражения следуют за поражениями; гибнет часть морских сил, сухопутная армия отбрасывается в глубь Манчжурии, Порт-Артур с лучшей частью флота отрывается от всего мира. Престиж самодержавия начинает шататься. Самодержавию нужны деньги, оно начинает впервые ощущать потребность в сочувствии со стороны населения. С горестью видит оно, как чашки весов постепенно приходят в колебание и мало-помалу начинают склоняться в сторону противников самодержавия. Делать нечего, приходится делать уступки, и оно провозглашает «весну». Министром внутренних дел назначается кн. Святополк-Мирский, которого условились считать «либеральным». Торгашеский либерализм прекрасно понимает эту биржевую игру: он понимает, что правительство намечает «норму предложения»; нужно с своей стороны наметить «норму спроса». Начинаются либеральные банкеты, речи, адреса... Собирается земский съезд. Буржуазия спешит заявить свои требования. В этом хоре весенних голосов, правда, много еще незванных, на банкетах преобладают радикальные интеллигенты, люди без ценза, без капитала, голоса их—это «птичий свист». Но правительство знает, на кого обращать внимание; оно видит, что «птичий свист» адвокатов и литераторов не имеет за собой ни решающей силы капитала, ни беспокоящей силы пролетариата. Одно только собрание интересует пока правительство—это земский собор, с ним оно и будет торговаться. 6 ноября собираются земцы, 12 декабря издается царский манифест, обещающий пока «усовершенствование государственного порядка».

Между тем, на голову правительства обрушились новые беды. Пал Порт-Артур, погребая под своими развалинами иллюзию материальной силы самодержавия. В Петербурге произошла бойня 9 января, потопившая в крови рабочих остатки его моральной силы. Неудачи правительства заставили буржуазию поднять выше голову, повысить свои требования, энергичнее заявлять их. Посыпались резолюции и адреса земских собраний, выставившие все настойчивее требование созыва народного представительства. Вместе с тем, какая-то таинственная группа конституционалистов попыталась заключить требования буржуазии в точные термины законопроекта, и вот появляется, сначала в России, а затем за границей, в изданиях г-на Струве, пресловутый

«основной закон Российской империи», проект конституции, принятый впоследствии съездом земцев. Этот проект, ясно и точно наметивший возможные нормы соглашения с правительством, условия союза капиталистов (верхняя палата) с монархией, является самой определенной формулировкой «спроса» буржуазии на конституционные права. Теперь очередь была за правительством. Теперь следовало ему, с своей стороны, наметить нормы «предложения», внести те новые уступки, которые вынуждалась его новыми поражениями и во внешней политике, и во внутренней. И вот правительство образует комиссию Булыгина в целях разработки проекта народного представительства. В это время сухопутная кампания была проиграна, но зато двинулся в далекий путь карикатурный флот, и задачей комиссии Булыгина было пока оттягивать время, кормить страну обещаниями. Но, как гром, обрушивается на голову самодержавия новая беда—поражение при Цусиме. Чашки весов сильным движением наклоняются в сторону оппозиции. Приходится ускорить работы комиссии Булыгина, приходится серьезно приняться за выработку проекта народного представительства. Буржуазия чувствует, что дело подвигается вперед, что действительная сделка с правительством возможна в ближайшем будущем. Собирается опять съезд земцев, на этот раз вместе с представителями городских управлений. Момент удобный: внешняя сила правительства сломлена; внутри страны непрекращающиеся волнения; армия отказывает в повиновении. И вот съезд принимает «основной закон», обеспечивающий, с одной стороны, господство буржуазии в союзе с монархией, с другой стороны, подкупающий массы перспективой выборов в нижнюю палату. Проект антидемократичный по существу, но для самодержавного правительства все же слишком либеральный. Либералы суют этот проект правительству и угрожающе указывают на волнуемую народную массу: «Дайте нам что-нибудь, или они произведут революцию!». Но правительство знает, что земцы только запрашивают, что они согласятся на меньшем. Ведь, революция они не устроят, а соглашение зависит от обеих сторон. И правительство сообщает неофициально свои условия в виде «первоначального» проекта «Государственной Думы». Судьба этого проекта окружена тайной: он то поступает в комитет министров, то на высочайшее усмотрение, то обсуждается в особом совещании под председательством царя. Носятся слухи, что в этом таинственном странствовании он претерпел существенные изменения в сторону либерализма, что имеется в виду передать его еще на рассмотрение Государственного Совета и т. п. День и место объявления нового закона неизвестны.

Конечно, эта неизвестность и таинственность не могут не иметь отношения к торгу. Земский съезд заявил, что будет бойкотировать булыгинский проект, т. е. ту первоначальную его версию, о которой ходили слухи во время съезда. Весьма возможно, что «изменения» проекта в разных инстанциях стоят в связи с переговорами в передних министерских канцеляриях. Новый земский съезд, на котором окончательно будет принят проект земской конституции, назначен на 24 августа; весьма возможно, что булыгинский проект не будет объявлен до этого срока, а после съезда поступит в Государственный Совет для окончательной редакции «со-

глашения» *). Все это возможно, но, конечно, все это относится к области предположений. Однако, если правительство и не будет дожидаться дальнейших переторжек с буржуазией, а опубликует булыгинскую «конституцию» такой, как ее принял петергофский совет, то и тогда еще политика соглашения не закончится. Бойкотируя выборы в Государственную Думу или протестуя в самой этой Думе, наша буржуазия будет, по существу, продолжать ту же политику соглашений. Ибо вне этой политики есть еще только революция, и ее эти верхи буржуазии боятся пуще самодержавия. И если на помощь буржуазии не придет революция помимо нее, тогда ей, в конце-концов, придется сбавить цену и сойтись с самодержавием на менее выгодных условиях.

Покинуть почву соглашений, перейти на революционную почву буржуазия могла бы только, если бы она выступила, как класс, а не как отдельная группа буржуазного класса. Но, как класс, буржуазия выступит только тогда, когда поднимется мелкобуржуазная масса крестьян, ремесленников, торговцев, когда в революционном движении этой массы потонут узкие групповые интересы крупных капиталистов. Борьба крупного капитала с самодержавием необходимо сводится к соглашению, пока этот капитал отстаивает только узкие интересы своей группы. Ибо эти интересы враждебны интересам всей массы общества, эксплуатируемой капиталом и в качестве производителей, и в качестве потребителей. Политика соглашения есть политика обеспечения привилегий меньшинства в ущерб потребностям громадного большинства. Соглашение поэтому противопоставляет интересы группы крупных капиталистов неизбежно интересам всего народа—мелкой буржуазии и пролетариата. Революция же, радикальным образом изменяющая политические отношения, переносит центр тяжести с интересов привилегированного меньшинства на интересы большинства, на интересы народа. Радикальная революция, — говорит Маркс, — может быть только революцией радикальных потребностей. А радикальные потребности и суть именно потребности широких масс народа—пролетариата и крестьянства. Вот почему мы всегда выступали против политики соглашений, как предательства народных интересов, и указывали, что дать конституцию, удовлетворяющую интересы народа, «радикальные» интересы, может только победоносное восстание самого народа и обеспечение им плодов его победы. Удастся ли эта революция, восстанет ли народ на защиту своих прав и интересов, победит ли он, сумеет ли он использовать эту победу,—этого предугадать мы не можем. Быть-может, самодержавию удастся войти в соглашение с крупной буржуазией, заключить мир с Японией и, пользуясь оживлением промышленности после войны, путем всяких лжереформ успокоить на-время широкие слои крестьян и рабочих. Но как бы ни пошло ближайшее политическое развитие, наша задача—выяснить пролетариату, какой путь наиболее выгоден для него, толкать его на этот путь, стараться увлечь за ним по этому пути революционно настроенные силы мелкой буржуазии. Одним

* Статья написана до 6-го августа. Речь ген.-губ. Дурново, о которой мы говорили выше, относится как-раз, между прочим, к этому проектированному земскому съезду 24-го августа.

словом, противопоставлять буржуазному соглашению народную революцию, буржуазной монархии—демократическую республику, шиповско-булыгинскому парламенту—всенародное учредительное собрание. Историческая задача буржуазии—затемнять рассудок пролетариата, укреплять его предрассудки; историческая задача социал-демократии—уничтожать предрассудки пролетариата, освободить его рассудок, пробуждать его сознание. И перед лицом переживаемой революции наша задача—вносить сознательность в стихийное движение рабочего класса, планомерно организовать его борьбу, ставить цели его стремлениям. И чем полнее и успешнее будет наша работа в этом направлении, тем труднее будет буржуазии выторговывать себе у самодержавия привилегии за счет народа, пользуясь старым приемом: «Дайте нам что-нибудь, или они произведут революцию!».

Черные сотни и организация восстания.

События в Нижнем-Новгороде и Балашове обратили на себя всеобщее внимание. В предыдущем номере мы поместили подробный рассказ о нижегородском побое, в настоящем номере помещаем рассказ о балашовском. Подвиги черных сотен все ширятся. Социал-демократии следует обратить внимание на то, какое значение имеет это явление в общем ходе революционного развития. В дополнение к корреспонденции из Самары вот еще интересный листок, выпущенный Борисоглебской группой Р.С.-Д.Р.П.:

«Рабочие и жители г. Борисоглебска! Балашовская и нижегородская истории, в которых полиция проявила свою способность организовывать избиение всех иначе мыслящих, показали вам всю серьезность того момента, который выдвинула перед нами революция. Пора слов и платонической критики миновала. Силю вещей правительство толкает нас от слов к делу. Оно видит, что революционное движение вышло из того положения, где борьбой с ним занимались до сих пор лишь полиция и жандармерия. Оно почувствовало, что в борьбе с «внутренним врагом» ему нехватит регулярных войск министерства внутренних дел. «Внутренним врагом», «крамольником» стало все население Российской Империи, и правительство принуждено открыть прием волонтеров-добровольцев в ряды регулярной армии. Но открывая массовый прием на «государственную службу» босякам, хулиганам, тарханам и тому подобной публике, не признающей никаких бюрократических стеснений, наше правительство принуждено было изменить и исконные приемы воздействия на массы, и исконные конспиративные приемы непосредственной борьбы с революцией. Чем ушибся, тем и лечись. До сих пор наше правительство только боролось с печатным словом. Теперь оно само печатает прокламации в «Московск. Вед.», «Русском Деле», «Гражданине», «Дне» и прочих официальных органах. До сих пор наше правительство только гонялось за агитаторами. Теперь оно само командирует архиереев, генералов, Шараповых, Грингутов и проч. своих агитаторов вести агитацию в народе. До сих пор наше правительство только душило организацию. Теперь оно само организует Союзы русских людей, Лиги патриотов, Союзы монархистов. До сих пор наше правительство только трепетало при мысли о восстании. Теперь оно само организует восстания черной сотни, само надеется устроить гражданскую войну. Правительство в ужасе перед грядущей революцией завладело ее же оружием: организацией, пропагандой и агитацией. С помощью этого обоюдоострого оружия, с помощью черной сотни правительство начинает устраивать

сцены народного возмущения, сцены контр-революции. Сделавши «пробу пера» на окраинах, оно начинает гастроли и в центре России. Недавно мы были свидетелями подобных сцен в Нижнем и Балашове, и нельзя сказать, чтобы самодержавие и здесь не имело успеха. «Революционные» приемы борьбы оказались действительными: многие враги самодержавия были убиты и избиты, а население терроризовано этим законным террором нашего правительства.

Нет сомнения, что вслед за этим последует и дальнейшее расширение эксперимента. Лавры одних черных сотен не дадут спать другим до тех пор, пока они не испробуют и своих сил. Где есть революция, там есть и контр-революция, а следовательно, и Борисоглебску надо готовиться к тому, чтобы испытать на себе организаторские способности выдающихся представителей черносотенного направления. Мы имеем основание и в Борисоглебске ждать и еврейских, и рабочих, и интеллигентских погромов, поэтому, озабочиваясь подготовлением соответствующего отпора всем «нелегальным мероприятиям» правительства подавить революционное движение, Борисогл. группа, открывая подписку на организацию вооруженной самообороны, приглашает всех, сочувствие которых не на стороне правительства и черной сотни, помогать деньгами и оружием организации кружков самообороны».

Действительно, гражданская война навязывается населению самим правительством. Действительно, «босьяки, хулиганы и тарханы» принимаются на государственную службу. При этих условиях буржуазные речи освобожденцев о преступности и безумии проповеди восстания, о вреде организации самообороны (№ 74 «Освоб.») представляются уже не только безграничной политической пошлостью, не только оправданием самодержавия и (фактически) прислужничеством по отношению к «Московским Ведомостям». Нет, эти речи становятся, кроме того, простым безжизненным брюзжанием освобожденных мумий, которых революционное движение безжалостно выбрасывает за борт «жизни», сдает в архив редкостей—самое подходящее для них место. Теоретические споры о необходимости восстания можно и должно вести, тактические резолюции по этому вопросу следует тщательно обдумывать и разрабатывать, но за всем этим нельзя забывать, что стихийный ход вещей властно пролагает себе дорогу, несмотря ни на какие мудрствования. Нельзя забывать, что развитие всех тех величайших противоречий, которые веками накопились в русской жизни, идет с неумолимой силой, выдвигая на сцену массы народа, отметаая мертвые и мертвенные учения о мирном прогрессе в кучу хлама. Всякие оппортунисты любят говорить нам: учитесь у жизни. К сожалению, они понимают под жизнью только болото мирных периодов, времен застоя, когда жизнь едва-едва движется вперед. Они отстают всегда, эти слепые люди, от уроков революционной жизни. Их мертвые доктрины оказываются всегда позади бурного потока революции, выражающего самые глубокие запросы жизни, затрагивающие наиболее коренные интересы народных масс.

Посмотрите, например, как смешны теперь перед лицом этих уроков жизни вопли некоторой части социал-демократии об опасности заговорщического взгляда на восстание, об узкой «якобинской» оценке необходимости его, о преувеличении значения и роли материальной силы в предстоящих политических событиях. Эти вопли поднялись как-раз накануне того, когда восстание стало самой настоящей и жизненной народной потребностью, когда именно масса, наиболее чуждая всяким «заговорам», стала втягиваться в восстание подвигами

черных сотен. Плохая доктрина великолепно исправляется хорошей революцией. В новой «Искре» можете прочесть беззубые, чисто-буренинские остроты (или зубоскальство?) насчет того, что в специально военной брошюре разбираются военные вопросы революции, вплоть до вопроса о дневных и ночных атаках, или насчет того, что приходится подумывать о штаб-квартирах восстания, о назначении «дежурных» членов организации, которые бы могли во время узнать о всяком погроме, о всяком действии «неприятеля», во-время дать соответствующие распоряжения нашим боевым силам, организованному революционному пролетариату. А в это самое время, точно в насмешку над мертвенной доктриной заграничных меньшевиков, мы видим действия русских меньшевиков. Мы читаем про Екатеринослав (см. № 13 «Пролетария»), что на время горячих событий (ожидали погрома черносотенных! Есть ли теперь такой город или поселок в России, где не ждали бы чего-либо подобного?) произошло соглашение у большевиков и с меньшевиками, и с Бундом. «Общие сборы денег на вооружение, общий план действий и т. д.» А какого рода этот план, видно из того, что, например, на Брянском заводе социал-демократы призывали к организации отпора на митинге рабочих в 500 человек. «Затем организованные рабочие Брянского завода были расквартированы вечером по некоторым домам; были расставлены патрули, был назначен главный штаб и т. д.,—одним словом, мы были в полной боевой готовности» (между прочим, сообщали друг-другу «места главных штабов каждой организации» из трех вышеназванных).

Новоискровские публицисты зубоскалят... над своими собственными товарищами практиками!

Сколько бы вы презрительно ни морщили нос, господа, по поводу вопроса о ночных атаках и тому подобных узко-тактических военных вопросах, сколько бы ни кривлялись вы по поводу «плана» назначать дежурных секретарей организации или членов организации вообще на случай экстренных военных действий,—жизнь берет свое, революция учит, подтягивая и встряхивая самых закоснелых педантов. Военные вопросы, вплоть до самых детальных, приходится изучать во время гражданской войны, и интерес рабочих к этим вопросам—самое законное и самое здоровое явление. Главные штабы (или дежурных членов организации) приходится организовывать. Расстановка патрулей, расквартировка отрядов—все это чисто-военные функции, все это начальные операции революционной армии, все это есть организация вооруженного восстания, организация революционной власти, которая мужает и крепнет на этих маленьких приготовлениях, на этих легких стычках, испытывая свои силы, учась воевать, готовясь к победе,—победе, тем более близкой, тем более вероятной, чем глубже становится общий политический кризис, чем сильнее брожение, недовольство и колебания в рядах царской армии.

Примеру екатеринославских и борисоглебских товарищей должны последовать и последуют в более и более широких размерах товарищи социал-демократы по всей России. Призыв к помощи и деньгами, и оружием вполне своевременен. Все растет и будет расти число людей, совершенно чуждых всяким «планам» и

всяким даже идеям революции, которые видят, чувствуют необходимость вооруженной борьбы при виде этих зверств полиции, казаков и черносотенных над безоружными гражданами. Выбора нет, все остальные пути заказаны. Не волноваться происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции нельзя, а всякий, кто волнуется, думает, интересуется, — вынуждается становиться в тот или иной вооруженный лагерь. Вас избыют, изуечат и убьют, несмотря на архимирный и до мелочности легальный образ ваших действий. Революция не признает нейтральных. Борьба загорелась уже. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, борьба между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой народной Россией, — Россией трудящихся масс, которые рвутся к свету и свободе, чтобы затем начать еще и еще борьбу за полное освобождение человечества от всякого гнета и всякой эксплуатации.

Пусть же близится вооруженное народное восстание!

Третий съезд перед судом кавказских „меньшевиков“.

Наши кавказские «меньшевики» в № 3 своего органа «Социал-Демократ» поместили боевую статью против III съезда. Не вдаваясь в рассмотрение работ съезда по существу, они сочили для себя достаточным привести несколько ходячих сплетен, что съезд создан был только для раскола, что «большинство» достигло, наконец, своего, «доставив Ленину и Ком. то, чего они два года ожесточенно добивались», что съезд был подтасован, «фальшив», «позорен», и на нем не было достаточного числа делегатов.

Оставив в стороне все сплетни и к делу не касающиеся ругательства, мы остановимся здесь на вопросе: действительно ли правы наши «меньшевики», когда они говорят о незаконности съезда? Каковы их аргументы? Во-первых, они указывают на то, что съезд по договору между Бюро Ком. Большинства и ЦК мог быть законен только при наличии делегатов от трех четв. всех полноправных организаций. Из объявлений¹⁾ членов ЦК и БКБ, образовавших вместе Организационный Комитет по созыву съезда, данных ими на заседании последнего, видно, что они этим пунктом договора хотели только обеспечить представительство возможно большего числа организаций на съезде, а вовсе не изменения того пункта партийного устава, по которому съезд законен при наличии делегатов от полноправных организаций, имеющих более половины решающих голосов.

Устав менять мог только партийный съезд, поэтому ни БКБ, ни ЦК задаваться такой задачей не могли. И на съезде, и в извещении Ц. К-та указывалось, что из 34 полноправных организаций ими привезены на съезд делегаты от 29, т.-е. более чем три четверти всего числа организаций, и что этот пункт договора ими выполнен, но не их вина, что часть делегатов на съезд не явилась, предпочитая идти на фракционную конференцию. Второй аргумент — чисто-формальный: по уставу партии

съезды созываются Советом, против этого съезда был Совет Партии, поэтому он незаконен. Так ли это на самом деле? Действительно, по пункту нашего устава Совет Партии созывает съезд, при чем оказывается, что он обязан созвать съезд, когда того требует половина полноправных организаций!.. Ну, а если Совет Партии сам нарушает устав и не исполняет волю Партии по вопросу о созыве съезда, что тогда делать Партии? Неужели оставаться без съездов, хотя бы необходимость последних была признана громадным большинством? Вполне понятно, что в таких случаях, когда высшее партийное учреждение злоупотребляет доверием партии, последней остается самой приняться за немедленный созыв съезда, этого единственного выразителя партийной воли. Так обстояло дело в данном случае. Несмотря на определенно выраженную волю 20 организаций (из 34) о необходимости созыва съезда, несмотря на то, что ЦК указывал заграничным членам Совета на неизбежность созыва съезда, даже вопреки воле Совета, последний решительно выступил против воли Партии и тем самым поставил себя вне Партии. Пятый член Совета тов. Плеханов дошел даже до того, что не созвал заседания Совета партии для обсуждения вопроса о съезде по требованию ЦК, хотя он по прямому указанию устава должен был это сделать (см. «Открытое письмо ЦК тов. Плеханову», «Вперед» № 16). Но, может, на съезде не было в действительности более половины партийных организаций, может прав «Социал-Демократ», когда он, как главное обвинение против нас, выдвигает фиктивность нашего большинства. Разберемся в цифрах. «Социал-Демократ» утверждает, что на съезде присутствовали делегаты только 15 полноправных организаций, в то время как за меньшевиками их имеется чуть не 20. Прежде всего приходится удивляться той бесцеремонности, с какой редакция вводит в заблуждение своих читателей при перечислении организаций присутствовавших на съезде. Так, например, безусловная неправда, что делегаты Тверского и Казанского комитетов не были на нем. Тверской комитет после отказа Парвуса от мандата отправил нового делегата, который и присутствовал на съезде, а казанский делегат по непредвиденным обстоятельствам несколько опоздал и попал на съезд после его конституирования. Значит, эти две организации совершенно произвольно выкинуты редакцией из состава присутствовавших на съезде. Но не в этом одном неправильность подсчета. При перечислении организаций, бывших на съезде, «Социал-Демократ» не указал ЦК, в то время как в общее число организаций ЦК включен. Полноправных организаций в партии насчитывается 34 («Социал-Демократ» признает 33, по видимому, он не считает Совета) с 71 голосом, из которых 33 организации (в состав которых входят «Искра» и ЦК) имеют по 2 голоса, Совет же партии — 5 голосов, по одному на каждого члена. По нашему счету, на съезде присутствовали из этих 34 организаций 22 с 46 решающими голосами. Но если даже исключить те 5 организаций, которые редакция «Социал-Демократа» оспаривает, хотя она никаких положительных оснований к этому не имеет, т.-е. Николаевский, Северо-Западный, 2 кавказских (Тифлис и Батум) и Воронежский, то и тогда на съезде присутствовали 17 полноправных организаций с 36 решающими голосами (из 71 гол.), как-раз столько, сколько требуется уставом для

законности съезда. Вот эти комитеты: Петербургский, Московский, Тверской, Тульский, Орловский, Нижегородский, Саратовский, Самарский, Рижский, Уральский, Одесский, Курский, Полесский, Северный, Бакинский, Имеретинско-Мингрельский, Центральный Комитет — всего 17 организаций из 34, имеющих 34 голоса; прибавьте к этому голоса двух членов Совета партии, представителей ЦК, и вы получите 36 голосов, т.-е. больше половины (из 71 гол.). Пусть читатели сами судят о нравственной физиономии тех, которые в целях оправдания перед пролетариатом совершенного ими раскола в партии так бесцеремонно перетасовывают цифры, спекулируя на незнакомстве многих товарищей с событиями партийной жизни. Как видите из приведенных цифр, съезд был законен, если принять во внимание даже все оспариваемые меньшевиками комитеты; не надо забывать, что, кроме полноправных организаций, на съезде участвовал целый ряд неполноправных, как-то: Казанский и Архангельский комитеты, Харьковская группа, Екатеринославская группа и т. д.

Теперь вернемся к этим пяти оспариваемым комитетам; действительно ли они должны быть исключены из состава участвовавших на съезде? Начнем с Николаевского комитета: к моменту созыва Третьего съезда в Николаеве существовало два комитета, «большевический» и «меньшевический». Организационный комитет пригласил делегатов и той, и другой организаций на съезд, оставив съезду судить, какой из комитетов имеет законное право на представительство. По рассмотрении всех данных мандатная комиссия съезда, а за ней и съезд признали, что «большевический» комитет связан преемственно со старым комитетом, участвовавшим на II съезде, что, главным образом, он ведет работу среди местного пролетариата, что николаевская организация со II съезда всегда примыкала к «большинству», и только организационный хаос был причиной появления «меньшевического» комитета.

Не лучше обстоит дело и с Воронежским комитетом. К созыву II съезда в Воронеже существовали 2 организации: рабочедельский Воронежский комитет и искровская «Касса борьбы». Первый не признал организационного комитета и не попал на II съезд; Центральный Комитет, согласно постановлению съезда о необходимости одной партийной организации на местах и принимая во внимание отсутствие у Воронежского комитета прочной организационной связи с местным пролетариатом и несоответствие его деятельности программным и тактическим задачам партии, распустил его и утвердил «Кассу борьбы» как комитет партии. Об этом последнем был выпущен соответствующий листок. Цельный год эта организация работала как комитет партии, и никто против этого не возражал. Протесты постоянного защитника старого Воронежского комитета Акимова оставались редакцией ЦО и Советом партии без внимания. Но как только новый Воронежский комитет высказался решительно за съезд и выразил недоверие центральным учреждениям, последние подняли вопрос о правах старого комитета. На III съезде из показаний знакомых с Воронежем товарищей и заявлений представителя ЦК выяснилось, что все притязания старого рабочедельского Воронежского комитета ни на чем не основаны, и что он к тому же еще не имеет почти никаких связей в массе.

Северо-Западным комитетом был выбран делегат, который с самого начала съезда участвовал в его работах. К концу съезда им было получено письмо от одного члена комитета («меньшевика», сам комитет «примиренческий») с предложением оставить заседание съезда, при чем в то же время от другого члена того же комитета было получено приветствие съезду. Как выяснилось из расследования мандатной комиссии, Сев.-Зап. ком. отправил делегата без всяких ограничений его полномочий; письмо члена С.-З. ком. не является официальным отзыванием комитетом своего делегата; наконец, тот факт, что Минская группа С.-З. комитета послала на съезд собственного делегата с совещательным голосом, явно показывает желание и периферии С.-З. комитета участвовать на съезде.

Теперь остается вопрос о Кавк. Союзе. Сейчас же после II съезда партии был созван 2-й съезд Кавк. Союза, который выработал новый устав Союза, утвержденный Кавказским Бюро Центр. Ком. По этому уставу, на общепартийных съездах все Кавказское движение представляется союзным комитетом, имеющим 8 решающих голосов. В течение полутора лет этим уставом руководился Кавказский Союз, и никто против этого не протестовал; ни ЦК, ни одна из входящих в Союз организаций не подняли на 3-м съезде Кавк. Союза или на Кавказской конференции вопроса об изменении устава. Ни в партийной печати, ни в опубликованных постановлениях ЦК или Совета, доведенных до сведения союзн. ком., не поднимался вопрос о незаконности устава Союза. Может-быть, т. Глебовым на заседании Совета партии и был поднят вопрос о необходимости пересмотреть устав Союза, но официально Центр. Комитетом таких шагов не было предпринято, и устав оставался в силе. Выход Тифлисского комитета «меньшинства» из Союза не мог изменить устава, так как для этого требуется постановление или ЦК (отнюдь не Совета партии, в задачи последнего это не входит), или съезда кавказских организаций. Ни того, ни другого не было. Перед III Съездом и Кавк. Союз, и Организационный ком. предложили Тифл. и Батумск. комитетам выбрать делегатов на съезд, а там уж съезд мог постановить, кому дать решающий голос; если они этого не сделали, то вина, во всяком случае, не союзного комитета. Союзный комитет, пользуясь предоставленным ему уставом правом, отправил на съезд делегатов с 8 голосами (столковавшись, конечно, с Бакинским и Имерет.-Мингр. ком.), и съезд не имел никаких оснований не дать ему этих голосов.

Мы не будем здесь совершенно касаться голословных утверждений редакции «Соц.-Дем.» в роде того, что различные меньшевистские группы, работающие в русских городах, много раз сильнее комитетов, что везде «большевические» организации обречены на гибель и т. д. Эти споры совершенно бесплодны: благодаря тому хаосу, который царил в партии в течение последнего года, благодаря ожесточенной фракционной борьбе каждая из борющихся сторон распространяла о другой всевозможные слухи, клоняющиеся к умалению сил противника и возвышению своих. Фактическое же доказательство сил и влияния многих наших комитетов потребовало бы приведения массы данных, сравнения деятельности организаций в области издательства, активных политических действий и других про-

явлений партийной жизни. Это отняло бы только массу времени и места, нисколько не помогая выяснению партийной позиции «болын.» и «меньн.». Что же касается презрительного отношения редакции «Соц.-Дем.» к рабочему движению в городах Центральной Росс., то тут приходится только констатировать ее невежество. Кто знаком хоть сколько-нибудь с историей рабочего движения в России, тот никогда не станет, как это делает «Социал-Демократ», выражать сомнение в существовании рабочего движения в Нижнем-Новгороде, Туле, Орле и других городах этого района.

Наши кавказские «меньшевики», вслед за их заграничными товарищами отказавшись от участия на безусловно законном партийном съезде и тем расколовши партию, теперь мечутся из стороны в сторону, чтобы то подтасовкой цифр доказать необязательность для партии постановлений съезда и тем оправдать свое поведение, то путем сплетен распространять среди пролетариата убеждение в полном бессилии «большевических» комитетов и тем привлечь на свою сторону малосознательные элементы.

Мы уверены, что организованный пролетариат и все активные партийные работники сумеют по достоинству оценить ту новую дезорганизаторскую выходку наших «меньшевиков», их непартийное поведение и, сплотившись скорее вокруг созданного Третьим съездом партийного центра, дружной семьей итти к осуществлению великих задач социал-демократии.

От ред. Перепечатывая эту статью из органа Кавказского Союза Р.С.-Д.Р.П. («Борьба Пролетариата» № 1, на русском языке; на армянском вышел № 6, на грузинском № 9), мы, с своей стороны, заметим, что кавказские меньшевики едва ли не первые выступили в печати не только с голословной бранью против Съезда (в духе новой «Искры»), но и с попыткой оспорить представительство точно определенных комитетов партии. Кавк. Союз в своем органе, спокойно и обстоятельно опровергая доводы меньшевиков, превосходно доказал полную законность III съезда Р.С.-Д.Р.П., даже при том условии, если бы пять оспоренных меньшевиками мандатов были признаны недействительными.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Петербург. Происходивший недавно съезд делегатов либерального «Союза Союзов» выработал такую резолюцию: «По всестороннем обсуждении вопроса о программе действий, налагаемых на союзные организации содержанием единогласно принятой 2-го июля с. г. съездом резолюции о принципиальном отношении к правительственному проекту Государственной Думы, и признавая этот акт дерзким вызовом со стороны правительства всем народам России, съезд постановил:

I. Безотлагательно приступить к объединенной мобилизации всех демократических элементов страны для устройства массовых протестов против правительственного проекта. Вместе с тем, делегатский съезд Союза Союзов заявляет, что он будет протестовать и против всякого иного закона о народном представительстве, не основанного на принципах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола, национальности и вероисповедания.

II. Считать недопустимым для членов Союза Союзов ни проведение кого-либо в проектированную Государственную Думу, ни личное в ней участие.

III. Во время избирательного периода принимать всякого

рода меры для разъяснения всему населению истинного характера закона о Государственной Думе, для чего в частности являться на избирательные собрания всех степеней и агитировать там в пользу отказа выборщиков от участия в выборах».

Результаты голосования по голосам: за—43, против—20, воздержавшихся—2; по союзам: за—9, против—3, воздержавшихся—4.

Тверь. Достоправные тверские либералы, кажется, хотя и приступить к действиям. Сейчас они работают пока на поприще «объединения всех прогрессивных элементов страны для соединенного действия против общего врага» и стремятся, повидимому, заключить союз с нами и с с.-р. Недавно в Твери происходило их собрание. Явились, главным образом, земские либералы, был один с.-р. (неизвестно: представителем ли организации), пригласили также одного нашего товарища. Предполагали организовать бюро, распространять литературу и царские указы, устраивать собрания, давать на этих собраниях свободную трибуну всем партиям и всем оттенкам. Когда соц.-революционер развил свой проект социализации, то один либерал заявил, что против этого он ничего не имеет, ибо его имение заложено на 100.000 дорожке своей стоимости, и если такое имение будет экспроприровано, то хозяин вряд ли что-нибудь потеряет. Когда был возбужден вопрос о том, стоит ли вести гласно эти собрания, то посылались протесты, и вынесена была резолюция о закрытых дверях. Выбрано было затем беспартийное бюро. Новоторжские земцы обещали устроить совещание с крестьянами. Когда их спросили, как они добудут крестьян, новоторжцы заявили, что воспользуются для сего услугами лиц, имеющих политические связи в крестьянстве. Дальше—об этом самом новоторжском совещании.

При содействии членов нашей новоторжской группы к 25-му июля в земской управе были собраны человек 70 крестьян, которые назывались представителями от волостей. Вместе с управой и гласными они должны были составить совещание о нуждах народных. Публика впускалась по билетам.

Заседание еще до официального открытия обещало быть очень оживленным, судя по разговорам, которые вели между собою собравшиеся крестьяне. Довольно резко ощущалась атмосфера недоверия и даже вражды к земству. Председатель управы просил не курить в зале. Один из крестьян сказал: «Слушаем, ваше благородие, мы не будем курить, только и вы, пожалуйста, не курите, чтобы не было так: господам можно, а нам нельзя». Затем один крестьянин произнес горячую речь: «Мы устроим рай на земле, если только вы дадите нам права. Ублаговите нас, и мы вас убоготворим. А вот вы тратите наши деньги, тратите понапрасну: что стоит 10 руб., на то 500 затрачиваете. Отчета нам не даете. Теперь мы даем вам миллион, дайте нам контролировать вас, а мы вам три миллиона дадим». Все чувствуют себя неловко. Со стороны крестьян голоса: «Так! Верно!».

Наконец, председатель управы приглашает к порядку, объявляет открытым собрание, а себя его председателем. История совещания и его задачи таковы. Совещание созвано по почину управы для обсуждения народных нужд. Крестьяне и частные землевладельцы созваны потому, что земство не является представителем всего населения. И такие совещания всегда будут созываться, в этом помогут нам добрые люди. Крестьянский вопрос—основной вопрос русской жизни. Его разрешением обеспечивается спокойствие и благополучие России. Все условия поэтому должны считать крестьянский вопрос своим. Безземелье и недоодевание доводят крестьян до «беспорядков». «Но мы не осуждаем за это крестьян, как не осудим голодного, взявшего без спросу кусок хлеба. Нужду народную надо разузнать, и штыком крестьянских волнений не уничтожить. Созыв народных представителей,—вот что может успокоить страну».

Дальше слово принадлежит Ивану Ильичу Петрункевичу, но один из крестьян уже успел завладеть им. Председателю пришлось помириться с фактом, очевидно, в виду натаянности отношений.

Председатель ограничивает время ораторов 15 минутами, затем заявляет: «Теперь, господа, слово принадлежит на-

сему уважаемому и глубоко чтимому общественному и земскому деятелю И. И. Петрункевичу».

Петрункевич указывает на размеры и многообразие русских нужд и находит две причины, побуждающие нас к их скорейшему удовлетворению: 1) война, после которой нам непременно придется платить контрибуцию, и 2) «беспорядки». «Беспорядки» начались повсюду, где есть нужда. «Нужда толкает людей на преступления». Далее рассказывает историю земского движения, начиная с комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сообщает, что, добываясь приема 6-го июня, они «8 дней боролись со всякими препятствиями!». Говорит о «стене» из «бюрократии», которая встала между царем и народом. Критикует булыгинский проект с точки зрения системы народного представительства. Определяет задачу представительства: законодательство, контроль над бюджетом и над действиями администрации. Когда прошло 15 минут, послышался голоса: «Довольно!». Пришлось скорее кончать. После этого крестьяне начинают очень оживленно высказываться. «Нужды известны и нам, и вам; скажите, научите, как нужно действовать, чтобы они были удовлетворены». Упрекают земство за ассигновки из народных денег на войну и на Красный Крест. «Вот пошли еще в Петербурге 9 января 200.000 рабочих к царю и были встречены картечью, а 6-го июня совсем маленькая кучка дворян пошла и была милостиво принята царем. Что это значит? Мы не понимаем! Разъясните, пожалуйста». Затем—не то серьезно, не то иронически: «Ив. Ильич (Петрункевич) часто в Питере с министрами находится, пусть он скажет им о наших нуждах». «Нужно освободить нас от всяких поборов, потому что война всею тяжестью легла на крестьян». Апофеоз: «Покорнейше просим еще управу порогов у начальства не ожолачивать. А особенно просим об этом вас, Ив. Ильич! Сами говорите, что перед 6 июня целых 8 дней канючили. Стыдно, господа! Так делать нельзя! Нужно требовать, нужно самим орать! («Ладно! Так, так! Как есть!»). Вот жалуетесь, что земство ничего не могло сделать для народа благодаря противодействию правительства. Отчего? От вашего холопства!». Петрункевич ответил: «Теперь мы сами перешли (!?) к такому образу действий, о котором говорите вы. Раньше мы хлопотали и кланчили, потому что не чувствовали под собой опоры. Мы не знали, как народ отнесется к нашим планам. Между нами и народом не было никакой связи. Теперь мы обращаемся к народу и стараемся разъяснять наши требования... Но силой ничего нельзя добыть (?), можно добыть только правом (!). Даже захваченной силой нужно закрепить правом». «Народные представители удовлетворяют ваши нужды». Народ должен быть «вершителям своих судеб».

Потом опять высказывались крестьяне. Говорили о разных свободах, читали приговор какого-то сельского схода, где излагались требования всяких конституционных гарантий.

После двухчасового перерыва я уже не пошел в залу заседания, заинтересовавшись черносотенными. Они столпились во дворе управы и, влезши на подоконники, вероятно свернословили и грозили камнями разогнать собрание. Особенно сильное недовольство черносотенные проявляли по поводу того, что их не пускали в залу заседаний. Они говорили, что эти господа хотят мужика в крепостное состояние опять превратить, что земцы противокламини раскидывают и народ к бунтам подстрекают, что они, черносотенные, за «народ», за крестьянство против господ стоят. По указаниям местных людей я попытался завязать знакомство с вожакими. Двое каких-то, повидимому, приказчиков или десятников в артели, и один каменщик раскрыли мне свое миросозерцание. Народное представительство, по их мнению, безусловно необходимо России. Проект Булыгина никуда не годится, ибо лишает прав крестьянство и бедноту. Но, ведь, это настолько очевидно, что первое же собрание Государственной Думы потребует расширения всяких прав. А господа всегда в карман норовят. На Дальний Восток отправляют в вагонах шампанское вместо боевых припасов, Красный Крест и интенданство вдребезги изворовались; а кто это все?—Бюрократия. А что такое бюрократия?—Дворяне! Дворяне хотят

всю власть в свои руки захватить, самодержавие низвергнуть. А вот в Англии—700.000 голодающих в Лондоне. Отчего? Оттого, что там король вместо мебели. В Австрии же беспрепятственно резня в парламенте идет, а в Сербии дворяне даже короля зарезали.

Попытался распутать эту мешанину, забросил удочку для агитации,—пошло! Жаль, времени нехватило, а то с двоими уже подружиться успел! Чорт их знает, что такое!

Не знаю путем, что за это время происходило в зале, слышал только, что земцы и остались земцами, а все вместе, кажется, и до учредительного собрания путем не договорились.

Балашов, Саратов. 21-го июля съехались на земское собрание врачи, но приехавший губернатор запретил собрание. Тогда толпа молодежи, собравшись в земской управе, устроила манифестацию. Говорили речи о нищете всех беззаконий и зол, творящихся на Руси, говорили о правного народа, о произволе полиции, о царе—полустителе войне, о безобразиях, творящихся на ней. После этого собрания полиция и часть купцов, известных под названием «черной сотни», начали усиленно распространять слухи о том, что интеллигенция 20-го июля в помещенных управы ругала царя и насмеялась над его портретом. 21-го июля во время обеда врачей черная сотня все силы употребила в ход, чтобы возбудить массу. Говорили, что врачи изрезали царский портрет и лоскутки его пустили по ветру с балкона гостиницы. Говорили даже, что в то время, как врачи резали портрет, из него текла кровь. Досталось, по словам черной сотни, и богу. Она уверяла, что собравшиеся ругают и бога, и иконы. Казаки стояли около и поощряли разъяренную толпу. Приехал губернатор и начал ломаться над врачами, говоря, что народ мстит, якобы, за свои оскорбленные патристические чувства, и он не решается даже спасти их. Но, в конце-концов, он все-таки согласился дать им казаков для проезда на вокзал. И вот, когда интеллигенция выехала на извозчиках за город, казаки, по знаку пристава, приняли ее в нагайки. Били свирепо, с остервенением. Били и женщин, и мужчин. И все 1½ версты от города до вокзала казаки, как демоны, наслаждались криками избиваемых беззащитных жертв. И процессия эта двигалась, имея во главе губернатора. Оставшаяся толпа, руководимая черной сотней, воспользовалась отсутствием войска и бросилась громить дома самых видных городских деятелей—Феологова и Тарараксина. С страшным остервенением и злобой бросились дикие люди разносить в щепы дом Феологова. Все имущество, все бумаги, мебель, книги, даже варенье,—все было разграблено и частью унесено, частью уничтожено. Некоторые одевали одежду Феологова и плясали в ней. Варенье ели руками. Весь дом был «снесен до основания». Покончив с домом Феологова, принялись за дом Тарараксина. Хотя дом последнего и уцелел, но зато внутри громили ничего не оставили. К 10 часам все было кончено. Искали Феологова, Тарараксина, Белынского, чтобы убить их, но те успели уехать. К 22-му июля погром и разграбление прекратились.

По поводу погрома Борисоглебской группой партии выпущены две прокламации и открыта подписка на организацию вооруженной самообороны.

Самара. 31-го июля. Здесь жизнь бьет усиленным темпом. Организовалась черная сотня (750 чел.); вчера или сегодня должен был состояться погром интеллигенции. Против черной сотни организовалась самообороны, которая разбилась на правильные отряды. Они сидят в разных местах в засаде, готовые при первом сигнале вступить в борьбу с черной сотней. По улицам ходят патрули самообороны. Вчера день прошел благополучно, только вечером человек 50 черносотенников напали на один магазин, в котором несколько недель назад был обыск. Немедленно собрались отряды самообороны данного района, и нападение было отражено. Полиция приняла все меры, чтобы окружить городской сад, в котором часто встречаются рабочие, заперев их там и обыскав, отобрать оружие у самооборонщиков. Но это не удалось, так как самооборонщики выставили своевременно часовых, которые предупреждали всех идущих в сад и добились того, что сад к вечеру был совершенно пуст. Я сам слышал сегодня, как

на одной сходке черносотенников им обещали по «косушке». если будут хорошо «работать».

В нижеследующей прокламации местного комитета опубликованы имена всех руководителей черной сотни.

«Ко всем гражданам!

Граждане! Недавно мы сообщили, что во главе черной сотни в Самаре стоит полиция. Теперь мы опубликуем подробности, после чтения которых у сомневающихся исчезнет их сомнение.

Общее руководство в организации черной сотни поручено приставу Сизаско. В непосредственное его распоряжение для этой цели отданы: Трипольский и пом. пристава Фролов. Эти двое организуют черную сотню среди Троицкого базара; угощают их по трактирам и раздают писаные на ремингтоне прокламации. Околоточные надзиратели Хохлов и Большунов работают в призыве черной сотни среди галахов в притонах на Троицком базаре; околоточный надзиратель Днепровский—в переулках «Узеньком» и «Песочном» среди ютящихся здесь воров; помощник пристава Балин—среди жуликов на Волге, последние ежедневно являются к нему с рапортом о своих деяниях в гостиницу Наместникова. Околоточный надзиратель Мелцер набирает черную сотню из хулиганов, живущих по Почтовой, Сокольничьей и Уральской ул.; видятся они в пивной на углу Соколы. и Почтовой. Кроме чинов полиции, набирать черную сотню поручено и частным лицам, среди которых нам известны следующие: выгнанный околот. надз. Змиев, он определенного района не имеет и вербует черносотенников по всей Самаре; Соколов, торговец косами и серпами на набережной Волги.

Собрания черносотенников происходят за Постниковским оврагом под охраной солдат. Избиение «сицилистов», студентов и интеллигенции было назначено на 24-е июля в Струковском саду. Не состоялось оно благодаря тому, что с утра шел дождь, и в саду интеллигенции не было.

Граждане! Убеждены ли вы теперь? Беритесь же за оружие! Вооружайтесь и вооружайте других! Собирайте деньги на оружие!

Сам. Ком. Р. С.-Д. Р. П..

Суздальский у., Владимирской губ. Шпионство и черносотенные инстинкты здесь все более развиваются, усиленно разжигаемые сельскими властями. 13-го июля в одно село прибыл уездный инструктор по пчеловодству. При школе в селе есть пасека. Вместе с учителем пчеловод и отправился на пасеку. В это время возвращались мужики с покоса, немного подвыпившие. Две-три пчелы укусили одну лошаденку и, кажется, попали одному мужику. Крестьяне страшно озлобились. Увидев учителя и инструктора, с криками «бей их» набросились они на обоих. Инструктор ударился бежать, за ним—толпа, кто с кольями, кто с поленом. Крики: «Бей его, он забастовщик, нам приказано бить!», воодушевляли толпу. Кстати же в толпу вмазался и местный дьякон с предлинной палкой. Инструктор вбежал в первый попавшийся дом. На вопросы, что случилось, слышался ответ: «Спасите!». Толпа миглом атаковала дом. Начали требовать, чтобы выдали на расправу «забастовщика», с угрозой разнести дом и т. п. Долго пришлось успокоивать разбушевавшуюся толпу. Дьякон с палкой горячо подливал масла в огонь. Когда толпа успокоилась, инструктор с хозяином дома вышли к толпе, и тут началось мирное освидетельствование личности... Учитель же оказался совершенно избитым толпой...

Минск. На станции взбунтовался железнодорожный батальон, который ехал на Дальний Восток. Их везли по обыкновению в товарных вагонах и набили по 40 чел. в вагон. Ехали они из Барановичей, а в Минске все вылезли из вагонов. Пробыл 1, 2, 3 звонка,—никто не садится. Кондуктор дает свисток к отходу поезда,—никто не садится, и подают свистки к остановке, затем все они ухватились за колеса вагонов, и поезд должны были остановить. Солдаты требовали, чтобы их сажали по 28 ч. в вагон. После переговоров с начальством и когда прицепили к поезду 2 вагона и таким образом уменьшили число человек в вагонах до 36, они сели, и поезд отправился дальше. Но это вовсе не означало, что они примирились и успокоились, как я убедился в этом на следующей станции. Наш поезд догнал «бунтовщиков», и я долго там с ними раз-

гсваривал. Они сильно возбуждены, воинский устав и дисциплина перестали казаться им чем-то ненарушимым и священным... Оказалось, они обо всем из революционной жизни очень осведомлены, сочувственно относятся к «Потемкину», враждебно к войне, на которую их везут, и в особенности к правительству, начальниками и порядками в армии возмущаются, итти в поход, по их словам, придется чуть ли не с 2-пудовой ношей, их плохо кормят, сапоги казенные можно только «перегонять на водку» (как они выразились), т.-е. менять на водку, так как их хватает не больше как недели на две. Они говорили, что дорогой намерены добиться своего и расправиться еще с двумя офицерами из трех, которые с ними едут, и которые проявили перед ними трусость, спрытавшись в вагон, когда они бунтовали в Минске. Вообще солдаты стали неузнаваемы... «Дух возмущения» проник в эту среду... В нашем поезде тоже ехали запасные из Варшавы... Многие из них—прямо-таки революционно и социалистически настроенные и сознательные люди...

Местечко Холмеч, Минской губ. В наших краях теперь очень беспокойно: все волнуются, а правительство принимает репрессивные меры. Недавно несколько молодых людей отправились в лодке праздновать годовщину возникновения здесь бундовской организации. Трое утонули. Похороны были устроены социал-демократами, и на гробы были возложены красные и черные ленты с надписями. Пели революционные песни.

Одесса. (Из письма товарища, бывшего на «Потемкине» представителем от Одесского комитета).

«Известие о восстании на «Потемкине» пришло в то время, когда вся Одесса была страшно возбуждена, когда движение пролетариата поднялось на небывалую прежде ступень и принимало все более и более грозные формы. Пересыпь вся затаяла. Рабочие тысячами рвались в бой. В городе забастовка разрасталась с каждым часом. Забастовщики уже были на улицах, они были уже демонстрантами... были баррикады, были кровавые стычки с полицией и всйсками.

«Потемкин» подошел к Одессе в среду утром, эта весть молнией облетела город, и рабочие толпами ринулись в порт.

Я узнал обо всем часов в 10½ от товарища, страшно взволнованного. Он шел к Преображенской звать городской ремесленный пролетариат в порт. Наши ремесленники собрались в этот день на Преображенской, чтобы оттуда двинуться на демонстрацию. Как только до них дошли вести о восстании моряков, они тотчас пошли к порту, улицы быстро пустели.

В такой важный боевой момент необходимо было действовать как можно быстрее. Необходимо было координировать действия всех организаций для совместного выступления в деле руководства событиями. Тут было уже не до соблюдения формы, товарищей всех невозможно было разыскать, о собрании нашего комитета нечего было и думать, поэтому я и тов. М. без санкции комитета взяли на себя в общем совещании трех организаций (к-та, группы м-ства и Бунда) представительство нашего комитета и высказывались по тому или другому вопросу от имени организации. Иначе было нельзя.

Во время совещания нас известили, что матросы просят прислать к ним представителей социал-демократии для выработки плана действий.

На основании имевшихся у нас сведений (очень смутных) собрание 3-х организаций хотело предложить матросам такой план действия: броненосец высаживает на берег значительный десант—сотни в три вооруженных матросов. Во главе многотысячной толпы пролетариев с трупом товарища матросы идут в город к главной площади хоронить матроса. При первом же столкновении лицом к лицу с войсками матросы призывают солдат к братанью. к переходу на сторону народа, о том же говорят и наши агитаторы. Члены всех наших организаций должны быть более или менее сконцентрированы и находиться как впереди, так и позади толпы, чтобы возможно полнее руководить народным движением. Одной из самых важных задач была поставлена, кроме, значит, привлечения войск на свою сторону, дезорганизация всех других средств правитель-

ства: порча телефона, разрушение железнодорожного пути (для того, чтобы отрезать город и препятствовать подвозу войск), освобождение арестованных из тюрем, затем арест всех властей имущих (градоначальника, командующего войсками и пр.). Ну, а дальше... дальше временное революционное правительство и т. д. Броненосец все это время угрожает городу, делает предупредительные тревожные выстрелы. При малейшей нашей неудаче он начинает бомбардировку.

Организации выбрали 4-х товарищей, и им поручено было пробраться на броненосец и сообщить матросам этот план, при чем, в виду того, что события могут ежеминутно меняться и расти, товарищам даны были полномочия при изменившихся условиях изменить и план действий. Я с тремя товарищами (1 бундист и 2 меньшевика) отправился в порт. Это было в 1-м часу... Недалеко от порта стоял величественный и стройный «Пютемкин». Был солнечный день. На море тихо. Около броненосца шныряет ряд лодочек. Мы занялись подыскиванием лодки. После многих мытарств нашли лодку, в которую владелец больше 4-х человек взять не хотел. Сел доктор (наш товарищ), — матросы приехали как-раз перед нашим приездом и преслили для больных доктора, — я и один меньшевик, да еще молодой парень — с.-р. Мы подъезжаем к парсходу. На палубе повсюду ходят и стоят матросы. На посту, на большой площадке, сгущилось очень много матросов и, видим, слушают что-то. Уже слышен голос оратора. Вдруг он кончил, и все слушатели дружно и громко закричали: «Да здравствует свобода!». Мы причалили к борту, отдали свой груз (табак), сказали пароль — «Да здравствует свобода!», — и нас пропустили. Нас встретили 2—3 матроса, очевидно, главари: лица умные и сильные. Нас провели в адмиральскую. В ней после низвержения «драконов», — так называют матросы начальство, — происходили заседания комиссии матросов, человек 20—30, которой всей командой была вручена власть на судне. В эту комиссию вошли наиболее сознательные элементы. В нее же входил и командир судна молодой прапорщик Алексеев. Он прежде пользовался симпатиями матросов, во время восстания остался в живых. На него-то и пал выбор команды. Он являлся, собственно, не командиром, т.-е. начальником судна и всей команды, а, вернее сказать, был лишь судоводителем. Чувствовал он себя в новой роли не совсем хорошо, был вял и нерешителен...

Когда собралась комиссия, мы прямо приступили к делу, заявили, кто мы такие, с какими целями приехали, и затем попросили рассказать, как все произошло, почему они приехали именно в Одессу, какие у них планы и пр. Начался рассказ... Насколько можно было выяснить, вполне определенного плана у матросов не было. В Одессу приехали потому, что Одесса — крупный порт, что тут многочисленный пролетариат, на поддержку и сочувствие которого они надеялись. Кроме того, Одесса выбрана была еще и потому, что она сравнительно недалеко от Севастополя. Все мысли матросов были направлены на то, что теперь делается в Севастополе, каково настроение остальной эскадры. Еще до нашего приезда на броненосец они просили одного из наших товарищей социал-демократов непременно снестись с Севастопольским комитетом, изложить ему положение дела и настаивать на необходимости немедленной поддержки. На эту поддержку они крепко надеялись и в ней не сомневались...

Затем говорил представитель с.-д. («большевик»). Он охарактеризовал современный исторический момент, нарисовал в общих чертах картину рабочего движения в Одессе, волнения крестьян в уезде, состояние и настроение войск и указал, какое в связи с этим громадное значение имеет восстание на броненосце. Он говорил о том, что единственный верный путь обеспечить успех дела — это не отступать, не идти назад, а слить свое дело с делом русского пролетариата и крестьянства.

Что касается намеченного плана, то нецелесообразность его выяснилась для нас почти тотчас по прибытии на броненосец. В порту было не 10 тысяч пролетариев, а всего 3—4 тысячи, из которых около половины любопытных. В решительную минуту они легко могли покинуть нас. Против вооруженного десанта матросы говорили вот что: самое первое и главное — они никак не могут раз-

бивать команды судна... Во-первых, тогда судно не будет в боевой готовности, так как нехватит прислуги, и во-вторых, они сильны только тем, что вместе. Раз их разъединить, да притом таким образом, что на берег придется высадить наиболее смелых и надежных, то оставшиеся на корабле не смогут действовать решительно и в критическую минуту могут пасть духом.

Ни на каком определенном плане в первый раз в комиссии мы не остановились, ибо оно ²⁾ было прервано... Пришел один из членов комиссии и заявил, что команда недовольна тем, что комиссия не оповещает ее ни о чем, не сообщает своих планов и пр., кроме того, матросы были недовольны присутствием на судне «посторонних». Дело в том, что в это время на судно понаехало много товарищей социал-демократов, больше из рабочих. Они произносили речи, рассказывали об одесских делах. Но менее сознательная часть матросов, которая смотрела на свое дело, как на дело исключительно их, моряков, касающееся, и не понимала, что у них и у приехавших товарищей дело общее, смотрела на приезжих с неудовольствием. Им казалось, что вот понаехали какие-то «посторонние» и чувствуют себя хозяевами на судне. В виду этого комиссия решила оставить на корабле лишь нескольких товарищей, а остальным пока предложить удалиться. «Господа, — заявил один из комиссии, — наши матросы очень трудно привыкают к новым лицам, они чувствуют к ним недоверие, боятся их. Пусть из вас останутся 2—3 товарища, матросы с ними сживутся, сойдутся с ними и, я уверен, полюбят их». Все товарищи, кроме нас 3, уехали.

Затем решено было созвать всех матросов и познакомиться с положением дел. Мы же должны были тогда выяснить, кто мы такие, зачем мы здесь и пр. Кроме того, на нашей обязанности было поднять дух команды, подбодрить ее, вдохнуть уверенность в успех дела и пр. Немедленно собрать команду было нельзя, так как она только лишь кончила работу и нуждалась в отдыхе. Отложили собрание до вечера.

Далее идет рассказ об арестовании «Вехи». ...«После того, как дело с «Вехой» было покончено, стали созывать команду для смены вахты. Пробарабанили. Собрались матросы. Выходит один наиболее популярный из матросов и говорит о том, что на пароходе мало порядка, что не назначены караулы и пр. Что все это нужно сделать сейчас же, нужно назначить все те же службы и работы, что и раньше. Все молчаливо согласились. Назначили караулы, определили, кому идти на вахту. Затем затрубили к молитве. Началась молитва. Матрос читал «Отче наш». Все обнажили головы. После молитвы созвали всю команду в какую-то каюту, что ли. Там прочли тоже молитву — ночную. Затем стали говорить мы. Матросов было очень много. Они стояли тесно друг подле друга. В центре каюты был очищен небольшой круг. Там стояли нас двое, затем один матрос, который немного говорил, и командир. Сначала говорил я. Так как масса была недовольна присутствием на судне «чужаков», то мне пришлось сначала выяснять, кто мы, зачем приехали и пр. После меня говорил Костя. Он сказал блестящую, страшно горячую, сильную речь чисто-политического содержания. Начал с «борца», показал, как тесно данный факт связан со всем существующим строем, охарактеризовал самодержавие, рассказал о 9-м января (это было лучшее место всей речи) и закончил призывом к борьбе. Было жарко, душно. Матросы напряженно слушали горячую, часто трудно понятную для массы речь, лица у них были возбужденные, потные. У некоторых на глазах были слезы. Когда товарищ кончил и произнес: «Да здравствует свобода!» — все присутствующие поддержали этот возглас, и он долго оглашал собою все судно. Когда по окончании наших речей матрос соц.-дем. спросил остальных: «Так как же, братцы, оставим мы наших товарищей?», — все закричали: «Оставайтесь! Оставайтесь! Будьте с нами! Вместе будем!».

Через несколько времени все мы вышли на палубу. Пожар в порту, который мы замечали еще раньше, наваял на всех в первую минуту какое-то жуткое чувство... На палубе стали продолжать общую беседу. Мы советовали, да к тому же пришла комиссия, чтобы самостоятельно определить все работы, как раньше, выбрать офицеров, начальников частей и пр. Внутри судна должна быть хо-

рошая дисциплина, только основанная не на страхе палки и ругани, а на доверии к избранным офицерам. Только таким образом мы можем быть всегда в боевой готовности. Вот на эту тему стали говорить как матросы-руководители, так и наш брат. Команда сочувственно внимала. Тогда выбрали еще недостающие власти, подчеркнули их «выборность» и, значит, необходимость доверия к ним и подчинения. Команда была уже утомлена, да и комиссии надо было собраться и обсудить кое-какие дела. Стали расходиться, кто спать, кто на дежурство и пр. А пожар все усиливался и усиливался. Уже весь порт был объят пламенем, город весь в дыму, доносились какие-то звуки, треск, крики.

4.

...Далее письмо обрывается...

Прим. ред. Это письмо было послано с «оказией» месяц назад, но только теперь попало к нам, как и ряд других писем из Одессы. Товарищ, бывший представителем комитета на броненосце, съехал на берег по делам судна и после не мог уже попасть на него...

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Полугодовщина январских событий прошла у нас довольно торжественно, ознаменовавшись однодневной забастовкой на большинстве заводов и фабрик. Число бастовавших рабочих в этот день доходило до 100.000. К сожалению, мы не можем сейчас дать точных сведений о всех районах, так как Выборгский и Петербургский их еще не доставили. Об остальных нам известно следующее: в Невском районе бастовали—Вагонный и жел.-дор. завод с 8.500 раб., Обуховский—2.000, Чугунный—1.700, Атлас (механич.)—2.500, Трубной—200, Семянниковский—7.000, Алексеевский—500, фабрика Паля и Максвеля по 1.000 чел., т.-е. 2.000; в Нарвском районе не работали два больших завода, Путиловский (15.000 раб.) и Речкина, и несколько мелких; в Василеостровском районе—зав. Сименса—700 чел., Винклера—300, Платонова—300, Поссет—800, Маркуса—300, Хаймовича—300, Дидерихс и др. мелкие заводы; в Городском районе—Берга—2.500 чел. и Свицкого—250 чел., кроме того, бастовали некоторые типографские и литографские заведения и мелкие ремесленные мастерские. Из митингов, устроенных в этот день на некоторых фабриках и заводах, нам пока точно известно о следующих: один в Невском районе—на Чугунном заводе—прошел с большим успехом, присутствовало 1.600 чел. раб.; два другие—тоже в Невском районе, один на Обуховом заводе в 300 чел., другой на Семянниковском в 500 человек. Петербургский комитет партии еще недели за две, за три решил ознаменовать 9-е июля однодневной забастовкой; он же принял на себя и провел всю подготовительную работу. С этой целью велись переговоры с другими группами и партиями, устроено было несколько конференций с периферией, выпущено 3 листка, один из которых—призывной, и, наконец, устроен ряд массовок. Нам известно о следующих предварительных массовках на Вагонном, Атласном, Чугунном, Обуховском, у Паля, Максвеля и некоторых других, на которых в общем присутствовало до 5.000 рабочих. Упомяну еще об одном маленьком эпизоде в день 9-го июля: на одном из митингов арестован был оратор, но рабочие отбили его, после чего ему удалось говорить еще целый час.

Рига. Стачка, начавшаяся на заводе Феникс, уже к 26-му июля стала принимать характер всеобщей. Правда, это стачечное движение не везде имело одинаково решительный характер, и в некоторых местах наблюдался столкновения между стачечниками и штрейкбрехерами (например, на Стразде-гофской мануфактуре, на заводе «Цельма и Бема» и др.), но в общем стачечное настроение было господствующим. Бастовали и рабочие фабрично-заводские, и служащие электрической конки, и служебный персонал рижской товарной станции, забастовали даже прачки и могильщики на городском кладбище, при чем между этими

последними и их эксплуататорами (церковью) произошло соглашение: могильщики получили к своему 15-рублевому ежемесячному жалованью 5 р. 50 к. прибавки. Забастовали, в конце-концов, судовые рабочие и многие парходные команды. Хотя все эти стачки сопровождалась выставлением экономических требований, и некоторые капиталисты, надеясь на мирный исход «конфликта», с величайшим неудовольствием встречали попытки властей оказать им «посильную» помощь солдатскими пулями, казацкими нагайками и тому подобными традиционными средствами разрешения конфликтов между трудом и капиталом,—тем не менее, рабочие обнаружили совершенно ясную тенденцию осложнить движение политических элементов. В некоторых случаях эта тенденция обнаружилась в форме запрещения домовладельцам разукрашивать свои дома в праздничные дни национальными флагами, в другом ряде случаев устраивались более или менее внушительные демонстрации; эти демонстрации очень часто кончались походом на казенные винные лавки, где рабочие срывали вывески, отбирали патенты и требовали прекращения навсегда торговли крепкими напитками (имущества, однако, нигде не трогали).

26-го июля движение приняло более решительный характер. В этот день было первое столкновение рабочих с войсками и полицией. Во-первых, произошло кровавое столкновение между казаками и бастующими мясниками на Александровской улице. Невооруженные мясники принуждены были защищаться вывороченными из мостовой камнями, а казаки стреляли из ружей. В результате у одного казака была разбита голова, а со стороны толпы оказалось несколько раненых. Озлобленные мясники произвели полный разгром лавки и квартиры Мариенфельта, который не желал закрыть торговлю, и из-за которого загорелся весь сырбор. Громадную возбужденную толпу народа успели разогнать только при помощи усиленных казачьих разведов. Стрельба в рабочих происходила и на ленточной мануфактуре, при чем казаки стреляли по фабричным стеклам. Как говорят, хозяин фабрики остался этим очень недоволен и разругался с приставом: «Я-де почти уже договорился с рабочими, а ты мне все дело испортил!».

Произошло еще несколько стычек и в других местах, напр., на фабрике Гловер (опасно ранены двое рабочих), на заводе Гольма в Галенсберге, где демонстранты-рабочие пытались отстреливаться из револьверов через забор, а также на углу Шлокской и Гольдингенской улиц и в некоторых других местах. Балтийский завод был оцеплен войсками. Затем, на другой день, 27-го июля, произошло опять столкновение между казаками и рабочими на заводе Поле, при чем ранены пулями двое рабочих. Товарищи их выкинули на фабрике черный флаг. Город обратился как бы в военный лагерь: повсюду шныряют патрули солдат, сопровождаемые полицейскими чинами. На некоторых дымовых трубах развиваются революционные красные флаги, да так при этом недосыгаемо высоко, что не находится смельчаков за приличное вознаграждение снять их оттуда.

Гомель. Здесь уже долгое время существует так-называемая биржа, куда ежедневно в определенный час стекается масса народу, при чем, конечно, произносятся речи соц.-дем. характера на различные темы. Полиция смотрела на это, как на нечто обыкновенное, но в последнее время в Гомель назначили полицмейстером некоего Хлебникова, известного казака, который во что бы то ни стало решил упразднить рабочую биржу. Вскоре по городу было расклеено соответствующее объявление. Понятно, как действовало все это на гомельских сознательных рабочих. Биржа, сделавшаяся уже рабочей святыней, свобода сходов, с которой уже свыкся гомельский рабочий, тысячные митинги,—все это хочет отнять царская полиция. «Бороться до конца!»—решил про себя каждый рабочий. На иное отношение не рассчитывала, естественно, и полиция.

День для разгрома биржи был выбран полицией удачно. В пятницу на бирже с вечера бывает по большей части мало народа, так что разогнать несравненно легче обыкновенного. Часам к 8 вечера, когда рабочих на бирже было еще немного, явилась туда почти вся полиция во главе с новым полицмейстером, ее окружал сильный отряд из солдат и казаков. Солдаты тотчас же были размещены по бирже и закрыли вход и выход из той части города, в которой живет много рабочих и где, главным образом,

и проводились все собрания. Другая часть солдат ходила по улице и разносила толпы рабочих. По середине улицы ехал в пролетке полицеймейстер, а за ним казачий офицер с подхотней казаков. "Сила" была на стороне царских опричников, и вступить с ними в открытой бой рабочие не решились вполне целесообразно, но, конечно, от боя вообще рабочие не отказались. Это чувствовали иные солдаты, крестившиеся при виде проходивших рабочих, чувствовала это и полиция, не пустившая в ход своих любимых средств—нагаек и пулю. Обе социал-демократические организации, вступившие во временное соглашение, предложили своим организованным рабочим разойтись, не вызывая никаких столкновений, что и было сделано всеми без замешательства.

В тот же вечер начались обыски: были найдены, как говорят, 2 бомбы, и кто-то арестован. Под конвоем в 12 человек солдат арестованный был отведен в тюрьму. В 11 часов вечера была сделана попытка убить полицеймейстера. Недалеко от гостиницы, в которой он находился, была устроена манифестация. Услышав крики, начальник полиции вышел из гостиницы, сел в пролетку и отправился к месту манифестации. В пролетку была брошена очень удачно бомба, которая только случайно не разорвалась. Бросившему бомбу удалось скрыться.

Полицейстером выпущено недавно следующее объявление, приводимое нами в полной неприкосновенности.

«За мое 4-дневное пребывание было уже два раза покушение на мою жизнь чрез бросание бомб. Негодяи, бросившие бомбы,—евреи. Предупреждаю, что всякого еврея, принадлежащего к отбросам еврейского общества и называющего себя демократом, на пути моего следования по городу будут расстреливать на расстоянии 50 шагов впереди от моего экипажа сопровождающие меня казаки, о чем и отдано распоряжение. За эти дни в разъезды и патрули из многих домов и в войска посылались выстрелы, и при допросе домовладельцев последние отнекивались тем, что, раз у них сдана квартира, они за нее не отвечают, при проверке же оказывалась квартира незанятой. Объявляю, что в таких случаях приказ по гарнизону стрелять в оскорбителей воинских чинов будет применяться к дому, независимо, кто там живет, а потому гг. домовладельцы обязаны строго следить за тем, чтобы не имели туда доступа крамольники. Двукратное покушение на мою жизнь не оставит меня в принятии энергических мер к подавлению безобразий, и я призываю гомельское общество к мирному течению жизни, памятуя, что даже безвредная толпа людей, препятствующая свободному движению публики, накажется законом. Последнее явление замечено мною по Румянцевской улице, где я заметил группы евреев, солидных и по возрасту, и по положению. Против этого мною тоже будут приняты меры.

Вр. и. в. полицмейстера Хлебников».

Уже по этому «решительному» объявлению можно себе представить, что такое у нас творится.

Саратов. После удачной первомайской забастовки саратовские типографы, наконец, убедились, что вся сила рабочих в единении. Дело в том, что газетные типографы, народ более сознательный, очень дружно бастовали и дружно отстаивали общие интересы. Результатом было то, что после семидневной забастовки они добились того, чего требовали,—кроме, конечно, политических требований. Совершенно иначе дело обстоит в других типографиях. Отсталые и трусливые, тамошные рабочие не дружно бастовали, не поддерживали друг-друга и, конечно, ничего не добились. Однако, то обстоятельство, что газетные типографы добились своего, а они нет, послужило толчком к их объединению. У них возникла мысль о союзах и организации «зачечной кассы». Тут на помощь им пришла социал-демократия, оказавшая воздействие на них при посредстве сознательных товарищей типографов. Более успешному и быстрому объединению немало помешал, к сожалению, раскол внутри партии, ибо очень многие были заняты разбором разногласий между большинством и меньшинством. Но благодаря упорному желанию типографов союз все-таки был организован под названием «Социал-демократический профессиональный Союз саратовских типографов». Союз этот стал быстро развиваться. В течение одного

месяца в него вошло 79 членов, а еще через полмесяца в нем было 106 членов.

Но тут не обошлось без помехи. Не следует забывать, что в Саратове существует такой элемент, который сам не в состоянии что-нибудь создать, а любит приходить на все готовое. Это—социалисты-революционеры. Так, напр., когда после многих трудов нам удалось устроить громадное собрание, с.р. попытались часть массы отвлечь на другое место, чтобы таким образом устроить там свое собрание. Но когда это им не удалось, они решили воспользоваться нашим собранием и здесь же говорили свои речи. Точно так же и теперь. Когда мы уже организовали соц-дем. союз, и с.р. убедились, что союз этот растет не по дням, а по часам, они решили этим воспользоваться. Они организовали тоже рабочий союз соц.-рев. и начали устно и печатно агитировать в пользу своего союза. Но соц.-рев. решительно не пользуются никаким успехом. Поэтому они решили помешать нашим собраниям, являясь на них тормозящим началом, в виду чего на некоторых собраниях пришлось подробно объяснять, почему именно нам нужно организоваться в социал-демократические союзы, а не с социалистами-революционерами и либералами. В воскресенье 10-го июля была устроена дискуссия по этому же вопросу. Были некоторые социалисты-революционеры, но победа осталась на стороне социал-демократов.

Наш союз повлиял на остальных рабочих. По примеру нашего теперь организован союз портных, модисток, заготовщиков. Приказчики также организовали союз. Поговаривают о союзах столяры и пекари, которые, вероятно, тоже скоро организуются.

Наборщик».

Кострома. 19-го июля. Костромская стачка, длящаяся уже три недели, имеет громаднейшее значение. Бастующая масса под давлением социал-демократии выделяет из себя демократические органы, которые очень скоро легализуются. становятся официальными, всеми признаваемыми центрами. Губернатор говорит с председателем депутатского собрания, фабриканты против своей воли говорят со всеми депутатами. Дума обращается к депутатскому собранию рабочих с официальными бумагами и запросами. Сегодня утром было столкновение между полицией пригородных сел и милицией. И полиция с милицией вели переговоры через парламентаров. Как депутатское собрание, так и милиция останутся после стачки. То и другое находятся не только под влиянием социал-демократии, но прямо-таки в ее руках. Каждые 8 дней происходят собрания трех категорий: депутатское, общее и массовое (иногда до 15-ти тысяч) на «Костромке» (р. Костромка) за клейным заводом. Депутатские собрания проходят очень оживленно. Общее массовое собрание привлекает все более и более публики. Здесь говорились сначала речи исключительно экономического характера, потом, когда масса была взята в руки, материал и освещение стали другими. Теперь говорят уже политические речи, хотя и не всегда откровенные. Собрания «за клейным» стали уже всем известным местом, где произносятся исключительно социал-демократические речи. Собрания очень популярны. «Там уж больно откровенно да правильно сказывают»,—говорят рядовые рабочие.

Депутатское собрание по предложению социал-демократов обратилось с заявлением в Костромскую Городскую Управу. В заявлении предлагалось сейчас же созвать экстренное заседание думы для ассигнования безвозмездной суммы в пользу нуждающихся стачечников. Дума тотчас же была созвана. Решено открыть кредит рабочим в 1.000 рублей; та же дума образовала особую комиссию с целью «произвести давление на обе стороны»—фабрикантов и рабочих. Эта комиссия пригласила депутатов от рабочих для того, чтобы подробно познакомиться с требованиями стачечников. В начале собрания председатель Губернской Земской Управы Соколов произнес глупейшую речь о том, что комиссия взяла на себя «трудную и ответственную задачу» умиротворить стороны, для чего должна «встать на две точки зрения»—фабрикантов и рабочих. Далее Соколов самым откровенным образом заявил, что рассказы рабочих о 8-часовом рабочем дне—«турысы на колесах». Депутаты от рабочих отвечали сильно, резко, с достоинством на буржуазную аргументацию «либерального» Соколова (участвовал в последнем московском съезде земцев). Особенно

хорошо говорил раб. Яхонин. Глухо, но в то же время резко, своеобразно искренним тоном он отпаривал выходки Соколова. Из женщин говорила Белова. Она просто, неподдельно и сильно рассказала про «женское житье». В конце заседания говорил один товарищ, как «представитель социал-демократической секции депутатского собрания». Он бичевал равнодушные думы к рабочему вопросу. Только теперь дума вспомнила о «рабочих», только теперь, когда рабочий класс своим наступательным криком и грозным нашествием доказал, что он—главный творец жизни,—только теперь дума, эта дряхлая буржуазная старуха, закачала примитивной головой на социальную «оказию». Несколькими десятилетиями стонал рабочий класс, а дума пребывала в «благородно-созерцательной позе». Мы на ваше посредничество не смотрим, как на третейский суд, ибо мы вас не выбирали. Но мы все-таки требуем от вас, чтобы вы вышли из своего созерцательного настроения и произвели давление на фабрикантов. Другая ваша обязанность состоит в том, чтобы произвести давление на правительство. Авангард кстромского пролетариата сознательно поставил себе широкие политические задачи. И вся ваша обязанность не ограничиваться парадными словами о «желательности» политической свободы и рационального фабричного законодательства, а произвести давление на правительство не легальными петициями, а «преступными действиями». Речь не пришлось по вкусу комиссии.

Полесье. Приводим письмо товарища из Мозырской группы. «В воскресенье... июня я был в деревне Дудичи (около Каленковичей, возле Мозыря). Там устроили массовку чел. 25 парней, которые просили приехать к ним во вторник на мирской сход. Дело в том, что у дудичевского помещика работают человек 200 батраков на ужасно тяжелых условиях: 30 к. заработная плата, рабочий день от зари до зари. Решили устроить забастовку. Во вторник в 10 ч. вечера я явился туда с 5 вооруженными парнями. Почти все село, молодые и старые, собрались около волостного правления (рядом с квартирой пристава). Сперва я коснулся их экономического положения, но мало-по-малу перешел на политическую тему, закончил я чтением (при освещении свечей) постановления: не платить податей и налогов, отказываться посылать запасных на войну, не давать рекрутов и т. д. Крестьяне внимательно слушали и выражали одобрение. Пристав метался, как угорелый, но трусил пойдти. В конце мы выработали требования и решили их поддержать всеобщей забастовкой. Когда я с товарищами уехал, пристав подошел к крестьянам и стал их увещевать, чтобы они меня выдали, но они ему отвечали очень резко, а один старик прямо сказал, что пристав—«хабарник» и «держит руку помещика». Пристав предложил им себя и священника, как посредников в сношениях с помещиком, но крестьяне заявили, что пока они позовут, когда будут крестины, а ему не верят. Ночевали мы в деревне, а на следующий день в 4 часа утра отправились ко двору помещика. Когда рабочие уже собрались, явился управляющий и велел пойти на работу, но я тут же заявил громко, что крестьяне на работу не пойдут. Крестьяне, конечно, не сдвинулись с места. Тогда ко мне подошел управляющий и представился; я же назвал себя членом Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Указав в нескольких словах на задачи партии, я заявил, что совместно с крестьянами мы выработали такие-то требования (увеличение платы для мужчин до 1 р., женщин 75 к.; рабочий день от 6 ч. до 6 ч. и 2 часа на обед). Если эти требования не будут удовлетворены, рабочие будут бастовать и других крестьян не допустят к работе. Были курьезы: управляющий спрашивает, может ли пастух пасти скот; я ответил, и пастух был снят сейчас же с работы, а вместе с ним и вся домашняя прислуга. Когда мы уезжали из села, на всех оконцах нас встречали старики и женщины, благодарили за приезд, просили почаще приезжать да листовки привозить. Сегодня получили письмо, что крестьяне бастуют».

Вышеизложенное письмо нашего мозырского товарища ясно раскрывает пред всеми ту удивительно благоприятную обстановку, которая окружает нашу работу в деревне. В настоящее время легко организовать сельский пролетариат, легко его недовольство направить в русло наиболее целесообразного и сознательного протеста против правительства и хозяев, легко поставить его впереди крестьянского дви-

жения. А, между тем, недостаток, главным образом, денежных средств немало мешает использовать данный момент, как того бы хотелось.

Полесский Комитет.

Киев. Здесь идет забастовка портных и рабочих мельницы Бродского. На плотях у порогов возмутились крестьяне и начали требовать повышения платы и улучшения пищи, а в противном случае обещались разнести плоты. Обыкновенно на плоты нажимается самый бедный, угнетенный мужик, который прежде и шикнуть не смел, и которым приказчик управлял, как пешкой. Приказчик думал-было своим криком и угрозой взять их, но мужики хотели его растерзать на клочки. Явилась полиция, но, в конце-концов, хозяевам пришлось уступить, и крестьяне вместо 18 руб. получили по 60 рублей.

Луганск. 24-го июля. В некоторых отделах завода работают 12 часов без перерыва, днем и ночью; в паровозомеханическом отделе рабочий день короче, но рабочих буквально мортят сверхурочными работами, от которых нельзя отказываться; работают и целый вечер, иногда ночь. Работают по праздникам и воскресеньям. Эти сверхурочные работы служат, в конце-концов, для понижения заработной платы. Часто некоторые работы вовсе не оплачиваются в том, напр., случае, если рабочий уже заработал в течение месяца «достаточную», по мнению мастера, сумму. Большинство мастеров занимается шпионством и выслеживает более развитых и «подозрительных» рабочих; в этом им усердно помогают шпионы из рабочих и заводская полиция, которая, в составе пристава и 60—70 городских, содержится за счет завода, живет внутри его и постоянно расхаживает по мастерским. Недели две назад у нас здесь была забастовка, которая началась вследствие отказа администрации удовлетворить требование рабочих удалить 7 шпионов-рабочих. Мне пришлось видеть, как постепенно останавливались все отделы завода, как рабочие, собираясь небольшими группами на заводском дворе, переговаривались, а главная масса ушла совсем с завода, даже не сговариваясь (даже требований никаких не успели выставить); полиция все более приходила в возбуждение и бросилась в одном отделе выгонять рабочих, которые ответили камнями. Пристав приказал стрелять, и тут был ранен городской в грудь на-вылет, но, повидимому, своими же, так как пуля, по слухам, крупного калибра, какие имеются в распоряжении городских. Мимо меня пробежали человек 10 городских с револьверами в руках к другой толпе, которая, спасаясь от выстрелов, бросилась вплавь через реку, при чем, говорят, утонул один рабочий. Скоро прибыли казаки. Завод опустел... Но уже на следующий день начались работы. Вспыхнувшая совершенно неожиданно, стихийно, эта никем не организованная забастовка имела, таким образом, печальный конец. (Правда, при возобновлении работ не пришло человек 500—600, но, ведь, это из 4.000!). Заводские шпионы, которые со времени бывшей здесь в феврале забастовки успели очень хорошо сплестись и организовать, представили список 100 слишком человек, которых администрация немедленно и уволила, да человек 10 было арестовано. Несмотря, однако, на эти аресты и энергичную высылку уволенных, нельзя сказать, чтобы на заводе воцарилась спокойствие. Рабочие возбуждены и полны глухого недовольства. К сожалению, местная социал-демократическая организация еще не окрепла и не оказывает того влияния на рабочую среду, какое могла бы оказывать при более благоприятных условиях внутрипартийной жизни.

Кстати сказать, дела завода идут прекрасно. За последний год получено 3 миллиона прибыли (на 9 миллионов капитала), да и неудивительно: помимо обычного источника доходов—бессовестнейшей эксплуатации рабочих—завод наживает на казенных заказах: напр., за паровоз, который себе обходится в 18.400 руб., берут 32.000! Конечно, рука руку моет...

Тула. Сегодня (13-го июля) забастовал патронный завод. Надеются, что к нему примкнет завод Марковых и Байцуровский. На оружейном заводе стачка не удалась. Всюду кишат казаки и солдаты. Рассказывают, что сегодня на патронный завод промаршировал взвод солдат с офицером во главе. Офицер командовал отдать честь рабочим и

попросил рабочих не трогать его солдат, а солдатам велел не трогать рабочих,—пусть, мол, делают свое дело. Приезжал пристав и просил оратора убедить рабочих не производить беспорядков, а «говорить о чем хотите, дескать, говорите»...

Вокруг чувствуется жизнь...

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Николаев. В № 12 «Пролетария» сообщалось о некоторых требованиях, представленных (письменно) политическими заключенными в городской тюрьме тюремной администрации. В настоящее время в тюрьме объявлена голодовка. Объединенная организация социал-демократических комитетов (большинства и меньшинства) выступила по этому поводу воззвание ко всем товарищам рабочим и гражданам.

Пермь. Пол. закл. в Николаевском исправит. отделении в Верхотурском уезде. По делу Ур-ского К-та Р.С.-Д.Р.П., взятые в январе 1905 г.: 1) Мавринский Иван (нелег. Киселев) привлекался еще по делу Уф. к-та С.-Д., 2) Кацнельсон Наум (нелег. Белевский), 3) Вилонов Никифор (нелег. Чистяков) имеет приговор за киевскую стачку 3 г. Сибири, 4) Замятин Николай (нелег. Сомов)—по киевскому делу 3 г. Сибири, 5) Златкин Яков (нелег. Цепов) по делу Екатеринославского К-та С.-Д. 5 лет В. Сибири.

За лысьевскую забастовку: 1) Борисов (был в ссылке по пермск. делу), 2) Кириллов (привлек. еще по делу Пермск. Ком.), 3) Горбунов (привлекался в Н.-Новгороде), 4) Могутников.

За алапаевскую забастовку: 1) Кабаков (3-й раз), 2) Соловьев (2-й раз), 3) Ветлугин.

Лысьевцы взяты 6-го марта 1905 г., алапаевцы—13-го мая 1905 г. Кроме того, сидит с января 1903 г. Пунаков Иван по делу Ур. Союза С.-Р. и С.-Д. (выпущен в июне 1905 г.). Там же осужденные за нападение на Алапаевский рудник (с.-д. и с.-р.). 30-го июня 1905 г. взят в Сысертском заводе за руководство стачкой рабочих студент Девятков. (Сообщено Екатеринбургским Комитетом).

Список политических заключенных в Бакинской тюрьме (с 1-го июня по 6-е июля): соц.-демократы—Б. В. Енукидзе, И. Голубев, А. В. Остроумов, В. С. Бобровский, А. Таратута, Н. П. Бусыгин, Д. Варсемашвили, Г. Д. Ртвеладзе, М. Д. Кучуев, А. Гелашвили, Ф. Джакобия, И. Житов, А. Бодрицкий, Р. Тарвердов, Б. Герденчик, И. Емельянов, И. Романов, С. Киквадзе, П. Иодко, И. Кузьев, К. Абрамов, Д. Фостов, Н. Трофимов, Ф. Попп, А. Тараянц, И. Ульянов, Д. Шарыгин, И. Веллер, И. Гуревич, И. Гайсинер, Р. Поргная, Р. Гуревич, Э. Кроль, Е. Горбова, Д. Чотжев, В. Швейцер, Вассер, Л., Д. и И. Шендриковы; соц.-рев.—С. М. Шумков, М. О. Лебедева, Столяров, М. А. Прокофьева; неопредел.—Хачманьян, Оганесов, А. Яврумов, К. Эспиров, Г. Кандарели, Карапетянц, С. Комисаров, Г. Григорянц, В. Карцевадзе, Н. Сорокин, Е. Филианов, И. Гюламбярлянц, Ф. Занозин, М. Николаев, И. Маркелов, А. Быков, М. Махнов, С. Мегреладзе, Е. Сафьянц, Т. Тархомянц, А. Захозов, А. Саркисов, Н. Арутюнянц, И. А. Али-Оглы, А. Барсегов, Даниелянц, Г. Фролов, М. Аванесянц, А. Аветисянц, Багдасаров. Всего 74 человека. Кроме того, в арестном доме находятся 6 тов. соц.-демократов.

ИЗ ПАРТИИ.

Рига. Последние события сильно встряхнули деятельность партии: устраиваются сходки, митинги и т. д., работа кипит. К сожалению, застарелый антагонизм между социал-демократическими фракциями дает себя знать и в такие горячие моменты. Приведу пример: на одном из митингов выступают комитетские ораторы и товарищи латыши. Эти последние пытались было вначале указывать комитетским представителям на «неуместность» их выступления перед

рабочими, состоящими «не исключительно из русских», на нарушение своего рода принципа Монроэ: латышские рабочие для латышской партии, еврейские для Бунда и т. д.

Но под давлением и недвусмысленным требованием рабочих должны были сами, скрепя сердце, публично предложить стачечникам признавать руководство и латышской и российской партий.

Рабочие настояли на том, чтобы в переговорах с администрациями заводов участвовали представители обеих партий. С особенным вниманием прислушивались они к речам комитетских ораторов. И неудивительно: широким массам латышских рабочих почти впервые приходится знакомиться с нашей партией, с ее программой, деятельностью и целями. Сотни этих рабочих спешат теперь «записываться» в партию. Настроение весьма бодрое, возбужденное. На одном митинге товарищ латыш хотел выразить свое неудовольствие по поводу того, что наши ораторы слишком много толкуют о политике. Оратору пришлось апеллировать к собранию и услышать в ответ многочисленные возгласы: «Побольше политики, довольно экономики, долей его (латыша)!». Одновременно распространялись в большом количестве комитетские листки и брошюры. Меншевикам приходится играть довольно скромную роль в местном движении, так как на кузнецовской фабрике, главной базе их деятельности, вызвать стачку им не удалось, а на других заводах у них нет почти связей, нет ядра организованных рабочих, на которых они могли бы опираться. Все же нельзя не пожалеть, что ни «большевики», ни «меньшевики» не взяли на себя инициативы соглашения между собой на время стачки, ибо это имело бы если не практическое, то большое моральное значение. А такое временное соглашение, кажется, должно быть желательно обеим сторонам. Была сделана «попытка мимолетного вмешательства» и со стороны местных соц.-революционеров, призывавших стачечников к авантюристским действиям, но весьма неудачная: рабочие даже рвали с.-р.-ские листки. Вносит «свою лепту» в общую работу и местный Бунд и с усердием, достойным лучшей участи, распространяет на митингах свои листки против комитета. Злоупотребство Бунда и тянущихся за ним латышей вообще заметно увеличивается пропорционально росту влияния и престижа комитета и перехода еврейских рабочих в партию.

Одесса (из письма пропагандиста 22-го июля). Устроился я здесь пропагандистом в Городском районе, работы довольно много. Работать пропагандисту нетрудно, имеются программы для кружков (местные, теперь ЦК выработал программу, но сюда еще не прислал); было собрание пропагандистов, реферат для них и организаторов о конференции меньшинства; впредь намерены устраивать собрания пропагандистов еженедельно, где, помимо общепропагандистских вопросов, хотим рассмотреть с точки зрения постановки пропаганды идей большинства вопросы: 1) Бунд и партия, 2) Б. и М., 3) профессиональные союзы. Последний вопрос поставлен в виду того, что он выдвигается жизнью, а у некоторых товарищей замечается к нему отрицательное отношение. Кстати, вопрос этот рассматривается в № 8, и не мешало бы эту статью прочитать всем, для чего необходимо, чтобы номер этот имелся в значительном количестве экземпляров.

Дела теперь обстоят (и у нас, и у Бунда, и у меньшевиков) далеко не так, как было в мае. Тогда в Городском районе было 50 кружков, в каждом цехе партийная группа, во главе центрального района группа из 17 человек, каждый день 3—4 массовки по 70—100 человек, куда не надобно было затаскивать публику: для каждого рабочего пойти на массовку, особенно в праздник, было просто удовольствием, рабочие зажили общественной жизнью.

Но события все перевернули. Всякий, кто мог связать хоть два слова, выступал на улицах и теперь принужден уезжать. Из 17 централистов Городского района осталось 6, групповцев переарестовали, убили, выслали. Военное положение дало себя чувствовать в квартирном вопросе. либералы терроризованы, да и рабочие тоже трусят, на массовки ходят мало, особенно это заметно на заводах на Пересыпи. У нас в городе еще ничего. Старые связи восстанавливаются, число кружков растет. За последние две недели было 10 собраний групп, 7 летучек (первонач. кружков), 5 кружков пропаганды (высших кружков). Те-

перь будет гораздо больше. Сегодня, напр., будет 5 летучек и 2 кружка пропаганды. Завтра массовка в 70 человек (впервые будет такая большая после движения) у бастующих переплетчиков (руководят наши). На табачных фабриках на Молдаванке работаем только мы. Недавно на фабрике Попова (табачн.) рабочие по собственной инициативе выбрали комиссию для защиты отдельных рабочих в случае конфликтов. Теперь часть рабочих недовольна тем, что женщины не выбирали, и указывают на нашу группу, где, они знают, имеются и девушки.

Одесса (отчет организатора Городского района с 7-го июня по 4-е июля). Я был назначен в Городской район 7-го июня, при чем принял центральную сходку из 17 чел. со следующими связями: 1) Табачный цех: 3 централиста, 93 массовых, 12 ядровиков; в каждом цехе намечаются наиболее сознательные и активные рабочие, из них составляется социал-демократическое «ядро» в данном цехе. Ядровики проходят курс летучек, из них вырабатываются групповцы. Из этих 12+четверо годны в групповцы. Цех охватывает все табачные фабрики. Производятся регулярные взносы. 2) Портные всех видов: 1 централист, 40 масс. (10 посещаю летучки), 7 ядровиков-групповцев. 3) Слесаря: 2 централиста, 40 массов. (5 летуч.), 5 групповцев. Входят мелкие мастерские и заводы—Бремера, Люльки, Вальтух. 4) Модистки, чулочницы и белешвейки: 2 централ., 40 массов., 10 летуч., 4 групповки. 5) Приказчики: 28 массов. (7 лет.), 1 групп. Связи не объединены в одних руках. 6) Гладилярщики: 1 централист, 50 масс., 10 ядров., 11 летуч. Регулярные взносы. 7) Типографы: 1 централист, 30 масс. (12 летуч.), 3 группов. 8) Переплетчики: 20 масс. (10 летучек), 1 групп. 9) Коробочники: 10 масс. (3 летуч.), 1 группов. 10) Сапожники: 1 централист; связи не выяснены. 11) Далее связи одного групповца под руководством одного централиста: ювелиры 30, фотографы 5, сидельцы в пекарнях 5, дворники 3. 12) Столяры: 1 централист, 17 масс. (8 летуч.), 4 групповца. 13) Шорники: 1 централист, 5 масс., 1 гр. 14) Неопред. профессий: 1 централист, 50 масс., 3 групп.

Примечание. Сюда входят преимущественно безработные, готовые взять какой-угодно труд, отчасти окончившие ремесленные училища и т. п.

Таким образом, в Городском районе можно считать около 300 рабочих под нашим постоянным влиянием и отчасти (около 80) входящих в нашу организацию. За истекший месяц организация понесла большую убыль в централистах. Начиная с 13-го июня, первого из революционных дней, централисты принуждены скрываться или уезжать, так как многие значительно скомпрометировали себя в эти дни. У ряда централистов и групповиков были произведены обыски личные (на улице) и домашние; у некоторых нашли на дому (в их отсутствие) оружие и литературу. Благодаря этому 10 чел. централистов уехали в другие города; в другие районы были в самом начале переведены трое; теперь на 7 централистах лежит вся работа. Если добавить, что уехать должны были, естественно, наиболее активные работники, то станет понятным тяжелое положение района в настоящий момент.

Вследствие тех же революционных дней регулярная работа прервалась в самом начале отчетного периода. От 7-го до 19-го была 1 массовка, 5 летучек; часть из них не состоялась по квартирным условиям. От 13-го до 18-го массовки были на улицах или в гавани, шла политическая забастовка, происходил ряд революционных актов, постройка баррикад, столкновения с полицией и т. д.

Надо признать, что в эти дни деятельность гор. организатора, как такового, свелась к нулю. Мне пришлось действовать, как агитатору, сначала на Пересыпи, потом в порту у труп матроса; как члену комитета, пришлось заседать в «смешанной комиссии» (из 3-х организаций); с другой стороны, обычные явки не могли по полиц. условиям действовать. Таким образом, 14-го, в день наибольшей активности Городского района, когда я был на Пересыпи, оставив в «штабе» тов. Н (ответств. пропагандиста), рабочие Гор. района действовали без всякого руководства, так как тов. Н переменил в течение дня 3 раза местонахождение «штаба» по конспиративным соображениям, а

рабочие не имели времени в такой горячий момент бегать из одной квартиры в другую.

15-го я еще успел дать на явке всем централистам директивы посылать массу в порт, куда я и сам отправился. 16-го и 17-го я никого из централистов не мог найти. Они меня тоже искали усиленно и не могли найти: по улицам разгоняли нагайками, в домах ворота были на запоре, дворники опрашивали, к кому кто идет.

Военное положение давало себя чувствовать. Случайно встретив кое-кого из центра, я назначил явку, и встречи шли с тех пор регулярно. Все признавали, что о собраниях нечего думать; централки, группы, летучки, кружки, массовки—все это приостановилось, действовала лишь отчасти «биржа», т. е. встречи на улице и в садах. Пока броненосец не ушел, давался лозунг: продолжать забастовку, готовиться поддержать агрессивные действия «Ютемкина», когда он их начнет. Когда «Потемкин» ушел, забастовка сама собою прекратилась. Последнее время было спокойнее. Были устроены 2 раза собрания центральной сходки, была перераспределена работа между остающимися товарищами, был сдан отчет о событиях, при этом ц. сходка констатировала, что недостаточно успешная деятельность К-та в революционные дни, между прочим, доказывает необходимость пополнить его силы, и просила ЦК о содействии.

Была выяснена необходимость и возможность приступить вновь к обычной работе, особенно к организации вооруженных отрядов. Были указаны политические задачи момента, уроки событий, подчеркнута стремление либералов уже использовать момент. Попытки устроить теперь летучки, собрания или массовку не увенчались пока успехом: квартиры все еще не дают. Впрочем, постепенно дело налаживается.

От ред. Печата эти выдержки из образцово составленного отчета одесского товарища, мы еще раз напоминаем всем товарищам во всякого рода организациях о том, что необходимо настойчиво стремиться, не смущаясь никакими неудачами и перерывами, к выполнению постановления III съезда о двухнедельных отчетах.

Из отчета о работе Петербургского Комитета. С 1-го по 15-е июля. К 1-му июля работа в Петербургском Комитете была сильно дезорганизована двумя предшествовавшими провалами. Отсутствие сил создало также положение, при котором приходилось думать исключительно о сохранении связей. Ни о расширении работы, ни об улучшении ее невозможно было думать. С трудом удавалось удерживать связи. Силы были частью разбросаны, частью потеряны. Но затем число членов комитета пополнилось новыми лицами, приехавшими из других городов. На первом собрании Комитета в новом составе принято было постановление приглашать на все собрания Комитета всех организаторов всех районов. С 1-го по 15-е июля состоялось 8 собраний Комитета. Большею частью обсуждалась Комитетом кампания на 9-е июля и пересмотр работ всей организации. По поводу 9-го июля выяснилось следующее: настроение у [большинства] рабочих—боевое, сил для устной и письменной агитации достаточно. Такое мнение Комитета подтвердили 2 конференции, собранные из представителей кружковых и заводских комитетов (1-я конференция состоялась из 30, вторая из 50 человек). Решено было призвать в этот день к политической забастовке и устраивать, где возможно будет, митинги и массовки. Наши ораторы выступали на заводах Семяниновском, Обуховском, Чугунном, Балтийском, у Берга и др., затем в Колпине и других округах. Листки были выпущены сначала в количестве 22.000 экз., потом в количестве 5.500 экз. и затем еще в количестве 1.500. 9-го июля забастовали заводы Обуховский, Семяниновский, Путиловский и другие. По поводу 9-го июля состоялось соглашение с меньшевиками, гапоновцами (они же Рабоч. Союз) и с с.-р.-ами. Большевики сначала не соглашались призывать к забастовке 9-го июля, призывая 16-го июля (ждали объявления конституции), но после переговоров повели агитацию за 9-е. Гапоновцы выпустили два листка с призывом к забастовке. После 9-го июля комитет занялся пересмотром работы во всей периферии и подыскивает людей для последней. В настоящее время собраны группы—пропагандистская, агитаторская, литературная. Каждая из этих групп занята сей-

час распределением сил внутри себя, люди для них имеются. При комитете находится техническая группа, отдающая печатать и распространять листки.

После 9-го вышли извещения и резолюции III съезда (7.000), 1-й летучий листок ЦК (2.000), бюллетень 9-го июля (10.000 экз.) и листок к путиловским рабочим (2.000). Комитетом получена и распространена следующая литература: 2½ пуда агитационной литературы, полученной от ЦК.

При Комитете, кроме того, находится военно-техническая организация, ведущая полочкой и распространением оружия.

Комитету пожертвовано частным лицом 1.000 рублей.

Из состава Комитета выделена особая комиссия, которая уполномочена решать спешные дела, от собрания до собрания Комитета возникающие. В нее входит секретарь, ответственный агитатор и один организатор из состава Комитета. Кроме того, выбрана комиссия для выработки плана подготовки вооруженного восстания.

Ответственным пропагандистом готовится к ближайшему собранию доклад о постановке пропаганды; ответственным агитатором — о постановке агитации. Вопросы о подготовке вооруженного восстания, о пропаганде и агитации стоят на первой очереди в обсуждении Комитета.

Отчет о денежных суммах с 1-го по 15-е июля.

Приход: Остаток к 1 июля — 300 р., от друга — 10 р., заем — 135 р., заем — 50 р., спец. на воор. — 1.000 р., от друга — 15 р., от друга* — 100 р. Итого 1.610 р.

Расход: 20% ЦК — 200 р., на вооруж. — 800 р., техника — 150 р., организ. расх. — 540 р. Итого — 1.690 р. Дефицит — 80 р.

Из отчета Московского К-та с 8-го апр. по 1-е июня 1905 г. Приход 8.389 р.; расход 7.376 р. Остаток к 1 июня 1.013 р.

Из отчета, того же К-та за июнь 1905 г. Приход 9.891 р. 50 к.; расход 6.707 р. 50 к. Остаток 1-го июля 3.184 р.

Из отчета Москв. группы за июнь 1905 г. Изданы: 1) О гиб. эскадры (4.000), 2) По поводу назн. Трепова (4.000), 3) Ком. Булыгина (3.500), 4) Соб. в Ив.-Возн. (5.000), 5) По поводу моб. (6.000), 6) Долю мобил. (4.000), 7) «Шестое июня» (2.000), 8) Цветн. для расклейки (500). Кроме того, распространялись издания на mimeографах.

Из отчета Либавской группы Р.С.-Д.Р.П. за май-июнь:

1) Приход 162.81; расход 137.84; остаток 24.97.

2) Распространено листов: 1) 40 чел. — 8 лощ. (1.000), 2) Они столжовались, 3) Революция началась, 4) 40 чел. — 8 лощ. (180), 5) К рабочим (400).

По инициативе Либавской с.-д. группы возникла военно-социалистическая организация, работающая совместно с Латышской партией. Организация эта выпустила уже одну прокламацию. Связи группа имеет на многих фабриках и заводах. Недавно было собрание железнодорожных рабочих, работающих от подрядчика. Присутствовало 50 чел. Один из товарищей, работающих в группе, произнес речь на тему: о класс. против. между буржуаз. и пролет. Ощущается большой недостаток в литературе для солдат.

Из отчета Вологодской группы с 1-го мая по 1-е июля 1905 г.: Приход 91 р. 37 к.; расход 86 р. 90 к. (Северн. К-ту 60); остаток к 1 июля 5 р. 47 к. Кроме того, был устроен специальный сбор на иваново-вознесенских стачечн., что вместе с остатком от сбора на с.-пб. стачечн. дало сумму в 290 р., которые и отослали через Северн. К-т по назначению.

Из отчета Херсонской организации Р.С.-Д.Р.П. по июль: 1².76; расход 213.76; дефицит в кассе 30 р.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Бакинским К-том: 1) Позорный торг, 2) Царь и бояре, 3) Ко всем плотникам, малярам, каменщикам, штукатурам и всем чернорабочим, 4) Отчет Бакинского К-та за май

1905 г., 5) Отчет Черногогородского района за июнь 1905 г., 6) Товарищи! (о бойкоте т-ва бр. Нобель) (Балахан. район. К-т), 7) К рабочим Белого городка о заводе Родшильда (Белогород. район. К-та), 8) К типографским рабочим (группа типограф. раб.), 9) Ко всем рабочим паровых мастерских (Городской район Б. К-та), 10) Ко всем бакинским рабочим, 11) Отчет Городского районного К-та за июнь, 12) Долю сверхурочные и подрядные работы, 13) К матросам и паровым служащим (все печатн.); Объединенной организацией Соц.-Дем. К-ов г. Николаева: 1) В тюрьме голодовка, 2) Прошел уже целый месяц после последней всеобщей стачки в Николаеве (обе гект.); Воронежским К-том: 1) Отчет К-та за ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель и май (гект.); 2) Ко всем рабочим и работникам гор. Воронежа (печат.); К-том Украинского С.-Д. Союза: 1) Как отобрать землю у помещиков и уделов (печат. на русск. и малор. яз.); Херсонской с.-д. организацией: 1) К солдатам (печат.), 2) К обществу (печат.); Витебской группой С.-Д.Р.П.: 1) 9-е янв.—9-е июля (гект.); Либавской с.-д. группой: 1) Царское пр-во доживает свои последние дни (гект.), 2) К полугодовщине январских дней (гект.); Либавской военно-социалистической организацией: 1) В последнее время, благодаря волнению, охватившему всю русскую землю... (гект. 550); Двинским К-том: 1) Что случилось, товарищи? (гект.); Борисоглебской группой Р.С.-Д.Р.П.: 1) К карочанским крестьянам (190 шт.), 2) К рабочим железнодорожных мастерских (200), (обе гект.), 3) Балашовский погром (210, гект.), 4) Подписной лист на вооружен. самооб. (гект.); Семеновской орган. Полесского К-та: О черной сотне (гект.); Московской группы: 1) Программа Р.С.-Д.Р.П., принятая на Втором съезде партии (печат).

Последние известия.

«Либеральные» земцы уже идут на попятный? Мы только-что прочли сообщение петербургского корреспондента либерально-буржуазной «Франкфуртской Газеты» от 8 (21) августа, что съезд земских и городских деятелей, который должен был, по решению июльского съезда, собраться тотчас по опубликовании булыгинского проекта и который был уже назначен на конец августа, не состоится. Почему, как бы вы думали? Потому, что царь отменил 6-го августа свой указ сенату от 18-го февраля 1905 года! Корреспондент добавляет: «Эта совершенно необъяснимая (?? ред. «Пролет.») трусость земцев вызывает здесь в политических кругах общее изумление, ибо в такой момент, как теперь, от земцев не склонны были ждать подобной дряблости. Поэтому переданному мной известию еще не безусловно верят и относятся к нему пока выжидательно». Мы давно предсказывали, что либеральных буржуев нетрудно будет правительству переманить на свою сторону и заставить их «отшатнуться от дела революции».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Адреса №№ 15а, 16а и 22а отменяются. Лисину. Письмо получили, но к-ского ключа не знаем. Синице. Все получено. Грозненским товарищам. Оба письма получены, первое все расплылось, второе разобрали только отчасти. Рапп. Ключ неизвестен. Печериной. Отчет получен. Бурлакову. Письмо И получено. Цыганову. Получено. И. письмо получили. Бумажкину. Тоже. № 4711, Цукеру, Лоло, Криту, Поповичу, Полежаеву. Почему ничего не пишете? Фридову. Пришлите адрес для писем. Чайке. У нас нет адреса для писем вам.

Поступило в ред. «Пролетария» от Иосифа К. 215 марок. Вышла новая брошюра (Изд. ЦК Р.С.-Д.Р.П.). «Рабочие о партийном кризисе». Цена 25 сант.

Примечания.

Прим. 1. Очевидно, ошибка; следует читать не об'явлений, а об'яснений.

Прим. 2. Здесь под словом „оно“, очевидно, подразумевается „заседание“.

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИИ“

ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ГАЗЕТЫ
1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИСТПАРТА и со ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

≡≡≡ М. ОЛЬМИНСКОГО ≡≡≡

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ПРОЛЕТАРИЙ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА —
ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ,
ИЗДАВАЛСЯ В ЖЕНЕВЕ В 1905 Г.

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

(№№ 15—20)

”

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.		Стр.
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 15.		Читатумы	18
В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? Н. Ленин.	1	Издательская деятельность Кавказского Союза РСДРП	19
Финансы России и революция.	5	Из отчетов	—
Самое ясное изложение самого путаного плана. Н. Ленин.	8	Издания	—
Из общественной жизни.		Почтовый ящик	20
Москва	9	Примечания	20
Тифлис	—	„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 16.	
Полесье	—	Отношение социал-демократии к крестьянскому движению.	21
Ковно	—	Тревоги господ либералов. А. Луначарский	24
Калиш	—	Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?	25
Минск	—	Задачи пролетария	27
Николаев	10	Справочка из истории. В. Воровский	30
Плох. Солдат	—	Теория самопроизвольного зарождения	31
Кишинев	—	Два либерала (Балазла)	34
С театра войны (из частного письма)	11	Июльские дни в Риге	36
Из рабочего движения.		Из общественной жизни.	
Москва	11	Новочеркасск	38
Памяти Александра Цулукидзе (некролог). Из „Борьбы Пролет.“ № 1	—	Саратов	—
Курск	12	Тверь	—
Муром	—	Белосток	—
Село Козма, Шуйского уезда. Рабочий	—	Вильна	—
Екатеринослав	13	Копьсь. Копьсая группа	39
Екатеринослав	—	В деревне	—
Баку	14	Либава	—
Вильна	—	Резолюция	—
Вильна	—	Минск	40
Добрянка	—	Финляндская партия активного сопротивления	—
Копьсь (сообщ. рабочими из организации)	15	В войсках	41
Ошмяны. Член организации.	—	Письмо из Вашингтона	42
Тюрма и ссылка.		Из рабочего движения.	
Одесса. Л.	16	Краткий очерк деятельности Окружной Организации Московского Комитета по июль. Окружной организатор	42
Из партии.		Рига	43
Осведомление международн. социал-дем. о наших парт. делах	16	Петербург	—
Конференция Южных Комитетов	17	Таганрог	44
Обязание Комитета	—	Варшава	—
Либава	—	Кострома. Костромской Комитет РСДРП	—
Казань	18	Кострома	—
Тифлис	—	Тверь	45
Тифлис	—	Тула. Соц.-дем. жел.-дор. союз Тульского Комитета.	—
		Воронеж. Литейщик	—
		Вильна	—

	Стр.
Из партии.	
Съезд групп	46
Листок Виленской Группы	—
„Рабочий“	—
Сибирский Социал-демократич. Листок	—
Одесса. Рабочий из большинства	—
Меньшевицкий комитет о Булыгинской думе	47
Побеги	—
О поступлениях в заграничную кассу ЦК	—
Издания	—
Почтовый ящик	—

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 17.

Мир и реакция. В. Воровский	49
Массовая политическая стачка. А. Луначарский	51
Письмо из Петербурга	54
Заявление группы московских помощников присяжных поверенных	55
Армия и народ. В. Северцев	57

Из общественной жизни.

Москва	59
Москва. Н. Ц.	—
Рига	—
Новая Александрия (из письма солдата)	—
Лондон	60
В войсках	—
Крестьянский Съезд	—

Из рабочего движения.

Петербург	61
Красноярск. Проезжий	—
Воронеж	—
Либава	—
Нижний-Новгород	62
Кострома	—
Иваново-Вознесенск	63
Колпино	—

Тюрьма и ссылка.

Херсон	64
Херсон	65
Москва	—
Побеги	—

Иностранное обозрение.

Из Франции. Поход буржуазии на биржу труда. В. Воровский	65
--	----

Из партии.

Первая областная конференция Сев.-Зап. Края	66
Борисов	67
Одесса	—
Таганрог	—
Таганрог	—
Армавир	—
Воронеж	—
Из отчетов	68
Почтовый ящик	—
Примечания	—

	Стр.
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 18.	
Встреча друзей. Н. Ленин	69
Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги! Н. Ленин	71
Либеральные союзы и социал-демократия. В. Воровский и Н. Ленин	72
Игра в парламентаризм. Н. Ленин	—
От обороны к нападению. Н. Ленин	76

Из общественной жизни.

Центральный Комитет РС-ДРП в листке „К рабочим и крестьянам“	78
Самарский Комитет РС-ДРП в листке „Ко всем рабочим“. О высших учебных заведениях	79
К моменту	—
Конституционалисты по неволе	—
Москва	80
Саратов	—
Тула	—
Крестецкий уезд	81
Псков	—
Два воззвания	—
Из секретных циркуляров	82
Воронеж	—

Из рабочего движения.

Тифлис. Кавказский Союзный Комитет.	83
Льется кровь, готовьтесь к восстанию! Тифлисский Комитет	—
Баку. Член Комитета	—
Баку	85
Темная полоса. Бакинский Комитет	—
Витебск	—
Нижний-Новгород	86
Красноярск	87
Либава	88

Из партии.

Решение Одесского Комитета	88
Из отчетов	—
Издания	—
Почтовый ящик	89
Примечания	—

„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 19.

Революция и контр-революция. В. Воровский	91
Центральный Комитет о Государственной Думе	93
Земский Съезд. Н. Ленин	94
Литература жандармов. В. Бонч-Бруевич	96
Пролетарии ли фармацевты? Фармацевт	97
Открытое письмо к заграничным товарищам	98

Из общественной жизни.

Витебск	99
Псков (из частного письма)	100
Из секретных документов	—
В войсках	101

Из рабочего движения.

Петербург	102
Петербург. Организатор Городского Района	103

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Колпино	103	Резолюция, принятая на съезде в Петербургском Уни- верситете	125
Тифлис	—	Петербург	126
Казань	104	Симбирск	—
Рига	105	Тоже „Из впередовского арсенала“. А. Насимович	—
Курск	—	Ошибка или недоразумение? А. Насимович	127
Воронеж. Рабочий	—	Сердитый ответ. Н. Ленин	—
Казань	106		
Резолюция Съезда Германской Соц.-Дем. Рабочей Партии в Иене. — Перевод с немецкого В. Ве- личкиной	107	Из рабочего движения.	
Из партии.		Петербург	127
Памяти тов. Гусенко. Красноярский Комитет РС-ДРП	108	Петербург	128
Минск. Член Минской группы	—	Петербург	—
Сморгонь. Сморгонская группа РС-ДРП	109	Николаев. Рабочий	129
Издания	—	Николаев	—
Побеги	—	Екатеринослав	—
О поступлениях в заграничную кассу ЦК	—	Иваново-Вознесенск	—
Новые издания	—	Кострома	—
Почтовый ящик	110	Коломна	130
Примечания	—	Тула	—
		Письмо в редакцию. Секретарь Рижского Комитета РС ДРП	—
		Брянск	—
		Иностранное обозрение.	
„ПРОЛЕТАРИЙ“ № 20.		Съезд Германской Соц.-демократии в Иене	132
Социализм и крестьянство. Н. Ленин	111	Из партии.	
Ко всей учащейся молодежи. Центр. Ком. Рос. Соц.- Дем. Раб. Партии	114	Новая меньшевистская конференция. Н. Ленин	135
Буржуазия сытая и буржуазия алчущая. Н. Ленин	115	Представительство РС-ДРП в Международном Соц. Бюро. Н. Ленин	—
Очерки по истории революционной борьбы западно-евро- пейского пролетариата. А. Луначарский	116	Резолюция Костромского Комитета	136
Помешки о бойкоте Думы. Н. Ленин	118	Нижний-Новгород	—
Из бесед с читателями. С. Гусев	119	Издательская деятельность Курского Комитета	—
К вопросу о партийном объединении	122	Из отчетов	—
Из общественной жизни.		Побеги	137
Киев	124	Издания	—
Баку	—	Почтовый ящик	—
Казанский Комитет	125	Примечания	—
Северо-Западный Союз о Государствен. Думе	—		
Проект приговора	—	ИЛЛЮСТРАЦИИ.	
Петербург	—	Портреты: гг. И. А. Теодоровича, В. М. Величкиной, В. А. Кар- пинского и М. Васильева-Южина; Факсимиле: С. И. Гусева.	

И. А. Теодорович
(1909—1910 г.).

В. М. Величкина
(фотография 1903 г.).

В. А. Карпинский
(фотография 1903 г.).

М. Васильев-Южин
(фотография 1904 г.).

ЖЕНЕВА. 5 сентября (23 авг.) 1905 г.

№ 15.

Пролетарий

Пролетарии всех странъ.

соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партии.

В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?

Тактика социал-демократии по отношению к Государственной Думе продолжает стоять на очереди дня во главе всех остальных вопросов революционной борьбы. Разногласия насчет этой тактики, обнаружившиеся между оппортунистическим (Искра) и революционным (Пролетарий) крылом Р. С. - Д. Р. П., должны быть разобраны со всей тщательностью не в целях придирчивой полемики (иногда вырождающейся в свару), а в целях полного уяснения вопроса и содействия работникам на местах в выработке возможно более точных, определенных и единых лозунгов.

Начала пару слов о возникновении этих разногласий. В № 12 «Пролетария», еще до выхода закона о Государственной Думе, мы изложили основы нашей тактики и нашего расхождения с «Искрой». Мы требовали 1) поддержки идеи бойкота в смысле усиления агитации и обращения к народу, в смысле поддержки пролетариатом левого крыла буржуазной демократии и неуклонного разоблачения в предательстве правого крыла ее; 2) непременно активного бойкота, а не «пассивного отстранения», т.-е. «удешевление агитации» вплоть до «насиленного проникновения в избирательные собрания», и, наконец, 3) «ясного, точного и прямого лозунга агитации», именно: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Мы решительно отвергли лозунг «Искры» (№ 106): «организация революционного самоуправления», как путаный и играющий на-руку освобожденцам, т.-е. монархической буржуазии. Мы сразу оговорили при этом, как бы предвидя, что «Искра» будет опять «плодить» разногласия, наше согласие с осуждением «Искры» идеи пассивного бойкота.

Поэтому, если теперь «Искра» в № 108 бросает какие-то намеки на теорию «невмешательства», «абсентизма», «воздержания», «скрещенных рук» и т. под., то мы прежде всего отодвигаем подобные «возражения», ибо это не полемика, а лишь покушение «царапать» оппонента. Такими приемами «полемики», которые увенчиваются инсинуацией, будто некоторые вожди сами хотели попасть во временное правительство, новая «Искра» давно уже вызвала среди самых широких кругов социал-демократии вполне [определенное отношение к себе] ¹⁾.

Итак, суть разногласий свелась к тому, что «Искра» не принимает нашего лозунга агитации, который мы считаем центральным (воор. восст., революционная ар-

мия, временное революционное правительство). «Пролетарий» же считает безусловно недопустимым «заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления» (№ 12 Прол.). Все остальные пункты разногласий имеют сравнительно менее важное значение. Наоборот, особенно важно, далее, то, что в № 108 «Искра» начинает уже (как это не раз с ней бывало) пытаться, вылиять, выворачиваться: к лозунгу организации революционного самоуправления она добавляет лозунг «активных боевых выступлений народных масс» (чем это отличается от вооруженного восстания, Аллах ведает). «Искра» договаривается даже до того, что «организация революционного самоуправления это и есть единственный способ действительной «организации» всенародного восстания». № 108 «Искры» помечен 13 (28)-го авг.²⁾. А 24-го авг. н. ст. появилась в венской «Рабочей Газете» статья г. Мартова, излагающая «план» «Искры» вполне в духе № 106, а не в духе «поправок» № 108. Эту ценную статью г. Мартова мы приводим ниже в ее главной части, как образец «социал-демократической маниловщины».

Попробуем разобраться в этой путанице.

Чтобы выяснить дело, необходимо прежде всего дать себе отчет в том, какие силы и как именно «творят историю» русской революции в данный момент. Самодержавие приняло теорию «совещания» царя с народом. Желая совещаться с просеянной через полицейский надзор кучкой выборных от помещиков и лавочников, оно начинает с отчаянной свирепостью подавлять революцию. Более широкие круги монархической буржуазии стоят за теорию соглашения царя с народом (освобожденцы, или конституционно-«демократическая» партия). Буржуазия выражает теорией свое предательство революции, готовность сначала поддержать ее, а затем соединиться с реакцией против нее. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует самодержавия народа, т.-е. полного уничтожения сил реакции и прежде всего фактического свержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Пролетариат стремится (часто бессознательно, но неуклонно и энергично) к тому, чтобы присоединить к себе крестьянство и с его помощью довести революцию до полной победы вопреки неустойчивости и предательству буржуазии.

Государственная Дума есть, несомненно, уступка революции, но уступка, сделанная (это еще более несомненно) с целью подавить революцию и не дать конституции. Буржуазные «соглашатели» хотят добиться конституции с целью подавить революцию; г. Виноградов (в «Русск. Вед.») выразил это стремление либеральной

буржуазии, неизбежно вытекающее из ее классового положения, с особенной ясностью.

Спрашивается теперь: какое значение имеет при таком положении дел решение бойкотировать Думу, принятое «Союзом Союзов» (см. № 14 «Пролетария»), т. е. самой широкой организацией буржуазной интеллигенции? Буржуазная интеллигенция в общем и целом тоже хочет «соглашения». Она тоже колеблется поэтому, как много раз уже показывал «Пролетарий», между реакцией и революцией, между торгашеством и борьбой, между сделкой с царем и восстанием против царя. Это и не может быть иначе в силу классового положения буржуазной интеллигенции. Но было бы ошибкой забывать, что эта интеллигенция более способна выражать широко-понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии. Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна поэтому, при всей ее неустойчивости, к революционной борьбе с самодержавием, и при условии сближения с народом она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как-раз то, чего им недостает: знание, программу, руководство, организацию.

Суть идеи «бойкота», как она возникла у Союза Союзов, состоит, след., в том, что первый шаг крупной буржуазии к совещанию—соглашению с царем неминуемо вызвал первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом. Помещики и капиталисты качнулись вправо, буржуазная интеллигенция, представительница мелкой буржуазии, качнулась влево. Первые идут к царю, далеко не отказываясь грозить ему еще не раз силой народа. Вторые подумывают, не идти ли им к народу, не разрывая еще окончательно с теорией «соглашения» и не становясь вполне на революционный путь.

Вот в чем суть идеи бойкота, возникшей, как мы уже указали (№ 12 «Пролетария»), внутри буржуазной демократии. Только очень близорукие и поверхностные люди могли бы усмотреть в этой идее невмешательство, абсентеизм, воздержание и т. п. Буржуазной интеллигенции нечего воздерживаться, ибо высокий ценз сам ее удерживает вдали от Гос. Думы. Буржуазная интеллигенция в своей резолюции о бойкоте на первый план ставит «мобилизацию всех демократических элементов страны». Буржуазная интеллигенция есть самый деятельный, решительный и боевой элемент освобожденской, конституционно-«демократической» партии. Обвинять эту интеллигенцию за идею бойкота, в воздержании и т. п. или даже отказать этой интеллигенции в поддержке ее идеи и развитии ее—значит, по близорукости, сыграть на-руку крупной монархической буржуазии, орган которой, «Освобождение», недаром воюет с идеей бойкота.

Правильность изложенного взгляда, помимо общих и основных соображений, подтверждается ценными признаниями г. С. С. в № 75 «Освобождения». В высшей степени знаменательно, что г. С. С. относит сторонников идеи бойкота к «радикальной», а противников к «умеренной» группе. Первых он обвиняет за «народоволь-

чество», за повторение ошибок «активных революционных групп» (обвинение, почетное для того, против кого оно выдвигается «Освобождением»); про вторых он прямо говорит, что они стоят меж двух огней: между самодержавием и «социальной (sic!) революцией», при чем бедный г. С. С. со страху даже чуть не смешал демократическую республику с социальной революцией! Самое же ценное признание г. С. С. следующее: «Для радикалов,— говорит он, сравнивая съезд Союза Союзов со съездом земцев,—центр тяжести, несомненно (слушайте!), лежал в требовании изменения системы выборов, тогда как для более умеренной группы главный интерес заключался в распространении прав Думы».

Этим все сказано! Г. С. С. выболтал сокровенные «думы» помещиков и капиталистов, которые мы сотни раз разоблачали. «Главный интерес» для них не в привлечении народа к выборам (они этого боятся), а в расширении прав Думы, т. е. в превращении крупнобуржуазного собрания из законосовещательного в законодательное. Вот где зарыта собака. Крупная буржуазия никогда не сможет удовлетвориться «законосовещательной» думой. Отсюда—неизбежность конституционных конфликтов в Гос. Думе. Но крупная буржуазия никогда не сможет стать надежным и верным сторонником самодержавия народа. Она всегда будет одной рукой брать конституцию (для себя), а другой рукой отбирать права у народа или противодействовать расширению прав народа. Крупная буржуазия не может не стремиться к конституции, обеспечивающей привилегии, крупной буржуазии. Радикальная интеллигенция не может не стремиться к выражению интересов более широких слоев мелкой буржуазии и крестьянства. Правое крыло буржуазной демократии, получив синицу в руки, сразу начало «умнеть» и отказывается уже, как мы видели, от «нелегальных съездов». Левое крыло увидело, что оно осталось даже без синицы, что помещики и капиталисты, попользовавшись услугами «3-го элемента» (агитация, пропаганда, организация печати и т. д.), готовы предать их, направив усилия в Гос. Думе не на народные права, а на свои, антинародные права. И вот, почуяв начало предательства, буржуазная интеллигенция клеймит Гос. Думу, как «дерзкий вызов» со стороны правительства всем народам России, объявляет бойкот, советует «мобилизацию демократических элементов».

При таком положении дел обрушиться на идею бойкота значило со стороны с.-д. сыграть роль политических [простаков] ⁹). Верный классовый инстинкт революционного пролетариата подсказал большинству российских товарищей идею активного бойкота. Это значит: поддерживать левое крыло и тянуть его к себе, стараться выделить элементы революционной демократии, чтобы с ними вместе ударить на самодержавие. Радикальная интеллигенция протянула нам палец,—хватай ее за руку! Если бойкот не хвостовство, если мобилизация не фраза, если возмущение дерзким вызовом не актерство,—тогда вы должны порвать с «соглашателями», стать на сторону теории самодержавия народа, принять, на деле принять, единственно-последовательные и цельные лозунги революционной демократии: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правитель-

ство. Присоединить к себе тех, кто на деле принимает эти лозунги, втратить перед всем народом в помойную яму тех, кто остается на стороне «соглашателей», — такова единственная правильная тактика революционного пролетариата.

Наши новоисковцы прозевали и классовое происхождение, и реальное политическое значение идеи бойкота, открыв стрельбу... в воздух. Т. Череванин пишет в № 108: «Как видно из листков Донского К-та и С.-Петерб. Группы, обе эти организации (Н. В.: меньшевистские. Примеч. ред. «Прол.») высказываются за бойкот. Участие в выборах в такую Думу они считают позорным, изменой делу революции и заранее клеймят тех либералов, которые примут участие в выборах. Таким образом исключается возможность сделать Гос. Думу орудием демократической революции и отвергается, очевидно, агитация, направленная в эту сторону». Подчеркнутые нами слова показывают именно очерченную сейчас ошибку. Ведь, те, кто декламирует против «вмешательства», только заслоняют действительно важный вопрос о способах вмешательства. Есть два способа вмешательства, два типа лозунгов. Первый способ: «удешевление агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизация избирательных собраний хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д., и т. п.» («Прол.» № 12): Лозунги этой агитационной кампании мы уже изложили. Другой способ: брать «революционное обязательство итти в Г. Думу с тем, чтобы добиваться превращения ее в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее учред. собрание» (т. Череванин в № 108 «Искры»), или «давить на выборщиков в том смысле, чтобы в думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства (т. Мартов в венской «Р. Г.»).

Вот это различие способов и отражает разницу «двух тактик» социал-демократии. Оппортунистическое крыло с.-д. всегда склонно «давить» на буржуазную демократию посредством взимания обязательств с нее. Революционное крыло с.-д. «давит» на буржуазную демократию и толкает ее налево тем, что клеймит ее за повороты вправо, тем, что распространяет в массе лозунги решительной революции. Теория «взимания обязательств», эта знаменитая теория Староверовской лакмусовой бумажки, есть величайшая наивность, способная лишь сеять смуту в пролетариате и развращать его. Кому предъявит ко взысканию полученное им «обязательство» тов. Череванин? Не господу ли богу? Неужели тов. Череванин не знает, что под давлением материальных интересов класса все и всякие обязательства полетят к чорту? Неужели не ребячество мысль того же тов. Череванина связать буржуазных депутатов Г. Думы с революционным пролетариатом посредством «императивных мандатов»? Ведь, тов. Мартову, если бы он на деле стал выполнять свой план, пришлось бы заявлять перед рабочим классом, что Н. Н. или М. М. из данного собрания помещиков суть «решительные сторонники свободного и демократического представительства!». Делать такие заявления значило бы сеять величайший политический разврат!

И замечете еще вот что: все эти «революционеры

обязательства» господ Петрункевичей, Родичевых и tutti quanti, все эти «императивные мандаты», все эти подписки о «решительной поддержке демократического и свободного представительства» (можно ли выбрать более общий, неясный, туманный термин?) брались и давались бы от имени с.-д. за спиной пролетариата. Ведь, открыто этого сделать нельзя, да даже и при открытой агитации в свободных странах политические деятели обязываются не столько частными сделками, сколько программами партий, а, ведь, у нас нет и не будет определенных и оформленных партий при выборах в Г. Д.! Посмотрите же, товарищи новоисковцы, как вы опять залезли в болото: на словах у вас все «масса», «перед массой», «с участием массы», «самодеятельность массы», а на деле ваш «план» сводится к секретным сделкам об обязанности господина Петрункевича быть не предателем революции, а «решительным» сторонником ее!

Новоисковцы сами довели себя до абсурда. В России никто и нигде, даже из их сторонников, и не подумает заключать этих нелепых «революционных обязательств». Нет. Вмешиваться надо не так. Вмешиваться надо самым беспощадным клеймением теории соглашения и буржуазных соглашателей, всех этих Петрункевичей и т. п. Разоблачать их буржуазное предательство революции, объединять против самодержавия (а на всякий случай и против Думы) революционные силы для восстания, — вот единственный надежный способ реально «давить» на Думу, реально готовить победу революции. Только с этим лозунгом должны мы вмешиваться в избирательную агитацию, не для избирательных маневров, сделок, обязательств, а для проповеди восстания. И только реальная сила вооруженного народа даст возможность использовать в пользу революции (а не в пользу узкобуржуазной конституции) возможные и вероятные будущие конфликты внутри Г. Думы или Г. Думы с царем. Поменьше доверия к Г. Д., побольше доверия к силам вооружающегося пролетариата, господа!

Мы подошли теперь и к лозунгу: организация революционного самоуправления. Рассмотрим его повнимательнее.

Во-первых, чисто-теоретически неправильно выдвигать на первый план лозунг революционного самоуправления вместо лозунга: самодержавие народа. Первый относится к управлению, второй — к устройству государства. Первый совместим поэтому с предательской буржуазной теорией «соглашения» (самоуправляющийся народ с царем во главе, который «не управляет, а царствует»), второй безусловно несовместим. Первый — приемлем для освобожденцев, второй, неприемлем.

Во-вторых, отождествление организации революционного самоуправления с организацией всенародного восстания совершенно вздорно. Восстание есть гражданская война, а война требует армии. Между тем, самоуправление само по себе не требует армии. Есть страны, где существует самоуправление, но нет армии. И революционное самоуправление не требует революционной армии там, где революция происходит по типу Норвегии: «рассчитали» короля и произвели опрос народа. Но когда народ угнетен деспотизмом, опирающимся на армию и начинающим гражданскую войну, тогда отождествлять революционное самоуправление с

революционной армией, выдвигать первое и замалчивать второе есть прямо-таки неслыханная пошлость, выражающая либо предательство революции, либо крайнее недомыслие.

В-третьих, и история подтверждает ту самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14-го июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивление самодержавия? Или, м.-б., новоскрывцы сошлются при этом на пример города Монпелье, где муниципальная революция, организация революционного самоуправления произошла мирно, где была даже вотирована благодарность интенданту за любезность, с какою он содействовал своему собственному низложению? Не ждет ли новая «Искра», что во время нашей агитационной кампании выборов в Думу мы будем благодарить губернаторов за самоустранение до взятия русских Бастилий? Не характерно ли, что во Франции 1789 года время муниципальной революции есть время начавшейся эмиграции реакционеров, а у нас лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания выдвигают тогда, когда существует еще эмиграция революционеров? Когда одного русского сановника спросили, почему 6-го августа не дарована амнистия, он ответил: «С какой же стати освободим мы 10.000 человек, которых нам стоило не малого труда арестовать, и которые завтра же начали бы отчаянную борьбу с нами?». Этот сановник рассуждал умно, а те, кто говорит о «революционном самоуправлении» до освобождения этих 10.000, распускают неумно.

В-четвертых, современная русская действительность наглядно показывает недостаточность лозунга: «революционное самоуправление» и необходимость прямого и точного лозунга восстания. Взгляните, что было в Смоленске 2-го августа ст. ст. Гор. Дума признала беззаконием расквартировку казаков, прекратила выдачу им денег, организовала для защиты населения городскую милицию, обратилась с воззванием к солдатам против насилия над гражданами. Мы желали бы знать, находят ли это достаточным наши добрые новоскрывцы? Не следует ли рассматривать эту милицию, как революционную армию, как орган не только обороны, но и наступления, и наступления не только против смоленской казачьей сотни, а против самодержавного правительства вообще? Не следует ли пропагандировать эту идею о провозглашении революционной армии и о задачах ее? Можно ли считать действительно народное самоуправление гор. Смоленска обеспеченным, пока революционная армия не одержала решительной победы над царской армией?

В-пятых, факты свидетельствуют неопровержимо, что лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания или в смысле (?) лозунга восстания не только «приемлем» для освобожденцев, но и принят ими. Возьмите № 74 «Осв.». Вы увидите решительное осуждение «безумной и преступной проповеди вооруженного восстания» и в то же время защиту городских милиций и организаций органов местного самоуправле-

ния, как элементов будущего временного правительства (ср. № 12 «Прол.»).

С которой стороны ни подойдете вы к вопросу, — неизменно окажется, что новый лозунг новой «Искры» есть лозунг освобожденский. Социал-демократы, заставляющие или отодвигающие лозунг вооруженного восстания, революционной армии, временного правительства лозунгом организации революционного самоуправления, тащатся в хвосте у монархической буржуазии вместо того, чтобы идти во главе революционного пролетариата и крестьянства.

Нас упрекают за то, что мы «вдалбливаем» упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрек за комплимент. Наша задача в том и состоит, чтобы наряду с общими истинами с.-д. программы вдалбливать неустанно насущные политические лозунги. Мы добились широчайшего распространения ненавистной либералам «четыреххвостки» (всеобщее, прямое, равное, тайное голосование). Мы ознакомили рабочие массы с «шестеркой» политических свобод (слова, совести, печати, собраний, союзов, стачек). Мы должны миллионы и миллиарды раз повторять теперь «тройку» ближайших революционных задач (вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство). Народные силы для выполнения этих задач растут стихийно не по дням, а по часам. Попытки восстания множатся, организация его растет, вооружение подвигается вперед. Из рядов рабочих и крестьян, одетых в зипуны, пиджаки и мундиры, выдвигаются неведомые герои, которые неразрывно слиты с толпой, и которые все глубже проникаются благородным фанатизмом народного освобождения. Наше дело позаботиться, чтобы все эти ручейки слились в могучий поток, чтобы стихийное движение осветил, удешевляя его силы, свет сознательной, прямой, ясной и точной революционной программы наших ближайших задач.

Итоги. Наша тактика по отношению к Госуд. Думе может быть выражена в пяти пунктах: 1) усиленная агитация по поводу закона о Г. Думе и по поводу выборов в нее, устройство собраний, использование выборной агитации, демонстрации и пр. и т. д.; 2) сосредоточение всей этой агитационной кампании вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство; распространение программы этого временного правительства; 3) присоединение для этой агитации и для вооруженной борьбы всех элементов революционной демократии и только их, т.-е. только тех, кто принимает на деле вышеуказанные лозунги; 4) поддержка идеи бойкота, возникшей у левого крыла буржуазной демократии, с тем, чтобы это был активный бойкот в смысле очерченной выше самой широкой агитации. Привлечение левых представителей буржуазной демократии на сторону революционно-демократической программы и к деятельности, сближающей их с мелкой буржуазией и крестьянством; 5) беспощадное разоблачение и клеймение перед самыми широкими массами рабочих и крестьян буржуазной теории «соглашения» и буржуазных «соглашателей»; оглашение и разъяснение каждого предательского и нетвердого шага их, как до Думы, так и в Думе; предостережение рабочего класса от этих буржуазных предателей революции.

(Н. Ленин).

Финансы России и революция

Бедственное положение русских финансов давно уже общеизвестно. Искусственно задерживаемое развитие производительных сил, отсутствие культурно-политических условий, соответствующих развившемуся капиталистическому способу производства, с одной стороны, и выступление на политическом поприще в качестве мировой капиталистической державы с безграничным стремлением к территориальным захватам и к расширению и укреплению своего влияния на все государства земного шара—с другой,—вот то, что неудержимо гнало Россию как к военной катастрофе, так и к финансовому банкротству. И если западно-европейские государства при всем развитии их производительных сил и, следовательно, большей платежеспособности населения изнемогают под тяжестью системы «вооруженного мира» и милитаризма, то что нужно сказать о России с ее многомиллионной массой пролетаризованного крестьянства, с слабым сравнительно развитием индустрии и с военными расходами, превышающими расходы всех западно-европейских держав?

Однако, нужно заметить, с внешней стороны наши финансы, судя по ежегодным всеподданейшим докладам министра финансов, до войны могли казаться, если не блестящими, то во всяком случае не внушающими серьезных опасений. Но это только на первый поверхностный взгляд. За внешней стройностью министерских цифр можно разглядеть,—правда, не без тщательного анализа,—всю гнилость и негодность нашей финансовой системы, вопиющее нарушение основных принципов бюджетной техники и лживость числовых данных. Самодержавие давно уже состоит неоплатным должником и рабом западно-европейских бирж. Оно могло существовать только займами, прибегая к новым займам для уплаты процентов по старым долгам. Государственный долг России достиг к 1-му января 1904 года 6,63 миллиардов рублей. Меньше чем за год войны он возрос до 7,07 миллиардов и к этому времени Россия должна была уплачивать ежегодно заграничным капиталистам свыше 300 миллионов рублей. За последние 16 лет, с 1888 года по 1904 г., государственный долг возрос на целых 50 процентов. Ничто так не характеризует безысходное положение русских финансов, как тот факт, что в 1888 году на погашение долга предназначалось 53 милл. рублей, а проценты вносились в сумме 213,2 милл. руб., а в 1904 году на погашение пала ничтожная сумма в 24,3 милл. руб., а на уплату процентов по долгам шло 264,5 милл. р. Государственный долг растет в угрожающей прогрессии. Чтобы выполнить хоть часть своих долговых обязательств, Россия должна занимать по меньшей мере 90 милл. руб. ежегодно. При этих условиях и принимая во внимание, что самодержавие сделало уже народ нищим в такой степени, как ни одно правительство,—неизбежность рокового конца могла быть видна до войны. Война сорвала маску и воочию всем указала ту пропасть, в которую неудержимо летит самодержавие. И даже люди, наиболее опьяненные призрачным величием военных сил России, блеском ее «золотого запаса» и «свободной наличности»,—мы говорим здесь о таких признанных финансистах, прославлявших недавно еще состояние русских финансов, как про-

фессор берлинского университета Гельфферих и Поль Леруа - Болье, а не о полуподкупленной биржевой прессы Запада, — даже они начали протрезвляться по мере развития военной катастрофы на Дальнем Востоке.

Еще недавно эти господа, далеко, конечно, не бескорыстные идеологи капитала, кричали изо всей силы, что России нечего бояться займов, что по величине своего государственного долга она занимает третье место (французский государственный долг достигает, по Леруа - Болье, 35 миллиард. франков, английский 20-ти). У нас есть под руками данные, что русский государственный долг не ниже английского, как говорит Леруа - Болье, а выше. Но не будем здесь говорить об этом. Если даже принять, что Россия по величине долга занимает третье место, то разве возможно, исходя уже из чисто-технических соображений, сравнение английского долга с русским? Ни одна страна в мире не имеет такого твердого кредита, как Англия; она быстро погашает свои государственные долги и может, как показал опыт южно-африканской войны, без особых усилий значительно увеличить налоги. Самодержавие же не только не может погашать своих долгов, но и не может, благодаря своей нелепой финансовой системе, приведшей к неслыханному разорению крестьянского хозяйства, увеличить свои доходы. И не нужно при этом забывать, что Россия еще в 1887 г., по вычислениям Кауфмана, занимала первое место в ряду других по величине издержек, идущих на уплату процентов и погашения займов. На это уходила почти третья часть ее дохода (29 проц.), в то время как Англия на уплату долгов и процентов расходовала в том же 1887 году 17 проц., а Франция—24 проц. своего бюджета.

Витте, главный герой российских финансовых фокусов, держался того же взгляда, что России нечего бояться займов. Вся финансовая политика Витте направлялась не только к достижению равновесия между доходами и расходами, достигшими колоссальных размеров в два миллиарда, но и к накоплению «свободных средств». Необходимость последних выводилась из роли России, как первоклассной мировой державы. «Политические судьбы России, как мировой державы,—читаем мы во «всеподданейшем докладе по росписи на 1901 год»,—ставят ее жизнь в тесную связь с жизнью других стран. Где бы ни совершились те или иные важные события, непосредственные интересы каких бы отдельных стран они ни затронули,—события эти большей частью отражаются на положении нашего отечества. Иногда они находятся в прямой зависимости от отношения к ним России, в других случаях побуждают нас самих принять серьезные меры, чтобы обеспечить за нашим отечеством сохранение принадлежащего ему мирового значения». Долг России, как капиталистич. мировой державы, вмешиваться во все события, в каком углу земного шара они не происходили бы. А для ведения агрессивной политики необходимы деньги. И вот политика Витте характеризуется двумя на первый взгляд противоречивыми явлениями: увеличением, и весьма крупным, государственного долга, с одной стороны, и блестящим будто бы положением бюджета, систематическим превышением доходов над расходами, получением «избытков» или так-называемых «перевыручек»—с другой. С 1892 года, когда «перевыручки» достигали 59,5 милл. руб., рост этих «избытков» идет в усиливающейся

прогрессии, точно так, как и рост задолженности. В 1896 г. и в 1898 г. перевыручки эти достигают 139,7 и 226 милл. рублей. В общем же за десять лет, с 1892 года по 1902 г., они составляют колоссальную сумму чуть ли не в полтора миллиарда рублей!

В начале войны наши финансисты указывали, между прочим, на огромный запас средств России—чуть ли не миллиард руб. Эти средства представлялись, как в форме пресловутой «свободной наличности», достигавшей к 4-му января 1904 года свыше 300 милл. руб., так и золотого запаса в 700 милл. рублей. Отстраняя, однако, всякую возможность пользования «золотым запасом», который служит обеспечением кредитных билетов, находящихся в обращении, финансовое ведомство заявило категорически, что металлический запас будет служить для цели, точно определенной в основном законе обращения. При этом оно вынуждено было сказать, что видит источники для покрытия военных расходов: 1) в так-называемой «свободной наличности»; 2) в бюджетных сокращениях по росписи на 1904 год и 3) в займах. «Свободная наличность» слагается из «накопленных избытков». Она есть не что иное, как результат искусственного разделения бюджета на «обыкновенный» и «чрезвычайный». Если из номинальных избытков в обыкновенном бюджете вычтем так-называемые «обыкновенные расходы» из чрезвычайного бюджета, производившиеся, главным образом, на расширение старых железнодорожных линий и постройку новых (в том числе и Сибирск. ж. д.), то никаких почти избытков не получится. Наоборот, для четырех лет из десяти мы видим в преобразованном таким образом бюджете дефицит (для 1901 г. свыше чем в 60 м. р.). Таким образом, нечего и говорить, что покрытие военных расходов не может быть произведено из пресловутой «свободной наличности» уже потому, что эта последняя по существу является сплошной фикцией.

Расходы России на войну составляли, вероятно, никак не менее 100 милл. руб. в месяц. Смешно поэтому думать, что сокращение бюджета по росписи на 1904 год может служить, как заявило правительство, средством покрытия военных издержек. Остаются, следовательно, только займы. И вот самодержавное правительство пустилось, что-называется, во все тяжкие. Напрягая все усилия, оно заключило уже в течение 1904 года и первой половины 1905 года ряд внешних заграничных займов (пятипроцентный заем в 200 милл. рублей в мае 1904 г. во Франции, займы в январе и мае 1905 г. в 231 милл. и 150 милл. руб. в Германии) и ряд внутренних займов по меньшей мере в полмиллиарда рублей.

Дальше идти в этом направлении некуда. Западно-европейские биржи для нас теперь закрыты. Какими бы гениальными шулерами ни были наши титулованные финансисты, к каким бы ловким кунштюкам для поддержания курса государственных бумаг они ни прибегали, едва ли им удастся извлечь хоть один миллион еще из карманов заграничных банкиров. С другой стороны, дальнейшие внутренние займы, нет сомнения, ни в коем случае не смогут реализоваться: слишком мало для этого у нас имеет кредита самодержавие, слишком малой покупательной способностью обладают наши средние классы. В кассах русских коммерческих банков еще и поныне лежит на 32 милл. руб. бумаг

последнего пятипроцентного займа, и есть надежда, что они еще пролежат там довольно долго.

Остаются налоги. Но вообще повышением налогов нельзя покрыть колоссальных издержек войны. А затем, сколько-нибудь значительное повышение налогов у нас неосуществимо. Не нужно забывать, что четыре пятых населения (77 проц.) принадлежит к разоренному земледельческому населению, из которого самодержавие, как вампир, высосало все жизненные соки. Незначительную же часть имущих классов городского населения царское правительство не решится, конечно, сколько-нибудь чувствительно обложить. Дальнейшее обложение крестьянства невозможно: растут недоимки по прямым платежам, уменьшается потребление предметов, обложенных косвенными налогами. Так, когда так-называемые «китайские замешательства» привели в 1900 году к крупнейшему повышению косвенного обложения на предметы потребления,—спирт (повышение акциза с 10 до 11 руб.), пиво (с 30 до 40 коп.) на табак, фрукты, кофе и другие предметы,—малозаметное увеличение доходов (всего в 44 милл. руб.), вполне определенно и наглядно показало, что дальнейшее увеличение косвенных налогов может вести лишь к уменьшению потребления. Около двух третьих чистого бюджета составляется у нас путем взимания косвенных налогов, при чем одна треть всех бюджетных ресурсов, достигающих двух миллиардов, дает питейный доход, доход с монополии.

За последние сто лет быстрый рост косвенного обложения, т.-е. перенесение налогового бремени почти целиком на народные массы, есть явление, общее всем капиталистическим странам Европы. Но перед беспощадным грабежом русского народа самодержавием бледнеют все картины Запада. Достаточно заметить, что в 1880 г. прямые налоги относились у нас к косвенным, как 4 к $2\frac{2}{3}$, а в 1901 г., как 1:5, т.-е. в 1901 г. косвенные налоги были в 5 раз больше прямых. С 1871 года, когда на каждого жителя приходилось по 3 рубля косвенных налогов, они поднялись в 1905 году до 6 рублей. В 1900 г. прямые налоги составляли всего 228,1, а косвенные—772 милл. рублей, а уже в следующем 1901 г. прямые—220,9 милл. руб., а косвенные—819,6 м. р.

Общеизвестно, что главнейшая, наибольшая часть налогов падает у нас на крестьян. Как во Франции до великой революции налоги поглощали часто до семидесяти процентов чистого дохода, в среднем же равнялись пятидесяти процентам, так и у нас чистый доход с крестьянских земель, например, в Воронежском уезде, в среднем достигает 3 рубля 62 коп., а одних только прямых платежей на ту же десятину падает 22 руб. 55 к. Говоря об условиях существования земледельческого населения, А. А. Радциг указывает, что в Балашовском, например, уезде чистый доход в сельском хозяйстве достигает 18-ти руб. на каждого жителя. Но если вычтеть все прямые налоги, то ежегодно остается на каждого жителя всего 8 руб. В упоминаемом уже Воронежском уезде из 333 общин только 174 получают чистый доход, превышающий податные платежи, а по 159 общинам чистый доход не покрывает даже прямых платежей. Отсюда понятно, что в той же Воронежской губернии находятся «вымирающие» селения как прославленные исследованием доктора Шинга-

рева деревни Животиное и Моховошка, в которых жители по полтора года не варили щей, в которых даже клопы и тараканы поразбежались из изб от хронической голодовки, а голодный тиф, цынга и другие эпидемические заболевания не перестают свирепствовать. И разве чуть ли не вся «мужицкая Русь» не представляет одного сплошного «вымирающего» селения? Разве голодающие Моховошки и Животиные не разбросаны тысячами по всей широкой Руси? Где, в какой культурной стране возможно такое систематическое ограбление сельского населения, такое варварское по способам и по размерам выколачивание податей. В какой из современных капиталистических стран экспроприация населения производилась в таких грандиозных размерах, таким усиленным темпом? И что может быть омерзительнее спора наших патентованных финансистов перед разгорающимся движением голодного крестьянства о том, что лучше для мужика-недоимщика: отобрание ли сперва движимого имущества, продажа инвентаря, отдача в заработки и, наконец, обращение взыскания на землю или, наоборот, прежде продажа земли, затем инвентаря и т. д.?

Самодержавному правительству остался один путь, на который оно уже вступило. Этот путь—восстановление бумажного обращения, выпуск кредитных билетов. Несмотря на категорическое заявление министерства финансов в начале войны, что ресурсы государственного банка не будут сливаться с ресурсами казначейства, выпуск бумажных денег, вызываемый не требованиями промышленности и торговли, а войной, производится в усиленных размерах. Опубликованный на-днях баланс Государственного банка по 1-е июля 1905 года, указывает, что в течение последнего года выпущено на 243 милл. руб. кредитных билетов, и общая сумма, находящихся в обращении бумажных денег достигает, таким образом, миллиарда рублей. Кредитные билеты вытеснили золото, следствием чего были: с одной стороны, уход золота за границу по погашению платежей частных лиц и с другой—увеличение золотого запаса на 157 милл. р. Золотая валюта, доставшаяся нам с такими жертвами, вновь заменяется бумажным обращением. Финансовая катастрофа надвигается ускоренным темпом и в таких грозных размерах, что может затемнить все происходившее в этом отношении в других странах.

Что же остается делать самодержавию? Как вывернется оно из создавшегося положения даже в том случае, если мир в недалеком будущем будет заключен? Где найдутся средства на контрибуцию и на покрытие всех убытков, причиненных войной? Могут ли проценты по старым займам уплачиваться далее новыми? Сможет ли самодержавие справиться с государственным долгом,—с уплатой одних только процентов, не говоря уже о погашении,—если он достигнет, что весьма вероятно, 15—20-ти миллиардов? Возможно ли еще предостеречь финансовое банкротство России? *).

Этим вопросом занимается, между прочим, недавно вышедшая на немецком языке книга о русских финансах Георга Бернгардта, «Бедная богатая Россия». На основании детального анализа русских финансов автор приходит к следующим выводам:

1) Ни один русский бюджет, опубликованный за последние 15 лет, не заслуживает никакого доверия ни по своему техническому составлению, ни по достоверности числовых данных.

2) Займы русского государства достигли высоты, ни в коем случае не соответствующей платежеспособности населения.

3) Эти займы только в весьма незначительных случаях делались для продуктивных целей; в огромном же большинстве случаев они были необходимы или для приведения бюджета в равновесие, или для того, чтобы иметь запас золота на случай краха.

4) Русские железные дороги не являются доходным государственным имуществом, а, наоборот, приносят убытки. Они построены не с экономическими, а с стратегическими целями. Они далеко не представляют той действительной ценности, которая стоит в государственном балансе.

5) Русское лесное хозяйство находится в отчаянном состоянии.

6) Основа русского народного хозяйства, земледелие, было принесено в жертву чисто-финансовым интересам отдельных министров финансов. Усиление экспорта зерна привело к ценам, не вознаграждающим труд; русский крестьянин не в состоянии выносить тягостей налогов.

7) Данные об индустриальном развитии, опубликованные Витте, частью фальшивы и способны ввести в заблуждение.

8) Русские банковые дела ведутся с полным произволом и совершенно не представляют никаких гарантий, что в будущее время будут поставлены лучше.

Мы не можем останавливаться на отдельных вопросах, затронутых и разобранных в книге Бернгардта. Основная мысль, проходящая через всю книгу, заключается в том, что единственным выходом для России является реорганизация ее политического строя на конституционных началах. Формы государственного хозяйства, кредитоспособность страны совершенно не отделимы от ее политического строя, а потому анализ ее финансового хозяйства неизбежно должен привести к анализу ее политических форм.

Абсолютизм привел Россию на край пропасти. Противоречие между тенденциями капиталистического развития страны и ее отсталыми культурно-политическими формами может быть разрешено только устранением самодержавия, или же дальнейшее пребывание русского народа в цепях азиатско-деспотического режима приведет к необходимости поставить русские финансы и все народное хозяйство под контроль его западноевропейских кредиторов.

Только революция может спасти еще Россию.

От ред. Замечательным подтверждением выводов автора является только-что вышедшая в Берлине книга Рудольфа Мартина под заглавием: «Будущность России и Японии». Мы не имели еще возможности ознакомиться с этой книгой и отметим пока, на основании сведений иностранных газет, лишь главные ее выводы. Автор стоит на чисто-деловой точке зрения, чуждой всякого политического увлечения. Статистик по специальности он тщательно разбирает финансовое поло-

*). Статья написана до заключения мира.

жение России и приходит к выводу, что объявление банкротства неизбежно, как в случае продолжения войны, так и при заключении мира. Русское земледелие в полном упадке, и чтобы поставить его на ноги, требуется капитал в 50 миллиардов рублей. Дефицит в бюджете в ближайшее десятилетие будет не менее 300 миллионов рублей в год. Государственный долг России, доходивший теперь, по расчету автора, до 8 миллиардов рублей, должен возрасти через пять лет до 12 миллиардов. Покрыть проценты по займам нечем, ибо никто не даст теперь денег России. Параллель между Россией в 1905 году и Францией при Людовике XVI поразительна. Рудольф Мартин усиленно советует Германии как можно скорее сбросить с рук (по возможности, в Америку) русские займы, в которые вложено до полутора миллиарда рублей немецких денег. Европейская буржуазия спешит вывернуться, предвидя неизбежность русского краха.

Самое ясное изложение самого путаного плана.

В передовой статье мы указывали на путаность нового плана «думской кампании» новой «Искры». Вот самое ясное изложение его самим Мартовым в венской «Рабочей Газете» (от 24 августа н. ст.). (Курсив в цитате везде самого Мартова).

«План следующий,—говорит г. Мартов, ссылаясь на «поддержку его многими русскими организациями»,—рабочие организации берут на себя инициативу основания народных агитационных комитетов, которые должны быть избираемы всеми элементами населения, неудовлетворенными царской реформой. Задача таких комитетов состоит в том, чтобы прежде всего развернуть агитацию за действительное народное представительство во всей стране. Эти комитеты формально образуются в целях участия массы населения в предстоящих выборах. Так как они в силу избирательного закона исключены из прямого участия, то граждане государства могут участвовать в выборах косвенно, сообщая свои мнения и требования более узким коллегиям привилегированных избирателей. Комитеты оказывают давление на коллегии избирателей в том смысле, чтобы в Думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства. При этом комитеты стремятся создать вне «легального» представительства нелегальное представительство, которое в известный момент могло бы выступить перед страной в качестве временного органа народной воли. Комитеты призывают население избирать своих представителей посредством всеобщей подачи голосов; эти представители в известный момент должны съехаться в один город и провозгласить себя учредительным собранием. Такова, так-сказать, идеальная цель этой кампании. Дойдет ли до этого дело или нет, движение по этому пути создаст организацию революционного самоуправления, которая сломит рамки царской легальности и положит фундамент грядущему триумфу революции. Элементы такого революционного

самоуправления образуются мало-по-малу по всей России, как, напр., уже теперь в двух кавказских губерниях официальные власти бойкотируются всем населением, и население управляется своими собственными властями. (В скобках: крестьяне Гурии требуют утверждения этих властей нашим комитетом).

«Организация такого повсюду публично функционирующего самоуправления есть та форма, в которой должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно открыть (инаугурировать) конституционной эры. Само собою разумеется, что самая возможность такой организации создается растущей дезорганизацией правительственного аппарата и «ростом» действительной силы (*wirkenden Kraft*) в народе».

Рекомендуем товарищам этот бесподобный план, как идеальную цель монархической (освобожденской) буржуазии, как идеальную цель ликвидации русской пролетарско-крестьянской революции либеральными помещиками.

Освобожденская, т.-е. монархическая буржуазия, как мы уже сотни раз указывали, хочет именно такой «ликвидации», когда бы переход власти к буржуазии совершился без народного восстания или хотя бы без полной победы народного восстания. Маниловские планы «выборов» при сохранении власти за самодержавием всецело на-руку либеральной буржуазии, которая одна только способна произвести хоть нечто, приближающееся к таким выборам.

На частностях этого смехотворного плана мы остановимся лишь кратко. Не наивно ли забывать, что на Кавказе (не в двух губерниях, а в нескольких волостях) самоуправление опирается на вооруженное восстание? Не ребячество ли думать, что возможно в нескольких селах горных местностей далекой окраины возможно в центре России без победы народа над самодержавием? Не является ли идеальным педантством этот план многостепенных «выборов» при сохранении власти за самодержавным правительством? «Недовольные элементы населения» (?) выбирают народные агитационные комитеты (без программы, без ясных лозунгов). Комитеты создают «нелегальное представительство» (заменяющее, должно-быть, нелегальную организацию социалистической рабочей партии просто освобожденской организацией!). Что замена ясного революционного термина «временное правительство, как орган восстания», неясным термином «орган народной воли», всецело на-руку земско-буржуазной партии, это очевидно. Всеобщие выборы учредительного собрания по инициативе «нелегальных» комитетов и при оставлении власти за Треповым и К⁰ есть идея совсем уже детская.

В спорах полезен иногда бывает «адвокат дьявола»—защитник нелепого, всеми отвергаемого взгляда. Эту роль взяла теперь «Искра». План ее очень удобен для учебных целей опровержение нелепости в кружках, на летучках, массовках и т. д., для более отчетливого противопоставления лозунгов революционного пролетариата и лозунгов монархической либеральной буржуазии.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Москва. Как известно, советы Московского общества сельского хозяйства, отделения русск. технич. общ. и педагог. общ., состоящего при Московском университете, обратились в различные общественные учреждения России со следующим заявлением-протестом: «Признавая меры, принятые администрацией по отношению к этим обществам (различные репрессии), незаконными, советы не считают, однако, совместимым с достоинством общественных организаций прибегать к обжалованию незаконных действий бюрократии перед какими-либо высшими, также бюрократическими, инстанциями, но в то же время они готовы предстать перед судом, если правительственная власть может обвинить их в каких-либо незаконных действиях. Вместе с тем, советы выражают перед всем русским обществом горячий протест против грубого нарушения законных прав обществ актом административного произвола и считают своим нравственным долгом указать, что подобная политика правительства неминуемо должна привести к общенародному взрыву (1 ред.). В сознании своего гражданского долга соединенное собрание советов решило, вопреки распоряжениям администрации, продолжать деятельность представляемых им обществ в прежнем направлении и выразило полную уверенность, что все общественные учреждения и организации в России будут неустанно работать над делом политического освобождения страны» (подписано Н. Рожковым, В. Ржевским, А. Тесленко и А. Левциким).

Совет Гдовского сельскохозяйственного общества в одном из недавних заседаний, обсудив настоящее письмо, нашел, что «теперь, когда бюрократия прилагает все силы, чтобы погубить Россию и истребляет русский народ как на Дальнем Востоке, так и по всей России,—все, что чувствует себя русским, должно встать на спасение родины и, конечно, нет возможности для соблюдения законности подчиняться незаконным требованиям бюрократии. Почему решения советов, изложенные в письме, не только следует приветствовать, но надо пожелать, чтобы С. М. О. сельского хозяйства, как московского, старейшего и центрального, принял немедленно меры к устройству съезда представителей всех сельскохозяйственных обществ для обсуждения совместной деятельности и организации съезда в целях политического освобождения страны».

О проектированном Гдовским обществом съезде пока, однако, ничего не слышно.

Тифлис. Дворяне Гурийского уезда составили «дружину» для «самозащиты». Разочаровавшись в полицейских средствах для защиты своих сословных интересов, эти обанкротившиеся шарлатаны решили сами приняться за искоренение «крамоль». Группа инициаторов, во главе с Зураб Абдумелишвили (юрист), который во время управления именными кн. Баратова отличился зверскими истязаниями армянских крестьян, начала объезжать дворян и князей Гурийского уезда и с каждой семьи забирала по одному человеку с лошадью и полной амуницией. В короткое время их набралось человек 300. И вот эта банда принялась преследовать сельских (с.-д.) пропагандистов и агитаторов, не брезгая одновременно набегами на селения и налагая на них контрибуцию натурой. В легальной грузинской газете «Иверия» некий Цицишвили рассказывал яркий случай издевательств новых «милиционеров» над беззащитными обывателями, заподозренными в пропаганде. Но слушав этих так много, что всех не перескажешь.

Среди незначительного меньшинства дворян деяния новой шайки вызывают протест, но значительное большинство на их стороне; на очередном собрании дворян Тифлиской губернии даже хотели выдать им субсидию.

Примеру гурийцев последовали и в Лечхумском уезде, Кутаисской губ., где предводители «милиционеров» являются князья Гарданхадзевы, убившие пропагандиста (с.-д.) Головани. В Мингрелии дворяне решили для искоренения крамолы лучше поступить в земскую стражу *).

*) Не безынтересно отметить, что среди «милиционеров» Гурийского уезда уже возникли разногласия на почве старшинства. Более «доблестные» дворяне заставляют молодых присматривать за лошадьми и оказывать личные услуги, что очень раздражает последних.

Мощное движение грузинских крестьян под руководством социал-демократии заставило бесчелных феодалов организовать, и обезземеленное разбойническое дворянство приступило к защите своих «прав» с оружием в руках. Самодержавное правительство, усердно занимавшееся устройством армянских погромов, дружелюбно протянуло руку новому союзнику. Но не долго придется шайке феодалов заниматься разбоем. Организованному крестьянству теперь легче будет раздавить выступивших на открытую арену бандитов, которые, до сих пор, скрываясь за спиной правительства, охотно пользовались услугами казачьих нагаек.

Полесье. Все более и более разгорающиеся страсти «черносотенников», усиленно разжигаемые правительством и его—не многими уже—сторонниками, поневоле вынуждают революционеров прибегать к крайним мерам. В Семеновке, по тщательно проверенным сведениям, организаторами «черной сотни» оказались следующие лица: П. Ф. Чвань, Радченко, Карнеев, И. Г. Барсуков, Т. М. Самофалов, Я. Янчул (? неразобр.), Я. Н. Муляров, И. Е. Евдокименко, С. М. Котлов, Н. Солодевик, И. Солодевик, урядник Варенко. Семеновская организация Полесского комитета Р. С.—Д. Р. П. выпустила по этому поводу прокламацию, в которой заявляет: «Семеновская С.—Д. Организация в своем заседании от 27-го июля, приговорила этих личностей, если только произойдет какой бы то ни было погром, к смертной казни. Приговор этот будет приведен в исполнение, куда бы эти лица ни скрылись».

Ковно. 25-го июля. Мы, ковенцы, теперь переживаем часы очень напряженного состояния. Пишу под впечатлением только-что случившегося. В 6 часов вечера, когда рабочие фабрики Декшо уходили домой, мимо проходили три драгуна с офицером; все были пьяны и, завидя толпу, решили «подавить восстание». Строгий приказ разойтись на рабочих не подействовал, и это разозлило солдат. Один из них наступил на проходящую мимо восьмилетнюю девочку и изранил ее. Служащий рассыльным фабрики просил не трогать ребенка, за что поплатился жизнью: он убит наповал, а также убиты проходившая мимо женщина и конторщик—все теми же солдатами. Кроме того, семь или восемь человек ранены. Моментально об этом узнали все фабричные рабочие, шедшие с работы. Они собрались на месте происшествия, и один из них сказал краткую речь, в которой призывал отомстить за невинно-пролитую кровь товарищей. Вызвали по телефону губернатора, жандармского полковника, помощника полицмейстера и других. Явился губернатор. В карету его полетели камни; помощника полицмейстера ударили куском железа в спину, после чего он не мог встать; убили одного жандарма и одного помощника тоже почти до смерти убили. Жандармского полковника избили. Боясь преследования толпы, все солдаты и администрация скрылись. Раненых увезли в больницу, а убитых убирать не позволяют. Завтра ожидается всеобщая забастовка.

Калиш. Мастер шпион Цеблинский сделал политический донос на товарища Пизарского, работавшего под его надзором. Пизарского арестовали, страшно избили в участке и в заключение повесили на снятом с него кушаке. В ответ на это зверство в среду 2-го августа (нов. стиля) была объявлена всеобщая забастовка. Похороны товарища послужили поводом к грандиозной демонстрации. С революционными песнями направилась толпа через главную улицу на кладбище. Высоко над головами развивалось красное знамя, залитое солнечными лучами. На кладбище священнику не дали говорить, заглушив его слова пением «Красного знамени». После пения выступил оратор (социал-демократ), который разъяснил перед массой смысл этого застеночного убийства. После погребения толпа демонстративно направилась обратно в город. Около дома жандармского полковника с криками—«долой самодержавие», «долой убийц—полицию», «да здравствует революция!»—она стала расходиться. Полиция отсутствовала. Шпион, втершийся в толпу, был изрядно помят.

После демонстрации было несколько арестов.

Минск. 28-го июля у нас была устроена всеобщая забастовка. Пало 5 жертв: в первый день забастовки 3 и во второй день 2. Один товарищ был арестован и отпра-

влен во 2-ю часть, где на голову его надели мешок, которым он и был задушен.

Теперь у нас бастуют казаки. Они выставили 8 требований, из которых я узнал только четыре: 1) замена черного хлеба белым, 2) не разъезжать в патруль с городскими, 3) не разъезжать ночью и 4) не стрелять в своих братьев. Чем это кончится, пока неизвестно. Полиция страшно озлоблена. Желая отомстить, она, как видно, стремится прибегнуть к старому своему способу, т. е. устроить еврейский погром. На днях был такой случай. На Койденском тракте в доме С. Клюева живет еврей, который продает хлеб. К нему явился жандарм еще с одним железно-дорожным служащим и просит у него водки. Еврей заявляет, что водки он не продает. Тогда жандарм посылает человека принести; еврей протестует. В это время жандарм обращается к своему товарищу: «Нужно всех евреев вырезать». И с этими словами вынимает нож, бросается на еврея и бросает ему вдогонку нож. Нож попал в дверь и был сломан на две части. Тогда жандарм выхватывает свою шашку и бросается бежать за евреем. Выбежав на улицу, еврей кричал. На крик сбегалось несколько человек из христиан, которые обратили жандарма с его товарищем в бегство. Спрашивается, что было бы, если бы христиане были на стороне жандарма? Наверно, цель полиции была бы достигнута. Несмотря на то, что было подано заявление жандармскому полковнику и в полицию, а также представлен сломанный нож, мер никаких не было принято, и жандарм этот попрежнему продолжает свою «полезную деятельность».

Николаев. Арестованные 30-го июня за участие в сходке рабочие приговорены николаевским градоначальником к 2-месячному аресту при полиции. Тому же наказанию подвергнут хозяин помещения, где пьют бузу, за то, что не донес полиции о сходке. Приговор последовал на основании военного положения, без всякого суда и следствия. В ночь с 7-го на 8-е июля по постановлению градоначальника арестованы И. Биск и Тамара Эмме; оба они высылаются в Курск под гласный надзор полиции. Военное положение окончательно развязало руки нашему помпадур, и он делает все возможное, чтобы успокоить свой заячий страх. Все сколько-нибудь выдающиеся и интеллигентные рабочие высланы; трудно даже подсчитать все количество жертв произвола: их сотни... Брали в домах, на улице, всюду... Высылают же обыкновенно ночью, под усиленным конвоем солдат и казаков. Несмотря на все это, в порту опять была стачка и готовится другая, потому что рабочие не добились удовлетворения своих требований.

Среди казаков и войска сильное недовольство своим положением. Казаков 2 сотни; они переутомлены, кормят их плохо. Солдат 2.000, но из них 1.000 отсутствует. Солдаты без разрешения уходят домой, потом опять возвращаются. Дисциплина страшно упала. Раздражение против офицеров очень сильное. Открыто говорят, что офицеры их обкрадывают. Пища отвратительная, да и та дается в недостаточном количестве. Жалованье (45 к. за два месяца) выдается крайне неаккуратно и задерживается по полугоду. Солдаты хотят устроить забастовку, чтобы потребовать увеличения жалования и нарезки земли после окончания службы. На этой почве можно успешно вести среди солдат агитацию. Политически же они еще очень незрелы, хотя от недовольства положением не трудно довести их до сознания негодности и всего существующего строя.

Плюцк. В ответ на запрос редакции (№ 6, «Что делается в войсках») сообщу, что знаю, о работе в войсках в настоящем городе. В Плюцке стоят 2 стрелковых полка, драгунский и батарея. Пропаганда и агитация у нас поставлены плохо, так как горд недавно лишь присоединился к общему движению. Велась работа кустарнически. Были кружки. Но работа велась с большим трудом, так как солдаты—элемент по преимуществу крестьянский и о «бунтах» имели слабое представление. Начинали мы с того, что выясняли бесправное положение солдат, указывали на сплошной обман, который окружает солдат в их казарменной жизни и т. д. Понятно, солдаты охотно слушали. Но большого труда стоило разъяснять, что весь этот обман находится в самой тесной связи с нашим политическим строем. Солдаты говорили, что министры многого «не до-

водят до царя» и т. д. Начавшаяся война очень помогла нашей работе. После первых же поражений солдаты стали высказывать недовольство войной, критиковали весь ход ее и не раз слышалось, что «России, вероятно, конец наступит». Потом уже озлобленно стали толковать и о самом правительстве. В виду того, что самый город только недавно втянулся в общереволюционную жизнь страны, никаких прокламаций к солдатам не выпускалось. Работа велась внутри казармы—более сознательными солдатами. Последние события сильно революционизировали казарму. На стрелковые полки можно надеяться во время восстания, так как они не раз проявляли свое недовольствие, выражавшееся в том или другом случае отказом от службы.

Солдат.

Кишинев. Здесь расположены два пехотных полка, два кадра запасных батальонов, одна артиллерийская бригада и драгунский полк. В общем насчитывается до 8.000 нижних чинов. Последние призваны почти все из запаса (88—98 гг.) из уездов Сорокского, Сергеевского, Белецкого (Бессарабской губ.) и из Херсонской губ. Кадровые солдаты призваны с Кавказа, Польши, частью из губ. Рязанской и Орловской. Но преобладающим элементом являются малороссы и грузины.

Работа ведется в настоящее время довольно усиленно, но преимущественно кустарнически. Незначительная часть гарнизона (главным образом, пехотные полки) имеет связи с комитетами «Бунда» и «Искры». Связи эти, впрочем, слишком ничтожны для организованных занятий. Имеются 2—3 самостоятельных кружка, по 7—8 человек в каждом. Как комитеты входили в сношения с казармой,—не знаю. Кустарническая же работа вполне возможна и производится сознательными нижними чинами.

Почва для работы среди солдат нашего гарнизона в высшей степени благодотворна, тем более, что почти все солдаты (запасные) отцы больших семей, теперь, за отсутствием кормильцев, сильно бедствующих. Поэтому-то и начинать здесь всего лучше с указаний на бесправность положения солдат, на преступность войны и на те бедствия, какие принесла война лично солдату. Зловеще сверкают глаза несчастных отцов солдат, когда начинаешь говорить об отношении правительства к семье его. Вот тут-то и необходимо переходить к изложению причин, породивших такое положение.

Не лишним было бы, как я убедился на опыте, заслужить себе предварительно некоторое доверие со стороны начальства, а тогда работа не сопряжена почти ни с какими трудностями. Интеллигентам—нижним чинам обычно поручается тогда заведывание ротной школой, на занятия в которой, при условии некоторого доверия, не является никто из начальства. Занятия приходится начинать с истории русского народа, русского государства. Известного рода освещение исторических фактов дает, как это мне пришлось тоже проверить на опыте, весьма благоприятные результаты. Солдаты больше всего интересуются историей. Необходима картинность изложения, умнее сильнее и ярче всего освещать те события, которые могли бы иметь отношение к бедственному экономическому и правовому положению народа.

С отдельными солдатами также необходимо входить в близкие отношения, для чего нужно им писать письма, побольше беседовать с ними и т. д.

Во время мобилизации разбрасывались социал-демократические прокламации: «К запасным нижним чинам» и «К солдатам». Прокламации читались с захватывающим интересом. С мобилизации же началось повальное бегство из гарнизона. В течение недели сбегало до 18 человек из одной только роты.

Открытый протест выражался в нежелании итти на работы, становиться на занятия, для чего прибегали к следующему: солдаты разбежались по всем сторонам—кто в кабак, кто в ближайшую лавчонку, и все старания приводившего на занятия офицера созвать их, не приводили ни к чему. На ругань офицера из строя слышались голоса: «А ты, брат, не больно матушайся, потому не боимся! Все одно умирать,—так сначала разделаемся с тобой!». На вопросы полковника, не хочет ли кто добровольцем итти на Дальний Восток «за царя-батюшку постоять»,—ответом было гробовое молчание: каждый скрежетал лишь зубами,

проклиная мысленно и «царя-батюшку», и полковника, и собственную жизнь, безвольную, горемычную... Неоднократно слышались крики: «Долой войну!». То тут, то там раздавались революционные песни.

Общее настроение войска приподнятое в смысле недовольства положением и обращением. Ротные командиры стали осторожнее в обращении с солдатами, чувствуя сжатый, пока только припрятанный кулак.

Да, необходима связь с комитетами, необходимо возможно больше внимания обратить теперь на солдат: время слишком уж удобное. При наличии достаточных связей с комитетами, возможно, по моему мнению, и создание сначала гарнизонных, затем военно-окружных, а там дальше и единой общероссийской военно-революционной организации.

С театра войны. (Выдержки из частного письма). На коммуникационной линии, т. е. на Сиб.-Забайк. и К.-В. желдор. продовольственный вопрос стоял и стоит из рук вон плохо. Хлеба часто нет. А если и есть, то в большинстве случаев он совершенно не съедобен—из затхлой, горькой муки, отвратительной выпечки. Щи часто из гнилой капусты и тухлого мяса. Когда я ехала на санитарном поезде, мимо прошел поезд с капустой. Минут 10 нельзя было дышать от смрада, ворвавшегося в открытые окна. На станции пограничная часть платформы, где сложены интендантские запасы рыбы, все обходят на большем расстоянии. Когда подъезжает поезд, то приходится зажимать нос. Вода в баках для кипятку непрокипяченная и очень грязная... Во Владивосток был командирован известный своей глупостью санитарный генерал Езерский. Теперь он собирает врачей и читает им лекции о том, что надо по военному времени считать острой болезнью и что хронической. «Вот вы, господа врачи,—говорил генерал,—очень любите разводить насчет чахотки или сердечного порока. Здесь, если солдат стоит на ногах и может держать в руках винтовку, то это острый больной и гоните его вон из лазарета в строй. Чахоточный на чистом воздухе еще лучше поправится, чем в госпитале. Ну, а умрет, так, ведь, по вашей же науке—это люди, все равно обреченные на смерть. Лучше же и умереть за отечество, чем в своей избе на лежанке валяться в тягость себе и другим!..». Таким-то образом, благодаря преступности и невежественности больших и малых Езерских, уменьшается боевая готовность армии, выставляется армия полуголодных оборванцев, разбавленная в большой дозе больными, слабыми, калеками... В японской армии всего этого нет, и потому японцы, как кошки, карабкаются на сопки...

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Москва, 12-го июля. В ночь с 9-го на 10-е июля состоялась в Москве конференция комитета и представителей организованных рабочих в числе около 250 человек.

Среди других постановлений, которые своевременно будут сообщены, постановлено послать петербургским товарищам след. письмо.

«Товарищи, 9-го января ваши братья тысячами умирали под пулями царского войска. Недаром пролилась эта кровь. Русский народ мстит за нее. Революционное движение разлилось с тех пор по всей России. Это движение сметет остатки гнусного самодержавия и водворит на его место светлое царство народной свободы. Мы, представители организованного пролетариата г. Москвы, обнажаем головы в день полугодовщины смерти дорогих товарищей. Мы зовем вас продолжать, но уже с оружием в руках, ту геройскую борьбу, которую начали ваши братья. Мы клянемся идти вместе с вами! Мы клянемся отдать делу революционной борьбы нашу мысль, наши чувства, нашу жизнь! Клянемся же, братья! Вечная память жертвам 9-го января!».

Памяти Александра Цулукидзе (некролог). 9-го июня в г. Кутаисе скончался один из лучших товарищей—«Сандро», Александр Цулукидзе. Скончался он после 24-х дневных мучительных страданий от туберкулезного

менингита. Болезнь эта, по мнению врачей, развилась в нем вдруг и быстро, на почве крайне возбужденного состояния,—бациллы легко овладели его ослабевшими нервами, и все усилия спасти так сильно жаждущего жизни и деятельности борца-революционера остались тщетными... Пал борец на поле борьбы!..

«Дыханье пошлости тебе дышать мешало»—вот слова, которые красовались на красной ленте венка кутаисских учениц... И действительно, смрад, испускаемый истлевающим трупом самодержавия, отравлял его, несколько не принижая размаха революционной энергии, а, наоборот, возбуждая его к самой кипучей борьбе за счастье и радость угнетенного человека... И хрупкий от природы организм, зараженный еще в последние 4—5 лет туберкулезом, не выдержал...

Пролетариату Кавказа и особенно его части—грузинскому пролетариату—он достаточно известен! Похороны, происходившие 12-го июня в м. Хони (Кут. губ.), служат лучшим доказательством огромной популярности т. Сандро. При сильном проливном дожде гроб с останками покойного несли на своих плечах, главным образом, рабочие и крестьяне на расстоянии 25—26 верст от г. Кутаиса до м. Хони.

Десятки венков (их было свыше 80) от кавказского пролетариата и крестьянства; красные знамена, развевавшиеся во главе многотысячной массы народа; два хора рабочих, певших марсельезу и другие революционные песни; вся эта масса народа, воодушевленно следовавшего с пением за гробом, несмотря на грозу и ливень; бесчисленные речи на грузинском, русском и армянском языках,—речи рабочих, крестьян и многих других товарищей, все речи оканчивались возгласами:—«Долой самодержавие! да здравствует социализм!»—подхватываемыми многотысячной массой... Вот как кавказский пролетариат провожал останки своего товарища борца! Все это невероятно, сказочно для читателей, не бывших свидетелями этих исторических похорон...

Администрация сдалась на капитуляцию: несмотря на угрозы губернатора и полицмейстера накануне, вся процессия с 9-ти часов утра до 9-ти часов вечера прошла «мирно» и без казаков... Видно было, полиция после бурных похорон в начале настоящего года наших товарищей в г. Кутаисе «поумнела» и благородно ретировалась при еще более грандиозной демонстрации 12-го июня...

Вот краткие биографические сведения о покойном товарище Сандро. Происходя из фамилии князей Цулукидзе, он рано был выброшен на волю диким режимом школы. Но он не погиб в омуте «достопадного» грузинского дворянства, как многие его сородичи! С 1896 года (ему тогда было около 19—20 лет) он сошелся с группой молодых грузин марксистов социал-демократов, начавших тогда работать практически. Жажда знания и лучшей подготовки для социал-демократической работы увлекла его в Москву, где он основательно изучил классиков политической экономии, и через два года вернулся с несколькими пошатнувшимися здоровьем в Тифлис. Здесь он вместе со своей семьей живет, как пролетарий, зарабатывая непосильным трудом средства к жизни. Он с успехом занимается в кружках рабочих и принимает деятельное участие во всей партийной работе в Тифлисе. То же самое он делает через год в г. Батуме.

С 1902 года его здоровье начинает ухудшаться,— он вынужден бросить работу из-за куса хлеба и переселился в г. Кутаис, где принимает активное участие в организации Гурийского и Имеретинно-Мингрельского Комитетов... На II съезде Кавк. Союза он является как делегат Им.-М. К-а. Его выбирают в Союзный Комитет, в котором он оставался членом до смерти... Он являлся одним из деятельнейших товарищей Кавк. Союза, серьезно подготовленным и самым горячим сторонником партийного «большинства»... Ясно представляя положение вещей на Кавказе, он, несмотря на кризис в партии, бодро восклицал перед смертью: «а идея все же победит!».

Да, товарищ-друг, «идея победит»—и в этой победе партия будет немало обязана и тебе!

Пролетарии и деревенская беднота не забудут тебя, как одного из искренних борцов за свободу и социализм!

(Из «Борьбы Пролетариата», № 1).

Курск. 10-го июля у нас была шестая (с пасхи) удавшаяся массовка (были еще две, неудавшиеся по случаю дождя). На массовке было 88 чел. рабочих. Говорили 3 оратора: о тактике Бульгинской комиссии, о либералах, о рабочем движении за последний месяц, о событиях в Одессе,— при чем особенно подробно разбиралось стачечное движение, предшествующее революционным дням 13—18-го июля. Почтили память погибших 9-го января. Собрание разошлось в приподнятом настроении, с пением революционных песен.

Речь о стачках пришлось особенно во-время. У нас в Курске идет брожение среди мелких ремесленных цехов, при чем в тех случаях, когда влияние социал-демократии незначительно, ремесленники готовы прибегать к подаче прошений на имя губернатора или полицмейстера. Начали приказчики, которые легальной борьбой с хозяевами добились праздничного отдыха и 12-часового рабочего дня (обязательное постановление думы). Полицейстер ходил с толпой приказчиков и закрывал лавки. Примеру приказчиков последовали официанты в садах и собирались было последовать парикмахеры, но под влиянием соц.-дем. решили ждать удобного момента и забастовать. Приходится бороться со стремлением администрации развращать рабочих. Полицейстер и вице-губернатор подлаживаются к недоброжелателям, возмущаются хозяевами и рекомендуют легальные пути воздействия. Так, столярам вице-губернатор говорил: «Какие ужасные условия работы! Как вы еще до сих пор не забастовали! Обращайтесь, немедленно обращайтесь к полицмейстеру». Влияние социал-демократии возрастает. Организация захватывает все большее и большее число рабочих.

24-го июля была 7-я массовка. Было 130 человек рабочих. Выступал приезжий товарищ. Говорил о крестьянских волнениях и об отношении социал-демократов к крестьянскому движению. Следующий оратор говорил о погромах и об отношении к ним социал-демократов (в Курске распространяются полицией прокламации с призывом «бить жидов, студентов и прочую сволочь»).

Слухи о погроме способствуют росту недавно народившейся здесь организации Поалей-Цион, которая называет себя «Еврейским социал-демократическим органом» и насчитывает в настоящее время до 50 рабочих. Эта организация обратилась к нашей с предложением совместно организовать самооборону. Комитет выработал план действий самообороны, выяснил свои силы, и представитель комитета войдет в переговоры с представителем от организации Поалей-Цион о согласовании действий.

Муром, Владимирской губ. Муром—один из медвежьих уголков нашей родины. В нелегальную печать отсюда до сих пор посылались только курьезы. То привлекается к ответственности простака жандармский полковник за «распространение» запрещенных брошюр (давая читать знакомым несколько книжонок), то распространяются разношерстные прокламации, то новый ультра-энергичный жандарм производит

«избиение младенцев», искореняя среди юнцов-реалистов крамолу. Но уже в конце 1903 г. замечается движение в рядах немногочисленного Муромского пролетариата. «Энергичный» жандарм Сомов направляет сюда свои удары и челонок пять пролетариев попадают в тюрьму. Местное рабочее движение терроризируется массовыми обысками. Но движение не заглушается, волна его растет все выше и выше... И вот недавно мы были свидетелями демонстрации сил муромского пролетариата. 10-го июля вечером на луговой стороне Оки, за городом, местной с.-д. организацией была назначена массовка: предполагалось почтить память петербургских борцов 9-го января. Собралось человек 200. Нужно сказать, что к массовкам Муром еще не привык, и сюда собрались только более или менее сознательные рабочие. Среди них виднелось несколько студентов и кое-кто из «чистой публики», привлеченной необычным явлением. Начались речи. Говорили свои ораторы-рабочие. Вдруг в самом начале собрания из-за ближайшего бугра появилась вся муромская полиция под предводительством пристава и с криками «ура!» и револьверами в руках бросилась на толпу. От неожиданности собравшиеся частью разбежались, частью отступили. На прежнем месте только развевалось красное знамя с черной каймой, да одна девица не успела отойти. Добыча была немедленно захвачена. Но толпа уже оправилась и, быстро вооружившись колыями из стогов сена, двинулась отбивать девицу и знамя. Дружным натиском полиция немедленно была приведена в смущение, несмотря на крики пристава, предлагавшего своему воинству «умереть». Несколько ударов тупыми обнаженными шашками только озлобили нападавших. Полиция поспешно отступила, оставив девицу и производя по временам выстрелы (очевидно, холостые или вверх). В ответ им тоже загремели выстрелы. При этом отступлении толпой был захвачен в плен помощник исправника, благодаря чему отряд полиции успел далеко оставить за собой нападавших. Тут же возникла мысль устроить демонстрацию (еще первую в Муроме). Под звуки «марсельезы» отчалил паром. Затем двинулись по улицам. К демонстрантам присоединилась масса публики. Отряд полиции их сопровождал. Вечернюю тишину (было около 10 ч. веч.) тихого городка будили мощные звуки свободных песен. По временам толпа останавливалась, и среди тишины раздавались короткие, но резкие и сильные речи, какие умеют произносить только ораторы из рабочих. В центре города на базарной площади полиция, подкрепленная жандармами и пожарными, снова сделала нападение, стараясь, главным образом, разъединить демонстрантов с публикой. Но послушное голосу дисциплины ядро демонстрантов плотной стеной двинулось на полицию. И другой раз полиция была разбита и рассеялась, укрывшись по ларям и лавочкам, откуда открыла пальбу. Демонстранты отвечали тоже выстрелами и колыями. Кругом была паника, зрители разбегались, закрывались окна и сыпался частый-частый сухой треск револьверов. Раненых, говорят, не оказалось, но избитых городских много. С пением «марсельезы» победители расходились. Это было первое открытое выступление муромского пролетариата и первая его победа. Затем начались массовые обыски, допросы и аресты. Муром—маленький город, и демонстрантов почти всех полиция знала в лицо. Местный жандармский подполковник Сомов, конечно, ни перед чем не останавливался. На допросы таскали даже малолетних (одного реалиста младших классов). Взятые и отправлены во владимирскую тюрьму 2 рабочих и 2 студента. Не погнушались, конечно, и услугами «черной сотни». У нескольких лиц разбили окна. Некоторые лица получили письма с угрозами. Местный жандарм торжествует. Несчастный! Он думает, что задавил рабочее движение!.. Местной организацией с.-д. группы выпущен листок (на гектогр.) относительно текущих событий.

Село Кохма, Шуйского уезда. У нас в селе 5 тысяч рабочих. В прошлом году образовалась организация, которая велась силами местных рабочих; иногда попадалось немного нелегальной литературы, и организация постепенно расширялась и крепла. После 9-го января, когда рабочее движение охватило всю Россию, наша Кохма не осталась глухой на призыв революции: все рабочие забастовали, вызвав солидарность петербургским товарищам и выставив свои экономические требования (правда, очень ма-

ленькие). После 10-ти дней забастовки фабриканты сделали маленькую уступку, но когда пришла пасха, рабочим выдали расчет, а зачинщиков совсем уволили. В организации осталось очень немного сознательных рабочих и—все молодые, не пользующиеся большим влиянием среди рабочих. Большинство же здешних рабочих так-называемые «ближняки» (из ближайших деревень), народ очень серый и забитый, к организации относятся враждебно. Когда вспыхнула всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске, тогда опять зашевелились рабочие Кохмы, но фабриканты и администрация сейчас же поспешили с обещаниями, что «все то, что будет исполнено в Иваново-Вознесенске, исполним и мы,—только не бастуйте». Большинство рабочих «ближняков» поверили красивым обещаниям фабрикантов, остались работать и ожидать, когда хозяева улучшат их положение. Но вот прошло уже более двух месяцев ожидания... В Иваново-Вознесенске некоторые фабрики удовлетворили часть требований рабочих. Тогда потребовали исполнить обещание от своих хозяев и мы, угрожая в противном случае забастовкой. Вот тут-то наши «благодетели» и поспешили призвать на помощь из Иваново-Вознесенска казаков и солдат, а фабрикант Ясунинский, который корчил из себя крайнего либерала на съезде промышленников в Москве, теперь с налитыми кровью глазами бежал по корпусу и выдавал ненавистных ему рабочих в руки полиции и казаков, а те тут же на его глазах истязали их до потери сознания, а одного рабочего сам Ясунинский сбросил по чугунной лестнице вниз; тот потерял сознание и теперь лежит в больнице. Не обошлось без содействия черной сотни и «ближняков». В результате, человек пятнадцать изогнутых и выброшенных на улицу либеральным Ясунинским,—тем самым Ясунинским, который раньше говорил рабочим об их благе, просвещении, культуре, об их здоровье и т. д. Попытка забастовки была подавлена самым жестоким образом тем; который лицемерно болтает о свободе и равенстве. А как поступают наши либеральные земские учреждения? Вот пример. Местная земская больница совершенно отказала в медицинской помощи избитым товарищам, мотивируя это тем, что у рабочих есть свои фабричные больницы, и—рабочие оказались выброшенными на улицу.

Иваново-Вознесенский комитет отозвался на кохменские события, выпустив прокламацию (гект.) к рабочим и работницам села Кохмы с выяснением им их положения и с призывом к организации под знаменем Р.С.-Д.Р.П. Прокламация подняла дух и настроение среди рабочих (Кохма в 11 верстах от Иваново-Вознесенска), и организация опять начинает бойко функционировать.

Рабочий.

Екатеринослав. 17-го июня рабочие завода Лашавера прекратили работу и, выбрав четырех депутатов, предъявили хозяину ряд требований (до 20-ти) чисто-экономического характера. На другой день депутаты объявили собравшимся рабочим, что хозяин не только не удовлетворил их требований, но даже выразил желание закрыть завод. Рабочие решили тогда требовать у хозяина платы за две недели вперед. Это встретило с его стороны также решительный отказ. Старший фабричный инспектор, вызванный рабочими, стал, конечно, защищать хозяина и заявил рабочим о незаконности их требования. Рабочие в ответ заявили, что они не станут на работу до тех пор, пока их претензии не будут удовлетворены.

Прошло два дня. В это время по городу разнесся слух, что на 21-е число готовится всеобщая политическая забастовка. Слухи эти сильно подняли настроение рабочих и они, тотчас же собравшись на сходку, решили послать для переговоров с хозяином депутатов. На собрании один из товарищей произнес речь, в которой говорил, что рабочим нашего завода необходимо присоединить свой голос к протестующему голосу всего российского пролетариата и поддержать требования всех екатеринославских товарищей. Депутаты от имени рабочих заявили хозяину, что теперь они не пойдут на работу до тех пор, пока не окончится политическая забастовка. Хозяин, испугавшись такого оборота дела, пошел на уступки, начал убеждать рабочих прекратить забастовку и стать на работу, обещая удовлетворить некоторые требования. Но все это ни к чему не привело, и рабочие решили не сдаваться.

Когда на другой день завод за заводом стали при-

останавливать работу, когда рабочая масса стала выходить на улицу и на Чечеловке разнесся громовой клич—«Долой самодержавие! Смерть палачам!»—тогда весь город встрепенулся, и правительство, и весь буржуазный мир поняли, что восстала грозная пролетарская сила. На всех напал необъятный страх, одни только рабочие, чувствуя свою мощь, ходили по городу радостные и сияющие... Все это действовало на Лашавера так, что он начал окончательно сдаваться и из 20 требований согласился удовлетворить все, кроме семи. Рабочие и на этом не уступали и, только истощив все свои запасы, стали на работу, согласившись на те тринадцать требований, которые хозяин обещал удовлетворить.

Прошла неделя, и рабочие увидели, что хозяин Лашавер их жестоко обманул, не выполнив ни одного пункта соглашения. Даже условие, чтобы в мастерскую ставили свежую и чистую воду со льдом, и это не было им исполнено. 6-го июля пришел на завод старший фабричный инспектор, и рабочие заявили ему обо всем этом. Отбрав предварительно все расчетные книжки, инспектор отправился в контору. Что там у них происходило с хозяином, неизвестно. Только через несколько времени появилось объявление, что рабочие через две недели рассчитываются, а завод закрывается. Рабочие моментально бросили работу и потребовали к себе инспектора для объяснений. Тот не явился. Тогда рабочие сами зашли в контору. Инспектор ласково, как лисица, говорит: «Знаете, что? Я хотел составить протокол на хозяина за то, что он не объявил вам, что начал работать по новым правилам и что не перемещает расчетные книжки. Ему грозит штраф в 500 руб. Но это дело я могу уладить. Я могу сорвать объявление о расчете, а вы будете работать на прежних условиях». Однако, рабочие не поддались на удочку и стали расходиться...

После обеда, когда все собрались в мастерской, приходит конторщик и хочет сорвать объявление. Рабочие не дают. Тогда в мастерскую вбегает инспектор, в гневе срывает объявление и грубо кричит: «Что вы? Бунтовать собираетесь? Пошли на работу!..». Пока-что рабочие решили подчиниться. Чем кончится вся эта история,—неизвестно.

Екатеринослав. Последние события пробудили чувство полной солидарности в среде екатеринославского пролетариата, и даже малосознательные рабочие требовали политической забастовки. 20-го июня стало известно, что местный комитет Р.С.-Д.Р.П. (большевистский) призывает ко всеобщей политической забастовке. В 10 часов в Брянский завод прорвался человек 5 посторонних рабочих и направились в литейный цех, крича: «бросайте работу!». Сейчас же явилась заводская полиция и арестовала четверых. Возмущенные рабочие решили бросить работу и собрались около 6-й полицейской части, требуя освобождения товарищей и угрожая в противном случае разнести весь участок. Товарищи были освобождены. Одновременно рабочие предъявили требование о полном упразднении заводской полиции. После этого были произнесены политические речи, и рабочие направились снимать с работы другие заводы. К вечеру прекратили работу все заводы, а на несколько времени приостановлено было движение и на Екатеринбургской железной дороге. Многотысячная толпа рабочих собралась на Брянской площади, где выступили ораторы, и были выставлены пролетарские требования. Отсюда с песнями и красными знаменами толпа направилась в город, но тут помешал дождь, и рабочие стали расходиться. Полиция в это время нигде не появлялась.

На следующий день рабочие, предъявив заводской администрации требования и соединившись вместе, пошли через вокзал с солдатами в город. По дороге остановили трамвай. Идя с солдатами, навешивали им на штыки прокламации. Потом стали ломиться в управление Екатор. ж. дороги, но там были расставлены солдаты. Тогда рабочие выломали ворота, и в управлении бросили занятия. Далее направились-было в центр города, но в это время га-лопом налетела сотня казаков и стала избивать нагайками. Рабочие давали отпор, но за неимением оружия ничего не могли поделать. После этого на Чечеловке были столкновения между казаками и рабочими. Казаков-таки крепко прижали к забору. Со стороны рабочих есть убитые и раненые.

Бану. Договор, заключенный между капиталистами и рабочими после всеобщей забастовки в декабре 1904 г., почти нигде не исполняется. На промыслах положение рабочих так же тяжело, как год или два назад. То, что рабочие безропотно переносили раньше, теперь переносят они не в силах. Под влиянием всего происходящего в России, среди рабочих разрастается глухое брожение. Татары (их на промыслах более 60%) поняли, как обманули их ханы и беки во время майской забастовки, наобещав кучу и заставив противодействовать забастовке. Обещания не исполнены, и татары сами требуют всеобщей забастовки. Они жадно слушают агитаторов и рвут листки из рук. Один завод бастует за другим. Бастовали промыслы Вотона, Бекендорфа, сейчас бастуют у Ротшильда, в Московском Товариществе и в целом ряде мелких заводов и промыслов. Бастовали служащие паровозных обществ; сейчас бастуют матросы «Кавказа и Меркурия». Выдвигают экономические требования и легко поддаются политической агитации. Многие заводы приготовили требования, но решили подождать всеобщей забастовки. Все ждут ее и все уверены, что она неизбежна. Четыре района почти единогласно высказались за нее.

В Балаханах управляющие промыслов наняли сотни вооруженных берданками татар, готовых оружием противодействовать забастовке. Балахановский район требует организации вооруженных отрядов и сплочения татарской массы. Балаханские рабочие готовятся к забастовке и также считают ее неизбежной. С каким негодованием говорят рабочие о поведении нефтепромышленников! Мы выпустили на-днях листок «Наши умиротворители», в котором разоблачаем их. Помните, как эти нефтепромышленники протестовали против вмешательства вооруженной силы в отношении труда и капитала. Теперь эту силу они нанимают! Свинец—вот ответ на все требования пролетариата... Нефтепромышленники требовали милиции для защиты промыслов от постоянных граббежей, разбоев, убийств, от хулиганов и татарских атаманов. Мы дождалась милиции,—она оказалась составленной из этих самых хулиганов и разбойников!

В негодование приводит рабочих то, что на основании военного положения нам не дают собираться, отнимают последние револьверы. Капиталистам же военное положение не мешает закупать оружие и вооружать целые орды. Среди управляющих, которые нанимают татар (за 8—10 р. в сутки), есть и армяне, есть и члены комитета по умиротворению татар и армян. Чем же занялся комитет этот первым делом? Он поставил задачу предотвратить стачку (вызовет-де бойню!) и обратился ко всем редакциям с предложением не печатать ничего, рисующего тяжелое положение местных рабочих... Это, дескать, вносит раздражение в отношения между трудом и капиталом и мешает делу умиротворения.

Р. С. Судя по последним данным, возможно будет провести забастовку под знаменем политических требований.

Вильна. Как ремесленный пролетариат, так и разные крупные фабрики Вильны не сосредоточены в одном районе, а разбросаны по разным углам города. Отсутствие повседневной связи между многочисленными мастерскими в сильной степени мешает централистическому объединению пролетариата и, за исключением кожевенного района, все остальные отрасли труда материально не имеют непосредственного объединяющего звена. Кроме того, объединению виленского пролетариата препятствуют как разнородный состав его здесь вообще, так и наличие 7—8 политических организаций в Вильне в частности. Кроме того, особая полицейская охрана, необычайно развитые сыск и шпионство, которые систематически насаждаются в Вильне, не позволяют более или менее широко развить свою деятельность какой-нибудь политической партии. Стоит только устроить незначительную массовку за городом, человек в 30—40, как место массовки для вторичного собрания считается уже проваленым.

Наиболее активными выступлениями местного пролетариата следует считать биржевые, носящие характер мирных демонстраций. Обыкновенно на бирже стекаются многие сотни рабочих со всех концов города к заранее условленному месту, в большинстве случаев к центральным улицам. Начиная с 7 часов вечера, когда ремесленный пролетариат

освобождается от работы, можно заметить на всех перекрестках главных улиц многочисленные кучки рабочих, направляющихся подчас в сопровождении конных и пеших патрулей к месту биржи. Подобные собрания достигают часто весьма больших размеров и представляют довольно внушительную силу. Несмотря на все старания «охранителей» провоцировать эти открытые собрания, ослаблять их массовыми арестами или отпугивать новичков казацкой ордой, им все-таки не удается «предупреждать и пресечь» их. Необходимость этих бирж вошла, можно сказать, в плоть и кровь местного ремесленного пролетариата. К сожалению, наряду с еврейскими рабочими очень редко фигурируют здесь не еврейские. Это объясняется тем обстоятельством, что не еврейские ремесленники почти что не затронуты агитацией и совершенно не вовлечены в политическую борьбу; широкая масса русского, польского и литовского происхождения, за некоторыми исключениями, дальше экономизма самого низшего сорта не пошла. Недавняя стачка сапожников-ремесленников под руководством жандармского управления и двух-трех попов является хорошей иллюстрацией степени политического воспитания христианского ремесленного пролетариата. Что же касается фабрично-заводских рабочих, то по условиям их рабочего дня они с большим трудом могут участвовать в устраиваемых биржах: последние происходят исключительно по окончании работ в ремесленных районах перед уходом домой, а окончание работ на фабриках бывает на полтора-два часа раньше.

На бирже 27-го июля произошли особенно возмутительные сцены. Обыкновенно во время биржи некоторые агенты сыского отделения провоцировали биржу тем, что вызвали вмешательство казаков внезапными выстрелами или бросанием камней в полицейских и этим вносили часто смятение в среду мирно демонстрировавших «биржевиков». В последнее время был даже организован специальный патруль для наблюдения за подобной провокацией. На бирже в среду едва успели собраться несколько сот рабочих, как со всех дворов Новгородской и Александровской улиц понеслись заранее спрятавшиеся казаки и с яростью набросились на незначительную толпу гулявших рабочих. В течение часа происходило избивание публики, в числе которой находилось много женщин и детей. Казацкая орда свирепствовала с таким бешенством, что пришлось 7 человек отправить в больницу, при чем двое находятся при смерти. У одной девушки оказался перелом черепа, и после трехдневных мучений она скончалась. Много избитых и раненых среди «обывателей», случайно попавших на биржевые улицы. Арестовано около 60-ти человек, проходивших и гулявших в это время на бирже.

Вильна. 29-го июля. Вот уже 3 недели, как на местных кожевенных заводах ведется упорная стачка под руководством Виленской группы Р.С.—Д.Р.П. На всех виленских кожевенных заводах работает около 1.000 чел.; наибольшее число заводов находится в «Зверинце» возле главного центра города. Главный контингент работающих на этих заводах—поляки и литовцы; еврей и русские вместе составляют лишь около 13 процентов. Условия труда непомерно тяжелые. Стачка имела уже огромное моральное значение. Вильна впервые увидела открытые рабочие митинги, на которых выступали ораторы из Группы. В «Зверинце» к 2 часам дня, в течение целой недели, собирались сотни рабочих и обсуждали ход стачки; здесь произносились речи на русском и польском языках и раздавались прокламации Виленской Группы. Особенно удачно была использована речь губернатора, попытавшегося «мягким» словом повлиять на стачечников. Был создан специальный десяткок выборных от рабочих, и губернатор глубокомысленно объяснил им крайний убыток... фабрикантам от этой стачки. Конкуренция губернатора с соц.-дем. убедила рабочих в необходимости довести стачку до конца.

Добрянка, Могил. губ. В четверг 30-го июля забастовали рабочие паровой мельницы и кожевенного завода Белякина, требуя сокращения рабочего дня до 10 часов (до сих пор они работали от зари до зари). Они обратились к организации за помощью; было сейчас же устроено одно собрание а затем через несколько часов и другое собрание забастовщиков для выработки требований. На это

собрание явились и рабочие кожевенных заводов Герчикова и Зильбера, решившие также забастовать. Выработано было 12 требований. Герчиков и Зильбер грозили закрыть заводы, говоря, что им невыгодно продолжать производство на новых условиях, которые в корне подрывают патриархальную эксплуатацию. Белянкин же заявил, что «во всем виноваты жиды», и обещал устроить погром, как только придет осенью рабочие-каменьщики. Старик-еврей трусил и говорил, что нужно выдать полиции всех «демократов»; один доброволец просил денег на поездку в Могилев, обещая с корнем вырвать крамолу из Добрянки. Слухи распространялись один другого нелепее: говорили, что раввин хочет провозгласить пост, чтобы бог образумил «демократов»; что старики пойдут по домам демократов и отнимут у них оружие, которым они особенно страшны; что вышлют учителя и учительницу, которых почему-то считали главными виновниками забастовки. Местную учительницу грозили даже убить за ее мнимое участие в подстрекательствах рабочих к забастовке. Всем этим хотели воздействовать на местную социал-демократическую организацию, чтобы она отказалась помогать забастовщикам. Действовали также через «начальство» и попа соседнего села Марковичей, где живет большинство рабочих этих заводов. Писарь, чтобы запугать рабочих призраком голода, предлагал им отказаться от заводов и позволить хозяевам брать других рабочих; поп тоже старался, елико возможно, своими речами склонить рабочих отказаться от сношений с крамольниками и приступить к работе на благо себя и хозяевам, «благодетелям рабочего люда». Но ни уговоры, ни угрозы не помогли: рабочие попрежнему стояли на своем, тем более, что многие из них были заняты косьбой сена, а неимущие получали денежную помощь от организации; местные же рабочие социал-демократы каждый день, а раз даже и ночью, снимали с работы штрейкбрехеров. Хозяева все-таки держались стойко, между тем как забастовщики почти не являлись в Добрянку, несмотря на неоднократные приглашения организации. Последняя оказалась в затруднительном положении, не имея возможности получить точные сведения о положении дел и, таким образом, руководить, как следует, забастовкой. Наконец, однажды ночью некоторые рабочие заставили сторожей от Герчикова и Зильбера уйти с заводов; это сильно повлияло на хозяев. Повлияла также, как рассказывают, поездка Белянкина в Гомель: увидев там рабочую биржу, он будто бы воскликнул: «Пропал наш царь, пропала наша Россия!». Хозяева пытались подкупить одного рабочего, которого считают главным бунтовщиком: ему предлагали по десяти рублей с завода, чтобы он уговорил рабочих работать летом одиннадцать с половиною часов, вместо десяти. В настоящее время работают уже на заводах Герчикова и Зильбера; у Белянкина же начнут работать в понедельник 18-го июля. Почти все требования рабочих удовлетворены, кроме требования о повышении платы. Во все время забастовки в местечке, где расположены заводы, особой полицией не было,—вероятно, потому, что исправник был занят усмирением крестьян в селе Глебовке или Дятловичах; в посаде же, расположенном по ту сторону ручейка, в Гордьянском уезде, около завода Белянкина находились прибывшие из уезда стражники и почти вся тамошняя полиция, начиная от надзирателя и кончая 12-ю городовыми. Вообще Белянкин сильно боялся своих рабочих, так как обращался с ними очень скверно и даже бил их. Всего бастовало человек 60—70, потому что в летнее время производство здесь вообще сокращается наполовину. Любопытно отношение крестьян к забастовке: они сердились на демократов, что те возбуждают народ против «государя нашего императора» и против купцов, от которых можно по временам и заработать; по их мнению, нужно бунтовать против помещиков и только. Надо заметить, что наше влияние на крестьян не так велико, как оно могло бы быть: причина та, что литературы у нас вообще мало для крестьян, а та, которая имеется, написана не на белорусском языке, а на мало понятном крестьянам литературном или, что еще хуже, народном великорусском языке. На рабочих же забастовка произвела хорошее впечатление, и поговаривают уже о готовящихся забастовках среди бараночников, «колдочников» и кузнецов.

Копысь, Могилевской губ. На кафельных заводах Копыси около 800 рабочих (2/3 из них христиане, остальные—евреи). За последние шесть недель (вторая половина июня и июль) было около 5 массовок; на каждой—от 500 до 800 рабочих. Темы: о необходимости бороться, о политической борьбе, о задачах пролетариата, о современных событиях и т. п. (ораторы присылались Полесским К-том). В начале июля было общее собрание (около 600 чел.) рабочих всех кафельных заводов для обсуждения и решения вопроса «о резке» кафель. Рабочие получают за свою работу 90% авансом. Они за него отвечают круговой порукой. Несмотря на круговую поруку, хозяева за резку кафель выдавали аванса на 20% менее. Рабочие на собрании решили, что в виду круговой поруки следует настоять на том, чтобы и за резку выдавалось полностью 90% аванса. На собрание явилась вся полиция (10—12 чел.), с приставом во главе. Рабочие вооружились чем попало (кольями) и стали в оборонительное положение. Так как полиция не уходила, то рабочие, взявшись за руки, сплоченной массой с песнями двинулись в город. Около часу продолжалось шествие. Разошлись на Базарной площади.

Через день собрались вновь (на лужке, как и в прошлый раз) для решения того же дела. Мы воспользовались состоявшимся собранием для произнесения политической речи. Собрание и речь очень понравились. Какой-то старик-рабочий заявил, что на собрании, право, лучше, чем в церкви. Не успел оратор кончить, как вновь явилась полиция. Боевой отряд организации выступил вперед. Полиция удалась. Но вследствие замешательства в толпе кончить речь не удалось. Опять вся масса, с боевым отрядом впереди, двинулась в городок. Здесь ждала полиция с целью отметить по возможности бывших в толпе. Решено было заставить полицию удалиться. При общем напоре на полицию произошло небольшое столкновение (обменялись, приблизительно, 8-ю выстрелами). Были легко ранены с обеих сторон,— между прочим, пристав. Требования рабочих об увеличении аванса за резку до 90% удовлетворено.

В понедельник после 9-го июля праздновали полугодовщину петербургских январских событий. Листки Копыси организации, распространенные накануне, звали ко всеобщей забастовке. Забастовка удалась вполне. Закрылась даже казенка. Жницы в окрестности не вышли на работу. Утром было собрание (около 40 человек), на котором были и крестьяне из ближних деревень. Произнесена была речь о значении январских дней, о необходимости открытых массовых выступлений. В час дня пошли в город со знаменем, песнями, салютами. Народу на демонстрации было до 1.500 человек. Вечером было большое гулянье, зажигали огни (магний и т. п.).

Дня через два из Могилева явились 2 роты солдат, жандармский полковник, могилевский полицмейстер, вице-губернатор. Стали производить розыски, дознание. Начались аресты, обыски, которые продолжают и до сих пор (конец июля). Рабочие держат себя хорошо. Солдаты же, присланные в Копысь, сами стали предъявлять начальству требования: например, они требуют вместо сараев, в которых их поместили, квартир. Когда одну роту отправляли в Горки, она не захотела идти пешком, требуя подвод. К солдатам Копыси организации выпущены листки (один—местный, остальные—перепечатки о волнениях во флоте и в армии). Несмотря на солдат, на обыски и аресты, в конце июля опять была массовка.

(Сообщено рабочими из организации).

Ошмяны. 27-го июля. 21-го июля мы устроили массовое собрание, на котором собралось около трехсот человек организованных и неорганизованных рабочих. Оратор в двухчасовой речи обрисовал положение рабочего класса в России, его борьбу за лучшее будущее, говорил о последних событиях в Одессе, Лодзи и кончил речь призывом продолжать начатую борьбу. На обратном пути вся масса с пением революционных песен вошла в город, где и разошлась.

22-го июля наша организация решила устроить демонстрацию по поводу последних казней революционеров в Одессе. Мы предложили бундовской организации присоединиться. Предложение было принято, и демонстрация

была назначена на 25-е июля. В этот день, в пять часов вечера организованный боевой отряд обеих организаций—около пятнадцати человек—явился в назначенное место, где наш оратор в краткой речи разъяснил значение боевого отряда и его обязанности. В 6 часов вся масса была сконцентрирована за городом. Оратор от группы произнес на русском языке речь о последних событиях, о казнях в Одессе борцов за свободу, кончив горячим призывом идти в город и выразить наш протест самодержавному правительству. «В город, в город!»—раздались крики и вся масса двинулась. Войдя в город, по указанию распорядителя подняли 3 знамени: два—одно красное, а другое черное—знамена Ошмянской организации Р.С.-Д.Р.П.—и третью знамя Бунда.

Когда были подняты знамена, все сняли шапки и раздались возгласы: «Долой самодержавие!» и проч. На Виленской улице, в центре города, наш оратор остановил толпу и произнес пламенную речь на русском языке. По окончании речи боевой отряд дал до ста револьверных выстрелов. Посторонняя публика стояла, сняв шапки, и прислушивалась к речи оратора. Потом—с пением революционных песен—толпа направилась на Супранскую улицу, где живут все местные власти. На обратном пути оратор опять остановил толпу и произнес краткую, но горячую речь и объявил, что демонстрация кончена. Знамена были сняты и масса разошлась.

Демонстрация продолжалась 1½ часа. Во время шествия распространялись прокламации. Столкновений с полицией не было: она куда-то попряталась. Когда начали расходиться, то вдаль показался помощник исправника с десятью городскими и несколькими солдатами конвойной команды. На другой день было арестовано несколько рабочих.

Член организации.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Одесса. Мучительно-тяжелое положение революционеров, вынужденных томиться за решетками тюрем, когда пламя революции разгорается все сильнее и ярче, когда до напряженного слуха доносится эхо героической борьбы пролетариата с сатрапами и войсками царского правительства. В недавно пережитые Одессой великие революционные дни, когда восставший экипаж «Потемкина» терроризировал правительство и войско, а пролетариат чуть не завладел городом, мы, заключенные в Одесской тюрьме, думали, что уже пробил час нашего освобождения и с страшно нервным напряжением ждали нападения на тюрьму освободителей-рабочих. Не только мы, но и администрация тюрьмы к этому готовилась, с трепетом ожидая близкого конца своей власти, а может-быть,—и жизни: надзиратели повесили носы и старались нам доказать, что служат не по своей воле, а только из нежелания идти на войну, а помощники избегали показываться нам на глаза. Но зато, когда броненосец ушел, и стянутые со всех сторон войска одержали победу над восставшим пролетариатом, и в городе со всей жестокостью и свирепостью стали господствовать военные силы, тюремная администрация решила отомстить за пережитые ею тревоги и всеми средствами стала провоцировать избиение. Так, в женском корпусе (находящемся на другом дворе) администрация пыталась на политических натравить уголовных арестантов, распространяя среди них нелепые толки о том, что рабочие, если они придут освобождать политических, уголовных не только не выпустят из тюрьмы, но будут их избивать. А в нашем (мужск.) корпусе 26-го июня было совершенно администрацией возмутительнейшее насилие над одним товарищем: в 7 часов вечера в камеру юноши Гейденблика, мирно лежавшего на койке, ворвались надзиратели, потащили его в контору и высекли его казацкой нагайкой. Осмотревшие его на следующие утро товарищи нашли, что вся задняя часть тела у мальчика (ему всего 16 лет) иссечена глубокими кровавыми шрамами, а кальсоны располосованы на кусочки. Но тюремный врач—этот продажный жандармский чиновник—не постеснялся сказать, что «шрамы и раны

старого происхождения». Окруженные солдатами, лишенные всяких средств активной борьбы, мы только могли выразить свой протест голодовкой и дали знать о происшедшем прокуратуре. На другой день голодовки в тюрьму явился прокурор с двумя врачами осматривать Гейденблика, а нас уведомили, что «делу дан законный ход». Не трудно, однако, догадаться, что прокурор устроит «дело» так, что еще нас обвинит в «клевете»...

Вслед за тем пошли репрессии за репрессиями: за малейшее ослушание надзирателям политических бросят в темный вонючий карцер. Чтобы беспрепятственно ввести новый режим и лишить нас всех «вольностей», которые завоевали наши предшественники долгой борьбой, стоившей многих молодых жизней, часть товарищей разослала по разным провинциальным тюрьмам (Курск, Чернигов, Орел, Смоленск, Калуга, Самара, Житомир).

10-го июля из тюрьмы ушла партия политических—около 100 человек: большинство административным порядком в северные и северо-восточные губернии. На другой день после отправки товарищей мы узнали, что по распоряжению военного губернатора мы лишены свиданий с родными на неопределенное время. Вместе с тем закрыли нашу библиотеку, запретили выписку за наличные деньги, а табаку не позволяют выписывать и по квитанциям, запрещают разговаривать из окон. При малейшем протесте с нашей стороны к камерам являются вооруженные команды солдат... Многих товарищей, взятых на баррикадах, скоро будет судить военно-окружной суд по законам военного времени. Многих борцов за народную свободу царское правительство собирает еще повесить и расстрелять. Но близок час расплаты. Боевые репетиции пролетариат уже проделал во всех крупных центрах, теперь настало время для всероссийского, вооруженного, народного восстания, руководимого организованным с.-д. пролетариатом. Только организованное народное восстание покончит навсегда с властью тьмы и насилия. Не царские комедии, не государственная дума чиновников, но завоеванная революцией демократическая республика расчистит нам путь к борьбе за наше полное освобождение!

Р. С. После переговоров с начальником тюрьмы, на третий день библиотеку снова открыли.

ИЗ ПАРТИИ.

Осведомление международной социал-демократии о наших партийных делах составляет одну из самых серьезных обязанностей всех живущих за границей социал-демократов. Мы напоминаем т-щам об этом и призываем к самой энергичной агитации в защиту позиций III съезда Р.С.-Д.Р.П. Агитация должна вестись неустанно, по всякому поводу, при всяком удобном случае, перед всеми решительно кругами заграничных рабочих и отдельными членами заграничных с.-д. партий. Агитация должна вестись способными, достойными сознательных социал-демократов и членов рабочей партии. В основу агитации должно быть положено полное осведомление с документальной стороны дела. На первом плане тут стоит распространение изданных нами и по-французски (приложение к газете «Le Socialiste», центр. органа французских социалистов; Rue de la Corderie 16, Paris), и по-немецки (брошюра Bericht über den 3 Parteitag. Адрес издателя: Birk et Co, Buchdruckerei und Verlagsanstalt in München. Wittelsbacher-platz 2. Preis 20 pf.) резолюций III съезда Р.С.-Д.Р.П. И французский, и немецкий переводы резолюций можно получить также из экспедиции нашей партии.

В добавление к этому основному материалу следует переводить важнейшие документы и статьи из нашей литературы. Следует разоблачать при этом неуклонно все неприличие хлестаковской новой «Искры». «Искра» не издает ни по-немецки, ни по-французски полного текста резолюций своей конференции (изобличающего ее в самозванном и узурпаторском присвоении титула ЦО). «Искра» помещает в европейской с.-д. печати «статистику» организованных рабочих, вызывающую один смех (достаточно сказать, что по-русски новая «Искра» до сих пор не ре-

шила опубликовать этой «статистики», боясь осрамиться, но мы перепечатали эту статистику целиком в № 9 «Пролетария». «Искра» рассылает теперь по всем заграничным колониям письмо за подписью редакции, которое содержит такие же забавные хлестаковские уверения в силе меньшинства, до сих пор стыдливо скрываемые от русских читателей наших социал-демократических газет. Бороться с рекламистами надо всеми силами, но бороться достойно, добиваясь полного осведомления публики и уяснения дела, без всякого хвастовства и литературного наездничества, отнюдь не опускаясь до сплетен и частных сообщений, боящихся света гласности.

Конференция южных комитетов, назначенная на конец июля, не состоялась, так как прибыло только 6 членов ее. Они обсудили, тем не менее, некоторые вопросы, при чем пригласили на свои собрания еще нескольких товарищей, находившихся в том городе, где должна была собраться конференция. Собрание пришло к следующим решениям:

По вопросу об открытом выступлении. Конституируя необходимость в целях приобретения широкого организационного влияния на рабочие массы открытого выступления партии, собрание рекомендует следующие формы открытого выступления: 1) использование всех рабочих организаций, сплачивающих широкие рабочие массы, и создание с этой целью особых открытых политических рабочих организаций, в роде рабочих союзов, собраний депутатов и др.; 2) открытая пропаганда идей научного социализма и создание для этого библиотек из легальных книг; 3) организация открытых рабочих митингов, рефератов и лекций. Руководство открытым выступлением должно быть возложено на все автономные партийные организации, выполняющие целостную работу.

Об отношении к влиятельным социал-демократам, до сих пор стоявшим в стороне от партийных организаций. Конституируя, что многие влиятельные социал-демократы не участвуют в партийной работе, мы считаем насущно необходимым привлечь их к работе, поручая им по возможности такие функции, которые способны их наиболее удовлетворить. К числу таких функций принадлежит открытое выступление в разных его формах. Однако, отнюдь не следует создавать особые организации для открытого выступления из этих элементов и совершенно устранять от открытого выступления членов конспиративной организации. Напротив, члены конспиративной организации, пользуясь услугами и помощью разных элементов, не входящих в состав организации, и сами должны выступать во всех случаях, когда это возможно; иначе организация может утратить свое влияние и это влияние может перейти к группам, не участвующим в организации и специализировавшимся на функции открытого выступления. С другой стороны, следует по возможности стремиться к тому, чтобы влиятельные социал-демократы из рабочей среды, не участвовавшие до сих пор в организации, привлекались в организацию в качестве членов руководящих центров.

Об отношении к профессиональным союзам рабочего класса. Признавая, что в число задач социал-демократии вообще входит организация профессиональных союзов среди рабочего класса, мы полагаем, тем не менее, что в переживаемый нами революционный период, социал-демократия не должна брать на себя инициативу образования проф. союзов, напротив—она должна вести агитацию в том смысле, что в настоящий момент все силы и вся энергия рабочего класса должны быть направлены на политическую борьбу, и организация чисто профессиональных союзов способна была бы ослабить революционную энергию рабочего класса и отвлечь его внимание от политических задач, чем и объясняется покровительственное отношение либералов и правительства к профессиональным союзам. Что же касается профессиональных организаций, уже существующих и вновь возникающих помимо влияния социал-демократии, то мы должны стараться использовать эти организации в целях внесения революционного соц.-дем. сознания в широкие массы рабочего класса.

Об отношении к союзам. Принимая во внимание, что так-называемые профессиональные союзы, организуемые союзом союзов и примыкающие к союзу союзов, по существу организации политические, социал-демократы должны

указывать на буржуазный характер таких союзов, разоблачать половинчатость и непоследовательность их политической платформы и требовать выставления полной демократической программы. В частности по отношению к союзам интеллигенции вообще, социал-демократия может только приветствовать ее стремление организовать в демократическую партию. Союзы тех слоев интеллигенции, положение которых приближается к положению промышленного пролетариата, социал-демократы должны привлекать в ряды с.-д. партии, доказывая им солидарность их интересов с интересами пролетариата. То же отношение и к крестьянским союзам. Что же касается союзов рабочих, организуемых конституционалистами-«демократами», то с.-д. должны бороться с попытками организовать такие и обращаться к ним с пропагандой идеи классовой борьбы, разъясняя антагонизм их классовых интересов с интересами буржуазии и таким путем склонять их на сторону с.-д. Часть членов считала нужным прибавить к резолюции следующее. Так как политические союзы, не принявшие целиком с.-д. программы, как бы демократичны они ни были, будут, в конечном счете, служить интересам буржуазии, собрание находит недопустимым для членов с.-д. партии вступление в члены таких союзов, в том числе и в так-называемые профес. союзы, примыкающие к союзу союзов. Другие считали это прибавление излишним, так как из предыдущего ясна тактика соц.-дем.

По вопросу о подготовке вооруженного восстания. Признавая крайнюю необходимость в объединении деятельности местных комитетов на почве подготовки вооруженного восстания и считая, что вопрос о всеобщем вооруженном восстании может быть поставлен на серьезную почву только в том случае, если партия будет располагать значительными средствами для закупки оружия и будет иметь в своем распоряжении большие запасы взрывчатых веществ, собрание предлагает ЦК: 1) создать соответствующую группу специалистов, которая ознакомит бы комитеты с техникой вооружения и с военной стороной предстоящей кампании; 2) образовать фонд народного вооружения путем регулярных сборов среди всех слоев населения и путем соглашений с другими политическими партиями; 3) позаботиться о союзе с остальными с.-д. партиями России и о боевом единении с П.С.-Р., П.П.С. и др. революц. партиями; 4) озаботиться постановкой массового заговора разрывных снарядов и доставки их по комитетам. Затем собрание обсуждало отдельные вопросы местной и общерайонной работы и высказалось, между прочим, в пользу создания южного районного органа и необходимости связать между собой все комитеты для немедленной рассылки описаний всех важных событий (в роде 9-го января, одесских, нижегородских и др.).

Объявление комитета. В виду нежелания меньшевистского Харьковского Комитета объединиться с местной группой «Вперед» на организационных началах, выработанных III съездом партии, Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. счел необходимым предоставить права комитета Харьковской группе «Вперед», которая будет отныне называться Харьковским Комитетом Р.С.-Д.Р.П.

Либава, 4-го августа. Наша группа возникла в мае; до этого времени в Либаве существовали лишь комитет латышской партии и организация Бунда (последняя—лишь с начала этого года). Рабочее население Либавы состоит в своей главной массе из латышей, но в железнодорожных мастерских, в военном порту и крепости преобладают рабочие других национальностей: русские, поляки и литовцы; кроме того, на некоторых крупных фабриках и заводах состав рабочих весьма смешанный. Это обстоятельство заставило латышский комитет выйти из рамок узко-национальной организации и распространить свою организационную работу и на русских, и поляков, и литовцев. Местная организация Бунда, между которой и латышами существуют самые тесные отношения, деятельно помогала и содействовала латышскому комитету, доставляя пропагандистов и агитаторов. При возникновении нашей группы, между нею и латышским комитетом, по инициативе последнего, начались переговоры, ни к чему, однако, не приведшие, так как латыши потребовали федерации, а группа в этом отказала. Работа вширь у латышского коми-

тета идет довольно успешно: они устроили и устраивают периодические массовки и большие собрания, посылают ораторов в мастерские, обещали доставить и польскую литературу, и польских ораторов; но зато вглубь у них никакой работы нет, и их деятельность рабочих мало удовлетворяет.

У группы в первое время крепких связей в массе не было; имелись только слабые, случайные связи, которые позволяли лишь время-от-времени распространять листки и прокламации—да и эти связи появились всего в конце июня. С того времени группой распространено шесть или семь изданий в количестве 3.750 экземпляров на русском и латышском языках. Из прокламации самой группы вышли: 1) Царское правительство доживает свои последние дни и 2) К полугодовщине январских дней. В последнее время связи наши окрепли; постоянные связи имеются с железнодорожными, портowymi рабочими и с некоторыми крупными фабриками. Имеются свои районные центры и пропагандистские кружки. Две недели назад удалось устроить первую нашу массовку, на которой присутствовало 60 чел. Происходила она на открытом воздухе (в зимней гавани). Среди военных групп имеются связи во всех местных полках и батальонах. В мае группой был отгектографирован в количестве 200 экземпляров листок «8 лошадей—40 человек» и распространен среди солдат, отправляемых на Дальний Восток. В настоящее время по инициативе группы из представителей всех либавских с.-д. организаций устроена общая военно-социалистическая организация. Последняя издала: 1) прокламацию к солдатам по поводу приказа коменданта (гект. 550 экз.) и 2) проклам. по поводу предстоящего военного суда над 137-ю матросами (печат. в типографии латышской партии, 5.000 экз.).

Казань. За последнее время сфера влияния местного комитета значительно расширилась. Все большие и большие слои рабочих как городских, так и окрестных фабрик и заводов захватываются нашей агитацией. Январская всеобщая стачка оказала свое влияние и дала возможность развиться широкому массовому движению наряду с увеличением пропагандистских кружков. Комитетом были организованы массовые собрания за городом в 100, 200, 300 и 400 человек, на которых товарищами ораторами разъяснялась наша политическая и экономическая программа. В качестве ораторов выступали и рабочие из присутствовавших на собрании, и вообще собрания носили характер дебатов. Кончались они пением и прогулками на лодках с красными флагами. Столкновения с полицией происходили очень редко, благодаря сравнительно далекому расстоянию от города. На этих массовых собраниях присутствовали и солдаты из пехотного батальона, один из них тоже обыкновенно говорил речи от имени товарищей солдат. О нашей работе в войсках уже писали в № 13 «Пролетария». Для борьбы с растущим движением в Казань прибыла сотня казаков. Но эти башибузуки пока только занимаются грабежом мелких лавок и потому причиняют больше вреда мирным обывателям буржуа, чем соц.-дем. движению.

У нас теперь опять начала проявлять себя черная сотня и уже насчитывают 3—4 жертвы дикого насилия этих рыцарей самодержавия. Поговаривают о повторении Нижегородских событий и в нашем городе. Полицеймейстер Панфилов говорил, что он не сможет остановить такого побища, если оно начнется. Правительству бы очень хотелось направить на интеллигенцию татар. Но пока это не удается благодаря сильному влиянию соц.-дем. комитета на татарскую организацию. Между прочим, все почти прокламации комитета переводятся на татарский язык и распространяются среди татар, которые читают их с большим интересом. Многие рабочие татары посещают кружки и массовые собрания.

Чтобы удовлетворять спрос на прокламации, выросший очень сильно за этот год, комитетом были поставлены две типографии, из которых одна, к сожалению, была недавно арестована, что, однако, не повлияло на выпуск прокламаций, которыми город прямо наводняется.

Тифлис. (1-го июля). Недель пять назад здесь совсем не было организации большинства, были отдельные лица, кучки, но этим все и ограничивалось. Наконец, состоялось

в начале июля общее собрание всех разрозненных элементов, при чем выяснилось, что во всех частях города есть связи, что повсюду существуют кружки сознательных рабочих большевиков, которые только в виду отсутствия своей организации примыкали к меньшинству, что почва для создания организации есть налицо. Начался период собирания, в котором мы пока еще находимся. Отношение массы к нам переменялось. Из резко враждебного оно превратилось в колеблющееся. Прежде большевиков травили, отказывались слушать, объясняя тем, что не стоит отрывать рабочих от дела, теперь со всех сторон обращаются к нам с просьбой поговорить о разногласиях. Отношение совершенно другое. Устраиваем на днях ряд рефератов здесь и в окрестностях о разногласиях, врем. прав. и т. д. Постоянно устраиваются дискуссии, образуются кружки. В начале их было 7 с 60 раб., теперь 13 (около 100 чел.).

Комитет выпустил «Три конституции» (на русск. яз.—1.500 экз., арм.—1.500, груз.—2.500)—читают, нравятся. Организация складывается. Пропагандистов человек 30, человек 7 одновременно и агитаторы. Впрочем, массовки только теперь начинают устраивать. Комитет думает выпускать раза два в неделю листки пропагандистского характера. Работа скоро закипит.

Тифлис. На собрании пропагандистов был сделан доклад представителем от ЦК о переговорах с местными меньшевиками и о нашем отношении к комиссии Булыгина. Попытка представителя ЦК завязать дружественные отношения с меньшевиками, конечно, не увенчалась успехом. Был он на нескольких собраниях у них, где устраивали дискуссию. Но меньшевики мало интересовались теоретической стороной дела и на строго принципиальную критику отвечали: «а вы украли у нас типографию», «а Союз распустил комитет в 24 часа» и т. д. Слова «воры», «мошенники» сыпались по адресу большевиков в изобилии. На апеллирование к защите председателя последний отвечал, что если бы это говорилось по адресу одного какой-либо личности, то было бы недопустимо, а по адресу коллектива—можно. Так ничего из переговоров и не вышло. К вопросу о Булыгинской комиссии сопоставлялись, главным образом, две точки зрения: наша и меньшевистская. Как вам, вероятно, известно, меньшевики вынесли здесь резолюцию, в которой говорится, что они будут участвовать в Булыгинской думе. Одним из пропагандистов был предложен вопрос, как примирить точку зрения меньшевиков на временное правительство с таковою же на Булыгинскую комиссию: там они отказываются, как партия крайней оппозиции, здесь соглашаются участвовать. Я лично, наоборот, нахожу даже логику и там, и здесь, равно как и в известной земской кампании они поручают дело либеральным святителям.

Чиатуры, Кутаисской губернии. 5-го августа. Чиатуры—центр марганцевой промышленности. Рабочих, занятых теперь в производстве, около 7 тысяч человек. Самой влиятельной организацией является у нас большевистская (районная орг. Имер.-Мин. комитета), к которой примыкает $\frac{9}{10}$ чиатурских рабочих. Есть и меньшевики, но они менее влиятельны... Бывают «нашествия» «соц.-революционеров», федералистов, анархистов, прогрессистов и прочих «истов». Но волна классового самосознания рабочих каждый раз со смехом сбрасывает их со сцены. Недавно была дискуссия с ними. Присутствовало около 2 тысяч рабочих. Прения окончились полным поражением противников. Под конец дискуссии рабочие принесли 3 знамени и демонстративно обошли все Чиатуры при криках: «Долой несоциал-демократические партии! Да здравствует Российская Социал-дем. Раб. партия!»—и при пении марсельезы. Это была демонстрация против всех несоциал-демократических партий. Быть-может, читатель удивится моему сообщению о собрании из 2 тысяч рабочих. Но это возможное удивление само собой пройдет, если он узнает, что у нас в Чиатурах фактически—полная демократическая республика. Дело в том, что господами положения у нас являются рабочие и крестьяне. Администрации не видать—над ней все смеются, ее все презирают. Крестьянским группам и чиатурской соц.-демократической организации приходится действовать в качестве временного революционного правительства в малом виде.

Издательская деятельность Кавказского Союза Р.С.-Д.Р.П С января по июнь 1905 г. Издания Союзного Комитета: Прокламации: 1) «К запасным» на русск. 4.800, груз. 6.000, арм. 3.000. 2) «К организованным рабочим» русск. 400, груз. 800, арм. 400. 3) «К крестьянам» груз. 6.000, арм. 3.000. 4) «Что выяснилось?» груз. 14.000, арм. 5.000, русск. 5.000. 5) «К солдатам» арм. 3.000, русск. 5.000, груз. 4.200. 6) «Ко всем рабочим и работникам» груз. 10.000, русск. 2.900, арм. 2.500. 7) «Первое мая» на груз. 10.000, на русск. 2.500, на арм. 2.500. Брошюры: 1) «О социализме» (Рядового) груз. 2.600, арм. 2.500, русск. 2.000. 2) «Кто чем живет» арм. 2.000. 3) «Пауки и мухи» груз. 6.000. 4) «К деревенской бедноте» (Ленна) груз. 3.000. 5) «На новый путь» (Галери) русск. 1.000. 6) «Революционные песни» русск. 1.300. 7) «Четыре брата» груз. 4.000. 8) «Вскользь о партийных разногласиях» груз. 2.000, арм. 1.500, русск. 1.500. 9) «Разновидность оппортунизма» русск. 1.300, арм. 1.000. 10) «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (из «Вперед») груз. 2.000, русск. 1.000 и арм. 1.000. 11) Устав, принятый на III партийном съезде, арм. 400, русск. 600, груз. 500. 12) Союз. Орган «Борьба Пролетариата» № 5 арм. 1.200. 13) «Борьба Пролетариата» № 9 груз. 2.500, № 6 арм. 1.000, № 1 русск. 1.200.

Из отчета Бакинского К-та за май 1905 г.:

I) Приход 1.081 р.; расход 1.081 р. (в том числе техника 289, 95, тов., раб. в орган. 100, мусульманское издание 5, 38, за библиотеку 52, ЦК за литературу 50.).

II) Издательская деятельность за отчетный период: 1) Товарищи! (500), 2) Отчет Бак. К-та (500), 3) Товарищи! (200), 4) Товарищи-солдаты! (2.000), 5) Ответ «Ком. Русск. Труж.» (2.500), 6) К раб. завода Левинсона (500), 7) Треб. раб. мех. мастер. (100), 8) Требования служ. в ресторан и дом. присл. (500), 9) Требов. раб. табачн. фабр. Мирзабекова (200), 10) Конституц. базар (1.500), 11) Наша неудача (2.200), 12) Последняя ставка (500), 13) Суд над судом (1.500), 14) Отчет Кассы Красного Креста (250), 15) Товарищи! (2.300), 16) Ко всем полицейск. (250), 17) Отчет Биби-Эйбатск. Район. К-та (250), 18) Песня рабочих (1.500), 19) Рабочие и самодержавие (1.500), 20) Еще о холодах его величества (1.500).

Из отчета Черногогородского района Бакин. К-та за июнь 1905 г.: Приход 77. 18; расход 17. 90; остаток к июлю 59. 28.

Из отчета Грозненской группы Бакинского К-та. За июль группой распространены след. листки: 1) К рабочим Владикавказской линии 300 экз. 2) Ко всем рабочим г. Грозного 300 экз. 3) Резолюция Бакинских (?) рабочих по поводу «Временных правил» о выборах от рабочих в комиссии 300 экз. 4) К солдатам 300 экз. 5) К обществу 300 экз. 6) Бюллетень об июньских событиях 300 экз. 7) Три конституции, изд. «Пролетария», 300 экз. 8) «Борьба Пролетариата»—орган Кавказского Союза № 1, 15 экз. Всего—2.115 экз.

Из отчета Ярославского Комитета. За июль Яр. Ком. изданы и распространены по району следующие листки: «Ждать нельзя» (10.000) Яр. К.; «Земская депутация» (ЦК) изд. Яр. К. (10.000); «Булыгинская дума» (20.000) Яр. Ком.

Из отчета Полесского К-та с конца мая по 1-е июля: Приход 880 р.; расход 880 р.

Из отчета Витебской группы с 20-го мая по 20-е июня: I) Приход 276 р. 70 к., расход 346 р. 21 к. Дефицит 69 р. 51 к.

II) Издательская деятельность группы за отчетное время: 1) 2 листка «К рабочим фабрики Калбановского» по 75 экз., всего 150; 2) «Ко всем гражданам» (900); 3) Программа Р.С.-Д.Р.П. (брошюра в 8 листов) (40); 4) «На 9-е января» (стих. из № 18 «Вперед») (250); 5) «К борьбе» (1.200); 6) «К рабочим и работн. фабр. Калбановского (100) (все гектогр.); 7) «Крестьяне, к вам наше слово» (2.000, печатн.).

Из отчета Заводского района Екатерин. К-та с 1-го июня по 5-е июля: от брянск. зав., жел.-дор. маст., литейн., желез.-прок. и зав. Гантке поступило 43 р. 88 к.

Из отчета Воронежского К-та. Ноябрь 1904 г.: приход 194. 35.; расход 192. 70.; остаток 1.65.; декабрь 1904 г. приход 292.46.; расход 136. 70.; остаток 155. 76.; январь 1905 г.: приход 423.61.; расход 296.60. (в том числе техн. 40.10); остаток 127.01.; февраль: приход 194.53; расход 134.03 (в том числе: техника 27.42); остаток 60.50.; март: приход 179.17.; расход 121.10 (в том числе техника 101.50.); остаток 58.07.; апрель: приход 199.83; расход 193.15 (в том числе: техника 39., литерат. 20); остаток 6.68.; май: приход 210.63, расход 152. 42 (в том числе: техника 18.92., стачечникам 95); остаток 58.21. Кроме того, при посредстве К-та в декабре и январе собрано и передано на места в пользу бастовавших тт. 700 р. За период октябрь—март издано и распространено до 45.000 листов и около 1 пуда литературы. В апреле и мае издано и распространено: 1) К обществу (1.200), 2) К рабочим завода Столя (200), 3) К солдатам (1.000), 4) К 1-му мая (1.200). Распространено изданий Центр. К-та: 1) Наши задачи, 2) Извещение о конференции, 3) 1-е мая, 4) К крестьянам,—всего до 1.000 экз.

Из отчета Борисоглебской группы Р.С.-Д.Р.П. от 15-го июня по 15-е июля 1905 г.: I) Приход 135. 41., расход 73. 13 (в том числе: литература 20., техника 12. 62., Центр. К-ту 7.84). Остаток к 15-му июля 62. 28 и долги от прошлого месяца 29. Всего 91.28.

II) Распространено изданий: Прокламаций: 1) Политическое обозрен. (33), 2) Какая политическая свобода нужна народу русск. (105), 3) В бой за свободу (200), 4) К цивилизованному миру (90), 5) Купля-продажа (225), 6) Извещение о конференции (58), 7) К гражданам (161), 8) Какое страхование нам нужно (280), 9) Правда о войне (24), 10) Письмо к Плеханову (10), 11) Черная сотня (138); Брошюры: 1) Хроника № 1 (29), 2) Война и революция (22), 3) О войне с Японией (2), 4) Они заговорили (33), 5) «Искра» разн. ном. (53), 6) «Соц.-Дем.» № 3 (13), 7) «Соц.-Дем.» № 4 (5). 8) Эрфурт. прогр. (4), 9) Коммун. ман. (5), 10) Рабочее дело (1), 11) Год войны (230), 12) Дан. Учредительное Собр. (33); Изданий группы: 1) Отчет за прошлый мес. (80), 2) К раб. железнодорож. мастер. (80), 3) К рабочим ж.-д. мастер. (216), 4) К плотн. и друг. рабоч. (80), 5) К солдатам и их матерям (532), 6) Нов. царск. милости (310), 7) Восстание в Одессе (132), 8) К солдатам (65). Обысков и арестов в отчетном мес. не было.

Из отчета Красного Креста в г. Баку за июнь: Приход 241.30., расход 241. 30.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Бакинским К-том: 1) Наши умиротворители (печат.); Рижским К-том: 1) Долой государственную думу (печат., 3.000 шт. по-русск., 5.000 шт. по-латыш.); Рижской группой: 1) Всеобщее вооружение народа (печат.); Иркутским К-том: 1) «Летучий Листок» № 5 (печат., 1.500); Саратовским К-том: 1) Рост сознания пролетариата (гект.); 2) Товарищи-мельники! (печат.); Либавской соц.-дем. группой: 1) Все остается по-старому; Либавской военно-социалистической организацией: 1) К матросам и солдатам гор. Либавы (печат.); Гомельской Орган. Полесского К-та: 1) Ко всем (печат.); Борисоглебской группой: 1) Гражданам гор. Борисоглебска; Иваново-Вознесенским К-том: 1) Ко всем рабочим и работникам (печат. (4.000).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

И. Письмо из Т. получено. А.А.А. Будет посылаться. О.л.е. Посланное с оказией не получено. Неизвестному товарищу. Спасибо за справку. Теофили. Написали массу писем по дачному адресу. Товарищу из Мингр.-

И мер. Ком. Письмо и кор. получены, письма через П. либо пропали, либо попали не по назначению; ваших адресов у нас не было; будет все послано.

Организатору II района Рижск. Ком. Вашу подробную кор. получили. Бодрому. Получили, спасибо. Тов. из Н. Кор., начинающаяся словами «Гражданская

война объявлена!»,—получена. Кр. Большое письмо из Нового города получили. Фекле. О Н-ем не имеем никаких сведений. Семенов. Оба экз. получены. Миньоне. Адреса, данные вам, действительны; от вас до сих пор не получили ничего.

П р и м е ч а н и я.

Прим. 1. Редакционные поправки сделаны тов. Ольминским. В тексте рукописи вместо слов „определенное отношение к себе“ читаем: „заслуженное презрение к ней“.

Прим. 2. В оригинале ошибка: по новому стилю № 108 „Искры“ вышел не 28, а 26 августа.

Прим. 3. Вместо слова „простаков“ в рукописи тов. Ленина читаем „дурачков“.

ЖЕНЕВА, 14 (1) сентября 1905 года.

№ 16.

Пролетарій

Пролетарии всѣхъ странъ.
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Отношение социал-демократии к крестьянскому движению.

Громадное значение крестьянского движения в переживаемой Россіей демократической революціи много и много раз уже разъяснялось всей социал-демократической печатью. Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. принял, как известно, особую резолюцію по этому вопросу, чтобы точнее определить и объединить деятельность всей партии сознательного пролетариата по отношению именно к теперешнему движению крестьянства. Несмотря на то, что резолюція эта была подготовлена заранее (первый проект был напечатан в № 11 «Вперед», 10 (23) марта с. г.), несмотря на то, что она была тщательно обработана съездом партии, старавшимся формулировать установившіяся уже взгляды всей российской социал-демократии, несмотря на это резолюція вызвала недоумение среди ряда работающих в Россіи товарищей. Саратовский Комитет единогласно признал эту резолюцію неприемлемой (см. № 10 «Пролетарія»). К сожалению, выраженное нами тогда же пожелание получить разъяснение этого вердикта осталось пока несуществленным. Мы знаем лишь, что Саратовский Комитет признал неприемлемою также и аграрную резолюцію новосибирской конференціи,—следовательно, его не удовлетворило то, что обще обеим резолюціям, а не то, чем они отличаются одна от другой.

Новым материалом по этому вопросу является доставленное нам (изданное в виде гектографированного чистка) письмо московского товарища. Печатаем это письмо полностью:

Открытое письмо Центральному Комитету и товарищам, работающим в деревне.

Товарищи! Окружная Организация Московского К-та вплотную подошла к работе среди крестьянства. Недостаток опыта в организации такого рода работы, особые условия нашей центральной деревни, а также недостаточная ясность директив резолюцій III съезда по этому вопросу и почти полное отсутствие литературы как в периодической печати, так и в общей о работе среди крестьянства заставляют нас обратиться к ЦК с просьбой прислать нам детальныя директивы как принципиальнаго, так и практическаго характера, а вас, товарищей по работе, просим ознакомить нас с теми практическими данными, которые дал вам ваш опыт.

Считаем необходимым поделиться теми недоумениями, которые возникли у нас при чтении резолюцій III съезда «об отношеніи к крестьянскому движению», и тем организационным планом, который мы начинаем уже применять у себя в деревне.

«§ а) Пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократія ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революціонных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положеніе, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель» (из резолюцій III съезда Р. С.-Д. Р. П.).

В этом параграфѣ прежде всего неясно, какими образом партийныя организации будут и должны вести пропаганду. Пропаганда требует прежде всего организации, стоящей совсем близко к тем, кого хотят распропагандировать. Будут ли такой организацией комитеты из сельскаго пролетариата, или возможны и другіе организационныя пути как для устной, так и для письменной пропаганды—вопрос открытый.

То же самое можно сказать и про обещаніе энергичной поддержки. Поддерживать, да еще энергично, возможно тоже только при организации на местах. Вопрос об «энергичной поддержке» нам вообще кажется крайне смутным. Может ли социал-демократія поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, которые подвергаются обработкѣ самым интенсивным способом с применением машин, высших культур и т. д.? Переход таких земель в руки мелкобуржуазных собственников, как ни важно было бы улучшить их положеніе, является шагом назад в смысле капиталистическаго развитія даннаго хозяйства. И мы, оставаясь социал-демократами, должны были бы, по нашему мнѣнію, сделать в этом пунктѣ о «поддержкѣ» оговорку: «Если экспроприация этих земель в крестьянскую (мелкобуржуазную) собственность будет высшей формой развитія даннаго хозяйства на данных землях».

Затем дальше:

«§ г) Стремиться к самостоятельной организации сельскаго пролетариата, к слиянію его с городским под знаменем социал-демократической партии и к проведенію представителей его в крестьянскіе комитеты».

Сомнѣнія возникают относительно последней части этого параграфа. Дело в том, что буржуазно-демократическія организации в родѣ «Крестьянскаго союза» и реакціонно-утопическія в родѣ соц.-революціонеров организуют под своим флагом как буржуазныя элементы крестьянства, так и пролетарскіе. Вводя своих представителей из организаций сельскаго пролетариата в такіе «крестьянскіе» комитеты, мы будем противоречить самим себе, нашим взглядам на bloc и т. д.

И тут, нам кажется, необходимы поправки, и очень солидныя поправки.

Вот некоторыя общія замечанія к резолюціям III съезда. Желательно их разоборать как можно скорѣе и как можно детальнѣе.

Что же касается плана «деревенской» организации в

нашей Окружной Организации, то нам приходится работать в таких условиях, о которых резолюции III съезда совсем умалчивают. Прежде всего необходимо отметить, что район нашей деятельности—Московская губерния и соприкасающиеся с ней уезды соседних губерний—по преимуществу занят в индустриальной промышленности с сравнительно слабо развитыми кустарными промыслами и с очень незначительной частью населения, занимающегося исключительно сельским хозяйством. Огромные мануфактуры с 10-ю—15-ю тысячами рабочих перемежаются с маленькими фабриками в 500—1000 челов., раскиданными по захолустным селам и деревням. Казалось бы, что при таких условиях социал-демократия найдет для себя здесь очень подходящую почву, но дело показало, что такие предпосылки с птичьего полета не выдерживают критики. Наш «пролетариат» в огромном большинстве еще до сих пор, несмотря на то, что некоторые фабрики существуют по 40—50 лет, не разделался с землей. «Деревня» так крепко присосалась к нему, что все те психологические и иные предпосылки, которые создаются в процессе коллективного труда у «чистого» пролетариата, у нашего пролетариата не развиваются. Земледельческое хозяйство наших «пролетариев» представляет из себя какие-то убудочные формы. Ткач на фабрике нанимает батрака для обработки своего клочка. На этом же клочке работает его жена (если она не на фабрике), дети, старики, инвалиды, и сам он будет работать на нем, когда состарится, получит увечье или будет изгнан за буйное или неблагонадежное поведение. Таких «пролетариев» трудно назвать пролетариями. По своему экономическому положению это—пауперы. По своей идеологии—мелкие буржуа. Они невежественны и консервативны. Из них вербуются «черносотенные» элементы. Но и у них за последнее время самосознание начинает пробуждаться. Мы через зацепки из «чистого» пролетариата будим эту темную массу от векового сна, и не безуспешно. Зацепки растут, местами крепнут, пауперы подчиняются нашему влиянию, воспринимают нашу идеологию как на фабрике, так и в деревне. И мы думаем, что насаждение организаций в среде не «чисто»-пролетарской не будет неортодоксально. У нас другой среды нет, и если мы будем настаивать на ортодоксальности, организовывать только сельский «пролетариат», то нам придется распустить нашу и соседние с нами организации. Мы знаем, что нам будет трудно бороться против жадности экспроприации заброшенных помещиком пахотных и иных угодий или тех земель, на которых отцы в клобуках и рысах не сумели поставить хозяйства, как следует. Мы знаем, что буржуазная демократия, начиная «демократически-монархической» фракцией (такая существует в Рузском уезде) и кончая «крестьянским» союзом, будет бороться с нами за влияние на «пауперов», но мы вооружим последних против первых. Мы используем все социал-демократические силы в округе, как интеллигентские, так и пролетарско-рабочие, чтобы поставить и закрепить наши социал-демократические комитеты из «пауперов». И мы сделаем это по такому плану. В каждом уездном городе или большом промышленном центре мы поставим уездные комитеты групп Окружной Организации. Уездный комитет организует, кроме фабрик и заводов в его районе, «крестьянские» комитеты. Такие комитеты не должны

быть многочисленны из конспиративных соображений, и состав их определяется наиболее революционно настроенными и способными крестьянами-пауперами. Там, где имеются и фабрики, и крестьяне, необходимо организовать их в один комитет подгруппы.

Прежде всего такой комитет должен ясно и отчетливо разбираться в окружающих условиях: А. Земельные отношения: 1) крестьянские наделы, аренда, форма владения (общин., подворн. и т. д.); 2) окружающие земли: а) кому принадлежат, б) сколько земли, в) какие отношения крестьян к этим землям, г) на каких условиях пользование этими землями: 1) отработки, 2) чрезмерная арендная плата за «отрезки» и т. д., д) задолженность кулакам, помещикам и др. Б. Подати, налоги, высота земельного обложения крестьянских и помещичьих земель. В. Отхожие и кустарные промыслы, паспорта, нет ли зимнего найма и пр. Г. местные фабрики и заводы: условия труда на них: 1) заработная плата, 2) рабочий день, 3) отношения администрации, 4) жилищные условия и т. д. Д. Администрация: земские начальники, старшина, писарь, волостные судьи, стражники, поп; Е. Земство: гласные от крестьян, земские служащие: учитель, врач; библиотеки, школы, чайные. Ж. Волостные сходы: их состав и ведение дел. З. Организации: «Крестьянский союз», с.-р., с.-д.

Ознакомившись с этими данными, крестьянский социал-демократический комитет обязан проводить на сходах те постановления, которые будут вытекать из того или иного ненормального положения дела. На-ряду с этим такой комитет ведет также усиленную пропаганду и агитацию идей социал-демократии в массе, устраивает кружки, летучки, массовки, распространяет прокламации и литературу, собирает деньги в партийную кассу и поддерживает сношения через уездную группу с Окружной Организацией.

Если нам удастся поставить целый ряд таких комитетов, то успех социал-демократии будет обеспечен.

Окружной организатор.

Само собою разумеется, что мы не возьмем на себя задачи выработать детальные практические директивы, о которых говорит товарищ: это дело работников на местах и практически руководящего русского центра. Мы намерены воспользоваться содержательным письмом московского товарища для разъяснения резолюции III съезда и насущных задач партии вообще. Из письма видно, что недоразумения, вызванные резолюцией III съезда, лишь отчасти порождены теоретическими сомнениями. Другой источник их—новый, не возникший раньше вопрос о соотношении «революционных крестьянских комитетов» и «соц.-дем. комитетов», работающих в крестьянстве. Самая уже постановка этого последнего вопроса свидетельствует о значительном шаге вперед с.-д. работы среди крестьянства. На очередь дня выдвигаются уже вопросы сравнительно детальные, порожденные практическими потребностями «деревенской» агитации, которая стала упрочиваться и отливаться в крепкие, постоянные формы. И автор письма забывает неоднократно, что, упрекая резолюцию съезда в неясности, он, в сущности, ищет ответа на такой вопрос, которого съезд партии не ставил и не мог ставить.

Так, например, не совсем правильно мнение автора, что и пропаганда наших идей, и поддержка крестьян-

ского движения возможны «только» при организации на местах. Разумеется, такие организации желательны и при росте работы необходимы, но указанная работа возможна и необходима даже там, где таких организаций нет. Во всей своей деятельности даже среди одного городского пролетариата мы должны не упускать из виду крестьянского вопроса и распространять заявление, сделанное всей партией сознательного пролетариата в лице III съезда: мы поддерживаем крестьянское восстание. Крестьяне должны знать это через литературу, через рабочих, через особые организации и т. д. Крестьяне должны знать, что с.-д. пролетариат не остановится в этой поддержке ни перед какой конфискацией земли (т.-е. экспроприацией без вознаграждения собственников).

Автор письма поднимает здесь один теоретический вопрос: не следует ли ограничить особой оговоркой экспроприацию крупных имений в «крестьянскую мелкобуржуазную собственность». Но, предлагая эту оговорку, автор произвольно сузил смысл резолюции III съезда. В резолюции ни слова не говорится о том, чтобы партия с.-д. обязывалась поддержать переход конфискованных земель именно в руки мелкобуржуазных собственников. Резолюция говорит: мы поддерживаем «вплоть до конфискации», т.-е. вплоть до отнятия без вознаграждения, но вопрос о том, кому отдать отнятое, совсем не решается резолюцией. Оставление этого вопроса открытым не случайно: из статей газеты «Вперед» (№№ 11, 12, 15) видно, что решать этот вопрос наперед признавалось неразумным. Там указывалось, напр., что при демократической республике с.-демократия не может зарекаться и связывать себе рук по отношению к национализации земли.

В самом деле, в отличие от мелкобуржуазных с.-р-ов для нас центр тяжести теперь—революционно-демократическая сторона кр-ских восстаний и особая организация сельского пролетариата в классовую партию. Не в проектах «черного предела» или национализации суть вопроса теперь, а в сознании крестьянством и осуществлении им революционной ломки старого порядка. Поэтому с.-р. наирают на «социализацию» и т. п., а мы на революционные крестьянские комитеты: без них, говорим мы, все преобразования—ничто. С ними и опираясь на них возможна победа крестьянского восстания.

Крестьянскому восстанию мы должны всячески помогать до конфискации земель, но все не вплоть до всяких мелкобуржуазных проектов. Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит, как реакционное, противпролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать или сплюсчивать в единую и простую задачу могут только не понимающие марксизма люди.

Возьмем конкретный пример. Допустим, что крестьянское восстание победило. Революционные крестьянские комитеты и временное революционное правительство (опирающееся отчасти именно на эти комитеты) могут произвести любую конфискацию крупной собственности. Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это. Но кому посоветуем мы отдать конфис-

кованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем заявлениями в роде тех, которые неосторожно предлагает автор письма. Автор забыл, что в той же резолюции III съезда говорится об «очищении революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», это раз, а второе: о необходимости «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата». Вот наши директивы. Реакционные примеси в крестьянском движении всегда будут, и мы заранее объявляем войну им. Классовый антагонизм между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией неизбежен, и мы заранее вскрываем его, разъяряем его, готовимся к борьбе на почве его. Одним из поводов такой борьбы очень может явиться вопрос о том: кому и как отдать конфискованные земли? И мы не затушевываем этого вопроса, не обещаем уравнительного раздела, «социализации» и т. п., а говорим: там мы еще поборемся, опять поборемся, на новом поприще поборемся и с иными союзниками: там мы будем безусловно с сельским пролетариатом, со всем рабочим классом против крестьянской буржуазии. Практически это может означать и переход земли к классу мелких хозяев-крестьян там, где преобладает кабальная, крепостническая крупная собственность, где нет еще материальных условий крупного социалистического производства, и национализацию при условии полной победы демократической революции, и передачу крупных капиталистических имений ассоциациям рабочих, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как-раз в меру нашей силы,—силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути. Если мы не обещаем сейчас же и немедленно всяких «социализаций», то именно потому, что мы знаем действительные условия этой задачи и не затушевываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства.

Мы сначала поддерживаем до конца всеми мерами, до конфискации, крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще. Усчитать сейчас комбинацию сил внутри крестьянства, «на другой день» после революции (демократической),—пустая утопия. Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевой популярностью, мы можем сказать и говорим лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания,—напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся. Наше учение менее «сладко», чем рассказы с.-р-ов, но, кто хочет, чтобы его поили одним только сладеньким, тот пусть и идет к с.-р-ам; мы скажем таким людям: скатертью дорога.

Эта марксистская точка зрения решает, на наш взгляд, и вопрос о комитетах. Социал-демократических крестьянских комитетов, по нашему мнению, быть не должно: если с.-д.-ский, значит не только крестьянский; если крестьянский, значит не чисто-пролетарский, не с.-д.-ский. Смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, мы не из их числа. Везде, где можно, мы будем стремиться организовывать свои комитеты, комитеты с.-д. рабочей партии. Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие,—одним словом, все с.-д. и никто, кроме с.-д. Эти комитеты будут вести с.-д. работу всю, во всей ее широте, стремясь, однако, организовать специально и особо сельский пролетариат, ибо социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Находить «неортодоксальным» делом организацию пролетариата, не вполне очистившегося от разных пережитков старины,—величайшее заблуждение, и мы хотели бы думать, что относящиеся сюда места письма основаны на простом недоразумении. Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической рабочей партии, но привлекать к ней, просвещать, организовывать мы должны всех трудящихся и эксплуатируемых, как говорит и наша программа, всех без исключения, и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток,—разумеется, при том необходимом и обязательном условии, чтобы они примыкали к социал-демократии, а не социал-демократия к ним, чтобы они переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения.

При чем же тогда революционные крестьянские комитеты?—спросит читатель. Значит, не надо их? Нет, надо. Наш идеал: повсюду в деревнях чисто-с.-д. комитеты, а затем соглашение их со всеми революционно-демократическими элементами, группами, кружками крестьянства для образования революционных комитетов. Тут полная аналогия с самостоятельностью с.-д. рабочей партии в городе и союзом ее со всеми революционными демократами в целях восстания. Мы—за восстание крестьянства. Мы—безусловно против смещения и слияния разнородных классовых элементов и разнородных партий. Мы за то, чтобы в целях восстания социал-демократия подталкивала всю революционную демократию, помогала всей ей организоваться, шла рядом с ней, но не сливаясь с ней, на баррикады в городах, против помещиков и полиции в деревнях.

Тревоги господ либералов.

Господа либералы боятся теперь пуще огня одного: как бы народ и общество всерьез не бойкотировали пресловутую Государственную Думу. Самые густо-розовые из них, и те видят в Думе возможность наладить совместно с правительством дело государственного и общественного умиротворения. Как лиса в сказке, либералы просят позволить им только их пушистый хвостик положить на телегу, а там понемногу и вся

Патрикеевна уляжется и начнет потихоньку жевать рыбку. «Только выберите нас в Думу,—умоляют господа либералы,— и мы постепенно оборудуем самую настоящую конституцию!» Настоящая конституция—это монарх с правом veto, более или менее соответственное министерство, две палаты, из которых вторая—из людей «житиих», и черепаший марш по тропочке мизерных реформ. И все эти блестящие перспективы могут рухнуть от бестактности нервничающей радикальной интеллигенции и особенно рабочих!

«Русские Ведомости» в горячей статье взывают: «Теперь, в ближайшие месяцы и недели, будет решено, пойдет ли Россия через Государственную Думу мирным путем, который может быть открыт ее стремлениям к великой цели, или же брожение продолжится и пойдет помимо Думы окольными путями, могущими обречь страну на новые тяжелые испытания. Условия вступления на первый, желательный мирный путь диктуются всеми обстоятельствами нашего времени: это—свобода предстоящих первых выборов в Государственную Думу, а свобода выборов, в свою очередь, предполагает свободу выборной агитации,—иными словами, свободу печати, свободу собраний и неприкосновенность прав личности».

Газета патетически заканчивает: «Какова бы ни была судьба нового государственного учреждения, каково бы ни было ближайшее будущее страны, зародившаяся новая свободная Россия должна крепнуть и развиваться. От обстоятельств зависит, как она будет расти: в мирном ли наслаждении творческой работой или в гнев и печаль незаслуженного унижения, но ничто не может остановить ее роста, и ей принадлежит будущее...»

Тут не только угроза правительству, что «новая свободная Россия все равно будет «крепнуть и развиваться», тут стон либерала по мирному развитию и угрозы по адресу демократии, что путь бойкота чреват печалью и осложнениями. По мнению газеты, стоит лишь дать свободу выборов в карикатурную Думу, и мирное развитие России обеспечено. Газета умалчивает об одном лишь: этот желательный путь не есть ли путь черепашого прогресса, путь хронической болезни, всю тяжесть которой вынесет на своих плечах народ? И не есть ли путь «гнева и печалей» короткий и освежающий, как гроза, наиболее экономный путь для народа, конечно, для крестьянства и особенно для пролетариата, а не для господ помещиков и фабрикантов?

На ту же тему Гессен напечатал в «Праве» элгию «о трех возможностях». Вот она:

«Нам предстоит либо раскол, и тогда будут стоять друг против друга уже не объединенное общество и бюрократия, как теперь, а возникнет разлад между рядами общества, что, очевидно, сделает борьбу гораздо более трудной, а может-быть, на долгие годы и безнадёжной. Или же раскол сменится объединением на почве отказа от участия в выборах; в таком случае существующие отношения не изменятся, они будут, так сказать, итти мимо Думы, но бюрократия в лице нового учреждения, состоящего из Нарышкиных, Шароповых и т. п., получить новую силу, которою можно будет долго давить, пока не последует страшного взрыва,

размеров и последствий которого никто не в состоянии предвидеть. На это и указывали в своей известной записке губернские предводители дворянства, говоря, что если бы удалось силою отсрочить взрыв, не устранив причин, то каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением кровавой беспощадности и безумной свирепости. Либо, наконец, объединение наступит на почве положительного отношения к участию в выборах, и тогда и предвыборный момент, и выборы, и Дума дадут новые несоизмеримые ни с чем до сих пор бывшим в их распоряжении силы освободительным элементам. Если те лица, которые пока выступали в качестве «самозванцев», теперь скажут то же самое, как народные представители, то от голоса их падут иерихонские стены без новых жертв, которых и без того русская жизнь принесла более чем достаточно.

Как я уже сказал, это—элегия, а от поэтического выражения грустного раздумья никто не в праве требовать объективности. Три возможности в изложении Гессена очень неравноценны. «Расколы» общества в глазах либеральных министров всегда составляют предмет ужаса и плод недоразумений, они и слышать не хотят о том, что «раскол» есть социологическая необходимость при наличии классовых борьбы в обществе; они жаждут «объединения», при чем объединение может, конечно, произойти путем «вынесения за скобки» частных требований «крайних» классовых партий и провозглашения общей целью осуществление минимальной программы минимально-либеральных земских «отцов». Но на сей раз Гессен допускает объединение на почве бойкота Думы. Допускает, конечно, лишь для того, чтобы нарисовать столь ужасную картину происходящих от сего последствий, чтобы у врачей и писателей из «Союза Союзов» кровь в жилах застыла! В самом деле, Шаррапов и Парамонов, неведомо, как и почему, придадут правительству «новую силу» и будут «долго давить», пока не вызовут бунта, отличающегося нарочито «кровавой беспощадностью и безумной свирепостью». На деле, конечно, если бы правительству при наличии активного бойкота даже удалось смести вместе «правительство государственной сволочи», то действия этой сволочи отнюдь не способствовали бы усилению правительства, а только вызвали бы бурю негодования в народе, если только, повторяю, народ допустил бы вообще самое возникновение государственного стока нечистот. Есть только одно средство сделать революцию короткой и менее свирепой, это всячески содействовать передовому пролетариату в его просветительно-революционной работе и в предпринятом им деле самоворужения. Но г. Гессену в миллион раз больше улыбается «третья возможность», ему хочется, чтобы те лица, «знакомые все лица!»—Трубецкой, Феодоров, украшенный перчатками Петрункевич—заговорили языком народных представителей! А тогда падут стены Иерихона, и войдут в оный град «представители народа», и воссядут одесную и ошуюю царя, и распорядятся заменить рухнувшие ветхие стены самоновейшими земляными окопами; они поуменшат давление во всероссийском котле и станут господами положением.

Но заметьте, как похож тон Гессена на тон того социал-демократического (гм! гм!) политического руководителя (гм! гм!), который написал в кавказском «Со-

циал-Демократе» столько об экономном пути революции! *).

Уже не сотрудничает ли под сурдинку Гессен в новом кавказском рабочем (гм! гм! гм!) органе?

(А. Луначарский).

Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?

У нас, в России, политическое воспитание народа и интеллигенции совсем еще ничтожно. У нас ясные политические убеждения и твердые партийные воззрения совсем еще почти не выработаны. У нас слишком легко берут на-веру любой протест против самодержавия, относясь с недоброжелательством ко всякой критике характера и сущности этого протеста, как к вредному разединению освободительного движения. Неудивительно, что под этим общим флагом освобождения и издаваемое под редакцией г. Струве «Освобождение» широко распространяется среди всех и всяких вольномыслящих интеллигентов, ненавидящих анализ классового содержания «освобожденского» либерализма.

А, ведь, освобожденский либерализм есть лишь более систематическое, свободное от цензуры выражение основных черт всего русского либерализма. Чем дальше идет вперед революция, тем больше разоблачает себя этот либерализм, тем непростительнее становится боязнь взглянуть истине прямо в лицо, понять действительную суть этого либерализма. Чрезвычайно характерны в этом отношении «Политические письма» известного историка г. Павла Виноградова в известном либеральном органе «Русских Ведомостях» (5 августа). Не менее характерно и то, что другие либеральные газеты, в роде «Нашей Жизни», перепечатали выдержки из этого почтенного произведения без единого слова возмущения и негодования. Г. Павел Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии: его откровенность, может-быть, была бы сочтена неуместной теми или иными более ловкими либералами, но тем ценнее она для сознательных рабочих. Вот заключительные слова статьи г. Виноградова, выражающие всю ее квинт-эссенцию:

«Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

«Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозят на последнем пути неслыханные опасности, если не гибель. Нежелательно дожить до предметных уроков на темы о власти, порядке, национальном единстве, общественной организации, тем более, что эти предметные уроки будет давать или собравшийся с новыми силами урядник, или немецкий вахмистр, которому анархия в России откроет провиденциальную миссию».

Вот о чем думает больше всего русский буржуа: о неслыханных опасностях «пути» 1789 года! Буржуа не прочь от пути Германии в 1848 году, но «все

* См. брошюру Ленина «Две тактики» и след. статью.

усилия» он употребит для избежания пути Франции. Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься.

В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведен до конца, а во втором нет; в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции; во втором случае прошел под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших хотя бы на-время сторону солидную и умеренную буржуазию;—во втором случае быстро привел к «успокоению» страны, т.е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра», в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавшему сопротивление «урядников и вахмистров».

И вот ученый лакей российской буржуазии выступает в «почтеннейшем» либеральном органе с предостережением против первого «французского» пути. Ученый историк желает «немецкого» пути и прямо говорит это. Он знает превосходно, что немецкий путь не обошелся без народного вооруженного восстания. В 1848 и 1849 гг. был целый ряд восстаний и даже временных революционных правительств в Германии. Но ни одно из этих восстаний не было вполне победоносным. Самое успешное восстание, берлинское восстание 18 марта 1848 года, кончилось не свержением королевской власти, а уступками сохранившего свою власть короля, который очень быстро сумел оправиться от частичного поражения и отобрать назад все эти уступки.

Итак, ученый историк буржуазии не боится восстаний народа. Он боится победы народа. Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия, ненавистная ему бюрократия, была проучена слегка народом. Он боится свержения реакционной власти народом. Он ненавидит самодержавие и всей душой желает свержения его, но погибели для России он ждет не от сохранения самодержавия, не от отравления народного организма медленным гниением неумерщвленного паразита монархической власти, а от полной победы народа.

Он знает, этот муж алтынной науки, что время революции есть время предметных уроков для народа, и вот он не хочет предметных уроков по части уничтожения реакции, пугая нас предметными уроками по части уничтожения революции. Он пуше огня боится того пути, когда революция хоть на небольшое время одерживала полную победу, и он жаждет всей душой такого исхода, в роде немецкого, когда реакция на долгие и долгие периоды одерживала полную победу.

Он не приветствует революции в России, а лишь старается смягчить вину ее. Он желает не победоносной революции, а неудавшейся революции. Он считает реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надежным и благоразумным. Он считает революцию явлением незаконным, фантастическим, неправомерным, которое может быть в лучшем

случае оправдано до известной степени неустойчивостью, «слабостью», «несостоятельностью» самодержавного правительства. Он смотрит на революцию, этот «объективный» историк, не как на законнейшее право народа, а лишь как на греховный и опасный прием исправления крайностей реакции. Для него революция, победившая вполне, есть «анархия», а реакция, победившая вполне, не есть анархия, а только небольшое преувеличение известных необходимых функций государства. Он не знает другой «власти», кроме монархической, другого «порядка» и другой «общественной организации», кроме буржуазных. Из тех европейских сил, которым революция в России «откроет провиденциальную миссию», он знает только «немецкого вахмистра», но не знает и знать не хочет немецкого социал-демократического рабочего. Ему противна больше всего «гордыня» тех, кто «собирается обгонять западную «буржуазию» (г. профессор пишет слово «буржуазия» в иронических кавычках: нашли, дескать, такой нелепый термин в применении к европейской,—«европейской»,—культуре!). Он благодушно закрывает глаза, этот «объективный историк», на то, что именно благодаря застарелой самодержавной мерзости в России Европа вот уже десятки и десятки лет стоит на месте или пятачис назад в политическом отношении. Он боится предметных уроков «сравняемого с новыми силами урядника» и поэтому—о, вождь народа! о, политический деятель!—он пуше всего предостерегает от решительного разгрома всех «сил» современного урядника. Какая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы-ученого и якобы-объективного рассмотрения вопроса! Копните русского, и найдете татарина, говорил Наполеон. Копните либерального российского буржуа, скажем мы, и найдете одетого в новенький мундир урядника, которому оставляют $\frac{9}{10}$ его старой силы по тому глубокомысленному, «ученому» и «объективному» соображению, что иначе он захочет, пожалуй, «собраться с новыми силами»! У всякого идеолога буржуазии—насквозь торгашеская душонка; он думает не об уничтожении сил реакции и «урядника», а о том, чтобы подкупить, подмазать, умячить этого урядника посредством возможно более быстрой сделки с ним.

Как бесподобно подтверждает этот ученейший идеолог буржуазии все то, что мы не раз уже говорили в «Пролетарии» о сущности и характере российского либерализма. В отличие от европейской буржуазии, которая была в свое время революционной и десятки лет спустя становилась на сторону реакции, наши доморощенные мудрецы сразу перепрыгивают или хотят перепрыгнуть через революцию к умеренному и аккуратному господству реакционной буржуазии. Буржуазия не хочет и не может по классовому положению хотеть революции. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа.

И какой поучительный урок дает этот мудрец либеральной буржуазии тем доктринарам социал-демократии, которые договорились до следующей резолюции, принятой кавказскими новоискровцами и специально одобренной редакцией «Искры» в особом листке. Эта резолюция (вместе с одобрением «Искры») перепечатана полностью в брошюре Н. Л.

«Две тактики» (стр. 68—69), но так как товарищам в России она мало известна, так как редакция «Искры» сама не пожелала перепечатать в своей газете этой «весьма удачной», по ее мнению, резолюции, то мы приводим ее здесь целиком в поучение всем социал-демократам и в посрамление «Искры»:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления социал-демократического сознания пролетариата, конференция (кавказская конференция новоискровцев) в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него, а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное временное правительство для посылной демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от соц.-дем. партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма, с другой—заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах».

Эта резолюция—позорная, ибо она выражает (помимо воли и сознания писавших ее, которые встали на наклонную плоскость оппортунизма) предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освящает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии. Эту резолюцию достаточно поставить рядом с вышеприведенной цитатой из г. Виноградова (а подобных цитат всякий найдет сотни и тысячи в либеральной публицистике), чтобы видеть, в какое болото залезли новоискровцы. Ведь, г. Виноградов, этот типичнейший идеолог буржуазии, уже отшатнулся от дела революции. Не ослабил ли он этим «размаха революции», господа новоискровцы? Не следует ли вам пойти с повинной к господам Виноградовым и умолять их ценой вашего воздержания от руководства революцией не «отшатываться от дела революции?».

Задачи пропаганды.

Следующие резолюции приняты на съезде литераторов-пропагандистов — группы, образованной при ЦК Р. С.-Д. Р. П.

Принята резолюция о популярном органе: признано необходимым приступить возможно скорее к изданию популярного органа, который выходил бы по возможности еженедельно в объеме печатного листа в 80.000 букв (первые №№ могут быть меньшего объема). Орган должен давать подробную информацию о текущих событиях, их освещении и освещении партийной программы, тактики и организации. Название органа — «Рабочий». Состав №№: 1) руководящие статьи по текущей политике, 2) хроника внутренней и иностранной жизни, 3) сообщения ЦК (опровержения правит. со-

общений, партийные дела и пр.), 4) популярные статьи по вопросам партийной программы, тактики и организации, 5) желательны беллетристические приложения. Технические и материальные средства для органа должен доставлять ЦК. Принята резолюция о брошюрной литературе. Признано, что для удовлетворения потребности пролетариата в разъяснении программных, тактических и организационных вопросов необходимо пополнить существующий литературный материал как новыми брошюрами, так и перепечаткой некоторых старых. В этом последнем случае, согласно установившемуся обычаю пользоваться всей старой соц.-дем. литературой по мере надобности. Признано наиболее целесообразным в первую очередь перепечатать (в зависимости, конечно, от того, имеются ли эти брошюры в достаточном количестве в транспорте): 1) «Красное Знамя» (при чем ответственный литератор должен в случае надобности снабдить эту брошюру предисловием), 2) «К деревенской бедноте», 3) «О социализме» (NB. Возможно большее количество экземпляров). Намечены и распределены ближайшие темы для новых брошюр: 1) «Революция в России», 2) «История революционных партий в России». По обсуждению вопроса об организации пропаганды на местах признано необходимым составить две схемы общих пропагандистских программ,— одну применительно к пропагандистским кружкам низшего типа, охватывающую вопросы программы, тактики и организации в 6—7 лекциях, другую—для кружков высшего типа, с большей подготовкой, рассчитанную на 18—20 лекций. Предложена и собранием одобрена нижеследующая схема 1-го рода: введение к пропагандистской программе. Группа, выработавшая предлагаемый проект, считает нужным предварительно высказать следующие соображения: как известно, III съезд по вопросу о пропаганде и агитации вынес резолюцию, гласящую:

«Принимая во внимание: 1) что задача планомерной и стройной организации революционно-пролетарского движения требует при теперешнем колоссальном его росте несравненно большей массы соц.-демокр. сил, чем когда бы то ни было прежде; 2) что при этом исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителей движения в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию, и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах; 3) что необходимые при таких условиях кадры партийных работников может дать партии только значительно расширенная и улучшенная постановка агитации и пропаганды,—III съезд Р. С.-Д. Р. П. подтверждает резолюцию II съезда о пропаганде и поручает ЦК: а) организовать литературно-пропагандистскую группу для выработки общей пропагандистской программы и для составления применительно к ней ряда популярных брошюр по главным вопросам партийной программы, тактики, организации, при чем обратить особое внимание на издание брошюрной литературы для работы среди крестьянства; б) озаботиться постанов-

кой издания популярного органа в России; в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам; г) озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках, входя для этого в случае надобности в соглашение с местными комитетами».

Основываясь на этой резолюции и принимая во внимание, что состав различных пропагандистских кружков по уровню развития и степени сознательности его членов представляет значительные различия, группа предлагает две программы: одну более сокращенную как по содержанию, так и по объему, для низшего типа кружков, состав которых комплектуется из посетителей так-наз. «летучек» (последние отличаются от массовых собраний меньшей численностью, большим постоянством состава и известной систематичностью в содержании речей); другую—для кружков высшего типа, состав которых образуется обыкновенно из наиболее способных членов низших кружков и вообще лиц способных и развитых. Но и во второй из этих программ, предназначенной, как сказано, для кружков высшего типа, дается лишь тот минимум знаний, который безусловно необходимо усвоить каждому партийному работнику по теории, истории, тактике и организации социал-демократии. Что же касается таких, напр., отделов, как политическая экономия, история культуры, общая гражданская история и пр., то они в программе совершенно опущены, так как здесь имеется в виду специальная революционная пропаганда; изучение же этих отделов должно быть предоставлено самим рабочим на дому по указаниям пропагандиста. Поэтому пропагандист должен всячески содействовать наиболее способным членам своего кружка расширять и дополнять по окончании программы свои познания, чтобы из таких членов могли выработаться вполне самостоятельные партийные работники, способные занять ответственные посты в партии. Кроме того, пропагандист должен рекомендовать своим слушателям после каждой лекции соответствующую литературу для прочтения дома, способствующую лучшему усвоению прослушанной лекции. Что касается самого ведения пропаганды, то необходимо, чтобы каждая лекция сопровождалась обменом мнений по возможности между всеми слушателями и разъяснительными беседами лектора. Наконец, пропагандисту рекомендуется по возможности держаться фактической, конкретной почвы при изложении каждой лекции и широко пользоваться в качестве иллюстраций современными событиями русской жизни, и в частности войны и ее последствиями. Что касается сделанных в проекте указаний на литературу, то необходимо заранее оговориться, что указания эти являются далеко не исчерпывающими (благодаря некоторым особым условиям, при которых они составлялись).

Доложен проект схемы пропагандистских занятий с кружком высшего типа. Проект одобрен с некоторыми изменениями в следующем виде: Лекция 1-я. Краткий обзор внутреннего состояния России. Разорение страны и дезорганизация государства. Небывалый рост революционного пролетариата. Движение в других непролетарских слоях населения. Тактика самодержавия накануне его падения. Лекция 2-я. Историческая не-

избежность классовой борьбы пролетариата. Повсеместное возникновение стихийного пролетарского движения на известной стадии развития общества (картины различных форм этого движения). Основные причины, необходимо вызывающие эту борьбу. Противоположность и непримиримость интересов рабочих и капиталистов. Отношение правительства к этой борьбе. Лекция 3-я. Государство есть организация классового господства. Буржуазный характер современного государства вообще и феодально-буржуазный характер государства русского. Непримириное противоречие интересов пролетариата самым основам этого государства. Вытекающее отсюда неизбежное превращение экономической борьбы в политическую. Лекция 4-я. Организованная революционно-пролетарская борьба в разных странах. Возрастающая организованность пролетарского движения. Образование пролетарских партий. Их современное состояние. Социал-демократия—революционный авангард рабочего класса. Лекция 5-я. Революционные движения в России в прежнее время. Утопический и непролетарский характер этих движений—народничество, народовольчество. Неуспех этих движений и его историческая необходимость. Первые проблески рабочего движения в России. Северный и Южный рабочие союзы, их распадение, стихийные стачки 80-х годов. Лекция 6-я. Первые шаги социал-демократии в России. Появление социал-демократической литературы и единичных пропагандистских кружков, образование местных соц.-дем. организаций («Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и пр.). Массовые петербургские стачки и последующие стачки в других городах. I съезд Р. С.-Д. Р. П. Дальнейшее развитие стачечного движения. Экономизм и «Рабочее Дело». Возникновение «Искры». Борьба с экономизмом. Лекция 7-я. Переход русского пролетариата к открытому политическому выступлению. Возрастающее влияние социал-демократии на пролетарское движение. События харьковские (1-е мая 1901 года), ростовские, южные стачки и демонстрации. Лекция 8-я. Конституирование партии. Организационная работа «Искры». II съезд Р. С.-Д. Р. П. Партийная программа. Программа-максимум и минимум; их соотношение с точки зрения оппортунизма и революционной социал-демократии. Лекция 9-я. Учредительное собрание и демократическая республика. Уничтожение самодержавия. Необходимость демократической республики с точки зрения интересов пролетариата. Учредительное собрание и его задачи. Избирательное право и его виды. Существующие системы избир. права в разных странах. Классовый характер его ограничений. Одно и двухпалатное представительство, значение того и другого. Лекция 10-я. Личная гражданская свобода. Свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов. Неприкосновенность личности и жилища. Свобода передвижения. Лекция 11-я. Остальные пункты программы-минимум. Отделение церкви от государства и школы от церкви. Уничтожение постоянной армии и замена ее всеобщим народным вооружением. Право каждого гражданина привлекать чиновников к суду. Равенство полов, языков, национальностей. Право национального самоопределения и международная солидарность пролетариата. Лекция 12-я. Финансовая и экономическая программа-минимум. Уничтожение косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом. Свобода промыш-

слов, 8-часовой рабочий день и другие пункты рабочего законодательства. Лекции 13-я и 14-я. Аграрная программа. Сельский пролетариат. Тождество его интересов с городским пролетариатом. Крепостническая опека и крепостническая кабала. Борьба с ними. Поддержка крестьянством пролетариата, как единственный выход для крестьянства. Крестьянские революционные комитеты и их задачи. Возвращение отрезков. Возвращение выплаченных выкупных платежей. Отмена выкупных и оброчных платежей. Урегулирование судом арендных договоров. Права крестьянина свободно распоряжаться своей землей. Лекция 15-я. Тактика партии по отношению к правительству и к другим партиям. Либеральная оппозиция, ее антиреволюционный характер. Социалисты-революционеры, антипролетарский характер партии, отношение к ней. Партия Польская Социалистическая и подобные ей национальные партии. Временные соглашения. Другие соц.-дем. организации и отношения к ним. Лекции 16-я и 17-я. Организация пролетариата и народное восстание. Необходимость самостоятельной партийной организации пролетариата под знаменем соц.-дем. Руководящая роль в предстоящей революции, как ближайшая историческая миссия пролетариата. Значение успешного выполнения этой миссии для интересов самого пролетариата. Необходимость вооруженного восстания. Политическое и организационное его значение. Подготовка восстания. Всеобщие политические стачки и вооруженное восстание. Идеи и практическое руководство социал-демократии в этом восстании. Временное правительство, его историческая роль и практические задачи. Условия, при которых возможно участие в нем соц.-демократии. Возможное значение этого участия для интересов пролетариата. Тактика пролетариата по отношению к временному правительству, независимо от участия в нем социал-демократии. Лекции 18-я и 19-я. Организационные принципы нашей партии. Значение организационного единства партии для интересов пролетариата. Партийный устав. Что такое съезды, конференции, ЦК, ЦО, местный комитет, периферия? Принципы партийной организации: централизм и демократизм. Партийная дисциплина. Степень автономии различных партийных организаций. Почему в настоящее время в партии невозможно широкое применение выборного начала? Подробный анализ партийного устава по пунктам.

Намечены были некоторые указания относительно литературы для рабочих, при чем приняты вместе с тем резолюции об ее пополнении. К лекции 1-й материал можно найти в революционных газетах, легальных и т. п. В целях систематизации материала поручено написать брошюру на тему этой лекции. К лекции 2-й—литература для рабочих. Беллетристика: «Ткачи» Гаупмана, «Жерминаль» Золя, «Дурные пастыри» Мирбо; исторические произведения: 1) «Русский рабочий в революционном движении» Плеханова, 2) «Десятилетие Морозовской стачки», 3) «Чартистское движение» Кричевского, 4) «Английское рабочее движение», изд. союза соц.-дем., 5) «Как боролись бельгийские рабочие за свободу», 6) Кампфмейера «Очерки из истории немецкой культуры» (легальн.). Далее «Наемный труд и капитал» Маркса (легальн.), его же «Труд, прибыль и заработная плата», «Самодержавие и стачки», «Красное Знамя». Признано желательным составление брошюры на

эту тему. К лекции 3-й литература: «Семья, собственность, государство» Энгельса (легальн.), «Национальность нашего времени» Каутского (легальн.), «Социализм и политическая борьба» Плеханова. Поручено написать брошюру на эту тему. К лекции 4-й: «Очерки истории международного общества рабочих» В. Засулич, «Чартистское движение» Кричевского, «Как боролись бельгийские рабочие». Материал также можно найти в буржуазных легальных книжках: «Социализм и социалистич. движение» Зомбарта, «Рабочий вопрос на Западе» Геркнера и пр. Желательна сводная брошюра на эту тему. К лекции 5-й: «История революционного движения в России» Туна, «Подпольная Россия», «Русский рабочий в революц. движ.», «Речь Петра Алексеева», «Красное Знамя», «Десятилетие Морозовской стачки» и др. К лекции 6-й, кроме перечисленных в предыдущем §: «Исторический очерк рабочего движения в Петербурге», «Екатеринославское рабочее движение», «Стачки в Иваново-Вознесенске» и др. с подобными заглавиями. Манифест I съезда Р. С.-Д. Р. П., «Рабочая Газета Р. С.-Д. Р. П.», «Рабочая Мысль», «Рабочее Дело», «Искра» 20 первых номеров, «Что делать?» Ленина. К лекции 7-й: «Искра» дальнейшие №№ до 50-го, «Правда о ростовских событиях» Амвросия, «Из тифлисского рабочего движения» Рабочего и т. д. К лекции 8-й: «Что делать?», Протоколы II съезда, «Заря» статьи Плеханова, «Социальная революция» Каутского. Брошюру на темы лекций 5—8 поручено написать. К лекции 9-й: Дан—«Учредительное собрание», «Голос Труда» №№ 5—6, «О формах народного представительства», изд. «Молода», Рабочее дело в России», «О сущности конституции» Лассалья (легальн.). Поручено развить в брошюре тему этой лекции в связи с лекцией 3-ей. К лекции 10-й: «Рабочее дело в России». Поручено написать брошюру. К лекции 11-й: «Милитаризм и рабочий класс», материал можно найти у А. Менгера «Новое учение о государстве», Мускатблит «Народное представительство», за исключением главы о соц.-демокр. К лекции 12-й: «О податях и налогах», «О штрафах», «Рабочий день», «Рабочее дело в России», «О косвенных налогах» Лассалья. Желательна брошюра о финансовой программе. К лекциям 13 и 14: «К деревенской бедноте», «Заря» ст. Ленина и ст. Плеханова. Желательна брошюра. Поручено ознакомиться с саратовской брошюрой и в случае пригодности издать. К лекции 15: статьи «Искры» и «Зари» о либералах и соц.-революционерах, Протоколы II съезда, «Либеральные программы» Рядового, «План земской кампании» Ленина. Поручено переработать брошюру «Либералы и соц.-дем.» применительно к резолюциям III съезда. Желательна брошюра на эту тему этой лекции. К лекциям 16 и 17: «Резолюция и протоколы III съезда», статьи «Вперед» и «Пролетария» о восстании и временном правительстве. Брошюра Ленина «О временном правительстве». К лекциям 18 и 19: Протоколы III съезда, «Летучие листки ЦК» №№ 1 и 2.

Предложена в более развитом и конспективном виде схема пропаганды для кружков низшего типа; схема собранием одобрена.

Проект программы для кружков низшего типа («Летучки высшего типа» Моск. К-та): Лекция 1-я. Современное положение России, экономическое и политическое. Рабочий и капиталист. Эксплуатация рабочего ка-

питалистом. Особые условия, усиливающие у нас эту эксплуатацию. Крестьянин и помещик. Отрезки, кабальная аренда: отработки, половничество. Особые условия продажи рабочей силы в деревне. Кулак и первоначальное накопление. Пролетаризация крестьянства. Самодержавное правительство. Бесправие крестьянина и рабочего, паспортная система, налоговая система. Militarism и хищение. Пауперизация крестьянства. Вмешательство правительства в борьбу рабочего с капиталистом и крестьянина с помещиком. Разорение русского народа. Лекция 2-я. Экономическая программа-минимум. Классы. Классовая борьба. Борьба с капиталистами. Стихийное рабочее движение и организованные стачки. Борьба за фабричные законы. Наша экономическая программа-минимум. Необходимость ее. Уступки фабрикантов и правительства. Незначительность их и уничтожение их фактическим неисполнением и циркулярами. Невозможность добиться исполнения требований рабочего класса одной экономической борьбой. Лекция 3-я. Политическая программа-минимум. Классовый характер государства вообще. Feodalism и капитализм в России. Всякая классовая борьба—борьба политическая. Неизбежность борьбы с самодержавием. Наша политическая программа-минимум. Демократическая республика. Личная и гражданская свобода. Необходимость всего этого для рабочего класса. Прогрессивно-подходящий налог. Постоянная армия и народное вооружение. Лекция 4-я. Программа-максимум. Необходимость борьбы с капитализмом. Развитие капиталистического строя и его противоречий. Неизбежность его крушения. Что такое социализм? Классовая борьба пролетариата—борьба против всякого господства. Социал-демократия—авангард пролетариата в этой борьбе. Лекция 5-я. Социал-демократия и другие пар-

тии. Классовый их характер. Непримируемость интересов пролетариата и других классов. Либералы (освобожденцы), профессиональные союзы, их стремления. Заигрывание с рабочими. Революционная роль буржуазии и боязнь революции у буржуа. Оппозиция и революция. Социалисты-революционеры и их мелкобуржуазность. Постановления II и III съездов о либералах и соц.-революционерах. Соглашение с ними и борьба против них. Лекция 6-я. Пролетариат и народное восстание. Необходимость демократической республики для пролетариата. Борьба за нее. Необходимость народного восстания. Его организация Р. С.-Д. Раб. Партией. Временное правительство и воздействие на него вооруженного народа. Учредительное собрание и его задачи. Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Законодательное собрание. Однопалатность народного представительства. Лекция 7-я. Партийная организация. Необходимость организации пролетариата в Р. С.-Д. Р. Партии. Централизм и его необходимость. Члены партии, их права и обязанности. Устав партии. Партийная дисциплина. Затем приняты резолюции относительно разъездных пропагандистов при ЦК. При ЦК образуется группа агентов-пропагандистов с ответственным пропагандистом ЦК во главе, ставящая себе целью содействие правильной постановке дела пропаганды на местах и правильное распределение пропагандистских сил между комитетами. В видах выполнения этой задачи группа берет на себя привлечение лиц, пригодных для дела пропаганды, подготовку их, контроль за постановкой пропаганды на местах путем объезда местных организаций, обмен мнений с местными работниками и чтение рефератов по сложным вопросам тактики и организации. Ответственный пропагандист есть член группы пропагандистов-литераторов. Затем при-

Страничка из истории.

С тех пор, как русская революция вышла на улицу и разразилась рядом грандиозных демонстраций, массовой террористической борьбой и частичными попытками вооруженного восстания, мы неоднократно указывали, что единственный путь для пролетариата добиться радикальных политических преобразований—это путь революционной борьбы до конца, низвержения самодержавия, [учреждения временного революционного правительства]. Мы неоднократно указывали, что путь соглашения с самодержавием, который предпочитает крупная буржуазия, — антидемократичен, что он знаменует собой отказ от революции, ликвидацию революции, удовлетворение интересов незначительной кучки капиталистов за счет интересов всего остального народонаселения. И не только интересам [народа] вообще изменяет буржуазия, входя в соглашение с самодержавием; она изменяет в равной мере и интересам широких кругов буржуазии, главным образом, мелкой буржуазии, т.-е. интересам своего же класса. Группа выделяется из класса и предает его существенные интересы ради своих частных интересов, ради привилегий. Мы имели также случаи указывать, как в известные исторические моменты, при определенном сочетании общественных сил, крупно-капиталистические группы буржуазии оказываются не в состоянии

отрешиться от своих узко-групповых интересов и подняться до классовой точки зрения. Именно этот групповой эгоизм, эта неспособность взять на себя крупную историческую задачу толкает известные круги буржуазии в объятия монархии, заставляет их менять борьбу на соглашение, отрекаться от своих младших братьев и таким путем брать, в конце-концов, то, что им соблаговолит уступить самодержавие. Исход соглашения между двумя общественными элементами зависит от реальной силы этих элементов. Вступая в соглашение с самодержавием, крупная буржуазия тем самым отделяется от своего класса. Интересы буржуазии, как класса, несовместимы с существованием монархии, как самостоятельной силы; поэтому между классом буржуазии и монархией не может быть соглашения, между ними может быть только борьба. Но, раз отделившись от своего класса, крупная буржуазия утрачивает самую реальную силу, на которую она могла бы опираться. Ее успехи могут зависеть [лишь] от того, насколько она нужна монархии, как союзница против демократии, насколько само существование монархии побуждает ее к уступкам буржуазии. Таким образом, вступая на путь соглашения с самодержавием, буржуазия становится на тот скользкий путь торга, на котором очень легко и совсем проторговаться.

Как известно, страны более передовые являют странам отсталым картину их будущего. Россия—самая от-

няты резолюции о ближайших темах для солдатской и крестьянской литературы. Для специально солдатской литературы намечены две ближайшие темы: 1) Война и народное правление, 2) Армия постоянная и народное вооружение. В этих брошюрах по возможности должен быть рассмотрен вопрос о присяге. События в Либаве, Кронштадте и на Черном море должны составить сюжет особой брошюры, которую желательно издать возможно скорее. Крестьянское движение в Гурии должно составить предмет особой брошюры. Предложенные проекты пропагандистских программ постановлено опубликовать в издании ЦК в качестве материала для обсуждения в партии.

Вопросы, относящиеся к пропаганде на местах: 1) Есть ли ответственный пропагандист в комитете или иной местной организации? 2) Ведется ли пропаганда по определенной программе (желательно получить экземпляр такой программы)? 3) Организована ли пропаганда в особую группу; численность ее, есть ли в этой группе пропагандисты-рабочие и сколько именно? 4) Как понимает ответственный пропагандист свою задачу по отношению к руководимой им группе? Устраиваются ли регулярно собрания всех пропагандистов с участием отв. пропагандиста? Как и кем разрешаются наиболее сложные вопросы партийной программы, тактики и организации? 5) Сколько типов проп. кружки устраиваются (одного или нескольких)? 6) Как и из кого набираются члены кружков тех и других типов? 7) Число кружков каждого типа. 8) Общее число членов кружков каждого типа. 9) Средняя продолжительность существования кружков различного типа. 10) Принимаются ли меры и какие именно для привлечения и подготовки новых сил к делу пропаганды? Кто этим занимается? 11) Откуда черпаются эти силы?

стала среди крупных европейских стран, и с того момента, как она вступила на путь капиталистического развития, она начала проделывать все то же, что раньше ее проделали опередившие ее соседи. Поэтому нам очень поучительно знакомиться с историей Западной Европы, ибо эта история является для нас своего рода «книгой пророков», где намечены возможности политического развития России. Нужно уметь только вычитать эти возможности, чтобы вынести поучительные уроки из богатейшего опыта европейских народов. И одним из этих уроков является в высшей мере нравоучительная, как бы нарочно придуманная для назидания россиян судьба теории соглашения. Именно прусская буржуазия в 1848 г. проделала совершенно такой же опыт «соглашения» с самодержавием, какой собираются проделать теперь в России государственные мужи нашей буржуазии. И прусский опыт наглядно показал, какой реальный смысл имеет соглашение с монархией, силы которой ослаблены внутренним или внешним потрясением, но далеко еще не сломаны. Перед лицом предстоящего соглашения [либеральных] земцев с правительством своевременно и уместно напомнить в общих чертах плачевный исход прусской революции.

18-го марта 1848 г. вспыхнуло в Берлине восстание. После упорной баррикадной борьбы войска вынуждены были на другой день оставить Берлин. Город вместе с королем оказался во власти буржуазии. Ее поддержи-

Теория самопроизвольного зарождения.

«Искра» показала, что учредительное собрание может образоваться путем самопроизвольного зарождения, без содействия какого бы то ни было правительства, стало-быть, и временного. Отныне этот ужасный вопрос может считаться исчерпанным, и все приуроченные к нему споры должны прекратиться».

Так пишет Бунд в № 247 «Последних Известий», помещенных 1 сен.—19 авг. Если это не ирония, то лучшего «развития» искровских взглядов нельзя себе и представить. Во всяком случае, теория «самопроизвольного зарождения» установлена, «ужасный вопрос» исчерпан, споры «должны прекратиться». Какая благодать! Мы будем теперь жить без споров об этом ужасном вопросе, лелея эту новую, только-что открытую, простую и ясную, как слеза ребенка, теорию «самопроизвольного зарождения». Правда, эта теория самопроизвольного зарождения не самопроизвольно зародилась, а явилась на глазах у всех плодом сожительства Бунда с новой «Искрой», но, ведь, важно не происхождение теории, а ценность ее!

Как недогадливы были эти несчастные российские социал-демократы, обсуждавшие «ужасный вопрос» и на III съезде Р. С.-Д. Р. П., и на конференции новоисковцев: одни все толковали о временном правительстве для зарождения, несамостоятельного зарождения, учредительного собрания; другие допускали (резолюция конференции), что «решительная победа революции над царизмом» «может быть ознаменована» и «решением какого-либо представительного учреждения созвать под

вало 400-тысячное население, в ее руках оказались склады оружия. Повсюду в стране началось крестьянское движение. Обстановка для коренного переворота была в высшей степени благоприятная. Перед буржуазией было два пути: вооружить поголовно все население, и прежде всего, следовательно, многочисленный фабричный и ремесленный пролетариат, арестовать короля, перекинуть революцию на всю страну. Или же удовлетвориться победой дня, закончить на этом революцию, войти в соглашение с самодержавием. В другой момент, быть-может, прусская буржуазия сумела бы подняться до высоты стоявших перед ней задач и довела бы так удачно начатую революцию до конца. Но перед ней рисовались картины февральской революции в Париже, этой в значительной мере пролетарской революции, перед ней рисовались картины недавнего бунта силезских ткачей, она со скрытым опасением смотрела, как на главных улицах Берлина толпились рабочие—вчерашние победители на баррикадах. И страх перед подрастающим врагом пересилил ненависть к врагу дряхлеющему. Буржуазия в страхе отшатнулась от решительной и последовательной революции и пошла на соглашение с монархией. На другой же день после победы началось предательство буржуазии. Она прежде всего поспешила обеспечить себя и свою «священную собственность»... не от самодержавия, нет, от пролетариата. Оружием из цейхауза

непосредственным революционным давлением народа учредительное собрание», и никто, даже вся редакция новой «Искры», вместе с Плехановым присутствовавшая на конференции, не додумался до того, что теперь «Искра показала», а Бунд резюмировал, закрепил, окрестил великолепным словечком. Как все гениальные открытия, теория самопроизвольного зарождения учредительного собрания сразу внесла свет в хаос. Теперь все стало ясно. Не к чему думать о временном революционном правительстве (вспомните знаменательное изречение «Искры»: да не оскверняет ваши уста сочетание слов «да здравствует» и «правительство!»), не к чему брать с членов Гос. Думы «революционное обязательство» «превратить Г. Д. в революционное собрание» (Череванин в № 108 «Искры»). Учредительное собрание может зародиться самопроизвольно! Это будет непорочное рождение его самим народом, не оскверняющим себя никаким «посредством» правительства, хотя бы и временного, хотя бы и революционного. Это будет рождение «без истления», чистым путем всеобщих выборов, без всякой «якобинской» борьбы за власть, без всякого загрязнения святого дела предательством буржуазных представительных собраний, даже без всяких грубых акушеров, которые до сих пор в этом оскверненном, греховном, нечистом мире являлись аккуратны на сцену всякий раз, когда старое общество бывало беременно новым.

Да здравствует самопроизвольное зарождение! Да оценят теперь все революционные народы вся Россия его «возможность», а следовательно, и его необходимость для них, как самого рационального, легкого, простого пути к свободе! Да будет воздвигнут скорее памятник в честь Бунда и новой «Искры», само-

произвольных родителей теории самопроизвольного зарождения!

Однако, как ни ослепляет нас яркий свет нового научного открытия, мы все же должны коснуться слегка и некоторых низменных особенностей этого возвышенного творения. Если луну делают в Гамбурге прескверно, то и новые теории фабрикуют в редакции «Последних Известий» не очень тщательно. Рецепт простой, издавна излюбленный людьми, которые никогда не грешили ни единой самостоятельной мыслишкой: взять противоположные взгляды, смешать вместе и разделить пополам! У «Пролетария» возьмем критику народных выборов при самодержавии, у «Искры» — осуждение «ужасного вопроса»; у «Пролетария» — активный бойкот, у «Искры» — негодность восстания, как лозунга... «как пчелочка с каждого цветочка берет взяточку». И добрые бундовцы самодовольно охорашиваются, радуясь прекращению споров об ужасном вопросе и любуясь собой: как они превзошли узость и одностронность взглядов обеих спорящих сторон!

Некруголь выходит у вас, товарищи из Бунда. Других «путей самопроизвольного зарождения», кроме новонсковского, вы не показали. А насчет новонсковского вы сами должны были признать, что «в обстановке самодержавия и против воли правительства, имеющего в своих руках всю государственную машину», выборы народных представителей могут быть только потешными и выборами. Не покидайте же нас на полдороге, о, творцы новой теории: скажите, каким «путем», кроме новонсковского, «мыслите» вы себе «самопроизвольное зарождение?»

«Пролетарий» писал против «Искры», что при самодержавии выборы смогут провести лишь освобожденцы, которые охотно выдадут их за народные. Бунд отве-

снабдила она только лиц, «имеющих самостоятельные источники дохода», т.-е. только буржуа. И эта гражданская гвардия прежде всего обрушилась на «бунтовщиков»-пролетариев. Но и этой охраны казалось недостаточно, и вот 30-го марта по просьбе буржуазии король вытребовал обратно в Берлин полк кавалерии и два батальона пехоты. Так начала буржуазия разминивать свою победу на соглашение с «обожяемым монархом»!

В то время, как буржуазия употребляла все усилия, чтобы подавить революционное настроение рабочих, и не могла налюбоваться на свое первое буржуазное министерство Кампгаузена и Ганземана [(немецкие Петрункевичи и Родичевы)], редакция собирала свои силы и готовила контр-революцию. Реакционная клика понимала, что, раз буржуазия встала на путь соглашения, она вынуждена будет сама заботиться об уничтожении всех и всяких революционных проявлений, а тем самым отрешит себя от народа, ждавшего радикальных преобразований, и вынуждена будет, в конце-концов, принять то, что ей даст монархия.

22-го мая открылось «национальное собрание», которое должно было выработать конституцию. Правительство назвало его «собранием, выбранным для соглашения с короной относительно конституции». Это собрание было почти сплошь буржуазное *): в него но-

пало только 16 представителей дворянского сословия; оно являлось представителем и выразителем интересов буржуазии, той самой буржуазии, которая [завладела властью после] революции 18-го марта. Ему оставалось только властно выразить волю своего класса, объявив себя учредительным собранием и взяв на себя задачи закрепить завоевания революции в интересах своего класса. Но перед этим собранием представителей «народа» носилась идилическая картина соглашения, и они отказались превратиться в суверенное учредительное собрание, предпочли остаться, по выражению Маркса, собранием «согласителей». И как бы в доказательство своего разрыва с событиями мартовских дней, собрание отвергло большинством 19-ти голосов предложение офи-

*) Здесь кстати указать на тот классовый инстинкт, который проявила масса (т.-е., главным образом, мелкая буржуазия: пролетариат был еще очень не многочисленен) во время выборов. Приступив впервые ко всеобщим выборам, население Пруссии выбрало 31 купца, 28 самостоятельных ремесленников, 68 крестьян, 41 лицо свободных профессий, 146 чиновников, 28 городских служащих, 52 духовных, 4 офицеров, 1 коммивояжера, 1 ремесленного подмастерья, 1 рабочего и 16 дворян. При этом следует заметить, что чиновники, среди которых преобладали юристы (98 чел.), по большей части являлись представителями интересов буржуазии.

чает: «Этот довод не выдерживает никакой критики, так как не подлежит никакому сомнению, что самодержавие никому—в том числе и освободителям—не позволит производить выборы вне рамок, установленных законом». Мы почтительно заметим: выборы земцами, городскими и гласными членами «союзов» произведены и производятся. Это—факт. Доказательство налицо: их многочисленные бюро.

Бунд пишет: «Поднять агитацию против Думы во имя вооруженного восстания вообще (1) нельзя, так как восстание, будучи только средством совершения политического переворота, не может в данном случае (а не «вообще»?) служить агитационным лозунгом. Ответить на Думу можно и должно расширением и углублением политической агитации за учредительное собрание на основе всеобщей и т. д. подачи голоса». Мы ответим: во-первых, если бы бундовцы подумали немного или даже просто справились с нашей партийной программой, то они увидели бы, что и учред. собрание тоже есть лишь «средство». Неразумно объявлять одно «средство» пригодным для лозунга, а другое «вообще» непригодным. Во-вторых, мы уже давно и много раз обстоятельно разъясняли, что один лозунг учред. собрания никуда не годится, ибо он стал освободительным лозунгом,—лозунгом буржуазных «соглашателей» (см. «Прол.» №№ 3 и 4). Со стороны либерально-монархической буржуазии вполне естественно, что она оставляет в тени вопрос о способе созыва учр. собрания. Со стороны представителей революционного пролетариата это совершенно непозволительно. Первым вполне пристала теория самопроизвольного зарождения. Вторых она может только осрамить перед сознательными рабочими.

Последний довод Бунда: «Вооруженное восстание не-

обходимо, к нему надо готовиться, готовиться и готовиться. Но пока-что мы не в силах его вызвать, поэтому (11) и не для чего связывать его с Думой». Мы ответим: 1) Признавать необходимость восстания и подготовки к нему, а в то же время презрительно морщить нос по поводу вопроса о «дружинах» («взятого из впередовского арсенала», как пишет Бунд)—значит побивать самого себя, значит доказывать непродуманность своих писаний. 2) Временное революционное правительство есть орган восстания. Это положение, прямо выраженное в резолюции III съезда, в сущности своей принято и новоискровской конференцией, хотя выражено, нам думается, менее удачно (врем. рев. правительство, «выходящее из победоносного народного восстания»; и логика, и исторический опыт показывают, что временные революционные правительства возможны, как органы восстания, вовсе не победоносного или не вполне победоносного; кроме того, временное революционное правительство не только «выходит» из восстания, но и ведет восстание). Бундовцы не пробуют опспорить этого положения, да и нельзя его опспорить. Признавать необходимость восстания и подготовки к нему и требовать в то же время прекращения споров об «ужасном вопросе», о временном правительстве—значит писать, не думая. 3) Фраза об образовании учред. собрания «без содействия какого бы то ни было правительства, стало-быть, и временного, есть а н а р х и ч е с к а я фраза. Она стоит целиком на уровне знаменитой искровской фразы об «осквернении» уст сочетанием слов «да здравствует» и «правительство». Она показывает непонимание значения революционной власти, как одного из величайших и высших «средств» совершения политического переворота. Дешовенький «либерализм», каким щеголяет здесь вслед за «Искрой» Бунд (вовсе,

циально признать заслуги борцов 18—19-го марта перед отечеством.

Так, уже в первые дни после мартовского восстания буржуазия оттолкнула от себя самого деятельного своего союзника—пролетариат. Но страх за «священный институт частной собственности», который вооружил буржуазию против рабочих, не исключал еще возможности борьбы. Буржуазия могла привлечь на помощь многочисленный класс населения, изнывавший под тягостью феодальных поборов и повинностей, жаждавший вырваться из мрака средневековья и обосновать свое благополучие на буржуазном принципе частной собственности: классом этим было крестьянство. Уже вскоре после мартовских дней начало оно волноваться, нападая на замки феодалов и уничтожая документы, касающиеся феодальных повинностей крестьян. Все лето продолжалось крестьянское движение. Крестьяне послали в «палату соглашения» 60 своих представителей, они заваливали эту палату рядом адресов и петиций, и, если бы она имела мужество призвать крестьянство к борьбе, она имела бы в своем распоряжении грозную армию, способную смести все пережитки средневековья вместе с королем и «благородным» рыцарским сословием. Но палата мечтала не о революции, а о соглашении с монархом, этим ярым защитником феодализма. И когда был поставлен на очередь вопрос об уничтожении крепостных повинностей крестьян, собрание не решилось

посягнуть на «частную собственность» и «права» дворянства и предоставило крестьянам лишь право выкупа повинностей. Чтобы избавиться от многовекового гнета, крестьянам предоставлялось «право» откупаться от грабителей. Естественно, что крестьянство отвернулось от этого собрания торгашей, продававших интересы своего класса за милости монархии. Так мало-помалу палата соглашения оттолкнула от себя все революционные элементы. Надежда страны превратилась в ее позор.

Между тем, реакция не теряла времени. Понемногу спланивала она свои силы, рассеянные мартовскими событиями, и готовила контр-революцию. Сама буржуазия в своем лакейском восторге перед принципом соглашения помогала ей в этом. Мы уже видели, как вскоре после 18-го марта по просьбе берлинских буржуа была возвращена в город часть войск. Вскоре после открытия собрания усилиями той же буржуазии был возвращен из Англии, куда он вынужден был ехать после 18-го марта, ненавистный всему народу принц прусский, наследник престола, будущий император Вильгельм I. С его возвращением реакция приобрела вождя способного сплотить ее силы для контр-революционного удара. И действительно, правительство понемногу готовило государственный переворот. Незаметно стянуло оно в окрестности Берлина армию в 40—50 тысяч человек и, пользуясь постоянным присутствием около здания, где заседала палата, волну-

дескать, без правительства, хотя бы временного!), есть именно анархический либерализм. Образование учр. собрания без содействия восстания есть мысль, достойная лишь буржуазных пошляков, как это видят и товарищи бундовцы. А восстание без содействия временного революционного правительства не может стать ни общенародным, ни победоносным. Паки и паки мы должны с сожалением констатировать, что бундовцы совершенно не сводят концов с концами. 4) Если надо готовиться к восстанию, то в подготовку эту необходимо входит распространение и разъяснение лозунгов: вооруженное народное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Надо нам и самим изучать новые приемы борьбы, их условия, их формы, их опасности, их практическое осуществление и т. д. и массу просвещать относительно них. 5) Положение: «Мы пока-что не в силах вызвать восстание» — неправильно. История с «Потемкиным» показала скорее то, что мы не в силах удержать от преждевременных вспышек подготовляемого восстания. Матросы «Потемкина» были менее подготовлены, чем матросы иных судов, и восстание вышло менее полным, чем могло бы быть. Какой вывод из этого? Тот, что в задачу подготовки восстания входит задача удерживать от преждевременных вспышек подготовляемое или почти подготовленное восстание. Тот, что стихийно растущее восстание обгоняет нашу сознательную и планомерную работу его подготовки. И теперь мы не в силах удержать вспышки восстания, происходящие раздробленно, разъединенно, стихийно то здесь, то там. Тем более обязаны мы спешить с распространением и разъяснением всех политических задач и политических условий успешного восстания. Тем более неумны, след., предложения прекратить споры об

щейся толпы (в значительной мере — дело рук провокации), начало указывать устами министерства, что собрание терроризируется берлинским населением, что достоинство собрания подвергается [опасности] и т. п. К сентябрю — октябрю реакция была уже во всеоружии и только [ждала] удобного случая. События не заставили ее ждать. 1-го ноября было получено в Берлине известие о взятии восставшей Вены войсками Виндишгрэца. Реакция восторжествовала в Австрии, ей оставалось только восторжествовать в Пруссии, а эгоизм и близорукость буржуазии подготовили это торжество. Немедленно было назначено новое министерство гр. Бранденбурга, дяди короля и ярого реакционера-солдафона. 9-го ноября новый министр прочел собранию послание короля, в силу которого заседания палаты переносились из Берлина в маленький городок Бранденбург, а пока отсрочивались до 27-го ноября.

Теперь, наконец, буржуазия поняла, к чему привело ее пристрастие к соглашению. У нее была еще последняя возможность прибегнуть к революционному пути, призвать население к активному сопротивлению. Берлинские рабочие призывали собрание к этому решительному шагу, обещая защищать его до последней капли крови. Еще существовала вооруженная гражданская гвардия, еще берлинское население готово было поддержать палату в ее борьбе, и если бы не удалось победить, можно было, по крайней мере, спасти честь

«ужасном вопросе» насчет временного правительства. 6) Правильна ли та мысль, что «не для чего связывать восстание с Думой»? Нет, она неправильна. Определять заранее момент восстания нелепо, особенно нам здесь, из-за границы. О «связывании» в этом смысле нет и речи, как указывал много раз «Пролетарий». Но агитацию за восстание, проповедь его необходимо «связывать» со всеми важными и волнующими народ политическими событиями. Весь спор у нас идет теперь именно из-за того, какой агитационный лозунг должен стоять в центре всей нашей агитационной «думской» кампании. Есть ли Дума такое событие? Несомненно, да. Будут ли рабочие и крестьяне спрашивать нас: как лучше бы всего ответить на Думу? Непременно будут и уже спрашивают. Как ответить на эти вопросы? Не ссылкой на самопроизвольное зарождение (это годится только для смеха), а разъяснением условий, форм, предпосылок, задач органов восстания. Чем больше добьемся мы таким разъяснением, тем больше вероятности будет за то, что неизбежные вспышки восстания смогут развиваться легче и скорее в успешное, победоносное восстание.

Два Либерала.

(Баллада).

По Невскому с видом уныло-больным
Шли медленно два либерала,
Убитые мыслью, что в бороду им
Правительство вновь наплевало.

собрания и вынудить у правительства более существенные уступки. Но принцип соглашения настолько развратил этих «правителей народа», настолько пропитал их чувством лакейской лойяльности, что они отвергли все революционные предложения и решили оккупировать «пассивное сопротивление». Правительство поняло, что оно может сделать еще один шаг. 11-го ноября постановлением министерства была распущена гражданская гвардия, эта последняя опора собрания. И здесь берлинские рабочие призывали эту буржуазную милицию к сопротивлению, обещая ей свою поддержку. Но лойяльные герои отказались от поддержки пролетариата и аккуратно сдали правительству свое оружие. Чтобы окончательно добить противника, правительство ввело осадное положение, приостановив действие законов о печати, союзах, собраниях. Еще несколько дней собирались злосчастные депутаты, гоняемые из помещения в помещение полицией и истощая свои силы бесконечным пустословием. И когда, наконец, правительству надоела эта комедия, и оно послало солдат, чтобы разогнать штыками остатки карикатурного собрания, тогда в последнюю минуту это собрание воতিরвало отказ от платежа податей. Мера, которая могла возыметь революционное действие несколько месяцев назад, оказалась теперь лишь жалкой пародией английской и американской революций.

Когда остатки палаты собрались 27-го ноября в Бран-

«Мой друг, Петрункевич!—сказал Трубецкой,—
Нас царь околпачил прескверно,
И земцы, и думцы смущенной толпой
Нас встретят укором наверно.

«Предчувствую я: социал-демократ
Начнет зубоскалить над нами,
И Струве, наш верный и мудрый собрат,
В Париже залется слезами.

«Довольно приличен был царь на словах,
За завтрак я сел с аппетитом
И с радостью в княжеском сердце... но, ах!
Надежды жестоко разбиты!

«В бумажке печатной царь все переврал,
Лишил свои речи значенья...
О, плачь, Петрункевич, о, плачь, либерал!
Исчез этот миг упоенья».

В ответ Петрункевич, качнув головой,
Сказал: «Не в слезах наша сила!
Ты видишь—рабочий поднялся на бой,
И буря в деревне завывала.

«Пусть веет дыханье народной грозы
На парус ладьи либеральной,—
Тогда - то, юля на манер егозы,
Проникнем мы в порт феодальный.

«Хоть страшен и земцам анархии взрыв,
Но трону страшнее он вдвое,
И только союз меж собой заключив,
Мы властвовать можем в покое.

«Верховная власть это скоро поймет
И сделает шаг нам навстречу;
И я, либерал, но в душе патриот,
На скидочку скидкой отвечу.

«Тогда мы стихию смирим, Трубецкой,
Наступят иные порядки!
Недаром лакей из дворцовой людской
Поднес мне вот эти перчатки;

«Ежовых прошли времена рукавиц,
И в этой перчатке лакейской
Уйдем мы теперь необузданных лиц
Манерой уже европейской.

«Да, царь призовет нас, я верю, к себе:
Нас ждут министерские кресла!
Тогда препояшут и мне, и тебе
Мечом либеральные чресла!

«Порядок строжайший мы будем хранить
Совместно с второю палатой:
Прогресс должен медленным, медленным быть,—
Так мыслит помещик богатый.

«Мать прочности—медленность!—вот что гласит
Смысл всех вековых конституций,
И то же в твореньях своих говорит
Китайский философ Конфуций.

«Не бойся же, княже! Не пал либерал,
От царственной лжи безобразной,—
Я даже и в «Искре» на-днях прочитал:
«Власть будет всегда буржуазной!»

денбурге, они провели несколько дней в беспорядочных и пустых прениях, пока, наконец, правительство не распустило окончательно палаты. Вместе с роспуском собрания король пожаловал стране конституцию, заключающую в себе свободу прессы и собраний, свободу религии, ответственность министерства, всеобщее избирательное право и ряд других требований; но наряду со всеми этими демократическими требованиями в конституцию была введена двухпалатная система. Получилось что - то в роде «основного государственного закона» наших земцев, только с ответственным министерством,—все-таки несколько либеральнее. Но прочным оказывается только то, что завоевано силой, и что сила же умеет отстоять. Пожалованная «милостью монарха» конституция оказалась весьма непрочной. В мае 1849 г. она была уже заменена действующей и поныне конституцией, основанной на трехклассной выборной системе,— на «самом жалком из всех избирательных законов», по выражению Бисмарка. Так кончилась печальной памяти история соглашения прусской буржуазии с монархией.

Не правда ли, поучительный урок? Как-будто нарочно заставила история пережить Пруссию эту трагикомедию, чтобы дать наглядный образец российской буржуазии, чего не делать. Редко какой-нибудь общественный класс имел перед собой такой поучительный пример,

редко имел он такую возможность избежать политической ошибки, не повторять промахов своих собратий, «делать историю» по кратчайшему пути, а не по пути наименьшего сопротивления. Но для этого русской буржуазии [вообще], русской крупнокапиталистической буржуазии [в особенности] необходимо отрешиться от своих групповых интересов, подняться до интересов всего класса, отрешиться от теории соглашения, подняться до [теории самодержавия народа]. Сумеет ли это сделать наша буржуазия? Мы имеем слишком много оснований сомневаться в [этом]. Разве... разве только ее принудит к этому сам класс буржуазии, масса мелкобуржуазных элементов, поднявшихся делать радикальную революцию во имя своих радикальных потребностей.

[Только в том случае решительная победа русской революции может быть вполне обеспечена, если судьбы ее возьмет в свои руки пролетариат, поднимая и присоединяя к себе крестьянскую массу. Это—трудная, но великая задача, и за выполнение ее рабочие будут бороться с удесятенной энергией, бороться до последней капли крови].

(В. Воровский).

Июльские дни в Риге.

На заводе «Феникс». Утром 12 июля появилось во всех мастерских вагоностроительного завода «Феникс» (2.500 раб.) объявление от директора, в котором обещалась награда в 1.000 рублей тому, кто укажет лиц, застреливших за несколько дней до этого в глухом переулке конторского служащего Кактина. Как один человек, поднялся весь завод, требуя немедленного снятия объявления, и после отказа немедленно забастовал. Объявление было снято, но было уже поздно: слишком глубоко было нанесенное оскорбление. 13 июля были выбраны делегаты от всех мастерских (52 чел.), созвано на дворе завода общее собрание, на котором при участии оратора из латышской партии были выработаны новые требования (прибавка жалованья, беспл. медич. помощь, свобода собр., бесплат. обучение, прием и увольнение рабочих зависит от самих рабочих, освобождение арестованных, плата за стачечные дни и пр.). 14-го июля на заводском дворе с утра начался митинг, на котором тот же оратор прямо перешел к политическим речам. Оратору, посланному местным комитетом партии, удалось только 15-го июля проникнуть на завод, где он встретил самый радушный прием со стороны рабочих. В 6½ час. утра начался митинг. Громадный луг был почти весь покрыт 2.000-й толпой, которая с напряженным вниманием прислушивалась к речам ораторов. Чередовались речи на латышском и русском языках (большинство раб.—латыши, но знают русский язык). Кроме товарищей из нашей партии, говорил еще лат. оратор из латышской партии. Говорили о связи экономической борьбы с политической, о тред-юнионизме и соц.-дем., о программе нашей партии, о программе - maximum'e и minimum'e, о социализме, о несоместности самодержавия с интересами рабочего класса, о войне и др. Во время речей между ораторами и публикой установилось такое тесное общение, что трудно было различить, кто является более активным—оратор или публика. Масса поражает своей сознательностью, своим вдумчивым отношением к делу. Не было и следа узкого экономизма, боязни «политики». Чувствовалось, что именно политические вопросы наиболее интересуют толпу. Часов в 10 директор сообщил, что желает переговорить с делегатами (накануне он отказался вступить в какие бы то ни было переговоры). Собрание решило послать делегатов, но лишь с условием, что будут присутствовать ораторы из латышской и российской партий. Директор отказался—было вести переговоры в присутствии «чужих» лиц, но по настоянию собрания примирился с их присутствием. На лугу продолжался митинг, а делегаты за это время старались втолковать директору справедливость всех выставленных требований. Много неприятных вещей пришлось выслушать от нас директору; для делегатов же наше состязание было незаменимым уроком политической мудрости. В 5 час. ораторы прервали переговоры, отложив их на следующий день, и вернулись на митинг, где мы отдали подробный отчет, пользуясь каждым удобным фактом для агитации. Бодрое и радостное, собрание разошлось. 16-го июля с 6 часов уже начался новый митинг. Говорили об избирательном праве, о демократической республике, о

«трех конституциях». Последняя речь особенно понравилась публике, которая забрасывала оратора вопросами. Переговоры с директором закончились. Обещал через несколько дней дать ответ, а пока сообщил, что закрывает завод. В полдень пришел делегат с Русск.-Балтийского вагонного завода (3.000 раб.), забастовавшего накануне, с просьбою подвинуться туда, чтобы вместе устроить демонстрацию. Ни у меня, ни у товарища из латышской партии не было соответствующих полномочий, поэтому я предложил собранию выйти плотной массой из завода, подвинуться через Алекс. ул. мимо завода «Фельцер», «Этна» к Балт. зав., при чем поднять знамя лишь по соединении с рабочими других заводов; в случае появления казаков расходиться. Собрание согласилось с таким условным решением, и все вышли. Скоро к нам присоединились рабочие завода Пирвица (150 чел.), потом с завода «Этна» (около 500 чел.). Масса возросла до 3—4 тысяч, развернулись знамена, и с песнями пошли дальше через Перновскую на Звездовую. Там мне сообщили, что рабочие Балтийского завода, вышедшие навстречу, разогнаны казаками. Поэтому остановились около Ревельской. Несколько ораторов говорили еще краткие речи, и потом все разошлись без всяких столкновений с полицией. Всего демонстрировали в течение часа на расстоянии 1—1½ версты.

Дальнейшее распространение стачки. В то время, как развернулись события на Фениксе, стачка постепенно стала охватывать весь город. Забастовали грузчики на товарной станции, в гавани, пароходные служащие; стали: за Двиной—проволочный завод, машиностроительный Мантеля, «Мотор», Засенгофская мануфактура, Мауснер, Кассель, и др.; в городе: «Этна», «Эрбе», Данцигер, Пирвиц, Каплан, Балтийский вагоностр., Лейтнер, игольный, стальных перьев, 4.000 каменщиков, 2.000 маляров, трамвайное депо, кондуктора трамвая,—всего забастовало около 25.000 чел. Особенно повлияла на настроение города остановка трамвая 20 июля. Улицы как-будто вымерли. Повсюду стояли кучки взволнованных рабочих, чувствовалось, что надвигается генеральная забастовка. На заводах развевались красные и черные знамена, и буржуазия испуганно жалась по сторонам, не будучи в состоянии сразу понять все, что кругом совершается. Жутко ей стало от надвигающейся грозы, непонятен ей был этот внезапный взрыв пролетарской солидарности, эта стройная организованность движения. Если понятны еще были буржуазии отдельные стачки, то никак она не могла уяснить себе «стачки сочувствия», шарахнулась в сторону от политических митингов, от красных знамен и устами продажных газет («Düna Zeitung» и др.) кричала в испуге: «Caveant consules!», «Побольше нам солдат, побольше крови!».

Митинг у завода «Феникс». В понедельник 14-го июля «Феникс» был закрыт, и рабочие устроили митинг на улице перед заводом. В течение всей недели происходили тут многотысячные митинги, на которых, главным образом, выступали ораторы из нашей и латышской партий. На куче камней стояли ораторы, кругом почти вся улица была запружена народом, который жадно прислушивался к смелым политическим речам. Собирались обыкновенно к 10 часам утра. Приходили ба-

стующие со всех концов города, приходила «чистая» публика, присоединялись во время обеденных перерывов рабочие некоторых работающих поблизости заводов, останавливались мужички, едущие в город, призывали своих лошадей к фонарным столбам и принимали участие в митинге. Несколько раз казацкие наряды, стоя в почтительном отдалении, прислушивались к речам и т. д. Говорили почти исключительно на политические темы: о связи экономической борьбы с политической, о сущности политической социал-демократической борьбы здесь и на Западе, несовместимости самодержавия с интересами пролетариата, о старой и новой России, свободе совести, религии, о налогах, конституции, о трех конституциях, о внешней политике и международной социал-демократии и др. Жилось какой-то особенной жизнью на этих митингах. Казалось, что за проездом, у Александровских ворот (около «Феникса») не действуют больше царские законы, что каким-то чудом нам досталась кратковременная политическая свобода. Атмосфера была какая-то особенная, праздничная.

Конец стачки. Под влиянием кровавых стычек, агитации «черной сотни», а, главное, благодаря голоду, настроение массы начало падать. Фабриканты говорили: «Пусть проголодаются, потом придут к нам на прежних условиях». Так поступила администрация Балт. вагоностроительного завода, Джутман, зав. Пихлау, Бартушевича, «Этна», Мантель и др. Уступили: Сириус, товарная станция, в порту, лесопильня Михельсона, отчасти «Феникс», где недавно стали на работу. Интересна история на товарной станции. Там поденные получали по 70 коп., требовали 1 руб. Начальство ни на шаг не уступало, несмотря на то, что сотни вагонов с продуктами портились от жары. Купечество, наконец, само раскошелилось и через Биржевой Комитет дало требуемую прибавку. На «Фениксе» сошлись на компромиссе (после 3-нед. стачки): прибавка 10% поденным, плата за 10 стачечных дней, свобода собраний, улучшение мед. помощи; право каждой мастерской не принимать или увольнять нежелательных рабочих и др. Работа там началась 4-го августа. Балт. вагоностроительный завод еще стоит: там орудует полиция. Рабочие уже сильно проголодались. То же самое на Джутовой мануфактуре, Пихлау и др. Помощь страшно нужна, а взять неоткуда. Буржуазия наотрез отказывается помогать «стачечникам». Страшно теперь проходить по рабочим кварталам: тихо, как на кладбище, бледные, изможденные лица. Скоро, вероятно, стачка кончится, потянутся опять серые трудовые дни. Но люди уже иные. Широко разлилась сознательность по рабочим кварталам. Напряженно работает мысль, массы рвутся в «свою» партию, в победоносную борьбу.

10 августа на Балтийском заводе удалось созвать рабочих и устроить митинг, который продолжался свыше 3 часов. После того, как по предложению нашего и латышского ораторов принято было несколько решений, касающихся стачки, наш оратор, воспользовавшись удобным моментом, заговорил о Государственной Думе. В короткой, сжатой, но сильной речи оратор разоблачил весь смысл царского обмана, подверг строгой критике Госуд. Думу, обнаружил всю ее несостоятельность, призвав к борьбе за учредительное собрание на основах равной, тайной, всеобщей и прямой подачи голосов;

громкими возгласами «ура» покрыла масса определенно выдвинутый оратором лозунг: «Долой Госуд. Думу!». К речи оратора прислушивались и мирно стоявшие у стены казаки. Посреди речи оратор обратился к ним с несколькими словами. Последнее обращение произвело на массу сильно впечатление. Неподалеку стояли городовые с полицейским офицером. Говорят, с крыши соседнего дома казак и полицейский целились в оратора. Спасла его, видимо, случайность.

Деятельность партии и междупартийные отношения. В июльские дни Рижский Комитет партии самостоятельно вел стачки: на заводе Пихлау, Эрбе, Данцигера, товарн. станции, лесопилке Берлина и др. Главной целью комитета была агитация, что ему действительно и удалось. Широкая масса узнала о нашей программе и заинтересовалась партией. В последние недели комитет часто устраивал массовки (в 100—200 человек) вновь сорганизованных рабочих, где разбирались главным образом организационные вопросы. На двух таких массовках (в 30 и 140 человек) принята следующая резолюция (на лат. яз.): «Мы, рабочие и работницы г. Риги, собравшись и выслушав доклад об организационных принципах Р. С.-Д. Р. П., выражаем свое полнейшее согласие с ними, самым энергичным образом осуждаем националистические с.-д. организации и обязуемся приложить все свои силы к тому, чтобы восторжествовали принципы Р. С.-Д. Р. П.». Особенно расширилась теперь работа среди латышск. и немецк. пролетариата. До сих пор латышские рабочие знали нас, главным образом, по характеристике Лат. пар., теперь же они круто изменили свое мнение о нас. Ни орган Лат. парт. («Zehna»), ни ее руководители не выражают мнений большинства даже организованных Лат. парт. рабочих, которым совершенно чужды фанатизм и организационный патриотизм «верхов». Никаких соглашений между всеми действовавшими здесь партиями не было, что, конечно, не могло не отразиться на руководстве движением. Лишь благодаря тактичности ораторов не было острых конфликтов, а в каждом отдельном случае ораторы сговаривались о плане действий. «Латыши» страшно не хотели, чтобы мы затрогивали на митингах организационные вопросы, и когда мы излагали свою принципиальную позицию по национальному и организационному вопросам, не входя при этом в междупартийную полемику, лат. ораторы не могли придумать ничего более остроумного, как старую ссылку на раскол в партии. Если не считать этих «мелочей», отношения наши с представителями Лат. парт. были самые лучшие. За время стачки Рижским К-том партии издано: Революция началась (4.000 лат., 2.000 русск.), Они сговорились (8.000 л., 3.000 р.), Ковсем рижским рабочим (5.000 л., 3.000 р.), К рабочим завода «Феникс» (8.000 л., 400 р.), К рабочим Балтийск. зав. (1.000 л., 400 р.), Свобода буржуазная, свобода пролетарская (7.000 л., 3.000 р.), Одна, а не две палаты (3.000), Три конституции (1.500 л., 1.500 р.). Кроме того, издано на гектографе: К рабочим зав. «Феникс», раб. Джутовой мануфактуры, рабоч. зав. Пихлау, раб. зав. Эрбе, раб. зав. Данцигера, раб. Балтийск. зав. (на русск., лат. и немецк. яз.).

Р. С. Редакция доставлен список речей, которые произносили социал-демократическими ораторами на Бал-

тийском и красильном заводе Данцигера во время происходивших там массовых митингов. На Балтийском заводе: Первый день стачки. Оратор из Росс. партии выступил с речью на тему: «Современное положение вещей и задачи соц.-дем. партии»; на ту же тему говорил и оратор Лат. партии. Второй день. Выступил оратор из Росс. партии, тема: «Положение рабочего класса»; оратор из группы «меньшинства» говорил без определенной темы; затем говорились речи на латышск., русск. и немецк. яз. на след. темы: «О программе-минимум», «Современное положение вещей и призыв организовать в Р. С.-Д. Р. П.», «О социализме» (общая часть программы). Третий день. Латышск. оратор из Росс. партии: «Программа-минимум»; по-немецки: «О социализме». Четвертый день. По-русски: «Революц. восстан., революц. прав., учредительное собр.»; по-латышски (ор. из Лат. П.): «О всеобщем избират. праве», по-немецки: «О ближайших задачах Р. С.-Д. Р. П.». Пятый день. По-русски: «О национальн. вопросе»; по-латышск. (оратор из Лат. п.) без опред. темы; по-немецки: «Политические требования прогр.-минимум»; по-латышск. (орат. из Росс. п.): некоторые пункты из прогр.-минимум, особенно о национальн. вопросе. Шестой день. По-латышск. (из Лат. партии орат.): «О федерации (в ответ нашим орат.)»; по-русски: «О крестьянском вопросе». На красильном заводе Данцигера речи говорились на темы: 1) Чего хотят социал-демократы? 2) Сущность демокр. республики; 3) Программа-максимум; 4) Картина развертывающихся событий с 9 янв. до настоящего времени (мобилизация реакции и революции); 5) Тактика соц.-дем. борьбы (террор и единоборство); 6) Как должен организоваться росск. пролетариат (федерация или централизм); 7) «Партия дворян, как партия буржуазная».

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Новочеркасск. Среди крестьян и казаков большой спрос на литературу, которой слишком недостаточно в обращении среди них. Если им попадает нелегальщина, то они читают ее всем обществом. Волостной старшина слободы Криворожье арестован за допущение чтения в волостном правлении. Заседателю (офицеру) было приказано окружным атаманом арестовать еще несколько человек крестьян, но те воспротивились. Тогда заседатель, видя общее возбуждение крестьян и свое бессилие, поехал за советом к самому наказному атаману. Что ему сказал атаман, не говорит, но хочет бросить службу. «Все они (крестьяне) поднялись,—говорит он,—что я поделаю, еще убьют». Такое настроение и в других волостях и селах. Отовсюду одна просьба: прислать подходящую литературу. Особенно мало подходящей литературы для казаков. «Казачья Воля»,—кажется, военная группа Д. К.,—в первую мобилизацию выпустила листки к казакам, но, к сожалению, из них выносишь только одно,—что писавший совершенно незнаком с экономическим положением казаков; вероятно, поэтому-то в теперешней мобилизации ничего не было распространяемо среди них (по крайней мере, в Новочеркасске), тогда как казаки или совершенно отказывались итти (теперь их уже уговорили) на внутреннего врага, или же заявляли, что идут с неохотой.

Саратов. По городу ходят тревожные слухи о готовящемся погроме. Сообщают о тайных собраниях хулиганов, о листках с призывом к избиению интеллигентов

и рабочих, о приехавших из Нижнего погромных агитаторах. Называют имена купца Уварова, попа Владыкина, биржевика Селиванова, как вдохновителей и организаторов бойни; говорят о тысячах вооруженных громил, назначают даже день погрома—30-ое июля. Комитет партии выпустил листок к объяснениям значения погромов. Листок заканчивается так: «Революционный пролетариат смелой рукой отразит нападение громил... Комитет организует пролетарскую самооборону: сотни передовых борцов стекаются под их знамя, полные энтузиазма, готовые на все. Граждане! Мы призываем вас помочь нам всем, чем возможно: давайте нам людей, оружия, денег на приобретение оружия». День 30-го июля прошел спокойно. Арестовано несколько человек, найдены револьверы. В конце июля взята заново поставленная соц.-дем. типография. 24-го июня захвачена типография соц.-революционеров.

Тверь. В выборах в Гос. Думу здесь (как и в Костромской, Владимирской, отчасти Моск. и Ярославской губ.) будет в праве принять участие и часть рабочих, которые бываю на сельских и волостных сходах: их деревни недалеко от фабрик. Тактика по отношению к выборам, изложенная в тактическом листке Центрального Комитета, встретила полное сочувствие организации. Я лично думаю, что бойкот Государственной Думы может состояться и на собраниях избирателей, и на собраниях выборщиков. Во всяком случае, сделаем все, что возможно. Вышневолоцкая и Новоторжская группы растут и крепнут. В Вышнем-Волочке полтора месяца назад всего было 15 организованных рабочих, а теперь 6 кружков в составе 62 человек.

Белосток. 13-го авг. (31-го июля). Вчера наш город представлял страшное зрелище. Полиция устроила настоящую резню. Убитых свыше ста чел. Начиная с 4 ч. дня, стрельба продолжалась до поздней ночи. Сегодня во время похорон одного из убитых стреляли в его родных, провожавших жертву на кладбище. Среди убитых масса стариков, женщин и детей. Началось следующим образом. На Суражской ул., где живут исключительно евреи, стояла небольшая кучка народа. Проходивший мимо патруль велел разойтись. Часть группы послушалась, а часть медлила. Тогда солдат выстрелил и убил 18-летнего юношу. Спустя полчаса, когда собралась порядочная группа солдат, была брошена в них бомба. 8 солдат были убиты, 12 ранены. Тогда началась резня: была открыта стрельба направо и налево, всюду, куда только было возможно; стреляли в окна, во двор, в прохожих. Передают, что один солдат подошел к проходившим мимо и стрелял без разбора; так он убил четверых. Выстрелами, направленными в окна, были убиты две барышни—сестры, сидевшие на балконе; были убиты также мать с ребенком на руках. Между прочим, убили одну бундовскую интеллигентку, нелегальную. Невозможно описать все ужасы. В городе настоящее военное положение, хотя оно официально и не объявлено. Извозчики боялись перевозить раненых в больницы. Их обязанности исполняли городские. Раненых тащили за ноги. Убитые—преимущественно евреи. Передают, что убитых христиан всего 6. Массовый протест белостокского пролетариата по поводу этих убийств вызвать очень трудно, так как масса все же слабо революционизирована. С.-революционеры и анархисты сделали свое дело, деморализовали массы, что, конечно, несравненно легче, чем поднять революционный дух.

Вильна. В среду 3-го авг. должен был в Вильне состояться военный суд над двинским рабочим Израилем Персиным, обвинявшимся в покушении на убийство пристава Курляндского. По этому поводу с утра в городе забастовали почти все фабрики, заводы и мастерские (особенно еврейские). Магазины были хотя открыты, но приказчики отсутствовали. Днем отдельные группы рабочих стали собираться к зданию суда на Георгиевском пр., но полиция всех их перехватывала и отправляла в манеж, где большинство пробыло до вечера, а кое-кто из рабочих отправлен в тюрьму. Суд был отложен до следующего дня. Приговор, конечно,—смертная казнь.

Наглость и безнаказанность казаков все увеличиваются. Недавно они жестоко избили в Зверинце публику, расхо-

двинулся с разрешенной вечеринки. Около того же времени они страшно избили толпу рабочих возле еврейского кладбища (она возвращалась с похорон утонувшего товарища) без малейшего повода со стороны рабочих. Особенно неистовствуют казаки по отношению к евреям, избивая даже отдельных встречных, и все это проходит безнаказанно, не встречая должного отпора.

(Из «Листка» Вил. Гр.).

Копысь. Группа получила извещение об утверждении 8-го июля. За две недели были распространены прокламации: «Царь и либеральные депутаты» (Минск. гр.) и «Ко всем рабочим гор. Минска»; брошюры: «Пауки и мухи», «Стачка жи», «Крестьяне, к вам наше слово». Было три собрания: одно общее христиан и евреев и два еврейских. На первом говорилось о необходимости объединения в одну партию, на втором—о вооружении, на 3-м—о национальном вопросе. 1-го должна была состояться продажа за недонимки имущества местных крестьян; было организовано сопротивление; продажа не состоялась. Престиж группы поднялся.

Копысская группа.

В деревне. (Не можем назвать места по конспир. причинам. Ред.). Наш товарищ Н. развил в уезде такую напряженную с.-д. работу, что приходится только руками развести. Талантливый, речистый, страстный, он привлекал к себе внимание большой половины уезда. Его вездесущее составляет какую-то загадку. Каждый день вы можете видеть его в десятке деревень, говорящим на сельских сходах, устраивающим сходки в лесу. Он же стоит среди деревни, окруженный толпой баб и мужиков, подают им юридические и хозяйственные советы, читает газеты, раздает брошюры и прокламации. Ни один сельский сход не сделает важного постановления без того, чтобы предварительно не посоветоваться с ним. Какое-нибудь недоразумение с помещиками, и крестьяне за 20—30 верст посылают к нему ходока. Через 4—5 часов он уже на месте. Все «недоразумения» крестьян с помещиками протекать при его участии. Одна волость выбрала волостного старшину и кандидата—социал-демократов,—опять результат его агитации. Сейчас этот человек закаляет свой соц.-дем. дух в постоянных схватках с с.-р. и либералами. Картина: громадный сход; выступают один из видных освобожденцев, с.-р. и Н. Крестьяне с вниманием слушают политические программы трех партий. С.-р. сквернословит по адресу с.-д.-тов и плетет такую утопию по аграрному вопросу, что даже крестьяне в затылках почесывают. Либерал спокойно и объективно, без всяких прикрас излагает свою программу и получает резкий отпор от Н., базирующегося на классовой точке зрения. Социал-демократия торжествует. Либералы устраивают очень много крестьянских собраний, но их речи не носят характера избираемых платформ. Они относятся к своей работе пока лишь, как культуртрегеры. Да и опасно им переходить в наступление: крестьяне прежде всего видят в них земцев. А земство во многих местах считается чуть ли не большим врагом, чем самодержавие. Правда, иногда отрицательное отношение к земцам принимает нелепый почти характер: «Не надо нам врачей и школ»,—говорили крестьяне на одном сходе члену управы. А один крестьянин говорил мне: «Вот все время хлопчут об отмене закона о предельности земского обложения. Посмотрели бы земцы, можно ли нас облагать еще больше. Хлопотали бы сначала, чтоб у нас в мощнее побольше стало, а потом уже и облагали бы». По деревням всюду слышны разговоры о Государств. Думе. Сильно боятся крестьяне, как бы их не надули. Даже самые заскорузлые, и те высказывают свои опасения. Ведем усиленную агитацию. На этой неделе в городе состоялось уже 4 сходки, на которых перебивало свыше 400 чел. На следующей неделе сделаем натиск на деревню.

Товарищ, о котором я писал выше, сообщает о своей позиции в аграрном вопросе на крестьянских сходах: пропагандируя идею крестьянских комитетов, он предоставляет самим крестьянам определять размеры своих вожделений. И вообще буквальное следование резолюции III съезда о крестьянах он считает наиболее выгодной тактикой. Крестьяне высказываются, главным образом, о

желательности черного передела или заведывания землей всем миром. (Но это не значит «социализация»). Экспроприацию земель считают призом решенным.

Либава. Вслед за объявлением военного положения объявлен указ о мобилизации. Латышским Комитетом объявлена всеобщая стачка. Наша Группа поддержала этот призыв листком (1.000 экз.), Сверх того, выпущен специальный листок к запасным (1.000 экз.). События грозят разрастись.

Резолюция (23-го июля). Бюро Киевского Отдела Союза адвокатов констатирует, что: 1) несмотря на продолжительность существования Союза адвокатов и других союзов, эти политические организации не развили достаточно широкой, согласованной политической деятельности, и 2) что такая согласованная политическая деятельность является особенно необходимой в настоящий момент и в том случае, если правительство, вынуждаемое на уступки, осуществит созыв Гос. Думы по проекту Булыгина, и в том случае, если оно этого не сделает. Исходя из этих основных положений, Бюро полагает, что союзам целесообразно было бы усвоить себе следующую тактику:

А) В случае созыва Гос. Думы по проекту Булыгина: 1) принять деятельное участие в избирательной кампании путем устного и печатного слова. 2) Что касается содержания агитации, то, помимо развития основных положений политической программы Союза, рекомендовать избирателям следующий образ действий: при выборе депутатов Гос. Думы в виду исключительности условий, вопреки законопроекту Булыгина, снабжать их императивными мандатами. 3) Содержание императивного мандата должно определяться следующим образом: помимо солидарности с программой Союза, депутат должен дать избирателям обязательство, что он в случае избрания его в первом же заседании думы будет настаивать на том, чтобы она, не приступая к исполнению повседневной работы и в то же время отказываясь разойтись, предъявила бы правительству требование предоставления народным представителям законодательных прав и полной законодательной инициативы, изменения избирательного закона на началах четырехчленной формулы и установления гарантий свободы слова, сходок и т. д., и в том числе, в качестве одной из крайне важных гарантий,—учреждения национальной милиции для охраны неприкосновенности народных представителей и защиты дела национальной свободы от реакционных происков. Осуществление указанной программы должно быть произведено учредительным собранием. 4) В случае, если бы Гос. Дума отвергла такой образ действий, депутат должен уйти из ее состава. 5) Сельским и волостным сходам, уездным избирательным съездам рекомендовать при избрании выборщиков давать им полномочие на выбор только тех депутатов, которые согласятся на принятие указанного выше императивного мандата. 6) Наметить теперь же кандидатов в депутаты в городах и уездах в пределах влияния Союза и войти с этими кандидатами, равно как и с другими нашими единомышленниками, в сношение и переговоры по изложенным вопросам. Кроме того, желательно войти по тем же вопросам в переговоры с действующими в данной местности партиями. 7) Немедленно по опубликовании закона о Гос. Думе организовать народные митинги и сделать попытки к изданию воззваний и афиш в духе изложенных выше положений. Организовать рассылку и распространение этих воззваний и афиш, их чтение и разъяснение на избирательных собраниях всех типов и видов. 8) Предложить Бюро Союза Союзов одновременно с заседанием Государственной Думы устроить соединенный съезд всех объединенных союзов, а также и земских городских деятелей, если такой съезд по условиям времени окажется возможным, и если первый состав Гос. Думы не даст достаточных гарантий в том, что изложенная программа тактических действий будет осуществлена самой Думой.

Б) В случае же, если созыв Гос. Думы не будет объявлен в ближайшем будущем, до 1-го сентября, Бюро Киевского Отдела Союза адвокатов считает необходимым, чтобы Центральное Бюро Союза Союзов созвало не позже 1-го января соединенный съезд всех объединенных союзов, а также земских и городских деятелей для предъявления правительству требований, изложенных в 3 пункте.

Минск. Минская группа с самого начала обратила внимание на работу среди учащихся, как на источник молодых сил, столь необходимых для только-что возникшей организации. Элементов, сколько-нибудь подготовленных и годных к образованию партийной организации учащихся, налицо не было. Приходилось действовать со стороны, устраивая рефераты, распространяя литературу, образовывая кружки и т. д., чтобы встряхнуть публику и отобрать более активных и способных.

В результате этой подготовительной работы, к осени 1904 г. был революционизирован довольно значительный круг молодежи, получило партийную подготовку несколько человек, из которых стало возможным образовывать организацию партийного характера. Деятельность организации была очень успешна. К весне 1905 года в кружках состояло 150 человек. Программы чтений были разнообразны, в зависимости от уровня подготовки членов; чаще всего проходила политическая экономия, разбирались пункты партийной программы, изучалась история общественных течений в России. Руководителями кружков состояли как пропагандисты от Группы, так и более подготовленные члены Ученической Организации. Число членов кружка в среднем 7—8. Рефератов устраивалось очень много, и читались они обыкновенно лицами, командированными Группой. Чаще всего читались рефераты на тему об отношении Р.С.-Д. Р.П. к другим партиям, так как в среде учащихся работали и Бунд, и с.-р., и познакомиться с этими вопросами из литературы для молодой публики было трудно. Темы рефератов: Бунд, П.С.-Р., классовая борьба в современном обществе, исторический материализм и др. На каждом из этих рефератов (в общем числом до 10) присутствовало 40—50 чел., иногда значительно больше. Сверх того, для избранной публики читалась целая серия лекций: марксизм и ревизионизм, философия марксизма, национальный, аграрный вопрос, либеральное движение и т. д.; таких лекций было числом около 10; присутствовало человек 17—20 на каждой. Под конец года Орг. Уч. обратила внимание на то, чтобы сами ее члены подготовлялись к чтению рефератов; впрочем, лишь один раз выступил с рефератом член Уч. Орг. Рефераты, устраиваемые Орг. Уч., пользовались в среде учащихся большой популярностью. Что касается агитационных собраний, то они устраивались для незатронутых или малозатронутых революционным словом. Выступали на них как агитаторы группы, так и (очень нередко) члены Орг. Уч. Особенно энергична была работа на агитационных собраниях во время ученической забастовки (см. ниже). Как вид агитационных собраний, следует рассматривать и устраивавшиеся Орг. Уч. ученические «банкеты». На этих банкетах члены Уч. Орг. и другие учащиеся с.-д. произносили речи, освещавшие обыкновенно с партийной точки зрения явления текущей общественной жизни или популяризовавшие тот или иной пункт программы; выступало обыкновенно человек 10 «ораторов». В июне было собрание, на коем прочитан отчет Уч. Орг. за истекший год, а затем произнесены речи, каждая из которых разобрала пункт партийной программы или какую-либо из резолюций II съезда. Таким образом, перед слушателями прошла в разъясненном и подробном виде вся партийная программа и главнейшие резолюции. Это собрание как бы подвело итоги годичной работы Уч. Орг.; сошло оно очень удачно. Сверх агитационного и пропагандистского значения, «банкетные» собрания приучали членов говорить перед собранием. Сбор денег производился разными способами: брались деньги прямо, откровенно «для группы Р.С.-Д.Р.П.»; продавались революционные издания, карточки и проч.; устраивались «денежные» рефераты. Листков Уч. Орг. за своей подписью выпустила мало, так как распространялось громадное число прокламаций ЦК, С.-З. К. и Группы. Один раз пришлось выпустить листок по поводу ученической забастовки, другой раз, после окончания выпускных экзаменов—«к абитуриентам». Распространение литературы тормозилось, конечно, как всегда, и везде, не недостатком спроса, а малым количеством ее. Все, передаваемое представителем Группы, жадно поглощалось. В обеих женских гимназиях, семинарии, гимназии, реальном и коммерческом училищах читало нелегальную литературу подавляющее большинство учащихся старших классов. Распростра-

нение прокламационной литературы было поставлено образцово: в один и тот же день во всех учебн. заведениях агенты Уч. Орг. распространяли один и тот же листок. Существовавшая раньше легальная библиотека оказалась в руках Уч. Орг. Интересным явлением, сильно поднявшим и настроение учащихся, и престиж Уч. Орг., была забастовка всех минских учебных заведений. Когда один из банкетов был закрыт началом, все ожидали репрессии, и настроение стало необычайно напряженным. Уч. Орг. высказывалась против забастовки, если не воспоследует репрессии. Но настроение было таково, что Уч. Орг. сдержат его была не в силах. Забастовавшие коммерсанты и гимназисты ходили громадной толпой по всему городу и «сняли» все учебные заведения, до начальных школ включительно. Понятно, к ним присоединились тысячи рабочих и глазющей публики. На сходке после демонстрации выступил ряд ораторов Группы и Уч. Орг., была принята (504 чел.) резолюция, воспроизведенная потом в печатном листке. Забастовка и демонстрация не вызвали никаких репрессий. Организационная работа Уч. Орг. состояла в подборе новых лиц для центра Уч. Орг., установлении агентуры для распространения и сборов, подыскивании квартир для собраний, организации конспиративного прихода учащихся на собрания и проч. Первоначально центр Уч. Орг. состоял из 2 чел.; к концу года он состоял из 14 чел., считая в том числе представителя группы. Дела центр решал на очередных еженедельных собраниях и на экстренных. Работала Уч. Орг. автономно, при чем представитель Группы по своему усмотрению некоторые вопросы передавал на перерешение Группы. Центр к концу года старался в каждом учебн. заведении образовывать «подцентры». Мобилизация всех лучших сил во всех учебных заведениях вызвала, в свою очередь, мобилизацию темных сил. Не без руководства со стороны жандармско-шпионских сфер образовалась «лига» спасителей отечества от крамолы, и нашей Уч. Орг. пришлось вступить в борьбу с «лигой». К концу года влияние лиги было совершенно ничтожно; сидели они смиренно и под-конец шпионские повадки почти забросили; некоторые покаяться и перешли в стан «либералов». Орг. Уч., особенно под конец года, оказывала Группе разного рода технические услуги.

Орг. Уч. приходилось иметь дело с работой в среде учащихся со стороны Бунда, с.-р., польских националистов и сионистов-социалистов. Влияние с.-р. на учащихся было равно нулю и свелось к нескольким выходкам на рефератах. Бунд имел некоторое влияние на часть учащихся евреев, в общем слабое. Националистические течения в среде учащихся-поляков под влиянием работы Уч. Орг. сильно ослабели; сионисты-социалисты приобрели довольно прочные связи в коммерческом училище.

Финляндская партия активного сопротивления. Нам прислано следующее интересное сообщение о программе и организации этой партии.—Программа. Задачи и деятельность партии. § 1. Партия стремится разбудить население страны к пониманию того беззакония, которое ныне господствует в стране, связи его с русским самодержавием, необходимости и права энергичного, активного и бесстрашного сопротивления тирании и ее орудиям, к пониманию освободительного движения в остальных частях Рос. империи и пользы совместной работы с русскими оппозиционными партиями. Партия стремится расшатать врожденное чувство лояльности населения к монарху и усилить его стремление к свободе: а) выпуская и распространяя различного рода издания на эти темы; б) содействуя распространению оружия среди населения; в) поддерживая материальными средствами боевую организацию, состоящую из членов партии, которая получает название: «Боевая организация финляндской партии активного сопротивления». Примеч. Боевая организация ведет свое дело самостоятельно, но если она пожелает выпустить прокламацию за подписью «финляндская партия активного сопротивления», то она обязана в каждом отдельном случае заручиться согласием «внутреннего кружка» (см. ниже); г) и другими зависящими от обстоятельств, способами. § 2. Партия поддерживает ту работу, которую уже давно ведет с отдельными лицами с целью способствовать русским революционерам.—Организация партии. § 3. Партия составлена из местных групп. В каждую такую группу входят

по правилу не более 25 членов. В округах, в которых не насчитывается более 25 членов партии, не следует образовывать более одной группы. § 4. Каждый член партии, вступая в группу, должен обещать тому лицу, которое его вводит, хранить абсолютное молчание касательно всех дел партии. § 5. Дела партии находятся в ведении центрального учреждения, которое первоначально назначается на учредительном собрании. Отдельные группы партии имеют право образовывать местные органы управления. Каждая группа находится в связи с центр. учреждением при посредстве лишь двух ее членов и не более чем с двумя членами центр. учреждения. Сельские группы находятся вообще в прямом сношении только с группой того города, который является центром данной области. § 6. Центр. учреждение выделяет из себя и из групп «внутренний кружок», который один сносится с боевой организацией. § 7. Отдельные группы могут действовать самостоятельно при соблюдении, однако, правила, что все издания, распространяемые от имени партии, должны быть одобрены для распространения центр. учреждением. § 8. Все члены партии вносят ежегодно в кассу партии не менее одного процента годового дохода. Пожертвования принимаются также и от лиц, стоящих вне партии. Отдельные группы должны передавать центр. учреждению $\frac{2}{3}$ собранных средств. § 9. Партия ежегодно собирается на конгрессе где-нибудь за границей. На этом конгрессе центр. учреждение представляет годовой отчет, производится ревизия отчетности учреждения и избирается ЦУ для следующего года. Центр. учреждение должно быть представлено на конгрессе двумя членами, путевые расходы которых покрываются средствами партии. Каждая группа, состоящая из не менее, чем 10 членов, имеет право послать на конгресс одного представителя, который предварительно заявляет о себе центр. учреждению. Группы же, образовавшиеся за границей, имеют право и при меньшем составе, иметь своих представителей на конгрессе. Все члены центр. учреждения, а также и пр. члены партии, исходатайствовав себе предварительно разрешение центр. учреждения, имеют право присутствовать на конгрессе, но без права голоса.

В войсках (по русским и заграничным известиям). В Варшаве недовольство среди солдат и дух протеста постоянно растут, особенно в частях, куда принимали запасных. Эти запасные очень равнодушны. Есть петербургские рабочие, и среди них много переживших январские дни. Эти сразу же заявили, что они на войну не пойдут, в народ стрелять не будут. Есть, с другой стороны, совершенно серые полешуки, нуждающиеся еще в разъяснении преступности погромов, к которым их зовут какие-то темные личности.

Из последних событий здесь надо отметить отказ 400 ч. из нескольких варшавских полков от землекопных работ. Уговоры офицеров ни к чему не привели, и на работу солдаты так и не пошли. Арестовано пять человек.

В Пултусском полку солдаты отказались есть свой совершенно неудоваримый ужин и вылили его обратно в котел, подсыпав еще песку, так как щи были так жидки, «что хоть купайся в них». То же повторилось на другой день с кашей. Офицеру, пришедшему убеждать, предложили самому съесть. Арестован один ефрейтор.

В Радоме назначенная было отправка на Дальний Восток пехоты и артиллерии не состоялась, так как пехота итти отказалась.

В Екатеринославе солдаты двух батальонов пехотного полка заявили коллективный протест против ужасных злоупотреблений на кухне: вместо супа, были какие-то помои. Весь суп, около 55 ведер, был вылит на пол кухни, и солдаты группами пошли жаловаться к офицерам. Офицеры были до того перепуганы, что никто не вышел сначала к солдатам. В результате они обратились чуть ли не с извинением к солдатам, выдали им чай, сахар и по $\frac{1}{4}$ ф. колбасы. Этот факт был прекрасно утилизирован с.-д. Когда один из офицеров, после того, как все улеглось, захотел поставить одного из зачинщиков «под ружье» (по уставу за это следует два года дисциплинарного батальона), то немедленно по настоянию с.-д., работающих в войске, вся рота стала снаряжаться, чтобы также стать

под ружье. Это было таким грозным симптомом, что офицер поспешил освободить солдата от наказания, передав это приказом через позванного в его комнату фельдфебеля и приняв вид ничего не знающего о том, что делается в казарме.

В Киеве запасные побили ни за что околоточного и двух городских и часто отказывались отдавать честь офицерам. Дисциплина страшно пошатнулась.

В Лодзи во дворе казармы Олонецкого полка на днях были разбросаны еврейские и польские прокламации. 150 солдат евреев и поляков были тотчас же переведены в Ломжу.

В Ташкенте взбунтовался весь саперный ташкентский батальон: в видах экономии новый полковник уменьшил порцию мяса и лишил батальон выдачи чаю и сахару (привилегия местных войск, вызванная климатическими условиями). Батальон взбунтовался весь, и против него выслали казаков, но так как саперы заявили, что они минировали лагери и в случае нападения взорвут и себя, и нападающих, то казаки отступили. В результате полковник удовлетворил требования батальона.

В Брест-Литовске в 119 саперном батальоне запасные не явились на строевые учения. Капитан третьей роты собрал их утром в казармах (днем они разбегались, и собрать их было нельзя) и начал им читать нотацию. Запасные окружили его плотным кольцом и заявили, что если он их отец, а они его дети, то пусть он им сперва покажет, как он о них печется, и тогда они, со своей стороны, видя его старания, постараются для него. Толпа солдат вела капитана сажен 30 до его квартиры, якобы качая, а в действительности толкая его. Капитан еле вырвался и больше не заводил уже речи о дисциплине и плохой службе.

В Елисаветградском и Уманском уездах во время крестьянских беспорядков усмиряли драгуны-татары, русские же колебались и многие плакали. Пехота в нескольких местах прямо говорила крестьянам: «Мы в вас стрелять не будем».

Солдаты необыкновенно поражены полным отсутствием хотя бы частичного успеха русских войск. «Воевали мы с туркой,—говорят они.—На что уж с ним трудно было, а все-таки то он нас победит, то мы его, а тут хоть бы раз победа была!»—говорит бравый солдат, в недоумении разводя руками, а в голосе звучит неподдельная обида. «Нет, видно, порядки у нас плохие», заключает он, и затем идет критика, и самая беспощадная, всего строя. «Японец, он—образованный, у каждого солдата карта и компас, он лучше дело понимает, чем наш офицер». Отношение к «Потемкину» самое определенное—сочувствие полное, и, главное, говорят все откровенно, не стесняясь, что всякий слышит.

В английскую газету «Standard» сообщают из Петербурга: «Мы узнали из верного источника, что правительство решило распустить батальон финляндской гвардии после возвращения его из лагерей в Красном Селе. Решение будет принято вследствие неблагоприятного отзыва о полке со стороны великого князя Владимира. Батальон, назначенный к раскассированию, представляет из себя последние остатки военной финляндской организации. Здесь полагают, что отзыв Владимира вызван тем, что в отношении дисциплины, ни на солдате, ни на офицерах нельзя положиться (агентство Navas'a *)».

То же агентство сообщает, что в Либаве в настоящее время военно-морской суд рассматривает дело 136 матросов, обвиненных в участии в последних беспорядках.

По русским известиям, военно-морскому суду предаются 78 матросов, участвовавших в волнении на броненосце «Георгий Победоносец». Севастопольский военно-морской суд рассматривает дело о беспорядках на броненосце «Синоп». Пятеро обвиняемых оправданы, 11 присуждены к лишению некоторых прав, переводу в разряд штрафованных и отдале в дисциплинарный батальон на сроки от двух до трех лет. Всех арестованных матросов в Севастополе теперь около 1.000 человек. Содержатся они на «Пруте» и на Константиновской барже.

*) Согласно последним известиям, раскассирование батальона уже состоялось. Ред.

Во Владивостоке в военно-морском суде слушалось дело о четырех матросах, обвинявшихся в нанесении удара камнем подручному. Один матрос приговорен к смертной казни, а трое остальных к отдаче в дисциплинарный батальон на 3 года.

Из области организованной работы в войсках отметим образование особой военно-революционной организации в Либаве. Из числа прокламаций к солдатам, полученных редакцией, нельзя не упомянуть о дельно написанном воззвании «К солдатам харьковского гарнизона», изданном харьковской группой «Вперед». По просьбе группы артиллерийских офицеров Моск. Ком. партии издано и распространено между артиллерийскими солдатами и офицерами воззвание, заканчивающееся словами: «Когда нас потребуют для той же гнусной цели (подавления восстания), мы откажемся быть палачами, а в решительный момент станем бок-о-бок с народом и направим грозные дула наших орудий в толпу полиции, «рыцарей нагайки» и прочих царских опричников».

Воззвание «К офицерам русской армии и флота» выпустил и освобожденский «союз офицеров». В пункте 4-ом воззвания офицеры-освобожденцы пишут: «Если, цепляясь за свою власть, бюрократия пожелает прибегнуть к силе войск, то мы, члены союза офицеров, отказываемся поднять оружие против народа, который борется за свою свободу и за освобождение своего государя (!?) из-под ненавистной и корыстной опеки». Мизерное и жалкое впечатление производит эта освобожденская прокламация рядом с решительным воззванием артиллерийцев!

В заключение приведем некоторые выдержки из письма рядового Мочедлюбера, стрелявшего в командира за его приказ расстреливать матросов с «Потемкина» и приговоренного к смертной казни.

«Дорогие товарищи! Я объясню вам мой поступок. В то время, когда стреляли в наших товарищей матросов, и я видел, как они падали мертвыми и ранеными от наших рук, у меня потемнело в глазах. С тех пор начал я думать: кто я? Разве я противник свободы и нашего идеала, с которым я поздно ознакомился. Немало труда потратил Варшавский с.-д. комитет, пока убедил меня в правоте своих взглядов! Я, наверно, не смогу оправдаться перед товарищами Феодосийской организации в том, что в такое время, когда возможно работать в полку, разяснять страшный поступок солдат по отношению к матросам товарищам, бороться против религиозных предрассудков, я оставил работу. Да! я оставил работу и решил протестовать. С тех пор, как стал сознательным, я жаждал такой смерти, которая запечатлелась бы в душе каждого».

Я очень досаждал начальству своими разговорами и желал бы, чтобы к вам проникла моя речь. Я бы страстно хотел вашего присутствия при моей казни, которая, может быть, будет вечером или на рассвете. Привет всем братьям и сестрам. Из диких стен тюрьмы желаю вам победной революции!»...

(Н. Чужак—А. Насимович).

Письмо из Вашингтона. Мы в мае послали в Японию С. для пропаганды среди пленных. Дела пошли блестяще. С. получил доступ во все крепости, где находятся пленные, устроил в разных местах библиотеки и правильную раздачу литературы. Но теперь у него разошлась уже вся имеющаяся литература, и он просит прислать еще как для солдат, так и для офицеров. Затем вам, вероятно, уже известно, что Япония освободила политических на Сахалине. В этом деле посылка С. тоже оказала влияние. Он писал еще до взятия Сахалина, что ему обещано освобождение политических, как только остров будет взят. Единственное затруднение японское правительство видело в денежной стороне дела. Но С. на этот счет успокоил, заявив, что на отъезд деньги будут. Теперь, значит, нужны деньги. Нам здесь в точности неизвестно, сколько там человек, но имейте в виду, что проезд стоит 150 долларов. Деньги надо посылать по телеграфу по адресу Ж. Кеннана и С. Адрес Кеннана: George Kennan care of American Consulate Yokohama, Japan. Адрес С-ского: D-r Nicholas Russel, care of United States Consulate Yokohama Japan.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Краткий очерк деятельности Окружной Организации Московского Ком. по июль. Московская губерния представляет из себя огромный промышленный центр. Фабрики и заводы раскиданы по всей губернии, кроме того, масса крестьянского населения на заработках в Москве и др. губ. Кустарные промыслы играют тоже значительную роль в хозяйственной жизни населения. Сельское хозяйство в большинстве случаев стоит на втором плане, и видеть крестьянку за плугом обычное явление. Все это в целом создает благоприятные условия для работы с.-д.тии, и Моск. Ком. партии давно уже считал необходимым использовать все связи в губернии и поставить для этой цели специальную организацию. Недостаток сил и средств надолго оттягивал приведение этой мысли в исполнение. Между тем, связи настойчиво требовали литературы и каких-либо организационных установлений. В конце 1904 г. один из организаторов МК предпринял поездку наиболее крупных центров. Установлены были связи с Москвой, кое-где выпущены листки на местные темы, но без подписи, указывающей какое-либо организационное отношение к МК.

После вечно памятных событий 9-го января появление новых сил и приток денежных средств в кассу МК дали возможность выделить из комитетских работников специального организатора с наименованием «окружного». Связи в округе были приравнены к району, а связи в каждом промышленном центре—к заводскому комитету. На первых порах «окружному» организатору пришлось вести стачку в Орехово-Зуеве. Подробности о ней были своевременно напечатаны в «Искре», но из фракционных соображений сильно искажены. Теперь поздно восстанавливать истину, да, пожалуй, и не к чему. Необходимо только отметить, что стачка в смысле проведения в широкие слои рабочих идей социал-демократии была использована удовлетворительно. Организация в Орехово-Зуеве окрепла, и листки стали расходиться в большом количестве. Сейчас читающих можно насчитать до тысячи человек, между тем, как раньше, до стачки, их читали только десятки. После ор-зுவской стачки быстро завязались и начали разрабатываться связи и в других местах. В апреле и мае окрепли егорьевская и коломенская группы. В июне были конституированы группы в Серпухове, Богородске и Подольске. В это же время необходимо было произвести некоторую реорганизацию в постановке направляющего «центра». Одному окружному организатору справиться со всей массой связей, которые с каждым днем росли, стало невозможно. Необходимость целой коллегии, «Комитета Окр. Организаций», выдвигалась самой жизнью. Помощникам окр. организатора необходимо было предоставить полную самостоятельность в делах подрайона, оставив за ком. организатором роль контролера. Соответствующее предложение было принято Моск. Ком., и Ком. Окружной Организации начал функционировать.

Между тем, связи расширялись. Целый ряд ближайших к Москве фабрик и заводов был втянут в организацию. Теперь их число упало до 8 станций, раньше было до 10. Кроме того, Тверск. Ком. партии была передана в «Окружн. Организацию» группа в Кимрах. Через фабричных были завязаны связи в Рузск. уезде, а потом в Подольском и Серпуховском. Группы в свою очередь, заводили связи в своих уездах. Все эти связи ослуживались, главным образом, листовкой литературой по общим вопросам и кое-где местными профессиональными листками. Удовлетворить в полной мере все запросы на листки Окр. Организация не могла. Из 10—15 тыс. экз. листов, выпускаемых МК, в Окр. Организацию поступало 1—1½ тыс., между тем, как требование было минимум на 5—6 тысяч. Принимая во внимание, что центр тяжести в деятельности Окружн. Организации пока сводится почти исключительно к широкой письменной и устной агитации, Ком. Окружн. Организации решил организовать свою типографию как для профессиональных, так и для перепечатки общих листов МК. С этой целью он вошел в соглашение с с.-д. жел.-дор. союзом, который, находясь в положении Окр. Орг., обещал свою поддержку, с условием печатать листки и для него. Затем были опрошены мест-

ные группы, которые обещали поддерживать типографию своими средствами и дали деньги на оборудование. Теперь типография поставлена и начала работать. Относительно брошюрочной литературы дела очень печальны: ее все нет и нет. Какие-нибудь 1—2 пуда в 2—3 месяца, получаемые МК,—капля в море. В Окр. Организацию из этой капли попадали только случайные брошюры. Крестьянская литература крайне необходима, но ее нет совсем. Листок ЦК «Крестьяне, к вам наше слово» читается нарасхват и на фабриках, и в деревне. Желательно было бы, чтобы ЦК издал популярную брошюру по аграрному вопросу, в роде изданной Саратовским Комитетом «К товарищам крестьянам». Кроме того, на страницах «Пролетария» необходимо было бы также разобрать ту формулировку резолюции III съезда, которая говорит об энергичной поддержке вплоть до захвата и т. д.

Кроме литературной агитации за все время деятельности Окр. Организации в наиболее центральных пунктах велась пропагандистская работа в кружках и летучках и устраивались кое-где время-от-времени массовки. Втянутых в кружки и летучки и работающих в организации можно насчитывать до 100 чел. Если считать посетителей летучек, разбрасывающих и распространяющих листки, и всякие отдельные связи, то всех причастных к организации наберется человек до 500. Недостаток пропагандистских и агитаторских сил у МК вредно отзывается и на деятельности Окр. Организации. Сознательность растет страшно медленно. Широкие слои захватить чрезвычайно трудно, а такие методы широкой агитации, которые применялись коломенской группой, очень рискованы. В Коломне выпустили агитатора при выходе рабочих с завода. Говорил он минут 20. Масса встретила его речь сочувственно и дружно кричала: «Долой самодержавие». При второй такой же попытке дело кончилось тем, что агитатор чуть не влетел. Невозможно трудные конспиративные условия работы в округе и недостаток сил—одна из причин медленного развития сознательности и расширения организации. Связи растут по количеству мест, но не по количеству расширения этих местных связей.

В конце мая в Москве была конференция представителей от групп в округе по вопросу о всеобщей стачке. Всего было человек 30. Большая половина—рабочие, приехавшие на счет организации. Конференция прошла оживленно. Мысль о всеобщей стачке была встречена очень сочувственно большинством, но рабочими были сделаны указания, что поднять фабрики и заводы в округе—дело очень трудное, и если они и забастуют, то только тогда, когда станет вся Москва. Соответственно этому была принята и резолюция: «Примкнуть к забастовке Москвы и вести пока усиленную агитацию, а где возможно, начать и забастовку». В назначенный МК день Москва забастовала в самых скромных размерах, но под влиянием ли агитации за всеобщую стачку, или по чисто-местным причинам, забастовали кое-где и в округе. В июне бастовали: Ор.-Зуеве, Богородск, Люберцы, Мытищи, Тарасовск, платформа фабр. Чернышева, отдельные цехи в Коломенском заводе. Использовать эти забастовки для широкой агитации удалось очень недостаточно. Так, в Ор.-Зуеве фабрикант Викула Морозов в ответ на требование забастовавших, закрыл фабрику на неопределенное время. Организованные рабочие растерялись и не знали, что делать. На собраниях в 2—3 тысячи человек они выступали с обычными политическими речами, но неудачно, и боевого настроения в массе им создать не удалось. Приехавший агитатор уже не имел возможности выступать перед массой, так как собраний созвать не удалось. Выдача денег, расчет,—часть рабочих запыла с горя, часть разбрелась по деревням, часть трусила и сидела по квартирам, и благодаря всему этому на собрания приходило человек 50—60 из организованных. Через неделю началась приемка через фильтр. Теперь фабрика работает. В Богородске бастовала Шибавская фабрика. Держались 5 дней, но ничего не добились. Терроризованные казаками рабочие почти не выходили на улицу и сидели по домам. Мытищенский вагонный завод бастовал всего 40 мин. Фабрика Чернышева ½ дня,—прибавили 20 коп. на кусок. В Коломне затыкали рты 5-копеечными прибавками. В Люберцах (500 ч.) было 5—6 собраний с 200—250 чел., где выступал агитатор.

Уступок нет, и, кажется, завод закрыт до сентября. В Серлухове на Коншинских фабр. поспешили предупредить забастовки, вывесив объявление об уплате больным и роженицам ½ обычной платы в течение 6 недель. В апреле была стачка в Кимрах, добились сокращения дня и увеличения платы. Крестьянского движения в районе Моск. губ. мало-мальски серьезного не было. Происходили кое-где недоразумения, но как-то все быстро успокоивалось, и такое брожение замечалось только в местностях с кустарными промыслами. Денежные поступления от организованных рабочих поступают очень нерегулярно, так как это совсем раньше не прививалось. Существование Окр. Организации на эти взносы невозможно, и поэтому приходится брать деньги на расходы из кассы МК.

В заключение необходимо добавить, что в будущем Окр. Орг. еще больше расширится, и тогда придется подумать и о новом плане организации для нее, чем существующий. Теперь уже в некоторых местах намечается такой будущий план работы. В общем он заключается в большей самостоятельности местных групп, которым, может-быть, необходимо будет дать права полноправных комитетов партии.

Окружной организатор.

Рига. Мы, организованные рабочие г. Риги, члены Росс. С.-Д. Р. П., собравшись в количестве 300 ч. и всесторонне обсудив выработанное царским правительством положение о Государственной Думе, единогласно приняли резолюцию:

Принимая во внимание: 1) что положением о выборах в Государственную Думу пролетариат совершенно лишен избирательного права; 2) что вследствие сословной организации выборов с исключительно высоким имущественным цензом Государственная Дума является представительством лишь незначительной части высших классов населения; 3) что установленный царским правительством порядок двух-трехстепенных выборов представляет полный простор произволу царского чиновничества и полиции и давления их как на избирателей, так и на выборщиков; 4) что избранная на этих основаниях Государственная Дума при сохранении в полной неприкосновенности самодержавия и полном подчинении высшим бюрократическим учреждениям неминуемо будет обречена на полное политическое бессилие и ничтожество,—мы пришли к единодушному заключению, что учреждение Государственной Думы является плохо замаскированной попыткой политического обмана с целью укрепить самодержавие, пошатнувшееся под влиянием грозного роста революционного движения российского пролетариата и крестьянства и военного разгрома, и восстановит его финансовый престиж за границей. В виду этого мы выражаем свой решительный протест против предпринимаемого царским правительством политического обмана и заявляем о своей твердой и непоколебимой решимости вести нашу освободительную борьбу вплоть до окончательного низвержения этого правительства и установления демократической республики на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, которая только и может обеспечить российскому народу необходимую степень политической свободы и в частности пролетариату возможность законодательной охраны его интересов и свободной классовой борьбы за социализм. Вместе с этим, исходя из самой сущности самодержавия, как организации неограниченного господства бюрократии над народом, и из указаний политического опыта, мы высказываем глубокую уверенность, что ждать от правительства самодержавного царя сколько-нибудь искренних и широких реформ невозможно, и что только временное революционное правительство, созданное победоносной всенародной революцией, в состоянии осуществить это коренное преобразование политического устройства России, в виду чего мы призываем все слои населения с презрением отвергнуть царскую «реформу» и примкнуть к борьбе пролетариата, чтобы путем всенародной революции низвергнуть самодержавное правительство и осуществить демократическую республику. Долой самодержавие! Долой Государственную Думу! Да здравствует всенародное правительство! Да здравствует демократическая республика и социализм!

Петербург. В воскресенье 14-го августа в первый раз состоялась массовка недавно образованного ремесленного

района. Обсуждался, главным образом, вопрос о Государственной Думе. В результате прений единогласно была принята следующая резолюция:

Принимая во внимание: 1) что так-называемая Гос. Дума не будет обладать никакой законодательной властью, а является лишь совещательным учреждением; 2) что даже, как таковая, она будет всецело зависеть от произвола царя, который может распустить ее простым указом и по капризу созывать или не созывать ее вновь; 3) что она, стало-быть, окажется новым изданием лицемерного царизма и тем фиговым листком, которым самодержавие хочет прикрыть свою отвратительную наготу; 4) что избирательное право получают только фабриканты, купцы, крупные землевладельцы и кулаки-крестьяне, а рабочий класс и мелкое крестьянство останутся без политических прав; 5) что Государственная Дума не гарантирует ни личных, ни гражданских прав,—мы, петербургские рабочие и работницы, собравшись на сходку в числе 70 человек, решительно и единодушно высказываем презрение этой жалкой попытке сохранить разложившееся самодержавие, обмануть рабочий класс и оставить его в положении рабов, лишенных всяких политических и гражданских прав.

Признавая, далее, все потуги самодержавия ни к чему не ведущими, а самое самодержавие совершенно неспособным удовлетворить запросам страны, мы заявляем, что будем с оружием в руках добиваться созыва учредительного собрания, выбранного всеобщей, прямою, тайною и равною подачей голосов.

Таганрог. Здешняя организация ведет свое начало с весны этого года. Старая организация провалилась зимой 1903 г. Новые аресты, произведенные в 1904 году, довершили разгром. В апреле 1905 года появилось около шести интеллигентов. Они разыскали восемь рабочих из старой организации и сорганизовали их в центральный кружок. Одновременно повели работу учащихся. Организация разрослась (рабочих до 30, интеллигентов до 9, учащихся до 30). Стали устраивать собрания, на которые приходило 100—300 человек. Завязаны связи с солдатами и казаками. После собрания, на котором было до 300 человек, создано настроение, и рабочие толпой с песнями направились в город. Полиция, очевидно, заранее выследивши собрание, устроила засаду, скрываясь за деревьями в канавах. Около полуночи она окружила толпу сплошным кольцом и без всякого предупреждения открыла огонь. Рабочие отвечали выстрелами. Ранено 3 рабочих, одному гимназисту рассекли лицо, да околodочному разбили голову камнем. Арестовано 26 человек, остальным удалось убежать благодаря сочувственному отношению казаков. (Стреляла только полиция). Через 4 дня арестованных выпустили. После этого по желанию рабочих была организована боевая дружина, которая существует и теперь. Работа продолжалась успешно, еженедельно происходили массовки. Для организованных устраивались собрания («летучки»). Кроме того, начали правильно функционировать пропагандистские кружки. 23-го июля на железной дороге началась забастовка. Организация отнеслась к забастовке отрицательно, так как время было неподходящее. Забастовка все же состоялась. К депо и мастерским присоединились работницы казенного винного склада. Металлургический завод (4.000 раб.) и котельный (800 раб.) отказались принять участие в забастовке, так как в виду застоя в делах администрация только и ждет предлога закрыть заводы. Одного товарища рабочего, предложившего поддержать забастовкой стачечников, хотели бросить в доменную печь. Забастовкой организация воспользовалась для открытого выступления. Устраивались митинги, выступали ораторы. В июле организация устроила публичное выступление перед двумя казаками, которых заподозрили в распространении прокламаций. Данные о таганрогской промышленности: металлургический завод—4.000 чел., котельный завод Нев и Вильде—800 чел., депо жел. дор.—100 чел., мастерские жел. дор. 200 чел., табачная фабр.—80 чел., кожевенный завод—100 чел., портовых маст.—100 чел., драгилы (ломовики и грузчики)—800 чел., «тивадоры» (грузчики на рейде) 500 чел., мелкие мастерские, мыловаренный, кирпичные и др. заводы в окрестностях.

Варшава. 19 (6) авг. (Из органа С.-Д. Ц. П. и Л. «Z Pola Walki»). По поводу белостокской резни местная орга-

низация Бунда предложила нам (С.-Д. Ц. П. и Л.) устроить совместно однодневную всеобщую забастовку. Мы предложение приняли и назначили забастовку на 18 (5) авг. 16-го уже появились в рабочих кварталах наши листки с призывом к забастовке; одновременно с этим была начата и устная агитация. 17-го вечером появились карточки от Бунда, также назначавшие забастовку на 18-е число. Забастовку на фабриках и в мастерских, где работают христиане, можно было считать обеспеченной. Накануне дня предполагавшейся забастовки на всех значительных фабриках выступали наши ораторы и везде встречали сочувственное отношение. Поэтому-то 17-го числа повсюду говорили об ожидавшейся забастовке, как о факте неизбежном. Действительно, ожидания оправдались. 18-го числа с полудня стояли уже все фабрики и мастерские; в большей части фабрик забастовка началась с раннего утра. Выказала свою солидарность с забастовкой значительная часть частных учреждений: банкирских контор, торговых домов и контор. Торговля и трамвайное сообщение в Вольском участке прекратились. Таким образом забастовка вполне удалась. 19-го наша организация в особом листке выяснила значение происшедшего протеста.

P. S. Несколькo слов об участии социал-патриотов (P. P. S.) в забастовке. Об их агитации ничего не было слышно. Лишь в самый день забастовки появились их листки, помеченные задним числом. Очевидно, партия, скромно и безпристрастно характеризующая себя, как «позвонок и мозг пролетариата, штаб революционного движения», считала необходимым наклеить свою партийную этикетку на движение среди варшавского пролетариата, вызванное одними нами, чтобы доказывать потом, будто «польский пролетариат слушается исключительно призывов и приказаний (!) П. П. С.».

Кострома. На михинских воротах красовалось объявление, подписанное старшим фабричным инспектором. Он объявил, что фабриканты Михин, Кашин и Зотов предлагают начать переговоры с депутатами рабочих.

Однако, фабрикантам и инспектору нужно выудить таких депутатов, которых можно было бы гладить против шерсти. Им надо, чтобы депутатам было по 25 лет, а не моложе. Оно и понятно,—молодые депутаты не так легко сдаются, как семейные, связанные семьей и забытые семейной жизнью. Им надо, чтобы депутат служил на фабрике не меньше года. Им надо, чтобы выбраны были люди, не разгибавшие спину по 30 лет, а не молодые, которым нечего терять, и которые будут груду отстаивать интересы не только свои, а всех бастующих рабочих. Им, нашим грабителям, надо знать про депутатов всю подноготную, чтобы выловить всех честных, преданных людей и наметить бы наших предателей—«черносотенцев», для которых нет ни святого дела, ни братской любви, ни честной, трудовой борьбы. Однако, эту думу думали не одни фабриканты. Ихним пособником был наш губернатор Князев. Это он их науськал сделать так, чтобы лучше было выловить лучших, преданных нам депутатов. Сам губернатор к нам не обращается; однако, он за спиной фабрикантов строит нам свои полицейские ловушки.

Мы порешили всей массой позвать на Костромку фабричного инспектора Горбунова. Мы хотели заставить его перед всем рабочим народом рассказать да растолковать обстоятельно все, что он напечатал в листке. «Не пойду и не выйду я к рабочим!»—ответил нам инспектор. Еще бы! Ведь, он знает, что весь народ сразу увидит, в чью дудку он играет; сразу увидит, что инспектор такой же кровопийца, как и наши фабриканты. Да и с какой рожой бы пришел он к нам? Ведь, он прежде приходил к нам, но для того, чтобы лаяться на рабочих. А теперь, когда рабочие сплотились одной каменной стеной, не посмел бы лаять на них и заерзал бы, как хитрая лисица.

Костромской Комитет P. C. - Д. P. П. (из бюллетеня № 3).

Кострома. В моей корреспонденции из Костромы, помещенной в № 6 «Пролетария», имеется одна фраза, которая может быть истолкована—и некоторыми действительно истолковывается—не в том смысле, какой она действительно имеет. Эта фраза следующая: «При моем приезде сюда тут было три кружка пропаганды, теперь их 12». Можно

подумать, что увеличение числа кружков поставлено в зависимость и связь с моим пребыванием здесь. Между тем, этой неудачной фразой я хотел лишь указать, что за последние 2—3 месяца на моих глазах количество кружков быстро возросло.

15-го июля 1905 года.

Тверь. 11-го авг. началась стачка на стекольном заводе. Комитет партии выпустил листок с требованиями. 12-го утром на сходке было ползавода (всего работает до 300). 12-го забастовала фабрика Залогина (до 1.500). Решение забастовать принято на сходке организованных рабочих в ночь на 12-е; утром 12-го была сходка на фабричном дворе (около 700), где окончательно намечены требования. 13-го стала морозовская фабрика (15.000 рабочих), — все отделения. Приняты требования, которые раньше предлагались в комитетских листках. При остановке работ избиты полицейский и пристав. Настроение бодрое. Нехватает агитаторов, впрочем, 5 сходок Комитет уже провел.

Тула (из листка 3-го авг.). Закон 10-го июня 1903 года разрешил выбор старост от мастеров и рабочих на фабриках и заводах. Не прошло и года, как всем стало понятно, зачем была дана эта, якобы, милость. Старосты, находясь постоянно в сношениях с администрацией и под ее влиянием, становились незаметно для себя в положение шпионов и изменников. Понравилось это министру путей сообщения, и он утвердил «временные правила 8-го февраля 1905 года о выборных от рабочих». Посмотрим же, что дали эти временные правила? Избирать старост могли не все, а только внесенные в списки избирателей; поэтому и старосты не являлись представителями всех рабочих. Выбирать тоже чельзя было кого-угодно, а лишь из указанных. Наконец, из 4-х выбранных старост утвержден был только один, на которого больше надеялись, что будет держать сторону начальства. Расчеты министра и администрации оправдались. Старая лиса Бауман живо оплел старост-овечек, и они стали петь под его дудку. Он их обласкал, а они за это понемногу продают товарищей: что просят рабочие, о том старосты молчат; что велит Бауман, то они делают. Тарифа чернорабочих они не поддерживали, на выполнении требований мастеровых не настаивают, за слесаря Ермолюка не хотят заступиться, а дело с ним такое. Был он в командировке на Дальнем Востоке и уехал оттуда 6-го числа, а 16-го на него там составили протокол, будто он раскидывал листки. За это Бауман его увольняет. Тоже молчат они про Громова и Чесунова. Старосты наши не знают правил, циркуляров и хода дел. Когда их упрекают в том, что они не соблюдают интересов товарищей; — у них одна отговорка: мы своих прав не знаем. По циркуляру в минувшую субботу нас не могли назначить в работу дольше 12-ти часов. Старосты сунулись в воду; не зная броду, и просили работать до двух с половиной часов за ту же плату; Бауман обрадовался; но поломался, наврал про телеграмму, а в конце-концов заставил работать лишних 3 часа. При 900 рабочих это; ведь, 2.700 рабочих часов; даром проработанных.

Товарищи! нам не нужны старосты — лакеи нашего начальства, нам нужны рабочие организации, рабочие союзы. Вы видите, как сумели одурачить нас со старостами. И всякая правительственная мера такова, что предатели-чиновники умеют ею крепче прижать рабочего. Не нужно нам никаких временных правил, никаких подачек; нам нужна свобода союзов, собраний, свобода слова и печати. При этих условиях мы сами сумеем устроиться, как нам надо, устроиться так, чтоб нас не обманывали.

Соц.-дем. жел.-дор. союз Тульского Комитета.

Воронеж. Трудно придумать что-нибудь отвратительнее литейной мастерской Юго-Вост. ж. д. Когда работаешь, голова кружится, в груди хрипит от дыма и копоти, грязи, пыли и жары. Ко всему этому нас еще штрафуют ни за что, например, во время отливки, когда нечаянно плеснешь на пол чугуна. Расскажу, однако, прежде о том, что происходило накануне февральской забастовки и после нее у нас в литейном цехе, и как мы живем солидарно с начальством. Мастер Мещерин собрал 3-го февраля литейщиков всего цеха и обратился с такой речью: «Вот,

гг. литейщики, я вас собрал для того, чтобы предостеречь вас: идут забастовки рабочих по матушке Руси, и оканчиваются эти забастовки неблагоприятными последствиями как для мастеровых, так и для правительства, а именно: голодовкой, удалением со службы, ссылкой, наконец, избивением. Я слышал, что и у нас хотят устроить забастовку. Я прошу вас, господа, не вступать в согласие с другими цехами. Так как вы пользуетесь особой популярностью у администрации, то, прошу вас, не осрамиться перед вашими начальниками. И вот за тишину и поведение ваше хорошее жалует вас начальство большей прибавкой жалованья (начинает читать): Егору—5 копеек, Семену—5 коп., Ивану—5 коп...». А некоторые счастливицы удостоились десяти копеек, — по счету человек пять или шесть из свиты Мещерина. «А тем, которых нет по счету (половина мастерской), будет прибавка жалованья на следующую раз». Мы развесили уши, а он нам масла подливает, сыплет словами, как все равно горохом. «А теперь я, господа, с вами поговорю о другом: так как я родился среди рабочего класса и живу тоже среди своих братьев-рабочих и хочу помереть среди своих братьев-рабочих, то прошу вас, не смотрите на меня косым взглядом. Какое будет недоразумение среди нас; давайте его решать скрытно, чтобы никто не знал; не скрывайте от меня своих нужд; обращайтесь ко мне за советом! Давайте жить солидарно!» Мы давай его превозносить: «Отец наш родной! Не покидай нас, и мы вас не покинем! Благодарим за прибавку». И разошлись, довольные судьбой. На другой день забастовали все мастерские и даже все конторщики и телеграфисты Ю.-В. ж. д. Мещерин бегал, словно утормленный: из конторы в контору, от начальника мастерских к начальнику тяги. А с нами такой ласковый; разные советы дает: «Бастовать-то здесь бастуйте, не выходите из мастерских, не присоединяйтесь к столовским, гаусманским и ивановским рабочим». Составили мы 20 параграфов. На третий день получаем ответ: «Ваши петиции не выполнены; когда министерство разрешит дать; тогда и получите». Мы озлобились; ну, думаем, пойдем на улицу: в эту критическую минуту убагалтоворили наш один параграф, а именно дали нам фельдшер! Да, товарищ редактор, я увлекся своим рассказом и немножко съехал с дороги; пора и к делу. Но вот кончилась забастовка; вышли мы на работу; мастер наш собрал нас всех и говорит: «Ну, братцы, заявите ваши петиции, которые касаются только одного литейного цеха». Ну, думаем, есть надежда на спасение; — благодетель наш похадатайствует за нас! Мы предъявили шесть требований. Мещерин взялся ходатайствовать. Ждали неделю, другую, наконец, третью; — все, нет; наконец, спрашиваем: «Когда же нас убагалтоворят?» — «Да вот скоро; начальство разбирает и обсуждает ваши требования!». Ну и правда, начали удовлетворять! Вот примеры. Один литейщик не вышел на работу по болезни, но не заявил о том Мещерину. На другой день он говорит: «Ты, сукин сын, скотина, почему не работаешь?». Оштрафовал его; целый день бедняга сработал задаром, да еще в книгу записан. Один литейщик с полным ковшом расплавленного металла споткнулся и плеснул немного на пол. Мещерин на него напустился, как кобель борзой, и давай ругать, да еще оштрафовал. Но если бы литейщик сгорел, так как это часто бывает во время отливки! За неимением хороших кранов литейщики таскают ковши вручную, а котлы — приблизительно весом со всем чугуном будут пудов десять; таскают их вдвоем, да еще на искре, так как отлитые вещи огненные, то от них жар-то и несет.

Однажды мы покончили работу минут за десять; ну, думаем, не к чему начинать, а он давай нас записывать: «Я, говорит, вас припомню во время прибавки жалованья, сегодня вы сработали полдня за день». И, действительно, на другой день вывесил половину дня.

О другом, что будет делаться в мастерской, напишу после.

Литейщик.

Вильна (авг.). 3-ю неделю закрыт завод Поссея за то, что постояли рабочие за своего товарища, не хотели допустить, чтобы рассчитали его без всякой причины. Наскакали казаки, понаехали солдаты... Администрация и не думает открывать завода. Только городской голова Мо-

зырь призывал рабочих, предлагал им стать предателями: выдать своих же товарищей «зачинщиков». Разрешил он также и побить их и обещал за это награду от губернатора.

ИЗ ПАРТИИ.

Съезд групп, входящих в состав Северо-Западного Комитета. В съезде принимали участие представители С.-З. К-та, Виленской, Минской, Витебской и Бобруйской Групп и Сморгоньской организации. Выработан новый устав, основой которого является § 2 (очередные съезды групп собираются 2 раза в год) и § 4, по которому очередной съезд выбирает С.-З. К. в составе 3 лиц на 1 год, при чем, если на очередном съезде две трети групп высказываются против данного состава К-та еще до истечения его полномочий, то происходят новые выборы. С.-З. К. имеет право кооптации. Постановления съездов обязательны для С.-З. К. и для групп, в него входящих. В вопросах местной работы, как и в своем отношении к III съезду группы вполне автономны. Из постановлений съезда отметим следующее. Сморгоньская организация признается самостоятельной группой, при чем Виленской группе впредь до мобилизации сил С.-З. К-та рекомендуется оказывать ей всевозможные услуги. Ошмянская организация находится под непосредственным руководством Виленской группы и ею обслуживается. С.-З. К-т переименовывается в С.-З. Союз. Съездом приняты следующие резолюции: 1. В виду важности в настоящий политический момент объединения борьбы российского пролетариата с самодержавием, I съезд групп С.-З. Союза, оставаясь по вопросу об отношении к национальным социал-демократическим партиям на точке зрения II партийного съезда, приветствует инициативу Ц. К-та по созыву междупартийной соц.-дем. конференции и, с своей стороны, считает необходимым: 1) для руководства совместной борьбой в революционный период учредить постоянную комиссию из представителей центральных учреждений партии, 2) для согласования работы и общих выступлений на местах учреждать постоянные комиссии из представителей местных партийных организаций. При этом Росс. Соц.-Дем. Р. Партия попрежнему считает необходимым организовать под своим знаменем пролетариат всех национальностей и оставляет за собой право идейной борьбы с националистическими соц.-дем. партиями.

2. Съезд приветствует первые шаги ЦК и ОК по пути к объединению обеих частей Р.С.-Д.Р.П. и, обсудив протокол совещания 12-го июля между представителями ЦК и ОК, вынес следующую резолюцию: 1) полное объединение может быть достигнуто путем соглашения между центральными учреждениями, с одной стороны, и местными организациями—с другой, 2) съезд находит предостережение периферии решающего голоса в местных делах принципиально желательным и рекомендует всем местным организациям осуществлять принцип демократизма. Решение же вопроса, как далеко можно проводить этот принцип в данной организации, предоставляется местному комитету или соответственному учреждению; 3) съезд считает «центральные конференции» не только желательными, но и вполне возможными и осуществимыми; 4) в интересах окончательного устранения трений между обеими частями партии съезд признает желательным временно оставить заголовки: «ЦО» и за «Искрой», и за «Пролетарием»; 5) Съезд требует, чтобы центральные учреждения приложили все усилия к скорейшему осуществлению объединения обеих частей партии.

3. Съезд признал желательным устройство демонстраций только при наличии сильных вооруженных отрядов, к созданию которых организации должны приложить все усилия.

Листок Виленской Группы (№ 1). Мы уже отмечали и приветствовали почин Саратовского Комитета в деле осведомления организации о деятельности местного центра путем специальных листов. Та же потребность осведомления путем отдельных изданий признана и Виленский группой. Ее «Листок» (тетрадка в 12 страниц) вызван к жи-

зни тем, что по мере того, как расширяется наша работа и растет число организованных рабочих, все больше чувствуется потребность в таком местном органе, который бы время-от-времени ознакомлял всех здешних товарищей с важнейшими событиями местной и общепартийной жизни и восполнял бы недостаток постоянных собраний всех организованных рабочих. Содержание листка № 1 следующее: 1. «Долой комедию», статья о Гос. Думе, заканчивающаяся так: «Наш лозунг—долой комедию! Долой царя с его уступками! Презрение такой Гос. Думе, которая согласится собраться при теперешних порядках! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика!». 2. Стачка виленских кожевников. 3. О съезде групп, входящих в состав Сев.-Зап. Комитета. 4. Первая областная конференция Сев.-Зап. края. 5. Хроника. 6. Деятельность Виленской группы. 7. Отчет Вил. групп с 1-го июня по 10-е авг. (приход 718 р. 10 к., расход 593 р. 43 к.). 8. Отчет по забастовке кожевников. Деятельность группы расширяется: много новых связей и рабочих кружков, ряд массовок; образовалась группа пропагандистов. С конца июля изданы: 2 листка, напечат. в тип. Сев.-Зап. К-та (3.000 и 10.000); затем на гектографе 6 экон. листов по-русски и по-польски в числе (в общем) 800 экз.

«Рабочий». Нами только-что получен № 1 газеты «Рабочий», издание ЦК Р.С.-Д.Р.П. (август 1905 года). Пока ограничимся сообщением содержания: От редакции. Революция и контр-революция в России. Земство и рабочий класс. Насилие и обман. Памяти Сазонова. Хроника. (Страниц 12 в два столбца).

«Сибирский Социал-Демократический Листок» издается Союзным Сибирским К-том Р.С.-Д.Р.П. Орган этот, как объясняет в своем предисловии редакция, возник по инициативе состоявшейся недавно общесибирской конференции партийных работников. Необходимость издания местной газеты конференция мотивировала тем, что общепартийные органы как благодаря своей отдаленности от центров движения, так и благодаря тому, что доставка их по необходимости запаздывает, не в силах в настоящее время удовлетворять жгучей потребности растущего и обостряющегося революционного пролетариата в партийной литературе, которая бы отзывалась на политические вопросы дня, общерусские и местные. Исходя из этих соображений, конференция и признала желательным издание в Сибири популярного периодического органа, имеющего целью по возможности восполнить существующие в этом отношении пробелы». Содержание № 1 газеты следующее: Предисловие от редакции. Царская война и всеобщая сибирская стачка. За полгода (краткий обзор соц.-дем. деятельности в Сибири 1-го янв.—1-го июля 1905 г.). Политическое обозрение (июль 1905 г.). Хроника Сибири: Кутайсов-либерал; первый открытый митинг в г. Томске; Томск-Корреспонденция из Оби, Омска и Каинска. По России: К одесским событиям.

Одесса. Уважаемые товарищи! Обращаюсь к вам с просьбой поместить в нашем ЦО мое письмо, которое, по моему мнению, имеет некоторое значение. На днях мне пришлось столкнуться со следующим фактом. Один рабочий, знавший меня, просил, чтобы я зашел к нему по делу. На мой вопрос: для чего? он ответил, что некий молодой человек, приезжий, хочет вступить в организацию большинства, но не имеет связей и потому просит свести его с кем-нибудь из нашей организации. Придя к нему, я застал у него того, о ком он мне говорил. Завязался разговор о минувшей забастовке. Мой собеседник, который оказался меньшевиком, спросил, состою ли я еще в организации. Я ответил, что работаю при организации большинства, как и прежде. «Но я,—возразил мой собеседник,—слышал о недовольстве вашем своей организацией». Я ответил, что он неверно слышал. «В таком случае,—говорит он,—мне неверно передали. Если вы работаете еще при своей организации, то я вас отговаривать не стану. Но вообще теперь, в виду частых провалов и особо ощущаемой неадекватности работников, «большинство» ликвидирует свои дела и передает нам свои связи. В виду

этого, чтобы не остаться без организации, я предлагаю вам и вашим товарищам перейти в нашу организацию». (Передаю дословно). Я заметил, что эти слухи неверны, и что вообще недостойно социал-демократа такими путями переманивать менее сознательных рабочих (так как более сознательные ему не поверят). Он стал уверять, что я могу этому верить, так как это сущая правда. Затем он стал меня расспрашивать о связях, но я не желая продолжать этой пустой болтовни, простился с ним и ушел. Я думаю, что поступил вполне логично, не вступая с ним в дальнейшие разглагольствования, так как, допуская охотно борьбу идейную, путем убеждения, я в то же время (думаю, со мною каждый должен согласиться) совершенно не представляю себе возможным и достойным для социал-демократа стараться обманным путем перерегивать к себе несознательных рабочих, внося этим раздор и нередко даже разочарование в среду рабочих. Считаю нужным прибавить, что описанный мною случай—не первый. Еще недели три назад были сделаны такие же попытки и в городском районе (этот случай имел место в Пересыпском районе). Но благодаря сознательности рабочих, к которым обращались с этими предложениями, эти попытки не имели никакого успеха. И вот после того, как этот факт имел место в разных районах, было предложено послать описание случившегося у нас в ЦО с просьбой напечатать. Цель этого,—в виду того, что подобный факт проявился в нескольких местах, так что не может быть случайным,—выяснить, действуют ли работники из «меньшинства» по заранее составленному плану, или же это просто инициатива добровольцев. Я думаю, что орган «меньшинства» не оставит нас без надлежащего ответа.

Рабочий из большинства.

Меньшевистский комитет о булыгинской Думе. Редакцией «Пролетария» получены три первых номера «Летучего Листка» Иркутского комитета Р. С.-Д. Р. П. В № 2-м этого листка находим, между прочим, чрезвычайно интересную статью (передовая—«Министерская стряпня»), из которой приводим некоторые поучительные (для новой «Искры») выдержки.

В начале статьи идет резкая критика проекта булыгинской думы. Дальше читаем: «Как отнесутся к этому проекту господа либералы, демократы и буржуазные партии?... «Таким самоуправлением (т.-е. думой) не удовлетворятся теперь и либералы». «Рабочий же класс с негодованием вернет самодержавию этот ответ на требование всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Никогда рабочий класс не примирится с имущественным цензом»... «И все те, кто примирится с этим ограничением избирательного права, кто готов забыть, что мы требуем всеобщего и равного для всех избирательного права,—все они—изменники народному делу, все они—враги наши! И с ними, будь это партии или люди, мы будем вести борьбу такую же, как и с самодержавием! Ни сладкие, медовые речи о дружбе, о том, что у нас сейчас один общий враг, никакие заискивания не обманут нас! Маски долой!—скажем мы им. Если вы не хотите иметь в нас, рабочих, своих смертельных врагов и в данную минуту всеобщего натиска на самодержавие,—вы должны так же твердо, как и мы, оставаться при вашем требовании!»... «Если вы от него отступитесь,—вы для нас сливаетесь в одно целое с самодержавием! Нашей кровью мы не хотим покупать свободу только вам!»... «Поймите это!»...

Иркутский комитет думал прочитать горячую отповедь правому крылу либералов и совершенно неожиданно для себя прочитал ее новой «Искре». Предоставляем читателю сделать выводы из этой красноречивой отповеди и сравнить их с маниловским планом «Искры» или сопоставить с откровенно-популярной пошлостью, изложенной в № 11-м «Социал-Демократа». В чем, думаете вы, заключается главное возражение этой «рабочей газеты» против бойкота? А в том, что «для рабочих тут своего собственного дела, своей собственной политики не оказывается. Они должны просто сидеть, сложа руки». Нет, дорогие новоискровцы,—напоминает редакция «Социал-Демократа» меньшевистский комитет,—вы позабыли (или «готовы забыть»), что у

рабочего класса всегда есть свое собственное дело, своя собственная политика. И «эта министерская стряпня, которую, как обглоданную кость, бросает теперь России самодержавие, она не разобьет силы напирательшей на самодержавие революции!».

«Товарищи!—цитируем уже по 3-му номеру «Летучего Листка».—Можем ли мы верить этим людям (читай: «решительным и крайним» цензовикам), что они останутся стойки в своих требованиях? Что, раз вступил на скользкий путь соглашения с самодержавием, они не предадут ему всего? Что страх перед просыпающимся народом не заставит их все теснее и теснее сливаться с самодержавием? Ответ ясен! Нет им доверия рабочих! И если мы всегда вносили в наше отношение к либералам недоверие, то теперь должно быть усугубленное недоверие!»... Только самостоятельная рабочая партия может верно защищать интересы рабочих!»...

Правильно, товарищи иркутские меньшевики!

Бежали и прибыли за границу: 1) Константин Фельдман (по делу «Потемкина») из Севастопольской военной тюрьмы. Одновременно с ним скрылись тюремный надзиратель и часовой; 2) А. Мичник из с. Урик Иркутской губ.; 3) Павел Ногин из Чердыни; 4) Виктор Ногин из с. Кузомень, Кольского у., Арх. г.; 5) оттуда же Петр Гусев, раб.; 6) оттуда же Антон Новохатка, раб.

В заграничную кассу ЦК поступило: Из России 200 руб., от «Сибиряка» на нужды восстания—125 фр., через т. Ад.—15 фр., «Спорные деньги»—15 фр. Из Лейпцига на нужды восстания по подп. л. №№ 705 и 707—21 м. 05 пф.; на поддержку пострадавших 9-го января в Петербурге (по подп. л. № 44)—20 м. 60 пф.; для «Потемкина»—4 марки.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным Комитетом: Летучие Листки ЦК № 1 и 3. Бакинским К-том: 1. Ко всем бакинским рабочим, 2. Наши умиротворители, 3. Требования ремесленников, 4. К рабочим Белого городка о заводе Ротшильда, 5. Постановления выборных представителей от мастеровых и рабочих Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества, 6. К рабочим завода Восточного О-ва в Белом городке (все печат.); Рижским К-том: 1. Кто и как будет выбирать представителей в Государственную Думу (3.000 рус., 5.000 лат.), 2. К запасным (2.000 р., 3.000 лат.), 3. К рижским гражданам (1.000) (все печат.), 4. Чего хотят соц.-дем. (программа для интелл. кружков); Иркутским К-том: 1. «Летучий Листок» № 1, 2. «Летучий Листок» № 2, 3. «Летучий Листок» № 3, 4. Приложение к «Летучему Листку» № 2, 5. Приложение к «Летучему Листку» № 3 (все печат.); Либавской Группой: В Либаве вспыхнула всеобщая забастовка (гект.), 2) По поводу мобилизации (гект.); Саратовским К-том: По поводу слухов о погроме (печ.); Тверским К-том: К рабочим стекольного завода Куровой (гект.); Костромским К-том: Бюллетени № 3 и 4; Виленской Группой: «Листок В. Гр.» № 1; Иваново-Вознесенским Комитетом: О черной сотне (10.000 печ.); Томским Ком.: 1. В Томскую Гор. Думу (№ 99), 2. К солдатам и казакам (№ 100), 3) Чему учит нас стачка? (№ 101), (все печат.); Сибирским Союзом: «Сибирский Соц.-Дем. Листок» (печ. газета, 8 страниц).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

• Просим все организации сообщить, по какому именно адресам ими получается «Пролетарий». Достаточно сообщить одни фамилии. Каразину, Вяземскому, Канскому, Чудной, Оле 333, А. Н-авану, Сергею С.—получено. Ка-

навино, Организатору-рабочему. Постараемся поскорее исполнить вашу просьбу. Пропагандисту. То же. Шугар. Не посылайте заказных писем. Нищему. Куда просили—написано. Алеше. Адрес для писем напутан. К. А. Ваши корреспонденции, к сожалению, получены только теперь—по вине адресата. Алексею. Все получаем аккуратно. Давид. Письмо Д. получено. Топкину. Напишите, где и как устроились, необходимо связаться. Фридову. Дайте адрес для писем. Измаилу, З.

4711. Отчего не пишете? Челябинской группе. Адрес разобран, будет послано. Людмиле и Георгию. Получили ли наши письма? Послано З. Ване. То же. Послано 2. Мальцеву и Ольге. Нет ни явок, ни адресов для писем. Евсееву. Отчего ничего не пишете? Ваши адреса, верно, не действуют, пришлите новые. Вареньке. Не можем разобрать письма, у вас, верно, другое издание, надо второе. Лисину. Сообщите адреса своим ключом.

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Мир и реакция.

Мир заключен. После ряда поражений, небывалых в истории, царскому правительству удалось при помощи европейской и американской буржуазии добиться [целью тяжелых усилий остановки победоносного натиска Японии. Вопреки всем дипломатическим уловкам и уверткам царское правительство на деле признало себя побежденным. Россия теряет часть своей территории. Позорный конец позорной войны на долгие годы оставит свои следы. Но европейской и американской капитал соединились, чтобы не позволить Японии добить самодержавие, ибо быстрой крах его грозит революционным пожаром в Европе, восстаниями пролетариата против буржуазии] 1). Правящая клика [царских слуг] с облегчением вз[ахает]: одна гора свалилась с ее плеч. Но может ли тоже сказать русский народ?

Когда пришло известие о заключении мира, известный американский писатель, Марк Твен, воскликнул: «Думаю, что благо, принесенное этим миром, не может даже отдаленно сравниться с причиненным им злом. Еще одно поражение и с миллионами и миллионами еще не родившихся русских спали бы цепи. Я ждал этого нового поражения русских. Я думаю, что Портсмутский мир — одно из печальнейших событий истории.»

Мы не разделяем мрачного пессимизма Марка Твена. Нам кажется, что судьба «миллионов и миллионов еще не родившихся русских» зависела и зависит не только от исхода войны. Но одно несомненно: поскольку развитие русской революции, а следовательно, и полное освобождение русского народа от цепей самодержавного порядка, зависит от военного поражения царизма, постольку это развитие тормозится и осложняется Портсмутским миром. Развитие политического самосознания [в рабочем классе и] в широких слоях народа [вообще шло за последние годы русской жизни с невиданной прежде быстротой] 2). Народ начал сознавать себя [верховой], суверенной силой в государстве. Идея учредительного собрания на началах всенародных выборов, как политического выражения [самодержавия] народа, стала ходячим лозунгом, проникла во все уголки России, отразилась даже в приговорах волостных сходов. Но две [самодержавные] власти не могут существовать в одном государстве. [Либо самодержавие царя, либо самодержавие народа. Между тем и другим неизбежна] 3) беспощадная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. И эта борьба началась. Народ, с революционным пролетариатом во главе, вел эту борьбу, [проникаясь] сознанием своего верховного права, жгучей потребностью свободы. Творческим элементом народной

революции правительство противопоставило разрушительные силы «порядка» — пули и штыки. Но военное могущество самодержавия — его единственная опора — подверглось в это время тяжелым испытаниям войны с Японией. Поражения шли за поражениями, одно тяжелее другого, одно позорнее другого. И всякий новый удар, нанесенный военной рукой царизма, пробивал брешь, в которую устремлялись [новые волны] революци[онного потока]. Победоносная Япония являлась таким образом невольным союзником, — далеким, незнакомым, стихийным союзником русского освободительного движения. Как разрушительные силы природы способствуют нередко творческой деятельности человека, так и эта кровавая, гибельная война расчищала путь для русской революции.

Война сама по себе, независимо от ее исторического значения, есть великое народное бедствие. Она уносит десятки и сотни тысяч молодых жизней, она разоряет семьи убитых и изувеченных, лиши их работников, она останавливает промышленную жизнь страны, выбрасывая на улицу целые армии безработных, она бессмысленно поглощает миллиарды народных денег. Да, война — это великое народное бедствие. Но социал-демократ не может рассматривать войну независимо от ее исторического значения. Для него не может быть абсолютного бедствия, как не может быть и абсолютного блага и абсолютной истины. Он должен рассматривать и оценивать значение войны с точки зрения интересов своего класса, пролетариата, интересов его развития и освобождения. Он должен оценивать войну не по количеству жертв, а по ее политическим последствиям. Выше интересов личностей, гибнущих и страдающих от войны, должны стоять интересы класса. И если данная война служит интересам пролетариата, как класса, пролетариата в целом, если она освобождает его от части уз, дает ему свободу борьбы и развития, то такая война есть явленное прогрессивное, независимо от жертв и страданий, которые она влечет за собой.

С абсолютной точки зрения революция есть такое же бедствие, как и война. Революция — тоже война, гражданская война, война более разрушительная и ужасная, происходящая несечено на территории данного народа и вовлекающая в борьбу все слои населения. Революция, как и война, несет с собою смерть, пожар, разорение, голод. Но разве повернется хоть у одного революционера язык, чтобы протестовать против революции, выдвигать против нее то соображение, что она есть бедствие, независимо от ее результатов? А между тем, именно с этой сантиментально-этической точки зрения раздался в известной части русской социал-демократии протест против войны. В то время,

как левое крыло российской социал-демократии, клеймя войну, протестуя против нее, требуя ее прекращения, связывало это прекращение с созывом учредительного собрания, ставило одной из первых задач учредительного собрания прекратить преступную войну,—«Искра» выдвигала лозунг: «мир во что бы то ни стало». Мир во что бы то ни стало—это значит мир, хотя бы ценой сохранения самодержавия, хотя бы ценой подавления революции. Такая постановка вопроса противоречит всей позиции социал-демократии, такой лозунг противоречит самым жизненным интересам пролетариата. Мы указывали в свое время (см. «Вперед» [№ 2, «Падение Порт-Артура» и] № 13 «Европейский капитал и самодержавие»), что лозунг, выдвинутый «Искрой», играет на руку реакции. После того, как военное могущество самодержавия было разбито, после того, как всем неослепленным стало ясно, что царское правительство не сможет уже оправиться от разгрома и закончить войну—если не победоносно, то хоть с честью,—лозунгом европейской реакции, [европейской буржуазии] стал «мир во что бы то ни стало», мир—с целью не допустить падения самодержавия. Ведя агитацию за «мир во что бы то ни стало», проводя в рабочих собраниях соответствующие резолюции, мы играли бы на руку реакции, создавая тот «глас народа», который мог бы быть очень удобно использован правительством, если бы крайняя необходимость спасения самодержавия заставила его по своей инициативе начать переговоры о мире.

Насколько правы были мы, протестуя против безоговорочного требования мира, против выдвигания таких двусмысленных лозунгов, как «мир во что бы то ни стало», показала теперь действительность. Мир теперь заключен—и заключен [в точном соответствии с лозунгом] «Искры» «во что бы то ни стало». Он заключен без участия какого бы то ни было народного представительства, заключен самим царским правительством и, конечно, не ради интересов народа. Те, кому нужен и важен был такой мир, начинают теперь высказываться откровенно. «России... пришлось вести параллельно две войны за свое международное и государственное положение,—пишут «Московские Ведомости» в № от 18 (31) августа,—войну внешнюю и войну внутреннюю. Если она ни той, ни другой не вела с достаточной энергией, а потому ни в той, ни в другой не достигла желанных успехов, то это отчасти может объясниться тем, что одна война мешала другой, и Россия не могла в достаточной степени сосредоточиться ни на внешних, ни на внутренних своих врагах».

«Если теперь, как нужно полагать,—продолжает реакционная газета,—война на Дальнем Востоке прекратится, то России будут, наконец, развязаны руки, чтобы победоносно прекратить и внутреннюю войну. Это ей будет тем легче, что здесь уже не будет надобности в торжественных «мирных переговорах» с представителями враждующего государства, а следовательно, не нужно будет и назначать для этих переговоров особенного «уполномоченного», вверяя ему честь и достоинство России; нет, положить конец внутренней войне правительство имеет не только право, но и обязанность без всяких переговоров с врагом, а посредством энергич-

ных, разумных и последовательных мер, клонящихся к окончательному его подавлению».—«С прекращением войны все внимание России сосредоточится на внутренней ее жизни и главным образом на усмирении смуты». Мир развязал руки реакции, и она начинает высказываться прямо и откровенно. И эта прямая и откровенная речь «Московских Ведомостей» лучше всяких трактатов выясняет политическое значение войны с Японией для всей общественной жизни России, для русской революции вообще, для российского пролетариата в частности. Она показывает, насколько близок к правде был Марк Твен, говоря: «еще одно поражение—и с миллионов и миллионов еще не родившихся русских спали бы цепи».

Мы сказали выше, что не разделяем мрачного взгляда Твена на последствия Портсмутского мира. Мы думаем, что судьба «миллионов и миллионов еще не родившихся русских» зависит не только от исхода войны. Война явилась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции, она [в некоторых отношениях вполне] заслуживает название [войны] революционной, но все же она была только подспорьем, только сторонней помощью. История знает еще более сильные разгромы самодержавных государств, вызывавшие, однако, не революцию, а, напротив, взрыв патриотизма. Следовательно, основным социальным фактом является не война, а [внутренние экономические условия жизни страны, развитие которой несомненно с существованием самодержавия] ⁴⁾. Война, несомненно, сильно революционизировала умы, она восстановила против правительства широкие круги крестьянства, разоряющегося вследствие мобилизаций, она озлобила массы несознательных рабочих, изнуренных безработицей, она дезорганизовала армию. Но все же главное влияние оказала война не на усиление революции, а на ослабление правительства. В этом основное прогрессивное значение минувшей войны, и это прекрасно понимает сама реакция, как мы слышали уже из уст «Московских Ведомостей».

Но если с прекращением войны прекращается и непосредственный разгром сил самодержавия, то далеко еще не прекращается от этого революция. Напротив, есть основание ожидать, что в ближайшем будущем революция может получить новый толчок. [Во-первых, толчком этим непременно явится агитация против Государственной Думы, по поводу выборов в Думу, по поводу конституционных конфликтов внутри Думы, если она все же соберется. Во-вторых, тяжелые экономические последствия войны начнут сказываться с особенной силой лишь спустя некоторое время после заключения мира, когда все яснее и яснее станет бремя расплаты за войну. В-третьих] ⁵⁾, толчка этого следует ожидать от возвращения манчжурской армии и солдат из японского плена. Несмотря на варварскую военную цензуру, в заграничные газеты проникали известия о революционном настроении в армии, широкой социал-демократической агитации, о массе листовок, о полевых судах и расстрелах за агитацию. И теперь, когда правительству приходится вернуть в Россию этот рассадник революции, оно оказывается в критическом положении. Уже носятся слухи—они распространяются от «Света» до «Сына Отечества»—будто правительство намерено оставить армию на Дальнем Востоке. По до-

говору о мире оно выговорило себе право увести войска в течение 18 месяцев. Теперь в связи с протестом японского народа против мира выдвигаются доводы, что необходимо оставить войска на театре военных действий, так как нельзя доверять «коварным» японцам, нельзя полагаться, что они не нарушат мира. Из этой двусмысленной политики ясно одно: правительство хочет всеми силами оградить себя от революционизированной манчжурской армии. Но, с другой стороны, и оставление армии на Дальнем Востоке чревато для правительства новыми бедами: каждый месяц промедления грозит превратить революционизированную армию в армию революционную. Так мечется царское самодержавие между двух огней, теряя голову и не способное сообразить, который из них для него гибельнее.

Марк Твэн не дооценивает значения народной революции. Он упускает из виду, что новое поражение царской власти только тогда снимет цепи с миллионов не родившихся еще русских, когда миллионы [угнетаемых теперь] русских [сумеют воспользоваться] этим поражением, произведя с своей стороны натиск на самодержавие. Полагаясь гораздо более на борьбу самого народа, чем на благоприятные международные осложнения, более на войну внутреннюю, чем на войну внешнюю, мы, естественно, не разделяем пессимизма Твэна. Крайности нередко сходятся в оценке событий,—и мы смотрим на Портсмутский мир так же, как и «Московские Ведомости», именно, как на поворотный пункт в революции. Реакция освободила свои руки и стягивает свои силы. Революция не должна уступать ей в этом; она должна стянуть свои силы, должна удвоить энергию и напряженность своей работы, чтобы подготовить решительный удар. Реакция готовится подавить народное движение «без всяких переговоров»,—народ должен также без переговоров раздавить реакцию. Необходимость вооруженного народного восстания роковым образом диктуется всей политической позицией настоящего момента, насущными нуждами русского народа, классовыми интересами пролетариата. Японии не [позволили] добить царского могущества—эта задача [целиком] выпадает на долю революционного народа. Его свобода, его судьба в его руках. Он должен нанести окончательный удар самодержавию и тогда «с миллионов и миллионов еще не родившихся русских» действительно спадут цепи.

(В. Воровский).

Массовая политическая стачка.

Статья V.

Может ли массовая стачка быть побежденной?

Как известно, идея массовой политической стачки встречает сопротивление со стороны оппортунистически настроенных вождей экономических рабочих стачек Германии, которые увлечены накоплением денег в рабочих кассах и с великой досадой смотрят на все, что ведет за собою расходы. Сильные рабочие кассы—вещь, конечно, очень хорошая, но, к сожалению, на малосознательных «вождей» они часто производят развращающее влияние.

Берне острит, что если бы у него был фарфоровый

сервиз, он не мог бы больше быть радикальным общественным деятелем: как совместить переезды, бегства, беспокойства жизни преследуемого правительством «врага общества» с владением столь дорогим и столь хрупким предметом? Так и «экономисты», обременяемые постепенно толстеющими кошельками, теряют подвижность,—из того серебра, которое должно бы было быть оружием рабочего класса, они делают ему цепи.

От перспективы всеобщей стачки, которая потребует напряжения всех средств, эти господа накопители приходят в ужас и прежде всего начинают доказывать, что это предприятие безнадежное. Доводы их сводятся к следующему: «Пролетариат слишком слаб для того, чтобы провести стачку без поддержки других классов, между тем о такой поддержке смешно было бы и говорить. Нельзя надеяться на такое распространение стачки, чтобы она могла нанести действительно серьезный удар политическому обществу, между тем рабочим придется жестоко голодать, и голод доведет их до отчаяния. Между тем, первым же взрывом страстей правительство воспользуется, чтобы при аплодисментах всего напуганного «общества» потопить движение в крови».

Прежде всего нужно заметить на это, что не всякая стачка должна длиться до тех пор, пока правящая компания не почувствует огромного вреда,—стачка в 2—3 дня, как демонстрация, может в иных случаях оказаться действительной. Это доказывает ряд примеров из истории стачечного движения еврейского пролетариата⁶⁾. Но, конечно, когда дело идет о чем-нибудь очень существенно затрагивающем привилегии господствующих, нужно быть готовым к упорной экономической войне. Если бы задачей рабочих при массовой стачке было принудить капиталистов голодом к уступкам, то, конечно, вся затея была бы анархической бессмыслицей. Но, ведь, мы говорим не о всеобщей стачке в духе анархистов, а о политической массовой стачке, рассчитанной прежде всего на относительную или полную победу над государством.

Прежде всего массовая стачка окажет могучее косвенное давление на правительство, дезорганизуя общественную жизнь, охрана которой есть смысл существования государства. Крупная промышленность, сообщения, обмен известиями—все это будет более или менее парализовано; цены на предметы необходимости начнут быстро подниматься. Освещение, санитарная служба, может быть, доставка воды станут в высшей степени нерегулярными. Население будет жить словно в неприятельской стране, средний класс, торговое сословие подымут ропот. Каждый имущий будет обуреваем всяческими страхами за свою жизнь и свою собственность. Все будут вопить к правительству о помощи, о восстановлении порядка. Но как может правительство заставить миллионы рабочих вернуться в их мастерские и копи? Грубой военной силой тут ничего не поделаешь. К тому же и она будет крайне ослаблена. Для энергичного усмирения правительство нуждается в единстве плана, следовательно, в постоянных и быстрых сношениях остальных частей с центром, между тем именно это будет невозможным, как невозможным станет и быстрое передвижение войска: государство распадется, каждая провинция будет предоставлена себе самой. К тому же в тех случаях, когда рабочий класс не сможет рассчитывать на от-

каз со стороны войск подымать руку на братьев своих, рабочие будут настолько осторожны, что нигде не дадут возможности вызвать бойню: они воздержатся от всяких насилий, они будут расходиться по требованию полиции, чтобы собраться снова в другом месте, а фабрики, заводы, копи и железные дороги все-таки ни с места!

Но, ведь, придется голодать? Да. Конечно, кое-какую помощь рабочим окажет сочувствующая публика, мелкие торговцы будут давать в кредит, поддержат их и потребительные общества (рабочие же), но все же нужда будет налицо, оно будет расти с каждым днем. Но разве не бывает того же при всякой мало-мальски затянувшейся стачке. Выносливость человеческая становится изумительной, когда люди имеют перед собой великую цель, когда они воодушевлены, и когда их сдерживает дисциплина. Но какой же класс может сравниться с рабочим классом по высоте преследуемых целей и по силе дисциплины?

Организованность и дисциплина—это главные силы пролетариата. Вот почему самым странным преступником перед ним является всякий, кто подрывает дух дисциплины, кто под какими бы то ни было предложениями дезорганизует его ряды. Не знаю, сможет ли кто привести пример того, чтобы дурачили рабочих и сбивали их с их истинного пути под флагом пролетарской дисциплины? Были ли примеры, чтобы вождь, честно-открыто призывающий пролетариат к сохранению дисциплины, заботился лишь о том, чтобы верховодить над рабочими или отравлять их оппортунизмом? Таких примеров я не знаю, но под флагом «рабочей самостоятельности»,—под этим красивым флагом работали свою преступную работу оппортунисты в роде Брусса, дезорганизаторы-анархисты в роде Домелы Ньюэнгайса. Где в социал-демократии, в ее истории цезари и диктаторы, которые, требуя дисциплины, злоупотребляли бы своим положением признанного вождя? Кого обвиняли в такой диктатуре? Маркса, Лассалья, Бебеля! Правильны ли были эти вопли—читатель сам знает. Бывали ли в истории социализма демагоги, обиженные честолюбцы, которые делали свое разрушительное дело, прикрываясь лозунгом «рабочая самостоятельность»? Таких примеров сотни! К «самостоятельности» зывал Бакунин, терзая на части Интернационал. К самостоятельности зывал Брусс, разрывая еще молодую рабочую партию Франции. Против теоретиков, литераторов и «непримиримых пап» в роде Каутского орут теперь немецкие экономисты и апеллируют тоже к самостоятельности рабочих. И самостоятельность рабочих после недолгих колебаний проявляется всегда тем, что рабочие посылают к чорту дезорганизаторов и вновь убеждаются в том, что и главная сила — дисциплина и организация.

Организация,—говорит Роланд-Гольст,—дает рабочему то, что давало оружие феодалу, деньги—буржуа: стойкость, гордость, чувство собственного достоинства. Без организации рабочий самое беззащитное существо на свете, он должен сгибаться перед всякой угрозой, он становится трусом и рабом. В организации он научается владеть собою, подгонять свои маленькие и случайные интересы к интересам всего целого, в организации он научается дисциплине. Пролетарская дисциплина учит подчинять свои влечения и капризы—своей разумной личности, которая крепнет в среде других таких же лично-

стей,—на этом покоится добровольное подчинение свободно избранным вождям, выразителям общей разумной воли. Дисциплина солдатская принижает человека потому, что она принуждает его безропотно служить чуждым, даже противным целям; пролетарская дисциплина возвышает человека, делая возможным достижение общими усилиями таких целей, которые превосходят единичные силы. Только свободная пролетарская дисциплина делает для нас возможной победу над нашим могучим врагом. Она дает массам доверие к вождям, вождям—веру в массы, каждому—уверенность в товарищах. Только она дает возможность победить кампанию лжи, провокации, запугиваний и лживых обещаний со стороны правительства. В начале неорганизованный и недисциплинированный пролетариат возбужденно и как будто решительно начинает борьбу, пожалуй, даже решительнее и охотнее, чем впоследствии, потому что его жизнь слишком безотраднa и ему нечего терять, но выносливым он не может быть. Неорганизованный пролетариат находится во власти изменчивых порывов и настроений: сегодня он с геройской дерзостью бросается на бесконечно сильнее врага, а завтра отступает перед совершенно мнимой опасностью. Между тем, ничто не нужно борющемуся пролетариату в такой мере, как стойкость и спокойствие, а их могут гарантировать только организация и дисциплина. Допустим, что штыками правительству многого добиться не удастся, если стачка поведена разумно и дружно. Но разве у правительства нет других средств? Оно может прибегнуть к массовым арестам наиболее видных рабочих у них на квартирах, оно может выгонять рабочих из их жилищ, если эти жилища принадлежат государству или городу; оно может распространять ложные известия о мнимой измене, о том, что в той или другой местности работы начались и т. д. Правительство может подкупать босяцкие элементы, компрометировать стачку погромами; оно заставит прессу травить стачечников, а церковь проклинять их. Разве русское правительство не пыталось вызвать в невежественном люде озлобление против стачек в январе обвинениями рабочих в том, что они подкуплены японцами? Чтобы рабочий стойко выдержал все эти испытания, надо, чтобы в своей повседневной борьбе он сознавал свою великую пролетарскую миссию, гордую волю пересоздать общество на новых, высших началах. Классовое самосознание, которым вооружает рабочего социал-демократия, спасает его от поспешности, заносчивости, а также и от уныния, и робости.

На энтузиазм и стойкость рабочих, на их дисциплинированность и организованность приходится прежде всего рассчитывать в борьбе с врагом. Но, кроме того, рабочий закален житейскими невзгодами. Существует ли хоть одна рабочая семья, которой не приходилось бы переживать период хронической нужды вследствие безработицы или болезни кормильца? Нужда не новость рабочему, и ею не запугать его, когда он начал серьезную борьбу.

Кроме того, Роланд-Гольст указывает на тот метод ведения всеобщей стачки, который стихийно выработался в практике русского пролетариата. Этот метод позволяет тянуть стачку месяцами, не доходя в то же время до истощения своих сил. Движение принимает

характер постоянно чередующихся, возникающих, замирающих и вновь возникающих стачек по всему лицу страны и во всех отраслях производства. Конечно, действие такой формы стачки не может быть быстрым, она напоминает не столько приступы, сколько осаду, но она все же подрывает экономические основы общества и создает то состояние общей неуверенности и беспокойства, непрерывно поддерживая которое нам и важно.

Конечно, и при такой форме движения организация и дисциплина необходимы в той же мере. Доведенная до совершенства добровольная дисциплина, всеобщее согласие—это то, чем рабочий отличается от государственной машины. Эта машина только кажется прекрасно организованной,—на деле она слаба. Казалось бы, превращение феодального государства в новейшее централизованное военно-полицейское есть шаг вперед. Не надо забывать, однако, что в буржуазно-капиталистическом государстве настоящие господа, капиталисты, всецело отдаются приобретению, дело управления поручают наемникам, как бы последние ни назывались, в каких бы коронах ни ходили. Таким образом, современное буржуазное государство не есть организация самого господствующего класса, а служебная организация. Чиновники служат капиталистам ради заработка, армия в своей массе—под давлением насилия: ни та, ни другая не заинтересованы прямо в господстве буржуазии. Далеко не все слуги государства относятся к нему с одинаковой любовью: мелкое чиновничество, солдаты, городовые сами терпят эксплуатацию и надругательство, и чувство застарелой обиды легко может в решительный момент бросить их в лагерь врагов их начальства. Если рабочим удастся продолжительное время держать в осаде государство и общество, в среде господствующих начнется раскол. Одни из них будут кричать о необходимости кровавого урока бунтовщикам, другие будут рекомендовать политику лжи и хитрости, провокации и мнимых уступок, третьи будут доказывать, что необходимо успокоить народные массы действительными уступками, четвертые подымут толки о неспособности правителей, давая волю долго скрывавшемуся недовольству лицами или порядками. Чем тревожнее становится положение, тем заметнее растет раскол господствующих и единство стачечников. Каутский следующим образом рисует этот момент:

«Если стачечникам удастся, наконец, хоть в какой-нибудь частности дезорганизовать государственный механизм, склонив ли на свою сторону какую-нибудь часть его, или принудив правительство в замешательстве привести к беспорядку путем противоречивых приказов и отказов—тогда пролетариат близок к победе; господствующие классы теряют доверие к правительственной власти (этот момент, собственно говоря, уже наступил в России), они перестают верить в его способность охранять их интересы, страх овладевает ими, продолжение сопротивления грозит им гибелью, они осаждают правительство требованиями пойти на уступки, они покидают его и сами вступают в переговоры с революционными силами, чтобы спасти, что можно; правительство теряет почву под ногами и правительственная власть переходит к тому классу, спокойствие и стойкость которого наиболее импонировали незаин-

тересованным непосредственно массам, к классу, расудительная сила которого обезоружила противника—к социал-демократически воспитанному пролетариату». Так говорит Каутский.

Роланд-Гольст довольно скептически относится к вооруженному восстанию народа и очень восхваляет методы борьбы, стихийно выработанной пролетарскими массами в России. Но в данном случае с положениями Роланд-Гольст можно согласиться лишь с оговорками. Вот что пишет она о нынешнем революционном рабочем движении в России:

«Общая попытка рабочих и интеллигенции поднять вооруженное восстание, несомненно, кончилась бы страшным поражением и сделала бы пролетариат слабым и неспособным к борьбе на многие годы. После целых месяцев стачек пролетариат остается не только не надломленным, но сознавшим в борьбе свою силу и свою важность для общества. В течение этих месяцев он нанес абсолютизму такие удары, каких интеллигенция не могла причинить ему и десятилетиями героической борьбы. Потрясши всю общественную жизнь, заставив войско и полицию жить в постоянном напряжении, пролетариат сделал победу революции неизбежной. Конечно, уличная борьба имела место, и кровь лилась; революция против азиатски-жесточкого самодержавия, конечно, не может обойтись без жертв. Но если бы главной формой движения была не стачка, а вооруженное восстание, то пало бы не несколько сот или тысяч пролетариев, а весь пролетариат русский лежал бы теперь, истекая кровью, как парижский пролетариат после коммуны».

Бесспорно то, что делалось до сих пор, было наиболее выгодной подготовительной формой борьбы *). Невооруженный пролетариат, непосредственно поднявшись для войны с самодержавием, был бы, конечно, разбит. Но, ведь, сама Роланд-Гольст говорит, что великолепно проведенной стачкой пролетариат сделал победу революции неизбежной. Да! он расшатал устои самодержавия. «Потемкин», недавний бунт трех полков под Варшавой и множество более мелких событий говорят нам о том, как быстро обезоруживает пролетариат самодержавие, сам же он в то же время вооружается и прямо, создавая революционные отряды, и косвенно, подготавливая прямой переход отдельных частей армии на сторону революции. Вооруженное восстание, невозможное в январе, рискованное сейчас, станет единственно разумным шагом через немного месяцев. Победа революции подготовлена, да, но какой революции? и какая победа? Без вооруженного восстания народных масс под руководством сознательного пролетариата невозможна полная победа демократической революции; если, подготовив почву для натиска на правительство стачками и стихийными взрывами, пролетариат не закончит начатого столь героически, столь блестяще дела восстанием, то революция закончится выкидышем—победой либералов, т.-е. сделкой отдельных клик с царем. Неужели же такую победу такой революции подготавливал пролетариат?

*) Громадное значение массовых политических стачек «в начале и в самом ходе восстания» не подлежит сомнению, и резолюция III съезда Р.С.-Д.Р.П. о восстании признает это вполне определенно.

Восстание народа и победа над верной правительству армией—вздорная утопия, но восстание народа и значительной части армии против кучки деспотов и грабителей—это действительность завтрашнего дня.

Из этого отнюдь не следует, чтобы стачечное движение уже сделало все, что оно могло сделать: оно будет бить, как тараном, в твердыню самодержавия, так что все устои его станут дрожать и шататься, оно пробьет бреши в толстой стене, и в эти бреши победоносно ринется тогда народ и народная армия под знаменем вооруженного восстания.

(А. Луначарский).

Письмо из Петербурга.

«Пролетарий» в № 10 от 2-го августа посвятил статью выяснению отношений буржуазии и пролетариата к великой российской революции. Основная мысль этой статьи может быть сформулирована ее заглавием: пролетариат борется, буржуазия крадется к власти. Но такая формулировка была вполне правильна 2-го августа, а теперь, 25-го, она уже не вполне точно выражает позицию буржуазии. Наша общественная жизнь, с ее быстрым, колоссально быстрым темпом, ежедневно вносит новые и новые поправки, определяет все более и более классовые интересы различных слоев населения и, определяя их, все настоятельнее и настоятельнее требует как от отдельного гражданина, так и от целых слоев дать определенный ответ: «против самодержавия, какую бы личину оно на себя ни одевало, с народом за народное правление,—или против народа, с самодержавием за сохранение старого порядка».

Давно ли все эти г.г. Петрункевичи, Водовозовы, Новиковы и К⁰ распинались так, что многим слабым душам казалось, что наша критика хватает через край, что эти великие мастера малых дел являются «последовательными» демократами, ни в коем случае не примиряющимися с таким строем, которым не будет обеспечены политические права всех граждан и гражданок известной четырехчленной формулировкой. Было время, когда «слабые души» негодовали на нас, социал-демократов, за нашу «непримиримость» и т. д. Они не верили нам, не хотели верить; теперь сама жизнь, этот великий и непогрешимый учитель, заставит их признать как правы были мы. Теперь, когда буржуазия уже не крадется к власти, а подкралась к ней и с цинизмом готова начать упражняться в честном маклерстве, теперь должны же прозреть все те, кто еще столь недавно был слеп.

Буржуазная демократия подкралась к власти—это факт, которого нельзя не видеть: она входит в Гос. Думу, эту антинародную побрякушку, брошенную русскому народу самодержавием для дальнейшего поддержания своего гнусного существования, и входит не просто, а все еще продолжает прикрываться фиговым листком; но теперь понадобился новый, другой листок: приходится доказывать, что интересы всего народа могут быть представлены в Гос. Думе: дескать, власть может оказаться в руках... народа. Эту лживую, цинично наглую мысль определенно проводит легальный

орган освобожденцев «Наша Жизнь» в передовой статье № 230 от 25-го августа. Указав на то, что «видимо вопрос об участии в выборах решается в положительном смысле», «Н. Ж.» находит, что «едва ли возможно иное решение этого вопроса». Конечно, она стоит на высоте своей задачи и умышленно обходит молчанием важный вопрос, кем, какими группами, слоями и классами этот вопрос решен в желательном для нее смысле. До сих пор за выборы высказались определенно правые освобожденцы с земцами, съезд которых только что закончился, и часть союзов, этих ласточек нашей буржуазной демократии. В последнее время начал поворачивать вправо и союз союзов, этот современный наиболее чувствительный флюгер, собирающийся «пересмотреть» вопрос о бойкоте; заранее наметились и тенденции этого «пересмотра»—отвергнуть бойкот. К этому сонму буржуазных голосов присоединила отчасти свой голос и «Искра», лозунг которой, сбивающийся на освобожденский, на практике привел бы неминуемо к тому, что господами «революционного самоуправления» в том случае, если ему не будет предшествовать победа восставшего народа, явятся все те же честные маклеры, уже и теперь не задумавшиеся предать народное дело (см. № 12 «Прол.»). Важно отметить, что от лозунгов «Искры» ее российские единомышленники, как слышно, открещиваются. Что же касается крестьянства и пролетариата, то до сих пор мы не слышали, чтобы они по интересующему нас вопросу дали желательный для «Н. Ж.» ответ; а пролетариат уже сделал больше: он ответил вполне определенно: «долгой Гос. Думе». Пусть «умный» передовик «Н. Ж.» побывал бы на вчерашнем (24 авг.) митинге Семяниковского завода, пусть послушал бы он, как тысячная толпа пролетариев подхватила наши лозунги, в числе которых он услышал бы и определенно враждебный по отношению к защищаемому им государственному учреждению.

«Наша Жизнь» не ограничилась только констатированием своего положения, а пытается и подкрепить его, так-сказать, аргументами. Бойкот Думы, по ее мнению, приведет или «к устранению наиболее передовых элементов», или... к революции. Что «демократ» боится революции—это азбучная истина, поэтому понятен, с его точки зрения, этот аргумент, а первый...—фиговый листок. По мнению «Н. Ж.», дело обстоит так, что наиболее передовые элементы, т.-е. представители пролетариата, могут попасть в Думу. Как это вам понравится? При наличности такой цензовой «конституции», какой не знает мир, при полном отсутствии свободы слова, собраний и т. д., при существовании таких юридических норм, при которых всякому социал-демократу, в силу того, что он социал-демократ, грозит ежеминутно перспектива познакомиться с одиночным заключением,—при всем этом «Н. Ж.» находит, что «каждое направление будет иметь возможность... высказываться» и даже ей представляется возможность, «чтобы в самой Гос. Думе оказались представители всех существующих направлений». Что это? Наглая ложь, злостный обман или грубая ошибка? Последнее не может быть, так как небезызвестно же органу демократов, с либеральными профессорами во главе, что цензовая конституция Пруссии является причиной того, что и один социал-демократ до сих пор не попал в ландтаг, а г.г. пруссаки собственники, несмотря на то,

что среди них есть, по выражению Бебеля, белые вороны, которые являются идеологами пролетариата, все еще не выражают намерения подавать свой голос за представителей рабочего класса. Конечно, нелепо было бы ожидать, чтобы наши «российские» собственники на стоящую перед ними дилемму—или «изменить собственному классу, или же пожертвовать интересами пролетариата»—пошли бы иным путем, чем их собратья пруссаки. Нет, рассказы «Н. Ж.» о том, что представители пролетариата могут попасть в Булыгинскую Гос. Думу, являются злостным обманом, при посредстве которого г.г. демократы предполагают обезвредить для себя пролетариат, предав его интересы, и воспользоваться сделкой, на которую идет самодержавие, в виду постоянной, непрекращающейся борьбы пролетариата. Но г.г. демократы забыли, что социал-демократия стоит на страже классовых интересов пролетариата! И она не замедлит разоблачить их ложь, их обман, их предательство, не замедлит пред лицом всего мира заявить, что буржуазная демократия предала народное дело, и этим дала ответ, что идет с самодержавием против народа. Они забыли это! И, позабыв, убаюкивают народы России тем, что центральным вопросом теперь является вопрос о Гос. Думе. Ложь! Опять обман! До полной победы восставшего народа, результатом которой является временное революционное правительство, выборы, какие бы то ни были, не могут быть центральным вопросом; они займут важное место только после этой победы, а не раньше ее! А пока лозунг: «да здравствует вооруженное восстание»—вот центральный лозунг данного момента. Этот лозунг в России привлекает все больше и больше сторонников, все более и более конкретизируется, и недалеко то время, когда мы позовем и вас, предатели-демократы, к справедливому народному суду... Одно хорошо: снята еще одна маска, волк сбросил овечью шкуру, и рабочий класс уже обеспечен от нападения с этого фронта: ведь, теперь всякий, самый несознательный рабочий хорошо поймет как природу буржуазного демократа, так и то, чьи интересы он защищает. Это хорошо! Да здравствует вооруженное восстание!

Заявление группы московских помощников присяжных поверенных.

Принимая во внимание: 1) что всероссийский союз адвокатов является политической организацией; 2) что программа союза, несмотря на свою неопределенность—особенно в части социальных требований—свидетельствует о том, что союз является партийной организацией либеральной части адвокатуры; 3) что такой партийный характер союза особенно виден из проявившегося на съезде адвокатов отношения к революционным партиям; 4) что отказ съезда от принятого им решения содействовать вооружению населения и мотивы этого отказа ограничивают деятельность союза рамками легально допустимого; 5) что вступление в союз означает принятие его программы—социалистическая группа («сословно-общественная») московских помощников присяжных поверенных, убежденная, что

только революционный пролетариат явится той активной силой, которая избавит Россию от самодержавного ига, что коренное переустройство страны на демократических началах возможно лишь в результате народного восстания, что политической компромиссов с преступным правительством, обогранным народной кровью, в лучшем случае возможно достигнуть жалкой, уродливой реформы, в духе булыгинского проекта, отвечающего «самобытным русским началам», считает невозможным вступить в либерально-буржуазный союз адвокатов и присоединяться к программам наших революционных партий.

К настоящему заявлению приложена записка «к вопросу о союзах».

К вопросу о союзах.

Освободительное движение, охватившее всю Россию, вступило уже в тот фазис, когда голое отрицание отживших форм сменяется положительной работой над созданием условий нового общественно-политического строя. Общественные силы, соотношением которых определяется конечный результат всех общественных движений, готовятся к участию в предстоящем им деле обновления страны. Сознывая важность и серьезность выдвинутой временем исторической задачи, прогрессивные элементы русского общества, не имевшие до настоящего времени организации, стремятся к объединению своих разрозненных сил. Возникает целый ряд союзов лиц, принадлежащих к одной профессии. Эти союзы, в свою очередь, объединяются в один орган: союз союзов. Момент возникновения этих общественных соединений, их программы, резолюции, принимаемые на их собраниях,—все это свидетельствует о том, что организации эти являются не чисто профессиональными, а политическими по преимуществу.

Что же представляют собой политические союзы, какие реальные силы стоят за ними, выразителями чьих интересов являются они?..

Вопрос о характере и значении союзов и об отношении к ним существующих политических партий обсуждался в легальной печати*). Сторонники такой формы организаций общественных сил утверждают, что союзы—это беспартийные организации, а потому в них могут вступать лица, принадлежащие к различным партиям, не поступаясь будто при этом программой своей партии**. Наиболее видный представитель идеи политических союзов, как внепартийных организаций, г. Милюков, следующим образом обосновывает возможность объединения в союзах деятельности различных партий. Причины разногласия, говорит г. Милюков, могут быть следующие: 1) разногласие принципиальное, «вытекающее из разницы основных взглядов, из разницы целых мировоззрений, как, напр., коллективизм и индивидуализм»; 2) разногласие в понимании ближайшей программы и 3) разногласие в тактике. Каждая такая причина в отдельности недостаточна еще для расхождения или, по крайней мере, для немедленного расхождения в виду

*) В обсуждении этого вопроса на столбцах «Сына Отечества» принимали участие г.г. Милюков, Рожков, Ландау, Салазкин.

**) См. любопытное воззвание к рабочим, выпущенное центральным комитетом Союза Освобождения.

общности у различных партий ближайших очередных задач.

Однако, действительно ли союзы не имеют никакой партийной окраски, действительно ли вступление в союзы членов определенных политических партий, обладающих определенной программой и тактикой, неравносильно измене своей партии?

По нашему крайнему убеждению союзы представляют собой объединение интеллигенции, выражающей общественное мнение либеральной и демократической буржуазии. Чтобы доказать правильность нашей мысли, нам не нужно рассматривать и анализировать программу и деятельность каждого отдельного союза. Тождественность программ и задач всех союзов в их главных частях позволяет ограничиться и одним союзом.

Прежде всего характерным признаком для некоторых союзов является отношение к социальной программе. Последняя, если не игнорируется совершенно, то часто настолько туманна и неопределенна, что решительно никого ни к чему не обязывает. Такова, например, социальная программа союза адвокатов, которая гласит ни более, ни менее, как «освобождение трудящихся классов населения от гнета современных экономических условий». Союз Освобождения, выставивший несколько пунктов социальной программы, лишил их, как, впрочем, и всю свою программу, всякого смысла заявлением, что вся программа является условной, и что решение Союза Освобождения «могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия остаются неизменными» *).

Уж такое отношение союзов к социальному вопросу в состоянии возбудить сомнение в «беспартийности» этих организаций. Это сомнение более увеличится, если мы посмотрим на отношение союзов к революционным партиям, этим единственным выразителям интересов трудящихся масс, и, наконец, всякое сомнение в истинном характере союзов исчезнет, когда мы постараемся уяснить характер положительной деятельности этих организаций.

Если революционные партии представляют интересы народных масс, в течение десятков лет проливающих кровь за ту свободу, которую только теперь решилась просить либеральная часть нашего общества, то, казалось бы, что союзы, выставяющие демократическую программу, должны были бы—в виду исключительности роли и значения пролетариата в борьбе с самодержавием—стать в определенное отношение к революционным партиям, признав обязательным хотя бы поддержание этих партий. Это, по крайней мере, обнаружило бы политическую зрелость союзов, понимание, что силу самодержавия может сломить только организованная сила пролетариата. Однако, поскольку нам известно, программы союзов обходят полным молчанием вопрос об отношении к революционным партиям **).

Наиболее характерным в этом отношении является союз адвокатов. На всероссийском съезде адвокатов 28—30 апреля, на котором был учрежден всероссийский союз адвокатов, вопрос об отношении союза к

революционным партиям был решен в начале в смысле обязательной моральной и материальной поддержки этих партий. Но в тот же день по настоянию некоторых членов бюро вопрос этот был пересмотрен, и принятая резолюция отвергнута. Невозможность принять такую резолюцию некоторые члены союза мотивировали тем, что она заключает в себе полный состав преступления по 102 ст. Угол. Улож. *). Той же участи и по тем же соображениям подвергся и другой пункт первоначальной резолюции, именно, пункт о содействии вооружению населения. Отвергнув и это свое решение, съезд вполне обнаружил свою «беспартийную» физиономию. Жалкая, ничего не говорящая, а главное, совершенно безопасная уступка, которую съезд должен был сделать под давлением более демократических членов, уступка, выразившаяся в принятии следующей формулы: «Съезд, признавая громадное культурно-политическое значение деятельности революционных партий, заявляет свою полную солидарность с ними в стремлении установить в России новый государственный порядок на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»,—эта уступка тоже показалась съезду опасной, и предложение о включении этой формулы в окончательную резолюцию съезда, резюмирующую его итоги, было отвергнуто.

Установив свое довольно недвусмысленное отношение к революционным партиям и отвергнув содействие вооружению населения, съезд тем самым обрек учрежденный им союз на полную бездеятельность. И действительно, все принятые съездом резолюции не обязывают членов союза ни к какой положительной работе, которая могла бы потребовать от них незначительных жертв **).

Что не только для союза адвокатов, но и для всех других союзов и для союза союзов недоступна положительная деятельность, это подтверждается тем фактом, что ни одна из многочисленных организаций не проявила ничего деятельного, ничего активного, несмотря на довольно продолжительное существование некоторых союзов.

После всего сказанного мы считаем себя вправе утверждать, что политические союзы являются ничем иным, как своеобразной организацией буржуазных, либеральных и демократических партий, главную, если не исключительную цель которых составляет достижение политической свободы. Понимая, что без участия широких народных масс завоевание политической свободы невозможно, они выставяют в своих программах социальные требования, рассчитывая тем привлечь на свою сторону трудящиеся массы.

Итак, политические союзы являются буржуазными партийными организациями, вступление в которые лиц, разделяющих принципы революционных партий, возможно лишь путем измены программам этих партий. Разногласие не ограничивается здесь одним из трех пунктов, указанных г. Милоковым, разногласие выражается во

*) См. «Пролетарий», № 2 и «Искра», № 100. Вышедший отчет о съезде в числе пунктов первоначальной резолюции не упоминает о решении съезда содействовать революционным партиям.

***) Выраженному съездом желанию воздерживаться от отправления профессиональной деятельности едва ли придают значение и сами члены союза.

*) «Освобождение» № 69—70.

***) Мы должны сделать оговорку относительно союза инженеров, программа которого хотя и не выражает определенного отношения к революционным партиям, но который, как нам известно, сделал кое-какие шаги в этом направлении.

всех трех пунктах одновременно. Здесь есть принципиальное разногласие, «вытекающее из разницы основных взглядов, из разницы целых мировоззрений, как, например, коллективизм и индивидуализм», здесь есть разногласие в понимании ближайшей программы и, наконец, разногласие в тактике. Тактика буржуазных союзов легальная, вся проникнутая компромиссами, путем адресов и предвставлений рассчитывающая преобразовать Россию на демократических началах. Тактика революционных партий основана на убеждении, что коренное переустройство государства возможно лишь путем революционным, не считающимся ни с какими статьями уголовного кодекса.

Армия и народ ⁷⁾.

Заговор или восстание?

Разразилась великая буря. Флот, одна из опор много величия царской империи, поднял красный флаг. Вздрыгнула не только Россия, но и вся Европа, смотревшая на царские войска, как на твердыню всемирной реакции; немало черных мыслей возбудил революционный броненосец в головах буржуазных политиков; но самое сильное впечатление получилось, конечно, в родственных ему военных сферах. О том, как принято войсками выступление «Потемкина», и вообще о настроении в войсках—подробно рассказывалось и рассказывается в очередных обзорах «Пролетария» («Что делается в войсках»). И вот в связи с этим новым настроением, с этими новыми, но уже сильными течениями во флоте и в армии, для нас, революционеров (не говоря уже о революционерах из военных), возникает крайне важный вопрос,—вопрос о способах действия.

В истории революции различаются два способа борьбы за свободу со стороны военных: проведение восстания по собственной инициативе—военный заговор, и переход на сторону восставшего народа. Сочетать одно с другим невозможно: заговор и переход на сторону народа требуют слишком различной подготовки. Для одного нужна небольшая замкнутая организация, [осуществляющая свой план врасплох, смелым ударом], для другого нужна массовая пропаганда, [революционное] настроение [в широких слоях населения]. История революций доставляет нам немало примеров и того и другого образа действий и даже попыток сочетать заговор с народным восстанием.

Наше отечество может считаться классическим рассадником военных заговоров, нашедших наиболее полное выражение свое в декабристском восстании. Но заговор декабристов был устроен в широких размерах, а главное—носил некоторые черты, позаимствованные декабристами с Запада.

В Европе разлад между массой и [привилегированным] обществом никогда не был так глубок, как в России; там существовало связующее звено в виде 3-го сословия, передового по идеям и близкого к народу по политическому бесправию. Лишь в один период новой истории интеллигенция оказалась оторванной от народа,—в период реставрации: народная масса была утомлена долгой борьбой, принесшей ей отрицательные результаты, третье сословие, наоборот, сделало

огромные экономические завоевания. Это создало пропасть между прежними союзниками, а потому на борьбу с архаическим политическим строем реставрации, [восторжествовавшей] по всей Европе, двинулись лишь верхи общества. Это было огромное движение первой четверти XIX века, известное под названием карбонаризма.

Замечательно, что карбонарии зародились еще в середине века, во время борьбы гвельфов с гибелинами; тогда они носили военно-заговорщический характер и окончательно сложились в тайное общество под влиянием масонства, но на протяжении своей долгой истории не имели серьезного влияния и ютились в южной Италии. С момента же реставрации они, как поток, распространились по Италии, захватили всю Европу—романскую, как обыкновенно добавляют историки, реставрированную, скажем мы, т.-е. ту часть Европы, где интеллигенция и народ разошлись в стремлении бороться с существующим политическим строем. Там, где не было надежды на самостоятельное народное восстание, создалась почва для заговоров, и прозябавший веками карбонаризм в несколько лет дал пышные цветы. Испания, Италия и Франция были охвачены сетью тайных обществ, которые искали опоры в войсках, так как не питали надежды на близкое народное восстание. Но их вожди, воспитавшиеся на великой революционной эпопее, в которой главная роль принадлежала массе, не могли всецело замкнуться в узкие рамки государственного переворота и создали эклектическую теорию революционных движений: начало восстания принадлежит войскам, а завершение—народу. И в этом направлении происходит целый ряд удачных и неудачных революционных попыток.

Первая начала Испания, находившаяся в самых ужасных [политических] условиях. В ответ на тиранию Фердинанда, в 1820 г., вспыхнул в Андалузии военный мятеж; революционеры быстро захватили Кадикс и, опираясь на народное сочувствие, принудили дать конституцию и созвать народных представителей. Но революционеры, не имевшие опоры в народе, не могли продержаться долго; в 1823 г. французская армия заняла Испанию по распоряжению священного союза и усмирила восстание, совершив ряд безумных жестокостей.

Заразительность революционных вспышек необычайна: в том же 1820 г. два итальянских офицера подняли знамя восстания, и революция буквально в несколько часов охватила неаполитанское королевство. Полки один за другим становились под знамя конституционалистов, народ приветствовал своих избавителей, но сам прямого участия в движении не принял. Отсутствие глубоких корней движения сказалось здесь очень скоро. С этой революцией покончили еще быстрее, чем с испанской, австрийские войска: народ был пассивен; солдаты так же быстро смирились, как и восстали, а люди, начавшие движение и руководившие им, неопытные в политике, совершили ряд ошибок, так метко очерченных известным историком Италии Больтоном Кингом.

Другие попытки карбонариев были совсем неудачны: они провалились в Пьемонте, благодаря измене нескольких заговорщиков; во Франции случилось то же самое, благодаря чисто-случайным обстоятельствам. И эта зависимость [всего дела] от измены или ошибки

тех или других лиц, [немыслимая] в народных движениях, очень характерна для всяких заговоров. Во Франции карбонарии создали огромную, цельную организацию, но фактически она оказалась бессильной, так как инициатива действий была передана военным, которые подняли и провалили два восстания: в Бельфоре и Ла-Рошели. Карбонаризм начал усиленно распространяться с 1810-го года и действовал в 20-х годах, т.-е. как-раз в то время, когда наши войска бесцельно бродили по Европе, разыгрывая роль всесветного жандарма. В записках многих декабристов отразилось впечатлительное контрастов между Западом и Россией. Офицеры прониклись свободолюбивыми идеями; они видели, что народ глухо шевелится под тяжестью крепостных цепей, но что он не способен к активным действиям: вот где была самая подходящая почва для карбонаризма.

Однако, традиции чистого заговора еще были крепки, преимущественно в гвардии; эта двойственность и сказалась в движении декабристов. Северное общество, более умеренное, склонялось к [государственному перевороту], желало возвести Константина, как конституционного монарха, опираясь исключительно на войска. Южане же, мечтавшие о республике, смотрели на дело иначе: их вождь, Муравьев, начал с того, что всегда пытались сделать карбонарии: во время остановки своего отряда по дороге к Белой церкви, он велел прочитать на площади свой республиканский кзтехизис; жители, хотя и не оказывали активного содействия, все же проводжали пожеланиями успеха. Дело свободы было раздавлено теми же войсками, в рядах которых находились даже члены тайных обществ.

На Западе карбонаризм пал почти так же быстро, как и расцвел; уже в 1825 г. начало замечаться движение массы, а в революции 1830 г., выросшей на экономическом кризисе, влияние карбонариев почти незаметно. Лишь в Италии, сильно отсталой экономически, карбонарии просуществовали несколько дольше, но и там они скоро растворились в «молодой Италии», выдвинувшей уже принцип народного восстания.

Разобрав период революционного движения, когда армия считалась элементом, могущим с успехом начинать народное движение, я попрошу читателя заметить те условия, которые могут служить почвой для заговора: последние имеют место, когда народ по своей революционности стоит позади общества, а вожди движения не верят в возможность чисто-народного восстания; тогда революционерам-невоенным отводится роль агитационно-пропагандистская, а боевая передается армии.

Но в момент широких народных движений у войск совсем другая роль; когда революционные массы [идут впереди], тогда не [время] создавать военные заговоры,—[тогда нелепо] отдавать инициативу действия армии. Солдаты это часто понимают лучше, чем кто-нибудь другой. Характерным примером может служить самое знаменитое из когда-либо бывших народных восстаний—14 июля 1789 года, день падения Бастилии. В этот день один драгунский полк, вызванный из Версаля умирять парижан, дал ответ, который можно пожелать всем солдатам. Драгуны заявили офицерам: «мы повинемся, но когда прибудем, заявите министрам, что если нам прикажут совершить хоть малейшее насилие

над нашими согражданами, то первый ружейный выстрел будет в вас».

И не один полк, а вся французская армия того времени готова была бороться за свободу. Но ни одному из великих агитаторов революции,—а тогда было немало Демуленов,—[не пришло в голову] передавать инициативу действий войскам; агитаторы прежде всего заботились о том, чтобы вооружить народ, чтобы его превратить в реальную боевую силу, так как понимали, что вооруженному народу обеспечено содействие войск. И если просмотреть историю всех народных революций, то станет ясно, что большую роль играют не те войска, которые пытаются самостоятельно начать восстание, а те, которые переходят на сторону народа в момент восстания. Пошедшие за народом войска взяли Бастилию. 29 июня 1830 г. переход двух полков на сторону революционеров завершил народную победу. В 1848 г. колеблющийся гарнизон своею нерешительностью погубил монархию. Вообще способ военных мятежей, как начала восстания, совершенно оставлен революционерами Запада после неудачной практики карбонариев: подобные восстания легко подавляются, а в случае победы выдвигают вперед такой элемент, который редко идет до конца с революционерами, а скорее бросает их на пол-пути, легко соглашаясь на сделки и охотно поддерживая всевозможных претендентов и авантюристов.

После попытки декабристов в России революционеры долго еще чувствовали невозможность народного восстания, и самая практическая и решительная группа—Народная Воля, отлично сознавая свою изолированность от масс, как известно, обращала серьезное внимание на подготовку военного восстания. Кажется, в наши дни было бы архаизмом выдвигать на первый план борьбы военные элементы, военные заговоры, но такие идеи и практические попытки всплывают в нашей соц.-дем. литературе. Началось это с того, что объявили народное восстание «идеями без содержания», которую следует отбросить, как неприложимую к русской действительности; когда же 9-ое января показало не только возможность восстания, но и его близость, стали отрицать необходимость вооружения, подменяя его «жгучей потребностью самовооружения» и т. п. фразами. Но близость кровавого переворота гражданской войны чувствуется все сильнее и сильнее, с этим приходилось считаться и нашим оппортунистам, которые тотчас же поспешили свалить с себя бремя борьбы.

Сначала заговорили об этом неопределенно, наконец всплыл совершенно бессмысленный Ново-Александрский заговор, который будто бы потому провалился, что на место действия не явилось одно лицо. (Народные восстания от этого не проваливаются). Все это завершилось тем, что в № 97-ом «Искра» выдвинула офицеров с демократическими убеждениями, как вождей пролетариата во время восстания. Это говорилось как-раз накануне предательства, совершенного офицерами-демократами, принявшими участие в черноморской эпопее. И как на одну из главных причин поражения черноморцев-революционеров можно указать на то, что они замкнулись в узком круге военного восстания. Один корреспондент «Искры» справедливо указывает их основную ошибку: они дожидались эскадры, а не слились с восставшим народом,

не вооружили его; это удешевило бы их боевые силы, и дало бы моральную опору массе.

Задача партии—направить силы не на подготовку военных мятежей, а на подготовку народного восстания; задача военных—не растрчивать силы на самостоятельные заговоры, а сказать решающее слово в момент столкновения между народом и правительством и тем [решить] великую борьбу за общенациональное освобождение.

В. С. (В. Северцев).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Москва. «Отцы города» решили официально порадоваться за всю Москву по поводу дарованной «конституции». К сожалению, мы слишком поздно узнали об этом, так как день и час заседания были обставлены конспиративно; лишь путем усиленных разведок удалось узнать накануне вечером, что «торжество» назначено на 2 ч. дня. Нужно отдать справедливость либеральной управе,—она приложила все старания, чтобы «радование» прошло гладко: день рабочий, посторонняя публика не знает, удастся все устроить шитокрыто. Но наши товарищи нашли, что будет несправедливо лишить думское празднество хоть некоторой полноты и решили усилить сладкозвучный аккорд сердец г.г. гласных пролетарским хором. Около 60 товарищей, оповещенных накануне вечером, бросили 9-го после обеда работу и направились в думу. В зале оказалось достаточно и «интеллигентной» публики; всего собралось человек 350—400. «Отцы» заседали в соседней комнате и «негласно» совещались. Ждем около часу; жара, духота; конца ожиданию не предвидится. Вдруг раздается среди тишины громкий голос одного из товарищей: «Господа! Чего ради мы будем ждать, пока г.г. гласные выработают свои верноподданические чувства? Я думаю, мы можем и без них выразить наше отношение к Гос. Думе. Собrania у нас запрещены; надо пользоваться всяким удобным случаем. Предлагаю открыть собрание и выбрать председателя». Раздаются дружные возгласы: «Верно!» «Будьте вы председателем!» Публика оживляется; несколько робких и солидных фигур торопливо пробираются к выходу. Слово взял товарищ-рабочий. Он говорил о роли, какую по замыслу правительства должна сыграть в его руках Гос. Дума; как средство еще большего и окончательного подавления революционной борьбы пролетариата; о том, как встретит это сознательный пролетариат, как он попрежнему непримиримо будет бороться за учредительное собрание; и закончил возгласом: долой самодержавие! долой государственную думу! да здравствует учо: собрание! При гrome рукоплесканий эти возгласы были дружно подхвачены. Второй оратор говорил о двух путях, которые открываются после 6-го августа перед буржуазией: союз с самодержавием, или поддержка революционной борьбы пролетариата. «Взвывается занавес перед последним актом великой драмы русской революции; и главный герой ее; пролетариат; первый выходит на сцену и громко заявляет, что его путь, единый до конца: от свержения самодержавия через учредительное собрание к демократической республике». Закончил оратор возгласом: долой самодержавие! долой союзников самодержавия, врагов народа! Да здравствует демократическая республика! Опять рукоплескания и возгласы; крики в честь Р.С.-Д.Р.П., а затем, по предложению председателя, все товарищи, а за ними значительная часть публики, с дружным пением марсельезы покинули зал и здание думы. Полиция явилась в более чем достаточном количестве, по—увыл поздно. Минут через 15 вышли г.г. гласные в пустую залу, прочли известную из газет резолюцию и поспешно разошлись. «Радование» было испорчено «нетактичными» пролегариями.

Москва (25-го авг.). Академический съезд постановил занятия открыть, но с предупреждением (начальству), что без академической автономии, свободы слова, собраний и печати никак нельзя ручаться за правильный ход занятий. Прення первого дня не обошлись без курьезов: один ора-

жаяля изобразить бедственное положение Одессы под гнетом военного губернатора, заявил, что последний—не лучше «матроса Матюшенки». Другой очень обижался на то, что с профессорами обращаются, как «с рабочими, которых можно разогнать и опять набрать».

И. Ц.

Рига (16-го августа). Я уже писал вам о стачке солдат Усть-Двинской крепости. Забыл тогда упомянуть, что они, между прочим, требовали права переодеваться в партикулярное платье и заниматься своими личными делами в свободное от занятий время. Требовали свободного пропуска в казармы книг, при чем указывалось, что невежественные офицеры совершенно некомпетентны в вопросах о выборе и цензуровании книг. Это иллюстрировалось примером, когда в одной и той же роте был запрещен Короленько и пропущена «Эрфрутская программа». Удовлетворены лишь более или менее мелкие требования в роде улучшения пищи и т. д. Стачка завершилась военной демонстрацией с музыкой. С тех пор порядки в крепости неузнаваемы: правила отдания чести почти вовсе не соблюдаются, начальство в высшей степени осторожно и обходительно с солдатами, офицеры буквально терроризованы. Был случай, когда солдаты освободили своего товарища, арестованного офицером за неотдание чести. Недавно ставовали 3 дня саперы. Требование выдачи новых шаровар удовлетворено. Солдатские кружки из наиболее передовых и организованных собираются регулярно. На последнем собрании из 18 чел. было 12 унтер-офицеров. Отношение к разбираемым вопросам и прочитанным книгам в высшей степени серьезное и вдумчивое. Задавались солдатами вопросы: в какой мере борьба Гракхов и плеебеев с патрициями носила классовый характер, почему мирный конфликт между Швецией и Норвегией называется в газетах революцией и т. п.; Сегодня из крепости прислали в Комитет за красными флагами, которые хотят там вздернуть над гимнастическими лестницами. Крепость наводнена жандармами. В самом городе с войсками дело обстоит не лучше: для правительства. Напр., в Изборском полку ружья находятся под замком и выдаются лишь на ученье. Запасным ружьям вовсе не выдаются. В 99-м запасном батальоне, «пригнанном» в прошлом году, новобранцам было запрещено под страхом дисциплинарных взысканий вступать в разговоры со старослужащими солдатами и с запасными. Поддержка восстанию и переход на сторону народа обещается не отдельными кружками или ротами, а от имени целых батальонов. В городе готовятся к крупным событиям. Дело в том, что самонадеянно наглое и упрямо-недальновильное правительство, так недавно описав картину и пространно поинисте революционное состояние Прибалтийского края; назначило мобилизацию в самой Риге. Невольно напрашивается предположение о провокаторском характере этой меры; не готовится ли правительство устроить кровавую баню рижскому пролетариату. Во всяком случае, рабочие этот дерзкий вызов примут, исполненные решимости померяться силами со своим злейшим врагом—самодержавием. Местные соц.-дем. организации призывают запасных к пассивному сопротивлению, а рабочих—к активной поддержке их. Впрочем, рабочие сами опережают всякие призывы. Перенесли недавно почти месячную забастовку, изголодавшиеся, изнервничавшиеся, они, узнав о мобилизации, немедленно бросали работу. Сегодня бастуют почти на всех крупных заводах. На Венденской ул. уже была одна стычка сегодня: 1 казак убит, ранены—казак и городовая. Сегодня уже разграблена оружейная лавка: взято 40 револьверов и около 20 винтовок. Само собой, для охраны порядка и усмирения вызваны «чужеземные» войска: полк драгун из Мариамполя, Сувалкской губ., и, конечно, казаки. Впрочем, говорят, что пропаганда «вредных идей» и воздействие «злонамеренных» лиц коснулись уже и этих драгун на месте их прежней стоянки. Не дремлют и черносотенники. Недавно полицией вооружены 400 хулиганов, уже раздаются крики: «бей жидов!» Еврейские магазины закрыты. Говорят, что мобилизация черных сотен дело рук нового губернатора Звягинцева. Будем думать, что организованный рижский пролетариат сумеет дать должный отпор царским башибузукам.

Новая Александрия. (Из письма солдата). Генерал, провожая солдат в Манчжурию, сказал им, что император на-

деется, что они сломят упорство коварного врага и что он, генерал, желает им счастливого пути. В ответ на эту напустившую речь из двух полков ответили только человек десять, а другие свистали. Наш генерал, взбешенный, выхватил револьвер, на лошади подскочил к одному ефрейтору и крикнул на него, спрашивая, кто свистел. «Никто не свистел у меня»—ответил ефрейтор, и тут же свалился замертво, пораженный генеральской пулей. Другой пулей наш генерал убил нашего ротного командира. И тут, дорогие мои, случилось что-то ужасное: от блестящего генерала остались куски бесформенного окровавленного мяса; тут остальное начальство, испугавшись, вызвало казаков. Когда они подъезжали, наши солдатики дали залп, и когда пыль рассеялась, на земле лежало около трехсот трупов. Приехал командующий войсками и объявил солдатам, что, расследовавши дело, он их, солдат, не винит, а винит во всем убитого уже генерала и что никто из них не понесет никакого наказания.

Лондон. В воскресенье 10-го сентября состоялся в Уайтчепеле массовый митинг по случаю издания закона о Государственной Думе. Митинг был организован по инициативе группы нашей партии. Присутствовало около 3.000 человек. Были произнесены речи представителями обеих групп РСДРП, бундовского ферейна «Веккер», ПСР и ПСП, и принята единогласно при громе аплодисментов следующая резолюция:

«Настоящий митинг граждан, которых невыносимый гнет со стороны царского правительства принудил покинуть отечество, в убеждении, что только путем вооруженного народного восстания возможно уничтожение в России самодержавия и установление демократической республики, устранение национального порабощения и проведение социально-экономических мер, настоятельно требуемых пролетариатом и крестьянством,—осуждает и отвергает издевательское народное представительство, созданное законом о Гос. Думе, в которой будут принимать участие в обсуждении государственных дел представители лишь ничтожной доли населения, да и то лишь с совещательным голосом, и шлет братский привет и пожелание скорой победы над врагом революционному народу».

В войсках (по русским и иностранным известиям). По делу о беспорядках на «Пруте» 15 обвиняемых оправданы, 4 приговорены к смертной казни, 3—к бессрочной каторге и 21—к дисциплинарным наказаниям. Военно-морской суд постановил ходатайствовать о замене казни бессрочной каторгой, а бессрочной каторги—каторгой десятилетней. Тем же судом в Севастополе оправданы 5 обвиняемых по делу о беспорядках на «Синопе», а 11 присуждены к лишению некоторых прав и разным дисциплинарным взысканиям.

Согласно сообщениям легальных газет, будущая амнистия коснется и военных политических. Мотивировка чрезвычайно любопытная. «За последнее время,—читаем в газетах,—при наблюдавшейся в войсках пропаганде социал-демократических брошюр (где?), в военных судах значительно увеличилось случаев применения высших карательных мер за хранение и распространение означенных брошюр. В настоящее же время, когда многие из названных брошюр выпущены уже на книжный рынок и признаны легальными, представляется необходимым применить амнистию и к названным лицам».

В связи с ходом событий и работой в войсках усиливается и брожение среди военных. Последний месяц работы в Екатеринославе, напр., дал очень осязательные результаты. В разное время удалось провести 6 бесед, на которых присутствовало каждый раз не менее 40 солдат (организованных солдат 23). В двух ротах солдаты единодушно заявили, что стрелять не будут.

Настроение солдат в Лодзи также не совсем надежное. Замечается брожение и среди казаков. Один казак был расстрелян офицером при заявлении о недоброкачественности пищи. Казаки забушевали. Была вызвана пехота. После столкновения с ней—арестовано 8 «зачинщиков»... Недавно некоторые полки местной пехоты отказались идти в караул, в виде протеста против невыдачи им некоторой суммы денег. Начальство сейчас же уступило...—Образовалась «Военная соц.-дем. организация», которая выпустила воззвание к

солдатам по поводу невыдачи денег; прокламация произвела сильное впечатление.

«Крамольные» полки из Лодзи переведены в Скерневицы, а на их место прибывают новые. Военной с.-д. организацией выпущена по этому поводу прокламация. Связи и сношения с солдатами упрочиваются.

Крестьянский съезд. Недавно состоявшийся в Москве первый съезд делегатов «крестьянского союза» имел, по сообщению корреспондента одной английской газеты, два заседания. Присутствовало 200 представителей—крестьян разных губерний (от 3-х до 5-ти от каждой). Около десяти из них, получившие сельское образование, явились вождями. Съезд имел ярко выраженный освободительский характер. Маленький диссонанс—и то уже во второе заседание—внеесли были какие-то «три члена различных социалистических организаций», но скоро прения «опять пошли своим нормальным ходом»... Мы не будем передавать тех «страхов», которыми сопровождалась оба заседания съезда и которыми крестьянское собрание резко отличается от текущих пролетарских. Перейдем прямо к постановлениям.

Большинство их рисует недостатки сельскохозяйственной системы и вообще вращается вокруг вопроса о «землице»... Много рассказывалось делегатами о гнете бюрократии, при чем—ужасается корреспондент английской газеты—«если даже четверть рассказанного справедлива, то это одно уже могло бы почти оправдать все эксцессы великой французской революции». По вопросу о булыгинской думе делегаты вынесли полное осуждение проекта. Любопытно отметить, что многие крестьяне с негодованием высказывались против нападок «революционных агитаторов» на царя. «Нападки на царя не в натуре русского крестьянина,—говорили они,—мы совершенно согласны ограничить его самодержавную власть, но у нас все-таки должен быть царь». По отношению к земцам общим мнением было то, что они «не имели права говорить, как самоконтитуировавшиеся представители крестьянства». Один крестьянин выразил это так: «рабочие наши кровные братья, земцы же—только дальние родственники. Нам нужны законы, которые мы составим сами себе, но нам нужен также и царь, чтобы наблюдать за их исполнением».

В речах ораторов, замечает корреспондент, наблюдалось иногда «довольно основательное знакомство с экономическими аграрными теориями (какими? Р е д.). Однако, в большей части случаев, сознается он, я слышал довольно безрасчетные практические предложения в интересах одних только крестьян». По вопросу о «земельном голоде» почти всеми было принято мнение, что «бог создал землю для всех, и она должна быть так же свободна, как свет и воздух». «Только один оратор,—успокаивает англичанин,—показал ошибочность этого аргумента, объяснив, что в конце-концов земля эта будет бесполезна без капитала». «Но я боюсь,—наивно опасается далее корреспондент,—что мало кто поверил ему»... Потом завязались горячие споры по вопросу о «национализации земли—с выкупом или без него». Решено было, что «для государственных, монастырских и церковных земель не должно быть выкупа; для частных же владельцев выкуп должен иметь известные границы. Землю нужно наделять в достаточном количестве на каждого отдельного владельца. Ни один человек не имеет права на землю, если он не работает, и количество земли должно определяться соответственно тому, сколько он может обработать» (курсив везде наш)...

На съезде принята такая организация крестьянского союза. Учреждается центральное бюро, при чем подобные же бюро должны быть организованы и для каждой губернии. Ниже этих бюро стоят районные комитеты, на обязанности которых лежит организация центров в каждой отдельной деревне. Съездом признано, что «невозможно говорить или действовать открыто, пока организация не может рассчитывать на поддержку большинства населения» (внимание г.г. либералов: уж не призрачная ли эта конспирация, так беспощадно клеймимая «Освобождением» в организации социал-демократов? Р е д.). «Но всюду надо протестовать против незаконных поступков власти, апеллируя в каждом отдельном случае к местному общественному мнению (вот этой ультра-революционностью сфабрикованного либералами союза «Освобождение» должно быть очень довольны! Р е д.)...»

В заключение приведем (в переводе с английского) вышесказанную от имени съезда прокламацию, в которой выдвигаются следующие требования (Москва, от 15-го августа):

1) При выборах в национальное собрание—всеобщее прямое избирательное право для всех лиц выше двадцатилетнего возраста, без различия пола. 2) Учредительное собрание должно иметь законодательную власть, контролировать национальные финансы и наблюдать за администрацией. 3) Неприкосновенность депутатов. 4) Требование необходимых приготовлений к установлению системы крестьянского землевладения при передаче народу государственных земель, а также и всех принадлежащих монастырям и другим религиозным учреждениям (а удел? Остается царю? Ред.). 5) Введение обязательного первоначального обучения, без обязательности религиозного обучения, в соединении с секуляризацией школ. 6) Открытие свободных библиотек и читален.

«С наступлением ночи.—заканчивает английский корреспондент,—члены съезда разошлись, вполне удовлетворенные успешным осуществлением первого крестьянского парламента (!) в самой пасти полицейских репрессий»...

О том, до какой степени «удовлетворенно» чувствуют себя г. г. либералы, сфабриковавшие союз, по поводу постановлений съезда (особенно—по поводу «известных границ» выкупа частно-владельческих земель),—об этом говорить, разумеется, излишне.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. Перед 9-м июля состоялась массовка Обуховского завода. Был агитатор большевик и меньшевик. Темы о современном положении,—около 400 чел. 9 июля митинг в церкви (на Обуховском заводе человек 300), митинг в Семяниновском заводе (400 чел.), массовка в Колпине (чел. 300). До 9-го была еще массовка в Сестрорецке (чел. 60). После 9-го июля митинг в Семяниновском заводе. Речи на тему: «пролетарий, вооружайтесь!» (около 3.000 человек) и митинг в Балтийском заводе (21-го июля) по поводу выбора старост,—тоже около 3.000 чел. Массовка в Колпине по поводу современных событий человек 250—300. Массовка в Невском районе в 50 чел. организованных рабочих; темы: «государственное страхование и отношение к нему рабочего класса» и «социализм» (конечные цели). Было еще 2—3 массовки в разных районах человек по 30. Число рабочих, посещающих массовки, не растет за счет массовиков, а держится приблизительно на одинаковом уровне. Да и те организованные рабочие, которые посещают массовки, не удовлетворяются ими. Основная причина такого неудовольствия, на мой взгляд, заключается в том, что мы приходили на массовку с такими планами и такими предпосылками, которые не соответствуют действительности. Предполагая, что массовку посещают, главным образом, люди, не затронутые пропагандой, мы преподносим рабочим азбучные политические истины, сводящиеся к лозунгу: «долгой самодержавие!», и общеизвестные факты избиений, деятельности черной сотни и другие, мало нуждающиеся в особом освещении. И так как массовка растягивается часа на 2, то получается социал-демократическое биеение в груди, не дающее настроения, ибо оно слишком длинно, не дающее знаний и практических указаний за счет предстоящей деятельности. Трудно говорить, что массовка способствует подъему настроения: если люди говорят о революции, а в то же время оглядываются, не едут ли казаки и не пора ли бежать,—то пропадает всякий подъем и остается фальшь, инстинктивно чувствуемая всеми присутствующими. Результатом такого явного несоответствия слов делу является не подъем настроения, а скорее понижение его. Исходя из таких соображений, я прихожу к следующим выводам:

1) Чисто агитационным путем могут вестись только митинги в заводах. Они крайне необходимы, и нужно направить все силы, чтобы увеличить их число.

2) Содержание массовок должно измениться: они должны стать расширенными летучками, на которых читаются популярные лекции по отдельным принципиальным вопросам.

Словом, массовки должны давать знания, а не настроения, которого создать они не могут. (Из доклада ответственного агитатора).

Красноярск. Рабочие (главным образом, железнодорожных мастерских и депо) на целом ряде собраний, устроенных за городом, решили предъявить ряд требований правительству: немедленное прекращение войны, созыв учредительного собрания вместо Гос. Думы и проч. Требование это должно быть поддержано всеобщей стачкой по всей линии Сибирской жел. дороги. Было получено известие, что подобные же требования предъявлены рабочими Читинских железнодорожных мастерских (на Забайкальской ж. д.) и Иркутских (вернее, Инокентьевских). Рабочие боготольского депо решили прибегнуть к другому, очень остроумному, средству для прекращения движения воинских поездов: они приняли разбирать паровоз, и только при бытие войск прекратило это их занятие. В среду и четверг (10-го и 11-го августа) рабочие собрались в мастерских и после предъявления своих требований вышли с красными знаменами на улицу. На них бросились казаки, при чем было несколько убитых с обеих сторон. Забастовка была решена подавляющим большинством голосов, при чем против голосовали лишь несколько десятков человек. В пятницу было решено устроить демонстративное погребение убитых товарищей. Весь город в большом волнении. Сообщая об этом вкратце с целью вызвать более подробное описание происшедших событий, свидетелем которых мне быть не пришлось.

Проезжий.

Воронеж. 6-го августа была массовка (больше 100 ч.). Говорило 4 рабочих и 2 интел. Очень сильно говорил один рабочий. Тема его речи: «Самодержавие и царь». Закончилось собрание речью интеллигента о Гос. Думе. На вопрос оратора: «Будем ли мы протестовать против Гос. Думы?» раздался единодушный крик: «Долой Гос. Думу!» Разошлись с песнями.

Либава. В день объявления забастовки (16-го авг.) на проволочном заводе состоялось собрание до 3.000 рабочих, устроенное Латышским комитетом. Полиция не вмешивалась. Казачий офицер был встречен выстрелами и ранен. Забастовка охватила все фабрики, заводы, ж.-д. мастерские, трамвай. На собрании 17-го авг. было до 1.500 чел. Сначала говорил оратор от Латышского комитета, затем от нашей группы, от Бунда (оба по-русски), наконец, наш организованный рабочий по-польски. Все речи на политич. темы. На следующий день на собрании в 800 чел. выступали ораторы: латыш, бундовец и от группы. Затем был объявлен конец забастовки.—18-го, при выходе из проволочного завода, был момент, когда столкновение с войском казалось неизбежным. Выходили с песнями и возгласами. На требование офицера замолчать ответили криком ура. Один из латышей, во избежание кровопролития, предложил разойтись мирно,—и все разошлось. Влияние нашей группы за это время усилилось, завязаны новые связи, особенно среди поляков, благодаря польскому оратору.

20-го Либава получила первое боевое крещение. Провождать запасных собралась огромная толпа; улицы были оцеплены полицией, казаками и солдатами, вокзал окружен. В момент посадки в вагон толпа смешалась с запасными и отрезала их от войска. Запасные наотрез отказались садиться. Когда солдаты стали наступать, в них полетели камни; толпа вооружилась колыями из забора. Часть запасных разошлась по домам; оставшиеся ночью были отправлены. На следующий день настроение было страшно напряженное; гроза готова была разразиться от одной искры. Трудно установить, что явилось этой искрой. Происшедшее потом было так дико, убийства так ошеломили всех своей зверской, бесцельной жестокостью, что ни у кого не сохранилось ясного представления о начале боя. По одним рассказам запасные выбили камнем из седла драгунского офицера, который, уже лежа, командовал нападением; тогда из толпы раздали выстрелы, и началась общая пальба. По другим известиям, на бегущую толпу бросились драгуны и прижали ее к стене дома; из окна раздали выстрелы, драгуны ускакали, а солдаты стали стрелять залпами. Как бы то ни было в начале, но затем, во всяком случае, факт тот, что в бегущую толпу стре-

дали, из толпы отстреливались. Один очевидец насчитал 29 залпов: один солдат выстрелил, что выстрелил 36 пуль: городской окоп-вокала выстрелом в упор убила раненого, пытавшегося подняться. Один казак был сброшен с лошади, на нее вскочил рабочий и, стреляя помчавшись вперед: его скоро сняли с седла выстрелами. Вооруженные рабочие умирали храбро, стреляя до последнего патрона. Число пострадавших установить трудно; цифру убитых солдат в городском окопе определяют разное, от 4 до 40. Среди убитых и раненых много женщин и детей. Говорят, что первый день солдаты изотрещивались стрелять, а когда близился вечер, солдаты опять не принимали деятельного участия, отягались лишь драгуны и отдельные пехотинцы.

Нижний-Новгород. Перед 1-м мая публика в Сормове стекалась к железнодорожному мосту полюбоваться разливом Волги. Комитет воспользовался этим. Когда 29-го апреля оратор начал речь, около него сразу собралось около 2 тысяч чел. После горячей речи были подняты знамена, и с песнем «Дружно, товарищи!» толпа двинулась к Сорому. На главном шоссе полиция хотела остановить демонстрантов, но не выдержала столкновения и быстро начала уезжать, так только демонстранты открыли стрельбу, она задела в ближайших домах и оттуда стала посыпаться выстрелы в расходящихся демонстрантов. Со стороны рабочих ранено человек 8, со стороны полиции—6, из которых, по слухам, один умер. Один полицейский, убежав от рабочих, сбросил с себя все форменное платье: только это и спасло его. Настроение после демонстрации было роскошное: рабочие чувствовали себя победителями. Они уже не хотели больше собираться тайком. Тотчас после 29-го за заводской боюльней стали собираться кучки в 20—30 человек. Сначала велись беседы о заводских делах, читались прокламации, обсуждались газетные известия. Полиция была не попусту эти собрания, но они тихо пытались прекратить их. Вскоре начали выступать ораторы от комитета, что еще больше привлекало рабочих. Небольшие собрания прекратились в традиционные митинги от 700 до 6000 чел., происходившие буквально каждый день, несмотря ни на какую погоду. Старые и молодые, женщины с грудными ребятими, — все тянулось туда, где раздаются свободное слово, где высказываются причины их тяжелой жизни, где указывается светлый идеал будущего и путь к нему. Так продолжалось до 11-го июля, два месяца непрерывно. О чем только не говорили в этом народном университете! Здесь разбирались местные нужды рабочих, популярно излагалась наша программа, ни один пункт, который не остался неразобранным. Но вот газеты принесли вести о новых выступлениях рабочих, новых званиях правительств, и опять горячие речи о современных событиях. Кулаки слушателей сжимаются, и мощно несутся содея, лозунги, подхваченные толпой в несколько тысяч человек. В первых числах июля начались массовки и по ближайшим селам, — в с. Колине (10 верст), в с. Косовове. Там собралось человек 150—200. Иногда не хватало оратора, — тогда вниманием слушателей овладевали организованные рабочие, которые с местных нужд переходили к общим вопросам. А местных дел было много: то один, то другой цех бросил работу. Открытые собрания оказывали рабочим громадную услугу: здесь обсуждались их дела, собиравшиеся деньги на стачки. Здесь поддерживали товарищей не только словом, но и делом. Однажды узнали, что наняты новые рабочие на место стачечников. На другой же день штрейкбрехеры выгнали, несмотря на защиту их полицией.

Приблизилось 9-е июля. Комитет решил устроить однодневную политическую забастовку с мирными митингами. Вошли в соглашение с группой меньшевиков и с соц-революционерами. Почти целую неделю выяснялось на собраниях значение 9-го января и важность политического выступления рабочих в подполгодщину этого события. В городе были использованы все легальные собрания приказчиков, типографов; устраивались нелегальные массовки. Комитетом выпущено 7000 листов и перенатано в нескольких тысячах стихотворение рабочего «9-е января». Группы выпускали листовки. Успехи не пропали даром. Но прежде, чем говорить о 9-е июля, нужно отметить дату попытки заводоуправления сорвать политическую забастовку: оно

вдруг выдвинуло праздник «тысячного паровоза», который давно уже был выстроены для завода обывающе-Юдого-риб-рабочим паровозостроительного цеха. И вот на одном из собраний вдруг был поднят вопрос об этом праздновании. Комитетские ораторы и организованные рабочие все усилia употребляли на то, чтобы доказать всю пошлость постановки на голоса об этих праздниках. И праздник «паровоза» был с треском провален. Наступило 9-е июля. Весь город, за немногими исключениями, замер. Магазины запорты, типографии, булочные, мелкие мастерские не работают; заводы в городе и Канавине тоже стоят. Собрание было назначено в 11 час. за Народным домом. Собралось больше 1000 человек. Главным развлеклось черное знамя с надписью: «Вечная память павшим борцам за свободу 9-го января» — над головами ораторов. Собрание продолжалось около 2 часа, говорили 5 ораторов. В час дня толпа двинулась к городу, пройдя сквозь цепь казаков, но без песен, как было решено; заворотили назад трамвай, который один только работал весь день. Всю дорогу разбрасывали прокламации; спокойно прошли кварталов 6, но на углу Б. и М. Покровки появились казаки, конная полиция, и толпа принуждена была остановиться. При повелении полицмейстера разделись светски; он приказал разогнать толпу; казаки бросились с нагайками, но толпа быстро рассыпалась и побоища не произошло. В 5 часов было решено вновь собраться на прежнем месте. Часам к 6 собралось человек 300 и решили открыть собрание. Пошел проливной дождь, и мы уже думали, что собрание не состоится. Но публика терпеливо ждала, а когда дождь прошел, то народ повалил толпами к месту собрания, и к половине 8-го уже уже до трех с половиной тысяч. Выступило уже 6 ораторов, говорили о 9-е января, о социализме, демократической республике, как вдруг появился отряд казаков. Сержант масса и «чистая» публика бросилась бежать, но центр, чел. в 500, не тронулся. Приехала полиция и потребовала, чтобы разошлись. Рабочими было выдвинуто требование убрать казаков, на что полиция согласилась. Убегавшие опять вернулись и собрание начало расходиться. Весело было смотреть на возбужденные лица рабочих, настроение было праздничное. Но без побоища в этот день все-таки не обошлось. Вечером ни с того, ни с сего казаки набросились на мирно гуляющую на Б. Покровке публику и избili несколько человек. В этот и следующий день и казаки, и полиция были напены. Перенесемся в Сормово. Заводоуправление даже и не пыталось звать рабочих на завод: свистка не было. Стали также завод Тер-Акопова, закрыты все явля и магазинчики. Около полуночи по требованию рабочих были прекращены рейсы филиандского пароходства, а также железнодорожное сообщение между городом и Сормовым. По улицам расаживали и развешивали (на велосипедках) члены охраны против хулиганов, устроенной с.д. организацией. День прошел спокойно. Не было на улице ни полиции, ни публики. Первая боюль рабочих, публика боюль хулиганов, а темная масса боюль «политиков», которые, по рассказам полиции, должны были разграбить 9-го июля все Сормово. В 7 час. веч. открылось собрание. Место собрания хотели перенести ближе, но это не удалось. Часам к 9-ти было уже до 2-х, а к концу и до 3-х тысяч человек. Бывали прежде и более многочисленные собрания, но тогда приходили многие любопытки, а здесь было ише Сормово, которое пришло сюда, зная, что их могут сегодня избить и даже убить. Величественное было зрелище. Трехтысячная толпа рабочих, на ней 7 красных и черных знамен чуть-чуть колыхалась в воздухе, звучат речи ораторов. На этот раз говорили особенно хорошо. Кто был на этом собрании, кто слышал пение «Замучен тяжелой неволей» этого трехтысячного хора, тот не забудет этого вечера никогда. Выступило 4 оратора от к-та, 2 от группы меньшевиков, 2 от с.-р., недалеко ходил человек 70 рабочих. Это боевая дружина, готовая во всякое время задержать первый натиск банш-бузук и дать возможность толпе спокойно разойтись.

Натрета. Дружный натиск рабочих на капиталистов и правительственную власть заставлял их пойти на переговоры. Эти переговоры были начаты под давлением губернатора. Правительство подбивало фабрикантов скорее пока-

затем вид, что уступают, а исподтишка так же выжимать сок из рабочих, как и прежде. И вот фабриканты вывесили объявление, в котором заявляют, что в депутаты должны идти 25-летние люди, служащие не менее 1 года. Если бы так сделать, то из наших депутатов пришлось бы исключить почти всех наиболее передовых и сознательных товарищей. Правительство и фабриканты хотели посеять рознь между депутатами и всей массой, но это им не удалось. Вся масса, как один человек, заявила, что кто выбран в депутаты, тот пусть так и остается. Капиталисты увидали, что масса не сдается. Они решили начать переговоры на тех условиях, на которых захотели рабочие.

Фабриканты начали изо всех сил стараться, как бы опутать депутатов. Но товарищи-депутаты отбивали всякие нападения. Фабриканты предлагают заключить с ними договор теперь же. Депутаты говорят, что мы будем делать то, что скажут все рабочие, а сейчас, не думавши, не станем ничего делать. Фабриканты говорят, что они вывесят объявления в конторах о своих уступках. Депутаты говорят, что это тоже уловки: разобьют наши издевательски всех по конторам, а там, глядишь, бабы или малосознательные товарищи, не подумавши хорошенько, да под наветами «черной сотни» или полиции, согласятся работать. Депутаты сказали, что уступки фабрикантов сначала надо обсудить всей массой на Костроме, а потом уж и расклеивать. Что же нам уступили наши «благодетели»? Рабочий день сбавили на час, да расценки повысили. Расценки повысили только на четверть того, что мы просили. Но это как-никак уступки. Все-таки помазали по губам. А все остальные требования наши не уважены. Штрафы так же будут драть, женщины так же будут мучиться и бедствовать без помощи во время родов, обращаться будут с нами так же грубо, как и прежде. За забастовочные дни не заплатят, даже и за те 4 дня, за которые прежде хотели заплатить.

Мы просили, между прочим, чтобы наши депутаты были и действовали не только во время стачки, чтобы мы могли через них давать нашим «кровопийцам» отпор. На это нам сказали, что, дескать, не в нашей власти, хотя мы этому сочувствуем. Лицемеры! Они сочувствуют, а на властей смотрят. Правительство не хочет, чтобы у нас были депутаты, правительство любит только «черную сотню».

Иваново-Вознесенск. С 1-го июля рабочие решили приступить к работе. В 1-й день проработали очень недолго и ушли по домам, а на другой день работа производилась в полном порядке, но, тем не менее, разошлись раньше обыкновенного. 4-го июля, когда рабочие пришли на работу, они не были допущены на фабрики. Администрация просила, чтобы все рабочие собрались в 10 часов к своим фабрикам. В 10 часов на глазах рабочих было вывешено объявление о том, что хозяева не желают делать никаких уступок рабочим, что самовольное прекращение работ не может быть далее терпимо и что, если кто желает работать на старых условиях, пусть заявит об этом фабричному инспектору и, кроме того, пусть даст расписку в этом. А затем заявлялось, что фабрики будут закрыты, если рабочие не приступят к работам до 11-го июня. Рабочие сильно были возмущены этим объявлением и решили, ни в каком случае, не уступать до тех пор, пока хозяева не удовлетворят все их требования. На угрозу же закрыть заводы потребовали полного расчета с платой за время забастовки и за две недели вперед; потребовали также, чтобы объявление было утверждено старш. фабр. инспектором и губернатором. Напрасно депутаты старались убедить рабочих согласиться на требования хозяев, напрасно они говорили, что масса не в силах больше бороться, что необходимо подкрепить свои силы, что касса уже пуста,—ничто не могло повлиять на рабочих: они категорически заявили, что работать не станут, а тех, кто примется за работу, будут снимать силой. Высказывались даже подозрения, что депутаты подкуплены хозяевами. Депутатам ничего, в конце-концов, не оставалось и они пошли за массой. Теперь работают Грязнов и Шапов, а также две маленькие фабрики Кашинцева и Дарьинского,—там, видимо, сделаны уступки. Заводы тоже скоро приступят к работам,

ибо заводчики согласились на следующие требования: согласны заплатить за время забастовки,—только не сразу, а в несколько получек; обещаются построить бани, а куда будут выдавать деньгами; вводится 10-часовой рабочий день; плата будет выдаваться во время работ; расценки слесарям и литейщикам повышены с 40 и 60 копеек до 60 и 75 коп. В городе тихо. Улицы запружены войсками. С 1-го числа собрания на Талке прекратились. 5-го числа депутаты снова послали губернатору заявление, чтобы он позволил собираться. Ответа еще нет. (От ред. Как сообщалось в легальных газетах, около ста человек Иваново-Вознесенских рабочих преданы военному суду).

Колпино. Введение 9-часового рабочего дня на заводах морского ведомства послужило поводом к стачке на Ижорских заводах (Колпино, около 5 тыс. рабочих). История 9-часового рабочего дня вкратце такова. В начале мая, на Обуховском, Путиловском, вагонно-строительном и других заводах рабочие начали самовольно уходить, отработав 9 часов. Утомленная непрерывной борьбой и волнениями администрация не знала, что делать, и в докладах начальнику Обуховского завода Власеву говорила, что с рабочими не справиться и нет возможности работать. Он, говорят, ответил, что и ему все это надоело и он ничего не имеет против 9-часового рабочего дня. Доложили министру. Тот тоже сказал: «дать им что ли 9-час. раб. день, я бы ничего против этого не имел». Власев принял это за разрешение. Между тем доложили царю. Тот отвечал, что есть по этому вопросу комиссия и пока она не кончит работ, ни в чем не уступит. Но было уже поздно. Пришлось докладывать снова в том смысле, что ждать нельзя. Тогда придумали дать в виде милости. Как только на Обуховском заводе ввели 9-час. раб. день, колпинцы заволновались. Администрация обещала справиться и через день-два для механической части завода был объявлен 9-час. раб. день, вместо 10-час., тогда как для металлургических цехов, где производство непрерывное, был оставлен прежний 12-час. день. Металлурги, народ самый некультурный, из крестьян (так как выучки не требуется), в периоды январских и февральских стачек тормозившие их, теперь возмутились и дружно забастовали (16-го мая). Когда дневная смена ушла, требуя 9-час. дня, ночную уж само начальство не пустило на завод. Механические цехи к забастовке не примкнули. Среди массы металлургов почти нет у нас связей, и вначале трудно даже было выяснить, чего они хотят. С этой целью было организовано собрание, но было мало металлургов. Порешили собрать их побольше, а пока выяснили значение 8-час. раб. дня и общее положение. Принципиально решили, что надо поддерживать товарищей, но до выяснения требований не примыкать. Тут же выяснилось, что стачка имеет мало шансов на успех, что всего вернее она может привести к увольнению наиболее сознательных элементов, и потому к ней надо отнестись осторожно. На следующем собрании наш оратор говорил о необходимости готовиться ко всеобщей стачке и вооруженному восстанию,—что только таким путем мы добьемся улучшения своего положения, а единичные стачки отдельных заводов в данное время ни к чему не приведут. Приглашал стать на работу и готовиться ко всеобщей стачке во всем Петербурге. Но стачечники, услышав о всеобщей стачке, заявили, что будут лучше бастуя ждать этой стачки и ни за что не пойдут кланяться начальнику завода. На этом же собрании был принесен протест против войны (это было вскоре после Цусимского поражения) и дружно кричали: «долой самодержавие». Стачечники решили требовать 8 ч. и 3 смены. Слухи о всеобщей стачке в Питере улеглись, но колпинцы уперлись и продолжали бастовать. «Мужик—как вол, пояснял такое упорство один из стачечников нашему организатору: трудно заставить его сдвинуться, но когда он упрется, ничего с ним не поделаешь. Так и мы уперлись; изголодаемся, разведемся, а не поклонимся». Это была энергия отчаяния. Высказываться за стачку было невозможно (между прочим, стачечники просили стачкой их не поддерживать, надеясь так скорее добиться цели), тем более, что по справкам оказалось: срочных заказов нет, смета осталась старой и расценки после зимних стачек повышены, так что уже был перерасход, и администрация

охотнее закрыла бы завод на месяц-другой, чем стала бы хлопотать об увеличении сметы. Затеяли капитальный ремонт и никаких предложений рабочим не делали. Организация старалась использовать стачечное настроение, почти через день назначались массовки, иногда неудавшиеся из-за дождя или полицейских условий. Все же состоялось собраний 7—8 от 50—150 и до 500 ч. На них наш организатор и ораторы говорили о стачке и в связи с ней о современном положении и единственном выходе из него—вооруженном восстании для установления демократической республики, о классовой борьбе, политической свободе и пр. Между тем, стачка продолжалась. Вскоре был объявлен расчет механической мастерской и части других мастерских в виду недостатка в материале, который изготовлялся металлургами. В то же время заседала комиссия из чиновников и частных заводчиков и порешили сбавить только час в броневом и прокатном, в сталеплавильном же двенадцатый час считать за 1½, как сверхурочный. Комиссия давно пришла к этому решению, но оно долго ходило на подписи, а рабочие все голодали. Через месяц только (9-го июня) было вывешено объявление о сбавке часа; рабочие, согласные работать, приглашались дать подписку. Сюда же присоединили еще пункт, что опоздание даже на одну минуту будет равно потере полудня. (После зимних стачек опоздание на 5 минут не штрафовалось). Все это еще больше возмутило рабочих; забастовала и часть работавших, а бастующие не стали на работу. К вечеру отменили подписку. Механической мастерской предложили «погулять», якобы, по своей воле, т.е. не получая платы. Кроме того, начальник хотел было не принимать некоторых «по своему выбору». Но депутация рабочих заявила, что рассчитывать—так рассчитывать всех. Забастовка затягивалась, число бастующих увеличилось, хотя литейная вернулась на работы, и треть завода работала. На собрании человек в 150 под руководством нашего организатора выработан ряд требований с 8-час. днем во главе. Собрание кончилось, как всегда, политической речью. Требования не были отпечатаны, так как события быстро менялись. Кредит иссякал, слышались голоса, что изголодались. Видя, что начальство не прочь притти к соглашению, мы стали настаивать, чтобы выставлены были только минимальные требования. На собрании (самом большом за это время, человек 500) это предложение и было принято. Стачка возникла и протекала стихийно. В смысле агитации она была использована (был выпущен еще и листок общеагитационного характера), но управлять ею не удалось. Главная масса стачечников (более 1.000 чел.) на собрания не ходила, нигде не собиралась, а влияние через отдельных представителей было недостаточно. Темная масса все еще не могла поверить, что царь, давший их товарищам 9 час., о них забыл. Организация в Колпине еще слаба; после январских дней наиболее развитые рабочие и выборные были уволены или высланы. Вообще Колпино, удаленное от Петербурга на 24 версты, не имеет возможности широкого общения с тамошними рабочими и культурой. Народ боевой, но мало сознательный. Все же большинство молодежи на стороне социал-демократов. После усиленной агитации во время стачки значительно увеличился интерес к листкам и литературе и замечался подъем смелости и солидарности. В результате этого—удачно происшедший неподготовленный переход митинга в заводе в демонстрацию. 20-го июня представители «меньшинства» экстренно попросили наших организованных помочь им уберечь и защитить оратора. Большинство рабочих нашей организации не работало и они могли подойти только толпой к заводу; у меньшевиков же, главным образом, были связи в работавших мастерских. Наши согласились. В заводе речь оратора длилась 4—5 минут, по словам рабочих; но выйдя из завода, он встретил значительную толпу, преимущественно из наших организованных, что дало ему возможность продолжать речь на улице. После речи толпа с криками «долой войну», «долой самодержавие» и революционными песнями прошла по улице. Вышло это довольно неожиданно и красного знамени не было. Казаки не вмешались. Как иллюстрацию возбуждения и солидарности можно привести еще факт, Мастер Бекк уволил рабочего, производившего ревизию потребительской лавки и раскрывшего там злоупотребления,

вообще державшего руку рабочих. Рабочие дружно стали за него и решили вывезти Бекка на тачке. («Еще ни разу у нас не вывозили»,—говорят рабочие). Все было приготовлено, но раньше удалось добиться немедленного приема товарища-рабочего обратно, так что тачка и рогожи «погрязнее» не понадобились. Также дружно была отбита попытка отнять чаепитие на заводе, с введением 9-час. дня. Стачка несколько мешала организационной работе и пропаганде. Происходит постоянная смена работников, что не может не отражаться вредно. Привыкнут к организатору, видимо появляется уважение к нему, теплые товарищеские отношения; на собрании десятки рук неорганизованных товарищей протягиваются к нему и приветливые, какие-то радостные улыбки появляются на лицах, прежде только любопытных, иногда недоверчивых,—начинают обращаться за советом в трудных вопросах; открывается возможность для более широкого и глубокого воздействия,—а тут приходится уходить... Литература легальная и нелегальная читается охотно, листки буквально рвут из рук. Прежняя система подмета почти оставлена,—идет раздача по рукам. Идешь на собрание—на ветвях деревьев, по дороге, висят прокламации; дальше, на открытом месте стоит товарищ-рабочий и раздает листки. Вокруг него толпа рвет из рук и совсем затормошила его. «Товарищи, мы еще не свергли самодержавия,—смеюсь я,—пока надо бы поконспиративнее».—«Нет, ничего, у нас это просто».—Не только матросам, охраняющим завод, но и казакам ухитряются передавать листки, и те читают охотно. После листов о событиях на «Потемкине», матросы волновались и отказались работать на грядах начальства, находя, что это не входит в круг их обязанностей. Часть их перевели в Петербург. 9-го июля, в полудне 9-го января, в Колпине не было стачки. Рабочие решили выйти на работу, отслужить в заводе панихиду; организованные же решили после нее устроить митинг в заводе же. Нашему оратору удалось сказать речь, хоть и короткую. При выходе из завода казаки и полиция были наготове. Одного человека задержали по подозрению в произнесении речи. Укажу еще на характерный факт, замеченный не только в Колпине,—особый интерес к вооружению: жажду оружия. Здесь многие запасаются, чем попало, но жаждут револьверов.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА.

Херсон. Сквозь крепкие решетки и высокую ограду и до нас, заключенных в херсонской тюрьме, доходят вести с воли. Каждый день, чуть ли не каждый час вносит новое в дело русской революции; особенно знаменательны последние события в армии и флоте. Отрезанные от жизни в такой счастливый для русского революционера момент, мы жадно ловим всякую весть, стараемся вникнуть в смысл событий, чтобы хотя мыслью и чувством слиться с общереволюционным потоком.

Но вот случай дал нам возможность непосредственно столкнуться с фактом, сильно отразившим нынешнее время. Мы говорим о покушении солдат в дисциплинарном батальоне на начальника Давыдова.

В другой тюрьме содержатся солдаты и матросы, обвиняемые в этом бунте. Мы, несмотря на трудности, завязали с ними сношения и, поскольку могли, старались ободрить их и научить, как держать себя до суда и на суде. Скоро после суда их привели в баню в ту тюрьму, где мы находимся.

Под конвоем чуть ли не целой роты солдат привели их (девять человек) в две партии: сначала осужденных на каторгу, а затем и приговоренных к смерти. С первыми нам удалось переговорить, крикнуть им несколько слов ободрения. Один из них произнес даже маленькую речь: «Теперь еще их воля, их право, теперь еще он над нами царь-бог, но не долго еще... Но особенно поднялось наше настроение, когда мы увидели осужденных к расстрелу. Несколько минут молчания... и вдруг все мы сразу запели марсельезу. Все в эту минуту почувствовали себя бодрыми, смелыми и готовыми идти на смерть.

Солдаты бледные, измученные (их держат все время в темных подземных карцерах) только радостно и растроганно улыбаются нам. На следующий день они прислали нам записку следующего содержания:

«Да здравствует политическая свобода! Дорогие товарищи! Посылаем вам сочувственное нижайшее почтение, да поможет вам всемогущий достигнуть той цели, которой вы желаете, а также за которую и мы провалились. Очень, очень не можем описать даже того, что мы чувствуем к вам. Все мы вам товарищи и благодарны, что вы нас так радостно приветствовали и таким великолепным маршем провожали. Мы этого никак не можем забыть и не забудем. Да здравствуют ваши отклики в народе! Ваши предсмертные друзья, бывшие солдаты».

В следующих их письмах, особенно в письмах одного из них, самого развитого (Рогачева), много говорится о том, что они не страшатся смерти, что смело смотрят ей в глаза, что «умирая, будем сознавать, что долго ли, коротко ли, а все-таки дорого обойдется жизнь наша царским псам и палачам, и что до последнего издыхания будем просить товарищей, чтоб они не смягчали сердца своего, а чтобы мстили и мстили врагам нашим за братьев наших».

Событие это в батальоне бледное в сравнении с другими, не остановившее на себе, может-быть, большого внимания, ярко, однако, иллюстрирует современную русскую действительность. Встают перед нами знакомые русскому сердцу картины дикого произвола, насилия, самого беспощадного попирания человеческого достоинства. Томят солдат в казармах, избивают, забывают, преследуют всякое проявление свободной личности; непокорных, не сумевших приспособиться к этим условиям, отправляют в дисциплинарные батальоны, где жизнь еще несчастнее. Нет, кажется, выхода! Но вот всего этого темного царства коснулось влияние сознательно борющегося пролетариата, и сразу стало светлее. Среди этих забытых, приниженных людей есть такие, которые работали на фабриках и сталкивались с сознательными рабочими; есть такие, которых просветил «студент», и вот в результате такой факт, как данный, солдаты в дисциплинарном батальоне задумывают убить ненавистных начальников, вооружиться и «пойти сначала освободить политических из тюрьмы, а затем дальше уничтожить врагов народа» (слова солдат). Пусть план не удался, пусть он не удался бы и при более благоприятных условиях, но одно возникновение его уже знаменательно.

Русский передовой пролетариат сумел внести этот свет в народные массы, сумел разбудить, повлиять на них; теперь его задача организовать их и сознательно повести к намеченной цели.

Херсон. В настоящее время в Херсонской политической тюрьме находятся: А. Кульчинский (арест. по делу Елисаев. Орган. 1903 г. в окт.), М. Заславский (тип.), С. Розенбойм (инт., ноябрь 1904 г.), Х. Беленькая (раб.), М. Зафтонов (нар. уч., 1904 г., окт.), Ар. Плесков (инт., 1905 г., март), Ал. Ухов, Н. Ровнер (раб. по делу Ник. к-та, окт. 1903 г.), А. Гаузнер, Краснобродский (март 1904 г.), И. Друзьян (переп., апр. 1904 г.), Л. Срулевич (раб.), И. Кржионовский (раб., декабрь 1904 года), М. Теверьбянов, А. Штейнрайдер (фотог., февр. 1905 г.), М. Орженский (Никол. к-та, февр. 1905 г.), И. Хаборовский (март 1905 г.), Б. Спектор (раб.), И. Гофбард (прик.), Рубинштейн, Зиглин (раб.). Все вышепоименованные товарищи социал-демократы. С. Бамбарчук (инт.), А. Сапожников (раб.). (Оба Поалей-Цион). С. Гончаров (раб. соц.-рев.), П. Смена (нар. уч., июль 1905 г.). Кроме того, в губернской тюрьме сидят: Слобаский, Злокинди, Слехман (соц.-демократы).

Москва. В Пречистен. части находятся следующие лица: Ив. Павл. Сазонов (с.-д., арест. 15-го июля, найдена колл. соц.-дем. проклам.), Андреев (соц.-дем., арестов. после 20-го на Ходынский поле солдатами, с которыми разговаривал; найдено небольшое количество соц.-дем. лит.), Евг. Филип. Монистов (арест. 10-го июля, найден револьвер, соц.-дем.), Фомин (арест. в авг., отобран револьвер, рабочих), Давыдов (арест. 5-го июля на дому; обвин. в устройстве демонстрации в Нар. доме—в произнесении речи и стрельбе из револ.), Гурин (арест. в нач. июля), Седачев, Ев. Ф.

(арест. в нач. июля), Канаев (арест. в нач. июля), Рыковский (соц.-дем., ар. в конце июля, найдена с.-д. литер.). Сведения эти по 12 авг.

Бежали: 1. Мариана Айзенберг из Акатуйской каторжной тюрьмы (была пригов. на 12 л. по Роман. делу). 2. Моисей Урицкий из Олекминска, Якутской обл. 3. Людмила Громова, сосланная на поселение, из Пельми, Тоб. губ. 4. Яков Коростышевский оттуда же. 5. Михаил Штейман из Туринска. 6. Мунгалов из Туринска. 7. Шапиро из Пельми (по делу Черниг. тип. соц.-револ.). 8. Каменецкая из Туринска. 9. Абрам Криницкий из Пельми. Оттуда же. 10. Самуил Глуз. 11. Яков Чертынь.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Из Франции.

Поход буржуазии на биржу труда.

Недалеко от площади республики, в самом центре Парижа, находится цитадель рабочего класса — биржа труда. Здесь заседает Исполнительная Комиссия «всеобщей конфедерации труда», здесь находится редакция револ.-синдикальной газ. «Голос Народа», здесь собираются профессиональные рабочие организации— вместе или отдельно по корпорациям—для обсуждения своих пролетарских нужд и дел, здесь обсуждаются средства борьбы с капиталом-эксплуататором, организуются профессиональные курсы, лекции, собрания...

Здание биржи труда принадлежит государству, т.-е. буржуазии; субсидии рабочим организациям выдаются государством, т.-е. той же буржуазией, и последняя, привыкшая покупать за деньги не только материальные блага, но и такие моральные блага, как любовь, совесть и прочие возвышенные вещи, желала бы иметь в своем доме и за свои деньги тихих, робких, скромных, показных тружеников, ну нечто в роде наших... зубатовцев...

Но, о скандал!—рабочие биржи труда смеют думать по-своему, по-пролетарски; биржа труда все больше и больше становится рассадником революционных идей; там не чтут законом установленных авторитетов, не проливают крокодиловых слез при воспоминании об Эльзас-Лотарингии, не признают благотворного сотрудничества классов, не восторгаются великими парламентскими реформами. Там ведут усиленную антимилицаристскую пропаганду, приглашают рабочих организоваться для борьбы с буржуазией, угрожают с первого мая 1896 г.—в силу решения Буржского конгресса—работать только 8 часов в день, устраивать враждебные манифестации против коронованных особ, удостоивающих революционный Париж своими милостивыми визитами, там смеются над квасным патриотизмом и от сердца распевают «карманьолку» и «интернационалку»... Словом, ужасы ужасов... И что хуже всего (horribile dictu!) биржа труда в силу закона 17 июля 1900 г. управляетя собственной административной комиссией, свободно избираемой профессиональными организациями...

Буржуазия сердится, негодует, придумывает меры и способы положить предел такому скандалу. Газеты ее всех оттенков от монархического «Gaulois» до псевдо-социалистической (зубатовской) «Petite Republique» изо-

щраются в выдумках, прожестках о «предупреждении и пресечении», гениальнейших регламентах в пользу рабочего класса... Испуганному воображению благородных Лепинов, высоко нравственных Жалюзю и целомудренных Сивтонов рисуются в бирже труда адские машины, несказанные воровства, классические оргии... После долгих и частых размышлений префект полиции и свободомыслящие газеты, министерство внутренних дел и демократическая дума пришли к единодушному решению— дать бирже труда свой, полицейский регламент, подчинить ее своей префекторской феруле... Сказано—делано; кампания начинается. Первое военное действие: пользуясь своим законным правом, административная комиссия изгнала из биржи труда организацию типографниц, сыгравшую несколько лет тому назад роль настоящих Streikbrecher'ов. Во время стачки типографов в Нанси, организация эта послала туда своих членов занять места стачечников, благодаря чему стачка была, конечно, проиграна. Сразу организованные парижские типографницы («желтые») стали идеальными работницами в глазах буржуазии. При восторженных аллилуйя подкупленных газет полиция величественно водворяет в бирже труда прогнанную оттуда организацию. Водворение происходит со взломом замков, так как помещение было заперто, и администраторы биржи не имели, понятно, никакого намерения давать ключи полиции.

Второе военное действие: из полицейских, чиновников и фабричных инспекторов префект составляет контрольную комиссию, задача которой «организовать» выборы новой административной комиссии. Предусмотрительное начальство само регулирует функции, способ избрания, полномочия администраторов, подлежащих контролю упомянутой полицейской комиссии. Чтоб дать перевес маленьким, подчас фиктивным союзам над крупными, большей частью, революционно-настроенными организациями, выборы устраиваются пропорциональные. А надо заметить, что на корпоративном Буржском конгрессе подавляющее большинство рабочих синдикатов высказывалось против системы профессиональных выборов. Но что до этого буржуазным защитникам пролетарских интересов?

План прекрасный, хитроумный, и господин Лепин от удовольствия потирает себе руки. Журнальные шавки ликуют: биржа труда укрощена.

Беда только одна: свыше 200 рабочих организаций, заседающих в бирже, решили игнорировать навязанный им регламент и продолжать попрежнему самоуправляться: всего лишь 24 несчастных союзов приняли участие в выборах административной комиссии...

Результат, неправда ли, блестящий! Это победа à la Kouropatkine.

Правда, говорят, что у префекта полиции есть задняя мысль (как у всех великих стратегов): введя своих покорных слуг в биржу раздражать мало-помалу мелкими стычками и придирками рабочих, вывести их из терпения, провоцировать их на насильственные действия и, воспользовавшись предлогом, изгнать революцию, т. е. пролетариат manu militari из биржи труда.

Сей великий план удастся ли? Вот вопрос.

ИЗ ПАРТИИ.

Первая областная конференция С.-З. Края. Состоялась 1-я областная конференция С.-З. Края, в которой Полесского комитета (2 голоса), Двинского к-та, Рижского к-та, С.-З. Союза, Виленской, Минской, Витебской, Сморгонской и Гомельской групп и Варшавской военно-революционной группы (по 1 голосу) и с совещательными голосами представители Ц. К-та, Смоленского к-та и Бобруйской группы. Из приглашенных не явились представители ОК и Рижской группы. Постановлениям конференции решено придавать значение лишь совещательных, имеющих обсуждаться в организациях. Приняты следующие резолюции:

А. По вопросу о Государственной Думе.

Принимая во внимание: 1) что интересы освободительной борьбы российского пролетариата против имущих классов за социализм требуют полного уничтожения самодержавия и замены его демократической республикой; 2) что по царскому манифесту Государственной Думе из так-называемых «народных» представителей предоставляется лишь совещательный голос, и тем самым существующий самодержавный строй остается неприкосновенным; 3) что выборы в Государственную Думу будут производиться при отсутствии гарантии свободы слова, печати, собраний и союзов, вследствие чего самые выборы превратятся в комедию; 4) что правительство в манифесте 6-го августа о созыве Государственной Думы путем не всеобщей, не прямой системы выборов, с одной стороны совершенно устраняет от участия в выборах пролетариат, а с другой—заранее обеспечивает в Государственной Думе подавляющий перевес представителям крупной и средней буржуазии и тем делает представительство от крестьян в действительности фиктивным; что в виду всего этого, возвещенная манифестом Государственная Дума совершенно не отвечает действительным интересам народа и является лишь гнусной попыткой царского правительства в целях самосохранения привлечь на свою сторону буржуазию и обмануть пролетариат и крестьянство призрачным народным представительством,—конференция, присоединяясь принципиально к предложению ЦК, постановила: а) разоблачать путем широкой агитации среди пролетариата и крестьянства реакционные цели правительства, учреждающего Государственную Думу, доказывая необходимость в интересах рабочих и крестьян созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов; б) выносить на всех агитационных собраниях соответствующие резолюции; в) пользоваться предвыборной агитацией во всех стадиях предвыборной кампании, оказывать самыми энергичными мерами давление на избирательные собрания, побуждая их отказываться от выборов; г) принять самые энергичные меры к подготовке пролетариата к открытому выступлению в форме всеобщих забастовок, вооруженных демонстраций и вооруженного восстания—как теперь же, после объявления правительства о созыве Гос. Думы, так и во время выборов.

Б. По вопросу об объединении партии.

Первая конференция представителей организации С.-З. края, констатируя единодушное стремление всех работников края объединить нашу партию и отсутствие достаточных тактических и организационных разногласий, оправдывающих существование двух партий, и не веря в возможность прочного и действительного объединения партий только путем соглашения между ЦК и ОК, считает необходимым немедленно приступить всюду к объединению на местах. С этой целью 1-я конференция предлагает: 1) созыв периодических областных конференций из представителей всех организаций, независимо от отношения их к тому или другому из течений к партии, на которых особенно детально должны быть выяснены организационные нормы, соответствующие современным условиям нашей социал-демократической работы; 2) созыв в ближайшем будущем центральной конференции из представителей областных конференций, ОК, ЦК и редакции «Искры» и «Пролетария» для решения вопроса об окончательном объединении партии; 3) предложить ЦК и ОК принять все меры для облегчения созыва как областных, так и центральной конференции; 4) в местах, где существуют парал-

тельные организации, необходимо устройство систематических совещаний из работников обеих организаций, где будет обсуждаться вопрос о способах к объединению обеих организаций; 5) предложить ЦК объявить, на каких условиях он считает для себя возможным соглашение с ОК и 6) придавая громадное значение областным и центральной конференциям в деле объединения партии, конференция вместе с тем признает, что работы таких конференций могут, главным образом, подготовить объединение партии, при чем наилучшим средством для окончательного объединения является созыв общепартийного съезда. Поэтому конференция предлагает ЦК и ОК наряду с устройством областных и центральной конференций принять немедленно самые энергичные меры для выработки основ и способа созыва общепартийного объединительного съезда. С своей стороны, конференция считает необходимым, чтобы областные конференции определили те организации своего района, представители которых должны участвовать с решающими и совещательными голосами на съезде. За 2 месяца до съезда программа его должна быть сообщена всем организациям.

В. Отношение к национальным социал-демократическим партиям.

Оставаясь в вопросе об отношениях к национальным социал-демократическим партиям на точке зрения II партийного съезда и считая необходимым организовать под знаменем Р.С.-Д.Р. партии пролетариат всех национальностей, конференция считает необходимым для усиления работы и влияния Р.С.-Д.Р. партии в крае издания литературы на местных языках. Вместе с тем, в виду важности в настоящий политический момент объединения борьбы российского пролетариата за демократическую республику, конференция признает необходимым соглашение между Р.С.-Д.Р. партией и национальными с.-д. партиями и предлагает: 1) для объединения борьбы пролетариата в переживаемый революционный момент созывать периодические конференции из представителей социал-демократических партий России, на которых могут выбираться исполнительные комиссии для проведения в жизнь постановлений, принятых конференциями, и 2) для организаций общих выступлений пролетариата учреждать на местах временные или постоянные комиссии из представителей местных социал-демократических организаций, при чем общие основы для образования таких комиссий вырабатываются между партийными конференциями. Конференцией выбран делегат на имеющую состояться междупартийную социал-демократическую конференцию. Выбрано также бюро, которому, помимо созыва следующей областной конференции, поручено подготовить вопрос об издании на местных языках общей областной газеты.

Борисов (Минской губ.). Здешняя группа партии официально существует пятый месяц. Основателями ее являются рабочие без помощи интеллигентов. Теперь имеется пять пропагандистских кружков (свыше 100 чел.). Читающих литературу и бывающих на собраниях до 300 чел., по преимуществу христиан. В одном кружке из 40 человек было 7 собраний. Распространены листки (11 названий), брошюры и газеты: «Вперед», «Пролетарий», «Искра». Во втором кружке (20 чел. русских рабочих) было 3 собрания; кроме того, они присутствовали на трех агитационных собраниях в 80, 70 и 60 человек. На стеклянном заводе Гутта, у Эпштейна и др. имеются кружки. Под руководством группы проведены 8 стачек с частичным успехом, на одной бумажной фабрике удовлетворены все требования, в том числе удаление директора. В двух-трех местах, из боязни забастовки, хозяева сами поспешили увеличить заработную плату.

Одесса. Исходя из резолюции III съезда и постановления ЦК по вопросу об отношении к отколовшейся части партии, Од. комитет постановил: 1) предложить всем районным комитетам обратиться к районным комитетам группы с предложением объединиться на основе выработанных третьим съездом организационных норм, а в случае их несогласия на это—с предложением устраивать периодические конференции из представителей параллельных организаций комитета и группы; 2) обратиться к Од. гр. с

тем же предложением. На первой конференции комитет считает нужным обсудить вопрос о Гос. Думе.

Таганрог. 2-го июля. I. Мы, работающие в Таганроге социал-демократы, после двухмесячной деятельности считаем насущной потребностью присоединиться к российскому и международному движению путем признания нас Центральным Комитетом Р.С.-Д.Р.П. за партийную организацию.

10-го июля. II. Принимая во внимание, что III съезд Р.С.-Д.Р.П. вызван необходимостью принять тактические организационные решения в целях единства действий организованного пролетариата; что Р.С.-Д.Р.П. необходимо прежде всего объединение; что на призыв БКБ и ЦК откликнулось большинство правоспособных организаций, мы, работающие в гор. Таганроге соц.-дем., признаем III съезд партийным и все решения его для себя обязательными.

6-го августа. III. Обсуждая вопрос об организации работы в Донском районе, Таганрогская группа Р.С.-Д.Р.П. пришла к следующим выводам: чтобы покончить с дезорганизацией, чтобы поставить работу на должную высоту и встретить надвигающиеся события во всеоружии, необходимо немедленно объединить деятельность всех южных групп организации, необходимо установить правильные сношения между ними, необходимо создать прочный жизнеспособный областной центр. Работая под непосредственным политическим руководством ЦК, этот организационный центр должен установить самое полное взаимодействие между всеми южными организациями, он должен держать на учете и распределять все наличные силы, он должен создать постоянный осведомляющий аппарат, он должен, наконец, создать достаточный кадр инструкторов и агитаторов, обслуживающих местные организации. Поручая товарищу вступить в переговоры с соседними комитетами о созыве конференции для решения поднятых вопросов, Таганрогская организация предлагает для конференции следующий порядок дня: 1) Текущая организационная работа (вопр. о Донском районе); 2) Разработка плана кампании к выборам в Гос. Думу; 3) Вопрос о вооруженном восстании с точки зрения конкретных условий юга; 4) Тактика южных организаций на случай частичного восстания (аналогичного одесским событиям); 5) Техника восстания; 6) Тактика организации в период, непосредственно следующий за восстанием; 7) Объединение работы в южном районе, создание областного организационного центра.

14-го августа. IV. Резолюция: Общее собрание всех организованных работников Таганрогской группы Р.С.-Д.Р.П. единогласно постановило: 1) Призвавая III съезд партийным, выражая солидарность с ним по тактическим вопросам и принимая партийный устав, предложить ЦК включить Таганрогскую группу в состав партии. 2) Соглашаясь с резолюцией Таганрогской группы (центра) от 11-го августа, признать необходимым созыв конференции южных комитетов и групп. 3) Признать необходимым скорейшее слияние с партией отколовшейся ее части, а пока поддерживать с Донским ком. соседские отношения, обмениваясь отчетами, литературой и различными услугами. 4) От участия в южной конференции меньшинства отказаться.

Таганрог. Было 10 массовок от 50 до 150 человек. Одну массовку окружили, дали до 70 выстрелов; с нашей стороны были ответные выстрелы, 26 чел. арестованы, через 3 дня выпущены. Распространено изданий 4.500 экз.

Армавир, Кубанской обл. Недавно здесь провалилась социал-демократическая типография (по другим сведениям, арестовано лицо за печатание прокламаций на гектографе Ред.). При типографии арестована и заведующая. Когда последнюю отправили на вокзал с целью отвезти в тюрьму, к вокзалу привалила огромная толпа рабочих. Увидев толпу, арестованная вскочила на подоконник и выпрыгнула в толпу, которая оцепила ее плотным кольцом. Арестованной удалось благополучно скрыться.

На 12-е июля здесь была объявлена забастовка служащих Владикавказской железной дороги.

Воронеж. С 15-го июня по 1-е авг. в Воронеже происходили еженедельно агитационные собрания, которые окончились массовой в 130 чел. Таких собраний за это время

было 9. В среднем на них перебивало около 600 чел. Темы агитационных собраний: «Двухпалатная система», «Проект Бульгина», «Что даст революция рабочим», «События в Иванове», «События в Лодзи», «Одесса», «Стачка Влад. жел. дороги», «Положение женщин», «Положение ремесленников». Кроме того, за это время было 4 собр. организованных рабочих, на которых перебивало человек до 150. За истекший период было 6 собраний Юго-вост. района, 6 собраний городского района, 4 собрания Иваново-Столевого района. Ежедневно правильно происходят собрания пропагандистов, организаторов и агитаторов.

Выпущены следующие листки: 1) «Ко всем воронеж. рабочим»—1.200 шт. 2) «К городск. району»—500 шт., 3) «К Юго-вост. рабочим»—500 шт., 4) «К крестьянам»—7.000 шт.

Из отчета Городск. район. Бакин. к-та за июнь 1905 г.: Приход 29.80; расход 21.80; остаток к июлю 8. 10.

Из отчета Красного Креста в г. Баку за май 1905 г.: приход 761 р. 80 к.; расход 600 р. 95 к.; остаток на 1-е июля 160 р. 85 к.

Из отчета «Библиотеки и Архива Р.С.-Д.Р.П.» (в Женеве) с 1-го по 15-е июня 1905 г. Почти весь май и часть июня были посвящены общей ревизии библиотеки. При ревизии оказалось налицо 7.572 книги, в том числе 125 библ. редкостей. Газет и журналов получается 107, в том числе: на англ. яз. 9, армян. 3, болгар. 2, груз. 1, еврейск. 6, итал. 2, латыш. 1, литовск. 2, малорос. 2, немецк. 12,

польск. 12, русск. 39, словенск. 3, франц. 9, японск. 1. Широкое развитие библ. дела привело к необходимости снять под библ. новое помещение за 300 фр. в год. Текущая работа поглощала около 40 час. ежедн. труда. Наличие кассы по 1-е июня была 213 фр. 64 с.; с 1-го по 15-е июня поступило 457 фр. 38 с. (итого 671 фр. 2 с.). Расход за то же время—671 фр. 85 с. (главные статьи расхода на переплет 193 фр. 90 с., за транспорт книг 178 фр. 45 с., квартира 75 фр.).

Из отчета с 1-го по 15-е июля (данные с 15-го июня по 1-е июля приведены в № 12 «Прол.»). Новых книг поступило 223 и документов в архив 62. Абонентов по 15-е июля было 114, в том числе 20 бесплатных. Приход кассы состоял из 13 фр. 17 с. наличности и 179 фр. 25 с. новых поступлений. Расход—140 фр. 50 с.

Адрес библиотеки: 91, Rue de Carouge, 91, Bibliotheque Centrale Russe. Geneve, Suisse.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Саше. Спасибо, пишите. Канский получ. Неаполю № 2 получен. Нищему. Получено. Василию. Тоже. Льву. Вы забыли назвать город, куда вам писать. Дяде Минаю. Шифр получили, корреспонденции получают, пришлите адрес для писем. Сталь. Напишите. Спц. Писали в комитет, ответа не имеем. Игорю. Ждем обещанного письма, пришлите также явку.

Примечания.

№ 16 и № 17 помечены одним числом: 14 (1) сентября. Очевидно, в № 17 корректурная ошибка.

Прим. 1. Здесь мы восстанавливаем измененный редактором, авторский текст не весь, а лишь в местах, подвергшихся наибольшему изменению. Редактором вычеркнуты слова: „сравнительно выгодных условий мира. Правда, этот мирный договор не вычеркнет из жизни военного разгрома царского могущества, правда, Россия выступает как сторона побежденная—однако, дипломатия употребила все усилия, чтобы пощадить самолюбие российского самодержца, и позор мира далеко не соответствует позору поражения. Теперь“... и заменены другими,—заключенными в прямых скобках.

Прим. 2. В тексте тов. Лениным зачеркнуто: „достигла такой высокой степени и такой напряженности, что“...

Прим. 3. В рукописи зачеркнуто: „Они могут существовать в нем лишь при условии“...

Прим. 4. Зачеркнуто: „назревшая потребность политического переворота“.

Прим. 5. Вся эта часть абзаца вставлена тов. Лениным.

Прим. 6. Очевидно, европейского пролетариата В рукописи эта фраза отсутствует.

Прим. 7. Статья редактирована тт. Воровским, Ольминским и Чужаком. В скобки заключены лишь поправки, сделанные тов. Воровским.

ЖЕНЕВА. 26 (13) сентября 1905 года.

№ 18.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ.
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Встреча друзей.

В последние дни иностранные газеты, следящие чрезвычайно внимательно за развитием политического кризиса в России, принесли ряд интересных вестей о деяниях земцев и освобожденцев. Вот эти весты.

«Конференция предводителей дворянства в Петербурге после двухчасового обсуждения пришла к полному соглашению с министром внутренних дел относительно выборов» в Гос. Думу («Voss. Ztg.», 16/IX). «Из всех русских губерний и городов сообщают о полном равнодушии большинства избирателей по отношению к предоставленным им политическим правам» (там же). Головин (предс. Моск. Г. Земск. Управы) ведет переговоры с Дурново (моск. ген. - губ.) о разрешении съезда земцев. Дурново сказал Головину, что вполне сочувствует земцам, но что ему приказано всеми силами помешать съезду. Головин сослался на съезд профессоров. Дурново ответил, что «это—вещь совсем иная, ибо студентов во всяком случае следовало уговорить возобновить занятия» («Grf. Ztg.», 17/IX). «Съезд земцев разрешен в Москве на 25 сент. в целях обсуждения избирательной программы с тем, чтобы он строго держался этого вопроса» («Times», 18/IX, телеграмма из С.-Пб.). «Г. Головин посетил сегодня ген.-губернатора для переговоров о предстоящем съезде земцев. Его превосходительство заявил, что съезд разрешен, но что его программа должна быть ограничена тремя вопросами: 1) участие земств и городов в выборах в Гос. Думу; 2) организация избирательной кампании; 3) участие земств и городов в помощи голодающим» (там же, тел. из Москвы).

Друзья встретились, и друзья сговорились. Соглашение между Головиным (вождь земской партии) и Дурново достигнуто. Только младенцы могли бы не видеть того, что соглашение основано на взаимных уступках, на принципе do ut des (я даю тебе, ты даешь мне). Что уступило самодержавие, это ясно: оно разрешило съезд. Что уступила земская (или освобожденская? Аллах их разберет! Да и стоит ли их разбирать?) партия, этого никто не говорит. Буржуазия имеет все основания скрывать свои переговоры с самодержавием. Но если мы не знаем деталей, подробностей, то мы превосходно знаем суть уступок буржуазии. Буржуазия обещала самодержавию сбавить свой революционный пыл, который состоял в том, что Петрункевича считали при дворе бывшим революционером... Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить. Размер скидки нам неизвестен. Но мы знаем, что «запросная цена» буржуазии была двоякая: для народа—монархическая конституция с двумя пала-

тами; для царя—созыв народных представителей, и только (ибо о большем знаменитая делегация земцев не осмелилась говорить Николаю II). Вот с этой-то двойной запросной цены буржуазия обещала теперь скидку самодержавию. Буржуазия обещала быть верноподданной, лойальной, легальной *).

Друзья встретились, и друзья согласились.

Приблизительно в то же время начали встречаться и соглашаться другие друзья. Петербургский корреспондент биржевой «Франкф. Газеты» (15 сент.) сообщает, что состоялся тайный съезд «Союза Освобождения», видимо, в Москве. «На собрании было решено превратить «С. Осв.» в демократическо-конституционную партию. Предложение это было сделано земцами, принадлежащими к «С. Осв.», и съезд (или конференция?) принял его единогласно. Затем выбрано было 40 членов «С. Осв.» для выработки программы партии и для редактирования ее. Эта комиссия вскоре начинает свои работы». Обсуждали вопрос о Г. Думе. После оживленных дебатов решили участвовать в выборах, «однако, с тем условием, чтобы выбранные члены партии принимали участие в Гос. Думе не в целях занятия текущими делами, а в целях продолжения борьбы внутри самой Думы». В дебатах указывали на то, что широкий (или всесторонний, weitgehender) бойкот невозможен, а только такой бойкот имел бы смысл. (Неужели никто не воскликнул на вашем собрании, господа: не говори «не могу», а говори «не хочу»?—Прим. Ред. «Прол.»). «Но собрание полагает, что Г. Дума есть хорошее поприще для пропаганды демократических идей. «Всякий истинный друг народа, — сказано в протоколе собрания, — всякий друг свободы пойдет в Гос. Думу лишь затем, чтобы бороться за конституционное государство». (Припомните освобожденского С. С., который разъяснял всем и каждому, что для радикальной интеллигенции центр тяжести лежит в расширении избир. права, а для земцев, для помещиков и капиталистов—в расширении прав Гос. Думы.—Ред. «Прол.»). «При этом собранием было указано на то, что демократические члены Думы должны иметь в виду при этой борьбе полный разрыв с существующим правительством (курсив оригинала) и не должны бояться такого разрыва. Эти решения собрания будут, разумеется, отпе-

* От 21-го сент. н. ст. в заграничных газетах сообщалось из Петербурга, что бюро земского съезда получает много отказов участвовать в съезде 25-го сентября на том основании, что программа съезда значительно урезана правительством. Не ругаемся за верность этого сообщения, но даже и в качестве слуха оно безусловно подтверждает наш взгляд на значение переговоров Головина с Дурново.

чатаны и распространены». (Ред. «Пролетария» пока не имеет ни этого листка, ни сведений о нем из России). «Влияние «освобожденцев», как называют себя члены «С. Осв.», очень велико. К числу их принадлежат представители самых различных кругов общества, во главе их стоят земские деятели. Поэтому их избирательная агитация в близких им кругах общества, удовлетворяющих требованиям ценза, приобретает большое значение. Не подлежит сомнению, что крепкое ядро освобожденцев проникнет в Гос. Думу и составит в ней левую, как только Гос. Дума превратится в настоящее народное представительство. Если этим радикалам удастся привлечь на свою сторону кандидатов умеренных земств и городов, то дело может дойти до провозглашения учредительного собрания».

«Участие русских политических партий в выборах является, таким образом, вопросом, повидимому, решенным, ибо и Союз Союзов, в конце-концов, высказался за участие. Против выборов в Думу агитирует только еврейский Бунд, да рабочие в разных городах устраивают большие митинги, категорически протестуя против Гос. Думы, из которой они исключены»...

Так пишет историю русской революции корреспондент немецкой буржуазной газеты. Вероятно, в его сообщениях есть частные ошибки, но в общем и целом они, несомненно, близки к истине, — разумеется, что касается фактов, а не предсказаний.

Каков же истинный смысл описываемых им фактов?

Буржуазия российская, как мы уже сотни раз указывали, маклерствует между царем и народом, между властью и революцией, желая использовать последнюю для обеспечения себе власти в своих классовых интересах. Поэтому, пока она еще не достигла власти, она должна стремиться к «дружбе» и с царем, и с революцией. Вот она и стремится. Именитого Головина она посылает дружить с Дурново. Анонимного борзопицца она посылает дружить с «народом», с революцией. Там друзья встретились и согласились. Здесь они протягивают руку, ласково кивают головой, обещают быть истинными друзьями народа, друзьями свободы, клянутся участвовать в Думе только для борьбы, исключительно для борьбы, боятся, что они совершенно рвут, окончательно рвут с существующим правительством, сулят даже перспективу провозглашения учредительного собрания. Они радикальничают, забегают перед революционерами, заискивают у них для получения звания друзей народа и свободы, они готовы посулить, что угодно, — авось клюнет!

И клюнуло. Клюнула новая «Искра» с Парвусом во главе. Друзья встретились и начали переговоры о соглашении. Надо взять с освобожденцев, идущих в Думу, революционное обязательство, — кричит Череванин («Искра» № 108). — Мы согласны, вполне согласны, — отвечают освобожденцы. — Мы провозгласим учредит. собрание. — Надо оказывать давление, чтобы выбирали только решительных сторонников свободного и демократического представительства, — вторит Череванину Мартов («Венская Раб. Газета», переведено в «Пролетарии» № 15). — Разумеется, разумеется, — отвечают освобожденцы, — мы, ей-богу же, самые решительные, мы идем на полный разрыв с существующим правительством. — Надо напомнить им, что они обязаны выражать интересы народа, надо заставить их выражать интересы народа, —

гресмит наш Ледрю-Роллэн — Парвус. — О, да, — отвечают освобожденцы. Мы даже в протоколе записали, что мы — истинные друзья народа, друзья свободы. — Надо образовать политическую партию, — требует Парвус. — Готово! — отвечают освобожденцы. — Мы уже называемся конституционно-демократической партией. — Надо иметь ясную программу, — настаивает Парвус. — Помилуйте, — отвечают освобожденцы, — ды мы сорок человек посадили писать программу, да мы сколько угодно, помилуйте!.. — Надо заключить соглашение о поддержке социал-демократами освобожденцев, — заключают все новоискровцы хором. Освобожденцы проливают слезы умиления. Головин едет с поздравительным визитом к Дурново.

Кто тут комедианты и кто одураченные?

Все ошибки искровской тактики в вопросе о Думе привели теперь к их естественному и неизбежному финалу. Позорная роль, которую сыграла «Искра» своей войной против идеи активного бойкота, видна теперь всем и каждому. Кому пошла на пользу искровская тактика, — это не подлежит теперь сомнению. Идея активного бойкота похоронена большинством монархической буржуазии. Искровская тактика похоронена будет неизбежно большинством российской социал-демократии.

Парвус зарпортовался до того, что заговорил о формальном соглашении с освобожденцами («демократами»), о связывании их и с.д. общей политической ответственностью, о поддержке освобожденцев социал-демократами на основании точно определенных условий и требований, — от этой нелепости и от этого позора будут, вероятно, отрешиваться даже новоискровцы. Но Парвус только прямее и грубее выразил основную идею новоискровства. Формальная поддержка, предложенная Парвусом, есть лишь неизбежный вывод из той моральной поддержки, которую все время оказывала новая «Искра» монархической буржуазии, осуждая активный бойкот Думы, оправдывая и защищая идею вступления в Думу демократов, занимаясь игрой в парламентаризм при условиях, когда нет налицо никакого парламента. Недаром было сказано: парламента у нас еще нет, а парламентарского кретинизма сколько угодно.

Основная ошибка новоискровцев проявила себя. Они все время прикрывали глаза на теорию соглашения, эту основную политическую теорию освобожденства, это глубочайшее и вернейшее выражение классовой позиции и классовых интересов российской буржуазии. Они напирали и напирают на одну сторону дела, на конфликты буржуазии с самодержавием, оставляя в тени другую сторону дела: соглашение буржуазии с самодержавием против народа, против пролетариата, против революции. А, между тем, именно эта вторая сторона дела выступает все более и более на первый план, приобретает все более и более коренное значение с каждым шагом вперед российской революции, с каждым месяцем затяжки того положения, которое так невыносимо для буржуазных сторонников порядка.

Основная ошибка новоискровцев повела к тому, что они в корне неправильно оценили способы использования социал-демократией конфликтов между буржуазией и самодержавием, способы разжигания этих конфликтов нашими усилиями. Да, мы обязаны безусловно и всегда разжигать эти конфликты, и без Думы, и до Думы, и в Думе, если она соберется. Но

средство этого разжигания видят новоискровцы совсем не там, где следует. Вместо того, чтобы разжечь огонек, сломав окна и дав простор притоку свободного воздуха рабочих восстаний, они потеют, сочиняя игрушечные мехи и раздувая освобожденский революционный пыл скроморешскими требованиями да условиями, предъявляемыми к освобожденцам.

Да, мы обязаны поддерживать буржуазию всегда, когда она выступает революционно. Но эта поддержка всегда состояла у нас (вспомните отношение «Зари» и старой «Искры» к «Освобождению») и всегда будет состоять у революционной социал-демократии прежде всего и больше всего в беспощадном разоблачении и клеймении всякого ложного шага этой «демократической», с позволения сказать, буржуазии. Поскольку мы можем влиять на демократизм буржуазии, это влияние будет реальным лишь тогда, когда всякое выступление буржуазного демократа перед рабочими, перед сознательными крестьянами будет казнью всех измен, всех ошибок этой буржуазии, казнью за неисполненные обещания, за опровергаемые жизнью и делами красивые слова. Когда эта буржуазия вчера кричала на все Европы о бойкоте Думы, а сегодня уже сподличала, взяла свои обещания назад, перерешила решения, переделала резолюции, сталкивалась о легальном образе действия со всеми Дурново,—тогда мы должны не поддерживать морально этих лгунов и лакеев самодержавия, не давать им выпутаться, не позволять им соваться к рабочим с новыми обещаниями (которые так же точно полетят к чорту, когда Дума превратится из законосовещательной в законодательную), нет, мы должны клеймить их и внушать всему пролетариату неизбежность и неминуемость новых измен этой буржуазной «демократии», этих соглашателей конституции с Треповым, социал-демократии с освобожденством. Мы должны доказывать и показывать всем рабочим на основании, между прочим, и обмана буржуазией народа в вопросе о бойкоте,—показывать, что все эти Петрункевичи и К^о—вполне уже оперившиеся Кавеньяки и Тьеры.

Допустим, что мы не осилим задач сорвать эту Думу до ее появления на свет. Допустим, что Дума собралась. В ней неизбежны конституционные конфликты, ибо буржуазия не может не стремиться к власти. Мы обязаны и тогда поддерживать это стремление, ибо конституционный порядок дает кое-что и пролетариату, ибо господство буржуазии, как класса, расчистит почву для нашей борьбы за социализм. Все это так. Но здесь не кончается, а именно только начинается наше коренное расхождение с новой «Искрой». Это расхождение не по вопросу о том, надо ли поддерживать буржуазный демократизм, а по вопросу о том, чем его поддерживать в революционную эпоху, как на него давить. Оправдывая их предательство или закрывая глаза на него, спеша заключить сделки с ним, торопясь играть в парламентаризм, взимая с них обещания и обязательства, вы достигаете лишь того, что они давят на вас, а не вы на них! Мы дожили до революции. Времена одного только литературного давления уже прошли. Времена давления парламентского еще не настали. Действительное, а не игрушечное давление может оказать только восстание. Когда гражданская война охватила всю страну,—давление оказывают

военной силой, прямым сражением, и всякие иные попытки давления—пустая и жалкая фраза. Ни один человек не решался еще утверждать, что эпоха восстания миновала для России. А раз это так, то всякое отстранение от задачи восстания, всякая отговорка от ее необходимости, всякая «скидка» в наших требованиях к буржуазной демократии с требованиями участвовать в восстании есть складывание оружия перед буржуазией, есть превращение пролетариата в ее прихвостня. Пролетариат нигде еще в мире и ни разу не выпускал из рук оружия, когда начиналась серьезная борьба, ни разу еще не уступал проклятому наследию гнета и эксплуатации без того, чтобы не померяться силами с врагом. Вот где теперь наши орудия давления, наши надежды на давление. Никто не сможет предсказать исхода борьбы. Победит пролетариат,—и революцию будут делать рабочие да крестьяне, а не Головины да Струве. Будет разбит пролетариат,—тогда буржуазия получит себе новые конституционные награды за помощь самодержавию в этой борьбе. Тогда, и только тогда, начнется новая эпоха, выступит новое поколение, повторится европейская история, парламентаризм станет на время действительным оселком всей политики.

Вы хотите теперь же оказывать давление?—готовьте восстание, проповедуйте его, организуйте его. Только в нем возможность того, чтобы комедия Думы не была концом русской буржуазной революции, а стала началом полного демократического переворота, зажигающего пожар пролетарских революций во всем мире. Только в нем залог того, что наш «соединенный ландтаг» станет прелюдией к учредительному собранию не франкфуртского типа, что революция не кончится одним 18 марта (1848), что у нас будет не только 14 июля (1789), но и 10 августа (1792). Только в нем, а не в подписках, взятых с освобожденцев, порука в том, что из их рядов могут выйти отдельные Иоганны Якоби, которых оттолкнет, наконец, мерзость головинского пресмыкательства, которые в последнюю минуту пойдут сражаться за революцию в рядах пролетариата и крестьянства.

(Н. Ленин).

Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги!

Спор о тактике по отношению к Гос. Думе все разгорается. Разногласие между «Искрой» и «Пролетарием» становится все глубже, особенно после статьи Парвуса в «Искре».

Спорить о тактике необходимо. Но обязательно при этом добиваться полнейшей ясности. Вопросы тактики—это вопросы политического поведения партии. Обосновывать то или иное поведение можно и должно и теорией, и историческими справками, и анализом всей политической ситуации, и т. д. Но партия борющегося класса обязана при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, не допускающих двух толкований ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет? делать ли нам теперь же, в данный момент, то-то, или не делать?

Эти ясные ответы обязательны и для того, чтобы не преувеличивать, не запутывать разногласий, и для того, чтобы рабочий класс знал с полнейшей точностью, какие именно конкретные советы дают ему те или иные с.-д. в данный момент.

В видах внесения полной ясности в наши споры с «Искрой» мы даем следующий список конкретных вопросов политического поведения с.-д. в настоящей агитационной думской кампании. Не претендуя нисколько на исчерпывающую полноту этого списка, мы будем очень рады всяким указаниям на необходимость его дополнения, изменения или расчленения тех или других вопросов. Само собою разумеется, что относящееся к избирательным собраниям отнесится также ко всем и всяческим собраниям вообще.

Какие советы дают соц.-дем. пролетариату по отношению к Государственной Думе?

	«Искра»	„Пролетарий“
1. Проникать ли рабочим в избирательные собрания?	Да.	Да.
2. Проникать ли рабочим в избирательные собрания даже силой?	Да.	Да.
3. Говорить ли на этих собраниях о полной негодности Государственной Думы и о всех целях, о всей программе социал-демократии? . .	Да.	Да.
4. Призывать ли на этих собраниях рабочих и весь народ к вооруженному восстанию, образованию революционной армии и временного революционного правительства?	?	Да.
5. Делать ли из этих (п. 4) лозунгов центральный пункт всей нашей „думской“ кампании?	Нет.	Да.
6. Клеймить ли идущих в Государственную Думу „освобожденцев“ (или „конст.-дем.“), как буржуазных предателей, проводящих „соглашение“ с царем?	Нет.	Да.
7. Говорить ли нам, соц.-дем., народу о предпочтительности выборов в Государственную Думу Петрункевичей или Стаховичей и т. п. ?	Да.	Нет.
8. Заключать ли какие бы то ни было соглашения с освобожденцами о поддержке их нами		

Игра в парламентаризм.

Мы уже неоднократно (в № 12 «Пролетария» до закона о Гос. Думе, в №№ 14—17 после 6 августа) развивали нашу тактику по отношению к Государственной Думе и теперь должны вновь рассмотреть ее в сопоставлении с новыми взглядами, которые высказал Парвус (отд. оттиск из № 110 «Искры», статья «Социал-демократия и Г. Дума»).

Проследим сначала шаг за шагом основное рассуждение Парвуса. «Мы должны до последней крайности бороться против подставного парламента, этой смеси подлости и ничтожества»,—начинает он свою статью, и к этому справедливому положению добавляется сейчас же не менее справедливое следующее: «Свергнуть Г. Думу... мы можем только народным восстанием. Заставить правительство изменить избирательное право и расширить права Думы мы можем опять-таки только народным восстанием». Превосходно. Каковы же, спрашивается, должны быть наши лозунги агитации по поводу Гос. Думы? Каковы главные и особенно важные формы организации и борьбы против смеси подлости

на основании тех или иных условий, требований, обязательств и т. п.? Да. Нет.

9. Делать ли из лозунга „Революционное самоуправление!“ центральный пункт нашей агитации? Да. Нет.

10. Призывать ли народ теперь же к выборам всеобщим голосованием органов революционного самоуправления“, а через них и учредит. собрания? Да. Нет.

11. Выбирать ли нам соц.-демократические избирательные комитеты? Выставлять ли наши, соц.-демократические, кандидатуры в Государственную Думу? Да. Нет.

(Н. Ленин).

Либеральные союзы и социал-демократия.

В последнее время перед товарищами, работающими на местах, возник вопрос: как относиться к организуемым либералами союзам, так-называемым «профессиональным» союзам адвокатов, инженеров, учителей и т. д., вплоть до объединяющего их Союз Союзов. По мере роста демократического движения вопрос этот возникает повсюду: его обсуждала конференция южных комитетов (см. «Пролетарий» № 15), о нем высказываются в своей резолюции московские помощники присяжных поверенных (там же № 17). Но если в обоих указанных случаях вопрос решается самым недвусмысленным образом отрицательно, то нельзя не отметить, что в других местах он вызывает сомнения, разногласия, споры. Вот как описывается положение данного вопроса в одном из комитетов. Приводим письмо в главнейших выдержках:

«С конца апреля у нас организовалось несколько так-называемых профессиональных союзов, которые примкнули к Союзу Союзов. В члены этих союзов всту-

и ничтожества? Парвус ставит вопрос, в сущности, так же: «То, что мы можем внести с своей стороны для подготовки восстания, это—агитация и организация». И вот как решает он первую часть этого вопроса, об отношении к избирательным собраниям.

«Если мы будем мешать этим собраниям,—пишет Парвус,—если мы будем срывать их, мы только окажем услугу правительству».

Итак, Парвус против того, чтобы рабочие мешали кучке помещиков и купцов ограничивать предмет обсуждения на избирательных собраниях подлой и ничтожной Госуд. Думой? Парвус против того, чтобы рабочие пользовались избирательными собраниями для критики «подлой» Г. Думы и развития своих социал-демократических взглядов и своих лозунгов?

Выходит так, но вслед за приведенной фразой Парвус говорит уже другое: «То, чего рабочим не дают добровольно,—читаем в его статье,—они должны взять силой. Они должны массами являться на сходки избирателей и превратить их в рабочие собрания (курсив в цитатах везде наш.—Ред. «Прол.»). Вместо рассуждений о том, выбрать ли Ивана Фомича, или Фому Иваныча, они поставят на очередь политические

пали социал-демократы, сначала—не принадлежащие к организации, а затем и некоторые члены наших организаций. Так, один состоит членом профессионального союза учителей, другая вошла в союз равноправия женщин, выбрана в его бюро и в бюро местных профессиональных союзов. В союзе статистиков и агрономов есть также один из членов нашей организации. Наконец, на днях наша крестьянская группа (она, как ведущая целостную социал-демократическую работу, находится на положении районных комитетов) привозит в город крестьян, принадлежащих к нашей организации, и вводит их в крестьянский союз, организуемый наиболее видными либералами по поручению бюро бюро. Крестьянская группа принимает следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что организованные в настоящее время профессиональные союзы, и в частности крестьянский союз, представляют собою удобную почву для агитации и пропаганды социал-демократических идей и расширения влияния социал-демократии на широкие массы, деревенская группа признает допустимым участие в таких союзах при неприменном условии, что таковой союз не имеет политической программы, противоречащей программе Р.С.-Д.Р.П., и если со стороны партийной организации, в которой состоит данный товарищ, не последует протеста». Группа предложила комитету утвердить эту резолюцию. Комитет большинством голосов отвергает резолюцию крестьянской группы и выносит свою резолюцию следующего содержания: «Принимая во внимание, что всякая политическая организация, не принявшая целиком всей социал-демократической программы, в конечном счете будет служить интересам буржуазии, комитет считает недопустимым для членов своей организации входить членами в политические организации, не выставившие полностью всей социал-демократической программы. В частности же по отношению к так-называемым профессиональным союзам, примыкающим к Союзу Союзов или организо-

ванным Союзом Союзов, комитет постановляет: в виду того, что, во-первых, так-называемые профессиональные союзы, возникающие в последнее время по инициативе и под руководством конституционалистов-демократов, профессиональные только по уставу и суть организации чисто-политические; во-вторых, что программа их, принятая Союзом Союзов, есть программа чисто-буржуазная, и что хотя некоторые из союзов, организованные конституционалистами-демократами, не приняли явно программы Союза Союзов, и устроители их стремятся даже отрицать существование программы, союзы эти все же являются политическими союзами, так как замалчивание существования программы является одним из приемов конституционалистов-демократов,—в виду этого комитет не считает возможным для членов своей организации входить в так-называемые профессиональные союзы, примыкающие к Союзу Союзов или организуемые им. Вместе с тем комитет рекомендует членам своей организации являться на организационные учредительные собрания профессиональных союзов, особенно, если там есть пролетарские элементы, указывать сущность этих профессиональных союзов, разоблачать всю тактику либералов, все их стремление затемнить сознание масс, основывая какие-то, якобы, беспрограммные организации, указывать на классовый характер всех политических организаций, как бы они ни маркировались отсутствием программы и демократизмом, требовать тут же, при организации союзов, выставления программы и, когда достаточно будет выяснен характер союза, демонстративно отказываться вступить в него и т. д.,—словом, самая энергичная борьба со стремлением либералов затемнить сознание вступающих членов. Будьте, мол, открыто тем, что вы есть, и мы против вас ничего иметь не будем, но обманывать других мы не позволим».

Автор письма указывает далее, что эта резолюция комитета не разрешила спора, напротив, обострила его.

вопросы (Парвус хотел, вероятно, сказать: с.-д. вопросы, ибо вопрос о выборах Фомы или Ивана есть тоже политический вопрос). Тут мы можем обсуждать и политику правительства, и тактику либералов, и классовую борьбу, и самую Г. Думу. Все это ведет к революционизированию масс».

Посмотрите же, что вышло у Парвуса. С одной стороны, мешать собраниям Трубецких, Петрункевичей и Стаховичей не следует. Идею бойкота Парвус в конце своей статьи определенно осуждает. С другой стороны, на собрание мы должны явиться: 1) силой; 2) «превратить» собрание Петрункевичей и Стаховичей в «рабочее собрание»; 3) вместо рассуждений о том, для чего собрание сошлось (выбирать ли Фому или Ивана?), обсуждать наши с.-д. вопросы и классовую борьбу, и социализм, и, разумеется, необходимость народного восстания, его условия, его задачи, его средства, приемы, орудия, его органы,—такие, как революционная армия и революционное правительство. Мы говорим: разумеется, хотя Парвус ни слова не проронил о проповеди восстания на избирательных собраниях, ибо он сам вначале признал, что мы должны бороться до последней крайности, и что мы можем достигнуть наших ближайших целей только восстанием.

Ясно, что Парвус запутался. Он воюет против идеи бойкота, он не советует мешать собраниям и срывать их, а тут же рядом советует проникать в собрания силой (это не значит «срывать»?), превращать их в рабочие собрания (это не значит «мешать Петрункевичам и Стаховичам?»), обсуждать не думские, а свои, социал-демократические, революционные вопросы, которых Петрункевичи обсуждают всерьез не хотят, а рабочие и сознательные крестьяне очень хотят и непременно будут обсуждать.

Отчего же запутался Парвус? Оттого, что он не понял предмета спора. Он собрался воевать против идеи бойкота, вообразив, что бойкот значит простое отстранение, отказ от мысли использовать избирательные собрания для нашей агитации. Между тем, такой пассивный бойкот никем даже в легальной печати, не говоря уже о нелегальной, не проповедуются. Парвус обнаруживает полнейшее незнание русских политических вопросов, когда он смешивает пассивный и активный бойкот, когда он, пускаясь рассуждать о бойкоте, ни единым словом не разбирает второго бойкота.

Мы уже указывали не раз на условное значение термина «активный бойкот», отмечая, что рабочим

Крестьянская группа осталась при своем прежнем мнении, ее поддержали другие организации. «В организационной форме этот вопрос еще не был поставлен на баллотировку,—говорится в письме.—Но товарищи рабочие примут, вероятно, резолюцию комитета. Громадное же большинство интеллигентных работников нашей организации, можно сказать, все, кроме нескольких членов комитета, считает наилучшим способом борьбы с затемнением классового самосознания масс при помощи профессиональных союзов вступление членами в союзы с целью борьбы против них».

Посмотрим же, насколько правы товарищи, выдвигающие это соображение против резолюции комитета.

Наталкиваясь на какой-нибудь новый вопрос, социал-демократ имеет перед собою две задачи: во-первых, постигнуть действительный смысл данного явления, его реальное содержание в противоположность тем кличкам, вывескам, фразам, которыми оно прикрывается, разоблачить его социально-политическую природу; во-вторых, оценить это явление с точки зрения интересов пролетариата. Решение этих двух задач всецело определяет нашу тактику. Применим же этот метод к рассмотрению вопроса о союзах. Что такое представляют из себя эти демократические союзы? Мы знаем, что они называют себя профессиональными, что они действительно организуются по профессиям. Но мы знаем также, что не следует доверять названиям, а необходимо ознакомиться с задачами, целями и назначением союзов. Лучшим источником такого ознакомления была бы программа союзов, но оказывается, что программы не существует. Приходится поэтому косвенным путем разоблачать сущность этих организаций. Союзы организуются по профессиям. Но являются ли они в силу этого только профессиональными союзами,—союзами в целях защиты профессиональных интересов, а не союзами политическими? Возьмем, на-

пример, союз адвокатов. Ставит ли он своей задачей защиту экономических интересов адвокатского сословия? Добивается ли он расширения прав этого сословия на почве существующего политического строя? Хочет ли он повысить таксу за ведение дел, ограничить дисциплинарную власть председателей суда, улучшить условия существования адвокатов? Ничего подобного. Г.г. адвокаты себя обидеть не дадут. Они сами кого-угодно обидят. Союз адвокатов выдвигает требование созыва учредительного собрания. Это требование имеет такое же отношение к профессиональным интересам адвокатов, как и к интересам каменщиков, ветеринаров, землекопов и т. п. Это—требование, объединяющее все профессии, это—требование политическое. Вот когда, например, земские или городские врачи сорганизуются с целью добиться лучшего вознаграждения за труд, или сотрудники газет устроят союз в целях борьбы за повышение почасовой платы, то это будет борьба профессиональная, и союзы их будут профессиональными союзами. Союзы же, хотя бы организованные по профессиям, но добивающиеся таких прав, как свобода слова, печати, союзов и т. д., вплоть до учредительного собрания, стремящиеся вообще расширить права каждого или отдельных классов общества, расширить их за счет прав существующей политической власти,—такие союзы суть чисто-политические.

Но если бы даже на отдельных союзах не удалось проследить их политического характера, то одно существование Союза Союзов, один факт объединения их должен раскрыть нам глаза. Ведь, действительно, профессиональные союзы потому и организуются обособленно, что их задача—отстаивать обособленные профессиональные, экономические интересы отдельных групп тружеников. Вся такая организация основана на отсутствии общих интересов, т.-е. в круг задач профессиональных союзов вводятся только те интересы, которые свойственны одной данной группе, интересы

нечего бойкотировать Госуд. Думу, ибо Госуд. Дума сама их бойкотирует. Но действительное содержание этого условного термина мы вполне ясно определили с самого начала, еще полтора месяца назад, когда в № 12 «Пролетария», до выхода закона о Г. Думе, писали: «В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удесятерение агитации, устройство собраний везде и повсюду, утилизацию (использование) избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. п., и т. д.».

Итак, чего же, наконец, хочет Парвус? Когда он советует силой врваться в собрания избирателей, превращать их в рабочие собрания, обсуждать с.-д. вопросы и восстание «вместо рассуждения о том, избрать ли Ивана Фомича, или Фому Иваныча» (заметьте «вместо», а не вместе, не на-ряду),—он советует именно активный бойкот. С Парвусом случилось, как видите, маленькое несчастье: он шел в одну дверь, а попал в другую. Он объявил войну идее бойкота, а сам высказался (по вопросу об избирательных собраниях) за активный бойкот, т.-е. за единственный вид бойкота, который обсуждался в русской политической печати.

Конечно, Парвус может возразить, что условные термины для него не обязательны. Это возражение будет формально справедливо, но по существу никуда не годно. Обязательно знать то, о чем идет речь. О словах мы спорить не станем, но политические термины, сложившиеся уже в России, на месте действия, это—совершившийся факт, который заставит считаться с собой. Заграничный социал-демократический писатель, который вздумал бы игнорировать эти складывающиеся на месте действия лозунги, обнаружил бы только самое узкое и мертвенное литературское самомнение. Повторяем: ни о каком другом бойкоте, кроме активного, никто в России не говорил, никто в революционной печати не писал. Парвус имел бы полное право критиковать термин, отвергать или пояснять иначе его условное значение и т. д., но игнорировать его или извращать установившееся уже значение, значит вносить путаницу в вопрос.

Нам следует рассмотреть два вопроса: 1) возможно ли на избирательных собраниях обсуждать «вместе» и выбор Ивана или Фомы, и классовую борьбу, социализм, восстание? 2) если возможно, то следует ли обсуждать вместе первый и второй вопросы, или второй вместо первого? Кто знает русские условия, тот

частные, групповые, экономические, а не общие, не классовые, не политические.

Поскольку профессиональные союзы,—например, профессиональные рабочие союзы,—борются за свои интересы,—они ведут эту узкую, групповую, экономическую борьбу. Как только они начинают организовываться в союзы союзов, объединять отдельные профессиональные организации,—их борьба по самой природе своей становится борьбой политической, их лозунгами являются неизбежно политические лозунги. Разве не характерно, что рабочее движение могло выдвинуть только один—по внешности—экономический лозунг—8-часовой рабочий день? По существу же и этот лозунг—политический, так как он является лозунгом борьбы класса рабочих против класса капиталистов. Организовать действительно профессиональный союз—значит выделить все общее, все политическое. Организовать союз этих союзов—значит отстранить все частное и вынести за скобки только общее, только политическое. Таким образом, если бы даже так-называемые профессиональные союзы демократов были действительно союзами профессиональными, то уж Союз Союзов не мог бы не быть союзом политическим. Быть-может, скажут, что и профессиональные рабочие союзы выдвигают политические требования. Совершенно верно, но они это делают, поскольку наша пропаганда толкает их к этому, поскольку они вовлекаются в водоворот политической жизни и борьбы. И объединение рабочих союзов разных профессий знаменует уже шаг от групповой борьбы к классовой, от экономики к политике *).

Итак, мы видим, что профессиональные союзы, о которых шла у нас речь, по внутреннему содержанию являются союзами политическими. Теперь у нас воз-

*) Ср. «Пролетарий» № 8, «Профессиональное движение и социал-демократия», а также № 4, «Съезд профессиональных союзов в Германии».

едва ли затруднится ответом на оба вопроса. Проникать в избирательные собрания и превращать их в рабочие собрания придется силой, т.е. подавляя сопротивление полиции и войска прежде всего. В сколько-нибудь крупных рабочих центрах (где рабочая с.-д. партия только и может рассчитывать на руководство действительно широким народным движением) сопротивление полиции и войска будет самое серьезное. Закрывать глаза на это было бы с нашей стороны прямо глупо. Парвус сам говорит, что «выборная агитация может каждую минуту превратиться в революционное восстание». Если так, то мы обязаны рассчитывать и сообразовать свои силы именно с задачей восстания, а не с задачей повлиять на выбор Фомы, а не Ивана в Государственную Думу. Если так, то главным и центральным лозунгом всей нашей агитационной думской кампании должен быть лозунг: вооруженное восстание, революционная армия, революционное правительство. Если так, то мы обязаны прежде всего и больше всего проповедывать и разъяснять именно эти лозунги на всех и всяких собраниях. Поэтому Парвус опять-таки сам побивает себя, когда, с одной стороны, ждет восстания «каждую минуту», а с другой стороны, совершенно умалчивает о проповеди

никает вопрос: какое значение они [имеют для пролетариата, и не следует ли нам, с.-д., вступать в них в целях борьбы против затемнения классового сознания рабочих?]

«Профессиональные» союзы интеллигенции и «Союз Союзов» суть политические организации. Фактически это—либеральные союзы. В общем и целом это—союзы, составляющие ядро так-называемой конституционно-демократической, т.е. буржуазно-либеральной, партии. На нас ложится теперь серьезная обязанность всеми силами содействовать партийному воспитанию пролетариата, сплочению передового отряда его в настоящую политическую партию, безусловно независимую от всех других партий, безусловно самостоятельную партию. Мы обязаны поэтому крайне осторожно относиться ко всем шагам, способным внести путаницу в ясные и определенные партийные отношения. Вся либеральная буржуазия из кожи лезет теперь, чтобы помешать образованию вполне самостоятельной классовой партии пролетариата, чтобы «объединить» и «слить» все «освободительное» движение в один поток демократизма ради прикрытия буржуазного характера этого демократизма.

При таких условиях вступать в либеральные союзы означало бы со стороны членов с.-д. партии крупную ошибку, приводило бы их в крайне фальшивое положение членов двух различных и враждебных партий. Двум богам нельзя служить. В двух партиях нельзя быть членом. При отсутствии политической свободы в потемках самодержавного строя смешать партии очень легко, и интересы буржуазии требуют такого смешения. Интересы пролетариата требуют точного и ясного разделения партий. А гарантий того, чтобы группы с.-д., входя в «профессиональные» союзы интеллигентов, сохраняли полную свою самостоятельность, были членами только Р.С.-Д.Р.П. и никакой иной партии, давали отчет в каждом своем шаге своей партийной

восстания, разборе его условий, средств и органов, как о «нерве» думской кампании.

Далее. Рассмотрим другой случай, возможный в отдельных, особенно менее крупных центрах. Попытки силой пройти в собрание не вызывают, допустим, серьезной борьбы с правительством, не доходят до восстания. Попытки эти, допустим, увенчиваются в отдельных случаях успехом. Тогда нельзя забывать, во-первых, об учреждении, называемом военным положением. На всякую частичную победу народа над полицией и войском правительство отвечает, как неизвестно, вероятно, даже Парвусу, введением военного положения. Пугает ли нас эта перспектива? Нет, ибо это—шаг, приближающий восстание и обостряющий вообще всю борьбу. Пугает ли это земцев и выборщиков в Думу вообще? Безусловно да, ибо это облегчает аресты Милюковых, ибо это дает поводы правительству прикрыть часть избирательных собраний, а может-быть, и все собрания, и всю Думу! Значит, дело опять сводится к тому, что одни желают восстания, проповедают его, готовят его, агитируют за него, организуют отряды восстания и т. д., а другие не хотят восстания, борются с идеей восстания, осуждают, как безумную и преступную, проповедь вос-

организации,—таких гарантий, реальных, а не словесных только, не может быть дано в настоящее время. Девяносто девять шансов из ста за то, что таким членам не удастся сохранить самостоятельности и придется пускаться на «хитрости», бесполезные с точки зрения их результатов, вредные с точки зрения разворачивания еще молодого партийного самосознания рабочих.]

Товарищ, вступивший в союз равноправия женщин и попавший, как мы видели, в его бюро и даже в бюро бюро, указывает, что он получит таким путем возможность вести пропаганду в кружках при союзе. «А сказали ли вы, что будете агитировать против союза?»,—спрашивают его. «Конечно, нет, ведь, тогда попросили бы меня убраться». Эти цитаты весьма характерны. В союзах, основанных либералами, попадают рабочие, крестьяне и т. д.; чтобы воздействовать на них, рекомендуется вышеуказанная коварная политика. Уже этот факт доказывает, что у организации не достаточно широкие связи в массе, иначе она подошла бы к тем же рабочим непосредственно или через организованных рабочих. Таким образом, сознательный социал-демократ вступает в союз в то время, как он еще очень слабо связан с массой. Это значит, что масса, т.-е. «все», не будет понимать истинных причин и целей вступления. Разъяснить это массе в листовках, на митингах и т. д., т.-е. единственными путями, доступными этому социал-демократу, он не может, ибо тогда его попросят «убраться» из союза. Между тем, этим единственным путем идет в массу обильная критика союзного движения либералов. Социал-демократ попадает в двусмысленное положение: масса узнает, что союзы служат делу затемнения сознания, а, между тем, социал-демократы вступают в эти союзы. Такое противоречие может оказать только деморализующее действие.

(В. Воровский и Н. Ленин).

От обороны к нападению.

Специальный корреспондент солидной консервативной газеты «Temps» телеграфировал в эту газету из Петербурга от 24 (8) 1) сентября:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц вошла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

Итак, дела подвигаются все же вперед! Вооружение, несмотря на невероятные, не поддающиеся никакому описанию трудности, все же прогрессирует. Индивидуальный террор, это порождение интеллигентской слабости, отходит в область прошлого. Вместо того, чтобы тратить десятки тысяч рублей и массу революционных сил для убийства какого-нибудь Сергея (который революционизировал Москву едва ли не лучше многих революционеров), для убийства «от имени народа»,—место этого начинаются военные действия вместе с народом. Вот когда пионеры вооруженной борьбы не на словах только, а на деле сливаются с массой, становятся во главе дружин и отрядов пролетариата, воспеваются огнем и мечом гражданской войны десятки народных вождей, которые завтра, в день рабочего восстания, сумеют помочь своим опытом и своей героической отвагой тысячам и десяткам тысяч рабочих.

Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России.

стания и т. д. Неужели Парвус не знает, что эти «друзья»—все освобожденцы, т.-е. даже самые левые из буржуазных демократов, могущих попасть в Думу??

А если Парвус знает это, то он должен знать и следующее (это во-вторых). Сопrotивление насильственному проникновению в избирательные собрания и превращению их в рабочие собрания окажут не только (иногда даже не столько) полиция и войско, но и сами земцы, сами освобожденцы. Закрывать глаза на это позволительно только детям. Земцы и освобожденцы ставят вопрос яснее и прямее, чем некоторые социал-демократы. Или готовить восстание и взять его за центр агитации и всей работы, или перейти на почву Думы и ее взять за основу всей политической борьбы. Земцы и освобожденцы уже решили этот вопрос, как мы указывали и подчеркивали не раз еще с № 12-го «Пролетария». Земцы и освобожденцы идут на собрания именно для того и только для того, чтобы обсудить выбор Фомы или Ивана, Петрункевича или Стаховича, чтобы принять программу «борьбы» (борьбы в кавычках, борьбы в белых лакейских перчатках) на почве Думы и отнюдь не восстанием. Земцы и освобожденцы (мы нарочно соединяем тех и других, ибо для политического разделения их нет данных), ко-

нечно, не прочь будут допустить к себе в собрание (только там и тогда, когда это можно сделать без применения силы в сколько-нибудь значительных размерах!) революционеров и с.-д., если найдутся из этих последних неумные люди, готовые обещать «поддержку» Фомы против Ивана, Петрункевича против Стаховича. Но земцы никогда не потерпят, чтобы их собрание превратили в рабочее собрание, чтобы их собрание сделали народным революционным собранием, чтобы с их трибуны звали открыто и прямо к вооруженному восстанию. Разжевывать эту очевидную истину даже несколько неловко, но для Парвуса и «Искры» приходится разжевывать ее. Земцы и освобожденцы неизбежно будут сопротивляться такому использованию их собраний, хотя эти буржуазные торгаши будут сопротивляться, конечно, не силой, а более безопасными, «мирными» и окольными средствами. Они не войдут ни в какие сделки с людьми, обещающими им «народную» поддержку Петрункевича против Стаховича, Стаховича против Грингмута, иначе, как под условием не превращать избирательного собрания в рабочее собрание, под условием не пользоваться их трибуной для призыва к восстанию. Если они узнают, что на их собрания идут рабочие (а это они почти всегда узнают,

Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!

Посмотрите, каким успехом даже с чисто-военной точки зрения увенчалось предприятие рижан. Убито трое и ранено, вероятно, 5—10 человек у неприятеля. Наши потери: всего двое, вероятно, раненых и потому взятых в плен врагом. Наши трофеи—двое революционных вождей, отбитых из плена. Да, ведь, это блестящая победа! Это—настоящая победа после сражения против вооруженного с ног до головы врага. Это уже не заговор против какой-нибудь ненавистной персоны, не акт мести, не выходка отчаяния, не простое «устраниение»,—нет, это обдуманное и подготовленное, рассчитанное с точки зрения соотношения сил начало действий отрядов революционной армии. Число таких отрядов в 25—75 человек может быть в каждом крупном городе и зачастую в предместьях крупного города доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов.

К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки—террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки—«бомбиста». Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения. С изменениями военной техники изменятся и должны изменяться приемы и способы личной борьбы. Мы все изучаем теперь (и хорошо делаем, что изучаем) постройку баррикад и искусство защиты их. Но за этим полезным старым делом не надо забывать новейших шагов военной техники. Прогресс в применении взрывчатых веществ внес ряд новинок в артиллерийское дело. Японцы оказались сильнее русских от-

части и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами. Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ—одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти общепризнанные теперь во всем мире мастера военного дела, японцы, перешли также к ручной бомбе, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев! Не будем падать духом по поводу тяжелых неудач, сопровождающих попытки массовой доставки оружия. Никакие неудачи не сломят энергии людей, чувствующих и на деле видящих свою тесную связь с революционным классом, сознающих, что за их ближайшие цели борьбы поднялся теперь действительно весь народ. Изготовление бомб возможно везде и повсюду. Оно производится теперь в России в гораздо более широких размерах, чем знает каждый из нас (а каждый член с.-д. организации, наверное, знает не один пример устройства мастерских). Оно производится в несравненно более широких размерах, чем знает полиция (а она знает, наверное, больше, чем революционеры в отдельных организациях). Никакая сила не сможет противостоять отрядам революционной армии, которые вооружатся бомбами, которые в одну прекрасную ночь произведут сразу несколько таких нападений, как рижское, за которыми,—это последнее и самое главное условие,—поднимутся сотни тысяч рабочих, не забывших «мирного» девятого января и страстно жаждущих вооруженного девятого января.

К этому явно идут дела в России. Вдумайтесь в эти сообщения легальных газет о найденных бомбах в корзинах мирных пароходных пассажиров. Вчитайтесь в эти известия о сотнях нападений на полицейских и военных, о десятках убитых на месте, десятках тяжело раненых за последние два месяца. Даже корреспонденты предательски-буржуазного «Освобождения», занимающегося осуждением «безумной» и «преступной»

ибо массовой демонстрации не скроешь), то одни из них прямо донесут начальству, другие примутся уговаривать [с.-д.] не делать этого, третьи побегут уверять губернаторов, что «не их в том вина», что они хотят Думы, хотя в Думу, что они всегда устами «верного собрата» г. Струве осуждали «безумную и преступную» проповедь восстания; четвертые посоветуют переменить время и место собрания; пятые, наиболее «смелые» и наиболее политически лживые, скажут подсурдинку, что они рады выслушать рабочих, поблагодарят с.-д. оратора, расшаркаются и раскланяются перед «народом», уверят всех и каждого в красивой, эффектной и прочувствованной речи, что они всегда за народ, всей душой за народ, что они идут не с царем, а с народом, что «их» Петрункевич давно это заявил, что они «вполне согласны» с с.-д. оратором насчет «подлости и ничтожества» Г. Думы, но что надо, говоря прекрасными словами высокочтимого парламентария Парвуса, столь кстати переносящего на непарламентскую Россию парламентские образчики фольмаровских союзов с.-д. с католиками,—надо «не мешать выборной агитации, а расширять ее»; расширять же—значит не рисковать безумно судьбой Г. Думы.

Одним словом, чем глупее и трусливее будут земцы,

тем меньше шансов на то, что они будут слушать Парвуса на своем избирательном собрании. Чем умнее и смелее земцы, тем больше шансов на это, а также тем больше шансов на то, что Парвус в роли поддерживающего Фому против Ивана окажется одураченным.

Нет, добрый Парвус! Пока в России нет парламента, переносить на Россию тактику парламентаризма значит недостойно играть в парламентаризм. Заменять временные соглашения отсутствующих у нас открытых политических партий тайными сделками с Родичевым и Петрункевичем о поддержке их против Стаховича значит сеять разврат в рабочей среде.

На прямой и ясный лозунг земцев-освобожденцев: долой преступную проповедь восстания, за работу в Думе и через Думу,—мы должны ответить прямым и ясным лозунгом: долой буржуазных предателей свободы, господ освобожденцев и К^о, долой Думу и да здравствует вооруженное восстание!

Соединять лозунг восстания с «участием» в выборах Фомы или Ивана значит под предлогом «широты» и «разносторонности» агитации, «гибкости» и «чуткости» лозунгов вносить одну путаницу, ибо на практике это соединение есть маниловщина. На практике выступление Парвуса и Мартова перед земцами с «под-

проповеди вооруженного восстания, признают, что никогда еще трагические события не были так близки, как теперь.

За работу же, товарищи! Пусть каждый будет на своем посту. Пусть каждый рабочий кружок помнит, что не сегодня—завтра события могут потребовать от него руководящего участия в последнем и решительном бое.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. в листке «К рабочим и крестьянам» по поводу Государственной Думы, между прочим, говорит: «Народу необходимо народное правление. Установить народное правление может только учредительное собрание представителей всего народа, избранных при полной гражданской и личной свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Устроить выборы в такое собрание и обеспечить их полную свободу может только временное революционное правительство восставшего народа.

Революционный народ! Готовься к решительным битвам! Товарищи рабочие! Собирайте силы, вооружайтесь, подготавливайтесь нанести смертельный удар старому порядку, дружно и одновременно выступить путем всеобщих стачек, вооруженных демонстраций и восстаний на всем пространстве России. А вы, крестьяне, объединяйтесь и организуйтесь, чтобы поддерживать рабочих в этой решительной борьбе. Прекращайте теперь же всякую поддержку царскому правительству, которое живет вашими трудами и вашей кровью, а платит вам бесправием, издевательством и обманом. Не платите налогов, не давайте людей для царского войска. Устраивайте революционные комитеты из самых сознательных людей, какие среди вас имеются, для руководства в этой борьбе, для разумного ее ведения. Помните, что только рабочие—надежные для вас союзники, потому что свобода нужна им так же, как и вам,—она нужна им для борьбы за лучшее будущее самого рабочего класса и всего человечества, для борьбы за со-

циализм. Революционная социал-демократия призывает под свое знамя всех, кто честно и искренно хочет бороться до конца за народное дело. Красное знамя—это знамя свободы, которая покупается кровью. Это знамя революции. Долой правительство убийц, тиранов и лжецов!».

Самарский комитет Р.С.-Д.Р.П. в листке «Ко всем рабочим» говорит: «Верным подданным представляется ликовать и радоваться, благодарить царя за его милость. Товарищи! Мы поблагодарим его так, как поблагодарили за комиссию Шидловского. Откроем обман, уничтожим хитрую затею. Дав долю прав богачам, царь привлечет их (и привлек уже) на свою сторону. Но эта поддержка не спасет его. Призраком прав и запахом свободы обмануть весь народ ему не удастся. Мы употребим все усилия, чтобы убедить крестьян не участвовать в этой глупой комедии; отказаться от своего «права»—права выбирать. Богачам мы должны внушить, чтобы они не смели разыгрывать роль «народных» представителей. Фабрикант, как представитель интересов рабочих... Недурная картинка! Не торопитесь лакомиться царским пирогом, господа! Мы вам этого не позволим. Мы готовы к смертной борьбе с самодержавием, и, если вы, господа, будете выбирать своих представителей в Думу и соединитесь с самодержавием против народа,—наша борьба будет направлена и против вас. Долой самодержавие и его новоявленную советницу! Долой Государственную Думу!».

В особом листке «К крестьянам» тот же комитет говорит: «Не дайте Николаю II перехитрить вас, как это удалось его деду! Не надевайте новых цепей на себя! Что же делать?—спросите вы. Делайте так, как мы сделали с комиссией Шидловского, которой царь хотел нас успокоить, хотел заткнуть нам глотку. Мы увидели обман и отказались участвовать в нем, отказались выбирать выборных в эту комиссию. Царь ее устроил, а мы расстроили... Так и вам надо сделать. Отказывайтесь от такого царского подарка; не выбирайте выборщиков в Думу. Мы, рабочие, приложим все усилия, чтоб не дать царю одурочить народ,—везде и всем мы будем разъяснять, в чем дело; будем убеждать не участвовать в выборах... Если же богатые нас не послушают, мы станем их разгонять силой! Помните, крестьяне, что от царского правительства ничего хорошего вы не дождетесь; поднимайтесь вместе с нами на борьбу и с царским правительством, и с теми изменниками народными, которые поспешат полакомиться царским подарком. Долой Государственную Думу! Да здравствует

держкой» Петрункевича против Стаховича будет (предполагая те исключительные случаи, когда оно окажется осуществимо) не открытым выступлением перед массой народа, а закулисным выступлением одуроченного вождя рабочих перед горсткой предателей рабочих. Теоретически, или с точки зрения общих основ нашей тактики, соединение этих лозунгов является сейчас, в данный момент, разновидностью парламентского кретинизма. Для нас, революционных с.-д., восстание не абсолютный, а конкретный лозунг. Мы отодвигали его в 1897 году, мы ставили его в смысле общей подготовки в 1902 году, мы поставили его, как прямой призыв, лишь в 1905 г., после 9-го января. Мы не забываем, что Маркс в 1848 году был за восстание, а в 1850 г. осуждал бредни и фразы о восстании, что Либкнехт до войны 1871 года громил участие в рейхстаге, а после войны участвовал в нем сам. Мы отметили сразу в № 12 «Пролетария», что смешно было бы зарекаться в будущем от борьбы на почве Думы. Мы знаем, что не только парламент, но и пародия на парламент может стать, когда нет налицо условий для восстания, главным центром всей агитации.

Но мы требуем ясной и отчетливой постановки вопроса. Если вы думаете, что эпоха восстаний мино-

вала для России,—скажите это и защищайте открыто свой взгляд. Мы его оценим и обсудим всесторонне и спокойно, с точки зрения конкретных условий. Но когда вы сами говорите о возможности восстания «каждую минуту», о необходимости его,—тогда мы клеймим и будем клеймить, как жалкую маниловщину, все и всякие рассуждения против активного бойкота Думы. Если восстание возможно и необходимо, тогда мы именно его должны сделать центральным лозунгом всей нашей около-думской кампании, тогда мы должны разоблачить продажную душонку «франкфуртского парламентского говоруна» в каждом освобожденце, который сторонится от этого лозунга восстания. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что никакого легального центра для легальной борьбы за цели восстания нет, а маниловскими фразами его не заменишь. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что правительство «поставило штык во главе порядка дня», открыло гражданскую войну, выдвинуло военное положение, как антикритику демократической критики, а при таких условиях брать всерьез «почти парламентскую» вывеску Г. Думы и начинать в потемках и подсурдинку играть в парламентаризм в четыре руки с Петрункевичами значит заменять по-

учредительное собрание, выбранное всем народом всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов!».

О высших учебных заведениях. Нами получен листок следующего содержания:

«Во все университетские города. Уважаемые товарищи! В виду приближения дня открытия высших учебных заведений ЦК решил выпустить к студенчеству воззвание. Основная мысль этого листка будет такова:

1. Приближается решительная схватка с самодержавием, поэтому необходимо сконцентрировать все революционные силы для нанесения одновременного удара; студенчество должно считаться с этим и должно координировать свои действия с действиями городского пролетариата, являющегося самой главной силой русской революции.

2. Самым острым и критическим моментом борьбы в ближайшем будущем, несомненно, окажутся дни предвыборной агитации и избрания в Государственную Думу, а также день открытия самой Думы, если таковая, паче чаяния и вопреки нашим усилиям, будет избрана и конституируется. К этому моменту должны быть приурочены открытые выступления. Поэтому ЦК приглашает студенчество принять это в расчет при выработке плана своих действий.

3. С своей стороны по указанным мотивам ЦК предлагает студенчеству объявить немедленно не всеобщую забастовку высших учебных заведений, а мобилизацию и организацию студенчества для подготовки к открытому выступлению одновременно с городским пролетариатом. Немедленная мобилизация и организация студенчества должна выразиться в устройстве всевозможных собраний как в стенах учебных заведений, так и вне их, на которых должен быть обсужден закон 6-го августа и выработано отношение к Государственной Думе с принятием соответствующих резолюций.

4. Немедленное объявление забастовки и закрытие всех высших учебных заведений, по мнению ЦК, является наименее целесообразной формой революционных действий студенчества, и к ней возможно будет прибегнуть лишь в случае полной неосуществимости намеченного выше плана действий.

Итак, наш лозунг к студенчеству: «Концентрация удара, немедленно не забастовка, а мобилизация и организация сил студенчества для совместного выступления с пролетариатом».

Извещаем вас, товарищи, о нашем решении и просим

литнику революционного пролетариата политиканством комедианствующих интеллигентов!

Показав основную фальшь всей позиции Парвуса, мы можем [лишь] вкратце остановиться на отдельных, наиболее ярких проявлениях этой фальши. «До выборов или после выборов, в связи с Г. Думой,—пишет Парвус,—создается законная база существования политических партий». Неправда. На деле теперь создается «законная база» для правительственной подделки выборов. Эта база называется: 1) земским начальником (выборы крестьян всецело в его руках); 2) охраной (арест Милюкова); 3) военным положением. Когда на деле, а не на языке писателей, создается «законная база существования политических партий» (в том числе и Р.С.-Д.Р.П.), тогда мы обязаны будем пересмотреть весь вопрос о восстании заново, ибо для нас восстание есть лишь одно из важных, но вовсе не всегда обязательных средств завоевания свободного поля для борьбы за социализм.

«Необходимо немедленно выступить не как отдельные общественные группы, не как юристы, инженеры, земцы, а как либеральная, демократическая, соц.-дем. партия—официально и открыто. Представители различных направлений могут в этом отношении согласиться

вас, если вы выпустите со своей стороны листок к студенчеству, что, несомненно, крайне желательно, иметь в виду план ЦК».

К моменту. В № 15-м «Пролетария», как образец так называемого «революционного самоуправления» (смешиваемого «Искрой» с лозунгом народного восстания), уже было отмечено решительное поведение Смоленской думы, которая признала незаконным расквартировку в городе казаков, прекратила выдачу им денег, организовала для защиты населения городскую милицию и обратилась с прокламацией к солдатам против насилия над гражданами. В качестве лишней иллюстрации той же идеи и к характеристике переживаемого момента приводим по «L'Humanité» такую резолюцию, принятую Керченской думой по поводу недавнего погрома в городе:

Дума постановила: 1) выразить еврейскому населению сожаление по поводу понесенных им жертв (убитыми и ранеными) и материальных убытков; 2) учредить в местной гимназии две стипендии в память учеников, убитых во время беспорядков; 3) в виду того, что местные власти оказались неспособными и мало расположенными защищать жизнь и имущество населения, немедленно прекратить выдачу пособия из городских сумм на содержание полиции; 4) разделить между бедными евреями, наиболее пострадавшими от беспорядков, сумму в 1.500 рублей; 5) выразить симпатию начальнику порта, единственному из местных чиновников, который с большой энергией и гуманностью предупредил дальнейшие массовые избиения; 6) довести до сведения министра внутренних дел о противозаконном поведении властей во время беспорядков и требовать сенатского следствия.

Поскольку Керченская дума самовольно раздвигает отведенные ей законом рамки думской компетенции, поскольку она принимает участие в общереволюционной жизни всего государства, постольку она вступает на путь действительно «революционного самоуправления». Но где же гарантии, что это самоуправление обратится в «народное»? И следует ли нам, с.-д., выделять этот «кусочек революции», как главный лозунг агитации, или проповедывать полную и решительную победу революции, невозможную без восстания?

Конституционалисты поневоле. 12—16 июля съехались в Петербурге 26 губ. предводителей дворянства. Они подали царю записку. Передаем кратко ее содержание.

между собой, как соглашаются отдельные фракции парламента».

Да, они могут сделать это, но не открыто, ибо если Парвус забыл о Трепове, то Трепов не забыл о Парвусе,—а тайком. То, что Парвус называет парламентским соглашением (иногда необходимым для с.-д. в парламентской стране), есть в современной России в сентябре 1905 г. презреннейшая игра в парламентаризм. Предатели революции ставят теперь на первый план соглашение между освобожденцами и революционерами, сторонники революции—соглашение между с.-д. и всеми революционными демократами, т.-е. сторонниками восстания. Если новая «Искра» и Парвус заключат теперь «парламентское» соглашение с освобожденцами (об основании ими партии см. выше, в статье «Встреча друзей»), то мы заявим публично, что эти с.-д. потеряли всякое чутье действительности. Мы заключим тогда соглашение с революционными демократами на почве совместной агитации за восстание, подготовки и проведения его. Мы уже показали разбором новоисковских резолюций (Ленин, «Две тактики»), что «Искра» опускается до либерального помещика, а «Пролетарий» поднимает и встряхивает революционного крестьянина.

Господа предводители «пришли к ясному сознанию, что положение России не только тревожное, но и грозное. Недоверие к правительству всеобщее. Духовная сила, которую только и может держать правительство, исчезла, и вслед за нею ускользает из его рук также материальная сила». Даже обнищавшее крестьянство «проявляет стремление самовольно удовлетворить свои желания» (какой ужас для помещиков!). «Одним словом, Россия в преддверии анархии; для ее «спасения» остается одно средство: чтобы «государь» в делах правления опирался не на чиновников только, но и на выборных от своей земли. «Каждый час дорог». И чтобы поторопить своего «государя», господа предводители начинают его запугивать: «Умы кипят, а чувства пылают... К счастью (для предводителей дворянства?), это состояние еще не охватило всего народа. Но «общественными деятелями совершенно правильно понято, что вне союза с царем реформы можно добиваться только революционным путем в неизбежном совпадении с крайней и преступной (слушайте!) деятельностью мятежников». Чтобы избежать ужасного совпадения с «преступной деятельностью мятежников», дворяне-конституционалисты хлопочут о «союзе царя и старшего сословия, слитого со всей земщиной».

Но как ни убедительны и рабски-заискивающие речи предводителей, господа дворяне понимают, с кем говорят. Они знают, что Николай II недостаточно умен, чтобы понять опасность для «государства» (читай: «для старшего сословия»). Поэтому самый решительный аргумент дворяне прибегли к концу своей записки: «Самые благонамеренные люди и сторонники порядка видят, что... правление держится одним царем. Они видят тоже, как опасно такое средоточие надежды и ответственности на одном государе: укоры обращаются непосредственно к нему... Острое чувство обиды подтачивает исконную преданность русских людей не только принципу самодержавия (этого Николай не поймет), но и носителям его (вот это понятно даже и для Николая). Тускнеет блеск (?) его образа (блеск образа Николая)... растет личная опасность... Оттого, как ни обаятельно всем известное мужество (как едко умеют иронизировать рабы его величества!) императора, оно должно быть подчинено государственным интересам династии, столь тесно связанным в такую минуту с целостью империи. Несчастье с государем вызвало бы шатание всей земли. Обратит внимание государя на это состояние умов, высказать перед ним эти тяжелые и страшные слова

«Необходимо, чтобы каждая партия организовала свой избирательный комитет для ведения выборов по всей стране. Необходимо, чтобы они согласились бы между собой относительно практических мер к расширению свободы слова, сходок [и прочее] во время выборов. Необходимо, чтобы они связали себя общей политической ответственностью (слушайте, товарищи рабочие! Новоискровцы хотят связать вас с Петрункевичами!), так что если официальный представитель какой-нибудь политической партии, как таковой, подвергается полицейскому преследованию или судебному взысканию, то чтобы представители всех других (!) партий заявили себя солидарными с ним и чтобы все вместе организовали (!) народный (??) протест и, если возможно (слушайте!), народное восстание для его защиты».

Скатертью дорога, любезный Парвус! Организуйте протесты и восстание с Петрункевичами (демократ) и Стаховичами (либерал),—наши дороги разошлись. Мы будем это делать с революционными демократами. Только измените уже, к стати, и свои лозунги, почтеннейшие герои «парламентских соглашений»: вместо лозунга «Восстание необходимо!» скажите: «Восстание, если возможно, дополнит протесты!». Тогда все освобожденцы с вами согласятся! Вместо лозунга «Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование!» выставьте такой:

об опасности для его особы является для его верных слуг долгом совести и преданности»...

В заключение предводители дворянства взывают: «Государь! Стихийная сила событий открыла перед вами и одновременно перед всем народом пороки управления... Не пренебрегайте этим настроением, не длите этой опасности для драгоценной особы вашего величества»... Или попросту сказать: «Николай II, не забывай о судьбе Павла II».

Москва. «Подготовка к избиению интеллигенции теперь ведется планомерно. В здании государственного коннозаводства происходят собеседования о тактике нападения на интеллигенцию. Делается это при участии Шарапова, Берга и др.» (Из частного письма).

Саратов. 24-го августа арестовано собрание в 16 человек; затем выпущены, за исключением пятерых; на собрании захвачены документы—протоколы, записи и т. д.; при обыске у некоторых найдена литература; у одного из арестованных около 100 патронов и руководство для изготовления бомб. Сидят следующие лица: Мих. Бор. Семенов, Капустянский, Лебедевский (инт.), Миша (гравер), Федорин (типографщик).

Тула. Здесь, в 11-м пехотном запасном полку 27-го августа солдаты заявили (нестроевая рота), что они не будут работать вечером. Работа у них начиналась в 6 ч. утра, а оканчивалась в 9—10 вечера с малым перерывом на обед. Они потребовали 10-час. рабочего дня, улучшения пищи, вежливого обращения и платы за работу. В ответ на это офицер выхватил револьвер и произвел в предъявлявшего требования выстрел, но промахнулся. Солдаты все, как один человек, бросились на офицера, но он спасся бегством. Тогда солдаты изломали койки, повывили стекла в казарме и изломали швейные машины и другие орудия. Арестовано 6 человек, как зачинщики.

Пригвоздите к позорному столбу инженера Нежданова (помощника директора на патронном заводе), который во время забастовки в июле вошел в доверие к рабочим, узнал лучших и сознательных рабочих, а потом по его настоянию они были рассчитаны. Этот субъект был вывезен на тачке в Николаеве с Черноморского завода в июле 1903 года.

Передают, что в Питере старшим фабричным инспектором Теревым организована черная сотня (заштатный инспектор).

«Правительство должно обеспечить голосование, если возможно, прямое, равное, всеобщее и тайное». Скатертью дорога, господа! Мы будем терпеливо ждать, когда Парвус, Петрункевич, Стахович и Мартов «организуют народный протест и, если возможно, народное восстание» для защиты Милокова. Ведь, это гораздо своевременнее, господа, в нашу «почти-парламентскую» эпоху: защищать г. Милокова, чем сотни и тысячи арестуемых и избиваемых рабочих!..

Парвус заявляет категорически: «У нас нет никаких шансов провести самостоятельно своих представителей в Думу». И тем не менее, он пишет: «Если избирательные комитеты окажутся неосуществимыми, то нам все же нужно употребить все усилия, чтобы выставить собственные кандидатуры». Несмотря на ценз, полагает Парвус, в отдельных случаях возможность с.-д. кандидатур не исключена. «Одна, две с.-д. кандидатуры, где бы то ни было, станут политическим лозунгом для всей страны».

Благодарим хоть за ясность. Только за чем же дело стало, господа? Газета «Русь» давно выставила свои кандидатуры, всех этих Стаховичей, Петрункевичей и прочих предателей революции, обивающих пороги господ Дурново. Что же молчит газета «Искра»? Почему от слов не переходит к делу? не выставляет канди-

Крестецкий уезд. 4-го августа в Китовской волости крестьяне пришли к земскому начальнику просить суды, которую у нас выдают по уезду. Они его продержали целых четыре часа в волостном правлении. Видя, что дело плохо, он велел выбрать уполномоченных и бежал к губернатору. По дороге мужики разобрали два моста; когда он стал приближаться, они вышли с топорами, рогатинами, лопатами и колыями под предлогом чистить мост. Земский начальник спрыгнул с коляски и лесом обжег это место. На следующий день приехал губернатор. Уговаривал, страдал казаками и в тот же день уехал. На следующий день в Локоцке, где волостное правление, и где был губернатор, все жители нашли у себя листки. До Локоцка от Крестцов—34 версты.

Псков. Со середины зимы замечалась усиленная рубка помещичьих лесов: вырублено столько, сколько вырубали за двадцатилетие. Рубили большими партиями, иногда целыми деревнями. Помещики сперва терпеливо переносили это, очевидно, надеясь, что с начала полевых работ порубки прекратятся, деревенская жизнь войдет в норму. Однако, надеждам их не суждено было оправдаться; с наступлением весны порубки не прекратились, а местами даже ожесточились. Тогда помещики, видя, как тают их леса, и чувствуя крупное изменение в настроении крестьянства, всполошились. Начались повальные обыски. Выезд на обыски делали уже не попрежнему с каким-нибудь урядником, а в сопровождении целых отрядов уездной полиции, под предводительством станových; местами в соседних деревнях эти небывалые до сих пор набеги полиции вызывали смятение. Так, в южной части Псковского уезда перепуганные бабы с криком «японцы идут» устремились со своими пожитками вон из деревень, через которые следовали российские «японцы». В обыскиваемых деревнях полицейские оравы встречались издевательством и организованным, хотя и пассивным отпором, агенты же помещиков — угрозами мстить в случае повторения обысков. Блюдощих интересы помещиков полесовщиков бьют смертным боем. Пылают помещичьи сараи с клевером и другие постройки, как ответ на преследование. Лицемерная политика псковских аграриев в деревне, стремящаяся смягчить антагонизм между крестьянством и помещичьим классом, прежде принимаемая крестьянами с подобострастным смирением, в настоящее время встречается или открытым протестом, или насмешками. В сношениях между крестьянами и помещи-

ками чувствуется раздражительность со стороны последних и чувство собственной силы и превосходства со стороны первых. Перепуганные «красным призраком», помещики бегут к администрации со своими жалобами; начались массовые доносы на деревенскую интеллигенцию, обыски, увольнение совсем неповинных земских служащих и проч. В последнем отношении особенно отличалась вдова земского демагога и либерала Ваганова, типичный немецкий аграрий К. Беллен и земские начальники Зубчанинов и Лавриновский, чуть не каждую неделю посылающие доносы. Получается трогательное единение между реакционерами и либералами перед нахлынувшими волнами крестьянской революции. И те, и другие готовы стереть в порошок «обнаглевшего хулигана», а где можно, где отношения еще недостаточно обострились, заискивают у крестьянства. Успехом, впрочем, они пользуются только среди буржуазной части деревни. Однако, ни террор, ни заискивание не могут остановить начавшегося движения, размах его растет, уже зреет мысль бойкота помещиков и повсеместного отказа от уплаты податей. Листки о гурийском движении читаются с большим интересом, отношение к литературе круто изменилось. Назревает настроение для восприятия идеи революционных крестьянских комитетов. Впрочем, все это относится лишь к тем местностям, где помещичья эксплуатация достигла высшей степени напряжения.

Два воззвания. Редакции доставлены два крайне поучительных воззвания — к казакам и солдатам, составленных не комитетами или группами, а самими представителями войска.

Первое воззвание есть «подлинное произведение одного казака, переданное им Виленской группе в качестве проекта листка к товарищам станичникам». Автор начинает воззвание с изложения старинных казачьих «вольностей», когда на Дону процветало выборное начало, и все дела вершились коллегиально. Далее рассказывается, как постепенно правители московские посягали на свободу казачества, пока, наконец, не обратили его в регулярное войско, не оупутили присягой и не заставили рабски служить «их интересу»... Опуганных таким образом станичников царь «не желает просветить», зная, что «казак терпит только до тех пор, пока он ничего не знает, а узнает, что неправда, то долго в кулак шептать не будет». Автор очень рекомендует товарищам искать изложения царской неправды в листках, которые раздаются не врагами, а друзьями на-

датуры Аксельрода, Старовера, Парвуса и Мартова в Государственную Думу? Попробуйте, господа, сделайте опыт, *experimentum in corpore vili*. Попробуйте, и мы увидим сразу, кто из нас прав: вы ли правы, думая, что эти кандидаты станут «лозунгом для всей страны», или мы, думая, что эти кандидаты дадут в настоящее время только пищу для каламбуров.

Парвус пишет: «Правительство дало кучке людей избирательные права в учреждение, которое должно бы заведывать делами всего народа. Это налагает на искусственно подобранных избирателей обязанность использовать свое искусственное право не по личному» (а по классовому и партийному?) «произволу, а считаясь с мнением народных масс. Напомнить им об этой обязанности, заставить (!!) их ее выполнить — наша задача, для проведения которой мы не должны останавливаться ни перед какими средствами».

Это рассуждение, естественно дополняемое уверенным, что тактика (активного) бойкота выражает неверие в «революционные силы страны» (*sic!*), ошибочно в корне. Это — образец сантиментально-буржуазной постановки вопроса, против которой должны ополчиться все с.-д. Рассуждение Парвуса буржуазное, ибо он не видит классовой сущности Думы — соглашения буржуазии с самодержавием. Рассуждение Парвуса — пустая сани-

ментальная фраза, ибо он хоть на минуту берет всерьез лживые слова освобожденцев об их желании «считаться с мнением народных масс». Оpozдал почтенный Парвус года на три. Когда у либералов не было ни органа, ни нелегальной организации, а у нас было и то, и другое, мы помогали их политическому развитию. И этой заслуги не вычеркнет история из деятельности с.-д. Но теперь либералы из младенцев политики стали главными дельцами ее, показали на деле свое предательство революции. Теперь обращать главное внимание не на избличение в предательстве буржуазных «соглашателей», а на напоминание им «обязанности» ведать дела (не буржуазии, а) всего народа — значит превращаться в прихвостня освобожденцев! Только освобожденцы и могут всерьез искать выражения «революционных сил страны» в Г. Думе. Социал-демократия знает, что самое лучшее, чего мы можем теперь достигнуть, это — нейтрализация, парализование предательских усилий буржуазии. Земцы и освобожденцы — не «революционная сила страны»; стыдно не знать этого, товарищ Парвус. Революционная сила теперь, в демократической революции, — только пролетариат и борющееся с помещиками крестьянство.

Перлом из перлов в замечательной статье Парвуса является формулировка условий поддержки освобо-

рода. Он призывает их во всем содействовать этим друзьям и т. д. «Уверю вас, станичники,—пишет казак,— что вы этим хуже себе не сделаете, и никто другой вас не убеждает, а ваш же станичник, которого вы можете узнать тогда, когда вы узнаете все, что я сознаю; и я желаю улучшить жизнь всех донцов и народа.. Не бейте тех, кто борется за нас, а заступайтесь за них, бейте полицию и свое начальство, которое вас угнетает! Станичники, соединитесь всем полком и прокричите: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода»... Подписано: «Станичник».

Другое воззвание—от «нижних чинов усть-двинского гарнизона», в котором, как это видно из целого ряда корреспонденции, помещенных в «Пролетарий», все время «неспокойно».

Подобно автору возвания к казакам, усть-двинские солдаты начинают с бесправного положения товарищей: «Ничтожными и жалкими рабами мы служим у нашего начальства». «Кто нам приказывает? Та золотая кукла, которая на себя наденет блестящий мундир. А разобрать и спросить, что это за кукла? Это та кукла, которая, может-быть, раньше и имела совесть и человеческое сознание, но теперь давным-давно уже потеряла их. И подобна она тому животному, самому хищному, которое, не щадя никого, дерет самого первого попавшегося, не давая пощады и говорит: «Это так богу угодно! Закон! Присяга!». А у самого разыгрались глаза от удовольствия... И, щелкая зубами от недавно съеденного лакомства, показывает: «А бог-то, бог-то! Нельзя: закон, порядок!»... Вот и смотри, братцы, какой порядок! Да спросим: кто его дал? Нельзя ли его изменить? нельзя ли отбросить проклятое зверство? Разберемся, братцы, неужели бог создал такой закон, чтобы издевались над людьми?».

Далее следует ярко-образное описание всех «подлостей и обманов» властей, которые считают солдат «слепыми» и издеваются над ними. «Нет, братцы, не слушайте их! Они нас обманывают. Пора забросить их порядки! Мы теперь и так можем жить и хорошо знаем, что можно делать и чего нельзя, зря никого не обидим. Нам указывают внутренних врагов. Разберемся, братцы, какие у нас внутренние враги. Нам говорят: это те фабричные рабочие-бунтовщики, которые продают себя за 35 коп., или 9 рублей в месяц, и которые просят какой-нибудь гривенник прибавить в день; это те рабочие, которые работают по 11—12 ч. в сутки либо в страшной жаре, либо в страшном холоде, выносят отчаянную боль, мучаются всю жизнь, во-

рочая столько, что, может-быть, лошадь на их месте отказалась бы служить и работать, и которые настаивают на сбавке рабочего дня. Говорят: бунтуют те крестьяне, которые работают, не разгибая спины и проливая пот и кровь, работают по 18-ти час. в сутки и не зарабатывают ничего благодаря недостатку земли и хозяйства; те самые крестьяне, что просят кусок хлеба и умирают с голоду»..

«Так это-то и есть враги?! Неужели это правда, неужели нам не жалко своих голодающих родителей и малых детей, умирающих с голоду, неужели нам не грех будет поднять оружие на наших безоружных братьев? И можем ли мы променять таких нам дорогих людей, с которыми мы так тесно связаны на всю жизнь нашу, и отнимать кусок хлеба у близких наших, чтобы дать свободу гулять и веселиться нашему начальству, свободно обирать нас?.. Нет, братцы, не будем мы стрелять в наших братьев, а будем помогать им во всем! Братья, соединяйтесь все! Нас много, и мы все хотим этого!»..

Трудно еще более ярко и так безыскусственно просто обрисовать то положение, в которое поставлен теперь всякий не «потерявший сознания и совести» солдат, как обрисовывает этот вопль проснувшейся солдатской души! И мы искренно желаем этому возванию усть-двинских солдат самого широкого распространения.

Из секретных циркуляров. Полевой штаб Манчжурской армии. Штаб главнокомандующего. Конфиденциально. Командиру батальона (апрель 1905 г.).

В последнее время нередки случаи получения нижними чинами по почте различных возваний противоправительственного характера, вложенных в закрытые письма, газеты или бандероли.

В виду сего главнокомандующий повелел, чтобы корреспонденция, поступающая на имя нижних чинов, обязательно разбиралась в канцелярии и передавалась по ротам, сотням и командам через ротных командиров или соответствующих начальственных лиц, которые до передачи корреспонденции по назначению знакомились бы с ее содержанием. Все подозрительное должно быть конфисковано и препровождено во вверенное мне управление.

Воронеж. Казаки окружили одну из массовок. Прискакал исправник и закричал: «Всех заперю! Вы своими массовками взбудоражили весь город!». Продержав час, рабочих отпустили. Комитет и рабочие после этого случая стоят

жданцев пролетариатом. «Необходимо,—пишет Парвус,—кандидатов оппозиции, которые захотят пользоваться нашей поддержкой, обязать на определенные политические требования. (Тов. Парвус хотел сказать: обязать отстаивать опред. политич. требования). «Такиими могут, например, быть: 1) требовать в самой Думе ее немедленного распушения и созыва учредительного собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права; 2) отказ правительству во всех военных и финансовых средствах, пока это требование не будет исполнено».

Со ступеньки на ступеньку. Кто поскользнулся раз и оказался на наклонной плоскости, тот катится вниз безудержно. Наши стоящие вне обеих частей партии сверхчеловеки, в роде Парвуса и Плеханова, величественно игнорируют те самые резолюции новоискровцев, за которые они морально и политически ответственные.

Возьмите Парвуса. Он все время шел об-руку с «Искрой», даже тогда, когда план земской кампании и девятое января открыли ему, не надолго, глаза на ее оппортунистическую позицию. Но тем не менее Парвус хотел считаться «примиренцем»,—должно быть, на том основании, что когда он стал выдвигать после 9-го января лозунги временного правительства, его приходилось поправлять большевикам и указывать на элементы

фразы в его лозунгах. Без царя и правительство рабочее!—кричал Парвус под впечатлением 9-го января. Без народа и Дума либеральная!—вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 6-го августа. Нет, товарищи, на настроения минуты, на рабеловстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!

Парвус сочинил теперь «новые» условия для либералов. Бедные новоискровцы, как они устали, сочиняя «условия» соглашения с освобожденцами! Старовер на II съезде (см. его резолюцию, отмененную III съездом) сочинил одни условия, которые сразу полетели к чорту, ибо ни в плане земской кампании, ни теперь этих условий полностью не выставлял никто из новоискровцев, писавших о «соглашении» с освобожденцами. Конференция новоискровцев выставила другие, более строгие условия в резолюции об отношениях к либералам. Новоискровец Парвус отвечает морально за эту резолюцию, но какое дело литераторам-сверхчеловекам до каких-то резолюций, вырабатывавшихся при участии ответственных представителей пролетариата? Сверхчеловеки плюют на партийные резолюции!

В резолюции новоискровцев об отношении к оппозиции и новым партиям черным по белому написано, что социал-демократия «требует от всех врагов царизма»:

«1) Энергичной и недвусмысленной поддержки вся-

за то, чтобы массовки продолжать. Кружки правильно посещают 80 чел.; если же считать тех, кто бывает не вполне аккуратно, то наберется до ста человек. Образован кружок для подготовки пропагандистов из рабочих; рабочие читали два реферата; один, о том, что такое Р.С.-Д.П. Партия, был очень удачен. Арестованы: врач Ионов, адв. Долгов, Л. М. Махновец, Ключко (служ. в земстве), учитель Кравченко. Махновец уже выпущен. Взятые были все эти лица в Губ. З. Управе на собрании учительского союза.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Тифлис. (Бюллетень по поводу событий 29-го августа). Случилось нечто необычайно зверское. Канун своих гнусных реформ царское правительство ознаменовало наглым избиением рабочих. Дело было так: 29-го августа около 9 часов вечера зала тифлисской думы переполнилась публикой, преимущественно из рабочих. Было около 2.000 ч. Целью собрания было обсуждение вопроса о Государственной Думе «вместе с думцами». Публика ждала «думцев», но они по свойственной им трусости не показались. Тогда рабочие, выбрав председателя, принялись за обсуждение вопроса о событиях в Баку. Спустя 1/2 часа в зале появился полицейский с предложением «от губернатора» «разойтись». Большинство рабочих ответило криком: «Долой полицию!». Полицейский, а за ним и меньшая часть публики удалились из зала. Не прошло и 1/4 часа, как появились казаки, и с криком «расходитесь» начали наступать на публику. При этом часть публики устремилась к дверям, а остальная кричала «долой». Тут казаки дали залп холостыми зарядами. Публикой овладела паника, и она в беспорядке хлынула к выходам, но все выходы и коридоры оказались на «военном положении». Всюду были расставлены казаки: вышедшие очутились в ловушке. Теперь же казаки стреляли со всех сторон боевыми патронами из залы в тыл бежавшим и в оставшихся на хорах; расставленные же по коридорам казаки «действовали» прикладами и нагайками. Кое-кому удавалось добираться до главных дверей, вышедших на улицу, но тут их встречали новые пули казаков, стрелявших с улицы по направлению к главным выходам. Словом, слуги самодержавия буквально охотились за рабочими. Все это продолжалось около 40 минут. Сопrotивления

со стороны массы не было никакого; ее неорганизованность сказывалась во всем.

Зато полиция была строго организована: в течение 1/2 часа весь город превратился в военный лагерь; по улицам расхаживали патрули, мосты и переулки охранялись войсками. Настроение среди рабочих угнетенное. Все говорят, что без хорошей организации и вооружения ни к чему не придет.

Негодность меньшевистской «тактики-процесса» и «организации-процесса» делается для всех неоспоримой.

Убито около 60 чел., из них 6 женщин. Раненых несравненно больше. Арестовано до 30 чел., из них некоторые уже выпущены.

Кавказский Союзный Комитет.

Льется кровь, готовьтесь к восстанию! Льется кровь пролетариев... Мы мирно собрались в городской «Управе», а слуги царского правительства зверски стреляли в нас. Мы мирно обсуждали свои нужды, а звери-казаки охотились за нами, избивали и топтали наших братьев... Свист пуль, плач женщин, проклятья умирающих, стоны раненых и хохот, злой хохот врагов-победителей,—все это ураганом пронеслось над нами... Проклятье и смерть царскому правительству! Но пусть не думает оно сломить нашу революционную гордость! Кровь наших товарищей вселяет в нас смелость, тени наших братьев взывают к нам о мщении! Не нам пятиться назад, не нам отступать перед врагами! Кровью за кровь и смертью за смерть,—вот чем мы должны ответить! К оружию, мщенью, да здравствует восстание!—вот наши лозунги, товарищи рабочие! Нам нечего ждать от самодержавия, кроме пуль и нагаек! Нам нечего ждать от Государственной Думы, кроме укрепления царского трона! Да здравствует мщенье, да здравствует восстание! А вы, лакеи коронованного жандарма, вы, вскормленные нашей кровью, вы, вспоенные слезами наших матерей, трепещите! Слух о ваших преступлениях облетит Россию, зажжет сердца пролетариев, и всеобщее восстание разнесет вас, убийцы! Трепещите, тираны! Да здравствует организованное восстание! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!

29-го августа 1905 г.

Тифлисский Комитет.

Баку. Здесь проявилось особенно ярко и глубоко разлагающее влияние междупартийной распри. Все помнят

кого решительного действия организованного пролетариата, направленного к нанесению новых ударов царизму.

Парвус предлагает «соглашение» с освобожденцами и обещание им своей «поддержки», ничего подобного не требуя.

«2) Открытого признания и безоговорочной поддержки требования всенародного учредительного собрания на основе всеобщей и т. д. подачи голосов и открытого выступления против всех тех партий и групп, которые стремятся урезать права народа путем ли ограничения избирательного права, или же путем подмена учредительного собрания пожалованной монархической конституцией».

Всей второй части этих условий Парвус не признает. Он даже оставляет совершенно в тени вопрос о том, от кого должны освобожденцы в Думе «требовать созыва» учредительного собрания. От царя, конечно? Почему же не самим созвать его? Или вы уже теперь не против «п о ж а л о в а н и я»?

«3) Решительной поддержки борьбы рабочего класса с правительством и магнатами капитала за свободу стачек и союзов».

От этого «условия» Парвус освобождает, должно быть, освобожденцев по случаю созыва Думы и вреда

тактики «чем хуже, тем лучше» (хотя тут же рядом Парвус уверяет, в насмешку над читателем, что если бы Дума имела законодательные права, то это было бы хуже, т. е. что один шаг к лучшему, и именно тот, которого добиваются освобожденцы, есть шаг к худшему!!)

«4) Открытого противодействия всем попыткам правительства и дворянских феодалов варварскими мерами насилия против личности и имущества крестьян подавить крестьянское революционное движение».

Добрый Парвус, зачем забыли вы это условие? Неужели вы не согласны теперь предъявить это прекрасное требование Петрункевичу? Стаховичу? Родичеву? Милкокову? Струве?

«5) Отказа от поддержки всяких мер, имеющих целью сохранение в свободной России каких бы то ни было ограничений в правах отдельных национальностей и каких бы то ни было следов национального угнетения,

«и 6) активного участия в деле народного самовооружения для борьбы с реакцией и поддержки социал-демократии в ее попытках организации вооруженной массовой борьбы».

Добрый Парвус, зачем забыли вы эти условия?

(Н. Ленин).

могучее движение бакинского пролетариата в 1903 г. Десятки тысяч рабочих, наполняющих улицы Баку, десятки красных знамен... Громкий и единодушный голос пролетариата наполнял город революционными лозунгами. Вся Россия, еще не проснувшаяся Россия, прислушивалась к этому голосу. И это при Плевне, и это в то время, когда работа только начиналась, когда связи только завязывались. Организация Бакинского комитета, единственная революционная организация того времени, была слабее каждой теперь работающей организации. Теперь нет промысла, нет завода, где бы не было примыкающих к разным организациям более или менее сознательных рабочих. Чуть не ежедневно появляются по всем углам прокламации со всевозможными подписями и лозунгами. Собрания, массовки по промыслам, летучки... и все же бакинский пролетариат молчит. Он молчит, потому что чувствует, что силы его разбиты, в его ряды внесена национальная и фракционная рознь.

Бакинский комитет решил всколыхнуть эти массы всеобщей забастовкой. В виду предстоящих серьезных политических кампаний для Баку такое движение, уничтожающее национальную рознь и вновь пробуждающее в пролетариате веру в его силы, казалось прямо необходимым. Все говорило за его успех. После событий в Лодзи и Варшаве настроение повышается. С энтузиазмом организованные рабочие обсуждают план всеобщей забастовки и единодушно голосуют за нее. На массовках политические речи встречаются сочувственно, дружно подхватываются политические лозунги. По всем районам вспыхивают частичные забастовки и оканчиваются почти везде неудачно. У нефтепромышленников намечается тайный договор о взаимной поддержке. Из этого положения вытекает один вывод: «Да здравствует всеобщая забастовка!». Цены мазута необыкновенно высокие, запасов нет; всюду говорят о нефтяном голоде. Нефтепромышленники страшно боятся всеобщей забастовки и указывают на целый ряд уступок, которыми они желали бы предотвратить всеобщую забастовку. После событий в Одессе, Либаве, Иваново-Вознесенске настроение рабочих снова повышается. Комитет обращается к организованным рабочим и еще раз предлагает обсудить вопрос о всеобщей забастовке. Все единодушно голосуют за нее. По всем районам вырабатывают требования.

В продолжение всего июля комитет ведет усиленную устную и печатную агитацию среди рабочих и специально среди мусульман, противдействие которых расстроило майскую забастовку. Среди мусульман были завязаны серьезные связи, мусульмане вырабатывали свои требования.

Союз бакинских рабочих (меньшевики) в июле признавал возможной всеобщую забастовку и вырабатывал с своей стороны список требований. К началу августа их организация была расстроена провалами, и они, не чувствуя себя в силах руководить забастовкой, решительно высказались против нее. За союзом последовали генчакисты и дрошакисты.

Комитет оказался изолированным и обратился с изложением всего вышеуказанного к примыкающим к его организации рабочим, рабочие единодушно высказались за самостоятельное проведение забастовки.

Доводы меньшевиков и представителей других партий не остановили решимости комитета провести забастовку.

Наши противники говорили, что мусульманская масса не подготовлена, что вооруженные татары дадут отпор, что может вспыхнуть армянский погром. Мы знали, что все это неверно, и что на почве забастовки погрома быть не может. Дальнейшие события показали, что мы были правы. Наши противники указывали на хулиганов и черные сотни; мы знали, что, чем больше будет молчать пролетариат, тем серьезнее сорганизуются черносотенцы. Меньшевики указывали на необходимость выступить совместно с другими городами. Комитет, признавая неизбежность этого выступления в будущем, считал настоящее выступление лучшим способом подготовить бакинский пролетариат к будущим чисто-политическим выступлениям.

Оставалось ровно две недели до дня забастовки. И за эти две недели многое изменилось. Все остальные организации посвятили эти две недели на усиленную агитацию против всеобщей забастовки. Настроение масс начало колебаться. Шансы успеха быстро понизились. Это внесло

неуверенность и в наши ряды. Комитет на последнем заседании только большинством одного голоса высказался за забастовку и решил предоставить междурайонному собранию еще раз и окончательно высказаться. Громадным большинством голосов (за—сто семь товарищей против девяти при десяти воздержавшихся) решено вести дело до конца. И это после того, как комитет раскрыл собранию все вновь возникшие затруднения. На междурайонном собрании организованные рабочие говорили, что меньшевики и дрошакисты не выступят активно против начинающегося массового движения. Мы ожидали на промыслах вооруженного отпора со стороны промысловой стражи, значительно усиленной за последнее время, и вооружались. Мы делали последние приготовления, в то время как значительная часть нашей организации потеряла веру в успех дела. Решено было сначала остановить Балаханы и Биби-Эйбат, Черный и Белый город должны были ждать сигнала из Балаханов и остановиться только в случае неудачи забастовки на промыслах. На Городской район, наполненный ремесленниками, мы не рассчитывали. Этот район хуже других организован, агитацию здесь вести очень трудно. Этот район всегда останавливался последним.

Всем было известно, что всеобщая забастовка начинается 16-го августа. С утра товарищи небольшими группами рассеялись по промыслам, думая с разных сторон остановить Балаханы, увлечь за собою массы, сойтись в центре и здесь провести общую массовку.

К восьми часам утра со всех сторон раздались тревожные гудки. Выпускали пары. Не встречая противодействия, наши товарищи останавливали одну фирму за другой. Полиции и казаков не было видно. Стражники ступевались.

Противодействие оказали только дрошакисты. Они встречали нас враждебными криками и угрозами; оставляя мастерские, они тотчас же возвращались и снова брались за работу. Меньшевики бросали работу на самое короткое время, затем снова принимались за нее. На наши призывные речи раздавались речи противодействующих, и масса не пошла за нами. Завод Гальперина, находящийся под влиянием меньшевиков, забастовал. Явившийся оратор с энергией, достойной лучшего дела, звал стая на работу.

То же самое повторилось на Биби-Эйбате. При таких условиях всеобщая забастовка осуществиться не могла. Нам сделалось это ясным с первых шагов. Появились казаки и полиция и начали вылавливать «подозрительных».

Только в тех местах, куда не проникало влияние меньшевиков и дрошакистов, движение вспыхивало и разрасталось само собой. Многие бурные и таргальные партии, состоящие из мусульман, забастовали по одному призыву; некоторые держались, пока не получили от нашей организации предложения стая на работу. Вооруженные татары-рабочие (около ста) предложили остановить весь Биби-Эйбат. Мы не решились воспользоваться этой силой, ибо между дрошакистами и мусульманами неминуемо произошло бы столкновение. Городской район, хуже всех организованный, забастовал самостоятельно. В этом районе связи меньшинства ничтожны, и сюда их агитация не проникла. Забастовали все типографы (газеты 17-го не вышли), конка, мелкие механические мастерские, булочники, шапочники... В Белом и Черном городе сигнала не получили и не делали попыток остановить заводы. По собственной инициативе, без ведома организации, несколько рабочих дали гудок на заводе Нобеля (в Белом городе). Черная сотня набросилась на одного из рабочих и жестоко избивала его.

Всеобщая забастовка сорвана. Около двадцати человек попало в арестный дом. Эта неудача обнажила картину внутренней организационной розни отдельных частей пролетариата. Представьте себе эту картину борьбы рабочих с рабочими. Дрошакисты и меньшевики торжествуют, и совершенно напрасно: такие победы вносят разложение в среду победителей. И признаки этого разложения намечаются.

Торжествуют администрация и капиталисты. Подняли голову черные сотни и громко злорадствуют. После этой неудачи промысла и заводы заработали полным ходом, как они работали только до декабрьской забастовки 1904 г. Уверенно смотрят вперед господа нефтепромышленники. В массе рабочих уменьшился престиж революционных организаций и настроение упало. Все вышеописанное должно

заставить глубоко задуматься каждого партийного товарища. Прошедший раскол парализует совершенно силы пролетариата. Сколько-нибудь длительный раскол отведет нас на задворки политической жизни. Этот раскол срывает все перспективы политического переворота, намеченные нами накануне раскола. Сознательность и в нашей революции пасует перед стихийно развертывающимися событиями.

Наша неудача научила нас многому. Она укрепила доверие к массе мусульман-рабочих, она указала на то, что организация дрошакистов является одним из серьезных препятствий для рабочего движения; наша неудача заставит нас усилить агитацию среди армян. Все происшедшее служит новым доказательством того, что «Союз бакинск. рабочих» слишком далеко идет в своей борьбе с комитетом, что в этой борьбе он способен сделать такие шаги, которые приносят вред всем бакинским рабочим и уменьшают престиж нашей партии в глазах всех окружающих.

Наша неудача показала еще раз, что активное противодействие какой-либо национальности или местной организации в Баку подрывает успех массового рабочего выступления в этом городе. Многие организационные рабочие громко заявляют, что они отомстят в ближайшем будущем и сорвут предприятия меньшевиков точно так же, как они сорвали наше предприятие. Комитет, конечно, не допустит увлечься такими душевными порывами и не допустит своих рабочих занять ту же позицию, которую занял Союз.

Член Комитета.

Баку. Промысла опустели. Организации (и наша, и меньшевистская) разбиты. Сборов с рабочих больше нет, интеллигенция разъехалась. Нужны деньги отъезжающим рабочим, а денег нет. Нашу типографию пришлось бросить во время резни, меньшевистская сгорела. Выпускаем листки кое-как (от ред. «Прол.»). Полученный нами листок «Темная полоса» отпечатан очень недурно). Человека три из нашей организации убиты (фамилии?—Р е д.), масса нуждающихся. Работа возобновится месяца через два.

Сейчас вернулся с заседания Отделения Технич. Общества. Впечатление гнетущее. Все точно—солнечные мухи. У всех слова застряли в гортле. Из членов Общества 28 человек голосовали за всеобщую забастовку (исключая из нее электричество, водопровод, бани, приготовление искусственных льда, лед,—все, что нужно для буржуазии), против—трое. Председательствовал инженер-заводчик Хатисов с чисто-чиновничьей развязностью. Цель забастовки (о! они не смели и произнести этого слова, и когда кое-кто из наших произносил его, председатель прерывал и доказывал, что мы о забастовке не говорим, мы просто заявляем, что теперь работать, не подвергая жизнь опасностям, невозможно)—цель забастовки—добиться имущественной и личной безопасности, добиться гарантий спокойного развития промышленности. Они говорили о солидарности среди инженеров и техников и голосовали за обязательность подчинения решению собрания для всех инженеров и техников.

Говорить о том, как проводить забастовку, считали ненужным. Выяснить же, какого рода гарантии требовать и от кого, председатель не позволил, и собрание безмолвно подчинилось. Выбрали комиссию, которая все это должна обсудить и представить на обсуждение следующего собрания.

Вообще общих вопросов касаться не разрешалось, и победоносный голос председателя гремел в продолжение всего собрания. Попытки изменить ход дебатов не встретили ни с какой стороны поддержки.

Г.г. Хатисовым понадобилась забастовка! Любопытно, что из этого выйдет... Пока и без того почти нигде не работают. Трудно ожидать, чтобы требования, выработанные комиссией, представляли общий интерес, или чтобы солидарность инженеров выдержала до конца. Вот последний момент этого собрания: Рабочий: «Вы говорили от лица рабочих»... Председатель: «Я не даю вам слова». Рабочий пытается говорить, председатель звонит. Рабочий (ко всем): «Болтуны вы, и больше ничего!». Председатель: «Объявляю заседание закрытым».

Темная полоса. Еще недавно громко и уверенно звучал наш голос. Мы звали на борьбу с эксплуатацией,

произволом и насилием везде и всюду, и бакинский пролетариат прислушивался к нашему голосу. Несмотря на аресты и преследования, наш голос не ослабевал. 16-го августа мы звали рабочих всех национальностей, мы обратились и к армянам, и к татарам, мы звали всех прижмнуть к борьбе за лучшее будущее. Всеобщая забастовка должна была сплотить всю массу пролетариата, чувство солидарности должно было заслонить темные чувства национальной вражды и ненависти... Не угрозами, не насилиями, не пожарами думали мы добиться удовлетворения требований, выдвинутых сознательными рабочими,—мы считывали на разумное и спокойное проявление силы бакинского пролетариата.

Все организации были против нас, настроение массы рабочих было ослаблено их агитацией, и наше предприятие не удалось. Проклятие самодержавному правительству! Посеянное им еще в феврале чувство национальной ненависти росло среди армян и мусульман. При первых известиях из Шуши обе стороны приготовились к кровавой борьбе. Довольно было одного повода, и эти поводы давала на каждом шагу грубая и самодовольная бакинская администрация, способная исполнять только обязанности конюха или палача. Кто начал первый, где вспыхнула бойня,—никто не может сказать наверняка. 20-го августа вечером уже гремели выстрелы во всех частях города, и пали жертвы, число которых пока установить нет возможности.

Безумие! Чего хотели достигнуть обе стороны?! Победа дрошакистов напишет слово «Месьте» в сердцах татар и поведет к новым жертвам, к бесконечным жертвам и страданиям. Победа мусульман не обогатит их, она разорит все население Баку и окрестностей, и мусульман в том числе. Безумцы! Задавали ли они хоть один раз вопрос себе: «Зачем все это? К чему идем мы?»!

Нищета, позор, смерть! Эти проклятые тени встали на всех углах нашего города. Дикие вопли обезумевшей толпы, стоны умирающих, рев огня, гром выстрелов,—все это заглушило на-время наш голос. Прошла еще раз темная полоса...

Горе нам, пролетарии! Мы не сумели поднимающимся стихийным силам противопоставить силу нашей растущей организации. На наши плечи прежде всего упадет тяжесть наступающего кризиса: голод и безработица. Из нашей среды пало больше всего жертв, гибли армяне-рабочие и беззащитная амшара.

Горе нам, пролетарии! Наше движение снова встретит на своем пути самые трудные препятствия: еще сильнее обострится национальная вражда...

Но знайте, товарищи, дело наше не станет! Рабочее движение умеет преодолевать все трудности. Затихнет стихийная буря, и снова раздастся наш голос, зовущий вперед рабочих всех национальностей, славящиеся все пролетарские силы.

Где другой выход? Где другая сила, могущая предотвратить новые убийства и грабежи? Ее нет и не может быть... С глубокой верой в силу нашего слова и в правоту нашего дела мы двинемся снова вперед, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Наше дело стоит жертв. Наша борьба выведет всех на широкую дорогу политической борьбы за свободу и счастье. Вперед же, товарищи! Снова за наше святое и правое дело! Снова наполните ряды нашей организации! Вперед! Да здравствует социализм! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.! Долой самодержавие!

Бакинский Комитет.

Витебск. Сейчас же после появления «конституционного выкидыша», т.-е. манифеста 6-го августа о Госуд. Думе, наша организация занялась вопросом об отношении к этой новой царской комедии. Следуя постановлению конференции С.-Зап. края, мы начали устраивать массовые собрания, на которых ораторы тщательно разбирали устав о Гос. Думе, указывали на то, что в этой идее о Гос. Думе скрывается намерение обманом подавить или ослабить великую русскую революцию, на тот вред, который может получиться для победы революции, если конституционная буржуазия пойдет в Гос. Думу, хотя бы даже с «решением» срывать ее там же. Опыт всех западно-европейских революций научил нас, что там, где только буржуазия представлялся случай сторговаться с правительством,

они спешили друг к другу в объятия. Мы знаем хорошо цену этих «решений» конституционной буржуазии. На всех собраниях выносились резолюции с протестом против манифеста 6-го августа. На некоторых собраниях ставился вопрос о необходимости активного бойкота Гос. Думы, и там вынесена была следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что самодержавие есть режим гнета и насилия, что самодержавие своей внутренней и внешней политикой привело страну к полному разорению, что созываемая правительством Гос. Дума есть только искажение действительного народного представительства, оставляющее самодержавие неприкосновенным, мы, организованные социал-демократы, протестуем против этой новой фальсификации народного представительства, считаем необходимым энергично бороться против созыва Гос. Думы, не останавливаясь перед давлением на остальные слои населения в ходе выборной кампании, будучи уверены, что только вооруженным народным восстанием мы добьемся всенародного собрания, которое и объявит демократическую республику».

Была также вынесена резолюция о необходимости бойкота Гос. Думы и на собрании пропагандистов (9 за, 3 возд.). Помимо этого, мы старались проводить нашу тактику о Гос. Думе там, где нам представлялся к этому случай. В субботу 21-го авг. в одной из главных синагог города на Суворовской улице наш оратор в сильной речи разобрав перед полной синагогой сущность дарованной «конституции». Вся публика, состоявшая почти исключительно из еврейской буржуазии, слушала с большим интересом оратора и осталась в восхищении от этой речи. После того, как публика разошлась, и синагога была заперта, прибыли казаки с полицией. Пришлось «бедненьким» уйти ни с чем. На предвыборные собрания, устроенные представителями еврейской буржуазии и либералов, являлся член нашей организации. Собрания эти настолько интересны и характерны, что им будет посвящена специальная корреспонденция.

24-го августа нами была устроена манифестация. В этот день в городской думе гласные собирались вынести адрес по поводу манифеста 6-го августа. Организации стало известно за несколько дней, и мы решили сорвать собрание. По заранее выработанному плану в думу явился оратор в сопровождении боевого отряда. В думе было много публики. Когда председатель сделал доклад о том, что думой совершенно было молебствие и выработан адрес Николаю, встал наш оратор и попросил слова «от имени народа». Председатель, понятно, не дал. Товарищ скавал: «Мне дал слово народ, собравшийся здесь, около городской думы, и протестующий против вашего адреса и Госуд. Думы... Произошла свалка, гласные бросились из залы, городской голова сбросил с себя цепь и объявил перерыв собрания. Зала оглашалась криками: «Долой Гос. Думу!», «Долой самодержавие!». Один из товарищей разбил стекло, что должно было служить сигналом товарищам, собравшимся на улице около гор. думы. Как только раздался стук разбиваемого стекла, заранее приготовленный оратор на улице постарался в нескольких словах объяснить массе о происшедшем в гор. думе и пригласил поддержать товарищей. Раздались оглушительные крики: «Долой Гос. Думу! Долой самодержавие!» На манифестации было свыше 400 человек, из них около 200 организованных рабочих. Созвать всю массу нельзя было по конспиративным условиям. Никто не пострадал. Масса осталась очень довольна этим удачным выступлением. Интересно отметить, что местные «меньшевики», которые нападают на идею всяких планов, самым усерднейшим образом разрабатывали план этого выступления. даже до того, что два центровка - «меньшевика» ходили измерять шагами те позиции, где предстояло расположиться тем или другим отрядам. Так великая учительница — жизнь мало-помалу научает бросать «тактику-процесс» и тех товарищей, которых одно имя «большевик» приводит чуть ли не в нервное состояние.

Нижний-Новгород. (См. «Прол.» № 17). 10-го июля было заранее обдуманное избиение. Вчерашняя удача оптимистически настроила публику, и никто не ожидал того, что случилось, хотя уже накануне были некоторые зловещие признаки. Когда накануне толпа начала расходиться, в

стороне можно было наблюдать небольшую кучку «простых рабочих», свирепо посматривающих на публику. «Вон черносотенцы собрались», — говорили о них. «Известно — хамье!», — замечали по их адресу. Кто имел оружие, — должны были притти вооруженными, но это так, на всякий случай, так как серьезного случая не допускали. В 5 ч. начали понемногу собираться. Погода была пасмурная, обещала дождь, но народ уже тянулся к месту массовки. Едва лишь собралось человек 100, как начала подступать толпа черносотенцев с дубинками. Их оттеснили, но все-таки решено было разойтись, так как прибыла уже полиция и казаки, и солдаты. Остались лишь отдельные лица и группы, которые направились домой самой опасной дорогой. там, где стояла черная сотня. Она уже оправилась после бегства (один человек с револьвером в руке гнал перед собой всю эту толпу черносотенцев), ее уже ожидали союзники — казаки и полиция, ядро черносотенцев, человек в 50, набросилось на возвращавшихся. Часть их скрылась в народном доме, где их не могли достать. часть скрылась в соседнем доме. Начался разгром дома. Что-то зловещее висело в воздухе. Послышался звон стекла, глухие удары разбиваемого дома, кого-то вытащили, кого-то бьют, толпа разрастается, к ней присоединяются новые лица из зрителей, толпа схватывает отдельные жертвы, втягивает их в себя и перемалывает, не слышно криков и стонов избиваемых, слышен только рев толпы.

Женщины указывали тех, кого, по их мнению, нужно бить, девочки с наивными лицами говорили: «Так им и надо». Мальчишки образовали отряд и принимали деятельное участие в избиениях. Это неистовство совершенно обезумевшей толпы продолжалось с 5 часов до тех пор, пока не стемнело; затихло все только часу в девятом. Что же делала полиция, казаки, войско? Полиция указывала толпе, кого следует бить, указывала дома, где скрывались от толпы. Казаки набрасывались на людей, топтали их, а потом отъезжали, представляя толпе dokonчить начатое. Проехали губернатор и полицмейстер. Они обращались к толпе с благодарственными речами, просили «братцев» поддержать их в борьбе с бунтовщиками, и толпа кричала в ответ «ура!» и тут же на глазах его превосходительства избивала людей. Хватали всякого, кто походил на рабочего или на еврея, хватали студентов, учащихся. Большинство избитых — русские рабочие. Убиты аптекарь Гейнце и молоденький певчий Колесов; утром он отправился к ранней обедне, и мать нашла его только во вторник... в мертвецкой. Недавно один из избитых, Лубоцкий, скончался в больнице. Среди убитых есть и женщины.

Нельзя перечислить всех отдельных эпизодов этой страшной бойни. В больницу привезено было 18 чел., многие лечились амбулаторно, многие лечились на дому. Губернатор имел наглость посетить больницу. Рассказывают, что кто-то позвал его: «Ваше превосходительство!», и когда он подошел, сказал ему: «Прикажите уж нас добить, ваше превосходительство». Объяснения губернатора и официальное сообщение, вы, конечно, читали.

В Сормове к вечеру 10-го июля появились слухи, что в городе что-то неладно. В обычное время на массовку собралось до 5.000 человек. Начались речи.

А слухи из города были все тревожнее. Полиция держалась вызывающе, она стояла невдалеке и давала хулиганам совети сорвать собрание, произвести беспорядок. а потом, дескать, казаки их изобьют. Часам к десяти прибыли очевидцы избиения и один с просьбой притти на помощь. Толпа была страшно возбуждена, — скажи слово, и она пойдет за тобой. Но что бы произошло потом? Мы не были вооружены, и, лишь только мы двинулись бы, повторилось бы 9-е января. Встал комитетский оратор и от имени организации попросил всех вооруженных выйти из толпы на случай отпора казакам и полиции. Произошло замешательство. Часть «публики» ушла, но большинство осталось. Раздаются голоса, что нужно итти во что бы то ни стало. На нас лежала обязанность остановить толпу. Встает другой оратор и говорит: «Товарищи, мы только вчера праздновали память товарищей, павших безоружными в Петербурге. Сегодня мы стоим над трупами наших петербургских товарищей, которые были убиты хулиганями, тоже безоружными (вся толпа стоит с непокрытыми головами, многие плачут). Неужели мы доставим еще удовольствие

царскому правительству, которое приготовило все, чтобы расстрелять нас, если мы двинемся в город безоружными?». После него вышел какой-то старик - рабочий и сказал: «Я не умею много говорить, я скажу только одно: «Долой самодержавие!». Поднялся шум. Одни говорили, что нужно итти, другие говорили против. Встал рабочий Леонид Командин (убит 11-го июля в Нижнем): «Товарищи, кровь наших товарищей льется по всей России, сегодня она пролилась в Нижнем. Может-быть, она льется там и сейчас. Хулиганы, поддерживаемые царскими баши-бузуками, избивают наших товарищей, в городе бьют беззащитных евреев. Нет, товарищи, мы должны им помочь! Если не можем итти все, то, у кого есть оружие, тот должен итти, сейчас же итти, пока непоздно. Пускай мы погибнем, но мы должны итти!». Надо было слышать, как он это сказал. Вечная память тебе, дорогой товарищ. Одиннадцатого ты пошел помочь, потому что так должно было, и ты погиб. Пусть твои слова, сказанные на последнем собрании, запомнят все рабочие России...

Собрание было распушено. Тотчас же на частном собрании решено было всем вооруженным не ходить в город, потому что сегодня было уже поздно, а отправить туда 6 чел., чтобы они завтра в случае надобности вызвали остальных. Город был окружен патрулями, но все-таки удалось проскользнуть.

Одиннадцатого числа весь день настроение было возбужденное. Ведь, товарищи ушли на борьбу, и может-быть, многие не вернутся. В некоторых мастерских готовились пики. Иногда приходили невероятные слухи, и рабочие с завода посылали разузнавать. В обычное время началась массовка. Полиция несколько раз предупреждала, чтобы разошлись. Решено было закрыть собрание. Когда осталось только 50 человек, полиция с гиканьем понеслась на кучу рабочих. Но вдруг из толпы выделилась группа человек в 10, выступила вперед и остановилась. Полиция задержала лошадей. В воздухе что-то пролетело. Послышался взрыв, потом залп из револьверов. Полиция умчалась обратно в паническом страхе, но бомба причинила мало вреда, так как упала сбоку.

12-го числа произошел последний эпизод здешней драмы. В 11 час. вечера под Сормовым пронесся ужасный взрыв; это разорвалась бомба близ казацкой казармы. Ее нес товарищ Андрей Ефремов, сраженный пулей часового в голову. Он упал на бомбу, и она взорвалась. Вечная память тебе, самоотверженный товарищ!

15-го хоронили убитых товарищей Командина и Дмитриева. Было что-то величественное в этих похоронах: 15-тысячная толпа рабочих провожала товарищей на кладбище. Несли венки, черное знамя; ни полиция, ни казаки не осмелились присутствовать. Когда над могилою раздались речи, многие не выдержали и зарыдали, но большинство стояли угрюмые, молчаливые, и в этом угрюмом молчании чувствовалась угроза, пока еще сдерживаемая.

Массовки перенесли потом на другое место, и рабочие начали опять собираться в больших количествах. Говорили, главным образом, по поводу закрытия завода. Дело в том, что управление вывело объявление, что с 1-го августа завод вследствие постоянных забастовок закрывается на неопределенное время, и рабочие будут рассчитаны. Массовки теперь прекращены. Рабочие получили расчет, и многие уехали по своим деревням. Полиция усиленно агитирует среди рабочих и организует «черную сотню». Но хулиганы слишком боятся бомб и едва ли осмелятся проявлять себя.

Красноярск. 4-го авг. рабочие железнодорожных мастерских и депо прекратили работы, не выставив никаких требований. Комитет ничего не знал о начавшейся 27-го июля стачке в Чите, и на массовке 4-го авг. (около 1.500 рабочих) комитетский оратор предложил прекратить забастовку, выставив следующие требования: увольнение двух мастеров и одного пом. мастера и свобода собраний. Следующая массовка состоялась 10-го августа. На этот раз у рабочих было разрешение от ген.-губ. Кутайсова и ком. войсками Сухотина. Собралось до 3.000 чел. Говорили рабочие и комитетский оратор. Последний говорил о забастовке в Чите, о войне, о булыгинской думе, призывал рабочих к поддержке читинцев, предлагая в то же время

формулировать и свои требования. Забастовка была принята огромным большинством, частью как поддержка читинцев и протест против войны и булыгинской думы, частью же как чисто-местная экономическая забастовка. Рабочие начали-было уже расходиться, как на них набросились, по распоряжению пристава 1-й части, казаки, жандармы и солдаты. Рабочие защищались камнями. Где-то раздался выстрел (повидимому, провокатерский), и в ответ раздалась команда: «Пли!». В результате несколько раненых с той и другой стороны, при чем рабочий Чальников на другой день умер.

11—13-го августа мастерские и депо не работали. На 13-е были назначены похороны убитого товарища. Группа рабочих просила губернатора разрешить похоронить товарища, при чем гарантировала, что никаких беспорядков не будет, если не будет полиции. На похоронах присутствовало около 5.000 чел., а может-быть, и больше. Было возложено около 15 венков: от партии, от гр. с.-р., от союза инженеров, от адвокатов, от врачей, фельдшеров, от учащихся, учащихся, граждан, наборщиков, приказчиков и рабочих и т. д. На кладбище разбрасывались прокламации, пропели несколько раз «Вы жертвою пали», и произнесены были короткие речи. Один из комитетских ораторов (рабочий) говорил, между прочим, о Гос. Думе, призывал к продолжению забастовки, но не упоминал о восстании...

14-го и 15-го августа (два дня праздников) не работали, но было ясно, что единодушие между рабочими нет, что забастовка долго держаться не будет. 16-го августа часть рабочих (правда, небольшая) вышла на работу. Устроить общего собрания в мастерских не удалось и решили назначить его на другой день. Но 17-го авг., когда оратор (рабочий) заговорил о продолжении забастовки, послышались протесты. Оратор поставил вопрос на голосование. Голосов 150—200 высказались против продолжения забастовки. Кто-то крикнул: «Изменники! Отступники! Бей их!». В противников забастовки полетели камни и поленья. Поднялся такой шум, что продолжать собрание не было возможности.

18-го августа на работу вышла почти половина. Кроме жандармов и полиции, были отряжены в мастерские 2 роты солдат. В обед около мастерских произошла свалка между забастовщиками и их противниками. Последние были вооружены жандармерией и полицией револьверами. Раздались выстрелы, и началось варварское избивание бастующих жандармами, солдатами и черносотенцами. Били нещадно прикладами, железными инструментами, камнями. Рабочего Гусенко схватили солдаты по приказанию жандармского ротмистра, свалили на землю и начали бить чем попало. Затем доблестный офицер подошел к Гусенко и выстрелил в лежачего, в бок. Гусенко в тот же день и умер. Тяжело раненых трое: Гусенко, Журавлев (арестован) и Васинский. Легко раненых очень много. Избиение было организовано и приготовлено заранее. Тем не менее, губернатор пытается изобразить все дело таким образом, что полиция и солдаты только восстанавливали порядок...

21-го августа группа рабочих собиралась похоронить убитого жандармским ротмистром Гусенко. Народу было немного, до того немного, что комитет не решился прикрепить к венку ленты с надписью: «Загубленной самодержавием молодой жизни от Кр. К. Р. С.-Д. Р. П.». Часть рабочих хотела похоронить товарища без обычных церемоний, но контора больницы пригласила попа, который решил отпеть покойника во дворе; рабочие потребовали, чтобы он сопровождал покойника до кладбища. Священник ушел и через некоторое время явился в сопровождении полицеймейстера, приставов и прочей полицейской сволочи. Началось отпевание. Рабочий требовал от полиции, чтобы она удалась. Когда она ответила отказом, то тот же рабочий заявил, что товарищи покойного отказываются хоронить его, если полиция не уйдет, предоставляя полиции распорядиться похоронами. Пристав пробормотал что-то в роде: «Мы не мешаем вам!», но не удался. Организованная часть публики ушла; у ворот больницы, где лежал труп, остались только зеваки и любители скандалов... До позднего вечера публика небольшими кучками толпилась у больницы; тут же ныряли городские, жандармы и солдаты. Труп, по распоряжению полиции, заперли в часовне...

Либавя. Окончательные результаты столкновения 20-го августа: убито 6, ранено 25; из раненых умерли 2. В их числе: женщины 3, детей (11—12 лет) 2. Относительно потерь противной стороны ничего определенного неизвестно; достоверно лишь, что убит один городово́й, тяжело ранен офицер; по слухам, в госпитале лежат раненые драгуны и казаки. Наша группа выпустила листок, в котором, между прочим, сказано: «Кровавые столкновения с войсками являются лишь подготовительной ступенью для неизбежного, неминуемого вооруженного народного восстания, которое лишь одно сумеет снести до тла проклятую монархию Романовых. Несмотря ни на что, нам принадлежит победа. Честь и слава нашим доблестным товарищам, павшим жертвой царского произвола! Мстить, кровавая мстить убийцам народа!».

ИЗ ПАРТИИ.

Решения Одесского комитета. I. В интересах более регулярного и широкого осведомления товарищей о деятельности комитета комитет постановил печатно опубликовывать впредь все свои решения, не имеющие конспиративного характера. II. Исполняя постановление ЦК, комитет вступил в переговоры с местной группой отколовшейся части партии. На официальный запрос к-та: не согласится ли группа войти в партию на основе организационных норм, выработанных Третьим съездом, был получен от группы следующий официальный ответ: «Ответ Одесскому комитету от Одесской группы Р.С.-Д.Р.П.—Принимая во внимание состав так.-наз. III съезда и способ его созыва, Од. группа признает этот съезд конференцией членов одной части партии, а созданные им учреждения—учреждениями исключительно этой фракции. Од. группы Р.С.-Д.Р.П.». В виду выяснившейся таким образом невозможности объединения для обеих сторон в настоящее время комитет постановил: в интересах объединения местной работы и подготовки будущего объединения партии продолжить переговоры с группой об устройстве конференции из представителей обеих сторон. III. По поводу предложения одного из членов к-та вводить в районные и подрайонные комитеты пропагандистов и агитаторов с решающим голосом к-т постановил: профессиональные пропагандисты и агитаторы, входящие в комитетские группы, не могут входить в районные и подрайонные комитеты с решающим голосом. Комитет рекомендует районным и подрайонным к-там приглашать на свои собрания отдельных пропагандистов с совещательным голосом. Мотивировка. Большинство членов к-та считало неудобным, чтобы пропагандисты, не принимая участия в организационной работе районных и подрайонных комитетов, имели в этих комитетах решающий голос. Кроме того, в виду преимущественно интеллигентского состава пропагандистов приглашение их с решающим голосом наполнило бы районные и подрайонные комитеты интеллигентами, недостаточно опытными в организационной работе. Приглашение пропагандистов на собрания районов и подрайонов в целях их ознакомления с организационной работой к-т признает желательным, поскольку это не будет противоречить необходимым условиям конспирации. Август 1905 г.

Из отчета Самарского к-та за июль. Приход 536 р. 19 к.; расход 466 р. 02 к.; Издательская деят. комитета: 1. Отчет за июнь, 2. Пауки и мухи (5.000), 3. К крестьянам (11.000), 4. 9-е янв.—9-е июля (6.000), 5. Черная сотня в Самаре (6.000), 6. К гражданам (об образцов. самооб. (4.000)), 7. К гражданам (разоблачения орган. черной сотни полицией (3.600)). Всего 35.600 экз. издано в типографии к-та. Кроме того, на гектографе: 1. Песни борьбы (753), 2. Программа Р.С.-Д.Р.П. (344), 3. К самарск. колбасникам (260), 4. Требования колбасников (218). Всего 1.097 брош. и 478 листов. Изданий ЦК распространено около 1 пуда.

Из отчета экспедиции Московск. к-та с 15-го июля по 15-е авг. Распространено за отчетное время: Солдатская памятка—5.000, «Голос Труда» № 6—3.000 экз., № 7—1.000 экз., Летуч. листки 3.000, Пауки и мухи 10.000, Извещение о III съезде, других изданий 15 названий—56.000 экз. Изданий Московск. группы 4 названия—810 экз. Распространено по другим городам 15 названий—12.700 экз.

Из отчета Тульского к-та. Июнь: приход 228 р. 36 к.; расход 123 р. 34 к.; июль: приход 96 р. 32 к.; расход 226 р. 08 к. Напечатано и распространено литературы за июль 5 листов в количестве 9.150 экз. Распространено изданий Московск. комитета 790 экземпляров.

Из отчета Соц.-дем. железнодорожн. союза Тульского к-та Р.С.-Д.Р.П. за июль и июль 34 р. 09 к. Напечатано и распространено литературы: 6 названий, около 500 экз.

Из отчета Борисоглебской группы от 15-го июля по 15-е авг.: приход 179 р. 65 к.; расход 102 р. 02 к. Распространено: прокламаций 22 назв., в количестве 2.114 экз., брошюр 12 назв., в количестве 526 экз. Всего 2.640 экз. Массовок было 3, всего около 150 чел.

Из отчета Минской группы Р.С.-Д.Р.П. за июль: приход 269 р. 34 к.; расход 241 р. 05 к. Остается на август 28 р. 29 к.

Агитационные собрания: 1. Присутств. около 600 чел. О 9-м январе, о современном положении. 2. Присутствовало около 300 чел. О черной сотне, о проекте Государств. Думы. Собрания стачечников: Колбасники 50 чел.—выработка требований; программа и цели соц.-дем. 2) Телеграфисты 70 чел. Об общем положении России; о значении всеобщей политической стачки.

Поступило в загр. кассу ЦК: из Лейпцига для «Потемкина» 4 фр. 65 с.; от Б. на вооруж. 5 фр., из Москвы от П. за литер.—50 фр., из Москвы для «сахалинцев» 50 фр., для них же от Марианне—25 фр.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным Комитетом: 1. К рабочим и крестьянам (о заключении мира), 2. К рабочим и крестьянам (об учрежд. Госуд. Думы), 3. Открытое письмо Троцкого к проф. Милюкову. Петербургским К-том: К рабочим и крестьянам об учрежд. Государственной Думы (переклад. с издания Центр. Комитета); Бакинским Комитетом: Темная полоса, печ.; Рижским Комитетом: О Гос. Думе, по-латыш. Екатеринбургским К-том: 1. Российские граждане, крестьяне и рабочие, 10.000, 2. Ко всем рабочим г. Екатеринослава, об учрежд. Госуд. Думы—10.000, 3. Ко всем рабочим г. Екатеринослава о еврейском погроме (все печат.); Восточным Бюро при Ц. К-те: Извещение о конференции крестьянских работников Восточного района; Одесским К-том: Решения Одесского К-та; Самарским К-том: 1. Отчет К-та за июль 1905 г. 2. К крестьянам о Государств. Думе, 3. Ко всем рабочим о Госуд. Думе (все печат.); Либавской военно-социалистич. организацией: К солдатам. печат., 3.000; Либавской соц.-дем. группой: «Грозно и стройно провел пролетариат свою всеобщую забастовку»—1.500; Тульским К-том: 1. Отчет К-та за июль и июль 1905 г., 2. О Государств. Думе, обе печат.; Северным К-том: Они столкнулись (печат.); Воронежским К-том: Отчет К-та за июль и июль 1905 г.; Борисоглебской группой: 1. Заявление рабочих представителям земств и дум, 2. Отчет К-та с 15-го июля по 15-е августа 1905 г. (обе гект.); Копыльской группой: Ко всем дорожным рабочим в Тимковичах.

Минской группой: Отчет Минской группы за июль 1905 г.; Новоторжской группой: Народ и война.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Александрю, Ломову, Чудной, Рабочему Юга. Получено. Азиатку. Письмо получено. Необходим новый адрес для писем. Зарину. То же. Петербуржцу. № 1-й получен. Давиду, Е. Получено. Матвею. Оба экземпляра письма получены. Спц. Не пользуйтесь адресом

22а; адреса комитета, очевидно, не действуют. Соловьеву, Людмиле, Александрову, Юзе, Шугар. Отчего не отвечаете?—Г. С. К сожалению, не пойдет. Просим организации сообщить адреса, по которым получается «Пролетарий». Нижний, Москву, Ярославль, Николаев, Саратов, Самару, Казань, Харьков, Воронеж и Киев очень просим прислать новые адреса для писем.

П р и м е ч а н и я.

Прим. 1. Вероятно, 24 (11). Проверить по рукописи оказалось невозможным.

ЖЕНЕВА. 3 октября (20 сент.) 1905 г.

№ 19.

Пролетарій

Пролетарі всѣхъ странъ
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Революция и контр-революция.

Два с половиною года тому назад царское правительство выдвинуло в борьбе с революцией свою «последнюю карту». Подонки правящих классов соединились с подонками народа в позорном деле избиения беззащитных кишиневских евреев. Еврейство являлось самой революционной средой в пределах так-наз. «черты оседлости»: оно поставляло главные кадры революционеров, оно несло семя социализма в более отсталую русскую рабочую массу. Этого было достаточно, чтобы слово «еврей» стало символом революции в глазах правительства. Обычные меры репрессий были бессильны против растущего революционного движения пролетариата. Несмотря на все усилия жандармов и шпионов, полиции и войск, росла сознательность и боевая готовность пролетариата, росла его организованность и сплоченность. И бессильное подавить это движение расстрелами, нагайками и тюрьмами, правительство мобилизовало верные ему реакционные силы для того, чтобы их руками терроризировать революционные элементы еврейства. Не довольствуясь силой политического давления, правительство провоцировало столкновение социальных сил, оно подготовляло гражданскую войну. Правительство первое начало борьбу; контр-революция открыла военные действия прежде, чем революция взялась за оружие.

Социал-демократия тогда же указывала, что этот прием представляет из себя «последнюю карту царизма». И действительность подтвердила эту оценку. За два с половиною года, прошедшие со времени кишиневского погрома, правительство не изобрело других мер борьбы с революцией. На-ряду со старым элементарно грубым методом подавления ее вооруженной силой оно продолжало ставить все ту же свою последнюю карту. Но по мере роста революционного движения, по мере расширения его на всю Россию приходилось расширять поле деятельности реакционных сил, приходилось придавать борьбе все более грандиозные размеры. Если кишиневский погром казался чем-то баснословно чудовищным, каким-то кровавым кошмаром, то теперь он бледнел перед новыми событиями, становился повседневным явлением. «Ans Ungeheure hast du mich gewoehnt» (ты приучил меня к чудовищному), — могла сказать Россия царскому правительству словами Шиллера. Оно действительно «приучило» нас к чудовищным событиям, мы присмотрелись к ним, свыклись с ними, перестали постигать весь их ужас. За кишиневскими погромами шли десятки других еврейских погромов; борьба против революции перекинулась внутрь России. Начались избиения земцев в Тамбове, учащихся в Курске,

интеллигентов и сознательных рабочих в Нижнем-Новгороде и т. д., и т. п. без конца.

Однако, нигде мобилизация реакционных сил не привела к такой ожесточенной борьбе и к таким губительным последствиям, как на Кавказе. Кавказ явился как бы форпостом русской революции. Экономические противоречия отдельных групп населения, обостренные национальной рознью, выливались здесь под усиленным гнетом политического бесправия в ярко выраженные революционные формы. Это привело к тому, что руководящая роль в народном движении пришлось на долю самому революционному, самому крайнему элементу, соц.-демократии. Довольно указать на ту решающую роль, которую играла наша партия в крестьянском движении Закавказья, чтобы понять, как должно было относиться к ней царское правительство. Но социал-демократическая партия опирается на пролетариат, а среди кавказского пролетариата самым сознательным элементом являлись армянские рабочие. И вот в глазах правительства армяне становятся таким же символом революции на Кавказе, каким евреи являлись в западной и юго-западной России. Для борьбы с этой революционной силой мобилизуется та часть кавказского населения, которая и по своему социальному положению, и по своим религиозным верованиям больше всего расходится с армянами, — татары. Правительство произвело в феврале пробную мобилизацию этих контр-революционных сил, организовав известную бакинскую резню. Роль бакинского губернатора и полиции (среди которой очень много татар) была своевременно разоблачена и выведена на чистую воду. Однако это не помешало вторично прибегнуть к тому же испытанному средству, но только расширенному почти на все Закавказье и доведенному до чудовищных размеров. Татарам была предоставлена полная свобода убивать, насильничать, грабить. И здесь контр-революция спешила первая напасть на революцию, предупредить ее, не дать ей собраться с силами.

Но на этот раз картина изменилась. Вместо вторичного избиения беззащитных армян под руководством и по указанию полиции произошла вооруженная борьба двух частей населения, вспыхнула гражданская война. Если в феврале одного мановения руки губернатора довольно было, чтобы остановить расходившихся татар, то теперь даже вмешательство войск встречалось татарами ружейными выстрелами. Борьба реакционных сил с силами революционными превратилась в борьбу двух национальностей, привлекая даже вооруженные силы из Персии. Место полицейского провокатора занял мусульманский агитатор в священной зеленой чалме. Движение переросло намерения правительства. Количество перешло в качество.

Кавказские события имеют громадное значение для дела русской революции. Они показывают, что мобилизация контр-революционных сил в сколько-нибудь крупных размерах невозможна без того, чтобы не вызвать мобилизации сил революционных. Пока правительство пользуется для подавления народных движений силой полиции и войска, оно раздражает и революционизирует население, но все же оно прочно стоит на точке зрения своего верховенства, на точке зрения своего права и бесправия народа. Но когда оно толкает на открытую борьбу одни слои населения против других, санкционирует право самосуда реакционных элементов, оно тем самым косвенно санкционирует и право самосуда элементов революционных. Признавая право нападения одной части населения на другую, оно тем самым признает и право самозащиты. События в роде кавказских прививают народным массам сознание права на революцию. Возьмите хотя бы бакинские события. Подгода тому назад беззащитных армян резали на улицах, сжигали в домах. Теперь картина уже не та. Теперь уже значительное количество армян оказывается вооруженным и дает нападающим энергичный отпор. Погром превращается в гражданскую войну,—в войну, пока только оборонительную со стороны революционных элементов. Но диалектика революционной борьбы неизбежно приведет от обороны к нападению. Она приведет к третьей стадии, к инициативным действиям, к вооруженному восстанию. Оборона, даже самая удачная, в лучшем случае может только отстоять известную позицию, но она не может двинуть ни на шаг вперед дело революции. Остановиться на стадии оборонительной борьбы значит погубить дело. «Раз выступив на путь революции,—писал Маркс, оценивая события 48-го года в Германии,—действуйте с величайшей решимостью и как нападающая сторона. Оборонительное положение есть смерть всякого вооруженного восстания; при нем оно погибает, не померявшись с врагом. Ударяйте на врага, пока его силы разрознены, подготавливайте новые победы, как бы малы они ни были, но изо дня в день. Поддерживайте моральный перевес, который первая удача дала вам; перетяните на свою сторону те колеблющиеся элементы, которые всегда уступают более сильному впечатлению и всегда ищут безопасного места; заставьте врага отступать, прежде чем он соберет против вас свои силы,—словом, как сказал Дантон, величайший из известных до настоящего времени мастеров революционной политики,—*de l'audace, de l'audace, encore de l'audace!* (смелость, смелость, еще раз смелость!)».

Царское правительство прекрасно понимает всю силу этой тактики нападения. Оно не ждет врага, оно двигает черносотенные силы реакции, прежде чем революционные элементы подготовятся к нападению. И если эта тактика правительства, в конце-концов, не приносит ему пользы и обращается против него, то это потому, что само правительство и все его предприятия обречены на гибель. Кого история хочет погубить, у того она отнимает разум. Бакинский опыт блестяще подтверждает это. Самодержавие подняло с общественного дна такие силы, которых само теперь не в состоянии заворожить. Оно толкнуло эти дикие стихийные силы на своего врага, а непокорная стихия смела с лица земли несмет-

ные капиталы нефтяных королей, восстановив их против самодержавия. А главного врага, революцию, эти силы все же не сломали. И если правительство думает, что оно победило, оно жестоко ошибается: такая победа стоит самого сильного поражения. Такие победы не уташают революции, напротив, являются ее двигателями. Сильнее, чем могла бы сделать наша пропаганда, убеждают они самые широкие массы народа в негодности существующего политического строя, в его неспособности охранять интересы народа, в его враждебности этим интересам. Военные действия контр-революции, направленные первоначально против пролетариата, обрушиваются своей тяжестью на широкие народные массы, толкая их бесповоротно на путь революционной борьбы. Перед общественными силами, страдающими от самодержавного гнета,—а от него больше всего страдают самые жизнеспособные силы,—станет вопрос: либо быть отданными на произвол реакции, гибнуть и разоряться благодаря разгулу черных сотен, либо подняться с оружием в руках против всего существующего политического строя; либо разложение страны и бесконечное разорение ее под напором самых отсталых, самых темных общественных элементов, либо победа сознательных масс народа, расчищение пути для прогресса. И перед этим выбором не может задумываться сколько-нибудь жизнеспособная общественная сила. Кавказские события красноречиво свидетельствуют о том, что само правительство воспитывает народ к восстанию. Правда, это путь долгий и трудный, требующий громадных жертв, громадного напряжения всех сознательных элементов. Правда, те же кавказские события свидетельствуют о недостаточной подготовленности населения к вооруженной борьбе, о недостаточном влиянии революционных партий, о слабости технических средств восстания по сравнению с высоким революционным подъемом. Но действительность указывает на каждом шагу, что это—единственный путь, на котором может быть завоевана политическая свобода, обеспечивающая существенные интересы народа. Только вооруженное восстание может с ярмом вырвать из русской почвы царское самодержавие и все питающиеся под его кровом пережитки старого порядка. Только революционная армия, только поголовно вооруженный народ может парализовать все попытки реставрировать старый порядок, или хотя бы частицу его, в виде политических привилегий отдельных классов или отдельных групп. Только временное революционное правительство, как орган победоносного восстания, может сохранить за народом власть, приобретенную им силою оружия, и передать ее в руки учредительного собрания, выражающего действительную волю народа.

Поэтому трехчленная формула—вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство—стала лозунгом революционной социал-демократии в переживаемую демократическую революцию. И жизнь на каждом шагу подтверждает законность и неизбежность этого лозунга. Каждый шаг революционного движения пропагандирует этот лозунг в самых широких массах, толкая их на этот путь, как на путь кратчайший, наиболее выгодный. И это выступление широких масс с революционным пролетариатом во главе на решительную, бесповоротную борьбу лучше всего ручается за то, что самодержавный строй будет

свергнут, и никакие военные хитрости, в виде Государственной Думы, не спасут его.

Контр-революция и революция столкнулись на Кавказе в вооруженной борьбе. Гражданская война вспыхнула ярким пламенем, и в кровавом отблеске его еще презреннее и ничтожнее кажутся презренные и ничтожные попытки дутого парламентаризма. Пусть буржуазия, жадная до сделок с царизмом, теснится в двери ново-явленной думы, куда правительство поманило ее надеждой на соглашение. Революционный же пролетариат и волнуящиеся массы народа оно вызвало на бой, оно провоцировало гражданскую войну и научило понимать своих врагов, что только в гражданской войне может быть разрешен спор между царем и народом, только в ней может быть завоевана народная свобода.

(В. Воровский).

Центральный Комитет о Государственной Думе.

ЦК Р. С.-Д. Р. П. предлагает всем организациям, группам и собраниям принимать следующую резолюцию:

Рассмотрев царское «Положение о Государственной Думе», мы... нашли следующее:

1) Положение это совершенно устраняет от участия в выборах в Думу всех рабочих и всю бесхозяйную деревенскую бедноту, что является грубым издевательством над всей той частью народа, которая до сих пор с наибольшими жертвами ведет борьбу за народное освобождение.

2) Оно отнимает также избирательное право у всех женщин и всех совершеннолетних, не достигших 25 лет.

3) Из числа крестьян оно лишает избирательного права всех не входящих в состав волостных сходов, т.-е. $\frac{9}{10}$ всех домохозяев, а также всех невыделенных младших членов крестьянских семей, хотя бы и старше 25 лет; всех крестьян, живущих для заработка на стороне, т.-е. не менее 15 миллионов трудящихся, оно на деле лишает возможности участвовать в выборах.

Самые выборы от крестьян оно устанавливает не прямые, а в несколько ступеней, так что волостные сходы избирают только уполномоченных, те — губернских выборщиков, и лишь выборщики — депутатов в Государственную Думу. Вследствие этого член Думы от крестьян не есть действительный представитель избирателей крестьян и не пред ними ответствен за свои действия в Думе, а представитель нескольких выборщиков, перед которым и ответствен.

Ни свобода предвыборного обсуждения, ни свобода и тайна самых выборов ничем не обеспечены для крестьян, так что на всех ступенях выборов царские чиновники в лице полиции, земских начальников, предводителей дворянства, губернаторов имеют полную возможность оказывать на избирателей и выборщиков давление в пользу своих кандидатов.

Таким образом, все представительство от крестьян является совершенно фальшивым.

4) Из остального населения лишены избирательного права многочисленные мелкие ремесленники городов, а

также беднейшая и наибольшая часть трудящейся разночинной интеллигенции, всего ближе стоящая к народу, — народные учителя, земские врачи и проч. Предоставлено же избирательное право только людям богатым и зажиточным, землевладельцам и капиталистам, при чем на выборах каждому дается тем больше влияния, чем больше у него имущество.

Наконец, угнетенным народностям окраин России избирательное право дается в еще более урезанном и сокращенном виде, чем коренному русскому населению.

5) Самая Дума представляет из себя только совещательное собрание без решающего голоса в издании законов, учреждение политически бессильное, ничем не огражденное от произвола действительных властей, лишенное даже свободы слова в обсуждении, так как ему запрещено касаться основных законов империи.

На основании всего этого мы пришли к следующим выводам:

«Положение о Государственной Думе» есть грубая подделка народного представительства. Заклучая в себе прямой вызов рабочему классу и деревенской бедноте, оно в то же время представляет попытку обмануть крестьянство фальшивыми уступками и попытку привлечь на сторону царского правительства богатые и зажиточные классы путем действительных, но ничтожных уступок. Оно означает решительное намерение правительства всеми средствами беспощадно вести борьбу против народа для защиты царского самодержавия, — самодержавия чиновников, которому Россия обязана неслыханным разорением и угнетением, страшно низким развитием знания и полным военным бессилием.

В виду этого мы будем считать изменником и врагом свободы и народа всякого, кто примет сознательное участие в царской комедии выборов и представительства как избиратель, выборщик или член Государственной Думы.

Мы заявляем, что народу необходимо представительство, основанное на началах, совершенно противоположных тем, по которым строится Государственная Дума. Народу необходимо единое собрание представителей, обладающее всею полнотою государственной власти, избранное при полной личной и гражданской свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Народные интересы может представить и охранить только такое действительно народное собрание, созданное сначала в виде учредительного собрания для установления нового государственного порядка, а затем созываемое в виде народного парламента для постоянного управления делами страны.

Такого народного собрания не только не может дать народу царское самодержавное правительство, но и вообще никакое правительство, сохраняющее хотя бы отчасти царскую власть. Новый необходимый народу государственный строй есть демократическая республика, основанная всецело на самодержавии народа.

Осуществить такой строй может только вооруженное всенародное восстание против царского правительства и всех темных сил, его поддерживающих. Подготовка и организация такого восстания составляет теперь главную очередную задачу для всех сознательных борцов за народное дело; новое оскорбление, нанесенное правительством народу, есть новое напоминание о необходимости выполнять эту задачу непрерывно и неуклонно.

Мы призываем всех сознательных граждан и все партии, преданные народным интересам и делу народного освобождения, всеми силами противодействовать постыдной комедии выборов и представительства, обману народа.

Мы призываем их соединять свои силы для немедленной совместной подготовки всеобщего и повсюду одновременного протеста против правительства насильников и лицемеров, для организации этого протеста в виде всеобщей политической стачки и вооруженных демонстраций повсюду, где они возможны.

Мы призываем их это новое издевательство царского правительства над умом и волею народа использовать, как новое яркое и очевидное доказательство для разъяснения народным массам необходимости решительной и беспощадной борьбы за окончательное низвержение царского самодержавия и всякой власти, не от народа исходящей.

Мы призываем к борьбе за свободу до конца!

Земский съезд.

В понедельник 12 (25) сентября открылся в Москве съезд земских и городских деятелей, обсуждавший и решивший окончательно вопрос об отношении к Думе. Этот съезд, как и предыдущие земские съезды, знаменует новый шаг по пути политического развития и политической организации российской буржуазии. Поэтому всякий сознательный рабочий должен внимательно относиться к этому рождению буржуазной конституционной партии. Политическое развитие пролетариата, как класса, всегда и везде шло рука-об-руку с политическим развитием буржуазии, как класса.

Но, кроме этого общего значения земского съезда, он имеет еще громадное значение по чрезвычайно злободневному вопросу о нашем отношении к Думе. Соглашение буржуазии с царизмом или более решительная борьба первой со вторым, — вот в чем сущность этого вопроса, вызывающего, как известно, разногласия и в тактике социал-демократии.

Напомним прежде всего, что на своем предыдущем съезде земцы решительным образом осудили булыгинскую думу и приняли известный освободенский проект конституции (монархия и двухпалатная система). Вопрос о бойкоте Думы был сначала решен большинством положительно, но потом перерешен и отложен до следующего съезда, который должен был быть созван немедленно по опубликовании закона о Гос. Думе, говорили даже о созыве его по телеграфу. На самом деле съезд созвали очень не скоро. Сначала, как мы отметили в № 14 «Прол.», прошли слухи о его отмене земцами. Потом стали известны переговоры г. Головина с Дурново, описанные и оцененные нами в предыдущем номере «Пролетария» и кончившиеся разрешением съезда полицией. Съезд состоялся, таким образом, на совершенно иных началах, чем предыдущий: тогда полиция запретила его, грозила разогнать, составила протокол, назначила после съезда сенаторское следствие; теперь земцы и полиция столковались и согласились заранее.

Чтобы нагляднее показать читателю все значение этой разницы между тогда и теперь, напомним заявления последнего номера «Освобождения». Г. «Индепендент» («независимый», — вероятно, независимый от полиции?) писал в № 76, в полном согласии с автором передовицы того же номера, следующее: «Ни о каких компромиссах не должно быть и речи. Попрежнему приходится завоевывать свободу, а не выпрашивать ее... Не следует, — и это важно в высочайшей степени, — ни на минуту отказываться ни от прежних приемов борьбы, ни от завоеванных уже позиций. Если и здесь есть возможность компромиссов, она сразу и решительно должна быть устранена. Все, что делалось до сих пор для организации освободительных сил, должно делаться и вперед... Деятельность съездов, союзов, собраний должна продолжаться в том же духе и в том же направлении, как и прежде».

Яснее нельзя выразиться. Орган земской или «конституционно-демократической» партии после 6-го августа высказывается решительно и безусловно против отказа от прежних приемов борьбы. Но в том-то и суть фальшивой позиции либеральной буржуазии, что наряду с желанием свободы у нее не менее горячо желание сделки с царизмом. Поэтому на словах одно, на деле — другое. Чтобы «не отказываться от прежних приемов борьбы», надо было бы бойкотировать Думу. Отказавшись от бойкота, пришлось логически неизбежно отказаться от некоторых «прежних приемов борьбы». «Освобождение» стало громить компромиссы как-раз тогда, когда Головин заключил компромисс с Дурново. «Освобождение» закричало: «Ни на минуту не отказываться!» — как-раз тогда, когда земский съезд отказался от прежней свободы своих заседаний. По случаю «дарования» Думы, этого, якобы, начала свободы, земцы согласились совещаться менее свободно.

В самом деле: 1) программа съезда была г-ном Дурново, т.-е. полицией, урезана; 2) председатель обязался закрыть съезд в случае обсуждения вопросов, не вошедших в дозволенную полицией программу; 3) съезд согласился заседать при участии полицейского — делегата от Дурново (правитель канцелярии), имевшего полномочия закрыть съезд в случае нарушения «условий» г. Головина с г. Дурново; 4) съезду были запрещены полицией, тоже под угрозой закрытия, «мятежные возгласы» (телеграмма специального корреспондента консервативной газеты «Temps», добавляющего, что все эти условия были честно соблюдены).

Само собою разумеется, что, почерпая свои сведения из иностранных газет, мы не ручаемся за безусловно верный и исчерпывающий характер этих сведений. Но сомневаться в том, что они верны в общем и целом, нет никаких оснований. Напротив, г. Головин (который, конечно, не для публики предназначал свои переговоры с Дурново!), наверное, обещал полиции еще большее по части верноподданного поведения земцев!

Факт неоспоримый. Слова «Освобождения» коренным образом расходятся с делами освободенцев. Писатели «Освобождения» красноречивее против полиции, а дельцы обделяют дела с полицией полюбовно. Начало земской кампании выборов в Думу совпало с началом соглашения земской буржуазии с самодержавием.

Иностранные корреспонденты в один голос отмечают мирный характер этого съезда земцев по сравнению

с предыдущим. За бойкот Думы высказывался только один, по другим сведениям — два оратора. Большинство стояло за участие (мы уже в № 12 «Пролетария», еще до выхода закона о Думе, говорили, что мнение правого крыла земцев по этому вопросу уже определилось). Большинство находило, что неучастие в выборах было бы «признаком робости», — взгляд, вполне разделяемый, как мы знаем, Парвусом и новой «Искрой». В соглашении с полицией проявилась, наоборот, смелость наших земцев...

Съезд принял резолюцию, в которой вместо осуждения Думы говорится лишь (не знаем уже, робко или смело?), что «Дума не представляет из себя народного представительства в точном смысле слова». Русские граждане приглашаются объединиться на ранее принятых земскими съездами программах и бороться на почве Думы. О борьбе вне Думы и помимо Думы в резолюции ни слова, это значит — «ни на минуту не отказываться от прежних приемов борьбы», по словам «независимого» от полиции освобожденца...

Умеряя свой прежний неуместный «революционный» пыл, земцы налегали на «положительную» работу по поводу Думы. Они выработали подробно политическую программу (полного текста ее у нас еще нет); они старались прикрыть свое отступление от демократии повторением основных пунктов умеренного конституционализма; они подробно разрабатывали вопрос об избирательной кампании, об организации местных и центрального избирательных комитетов, о составлении списков кандидатов и прочее.

Неужели еще неясно после того, куда гнет помещичий и купеческий либерализм земцев и освобожденцев?

Начать выкидывать одно за другим боевые требования демократии, все то, что обеспечивает права революционного народа, что развивает и расширяет борьбу за свободу (не говорить в резолюции о борьбе помимо Думы и т. д.)! Начать закреплять все те требования демократии, которые обеспечивают власть одной только буржуазии (местечки в Думе прежде всего)! Поменьше агитации в народе, побольше деловитости в Думе!

Как метко сказал «либерал», вчерашний поклонник самодержавия, Вильям Стэд (см. его письмо в «Times», 26/IX), что мир внешний потребовал мира внутреннего, мира между царем и либеральной буржуазией, провозглашенного законом 6-го августа! Земцы доказывают своим поведением, что они идут на мир, хотя, конечно, далеко не сразу и далеко не во всем заключат мир. «Г. Михаил Стахович, друг и сотрудник Шипова, — писал корреспондент «Temps» 27/XI, — рассчитывает на создание партии центра, стоящей за самодержавие и за совещательную Думу; он утверждает, что многие члены крайних партий (!! какое бесчестие по адресу освобожденцев! — Ред. «Прол.») готовы примкнуть к этой партии». Утверждение г. Стаховича подтверждается не только словами многих легальных газет, но еще более делами господ земцев. Г. М. Стахович присутствовал на съезде, — сообщает корреспондент «Times» 26/IX. — «Он твердо верит в победу умеренных элементов; и в самом деле, почти полное отсутствие обычных горячих нападений (fiery denunciations) на правительстве, за исключением случайных (!!) ссылок на кавказские ужасы, как будто бы подтверждает (rather confirms) его предсказания» (forecast). «Настроение

съезда, — телеграфирует тот же корреспондент консервативной английской газеты, — представляет поразительный контраст с настроением, господствовавшим на июльском съезде, когда большое число делегатов стояло за бойкот Думы».

Неужели «Искра» и теперь не откажется от своего ошибочного мнения, будто стоявшие за бойкот хотели пассивного отстранения, а стоящие за участие Стаховичи хотят серьезной борьбы? Неужели она будет с Парвусом даже теперь стоять за соглашение с освобожденцами и за поддержку их после того, как они начали, очевидно, соглашаться с господами Дурново?

P. S. Справедливость требует сказать, что о несогласии русских новоискровцев с новой «Искрой» приходят все новые и новые данные. Мы только-что получили листок С.-Петербур. группы (меньшевистской) «Гос. Дума или учр. собрание». На-ряду с критикой Думы мы встречаем здесь лозунг: «Долой Думу!». Представители рабочих приглашаются говорить либералам, «что они не должны признавать Г. Думу», «что они обязаны отказаться от своего права (неясно отпечатано в листке) выбора в Думу», «что они должны помочь рабочим «вооружаться для борьбы с черной сотней и Г. Думой». Таким образом, петербургские меньшевики приняли лозунг активного бойкота. Как и в знаменитом случае с «планом земской кампании», «Искра» расходится со своими русскими сторонниками. В одном лишь отношении петербургские меньшевики приближаются к «Искре»: они приглашают рабочих выбирать тотчас же «представителей по фабрикам, мастерским, цехам, как выбирали в комиссию Шидловского»... «Пусть наши представители, собравшись вместе, так же ведут борьбу с Гос. Думой, как наши выборные в ком. Шидловского боролись с этой хитрой ловушкой самодержавия». Этот лозунг очень похож на искровский лозунг «революционного самоуправления», хотя товарищи Спб. группы не употребляют, конечно, этого неуместно громкого слова. Мы не сомневаемся, что петербургские рабочие поймут неправильность этого лозунга и неверность параллели с комиссией Шидловского. Тогда рабочие бойкотировали комиссию, теперь Дума бойкотирует рабочих.

Революционное самоуправление при сохранении власти за царем может быть лишь одним из кусочков революции (решение Смоленской гор. думы и т. п.). Делать из него главный лозунг революционного пролетариата — значит вносить путаницу и играть на-руку освобожденцам. Развивая, расширяя, укрепляя и распространяя организацию революционных сил пролетариата и крестьянства, мы не должны смешивать эту организацию войны, организацию восстания с самоуправлением. И по назначению своему, и по способу возникновения, и по характеру организация вооруженного восстания, организация революционной армии во всем не похожа на организацию револ. самоуправления. Чем усерднее стараются либеральные буржуа, освобожденцы, урезать, притупить, обкарнать последовательные революционно-демократические лозунги, тем отчетливее и прямее должны мы их ставить: созыв всенародного учредительного собрания временным революционным правительством, организация вооруженного восстания и революционной армии для свержения царской власти.

(Н. Ленин).

Литература жандармов.

Революционная борьба, разлившаяся по всей России, заставила министерство внутренних дел усиленно заняться «литературным» творчеством. Некий ротмистр Добряков, заведующий «Судною частью штаба отдельного корпуса жандармов», взял на себя труд свести воедино все эти произведения жандармского пера и издал их в свет «совершенно секретно» с лаконической надписью: «Не подлежит оглашению». Нам доставлены два томика этих небезынтересных трудов жандармской литературы.

Первый томик, в 195 страниц, носит название: «Краткий систематический свод действующих циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губ. жанд. управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний» (С.-Петербург., типография штаба отд. корп. жанд.). Второй томик, в 104 страницы, озаглавлен так: «Формы протоколов и постановлений, общепринятые чинами отдел. корпуса жанд. при производстве дознаний по гос. преступлениям» (печатано в той же типографии). Хотя деятельность «отдельного корпуса жандармов» всем и каждому очень хорошо известна, но мы думаем, что читателю будет полезно узнать о некоторых «циркулярных» «совершенно секретных», «не подлежащих оглашению» распоряжениях этого корпуса.

Три обстоятельства резко бросаются в глаза при чтении этих документов: 1) постоянная жалоба центрального петербургского правительства на плохую организацию провинциальной полиции вообще и дела сыска в частности; 2) постоянная тревога центрального правительства по поводу крестьянских и особенно рабочих волнений и революционных выступлений; 3) постоянный розыск нелегальной литературы.

По поводу слабой организации полиции в провинции пространно выясняются ошибки, промахи и «долг службы» этих бульдогов русского царя. «Полицейские органы, — сообщается в одном из циркуляров, — за редкими исключениями, относятся к делу розыска лишь формально, исключительно, так-сказать, с бумажной стороны, ограничиваясь перепечаткой циркуляров Деп. Полиции, без преподания чинам полиции каких-либо полезных указаний, могущих служить подспорьем и руководством в этом трудном и важном деле. Во многих полицейских управлениях алфавиты разыскиваемых лиц ведутся крайне небрежно или даже не ведутся вовсе, а в иных розыскные дела сдаются даже в архив, несмотря на то, что упоминаемые в них лица до сего времени еще не задержаны. Независимо от сего, укрывающееся лицо разыскивается обыкновенно только на свою настоящую фамилию, при чем совершенно упускается из виду, что такие лица могут проживать с документами, им не принадлежащими, а на делаемые в циркулярах указания на клички, приметы, родственные связи, товарищеские и любовные отношения и на рассылаемые фотографические карточки не обращается вовсе внимания. Подтверждением изложенного могут служить случаи, когда нелегальные лица, подлежащие аресту и привлечению к дознанию о гос. преступлениях, с ведома администрации принимались на службу, и даже по полиции, а в

минушем году одно из таких лиц в течение года проживало под своей настоящей фамилией в одном из больших губернских городов, где занимало довольно видное служебное положение». Излив свою грусть, министерство начинает поучать провинцию, какими путями можно лучше всего изловить «крамольников». Министр останавливает особенное внимание на том, что «в розыскных видах весьма важно не упускать из виду молодых людей обоюбого пола, прибывающих из-за границы. Весьма нередки такие лица, — пишет министр, — особенно из обучающихся в заграничных учебных заведениях, которые, не принимая непосредственно активного участия в революционном движении, сближаются, однако, весьма охотно с эмигрантами-революционерами и, подпад под их влияние, принимают на себя разные поручения по установлению сношений этих революционеров с их единомышленниками в России и по устройству убежища на случай прибытия их в империю с преступными целями. Наконец, необходимо крайне внимательно следить за лицами, прибывающими в пределы империи, с иностранными паспортами, особенно турецкими и болгарскими; и буде такие лица почему-либо покажутся подозрительными, то указывать на них чинам корпуса жандармов для учреждения за такими сомнительными иностранцами наблюдения».

Что касается «лиц, прибывающих из-за границы», то необходимо тут отметить следующий циркуляр, дающий практические указания всем русским, отправляющимся обратно в Россию.

«Российские консулы в Париже, Вене и Берлине общаю жандармским офицерам на пограничных пунктах о каждом выезде в Россию подозрительных личностей, которых следует задержать или за которыми должно установить наблюдение. На паспортах этих лиц консулами выставляется двойной номер с целью обращения на них особого внимания». Конечно, необходимо помнить, что вместо двойного номера консулы могут выставить какой-либо другой условный знак, а потому нужно при отъезде в Россию всегда тщательно изучить свой паспорт.

Из двух других циркуляров, дополняющих только что приведенный, видно, что пограничные жандармы немедленно по телеграфу сообщают в Петербург, в Москву и в другие города о проезде всякого подозрительного лица, и там уже с вокзала это лицо подвергается тщательному выслеживанию местной тайной полиции.

Что касается охраны рабочих от «революционной бациллы», то здесь многочисленные «совершенно секретные» циркуляры и распоряжения весьма разнообразны. Все они долбят одно и то же. Жандармы и полиция везде и всюду должны строжайшим образом наблюдать «за рабочими на фабриках, заводах и разных мастерских (столярных, кузнечных и т. п.), куда могут приниматься злонамеренные лица с целью устной или книжной пропаганды. В предупреждениях сего содержания упомянутых заведений обязываются общей полицией подписками о том, что они будут следить за появлением лиц, распространяющих между рабочими книги и вообще занимающихся антиправительственной пропагандой в той или другой форме».

Интересно отметить, что в то время, как центральное правительство требует самых решительных мер для пресечения всякой пропаганды среди крестьян и рабочих,

ведущейся ими самими или «пришлыми» людьми, оно очень бережно относится к духовенству и помещикам.

В одном из циркуляров говорится: «Что же касается лиц духовного звания, то общественное положение их и последствия, которые может иметь для них неосновательное привлечение к дознанию, вызывают необходимость в особой осмотрительности». Таковую же заботливость министерство проявляет и по отношению к помещикам: «Обыск в усадьбах помещиков,—говорится в одном из циркуляров,—следует производить без огласки и в качестве понятых не приглашать по возможности местных крестьян».

Мы не будем делать подобные же выписки из других циркуляров, скажем только, что сто двенадцать циркуляров, помещенных в «кратком систематическом своде» ротмистра Добрякова, отдают под строжайший надзор полиции всю Россию, все профессии, классы и состояния. Плохи дела того правительства, которое должно свое существование поддерживать штыками. Еще хуже положение того, которое само не находит ни одного класса населения, на который оно могло бы опереться. Именно к этому второму типу принадлежит самодержавное русское правительство,— правительство жандармов, сыска, полиции, доносительства и преследований.

(Вл. Бонч-Бруевич).

Пролетарии ли фармацевты?

(К вопросу о профессиональной борьбе).

Гигантскими шагами приближается Россия к тому моменту, когда народные массы, с революционным пролетариатом во главе, свергнут с себя вековое иго—царское самодержавие. Революционный пролетариат не остановится в своем наступательном движении, он дойдет, на погибель существующему режиму, до первого этапа своего трудного пути—политической свободы, дабы ускоро темпом двинуться к главной своей цели, к социализму. Его геройская борьба с царизмом будит народные массы, указывая им дорогу в более светлое будущее.

Даже такой сравнительно отсталый элемент, как фармацевты, захвачен общим движением. В разных городах и местечках происходят столкновения между аптекарями и их служащими. Устраиваются стачки, которые носят чисто-экономический характер. Предъявляются требования уменьшения рабочего дня, повышения заработной платы, увеличения количества выходных дней и т. п. Положение этих тружеников в периоде стажа действительно ужасно. Большая часть из них принуждена вследствие недостатка материальных средств остановиться в самом начале дороги, ведущей к образованию, к свету, подавить в себе жажду знаний и начать пристраиваться.

Добытый путем недоеданий и недосыпаний диплом аптекарского ученика открывает новые виды, новые перспективы... мытарств и лишений. Записавшись с большим трудом в какую-нибудь аптеку, фармацевт первые 6—10 месяцев никакой платы за свой труд не получает (бывают случаи, когда приходится доплачивать 50—100 руб.); на втором году практики плата коле-

блется между 5 и 10 руб., а на третьем году—между 10 и 20 рублями. Продолжительность рабочего дня обыкновенно 15—16 час. при одном выходе в две недели (особенно в провинциях), а иногда в неделю. Прибавляя ко всему вышесказанному, что приходится работать в затхлой аптечной атмосфере, вдыхать в себя всевозможные вредные испарения, можно себе легко объяснить громадную смертность в молодом возрасте и ужасающее количество болезней сердца и др., которые наблюдаются в фармацевтической среде.

Врачебные отделения самым наглым образом лишают этих тружеников почти всех средств самозащиты, обязывая их первые 6 месяцев практики пробывать в одной и той же аптеке, при чем для каждого ведется кондуктивный список, в который аптекарь может внести при малейшем недовольстве своим служащим (ведь, никакого контроля не существует) всевозможные замечания, что лишает всякой возможности достать работу в другом месте. Чаша терпения, очевидно, переполнилась, и в разных местах России фармацевты заволновались. Целый ряд стачек в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Киеве, Бердичеве и др. городах доказывает, что так дальше работать (ведь, нельзя это назвать жизнью) им стало невмочь. Все эти стачки были чисто-экономического характера. Они закончились целым рядом побед. Наряду с этим движением стали возникать группы, руководящие фармацевтами в их борьбе с эксплуататорами-аптекарями и полагающие, что фармацевты суть пролетарии, и что в них необходимо пробудить классовое самосознание для того, чтобы они не замедлили вступить в ряды борцов за социалистический строй. Сообразно с этим мнением они и строят свою тактику. Во взгляде на фармацевтов, как на пролетариев, заключается, по моему мнению, коренная ошибка, от которой мы должны отделаться как можно скорее, если только искренно желаем, чтобы фармацевтическое движение все больше и больше разрасталось и шло по верному пути.

Кого принято понимать под термином «пролетарий»? Наемных рабочих,—говорит К. Каутский в Эрф. прогр., не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, продажей которой они живут... и осужденных вечно оставаться пролетариями. Можно ли применить это понятие к фармацевтам? Отнюдь нет. Они не только не осуждены вечно продавать свою рабочую силу для поддержания своего существования, но, наоборот, каждый из них при известной ловкости и сноровке может надеяться стать хозяином, покупателем рабочей силы других. Ведь, эти три года ученической практики суть только ступени, перескочить которые стремится каждый из них для того, чтобы в свою очередь удобно усесться на спинах своих бывших коллег. Фармация у нас, в России, находится еще в стадии мелкого производства, и этим объясняется, что каждый рабочий в этой отрасли может надеяться стать обладателем средств производства. Фармацевты находятся в том же положении, в каком находились подмастерья докапиталистического времени, и скорее всего соответствуют этому понятию: они и называются после 3-летней практики помощниками (подмастерья принадлежали к семье мастера (хозяина) и каждый из них рассчитывал в будущем сделаться мастером). Фармацевты-подмастерья заинтересованы не только в сохранении частной собственности на средства производства, но и в том, чтобы их отрасль сохранилась воз-

можно дольше в настоящем своем положении, ибо этим они, хотя бы временно, спасаются от неизбежной пролетаризации—результата крупного капиталистического производства. Пролетариат же заинтересован в уничтожении частной собственности на средства производства, так как ничего, кроме эксплуатации, она ему не обещает. Фармацевт-подмастерье подвергается эксплуатации хозяина только временно, пролетарий— всю свою жизнь. Фармацевт-подмастерье надеется по получении провизорского диплома устроить маленькую аптечку, принять 2-х—3-х подмастерьев и предаться отдыху. Может ли иметь что-либо подобное пролетарий? Никогда. Спрашивается: есть ли надежды на то, что фармацевты, сознав свои интересы, начнут борьбу за социализм? Ни в коем случае. Покуда фармация находится в стадии мелкого производства, покуда фармацевты имеют хоть малейшую возможность стать хозяевами, они будут относиться отрицательно к социал-демократическому идеалу пролетариата. Из всего вышесказанного не нужно делать вывода, что мы должны отказаться от работы среди них. Вовсе нет. Мы должны вести среди них агитацию и пропаганду наших социал-демократических взглядов, надеясь, что если не вся корпорация, то десятки и больше личностей станут на нашу точку зрения. Нужно принять во внимание, что члены этой профессии—люди более или менее интеллигентные, что намного облегчает нашу работу. Мы, несомненно, заинтересованы в том, чтобы у них было побольше свободного времени, так как это облегчает к ним доступ, и поэтому должны поддерживать и даже организовывать среди них стачки для улучшения их существования. Мы должны также стараться придать этому движению, чисто-экономическому до сих пор, характер политический. Для наиболее успешного достижения этих целей я считал бы возможным и необходимым объединение всех существующих уже соц.-демократических групп фармацевтов в один союз.

Фармацевт.

Открытое письмо к заграничным товарищам от социал-демократической группы работников смежных окраин Казанской, Симбирской и Нижегородской губ.

Мы, социал-демократы, работающие в деревне среди крестьянства, собравшись на совещание, выяснили следующее:

Россия переживает сильный революционный момент, движение разрастается все больше и больше. Нужно быть наготове, нужно энергично работать, дружно и настойчиво вызывая движение всюду, где только оно возможно, но почему-либо еще не проявилось. С этой точки зрения следует обратить внимание и на известные слои деревни, особенно там, где крестьянство сильно пролетаризируется. Мы начали работать среди крестьян, наиболее готовых к протесту против современного государственного режима. Мы пользуемся их движением для достижения ближайших требований социал-демократии, и крестьяне довольно легко усваивают многие из них, особенно же требование учредительного собрания. Но... сил в деревне мало, условия работы крайне тяжелы... В городах тоже ощущается недостаток в рабочих, так что отсюда нам трудно ждать помощи: везде и всюду нужны силы, ибо везде и всюду созревает почва для революционного движения. И мы, одинокие,

оторванные часто от города даже в смысле получения литературы, разбросанные волею судеб по деревням, где принуждены зарабатывать свой жалкий кусок хлеба, выбиваемся из сил, тратим свои последние гроши, рискуем то-и-дело попасться, потому что разделения труда в работе по недостатку товарищей почти нет совсем; печатаем прокламации на гектографах где-нибудь в лесу по ночам, мало знаем о партийной жизни, в которой наши товарищи, стоящие у кормила правления, заняты расколом, и тщетно просим поддержки; ее не дают, так как, повторяем, в городах тоже нехватает сил, хотя многие оттуда с удовольствием отправились бы в деревню, но их некому заменить. А в это время уезжает за границу масса людей, могущих пригодиться делу революции. Мы подразумеваем здесь молодежь, наших товарищей студентов, курсисток, лиц, только-что кончивших среднюю школу, и др., которые еще на школьной скамье вместе читали тайком «Искру» и «Зарю» и вместе начали работать, впервые назвав себя социал-демократами. Они теперь бегут за границу под разными предлогами. Товарищи! Если не угадала в вас совесть революционера, то зачем же вы бежите!? Бежите одни для того, чтобы «учиться», другие для того, чтобы «отдохнуть», третьи для того, чтобы «разобраться в расколе». «Учиться» вы можете дома, в России, на свежих могилах, которые научат вас негодованию и самоотвержению. Марксизм вы и без того уже знаете в общих чертах, для пропаганды же есть в России дискуссионные группы; идите туда, учитесь там, если не можете заниматься самостоятельно; учась же в дискуссиях, вы можете в то же время руководить начальными кружками и практически помогать партии. А там, когда взойдет настоящая «Заря», когда из «Искры» возгорится всеочищающее пламя, когда громкий голос «Пролетария» покроет все остальные голоса, и каждый «Социал-демократ» свободно сможет сказать в парламенте: «Ну, товарищи, часть пути пройдена! Пойдемте же дальше, «Вперед»!..—тогда вы можете ехать и за границу пополнять свое образование, но вы не хотите понять этого, вы бросили поле битвы, и мы, надрываясь в работе, с ужасом замечаем, что потребность в молодых, свежих силах все растет, а силы эти бегут «учиться» подальше от льющей крови пролетариата, бегут под ласковое южное небо!.. и, убегая, говорят: «Мы—социал-демократы!..», или вообще: «Мы—революционеры!». Но если это так, то оставайтесь в партии с нами...

«Отдохнуть»... но до отдыха ли сейчас!? Может ли честный солдат во время боя мечтать об отдыхе!? Что за привилегия, и не означает ли она просто то, что отдыхать за границей, даже еще не успев устать как следует, может только тот, кто имеет лишнюю сотню в кармане, предоставляя остальным оставаться и «отдыхать» на баррикадах или же под копытами казацких лошадей под бой барабанов?.. Мы все устали, мы недоедаем и недосыпаем, мы завалены работой до того, что работа местами останавливается и не двигается дальше, многие из нас имеют семьи, многие больны, и все-таки, если бы ваши сотни очутились в наших карманах, то мы не соблазнились бы южным небом и не поехали бы к вам «учиться», «отдыхать» и «разбираться в расколе», нет! Аудитория для русского революционера не в Женеве, не в Цюрихе, а в России.

«Разобраться в расколе»... Но здесь, в деревне, а сплошь да рядом и в городе, большевик и меньшевик идут рука-об-руку: жизнь заставляет забывать о расколе. Условия работы среди крестьянства, даже такого, которое сильно дифференцируется, прямо-таки не позволяют углублять этого раскола. Но дело не в этом: в больших центрах раскол этот как-никак, а все-таки достигает больших размеров... Суть же дела в том, что разбираться в этом расколе приходится в конечном счете на месте, т.-е. в тех условиях, в которых ты принужден работать. От этих условий и зависит окончательное решение вопроса. Бебеля и др. не признали компетентными в расколе именно потому, что они не знают России и тех условий, в которых работает российский социал-демократ, но, ведь, уехавшие за границу тоже приближаются к таковым, тем более, что теперь в России эти условия меняются с поразительной быстротой, а разобраться в расколе, не зная их, очень трудно, особенно, если человек не обладает значительной теоретической подготовкой. Итак, где же необходимо ехать за границу даже в том случае, если вы — горячие поклонники раскола?

Еще одно последнее сказанье... Бегство инстинктивное, без определенных причин и объяснений, бегство «слабых душ»... Ну, об этих мы не будем говорить. Это — совсем зеленая молодежь, зарвавшиеся «гимназисты» и «гимназистки», которые боятся умереть в России «по слабости здоровья». Им широкая дорога будет впереди, когда мы своею кровью добьемся свободы. Они вернутся тогда и будут кричать: «Ура!.. Россия добилась новой жизни! Мы победили!». Но мы оставляем за собой право спросить их тогда: «А где и что вы делали, где были, когда расстреливали наших друзей?»...

Товарищи! Мы не говорим про лиц, посланных за границу партией или действительно окончательно скомпрометированных и полезных везде и всюду (мы вознегодуем, например, если т. Плеханов или т. Ленин поедут в Россию без крайней нужды). Но другие работники будут полезны партии, хотя и не займут в ней больших мест, а останутся простыми рядовыми. Но это ли удерживает их за границей?.. Тогда новая струя работников направилась бы и в деревню. Довольно же, товарищи, играть роль, какую вы играете. Пора к нам, пора в Россию, на поле битвы! Нам нужны люди с честным сердцем и ясным умом, — люди, понимающие, что лучше сейчас хоть мизерную роль играть в России в качестве революционера, чем за границей «учиться», «отдыхать» и просто, как бабочка, лететь на огонек, чтобы посмотреть на свое «усталое» (неизвестно, от какой непосильной работы...) лицо в чистых голубых водах Женевского озера. Если вы не чувствуете нашей боли и непосильного труда, то как мы можем уважать вас и называть товарищами?.. Но... верится, что найдутся честные товарищи, что поймут они нас и вернутся к нам. Мы заранее их приветствуем.

С.-д. группа «Курмыш—Ядрин Василь Сурск».

К этому письму присоединяется также Симбирская группа Российск. С.-Д. Р. П., присовокупив следующее: «С точкой зрения авторов воззвания на большинство и меньшинство мы не совсем согласны: такой взгляд, надо думать, зависит от оторванности товарищей от центров движения. Мы можем утверждать,

что вопрос о большинстве и меньшинстве тем более обострен, чем сильнее развито пролетарское движение». (Получено через Казанский комитет партии).

От Ред. Печатаем это заявление «товарищей из захолустья», чтобы дать выражение на страницах ЦО их настроению и взгляду на партийную работу. Не разделяя слишком резкого мнения авторов о бесполезности заграничного «ученья», мы думаем, однако, что напоминать почаще за границе и всей партии о русских захолустьях необходимо.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Витебск. Под влиянием одного из видных освободителей наши либералы зашевелились и начали готовиться к предвыборной кампании. На нескольких уже состоявшихся собраниях, хотя и не очень многочисленных, все же обрисовалась физиономия нашего либерализма, мало отличающегося по существу от всероссийского, не идущего дальше слов, но по форме и комбинации элементов разнящегося значительно от либеральных течений в земских губерниях. Наши либералы только теперь поняли, как много ими прожито и как мало пережито. Полное отсутствие политической жизни, широких общественных интересов среди нашего «общества» дает себя сильно знать инициаторам предвыборной кампании. Перед ними крайне трудная задача: доказать Митрофанушкам необходимость политической географии, доказать Простаковым значение конституционных начал. При отсутствии земства, где более или менее обрисовываются контуры партии, либерализм здесь не имеет подготовленной почвы; национальный вопрос (среди землевладельцев преобладают поляки) создал только оппозиционное отношение к правительству по одному только этому вопросу, в остальном большинство ищет защиты у него же от экономических зол. Каковы наши аграрии в эпоху «весны», показали собрания сельскохозяйств. общества, на которых принцип всеобщего избирательного права признан был вредным, а освобождение от гнета и полная равноправность требовались только для одной национальности — для польской.

Наши либералы поняли всю трудность стоящей перед ними задачи и прибегли к старому, испытанному либерализмом средству плыть в тумане фраз. На первом, так сказать, учредительном собрании поставлен был вопрос об отношении к выборам. Докладчик, сделав обзор либеральной литературы, отношения земской среды и бюро Союза Союзов, выяснив позицию «Искры», призывал к участию в выборах только для того, чтобы в самой Думе сорвать ее. Представитель нашей группы, нарисовав картину будущей Гос. Думы, указав на ее состав, призывал к бойкоту Думы во всем ходе выборов, начиная с первой инстанции, а в случае неудачи «сорвать» Думу всенародным вооруженным восстанием.

После этой речи дебаты оживились, один более откровенный голос приглашал в Думу, чтобы «преподнести трону новый адрес», которому не могут не внять; другой указал, что «нам, либералам, нечем бороться; если мы скажем: «Мы бойкотуем», то это только пустое место. Другое дело — улица, это — сила, и потому мы должны идти в Думу». Под-конец было решено принимать участие в предвыборной кампании, оставив вопрос о бойкоте открытым. Этим решением началось сиденье между двумя стульями.

Еврейская буржуазия последовала примеру христиан и начала отдельно готовиться к выборам. На первое собрание, созванное по инициативе двух лиц, собрался цвет местных толстосумов. В виде аксиомы им преподнесли положение, что еврейство впервые получает полное равенство хотя бы только при выборах, которыми евреи должны дорожить и как прецедент закрепить. Представитель нашей группы указал на органическую связь «еврейского вопроса» с всероссийским и всемирным вопросом — свержением самодержавия и борьбой за социализм; выяснив физиономию Государств. Думы и цели, преследуемые созванием Думы, он призывал к бойкоту выборов, приглашая идти вслед за пролетариатом

по революционному пути. Подошедшие потом бундовцы высказали те же положения, напомнили еврейской буржуазии, что она всегда шла в хвосте пролетариата и теперь пойдет. Революция неизбежна, а потому нечего скрываться за ширмами Госуд. Думы. Собрание не закончилось в виду конфликта между нами (революционерами) и председателем, не пожелавшим продолжать дискуссию о бойкоте, несмотря на то, что большинство собрания, к которому примкнуло несколько человек и из приглашенных избирателей, требовало продолжения прений. Значение этих дискуссий велико даже в глазах самой буржуазии. Слышался голос: «Мы мало понимаем, у нас нет должных знаний и политического опыта, — неужели нам жалко для этого потратить лишние два часа?». Лидеры еврейской буржуазии начали устраивать «конспиративные» от нас собрания, на одном из которых постановили большинством 15 против 10 не допускать на эти собрания представителей местных организаций Р.С.-Д.Р.П. и Бунда.

На следующем собрании землевладельцев, более многочисленном, нашим либералам пришлось стать ближе к делу, столкнуться с вопросом о способах и средствах для агитации. Но для последней необходима программа, а этого именно не хотелось нашим политическим деятелям, хотя неопытным, но все же понимающим, что ясная программа может одних привлечь, других еще больше оттолкнуть. И во имя этой погоны за избирателем, который, якобы, будет баллотировать, не вняв, за что и за кого, меньшинство предлагало не выработать программы, а предлагать выбирать людей «широких взглядов, твердых убеждений и честного направления». Какая простота! Большинство с этим предложением не примирилось и выработало приблизительно след. программу: «Признавая, что Госуд. Дума ни в коем случае не удовлетворяет нашим требованиям, мы, тем не менее, считаем необходимым войти в Думу для борьбы за широкую конституцию». И этой туманной фразой наши наивные политики думают пленить сердца избирателей, бегущих от слова «конституция», как чорт от ладана! Не сомневаемся только в одном, что наши либералы, как выяснилось во время дебатов, примирятся на «конституции» Госуд. Думы, отторгав, быть-может, еще какую-нибудь малость для себя. Своё отношение к демократической республике они выразили присоединением к союзу земских конституционалистов.

Нелишне отметить некоторые подробности. Большинство расшаркивалось перед соц.-дем., указывало на необходимость считаться с их тактикой, которая с большим или меньшим успехом будет проводиться. Как всегда и всюду, и наши либералы скорбят душой по могущим быть жертвам: ведь, они совершенно лишны, пользы не приносят и т. д., — не высказывая при этом громко своей боязни перед вооруженным народом. Один предлагает уговорить социал-демократов не препятствовать правильно ходу выборов. Правда, таких наивных людей мало. Большинство говорит о росте сил соц.-дем., о ее влиянии и принципиальной выдержанности.

Следуя по стопам земцев, наши либералы пожелали вести агитацию и среди крестьян в духе «демократической» программы. Хочется им привлечь на свою сторону крестьян, а для этого необходима ясная аграрная программа самого радикального характера, по заявлению одного помещика, стоящего в близких отношениях к крестьянам. Вопрос остается неразрешенным, агитация среди крестьян отнесена в область благих пожеланий, а пока, по предложению одного члена собрания, агитация предоставлена революционным организациям, умеющим лучше подходить к народу.

Псков. (Из частного письма). Еще до издания закона о Госуд. Думе крестьяне очень интересовались вопросом о созыве народных представителей. Они говорили, что представители добьются нового надела земли. Крестьяне прибавляли: «Не дадут земли, так сами возьмем. Сначала примем за земского начальника, потом за урядников». В Островском и Холмском у. — хронический неурожай: запасов хватает только до рождества. В Холмском у. произошло следующее: весной 1905 г. для посева была выдана земством ссуда зерном, эта ссуда сильно запоздала. Наконец, посеяли хлеб, но большей его части не дали дозреть; так как крестьянам нечего было есть, то они сжали и съели большую часть посеянного еще зеленого хлеба.

Остальная незначительная часть дозрела; ее сжали, смолотили, посеяли снова; то же, что от этого посева осталось для прокормления крестьянам, было в столь малом количестве, что даже лучшие хозяева говорили, что этого хватит только до Покрова. В этом году зимой там (Холмский у.) ожидается голод. Правда, есть лесные промыслы, но крестьяне, работая там зимой (на собственных лошадейках связят лес к реке), зарабатывают гроши. В 1905 г. была эпизоотия сибирской язвы. Погибло 1.500 голов. Некоторые крестьяне остались и без коров, и без лошадей. Холмский у. — настоящий медвежий угол; пути сообщения отчаянные, ж. дор. далеко. Мужики знают только исправника да земского начальника. Среди крестьян организуют черную сотню; поводом послужило следующее: ко времени появления сибирской язвы псковское губ. земство пригласило студентов-ветеринаров (из Юрьева и Варшавы), всего 6 чел.; ветеринары же принялись в свободное время просвещать крестьян в политическом смысле. Холмские городские купцы и полиция, конечно, остались этим недовольны, тем более, что стали посылаются корреспонденции в петербургские либеральные газеты и появились прокламации (в этом обвиняли студентов-ветеринаров). Крестьяне очень заволновались: понравились обещанная прокламациями и самими агитаторами прибавка земли и избавление от земских начальников. Увещения крестьян благонамеренными лицами оставались большею частью без успеха. Тогда купцы гор. Холма стали организовывать черную сотню, все говорили, что студентов надо бить; это же говорил и помощник холмского исправника. Только своевременный отъезд студентов предотвратил их избиение.

В Холмском же у. велась агитация сельским старостой и волостным старшиной против одного из студентов: этот мол, доктор народ морит. Многие крестьяне слушались агитаторов и переставали лечиться (там была эпидемия). Земская управа выписала листки с речью Трубецкого царю и ответом царя и рассылала крестьянам. Волостной старшина велел убрать листки со стен волостного правления. Крестьяне возмущались, почему они платят за надельную землю вдвое против помещика, почему земский нач. смеет их самовольно арестовывать, почему введен налог на спички. Холмское земство в один из предыдущих годов обокрало: расхищено земских сумм официально на 80.000 р., на самом же деле не менее 100.000 руб. Председатель прежней земской управы предан суду. Истинным виновником кражи считают бывшего у. холмского предводителя дворянства кн. Шаховского (он гуляет на свободе).

Островский уезд несколько более цивилизован. Чувствуется влияние петербургских событий. Крестьяне стремятся вырваться из деревни в Петербург. Главное средство к существованию — возделывание льна. Этой весной был неурожай; управа выдала пособие, но управу надули поставщики, и лен оказался плохим, «коротким». Крестьяне говорят: «За такой лен не будем платить управе. Давайте нам сюда председателя управы!». Председатель удрал. В Острове было движение приказчиков, требовавших 9-час. рабочего дня. Но солидарности не было, так как экономическое положение приказчиков слишком разное. Отпраздновали 1-е мая, но практических результатов не добились. В Острове разбрасывались прокламации с призывом к восстановлению и конфискации помещичьих и церковных земель. Прислан специальный сыщик, который, якобы, служит в конторе на станции ж. д. Земский начальник Беклешев согнал крестьян в гор. Остров для получения ссуды на семена, выдача замедлилась, крестьяне зашумели; Беклешев спрятался и вышел только тогда, когда вывели батальон с ружьями (столкновения не было). В этом «запасном батальоне» социал-демократы распространяли прокламации; когда батальон послали куда-то для усмирения беспорядков, то солдаты криками выражали свое революционное настроение.

Из секретных документов. В приложении к агитационному органу С.-Д.Ц.П. и Л. «Z pola Walki» (№ 11) мы находим интересный секретный документ, добытый Варш. комитетом военно-рев. организации. Отметим двенадцатый пункт секретной инструкции, который, с одной стороны, рисует зверские инстинкты шайки бандитов, именуемой царским правительством, с другой — обнаруживает неуверенность ее в своей последней поддержке — штыках; этот пункт предостерегает, чтобы ни под каким видом не допускать

стрельбы холостыми зарядами или в воздух. Приводим текст документа:

«Копия. Секретно по войскам Варшавского военного округа. № 2. 20 мая 1905 года (ст. ст.). Движение в Привислянском крае первоначально было вызвано стачками рабочих и имело местный характер, вспыхивая в городах и пунктах большого развития фабричной промышленности. В эти-то места были вызываемы войска в целях недопущения или подавления беспорядков. В последнее время беспорядки усилились и угрожают дальнейшим развитием, а в некоторых местах принимают такой характер, что могут охватить значительное пространство. На случай дальнейшего развития беспорядков командующий войсками распорядился уже теперь предпринять меры в целях охраны края: 1) В каждую губернию для ее непосредственной охраны назначить определенное количество войска. Назначенные для сей цели отряды перечислены в прилагаемом перечне... *) 4) Из войск, не предназначенных для губерний, владеть общий резерв, который в случае надобности сосредоточен будет в той или иной местности края и будет служить для образования отрядов в целях усиления войск разных участков. 8) В случае вызова войск гражданскими властями начальники охраны и губернии обязаны немедленно оказать помощь в одной из двух форм: а) выслать войска в местность, где вспыхнули беспорядки, б) выслать летучие отряды в участок, охваченный беспорядками. Первый из этих двух родов помощи применяется в случае вспышки местных беспорядков в определенном пункте. Второй,—когда беспорядки расширяются на целую местность... Подпись: Начальник штаба ген.-лейт. Гершельман. 1905 г. № 2».

«К приказу по войскам Варш. воен. округа инструкция по организации летучих охранных отрядов в губерниях Привислянского края.—В случае возникновения в Привислянском крае беспорядков в форме ли крестьянского движения, или иной, охватывающих целую губернию или значительный округ, невозможно будет ограничиться вызовом войск к определенным пунктам; равно невозможно будет охранять каждое учреждение, каждую фабрику или имение, так как нехватит войск, и произошло бы нежелательное раздробление последних на мелкие отряды. В таких случаях придется прибегнуть к летучей охране в форме периодических разъездов отрядов по данному участку. При исполнении вышеизложенного следует руководиться нижеследующими соображениями: 1) В зависимости от существующей дислокации войск каждая губерния должна быть разделена на участки. 2) В каждом участке должны быть сорганизованы разъезды летучие отряды согласно заранее составленным маршрутам. 3) В состав летучих отрядов должны входить по возможности пехота и конница; в виду сего в центральные пункты, где не имеется конницы, должны быть направлены кавалерийские части. 4) Наименьший количественный состав летучего отряда—2 роты (по 24 шеренги) и полусотня или эскадрон; в отдельных случаях величина отряда должна зависеть от размеров беспорядков и степени отдаления их от места нахождения штабной квартиры. 10) На летучие отряды возлагается обязанность: а) не допускать образования скопищ; б) по требованию гражданских властей разгонять; в) по требованию гражд. властей задерживать бунтовщиков. 11) Летучий отряд, получив указание, что необходимо прибегнуть к употреблению оружия, распоряжается самостоятельно и прекращает свою деятельность лишь по приказанию своего непосредственного начальства. Перед употреблением оружия войска должны предупредить толпу троекратным сигналом рожка или барабана (п. 17 приб. II к Уст. гарн. сл.). Без указания со стороны гражданских властей войско может прибегнуть к употреблению оружия без всякой ответственности за последствия, если со стороны толпы замечается какое-либо проявление враждебных действий против войск, а именно: выстрел, бросание камней и палок, угрозы каким-либо оружием, равно, если окажется нужным спасти быстрым применением оружия жизнь или имущество лиц, подвергшихся насилию со стороны бунтовщиков. При-

*) Перечень, т.-е. распределение войск по губ. и уездам, как не представляющий особого интереса, нами не приводится; равным образом пропускаем менее интересные пункты самого приказа.—Ред.

ступая в таких случаях к употреблению оружия, войско может не давать сигналов рожком или барабаном (п. 18 приб. II к Уст. гарниз. сл.). 12) При всякой необходимости прибегнуть к оружию как со стороны отрядов, так и со стороны отдельных солдат ни под каким видом не допускать стрельбы холостыми зарядами или в воздух. 13) Если же при приближении войска к толпе со стороны последней не замечается никаких враждебных действий, направленных против войска (выстрелы, угрозы, кидание камней и т. д.), тогда, не прибегая к оружию, войско быстро окружает толпу, сплывая ее; при этом толпа предупреждается, что в случае какого бы то ни было проявления насильственных действий она будет избита; засим задержанные препровождаются к месту, указанному гражданскими властями. 14) Вообще войско, прибывшее к месту происшествия, ни в каком случае не должно оставаться зрителем; оно должно занять соответствующее своему авторитету положение, являясь силой, коей все безусловно должно подчиняться. Подпись: Начальник штаба ген.-лейт. Гершельман».

В войсках (по русским и заграничным известиям). В ночь на 24 августа в Севастополе были расстреляны четыре матроса с «Прута». За несколько дней до казни без всякого повода было арестовано до 200 матросов: начальство страшно боялось, чтобы казнь «прутовцев» не вызвала возмущения среди товарищей. О некоторых подробностях казни рассказывает корреспондент «Искры».

Как ни тяжел, как ни ужасен факт, но теперь неизбежно установлено, что матросов расстреливали сами матросы. Начальству, очевидно, хотелось насладиться этой картиной а la Каин. Оно сделало все, что могло, чтобы брат убил брата, чтобы матросы непременно расстреляли своих же братьев-матросов. Для этого оно взяло взвод (около 30) молодых (учеников) матросов. Им ничего не сказали, куда и зачем их ведут. Взяли их ночью, привели в поле (расстрел происходил за Константиновской батареей, в части города, носящей название «Северная») и там окружили батальоном солдат Брестского полка. Начальство обратилось к матросам с речью приблизительно такого рода: «Вы должны будете сейчас расстрелять бунтовщиков. Если вы этого не сделаете, то позади вас стоят солдаты, которые по нашему приказу перестреляют всех вас моментально. Бунтовщикам же вы этим ничуть не поможете, потому что мы их расстреляем все равно, а своим неповиновением делаете то, что вас всех расстреляют вместе с ними. Стреляйте хорошо, потому что уже если им помирить суждено, то пусть уже они умрут сразу, чем будут мучиться... Когда подумаешь о всей этой мрачной картине: ночь, зажженные факелы, кругом солдаты (их было несколько тысяч) и кучка молодых матросов, которой начальство говорит эти слова, то, право, не срывается с уст против них строгое осуждение... Говорят, что офицер не мог от волнения произнести слова команды... Была масса залпов, в один труп попало 16 пуль. Зато один из казненных после всех залпов еще кричал. Его добились солдаты...

Матросы умерли героями. Даже поп, присутствовавший при казни, с удивлением рассказывал, что он никогда не видал людей, умиравших, как матросы. Они «шли на казнь, как на танцы... веселые, бодрые, жизнерадостные» (слова попа)... Один из матросов, Петров, перед смертью сказал, обращаясь к одному из начальствующих: «Вы этой казнию ничего не сделаете: на место нас станут тысячи!»... Вообще Петров был сильная и выдающаяся личность. На суде он держался великолепно. Он произнес речи, в которой заявил, что хотя он в партию не входил, но был уже несколько лет социал-демократом, что он не просит помилования, что он считает, что его может судить только народный суд, если он совершил преступление; что то, что он сделал, он считает хорошим, и если его оправдают, он будет делать опять то же, что и делал. Ему только жаль, что он сделал слишком мало.

На другой день после казни все арестованные до казни матросы вместе с заключенными раньше товарищами были переведены под усиленным конвоем пехоты на «Днепр» и другие суда. С этих судов благоразумно было снято все оружие, а от пушек отвинчены замки. Был поставлен сильный караул пехоты, 4 крамольные судна двинулись ночью (25-го) из Севастополя к Одессе под прикрытием целой флотилии броненосцев, миноносцев и крейсеров, в пол-

ной боевой готовности, с заряженными пушками, с вооруженными с ног до головы солдатами и кучкой вооруженных «верных» матросов. Дальнейшие перипетии сего славного плавания «черноморского флота» неизвестны...

Увы, никакие репрессии уж не в силах задержать все увеличивающегося брожения во флоте и армии. Вот неотмеченные еще нами факты из этой области.

Во Владикавказе расположен Апшеронский полк. Постоянное распространение прокламаций, отчасти устная агитация и в особенности целый ряд отправок по области для умирения рабочего и сельского движения весьма благоприятно отразились на уровне сознательности массы солдат и способствовали появлению среди солдат боевого антиправительственного настроения. Так, солдаты заявляли рабочим на ст. Минеральные Воды, что стрелять они не будут, и что если казаки откроют пальбу в рабочих, то они откроют пальбу в казаков. Затем сначала одна рота, а через некоторое время другая рота демонстративно отказались от поданного им ужина и с криком «ура!», разбив чашки, удалились в палатки. Во время учения солдаты без команды начинают кричать «ура!», нагоняя панику на офицеров. Было несколько случаев избивания последних. Командир полка телеграфировал в Петербург о беспорядках, происходящих в полку. Солдаты выработали ряд требований, касающихся их служебного быта, и обратились к с.-д. с просьбой отпечатать, что и сделано.

В Митаве брожение среди войск заметно усиливается. Казаков и солдат то-и-дело перемещают из одного пункта в другой. Они заявляют, что охотнее пойдут на войну, нежели будут нести полицейскую службу. Из опасности заражения их больше не держат на фабриках и заводах, а сгруппировывают при полицейских участках, откуда и вызывают в случае надобности.

Об очень высоком уровне самосознания свидетельствует воззвание к офицерам, подписанное «солдатами Донского пехотного полка», квартирующего в Мариамполе, Суважской губернии. В воззвании излагаются требования солдат, разделенные на две части. К первой относится требование свержения самодержавия и замены его демократической республикой. Это требование солдаты Донского полка выражают готовность поддерживать путем перехода на сторону восставшего народа и употребления своего оружия против «врагов народных». Во второй части излагаются профессиональные, так-сказать, требования, исполнение которых зависит от офицеров. В случае неисполнения этих требований солдаты предупреждают офицеров, что они вынуждены будут прибегнуть к тем мерам воздействия, какие только имеются в их распоряжении.

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. После весенних провалов наша организация испытывала страшный недостаток сил. Кружковая (агитационная и пропагандистская) работа почти совершенно прекратилась. Товарищи старались только поддерживать организационные связи. Только рабочие Семяниковского (Невского судостроительного) завода рассказывали, как они сами изучали Эрфуртскую программу и по ней вели агитацию в еще не затронутых социал-демократическим учением кружках. Кружков можно во всякое время создать сколько-нибудь, организационные традиции крепки, люди есть, степень их сознательности и революционности велика. В настоящий момент мы уже создали кое-что, но остается сделать еще очень много, и только тогда можно будет сказать, что наша работа пришла в нормальное положение.

Во главе Невского района стоит районный комитет; в него входят отв. организатор района, организаторы подрайонов, отв. агитатор района, отв. его пропагандист и секретарь. Район делится на пять подрайонов: Семяниковский, Александровский, Обуховской, Фабричный и Колпинский. Семяниковский подрайон объединяет деятельность одного только Невского судостроительного завода (рабочих около 10.000 чел.) с его 18-ю мастерскими. Во главе его стоит подрайонный комитет, состоящий из организатора подрайона, трех организаторов следующей ячейки (7 так-наз. заводских комитетов) и кассира. Весь завод разделен на три

большие части; каждая такая часть объединена так-называемым заводским комитетом. В состав первого заводского комитета входят: организатор его, семь организаторов подзаводских и мастерских комитетов (по числу входящих в него мастерских) и кассир. Во втором заводском такая же структура, третий же заводский комитет объединяет только три самых больших мастерских. При развитии связей будут поставлены всюду подзаводские (мастерские) комитеты; кандидаты в них отчасти уже намечены.

По такому же принципу строится организация во всех остальных подрайонах: Обуховском (который теперь соединен с Александровским сталелитейным) и Александровском, состоящем из Александровского завода (две части: вагоностроительный и чугунолитейный), завода Атласа, фарфорового и стеклянного. Фабричный подрайон состоит из более мелких производств (сравнительно с перечисленными: Обуховской—около 10.000 раб., Александровской—6.000—7.000 чел.), как заводы: Максвеля, Паля, Наумана и др.

Агитаторские и пропагандистские коллегии также уже налажены. Постановка этой работы основана также на принципе разделения труда. Агитация делится на агитацию общего типа и агитацию злостную (актуальную). Каждый образующийся кружок выслушивает ряд речей, охватывающих главнейшие моменты нашей партийной программы в популярной форме. Получив таким образом первое знакомство с соц.-дем. учением, кружок переходит в пропагандистский, где ведется пропаганда по выработанной комитетом программе. Актуальная агитация по поводу тех или иных политических выступлений обслуживает все кружки без различия их деления на агитационные и пропагандистские. Такая постановка дела дает возможность, с одной стороны, подготовить рабочих к наиболее сознательному усвоению программы, а с другой—использовать агитаторские силы молодых товарищей, так как разработка тем так-наз. агитации общего типа, а также и актуальная ведется в коллегиях агитаторов под руководством ответств. агитатора района, входящего в коллегию отв. агитаторов города и там получающего директивы от комитета через отв. агитатора города, входящего в Пет. комитет. Наличие этих коллегий дает возможность образовывать новые кружки параллельно с притоком партийных сил. Помимо всего этого, наши центральные кружки ведут занятия по отдельным наиболее сложным партийным вопросам под руководством наиболее опытных товарищей. Из них также образованы кружки по подготовке рабочих-агитаторов из наиболее сознательных товарищей рабочих, входящих в нашу партию.

На этой неделе мы устроили четыре митинга у заводов. Два раза на Семяниковском (оба раза присутствовало около 5.000 человек), два—на Обуховском (первый раз около тысячи, второй—около 1.500—2.000 чел.). На Семяниковском первый раз товарищ говорил о Гос. Думе, по окончании речи из толпы вышел неорганизованный старик-рабочий и от души поблагодарил нашего оратора. Второй митинг прошел также блестяще; говорили на тему о Гос. Думе и о черной сотне. Прокатная мастерская передала в нашу организацию благодарность оратору. На Обуховском было организовано два митинга о Гос. Думе. Все речи оканчивались криками: «Долой самодержавие, да здравствует вооруженное восстание!».

Митинги организуются открыто: старосты на Семяниковском вывешивают приглашения на них по мастерским. Черная сотня с котельной мастерской этого завода выработала верноподданнический адрес и одновременно с ним послала в градоначальство доклад о наших митингах с предложением своих черносотенских услуг. Узнав об этом, вся остальная колоссальная масса рабочих завода остановила работу, двинулась в поход на котельную мастерскую и вышвырнула черную сотню за ворота, потребовав у администрации их исключения с завода. Исполнив это, рабочие спокойно принялись за продолжение оставленной работы. Говорят, что черная сотня рассчитана администрацией. Это происшествие весьма и весьма характерно; им прекрасно иллюстрируется отношение рабочего класса к современному моменту; могучий лев приготавливается к исполнению прыжку; он уже расправляет свои члены и грозным рычанием заставляет трепетать своих угнетателей.

Кроме того, у нас состоялись две массовки. Одна кон-

ференция с меньшевиками по вопросу об объединении (участвовали рабочие Александровского завода, наши и меньшевики), другая исключительно наша, в составе наиболее сознательных рабочих нашей организации с Обуховского и Семяниковского заводов.

Сущность дела сводится к тому, что меньшевики, отчаявшись в возможности проведения в жизнь своих быстро текущих тактических, если можно так выразиться, взглядов, решили повлиять на успешность переговоров между ЦК и ОК и, начертав на своем полинявшем знамени лозунг: право решающего голоса для периферии и обязанность массового опроса в случаях массовых выступлений, — решили организовать сверху «революцию снизу». Их конкретное предложение таково: слить наши организации: районные комитеты и подрайонные в отдельных районах независимо от других районов, в подрайонах независимо от того, согласны ли превратиться в кашу остальные подрайонные данного района, и устраивать в таких организациях дискуссию по всякого рода тактическим и практическим вопросам, при чем в случаях расхождения меньшинство не подчиняется большинству и действует отдельно. На конференции мы заявили, что, не отвергая в принципе желательности объединения, мы никоим образом не можем согласиться на анархические действия, и доказывали, что в случае успеха дезорганизаторских стремлений меньшев. получится не объединение пролетариата, а разделение пролетариата на тысячу новых групп и группок. Говорили о наших тактических разногласиях, говорили о том, что мы, имея определенную организацию и определенный взгляд на современный революционный момент, были бы изменниками делу пролетариата, если бы отказались от них и согласились на предложение меньшевиков. Только те, говорили мы, у кого за душой ничего нет, могут с легким сердцем врать пролетариату на куски так, как это всегда делали меньшевики (характерно, что меньшевики не хотят и боятся говорить о тактических разногласиях).

На конференции было 10 меньшевиков и 6 большевиков (вернее, 10 чел. по приглашению меньшевиков, так как наши организаторы случайно не попали на конференцию, ихние, по их словам, тоже). Была принята наша резолюция всеми голосами против двух (из них один организатор-интеллигент-меньшевик).

Объединение желательно, но объединение непременно партийное, а никоим образом не анархическое, как этого хотели меньшевики; желательно устройство бюро осведомления (информационное) для согласования действий в случаях одинаковости тактических планов; желательно устройство дискуссий по вопросам тактики. За нас голосовали, таким образом, и рабочие-меньшевики. В результате товарищ рабочий задал вопрос организатору-меньшевику: «Почему большевики постоянно держат свои карты открытыми, тогда как меньшевики не хотят их открыть?» Этот вопрос вызван тем, что на наш вопрос организатору-меньшевику: считает ли он себя связанным с своим центром? — получился ответ «да», а на следующий вопрос: как же он в таком случае устраивает революцию снизу против своего же центра? — не ответил ничего. Так гибнут маленькие дети... На-днях состоится еще одна конференция.

Петербург. В течение последних двух недель (10—28 авг.) центром деятельности Городского района было приведение организации в порядок, установление подрайонов и рабочих комитетов, выяснение более целесообразного плана организации. В настоящее время организованы 3 подрайона; намечены лица для четвертого; на собраниях подрайона намечены лица для ряда фабричных комитетов. В тех фабриках, мастерских и заводах, где связи слишком незначительны, устраиваются смешанные комитеты от нескольких фабрик. Исходя из того, что вообще в Городском районе преобладает средний по величине тип фабрик и заводов, что связи на каждом из них незначительны, что каждая организационная ячейка должна состоять из функций, а не лиц, и что, наконец, желательна однородность этих функций в одинаковых коллективах, районный комитет принял для организации фабричных комитетов следующий тип: 1) в фабричных комитетах четыре члена; 2) функции распределяются следующим образом: а) кассир; его обязанность — сбор денег, — известный % с членов партии, а с остальных добровольный взнос, — устройство денежных предприятий;

б) организатор пропаганды (организует пропагандистские кружки, прискивает квартиры, следит за однородностью уровня в кружках); в) организатор агитации (лицо, по возможности обладающее даром слова) организует массовки, ведет первоначальную агитацию и т. д.; г) библиотекарь (заведует библиотекой и складом нелегальной литературы, организует распространение литературы, посылает корреспонденции, имеет связь с районной техникой).

Подрайонный комитет составляется из наиболее активных лиц данного подрайона; туда входят по одному, максимум по 2 человека из фабричных комитетов и один, два подрайонных организатора, по возможности и ответственный организатор. Члены подрайона тоже несут каждый одну из вышеуказанных функций (исключая подрайонного организатора). Кроме того, районный комитет признал необходимым параллельное соединение фабричных комитетов по функциям. Решено установить пока по одной коллегии для каждой функции. Таким образом образуется коллегия кассиров, коллегия библиотекарей, — обе под руководством секретаря районного комитета; коллегия организаторов пропаганды при участии ответственного пропагандиста; наконец, коллегия организаторов агитации при участии ответственного агитатора.

За это время Городским районом были организованы две конференции из районных работников. Первая по некоторым причинам была крайне неполной, было 18—20 чел. Выслушан доклад агента ЦК относительно деятельности ЦК, доклад организатора о положении дел в Петербургском комитете и доклад подрайонного организатора. Основным вопросом обсуждения был вопрос о причинах оторванности массы от с.-д. организации, о мерах против этого, о желательных формах организации. Был затронут вопрос о Гос. Думе. Вторая конференция была в составе более 30 человек. Вопросы дня: доклад о деятельности ЦК, других районов Петербургского комитета и Городского района, о положении дел в подрайонных и фабричных комитетах, вообще на фабриках и заводах. Центральный вопрос — о формах организации. Был принят план организации, предложенный организатором. Поставлен вопрос о желательных формах объединения между большевиками и меньшевиками и вообще об отношении между той и другой частью. Вопрос не выяснен окончательно за недостатком времени.

Была назначена одна массовка, но в виду провала места была распущена (около 80 чел.). Были стачки в порту и на Галерном острове. Требования: уничтожение % сбора в кассу, раздача наградных от казны и проч. Стачки продолжались один день. Требования рабочих удовлетворены.

Организатор Городского района.

Колпино. После усиленной агитации за время стачки и митинга 9-го июля власти всполошились. Несколько рабочих уволено под разными предлогами, появилось больше шпионов и нечто в роде черной сотни. Главари ее Ф. Кривоногов и Александр, по прозвищу Вятский, открыто нападают с ножами и металлическими палками на мирных жителей, нескольких серьезно ранили, одного (Михаила Никитина) убили, и, несмотря на жалобы, протоколы и судебные следствия, эти хулиганы продолжают оставаться на свободе и терроризируют население. Они говорят (да и некоторые свидетели слышали), что полиция одобряет и поощряет их похождения. Дело в том, что они объясняют полиции, будто нападают на крамольников, разбирающих прокламации, поющих революционные песни и т. д. «Так их и надо, маленьких колышком, а больших (крамольников) просто режьте», — так передают слова полиции. Рабочие поговаривают о необходимости расправиться с ними, так как через властей не добьешься их усмирения. Хулиганы каждый день подходят к домам и кричат: «Выходите, стреляйте в нас! Если вы нас убьете, то вам достанется, а если мы вас, так ничего не будет!».

Тифлис. Язык слишком беден, чтобы описать кровавое событие 29-го августа. Скажу только, что по наглости замысла и по технике выполнения оно не имело еще себе равного во всей России, да я думаю, и в Турции. Вот фактическая сторона дела. 29-го августа должно было состояться заседание думы, где, между прочим, собирались обсуждать вопрос об армяно-татарской резне в Баку и Шуше. Большевики решили обратить это собрание в народный митинг,

и в назначенный день в 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера рабочие в числе 3.000 чел. явились в здание городской думы. Хотя двери оказались запертыми, и сторожа сообщили, что заседание отложено, толпа не поверила этому и, выломав двери, заняла думский зал и открыла свое собрание. Между тем, здание окружили казаки. В зал был послан пристав с предложением разойтись, но он был вытолкан за дверь. Затем явились казаки, которых так приперли к стене, что они ничего сделать не могли. Некоторые из участников собрания начали уже расходиться, как вдруг началась пальба. Выстроившись на трех прилегающих к зданию думы улицах, казаки стреляли через двор и окна в находившихся в зале; раненые валялись, как снопы. Обезумевшая толпа бросилась к выходам, но все было заперто. В это время казаки, находившиеся в зале, потушили электричество и принялись также стрелять и рубить шашками. Некоторые из них взобрались даже на крыши соседних домов и оттуда палили прямо в окна думы. Если кому из толпы удавалось вылезть в окно и повиснуть на решетке или на желобе, казаки пулями сбивали его вниз. Теряя убитых и раненых, сваливая с ног и растапывая живых, толпа напрасно металась от одного выхода к другому. Некоторые стали прыгать с третьего этажа во двор, но там их или принимали на штыки, или добивали пулями те же казаки. Наконец, часть толпы, проломав капитальную стену в соседнее помещение городского ломбарда, думала там найти себе спасение, но напрасно: казаки с улицы поднялись уже по лестнице и, ворвавшись в ломбард, расстреляли и искрошили поголовно всех там находившихся. Если кому каким-либо чудом удавалось выбежать на улицу, то казаки открывали огонь по бегущим; скрывшихся в домах раненых вытаскивали из-под кроватей и диванов на улицу и там избивали или расстреливали, приставляя ружья к самой груди. В продолжение получаса шла непрерывная стрельба пачками, затем около 1 $\frac{1}{2}$ часа стрельба с промежутками. Казаки остановились только тогда, когда израсходовали все патроны. Весь думский зал был залит кровью, в помещении же ломбарда трупы валялись один на другом, и ноги в буквальном смысле погружались чуть не по колена в кровавое море. Зриванская площадь перед думой, а также все прилегающие к ней улицы в продолжение нескольких часов после побоища были покрыты трупами и ранеными. По приблизительному подсчету, число убитых и умерших от ран уже более 40 человек; более 100 раненых размещены по больницам и тюрьмам, помимо того, многие нашли себе убежище в частных домах и, следовательно, официальному учету не подлежат. По сообщению больничных врачей, не менее 40 раненых умрут еще, так как редко, кто ранен одной пулей, по большей же части—четырьмя или пятью. Я сама видела в больнице 33 трупа, избитые, истерзанные, буквально просверленные пулями. Вот, напр., наша пропагандистка—курсистка Мелик Шахназарова с раскроенным (как видно, прикладом ружья) черепом, лицо все в синяках, убита 6-ю пулями: 5 в грудь и одна в лоб; вот зубной врач Койранская, у которой совершенно снесен череп и выпал мозг; вот рабочий, у которого вместо головы сплошная красная масса... Не менее вопиющим свидетелем кровавой бойни является само здание думы. Глядя на разбитые пулями стекла, усеянные отверстиями внутренние и наружные стены, продырявленные выстрелами железные решетки и перила, приходишь в ужас при мысли, что должны были сделать эти пули, встречая на пути живое тело. На лестницах засохли потоки крови, на стенах брызги и кровавые разводы: тут красные следы пальцев, там—извилистое изображение, очевидно, покрытых кровью волос...

Большинство раненых и убитых—лучшие рабочие-меньшевики; как-будто полиция знала это и собиралась одним ударом покончить со всей организацией. Сообщение генерал-губернатора о том, будто из толпы были сделаны выстрелы,—ложь, так как даже по полицейским данным у всех находившихся в Думе нашли лишь 3 револьвера. Впрочем, возможно, что выстрел был сделан провокатором, чтобы дать генерал-губернатору повод расстрелять толпу.

30-го августа Союзным Комитетом была выпущена коротенькая прокламация с призывом готовиться к вооруженному восстанию (см. «Пролетарий» № 18). 31-го Комитетом меньшинства выпущен листок с назначением на

1-е сентября всеобщей забастовки в знак траура по убитым. Прокламация подействовала магически. В назначенный день не работал ни один завод, не открылось ни одной лавки, ни одной булочной, даже ни одного ресторана. Коночного движения за целый день также не было. В клубе и «кружке» в этот вечер была отменена музыка.

Казань. Отвечаем на приглашение редакции «Пролетария» о доставлении ей сведений, касающихся постановления агитации и пропаганды в войсках. Конечно, наша молодая организация не успела сделать сколько-нибудь серьезных успехов в этой области, но все, что она в силах была делать, она делала. И если работа оказалась не особенно плодотворной, то виновато в этом: 1) слабость организации работниками, лишаящая ее возможности уделить достаточно сил для этого, 2) полное отсутствие специально солдатской агитационной литературы и 3) особые условия дисциплины, мешающие создать какую-нибудь организацию. Надеемся, что товарищи, более опытные, поспешат поделиться с нами знаниями в этой отрасли работы. Переходим к ответам на данные вами вопросы. Количество войск в нашем городе с подразделением по роду оружия: 4 батальона пехоты действительной службы—1840—2080. Временно запасные 7-й и 8-й батальоны пехоты—2.960 чел. Команда артиллерийского склада—300—400. Местная и конвойная команда—390—410. Команда служащих военного госпиталя и команда интендантского склада и управления 600—700. Итого всех 5.090—5.550 человек.

Состав по губерниям: в батальонах пехоты действительной службы большинство нижних чинов, уроженцы губерний: Виленской, Минской, Витебской, Сувалкской, Полтавской, Вятской, Пермской, Саратовской. Запасные 7 и 8 батальонов—Казанской, Пермской, Вятской и Симбирской. В местной и конвойной командах: Ярославской, Казанской и др. Артиллерийская команда: Воронежской, Полтавской, Тамбовской. Интендантские служащие и писаря управления—Курляндской, Лифляндской, Минской и др.

Работа ведется только в пехотных батальонах и в артиллерийской команде, как таких частях войск, которые могут быть выдвинуты для подавления восставших рабочих и своим переходом на их сторону гарантировать успех восстания. Ведется работа кустарным способом, потому что организационная работа невозможна при отсутствии среди солдат людей с инициативой и при условиях военной дисциплины, лишаящей возможности постороннего человека вступить в близкие отношения с солдатами. До сих пор работа среди солдат велась от имени «военной группы при Каз. Ком. Р.С.-Д.Р.П.», состоявшей из организатора и нескольких наиболее активных и сознательных солдат. Кружковую работу настроить очень трудно, потому что у солдат нет определенного времени, в которое они могли бы собираться. Караулы, дневальства, дежурства, посты и проч. служебные обязанности солдат разрушают все наши организационные планы. Работа велась летом исключительно путем массовок, летучек и распространения литературы. Собирались в количестве 20, 30, 40, 50 и 60 человек. Подходили к солдатам с объяснением их повседневных нужд и бесправного положения народа. В основу агитации ставили требование «уничтожения постоянной армии с заменой ее вооружением народа», но пока, до достижения этого, выставляли экономические и политические требования. Большую роль в агитации сыграла война. Указывалось также и всегда подчеркивалось особенно ненормальное явление: солдат—сын народа, является в то же время угнетателем народа. Связи с солдатами завязывались через организованных рабочих. Занятия с солдатами велись зимой в квартирах, летом же в лесу. 10-го июля по провокации унтер-офицера А. Коноплева арестовано 12 солдат, обвиненных в участии в организации. Были выпущены листки к запасным (2.200) после мобилизации, последствием чего были (рекомендованные в листках) массовые самовольные отлучки в деревню. Было 2 случая массового возмущения из-за плохой пищи (два батальона отказались принимать пищу). Один из запасных батальонов ждал только приказа о выступлении на Дальний Восток, чтобы отказаться идти. Было еще несколько случаев проявления частичных недовольств. По отношению к войне и восстанию выдвигались следующие лозунги: отказ идти на войну

и требование ее прекращения, отказ от усмирения рабочих и крестьян и присоединение к восставшему народу. Настроение солдат довольно хорошее. На случай восстания можно надеяться, что если солдаты и не присоединятся к рабочим, то большая часть их откажется стрелять и вообще применять какое-либо насилие. Для более успешного ведения дела среди солдат необходимо большое количество литературы агитационной, выпущенной специально для солдат. Здесь же на месте мы не имеем возможности издавать брошюры. Из листовок к солдатам, выпущенных нами (с января 1905 г.), отметим: 1) Ко всем солдатам Казанского гарнизона (20 янв.—1.000), 2) К запасным (1.500), 3) Солдатская памятка (1.500), 4) Правда о войне (2.200), 5) Экон. требов. солдат (май, 3.000), 6) Общие требования солдат (май, 3.000). Кроме того, распространялись листки о мобилизации и др., присылавшиеся от центра в количестве 400—600—1.000 экземпляров.

Рига. Мы, организованные рабочие г. Риги, члены Р.С.-Д.Р.П., собравшись в числе 42 чел. и выслушав речи товарищей о мире и последней мобилизации, а также о внутренней политике самодержавия, пришли к убеждению: 1) что заключение мира с Японией вызвано, главным образом, страхом царского правительства перед неуклонно разрастающимся революционным рабочим движением и тайной надеждой успокоить прекращением войны наименее сознательную часть рабочего класса; 2) что произведенная одновременно с заключением мира мобилизация, отрывающая от мирного труда и семей рабоче и крестьянское население 77 уездов нескольких губерний, направлена исключительно против борющегося за свою свободу народа; 3) что, не надеясь, однако, всецело на это вновь мобилизованное войско, царское правительство спешно организует темные силы хулиганов и черпосотенников для избития противников самодержавного режима, начиная с евреев и армян, как имеет это место на Кавказе и в черте оседлости, и кончая русской интеллигенцией, как это было в Курске, Нижнем-Новгороде и др. городах России.

В виду этого мы выражаем свое презрение царскому правительству и свою полную готовность вооруженной рукой добиться низвержения этого правительства и установления демократической республики.

Курск. Неудовлетворенные февральской забастовкой, рабочие Губернской типографии (40 чел.) ждали случая, чтобы снова предъявить свои требования. Такой случай представился 7-го августа; наборщику Иевлеву фактор типографии заявил расчет. Рабочий обратился за отсутствием управляющего к вице-губернатору, и тот разрешил ему работать до приезда управляющего, который решит: оставить его или нет. Узнав об этом, рабочие стали готовиться к стачке. Были выработаны требования. Привожу главные из них: 1) страхование рабочих на счет типографии, 2) уничтожение дежурств, 3) увеличение заработной платы ученикам, 4) ежегодные 15-дневные отпуска с жалованием и еще некоторые мелкие требования (8-часовой рабочий день в типографии введен). Когда 20-го августа по приезде управляющего Иевлеву был объявлен окончательный расчет, рабочие забастовали. Забастовка началась дружно, бастовали все—наборщики, печатники, ученики; отказались бастовать с самого начала 3-е газетных наборщиков во главе с рабочим-соц.-революционером Федором Каменевым. Этому обстоятельству не было придано особого значения, и забастовка продолжалась (характерен факт: когда депутаты принесли требования, во главе которых стояло требование принять обратно уволенного товарища, вице-губернатор заметил, что он считает это требование смешным,—бастовать из-за одного товарища! Да, буржуй не может никак понять забастовки из-за солидарности!). Через три дня рабочие, возмущенные тем, что трое товарищей, не сдаваясь ни на какие увещания, продолжали работать, решили силой не пускать их на работу. Тогда Ф. Каменев, бывший и раньше ненадежным, выдал администрации зачинщиков стачки и, кроме того, предложил свои услуги по найму штрейкбрехеров, которые в количестве 15 человек были им набраны среди учеников других типографий и начали работать под охраной полиции. Когда часть малосознательных узнали, что штрейкбрехеры работают, то решили тоже приняться за работу. Все усилия сознательных ни к чему не привели;

на стороне желавших работать образовалось большинство; стачка, таким образом, была проиграна. Работа началась еще на худших условиях; уменьшено жалование, 16 человек уволено. Провокатор Каменев работает и пользуется особой милостью администрации типографии. На третий день стачки был выпущен листок Комитета ко всем типографским рабочим с призывом поддержать забастовку. Выставлялись политические требования и 8-часовой рабочий день. Некоторые типографии: Губернского Земства, Левенсона, Либермана, собирались бастовать. В последней были уже выработаны требования. Возобновление работы в Губернской типографии положило конец приготовленным к стачке в этих типографиях. О провокаторской деятельности Каменева было сообщено в местный комитет соц.-революционеров.

Воронеж, 30-го июня. Мне пришлось прочесть сообщение в № 90 «Искры». Увы, все происшедшее изложено там с такой массой искажений, что мне, участнику стачки, представляется прямо невозможным замолчать это.

Забастовка была вызвана сознательными рабочими с целью агитации и поддержания требований петербургских рабочих.

Рабочие обеих организаций условились собраться вместе с интеллигентами 5-го февраля вечером, но большая часть рабочих-рабочедельцев уклонилась от совместного собрания и устроила свое отдельно; о нем и говорит воронежский корреспондент «Искры». Собрание искровцев было отложено на утро 6-го февраля. На него обещали прийти и рабочедельцы-рабочие. На собрании рабочедельцев интеллигент настаивал на необходимости придать забастовке характер сочувствия петербургским рабочим. «Бросьте работы хоть на 1/4 часа, но только заявите о своей готовности поддержать петербургских рабочих и протестуйте против лжи, будто движение вызвано японцами путем подкупа». Быстро—по одному призыву Комитета—можно вызвать то или иное проявление протеста только в местах, где работа ведется очень хорошо, и масса местных рабочих хорошо воспитана и привыкла к организованным совместным действиям. Было ли это в Воронеже? Нет, те же рабочедельцы заявляют, что громадному большинству воронежских рабочих чуждо даже сознание необходимости элементарно-экономической борьбы. Где же тут поддерживать широко-политические требования петербургских рабочих? Тем более основной было к тому, чтобы, пользуясь стачкой, повести широко политическую агитацию. Нужны соответствующие листки, ораторы... Заявления рабочих в этом смысле встретили резкий отпор со стороны интеллигентов: «Никаких ораторов не нужно». Непонятно. Стали выработать требования, но и тут, как нам сообщает корреспондент, рабочие идут дальше интеллигента. На другой день на утреннее собрание большая часть рабочедельцев-рабочих не явилась; пришло всего несколько человек; заметна была с их стороны оппозиция. С собой они принесли набросок требований на клочке бумаги. Пришли 3 интеллигента-искровца, принесли с собой напечатанные типографским способом листки,—требования программы-минимум Р.С.-Д.Р.П. Мы указывали, что масса примет их, если мы, раздавая листки, объясним, почему нам необходимо выставить именно эти требования. Наконец, рабочедельцы согласились сообщая выработать план действий, решили выставить именно эти требования и двух ораторов. Когда мы стали распространять листки у народного дома, рабочие нарасхват брали их. Совершенный вымысел, будто рабочие пачкали, рвали листки. Пошли в завод Гаусмана. Позже подошли туда и рабочие завода Столь; утром они у себя на заводе выбирали депутатов для переговоров с администрацией; выбрали ярких полицейских прихвостней—Зазикалова и Свистунова. Придя к заводу Гаусмана, Свистунов и Зазикалов стали опрашивать идущих на собрание и не пропустили двух интеллигентов; узнали, что один интеллигент уже в заводе, и бросились выводить его. Но тут один рабочий обратился к собранию с укором, зачем оно позволяет удалять интеллигента. Раздались крики: «Пусть говорят интеллигенты!», «Вон отсюда Зазикалов и Свистунова!». Обиженные Зазикалов и Свистунов оставили собрание, пригрозив привести полицию. Приглашали последовать за ними остальных стовесских рабочих, но к ним присоединилось лишь человек 15. Наш оратор указал на то, что мы должны выставить такие же требования, как и петербургские.

бургские товарищи, рассказал, как царь принял мирных рабочих, как ответили пулями и штыками; объяснил, в чем заключаются требования петербургских рабочих. Впечатление от речи было хорошее; никаких протестов не раздавалось. Оратор предложил собраться вновь на другой день в 6 часов вечера, а теперь разойтись. Рабочие на это согласились. Вдруг прибегает в завод один рабочий и говорит, что Закикалов и Свистунов привели полицию. Рабочие стали расходиться. Интеллигенты пошли скорым шагом. Тут из толпы, где оказались урядник и шпики, в том числе Закикалов и Свистунов, крикнули: «Лови социалистов!», и раздалось несколько выстрелов (стреляли урядник и сын жандарма Малышева). После этого были аресты. Ряд других лиц вынужден был скрыться. Движение пошло на убыль, скоро стали на работу.

Виновны ли мы в неудачном исходе стачки, когда мы все свои усилия прилагали к тому, чтобы придать забастовке политический характер? Могли ли мы, сознательные рабочие, не выставить требований программы-минимум, во главе которых стояло требование созыва учредительного собрания? Рабочедельцы указывали, что этих требований массовые рабочие не поддержат. Но могли ли мы выставить требования без этих двух параграфов?

Получилось ли бы у нас сочувствие петербургским рабочим, если бы выставили только экономические требования? Дальше: не должны ли мы массу познакомить с политическими требованиями? Не должны ли мы идти во главе массы, как сознательные участники движения? А нам говорят, что еще рано выставлять политические требования!

Теперь виновными в неудачном исходе стачки оказываются, по «Искре», наши интеллигенты и рабочие. Но не исполнили ли мы своего долга соц.-демократов, тогда как интеллигенты, рабочедельцы не вмешивались в рабочее движение? Не долг ли соц.-дем. разъяснить рабочим, какая из политических партий действительно отстаивает интересы рабочих? Не долг ли соц.-дем. разъяснить рабочим, что только в самостоятельной политической борьбе под руководством соц.-дем. их спасение?

Путь, на котором мы стояли, был верный путь. С уровнем вновь выступавшей массы и с ее психикой необходимо было считаться, но не для того, чтобы изменять своей соц.-дем. тактике, а лишь как с отправным пунктом, от которого эту массу тактично и умело надо было повести возможно дальше по пути к сознательному присоединению к выставленным соц.-демократическим требованиям.

Нам говорят еще, что и рабочедельцы в Воронеже не чуждались «политики», что 16 №№ их листов были политическими листками. Так-то так, но не мешает обратить сугубое внимание рабочедельцев, что «политика», приглашающая рабочих поддерживать требования, выставленные земцами на земских собраниях (№ 16), — очень своеобразная политика.

Рабочий.

Казань. В начале августа бастовали столяры; держались 11 дней; устраивались массовки (5 или 6), на которых было от 60 до 200 столяров; выпущены «требования» и призывы. Подробности о забастовке напечатаны в местной газете «Рабочий», № которого я вам посылаю. (От ред. К сожалению, газета не дошла). Третий № задержался выходом. Слесаря держались 3 дня; к-том были выпущены листки с требованиями, а затем с призывом к забастовке. За время забастовки было 5 массовок. Ни один пункт требований удовлетворен не был. Но результатом забастовки явилось то, что везде, во всех мастерских введен 12-часовой рабочий день с перерывом в 2 часа на обед, так что всего рабочих часов выходит 10. Раньше рабочий день был 14, 15 часов. Кроме того, после этих двух забастовок (слесарей и столяров) во всех мастерских вообще вывешены от ремесленной управы объявления о том, что рабочий день не должен превышать 12 часов с перерывом в 2 часа. После забастовки слесарей к организации примкнуло 15 человек.

Помимо этого, в Городском районе устраивались довольно часто массовки. Устраивались они за городом, посещало их человек 200—400. Была массовка типографов (60); речь о необходимости борьбы и объединения. Последняя многочисленная массовка 14 авг. (в 250 человек) была устроена в лугах за Казанкой. Полиция выследила место. На бли-

жайшей горе были даже разбиты палатки, устроен наблюдательный пункт, и пристав в бинокль обозревал поле предстоящего сражения. Напасть на массовку прямо они не решались. Когда же публика, переправившись через Казанку, шла в город, с горы были пушены казаки, которые стали избивать нагайками. Было уже 11 час. вечера и темно. Так как такого случая не предвидели, то сопротивления не было оказано. Серьезно никто не пострадал. Благодаря этому случайно число посетителей массовок с этих пор значительно сократилось. Так, 21 авг. была массовка в 70 чел. с речами о войне и мире, о заключении мира и об отношении к этому партии. После речей была дискуссия о вооруженном восстании. Вынесенная резолюция напечатана в № 3 «Рабочего». В последних числах состоялась массовка приказчиков в 80 чел.; было постановлено организовать и под руководством Р.С.-Д.Р.П. начать борьбу с хозяевамж.

Город со слободками разделен на три района: Алафузовский, 1-й городской (городские ремесленники) и 2-й городской. Все три организатора входят в комитет. В 1-й городской район входит ряд районных цеховых подкомитетов (портных, портных, столяров, приказчиков, типографчиков, смешанный). Такие подкомитеты состоят из представителей цеховых подрайонов (пока разбиты на подрайоны столяры—5 подрайонов, и портные—5); таким образом, каждый такой подкомитет состоит из 4—5 лучших рабочих данного цеха. Во главе этих организаций стоит центральная группа организаторов. Пока в этой группе 7 человек под руководством ответственного организатора данного района. В 1-м городском районе в период до 16 авг. было три собрания центральной группы, на которых был выработан план организации и намечались кружки. За период от 16—26 авг. было три собрания центр. группы (разработан устав партии, определялись права и обязанности члена партии) и пять организаторских собраний в 5 подрайонах (разработали план организации и определили деятельность каждого члена «комитета»). Кружков в этом районе (занятия идут по программе, выработанной съездом пропагандистов при ЦК): высшего типа 2 кружка, низшего (летучка)—2 кр. портных (занимались 2 раза), 1 круж. столяров (занимались 2 раза), 1 круж. типографч., 1 заводской, 1 приказчиков, 1 заводской смешанный; в 4 последних занятий еще не было. (Сведения к 26 авг.). Распространены прокламации: Требования столяров—150; К столярам политическая—120; Требования слесарей—60; к ним же призыв—60; Новый обман—700; Одна, а не две палаты—100; Наши требования ЦК—25; Извещение о III съезде—8; Царь-последыш—25.

Городской 2-й район. Сюда входят: 1) завод Крестовниковых (более 3.000 р.), 2) недавно сформированный городской заводской подрайон с его подкомитетом (в нем заводы Миркина, Гольдберг—кожевенные; Рам, Либигт, Сенников—механич. и литейные); 3) слесаря и 4) сапожники. Завод Крестовникова—один из самых крупных в Казани. Но рабоче на нем отсталые. Большая часть еще крепко связана с землей. Летом масса уходит в деревню, и тогда заработная плата на заводе «высокая»,—просто рабочему 9—11 руб. Зимой же плата понижается до 7—8 руб. мужчине, включая сюда 3 р. 75 к. «на квартиру и стол» неживущим в заводских казармах (в них введен тюремный режим). Подробнее напишу в следующий раз. Во время январских стачек рабочие были совершенно терроризированы управляющим конторой Лебедевым, сулившим поголовный расстрел с закрытием завода, тюрьму, расстрел и пр., если возникнет стачка. Рабочие так запуганы, что боятся гектографированных («синих») листов. Связи слабы как качеством, так и количеством. Поэтому решено было соединить завод в одном особом районе с вышеперечисленными. Так как после стачки слесаря довольно революционны и до некоторой степени организованы, а также есть кое-что и у остальных, то Комитет думает, что такое соединение облегчит трудное дело организации Крестовниковского завода.

Алафузовский район с 15-го июня до 15-го августа. Начиная с массовки после Вознесения, когда была полиция (которая, впрочем, самой массовки не нашла), настроение изменилось. На следующей массовке присутствовало 30—35 человек, и с того времени массовки из этого числа не выходили (а раньше с 18-го апреля бывало не меньше 90). Организация района состояла из центральной районной группы, куда входили представители от кружков. Кружков

было 4; с одним из них велась уже занятая, а с другим начали. 10—15 апреля было 7 кружков, даже доходило до 9, но потом все пропагандисты разъехались. До забастовки было 8 организованных собраний и 6 массовок, несших скорее характер летучек из организованных рабочих. Организаторская группа все время заявляла, что на массовки рабочие не идут из опасения быть накрытыми полицией. Других причин найти не удалось. На этих летучках говорилось об экономической и политической борьбе, о положении рабочих у нас и в Западной Европе, о событиях в Ив.-Вознесенске, Лодзи, Одессе, Либаве. Распространены листки: Об учредит. собр. 2.500; О событ. в Иван.-Возн. 900—местные; Крестьяне, к вам наше слово ШК—75. Брошюры: Дан, Вс. Учр. Собр.—60. Год войны 57. На татарском языке: Учр. Собр. 96. Крестьяне, к вам наше слово—47. Брош.—Год войны—108.

Для подъема настроения Комитет решил устраивать митинги у ворот по окончании работ: оратор произносит речь, распространяются по окончании речи листки. С 15-го июня по 7-е июля было 4 митинга, 3 вполне удалось, на 4-м оратор был схвачен полицией, но освобожден рабочими. 4, 5 и 6-го июля после работ были на лугу (позади завода) открытые собрания в 350—500 человек. Цель этих собраний—узнать о настроении рабочих и, если есть возможность и подходящие условия для забастовки, то подготовить забастовку. Комитет полагал на основании многократных заявлений организованных, что масса жаждет забастовки, чтоб расквитаться за малый успех январской стачки. Собрание это предполагалось еще использовать для расширения связей. Но случай в среду 6-го июля помешал привести в исполнение этот план (арест и отбитие оратора, см. № 2 «Рабочего»).

Забастовка была начата организованными рабочими под руководством организаторов (1 районный и 2 помощника), но нужно заметить, что она явилась несколько рано; только благодаря искусству и стараниям техников-типографчиков удалось без особого опоздания выпустить листки с требованиями (1.200 и 1.500 экз.). С самого начала забастовки часть самой серой массы выступила против забастовки. Она же явилась самым тяжелым элементом во время забастовки, потому что ее трудно было залучить даже на охотно посещавшиеся всеми открытые собрания. Этот элемент (сбруйшики, седельники, собственно говоря,—крестьяне из ближайшего села Караваева, зарабатывающие довольно много и очень темные. Больших собраний, от полуторы до четырех тысяч человек, было 7: четыре вечерних и три утренних, и еще 4 небольших, по 200—600 чел. Подробности во 2 № «Рабочего». Одной из причин неудачи можно считать отсутствие денежной помощи.

Во время забастовки, кроме требований, был распространен листок «Память 9-го янв.». После забастовки «Рабочий» № 1—200 экз. и № 2—140. Прокламация «Новый обман»—650. Стачка была безусловно проиграна. Одно утешительно—признание рабочих: «Вот стоишь на работе, а все вспоминаешь, как говорили ораторы, и стыдно становится, что не выдержали».

При К-те состоит группа пропагандистов (около 20 человек), группа агитаторов (4 человека) и военная группа.

Резолюции съезда (партейтага) Германской Социал-Демократической Рабочей Партии в Иене 1).

Резолюция о политической массовой стачке.

1. При стремлении господствующих классов и властей не допускать рабочий класс до законного влияния на общественный порядок дел в государстве или лишать его этого влияния, поскольку он уже приобрел таковое через своих представителей в парламентских представительных учреждениях, и сделать таким образом рабочий класс политически и экономически бесправым и бессильным,—

съезд считает необходимым высказаться, что настоятельная обязанность всего рабочего класса состоит в

том, чтобы всеми имеющимися в его распоряжении средствами выступать против всякого покушения на его человеческие и гражданские права и всегда вновь требовать полного равноправия.

В особенности же опыт показал, что господствующие партии, вплоть до самого левого крыла буржуазной, являются противниками всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, что они его только терпят, но постараются тотчас же отменить или урезать, как только увидят, что оно составляет опасность для их господства. Отчего и происходит их сопротивление против распространения всеобщ., равн., прямого и тайн. избирательн. права на отдельные государства (Пруссию и др.) и даже урезывание существующих отсталых избирательных законов из страха перед таким еще незначительным влиянием рабочего класса в парламентских представительных учреждениях.

Примерами этого могут служить случаи насильственного лишения избирательного права со стороны властолюбивой и бесконечно трусливой буржуазии и ограниченной мелкой буржуазии в Саксонии и в так называемых республиках Гамбурга и Любека и урезывание представителями различных буржуазных партий коммунального избирательного права в различных немецких государствах (Баден, Саксония, Саксен-Мейнинген) и городах (Киль, Дрезден, Фюрт, Хемниц и др.).

Принимая же в соображение, что именно всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право является предварительным условием дальнейшего нормального политического развития общества, какое представляет собой и полная свобода союзов для экономического подъема рабочего класса,—

принимая затем во внимание, что рабочий класс благодаря своему постоянно возрастающему числу, своей интеллигентности и своему труду для экономической и социальной жизни всего народа, а также и своими материальными и физическими жертвами, которые ему приходится приносить ради военной обороны страны, составляет главный фактор в современном обществе,—он должен требовать не только сохранения, но также и распространения всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права на все представительные учреждения в смысле социал-демократической программы и обеспечения полной свободы союзов,—

согласно этому съезд заявляет, что именно в случае покушения на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на свободу союзов обязанность всего рабочего класса является настойчиво применять все подходящие средства для отпора.

Одним из наиболее действительных средств борьбы для предотвращения подобного тактического преступления по отношению к рабочему классу или для завоевания себе важного, основного права для своего освобождения партейтаг в данном случае считает «самое широкое применение массовой забастовки».

Но для того, чтобы это средство борьбы было возможно и более действительно, безусловно необходимо наибольшее расширение политической и профессиональной организации рабочего класса и неустанный обучение и просвещение масс посредством рабочей прессы и устной и письменной агитации. Эта агитация должна разъяснять важность и необходимость политических прав рабочего класса, в особенности же всеобщего,

равного, прямого и тайного избирательного права и полной свободы союзов, с указанием на классовый характер государства и общества и на ежедневные злоупотребления, которые совершают господствующие классы и власти благодаря исключительному обладанию политической властью.

Каждый член партии обязан в том случае, если существует или может быть основана для его профессии профессиональная организация, вступать в таковую и содействовать целям и стремлениям профессиональных союзов. Но каждый сознательный член профессионального союза обязан также присоединиться к политической организации своего класса—к социал-демократии—и содействовать распространению социал-демократической прессы.

II. Съезд поручает правлению партии составить брошюру, в которой были бы обоснованы требования, выставленные в вышеприведенной резолюции. Нужно также организовать массовое распространение этой брошюры во всем немецком рабочем классе...

Резолюция, касающаяся революции в России.

Съезд с радостным удовлетворением приветствует великое, исторически-мировое событие настоящего времени—русскую революцию, как силу, которая свергнет, наконец, обремененный преступлениями, развращенный абсолютизм и вместе с тем не только откроет пути свободного культурного развития томящимся под его гнетом народам, но также избавит и борющиеся за свое освобождение народные массы всех стран от их злейшего врага. И как бы разнообразны ни были исторические, социальные силы, способствовавшие этой цели, партейтаг с гордостью отмечает тот факт, что в настоящее время именно молодой промышленный пролетариат России, руководимый социал-демократией, составляет важнейшую двигательную силу могучей борьбы с абсолютизмом и выдвигает все новые и новые геройские массы, которые, борясь, противопоставляют жандармам и палачам деспотизма свой голод и свою жизнь.

Съезд выражает всем борцам за политическую свободу в России уверенность в своей глубочайшей симпатии и удивление, в особенности же тем мужчинам и женщинам, без различия национальности и расы, которые, стоя на почве социал-демократического понимания, работают и борются вместе с пролетариатом и в его рядах, тем, чья упорная, готовая на самопожертвование и чреватая опасностями работа долгие годы подготавливала пробуждение пролетариата и до сих пор добросовестно содействовала его развитию и организации, благодаря чему пролетариат сделался способным выполнить революционную задачу настоящей минуты, будучи убежден, что борьба за низвержение абсолютизма является необходимым этапом в борьбе против капитализма.

Но съезд чувствует себя также обязанным выразить глубокое возмущение варварскими преступлениями, которыми слуги деспотизма пытаются поддержать свое достойное проклятия правительство, а именно ужасным избиением не только деятелей революции, но также бесчисленных невинных жертв, особенно женщин и детей.

Русский деспотизм этой варварской свирепостью осудил себя перед всем культурным миром и оправдывает все направленные против него средства, которые ведут к его уничтожению.

ИЗ ПАРТИИ.

Памяти тов. Гусенко. (В № 18 «Пролетария» наш красноярский товарищ сообщает об убийстве жандармским офицером рабочего Гусенко. Приводим листок, выпущенный по этому поводу в Красноярске.—Р е д.).

Граждане! Снова загублена молодая жизнь, снова полный сил и надежд юноша-рабочий пал жертвой великой освободительной борьбы... И над его не остывшим еще трупом царские опричники успели уже создать густую сеть лжи, черный туман инсинуации... Граждане! Не верьте жандармским рассказам, не верьте гнусной клевете, которою причина хочет очернить сознательных борцов за освобождение страны и отвести от себя грозное, но справедливое обвинение... Знайте, граждане, сознательные рабочие были 18-го августа безоружны. Стреляли черносотенцы, вооруженные жандармскими револьверами, стреляли темные, невежественные люди, науськанные жандармами на братьев.

Виновником смерти Гусенко был жандармский ротмистр. Обессиленный, избитый лежал юноша-рабочий на грязной земле, и град ударов сыпался на его измученную голову. Его били братья, темные, слепые братья... Не тело его топтали они,—они топтали его измученную душу... И когда он извивался под градом ударов слепой толпы, негодяй без совести и чести—жандармский офицер—подбежал со своей сворой, угрожая стрелять. Раздался выстрел, и смертельная рана в бок решила судьбу молодой жизни!

Не стало борца, граждане, но пусть же его чистая могила не будет осквернена злобной клеветой! Не верьте, граждане, жандармам, распространяющим клеветнические слухи, что сознательные рабочие стреляли в несознательных братьев. Умирая в больнице, Гусенко, придя в сознание, сказал: «Умираю за свободу от жандармской пули». Это были единственные слова, произнесенные мучеником... Граждане! Все, в ком не убиты еще честные порывы, в ком живет благородный дух протеста против насилий и гнета, пусть взлеет в сердцах ненависть к режиму кнута и виселицы, пусть готовятся к борьбе с вековым врагом народа—царским самодержавием.

Слава павшему борцу!

Позор убийцам, пролившим невинную кровь!

Август 1905 г.

Красноярский Комитет РС.-Д.Р.П.

Минск. После политической забастовки, организованной Комитетом Бунда и нами, и после неудачной бундовской демонстрации на некоторое время (неделю, другую) работа Группы была дезорганизована: кружки рассыпались, массовок устраивать благодаря нещадным гоениям нельзя было. Вскоре работа наладилась вновь, так как от арестов организация совершенно не пострадала. Удачно проведены были стачки: каретников, аптекарских сторожей и др. Работа ведется энергично, связи разрастаются, влияние и авторитет организации крепнут. Особенно хорошо повлияли на массу удачные лозунги, выдвигаемые Группой в нужные моменты. Так, когда Бунд объявил Группе, что предпринимает политическую забастовку с демонстрацией, Группа присоединилась к устройству забастовки, считая ее и своевременной, и осуществимой. Что же касается демонстрации, а затем вторичной забастовки на следующий день, то Группа высказалась против в виду приготовлений администрации; вторичная забастовка казалась Группе неосуществимой в виду того, что полиция, растерявшись в первый день забастовки, на другой день силой и угрозами заставит открыть магазины, и вместо демонстрации сил организованного пролетариата получится демонстрация бессилия и деморализация. Так и вышло: забастовка в первый день, когда принимала участие Группа, удалась блестяще, горю как бы замер. Когда же бундовцы стали собираться на Богдельной, казаки стали стрелять и арестовывать; убили, кажется, двоих, арестовали до полугораста. Демонстрация, стало быть, окопательно не удалась. Когда же Бунд собственными силами пытался устроить на след. день всеобщую забастовку, то не работала только часть евреев-ремесленников; магазины торговали, конка на улицах позванивала, и картины траура не получилось, да и не могло получиться, как и предвидела Группа.

Нельзя еще раз не отметить, что для широкой работы в еврейской массе необходима жаргонная литература. Группа располагает не одной сотней еврейских рабочих, многие из которых русским языком не владеют. Таким образом, по мере того, как Группа проникает в глубь масс еврейского пролетариата, борясь с националистическими влияниями Бунда и многочисленных фракций сионизма, появляются запросы на жаргонную литературу. Насколько велика потребность еврейской массы в жаргонных изданиях, видно из того, что рабочие-евреи Группы по собственной инициативе собирают на нее деньги, независимо от обычных взносов. Безусловно необходимо: 1) заграничное жаргонное издательство и 2) жаргонная техника в России. Сверх жаргонной, необходима польская литература: поляков в Минске имеется порядочно, и распространение польской литературы сильно увеличило бы влияние и авторитет Группы. Кое-что из изданий С.-Д.Ц.П. и Л., в роде нескольких №№ «Gzerwonego standagu», было роздано, но, конечно, это далеко не то, что требуется. Необходим систематический транспорт с-д. изданий на польском языке.

Теперь кое-что об организационной структуре. Во главе организации стоит «Группа», куда входят литератор, секретарь, ответственный пропагандист и агитатор, заведующий организацией учащихся, ответственный техник, ответств. «финансист», несколько организаторов и местный член С.-З. комитета. Понятно, в зависимости от состояния сил возникает совместительство, так что в «Группе» бывает человек 5—8. Рабочей организацией заведует «центральная сходка», куда входят человек 8—10 рабочих-организаторов и командированный Группой представитель последней. Все общегородские рабочие дела — общие забастовки, демонстрации, собрания и т. д. — обсуждаются и решаются здесь, в центральной сходке. Последняя посылает руководителей — представителей в низшие организационные ячейки — сходки, которых имеется 4. Две из них — цеховые, так как в нашей организации имеется 2 крупных цеха; приказчиков, напр., до 100 человек. В третьей «сходке» сосредоточиваются те цехи, в которых у Группы организованных рабочих мало, так что эта «сходка» нецеховая. Все эти 3 сходки — еврейские. В виду того, что пока христианская рабочая среда вследствие односторонней работы Бунда страшно отстала, — работа среди христианских рабочих, опять-таки пока, несколько иная по методу и ближайшим задачам. Это побудило Группу для ведения организационной работы среди рабочих-христиан создать особый орган — четвертую сходку. Итак, четыре сходки. Каждая состоит из нескольких (5—10) рабочих-организаторов, собирающихся на еженедельные заседания под руководством лиц, назначенных, как сказано, центральной сходкой. Все 4 сходки разветвляются в дальнейшие организационные ячейки, так что определенный круг лиц, определенные связи находятся в постоянном заведывании определенного члена данной из сходок. Разделение организационной работы по «сходкам» нисколько не создает приходской психологии национальности или цеха, так как на общих собраниях, дискуссиях и в кружках встречаются рабочие разных национальностей, цехов и сходок. Таков организационный аппарат Группы. Независимо от него стоит коллегия пропагандистов и агитаторов, обсуждающая программы и методы занятий в кружках под руководством ответственного пропагандиста; она же распределяет между своими членами кружки, организованные организаторами (сходками). Организация учащихся имеет свой центр, свою, так-сказать, сходку, связанную с Группой через руководителя. Лица, работающие по части разноски, гектографирования, транспорта и проч., состоят в ведении ответств. техника. Наконец, финансовая комиссия, собирающая деньги и устраивающая различные «коммерческие» предприятия, работает под руководством ответств. «финансиста».

Заканчиваю корреспонденцию замечанием: в Минск. Гр. имеются и «большевики», и «меньшевики». Уживаются они друг с другом мирно, и этим в значительной степени объясняется успешность работы. Трудно себе представить, какой кавардак получился бы, если бы в Группе произошел раскол; у Группы достаточно внешних врагов.

Член Минской Группы.

Сморгонь. (Из листка). И для нас, сморгонцев, не прошли даром события 9-го января. Мы чутко прислушивались к голосу петербургских товарищей и целым рядом всеобщих забастовок, демонстраций и манифестаций выразили им наше сочувствие, нашу полную солидарность. С тех пор росло и крепло наше сознание. Последующие события в Варшаве, Лодзи, Одессе и др. всегда вызывали у нас протест и открытые выступления. Растущее социал-демократическое сознание товарищей рабочих дало нам возможность образовать самостоятельную Группу Р.С.-Д.Р. Партии. Близок день расплаты, близок час народного суда. Пусть этот день застанет нас сознательными и организованными, чтобы народное восстание закончилось революцией на благо рабочего класса. Да здравствует всенародное восстание!

Сморгонская Группа Р.С.-Д.Р.П.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Городской районной организацией при Петербургском К-те: Ко всем рабочим мастерских Николаевской железной дороги — печ.; Рижским К-м: Мир с Японией и война с народом — печ. 3.000 русск. и 5.000 лат., Казанским К-м: 1. Новый обман (манифест о Гос. Думе), печ. 8.000; 2. К столбам, печ.; Военной Группой при Казанском К-те: Экономические требования солдат, печ.; Окружной Организацией Московского К-та: 1. Резолюция по вопросу об организации деревенских к-тов; 2. К рабочим и работницам Богородско-Глуховской Мануфактуры, печ.; 3. К орехово-звезским рабочим, печ.; Серпуховской группой Окружной Организации при Московском К-те: К рабочим фабрики Хутарева; Подмосковной группой Окружной Организации при Московском К-те: К рабочим цементного завода в Подольске, печ.; Красноярским К-том: 1. Ко всем гражданам, 2.500; 2. Открытое письмо Красноярского К-та исполняющему должность енисейского губернатора, — обе печ.; Береговой районной организацией Саратовского К-та: 1. К рабочим завода Беринга; 2. К грузчикам, 3. К рабочим-мельникам, печат.; 4. Денежный отчет Берегового района Саратов. К-та за июнь; Правлением профессионального рабочего социал-демо. союза при Саратовском Комитете на заводе Беринга «Сотрудник». Товарищи, как ни сгушались черные тучи, печ.; Виленской Группой. Ко всем виленским кожевникам, 800, печат.; Витебской Группой: 1. К борьбе, товарищи! 2. Открытое письмо витебскому губернатору, мимогр. Сморгонской Группой: Все выше поднимается революционная волна... Ташкентской Группой: История неумолима... Тифлисского К-та (меньшинства): Ко всем гражданам (к избиванию мирных граждан в здании городского самоуправления).

Бежали и прибыли за границу: Иван Теодорович, из Олекминска по делу Моск. Ком. 1902 г. Михаил Вайнштейн и Цецилия Даргольц, из Якутска, по делу транспорта «Искры» 1902 г. — Михаил Булгаков, Давид Ихлов, Иосиф Якерсон, Иосиф Шнапер и Серафим Клитчоглу из Арх. губ.; Михаил Самылин, посланный на поселение по делу сормовской демонстрации, из Тюмени (второй побег; первый раз был арестован на границе и возвращен в Сибирь).

Поступила в загр. кассу ЦК. От друзей из Москвы 396 фр. 35 с.; от герм. Vorstand'a — 6.153 фр. 80 с., от Skr. N. E. Soc. Feder. — 6 фр. 90 с. (из них половина передана «И.» на основ. дог. ЦК и ОК), с вечеринки в Божии через Б. — 26 фр. 70 с.; из Н.-Йорка от Одесск. общ. для одесск. заключ. — 100 фр.

Новые издания Центр. Ком. Р.С.-Д.Р.П.: 1) Орловский. О Государственной Думе. Ц. 25 с. 2) Н. Ленин. Задачи русских социал-демократов. 3-е изд. Ц. 40 с.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Абраму, Антону, А. А. А., Репину, Л., Николаевским рабочим, Лаврентию, Александрову. Все получено, спасибо. Луке. Письма Василия все еще не получили. Давиду. Письмо Ж. получено. Фекле. № 12 получен. Сат. Адрес 4а не годен, послали новый. Азиату и всем жалуящимся на наше молчание. Пришлите новые адреса для писем! Рабочему юга. Получено, спасибо. Фреду. Отчего не напи-

сали, куда едете? Асе, Нине, Бурлакову, Ксении. Где же обещанные письма? Игорю. Письма с исправлением адреса нет-как-нет. О, 5, Измаилу. Живы ли? Максу Н. Письмо получили. В письмах нельзя упоминать фамилий, писать адресов и пр. Мы готовы бы помочь вам, но не можем сообщить вам явок, не имея с вами конспиративных способов сношений. Товарищи пробуют разыскать вас, не знаю — удастся ли им это. Спице. Немедля пришлите свой парижский адрес. Дяде Минаю. Корреспонденция получена, будет выслано.

П р и м е ч а н и я:

Прим. 1. Перевод с немецкого В. М. Ееличкиной.

ЖЕНЕВА. 10 октября (27 сент.) 1905 г.

№ 20.

Пролетарій

Пролетарі всіх странъ
соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Социализм и крестьянство.

Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самое существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управлении государством. Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества.

Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между капиталом и трудом. Народ, восставший против самодержавия,—не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей и десятки миллионов неимущих и трудящихся—это поистине «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине 19-го века. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна—общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т.-е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества.

На социалистов ложится, таким образом, тяжелая и трудная задача—вести одновременно две войны, совершенно разнородных и по характеру, и по целям, и по составу социальных сил, способных к решительному участию в той или другой войне. Эту трудную задачу ясно поставила и твердо решила социал-демократия благодаря тому, что она в основу всей своей программы положила научный социализм, т.-е. марксизм, благодаря тому, что она вошла, как один из отрядов, в армию всемирной социал-демократии, которая проверила, подтвердила, разъяснила и развила детальнее положения марксизма на опыте длинного ряда демократических и социалистических движений самых различных европейских стран.

Революционная социал-демократия издавна показывала и показала буржуазный характер русского демократизма, начиная с либерально-народнического и кончая «освобожденским» формулированием его. Она всегда показывала неизбежную половинчатость, ограниченность, узость буржуазного демократизма. Она поставила перед социалистическим пролетариатом в эпоху демократической революции задачу: привлечь на свою сторону массу крестьянства и, парализуя неустойчивость буржуазии, сломить и раздавить самодержавие. Решительная победа демократической революции возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но чем скорее и полнее осуществится эта победа, тем быстрее и глубже развернутся новые противоречия и новая классовая борьба на поприще вполне демократизированного буржуазного строя. Чем цельнее осуществим мы демократический переворот, тем ближе окажемся мы лицом к лицу с задачами социалистического переворота, тем резче и острее будет борьба пролетариата против самых основ буржуазного общества.

Против всякого уклонения от этой постановки революционно-демократических и социалистических задач пролетариата социал-демократия должна вести неуклонную борьбу. Нелепо игнорировать демократический, т.-е. буржуазный в основе своей, характер теперешней революции, нелепо ставить поэтому такие лозунги, как образование революционных коммун. Нелепо и реакционно принижать задачи участия, и притом руководящего участия, пролетариата в демократической революции, чураясь хотя бы лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил.

Вот на этой последней ошибке мы и намерены теперь остановиться подробно. Незрелость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительного широкого развития капитализма. А эта незрелость экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений. Масса крестьян не создает и не может сознать того, что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализма, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития. И в то время, как социал-демократия выделяет и поддерживает только револю-

ционно-демократическое содержание этих мужицких стремлений, мелкобуржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая или сливая воедино условия и задачи действительного демократического и фантазированного социалистического переворота.

Самым наглядным выражением этой неясной мелкобуржуазной идеологии является программа, вернее, проект программы «социалистов-революционеров», которые тем раньше поспешили провозгласить себя партией, чем меньше развиты были у них формы и предпосылки партийности. Разбирая их проект программы (см. «Вперед» № 3), мы уже имели случай показать, что корень воззрений соц.-рев. есть старое русское народничество. Но так как все экономическое развитие России, весь ход русской революции беспощадно и безжалостно вырывает ежедневно и ежечасно почву из-под устоев чистого народничества, то воззрения с.-ров, неизбежно становятся эклектическими. Прорехи народничества они стараются поправить заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма, но ветхое одеяние не становится от этого прочнее. В общем и целом их программа есть нечто абсолютно безжизненное, внутренне противоречивое, выражающее лишь в истории русского социализма один из этапов на пути от крепостной к буржуазной России, на пути «от народничества к марксизму». Под это определение, типичное для целого ряда более или менее мелких ручейков современной революционной мысли, подходит и новейший проект аграрной программы Польской Социалистической Партии (ППС), напечатанной в № 6—8 «Przedswit».

Проект разделяет аграрную программу на две части. Часть I излагает «реформы, для проведения которых общественные условия уже созрели»; часть II «формулирует увенчание и интеграцию аграрных реформ, изложенных в I части». Часть I, в свою очередь, подразделяется на три отдела: А) Охрана труда—требования в пользу сельскохозяйственного пролетариата; Б) Аграрные реформы (в тесном смысле, или, так сказать, крестьянские требования) и В) Охрана сельского населения (самоуправление и т. д.).

Шагом к марксизму является в этой программе попытка отделить нечто в роде программы-минимум от программы-максимум; затем, совершенно самостоятельная постановка требований чисто-пролетарского характера; далее, признание в мотивах к программе того, что совершенно недопустимо для социалиста «льстить собственническим инстинктам крестьянских масс». Собственно говоря, если бы вполне продумать истину, заключающуюся в этом последнем положении, и развить ее последовательно до конца, то неизбежно получилась бы строго-марксистская программа. Но в том-то и беда, что ППС не является выдержанно-пролетарской партией, черпая свои идеи столь же охотно из кладеза оппортунистической критики марксизма. «Вследствие недоказанной тенденции земельной собственности к концентрации,—читаем мы в мотивах программы,—немыслимо выступать на защиту этой формы хозяйства с полной искренностью и уверенностью и убедить крестьянина в неизбежности исчезновения мелких хозяйств».

Это—не что иное, как отголосок буржуазной политической экономии. Буржуазные экономисты всеми

силами стараются внушить мелкому крестьянину идею совместности капитализма с благосостоянием мелкого земледельца-собственника. Они заслоняют поэтому общий вопрос о товарном хозяйстве, о гнете капитала, об упадке и принижении мелкого крестьянского хозяйства частным вопросом о концентрации земельной собственности. Они закрывают глаза на то, что крупное производство в специальных торговых отраслях земледелия развивается и на мелкой, и на средней земельной собственности, что эта собственность развивается и в силу роста аренды, и под гнетом гипотек, и под давлением ростовщичества. Они оставляют в тени неоспоримый факт технического превосходства крупного хозяйства в земледелии и принижение условий жизни крестьянина в его борьбе с капитализмом. В словах ППС нет ничего, кроме повторения этих буржуазных предрассудков, воскрешаемых современными Давидами.

Неустойчивость теоретических воззрений сказывается и на практической программе. Возьмите часть I—аграрные реформы в тесном смысле. С одной стороны, вы прочтете пункт 5) «Упразднение всяких ограничений при покупке надельных земель и 6) Упразднение шахварков и подвод (натуральные повинности)». Это чисто марксистские минимальные требования. Выставляя их (особ. п. 5), ППС делает шаг вперед по сравнению с нашими с.-р., которые вместе с «Моск. Вед.» питают слабость к пресловутой «неотчуждаемости наделов». Выставляя их, ППС вплотную подходит к идее марксизма о борьбе с остатками крепостничества, как основе и содержанию теперешнего крестьянского движения. Но подходя к этой идее, ППС далека от полного и сознательного принятия ее.

Главные пункты рассматриваемой нами программы-минимум гласят: «1) Национализация имений удельных, государственных и принадлежащих духовенству путем конфискации; 2) Национализация крупной земельной собственности при отсутствии прямых наследников; 3) Национализация лесов, рек и озер». Эти требования страдают всеми недостатками программы, выдвигающей для данного времени требование национализации земли на первый план. Пока нет наличию полной политической свободы и самодержавия народа, пока нет демократической республики, выставлять требование национализации преждевременно и неразумно, ибо национализация есть переход в руки государства, а теперешнее государство есть полицейское и классовое, завтрашнее государство будет во всяком случае классовое. В качестве же лозунга, ведущего вперед в направлении демократизации, это требование особенно непригодно, ибо центр тяжести оно переносит не на отношении крестьян к помещикам (крестьяне берут помещичьи земли), а на отношении помещиков к государству. Такая постановка вопроса в корне фальшива для такого момента, когда крестьяне революционным путем борются за землю и с помещиками, и с государством помещиков. Революционные крестьянские комитеты для конфискации, как орудие конфискации,—вот единственный лозунг, соответствующий такому моменту и двигающий вперед классовую борьбу с помещиками в неразрывной связи с революционным разрушением помещичьего государства.

Остальные пункты аграрной программы-минимум в

проекте ППС следующие: «4) Ограничение права собственности, поскольку оно становится помехой для всяких земледельческих улучшений (мелиораций), если эти улучшения будут признаны необходимыми большинством заинтересованных;... 7) Национализация страхования хлебов от пожара и градобития, а скота от эпизоотий; 8) Законодательное содействие со стороны государства образованию земледельческих артелей и коопераций; 9) Аграрно-технические школы».

Эти пункты вполне в духе с.-р. или (что то же) вполне в духе буржуазного реформаторства. Революционного в них нет ничего. Они, конечно, прогрессивны, спора нет, но прогрессивны в интересах собственников. Выставлять их со стороны социалиста значит именно льстить собственническим инстинктам. Выставлять их—то же самое, что требовать содействия государства трестам, картелям, синдикатам, обществам промышленников, которые не менее «прогрессивны», чем кооперация, страхование и проч. в земледелии. Это все—капиталистический прогресс. Заботиться о нем не наше дело, а дело хозяев, предпринимателей. Пролетарский социализм, в отличие от мелкобуржуазного, оставляет графам де-Рокини, помещикам-земцам и т. п. заботу о кооперации хозяев и хозяйчиков, а сам заботится всецело и исключительно о кооперации наемных рабочих в целях борьбы с хозяевами.

Посмотрите теперь на часть II программы. Она состоит из одного следующего пункта: «Национализация крупной земельной собственности путем конфискации. Пахотные земли и луга, таким образом приобретенные народом, должны быть разделены на наделы и переданы безземельным и малоземельным крестьянам в долготлетнюю обеспеченную аренду».

Нечего сказать, хорошо «увенчание!». Партия, называющая себя социалистической, в виде «увенчания и интеграции аграрных реформ» предлагает вовсе не социалистическое устройство общества, а нелепую мелкобуржуазную утопию. Перед нами самый наглядный образец полного смешения демократического и социалистического переворотов, полного непонимания их разнородных целей. Переход земли от помещиков к крестьянам может быть—и везде в Европе был—составной частью демократического переворота, одним из этапов буржуазной революции, но называть его увенчанием или доведением до конца могут только буржуазные радикалы. Перераспределение земли между теми или иными разрядами собственников, теми или иными классами хозяев может быть выгодно и необходимо в интересах победы демократии, в интересах полного вытравления следов крепостничества, повышения жизненного уровня массы, ускорения развития капитализма и т. д.,—самая решительная поддержка подобной меры может быть обязательна для социалистического пролетариата в эпоху демократической революции, но «увенчание и доведение до конца» может быть только социалистическое, а не мелкое крестьянское производство. «Обеспечение» мелко-крестьянской аренды при сохранении товарного хозяйства и капитализма есть реакционная мелкобуржуазная утопия, и ничего более.

Мы видим теперь, что основная ошибка ППС не ей одной свойственна, не единична, не случайна. Она выражает в более ясной и отчетливой форме (чем пресловутая «социализация» с. р., которой не понимают сами

с.-р.) коренную ошибку всего русского народничества, всего русского буржуазного либерализма и радикализма в аграрном вопросе, вплоть до того, который выразился в прениях на последнем (сентябрьском) съезде земцев в Москве.

Эту коренную ошибку можно выразить так:

В постановке ближайших целей программа ППС не революционна. В своих конечных целях она не социалистична.

Или иначе: непонимание различия между демократическим и социалистическим переворотом ведет к тому, что в демократических задачах не выражается их действительно революционная сторона, а в социалистических задачи вносится вся неясность буржуазно-демократического мирозерцания. Получается лозунг для демократа недостаточно революционный, для социалиста—непростительно путаный.

Наоборот, программа социал-демократии удовлетворяет всем требованиям и поддержки истинно-революционного демократизма и выставления ясной социалистической цели. В теперешем крестьянском движении мы видим борьбу с крепостничеством, борьбу с помещиками и с помещичьим государством. Эту борьбу мы поддерживаем до конца. Для такой поддержки единственный верный лозунг: конфискация путем революционных крестьянских комитетов. Как быть с конфискованными землями,—это вопрос второстепенный. Его не мы будем решать, а крестьяне. При решении его начнется именно борьба между пролетариатом и буржуазией в крестьянстве. Вот почему мы либо оставляем этот вопрос открытым (что так не нравится мелкобуржуазным прожектерам), либо даем от себя лишь указание начала пути в виде отображения отрезков (в чем мало думающие люди видят преграду движению, вопреки многочисленным разъяснениям с.-д.).

Для того, чтобы аграрная реформа, неизбежная в современной России, сыграла революционно-демократическую роль, есть только одно средство: совершение ее революционной инициативой самих крестьян, вопреки помещикам и бюрократии, вопреки государству, т.-е. совершение революционным путем. Самое худшее распределение земли после такого преобразования будет лучше теперешнего со всех точек зрения. И этот путь мы указываем, ставя во главу угла требование революционных крестьянских комитетов.

Но рядом с этим мы говорим сельскому пролетариату: «Самая радикальная победа крестьян, которой ты должен помогать теперь всеми силами, не избавит тебя от нищеты. Для этой цели есть только одна мера: победа всего пролетариата—и промышленного, и сельскохозяйственного—над всей буржуазией, устройство социалистического общества».

Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии и всех крестьян-хозяев,—вот лозунг сознательного деревенского пролетариата. И если этот лозунг не сразу примут или даже вовсе не примут хозяйчики, то зато он станет лозунгом рабочих, он будет неминуемо подтвержден всей революцией, он избавит нас от мелкобуржуазных иллюзий, он укажет нам ясно и определенно нашу социалистическую цель.

(И. Ленин).

Ко всей учащейся молодежи.

В своей тяжелой, полной героизма борьбе за лучшее будущее русский рабочий всегда рядом с собой видел и вас, граждане студенты. Еще в 70-х годах один из пионеров революционного рабочего движения, ткач Петр Алексеев, с признательностью упоминал об этом в своей речи пред судом. Борьба ваша, в начале стихийная, разгоравшаяся ярким пламенем лишь под влиянием негодования и протеста против особенно наглых проявлений произвола и деспотизма, в роде Ветровской истории, избиения 8-го февраля и т. п., превратилась с 1901/02 года в сознательную и планомерно изо дня в день ведущую борьбу против существующего политического строя. Вступив на этот путь, вы не могли не понять, что из всех классов населения наиболее последовательным и единственным непримиримым врагом царизма является пролетариат, борющийся под знаменем революционной социал-демократии за свой конечный идеал—социализм, и за ближайший путь к нему—демократическую республику. Поняв это, признавши роль и значение социал-демократии в русском освободительном движении, вы сделали отсюда единственный правильный вывод: в манифесте, изданном 1-м всероссийским студенческим съездом, ваши представители приглашали сознательное студенчество войти в ряды социал-демократии или примкнуть к ней. И это воззвание не осталось без ответа: многие из вас борются вместе с нами под общим знаменем, громадное большинство из вас принимает наши лозунги и поддерживает пролетариат в его борьбе с царизмом. Тщетными оказались попытки тех из ваших коллег, которые, соблазняясь перспективой стать будущими Плеве и Победоносцевыми, стремились совлечь вас с занятого вами революционного пути. Их обычное средство—патриотическая вакханалия шпионства, доносов и кулачной расправы—не привело ни к чему, и как только пролетариат вступил в начале этого года в решительную схватку с царским правительством, вы немедленно поспешили к нему на помощь и пустили в ход свое старое, испытанное оружие—всеобщую политическую забастовку. Вы связали свою судьбу с судьбой революции! Вы ясно показали, что правительству не удастся обмануть вас лицемерной политикой уступок, дарованием мнимой академической свободы и т. п., что вы не сложите оружия до тех пор, пока не падет царизм, и не будет создано революционным путем всенародное учредительное собрание.

Теперь, с наступлением нового академического года перед вами возникает вопрос: что же делать дальше? Продолжать ли забастовку, или применить какие-нибудь новые приемы борьбы за освобождение России? Об «успокоении» не может быть и речи. «Высочайше дарованная» Государственная Дума—наглый обман и грубое издевательство над народом. Примириться с ней и надеяться добиться дальнейших реформ, следуя мудрой тактике «медленным шагом, робким зигзагом», все равно, что предать интересы народа, отказаться от революции и ее приобретений. Дума должна быть сорвана! В случае ее созыва в ней будут заседать под усиленной охраной штыков и нагаек изменники народа, а не его «представители»! К моменту выборов должны

быть мобилизованы все силы революции, должны быть готовы к решительной борьбе и «академические легионы». Для этого вы должны собраться в университетских городах, вы должны воспользоваться вашими аудиториями, как трибунами для обличения правительства, как местом для революционных штабов ваших «легионов». Для этого, а не для «мирных занятий», вы должны открыть учебные заведения. Теперь, когда льется кровь лучших сынов России, когда целые местности охвачены восстанием, когда недалек уже от осуществления идеал «Московских Ведомостей»—военная диктатура, когда мир с внешним врагом заключен для того, чтобы тем легче было раздавить «внутренних врагов», как цинично-откровенно пробалтывается «Гражданин»,—в такое время мирно заниматься науками нельзя. Это вы заявили еще весной, и если ваши решения не были лишь красивыми словами,—а все ваше поведение подтверждает это,—то не будете мирно заниматься вы и теперь, как бы ни решился вопрос о «замирении» университетов профессора, примкнувшие весной к вашей забастовке.

Нет, не заниматься согласно уставу и «применительно к подлости», т.-е. программам и данным официальной науки, будете вы, а свободно изучать и выяснять свое отношение ко всем волнующим Россию вопросам, разбираться в политических лозунгах и платформах различных партий, помогать последовательным и честным революционерам изобличать и клеймить разных «реальных» политиков. Вы используете аудиторию и все те удобства, которые доставляют учебные заведения, чтобы совместно с пролетариатом немедленно же начать подготовку к вооруженному восстанию, этому единственному исходу русской революции. Широко агитировать идею восстания, знакомить товарищей с задачами и техникой уличной борьбы, выработать целесообразные формы организации для боевого момента, организовать боевые дружины, содействовать мобилизации пролетариата,—за все это должно немедленно приниматься революционное студенчество, и для этой цели оно должно обратить залы университетов и институтов в штаб-квартиры своей революционной работы.

Если вы внимательно всмотритесь в те приемы борьбы, которые выработали рабочие в последний год, то увидите, что мы не советуем вам ничего невозможного. В самом деле, в Западном крае и во многих городах Юга вы увидите, что рабочие регулярно открыто собираются на так-называемых «биржах» и свободно обсуждают, что их интересует; рядом же в бессильной злобе мечутся разные чины явной и тайной полиции. На Кавказе и в Прибалтийском крае рабочие после окончания работ устраивают в заводах и фабричных зданиях громадные народные митинги. В Гурии крестьяне, организованные соц.-дем., игнорируют местные власти, не платят податей и налогов и учредили уже революционное самоуправление. При таком страшном брожении то здесь, то там вспыхивают всеобщие политические забастовки, приостанавливающие всю буржуазную жизнь, все дезорганизующие и держащие в вечном страхе всех власть имущих. И близко уже то время, когда все эти отдельные ручьи сольются в общий могучий поток! Для выработки и применения подобных новых приемов борьбы, для концентрирования и организации своих сил, для подготовки к недалекому уже

моменту последней, решительной схватки с царизмом,— для всего этого вы должны теперь открыть высшие учебные заведения. Но открыв их, вы ни в каком случае не должны дать возможность правительству утверждать, что «на Шипке все спокойно»! Нет! Поведите дело так, чтобы оно с грустью вспоминало о том недавнем прошлом, когда вы только мирно бастовали!

Долой самодержавие!

Долой Государственную Думу!

Да здравствует народное восстание!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Буржуазия сытая и буржуазия алчущая.

Газета «Le Temps»—один из самых влиятельных органов консервативной французской буржуазии. Против социализма она ведет самую отчаянную кампанию, и редкий день вы не увидите на ее столбцах имен Маркса, Бебеля, Гэда, Жореса с самыми озлобленными комментариями и выходками. Без дрожи бешенства «Le Temps» не может говорить о социализме.

За русским «кризисом», как выражаются благонамеренные европейцы, эта газета следит самым внимательным образом, никогда не оставляя без своих назидательных советов la nation amie et alliee—«нацию дружественную и связанную союзом». Так и теперь она посвящает передовицу последнему съезду земцев. Она вспоминает предыдущий июльский съезд и даже задним числом не может удержаться от выражения своего недовольства. Это было, видите ли, «зрелище абсолютного беспорядка мыслей и полнейшей неопределенности намерений»: проект Булыгина был известен уже, и тем не менее делегаты ограничились «горячими речами», не сумев решить вопроса, бойкотировать или участвовать. Орган французской правящей буржуазии даже напоминает земцам в раздражении, что у них не было мандатов!

Зато теперь, как радостно улыбается сытый политической властью буржуа! Как любезно спешит он позвать благородную десницу своего собрата, который еще только алчет политической власти, но уже доказывает свою «зрелость»! Бойкот отвергнут, и про неимение мандатов уже не упоминается. «Решение земцев,—говорит «Le Temps»,—делает им честь. Оно доказывает, что политическое воспитание наиболее просвещенных элементов русского народа прогрессирует, и что они отказываются от туманных планов политического фокусничества, вступая мужественно на путь необходимой эволюции».

Буржуа, сытый политической властью и выдавший виды по части того, к чему приводят действительные победы народа, рабочих и крестьян в революциях, ни минуты не колеблется объявить сентябрьский съезд либеральных помещиков и купцов победой эволюции над революцией.

Он хвалит «умеренность» съезда. Он указывает с

явным удовлетворением на провал резолюции о «раздроблении земель» и об избирательных правах женщин. «Мудрость и умеренность этих решений показывают ясно, что мнения крайних партий не взяли верха на этом съезде. Программа, на которой они все сошлись, достаточно демократична, чтобы обезоружить революционеров. А так как земский съезд ждет осуществления своих проектов исключительно от употребления законных средств, то его программа может присоединить и тех реформистов, которых личные споры не отделили от членов земского съезда».

Буржуа сытый поощрительно похлопывает по плечу буржуа алчущего: выставить программу, «достаточно демократичную», чтобы пустить пыль в глаза, чтобы обезоружить революционеров, и встать на легальный путь,—сиречь, говоря простым и прямым русских языком, стоговариться с Треповыми—Романовыми,—вот истинная государственная мудрость.

А что надежды пронизательного буржуа на простоватых революционеров не совсем неосновательны, это доказали наши мудрецы из новой «Искры». Они, отпустив повод, ринулись в ловушку, наперерыв предлагая взимать демократические обязательства с умеренных буржуа, которые всей душой готовы теперь обещать что угодно и обязаться на что угодно. Не только в борьбе между враждебными партиями, но и в борьбе внутри социалистических партий (как мы после II съезда убедились на опыте) все обещания летят к чорту, раз затронуты сколько-нибудь существенные интересы борющихся. The promises like pie—crust are liven to be broken,—говорит английская пословица. Обещания—что корка от пирога: их на то и пекут, чтобы ломать потом.

К чему свелась искровская тактика по поводу Думы? Именно к идейному и тактическому обезоружению революционеров. Мудрецы из оппортунистической «Искры» работали над этим обезоружением, разнося идею активного бойкота, подменяя (совершенно в духе «Нового Времени» и почти теми же словами) активный бойкот пассивным, проповедуя доверие и доверчивость к обнимающимся вместе Милюковым и Стаховичам, а меняя революционный лозунг восстания освобожденной буржуазной размазней в роде «революционного самоуправления граждан».

Только слепые могут еще теперь не видеть, в какое болото залезла «Искра». В нелегальной печати она совершенно одинока, на ее стороне стоит только «Освобождение». Бунд, которого даже Мартов с Аксельродом не заподозрят в симпатии к «впередовскому арсеналу», решительно встал за активный бойкот. В легальной печати все прохвосты и все умеренные либералы объединились в борьбе с радикальными буржуа, высказавшими сочувствие бойкоту и настроенными наиболее дружелюбно по отношению к крестьянству.

Ну, разве же не правду сказал Ленин в своих «Двух тактиках», разбирая новоискровские резолюции, что «Искра» опущается до либеральных помещиков, в то время как «Пролетарий» старается поднять революционных крестьян?

Мы упомянули «Новое Время». Не только этот орган рептилия, но и «Моск. Ведомости» ведут отчаянную борьбу против идеи бойкота, показывая этим всем и каждому реальное политическое значение Думы. Вот

для образчика одна характерная выходка «Нового Времени», на которой мы тем охотнее остановимся, что она проливает новый свет на всю бездну буржуазной подлости даже такого «почтенного» либерального органа, как «Русские Ведомости».

Известный берлинский корреспондент этой последней газеты г. И. останавливается в № 247 на Йенском съезде. Мещанская душа прежде всего восхищается тем, что нашелся вот добрый и справедливый буржуа-либерал, богач Аббе, который подарил городу Йене народный дом для свободных собраний всех партий, даже социал-демократов в том числе. И г. И. подводит свою мораль: «можно принести пользу народу и вне известных партийных рамок». Это правда, конечно. Но что сказать о писателе, который в эпоху отчаянной партийной борьбы в России принимается хвалить беспартийность? Неужели не понимает г. И., что он совершает этим величайшую политическую бестактность, играя на-руку нововременству? Истинный смысл этого мещанского восторга перед беспартийностью выяснится, однако, читателю из следующей фразы г. И.:

«Не говорю уже о том, что бываю политические условия, при которых полезно на-время спрятать в карман конечные цели и помнить о ближайших задачах, общих у социализма и либерализма».

Вот это открыто! Спасибо хоть за ясность, г. И.! Нам остается только пользоваться такими заявлениями всегда и при всяком случае, при всех выступлениях перед рабочими, чтобы показывать буржуазный характер либерализма, чтобы разяснять рабочим необходимость самостоятельной партии пролетариата, неуклонно враждебной буржуазии, хотя бы и самой либеральной.

Но все эти тирады нашего «демократа»—только цветочки. Ягодки будут впереди. Г. И. не ограничивается советом пролетариату «на-время спрятать в карман конечные цели», т.-е. отказаться от социализма, нет, он советует, кроме того, отказаться от доведения те-

першей политической революции до конца. Г. И. цитирует речи Бебеля и выдвигает на первый план то место этой речи, где Бебель выражает сомнение, чтобы нам удалось «так скоро» превратить Россию в культурное государство, заявляя в то же время, что старый, самодержавный режим больше не вернется, «что старая Россия больше невозможна». По поводу этого места г. И. пишет:

«Я не считаю Бебеля авторитетом в русских делах, но должен заметить, что в этой части своей речи он выгодно отличается от Каутского и некоторых других доктринеров, рекомендующих Revolution in Permanenz (непрерывную революцию). Как умный человек и политик, знающий, какие конкретные формы принимает в жизни народа состояние постоянной анархии, Бебель видит успех прежде всего в осуществлении задач культуры, и из его слов совершенно ясно вытекает, что он не проводит демаркационных линий и уже наверное не воздвигает стен между русской интеллигенцией и русским пролетариатом, по крайней мере, до осуществления элементарных прав человека».

Во-первых это клевета на Бебеля,—клевета, чисто-нововременская. Бебель всегда и безусловно проводит «демаркационную линию» между буржуазным и пролетарским демократизмом; г. И. не может не знать этого. Бебель ограничивает самым решительным образом интеллигенцию буржуазную и интеллигенцию социал-демократическую. Уверять русского читателя, будто Бебель, борясь за «культуру», оставляет хоть когда-нибудь в тени лживость и предательство буржуазной демократии, с одной стороны, социалистические цели рабочего класса,—с другой, значит возводить величайшую ложь на вождя революционной германской социал-демократии.

Во-вторых, из речи Бебеля абсолютно не вытекает, чтобы он иначе смотрел на русскую революцию, чем Каутский. «Выгодное отличие» Бебеля от Каутского в

Очерки по истории революционной борьбы западно-европейского пролетариата.

Февральская революция и ее последствия.

Французская монархия в 1848 году была конституционной, король Людовик-Филипп принял скипетр из рук революции (в 1830 году) и гордился кличкой «Король-буржуа». Франция имела парламент и «либеральное» министерство Гизо. Но конституция покоилась на высоком цензе, вся Франция насчитывала лишь 240.000 избирателей. Гизо острил, что ценз есть лишний толчок к обложению; кто хочет быть полноправным гражданином,—должен обогащаться. И действительно, целая свора мошенников всеми мерами эксплуатации, обмана, полуоткрытого воровства создала себе капиталы не только за счет трудящихся классов, но выезжая также на спинах средних фабрикантов и торговцев. Над правительством было еще другое всемогущее правительство—шайка биржевиков, денежных мешков, сосавших

кровь страны, сильных двумя оружиями—рабской преданностью «своего» правительства, бывшего у них в долгу, как в шелку, и грязным подкупом, развращавшим сотни людей.

Устраненное от политических прав крестьянство, придушенная мелкая буржуазия, промышленники, жаждущие сами силы, значения, широкой возможности развивать свои предприятия,—вся Франция, словом, была озлоблена. Но когда обществу тяжело, еще тяжелее приходится «фундаменту пирамиды»—пролетариату. Пролетариат Франции выдвигал уже буржуазные «свободы» и помнил, что при всех режимах ему было одинаково плохо, в нем укоренилась и широко распространилась идея, что новая революция должна принести ему реальное улучшение, урегулировать те каторжные условия, в которых он жил и трудился. Большинство рабочих Парижа называли себя социалистами, но неясны были идеи рабочих: право на труд, ассоциация,—вот были главные лозунги. Между тем, буржуазия не может дать права на хорошо оплаченный труд всем рабочим, не упразднив себя: «Право на труд есть бессмыслица в буржуазном обществе, жалкое благочестивое пожелание,—говорит Маркс,—иначе оно означало бы власть над капиталом, а власть над капиталом означает

этом отношении есть вымысел г-на И., который вырывает и извращает один кусочек из речи Бебеля, умалчивая о целом ряде его заявлений всецело в пользу русской революции и ее решительной победы.

В-третьих,—и в этом заключается для нас самая интересная особенность позиции «Русск. Вед.»,—г. И. показывает своей выходкой, что он именно боится решительной победы революции в России. «Постоянную революцию» г. И. называет «постоянной анархией». Сказать это—значит назвать революцию крамолой, сказать это—значит сделаться предателем революции. И пусть не говорят нам дипломаты «Освобождения», любящие уверять, будто у них нет врагов слева, что это—случайная ошибка «Русск. Вед.». Неправда. Это—выражение самых глубоких чувств и самых коренных интересов либерального помещика и либерального фабриканта. Это то же самое, что фраза г. Виноградова, призывающего к борьбе против вступления русской революции на путь 1789 года. Это то же самое, что хлопотство г. Трубецкого, говорившего царю о своем несочувствии крамоле. Это—не случайность. Это—единственно правдивая формулировка словами бесчисленных позорных дел наших буржуазных демократов, которых утомляет «постоянная анархия», которые начинают жаждать спокойствия и порядка, которые уже устали «бороться» (хотя они никогда и не боролись), которые уже отшатываются от революции при одном только виде того, что рабочие и крестьяне действительно поднимаются на действительную борьбу, желая сражаться, а не только быть сражаемыми. Демократы-буржуа готовы прикрыть один глазок на бесчинства Треповых, на бойню безоружных, их пугает не эта, а другая «анархия», когда у власти будут не Трепов и не Петрункевич с Родичевым, когда крестьянское и рабочее восстание победит. Демократы-буржуа именно потому и идут так охотно в Думу, что они видят в ней залог предательства ре-

волюции, залог предупреждения полной победы революции,—этой ужасной «постоянной анархии».

Что это значение либеральной психологии мы показали верно, тому порукой «Новое Время». Эти травленные лакеи Треповых сразу подметили всю подлость «Русск. Ведомостей» и поспешили душевно обнять своих собратьев. В номере от 13 (26) сент. «Новое Время» сочувственно цитирует как-раз эту неправду г. И. о «выгодном отличии» Бебеля от Каутского, замечая от себя:

«Таким образом, нашим радикалам-«абсентеистам» придется и Бебеля исключить из числа своих союзников».

Вывод вполне законный. Профессиональные предатели «Нового Времени» верно оценили суть и смысл «обмолвки» «Русск. Вед.». Мало того: «Н. Время», искусенное в политике, сейчас же сделало вывод применительно к Думе. Хотя г. И. ни слова не сказал о взгляде Бебеля на бойкот, но «Н. Время» обозвало «абсентеистами» именно сторонников бойкота. «Н. Время» дополнило клевету на Бебеля клеветой на «радикалов», выразив, однако, ту совершенно правильную мысль, что именно идея полной победы революции, идея непрерывной революции руководит тактикой «радикалов-абсентеистов», тогда как боязнь «постоянной анархии» руководит идущими в Думу либералами. «Новое Время» право. Лакей Трепова имел полное основание поймать г. И. на месте и сказать ему: если не хочешь «постоянной анархии», значит ты—мой союзник, и никакое демократическое краснбайство не разубедит меня в этом. Наша ссора—маленькая семейная ссора, против «доктринеров», сторонников «постоянной анархии», мы будем заодно!

Не поймет ли «Искра» хоть теперь, что когда она упрекала сторонников бойкота в воздержании, т.-е. в абсентеизме, то она говорила по-нововременски? Не поймет ли она, что это совпадение ее лозунгов с нововременскими доказывает какую-то глубокую фальшь в ее позиции?

экспроприацию средств производства, подчинение их объединенному рабочему классу, стало-быть, уничтожение наемного труда и капитала». Точно так же и всякие формы рабочей ассоциации в недрах несокрушенного еще буржуазного строя—или утопия, или гнусная пародия на социализм. Рабочий класс Франции еще не понимал, что социализм означает захват власти пролетариатом, его революционную диктатуру, направленную к экспроприации орудий производства и передаче их обществу. Конечно, пролетариат Франции в то время еще менее мог выполнить такую задачу, чем русский пролетариат теперь. Если русский пролетариат составляет также лишь относительно небольшую часть населения страны, то зато вся Европа находится в этом отношении далеко впереди нас; в 1848 году Франция, напротив, шла непосредственно за Англией по развитию промышленности: мог ли французский пролетариат, будь он как угодно сознателен, перевернуть не только всю громаду буржуазной и мелкобуржуазной Франции, но и всю еще косную, еще едва подготовленную к господству буржуазии, на три четверти феодальную Европу? Но если бы пролетариат сознавал это, он не тешил бы себя социалистическими иллюзиями, он не верил бы во фразы и обещания, он готовился бы

к борьбе за социализм, укрепляя свою организацию, а к непосредственному осуществлению он наметил бы ясную, прозрачно определенную программу-минимум: он добивался бы республики ради мер к улучшению своего положения, но никогда не сливался бы с буржуазными республиканцами, а пользовался бы свободой и своим влиянием на государство для ускорения своего развития, сплоченности и силы своей организации. Русский передовой, социал-демократический пролетариат ясно различает свою минимальную и свою максимальную программу, — мнимо-социалистическими проповедями его не обманешь, он знает, что социализм будет делом его рук, и что для этого ему надо окрепнуть; он не преувеличивает ценности буржуазной республики, но и не уменьшает ее, он будет добывать ее, защищать ее и восполняется ею настолько, насколько это мыслимо, но все это для того, чтобы, собравшись с силами, убить ее, сломить ее рамки и совместно со своими братьями из других стран создать на их месте социалистический строй.

Но рабочие Франции не стояли под знаменем партии, ясно понимавшей свои задачи: их вожди были утописты, то пламенные, но нерасчетливые революционеры, то сантиментальные вздыхатели по справедливости и

Сытая европейская буржуазия хвалит за умеренность алчущую власть российской буржуазии. Лакеи Трепова хвалят г. И. из «Русск. Ведомостей» за порицание идеи «постоянной анархии». Нововременцы и новоискровцы смеются над «абсентеизмом»...

(Н. Ленин).

Помещики о бойкоте Думы.

[В № 76 «Освобождения» напечатаны краткие протоколы¹⁾ июльского съезда земцев. Теперь, когда вопрос о тактике по отношению к Гос. Думе привлекает к себе общее внимание, крайне важно отметить этот единственный в своем роде материал, показывающий, как именно рассуждали о бойкоте земцы и освобожденцы. Конечно, никто не сомневается в том, что до заключения мира, до выхода закона о Думе они были, или старались казаться революционнее, чем теперь. Но все же характер их аргументов чрезвычайно поучителен для проверки нашей оценки вопроса. Ведь, это—едва ли не первый вопрос в политической истории России, когда конкретные политические шаги обсуждаются и оппозиционными, и революционными партиями вместе.

Вполне естественно, что буржуазных демократов толкали к постановке вопроса о бойкоте не общая программа их борьбы, не интересы определенных классов, а прежде всего смутное чувство неловкости, стыда за то противоречивое, фальшивое положение, в которое они становятся. «Как же участвовать в деле, которое мы раскритиковали?»—спрашивал г. Шишков.—«Ведь, народ подумает, что мы солидарны с проектом». Как видите, у этого либерала первые же мысли о бойкоте связываются с вопросом о народе,—он чувствует инстинктивно, что итти в Думу значит делать что-то неладное импе-

но по отношению к народу. Он не может отделаться от проблесков хорошего желания итти вместе с народом. Другой оратор, г. Раевский, ставит вопрос отвлеченнее: «Мы всегда стояли на принципиальной почве, а на тактическом пути вступаем в компромисс. Выйдет так, что мы осудили булыгинский проект, но нам уже очень захотелось стать народными представителями. Не пойдем на этот скользкий путь». Это, конечно, маленькая гипербола г. Раевского, ибо освобожденцы никогда не стояли на принципиальной почве. Неверно также сводить вопрос к голому отрицанию компромисса: революционеры - социал-демократы, усвоившие дух марксизма, не преминули бы заметить оратору, что смешно отрицать абсолютно навязываемые жизнью компромиссы, что суть не в этом, а в ясном сознании и неуклонном преследовании при всяких обстоятельствах целей борьбы. Но, повторяем, буржуазному демократу чужда в основе своей материалистическая постановка вопроса. Его сомнение—лишь симптом глубокого раскола внутри разных слоев буржуазной демократии.

Фразер г. Родичев, говоривший после г. Раевского, решает вопрос легко: «Мы в свое время протестовали против нового земского положения, но мы в земство пошли... Если бы у нас были силы для осуществления бойкота, то следовало бы его объявить» (а не от того ли «нет сил», почтеннейший, что интересы собственников враждебны бесповоротной борьбе с самодержавием и враждебны рабочим и крестьянству?)... Первое правило военного искусства: бежать во - время... (ей - богу, так и сказал рыцарь тверского либерализма! А еще смеются либералы над Куропаткиным). «Бойкот будет в том случае, если мы, войдя в Думу, первое постановление сделаем: «Мы уходим. Это не настоящее правительство, без которого вы все же уже не можете обойтись. Дайте нам настоящее». Это будет настоящий бойкот». (Ну, конечно! сказать «дайте!»—разве может быть что - либо более «настоящее» для земского Бала-

братству, боявшиеся насилия и крови, словно красные девицы.

В оппозиции к бессовестному правительству казнокрадов, продажных душонок, мошенников и развратников, раззолоченной толпой теснившихся вокруг «Короля - буржуа» — золотого тельца, его храма — биржи, стояли три партии, три вполне сложившиеся компании образованных людей, обладавших политическим навыком, ораторскими и литературными дарованиями и выражавших три течения. Во-первых, опереточно-смешная парламентская оппозиция с надутым ничтожеством Одиллоном Барро во главе. Оппозиция эта состояла из того же гнусного материала, из которого было сделано правительственное большинство: то была перебранка между алчными рыцарями наживы, ссора из-за общественного пирога.

Вторая влиятельная группа сплывалась вокруг буржуазно-либеральной газеты «Националь». Недовольная поборами с растлением нравов, достаточно сильная уже буржуазия,—промышленная и торговая,—а также значительнейшая часть хорошо-оплачиваемой интеллигенции видела своего героя в умеренном, пустом, и нерешительном, но звонком и с виду самонадеянном редакторе этой газеты Марасте. Программа «Националя»

была такова: 1) вместо короля — выбранный народом президент; 2) вместо двух палат — одна, и притом на основе всеобщего избирательного права.

Вы видите, что умеренный и вполне буржуазный «Националь» по своей программе был радикальнее самых радикальных наших земцев и освобожденцев.

Но французская интеллигенция и недовольная, все более нищающая мелкая буржуазия шли гораздо дальше. Казалось, что они совсем-таки идут навстречу рабочему классу. Органом радикальной партии была газета «Реформа», ее редактором — Флокон, сотрудниками ее были Араго, Ледрю-Роллэн и Луи Блан. Это были законченные типы тех общественных групп, которые сливались в этой партии. Араго был старый республиканец, полный традиций великой революции, идеалист в лучшем смысле этого слова. Превосходнейший, высокоодаренный ученый-астроном, он горячо любил народ и свободу, но, глядя на свои звезды, мог легко попасть в любую канаву; золотое сердце, горячая голова, но детская наивность и сантиментальность в политике. Слова «свобода, равенство и братство» и весь высокий трагизм революции раз навсегда преисполнили его благоговением, но закрыли от него настоящую жизнь. Таких энтузиастов было немало, но что могли

лайкина? Недаром они так весело смеялись, когда г. Головин рассказывал им, как он «без труда разубедил» московского губернатора насчет опасений, будто земский съезд объявит себя учредительным собранием).

Г. Колюбакин говорил: «Преыдущие ораторы ставили вопрос так: «Либо итти в булыгинскую думу, либо ничего не делать» («Искра» ставит вопрос именно так, как эти «преыдущие ораторы» правого крыла монархической буржуазии). «Надо обратиться к населению, которое все будет против булыгинской думы... Обращайтесь к народу, осуществляйте на деле свободу слова и собраний. Но, идя в непотребное учреждение, вы себя губите. Вас там будет меньшинство, и оно погубит себя в глазах населения». В этой речи чувствуется опять связь идеи бойкота с обращением к крестьянству, значение этой идеи, как поворота от царя к народу. И г. Щепкин с великолепной откровенностью спешит возразить на глубокопонятную им речь г. Колюбакина: «Ничего, если мы сделаем ошибку в глазах народа, но спасем дело» (...дело буржуазии, крикнули бы, вероятно, оратору рабочие, если бы они присутствовали на этом благородном собрании). «Я не спорю, что, быть-может, нам скоро придется стать на революционный путь. Но проект бюро (проект резолюции против бойкота) хочет избежать этого, так как мы и по воспитанию, и по симпатиям» (классовому воспитанию, классовым симпатиям) «неревлюционны».

Мудро рассуждает г. Щепкин! Он лучше всех новоисковцев, взятых вместе, понимает, что суть тут заключается не в выборе средств, а в различии цели. Надо «спасти дело» порядка,—вот где гвоздь. Надо не рисковать революционным путем, который может привести к победе рабочих и крестьянства.

Зато краснойбай и водолей г. Де-Роберти высказывается совсем, совсем как новоисковец: «Что делать, если проект благодаря своей негодности станет законом? Восстание с оружием в руках?» (Как можно «связа-

вать восстание с Думой», что вы, г. Роберти? Как жаль, что не знакомы вы с нашим Бундом, он объяснил бы вам, что нельзя этого связывать). «Оно, думаю, со временем непременно придет. Ныне же сопротивление может быть либо просто пассивным, либо пассивным, но всегда готовым перейти в активное». (Ах, какой милый радикал! Вот бы ему попользоваться лозунгом «революц. самоуправление» у новой «Искры»,—уж он сумел бы тут разыграть такие арии, такие арии...)... «Дать мандаты лишь тем, кто поедет с решимостью во что бы то не стало сделать переворот». Знай наших! Что же, неправы мы были, сказав, что Парвус встретился и обнялся с таким вот освобожденцем? что новая «Искра» клонула на красные словечки помещиков-краснобаев?

(Н. Ленин).

Из бесед с читателями.

От редакции. Печатаем выдержки из письма товарища, члена одного из комитетов нашей партии. Этот товарищ—один из немногих, которые не только корреспондируют в ЦО, но и беседует о своем понимании тактики, о своем проведении ее. Без таких бесед, совсем не предназначающихся специально для печати, невозможна общая выработка солидарной партийной тактики. Без такого обмена мнений с практиками редакция заграничной газеты никогда не может выражать на деле голос всей партии. И мы печатаем поэтому мнение товарища, знакомого лишь с небольшой частью новейшей литературы, желая побудить возможно большее число товарищей практиков к подобным беседам и обмену мнений по всем партийным вопросам.

(Н. Ленин).

сделать в кипучей борьбе, требующей прозорливости, хладнокровия и глубокого анализа действительности, эти славные седые дети?

Ледрю - Роллэн был типичнейший идеолог мелкой буржуазии, великий человек маленьких лавочников. Он был весь напичкан фразами и словно заряжен порохом: по всякому поводу он пускал словесный фейерверк, и послушать его—так не было человека страшнее, решительнее и могущественнее. Но, кроме брызг и пены, никакого толку от него не было, потому что, когда доходило до дела, он оказывался очень жалок и умел только снова и снова работать языком. Он не был чистым буржуазным республиканцем, так как мелкая буржуазия тоже желала социальных реформ для своего спасения, но посягнуть на собственность—никогда! У него была вместо социализма какая-то каша, в которой он и сам очень плохо разбирался.

Наконец, Луи Блан был представителем той части интеллигенции, которая, честно констатировав все безобразия, всю внутреннюю ложь капитализма, искала союза с рабочим классом и была искренно социалистической. Но для Луи - Блана сущностью капитализма была не собственность частных лиц на орудия производства с неизбежными последствиями: выжиманием

прибавочной стоимости, армией безработных, конкуренцией и кризисами, а индивидуализм, эгоизм, нравственный принцип: каждый для себя. Социализм означает для него не экспроприацию орудий производства, не обобществление их, а прежде всего ассоциацию, принцип: каждый для всех, все для каждого. Его социализм был моральной реформой, поэтому он представлял его не как великую революцию, не как насильственный захват капитала пролетариатом, а в виде целого ряда государственных реформ, с одной стороны, нравственных усилий рабочих создать прочные ассоциации—с другой. Насилия Луи Блан боялся и в сущности был еще менее революционером, чем Ледрю-Роллэн. Надо, однако, признать, что Луи Блан был человек очень образованный, искренний и даровитый, хотя фраза и его иногда заедала, и он слишком любил ходить на ходулях.

Так как часть сотрудников и союзников «Реформы» была как-никак искренно социалистической, и остальная не была по своему социальному положению прямым врагом, прямым эксплуататором рабочего класса, то программа «Реформы» была сильно окрашена в социалистический красный цвет. Вот наиболее интересная часть этой программы:

«В основе разногласий между большевиками и меньшевиками, по-моему, лежит совершенно различное отношение к либералам и демократам, а это различное отношение в свою очередь находится в зависимости от диаметрально противоположного представления о роли буржуазии и пролетариата в предстоящей революции. Обе стороны признают, что предстоящая революция будет буржуазной. Впрочем, относительно меньшевиков это верно с большой оговоркой. По своим конечным результатам эта революция будет буржуазной, но в ее развитии возможны социалистические «инциденты». Это особенно проглядывает в резолюции о временном революционном правительстве. Временное революционное правительство должно будет «подавлять факторы (sic!), угрожающие основам буржуазного общества». Что это за «факторы», как не попытки, «частичные и эпизодические», образования социалистических «коммун»? То же временное революционное правительство (которое, между прочим, является, с одной стороны, классовым и буржуазным, ибо «подавляет факторы, угрожающие основам капиталистического общества», а с другой,—подклассовым или сверхклассовым, или внеклассовым, ибо оно «регулирует (!) взаимную борьбу классов»),—то же временное революционное правительство, «подавляя факторы», «двигает революционное развитие вперед» по дороге к демократической республике и, пожалуй, чего доброго, несмотря на неучастие в нем меньшевиков, доведет это дело до конца. А так как оно будет «подавлять факторы», то социал-демократии, которая «не ставит себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве», ничего не остается, как быть «партией крайней революционной оппозиции». А так как временное правительство в рамках буржуазного общества использовало весь возможный революционизм, т.-е. последовательно, по представлениям меньшевиков, до конца, то социал-демократии с ее «крайним революционизмом» ничего

не остается, как устраивать или поддерживать социалистические коммуны, или же ей нечего будет делать со всем своим крайним революционизмом. Но тогда возникает вопрос: верна ли наша программа-минимум, и правы ли были мы, нападая на с.-р. за их проповедь полусоциалистической революции? Должен оговориться, что если понять приведенные мною места иначе, то получится еще более безнадежная путаница. Во всяком случае, так или иначе, предстоящая революция будет буржуазной по своим конечным результатам, а демократическая республика явится, по представлениям меньшевиков, как равнодействующая между прочим революционизмом пролетариата, руководимого Старовером, и конституционализмом буржуазии, руководимой Витте.

Итак, предстоящая революция будет буржуазной. Это непреодолимо диктуется законами стихийного развития. Но там, где дело касается стихийности, вступает в свои права т. Мартынов. «Стихийно происходившие буржуазные революции,—проповедует т. Мартынов,—всегда превращали пролетариат в придаток буржуазной демократии, которой всегда принадлежало и стихийно должно принадлежать руководство буржуазной революцией. Итти против стихийности, говорить о руководстве революционным пролетариатом буржуазной революцией, это значит преувеличивать сознательность и преуменьшать стихийность. Пролетариат не может, а потому не должен брать на себя роль руководителя, он может принимать в этой исторически чуждой ему революции участие лишь с целью революционизировать ее. Он должен толкать буржуазных революционеров, предъявляя к последним грозные требования, стоя всегда на левом фланге и сзади, чтобы подталкивать, чтобы не пускать буржуазию назад,—одним словом, он должен итти за партией крайней революционной оппозиции». (В последнем слове вся мартыновская глубина). «Не пролетариат совершит эту революцию, а буржуазная демократия, а потому от этой самой бур-

«Все люди братья».

«Где нет равенства,—свобода не что иное, как ложь».

«Общество живет лишь благодаря разнородности дарования людей и выполнения ими различных функций, но даровитость не должна давать особых прав, напротив, она возлагает лишь новые обязанности».

«Таков принцип равенства: единственная законная форма его выражения—ассоциация (производительный союз)».

«Конечная цель ассоциации—добиться удовлетворения умственных, нравственных и материальных потребностей всех людей, прилагая для этого общие усилия и разнородные дарования своих членов».

«Рабочие были рабами, были крепостными, они стали наемными, они должны быть свободными союзниками».

«Этого результата можно добиться лишь через посредство демократической государственной власти».

Все это было очень красноречиво. Программа требовала дальше от государства ассоциации, широкого кредита со стороны государства, обеспечения труда за всяким сильным, пенсии за всяким хворым, старым.

Все вместе как-будто могло удовлетворить рабочих, еще более—обнищавших ремесленников, а в сущности

являлось, конечно, бессознательно, лживой идеализацией современного общества, в котором будто бы мыслимы все эти реформы без коренного крушения его основных устоев.

За пределами этих партий стоял революционный рабочий класс, который склонен был верить в подобные программы. У него были, конечно, свои вожди, и не только наиболее смелые рабочие, но и высокообразованные, преданные революционеры-интеллигенты, в роде Распайля, Барбеса, но если они были бесконечно решительнее и революционнее Луи Блана, они все же либо сами признавали возможным осуществление социализма путем свободных производительных союзов рабочих и государственного кредита, либо терялись в утопиях, совершенно неисполнимых в то время. Не было партии, которая ясно, трезво понимала бы задачи и, не упуская из виду конечной цели, правильно определила бы, что можно и должно сделать для ее осуществления в ближайшие дни.

(А. Луначарский).

жуазной демократии он получит все свои права, а не возьмет их, так-сказать, своими руками. Поэтому, он не хочет вступать в нелепую борьбу со стихийностью, он не должен брать на себя руководства революцией и вооруженным восстанием, не должен «захватить или разделить власть», а предъявлять (иногда с оружием в руках) свои требования к стоящей во главе революции буржуазной демократии». Это нас возвращает на несколько месяцев назад, когда эта марьинская идея ярко фигурировала в знаменитом плане земской кампании. Не непосредственная борьба против самодержавия (ибо, ведь, стихийно она есть собственность буржуазии), а предъявление требований к буржуазии. Это сразу приводит нас к исправленному (я бы сказал: подрумяненному) изданию старой староверской резолюции. От исправления она сделалась не умнее и не лучше, а наоборот. Если раньше все дело сводилось к формальным обещаниям со стороны либералов, то теперь, под влиянием критики зловредного Ленина, этой «язвы, разъедающей нашу партию», словечки «заявят», «выставят на своем знамени» заменены строгим словом «поддержат». И не только поддержка, но «энергичная, недвусмысленная, открытая» и проч. От этого дело становится только хуже. Если еще можно было ожидать формальных обещаний со стороны либералов (многими они уже теперь сделаны), то ожидать «энергичной и недвусмысленной (!) поддержки»—это значит затемнить сознание пролетариата. Нелепо было бы предъявлять требования, если не верить в их исполнение. И меньшевики верят им, делают вид, что верят в наших либералов и демократов. «В случае неисполнения этих требований,—грозят они либералам,—мы объявим вас «лицемерными друзьями народа». Если бы эта резолюция не была принята представителями с.-д. организаций, то я был бы убежден, что ее писали просто революционеры из буржуазии. Как? Позабыть, ни словом не обмолвиться ни в единой резолюции, что буржуазия в известный момент не и не у е м о попытается самыми варварскими мерами отнять у пролетариата его демократические завоевания, не предостеречь самым усиленным образом пролетариат от предательства буржуазии, примеры которого мы имеем в каждой буржуазной революции,—да полно, с социал-демократами ли мы имеем дело? Как? Верить, что буржуазия окажет «энергичную поддержку пролетариату в его борьбе за свободу стачек и союзов», когда именно в этой области вся западно-европейская буржуазия особенно проявляла предательство по отношению к пролетариату, когда до сих пор ни в одной европейской стране нет полной свободы стачек, когда свобода союзов еще так недавно тяжелой борьбой против буржуазии завоевана пролетариатом?

Невозможно без смеха читать резолюцию об участии во временном революционном правительстве. Здесь отступление меньшинства пред большинством прикрыто предсказаниями Аксельрода и глубокомысленными речевыми Марьина. Если резолюция Старовера наиболее выпукло выражает принципиальную ошибку меньшинства, то эта резолюция наиболее характерно выражает надутую пошлость, за которой притаилась неустойчивость и неуверенность в тылу. На принципиальный вопрос: допустимо или недопустимо участие во временном правительстве—дан робкий, увертливый, спрятанный в самом конце резолюции ответ («если она

(власть) попадет в ее (с.-д.) руки»). Как это может случиться, если «она не будет ставить себе целью захватить или разделить власть»,—это тайна Пифии. Но, во всяком случае, это—отступление пред большинством. Правда, у меньшинства осталась еще одна крепость—«не должна ставить себе целью», но в этой крепости пробита уже значительная брешь допущением, что власть все-таки может попасть в руки социал-демократии. Надо думать, что скоро придется во все лопатки удирать и из этой крепости.

Вот, собственно, все, что я могу сказать об этих резолюциях меньшинства. На других я не останавливаюсь. Это именно я и излагаю в своих рефератах рабочим, конечно, подробнее, популярнее и подробно останавливаясь особенно на положительной стороне, т.-е. на изложении взглядов социал-демократии.

Из всего изложенного выше вы увидите, что я никак не могу согласиться с взглядом, будто тактические разногласия неглубоки. Если в постановке конкретных задач дело иногда сводится к оттенкам, а на практике к тому, что эти задачи выполняются одинаково скверно и большевиками, и меньшевиками, то это еще не значит, что разногласие невелико. Наоборот, у нас диаметрально противоположное отношение к буржуазии. Меньшевики проповедуют доверие, большевики недоверие.

В организационном вопросе, как я доказывал в своих рефератах, разногласия также глубоки. Меньшевики фактически формулировали федералистический принцип, на деле проводят самого худшего сорта централизм, а их «устав» представляет формулированную в виде параграфов демагогию. Я не говорю уже о целом ряде смешных противоречий устава, об отсутствии целого ряда важных параграфов, что делает их устав похожим на недоноска, появившегося на свет божий без головы.

Перехожу к вопросу о Гос. Думе. Я не знаю взглядов меньшевиков, слышал, впрочем, о каком-то фактическом плане самостоятельных рабочих выборов (повидимому, осуществление самостоятельности пролетариата) да еще о прокламации под заголовком «Ко всем лишенным прав». По поводу самостоятельных выборов я вспоминаю фельетон № 101 «Искры» (единственный, который я читал после 78 №,—боже, сколько я потерял!) и резолюции конференции, где очень часто проглядывает такая точка зрения, которую я бы шутя назвал «Erfüllungstheorie»—теория внедрения политической свободы в самодержавном режиме. (Это напоминает мне старое «Рабоч. Дело»). Самая характерная черта во всей этой «теории»—это желание произвести революцию без революции, революцию без вооруженного восстания.

Возвращаюсь к Думе. Мой взгляд—и взгляд комитета, что булыгинская дума—это попытка союза между крупной буржуазией и помещиками, с одной стороны, и самодержавием, с другой. Рабочий класс заинтересован в том, чтобы помешать этому союзу, чтобы сорвать его, сорвать выборы, сорвать Думу. Поэтому, разоблачая входящих в союз с самодержавием «конституционалистов», он должен проповедовать среди демократов бойкот и оказывать им поддержку. Задача подготовки вооруженного восстания, как самостоятельная задача пролетариата, не только остается во всей своей силе, но принимает еще более важное значение именно в виду Думы. Кратко говоря: одна часть буржуазии стоит за выбор, другая

за бойкот, и пролетариат, когда его спрашивают, за выборы ли он, или за бойкот, должен отвечать: «За вооруженное восстание». Первую часть буржуазии он разоружает, вторую поддерживает.

Р. С. Мельком видел № 2 «Дневн. Соц.-Дем.». Боже! Сколько пустопорожней болтовни по поводу диалектики и «диалектики». У Чехова есть человек в футляре, а у нас «диалектик» в кавычках. Не мешало бы ему напомнить, что Маркс говорил о себе, что он не марксист (надо думать, в кавычках). Думаю, что ссылка на Маркса достаточно ортодоксальна. Бедный «диалектик»!

(С. П. Гусев).

К вопросу о партийном объединении.

(Протокол и комментарии).

На 3-м совещании представителей ОК и ЦК по вопросу о партийном объединении представитель ОК, отвечая на сделанные ему представителями ЦК запросы, формулировал основы объединительной кампании следующим образом:

1. После выработки соглашения о методах окончательного восстановления единства партии ЦК и ОК создают объединительную комиссию, делегируя в нее по равному числу представителей. Комиссия эта имеет своей задачей проводить в жизнь намеченный план объединения, расширяя его с согласия обоих центров.

2. Предварительным условием полного партийного объединения, хотя бы и путем съезда, является полное слияние параллельных организаций в большинстве главных пунктов соц.-дем. работы, а именно: С. - Петербург, Москва, Одесса, Екатеринослав, Рига, Нижний, Баку. Основы для этого слияния определены в протоколе 1-го объединительного совещания ЦК и ОК.

3. Признавая, что для окончательного объединения обеих частей партии съезд в настоящее время не является необходимым, представитель ОК считает возможным за него высказаться, если будут соблюдены условия, необходимые для созыва действительно партийного съезда, а также условия, изложенные в пункте 2-м.

Обсудив эти заявления, Ц. К-т решил дать на них следующий ответ.

По пункту 1-му. ЦК сочувствует плану образования объедин. ком., но полагает, что комиссия эта, необходимая, разумеется, только в том случае, если не удастся полное слияние обеих сторон на основе работы III съезда, должна поставить своей специальной задачей подготовку и организацию объединительного съезда.

По пунктам 2-му и 3-му. Признавая высокожелательным объединение паралл. организаций на местах, ЦК полагает, однако, что делать предварительным условием созыва объединительного съезда, а также условием объединения центров слияние крупнейших местных организаций крайне невыгодно для дела объединения. Этим путем съезд и объединение откладываются на

неопределенное будущее, потому что нет никаких способов принудить ряд крупнейших и наиболее резко расколовшихся организаций слиться при наличии неустраненных организационных разногласий, а также при наличии двух отдельных центральных аппаратов. С каким из двух центров были бы связаны объединившиеся местные организации? И если бы они слились без выполнения указанных представителями ОК реформ (предоставление решающего голоса в определенных случаях периферии), то не было ли бы это новым препятствием к созыву съезда и вообще к объединению? Судя по предложенной ОК формулировке,—было бы препятствием.

В дополнение к этому ЦК, снесшись со своим ответственным редактором ЦО, имеет теперь возможность дать ответ по пункту 5-му ультимативных условий объединения, внесенных представителем ОК на 1-м и 2-м совещаниях ЦК.

Признавая, что существование двух центральных или двух официальных органов партии было бы как нельзя более вредно для дела партийного объединения (это были бы два общепартийных центра для подбора и кристаллизации всевозможных разногласий и недоразумений), и находя, что в силу обязательных для ЦК постановлений III съезда он даже формально не имел бы права содействовать образованию такой комбинации,—ЦК высказывается, с своей стороны, всецело за единый ЦО при коалиционной редакции.

ЦК полагает, что в случае окончательного отказа тов. меньшевиков от объединения на основе III партийного съезда единственным возможным способом слияния обеих сторон явился бы объединит. съезд. ЦК считает ненужными и вредными всякие ограничительные условия к созыву этого съезда, кроме тех, которые гарантировали бы правильность представительства партии на съезде. ЦК предложил бы столковаться определенно относительно времени созыва этого съезда, а до него в целях его подготовки устраивать местные и областные общие конференции. ЦК глубоко убежден, что при наличии искреннего стремления обеих сторон к единству партии, при незначительности разногласий и под давлением суровых требований исторической эпохи, которую мы переживаем, съезд самым прямым и самым простым путем положил бы конец расколу партии. Выработка же условий съезда могла бы быть предварительно выполнена совещаниями центров и другими конференциями и завершена на месте съезда соглашением делегатов обеих сторон.

Публикуя эти документы, ЦК считает необходимым дополнить их некоторыми пояснениями относительно своей позиции в вопросе об объединении.

Так как постановления III съезда обязательны для ЦК, созданного этим съездом, то ясно, что итти на объединение путем нарушения постановлений III съезда ЦК не может,—раньше он должен был бы сложить свои полномочия, и, во всяком случае, он обманул бы доверие избравших его. Следовательно, дилемма: либо на основе III съезда, либо путем нового съезда,—неизбежно вытекала из сущности дела.

ЦК взял на себя инициативу формальных переговоров об объединении, обратившись к ОК с открытым

письмом, в котором предлагал приступить к слиянию обеих частей российской соц.-демократии на основе работы III съезда. В письме этом ЦК выяснял, что ни по существу дела, ни с формальной стороны такое решение вопроса не должно встретить препятствий: по существу потому, что наличные разногласия не так значительны, чтобы оправдывать раскол, с формальной стороны потому, что все предварительные условия объединения, намеченные меньшевистской конференцией, уже выполнены частью III съездом, частью Ц. К-м без малейшего нарушения резолюций и устава, выработанных III съездом.

В ответ на это ОК от имени меньшевистск. организаций выставила 5 ультимативных предварительных условий объединения. Одно из этих условий,—2 ЦО или 2 «официальных» органа,—представляло из себя сохранение замаскированного раскола; два других требования,—предоставление районным к-там решающего, а не совещательного голоса в вопросах общей политики местного ком-та и решение вопроса об открытии массовом выступлении в каждом случае прямым голосованием всех организованных рабочих,—очень симпатичны принципиально, но очень спорны со стороны практической осуществимости и целесообразности при всяких местных условиях в наличной политической атмосфере; между тем, тт. меньшевики требовали не факультативного, а обязательного повсеместного проведения этих реформ; последнего ЦК не мог взять на себя уже и потому, что не имеет на это ни права в виду автономии местных организаций, ни достаточной реальной силы. Четвертое условие—организация центр. конференций для выработки общих тактических указаний в промежутке между съездами—ЦК не отклонил по существу, но в виду крайней практической трудности осуществления не решился взять на себя обязательства выполнить собственными силами, не отказываясь, однако, от возможного содействия. Наконец, против пятого условия—коалиционный ЦК — по существу Ц. К-т ничего не имеет.

Так как, однако, все пять условий были и остались ультимативными, то Ц. К-т принужден был перейти ко второй части своей дилеммы—к вопросу об объединительном съезде, что он и сделал на 3-м совещании. Здесь, как ясно из приложенного документа, тт. меньшевики внесли опять-таки более чем трудно выполнимые ограничительные условия.

Объединение вне рамок III и без созыва IV съезда ЦК считает совершенно невыполнимым. Замечать съезды конференциями и опросами организаций, как предполагают тов. меньшевики, невозможно как по существу, так и по формальным соображениям. Местное, хотя бы и повсеместное обсуждение вопросов партийной жизни не может заменить общепартийного обсуждения и решения их; первое не только гораздо уже по своему материалу, по содержанию партийного опыта, который оно охватывает, но и связано со слишком малою ответственностью обсуждающих за результаты их решения. Плебисцит—не парламент, это слишком хорошо выяснено историей; опрос организаций настолько же не равняется съезду, насколько арифметическая сумма организаций не равняется партии.

Политика тт. меньшевиков, на наш взгляд, остается и теперь тою же, какой она была до III съезда.

Тогда они всячески затрудняли дело организации съезда и отказались, в конце-концов, от открытого объяснения на съезде. Они предпочли раскол без взаимного объяснения. Съезд мог дать или, как мы были глубоко уверены, настоящее единство партии, или сознательное временное разъединение, в котором все было бы ясно, и которое партии было бы неизмеримо легче преодолеть. И в этом втором, худшем, случае насколько мы были бы ближе к объединению, чем теперь, когда приходится взаимно столковываться «по кусочкам» и во мраке российских конспиративных условий!

До сих пор среди тт. меньшевиков обнаруживается особенная склонность к тем фиктивным формам объединения, которые чисто-внешним образом замазывают раскол и на практике ведут, как было до III съезда, к величайшему хаосу и анархии, к настоящему разложению партии. Пример—следующая резолюция влиятельной «Петербургской группы»:

«Признавая необходимым немедленное объединение обеих частей партии, Петербургская группа считает, что такое объединение может с успехом осуществиться лишь на основах, предложенных ОК на совещании с ЦК, при чем наиболее важными из выставленных условий Пет. группа признает расширение прав периферии и создание механизма, обеспечивающего систематическое влияние местных и областных организаций на тактику и политику ЦК,—Петербургская группа предлагает всем местным организациям немедленно высказаться по этому вопросу и, считая, что только тесное сближение между перифериями «большинства» и «меньшинства» может быстро увенчать успехом объединительные попытки обоих центров, рекомендует местным организациям немедленно заключить между всеми организационными ячейками самые тесные и по возможности постоянные организационные объединения при сохранении организационной связи с соответствующими частями партии, т.-е. при необязательности подчинения меньшинства объединившейся коллегии решениям ее по тем вопросам, которые разделяют обе части партии».

Это значит—объединять партию снизу и раскалывать ее сверху.

От ред.²⁾ Мы, со своей стороны, можем лишь при-ответствовать вполне ясную и определенную постановку вопроса Ц. К-том. Или слияние с партией на основе решений III съезда, или объединительный съезд. Орг. Комиссии предстоит сделать окончательный выбор. Если она отвергает вступление в партию на основе решений III съезда, тогда необходимо приступить тотчас к подготовке и выработке условий объединительного съезда. Для этого следовало бы, во-1-х, с безусловной точностью заявить формально обеим сторонам, что в принципе признается необходимым созыв двух съездов в одно время и в одном месте; во-2-х, определить также формально, что все организации каждой части партии безусловно подчинятся решениям съезда своей части. Оба съезда должны, иначе говоря, иметь решающее, а не совещательное значение для соответствующей части партии; в-3-х, необходимо заранее установить определенно, на каких именно началах созываются съезды, т.-е. от каких именно организаций по сколько деле-

гатов с решающим голосом (пп. 2 и 3 для той части партии, которая признала III съезд, определены уставом Р. С. - Д. Р. П., принятым на III съезде); в 4-х, надо тотчас же открыть переговоры о времени и месте съезда (об условиях слияния и моменте слияния двух съездов в один будет уже постановлено самими съездами); в 5-х, крайне важно приступить сейчас к разработке самого точного и детального проекта слияния, которой должен быть предложен на решение обоих съездов. Это дело—настоятельно необходимое. И опыт других партий, и опыт нашей партии показывают ясно, что без заранее изготовленного, опубликованного и всесторонне обсужденного проекта или проектов объединения съезды не будут иметь никакой возможности решить столь трудного вопроса.

Итак, очередь теперь за Орган. Комиссией, и ее решения с нетерпением будут ждать все сторонники объединения.

(Н. Ленин).

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Киев. 11-го сентября на закрытие съезда психиатров явилось народу видимо-невидимо, а полиция не пропускала безбилетной публики и произвела при этом два ареста, избив, как говорят, арестованных. При этом она охраняла порядок не только на улице, но и внутри. Публика выставляла требования: удалить полицию, освободить арестованных и впустить в зал всех желающих. Бюро съезда взяло на себя охрану порядка, и полицмейстер сдался; зал был очищен от полиции, публику впустили; затем один из членов бюро вместе с полицмейстером отправился в участок освободить арестованных. При этом полицмейстер дал честное слово, что немедленно произведет строгое расследование, и что будут удалены со службы те, которые избивали публику. Все это сообщил публике председатель и, когда все успокоилось, попросил разрешения открыть съезд, но публика заявила, что не даст открыть заседания до тех пор, пока член бюро не вернется из участка. Один из товарищей взшел на кафедру и предложил воспользоваться свободным временем, открыть народный митинг. Многие запротестовали, говорили, что грешно таким образом сорвать съезд, что митинг следует устроить после съезда. Опять взшел на кафедру председатель, проф. Сербский, и сказал: «Господа, попросив полицию удалиться, мы взяли на себя охрану порядка и нравственную ответственность за всех здесь присутствующих, а потому вам нечего и некого бояться; для того же, чтобы у вас был порядок, я вам советую выбрать председателя и открыть собрание». Нескончаемые аплодисменты были ответом на эти слова. Товарищи (двое) говорили с большим жаром. В это время вернулся из участка член бюро. Оказалось, что арестован был извозчик, который не хотел бесплатно везти арестованного в участок, и еще один (судя по некоторым замечаниям, товарищ), который был также избит. Теперь только публика разрешила открыть съезд. Докладчик был проф. Рот, но его не оказалось. Были прочтены заключительное слово и вынесенная съездом резолюция, одна из тех резолюций, которые игнорируют требования свободы стачек и неопределенно заявляют требование «истинного народного представительства». После этого взял слово проф. Сикорский; когда в это время товарищ стал говорить, он закричал: «Дайте нам раньше уйти». Опять проф. Сербский заявил: «Господа! я повторяю, что бюро съезда взяло на себя нравственную ответственность за благополучие всех вас, а потому я лично считаю себя обязанным остаться здесь до конца собрания; думаю, что и другие члены останутся здесь с нами». Председатель выразил от всего собрания благодарность проф. Сербскому и порицание проф. Сикорскому. Затем по предложению председателя была пропета «Вечная память».

В ответ на резолюцию съезда председатель предложил вынести т. свою резолюцию. Не успел он произнести несколько слов, как боковым ходом был введен в зал наряд войска и полиции. Публика осталась на местах. Выбросили красное знамя. Проф. Сербский встал на стол (он все время сидел на столе и аплодировал ораторам). За ним встали и другие члены. Он напомнил полицмейстеру, что нравственная ответственность за публику лежит на нем, и попросил дать время публике разойтись. Полиция и войско удалились под свист и шиканье публики. Профессора качали и пожимали руки. Публика расходилась мирно, хотя в зале еще пели. Члены до конца не оставили своего поста. «Ничего не будет,—говорили они публике,—ведь, мы не уйдем, пока вы не будете вне опасности». Интересны были некоторые картинки, например, как Сербский сам выпроваживал пом. полицмейстера, взяв его за плечо, а публика стоит и хохочет. Когда мы вышли на улицу, были и казаки, и конные городовые, и пехота, но никого не трогали. Публики было до 4.000 ч.

Баку. (7-го сент.). Всякого сравнивающего положение вещей в Баку в февральские дни и сейчас поражает громадная разница в настроении всех слоев бакинского общества. Резня в феврале вызвала необычайный подъем революционного духа. Митинги следовали за митингами, самые умеренные либералы считали необходимым показать себя самыми яркими радикалами. Попытка правительства создать антиреволюционную силу в массе самых некультурных и темных амбалов сплотила сразу все остальные элементы бакинского общества. Крупная армянская буржуазия подписывалась беспрекословно под всеми требованиями местного комитета. Комитетские резолюции единогласно принимались на больших митингах, состоявших далеко не из одних только рабочих. Всюду говорилось о необходимости вооружиться, о необходимости достать средства для вооружения. Для каждого было ясно, что февральская попытка правительства не окончится этими днями, что она повторится, и не раз еще. Для всех—и русских, и армян—была очевидна подоплека прошедшей резни, ее ярко выраженный провокаторский характер. Со всем иным делом сейчас. После теперешнего погрома не было уже ни одного митинга, ни одного протеста. Правительство весьма удачно разыгрывало роль примирителя национальной вражды, защитника несчастных армян, с одной стороны, и несчастных татар—с другой. Армянское общество, умоляя о защите и охране частной собственности, пользуется всяким случаем, чтобы подчеркнуть свою лояльность: шлет благодарственные адреса за возврат церковных имуществ, выражает признательность ген.-губернатору за «своевременную помощь» и т. д.. Русские молчат, а промеж себя ругают армян, как зачинщиков всей смуты. Широкие рабочие массы, подавленные нахлынувшей безработицей и угрожающей голодовкой, ищут виновника, и невольно ищут его вблизи. Только самые передовые слои связывают резню с общим строем жизни. Как-то вдруг все уверовали в национальную вражду. Как это ни печально, но приходится отметить, что за все время погрома не было ни одного случая открытого, активного выступления как партийного комитета, так и меньшевистского союза. Свою пассивную роль комитет объясняет неудавшейся общей забастовкой, которая должна была состояться накануне погрома, а главным образом, недостатком вооружения. На улицах Баку происходила форменная резня, и выступать против громил с голыми руками было бы нелепо, оружие же у комитета почти совершенно отсутствовало. Не могла также по чисто-случайным и независящим обстоятельствам работать и комитетская техника. Не знаю, по тем ли причинам, или по каким-нибудь другим, такую же пассивную роль сыграла и меньшевистская организация; она так же, как и комитет, не проявила себя ничем. Тот факт, что проявить себя в эти дни могли единственно только националисты-дрошакисты, доказывает, по моему, лишь то, что правительственная тактика натравливания одной национальности на другую будет итти успешно до тех пор, пока на Кавказе существуют национально замкнутые политические партии, ставящие себе самостоятельные националистические задачи. Будь в Баку отряд человек в сто, хорошо вооруженных (ружьями) русских рабочих, их выступление, их активное вмешательство имело

бы громадное политическое значение и дало бы армянам гораздо больше, чем сотни хорошо вооруженных дрошакистов. В том, что русские рабочие остались пассивными, виноваты в значительной степени сами дрошакисты. У них было много средств, много оружия, но в то же время они всячески изолировались от русских, отказываясь помочь комитету организовать вооруженные отряды из готовых идти на помощь русских рабочих. Местный комитет, не имея средств (вся буржуазия здесь состоит из армян), сделать на свои гроши ничего не мог. Существование националистических партий только содействует национальной травле правительства. Вот урок, который должны извлечь из последних событий армянские националисты.

(М. Лядов).

Казанский Комитет в заключении своего листка о булыгинской думе («Новый обман») говорит: «Долой эту Г. Думу, долой эту гнусную попытку обмануть народ! Пусть все оттолкнут этот подлый обман, пусть никто не выбирает туда и никто не идет в приспешники самодержавия! Не Г. Думу, изобретенную Булыгиным, а всенародную Думу, избранную всем народом,—вот что надо нам. Ни царь, ни министры, ни чиновники, а учредительное собрание, избранное всем народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, устроит новые порядки в русской земле. Долой самодержавие! Долой Гос. Думу! Да здравствует всенародное учредительное собрание! (9-го августа 1905 г.).»

Северо-Западный Союз о Государственной Думе. Изданный Союзом в 20.000 экз. листок под назван. «Долой Гос. Думу» заканчивается заявлением: «Мы будем всячески протестовать против гнусной комедии правительства—Гос. Думы, в которой мы лишены всяких прав. Мы будем повсюду устраивать митинги с вынесением протеста против правительственного обмана, мы будем выходить на улицу, наконец, мы с оружием в руках не дадим состояться выборам в самодержавную Гос. Думу, будем добиваться своих прав. На гнусную попытку царского правительства ответим: долой Гос. Думу! Да здравствует учред. собр. на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!»

Проект приговора. Окружной Организацией Московского Комитета издан проект крестьянского приговора по поводу выборов в Гос. Думу. В этом проекте, между прочим, говорится следующее: «По новому царскому закону Гос. Дума будет состоять из представителей только богатых и знатных. Рабочие и крестьяне не только не могут в эту Думу попасть, но они не имеют даже права и выбирать. Если нам, крестьянам, с первого взгляда, как-будто и дано право голоса, то, пройдя через четыре решета: волостное, уездное и губернное избирательные собрания, под председательством земских начальников да губернаторов,—в Гос. Думу попадут только те из крестьян, которых мы зовем кулаками-мироедомы, так как они-то всегда угодны высшему начальству. А затем в законе сказано очень ясно, что Гос. Дума имеет совещательный голос, а все дела решает царь и его министры. Это значит все равно, как у нас на сходке, что если сход что-нибудь решит, а земскому начальнику это не нравится, то решение сходки он бросает в корзину с мусором и решает по-своему. На земском можно подать жалобу, а на царя подавать уже некому, и потому в Госуд. Думе, если, например, представители решат убавить подати, а царь и министры не согласятся на это, тогда все, что выработывала Дума, идет насмарку. Царь Николай подпишет «быть податям по-старому» или «прибавить акциз на спички», и управы на него никакой уж нет. Отсюда выходит, что Гос. Дума без решающего голоса все равно, что колесо без спиц. И теперь мы поняли, что царь этой Думой хочет отвести нам глаза и сделать приятное богатым и знатным. Он, видя народное возмущение, бросил нам, как голодной собаке обглоданную кость с целью, чтобы мы обломали об нее наши зубы и заткнули глотки, которые теперь по всей России орут: «Долой самодержавие царя! Да здравствует самодержавие народа!». Но царскому правительству не обмануть нас. Мы теперь поняли, что оно—друг наших

врагов богачей-помещиков, и что поэтому оно не защитник наших интересов, а наш враг—обманщик, а потому «долой его!».

«Мы теперь сознали, что если мы хотим себе лучшей доли, лучшей жизни, то нам необходимо вести борьбу за то, чтобы делами государства управляли не царь и чиновники, а наши настоящие представители с полным решающим голосом без всякого царя и чиновников, с полной властью издавать законы в наших интересах. Мы знаем также, что Р.С.-Д.Р.П. борется за полное освобождение народа от ига самодержавия и богачей, поэтому мы присоединяемся к ней и заявляем: 1) выбирать в подлую царскую думу мы не будем; 2) будем добиваться с оружием в руках нашей настоящей народной Думы, демократической республики, которую и создаст учредительное собрание, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования избранное.

Петербург. Даже и в деле сыска система Плеве признана негодной. И вот как результат командировок за границу Штюмера, проф. Дерюжинского и др., изучавших сыск по всей З. Европе, явился новый план борьбы с «крамолью», для осуществления которого департамент полиции выписал из Парижа руководителей-сыщиков, любезно уступленных друзьями-французами, а также и из Америки агентов так-называемой вольной полиции. Д. П. пришел к убеждению, что суд с участием сословных представителей при существовании нового уголовного уложения (спасибо, проф. Фойницкий!) более удобен, чем жандармский застенок. Но зато для суда сословных представителей необходимо иметь более или менее явные улики. Д. П. и этим не смущается, благо денег у него много: им решено, во-первых, увеличить число провокаторов, а во-вторых, арестовывать преимущественно на «месте преступления», как, напр., при переноске или на складах оружия и литературы, в кружках, на собраниях и т. п. Таким образом, раз напав на след «крамольника», арестовывают его лишь тогда, когда при аресте есть наибольшее вероятное добыть те или иные улики. Кроме того, необходимо иметь в виду всем товарищам то обстоятельство, что теперь особенно следят за всеми входящими на свидания к арестованным и хлопочущими о них, а также за уже сидевшими. Далее могу сообщить, что в настоящее время «слежка» чрезвычайно усилена, так как Д. П. намеревается в декабре и январе произвести массовые аресты, надеясь ослабить революционное движение к началу заседаний булыгинской поддачи либералам.

Резолюция, принятая на сходке в Петербургском университете 13-го сентября 1905 г. Принимая во внимание: 1) что на сходке 7-го февраля 1905 года мы, студенты университета, постановили посредством общей забастовки протестовать против существующего порядка гнета и произвола и заявили свою решимость бороться до конца за полное и действительное народное правление; 2) что открытая манифестом 6-го августа Гос. Дума ни в каком отношении не может быть названа народным представительством, но, оставляя бесправными широкие массы населения, является позорным издевательством над стремлениями рабочего класса и всего народа и при сохранении полной несвободы имеет своей задачей единственно служить укреплению самодержавно-полицейского строя; 3) что единственным путем завоевания действительно народного правления является созыв всенародного учр. собрания временным революционным правительством, органом победоносного вооруженного восстания; 4) что в настоящее время рабочий класс и деревенская беднота развивают ко времени позорной комедии выборов в Гос. Думу упорную и решительную борьбу против этого посягательства на народные интересы, и что для всего прогрессивного студенчества является задачей и вопросом политической чести с возможно большей силой и энергией примкнуть к поднимающемуся протесту, к борьбе; 5) что в силу этого перед всем революционным студенчеством стоит теперь огромная задача развить интенсивную работу и содействие рабочему классу для подготовки и организации сил этой открытой борьбы; 6) что открытые высш. учебн. заведений и превращения их в очаги революционного брожения является мобилизацией сил студенчества; 7) что продолжение студенческой

забастовки не может иметь в данный момент такого политического значения, какое она имела в начале этого года, и какое она может, начавшись снова, иметь в будущем, как один из способов поддержки студенчеством решительной борьбы рабочего класса, и, наконец, 8) что неудовлетворенные, как студенты, ничтожной и половинчатой «автономией», брошенной правительством в виде подачи профессорам, не получившие, как граждане, никакого удовлетворения на наше требование действительного народного представительства, мы, как студенты и как граждане, должны перейти к другим, более действительным средствам борьбы за выставленные нами общенародные требования.

Принимая все это во внимание, мы, студенты Петербургского университета, собравшись на сходку 13-го сентября 1905 года, постановили:

1) Отложить объявление забастовки впредь до того момента, когда это будет выгодно по соображениям революционной тактики; 2) исключительно в этих целях открыть университет для развития в его стенах и вне их широкой работы по подготовке надвигающейся решительной борьбы; 3) использовать все средства к усилению революционной деятельности студенчества путем устройства всенародных митингов и организации академического легиона, как одного из отрядов, примыкающих к великой армии борющегося за народную свободу рабочего класса.

И пусть наш открытый университет станет для самодержавного правительства еще более опасен, чем был для него опасен университет багстующий!

Результат голосования: за резолюцию 1.702 голоса, против 243, воздержалось от голосования 77.

Товарищ, приславший эту резолюцию в редакцию «Пролетария», прибавляет от себя:

«Первый раз студенческая сходка выражала желание выставить из залы освобожденца. До чего дожили!. На сходке велись жаркие дебаты между с.-р. и с.-д.,—почти исключительно большевиками. Да и сама резолюция определенно отвечает на вопрос, какая из фракций с.-д. была руководительницей».

Петербург. 16-го сент. Теперь во всех высших учебных заведениях происходят необыкновенные сходки, открытые для всей публики: рабочие, интеллигенты, студенты и курсистки других учебных заведений, просто любопытные с улицы,—всех пускают на сходку.

15-го сент. была такая же сходка в Женском Медицинском Институте. Продолжалось с утра до вечера с перерывом для отдыха. Говорили курсистки, рабочие, студенты, интеллигенты. Во всех учебных заведениях на этих сходках выступали представители с.-д., с.-р., либералов и др. партий, называя каждый раз, кто к какой партии принадлежит. Открыто говорится то, о чем говорили раньше втихомолку. Называются эти сходки митингами. На этих митингах представители двух направлений весь день пререкаются друг с другом. С.-р. призывают к забастовке с тем, чтобы студенты шли в народ на пропаганду и агитацию; с.-д. просят открытия учебных заведений, только для виду, если нужно—заниматься для официальности, открыт для того, чтобы воспользоваться моментом и устраивать такие же митинги, какие идут теперь, пока не закроют учебных заведений.

Быть всем в Петербурге (отнюдь не бастовать и не разъезжаться по провинциям: все студенты все равно не пойдут в народ, а пойдут в деревню только единицы,—так говорят с.-д.), чтобы в решительный момент революции быть сплоченной и организованной силой. Революционные же моменты, по словам с.-д., начнутся скоро и именно в Петербурге, а не в провинции. Вот основные темы для споров на митингах в учебных заведениях. Говорят много представители рабочих, тоже от разных партий. На некоторых сходках говорили профессора и либералы (Гессен и др.).

Теперь можно сказать определенно, что высшие учебные заведения будут открыты, но едва ли мы долго будем учиться, потому что митинги будут продолжаться, а этого, ведь, не потерпят. Теперь терпят потому, что предполагается, что говорят о начале занятий, и на посторонних присутствующих смотрят сквозь пальцы... (Из частного письма).

Симбирск, 12-го сентября. В селе Нагаткине (37 в. от Симбирска), в имении Белякова были аграрные волнения. Почвы для последних, по мнению самого Белякова, не было, потому что для крестьян он—«отец и благодетель» и всегда за крестьян стоит. Но «благодетелем» Беляков является только в городе при разговорах с людьми посторонними, ибо время такое, что всякому мерзавцу приходится носить маску народного героя или, по крайней мере, защищающего народные интересы. Но в деревне маска снимается, и г. Беляков встает перед нами во всей красе, с ужасной эксплуатацией, издевательством, непечальной бранью и прочими атрибутами дореформенного времени. Держит 30 чел. рабочих (мордва из Ардатов. уезда); все из села Парадеева (там весной было 5 поджогов, подожгли дом старосты). Народ очень темный и забитый. Плата за время от Пасхи до Покрова 35—50 руб., за круглый год 50—60 руб. Условия невозможные, кормит гадко, жилища еще того хуже. Каменный флигель без пола, грязь, копать и тут же лошадиная сбруя...

В ходу и штрафы. Вез, например, мужик солому и уронил 2—3 снопа. Управляющий, ехавший сзади, оштрафовал на 50 копеек; иногда штрафы доходили до 10 руб. Никакой определенной нормы рабочего дня не существует. Работают, сколько бог на душу положит Белякову,—с 4 час. утра до 9 вечера (17 час.). Остальную землю «благодетель» обрабатывает разными способами. Частью сдает в аренду (40—50 руб. за 2 дес.), частью отдает «исполку». Больше отдает на отработки. Аграрное движение началось по всей Нагатской волости с весны. Тогда собирался сход волостной, составили петицию «царю-багюшке» (с весны же крестьяне начали получать нелегальную литературу). Составили петицию и послали, но ничего не вышло из этого. Ждали мужички, ждали и начали волноваться. В конце июля весь урожай нынешнего года у Белякова сожгли. (Факт поджога дознанием не был установлен, как утверждают злые языки). Несуразной показалась благодарность мужичка г. Белякову. Дня через три после пожара ехал Беляков в коляске с женой и служащим земской управы Сладковым; деревенские парни с почетом встретили благодетеля, камешками начали покидывать. Господа перетрусили, да так, что потом утверждали, что это у них были страшные минуты в жизни. В этот же день у Белякова сожгли копны. А вечером, выведенные из терпения поборами, нахальством, издевательством и грубостью попа, крестьяне сожгли весь поповский хлеб и дом. Озлобление было так велико, что имущество, которое вытаскивали из огня, бабы и девки бросали обратно в огонь. Беляков уехал в Симбирск и упросил губернатора прислать казаков. Казаков прислали полсотни. За несколько часов до приезда казаков нагрянули жандармы, сделали обыск, ничего не нашли и взяли трех братьев Елиных (один ученик земледельческого училища) и Василия Шеина. Хотели-было взять крестьянина Дикарева, да без казаков побоялись (он пользовался в селе большим уважением и мужик интеллигентный). Когда приехали казаки, снова взялись за Дикарева. Собравшаяся толпа чел. в 400 решила не давать его. Тогда он обратился к народу: «Братцы, оставьте меня, потому что может выйти ненужное кровопролитие; а когда я буду в тюрьме, то позаботьтесь обо мне». Потом, обратившись к жандармам, сказал: «Я не поджигатель; тушивши пожар, я ожег себе руки, а если вам хочется взять меня, то берите, как борца за народное право». Он был взят. Теперь все 4 в тюрьме. И... по всей волости брожение. На окружных помещиков пожар подействовал. Многие перетрусили. Так, Арцаков призвал к себе полномоченных от крестьян, просил их заявить, что им нужно: «Удовлетворю, лишь, пожалуйста,—просил,—не прибегайте к аграрному террору!»—и предлагал земли на выгодных условиях.

Тоже «из впередовского арсенала». В № 16 «Пролетария» мы уже отметили и дали должную оценку той критике, с которой «Последние Известия Бунда» выступили против позиции «Пролетария» в вопросе о Гос. Думе. «Она (т.-е. позиция) страдает,—по словам редакции «П. И.»—одним существенным недостатком: она связывает агитацию против Думы с «дружинами», «временным правительством» и тому подобными вещами, взятыми из «впередовского арсенала» и т. д. (№ 247, «Дума контр-революции»).

Прочитав только-что вышедший № 249 «Последних Известий», мы с удовольствием убедились, что некоторыми из этих «существенных недостатков» грешит позиция и самих бундовцев (правда, российских работников, а не заграничной редакции их органа). Такими, напр., «вещами», как «дружины», не побрезговал и недавно состоявшийся «Первый съезд представителей организаций киевского района Бунда», на котором присутствовали делегаты от 9-ти районных организаций (на 45 городов и местечек киевского района).

В отчете об этом съезде, напечатанном в № 249 «П. И.», находим резолюцию о Государственной Думе, в которой (т.е. резолюции) черным по белому написано: «В виду предполагающегося в ближайшем будущем открытого выступления (пролетариата) съезд предлагает районным организациям приступить немедленно к организации боевого отряда (по-нашему, скажем, «дружины») и приобретению для этой цели огнестрельного и холодного оружия».

Уж эта-то «вещь» («боевые отряды») целиком заимствована из «впередовского арсенала»! И как это не доглядела хитроумная редакция «Последних Известий»?

(И. Чужак—А. Насимович).

Ошибка или недоразумение? В отчете о том же съезде представителей организаций киевского района Бунда читаем, между прочим, такую резолюцию о работе в войсках: «Признавая необходимым для данного момента самую интенсивную работу среди солдат, съезд предлагает всем районным организациям немедленно приступить к организации беспартийных (курсив наш) военно-революционных организаций и вести агитацию среди войска в том направлении, чтобы в момент восстания привлечь его на сторону революционеров».

Что это: ошибка, явный абсурд или редакционная неточность, недоразумение?

(И. Чужак—А. Насимович).

Сердитый ответ. Наша статья «Теория самопроизвольного зарождения» («Прол.» № 15) вызвала крайне сердитый ответ Бунда. У него даже не хватало собственного запаса сердитых слов, и он позанимал их еще у известного противника грубой полемики Плеханова. В чем же дело? За что сердится Бунд? За то, что мы, с одной стороны, оговорили возможность иронию в бундовской хвале по адресу «Искры», а с другой стороны, высмеяли солидарность Бунда с «Искрой» по целому ряду пунктов. Эту двойственность Бунд взваливает на нас, обвиняя нас в фокусничестве и т. д. и обходя полным молчанием весь наш разбор, несомненно, неиронических и столь же, несомненно, неверных аргументов Бунда. Отчего Бунд обошел молчанием этот разбор по существу вопроса, им самим поднятого? Оттого, что из этого разбора видна двойственность позиции самого Бунда, который, с одной стороны, отрекся от искровой «думской» тактики, а с другой стороны, повторил серьезнейшим образом ряд искровских ошибок. То, что сердитый Бунд объясняет нашей двуличностью, на самом деле объясняется двуличной позицией Бунда по вопросу о том, выставляя ли нам лозунг созыва учр. собрания временным революционным правительством или царем, или Гос. Думой, или же самопроизвольного зарождения этого учр. собрания. Мы показали, что Бунд запутался по этому вопросу. Бунд и до сих пор не дал на него прямого ответа. И если Бунд теперь бранится по поводу того, что мы ему показали зеркало, то мы ответим пословицей: «На зеркало неча пенять, коли...».

(Н. Ленин).

ИЗ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Петербург. 31-го авг. рабочими Семьяниковского завода был назначен митинг для решения вопроса о «черной сотне», появившейся в котельной мастерской. Это была группа рабочих, которые стремились к повышению расценок и

объявлению забастовки с целью, как объяснили сознательные рабочие, вызвать всеобщий расчет и таким образом выкатить всех сознательных. В повседневной жизни эта группа отличалась крайней грубостью в обращении с остальными, позволяла себе драться по физиономиям и держала в страхе всю котельную мастерскую. Так как вопрос об удалении с завода подобных господ был крайне важен для всех, то после окончания работ и даже за некоторое время до гудка к месту митинга стали толпами стекаться из разных мастерских рабочие. В короткое время почти весь громадный двор завода был запружен народом. Стояли спина к спине, плечо к плечу. Посредине на импровизированной трибуне стояли над толпой старосты. Когда толпа достигла тысяч до 4-х, и воцарилась тишина, один из старост открыл собрание.

Трудно передать точно содержание его речи: он говорил тихо, невнятно, с частыми повторениями и недомолвками. В общем смысл речи сводился к перечислению обид со стороны черной сотни, к указанию на общий террор, который наводит эта группа; кончил предложением сплотиться для отпора черносотенцам. Второй оратор, рабочий из той же группы старост, остановился на социально-экономическом положении черносотенных элементов. Он указал отличие их от чистого пролетариата, указал и дезорганизаторский характер их действий. Затем высказал предположение о том, что эта группа является не случайным соединением кучки единомыслящих людей, а, наоборот, есть результат организации сверху «полицией и бюрократическими силами», как выразился оратор. В доказательство этого предположения он указал на клеветы и высиуации, распространяемые этими людьми о соц.-демократах, которые являются друзьями рабочих; тут же вскользь он дал объяснение слову «демократ», происходящему от греческого *demos*—народ, и кончил предложением в случае повторения со стороны черной сотни какого-либо проступка исключить их из своей среды, потребовал у администрации их удаления. Речь была встречена общим одобрением. Затем поднялся оратор от Комитета. До митинга он находился в одной из мастерских, а во время речей в толпе рабочих, совершенно лишенный возможности пробраться к трибуне вследствие массы народа.

Стоя на доске, перекинутой через оба края громадного медного куба, он возвышался над всей толпой. При первых же словах оратора толпа сгрудилась, и было видно, как со всех сторон подбегали и присоединялись рабочие, до тех пор не слушавшие. Речь продолжалась минут 20-25. Вот приблизительный конспект речи.

Сначала оратор поблагодарил собрание за то доверие и уважение, с каким оно отнеслось в лице второго оратора, которому аплодировали, к Р.С.—Д.Р.П. Затем, охарактеризовав черную сотню лишь как одно из проявлений современного режима, он представил всю Россию, как громадное поле борьбы, на котором черные сотни всех родов и видов, всех форм и родов оружия борются с проснувшимся народом. Вкратце перечислив все события до последних бакинских и тифлиских, упомянув о Лодзи, Одессе, Варшаве, Иванове-Вознесенске, «Потемкине», указав на волнения матросов в Либаве, Порту Александра III, Кронштадте, Севастополе, упомянув о надвигающемся голоде, он поставил вопрос: почему в России вся эта бедность? Соц.-демократия дает ответ на этот вопрос.

Приступая к характеристике партии, оратор указал, прежде всего, на мощь рабочего движения на Западе и привел пример сознательности германского и французского пролетариата в деле предупреждения мароккского конфликта. Затем, переходя к государственному устройству, давшему возможность рабочим обеих стран подать свой голос и заставить к нему прислушаться, он остановился на путях к достижению политической свободы в России, на необходимости учредительного собрания и всеобщего избирательного права. От картины правовых гарантий и правового государства оратор перешел к социализму.

Для более наглядного представления картины современного классового господства он нарисовал вид Невского или Морской с представителями самых разнообразных классов, которые там встречаются, и указал на разницу социально-экономического положения отдельных лиц и на их отношение к средствам производства и к источникам до-

ходов. Расчленив на отдельные классы всю массу людей и подробнее остановившись на положении рабочего и капиталиста и на их взаимном отношении, он указал на историческую необходимость развития рабочего движения в России, на его интернациональный характер и окончил призывом рабочих под красное знамя Р.С.-Д.Р.П. для завоевания социализма.

До сих пор молча и напряженно слушавшая толпа при словах оратора: «И скажет тогда грозный и могучий рабочий класс: Слушайте вы, господа капиталисты, фабриканты, домовладельцы, землевладельцы! Будет вам растить свое жирное брюхо,— пусть фабрики, заводы, земля, все орудия производства и все продукты будут собственностью самих производителей, — и будет так», — толпа не выдержала и долго подавлявшееся одушевление вырвалось единым криком из тысячи грудей, даже не дав кончить оратору. А затем вся толпа вслед за оратором по мановению его руки повторила один за другим соц.-демократические лозунги: «Долой самодержавие! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует всеобщее избирательное право. Да здравствует революция! Да здравствует социализм!».

Затем говорил еще один рабочий о черной сотне, но закончил речь тоже словами «Долой самодержавие!» Толпа разошлась взволнованная и возбужденная.

Обуховский завод (21-го сентября). Приблизительно в 5 часов вечера я прошел в костюме рабочего, синей блузе и картузе, в главные ворота Обуховского завода, со звоном опустив в расщелину стола жестяной номер одного из организованных рабочих. На известном пункте нас ждали уже кучки рабочих, которые по поданному знаку побежали бегом по мастерским предупредить о митинге. Сидя на деревянной лесенке у вторых ворот завода, я наблюдал, как сходились отовсюду рабочие: сперва появилась самая буйная снарядная мастерская, затем стали подходить и другие. Приблизительно минут за 5 до гудка, когда толпа достигла 1.000 человек, я влез на какую-то мусорную яму и начал говорить. Сильная простуда мешала звучности голоса: он принял сразу какой-то хриплый, сдавленный оттенок; мне пришлось, опасаясь за горло и за то, что голосу могло не хватить до конца, укоротить чуть ли не наполовину свою речь, она продолжалась не более 10 мин. При первом же обращении: «Товарищи! Знаете ли вы, что такое Р.С.-Д.Р.П.?» — вся толпа обратилась ко мне. Приблизительный конспект речи следующий:

«Современное положение России, последние события в Баку и Тифлисе, что нужно рабочим, что им даст правительство, Гос. Дума, ценз, исключение из представительства рабочего класса, который своею кровью завоевал его; чего хотят социал-демократы; всеобщее избирательное право, долой самодержавие, мощь рабочего движения на Западе, конечная цель соц.-демократии; социализм и передача всех средств производства в общественную собственность». Особенное впечатление произвел факт предупреждения войны рабочими во Франции и Германии, и сопоставление этого факта с русско-японской войной: вся толпа в один голос крикнула «так!». Во время речи открылись ворота завода, и некоторая часть шарахнулась в них, но остальные мощным криком: «Стой, не уходи!» — остановили ее.

Когда я кончил, толпа так же единодушно поддержала крик «долой самодержавие» и с пением марсельезы вышла на улицу, к ужасу единственного городского, стоявшего напротив и беспомощно разводившего руками.

Петербург. 24-го августа на Обуховском заводе нашими рабочими был организован митинг. По окончании дневной смены около 900 рабочих собралось частью во дворе завода, частью за воротами. Оратор (посланный Невским районом) избрал темой Гос. Думу. Охарактеризовав порядок избрания крестьянами и другими классами населения, он обрисовал классовой характер этого учреждения, предназначенного обслуживать интересы крупной буржуазии. Особенно было подчеркнуто то обстоятельство, что рабочий класс в полном составе совершенно лишен избирательных прав, так что по отношению к нему вводимое «народное представительство» является лишь новым орудием угнетения, должствующим лишь укрепить разрушающиеся под ударами

пролетариата позиции его врагов. Далее оратор напомнил, что уже не в первый раз правительство пытается обмануть пролетариат. В первый раз это ему не удалось: пролетариат не пошел на тонкую удочку, закинутую сенатором Шидловским. Теперь правительство опять прибегает к политике обмана. Но здесь оно собирается обмануть уже весь народ. Поэтому задача пролетариата представляется еще более серьезной: он, передовой боец за низвержение самодержавия, должен первый дать отпор правительству, должен первый своим революционным выступлением порвать хитросплетенную паутину и задушить самого паука. Как и прежде, пролетариат должен твердо помнить, что самодержавие является громадным тормозом на пути к достижению конечной цели пролетарского движения — социализма. И на предательский манифест 6-го августа пролетариат должен ответить грозным кличем: «Долой самодержавие! Да здравствует всенародное учредительное собрание! Да здравствует вооруженное восстание!».

Рабочие поддержали эти возгласы криком «ура!». Этот митинг внес сильное оживление в рабочие массы. Везде кучки рабочих оживленно толковали по поводу речи. Выражались пожелания, чтобы митинги организовывались возможно чаще.

Петербург (29-го авг.). Вчера случайно на одном и том же месте собрались две массовки, устроенные самостоятельно большевиками и меньшевиками. Так как у местных работников заметно довольно сильное стремление к объединению, было решено составить одно собрание. Со стороны меньшевиков выступило двое; из них один прекрасный, умный оратор, которого я с удовольствием слушала. Первый из них указал на почти полное отсутствие разногласий между нами, так как организационный вопрос мы практически разрешили совершенно одинаково, а вопрос о временном правительстве не так важен, чтоб разделять партию на две, да к тому же и не требует своего решения сейчас и, вероятнее всего, решится впоследствии самой жизнью. На этом основании он предлагал собранию вынести резолюцию о необходимости объединения партии. Второй оратор, расходясь с первым в оценке глубины и значительности наших разногласий, все-таки не находил их достаточными для раскола и поддержал резолюцию первого, заявив при этом, что необходимость объединения сознается и верхами партии; но, несмотря на все попытки, до сих пор им не удалось притти к какому-нибудь соглашению, а потому нам приходится делать это снизу. Он прибавил: «Мы добьемся этого, потому что, в конце-концов, чего захотите вы, того захочет и партия».

Я согласилась с ораторами в вопросе о разногласиях, но выразила предположение, что собрание некомпетентно в решении этого вопроса, что оно не отдаст себе, вероятно, ясного отчета в том, как следует относиться к обоим направлениям, а следовательно, и некомпетентно выносить резолюцию, предложенную предыдущими ораторами. Такие резолюции могут иметь значение и смысл, могут повлиять на решение верхов партии, если они выносятся на собраниях передовых рабочих, знакомых с разбираемым вопросом и выражающих свое собственное убеждение, а не мнение одних ораторов. Не нужно обладать ни большим умом, ни большим опытом, чтобы понять, что единая партия сильнее и лучше двуединой. Но не следует принимать резолюций, которые выносятся не на основании знакомства с делами, и которые поэтому ни на кого и ни на что ни в каких смыслах влиять не будут. Между тем, всем ясно, что в постановке местной работы во многих случаях мы действительно мало отличаемся друг от друга, и объединение местных работников было бы в высшей степени целесообразно и плодотворно. Если мы соединимся для практической работы, и теоретические разногласия не будут являться препятствием для такой работы, тогда мы сделаем гораздо больше для объединения партии, нежели вынесением сотен резолюций при тех условиях, при которых предлагается резолюция тов. меньшевиков. Собрание согласилось со мной. Затем разбирался вопрос об отношении рабочих к предвыборной агитации в Гос. Думу и к самой Думе. Вопреки странному предложению «Искры» организовать «внезакопные выборы», тов. меньшевик в прекрасной и чрезвычайно толковой речи выяснил собранию необходимость активного бойкота. Вопрос

этот вызвал довольно оживленный обмен мыслей и был эссторонне выяснен нами.

Состав рабочих, как и вообще на массовках, был разнообразный, и отношение их к вопросам политическим и партийным далеко не одинаково. В то время, как разговоры о большинстве и меньшинстве и предложенная тов. меньшевиками резолюция не вызвали ни одного вопроса, можно сказать, даже ни одного звука (на это предложение собрание ответило глубоким молчанием),—все касавшееся политической жизни вызвало в рабочих живой интерес и стремление разобраться досконально. Правда, передовых рабочих здесь, кажется, не было, но уровень сознательности и развития был достаточно разнообразен, чтобы стремление выяснить себе вопросы внутрипартийной жизни могло проявиться хотя бы в слабой мере.

Николаев (2-го авг.). Всеобщая политическая забастовка прекратилась. После грозного выступления николаевского пролетариата, после всех столкновений рабочих с войсками все как-будто стихло. Но не так оно на самом деле. Николаевский пролетариат вступил в борьбу с подлым самодержавием плохо вооруженный, если только можно считать за оружие несколько револьверов и пороховую бомбу; самодержавие сумело подавить его. Оно выхватило из наших рядов самых передовых и самых энергичных наших товарищей рабочих, многих выслало в отдаленные губернии России, несколько десятков сидят за решетками и участкам. Все это время аресты не прекращаются; арестовывают стариков и пятнадцатилетних мальчиков, и если что находили, сильно избивали, потом, еще больных, не давая им никакой медицинской помощи, высылали по этапу в отдаленные губернии. Всех высланных из Николаева приблизительно 300—400 человек. 8-го августа высылали 80 человек; когда их вывели из тюрьмы, стал стекаться народ; постепенно набралось тысяч восемь или десять. Высылаемые товарищи запели марсельезу, народ восторженно приветствовал их и громко кричал «ура». Конвой, состоящий из полусотни казаков, двух рот солдат и целой своры полиции и шпиков, не решался разгонять толпу. Народ провожал их до самого вокзала; когда поезд отходил, товарищи опять запели, и из толпы раздались крики «долой самодержавие!». Долго несмолкавшее «ура» нескольких тысяч голосов грозно потрясло воздух. Рабочие теперь говорят так: «Без оружия мы не будем объявлять всеобщей забастовки, потому что самодержавие опять раскассирует еще больше наши силы, и без того очень ослабленные». Из передовых рабочих не осталось никого, из интеллигенции тоже: были, но провалились, так что мы ведем работу сами; работа кое-как идет, хотя слабо за неимением интеллигентных сил, а мы еще не достаточно развиты, чтобы самостоятельно руководить массой и работой вообще.

Когда читался манифест о Гос. Думе, были разбросаны прокламации и вместо «ура» кричали «долой самодержавие!». Аресты поутихли, город еще на военном положении. Как самодержавие ни старается, как оно ни бросается на все способы борьбы с нами, чтобы сохранить себя, но оно теперь с нами ничего не поделает,—уже скоро настанет день, когда цепи самодержавного гнета спадут с нас, и мы, гордо выпрямив грудь, сметем ненавистное нам самодержавие.

Рабочий.

Николаев. Арестованы: Мария и Анисья Чигрины, С. Готмир, М. Шмелев, В. Владыко, А. Климов, И. А. и К. Таргонские, С. Вельдмерберг, В. Одамский, В. Карпов, Н. Зорин, Михаил Бещенко, М. Растошинский, Т. Березненко, М. Парамонов, М. Ольшанский, П. Тимощенко, Зуев, Зуева, Ф. Прозорович, А. Прозорович, Акименко и многие другие, фамилии которых неизвестны.

Енатеринослав. Здесь теперь сезон забастовок, большею частью в городе, среди приказчиков и ремесленников. Чуть-было не разыгралась стачка на Брянском заводе. Здесь вывезли одного нелюбимого мастера. После этого вся администрация (инженеры, мастера и т. д.) заявила, что если не исключат 23 рабочих, они устроят сами забастовку. Рабочие, как один, забастовали. Забастовка продолжалась три часа. Директор пока оставил этих рабочих и нап्रा-

вил дело в правление. Ждут ответа. На другом заводе, Эзау, администрация рассчитала человек 35—40 (замеченных). Рабочие забастовали, но скоро забастовка кончилась: ничего не выиграли. У нас связи прибавляются. Работать приходится в условиях усиленной охраны. Все места провалены. Два раза уже пришлось убежать от казаков; занятия центральных заводских кружков практически никак нельзя провести до конца. Вчера меньшевики на заводской бирже призывали к политической забастовке за рабочих Эзау. Говорили два оратора. Наш товарищ разбил их, показав всю невыгодность и нецелесообразность политической забастовки. Нужно иметь в виду, что масса совсем не вооружена, что она стоит накануне всеобщего восстания. Рабочие вполне определенно относятся к Думе. Однако, у нас будет еще общее собрание централистов, чтобы узнать мнения рабочих.

Иваново-Вознесенск. Мы, рабочие-социал-демократы г. Иваново-Вознесенска, собравшиеся сегодня, 7-го сентября, на общую сходку в количестве 2.000 чел., обсудив последние события в Баку и на Кавказе в связи с общим положением страны, пришли к следующим заключениям:

Принимая во внимание, что, во-1-х, настоящее бедственное положение страны является результатом преступной политики царского правительства, упорно борющегося за свое никому не нужное существование; 2) что сущность этой политики состоит в подавлении всяких попыток со стороны рабочего класса улучшить свое положение; 3) что употребляемые для этого правительственные средства, как-то: натравливание несознательных масс на интеллигенцию, возбуждение национальной вражды между народностями, населяющими Россию, устраиваемые с этой целью погромы и избиения, являясь гнусными по своему существу, показывают в то же время бессилие царского правительства,—мы выражаем свое презрение этой отвратительно-гнусной политике и заявляем, что лишь немедленное уничтожение царского самодержавия и замена его демократической республикой, т.-е. самодержавием народа, может вывести страну из настоящего гибельного положения и даст нам, пролетариям, возможность свободно вести борьбу за лучшее будущее, за социализм. В виду того, что самодержавие царя может быть уничтожено лишь всенародным восстанием, мы, рабочие Ив.-В., заявляя о своей готовности к открытой вооруженной борьбе, призываем наших товарищей рабочих всей России сплотиться в единую могучую силу под красным знаменем социал-демократии для нанесения последнего решительного удара царскому самодержавию. Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует временное рев. правительство! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм! Да здравствует Р.С.-Д.Р. Партия!

Кострома. Одновременно с этой корреспонденцией вам посылается отчет К-та о костромской всеобщей забастовке. Я посылал вам много корреспонденций, но они почему-то не появляются в «Пролетарии»: очевидно, не доходят. (Все, что доходило, печаталось.—Ред.).

Наша работа после стачки вступает в новый период. Если прежде организованные товарищи были, главным образом, политическими потребителями, то теперь они становятся политическими производителями. Прежде мы вербовали наиболее революционную публику для организации в пропагандистские и агитационные группы и кружки, мы устраивали массовки и летучки; делали, как мы здесь выражаемся, «налеты» на случайные массовые собрания рабочих и агитировали. Это было время мобилизации революционных элементов и их идейного воспитания.

Всеобщая стачка всколыхнула всю рабочую массу; открытая широкая агитация перевернула традиционное мировоззрение «фабришных» и делала из них пролетариев. А такие демократически-руководящие или боевые организации, как «депутатское собрание» или «рабочая милиция», выделили много новых активных элементов. Нашлись сознательные рабочие, но не было крепкой организации, которая бы служила опорой при различных политических выступлениях. Теперь, после напряженной организационной работы, план организации представляется в следующем виде: Комитет, районные комитеты (2), фабричные комитеты (пока 3), собрания организационных товарищей каждого цеха.

Коломна. К лету у нас насчитывалось не более 20 человек сознательных рабочих, теперь же их более 100, к тому же быстро растут связи с окрестными деревнями, но эти связи, к сожалению, еще плохо разработаны. У нас же, в городе, ведется работа пропагандистская (кружки) и агитационная (массовки, распространение листовок). Агитация особенно усилилась с августа. Было устроено три массовки (40, 50 и 65 человек). На последней из этих массовок обсуждался вопрос о вооруженном восстании, и единогласно принята следующая резолюция: «Принимая во внимание численное отношение крестьянства ко всему населению, сознательные коломенские рабочие полагают, что необходимо энергично пропагандировать среди крестьян идею вооруженного восстания». Настроение было повышенное; массовка закончилась пением марсельезы.

Тула. На массовке в лесу собралось около 120 рабочих. Несмотря на дождь, рабочие шли после работы на массовку, чтобы услышать живое правдивое слово. Пока поджидали товарищей, пели революционные песни, и свободные, горячие слова свободных песен точно насмеялись над лившим дождем, разносясь далеко по лесу... Говорили четыре оратора. Говорили о том, что заставило правительство созвать Государственную Думу. Второй оратор, близко знакомый с событиями в Одессе, сделал доклад об этих событиях. Он говорил, что эти события показали, как много революция может дать нам в известные моменты, и как мы должны быть готовы к тому, чтобы этими моментами воспользоваться для ликвидации самодержавного порядка. Был момент, когда временное революционное правительство являлось неизбежным выводом из возможного успеха завоевания юга восставшим народом. Юг мог сделаться базисом революции, и тогда временное революционное правительство было бы более чем необходимо. И так как восстание на юге проходило под огромным влиянием социал-демократии, рабочий класс должен был взять на себя и инициативу создания временного революционного правительства. (О временном революционном правительстве оратор обещал поговорить в другой раз более подробно). Оратор закончил сопоставлением целей и задач социал-демократии в ближайший момент с тем жалким учреждением, которое правительство бросило России в виде Гос. Думы. Эта Дума — попытка подавить народную волю волей и господством помещиков, фабрикантов, купцов и трактирщиков. Рабочий класс должен стремиться выше всего поставить народную волю... Третий оратор говорил об отношении различных партий к Гос. Думе. Социал-демократия последовательно проводит те самые требования, которые она выставила в программе. Она последовательна и не остановится ни перед какими жертвами, чтобы уничтожить монархию, своего непримиримого врага. Но монархия пытается сохранить свое существование путем сделки с буржуазией. И вот те самые господа, которые на съезде Союза Союзов 6—7 июля выносили резолюцию о том, что они безотлагательно приступят к объединению и мобилизации всех демократических элементов страны для устройства массовых протестов против правительственного проекта, и что они будут протестовать против всякого иного закона о народном представительстве, не основанного на принципах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права... что они считают недопустимым для члена Союза Союзов ни проведение кого-либо в проектированную Государственную Думу, ни личное в ней участие, — те самые господа, которые на съезде городских голов и земских деятелей грозили правительству революцией, — они теперь сторговываются с царем и будут клясться в верности этому кровавому деспоту. Все три оратора подчеркивали мысль, что Дума является попыткой закрепить власть буржуазии над народом, и потому всякий участник Думы — изменник и враг народу. Затем говорил еще один товарищ о заключении мира. Мир с Японией заключен, но мира между царем и народом не может и не должно быть...

Было трудно говорить под проливным дождем, всем пришлось промокнуть, но все же настроение было хорошее. О Государственной Думе говорили не задолго до этого на массовке, на которой было больше 200 чел. Теперь здесь организуется несколько групп агитаторов. Сделано все-таки страшно мало. Винить в этом местных работников

можно меньше всего. Широкая агитация посредством листовок не велась. Ни один листок не был распространен в количестве больше 1.000 экз. (это на 150 тысяч населения с 60.000 рабочих). Масса мало затронута движением. Значительным тормозом служит и то, что производство носит еще в больших размерах кустарный характер. Правда, кустари находятся в полной зависимости от крупного капитала, они работают для крупных заводов и фабрик, но сохранился еще огромный слой местных мещан, мастеровых, очень туго расстающихся со своими надеждами на независимость и самостоятельность. Может-быть, нигде так не сохранились патриархальные порядки, как здесь. На крупных заводах и фабриках рабочие живут и работают под постоянной угрозой и страхом массовых расчетов и увольнений. На патронном заводе эксплуатация доходит до наглости. Работает завод в две смены — день и ночь; день и ночь рабочие изготовляют патроны, которыми правительство теперь так щедро угощает народ. После бывшей здесь стачки, когда выбросили с завода около 300 человек, высшая и низшая администрация завода обнаглела...

Имеются довольно хорошие связи в деревнях, куда просит постоянно литературы, листовок и агитатора. По мере сил даем и то, и другое. Организующиеся теперь группы агитаторов можно будет широко использовать для агитации в деревне. Листки распространяются и в войсках. Во всех районных комитетах, во всех группах обсуждали план кампании ЦК по поводу Гос. Думы. Огромное большинство работников высказалось за проведение этого плана и только несколько голосов возражали.

Несколько слов о либералах вообще и земцах в частности. Было несколько собраний, на которых либералы и земцы «сговаривались» относительно выборов в Думу, относительно кандидатов. Нам они говорят: «Все равно вы окажетесь бессильными помешать нам выбрать депутатов в Думу»... Искренние демократы обещают нам, что они будут в Думе защищать интересы рабочего класса и всего народа. После сопоставления всей их попытки по отношению к царю мы можем только посмеяться над этими хорошими обещаниями.

Недавно был здесь «съезд» местной «консервативной» партии. Консерваторы тоже «сговаривались»... Сговоритесь, господа, сговоритесь. Вы не так уж далеки друг от друга, — только будьте откровеннее и не прикрывайте своих буржуазных стремлений к власти над бесправным народом хорошими словами и красивыми туманными фразами! Готовьтесь к представительству народных интересов. Мы же будем готовиться к борьбе с вами и с вашим союзником — монархией Николая Кровавого.

Письмо в редакцию. Прошу поместить на страницах «Пролетария» нижеследующее:

Товарищи! Пять тысяч рабочих Балтийского вагоностроительного завода вот уже два месяца сидят без работы. Администрация завода решила, заморив рабочих голодом, заставить их сдать. Рабочие голодают, но на уступки не идут. Приближается зима. Дети рабочих мрут от голода и цынги. Голодный тиф с каждым днем принимает все более широкие размеры. Ужасы, постигшие бастующих, не поддаются описанию. Товарищи! Возможно ли, чтобы вы не поддержали рабочих в их геройской самоотверженной борьбе с нашими общими врагами, капиталом и самодержавием? Мы обращаемся ко всем рабочим и ко всем сочувствующим революционному движению за немедленной материальной помощью. Время не ждет, товарищи: чем скорее придете на помощь, тем лучше. Пожертвования прошу направлять по адресу редакции «Пролетария» с примечанием: для рабочих Балтийского вагоностроительного завода города Риги.

Секретарь Рижского Комитета Р.С.—Д.Р.П.

Р. С. Прошу другие с.-д. газеты перепечатать это письмо.

Брянск. В нашей печати почти не было сведений о Брянском районе и революционной деятельности среди брянского пролетариата. Многие из товарищей держатся благодаря этому даже того взгляда, что работы тут никакой не ведется. Настоящая корреспонденция убедит их в противном.

Социал-демократическая пропаганда началась у нас еще в девяностых годах. Велась она исключительно только среди бежицкого пролетариата, не затрагивая района. По тогдашним временам пропаганда могла быть названа успешной. Но продолжалась она недолго. Произошел провал. Работа прекратилась.

Спустя некоторое время в Брянске появляется организация социалистов-революционеров, которая захватила в свои руки руководство движением. О них еще будет речь в дальнейшем. После перерыва работы, последовавшего в девяностых годах, попытка социал-демократов завязать снова связи с бежицкими рабочими не прекращалась, но все они потерпели фиаско. Более или менее прочные связи с рабочими удалось завязать лишь в конце прошлого года. Рабочие получали и распространяли нашу литературу, но ни кружков, ни массовок не было, потому что некому было их проводить. Настоящая работа началась лишь с весны нынешнего года. Была организована Брянская группа Орловского комитета, составившаяся из интеллигентов, которые теперь обосновались более или менее прочно в районе, и главным образом из передовых рабочих. Завязать связи и организовать нам удалось благодаря тем из рабочих, которые участвовали в организации девяностых годов, или тем, которые приходили с юга, воспитанные в духе социал-демократии. С организацией группы работа закипела. Были организованы кружки, начали созываться массовки. Правильных кружковых занятий нам за нашу летнюю кампанию создать не удалось. Не удалось в том смысле, что довести до конца занятия пришлось лишь с тремя кружками из восьми. Причина: новизна дела и недостаток организаторских сил, а также и то обстоятельство, что рабочие работают на две смены. Массовки привились лучше. Проводились они нами всегда очень удачно и производили хорошее впечатление. Сначала посещались слабо, человек 30—40. Потом среднее число посетителей было не ниже 100 человек. Движение из Бежицы было перенесено на весь Брянский район, на мальцевские заводы. Сфера нашей деятельности теперь такова. Главный центр работы, конечно, Бежицкий или, как его называют, Брянский завод, расположенный в семи верстах от Брянска и населенный почти исключительно рабочими. На заводе работает около 12 тысяч пролетариев. В пяти верстах от Бежицы мальцевский завод Радица с 2.000 раб., заводы мальцевские в уезде: Дятьков—2.000, Ивоты—1½ т., Старь—700 ч., стеклянная Радица—тысяча, Знебер—300 ч., Людиново—2 т., Песочная около тысячи. Последние заводы расположены в Калужской губернии и вне района нашей деятельности. Цементный завод—600 ч., Лобохна—200. На всех заводах имеются кадры сознательных рабочих, и ведется агитация. В самом Брянске, кроме арсенала, где работает 500 ч., есть только ремесленный пролетариат, в большинстве еврейский. Из ремесленников были составлены 5 кружков. Но эти кружки правильно не функционировали. Массовки были часто и охотно посещались.

Кружковых занятий на мальцевских заводах организовать не удалось за недостатком интеллигентных сил (хотя попытки делались). Агитацию ведем литературой и массовками. Массовки имеют огромный успех, и агитаторов ждут, как манны небесной. Говорить приходится на самые различные темы, главным же образом, о манифесте, о соц.-революционерах, а среди еврейских ремесленников о сионизме. (Сионисты-«социалисты» приютились в городе, пользуются успехом среди интеллигенции, но рабочих захватить им не удалось при всем старании и не удастся). Всего массовок по району у нас было около 25.

Среди крестьян работа ведется через рабочих. Литература, распространяемая по заводам, по прочтении часто сбывается в деревни. Крестьянских массовок организовать не удалось. Литературная агитация принесла бы большие плоды, если бы имелись брошюры, обращенные к крестьянству. Издание таких брошюр—одна из важнейших задач наших центральных учреждений. Прокламации Центр. Ком. к крестьянам производят сильнейшее впечатление, но, как и всякая прокламация, не дают того, что может дать брошюра.

Вообще в литературе чувствуется страшная нужда. Орловский комитет отдает почти всю получаемую им литературу нашей группе. Но приходящаяся на его долю часть

транспорта так незначительна, что у нас не удовлетворяется и пятой части запроса. На беду еще отсутствует типография. Издаем листки на гектографе. Но это—капля в море. Для всего района требуется выпуск по меньшей мере в 9—10 тысяч экземпляров. Если бы не отсутствие типографии и литературы, а также и интеллигентных сил, мы могли бы достигнуть того, чего достигли сормовские товарищи.

Наша организация находится в процессе строения, а потому подвести итоги всему довольно трудно. Трудно, например, сказать, сколько у нас организованных рабочих. Если считать организованными участвующих в кружках, то у нас более 150 человек; если же постоянных посетителей массовок, постоянных читателей литературы и группирующихся вокруг передовых рабочих организаторов, то таких около 300. Финансовая сторона дела хромает, но надеемся скоро упорядочить эту часть.

Теперь скажу несколько слов о соц.-революционерах. Работают они давно, лет 5 (мы только 5 месяцев). Но несмотря на такую давность, нам ничего не стоит вести с ними победоносную борьбу и шаг за шагом вытеснять их. Помогает этому их практическая несостоятельность и неопределенность теоретических взглядов. Они совсем не удовлетворяют духовных запросов рабочих. Их интеллигенты неоднократно повторяют, что теперь рабочему вполне довольно знать «долой самодержавие». На массовках говорят одни общие места, а больше всего ругают социал-демократов (наши рабочие уверяли, что они называли нас «черной согней», что мы стоим в связи с полицией и т. д.). На одной дискуссии с ними их «интеллигент» заявил в заключение своей бессвязной и бестолковой речи, что мы, местные социал-демократы, держим в руках не «красное знамя, а балаганный флаг» (буквальное выражение). Vademecum «Революционной России», плачущей о некорректности социал-демократов. Нашу программу перед рабочими извращают до крайности. Февральскую стачку они вели в строго-экономическом духе и не давали говорить социал-демократам, пытавшимся затронуть политические вопросы. (Подробная корреспонденция об этом была написана, но по случайным причинам не появилась в печати).

Пролетариат, среди которого нам приходится работать, может быть разделен на три категории. Чистый фабричный пролетариат—Бежица; ремесленный пролетариат—город и станции; рабочие-собственники—мальцевские заводы. Психология этих трех видов пролетариата различна. Бежицкий лучше всего поддается дисциплине и организации, более сознателен и восприимчив к пропаганде. Замечается лишь одно явление, отрицательно действующее на его психологию,—это собственность на дома, приковывающая к месту многих рабочих и затрудняющая их передвижение. Ремесленный пролетариат менее всего способен к дисциплине. Мелкобуржуазная обстановка сильно воздействует на его психологию. Рабочие мальцевских заводов восприимчивы к пропаганде, ораторов наших слушают с восторгом. Воодушевление среди затронутых очень велико. Если начнем, бывало, массовку часов в 9, то не отпускают до 12-ти часов ночи, несмотря на холод и дождь. Требуют, чтоб говорили еще и еще. «Чтобы вы, ангелы, к нам почаще летали!—сказал мне один старик после речи,—а то мы как слепые здесь». На массовки приходят верст за 13. Социализм представляется им великим и прекрасным, «окруженным ореолом чудесного; он для них—вторая религия, живая вера. Собственность, которую владеют эти рабочие, влияет на их психологию, но не так сильно и вредно, как думают некоторые. В заключение несколько слов о тактике при выборах в Думу. Тактику, предложенную ЦК, мы считаем единственно применимой и многообещающей с агитационной точки зрения; она вполне доступна даже малосознательному рабочему. Ее применение приведет к настоящей классовой борьбе пролетариата с буржуазией. Тактика «Искры»—плод оторванности от живой работы и априорного сочинительства. Характерно, что лозунг, данный ЦК, высказывался самими рабочими. На одной массовке после моей речи о проекте Булыгина один рабочий воскликнул: «Не надо нам этой думы, долой ее, сорвать ее нужно!». Что же касается мальцевских заводов, то здесь самой лучшей тактикой будет, на мой взгляд, тактика бойкота. Дело в том, что мальцевские ра-

бочие имеют крестьянское управление—волости, выбирают старост и т. д., и, следовательно, как и все крестьяне, пользуются избирательным правом. Бойкот имел бы огромное агитационное значение. Необходима только детальная разработка вопроса в литературе. Ведь, наши рабочие малецких заводов в таком же положении, как рабочие на уральских заводах и все крестьяне-собственники. Необходимо единая тактика.

В заключение хотел бы от лица всех работающих в нашем районе товарищей обратить внимание партийных работников на наш район, так много обещающий для социал-демократического дела, и просить у них возможной поддержки.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Съезд германской соц.-дем. в Иене.

16 раз после 1890 г., отмены исключительного закона против соц.-дем., собираются наши германские товарищи на свой ежегодный съезд. Иена—это Седан феодально-юнкерской Пруссии: в битве при Иене в 1806 г. Наполеон уничтожил государство, в котором прусское юнкерство, неспособное, вырождающееся, имело неограниченную власть. Дрожащая от ужаса перед все растущим могуществом пролетариата, буржуазия пророчила устами своей продажной прессы Иену германской соц.-дем. Обострение отношений между партией и профессиональными союзами, ожесточенная полемика между «Vorwärts», с одной стороны, и «Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung»—с другой, брожение среди берлинских рабочих, с вниманием прислушивающихся к проповеди анархо-социалиста д-ра Фридеберга, казались буржуазии достаточными поводами к расколу партии. Надежды обманули буржуазию и на этот раз. Призрак Иены не имеет силы над живой, развивающейся носительницей идеалов будущего, партией социал-демократии. Сплоченной еще больше, в боевой готовности, обогащенной новым оружием для борьбы—массовой политической стачкой—вышла германская соц.-дем. с Иенского съезда. Выработка нового организационного устава, отношение партии к профессиональным союзам и к массовой политической стачке,—вот главные вопросы, разрешенные на съезде. В области организационных вопросов в германской партии, как и в нашей, нужно отметить два течения: революционное-централистическое и оппортунистическое-федералистское. Несмотря на имеющуюся уже довольно последовательную централизацию партии, сущность ее организации была федералистической; автономия местных, областных, государственных организаций и избирательных округов была очень широка, права партийного центра минимальны: он являлся лишь официальным представителем партии, органом, лишь обслуживающим интересы отдельных организаций, посредником между ними, и был лишен всякой возможности руководить организациями и проявлять инициативу. Слишком широкая автономия организаций приводила довольно часто к отклонению их от общепартийной револ. тактики, давая широкий простор всяческому оппортунистическим стремлениям героев «нового метода». Широкая автономия избирательных округов приводила часто к конфликтам между частью и целым, при чем интересы пар-

тии иногда страдали довольно чувствительно, как это было в одном из саксонских округов с кандидатурой пастора Гэрэ, когда не по разуму усердные защитники демократизма, вернее охлократизма, широкой автономии, самостоятельности и т. п., во главе с известным оппортунистом Гейне, настолько отравили атмосферу своими дезорганизаторскими выходками и парализовали деятельность товарищей этого округа, что предвыборная кампания была проиграна и мандат потерян. Но еще более, чем от недостатка централизма, страдала партия от смешения элементов организованных с неорганизованными; партия была обременена расплывчатями, еще не проникнутыми социалистическим духом элементами, пресловутыми «мартовскими стачечниками». «Leipziger Volkszeitung», орган левого крыла, так писал еще до прошлогоднего съезда в статье «К. реформе организации партии» от 11/VI 1904 г.: «Теперьшняя партийная организация страдает много меньше от недостатка централизма, чем от несоответствия между организованными элементами и голосующими за партию, и особенно от стремления партийной тактики считаться с неорганизованными элементами». Перед немецкой соц.-дем. встала задача точно определить границы партии, не позволяющие смешивать ее со всем рабочим классом, и устранить слишком широкую автономию, отнюдь, понятно, не отнимая у отдельных организаций возможности развивать собственную инициативу и работать без всяких стеснений в рамках, отведенных предписаниями общепартийной тактики. Само собой понятно, что крики о стремлении к бюрократизму, механическому централизму, стремление свести организацию в царство теней и т. п. поднялись в оппортунистических кругах партии, главным образом, южной Германии, где движение наименее развито, и широкие массы рабочих еще не втянуты в движение. Каутский хорошо охарактеризовал эти круги, указав в «Искре» (№ 66), что такая автономия служит только убежищем для неорганизованных, не поддающихся партийной дисциплине интеллигентов-сверхчеловеков. В прессе, в комиссии 23 человек, избранной на прошлогоднем Бременском съезде для выработки проекта организации, и на самом съезде шла борьба между вышеназванными двумя направлениями. Централисты хотели бы видеть партию, построенную на манер одного огромного союза с многочисленными разветвлениями, нити которого все сходились бы в партийном центре; указывалось, что таким образом все силы партии сосредоточивались бы в центре подобно крови, текущей к сердцу, откуда она вновь распределяется по всему организму, не задерживаемая местными или территориальными промежуточными станциями; указывалось, что в наше время концентрации к развитию способны только централистические организации; в пример приводились строго централистически организованные рабочие профессиональные союзы, развивающие при такой форме организации максимум деятельности. Федералисты говорили о парализовании местной инициативы, о нарушении демократических прав самоопределения, о несовместимости открытой легальной организации партии с централизмом при современных полицейских порядках в Германии; указывали на то, что задачи политической партии сложнее задач профессиональных союзов, ссылались на федералистический государственный строй Германии с различными законами и

политикой, которые ставят различные задачи перед местными соц.-дем. и требуют большей свободы действия. Они стояли поэтому за отжившие формы, стремясь сохранить организации областные и по государствам, равно как и не оформленные (lose) организации. Централисты признавали с самого начала, что недостатки теперешней организации не устранить одним взмахом пера, так как они слишком уже вошли в плоть и кровь партии; с другой стороны, федералисты признали все же желательность несколько более строгой централизации. Съезд взял среднюю линию. Областные и по государствам организации не были совершенно уничтожены, уставом предоставлено товарищам каждой страны строить организации по типу, наиболее подходящему к условиям, при чем система неформальных организаций с доверенными лицами во главе признавалась съездом нежелательной и рекомендовалось заводить организации оформленные, по возможности охватывающие целый избирательный округ.

Признано обязательным, как правило, чтобы каждый член партии был организован, состоял в одной из партийных организаций, но устав допускает исключения при особо уважительных причинах, так как необходимо принять во внимание открытый характер организаций, не позволяющий лицам, слишком уже зависимым, как-то: рабочим казенных дорог, фабрик и т. п., чиновникам, прислуге состоять членами соц.-дем. организаций. Центру даны более широкие полномочия; все организации должны отныне давать определенный % доходов в центральную кассу и давать регулярные отчеты о своей деятельности. В зависимости от более широких полномочий число членов ЦК увеличено до 8. Основная мысль всего устава—стремление к строгому централизму, концентрации сил, боевой готовности; особенно надо приветствовать данный съездом лозунг «в организации!». Федералисты пробовали—было на манер наших меньшевиков, отстаивать глубокомысленные положения «содержание, дух, царящий в организациях, выше формы» и т. п.—съезд социал-демократов не мог принять подобных анархических фраз. Один из делегатов превосходно формулировал соотношение между «формой» и «духом» в следующих словах: «Совершенно справедливо, что в организациях главное дело—дух их, но этот дух не должен торчать в старых, отживших формах». Анархистская фраза является на самом деле у федералистов не чем иным, как фразой без всякого содержания; к чему они настаивают все же на «формах» именно федералистической организации, раз «форма» для них не важна?

Второй из важных пунктов порядка дня—«празднование 1-го мая»—был посвящен именно вопросу о поднятии революционного духа в организациях, проникновению всех организаций цельным социалистическим миросозерцанием, вопросу об отношении между партией и профессиональными союзами. Кельнский съезд профессиональных союзов в мае этого года показал, с одной стороны, могучий рост союзов, с другой, обнаружил наличие в среде вожаков крайне опасных для всего рабочего класса Германии тенденций к умеренности, постепенности, к отрицанию всякой «политики»,—тенденций, грозящих при их развитии свести классовую борьбу пролетариата к тред-юнионизму. (См. статью о съезде в № 5 «Пролетария»). Фишер, докладчик по

этому вопросу, доказал рядом убедительных примеров наличие подобных тенденций. Практика мелкой, ежедневной борьбы с хозяевами, заботы об интересах исключительно своей профессии низводят человека, поглощенного всецело этой деятельностью, до взглядов узкого цеховика, перенося его внимание с великих социалистических идеалов на профессиональную борьбу. Даже Эльм, бернштейнианец и крупный деятель профессионального движения, писал в «*Soz. Monatshefte*»: «После Кельна я могу только сказать: германское профессиональное движение стоит перед опасностью пойти по стопам английского. Вожаки крупных союзов начинают, как в Англии, относиться к общим вопросам с точки зрения денежного мешка, идеальный момент все более и более отступает на задний план». На Кельнском съезде была предложена резолюция перенести майский праздник на вечер. Майское празднество лишалось этим своего демонстративного, агитационного характера, зато не страдали кассы союзов, так как им не нужно уже было бы выдавать пособия рабочим, лишившимся работы за прогул дня: капиталисты всякими правдами и неправдами стремятся затруднить рабочим празднование их праздника. Резолюция эта, правда, была взята обратно, так как вожаки союза не хотели все же идти против решений международных и германских конгрессов, рекомендующих не работать 1-го мая, но большинство делегатов съезда отнеслось, видимо, симпатично к проекту подобной резолюции. Перед партией встала задача приобрести еще большее влияние на профессиональные союзы, поднять среди их членов интерес к социалистической теории, вести интенсивнее пропаганду и агитацию, выработать из цеховиков сознательных соц.-дем. Многие из членов партии понимали объявление профессиональных союзов нейтральными почему-то в том странном смысле, что не надо обращать особенного внимания на пропаганду социал-демократических идей внутри союзов. Партейтаг рекомендовал всем членам партии, особенно прессе, обратить усиленное внимание на профессиональные союзы, дабы движение шло не только вширь, но и вглубь. Насчет майского праздника удалось притти к соглашению с вожаками союзов, резолюция в духе прежних решений конгрессов была принята почти единогласно. В связи с вопросом об углублении агитации и пропаганды был решен и вопрос о центральном органе партии «*Vorwärts*». Уже несколько лет широкие круги партии недовольны направлением ЦО. В редакции имеется несколько талантливых журналистов—бернштейнианцев, оказывающих губительное влияние на направление газеты. В «*Vorwärts*» преобладает теперь сомнительный этико-эстетический способ пропаганды на место экономическо-материалистического; его статьи стремятся создать в читателе настроение возмущения чувств, бьют на сенсацию и крайне поверхностны с марксистской точки зрения. Отсутствие единого, цельного миросозерцания у редакции, как целого, делает «*Vorwärts*» неспособным руководить движением, неспособным правильно оценивать события и средства борьбы—на манер нашей приторно-сладкой, сентиментальной «Революционной России», а по временам и новой «Искры» (см. ее лозунг «Мир во что бы то ни стало»),—отсюда постоянная полемика, «братоубийственная война» между ЦО, с одной, и научным органом партии «*Neue Zeit*» и «*Leipziger Volks-*

zeitung»—с другой. Съезд констатировал в резолюции наличие принципиальных расхождений ЦО с марксизмом, а ЦК обещал принять все меры к устранению недостатков «Vorwärts'a» и обратить внимание на более интенсивную пропаганду идей научного социализма в ЦО.

Вопрос о массовой политической стачке давно уже занимает соц.-дем. пролетариат всего мира. Мы рассмотрим в нашей статье лишь отношение к этому вопросу германской соц.-дем., указав на обще-социал-демократическую постановку его в статьях «Пролетария» (№№ 1, 4, 9, 12, 17).

Несколько лет тому назад в германской соц.-дем. царило мнение: «всеобщая стачка есть всеобщее безумие»; германские тов. резко-отрицательно относились к анархистской идее «революции скрещенных рук», как к могущей только ослабить классовую борьбу пролетариата, лишив его незаменимых средств борьбы: организации и парламентской деятельности. Более целесообразная постановка вопроса на соц.-дем. интернациональных конгрессах, рекомендующих применение массовых стачек не как единospасающее и исключющее все другие средства борьбы, а как пополняющее и поддерживающее все остальные способы воздействия на буржуазию и правительство, сравнительный успех бывших за последнее время массовых стачек (2 бельгийских в борьбе за избирательное право, австрийских горных рабочих в 1902 г., добившихся 9-часового рабочего дня, шведская в борьбе за избир. право, массовая стачка итальянских рабочих, как протест против расстрела нескольких стачечников, итальянская и швейцарская железнодорожников, рурская в Германии горнорабочих, наконец, массовые стачки в России, потрясшие весь государственный организм), наконец, обострение общемировой и, в частности, германской ситуации, позволяющее с очевидностью ожидать времени крупных катастроф,—все это заставило немецких товарищей серьезно заняться вопросом о массовой стачке.

За сильным подъемом духа, последовавшим после блестящей победы при выборах 1903 года, давших соц.-дем. три слишком миллиона голосов и 81 депутата в парламент, наступила реакция. Большого влияния на законодательство соц.-дем. не приобрела; правительство и большинство парламента потеряли надежду расколоть и ослабить соц.-дем. либерализмом и мелкими подачками в области социальных реформ; буржуазные партии еще более сплотились в одну реакционную массу, борьба против соц.-дем. сделалась еще отчаянней; еще более буржуазия стала вздыхать о «крепком правительстве» и обращать свои взоры к армии, грубой силе, как к единственной еще не до конца расшатанной опоре современного строя; реакция бушует в Германии во-всю и подыскивает лишь удобный случай, чтобы лишить рабочий класс политических прав, и прежде всего избирательного в парламента. Разгром России и революция внутри ее, появление на международном рынке нового конкурента—великой державы Японии—обещает крупные мировые события; германский пролетариат, стоящий в первых рядах борцов за грядущий социалистический строй, естественно, задается вопросом: «Что же теперь?». Достаточны ли имеющиеся уже в распоряжении соц.-дем. средства борьбы? Имеются ли другие, более пригодные при изменившейся ситуации? Что предпринять в случае нападения буржуазии на политиче-

ские права пролетариата? Восстание? В Германии нет еще налицо элементов, могущих провести восстание против буржуазного строя: армия еще в руках правительства. И вот мысль о массовой стачке, главным образом, как средстве борьбы за политические права, начинает захватывать широкие круги германской соц.-дем.

Партийная пресса выдвинула этот вопрос сейчас же после рурской стачки. Идея массовой стачки возбудила в кругах вожаков профессиональных союзов сильное беспокойство. На Кельнском съезде «цеховики», боясь за свои кассы, вынесли резолюцию, в которой пропаганда идеи массовой стачки объявляется «бессмысленной», «так как она отвлекает от медленного прогрессивного развития, посредством которого мы постепенно достигаем цели рабочего движения»; «для дальнейшего развития нам нужно спокойствие, а нам вокруг навязывают какую-то вздорную революционную идею»,—заявлялось на этом съезде. С другой стороны, ультра-радикальные элементы Берлина под влиянием полу-анархиста д-ра Фридеберга, увлекаясь идеей массовой стачки, склонны были признать этот метод единospасающим и выбросить за борт и парламентскую деятельность, и вообще политическую борьбу.

Центральный орган партии и в этом вопросе не оказался на должной высоте: вместо выяснения вопроса, он пытался замолчать его; полемика, поднятая против него органами революционного крыла партии, привела лишь к тому, что «Vorwärts» окончательно запутался. В партии образовалось целых 5 направлений по вопросу о массовой стачке. Одни стоят на вполне отрицательной позиции, считая массовую стачку неприменимой ни при каких обстоятельствах, другие, не отрицая в принципе допустимость, отрицают наличие условий для успешных массовых стачек в Германии. Три направления относятся положительно к идее массовой стачки: первое, полуанархическое д-ра Фридеберга; второе, нашедшее себе систематическое выражение в книге голландки Роланд-Гольст и разделяемое Каутским; третье—направление Бернштейна-Катценштейна. Первое и третье принимают, что политическая массовая стачка подлeжит тем же условиям, что и обыкновенная экономическая стачка, и требует вполне тех же тактических приемов. Предварительные условия стачки они видят в сильных профессиональных союзах, ярко выраженном классовом сознании пролетариата, в наличии сильного, упорного противника. Отличаются эти оба направления друг от друга тем, что первое, полуанархистское, отрицает парламентаризм и рассматривает массовую стачку, как единственное средство наполнения пролетариата революционным духом, как средство создания революционных ситуаций, а второе видит в массовой стачке легальное и мирное средство для обеспечения политических прав и парламентской деятельности, которую оно ценит выше всего, равно как и законность и мирные, эволюционные формы борьбы.

Направление Каутского, нашедшее себе выражение в резолюции, предложенной съезду Бебелем, видит в массовой стачке не мирное и легальное средство воздействия, а революционное; при особенных обстоятельствах она может явиться и мирным средством, но в современных милитаристических великих государствах она может быть принята во внимание лишь как сред-

ство революционное, и именно поэтому не годится в мирные времена, ибо ведет лишь к ослаблению организации партии и усилению реакции.

Съезд партии должен был, наконец, дать директиву рабочему классу Германии в данном вопросе. В своем четырехчасовом реферате Бебель превосходно обрисовал современное положение Германии, резко выступил как против анархо-социалистов, сводящих, в конце концов, всю классовую борьбу к борьбе исключительно экономической, так и против постепенцев-«цеховиков», угашающих революционный дух пролетариата, продающих за 30 серебряников для своих касс революционные методы борьбы, так и против предостерегающих от якобы-непреодолимых опасностей и препятствий массовой стачке. Призывом к борьбе,—борьбе отчаянной звучали его слова: «Жалок класс, жалка нация, не жертвующая всеми благами для спасения своей чести!». Пролетариат, ведь, может потерять лишь свои цепи, а приобретет целый мир! Рассмотрев все бывшие массовые стачки, Бебель сделал вывод, что одним из средств борьбы за избирательное право в случае покушения реакции отобрать его может и должна явиться массовая стачка при благоприятных к ней условиях. Резолюция, рекомендуемая «широкое применение массовой стачки» в случае покушений на избирательное право и как подготовку к ней, еще более деятельную работу, чем до сих пор, агитацию, пропаганду, особенно создание крепких, могущественных организаций политических и профессиональных, принята 228-ю головами против 14-ти.

Резолюция поручает вести широкую пропаганду идеи массовой стачки при указанной ситуации и издать брошюру для массового распространения, с обоснованием идей, легших в основу резолюции.

Партейтаг принял резолюцию, заявляющую симпатию германского пролетариата к пролетариату английскому и французскому и выражающую негодование по поводу политики правительств, чуть было не ввергнувшей Германию в войну с Францией и создающей постоянно конфликты между Германией и Англией. Память мученика-героя Мартина Каспшака, члена соц.дем. Польши и Литвы, съезд почтил вставанием. С энтузиазмом принята была резолюция, приветствующая российскую революцию, клеймящая все преступления царизма, отдающая дань уважения и удивления в особенности российскому пролетариату и «всем мужчинам и женщинам, без различия расы и национальности, стоящим на точке зрения социал-демократии». Российский пролетариат, революционный энтузиазм которого отразился на германских товарищах,—уже давно не было такого истинно революционного по духу съезда, как съезд в Иене,—сумеет оправдать все надежды, возлагаемые на него всемирным пролетариатом! В том порукой вся его геройская борьба, полная лишений и самоотвержения!

ИЗ ПАРТИИ.

Новая меньшевистская конференция ³⁾. Нам присланы гектографированные резолюции «Южной учредительной (?) конференции» меньшевиков. К самой важной резолюции (о Государствен. Думе) мы еще вернемся. Пока заметим, что

из двух [главных пунктов] искровской «думской» тактики конференция выбросила «давление для выбора в Г. Д. решительных» (в духе Мартова, Череванина, Парвуса), но приняла «организацию всенародных выборов в учред. собрание». По вопросу о составе редакции «Искры» принято три резолюции, но вопрос все-таки не решен. Одна резолюция просит Аксельрода [не уходить из] редакции, другая—Плеханова вернуться в редакцию (при чем конференция,—вероятно, без желания состричь,—выражает «недоумение» по поводу выхода Плеханова), третья благодарит «Искру», выражает ей полное доверие и проч., но вопрос о составе редакции «переносит на окончательное решение общерусской учредительной конференции». «Первая общерусская конференция», как известно, «перенесла» вопрос на решение местных организаций. Местные организации «переносят» на решение учредительной конференции... Это называется, должно-быть, [устранением] бюрократизма и формализма... А пока суд да дело, «Искра» пользуется званием ЦО, какого звания не дали ей даже ее сторонники. Удобная позиция, что и говорит!

Организационный устав южной конференции есть сколок с устава, уже известного, с небольшими, однако, изменениями; добавлен §: «Верховным органом партии являются партийные съезды, собирающиеся по возможности один раз в год». Горячо приветствуем это улучшение. В связи с новым и превосходным пунктом, что «ЦК избирается на съезде», в связи с прекрасным пожеланием решать (хотя бы и в будущем) вопрос и о составе редакции на съезде, это улучшение доказывает движение в сторону решений III съезда. Будем надеяться, что еще месяца через четыре следующая «учредительная» конференция учредит также порядок созыва съездов, этих верховных органов партии... По вопросу об объединении конференция, к сожалению, ходит кругом да около, а прямо не говорит: хотите объединиться на основах III съезда? если нет, хотите готовить два съезда в одно время и в одном месте? Будем надеяться, что следующая «учредительная» конференция (пораньше бы, чем через четыре месяца!) решит этот вопрос.

(И. Ленин).

Представительство Р.С.-Д.Р.П. в Международном Социалистическом Бюро ⁴⁾. «Учредительная южная конференция» меньшевиков приняла по этому вопросу следующую резолюцию: «Познакомившись с документами, из которых видно, что тов. Ленин, не предприняв никаких шагов в сторону соглашения с «меньшинством» по вопросу о представительстве Р.С.-Д.Р.П. в Интерн. Бюро, сделал этот вопрос там предметом борьбы между двумя частями партии, выдвигая на первый план мелочи фракционных разногласий, конференция южных орг[аниза]ций выражает по этому поводу свое глубокое сожаление и вместе с тем просит тов. Плеханова продолжать представлять нашу часть партии в Интерн. Бюро и обращается ко всем организациям «большинства» с предложением немедленно высказаться по этому вопросу и со своей стороны уполномочить тов. Плеханова на это представительство в интересах того единства, к которому мы стремимся, и ради сохранения перед лицом всех других соц[алистических] партий всех других стран для всех нас одинаково дорогого престижа Р.С.-Д.Р.П.»

Резолюция эта обязывает нижеподписавшего выступить с фактическим изложением дела: 1) Большевики не могут не знать, что все и всякие соглашения зависят от ЦК, находящегося в России). Говоря умышленно об одном «тов. Ленине», они говорят неправду. 2) Сейчас же после III съезда два [российских] члена ЦК обращались лично к Плеханову, выражая желание видеть его и представителем Р.С.-Д.Р.П. в М. Бюро, и редактором научного органа. Плеханов отказался. Фраза «никаких шагов»... основана на уклонении от истины. 3) Когда Плеханов после этого отказа вышел из редакции «Искры», то он заявил (29-го мая) печатно, не обращаясь к ЦК Р.С.-Д.Р.П., что согласится представлять лишь обе части Р.С.-Д.Р.П., и печатно же запросил признающих III съезд об их согласии. 4) [Редакция «Пролетария»] тотчас перепечатала [в № 5 от 26-го (13) июня] заявление Плеханова, добавив, что решение вопроса [поставлено на разрешение] ЦК. 5) Впредь до решения вопроса Ц. К-том я сношусь с М. Бюро от имени ЦК для осведомления М. Бюро о III съезде

и для осведомления ЦК о работах М. Бюро, при чем я заявил, что вопрос о представительстве Р.С.-Д.Р.П. в М. Бюро еще не решен. Другими словами: ЦК сносился с М. Бюро через заграничного своего представителя впредь до решения вопроса о специальном представителе в Бюро. 6) Заявив в М. Бюро прямо и определенно о временном характере моих сношений с ним, я не выдвигал никакого вопроса о «борьбе» и «разногласиях», а исключительно сообщил решения III съезда, что я обязан был безусловно сделать. 7) Плеханов послал в М. Бюро 16-го и юн я письмо, в котором он (а) ошибочно утверждал, что он уполномочен уже на представительство обеими фракциями, и (б) рассказывал историю раскола со времени II съезда и рассказывал ее с рядом уклонений от истины, совершенно в меньшевистском духе, называя созыв III съезда Ц. К-том «актом совершенно произвольным», объявляя примиренцев в нашей партии «болотом», говоря, что на съезде было «что-то в роде половины «полноправных» организаций», что съезд был «соединением ультра-централистов и болота» и т. п.

8) Это письмо Плеханова было опровергнуто мною пункт за пунктом в письме к М. Бюро от 24-го и ю л я 1905 года (о плехановском письме я узнал лишь с месяц спустя после его отсылки Плехановым, когда М. Бюро прислало мне копию с его письма). По вопросу о «болоте» я писал в своем письме: «Справедливо, что в нашей партии есть «болото». Члены его постоянно переходили с одной стороны на другую во внутривнутрипартийной борьбе. Первым таким перебежчиком был Плеханов, который в ноябре 1903 года перешел от большинства к меньшинству, а 29-го мая 1905 года ушел от меньшинства, выйдя из редакции «Искры». Мы не одобряем этих переходов, но думаем, что нам нельзя поставить в вину, если нерешительные люди, члены «болота», после долгих колебаний склонны итти за нами». По вопросу о данном положении дел, после раскола я сослался в том же письме на необходимость Международному Бюро иметь «полный перевод всех резолюций конференции». «Если «Искра» не пожелает посылать в Бюро этого перевода,— добавлял я,—то мы готовы взять этот труд на себя».

Пусть судят теперь читатели, похоже ли поведение Плеханова на беспристрастие, а изложение дела новой конференцией—на правду? Кто виноват в подрыве престижа Р.С.-Д.Р.П.? в инициативе ознакомления М. Бюро с историей раскола после II съезда? в выдвигании «фракционных разногласий»??

(Н. Ленин).

Р. С. Во исполнение желания южной конференции знать мнение организаций большинства ниже печатается резолюция Костромского Комитета Р.С.-Д.Р.П., присланная в августе 1905 года. [Других резолюций по этому вопросу редакция не получила].

(Н. Ленин).

Резолюция Костромского Комитета. Ознакомившись с полученным в № 101 «Искры» заявлением Плеханова, что он может представлять интересы нашей партии в Международном Социалистическом Бюро только в том случае, если этого пожелают обе фракции, Костромской Комитет считает нужным по этому поводу высказать свое мнение. Совершенно не касаясь того, что формально Плеханов, находясь вне партии, не может представлять ее интересов, Костромской Комитет находит, что деятельность Плеханова за последние 2 года полна бесперывных шатаний и все время служила интересам заграничного кружка в его борьбе с нарождающейся партийностью. Лишь в последнее время Плеханов отказался от совместной работы с Мартыновым и мартиновцами, но у него нехватило мужества опять вступить в партию и занять в ее рядах определенное место. Его политическая неустойчивость, по нашему мнению, является следствием его оторванности от живой русской действительности, от действительной партийной жизни и отражает в себе временные настроения и колебания жевневской коопационной политики. В частности, на Амстердамском конгрессе Плеханов, участвуя в коллегии представителей, фактически представлял не партию, а лишь меньшинство и заграничную ее часть, и протестовал, когда большинство партии также хотело быть представленным на конгрессе, хотя бы в меньшинстве. Костромской Комитет не имеет никаких оснований полагать, что впредь дея-

тельность Плеханова пойдет по другому направлению. А между тем роль российского представителя в Междун. Соц. Бюро в настоящий момент крайне ответственна. Комбинация революционных действий и вообще политическая ситуация в России в значительной степени обусловит революционную активность западного пролетариата для совершения социалистической революции. Теперь уже настает время, когда вопрос совместных политических действий международного пролетариата приобретает гжучее практическое значение.

[Так как же,—спрашиваем мы партийных товарищей,— в этот напряженный момент можно поручить представительство партии человеку, девиз которого—«дипломатия», культ—«свой жевневские друзья»?] Не принимая революционной роли российского пролетариата, не принимая его социал-демократических задач, нельзя оставить у тов. Плеханова право представлять нашу партию в Межд. Соц. Бюро. В виду всего сказанного Костр. Комитет высказывает свое пожелание, чтоб ЦК наметил представителя, который был бы в состоянии представлять действительные интересы нашей партии.

Абзац в скобках принят 4 против 1. Вся же резолюция единогласно.

Нижний-Новгород. При Комитете, в который входит, между прочим, трое сормовских рабочих, имеется «собрание пропагандистов» (17 чел.). Для подготовки пропагандистов имеется два кружка из рабочих и пропагандистов. В ведении Комитета три района: Сормовский, Городской и Кунавинский. Кроме того, ведется работа среди крестьян. В Сормове после остановки завода число организованных не определено; к 1 августа в кружках там было до 300 человек; Сормово, в свою очередь, было разбито на 5 районов; за август было 4 собрания междурайонных (из представителей всех кружков); кроме того, есть центральная группа, собиравшаяся 4 раза; было 4 массовки от 50 до 100 чел.; три первых были посвящены Гос. Думе и вопросам, связанным с закрытием завода. По поводу закрытия завода выяснено было бессилие организации бороться с заводоуправлением в виду пониженного настроения рабочих. В конце месяца готовилась массовка по инициативе меньшевиков, но пришли только свои (большевики и меньшевики, всего 117 чел.); поэтому устроили дискуссию о временном правительстве. Среди крестьян было две массовки о Г. Думе; сормовской организацией проведено несколько массовок в Макарьевском уезде. Типографией сормовской организации отпечатаны листки: 1) Кто будет платить контрибуцию?—850; 2) «На баррикады!»—песня—500; 3) С Гос. Думе—6.000; 4) К солдатам—500; 5) Отчеты—400; 6) О сормовской боевой дружине—200; 7) По сбору для раненых—500; 8) Высочайший манифест—400; 9) районных—200.

Относительно города привожу сведения за август. Кроме районного комитета, существуют: заводской комитет на зав. Курбатова и два ремесленных (портных и столаров). Всего в городе 17 кружков: часовщики 1, булочники 3, портные 5, маляры 1, наборщики и фотографы 1, столары 1, приказчики 1, на зав. Курбатова 1, у Доброва 1, у Башкирова 2. За август было 4 собрания районного комитета. Были 4 массовки по поводу Гос. Думы и две дискуссии об организационных разногласиях.

Издательская деятельность Курского комитета в 1905 г. Январь. На падение Порт-Артура—800 печ. Ко всем рабочим Курска о 9-м января—1.000 печ. К солдатам—то же—350 печ. Пять гект. бюллетеней о январских событиях—2.000. Февраль. Ко всем рабочим Курска, призыв к забастовке—1.000 печ. К железнодорожным служащим—300. К рабочим об избении учащихся 12-го февр.—250. К рабочим—то же—300. Солдатская памятка—500 печ. Апрель. К ремесленникам—150. Май. На 1-е мая—1.500 печ. Июнь. К приказчикам—120. Июль. К солдатам—500 мим. Август. Ко всем рабочим о готовящемся погроме—2.150 мим. К рабочим-портным о забастовке—300 мим. К типографским рабочим призыв к забастовке—500 мим. К рабочим портняжного цеха, призыв к забастовке—300 мим.

Из отчета Сибирского Союза—Комитета Р.С.-Д.Р.П. с февраля по май 1905 г. Приход 7.474 р., расход 6.439 р. 12 к.; остаток на 1-е июня 1.034 р. 88 к.

Из отчета Виленской Группы по стачке кожевников с 11-го июля по 29-е авг.: приход 930 р. 78 к.; расход 823 р. 95 к.

Из отчета Воронежского К-та за август 1905 г.:

Приход 173 р. 02 к.; расход 147 р. 39 к. Издательская деятельность: выпущено 5 листов в количестве 2.500 экз.

Из отчетов экспедиции Р.С.-Д.Р.П. За проданную литературу получено: С 1-го июня по 1-е июля: 1. Экспедиция—152 ф. 99 с., 2. Гр. Партии и отд. аг.: а. Лозан. Гр.—45 ф. 20 с., б. Лондон. Гр.—26 ф. 50 с., в. Фрейбургск. Гр.—43 ф. 50 с., г. Гейдельб. Гр.—18 ф. 45 с., д. Вена—17 ф. Итого—150 ф. 65 с., 3. Непарт. орг.—67 ф. 15 с., 4. Книж. магаз.—25 ф., 5. Подписчики—48 ф. 05 с. Всего прод. на 444 ф. 14 с. С 1-го июля по 1-е августа: 1. Экспедиция—200 ф. 95 с., 2. Гр. Партии и отд. аг., а. Лозанск. Гр.—48 ф. 85 с., б. Женевск. Гр.—125 ф., в. Цюрихск. Гр.—91 ф. 80 с., г. Митвейг. Гр.—37 ф. 85 с., д. Дармшт. Гр.—93 ф. 09 с., е. Вюрцбург—10 ф. Итого—406 ф. 59 с., 3. Непарт. организ.—3 ф. 45 с., 4. Книжн. магаз.—157 ф. 57 с., 5. Подписчики—177 ф. 75 с. Всего—946 ф. 31 с. С 1-го авг. по 1-е сент. 1. Экспедиция—195 ф. 59 с., 2. Гр. Партии и отд. аг.: а. Гейдельб. Гр.—25 ф. 35 с., б. Цюрихск. Гр.—54 ф. 35 с., в. Карльф. Гр.—40 ф., г. Льеж—25 ф., д. Фридбергск. Гр.—21 ф. 35 с. Итого—166 ф. 05 с., 3. Непарт. организ.—48 ф. 70 с., 4. Книжн. магаз.—157 ф. 68 с., 5. Подписчики—72 ф. 85 с. Всего—1.077 ф. 87 с. Общая сумма за это время—2.468 ф. 32 с.

Бежали и прибыли за границу. В начале августа из Чердыни, Перм. губ., Ал. Вас. Кибардин (сослан на 4 года по делу Каз. Ком.). Из Арх. губ. Мария Розенберг (в 1902 г. бежала из Олекминска, Як. обл., вновь арестована в августе 1904 г. при проезде из-за границы в Россию). Из Якутской обл. Ив. Ив. Радченко. Из Енисейска Рудольф Гальперин по делу Киевск. Ком., соц.-демокр. 1902 года.

Редакцией «Пролетария» получены листки, изданные: Центральным К-том Р.С.-Д.Р.П.: 1) Ко всей учащейся молодежи, 2) Проект резолюции о Государственной Думе, 3) Об объединении партии; Информационным бюро при Центр. К-те Р.С.-Д.Р.П.: Перечень вопросов, по которым необходимо иметь сведения бюро; Рижским К-том: Ко всей учащейся молодежи (перепеч. с прокл. Центр. К-та) (печ.); Московским К-том: Резолюция Окружной Организации по вопросу об отделении от Московского К-та и резолюция этого последнего по тому же вопросу; Серпуховской Группой Окружной Организации при Московском К-те: Тяжело жить

рабочему.. (печ.); Тверским К-том: 1) К рабочим ситцевой фабрики Морозова (печ.), 2) К рабочим ситцевого отделения фабрики Морозова (печ.), 3) Ко всем тверским рабочим и работницам (печ.); Объединенной С.-Д. Организацией студентов Петербурга: Резолюция, принятая 13-го сентября на сходке Петерб. ун.; Петербургской Группой: 1) Государственная Дума или учредительное собрание, 2) Мир, 3) Что нам нужно? (все печ.); Красноярским К-том: О мире (2.500 печ.); Сибирским Союзом: Отчет за февраль, март, апрель, май 1905 г. (печ.); Привокзальным районом Саратовского К-та Р.С.-Д.Р.П.: К рабочим сталеного завода; Воронежским К-том: Отчет К-та за август; Северо-Западным Союзом: Долой Государственную Думу (печ. 2.000); Двинским К-том: Царский мир (печ. 6.000); Виленской Группой: Ко всем виленским кожевникам (печ. 2.000).

В этот список вносятся только те листки, которые в подлиннике получены редакцией. Эти листки передаются редакцией в Библиотеку и Архив Р.С.-Д.Р.П. в Женеве для общего пользования.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Дедову. Ваши адреса, посланные с оказией, получены. Неаполю. №№ 4, 5 и 6 получены. А.А.А. Письмо № 1-й из А. получено. Южному рабочему. № 1-й получен. Нации. №№ 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24 (в 3-х экз.) получены. Максиму второму. № 20 получен. Русанову. Очень рад, что устроились. Соловьеву. Кор. о крестьянском движении получена. К-л. Ваше указание примем к сведению, письмо дошло случайно, так как не указано, кому оно адресовано. 881. Письмо получили, спасибо. Георгию. Оба письма получены. Тула. Карточка предателя Леонида Стан. Василевского получена. Сиб. Союзу. Просимое будем высылать аккуратно. Ольге. Получено. Мышецкому. Ответ Парвусу пойдет в № 21. Очень просим сотрудничать. Азиату. Письмо № 5 и предыдущее получено. Сообщения Огарка тоже. То, что послали раньше, очевидно, все пропало. Листков и адресов для «Прол.» не получали. Такого адресата, о кот. вы пишете, не существовало: к началу одного адреса приставлен конец другого. Немудрено. что письма не доходили! Пришлем еще адресов, как только получим от вас адрес для писем. Бумажкину. Адрес для писем! Юзе. Получено. Валуше. Получено: шифровать нужно только то, что конспиративно. Сталь. Письмо получено, непременно пришлите адрес для писем.

Примечания.

Прим. 1. Слова эти написаны тов. Ольминским.

Прим. 2. Из всей статьи „К вопросу о партийном объединении“ сохранился лишь конец примечания от редакции, а именно от слов: ...„съездов. Это дело—настоятельно необходимое“. Эта часть рукописи тов. Ленина дает основание предполагать, что им было написано все примечание.

Прим. 3. Статью редактировал тов. Ольминский.

Прим. 4. То же.